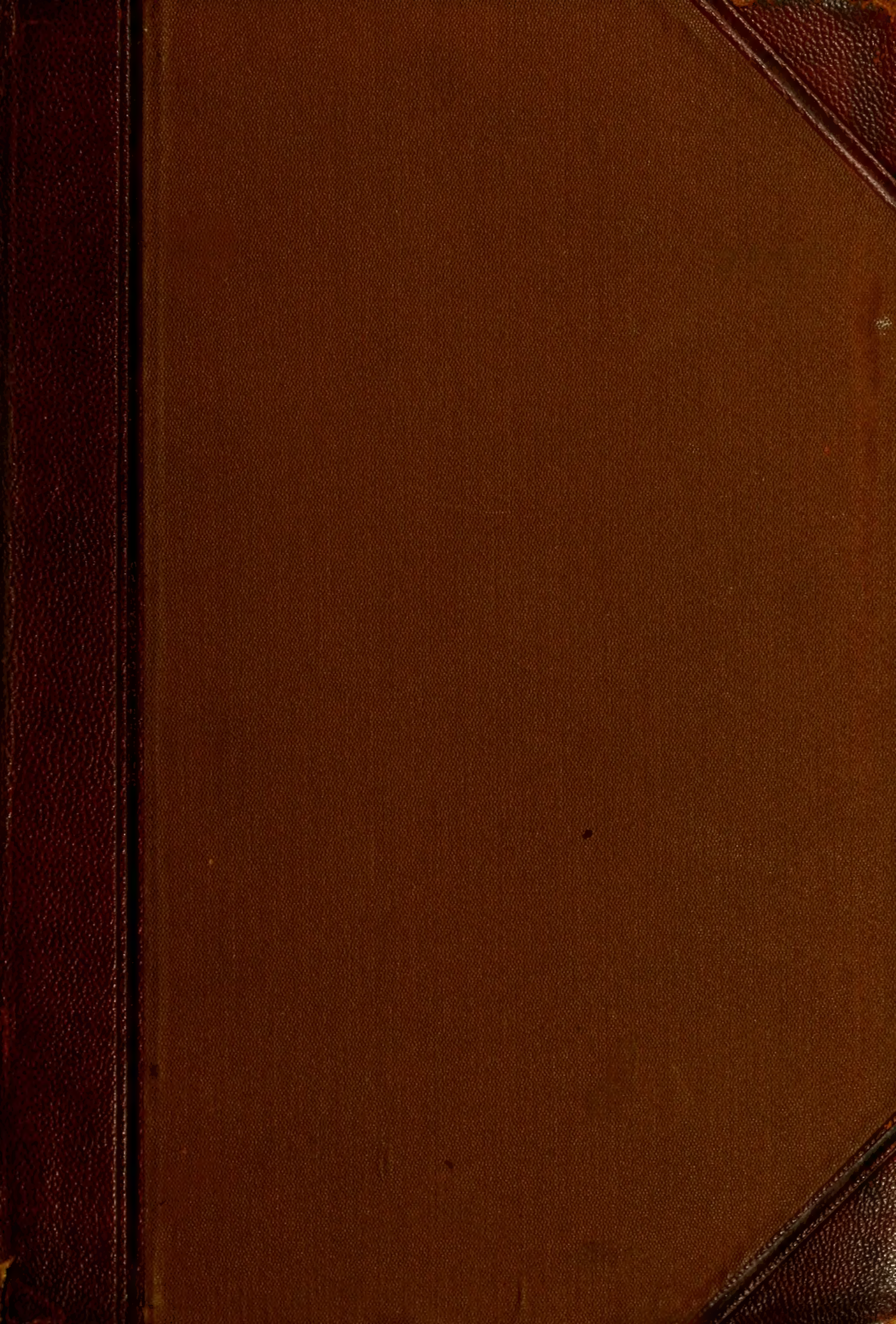

University of Florida
1853

168

Исторія человѣчества.

Томъ восьмой.

Исторія человѣчества.

Всемірная исторія.

Составили

профессора: Г. Адлеръ, К. Арендтъ, Т. Ахелисъ, К. Г. Брандисъ, М. ф.-Брандтъ, Б. Бретгольцъ, В. Вальтеръ, К. Вейле, † Э. гр. Вильчекъ, Г. Винклеръ, Г. ф. Влислоцкій, Э. Гейкъ, К. Гэблеръ, А. Клейншмидтъ, К. Клейнъ, І. Колеръ, Ф. ф. Лушанъ, Р. Майръ, Р. Маренгольцъ, В. Милковичъ, К. Нибуръ, К. Паули, І. Ранке, Ф. Ратцель, К. Сете, Р. ф. Скала, Ал. Тилле, Ар. Тилле, Г. Фридъюнгъ, Г. ф. Цвидинекъ-Зюденгорстъ, Э. Шмидтъ, Г. Шіётъ, Г. Шурцъ, Г. Эгельгаафъ, Ю. Юнгъ и др.

подъ общей редакціей д-ра **Г. Гельмольта.**

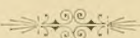
Полный переводъ съ нѣмецкаго съ значительными дополненіями для Россіи извѣстныхъ русскихъ ученыхъ.

Составленіе дополненій къ переводу, сдѣланному **Ѳ. Ф. Адлеромъ, А. И. Браудо, А. А. Вейнбергомъ, М. Е. Ліономъ, Я. А. Лурье, Е. Л. Петри, М. В. Чепинскою, Л. Я. Штернбергомъ, П. Е. Щеголевымъ,** взяли на себя проф. **В. В. Бартольдъ**, прив.-доц. **И. М. Гревсъ**, проф. **Н. И. Карѣевъ**, проф. **А. А. Кизеветтеръ, † Д. А. Коропчевскій, В. А. Мякотинъ,** академикъ **В. В. Радловъ,** проф. **Е. В. Тарле** и др.

1-й томъ ***одобренъ*** *Учебнымъ Комитетомъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи;*

рекомендованъ *Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній для подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній.*

260 отдѣльныхъ приложеній, изъ нихъ 60 хромолитографій, 55 картъ въ краскахъ и 145 черныхъ иллюстрацій.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,

Забалканскій пр., с. д. № 75.

Исторія человѣчества.

Восьмой томъ.

Западная Европа. Вторая часть. Атлантическій океанъ.

Составили:

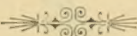
Проф. д-ръ **А. Клейншмидтъ**, проф. д-ръ **Г. фонъ Цвидинекъ-Зюденгорстъ**, проф. д-ръ **Г. Фридъюнгъ**, проф. д-ръ **Г. Эгельгаафъ**, проф. д-ръ **Р. Майръ** и проф. д-ръ **К. Вейле**.

Переводъ съ нѣмецкаго д-ра **Я. А. Лурье**,

съ дополненіями

проф. **Е. В. Тарле.**

Отдѣльныя приложенія: 7 географическихъ картъ, 3 рисунка въ краскахъ и 13 гравюръ и автотипій.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе",

Забалканскій пр., с. д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы

Предисловіе къ нѣм. изданію.

Въ связи со сказаннымъ нами въ предисловіи къ VII т. мы считаемъ особенно важнымъ подчеркнуть, что издаваемый нами теперь VIII томъ, по порядку выхода въ свѣтъ шестой въ нашей серіи „Исторіи человѣчества“, представляетъ, съ одной стороны, чисто хронологическое продолженіе VII т., а съ другой стороны, по своему содержанію, является дополненіемъ къ тому же тому. Въ англійскомъ переводѣ „Исторіи человѣчества“ на вышедшемъ въ 1903 г. VII т. имѣется подзаголовокъ „Western Europe to 1800“, что даетъ поводъ думать, что VIII т. будетъ имѣть своимъ содержаніемъ исключительно исторію XIX вѣка; однако мы должны замѣтить, что еще въ ноябрѣ 1900 г. мы отмѣтили VII и VIII томы, какъ одно цѣлое. Эта внутренняя связь между обоими томами поставила насъ въ необходимость немедленно приступить къ выпуску VIII т., безъ котораго VII т. во многихъ отношеніяхъ представляетъ только часть цѣлаго. Въ видахъ скорѣйшаго выполненія мы должны были отказаться отъ помѣщенія въ этомъ томѣ заключительнаго отдѣла и обѣщаннаго Томасомъ Ахелисомъ обзора конечныхъ выводовъ или руководящей статьи редактора, какъ это предполагалось раньше, и должны выпустить эти статьи въ особомъ дополнительномъ томѣ, который можетъ быть составленъ лишь послѣ выхода въ свѣтъ недостающихъ еще V и VI томовъ.

Такимъ образомъ, VIII томъ заключаетъ въ себѣ вторую половину цѣлаго ряда отдѣловъ, первая половина которыхъ вошла въ VII т. Начатая въ VIII т. политическая и культурная исторія Западной Европы и доведенная тамъ до образованія крупныхъ державъ, находитъ свое продолженіе и завершеніе въ VIII т. въ первыхъ четырехъ частяхъ, вплоть до самаго недавняго прошлаго. За краткимъ обзоромъ эпохи революціи, Наполеона I и реакціи слѣдуетъ описаніе новыхъ государственныхъ и общественныхъ формъ за періодъ времени отъ 1830 до 1859 г.; къ этому непосредственно примыкаетъ описаніе событій, кульминаціонный пунктъ которыхъ образуетъ объединеніе Италіи и Германіи (1859—66); четвертая же часть знакомитъ читателя со всѣмъ тѣмъ, что произошло существеннаго въ Западной Европѣ отъ 1866 г. до весны 1903 г. Затѣмъ мы даемъ необходимое дополненіе къ первой главѣ VII т., въ которой была рѣчь объ экономическомъ развитіи Западной Европы отъ крестовыхъ походовъ до настоящаго времени. Въ это дополненіе должна войти исторія науки, искусства и народнаго образованія въ общемъ ихъ развитіи со временъ схоластики до конца прошлаго вѣка. Во многихъ пунктахъ этотъ отдѣлъ составляетъ также дополненіе къ описанію эпохи Возрожденія и ея послѣдствій, которому была посвящена 2-ая глава VII тома. Заключительная глава предлагаемаго тома — и въ извѣстномъ смыслѣ всего сочиненія — образуетъ естественный переходъ къ исторіи Америки, главному предмету I тома, и содержитъ изложеніе историческаго значенія Атлантическаго океана.

Издатели. Редакторъ.

Списокъ приложеній.

Хромолитографіи.

Карты.

Гравюры и автотипіи.

Оглавленіе.

III. Объединеніе Италіи и Германіи (1859—66).

(Д-ра Генриха Фридъюнга).

IV. Западная Европа отъ 1866 до 1902 г.

(Проф. Готтлоба Эгельгаафа).

V. Наука, искусство и народное просвѣщеніе Западной Европы отъ XVI вѣка до настоящаго времени.

(проф. д-ра Рихарда Майра).

VI. Историческое значеніе Атлантическаго океана.

(проф. д-ра Карла Вейле).

I. Западная Европа въ эпоху революціи, Наполеона I и реакціи.

Соч. профессора д-ра **Артура Клейншмидта.**

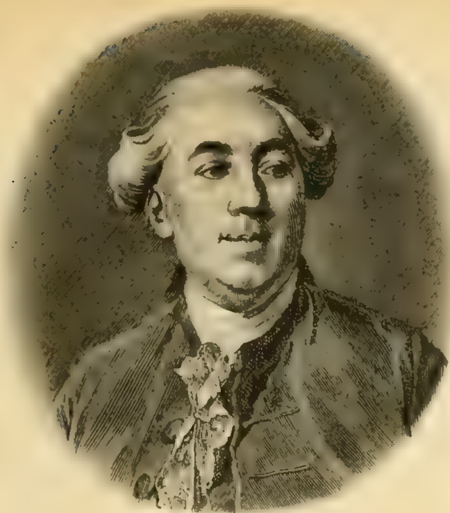
1. Состояніе Франціи наканунѣ 1789 г.

Ни въ ближайшіе къ намъ, ни въ предшествовавшіе вѣка не было революціи, которая пользовалась бы во всей Европѣ такимъ обаяніемъ, какъ революція 1789 г.; это была потрясающая картина, на которой непрерывно смѣняли другъ друга преступленіе и тяжелое искупленіе, яркій свѣтъ и густая тѣнь, нравственная чистота и кровопролитная жестокость, благородный идеализмъ и возмутительная свирѣпость; ничего подобнаго не представляетъ никакая другая эпоха. Недаромъ Мишле назвалъ эту революцію „воцареніемъ законности, воскресеніемъ права, возстаніемъ попранной справедливости“; но это было преувеличеніемъ: слишкомъ быстро протекли дни „невинности“, и вслѣдъ затѣмъ пошли кровавыя бойни. Вліяніе всѣхъ другихъ революцій было замкнуто въ опредѣленныхъ географическихъ границахъ, но революція 1789 года уничтожила эти границы, отказалась отъ національности и стремилась создать общее, нераздѣленное никакими границами отечество, общую духовную родину для всѣхъ людей; она принялась за проповѣдь и пропаганду съ такимъ же пыломъ, какъ новое вѣроученіе, которое стремится стать всемірной религіей, отличалась такой же нетерпимостью, какъ всемірныя религіи, но не признавала ни богослуженія, ни загробнаго существованія, и ограничила свой кругозоръ матеріальными земными интересами. Она призываетъ всѣ народы къ той свободѣ, которую она, какъ ей кажется, завоевала для себя: она предлагаетъ братскій поцѣлуй даже своему наслѣдственному врагу Англіи, она пренебрегаетъ національностью, — ея стремленія международны; и эти широкіе порывы человѣческихъ чувствъ открывали передъ ней всѣ двери, въ которыя она стучалась. Что вышло столкновеніе между этой новой вѣрой, исполненной юношескаго пыла и неудержимыхъ порывовъ, и господствующей христіанской религіей, — это весьма естественно. Революція отвергла церковь, которая дѣлитъ всѣхъ людей на удостоенныхъ благодати и лишенныхъ ея, и которая прикрываетъ своимъ авторитетомъ преимущества привилегированныхъ сословій, обвиняла ее въ безмѣрной несправедливости и требовала одинаковаго права для всѣхъ, полнаго равенства между всѣми предъ Богомъ и предъ людьми.

Эта международная революція имѣла однако и чисто мѣстныя причины; она должна была вспыхнуть именно во Франціи стараго режима. Раньше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, старый режимъ (ancien regime) потерялъ въ этой странѣ свое право на существованіе, онъ сталъ безжизненнымъ и неподвижнымъ; ни въ какомъ другомъ европейскомъ государствѣ старая административная система не потерпѣла такого полнаго крушенія, какъ во Франціи; нигдѣ она не потеряла своей жизнеспособности въ такой мѣрѣ, какъ во Франціи; нигдѣ не питали такой пылкой ненависти къ абсолютизму и феодальнымъ порядкамъ; нигдѣ заманчивыя перспективы и иллюзіи новой философіи не подкопали въ такой степени почвы подъ престоломъ; а между тѣмъ на этомъ престолѣ сидѣлъ не

представитель просвѣщеннаго деспотизма въ родѣ Фридриха Великаго или Маріи Терезіи, который былъ бы способенъ внушать къ себѣ уваженіе; ихъ мѣсто заступали во Франціи недостойные представители перворо́дной королевской власти, возведенной въ догматъ католической церковью; своей развращенностью, своими безчестными пріемами управленія они довели французскій народъ до крайней нужды, подорвали его нравственные устои и международное положеніе Франціи. Они не отступали ни предъ какимъ преступленіемъ и топтали ногами народныя чувства. Въ народѣ кипѣло негодованіе противъ гнета королевскаго произвола и наглаго своеволія привилегированныхъ сословій, не перестававшихъ глумиться надъ нимъ, несмотря на свое политическое безсиліе, благодаря которому народъ ненавидѣлъ ихъ вдвойнѣ. Часть французскаго народа приходила въ отчаяніе и впадала въ апатію и полное равнодушіе ко всему окружающему. Франція истекала кровью отъ безчисленнаго множества нанесенныхъ ей ранъ, а на войскѣ, которое такъ долго было славой Франціи, легло позорнымъ пятномъ пораженіе при Росбахѣ. По мнѣнію Кинэ, гроза должна была бы разразиться надъ королевскимъ правительствомъ еще раньше, во время войны за испанское престолонаслѣдіе; но французскій народъ отличался долготерпѣніемъ и вынесъ еще цѣлыя столѣтія разврата и насилій. Петръ Великій, который посѣтилъ Версаль въ 1717 г., уже тогда высказалъ такое мнѣніе, что безумная расточительность приведетъ къ гибели прекрасную Францію; Монтескье говоритъ не стѣсняясь, что существующее положеніе невыносимо, и что старый режимъ долженъ рухнуть, а Руссо обращался къ своимъ соотечественникамъ съ такимъ призывомъ: „Проснитесь! Ваша воля есть законъ, Божья правда; будьте царями вмѣсто рабовъ!“ Между тѣмъ Людовикъ XV отдѣлывался цинической остротой: „На мой вѣкъ еще хватитъ, я старикъ; а мой внукъ пусть побережется!“

Къ несчастью для Франціи и для всего міра, этотъ внукъ и преемникъ Людовика XV былъ **Людовикомъ XVI** (см. прилож. таблицу „Главные дѣятели Франціи въ эпоху революціи“, фиг. 4), который „умѣлъ любить, прощать, страдать, умирать, но не управлять“; это былъ государь, годный для идиллической обстановки, но никакъ не для той трагической роли, которую ему сулила судьба; а рядомъ съ нимъ стояла **Марія Антуанета** (сравн. ту же таблицу, фиг. 3), которая съ ненасытной жаждой предавалась удовольствіямъ; она была легкомысленнымъ созданіемъ, легкой добычей для клеветниковъ, не обладала никакимъ политическимъ тактомъ, въ противоположность своей матери; въ ея характерѣ было больше мужественныхъ и царственныхъ чертъ, чѣмъ въ характерѣ ея мужа, но она отличалась такой же слабостью воли и неопытностью, какъ и онъ. Между тѣмъ Франція нуждалась въ то время въ новомъ Генрихѣ IV, который былъ бы въ состояніи слѣдить за требованіями современной эпохи, созрѣвшей для реформъ, и съ мудрой осторожностью пойти къ нимъ навстрѣчу со своими царскими милостями; для Франціи нуженъ былъ государь съ энергическимъ и гибкимъ характеромъ, съ умомъ изобрѣтательнымъ и смѣлымъ, государь, покрытый славой, встрѣчаемый повсюду съ горячей любовью и съ почетомъ; посредствомъ акта верховной власти онъ провелъ бы въ жизнь неизбѣжный переворотъ и не вынужденъ былъ бы предоставить самому народу починъ и руководящую роль въ этомъ переустройствѣ государственныхъ порядковъ. Подчинившись вполнѣ вліянію своихъ придворныхъ совѣтниковъ и нашептывателей, Людовикъ XVI сталъ игрушкой въ рукахъ своихъ родственниковъ, соперничавшихъ при дворѣ партій и министровъ; онъ не былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ, не умѣлъ разбираться въ людяхъ, быстро утомлялся отъ малѣйшаго умственнаго напряженія, уклонялся отъ государственныхъ дѣлъ и постоянно развлекался охотой или же просиживалъ все время въ слесарной или часовой мастерскихъ; онъ сохранилъ чистоту

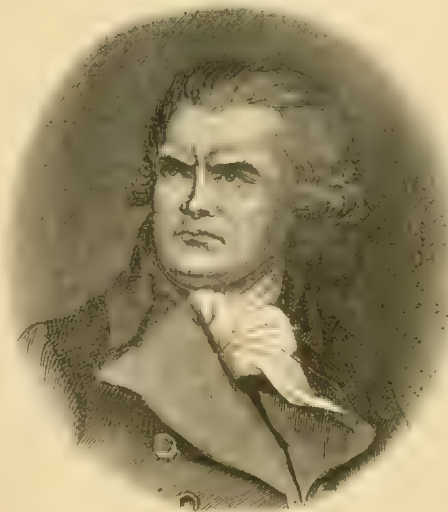
1

 2

3

 4

5

 6

 [illegible]

Главные дѣятели Франціи въ эпоху революціи.

Объясненіе къ портретамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

---

1. **Жакъ Неккеръ** (1732—1804); съ портрета работы Дюплесси-Бертò, грав. А. де Сентъ-Обэнъ.
2. **Онорэ Габріэль Викторъ Рикети, графъ Мирабо** (1749—1791); съ портрета работы Ш. Бозъ, грав. Э. Бейссонъ.
3. **Королева Марія Антуанетта** (1755—1793); съ портрета работы Франсуа Жанинэ.
4. **Король Людовикъ XVI** (1754—1793); съ портр., писаннаго около 1785 г. художникомъ Ж. Бозъ, грав. Б. Л. Энрикесъ.
5. **Максимиліанъ Мари Изидоръ Робеспьеръ** (1758—1794); рис. Ж. Герэна, грав. Ф. Фиссингеръ.
6. **Жоржъ Жакъ Дантонъ** (1759—1794).

(№№ 1, 2, 4 и 5 исполнены по изданію „Allgemeines historisches Porträtwerk" Вальдемара Ф. Зейдлитца; № 3 по раскрашенной гравюрѣ, хранящейся въ Дрезденскомъ Собраніи гравюръ; № 6 по старой анонимной литографіи).

нравовъ, несмотря на то, что дворъ, окружавшій его, былъ самымъ распутнымъ на свѣтѣ, но не обладалъ ни самоувѣренностью, ни силой воли, ни сознаніемъ своего царственнаго достоинства. Слабое правительство начинаетъ шататься сейчасъ же, какъ ему вздумается облегчить бремя, лежащее на народѣ; народъ окончательно сбрасываетъ съ себя ненавистное иго, какъ только почувствуетъ, что его стало легче стряхнуть; Людовикъ XVI кидался отъ одной реформы къ другой, пытался исцѣлить недостатки стараго режима, но въ результатѣ только раскрылъ ихъ во всей наготѣ предъ народомъ. Въ своихъ манифестахъ онъ разъяснялъ внимательно прислушивавшемуся къ его словамъ народу, какъ постыдно надъ нимъ издѣвались власть имущіе, отъ какихъ ужасныхъ злоупотребленій этому народу приходилось страдать и терять свои послѣднія силы; недолго спустя король вновь возвращался къ прежнимъ порядкамъ, тѣ же самыя возмутительныя злоупотребленія воцарялись вновь и вызывали въ народѣ еще болѣе сильное негодованіе послѣ подобныхъ напоминаній. Больше, чѣмъ всякій другой изъ Бурбоновъ, Людовикъ XVI былъ склоненъ стремиться къ объединенію всѣхъ слоевъ населенія, но на практикѣ тѣмъ не менѣе слѣдовалъ правилу: „Дѣли и властвуй“ (Divide et impera). Хотя онъ былъ самымъ неудачнымъ представителемъ абсолютной монархіи, онъ все-таки съ самомнѣніемъ Бурбона смотрѣлъ свысока на роль конституціонныхъ англійскихъ королей.

До какихъ непростительныхъ ошибокъ доходилъ Людовикъ XVI въ выборѣ своихъ главныхъ совѣтниковъ! Первый министръ графъ Морепа былъ попросту низкимъ интриганомъ, который думалъ только о томъ, какъ бы извлечь изъ своей должности наибольшія выгоды для себя лично и какъ бы подставить ножку такимъ людямъ, какъ А. Тюрго и Мальзербъ, которые честно трудились на пользу короля и отечества. Геніальный министръ финансовъ Тюрго стремился къ водворенію единства въ народѣ и управленіи государствомъ, онъ хотѣлъ окончательно освободить личность и земельную собственность сельскаго населенія отъ феодальнаго гнета, искоренить барщину и привилегіи дворянскаго сословія, уничтожить на всемъ протяженіи французскаго королевства заставы и внутреннія таможни и уравнять всѣхъ французовъ въ области торговли и промышленности. Посредствомъ провинціальныхъ собраній онъ хотѣлъ пріучить французовъ къ общественной жизни и подготовить возстановленіе общихъ сеймовъ французскаго королевства; онъ собирался обложить одинаковыми повинностями всѣ земельныя владѣнія безъ различія, не исключая и дворянскихъ,—однимъ словомъ, онъ имѣлъ въ виду такими соціальными реформами подготовить свое отечество къ политическому переустройству, какъ это удалось впослѣдствіи Штейну въ Пруссіи, и произвести необходимый переворотъ посредствомъ распоряженій свыше. Его другъ, государственный секретарь и министръ двора Мальзербъ, требовалъ равныхъ правъ и одинаковой личной безопасности для всѣхъ безъ различія, возстановленія Нантскаго эдикта, уничтоженія пытки и арестовъ по административному распоряженію (lettres de cachet).

Однако Мальзербъ и Тюрго сошли со сцены уже въ маѣ 1776 года: Людовикъ XVI не рѣшался на радикальныя реформы во внутреннемъ управленіи Франціи, а привилегированныя сословія возставали противъ всякихъ общихъ земельныхъ повинностей; народъ потерялъ довѣріе къ коронѣ, а корона, вопреки желаніямъ народа, продолжала отстаивать привилегіи дворянства и духовенства, жертвуя ради этого своей будущностью. Крупныя помѣстья, принадлежавшія духовенству, занимали цѣлую треть обрабатываемой площади Франціи, въ нихъ жило до полутора милліона крѣпостныхъ (main-mortables), и духовенство извлекало изъ нихъ 130 милліоновъ франковъ дохода; тѣмъ не менѣе это сословіе было освобождено почти отъ всѣхъ повинностей и только подносило иногда ко-

ронѣ добровольные подарки (dons gratuits); духовенство вело свѣтскій образъ жизни, предавалось мірскимъ удовольствіямъ и было далеко отъ искренняго благочестія, какъ это доказываетъ примѣръ Таллейрана и Рогана. По отношенію къ папскому престолу оно пользовалось извѣстною степенью независимости на основаніи четырехъ параграфовъ устава Галликанской церкви 1682 г. Новая философія обрушилась противъ церкви со всей своей яростью, проповѣдывала атеизмъ, стремилась низвергнуть Бога съ престола и уничтожить всякіе авторитеты; а среди представителей французскаго духовенства не было больше такихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, какими оно располагало раньше въ лицѣ Ришелье, Мазарини и Флери, такихъ мыслителей, какъ Фенелонъ, Боссюэ и Мальбраншъ, такихъ ораторовъ, какъ Флешье, Массильонъ и Бурдалу: отжившая и лишенная всякихъ свѣжихъ силъ церковь не могла устоять противъ бурь революціи. Французское духовенство распадалось на два разряда; высшее духовенство, прелатовъ, которые набирались изъ членовъ самыхъ знатныхъ фамилій, и на черное простонародіе, — низшее духовенство; представители обоихъ этихъ разрядовъ относились другъ къ другу съ непримиримой ненавистью: первые опасались революціи, какъ угрозы для своихъ привилегій, вторые готовы были привѣтствовать ее, какъ зарю равноправія. Народъ никогда не относился къ благородному дворянскому сословію съ такимъ отвращеніемъ, какъ наканунѣ революціи, когда гордое помѣстное дворянство снизошло до роли жалкихъ придворныхъ интригановъ и съ налета появлялось въ своихъ имѣніяхъ, чтобы забрать доходы и затѣмъ прокутить ихъ въ Версалѣ. Только въ Вандеѣ и въ Бретани дворянство не отстало отъ стариннаго патріархальнаго образа жизни; и здѣсь окрестное населеніе относилось къ своимъ „господамъ“ съ уваженіемъ и обращалось къ нимъ за совѣтомъ; вообще же французское дворянство превратилось въ окаменѣлую касту, которая вызывала къ себѣ отвращеніе своимъ наглымъ и смѣшнымъ самомнѣніемъ; оно владѣло цѣлой третью французской территоріи и пользовалось множествомъ прибыльныхъ привилегій. Благородное сословіе тоже распадалось на высшее и низшее дворянство, которыя вѣчно соперничали между собою, и поэтому оказалось безсильнымъ предъ угрожавшимъ всѣмъ его интересамъ переворотомъ. Наряду съ рыцарскимъ благороднымъ сословіемъ (noblesse d'épée) существовало еще бюрократическое благородное сословіе, состоявшее изъ судей и чиновниковъ (noblesse de robe). Ни духовенство, ни аристократія не могли служить опорой для престола, будущее принадлежало третьему сословію, къ которому правящія сферы Франціи относились съ презрительнымъ пренебреженіемъ; это сословіе заключало въ себѣ 25 милліоновъ душъ, въ то время какъ оба привилегированныя сословія не составляли вмѣстѣ и полумилліона. Средняго землевладѣнія не существовало; по словамъ Артура Юнга, относящимся къ 1791 г., во Франціи существовали только крупное и мелкое землевладѣніе; мелкое землевладѣніе занимало треть всей обрабатываемой площади французскаго королевства и находилось въ рукахъ крестьянъ; только революція создала впервые частное землевладѣніе среднихъ размѣровъ. Третье сословіе заговорило громче другихъ о злоупотребленіяхъ стараго режима, несмотря на то, что оно было обязано ему многими милостями; оно ненавидѣло аристократію, помѣстья которой перешли частью въ его собственность, относилось пренебрежительно къ своему фривольному духовенству, отъ котораго само третье сословіе не отставало въ своемъ религіозномъ индиферентизмѣ, и смотрѣло съ презрѣніемъ на бѣдствующій мелкій людъ, эту „жалкую рабскую чернь“. Такимъ образомъ между всѣми сословіями царилъ глубокій разладъ.

Неспособные преемники Тюрго свели къ нулю всѣ его труды. Въ іюлѣ 1777 г. во главѣ министерства финансовъ сталъ женевецъ Жакъ **Неккеръ** (см. прилож. таблицу, фиг. 1), но тѣмъ не менѣе интриги Морепа продол-

жали дѣйствовать попрежнему, такъ какъ Неккеръ, будучи протестантомъ по вѣроисповѣданію, не могъ войти въ составъ государственнаго совѣта и стать въ близкія отношенія къ королю. Неккеръ былъ очень тщеславенъ, постоянно кичился строгостью своихъ нравовъ, былъ неспособенъ выйти изъ предѣловъ своего узкаго кругозора, считалъ себя самаго геніемъ и относился съ ненавистью ко всѣмъ выдающимся людямъ, что онъ далъ почувствовать, между прочимъ, Тюрго и Мирабо. Онъ не обладалъ способностями государственнаго дѣятеля и администратора, былъ только банкиромъ, правда, банкиромъ неподкупнымъ и не преслѣдующимъ никакихъ своекорыстныхъ цѣлей; не задаваясь мыслью о будущемъ, не задумывая никакихъ широкихъ реформъ, онъ заботился всегда только о потребностяхъ даннаго момента, не былъ въ состояніи привести въ порядокъ разстроенные французскіе финансы и удѣлялъ все свое вниманіе только показной сторонѣ. Въ то время, какъ его имя царило на денежномъ рынкѣ, и капиталисты, какъ французскіе, такъ и иностранные, раскрывали предъ нимъ свои кошельки, — онъ дѣлалъ новые долги для покрытія старыхъ, забиралъ авансомъ посредствомъ займовъ ожидаемые доходы за нѣсколько лѣтъ впередъ, надѣлалъ за 5 лѣтъ 530 милліоновъ франковъ долга и сводилъ свои смѣты съ постояннымъ дефицитомъ. Общественное мнѣніе заставило его принять участіе въ войнѣ Великобританіи съ ея американскими колоніями и прибѣгнуть къ новымъ займамъ. Самая древняя изъ европейскихъ монархій вступила въ союзъ съ самой молодой изъ республикъ, знатная молодежь относилась съ энтузіазмомъ къ піонерамъ политической свободы въ Новомъ Свѣтѣ: Лафайетъ, Кюстинъ, Ламэтъ, Рошамбо и др. проливали свою кровь въ Америкѣ; даже третье сословіе, при всей своей враждѣ къ аристократамъ, не отказало имъ въ своемъ уваженіи. Появленіе Веньямина Франклина при Версальскомъ дворѣ, демонстративная простота его манеръ склонили „христіаннѣйшаго короля“ (Roi Très-Chretien) къ союзу съ американской республикой; войска, бывшія подъ командой Рошамбо, увлеклись американскими идеями о свободѣ, и когда они вернулись послѣ заключенія Версальскаго мира въ 1783 г. на свою старую родину, гдѣ царилъ прежній абсолютизмъ и прежній произволъ, то они принесли съ собой республиканскія идеи и революціонную искру, которая при малѣйшемъ дуновеніи готова была вспыхнуть громаднымъ пламенемъ.

Обычные пріемы Неккера не привели къ цѣли; ему пришлось свернуть на тотъ путь, по которому шелъ ненавистный ему Тюрго, и рѣшиться на что то такое, что было неслыханнымъ дѣломъ въ дореволюціонной Франціи, которая любила всегда прикрываться таинственной маской: въ подражаніе англійскимъ синимъ книгамъ онъ опубликовалъ въ 1781 г. свой „Отчетъ, представленный королю“ (Compte rendu presenté au roi). Эта работа носитъ на себѣ печать преднамѣреннаго прикрашиванія, состоитъ изъ однихъ сложеній, причемъ всѣ вычитанія хитро припрятаны, она даетъ совершенно ложное представленіе о французскихъ финансахъ, — дефицитъ, составлявшій больше 218 милліоновъ, совершенно скрытъ, а вмѣсто него фигурируетъ излишекъ доходовъ въ 10 милліоновъ. Этотъ отчетъ ускорилъ наступленіе революціи: народъ убѣдился съ цифрами въ рукахъ, какая безсмысленная и гибельная расточительность господствуетъ при дворѣ; но для самого Неккера тотъ же отчетъ послужилъ камнемъ преткновенія, и онъ сломалъ себѣ шею. 19 мая 1781 г. онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку, благодаря интригамъ Морепа. Это дало поводъ оппозиціи, во главѣ которой стояли герцогъ Орлеанскій и принцъ Конде, польстить громкими оваціями самолюбію Неккера и раздуть его отставку въ какое-то всенародное несчастіе.

Послѣ смерти Морепа, послѣдовавшей въ ноябрѣ 1781 г., король не назначалъ другого перваго министра и подчинился преимущественно влі-

янію королевы, которая незадолго предъ тѣмъ родила ему наслѣдника. Ближайшіе преемники Неккера, Жоли де Флери и д' Ормессонъ, быстро сошли со сцены, и 3 октября 1783 года генеральнымъ контролеромъ, т. е. главнымъ руководителемъ французскихъ финансовъ, былъ назначенъ маркизъ де Калоннъ, жалкій кутила, весь погрязшій въ долгахъ. Его финансовая система сводилась къ самой безумной расточительности, несмотря на пустоту государственной кассы, — и она была очень популярна при дворѣ Людовика XVI; Калоннъ доказывалъ, что безразсчетное израсходованіе денегъ есть истинное основаніе государственнаго кредита, и насмѣхался надъ скопидомствомъ. Придворные паразиты прославляли безподобнаго министра (ministre par exellence), который ни во грошъ не ставилъ милліоны и который возводилъ громадныя постройки въ Парижѣ, Шербургѣ и т. д. „для пропитанія и развлеченія народа" (panem et circenses!). Калоннъ прибѣгалъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ къ заемной тактикѣ Неккера. Деньги быстро таяли у него въ рукахъ, и ему приходилось платить банкирамъ громадныя суммы въ видѣ куртажа, лишь бы получить новый заемъ. Подобно своему предшественнику Джону Ло, распоряжавшемуся французскими финансами во второе десятилѣтіе XVIII вѣка, онъ дѣйствовалъ безъ всякаго угрызенія совѣсти и велъ страну прямо къ банкротству. Скандальный процессъ объ ожерельи, въ который низкіе клеветники запутали и королеву, какъ нельзя лучше характеризуетъ время правленія Калонна съ его наглой распущенностью. Когда у него уже больше не хватало собственнаго пороха, то онъ состряпалъ кашу изъ проектовъ реформъ, предложенныхъ Вобаномъ, Кольберомъ, Тюрго и Неккеромъ, преподнесъ ее въ августѣ 1786 г. Людовику и сталъ уговаривать короля вернуться къ излюбленнымъ пріемамъ 1774 г.; для поддержанія же монархіи онъ попытался привлечь къ себѣ симпатіи народа напоминаніями о господствующихъ злоупотребленіяхъ. Въ то же время Калоннъ склонилъ короля послѣдовать примѣру Карла Великаго и Ришелье и созвать собраніе именитыхъ людей (нотаблей), при посредствѣ котораго якобы легко будетъ водворить порядокъ. Предъ этимъ собраніемъ министръ расхвалилъ свою собственную правительственную систему и разразился нападками на Неккера; это повело къ печатной полемикѣ между ними обоими, въ которой побѣда осталась на сторонѣ Неккера; когда Калоннъ предложилъ собранію ввести всеобщій поземельный налогъ, то онъ встрѣтилъ единодушный отпоръ, и нотабли стали требовать отчета о размѣрахъ дефицита. Мало-по-малу Калонну пришлось сознаться, что дефицитъ достигаетъ 115 милліоновъ; тогда архіепископъ Тулузскій повелъ въ аттаку всѣхъ присутствовавшихъ въ собраніи представителей духовенства и насчиталъ не меньше 140 милліоновъ дефицита. Дворъ былъ вынужденъ отказаться отъ услугъ Калонна, и онъ вышелъ въ отставку 9 апрѣля 1787 г. Этому шарлатану пришлось убраться изъ Франціи, а общественное мнѣніе стало требовать возвращенія къ власти Неккера; но придворные совѣтники Людовика уговорили его назначить министромъ архіепископа де Бріенна, который былъ виновникомъ паденія Калонна, и дать ему почетное званіе „главнаго министра".

Архіепископъ Ломени де Бріеннъ былъ актеромъ, который съ необычайною ловкостью входилъ во всякую новую роль, и любителемъ удовольствій на философской подкладкѣ; онъ приступалъ къ дѣлу круто, но останавливался, какъ только получалъ отпоръ. Какъ только нотабли отказали ему въ введеніи поземельнаго налога, онъ ихъ немедленно распустилъ. Они разнесли по всей Франціи все то, что имъ пришлось узнать о злоупотребленіяхъ, происходящихъ при Версальскомъ дворѣ, и тѣмъ проложили дорогу для революціи. Архіепископъ придумалъ было крайне простой планъ для урегулированія французскихъ финансовъ, но вскорѣ разссорился съ парламентомъ. Народъ сталъ на сторону парламента, стали образовываться политическіе клубы, въ обращеніи появились ѣдкіе пам-

флеты, направленные противъ двора, въ особенности противъ „мадамъ Дефицитъ“, т. е. королевы, и ея подруги герцогини Полиньякъ, портретъ которой толпа сожгла вмѣстѣ съ портретомъ Калонна. Парламентъ былъ перенесенъ въ Труа и черезъ мѣсяцъ примирился съ правительствомъ, но все же добился отмѣны гербовыхъ пошлинъ и поземельнаго налога. Людовикъ изображалъ собой весьма жалкую фигуру, когда онъ выступилъ въ роли самодержавнаго монарха на „королевскомъ засѣданіи парламента“ („séance royale“) 19-го ноября, которое доставило герцогу Орлеанскому дешевую популярность; также неумѣло держался онъ и въ торжественномъ засѣданіи парламента (lit de justice) 8 мая 1788 г.; въ этотъ самый день парламенты были низведены до роли провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ и подчинены надзору высшей судебной палаты (cour plénière). Это была самая многозначительная судебная реформа, на которую отважилась дореволюціонная Франція; но на практикѣ корона оказалась совершенно безсильной и была не въ состояніи провести эту реформу. Суды устроили всеобщую забастовку; парламенты, духовенство, дворянство и третье сословіе общими силами возстали противъ стремленія короны провести въ жизнь государственное единство; дворяне бретонцы въ это время положили въ Парижѣ основаніе тому революціонному обществу, которое впослѣдствіи превратилось въ клубъ якобинцевъ, а въ провинціяхъ, въ особенности въ Дофинэ, закипѣло глухое недовольство; въ садахъ Пале-Рояля, резиденціи герцога Орлеанскаго, открыто продавались революціонныя брошюры; а Людовикъ, между тѣмъ, жилъ беззаботно изо дня въ день, ни о чемъ не задумываясь. Напрасно заклиналъ короля его вѣрный другъ Мальзербъ, чтобы онъ не относился пренебрежительно къ народному неудовольствію, и ссылался на примѣры Бельгіи въ царствованіе Іосифа II и американскихъ колоній Великобританіи: Людовикъ былъ настолько занятъ охотой, что ему некогда было прочесть докладной записки Мальзерба.

Въ теченіе зимы 1788 года во всей Франціи разразился голодъ; Бріеннъ лишился кредита, а между тѣмъ можно было опасаться полной пріостановки въ поступленіи государственныхъ доходовъ. Ему во что бы то ни стало необходимо было заручиться союзникомъ противъ привилегированныхъ сословій, которыя отказали ему въ деньгахъ; Бріеннъ выбралъ своимъ союзникомъ народныя массы. Онъ приглашалъ всѣхъ и каждаго высказать свое мнѣніе относительно сословнаго строя Франціи, предоставилъ въ этомъ вопросѣ полную свободу печати. Разразился цѣлый потокъ, изъ подъ печати вышло въ свѣтъ цѣлыхъ 2700 брошюръ. Какимъ языкомъ заговорила эта новая печать! Среди этихъ брошюръ на первомъ планѣ стояла книга генеральнаго викарія въ Шартрѣ Аббата Сійэса: „Qu'est ce que le tiers état?“ (Что такое третье сословіе?), безпощадный памфлетъ противъ дворянства и духовенства и восторженный панегирикъ третьяго сословія: по мнѣнію Сійэса, третье сословіе собственно представляетъ собой народъ и должно посылать въ народное собраніе вдвое болѣе представителей, чѣмъ оба остальныхъ сословія, вмѣстѣ взятыя; всего за три недѣли разошлось 30 тысячъ экземпляровъ этой книги. При чтеніи другого изъ этихъ памфлетовъ, принадлежавшаго перу графа д'Антрега, поневолѣ приходятъ на память гордыя слова клятвы на вѣрность своему королю которую далъ судья Аррагонскій: „мы всѣ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности имѣетъ столько же власти, сколько и ты, а всѣ вмѣстѣ гораздо могущественнѣе тебя, обѣщаемъ быть послушными тебѣ, если ты будешь соблюдать наши права и привилегіи; если же ты не будешь, то и мы не будемъ“. Графъ д'Антрегъ возстаетъ вмѣстѣ съ Руссо противъ различія сословій, заявляетъ что самая ужасная анархія не такъ страшна, какъ мертвящій покой неограниченной власти, и называетъ наслѣдственное благородное сословіе самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ бичей, которыми разгнѣванное небо можетъ

поразить свободную націю. По мнѣнію еще одного автора Жана Луи Карра самое названіе „подданные“ оскорбительно для членовъ объединенныхъ сословій, а король есть только уполномоченный, который можетъ дѣйствовать только отъ имени дѣйствительнаго обладателя верховныхъ правъ, — народа. Взялся за перо также и графъ Мирабо, которому пришлось пострадать больше всякаго другого отъ гнета абсолютизма; онъ требовалъ, чтобы король устранилъ всѣ феодальныя стѣсненія и всѣ привилегіи; онъ совѣтовалъ Людовику XVI дать Франціи конституцію и справедливые законы и взять на себя роль Марка Аврелія французскаго королевства; Мирабо избралъ себѣ лозунгомъ: „Война противъ привилегій!“, но все-таки его образъ мыслей оставался вполнѣ монархическимъ. Людовикъ обѣщалъ, что 1-го мая 1789 года соберется сословный сеймъ, созыва котораго не переставалъ требовать весь народъ, и уничтожилъ высшую судебную палату (cour plénière). Въ то же время архіепископъ, онъ же главный министръ, пріостановилъ на годъ уплату государственныхъ долговъ и сталъ прибѣгать къ такимъ отчаяннымъ финансовымъ мѣрамъ, что многіе сочли его за сумасшедшаго. 25-го августа онъ былъ вынужденъ выйти въ отставку; толпа сожгла его портретъ и требовала возвращенія Неккера, на котораго вся страна возлагала свои послѣднія надежды. Людовикъ уступилъ весьма неохотно и призвалъ Неккера, предоставивъ ему на этотъ разъ мѣсто и право голоса въ государственномъ совѣтѣ.

Какъ только Неккеръ сталъ главнымъ директоромъ французскихъ финансовъ, государственный кредитъ опять поднялся. Государственныя бумаги повысились за одинъ день на 30%, капиталисты стали опять предлагать свои деньги, такъ какъ имя Неккера пользовалось громаднымъ вліяніемъ на биржѣ. Со свойственнымъ ему безграничнымъ самомнѣніемъ Неккеръ сталъ надѣяться, что онъ скоро сниметъ съ мели государственный корабль и пуститъ его полнымъ ходомъ, хотя въ государственной кассѣ не было и 500,000 франковъ. То, что онъ давалъ одной рукой, онъ бралъ обратно другой, позаимствовалъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ 60 милліоновъ изъ учетной кассы, усилилъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, правительственную монополію хлѣбной торговли и относился къ вопросу о сословномъ сеймѣ, какъ къ простой забавѣ, въ то время, какъ Мирабо, самый опасный изъ его противниковъ, опредѣлялъ значеніе этого собранія въ слѣдующихъ словахъ: „Благодаря открытію сейма французскій народъ за одинъ день подвинулся впередъ на цѣлое столѣтіе; вы увидите, на что способенъ этотъ народъ, въ тотъ день, когда онъ получитъ конституцію и когда талантъ тоже станетъ силой“. Неккеръ не спускался съ высоты своего величія, не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ и не производилъ никакой революціи сверху, а только продолжалъ упорно и безсмысленно глядѣть вдаль. Напрасно осаждали его Малюэ, Мунье и др., настаивая, чтобъ онъ, наконецъ, вышелъ изъ своей нерѣшительности. Ему предстояло рѣшить, каковъ долженъ быть порядокъ засѣданій сословнаго сейма, который не собирался уже съ 1614 г., но онъ предпочелъ свалить отвѣтственность въ этомъ вопросѣ на новое собраніе нотаблей, которое дѣйствительно было открыто въ ноябрѣ 1788 г., не привело ни къ какимъ результатамъ и было опять распущено 12 ноября. Тогда онъ рѣшился высказаться 27 декабря, вопреки мнѣнію нотаблей, за предоставленіе третьему сословію двойного числа мѣстъ въ сословномъ сеймѣ, о чемъ онъ оповѣстилъ всю страну путемъ печати, для того чтобы поднять свою популярность; однако онъ еще не высказался окончательно по тому вопросу, должно ли голосованіе въ сеймѣ производиться по сословіямъ или по общему счету голосовъ въ то время, когда весь народъ уже спѣшилъ къ избирательнымъ урнамъ. Ему слѣдовало завязать сношенія съ избирателями и депутатами для того, чтобы не упускать изъ своихъ рукъ руководящихъ нитей, а онъ вмѣсто этого сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и со-

ставлялъ скучную рѣчь для прославленія своихъ собственныхъ заслугъ, которую онъ собирался произнести при открытіи сословнаго сейма. Какъ уже было упомянуто (стр. 5), депутаты духовенства распадались на представителей высшаго духовенства и на представителей протестующаго низшаго духовенства; прелаты вопили: „Всѣмъ политическимъ, гражданскимъ и религіознымъ учрежденіямъ грозитъ окончательная гибель. Вспыхнетъ мятежъ, народъ возстанетъ противъ благороднаго сословія". Низшее духовенство, напротивъ того, возлагало всѣ свои чаянія на великій день открытія сейма. Среди дворянства, интересамъ котораго больше всего грозилъ ожидавшійся переворотъ, тоже господствовалъ разладъ; новая эра воплотилась не въ дворянствѣ и не въ духовенствѣ, а въ третьемъ сословіи. Избирательный законъ былъ составленъ въ чисто демократическомъ духѣ. Между депутатами третьяго сословія преобладали преимущественно адвокаты, сельскихъ хозяевъ набралось всего шестеро; зато третье сословіе выбрало своими депутатами много дворянъ и духовныхъ, какъ, напримѣръ, Мирабо и Сійэса; третье сословіе чувствовало себя представителемъ всей націи.

2. Переворотъ.

А. Учредительное національное собраніе.

Когда Людовикъ XVI выступилъ предъ сеймомъ 5-го мая въ день открытія этого собранія, то Мирабо обратился къ своему сосѣду со слѣдующими словами: „Вотъ жертва!" Съ нескрываемымъ недовѣріемъ прислушивался величайшій изъ французовъ XVIII столѣтія къ продолжавшейся цѣлыхъ три часа рѣчи Неккера съ ея безконечными цыфрами, безконечными повтореніями и превратнымъ изображеніемъ состоянія финансовъ Франціи. Такъ какъ Мирабо еще раньше того сильно нападалъ на Неккера въ своей брошюрѣ, то правительство пыталось было закрыть ему ротъ; но онъ не смутился и по прежнему не щадилъ хвастуна, еле прикрытаго прозрачной мантіей скромной добродѣтели. 17-го іюня депутаты третьяго сословія, которымъ пришлось вынести много другихъ вызововъ и оскорбленій со стороны двора, провозгласили себя національнымъ собраніемъ; такимъ образомъ былъ данъ отвѣтъ на вопросъ Сійэса, что такое третье сословіе; третье сословіе перешло къ порядку дня, не обращая вниманія на пользовавшихся правомъ старшинства представителей двухъ другихъ, привилегированныхъ сословій. 27-го іюня нужда заставила дворянство и духовенство примкнуть къ третьему сословію, на долю котораго доставалась одна побѣда за другой; въ его пользу былъ также рѣшенъ вопросъ о порядкѣ голосованія; было рѣшено, чтобы постановленія принимались по общему большинству голосовъ, а не по сословіямъ. 20-го іюня депутаты принесли свою „первую присягу" въ залѣ для игры въ мячъ. Людовикъ сначала объявилъ было эту присягу недѣйствительной, но предъ закрытіемъ королевскаго засѣданія (23-го іюня), въ которомъ Неккеръ трусливо измѣнилъ королю въ критическую минуту для того, чтобы поддержать свою собственную популярность, Мирабо призналъ эту присягу безусловно дѣйствительной, обратился съ гордымъ вызовомъ къ королевскимъ штыкамъ и заставилъ правительство признать неприкосновенность національнаго собранія.

Все это были тяжелые удары для престола, которому стало измѣнять и войско. Какіе же еще оставались осязательные признаки власти, если Мирабо могъ позволить себѣ говорить такимъ языкомъ? Дворъ еще разъ собрался съ духомъ, благодаря внушеніямъ королевы. Маршалу герцогу де Брольи было передано командованіе надъ полками, состоявшими изъ иностранцевъ, которые правительство поспѣшило размѣстить вокругъ

Версаля и въ самомъ Версалѣ; Людовикъ отказался удалить ихъ по требованію народа, а Неккеръ былъ внезапно отставленъ отъ должности 11-го іюля.

Неккеръ бѣжалъ въ городъ Коппэ въ Швейцаріи съ такой поспѣшностью, что объ его арестѣ не могло быть и рѣчи. Въ глазахъ обманутаго правительствомъ народа Неккеръ сталъ мученикомъ, дѣло дошло до открытыхъ волненій; Демуленъ грозилъ, что отставка Неккера послужитъ для патріотовъ сигналомъ къ новой Варѳоломеевской ночи; а между тѣмъ новое реакціонное министерство было совершенно не въ силахъ устоять противъ всеобщаго возбужденія. Это обнаружилось съ особенной ясностью изъ поведенія правительства во время добровольной сдачи Бастиліи 14-го іюля; это событіе публика и понынѣ представляетъ себѣ въ совершенно ложномъ освѣщеніи, какъ подвигъ революціонеровъ, которые будто бы взяли штурмомъ эту крѣпость. Въ дѣйствительности народъ, напротивъ того, преступно нарушилъ торжественное обѣщаніе, которое онъ далъ малочисленнымъ защитникамъ старой цитадели. „Отдѣльныя волненія (revolte) слились во всеобщую революцію“, такъ доложилъ въ слѣдующую же ночь герцогъ де Ларошфуко-Ліанкуръ совершенно растерявшемуся королю. Какое всеобщее ослѣпленіе господствовало повсюду, какъ превратно представляли себѣ дѣйствительный ходъ событій и какимъ опьяняющимъ образомъ дѣйствовала на всѣхъ фраза! По всему свѣту продавались въ качествѣ драгоцѣнныхъ реликвій кусочки камня, желѣза, дерева отъ разрушенной Бастиліи, модели этой цитадели. Лафайету поднесли почетную шпагу, выкованную изъ тюремнаго засова, взятаго изъ Бастиліи, театры загребали деньги каждый разъ, какъ давалось на сценѣ: „Взятіе Бастиліи“, Шлецеру мерещилось, что ангелы на небѣ поютъ хвалебные гимны въ память этого чудеснаго событія; Клопштокъ жалѣлъ, что у него нѣтъ цѣлой сотни голосовъ для того, чтобы достойно воспѣть этотъ праздникъ свободы; Штольбергъ, Іоганнъ фонъ Мюллеръ, Форстеръ, Эйлогій Шнейдеръ и Стеффенсъ старались перещеголять другъ друга въ поэтическихъ изліяніяхъ; въ Петербургѣ поздравляли другъ друга на улицахъ, цѣловались и ликовали по поводу преступныхъ злодѣяній 14-го іюля.

Уже 16-го іюля Людовикъ почувствовалъ себя вынужденнымъ призвать обратно Неккера; съ своимъ обыкновеннымъ самообольщеніемъ Неккеръ, не задумываясь, въ третій разъ принялъ предложеніе короля, и парижане съ необычайнымъ торжествомъ проводили этого „отца народа“ въ Версаль. Что касается короля Людовика, то онъ уже вступилъ на тотъ путь, который привелъ его прямо къ эшафоту; онъ явился въ національное собраніе, выразилъ желаніе примириться съ народными представителями, торжественно заявилъ о своемъ полномъ довѣріи къ нимъ и просилъ взаимности, но послѣ этого положеніе короля стало еще болѣе двусмысленнымъ. Въ то время, какъ графъ Артуа, младшій братъ короля, оказался предводителемъ малодушной толпы первыхъ эмигрантовъ, и эти баловни счастья трусливо искали спасенія въ бѣгствѣ, Людовикъ съ своей стороны обезчестилъ корону своимъ появленіемъ среди бунтующей толпы парижской черни въ день 17 іюля. Онъ походилъ на каррикатуру гражданскаго короля, въ то время какъ онъ стоялъ на площади рядомъ съ мэромъ Балльи и съ начальникомъ національной гвардіи Лафайетомъ. Когда онъ вернулся къ своей королевѣ въ Версаль съ пристегнутой къ шапкѣ національной кокардой, этой „отличительной примѣтой француза“, то она вскричала съ негодованіемъ: „Я никогда не думала, что вышла замужъ за мѣщанина!“ Правительство вынуждено было покориться національному собранію, а само національное собраніе дѣйствовало подъ давленіемъ народной толпы. Уже начиналось неограниченное господство кровопролитія, и послѣ убійства цѣлаго ряда „недруговъ народа“ Барнавъ позволилъ

себѣ задать въ народномъ собраніи такой вопросъ: „Развѣ это тоже чистая кровь?“ Неккеръ упивался той мыслью, что онъ — ангелъ-хранитель націи, и былъ настолько безтактенъ, что дозволилъ муниципальнымъ властямъ гор. Парижа издать распоряженіе о всеобщей амнистіи, несмотря на то, что подобная прерогатива принадлежала только королю. Мирабо пускалъ въ ходъ всѣ средства, чтобы занять мѣсто Неккера, велъ съ нимъ безпощадную борьбу и старался сблизиться при посредствѣ графа фонъ-деръ-Марка (принца Аренберга) съ дворомъ, который находился въ то время въ опасномъ положеніи; однако королева не могла совладать со своими чувствами и къ своему несчастью оттолкнула этого помощника, который пользовался дурной славой за свой неприличный образъ жизни, этого „плебейскаго графа“, какъ его называли при дворѣ. Въ отместку онъ сталъ волновать парижское городское населеніе и старался пріобрѣсти вліяніе въ мэріи, которой управлялъ неумѣлый и слабохарактерный Балыи; но ему пришлось бороться, съ одной стороны, съ дворомъ и Неккеромъ, а съ другой, — съ якобинцами и другими соперниками, которые тоже стремились къ власти. Между тѣмъ во всѣхъ провинціяхъ разразились крестьянскія волненія; для бандитовъ открылся полный просторъ, суду и администраціи приходилось молча смотрѣть на всѣ происходившіе ужасы; ежедневно предавались огню замки и монастыри, никто не хотѣлъ больше платить налоговъ. Маратъ и другіе босяки завладѣли прессой, а народныя массы прислушивались къ одуряющей пѣснѣ якобинцевъ „Ça ira“!

Среди этого смятенія настала ночь 4-го августа, которая была для дворянства и духовенства ночью разочарованія и обманутой любви: въ порывѣ самоотреченія они поспѣшили принести добровольныя жертвы, а теперь никто имъ не хотѣлъ даже сказать спасибо. Мирабо сразу заявилъ, что смѣшно устанавливать права человѣка раньше, чѣмъ страна не получитъ конституціи; но учредительное національное собраніе страдало страстью къ отвлеченнымъ разсужденіямъ, и онъ оказался побѣжденнымъ. Ошеломленный событіями достопамятной ночи 4-го августа, которая покончила разъ навсегда съ феодальной Франціей, Мирабо писалъ своему дядѣ: „Вотъ вамъ наши французы! цѣлый мѣсяцъ они спорятъ между собою изъ-за каждаго слога и затѣмъ вдругъ, въ одну ночь, выкидываютъ вонъ весь старый строй французской монархіи“. О томъ, что постановленія 4-го августа нарушали ленныя права германскихъ имп. чиновъ въ Эльзасѣ, Лотарингіи и Бургундіи, и что это превышало права національнаго собранія, — объ этомъ не осмѣлился напомнить ни одинъ депутатъ. Какъ дѣти радовались французы своей побѣдѣ надъ традиціей и исторіей, этому публичному оправданію крестьянскихъ бунтовъ, которые бушевали во всей Франціи въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, предшествовавшихъ этому роковому засѣданію. Во всей Франціи не раздалось ни одного голоса въ пользу консервативныхъ убѣжденій, всѣ думали и дѣйствовали въ революціонномъ духѣ и старались распространить революціонное теченіе также и за предѣлами своего отечества.

Въ пограничныхъ съ Франціей областяхъ возникли безпорядки: устраивались процессіи для водруженія дерева свободы, въ народѣ распѣвались возмутительныя пѣсни и произносились зажигательныя рѣчи; всѣ жалобы сейма священной римской имперіи и самаго императора остались безъ результата. Франція совершенно забывала о правѣ другихъ народовъ на самоопредѣленіе и непремѣнно хотѣла навязать всѣмъ „свою свободу“.

Вся работа учредительнаго собранія по составленію конституціи носила на себѣ печать страстности, незрѣлости и фантастичности. Вскорѣ начался дикій споръ изъ за права veto, (т. е. права короля пріостанавливать дѣйствіе постановленій законодательнаго собранія). Демократы считали безуміемъ вводить такое правило, на основаніи котораго воля 25 мил-

ліоновъ можетъ быть парализована запретомъ единичной личности; но конституціоналисты настаивали на правѣ короля налагать свое veto, такъ какъ оно казалось имъ предохранительнымъ средствомъ противъ господства толпы. Уличные крикуны осыпали громкими проклятіями этого „Вето", котораго многіе принимали за ненавистнаго аристократа, и непремѣнно хотѣли повѣсить его на фонарномъ столбѣ, — такимъ новымъ рѣшительнымъ способомъ выражалось народное нерасположеніе. Спускавшійся съ одной ступеньки на другую маркизъ де Сентъ-Гюрюжъ уже 30 августа пустился было въ походъ на Версаль съ громадной толпой черни, но Лафайетъ заградилъ ему дорогу. Мирабо произнесъ неподражаемую рѣчь въ защиту неограниченнаго королевскаго права véto; напротивъ того, Неккеръ, который съ 6 августа сталъ „первымъ министромъ финансовъ", въ погонѣ за народной популярностью велъ себя такъ жалко, что Людовикъ, оказавшійся совершенно беззащитнымъ, удовольствовался 11 сентября правомъ пріостанавливать постановленіе законодательнаго собранія только на время (véto suspensif) и такимъ образомъ лишился всякаго вліянія въ области законодательства.

Національное собраніе объявило, что оно не разойдется, пока не признаетъ свою работу законченной, и не будетъ обнародована конституція. Для введенія новой конституціи не требовалось согласія короля; „король Франціи и Наварры" превратился въ простого „короля французовъ"; въ конституціи было предусмотрѣно, при какихъ условіяхъ король можетъ быть лишенъ престола. Дворъ позволялъ себѣ разныя глупости, которыя только напрасно раздражали и безъ того возбужденный народъ — (праздники лейбъ-гвардейцевъ и т. п.). 5-го октября все парижское населеніе пустилось въ Версаль для того, чтобы принять королевскую семью подъ власть парижской черни. Подозрительное поведеніе Лафайета облегчило это предпріятіе, и 6-го октября послѣдовалъ въ сопровожденіи громадной толпы переѣздъ короля, его семейства и національнаго собранія въ Парижъ, сопровождавшійся самыми непристойными эпизодами; Неккеръ подстрекалъ народъ къ такому образу дѣйствій, Мирабо, напротивъ того, предостерегалъ его. Парижское населеніе стало неограниченнымъ распорядителемъ судебъ Франціи. Значительное число умѣренныхъ депутатовъ выступило изъ національнаго собранія, и благодаря этому еще болѣе усилилось вліяніе радикальной партіи; прятаться, — это не есть путь къ побѣдѣ. Лафайетъ, который пользовался въ то время наибольшимъ вліяніемъ во всей странѣ, спровадилъ въ Англію мѣшавшаго ему герцога Орлеанскаго. Мирабо тоже порвалъ съ нимъ всякія сношенія и далъ о немъ такой отзывъ: „онъ трусливъ, какъ лакей, — онъ негодяй... Я не взялъ бы его къ себѣ даже въ лакеи".

Габріэль Онорэ Рикети графъ Мирабо (ср. табл., прилож. къ стр. . фиг. 2), лучшій знатокъ Франціи, стремился къ роли перваго министра въ новомъ государствѣ, созданномъ 4 августа; онъ надѣялся превратить Францію въ монархическое конституціонное государство. Его идеаломъ была „монархія на ровной поверхности" (La monarchie sur la surface égale); ему казалось, что и Ришелье одобрилъ бы монархію съ однимъ классомъ гражданъ. Лафайета Мирабо принималъ за сантиментальнаго узурпатора, что-то среднее между Грандисономъ и Кромвеллемъ, и онъ уговаривалъ Людовика какъ можно скорѣе опять выѣхать изъ Парижа; но никто не прислушивался къ совѣтамъ Мирабо, никто не хотѣлъ пустить въ министерство этого геніальнаго человѣка. Для того, чтобы уладить финансовыя затрудненія, въ ноябрѣ прибѣгли къ конфискаціи помѣстій, принадлежавшихъ духовенству; всѣ земельныя владѣнія духовнаго сословія были признаны „приданымъ революціи". Тѣмъ не менѣе наличныя деньги исчезли изъ обращенія, французы лишились всякаго кредита за границей, ассигнаціи наводнили все государство, и оно шло по прямому

КОРОЛ.
АНГЛІЯ
СѢВЕРНОЕ МОРЕ
ЛАМАНШЪ
Лондонъ
Оксфордъ
Бристоль
Батъ
Глостеръ
Портсмутъ
Соутгемптонъ
Дорчестеръ
Эксетеръ
Плимутъ
Брайтонъ
Виндзоръ
Кентербери
Дувръ
О въ Уайтъ
Нормандскіе
Герней
Джерсей
КОРОЛ. НИДЕРЛАНДОВЪ
Роттердамъ
Утрехтъ
Лейденъ
Бреда
Флиссингенъ
Остенде
Брюгге
Гентъ
Брюссель
Антверпенъ
Лисъ
Эско
АВСТРІЙСКІЕ НИДЕРЛАНДЫ
Маасъ
Ниж Маасъ
Юлихъ
Аахенъ
Кёльнъ
Рейна
Мозеля
Саррь
Франкфуртъ
Дюссельдорфъ
Кобленцъ
Па де Кале
Кале
Булонь
Сомма
Амьенъ
С. Валери
Дьеппъ
Фекамъ
Гавръ
Нижн. Сены
Руанъ
Кальвадосъ
Канъ
Шербургъ
Маншъ
Орнъ
Эры
Сены
Сены и Уазы
Версаль
Уазы
Марны
Обы
Эны
Реймсъ
Суассонъ
Арденъ
Мецъ
Мааса
Мёртъ
Вогезъ
Страсбургъ
Верхн. Рейна
Нижн. Рейна
Кольмаръ
Базель
Дубъ
Безансонъ
Верхн. Соны
Котъ д'Оръ
Ньевръ
Неверъ
Шеръ
Луарэ
Орлеанъ
Луаръ и Шеръ
Эндры
Эндры и Луары
Туръ
Луары
Сарты
Майенны
Илль и Вилэнъ
Реннъ
Морбиганъ
Ваннъ
Котъ дю Норъ
Финистеръ
Брестъ
Нижн. Луары
Нантъ
Мэны и Луары
Анжеръ
Бель Иль
Швейцарія
Шафгаузенъ
Берн
Люцернъ

ФРАНЦІЯ

отъ 1774 г. до Люневильскаго мира въ 1801 г.
Масштабъ 1:5000000

Сокращенія: Е — Епископство. К — Княжество. ГР — графство. Б — баронство. ГЦ — герцогство. МК — маркграфство. ВКТ — Виконтство.

Территоріи, пріобрѣтенныя въ 1789 г.

Области, присоединенныя франц. республ. въ 1792–1795 г.

Области присоед. по Люневильскому мирному договору

Границы Франціи по Люневильскому договору 1801 г.

Къ зап. о— къ вост. отъ Гринича

История девятнадцатаго вѣка. VIII.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

пути къ банкротству. Всѣ попытки Мирабо пробраться въ министры кончились неудачей. 7-го ноября состоялось постановленіе народнаго собранія, согласно которому ни одинъ изъ его членовъ не могъ стать министромъ во все продолженіе сессіи; это постановленіе было направлено спеціально противъ подобныхъ попытокъ Мирабо, который жаловался Шатобріану, что ему никакъ не хотятъ простить его талантливости. Мечта о парламентарной монархіи разлетѣлась, какъ дымъ.

Къ лѣту 1790 года переворотъ охватилъ уже всю Францію. Во многомъ французы приняли за образецъ американскія учрежденія, а французская конституція въ свою очередь послужила образцомъ для всѣхъ европейскихъ и американскихъ конституцій. Мирабо велъ безпрестанную войну противъ стремленія къ всеобщей нивеллировкѣ; онъ хотѣлъ спасти для Франціи отъ всеобщаго пожара благоразумныя основы стараго режима, но, къ несчастью, общественное мнѣніе тогдашней Франціи совершенно отреклось отъ историческаго прошлаго своего отечества. Франція была раздѣлена на 83 по возможности равныхъ по величинѣ департамента; эти департаменты преднамѣренно не были названы по именамъ горъ или рѣкъ для того, чтобы уничтожить въ населеніи память о прежнихъ провинціяхъ. Сійэсъ даже хотѣлъ замѣнить названія нумерами. Отсутствовала всякая исполнительная власть, престижъ монархіи и вліяніе короны пришли въ полный упадокъ.

Королю повиновались только въ томъ случаѣ, если его желаніе случайно совпадало съ мнѣніемъ 4.400.000 гражданъ, пользовавшихся правомъ голоса на выборахъ; всѣ государственные чиновники зависѣли отъ этихъ своихъ избирателей, и настало время гибельнаго многовластія; всѣ хотѣли распоряжаться, никто не хотѣлъ слушаться. Судебныя инстанціи тоже оказались почти внѣ всякой зависимости отъ короля, парламенты были закрыты. Нѣкоторые изъ новыхъ законовъ были очень хороши, такъ какъ въ числѣ членовъ учредительнаго собранія были блестящіе юристы; но, къ сожалѣнію, законы и судьи вскорѣ подпали подъ власть народа, котораго революція признала единственнымъ законнымъ обладателемъ верховныхъ правъ. Номинально все еще считаясь главнымъ начальникомъ французской арміи, Людовикъ на дѣлѣ былъ совершенно безсиленъ также и въ этой области; вообще ему поневолѣ приходилось утверждать всѣ постановленія національнаго собранія, и онъ снизошелъ до роли древнихъ французскихъ „королей тунеядцевъ“ (roi fainéant). Во время дебатовъ объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ Мирабо напрасно напоминалъ, какъ опасно разжигать религіозный фанатизмъ, и ссылался на примѣръ Варѳоломеевской ночи; ничто не въ состояніи было сдержать разгорѣвшихся страстей, и побѣдителями вышли враги церкви: новая Франція признала духовныхъ лицъ „чиновниками на службѣ французской націи“, подлежащими исключительно ея защитѣ и покровительству.

Между тѣмъ періодическая печать становилась все болѣе грязной, льстила низменнымъ чувствамъ народныхъ массъ и дѣйствовала на животные инстинкты читателей. Для такихъ писателей, какъ Демуленъ, Карра, Лустало и Маратъ, не существовало ничего священнаго, а между тѣмъ эти люди пользовались покровительствомъ такихъ вліятельныхъ людей, какъ, напр., Дантонъ, предъ которыми всѣ дрожали. Грубая уличная чернь, — вотъ та армія, которую постоянно держалъ наготовѣ клубъ якобинцевъ; между тѣмъ всѣ лѣвыя партіи національнаго собранія находились подъ властью этого клуба, а „Патріотическій клубъ 1789 года“, учрежденный Мирабо, равно какъ и другія политическія общества болѣе умѣреннаго направленія, ничего не могли подѣлать противъ тѣсно сплоченной силы якобинскаго клуба, раскинувшаго свои сѣти по всей Франціи. Трудно сказать, въ которомъ изъ двухъ клубовъ проповѣдывались болѣе дикія идеи, — въ клубѣ якобинцевъ или въ клубѣ ,францискан-

цевъ" (кордельеровъ), во главѣ котораго стояли адвокаты Дантонъ и Демуленъ. Убійство съ соблюденіемъ судебныхъ формальностей, жертвой котораго сталъ маркизъ де-Фавра, показало воочію всѣмъ вѣрнымъ приверженцамъ монархіи, какая участь ожидаетъ ихъ; несмотря на это, Людовикъ явился 5 февраля 1790 года въ учредительное собраніе и далъ присягу на вѣрность конституціи. Своимъ поведеніемъ король формально санкціонировалъ злодѣйское преступленіе, совершенное собраніемъ. Мирабо сблизился со старшимъ изъ братьевъ короля (впослѣдствіи онъ сталъ французскимъ королемъ подъ именемъ Людовика XVIII), и ему была назначена изъ средствъ двора пенсія, въ благодарность за которую онъ сталъ частнымъ совѣтникомъ короля. Къ несчастью для себя, Людовикъ XVI рѣдко слушался совѣтовъ Мирабо; напротивъ того, король велъ втайнѣ отъ своего совѣтника конспиративные переговоры съ эмигрантами, иностранными дворами или съ окружавшими его придворными глупцами. Между тѣмъ Мирабо какъ разъ въ это время оказалъ блестящія услуги изнемогавшей французской монархіи, — во время происходившихъ въ учредительномъ собраніи дебатовъ о томъ, кому принадлежитъ право войны и мира, онъ склонилъ большинство на сторону короля, не смущаясь дикимъ ревомъ толпы; во время тайной аудіенціи въ Сенъ-Клу (3 іюля 1790 года), которую Мирабо получилъ у королевы Маріи Антуанеты, онъ откровенно изложилъ свои взгляды, хотя, конечно, онъ никакъ не могъ переубѣдить этой вѣрной почитательницы идей стараго режима. Мирабо относился съ омерзѣніемъ къ отмѣнѣ національнымъ собраніемъ всѣхъ дворянскихъ титуловъ и вообще ко всему безсмысленному засѣданію 12-го іюня, во время котораго Анахарсисъ Клотсъ вызвалъ цѣлую бурю энтузіазма своими слабоумными изліяніями. Національное собраніе задавалось такими идеями, которыя были столь же безумны, какъ и неисполнимы: Францію никогда невозможно было превратить въ страну, состоящую изъ однихъ только буржуа. Вотъ что сказалъ совершенно основательно Мирабо Мовильону: „Вырвать изъ человѣческаго сердца силу воспоминанія — это дѣло абсолютно невозможное; въ этомъ смыслѣ можно сказать, что знатность есть ненарушимое и священное достояніе. Формы мѣняются, но обаяніе прошлаго остается тѣмъ же. Пусть всѣ будутъ равны предъ закономъ, уничтожьте всякія монополіи, въ особенности затрагивающія чувство собственнаго достоинства; идти дальше — это значитъ поддаться тому же дворянскому тщеславію!"

Какъ жалко сыгралъ Людовикъ свою роль народнаго короля во время „праздника федераціи" 14-го іюля, какъ скромно онъ стушевывался предъ Лафайетомъ! Пустой театральной выходкой была вся эта такъ называемая „священная лига!" Поведеніе короля, котораго держали подъ неполнымъ арестомъ, становилось все болѣе пассивнымъ. Онъ не убѣгалъ, но оставался на своемъ мѣстѣ тоже противъ своей воли. Неккеръ въ сентябрѣ вышелъ въ отставку, но никто не обратилъ на это вниманія; революція выкинула его, какъ старый хламъ, и похоронила его заживо. Людовикъ хотѣлъ было предоставить назначеніе новаго министерства національному собранію, но отъ такого шага отклонилъ его Мирабо; этотъ послѣдній теперь дѣйствовалъ заодно съ якобинцами, сталъ предсѣдателемъ клуба якобинцевъ, рекомендовалъ поэтому королю назначить министерство изъ якобинцевъ и вообще сталъ играть совершенно безчестную роль. Людовикъ соглашался на все; его смущало только одно обстоятельство, — какъ благочестивому католику, ему не хотѣлось идти заодно съ революціей противъ католической церкви, и онъ обратился за совѣтомъ къ папѣ. Однако, революція заставила Людовика подписать гражданское уложеніе о духовенствѣ (constitution civile du clergé), вопреки тѣмъ предостереженіямъ, которыя сдѣлалъ ему Пій VI 26 декабря 1790 года. Такимъ образомъ формально король стоялъ на сторонѣ тѣхъ партій, которыя отдѣлили ка-

толическую церковь отъ папы и подчиняли ее гражданскимъ законамъ; но въ душѣ онъ вполнѣ сочувствовалъ „непокорнымъ", т. е. тѣмъ представителямъ духовенства, которые отказались дать присягу на вѣрность новой конституціи; въ глубинѣ души Людовикъ предпочиталъ „быть лучше королемъ города Метца, чѣмъ королемъ всей Франціи при подобныхъ условіяхъ". Мирабо, напротивъ того, находилъ вполнѣ возможнымъ „оттолкнуть Францію отъ католицизма". Къ числу отказавшихся дать присягу принадлежало громадное большинство французскаго духовенства. Изъ 60 тыс. священниковъ непокорныхъ было 50 тысячъ. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ не присягнулъ ни одинъ священникъ; изъ 135 епископовъ только пятеро согласились присягнуть. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ, между прочимъ, Таллейранъ, который отказался отъ своего Отенскаго епископства и вышелъ изъ духовнаго званія; благодаря своему тонкому нюху онъ угадалъ, что близятся послѣдніе дни церкви.

Король и королева томились желаніемъ вырваться изъ Франціи. Она готова была обратиться къ помощи европейскихъ державъ, но король не могъ мириться съ мыслью о междуусобной войнѣ и осуждалъ поведеніе Карла I Стюарта; оба они затѣвали тайныя интриги и вели конспиративную переписку, но не могли придти ни къ какому рѣшенію. Собирался ли, собственно говоря, кто-нибудь изъ европейскихъ государей придти къ нимъ на помощь? Одинъ только король шведскій Густавъ III былъ готовъ поднять крестовый походъ, низвергнуть революцію и водрузить вновь королевское знамя съ лиліями. Пруссія и Великобританія, напротивъ того, сочувствовали революціи изъ вражды къ французскому королевскому дому. Императрица Екатерина II на бумагѣ выражала свои трогательныя симпатіи къ французскому королю, но не хотѣла жертвовать для него ни однимъ солдатомъ, ни однимъ рублемъ, а только подстрекала противъ французской революціи, которую она считала опасною и для Россіи, Швецію, австрійскаго императора и Пруссію; между тѣмъ она за спиной этихъ державъ расширяла свои владѣнія за счетъ Польши и Турціи. Императоръ Леопольдъ II былъ человѣкъ съ холоднымъ разсудкомъ; ему казалось возможнымъ, чтобы король примирился съ новыми порядками; онъ совѣтовалъ французскому королю не терять терпѣнія и уклоняться отъ сношеній съ эмигрантами; онъ ни въ коемъ случаѣ не склонялъ Людовика и Маріи Антуанеты къ бѣгству.

2-го апрѣля 1791 года скончался Мирабо. Его преждевременно свели въ могилу непрерывный трудъ и излишество въ удовольствіяхъ. Первымъ вступилъ онъ въ Пантеонъ великихъ людей Франціи. Его труды остались незаконченными: къ чему они могли бы привести — это загадка, которая покрываетъ таинственнымъ мракомъ могилу этого титана. Въ молодости Мирабо много грѣшилъ, но онъ искупилъ свои прегрѣшенія тяжелыми нравственными страданіями. Послѣ его смерти главныя роли на политической сценѣ Франціи захватили мелкіе люди, которые стали пользоваться низкими средствами. Лафайетъ отступилъ на задній планъ, а наибольшее вліяніе пріобрѣлъ Робеспьеръ, ученикъ Руссо, сантиментальный хищникъ, по своимъ способностямъ не подымавшійся выше уровня посредственности; якобинцы съ Робеспьеромъ во главѣ завладѣли трибунами и наводили страхъ на все учредительное собраніе. Что касается Людовика, то онъ запутался въ противорѣчіяхъ, безысходная нужда толкала его къ лукавству и двоедушію; наконецъ, онъ впалъ въ отчаяніе, и къ своему великому несчастью, пустился въ бѣгство вмѣстѣ съ своей семьей (20-го іюня). Эта попытка была обречена на неизбѣжную неудачу, такъ какъ невозможно было утаить всѣхъ приготовленій къ бѣгству. Людовикъ былъ узнанъ; его задержали въ Вареннѣ и вернули 25-го іюня въ Парижъ, въ которомъ бѣгство короля вызвало необычайное волненіе. Пока еще не провозглашали республики, но королевская власть уже лишилась своей послѣдней опоры.

Уже стали раздаваться голоса, требовавшіе низверженія Людовика. Короля и королевскую семью содержали въ Тюильери подъ строжайшимъ арестомъ; даже въ спальнѣ королевы стояли часовые. Циркулярная нота, разосланная европейскимъ кабинетамъ австрійскимъ импер. изъ Падуи (6 іюня 1791 г.), Вѣнскій договоръ (отъ 25 іюля), заключенный императоромъ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ II, королемъ прусскимъ, рыцарское сердце котораго было глубоко тронуто несчастьемъ французской королевской четы, Пильницская декларація обоихъ этихъ государей отъ 27 августа 1791 года — всѣ эти мѣропріятія нисколько не улучшили положенія Бурбоновъ. Никакого впечатлѣнія не производили во Франціи всѣ эти угрозы, пока не было на лицо арміи, которая была бы въ состояніи выполнить ихъ, а между европейскими державами не состоялось никакого соглашенія по вопросу о вооруженномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Франціи. 16 іюня учредительное собраніе временно лишило короля исполнительной власти, но пока еще не устранило его отъ престола. Исполнительная власть была возвращена королю послѣ того, какъ онъ согласился 13 сентября на утвержденіе новой, второй по счету, конституціи и 14-го сентября далъ присягу на вѣрность этой конституціи. По его просьбѣ національное собраніе даровало амнистію всѣмъ провинившимся въ политическихъ преступленіяхъ; въ то же время онъ писалъ своимъ бѣжавшимъ за границу братьямъ крайне двусмысленныя письма, въ которыхъ онъ жаловался на то, что его держатъ въ заточеніи и насильственно заставляютъ дѣйствовать противъ его собственной воли. Труды по составленію новой конституціи были закончены 30-го сентября 1791 года. Она была выработана величайшими умами Франціи, но въ необыкновенно тревожное время; благодаря этому она оказалась несвободной отъ многихъ экспериментовъ сомнительнаго достоинства, въ ней чувствуется подозрительная недовѣрчивость по отношенію къ монархіи и сильная склонность къ демократіи.

Б. Законодательное собраніе.

Учредительное собраніе было распущено, и его мѣсто заняло съ 1-го октября законодательное собраніе, въ составъ котораго демократы не допустили, по предложенію Робеспьера, ни одного изъ депутатовъ 1789 года: такимъ образомъ были заранѣе устранены изъ законодательнаго собранія тѣ 1200 французовъ, которые прошли наиболѣе основательную политическую школу. Наиболѣе интересную группу между по большей части совершенно неизвѣстными членами новаго національнаго собранія составляли жирондисты, т. е. депутаты отъ департамента Жиронды вмѣстѣ со своими единомышленниками. Это были краснорѣчивые демократическіе доктринеры съ богатой фантазіей; но имъ недоставало политической зрѣлости, и, вдобавокъ, они питали большое пристрастіе къ громкимъ фразамъ. Жирондисты мечтали о философской республикѣ, управляемой царями-философами, хотѣли замѣнить монархію демократіей, но не допускали, чтобы для введенія демократическаго строя были пущены въ ходъ какія бы то ни было кровопролитныя мѣры; создавать законы было имъ не подъ силу, и вмѣсто этого они трудились надъ разрушеніемъ тѣхъ законовъ, которые только что были изданы. Ихъ главнымъ предводителемъ былъ задорный Бриссо, а ближайшимъ помощникомъ его была мадамъ Роланъ, особа съ поверхностными взглядами, всегда стоявшая какъ разъ на границѣ между женщиной и гермафродитомъ; за спиной этой партіи скрывался Сійэсъ, который вырабатывалъ для нея планъ дѣйствій. Полнаго единомыслія не существовало между жирондистами, но всѣ они были готовы пойти войной на иностранныхъ монарховъ и ниспровергнуть во Франціи тронъ и католическую церковь. Приближенные Людовика питали непримиримую ненависть къ вновь введенной конституціи, а власть захватили въ свои руки

якобинцы. Лафайетъ и Бальи были отстранены отъ своихъ должностей: парижскимъ мэромъ былъ назначенъ 14-го ноября грубый Петіонъ, а другія важнѣйшія должности въ парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ тоже достались радикаламъ, какъ, напр., Манюэлю, Дантону и Редереру. Людовикъ не согласился утвердить законопроекты противъ эмигрантовъ и духовныхъ лицъ, отказывающихся отъ присяги, а также угрожающія мѣры, направленныя противъ его братьевъ. На всѣ эти мѣропріятія король наложилъ свое veto, благодаря которому усилилась въ парижскомъ населеніи ненависть къ нему самому и къ Маріи Антуанетѣ; ее иначе не называли, какъ „мадамъ Вето“, и у всѣхъ въ ушахъ гремѣла карманьола:

Madame Véto avait promis
De faire égorger tout Paris.

(Мадамъ Вето грозила передушить всѣхъ парижанъ).

Какъ императоръ Леопольдъ II, такъ и Людовикъ XVI всѣми силами хотѣли избѣгнуть войны; жирондисты наскочили на нее благодаря своей неразсудительности. Страстные до безумія, они приставили Леопольду пистолетъ къ груди и въ то же время низвергли министерство Людовика XVI. Между тѣмъ въ Швеціи палъ отъ руки убійцы Анкарштрема (въ мартѣ 1792 года) Густавъ III, который искренно и серьезно увлекался мыслью о возстановленіи королевской власти Людовика XVI. Незадолго предъ тѣмъ, 7-го февраля, Леопольдъ заключилъ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ II оборонительный союзъ исключительно ради предосторожности, а 1-го марта императоръ скончался. Леопольду наслѣдовалъ его сынъ Францъ II, который былъ отъявленнымъ врагомъ принциповъ революціи и всѣхъ конституціонныхъ стремленій въ противоположность своему отцу. Со слезами на глазахъ Людовикъ вынужденъ былъ 20-го апрѣля подписать объявленіе войны императору; законодательное собраніе, напротивъ того, отнеслось съ легкомысленнымъ восторгомъ къ этому своему рѣшенію, которое повлекло за собою 22 года непрерывныхъ войнъ.

Уже въ мартѣ 1792 года Жиронда навязала Людовику „министерство мадамъ Роланъ“. Въ этихъ министрахъ Людовикъ видѣлъ только своихъ тюремщиковъ. Глава ихъ, генералъ Дюмурье, не переставалъ болтать о томъ, что Альпы и Рейнъ составляютъ „природныя границы Франціи“ и старался завязать тайные переговоры съ Пруссіей противъ Австріи. Походъ противъ Австріи стоилъ Франціи громадныхъ средствъ. Планъ Дюмурье, состоявшій въ томъ, чтобы немедленно захватить Бельгію, потерпѣлъ полную неудачу,—генералы и солдаты обратились въ бѣгство передъ императорской арміей; ударъ, который предполагалось направить противъ Савойи, тоже не удался. Король вступилъ въ тайныя сношенія съ врагами министерства „санкюлотовъ“ („безштанниковъ“) и отправилъ 21 мая своего довѣреннаго Малледю Пана съ тайными порученіями къ союзнымъ государямъ, состоявшимъ въ войнѣ съ Франціей. Онъ отказался утвердить рѣшеніе собранія о присужденіи къ ссылкѣ священниковъ, отказавшихся принять присягу; въ отместку за это у него отняли 9 мая его лейбъ-гвардію, состоявшую изъ 6.000 челов. Когда около Парижа устроили лагерь съ 20 тысячами федератовъ, то онъ въ іюнѣ вновь наложилъ свое veto также и на эту мѣру. Онъ понималъ, что Жиронда хочетъ завести себѣ постоянное войско противъ трона. Министерства быстро смѣняли другъ друга, но положеніе короля отъ этого нисколько не улучшалось. На „фельяновъ“ нельзя было положиться; Лафайета якобинцы стали называть монахомъ, спрятавшимся подъ чужой маской; въ обращеніи появились летучіе листки, угрожавшіе смертью „чудовищу Людовику“. Въ порывѣ отчаянія король писалъ уже 19 іюня 1792 года своему исповѣднику, что онъ порвалъ всѣ свои счеты съ людьми и уповаетъ исключительно на Бога. На слѣдующій же день послѣ этого вооруженная парижская чернь,

подстрекаемая жирондистами, якобинцами и кордельерами, ворвалась въ покои „господина и госпожи Вето“. Мэръ Петіонъ игралъ въ этомъ дѣлѣ двусмысленную роль; король, королева и мадамъ Елизабетъ. сестра Людовика, перенесли этотъ день съ мужествомъ и достоинствомъ, которыя дѣлаютъ имъ честь. Революція не достигла своей цѣли: вся демонстрація 20 іюня оказалась только уличной выходкой, а молодой артиллерійскій капитанъ Бонапартъ выражалъ даже такое мнѣніе, что, если бъ ему дали 3 или 4 пушки, то онъ бы разогналъ всю эту сволочь. Въ сердцахъ многихъ тысячъ французовъ зашевелилось чувство стыда; никого не соблазнила награда, обѣщанная за голову Людовика герцогомъ Орлеанскимъ, который окрестилъ себя „Филиппомъ Эгалитэ“ (равенство). Недалеко отъ Парижа былъ все-таки устроенъ лагерь конфедератовъ, и Людовикъ больше ужъ противъ этого не возражалъ. Благодаря увлекательной рѣчи Верніо законодательное собраніе постановило 4 іюля, что оно въ правѣ по собственной иниціативѣ, безъ согласія короля, объявить отечество въ опасности; не позже, какъ 11 іюля, оно примѣнило это постановленіе на практикѣ.

Жизнь Людовика находилась въ постоянной опасности, и ему приходилось по прежнему играть двусмысленную роль; на людяхъ онъ притворялся убѣжденнымъ патріотомъ и врагомъ союзныхъ монарховъ, а въ глубинѣ души онъ надѣялся, что армія союзниковъ, выступившая въ походъ противъ Франціи подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго Карла Вильгельма Фердинанда, будетъ его спасительницей; съ злорадствомъ смотрѣлъ онъ, какое жалкое впечатлѣніе производилъ торжественный смотръ добровольцевъ, происходившій 14 іюля. Такъ какъ онъ отказался утвердить новое жирондистское министерство, то жирондисты опять соединились съ якобинцами и объявили противъ него борьбу на жизнь и на смерть. На основаніи соглашенія, состоявшагося между Францомъ II и Фридрихомъ Вильгельмомъ II въ Майнцѣ, союзная армія выступила подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, который лично сочувствовалъ новымъ французскимъ порядкамъ, но, тѣмъ не менѣе, выставилъ свое имя подъ глупымъ кобленцскимъ манифестомъ отъ 25 іюля; неудержимое всеобщее озлобленіе было отвѣтомъ на его угрозы. Горе тому, кто не принималъ участія въ публичныхъ демонстраціяхъ! Адвокатъ изъ Арра̀ Максимиліанъ де Робеспьеръ требовалъ, чтобы король былъ замѣненъ національнымъ конвентомъ, жирондисты настаивали на низверженіи короля; „конфедераты“, бандиты изъ Марселя, побратались съ якобинцами и кордельерами, уличные демагоги выростали, какъ грибы, а Дантонъ выдвигался, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, на первый планъ.

Мэръ Петіонъ очистилъ путь предъ скопищами бунтующей черни, бросившимися на дворецъ Тюильери. Наступило 10 августа. Людовикъ видѣлъ, что его покинули почти всѣ его охранныя войска; разъяренная толпа ворвалась въ Тюильери, и Людовикъ приказалъ своимъ вѣрнымъ швейцарцамъ, этимъ послѣднимъ защитникамъ короля, оставить этотъ дворецъ. Ему слѣдовало бы вступить въ смертельный бой и погибнуть честной смертью солдата и короля; онъ же вмѣсто этого пожертвовалъ монархіей и послѣдовалъ совѣту жирондистовъ — удалиться вмѣстѣ съ своей семьей въ законодательное собраніе и отдаться подъ его защиту. Тутъ ему пришлось быть свидѣтелемъ безконечныхъ дебатовъ объ его участи и услышать собственными ушами, какъ его временно удалили съ престола по предложенію Верніо, и какъ вмѣсто короля былъ учрежденъ національный конвентъ. 13 августа королевская семья была переведена въ Тампль; жирондистскіе министры вновь вернулись къ власти, но имъ всѣмъ пришлось стушеваться передъ Жоржемъ Дантономъ (см. табл., прилож. къ стр. 4, фиг. 6), министромъ юстиціи, трибуномъ республиканской демократіи, который не отступалъ даже предъ массовыми убійствами. Исчезла всякая личная безопасность. 18 августа былъ учрежденъ, по предложенію

Робеспьера, революціонный трибуналъ противъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ можно было заподозрить въ малѣйшей приверженности къ монархическимъ идеямъ; повсюду шпіоны разыскивали подозрительныхъ лицъ (suspects). Законодательное собраніе повиновалось слѣпо парижской коммунѣ, отъ имени которой распоряжался свирѣпый Дантонъ. Неодолимое теченіе влекло Францію въ сторону республики. Конфискованныя помѣстья эмигрантовъ были промотаны, всѣ феодальныя привилегіи дворянства были отмѣнены безъ всякаго вознагражденія, что соотвѣтствовало наложенной на дворянство контрибуціи по крайней мѣрѣ, въ 6.000.000.000 фр. Какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ настали ужасныя сентябрьскія убійства: наемные палачи избивали тысячи людей; между прочимъ, была убита подруга королевы принцесса де Ламбаль; революціонеры избавились такимъ способомъ отъ огромнаго числа непокорныхъ священниковъ; они не удовольствовались гильотиной, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, она работала слишкомъ медленно. Этимъ гигантскимъ преступленіемъ Дантонъ хотѣлъ отрѣзать для націи путь къ отступленію и отдѣлить монархическую Францію отъ революціонной цѣлымъ моремъ крови.

B. Конвентъ.

21 сентября 1792 года національный конвентъ распустилъ законодательное собраніе и сейчасъ же постановилъ единогласно, что королевская власть отмѣняется во Франціи навсегда. Въ это время начался раздоръ между жирондистами и монтаньярами („горной“ партіей, члены которой сидѣли на верхнихъ скамьяхъ конвента); жирондисты выступили противниками сентябрьскихъ ужасовъ, а монтаньяры считали ихъ залогомъ политической свободы. Между тѣмъ на театрѣ военныхъ дѣйствій побѣда улыбалась оружію молодой республики. Революціонная армія мало-по-малу привыкла къ дисциплинѣ и приводила въ изумленіе весь міръ. Бомбардировка Вальми не достигла никакой цѣли, и прусской арміи, состоявшей подъ командой ненадежнаго герцога Брауншвейгскаго, пришлось отказаться отъ похода на Парижъ. Кюстинъ и Ушаръ осадили Майнцъ; этотъ городъ вынужденъ былъ сдаться съ позоромъ; такая же участь постигла Франкфуртъ, Вормсъ, Шпейеръ и другіе города. Дюмурье, съ своей стороны, одержалъ побѣду надъ войсками императора при Жемаппѣ и завладѣлъ всей Бельгіей. Монтескьу и Ансельмъ захватили Савойю и Ниццу, которыя немедленно были присоединены къ Франціи (см. карту, прилож. къ стр. 16). Въ то время, какъ европейскія монархіи терпѣли одно пораженіе за другимъ, французскіе революціонеры пришли къ мысли распространить свои идеи силой оружія; Франція также и во время имперіи продолжала слѣдовать этому плану, — но только скинула съ себя маску освободительницы народовъ и стала открыто предпринимать завоевательныя войны. Королевская семья оставалась въ заключеніи въ Тамплѣ; она была отдана на произволъ грубыхъ сторожей, и ей было запрещено всякое сношеніе съ внѣшнимъ міромъ; европейскіе кабинеты ничего не предпринимали для ея спасенія послѣ того, какъ громкія угрозы противъ Франціи, которыя были пущены въ ходъ въ Падуѣ, Пильницѣ и Кобленцѣ, оказались пустымъ звукомъ.

По закону короля нельзя было подвергнуть суду; но жирондисты позволяли себѣ легкомысленно шутить съ огнемъ и противъ своей воли накликали на короля гибель. Они не искали его смерти; они добивались только, чтобы онъ былъ подвергнутъ суду: пусть себѣ живетъ подъ Дамокловымъ мечомъ, пусть остается заложникомъ революціи и виситъ на ниткѣ между трономъ и эшафотомъ. Неумолимый ученикъ Робеспьера, Сенъ-Жюстъ, напрямикъ заявлялъ, что Людовика слѣдуетъ казнить за то преступленіе, что онъ былъ королемъ, а Робеспьеръ заявлялъ во всеуслы-

шаніе, что Людовикъ долженъ умереть для того, чтобы республика могла жить; но конвентъ все-таки, для соблюденія приличій, устроилъ нѣкоторое подобіе судебнаго процесса. 10 декабря былъ представленъ конвенту обвинительный актъ противъ Людовика Капета. Замѣчательно, что Людовикъ и не думалъ спорить противъ своей подсудности, отвѣчалъ на каждый вопросъ и разбилъ вѣскими доводами почти всѣ пункты обвинительнаго акта. Защитникомъ Людовика вызвался быть престарѣлый Мальзербъ. Его помощниками были Тронше и де Сэзъ; но такъ какъ конвентъ дѣйствовалъ съ предвзятымъ злымъ умысломъ, то всѣ они знали напередъ, что ихъ усилія будутъ напрасны. Робеспьеръ восторжествовалъ надъ жирондистами, несмотря на блестящую рѣчь, которую произнесъ Верніо 31 декабря; ему необходима была голова короля, потому что онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ привязать къ себѣ націю посредствомъ соучастія въ общемъ преступленіи. Маратъ и Гебѐръ (Hébert) обливали въ своихъ листкахъ монархію потоками грязи, обыскамъ и арестамъ не было конца; ничѣмъ уже больше невозможно было сдержать террора, и еще до наступленія слѣдующаго года 14.000 челов. вынуждены были бѣжать изъ Парижа.

15 января 1793 года началось въ конвентѣ голосованіе по тремъ поднятымъ жирондистами вопросамъ. На первый вопросъ, виновенъ ли Людовикъ въ заговорѣ противъ Франціи, былъ данъ единогласно утвердительный отвѣтъ. Второй вопросъ заключался въ томъ, не слѣдуетъ ли представить рѣшеніе конвента на утвержденіе народа; большинство дало на него отрицательный отвѣтъ, и это рѣшеніе было несомнѣннымъ пораженіемъ для жиронды. Третій вопросъ касался казни Людовика, и онъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ 17 января большинствомъ одного голоса. Обсуждалось также предложеніе объ отсрочкѣ казни, она была отвергнута въ засѣданіи слѣдующаго дня; что касается возраженій, сдѣланныхъ испанскимъ посланникомъ, то конвентъ перешелъ къ порядку дня, не давши на нихъ никакого отвѣта. Послѣ душу раздирающей сцены прощанія съ своей семьей Людовикъ XVI пошелъ навстрѣчу смерти хладнокровно и съ упованіемъ на Бога. 21 января 1793 года онъ скончался подъ гильотиной. Изъ слабохарактернаго и изнѣженнаго человѣка онъ превратился въ мученика и героя (сравн. приложеніе подъ заголовкомъ „Три сообщенія „Монитёра“, относящіяся къ казни Людовика XVI“). Національный конвентъ совершилъ судебное убійство въ самомъ настоящемъ смыслѣ этого слова. Казнь короля наложила на всю Францію новый отпечатокъ; бандиты и убійцы сѣяли терроръ по всей странѣ. Революція сама себѣ отрѣзала путь къ мирной пропагандѣ, она бросила монархической Европѣ въ лицо голову своего короля: неизбѣжнымъ отвѣтомъ на этотъ поступокъ Франціи явилась общеевропейская война.

Какъ отнеслась Европа, какъ отнесся весь міръ къ убійству короля? Георгъ III тотчасъ же изгналъ французскаго посланника изъ предѣловъ своихъ владѣній. Въ отвѣтъ на это 1 февраля 1793 года конвентъ объявилъ войну Великобританіи и находившимся подъ ея вліяніемъ Нидерландскимъ Генеральнымъ Штатамъ; онъ грозилъ, что превратитъ всю Францію въ одинъ общій военный лагерь. Въ Испаніи царствовали въ это время жалкій король Карлъ IV и его развратная жена Марія Луиза; въ дѣйствительности государствомъ управлялъ гнусный любовникъ Маріи Луизы, — Годой; подъ давленіемъ Великобританіи Испанія тоже разорвала дипломатическія сношенія съ Франціей. Весь испанскій народъ требовалъ войны, но война эта на дѣлѣ обошлась ему очень дорого. Уильямъ Питтъ, великій сынъ великаго отца, сумѣлъ заключить въ теченіе полугода 13 договоровъ о союзахъ и денежныхъ субсидіяхъ со стороны Англіи и былъ душой коалиціи, составившейся противъ Франціи. Въ войнѣ съ Франціей принимали участіе Германская имперія, папа Пій VI и король Неаполитанскій и Сицилійскій Фердинандъ IV; на первыхъ порахъ остались

Три сообщенія „Монитера“, относящіяся къ казни Людовика XVI.

Gazette nationale, ou le Moniteur universel.

№ 21. Понедѣльникъ 21 января 1793 года. 2-ой годъ французской республики.

Extrait des procès-verbaux de la Convention nationale, des 15, 17, 19 et 20 janvier 1793, l'an 2-e de la République Française.

Art. I. La Convention nationale déclare Louis Capet, dernier roi des Français, coupable de conspiration contre la liberté de la Nation, et d'attentat contre la sureté générale de l'Etat.

II. La Convention nationale décrète que Louis Capet subira la peine de mort.

III. La Convention nationale déclare nul l'acte de Louis Capet apporté à la barre par ses conseils, qualifié d'*appel à la Nation du jugement contre lui rendu par la Convention;* défend à qui que ce soit d'y donner aucune suite, à peine d'être poursuivi et puni comme coupable d'attentat contre la sureté générale de l'Etat.

IV. Le conseil exécutif provisoire notifiera le présent dans le jour à Louis Capet, et prendra les mesures de police et de sureté nécessaires pour en assurer l'exécution dans les 24 heures, à compter de la notification, et rendra compte à la Convention nationale immédiatement après qu'il aura été exécuté.

Proclamation du conseil exécutif provisoire, du 20 janvier.

Le conseil exécutif provisoire, délibérant sur les mesures à prendre pour l'exécution des décrets de la Convention nationale, des 15, 17, 19 et 20 janvier 1793, arrête les dispositions suivantes:

1⁰. L'exécution du jugement de Louis Capet se fera demain lundi 21;

2⁰. Le lieu de l'exécution sera la *place de la Révolution*, ci-devant *Louis XV*, entre le piédestal et les Champs-Elysées;

3⁰. Louis Capet partira du Temple à huit heures du matin, de maniere que l'exécution puisse être faite à midi;

4⁰. Des commissaires du département de Paris, des commissaires de la municipalité, deux membres du tribunal criminel assisteront à l'exécution. Le secrétaire-greffier de ce tribunal en dressera procès-verbal; et lesdits commissaires et membres du tribunal, aussitôt après l'exécution consommée, viendront en rendre compte au conseil, lequel restera en séance permanente pendant toute cette journée.

Le conseil exécutif provisoire.

Извлеченіе изъ протоколовъ національнаго конвента отъ 15, 17, 19 и 20 Января 1793 г., во 2 году Французской республики.

I. Національный конвентъ объявляетъ Людовика Капета, послѣдняго короля французовъ, виновнымъ въ заговорѣ противъ свободы французскаго народа и въ покушеніи на общую безопасность государства.

II. Національный конвентъ постановляетъ, что Людовикъ Капетъ будетъ подвергнутъ смертной казни.

III. Національный конвентъ объявляетъ недѣйствительнымъ актъ Людовика Капета, предъявленный суду его совѣтниками подъ заголовкомъ: *„Апелляція къ народу по поводу приговора, произнесеннаго надъ нимъ Конвентомъ“*, и запрещаетъ всякому, кто-бы то ни было, давать какой-либо ходъ этому акту; въ противномъ же случаѣ, онъ будетъ подвергнутъ судебному преслѣдованію и наказанъ, какъ виновный въ покушеніи на общую безопасность государства.

IV. Временный исполнительный совѣтъ объявитъ настоящее постановленіе въ теченіе сутокъ Людовику Капету и приметъ необходимыя полицейскія и предохранительныя мѣры для обезпеченія исполненія этого приговора въ теченіе 24 часовъ, считая со времени объявленія, и представитъ національному конвенту отчетъ немедленно послѣ его исполненія.

Прокламація временнаго исполнительнаго совѣта отъ 20 января.

Временный исполнительный совѣтъ, имѣвъ сужденіе о мѣрахъ, необходимыхъ для исполненія декретовъ національнаго конвента отъ 15, 17, 19 и 20 января 1793 года, дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе:

1. Исполненіе приговора надъ Людовикомъ Капетомъ послѣдуетъ завтра, въ понедѣльникъ 21 января.

2. Мѣстомъ исполненія будетъ *Площадь Революціи*, бывшая *Площадь Людовика XV*, между пьедесталомъ и Елисейскими Полями.

3. Людовикъ Капетъ отправится изъ Тампля въ 8 часовъ утра такъ, чтобы казнь могла совершиться въ полдень.

4. При казни будутъ присутствовать комиссары парижскаго департамента, комиссары муниципалитета, два члена уголовнаго трибунала. Секретарь-протоколистъ этого трибунала будетъ вести протоколъ, а вышеупомянутые комиссары и члены трибунала, немедленно послѣ исполненія казни, отдадутъ въ этомъ отчетъ совѣту, который будетъ засѣдать непрерывно въ теченіе этого дня.

Временный исполнительный совѣтъ.

Gazette nationale, ou le Moniteur universel.

№ 23. Среда 23 января 1793 года. 2-ой годъ французской республики.

De Paris.

Lundi, 21 janvier était le jour fixé pour l'exécution du décret de mort prononcé contre Louis Capet. A peine lui avait-on signifié la proclamation du conseil exécutif provisoire, relative à son supplice, qu'il a demande à parler à sa famille; les commissaires lui ayant montré leur embarras, lui proposèrent de faire venir sa famille dans son appartement, ce qu'il accepta. Sa femme, ses enfans et sa sœur vinrent le voir: ils conférèrent ensemble dans la chambre où il avait coutume de manger; l'entrevue a été de deux heures et demie; la conversation fut très-chaude ... Après que sa famille se fût retirée, il dit aux commissaires qu'il avait fait *une bonne mercuriale a sa femme.*

Sa famille l'avait prié de lui permettre de le voir le matin; il se debarrassa de cette question en ne répondant ni oui ni non. *Madame* ne l'a pas vu davantage. Louis criait dans sa chambre: les bourreaux; les bourreaux!... En adressant la parole à son fils, *Marie-Antoinette* lui dit: Apprenez par les malheurs de votre père à ne pas vous venger de sa mort ...

Le matin de sa mort, Louis avait demandé des ciseaux pour se couper les cheveux; ils lui furent refusés ...

Lorsqu'on lûi ôta son couteau, il dit: Me croirait-on assez lâche pour me détruire.

Le commandant général et les commissaires de la Commune sont montés à huit heures et demie du matin dans l'appartement où était Louis Capet. Le commandant lui a signifié l'ordre qu'il venait de recevoir pour le conduire au supplice; Louis lui a demandé trois minutes pour parler à son confesseur, ce qui lui a été accordé. Un instant après, Louis a présenté un paquet à un des commissaires, avec prière de le remettre au conseil général de la Commune. Le citoyen Jacques Roux a répondu à Louis qu'il ne pouvait s'en charger, parce que sa mission était de l'accompagner au supplice: il a répondu: *C'est juste.* Le paquet a été remis à un autre membre de la Commune, qui s'est chargé de le rendre au conseil général.

Louis a dit alors à Santerre: *Marchons, je suis prêt.* En sortant de son appartement, il a prié les officiers municipaux de recommander à la Commune les personnes qui avaient été à son service, et de la prier de vouloir bien placer auprès de la reine Cléry, son valet-de-chambre; il s'est repris et a dit: *Auprès de ma femme;* il a été répondu à Louis que l'on rendrait compte au conseil de ce qu'il demandait.

Louis a traversé à pied la premiere cour; dans la seconde il est monté dans une voiture où étaient son confesseur et deux officiers de gendarmerie. (L'exécuteur l'attendait à la place de la Révolution.) Le cortege a suivi les boulevards jusqu'au lieu du supplice; le plus grand silence régnait le long du chemin. Louis lisait les prieres des agonisans; il est arrivé à dix heures dix minutes à la

Изъ Парижа.

Понедѣльникъ, 21 Января. Это былъ день, назначенный для исполненія смертнаго приговора, вынесеннаго Людовику Капету. Какъ только ему сообщили прокламацію временнаго исполнительнаго совѣта, относящуюся къ его казни, онъ пожелалъ видѣться со своей семьей; комиссары были смущены и предложили ему пригласить семью въ его помѣщеніе, на что онъ согласился. Его жена, дѣти и сестра навѣстили его; они бесѣдовали въ той комнатѣ, въ которой онъ обыкновенно принималъ пищу; свиданіе продолжалось $2^1/_2$ часа; бесѣда была очень бурная. Когда его семья удалилась, онъ сказалъ комиссарамъ, что *сдѣлалъ строгій выговоръ своей женѣ.*

Его семья просила у него позволенія видѣться съ нимъ на другой день; онъ отдѣлался отъ этой просьбы, не отвѣтивъ ни да, ни нѣтъ. *Мадамъ*[1] больше не видѣла его. Людовикъ кричалъ въ своей комнатѣ: „палачи, палачи!" ... Обращаясь къ своему сыну, *Марія Антуанета* сказала ему: „Пусть несчастье твоего отца научитъ тебя не мстить за его смерть ..."

Утромъ въ день казни Людовикъ попросилъ ножницъ, чтобы подрѣзать себѣ волосы; ему было отказано въ нихъ ...

Когда у него отняли его ножъ, онъ сказалъ: „Развѣ меня считаютъ такимъ трусомъ, что я покончу съ собой."

Генеральный комендантъ и комиссары коммуны явились въ $8^1/_2$ часовъ утра въ то помѣщеніе, гдѣ находился Людовикъ Капетъ. Комендантъ сообщилъ ему, что онъ только что получилъ приказаніе отвести его на казнь. Людовикъ попросилъ три минуты, чтобы поговорить со своимъ духовникомъ, и его просьба была удовлетворена. Минуту спустя Людовикъ подалъ одному изъ комиссаровъ пакетъ съ просьбой передать его генеральному совѣту коммуны. Гражданинъ Жакъ Ру отвѣтилъ Людовику, что онъ не можетъ брать на себя этого порученія, такъ какъ его миссія заключается исключительно въ томъ, чтобы сопровождать Людовика на мѣсто казни; онъ отвѣтилъ: *„совершенно вѣрно."* Пакетъ былъ врученъ другому члену коммуны, который взялся передать его генеральному совѣту.

Тогда Людовикъ сказалъ Сантерру: *„идемъ, я готовъ".* Выйдя изъ своей комнаты, онъ попросилъ членовъ муниципалитета рекомендовать вниманію коммуны тѣхъ лицъ, которыя прислуживали ему, и просить ее, чтобы его камердинеръ Клери былъ помѣщенъ при королевѣ; онъ спохватился и сказалъ: *„при моей женѣ"*; тотъ отвѣтилъ Людовику, что его просьба будетъ передана совѣту.

Людовикъ прошелъ пѣшкомъ черезъ первый дворъ; на второмъ онъ сѣлъ въ карету, въ которой были его духовникъ и два жандармскихъ офицера. (Палачъ ожидалъ его на площади Революціи.) Кортежъ ѣхалъ бульварами до мѣста казни; по всей длинѣ этого пути господствовала самая глубокая тишина. Людовикъ читалъ отходную; въ 10 часовъ 10 минутъ онъ прибылъ на

[1] Сестра короля.

place de la Révolution. Il s'est déshabillé, est monté d'un pas assuré, et se portant vers l'extremité gauche de l'échafaud, il a dit d'une voix assez ferme: *Français, je meurs innocent. Je pardonne à tous mes ennemis, et souhaite que ma mort soit utile au peuple.* Il paraissait vouloir parler encore, le commandant général ordonne à l'exécuteur de faire son devoir.

La tête de Louis est tombée à dix heures 20 minutes du matin. Elle a été montrée au peuple. Aussitôt mille cris: *Vive la Nation, vive la République Française* se sont fait entendre. Le cadavre a été transporté sur le champ et déposé dans l'eglise de la Magdelaine, où il a été inhumé entre les personnes qui périrent le jour de son mariage, et les Suisses qui furent massacrés le 10 août. Sa fosse avait douze pieds de profondeur et six de largeur; elle a été remplie de chaux.

Deux heures après, rien n'annonçait dans Paris que celui qui naguere était le chef de la Nation, venait de subir le supplice des criminels. La tranquilité publique n'a pas été troublée un instant. Si la fin tragique de Louis n'a pas inspiré tout l'intérêt sur lequel certaines gens avaient compté, son testament n'est pas propre à l'accroître: on y verra qu'après avoir répété tant du fois qu'il avait sincérement adopté la constitution, le roi constitutionnel n'était, à ses yeux, qu'un roi dépouillé de son autorité légitime, et qu'il repousse jusqu'au titre de *roi des Français*, que la constitution lui avait donné, pour se décorer, au moins dans le dernier acte de sa vie, de celui de *roi de France*. Les témoignages irrécusables de mauvaise foi contenus dans ce testament pourront tarir quelques-uns des sentimens de pitié que les ames compatissantes aiment à ressentir. Il est difficile de penser qu'il ait pu être assez content des puissances belligérantes, de ses frères, et de cette noblesse aussi plate qu'impuissament rébelle, pour n'avoir cherché qu'à mériter leurs suffrages. En effet, qu'ont-ils fait pour lui depuis que la mort planait sur sa tête? Y a-t-il un seul témoignage d'intérêt, l'offre du moindre sacrifice? Ils n'ont pas même eu l'hipocrisie de la sensibilité, et ils n'agissaient que pour ses intérêts! ... Mais laissons Louis sous le crêpe; il appartient désormais à l'histoire. Une victime de la loi a quelque chose de sacré pour l'homme moral et sensible: c'est vers l'avenir que tous les bons citoyens doivent tourner leurs vœux, leurs talens et leurs forces. Les divisions ont fait ou laissé faire assez du mal à la France. Tout ce qui est honnête doit sentir le besoin de l'union; et ceux qui n'en aimeraient pas le charme ont encore la raison d'intérêt pour desirer qu'elle existe. Un peu de principes, un peu d'efforts, et la coalition fatale aux méchans sera consommée.

площадь Революціи. Онъ раздѣлся, взошелъ на эшафотъ твердымъ шагомъ и, обратившись къ лѣвому краю эшафота, онъ сказалъ довольно твердымъ голосомъ: *„Французы! Я умираю невиннымъ. Я прощаю всѣмъ моимъ врагамъ и желаю, чтобы моя смерть принесла пользу народу“*. Повидимому, онъ хотѣлъ говорить еще, но генеральный комендантъ приказываетъ палачу приступить къ исполненію своей обязанности.

Голова Людовика упала въ 10 часовъ 20 минутъ утра. Она была показана народу. Сейчасъ же раздались тысячи возгласовъ: *„Да здравствуетъ народъ! Да здравствуетъ французская республика!“* Трупъ былъ сейчасъ же отнесенъ и положенъ въ церкви Св. Магдалины, гдѣ онъ былъ похороненъ между тѣми лицами, которые погибли въ день его свадьбы и швейцарцами, которые были перебиты 10 августа. Его могила имѣла 12 футовъ въ глубину и 6 въ ширину; она была наполнена известью.

Два часа спустя ничто не изобличало въ Парижѣ, что тотъ, который недавно былъ главою націи, только-что умеръ смертью преступника. Общественное спокойствіе не было нарушено ни на одну минуту. Если трагическая кончина Людовика не вызвала къ себѣ того сочувствія, на которое разсчитывали нѣкоторые, то и его завѣщаніе не могло усилить интереса къ нему: изъ него мы можемъ видѣть, что послѣ того, какъ онъ повторилъ столько разъ, что искренне присоединился къ конституціи, тѣмъ не менѣе въ его глазахъ конституціонный король былъ только королемъ, лишеннымъ своей законной власти, и что онъ отвергаетъ даже самый титулъ *короля французовъ*, данный ему конституціей, и облекаетъ себя, по крайней мѣрѣ, при послѣднемъ актѣ своей жизни титуломъ *короля Франціи*. Неопровержимыя доказательства недобросовѣстности, заключающіяся въ этомъ завѣщаніи, заставятъ умолкнуть тѣ чувства состраданія, которыя любятъ проявлять сердобольныя души. Трудно допустить, чтобы онъ могъ быть настолько довольнымъ воюющими державами, своими братьями и этой, столь же пошлой, какъ и безсильно мятежной, аристократіей, чтобы стараться исключительно о томъ, чтобы заслужить ихъ благорасположеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что они сдѣлали для него съ тѣхъ поръ, какъ смерть стала витать надъ его головой? Есть ли хоть одно доказательство участія съ ихъ стороны, готовность на малѣйшую жертву? Они даже не проявили хотя бы и лицемѣрнаго сочувствія, а между тѣмъ они дѣйствовали будто бы исключительно въ его интересахъ! ... Но оставимъ Людовика подъ траурнымъ флёромъ; съ этихъ поръ онъ принадлежитъ исторіи. Жертва закона имѣетъ въ себѣ нѣчто священное для человѣка нравственнаго и чувствительнаго: добрые граждане должны обратить свои стремленія, свои таланты и свои силы къ будущему. Раздоры причинили или заставили причинить Франціи достаточно зла. Все то, что честно, должно чувствовать потребность въ единеніи; а тѣ, которые не понимаютъ его очарованія, должны желать, въ виду своихъ выгодъ, чтобъ оно существовало. Немножко принциповъ, немножко усилій, и единеніе, гибельное для всѣхъ зловредныхъ, совершится.

нейтральными только Швеція, въ которой царствовалъ Густавъ Адольфъ IV, Данія со своимъ королемъ Христіаномъ VII, Россія, Тоскана, которая вскорѣ послѣ того, въ октябрѣ 1793 года, тоже присоединилась къ коалиціи, Венеція, Швейцарія и Турція. Коалиція выставила въ поле 220 тыс. чел. 18 марта 1793 года принцъ Саксенъ-Кобургскій разбилъ генерала Дюмурье при Неервинденѣ; французскіе солдаты всей массой обратились въ бѣгство, а самъ Дюмурье бѣжалъ 4 апрѣля въ австрійскій лагерь, чтобы спасти свою собственную голову отъ мести конвента.

Въ то время, какъ Вандея осталась вѣрной своему королю, съ помощью англичанъ взялась за оружіе противъ присвоенія верховныхъ правъ народомъ и не разъ выходила побѣдительницей изъ борьбы съ арміей революціоннаго правительства, конвентъ разослалъ по департаментамъ 82 коммиссаровъ для того, чтобы сломить въ населеніи всякое сопротивленіе противъ парижскаго террора, и учредилъ комитетъ общественной безопасности, въ которомъ наибольшее вліяніе принадлежало жирондистамъ и Дантону. Въ революціонномъ трибуналѣ 10-го марта 1793 года жирондисты и Дантонъ, вступившіе между собой въ союзъ, одержали верхъ надъ Робеспьеромъ, и господство наглаго произвола было отсрочено на нѣкоторое время; но, къ сожалѣнію, союзъ этотъ оказался недолговѣчнымъ. Жирондисты назвали Дантона соумышленникомъ Дюмурье; онъ разъярился, какъ подстрѣленный боровъ, а якобинцы воспользовались этимъ случаемъ и принялись подстрекать его. Жирондисты не устояли предъ общимъ натискомъ Дантона, Робеспьера и Марата тѣмъ болѣе, что ихъ предводители ничего не дѣлали, а только произносили прекрасныя рѣчи. Разосланные конвентомъ 82 коммиссара возбуждали пролетаріевъ противъ состоятельныхъ классовъ населенія, вооружили чернь и производили массовые аресты, такъ что въ нѣкоторыхъ департаментахъ оказалось по 3—4 тысячи политическихъ заключенныхъ. Всѣ узаконенныя власти потеряли всякое значеніе; поле битвы осталось во власти Робеспьера съ его санкюлотами (sans-culottes) и „штопальщицами“ (tricoteuses). 18-го мая 1793 года жирондисты собирались нанести террористамъ ударъ въ конвентѣ, но Барэръ, этотъ „Анакреонъ гильотины“, отразилъ ихъ; 22-го мая Дантонъ открыто объявилъ войну жирондистамъ, которые стали грозить, что поднимутъ провинцію противъ Парижа. Будучи убѣжденъ, что жирондисты подведутъ монтаньяровъ подъ гильотину, какъ только власть окажется въ ихъ рукахъ, онъ вступилъ въ союзъ съ монтаньярами, во главѣ которыхъ стояли Робеспьеръ и Маратъ, и подготовилъ возстаніе; въ теченіе 3-хъ дней отъ 31-го мая до 2-го іюня въ Парижѣ господствовала полная анархія. Партія Жиронды была окончательно сокрушена. Однако, Дантонъ спасъ жирондистовъ отъ казни; якобинцы впослѣдствіи вмѣнили ему это мягкосердіе въ преступленіе. Многіе изъ жирондистовъ спаслись отъ ареста бѣгствомъ. Подъ ихъ вліяніемъ Шарлотта Кордэ убила 13-го іюля Марата въ отместку за преслѣдованіе жирондистовъ; но своимъ поступкомъ она только ускорила гибель этой партіи.

Провинція возмутилась противъ Парижа. Въ Бретани и Вандеѣ свирѣпствовала междоусобная война между „бѣлыми“ (роялистами) и „синими“ (республиканцами); Марсель, Ліонъ, Тулонъ, Бордо, Тулуза и др. города вступили въ открытую борьбу съ Парижемъ. Тулонъ открылъ свои ворота предъ англичанами и провозгласилъ королемъ подъ именемъ Людовика XVII дофина (наслѣднаго принца), который въ то время находился въ заключеніи въ парижской тюрьмѣ Тампль. Многіе города осаждали конвентъ жалобами на кучку „наглыхъ негодяевъ“.

Союзники отобрали обратно у французовъ Бельгію и Рейнскія провинціи; теперь ничто не заграждало имъ дороги въ Парижъ, въ которомъ господствовала полная анархія. Тѣмъ не менѣе Франція избавилась отъ опасности благодаря взаимному недовѣрію, господствовавшему между союз-

никами; кромѣ того, европейскіе кабинеты тяготились этой войной: Пруссія торопилась закинуть удочку въ Польшу, гдѣ предстояла легкая добыча, Австрія устремляла свои жадные взоры на Баварію, а Великобританія уговорила союзниковъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ, занять Дюнкирхенъ вмѣсто похода на Парижъ. Франція выиграла время для военныхъ приготовленій; такая отсрочка была для нея тѣмъ болѣе необходима, что солдаты французской восточной арміи дезертировали десятками тысячъ.

Вліяніе Дантона въ конвентѣ шло на убыль, а въ комитетѣ общественной безопасности теперь засѣдали только чистокровные якобинцы; на первый планъ быстро выдвигался Робеспьеръ. Дантонъ былъ отъявленнымъ врагомъ всякаго лицемѣрія; революція служила ему средствомъ для удовлетворенія его властолюбія и жажды къ удовольствіямъ. Онъ не питалъ ни малѣйшей вѣры въ идеалы; несмотря на его изумительныя дарованія, въ немъ не было никакого проблеска высшей духовной жизни. Онъ доходилъ до чудовищнаго въ удовольствіяхъ и въ преступленіяхъ, отличался неукротимой смѣлостью и пламеннымъ патріотизмомъ; это былъ честный разбойникъ, открытый убійца. Франсуа Жозефъ Максимиліанъ Изидоръ де Робеспьеръ (см. табл., прилож. къ стр. 4, фиг. 5), напротивъ того, исполнялъ заученную роль. Вмѣстѣ съ своими сотоварищами Сенъ-Жюстомъ и Кутономъ онъ хотѣлъ водворить во Франціи господство соціалъ-демократіи; онъ никогда не мѣнялъ своихъ взглядовъ, никакая насмѣшка не могла его сбить съ разъ намѣченнаго пути, и онъ всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ. Въ его фигурѣ не было ничего привлекательнаго; напротивъ того, онъ былъ невзрачен и уродливъ; тѣмъ не менѣе его квартира была переполнена его собственными портретами во всевозможныхъ позахъ, онъ обоготворялъ самого себя. Онъ пробилъ себѣ дорогу своимъ рабскимъ преклоненіемъ передъ общественнымъ договоромъ (contrat social) Руссо; необычайную популярность пріобрѣла его любимая фраза: „Народъ чистъ и благороденъ, но правители негодны“. Онъ безпрестанно напоминалъ о своей неподкупности и своей настойчивости. Между тогдашними демагогами онъ составлялъ единственную еще не использованную силу; хотя онъ не обладалъ ни геніальностью, ни, вообще, творческимъ талантомъ, но зато онъ отличался твердой послѣдовательностью въ своей политикѣ, которая сводилась къ безусловному отрицанію. Онъ не обладалъ такимъ мужествомъ, какъ Дантонъ, и походилъ на кошку, которая подкрадывается и готова прыгнуть на свою добычу; онъ наносилъ коварные удары изъ-за угла. Онъ терзался отъ злобы и зависти къ каждому, кто былъ по сравненію съ нимъ „аристократомъ“ по своему общественному положенію, таланту или по своей популярности. Какъ и Дантонъ, онъ гонялся за властью изъ страсти къ господству и всегда силился столкнуть съ дороги всѣхъ тѣхъ, которые мѣшали его стремленію къ всеобщей нивелировкѣ. Съ медомъ на устахъ, но съ ядомъ въ сердцѣ, онъ подготовлялъ тотъ моментъ, когда всѣ другія власти разлетятся вдребезги и когда для его господства не будетъ границъ. Нелѣпая конституція, 3-я по счету, которая была объявлена въ концѣ іюня 1793 года подъ его вліяніемъ, осталась вмѣстѣ со своими человѣческими правами „лоскуткомъ бумаги“. Произволъ революціоннаго правительства не зналъ никакихъ границъ, и гильотина работала безъ конца. 18-го іюля 1793 года жирондисты были объявлены внѣ закона; генералы знатнаго происхожденія предавались казни одинъ за другимъ; Барэръ называлъ всѣхъ людей благороднаго происхожденія будущими измѣнниками, а 5-го сентября онъ заявилъ въ конвентѣ: „На очереди сегодняшняго дня не должно быть другого вопроса, кромѣ террора“.

Революціонные трибуналы были заполнены исключительно креатурами Робеспьера. 17 сентября 1793 года вышелъ варварскій законъ противъ подозрительныхъ лицъ, которые были раздѣлены на 6 категорій, а 3-го

октября начался возмутительный процессъ противъ королевы, которая къ тому времени была переведена въ тюрьму Консьержери.

Послѣдователи Робеспьера не соблюдали даже внѣшнихъ приличій: Гебѐръ до того не стѣснялся въ выраженіяхъ, что заставлялъ краснѣть даже рыбныхъ торговокъ, сидѣвшихъ на трибунахъ. Три дня продолжалось судебное слѣдствіе, и за все это время не было добыто ни одной положительной улики противъ Маріи Антуанеты. Тѣмъ не менѣе она была осуждена на смерть. 16-го октября она взошла на эшафотъ съ гордымъ и величественнымъ видомъ. За ней послѣдовали въ теченіе ближайшихъ недѣль 40 жирондистовъ, остальные спаслись бѣгствомъ. Въ департаментахъ творились по прежнему тѣ же ужасы; Ліонъ былъ почти совершенно стертъ съ лица земли. Вездѣ господствовала полная разнузданность; карали только за одно преступленіе, — за недостаточно радикальныя политическія убѣжденія. Въ каждомъ городѣ имѣлись свой революціонный комитетъ и своя революціонная армія, набиравшіеся изъ буйнаго уличнаго сброда. Въ Тулонѣ неистовствовали Барра̀ и Фреронъ; въ Нантѣ топили людей въ Луарѣ самымъ звѣрскимъ образомъ по распоряженію Каррье; это называлось на революціонномъ языкѣ устраивать „нуаяды“ (noyade, отъ слова noyer, топить), республиканскія свадьбы, „ссылки въ вертикальномъ направленіи“; въ Вандеѣ хозяйничали 15 адскихъ полковъ (colonnes infernales). Христіанскія святыни уничтожались съ фанатическимъ озлобленіемъ; съ злорадствомъ грабили и оскверняли церкви. Въ то же время всѣ состоятельные люди подвергались громаднымъ поборамъ: въ одномъ Буржѣ революціонеры добыли всего за 2 дня 2 милліона франковъ. Въ общемъ добыча этихъ уличныхъ грабителей достигла 400 милл. франковъ, общее число арестованныхъ превышало 200,000. Даже Дантонъ и Камиллъ Демуленъ, — и тѣ приходили къ убѣжденію, что уже довольно пролито крови, что пора остановиться, не то Франція истечетъ кровью. Они стали добиваться возстановленія законнаго порядка, ограниченія власти комитетовъ и парижской коммуны. Они отвернулись отъ господствовавшей политической системы, и благодаря этому въ партіи террора началось разложеніе.

Ненависть къ христіанству дала начало безумному республиканскому календарю, который начинался съ 21 сентября 1792 года. Затѣмъ послѣдовали упраздненіе христіанства и введеніе языческихъ именъ вмѣсто христіанскихъ. Революціонеры чуть ли не хотѣли вычеркнуть изъ исторіи весь періодъ времени отъ Рожденія Христа до французской революціи посредствомъ законодательнаго постановленія. Они не понимали, что невозможно заставить отказаться отъ своей религіи французскій народъ, который принялъ кровавое крещеніе въ Варѳоломеевскую ночь. Революціонерамъ казалось, что всѣ люди похожи на пролетаріевъ безъ опредѣленныхъ убѣжденій, на ослѣпленныхъ атеистовъ въ родѣ Анахарсиса Клотса, который называлъ себя личнымъ врагомъ Іисуса Христа, на проповѣдниковъ религіозной и нравственной анархіи въ родѣ Шометта (онъ называлъ себя языческимъ именемъ Анаксагоръ), который считалъ разводъ геніемъ-хранителемъ брака, на Дюпона, который позволилъ себѣ сказать въ конвентѣ: „Природа и разумъ — вотъ мои боги; признаюсь откровенно, я не вѣрю въ Бога“, на епископа парижскаго Гобеля, который хвалился, что, слѣдуя внушеніямъ разума, онъ вмѣстѣ съ другими духовными лицами сбросилъ съ себя то обличіе, которое онъ наложилъ на себя изъ-за суевѣрія. Въ то время перестали понимать, что значитъ искренняя вѣра, и парижане издѣвались надъ янсенистомъ Грегуаромъ, который безстрашно продолжалъ исповѣдывать христіанскую религію и не отрекался отъ того, что онъ почиталъ святымъ.

Тунеядцы и распутныя женщины могли щеголять въ священническихъ одеждахъ, священные сосуды нетрудно было отдать на оскверненіе; но за всѣмъ тѣмъ у многихъ здравомыслящихъ людей напраши-

вался такой вопросъ: „Могутъ ли подобные люди быть носителями истинной вѣры, и не лучше ли наперекоръ имъ держаться вѣры отцовъ, которая спасала человѣческія души въ теченіе почти 2000 лѣтъ“. Даже сами террористы понимали, что такіе люди, какъ Гебѐръ, издатель книги „Père Duchesne“, и Клотсъ совершенно компрометируютъ ихъ партію; Робеспьеръ рѣшилъ поэтому объявить войну этимъ „бѣшенымъ“ (enragés). Хотя Робеспьеръ и былъ раціоналистомъ въ духѣ Руссо, тѣмъ не менѣе онъ былъ убѣжденъ, что правительство не можетъ обойтись безъ содѣйствія какой-нибудь религіи, пусть бы даже туманной и замаскированной. Онъ разразился въ клубѣ якобинцевъ громовыми рѣчами противъ тѣхъ фанатиковъ, которые оскорбляютъ священнѣйшія чувства народа, и говорилъ съ благоговѣніемъ о той великой идеѣ, которая охраняетъ общественный порядокъ и чистоту нравовъ. Это былъ ловкій маневръ противъ тѣхъ дерзновенныхъ, которые осмѣливались играть роль помимо него, и Гебѐръ немедленно присмирѣлъ. Дантонъ тоже заговорилъ о возмутительномъ поведеніи Гебера и его сторонниковъ. При всей своей жестокости Робеспьеръ былъ сильно тронутъ, когда Гебѐръ, этотъ защитникъ сентябрьскихъ убійствъ, сталъ взывать къ милосердію и человѣколюбію конвента; что касается Дантона, то Робеспьеръ не забывалъ, какой громадной популярностью въ народныхъ массахъ пользовался этотъ опасный противникъ его, по отношенію къ которому приходилось дѣйствовать съ самой крайней осторожностью и съ самымъ тонкимъ лукавствомъ. Демуленъ въ свое время помогъ раздуть пламя революціи, онъ сорвалъ для нея національную кокарду съ одного дерева въ саду Пале Ройяля; теперь же, когда онъ увидѣлъ, что его идеалы втоптаны въ грязь, онъ сталъ изобличать въ своей остроумной и мѣткой сатирической газетѣ „Le vieux Cordelier“ деспотическіе пріемы главарей конвента и требовалъ отмѣны ихъ всевластія. Газетныя статьи Демулена взволновали общественное мнѣніе, и Баррэръ сталъ упрекать его въ томъ, что онъ хочетъ вновь раздуть въ пламя тлѣющіе подъ пепломъ останки монархіи; въ отвѣтъ на это обвиненіе Демуленъ назвалъ комитетъ общественной безопасности достойнымъ преемникомъ Тиберія.

На театрѣ военныхъ дѣйствій положеніе республики значительно улучшилось; только въ Вандеѣ дѣло туго подвигалось впередъ. Своими военными успѣхами республика была обязана преимущественно Лазарю Николаю Маргериту Карно, который вошелъ въ составъ комитета общественной безопасности съ августа мѣсяца, и который взялъ въ свои руки главное руководство военными дѣлами. Онъ составлялъ планы военныхъ дѣйствій, организовалъ народныя ополченія, создалъ 14 армій и съ геніальной проницательностью открывалъ во французской арміи такіе военные таланты, какъ, напр., Бонапарта. Онъ презиралъ Робеспьера и Сенъ-Жюста, относился съ глубокимъ отвращеніемъ къ звѣрствамъ тогдашняго правительства, но продолжалъ служить этому правительству для того, чтобы спасти военную славу своего отечества въ минуту опасности. Его называли „организаторомъ побѣды“. Онъ выдвинулъ впередъ даровитыхъ молодыхъ людей, которые быстро заслужили славу знаменитыхъ генераловъ; къ ихъ числу принадлежали Лазарь Гошъ, командовавшій Мозельско-Рейнской арміей, и Бонапартъ. Гошъ отбросилъ обратно за Рейнъ императорскія войска, состоявшія подъ командой Вурмзера; Ушаръ и Журданъ одержали надъ союзниками двѣ важныя побѣды при Гондскотѣ и Ваттиньи. Бонапартъ началъ свою великую военную карьеру завоеваніемъ Тулона: однимъ словомъ, на войнѣ побѣда вездѣ сопутствовала французамъ.

Зато внутри государства партіи не переставали терзать другъ друга. Робеспьеръ твердо рѣшилъ положить въ одну общую могилу олицетворенную крайность и олицетворенную умѣренность, какъ онъ называлъ Гебѐра и Дантона. Близкіе друзья предостерегали Дантона объ угрожавшей

ему опасности; но ему не вѣрилось, чтобы Робеспьеръ осмѣлился выступить съ обвиненіемъ противъ него. Ему совѣтовали бѣжать, но онъ отказался на томъ основаніи, что „отечество не заберешь съ собой на подошвахъ ногъ“; тогда ему предложили обратиться къ чувствамъ народной массы, его давнишней союзницы; на это онъ возражалъ слѣдующими словами: „Люди мнѣ надоѣли! Пусть ужъ лучше мнѣ отрубятъ голову, чѣмъ мнѣ рубить чужія“. 15-го марта 1794 года были арестованы гебертисты, а 31-го марта были заключены въ тюрьму Дантонъ, Демуленъ и другіе дантонисты. Въ конвентѣ послышался ропотъ: Робеспьеръ заявилъ въ свое оправданіе, что пора покончить съ оскорбительнымъ для конвента исключительнымъ вліяніемъ Дантона. Франція подчинилась диктатурѣ лицемѣрнаго Робеспьера. Гебертисты держались очень трусливо, какъ на судѣ, такъ и на эшафотѣ (24-го марта); напротивъ того, дантонисты не переставали требовать очной ставки съ Робеспьеромъ, Сенъ-Жюстомъ и Кутономъ и держались предъ своими судьями съ дерзкой самоувѣренностью. Какъ много ужасныхъ сценъ ни перевидали эти послѣдніе, они были приведены въ смущеніе. Но напрасны были всѣ старанія дантонистовъ; тріумвиратъ выпудилъ у присяжныхъ обвинительный приговоръ, а во время казни разставилъ вокругъ эшафота многочисленный военный отрядъ, такъ какъ Робеспьеръ и его друзья опасались, что народъ подниметъ возстаніе, какъ только увидитъ Дантона на эшафотѣ. Какъ человѣкъ, пресытившійся удовольствіями и равнодушный къ жизни, шелъ навстрѣчу своей смерти „Мирабо улицы“ и предъ самой своей смертью съ презрѣніемъ кинулъ своему палачу слѣдующія слова: „Довольно будетъ одного ремня, спрячь другой для Робеспьера!“ Въ лицѣ Дантона погибъ 5-го апрѣля честный разбойникъ. Замолкъ послѣдній запоздалый голосъ, возстававшій противъ диктатуры террора! Франція была отдана на растерзаніе кровожадной гіенѣ, которая облизывалась самодовольно среди потоковъ крови и слезъ. „Святая“ гильотина исправно получала свои жертвы; одинъ мерзавецъ, по выраженію Гете, вытѣснялъ другого. Правительство избрало своимъ девизомъ: „устрашеніе и добродѣтели“. „Добродѣтельный и неподкупный“ диктаторъ Робеспьеръ придерживался „здоровой средины“. Конвентъ собирался воздвигнуть на плечахъ вооруженнаго пролетаріата, но на средства, отобранныя у состоятельныхъ классовъ, царство добродѣтели и справедливости, а украшеніемъ этому государству должны были служить такія внушительныя фигуры, какъ Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ, Кутонъ, Колло д'Эрбуа, Билло-Варэнъ, и Фукье-Тэнвиль. Всѣ они были готовы къ новымъ злодѣяніямъ, купались въ крови, собирались примѣнить къ жизни общественный договоръ Руссо и позволяли себѣ остроты въ родѣ слѣдующей: „чѣмъ больше вы потѣетъ общественный организмъ, тѣмъ здоровѣе онъ станетъ“. Смертныя казни стали единственнымъ назначеніемъ правительства, вся республика была отдана во власть палачей; въ Парижѣ и въ провинціи сотнями избивали противниковъ демократической диктатуры.

А между тѣмъ Робеспьеръ толковалъ о нравственности и о важности богослуженія, далъ отставку почитавшейся до тѣхъ поръ подъ именемъ богини Разума распутной женщинѣ и ввелъ почитаніе „Высшаго Существа“; 8-го іюня (20-го преріаля) происходила фиглярская церемонія поклоненія первосвященнику „Высшаго Существа“ Робеспьеру. Не малая часть соучастниковъ злодѣяній диктатора, изъ которыхъ назовемъ хотя бы Фуше, смѣялись по поводу этой церемоніи надъ „великимъ человѣкомъ республики“ съ его громаднымъ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ; народныя массы относились ко всему происходившему съ тупымъ равнодушіемъ. Робеспьеръ передѣлалъ революціонный трибуналъ по своему вкусу; ему казалось, что осужденіе его противниковъ по одиночкѣ отнимаетъ слишкомъ много времени, и по его приказу ихъ стали судить толпами. Первымъ результатомъ вмѣшательства „Высшаго Существа“ въ судьбы Франціи

были „большія отправки“ (grandes fournées): въ теченіе 7 недѣль приблизительно по 70 человѣкъ присуждалось ежедневно къ смертной казни, въ одномъ Парижѣ погибло на эшафотѣ около 1500 человѣкъ. Всякій доносчикъ могъ расчитывать на вознагражденіе, и если вліятельные люди хотѣли избавиться отъ кого нибудь, то его заносили въ одну изъ категорій враговъ народа; „у насъ преобладаетъ красный цвѣтъ“, говорилъ Давидъ, великій живописецъ временъ революціи, а палачи ликовали отъ радости: „корзина (подъ гильотиной) скоро будетъ полна“. Французы перестали бояться смерти, такъ какъ смертная казнь стала обыкновеннымъ заурядным явленіемъ; она потеряла свой таинственный ужасъ,—„смертная казнь была деморализована“, какъ выразился Билло Варенъ. Сестра Людовика XVI, принцесса Елизавета, скончалась на эшафотѣ 10-го мая 1794 года; повидимому, судьба рѣшила, чтобы эшафотъ сталъ смертнымъ одромъ для дома Бурбоновъ. Многіе изъ осужденныхъ вступали на эшафотъ съ ѣдкой шуткой; только одна изъ крестныхъ матерей революціи метресса Людовика XV графиня Дю-Барри умоляла палачей о пощадѣ; 6-го ноября 1792 года былъ возведенъ на эшафотъ Филиппъ Эгалите; какъ при жизни онъ былъ трусливымъ приспѣшникомъ революціонеровъ, такъ и передъ смертью онъ тоже не соблюлъ своего достоинства. Кромѣ самыхъ близкихъ друзей Робеспьера, какъ-то Сенъ-Жюста, Кутона и Леба̀, всѣ боялись попасться ему на глаза. Довольно было самаго ничтожнаго намека, чтобы разбудить его чуткую подозрительность; ни одинъ изъ членовъ конвента не могъ считать себя въ безопасности, пока Робеспьеръ былъ во власти. Руководящая роль въ управленіи государствомъ принадлежала всесильному тріумвирату, Gens de la haute main (люди большой руки), состоявшему изъ Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона. Имъ былъ подчиненъ другой тріумвиратъ, „люди революціи“ (gens révolutionaires), Баррэръ, Колло д'Эрбуа и Билло Варренъ; ихъ задача состояла въ томъ, чтобы не дать замереть политическому движенію. Третій тріумвиратъ, состоявшій изъ трудовыхъ людей (les travailleurs), Карно, Пріера де ла Марнъ и Лендэ, завѣдывалъ фактически всѣми государственными дѣлами. Сюда слѣдуетъ присоединить еще Жана Бона Сентъ-Андрэ; эти 10 человѣкъ держали у себя въ подчиненіи всю Францію.

Главный тріумвиратъ вызывалъ къ себѣ всеобщую зависть и ненависть, и всѣ стремились къ его низверженію. Говорили, что поклоненіе „Высшему существу“, которое ввелъ Робеспьеръ, равно, какъ и пророчества такъ называемой „Матери Божіей“, Катерины Тео — все это только предвѣстники самодержавія новаго Пизистрата Робеспьера. Робеспьеръ упорно отдалялся отъ общественной жизни. Онъ опасался военной диктатуры побѣдоносного генерала, рѣшилъ поэтому, во что бы то ни стало, заключить миръ съ германскимъ императоромъ и подумывалъ о женитьбѣ на Madame Royale, сестрѣ заключеннаго въ Тамплѣ Людовика XVII, какъ его титуловали роялисты, провозгласившіе его королемъ. Враги Робеспьера почувствовали почву подъ ногами. 26 іюня 1794 года онъ выступилъ вновь въ конвентѣ съ цѣлью отдѣлаться отъ нихъ, но на этотъ разъ онъ потерпѣлъ полную неудачу. На слѣдующій день, 9 термидора, въ конвентѣ было поднято множество обвиненій противъ него; ему не дали говорить, и онъ былъ немедленно арестованъ вмѣстѣ со своими вѣрными друзьями. Парижская коммуна освободила ихъ всѣхъ изъ подъ ареста, и они скрылись въ ратушѣ подъ защитой главнаго начальника національной гвардіи пьяницы Андріо. Въ отвѣтъ на это конвентъ объявилъ коммуну и Андріо стоящими внѣ закона, а затѣмъ генералъ Барра̀ повелъ къ ратушѣ войска конвента. Робеспьеръ пытался было покончить съ собой, но это ему не удалось; 28 іюня 1794 г. погибли отъ гильотины Максимиліанъ Робеспьеръ, его братъ Огюстенъ Бонъ Жозефъ, Сенъ-Жюстъ, Кутонъ и Андріо (Леба̀ покончилъ съ собой само-

убійствомъ), а вслѣдъ за тѣмъ еще около 100 такихъ же свирѣпыхъ кровопійцъ. Парижское населеніе отнеслось къ этимъ казнямъ съ чувствомъ искренняго облегченія. Буржуазія, которую такъ долго держали подъ спудомъ, наконецъ, вышла на свѣтъ и низвергла господство террора; для своего спокойствія она стала стремиться къ возстановленію порядка, законности и мира; ей предстояла трудная задача создать новый государственный строй и вывести Францію изъ того хаоса, въ который она погрузилась. Во что выродились идеи 1789 года? Вмѣсто одинаковой для всѣхъ свободы выросло одинаковое для всѣхъ рабство; вся умственная работа, затраченная національнымъ собраніемъ, пропала даромъ, всѣ человѣческія и гражданскія права оказались растоптанными. Что старый режимъ былъ похороненъ навѣки, — это вѣрно; но какая гигантская работа требовалась для созданія новаго государственнаго строя, — все равно, будь то монархія или республика.

Армія была залогомъ будущаго величія для молодой республики; въ этой арміи скрывалась несокрушимая сила, которая рвалась наружу и стремилась броситься на Европу. Мало-по-малу затихла междоусобная война въ Вандеѣ. Послѣ побѣды Журдана надъ принцемъ Кобургскимъ при Флери союзники потеряли Бельгію; французы заняли также рейнскія провинціи и Савойю, на французской территоріи не оставалось болѣе ни одного иностраннаго солдата. Это придало духу французскимъ солдатамъ, которые смотрѣли съ гордостью на своихъ генераловъ; такихъ генераловъ не бывало уже около 100 лѣтъ. Коалиція, напротивъ того, обнаружила полное отсутствіе внутренняго единства. Австрія попрежнему думала только о захватѣ Баваріи и о перемѣщеніи дома Виттельсбаховъ въ Брюссель, Пруссія торговалась съ Россіей изъ-за Польши. Наконецъ, Баварія бросилась въ объятія Франціи для того, чтобы найти защиту противъ императора, а Россія устроила сообща съ Пруссіей второй раздѣлъ Польши, такъ какъ Пруссія помѣшала ей распорядиться по своему собственному усмотрѣнію. Новый вѣнскій министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Тугутъ былъ по своему политическому направленію хладнокровнымъ реалистомъ; въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей онъ былъ такъ же неразборчивъ, какъ берлинскіе и парижскіе министры; къ Пруссіи онъ относился съ нескрываемой враждой, мстилъ ей за раздѣлъ Польши и интриговалъ противъ нея. Онъ сблизился съ Екатериной II, которая охотно пошла ему навстрѣчу, такъ какъ она ненавидѣла Фридриха Вильгельма II и нуждалась въ помощи Австріи въ виду воинственныхъ замысловъ султана Селима III. Герцогъ Брауншвейгскій, который одержалъ побѣду надъ Гошемъ при Кайзерслаутернѣ въ ноябрѣ 1793 года, сложилъ съ себя командованіе союзной арміей въ январѣ 1794 года; Фридрихъ Вильгельмъ собирался уже выступить изъ коалиціи, но Сентъ-Джемскій кабинетъ заключилъ съ нимъ 19-го апрѣля договоръ въ Гаагѣ, по которому Фридрихъ Вильгельмъ II обязался выставить въ поле армію взамѣнъ субсидіи, которую обѣщали ему Англія и Нидерландскіе Генеральные Штаты. Король въ глубинѣ души искалъ случая отречься отъ этого договора. Такъ какъ англійская субсидія выплачивалась ему неаккуратно, то онъ отказался отъ договора тѣмъ болѣе, что возстаніе поляковъ подъ предводительствомъ благороднаго Ѳаддея Костюшки причиняло ему немало хлопотъ. Прусская армія отошла обратно на правый берегъ Рейна вмѣстѣ съ арміей германскаго императора. Пруссаки направились противъ Польши; однако, усмирить и подчинить Польшу удалось только геніальному русскому полководцу Суворову въ ноябрѣ 1794 года. 3-го января 1795 года между Россіей и Австріей было заключено тайное соглашеніе, направленное противъ Пруссіи.

Фридрихъ Вильгельмъ II ничего не зналъ объ этомъ, но онъ всетаки догадывался о враждебномъ отношеніи обоихъ этихъ кабинетовъ къ Пруссіи и рѣшилъ заключить миръ съ Франціей. Таково же было намѣ-

реніе и другихъ членовъ германскаго союза. Къ этому же времени Пишегрю завоевалъ Голландію, благодаря чему французамъ открылся доступъ для нападенія на Нижнюю Германію. Поэтому Фридрихъ Вильгельмъ поспѣшилъ вступить съ комитетомъ общественной безопасности въ переговоры, въ результатѣ которыхъ былъ заключенъ миръ въ Базелѣ 5-го апрѣля 1795 года; по Базельскому договору Пруссія не только отказалась отъ своего положенія великой державы, но, кромѣ того, еще уступила Франціи лѣвый берегъ Рейна. Взамѣнъ этого Франція обѣщала содѣйствовать территоріальному расширенію Пруссіи; пока же Пруссія должна была играть роль нейтральной державы съ неприкосновенными границами. Республика, предавшая казни короля своей собственной страны, теперь торжествовала блестящую побѣду также надъ отжившей монархіей стараго Фрица. Изъ Вѣны посыпались памфлеты противъ Іуды — предателя Германской имперіи, который хочетъ купить себѣ цѣной своей измѣны корону нижнегерманскаго императора; напрасно такъ волновались въ Вѣнѣ, — Пруссія попала въ такое унизительное положеніе только благодаря недомыслію австрійскихъ дипломатовъ: Гаугвица, Луккезини и. т. п. Между Испаніей и Франціей также состоялся мирный договоръ въ Базелѣ (22-го іюля 1795 года); по этому договору Испанія уступила Франціи принадлежавшую ей часть острова С. Доминго; близкій родственникъ императора, великій герцогъ Тосканскій, былъ первымъ изъ итальянскихъ владѣтельныхъ князей, который вступилъ въ соглашеніе съ Франціей еще въ февралѣ.

Французская буржуазія изо всѣхъ силъ стремилась обезопасить себя отъ возврата анархіи, господствовавшей незадолго передъ тѣмъ. Комитетъ общественной безопасности и другіе парижскіе комитеты были преобразованы; состоялось значительное уменьшеніе числа революціонныхъ комитетовъ въ департаментахъ, которыхъ имѣлось цѣлыхъ 52.000 и которые обходились ежегодно въ 600 милліоновъ франковъ. Была прекращена постоянная выдача діэтъ праздношатающимся, входившимъ въ составъ парижскихъ секцій. На улицахъ Парижа не стало видно дикихъ скопищъ пролетаріевъ, выставляющихъ напоказъ свои лохмотья и свою грязь. Жизнерадостная толпа, вынырнувшая изъ своихъ потаенныхъ закоулковъ, разогнала ихъ и громко радовалась своему избавленію отъ тиранновъ. Природное легкомысліе французовъ и ихъ любовь къ удовольствіямъ вступили вновь въ свои права; увеселительныя мѣста были биткомъ набиты посѣтителями, всѣ увлекались нарядами и щегольствомъ. Французскіе буржуа отдались всецѣло болѣзненному стремленію какъ можно скорѣй и лучше вознаградить себя за всѣ испытанныя муки; вмѣсто мрачныхъ пѣсенъ временъ террора тысячи голосовъ распѣвали пѣсню о мести противъ тиранновъ — „Le reveil du peuple“.

Раскаявшійся террористъ Фреронъ устроилъ иррегулярную милицію подъ названіемъ muscadins, petits-maîtres или jeunesse fréronière (фреронова молодежь); въ видѣ насмѣшки она подгоняла по улицамъ своими алебардами якобинцевъ, tricoteuses и „Робеспьеровыхъ вдовъ“ (Veuves de Robespierre), которыхъ водили по парамъ. Комитетъ общественной безопасности закрылъ клубъ якобинцевъ. Послѣдніе изъ жирондистовъ были съ тріумфомъ возвращены въ Парижъ; они перешли въ лагерь реакціонеровъ и до того переродились, что стали увлекаться монархическими идеями. Конечно, бунты и возстанія прекратились не сразу. Поводомъ къ нимъ служила чаще всего конституція 1793 года. Въ конвентѣ происходили иногда бурныя сцены, напоминавшія времена террора, но теперь эти сцены приводили не къ казнямъ и кровопролитію, а къ противоположнымъ результатамъ, благодѣтельнымъ для общественнаго спокойствія; такъ, напримѣръ, по требованію оппозиціи, было произведено разоруженіе парижскихъ предмѣстій, были распущены революціонные комитеты и революціонный

трибуналъ, была отмѣнена конституція 1793 года, и усилено политическое вліяніе состоятельныхъ среднихъ классовъ; особенной страстностью отличались пренія во время засѣданія конвента 20-го мая 1795 года (1-го преріаля III года).

Роялисты тоже зашевелились опять, но хлопотали исключительно ради Людовика XVII. Какъ разъ въ это время, 8 іюня 1795 года этотъ несчастный скончался въ Тамплѣ, — и это событіе было ужасно тяжелымъ ударомъ для роялистовъ и торжествомъ для конвента. Въ Парижѣ конвенту удалось усмирить реакціонеровъ, но на югѣ Франціи они свирѣпствовали самымъ возмутительнымъ образомъ; ужасы „бѣлаго террора", преступленія, учиненныя въ Ліонѣ, Марселѣ, Э, Тарасконѣ шайками подъ названіемъ Compagnies de Jésus и Compagnies du soleil (братства Іисуса и братства солнца) нисколько не уступали „красному террору". Были попытки поднять всеобщее возстаніе вандейцевъ и шуановъ; великобританское правительство старалось поддержать ихъ при помощи своихъ кораблей и своихъ денегъ, но онѣ потерпѣли неудачу, и генералъ Гошъ учинилъ крутую расправу надъ виновными.

Какъ сильно измѣнились политическія условія и общественное мнѣніе со времени введенія конституціи 1793 года! Раньше общество всѣми силами стремилось ослабить правительство, теперь же оно изо всѣхъ силъ старалось поддержать его, твердая правительственная власть стала считаться залогомъ общественнаго спокойствія и всеобщей безопасности. Всѣ отказались отъ мечты о недостижимомъ соціальномъ равенствѣ и довольствовались равенствомъ всѣхъ передъ закономъ. Кто хотѣлъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, тотъ долженъ былъ обладать извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ.

Буасси д'Англа высказалъ тогда же слѣдующее весьма основательное мнѣніе: „Страна, которая управляется состоятельными классами, стоитъ на нормальномъ пути соціальнаго прогресса; напротивъ того, политическое преобладаніе неимущей черни соотвѣтствуетъ грубому первобытному состоянію общества". Для того, чтобы усвоить себѣ эту очевидную истину, конвенту понадобился опытъ цѣлыхъ пяти лѣтъ страшныхъ общественныхъ бѣдствій. Франція избавилась бы отъ всѣхъ этихъ бѣдствій, если бы французы послѣдовали за Мирабо,—и ему не пришлось бы исчахнуть отъ мукъ неудовлетвореннаго честолюбія въ непрерывной борьбѣ за свои убѣжденія.

3. Эпоха Наполеона I.

Четвертая по счету конституція III-го года республиканскаго лѣтосчисленія (22-го августа 1795 года) еще не создала монархической власти во Франціи, но она уже положила основаніе подобной перемѣнѣ въ политическомъ строѣ Франціи. Согласно этой конституціи политическими правами могъ пользоваться только тотъ, кто принималъ на себя соотвѣтствующія обязанности; право участія въ выборахъ было обусловлено имущественнымъ цензомъ. Законодательная власть принадлежала двумъ коллегіямъ, совѣту пятисотъ и сенату; исполнительная власть находилась въ рукахъ директоріи, состоящей изъ пяти членовъ и избираемой изъ состава сената; двѣ трети общаго числа членовъ обѣихъ этихъ коллегій были взяты изъ состава конвента, такъ что на этотъ разъ французы избѣгли той важной ошибки, которую дѣлало учредительное собраніе и о которой было уже упомянуто. Роялисты и буржуазное среднее сословіе и слышать не хотѣли объ этой конституціи; для того чтобы усмирить ихъ, конвентъ не могъ обойтись безъ содѣйствія предмѣстій и арміи; все было подготовлено для карьеры Бонапарта, и онъ выступилъ на сцену.

Онъ обладалъ такимъ гигантскимъ честолюбіемъ и такимъ громад-

нымъ талантомъ, какіе рѣдко встрѣчаются въ исторіи, и воспользовался всѣми выгодами существующаго положенія.

А. Бонапартъ.

Наполеонъ, второй сынъ адвоката Карло Марія Буонапартэ (во французскомъ произношеніи Бонапартъ), родился въ городѣ Аяччіо 15-го августа 1769 года, вскорѣ послѣ завоеванія Корсики французами, и происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Съ ранняго дѣтства ему приходилось испытывать самыя тяжелыя лишенія; вслѣдствіе его бѣдности въ немъ выработалась привычка къ порядку, умѣренности и бережливости, съ которой онъ не разставался во всю свою жизнь. Въ апрѣлѣ 1779 года онъ былъ принятъ, по особой милости короля, въ военную школу въ Бріеннѣ; а въ 1784 году онъ перевелся въ парижскую военную школу; онъ былъ корсиканцемъ до мозга костей и горячимъ поклонникомъ корсиканскаго національнаго героя Паскале Паоли; французовъ онъ ненавидѣлъ, какъ палачей корсиканской свободы. Товарищи по школѣ не любили Бонапарта, потому что онъ былъ угрюмымъ, скрытнымъ и угловатымъ юношей; онъ зарывался въ библіотеки, насмѣхался надъ расточительными привычками своихъ товарищей и твердилъ, что для солдата необходимы умѣренность, простота и строгая дисциплина. Онъ любилъ рѣшать артиллерійскія и фортификаціонныя задачи; его учителя говорили, что изъ него выйдетъ когда-нибудь хорошій артиллерійскій офицеръ, но ему самому хотѣлось стать морякомъ. Онъ проглатывалъ съ жадностью всѣ книги какого бы то ни было содержанія, какія только попадались ему подъ руку, и, благодаря своей необычайной памяти, онъ запоминалъ всѣ полезныя свѣдѣнія, какія только находились въ нихъ.

Отецъ Наполеона былъ человѣкомъ непредусмотрительнымъ и умирая (въ 1785 году) оставилъ свою семью почти безъ всякихъ средствъ. Мать его Марія Летиція не переставала неутомимо хлопотать и переносила много горя и заботъ, лишь бы вывести въ люди своихъ дѣтей; ея старшій 16-тилѣтній сынъ старался всѣми силами причинять ей какъ можно меньше расходовъ.

Въ сентябрѣ 1785 года онъ былъ назначенъ секундъ-лейтенантомъ сначала въ Валансѣ, а съ 1788 года въ Оксонѣ; не находя удовлетворенія въ гарнизонной службѣ, онъ посвящалъ все свое свободное время книжнымъ занятіямъ, но эти труды не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Онъ часто озлоблялся и терялъ терпѣніе, но не опускалъ рукъ въ безплодномъ отчаяніи и твердо надѣялся на улучшеніе своего положенія. Революція 1789 года натолкнула также и его на политическія размышленія; онъ ненавидѣлъ всякія привилегіи, всякую аристократію, рѣшилъ оставаться вѣрнымъ революціонному знамени и былъ твердо убѣжденъ, что революція поможетъ ему быстро выдвинуться; всякій разъ, какъ онъ уѣзжалъ на побывку въ Корсику, онъ держалъ въ клубахъ пламенныя рѣчи; онъ организовалъ въ Корсикѣ національную гвардію и писалъ во время своего пребыванія на родинѣ политическіе памфлеты самаго крайняго направленія. Въ 1791 году онъ былъ опять переведенъ въ Валансъ старшимъ лейтенантомъ и послѣ этого продолжалъ дѣйствовать въ такомъ же революціонномъ духѣ, какъ и раньше. Въ началѣ 1792 года онъ отлучился безъ надлежащаго отпуска въ Корсику и подготовлялъ тамъ возстаніе съ цѣлью захватить Аяччіо; за нарушеніе дисциплины военный министръ исключилъ его изъ арміи 6-го февраля 1792 года; но послѣ 10-го августа, т. е. послѣ низложенія Людовика XVI, правительство нуждалось въ способныхъ людяхъ, и Бонапартъ былъ опять принятъ на службу капитаномъ. Въ Корсикѣ онъ больше не могъ играть никакой роли, такъ какъ Паоли вступилъ въ сношенія съ англичанами,

Объясненіе къ портретамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

1. **Бонапартъ** — генералъ, подвергнутый дисциплинарному суду и уволенный въ отставку (1795); рис. Ж. Герэнъ, грав. Ф. Фиссингеръ.

2. **Бонапартъ** — побѣдоносный главнокомандующій итальянской арміей на Аркольскомъ мосту (1796); съ портрета работы Ант. Ж. Гро.

3. **Бонапартъ** — первый консулъ въ Мальмезонѣ (1802); съ портрета работы Ж. Б. Изабея.

4. **Наполеонъ I** — императоръ (ок. 1810); съ рисунка Стефано Тофанелли, грав. Рафаэлло Моргенъ.

(№ 1 исполненъ по гравюрѣ, хранящейся въ Дрезденскомъ Собраніи гравюръ; № 2 — по фотографіи Жиродона съ картины, находящейся въ Луврѣ; № 3 — по фотографіи Жиродона съ картины, находящейся въ Версальскомъ музеѣ; № 4 — по изданію: „Allgemeines historisches Porträtwerk" Вольдемара ф. Зейдлица.

1

2

3

4

Исторія человѣчества. VIII. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Наполеонъ Бонапартъ на четырехъ ступеняхъ его карьеры.

и вся семья Бонапартовъ была изгнана изъ Корсики въ іюлѣ 1793 года. Изгнанный корсиканецъ сталъ французомъ: мостъ, соединявшій его съ прежнимъ его отечествомъ, былъ сожженъ.

Въ это время жирондисты поддерживали въ южной Франціи возстаніе противъ національнаго конвента. Бонапартъ былъ другомъ младшаго Робеспьера и принималъ участіе въ рядахъ приверженцевъ конвента въ сраженіяхъ при Авиньонѣ, Бокерѣ и Тулонѣ. По его плану приступили къ осадѣ и штурму Тулона; 19-го декабря былъ взятъ Тулонъ, а 22-го Бонапартъ былъ назначенъ артиллерійскимъ бригаднымъ генераломъ.

Послѣ паденія Робеспьера ему тоже угрожала опасность попасть подъ гильотину; въ августѣ 1794 года онъ дѣйствительно былъ арестованъ и отставленъ отъ своей должности (см. его портретъ на прилож. таблицѣ: „Наполеонъ Бонапартъ на четырехъ различныхъ ступеняхъ его карьеры"). Однако, ему удалось оправдаться и возстановить за собой репутацію искренняго патріота. Онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллерійскихъ войскъ, отправленныхъ противъ Корсики, которую тѣмъ временемъ завоевали англичане, но вслѣдъ за тѣмъ былъ вдругъ перемѣщенъ въ западную армію, дѣйствовавшую противъ вандейцевъ; его исключили изъ артиллеріи и перевели въ пѣхоту. Бонапартъ не хотѣлъ спокойно мириться съ такимъ переворотомъ въ своей судьбѣ. Онъ отправился въ Парижъ, тутъ искалъ сближенія съ Тальеномъ, Барра, Фрерономъ, Буасси д'Англа и Камбасересомъ и составилъ, по порученію тогдашняго правительства, планъ итальянской кампаніи 1796 года. Онъ былъ назначенъ членомъ топографическаго бюро при комитетѣ общественной безопасности, и для него открывалась самая блестящая перспектива; но, вслѣдствіе его отказа отправиться въ Вандею, его опять исключили изъ арміи 15-го сентября 1795 года. Къ счастью для него, его другъ Луи Станиславъ Фреронъ вновь избавилъ его отъ нищеты, отрекомендовавъ его Полю Жану Франсуа Николá Баррá. 13 вандемьера (5-го октября) Бонапартъ, состоя помощникомъ командовавшаго отрядомъ Баррá, кинулся на противниковъ конвента съ такимъ же безпощаднымъ остервенѣніемъ, какъ если бы это была настоящая битва съ внѣшними врагами, и устроилъ на улицахъ Парижа страшную рѣзню. Въ награду за этотъ подвигъ онъ былъ назначенъ 26-го октября главнокомандующимъ внутренней арміей. Его карьера была упрочена; онъ выросъ сразу на цѣлую голову. Директорами республики стали Баррá, Карно, Ляревейеръ-Лепо, Летурнеръ и Ревбель, а 26-го октября 1795 года конвентъ былъ окончательно закрытъ, причемъ была объявлена всеобщая амнистія.

а) Итальянскій походъ.

Послѣ этихъ событій главное вниманіе французскаго народа стало сосредоточиваться на внѣшней политикѣ и на арміи республики. Международныя отношенія европейскихъ державъ раздѣлили Германскую Имперію на 2 разрозненныя части. Первая изъ этихъ частей, состоявшая изъ Пруссіи съ Гессенъ-Касселемъ, укрывалась отъ дальнѣйшей опасности за демаркаціонной линіей, установленной по договору съ Французской республикой. Другую часть составляла Южная Германія, которая отдѣлилась отъ Пруссіи и разсчитывала то на помощь императора, то на покровительство Франціи; имперскій министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ фонъ Тугутъ становился поперекъ дороги всякому соглашенію между Австріей и Пруссіей. Рейнскіе владѣтельные князья бѣжали изъ своихъ владѣній, какъ только Журданъ и Пишегрю перешли черезъ Рейнъ; трусливая капитуляція Дюссельдорфа и Мангейма обаружила все безсиліе Германской имперіи и всю зловредность дробленія Германіи на множество среднихъ

и мелкихъ государствъ. Благодаря покровительству Карно Бонапарту было поручено командованіе итальянской арміей. Моро и Журданъ опять перешли черезъ Рейнъ съ намѣреніемъ проложить себѣ путь въ Тироль черезъ Южную Германію; въ случаѣ, если ихъ походъ на Вѣну потерпѣлъ бы неудачу, Наполеонъ надѣялся пробиться къ Вѣнѣ изъ Италіи. Благодаря побѣдамъ, одержаннымъ Жаномъ Викторомъ Моро, Вюртембергъ и Баденъ вынуждены были заключить съ нимъ отдѣльные мирные договоры; эти два государства отказались отъ коалиціи и отъ участія въ войнѣ, которую Франція вела съ Германской имперіей. Взамѣнъ этого Франція обѣщала свое содѣйствіе къ расширенію ихъ территоріи. Швабскія и франконскія области и курфиршество Саксонское тоже вступили въ договоры съ Моро. Интриги Французской республики, искавшей союзниковъ, навели страхъ на германскихъ владѣтельныхъ князей; многіе изъ нихъ бѣжали изъ своихъ владѣній, и въ воздухѣ носились самые удивительные планы взаимнаго обмѣна владѣніями; парижское правительство опутало своими интригами монарховъ Юго-Западной Германіи, соблазнило ихъ къ измѣнѣ императору и имперіи ради расширенія ихъ собственныхъ владѣній, смущало ихъ перспективой раздѣла владѣній духовныхъ владѣтельныхъ князей въ ихъ пользу, и подчинило ихъ всѣхъ своему вліянію. Бонапарту удалось быстро разъединить между собою австрійскую и сардинскую арміи и заставить Сардинію выступить изъ коалиціи; вслѣдъ за тѣмъ онъ занялъ Миланъ и всю Ломбардію, а 18-го мая онъ заключилъ съ Сардиніей мирный договоръ, по которому она уступила Франціи Савойю и Ниццу. Бонапартъ вступилъ въ Италію не въ качествѣ освободителя, а въ качествѣ завоевателя: всѣ государства Апеннинскаго полуострова дрожали предъ этимъ безпощаднымъ человѣкомъ, который не слушался никакихъ приказаній директоріи, воевалъ и облагалъ побѣжденныхъ контрибуціей ради собственной славы и по своему собственному усмотрѣнію. Парма, Модена, Неаполь, Тоскана и Папская область были вынуждены заключить съ нимъ миръ на унизительныхъ условіяхъ: онъ заставилъ всѣ эти государства выступить изъ коалиціи, овладѣлъ британскими факторіями въ Ливорно, создалъ Циспаданскую и Транспаданскую республики и сталъ окружать республику-солнце республиками-спутниками. Онъ носился отъ одной побѣды къ другой и, наконецъ, закончилъ свой итальянскій походъ самымъ блестящимъ образомъ 2-го февраля 1797 года взятіемъ крѣпости Мантуи; вся Италія была завоевана, и Австріи былъ нанесенъ страшный ударъ.

Послѣ этого Наполеонъ предпринялъ военную экспедицію въ Церковную область и 19-го февраля заставилъ папу уступить Франціи Авиньонъ, Болонью, Феррару, Романью и Анкону. Затѣмъ онъ направился въ германскія области имперіи. Въ то время, какъ Бонапартъ стоялъ лагеремъ въ Штиріи, счастье улыбнулось также Бартелеми Катеринъ Жуберу, который въ то время командовалъ французскими войсками въ Тиролѣ; напротивъ того, эрцгерцогу Карлу удалось отбросить обратно за Рейнъ осенью 1796 года Журдана и Моро; Бонапартъ считалъ Моро самымъ опаснымъ изъ своихъ соперниковъ послѣ Гоша и радовался при мысли о томъ, что эта неудача французскаго оружія послужитъ къ возвеличенію его собственной славы. Когда Наполеонъ дошелъ до Леобена, то императорскимъ дворомъ овладѣлъ такой страхъ, что онъ поспѣшилъ вступить въ переговоры съ французами; былъ заключенъ предварительный мирный договоръ 18-го апрѣля 1797 года, по которому Франціи была уступлена Бельгія, пограничныя области на Рейнѣ и всѣ австрійскія владѣнія въ Италіи; взамѣнъ этого Австрія получила значительную часть владѣній Венеціанской республики, несмотря на то, что эта республика не предпринимала никакихъ военныхъ дѣйствій противъ Франціи. Лѣтомъ того же года Венеціанская республика окончательно лишилась своей независи-

мости, а Генуя была обращена въ новаго спутника Франціи—Лигурійскую республику; въ это же время возникла также Цизальпинская республика.

Тугутъ уклонялся отъ заключенія мирнаго договора въ окончательной формѣ, надѣясь, что въ Парижѣ произойдетъ въ близкомъ будущемъ политическій переворотъ. Бонапартъ тоже съ нетерпѣніемъ ожидалъ того же момента, но держался въ сторонѣ отъ парижскихъ политическихъ партій; „я дрался не ради выгоды этихъ трусливыхъ адвокатовъ и жалкихъ болтуновъ", такъ объяснялъ онъ впослѣдствіи свое поведеніе. Однако, онъ все же направлялъ политическую жизнь французской столицы въ выгодную для себя сторону; черезъ посредство не стѣснявшагося въ пріемахъ Пьера Франсуа Шарля Ожеро онъ подстрекалъ директоровъ французской республики, которыхъ онъ презиралъ въ душѣ, къ государственному перевороту 18-го фруктидора (4-го сентября); этотъ переворотъ привелъ къ паденію роялистовъ и консервативной партіи, во главѣ которой стояли Карно, Бартелеми и Пишегрю, и такимъ образомъ побѣда директоріи въ сущности очистила путь для собственной диктатуры Бонапарта. Судьба была все время на его сторонѣ; Лазарь Гошъ, пламенный республиканецъ и единственный человѣкъ во всей Франціи, который способенъ былъ оспаривать у Бонапарта военную диктатуру, скончался скоропостижно въ лагерѣ подъ Вецларомъ (18 сентября 1797 года) послѣ того, какъ онъ водворилъ миръ въ Вандеѣ и Бретани. Коммунистическое возстаніе „народнаго трибуна" Бабефа было подавлено еще въ маѣ 1796 года, причемъ самъ Бабефъ былъ заключенъ въ тюрьму и годъ спустя подвергнутъ смертной казни. Другія революціонныя движенія, которыя возникли было въ это время, были подавлены безъ большого труда. Гильотину замѣнили къ этому времени ссылкой на каторгу въ Кайенну, которую называли „сухой гильотиной". Все это было на руку Бонапарту, и онъ, потирая руки, говорилъ своимъ друзьямъ: „Французской націи нуженъ руководитель, окруженный ореоломъ славы; громкія фразы и мечтанія идеологовъ непонятны французамъ".

Для того, чтобы упрочить свое положеніе, Наполеонъ нуждался теперь въ мирѣ съ внѣшними врагами Франціи; онъ принялся за дѣло съ своей безпощадной энергіей и принудилъ Франца II къ заключенію мирнаго договора въ Кампо-Формiо 17-го октября 1797 года. Этотъ договоръ послужилъ краеугольнымъ камнемъ для всемірнаго господства Бонапарта. Бельгія и Іоническіе острова были присоединены къ Франціи, Ломбардія къ Цизальпинской республикѣ; за Франціей были признаны права на владѣніе лѣвымъ берегомъ рѣки Рейна, а Австріи была предоставлена взамѣнъ этого наибольшая часть бывшей Венеціанской республики; утвержденіе мирнаго договора съ Германской Имперіей должно было по предварительному соглашенію состояться въ Раштадтѣ, и для этой цѣли было рѣшено созвать конгрессъ. Бонапартъ явился на этотъ конгрессъ и добился уступки Майнца и удаленія австрійскихъ войскъ изъ предѣловъ Германской имперіи „въ видѣ эпилога къ мирному договору въ Кампо-Формiо". Парижане устроили ему торжественную встрѣчу въ „улицѣ Побѣды" (Rue de la Victoire). Чтобы еще больше усилить свой престижъ, онъ для вящаго эффекта уклонился отъ всякихъ чествованій; онъ увѣрялъ съ лукавой скромностью, что въ его лицѣ народъ чествуетъ свое правительство, къ составу котораго онъ тоже принадлежитъ.

б) Положеніе остальныхъ европейскихъ державъ, кромѣ Франціи, въ 1797 году.

По мирному договору въ Кампо-Формiо императоръ призналъ законнымъ порядокъ вещей, созданный революціей во Франціи, расширилъ свои владѣнія за счетъ Германской Имперіи и вызвалъ къ себѣ справед-

ливое недовѣріе со стороны Пруссіи. Пруссія все еще не понимала, до какой жалкой роли она довела себя, прячась за демаркаціонный линией: она не переставала ждать всякихъ благъ отъ Франціи, а между тѣмъ служила для этой послѣдней державы только орудіемъ противъ Австріи. Послѣ раздѣловъ Польши послѣдовало сильное увеличеніе славянскаго населенія прусскаго королевства, и нѣмецкій духъ этого государства подвергся порчѣ. Прусское королевство превратилось въ государство съ смѣшаннымъ населеніемъ безъ рѣзко опредѣленной національности, и благодаря этому правительственная и военная системы Пруссіи замерли въ окаменѣлыхъ формахъ. Всѣ государственные устои оказались подгнившими къ тому времени, когда скончался Фридрихъ Вильгельмъ II, который былъ эпикурейцемъ и мистикомъ въ одно и то же время и правленіе котораго было для Пруссіи періодомъ паденія нравственности и культурнаго регресса, и на престолъ вступилъ 16-го ноября 1797 года его добродѣтельный, но неумѣлый и слабохарактерный сынъ Фридрихъ Вильгельмъ III (см. его портретъ на табл., прилож. къ стр. 46). Тяжелая задача, выпавшая на долю новаго короля, была ему не подъ силу. Еще не наступила пора для политическаго и соціальнаго возрожденія Пруссіи. Король чувствовалъ антипатію къ великимъ натурамъ, въ особенности къ барону Карлу фонъ Штейну, единственному прусскому политическому реформатору въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Фридрихъ Вильгельмъ обнаруживалъ нѣкоторыя оригинальныя дарованія только въ военномъ дѣлѣ, но на бѣду онъ былъ слишкомъ миролюбивъ. Всякое новшество въ какой бы то ни было области внушало ему такой же страхъ и такое же недовѣріе, какъ и императору Францу II (см. его портр. на табл., прилож. къ стр.), который вполнѣ походилъ на прусскаго короля по своему узкому кругозору и по своей умственной ограниченности.

Великобританскій король Георгъ III былъ тоже недалекаго ума отличался чрезмѣрнымъ упрямствомъ и завистливой ненавистью къ своимъ выдающимся соотечественникамъ, напримѣръ, къ обоимъ Питтамъ, отцу и сыну; лишь бы не отмѣнить своихъ безсмысленныхъ распоряженій, онъ согласился проиграть цѣлый міръ, которымъ владѣла Англія за океаномъ (сравн. томы I и VI). Куда ни взглянуть, ни на одномъ изъ европейскихъ престоловъ не сидѣло тогда государя съ широкимъ умомъ и твердой волей, который былъ бы въ состояніи остановить побѣдоносное шествіе Бонапарта. Что касается русской императрицы Екатерины II (см. ея портр. на табл., прилож. къ стр. 46), то она избѣгала войны съ Франціей и стояла уже на краю могилы въ то время, когда Наполеонъ началъ свою карьеру подъ стѣнами Тулона. Отсюда становится до нѣкоторой степени понятнымъ совершенно безпримѣрное счастье корсиканскаго кондотьера, который былъ въ свое время врагомъ Франціи, но давно уже носилъ маску пламеннаго французскаго патріота и очаровалъ своихъ соотечественниковъ своими непрерывными побѣдами, завоеваніями и контрибуціями, которыя онъ взималъ съ непріятелей.

На Раштатскомъ имперскомъ конгрессѣ для заключенія мира оффиціальные представители другихъ правительствъ кромѣ французскаго играли самую жалкую роль; всѣ представители германскихъ государей, какъ болѣе важные, такъ и менѣе важные, пресмыкались предъ французскими представителями и заискивали ихъ расположенія богатыми подарками; французы, напротивъ того, обращались съ депутатами духовныхъ владѣтелей съ презрѣніемъ и давали имъ понять, что ихъ ожидаетъ что-то неладное. Слово „секуляризація“ (конфискація церковнаго имущества) послужило сигналомъ къ самой отвратительной свалкѣ, и всѣ нѣмецкіе государи торопились урвать себѣ по кусочку новой территоріи. Напрасно настаивали представители духовенства, что Германская имперія и власть императора составляютъ учрежденія чисто теократическаго свойства; свѣтскіе государи и слышать

объ этомъ не хотѣли, потому что они успѣли уже намѣтить себѣ тѣ лакомые кусочки, которые они разсчитывали получить въ тотъ день, когда будутъ продаваться съ аукціона владѣнія Германской имперіи; само собой разумѣется, что они назначали необыкновенно высокія цѣны за уступаемыя ими на лѣвомъ берегу Рейна и другія владѣнія и оцѣнивали крайне низко тѣ куски, которые имъ предлагались взамѣнъ; однимъ словомъ, каждый изъ нихъ надѣялся обдѣлать хорошее дѣльцо. Ни у кого изъ нихъ не было и рѣчи о чувствѣ солидарности и любви къ отечеству; а Франція съ своей стороны разжигала ихъ дурныя страсти, чтобы сдѣлать ихъ послушными орудіями въ своихъ рукахъ.

в) Египетъ и Сирія.

Наряду съ мыслью о побѣдѣ надъ Великобританіей Бонапартъ волновался еще вмѣстѣ съ тѣмъ мечтой о покореніи Востока и Египта. Ему хотѣлось отнять у турецкаго султана Египетъ и затѣмъ направиться въ Индію для того, чтобы нанести Великобританіи ударъ въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ; онъ мечталъ даже объ изгнаніи турокъ изъ Европы и возстановленіи Византійской имперіи: „Европа — это только бугорокъ земли, приподнятый кротомъ; только на Востокѣ создавались великія имперіи и происходили великіе перевороты, потому что тамъ живетъ до 600 милл. людей. Надо идти на Востокъ; тамъ находится источникъ дѣйствительнаго могущества и дѣйствительнаго величія“. На бѣду у директоріи не было денегъ для экспедиціи въ Египетъ, которая подготовлялась подъ покровомъ самой глубокой тайны; тѣмъ не менѣе директоріи хотѣлось, во что бы то ни стало, удалить Бонапарта изъ Франціи, и она придумала слѣдующій выходъ изъ затруднительнаго положенія: генераламъ Бертье и Брюну было поручено среди самаго глубокого мира позаимствовать изъ государственныхъ кассъ Церковной области и Швейцаріи — все, что въ нихъ найдется. Пьеръ Александръ Бертье низвергъ папское правительство, забралъ папу Пія VI въ плѣнъ и препроводилъ его во Францію; 20-го марта 1798 года родилась на свѣтъ Божій Римская республика, а Пій VI такъ и остался въ плѣну и скончался въ Валансѣ 29-го августа 1799 года. Что касается Швейцаріи, то часть ея была присоединена къ Цизальпинской республикѣ, а Женева къ Франціи; изъ остальной части Швейцаріи французское правительство устроило „единую нераздѣльную Гельветскую республику“, которая была провозглашена 11-го апрѣля и въ которой, по выраженію Лафатера, не процвѣтало никакой другой свободы кромѣ свободы сатаны. Посредствомъ всѣхъ этихъ перетасовокъ было достигнуто значительное усиленіе французскаго вліянія; но, кромѣ этого, директорія достигла другой, еще болѣе важной цѣли: капиталами римскаго и бернскаго правительства она наполнила опять свои пустыя кассы (ассигнацій находилось въ обращеніи во Франціи на сумму свыше 45 милліардовъ; онѣ пали до $^{1}/_{200}$ своей номинальной стоимости). 19-го мая 1798 года Наполеонъ выѣхалъ изъ Тулонской гавани въ качествѣ главнокомандующаго восточной и англійской арміями, которыя были снабжены всѣмъ необходимымъ въ достаточномъ количествѣ; онъ покорилъ безъ всякаго труда владѣнія Мальтійскаго ордена, который дошелъ до крайней степени упадка, захватилъ кассу ордена и большіе запасы провіанта, счастливо уклонился отъ встрѣчи съ эскадрой Нельсона, который подстерегалъ его суда, занялъ 2-го іюня Александрію и вошелъ съ своими судами въ Абукирскую бухту. Затѣмъ онъ предпринялъ походъ черезъ раскаленную пустыню, разбилъ на голову мамелюковъ въ сраженіи при пирамидахъ при Эмбабе и вступилъ въ Каиръ. Но напрасно онъ льстилъ шейхамъ; его заигрываніе съ Исламомъ нисколько не помогло ему, шейхи не отвѣчали никакой взаимностью „султану-

Кебиру", а сдѣланная Бонапартомъ попытка осчастливить египтянъ административнымъ раздѣленіемъ ихъ отечества на департаменты и округа по французскому образцу была встрѣчена съ ожесточеннымъ сопротивленіемъ. Между тѣмъ знаменитый адмиралъ Горацій Нельсонъ уничтожилъ 1-го августа весь Французскій флотъ при Абукирѣ и отрѣзалъ французамъ обратный путь. Селимъ III, который былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся султановъ-преобразователей, воспользовался этимъ случаемъ, въ сентябрѣ объявилъ Франціи войну и вступилъ въ союзъ съ Великобританіей и Россіей. Въ Каирѣ тоже вспыхнуло возстаніе, и Бонапарту пришлось усмирять его картечью (отъ 21 до 23 октября).

Оставаясь вѣрнымъ своей непреодолимой страсти къ опаснымъ приключеніямъ, Бонапартъ избралъ Сирію базой для своихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Индіи и завязалъ сношенія съ Типпу Саибомъ, султаномъ Майссурскимъ, и съ Персіей. То предъ его воображеніемъ носился образъ Александра Македонскаго, то онъ сравнивалъ себя съ Магометомъ, начерталъ свое имя на горѣ Синаѣ рядомъ съ именемъ пророка и жалѣлъ до глубины души о томъ, что современные арабы и мамелюки не хотятъ признать его преемникомъ послѣдняго. Походъ въ Сирію кончился неудачно для Бонапарта; хотя Эль-Аришъ сдался на капитуляцію, а Яффа была взята французами штурмомъ 7 марта 1799 года, но штурмъ Акки (saint Jean d'Acre) былъ отбитъ, а среди французской арміи, стоявшей подъ стѣнами этой крѣпости, появилась эпидемія чумы; правда, Бонапартъ вмѣстѣ съ Жаномъ Батистомъ Клеберомъ одержали надъ турками побѣду на горѣ Таборѣ (16 апрѣля), но эта побѣда никакъ не могла уравновѣсить потерь, понесенныхъ французами подъ Аккой. Бонапарту пришлось отказаться отъ своихъ восточныхъ фантазій, и 20 мая онъ отступилъ изъ Сиріи; „не будь Акки, онъ сталъ бы императоромъ восточныхъ странъ". Нельсонъ донесъ съ торжествомъ своему правительству, что „бродяга" отрѣзанъ, но этотъ бродяга вернулся, однако, благополучно въ Каиръ, затѣмъ оставилъ Верхній Египетъ и 25 іюля нанесъ туркамъ пораженіе при Абукирѣ. Изъ Франціи до Бонапарта не доходило почти никакихъ извѣстій, но въ послѣднее время англійскій коммодоръ Уильямъ Сидней Смитъ, который сражался съ Бонапартомъ у Акки, изъ злорадства прислалъ ему газеты, изъ которыхъ Бонапартъ узналъ о несчастьяхъ, постигшихъ Францію.

г) Война между второй коалиціей и Франціей.

Что же произошло во Франціи во время отсутствія Бонапарта? Директоріи пришлось выдержать тяжелую борьбу съ упрямыми республиканцами; чтобъ усмирить ихъ, она прибѣгла въ маѣ 1797 года къ противозаконнымъ мѣрамъ; вслѣдствіе этого Карно вышелъ въ отставку, и директорія лишилась всякаго довѣрія со стороны народа. Наиболѣе извѣстный публикѣ членъ ея Барра считался воплощеніемъ всѣхъ пороковъ. На русскомъ престолѣ сидѣлъ съ ноября 1796 года государь съ весьма страннымъ образомъ мыслей — императоръ Павелъ, который считалъ себя орудіемъ, избраннымъ Промысломъ для возстановленія стараго режима во Франціи и во всей Европѣ; онъ хотѣлъ возстановить свѣтскую власть папы и дѣйствовалъ вопреки дипломатическимъ традиціямъ съ полнымъ безкорыстіемъ; онъ былъ готовъ на тяжелыя жертвы деньгами и людьми, лишь бы постоять за Богомъ установленную монархическую власть противъ злонамѣренныхъ республиканцевъ. Павелъ напрасно силился вывести Пруссію изъ нейтральнаго положенія; онъ носился съ мыслію о союзѣ между Россіей, Пруссіей, Австріей и Великобританіей противъ Франціи. Хотя Пруссія и осталась въ сторонѣ отъ новой, второй, коалиціи, душой кото-

рой былъ Павелъ, тѣмъ не менѣе она приняла весьма угрожающее положеніе относительно Франціи: въ составъ новой коалиціи входили Россія, Великобританія, новый папа Пій VII, итальянскіе монархи, цѣлый рядъ германскихъ государствъ (кромѣ Баваріи, которая къ общему удивленію искала сближенія съ Франціей), Португалія, Турція и Берберскія государства (Марокко, Алжиръ, Тунисъ, Триполи). Вторая коалиція поставила себѣ задачей защиту традиціонной политической системы и неограниченной монархической власти. Главнокомандующимъ союзной арміей былъ назначенъ императоромъ Павломъ графъ Александръ Суворовъ который принадлежалъ къ числу величайшихъ полководцевъ своего времени. Послѣ уничтоженія французскаго флота при Абукирѣ англичане пользовались неограниченнымъ господствомъ на морѣ. Зато на сушѣ французы сдѣлали значительные успѣхи: генералъ Жуберъ завоевалъ Сардинію; король Сардинскій Карлъ Эммануилъ IV вмѣсто того, чтобы участвовать въ бою, молился въ это время на колѣняхъ предъ Плащаницей; французы заставили его отречься отъ престола и выѣхать изъ своихъ владѣній. Другой французскій отрядъ, подъ начальствомъ Жана Этьенна Шампіонне, занялъ Неаполь 23 января 1799 года; неаполитанскій дворъ бѣжалъ въ Палермо, а въ Неаполѣ была провозглашена Партенопейская республика. Такимъ образомъ французы подчинили своей власти всю Италію до Мессинскаго пролива.

Какъ только началась война противъ второй коалиціи, Андрей Массена вытѣснилъ императорскія войска изъ Граубюндена въ Форарльбергъ и послѣ этого былъ назначенъ главнокомандующимъ надъ всѣми французскими войсками на Рейнѣ и въ Швейцаріи. Жанъ Батистъ Журданъ вступилъ въ началѣ марта 1799 года въ Швабію, но былъ разбитъ эрцгерцогомъ Карломъ сначала 21 числа при Остеррахѣ и вслѣдъ затѣмъ 25 марта при Штокахѣ и отброшенъ обратно на лѣвый берегъ Рейна. Лейтенантъ-фельмаршалъ баронъ Павелъ Край фонъ Крайова разбилъ французовъ 5 апрѣля при Маньяно; Суворовъ прогналъ ихъ за рѣку Адду, а послѣ побѣды, которую онъ одержалъ надъ французскимъ генераломъ Моро при Кассано 28 апрѣля, онъ вступилъ въ Миланъ и упразднилъ Цизальпинскую республику; въ то же время Массена былъ оттѣсненъ императорскими войсками въ глубь Швейцаріи. Несмотря на войну, французскіе представители продолжали принимать участіе въ Раштатскомъ конгрессѣ; наконецъ, императорская главная квартира объявила имъ, что она больше не ручается за ихъ безопасность. Въ ту самую ночь, когда они выѣхали изъ Раштата, именно въ ночь съ 28 на 29 апрѣля, на нихъ было произведено нападеніе, вопреки международному праву, и двое изъ нихъ были убиты. Между тѣмъ счастье улыбалось Суворову въ Италіи; 17 и 18 іюня онъ разбилъ Макдональда при рѣкѣ Требіи, 27 іюня союзныя войска заняли Мантую, а 15 августа Жуберъ былъ разбитъ при Нови, генераломъ и лейтенантъ-фельдмаршаломъ барономъ Михаиломъ Фридрихомъ Бенедиктомъ Меласомъ и палъ на полѣ битвѣ; Франція неизбѣжно была бы вынуждена отказаться отъ своихъ послѣднихъ позицій въ Италіи, если бы въ коалиціи господствовало единодушіе. Въ дѣйствительности, однако, между союзниками господствовало взаимное недовѣріе. Суворовъ былъ возмущенъ интригами Тугута и вмѣшательствомъ Вѣнскаго придворнаго военнаго совѣта въ ходъ военныхъ дѣйствій. Суворовъ и императоръ Павелъ хотѣли возвратить престолъ королю Сардинскому, но императоръ Францъ воспротивился этому, потому что онъ самъ хотѣлъ воспользоваться лакомою добычей. Британскій кабинетъ снарядилъ въ союзѣ съ Россіей британско-русскую экспедицію въ Голландію; этой экспедиціи удалось уничтожить военный флотъ Батавской республики; но осенью 1799 года генералъ Г. М. А. Брюнъ совершенно уничтожилъ союзный отрядъ. Союзникамъ пришлось отказаться отъ возвращенія въ Голландію изгнаннаго

оттуда Оранскаго дома. На Рейнѣ не произошло ни одного сраженія; только эрцгерцогъ Карлъ занялъ Мангеймъ, а германское ополченіе сильно безпокоило французовъ. Что касается Пруссіи, то наиболѣе дальновидный изъ прусскихъ государственныхъ дѣятелей того времени графъ Хр. Авг. Генрихъ Куртъ Гаугвицъ опасался, чтобы Франція не распространила своихъ захватовъ до самыхъ границъ Пруссіи, и совѣтовалъ своему королю примкнуть къ тройственному союзу, заключенному между Австріей, Россіей и Великобританіей: но прусскій король считалъ Францію своей естественной союзницей и оставался празднымъ зрителемъ всемірной борьбы, происходившей на его глазахъ. Вѣнскій дворъ пришелъ къ безумной мысли прервать побѣдоносный походъ Суворова въ Италіи и отослать его по ту сторону Альпъ въ Швейцарію: несмотря на самыя ужасныя лишенія и препятствія, которыя трудно себѣ представить, русскій полководецъ благополучно совершилъ переходъ черезъ Альпы въ сентябрѣ 1799; когда онъ услышалъ о побѣдѣ Массены надъ русскими войсками и войсками императора Германскаго при Цюрихѣ, то онъ спустился въ октябрѣ съ остатками своего войска въ переднюю Рейнскую долину. Внѣ себя отъ негодованія на императора Франца императоръ Павелъ заключилъ союзъ съ Баваріей въ Гатчинѣ, гарантировалъ независимость этого королевства, заявилъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ императору Францу о своемъ выходѣ изъ коалиціи, и въ сентябрѣ русскія войска были отозваны обратно; коалиція распалась, а Франція спаслась отъ угрожавшаго ей тяжелаго натиска. Слабое правительство директоріи не въ состояніи было бы справиться съ такой опасностью, оно и безъ того влачило жалкое существованіе. Одинъ изъ директоровъ Эмануилъ Жозефъ Сійэсъ самъ подкапывался подъ директорію и искалъ только себѣ въ помощники энергичнаго генерала: такъ какъ Жуберъ погибъ на войнѣ, то Сійэсъ подумывалъ о Бонапартѣ. Другой изъ директоровъ Барра строилъ себѣ другіе планы, онъ хлопоталъ втайнѣ о возвращеніи Бурбоновъ и вступилъ въ переговоры съ главой этой династіи Людовикомъ XVIII, жившимъ въ изгнаніи; напротивъ того, Бонапартъ отклонялъ всѣ попытки Бурбоновъ сблизиться съ нимъ.

д) Консульство.

Какъ только Бонапартъ узналъ въ Египтѣ, какъ обстоятъ дѣла въ Европѣ, онъ рѣшилъ немедленно вернуться обратно. Его не интересовали больше ни Востокъ, ни армія, которую онъ передалъ Клеберу, — его звѣзда восходила теперь въ Парижѣ. 23 августа 1799 года онъ тайкомъ отплылъ изъ Александріи съ небольшой свитой. Одинъ изъ его тогдашнихъ спутниковъ, Мармонъ, дѣлаетъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующее замѣчаніе: „Мы чувствовали, что какой-то неодолимый рокъ тянетъ насъ къ себѣ". Между тѣмъ слава побѣдителя въ битвахъ подъ пирамидами и на горѣ Таборѣ уже облетѣла всю Францію и доросла до фантастическихъ размѣровъ; Бонапарта встрѣчали съ почтительнымъ восторгомъ; когда онъ вышелъ на берегъ въ Фрежю, то ему говорили въ лицо: „Мы васъ сдѣлаемъ своимъ королемъ, если вы этого хотите". 16 октября онъ явился предъ смущенными директорами; они, само собой разумѣется, его никакъ не звали, но народъ считалъ его воплощеніемъ чести и славы Франціи; народъ принадлежалъ ему, а не презираемой всѣми директоріи.

α) Возникновеніе консульства.

Втайнѣ Бонапартъ сталъ искать себѣ союзниковъ и приближалъ къ себѣ полезныхъ для него людей, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Братья Бонапарта, Жозефъ и Люсьенъ, изъ которыхъ послѣдній состоялъ въ то время президентомъ совѣта пятисотъ, оказывали ему весьма дѣятель-

ную помощь; жена его Жозефина вела переговоры съ Барра и съ Луи Жеромомъ Гойэ, председателемъ директоріи. На сторону Бонапарта стали Шарль Морисъ Таллейранъ (см. его портр. на табл., прилож. къ стр. 46) много генераловъ, министровъ и другихъ вліятельныхъ людей, въ томъ числѣ Сійэсъ. Однако, Бонапартъ никому не довѣрялся вполнѣ; руководился онъ исключительно самымъ холоднымъ разсчетомъ и интересами своего личнаго честолюбія; еще съ дѣтства онъ былъ всей душою преданъ только выгодамъ своей личной карьеры, всѣ его помыслы сосредоточивались на битвахъ и побѣдахъ, и онъ отличался безпощаднымъ самолюбіемъ „Макіавеллевскаго государя". Солдаты обожали Бонапарта, генералы дали себя подкупить, нѣкоторые банкиры снабдили его деньгами; такимъ образомъ удалось подготовить **государственный переворотъ** 18 и 19 брюмэра (9 и 10 ноября 1799 года). Одинъ моментъ казалось, что всѣ надежды рушились, но присутствіе духа Люсьена устранило всѣ затрудненія: совѣтъ пятисотъ, засѣдавшій въ Сенъ-Клу, былъ разогнанъ штыками, директорія была выпуждена выйти въ отставку, исполнительная власть была передана временному консульству, состоявшему изъ Сійэса, Роже Дюко и Бонапарта. Солдаты, разогнавшіе совѣтъ пятисотъ, лишили націю ея верховныхъ правъ. Тотъ военный деспотизмъ, котораго ожидалъ уже Робеспьеръ, вступилъ въ свои права, и, уже послѣ перваго засѣданія консульства, обманутый Сійэсъ долженъ былъ признаться въ этомъ: „У насъ есть господинъ. Все должно дѣлаться по желанію и мнѣнію Бонапарта, во всемъ онъ властенъ ... Законы, личная безопасность гражданъ, вся Франція,— все въ его рукахъ". Сійэсу пришлось ограничиться той ролью, которую предоставилъ ему Бонапартъ, — ему было поручено составить новую конституцію; но когда онъ попытался ограничить власть Бонапарта и поставить его ниже себя, то Бонапартъ назвалъ такую попытку метафизическимъ ребячествомъ; **конституція VIII года** (24 декабря 1799 года), пятая по счету, передала управленіе государствомъ исключительно въ руки перваго консула.

Бонапартъ былъ избранъ сенатомъ **первымъ консуломъ** на 10 лѣтъ; ему были предоставлены всѣ права монарха. Вторымъ и третьимъ консулами онъ назначилъ по своему усмотрѣнію Жана Жака Режи де Камбасереса и Шарля Франсуа Лебрена, которымъ онъ предоставилъ только совѣщательное право голоса; консулы поселились во дворцѣ Тюильери, и Бонапартъ окружилъ какъ себя, такъ и остальныхъ консуловъ военной охраной. Для того, чтобы поставить законодательную власть въ большую зависимость отъ исполнительной, законодательныя функціи были подѣлены между трибунатомъ, законодательнымъ корпусомъ и сенатомъ; всѣ эти учрежденія Бонапартъ вертѣлъ въ своихъ рукахъ на правахъ полнаго хозяина; Сійэса онъ схоронилъ заживо, давъ ему званіе президента безгласнаго сената; былъ сформированъ государственный совѣтъ по образцу Людовика XIV, въ составъ котораго вошли лучшіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія; по выраженію Луи Мари Корменена, государственный совѣтъ оказался факеломъ законовъ; конечно, онъ исполнялъ также и другую роль, — роль авангарда арміи самозванца; оба остальныхъ консула оставались безгласными статистами. Вмѣсто многоглаваго правленія адвокатовъ во Франціи насталъ періодъ единовластія, и новый властелинъ Франціи былъ въ одно и то же время дѣтищемъ и палачемъ революціи: въ своемъ манифестѣ отъ 15-го декабря Бонапартъ объявилъ, что **революція кончена**.

Бонапартъ сильно приблизился къ своей цѣли, но его смущало то обстоятельство, что онъ все еще находится въ нѣкоторой зависимости отъ верховныхъ правъ народа и что по истеченіи десятилѣтняго срока его могутъ отодвинуть на задній планъ. Чтобы поддержать обаяніе своего имени въ глазахъ народа, онъ зналъ только одно средство — не дать увя-

нуть своей славѣ и возвеличить ее новыми военными подвигами, хотя по внѣшности онъ и притворялся миролюбцемъ. Чтобы вызвать продолженіе войны, онъ обратился къ англійскому королю Георгу III съ письменнымъ предложеніемъ о заключеніи мира, но обращался съ гордымъ англійскимъ королемъ, какъ равный съ равнымъ, завѣдомо зная, что тотъ сочтетъ это за оскорбленіе и что кромѣ того Англія не захочетъ выпустить изъ своихъ рукъ Мальты и Египта. Дѣйствительно, въ январѣ 1800 года Георгъ далъ Таллейрану черезъ своего статсъ-секретаря Уильяма Уиндгама барона Гренвиля рѣшительный отказъ. Бонапарту только и нуженъ былъ этотъ предлогъ для того, чтобы сослаться на враждебную европейскому миру политику Уильяма Питта, какъ на неизбѣжный поводъ къ продолженію войны. Австрійскій императоръ Францъ II тоже отклонилъ сдѣланное ему Бонапартомъ мирное предложеніе; Тугутъ не хотѣлъ жертвовать плодами побѣдъ 1799 года. Фридрихъ Вильгельмъ III сблизился съ консульскимъ правительствомъ и хотѣлъ примирить съ нимъ также и императора Павла; но Бонапартъ считалъ Пруссію второстепенной державой, играющей маловажную роль въ европейской политикѣ. Бонапартъ усмирилъ Вандею и окончательно возстановилъ внутреннее спокойствіе во Франціи; однако, главари шуановъ, само собой разумѣется, остались его смертельными врагами.

β) Битва при Маренго.

Моро перешелъ въ наступленіе противъ арміи императора и въ маѣ 1800 года оттѣснилъ фельдцейхмейстера Край въ укрѣпленный лагерь передъ Ульмомъ; въ то же время Массена съ успѣхомъ тѣснилъ въ Апеннинахъ лейтенантъ-фельдмаршала Меласа. Между тѣмъ, первый консулъ съ резервомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ Бертье, перешелъ черезъ Альпы на подражаніе Ганнибалу и Суворову, но только послѣ болѣе тщательныхъ приготовленій. Вслѣдъ за побѣдой при Монтебелло Бонапартъ одержалъ 14-го іюня знаменитую побѣду при Маренго; счастье благопріятствовало Бонапарту въ этотъ разъ больше, чѣмъ въ какое то ни было другое время, хотя ему приходилось дѣйствовать при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при которыхъ онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ показать своего военнаго таланта во всемъ его блескѣ. Меласъ окончательно потерялъ голову, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовала позорная капитуляція Александріи, которая не только уничтожила результаты побѣдъ, одержанныхъ австрійцами въ 1799 году, но еще заставила Австрію уступить непріятелю Сѣверную Италію до рѣки Минчіо и нижняго теченія рѣки По. Уже въ это время въ головѣ Бонапарта стала бродить въ неясныхъ очертаніяхъ мысль о Западноевропейской имперіи. Около этого же самаго времени, именно 19-го іюня, Моро одержалъ побѣду надъ генераломъ Край при Гохштедтѣ, занялъ Мюнхенъ и заставилъ Южную Германію уплатить огромную контрибуцію. Потерпѣвъ цѣлый рядъ чувствительныхъ пораженій, Австрія поспѣшила заключить съ Великобританіей новый договоръ о денежной субсидіи; такіе же договоры были заключены между Великобританіей и Баваріей, Вюртембергомъ и курфюрстомъ Майнцскимъ; хотя Австрія отказалась послѣ этого отъ предложеннаго ей 28-го іюля прелиминарнаго мирнаго договора, но все-таки она согласилась на перемиріе на условіяхъ, предложенныхъ Франціей въ Парсдорфѣ, - мало того это перемиріе было продолжено еще до 20-го сентября; Тугутъ, котораго называли „расширителемъ имперіи“, пожертвовалъ при этомъ всей Южной Германіей. 8-го октября 1800 года Тугутъ былъ отставленъ отъ должности, и его мѣсто занялъ графъ Людвигъ Кобэнцль.

Бонапартъ отталкивалъ отъ себя Бурбоновъ, которые не переставали дѣлать попытокъ къ сближенію съ нимъ и хотѣли воспользоваться имъ, какъ орудіемъ для возстановленія своей власти во Франціи, и постепенно

поворачивалъ Францію на путь монархіи съ тѣмъ, чтобы захватить престолъ въ свои собственныя руки. Онъ закрылъ списки эмигрантовъ, а возвратившихся эмигрантовъ охотно принималъ къ себѣ на службу и хотѣлъ „слить французскій народъ 1792 года и народъ 18-го брюмера воедино“; якобинцы считали его измѣнникомъ, а роялисты узурпаторомъ, присвоившимъ себѣ престолъ французскихъ королей, и двукратно покушались на его жизнь въ октябрѣ и декабрѣ 1800 года. Споръ между Франціей и Сѣвероамериканскими Соединенными Штатами былъ улаженъ посредствомъ мирнаго договора въ Мортфонтэнѣ, заключеннаго 30-го сентября, въ основу котораго было положено правило: „На свободномъ кораблѣ — свободный грузъ“. Франція пріобрѣла въ лицѣ Соединенныхъ Штатовъ важнаго союзника противъ британскихъ морскихъ силъ. Бонапартъ хотѣлъ выставить противъ Великобританіи союзъ нейтральныхъ державъ подъ главенствомъ русскаго императора и сблизился съ этимъ послѣднимъ. Павелъ быстро поддался льстивымъ увѣреніямъ Бонапарта въ его преданности русскому царю; онъ смотрѣлъ на Бонапарта, какъ на укротителя революціи и будущаго самодержца Западной Европы, заключилъ поэтому съ Пруссіей, Даніей и Швеціей конвенцію противъ морского владычества Великобританіи въ декабрѣ 1800 года, а поселившихся въ Митавѣ Бурбоновъ той же зимой изгналъ изъ Россіи.

γ) Люневильскій и Амьенскій мирные договоры.

Военныя дѣйствія противъ императора Франца были опять возобновлены: Тугутъ на короткое время вернулся къ власти. 3-го декабря Моро одержалъ побѣду надъ эрцгерцогомъ Іоанномъ при Гогенлинденѣ, и Бонапартъ сталъ распорядителемъ судебъ Германіи и Италіи. Онъ отодвинулъ Моро на задній планъ, склонилъ русскаго императора и южногерманскихъ государей къ своей политикѣ, направленной противъ Австріи, и благодаря своей дерзкой настойчивости добился 9-го февраля 1801 года выгоднаго для Франціи Люневильскаго мирнаго договора. Средняя Италія и лѣвый берегъ Рейна перешли во власть Франціи, политическое положеніе Германской Имперіи было совершенно расшатано, владѣнія отдѣльныхъ германскихъ государей были урѣзаны и перекроены: взамѣнъ уступленныхъ Франціи германскихъ владѣній по лѣвому берегу Рейна было рѣшено подѣлить между ними владѣнія духовныхъ князей, для которыхъ насталъ послѣдній часъ: дѣло умиротворенія Германской Имперіи было поручено собранію представителей германскихъ государей, большинство котораго стояло за секуляризацію; но всѣ подобные вопросы, собственно говоря, рѣшались въ Парижѣ, а германскіе государи и ихъ министры самымъ унизительнымъ образомъ старались наперерывъ другъ передъ другомъ снискать къ себѣ милостивое расположеніе французскаго правительства.

При посредствѣ Годоя, этого „охранителя мира“, Бонапартъ держалъ въ своихъ рукахъ недостойную испанскую королевскую чету. 21-го марта 1801 года въ Мадридѣ былъ заключенъ союзный договоръ между Испаніей и Франціей, по которому Франціи были уступлены Парма, островъ Эльба и Луизіана. Тоскана была превращена въ особое королевство Этрурію подъ властью принца Людвига Пармскаго, зятя Карла IV. Само собой разумѣется, что это первое изъ королевствъ, созданныхъ Бонапартомъ, было въ сущности французской провинціей, а Людвигъ игралъ только роль подставного лица. Несмотря на всѣ обѣщанія, которыя онъ далъ Испаніи, Наполеонъ продалъ въ 1803 году Луизіану за 80 милл. франковъ Сѣвероамериканскимъ Соединеннымъ Штатамъ, территорія которыхъ удвоилась благодаря этому пріобрѣтенію. Люсьенъ Бонапартъ, французскій посланникъ въ Мадридѣ, натравливалъ Испанію на Португалію, которая была въ союзѣ съ Великобританіей; между

двумя этими государствами возгорѣлась война, исходъ которой былъ неблагопріятенъ для Португаліи. По мирному договору, заключенному въ Бадахосѣ, португальскій принцъ-регентъ Іоаннъ обязался закрыть португальскія гавани для англичанъ, уплатить французамъ 25 милл. франковъ контрибуціи и уступить имъ свои владѣнія въ Гвіанѣ. Король неаполитанскій Фердинандъ IV тоже вынужденъ былъ въ виду наступленія Мюрата закрыть свои гавани предъ англичанами и отдать во власть французовъ Тарентскій заливъ. Такимъ образомъ Бонапартъ нанесъ чувствительный ударъ англійскимъ интересамъ въ Европѣ; но англійское господство въ Индіи стало въ это время еще болѣе прочнымъ, чѣмъ оно было прежде. Ричардъ Коулей, маркизъ Уэльслей, и его преемники Корнуэльсъ и Минто продолжали побѣдоносные походы Кляйва и Уорренъ-Гастингса и расширили англійскія владѣнія въ Индіи до громаднѣйшихъ размѣровъ (сравн. томъ II). Въ Египтѣ тѣмъ временемъ былъ убитъ Клеберъ, а его глупый преемникъ Мэну сдался на капитуляцію подоспѣвшимъ на помощь къ туркамъ англичанамъ въ сентябрѣ 1801 года; такимъ образомъ Египетъ былъ разъ навсегда потерянъ для Франціи. Бонапартъ не переставалъ думать о мести, ему хотѣлось окончательно подорвать могущество Великобританіи.

Поведеніе императора Павла I становилось все болѣе страннымъ. Его собственная семья была въ вѣчномъ страхѣ, и нѣкоторые изъ русскихъ сановниковъ хотѣли принудить его къ отреченію отъ престола съ вѣдома престолонаслѣдника; но императоръ Павелъ сталъ сопротивляться и былъ убитъ 24-го марта 1801 года. — Смерть русскаго императора была ударомъ для Бонапарта и торжествомъ для Великобританіи. Преемникъ Павла Александръ I (см. его портр. на прилож. табл.) заключилъ съ Великобританіей въ іюнѣ 1801 года мирный торговый договоръ и отказался отъ званія гроссмейстера Мальтійскаго ордена. Вице-адмиралъ баронъ Нельсонъ произвелъ 2-го апрѣля внезапное нападеніе на датскій флотъ, стоявшій у Копенгагена, и заставилъ короля Христіана VII отказаться отъ союза нейтральныхъ державъ, а вслѣдъ затѣмъ изъ этого союза выступилъ и шведскій король Густавъ Адольфъ IV. Такимъ образомъ союзъ сѣверныхъ государствъ окончательно распался.

Бонапарту уже больше не приходилось стѣсняться предъ мнѣніемъ императора Павла, и въ 1802 году онъ присоединилъ Пьемонтъ къ Франціи. Еще раньше того, въ августѣ 1801 года, онъ вступилъ въ тайный союзъ съ Баваріей, судьбами которой руководилъ во время царствованія Максиміліана Іосифа отличавшійся большими дарованіями Макс. Карлъ Іосифъ де Монжела, котораго называли „баварскимъ Помбалемъ". Съ Великобританіей Бонапартъ тоже завязалъ мирные переговоры; миролюбивый кабинетъ Эддингтона пошелъ къ нему навстрѣчу, и 1-го октября 1801 года былъ заключенъ прелиминарный договоръ въ Лондонѣ, за которымъ послѣдовалъ 27-го марта 1802 года окончательный мирный договоръ въ Амьенѣ; но вскорѣ обнаружилось, что это было только перемиріе: Великобританія и не думала отказываться отъ Мальты въ пользу Мальтійскаго ордена, а Франція не хотѣла очистить Гельветической и Батавской республикъ. Вскорѣ послѣ этого Бонапартъ сблизился съ императоромъ Александромъ I; они заключили между собой миръ, а затѣмъ 11-го октября 1801 года состоялся между ними въ Парижѣ тайный договоръ, въ силу котораго вопросъ о территоріальномъ вознагражденіи свѣтскихъ германскихъ владѣтельныхъ князей, лишившихся своихъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна, а также вопросъ объ урегулированіи политическаго положенія Италіи должны были быть рѣшены по обоюдному соглашенію. Это былъ уже зародышъ той политики, которая обнаружилась вполнѣ нѣсколько лѣтъ спустя во время свиданій между Бонапартомъ и императоромъ Александромъ I въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ; оба они стремились

Объясненіе къ портретамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

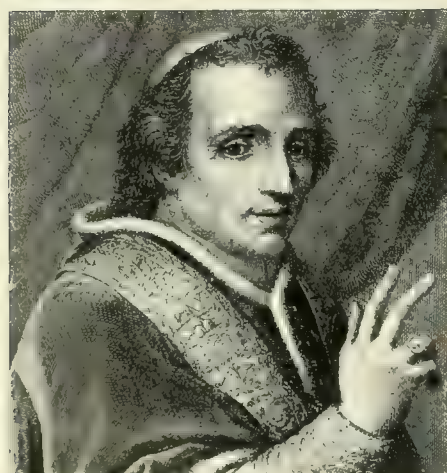
1. **Екатерина II — Императрица Всероссійская** (1729—1796); съ портрета, составляющаго собственность графа П. Ротари, грав. Э. Чемесовъ.
2. **Александръ I — Императоръ Всероссійскій** (1777—1825); рис. Себ. Бурдонъ, грав. П. Одуэнъ.
3. **Герцогъ Шарль Морисъ Талейранъ-Перигоръ, князь Беневентскій** (1754—1838); съ портрета работы Ф. Жерара, грав. А. Бушэ-Денуайе.
4. **Князь Клеменсъ Венцель Непомукъ Лотарь фонъ Меттернихъ-Виннебургъ, герцогъ Портельскій** (1773—1859) съ портрета работы М. Лауренса.
5. **Папа Пій VII**, прежде назыв. **Барнаба Луиджи Кіарамонти** (1740—1823); съ портрета работы Джузеппе Бацполи грав. А. Э. Лапи и Раф. Моргенъ.
6. **Францъ II — императоръ германскій**, какъ **императоръ австрійскій Францъ I** (1768—1835); съ портрета работы Нат. Скіавони грав. Дж. Лонги.

(Исполнены по изданію: „Allgemeines historisches Porträtwerk“ Ф. Зейдлица).

---

1   2

3   4

5   6

Ист. . . . т. VII   Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Россія, Франція, Австрія и Курія въ лицѣ ихъ правителей, около 1800 г.

къ диктатурѣ надъ Европой, оба хотѣли стать руководителями судебъ Германской Имперіи, но Александръ, повидимому, не замѣчалъ, что Бонапартъ только эксплуатируетъ его ради своихъ собственныхъ выгодъ. Первый консулъ примирился также съ Турціей и съ Берберійскими государствами, и весь міръ привѣтствовалъ его, какъ всеобщаго миротворца.

д) Первый консулъ.

Такое мнѣніе нисколько не соотвѣтствовало, однако, дѣйствительному характеру Бонапарта; этому безчувственному авантюристу (см. фигуру 3 на табл., прилож. къ стр. 32) не было никакого дѣла до того, пользуются ли народы Европы миромъ и счастьемъ; онъ считалъ ихъ только подножіемъ ногъ своихъ. Онъ цѣнилъ только славу, но не славу насадителя культуры и нравственности, а ту славу, которая добывается силой оружія и кровопролитной борьбой. Его идеалъ не походилъ нисколько на Вашингтона, — самымъ славнымъ подвигомъ Лувуа онъ считалъ опустошеніе Пфальца. Тонкое знаніе людей сдѣлало Бонапарта мизантропомъ, и этотъ свирѣпый человѣконенавистникъ ни во что не ставилъ жизнь своихъ ближнихъ. Во время своего пребыванія на Востокѣ онъ видѣлъ, какъ человѣческая жизнь цѣнится не дороже, чѣмъ жизнь собаки. Его, можно сказать, постоянно толкалъ какой то злой духъ; онъ любилъ разрушать то, чѣмъ дорожатъ другіе люди, уничтожать все то, что исторія создала вѣками; онъ хотѣлъ стереть съ лица земли разнообразныя сложныя формы политической жизни Европы и водворить вмѣсто нихъ мертвящее однообразіе всемірной деспотической монархіи. Любви къ отечеству у него не существовало: сначала онъ былъ пламеннымъ корсиканскимъ патріотомъ, затѣмъ превратился внезапно въ француза, а вскорѣ послѣ того сталъ рѣшительнымъ космополитомъ; французы чувствовали это и никогда не питали къ этому человѣку, который сдѣлалъ ихъ обладателями всего міра, но все таки оставался для нихъ наполовину иностранцемъ, той любви, съ которой они относились къ Людовику XII и Генриху IV.

Бонапартъ самъ не обладалъ никакимъ религіознымъ чувствомъ, но онъ тѣмъ не менѣе считалъ существованіе христіанства необходимымъ для поддержанія общественнаго порядка. Для достиженія своей завѣтной цѣли — всемірнаго господства — онъ нуждался въ союзѣ съ папствомъ; католическая религія была въ состояніи оказать ему неоцѣнимыя услуги и окружить его ореоломъ ниспосланнаго Провидѣніемъ властителя. „Философы будутъ насмѣхаться, но народъ будетъ меня благословлять ... Подумаютъ, что я поклонникъ папы, но я не принадлежу ни къ какой религіи: въ Египтѣ я былъ мусульманиномъ, во Франціи я буду для блага народа католикомъ ... Моя политика заключается въ томъ, чтобы вести людей въ томъ направленіи, которое пріятно большинству ... Если бы я управлялъ народомъ, состоящимъ изъ евреевъ, то я бы возстановилъ храмъ Соломона". Однако, онъ разочаровался и убѣдился, что папство вовсе не согласно обратиться въ безсознательное орудіе и что представителями духовенства нельзя командовать, какъ полкомъ, послѣ того, какъ Пій VII (см. его портр. на прилож. къ стр. 46 табл. „Россія, Франція, Австрія и Курія въ лицѣ ихъ правителей, около 1800 г.") раскрылъ ему глаза. Тѣмъ не менѣе Пій и его талантливый статсъ-секретарь кардиналъ Эрколе Консальви охотно пошли навстрѣчу Бонапарту, когда онъ заговорилъ съ ними, какъ равный съ равными, воздали должную дань удивленія уму и характеру этого человѣка съ его „разсудительной инициативой", и 15 го іюля 1801 года былъ подписанъ конкордатъ, который слѣдуетъ признать однимъ изъ самыхъ блестящихъ результатовъ дѣятельности Бонапарта; Франція примирилась съ католической церковью. Церковь признала диктатуру Бонапарта, а Цер-

ковная Область была возвращена папѣ, который сталъ вновь главою французской церкви; церковные законы временъ революціи были отмѣнены, а взамѣнъ этого Курія отказалась отъ протеста противъ конфискаціи имуществъ французскаго духовенства.

Всѣ священники во Франціи были признаны чиновниками на государственной службѣ, духовенство было устранено отъ школы, организація его стала болѣе демократической, священнослужители гораздо болѣе смиренными и болѣе вѣрными христіанскому идеалу, чѣмъ до революціи. Косвеннымъ путемъ Бонапартъ подчинилъ себѣ такимъ образомъ также и религію французовъ.

Бонапартъ ввелъ военную дисциплину въ гражданскій строй Франціи, въ которомъ до того времени господствовала полная дезорганизація, и вскорѣ престижъ власти былъ снова возстановленъ. Въ основу администраціи былъ положенъ законъ 17-го февраля 1800 года. Государство стало управляться при посредствѣ чиновниковъ, дѣйствующихъ по единоличному усмотрѣнію, въ противоположность періоду революціи, въ теченіе котораго управленіе велось при посредствѣ выборныхъ собраній. Это была цѣлая іерархическая лѣстница первыхъ консуловъ „въ миніатюрѣ“. Всѣ чиновники назначались Бонапартомъ и могли быть смѣщаемы по его усмотрѣнію.

Во всемъ государственномъ строѣ съ верху до низу была проведена самая строгая централизація. Генеральные совѣты, состоявшіе при префектахъ, играли только роль хора въ древней трагедіи. Въ лицѣ перваго консула сосредоточивались какъ законодательная, такъ и исполнительная власть, и ему были подчинены всѣ государственныя учрежденія; общественное мнѣніе было принуждено къ молчанію, и прекрасно организованная полиція подавляла всякую попытку къ оппозиціи. Финансы были реорганизованы благодаря стараніямъ дѣятельнаго и способнаго министра финансовъ Мартэна Мишеля Шарля Годэна. Главная тяжесть прямыхъ налоговъ падала на недвижимыя имущества; косвенные налоги были строго сообразованы съ существующими условіями. Были произведены радикальныя реформы въ организаціи государственныхъ долговъ. Въ 1800 году былъ основанъ Французскій банкъ, который сталъ оказывать существенное содѣйствіе промышленности и торговлѣ. Солидные коммерческіе круги поддерживали изо всѣхъ силъ финансовыя предпріятія правительства; въ финансовомъ строѣ тоже господствовала централизація, и все было устроено въ интересахъ деспотизма Бонапарта.

Состоятельные классы освободились въ значительной степени отъ бремени воинской повинности, такъ какъ стала допускаться свободно замѣна призываемаго наемнымъ охотникомъ. Армія, состоящая изъ неграмотныхъ рекрутовъ по набору, была болѣе пригоднымъ орудіемъ для честолюбивыхъ замысловъ Бонапарта, чѣмъ народная армія, состоящая изъ образованныхъ сознательныхъ гражданъ; однако, тяжелыя послѣдствія новаго военнаго закона стали очевидны для публики только съ 1807 года. Офицеры распадались на двѣ категоріи — на штабъ- и оберъ-офицеровъ; только отъ первыхъ требовался обязательный цензъ; повышенія по службѣ были доступны для всѣхъ безъ различія только до капитанскаго чина включительно; правда, для краснаго словца любили говорить, что „у каждаго солдата въ ранцѣ спрятанъ маршальскій жезлъ“, но это была только пустая фраза, ничего не стоющая уступка распространеннымъ теоріямъ о всеобщемъ равенствѣ. Господство Бонапарта было наилучше организованнымъ деспотизмомъ во всей новой исторіи: въ этой политической системѣ не было мѣста для гражданской свободы и независимости мнѣній.

Еще до революціи во Франціи сознавалась необходимость въ реформѣ судопроизводства. Со свойственнымъ ему рѣдкимъ юридическимъ чутьемъ Бонапартъ назначилъ въ 1800 году комиссію, состоявшую изъ че-

тырехъ самыхъ выдающихся во Франціи юристовъ, для составленія новаго гражданскаго уложенія. Въ государственномъ совѣтѣ, въ составъ котораго тоже входили замѣчательные правовѣды, былъ подвергнутъ обсужденію проектъ подобнаго уложенія, принадлежавшій Камбасересу, и взгляды Бонапарта нерѣдко оказывались наиболѣе цѣлесообразными. Какъ въ его политической системѣ всюду проскальзываетъ мысль о Римѣ и о міровой имперіи, такъ и при этой реформѣ наибольшее значеніе было придано римскому праву въ связи съ droits de coutume (обычнымъ правомъ отдѣльныхъ областей Франціи); не были оставлены безъ вниманія также и тѣ отдѣлы законодательства революціонной эпохи, которые касаются отмѣны феодальныхъ привилегій. Созданные во время правленія Бонапарта между 1801 и 1810 годами „Пять кодексовъ“ (Cinq codes) совмѣщаютъ въ себѣ практическое законодательство деспотической системы Бонапарта.

Эти кодексы, извѣстные подъ однимъ общимъ именемъ Наполеоновскаго кодекса (code Napoléon), дѣйствуютъ и понынѣ во Франціи, Бельгіи, Голландіи и многихъ другихъ странахъ, въ которыхъ они привились во время консульства и первой имперіи; Наполеоновскій кодексъ составляетъ культурное пріобрѣтеніе первостепенной важности. Однако, когда правительство Бонапарта считало нужнымъ обойти имъ же самимъ созданный законъ, то оно не стѣсняясь прибѣгало къ исключительнымъ мѣрамъ и устраивало административные и военные суды.

Народное образованіе находилось въ эпоху правленія Бонапарта въ самомъ жалкомъ состояніи. Главное назначеніе школьнаго учителя заключалось въ томъ, чтобы онъ проповѣдывалъ преклоненіе предъ державной властью Бонапарта и былъ охранителемъ политической и нравственной благонадежности.

Въ преподаваніи было обязательно придерживаться буквально выработанныхъ въ канцеляріяхъ программъ, и весь строй школъ былъ основанъ на чинопочитаніи; всѣ учителя составляли одно общее казенное вѣдомство, цѣлый легіонъ блюстителей и охранителей, стоящихъ на стражѣ интересовъ начальства, а генераломъ этой арміи состоялъ съ 1808 года гроссмейстеръ императорскаго университета. Всякая самостоятельная научная мысль, всякое оригинальное творчество въ наукѣ и искусствѣ казались Бонапарту пустымъ и вреднымъ мудрствованіемъ; печать, литература и театры были подвергнуты строгому надзору, и на каждомъ шагу они наталкивались на придирки и препятствія со стороны полиціи. Во Франціи заглохла всякая умственная жизнь, такъ какъ она не можетъ существовать безъ свободы; въ литературѣ господствовало мертвящее однообразіе. Ни одинъ выдающійся талантъ не могъ вырости среди этой печальной обстановки.

ε) Пожизненное консульство.

Сенатъ и законодательный корпусъ были послушными орудіями въ рукахъ перваго консула. Только нѣкоторые изъ членовъ трибуната пытались было возставать противъ единодержавныхъ замашекъ Бонапарта; но онъ устранилъ всѣхъ своихъ противниковъ за исключеніемъ Карно, въ лицѣ котораго сохранилось еще воспоминаніе о свободѣ мнѣній, господствовавшей въ предыдущіе годы, и оставилъ при должностяхъ только самыхъ покорныхъ. Онъ не рѣшался сразу возстановить во Франціи монархію; самой лучшей переходной ступенью казалось ему удлиненіе срока консульства. Бонапартъ сговорился обо всемъ подробно со вторымъ консуломъ Камбасересомъ; онъ былъ очень раздраженъ, когда выведенный изъ себя Сіэсъ уговорилъ сенатъ поставить на голосованіе вопросъ о продленіи консульской власти Бонапарта еще на 10 лѣтъ, но не обсуждать

вопроса о пожизненности консульской должности; Бонапартъ боялся, что такое предложеніе будетъ принято сенатомъ и что, слѣдовательно, онъ лишится повода поднять вопросъ о пожизненности своего званія; поэтому онъ заявилъ сенату, что онъ согласенъ оставаться въ своей должности только въ томъ случаѣ, если этого пожелаетъ народъ. Народу былъ поставленъ только слѣдующій вопросъ: „желательно ли, чтобы Бонапартъ остался пожизненнымъ консуломъ?" По всей странѣ было произведено голосованіе; для правительственнаго давленія и для интригъ былъ открытъ широкій просторъ. Народъ оказался на сторонѣ своего излюбленнаго героя, и рѣшеніемъ сената отъ 3-го августа 1802 года Наполеонъ Бонапартъ былъ объявленъ пожизненнымъ консуломъ. Бонапартъ „преклонился предъ волей народа", рѣшивъ про себя какъ можно скорѣе подчинить эту волю своей собственной; за нимъ было признано право назначить себѣ преемника, заключать по собственному усмотрѣнію мирные договоры и вступать въ союзы, миловать осужденныхъ и т. д.,—однимъ словомъ, ему были предоставлены всѣ прерогативы монархической власти. Вслѣдъ затѣмъ конституція VIII года была передѣлана въ угоду его собственнымъ интересамъ; численный составъ трибуната былъ уменьшенъ, а число членовъ сената, который былъ безмолвнымъ и покорнымъ орудіемъ въ рукахъ Бонапарта, было увеличено, и кругъ полномочій сената былъ расширенъ; больше не осталось никакого слѣда конституціоннаго контроля. Наряду съ Бонапартомъ стала фигурировать оффиціально его семья. 15-го августа 1802 года день рожденія Бонапарта былъ возведенъ впервые въ національный праздникъ. Еще раньше того, въ маѣ, онъ учредилъ Орденъ Почетнаго Легіона, и это былъ предвѣстникъ предстоящаго въ близкомъ будущемъ уничтоженія республики.

Первый консулъ чувствовалъ себя полновластнымъ распорядителемъ судебъ Европы и безаппеляціоннымъ судьей въ международныхъ вопросахъ. Пришедшей въ полное разстройство Батавской республикѣ онъ навязалъ въ октябрѣ 1801 года новую конституцію, которая поставила это государство въ полную зависимость отъ Франціи. „Цизальпинскую" республику онъ превратилъ въ „Итальянскую", а 26-го января 1802 года онъ милостиво соизволилъ принять званіе президента этой республики. Республикѣ Луккѣ Бонапартъ далъ свою собственную конституцію, „Лигурійская" республика была присоединена къ Франціи, въ Парму и Пьяченцу были назначены французскіе правители; такимъ образомъ вся Верхняя Италія за исключеніемъ Австрійской Венеціи подпала подъ непосредственную или косвенную зависимость отъ Бонапарта. Вмѣшавшись въ раздоры между Швейцарскими кантонами, онъ далъ Швейцаріи 19 февраля 1803 года наилучшую изъ конституцій, существовавшихъ въ Швейцаріи до 1848 года, и извѣстную подъ именемъ медіаціонныхъ актовъ; этотъ документъ еще разъ обнаружилъ во всемъ блескѣ огромный государственный талантъ Наполеона. Себѣ самому онъ присвоилъ званіе „протектора Швейцаріи" и подчинилъ себѣ ландаммана; Швейцарія перестала быть нейтральнымъ государствомъ, Женева осталась во власти Франціи, надъ Валлисомъ былъ объявленъ французскій протекторатъ. За этимъ союзомъ между Франціей и Швейцаріей послѣдовала въ 1803 году военная капитуляція, на основаніи которой Швейцарія обязалась держать наготовѣ для Франціи 16.000 солдатъ. Европа признала, какъ выразился Бонапартъ, что Голландія, Италія и Швейцарія находятся въ распоряженіи Франціи.

ζ) Главное постановленіе имперской депутаціи въ Регенсбургѣ.

Первый консулъ рѣшилъ безповоротно, кому можно жить въ Германской имперіи и кому слѣдуетъ умереть; такое рѣшеніе состоялось формально по соглашенію съ русскимъ императоромъ Александромъ I, но фак-

тически по собственному усмотрѣнію Бонапарта. Всѣ германскіе владѣтельные князья преслѣдовали Банапарта своими просьбами и изъявленіями преданности; въ безпрестанно работавшемъ умѣ Бонапарта шевелились мысли о Рейнскомъ союзѣ и созрѣвалъ проектъ третьяго союза въ противовѣсъ наиболѣе сильнымъ германскимъ державамъ. Съ Пруссіей, Баваріей, Вюртембергомъ, Баденомъ и Гессенъ-Касселемъ, а затѣмъ также съ Австріей онъ заключилъ тайные договоры, въ которыхъ онъ обѣщалъ всѣмъ этимъ государствамъ территоріальныя уступки. Еще 3 іюня 1802 г. Бонапартомъ и Александромъ былъ выработанъ сообща проектъ передѣла Германской имперіи; несмотря на всѣ возраженія духовныхъ князей состоялось съ неслыханной быстротой окончательное рѣшеніе имперской депутаціи, которая дѣйствовала не самостоятельно, а по приказу, полученному изъ Парижа или изъ Петербурга. 25 февраля 1803 года послѣдовало главное рѣшеніе имперской депутаціи въ Регенсбургѣ о конфискаціи всѣхъ владѣній католической церкви. Хотя самое существованіе такихъ владѣній было анахронизмомъ, и основы, на которыхъ они держались, давно уже подгнили, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что духовные князья пали жертвой возмутительнаго правонарушенія, допущеннаго вовсе не во имя прогрессивныхъ теченій новой эпохи, а исключительно для удовлетворенія аппетитовъ свѣтскихъ протежэ Бонапарта; только два духовныхъ владѣтеля сохранили свои владѣнія, и то на короткое время: гохмейстеръ Мергентгеймскій, онъ же великій пріоръ Гейтерслеймскій, Мальтійскаго ордена и одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ поклонниковъ Бонапарта, и курфирстъ-эрцканцлеръ Карлъ Теодоръ фонъ Дальбергъ, архіепископская каѳедра котораго была перенесена изъ Майнца въ Регенсбургъ.

Всего было уничтожено 112 самостоятельныхъ духовныхъ владѣній; вся ихъ территорія, занимавшая больше 2.000 кв. миль съ населеніемъ болѣе, чѣмъ въ 3 милл., была подѣлена между свѣтскими владѣтелями, и только 6 имперскихъ городовъ пережили этотъ крахъ.

Священная Римская Имперія германской націи фактически прекратила свое существованіе. Господство католической теократіи пришло къ концу. Въ новомъ имперскомъ сеймѣ преобладающее большинство было на сторонѣ протестантовъ. Католическая церковь подверглась болѣе глубокому и всестороннему перевороту, чѣмъ даже въ эпоху реформаціи: католическое духовенство лишилось своей свободы отъ уплаты податей и большей части своихъ владѣній и вынуждено было подчиниться гражданскимъ властямъ; оно потеряло всякій интересъ къ судьбамъ Германской Имперіи, такъ какъ изъ его среды больше ужъ не выбиралось владѣтельныхъ князей и не составлялось никакихъ соборныхъ капитуловъ. До того времени притязанія католической церкви на независимость зиждились на аристократической основѣ, именно на правахъ имперскихъ владѣтельныхъ князей,—теперь же эти притязанія возродились въ видѣ демократической оппозиціи противъ государствъ узурпаторовъ. Къ этому времени относится возникновеніе ультрамонтанскихъ доктринъ вообще и въ частности догмата о всемірной власти папы. Сама Курія махнула рукой на Римскую имперію и съ этихъ поръ стала говорить только о Германской Имперіи (imperium germanicum), а Таллейранъ употреблялъ даже совсѣмъ другой терминъ „Германская федерація“ (fédération germanique). Германскій народъ нисколько не былъ смущенъ произошедшимъ правонарушеніемъ, такъ какъ оно явилось провозвѣстникомъ новой эпохи. Такимъ образомъ 1803 годъ вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ случайныхъ государствъ съ весьма пестрымъ составомъ населенія, отличавшихся бюрократизмомъ бонапартскаго фасона и дутымъ партикуляризмомъ, такъ какъ каждый изъ владѣтелей корчилъ изъ себя Бонапарта въ миніатюрѣ; въ особенности правительства Южной Германіи, которымъ достались при раздѣлѣ наилучшіе куски, ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ не стѣснялись и непремѣнно хотѣли подстричь всѣхъ

подъ одну гребенку и подвести все подъ одинъ шаблонъ. Правовыя воззрѣнія этихъ владѣтелей составляли часто точную копію съ французскихъ образцовъ, и мало попадалось людей, которые обладали бы такимъ мужествомъ, какъ имперскій баронъ Карлъ фонъ Штейнъ (см. портр. на табл., прилож. къ стр. 73) и рѣшались открыто порицать и отвергать то, что было беззаконіемъ.

η) Санъ Доминго, Булонь, Ганноверъ, Пишегрю, Кадудаль и герцогъ Энгьенскій.

Первый консулъ вполнѣ понималъ, что миръ съ Великобританіей будетъ непродолжителенъ; Питтъ, котораго Гренвиль назвалъ единственнымъ спасителемъ Великобританіи, возставалъ противъ кабинета Эддингтона за его излишнее миролюбіе и требовалъ, чтобы правительство приступило немедленно къ новымъ военнымъ приготовленіямъ. Бонапартъ, съ своей стороны, задумывалъ приступить къ широкой колоніальной политикѣ. Возстаніе негра Туссенъ-л'Увертюра на островѣ С. Доминго (срвн. томъ I) послужило поводомъ къ отправленію туда въ началѣ 1801 года арміи подъ начальствомъ Шарля Эммануила Леклерка Достена, мужа Полины Бонапартъ. Въ началѣ удалось-было покорить весь островъ, предательскимъ образомъ захватить Туссена и заточить его въ желѣзную клѣтку въ Жу въ области Жюра, въ ту самую клѣтку, въ которой нѣкогда томился Мирабо; но послѣ смерти Леклерка вспыхнуло новое возстаніе негровъ, и въ ноябрѣ 1802 года французы были окончательно вытѣснены изъ острова Санъ Доминго, о которомъ Бонапартъ съ этихъ поръ не хотѣлъ и вспомнить. Франція пыталась-было расширить свои владѣнія въ Луизіанѣ, но встрѣтила немедленный отпоръ со стороны Соединенныхъ Штатовъ, и Луизіану пришлось продать. Такимъ образомъ Бонапарту пришлось быстро отказаться отъ всякихъ успѣховъ на поприщѣ колоніальной политики.

Бонапарта выводили изъ себя карикатуры, появившіяся въ англійскихъ юмористическихъ газетахъ, продолжительная оккупація Мальты Великобританіей и т. п., и онъ сталъ готовиться къ войнѣ съ царицей морей. Онъ обошелся очень грубо съ англійскимъ посломъ въ Парижѣ; въ отвѣтъ на это Сентъ-Джемскій кабинетъ объявилъ Франціи войну (18 мая 1803 г.). Безъ всякихъ стѣсненій англичане стали захватывать французскіе и батавскіе коммерческіе корабли; англійскій флотъ держалъ подъ постояннымъ наблюденіемъ французскіе берега. Среди англичанъ господствовалъ сильный подъемъ духа, весь англійскій народъ былъ готовъ на самыя тяжелыя жертвы и съ довѣріемъ смотрѣлъ на Питта, какъ на самаго надежнаго руководителя своей судьбы; даже парламентскій противникъ Питта Чарльзъ Джемсъ Фоксъ преклонился предъ нимъ. Въ Англіи были собраны значительныя военныя силы. Бонапартъ съ своей стороны сталъ разжигать старинную національную вражду между французами и англичанами, возобновилъ праздникъ Орлеанской Дѣвы, а покорная ему пресса стала разносить Великобританію, какъ вѣчнаго врага европейскаго мира. Вся Франція стала походить на одну гигантскую верфь. Первый консулъ рѣшилъ предпринять походъ на „новыхъ карѳагенянъ", проучить ихъ и сокрушить ихъ могущество. Бонапартъ обнаружилъ на этотъ разъ такое же безразсудное упрямство, какъ впослѣдствіи по отношенію къ Россіи. Франціи пришлось нести тяжелыя и вмѣстѣ съ тѣмъ безцѣльныя жертвы. Испанію и Португалію Бонапартъ тоже заставилъ принять участіе въ военныхъ приготовленіяхъ. Лоранъ де Гувіонъ Сенъ-Сиръ занялъ гавани неаполитанскаго залива; Батавскую и Гельветическую республики Бонапартъ тоже заставилъ прислать свой контингентъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; вскорѣ въ лагерѣ подъ Булонью была сосредоточена большая армія.

Пруссія чувствовала себя въ безопасности за своей демаркаціонной

линіей; въ 1801 году она даже осмѣлилась занять на нѣкоторое время Ганноверъ подъ вліяніемъ совѣтовъ русскаго правительства; но Бонапартъ не простилъ ей этого, и, какъ только началась война между Англіей и Франціей, Пруссія получила извѣстіе, что первый консулъ собирается самъ занять Ганноверъ. Еще прежде, чѣмъ король могъ собраться съ духомъ и рѣшиться предупредить Бонапарта, этотъ послѣдній приказалъ Мортье въ маѣ 1803 года вступить въ Ганноверъ, не обращая никакого вниманія на нейтралитетъ этого государства, съ той цѣлью, чтобы запереть входъ въ рѣки Эльбу и Везеръ и закрыть для англійской торговли доступъ въ Сѣверную Германію. Храброе ганноверское войско было обезоружено и распущено, а французская оккупація, длившаяся 26 мѣсяцевъ, стоила Ганноверу болѣе $60^1/_2$ милл. франковъ. Эта оккупація повредила также интересамъ прусской торговли и подорвала политическое значеніе этого государства въ Сѣверной Германіи. Тѣмъ не менѣе все это не вывело Фридриха Вильгельма изъ его обычной вялости; мало того, прусское правительство взяло на себя роль посредника между Бонапартомъ и Бурбонами и уговаривало претендента „Людовика XVIII“, который жилъ на прусской территоріи, отказаться отъ своихъ притязаній на французскій престолъ, но тотъ отвѣтилъ на всѣ эти предложенія гордымъ отказомъ. На всемъ протяженіи Европы отъ Гамбурга до Мессины всѣ были покорны волѣ Бонапарта, и онъ говорилъ самоувѣренно: „Въ Европѣ никто не рѣшится стать моимъ противникомъ“.

Французскіе роялисты, которые нашли себѣ убѣжище въ Англіи и пользовались покровительствомъ великобританскаго правительства, задумали устроить государственный переворотъ во Франціи съ помощью Сентъ-Джемскаго кабинета; но первый консулъ, который былъ вѣчно насторожѣ противъ возвращенія Бурбоновъ, своевременно узналъ при посредствѣ своихъ шпіоновъ о всѣхъ приготовленіяхъ заговорщиковъ, и ловкая французская полиція заманила ихъ въ ловушку. Предводителямъ заговора Моро, Шарлю Пишегрю, Жоржу Кадудалю, Арману и Жюлю де Полиньяку дали безпрепятственно высадиться на французскую территорію весною 1804 года и затѣмъ ихъ немедленно арестовали. Несмотря на давленіе, которое Бонапартъ старался произвести на судей, ему не удалось добиться смертнаго приговора для Моро: онъ былъ осужденъ на ссылку въ американскія колоніи. 5-го апрѣля Пишегрю былъ найденъ повѣсившимся въ тюрьмѣ Тампль, причемъ общественное мнѣніе называло Бонапарта убійцей этого „самоубійцы“. Кадудаль и 11 другихъ заговорщиковъ были казнены 25-го іюня, а Полиньяки избавились отъ смерти. Около этого же времени по распоряженію перваго консула былъ схваченъ безъ всякаго повода на Баденской территоріи въ Эттенгеймѣ, вопреки международному праву, Луи Антуанъ Анри де Бурбонъ герцогъ Энгьенскій, „цвѣтъ и гордость семейства Кондэ“, а 21-го марта 1804 года онъ былъ разстрѣлянъ въ Венсеннѣ. Германскій имперскій сеймъ, равно какъ и само Баденское правительство, снесли молчаливо это возмутительное преступленіе; только Ганноверъ и Швеція рѣшились поднять голосъ противъ поведенія Бонапарта, а съ Россіей дѣло чуть-было не дошло до войны.

Б. Наполеонъ I.

а) Западная Имперія.

Бонапартъ воспользовался ужасомъ, который охватилъ французовъ, для исполненія своихъ дальнѣйшихъ честолюбивыхъ замысловъ. Благодаря его воздѣйствію сенатъ обратился къ нему съ покорнѣйшей просьбой о томъ, чтобы онъ упрочилъ дѣло рукъ своихъ, а одинъ изъ трибуновъ внесъ предложеніе о назначеніи Наполеона Бонапарта наслѣдствен-

нымъ императоромъ. Только одинъ Карно рѣшился возстать противъ этого предложенія въ трибунатѣ. Законодательный корпусъ тоже высказался за это предложеніе. Наполеонъ ловко уклонился отъ условій, которыя сенатъ хотѣлъ ему поставить, и рѣшеніемъ сената отъ 18-го мая 1804 года Наполеону и его потомству былъ отданъ императорскій престолъ. По новой конституціи XII года составъ сената былъ увеличенъ, но сенатъ былъ лишенъ права приступать къ рѣшенію какихъ бы то ни было вопросовъ безъ согласія короны. Права законодательнаго корпуса и трибуната были подвергнуты дальнѣйшимъ ограниченіямъ, были уничтожены послѣдніе слѣды гражданской свободы; по выраженію Минье въ теченіе послѣдовавшихъ 10 лѣтъ Франція управлялась при закрытыхъ дверяхъ. Духовенство сравнивало Наполеона I съ Моисеемъ и Киромъ; а онъ самъ не счелъ нужнымъ выждать результата устроеннаго ради соблюденія формы всенароднаго голосованія и ввелъ при своемъ императорскомъ дворѣ пышный придворный церемоніалъ Бурбоновъ; само собой разумѣется, что огромное большинство французскаго народа высказалось въ пользу Наполеона. Сколько было между новыми придворными Наполеона такихъ негодяевъ, которые мѣняли фронтъ, какъ флюгеръ, при каждомъ переворотѣ во внутренней политикѣ Франціи и готовы были служить кому и чему угодно ради личныхъ выгодъ! Между ними было много такихъ, которые въ свое время были ярыми врагами дворянскихъ привилегій и титуловъ, а также и церкви, были и такіе, которые запятнали свои руки въ крови королевской семьи, были и воры; изъ всѣхъ ихъ стоитъ упомянуть хотя бы объ оберъ-камергерѣ герцогѣ Таллейранѣ. Какая необычайная императорская семья окружала престолъ Наполеона! Рядомъ съ почтенной матерью Наполеона Летиціей, которая титуловалась „madame mère“, стоятъ другія императорскія высочества, именно: бывшіе армейскіе комиссары Жозефъ и Люсьенъ, Луи, бывшій товарищъ по нуждѣ Наполеона въ Оксонѣ и Валансѣ, легкомысленный Бенжаменъ Жеромъ, затѣмъ три веселыя сестрицы Наполеона и, наконецъ, дядя его кардиналъ и главный священникъ французской арміи и флота Жозефъ Фешъ, удачливый поставщикъ и собиратель картинъ. При новомъ дворѣ изучали съ большимъ стараніемъ этикетъ и церемоніалъ двора Людовика XIV для того, чтобы все выходило съ эффектомъ и по правиламъ; представители старинныхъ знатныхъ фамилій являлись толпами ко двору, поступали на службу къ „преемнику Карла Великаго“ и оставались глухими къ торжественнымъ протестамъ короля-изгнанника противъ беззаконнаго захвата принадлежащаго ему престола. „Такъ какъ „моя система“, какъ выражался Наполеонъ, основывалась исключительно на военныхъ успѣхахъ, то онъ назначилъ наряду съ гражданскими сановниками высшихъ военныхъ сановниковъ подъ именемъ маршаловъ Франціи; при выборѣ маршаловъ онъ, между прочимъ, обошелъ всѣхъ друзей Моро. Новая знать, которая была обязана Наполеону своимъ положеніемъ и титулами, служила противовѣсомъ противъ старинной родовой знати. И тѣхъ, и другихъ онъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, его воля была для всѣхъ закономъ. Новая „имперія“ была копіей съ имперіи римскихъ цезарей; Наполеонъ помѣстилъ даже римскихъ орловъ на своемъ гербѣ и своихъ знаменахъ; бонапартизмъ былъ военно-полицейской государственной системой, опирающейся на безграничный деспотизмъ. Титулъ императора болѣе подходилъ къ честолюбивымъ мечтамъ Наполеона о всемірномъ господствѣ, чѣмъ титулъ короля. Наполеонъ считалъ себя преемникомъ повелителей Западной Имперіи. Онъ хотѣлъ занять мѣсто императоровъ изъ дома Габсбурговъ, такъ какъ всѣ привыкли къ той мысли, что въ западной Европѣ есть только одинъ императоръ, а что касается русскаго царя, то его считали преемникомъ византійскихъ императоровъ.

Большая часть европейскихъ дворовъ поспѣшила принять въ свою царственную среду коронованнаго ставленника революціи: Пруссія подала

первый примѣръ. Австрія медлила, такъ какъ Фридрихъ фонъ Генцъ былъ противъ такого шага; но Кобенцль, тотъ самый, который былъ посредникомъ со стороны Австріи при заключеніи договоровъ въ Кампо-Форміо и Люневилѣ, думалъ, что монархамъ нечего стыдиться такого товарища. Германскіе и итальянскіе князья поздравили Наполеона въ самыхъ льстивыхъ и низкопоклонныхъ выраженіяхъ; однако Россія, Великобританія и Швеція отказались признать за Наполеономъ императорскій титулъ. Императоръ Францъ предвидѣлъ, что санъ выборнаго римскаго императора Германской Имперіи вскорѣ прекратитъ свое существованіе; поэтому онъ присвоилъ себѣ въ предѣлахъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній титулъ наслѣдственнаго императора австрійскаго: фактически наслѣдственныя владѣнія Габсбурговъ составляли самостоятельное государство еще со времени Леопольда I. Послѣ того, какъ Наполеонъ призналъ этотъ третій императорскій титулъ, Францъ съ своей стороны призналъ Наполеона императоромъ французовъ. Въ сентябрѣ 1804 года Наполеонъ посѣтилъ въ качествѣ императора Рейнскія области; германскіе князья встрѣтили его въ „золотомъ Майнцѣ“ съ низкими поклонами и привѣтствовали его, какъ законнаго преемника Карла Великаго. Онъ съ своей стороны распускалъ слухи о предстоящемъ учрежденіи Рейнскаго союза; всѣ эти владѣтельные князья чувствовали, что предъ ними стоитъ повелитель, который держитъ ихъ судьбу въ своихъ рукахъ, который чаще показываетъ кулакъ и требуетъ больше, чѣмъ всѣ прежніе императоры изъ дома Габсбурговъ, но который зато и вознаграждаетъ гораздо болѣе щедро. Наполеонъ предложилъ Фридриху Вильгельму признать также и Пруссію особой имперіей, но прусскій король не дался на эту приманку. Послѣ этого Наполеонъ пригласилъ услужливыхъ германскихъ князей, которыми онъ дорожилъ, какъ великолѣпной свитой, въ Парижъ для присутствія при церемоніи коронованія его Піемъ VII, а кардиналу Фешу была дана трудная задача угрозами и обѣщаніями заставить Пія и Консальви тронуться въ путь. Папа долго колебался, слѣдуетъ ли ему дать свое благословеніе убійцѣ герцога Энгьенскаго на тронъ „христіаннѣйшихъ королей“, слѣдуетъ ли ему превратить противозаконную узурпацію трона въ законное вступленіе на престолъ и сдѣлать Наполеона въ глазахъ всѣхъ вѣрующихъ католиковъ законнымъ преемникомъ Карла Великаго. Въ концѣ концовъ Пій VII отбросилъ всѣ свои колебанія въ той надеждѣ, что за свою податливость онъ будетъ вознагражденъ существенными уступками въ свѣтскихъ и церковныхъ дѣлахъ. Наполеонъ принялъ папу съ демонстративнымъ пренебреженіемъ для того, чтобы показать французскому народу, что онъ самъ стоитъ выше папы, и былъ очень недоволенъ, когда Жозефина упросила Пія дать благословеніе церкви ихъ браку, который былъ заключенъ только по гражданскому обряду. 2-го декабря состоялось съ большой пышностью и натянутостью торжественное коронованіе Наполеона и Жозефины въ въ соборѣ Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris). Несмотря на свое долгое пребываніе въ Парижѣ, Пій не добился ни одной изъ тѣхъ уступокъ, на которыя онъ надѣялся, исключая того, что съ 1-го января 1806 года былъ опять введенъ григоріанскій календарь, а присягнувшіе на вѣрность конституціи, слѣдовательно, еретическіе французскіе епископы подчинились опять власти папы; Пій уѣхалъ изъ Парижа совершенно разочарованнымъ. Между тѣмъ Наполеонъ становился все болѣе самоувѣреннымъ; онъ считалъ немыслимымъ, чтобы Францъ II поднялъ „противъ него знамя возстанія“, все равно, собственными силами или въ союзѣ съ Александромъ; ни предъ кѣмъ не стѣсняясь, Бонапартъ направлялъ во всѣ стороны завоевательные походы или грозные ультиматумы. По первому его требованію каждое государство должно было прекратить всѣ свои торговыя сношенія съ Великобританіей. Предполагавшаяся высадка въ Англію, конечно, не состоялась; взамѣнъ этого армія, сосредоточенная на берегахъ

Франціи, приняла участіе въ Аустерлицкомъ походѣ. Благодаря своему упрямству Наполеонъ упустилъ изъ виду, что Питтъ составляетъ противъ него новую, третью коалицію, и что изъ Англіи течетъ въ разныя стороны цѣлый потокъ золота подъ видомъ субсидій. Въ маѣ 1804 года Питтъ сталъ во главѣ министерства и со всей энергіей принялся за защиту отечества; сначала онъ пытался было безуспѣшно склонить Пруссію къ войнѣ съ Франціей, а затѣмъ напалъ на Испанію, которая находилась въ союзѣ съ Наполеономъ. Къ числу заклятыхъ враговъ Наполеона принадлежалъ король шведскій Густавъ Адольфъ IV, рыцарски честный, но лишенный политическаго такта „Донъ-Кихотъ монархическаго принципа", котораго наполеоновская пресса осыпала презрительными насмѣшками; онъ изгналъ французскаго посланника изъ своей страны, считалъ „господина Бонапарта" мистическимъ звѣремъ апокалипсиса, вступилъ въ союзъ противъ Наполеона съ Великобританіей и Россіей и выставилъ въ армію коалиціи 20,000 чел. (въ апрѣлѣ 1805 года). Александръ I сближался все тѣснѣе съ Питтомъ и, наконецъ, заключилъ около этого времени съ Великобританіей союзъ для поддержанія европейскаго равновѣсія и для отнятія у Франціи всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ ею начиная съ 1789 года. Но ожидавшееся присоединеніе Австріи къ этой коалиціи еще не состоялось, несмотря на то, что въ ноябрѣ 1804 года Австрія вступила съ Россіей въ оборонительный союзъ; а Пруссія тоже все еще оставалась нейтральной, несмотря на убѣжденія Питта и Александра и на настойчивые совѣты королевы Луизы, принца Луи Фердинанда, генерала Эрнеста фонъ Рюхеля и другихъ немедленно начать войну. Благодаря вліянію графа Людвига Кобенцля, который руководилъ австрійской политикой, начиная съ 1801 года, Австрія избѣгала войны, ссылаясь на свое стѣсненное, все ухудшающееся финансовое положеніе; эрцгерцогъ Карлъ тоже стоялъ за сохраненіе мира; къ тому же австрійская армія все еще была недостаточна, несмотря на произведенныя въ ней улучшенія.

б) Война 1805 года.

Наполеонъ отправился въ Италію для того, чтобы превратить Итальянскую республику въ королевство; итальянцевъ заставили предложить престолъ сначала брату Наполеона, Жозефу, а затѣмъ другому его брату Луи; оба они отказались отъ престола, а 26 мая 1805 года Наполеонъ самолично короновался въ Миланѣ „желѣзной" короной Лонгобардскихъ королей. Его пасынокъ Эженъ де Богарне былъ назначенъ итальянскимъ вице-королемъ, и въ Италіи была введена французская правительственная система; изъ-за громкихъ словъ о великой Италіи итальянцы забывали о тѣхъ цѣпяхъ, которыя наложилъ на нихъ Наполеонъ. Лигурійская республика была присоединена къ Франціи въ іюнѣ, а Парма и Пьяченца — къ итальянскому королевству въ іюлѣ; Піомбино и Лукка были отданы сестрѣ Наполеона Элизѣ Баккіоки въ качествѣ наслѣдственнаго княжества; это былъ первый шагъ „императора и короля" на пути филистерской политики нѣжной заботы о своихъ родныхъ. Эта политика проводилась только для постороннихъ глазъ; въ дѣйствительности же онъ былъ для своей семьи самымъ жестокимъ, безпощаднымъ и придирчивымъ тиранномъ.

Эти событія въ Италіи заставили вѣнскій кабинетъ готовиться къ войнѣ; эрцгерцогъ Карлъ составилъ планъ кампаніи, а неспособному генералъ-квартирмейстеру барону Карлу фонъ Маку было поручено выполненіе этого плана; въ августѣ Австрія присоединилась къ союзу, заключенному между Россіей и Великобританіей. Когда началась война, къ арміи Наполеона присоединились южно-германскіе князья, которые надѣялись, со словъ французскаго императора, что онъ щедро надѣлитъ ихъ отнятыми у Австріи вла-

дѣніями; самое значительное изъ этихъ государствъ, Баварія, увлекалась больше другихъ и въ униссонъ съ Наполеономъ осыпала императора Франца презрительными насмѣшками и называла его не иначе, какъ „скелетомъ, который держится на тронѣ только благодаря заслугамъ своихъ предковъ“; Баварія, Баденъ, Вюртембергъ и Гессенъ-Дармштадтъ служили, по выраженію Наполеона, „опорами его Германскаго союза“ и присоединили значительный контингентъ войскъ къ французской арміи. Въ сентябрѣ 1805 года Макъ вступилъ съ своей арміей въ Баварію и занялъ Мюнхенъ. Пруссія соблюдала нейтралитетъ. Даже послѣ того, какъ французы позволили себѣ вопіющія нарушенія международнаго права, и армейскій корпусъ Бернадота прошелъ въ октябрѣ черезъ нейтральную область Анспахъ, прусскій король все еще не отказался отъ своей пассивности и не рѣшался поднять оружіе противъ Франціи и вступить въ союзъ съ Австріей,—онъ позволилъ только русской арміи пройти черезъ Силезію, а самъ занялъ Ганноверъ. Между тѣмъ, Наполеонъ наносилъ Францу II одинъ сокрушительный ударъ за другимъ; 17 октября Макъ позорно сдался на капитуляцію въ Ульмѣ со всей своей арміей, другія части австрійскихъ войскъ тоже были разбиты раньше, чѣмъ успѣли подойти на помощь русскіе подъ начальствомъ Голенищева-Кутузова.

Однако на морѣ Наполеону окончательно не везло: 21 октября былъ уничтоженъ адмираломъ Нельсономъ у мыса Трафальгара французскій флотъ, который былъ созданъ заново цѣною громадныхъ жертвъ послѣ пораженія при Абукирѣ; вмѣстѣ съ французскимъ флотомъ погибъ и испанскій, который дрался въ союзѣ съ нимъ. Самъ Нельсонъ палъ въ этой битвѣ (см. таблицу „Послѣднее письмо Нельсона къ леди Эммѣ Гамильтонъ“ въ томѣ VI), но онъ завѣщалъ своему отечеству безусловное господство на морѣ. Пропали сладкіе сны Наполеона о морскихъ побѣдахъ, и никто не смѣлъ даже вспоминать въ его присутствіи о Трафальгарѣ.

Императоръ Александръ освободился отъ вліянія враждебнаго Пруссіи друга и совѣтника своего князя Адама Чарторыйскаго и, по приглашенію прусскаго короля, пріѣхалъ къ нему на свиданіе въ Берлинъ; одновременно съ нимъ прибылъ также въ Берлинъ австрійскій эрцгерцогъ Антонъ. 3-го ноября былъ заключенъ Потсдамскій договоръ, по которому король Фридрихъ II Вильгельмъ взялъ на себя роль вооруженнаго посредника между коалиціей и Наполеономъ; переговоры должны были вестись на основѣ територіальнаго размежеванія, установленнаго Люневильскимъ мирнымъ трактатомъ; Пруссія обязалась присоединиться къ коалиціи не позже 15-го декабря, если къ тому времени всѣ ея усилія возстановить миръ не увѣнчаются успѣхомъ. Надъ гробомъ Фридриха Великаго Александръ и прусская королевская чета протянули другъ другу руки для скрѣпленія заключеннаго ими между собою договора, а 14-го ноября Гаугвицъ отправился на главную квартиру Наполеона для того, чтобы предложить Наполеону посредничество Пруссіи. Однако, Наполеонъ былъ настолько убѣжденъ въ своей окончательной побѣдѣ, что онъ уже толковалъ о гибели Лотарингской династіи и уже намѣчалъ, какими областями Германской имперіи ему слѣдуетъ надѣлить своихъ маршаловъ въ качествѣ наслѣдственныхъ княжествъ.

Французы вторглись въ глубь Австріи и Италіи, императорскій дворъ бѣжалъ изъ Вѣны, императоръ Францъ лишился всей верхней Италіи; 13-го ноября Мюратъ взялъ хитростью Вѣну. Наполеонъ вступилъ въ Шенбруннъ; но напрасно пытался онъ разыгрывать роль народнаго освободителя и тѣмъ склонить населеніе къ измѣнѣ Императору Францу. 16-го ноября русская армія подъ начальствомъ Петра Багратіона была разбита Ланномъ и Мюратомъ при Голлабруннѣ; французы завладѣли Брюнномъ. Тѣмъ не менѣе положеніе Наполеона въ Моравіи могло

стать очень опаснымъ, если-бы союзники дѣйствовали вполнѣ разсудительно, и если бы Пруссія примкнула къ коалиціи, какъ только Наполеонъ отклонилъ ея посредничество. Императоръ Александръ увлекся, благодаря внушеніямъ своихъ совѣтниковъ слишкомъ поспѣшными и необдуманными наступательными дѣйствіями, и въ битвѣ при Аустерлицѣ, 2-го декабря 1805 года, Наполеонъ одержалъ самую блестящую свою побѣду; никогда еще его стратегическій геній не проявлялся съ такимъ блескомъ, какъ въ этой битвѣ трехъ императоровъ. Союзная русско-австрійская армія отступила къ Венгріи. Императоръ Францъ оставилъ русскихъ на произволъ судьбы, а императоръ Александръ совершенно растерялся, не дѣлалъ болѣе никакихъ попытокъ къ сопротивленію и продолжалъ свое отступленіе по заранѣе намѣченному маршруту; онъ отозвалъ также свои войска изъ Италіи и Ганновера. Еле сдерживая накипѣвшую въ немъ злобу, императоръ Францъ смирился предъ Наполеономъ, который далъ ему аудіенцію въ своемъ лагерѣ и согласился на перемиріе на весьма тяжелыхъ для Австріи условіяхъ: треть всѣхъ владѣній императора Франца осталась во власти французовъ, и южно-германскіе владѣтельные князья уже поторопились отправить своихъ дипломатовъ въ главную квартиру Наполеона, чтобы выклянчить себѣ новый кусочекъ территоріи изъ богатой добычи, отнятой у императора Франца, котораго придворные льстецы, какъ будто въ насмѣшку, называли „собирателемъ владѣній Германской Имперіи“. Что касается Хр. Авг. Генриха Курта фонъ Гаугвица, который взялъ было на себя роль посредника между воюющими сторонами, то послѣ битвы при Аустерлицѣ у него не было другого выбора, и 15-го декабря онъ заключилъ съ Наполеономъ въ Шенбруннѣ позорный для Пруссіи оборонительный и наступательный союзъ, причемъ Ганноверъ былъ отданъ во власть Пруссіи. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать въ пользу Австріи нѣкоторыя уступки и привлечь ее на свою сторону умѣреннымъ и примирительнымъ образомъ дѣйствій, какъ совѣтовалъ Наполеону Таллейранъ, французскій императоръ постарался извлечь всевозможныя выгоды изъ своего союза съ Пруссіей и настоялъ на томъ, чтобы Австрія подчинилась при заключеніи мирнаго договора всѣмъ условіямъ, которыя ему заблагоразсудилось предъявить. 26-го декабря императоръ Францъ подписалъ мирный договоръ въ Прессбургѣ, по которому онъ примирился со всѣми происшедшими въ Италіи измѣненіями и пожертвовалъ пятой, и при томъ наилучшей, частью своихъ владѣній, которыя были подѣлены въ видѣ территоріальнаго вознагражденія между Италіей, Баваріей, Вюртембергомъ и Баденомъ; взамѣнъ этого Австрія получила Зальцбургъ, но это было слишкомъ скудное возмѣщеніе за понесенныя ею тяжелыя утраты. Австрія была отрѣзана отъ Италіи и Швейцаріи, вынуждена была заплатить колоссальную контрибуцію и попала въ неустойчивое и невыносимое положеніе. Въ мирномъ трактатѣ вовсе не упоминалось о Германской Имперіи, а говорилось только о „Германскомъ Союзѣ“. Баварія и Вюртембергъ стали независимыми королевствами, а Баденъ независимымъ курфиршествомъ; Священная Римская Имперія прекратила свое призрачное существованіе: какъ только Германскіе владѣтельные князья стали независимыми монархами, выборному императору нечего было дѣлать въ Германской Имперіи. Не даромъ деспотическій король Вюртембергскій Фридрихъ писалъ французскому императору, своему покровителю, что имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ—это собраніе гримасничающихъ обезьянъ, весьма забавныхъ, но и весьма злыхъ, какъ это свойственно всѣмъ обезьянамъ.

Побѣдитель при Аустерлицѣ и при Прессбургѣ еще раньше слилъ воедино созданное имъ новое французское дворянство съ дореволюціоннымъ дворянствомъ стараго режима. Обуреваемый тщеславіемъ, онъ сталъ теперь стремиться къ тому, чтобы сроднить посредствомъ браковъ

свою династію, которую онъ называлъ четвертою династіею на французскомъ престолѣ, со старинными царствующими домами Европы: Баварія и Вюртембергъ повели своихъ принцессъ, а Баденъ своего наслѣдника къ брачному ложу Бонапартовъ. Пруссія была связана по рукамъ и по ногамъ суровымъ Парижскимъ договоромъ 15-го февраля 1806 года, отказалась отъ права держаться своей собственной политики, вынуждена была, по требованію Франціи, вступить въ войну съ Великобританіей и Швеціей, и при всемъ томъ Наполеонъ безпрестанно обманывалъ Прусскаго короля: въ то время, какъ Фридрихъ Вильгельмъ считалъ Ганноверъ своей собственностью, французскій императоръ втайнѣ предлагалъ Англіи уступить ей эту область. Политика Наполеона всегда отличалась двоедушіемъ. Онъ хотѣлъ перестроить до самаго фундамента всю тогдашнюю политическую систему Европы. Онъ не удовлетворялся больше ролью императора французовъ, ему хотѣлось стать императоромъ всей Европы, воскресить Западно-Римскую имперію и окружить свой тронъ свитой изъ королей, которые фигурировали бы въ роли независимыхъ монарховъ, но въ самомъ дѣлѣ плясали бы подъ его дудку, какъ куклы; недаромъ сказалъ онъ сенатору Ж. А. К. Шапталю: „моя власть поддерживается тѣмъ страхомъ, который я внушаю во Франціи и за границей“. Что думаютъ тѣ народы, короли которыхъ такъ унижаются передъ нимъ, этимъ онъ никогда не интересовался; изъ-за своей неудержимой страсти ко всемірному господству онъ все болѣе отчуждался даже отъ французскаго народа. Приказомъ по французской арміи отъ 26-го декабря 1805 года было объявлено, что династія Бурбоновъ лишается Неаполитанскаго престола. 30-го марта 1806 года королемъ Неаполя и Сициліи былъ назначенъ старшій изъ братьевъ Наполеона Жозефъ, конечно, помимо его собственнаго желанія. Сестрѣ Наполеона, красавицѣ Полинѣ Боргезе, было отдано временно герцогство Гуастальское; брата своего Луи онъ заставилъ 6 іюня 1806 года сдѣлаться королемъ Голландіи, и Луи Бонапарту пришлось пережить тяжелыя нравственныя муки, такъ какъ онъ полюбилъ свой народъ и не хотѣлъ жертвовать его интересами ради Наполеона. Братья и сестры Наполеона присоединили къ своимъ именамъ имя „Наполеонъ“; услужливая католическая церковь изобрѣла новаго святого, Наполеона, и забыла о томъ, какъ обошелся Бонапартъ съ папой Піемъ VII. Маршалы и министры Наполеона, принадлежавшіе большею частью къ числу новоиспеченныхъ дворянъ, были одарены богатыми наслѣдственными ленами во вновь завоеванныхъ или же „находящихся подъ французскимъ покровительствомъ“ государствахъ; все это были спутники, которыхъ озаряло своимъ свѣтомъ единое солнце — Наполеонъ.

в) Рейнскій союзъ.

Пораженія, которыя потерпѣли союзники при Ульмѣ и Аустерлицѣ, свели въ могилу Питта; 23-го ноября 1806 года онъ скончался, и душой составленнаго Гренвилемъ „кабинета всѣхъ талантовъ“ сталъ Фоксъ. Этотъ послѣдній немедленно вступилъ въ мирные переговоры съ Наполеономъ. Французскій императоръ хотѣлъ воспользоваться этими переговорами для того, чтобы разъединить между собою Россію и Великобританію; но Россія сблизилась въ это время съ Пруссіей. Фоксъ скончался 13-го сентября 1809 года, не добившись заключенія мира, а лордъ Гренвиль все время настаивалъ на необходимости продолжать войну.

Шведскій король Густавъ Адольфъ IV выступилъ въ январѣ 1806 года изъ состава Германской Имперіи; онъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что „произволъ узурпатора господствуетъ полновластно въ имперскомъ сеймѣ, и въ этомъ собраніи никто больше не осмѣливается говорить языкомъ честнаго человѣка“. Развалины имперіи уже не могли устоять

противъ малѣйшаго напора, а имперскій эрцканцлеръ Карлъ Теодоръ фонъ Дальбергъ все настойчивѣе твердилъ Наполеону: „Вы новый Карлъ Великій; будьте устроителемъ и спасителемъ Германіи, возстановителемъ исконной имперской конституціи! Да воскреснетъ вновь въ лицѣ императора Наполеона Западная Имперія Карла Великаго, состоящая изъ Италіи, Франціи и Германіи!“ Такимъ образомъ имперскіе князья пошли навстрѣчу желаніямъ Наполеона. Французскій императоръ собирался образовать изъ зависимыхъ отъ него второстепенныхъ германскихъ государствъ „третью Германію“ въ противовѣсъ Австріи и Пруссіи и подѣлить между ними самыя мелкія третьестепенныя германскія государства, которыя были для него безполезными политическими единицами; роль „третьей Германіи“ сводилась къ тому, чтобы поставлять войска для его военныхъ кампаній; стоять на собственныхъ ногахъ германскимъ государствамъ не дозволялось. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Наполеона былъ составленъ 12-го іюля 1806 года актъ Рейнскаго союза, Таллейранъ прочелъ этотъ документъ каждому въ отдѣльности изъ посланниковъ германскихъ государей, состоявшихъ подъ протекторатомъ Наполеона, и всѣ они поспѣшили подписаться подъ этимъ актомъ, такъ какъ имъ улыбались въ перспективѣ щедрые подарки въ видѣ территоріальныхъ пріобрѣтеній; въ противномъ же случаѣ ихъ государямъ грозила вѣрная гибель. По наущенію „князя-примаса“ Дальберга 16 германскихъ государей измѣнили императору и имперіи, нарушили данную ими присягу и вступили въ ряды рабскихъ угодниковъ Наполеона; „идеи французскаго императора стоятъ въ тѣсной гармоніи съ истинными интересами Германіи“, такъ оправдывались они, выставляли на показъ свою измѣну и присоединили къ своимъ владѣніямъ территорію, принадлежавшую всѣмъ тѣмъ владѣтельнымъ князьямъ на Рейнѣ, во Франконіи и Швабіи, которые не послѣдовали ихъ примѣру; они больше не ставили ни во что конституцію Германской Имперіи. Больше 70 князей и графовъ были хищническимъ образомъ лишены своихъ владѣтельныхъ правъ въ пользу этихъ 16 измѣнниковъ, которымъ была предоставлена полная автономія въ дѣлахъ внутренняго управленія, но которые подчинялись безпрекословно „протектору Рейнскаго союза“ во всемъ, что касается международной политики. Съ этихъ поръ Рейнскій союзъ вынужденъ былъ принимать участіе во всѣхъ войнахъ своего покровителя; онъ долженъ былъ каждый разъ поставлять во французскую армію 63000 человѣкъ, которыхъ Наполеонъ считалъ только пушечнымъ мясомъ. Генцъ называлъ конституцію Рейнскаго союза, которая такъ и не была доведена до окончательной формы съ выработкой юридическихъ нормъ, „позорной и шутовской конституціей рабскихъ народовъ, которыми распоряжаются мелкіе деспоты, въ свою очередь пресмыкающіеся предъ оберъ-деспотомъ“. Фактически новый союзъ государствъ ввелъ въ сферу власти Наполеона пространство болѣе, чѣмъ въ 3000 кв. миль, съ населеніемъ болѣе 8 милліоновъ.

Регенсбургскій повѣренный въ дѣлахъ императора Наполеона заявилъ 1-го августа, что его государь не признаетъ больше существованія Германской Имперіи. Императоръ Францъ II воспользовался этимъ моментомъ для того, чтобы отдѣлаться отъ короны германскаго императора, которая превратилась въ ничего не стоющее мишурное украшеніе; холодная равнодушная нота графа Штадіона нанесла послѣдній роковой ударъ тысячелѣтнему созданію Карла Великаго, а 5 августа Францъ бросилъ свою императорскую корону въ незасыпанную еще могилу „постояннаго“ имперскаго сейма. Этотъ шагъ былъ, разсуждая теоретически, противозаконнымъ съ точки зрѣнія германской конституціи, такъ какъ императоръ не могъ принимать никакого рѣшенія безъ участія сейма; но въ дѣйствительности всѣ, за исключеніемъ имперскаго рыцарства, уже примирились съ мыслью о гибели Германской Имперіи, которую германскій народъ прово-

дилъ въ могилу безъ слезъ. „Майнцская Газета“ провозгласила съ ироническимъ пафосомъ: „нѣтъ больше Германіи“! Для ознаменованія своего протектората надъ Рейнскимъ союзомъ Наполеонъ велѣлъ разстрѣлять 26-го августа 1806 года благороднаго книгопродавца Іоанна Филиппа Пальма, на долю котораго выпала роль перваго мученика за свободу Германіи.

г) Война 1806—1807 годовъ.

Хотя Рейнскій союзъ грозилъ особенной опасностью для Пруссіи, Гаугвицъ все еще оставался неизмѣннымъ сторонникомъ Наполеона. Какъ онъ, такъ и его король увлекались мыслью о Сѣверномъ союзѣ подъ главенствомъ Пруссіи, который послужилъ бы противовѣсомъ противъ Рейнскаго союза; король остался глухимъ къ призывамъ друзей отечества, хотя пламенныя воззванія Арндта, Фихте и Шлейермахера находили себѣ глубокій откликъ въ душѣ каждаго пруссака. Все-таки, когда король узналъ, что Наполеонъ снова хочетъ уступить Ганноверъ Англіи, то онъ прозрѣлъ и велѣлъ объявить мобилизацію. Офицеры, пользовавшіеся наибольшимъ вліяніемъ въ прусской арміи, ликовали, несмотря на то, что прусская военная организація страдала весьма важными недостатками. Этихъ офицеровъ ничему не научили тѣ ошибки, за которыя такъ жестоко поплатились австрійцы въ 1805 г.; въ своемъ высокомѣріи они не дѣлали различія между солдатами Наполеона и санкюлотами 1791 года. Фридрихъ Вильгельмъ предпочелъ бы уклониться отъ войны, но Наполеонъ горѣлъ жаждою мести противъ Пруссіи, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на послѣднюю надежду Германіи. Владѣтельные князья, входящіе въ составъ Рейнскаго союза, устроили ему торжественную встрѣчу въ Майнцѣ, и онъ держалъ къ нимъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, выразился такимъ образомъ: „вотъ вамъ доказательство человѣческаго безразсудства! Находятся люди, которые считаютъ возможнымъ вступить въ войну со мной“. Чтобы Россія не могла придти на помощь Пруссіи, онъ натравилъ противъ нея Порту и подстрекалъ поляковъ противъ Пруссіи и Россіи; а когда Пруссія объявила ему 9 декабря войну, то онъ назвалъ прусскаго короля помѣшаннымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Пруссія выбрала самый неблагопріятный моментъ для начала войны. Послѣ сраженія при Заальфельдѣ (10 октября), Ауэрштедтѣ и Іенѣ прусская армія окончательно потеряла, по винѣ своихъ безумныхъ руководителей, ту громкую славу, которою она пользовалась со времени Фридриха Великаго. Пруссаки вездѣ терпѣли пораженія въ открытомъ полѣ, а большая часть крѣпостей сдалась на капитуляцію; вся армія Фридриха Вильгельма была уничтожена. Саксонія отпала отъ Пруссіи и перешла на сторону Наполеона; курфирста гессенскаго Наполеонъ лишилъ престола 23 октября, и его владѣнія были взяты подъ непосредственное управленіе Франціи. Оранская и брауншвейгская династіи тоже были лишены своихъ владѣній. Наполеонъ наложилъ на прусское королевство непомѣрную контрибуцію, хотѣлъ окончательно отдѣлить его отъ Германіи, грубо отклонилъ мирныя предложенія Фридриха Вильгельма, и присоединилъ пока всѣ прусскія владѣнія по лѣвую сторону Эльбы къ своей имперіи. Французскіе солдаты наводнили Среднюю и Сѣверную Германію: 24 октября Наполеонъ вступилъ въ Потсдамъ, забралъ въ этомъ городѣ и отослалъ въ Парижъ палку и шпагу стараго Фрица, который служилъ для него идеаломъ военачальника, а 27 октября онъ уже былъ въ Берлинѣ. Прусскіе чиновники немедленно явились къ нему съ изъявленіемъ покорности, семь прусскихъ министровъ принесли вѣрноподданническую присягу,— и онъ писалъ султану, что Пруссіи больше не существуетъ. Генцу казалась смѣшной даже самая мысль о возстановленіи Прусскаго королевства

Великій маршалъ Мишель Дюрокъ заставилъ прусскихъ министровъ подчиниться въ Шарлоттенбургѣ предъявленнымъ Франціей тяжелымъ условіямъ, которыя еще сильнѣе обострили бѣдственное положеніе Пруссіи, а 21 ноября въ Берлинѣ былъ изданъ приказъ, закрывавшій доступъ на европейскій материкъ для британской торговли (континентальная система), и подорвавшій надолго благосостояніе всѣхъ европейскихъ народовъ; это было со стороны Наполеона ошибочною мѣрой, которая только усилила сознаніе солидарности интересовъ Европы и Великобританіи. Наконецъ, Фридрихъ Вильгельмъ собрался съ духомъ и отказался 21 ноября въ Остероде отъ позорныхъ для Пруссіи мирныхъ условій, навязанныхъ Дюрокомъ въ Шарлоттенбургѣ; день 21 ноября былъ днемъ рожденія новой Пруссіи. Прусскій король вступилъ въ тѣсный союзъ съ императоромъ Александромъ и далъ отставку Гаугвицу; однако онъ не только не призвалъ къ власти Штейна, какъ надѣялись прусскіе патріоты, но, напротивъ того, прекратилъ всѣ сношенія съ этимъ „неприличнымъ и непочтительнымъ“ человѣкомъ. Наполеонъ былъ внѣ себя отъ ярости и составилъ прокламацію о низверженіи династіи Гогенцоллерновъ; явившись въ Познань, онъ сталъ ослѣплять поляковъ фантастическими панорамами возстановленія Польскаго королевства и натравливать ихъ, посредствомъ этого ловкаго маневра, противъ Пруссіи и Россіи; въ то же время онъ пытался, хотя и неудачно, возстановить также и Австрію противъ Пруссіи; королевство Саксонское и цѣлый рядъ мелкихъ государствъ были присоединены къ Рейнскому союзу на правахъ полной внутренней автономіи. Союзъ расширился, а карманы наполеоновскихъ дипломатовъ тоже не пострадали. Наполеону казалось, что онъ совсѣмъ близокъ къ своей цѣли: онъ хотѣлъ поднять всю Европу противъ Великобританіи, соединить весь Европейскій континентъ въ одно государство и завоевать Индію и Египетъ, такъ какъ Востокъ не переставалъ быть цѣлью его затаенныхъ мечтаній; а между тѣмъ, во французскомъ народѣ уже стали бродить смутныя предчувствія о томъ, что это космополитическое всемірное господство есть только преходящее стихійное явленіе.

Пруссія послужила главнымъ поводомъ къ возникновенію враждебныхъ отношеній между Франціей и Россіей. Духъ самоувѣренности неимовѣрно поднялся во французской арміи послѣ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ надъ пруссаками; но такъ какъ эта армія состояла на цѣлую треть изъ нефранцузовъ, то она лишилась своего національнаго характера. Эту армію толкалъ въ битву не французскій патріотизмъ, а страсть къ военнымъ приключеніямъ; она походила на сбродъ средневѣковыхъ ландскнехтовъ. — Между русскими и прусскими генералами вскорѣ возникли раздоры; главнокомандующій графъ Михаилъ Каменскій, въ которомъ стали обнаруживаться первые признаки умственнаго разстройства, уступилъ безъ боя Вислу, и Наполеонъ вступилъ въ Варшаву. Послѣ нерѣшительной битвы при Пултускѣ новый главнокомандующій Л. А. Т. фонъ Бенингсенъ двинулся къ Прейсишъ-Эйлау, и тутъ произошло 7 и 8 февраля 1807 года сраженіе, въ которомъ Наполеону помѣшали одержать полную побѣду главнымъ образомъ пруссаки; вопреки своему обычаю, Наполеонъ ушелъ на зимнія квартиры и лицемѣрно предложилъ Фридриху Вильгельму черезъ Г. Ж. Бертрана миръ и возобновленіе прежней дружбы; онъ увѣрялъ даже, что тотъ день, когда онъ примирится съ Пруссіей, онъ будетъ считать самымъ счастливымъ въ своей жизни; однако король Фридрихъ Вильгельмъ не поддался на удочку и, слѣдуя совѣту Гарденберга, остался вѣрнымъ союзникомъ русскаго царя. Въ Силезіи и въ Помераніи счастье улыбалось французамъ: нѣсколько крѣпостей сдались на капитуляцію. 25 мая французы взяли Данцигъ, и послѣ этого во власти пруссаковъ остались только Глацъ, Козель, Кольбергъ и Грауденцъ; впрочемъ, отважные набѣги вольныхъ дружинъ Фердинанда фонъ Шилля

и Фридриха Августа Людвига фонъ деръ Марвица причиняли непріятелю немало хлопотъ. Въ январѣ 1807 г. Пруссія заключила миръ съ Великобританіей и отказалась въ пользу этой послѣдней отъ Ганновера; однако Австрія продолжала соблюдать нейтралитетъ, несмотря на всѣ усилія русскаго правительства. Зато императоръ Александръ, къ которому Фридрихъ Вильгельмъ относился съ искреннимъ довѣріемъ, далъ ему 4 апрѣля въ Кидулленѣ такое торжественное обѣщаніе: „не правда ли, никто изъ насъ не будетъ разбитъ въ одиночку; или мы оба вмѣстѣ падемъ, или никто изъ насъ!“ Между Пруссіей и Швеціей былъ заключенъ союзный договоръ, а вслѣдъ затѣмъ, 26 апрѣля, такой же договоръ состоялся въ Бартенштейнѣ между Пруссіей и Россіей; союзники надѣялись, что въ близкомъ будущемъ составится общая коалиція изъ Пруссіи, Россіи, Великобританіи, Австріи и Швеціи. Несмотря на всѣ старанія Генца и др. императоръ Францъ отказался примкнуть къ союзу, а Великобританія тоже мало помогала союзникамъ. Наполеонъ обнаружилъ неимовѣрную силу воли и энергическую дѣятельность, поражающую своей разносторонностью. Изъ Остероде и Финкенштейна онъ управлялъ всѣмъ міромъ и нисколько не изнѣжился въ объятіяхъ прелестной красавицы Лонжинской, графини Маріи Анастасъ-Валевской, которая изъ благодарности воспылала любовью къ мнимому спасителю Польши. Наполеонъ велъ войну съ Россіей и Пруссіей и одновременно съ тѣмъ защищалъ Константинополь отъ англичанъ, хотя, конечно, во внутреннихъ дѣлахъ Франціи его отсутствіе становилось все болѣе замѣтнымъ. Исходъ сраженія при Гейдельбергѣ (10 іюня 1807 г.) остался нерѣшительнымъ, но въ битвѣ при Фридландѣ, въ роковой день 14 іюня, Наполеонъ уничтожилъ армію Беннигсена, и этотъ послѣдній уговорилъ Александра просить перемирія, а Пруссаки, между тѣмъ, были вынуждены очистить Кенигсбергъ. Это новое пораженіе произвело на Александра такое же впечатлѣніе, какъ и битва при Аустерлицѣ: повидимому, онъ совершенно растерялся и дрожалъ при одной мысли о томъ, что наполеонъ можетъ вступить въ предѣлы Россіи и поднять возстаніе въ Польшѣ. Что касается торжественныхъ обѣщаній, данныхъ русскимъ царемъ Пруссіи, то ихъ какъ вѣтромъ сдуло послѣ перемирія, заключеннаго 21 іюня,—Александръ вступилъ на совершенно новый путь. Наполеонъ воспользовался тѣмъ неотразимымъ обаяніемъ которое онъ производилъ на своихъ собесѣдниковъ, и окончательно покорилъ себѣ Александра. Во время свиданія съ глазу на глазъ, состоявшагося между ними 25 іюня на рѣкѣ Мемелѣ, оба цезаря стали друзьями. Само собою разумѣется, что эта дружба была только плодомъ своекорыстія и холоднаго разсчета: ихъ объединяла общая ненависть къ Великобританіи и свойственная имъ обоимъ ненасытная жажда славы. Наполеонъ обѣщалъ предоставить русскому царю неограниченную свободу дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ и въ Финляндіи и совсѣмъ опуталъ этого слабохарактернаго человѣка, котораго онъ надѣялся заставить ходить по стрункѣ, какъ какого-нибудь изъ владѣтельныхъ князей Рейнскаго союза.

Императоръ Александръ выбросилъ за бортъ неблагодарную роль поборника международнаго права и независимости европейскихъ народовъ, покинулъ Фридриха Вильгельма на произволъ судьбы и не мѣшалъ Наполеону урѣзывать прусскія владѣнія; онъ устроилъ свиданіе съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, толковалъ съ нимъ о предстоящемъ переустройствѣ политической системы всего міра и надѣялся, что Наполеонъ подѣлится съ нимъ своимъ всемірнымъ господствомъ. Пруссія вынуждена была заключить перемиріе; Наполеонъ осыпалъ прусскаго короля упреками, и даже слезы королевы Луизы „приставали къ нему, какъ горохъ къ стѣнѣ“. 7-го іюля былъ заключенъ въ Тильзитѣ миръ между Россіей и Франціей, а 9-го іюля тамъ же былъ подписанъ мирный договоръ между Франціей

и Пруссіей. Только „изъ уваженія къ императору Александру“ Наполеонъ возвратилъ королю меньшую половину прусской территоріи (2856 кв. миль съ населеніемъ въ 4,594,000 душъ), а Александръ получилъ въ подарокъ отъ Наполеона пограничный прусскій Бѣлостокскій округъ. Южная и новая Восточная Пруссія были присоединены къ новому герцогству Варшавскому, которое было отдано Саксонскому королю вмѣстѣ съ округомъ Котбусъ; Данцигъ былъ объявленъ вольнымъ городомъ. Пруссія вынуждена была отказаться отъ всякихъ торговыхъ сношеній съ англичанами; прусскій король и русскій царь признали королевскіе титулы за братьями Наполеона Жозефомъ и Луи, а самого Наполеона протекторомъ Рейнскаго союза; для Жерома Наполеона было рѣшено образовать новое Вестфальское королевство. Русскій императоръ не протестовалъ противъ низверженія Сардинскаго короля и согласился на уступку Іевера Голландіи, а Іоническихъ острововъ и Бокке ди Каттаро Франціи. Оба императора въ то же время заключили между собой оборонительный и наступательный союзъ на случай всякой войны, которую вздумаетъ начать кто-нибудь изъ нихъ двоихъ: это была настоящая разбойническая сдѣлка: они хотѣли подѣлить между собою всю Европейскую Турцію, кромѣ Румыніи и Константинополя, общими силами вести войну противъ Великобританіи и заставить всю Европу держаться неуклонно континентальной системы, которая черезъ короткое время привела торговлю Россіи на край гибели. Казалось, что въ Тильзитѣ погибло все то, что было создано усиліями стараго Фрица: Пруссія была отброшена обратно за Эльбу, а Вестфалія выдвинулась между Пруссіей и Франціей, какъ промежуточное государство, или вѣрнѣе сказать, какъ отпрыскъ Франціи на Германской территоріи. Гарденбергъ, который скончался 10 іюля, все-таки предохранилъ Пруссію отъ присоединенія къ Рейнскому союзу; но Кенигсбергская конвенція 12 іюля, на которую Пруссія согласилась съ непростительнымъ легкомысліемъ, послужила для нея въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ источникомъ тяжелыхъ бѣдствій. Урѣзавши Пруссію, Наполеонъ рѣшилъ обложить остатокъ прусскихъ владѣній непосильной контрибуціей, чтобы довести Прусское королевство до разоренія и тѣмъ лишить его возможности начать войну; на Прусскія деньги Наполеонъ велъ свои войны на Пиренейскомъ полуостровѣ. Русскій сановникъ Карлъ Андрей Поццо ди Борго, корсиканецъ и наслѣдственный врагъ Наполеона, называетъ мирный договоръ, навязанный Наполеономъ Пруссіи, мастерскимъ произведеніемъ разрушительнаго искусства.

д) Стремленіе Наполеона къ всемірному господству.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ произошелъ новый, третій поворотъ въ политикѣ Наполеона: онъ сталъ всемірнымъ завоевателемъ, тиранномъ всей Европы, а **Франція снизошла до степени одной изъ провинцій его системы**. Въ своихъ мемуарахъ, составленныхъ на островѣ Св. Елены, онъ отрекался отъ этого и утверждалъ, что Франція была всегда единственнымъ предметомъ его заботъ; но его увѣренія противорѣчатъ дѣйствительности; этотъ новый поворотъ въ политикѣ Наполеона, далъ себя почувствовать и французскому народу. Ни одинъ монархъ новыхъ вѣковъ не пользовался такой всеобъемлющей властью, какъ Наполеонъ послѣ свиданія въ Тильзитѣ, въ сравненіе съ нимъ можно поставить только Александра Македонскаго и Юлія Цезаря. Тѣмъ не менѣе, его ненасытное честолюбіе все еще не было удовлетворено; ему хотѣлось, чтобы его обожали, какъ подобіе Божіе на землѣ, и чтобы его воля была неизмѣннымъ закономъ для всего міра.

Надъ слабыми или нейтральными государствами онъ вѣчно глумился; они не могли ожидать отъ него ни пощады, ни покровительства, какъ только они становились поперекъ дороги его алчности. Такъ, напр., Португалія

заплатила Франціи 16 милліоновъ франковъ за позволеніе остаться нейтральной во время войны между Франціей и Великобританіей. Для Португаліи это былъ вопросъ жизни и смерти, такъ какъ торговля съ Англіей была главнымъ источникомъ ея доходовъ; но Наполеону занадобились деньги португальцевъ, и онъ сталъ требовать, чтобы они закрыли свои гавани для англичанъ. Королевство Этрурія продолжала вести торговлю съ англичанами въ гавани Ливорно, и въ наказаніе за это Наполеонъ присоединилъ это королевство къ Франціи въ ноябрѣ 1807-го года. Недоразумѣніе между Наполеономъ и папой, котораго свѣтскую и духовную власть Наполеонъ непрерывно урѣзывалъ и который со своей стороны отказался утвердить разводъ Жерома, все обострялось; французы захватили 3 провинціи церковной области. Наполеонъ хотѣлъ было воспользоваться датскимъ флотомъ для военныхъ дѣйствій противъ Великобританіи, но англичане предупредили его, неожиданно приступили къ бомбардировкѣ Копенгагена и, вопреки международному праву, захватили датскій флотъ въ сентябрѣ 1807 г. Это былъ для Даніи такой тяжелый ударъ, отъ котораго она уже больше никогда не могла оправиться. Попытка Россіи выступить въ роли мирнаго посредника между Франціей и Великобританіей встрѣтила отпоръ со стороны статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ Джорджа Каннинга, отличавшагося непреклонной энергіей, не останавливающейся предъ какими бы то ни было препятствіями, который принималъ русскаго царя за скрытаго пособника Наполеона. На континентальную систему Каннингъ отвѣчалъ блокадой французскихъ береговъ и объявленіемъ войны Россіи. Какъ мало думалъ Наполеонъ объ исполненіи даннаго имъ въ Тильзитѣ обѣщанія о расширеніи русскихъ владѣній за счетъ Турціи,—это обнаружилось въ августѣ 1807 г., когда, при посредствѣ французскаго императора, было заключено перемиріе въ Слобозіи, по которому Россія обязалась очистить Дунайскія княжества. У русско-французской дружбы очень скоро уже были обрѣзаны крылья. Французскіе посланники въ С.-Петербургѣ А. Ж. М. Р. Савари, герцогъ де Ровиго, и А. А. Л. Д. Коленкуръ, герцогъ Виченцскій, которые были замѣшаны въ политическомъ убійствѣ герцога Энгьенскаго, были приняты русскимъ правительствомъ съ ледяной холодностью, а русскій посланникъ въ Парижѣ графъ Петръ Толстой вращался исключительно въ роялистическомъ обществѣ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Обманутый Александръ выместилъ свою злобу на Швеціи и напалъ на Финляндію: хотя англичане и оказали помощь Густаву Адольфу IV, но, тѣмъ не менѣе, Фридрихъ Вильгельмъ графъ фонъ Буксгевденъ побѣдоносно завладѣлъ Финляндіей, которая вслѣдъ затѣмъ была уступлена Россіи по мирному договору, заключенному въ сентябрѣ 1809 года. Что касается Шведской Помераніи, то ее заняли французы еще въ 1807 году. Въ отместку за Финляндію британскій флотъ захватилъ русскій флотъ въ сентябрѣ 1808 г. у устья рѣки Тахо.

e) Испанія.

Теперь „императоръ и король“ протянулъ свои ненасытныя руки къ Пиренейскому полуострову. Онъ хотѣлъ „уничтожить Пиренейскія горы“. Упадокъ, которому подверглась Испанія послѣ періода просвѣщеннаго деспотизма Карла III и Аранды, былъ преимущественно дѣломъ рукъ Наполеона, а стоявшій во главѣ Испанскаго правительства министръ Годой былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ французскаго императора (срав. томъ IV, стр. 554). Таллейранъ пытался отклонить Наполеона отъ вмѣшательства въ дѣла Испаніи и вообще не одобрялъ безпредѣльной алчности французскаго императора къ непрерывному захвату новыхъ территорій, но Наполеонъ не обращалъ вниманія на совѣты своего министра; онъ хотѣлъ отобрать Испанію у Бурбоновъ и отдать ее одному изъ членовъ

своего семейства, которое, по его словамъ, вскорѣ должно было стать самой старшей изъ царствующихъ династій Европы, такъ какъ она вытѣснитъ всѣ другія династіи. Андошъ Жюно отправился во главѣ арміи въ Португалію, а Наполеонъ заключилъ въ то же время, именно въ октябрѣ 1807 г., съ ослѣпленной имъ Испаніей договоръ въ Фонтенбло, имѣвшій цѣлью уничтоженіе независимости Португаліи. Договоръ этотъ нуженъ былъ Наполеону для того, чтобы получить свободный проходъ черезъ Испанскую территорію для нападенія на Португалію. Португальская королевская семья бѣжала въ свои американскія владѣнія, въ Бразилію (См. томъ I, стр. 521); Жюно завладѣлъ Португаліей, а Наполеонъ заявилъ въ декабрѣ: „Домъ Браганца выбылъ изъ числа царствующихъ династій". Португалія была безпощадно разграблена генераломъ Жюно, котораго Наполеонъ наградилъ титуломъ герцога де Абрантесъ, и лишилась своихъ колоній и своей морской торговли.

Съ ужасомъ смотрѣлъ Мадридскій кабинетъ на всѣ эти дикія насилія, которыя творились бокъ о бокъ съ Испаніей; но Наполеонъ не остановился на этомъ,—въ февралѣ 1808 г., по его приказу, французскія войска захватили Римъ и Замокъ Св. Ангела, а папѣ Пію пришлось убѣдиться на собственномъ опытѣ, какого достойнаго преемника онъ благословилъ на тронъ Карла Великаго. Испанскій король Карлъ IV и его наслѣдникъ Фердинандъ, принцъ Астурійскій, ненавидѣли другъ друга, а развратная испанская королева Марія Луиза (Пармская) относилась съ отвращеніемъ къ своему сыну. Наполеонъ натравилъ ихъ всѣхъ троихъ другъ противъ друга. Фердинандъ просилъ у него руки одной изъ принцессъ дома Бонапартъ; съ такой же просьбой обратился къ нему и Карлъ, и Наполеонъ собирался выдать за одного изъ нихъ дочь Люсьена Шарлотту. Въ Испаніи Наполеонъ разыгрывалъ роль карающаго Провидѣнія, а въ Италіи онъ фигурировалъ въ роли нѣжнаго отца семейства, усыновилъ своего пасынка Эжена и назначилъ его своимъ наслѣдникомъ на Итальянскомъ престолѣ; Итальянцы отнеслись съ юморомъ къ этимъ нѣжнымъ чувствамъ Наполеона. Въ то же время французскій императоръ предпринялъ блокаду острова Сардиніи, который былъ въ союзѣ съ Англіей, пытался отнять Сицилію у англичанъ и вновь присоединить ее къ Неаполитанскому королевству и угрожалъ Алжиру. Испанія была совершенно беззащитна. Когда Карлъ IV открылъ заговоръ, составленный противъ него его наслѣдникомъ Фердинандомъ, то онъ предъявилъ Наполеону жалобу на своего сына; а такъ какъ Фердинандъ тоже искалъ заступничества у Наполеона, то на долю этого послѣдняго выпала выгодная роль посредника и третейскаго судьи. Наполеонъ не поскупился на мягкія слова, но, въ то же время, наложилъ свою тяжелую руку на Испанію. Іоахимъ Мюратъ явился въ Мадридъ въ качествѣ генералъ-лейтенанта французскаго императора; онъ самъ мечталъ объ испанской коронѣ, но Наполеонъ и его обошелъ: Мюрату казалось, что онъ хлопочетъ для себя, но на дѣлѣ онъ только заботился съ удвоеннымъ рвеніемъ объ интересахъ самого Наполеона. Французы обложили Мадридъ со всѣхъ сторонъ. Наполеонъ обманулъ всѣхъ обитателей Мадридскаго дворца, изъ которыхъ каждый считалъ его своимъ помощникомъ, и приготовилъ для дружественнаго ему испанскаго народа неслыханную комедію ошибокъ: когда королевская чета бросилась было бѣжать, то ихъ сынъ выдалъ французамъ своего отца и свою мать. У испанскаго народа лопнуло терпѣніе: поднялось возстаніе противъ Годоя, король вынужденъ былъ отречься отъ престола, а сынъ его объявилъ себя 19 марта 1808 г. королемъ подъ именемъ Фердинанда VII. Тогда Мюратъ заставилъ отца подписать документъ, въ которомъ испанскій король заявлялъ, что его отреченіе было вынужденнымъ. Наполеонъ пригласилъ обоихъ королей и королеву въ замокъ Марракъ около Байонны, сталъ натравливать ихъ

другъ на друга, какъ дикихъ звѣрей, и хитрыми подходами довелъ обоихъ королей до отреченія отъ престола. Отецъ и сынъ осыпали другъ друга проклятіями и общими силами довели династію Бурбоновъ до окончательной гибели. 2 мая Мюратъ подавилъ возстаніе въ Мадридѣ, и французы завладѣли испанскимъ королевствомъ со всѣми его колоніями; они, однако, далеко еще не сломили гордаго духа испанскаго народа.

Чтобы сложить на Таллейрана отвѣтственность за всѣ событія, произошедшія въ Испаніи, Наполеонъ заточилъ эфемернаго короля Фердинанда VII въ замкѣ Таллейрана Валансэ; отцу и матери Фердинанда были назначены пенсіи, и Наполеонъ думалъ съ удивительною близорукостью, что этимъ кончится все дѣло. 6 іюня 1808 г. онъ перемѣстилъ своего брата Жозефа съ Неаполитанскаго престола на Испанскій, а Неаполитанскимъ королемъ посадилъ вмѣсто него Іоахима Мюрата; Жозефъ повиновался своему злому року и вступилъ 9 іюля на испанскую территорію. Но какъ только испанскому народу стало извѣстно то, что произошло въ замкѣ Марракъ, въ Испаніи поднялось всеобщее возстаніе для освобожденія отечества отъ иноземнаго господства. Наполеонъ не въ состояніи былъ понять глубокихъ причинъ этой борьбы за національную независимость; ему казалось, что испанцы должны на колѣняхъ благодарить его за то, что онъ ввелъ въ ихъ отечество свою испытанную правительственную систему вмѣсто разорительныхъ порядковъ, господствовавшихъ при прежнемъ испанскомъ правительствѣ. Онъ относился съ презрѣніемъ къ разнузданнымъ народнымъ страстямъ, свидѣтелемъ которыхъ ему такъ часто приходилось бывать въ эпоху французской революціи. Однако, Испанія, Тироль, Пруссія и Россія впослѣдствіи заставили его убѣдиться собственнымъ весьма тяжелымъ опытомъ, какъ трудно бороться противъ той инстинктивной первобытной силы, которая живетъ въ душѣ свободолюбивыхъ народовъ. Испанцы не признавали никакого другого короля, кромѣ ихъ природнаго короля Фердинанда VII. Англичане снабдили ихъ деньгами и оружіемъ; хунты (городскія муниципальныя власти) взялись за оружіе. Цѣлыя народныя полчища собирались вокругъ любимыхъ предводителей. Испанскій крестьянинъ бросался изъ осады на французскихъ солдатъ и закалывалъ ихъ, нашептывая молитву; даже священники хватались за кинжалы: недаромъ Наполеонъ былъ притѣснителемъ Св. Отца и грабителемъ Христіанской Церкви. Жозефъ видѣлъ вполнѣ ясно все то, что дѣлается вокругъ него; изъ Бургоса онъ написалъ своему брату, что у него нѣтъ ни одного сторонника, но Наполеонъ слѣпо вѣрилъ въ свое счастье и не сомнѣвался въ своей окончательной побѣдѣ, будучи ослѣпленъ гибельнымъ самомнѣніемъ. Правда, Жозефу удалось вступить въ Мадридъ: но испанцы успѣли захватить французскій флотъ около Кадикса, а догадливый Артуръ Уэльслей доставилъ Испаніи вспомогательныя войска и старался непрерывно растравлять „кровоточащую рану на тѣлѣ французской имперіи". 22 іюля графъ Пьеръ Дюпонъ де л'Этанъ сдался на капитуляцію при Байленѣ. Жозефъ не переставалъ предупреждать своего брата: „Ваша слава стоитъ въ Испаніи на краю гибели!" Жозефъ оставилъ Мадридъ и вспоминалъ съ тоской о Неаполѣ; на всѣ предупрежденія своего брата, Наполеонъ отвѣчалъ надменно, что въ Испаніи онъ дойдетъ до Геркулесовыхъ столбовъ, но не до границъ своихъ владѣній; между тѣмъ возстаніе разливалось все шире и охватывало новые районы. Португалія тоже вступила въ союзъ съ Испаніей. Уэльслей разбилъ французовъ въ сраженіяхъ при Ролисѣ и Вимейро 17 и 21 августа, а 30 августа Жюно и Келлерманъ сдались на капитуляцію въ Синтрѣ.

Пораженія, понесенныя французами при Байленѣ и Синтрѣ, произвели громадное впечатлѣніе на всю Европу. Въ Германіи и въ Австріи взвол-

новалось общественное мнѣніе; баронъ Штейнъ сталъ надѣяться, что эти пораженія Наполеоновской арміи послужатъ толчкомъ къ всеобщему возстанію. Среди германскаго народа, который такъ мало расположенъ къ заговорамъ, стали образовываться тайныя общества, а прусская военная партія завязала сношенія съ австрійскими дипломатами; но король Фридрихъ Вильгельмъ не рѣшался вступить въ войну съ всемірнымъ повелителемъ, не запасшись надежными союзниками. Горькая нужда заставила его вступить на путь великихъ реформъ; Штейнъ и Гарденбергъ все еще стояли вдали отъ престола, но, тѣмъ не менѣе, принимали непосредственное участіе въ преобразованіи прусскаго государственнаго строя (см. табл., прил. къ стр. 80). Вслѣдъ за отмѣной крѣпостного права послѣдовали преобразованія въ административной системѣ, реорганизація арміи, много общественныхъ реформъ, преобразованія въ городскомъ управленіи и т. д. Въ Австріи тоже было замѣтно патріотическое воодушевленіе; графъ Филиппъ Штадіонъ, котораго называли „австрійскимъ Штейномъ“, стремился излѣчить Австрію отъ всѣхъ золъ, укоренившихся въ ея государственномъ строѣ. Какъ только онъ сталъ во главѣ министерства, онъ принялся подогрѣвать патріотизмъ смѣшаннаго населенія Австрійской имперіи, состоявшаго изъ различныхъ народностей; онъ думалъ о всеобщей войнѣ европейскихъ народовъ противъ Наполеона. Фридрихъ Генцъ писалъ въ духѣ національной независимости и освобожденія Европы, а Штейнъ совѣтовалъ Вѣнскому двору, который, впрочемъ, мало прислушивался къ его словамъ, чтобы Австрія объявила Наполеону войну раньше, чѣмъ ему удастся справиться съ Испаніей. Однако эрцгерцогъ Карлъ считалъ необходимымъ пока отложить объявленіе войны и ограничился на первыхъ порахъ реорганизаціей арміи и устройствомъ запаса арміи (ландвера) во всей имперіи, кромѣ Венгріи. Въ то же время русскій царь уговаривалъ императора Франца соблюдать миръ, такъ какъ Россія хотѣла свести свои счеты съ Портой безъ всякаго вмѣшательства со стороны Австріи. Такимъ образомъ Австрійская имперія осталась въ выжидательномъ положеніи.

Наполеонъ считалъ войну съ Австріей неизбѣжной, но выжидалъ, пока ему удастся справиться съ Испаніей. Никто не радовался такъ искренне французскимъ неудачамъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, какъ папа, который фактически томился въ плѣну у Наполеона, у котораго французы отбирали одну область за другой, какъ усердно онъ ни протестовалъ передъ всей Европой. Наполеону думалось, что если бы ему удалось сильнѣе привязать къ себѣ подозрительнаго императора Александра, то онъ могъ бы вывести изъ Германіи свою великую армію и при помощи ея окончательно придушить Испанію; всѣ Германскія государства, находившіяся въ вассальной зависимости отъ него, поневолѣ послѣдовали бы за нимъ. Между прочимъ, Наполеону было доставлено перехваченное 15 августа письмо Штейна, которое вызвало въ немъ такой взрывъ бѣшенства, что дальнѣйшее существованіе Прусскаго королевства было подвержено большой опасности. Наполеонъ присталъ къ принцу Вильгельму Прусскому съ ножемъ къ горлу, и тотъ вынужденъ былъ подписать крайне унизительное для Пруссіи Парижское соглашеніе отъ 8-го сентября 1808 года, по которому Пруссія была низведена до безправнаго положенія какого-либо изъ государствъ Рейнскаго союза; она обязалась не держать подъ оружіемъ больше 42,000 человѣкъ и отказалась отъ ландвера и всенароднаго ополченія.

Наполеонъ снова обѣщалъ предоставить Александру полную свободу дѣйствій на Востокѣ, разжигалъ всевозможными фантастическими проектами страсть русскаго императора къ новымъ завоеваніямъ и пригласилъ его въ Эрфуртъ подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ слѣдуетъ рѣшить сообща дальнѣйшія судьбы всего міра. Въ виду неудачъ, постигшихъ француз-

ское оружіе въ Испаніи, было удобно возобновить предъ глазами всей Европы франко-русскій союзъ; а чтобы придать этой картинѣ болѣе грандіозный видъ, Наполеонъ пригласилъ также въ Эрфуртъ владѣтельныхъ князей Рейнскаго союза, которые сами по себѣ не имѣли никакого значенія, но представляли изъ себя весьма эффектный фонъ. Знаменитый виртуозъ Тальма игралъ каждый вечеръ „предъ цѣлымъ партеромъ, наполненнымъ королями", а между тѣмъ оба императора вели между собою переговоры. На словахъ они были преисполнены самой нѣжной дружбой другъ къ другу, но въ душѣ каждый думалъ только о своей выгодѣ: Наполеонъ искалъ руки одной изъ русскихъ великихъ княженъ, но не имѣлъ успѣха, а Александру такъ и не достался Константинополь, „этотъ ключъ отъ домовой двери". Эрфуртскій договоръ 19 октября былъ только возобновленіемъ Тильзитскаго союза; онъ гарантировалъ неприкосновенность всѣхъ владѣній турецкаго султана кромѣ дунайскихъ княжествъ. Было также рѣшено, что въ случаѣ войны съ Австріей оба императора должны были придти другъ къ другу на помощь. Прусская территорія была снова урѣзана, и Прусскому королю поневолѣ пришлось смириться предъ диктатурой обоихъ императоровъ: 6-го ноября послѣдовало новое соглашеніе между ними относительно уплаты Пруссіей военной контрибуціи и уступки ею нѣкоторыхъ изъ ея областей. 24 ноября сошелъ съ политической сцены Штейнъ, который былъ душою противонаполеоновской партіи; 16 декабря Наполеонъ издалъ въ Мадридѣ приказъ, по которому Штейнъ былъ лишенъ гражданскихъ правъ, а имущество его отобрано въ казну: Наполеонъ воевалъ „съ какимъ-то Штейномъ" (le nommé Stein) съ такимъ же усердіемъ, какъ съ могущественной великой державой. Штейнъ нашелъ для себя убѣжище въ Австріи, но не пользовался здѣсь никакимъ вліяніемъ. Императоръ Францъ считалъ его за якобинца и придирчиваго критика общественной нравственности и былъ настолько терпѣливымъ, что смиренно преклонялся предъ слѣдующимъ изреченіемъ Наполеона: „не забывайте, Ваше Величество, что Вы остаетесь тѣмъ, чѣмъ Вы есть, только благодаря моему желанію". 4 декабря Мадридъ сдался Наполеону; онъ обошелся съ Испаніей, какъ съ завоеванной страной, и распоряжался по своему усмотрѣнію, не обращая никакого вниманія на Жозефа, который вернулся въ Мадридъ 22 января 1809 г. и собирался ввести въ Испаніи либеральный образъ правленія; Наполеонъ призналъ это смѣшной затѣей, указывалъ ему, что топоръ, плаха и висѣлица будутъ болѣе надежными опорами для его престола, и отдалъ всю Испанію своимъ солдатамъ на разграбленіе. Между тѣмъ во Франціи все разросталось всеобщее недовольство, вызванное разстройствомъ благосостоянія французскаго народа.

ж) Война 1809 г.

Австрія, которая вынесла безропотно столько тяжелыхъ оскорбленій, наконецъ, взялась за оружіе. Вездѣ, какъ во дворцѣ императора, такъ и въ самой послѣдней хижинѣ, раздавался одинъ и тотъ же призывъ къ мести; ландверъ (запасъ арміи) спѣшилъ къ своимъ знаменамъ, народъ былъ готовъ на всякія жертвы. Напрасно Вѣнскій кабинетъ ожидалъ, что Россія и Пруссія примкнутъ къ нему; а Наполеонъ относился къ войнѣ съ Австріей съ шутливымъ презрѣніемъ; „должно быть, Австрія напилась воды изъ рѣки забвенія, а императору Францу надоѣлъ его тронъ", такъ острилъ онъ. Между тѣмъ изъ Испаніи пришло извѣстіе о томъ, что Сарагосса сдалась Ланну; а государства Рейнскаго Союза, территорія котораго занимала въ это время вдвое большее пространство, чѣмъ Пруссія, доставили во французскую армію болѣе 100,000 человѣкъ, которые поступили подъ начальство французскихъ генераловъ. Австрійская армія по своей численности значительно уступала Наполеоновской; кромѣ того,

приготовленія къ войнѣ еще не были закончены; на это послѣднее обстоятельство эрцгерцогъ Карлъ напрасно указывалъ слишкомъ пылкому Штадіону. Въ противоположность правительствамъ Рейнскаго союза въ населеніи этихъ государствъ стали пробуждаться патріотическія чувства; оно вспомнило о тысячелѣтнемъ объединеніи Германской имперіи подъ властью Габсбурговъ и читало съ воодушевленіемъ прокламаціи эрцгерцога Карла, которыя призывали всѣхъ жителей Австріи и Германіи къ борьбѣ за общее дѣло.

Военныя дѣйствія открылись прежде всего въ Тиролѣ, населеніе котораго отличалось наиболѣе глубокою привязанностью къ своему императору. Въ теченіе пяти дней тирольское народное ополченіе (ландштурмъ) освободило свою родину отъ баварцевъ и французовъ; графъ П. Ф. И. Г. Биссонъ сложилъ оружіе при Вилленѣ. Наполеону во второй разъ пришлось испытать на себѣ всю силу народнаго негодованія, и во всей Сѣверной Германіи превозносили Андрея Гофера, Іосифа Шпекбахера и ихъ товарищей, какъ германскихъ національныхъ героевъ. 9-го апрѣля эрцгерцогъ Карлъ перешелъ черезъ рѣку Иннъ, но при этомъ армія его раздѣлилась; Наполеонъ, напротивъ того, сосредоточилъ всю свою армію въ одномъ пунктѣ и за пять дней успѣлъ отбросить эрцгерцога Карла обратно въ Богемію. Всѣ надежды Австріи были разбиты, мечта Штадіона о всеобщемъ возстаніи европейскихъ народовъ не сбылась; эрцгерцогъ Карлъ впалъ въ уныніе. 13-го мая французы во второй разъ вступили въ Вѣну. Всѣ разрозненныя попытки отстоять свою независимость, которыя были сдѣланы въ это время въ Германіи и которыя были направлены противъ самого Наполеона или противъ короля Вестфальскаго Жерома, потерпѣли неудачу; только на Пиренейскомъ полуостровѣ побѣда осталась на сторонѣ „желѣзнаго“ Уэльслея, да еще тирольцамъ удалось во второй разъ освободиться отъ французовъ въ концѣ мая.

Гордый и всевластный выскочка металъ изъ Шенбрунна громы и молніи противъ „Лотарингскаго дома“, подстрекалъ венгерцевъ отвоевать себѣ независимость и выбрать себѣ особаго короля, перечислялъ грѣхи „римскихъ епископовъ“, а 17 мая присоединилъ остатокъ Церковной области къ Франціи, ссылаясь на свои права въ качествѣ „преемника Карла Великаго“; когда же Пій осмѣлился 10-го іюня отлучить Наполеона отъ церкви, какъ деспота и всеобщаго поработителя, то папа былъ насильно увезенъ въ Савону по приказу французскаго императора. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ весь міръ за поединкомъ между Франціей и Австріей.

Неожиданно для всѣхъ эрцгерцогъ Карлъ нанесъ „непобѣдимому“ пораженіе при Асппернъ-Эсслингѣ 21 и 22-го мая и не далъ ему перейти черезъ Дунай. Къ сожалѣнію, эрцгерцогъ Карлъ не сумѣлъ воспользоваться плодами своей побѣды. Несмотря на это, вся Германія возвела его въ національные герои вслѣдъ за поэтами Теодоромъ Кернеромъ и Генрихомъ фонъ Клейстомъ; Наполеонъ видѣлъ, какое невыгодное для него впечатлѣніе произвела повсюду эта побѣда австрійцевъ, и кипѣлъ отъ злости противъ „этой канальи австрійцевъ“. Въ первый разъ ему пришлось терпѣть пораженіе не отъ коалиціи, а отъ одного отдѣльнаго государства.

Однако вскорѣ событія на театрѣ военныхъ дѣйствій приняли другой оборотъ: 6-го іюля Наполеонъ разбилъ эрцгерцога Карла у Ваграма, и вслѣдъ затѣмъ было заключено перемиріе въ Цнаемѣ. Въ Вѣнѣ одержала верхъ мирная партія; графъ Штадіонъ вышелъ въ отставку, а новый министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Клеменсъ Меттернихъ-Виннсбургъ (см. его портретъ на табл., прилож. къ стр. 46) держался оппортунистической политики. Наполеонъ былъ очень доволенъ малодушіемъ „жалкаго

Франца“ (chétif François), который не рѣшался продолжать войны и хлопоталъ о скорѣйшемъ заключеніи мира: и безъ того у французскаго императора было не мало хлопотъ съ Испаніей и Португаліей. Уэльслей одержалъ 27—28 іюля при Талавера де ла Реина блестящую побѣду надъ королемъ Жозефомъ и въ награду за нее получилъ титулъ виконта Веллингтона. Однако британская экспедиція на зеландскій островъ Вальхеренъ, расположенный между устьемъ Шельды и Нѣмецкимъ моремъ, потерпѣла неудачу.

Наполеонъ весьма охотно вступилъ въ мирные переговоры съ Австріей. Онъ видѣлъ, что Россія готова вмѣшаться въ войну, и понималъ, что русская дружба болѣе, чѣмъ сомнительна; среди руководящихъ круговъ русскаго правительства не было, собственно говоря, ни одного сторонника этой дружбы, кромѣ неспособнаго канцлера Россійской Имперіи графа Румянцева, а императрица — мать Марія Ѳеодоровна была такимъ же заклятымъ врагомъ Наполеона, какъ и австрійская императрица Марія Людовика и прусская королева Луиза. Покушеніе сына пастора Ф. Штапса на жизнь Наполеона (12 октября) произвело на него глубокое впечатлѣніе; онъ опасался повторенія подобныхъ злоумышленій, поспѣшилъ съ заключеніемъ мирнаго договора, который былъ подписанъ 14-го октября, и на слѣдующій же день уѣхалъ изъ Вѣны. Этотъ Шенбруннскій мирный договоръ заключалъ въ себѣ очень суровыя для Австріи условія. Она вынуждена была уступить Франціи, Италіи и Россіи, герцогству Варшавскому, Баваріи и Саксоніи въ общемъ свыше 2000 кв. миль территорій съ населеніемъ въ $3^1/_2$ милліона; кромѣ того, она обязалась уплатить 85 милліоновъ франковъ военной контрибуціи и не держать подъ ружьемъ больше 150 тысячъ человѣкъ; она лишилась своихъ приморскихъ владѣній, была со всѣхъ сторонъ окружена всемірной имперіей Наполеона и сильно страдала отъ навязанной ей континентальной системы. Францъ вынужденъ былъ признать всѣ происшедшія и предстоящія въ будущемъ перемѣны въ политическомъ строѣ Апеннинскаго и Пиренейскаго полуострововъ; по требованію Наполеона онъ обязался, кромѣ того, прекратить всѣ сношенія съ Великобританіей; австрійскіе финансы были до крайности разстроены, и не предвидѣлось никакого способа для улучшенія ихъ. Австрія пожертвовала геройскимъ Тиролемъ съ Форарльбергомъ, осталась молчаливой свидѣтельницей казни Гофера, который былъ разстрѣлянъ 20-го февраля 1810 года и вообще превратилась во второстепенную державу, находящуюся подъ контролемъ Франціи. Меттернихъ никогда не вѣрилъ въ долговѣчность Наполеоновской всемірной имперіи, но тѣмъ не менѣе считалъ въ настоящій моментъ тѣсную дружбу съ Наполеономъ единственнымъ средствомъ къ спасенію. Императоръ Александръ также былъ недоволенъ тѣмъ, что Варшавское герцогство все расширялось и что такимъ образомъ на самомъ порогѣ Россіи образовалось новое Польское государство; но онъ успокоился, когда ему былъ уступленъ австрійскій округъ Тарнополь, и тоже сталъ играть роль наемника французскаго императора.

Наполеонъ привелъ въ исполненіе давно уже задуманный имъ разводъ съ Жозефиной. Необходимымъ цементомъ для прочности своей династіи онъ считалъ брачный союзъ съ однимъ изъ старинныхъ царствующихъ домовъ Европы; такъ какъ за него не хотѣли выдать замужъ русской великой княжны, то онъ вступилъ въ бракъ черезъ посредника съ эрцгерцогиней Маріей Луизой, дочерью императора Франца (11-го марта 1810 года).

Брачный церемоніалъ былъ устроенъ пунктуально по образцу „предшественника“ Наполеона, Людовика XVI. Всѣ рейнскіе князья присутствовали при обрядѣ вѣнчанія, который былъ совершенъ кардиналомъ Фешомъ въ Луврѣ 2-го апрѣля; пять королевъ несли шлейфъ новобрачной. Избалованный всеобщей покорностью всемірный повелитель пришелъ

въ ярость, когда замѣтилъ, что цѣлая половина коллегіи кардиналовъ, насильно переведенной въ Парижъ, не присутствовала при обрядѣ; этихъ непокорныхъ кардиналовъ прозвали „черными". „Возстановитель алтарей" былъ крайне разочарованъ: онъ ожидалъ отъ Куріи слѣпого повиновенія, а между тѣмъ она осмѣлилась осудить его второй бракъ и назвать его прелюбодѣяніемъ. 17-го февраля 1810 года было издано постановленіе сената, по которому Церковная область была присоединена къ Имперіи: Римъ былъ признанъ второй столицей, и, въ подражаніе древнимъ историческимъ воспоминаніямъ, предполагалось дать титулъ римскаго короля ожидаемому первородному сыну Маріи Луизы; уничтожить папство — на это не рѣшался даже Наполеонъ, который разрушилъ, не задумываясь, столько королевствъ въ Европѣ. Предполагалось сдѣлать Парижъ столицей христіанскаго міра, а папѣ дать роль духовнаго эрцканцлера Наполеоновской имперіи на правахъ предсѣдателя собора французскаго духовенства и поставить галликанскую церковь внѣ всякой зависимости отъ Рима; самъ Наполеонъ хотѣлъ быть одновременно и цезаремъ, и папой. На этотъ разъ Наполеонъ опять не понялъ духа своего времени: вѣру своихъ подданныхъ невозможно подчинить себѣ насильственно на подобіе Церковной области, папы и кардиналовъ. Пій съ своей стороны спокойно переносилъ свое суровое заточеніе въ Савонѣ, и его пассивное сопротивленіе тоже было непреодолимой силой.

Споръ между папой и „комедіантомъ" произвелъ глубокое впечатлѣніе на испанцевъ и ожесточилъ ихъ еще сильнѣе противъ иноземнаго господства. Испанія и Португалія были могилой для ветерановъ Наполеона. Вести правильную войну противъ партизанскихъ отрядовъ (Guerillas) представлялось совершенно невозможнымъ. Жозефа Наполеонъ отодвинулъ на задній планъ, а распоряжавшіеся въ Испаніи маршалы императора оказывались совершенно безсильными противъ Веллингтона. Однимъ изъ самыхъ дикихъ безумій Наполеона было то упорство, съ которымъ онъ цѣплялся за континентальную систему (срав. томъ VII, стр. 133). Онъ велъ съ англичанами ожесточенную коммерческую войну; онъ надѣялся, что закроетъ для нихъ всѣ европейскія гавани и доведетъ ихъ до полнаго разоренія. Континентальная система нанесла тяжелый ударъ торговлѣ нейтральныхъ государствъ. На основаніи тріанонскаго тарифа и декрета Наполеона, обнародованнаго въ Фонтенбло въ 1810 г., всѣмъ государствамъ, находящимся подъ властью Наполеона, были запрещены всякія торговыя сношенія съ Великобританіей, всѣ привозимые англійскіе товары подлежали конфискаціи и сожженію. Солдаты французскаго императора съ безпощадной жестокостью приводили въ исполненіе эти распоряженія на всемъ протяженіи Западной Европы отъ Испаніи и Швейцаріи до Швеціи и Ганзейскихъ городовъ; само собой разумѣется, что, несмотря на всѣ эти мѣропріятія, процвѣтала въ самыхъ широкихъ размѣрахъ самая дерзкая контрабанда; для поддержанія императорской монополіи была уничтожена торговля всѣхъ европейскихъ государствъ, не исключая и Франціи.

3) Расцвѣтъ и упадокъ міровой державы Наполеона.

Положеніе Пруссіи становилось все болѣе отчаяннымъ. Наполеонъ требовалъ безжалостно уплаты недоимки военной контрибуціи, а финансовыя затрудненія Прусскаго короля только забавляли его; въ декабрѣ 1809 г. Берлинъ былъ опять занятъ французскими войсками; императоръ требовалъ отъ короля новыхъ территоріальныхъ уступокъ, и министерство Альтенштейнъ-Дона совѣтовало уступить часть Силезіи. По совѣту своей мужественной супруги королевы Луизы (см. портретъ на табл., приложенн. къ стр. 80) Фридрихъ Вильгельмъ далъ отставку

своимъ малодушнымъ совѣтникамъ, и въ іюнѣ 1810 г. государственнымъ канцлеромъ былъ назначенъ баронъ Карлъ Августъ фонъ Гарденбергъ (см. его портретъ на той же табл.). Тогда наступила вторая эпоха реформъ. но королевѣ не суждено было дожить до самообновленія Пруссіи; она скончалась вскорѣ послѣ этого 19 іюля 1810 г. Широкія полномочія, предоставленныя Гарденбергу, противорѣчили всѣмъ традиціямъ прусской бюрократіи. Гарденбергъ предпринялъ, сообща съ Штейномъ, много преобразованій въ прусской правительственной системѣ и старался предоставить возможно большую свободу производительнымъ силамъ своего отечества. Онъ нисколько не смущался тѣмъ рѣзкимъ сопротивленіемъ, съ которымъ были встрѣчены его мѣропріятія со стороны привилегированныхъ сословій. Распоряженія, изданныя въ сентябрѣ 1811 г., были окончательнымъ завершеніемъ новаго аграрнаго законодательства; въ 1810 г. въ Пруссіи была введена раньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ герм. госуд., свобода промысловъ по образцу королевства Вестфальсткаго. Однако данное Фридрихомъ Вильгельмомъ въ своемъ финансовомъ эдиктѣ отъ 27 октября 1810 г. обѣщаніе ввести цѣлесообразное народное представительство было слишкомъ поспѣшнымъ и не оправдалось въ дѣйствительности: собраніе земскихъ депутатовъ 1811 г., равно какъ и „временное народное представительство“ 1812 г., нисколько не соотвѣтствовали ожиданіямъ, вызваннымъ въ народѣ словами короля.

Голландія страдала отъ континентальной системы больше всѣхъ другихъ Европейскихъ государствъ, такъ какъ ея благосостояніе зависѣло отъ торговли съ Великобританіей. Король Луи сталъ заклинать своего брата отказаться отъ этой злосчастной системы; но Наполеонъ былъ упрямъ и не поддавался никакимъ убѣжденіямъ. Напротивъ того, Наполеонъ разозлился на своего брата, который думалъ объ интересахъ Голландіи, а не о выгодахъ его самого, и въ наказаніе за это присоединилъ въ мартѣ 1810 г. часть владѣній Голландскаго короля къ своей имперіи. Когда для исполненія этого приказа былъ посланъ въ Голландію отрядъ французскихъ войскъ подъ командой генерала Удино, то Луи не могъ больше вынести своей печальной роли, отрекся отъ престола и бѣжалъ въ Австрію; тогда Наполеонъ заявилъ 9 іюля, что Голландія есть ничто иное, какъ „наносъ французскихъ рѣкъ“, и поэтому должна быть присоединена къ французской имперіи; вслѣдъ затѣмъ онъ ввелъ въ этой странѣ континентальную систему и поставилъ ее на порогъ банкротства. Не довѣряя больше королямъ изъ своей собственной семьи, онъ сталъ урѣзывать ихъ владѣнія; у короля вестфальскаго Жерома, которому онъ незадолго предъ тѣмъ въ январѣ 1810 г. отдалъ Ганноверъ, онъ уже въ декабрѣ отнялъ обратно значительную часть этой области и присоединилъ ее къ своей имперіи; такимъ же образомъ обошелся онъ также съ королемъ испанскимъ Жозефомъ. Ради строгаго проведенія континентальной системы онъ присоединилъ къ Французской имперіи въ декабрѣ 1810 г. весь берегъ Нѣмецкаго моря отъ устья рѣки Эмса до устья рѣки Эльбы, Ганзейскіе города, Лауэнбургъ, Ольденбургъ, а также Валлисъ; предполагалось соединить посредствомъ канала Парижъ съ Балтійскимъ моремъ. Герцогъ Ольденбургскій и владѣтельные князья Сальмскій и Арембергскій были лишены своихъ владѣній безъ всякаго повода съ ихъ стороны. Князь примасъ Дальбергъ былъ назначенъ великимъ герцогомъ Франкфуртскимъ; своимъ наслѣдникомъ онъ объявилъ пасынка Наполеона Эжена. Рейнскій союзъ, который занималъ пространство около 5800 кв. миль съ населеніемъ въ 15 милліоновъ въ періодъ своего наибольшаго развитія, былъ могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ Наполеона.

Подъ непосредственной властью Наполеона состояло въ это время все пространство отъ Рима до Балтійскаго моря; кромѣ того, французскому императору были подчинены 39 вассальныхъ государствъ, а въ

общемъ Наполеонъ властвовалъ надъ $72^{1}/_{2}$ милліонами людей. Преисполненный сознаніемъ своего величія, онъ давалъ о себѣ самомъ такой отзывъ: „я обладаю силою слона, я раздавливаю все, къ чему только притронусь". Онъ думалъ о дальнѣйшемъ расширеніи своей имперіи, о присоединеніи къ ней Пиренейскаго и Апеннинскаго полуострововъ; „трезубецъ соединится съ мечемъ; Нептунъ и Марсъ общими силами создадутъ Римскую имперію новаго времени; на всемъ протяженіи отъ Рейна до Атлантическаго океана, отъ Шельды до Адріатическаго моря будетъ жить только одинъ народъ, подчиняющійся одной волѣ и говорящій однимъ общимъ языкомъ". Онъ жалѣлъ только объ одномъ, что современный міръ не повѣритъ ему, если онъ станетъ выдавать себя за сына Божія, по примѣру Александра Македонскаго. Датское правительство повиновалось безпрекословно французскому императору. Въ Швеціи произошелъ дворцовый переворотъ, руководителемъ котораго былъ дядя короля; весною 1809 г, Густавъ Адольфъ IV былъ низверженъ съ престола, и сословный сеймъ ограничилъ права короны. Новый шведскій король Карлъ XIII, съ которымъ Наполеонъ обращался, какъ съ своимъ подданнымъ, былъ вынужденъ подписать парижскій мирный договоръ 1810 г., по которому онъ обязался ввести въ своемъ королевствѣ континентальную систему и объявить войну Великобританіи. Въ напрасной надеждѣ угодить этимъ Наполеону бездѣтный Карлъ XIII и сословный сеймъ назначили въ августѣ того же года наслѣдникомъ шведскаго престола маршала Жана Батиста Жюля Бернадотта. Счастье неизмѣнно благопріятствовало Наполеону во всѣхъ его предпріятіяхъ (см. фиг. 4 на табл., прилож. къ стр. 32); „Еще три года, и я буду владыкой всего міра", такъ хвалился онъ самоувѣренно предъ графомъ Карломъ Филиппомъ Вреде. 20 марта 1811 г. у него родился сынъ, которому былъ присвоенъ титулъ римскаго короля, и теперь, казалось, его счастье было упрочено на вѣки: четвертая династія, какъ онъ называлъ представителей своей семьи, не только была на верху славы въ настоящее время, но еще пріобрѣла залогъ будущаго преуспѣянія. Опьяняющій восторгъ объялъ всю Францію, а всѣ вассальныя государства Наполеона, монархи, сатрапы его, и дипломаты старались превзойти другъ друга въ низкопоклонныхъ поздравленіяхъ, преподносимыхъ „новому Мессіи". Казалось, будто все современное поколѣніе было воспитано для рабства. Въ теченіе одной недѣли около 2000 поэтовъ поднесли щедрому отцу новорожденнаго свои восторженныя поздравленія. Среди всего этого хора прозвучали одиноко пророческія слова одного австрійца: „кто знаетъ, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ римскій король будетъ у насъ тутъ, въ Вѣнѣ, нищимъ студентомъ".

Границы міровой державы Наполеона придвигались все ближе къ Россіи. Александръ уже понялъ, что Наполеонъ перехитрилъ его въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, что Порта состоитъ подъ французскимъ покровительствомъ и что герцогство Варшавское можетъ вскорѣ превратиться въ новую Польскую державу; между тѣмъ Наполеонъ все еще мечталъ о томъ, что его таможенные чиновники будутъ хозяйничать въ ущербъ Великобританіи также на берегахъ Невы и Волги, что онъ предприметъ съ береговъ Волги новый походъ къ Гангу, по примѣру Александра Македонскаго, что онъ создастъ цѣлую тучу морскихъ эскадръ, которыя будутъ преслѣдовать британцевъ на всѣхъ моряхъ и что онъ будетъ водить за носъ поляковъ и травить ими Россію. Императоръ Александръ считался главою Гольштейнъ-Готторпскаго дома и чувствовалъ себя оскорбленнымъ низверженіемъ герцога Ольденбургскаго, который былъ его двоюроднымъ братомъ; онъ отправилъ Наполеону письменный протестъ, но тотъ возвратилъ его нераспечатаннымъ черезъ русскаго посланника. Тогда русскій царь отказался отъ континентальной системы Наполеона указомъ отъ

31 декабря 1810 г. и ввелъ новый таможенный тарифъ, направленный противъ Франціи, благодаря которому русская торговля опять быстро поднялась. Не переставая увѣрять другъ друга въ своей неизмѣнной дружбѣ, оба императора стали готовиться къ войнѣ другъ противъ друга, которую Талейранъ назвалъ „началомъ конца". Александръ ожидалъ этой войны со страхомъ и рѣшилъ выжидать на русской территоріи нападенія со стороны своего эрфуртскаго друга, такъ какъ онъ надѣялся, что на своей собственной землѣ русскій народъ будетъ драться съ отчаяннымъ мужествомъ; благодаря подкупу, русскому императору удалось раздобыть изъ французскаго военнаго министерства нѣкоторыя свѣдѣнія относительно плана предстоящей кампаніи.

Наполеонъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что владѣтельные князья Рейнскаго союза останутся ему вѣрными до конца, такъ какъ онъ смѣщалъ ихъ при малѣйшемъ подозрѣніи, какъ это видно изъ письма его къ Вюртембергскому королю, наименѣе низкопоклонному изъ всѣхъ этихъ владѣтелей. На нижнемъ теченіи рѣки Эльбы было сосредоточено 200.000 человѣкъ французскихъ войскъ, и въ Пруссіи всѣ опасались, что еще до наступленіи войны Прусское королевство будетъ стерто съ политической карты Европы. Пруссія была связана по рукамъ и по ногамъ. Россія не оказывала ей никакой поддержки, а послѣдовать совѣтамъ Гнейзенау и Шарнгорста и призвать страну къ всеобщей народной войнѣ—на это король не рѣшался и называлъ такое предложеніе пустой фантазіей. Миссія Шарнгорста въ С.-Петербургѣ и Вѣнѣ не имѣла почти никакого успѣха,-Меттернихъ нисколько не былъ заинтересованъ въ дальнѣйшемъ существованіи Пруссіи и наотрѣзъ отказалъ ей въ своей помощи; наконецъ Великобританія не хотѣла больше давать денегъ. У Пруссіи не осталось никакого другого исхода, и 24 февраля 1812 г. она заключила союзъ съ Наполеономъ и обязалась доставить ему 20.000 человѣкъ; французамъ былъ открытъ доступъ для свободнаго прохода почти черезъ всю Пруссію: всѣ крѣпости и столица королевства Берлинъ были въ ихъ рукахъ, а Прусскій король жилъ въ Потсдамѣ и имѣлъ при себѣ только нѣсколько сотъ человѣкъ лейбъ-гвардіи. 14 марта 1812 г. Австрія тоже вступила въ союзъ съ Наполеономъ и обѣщалась прислать ему 30.000 своихъ солдатъ, хотя она вовсе не находилась въ такомъ стѣсненномъ положеніи, какъ Пруссія; въ то же время Австрійскій кабинетъ по секрету старался увѣрить русское правительство, что Австрія будетъ принимать участіе въ войнѣ только для вида.

Швеція тоже сильно страдала отъ континентальной системы и втайнѣ поддерживала торговыя сношенія съ Великобританіей, съ которой она обязалась вступить въ войну по договору съ Франціей. Шведскій кронпринцъ Карлъ Іоаннъ (бывшій маршалъ Бернадоттъ), который управлялъ почти самостоятельно всѣми дѣлами шведскаго правительства, хотѣлъ завладѣть Норвегіей, но такъ какъ Наполеонъ не соглашался на это, то онъ вошелъ въ соглашеніе съ Россіей; въ апрѣлѣ 1812 г. былъ заключенъ шведско-русскій союзъ, а затѣмъ послѣдовало соглашеніе между Россіей и Великобританіей. Султану Махмуду II (царств. отъ 1808 до 1839 г., срав. томъ V) Александръ сообщилъ о тайномъ предложеніи Наполеона подѣлить Турцію между Франціей и Россіей; благодаря этому султанъ сталъ сговорчивѣе, и 28 мая 1812 г. между Россіей и Турціей состоялся Бухарестскій мирный договоръ, по которому Турція уступила Россіи Бессарабію.

Александръ не располагалъ даже и третьей частью Наполеоновской арміи. „Великая армія" французскаго императора, состоявшая изъ пестрой смѣси различныхъ націй, была самой многочисленной изъ всѣхъ, какія свѣтъ видалъ до этихъ поръ: въ составъ ея входило 647.000 человѣкъ. Зато въ мирномъ населеніи всей Европы стало замѣтно сказываться всеобщее негодованіе противъ деспотизма Наполеона и противъ малодушнаго низко-

поклонства правителей европейскихъ народовъ. Всеобщее броженіе давало себя чувствовать даже среди нѣмцевъ, которые вообще отличаются необыкновенно спокойнымъ темпераментомъ; а между тѣмъ нѣмецкіе государи встрѣчали въ Дрезденѣ съ покорной головой всемогущаго властителя, и каждый изъ нихъ старался прочесть въ его глазахъ свою будущую участь; даже наиболѣе независимые изъ нѣмецкихъ государей, императоръ Францъ и король Фридрихъ Вильгельмъ, тоже явились встрѣчать Наполеона въ Дрезденъ. 29 мая французскій императоръ выѣхалъ изъ Дрездена. Поляки поспѣшили провозгласить въ Варшавѣ возстановленіе польскаго королевства: „судьба Россіи скоро свершится, татары будутъ отброшены обратно за Москву", хвалились они напередъ. Не объявляя войны, Наполеонъ вступилъ 25 іюня въ предѣлы Россіи около Ковны. Первая русская армія, состоявшая подъ командой Михаила Барклая де Толли, непрерывно отступала вглубь Россіи вмѣсто того, чтобы пойти на соединеніе со второй арміей, бывшей подъ начальствомъ князя Петра Багратіона. Только около Смоленска первая армія приняла бой съ Наполеономъ и была разбита 7 августа. Какъ было и въ Испаніи, религіозный фанатизмъ побуждалъ русскій народъ къ упорной войнѣ противъ французовъ; мирное населеніе взялось за оружіе. Все дальше и глубже заманивали русскіе врага въ опустѣвшія мѣстности, въ которыхъ онъ не могъ найти ни крова, ни пищи. При всемъ томъ золотые куполы Москвы предательски манили къ себѣ Наполеона, онъ вспоминалъ о своемъ торжественномъ вступленіи въ Вѣну и Берлинъ, въ Мадридъ и Лиссабонъ и нисколько не сомнѣвался, что какъ только онъ совершитъ свой въѣздъ въ Москву, Александръ станетъ умолять его о заключеніи мира.

Благодаря войнѣ при С.-Петербургскомъ дворѣ одержала верхъ старорусская партія, и главнокомандующимъ былъ назначенъ М. И. Голенищевъ-Кутузовъ. Наполеонъ побѣдилъ Кутузова 7 сентября въ кровопролитной битвѣ при Бородино, въ которой Багратіонъ былъ смертельно раненъ, однако, Наполеону не суждено было воспользоваться плодами своей побѣды; отъ его „великой" арміи осталось едва 100.000 человѣкъ, и солдаты стали роптать на тяжелыя лишенія, которыя они переносили ради честолюбія императора. 14 сентября Наполеонъ вступилъ въ Москву и поселился въ Кремлѣ, а городъ былъ отданъ солдатамъ на разграбленіе; но московскій генералъ-губернаторъ графъ Ф. В. Ростопчинъ, смертельный врагъ французовъ, возбудилъ московское населеніе противъ „некрещеныхъ супостатовъ", удалилъ весь пожарный обозъ, собственными руками поджогъ свой загородный домъ и предалъ огню матушку Москву въ припадкѣ фанатическаго патріотизма. Городъ горѣлъ до 20 сентября, а французская армія совершенно деморализовалась и перестала повиноваться дисциплинѣ. Не могло быть и рѣчи о заключеніи мира съ народомъ, фанатизмъ котораго доходилъ до такихъ чудовищныхъ размѣровъ. Онъ продолжалъ бы войну даже въ томъ случаѣ, если Наполеонъ загналъ бы его въ Сибирь. Душа Александра воспламенилась новымъ духомъ. Подъ вліяніемъ Штейна и Арндта онъ пріободрился, и въ немъ закипѣла благородная энергія. Въ то же время въ Германіи образовалось общество для пропаганды общаго возстанія противъ Наполеона, а русскій народъ былъ готовъ на всякія жертвы: нѣкоторые изъ русскихъ дворянъ сформировали на свой счетъ по цѣлому полку. Наполеонъ очутился на краю страшной пропасти. Онъ вступилъ въ мирные переговоры, но это было только безполезной тратой времени, а между тѣмъ приближалась зима, самый грозный изъ русскихъ союзниковъ, и всѣ стали совѣтовать французскому императору отступить въ Польшу. Наполеонъ не послушался благоразумныхъ совѣтовъ: спуститься сразу съ такой высоты — это было слишкомъ обидно для его гордой натуры, и онъ все еще упирался; онъ не могъ забыть, какое малодушіе обнаружилъ Александръ послѣ своихъ пораженій при Аустерлицѣ и Фридландѣ.

Исторія человѣчества VIII.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб

Указатель къ картѣ „Средняя Европа въ 1813 году“.

(Заключенныя въ скобки буквы [В] обозначаютъ сокращенія на картѣ).

I. Рейнскій Союзъ.	G-L, 1-5
1: Королевства:	
Баварія	HIK3,4,5
Департаменты:	
Верхняго Дуная	I 4
Зальцахъ	K4, 5
Изаръ	IK4, 5
Иллеръ	HI 4, 5
Инна	I 5
Маинъ	IK3, 4
Нижняго Дуная	K 4
Регена	IK 4
Резатъ	I 4
Вестфалія	HI 2. 3
Департаменты:	
Аллера	HI 2
Верры	H 3
Гарца	HI 3
Заале	I 3
Оккера	HI 2, 3
Фульды	H 3
Эльбы	I 2
Виртембергъ	H4, 5
Саксонія	IKL3
2. Великія герцогства:	
Баденъ	GH4. 5
Бергъ	GH3
Департаменты:	
Зига	GH3
Рейна	G3
Рура	GH3
Вюрцбургъ	HI3, 4
Гессенъ	GH3.4
Франкфуртъ	H3, 4
3. Герцогства:	
Ангальтъ	IK2. 3
Мекленбургъ-Шверинъ	IK1, 2
„ -Стрелицъ	K2
Нассау	GH3
Саксонскія герцогства	IK3
4. Княжества:	
Вальдекъ (В)	H 3
Гогенцоллернъ (ГО)	H4, 5
Изенбургъ (И)	H3, 4
ф. д. Лейнъ (Л)	G 4
Лихтенштейнъ	H 5
Липпе-Детмольдъ (ЛП)	H2,3
Рейсъ (Р)	IK 3
Шаумбургъ-Липпе	H 2
Шварцбургъ (ШБ)	I 3
II. Австрійская имперія.	
Коронныя земли:	
Австрія	KLM4. 5
Богемія	KL 3,4
Венгрія	M Q, 4-6
Галиція	NOP3,4
Каринтія	L 5
Кроація	LM5, 6
Моравія	LM 4
Силезія	MN3, 4
Славонія	M N 6
Штирія	L 5
III. Кор. Пруссія.	I-P, 1-3
Провинціи:	
Бранденбургъ	I-L 2
Померанія	K-M1, 2
Пруссія	M-O, 1-2
Силезія	LM3
IV. Респ. Данцигъ	N 1
V. Герц. Варшавское	L-P, 1-3
VI. Гельв. Республика	GH5
VII. Франц. Имперія	A-N, 2-8
1. Княжества:	
Нейшатель	F 5
Эрфуртъ (Э)	I3
2. Графство Кацен-ельнбогенъ (К)	G 3
3. Иллир. департам.:	K-N,5 7
Воен. Кроація (1811)	LM6
Гражд. Кроація (1811)	LM6, 7
Далмація (1811)	K5, 6
Истрія (1811)	K5
Каринтія (1811)	KL5, 6
Карніоле (1811)	L6
4. Франц. департам.:	
Авейронъ	E6, 7
Алье	E5
Апеннинскій (1805)	H6
Арденнъ	F3,4
Ардешъ	F6
Арріежъ	D7
Арно (1808)	I6, 7
Вандэ	C5
Варъ	FG7
Верхнихъ Альпъ	FG6
Верхней Вьенны	D5, 6
„ Гаронны	D7
„ Луары	EF6
„ Марны	F4, 5
Верхнихъ Пиренеевъ	CD7
Верхняго Рейна	G4,5
Верхней Соны	FG5
Верхняго Эйселя (1810)	FG2, 3
„ Эмса (1810)	GH2
Вожъ	FG4
Воклюзъ	F6, 7
Восточныхъ Пиренеевъ	E7
Восточнаго Эмса (1810)	G2
Вьенны	CD5
Гардъ	EF6, 7
Дордонь	D6
Двухъ Нэтъ (1795)	F3
Диль	F3
Дромы	F6
Дуары (1802)	G6
Дубъ	FG5
Жеманнъ (1795)	EF3
Жеръ	CD7
Жиронды	C6
Жэнъ (1805)	H6
Западнаго Эмса (1810)	G2
Зюдерзе (1810)	F2
Изеры	FG6
Иль и Вилэнъ	BC4,5
Іонны	E4,5
Кальвадосъ	C4
Канталь	E6
Коррэзы	DE6
Корсика	H7, 8
Котъ д'Оръ	F5
Котъ дю Норъ	B4
Крезы	DE5, 6
Лозеръ	E6
Ландовъ	C6, 7
Леманскій (1792)	FG5. 6
Ли (1795)	E3
Липпе	G2,3
Лоти и Гаронны	CD6
Лотъ	D6
Луаре	DE4, 5
Луары (1810)	EF5, 6
Луары и Шера	D5
Мааса	F4
Манэнны	C4, 5
Маншъ	C4
Маренго (1802)	GH6
Марны	EF4
Медитерранэ (1808)	I 7
Мерты	FG4
Мозеля	FG3
Монбланъ (1792)	FG6
Монтенотте (1805)	GH6, 7
Монтъ-Тоннеръ (1798)	GH4
Морбиганъ	B4, 5
Мэна и Луары	C5
Нижнихъ Альпъ	FG6, 7
Нижней Луары	BC5
Нижняго Мааса (1795)	F3
Нижнихъ Пиренеевъ	C7
Нижняго Рейна	GH4
Нижней Сены	D4
„ Шаранты	C5,6
Ніевръ	E5
Обы	EF4
Обѣихъ Сэвръ	C5
Ода	DE7
Омброне (1808)	I 7
Орны	CD4
Па-де-Калэ	DE3
По (1802)	G6
Пюи де Домъ	E5, 6
Рейна и Мозеля (1798)	G3, 4
Рера (1798)	G3
Римскій (1810)	IK7,8
Роны	F5, 6
Самбры и Мааса (1795)	F3
Сарры (1798)	G3, 4
Сарты	CD4, 5
Сезія (1802)	GH6
Сены (С)	E4
Сены и Марны	E4
Сены и Уазы	DE4
Симплонъ (1810)	GH5, 6
Соммы	DE3, 4
Соны и Луары	F5
Стуре (1802)	G6
Сѣверный	E3
Тарнъ	DE7
Тарна и Гаронны	D6,7
Таро (1805)	HI6
Тразимена (1810)	K7
Уазы	DE4
Урты (1795)	FG3
Устьевъ Везера (1810)	H2
„ Мааса (1810)	F2,3
„ Рейна (1810)	F3
„ Роны	F7
„ Шельды (1810)	EF3
„ Эйселя (1810)	FG3
„ Эльбы (1810)	HI2
Финистерре	AB4, 5
Форэ (1795)	FG3, 4
Фрисляндія	FG2
Шаранты	CD6
Шельды (1795)	EF3
Шеръ	E5
Эндра	D5
Эндра и Луары	D5
Энъ	F5,6
Эны	E4
Эро	E7
Эры	D4
Эры и Луары	D4
Юрскій	F5
VIII. Корол. Италія:	H-K,5-7
Департаменты:	
Агоньи	H5, 6
Алды	HI5
Аліжъ	I6
Адріатикъ	K6
Баккильоне	I6
Бренты	I6
Верхн. По	HI6
„ Эча	I5, 6
Кростоло	I6
Ларіо	H5,6
Мелла	HI6
Метауро	K7
Минчо	I6
Музоне	K7
Нижн. По	IK6
Олоны	H6
Панаро	I6
Пассаріано	K5,6
Піаве	IK5,6
Рено	I6
Рубиконе	IK6,7
Серіо	HI5,6
Тальяменто	K5,6
Тронто	K7
IX. Княж. Лукка (ЛУ)	I6, 7
X. Республика Санъ-Марино и Піомбино	K6, 7

Наконецъ, когда Мюратъ былъ разбитъ при Винковѣ, Наполеонъ примирился 19 октября съ мыслью объ отступленіи; но было уже поздно, и вся его великая армія была обречена на гибель. Русскіе преслѣдовали ее по пятамъ и нанесли ей цѣлый рядъ пораженій при Мало-Ярославцѣ, Вязьмѣ, Красномъ и въ другихъ мѣстахъ. Наконецъ наполеоновская армія добралась въ самомъ жалкомъ состояніи до рѣки Березины, черезъ которую самые послѣдніе ряды прошли 29 ноября. Злой рокъ преслѣдовалъ Наполеона на всемъ пути его отступленія. Путь этотъ велъ черезъ безпредѣльныя снѣжныя пустыни, въ которыхъ французовъ подстерегали на каждомъ шагу вооруженные крестьяне и казаки, раненые падали въ дорогѣ отъ изнеможенія, и огромное число солдатъ разбѣжалось изъ подъ знаменъ. „У всѣхъ пропала всякая надежда, и никто не испытывалъ даже страха. Всѣми овладѣло отчаяніе, холодное равнодушіе ко всему, чувства притупились, и никто не страшился смерти. Мы походили на животныхъ“. Такъ говоритъ очевидецъ. По дорогѣ до Наполеона дошло знаменательное извѣстіе о томъ, что полоумный генералъ Клодъ Франсуа де Малэ распространилъ 23 октября въ Парижѣ ложный слухъ о смерти императора и хотѣлъ провозгласить республику; стало быть, никто даже и не подумалъ объ императрицѣ и ея сынѣ, совсѣмъ не вспомнили даже о существованіи его династіи! Между тѣмъ, морозъ доходилъ до 30° по Реомюру, французская армія окончательно распалась; а когда Наполеонъ, думая только о самомъ себѣ, какъ всегда, покинулъ свою армію въ Сморгони 5 декабря, то исчезли послѣдніе слѣды дисциплины. 18 декабря Наполеонъ прибылъ въ Тюильри, и только за 4 дня предъ тѣмъ послѣднія толпы французовъ перешли черезъ прусскую границу. Шопотомъ вездѣ говорили другъ другу: „Тутъ видна карающая рука промысла Божія“, а Наполеонъ писалъ королю Жерому въ Кассель: „отъ вестфальскаго контингента больше ничего не осталось въ великой арміи“.

Наполеонъ свалилъ всю вину за гибель своей арміи на русскую зиму, хотѣлъ было одурачить всѣхъ, но не могъ совладать съ самимъ собою. Онъ старался отклонить общее вниманіе отъ русскаго похода; для этой цѣли онъ сталъ нарочно раздувать инцидентъ съ генераломъ Малэ и занялся разслѣдованіемъ „этого возмутительнаго преступленія противъ его власти“. Представители французской администраціи чуть не на колѣняхъ вымаливали прощеніе у своего разгнѣваннаго бога, который задумалъ теперь короновать своего сына въ наслѣдники „по примѣру своихъ предшественниковъ на французскомъ престолѣ“ Капетинговъ, какъ только тотъ подрастетъ. Наполеонъ замышлялъ новыя побѣды, которыя загладили бы пораженія, понесенныя имъ въ Испаніи и въ Россіи. Предъ его изобрѣтательнымъ умомъ рисовалось необъятное поприще. Онъ надѣялся за нѣсколько мѣсяцевъ сформировать новую армію въ $^{1}/_{2}$ милліона солдатъ для возобновленія войны и утѣшалъ себя той мыслью, что истощенная Россія поплатится своей кровью за его временный неуспѣхъ; правда, въ сердца европейцевъ заронилась тѣнь сомнѣнія, но онъ скоро ихъ убаюкаетъ снова, возвратитъ ихъ въ прежнюю колею, и всѣ будутъ такъ же безпрекословно преклоняться предъ нимъ, какъ было до сихъ поръ. Однако на этотъ разъ Наполеонъ обсчитался: союзники усвоили себѣ совершенно новый образъ дѣйствій и отреклись окончательно отъ прежняго, который давалъ ему возможность такъ быстро справляться съ ними. Подъ вліяніемъ Штейна Александръ рѣшился отказаться отъ всякихъ завоеваній и продолжать войну внѣ предѣловъ Россіи до полнаго уничтоженія Наполеона и освобожденія Европы (см. прилож. карту „Средняя Европа въ началѣ войны за освобожденіе въ 1813 г.“). Напрасно старался Александръ склонить на свою сторону поляковъ, которые все еще строили для себя блестящіе планы, основываясь на обѣщаніяхъ Наполеона; ему не удалось также побудить Австрію къ войнѣ противъ Наполеона. Однако, Кутузову удалось заключить 30 ян-

варя 1813 г. тайное перемиріе съ княземъ Шварценбергомъ, командовавшимъ австрійскими вспомогательными войсками. Фридрихъ Вильгельмъ не рѣшился сейчасъ же сдѣлать вызовъ Наполеону, какъ ему совѣтовали многіе изъ прусскихъ патріотовъ, но втихомолку сблизился съ Россіей и Австріей и сталъ готовиться къ войнѣ. Въ составѣ 10 корпуса французской арміи, состоявшаго подъ начальствомъ маршала Макдональда, входили Прусскія вспомогательныя войска, которыми командовалъ генералъ Гансъ Давидъ Людвигъ фонъ Іоркъ (см. его портретъ на табл., прилож. къ стр. 80). Іоркъ былъ смертельнымъ врагомъ иноземнаго господства и ярымъ поклонникомъ старо-прусскихъ порядковъ, онъ отважился на тотъ рѣшительный шагъ, предъ которымъ остановился Прусскій король. Чтобы не жертвовать больше жизнью прусскихъ солдатъ ради Наполеона, онъ вступилъ 30 декабря 1812 г., въ мельницѣ деревни Пошерунъ, въ соглашеніе съ русскимъ генералъ-маіоромъ Иваномъ Ивановичемъ Дибичемъ (Забалканскимъ) и отказался отъ участія въ войнѣ; соглашеніе это было названо Таурогенскимъ. Генералъ Іоркъ надѣялся, что онъ увлечетъ за собою короля на путь борьбы за освобожденіе Пруссіи; въ глубинѣ души Фридрихъ Вильгельмъ дѣйствительно восхищался вмѣстѣ со всей Германіей мужествомъ этого „желѣзнаго“ человѣка, но тѣмъ не менѣе извинился предъ Наполеономъ за своевольныя дѣйствія своего генерала и отстранилъ его отъ должности. Гарденбергъ тоже оставался вѣрнымъ Наполеону только по внѣшности, и Прусскій дворъ уклонился отъ предложенія французскаго императора сосватать Прусскому кронпринцу одну изъ принцессъ семьи Богарнэ или семьи Мюратъ.

Меттернихъ и императоръ Францъ не были расположены къ войнѣ. Они хотѣли только вернуть Австрійской имперіи прежнюю независимость и содѣйствовать водворенію общаго мира. Сѣверно-германскихъ патріотовъ они считали революціонными фантазерами и якобинцами и боялись ихъ, какъ выходцевъ съ того свѣта, а Наполеонъ всѣми силами старался раздувать этотъ суевѣрный страхъ Вѣнскаго двора. Чтобъ тѣснѣе привязать къ себѣ владѣтельныхъ князей Рейнскаго союза, французскій императоръ запугалъ ихъ той угрозой, что революціонеры вродѣ Штейна низвергнутъ ихъ съ трона, какъ только сами станутъ у власти для того, чтобы основать „такъ называемую Германію.“ Меттернихъ хотѣлъ взять на себя роль вооруженнаго посредника, держать отъ себя подальше русскаго богатыря, ввести въ опредѣленныя рамки всемогущество Наполеона и предоставить Австріи руководящую роль въ союзѣ самостоятельныхъ германскихъ государствъ; но онъ упустилъ изъ виду самое существенное: онъ не принялъ въ разсчетъ безмѣрнаго самомнѣнія зятя Императора Франца. Парижане, не стѣсняясь, высказывались рѣзко и открыто противъ продолженія войны; въ остальной Франціи многіе также стали грозиться кулакомъ на „Бонапарта“, а между тѣмъ Наполеонъ душой и тѣломъ погрузился въ военныя дѣла и самъ спекулировалъ имуществомъ общинъ, лишь бы какъ можно скорѣе добыть денегъ для новыхъ вооруженій, не прибѣгая къ повышенію прежнихъ налоговъ. Чтобы заручиться благосклонностью правовѣрныхъ французскихъ католиковъ, онъ снова сблизился съ Піемъ VII, который оставался въ заточеніи въ Фонтенбло съ 1812 г.; онъ дѣйствовалъ на папу то лаской, то угрозами, лично вступалъ съ нимъ въ переговоры и добился, наконецъ, 25 января 1813 г., новаго конкордата, согласно которому городъ Авиньонъ долженъ былъ стать во второй разъ резиденціей папъ, а сами папы отрекались отъ своей свѣтской власти. Однако Пій быстро раскаялся въ своемъ рѣшеніи; 24 марта онъ взялъ обратно свое согласіе и съ этихъ поръ твердо отказывался отъ всякаго умаленія наслѣдія св. Петра (Patrimonium Petri).

Хитрая дипломатія Гарденберга убаюкала Наполеона, и онъ до такой степени увѣрился въ благонадежности Пруссіи, что разрѣшилъ 22 января 1813 г.

Фридриху Вильгельму отлучиться безпрепятственно изъ Потсдама, гдѣ онъ оставался какъ бы въ качествѣ заложника, и переѣхать на свободѣ въ Бреславль. Между тѣмъ Пруссія продолжала усердно готовиться къ войнѣ: образовались корпуса вольныхъ стрѣлковъ; на время предстоящей войны были отмѣнены всѣ льготы по воинской повинности. Штейнъ сталъ во главѣ восточной Пруссіи, которая фактически вступила въ союзъ съ Россіей. Въ этой провинціи были сформированы запасныя войска и народныя ополченія. Іоркъ сталъ во главѣ всѣхъ военныхъ силъ восточной Пруссіи на собственный рискъ и страхъ, а король снялъ съ него всякую вину за прежній проступокъ. Съ согласія короля, даннаго въ Бреславлѣ бургграфу Александру Дона, восточная Пруссія дѣйствовала совершенно самостоятельно, и бреславльскій профессоръ Г. Стефенсъ съ кафедры увлекъ студентовъ въ ряды ополченія. Вся Пруссія рвалась къ борьбѣ за національную независимость, женщины замѣнили всѣ серебряныя и золотыя украшенія желѣзными и напоминали мужчинамъ о томъ, что, по выраженію Кернера, „высшее и послѣднее благо заключается въ мечѣ". Общее теченіе увлекло также короля Фридриха Вильгельма. 13 февраля онъ послалъ свой ультиматумъ Наполеону, 27 и 28 февраля Шарнгорстъ и Гарденбергъ вступили въ договоръ съ уполномоченными русскаго правительства въ Бреславлѣ и Калишѣ. Согласно этому договору Россія и Пруссія вступили между собой въ союзъ „для освобожденія Европы", причемъ Пруссіи должны были быть возвращены всѣ области, которыми она владѣла до 1806 г., а Россіи уступалась вся Польша.

Русская армія подъ начальствомъ графа Людвига Виттгенштейна вступила въ предѣлы Пруссіи и подвигалась впередъ; прусская армія подъ начальствомъ Іорка перешла черезъ Одеръ вслѣдъ за русскими войсками. Уже въ февралѣ казаки гарцовали въ Берлинѣ; вице-король Евгеній сталъ чувствовать себя оченъ неловко, 4 марта онъ очистилъ Берлинъ и вслѣдъ за этимъ туда вступили прусскія и русскія войска. Партизанскій отрядъ подъ начальствомъ барона Фридриха Карла фонъ Теттенборна занялъ Гамбургъ; подъ вліяніемъ его пропаганды оба Мекленбургскихъ герцога отдѣлились въ мартѣ отъ Рейнскаго союза; примѣру этихъ мужественныхъ германскихъ государей сейчасъ же послѣдовалъ владѣтельный князь Ангальтъ-Дессаускій. Какъ только русскій царь прибылъ въ Бреславль, Фридрихъ Вильгельмъ объявилъ войну Наполеону. Весь прусскій народъ превратился въ солдатъ: изъ каждыхъ 17 подданныхъ прусскаго короля одинъ взялся за оружіе, такъ что образовалась армія численностью въ 271000 человѣкъ; въ день рожденія незабвенной королевы Луизы, 10 марта, Прусскій король основалъ въ память своей покойной супруги орденъ „желѣзнаго креста", а 17 марта разошлись по всему свѣту пламенныя воззванія короля „къ моему народу!" и „къ моему воинству". Саксонія отказалась присоединиться къ Пруссіи, такъ какъ саксонскій король Фридрихъ Августъ не допускалъ той мысли, чтобы его „великій союзникъ" могъ потерпѣть пораженіе; въ отвѣтъ на это союзники заняли Дрезденъ 27 марта. Въ этотъ же самый день Наполеонъ, возмущенный „неблагодарностью Пруссіи", предложилъ Вѣнскому кабинету подѣлить прусскія владѣнія между Франціей и Австріею. Однако Меттернихъ благоразумно отклонилъ это предложеніе; Австрія вооружилась и готовилась къ роли вооруженнаго посредника: 29 марта было заключено по порученію Меттерниха тайное соглашеніе между Австріей и Россіей въ Калишѣ, согласно которому Шварценбергъ отступилъ предъ русскими войсками въ Галицію и воздерживался отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ нихъ. Тѣмъ не менѣе Меттернихъ уклонился отъ всякихъ обязательствъ предъ Россіей и ограничился заявленіемъ, сдѣланнымъ 2 апрѣля.

Графъ Мюнстеръ, который былъ самымъ вліятельнымъ совѣтникомъ принца регента Англійскаго Георга по всѣмъ дѣламъ, касающимся Гер-

маніи, смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на возрожденіе Пруссіи; поэтому Великобританія не оказала Пруссіи никакой помощи. Шведскій кронпринцъ Карлъ Іоаннъ (стр. 72), который игралъ довольно двусмысленную роль въ войнѣ за освобожденіе, высадился въ маѣ съ своими войсками въ Помераніи; всѣ усилія Наполеона привлечь на свою сторону своего бывшаго соперника въ любви къ Дезирэ Клярп оказались безплодными. Владѣтельные князья Рейнскаго союза все еще дрожали предъ своимъ патрономъ, почти 3/4 Германіи прислали аккуратно свои вспомогательныя войска и были послушными пособниками Наполеона въ дѣлѣ порабощенія Германіи; такимъ образомъ Наполеонъ могъ разсчитывать на армію среднимъ числомъ въ 600000 человѣкъ. 19 марта уполномоченные Россіи и Пруссіи заключили между собою въ Бреславлѣ договоръ, который угрожалъ отобраніемъ всѣхъ ихъ владѣній тѣмъ Германскимъ государямъ, которые не примкнутъ къ союзникамъ въ теченіе указаннаго срока. По этому договору предполагалось устроить, согласно предложенію Штейна, центральный правительственный совѣтъ съ неограниченной властью, на обязанности котораго лежало временное управленіе занятыми союзниками областями, организація военныхъ силъ этихъ областей и доставленіе союзникамъ извлекаемыхъ изъ нихъ доходовъ. Русскому царю хотѣлось низложить съ престола саксонскаго короля, а Штейну — положить конецъ системѣ мелкихъ княжествъ. Непримиримый врагъ нѣмцевъ, поклонникъ русской старины, Голенищевъ-Кутузовъ къ общему удивленію затронулъ 25 марта въ своемъ Калишскомъ воззваніи германскую національную струну, говорилъ о правѣ всѣхъ народовъ на независимость и угрожалъ всѣмъ тѣмъ германскимъ государямъ, которые измѣнятъ дѣлу освобожденія Германіи, что ихъ будетъ карать не только сила общественнаго мнѣнія, но и оружіе союзниковъ, поднятое за правое дѣло. Ко всѣмъ этимъ угрозамъ союзники вынуждены были прибѣгнуть по той причинѣ, что владѣтельные князья Рейнскаго союза, казалось, не обращали никакого вниманія на настроеніе своихъ подданныхъ, а слѣпо покорялись власти Наполеона; однако тѣ, къ которымъ относились эти угрозы, чуяли въ нихъ что-то „якобинское“, и они стали еще тѣснѣе жаться подъ крылышко своего покровителя. Наполеонъ могъ бы еще предотвратить угрожавшій переворотъ въ политическомъ положеніи Европы, еслибы онъ согласился стать, по выраженію Таллейрана, королемъ Франціи, т. е. вернуть Францію въ положеніе одного изъ членовъ равноправнаго Европейскаго концерта. Прусскій главнокомандующій Гебгардъ Леберехтъ фонъ Блюхеръ быстро покорилъ Саксонію, а саксонскій король бѣжалъ и отдался подъ покровительство Австріи по Вѣнскому договору 20 апрѣля.

Чтобы впредь не повторился инцидентъ съ генераломъ Малэ, Наполеонъ передъ своимъ выступленіемъ въ походъ назначилъ регентшей императрицу Марію Луизу; свои послѣднія распоряженія онъ прислалъ изъ Майнца. Вновь набранные рекруты, само собой разумѣется, далеко не могли сравниться съ ветеранами, погибшими во время русской кампаніи; слабѣе всего была кавалерія. Армія Наполеона, по своей численности не достигала 200000 человѣкъ! Но онъ надѣялся, что вскорѣ къ нимъ присоединятся еще 500000 человѣкъ; по его расчету у союзниковъ было гораздо меньше войскъ, и онъ говорилъ, что будетъ вести съ ними войну не въ качествѣ императора, а въ качествѣ генерала Бонапарта. 5 апрѣля пруссаки подъ командой Іорка и барона Фридриха Вильгельма фонъ Бюлова разбили вице-короля Евгенія при Мекернѣ: на этотъ разъ это были не тѣ пруссаки, съ которыми Неполеонъ такъ легко справился въ 1806 г; 26 апрѣля главная русская армія вступила въ Дрезденъ. Однако 29 апрѣля Наполеонъ соединился съ своимъ пасынкомъ при Мерзебургѣ, а 2 мая онъ разбилъ русскихъ и пруссаковъ при Гроссгершенѣ (Люценѣ). Рейнскій союзъ торжествовалъ вмѣстѣ съ Наполеономъ, а саксон-

скій король Фридрихъ Августъ вернулся къ нему съ повинной головой и предложилъ къ его услугамъ свое войско и свои владѣнія, но генералъ лейтенантъ саксонской арміи, баронъ Іоаннъ Адольфъ фонъ Тильманъ, перешелъ на сторону союзниковъ. Меттернихъ отправилъ къ Наполеону генералъ-майора графа Фердинанда фонъ Бубна Литтица съ проектомъ посредничества Австріи. Если бы Наполеонъ согласился съ программой Меттерниха, то въ его власти осталась бы Франція въ самыхъ широкихъ ея границахъ, и онъ предупредилъ бы вступленіе Австріи въ Германскій союзъ; но онъ былъ ослѣпленъ своей безграничной самонадѣянностью и отклонилъ предложеніе Бубна послѣ бурной аудіенціи 16 мая. Въ то же самое время графъ Штадіонъ отправился съ такой же программой въ русскую главную квартиру. Наполеонъ хотѣлъ было вступить въ непосредственные переговоры съ русскимъ императоромъ черезъ Коленкура, но императоръ Александръ направилъ этого послѣдняго къ Штадіону.

Въ то время, какъ вице-король формировалъ новую армію въ Италіи, а маршалъ Луи Никола Даву (герцогъ Ауэрштедтскій и князь Эггмюльскій) занялъ вновь Гамбургъ 30—31 мая, Наполеонъ и маршалъ Мишель Ней (герцогъ Эльхингенскій, князь Московскій, котораго называли храбрецомъ изъ храбрецовъ, le brave des braves) разбили въ сраженіи при Бауценѣ 20 и 21 мая русскихъ подъ командой Барклая де Толли и пруссаковъ подъ командой Блюхера. Все пространство по теченію Эльбы отъ Дрездена до устья этой рѣки снова оказалось во власти Наполеона. Союзники отступили и отдали ему большую часть Пруссіи. Русскіе стали говорить, что они не хотятъ больше жертвовать собою „ради чужихъ интересовъ" и давали понять, что они хотятъ отступить въ Польшу. Только перемиріе могло спасти Калишскій союзъ отъ преждевременной гибели. Впрочемъ Наполеонъ нуждался въ этомъ перемиріи не меньше союзниковъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ 4 іюня, состоялось въ Пойшвицѣ перемиріе. Меттернихъ блаженствовалъ въ чаяніи предстоящихъ своихъ успѣховъ на поприщѣ посредничества, сѣверно-германскіе патріоты были внѣ себя отъ горя о томъ, что столько крови пролито даромъ, Гарденбергъ былъ убѣжденъ, что Наполеонъ отвергнетъ посредническія услуги Австріи; 14 іюня Гарденбергъ заключилъ въ Рейхенбахѣ съ Великобританіей договоръ о субсидіи, а на слѣдующій день тамъ же состоялся такой же договоръ между Великобританіей и Россіей. Россія и Пруссія предлагали Наполеону благопріятныя для него мирныя условія. Австрія предложила ему еще болѣе благопріятныя условія, и, наконецъ, она обязалась 27 іюня въ Рейхенбахѣ предъ союзниками принять участіе въ войнѣ ихъ съ Наполеономъ, если онъ не приметъ австрійскихъ мирныхъ условій до 20 іюня. На слѣдующій день французскій императоръ устроилъ Меттерниху въ Дрезденѣ такую сцену, что тотъ впервые усомнился въ возможности мирнаго соглашенія, но вслѣдъ за тѣмъ Наполеонъ раскаялся въ своей несдержанности, и пошелъ на уступки, такъ какъ его военныя приготовленія еще не были закончены, онъ принялъ посредническія услуги Австріи и прислалъ своихъ представителей на всеобщій мирный конгрессъ въ Прагѣ. Между тѣмъ Испанія была потеряна для Наполеона. Послѣ побѣды, одержанной Веллингтономъ при Витторіи 21 іюня 1813 г., Жозефъ поплатился своей короной; онъ бѣжалъ, а императоръ оказалъ ему такой пріемъ, какъ будто онъ совершилъ преступленіе. Маршалы Николя Жанъ де Дье Сультъ, герцогъ Далматскій, и Луи Габріэль Сушэ, герцогъ Альбуферскій, были оттѣснены со всѣхъ сторонъ; шестилѣтняя война въ Испаніи окончилась пораженіемъ Наполеона, къ которому незадолго предъ тѣмъ являлись на поклонъ въ Дрезденѣ владѣтельные князья Рейнскаго союза, благодаря которымъ онъ все еще вѣрилъ, что его воля служитъ закономъ для всего міра. 12 іюля союзники выработали окончательно свой планъ кампаніи въ Брахенбергѣ (около Бреславля), при чемъ они нисколько не сомнѣвались въ присоединеніи

Австріи къ ихъ союзу. Карлъ Іоаннъ надѣялся было получить званіе генералиссимуса союзной арміи, но ему поручили только командованіе сѣверной арміей, и тамъ онъ тоже скорѣе мѣшалъ, чѣмъ помогалъ. 22 іюля онъ присоединился къ Калишскому союзу, и въ награду за это ему была обѣщана союзниками Норвегія. Когда ему пришлось открыто выступить противъ Наполеона, то онъ долго не рѣшался окончательно порвать сношенія съ французами и все оттягивалъ время, такъ какъ онъ украдкой поглядывалъ на французскую корону; генералъ-лейтенантъ фонъ Бюловъ и его товарищи по оружію чувствовали, что этому гасконцу нельзя вѣрить.

11 іюля открылся Пражскій мирный конгрессъ. Коленкуръ заставилъ себя ждать до 28 іюля, и не могло состояться ни одного общаго собранія конгресса; было очевидно, что Наполеонъ старается только выиграть время. Наконецъ онъ сдѣлалъ Меттерниху тайный запросъ о томъ, во что Австрія цѣнитъ свой союзъ съ Наполеономъ, или, по крайней мѣрѣ, свой нейтралитетъ; Меттернихъ не далъ отвѣта ни на одинъ изъ этихъ двухъ вопросовъ, 7 августа онъ предъявилъ Наполеону свой ультиматумъ; Наполеонъ отвѣтилъ молчаніемъ. 11 августа уполномоченные Россіи и Пруссіи Іоаннъ, Протазіусъ фонъ Анштедтъ и Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ заявили, что срокъ ихъ полномочій истекъ, а Меттернихъ закрылъ конгрессъ объявленіемъ войны Наполеону. Такимъ образомъ въ составъ союза вошли Великобританія, Россія, Пруссія, Швеція и Австрія. Вскорѣ послѣ того къ нимъ присоединились еще Испанія и Португалія.

Послѣ пораженія, нанесеннаго ими французамъ, духъ испанцевъ поднялся; въ сентябрѣ 1811 г. были открыты законные всеобщіе верховные кортесы, которые признали недѣйствительными всѣ мѣропріятія, бывшія слѣдствіемъ Байонскихъ событій (стр. 65), Фердинандъ VII былъ объявленъ законнымъ испанскимъ королемъ, а въ мартѣ 1812 года была объявлена конституція, которая носила слишкомъ демократическій характеръ, и не предоставляла почти никакихъ правъ коронѣ; тѣмъ не менѣе, она имѣла громадное значеніе для даннаго историческаго момента, несмотря на всѣ ея недостатки, такъ какъ она служила недвусмысленнымъ признакомъ всеобщаго стремленія къ независимости и прекращенію партійныхъ раздоровъ. Впредь до того времени, пока Фердинанду удастся освободиться изъ французскаго заточенія, управленіе дѣлами государства было довѣрено регентству, которое немедленно было признано Великобританіей и Россіей. Въ Португаліи правленіе находилось также въ рукахъ регентства, назначеннаго регентомъ Іоанномъ передъ его бѣгствомъ въ Бразилію; оно дѣйствовало подъ руководствомъ Англійскаго правительства. На этотъ разъ Наполеонъ могъ выставить противъ союзниковъ только около 440000 человѣкъ въ то время, какъ ихъ армія достигала по своей численности почти до $^{1}/_{2}$ милліона. Кромѣ того, во французской арміи стало высказываться открытое неудовольствіе противъ безконечныхъ войнъ. Рейнскій союзъ охотно прислалъ во французскую армію свой контингентъ тѣмъ болѣе, что Наполеонъ не переставалъ пугать владѣтельныхъ князей призракомъ возстановленія прежней конституціи Германской имперіи и отмѣны верховныхъ правъ союзныхъ государствъ; одна только Баварія уже готовилась втайнѣ къ отпаденію отъ Наполеона и выслала къ нему въ Саксонію только одну слабую дивизію, главныя же силы баварской арміи подъ начальствомъ генерала Вреде стояли въ выжидательномъ положеніи около рѣки Инна. Наполеонъ все еще вѣрилъ въ свое прежнее счастье, онъ держалъ въ своихъ рукахъ всю линію рѣки Эльбы отъ Кенигштейна до Гамбурга и самоувѣренно шелъ на бой, въ которомъ онъ хотѣлъ прежде всего уничтожить Пруссію. Прусская армія тоже питала твердую вѣру въ свои успѣхи. Напротивъ того, главнокомандующій союзной арміей князь Филиппъ Шварценбергъ, тотъ самый, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ просваталъ за Наполеона австрійскую эрцгерцогиню, боялся

Объясненіе къ портретамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

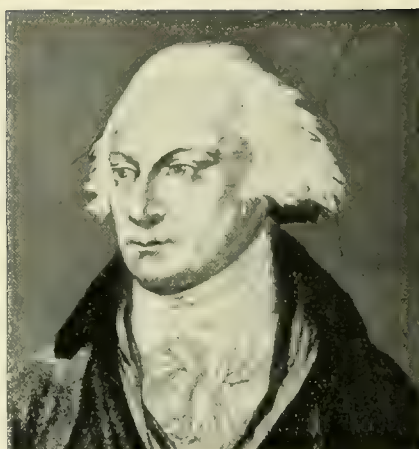
---

1. **Баронъ Генрихъ Фридрихъ Карлъ фонъ Штейнъ** (1757—1831); по литогр. Гейне.
2. **Баронъ** (съ 1814 князь) **Карлъ Августъ фонъ Гарденбергъ** (1750—1822): съ портрета работы Ф. Г. Вейтча 1795, грав. Г. Синтценихъ 1798.
3. **Королева Луиза** (1776—1810); съ портрета работы Тишбейна.
4. **Король Фридрихъ Вильгельмъ III** (1770—1840).
5. **Гергардъ Леберехтъ фонъ Блюхеръ** (1742—1819; съ 1814 князь Вальштатскій); съ портрета работы Ф. К. Грёгера 1816, грав. на камнѣ 1825.
6. **Гансъ Давидъ Людвигъ фонъ Іоркъ** (1759—1830; съ 1814 графъ Іоркъ фонъ Вартенбургъ); рис. Б. Вольтце, грав. Л. Якоби.

(1 и 2, 4—6 по изд. В. Ф. Зейдлица „Historisches Porträtwerk"; 3 по фотографіи съ портрета, составляющаго собственность вдовы имп. Фридриха III).

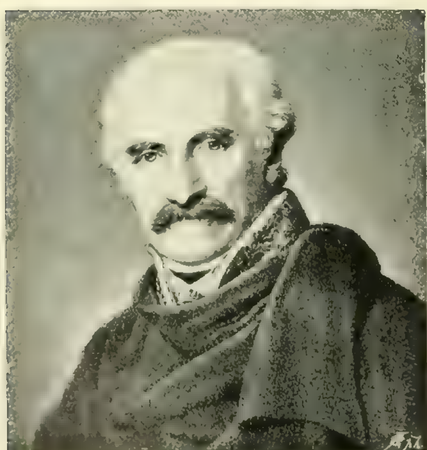

1

 2

3

 4

5

 6

[illegible] VII. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Герои прусско-германскаго освобожденія.

встрѣтиться съ нимъ въ открытомъ полѣ; это былъ скорѣе дипломатъ, чѣмъ генералъ, и во всякомъ случаѣ его нельзя было считать достойнымъ противникомъ Наполеона.

Наполеонъ направился лично противъ Силезской арміи, которую онъ по ошибкѣ принялъ за самую сильную изъ всѣхъ трехъ непріятельскихъ армій, маршала Ник. Шарля Удино, герцога Реджіо, онъ отправилъ съ тремя корпусами на Берлинъ, а маршала Даву оставилъ для прикрытія нижняго теченія рѣки Эльбы. Наполеонъ избралъ Дрезденъ базой для своихъ собственныхъ наступательныхъ дѣйствій и направился туда, какъ только ему было доложено о приближеніи Богемской главной арміи подъ начальствомъ Шварценберга, а маршалу Э. У. У. А. Макдональду, герцогу Тарентскому, онъ поручилъ командованіе арміей, дѣйствовавшей противъ Блюхера. Удино потерпѣлъ полную неудачу и былъ разбитъ на голову генераломъ Бюловымъ при Гроссберенѣ 23 августа, а состоявшій подъ начальствомъ Удино генералъ Жанъ Батистъ Жираръ былъ разбитъ 27 августа при Гагельбергѣ. Бранденбургская марка была освобождена отъ всякой опасности. Вслѣдъ затѣмъ, маршалъ Ней предпринялъ новый походъ на Берлинъ, но и онъ былъ также разбитъ Бюловымъ 6 сентября при Денневицѣ. Вскорѣ послѣ этого „маршалъ Впередъ“, какъ прозвали Блюхера, (см. его портретъ на прилож. табл. „Герои прусско-германскаго освобожденія“) 26 августа одержалъ побѣду надъ Макдональдомъ на достопамятномъ полѣ близъ Кацбаха. Шварценбергу слѣдовало бы быстрымъ движеніемъ завладѣть Дрезденомъ, но онъ упустилъ удобный моментъ, а 26 и 27 августа онъ былъ разбитъ на голову при Дрезденѣ, — это была послѣдняя побѣда Наполеона на германской территоріи; французскій императоръ былъ весьма доволенъ тѣмъ извѣстіемъ, что въ числѣ смертельно раненыхъ въ лагерѣ русскаго царя находится его давнишній противникъ Моро. Армія Шварценберга отступила въ Богемію, и французскій генералъ Дом. Жоз. Вандамъ графъ фонъ-Гюнебургъ надѣялся, что одержитъ надъ Шварценбергомъ легкую побѣду въ Теплицской долинѣ; но русскіе подоспѣли раньше французовъ къ хребту Рудныхъ горъ и задержали дальнѣйшее наступленіе Вандама; а 30 августа прусскія войска подъ командой генералъ-лейтенанта Фридриха Генриха Фердинанда Эмиля фонъ-Клейста спустились съ Ноллендорфскихъ высотъ, напали съ тыла на Вандама и рѣшили битву при Кульмѣ въ пользу союзниковъ; Вандамъ былъ взятъ въ плѣнъ. Наполеонъ потерялъ въ одну недѣлю 80,000 солдатъ Въ его душу стало закрадываться опасеніе, что время его побѣдъ миновало, и онъ сталъ считаться съ возможностью своего окончательнаго пораженія. Моя шахматная игра стала путаться, признавался онъ; солдаты Наполеона пали духомъ, въ его арміи распространилось дезертирство, и она пришла въ полное разстройство.

Въ то время, какъ союзныя войска праздновали свои побѣды, между дипломатами происходилъ оживленный обмѣнъ мнѣній, а 9 сентября въ Теплицѣ были заключены союзные договоры между Россіей и Пруссіей и между Россіей и Австріей; однако надо замѣтить, что правительство каждаго изъ этихъ государствъ имѣло свои заднія мысли и что не было достигнуто полнаго единодушія между ними. Россія и Пруссія стремились неуклонно впередъ, а Австрія и Великобританія колебались и медлили; Гарденбергъ дѣлалъ слишкомъ большія уступки Меттерниху, а этотъ послѣдній хотѣлъ во чтобы-то ни стало щадить вассаловъ Наполеона для того, чтобы привлечь ихъ подъ покровительство Австріи. Поэтому остальные союзники предоставили одному Меттерниху вести переговоры съ государствами, состоявшими подъ покровительствомъ Наполеона. Баварскій король заговорилъ о томъ ярмѣ, которое онъ выносилъ такъ долго, и примкнулъ 8 октября къ союзу въ качествѣ равноправнаго члена его на основаніи договора, заключеннаго генераломъ фонъ-Вреде въ городѣ Ридѣ въ Верхней Австріи;

союзники гарантировали баварскому королю политическую независимость его королевства и неприкосновенность его владѣній. На какомъ слабомъ фундаментѣ держалось французское господство въ Германіи, это доказалъ съ очевидностью набѣгъ казацкаго атамана Александра Чернышева, который принудилъ 30 сентября городъ Кассель сдаться на капитуляцію и объявилъ уничтоженнымъ Вестфальское королевство; хотя вестфальскій король вернулся обратно въ Кассель 16 октября послѣ ухода казацкаго полка, но дальнѣйшее его пребываніе въ Касселѣ стало окончательно невозможнымъ.

Іоркъ 3 октября разбилъ отрядъ Бертрана при Вартенбургѣ на Эльбѣ. 7 октября Наполеонъ выступилъ въ походъ изъ Дрездена вмѣстѣ съ саксонскимъ дворомъ и прибылъ 14 октября въ Лейпцигъ; желѣзное кольцо непріятельскихъ войскъ смыкалось вокругъ него все тѣснѣе. За развѣдочной стычкой при Либертвольквицѣ, 14 октября, послѣдовало 16 октября сраженіе при Мекернѣ, въ которомъ Мармонъ былъ разбитъ Блюхеромъ; это сраженіе уничтожило всѣ результаты, добытые Наполеономъ при Вахау за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, — въ тотъ же день 16 октября, который былъ первымъ днемъ великой Лейпцигской „битвы народовъ". Отступить къ Рейну Наполеонъ все еще не рѣшался, онъ даже не позаботился обезпечить за собой на всякій случай путь къ отступленію; вмѣсто этого онъ попытался 17 октября вступить въ отдѣльные переговоры съ своимъ тестемъ, австрійскимъ императоромъ, но потерпѣлъ неудачу. 17 октября къ союзникамъ подошли на помощь новые австрійскіе и русскіе отряды, а также шведскій отрядъ подъ начальствомъ кронпринца, такъ что союзная армія достигла численности въ 250.000 человѣкъ въ то время, какъ Наполеонъ располагалъ только 160.000. 18 октября 3.000 саксонцевъ и нѣсколько сотъ вюртембергскихъ солдатъ отдѣлились отъ арміи Наполеона и перешли къ союзникамъ при Паунсдорфѣ; императоры русскій и австрійскій, король прусскій и шведскій кронпринцъ лично руководили дѣйствіями союзной арміи. Въ тотъ же день Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе при Пробстгейдѣ, а Ней былъ разбитъ на голову при Шенефельдѣ. Рано утромъ 19 октября побѣжденная армія стремительно бѣжала изъ Лейпцига; король саксонскій Фридрихъ Августъ былъ взятъ въ плѣнъ, Макдональдъ спасся бѣгствомъ, а князь Іос. Ант. Понятовскій утонулъ въ рѣкѣ Эльстерѣ. Наполеонъ былъ увлеченъ общимъ потокомъ бѣжавшихъ войскъ; задержать бѣгство и остановиться въ Германіи, — объ этомъ уже поздно было думать. Рейнскій союзъ распался: владѣтельные князья одинъ за другимъ стали выступать изъ него; 26 октября король Жеромъ покинулъ Кассель навсегда; Вестфальское королевство, эта колонія Наполеона на германской территоріи, исчезла съ лица земли, и ни одна рука не поднялась на защиту его. Такъ какъ Наполеонъ вынужденъ былъ, между прочимъ, покинуть на произволъ судьбы свои гарнизоны въ крѣпостяхъ на Эльбѣ, Одерѣ и Вислѣ, то его потери простирались въ общемъ круглымъ числомъ до 150.000 человѣкъ; дезертирство достигло ужасающихъ размѣровъ, а когда Наполеонъ дошелъ до Рейна, то въ его арміи находилось подъ ружьемъ всего только 60.000 человѣкъ. Угрожавшее Фридриху Августу низверженіе съ престола и присоединеніе саксонскаго королевства къ Пруссіи было предотвращено Меттернихомъ; саксонскій король былъ отправленъ въ заточеніе сначала въ Берлинъ, а затѣмъ въ Фридрихсфельдскій замокъ, а Саксонія была отдана подъ управленіе князя Николая Репнина-Волконскаго, по порученію центральнаго правительственнаго совѣта, который былъ назначенъ союзниками для временнаго управленія тѣми областями, которыя лишились своихъ владѣтелей или владѣтели которыхъ еще не присоединились къ союзу противъ Наполеона. Прусскіе дипломаты хотѣли лишить Наполеона престола, но Меттернихъ ни за что не соглашался на то, чтобы онъ былъ низверженъ, а требовалъ только, чтобы его владѣнія были ограничены предѣлами Франціи; онъ надѣялся, что найдетъ въ лицѣ

Наполеона надежнаго союзника, который поможетъ ему подавить всѣ революціонныя вспышки въ Европѣ. Наполеону были извѣстны намѣренія Вѣнскаго кабинета и, благодаря этому, въ его душѣ воскресли надежды на будущее. Онъ догадался, что его зять, Неаполитанскій король Іоахимъ (Мюратъ), собирается измѣнить ему, какъ только тотъ поторопился уѣхать изъ Эрфурта къ себѣ домой; но Мюратъ пошелъ гораздо дальше, чѣмъ подозрѣвалъ Наполеонъ: онъ не только хотѣлъ спасти свой тронъ среди общаго крушенія Наполеоновской имперіи, но даже стремился стать независимымъ отъ Наполеона и сдѣлаться королемъ Италіи.

30 и 31 октября Наполеонъ отбросилъ недалеко отъ Ганау баварцевъ подъ начальствомъ Вреде и австрійскій отрядъ, которые пытались преградить ему дорогу къ отступленію; вмѣстѣ съ остатками великой арміи вступилъ въ Майнцъ и тифъ. Въ теченіе многихъ недѣль границы Франціи оставались безъ всякаго прикрытія противъ союзниковъ; къ тому времени, какъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Майнца въ Парижъ (7 ноября), отъ его арміи не осталось почти ни слѣда, и ему ничего не оставалось, какъ развѣ только волшебствомъ создать себѣ однимъ мановеніемъ руки новую армію. Всѣ германскія и польскія крѣпости передались союзникамъ; наконецъ, въ маѣ 1814 г., сдался также и Гамбургъ, а въ іюнѣ Магдебургъ. Наполеонъ лишился отборныхъ войскъ, изъ которыхъ состояли гарнизоны этихъ крѣпостей. Корпусъ Бюлова, побѣдителя при Гросбееренѣ и при Денневицѣ, занялъ обратно отъ имени Пруссіи западныя провинціи, освободилъ отъ власти Наполеона Восточную Фрисландію и провинцію Вестфалію; въ обѣихъ этихъ областяхъ населеніе объявило безпощадную войну противъ всего того, что напоминало о французахъ; прежніе властители вернулись каждый на свою старую родину, освобожденную отъ иноземнаго ига; ихъ приняли съ восторгомъ, имъ даже не напоминали объ ихъ старыхъ прегрѣшеніяхъ и ихъ прежней жестокости; вернулся курфирстъ Гессенскій, герцоги Брауншвейгскій и Ольденбургскій и Ганноверское правительство. 2 ноября Вюртембергское правительство перешло на сторону Австріи, которая гарантировала своему новому союзнику по договору въ Фульдѣ политическую независимость и неприкосновенность его владѣній; примѣру Вюртемберга послѣдовали Баденъ, Вюрцбургъ, Гессенъ - Дармштадтъ, Нассау и правительства Сѣверной Германіи. Нѣкоторые изъ германскихъ монарховъ весьма неохотно покидали своего властителя, который возвеличилъ ихъ: такъ, напримѣръ, Вюртембергскій король Фридрихъ говорилъ, что покидаетъ Наполеона временно „въ надеждѣ на то, что снова наступятъ болѣе счастливыя обстоятельства“. Герцогъ Баденскій Карлъ жаловался, что онъ отказывается отъ своего императора „съ искреннимъ сожалѣніемъ“. Изъ этихъ государей немногіе принимали близко къ сердцу дѣло освобожденія Германіи; большинство изъ нихъ дѣйствовало подъ давленіемъ обстоятельствъ. Вѣтеръ подулъ въ другую сторону, и они стали ухаживать за русскимъ и австрійскимъ императорами и прусскимъ королемъ съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ они раньше ухаживали за Наполеономъ; ихъ лесть и низкопоклонство остались прежними. Для нихъ вся разница заключалась въ томъ, что Наполеонъ и союзники обмѣнялись мѣстами; тѣ изъ нихъ, которыхъ возвеличилъ Наполеонъ, были такъ же ласково приняты и союзниками, а духовные владѣтели, которыхъ онъ медіатизировалъ, т. е. лишилъ ихъ владѣній, и которые молили о своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ, были отвергнуты также и союзниками,—они такъ и остались мертвецами.

Князь примасъ и великій герцогъ Франкфуртскій отказался 28 октября отъ подчиненія вице-королю Евгенію; тѣмъ не менѣе союзники заняли его владѣнія, и превратили Франкфуртъ такъ же, какъ и Гамбургъ, Бременъ и Любекъ, въ вольные города. 1 ноября было уничтожено великое герцогство Бергское, владѣтели княжествъ Изенбургъ - Бирштейнъ и фонъ - деръ Лейенъ были низложены, а владѣнія ихъ конфискованы. Въ ноябрѣ ванъ-Гоген-

дорпъ, ванъ-деръ Дейнъ и графъ Лимбургъ-Штирумъ пристегнули къ своимъ шляпамъ въ гаагскомъ Вильемспаркѣ оранскую кокарду и ѣхали кавалькадой по улицамъ города Вильгельма Молчаливаго съ криками: „Oranje boven!“ Это значило, что голландцы отказывали Наполеону въ своемъ повиновеніи. Пруссаки (подъ командой Бюлова) и русскіе выгнали Наполеона изъ Голландіи. Принцъ Оранскій высадился 30 ноября въ Шхевенингенѣ и былъ провозглашенъ верховнымъ правителемъ подъ именемъ Вильгельма I; одинъ только Антверпенъ продержался подъ начальствомъ Карно до апрѣля 1814 г. Положеніе итальянскаго вице-короля Эжена становилось съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительнымъ; въ срединѣ октября 1813 г. онъ вынужденъ былъ отказаться отъ защиты линіи Изонцо и отступить къ рѣкѣ Эчъ, но тутъ преградилъ ему дорогу австрійскій фельдмаршалъ графъ Г. И. И. Бельгардъ; союзники искушали его обѣщаніемъ признать его королемъ всей Италіи, если онъ измѣнитъ Наполеону и перейдетъ на ихъ сторону. Но этотъ незапятнанный вѣрный рыцарь имперіи устоялъ противъ соблазна несмотря на то, что предательство неаполитанскаго короля Іоахима дѣлало его положеніе еще болѣе безвыходнымъ.

Въ ноябрѣ 1813 г. союзные монархи перенесли свою главную квартиру во Франкфуртъ на Майнѣ. Война за освобожденіе была вначалѣ борьбой за идею, „недоступной пониманію королей“, по выраженію Кернера, „крестовымъ походомъ“, священной войной, теперь же она превратилась въ войну изъ-за выгодъ, и дипломаты принялись за свои интриги. Жители Франкфурта устроили восторженную встрѣчу „доброму“ императору Францу, „своему императору“ и государю всей Германіи; но императоръ Францъ и Меттернихъ и слышать не хотѣли объ этомъ „ничего не значущемъ титулѣ“ и разсчитывали, что Австрія пріобрѣтетъ гораздо болѣе сильное фактическое вліяніе въ Германіи, преобразованной въ союзъ равныхъ независимыхъ монарховъ подъ предсѣдательствомъ австрійскаго императора. Меттернихъ былъ до того напуганъ призракомъ революціонной агитаціи, что ему казался подозрительнымъ даже германскій центральный правительственный совѣтъ; Штейна онъ считалъ за полнаго якобинца, а русскаго царя за полуякобинца. Король Фридрихъ Вильгельмъ III, котораго тоже всегда пугало возрожденіе германской національной идеи, очень легко поддавался совѣтамъ Меттерниха, а Штейнъ и Гарденбергъ были глубоко разочарованы тѣмъ, что владѣтельные князья Рейнскаго союза были прощены союзниками и оставлены у власти.

Наступилъ самый благопріятный моментъ для вторженія во Францію. Внутри Франціи почти не было войскъ; экономическій упадокъ и нравственная деморализація давали себя чувствовать на всемъ протяженіи государства. Французскій народъ не хотѣлъ больше удобрять своей кровью наполеоновскаго всемірнаго господства; онъ считалъ себя жертвой безумнаго честолюбія чужестранца, для котораго французская кровь не имѣла никакой цѣны. Не видно было и слѣда того воодушевленія, которое увлекало французовъ во „дни невинности“ великой революціи, и прежняго восторженнаго опьяненія идеальными благами свободы. Чтобы не раздражать народа, наполеоновское правительство повышало только косвенные налоги и оставляло прямые въ прежнемъ размѣрѣ; но это не помогло нисколько, — всюду господствовало сильное возмущеніе, рента падала все ниже, звонкая монета исчезла изъ обращенія; государственный бюджетъ сводился съ огромнымъ дефицитомъ. Изъ своихъ собственныхъ сбереженій Наполеонъ скопилъ въ подвалахъ дворца Тюильери 63 милліона франковъ, которые онъ тщательно берегъ для своей „послѣдней“ войны. На этомъ капиталѣ основывалась теперь вся надежда Наполеона. Въ довершеніе всего теперь опять предстоялъ новый рекрутскій наборъ; Наполеонъ требовалъ опять многихъ тысячъ человѣческихъ жертвъ. „А будетъ ли это его послѣдней войной?“ спрашивалъ себя французскій народъ. Наполеонъ призвалъ на службу

300.000 человѣкъ изъ возрастныхъ разрядовъ, отбывавшихъ воинскую повинность до 1803 г. и отбывшихъ уже военную службу. Эти разряды состояли изъ отцовъ семействъ; большинство изъ нихъ уклонилось отъ явки, и къ началу 1814 года явилась на службу только пятая часть изъ нихъ. Что касается вновь сформированной національной гвардіи, то не явилось даже полныхъ 20.000 изъ всего числа призванныхъ; по рекрутскому набору 1815 года ожидался контингентъ въ 280.000 человѣкъ. Такъ какъ французскій императоръ теперь самъ не могъ обойтись безъ своихъ старыхъ солдатъ, состоявшихъ подъ командой Сюше и Сульта, то онъ отказался отъ Испаніи и въ декабрѣ 1813 г. заключилъ съ Фердинандомъ VII условный договоръ въ Валансэ, не обращая никакого вниманія на своего собственнаго брата Жозефа; когда испанское регентство не признало этого договора, то Наполеонъ освободилъ Фердинанда безъ всякихъ условій 15 марта 1814 г.; передъ этимъ англійское оружіе тоже дѣлало непрерывные успѣхи въ Испаніи, теперь же эта страна окончательно освободилась отъ французскаго владычества. Возвращеніе Фердинанда было встрѣчено съ безпредѣльнымъ восторгомъ, который скоро смѣнился, однако, разочарованіемъ и отчаяніемъ, благодаря возмутительнымъ злоупотребленіямъ новаго короля. Наполеонъ хотѣлъ освободить также и папу; но Пій VII отказался отъ всякихъ переговоровъ прежде, чѣмъ онъ не водворится опять въ Римѣ, и дѣло осталось по старому.

Меттернихъ былъ недоволенъ духомъ теплицскихъ договоровъ, и 9 ноября онъ завязалъ тайныя сношенія съ Наполеономъ изъ главной квартиры союзниковъ, въ которой господствовали крайнія разногласія; посредникомъ служилъ Меттерниху находившійся въ плѣну французскій дипломатъ баронъ Огюстъ де-Сентъ-Эньянъ; Меттернихъ предлагалъ Наполеону удовольствоваться Франціей въ ея дореволюціонныхъ размѣрахъ, внутри ея природныхъ границъ, „Рейна, Альпъ и Пиренеевъ“. Съ своей неисправимой надменностью Наполеонъ отвергъ эти весьма благопріятныя для него условія. Обязаны ли были союзники щадить этого неисправимаго честолюбца, котораго опытъ ничему не могъ научить? Общественное мнѣніе Франціи отворачивалось все больше отъ Наполеона; тѣмъ не менѣе, и въ это время было еще мало основаній разсчитывать на возвращеніе Бурбоновъ, котораго Наполеонъ всегда такъ сильно боялся. Совѣтники французскаго императора старались склонить его къ миру; подъ вліяніемъ новаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Коленкура (см. стр. 64) Наполеонъ принялъ 2 декабря сентъ-эньянскія мирныя предложенія, но при этомъ растянулъ такъ далеко „природныя границы“ Франціи, что союзники никакъ не могли сойтись съ нимъ. Во франкфуртской главной квартирѣ восторжествовала воинственная партія, во главѣ которой стояли Штейнъ, Гнейзенау и Блюхеръ; подъ вліяніемъ Штейна императоръ Александръ и король Фридрихъ Вильгельмъ рѣшились вести войну до послѣдней крайности; 1 декабря Поццо ди Борго (см. стр. 62), руководившій совѣщаніями, составилъ прокламацію въ духѣ Меттерниха; союзники доводили до свѣдѣнія французскаго народа, что они ведутъ войну съ разнузданнымъ угрожающимъ спокойствію всего міра честолюбіемъ Наполеона, а не съ Франціей, границы которой союзники предполагаютъ, напротивъ того, расширить по сравненію со временами царствованія французскихъ королей; на этотъ разъ не упоминалось больше о „природныхъ границахъ“.

Поццо отправился въ Англію для того, чтобы подогрѣть усердіе англійскаго кабинета. Англичане смотрѣли жадными глазами на Антверпенъ и Флиссингенъ, и имъ очень хотѣлось прибрать къ своимъ рукамъ эти приморскіе города. Новый статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ Генри Робертъ Стюартъ, виконтъ Кэсльри, обладалъ холодной разсчетливой натурой, и ему весьма трудно было примириться съ мыслью о войнѣ до послѣдней крайности: онъ задавался планомъ основать могущественное Нидерландское государство подъ руководствомъ Великобританіи; кромѣ того, онъ съ одной

стороны преклонялся предъ государственной мудростью Меттерниха, а съ другой стороны — относился съ крайнимъ недовѣріемъ къ русскому царю, котораго онъ хотѣлъ направить въ выгодную для Великобританіи сторону; онъ хлопоталъ о томъ, чтобы послѣ низверженія Наполеона первенствующее вліяніе въ Европѣ досталось его отечеству, а не Россіи; лишь бы достигнуть этой цѣли, Сэнтъ-Джемскій кабинетъ не жалѣлъ ни солдатъ, ни денежныхъ субсидій; Кэсльри пожалъ не мало такихъ плодовъ, которые созрѣли подъ мудрой рукою Каннинга въ борьбѣ его противъ Наполеона.

Кронпринцъ шведскій напалъ на Данію, дошелъ съ своей арміею до рѣки Эйдера и принудилъ датское правительство къ мирному договору въ Килѣ, который былъ заключенъ 14 января 1814 г.; Норвегія досталась Швеціи, а шведская Померанія и островъ Рюгенъ были уступлены Даніи, которой Великобританія, съ своей стороны, возвратила обратно всѣ ея колоніи кромѣ Гельголанда. Теперь Данія тоже приняла участіе въ войнѣ противъ Наполеона и выставила 10.000 солдатъ. Такимъ образомъ Наполеонъ былъ покинутъ своимъ послѣднимъ союзникомъ.

Французскій народъ не только не соблазнялся блескомъ имени своего императора, но, напротивъ того, проклиналъ алчность своего повелителя; даже въ законодательномъ корпусѣ появилась открытая оппозиція. Жоз. Анри Іоахимъ Ленэ заявилъ открыто, что французскій народъ возмущается противъ безконечныхъ войнъ, не вызываемыхъ никакими реальными интересами Франціи, и требовалъ мира; вслѣдъ за нимъ и другіе члены законодательнаго корпуса заговорили тѣмъ же языкомъ. Тогда Наполеонъ распустилъ 31 декабря 1813 г. законодательный корпусъ, „сѣявшій смуту“, но этимъ своимъ поступкомъ императоръ разорвалъ свою связь съ народными представителями и произвелъ весьма дурное впечатлѣніе на провинцію. Пія VII Наполеонъ отпустилъ въ Савойю, но и этотъ поступокъ императора былъ истолкованъ въ невыгодную для него сторону; въ немъ видѣли признакъ слабости императорскаго правительства. Быстрымъ и энергическимъ движеніемъ въ предѣлы Франціи союзники могли бы сразу пріостановить всѣ приготовленія къ войнѣ, которыя предпринималъ обезсиленный Наполеонъ: противъ перваго натиска онъ былъ бы въ состояніи выставить не больше 60.000 человѣкъ; прусскіе генералы настаивали въ главной квартирѣ союзниковъ на томъ, чтобы союзная армія двинулась прямо на Парижъ; но вмѣсто ихъ предложенія былъ принятъ австрійскій планъ, составленный подъ вліяніемъ политическихъ заднихъ мыслей. Главная армія союзниковъ шла черезъ Баденъ, Эльзасъ и Швейцарію, вступила 21 декабря въ предѣлы Франціи и только 18 января 1814 г. достигла Лангрскаго плато. Только послѣ долгихъ споровъ Блюхѐру удалось получить разрѣшеніе дѣйствовать по своему собственному плану, и въ ночь на новый годъ онъ двинулся съ отрядомъ, состоявшимъ изъ пруссаковъ и русскихъ, черезъ Маннгеймъ, Каубъ и Кобленцъ, т. е. черезъ Рейнъ въ средней части его теченія, а баронъ Фердинандъ фонъ-Винцингероде съ отрядомъ русскихъ войскъ перешелъ 13 января черезъ Рейнъ въ нижней части его теченія около города Дюссельдорфа. 20 января между Блюхеромъ и Шварценбергомъ установились уже непрерывныя сношенія черезъ Эпиналь. Въ главной квартирѣ союзниковъ не прекращались раздоры. Большинство хотѣло уклониться по возможности отъ генеральнаго сраженія и предпочитало заключить съ Наполеономъ миръ на условіяхъ, выработанныхъ во Франкфуртѣ; но на этотъ разъ Александръ высказался за продолженіе войны вопреки мнѣнію Меттерниха и въ концѣ концовъ онъ привлекъ на свою сторону также и короля Вильгельма. Императору Францу была, однако, сдѣлана слѣдующая уступка: мирные переговоры имѣлось въ виду не прекращать также и во время похода; для этой цѣли предполагалось устроить конгрессъ въ городѣ Шатильонѣ на рѣкѣ Сенѣ, а границы Франціи оставить такими, какими они были въ 1792 году.

Наполеонъ назначилъ императрицу регентшей, а ея ближайшимъ совѣтникомъ Камбасереса; Жозефа Наполеона, бывшаго испанскаго короля, онъ назначилъ своимъ генералъ-лейтенантомъ и приказалъ ему держаться въ Парижѣ до послѣдней возможности, такъ какъ семья Бонапартовъ должна направить всѣ свои усилія къ тому, чтобы удержать въ своихъ рукахъ единственный тронъ, которымъ она еще владѣла. Когда Наполеонъ прощался 25 января съ своей женой и съ своимъ сыномъ и отдавалъ ихъ подъ защиту національной гвардіи, ему не приходило въ голову, что онъ ихъ больше никогда уже не увидитъ. Его попытка помѣшать соединенію Блюхера съ Шварценбергомъ потерпѣла неудачу. Сначала онъ одержалъ побѣду какъ надъ Блюхеромъ, такъ и надъ русскими войсками, (27 и 29 января), надъ первымъ около Сенъ-Дизіе, а надъ вторыми недалеко отъ того самаго города Бріена, въ которомъ Наполеонъ обучался въ военной школѣ въ свои юношескіе годы; но вслѣдъ затѣмъ онъ былъ разбитъ Блюхеромъ при Ла Ротьерѣ 1 февраля; за нѣсколько послѣднихъ вѣковъ это была первая рѣшительная побѣда, которая была одержана иностранными войсками надъ французами на французской же территоріи; парижское населеніе настаивало на заключеніи мира, и даже самъ императоръ сталъ болѣе уступчивымъ. Если бы союзники сумѣли извлечь изъ своей побѣды надлежащую выгоду, то они могли бы окончательно уничтожить армію Наполеона; но Шварценбергъ отдѣлился отъ Блюхера по тайному указанію императора Франца, который хотѣлъ спасти своего зятя, и Наполеону удалось выскользнуть изъ разставленныхъ сѣтей.

Положеніе французскаго императора значительно ухудшилось. Король Неаполитанскій Іоахимъ и его супруга, сестра Наполеона, Каролина, вступили въ тайные переговоры съ лордомъ Уильямомъ Ч. К. Бентинкомъ, командовавшимъ англійской эскадрой въ Средиземномъ морѣ, и съ Меттернихомъ и отреклись отъ Наполеона. Іоахимъ заключилъ съ Бентинкомъ перемиріе, а съ Австріей союзный договоръ (11 января 1814 г.), которымъ онъ обезпечилъ за собой неаполитанскій престолъ. 15 февраля онъ объявилъ своему зятю войну и принудилъ вице-короля Эжена къ отступленію за рѣку Минчіо; войска неаполитанскаго короля изгнали великую герцогиню Тосканскую, сестру Наполеона, Элизу, изъ ея владѣній, и вслѣдъ за этимъ у нея была отнята также и Лукка. Іоахимъ разсчитывалъ стать итальянскимъ королемъ и окружить себя ореоломъ героя независимости Италіи (см. стр. 102). Для противодѣйствія королю Іоахиму Наполеонъ возвратилъ весною 1814 г. въ Римъ папу Пія VII, какъ естественнаго противника идеи итальянскаго объединенія, но не добился этимъ путемъ никакого результата.

5 февраля 1814 г. собрался конгрессъ въ Шатильонѣ. Мирная программа, предложенная австрійскимъ уполномоченнымъ графомъ Штадіономъ (см. стр. 66), требовала возвращенія Франціи къ ея дореволюціоннымъ границамъ и отказа съ ея стороны отъ всякаго протектората надъ Германіей, Италіей и Швейцаріей; но весь этотъ конгрессъ былъ только возмутительнымъ обманомъ. Наполеонъ ни въ какомъ случаѣ не согласился бы на подобныя условія. Чтобы вывернуться изъ своего безвыходнаго положенія и выгадать время, онъ послушался совѣта Маре и отправилъ Коленкура въ Шатильонъ въ качествѣ своего уполномоченнаго для заключенія мира; событія самыхъ ближайшихъ дней показали, что въ дѣйствительности онъ задумывалъ совершенно другіе планы. Съ быстротой и энергіей лучшихъ лѣтъ своей молодости, бросился онъ на разрозненные и отдѣленные другъ отъ друга большими пространствами отряды своихъ враговъ и разбилъ ихъ по одиночкѣ въ сраженіяхъ при Шампоберѣ, Монмирайлѣ, Шато-Тьерри, Этожъ, Нанжи и Монтро (между 10 и 18 февраля). Послѣ этого онъ лишилъ Коленкура данныхъ ему полномочій, отклонилъ всѣ предложенія союзниковъ, которыхъ онъ считалъ уже своими военноплѣнными, и упустилъ удобный

моментъ для заключенія выгоднаго для себя мира въ надеждѣ на то, что ему удастся вступить въ отдѣльные переговоры съ своимъ тестемъ. Блюхеръ и слышать не хотѣлъ какъ о перемиріи, такъ и о мирѣ, взялъ на себя руководящую роль въ Силезской арміи вмѣсто Шварценберга, двинулся 23 февраля на Парижъ и по дорогѣ присоединилъ къ себѣ отряды Бюлова и Винцингероде, которые успѣли тѣмъ временемъ завладѣть Суассономъ. Въ Люзиньи были начаты новые переговоры о перемиріи, которые не привели ни къ какому результату. 27 февраля Шварценбергъ двинулся противъ крѣпости Труа, но не сумѣлъ воспользоваться результатами побѣды, одержанной русскими надъ Удино при Баръ-Сюръ-Обѣ. Наполеонъ призналъ Блюхера за самаго опаснаго изъ своихъ противниковъ, поспѣшилъ вслѣдъ за нимъ, чтобы не дать ему завладѣть Парижемъ, и 7 марта разбилъ русскій отрядъ Блюхера при Краоннѣ. Однако, эта побѣда имѣла для него весьма малое значеніе, такъ какъ 9 марта былъ заключенъ въ Шомонѣ грозный для Наполеона оборонительный и наступательный союзъ между Россіей, Великобританіей, Австріей и Пруссіей на 20 лѣтъ; въ союзный договоръ было включено такое обязательство, что каждый изъ союзниковъ долженъ держать подъ ружьемъ не менѣе 180.000 человѣкъ и не вступать ни въ какіе отдѣльные договоры, пока не будетъ достигнута великая общая цѣль союзниковъ, низверженіе Наполеона. 9 и 10 марта Клейстъ и Іоркъ разбили при Ланнѣ правый флангъ Наполеона, которымъ командовалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій. Однако, самъ Наполеонъ разсѣялъ 13 марта при Реймсѣ русскій корпусъ подъ командой Сенъ-Приста и двинулся противъ Шварценберга. Съ удовольствіемъ узналъ онъ о господствовавшемъ въ главной квартирѣ союзниковъ разногласіи, объ ихъ спорахъ по поводу будущей участи Франціи, возрастающемъ неудовольствіи противъ гегемоніи Александра и все еще надѣялся отвлечь императора Франца отъ союза.

Съ юга и съ сѣвера до Наполеона дошли дурныя вѣсти. Сультъ и Сюше терпѣли пораженія отъ Веллингтона, австрійскій отрядъ генерала Бубна сильно тѣснилъ Ожеро около Ліона, парижское населеніе начинало волноваться, генералы и солдаты императора стали впадать въ уныніе. Младшій изъ братьевъ казненнаго короля Карлъ Филиппъ графъ Артуа вдругъ объявился во Франціи вмѣстѣ съ своими сыновьями герцогами Ангулемскимъ и Беррійскимъ. Среди роялистовъ господствовало сильное оживленіе, и наиболѣе вліятельные изъ нихъ съ барономъ Э. Ф. А. д'Арно Витролль во главѣ осаждали русскаго царя своими просьбами. По наущенію предателя мэра Велингтонъ приказалъ своему генералу Уильяму Карлу Бересфорду завладѣть городомъ Бордо отъ имени англійскаго короля Георга III, а большинство жителей этого города объявили себя вѣрноподданными „короля Людовика XVIII“, который проживалъ въ это время въ Гартвелѣ въ Англіи; 21 марта Бубна вступилъ въ Ліонъ, и мало по малу идея возстановленія власти Бурбоновъ стала пріобрѣтать подъ собою почву.

Конгрессъ въ Шатильонѣ сообщилъ 17 февраля Коленкуру тѣ условія, на которыхъ могъ быть заключенъ миръ и которыя сводились въ сущности къ тому, что Франція должна возвратиться къ границамъ 1792 г., а Германія, Голландія, Швейцарія, Италія и Испанія должны стать вполнѣ независимыми отъ Франціи; Наполеонъ все еще не давалъ отвѣта на предложенія конгресса, хотя Коленкуръ и также императоръ Францъ съ Меттернихомъ неотступно совѣтовали ему быть болѣе уступчивымъ, а государственный совѣтъ тоже рекомендовалъ ему согласиться на предлагаемыя ему условія. 15 марта Коленкуръ, наконецъ, сообщилъ конгрессу отвѣтныя предположенія Наполеона, въ которыхъ онъ соглашался принять Рейнъ и Альпы за границы Франціи; эти условія были оскорбительны для Австріи и были приняты непріязненно даже Меттернихомъ. Послѣ этого конгрессъ разошелся 19 марта, а генералъ-лейтенантъ Августъ Нейтгардтъ фонъ Гнейзенау, первый изъ всѣхъ состоящихъ при главной квартирѣ союзниковъ-генераловъ, который

предложилъ двинуться прямо на Парижъ, сказалъ по этому поводу съ чувствомъ полнаго удовлетворенія: „Наполеонъ оказалъ намъ болѣе важную услугу, чѣмъ вся армія дипломатовъ“.

Богемская армія тоже выступила въ походъ противъ Наполеона и только благодаря неповоротливости Шварценберга все оттягивалась его окончательная гибель. 20 и 21 марта Шварценбергъ разбилъ Наполеона при Арси-сюръ-Объ, городъ былъ взятъ штурмомъ, а самъ императоръ спасся бѣгствомъ. Ему слѣдовало бы поспѣшить на выручку Парижа со всѣми своими наличными военными силами, а онъ вмѣсто этого обошелъ посредствомъ кружнаго обхода правый флангъ Шварценберга и направился къ Сенъ-Дизье для того, чтобы напасть на союзниковъ съ тыла. Эти послѣдніе узнали о его намѣреніи изъ перехваченныхъ писемъ его, и имъ удалось обмануть его: онъ принялъ слѣдовавшій за нимъ отрядъ Винцингероде за главную армію союзниковъ. Блюхеръ перешелъ черезъ рѣку Марну, а 23 марта онъ соединился съ Шварценбергомъ; 25 марта оба они двинулись вмѣстѣ на Парижъ. Предложеніе Гнейзенау, наконецъ, одержало верхъ: Поццо ди Борго и Толь склонили къ нему русскаго царя, а прусскій король и Шварценбергъ тоже присоединились къ нему; одинъ только императоръ Францъ остался въ Бургундіи для того, чтобы не быть очевидцемъ низложенія своего зятя. Вслѣдъ за собой союзная армія выпустила 25 марта составленную въ очень сильныхъ выраженіяхъ прокламацію, которая быстро облетѣла всю Францію. Благодаря своей колеблющейся тактикѣ Наполеонъ оставилъ свою столицу беззащитной, а самаго себя лишилъ всѣхъ тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, которыя могъ найти въ Парижѣ; ему предстояла неизбѣжная гибель. Слабый отрядъ маршала Мармона былъ разбитъ 22 марта графомъ Петромъ Паленомъ, а кронпринцъ Вюртембергскій Вильгельмъ въ тотъ же день нанесъ пораженіе немногочисленному отряду маршала Мортье въ томъ же мѣстѣ, около Ла Феръ Шампенуазъ, дивизія генерала графа Михаила Маріо Пакто вынуждена была сдаться въ плѣнъ; 29 марта оба названные маршала заняли позицію подъ стѣнами столицы. Въ Парижѣ господствовало крайнее смятеніе, чувствовался недостатокъ во всемъ необходимомъ, и городъ не въ состояніи былъ выдержать правильной осады. Наполеонъ бросился стремглавъ черезъ Труа къ Парижу, но, несмотря на свои форсированные марши, онъ пришелъ слишкомъ поздно. Къ тому же измѣна тоже дѣлала свое дѣло; Таллейранъ и Фуше подкапывались подъ императора. Король Жозефъ, исполнявшій должность генералъ-лейтенанта Франціи, не въ силахъ былъ справиться со своей задачей, и, кромѣ того, не было единодушія между нимъ и слабохарактерной императрицей регентшей. Не желая подвергнуть своего сына горькой участи Астіанакса, сына Гектора, императоръ строго наказалъ своему брату и императрицѣ ни въ коемъ случаѣ не допускать, чтобы римскій король попался въ плѣнъ; поэтому Марія Луиза выѣхала 29 марта изъ Парижа въ Блуа вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, важнѣйшими государственными документами, коронными бриллiантами и остаткомъ личныхъ сбереженій Наполеона несмотря на ропотъ парижанъ; ее сопровождалъ король Жозефъ съ 1200 солдатъ старой гвардіи. Жозефъ сумѣлъ воспламенить парижанъ къ мужественной самооборонѣ; оба маршала, отряды которыхъ были усилены національными гвардейцами и составляли въ общемъ 34000 человѣкъ, вынуждены были, несмотря на самое упорное сопротивленіе, которое они оказывали, отступить шагъ за шагомъ предъ натискомъ стотысячной непріятельской арміи въ сраженіи подъ Парижемъ 30 марта; въ ночь того же дня они сдались на капитуляцію, а Жозефъ бѣжалъ въ Блуа. Когда Наполеонъ дошелъ до Парижа поздней ночью, то онъ уже не могъ поправить бѣды: онъ отступилъ въ Фонтенбло.

Въ лагерѣ союзниковъ иные стали подумывать, что пришла пора отомстить за Берлинъ, Вѣну и Москву въ тотъ моментъ, когда предстояло вступленіе союзной арміи въ Парижъ, „во время вторженія татаръ въ Па-

рижъ", какъ восклицалъ патетически Шатобріанъ. 31 марта Александръ, Фридрихъ Вильгельмъ и Шварценбергъ въѣхали въ городъ черезъ ворота св. Мартина во главѣ гвардіи; храбрыя войска Іорка и Клейста вынуждены были остаться внѣ города, потому что прусскій король находилъ ихъ внѣшность не вполнѣ парадной. Во время торжественной встрѣчи, устроенной ими союзникамъ, парижане вели себя крайне унизительно; знатныя дамы обнимали солдатъ, красивая герцогиня Дино вскочила къ одному казаку на лошадь; союзныхъ монарховъ встрѣчали на улицахъ и въ театрахъ съ самыми подобострастными изъявленіями преданности: ихъ иначе не называли, какъ освободителями. До той поры казалось, что Бурбоны стали для французовъ такими же чужими, какъ китайскій императоръ со своей семьей; теперь вдругъ вспомнили о нихъ, изъ всѣхъ оконъ сыпались дождемъ лиліи, вездѣ появились бѣлые шарфы и кокарды. Въ то же время національные гвардейцы привязывали орденъ почетнаго легіона къ хвостамъ своихъ лошадей и волочили его по землѣ въ насмѣшку надъ Наполеономъ, учредившимъ этотъ орденъ, и только благодаря вмѣшательству великаго князя Константина и графа Фабіана Вильгельма фонъ-деръ Остенъ-Сакена, который былъ назначенъ союзниками парижскимъ военнымъ губернаторомъ, удалось пріостановить толпу, которая уже готова была сорвать статую Наполеона съ Вандомской колонны. Вездѣ слышались проклятія противъ Наполеона. Императоръ Александръ остановился у Талейрана, и тутъ была улажена будущая участь Франціи.

н) Низверженіе Наполеона.

25 марта Коленкуръ сообщилъ Меттерниху, что въ настоящее время онъ уполномоченъ заключить миръ; но ему отвѣтили, что теперь уже слишкомъ поздно. 31 марта императоръ Александръ, считавшій себя „Агамемнономъ коалиціи", заявилъ, что союзники не намѣрены вести никакихъ переговоровъ съ „Наполеономъ Бонапартомъ" или какимъ бы то ни было другимъ членомъ его семьи и что союзники предлагаютъ сенату учредить временное правительство. Александръ выражался рѣзче всѣхъ другихъ о своемъ бывшемъ эрфуртскомъ другѣ, и весь Парижъ повторялъ вслѣдъ за нимъ слѣдующую его фразу: „одинъ только Бонапартъ есть мой врагъ, французы мои друзья". Низкіе льстецы, которые самымъ подлымъ образомъ пресмыкались предъ Наполеономъ, первые измѣнили ему и наперерывъ другъ предъ другомъ лгали предъ Александромъ, увѣряя, что вся Франція предана роялистическимъ идеямъ; генеральный совѣтъ Сенскаго департамента назвалъ Наполеона „врагомъ общественнаго спокойствія" и призывалъ на престолъ Людовика XVIII. 2 апрѣля сенатъ назначилъ временное правительство подъ предсѣдательствомъ Талейрана, объявилъ Наполеона и его династію низверженными съ французскаго престола, освободилъ всѣхъ французовъ отъ данной императору вѣрноподданнической присяги; излагая побудившіе его къ такому рѣшенію „мотивы", сенатъ осыпалъ Наполеона упреками, а на пріемѣ у русскаго царя члены сената превозносили его выше Траяна и Антониновъ, что вызвало со стороны Наполеона ѣдкій отвѣтъ въ его приказѣ по арміи отъ 4 апрѣля. Жалкіе остатки законодательнаго корпуса тоже присоединились 3 апрѣля къ рѣшенію сената о низверженіи Наполеона. Такъ же поступили вообще всѣ гражданскія власти; печать перешла въ руки роялистовъ. Виконтъ Франсуа Ренэ де Шатобріанъ выпустилъ въ свѣтъ свою пропитанную ядомъ брошюру „о Бонапартѣ и о Бурбонахъ"; послѣднихъ онъ превозносилъ, какъ 32 добрыхъ королей Франціи", а перваго назвалъ актеромъ, поддѣльной знаменитостью"! Людовикъ XVIII съ признательностью говорилъ о Шатобріанѣ, что этой брошюрой тотъ сослужилъ своему королю лучшую службу, чѣмъ цѣлой арміей въ 100000 солдатъ. Люди, прикосновенные къ казни Людовика XVI, какъ

напримѣръ, графъ Дом. Жозефъ Гара, попали въ число самыхъ „бѣлыхъ" и стали ярыми проповѣдниками легитимизма. Луи де Фонтанъ, одинъ изъ придворныхъ льстецовъ Наполеона, сталъ увѣрять, что Наполеонъ иностранецъ, и поэтому его позоръ никогда не ляжетъ клеймомъ на славѣ французскаго народа. Цѣлыя шайки подобныхъ негодяевъ старались перекричать одинъ другого, а императорскія регаліи предавались поруганію. Однако у всѣхъ ихъ было неспокойно на душѣ: герой 18 Брюмера располагалъ еще войсками, которыхъ онъ научилъ побѣждать; войска возвели его на престолъ, можетъ быть, они помогутъ ему и теперь вновь утвердиться на престолѣ. Наполеонъ дѣйствительно задумывалъ произвести военный переворотъ, но парижскіе эмиссары такъ ловко обрабатывали измученныхъ непрерывными войнами офицеровъ и солдатъ, что армія тоже стала отрекаться отъ своего императора; генералы стремились насладиться на покоѣ своей добычей и своей славой, и, кромѣ того, во многихъ изъ нихъ заговорило чувство оскорбленнаго самолюбія. Коленкуръ отправился къ Наполеону и раскрылъ предъ нимъ весь ужасъ его положенія. 4 апрѣля маршалы Лефевръ, Удино, Ней и Макдональдъ отказались ему служить и стали требовать, чтобы онъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына, короля римскаго. Въ тотъ же день Наполеонъ выполнилъ ихъ требованіе „ради блага отечества, которое неразлучно соединено съ правами моего сына, регентствомъ императрицы и законами имперіи"; онъ надѣялся, что Австрія будетъ особенно сильно заинтересована въ томъ, чтобы Марія Луиза осталась регентомъ. Ней, Макдональдъ и Коленкуръ отправились въ Парижъ съ манифестомъ Наполеона объ его отреченіи „въ пользу Наполеона II". По дорогѣ они узнали, что Мармонъ вступилъ въ переговоры съ союзниками, и сами тоже отреклись отъ императора; когда Наполеонъ хотѣлъ было затѣять новое военное предпріятіе въ надеждѣ на то, что ему удалось поднять возстаніе въ Италіи, то Ней, Макдональдъ и Коленкуръ вмѣстѣ съ Лефевромъ и Удино посовѣтовали ему покориться своей участи и согласиться на безусловное отреченіе отъ престола.

6 апрѣля Наполеонъ отрекся отъ своего собственнаго имени и отъ имени своихъ наслѣдниковъ отъ сана императора французовъ и короля, похваляясь, что „нѣтъ такой жертвы, не исключая своей собственной жизни, которую онъ не былъ бы готовъ принести ради пользы Франціи". Ней, Макдональдъ и Коленкуръ привезли изъ Фонтенбло въ Парижъ это безусловное отреченіе Наполеона. Маршалы и генералы одинъ за другимъ стали покидать императора. Ожеро даже упрекнулъ его въ трусости. 6 апрѣля сенатъ опубликовалъ свое постановленіе, прозванное въ насмѣшку „конституціей сенаторскихъ рентъ", которымъ на французскій престолъ призывался „Людовикъ Станиславъ Ксаверій, братъ послѣдняго короля": такимъ образомъ сенатъ обошелъ молчаніемъ Людовика XVII и не принялъ во вниманіе утвержденія претендента, что онъ считаетъ себя французскимъ королемъ съ 1795 г. 11 апрѣля уполномоченные развѣнчаннаго императора подписали договоръ съ союзниками въ Фонтенбло, по которому Наполеонъ былъ назначенъ верховнымъ правителемъ маленькаго островка Эльбы съ титуломъ императора; ему оставили нѣсколько сотъ человѣкъ его гвардіи и цивильный листъ въ 2 милліона франковъ для него и столько же для его семьи. Императрицѣ Жозефинѣ предполагалось выдавать впредь только по 1 милліону ежегодно, но она скончалась короткое время спустя 29 мая 1814 г.. За Маріей Луизой былъ оставленъ императорскій титулъ, и она получила на правахъ верховной правительницы для себя самой и для своего сына герцогства Парму, Пьяченцу и Гуасталлу.

Что для заточенія такого гиганта не выбрали иного мѣста, чѣмъ островъ Эльба, расположенный между тѣми двумя государствами, къ которымъ Наполеонъ стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, именно между Франціей и Италіей, а не сослали его на островъ Св. Елены, какъ пред-

лагала Пруссія, — въ этомъ виновна недальновидность русскаго царя; это было тѣмъ болѣе непростительной ошибкой со стороны союзниковъ, что какъ во французскомъ, такъ и въ итальянскомъ народѣ господствовало сильное возбужденіе, а реставрація Бурбоновъ была весьма непопулярна среди нихъ. 12-го апрѣля договоръ, заключенный въ Фонтенбло, былъ подписанъ Наполеономъ. Съ виду онъ подписывалъ свой собственный смертный приговоръ, но въ душѣ онъ былъ увѣренъ, что ему предстоитъ еще будущность, а втайнѣ онъ уже въ эту минуту придумывалъ новые планы. Съ полнымъ самообладаніемъ онъ выразился слѣдующимъ образомъ о политическомъ положеніи Франціи: „для васъ, французовъ, Бурбоны теперь годятся лучше всего. Добрый король не захочетъ сдѣлать ничего дурного. Если дѣла пойдутъ хорошо, то онъ ляжетъ прямо въ мою постель и только перемѣнитъ пологъ на новый“. И дѣйствительно, онъ оставилъ по себѣ централизованную самымъ прочнымъ образомъ бюрократію и могъ ожидать съ чувствомъ удовлетворенія, что дѣло его рукъ переживетъ его царствованіе. Однако онъ испыталъ ужасныя душевныя муки, когда Марія Луиза бросила его, не послѣдовала за нимъ въ изгнаніе, утѣшалась въ компаніи фельдмаршала лейтенанта графа Адама Адальберта фонъ Нейпперга, не отвѣчала ни словечка на всѣ его письма и оторвала отъ него его сына, который былъ для него послѣдней отрадой.

Семья Наполеона разсѣялась; съ каждымъ днемъ онъ становился все болѣе одинокимъ, даже Бертье, и тотъ покинулъ его. Наконецъ подъѣхала карета, которая должна была увезти на Эльбу „императора западныхъ странъ“, прибыли комиссары Россіи, Великобританіи, Австріи и Пруссіи, которые должны были сопровождать его. 20-го апрѣля происходила трогательная картина прощанія Наполеона съ его гвардіей; онъ поцѣловалъ командовавшаго гвардіей барона Ж. М. Пти и ея славное знамя и увѣщевалъ своихъ старыхъ воиновъ служить вѣрой и правдой тому государю, котораго избралъ себѣ французскій народъ; Орасъ Верне увѣковѣчилъ эту умилительную картину на полотнѣ. Чѣмъ дальше вглубь Южной Франціи подвигалась эта погребальная процессія имперіи, тѣмъ съ болѣе дикимъ озлобленіемъ встрѣчало ее населеніе. Въ Провансѣ стала даже угрожать опасность жизни Наполеона, его чуть было не растерзали; наконецъ, комиссары надѣли на него австрійскую шинель и пристегнули ему бурбонскую кокарду. Его самого обуялъ страхъ предъ тѣмъ народомъ, властителемъ котораго онъ былъ такъ недавно, и онъ вздохнулъ свободнѣе, когда вступилъ 28 апрѣля на британскій фрегатъ „Неукротимый“ (Undaunted) въ той же гавани Фрежю, въ которой онъ вступилъ на берегъ на возвратномъ пути изъ Египта, когда началось тріумфальное шествіе, приведшее его къ 18 брюмера. 4-го мая 1814 года онъ высадился на островѣ Эльбѣ; мѣстное населеніе встрѣтило его съ восторгомъ; онъ немедленно ввелъ улучшенія въ администраціи своего острова, завелъ маленькую армію и маленькій флотъ, обзавелся прекраснымъ полицейскимъ штатомъ и жилъ очень экономно тѣмъ болѣе, что Людовикъ XVIII вовсе не выдавалъ ему обѣщанной изъ милости по договору въ Фонтенбло пенсіи. Престарѣлая мать Наполеона и сестра его Полина, которая примирила его съ другимъ своимъ братомъ Люсьеномъ, поселились вмѣстѣ съ нимъ; его зять, король Іоахимъ, сблизился съ нимъ изъ страха за свою собственную корону. Наполеонъ поддерживалъ оживленныя сношенія съ Римомъ и Неаполемъ.

i) Первая реставрація.

Бѣлое королевское знамя стало національнымъ вмѣсто трехцвѣтнаго. Это произвело дурное впечатлѣніе на армію. 14-го апрѣля 1814 года сенатъ назначилъ графа Артуа генералъ-лейтенантомъ французскаго королевства. 23-го апрѣля Таллейранъ, стоявшій во главѣ правительства, заключилъ

съ союзниками перемиріе, причемъ за основу были приняты французскія границы 1 января 1792 года. 2-го мая Людовикъ XVIII прибылъ въ Сентъ-Уанъ недалеко отъ Парижа; по прежнему онъ велъ счетъ годамъ своего царствованія отъ 1795 года, ни за что не хотѣлъ открыто признать, что его призвалъ на престолъ сенатъ и народъ, продолжалъ настаивать на своемъ божественномъ правѣ, но обѣщалъ, однако, дать Франціи конституцію. 3-го мая Людовикъ вступилъ въ Парижъ и былъ принятъ населеніемъ съ необузданнымъ восторгомъ; по вскорѣ всѣмъ пришлось убѣдиться, что онъ былъ типичнымъ представителемъ стараго режима. Его министерство страдало отсутствіемъ единства; Людовикъ самъ руководилъ политикой своего королевства, удержалъ правительственную систему Наполеона, но только отодвинулъ армію на задній планъ и отдалъ государственную казну на расхищеніе эмигрантамъ.

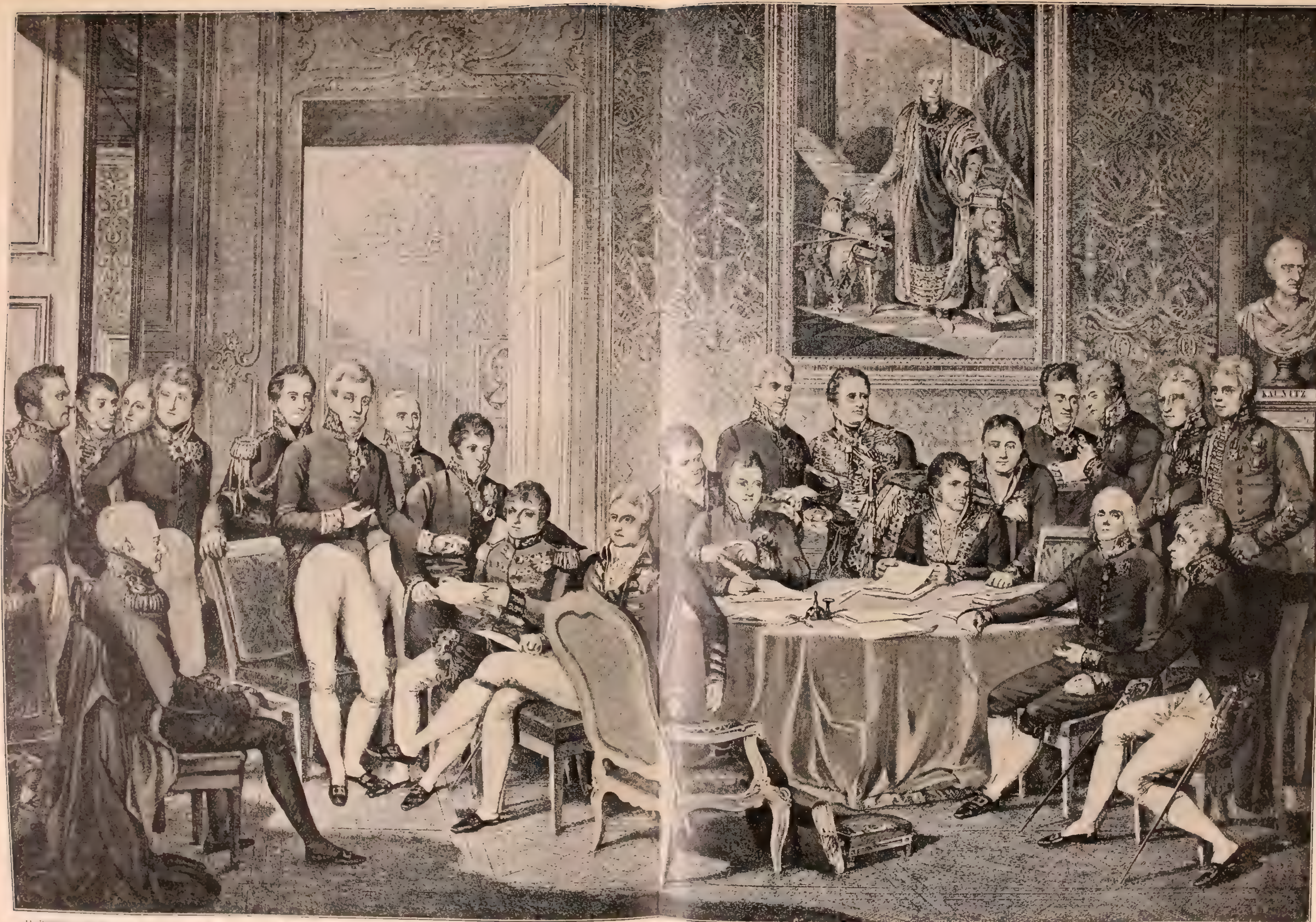
Парижскій мирный договоръ 30 мая 1814 года, заключенный между Франціей и союзниками, былъ главнымъ образомъ дѣломъ рукъ Таллейрана: въ пользу Франціи были сдѣланы нѣкоторыя территоріальныя уступки сравнительно съ французскими границами 1 января 1792 года, она была освобождена отъ уплаты военнаго вознагражденія и вернула только захваченныя Наполеономъ произведенія искусства, которыя лежали еще нераспакованными въ тюкахъ. Александръ обнаружилъ большое великодушіе, главнымъ образомъ, насчетъ Пруссіи. Было рѣшено, что мирный договоръ будетъ разработанъ болѣе обстоятельно на всеобщемъ конгрессѣ, который долженъ былъ собраться въ Вѣнѣ. Людовикъ вступилъ въ компромиссъ съ революціей и обнародовалъ 4-го іюля конституціонную хартію, (Charte constitutionelle), выработанную по британскому образцу графомъ Жакомъ Клодомъ Беньо, которую предполагалось приспособить къ французскимъ условіямъ. Всѣ тѣ, которые въ свое время подали голосъ въ пользу казни Людовика XVI (цареубійцы, regicides), и, кромѣ того, многіе изъ бывшихъ маршаловъ Наполеона были лишены званія сенаторовъ; въ палатѣ пэровъ засѣдали мирно бокъ о бокъ представители старой и новой Франціи, а палата депутатовъ уже дала новому государю эпитетъ „Людовика желаннаго“ (Louis le Désiré). Но не долго господствовало такое мирное настроеніе. Свита графа Артуа старалась превзойти самого короля своей фанатической преданностью къ королевской власти; она отличалась реакціоннымъ духомъ, превосходившимъ всякую мѣру, и считала короля за якобинца, который дѣлаетъ слишкомъ много уступокъ революціоннымъ идеямъ; самъ графъ Артуа чувствовалъ себя оскорбленнымъ неудовлетворительнымъ отзывомъ о немъ короля и удалился въ Сенъ-Клу. Помѣстное дворянство, которое надѣялось было на богатую поживу, не нашло такой добычи, какой оно ожидало, и не скрывало своего разочарованія, за что Беранже безпощадно бичевалъ этихъ дворянъ въ своемъ „Marquis de Carabas“ и другихъ своихъ сатирическихъ стихотвореніяхъ. Герцогъ Орлеанскій жилъ въ Пале-Роялѣ и разыгрывалъ роль скромнаго буржуа, который занятъ исключительно только воспитаніемъ своего многочисленнаго потомства; но потихоньку онъ организовалъ свою собственную партію и былъ „монархомъ на лагерной стоянкѣ“. Людовикъ XVIII выражался о немъ такимъ образомъ: „его имя составляетъ для меня непрерывную опасность; его дворецъ — это сборный пунктъ заговорщиковъ. Кажется, что онъ не трогается съ мѣста; между тѣмъ я чувствую, что онъ идетъ. Меня очень безпокоитъ эта дѣятельность его, которая не проявляется никакими наружными движеніями. Какъ помѣшать двигаться такому человѣку, который, повидимому, не дѣлаетъ ни шагу? Эту задачу я долженъ разрѣшить самъ; мнѣ не хотѣлось бы предоставить разрѣшеніе ея моему преемнику“.

Бенжаменъ Констанъ, мадамъ Сталь, Лафайетъ и многіе другіе, которые бѣжали отъ преслѣдованій Наполеона, появились вновь на сценѣ,

положили основаніе конституціонной партіи и надѣялись найти подъ властью Бурбоновъ ту свободу, которой они такъ долго искали. Съ другой стороны, существовало не мало приверженцевъ императора; во главѣ этой партіи стояла энергичная экскоролева голландская, герцогиня Сенъ-Лё; цѣлый рядъ министровъ и нѣкоторые маршалы тоже принадлежали къ этой партіи. Сильнѣе всѣхъ были недовольны Бурбонами „цареубійцы", во главѣ которыхъ стояли Сійэсъ, Барра, Тальенъ; въ ихъ глазахъ Наполеонъ превратился вдругъ въ героя французской свободы; къ нимъ примкнулъ также и предательскій Фушэ. Въ южной Франціи, именно въ Лангедокѣ, происходили бурныя столкновенія между протестантами и католиками. Среди этого всеобщаго возбужденія стали возвращаться въ свое отечество отовсюду изъ непріятельскаго плѣна или изъ очищенныхъ французами крѣпостей солдаты наполеоновской арміи съ своими трехцвѣтными кокардами. Въ глазахъ этихъ солдатъ Бурбоны были пособниками иностранныхъ государствъ, водворенными во Франціи при посредствѣ непріятельскихъ штыковъ; напротивъ того, изгнанный императоръ былъ для нихъ воплощеніемъ славы и всемірнаго владычества Франціи. Какъ ни щедрился Людовикъ XVIII на чины и ордена, армія оставалась олицетвореніемъ мести изгнаннаго императора противъ его преемниковъ, и рядовые солдаты смотрѣли съ презрѣньемъ на своихъ генераловъ, которые прониклись внезапно преданностью къ Бурбонамъ. Изъ-за конкордата, котораго реставрація не хотѣла признавать, французское правительство пришло въ столкновеніе съ духовенствомъ; слишкомъ строгое соблюданіе святости воскреснаго дня и другія подобныя придирчивыя требованія духовенства возбуждали народъ противъ господства рясы, да и самъ Людовикъ не долюбливалъ поповъ. Стѣсненія печати возбуждали всеобщее негодованіе и не приносили никакой пользы правительству. Карно писалъ ѣдкія брошюры; въ это же время возникъ сатирическій листокъ „Желтый Карликъ" (Le Nain jaune), а Беранже наигрывалъ на всѣхъ струнахъ своей сатиры. Безграничнымъ расположеніемъ Людовика пользовался министръ его двора, бывшій эмигрантъ графъ Пьеръ Луи Жанъ Казиміръ Блака; онъ продавалъ чины и должности, катался, какъ сыръ въ маслѣ, и поэтому ему казалось, что вся Франція тоже счастлива. Онъ утверждалъ, что никакая монархія не стояла на болѣе прочномъ основаніи, чѣмъ французская монархія эпохи реставраціи, отличался крайней политической недальновидностью и былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ прегрѣшеній правительства. Ему казалось, что французская полиція не оставляетъ желать ничего лучшаго, а между тѣмъ во главѣ ея стоялъ баронъ А. Б. П. Дандре, человѣкъ ни къ чему не способный. Напрасно Фушэ предостерегалъ правительство отъ гибельнаго самообольщенія и „билъ въ набатъ" надъ самымъ ухомъ Людовика, — правительство не замѣчало, какъ Наполеонъ незамѣтно подкапывается подъ него, какъ кротъ, и какъ подъ нимъ начинаетъ шататься почва.

к) Вѣнскій конгрессъ.

Между тѣмъ въ Вѣнѣ засѣдалъ конгрессъ; такого блестящаго общества никогда еще не видала веселая столица австрійскихъ императоровъ (см. прилож. таблицу „Вѣнскій Конгрессъ 1815 г."). На конгрессѣ присутствовало такъ много императоровъ, королей и владѣтельныхъ князей всѣхъ ранговъ, что, какъ находилъ Таллейранъ, такое изобиліе ихъ роняло престижъ монархической власти. Вѣна превратилась въ сборный пунктъ для высокопоставленныхъ праздношатающихся. Лишенные своихъ владѣній духовные князья тоже явились туда, чтобы еще разъ попытать счастья: не теряя надежды, что имъ удастся воскреснуть изъ мертвыхъ, они толпились вокругъ умной княгини Фюрстенбергъ, графа Фридриха Сольмсъ-

Вѣнскій конгрессъ 1815 года. Засѣданіе уполномоченныхъ 8 державъ, участвовавшихъ при заключеніи Парижскаго мирнаго договора.

(По фотографіи Дондорфа съ картины Жана Батиста Изабея).

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Вѣнскій Конгрессъ 1815 года.

Жанъ Батистъ Изабей изобразилъ Вѣнскій конгрессъ въ лицѣ слѣдующихъ 23 представителей пяти великихъ державъ и трехъ второстепенныхъ государствъ, участвовавшихъ въ заключеніи Парижскаго мирнаго договора.

I. Австрія:

1. Князь Клеменсъ Венцель Лотарь фонъ Меттернихъ (1773—1858).
2. Баронъ Іоганнъ Филиппъ фонъ Вессенбергъ-Ампрингенъ (1773—1858).
3. Фридрихъ фонъ Гентцъ (1764—1832).
4. Баронъ Николай фонъ Вакенъ (ум. 1834).

II. Пруссія:

5. Князь Карлъ Августъ фонъ Гарденбергъ (1750—1822).
6. Баронъ Ф. Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ (1767—1835).

III. Россія:

7. Графъ Карлъ Робертъ Нессельроде (1780—1862).
8. Графъ, впосл. князь, Андрей Кирилловичъ Разумовскій (1752—1836).
9. Графъ Густавъ Штакельбергъ (1766—1850).

IV. Англія:

10. Генри Робертъ Стюартъ, виконтъ Кесльри, маркизъ Лондондерри (1769—1822).
11. Сэръ Артуръ Уэльслей, герцогъ Веллингтонъ, герцогъ Сіудадъ Родриго и Викторія, князь Ватерлоо (1769—1852).
12. Чарльсъ Уильямъ Вэнъ, лордъ Стюартъ, маркизъ Лондондерри (1778—1854; братъ Кесльри).
13. Уильямъ Шау, графъ Кеткартъ (1755—1843).
14. Тренчъ, Ричардъ Лее Поръ, графъ Кленкарти (1767 до 1837).

V. Франція:

15. Шарль Морисъ принцъ Талейранъ-Перигоръ, князь Беневентскій (1754—1838).
16. Графъ Алексисъ де Ноайль (1783—1835).
17. Мари Шарль Сезаръ де Фэ, графъ де Ла Туръ дю Пэнъ (1758—1831).
18. Герцогъ Эммерихъ Іосифъ Дальбергъ (1773—1833).

VI. Швеція:

19. Графъ Густавъ Карлъ Фридрихъ Лёвенгьельмъ (1771 до 1856).

VII. Испанія:

20. Донъ Педро Гомезъ Хавело, маркизъ Лабрадоръ.

VIII. Португалія:

21. Донъ Педро де Суза-Гольштейнъ, маркизъ и герцогъ Пальмелла (1781—1850).
22. Сальданха де Гама.
23. Графъ Лобо де Сильвейра.

Лаубаха и тайнаго совѣтника фонъ Гертнера, котораго называли въ шутку „Monsieur le surchargé d'affaires" (непереводимая игра словъ — chargé — значитъ повѣренный и также обремененный, surchargé—переобремененный; „переобремененный всякими дѣлами"). Императору Францу, финансовыя дѣла котораго были далеко не въ блестящемъ положеніи, несмотря на всѣ старанія его министровъ, конгрессъ стоилъ 16 милліоновъ гульденовъ; австрійскій императоръ былъ очень гостепріимнымъ хозяиномъ и устраивалъ такъ много баловъ, что князь Линь вполнѣ основательно сказалъ: „конгрессъ все время танцуетъ . . . все на одномъ мѣстѣ, потому что впередъ не подвигается". „Императрица конгресса" Марія Людовика была какъ будто спеціально создана для роли хозяйки этого собранія, на которомъ фигурировали всѣ великіе таланты и всѣ красавицы Европы. Предполагалось предоставить Франціи на конгрессѣ скромную роль, но французскій представитель Таллейранъ сумѣлъ завоевать себѣ такое громадное вліяніе, что передъ нимъ стали заискивать монархи и дипломаты. Бывшій приверженецъ революціи, который мѣнялъ свои политическія убѣжденія при каждой перемѣнѣ правительства, Таллейранъ сумѣлъ придать французской политикѣ отпечатокъ безкорыстія и идеальнаго стремленія къ благоденствію всѣхъ народовъ; онъ сталъ на точку зрѣнія легистимистическихъ принциповъ и отстаивалъ исторически сложившіяся права отъ грубаго насилія и произвольныхъ посягательствъ. Легистимистическіе принципы послужили самой вѣрной защитой для истощенной Франціи и опорой для политическаго равновѣсія Европы. Великобританія, Россія и первостепенныя германскія державы хотѣли окончательно отдѣлить вопросы, касающіеся внутреннихъ политическихъ условій Германіи, отъ международныхъ европейскихъ вопросовъ и поручить ихъ коммиссіи изъ 5 членовъ, согласно съ предложеніемъ Штейна; но 13 сентября въ засѣданіе конгресса явились Таллейранъ и испанскій представитель Лабрадоръ, и Таллейрану удалось безъ труда разстроить соглашеніе, состоявшееся между Великобританіей, Россіей, Пруссіей и Австріей; 5-го октября была назначена по его требованію коммиссія изъ представителей 8 державъ, подписавшихся подъ парижскимъ мирнымъ договоромъ, т. е., кромѣ упомянутыхъ 4-хъ, также и Франціи, Испаніи, Португаліи и Швеціи, и этой коммиссіи было поручено подготовить для конгресса важнѣйшіе вопросы; ей было предоставлено право выдѣлять изъ своей среды подкомиссіи.

На конгрессѣ зашла было рѣчь о присоединеніи Саксоніи къ Пруссіи или по крайней мѣрѣ о личной уніи между этими двумя государствами. Австрія соглашалась на подобное предложеніе и только выговаривала нѣкоторыя выгоды для себя самой; возраженія саксонскаго короля не могли оказать никакого вліянія на членовъ конгресса. Великобританія тоже не пошевелила бы пальцемъ для защиты Саксоніи; но Таллейранъ былъ на своемъ посту и взялъ Саксонію подъ свою защиту. Онъ убѣдилъ Австрійское и Великобританское правительства въ томъ, что сохраненіе независимости Саксоніи необходимо въ ихъ собственныхъ интересахъ. Онъ поставилъ имъ на видъ, что саксонскій и польскій вопросы неразрывно связаны между собою и что между Россіей и Пруссіей состоялось тѣсное сближеніе. Незамѣтно для постороннихъ глазъ подъ вліяніемъ Таллейрана образовался большой военный союзъ противъ дальнѣйшаго расширенія Россіи и Пруссіи. Кромѣ того, ни одно изъ государствъ, участвовавшихъ въ конгрессѣ, не желало, чтобы все герцогство Варшавское подпало подъ власть императора Александра и чтобы такимъ образомъ возникло новое Польское королевство подъ верховной властью Россіи; противъ этого возставали одинаково какъ Великобританія, такъ и Австрія, а также и прусскіе представители Штейнъ, Гарденбергъ и Гумбольдтъ; однако, самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ безъ вѣдома Гарденберга перешелъ 5 ноября на сторону Александра, который нисколько не заслужилъ этого передъ нимъ. Меттернихъ

высказался съ такой откровенностью противъ поползновеній Россіи, что 14 декабря между нимъ и Александромъ произошелъ разрывъ; Меттернихъ требовалъ, чтобы саксонскій вопросъ былъ разрѣшенъ съ участіемъ Франціи и съ согласія короля Фридриха Августа; но Пруссія и Россія отвергли это предложеніе. Затѣмъ 3-го января 1815 года былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ между Таллейраномъ, Меттернихомъ и Кэсльри, при чемъ были приняты мѣры на случай возникновенія военныхъ дѣйствій; къ этому союзу примкнули Баварія, Гессенъ-Дармштадтъ, Ганноверъ, Нидерланды и Сардинія. 12 января Таллейранъ присоединился въ качествѣ пятаго члена къ общеевропейской комиссіи изъ четырехъ членовъ. Россія и Пруссія вынуждены были удовлетвориться 8 февраля обѣщаніемъ этой комиссіи исполнить половину предъявленныхъ этими державами чрезмѣрныхъ требованій. Таллейранъ взялъ подъ свою защиту мелкія германскія государства противъ поползновеній Австріи и Пруссіи; усиленію этого послѣдняго государства онъ противодѣйствовалъ всѣми силами, такъ какъ интересы Франціи требовали, чтобы Германія оставалась маломощнымъ федеративнымъ государствомъ.

Что касается Штейна, то онъ не выработалъ себѣ ясныхъ представленій о преобразованіяхъ, желательныхъ въ конституціонномъ строѣ Германіи; Гарденбергъ и Гумбольдтъ смотрѣли на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія прусскихъ интересовъ, не увлекались теоріями, а считались трезво съ практическими требованіями дѣйствительной жизни. Идеаломъ Штейна была германская имперія X—XIII вѣковъ; онъ хотѣлъ, чтобы австрійскіе императоры были признаны наслѣдственными императорами германскими, но имѣлъ также и другой проектъ раздѣленія Германіи на Сѣверную и Южную, которыя должны были составить два отдѣльныхъ союза съ королемъ прусскимъ и императоромъ австрійскимъ во главѣ, причемъ первенствующую роль предполагалось предоставить Австріи. Гарденбергъ и Гумбольдтъ считали подобное распаденіе гибельнымъ для Германіи и предлагали устроить единый общегерманскій союзъ подъ общимъ руководствомъ Австріи и Пруссіи, союзъ съ двойственной верховной властью. Въ германскомъ народѣ происходило сильное броженіе въ пользу возрожденія Германской имперіи. Однако австрійское правительство, въ особенности самъ императоръ Францъ I, а также и Пруссія, были противъ такого рѣшенія германскаго вопроса; въ Шомонскомъ договорѣ тоже была отвергнута мысль о возстановленіи императорской власти. Въ вопросѣ о германской конституціи Гарденбергъ и Гумбольдтъ совершенно разошлись между собою. Гумбольдтъ представилъ проектъ въ 12 параграфовъ, который послужилъ темой для безконечныхъ споровъ комиссіи изъ 5 германскихъ государствъ (Австріи, Пруссіи, Ганновера, Баваріи и Вюртемберга), учрежденной 14 октября 1814 года. Представители Баваріи и Вюртемберга заявили съ ожесточеніемъ, что эти государства не желаютъ поступиться даже и малѣйшей частицей своихъ верховныхъ правъ. Штейнъ разразился ѣдкой филиппикой противъ эгоизма Баварскаго и Вюртембергскаго правительствъ въ газетѣ Герреса „Рейнскій Меркурій“; онъ былъ однимъ изъ иниціаторовъ адреса въ пользу возстановленія Германской имперіи, подписаннаго 29 германскими мелкими государствами и представленнаго конгрессу 16-го ноября. Самые мелкіе изъ германскихъ владѣтельныхъ князей выступили съ громкими протестами противъ властолюбія 5 главнѣйшихъ германскихъ государствъ и требовали для себя черезъ своего руководителя Ганса фонъ-Гагерна участія въ верховной власти надъ германскимъ союзомъ. Тогда Меттернихъ, Гарденбергъ и Гумбольдтъ выступили съ новыми предложеніями. 2 февраля 1815 года владѣтельные князья, всего въ числѣ 32, потребовали созванія всеобщаго германскаго конгресса для выработки конституціи и изъявили свое согласіе ввести въ своихъ владѣніяхъ сеймы сословныхъ представителей. Пруссія и Австрія присоединились къ этому

предложенію. Штейнъ неожиданно для всѣхъ выступилъ опять съ проектомъ возстановленія Германской имперіи, но не могъ устоять противъ вліянія Гумбольдта.

л) Сто дней.

Въ то время, какъ на Вѣнскомъ конгрессѣ шли безконечные споры, довѣренное лицо Таллейрана наблюдало изъ Ливорно за всѣмъ тѣмъ, что происходило на островѣ Эльбѣ; Таллейрану и Людовику XVIII хотѣлось бы для своего спокойствія сплавить бывшаго императора куда либо подальше, напримѣръ, на Азорскіе острова, и они собирались увезти его тайкомъ; но Наполеонъ провѣдалъ объ этомъ и рѣшилъ предупредить ихъ. Въ Италіи стало замѣчаться движеніе въ пользу Наполеона; но онъ не хотѣлъ вернуться къ власти при помощи итальянскихъ заговорщиковъ; онъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ событій во Франціи, и, благодаря господствовавшему въ этой странѣ всеобщему неудовольствію, въ немъ воскресли надежды на будущее. Случилось какъ разъ, что британскій коммиссаръ Нейль-Кэмпбель отлучился въ Ливорно, и никто не стерегъ Наполеона; тогда онъ оставилъ свою мать и сестру на попеченіи жителей острова Эльбы, а самъ съ отрядомъ въ 1100 человѣкъ отправился 26 февраля 1815 года на 7 корабляхъ во Францію. Въ пути были составлены прокламаціи къ арміи и народу, къ распространенію которыхъ предполагалось приступить, какъ только выйдутъ на берегъ. 1 марта бригъ „L'Inconstant", на которомъ ѣхалъ Наполеонъ, присталъ безпрепятственно къ берегу въ заливѣ Жуанъ, недалеко отъ Каннъ; сейчасъ же послѣ этого бѣлокрасное знамя острова Эльбы съ тремя золотыми пчелами было замѣнено трехцвѣтнымъ. Съ тонкой предусмотрительностью Наполеонъ направился черезъ горныя ущелья, бѣдные жители которыхъ ожидали отъ него исполненія своихъ скромныхъ желаній, держался въ сторонѣ отъ богатыхъ городовъ и двигался впередъ вдоль подошвы морскихъ Альпъ; прокламаціи Наполеона, въ которыхъ онъ обращался къ французскимъ гражданамъ, а не къ подданнымъ французскаго короля, производили сильное впечатлѣніе среди этой величественной природной обстановки, между горами и моремъ. Онъ оставилъ свою артиллерію позади себя и отослалъ обратно къ острову Эльбѣ корабли, на которыхъ онъ пріѣхалъ; сначала населеніе приняло его довольно холодно, но мало по малу энтузіазмъ французовъ воспламенился. Войска и администрація Людовика XVIII поспѣшно уходили, какъ только Наполеонъ приближался къ какому нибудь городу; а когда 7 марта солдаты 5-го линейнаго полка перешли на его сторону при Ламюрѣ, то въ Наполеонѣ возродилась съ новой силой вѣра въ свое счастье. Безчисленныя толпы крестьянъ провожали „ангела Господня"; 7 линейный полкъ, которымъ командовалъ графъ Ла-Бедуайеръ, перешелъ на сторону Наполеона, а 4 артиллерійскій полкъ, въ которомъ Наполеонъ служилъ въ 1791—93 годахъ, открылъ предъ нимъ ворота Гренобля. Французскій императоръ теперь взывалъ къ демократическимъ чувствамъ и миролюбію французскаго народа; его рѣчи не напоминали больше о гордомъ деспотѣ, который велъ нескончаемыя войны. Съ 7000 человѣкъ Наполеонъ подошелъ къ Ліону.

Еще 2 марта Людовикъ XVIII получилъ пакетъ подъ черной печатью, въ которомъ ему предсказывали такую же участь, какая постигла его брата Людовика XVI; графъ Артуа сталъ умолять его поставить во главѣ полиціи Фуше. 5 марта Блака доложилъ съ видомъ пренебреженія, что „Буонапарте" высадился на французскій берегъ съ кучкой оборванцевъ. Маршалъ Сультъ ручался, что ни одинъ изъ командировъ полковъ не измѣнитъ королю; но Людовикъ не полагался ни на свою армію, ни на полицію, и въ приказѣ отъ 6 марта объявилъ Бонапарта измѣнникомъ и бунтовщикомъ, котораго каждый вправѣ схватить и представить въ военный судъ. Принцы королевскаго дома поспѣшили въ департаменты, а

парижане между тѣмъ не переставали заявлять о своей безпредѣльной преданности королю. Всѣ начальствующія лица клялись въ неизмѣнной вѣрности Людовику XVIII; „Moniteur“ и другія газеты осыпали бранью Наполеона, но спустя всего нѣсколько дней онѣ уже почтительно докладывали публикѣ о томъ, что „Его Императорское Величество прибыли въ Ихъ Тюильерійскій дворецъ“. Ней увѣрялъ короля, что онъ привезетъ къ нему Наполеона въ клѣткѣ, а Сультъ издавалъ дикіе возгласы противъ „безумнаго искателя приключеній и узурпатора“; Академія наукъ вычеркнула его изъ списка своихъ членовъ, и по всему Парижу сыпались проклятія на голову „новаго сатаны, палача, истребившаго 6 милліоновъ французовъ, корсиканскаго людоѣда“. Графу Артуа, который явился въ Ліонъ въ сопровожденіи герцога Орлеанскаго и Макдональда, былъ оказанъ очень холодный пріемъ; вслѣдъ затѣмъ 10 марта туда же прибылъ Наполеонъ, котораго встрѣтили съ энтузіазмомъ. Второй послѣ Парижа городъ Франціи перешелъ на сторону императора, и онъ заговорилъ болѣе твердымъ самоувѣреннымъ языкомъ; несмотря на его возгласы о свободѣ и о мирѣ, въ его прокламаціяхъ уже сталъ чувствоваться императоръ. Онъ распустилъ палаты, учрежденныя Людовикомъ XVIII, созвалъ въ Парижѣ „Майское поле“ и призналъ верховныя права народа основнымъ принципомъ своего управленія, возвратилъ къ своимъ должностямъ бывшихъ чиновниковъ имперіи, изгналъ изъ Франціи многихъ изъ только что возвратившихся эмигрантовъ. Онъ объявилъ внѣ закона Таллейрана, герцога Дальберга, Мармона, Ожеро и другихъ, какъ измѣнниковъ, и приказалъ конфисковать ихъ имущество; вскорѣ послѣ этого онъ пытался склонить на свою сторону Таллейрана, но не имѣлъ успѣха. Въ то время, какъ военный министръ Г. Ж. Г. Кларкъ, герцогъ де-Фельтръ, увѣрялъ короля, что Наполеонъ близокъ къ своей гибели, императоръ подвигался впередъ, объявилъ, что онъ подвергнетъ смертной казни всѣхъ Бурбоновъ, которыхъ онъ застанетъ во Франціи, и распространялъ повсюду ложные слухи о томъ, будто Австрія и Великобританія согласны на его возвращеніе къ власти. Несмотря на всѣ свои клятвы, Ней перешелъ 13 марта около Лонъ-Ле-Сонье на сторону императора съ громаднымъ большинствомъ своихъ солдатъ; теперь дорога къ Парижу была открыта для Наполеона, и 20 марта онъ прибылъ въ Фонтенбло.

Когда король прибылъ 16 марта во дворецъ Палэ Бурбонъ для открытія чрезвычайной сессіи палатъ, то стоявшій на часахъ у входа во дворецъ военный отрядъ встрѣтилъ его съ обычнымъ оффиціальнымъ привѣтствіемъ „да здравствуетъ король!“, но солдаты прибавляли про себя тихимъ голосомъ „римскій“. Явившись въ засѣданіе палатъ, Людовикъ произнесъ увлекательную рѣчь и воспламенилъ было на короткое время послѣдніе остатки того быстроперегорающаго, какъ солома, энтузіазма, съ которымъ французы встрѣтили на первыхъ порахъ новаго короля; 18 марта палата депутатовъ заявила, что война противъ „Буонапарте“ есть долгъ націи, и призвала народъ къ оружію. Бенжаменъ Констанъ металъ громы противъ „Аттилы и Чингисхана“, а герцогъ Беррійскій собралъ армію подъ Парижемъ. Однако Фуше представилъ Людовику существующее положеніе дѣлъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Блака и Кларкъ совершенно потеряли голову, и въ ночь на 19 марта Бурбоны выбрались изъ Тюильери и отправились вновь въ изгнаніе; они удалились черезъ Лиль въ Гентъ.

Въ вечеръ 20 марта 1815 г., того самаго дня, когда его сыну исполнилось четыре года, Наполеонъ прибылъ въ Тюильерійскій дворецъ; офицеры и чиновники несли его на рукахъ. Императоръ завоевалъ обратно Францію, не сдѣлавши ни одного выстрѣла; его орлы летѣли отъ башни къ башнѣ и сѣли, наконецъ, на башнѣ собора Парижской Богоматери. Парижское населеніе въ общемъ отнеслось къ перевороту очень сдержанно; большинство французскаго народа встрѣтило Наполеона съ опасливымъ недоумѣніемъ. Одни только ветераны Наполеоновскихъ войнъ привѣтство-

вали отъ всей души плебейскаго императора. Крестьяне восточной Франціи и рабочія массы городского населенія были въ восторгѣ отъ возвращенія къ власти „человѣка изъ народа“ (homme du peuple).

Наполеонъ сразу замѣтилъ, что общественное настроеніе Франціи измѣнилось, и прибѣгнулъ къ тому же пріему, посредствомъ котораго онъ низвергнулъ директорію послѣ своего возвращенія изъ Египта; онъ сталъ упрекать Бурбоновъ въ томъ, что они привели на край гибели „его Францію“. Онъ назначилъ новое министерство, а для того, чтобы подкупить общественное мнѣніе, онъ возвелъ Карно въ графское достоинство и предоставилъ ему постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Во главѣ министерства полиціи сталъ Жозефъ Фушэ, герцогъ Отрантскій; императоръ далъ торжественное обѣщаніе водворить миръ во Франціи и въ Европѣ. Онъ отмѣнилъ цензуру и надѣлъ на себя маску поклонника свободы; по его словамъ онъ нисколько не помышлялъ стать Цезаремъ человѣческаго рода и нисколько не стремился къ всемірному господству. Наполеону стоило только сказать, что онъ хочетъ быть плебейскимъ, крестьянскимъ императоромъ для того, чтобы подкупить легкомысленнаго Констана, который до того времени былъ его смертельнымъ врагомъ и которому было теперь поручено составить конституцію. Королевскія войска повсюду отступали передъ арміей Наполеона. Напрасно пыталась мужественная герцогиня Ангулемская отстоять Бордо. Генералъ Груши взялъ въ плѣнъ герцога Ангулемскаго, которому однакоже было разрѣшено 16 апрѣля сѣсть на корабль, отправлявшійся въ Испанію; герцогинѣ пришлось очистить Бордо, и она присоединилась въ Гентѣ къ Людовику XVIII; туда же бѣжалъ еще раньше герцогъ Беррійскій. Даже Вандея, и та не выступила на защиту Бурбоновъ. Однако европейскія правительства и слышать не хотѣли о Наполеонѣ: послы иностранныхъ государствъ при французскомъ дворѣ потребовали обратно своихъ бумагъ, ни одинъ изъ европейскихъ дворовъ не принялъ уполномоченныхъ французскаго императора; напрасно Наполеонъ звалъ къ себѣ свою супругу съ своимъ сыномъ. Только силой оружія могъ онъ заставить Европу вновь признать себя; поэтому онъ сталъ готовиться къ новой войнѣ и, благодаря королевской казнѣ, опять привелъ въ порядокъ свою армію.

7 марта на балу у Меттерниха въ Вѣнѣ всѣ пары вдругъ остановились среди танца: изъ устъ въ уста передавалась новость: „онъ во Франціи!“ Александръ I уже давно раскаялся въ томъ, что допустилъ реставрацію Бурбоновъ, какъ это явствовало изъ многихъ проскальзывавшихъ у него замѣчаній; какъ только эта новость дошла до него, онъ сталъ хвалиться передъ Таллейраномъ, что онъ уже давно ожидалъ этого; въ отвѣтъ на это императоръ Францъ сдѣлалъ слѣдующее ѣдкое замѣчаніе: „теперь я вижу, къ чему приводятъ заигрыванія съ якобинцами“. Союзники сейчасъ же рѣшили пріостановить выступленіе своихъ армій изъ Франціи и стали готовиться къ новой рѣшительной борьбѣ.

8 марта Штейнъ предложилъ объявить нарушителя европейскаго мира внѣ закона, а 13 марта 8 союзныхъ державъ обнародовали составленное Таллейраномъ заявленіе о томъ, что Наполеонъ Буонапарте самъ отрекся отъ гражданскаго и международнаго правъ и подлежитъ всеобщему преслѣдованію, какъ врагъ и нарушитель общественнаго спокойствія. 25 марта 1815 г. Россія, Великобританія, Австрія и Пруссія возобновили на Вѣнскомъ конгрессѣ союзъ, заключенный между ними въ Шомонѣ, предложили свою помощь всѣмъ государствамъ, которыя вступятъ въ войну съ Буонапарте, приглашали всѣ прочія европейскія державы присоединиться къ нимъ и обязались не складывать оружія раньше, чѣмъ они не сдѣлаютъ безвреднымъ нарушителя европейскго мира. Къ союзу примкнули всѣ прочія европейскія государства, начиная съ Людовика XVIII и роялистической партіи во Франціи, которые оправдывались тѣмъ, что союзъ на-

правленъ исключительно противъ Буонапарте, а не противъ французовъ. Впрочемъ европейскія державы сильно колебались, слѣдуетъ ли возвратить вторично къ власти Бурбоновъ; подходящими кандидатами на французскій престолъ считались также герцогъ Орлеанскій и бывшій вице-король итальянскій Евгеній. Для того, чтобы сдѣлать шагъ къ примиренію съ европейскими державами, Наполеонъ заявилъ въ циркулярной нотѣ, съ которой онъ обратился ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ, что имперія возстановлена во Франціи по всеобщему добровольному рѣшенію французскаго народа, что Наполеонъ намѣревается вести мирное царствованіе и будетъ соблюдать права всѣхъ націй. Иностранные дворы не пропустили французскихъ уполномоченныхъ, отправленныхъ для врученія этой ноты, черезъ свои границы, а вѣнскій конгрессъ отказался 12 мая вступать въ какія бы то ни было сношенія съ Наполеономъ; напротивъ того, всѣ державы держали своихъ посланниковъ при дворѣ законнаго французскаго короля въ Гентѣ. Въ противовѣсъ продажному парижскому „Moniteur“ въ Гентѣ сталъ издаваться подъ руководствомъ Шатобріана, Гизо, Лалли-Толлендаля и другихъ „Moniteur de Gand“; англійскія и германскія газеты осыпали Наполеона проклятіями, а въ англійскомъ парламентѣ раздавались страстныя рѣчи противъ французскаго императора.

Окруженный представителями своей семьи Бонапартовъ, Наполеонъ жилъ въ Парижѣ тихой жизнью въ мрачномъ, можно даже сказать, печальномъ настроеніи. Французская рента, это чувствительное мѣрило, упала въ апрѣлѣ съ 83 до 51; весь міръ жаждалъ спокойствія и мира. Одинъ только Наполеонъ искалъ новыхъ кровавыхъ жертвъ, — ему нужна была война. Какъ сильно ни было его властолюбіе, онъ все таки не хотѣлъ сблизиться опять съ якобинцами, стать предводителемъ народнаго мятежа и подвергнуть Францію всѣмъ ужасамъ анархіи ради упроченія своей собственной власти; напротивъ того, онъ отрекся отъ своей прежней системы, отказался отъ диктатуры и временно взялъ на себя роль конституціоннаго государя. Изъ-подъ пера Констана вышелъ опубликованный 23 апрѣля „Добавочный актъ къ конституціямъ французской имперіи“; (Acte additionnel aux constitutions de l'empire); въ теченіе долгаго времени это произведеніе Констана было самой либеральной изъ всѣхъ обнародованныхъ во Франціи конституцій. Императору была присвоена исполнительная власть, а законодательную онъ раздѣлялъ съ палатой пэровъ, которая состояла изъ наслѣдственныхъ членовъ, и съ палатой представителей, которая пополнялась посредствомъ выборовъ; была введена свобода печати и петицій. Однако, народъ не былъ удовлетворенъ этимъ „добавочнымъ“ актомъ, — онъ ждалъ радикальнаго измѣненія конституціи. Народъ понималъ, что его обманываютъ, ему не вѣрилось, что Наполеонъ проникся вдругъ свободолюбивыми чувствами и станетъ уважать народныя права. Это всеобщее недовѣріе народа не ускользнуло отъ вниманія Наполеона, а всенародное голосованіе по вопросу о добавочныхъ пунктахъ конституціи было для него тяжелымъ пораженіемъ: огромное большинство всего народа воздержалось отъ подачи голосовъ, всего за добавочный актъ было подано 1.300.000 голосовъ, считая въ томъ числѣ и армію; правда, противъ этого акта было подано еле 4.000 голосовъ. Чтобы дать народу полюбоваться блестящимъ зрѣлищемъ, императоръ созвалъ на 1-ое іюня собраніе на „Майскомъ полѣ“, по образцу своихъ меровингскихъ „предшественниковъ“; однако, во всей этой игрѣ въ свободу у него недоставало прежней самоувѣренности. Онъ относился съ вполнѣ основательнымъ подозрѣніемъ къ Фушэ и отдалъ полицію подъ надзоръ полиціи; несмотря на это, Фушэ все таки ухитрился завести тайныя сношенія съ Гентскимъ дворомъ. Союзныя арміи приближались вновь къ границамъ Франціи; Кэсльри и графъ Р. Б. И. Ливерпуль, англійскій премьеръ, раздавали щедрой рукой денежныя субсидіи, и Великобританія взяла на себя руководящую роль въ войнѣ съ Наполеономъ. Между тѣмъ

выборы въ палату депутатовъ подвигались впередъ очень вяло. Большинство выбранныхъ депутатовъ состояло изъ приверженцевъ императора, но всѣ представители этого большинства относились къ нему подозрительно, благодаря его прежнимъ деспотическимъ пріемамъ; роялисты почти вовсе не принимали участія въ выборахъ. Въ Вандеѣ вспыхнула вновь въ маѣ давнишняя война „бѣлыхъ“ противъ „синихъ“; предводитель этого возстанія маркизъ Луи де Ла Рошжакеленъ разсчитывалъ на помощь со стороны Англіи, а Наполеонъ былъ вынужденъ для подавленія этого возстанія оторвать отъ своей арміи 20.000 человѣкъ, которые очень пригодились бы ему при Ватерлоо. Торжественное собраніе на Майскомъ полѣ было принято народомъ довольно холодно, несмотря на то, что оно было устроено съ большой пышностью частью въ военномъ, частью въ народномъ духѣ: недоставало императрицы и ея сына, на котораго Наполеону очень хотѣлось возложить корону, а вмѣсто нихъ Наполеонъ былъ окруженъ развѣнчанными королями изъ семьи Бонапартовъ. Наполеонъ назвалъ самого себя во время этого торжества „императоромъ, консуломъ и солдатомъ, который обязанъ всѣмъ своему народу“, и старался увѣрить народъ, что онъ готовъ пожертвовать для отечества своей жизнью по примѣру Кодра; тѣмъ не менѣе все это великолѣпное зрѣлище не произвело никакого эффекта, а дало только новую пищу для оппозиціи. Съ большой неохотой Наполеонъ созвалъ палаты; онъ далъ своему брату Люсьену титулъ принца и надѣялся, что онъ будетъ избранъ президентомъ палаты представителей; но палата избрала вмѣсто Люсьена бывшаго жирондиста графа Жана Дени Ланжюинэ, который былъ противникомъ императора, и такимъ образомъ палата представителей окончательно ускользнула изъ рукъ Наполеона. Что касается палаты пэровъ, то Наполеонъ скорѣе могъ разсчитывать на поддержку съ ея стороны, такъ какъ въ составъ ея вошли всѣ братья Наполеона, кардиналъ Фешъ, принцъ Эженъ и многіе изъ маршаловъ и бывшихъ министровъ Наполеона. 7-го іюня Наполеонъ заявилъ торжественно предъ обѣими палатами, что онъ будетъ соблюдать безусловную вѣрность принципамъ конституціонной монархіи, какъ ни трудно было ему рѣшиться на такое заявленіе.

м) Вѣнскія соглашенія.

Пока происходили всѣ эти событія, члены Вѣнскаго конгресса (см. стр. 94) не только танцовали на балахъ, но также исписали цѣлыя груды бумаги. Меттернихъ, который былъ душой этого конгресса, всѣми силами старался поддерживать германскій партикуляризмъ и былъ убѣжденъ, что раздробленіе Германіи соотвѣтствуетъ интересамъ Австріи. Хотя онъ и вступалъ въ разсужденія объ идеѣ возстановленія Германской имперіи съ ганноверскимъ уполномоченнымъ графомъ Эрнстомъ въ Мюнстерѣ, тѣмъ не менѣе онъ и слышать не хотѣлъ о дѣйствительномъ возстановленіи Германской имперіи и держался такого же взгляда, какъ и его императоръ, который желалъ, чтобы Германія была преобразована въ союзъ независимыхъ и равноправныхъ государей и вольныхъ городовъ подъ предсѣдательствомъ Австріи. Великобританія и Россія вмѣстѣ съ Австріей были противниками усиленія Прусскаго королевства и ни за что не хотѣли допустить, чтобы Пруссія заняла первенствующее положеніе въ Германіи.

Мелкія и среднія германскія государства были естественными противниками Пруссіи и настаивали на томъ, чтобы какъ можно скорѣе была выработана и введена въ силу германская конституція. Австрія и Пруссія представляли Вѣнскому конгрессу одинъ проектъ за другимъ; 23-го мая вопросъ о германской конституціи поступилъ на обсужденіе общихъ засѣданій конгресса; во время преній по поводу этого вопроса Баварія, Гессенъ-Дармштадтъ и мелкія германскія государства придира-

лись къ каждому пункту проекта, и много времени уходило на жалкіе споры о рангахъ. 10 іюня уполномоченные всѣхъ германскихъ государствъ, за исключеніемъ Вюртемберга и Бадена, подписались подъ проектомъ конституціи, причемъ Пруссія и Ганноверъ открыто высказали свое сожалѣніе о томъ, что всѣ труды, потраченные на выработку конституціи, привели къ плачевнымъ результатамъ. Первыми изъ всѣхъ германскихъ государей герцогъ Нассаускій (въ Узингенѣ) и князь Нассау-Вейльбургскій ввели въ своихъ владѣніяхъ 2 сентября 1814 года конституціи съ предоставленіемъ народу существенныхъ правъ. Король Баварскій, великій герцогъ Баденскій и король Вюртембергскій тоже обѣщали даровать своимъ подданнымъ конституціи; король Прусскій обнародовалъ 22 мая 1815 года основной государственный законъ и обѣщалъ учредить провинціальные сеймы и ввести народное представительство.

Швейцарія была объявлена нейтральнымъ государствомъ, и ея границы были перекроены заново. Зловѣщимъ прологомъ и эпилогомъ къ паденію Наполеона послужила участь неаполитанскаго короля Іоахима (стр. 87); онъ потерпѣлъ неудачу въ войнѣ противъ Австріи, папы и англичанъ; 2 мая онъ былъ разбитъ на голову при Толентино и вынужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ; но какъ только онъ вступилъ на неаполитанскую территорію для того, чтобы завоевать обратно свой престолъ, онъ былъ схваченъ, присужденъ военнымъ судомъ къ смертной казни, и 13 октября 1815 года онъ былъ разстрѣлянъ въ замкѣ Пиццо въ Калабріи. Немедленно послѣ сраженія при Толентино Фердинандъ IV былъ возвращенъ на неаполитанскій престолъ; 11 декабря 1816 года онъ соединилъ органически Неаполь и Сицилію въ одно нераздѣльное государство и присвоилъ себѣ титулъ „Фердинанда I, короля Обѣихъ Сицилій“. Великое герцогство Варшавское было подѣлено между Россіей, Австріей и Пруссіей; всѣ эти государства обѣщали дать полякамъ конституцію съ народнымъ представительствомъ и ввести въ Польшѣ національныя учрежденія; Александръ I сталъ титуловаться царемъ польскимъ, Фридрихъ Вильгельмъ III — великимъ герцогомъ Познанскимъ, Францъ I — королемъ Галиціи и Лодомеріи, а Краковъ былъ преобразованъ въ автономную область подъ протекторатомъ трехъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ герцогства Варшавскаго. 18 мая Саксонія вступила въ Вѣнѣ въ мирный договоръ съ Россіей и Пруссіей, и король Саксонскій Фридрихъ Августъ уступилъ Пруссіи большую часть своихъ владѣній. Кромѣ того Пруссія не только получила обратно почти всѣ свои бывшія владѣнія между Рейномъ и Эльбой, но ей достались еще кромѣ того значительныя территоріи около Кёльна, Нассау и др.; Пруссія отдала Ганноверу Гильдесгеймъ, Госларъ, восточную Фрисландію и т. д. взамѣнъ Лауэнбурга, а затѣмъ уступила Лауэнбургъ Даніи взамѣнъ шведской Помераніи. Баваріи достался Вюрцбургъ и Ашаффенбургъ; мелкія германскія государства тоже не ушли съ пустыми руками. Австрія вернула себѣ большую часть своихъ бывшихъ итальянскихъ владѣній, и съ этихъ поръ изъ австрійскихъ владѣній въ Италіи образовались Ломбардо-Венеціанское и Иллирійское королевства. Тоскана и Модена были превращены въ удѣльныя владѣнія второго и третьяго изъ сыновей австрійскаго императора; императрица Марія-Луиза получила въ свое владѣніе Парму. Лукка была отдана во владѣніе „Этрурійскимъ Бурбонамъ“, Церковная Область была возвращена папѣ; Оранскому дому были возвращены Голландія, Бельгія, Люксембургъ и Лимбургъ, князь Вильгельмъ сталъ титуловаться „королемъ Нидерландовъ“. Генуя была присоединена къ Сардинскому королевству; курфирстъ Ганноверскій получилъ титулъ короля, герцоги Ольденбургскій, Люксембургскій и Саксенъ-Веймарскій стали именоваться великими герцогами; Франкфуртъ сталъ опять вольнымъ городомъ.

8 іюня 1815 г. были утверждены въ окончательной редакціи постановленія конгресса о германскомъ союзѣ. Австрія одержала полную побѣду;

созданный ею Германскій союзъ былъ „государственнымъ союзомъ“ (въ противоположность „союзному государству“), т. е. дипломатическимъ союзомъ самодержавныхъ правительствъ безъ всякаго участія со стороны народа; германскій народъ былъ объявленъ несовершеннолѣтнимъ и нуждающимся въ опекѣ,—вотъ какую награду онъ получилъ за то безпримѣрное самопожертвованіе, которое онъ проявилъ въ войнѣ за освобожденіе. Среднія германскія государства, созданныя Наполеономъ, спачала вовсе не хотѣли вступать въ союзъ изъ опасенія, чтобы ихъ державныя права не подверглись умаленію, имъ хотѣлось разыграть роль европейскихъ державъ на собственный рискъ и страхъ; правда, нѣкоторое время спустя они дали своимъ подданнымъ конституціи, но они поступили такъ не по своему собственному, самостоятельному почину, а изъ страха, чтобы союзъ не заставилъ ихъ сдѣлать то же самое противъ ихъ воли. Одна часть германскаго народа отнеслась къ новой союзной конституціи совершенно равнодушно, другая была крайне возмущена; правительства германскихъ государствъ, за немногими исключеніями, тоже были недовольны этими конституціями. Изъ „спеціальныхъ постановленій“ самымъ важнымъ былъ 13-ый параграфъ, который гласилъ слѣдующее: „во всѣхъ государствахъ союза будутъ учреждены союзные сеймы“. Первые 11 параграфовъ „союзнаго акта“ были внесены въ число постановленій, гарантированныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ, и изъ этого обстоятельства иностранныя правительства впослѣдствіи выводили такое заключеніе, будто европейскимъ державамъ принадлежитъ право контроля надъ Германскимъ союзомъ.

9 іюня 1815 г. всѣ заключенныя на Вѣнскомъ конгрессѣ международныя соглашенія получили свою окончательную редакцію въ видѣ Вѣнскаго заключительнаго акта, подписаннаго уполномоченными Австріи, Испаніи, Франціи, Великобританіи, Португаліи, Пруссіи, Россіи и Швеціи. Владѣтельные князья и вольные города Германіи въ качествѣ владѣтелей тѣхъ областей, которыя прежде входили въ составъ Германской имперіи, а также король Датскій въ качествѣ владѣтеля Гольштиніи и король Нидерландскій въ качествѣ владѣтеля Люксембурга учредили на вѣчныя времена Германскій союзъ подъ главенствомъ Австріи „для обезпеченія внѣшней и внутренней безопасности Германіи, независимости и неприкосновенности равноправныхъ союзныхъ государствъ“. Управленіе дѣлами союза предполагалось передать въ руки союзнаго сейма во Франкфуртѣ, который представлялъ собою постоянный конгрессъ посланниковъ, на подобіе Регенсбургскаго имперскаго сейма; уполномоченные располагали одиннадцатью единоличными голосами и шестью общими по куріямъ. При обсужденіи вопросовъ принципіальнаго свойства союзъ собирался въ полномъ составѣ, въ которомъ Австрія, Пруссія, Баварія, Саксонія, Ганноверъ и Вюртембергъ имѣли по 4 голоса, Баденъ, курфюршество Гессенское, Гессенъ-Дармштадтъ, Гольштинія и Люксембургъ — по три, Брауншвейгъ, Мекленбургъ-Шверинъ и Нассау — по два, всѣ прочія германскія государства — по одному голосу; такимъ образомъ союзное собраніе въ полномъ составѣ располагало всего 69 голосами; оно послужило основаніемъ для нынѣшняго германскаго союзнаго совѣта. Союзныя государства обязались не вступать другъ съ другомъ въ войну, а передавать всѣ возникающіе между ними споры на разрѣшеніе союзнаго сейма. Баденъ присоединился къ союзу только 26 іюля, а Вюртембергъ 1-го сентября 1815 г.

н) Паденіе Наполеона.

a) Послѣдній походъ Наполеона и конецъ „ста дней“.

Передъ тѣмъ какъ выступить въ послѣдній свой походъ 12 іюня 1815 года, Наполеонъ назначилъ своего брата Жозефа главою правитель-

ственнаго совѣта, которому было передано управленіе государствомъ. Въ составъ этого совѣта вошелъ также и Люсьенъ, третій же братъ Наполеона Жеромъ принялъ участіе въ походѣ. Наполеонъ съ трудомъ могъ выставить противъ союза всѣхъ европейскихъ державъ 128.000 человѣкъ; при этомъ ему пришлось употребить цѣлыхъ 70.000 человѣкъ для прикрытія растянутой французской границы, зато ядро его арміи состояло изъ доблестныхъ ветерановъ. Князь Карлъ Филиппъ Шварценбергъ былъ главнымъ виновникомъ безтолковаго плана кампаніи, составленнаго союзниками; самъ Шварценбергъ, командовавшій лѣвымъ флангомъ соединенной арміи союзниковъ, вовсе не поспѣлъ на поле сраженія; русскій отрядъ подъ начальствомъ графа Михаила Барклая де-Толли тоже не успѣлъ придти въ рѣшительный моментъ. Правому флангу пришлось вынести на себѣ всю тяжесть кампаніи; этотъ флангъ состоялъ изъ 210.000 человѣкъ, имъ командовали фельдмаршалы князь Гебгардтъ Леберехтъ Блюхеръ и Артуръ Уэльслей, герцогъ Веллингтонъ. Этотъ правый флангъ двигался вдоль границъ Бельгіи отъ нижняго теченія рѣки Мозеля по направленію къ Сѣверному морю; онъ состоялъ изъ нѣмцевъ, британцевъ и нидерландцевъ. Для того, чтобы предупредить соединеніе русскаго и австрійскаго отрядовъ съ союзной арміей, Наполеонъ бросился въ Бельгію; наполеоновскіе ветераны рвались въ бой; союзная армія не ожидала такого быстраго нападенія. Наполеону удалось искусно скрыть передвиженіе своей арміи, а 15 іюня онъ перешелъ черезъ Самбру съ намѣреніемъ врѣзаться клиномъ между арміями обоихъ фельдмаршаловъ и не дать имъ соединиться. Въ нѣсколькихъ сраженіяхъ онъ причинилъ тяжелыя потери отдѣльнымъ прусскимъ отрядамъ; ему казалось невѣроятнымъ, чтобъ ему пришлось выдержать сраженіе противъ соединенныхъ прусскихъ силъ, поэтому онъ отправилъ Нея противъ Веллингтона, который расположился недалеко отъ Катрбра. Блюхеръ ударилъ на Наполеона со всѣми своими силами при Линьи; Наполеону приходилось трудно безъ Нея, а Блюхеру безъ Веллингтона. Цѣною самыхъ большихъ жертвъ Наполеонъ одержалъ при Линьи свою послѣднюю побѣду, но онъ не использовалъ ея, и отступившая непріятельская армія успѣла оправиться отъ своихъ потерь. Въ тотъ же день Веллингтонъ одержалъ побѣду надъ Неемъ при Катрбра, и французы были вынуждены отступить. Наполеонъ дѣлалъ тяжелыя ошибки, и порою казалось, что это былъ другой, а не прежній Наполеонъ; ему не удалось воспрепятствовать всѣмъ прусскимъ корпусамъ соединиться около Вавра, а маршала графа Эмануила Груши онъ отправилъ для преслѣдованія Блюхера совсѣмъ не въ ту сторону, куда надо было.

Блюхеръ обѣщалъ Веллингтону, что онъ придетъ къ нему на помощь 18 іюня, если дѣло дойдетъ до сраженія при Ватерлоо. Наполеонъ рѣшилъ раздавить окончательно Веллингтона какъ разъ въ этомъ мѣстѣ и двинулся туда съ большимъ пыломъ. Началось кровопролитное сраженіе, которое приняло было благопріятный для Наполеона оборотъ; но, къ несчастью для него, Блюхеръ, котораго такъ нетерпѣливо ждалъ Веллингтонъ, прибылъ на поле сраженія какъ разъ во время вмѣстѣ съ Бюловомъ и Цитеномъ. Наполеонъ былъ разбитъ на голову. Онъ пустился въ бѣгство вмѣстѣ съ своей арміей при общихъ крикахъ: „Все погибло, спасайтесь!“ Обозъ и казна попали въ руки пруссаковъ, а Наполеонъ ускакалъ во всю прыть въ Шарльруа. Графъ Нейтгардтъ фонъ Гнейзенау преслѣдовалъ французовъ съ такой поспѣшностью и съ такимъ успѣхомъ, что изъ всей арміи Наполеона до Парижа дошли только 10.000 человѣкъ. Корпусъ Груши уцѣлѣлъ; поэтому на этого генерала взвалили отвѣтственность за пораженіе французской арміи, и его укоряли даже въ измѣнѣ. Наполеонъ писалъ своему брату Жозефу, что не все еще потеряно, что надо дѣйствовать съ чрезвычайной поспѣшностью и какъ можно скорѣе собрать всѣ имѣющіяся въ наличности военныя силы; но въ то же время императоръ

обнаружилъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ дѣйствительное положеніе дѣлъ во всей его наготѣ и всю тяжесть нанесеннаго ему пораженія. Въ довершеніе своей гибели онъ оставилъ своихъ солдатъ въ Ланнѣ, а самъ бросился въ Парижъ, надѣясь повліять на общественное мнѣніе своимъ личнымъ присутствіемъ; но послѣ того какъ онъ явился въ Парижъ побѣжденнымъ и безъ арміи, его пѣсня была спѣта. Для парижанъ онъ былъ лишнимъ бременемъ, отъ котораго они хотѣли отдѣлаться какъ можно скорѣе, чтобы не попасть въ немилость къ Европѣ и не поплатиться за него.

Императоръ устроилъ совѣщаніе со своими братьями и министрами въ Елисейскомъ дворцѣ. Фушэ задумалъ на этотъ разъ взять на себя роль Таллейрана и сталъ подкапываться подъ Наполеона. Императоръ хотѣлъ захватить въ свои руки диктаторскую власть; но Карно совѣтовалъ ему, чтобы онъ добился соотвѣтствующихъ полномочій отъ палатъ, палаты же объ этомъ и слышать не хотѣли. Императоръ и Люсьенъ собирались распустить палаты собственной властью и устроить государственный переворотъ; въ отвѣтъ на это палаты постановили, что онѣ будутъ засѣдать непрерывно и что всякая попытка къ распущенію ихъ должна считаться государственной измѣной. Военный министръ маршалъ Даву отказалъ Наполеону въ содѣйствіи военныхъ силъ для распущенія палатъ. Подъ вліяніемъ Лафайета обѣ палаты рѣшили оказать Наполеону рѣшительное сопротивленіе. Тогда Наполеонъ предложилъ избрать комиссію для переговоровъ съ иностранными державами, но палаты отвергли это предложеніе, и Наполеону оставалось выбирать одно изъ двухъ: либо добровольно отречься отъ престола, либо остаться внѣ закона. И на этотъ разъ онъ также отказался отъ мысли устроить государственный переворотъ при помощи якобинцевъ: онъ уже былъ сначала самодержавнымъ, а потомъ конституціоннымъ императоромъ, и ему было противно взять на себя въ третій разъ роль революціоннаго императора. Такъ какъ у него не было другого выхода, то онъ продиктовалъ 22 іюня свое отреченіе отъ престола въ пользу „Наполеона II“. Кончились навѣки достопамятные „сто дней“, „эти сатурналіи французскаго королевства“.

β) Второй мирный договоръ въ Парижѣ и изгнаніе Наполеона на островъ Св. Елены.

Парижъ оставался спокойнымъ, можно даже сказать, безучастнымъ. Образовалось временное правительство, главой котораго былъ Фуше; палаты громаднымъ большинствомъ голосовъ отказались признать Наполеона II не смотря на всѣ убѣжденія Люсьена, а Фуше вступилъ въ переговоры съ Людовикомъ XVIII. Король поспѣшно сталъ готовиться къ возвращенію въ Парижъ; 25 іюня онъ выпустилъ въ Камбрэ воззваніе, въ которомъ онъ обѣщалъ править государствомъ съ отеческой заботливостью и мягкосердіемъ, но въ то же время грозилъ безпощадными карами виновникамъ государственнаго переворота 1815 года; по настоянію союзниковъ онъ незадолго предъ тѣмъ рѣшился съ тяжелымъ сердцемъ разстаться съ Блака (см. стр. 94). 3 іюля Парижъ сдался союзникамъ, а 7 іюля въ Парижъ вступила союзная армія подъ командой Блюхера и Веллингтона. Блюхеръ, который вполнѣ заслужилъ прозвище маршала „Впередъ“, заклиналъ своего короля „строго приказать дипломатамъ, чтобы они не выпускали изъ рукъ того, что солдаты добыли цѣною своей крови; насталъ единственный моментъ, когда можно обезопасить Германію отъ Франціи, а другого такого случая больше ужъ не будетъ“. Даву перешелъ на сторону Людовика XVIII; 18 іюля король вновь совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Парижъ вмѣстѣ съ графомъ Артуа и герцогомъ Беррійскимъ; парижане устроили имъ шумную овацію, и на сцену выступило новое министерство, во главѣ котораго стояли изолгавшіеся плуты Таллейранъ и Фушэ.

Случилось то, чего опасался Блюхеръ: дипломатія вырвала вновь коварно изъ рукъ Германіи всѣ плоды ея побѣдъ. Россія, Франція и Великобританія изъ зависти не давали Германіи развернуть своихъ силъ; Штейнъ высказалъ открыто, что Россія стремится къ тому, чтобы Германія оставалась какъ можно болѣе уязвимой и не могла воспользоваться плодами своихъ трудовъ. Эльзасъ и Лотарингія не были присоединены къ Германіи, а эрцгерцогъ Карлъ не получилъ въ свое владѣніе королевства Бургундскаго, какъ о томъ мечтали въ Германіи; напротивъ того, Арманъ Эмануилъ Ж. Дюплесси, герцогъ Ришелье, добился чрезвычайно благопріятныхъ для его отечества условій по второму парижскому мирному договору, заключенному въ Парижѣ 20 ноября 1815 г.: Франція сохранила въ неприкосновенности всю территорію, которою она владѣла до 1790 года, но уступила Бельгіи четырехугольникъ между Мобежемъ и Живэ, который былъ оставленъ во власти Франціи по первому парижскому мирному договору; кромѣ того, Франція уступила Саарлуи и Саарбрюкенъ Пруссіи, Ландау Австріи (которая въ свою очередь переуступила эту область Баваріи); восточная часть маленькаго французскаго округа Жэ была уступлена Женевѣ, а французская Савойя Пьемонту. На этотъ разъ Франція была вынуждена заплатить 700 мил. франковъ контрибуціи; кромѣ того, было рѣшено, что сѣверовосточныя провинціи Франціи будутъ подвергнуты оккупаціи и что отряды союзныхъ войскъ, общей численностью въ 150.000 человѣкъ, останутся въ этихъ провинціяхъ въ теченіе срока отъ 3 до 5 лѣтъ, смотря по поведенію французскаго народа.

Угрозы Даву заставили Наполеона оставить Парижъ и удалиться въ Мальмезонъ, въ которомъ все напоминало ему о Жозефинѣ; Гортензія и Люсьенъ не покидали его. Наполеонъ зналъ, что часть французовъ еще сохранила свою преданность къ нему. Онъ могъ еще разъ собрать подъ свое знамя до 70 тысячъ человѣкъ, такъ какъ армія все еще была на его сторонѣ; но онъ колебался, и ему приходила въ голову мысль, не лучше ли будетъ для него отречься отъ всего своего прошлаго и эмигрировать въ Америку. Тяжелая борьба кипѣла въ его душѣ; 29 іюня онъ предложилъ временному правительству свои услуги въ качествѣ простого генерала для того, чтобы спасти Парижъ и вытѣснить изъ Франціи союзниковъ; но Фушэ съ презрительнымъ высокомѣріемъ отклонилъ его предложеніе и посовѣтовалъ ему въ отвѣтъ, чтобы онъ какъ можно скорѣе выѣхалъ изъ Франціи ради собственной безопасности; дѣйствительно, одинъ прусскій отрядъ былъ отправленъ съ приказомъ поймать и разстрѣлять Наполеона. Наполеонъ переодѣлся въ штатское платье, распрощался со своей семьей и выѣхалъ изъ Мальмезона въ сопровожденіи 4 спутниковъ. По дорогѣ въ Рошфоръ, куда онъ прибылъ 3-го іюня, онъ опять сталъ колебаться: можетъ быть, ему суждено опять играть видную политическую роль въ будущемъ. Такими же сомнѣніями онъ продолжалъ терзаться и въ Рошфорѣ; онъ походилъ на присужденнаго къ смертной казни, который въ послѣднюю минуту цѣпляется за надежду о помилованіи; онъ постоянно возвращался въ своихъ мысляхъ къ своей арміи. Населеніе относилось къ нему съ почтеніемъ, и онъ никакъ не могъ разстаться съ Франціей, которая преклонялась передъ нимъ, какъ передъ героемъ, со времени осады Тулона и которая 11 лѣтъ подчинялась ему, какъ своему императору. Въ Иль-д'Э къ нему пріѣхалъ на свиданіе Жозефъ, который привезъ печальную вѣсть: Людовикъ XVIII вновь водворился на французскомъ престолѣ, и послѣднія надежды Наполеона разлетѣлись, какъ дымъ.

Тогда Наполеонъ вступилъ въ переговоры съ капитаномъ Мэтлендомъ, командиромъ британскаго военнаго корабля „Беллерофонъ“, стоявшаго на рейдѣ въ Баскѣ. Онъ просилъ, чтобы его перевезли въ Англію; какъ настоящій актеръ, онъ написалъ принцу регенту англійскому (см. стр. 121), что на подобіе Ѳемистокла онъ ищетъ спасенія у домашняго очага своего врага,

великодушнаго англійскаго народа. 15 іюля 1815 г. онъ былъ принятъ на бортъ „Беллерофона“, но не какъ гость своего смертельнаго врага, а какъ его плѣнникъ. Берега Франціи скрылись изъ глазъ его навсегда. 26 іюля „Беллерофонъ“ подошелъ къ берегу Англіи; но англійское правительство запретило Наполеону выйти на берегъ и рѣшило, что для безопасности европейскаго мира необходимо заточить „генерала Бонапарта“ на островъ Святой Елены, эту отвѣсную базальтовую скалу, поднимающуюся среди водъ Атлантическаго океана, и лишить его оружія, денегъ и всякихъ цѣнныхъ вещей. Эти требованія англійскаго правительства подвергли Наполеона частью совершенно лишнимъ униженіямъ и притѣсненіямъ; 30 іюля Наполеонъ заявилъ протестъ противъ нарушенія международнаго права, но британскій народъ остался глухимъ къ этому протесту. По договору, заключенному между союзниками въ Парижѣ 2-го августа, бывшій императоръ былъ отданъ подъ надзоръ четырехъ державъ, подписавшихъ международный договоръ въ Шомонѣ; поэтому, кромѣ Великобританіи, Франція, Россія и Австрія также отправили своихъ комиссаровъ на островъ св. Елены для наблюденія за Наполеономъ. 7-го августа Наполеонъ перешелъ на военный корабль „Нортумберлендъ“ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ своихъ вѣрныхъ друзей; во время плаванія онъ диктовалъ свои „Воспоминанія“ барону Э. А. Д. Ласъ Казесъ и генералъ-адъютанту барону Гаспару Гурго. 17 октября 1815 г. онъ присталъ къ той пустынной скалѣ, на которой ему предстояло томиться до конца своей жизни; только въ декабрѣ стало пригоднымъ для жилья то помѣщеніе, которое было предназначено для него въ Лонгвудѣ.

Переписка Наполеона подвергалась строгому досмотру; много горя причиняли ему вѣсти, доходившія до него изъ Европы; семья его разсѣялась, всѣ члены ея были изгнаны изъ Франціи, и ихъ имущество было конфисковано; приверженцы императора преслѣдовались. На островѣ св. Елены Наполеона лишили императорскаго титула, и это было вполнѣ натурально, такъ какъ англійскій король Георгъ III никогда не признавалъ за нимъ этого титула. Новый губернаторъ острова сэръ Гудсонъ Лоу, который вступилъ въ должность въ апрѣлѣ 1816 г., былъ человѣкомъ мелочнымъ и непріятнымъ, но вѣрнымъ своему долгу; черезъ самое короткое время между нимъ и его узникомъ возникли такіе раздоры, что послѣ пятой встрѣчи они стали избѣгать другъ друга. Наполеонъ много трудился и пускалъ въ печать разсказы о своемъ положеніи, преисполненные преувеличеній и искаженій; онъ надѣялся такимъ образомъ улучшить свою участь, но не достигъ никакого результата; изъ всѣхъ европейскихъ государей одинъ только Пій VII принялъ участіе въ страданіяхъ Наполеона, какъ это явствуетъ изъ его письма къ Консальви, писаннаго въ октябрѣ 1817 г.; Ахенскій конгрессъ, состоявшійся въ 1818 г., напротивъ того, выразилъ полное одобреніе всѣмъ мѣрамъ строгости, примѣнявшимся губернаторомъ Лоу. Наполеонъ совершенно отказался отъ мысли о бѣгствѣ и не принялъ предложенія своей престарѣлой матери и своихъ братьевъ и сестеръ, которые готовы были раздѣлить его участь.

Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, которыя были записаны подъ его диктовку Ласъ-Казесомъ, Гурго, маркизомъ Ш. Т. де-Монтолонъ-Семонвилемъ и другими, онъ изобразилъ себя неподражаемымъ образцомъ для полководцевъ и французскимъ національнымъ героемъ; онъ дѣйствовалъ, какъ другъ и ученикъ Тальмы, и подъ его вліяніемъ выросла цѣлая литература, которая занималась беззастѣнчивой фальсификаціей исторіи для поддержанія его престижа и которая пыталась ослѣпить современниковъ и потомство блескомъ его имени; завѣщаніе Наполеона тоже было составлено въ патріотическомъ національномъ духѣ, и онъ старался скрыть всѣ слѣды своего стремленія къ космополитическому всемірному господству. Тяжелыя лишенія и нестерпимыя душевныя муки подкосили здоровье Наполеона I.

онъ скончался 5 мая 1821 года на 52 году своей жизни; предъ самой своей смертью онъ сказалъ съ глубокимъ убѣжденіемъ: „Послѣ моей смерти настанетъ реакція въ мою пользу повсюду, не исключая и Англіи“. Его слова оправдались. Французы и итальянцы обоготворили его; его прославляли наперерывъ поэты, живописцы и композиторы. Беранже сталъ любимцемъ французскаго народа за его пѣсни, посвященныя памяти Наполеона; внуки съ жадностью прислушивались къ разсказамъ ветерановъ о „маленькомъ капралѣ“, о дѣтищѣ революціи, и даже самый прахъ его, покоившійся на островѣ святой Елены, былъ угрозой для королей, царствовавшихъ въ Парижѣ. Личность Наполеона была идеализирована, и съ неопредолимой силой привлекла къ себѣ симпатіи всѣхъ французовъ.

4. Реакція.

А. Начало второй реставраціи.

а) Общество.

Положеніе вновь возвращеннаго короля Людовика XVIII было весьма неблагопріятнымъ, съ одной стороны, вслѣдствіе необычайной славы, которой было окружено имя его предшественника, а съ другой стороны вслѣдствіе многочисленныхъ глупостей, которыя дѣлали его собственные друзья. Какъ много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ всего за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, въ апрѣлѣ 1814 года, Таллейранъ писалъ графу Артуа: „До сихъ поръ у насъ была только слава, привезите Вы намъ честь!“ и когда графъ Артуа, какъ говорили, повторялъ вслѣдъ за Беньо: „Ничего не измѣнилось, только однимъ французомъ стало больше“. Въ началѣ второй реставраціи партіи распредѣлились, повидимому, опять такимъ же образомъ, какъ предъ 18 брюмера (стр. 41); Наполеонъ замѣтилъ вполнѣ справедливо, что бѣлые остались бѣлыми, а синіе — синими.

Весьма наглядное изображеніе тогдашняго состоянія французскаго общества далъ графъ Ф. В. Ростопчинъ (см. стр. 74), который былъ тонкимъ наблюдателемъ. Когда началась революція, то поклонники свободы перевернули все вверхъ дномъ, растоптали ногами законы, истребили правящій классъ, осквернили храмы и встащили на эшафотъ королевскую семью; человѣческія головы рубились, какъ кочны капусты. Командовали всѣ, а громче всѣхъ самые недостойные, но никто не слушался; на тогдашнемъ языкѣ это называлось свободой и равенствомъ. У разсудительныхъ благомыслящихъ людей уста были сомкнуты отъ страха. Революціонеры разрѣшали всѣ затрудненія двумя пріемами: фонаремъ, который замѣнялъ висѣлицу, и гильотиной. Когда революціонеры порядкомъ перерѣзали другъ друга, то они накинулись на иностранныя государства. Когда же Бонапартъ пріѣхалъ тайкомъ изъ Египта и прикрикнулъ: „Тише!“, то они попритихли. Онъ прогналъ крикуновъ, прибралъ къ рукамъ армію, гражданскія власти и духовенство и ловко дѣйствовалъ кнутомъ. Республика набила всѣмъ оскомину. Когда французы почувствовали твердую руку Наполеона, они сначала были немного смущены, но какъ только пришли въ себя, то всѣ они принялись громко кричать: „Да здравствуетъ императоръ!“ При Наполеонѣ французы тоже пользовались равенствомъ и свободой; въ то время какъ Бонапартъ бѣгалъ по всей Европѣ, какъ разсвирѣпѣвшій быкъ, никто не мѣшалъ французамъ вздыхать, сколько душѣ угодно, между четырехъ стѣнъ. Революція изгнала Бурбоновъ изъ Франціи, а правленіе Наполеона изгнало ихъ изъ сердца французскаго народа; послѣ паденія Наполеона вниманіе французовъ было поглощено воспоминаніями о немъ, и для Бурбоновъ попрежнему не оказалось мѣста въ сердцѣ французскаго народа. Общественное мнѣніе было настроено весьма враждебно противъ Бурбоновъ, ко-

торымъ не слѣдовало бы и думать о возвращеніи во Францію послѣ того, какъ они, можно сказать, были изгнаны въ третій разъ; Бурбоны обращались съ французами гораздо мягче, чѣмъ Наполеонъ, но слава императора льстила самолюбію французовъ. Франція вскорѣ стала представлять собою картину „народа, отвыкшаго взвѣшивать свои дѣйствія, престола безъ настоящаго короля, государя, неспособнаго къ движенію, правительства безъ всякой власти, политики, не преслѣдующей никакой опредѣленной цѣли, и династіи, не имѣющей никакой будущности". Таково мнѣніе того человѣка, который устроилъ пожаръ Москвы. Александръ I съ своей стороны писалъ въ 1820 году своему другу графу П. А. Строганову, что геній революціи не хочетъ допустить, чтобы раны, отъ которыхъ страдаютъ европейскіе народы, могли спокойно зажить послѣ водворенія мира въ 1815 году и чтобы общественный порядокъ былъ возстановленъ, что этотъ зловредный геній старается изо всѣхъ силъ унизить государей въ глазахъ ихъ подданныхъ. Въ свое время утверждали, продолжалъ русскій императоръ, что слѣдуетъ держаться правила „Дѣли и властвуй!" (Divide et impera!); но теперь единеніе есть единственный путь къ общему спасенію: всѣ державы должны соблюдать договоры и держаться неуклонно основныхъ принциповъ государственнаго порядка и дисциплины. Такія здравыя сужденія высказывалъ никто иной, какъ повелитель того народа, котораго Бенжаменъ Констанъ вовсе не признавалъ культурной націей, представитель того общества, которое Мирабо назвалъ „незрѣлымъ плодомъ, выращеннымъ въ покрытой снѣгомъ теплицѣ", въ то время, какъ французскій народъ и французское общество страдали благодаря своей пылкости и своему легкомыслію. Французское общество было насквозь проникнуто демократическими тенденціями, въ то время какъ чрезмѣрно централизованная правительственная система нисколько не мирилась съ такимъ общественнымъ настроеніемъ. Конституція Людовика XVIII, его „хартія", доказываетъ, что онъ считался съ демократическимъ духомъ французскаго общества.

Придворное общество, окружавшее Людовика XVIII, корчило изъ себя фанатиковъ монархической идеи, которые стараются показать, что они болѣе преданы престолу, чѣмъ самъ король. Эти придворные твердили Людовику, что иностранные военные гарнизоны должны служить опорой его власти, въ то время, какъ самъ король жаловался, и притомъ совершенно несправедливо, на притѣсненія, которыя ему приходится претерпѣвать отъ оккупаціонной арміи; придворные ополчились со свѣжими силами противъ новыхъ идей и, во что бы то ни стало, хотѣли вырвать ихъ съ корнемъ. „Павильонъ-Марсанъ", — такое названіе носилъ клубъ этихъ непримиримыхъ и неисправимыхъ придворныхъ по имени резиденціи графа Артуа, — состоялъ подъ руководствомъ людей неспособныхъ, какъ, напримѣръ, аббатъ Ж. Б. М. А. А. де Латиль, князь Жюль Полиньякъ, ярый противникъ хартіи, и др. Былъ сформированъ новый составъ палаты перовъ и палаты депутатовъ, послѣднюю называли въ публикѣ „рѣдкостной палатой" (Chambre introuvable); она отличалась ультра-роялистическимъ духомъ. Людовикъ вполнѣ ясно представлялъ себѣ существующее положеніе вещей и изъ вполнѣ здраваго политическаго разсчета оставался вѣрнымъ своей конституціи и выдерживалъ непрерывную борьбу съ своимъ братомъ и роялистами „quand même" (во что бы то ни стало). Онъ обѣщалъ даровать всеобщую амнистію; но ему никакъ не удавалось усмирить „бѣлыхъ террористовъ" въ Южной Франціи (стр. 31). Въ Марселѣ, Авиньонѣ, Нимѣ, Тулузѣ и въ другихъ мѣстахъ вспыхивали безпорядки опять таки частью на почвѣ религіознаго фанатизма; происходили массовыя избіенія имперіалистовъ и протестантовъ; въ числѣ прочихъ были убиты маршалъ Брюнъ и генералы Лагардъ и Рамель; суды и администрація потворствовали убійцамъ.

Фуше занялся составленіемъ гнусныхъ списковъ лицъ, объявленныхъ

внѣ закона; въ эти списки были внесены имена всѣхъ участниковъ или только подозрѣваемыхъ въ участіи въ государственномъ переворотѣ „ста дней“; себя самаго онъ, конечно, изъ благоразумія забылъ внести въ этотъ списокъ. Онъ разсчитывалъ, что свирѣпыя мѣры, принятыя частью по его же собственной иниціативѣ, какъ, напримѣръ, смертная казнь генерала графа Ла Бедуайера (см. стр. 97) и маршала Нея, которые были разстрѣляны по приказу французскаго правительства, изгнаніе лучшихъ людей Франціи, а также массовыя избіенія въ Ліонѣ и Греноблѣ, вызовутъ у всѣхъ французовъ отвращеніе къ королю, и поэтому поторопился заблаговременно завязать тайныя сношенія съ герцогомъ Орлеанскимъ, а попутно старался подставить ножку Таллейрану. Однако на него была устроена облава общими силами, — въ сентябрѣ 1815 года его удалили съ поста министра полиціи, а въ 1816 году онъ былъ изгнанъ изъ Франціи, какъ рецидивистъ-цареубійца. Вслѣдъ за Фушэ получилъ отставку его соперникъ Таллейранъ; ему дали званіе оберъ-камергера, а въ должности министра иностранныхъ дѣлъ его замѣстилъ къ вящему удовольствію и даже по предложенію русскаго императора бывшій генералъ-губернаторъ одесскій герцогъ Ришелье, эмигрантъ, совершенно незнакомый съ французской политикой (см. стр. 106). Людовикъ XVIII, который никакъ не могъ обойтись безъ фаворита, предался душой и тѣломъ бывшему секретарю императрицы-матери Эли Деказу. Графъ Деказъ, герцогъ Глюксбургскій, бездушный карьеристъ, дѣйствовалъ вполнѣ въ духѣ своего предшественника Фушэ, былъ во всемъ солидаренъ съ „рѣдкостной“ палатой, принималъ по своему усмотрѣнію самыя произвольныя исключительныя мѣры для поддержанія общественнаго спокойствія и все-таки подвергся обвиненію въ непростительномъ мягкосердіи со стороны ультрароялистовъ изъ „Павильона Марсана“, которые присвоили себѣ роль второго правительства и взяли себѣ въ союзники противъ Деказа Таллейрана.

б) Священный Союзъ.

Благодаря общему братству по оружію въ войнѣ съ Наполеономъ, европейскіе кабинеты прониклись до нѣкоторой степени сознаніемъ взаимной солидарности. Событія, потрясшія весь міръ, паденіе всемогущаго цезаря съ головокружительной высоты, вновь укрѣпили вѣру въ Высшую Силу, управляющую судьбами людей, несмотря на все вольнодумство, которое распространилось было въ революціонную эпоху, щеголявшую поверхностнымъ просвѣщеніемъ; сильнѣе всего это новое теченіе подѣйствовало на русскаго царя Александра. Баронесса Юліяна Крюденеръ, свѣтская женщина, обратившаяся на путь истины, называла его „бѣлымъ ангеломъ“ въ противоположность „черному ангелу“ — Наполеону и превозносила его, какъ „общаго спасителя“. Русскій императоръ увлекся теософіей Фр. Кс. Баадера. Подъ вліяніемъ своего друга дѣтства князя А. Н. Голицына онъ сталъ искать въ Библіи первоисточника душевнаго мира и истинной премудрости. Вся Россія покрылась библейскими обществами, въ которыхъ проповѣдывались наряду съ христіанскимъ ученіемъ новыя мистическія ученія. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ Александръ оказался очень воспріимчивымъ къ ученію новой Магдалины — Юліаны Крюденеръ. Въ первый разъ она сдѣлала ему неожиданный визитъ въ Гейльброннѣ однажды вечеромъ въ то время, когда онъ былъ въ походѣ; съ тѣхъ поръ онъ сталъ ея ученикомъ. Въ іюнѣ 1815 г. она жила одновременно съ нимъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ они вмѣстѣ молились и изучали Библію; затѣмъ она отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ Парижъ, и тутъ она, по просьбѣ Ришелье и другихъ французовъ, старалась склонить Александра къ тому, чтобы онъ предоставилъ Франціи наивыгоднѣйшія мирныя условія. Баронесса Крюденеръ часто бесѣдовала съ Александромъ на тему о христіанскомъ единеніи

Au Nom de la très Sainte et indivisible Trinité.

Leurs Majestés l'Empereur de Russie, l'Empereur d'Autriche et le Roi de Prusse, par suite des grands événemens qui ont signalé en Europe le cours des trois dernières années et principalement les bienfaits multipliés qu'il a plu à la divine Providence de répandre sur les Etats dont les Gouvernemens ont placé

. . . .

Fait triple et signé à Paris, l'an de grâce 1815 $\frac{14}{26}$ Septembre

François

Frédéric Guillaume

Alexandre.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Вступленіе и заключительныя строки договора Священнаго Союза, заключеннаго 26 сентября 1815 г.

(Съ прусскаго экземпляра подлиннаго документа, хранящагося въ Прусскомъ королевскомъ тайномъ государственномъ архивѣ въ Берлинѣ.)

Объясненіе къ документу, помѣщенному на оборотѣ.

Текстъ.

Au Nom de la très Sainte et indivisible Trinité.

Leurs Majestés l'Empereur de Russie, l'Empereur d'Autriche et le Roi de Prusse, par suite des grands évenemens qui ont signalé en Europe le cours des trois dernieres années et principalement les bienfaits multipliés qu'il a plu à la Divine Providence de répandre sur les Etats dont les Gouverneurs ont placé [leur confiance et leur espoir en Elle seule, ayant acquis la conviction certaine qu'il est nécessaire d'assoir la marche à adopter par les Puissances dans leur rapports mutuels sur les vérités sublimes que Nous enseigne l'Eternelle Religion du Dieu Sauveur:]

Fait triple et signé à Paris, l'an de grace 1815 14/26. Septembre.

L. S. François propria

L. S. Fréderic Guillaume

L. S. Alexandre.

Переводъ.

Во имя Пресвятой Единосущной Троицы.

Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій, Императоръ Австрійскій и Король Прусскій въ виду великихъ событій, ознаменовавшихъ въ Европѣ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ и особенно многочисленныхъ благодѣяній, которыя Божественному Промыслу угодно было излить на тѣ государства, Правительства которыхъ возложили [свою увѣренность и свои надежды только на Него, пришли къ твердому убѣжденію, что необходимо, придерживаясь высокихъ истинъ ученія Спасителя, установить путь, по коему должны идти Державы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ:]

(Документъ) изготовленъ въ трехъ экземплярахъ и подписанъ въ Парижѣ въ лѣто отъ Рождества Христова 1815 14/26 сент.

М. П. Францъ, собственноручно

М. П. Фридрихъ Вильгельмъ

М. П. Александръ.

всѣхъ народовъ и натолкнула его на мысль о Священномъ Союзѣ; Александръ подѣлился съ ней своимъ проектомъ, а она исправила и дополнила его. Фридрихъ Вильгельмъ III немедленно согласился съ проектомъ Александра, а Францъ I тоже присоединился къ нему послѣ нѣкоторыхъ колебаній. 26 сентября эти трое монарховъ дѣйствительно заключили между собою Священный Союзъ (см. прилож. табл. „Вступительныя и заключительныя строки договора о Священномъ Союзѣ, заключеннаго 26 сентября 1815 г.“). Они рѣшили не руководствоваться впредь какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ своихъ государствъ ничѣмъ инымъ, кромѣ правилъ христіанскаго вѣроученія, какъ-то: справедливости, любви къ ближнему и миролюбія и, признавая другъ друга братьями, впредь спѣшить другъ къ другу на помощь въ нуждѣ. Какъ представители Божественнаго Провидѣнія на землѣ, они дали слово относиться къ своимъ подданнымъ, какъ родные отцы, и наставлять ихъ въ духѣ братской любви для защиты вѣры, мира и справедливости; своихъ подданныхъ они увѣщевали изощряться изо дня въ день въ правилахъ христіанской вѣры и въ исполненіи христіанскаго долга; доступъ въ этотъ союзъ былъ открытъ для всѣхъ державъ, которыя будутъ согласны исповѣдывать эти правила. Мало по малу почти всѣ европейскія державы присоединились къ этому Священному Союзу. Что касается турецкаго султана, то его участіе исключалось заранѣе; папа заявилъ, что онъ искони владѣетъ истинами христіанской вѣры и не нуждается ни въ какомъ новомъ изложеніи христіанскаго ученія; Великобританское правительство отказалось отъ участія въ союзѣ, ссылаясь на то, что оно обязано руководствоваться законами конституціи и постановленіями парламента. Священный Союзъ не носилъ характера взаимнаго обязательства, основаннаго на какомъ-нибудь правилѣ международнаго права; онъ имѣлъ только значеніе добровольнаго заявленія со стороны подписавшихся подъ нимъ монарховъ, которые принимали на себя только нравственное обязательство. Вначалѣ союзники задавались только идеальными цѣлями и дѣйствовали совершенно искренно. Гансъ фонъ Гагернъ, К. Ф. фонъ Шмидтъ-Физельдекъ и другіе горячо увлекались идеей Священнаго Союза. Однако черезъ самое короткое время этотъ союзъ сталъ предметомъ всеобщей ненависти; Меттернихъ подчинилъ своему вліянію Александра и присвоилъ себѣ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ на томъ основаніи, что участники Священнаго Союза дали слово помогать другъ другу, когда это можетъ быть полезно. Эта зловредная политика Меттерниха была узаконена конгрессами въ Карлсбадѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ. Наряду съ Священнымъ Союзомъ остался въ силѣ въ обновленномъ видѣ договоръ, заключенный въ Шомонѣ 20 ноября 1815 г. Въ Парижѣ состоялось соглашеніе между Россіей, Великобританіей, Австріей и Пруссіей въ томъ, что монархи этихъ государствъ будутъ отъ времени до времени съѣзжаться сами или посылать своихъ уполномоченныхъ для совѣщаній о мирѣ, безопасности и благополучіи Европы. Такъ какъ Франція въ теченіе многихъ лѣтъ играла роль нарушительницы мира, то было рѣшено оставить ее подъ международнымъ политическимъ надзоромъ также и на будущее время, когда французская территорія будетъ освобождена отъ оккупаціонной арміи. Генцъ привѣтствовалъ этотъ новый договоръ и назвалъ его „краеугольнымъ камнемъ“ всего зданія. Каждую недѣлю въ Парижѣ должна была собираться конференція уполномоченныхъ упомянутыхъ четырехъ кабинетовъ; самую видную роль въ этой конференціи игралъ графъ Поццо ди Борго (стр. 62). Союзники вполнѣ довѣряли Людовику XVIII, но относились подозрительно къ измѣнчивому настроенію французской націи, увлеченія и честолюбіе которой уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ являлись главной причиной нарушенія европейскаго мира. Эти подозрѣнія были тѣмъ болѣе основательны, что во главѣ французскаго народа стоялъ непосредственно предъ тѣмъ въ тече-

ніе цѣлыхъ двадцати лѣтъ не Людовикъ XVIII, который жаждалъ мира и покоя послѣ испытанныхъ имъ ужасовъ революціоннаго террора и бѣдствій изгнанія, а ненасытный авантюристъ, который собирался проглотить весь міръ, который былъ опьяненъ славой, сопровождавшей его кровавое поприще, и не могъ жить безъ войны. Людовикъ былъ олицетвореніемъ принциповъ правовѣрнаго легитимизма; онъ опирался исключительно на традиціи далекаго прошлаго и основывалъ свое право на французскій престолъ на своемъ родствѣ съ тридцатью двумя добрыми королями (стр. 90); напротивъ того, Наполеонъ былъ обязанъ своей карьерой государственному перевороту, который былъ дѣломъ его собственныхъ рукъ; его міровоззрѣніе было проникнуто самымъ рѣзкимъ ничѣмъ не замаскированнымъ практическимъ духомъ. Онъ былъ сыномъ революціи; по ея примѣру онъ порвалъ съ прошлымъ, отрекся отъ историческихъ традицій и задумалъ начать новую эпоху всемірной исторіи, проникнутую самолюбіемъ и стремленіемъ къ собственной выгодѣ, но абсолютно чуждую всякой сантиментальности въ политикѣ.

в) Романтизмъ.

Эпоха реставраціи съ ея романтизмомъ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ реалистическимъ направленіемъ времени первой имперіи. Вновь наступившая эпоха была пропитана насквозь историческими тенденціями, стремилась воскресить прошлыя эпохи, жила исключительно преданіями, превозносила прошедшее и часто старалась умалять все современное. Романтики были противниками революціи и поборниками реставраціи, поэтому они дали сильный толчекъ къ изученію исторіи. Всѣмъ пріѣлось естественное право и пустозвонная реторика революціи, которая заставила современниковъ быть свидѣтелями ужаснаго кровопролитія, безграничной путаницы общественныхъ отношеній и общественной анархіи. Европа разочаровалась въ безплодной и порождающей смуту религіи разума, сердца обратились вновь къ положительному вѣроученію, которое подверглось насильственному угнетенію со стороны революціи, европейское общество вернулось къ незыблемой Церкви Христовой (ср. т. VII, стр. 362); люди опять научились молиться,—они убѣдились, что знаніе примиримо съ вѣрой.

Романтизмъ былъ своеобразнымъ обращеніемъ къ религіи отцовъ; представители его любили возвращаться къ традиціямъ среднихъ вѣковъ. Юстусъ Тибо хотѣлъ освободить Германію отъ римскаго права и въ 1814 г. поднималъ вопросъ о введеніи общаго для всей Германіи гражданскаго права; это было вполнѣ современное стремленіе, но, къ сожалѣнію, Тибо хотѣлъ построить германское право на почвѣ естественнаго права. Противъ этого предложенія вооружился Фридрихъ Карлъ фонъ Савиньи въ своемъ сочиненіи „О задачахъ нашей эпохи въ дѣлѣ законодательства и развитія науки права“ и сталъ во главѣ школы, основанной Густавомъ Гуго, которая принимаетъ за исходный пунктъ исторію права. По опредѣленію Савиньи право есть внѣшняя форма общественнаго духа. Начавшійся въ Гейдельбергѣ споръ между философской и исторической школами юристовъ сосредоточилъ на себѣ въ теченіе долгаго времени вниманіе ученыхъ правовѣдовъ всей Европы; гегельянецъ Эдуардъ Гансъ былъ преемникомъ Тибо въ его ученомъ спорѣ противъ Савиньи. Неоднократно утверждали, что только благодаря этой полемикѣ и возникшимъ на почвѣ ея новымъ воззрѣніямъ наука права стала наукой въ современномъ смыслѣ этого слова. Начиная съ 1815 г. Савиньи сталъ издавать въ сотрудничествѣ съ Карломъ Фридрихомъ Эйхгорномъ и Іоанномъ Фридрихомъ Людвигомъ Гешеномъ „Журналъ историческаго правовѣдѣнія“; въ своемъ сочиненіи „Исторія римскаго права въ теченіе среднихъ вѣковъ“ (вып. въ свѣтъ въ 1815—1831 гг.) онъ прослѣдилъ связь, существующую между древне-

римскимъ и современнымъ правомъ; Эйхгорнъ съ своей стороны написалъ „Исторію германскихъ государственныхъ учрежденій и германскаго права“ (выш. въ свѣтъ въ 1808—1823 гг.).

Баронъ Карлъ Штейнъ основалъ въ январѣ 1819 г. „Общество для изученія древнѣйшей исторіи Германіи“. Удалившись отъ политической дѣятельности, онъ посвятилъ себя изученію исторіи и въ теченіе многихъ лѣтъ носился съ мыслью положить начало собранію и изданію источниковъ исторіи Германіи; онъ надѣялся, что для Германіи наступаетъ новый періодъ блестящаго расцвѣта, и былъ иниціаторомъ изданія „Monumenta Germaniae historica“. Первые два тома этого труда вышли еще при его жизни. Бартольдъ Георгъ Нибуръ выпустилъ въ свѣтъ (въ 1811—1830 гг.) свою „Римскую исторію“; онъ окончательно устранилъ изъ своего труда легендарный элементъ, вступилъ на путь строгой научной критики и послужилъ образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ историческихъ изслѣдователей; онъ почиталъ народную свободу, но былъ противникомъ крайнихъ увлеченій. Огюстенъ Тьерри и Ж. Ш. Л. Симондъ де Сисмонди выпустили въ свѣтъ капитальные труды по исторіи Франціи, Англіи и Италіи, которые и понынѣ не потеряли своего значенія для исторической науки; въ это же время выступили на ученое поприще Фр. Хр. Шлоссеръ, Фридрихъ Л. Г. фонъ Раумеръ и Леопольдъ Ранке.

Романтическое направленіе придало всѣмъ наукамъ юношескую свѣжесть; индивидуальныя черты народнаго духа европейскихъ націй воспрянули съ новой силой, наступилъ конецъ однообразію и шаблонности только что сокрушенной Наполеоновской всемірной имперіи. Братья Яковъ и Вильгельмъ Гриммы явились творцами грамматики нѣмецкаго языка и германской филологіи; Ахимъ фонъ Арнимъ и Клеменсъ Брентано обогатили нѣмецкую литературу новымъ родомъ поэтическихъ произведеній, народной пѣсней, которую они извлекли изъ богатой сокровищницы историческаго прошлаго Германіи. Древній языческій періодъ Германіи, остатки первобытной германской жизни, были извлечены изъ подъ спуда. Сочиненіе Фридриха Шлегеля „Языкъ индусовъ и ихъ премудрость“ (въ 1808 г.) послужило основаніемъ для сравнительнаго языковѣдѣнія; настоящимъ творцомъ этой науки слѣдуетъ признать Франца Боппа, первые труды котораго появились въ 1816 году. Гердеръ и Гете содѣйствовали прогрессу естественныхъ наукъ сообразно съ общимъ направленіемъ своего міровоззрѣнія и были предшественниками Александра фонъ Гумбольдта, самаго могучаго по таланту представителя „вѣка естествознанія“.

Въ стремленіи бернскаго ученаго Карла Людовика фонъ-Галлера къ возстановленію феодальныхъ порядковъ среднихъ вѣковъ кроется что-то сродное съ духомъ Священнаго Союза. Этотъ фанатикъ реакціи ополчился противъ „Общественнаго договора“ (Contrat social) Руссо и противъ Канта; отношенія, существующія между подданнымъ и правительствомъ, Галлеръ не отличалъ отъ частно-правовыхъ, государство онъ считалъ собственностью царствующей династіи, называлъ конституціонныя стремленія болѣзнью вѣка и утверждалъ, что присяга на вѣрность конституціи не имѣетъ обязательной силы для государя. По примѣру прусскаго писателя Адама Г. Мюллера, который былъ противникомъ теоріи Адама Смита, Галлеръ былъ усерднымъ поклонникомъ традиціи прошлыхъ вѣковъ и отвергалъ безъ разсужденій всѣ нововведенія, которыя явились послѣдствіемъ французской революціи. Главный трудъ Галлера „Реставрація науки о государствѣ“ (выш. въ свѣтъ въ 1816 — 1820 годахъ) былъ отраженіемъ средневѣковыхъ идей и характернымъ продуктомъ эпохи реставраціи; это сочиненіе можно назвать катехизисомъ реакціи. Остроумный Іосифъ Гёрресъ очнулся отъ чада революціи и тоже сталъ мечтать о новомъ міровомъ строѣ, непохожемъ на все окружавшее его; онъ бредилъ величіемъ средневѣковыхъ германскихъ императоровъ, окруженныхъ своими ленными

князьями, и мечталъ напрасно о сочетаніи современныхъ условій общественной жизни съ романтизмомъ тѣхъ вѣковъ, когда католическая церковь пользовалась первенствующимъ вліяніемъ въ Европѣ.

Во Франціи на литературное поприще выступилъ графъ Жозефъ де Мэстръ, правовѣрный католикъ изъ Савойи; его символъ вѣры заключался въ томъ, что только при посредничествѣ Рима можетъ снова возродиться міръ, разрушенный до основанія революціей и что одинъ только папа имѣетъ законное притязаніе на всемірное господство; его сочиненіе „О папѣ“ (Du pape) вышло въ свѣтъ въ 1819 году. Главнымъ противникомъ его былъ Бенжаменъ Констанъ, который былъ первымъ піонеромъ въ разработкѣ теоретическаго ученія о конституціи, какъ отдѣла науки о государствѣ. Бенжаменъ Констанъ выросъ подъ вліяніемъ идей Шиллера, Канта и Іоанна Мюллера, былъ горячимъ приверженцемъ индивидуальной свободы и рѣзкимъ противникомъ неограниченной власти правительства, особенно во всемъ томъ, что касается религіозныхъ убѣжденій и духовныхъ интересовъ. Конституціонные взгляды Констана отмѣчаютъ собою тотъ путь, который лежитъ между „Добавочнымъ актомъ“ ста дней (Acte Additionnel) (см. стр. 100) и буржуазнымъ королевствомъ Луи Филиппа.

Болѣе радикальныхъ взглядовъ, чѣмъ Констанъ, держался К. В. фонъ Роттекъ, который пытался вытѣснить обратно историческое право и возстановить престижъ разумнаго права. Онъ придерживался общественныхъ теорій Руссо; его неосновательная и преувеличенно либеральная „Всеобщая исторія“ (изд. въ 1813 — 1827 гг.) получила громадное распространеніе. Обобщенія Роттека не соотвѣтствовали дѣйствительнымъ условіямъ жизни; но при всемъ томъ онъ высказалъ рядъ замѣчательныхъ мыслей, и рѣзкіе нападки его противъ сословныхъ привилегій способствовали общественному прогрессу; въ то же время онъ былъ противникомъ всеобщаго права голоса и отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ нелѣпости подобнаго требованія. Единомышленникомъ Роттека былъ его другъ Карлъ Теодоръ Велькеръ; послѣдній не обладалъ способностью формулировать свои идеи съ такой силой, какъ его другъ, но зато отличался болѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ; оба они были главными представителями южно-германскаго теоретическаго либерализма; Велькеръ былъ главнымъ сотрудникомъ выходившаго подъ общей ихъ редакціей „Государственнаго словаря“ (отъ 1834 до 1894 г.). Фридрихъ Христофъ Дальманъ отличался необыкновеннымъ благородствомъ характера; въ 1815 году онъ произнесъ рѣчь по поводу сраженія при Ватерлоо, которая состояла не изъ однихъ только теоретическихъ поученій; онъ пытался также дать практическіе политическіе совѣты и проповѣдывалъ, что настала пора серьезно потрудиться надъ политическимъ возрожденіемъ Германіи; по своимъ убѣжденіямъ онъ былъ сторонникомъ единенія между наукой и жизнью, чувствовалъ подъ собой твердую почву какъ на каѳедрѣ, такъ и на трибунѣ, и былъ въ одно и то же время историческимъ писателемъ и государственнымъ дѣятелемъ. Онъ былъ приверженцемъ монархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ пылкимъ поклонникомъ конституціонныхъ народныхъ правъ; его идеаломъ была англійская конституція, которую онъ мечталъ пересадить на материкъ Европы. Итакъ въ эпоху реставраціи тоже происходила острая борьба между политическими теченіями.

Романтическая поэзія расцвѣла съ особенной пышностью въ Германіи: стоитъ только вспомнить о братьяхъ Шлегеляхъ, Брентано, Арнимѣ, Шамиссо, Новалисѣ, Фукэ, Тикѣ для того, чтобы получить ясное представленіе о духѣ этой поэзіи. Самымъ блестящимъ образцомъ романтической музыки была опера К. М. фонъ Вебера „Волшебный стрѣлокъ“. Душою живописи романтической эпохи были Петръ Корнеліусъ и Фридрихъ Овербекъ; братья Сульпицій и Мельхіоръ Буассерэ собрали въ Кёльнѣ, Гейдельбергѣ и Мюнхенѣ богатую коллекцію картинъ старинныхъ германскихъ

живописцевъ. Въ архитектурѣ этой эпохи преобладалъ готическій стиль. Фридрихъ Шлегель впервые возбудилъ въ тогдашнемъ обществѣ интересъ къ древнегерманскому искусству на ряду съ античнымъ; вмѣстѣ съ Гете онъ указалъ на значеніе обоихъ ванъ Эйковъ (т. VII, стр. 169) для позднѣйшихъ эпохъ; Гете можетъ быть названъ даже отцомъ исторіи искусствъ. Тѣ художники и поэты, которые отличались яснымъ образомъ мыслей, не увлекались односторонне возвышенными интересами искусства и не забывали о требованіяхъ дѣйствительной жизни; они относились съ глубокимъ интересомъ къ благу своего отечества. Корнеліусъ былъ убѣжденъ въ томъ, что „Богъ хочетъ воспользоваться всѣми драгоцѣнными зачатками, которые кроются въ германскомъ народѣ“, и что Германія послужитъ центромъ, откуда распространится по всей землѣ новое царство, въ которомъ проявится божественная мощь и божественное величіе. Единомышленникомъ Корнеліуса былъ его покровитель баварскій король Людовикъ I; они взаимно дополняли другъ друга и не могли обходиться одинъ безъ другого. Людвигъ Уландъ ожидалъ великихъ событій: „наши надежды озарились теперь новымъ свѣтомъ; то перо, которое должно начертать будущую исторію Германіи, замерло въ нетерпѣливомъ ожиданіи“. Романтики были сначала восторженными поклонниками Гете; но они развѣнчали его, какъ только сами дошли до рѣзкихъ крайностей; они часто блуждали въ дебряхъ мистики и приносили оттуда невразумительныя апокалиптическія стихотворенія.

Не въ одной только Германіи романтики чувствовали себя, какъ дома: прочія европейскія страны тоже заплатили свою дань романтизму. Въ скандинавской поэзіи тоже чувствовалось слабое романтическое вѣяніе, но она всетаки избавилась отъ рѣзкаго болѣзненнаго привкуса, свойственнаго романтизму. Въ англійской литературѣ задавали тонъ Робертъ Бёрнсъ и могучій талантъ Вальтера Скотта, передъ которымъ преклонялись одинаково какъ соотечественники, такъ и иностранцы. Величайшимъ изъ французскихъ романтическихъ писателей былъ Франсуа Ренэ Шатобріанъ: онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ легитимизма, но, какъ политическій дѣятель, считался слишкомъ свободомыслящимъ въ средѣ легитимистовъ. Романтическіе писатели Алессандро Манцони и Сильвіо Пеллико считались вполнѣ основательно славою и гордостью Италіи. Въ Россіи арзамасскій кружокъ романтическихъ писателей велъ побѣдоносную борьбу съ французскимъ классицизмомъ, представителемъ котораго былъ Г. Р. Державинъ.

Римская теократія достигла громадныхъ успѣховъ благодаря содѣйствію романтическихъ писателей, пользовавшихся необычайной благосклонностью римской церкви. Послѣ Вѣнскаго конгресса была возстановлена Церковная Область, и католическая церковь выступила со свѣжими силами на борьбу съ революціей. Папа Пій VII чувствовалъ себя побѣдителемъ своего бывшаго тюремщика, который томился въ заточеніи на островѣ Св. Елены; кстати слѣдуетъ сказать, что папа былъ единственнымъ изъ европейскихъ государей, который старался облегчить участь Наполеона. 7 августа 1814 г. Пій обнародовалъ буллу „Sollicitudo omnium“, посредствомъ которой былъ возстановленъ орденъ іезуитовъ; папа содѣйствовалъ также возстановленію инквизиціи въ Испаніи въ царствованіе Фердинанда VII. Множество людей переходило въ католицизмъ, такъ какъ цѣлые милліоны европейцевъ считали католическую церковь единственной защитой противъ гидры революціи (срав. т. VII, стр. 365); назовемъ хотя бы только Фридриха Шлегеля, графа Фридриха Леопольда Штальберга, Адама Мюллера, Карла Людвига фонъ Галлера, не говоря уже о многочисленныхъ случаяхъ перехода въ католицизмъ въ высшихъ сферахъ Англіи и Россіи.

Какимъ гордымъ языкомъ заговорилъ соотечественникъ Шатобріана бретонскій аббатъ Г. Феликсъ Робертъ де Ламеннэ! Онъ первый воспользовался періодической печатью для пропаганды ультрамонтанскихъ идей.

боролся противъ религіознаго индифферентизма и утверждалъ, что время безсильно противъ католической церкви; вмѣстѣ съ де-Мэстромъ онъ доказывалъ, что признаніе верховныхъ правъ папы влечетъ за собою признаніе его непогрѣшимости. Ламеннэ популяризировалъ идеи Де Мэстра и выводилъ изъ нихъ такое заключеніе, что непогрѣшимый папа есть воплощеніе всемірнаго разума и что поэтому всѣ обязаны безпрекословно повиноваться ему; онъ пропагандировалъ, что школа должна быть передана въ руки духовенства и что общественная совѣсть должна быть отдана подъ надзоръ іезуитовъ.

Виконтъ Л. Г. А. де Бональ и де Мэстръ, которые питали непримиримую вражду ко всѣмъ конституціоннымъ новшествамъ новой эпохи, считали Римъ оплотомъ противъ революціи и противъ безвѣрія и мечтали о возвратѣ къ среднимъ вѣкамъ и къ всемогуществу римской церкви, превозносили до небесъ аббата Ламеннэ. Альфонсъ Пра де Ламартинъ и Шатобріанъ преклонялись передъ этимъ рѣдкимъ человѣкомъ, который былъ такимъ же сильнымъ ораторомъ, какъ и писателемъ, умѣлъ дѣйствовать на массы и проповѣдывалъ, что для погибшаго европейскаго общества есть только одинъ путь къ спасенію,—смиренное обращеніе къ авторитету папы и слѣпое повиновеніе католической церкви.

Заключительный актъ Вѣнскаго конгресса, который измѣнилъ радикально политическій строй Европы, не имѣлъ ничего общаго съ романтическими увлеченіями, а былъ исключительно результатомъ политики практическихъ выгодъ. Члены конгресса не обращали никакого вниманія на національныя стремленія; по Наполеоновскому шаблону они дѣлили между собою европейскіе народы, какъ стада овецъ, и создавали искусственныя конфигураціи, которыя противорѣчили естественному тяготѣнію народныхъ массъ; только Священный Союзъ воспринялъ крупицу романтизма.

Меттернихъ, который былъ руководителемъ европейской политики, и его вѣрный оруженосецъ Фридрихъ фонъ Генцъ были далеки отъ романтизма; но, тѣмъ не менѣе, австрійскій министръ охотно пользовался тѣми романтическими писателями, которые предлагали ему добровольно свои услуги, какъ, напримѣръ, Адамомъ Мюллеромъ и Фридрихомъ фонъ Шлегелемъ, какъ полезнымъ орудіемъ для борьбы противъ современныхъ либеральныхъ требованій и ненавистнаго ему „конституціоннаго безумія"; онъ твердо рѣшился предохранить свою Австрію отъ этой болѣзни. Меттернихъ былъ убѣжденъ, что перекроенная заново посредствомъ Вѣнскаго заключительнаго акта политическая система Европы покоится на незыблемомъ фундаментѣ и служитъ прочной гарантіей международнаго мира и надежной охраной владѣній каждаго изъ европейскихъ государствъ въ отдѣльности. Онъ ставилъ себѣ задачей во что бы то ни стало защищать и поддерживать существующіе порядки и относился съ недоброжелательствомъ и съ подозрѣніемъ къ тѣмъ народамъ, которые въ свое время приняли существенное участіе въ войнѣ съ Наполеономъ, но теперь, послѣ его паденія, стали выражать болѣе или менѣе бурные протесты съ требованіемъ правъ, вольностей, уступокъ; онъ старался отдѣлаться отъ нихъ красивыми словами, но они спустя короткое время опять принимались за свое, и онъ не зналъ, какъ избавиться отъ нихъ. Онъ вновь упрочилъ старинную дружбу, существовавшую между Австрійской имперіей и Великобританіей; Кэсльри и Веллингтонъ были вѣрными почитателями и поклонниками политической премудрости австрійскаго государственнаго канцлера.

Б. Европейскія державы.

1) Великобританія.

Каково же было положеніе дѣлъ въ Великобританіи, этомъ прославленномъ источникѣ конституціонной свободы? Уильямъ Питтъ младшій

(род. въ 1758 г., сконч. въ 1806 г.) не переставалъ хлопотать о томъ, чтобы Англія отправляла въ нужномъ количествѣ оружіе, солдатъ и денежныя субсидіи для войны съ революціей и съ Наполеономъ; послѣ смерти Питта мечъ Альбіона не былъ вложенъ въ ножны до тѣхъ поръ, пока не пробилъ послѣдній часъ Наполеона подъ Ватерлоо; великобританскій флагъ развѣвался на всѣхъ моряхъ (срав. т. VI). Флоты всѣхъ державъ были уничтожены англичанами; никто не оспаривалъ у нихъ господства на морѣ. Великобританія расширила свои владѣнія въ Вестъ-Индіи, привела въ цвѣтущее состояніе Канаду, жители которой однако еще не успѣли отвыкнуть отъ своей старинной преданности къ Франціи, пріобрѣла новыя владѣнія въ Африкѣ и управляла при посредствѣ Остъ-Индской компаніи громадной имперіей, которая въ нѣсколько разъ превосходила свою метрополію по своему пространству и по своему народонаселенію. Султанъ Майссурскій Типпу-Саибъ, осторожный политикъ и предусмотрительный полководецъ, былъ наконецъ побѣжденъ англичанами, а лѣтъ двадцать спустя Фрэнсисъ Роудонъ маркизъ Гастингсъ сломилъ могущество Магараттовъ (въ 1818 г.); почти всѣ государства Индостана, не исключая имперіи Великаго Могола съ городомъ Дели, лишились своей независимости. Послѣ несчастной для нея войны 1826 года Бирма уступила Англіи всѣ свои приморскія владѣнія; англичане пытались присоединить также и Афганистанъ къ сферѣ англійскихъ интересовъ, вслѣдствіе чего возникли осложненія между Великобританіей и Россіей. Громадныя сокровища вывозились изъ Индіи въ Англію; торговля съ Индіей достигла негаданныхъ размѣровъ. Джемсъ Кукъ и другіе отважные мореплаватели открыли новыя группы острововъ, которыя вошли въ сферу англійской торговли. По второму парижскому мирному договору Капская земля и Цейлонъ были признаны владѣніями Великобританіи; она завладѣла Гибралтаромъ и Мальтой и пріобрѣла такимъ образомъ господство надъ проливомъ, расположеннымъ между Европой и Африкой, и надъ морскимъ путемъ, посредствомъ котораго западная часть Средиземнаго моря сообщается съ восточной. „Соединенное государство семи Іоническихъ острововъ“ состояло подъ британскимъ протекторатомъ; въ этомъ государствѣ была введена новая конституція, по которой британскому верховному комиссару была предоставлена преобладающая власть; благодаря этому населеніе стало относиться къ англичанамъ съ ненавистью, хотя оно много выгадало отъ упроченія административныхъ порядковъ.

Благодаря цѣлому ряду великихъ изобрѣтеній англичане, по выраженію Альфреда Стерна, пріобрѣли фактическую монополію на производство шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ тканей. Джемсъ Уаттъ изобрѣлъ паровую машину. Генри Белль спустилъ на рѣку Клайдъ первый пароходъ; наряду съ быстрымъ ростомъ промышленности торговля тоже стала развиваться въ необычайныхъ размѣрахъ. Великобританія господствовала на міровомъ рынкѣ, въ ея рукахъ сосредоточилась почти вся морская торговля. Въ періодъ времени между 1801 — 1810 годами общая стоимость ежегоднаго вывоза достигала почти 41 милліона фунтовъ стерлинговъ; континентальная система Наполеона не имѣла никакихъ гибельныхъ послѣдствій для британской торговли, а послѣ уничтоженія этой системы вывозъ изъ Англіи сталъ расти съ каждымъ годомъ. Главнымъ изъ неблагопріятныхъ послѣдствій многолѣтней сухопутной и морской войны былъ необычайный ростъ государственнаго долга: въ 1817 году государственный долгъ Великобританіи достигъ суммы въ 850 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; для покрытія процентовъ пришлось прибѣгнуть къ весьма чувствительному повышенію налоговъ.

Томасъ Кларксонъ, Уильямъ Питтъ младшій и Уильямъ Уильберфорсъ боролись въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій противъ торговли неграми; наконецъ, 1 января 1808 года при министерствѣ Гренвиля была отмѣнена

торговля невольниками въ предѣлахъ непосредственныхъ владѣній Великобританіи. Это не удовлетворило Уильберфорса, который стремился къ искорененію невольничества во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Онъ обращался къ Александру I, къ Фридриху Вильгельму III и къ Талейрану; благодаря этому послѣднему и Кэслри Уильберфорсу удалось добиться успѣха. — Франція, Испанія и Португалія обязались на Вѣнскомъ конгрессѣ запретить торговлю невольниками въ своихъ владѣніяхъ. Въ 1823 году Уильберфорсъ былъ избранъ вице-президентомъ общества для борьбы противъ невольничества, а Кларксонъ президентомъ того же общества. Франція, Испанія и Португалія отказались отъ торговли невольниками согласно принятому ими на себя обязательству; ихъ примѣру послѣдовала Бразилія. Уильберфорсъ и его ученикъ Томасъ Фоуэль Бэкстонъ не складывали оружія до тѣхъ поръ, пока позорная торговля рабами не была прекращена также и въ британскихъ колоніяхъ и пока не былъ обнародованъ соотвѣтствующій „эмансипаціонный билль“ при министерствѣ графа Чарльза Грея; для возмѣщенія убытковъ, понесенныхъ работорговцами вслѣдствіе этого закона, парламентъ отпустилъ свыше 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Гуманность одержала блестящую побѣду. Въ своей рѣчи по поводу побѣды при Ватерлоо (въ 1815 г.) Дальманъ назвалъ Великобританское королевство „единственной сторожевой башней свободы, которая уцѣлѣла среди всеобщаго потопа“, Великобританія стояла впереди всѣхъ европейскихъ государствъ и служила предметомъ всеобщаго удивленія, какъ еще задолго передъ тѣмъ Монтескье слѣпо преклонялся предъ ней.

Тѣмъ не менѣе въ англійской конституціи было немало темныхъ сторонъ (см. т. VII, стр. 411 и 418). Политическими правами пользовалась исключительно землевладѣльческая аристократія, въ рукахъ которой сосредоточивалось то самоуправленіе, которое составляло гордость англійскаго народа (Self-goverment); преобладаніе аристократіи давало себя чувствовать даже въ городскомъ мѣстномъ самоуправленіи. Она задавала тонъ въ арміи и въ англиканской церкви; несмотря на свое право участія въ выборахъ средніе классы находились въ полной зависимости отъ аристократіи. Англійская аристократія была сильна и жизнеспособна благодаря такимъ плодотворнымъ учрежденіямъ, какъ майоратъ, нераздѣльность и неотчуждаемость семейныхъ имуществъ, благодаря этимъ учрежденіямъ она избѣгла той раздробленности, безсилія и бѣдности, которыми страдало германское дворянство, и осталось однимъ изъ главныхъ столповъ британской конституціи. Англійскіе лорды владѣли почти $^4/_5$ всей приносящей доходъ земельной собственности Соединеннаго королевства; пользуясь обнищаніемъ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, они скупали ихъ земельные участки, замѣняли собственниковъ земледѣльцевъ срочными арендаторами и стремились къ крайнему повышенію арендной платы за землю; въ Соединенномъ королевствѣ водворилось крупное землевладѣніе, а среднее и мелкое замлевладѣніе быстро пошли на убыль.

Палата лордовъ, само собою разумѣется, всегда защищала интересы аристократіи, которая пользовалась также всевозрастающимъ вліяніемъ и въ нижней палатѣ. Такіе быстрорастущіе города, какъ Бирмингамъ и Манчестеръ, не имѣли своихъ представителей въ нижней палатѣ, въ то время, какъ длинный рядъ ничтожныхъ „гнилыхъ мѣстечекъ“ (rotten boroughs) посылалъ своихъ депутатовъ въ парламентъ, причемъ голоса избирателей, можно сказать, продавались съ аукціона. Давно уже указывали на всю возмутительность подобнаго порядка вещей; самъ Уильямъ Питтъ, графъ Чатамъ, который участвовалъ въ одной сессіи парламента въ качествѣ представителя одного изъ „гнилыхъ мѣстечекъ“, выражался весьма неодобрительно о существующемъ распредѣленіи депутатскихъ полномочій; но въ концѣ концовъ какъ онъ, такъ и его сынъ, примирились съ существующимъ порядкомъ. Хотя ростъ промышленности сильно поднялъ зна-

ченіе средняго сословія въ англійскомъ обществѣ, тѣмъ не менѣе оно пользовалось совершенно недостаточнымъ числомъ мѣстъ въ парламентѣ. Земледѣльческое населеніе уходило въ промышленные центры; вслѣдствіе этого земледѣліе шло къ упадку. Машинное фабричное производство товаровъ убило домашнюю промышленность, рабочіе подвергались самой беззастѣнчивой эксплуатаціи со стороны крупныхъ промышленниковъ. Для защиты рабочихъ Робертъ Оуэнъ (см. т. VII, стр. 398) устроилъ кооперативную льнопрядильную фабрику въ Нью-Ланаркѣ, на которой условія жизни оказались весьма благопріятными для рабочихъ; тѣмъ не менѣе примѣръ Оуэна почти не имѣлъ подражателей, его самого стали обвинять въ злоупотребленіяхъ, и въ концѣ концовъ для рабочей массы хлѣбъ не сталъ ни дешевле, ни лучше. Землевладѣльцы старались поднять хлѣбныя цѣны и добились у парламента запретительныхъ законовъ противъ ввоза иностраннаго зерна. Хлѣбныя цѣны поднялись до необыкновенной высоты, а когда онѣ опять стали падать, то парламентъ ввелъ въ 1815 году, въ угоду крупнымъ землевладѣльцамъ, высокія ввозныя пошлины на пшеницу, рожь и ячмень. Оуэнъ ратовалъ также за введеніе государственной системы всеобщаго начальнаго обученія, но не добился никакого результата; вмѣсто этого получила значительное распространеніе метода Белля Ланкастера, которой сочувствовалъ также и Оуэнъ. Что касается начальнаго обученія и призрѣнія, то хуже всего обстояло дѣло въ Ирландіи. Чтобы облегчить хоть сколько нибудь свое ужасное положеніе, родители посылали своихъ дѣтей на фабрики, гдѣ ихъ безжалостно эксплуатировали съ самыхъ юныхъ лѣтъ (срав. т. VII, стр. 396); напрасными оказались всѣ хлопоты Оуэна объ изданіи закона для защиты рабочихъ (тамъ же, стр. 410). Само собою разумѣется, что благодаря такимъ злоупотребленіямъ значительно возрасло число преступниковъ; положеніе арестованныхъ въ тогдашнихъ тюрьмахъ не поддается никакому описанію.

Главнымъ противникомъ злоупотребленій и недостатковъ, существовавшихъ въ англійскомъ государственномъ строѣ, выступилъ Іеремія **Бентамъ**. Онъ трудился усердно надъ разработкой разумной реформы законодательства и требовалъ радикальной реформы парламентскаго строя, чѣмъ возбудилъ противъ себя торіевъ. Онъ боролся съ безпощадной послѣдовательностью противъ общественныхъ предразсудковъ, исходя изъ основанной имъ утилитарной философіи; его идеи были встрѣчены во Франціи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ въ самой Англіи. Съ гораздо болѣе рѣзкимъ протестомъ выступилъ Вильямъ **Коббеттъ**.

Онъ былъ сначала торіемъ, но потомъ измѣнилъ своей партіи, велъ самую крайнюю пропаганду въ своей газетѣ „The Weekly Register", но тѣмъ не менѣе никогда не былъ истиннымъ другомъ народныхъ массъ. Революціонные проекты реформъ Коббетта не произвели никакого впечатлѣнія на парламентъ, но за то онъ имѣлъ громадный успѣхъ на митингахъ и сталъ вожакомъ демократической партіи. Онъ подстрекалъ народныя массы противъ правительства, на которое онъ сваливалъ всю вину за ихъ нищету, возстановилъ популярность гемпденовскихъ и „союзныхъ" клубовъ и оказалъ даже нѣкоторое воздѣйствіе на настроеніе обывателей Лондонскаго Сити. Въ Лондонѣ вспыхнули безпорядки; стали ходить слухи о тайныхъ союзахъ; въ 1817 году правительство временно пріостановило дѣйствіе акта Habeas Corpus, прибѣгло къ исключительнымъ мѣрамъ, ограничило свободу печати и разогнало демонстрантовъ при помощи военной силы; благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ въ народѣ, само собою разумѣется, еще болѣе усилилась ненависть къ правительству. Во внѣшнихъ дѣлахъ британское правительство дѣйствовало солидарно съ Австріей и относилось съ особеннымъ недовѣріемъ къ Россіи; русскій императоръ носился съ мыслью о крестовомъ походѣ противъ дерзкихъ пиратовъ, которые свили себѣ

гнѣздо въ Варварійскихъ государствахъ и для преслѣдованія которыхъ Англія снарядила въ 1816 г. особую экспедицію, и противъ турецкаго султана; русская дипломатія усердно работала въ этомъ направленіи. Императоръ Александръ I былъ единственнымъ изъ европейскихъ монарховъ, армія котораго оказалась неразстроенной послѣ окончанія войны съ Наполеономъ; мало-ли какіе планы могутъ скрываться у него, думали англійскіе дипломаты; можетъ быть, онъ собирается прибрать къ своимъ рукамъ ту добычу на Востокѣ, которая была обѣщана ему Наполеономъ въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ.

Въ это время началъ свою блестящую парламентскую карьеру Робертъ Пиль, принадлежавшій къ партіи торіевъ. Онъ былъ ярымъ противникомъ эмансипаціи католиковъ; съ 1812 по 1818 г., состоя въ должности статсъ-секретаря по дѣламъ Ирландіи, онъ заботился объ улучшеніи административныхъ порядковъ и распространеніи здраваго просвѣщенія; благодаря его вліянію въ парламентѣ былъ проведенъ Cash Payment's Act (законъ объ уплатѣ звонкой монетой), благодаря которому было возстановлено металлическое обращеніе вмѣсто бумажнаго; британское правительство старалось поправить свои финансы посредствомъ новыхъ налоговъ, которые ложились частью на предметы первой необходимости. Всеобщее недовольство народа выразилось въ августѣ 1819 г. организованнымъ протестомъ: массы народа двинулись изъ Манчестера на „поле святого Петра", гдѣ былъ устроенъ митингъ и произносились зажигательныя рѣчи; но гусары и констэбли разсѣяли толпу и разогнали ораторовъ. Этотъ инцидентъ, во время котораго было много убитыхъ и раненыхъ, послужилъ для оппозиціи и въ особенности для радикаловъ подходящимъ поводомъ для обвиненія правительства въ беззаконіи и варварствѣ, и по всей странѣ стали раздаваться крики негодованія. Правительство отвѣтило на это принудительными мѣрами, ссылаясь на необходимость предупредить революцію и усмирить пролетаріатъ; статсъ-секретарь по внутреннимъ дѣламъ Генри Эддингтонъ виконтъ Сидмаутъ вмѣстѣ съ Кэсльри, Гренвиллемъ и другими выступили защитниками шести „законовъ для запечатыванія ртовъ", изданныхъ въ 1819 г., посредствомъ которыхъ исполнительной власти были предоставлены чрезвычайно широкія полномочія.

29-го января 1820 года кончилось 60-лѣтнее царствованіе Георга III, который уже давно страдалъ душевною болѣзнью. Георгъ III былъ человѣкъ неповоротливаго ума и съ весьма посредственными способностями. Къ людямъ съ выдающимися талантами, какъ, напримѣръ, къ обоимъ Питтамъ, онъ относился съ ревнивымъ недовѣріемъ; несмотря на недостатокъ природныхъ способностей, онъ хотѣлъ управлять государствомъ по собственному усмотрѣнію наперекоръ конституціи своей страны. Онъ былъ первымъ королемъ династіи Вельфовъ, который родился въ Англіи, и по своему образу мыслей и образу дѣйствій былъ гораздо болѣе истымъ британцемъ, чѣмъ оба его непосредственныхъ предшественника; при немъ Ганноверъ снизошелъ до роли второстепеннаго придатка Британской Имперіи, въ то время какъ Георгъ I и Георгъ II оказывали своей германской родинѣ предпочтеніе предъ Великобританіей. Въ своемъ безмѣрномъ ослѣпленіи упрямый Георгъ лишился своихъ американскихъ колоній и вмѣстѣ съ лордомъ Фредерикомъ Нортомъ объявилъ своихъ американскихъ подданныхъ бунтовщиками и измѣнниками; онъ потерялъ цѣлый міръ изъ-за того только, что не хотѣлъ взять обратно своихъ безтолковыхъ распоряженій (см. т. I, стр. 482); „Въ теченіе одного этого похода англійская корона лишилась большихъ владѣній, чѣмъ тѣ, которыя завоевалъ Александръ Великій за всю свою жизнь". Неоднократныя покушенія на жизнь Георга III доказывали, какъ недружелюбно относился къ нему англійскій народъ, и напрасно пытался онъ преградить всерастущій потокъ народныхъ стремленій при помощи своихъ придворныхъ. Онъ ни за что не допускалъ и

мысли объ эмансипаціи католиковъ: онъ былъ до такой степени набоженъ, что, какъ выразился о немъ еще его дѣдъ, читать своей матери Библію— это единственное подходящее для него занятіе. Георгъ III твердилъ, что онъ лучше будетъ жить въ хижинѣ или дастъ себя казнить, чѣмъ нарушитъ свою клятву и позабудетъ, что онъ протестантскій король.

Преемникъ Георга III, Георгъ IV, который уже съ 1811 года состоялъ принцемъ регентомъ, велъ вполнѣ свѣтскій образъ жизни, но по отношенію къ католикамъ держался такого же образа дѣйствій, какъ и его отецъ, и тоже напиралъ на то, что онъ протестантскій король. Такъ какъ его единственная дочь Шарлотта, бывшая замужемъ за Леопольдомъ Саксенъ-Кобургскимъ, скончалась въ молодыхъ лѣтахъ еще въ 1817 году, то наслѣдникомъ великобританскаго престола былъ объявленъ братъ короля Вильгельмъ, герцогъ Кларенскій, который тоже не имѣлъ дѣтей въ законномъ бракѣ. Георгъ IV былъ легкомысленнымъ любителемъ удовольствій, вѣчно гонялся за любовными приключеніями, влѣзъ въ долги по уши и жилъ въ открытой враждѣ съ своей непредусмотрительной супругой Каролиной Брауншвейгской; съ своимъ отцомъ онъ тоже былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ. Онъ былъ также весьма непопуляренъ, не обладалъ никакими ни военными, ни политическими способностями и началъ свое царствованіе наглымъ процессомъ противъ королевы, за который онъ былъ осужденъ какъ англійскимъ народомъ, такъ и всѣмъ міромъ. Краснорѣчивый адвокатъ королевы Каролины, который защищалъ ея интересы „въ этой развратной королевской комедіи", баронъ Генри Петерсъ Броугамъ одержалъ блестящую побѣду надъ премьеромъ Чарльзомъ Дженкисономъ, графомъ Ливерпулемъ, ближайшимъ совѣтникомъ Георга; но несчастная королева, лишенная права коронованія, скончалась вскорѣ послѣ этого отъ горя (въ 1821 г.). Революціонныя движенія, вспыхнувшія въ Англіи и въ Шотландіи, были быстро подавлены; заговоръ на жизнь всѣхъ министровъ, составленный Тистльвудомъ въ улицѣ Като, былъ своевременно открытъ въ февралѣ 1820 года, и виновные понесли наказаніе. Въ 1821 году Георгъ IV посѣтилъ Ирландію и Шотландію; ни одинъ изъ трехъ предшественниковъ его не оказалъ подобной чести этимъ частямъ Соединеннаго Королевства, поэтому король былъ встрѣченъ съ безмѣрнымъ восторгомъ; казалось, что королевская власть въ Англіи никогда еще не была такъ упрочена, какъ при Георгѣ IV.

б) Австрія.

Австрійское государство было сильно расшатано войнами революціонной эпохи и Наполеона, но на Вѣнскомъ конгрессѣ его владѣнія были снова округлены. Во внутреннихъ дѣлахъ Францъ I и Меттернихъ охраняли всѣми силами старыя традиціи; власть правительства была неограничена, привилегированнымъ сословіямъ оказывалось всяческое покровительство.

По самой натурѣ своей императоръ **Францъ** былъ упорнымъ поклонникомъ старины, консервативной рутины и неограниченнаго самодержавія; всякая кѣмъ бы то ни было высказанная мысль, которая отступала отъ буквы его приказаній, вырастала въ его глазахъ въ грозную опасность для государственныхъ основъ; всякое нововведеніе пугало его заранѣе. Изъ своего кабинета онъ рѣшалъ судьбу своего народа. Онъ любилъ объѣзжать свои владѣнія и тѣшился тѣми оваціями, которыя устраивались ему его вѣрноподданными; всякое выраженіе народнаго расположенія доставляло ему необычайную радость; онъ обладалъ острой наблюдательностью и неутомимымъ прилежаніемъ, но былъ неспособенъ къ независимому сужденію, да и Меттернихъ тоже не отличался особенной оригинальностью ума. Императоръ Францъ пользовался своей неограниченной властью, главнымъ образомъ, для отрицательныхъ цѣлей, то есть для подавленія чужихъ идей, а не для проведенія своихъ собственныхъ. Кто былъ у него

на службѣ, тотъ долженъ былъ слѣпо повиноваться ему, а между тѣмъ за недостаткомъ силы воли и таланта онъ самъ тоже былъ неспособенъ къ энергической дѣятельности; всѣ помыслы его сосредоточивались на второстепенныхъ канцелярскихъ тонкостяхъ. Какъ и Фридрихъ Вильгельмъ III, онъ ненавидѣлъ людей съ самостоятельнымъ характеромъ и независимымъ образомъ мыслей; даже къ своимъ братьямъ, Карлу и Іоанну, онъ относился, благодаря этому, съ незаслуженнымъ недовѣріемъ; изъ всѣхъ членовъ его собственной семьи онъ относился съ симпатіей только къ младшему своему брату Людвигу, который былъ человѣкомъ ограниченнымъ и слабохарактернымъ. Зато Францъ усердно заботился о распространеніи благотворительныхъ учрежденій и объ урегулированіи судебныхъ порядковъ: въ 1811 году онъ обнародовалъ „общее гражданское уложеніе“ и разрѣшилъ такимъ образомъ задачу, оставленную ему Маріей Терезіей и Іосифомъ II. Главнымъ недостаткомъ Франца была его педантичная мелочность, которая суживала его кругозоръ, а его частое вмѣшательство въ дѣла государственнаго совѣта вносило въ нихъ путаницу.

Что Австрія заняла первое мѣсто въ Европѣ,—этимъ Францъ былъ обязанъ Меттерниху; поэтому императоръ весьма охотно предоставилъ послѣднему руководство иностранной политикой, самъ же онъ интересовался, вообще говоря, исключительно внутренними дѣлами. Меттернихъ былъ средоточіемъ европейской политики; но онъ былъ только дипломатомъ, а не государственнымъ дѣятелемъ въ родѣ Кауница и Феликса Шварценберга: о будущихъ судьбахъ Австрійской имперіи онъ нисколько не задумывался и ставилъ себѣ только одну задачу—задержать какъ можно крѣпче колесо прогресса, водворить всеобщій застой и мирно править государствомъ въ обществѣ своего вѣрнаго оруженосца Генца. Полиція оказывала дѣятельное содѣйствіе къ тому, чтобы все шло по указанному политическому рецепту, и преслѣдовала всякое независимое сужденіе, какъ улику въ подрываніи основъ. Австрія была полицейскимъ государствомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Правительство содержало цѣлую армію шпіоновъ и доносчиковъ, почтовое вѣдомство безцеремонно нарушало тайну частной переписки, добровольные и наемные блюстители выслѣживали профессоровъ и студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній; даже такіе благонадежные вѣрноподданые, какъ Францъ Грильпарцеръ и баронъ Іосифъ Христіанъ фонъ Цедлицъ, имѣли столкновенія съ полицейскими шпіонами. Цензура дѣйствовала съ безграничной нетерпимостью. Надъ всѣми учебными заведеніями, начиная отъ университета и кончая народной школой, тяготѣлъ гнетъ правительственной опеки и безмѣрной подозрительности власть имущихъ. Какъ въ школѣ, такъ и въ церкви господствовалъ застой.

Въ коронныхъ владѣніяхъ какъ вновь пріобрѣтенныхъ, такъ и въ отобранныхъ у Австріи Наполеономъ и вновь возвращенныхъ ей Вѣнскимъ конгрессомъ, провинціальные сеймы не имѣли никакого фактическаго значенія и собирались только для соблюденія формальности: населеніе этихъ областей по большей части безропотно мирилось съ подобными порядками. Однако въ Венгріи дѣла обстояли не такъ благополучно: съ тѣхъ поръ какъ Марія Терезія вынуждена была тяжелыми обстоятельствами признать политическую автономію Венгріи, венгерцы больше не хотѣли допустить, чтобы ихъ отечество спустилось съ такой высоты до безправнаго уровня остальныхъ коронныхъ земель, а эрцъ-герцогъ палатинъ Іосифъ вполнѣ раздѣлялъ патріотическій образъ мыслей венгерцевъ. Вскорѣ разгорѣлась ожесточенная борьба между венгерцами и Вѣнскимъ правительствомъ, которое рѣшило отдѣлаться отъ венгерской конституціи такъ же, какъ оно отдѣлалось отъ крайнской и тирольской. На комитатскихъ собраніяхъ венгерцы давали полную волю своимъ патріотическимъ чувствамъ; тутъ открыто осуждались шаблонныя произвольныя распоряже-

нія Вѣнскаго правительства, а одна группа венгерскихъ магнатовъ высказалась даже въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ пріобщить къ патріотическому движенію народъ, который до той поры не принималъ участія въ представительныхъ собраніяхъ. Во время сессіи имперскаго сейма, происходившей въ 1825 году, эта группа высказалась безъ обиняковъ противъ исключительнаго господства дворянства. Рѣзкія нападки сейма противъ правительства не привели однако ни къ какому результату; вожакомъ упомянутой оппозиціонной группы былъ графъ Стефанъ Сечени; его политическій противникъ Кошутъ назвалъ его „величайшимъ изъ венгерцевъ".

Вицекороль Ломбардо-Венеціанскаго королевства эрцгерцогъ Райнеръ былъ одушевленъ самыми лучшими намѣреніями: онъ хотѣлъ осчастливить населеніе своего королевства и примирить итальянцевъ съ австрійскимъ владычествомъ; но вѣнское правительство ставило ему всяческія препоны и совершенно парализировало его вліяніе на внутреннія дѣла королевства. Итальянцы нисколько не увлекались преимуществами австрійскаго управленія, возставали всѣми силами противъ онѣмеченія итальянскихъ областей Австріи и были преданы душой и тѣломъ своей прежней національности; и литература, и періодическая печать, и тайные союзы — всѣ преслѣдовали національныя цѣли и выступили поборниками національной независимости въ то время, какъ Меттернихъ проектировалъ союзъ итальянскихъ государствъ подъ предсѣдательствомъ Австріи по образцу Германскаго Союза. Впрочемъ, въ руководящихъ сферахъ Вѣны сдѣлали роковую ошибку: именно, принимали Италію за главную основу всей имперской политики въ то время, какъ вѣнскіе дипломаты были совершенно незнакомы съ мѣстными условіями весьма несходныхъ между собою государствъ Апеннинскаго полуострова. Политика Меттерниха была весьма прямолинейна: онъ боролся всевозможными мѣрами насилія противъ національныхъ стремленій итальянскаго, а также и германскаго народа, считая ихъ продуктами революціоннаго духа. Еще не настала пора для осуществленія завѣтныхъ надеждъ народовъ по сю и по ту сторону Альпъ: „золотой вѣкъ" не наступилъ. Австрійскіе государственные финансы находились въ ужасномъ состояніи. Съ тѣхъ поръ, какъ по иниціативѣ министра финансовъ графа Іосифа Валлиса было издано въ 1811 г. распоряженіе, по которому номинальная стоимость бумажныхъ денегъ, достигшая суммы въ 1060 милліоновъ гульденовъ, была понижена до одной пятой части этой суммы, австрійское правительство все время оставалось банкротомъ. Серебро исчезло изъ обращенія, государственный кредитъ окончательно палъ, государственные доходы сильно отставали отъ расходовъ, которые выросли до необычайныхъ размѣровъ благодаря продолжительнымъ войнамъ. Въ 1814 г. неблагодарный портфель министра финансовъ достался графу Филиппу Штадіону, бывшему министру иностранныхъ дѣлъ (стр. 66). Онъ старался самымъ добросовѣстнымъ образомъ поднять кредитъ, упрочить денежный курсъ, ввести въ австрійскихъ финансахъ правильную однообразную систему и привлечь къ себѣ способныхъ сотрудниковъ для развитія экономическихъ силъ государства; но пришлось издать еще нѣсколько финансовыхъ патентовъ о принудительномъ курсѣ бумажныхъ денегъ, пока не оказалось возможнымъ извлечь изъ обращенія всю массу прежнихъ бумажныхъ денегъ и вернуть въ обращеніе серебро. Пришлось прибѣгнуть къ новымъ займамъ: сумма процентовъ, уплачиваемыхъ по государственнымъ займамъ, возросла въ періодъ времени между 1816 и 1823 гг. съ 9 до 24 милліоновъ, а ежегодный расходъ на покрытіе государственныхъ долговъ съ 12 до 50 милліоновъ; открытый въ 1817 г. національный банкъ былъ существеннымъ подспорьемъ для государственныхъ финансовъ. Штадіону не удалось преобразовать дѣйствовавшей системы косвенныхъ налоговъ, а реформа поземельнаго на-

лога давалась ему очень туго; но главнымъ препятствіемъ для дѣятельности этого великаго министра-преобразователя оказалось оппозиціонное настроеніе Венгріи; Штадіонъ скончался въ маѣ 1824 г. Владѣнія императора Франца были, само собою разумѣется, обѣтованной страной таможенныхъ преградъ и разнообразныхъ таможенныхъ тарифовъ, которые служили тяжелымъ препятствіемъ для развитія промышленности и торговли. Дальновидные люди напрасно пытались убѣдить австрійское правительство въ необходимости объединить въ таможенномъ отношеніи всѣ наслѣдственныя владѣнія австрійскаго императора кромѣ Венгріи. Австрійское правительство прокладывало большія дороги и устраивало каналы, но тѣмъ не менѣе внѣшняя торговля Австрійской имперіи была въ упадкѣ. Тріестъ не пріобрѣлъ такого большого значенія, какъ надо было предполагать: только впослѣдствіи, въ 1833 г., когда Карлъ Людвигъ фонъ Брукъ, родомъ изъ Эльберфельда, основалъ австрійскій Ллойдъ, Тріестъ сталъ однимъ изъ центровъ міровой торговли. Въ арміи господствовала рутина: нововведеній избѣгали, а реформа эрцгерцога Карла осталась недоведенной до конца. Такъ обстояли дѣла въ Австріи, этомъ „Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ Европы“.

в) Пруссія.

Не лучше было положеніе дѣлъ и въ Пруссіи, соперничавшей съ Австріей. Фридрихъ Вильгельмъ III былъ прототипомъ доморощеннаго филистера съ прозаической натурой, неспособной ни къ малѣйшему духовному подъему; онъ отнесся съ холоднымъ скептицизмомъ къ пробудившемуся въ его народѣ пылкому патріотизму, готовому на самыя тяжелыя жертвы. Больше всего онъ дорожилъ своимъ покоемъ; бурные годы войны за освобожденіе были ему въ тягость и, какъ только они миновали, онъ весь отдался единственному желанію какъ можно болѣе смирно править своимъ государствомъ. Религіозными вопросами онъ интересовался больше, чѣмъ политическими; онъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ догматическаго христіанства. Завѣтной мыслью его было содѣйствовать сліянію лютеранской церкви съ реформатской, чему, казалось, вполнѣ благопріятствовало господствующее настроеніе общества. Въ 1817 г., во время празднованія столѣтняго юбилея реформаціи, онъ обратился къ народу съ воззваніемъ о сліяніи обоихъ этихъ вѣроисповѣданій, которое было встрѣчено во многихъ мѣстахъ съ сочувствіемъ. Проектъ, составленный по этому поводу при личномъ его содѣйствіи въ 1821 году, наткнулся на рѣзкое сопротивленіе со стороны старыхъ лютеранъ. Только вторая редакція этого проекта, относящаяся къ 1829 году, до нѣкоторой степени примирила между собою противниковъ; многіе не хотѣли мириться съ опекой верховнаго епископа государства надъ дѣлами церкви, а Фридрихъ Вильгельмъ, съ своей стороны, былъ такимъ же поклонникомъ абсолютизма въ церковныхъ дѣлахъ, какъ и въ свѣтскихъ, и не хотѣлъ поступаться своею властью въ пользу провинціальныхъ и окружныхъ синодовъ. Въ концѣ концовъ предлагавшаяся унія не только не водворила мира въ церкви, но, напротивъ того, послужила поводомъ къ новымъ спорамъ; тѣмъ не менѣе она была введена какъ въ Пруссіи, такъ и въ Нассау, Баденѣ, Баварскомъ Пфальцѣ, Ангальтѣ и части Гессена.

Король стремился къ тому, чтобы католическая церковь могла развиваться спокойно и плодотворно; для этого онъ вступилъ съ Куріей въ переговоры, которыми руководилъ прусскій посланникъ въ Римѣ Бартольдъ Нибуръ, который былъ великимъ историкомъ, но не искуснымъ дипломатомъ (стр. 113). Нибуръ и министръ исповѣданій баронъ Карлъ Альтенштейнъ обнаружили по отношенію къ Куріи слишкомъ большую уступчивость и не могли состязаться въ дипломатическомъ искусствѣ съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ Консальви (стр. 45). 16 іюля 1826 года

папа Пій VII издалъ буллу „De Salute animarum", за которой послѣдовалъ бреветъ „Quod de fidelium". Король подтвердилъ состоявшееся съ Куріей соглашеніе особымъ указомъ: въ Кельнѣ и Познани были учреждены архіепископскія кафедры, а въ Трирѣ, Мюнстерѣ, Падерборнѣ, Бреславлѣ, Кульмѣ и Эрмеландѣ епископскія; кромѣ того, въ каждомъ изъ этихъ городовъ было основано по одной духовной семинаріи; соборнымъ капитуламъ было предоставлено право избранія епископовъ съ той оговоркой, что епископомъ можетъ быть только лицо, угодное королю.

Недолго однако продолжался миръ между прусскимъ правительствомъ и католическою церковью; вскорѣ возникъ новый споръ по поводу смѣшанныхъ браковъ (срав. т. VII, стр. 366). Съ 1803 года въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи держались того правила, что дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ въ спорныхъ случаяхъ слѣдуютъ религіи отца, что противорѣчило папской буллѣ, изданной въ 1741 году. Съ 1825 года предполагалось распространить дѣйствіе этого правила также и на Рейнскія провинціи, населеніе которыхъ принадлежало большею частью къ католическому вѣроисповѣданію; противъ этого предположенія возстали мѣстные католическіе епископы, которые обратились за помощью къ папѣ Льву XII въ 1828 году. Этотъ папа и его преемникъ Пій VIII вступили въ продолжительные переговоры съ прусскимъ посланникомъ при Римской Куріи Христіаномъ Карломъ фонъ-Бунзеномъ, который былъ послѣдователемъ романтизма и считалъ тѣсный союзъ европейскихъ государствъ съ Куріей самымъ надежнымъ средствомъ для борьбы съ революціей. Пій VIII былъ врагомъ всякихъ прогрессивныхъ теченій и въ 1830 году обнародовалъ бреветъ, которымъ католическимъ епископамъ предписывалось благословлять смѣшанные браки только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы новобрачные дали обѣщаніе воспитывать своихъ будущихъ дѣтей въ католической вѣрѣ; прусское правительство не приняло этого бревета, и вскорѣ разгорѣлась борьба между этимъ правительствомъ, съ одной стороны, и Куріей съ архіепископомъ Кельнскимъ, съ другой.

Превратить новое Прусское государство въ цѣльный организмъ съ прочнымъ и гибкимъ строеніемъ—это была задача необычайной трудности. Хотя народонаселеніе увеличилось больше, чѣмъ вдвое, благодаря присоединенію новыхъ территорій, но это обстоятельство уравновѣшивалось другими весьма неблагопріятными условіями, каковы растянутая конфигурація границъ Прусскаго королевства и географическая разрозненность отдѣльныхъ провинцій его; Ганноверъ былъ втиснутъ въ самую середину Пруссіи, которая состояла при томъ изъ ста мелкихъ округовъ съ различными законодательствами и рѣзкими партикуляристическими тенденціями. Къ тому же католическія Рейнскія провинціи не могли примириться съ своимъ присоединеніемъ къ государству протестантскому по своей исторіи и своему духу; въ привислянскихъ провинціяхъ тоже господствовала польская смута. Прусское правительство трудилось по мѣрѣ крайняго своего разумѣнія мирно и плодотворно надъ объединеніемъ всего государства. Въ области законодательства и судебныхъ порядковъ не удалось добиться полнаго объединенія; поэтому въ Рейнскихъ провинціяхъ былъ оставленъ въ силѣ дѣйствовавшій тамъ наполеоновскій кодексъ съ судомъ присяжныхъ и устными судебными преніями въ то время, какъ въ большей части королевства было введено общее государственное право. Прусское королевство страдало также отъ страшной запутанности и придирчивости господствовавшей таможенной системы и отъ пестроты формъ земельнаго обложенія.

Во многихъ слояхъ населенія сильно возставали противъ основного принципа всеобщей воинской повинности,—этого оплота монархіи. Это рѣзко вторгающееся въ семейную жизнь населенія учрежденіе было встрѣчено съ наиболѣе рѣзкимъ протестомъ и съ наиболѣе сильнымъ не-

удовольствіемъ во вновь присоединенныхъ провинціяхъ. Многочисленные круги населенія вовсе отвергали постоянную армію; но въ концѣ концовъ населеніе сознало всю важность новаго воинскаго устава, который послужилъ цементомъ для сплоченія различныхъ частей государства. Былъ установленъ трехлѣтній срокъ дѣйствительной службы, двухлѣтній срокъ состоянія въ резервныхъ войскахъ и по семилѣтнему сроку—въ ополченіи перваго и второго разрядовъ. Король Фридрихъ Вильгельмъ относился съ большой подозрительностью къ всеобщей воинской повинности и къ народному ополченію, какъ къ постояннымъ учрежденіямъ; его зять герцогъ Карлъ Мекленбургъ-Стрелицкій, который былъ человѣкомъ недалекаго ума, но тѣмъ не менѣе пользовался большимъ вліяніемъ на короля, ярый противникъ Штейна, Гарденберга и Шарнгорста, увѣрилъ Фридриха въ томъ, что существуетъ какая то подпольная революціонная партія, которая собирается возбудить народное ополченіе противъ престола; онъ уговаривалъ короля создать тѣсную взаимную связь между дѣйствительными войсками и народнымъ ополченіемъ для предупрежденія той мнимой опасности, которой онъ запугивалъ короля. Къ счастью, творецъ новаго воинскаго устава военный министръ Германъ фонъ-Бойенъ рѣшительно воспротивился этому безсмысленному предложенію.

Распоряженіемъ отъ 30 апрѣля 1815 года Пруссія была раздѣлена на 10 провинцій; вскорѣ послѣ этого Восточная Пруссія была соединена съ Западной, а Нижне-Рейнская — съ провинціей Кольбергъ, такъ что число провинцій уменьшилось до восьми; провинціи въ свою очередь распадались на административные округа. Во главѣ провинцій были поставлены оберъ-президенты вмѣсто прежнихъ „провинціальныхъ министерствъ“. Королевскимъ указомъ отъ 3-го ноября 1817 года были точно опредѣлены права и обязанности оберъ-президентовъ; они руководили всѣми дѣлами управленія провинціями, и, къ счастью, такіе отвѣтственные посты были заняты вполнѣ способными, а частью даже выдающимися людьми, какъ, напримѣръ, Закъ, фонъ-Финке, фонъ-Бюловъ, Меркель и фонъ-Шёнъ. Между старой Пруссіей и вновь присоединенными провинціями произошло полное внутреннее сліяніе, хотя въ началѣ дѣло подвигалось очень туго въ провинціи Саксоніи и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ. Пруссія справилась съ этой задачей несмотря на то, что въ придворныхъ сферахъ, окружавшихъ Фридриха Вильгельма въ Берлинѣ, чувствовался недостатокъ въ единомысліи и настойчивости; а между тѣмъ, какія тяжелыя препятствія ставилъ правительству мѣстный партикуляризмъ!

Цвѣтущая пора дѣятельности государственнаго канцлера князя Карла Августа Гарденберга уже миновала; онъ больше не былъ въ состояніи справиться съ громадной работой, лежавшей на его плечахъ, погрязъ въ интригахъ и дипломатическихъ уверткахъ, окружилъ себя низкими людьми и мало по малу лишился довѣрія короля, который былъ человѣкомъ съ твердыми правилами чести; со времени войны за освобожденіе его участіе въ дальнѣйшихъ реформахъ Пруссіи было ничтожно. Зато онъ былъ всегда насторожѣ противъ стремленій Римской Куріи къ захватамъ и принималъ дѣятельное участіе въ составленіи конституціи; чтобы отстоять свои взгляды въ вопросѣ о католическомъ духовенствѣ, онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто дѣлалъ феодаламъ крайнія уступки въ другихъ областяхъ. Большинство высшихъ сановниковъ вполнѣ одобряло чиновничій либерализмъ государственнаго канцлера, и поэтому феодалы принимали ихъ, какъ и Гарденберга и Штейна, за покровителей горячихъ головъ и „тевтонскихъ“ юношескихъ увлеченій, за тайныхъ демократовъ. Бойенъ стоялъ ближе всѣхъ другихъ къ Гарденбергу; министръ финансовъ графъ Людвигъ Фридрихъ Гансъ Бюловъ, который въ свое время съ честью занималъ постъ министра финансовъ королевства Вестфальскаго, также обыкновенно сходился во мнѣніяхъ съ Гарденбергомъ, а начальникъ военнаго кабинета

Іобъ фонъ-Вицлебенъ, неразлучный совѣтникъ короля, которому удавалось даже переспорить герцога Мекленбургскаго, принадлежалъ къ числу самыхъ горячихъ поклонниковъ реформъ Штейна и Гарденберга. Вожаками феодаловъ были Фридрихъ Августъ Людвигъ фонъ-Марвицъ и другіе противники реформъ этой великой эпохи; они опирались на министра внутреннихъ дѣлъ и полиціи слишкомъ трезвеннаго Фридриха фонъ-Шукмана и князя Вильгельма Зайнъ-Виттгенштейнъ-Гогенштейна. Витгенштейнъ былъ смертельнымъ врагомъ германскихъ національныхъ стремленій и конституціонныхъ идей; онъ былъ послушнымъ орудіемъ Меттерниха при Берлинскомъ дворѣ. Такимъ же феодальнымъ духомъ былъ проникнутъ И. П. Фридрихъ Анцильонъ, бывшій воспитатель кронпринца, а въ то время чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ на короля и кронпринца, затѣмъ тайный совѣтникъ фонъ-Кампцъ и другіе.

Реакція, которая была естественнымъ послѣдствіемъ безграничнаго увлеченія свободой въ эпоху войнъ за освобожденіе, сильнѣе всего давала себя чувствовать въ Пруссіи. Гофратъ Іанке, тайный совѣтникъ Теодоръ Шмальцъ, зять Шарнгорста и другіе карьеристы обрушивались безцеремонно въ своихъ писаніяхъ на „совратителей народа и демагоговъ“ съ единственной цѣлью зарекомендовать себя въ глазахъ правительства, какъ спасителей шатающихся основъ; они опорачивали благонадежность многихъ тысячъ людей, стремившихся къ конституціи, къ устраненію партикуляризма мелкихъ государствъ и къ созданію могущественной единой Германіи; въ глазахъ этихъ добровольныхъ блюстителей остатки добродѣтельныхъ союзовъ превращались въ клубы якобинцевъ. Всѣ были возмущены той наглой ложью, которую они распространяли; появилось множество опроверженій, самыя блестящія изъ нихъ вышли изъ подъ пера Фридриха Шлейермахера и Нибура; но Прусское и Вюртембергское правительства взяли подъ свое покровительство Шмальца и компанію и награждали ихъ за ихъ патріотическія разоблаченія орденами и другими болѣе вещественными знаками признательности; въ январѣ 1816 г. Фридрихъ Вильгельмъ III строго воспретилъ дальнѣйшую литературную полемику о тайныхъ союзахъ, но въ то же время издалъ новое распоряженіе, вновь воспрещающее устройство тайныхъ обществъ; это распоряженіе было встрѣчено съ восторгомъ въ правительственныхъ кругахъ Вѣны. Одновременно съ этимъ была закрыта газета Іосифа Гёрреса „Рейнскій Меркурій“, которая ратовала за введеніе конституціи и за свободу печати. На Гнейзенау тоже пало подозрѣніе въ сочувствіи Гёрресу, и онъ былъ лишенъ званія командующаго войсками г. Кобленца, а общій другъ ихъ Юстусъ Грунеръ, котораго называли „тевтонскимъ якобинцемъ“ и который состоялъ прусскимъ посланникомъ въ Бернѣ, тоже получилъ отставку; шпіоны Виттгенштейна работали, не покладая рукъ. Вопреки королевскому приказу отъ 1815 г. гражданскія права, предоставленныя евреямъ, были взяты обратно. Обнародованный въ сентябрѣ 1812 г. законъ объ урегулированіи земель подвергся въ маѣ 1816 г. дальнѣйшимъ „разъясненіямъ“, цѣлью которыхъ было создать для юнкеровъ землевладѣльцевъ такія льготы въ ущербъ крестьянамъ, которыя фактически отмѣняли законъ объ урегулированіи земельной собственности.

Какъ много говорилось въ теченіе послѣдняго десятилѣтія о государственномъ совѣтѣ! По программѣ, выработанной Штейномъ въ 1808 г., государственному совѣту удѣлялась роль высшей рѣшающей инстанціи по дѣламъ законодательства; Гарденбергъ, напротивъ того, не желалъ предоставлять этому учрежденію такихъ широкихъ полномочій и удѣлилъ ему гораздо болѣе скромную роль въ проектѣ, составленномъ имъ въ 1810 г.; но этотъ проектъ тоже остался на бумагѣ. Когда же 20 марта 1817 г. было, наконецъ, издано королевское распоряженіе объ учрежденіи

государственнаго совѣта, то онъ оказался только высшимъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, такъ сказать, собраніемъ самыхъ сановныхъ совѣтниковъ короны, и, между прочимъ, въ числѣ этихъ совѣтниковъ, призванныхъ королемъ, не оказалось имени Штейна.

Первымъ предметомъ заботъ государственнаго совѣта оказалась реформа таможенныхъ пошлинъ. Министръ финансовъ графъ Бюловъ представилъ свой проектъ, составленный въ духѣ умѣренной свободы торговли: проектъ этотъ затрагивалъ вопросы существенной важности и стремился къ созданію свободы внутреннихъ сношеній; но этотъ же проектъ служилъ доказательствомъ того, что нельзя и думать объ облегченіи бремени налоговъ, пока государственные финансы находились въ такомъ плачевномъ состояніи; государственныхъ долговъ накопилось къ 1818 г. 217 милліоновъ талеровъ, кредитъ отсутствовалъ, а государственная смѣта сводилась съ дефицитомъ, такъ что Бюловъ требовалъ даже поднятія косвенныхъ налоговъ, которые естественнымъ образомъ должны были пасть на карманы бѣднаго населенія. Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ былъ вожакомъ противниковъ Бюлова, и между ними обоими разгорѣлась ожесточенная борьба. Созванныя въ провинціяхъ собранія свѣдущихъ людей отвергли предложенные Бюловымъ налоги на мясо и на пищевые припасы и высказались за горячо отстаиваемую государственнымъ совѣтникомъ Іоанномъ Готфридомъ Гофманомъ, знаменитымъ статистикомъ, распредѣленную по разрядамъ прямую подушную подать.

Въ концѣ 1817 года Бюлова замѣнилъ на посту министра финансовъ Вильгельмъ Антонъ фонъ Клевицъ; кругъ дѣйствій Клевица былъ значительно суженъ, такъ какъ нѣкоторые отдѣлы были выдѣлены изъ министерства финансовъ; Бюловъ же сталъ во главѣ вновь учрежденнаго министерства торговли и промышленности. Одновременно съ этимъ Альтенштейнъ былъ назначенъ самостоятельнымъ министромъ вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія (до того времени эти отдѣлы входили въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ); Бойенъ былъ назначенъ, такъ сказать, дополнительнымъ министромъ юстиціи наряду съ главнымъ министромъ Кирхэйзеномъ; эти перетасовки нисколько не способствовали упроченію и объединенію правительства. Альтенштейнъ, который не отличился ничѣмъ въ роли министра финансовъ, между 1808 и 1810 годами, почувствовалъ себя въ своей родной сферѣ, какъ только онъ былъ назначенъ прусскимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Несмотря на цѣлый рядъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, онъ поднялъ на значительную высоту преподаваніе въ прусскихъ учебныхъ заведеніяхъ, привлекши къ себѣ такихъ выдающихся сотрудниковъ, какъ извѣстный педагогъ Іоаннъ Шульце, Георгъ Генрихъ Людвигъ Николовіусъ и другіе. 23 года управлялъ онъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, работая въ духѣ философіи Гегеля; въ 1817 году онъ основалъ провинціальныя школьныя коллегіи; онъ трудился надъ введеніемъ обязательнаго всеобщаго начальнаго образованія, улучшилъ народную школу, соединилъ Виттенбергскій университетъ съ университетомъ въ Галле и основалъ въ 1818 году Боннскій университетъ.

Какъ Альтенштейнъ прокладывалъ новые пути въ области церкви и школы, такъ Бюловъ, съ своей стороны, преобразовалъ систему обложенія при содѣйствіи дальновиднаго сотрудника своего Карла Георга Маассена; первые подготовительные шаги были сдѣланы въ 1816 г., именно въ іюнѣ этого года были отмѣнены внутреннія и провинціальныя заставныя пошлины, а также взимавшіяся на водяныхъ путяхъ сообщенія. Перваго августа 1821 года былъ изданъ королевскій указъ, которымъ разрѣшался „на вѣчныя времена“ свободный ввозъ товаровъ; Маассенъ былъ авторомъ таможеннаго устава, который былъ обнародованъ 26 мая 1818 года и который вошелъ въ силу 1-го января 1819 года; по мнѣнію Трейчке, этотъ уставъ „былъ самымъ свободнымъ и самымъ зрѣлымъ изъ всѣхъ правительствен-

ныхъ мѣропріятій той эпохи въ области народнаго хозяйства". Въ 1821 г. этотъ уставъ былъ упрощенъ въ духѣ свободной торговли, и таможенныя ставки были подвергнуты дальнѣйшему пониженію. 8 февраля 1819 года прусское правительство издало распоряженіе, по которому были освобождены отъ пошлинъ всѣ предметы внутренняго производства, кромѣ вина, пива, водки и табака; а 30 мая 1820 года были введены классовой и промысловый налоги. Такимъ образомъ было положено основаніе правильной организованной системѣ обложенія, которая въ теченіе долгаго времени вполнѣ соотвѣтствовала потребностямъ народнаго хозяйства. Пруссія постепенно проложила путь къ основанію германскаго таможеннаго союза; конечно, тогда не было пророка, который могъ бы предвидѣть возникновеніе этого союза, но всѣ какъ бы предчувствовали его, и за границами Пруссіи раздавались завистливыя жалобы на своекорыстье и произвольность прусскаго таможеннаго устава.

Какъ же обстояло дѣло относительно обѣщаннаго королемъ въ указѣ отъ 22 мая 1815 года основного государственнаго закона съ провинціальными сословными сеймами и народнымъ представительствомъ? Комиссія, которую предполагалось назначить для этой цѣли, была созвана только 30 марта 1817 г. Комиссія эта приступила къ своимъ занятіямъ 7 іюня въ Берлинѣ подъ руководствомъ Гарденберга, который отправилъ Альтенштейна, Бейме и Клевица для объѣзда провинцій и основательнаго ознакомленія на мѣстѣ съ существующими условіями; доклады, представленные ими, оказались, къ сожалѣнію, противорѣчивыми. Было найдено наиболѣе цѣлесообразнымъ ограничиться учрежденіемъ провинціальныхъ сеймовъ и пока отложить вопросъ объ общегосударственной конституціи. Гарденбергъ былъ одушевленъ искреннимъ намѣреніемъ подвинуть впередъ вопросъ о конституціи и оказать королю содѣйствіе въ исполненіи даннаго имъ слова; но самъ король Фридрихъ Вильгельмъ уже каялся въ томъ, что далъ это слово, и охотно поддавался реакціоннымъ внушеніямъ своихъ придворныхъ совѣтниковъ и вообще почитателей старины. Онъ слѣдилъ со страхомъ за борьбой, происходившей въ германскихъ палатахъ; прогрессивное движеніе, увлекавшее германскую молодежь, приводило его въ смущеніе; предъ его воображеніемъ возставалъ грозный призракъ революціи, и напрасны были всѣ увѣщанія Гарденберга.

г) Германскій союзъ.

Союзный сеймъ, т. е. собраніе германскихъ владѣтельныхъ князей, былъ обязанъ своимъ существованіемъ союзному акту 8 іюня 1815 г. (срв. стр. 102); этотъ актъ ни въ какомъ случаѣ не могъ удовлетворить надеждъ націи, которая только что справилась съ такимъ гигантскимъ противникомъ, какъ Наполеонъ, и сразу выросла въ своихъ собственныхъ глазахъ. Всѣ спрашивали себя, какую же гарантію дали героямъ войнъ за освобожденіе въ томъ, что ихъ требованія будутъ исполнены, въ чемъ заключаются полученныя народомъ права? Какую гарантію безопасности отъ внѣшняго нападенія даетъ новый союзъ? Лишившіеся своихъ верховныхъ правъ медіатизированные владѣтельные князья прежней Германской имперіи тоже разочаровались въ своихъ послѣднихъ надеждахъ; напрасно казалось имъ, что ихъ мечты о возстановленіи ихъ власти готовы сбыться. На всѣ ихъ претензіи отвѣчали съ холоднымъ пренебреженіемъ, что медіатизированные князья и графы должны остаться подданными другихъ государствъ или должны теперь поступить въ чужое подданство, что этого требуетъ новый политическій строй Германіи и что въ союзномъ актѣ содержится органическое подтвержденіе этого требованія (постановленіе Гумбольдта по дѣлу дома Аренберговъ отъ 7 декабря 1816 г.). Союзный актъ не удовлетворилъ почти никого, не исключая и самихъ творцовъ его, а въ средѣ публици-

стовъ онъ подвергался самому рѣзкому осужденію; газета Людена „Немезида“ выражалась о немъ такимъ образомъ: „Смущеніе и стыдъ — вотъ чувства, которыя вызываетъ германскій союзъ“, а „Рейнскій Меркурій“ Герреса высмѣивалъ союзный актъ, „это мертворожденное созданіе, которое еле было вытащено на свѣтъ посредствомъ акушерскихъ щипцовъ и было осуждено на гибель еще раньше, чѣмъ оно родилось“. Назначенное первоначально на 1 сентября 1815 г. открытіе союзнаго сейма постоянно откладывалось подъ тѣмъ предлогомъ, что международные переговоры, происходившіе въ Парижѣ, еще не закончены и что остается еще уладить различные пограничные споры между отдѣльными государствами союза: Австрія старалась поймать на свою удочку Зальцбургъ и Брейзгау, Баварія — Баденскій Пфальцъ; Австрія и Баварія вступили между собой въ тайное соглашеніе относительно Бадена въ виду того, что старшая линія Баденскаго княжескаго дома вскорѣ должна была прекратиться; грозила опасность раздѣла Бадена; двѣ главныя германскія державы, Австрія и Пруссія, оспаривали другъ у друга обладаніе Майнцомъ, пока наконецъ онѣ не помирились на томъ, что самый городъ Майнцъ былъ присоединенъ къ герцогству Гессенъ-Дармштадтскому, а въ крѣпости, имѣвшей большое стратегическое значеніе для германскаго союза, былъ оставленъ смѣшанный гарнизонъ изъ австрійскихъ и прусскихъ войскъ. Баденъ присоединился къ союзу только 26 іюля 1817 г., а Вюртембергъ 1 сентября. Несмотря на противодѣйствіе Австріи и Пруссіи, въ городѣ Франкфуртѣ, резиденцію союзнаго сейма, были допущены постоянные представители Россіи, Великобританіи и Франціи, хотя союзъ съ своей стороны не имѣлъ постоянныхъ представителей за границей; нѣкоторые изъ южно-германскихъ дворовъ видѣли въ посланникахъ другихъ великихъ державъ защиту противъ притязаній главныхъ германскихъ державъ, причемъ подозрѣнія среднихъ и мелкихъ союзныхъ государствъ были обращены главнымъ образомъ въ сторону Пруссіи. 5 ноября 1816 г. представитель Австріи съ правами президента графъ Іоаннъ Рудольфъ Буоль-Шауэнштейнъ, наконецъ, открылъ союзное собраніе во Франкфуртѣ рѣчью, составленной Меттернихомъ. Какъ только было открыто собраніе, немедленно посыпались со всѣхъ сторонъ бурные запросы, и Меттернихъ сталъ предостерегать участвующихъ въ собраніи противъ излишней поспѣшности; впрочемъ, вскорѣ обнаружилось, что поспѣшность ни въ какомъ случаѣ не принадлежала къ числу тѣхъ недостатковъ, которыми страдалъ союзный сеймъ. Въ вопросѣ о доменахъ курфиршества Гессенскаго и объ убыткахъ, причиненныхъ курфирстомъ многимъ частнымъ лицамъ, союзный сеймъ спасовалъ предъ курфирстомъ. Совершенно неудовлетворительно былъ также разрѣшенъ вопросъ о союзномъ военномъ уставѣ. Въ 1817 г. Варварійскія государства стали простирать свои набѣги для похищенія людей и товаровъ до самаго Нѣмецкаго моря и захватывали купеческіе корабли. Ганзейскіе города принесли жалобу союзному сейму, но дѣло не пошло дальше разговоровъ. Баденскій представитель напрасно увѣщевалъ собраніе вспомнить о славномъ прошломъ Ганзы и выставить свои собственные корабли для защиты морской торговли; германскій союзъ по прежнему возлагалъ всѣ свои надежды на милость иностранныхъ морскихъ державъ, и вопросъ о германскомъ флотѣ такъ и остался подъ спудомъ. Для облегченія торговли и сношеній союзъ тоже ничего не сдѣлалъ, взаимный обмѣнъ предметами первой необходимости въ предѣлахъ союза былъ обставленъ множествомъ разныхъ стѣсненій.

А насколько подвинулось впередъ исполненіе 13 § союзнаго акта, по которому было обѣщано введеніе сословныхъ сеймовъ во всѣхъ государствахъ союза?

Герцогъ Саксенъ-Веймарскій Карлъ Августъ далъ своему народу 5 мая конституцію, которую онъ поставилъ подъ гарантію союза; Меклен-

бургскій основной государственный законъ 1817 г. тоже былъ гарантированъ союзомъ. Однако, вообще говоря, союзъ воздерживался отъ собственной инпціативы и предоставлялъ исполненіе неудобнаго § „мудрости каждаго правительства въ отдѣльности“; Австрія и Пруссія, равно какъ и большинство другихъ союзныхъ правительствъ, были очень довольны этимъ уклончивымъ поведеніемъ союзнаго сейма и вовсе не смущались тѣмъ разочарованіемъ и неудовольствіемъ, которыя проявлялись въ народѣ. Къ той же самой оговоркѣ прибѣгнулъ союзный сеймъ для того, чтобы обойти 18 параграфъ, трактовавшій о свободѣ печати. Чувствовался рѣзкій контрастъ между Сѣверной Германіей, которая жила, повидимому, прежней тихой невозмутимой жизнью, и Южной, въ которой новое конституціонное движеніе вызвало сильное броженіе.

Господствовавшія въ Ганноверѣ вестфальское и французское правительства обошлись очень неделикатно съ феодальными порядками; но послѣ возвращенія ганноверскаго престола дому Вельфовъ феодалы стали потихоньку да помаленьку, съ оглядкой, выползать изъ тѣхъ норъ, по которымъ они попрятались. Въ общемъ сеймѣ крупные владѣльцы пользовались почти исключительнымъ господствомъ.

Графъ Эрнстъ Мюнстеръ-Леденбургъ, который управлялъ новымъ королевствомъ, сидя въ Лондонѣ, защищалъ интересы дворянства; навязанная Ганноверу конституція 1814 года была основана на принципахъ прежнихъ феодальныхъ порядковъ. 17-го января 1815 года сословный сеймъ торжественно заявилъ о соединеніи старыхъ и новыхъ провинцій въ одно нераздѣльное государство, а 7 декабря 1819 года Ганноверъ получилъ новую конституцію по системѣ двухъ палатъ, причемъ обѣ палаты были вполнѣ уравнены между собою въ правахъ. Въ Ганноверѣ хозяйничали юнкера и бюрократія.

Не замѣчалось ни слѣда органическаго развитія общественныхъ силъ; дворянство не давало хода никакимъ реформамъ, а народъ относился безучастно къ преніямъ, происходившимъ въ палатахъ.

Въ Брауншвейгѣ гнетъ, производимый дворянскимъ сословіемъ, не достигалъ такихъ громадныхъ размѣровъ. Георгъ IV состоялъ опекуномъ юнаго герцога Карла II, а дѣлами государства руководилъ изъ Лондона графъ Мюнстеръ при посредствѣ коллегіи тайныхъ совѣтниковъ, дѣйствовавшей на мѣстѣ въ Брауншвейгѣ; графъ Мюнстеръ заботился о матеріальныхъ интересахъ государства, а 25 апрѣля 1820 года Брауншвейгъ получилъ приспособленную къ мѣстнымъ условіямъ конституцію подъ названіемъ: „Преобразованное мѣстное уложеніе“ (erneuerte Landschaftsordnung). Все обстояло вполнѣ благополучно до тѣхъ поръ, пока герцогъ Карлъ самъ не сталъ во главѣ управленія въ октябрѣ 1823 года. Онъ объявилъ войну противъ конституціи, настала пора наглаго и беззастѣнчиваго правительственнаго произвола. Между прочимъ, Карлъ нанесъ оскорбленіе королю Георгу IV и вызвалъ на дуэль Мюнстера. Наконецъ, союзный сеймъ вынужденъ былъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Брауншвейга, пришедшія въ полный безпорядокъ. Почва была вполнѣ подготовлена для переворота 1830 года.

Въ королевствѣ Саксонскомъ, которое лишилось весьма значительной части своей территоріи и своего населенія, все вернулось къ старымъ порядкамъ. Фридрихъ Августъ I, который былъ прозванъ Справедливымъ, правилъ со свойственной ему любовью къ порядку. Къ реформамъ прибѣгали только въ тѣхъ случаяхъ, когда старые порядки оказывались абсолютно непригодными; вообще же король и его министръ Детлефъ графъ Эйнзидель считали высшей государственной мудростью упорную привязанность къ старымъ традиціямъ. Торговля и промышленность находились подъ гнетомъ тяжелыхъ стѣсненій; господствовалъ полный застой. Чиновники, управлявшіе государствомъ, были людьми такими же ограничен-

ными и односторонними, какъ и вся правительственная система. Въ союзномъ сеймѣ Саксонія дѣйствовала всегда заодно съ Австріей и была преисполнена недружелюбными чувствами по отношенію къ Пруссіи. Саксонія не играла никакой роли ни въ какой области кромѣ развитія германскаго искусства. Въ царствованіе короля Антона, вступившаго на престолъ въ маѣ 1827 года, все оставалось по старому; взгляды Эйнзиделя играли попрежнему господствующую роль, а народное неудовольствіе все росло.

Оба Мекленбургскія княжества остались феодальными государствами, въ которыхъ бюргеры и крестьяне ничего не значили; органическое государственное уложеніе, введенное въ 1817 году въ Мекленбургъ-Шверинѣ, нисколько не умалило власти феодаловъ, хозяйничавшихъ въ этой области съ 1755 года; вся земельная собственность была попрежнему въ рукахъ юнкеровъ (Ritterschaft). Хотя штеренбергскій областной сеймъ и отмѣнилъ въ 1819 году крѣпостное право, тѣмъ не менѣе положеніе крестьянъ нисколько не улучшилось. Эмиграція все усиливалась; въ торговлѣ и промышленности не замѣтно было никакого движенія. Ольденбургъ тоже былъ погруженъ въ политическую спячку. Франкфуртъ на Майнѣ получилъ 18 октября 1816 года конституцію; много устарѣлыхъ порядковъ было отмѣнено. Напротивъ того, въ ганзейскихъ городахъ опять восторжествовала старинная патріархальная система; городской совѣтъ распоряжался безконтрольно. Торговля и промышленность сдѣлали громадный шагъ впередъ, въ особенности въ Гамбургѣ и въ Бременѣ; основаніе Бремеръ-Гафена, которымъ Бременъ обязанъ государственному таланту бургомистра Іоанна Смидта, открыло для этого города новое поприще въ области всемірной торговли.

Курфирстъ Вильгельмъ I возвратился на Гессенъ-Кассельскій престолъ съ прежней ограниченностью и съ старыми предразсудками и хотѣлъ повернуть обратно ходъ историческихъ событій и воскресить тѣ порядки, которые господствовали въ 1806 году, когда онъ удалился изъ своей страны; онъ объявилъ, что распоряженія „его замѣстителя Жерома“ необязательны для него самого, призналъ недѣйствительной продажу удѣльныхъ имуществъ, состоявшуюся во время французскаго господства, отмѣнилъ всѣ повышенія, полученныя гессенскими офицерами во время его отсутствія, но придерживался охотно тѣхъ порядковъ бывшаго Вестфальскаго королевства, отъ которыхъ онъ ожидалъ личной пользы для себя. Онъ обѣщалъ либеральную конституцію съ сословнымъ представительствомъ, но потомъ сталъ отказываться отъ учрежденія ландтага и удовольствовался только тѣмъ, что обнародовалъ 4 марта 1817 года „Государственное уложеніе и уложеніе о царствующемъ домѣ“, не имѣвшія никакого значенія. Въ 1821 году онъ умеръ, никѣмъ не оплакиваемый, и послѣ его смерти власть перешла къ Вильгельму II, который хозяйничалъ еще болѣе беззастѣнчиво и еще болѣе омерзительно; при дворѣ распоряжались любовницы курфирста и господствовали семейные раздоры, а народное неудовольствіе часто вырывалось наружу. Гораздо болѣе отраднымъ было положеніе дѣлъ въ Гессенъ-Дармштадтѣ; великій герцогъ Людвигъ I по своимъ личнымъ склонностямъ былъ приверженцемъ старины, но тѣмъ не менѣе содѣйствовалъ реформамъ по мѣрѣ силъ и не далъ себя толкнуть на путь реакціи послѣ событій въ Карлсбадѣ; 17 декабря (18 марта) 1820 года онъ далъ Гессену конституцію съ сословнымъ сеймомъ и сталъ править своими владѣніями, какъ просвѣщенный хозяинъ, что онъ доказалъ, между прочимъ, своимъ согласіемъ на предложеніе Пруссіи о заключеніи таможеннаго союза.

Отъ самаго реакціоннаго изъ владѣтельныхъ князей Рейнскаго союза, вюртембергскаго короля Фридриха, не укрылось все растущее неудовольствіе его подданныхъ, и онъ вздумалъ примирить ихъ съ собой заявленіемъ, которое онъ обнародовалъ 11 января 1815 года: еще съ 1806 года

король собирался, по его словамъ, дать своей странѣ „конституцію и сословныхъ представителей“; но когда эта конституція была прочтена 15 марта предъ сословными представителями, по распоряженію короля, то они отклонили ее безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Народное возбужденіе все росло; всѣ требовали возвращенія „старыхъ добрыхъ законовъ“. Король Фридрихъ пытался было примириться съ сословными представителями и избралъ своимъ посредникомъ барона Карла Августа фонъ Вангенгейма, но они отнеслись недовѣрчиво къ предложеніямъ этого послѣдняго. Король Фридрихъ скончался 30 октября 1830 года, не доведши до конца этихъ переговоровъ При его сынѣ и преемникѣ Вильгельмѣ I, который отличался рыцарскимъ, но въ то же время честолюбивымъ характеромъ, для Вюртемберга настали лучшія времена. Однако новому королю тоже пришлось выдержать упорное сопротивленіе со стороны сословнаго сейма, такъ что конституція была обнародована только 25 сентября 1819 года; тѣмъ не менѣе первый ландтагъ, засѣдавшій въ 1820—21 годахъ, проявилъ большую уступчивость по отношенію къ правительству. Вильгельмъ былъ очень любимъ народомъ, хотя онъ далеко не отличался либерализмомъ.

Послѣ паденія Наполеона, который перекроилъ Баварію по своему, этому государству были возвращены обратно области по лѣвому берегу рѣки Рейна, и изъ нихъ была образована провинція Рейнскій Пфальцъ (Рейнская Баварія), населеніе которой въ теченіе долгаго времени сохранило свою приверженность къ Франціи и относилось недружелюбно къ Баваріи. „Батюшка Максъ“ старался изо всѣхъ силъ способствовать сліянію жителей Пфальца съ баварцами, и его главный министръ, графъ Монжела, руководившій политикой государства (стр. 44), ввелъ много полезныхъ улучшеній въ этомъ государствѣ, которое теперь занимало пространство въ 1300 кв. миль съ населеніемъ въ 4 милл. душъ, такъ что, вообще говоря, многія изъ нападокъ, обрушивавшихся на него, были совершенно неосновательны; самыми опасными противниками баварскаго перваго министра были кронпринцъ Людвигъ, питавшій пристрастіе къ романтизму и увлекавшійся „германскими“ симпатіями и ненавистью къ французамъ, и фельдмаршалъ князь Карлъ Филиппъ Вреде. Монжела и слышать не хотѣлъ о новой конституціи, но кронпринцъ наперекоръ ему толкалъ правительство въ обратную сторону для того, чтобы подставить ногу „проклятому французику“. Конституція Монжела, обнародованная 1 мая 1808 года, фактически никогда не примѣнялась въ дѣйствительности, національное представительство фигурировало только для виду; кронпринцъ, напротивъ того, добивался, наперекоръ министру, чтобъ Баварія превратилась въ правовое государство и послужила образцомъ для всей Германіи. Въ 1814—15 году собирались обнародовать новую конституцію, но Монжела сумѣлъ пріостановить это теченіе; составленный имъ проектъ соглашенія съ Куріей потерпѣлъ крушеніе благодаря непомѣрной требовательности этой послѣдней. 2 февраля 1817 года Монжела вышелъ въ отставку, между прочимъ, вслѣдствіе происковъ Вѣнскаго двора; баварцы занимались только осужденіемъ его недостатковъ, но оказались не въ состояніи выработать вмѣсто его системы другую. Заключенный 5 іюня 1817 года конкордатъ имѣлъ для Куріи значеніе блестящей побѣды и былъ несовмѣстимъ съ современными условіями жизни Баварскаго королевства; „царство тьмы“ стало поперекъ дороги современному теченію. Для успокоенія всеобщаго народнаго неудовольствія корона внесла въ конституцію особое постановленіе о правахъ протестантовъ, что, натурально, подало поводъ къ дальнѣйшимъ пререканіямъ съ Куріей. 26 мая 1818 года Баварія получила, наконецъ, свою такъ долго ожидаемую конституцію; несмотря на всѣ недостатки и пробѣлы, которыми она страдаетъ, она жизнеспособна и дѣйствуетъ понынѣ, хотя, конечно, за такой долгій промежутокъ времени въ нее пришлось внести нѣкоторыя поправки.

Въ вопросѣ о введеніи либеральной конституціи Баварія опередила Баденъ: а между тѣмъ для баденскаго правительства важнымъ побудительнымъ мотивомъ къ введенію конституціи должно было быть желаніе склонить въ свою пользу общественное мнѣніе. Благодаря тайному соглашенію съ Австріей открылась надежда на присоединеніе къ ней Рейнскаго Пфальца; правящая династія Церингеновъ близилась къ прекращенію, за исключеніемъ боковой линіи графовъ Гохбергъ, которыхъ великій герцогъ Карлъ никакъ не могъ рѣшиться признать равноправными со старшей линіей. По настоянію Штейна и императора Александра, который былъ его зятемъ, великій герцогъ Карлъ сообщилъ еще 1 декабря 1814 года въ Вѣнѣ Меттерниху и Гарденбергу о своемъ желаніи ввести въ Баденѣ конституцію съ сеймомъ сословныхъ представителей; такимъ образомъ онъ сталъ думать о конституціи еще гораздо раньше, чѣмъ состоялось соотвѣтствующее постановленіе союзнаго акта. Штейнъ не переставалъ подталкивать этого подозрительнаго человѣка, „который притомъ же отличался безграничной лѣностью"; но всѣ увѣщанія оставались безплодными, великій герцогъ Карлъ все откладывалъ введеніе конституціи. Между тѣмъ покушенія Баваріи на баденскую территорію принимали все болѣе угрожающій характеръ. Послѣ преобразованій, происшедшихъ въ составѣ баденскаго министерства, въ немъ завѣяло болѣе свѣжимъ духомъ. 4 октября 1817 года Карлъ издалъ, наконецъ, законъ о престолонаслѣдіи, на основаніи котораго баденскія владѣнія были объявлены нераздѣльными, и за линіей Гохберговъ было признано право наслѣдованія; однако слѣдовало ожидать, что Баварія не откажется добровольно отъ своихъ прежнихъ плановъ. Поэтому Карлъ Августъ Варнгагенъ фонъ Энзе, баронъ Фридрихъ Карлъ фонъ Теттенборнъ, баронъ Зигмундъ фонъ Рейценштейнъ и другіе принялись дѣятельно обрабатывать общественное мнѣніе Европы; кромѣ того, они всячески пытались воздѣйствовать на одряхлѣвшаго великаго герцога Карла, главнымъ образомъ, черезъ русское правительство. Конституція была въ то время лозунгомъ Германіи: баденскому правительству нужно было непремѣнно дать своимъ подданнымъ конституцію, не дожидаясь пока это сдѣлаетъ Баварія. Самъ императоръ Александръ открылъ въ то время первый сеймъ принадлежавшаго ему Царства Польскаго на основаніи конституціи 1815 года и восхвалялъ по этому поводу благотворное значеніе либеральныхъ учрежденій. Между тѣмъ Баваріи удалось опередить Баденъ; тогда Теттенборнъ и Рейценштейнъ стали настаивать предъ Карломъ на томъ, чтобы баденское правительство поторопилось ввести еще болѣе либеральную конституцію, чѣмъ Баварія. Составленіе проекта конституціи было поручено Карлу Фридриху Небеніусу; 22 августа 1818 года проектъ былъ, наконецъ, подписанъ Карломъ. По мнѣнію Варнгагена, это была самая свободомыслящая изъ всѣхъ германскихъ конституцій, отъ которой слѣдовало ожидать въ будущемъ самаго пышнаго роста. По своему духу она вполнѣ соотвѣтствовала хартіи Людовика XVIII. Въ нее были внесены также узаконенія о престолонаслѣдіи, изданныя 4 октября 1817 года. Какъ въ Баденѣ, такъ и вообще въ либеральныхъ кругахъ всей Германіи, эта конституція была встрѣчена съ единодушнымъ восторгомъ. Въ Мюнхенѣ всѣ были разочарованы; кронпринцъ Людвигъ въ особенности не переставалъ хлопотать о присоединеніи Баденскаго Пфальца, а въ настоящее время намъ извѣстно даже, что король Людвигъ II пытался еще въ 1870 году вступить съ Бисмаркомъ въ переговоры о присоединеніи этой области къ Баваріи. Въ 1819 году Баденъ уступилъ Баваріи участокъ территоріи въ округѣ Вертгеймъ и получилъ отъ Австріи взамѣнъ его Гогенгерольдсэкъ; Ахенскій конгрессъ высказался также въ 1818 году въ пользу Бадена.

Раньше всѣхъ другихъ германскихъ государствъ конституція была введена въ Нассау при содѣйствіи Штейна 2 сентября 1814 года; но со-

словный сеймъ былъ созванъ только послѣ того, какъ герцогство упрочилось въ своихъ новыхъ границахъ. Собраніе было открыто герцогомъ Вильгельмомъ 3 марта 1818 года, и вскорѣ въ немъ разгорѣлся долгій споръ объ удѣльныхъ и государственныхъ имуществахъ. Государственный министръ баронъ Эрнстъ маршалъ фонъ Биберштейнъ былъ партикуляристомъ и реакціонеромъ чистѣйшей воды и шелъ по стопамъ Меттерниха. Общественное мнѣніе не вмѣнило въ заслугу нассаускому правительству перваго шага, который оно сдѣлало на пути либеральныхъ идей, такъ какъ оно застряло на мѣстѣ и больше уже не двигалось впередъ.

д) Германская молодежь.

Среди германской молодежи продолжали раздаваться патріотическія пѣсни Арндта даже послѣ того, какъ мечъ былъ вложенъ въ ножны. Фридрихъ Людвигъ Янъ, сынъ проповѣдника изъ г. Пригница, упражнялъ молодыхъ людей въ гимнастикѣ по спартанскому образцу; однако въ его поведеніи было много неестественнаго: онъ щеголялъ своей грубостью, неуваженіемъ къ внѣшнимъ приличіямъ и безсмысленною бранью по адресу власть имущихъ; благодаря этимъ своимъ недостаткамъ онъ отталкивалъ отъ себя благородныя натуры, и даже люди, отличавшіеся безспорно прогрессивными взглядами, какъ, напримѣръ, Гендрикъ Стеффенсъ и Карлъ фонъ Раумеръ, оказались рѣшительными противниками сбившагося съ прямого пути покровителя гимнастики. Философъ Іоаннъ Готлибъ Фихте еще въ 1811 году выступилъ проповѣдникомъ союза германскихъ студентовъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ привести къ благотворнымъ послѣдствіямъ. Первый опытъ этого рода былъ произведенъ братьями Августомъ Адольфомъ Людвигомъ и Карломъ Фолленъ въ гиссенскомъ университетѣ въ 1814 году; но вскорѣ іенскій университетъ превзошелъ „черныхъ“ съ ихъ уставомъ подъ названіемъ „зерцало чести“. Послѣ цѣлаго ряда жестокихъ столкновеній съ огрубѣвшими землячествами въ Іенѣ образовался **товарищескій союзъ буршей** (Burschenschaft). Бурши приняли за эмблему черно-красно-золотой цвѣтъ и поставили себѣ цѣлью стремиться къ объединенію Германіи и учрежденію общаго союза всѣхъ германскихъ студентовъ; 12 іюня 1815 года союзъ открылъ свои дѣйствія, причемъ на первыхъ порахъ бурши не отвлекались отъ своихъ непосредственныхъ цѣлей въ сторону политической пропаганды. Изъ Іены союзъ быстро распространился по другимъ германскимъ университетамъ, и на 18 октября 1818 года былъ назначенъ товарищескій съѣздъ для болѣе тѣснаго сближенія между студентами разныхъ университетовъ. Съѣздъ этотъ былъ тоже устроенъ во владѣніяхъ герцога саксенъ-веймарскаго Карла Августа, въ которыхъ процвѣтала въ высшей степени благородная періодическая печать. Нѣсколько сотъ студентовъ, исключительно протестантовъ, праздновали въ Вартбургѣ одновременно память Лейпцигской битвы изъ эпохи войны за освобожденіе и трехсотлѣтній юбилей со времени публичнаго выступленія Лютера въ Виттенбергѣ. Сначала праздникъ шелъ вполнѣ мирно и не носилъ никакой политической окраски; но затѣмъ нѣкоторые изъ мѣстныхъ студентовъ ударились въ политику, сожгли публично множество сочиненій, преимущественно политическаго содержанія, которыя казались имъ слишкомъ реакціонными и заслуживающими ненависти, слѣдуя примѣру Лютера, который поступалъ такимъ же образомъ съ книгами враждебнаго ему направленія; затѣмъ стали раздаваться крики: „Долой всѣхъ ожирѣвшихъ негодяевъ!“ (см. стр. 126). Этотъ инцидентъ сильно встревожилъ всѣ германскія правительства. Въ Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ стали опасаться дальнѣйшихъ революціонныхъ проявленій. Веймаръ и Іена были признаны за очаги якобинской пропаганды, а Карлу Августу пришлось выслушать отъ Меттерниха и

Гарденберга самые горькіе упреки; прусское правительство собиралось даже отправить въ Веймаръ военный отрядъ въ 30,000 человѣкъ и предпринять походъ противъ академической свободы; но герцогъ Карлъ Августъ взялъ подъ свою защиту академическую свободу и буршей, хотя онъ рѣзко осуждалъ ихъ несдержанность. Въ свое время очагомъ германской литературы былъ Веймаръ, а не Берлинъ, а покровителемъ великихъ германскихъ писателей — герцогъ Карлъ Августъ, а не Фридрихъ Великій; точно также и теперь поборники германской свободы не возлагали никакихъ надеждъ на Фридриха Вильгельма III, и эта свобода укрылась подъ крылышкомъ „стараго бурша“ Карла Августа.

e) Ахенъ.

20 ноября 1815 года Россія, Великобританія, Австрія и Пруссія нашли цѣлесообразнымъ устраивать отъ времени до времени конгрессы для совѣщанія о наилучшемъ улаженіи вопросовъ, касающихся спокойствія и благополучія Европы. Первый конгрессъ состоялся въ Ахенѣ; этотъ конгрессъ показалъ Европѣ, что дѣлами ея управляетъ аристократическій союзъ державъ. Александръ, Францъ и Фридрихъ-Вильгельмъ прибыли лично на конгрессъ въ сопровожденіи многочисленной свиты дипломатовъ, въ числѣ которыхъ были Меттернихъ, Генцъ, Гарденбергъ, Гумбольдтъ, Нессельроде, Поццо ди Борго и Каподистріа. Въ качествѣ представителя Франціи прибылъ Ришелье, а представителями Великобританіи были Веллингтонъ, Кэсльри и Каннингъ. Главнымъ предметомъ совѣщаній, начавшихся 30 сентября 1818 года, было удаленіе иностранныхъ гарнизоновъ изъ Франціи. Арманъ Дюплесси, герцогъ Ришелье, склонилъ представителей державъ, участвовавшихъ въ конгрессѣ, къ соглашенію отъ 9 октября, согласно которому послѣднимъ срокомъ для удаленія оккупаціонныхъ войскъ изъ Франціи было назначено 30 ноября 1818 года, между тѣмъ какъ раньше предполагалось, что эти войска останутся во Франціи до 1820 года; по тому же соглашенію съ Франціи была снята значительная доля военныхъ издержекъ и военнаго вознагражденія, наложенныхъ на нее. Однако Ришелье не удалось добиться вступленія Франціи въ союзъ четырехъ державъ и превращенія его въ союзъ пяти державъ (пентархію); хотя Франція и была принята 15 ноября въ союзъ великихъ державъ съ присоединеніемъ ея къ Священному Союзу, но предложенный Александромъ и Ансильономъ договоръ о взаимныхъ гарантіяхъ пяти великихъ державъ не состоялся, а остальныя четыре державы, кромѣ Франціи, 15-го ноября возобновили въ тайнѣ Шомонскій союзъ и сговорились между собой относительно военныхъ мѣропріятій, предстоящихъ въ случаяхъ войны съ Франціей. На этомъ же конгрессѣ былъ улаженъ споръ между Баваріей и Баденомъ, какъ уже было упомянуто (см. стр. 134). На конгрессѣ обсуждались также другіе международные европейскіе вопросы, но это обсужденіе не привело ни къ какимъ существеннымъ результатамъ; между прочимъ, были усилены мѣры предосторожности, принятыя противъ узника на островѣ св. Елены. Русскій императоръ Александръ I, который въ это время относился благосклонно къ либеральнымъ теченіямъ въ Западной Европѣ и выражалъ свое сочувствіе конституціоннымъ принципамъ въ Польшѣ, вскорѣ отрекся отъ этого направленія. Онъ сталъ далеко не такъ дружелюбнымъ по отношенію къ требовательнымъ полякамъ, превратился въ вѣрнаго ученика Меттерниха и подчинился вліянію „Гатчинскаго унтеръ-офицера“, всемогущаго графа А. А. Аракчеева. Хотя его царствованіе было эпохой расцвѣта для русскаго искусства, литературы и науки, хотя въ это время уже начиналъ входить въ славу Пушкинъ, зато, съ другой стороны во внутренней политикѣ Александра обнаружились темныя стороны, вызванныя страхомъ предъ революціей, атеизмомъ и покушеніями; общее на-

правленіе его политики было мистически-реакціоннымъ. М. М. Сперанскій даромъ потратилъ свой трудъ. Различныя событія изъ современной ему исторіи Германіи усилили подозрительное отношеніе Александра къ поборникамъ свободы и къ идеалистическимъ народнымъ теченіямъ.

Александръ освободился мало-по-малу отъ всѣхъ слѣдовъ своего прежняго либерализма; Меттернихъ и Кэслри, при видѣ его обращенія на путь истины, потирали себѣ руки отъ удовольствія, а докладная записка зловѣщаго пророка Александра Стурдзы о современномъ состояніи Германіи, въ которой онъ ополчался противъ свободы обученія въ университетахъ и противъ свободы печати, усилила отвращеніе Александра ко всему, напоминающему о свободѣ, какъ только царь познакомился съ содержаніемъ этой записки въ Ахенѣ. Парижская конференція посланниковъ (стр. 114) была объявлена закрытой. Конгрессъ закончился 21 ноября, и между пятью великими державами установилось, повидимому, полное согласіе.

ж) Ришелье.

Съ ужасомъ видѣлъ Ришелье, какъ революціонное настроеніе все разрастается во Франціи; онъ совѣтовалъ бороться противъ него, не стѣсняясь мѣрами. Законъ о воинскихъ наборахъ, обнародованный 10 марта 1818 года и повлекшій за собою полное переустройство арміи, былъ дѣломъ его рукъ; Франція была обязана ему той мягкостью и благосклонностью, съ которой отнеслись къ ней союзники, и очищеніемъ французской территоріи отъ иностранныхъ оккупаціонныхъ войскъ; но составленный имъ проектъ измѣненія нецѣлесообразнаго избирательнаго закона 1817 года повлекъ за собой отставку Ришелье 29 декабря 1818 года. Къ власти было призвано министерство Дессоля, дѣйствовавшее въ духѣ соперника Ришелье королевскаго фаворита Эли Деказа (стр. 110), который сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. 23 августа 1819 года состоялось соглашеніе между Франціей и римской Куріей. Свобода печати была нѣсколько расширена; были отмѣнены исключительные законы, ограничивавшіе личную неприкосновенность французскихъ гражданъ. Министерство искало сближенія то съ конституціоналистами, то съ крайними роялистами, лишилось всякаго довѣрія съ чьей бы то ни было стороны и находилось въ исключительной зависимости отъ колеблющейся личной политики короля. Между тѣмъ страстная борьба партій все обострялась; въ мартѣ 1819 года было назначено много новыхъ пэровъ, но тѣмъ не менѣе корона все еще не имѣла въ парламентѣ достаточнаго числа приверженцевъ, на которыхъ она могла бы опереться. Существовала неотложная необходимость въ реформѣ избирательнаго закона; надо было показать кулакъ парламентской лѣвой: 20 ноября 1819 года вся Франція узнала, что Дессоль получилъ отставку, а министромъ-президентомъ былъ назначенъ Деказъ. Измѣнчивая политика Деказа быстро оттолкнула отъ него всѣ партіи, и всѣ ожидали только случая избавиться отъ него. 13 февраля 1820 года былъ заколотъ кинжаломъ въ оперномъ театрѣ племянникъ короля герцогъ Беррійскій Карлъ Фердинандъ, единственный потомокъ Людовика XV по прямой линіи, отъ котораго ожидали дальнѣйшаго потомства; крайніе роялисты пустили въ ходъ такую клевету, будто Деказъ — соучастникъ убійцы герцога, Лувеля. Даже сама королевская семья стала заклинать короля, чтобы онъ разстался съ своимъ фаворитомъ; 21 февраля 1820 года Деказъ вышелъ въ отставку. Ришелье былъ вновь назначенъ министромъ-президентомъ; Деказъ былъ отправленъ въ качествѣ посланника въ Лондонъ и получилъ титулъ герцога; вынужденная отставка Деказа подѣйствовала на короля такъ тяжело, какъ будто она была равносильна его собственному отреченію отъ престола. Правительству пришлось возстановить исключительные законы противъ личной неприкосновенности гражданъ; но эти мѣры правитель-

ства вызвали сильное возмущеніе среди радикаловъ, которые и безъ того подняли тревогу по поводу опасности, угрожавшей избирательному закону 1817 года. Въ іюнѣ 1820 года дѣло дошло въ Парижѣ до кровопролитныхъ столкновеній, но тѣмъ не менѣе парламентская правая добилась своего, — 29 іюня былъ введенъ новый избирательный законъ. Франція отдѣлалась благополучно отъ опасности быть отданной во власть демагоговъ крайней лѣвой. Ришелье правилъ государствомъ въ строго монархическомъ духѣ, но никогда не игралъ роли представителя крайнихъ роялистовъ „Павильона Марсана“.

з) Карлсбадъ.

Когда Меттернихъ обращалъ свои взоры на Пруссію, то онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ король Вильгельмъ тащится у него самого на буксирѣ и какъ Гарденбергъ ведетъ безконечную войну съ Вильгельмомъ фонъ Гумбольдтомъ; когда онъ обращалъ свои взоры на Южную Германію, то онъ наталкивался на пеструю картину, въ которой было очень много загадочнаго. Въ Баваріи первая сессія ландтага сопровождалась такими непріятными инцидентами, что король сталъ думать объ отмѣнѣ конституціи. Въ Баденѣ, въ которомъ наибольшимъ вліяніемъ пользовались Роттекъ и баронъ Людвигъ Августъ Фридрихъ фонъ Либенштейнъ, посыпался на голову правительства новаго великаго герцога Людвига I цѣлый градъ запросовъ; столкновеніе между правительствомъ и народными представителями приняло такой острый характеръ, что великій герцогъ отсрочилъ сессію палатъ 28 іюля 1818 года. Въ нассаусскомъ и гессендармштадтскомъ ландтагахъ тоже происходили волненія.

Реакціонерамъ все это доставляло удовольствіе, а 23 марта 1819 года послѣ преступленія, совершеннаго студентомъ Карломъ Людвигомъ Зандомъ, для нихъ насталъ настоящій праздникъ. Зандъ былъ фанатикомъ съ весьма ограниченнымъ умомъ, который вбилъ себѣ въ голову, что Коцебу, авторъ комедій и статскій совѣтникъ на службѣ у русскаго правительства, есть русскій шпіонъ и опаснѣйшій врагъ германской свободы и германскихъ академическихъ вольностей; поэтому онъ заколол ъ его кинжаломъ въ Маннгеймѣ. Въ то время, какъ широкіе круги общества отнеслись къ Занду съ большимъ сочувствіемъ, правительствамъ мерещился отъ страха общій заговоръ студентовъ, разсадникомъ котораго они считали іенскій университетъ, въ которомъ учился Зандъ; на великаго герцога Карла Августа стали смотрѣть очень косо, и всѣ его попытки спасти академическую свободу оказались тщетными.

Меттернихъ пользовался вліяніемъ, и онъ пустилъ его въ ходъ, будучи увѣренъ въ сочувствіи большинства германскихъ правительствъ, Россіи и Великобританіи; Французское правительство тоже поспѣшило выразить полное одобреніе его плану, Фридрихъ Вильгельмъ III подчинился окончательно вліянію Витгенштейна и Кампца; страхъ предъ революціей отуманилъ ему голову, и онъ готовъ былъ стереть съ лица земли все то, въ чемъ заключался хотя бы намекъ на либерализмъ.

Университеты, это лучшее украшеніе Германіи, были признаны разсадниками революціонной пропаганды; германскія правительства рѣшили заняться основательной чисткой ихъ. Въ этомъ пунктѣ Австрійское и Прусское правительства вполнѣ сходились между собою: во время лѣчебнаго сезона на карлсбадскихъ водахъ правители обоихъ этихъ государствъ предполагали условиться между собою относительно предстоящихъ мѣропріятій. Они рѣшили не откладывать этого дѣла въ долгій ящикъ, такъ какъ уже 1 іюля 1819 г. Зандъ нашелъ себѣ послѣдователя: аптекарскій ученикъ Карлъ Лённигъ покушался, съ кинжаломъ въ рукахъ, въ Швальбахѣ на жизнь Нассаускаго правительственнаго президента Карла фонъ-

Ибелля, который дѣйствовалъ въ очень благотворномъ либеральномъ духѣ, но на котораго фанатическіе радикалы накидывались, какъ на реакціонера: покушеніе оказалось неудачнымъ, и виновный тутъ же на мѣстѣ преступленія покончилъ съ собой самоубійствомъ. Немедленно послѣ этого въ Пруссіи пошли обыски, захваты бумагъ и аресты; Яна засадили въ крѣпость, бумаги книгопродавца Георга Андрея Реймера были опечатаны, проповѣди Шлейермахера произносились подъ надзоромъ полиціи, у Велькера и Арндта въ Боннѣ рылись повсюду и захватили всѣ ихъ сочиненія, которыя не понравились полицейскимъ сыщикамъ; всѣ протесты ни къ чему не привели; никто не былъ гарантированъ отъ безграничнаго произвола полиціи; тайна частной переписки нарушалась самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, правительство пускало въ ходъ ложные слухи о существующемъ якобы заговорѣ для ниспроверженія предержащей власти.

29 іюля въ Теплицѣ состоялось свиданіе между Фридрихомъ Вильгельмомъ и Меттернихомъ. Благодаря вліянію Меттерниха король еще сильнѣе утвердился въ своей рѣшимости не вводить общегосударственной конституціи: австрійскій министръ окончательно возстановилъ короля противъ конституціонныхъ проектовъ Гарденберга, а 1 августа состоялось въ Теплицѣ соглашеніе, которое всегда держалось въ тайнѣ, но которое предположено было положить въ основу Карлсбадской конференціи; рѣшено было наложить узду на печать и на учебныя заведенія и составить соотвѣтствующее разъясненіе къ параграфу 13 союзнаго акта. Меттернихъ торжествовалъ. Онъ справился окончательно со всѣми своими противниками, даже политика Гарденберга стала казаться ему слишкомъ радикальной. Послѣ этого Меттернихъ прибылъ въ Карлсбадъ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія; тутъ онъ засталъ цѣлую толпу вѣрныхъ ему дипломатовъ; помимо союзнаго сейма, онъ устроилъ между 6 и 31 августа конференцію, въ которой участвовали представители не болѣе четверти всѣхъ германскихъ правительствъ, но въ которой тѣмъ не менѣе были приняты составленныя въ реакціонномъ духѣ рѣшенія по вопросамъ весьма важнаго свойства: Генцъ былъ секретаремъ и велъ протоколы этихъ совѣщаній, которые послужили главнымъ основаніемъ для рѣшеній, принятыхъ въ Карлсбадѣ. Меттернихъ хотѣлъ предоставить союзному сейму болѣе широкое право вмѣшательства въ законодательство отдѣльныхъ государствъ Союза и держать союзныя правительства подъ своимъ контролемъ негласнымъ путемъ, при посредствѣ Союзнаго сейма. Составленіе предполагавшихся разъясненій къ 13 параграфу союзнаго акта было отложено впредь до предстоящей конференціи въ Вѣнѣ, а въ Карлсбадѣ было выработано соглашеніе по четыремъ главнымъ пунктамъ. Было рѣшено издать на пять лѣтъ очень строгія цензурныя правила для всѣхъ произведеній ежедневной и вообще періодической печати и для печатныхъ произведеній объемомъ меньше 20 печатныхъ листовъ. Каждому изъ союзныхъ государствъ предоставлялось ввести въ предѣлахъ своихъ владѣній дальнѣйшія цензурныя стѣсненія, если имъ заблагоразсудится. Всѣ правительства должны были завести у себя особыхъ уполномоченныхъ для строгаго надзора за университетами; профессоровъ съ вреднымъ образомъ мыслей было рѣшено немедленно удалить, а также воспретить всякаго рода тайныя общества, въ томъ числѣ общегерманскій студенческій союзъ: изобличенные въ принадлежности къ какому нибудь тайному обществу были лишены права поступать на общественныя должности. Для разслѣдованія дѣлъ о преступной пропагандѣ было рѣшено устроить центральную коммиссію въ Майнцѣ, въ составъ которой должны были войти уполномоченные отъ Австріи, Пруссіи, Баваріи, Ганновера, Бадена, Гессенъ-Дармштадта и Нассау: по предложенію Австріи было оговорено, что этой коммиссіи не будетъ предоставлено никакой судебной власти. Были составлены временныя правила о мѣрахъ для подавленія безпорядковъ, которыя должны были войти въ силу 3 августа

1820 г. и которыми обезпечивалось исполненіе союзныхъ постановленій объ охранѣ внутренней безопасности; въ случаѣ надобности допускалось примѣненіе военной силы.

Карлсбадская конференція закончилась 21 сентября; реакціонеры были внѣ себя отъ восторга. Австрія дѣйствовала въ Германіи въ роли полновластнаго хозяина. „Открывается новая эра," писалъ Меттернихъ въ Лондонъ. Союзный сеймъ утвердилъ 20 сентября съ необычайной поспѣшностью постановленія Карлсбадской конференціи, которыя были немедленно обнародованы во всѣхъ союзныхъ государствахъ. Австрійское правительство одурачило всѣ германскія государства, а всѣ союзныя правительства поспѣшили выразить Францу I свою почтительную благодарность за его благодѣянія. Люди съ независимымъ образомъ мыслей считали Карлсбадскія постановленія не только покушеніемъ на гражданскія права населенія, но и позоромъ; тѣмъ не менѣе германскія правительства ввели ихъ, не стѣсняясь никакими крутыми мѣрами, несмотря на негодованіе такихъ людей, какъ Штейнъ, Роттекъ, Нибуръ, Дальманъ, Людвигъ Бёрне и другіе. Центральная слѣдственная комиссія усердно обыскала всѣ закоулки германскаго союза, не открыла ничего важнаго, какъ это явствуетъ изъ ея собственныхъ докладовъ, но нанесла громадный вредъ своимъ наглымъ вмѣшательствомъ въ общественную и частную жизнь. Ни одно изъ иностранныхъ правительствъ не выступило съ протестомъ, хотя многіе иностранные государственные дѣятели съ Каподистріей во главѣ осуждали то крайнее реакціонное теченіе, которое господствовало въ Германіи. Студенческій союзъ былъ закрытъ оффиціально 26 ноября 1819 г., но втайнѣ былъ немедленно снова возстановленъ.

Въ Австріи не существовало никакихъ слѣдовъ революціоннаго движенія. Что касается Пруссіи, то она слѣдовала покорно всѣмъ совѣтамъ Австрійскаго кабинета. Гарденбергъ тоже всегда исполнялъ съ готовностью всѣ предписанія Меттерниха. Въ Берлинѣ поступали, какъ съ изобличеннымъ заговорщикомъ со всякимъ, на кого падало малѣйшее подозрѣніе въ политической неблагонадежности. Въ цензурномъ распоряженіи, изданномъ 18 октября 1819 г., въ годовщину освобожденія Германіи, чувствовался зловредный духъ Вёльнера; иностранныя газеты были подвергнуты особенно строгому цензурному надзору. Нигдѣ реакція не обнаруживала такой нетерпимости, какъ въ Пруссіи; ничто не напоминало больше о словахъ Фридриха Великаго: „каждый можетъ спасать свою душу по своему". Гимнастика преслѣдовалась съ такой же безпощадностью, какъ умственная гимнастика университетскаго образованія. Происходили такія возмутительныя расправы, которыя не поддаются никакому описанію; такихъ людей, какъ Арнтъ, Гнейзенау, Янъ, гнали сквозь строй; такого патріота, какъ Юстусъ Грунеръ, подвергали истязаніямъ на смертномъ одрѣ, а Гёрреса заставили бѣжать изъ Германіи. Само собою разумѣется, правительство нисколько не торопилось исполненіемъ королевскаго обѣщанія дать конституцію, котораго впрочемъ, Фридрихъ Вильгельмъ никогда не принималъ въ серьезъ. Между Гарденбергомъ и Гумбольдтомъ происходили непрерывныя столкновенія; Гумбольдтъ возставалъ противъ слишкомъ широкихъ полномочій государственнаго канцлера, который уже не стоялъ на высотѣ своего положенія, а Гарденбергъ предложилъ королю 11 августа 1819 г. новый проектъ конституціи. Король сталъ въ этомъ спорѣ на сторону Гарденберга; Бойенъ и К. В. Г. фонъ Грольманъ вышли въ отставку, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовала 31 декабря 1819 г. отставка Гумбольдта и графа К. Ф. фонъ Бейме. Меттерниху это было какъ разъ на руку; Гумбольдтъ, „этотъ совсѣмъ злой человѣкъ", былъ устраненъ и съ этихъ поръ жилъ только для науки, а положеніе Гарденберга было снова упрочено. Гарденбергъ старался прежде всего провести податные финансовые законы. 17 января 1820 г. было издано распоряженіе о государственныхъ долгахъ,

въ которомъ либераламъ было дано утѣшительное обѣщаніе, что впредь корона не будетъ прибѣгать къ новымъ займамъ безъ согласія имѣющаго быть учрежденнымъ сословнаго сейма королевства, и что канцелярія, завѣдывающая государственнымъ долгомъ, впредь будетъ отдавать сейму ежегодный отчетъ. Морская торговля и банкъ подверглись преобразованіямъ; правительство обѣщало публиковать каждые три года вѣдомость о государственныхъ приходахъ и расходахъ. Послѣ этого Гарденбергъ выступилъ съ своими проектами податныхъ реформъ, и, несмотря на цѣлый рядъ препятствій, 30 мая 1820 г. вошли въ силу новые законы о налогахъ, которые имѣли свои недостатки, но тѣмъ не менѣе заслуживали уваженія.

По соглашенію, состоявшемуся въ Карлсбадѣ, въ Вѣну съѣхались вторично представители нѣкоторыхъ союзныхъ государствъ; между 25 ноября 1819 г. и 24 мая 1820 г. они устраивали между собой совѣщанія, присвоивъ себѣ фактически права Союзнаго сейма; результатомъ этихъ совѣщаній былъ Вѣнскій заключительный актъ 15 мая 1820 г., который на практикѣ получилъ такую же силу, какъ и союзный актъ 1815 г.; въ полномъ собраніи союзнаго сейма, состоявшемся 8 іюня 1820 г., этотъ актъ былъ утвержденъ и причисленъ къ основнымъ параграфамъ союзной конституціи. Побѣда осталась за партикуляризмомъ и реакціей; дѣятельность союзнаго сейма была опять парализована. Несмотря на всѣ старанія реакціонныхъ правительствъ, имъ не удалось подавить конституціонныхъ стремленій германскаго народа, въ палатахъ отдѣльныхъ государствъ жизнь не заглохла окончательно; нѣкоторые параграфы новаго союзнаго акта остались невыполненными даже въ Вѣнѣ. Новый союзный законъ, противорѣчившій всѣмъ ожиданіямъ германскаго народа, вызвалъ всеобщее возмущеніе; но Меттернихъ покоился на лаврахъ и былъ осыпанъ такими знаками одобренія, что его мало смущали укоры графа Джіованни Каподистріи и другихъ либеральничающихъ русскихъ сановниковъ.

Въ Вѣнѣ былъ, между прочимъ, поднятъ вопросъ объ уничтоженіи стѣсненій для торговыхъ сношеній между союзными государствами; представители союзныхъ государствъ, участвовавшіе въ вѣнскихъ совѣщаніяхъ, смотрѣли косо на стремленія Пруссіи къ учрежденію таможеннаго союза. Прусскій таможенный уставъ, обнародованный 26 мая 1818 г. (стр. 128), подвергся рѣзкимъ нападкамъ; на Ахенскомъ конгрессѣ его чуть было не отмѣнили; но онъ пережилъ эту бурю и продолжалъ дѣйствовать подъ защитой Іоанна Альбрехта Фридриха Эйхгорна. Въ области финансовыхъ интересовъ Эйхгорнъ дѣйствовалъ вполнѣ независимо; это былъ скромный труженикъ, который съ неутомимымъ терпѣніемъ стремился къ своей цѣли заставить германскія государства примкнуть къ Пруссіи въ силу своихъ собственныхъ интересовъ. Въ 1819 г. онъ обратился къ Тюрингенскимъ государствамъ, территорія которыхъ была кругомъ окружена прусскими владѣніями, съ предложеніемъ о таможенномъ объединеніи, и 25 октября того же года состоялся первый договоръ подобнаго рода между Пруссіей и Шварцбургъ-Зондерсгаузеномъ. Такъ какъ этотъ договоръ былъ очень выгоденъ для слабѣйшей стороны, то онъ послужилъ образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ договоровъ съ государствами, расположенными внутри прусскихъ владѣній. Послѣ этого союзныя правительства заговорили въ рѣзкомъ тонѣ о неумѣренныхъ притязаніяхъ Пруссіи, и кое-гдѣ стали даже требовать отмѣны прусскаго таможеннаго устава подъ тѣмъ предлогомъ, что таможенное объединеніе Германіи подлежитъ компетенціи союза. Такія сужденія высказывались также на Вѣнской конференціи. Ангальтъ-Кетенъ и Саксенъ-Кобургъ подняли страшный шумъ; къ ихъ протесту присоединились также и другія государства, при чемъ оказалось, что Сѣверно-Германскія союзныя государства были еще болѣе ярыми врагами Пруссіи, болѣе вѣрными приверженцами Австріи и болѣе усердными поклонниками старины, чѣмъ Южно-Германскія.

Подъ руководствомъ Тюбингенскаго профессора Фридриха Листа былъ основанъ въ 1819 г. въ Франкфуртѣ во время апрѣльской ярмарки купцами изъ Средней и Южной Германіи германскій торговопромышленный союзъ; онъ обратился къ союзному сейму съ петиціей, составленной Листомъ, въ которой проглядывало идеальное стремленіе къ всеобщей свободѣ торговли между всѣми народами: союзъ требовалъ уничтоженія внутреннихъ таможенъ на границахъ между отдѣльными союзными государствами и введенія общихъ союзныхъ пошлинъ на иностранные товары, какъ временной мѣры, — но эта петиція была отвергнута. Тогда Листъ сталъ осаждать каждое изъ союзныхъ государствъ въ отдѣльности, изобличалъ въ своемъ журналѣ вредъ, причиняемый германской торговой политикой, выступалъ противникомъ прусскаго таможеннаго устава и не переставалъ требовать введенія общаго союзнаго таможеннаго устава. Гораздо большей ясностью отличались мнѣнія баденскаго государственнаго дѣятеля Карла Фридриха Небеніуса (стр. 134) по вопросамъ торговой политики. Небеніусъ представилъ во время Вѣнской конференціи свой докладъ, въ которомъ онъ тоже возставалъ противъ прусскаго таможеннаго устава; однако, несмотря на всѣ достоинства этого доклада, онъ не оказалъ никакого вліянія на развитіе таможеннаго союза. Изъ выдающихся писателей той эпохи въ пользу прусской торговой политики высказался одинъ только Іоаннъ Фридрихъ Бенценбергъ; напротивъ того, изъ вражды къ Пруссіи въ 1820 г. возникъ даже проектъ отдѣльнаго Южно- и Средне-Германскаго таможеннаго союза съ городомъ Дармштадтомъ, какъ центромъ, но этотъ проектъ оказался мертворожденнымъ дѣтищемъ, никакихъ осязательныхъ результатовъ не удалось достигнуть. Такую же неудачу потерпѣли и всѣ другіе проекты таможенныхъ союзовъ. Одной только Пруссіи удалось придти къ цѣли, и то только послѣ тяжелой борьбы и послѣ долгаго дипломатическаго состязанія. Благодаря трудамъ Фридриха Христіана Адольфа фонъ Меца, Эйхгорна и Карла Георга Маассена Германскій таможенный союзъ наконецъ сталъ на твердую почву и проложилъ тотъ путь, который довелъ Пруссію до первенствующаго положенія въ Германіи и отдалъ ей въ руки императорскую корону.

и) Волненія въ Испаніи и Португаліи.

Анархія, господствовавшая на Пиренейскомъ полуостровѣ, повидимому оправдывала существованіе реакціи и служила для нея законнымъ поводомъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Испаніи и Португаліи. Король Фердинандъ VII, котораго привѣтствовали такъ горячо при его вступленіи на престолъ, оказался вскорѣ низкимъ деспотомъ, который прибѣгалъ для поддержанія своей власти къ коварству, лжи и плутовству. Въ 1814 г. онъ уже упразднилъ конституцію 1812 г. (см. т. IV, стр. 559), проникнутую духомъ французскаго учредительнаго собранія, воздвигнулъ гоненіе на всѣхъ либераловъ и также на приверженцевъ Жозефа Наполеона (Josefinos, Afrancesados) при помощи низкой партіи придворныхъ и королевскихъ фаворитовъ, камарильи, возстановилъ всѣ монастыри и инквизицію, возвратилъ въ Испанію іезуитовъ и погрузилъ свою страну въ глубокій мракъ отжившихъ вѣковъ; онъ уничтожилъ всѣ плодотворныя преобразованія административнаго и судебнаго характера, наполнилъ тюрьмы невинными и проводилъ все время въ кутежахъ въ компаніи промотавшихся придворныхъ аристократовъ. Торговля и промышленность совершенно пріостановились; государственная касса оставалась пустой, несмотря на непомѣрную тяжесть налоговъ. Король не переставалъ мѣнять по своему капризу своихъ министровъ и другихъ важныхъ сановниковъ; въ государственныхъ дѣлахъ господствовалъ невообразимый безпорядокъ. Послѣдствіемъ такого ужаснаго положенія вещей были многочисленныя возстанія,

главарями которыхъ оказывались недовольные честолюбивые генералы, какъ, напримѣръ, Ксаверіо Мина; эти возстанія подавлялись, и вслѣдъ затѣмъ начинались многочисленныя казни; рубили головы и вѣшали. Вѣрность Южно-Американскихъ колоній по отношенію къ своей метрополіи тоже поколебалась: было очевидно, что онѣ вскорѣ отпадутъ, несмотря на всѣ мѣры, которыя принимались противъ этого (см. т. I стр. 510); Соединенные Штаты Сѣверной Америки, эта новая быстро развивавшаяся міровая держава, между прочимъ, сильно способствовала отпаденію испанскихъ колоній. Иной разъ король Фердинандъ просыпался отъ своей лѣни подъ давленіемъ иностранныхъ державъ, въ особенности Россіи; начинало казаться, что наступаетъ новая эра, но вскорѣ король поддавался какому нибудь новому капризу.

Въ Кадиксѣ были собраны полки, которые предполагалось отправить для подавленія возстанія Южно-Американскихъ колоній. На бѣду въ это время въ томъ же городѣ вспыхнуло возстаніе противъ злоупотребленій Мадридского правительства (см. т. I, стр. 522 и т. IV, стр. 559); 1 января 1820 года полковникъ, командовавшій Астурійскимъ полкомъ, Рафаэль дель Ріего--и—Нуньецъ, провозгласилъ конституцію 1812 г. въ селеніи Ласъ Кабецасъ Де Санъ Хуанъ; Ріего захватилъ въ плѣнъ главнаго начальника экспедиціоннаго корпуса вмѣстѣ съ его генеральнымъ штабомъ, находившимся въ Аркосѣ, прогналъ представителей мѣстной администраціи и вступилъ въ союзъ съ полковникомъ Антоніо Квирога, который теперь сталъ во главѣ заговорщиковъ. Заговорщики не могли взять Кадикса; походъ Ріего черезъ Андалузію кончился неудачно, и онъ вынужденъ былъ распустить своихъ приверженцевъ 11 Марта въ городѣ Бьенвенидѣ; Квирога тоже не имѣлъ успѣха. Но вскорѣ послѣ этого во всей Испаніи, не исключая даже и Мадрида, стали громко требовать возстановленія конституціи 1812 года; поднялось возстаніе въ Галиціи, Астуріи, Кантабріи и Арагоніи. Правительство совершенно растерялось, слишкомъ уже нечиста была у него совѣсть; 7-го марта Фердинандъ изъявилъ готовность дать присягу на вѣрность конституціи 1812 года „согласно общей волѣ народа", а 9 марта онъ изъ трусости поспѣшилъ принести эту присягу; король обнаружилъ свою низость во всей ея наготѣ. Разгулу и ликованіямъ революціонеровъ не было конца: Квирога и Ріего были назначены фельдмаршалами; Квирога сталъ вице-президентомъ кортесовъ, открытыхъ 29 іюля, и старался склонить палаты къ умѣренности. Ріего былъ назначенъ генералъ-капитаномъ Галиціи и, начиная съ 30 августа, оставался въ Мадридѣ, гдѣ радикалы устраивали ему шумныя оваціи: гимнъ въ честь Ріего сталъ самой популярной пѣсней. Однако не позже, какъ 6 сентября, Ріего былъ вынужденъ оставить Мадридъ и уѣхать въ Овьедо; ему повредило его собственное чванство. Впрочемъ, радикальная партія вскорѣ вернулась опять къ власти; Ріего былъ назначенъ генералъ-капитаномъ Арагоніи, и двору пришлось опять перенести новыя униженія.

Духъ неудовольствія и возмущенія охватилъ также и Португалію, которой правилъ преобразователь арміи фельдмаршалъ Уильямъ Карръ, баронъ Бересфордъ, отъ имени находившагося въ Бразиліи короля Іоанна VI (срав. т. IV, стр. 558). Національный заговоръ противъ британцевъ, вспыхнувшій въ 1817 году, былъ быстро подавленъ; но народное возмущеніе не улеглось, и когда Бересфордъ отправился въ Ріо-де-Жанейро для личныхъ переговоровъ съ королемъ, то члены тайныхъ обществъ воспользовались его отсутствіемъ и подняли новое возстаніе, которое вспыхнуло 24 августа 1820 года въ Опорто подъ руководствомъ полковника Сепульведа и графа де Сильвейра; 15 сентября возстаніе охватило также и Лиссабонъ. Въ обоихъ этихъ городахъ были учреждены юнты, которыя соединились между собою 1 октября и составили временное правительство; когда Бересфордъ вернулся 10 октября, то ему не дали сойти на берегъ. Кортесы 1821 года

выработали къ 9 марта основныя положенія конституціи съ ограниченіемъ правъ короны, причемъ за образецъ была взята испанская конституція; всѣ начальствующія лица принесли присягу на вѣрность конституціи; графъ Педро Пальмелло, самый выдающійся изъ португальскихъ государственныхъ дѣятелей, посовѣтовалъ королю Іоанну VI послѣдовать ихъ примѣру. Іоаннъ прибылъ въ Лиссабонъ, оставилъ своего старшаго сына донъ Педро регентомъ въ Бразиліи и 3 іюля 1821 года далъ присягу на вѣрность конституціи.

к) Волненія въ Италіи.

Въ Италіи господствовало сильное теченіе въ пользу республиканскихъ идей и національнаго объединенія. Почти никто изъ итальянцевъ не возлагалъ своихъ надеждъ на Пьемонтское правительство; король Викторъ Эммануилъ I былъ ограниченнымъ ханжей и поклонникомъ самой безсмысленной реакціи; онъ былъ готовъ послѣдовать примѣру, который далъ когда-то Вильгельмъ I въ Касселѣ, и вычеркнуть изъ исторіи все то, что произошло, начиная съ 1798 года. Конституціоналисты и приверженцы народной свободы не могли ничего ожидать ни отъ самаго короля, ни отъ его вѣроятнаго наслѣдника Карла Феликса; только дворянству и духовенству не на что было жаловаться. Всѣ надежды на наступленіе болѣе свѣтлыхъ дней сосредоточивались на представителѣ боковой Кариньянской линіи царствующаго дома Карлѣ-Альбертѣ, который игралъ въ Піемонтско-Сардинскомъ королевствѣ такую же роль, какъ герцогъ Орлеанскій во Франціи и съ именемъ котораго связывали свои мечты о будущей судьбѣ Италіи многіе изъ итальянскихъ патріотовъ, жившихъ за предѣлами тогдашнихъ политическихъ границъ итальянскихъ государствъ. Царствовавшій въ Моденѣ герцогъ Францъ VI, принадлежавшій къ австрійскому царствующему дому, упразднилъ всѣ учрежденія революціонной эпохи и ввелъ обратно старые дореволюціонные порядки; всѣми дѣлами государства управляли іезуиты.

Благодаря общему возмущенію, господствовавшему среди населенія Модены, эта область стала такимъ громаднымъ разсадникомъ тайныхъ обществъ, какимъ были только папскія владѣнія и, въ меньшей степени, Парма во время царствованія жены Наполеона Маріи Луизы, да еще Лукка. Тосканой управлялъ великій герцогъ Фердинадъ III, человѣкъ миролюбивый, неспособный къ мстительности и къ суровымъ мѣрамъ; онъ былъ врагомъ реакціи, хотя тоже иногда слѣдовалъ вреднымъ совѣтамъ Вѣнскаго кабинета; подъ покровомъ общественнаго спокойствія и личной безопасности духовная и матеріальная культура преуспѣвали въ его владѣніяхъ. Эта область управлялась лучше всѣхъ другихъ государствъ Италіи, и сынъ Фердинанда, Леопольдъ II, вступившій на престолъ въ 1824, тоже былъ заботливымъ и счастливымъ правителемъ на благо своего народа.

Когда была возстановлена Церковная область, то Пій VII и его даровитый статсъ-секретарь кардиналъ Консальви тоже были одушевлены наилучшими намѣреніями; но проклятіе, тяготѣющее надъ теократическими правительствами, уничтожило всѣ плоды ихъ стараній. Папская область потеряла всякое подобіе современнаго цивилизованнаго свѣтскаго государства, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Консальви былъ устраненъ, а бразды правленія взялъ въ свои собственныя руки папа Левъ XII (вступ. на прест. въ 1823 году, скончь. въ 1829 г.); тайные союзы и заговоры стали расти какъ грибы, разбойничьи шайки расплодились снова. Тайный союзъ карбонаріевъ (Carbonería), возникшій въ 1808 году въ Неаполитанскомъ королевствѣ, поддерживалъ сношенія съ франкмассонами, вліяніе которыхъ сказывалось во всѣхъ итальянскихъ волненіяхъ, и съ королевой Неаполитанской Маріей Каролиной, которая пользовалась этимъ тайнымъ обществомъ, какъ орудіемъ для борьбы противъ Іоахима Мюрата. Однако вскорѣ

распалась связь между этой „сектой“ и Бурбонами: карбонаріи сблизились съ Іоахимомъ, надѣясь добиться при посредствѣ его объединенія и независимости Италіи; Бурбоны же, напротивъ того, покровительствовали смертельнымъ врагамъ карбонаріевъ, сектѣ „кальдераріевъ“, которая состояла изъ реакціонныхъ пособниковъ придворной клики. Всѣ усилія правительства подавить тайное общество карбонаріевъ ни къ чему не привели: пропаганда карбонаріевъ охватила всѣ слои населенія; но, впрочемъ, это общество стало вырождаться вслѣдствіе того, что оно принимало въ свою среду людей порочнаго поведенія.

Злоупотребленія, происходившія въ Неаполѣ и Сициліи, подготовили почву для революціоннаго движенія. Король Фердинандъ IV былъ по своему характеру старый флегматикъ, хитрый и коварный, жестокій и распутный и не сдержалъ ни одного изъ тѣхъ обѣщаній, которыя онъ далъ народу тотчасъ послѣ своего возвращенія на престолъ; напротивъ того, онъ втайнѣ обязался предъ австрійскимъ правительствомъ не вводить въ своихъ владѣніяхъ никакой конституціи до тѣхъ поръ, пока австрійское правительство не сдѣлаетъ того же. 11 декабря 1816 года онъ соединилъ всѣ свои владѣнія въ одно государство подъ названіемъ королевства „Обѣихъ Сицилій“ и принялъ титулъ Фердинанда I (см. стр. 103); послѣ этого онъ отмѣнилъ конституцію, введенную въ Сициліи Уильямомъ Чарльзомъ Кавендишемъ, лордомъ Бентинкомъ, въ 1812 году и горько разочаровалъ всѣхъ своихъ подданныхъ, хотя онъ все-таки оставилъ въ неприкосновенности многія полезныя учрежденія, введенныя въ эпоху французскаго владычества. Въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ господствовали ужасныя злоупотребленія; министръ полиціи былъ наглымъ грабителемъ и главой кальдераріевъ. Въ арміи замѣчалось крайнее запущеніе. Разныя секты и разбойничьи шайки состязались въ опустошеніи страны, а правительство было совершенно безсильно противъ нихъ. Тогда правительство попробовало прибѣгнуть къ новому средству,— была опять возстановлена гражданская милиція, но милиціонеры быстро заражались пропагандой карбонаріевъ, которые дѣйствовали однимъ магическимъ словомъ — „конституція“.

Гульельмо Пепе, честолюбивый генералъ, отличавшійся непостоянствомъ характера, сталъ душой карбонаріевъ сицилійской арміи и далъ имъ хорошую военную подготовку. Уже въ 1815 году онъ собирался напасть неожиданно на неаполитанскаго короля, австрійскую императорскую чету и Меттерниха во время торжественнаго смотра войскъ и арестовать ихъ. Этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе; но примѣръ удачнаго возстанія въ Испаніи и новая испанская конституція отуманили голову ему и его соумышленникамъ. 2 іюля 1820 года два сублейтенанта подняли знамя возстанія въ Нолѣ и стали сыпать громкими фразами объ испанской конституціи, съ которой они были совершенно незнакомы; 3 іюля въ Авеллино была провозглашена конституція, скопированная съ испанской. Пепе сталъ во главѣ возстанія, охватившаго всѣ слои населенія, и двинулся на Неаполь. Было призвано къ власти новое министерство. Фердинандъ передалъ на время управленіе государствомъ своему сыну Франциску, къ которому всѣ относились съ ненавистью, какъ къ руководителю кальдераріевъ; 7 іюля Францискъ изъявилъ согласіе на введеніе испанской конституціи, а Фердинандъ подтвердилъ это заявленіе своего сына. 9 іюля Пепе вступилъ съ торжествомъ въ Неаполь во главѣ войскъ и милиціи, а Фердинандъ принесъ со слезами на глазахъ присягу на вѣрность конституціи 13 іюля въ дворцовой капеллѣ; этотъ поступокъ неаполитанскаго короля вызвалъ сильное смущеніе въ Вѣнѣ. Бурбоны стали носить цвѣтные значки карбонаріевъ. Пепе распоряжался въ государствѣ въ качествѣ главнокомандующаго и генералъ-капитана; но вскорѣ послѣ этого Фердинандъ раскаялся въ своей вынужденной клятвѣ и обратился за совѣтомъ къ Меттерниху.

Сицилія больше не соглашалась оставаться въ положеніи провинціи Неаполитанскаго королевства и требовала возстановленія конституціи 1812 года. Вспыхнуло возстаніе сначала въ Мессинѣ, а 14 іюля въ Палермо; 17 іюля въ этомъ послѣднемъ городѣ дѣло дошло до кровопролитнаго уличнаго столкновенія. Абсолютно ненадежный намѣстникъ Населли бѣжалъ, и водворилось господство уличной черни; но 18 іюля было учреждено новое правительство. Партикуляристическій образъ дѣйствій Сициліи вызвалъ сильное негодованіе въ Неаполѣ. Правительство отправило туда армію подъ начальствомъ старшаго брата Гульельмо Пепе, генерала Флорестана Пепе, который отличался болѣе спокойнымъ характеромъ. Онъ умиротворилъ Сицилію въ короткое время; но корона отказалась 5 октября отъ мирнаго соглашенія, заключеннаго старшимъ Пепе съ повстанцами, отдала этого генерала въ жертву патріотическому негодованію парламента, и пропасть между обѣими частями королевства раздвинулась еще больше. Меттернихъ отнесся довольно спокойно къ испанскимъ волненіямъ; но онъ воспылалъ гнѣвомъ, когда до него дошло извѣстіе о революціонномъ движеніи въ королевствѣ обѣихъ Сицилій. Онъ возложилъ всю вину на тайные союзы и продолжалъ восторгаться по прежнему благородными стремленіями „отеческаго“ образа правленія Фердинанда.

л) Троппау и Лайбахъ.

Возстаніе въ Испаніи произвело такое сильное впечатлѣніе на императора Александра, что въ своей циркулярной нотѣ отъ 2 мая 1820 года онъ ссылался на духъ священнаго союза и указывалъ на опасность, которой грозятъ всей Европѣ конституціи, добытыя революціоннымъ путемъ. Меттернихъ усилилъ австрійскія оккупаціонныя войска въ Верхней Италіи и отправилъ ко всѣмъ итальянскимъ дворамъ циркулярную ноту съ напоминаніемъ о томъ, что въ силу договора 1815 года Австріи предоставлена роль охранительницы мира въ Италіи; онъ готовъ былъ прибѣгнуть къ вооруженному вмѣшательству во внутреннія дѣла Неаполитанскаго королевства, но натолкнулся на сильное сопротивленіе въ Парижѣ и С.-Петербургѣ. Александръ, котораго Меттернихъ подозрѣвалъ даже въ сочувствіи къ карбонаріямъ, совѣтовалъ созвать конгрессъ государей и министровъ. Подобный конгрессъ дѣйствительно былъ открытъ 20 октября 1820 года въ Троппау. Александръ привезъ съ собою Каподистрію, который былъ противникомъ Меттерниха, императоръ Францъ I — Меттерниха и Генца, Фридрихъ Вильгельмъ III — Гарденберга и графа Христіана Гюнтера фонъ Бернсторфа; въ качествѣ представителя Людовика XVIII явился графъ Деляферронэ, а великобританскій представитель Чарльзъ Уильямъ Вэнъ, лордъ Стюартъ, былъ послѣдователемъ вялой политики своего брата Кэслри, осужденной всей британской націей. Меттернихъ хлопоталъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы конгрессъ одобрилъ занятіе Неаполя австрійскими войсками; онъ уговорилъ конгрессъ вызвать въ Троппау неаполитанскаго короля Фердинанда. Александръ сталъ поклонникомъ политической мудрости Меттерниха, а послѣдній воспользовался для усиленія своего вліянія на запуганнаго призракомъ революціи русскаго царя только что полученнымъ извѣстіемъ о бунтѣ семеновскаго полка; царь видѣлъ теперь воочію, что военныя возстанія въ Испаніи и Италіи нашли себѣ подражателей въ русской арміи. Фридрихъ Вильгельмъ тоже подчинялся безпрекословно Меттерниху и утвердился въ рѣшимости не вводить въ Пруссіи конституціи и отклонить конституціонные проекты Гарденберга. По протоколу 19 ноября Австрія, Пруссія и Россія вступили между собой въ соглашеніе о мѣрахъ для противодѣйствія революціоннымъ движеніямъ и для охраненія общественнаго порядка; переговоры по этому поводу происходили за спиною Англіи и Франціи, которыя не соглаша-

лись на радикальное измѣненіе принциповъ государственнаго права. Между тѣмъ Фердинандъ далъ своему народу новое клятвенное увѣреніе въ вѣрности конституціи и затѣмъ отправился въ Троппау.

Послѣ Рождества конгрессъ въ Троппау закрылся, но вскорѣ послѣ этого въ январѣ 1821 года открылся снова въ Лайбахѣ; на этотъ разъ въ конгрессѣ присутствовали также и представители большей части итальянскихъ правительствъ. Руководилъ дѣлами конгресса попрежнему Меттернихъ. Фердинандъ сейчасъ же изъявилъ готовность нарушить данное имъ своему народу слово подъ тѣмъ предлогомъ, что сдѣланныя имъ уступки были вынужденными. Французскій король сначала колебался и не рѣшался присоединиться къ предложеніямъ Меттерниха. Незадолго предъ тѣмъ на долю французскихъ Бурбоновъ выпало сверхъестественное счастье: вдова герцога Беррійскаго (стр. 137) 29 сентября 1829 года разрѣшилась отъ бремени сыномъ Генрихомъ Бордоскимъ, который впослѣдствіи выступилъ подъ именемъ графа Шамбора. Легитимисты ликовали и называли новорожденнаго чудомъ Божіимъ, дѣтищемъ Европы, Астіанаксомъ, который будетъ для своей матери утѣшеніемъ въ ея тоскѣ по Гектору: „родъ Исея, почти уже засохшій, далъ новый отпрыскъ“. Новорожденнаго окрестили въ водѣ, зачерпнутой Шатобріаномъ въ Іорданѣ. Испанскіе Бурбоны смотрѣли косо на новорожденнаго: у нихъ уже являлись свои подозрѣнія относительно будущаго порядка престолонаслѣдія; герцогъ Орлеанскій, съ своей стороны, дѣйствовалъ подъ сурдинкой и возбуждалъ сомнѣнія въ законномъ происхожденіи новорожденнаго при посредствѣ британской печати. Людовикъ справился удачно съ нѣсколькими военными бунтами, но ему приходилось вести упорную борьбу противъ непомѣрныхъ притязаній крайнихъ роялистовъ, благодаря которымъ положеніе французскаго правительства становилось крайне непріятнымъ. Въ концѣ концовъ Людовикъ XVIII присоединился въ Лайбахѣ къ программѣ восточныхъ державъ, хотя въ душѣ онъ былъ противъ нея. Австрія отправила по ту сторону рѣки По армію подъ начальствомъ генерала барона Іоанна Маріи Фримона и выступила съ проектомъ общаго государственнаго уложенія для южной Италіи и Сициліи. Фердинандъ соглашался заранѣе на всѣ требованія Меттерниха; Франція не торопилась на первыхъ порахъ съ вооруженнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла Испаніи, на которомъ настаивали Александръ и Меттернихъ. 26 февраля 1821 года закончились совѣщанія конгресса. Неаполитанскій парламентъ не смутился передъ угрозами восточно-европейскихъ державъ и заявилъ, что эти державы держатъ Фердинанда въ плѣну и что его послѣднія рѣшенія приняты имъ противъ его воли; однако организація неаполитанской арміи была такъ плоха, что австрійцы справились съ ней безъ всякихъ затрудненій. Послѣ пораженія Гульельмо Пепе при Ріети (7 марта 1821 года) неаполитанская армія была окончательно разсѣяна, а 24 марта отрядъ Фримона вступилъ въ Неаполь, причемъ австрійскіе солдаты прицѣпляли себѣ оливковыя вѣтви въ знакъ своихъ миролюбивыхъ намѣреній. Пепе бѣжалъ въ Испанію. Въ Неаполѣ власть перешла въ руки реакціонеровъ, которые стали творить такія ужасныя злодѣйства, что державы вынуждены были вмѣшаться; жертвамъ реакціи не было и счету, а австрійцы между тѣмъ удерживали населеніе въ покорности.

Въ Піемонтѣ революція вспыхнула 10 марта 1821 года; Карлъ Альбертъ Кариньянъ (стр. 144) былъ не совсѣмъ чуждъ революціонному движенію. Революціонеры подняли въ Александріи зелено-бѣло-красное знамя итальянскаго королевства; была учреждена временная юнта по испанскому образцу. Въ Туринѣ была провозглашена 11 марта испанская конституція, и власть попала въ руки карбонаріевъ. 13 марта король Викторъ Эмануилъ I отказался отъ престола въ пользу своего брата Карла Феликса. Карлъ Альбертъ, назначенный регентомъ впредь до прибытія короля, былъ

человѣкъ слабаго характера и съ шаткимъ образомъ мыслей. Вопреки своему собственному убѣжденію, онъ провозгласилъ испанскую конституцію и 15 марта присягнулъ на вѣрность ей. Въ отвѣтъ на это Карлъ Феликсъ призналъ недѣйствительными всѣ правительственныя распоряженія, изданныя помимо его воли; Карлъ Альбертъ испугался, сложилъ съ себя регентство и выѣхалъ изъ предѣловъ Пьемонтскаго королевства. Пораженіе, понесенное пьемонтскими войсками 8 апрѣля при Новарѣ, было для пьемонтскаго революціоннаго движенія такимъ же ударомъ, какимъ было для неаполитанской революціи сраженіе при Ріети; императорскія войска подъ начальствомъ фельдмаршала графа Бубны (см. стр. 79) разбили пьемонтцевъ и заняли все королевство; юнта сложила съ себя свои полномочія, а Викторъ Эмануилъ подтвердилъ свое отреченіе 19 апрѣля въ Ниццѣ. Карлъ Феликсъ принялъ королевскій титулъ и принялся за расправу съ виновными. 18 октября онъ совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Туринъ при шумномъ ликованіи безсознательной толпы, принялся за искорененіе всякаго рода политическихъ движеній и правилъ своимъ королевствомъ, опираясь на австрійскіе штыки и на господство іезуитовъ въ церкви, школѣ и государствѣ; въ Пьемонтѣ стало тихо и спокойно, какъ на кладбищѣ; австрійскія оккупаціонныя войска очистили Пьемонтъ только въ 1823 году. Восточныя державы заявили всему міру 12 мая 1821 года въ Лайбахѣ, что онѣ спасли Европу отъ подготовлявшагося всеобщаго революціоннаго переворота и что онѣ пользуются своимъ оружіемъ только для водворенія права и справедливости.

Меттернихъ былъ награжденъ австрійскимъ императоромъ титуломъ государственнаго канцлера и достигъ апогея своей славы приблизительно въ то самое время, когда на островѣ Св. Елены умеръ Наполеонъ I (5 мая 1821 года), съ которымъ въ свое время Меттернихъ состязался изъ-за вліянія въ Европѣ, хотя, само собою разумѣется, австрійскій министръ никогда не достигъ такого преобладающаго положенія, какимъ пользовался Наполеонъ. Черно-желтое австрійское знамя развѣвалось отъ Милана до Палермо; государи и народы преклонялись предъ австрійскимъ государственнымъ канцлеромъ. Легитимисты учинили въ Италіи такую расправу надъ революціонерами, что отняли у всѣхъ охоту къ государственнымъ переворотамъ, а объединеніе Италіи стало теперь еще болѣе несбыточнымъ, чѣмъ раньше. Проповѣдники свободы и объединенія были замурованы въ казематахъ Шпильберга и другихъ крѣпостныхъ тюремъ Австріи. Между Россіей и Австріей существовало тѣсное единеніе, какъ обнаружилось вскорѣ послѣ того, какъ до монарховъ и ихъ министровъ, засѣдавшихъ на конгрессѣ въ Лайбахѣ, дошло извѣстіе о волненіяхъ въ Дунайскихъ княжествахъ и въ Греціи.

м) Начало греческаго возстанія (въ 1821—1822 г.).

Эпоха французской революціи не прошла безслѣдно также и для грековъ; она оказала на нихъ благотворное прогрессивное вліяніе какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, между тѣмъ какъ Турція постепенно шла навстрѣчу своему распаденію. Когда насталъ конецъ Наполеоновской имперіи, то греки замѣтили, что Европа о нихъ не думаетъ, и рѣшили, что имъ слѣдуетъ самимъ взяться за дѣло. Въ 1814 г. нѣкоторые греки составили въ Одессѣ тайный союзъ подъ названіемъ „Гетерія филиковъ“; участники этого союза неосновательно надѣялись на помощь со стороны Россіи; ихъ цѣлью было отпаденіе Греціи отъ Турціи и возстановленіе древней Греческой имперіи съ Константинополемъ, какъ столицей. На помощь со стороны сербовъ Гетерія не разсчитывала; зато она широко распространила свою пропаганду въ Греціи, на островахъ Іоническаго и Эгейскаго морей, въ Румеліи, Ѳессаліи и въ Южной Россіи; въ 1818 г. она перемѣстила центръ своей дѣятельности въ Константинополь.

Гетерія надѣялась, что Россія теперь выскажется въ ея пользу тѣмъ болѣе, что графъ Іоаннъ Каподистрія, любимецъ русскаго царя, былъ родомъ грекъ изъ Корфу. Она предложила Каподистріи въ 1820 г. стать во главѣ греческаго движенія; онъ отказался отъ этой чести, но тѣмъ не менѣе покровительствовалъ Гетеріи, хотя и зналъ, что Александръ I недоволенъ поведеніемъ его друга фанаріота принца Александра Ипсиланти, генералъ-маіора на русской службѣ, который сталъ во главѣ Гетеріи въ апрѣлѣ 1820 г. и принялъ званіе „генералъ-эфора" Гетеріи. Этотъ прославленный поэтами фанатикъ не обладалъ никакими административными и политическими талантами, а его военныя заслуги тоже весьма незначительны. Такъ, напримѣръ, безуміемъ съ его стороны было начать свои дѣйствія въ Молдавіи, а не въ Мореѣ, гдѣ почва была болѣе или менѣе подготовлена. Моментъ казался ему особенно благопріятнымъ въ виду того, что султанъ Махмудъ II въ это время велъ войну съ янинскимъ пашой Али, который завладѣлъ мало-по-малу почти всей южной частью Балканскаго полуострова (см. т. V); безъ сомнѣнія, онъ дѣйствовалъ также подъ вліяніемъ испанской, португальской и итальянской революціи. 7-го марта 1821 года Ипсиланти вступилъ въ Яссы и сталъ призывать грековъ къ борьбѣ за освобожденіе, обнадеживая ихъ, что Россія придетъ къ нимъ на помощь. Гдѣ только появлялся Ипсиланти, тамъ немедленно начинались безпорядки и возмутительныя буйства; такъ было и въ Бухарестѣ, куда онъ прибылъ 9 апрѣля. Между тѣмъ русскій царь подъ вліяніемъ Меттерниха высказался открыто въ Лайбахѣ противъ дѣйствій Ипсиланти. Какъ императоръ Александръ, такъ и Меттернихъ принимали Гетерію за новую форму карбонаризма; надо было спасти Европу отъ подобныхъ революціонеровъ. Всѣ просьбы Ипсиланти были рѣзко отклонены, а константинопольскій патріархъ отлучилъ его отъ церкви. Турецкія войска побѣдоносно подвигались впередъ въ Молдавіи и Валахіи; 19 іюня Ипсиланти потерпѣлъ пораженіе при Драгачани, а 26 іюня онъ вынужденъ былъ перейти на Австрійскую территорію вмѣстѣ съ своими братьями; онъ скончался въ Вѣнѣ 31 января 1828 г. и только за годъ до своей смерти былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Отдѣльные отряды греческихъ повстанцевъ продолжали бороться въ Дунайскихъ княжествахъ; но несмотря на весь ихъ героизмъ, возстаніе кончилось полнымъ пораженіемъ ихъ около монастыря Секко 20 сентября 1821 г., и турки дали полный просторъ своей кровожадной мстительности.

Въ Мореѣ тоже ужъ давно вспыхнуло возстаніе противъ турокъ. 4 апрѣля 1821 г. повстанцы захватили Каламату, главный городъ Мессеніи; гор. Патрасъ тоже поднялъ знамя креста. Пожаръ возстанія быстро раскинулся во всѣ стороны, мусульманамъ не давали пощады. Главою возстанія былъ національный герой Ѳедоръ Колокотронисъ, отважный авантюристъ, свѣдущій въ военномъ дѣлѣ, но его подчиненные не всегда слушались его; флотъ греческихъ острововъ оказывалъ возставшимъ существенныя услуги. Извѣстіе объ успѣхахъ греческихъ повстанцевъ было встрѣчено въ Константинополѣ съ бѣшенствомъ. Диванъ воспылалъ дикимъ фанатизмомъ, и во время праздника пасхи (22 апрѣля) патріархъ константинопольскій Григорій и три митрополита были повѣшены на своей церкви; повсюду въ Константинополѣ и въ Малой Азіи, въ Мореѣ и на островахъ мусульмане свирѣпствовали противъ христіанъ.

Съ самаго начала войны за освобожденіе грековъ русскій народъ относился съ самымъ горячимъ участіемъ къ преслѣдуемымъ единовѣрцамъ своимъ, а послѣ ужасныхъ злодѣйствъ 22 апрѣля возбужденіе народа противъ турокъ доросло до такихъ размѣровъ, что правительство больше не могло оставаться безучастнымъ; бурный взрывъ негодованія разразился во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Русскій посланникъ въ Константинополѣ Г. А. Строгановъ, сочувствовавшій грекамъ, выступилъ съ энерги-

ческимъ протестомъ противъ преслѣдованій христіанъ и въ іюнѣ прервалъ дипломатическія сношенія съ Портой. Юліана фонъ Крюденеръ проповѣдывала во время моленій, устраиваемыхъ ею, что „бѣлый ангелъ“ Александръ избранъ Богомъ, какъ орудіе для освобожденія Греціи и для побѣды надъ полумѣсяцемъ, а Каподистрія заявилъ предъ всѣмъ міромъ въ нотѣ отъ 28 іюля, которая была ультиматумомъ русскаго правительства, обращеннымъ къ Турціи, что турки не въ правѣ дольше оставаться въ Европѣ. Русскимъ царемъ, отличавшимся непостоянствомъ характера, овладѣло новое настроеніе, чрезвычайно неудобное для Меттерниха; Вѣнскій и Сентъ-Джемскій кабинеты были сильно поражены извѣстіемъ о томъ, что Строгановъ выѣхалъ изъ Константинополя въ августѣ. Меттернихъ все твердилъ, что окончательное торжество греческаго возстанія будетъ тяжелымъ ударомъ для всѣхъ европейскихъ престоловъ; Каподистрія, напротивъ того, настаивалъ на томъ, что слѣдуетъ поддержать грековъ и объявить войну Турціи. Порта не шла на уступки и не соглашалась съ требованіями европейскихъ державъ, разсчитывая на существующій между ними разладъ.

Въ концѣ апрѣля 1821 года Колокотронисъ обложилъ аркадскую крѣпость Триполицу. Всѣ попытки турокъ пойти къ ней на выручку потерпѣли неудачу, такъ какъ изъ повстанцевъ мало-по-малу выработались настоящіе солдаты, и Триполица была взята греками 5 октября 1821 года; греки позволили себѣ самыя дикія неистовства. Архистратегомъ (главнокомандующимъ) повстанцевъ сталъ въ іюнѣ того же года братъ Александра Ипсиланти князь Дмитрій Ипсиланти, который тоже служилъ раньше въ русской арміи; новый главнокомандующій не пользовался большимъ авторитетомъ и былъ не въ силахъ удержать своихъ подчиненныхъ отъ буйства. Безконечные раздоры и соперничество между военными и гражданскими предводителями совершенно парализовали дѣятельность повстанцевъ. Князь Александръ Маврокордатосъ, человѣкъ съ богатой фантазіей, взялся вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Негрисъ ввести въ Элладѣ прочные государственные порядки. Въ ноябрѣ 1821 года были обнародованы конституціи въ Западной и Восточной Элладѣ, а въ декабрѣ въ Мореѣ. Дмитрій Ипсиланти созвалъ въ Аргосѣ національное собраніе, которое было затѣмъ перенесено въ Піаду близъ древняго Эпидавра, а 13 января 1822 года онъ провозгласилъ независимость эллинскаго народа и обнародовалъ временную конституцію на основѣ монархическаго принципа. Національное собраніе разошлось съ Гетеріей и назначило Маврокордатоса главой правительства со званіемъ предсѣдателя исполнительнаго совѣта; 27 января собраніе выступило съ заявленіемъ, въ которомъ оно старалось оправдать греческое возстаніе въ глазахъ европейскихъ правительствъ; Коринѳъ былъ избранъ правительственнымъ центромъ. Однако, постоянная рознь между главарями повстанцевъ, самолюбіе и самомнѣніе ихъ заставляли опасаться, что окончательный исходъ возстанія будетъ неблагопріятнымъ для грековъ.

Въ февралѣ 1822 года Куршидъ паша отдѣлался посредствомъ хитрости отъ янинскаго паши Али, который вѣчно воевалъ съ султаномъ; послѣ этого онъ нанесъ пораженіе суліотамъ. Послѣ безцѣльнаго бунта, поднятаго въ Хіосѣ, турецкое правительство отправило туда въ апрѣлѣ цѣлый флотъ подъ командою Кара-Али, который учинилъ жестокую расправу надъ жителями этого острова. Европейскіе народы прониклись опять глубокимъ возмущеніемъ противъ турецкихъ звѣрствъ; всѣ европейцы встрѣтили съ радостью извѣстіе о томъ, что флотъ Кара-Али уничтоженъ Андреемъ Вокосомъ Міаулисомъ и Константиномъ Канарисомъ (19 іюля). Въ іюлѣ громадная турецкая армія подъ командой Махмуда Драмали наводнила всю Грецію отъ Фокиды до Аттики и Аргоса; греческое правительство бѣжало изъ Коринѳа. Несмотря на всю храбрость Маврокордатоса

и на знаменитую Кицепскую аттаку (17 июня 1813 года) генерала графа К. Фр. Л. Нормана-Эренфельса греки были вытѣснены изъ Сули послѣ пораженія, которое они понесли при Петѣ ($^{16}/_{17}$ іюля); турки снова угрожали западной Элладѣ. Александръ далъ себя опять опутать Меттерниху; противникъ послѣдняго Каподистрія получилъ отставку въ іюлѣ 1822 года; благодаря этому Россія сама по себѣ ничего не предприняла противъ Турціи. Русскій царь, котораго все сильнѣе одолѣвалъ страхъ предъ революціей, сблизился опять съ Францомъ I, и Священный союзъ былъ вновь упроченъ.

н) Верона.

Въ Испаніи либералы злоупотребляли своей побѣдой самымъ беззастѣнчивымъ образомъ и подвергли королевскую власть такимъ ограниченіямъ, что самымъ естественнымъ желаніемъ короля было вызвать новый государственный переворотъ; прошлая исторія короля Фердинанда VII служила порукой въ томъ, что онъ не будетъ стѣсняться въ выборѣ средствъ. Онъ пытался склонить французское правительство ко вмѣшательству въ свою пользу, но Людовикъ XVIII и Ришелье не хотѣли нарушать нейтралитета. Между тѣмъ партія крайнихъ роялистовъ во Франціи становилась все болѣе заносчивой. „Павильонъ Марсанъ“ (стр. 109) вытѣснилъ Ришелье въ декабрѣ 1821 года и отдалъ власть въ руки министерства Виллеля; реакція торжествовала побѣду, а домогательства духовенства все росли.

Изъ Италіи была перенесена во Францію пропаганда карбонаріевъ; возникли тайныя общества. Составлялись республиканскіе и имперіалистскіе заговоры; правительство расправлялось съ виновными посредствомъ казней. Власть переходила постепенно въ руки партіи крайнихъ реакціонеровъ; борьба партій становилась все болѣе ожесточенной, даже графа Виллеля крайніе роялисты считали недостаточно преданнымъ престолу.

Въ противоположность французскому правительству Фердинандъ VII покровительствовалъ радикаламъ для того, чтобы воспользоваться ими, какъ орудіемъ противъ либераловъ; Ріего былъ избранъ президентомъ кортесовъ 1822 года. Въ іюлѣ 1822 года гвардія подняла военное возстаніе для возстановленія неограниченной власти короля, но эта попытка не удалась, и Фердинандъ отступился изъ трусости отъ заговорщиковъ, которые пожертвовали собой для него. На сѣверѣ Испаніи все распространялись партизанскія банды сторонниковъ короля; въ Сео де Ургель усѣлось прочно 15 августа регентство, дѣйствовавшее отъ его имени, которое завязало сношенія съ Франціей.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ въ Вѣнѣ, на которыхъ подготовлялся матеріалъ для проектируемаго конгресса въ Веронѣ, Меттернихъ сильно разсчитывалъ на содѣйствіе своего „двойника“ Кэсльри, который къ тому времени получилъ титулъ маркиза Лондондерри; но этотъ послѣдній неожиданно покончилъ съ собой самоубійствомъ 12 августа 1822 года, и его смерть была встрѣчена его соотечественниками съ необычайной радостью. Его преемникомъ на посту министра иностранныхъ дѣлъ былъ знаменитый Джорджъ Каннингъ, „тори по внутреннему убѣжденію, государственный дѣятель въ современномъ духѣ ради національныхъ интересовъ“; онъ отрекся отъ реакціонныхъ принциповъ неограниченной монархической власти, защищаемыхъ Священнымъ союзомъ, и вступилъ на путь самостоятельной національной политики; эта перемѣна въ англійской политикѣ была тяжелымъ ударомъ для Меттерниха и Австріи. Зато между Меттернихомъ и Александромъ установилось болѣе тѣсное согласіе.

Конгрессъ монарховъ и министровъ въ Веронѣ былъ самымъ блестящимъ послѣ Вѣнскаго. Въ октябрѣ 1822 года съѣхались Александръ, Францъ и Фридрихъ Вильгельмъ, большинство итальянскихъ государей,

Меттернихъ, Нессельроде, Поццо ди Борго, Бернсторфъ и Гарденбергъ; представителями Франціи были Шатобріанъ, герцогъ М. И. Ф. де Лаваль-Монморанси, графъ ла Ферронэ и маркизъ де Караманъ, представителями Великобританіи—Веллингтонъ и виконтъ Стренгфордъ. Баловъ устраивалось также много, какъ въ свое время въ Вѣнѣ. Меттернихъ хотѣлъ уничтожить испанскую и португальскую революціонныя партіи и отмѣнить введенныя на Пиренейскомъ полуостровѣ конституціи; восточныя державы и Франція вступили между собой въ соглашеніе на случай дальнѣйшихъ революціонныхъ движеній въ Испаніи. Великобританія отказалась отъ участія въ этомъ соглашеніи, но русскаго царя Шатобріанъ отуманилъ своими романтическими изліяніями. Греки обратились къ конгрессу за помощью противъ турокъ, но встрѣтили холодный отказъ; однако относительно Пьемонта было рѣшено, что Австрійцы немедленно приступятъ къ очищенію этого государства отъ своихъ войскъ; количество оккупаціонныхъ войскъ въ королевствѣ обѣихъ Сицилій было уменьшено. Итальянскимъ государямъ были поставлены на видъ всѣ недостатки ихъ пріемовъ управленія. Восточныя державы и Франція видѣли съ смущеніемъ, что Великобританія собирается признать отдѣленіе Южно-Американскихъ колоній отъ Испаніи и ихъ независимость, слѣдуя примѣру, данному въ 1822 году Сѣверно-Американскими Соединенными Штатами. Веронскій конгрессъ окончился въ срединѣ сентября.

о) Вооруженное вмѣшательство Франціи въ дѣла Испаніи; отдѣленіе Бразиліи отъ Португаліи; смерть Людовика XVIII.

Виконтъ Шатобріанъ, занимавшій въ это время должность министра иностранныхъ дѣлъ, настаивалъ на разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Испаніей, но Людовикъ и Виллель все еще колебались. Угрожающія ноты державъ, участвовавшихъ въ Веронскомъ конгрессѣ, были встрѣчены въ Мадридѣ съ бурнымъ негодованіемъ. Дипломаты задавались въ Веронѣ двумя вопросами: имѣютъ ли народы право призывать королей къ своему суду, какъ Дантъ въ своей „Божественной Комедіи", и не повторится ли на другомъ фонѣ съ Фердинандомъ VII трагедія Людовика XVI; Испанскій народъ съ своей стороны возмутился противъ притязаній этихъ самыхъ иностранныхъ дипломатовъ на право вмѣшательства во внутреннія дѣла своего отечества. Наступилъ разрывъ; посланники Россіи, Австріи, Пруссіи и Франціи выѣхали изъ Испаніи въ январѣ 1823 года. Авантюристъ Жоржъ Бессьеръ предпринялъ дерзкій набѣгъ и дошелъ почти до самаго Мадрида; Испанцы надѣялись, что Великобританія придетъ къ нимъ на помощь противъ Франціи, которой было поручено конгрессомъ вооруженное вмѣшательство въ пользу короля, но эта надежда не оправдалась.

Людовикъ XVIII отправилъ въ Испанію своего племянника герцога Людовика Антона Ангулемскаго во главѣ 100000 арміи съ порученіемъ освободить Фердинанда отъ власти либераловъ и вернуть ему неограниченную власть. Въ парижской палатѣ либералы громко протестовали противъ этой войны и приходили въ ужасъ отъ одной мысли о пораженіи Испанской революціонной партіи. Каннингъ тоже высказывалъ открыто пожеланіе побѣды испанскому народу. Фердинандъ и кортесы удалились въ Севилью. Герцогъ Ангулемскій перешелъ черезъ пограничную рѣчку Бидассоа; нигдѣ не было подготовлено народнаго возстанія въ пользу короля; но въ то-же время герцогъ Ангулемскій почти безпрепятственно двигался впередъ; его привѣтствовали, какъ избавителя, и 24 мая онъ вступилъ въ Мадридъ. Онъ назначилъ временное регентство, щадилъ національную гордость испанцевъ, избѣгалъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла, хотя чрезмѣрное партійное усердіе реакціоннаго регенства причиняло ему много затрудненій, и держалъ въ своихъ рукахъ только военное управленіе.

Между тѣмъ кортесы, скрывавшіеся въ Севильѣ, устранили короля отъ дѣлъ и увели его съ собой въ Кадиксъ. Побѣда осталась вездѣ за французскими войсками: испанцы потеряли бодрость духа, вездѣ были разбиты или сдавались на капитуляцію. Герцогъ Ангулемскій бросился на Кадиксъ и въ ночь на 31 августа взялъ штурмомъ фортъ Трокадеро, считавшійся неприступнымъ. Ріего двинулся къ Исла де Леонъ, но былъ разбитъ, бѣжалъ и былъ схваченъ, а 28 сентября кортесы вынуждены были отказаться отъ сопротивленія вслѣдствіе бомбардировки Кадикса.

Фердинандъ VII обѣщалъ добровольно полную амнистію и введеніе существенныхъ реформъ; 1 октября онъ былъ торжественно принятъ герцогомъ Ангулемскимъ, и большое число испанцевъ провозгласило его королемъ съ неограниченной властью; но какъ только у него были развязаны руки, этотъ вѣроломный человѣкъ сталъ прибѣгать къ самымъ дикимъ реакціоннымъ пріемамъ. Многіе изъ членовъ кортесовъ и регентства вынуждены были бѣжать въ Англію изъ страха предъ висѣлицей, а Фердинандъ напутствовалъ ихъ такими словами: „эти несчастные поступаютъ очень благоразумно; оставайся они тутъ, не избѣжать бы имъ своей судьбы“. Европейскія державы относились съ отвращеніемъ къ его звѣрствамъ. Герцогъ Ангулемскій напрасно пытался было усовѣщевать испанскаго короля, и выѣхалъ изъ Мадрида 4 ноября съ чувствомъ омерзенія. 7 ноября 1823 года Ріего былъ повѣшенъ въ Мадридѣ; Фердинандъ вернулся побѣдителемъ въ столицу и водворилъ вновь такіе же возмутительные порядки, какіе господствовали до революціи. Таллейранъ назвалъ это военное вмѣшательство Франціи въ дѣла Испаніи началомъ конца. Испанія попрежнему тонула въ грязи; крайніе реакціонеры истязали всю страну, и даже самому Фердинанду они стали въ тягость. Южно-Американскія колоніи были безвозвратно потеряны; никакія фантазіи Веронскаго конгресса и Шатобріана не могли измѣнить этого совершившагося факта. По предложенію Каннинга британское правительство признало 1 января 1825 года независимость новыхъ республикъ: Буэносъ-Айреса, Колумбіи и Мексики (срв. томъ II, стр. 516 и сл.); это была еще одна побѣда надъ легитимистическими принципами, отстаиваемыми Австріей, Испаніей, Франціей также, какъ и Россіей и Пруссіей.

Ходъ событій въ Испаніи оказывалъ естественное вліяніе на сосѣднюю съ ней Португалію. Сентябрская конституція 1820 года не только не улучшила внутреннихъ порядковъ страны, но создала даже новыя затрудненія: между конституціоналистами и абсолютистами шла ожесточенная борьба. Сынъ Іоанна VI, донъ Педро, который былъ назначенъ намѣстникомъ Бразиліи, былъ вынужденъ удалить оттуда португальскія войска благодаря вліянію національной партіи, которая задавалась цѣлью превратить Бразилію въ самостоятельное государство; въ маѣ 1822 года онъ принялъ титулъ протектора Бразиліи и созвалъ въ Ріо де Жанейро національное собраніе, которое провозгласило независимость Бразиліи 1 августа и 7-го сентября, а его самого возвело 12 октября 1822 года въ санъ императора Бразиліи подъ именемъ донъ Педро I (срв. томъ II, стр. 522). Португальцы были внѣ себя, но Бразилія была потеряна для нихъ навсегда.

Супруга короля Іоанна королева Шарлотта, сестра Фердинанда VII, женщина надменная и коварная, не послѣдовала примѣру своего супруга и отказалась присягнуть на вѣрность конституціи; она была изгнана изъ Португаліи и составила заговоръ противъ конституціоннаго правительства въ сообществѣ съ своимъ младшимъ сыномъ донъ Мигуэлемъ и многими представителями духовенства и аристократіи; заговорщики задавались цѣлью возстановить въ Португаліи неограниченную верховную власть. Контръ-революція, задуманная въ февралѣ 1823 г. Мануэлемъ де Силь-

вейра Пинта да Фонсека, графомъ Амаранте, сначала потерпѣла неудачу; но вскорѣ послѣ этого во главѣ заговорщиковъ сталъ донъ Мигуэль, и весь Лиссабонъ перешелъ на его сторону. Слабохарактерный Іоаннъ примкнулъ къ нимъ и сталъ проклинать конституцію: кортесы были распущены. Іоаннъ обѣщалъ дать новую конституцію, и 5 іюня онъ вступилъ въ Лиссабонъ побѣдителемъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Въ Португаліи была возстановлена неограниченная королевская власть. Іоаннъ былъ ничтожествомъ; Мигуэль и Шарлотта распоряжались полновластно и не останавливались предъ убійствами для устраненія своихъ противниковъ. 30 апрѣля 1824 года Мигуэль поднялъ возстаніе противъ своего отца съ цѣлью низвергнуть его съ престола, но Іоаннъ бѣжалъ 9 мая на британскій военный корабль; дипломатическій корпусъ вступился за короля и, благодаря давленію британскаго правительства, Мигуэль былъ вынужденъ на колѣняхъ просить прощенія у своего отца и оставить Португалію 13 мая. Была объявлена общая амнистія. Король обѣщалъ возстановить кортесы въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до 1822 г.; 29 августа 1825 г. состоялся, благодаря посредничеству Великобританіи, договоръ въ Ріо де Жанейро, которымъ Португалія признала независимость и самостоятельность Бразиліи. Послѣ смерти короля Іоанна, послѣдовавшей 10 марта 1826 г., донъ Педро I, императоръ бразильскій, сталъ также королемъ Португальскимъ подъ именемъ Педро IV; 26 апрѣля 1826 г. онъ далъ Португаліи либеральную конституцію. Вскорѣ послѣ этого 2-го мая Педро отказался отъ португальской короны въ пользу своей дочери донны Маріи II да Глорія. 25 іюня 1828 г. донъ Мигуэль провозгласилъ себя королемъ при содѣйствіи великобританскаго торійскаго кабинета Веллингтона и Эддингтона; его племянница Марія да Глорія была вынуждена возвратиться къ своему отцу въ Бразилію.

Французскіе крайніе легитимисты сравнивали съ большой смѣлостью побѣду при Трокадеро съ наполеоновскими побѣдами при Маренго и Аустерлицѣ; эта побѣда сильно подняла престижъ правительства Людовика XVIII. Не одинъ только Наполеонъ велъ французовъ къ побѣдамъ, говорили легитимисты; этотъ секретъ извѣстенъ также и реставрированнымъ Бурбонамъ. 2 декабря 1823 года король принялъ въ торжественной аудіенціи „героя Трокадеро“, эту „побѣдоносную шпагу Бурбоновъ“.

Парламентскіе выборы 1824 г. были весьма благопріятны для легитимистовъ, и въ іюнѣ того же года былъ изданъ законъ о продленіи срока полномочій второй палаты до 7 лѣтъ; такимъ путемъ надѣялись устранить возможность какихъ бы то ни было перемѣнъ въ существующемъ строѣ и вообще всякихъ нововведеній. Виллель крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ бразды правленія, удалилъ изъ своего министерства Шатобріана и держалъ подъ своимъ контролемъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ барона Анжъ Гіасентъ Максансъ Дама; Шатобріанъ мстилъ ему ѣдкими нападками въ печати. Вслѣдъ затѣмъ Людовикъ возстановилъ по совѣту Виллеля 16 августа 1824 г. цензуру для политическихъ газетъ и журналовъ. Многострадальный французскій король приближался къ своей кончинѣ; онъ совѣтовалъ своему брату и наслѣднику твердо держаться хартіи, которую онъ называлъ лучшей частью оставляемаго имъ наслѣдства; Людовикъ былъ убѣжденъ, что только при этомъ условіи его наслѣдникъ умретъ спокойною смертью въ замкѣ своихъ предковъ. Людовикъ XVIII скончался 16 сентября 1824 г. Толпа привѣтствовала новаго французскаго короля Карла X стариннымъ возгласомъ: „Le roi est mort, vive le roi!“ (король умеръ, да здравствуетъ король!). Таллейранъ предчувствовалъ, что королевская власть Карла близится къ своему разложенію, и съ обычной своей безцеремонностью сказалъ у смертнаго одра Людовика: „здѣсь страшно пахнетъ!“

В. Революціонныя движенія въ періодъ, предшествовавшій іюльской революціи (отъ 1823 до 1830 г.).

а) Успѣхи реакціи въ Германіи.

Въ то время, какъ въ Германіи вездѣ требовали введенія конституціоннаго образа правленія, а борьба грековъ за свою свободу вызвала къ жизни во всѣхъ германскихъ государствахъ союзы филэллиновъ, которые не переставали восхищаться греческими пѣснями Вильгельма Мюллера изъ Дессау, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ реакція поглощала все новыя жертвы и праздновала новыя побѣды. Благодаря Меттерниху и Гарденбергъ больше не пользовался никакимъ вліяніемъ на Фридриха Вильгельма Ш, и въ политическомъ смыслѣ государственный канцлеръ былъ мертвымъ еще задолго до своей кончины, послѣдовавшей 26 ноября 1822 г. Королю безпрестанно мерещилось, что карбонаріи наводняютъ Пруссію; онъ отложилъ въ долгій ящикъ конституціонный проектъ Гарденберга и бывалъ недоволенъ, когда канцлеръ напоминалъ ему о томъ, что онъ далъ свое королевское слово. Была учреждена новая комиссія по вопросу о конституціи подъ предсѣдательствомъ кронпринца Фридриха Вильгельма (IV), который былъ до нѣкоторой степени поклонникомъ романтизма: эта комиссія состояла исключительно изъ противниковъ Гарденберга, которые были противъ общегосударственной конституціи и допускали только мысль о „хартіяхъ" для отдѣльныхъ провинцій; король былъ вполнѣ солидаренъ съ ними во мнѣніяхъ. Послѣ смерти Гарденберга король никакъ не могъ рѣшиться назначить его преемникомъ Вильгельма фонъ-Гумбольдта и вовсе уничтожилъ должность президента совѣта министровъ, такъ что съ этихъ поръ министры, состоявшіе во главѣ отдѣльныхъ отраслей государственнаго управленія, не имѣли общаго руководителя, и каждый изъ нихъ держался своего собственнаго направленія. Король ограничился закономъ 5 іюня 1823 г. объ устройствѣ провинціальныхъ сословныхъ сеймовъ; бюрократія и феодализмъ торжествовали. Австрія была очень довольна нерасположеніемъ Прусскаго правительства къ конституціоннымъ порядкамъ: при неизмѣнномъ содѣйствіи Пруссіи Австрія направляла дѣятельность союзнаго сейма въ желательную для нея сторону, и только изрѣдка сеймъ выскакивалъ изъ предназначенной для него колеи по винѣ Вюртембергскаго представителя барона Карла Августа фонъ Вангенгейма, который отличался своей прямотой и независимостью характера.

Вангенгеймъ составилъ проектъ, по которому предполагалось созвать въ противовѣсъ германскимъ великимъ державамъ союзъ „настоящей и конституціонной Германіи" подъ главенствомъ Баваріи и Вюртемберга и провести такимъ образомъ въ жизнь ту тройственную систему (тріаду), за которую высказался Фридрихъ Людвигъ Линднеръ въ „Манускриптѣ изъ Южной Германіи" (въ 1820 г.). Однако устроенная по почину Меттерниха въ январѣ 1823 г. конференція въ Вѣнѣ заставила Вюртембергъ пойти на уступки: Вангенгеймъ вышелъ въ отставку въ іюлѣ. Въ августѣ 1824 года были вновь подтверждены состоявшіяся въ Карлсбадѣ постановленія.

Союзный сеймъ погрузился въ спячку послѣ того, какъ онъ закрылъ потихоньку въ 1820 году несчастную Майнцскую центральную слѣдственную комиссію.

б) Движеніе въ пользу реформъ въ Великобританіи.

Процессъ королевы Каролины (стр. 121) нанесъ тяжелый ударъ британской коронѣ и торійскому кабинету. Байронъ бросилъ Георгу IV въ лицо слѣдующее проклятіе поэта:

„Для своей жены онъ Генрихъ, для народа Карлъ. — онъ соединяетъ обоихъ въ своемъ лицѣ. — Напрасно правосудіе и смерть превратили ихъ обоихъ въ прахъ:

одинъ королевскій вампиръ умираетъ, встаетъ другой. Чѣмъ помогла могила? она изрыгнула кровь и прахъ обоихъ и сотворила изъ нихъ регента Георга".

Благодаря Каннингу почувствовалась свѣжая струя во внутренней и внѣшней политикѣ Великобританіи; онъ поддерживалъ стремленіе католиковъ къ эмансипаціи, хотя ему и не удалось довести этотъ вопросъ до конца.

Въ качествѣ поборника парламентской реформы выступилъ лордъ Джонъ Ресселъ, который всегда поддерживалъ Каннинга и былъ въ оппозиціи съ Веллингтономъ; Великобританія обязана его неутомимой настойчивости биллемъ 7 іюня 1832 года. Въ духѣ Каннинга дѣйствовалъ также президентъ департамента торговли Уильямъ Гескиссонъ, ученикъ Питта; онъ внесъ свѣжую струю въ торговую политику и не переставалъ бичевать покровительственныя и ввозныя запретительныя пошлины, не впадая однако въ крайность. Актъ о мореплаваніи 1651 года былъ смягченъ; внѣшняя торговля получила сильный толчокъ и была освобождена отъ тяжелыхъ стѣсненій (срав. т. VII, стр. 149); шерстяная и шелковая мануфактуры достигли процвѣтанія.

Многія тысячи людей стали думать, что наступилъ золотой вѣкъ, и увлеклись слѣпой страстью къ спекуляціи въ ожиданіи золотыхъ горъ, которыя посыпятся изъ отдѣлившихся отъ Испаніи Южно-Амерканскихъ колоній; акціонерныя общества росли, какъ грибы. Понятно, что вскорѣ наступило отрезвленіе. Въ концѣ концовъ эта страстная погоня за наживой привела къ полному разоренію громаднаго числа людей; 1825—26 годы были ужасны, несмотря на всѣ энергичныя мѣры, принятыя Гескиссономъ, Каннингомъ и другими. Каннинга можно было считать настоящимъ первосвященникомъ либерализма; день, когда онъ сталъ премьеромъ и первымъ лордомъ казначейства въ апрѣлѣ 1827 года, навсегда останется многознаменательнымъ въ исторіи. Ирландія причиняла правительству много хлопотъ. Адвокатъ Даніэль О'Коннеллъ, обладавшій природнымъ талантомъ народнаго оратора, съ 1815 года стоялъ во главѣ клуба Catholic Association; О'Коннель вмѣстѣ съ Ричардомъ Шилемъ создали изъ этого клуба силу, управлявшую всѣмъ островомъ Ирландіей и отстаивавшую гражданское равноправіе католиковъ.

Съ января 1828 года власть перешла къ чисто торійскому кабинету Веллингтона, въ которомъ сэръ Робертъ Пиль занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ маѣ 1828 года были уничтожены акты о цеховыхъ корпораціяхъ, а 30 марта 1828 года наконецъ прошла въ парламентѣ эмансипація католиковъ.

в) Война за освобожденіе грековъ (отъ 1823 до 1829 года).

1822 годъ въ военномъ отношеніи былъ вообще благопріятенъ для грековъ: онъ закончился для нихъ очень счастливо завоеваніемъ Навпліи въ декабрѣ и уничтоженіемъ арміи Драмали. Турки не могли взять города Миссолунги, который они осаждали; 13 января 1823 года турецкій генералъ Омеръ Фріонисъ вынужденъ былъ снять осаду. Въ слѣдующемъ 1823 году счастье тоже было на сторонѣ грековъ, но они страдали отъ внутреннихъ раздоровъ. Дѣло доходило до кровопролитныхъ столкновеній между разными партіями; эта междоусобица облегчала для Порты борьбу съ греками. На помощь туркамъ пришелъ также въ это время могущественный Магометъ-Али, египетскій хедивъ. Войска Магомета-Али завоевали въ 1824 году Критъ и Казо, войска Хозревъ-паши Исару, а 5 февраля 1825 года высадился на берегъ около Модона въ Мореѣ пріемный сынъ Магомета Ибрагимъ-паша. Одинъ городъ за другимъ переходили во власть Магомета-Али, и черезъ короткое время греки уже больше не могли держаться противъ турокъ. Египетскія войска совершали возмутительныя звѣрства. Во всей Европѣ

слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ вторичной осады Миссолунги, которая была обложена войсками Решида и Ибрагима-паши. Этотъ городъ былъ ознаменованъ смертью лорда Джорджа Байрона, который палъ въ борьбѣ за свободу Греціи (19 апрѣля 1824 года). Въ августѣ 1825 года греческое правительство въ Навпліи поставило Грецію подъ безусловный протекторатъ Великобританіи. Однако Миссолунги былъ взятъ 22-25 апрѣля 1826 года, и Морея подверглась разграбленію. Решидъ-паша устремился въ Аттику; 6 мая 1827 года греки потерпѣли тяжелое пораженіе около Аѳинъ, а 5 іюня того же года турки завладѣли этимъ городомъ. Геройское самопожертвованіе грековъ и горячее сочувствіе филэллиновъ всей Европы къ ихъ дѣлу оказались безполезными, и гибель Греціи казалась неизбѣжной.

Послѣ свиданія между императоромъ Францемъ и Александромъ въ Черновицахъ въ октябрѣ 1823 года русское правительство предложило созвать въ Санктъ-Петербургѣ конференцію для умиротворенія Греціи; на этой конференціи Россія выступила 9 января 1824 года предъ представителями приглашенныхъ на нее державъ, Австріи, Пруссіи, Великобританіи и Франціи, съ докладной запиской; однако ни турки, ни греки не хотѣли положиться на рѣшеніе державъ; конференціи, устроенныя въ Константинополѣ и въ Санктъ-Петербургѣ, не привели ни къ какимъ результатамъ. Съ другой стороны, Каннингъ, который воспѣвалъ храбрыхъ бойцовъ за освобожденіе Греціи еще на школьной скамьѣ въ Итонскомъ колледжѣ, сблизился съ греками, старался вызвать въ Санктъ-Петербургскомъ кабинетѣ недовѣріе къ Австріи, вступилъ въ дружбу съ Россіей и принялъ на себя руководящую роль въ греческомъ вопросѣ, между тѣмъ какъ раньше Великобританія поддерживала Турцію. Въ это время умеръ Александръ I, и направленіе русской политики перемѣнилось; русскій народъ считалъ смерть Александра наказаніемъ Божіимъ за его непростительное равнодушіе къ участи единовѣрныхъ грековъ.

Русскій царь умеръ съ тоской на душѣ: онъ видѣлъ, какъ остыла народная любовь къ нему и какъ въ народъ и въ армію стали проникать вмѣстѣ съ франкмасонствомъ тайныя общества политическаго свойства. За „союзомъ благополучія" послѣдовали „свободныя общества", „союзъ русскихъ рыцарей", „союзъ общественнаго блага", а на развалинахъ послѣдняго образовались вслѣдъ затѣмъ „южное и сѣверное общество"; на Волыни была произведена первая попытка къ объединенію всѣхъ славянскихъ народовъ подъ названіемъ „общества соединенныхъ славянъ", а въ Польшѣ вело дѣятельную пропаганду „патріотическое общество". Каждый изъ этихъ союзовъ задавался своими особыми планами; нѣкоторые изъ ихъ членовъ преслѣдовали самыя несбыточныя цѣли: полковникъ Павелъ Пестель и его сотоварищи мечтали о введеніи республиканскаго строя въ Россіи, о всеобщемъ равенствѣ, объ убійствѣ Александра и всей его семьи, другіе думали только объ ограниченіи самодержавія. Правительство слѣдило за крайне неосторожными дѣйствіями заговорщиковъ, принадлежавшихъ большей частью къ аристократическимъ семьямъ, въ арміи и во флотѣ; прежде чѣмъ заговорщики рѣшились устроить военное возстаніе, царь скончался въ Таганрогѣ 1 декабря 1825 года. Великій князь цесаревичъ Константинъ отказался отъ своихъ правъ на престолъ почти тайно отъ всѣхъ и направилъ тѣхъ, которые хотѣли присягнуть ему на вѣрность, къ своему младшему брату Николаю Павловичу; оба отказывались одинъ въ пользу другого, и никто не зналъ, кто сталъ императоромъ. 24 декабря Николай издалъ манифестъ о своемъ вступленіи на престолъ. Тогда заговорщики подстрекнули 26 числа нѣкоторые изъ полковъ, расположенныхъ въ Санктъ-Петербургѣ, къ возстанію противъ новаго императора: На Сенатской площади и въ прилегающихъ къ ней улицахъ произошло сраженіе. Николай остался побѣдителемъ, и вслѣдъ затѣмъ была учинена жестокая расправа надъ

„декабристами“. Николай былъ самодержцемъ въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова; онъ крѣпко взялъ въ свои руки власть при помощи отличавшагося слѣпой покорностью, но далеко не безупречнаго въ нравственномъ отношеніи чиновничества; посредствомъ суровыхъ полицейскихъ мѣръ и строгой цензуры онъ искоренялъ желѣзной рукой всѣ слѣды либерализма. При всей своей суровости онъ былъ, однако, справедливъ и благороденъ; по его порученію М. М. Сперанскій, русскій Трибоніанъ, (стр. 136) собралъ всѣ русскіе законы, изданные съ 1649 года, и составилъ сводъ законовъ, который дѣйствуетъ съ 1835 года, какъ единственный русскій кодексъ. Русскіе стали учиться у Савиньи въ Берлинѣ, и знаніе русскаго права и русской исторіи сдѣлало громадные успѣхи. Генералъ И. Ф. Паскевичъ завоевалъ Арменію; Николай отказался отъ политики Александра и сейчасъ же показалъ Турціи кулакъ не изъ сочувствія къ грекамъ, которыхъ онъ считалъ бунтовщиками, а изъ политическихъ соображеній. 4 апрѣля 1826 г. Веллингтонъ подписалъ въ С.-Петербургѣ британско-русское соглашеніе объ умиротвореніи Греціи, въ которомъ Греціи было рѣшено предоставить такое же положеніе по отношенію къ Турціи, какъ и дунайскимъ княжествамъ. Николай и Каннингъ шли впередъ по намѣченному пути, не останавливаясь предъ недовольствомъ турецкаго правительства; Каннингъ привлекъ на сторону Греціи симпатіи Франціи, а Николай сталъ приготовляться къ войнѣ. 6 іюня 1827 года Россія, Великобританія и Франція заключили между собой Лондонскій договоръ, въ которомъ они предложили грекамъ и туркамъ свое посредничество и заявили, что они больше не намѣрены терпѣть нарушенія мирныхъ сношеній; за Портой сохранялось верховное право надъ основываемымъ вновь вассальнымъ греческимъ государствомъ, а грекамъ предоставлялась полная внутренняя автономія и управленіе при посредствѣ своихъ собственныхъ начальниковъ. Этотъ договоръ былъ прощальнымъ привѣтомъ Каннинга; 8-го августа 1827 г. онъ скончался, оплакиваемый повсюду отъ Греческаго архипелага до Южно-Американскихъ Андовъ.

Порта и слышать не хотѣла о вмѣшательствѣ европейскихъ державъ; тройственный союзъ рѣшилъ начать военныя дѣйствія.

Союзный флотъ уничтожилъ турецко-египетскій при Наваринѣ 20 октября 1827 года: Греція была спасена отъ угрожавшей ей гибели, симпатіи большинства греческаго національнаго собранія въ Дамалѣ (Трезенѣ) склонялись на сторону Россіи, и президентомъ Греціи былъ избранъ на 7 лѣтъ 11 апрѣля 1827 года графъ Іоаннъ Каподистрія (стр. 149). Въ январѣ 1828 года онъ вступилъ въ Эгинѣ въ свою многотрудную должность; онъ подчинился вскорѣ вліянію Россіи, и между нимъ и либералами установились непримиримо враждебныя отношенія. Въ маѣ 1828 года началась война между Россіей и Турціей. И. И Дибичъ перешелъ черезъ Балканы; но когда онъ двинулся изъ Адріанополя на Константинополь, то Диванъ обратился къ посредничеству Пруссіи; 14 сентября 1829 года былъ заключенъ Адріанопольскій миръ, по которому русскія владѣнія въ Азіи были расширены, Черное море было открыто для русской торговли и Порта признала независимость Греціи. Западно-европейскія державы ни въ какомъ случаѣ не хотѣли допустить русскаго протектората надъ Греціей; наконецъ по соглашенію, состоявшемуся 3 февраля 1830 года, Греція была признана независимымъ государствомъ, но территорія этого государства была сужена по мѣрѣ крайней возможности (отъ устья рѣки Аспропотамоса до устья рѣки Сперхейоса.

г) Франція во время царствованія Карла X.

Новый французскій король Карлъ X держался такого правила: „Лучше быть дровосѣкомъ, чѣмъ царствовать въ положеніи англійскаго короля“.

Онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ правилъ чести и справедливости, но былъ очень упрямъ и подчинялся множеству предразсудковъ; притомъ это былъ человѣкъ ограниченнаго ума, съ узкими клерикальными взглядами; доживши до сѣдыхъ волосъ, онъ все еще велъ себя, какъ эмигрантъ графъ Артуа. Въ началѣ его царствованія его прославляли Викторъ Гюго и Альфонсъ де Ламартинъ. Однако черезъ короткое время его популярность исчезла: Пьеръ-Жанъ де Беранже далъ ему въ насмѣшку прозвище „Карла Простоватаго" (Charles le Simple) и высмѣивалъ „правленіе старцевъ" (Gerontocratie); на пятифранковыхъ монетахъ онъ былъ изображенъ въ іезуитской шляпѣ. Власть духовенства росла безмѣрно; должности раздавались клевретамъ іезуитовъ; народное образованіе было отдано въ руки іезуитскаго ордена. Карлъ X совершилъ надъ собой въ Реймсѣ церемонію миропомазанія священнымъ миромъ съ строгимъ соблюденіемъ старинныхъ обрядовъ; въ Парижѣ онъ участвовалъ во всѣхъ процессіяхъ, и многіе изъ французскихъ аристократовъ считали церковь единственнымъ убѣжищемъ противъ наводняющаго потопа либерализма. Законъ о святотатствѣ напоминалъ средневѣковые порядки; въ монастырскомъ уставѣ чуялось что-то похожее на возстановленіе средневѣковаго господства монаховъ и „мертвой руки" (main morte—права церкви на наслѣдованіе имуществъ, въ томъ числѣ и крѣпостныхъ людей). Закономъ 27 апрѣля 1825 года въ пользу эмигрантовъ былъ ассигнованъ цѣлый милліардъ въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ ими съ 1789 года, которые впрочемъ значительно превышали эту цифру.

Вопреки совѣту Виллеля Карлъ сейчасъ же отмѣнилъ цензуру. Либеральная пресса обрушилась безпощадно на іезуитское вліяніе, господствовавшее въ государствѣ, церкви, школѣ и обществѣ, а процессы противъ печати еще болѣе усилили ея популярность. Поборникъ галликанской церкви и смертельный врагъ ультрамонтановъ А. М. Ж. Ж. Дюпенъ (старшій) сталъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ либеральномъ лагерѣ, и всѣ восторгались его судебными рѣчами въ защиту газетъ „Constitutionnel", „Journal des Débats" и т. д.

Магистратура и большинство въ палатѣ перешли на сторону оппозиціи. Карлъ хотѣлъ возстановить цензуру, въ отмѣнѣ которой онъ горько каялся, но Шатобріанъ назвалъ составленный съ этой цѣлью законопроектъ вандализмомъ, а П. П. Ройе Колляръ—атеистическимъ закономъ; пэры заставили правительство взять обратно этотъ законопроектъ въ апрѣлѣ 1827 года. Положеніе Виллеля становилось опаснымъ благодаря всеобщей ненависти къ нему, которая еще усилилась послѣ распущенія національной гвардіи; онъ рѣшился на новыя мѣры для того, чтобы удержаться на мѣстѣ. Цензура въ это время уже была возстановлена распоряженіемъ отъ 24 іюня 1827 года, и вотъ Виллель рѣшился на очень смѣлый шагъ, несмотря на единодушное возмущеніе какъ роялистовъ (Шабріанъ, Гидъ де Невиль), такъ и либераловъ (Ф. П. Г. Гизо, графъ Н. А. Сальванди и К. Г. Одилонъ Барро). 5 ноября 1827 г. онъ издалъ слѣдующія четыре распоряженія: объ отмѣнѣ цензуры, о распущеніи второй палаты, большинство которой перешло на сторону оппозиціи, объ устройствѣ новыхъ выборовъ и о назначеніи 76 новыхъ пэровъ, большею частью епископовъ или закоренѣлыхъ эмигрантовъ. Новые выборы привели къ результатамъ абсолютно неблагопріятнымъ для министерства. Въ Парижѣ дѣло дошло до возстанія, и со временъ Фронды впервые опять появились на улицахъ Парижа баррикады. Виллель больше не могъ удержаться во власти.

Душою новаго министерства, которое вступило во власть 5 января 1828 г., былъ виконтъ Ж. Б. С. Г. Мартиньякъ, человѣкъ благородныхъ убѣжденій, который вполнѣ годился для роли примирителя; благодаря его ясному уму онъ стоялъ цѣлой головой выше всей толпы роялистовъ. Онъ былъ

сторонникомъ умѣренности и прогресса, но не пользовался довѣріемъ Карла и не обладалъ талантами государственнаго человѣка. Карлъ строилъ противъ Мартиньяка интриги вмѣстѣ съ своими фаворитами княземъ Жюлемъ Полиньякомъ и другими; въ то время, какъ королю казалось, что у Мартиньяка „слишкомъ мало Виллелевскаго“, общественное мнѣніе осуждало новаго перваго министра за то, что въ немъ „слишкомъ много Виллелевскаго“. Его избирательный законъ, а также его законы о печати казались Карлу слишкомъ либеральными; своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла церкви и школы онъ довелъ іезуитовъ до бѣшенства; аббатъ Ламеннэ, котораго они привлекли на свою сторону, сравнивалъ короля съ Нерономъ и Діоклетіаномъ. Ламеннэ бичевалъ галликанскую церковь и называлъ ее дѣтищемъ „атеистической“ Франціи, а конституціонную монархію Карла самымъ возмутительнымъ деспотизмомъ, который когда бы то ни было тяготѣлъ надъ человѣчествомъ; онъ возставалъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ противъ распоряженій о религіозныхъ конгрегаціяхъ и церковныхъ школахъ, изданныхъ Карломъ въ іюнѣ 1828 г. Ламеннэ обвинялъ Мартиньяка въ томъ, что его политическій образъ дѣйствій развращаетъ общество, и пророчилъ, что приближается тотъ моментъ, когда угнетенный народъ возстанетъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ атеистическаго короля во имя непогрѣшимости папы. Сочиненіе этого аббата „Объ успѣхахъ революціи и о войнѣ противъ церкви“ (Des progrès de la révolution et de la guerre contre l'église), вышедшее въ свѣтъ въ 1829 г., произвело сильное впечатлѣніе; авторъ этого сочиненія усваивалъ себѣ постепенно все болѣе демократическіе пріемы борьбы, что было естественнымъ результатомъ его теорій. Съ благословенія папы Льва XII, покровителя іезуитовъ, онъ основалъ „Общество для защиты католической религіи“, печатными органами котораго стали газеты „Le Catholique“ и „Le Correspondant“; а когда Карлъ палъ къ великой радости Ламеннэ, то онъ сталъ издавать съ сентября 1830 г. свой христіанскій революціонный органъ „L'avenir“ въ сотрудничествѣ съ Ж. Б. Г. Д. Лакордэромъ, Ш. Ф. Д. Тріономъ, графомъ Монталамберомъ и О. Ф. Жербэ: римская церковь натянула на себя революціонную шапку. Самая важная заслуга кабинета Мартиньяка состояла въ слѣдующемъ: генералъ маркизъ Н. И. де-Мезонъ, который былъ начальникомъ экспедиціоннаго корпуса, отправленнаго въ Морею, принудилъ къ отступленію въ августѣ 1828 г. египетскія войска подъ начальствомъ Ибрагима паши и разстроилъ такимъ образомъ планы Меттерниха, который затѣвалъ союзъ четырехъ державъ для насильственнаго примиренія Россіи съ Турціей. Внутренняя политика, напротивъ того, послужила для Мартиньяка камнемъ преткновенія: онъ сдѣлалъ попытку къ децентрализаціи управленія Франціей и внесъ въ палату соотвѣтствующіе законопроекты въ февралѣ 1829 г., но былъ покинутъ всѣми. Крайняя правая вступила въ соглашеніе съ лѣвой; въ апрѣлѣ Мартиньяку пришлось взять обратно свои законопроекты, а 8 августа 1829 г. его мѣсто занялъ князь Полиньякъ.

Имя Жюля Полиньяка казалось всей Франціи провозвѣстникомъ государственныхъ переворотовъ и реакціонныхъ мѣропріятій во вредъ конституціи: раздался общій крикъ возмущенія, а въ печати появились самыя рѣзкія нападки на новый кабинетъ. Герцогъ А. Ш. Л. В. де Брольи сталъ во главѣ общества, образовавшагося для защиты хартіи, подъ девизомъ: „Aide-toi le ciel t'aidera“ (на Бога надѣйся, а самъ не плошай): воинственные республиканцы сгруппировались вокругъ Луи Огюста Бланки, Этьена Араго и Армана Барбе. Въ это же время на сцену выступила газета „National“, дѣйствовавшая въ пользу Орлеанскаго дома, для котораго подготовляли почву Таллейранъ, Л. Адольфъ Тьеръ, банкиръ Жакъ Лаффитъ и сестра герцога Луи Филиппа Орлеанскаго Аделаида. Даже такіе реакціонеры, какъ Меттернихъ, Веллингтонъ и императоръ Николай, указывали французскому правительству на всю опасность государственнаго перево-

рота, направленнаго противъ хартіи. Къ сожалѣнію, Карлъ остался тѣмъ же прежнимъ коблепцскимъ эмигрантомъ, опытъ ничему не научилъ его, и духъ новой эпохи остался совершенно непонятнымъ для него: каждый конституціоналистъ казался ему сторонникомъ революціоннаго переворота, якобинцемъ. Полиньякъ тоже былъ лунатикомъ реставраціи, фантазеромъ, не понимавшимъ того, что дѣлается вокругъ него; изъ-за своихъ фантазій онъ не замѣчалъ дѣйствительности и въ своей ограниченности считалъ себя непогрѣшимымъ: не даромъ Божья Матерь представилась ему во снѣ и велѣла ему отрубить голову гидрѣ демократіи и невѣрія.

Полиньякъ занималъ сначала только постъ министра иностранныхъ дѣлъ, а 17 ноября 1829 г. онъ былъ назначенъ президентомъ совѣта министровъ. Чтобъ привлечь къ себѣ симпатіи народа, который относился къ нему враждебно, онъ искалъ успѣховъ на поприщѣ внѣшней политики. Онъ отстаивалъ принципъ свободнаго мореплаванія въ противовѣсъ притязаніямъ Великобританіи на господство на морѣ и составилъ фантастическій проектъ будущей политической карты Европы; правда, надежда на проведеніе въ жизнь этого проекта была не велика, но за то можно было при первомъ подходящемъ случаѣ пожать военныя лавры. Алжирскій дей разсердился за что-то на французовъ и во время аудіенціи ударилъ французскаго консула Деваля; такъ какъ дей отказался отъ всякихъ объясненій, то Франція стала готовится къ войнѣ на сушѣ и на морѣ. Въ іюнѣ 1830 г. военный министръ генералъ А. А. В. де Генъ, графъ Бурмонъ, высадился на Алжирскій берегъ около Сиди-Феруха съ отрядомъ въ 37 тысячъ человѣкъ, разбилъ алжирцевъ, захватилъ ихъ лагерь и вступилъ 6 іюля въ столицу, гдѣ онъ завладѣлъ богатыми сокровищами дея. Онъ выслалъ дея изъ Алжира, а самъ былъ награжденъ званіемъ маршала Франціи. Алжиръ перешелъ во власть Франціи, но Карлу и Полиньяку не пришлось воспользоваться плодами этой побѣды.

Печать и политическія партіи становились все болѣе смѣлыми; Ройе-Колляръ откровенно заявилъ Карлу, что палата отнесется враждебно ко всякому министерству, какое онъ ни назначитъ; но Карлъ прислушивался только къ хвастливымъ увѣреніямъ Полиньяка и въ тронной рѣчи, произнесенной имъ при открытіи палаты 2 марта 1830 г., онъ позволилъ себѣ такія недвусмысленныя угрозы по адресу своихъ противниковъ, что какъ доктринеры, такъ и крайніе либералы усмотрѣли въ этихъ словахъ явный намекъ на насильственный государственный переворотъ. Пьеръ Антуанъ Беррье, который былъ самымъ блестящимъ ораторомъ легитимистской партіи и, можетъ быть, вообще самымъ великимъ изъ французскихъ ораторовъ XIX вѣка, возражалъ во время дебатовъ по поводу отвѣтнаго адреса съ большой пылкостью доктринеру Гизо, но не убѣдилъ палаты: 16 марта палата приняла большинствомъ 221 голоса противъ 181 отвѣтный адресъ, въ которомъ палата въ рѣзкихъ выраженіяхъ ставила королю на видъ, что его министры не пользуются довѣріемъ народа и что между правительствомъ и палатой не существуетъ согласія. Король рѣшилъ, что его престолу грозитъ опасность; онъ заявилъ, что его рѣшенія неизмѣнны, и что онъ никогда не допуститъ, чтобы корона подвергалась униженію. 19 марта онъ отсрочилъ засѣданія палатъ до 1 сентября и далъ отставку многимъ префектамъ и чиновникамъ; между тѣмъ вся Франція выражала свое сочувствіе большинству палаты. Король былъ очень смущенъ и сталъ требовать отъ своихъ министровъ правдиваго отчета о существующемъ положеніи дѣлъ. Полиньякъ снова убаюкалъ его своей тайной докладной запиской, представленной королю 14 апрѣля: онъ увѣрялъ короля, что только незначительная часть французскаго народа затронута революціоннымъ духомъ и что престолу не грозитъ никакой опасности, что хартія есть политическое евангеліе и что не трудно придти къ мирному компромиссу. 16 мая Карлъ распустилъ палату и созвалъ новую палату на 3 августа.

Вмѣсто того, чтобы призвать опять къ власти Виллеля, онъ ввелъ въ министерство еще нѣсколько клевретовъ Полиньяка: 19 мая въ составъ министерства вступили Ж. К. Б. В. де Шантелозъ въ качествѣ хранителя большой печати (министра юстиціи) и графъ Ш. Ж. Пейроннэ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ. По собственнымъ словамъ Карла назначеніе Пейроннэ было пощечиной, нанесенной общественному мнѣнію: едва ли вся Франція относилась къ кому либо другому съ такой единодушной ненавистью, какъ къ этому новому министру. По его настоянію принимались одна за другой исключительныя мѣры, и наконецъ онъ сталъ подстрекать короля къ государственному перевороту съ отмѣной хартіи. Чтобы облегчить правительству побѣду во время новыхъ выборовъ, онъ издалъ 13 іюня прокламацію, въ которой онъ разъяснилъ народу, что онъ не намѣренъ уступать. Тѣмъ не менѣе всѣ 221 депутатъ, входившіе въ составъ прежней палаты, были избраны вновь, главнымъ образомъ благодаря дѣятельной пропагандѣ общества „Aide-toi, le ciel t'aidera"; оппозиція получила 272 мѣста въ то время, какъ министерская партія располагала только 145 голосами.

Во всей Франціи обнаружились волненія; для усмиренія ихъ были высланы войска; печать всѣхъ направленій разжигала пожаръ; предъ глазами Карла возстала тѣнь его брата, котораго излишняя уступчивость привела на плаху; Карлъ сталъ говорить о захватѣ диктаторской власти; уступая во всемъ Полиньяку, онъ согласился прибѣгнуть къ исключительнымъ мѣрамъ и такимъ образомъ поставить на карту свой престолъ. Русскій императоръ, даже Пейроннэ, Яковъ Ротшильдъ и другіе старались отклонить его отъ подобнаго намѣренія; тѣмъ не менѣе онъ подписалъ 25 іюня 1830 г. пять распоряженій, предложенныхъ Полиньякомъ. Свобода печати была отмѣнена, газеты могли издаваться только съ предварительнаго разрѣшенія, палата депутатовъ была распущена еще до открытія засѣданій, а новая палата была созвана на 28 сентября; избирательный законъ былъ измѣненъ; устраненные Мартиньякомъ члены государственнаго совѣта, принадлежавшіе къ крайнему роялистическому лагерю, были вновь возвращены къ своимъ должностямъ. Эти распоряженія были обнародованы 26 іюля. Газета Адольфа Тьера „National" стала центромъ оппозиціоннаго движенія въ печати; между тѣмъ Карлъ, сидѣвшій въ Сенъ-Клу, былъ очень доволенъ своими распоряженіями и назначилъ весьма непопулярнаго маршала Мармона, герцога Рагузскаго, командующимъ первой дивизіей. Когда народныя волненія усилились, Мармонъ вывелъ изъ Парижа столичный гарнизонъ, а послѣ того какъ 27 іюля вспыхнула революція, онъ объявилъ 28 іюля осадное положеніе; но тѣмъ не менѣе какъ онъ, такъ и русскій посланникъ графъ Поццо ди Борго совѣтовали Карлу пойти на уступки. Въ одинъ мигъ выросли баррикады, съ которыхъ раздавался возгласъ „долой Бурбоновъ"; но Полиньякъ не отказался отъ прежней самоувѣренности не смотря на то, что на всѣхъ пунктахъ побѣда осталась за революціонерами и часть войскъ перешла на сторону народа. Парижъ былъ потерянъ для правительства. Дофинъ Луи Антонъ, герцогъ Ангулемскій (стр. 152), перенялъ команду надъ войсками; произошло бурное столкновеніе между нимъ и Мармономъ, который вывелъ послѣдній остатокъ столичнаго гарнизона изъ Парижа въ Сенъ-Клу. Въ Парижѣ была возстановлена національная гвардія, и во главѣ ея сталъ престарѣлый Лафайетъ. По предложенію Гизо былъ утвержденъ муниципальный комитетъ; буржуазія взяла въ свои руки власть надъ Парижемъ, и Талейранъ призвалъ въ Парижъ герцога Орлеанскаго.

Наконецъ Карлъ X понялъ, что онъ стоитъ на краю пропасти. 30 іюля онъ отмѣнилъ свои недавнія распоряженія; уволилъ въ отставку министерство Полиньяка и поручилъ К. А. В. де Роншуару, герцогу де Мортмаръ, составить новое министерство при содѣйствіи лѣваго центра, но когда

Мортмаръ явился въ отель Лафиттъ, въ которомъ оппозиція устроила свою главную квартиру, то ему отвѣтили, что уже слишкомъ поздно. 31 іюля Луи Филиппъ занялъ мѣсто генералъ-лейтенанта Французскаго королевства по предложенію обѣихъ палатъ, обнялся съ Лафайетомъ, чтобы показать себя настоящимъ королемъ-гражданиномъ и назначилъ новое министерство. Въ тотъ же день Карлъ X переселился въ Тріанонъ и оттуда въ Рамбулье. Его дворъ опустѣлъ такъ же быстро, какъ нѣкогда дворъ Людовика XVI, а его солдаты разбѣгались толпами. Хватаясь за послѣдній спасительный якорь, онъ предложилъ Луи Филиппу постъ генералъ-лейтенанта отъ своего имени; но герцогъ Орлеанскій отклонилъ его предложеніе, ссылаясь на то, что онъ уже занимаетъ эту должность по порученію палатъ. 2 августа 1830 г. Карлъ и дофинъ отказались отъ престола въ пользу сына герцога Беррійскаго, герцога Бордосскаго, котораго они превозгласили королемъ подъ именемъ Генриха V, и Карлъ потребовалъ отъ Луи Филиппа, чтобы онъ сдѣлалъ всѣ приготовленія для возведенія Генриха на престолъ. Но Луи Филиппъ обошелъ Генриха и самъ принесъ присягу на вѣрность конституціи въ качествѣ короля французовъ 9 августа. 16 августа Карлъ X сѣлъ на корабль и отправился въ Англію; въ 1832 году онъ переселился въ Австрію. Его надежды на третью реставрацію оказались тщетными (срав. объ этомъ стр. 176).

II. Государственныя и общественныя реформы въ Европѣ въ періодъ времени между 1830 и 1859 гг.

Соч. проф. д-ра **Ганса фонъ Цвидинекъ-Зюденгорста.**

1. Консервативныя заблужденія.

На Вѣнскомъ конгрессѣ говорилось весьма мало о народахъ, а о волѣ и о правахъ народовъ ни разу не было рѣчи. Кабинеты, т. е. европейскіе монархи и ихъ сановники, преимущественно дипломаты, регулировали отношенія между государствами, руководствуясь почти исключительно династическими интересами и политическимъ могуществомъ европейскихъ монарховъ; только англійское правительство принимало въ соображеніе экономическія требованія правящихъ общественныхъ круговъ, а французское правительство считалось съ чувствительнымъ національнымъ самолюбіемъ своего народа. Не только князь Меттернихъ, но и большинство его сотрудниковъ подразумѣвали подъ именемъ государствъ только дворы и правительства, этихъ единственныхъ замѣстителей феодальнаго общества, на попеченіи котораго оставалась въ теченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтняго промежутка времени большая часть задачъ государственнаго управленія. Правительственныя учрежденія средневѣковыхъ городовъ, которыя развились рядомъ съ феодальнымъ обществомъ, не послужили основаніемъ для монархическаго государства; городскія республики, управляемыя патриціями, распались, зачахли и были стерты съ лица земли. По мѣрѣ упроченія власти монарховъ надъ сословіями они стали пользоваться все болѣе искусственнымъ и сложнымъ правительственнымъ механизмомъ — бюрократіей. Между монархами и ихъ народами стали посрединѣ самодовлѣющія правительственныя учрежденія. Понятіе о подданствѣ, которое обозначало въ феодальномъ обществѣ экономическое отношеніе, пріобрѣло политическій характеръ; оно оказалось необходимымъ дополненіемъ къ верховной власти монарха, которая была возведена въ теченіе XVII столѣтія на степень единственной правоосновы общественной власти. Стремленіе монарховъ къ расширенію своей власти, болѣе или менѣе ясное представленіе о связи, существующей между этой властью и идеальными задачами государственнаго управленія, привели къ тому, что усиленіе могущества административныхъ учрежденій превратилось въ первостепенную задачу государственнаго управленія, а притязанія и требовательность правительствъ стали непрерывно расти (ср. характеристику эпохи между 1650 и 1780 гг.: т. VII, стр. 450—454).

Въ противовѣсъ исторически развившимся правамъ монарховъ и ихъ правительственныхъ органовъ французская революція выдвинула „права человѣка“. Національное собраніе считало самой необходимой и настоятельной своей задачей вытѣсненіе изъ умственнаго кругозора своихъ современниковъ тѣхъ заблужденій, которыя возникли вслѣдствіе чрезмѣрно распространительнаго толкованія правъ монархической власти и затѣмъ были признаны и вошли въ практику, не встрѣтивши никакого отпора. Верховныя права были присвоены всей совокупности народа. Опираясь на верховную волю народа, Франція вступила въ войну съ монархическими государствами Европы, въ которыхъ власть принадлежала без-

раздѣльно монарху. Императоръ Наполеонъ считалъ себя носителемъ верховныхъ правъ народа и основывалъ на этомъ свои притязанія на главенство Франціи надъ всей Европой; облеченный властью, довѣренной ему шестью милліонами французовъ, Наполеонъ повелъ свою армію далеко за предѣлы владѣній французскаго народа и посредствомъ цѣлаго ряда великихъ побѣдъ подчинилъ европейскихъ монарховъ своей личной волѣ. Въ теченіи какихъ-нибудь двухъ десятилѣтій верховная власть совершила полный круговоротъ: отъ самодержавнаго народа она возвратилась вновь къ самодержавному монарху. Какъ монархи, такъ и народы принимали одинаковое участіе въ сокрушеніи деспотической власти Наполеона, которая пыталась окончательно уничтожить право народовъ на самоопредѣленіе; но вся выгода отъ этой побѣды досталась только монархамъ. Угождавшіе имъ публицисты утверждали беззастѣнчиво, что только монархи и ихъ арміи побѣдили Наполеона, что граждане имѣютъ такъ же мало правъ на благодарность, поскольку дѣло касается войнъ за освобожденіе, какъ наемные пожарные за тушеніе пожара. Эти низкопоклонные публицисты никого не убѣдили; никто не забылъ, что пруссаки принудили своего короля къ войнѣ за освобожденіе; великія событія, имѣвшія мѣсто въ Испаніи и въ Тиролѣ, уже ни въ коемъ случаѣ нельзя было считать результатомъ распорядительности законныхъ властей: въ обѣихъ этихъ странахъ народъ освободился насильственнымъ путемъ отъ навязанной ему верховной власти. Народная воля дала себя почувствовать въ этихъ странахъ съ полной очевидностью; она отвергла иноземное господство, несмотря на то, что это послѣднее выступало подъ флагомъ свободы и благодѣтельныхъ реформъ.

Царствующія династіи, возвратившія себѣ свою власть и свое достояніе, нисколько не стѣсняясь, дѣлили между собою владѣнія, захваченныя революціей у ихъ сотоварищей, родственниковъ и союзниковъ; но онѣ не имѣли ни малѣйшаго желанія подѣлиться съ своими народами заботами объ управленіи вновь основанными государствами. Между всѣми монархами установилось само собой единодушное убѣжденіе въ томъ, что нравственные и міровые устои зиждутся на прочности и процвѣтаніи ихъ власти; такое мнѣніе превратилось въ легитимистическій догматъ. Долгомъ всѣхъ вѣрноподданныхъ считалось безпрекословное признаніе какъ этого догмата, такъ и слѣдующаго: вѣрноподданный долженъ стараться объ увеличеніи своего собственнаго благосостоянія для того, чтобы содѣйствовать увеличенію богатства и могущества правительства. Однако даже „ограниченный умъ вѣрноподданнаго" тоже возмущался противъ этого навязываемаго ему догмата и не могъ забыть о тѣхъ громадныхъ жертвахъ, которыя ему пришлось понести для сохраненія европейскихъ государствъ, не разъ уже стоявшихъ на краю гибели во время ихъ тяжелой борьбы противъ наполеоновскаго господства. Вѣрноподданный задавался слѣдующимъ вопросомъ: что онъ выгадалъ цѣною всѣхъ этихъ тяжелыхъ жертвъ? Онъ вступилъ на путь критики и сталъ предъявлять такія требованія, предъ которыми не могли устоять теоріи легитимистовъ.

Право монарховъ объявлять войну и заключать миръ имѣло, конечно, достаточное историческое основаніе и не подлежало спору. Въ феодальную эпоху войны вели между собою бароны, свободные землевладѣльцы, а не правительства; но они могли пользоваться для войны только своимъ имуществомъ, а не своими подданными. Подданный не участвовалъ въ войнѣ ни лично, ни своимъ имуществомъ, развѣ только въ томъ случаѣ, если онъ самъ терпѣлъ отъ непріятельскихъ опустошеній, пожаровъ и убійствъ; онъ не былъ обязанъ принимать дѣятельное участіе въ военныхъ предпріятіяхъ своего повелителя, но дѣлалъ это иногда по своей доброй волѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ народѣ привились понятія о верховныхъ правахъ и о „правительствѣ", все это перемѣнилось. Военная служба перестала

быть связанной съ ленными отношеніями, она стала личной повинностью: съ этого времени войны уже не ведутся на средства, составленныя путемъ добровольныхъ пожертвованій, напротивъ того, правительство стало взимать эти средства съ народа въ силу своей власти. Подданные были обременены цѣлымъ рядомъ новыхъ повинностей, но не пріобрѣли взамѣнъ этого ни одного новаго права. Народъ, изнемогавшій отъ все усиливающагося бремени, сталъ, наконецъ, требовать и правъ; то, что пріобрѣталось цѣною крайняго напряженія силъ всѣхъ членовъ политическаго союза, должно было идти на общую пользу. Государство, съ своей стороны, тоже имѣетъ свои обязанности предъ населеніемъ; опредѣлить, каковы эти обязанности,— это право принадлежитъ подданнымъ, которые поддерживаютъ его своимъ трудомъ и своими жертвами. Это были вполнѣ основательныя требованія; неизбѣжно и неудержимо надвигается **переворотъ въ государственномъ и общественномъ строѣ**.

Немногіе изъ государей и мало кто изъ ихъ сановниковъ признавали, что эти новыя требованія народовъ составляютъ неизбѣжный логическій результатъ существующаго положенія вещей; большинство изъ нихъ считало всякое открытое выраженіе народной воли дерзкимъ мятежомъ. Революція привела къ крушенію общественнаго порядка. Она разнуздала самыя худшія человѣческія страсти, лишила множество людей ихъ имущества и ихъ призванія, загубила безчисленное множество человѣческихъ жизней, распространила невѣріе и безнравственность: ради имени Божія, ради цивилизаціи и культуры революцію слѣдовало задержать и подавить въ самомъ зародышѣ. Таковъ былъ образъ мыслей **консервативной** партіи, которая пренебрегала тѣмъ основнымъ положеніемъ права, что повинности должны быть уравновѣшены соотвѣтствующими правами; эта партія хотѣла покончить со всѣми историческими традиціями, она одобряла отмѣну всѣхъ феодальныхъ отношеній, но отказывалась провести въ жизнь взамѣнъ ихъ какой-нибудь новый компромиссъ, который бы урегулировалъ отношенія между монархами и ихъ подданными: приверженцы этой партіи возвели въ систему, вопреки всѣмъ историческимъ традиціямъ, крайнее ограниченіе правъ подданныхъ и неограниченный произволъ правителей; въ этой системѣ заключалась вся ихъ государственная премудрость. Эта консервативная государственная премудрость, провозвѣстникомъ которой любилъ выставлять себя князь Меттернихъ, была результатомъ пошлаго и ограниченнаго міросозерцанія; такое міросозерцаніе проистекало изъ полнаго незнакомства съ исторіей и отсутствія яснаго представленія о строѣ государства. Меттернихъ не обладалъ никакими познаніями въ государственныхъ наукахъ; взамѣнъ этого онъ преклонялся предъ своимъ собственнымъ умомъ и собственнымъ характеромъ, и многія страницы его мемуаровъ и его писемъ посвящены такому самовозвеличенію. Стоитъ только познакомиться съ настроеніемъ ума его самого и большинства его коллегъ дипломатовъ,— и сразу станутъ понятны тѣ заблужденія, въ которыхъ погрязли люди, стоявшіе во главѣ государственнаго правленія въ эпоху реставраціи.

Вновь водворившееся во Франціи правительство Бурбоновъ было надѣлено конституціей благодаря тому, что императоръ Александръ I хотѣлъ пощеголять своимъ либерализмомъ и своей благосклонностью къ французскому народу; напротивъ того, нѣмцевъ и итальянцевъ онъ и оставилъ на произволъ судьбы, а для успокоенія своей совѣсти внесъ нѣсколько громкихъ фразъ въ заключительный протоколъ Вѣнскаго конгресса. Черезъ короткое время послѣ этого Александръ I горько разочаровался въ полякахъ: они злоупотребляли данными имъ вольностями и пользовались ими для частыхъ жалобъ, протестовъ и выраженія неудовольствія; онъ сталъ сомнѣваться въ правильности либеральныхъ идей и мало по малу подчинился вполнѣ проповѣдуемой Меттернихомъ политикѣ насильственнаго подавленія **всякихъ свободолюбивыхъ стремленій**. Правительства не поняли

настроенія германской молодежи, воодушевленной большею частью благородными патріотическими чувствами, которыя зародились еще во время войнъ за освобожденіе; проницательное правительство нашло бы въ лицѣ этой молодежи дѣятельныхъ сотрудниковъ въ дѣлѣ возстановленія и внутренняго упроченія Германіи. Точно также европейскія правительства не поняли стремленія итальянцевъ къ національному объединенію и къ основанію своего собственнаго національнаго государства, свободнаго отъ гнета иноземныхъ властителей; напротивъ того, великія державы, Австрія, Россія и Пруссія, пускали въ ходъ всѣ зависящія отъ нихъ средства, угрозы и насилія для того, чтобы отстоять угодный этимъ правительствамъ государственный порядокъ отъ всякихъ преобразовательныхъ народныхъ стремленій. Громадная роль, предоставленная Австріи въ дѣлахъ Германскаго союза, была использована представителями такъ называемой консервативной государственной системы не для укрѣпленія этого союза, и Австрія эксплоатировала этотъ союзъ исключительно ради своихъ собственныхъ выгодъ. Представители этой государственной системы вовсе не думали объ объединеніи интересовъ союзныхъ государствъ посредствомъ общеполезныхъ учрежденій и общаго труда на пользу науки и искусства: самой настоятельной и важной задачей своей они считали ограниченіе участія народныхъ представителей въ управленіи союзными государствами; они мѣшали всѣми силами введенію конституцій, которыя могли бы даровать народамъ дѣйствительно цѣнныя права. Консервативные государственные люди не понимали того обстоятельства, что искусственно поддерживаемый государственный строй, который не можетъ опираться ни на національныя, ни на экономическія требованія своей эпохи, приноситъ мало выгоды даже самимъ правительствамъ, что такая система истощаетъ силы государства, и что правительства не располагали ни достаточными денежными средствами, ни достаточной военной силой для поддержанія подобной деспотической системы. На Востокѣ Австрія заняла подъ злосчастнымъ руководствомъ Меттерниха роль, стоящую въ противорѣчіи съ ея историческимъ прошлымъ и съ ея религіозными стремленіями; чтобы имѣть всегда подъ рукой силу русскаго оружія для подавленія революціонныхъ движеній, Австрія пожертвовала завоеваннымъ ею цѣною кровопролитныхъ войнъ XVII и XVIII вѣковъ правомъ выступать въ роли освободительницы христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова отъ турецкаго ига.

Въ политической исторіи извѣстно не мало грубыхъ насильственныхъ системъ, своекорыстныхъ поползновеній отдѣльныхъ лицъ, семействъ, партій, извѣстно много такихъ примѣровъ, когда большинство страдало отъ эксплоатаціи меньшинства, извѣстны такія конституціи, которыя съ виду гарантировали общую свободу, а въ сущности ограждали только господство немногочисленнаго класса; однако во всѣхъ этихъ случаяхъ мистификація преслѣдовала какую-либо опредѣленную цѣль, во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣлись въ виду чьи-нибудь дѣйствительныя матеріальныя выгоды или же расширеніе чьей-либо власти. Консерватизмъ эпохи реставраціи, напротивъ того, проистекалъ изъ ложнаго представленія о силахъ, дѣйствующихъ въ жизни государства; поэтому эта государственная система послужила исходной точкой для совершенно нелѣпой политики, которая ничего не могла ни создать, ни охранить. Этотъ консерватизмъ не былъ способенъ ни къ какому развитію, ни къ какимъ исправленіямъ и улучшеніямъ, потому что въ сущности всѣми своими усиленными хлопотами консервативные государственные люди преслѣдовали только одну единственную, не очень возвышенную цѣль заслужить одобреніе придворныхъ круговъ; въ этой средѣ они щеголяли своими мундирами и орденскими звѣздами, и тутъ же, между прочимъ, вершались государственныя дѣла. Представители многихъ царствующихъ династій къ своему несчастью не отдавали себѣ отчета въ неосновательности тѣхъ „основныхъ положеній“, посредствомъ которыхъ ихъ

министры, церемоніймейстеры и исповѣдники собирались обезпечить ихъ права и ихъ владѣнія; изъ за этой ошибки многія династіи исчезли навсегда со сцены всемірной исторіи, а другимъ пришлось перенести тяжелыя испытанія и выдержать жестокую борьбу.

2. Паденіе Бурбоновъ во Франціи.

Французы первые положили конецъ слабоумной политикѣ эпохи реставраціи; они воспользовались своей монополіей „застрѣльщиковъ культуры" съ той пылкостью, которая составляетъ главную отличительную черту ихъ характера; они дѣйствовали съ ловкостью и тактомъ, которыми отличается ихъ поведеніе въ общественной жизни. Чаша Бурбоновъ была переполнена. Нельзя сказать, чтобы они существенно отстали въ своей государственной дѣятельности отъ другихъ современныхъ монарховъ,—было бы совершенно несправедливо утверждать что-либо подобное; но они не сумѣли стать въ правильныя отношенія къ своему народу и привязать къ себѣ вліятельные классы парижскаго населенія. Возвратившіеся эмигранты, потомки знатныхъ семействъ, составлявшихъ свиту Людовика XV и Людовика XVI, многіе изъ членовъ которыхъ положили свои головы на гильотинѣ, не понимали того духа, которымъ была проникнута Франція времени имперіи. Между тѣмъ бонапартистская Франція воспользовалась съ большой энергіей кратковременнымъ существованіемъ имперіи для упроченія своего положенія; она превратилась въ соціальную силу, которую нельзя было столкнуть въ сторону. Благодаря своимъ многочисленнымъ семейнымъ связямъ и общественнымъ сношеніямъ, которыя играютъ во Франціи такую важную роль, установился тѣсный союзъ между бонапартистской Франціей и арміей вообще, а въ частности между бонапартистами и бывшими генералами и офицерами императора, которымъ приходилось жить на скудную пенсію: въ рукахъ этихъ бонапартистскихъ слоевъ общества сосредоточились возросшіе въ громадныхъ размѣрахъ денежные капиталы, а правительству приходилось заискивать предъ капиталистами для того, чтобы освободить Францію отъ иностранныхъ гарнизоновъ. По закону 27 апрѣля 1825 года палаты вознаградили обѣднѣвшее дворянство рентами общей стоимостью въ цѣлый милліардъ франковъ въ возмѣщеніе за ихъ имѣнія, конфискованныя въ пользу націи; но этотъ щедрый подарокъ не возстановилъ прежняго привилегированнаго положенія дворянства: семьи эмигрантовъ стали пенсіонерами народа, но не вернули себѣ прежняго блестящаго положенія въ обществѣ: напротивъ того, современное общество сторонилось отъ нихъ, какъ отъ людей скучныхъ и отсталыхъ.

16 сентября 1824 года скончался добродушный и не совсѣмъ глупый Людовикъ XVIII; его братъ и преемникъ Карлъ Филиппъ X возстановилъ противъ себя всѣ европейскіе дворы своею назойливостью еще въ то время, когда онъ назывался графомъ Артуа, а въ глазахъ народа онъ сталъ смѣшнымъ изъ-за своихъ непріятныхъ выходокъ и противорѣчивыхъ фразъ; онъ старался какъ бы нарочно лишить династію Бурбоновъ того остатка ея популярности, который еще сохранился. При его вступленіи на престолъ къ нему отнеслись довольно дружелюбно. За отмѣну цензуры онъ удостоился горячей похвалы со стороны Виктора Гюго; но черезъ самое короткое время его симпатіи къ либерализму исчезли опять. Духовные отцы съ іезуитскими идеалами забрали въ свои руки этого слабохарактернаго и тщеславнаго человѣка, въ надеждѣ за его спиной наложить руку на Францію. Когда онъ вздумалъ короноваться въ Реймсѣ по обычаю Меровинговъ, то французы прозвали его вслѣдъ за авторомъ смѣлыхъ сатирическихъ пѣсенъ, Беранже, „Карломъ Простоватымъ". Для устраненія либеральныхъ писате-

лей онъ сталъ прибѣгать къ процессамъ противъ печати; но эти процессы только усилили симпатіи общества къ журналистамъ; палаты отвергли съ негодованіемъ новый законъ о печати, предложенный министромъ Карломъ Виллелемъ; а какъ только правительство распустило палату, въ Парижѣ выросли баррикады, и послышались залпы, направленные противъ гражданъ. Престарѣлый король сталъ относиться съ недовѣріемъ даже къ такому умѣренному либералу, какъ виконтъ де Мартиньякъ, который хотѣлъ успокоить общественное мнѣніе нѣкоторыми смягченіями въ школьныхъ законахъ и законахъ о печати и дарованіемъ законныхъ гарантій для свободнаго выраженія научно-обоснованныхъ мнѣній.

Король относился съ довѣріемъ исключительно только къ кружку ханжей іезуитовъ, которые считали всякое самостоятельное мышленіе смертнымъ грѣхомъ; изъ этого кружка онъ выбралъ своего фаворита герцога А. Жюля Полиньяка; 8 августа 1829 года этотъ послѣдній сталъ во главѣ министерства, среди членовъ котораго не оказалось ни одного сколько нибудь популярнаго человѣка. Это нисколько не безпокоило Полиньяка, который отличался необыкновеннымъ самомнѣніемъ и крайней недальновидностью и надѣялся, что черезъ самое короткое время всѣ французы станутъ преклоняться предъ нимъ за его смѣлую и широкую внѣшнюю политику; онъ носился было съ проектомъ раздѣла Европейской Турціи и послѣдующаго территоріальнаго обмѣна между европейскими государствами, благодаря которому Франціи предстояло пріобрѣсть Бельгію, Люксембургъ и лѣвый берегъ Рейна; къ сожалѣнію, Полиньякъ запоздалъ, такъ какъ Россія заключила съ Турціей Адріанопольскій миръ раньше, чѣмъ этого ожидалъ французскій министръ (стр. 158). Отказавшись отъ этого проекта, онъ рѣшилъ, что завоеваніе Алжира польститъ національному самолюбію его соотечественниковъ въ такой степени, что они пожертвуютъ добровольно ради этой цѣли нѣсколькими неудобными параграфами конституціи; однако еще раньше, чѣмъ успѣло дойти до Парижа извѣстіе о капитуляціи бея (3 іюля 1830 года), настроеніе парижанъ стало такимъ бурнымъ, что оно уже не могло перемѣниться отъ побѣды французской арміи надъ какимъ-то жаднымъ пиратомъ. Палата депутатовъ потребовала отставки Полиньяка; были назначены новые выборы, результаты которыхъ оказались неблагопріятными для министерства, и королю пришлось выбрать одно изъ двухъ: либо отказаться отъ министерства, либо отмѣнить конституцію посредствомъ государственнаго переворота. Іезуиты того времени отличались недостаточнымъ политическимъ развитіемъ, а французскіе іезуиты были еще болѣе надменны и невѣжественны, чѣмъ бельгійскіе и германскіе; они были увѣрены въ своей побѣдѣ и уговорили короля вступить на путь насилія, несмотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ членовъ королевской семьи, между прочимъ дофины Маріи-Терезы.

26 іюля было опубликовано пять королевскихъ приказовъ, въ которыхъ заключались существенныя ограниченія гарантированной закономъ свободы печати; незадолго предъ тѣмъ избранная палата депутатовъ была вновь распущена, былъ изданъ новый избирательный законъ и на 28 сентября была созвана палата, члены которой должны были быть выбраны на основаніи новаго закона. Правительство объявило войну противъ конституціи. Газеты, поддерживавшія министерство, утверждали, что, на основаніи 14 параграфа хартіи, король имѣетъ право управлять посредствомъ приказовъ, издаваемыхъ подъ его единоличной отвѣтственностью; этотъ 14 параграфъ гласитъ слѣдующимъ образомъ: „Король есть верховный глава государства; онъ командуетъ сухопутными и морскими силами, объявляетъ войну, заключаетъ мирные, союзные и торговые договоры, замѣщаетъ всѣ общественныя должности и издаетъ распоряженія и приказанія, необходимыя для охраны законовъ и для безопасности государства“.

Если бы консервативныя газеты были правы, то всѣ постановленія, касающіяся порядка изданія законовъ и подчиненнаго положенія исполнительной власти по отношенію къ законодательной, были бы совершенно безцѣльными. Либеральное населеніе Парижа не далось въ обманъ и немедленно приготовилось къ упорному сопротивленію.

Въ первый же день начались демонстраціи, устроенныя лишившимися своего заработка вслѣдствіе притѣсненій печати типографскими рабочими; смѣшанная, принадлежавшая ко всѣмъ состояніямъ публика Пале-Рояля стала выражать шумные протесты, и въ окна ненавистнаго министра полетѣли камни; на второй день утромъ либеральныя газеты вышли въ свѣтъ безъ требуемаго разрѣшенія властей съ общимъ воззваніемъ, въ которомъ заключалась между прочимъ слѣдующая фраза: „При настоящемъ положеніи вещей повиновеніе перестало быть гражданскимъ долгомъ". Авторомъ этой прокламаціи былъ Адольфъ Тьеръ, который считался въ то время самымъ извѣстнымъ политическимъ писателемъ Франціи (онъ род. въ Марселѣ 15 апрѣля 1797 года, а съ 1820 года сталъ заниматься адвокатурой въ городѣ Э); въ 1821 году онъ переселился въ Парижъ, вступилъ въ составъ редакціи газеты „Constitutionel", принималъ участіе въ основаніи нѣкоторыхъ литературныхъ газетъ и въ то же время выпустилъ въ свѣтъ свою „Исторію французской революціи" (въ 10 томахъ, 1823 и 1827 г.). Это сочиненіе было скорѣе публицистическимъ, чѣмъ научнымъ трудомъ; за короткое время оно пріобрѣло громадное распространеніе и подходило подъ вкусы либеральной буржуазіи, такъ какъ Тьеръ демонстрировалъ благодѣтельные результаты и великія заслуги революціи, но не одобрялъ ея заблужденій и печальныхъ крайностей періода анархіи; онъ считалъ конституціонализмъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, купленнымъ цѣною продолжительной борьбы и тяжелыхъ жертвъ, понесенныхъ Франціей ради торжества свободы и права народовъ на самоопредѣленіе. Въ періодической печати Тьеръ выступалъ также защитникомъ того взгляда, что хартія 1814 года заключаетъ въ себѣ достаточныя гарантіи правъ народа и что надо только отстаивать ее во всей ея цѣлости, не смущаясь лукавыми толкованіями этого документа. Онъ былъ увѣренъ, что царствованіе Карла X несовмѣстимо съ неприкосновенностью хартіи, не питалъ также никакого довѣрія къ наслѣднику Карла X, его сыну герцогу Ангулемскому; поэтому онъ высказался, не стѣсняясь, за перемѣну династіи и за замѣщеніе старшей линіи дома Бурбоновъ Орлеанскимъ домомъ.

Къ Тьеру и его литературнымъ единомышленникамъ примыкала часть бывшихъ въ то время въ Парижѣ депутатовъ, между прочимъ финансисты Жакъ Лаффиттъ и Казиміръ Перье, которые имѣли многихъ послѣдователей и пользовались безусловнымъ довѣріемъ со стороны богатой буржуазіи, а также несвязанныхъ съ дворомъ, независимыхъ дворянъ. Они собирались выступить съ открытымъ протестомъ въ то время, какъ маршалъ А. Ф. Л. В. де Мармонъ, герцогъ Рагузскій, комендантъ Парижа, пытался разогнать бурныя скопища недовольныхъ, которыя уже сильно разрослись къ 27 іюля; однако Мармонъ не располагалъ достаточнымъ количествомъ войскъ. Въ слѣдующую ночь парижане стали вооружаться. 28 іюля на многочисленныхъ баррикадахъ уже боролись тысячи рабочихъ, студентовъ политехническаго училища, студентовъ медиковъ и горожанъ всякихъ профессій; войска не смогли завладѣть баррикадами. Мармонъ понялъ, что онъ не въ силахъ совладать съ возстаніемъ, и сталъ совѣтовать королю, удалившемуся въ Сенъ-Клу вмѣстѣ съ своей семьей и своими министрами, отмѣнить свои послѣднія распоряженія. Если бы король не замедлилъ послѣдовать этому совѣту, то онъ могъ бы еще повернуть въ свою сторону настроеніе парижскаго населенія и спасти Бурбоновъ, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ; однако ни король, ни Полиньякъ

все еще не догадывались, въ какомъ опасномъ положеніи они находятся, и не могли представить себѣ, чтобы парижане устояли противъ 12,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ.

Мармонъ дѣйствительно довелъ парижскій гарнизонъ до этой цифры, притянувши въ столицу войска, расположенныя по сосѣдству; этихъ силъ едва ли было бы достаточно даже въ томъ случаѣ, если бы всѣ солдаты были настроены самымъ воинственнымъ образомъ и были бы готовы биться за своего короля до послѣдней капли крови, такъ какъ парижане были очень искусны въ уличной борьбѣ съ войсками и дрались съ необыкновеннымъ мужествомъ. Въ дѣйствительности господство поповъ, водворенное Бурбонами, было не по душѣ также и войскамъ; ни у кого изъ солдатъ не было охоты рисковать своими костями ради смѣшного хвастуна Полиньяка, противъ котораго было непосредственно направлено возстаніе. Солдаты тѣхъ полковъ, которые прибыли изъ окрестностей Парижа, подъ вліяніемъ пропаганды отказались идти дальше, какъ только они дошли до парижскихъ предмѣстій, а въ самомъ Парижѣ два полка перешли на сторону революціонеровъ благодаря агитаціи брата банкира Лаффитта. Утромъ 29 іюля Мармонъ съ нѣсколькими тысячами своихъ солдатъ еще держали въ своихъ рукахъ Лувръ и Тюильери; но около полудня одинъ батальонъ швейцарцевъ покинулъ Мармона, образовалось незащищенное мѣсто, черезъ которое толпы вооруженныхъ повстанцевъ пробрались въ Лувръ, и Мармону пришлось отступить къ Елисейскимъ полямъ. Къ вечеру маршалъ Мармонъ отправился верхомъ въ Сенъ-Клу и заявилъ королю, что нѣтъ больше надежды силой вернуть Парижъ къ повиновенію и что для короля нѣтъ другого исхода, какъ только вступить въ переговоры съ предводителями возстанія. Мармонъ сдѣлалъ для династіи Бурбоновъ все, что онъ могъ при тѣхъ слабыхъ силахъ, которыми онъ располагалъ; тѣмъ не менѣе ему пришлось перенести тяжелое оскорбленіе предъ лицомъ всей гвардіи: герцогъ Ангулемскій обозвалъ его измѣнникомъ. Этотъ послѣдній представитель династіи Бурбоновъ, не очень богато одаренный отъ природы, былъ къ тому же совершенно испорченъ льстивымъ обращеніемъ монаховъ и аристократовъ изъ крайняго легитимистскаго лагеря, которые возводили въ великій подвигъ его испанскій походъ и расписывали штурмъ Трокадеро, какъ знаменитую побѣду въ родѣ Маренго и Аустерлица (стр. 154). Онъ былъ напичканъ дикими фантазіями, которыя внушались съ дѣтства „потомкамъ Людовика Святого" и его отцу, отличавшемуся въ сравненіи съ нимъ большимъ благородствомъ характера и большимъ великодушіемъ, пришлось объяснить ему, что короли съ своей стороны должны быть благодарными своимъ вѣрноподданнымъ, въ особенности тѣмъ, которые рискуютъ ради нихъ своею жизнью.

Впрочемъ маршалъ жестоко ошибался, когда думалъ, что Карлъ еще можетъ спасти свой тронъ для своей семьи, если онъ вступитъ въ переговоры съ революціонерами, дастъ отставку Полиньяку, утвердитъ состоявшіеся выборы и, наконецъ, даже откажется отъ престола въ пользу своего внука Генриха; 30 іюля участь Бурбоновъ была уже рѣшена; вопросъ шелъ только о томъ, что поставить на ихъ мѣсто: республику или же либеральную конституціонную монархію съ принцемъ Орлеанскимъ въ роли короля.

Луи Филиппъ, сынъ герцога Орлеанскаго того же имени и принцессы Луизы Маріи Аделаиды де Пентьевръ, получилъ при своемъ рожденіи (6 октября 1773 года) титулъ герцога Валуа, а затѣмъ титулъ герцога Шартрскаго, во время революціи онъ называлъ себя генераломъ Эгалите, а послѣ казни своего отца (стр 19), этого жалкаго развратника, который подалъ голосъ въ пользу казни Людовика XVI, онъ присвоилъ себѣ титулъ герцога Орлеанскаго. Такъ какъ Дюмурье выставлялъ его канди-

датомъ на французскій престолъ, то послѣ бѣгства этого генерала ему тоже пришлось покинуть Францію. Послѣ этого ему приходилось вести бродячую жизнь, а въ Швейцаріи онъ исполнялъ даже должность учителя ради хлѣба насущнаго; въ теченіе долгаго времени онъ вымаливалъ у Бурбоновъ прощеніе за грѣхи своего отца и за свой собственный переходъ въ революціонный лагерь и наконецъ былъ признанъ вновь главою Орлеанскаго дома. Онъ объѣздилъ почти всѣ европейскія страны и побывалъ также въ сѣверной Америкѣ, гдѣ онъ познакомился съ буржуазнымъ государствомъ, которое справлялось съ самыми великими задачами безъ монарховъ и безъ постоянной арміи. Поэтому послѣ его возвращенія во Францію легитимисты считали его либераломъ и относились къ нему съ ненавистью и со страхомъ; напротивъ того, въ народѣ онъ былъ очень популяренъ и пріобрѣлъ всеобщія симпатіи, такъ какъ жилъ очень просто, несмотря на то, что ему было возвращено богатое состояніе его предковъ, вращался въ обществѣ буржуа, позволялъ своимъ сыновьямъ и дочерямъ устраивать игры вмѣстѣ съ дѣтьми буржуа, а въ дождливую погоду выходилъ на рынокъ запросто съ открытымъ зонтикомъ въ рукахъ и вступалъ въ разговоры съ базарными торговками. Онъ былъ очень толковымъ дѣльцомъ и пользовался довѣріемъ въ финансовомъ мірѣ. Не существуетъ никакихъ доказательствъ того, чтобы онъ принималъ участіе въ низверженіи своихъ родственниковъ Бурбоновъ; ему этого и не нужно было, они сами трудились весьма добросовѣстно надъ этой задачей; однако достовѣрно извѣстно, что онъ ждалъ ихъ гибели и старался эксплуатировать въ свою пользу существующее положеніе дѣлъ. Въ началѣ революціи онъ удалился въ Ренси около Нельи, и сюда явились повѣренные Лаффитта и самъ Тьеръ съ сообщеніемъ о томъ, что палата собирается назначить его генералъ-лейтенантомъ королевства и передать ему такимъ образомъ исполнительную власть; онъ поскакалъ въ Парижъ (стр. 163) и тутъ онъ получилъ также и отъ Карла X предложеніе принять ту же должность отъ имени короля въ качествѣ замѣстителя малолѣтняго Генриха V. Онъ дѣлалъ видъ, что охотно принимаетъ предложеніе короля, пока это казалось ему полезнымъ для его собственной карьеры. Когда же онъ убѣдился, что никто больше не обращаетъ вниманія на слова короля, то онъ объявилъ объ отреченіи короля, но умолчалъ о томъ, что Карлъ X отрекся въ пользу своего внука. Приверженцы Луи Филиппа были увѣрены, что онъ можетъ спасти Францію отъ республики, и этимъ обстоятельствомъ объясняется главнымъ образомъ его поведеніе.

31 іюля считалось уже дѣломъ рѣшеннымъ, что Франція откажется навсегда отъ навязанныхъ ей Бурбоновъ; но что касается будущей формы правленія Франціи, то по этому вопросу господствовало значительное разногласіе. Рѣшеніе его зависѣло исключительно отъ маркиза де Лафайета, этого отца „правъ человѣка", этого патріарха революціи, который еще 28 іюля взялъ на себя командованіе національной гвардіей по настоянію членовъ палаты. Республиканцы, которые въ сущности были единственными самоотверженными противниками Бурбоновъ и подняли народныя массы на борьбу противъ нихъ, считали Лафайета своимъ единомышленникомъ, возлагали на него всѣ свои надежды и предложили ему диктатуру. Богатая буржуазія и отстаивавшіе ея интересы журналисты боялись побѣды республиканцевъ, такъ какъ послѣдніе выступали не только съ политическими идеалами, но и съ соціальными требованіями. Главные отличительные признаки либерализма, который тогда сталъ впервые во Франціи политической партіей, заключаются въ томъ, что онъ стремится къ установленію различныхъ размѣровъ гражданской свободы для различныхъ классовъ населенія и ставитъ политическія права въ зависимость отъ имущественнаго и образовательнаго ценза. Парижскіе капиталисты надѣялись, что наслѣдство, оставленное

легитимистами, достанется имъ цѣликомъ, и что они крѣпко заберутъ въ свои руки власть, какъ только будетъ возстановлено общественное спокойствіе. Для этой цѣли они нуждались въ конституціонномъ королѣ, который былъ бы обязанъ своимъ престоломъ ихъ благорасположенію, а такимъ королемъ могъ быть только Луи Филиппъ. Этотъ послѣдній понималъ, безъ сомнѣнія, ихъ намѣренія; но онъ увѣрилъ себя, что, какъ только онъ завладѣетъ престоломъ, то отъ него самого будетъ зависѣть, чѣмъ и какъ расплатиться съ этими фабрикантами королевскихъ престоловъ; прежде всего онъ постарался обезопасить себя отъ республиканцевъ. Съ большимъ парадомъ онъ подъѣхалъ верхомъ къ ратушѣ, чтобы польстить Лафайету, изъ рукъ котораго онъ тутъ же принялъ королевскую власть. Старику это показалось вполнѣ натуральнымъ; онъ считалъ себя уполномоченнымъ французскаго народа и въ качествѣ таковаго вступилъ въ союзъ съ „королемъ гражданиномъ", котораго онъ представилъ народу, какъ своего кандидата, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукахъ.

Не прошло и недѣли, какъ уже была изготовлена новая конституція. Ея „непосредственнымъ источникомъ" считались „права французскаго народа"; король былъ главою государства по волѣ народа и былъ обязанъ дать присягу на вѣрность конституціи при своемъ вступленіи на престолъ. Была сохранена система двухъ палатъ, для депутатскихъ полномочій былъ установленъ пятилѣтній срокъ, предѣльнымъ возрастомъ для пользованія пассивнымъ избирательнымъ правомъ былъ опредѣленъ тридцатилѣтній, а для активнаго избирательнаго права двадцатипятилѣтній. Провести въ жизнь тѣ учрежденія, которыя въ глазахъ либераловъ были неразрывно связаны съ созданнымъ ими понятіемъ о конституціонной монархіи — это было представлено законодательной дѣятельности палатъ; предполагалось передать суду присяжныхъ дѣла о преступленіяхъ противъ законовъ о печати, ввести отвѣтственность министровъ, свободу обученія, обязательное посѣщеніе начальной школы, ежегодное вотированіе численнаго состава арміи и т. п. Депутаты, избранные на послѣднихъ выборахъ, высказались въ пользу этихъ законопроектовъ громаднымъ большинствомъ голосовъ (219 противъ 38.) Изъ числа перовъ 89 тоже были сторонниками указанныхъ реформъ, и только 18 изъ нихъ, въ числѣ которыхъ былъ писатель Шатобріанъ, выступили защитниками правъ Генриха V. Карлъ X удалился изъ Сенъ-Клу въ Рамбулье вмѣстѣ съ своей гвардіей и нѣсколькими полками, которые все еще оставались ему вѣрными; онъ еще разъ сообщилъ герцогу Орлеанскому о своемъ отреченіи и объ отреченіи герцога Ангулемскаго отъ французскаго престола и предложилъ ему принять на себя управленіе Франціей отъ имени Генриха V. Луи Филиппъ не далъ никакого отвѣта на это предложеніе; онъ старался только какъ можно скорѣе удалить изъ Франціи своего родственника, который стѣснялъ его теперь, когда власть уже была въ его собственныхъ рукахъ. Когда Луи Филиппу не удалось склонить Карла къ выѣзду изъ Франціи миролюбивымъ путемъ, то его приверженцы устроили скорѣе увеселительную прогулку парижской національной гвардіи въ Рамбулье, чѣмъ военную экспедицію; во всякомъ случаѣ цѣль была достигнута. У Бурбоновъ и ихъ нахлѣбниковъ было такъ мало рыцарскаго духа, что они даже не попытались проучить дерзкихъ парижанъ и дать имъ почувствовать „легитимистическую" саблю. Королевская свита отправилась съ кичливою медлительностью изъ Рамбулье въ Шербургъ, не встрѣчая ни въ комъ никакого участія къ себѣ. Карлъ X отправился на первыхъ порахъ въ Англію. 6 ноября 1836 года онъ скончался въ Герцѣ, а герцогъ Ангулемскій скончался тамъ же 3 іюля 1844 года. Герцогиня Марія Каролина Беррійская, дочь Неаполитанскаго короля Франциска I, подняла въ Вандеѣ возстаніе противъ предателя герцога Орлеанскаго. Она не останавливалась предъ самыми опасными приключеніями и 1 ноября 1832 года была наконецъ взята въ плѣнъ въ Нантѣ; но тѣмъ не менѣе

она бы еще причинила много хлопотъ Луи Филиппу и, вѣроятно, сумѣла бы даже впослѣдствіи воспользоваться благопріятнымъ моментомъ для возвращенія престола своему сыну, если бы она не впала въ немилость у своей семьи и у безсмысленно чванныхъ легитимистовъ за свой тайный бракъ съ сыномъ сицилійскаго князя Кампофранко, графомъ Этторе Карло Луккези Палли, отъ котораго она родила во время своего пребыванія въ плѣну въ Бле около Бордо сына, называвшагося впослѣдствіи герцогомъ делла Грація. Ея послѣдній сынъ отъ перваго брака всю свою жизнь довольствовался той увѣренностью, что онъ есть законный король Франціи; но въ дѣйствительности простоватый Генрихъ V былъ настолько ограниченнымъ человѣкомъ, что онъ не былъ опасенъ ни для какого правительства.

Франція избавилась отъ Бурбоновъ почти безъ всякаго труда и принялась за новый опытъ съ конституціонной монархіей и домомъ Орлеановъ. Республиканцы были ошеломлены, когда замѣтили, какъ Лафайетъ обошелъ ихъ; народныя массы, которыя не имѣютъ никакихъ политическихъ убѣжденій, а дѣйствуютъ обыкновенно подъ впечатлѣніемъ даннаго момента, отнеслись съ восторгомъ къ новому образу правленія, который былъ прикроенъ состоятельной либеральной буржуазіей по своей собственной мѣркѣ. На первыхъ порахъ республиканцы отстранились отъ общественныхъ дѣлъ съ еле скрываемымъ озлобленіемъ и составили ядро партіи недовольныхъ, — они ожидали, что къ нимъ присоединится въ ближайшемъ будущемъ значительное число приверженцевъ различныхъ другихъ партій.

Уже въ самомъ началѣ своего царствованія „король французовъ", такъ сталъ называть себя герцогъ Орлеанскій съ 9 августа 1830 года, взялъ на себя двусмысленную и опасную роль, благодаря чему, мало по малу, пошатнулось его положеніе, которое вначалѣ опиралось какъ будто на народную волю. Ему слѣдовало бы честно и откровенно поддерживать прочность тѣхъ „республиканскихъ учрежденій," которыми долженъ былъ быть окруженъ его престолъ по мнѣнію Лафайета; ему слѣдовало и въ дальнѣйшей своей дѣятельности выдавать себя за исполнителя воли французскаго народа и во всякомъ случаѣ довѣрить свою судьбу исключительно своему народу. Но ему хотѣлось вмѣстѣ съ тѣмъ быть признаннымъ великими державами, стать равноправнымъ членомъ въ семьѣ европейскихъ династій и считаться ея уполномоченнымъ на французскомъ престолѣ. Князь Меттернихъ сталъ поддерживать эти стремленія Луи Филиппа, какъ только онъ убѣдился, что французскій король отстранился отъ вліянія лѣвыхъ партій и имѣетъ серьезное намѣреніе подавить ихъ. Австрійскій государственный канцлеръ охотно признавалъ за Луи Филиппомъ ту заслугу, что своей кандидатурой онъ помѣшалъ возстановленію республики; Меттернихъ былъ искренно благодаренъ французскому королю за то, что тотъ ввелъ во Франціи конституціонную монархію и тѣмъ избавилъ европейскія державы отъ необходимости снова выступить въ походъ противъ республиканской Франціи. По этой самой причинѣ Меттернихъ оказался рѣзкимъ противникомъ домогательствъ бонапартистовъ, которые хотѣли выступить противъ герцога Орлеанскаго съ кандидатурой воспитывавшагося въ Вѣнѣ у своего дѣда даровитаго и честолюбиваго сына Наполеона I и герцогини Маріи Луизы (Ог. Марс. Бартелеми назвалъ его le fils de l'homme, „сынъ человѣка"), хотя самъ императоръ Францъ относился къ этой комбинаціи довольно благосклонно. Преждевременная смерть симпатичнаго герцога Рейхштадтскаго, скончавшагося 22 іюля 1832 года отъ чрезвычайно быстротечной чахотки (а не отъ послѣдствій распутнаго образа жизни), спасла буржуазнато короля отъ опасности, которая, вѣроятно, увеличивалась бы съ каждымъ годомъ. Уже въ концѣ августа 1830 г. Англія признала безъ всякихъ условій и оговорокъ новое французское прави-

тельство; ея примѣру послѣдовали, къ великой досадѣ императора Николая I, Австрія и Пруссія. Такимъ образомъ европейскія державы примирились съ пребываніемъ Орлеанской династіи на французскомъ престолѣ и фактически признали ее премникомъ Бурбоновъ.

3. Національныя возстанія тридцатыхъ годовъ.

События 1830 г. въ Парижѣ послужили началомъ новой революціонной эпохи въ Европѣ, которая привела къ болѣе значительнымъ и болѣе долговѣчнымъ перемѣнамъ, чѣмъ революція 1789 г.; въ эту эпоху впервые была продѣлана брешь въ правительственной системѣ эпохи реакціи, которая не допускала никакого компромисса между правами монарха и народа и требовала, чтобы подданные повиновались безпрекословно всякому приказанію правительства. Французы покончили съ неограниченнымъ произволомъ правительства благодаря единодушной волѣ народа, который отказался на время отъ всѣхъ партійныхъ раздоровъ изъ ненависти къ Бурбонамъ. 30,000—40,000 человѣкъ, не обладавшихъ никакой военной организаціей и вовсе не подготовленныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ, разбили въ уличномъ столкновеніи 19,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ подъ командой испытаннаго въ бояхъ генерала, маршала великой арміи Наполеона I; послѣ своей побѣды, одержанной цѣною тяжелаго кровопролитія, народъ не позволилъ себѣ никакого злоупотребленія, не опозорилъ себя никакой жестокостью; со стороны участниковъ возстанія не замѣчалось ни малѣйшей попытки къ водворенію анархіи. Послѣ того, какъ вооруженныя толпы народа взяли штурмомъ Лувръ, не только было уничтожено весьма мало цѣнныхъ предметовъ, но, напротивъ того, штурмующіе тщательно охраняли произведенія искусства. Въ теченіе короткаго срока въ двѣ недѣли уже состоялось соглашеніе между руководителями возстанія, была введена новая конституція, всѣ отрасли государственнаго управленія подверглись радикальному преобразованію, и новая династія была облечена верховной властью. Государственный переворотъ 1830 г. доказалъ, что революція вовсе не должна обязательно сопровождаться уничтоженіемъ общественнаго порядка, а, напротивъ того, можетъ вести къ лучшему достиженію цѣлей государственнаго управленія.

Революція 1830 г. внушала надежду на то, что народная воля можетъ восторжествовать надъ деспотическимъ режимомъ непопулярныхъ правительствъ также и внѣ Франціи. Между такъ называемыми консервативными державами не существовало единомыслія, и потому онѣ не были въ силахъ воспрепятствовать какому-либо народу выступить на защиту своего естественнаго права на самоопредѣленіе, если только этотъ народъ былъ готовъ жертвовать ради этой цѣли своимъ достояніемъ и своей кровью. Удачный опытъ французовъ толкалъ на путь революціи также и другіе народы, положеніе которыхъ было невыносимо или по крайней мѣрѣ казалось имъ таковымъ. Изъ всѣхъ видовъ угнетеній наиболѣе тягостенъ гнетъ иноземнаго господства, и притомъ не только въ покоренной странѣ, но также и въ тѣхъ областяхъ, которыя перешли во власть иностраннаго правительства на основаніи международнаго договора, если только такое присоединеніе не обусловлено общностью интересовъ двухъ народовъ; впрочемъ, сильныя антипатіи, вытекающія изъ несходства національныхъ характеровъ, не могутъ быть подавлены даже сознаніемъ тѣхъ громадныхъ выгодъ, которыя даетъ совмѣстная жизнь обоихъ народовъ, покорителя и покореннаго. Отвращеніе и ненависть, вызываемыя инстинктивными чувствами, не поддающимися вліянію разсудка, играютъ въ жизни народовъ такую же важную роль, какъ и въ жизни отдѣльныхъ лицъ. Развѣ антисемитизмъ не вытекаетъ изъ физическаго отвращенія

столько же, сколько изъ моральныхъ побужденій? При всей своей враждѣ къ французамъ и итальянцамъ нѣмецъ не относится враждебно къ отдѣльнымъ представителямъ этихъ національностей; а между тѣмъ, когда онъ встрѣчается съ славяниномъ, то ему часто трудно бываетъ сдержать свои непріязненныя чувства. Оскорбленное національное самолюбіе, національное самообольщеніе, преувеличеніе своихъ собственныхъ достоинствъ и недостатковъ другого народа, — всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, ведутъ къ столкновенію между различными національностями, а изъ этихъ столкновеній возникаютъ кровопролитныя войны и тяжелыя потрясенія государственныхъ основъ. Нельзя считать разумной ту теорію, которая ставитъ интересы національностей выше интересовъ государства: она противорѣчитъ основному закону цивилизаціи, который говоритъ, что призваніе человѣка заключается въ подавленіи инстинктивныхъ влеченій и въ подчиненіи ихъ духовнымъ влеченіямъ; однако это ученіе основывается на томъ историческомъ опытѣ, что несмотря на тысячелѣтнюю духовную работу, инстинктивныя влеченія все еще остаются болѣе сильными, чѣмъ требованія разсудка, вслѣдствіе чего какъ отдѣльные люди, такъ и цѣлые народы, которые не хотятъ пожертвовать своими интересами, должны прежде всего считаться съ безсознательными предразсудками окружающей ихъ среды.

Въ Европѣ XIX столѣтія развитіе естественныхъ національныхъ силъ было явленіемъ совершенно законнымъ, такъ какъ эти національныя силы находились въ пренебреженіи или оставались подъ гнетомъ въ теченіе цѣлыхъ сотенъ лѣтъ, или же, по крайней мѣрѣ, развитіе ихъ шло неравномѣрно. Прежде, чѣмъ могъ быть поставленъ вопросъ о томъ, соотвѣтствуетъ ли въ дѣйствительности волѣ народовъ политическая карта Европы, этотъ случайный результатъ размѣровъ владѣній и верховныхъ правъ каждаго изъ монарховъ, эти народы должны были прійти къ сознанію своихъ правъ и своего значенія, имъ нужно было завоевать себѣ право на самоопредѣленіе. Предстоялъ цѣлый рядъ испытаній ихъ силы и здоровья для удостовѣренія ихъ правъ на самостоятельное существованіе или же той степени зависимости, въ которой имъ слѣдовало оставаться по отношенію къ другимъ народамъ. Поэтому національныя возстанія составляютъ ядро политическихъ событій исторіи Европы послѣ Вѣнскаго конгресса. Мало по малу политика европейскихъ кабинетовъ тоже обратилась къ національнымъ задачамъ, которыя оставались ей совершенно чуждыми до той поры. Благодаря этому борьбѣ за преобразованіе существующаго порядка предшествовали организація и испытаніе жизнеспособности и культурныхъ задатковъ европейскихъ народовъ; но въ концѣ концовъ эта борьба отодвинула на задній планъ національныя стремленія и стала самой важной культурной задачей.

Самое тягостное иноземное господство, которое приходилось выносить европейскимъ народамъ, было еще не вполнѣ уничтожено, но все же потрясено въ своихъ основахъ. Рабство, въ которое попало съ XV столѣтія христіанское населеніе Балканскаго полуострова и которое повергло балканскихъ христіанъ въ состояніе варварства, близилось къ своему концу: изъ числа славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова сербы собственными силами отвоевали себѣ свободу и основали первые зачатки національнаго государства, греки тоже спасли свое національное существованіе: благодаря своему безпримѣрному патріотическому духу, доходившему почти до массоваго самопожертвованія, если не весь этотъ народъ, то по крайней мѣрѣ значительная часть его, объединилась въ самостоятельное государство. Напротивъ того, въ Германіи и въ Италіи подъемъ національнаго духа былъ подавленъ одновременно съ политическимъ броженіемъ соединенными усиліями консервативныхъ великихъ державъ съ ихъ Священнымъ Союзомъ; надо было ожидать, что торжество второй французской революціи найдетъ себѣ откликъ въ этихъ странахъ.

Быстрѣе и сильнѣе всего отразилось это вліяніе въ тѣхъ двухъ областяхъ, въ которыхъ, благодаря произволу дипломатовъ и царствующихъ династій, образовались самыя искусственныя политическія комбинаціи, — въ новомъ королевствѣ Соединенныхъ Нидерландовъ и въ отданной во власть Россіи Польшѣ.

А. Бельгія.

Въ 1813 и въ 1815 годахъ голландцы оказали посильное содѣйствіе къ освобожденію Европы отъ французскаго господства; они ввели у себя конституцію, которая предоставила достаточную степень самоуправленія 9 провинціямъ королевства и въ то же время создала единую центральную государственную власть. Голландцы отказались отъ своей аристократической республики (срав. т. VII, стр. 467), замѣнили ее ограниченной наслѣдственной монархіей, сдѣлали своимъ королемъ подъ именемъ Вильгельма I сына своего послѣдняго наслѣдственнаго штатгальтера Вильгельма Фридриха Оранскаго и выполнили такимъ образомъ все то, чего требовала отъ нихъ консервативная дипломатія (срав. выше, стр. 102). Однако эта дипломатія не оставила голландскаго государства въ томъ видѣ, какой оно получило благодаря своему историческому развитію, а исковеркала его искусственнымъ присоединеніемъ къ нему Бельгіи: этотъ примѣръ можетъ служить разительнымъ образцомъ неуклюжей бюрократической политики князя Меттерниха. Новый голландскій король, само собой разумѣется, рѣшилъ, что это неожиданное расширеніе его владѣній служитъ доказательс вомъ признанія его высокихъ заслугъ, и въ угоду великимъ державамъ онъ считалъ необходимымъ обходиться съ бельгійцами, которые сами считали себя французами, какъ съ подданными низшаго сорта. Администрація, состоявшая по большей части изъ голландцевъ, держала бельгійцевъ въ черномъ тѣлѣ. Голландцы старались съ успѣхомъ поднять вновь свою собственную торговлю, но нисколько не заботились о поддержаніи бельгійской промышленности. Бельгійцамъ съ каждымъ днемъ становилось все болѣе очевиднымъ, что присоединеніе ихъ родины къ Голландіи вредитъ ихъ интересамъ, и они стали добиваться независимости. Вѣроисповѣдное различіе между бельгійцами и голландцами тоже выставлялось, какъ доказательство непримиримости интересовъ обѣихъ частей королевства не только католической боевой партіей, но и либералами. Непріязненное чувство, съ которымъ относились къ своимъ сосѣдямъ протестантамъ католическія провинціи Нидерландовъ въ теченіе 150 лѣтъ испанскаго господства, никогда не исчезало вполнѣ, а теперь вспыхнуло съ новой силой послѣ кратковременнаго перемирія.

Національное движеніе въ Бельгіи началось внезапно, безъ особенныхъ приготовленій, 25 августа 1830 года; поводомъ послужило представленіе на сценѣ законченной въ 1828 году революціонной оперы Д. Ф. Э. Обера „Нѣмая изъ Портичи". Посредствомъ личной уніи, вѣроятно, удалось бы спасти государственное единство всѣхъ Нидерландовъ. Но король велъ себя двусмысленно, и бельгійцы не довѣряли ему; когда же онъ далъ склонить себя къ попыткѣ завладѣть обратно Брюсселемъ посредствомъ насилія при помощи военнаго отряда въ 10.000 человѣкъ подъ командой принца Фридриха, то между этимъ военнымъ отрядомъ и бельгійцами произошли между 23 и 25 сентября кровопролитныя столкновенія, а послѣ этого уже была исключена возможность какого бы то ни было мирнаго соглашенія между голландскимъ королемъ и бельгійцами. 10 ноября 1830 года національный конгрессъ рѣшилъ ввести въ Бельгіи конституціонную монархію и посадить на бельгійскій престолъ какую-нибудь новую династію вмѣсто Оранскаго дома. Въ Бельгіи народная воля приняла не такое рѣшеніе, какого ожидали республиканскіе главари революціи, такъ какъ въ кругу либераловъ, которымъ въ Бельгіи приходи-

лось дѣйствовать заодно съ духовенствомъ, конституціонно-монархическій образъ правленія считался наилучшимъ: при республиканскомъ образѣ правленія клерикально-ультрамонтанское большинство захватило бы въ свои руки деспотическую неограниченную власть и не отступило бы предъ самымъ возмутительнымъ ограниченіемъ свободы, между тѣмъ какъ монархическая династія никогда не отдастъ себя со связанными руками во власть одной какой-либо партіи, за исключеніемъ такихъ умственно выродившихся династій, какъ Бурбоны, а напротивъ того будетъ щадить интересы меньшинства для того, чтобы приготовить себѣ союзниковъ на случай попытки со стороны враговъ монархіи къ насильственному государственному перевороту.

Великія державы были очень рады готовности бельгійцевъ ввести у себя монархическій образъ правленія, такъ какъ это обстоятельство избавляло консервативныя державы отъ необходимости военнаго вмѣшательства противъ бельгійской революціи. Императоръ Николай собирался было поднять свою грозную руку противъ западныхъ революціонеровъ, но въ это время его вооруженныя силы западобились ему для болѣе настоятельной задачи внутри непосредственной сферы его власти. Меттернихъ и Фридрихъ Вильгельмъ III были противъ вооруженнаго вмѣшательства изъ финансовыхъ соображеній; Австріи приходилось беречь тѣ незначительныя силы, которыми она располагала, для Италіи, откуда доходили свѣдѣнія объ усиленной дѣятельности карбонаріевъ (стр. 144). Въ политикѣ Луи Филиппа тоже произошелъ рѣшительный поворотъ; онъ не послушался совѣта радикаловъ, которые рекомендовали ему присоединить Бельгію къ Франціи, и благодаря этому онъ упрочилъ за собой довѣріе, которое онъ уже успѣлъ снискать себѣ у консервативныхъ кабинетовъ. Предложеніе Англіи о созывѣ въ Лондонѣ конференціи для улаженія бельгійско-голландскаго вопроса охотно было принято всѣми державами: уже 20 декабря этимъ собраніемъ была признана независимость Бельгіи, и временному правительству въ Брюсселѣ было предложено вступить въ переговоры съ конференціей черезъ уполномоченныхъ. По вопросу о выборѣ кандидата на бельгійскій престолъ между членами конференціи быстро установилось окончательное согласіе; кандидаты Орлеанской, Оранской и Баварской династій не были одобрены державами, а послѣ этого была выставлена кандидатура принца Леопольда Георга Кобургскаго, который состоялъ въ бракѣ съ покойной уже въ то время англійской принцессой Шарлоттой. 4 іюня 1831 г. національный конгрессъ избралъ его „королемъ бельгійцевъ", а въ іюлѣ онъ уже вступилъ во власть.

Не такъ легко удалось склонить голландскаго короля къ удобопріемлемому соглашенію съ Бельгіей и къ отказу отъ нѣкоторой части своихъ чрезмѣрныхъ притязаній на Люксембургъ. Въ засѣданіи 15 октября 1831 года конференція выработала 34 параграфа, въ которыхъ проектировала, между прочимъ, раздѣлъ Люксембурга, а ежегодный взносъ Бельгіи для погашенія нидерландскаго государственнаго долга былъ установленъ въ размѣрѣ 8,4 милліон. гульденовъ. Французскія войска вынуждены были два раза доходить до самаго Антверпена для того, чтобы защитить болѣе слабыхъ въ военномъ отношеніи бельгійцевъ отъ новой голландской оккупаціи, но оба раза дипломатамъ удалось угрозами заставить французовъ уйти обратно изъ Бельгіи. Только въ 1838 году, наконецъ, былъ заключенъ миръ между Голландіей и Бельгіей послѣ того, какъ король Вильгельмъ напрасно истощилъ финансовыя средства своего государства для завоеванія Бельгіи и изъ-за своего упорства вынужденъ былъ согласиться на худшія условія сравнительно съ тѣми, которыя были предложены ему раньше. Въ концѣ концовъ было рѣшено, что Бельгія будетъ вносить ежегодно на уплату процентовъ по общимъ государственнымъ долгамъ только пять милліоновъ гульденовъ. 9 августа 1832 года король

Леопольдъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Орлеанской Луизой, старшей дочерью Луи Филиппа; самъ Леопольдъ не перешелъ въ католическую религію, но крестилъ своихъ сыновей по католическому обряду и основалъ такимъ образомъ новую католическую династію въ Европѣ, которая пріобрѣла всеобщее уваженіе благодаря уму и такту Леопольда I.

Б. Польша.

Чего добились безъ особеннаго напряженія силъ бельгійцы, того не могли достигнуть поляки, несмотря на цѣлые потоки крови, пролитые въ борьбѣ съ Россіей. Напротивъ того, изъ-за возстанія они лишились положенія равноправнаго съ русскими и даже привилегированнаго народа, такъ какъ они пользовались конституціей, и снизошли до степени лишенныхъ всѣхъ политическихъ правъ обывателей покоренной и управляемой по усмотрѣнію администраціи провинціи. Народная воля не добилась своей цѣли вслѣдствіе того, что поляки не составляли единаго, нормально развившагося и правильно расчлененнаго народа, проникнутаго одними и тѣми же идеями; польскій народъ не составлялъ моральной единицы, въ которой силы всѣхъ профессій и сословій взаимно дополняли бы другъ друга, а состоялъ, напротивъ того, изъ двухъ классовъ, стремившихся къ противоположнымъ цѣлямъ: магнаты мечтали о возстановленіи своего прежняго безраздѣльнаго господства, основаннаго на безправіи низшихъ сословій, а ничтожная по своей численности шляхетская интеллигенція, состоявшая изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, чиновниковъ, офицеровъ, учителей и т. п., стояла на почвѣ демократическихъ принциповъ и надѣялась добиться ихъ осуществленія. Несмотря на несомнѣнную чистоту своей крови, польская раса выродилась до такой степени, что производительные классы населенія, земледѣльцы и ремесленники, были совершенно лишены національныхъ чувствъ, да и не могли возлагать никакихъ надеждъ на польское національное государство. То бездѣятельное, непроизводительное и преисполненное безсмысленнаго чванства общество, которое управляло въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій культурной жизнью Польши, не было способно къ глубокому нравственному возрожденію, а только такое возрожденіе можно назвать поистинѣ національнымъ.

На первыхъ порахъ польская революція проявила много мужества и воодушевленія; но она была скорѣе продуктомъ неудовлетвореннаго честолюбія, чѣмъ народнаго негодованія, вызваннаго невыносимымъ гнетомъ. Правда, административная власть находилась большею частью въ рукахъ русскихъ, но была ли она вслѣдствіе этого хуже, болѣе несправедлива и болѣе испорчена, чѣмъ во времена Рѣчи Посполитой? Развѣ русская администрація мѣшала полякамъ отдать себѣ отчетъ въ недостаткахъ общественнаго развитія ихъ страны или заняться энергично ихъ исправленіемъ, облегчить бремя, лежащее на рабочихъ классахъ, и основать способное къ жизни общество? Вѣдь поляки могли убѣдиться въ преимуществахъ подобныхъ реформъ на примѣрѣ сосѣднихъ прусскихъ областей. Скромныя права, которыя удѣлилъ Александръ I польскому сейму, были все таки шире, чѣмъ права прусскихъ провинціальныхъ сеймовъ (ландтаговъ). Эти права могли послужить рычагомъ для уничтоженія законодательнымъ путемъ привилегій дворянства, для ограниченія которыхъ бывшіе польскіе короли не обладали достаточно сильной властью; такимъ путемъ сеймъ снялъ бы съ польскаго народа цѣпи, которыя давили его сильнѣе, чѣмъ произволъ отдѣльныхъ русскихъ чиновниковъ и офицеровъ. Ставилъ ли себѣ когда-нибудь пресловутый польскій патріотизмъ такія или подобныя этимъ задачи? Нѣтъ, онъ не постигъ значенія этихъ задачъ, и благодаря этому польскій патріотизмъ, проистекавшій въ сущности изъ раздра-

жительнаго до изступленія самолюбія, ничего не могъ дать польскому народу.

Изъ дальнѣйшаго хода событій можно заключить, что борьба между Польшей и Россіей вовсе не была безнадежной. Какъ только въ Польшѣ стали извѣстны событія, происшедшія во Франціи, то революціонная партія, давно уже работавшая втихомолку, принялась за дѣло съ большой энергіей и на первыхъ порахъ съ большимъ успѣхомъ. Штурмъ Бельведера, резиденціи намѣстника, великаго князя Константина (29 ноября 1830 г.), до такой степени запугалъ этого послѣдняго, что онъ покинулъ Варшаву вмѣстѣ съ своими войсками. 5 декабря 1830 г. уже было учреждено временное правительство; 25 января 1831 г. сеймъ объявилъ о низложеніи дома Романовыхъ, а въ февралѣ польская армія въ 78000 человѣкъ уже была выставлена противъ фельдмаршала Ганса Карла Дибича-Забалканскаго (стр. 158) и начальника его штаба графа Карла Фридриха Поля, командовавшихъ стодвадцатитысячной арміей, сосредоточенной на границѣ Старой Польши. Все то, что было создано, было дѣломъ рукъ одного только дворянства; организація военныхъ силъ была выполнена необычайно быстро. Главнокомандующій польской арміей, князь Михаилъ Радзивиллъ, служившій раньше подъ командой Фаддея Костюшко и Наполеона, располагалъ храбрыми военачальниками и офицерами. Съ какими громадными затрудненіями пришлось бы столкнуться русскому правительству, еслибъ одновремено съ этимъ вспыхнуло народное возстаніе во всѣхъ частяхъ страны, и разгорѣлась бы народная война въ полномъ смыслѣ этого слова? Несмотря на побѣды, одержанныя имъ при Бялоленкѣ и Гроховѣ (24/5 февраля 1831 г.), Дибичъ не рѣшался идти на Варшаву изъ опасенія быть отрѣзаннымъ и запертымъ: онъ ожидалъ подкрѣпленій, пробовалъ даже вступать въ мирные переговоры, — до того неблагопріятнымъ казалось ему его собственное положеніе. Однако ни Волынь, ни Подолія не приняли серьезнаго участія въ возстаніи: эмиссары Варшавскаго правительства пріобрѣтали отдѣльныхъ приверженцевъ, пока они оставались въ какомъ нибудь мѣстѣ, но послѣ ихъ удаленія оказывался недостатокъ въ предпріимчивости и внутреннемъ влеченіи къ военнымъ дѣйствіямъ. Только въ Литвѣ образовалось нѣсколько болѣе значительныхъ военныхъ отрядовъ.

26 мая Дибичъ нанесъ главной польской арміи, находившейся подъ начальствомъ Яна Бончи Скржинецкаго, тяжелое пораженіе при Остроленкѣ, несмотря на геройское сопротивленіе поляковъ, и послѣ этого всѣ выгоды военнаго положенія перешли на сторону русскихъ. Распространеніе холеры, отъ которой скончался 10 іюня Дибичъ, могло бы еще измѣнить положеніе въ пользу поляковъ: графъ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ Эриванскій (стр 158), который перенялъ командованіе надъ русскими войсками, имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего только 50,000 человѣкъ и не рѣшился бы выступить изъ Пултуска, если бы многочисленные летучіе отряды поляковъ оставались вѣрными своему долгу и населеніе оказывало бы имъ достаточную поддержку. Въ дѣйствительности, напротивъ того, нигдѣ не произошло массового возстанія; изъ за холеры народныя массы перестали повиноваться польскимъ властямъ, и распространилась сильная паника, которая окончательно подавила патріотическія чувства населенія. Скржинецкій и его преемникъ Генрихъ Дембинскій имѣли еще подъ своей командой 50000 человѣкъ въ то время, когда они сдѣлали попытку защитить Варшаву противъ Паскевича; но, къ несчастью, въ польской столицѣ усилилось разногласіе между аристократами и демократами, представителемъ которыхъ въ состоявшемъ изъ пяти членовъ гражданскомъ управленіи былъ историкъ Іоахимъ Лелевель. Эти несогласія перешли, наконецъ, въ открытый раздоръ, диктатура Іосифа Хлопицкаго не только не упрочила господства аристократіи, а, напротивъ того, даже пошатнула

его. Правительство, во главѣ котораго стоялъ президентъ сената, князь Адамъ Георгъ Чарторыйскій, вынуждено было выйти въ отставку; замѣстившее его новое чисто демократическое правительство не пользовалось никакимъ вліяніемъ. Военныя дѣйствія производились безъ общей системы. Участь войны была рѣшена удачнымъ штурмомъ Варшавы, произведеннымъ русскими войсками 6 и 7 сентября, причемъ въ распоряженіи Паскевича и Толля было 70 тысячъ человѣкъ, а у поляковъ было всего только 40 тысячъ; оставшіеся послѣ взятія Варшавы русскими въ открытомъ полѣ менѣе значительные польскіе отряды подъ начальствомъ генуэзца Джироламо Раморино, Матіаса Рыбинскаго, Розицкаго и др. вскорѣ были оттѣснены за границу, такъ какъ населеніе не оказывало имъ никакой поддержки.

Погибла мечта о свободѣ Польши! По органическому статуту 26 февраля польское королевство лишилось той тѣни независимости, которую оставилъ ему Александръ I, и было превращено въ русскую провинцію. Теперь только наступила пора тяжелаго гнета и жестокаго деспотизма. Однако и это новое несчастье не заставило освободиться отъ своихъ недостатковъ польскій народъ, къ участи котораго вся либеральная Европа относилась съ необыкновенно единодушнымъ сочувствіемъ, а германскіе либералы даже съ наивнымъ, чисто женскимъ увлеченіемъ. Польскіе „патріоты“ все еще надѣялись возстановить свободу и независимость своего отечества посредствомъ заговоровъ, тайныхъ обществъ, подпольной политической пропаганды, соединенныхъ съ унизительнымъ нищенствомъ и паразитизмомъ. Они остались такими же легкомысленными, какими они были и раньше, горькій опытъ ничему не научилъ ихъ, и въ 1846 году они подняли возстаніе въ провинціи Познани и въ маленькой Краковской республикѣ (стр. 102), которая была вскорѣ послѣ этого оккупирована австрійскими войсками, по предложенію Россіи, и присоединена къ провинціи Галиціи. Крестьянскіе бунты, сопровождавшіеся неслыханными звѣрствами, показали всему міру, что польскіе крестьяне считаютъ своими смертельными врагами и угнетателями не русскихъ, австрійцевъ или пруссаковъ, а польскихъ же дворянъ землевладѣльцевъ.

B. Возстанія въ Моденѣ и въ Церковной Области.

Іюльская революція послужила также толчкомъ къ оживленію дѣятельности революціонной партіи въ Италіи; но результатомъ его были только неудачные заговоры и волненія. Итальянскій народъ еще не весь былъ проникнутъ національными чувствами; умѣренные держались въ сторонѣ отъ пропаганды карбонаріевъ, которые втайнѣ не прекращали своей агитаціи также и послѣ покоренія Пьемонта и Неаполя австрійцами (въ 1821 году; стр. 146). Пропаганда карбонаріевъ имѣла наибольшій успѣхъ въ Церковной Области; но тамъ возникло подъ покровительствомъ папы для противодѣйствія карбонаріямъ общество „санфедистовъ“ (защитниковъ святой вѣры), которое задавалось цѣлью охранять свѣтскую власть папы и поддерживать въ населеніи религіозныя чувства; вмѣстѣ съ тѣмъ это общество преслѣдовало всѣхъ либераловъ и по примѣру карбонаріевъ пускало въ ходъ для достиженія своихъ цѣлей ядъ и кинжалъ. Кардиналъ Консальви не брезгалъ услугами „санфедистовъ“, но не давалъ имъ усиливаться въ большей мѣрѣ, чѣмъ это соотвѣтствовало его политическимъ планамъ; но при папѣ Львѣ XII (отъ 1823 до 1829 года) ихъ вліяніе значительно усилилось, и они побудили Равеннскаго легата, кардинала Риваролу, къ жестокимъ мѣрамъ противъ карбонаріевъ въ Фаэнцѣ, а эти мѣры вызвали во всей Италіи всеобщее возмущеніе противъ мерзостей папскаго управленія.

Пій VIII (отъ 1829 до 1830) и кардиналъ Албани поддерживали союзъ „санфедистовъ“; возмутительные поступки этихъ послѣднихъ во всякомъ

случаѣ содѣйствовали на первыхъ порахъ успѣху революціоннаго движенія въ Болоньѣ, которое давно было подготовлено и вспыхнуло, наконецъ, 4 февраля 1831 года по сигналу, данному Менотти въ Пармѣ. Герцогъ Моденскій Францъ IV (стр. 144) арестовалъ Менотти въ его собственномъ домѣ, но тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ, что не имѣетъ подъ собою твердой почвы и что онъ не въ состояніи остановить революціоннаго движенія; поэтому онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ своимъ батальономъ солдатъ въ австрійскія владѣнія и поспѣшилъ въ Вѣну съ цѣлью обратиться за помощью къ Меттерниху. Такимъ же образомъ поступилъ также и избранный 2 февраля 1831 года папа Григорій XVI (его прежнее имя Бартоломео Каппеллари, генералъ Камалдуленскаго ордена), которому отказали въ повиновеніи охваченные возстаніемъ города въ Умбріи, Легаціяхъ и Маркахъ. Австрійскій государственный канцлеръ хотѣлъ во что бы то ни стало поддержать главенство Австрійской имперіи надъ итальянскими государствами; несмотря на угрозу Франціи, что она будетъ считать вступленіе австрійскихъ войскъ въ Церковную Область поводомъ къ объявленію войны, Австрія заняла въ первыхъ числахъ марта не только Феррару и Парму, но также и Болонью (21 марта). 27 марта была вынуждена сдаться также и Анкона, куда удалилось временное правительство Романьи вмѣстѣ съ Луи Наполеономъ Бонапартомъ, сыномъ голландскаго короля и Гортензіи Богарнэ, который здѣсь завязалъ впервые сношенія съ революціонной партіей. Австрійцы считали свою задачу выполненной и выступили обратно изъ Церковной Области 15 іюля; но уже 24 января 1832 года они вынуждены были вновь вернуться туда, такъ какъ звѣрства, совершенныя „папалинами“, т. е. папскими солдатами, вызвали новое возстаніе. Луи Филиппъ поспѣшилъ занять Анкону (22 февраля), чтобы придать себѣ видъ защитника итальянскихъ либераловъ. Ни Австрія, ни Франція не могли заставить папу выполнить обѣщанную имъ правительственную реформу, которой не давали хода вліятельные члены папской куріи, опасавшіеся умаленія своихъ доходовъ. Когда Григорій XVI навербовалъ себѣ для поддержанія общественнаго спокойствія въ своихъ владѣніяхъ два полка швейцарцевъ, то иностранныя войска очистили папскую область (въ 1838 г.).

Г. **Вліяніе іюльской революціи на Германію.**

Іюльская революція отразилась различнымъ образомъ на различныхъ частяхъ Германіи въ зависимости отъ политическихъ условій каждой изъ нихъ и отъ разнообразія направленій и общественныхъ настроеній, господствовавшихъ въ разныхъ областяхъ Союза. Въ Германіи еще не зародилось общаго политическаго теченія, и не существовало еще даже и зачатковъ движенія, стремящагося охватить весь народъ. Либеральныя и радикальныя группы не отдѣлялись другъ отъ друга рѣзкими границами, но тѣмъ не менѣе эти группы были неспособны ни къ какимъ совмѣстнымъ предпріятіямъ, такъ какъ у нихъ не существовало никакой общей цѣли. Въ отдѣльныхъ государствахъ Союза по мѣстнымъ причинамъ возникали волненія, цѣлью которыхъ было измѣненіе отношеній между правительствомъ и населеніемъ.

Очень благопріятныхъ результатовъ добились за короткое время жители Брауншвейга. Герцогъ Брауншвейгскій, Карлъ, который вступилъ на престолъ въ 1823 году 19-лѣтнимъ юношей, оказался совершенно неспособнымъ къ исполненію обязанностей монарха. Онъ держался безтактно по отношенію къ своимъ родственникамъ, принадлежавшимъ къ англійско-ганноверской династіи, а передъ своими соотечественниками онъ велъ себя, какъ высомѣрный деспотъ, и не хотѣлъ признавать ихъ конституціонныхъ правъ. Послѣ іюльскихъ дней онъ вернулся изъ Парижа, гдѣ онъ предавался самымъ грубымъ наслажденіямъ, и сталъ третировать

дворянъ и бюргеровъ еще болѣе беззастѣнчиво, чѣмъ прежде. Это повело къ волненіямъ, вспыхнувшимъ 7 сентября 1830 года, которыя такъ сильно перепугали этого трусливаго развратника, что онъ сейчасъ же пустился на утекъ и покинулъ свое маленькое царство на произволъ судьбы. По инициатив҃ѣ Пруссіи братъ Карла Вильгельмъ, управлявшій до этого времени княжествомъ Эльсъ, предложилъ свою кандидатуру жителямъ Брауншвейга, которые приняли ее съ радостью. Несмотря на противодѣйствіе Меттерниха, въ союзномъ сеймѣ удалось добиться 2 декабря признанія Вильгельма герцогомъ Брауншвейгскимъ, благодаря соединеннымъ усиліямъ Пруссіи и Англіи, послѣ того, какъ Карлъ пустился было въ неудачную авантюру,—пытался перейти черезъ браунпшвейгскую границу съ кучкой вооруженныхъ бродягъ и сталъ посмѣшищемъ для всего свѣта.

Жители Курфюршества Гессенскаго добились отъ своего курфюрста Вильгельма II въ сентябрѣ 1830 года созыва сословнаго сейма и принятія выработанной черезъ короткое время этимъ сеймомъ конституціи. 8 января 1831 года курфюрстъ передалъ сейму подписанный имъ документъ въ присутствіи кронпринца Фридриха Вильгельма; все-таки гессенцамъ фактически не удалось ввести у себя конституціоннаго образа правленія. Они не хотѣли согласиться, чтобы курфюрстъ жилъ среди нихъ въ Касселѣ вмѣстѣ съ своей возлюбленной Эмиліей Ортлепъ, которой онъ далъ въ 1821 году титулъ графини Рейхенбахъ, а нѣкоторое время спустя—графини Лессоницъ; они заставили курфюрста удалиться въ Ганау и назначить кронпринца своимъ соправителемъ (30 сентября 1831 года); гессенцы ничего не выиграли отъ этой перемѣны и только попали изъ огня въ полымя. Въ августѣ 1831 года Фридрихъ Вильгельмъ (I) вступилъ въ бракъ съ женой лейтенанта Гертрудой Леманъ, урожденной Фалькенштейнъ, которую уступилъ кронпринцу во время пребыванія его въ Боннѣ въ 1831 году ея мужъ (она получила отъ своего возлюбленнаго титулъ графини Шаумбургъ, а въ 1853 — княгини Ганау); изъ-за этого брака возникло столкновеніе между кронпринцемъ и его матерью принцессой Августой Прусской, а также сословнымъ сеймомъ, вступившимся за оскорбленную супругу курфюрста. Фридрихъ Вильгельмъ былъ злымъ, упрямымъ тираномъ, который не сдержалъ своего слова и предоставилъ министру Гансу Даніелю фонъ Гассенпфлугу измѣнять конституцію по своему усмотрѣнію; этого своего министра онъ постоянно поддерживалъ въ его борьбѣ противъ сейма, пока, наконецъ, принцу не показалось, что Гассенпфлугъ тоже оскорбляетъ его и мѣшаетъ его стремленію къ неограниченному деспотизму. Въ іюлѣ 1837 года Гассенпфлугъ ушелъ съ гессенской службы и занималъ послѣ этого высокіе посты сначала въ Зигмарингенѣ (въ ноябрѣ 1838 года), затѣмъ въ Люксембургѣ (съ іюня 1839 года), наконецъ въ Пруссіи (съ 1841 года); гессенцамъ пришлось убѣдиться, что съ уходомъ Гассенпфлуга ихъ положеніе нисколько не улучшилось: между сеймомъ и правительствомъ шла непрерывная борьба, и правительство прибѣгало неоднократно къ распущенію сейма. Либералы хлопотали, не покладая рукъ, осаждали союзный совѣтъ непрерывными протестами и жалобами на нарушеніе своихъ правъ, но, само собой разумѣется, ничего не могли подѣлать съ беззастѣнчивымъ регентомъ, который сталъ курфюрстомъ послѣ кончины своего отца, послѣдовавшей 20 ноября 1847 года, и получилъ право распоряжаться громадными доходами съ удѣльныхъ владѣній; положеніе либераловъ было тѣмъ болѣе ненадежнымъ, что всякое насильственное дѣйствіе съ ихъ стороны повлекло бы за собой вмѣшательство союзнаго сейма и что они не рѣшались дѣйствовать заодно съ радикалами.

Еще болѣе робкими и безпомощными оказались ганноверцы въ борьбѣ противъ своего короля Эрнста Августа, который надѣлалъ долговъ на нѣсколько милліоновъ талеровъ еще въ бытность свою герцогомъ Кум-

бэрлендскимъ и отказался безъ всякихъ объясненій отъ конституціи, выработанной 26 сентября 1833 года послѣ продолжительныхъ и бурныхъ переговоровъ между дворянами и представителями крестьянскаго сословія. 1 ноября 1837 года былъ изданъ королевскій патентъ, которымъ лица, состоящія на государственной службѣ, были освобождены отъ своей присяги на вѣрность конституціи; когда семь геттингенскихъ профессоровъ (Яковъ и Вильгельмъ Гриммы, Фридрихъ Христофъ Дальманъ, Вильгельмъ Веберъ и Георгъ Готфридъ Гервинусъ, Генрихъ Эвальдъ и Вильгельмъ Эдуардъ Альбрехтъ) выступили съ открытымъ протестомъ противъ этого патента, то ихъ подвергли административному суду и безъ всякихъ разговоровъ уволили отъ должности; это вызвало во всей Германіи взрывъ негодованія противъ безстыднаго и упрямаго Вельфа, но тѣмъ не менѣе у сословнаго сейма, права котораго были такъ дерзко нарушены, не хватало гражданскаго мужества, и онъ не рѣшился вступить въ открытую борьбу съ деспотическимъ произволомъ правительства. Часть избирателей согласилась приступить къ выборамъ въ сословный сеймъ на основаніи возстановленныхъ королемъ правилъ 1819 года и тѣмъ дала королю формальный поводъ къ утвержденію, что его страна управляется вполнѣ конституціонно, согласно съ постановленіями союзнаго акта. Напрасно жаловался союзному собранію на противузаконное взысканіе налоговъ ганноверскимъ правительствомъ непреклонный защитникъ народныхъ правъ оснабрюкскій бургомистръ Іоаннъ Карлъ Бертрамъ Штюве; благодаря недостатку единодушія между ганноверцами вѣроломный ганноверскій король остался побѣдителемъ; податливость его подданныхъ дала ему возможность прикрыться формальнымъ оправданіемъ: онъ будто бы не нарушалъ конституціи, а только возстановилъ съ согласія союзнаго сейма прежнюю законную конституцію.

Хотя саксонцы были гораздо болѣе расположены къ открытымъ возстаніямъ и уличнымъ мятежамъ, чѣмъ ганноверцы, тѣмъ не менѣе переходъ отъ сословныхъ учрежденій къ конституціонному порядку совершился въ саксонскомъ королевствѣ безъ существеннаго нарушенія добрыхъ отношеній между народомъ и правительствомъ, такъ какъ король Антонъ и принятый имъ въ соправители племянникъ его Фридрихъ Августъ II были настолько благоразумны, что отдавали себѣ отчетъ въ выгодахъ конституціи; саксонское правительство дорожило содѣйствіемъ широкихъ слоевъ населенія для опредѣленія той доли общегосударственныхъ повинностей, которая должна лечь на каждаго гражданина въ отдѣльности. Король и его соправитель оказали поддержку министру Бернгарду Августу фонъ Линденау, одному изъ самыхъ глубокомысленныхъ людей Германіи въ домартовскую эпоху, при введеніи конституціи 4 сентября 1831 года, которая предоставила бюргерамъ достаточное представительство и въ то же время оградила крестьянское сословіе отъ эксплуатаціи со стороны другихъ слоевъ населенія, пока этотъ министръ пользовался довѣріемъ второй палаты, до тѣхъ поръ король покровительствовалъ ему. Однако оба правителя рѣшили отказаться отъ его услугъ въ 1843 году, когда оказалось невозможнымъ совмѣстить его либеральный образъ мыслей съ стремленіемъ саксонскаго двора къ предоставленію католической церкви особыхъ преимуществъ. Саксонія никогда не забывала, что она обязана государственному таланту и благородному характеру этого министра тѣмъ громаднымъ успѣхомъ, котораго она достигла подъ его управленіемъ во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни.

Существуетъ довольно замѣтная взаимная связь между тѣми политическими событіями, которыя произошли въ Баденѣ, Гессенъ-Дармштадтѣ и Баварскомъ Пфальцѣ и были послѣдствіемъ политическаго переворота во Франціи. Въ этихъ областяхъ обнаружилось, что либеральныя идеи и опирающееся на нихъ законодательство не могутъ удовлетворить народа въ

всей его совокупности и создать крѣпкіе государственные организмы, способные къ здоровому общественному развитію. Нигдѣ во всей Германіи парламентаризмъ не привился такъ прочно, какъ въ Баденѣ; въ этой странѣ господствующая роль во второй палатѣ досталась демократамъ, предводителями которыхъ были фрейбургскіе профессора Карлъ фонъ Роттекъ и Карлъ Теодоръ Велькеръ, гейдельбергскій правовѣдъ Карлъ Іосифъ Миттермайеръ и мангеймскій гофгерихтсратъ Іоаннъ Адамъ фонъ Итцштейнъ. Баварская и гессенъ-дармштадтская конституціи тоже предоставляли общественному мнѣнію довольно широкое право свободно высказываться посредствомъ печати и собраній. Однако либерализмъ не пользовался этими средствами для проведенія въ жизнь народныхъ желаній или общественныхъ реформъ, соотвѣтствующихъ практическимъ потребностямъ бѣднѣйшихъ классовъ, а старался приблизиться къ своей политической цѣли исключительно посредствомъ непрерывнаго ограниченія власти правительства и расширенія полномочій народнаго представительства. Такой образъ дѣйствій демократической партіи вызвалъ недовѣріе къ ней со стороны царствующихъ династій, правительственныхъ органовъ и общественныхъ круговъ, находившихся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ правительствомъ; крайнія партіи тоже разошлись съ либералами, и недовольные, которыхъ было слишкомъ много даже и въ этихъ столь щедро одаренныхъ природой областяхъ, бросились въ объятія радикальныхъ демагоговъ, наѣзжавшихъ изъ Франціи, особенно изъ Страссбурга. Широкая свобода печати вызвала къ жизни значительное число уличныхъ листковъ, которые занимались исключительно издѣвательствомъ надъ всѣми дѣйствіями правительства, распространеніемъ недовѣрія къ монархистамъ и натравливаніемъ рабочихъ массъ противъ состоятельныхъ классовъ. Въ лицѣ многочисленныхъ польскихъ эмигрантовъ, которые искали возбуждающихъ, но не слишкомъ тяжелыхъ занятій по своему вкусу, руководители революціоннаго движенія нашли подходящихъ эмиссаровъ и посредниковъ, предъ которыми открывались всѣ двери изъ состраданія къ ихъ судьбѣ. Первыя волненія возникли въ концѣ сентября 1830 года въ Гессенъ-Дармштадтѣ по поводу присоединенія этого государства къ прусскому таможенному району; министръ баронъ Карлъ дю Ба дю Тиль быстро подавилъ эти волненія силою оружія; но главари демократическихъ заговорщиковъ, подготовлявшіе всеобщее народное возстаніе, поддерживали преднамѣренно и эксплуатировали въ своихъ цѣляхъ возбужденіе народныхъ массъ.

Въ маѣ 1830 года радикалы устроили народное собраніе въ замкѣ Гамбахъ въ Нейштадтѣ на рѣкѣ Гардтѣ; на этомъ собраніи они проповѣдывали безъ всякихъ стѣсненій низверженіе всѣхъ престоловъ и превращеніе всѣхъ государствъ въ демократическія республики. Такое небывалое явленіе, какъ митингъ для открытаго выраженія народнаго мнѣнія, дѣйствовало притягательнымъ образомъ. Напыщенныя и приправленныя грубыми нападками на всѣхъ сторонниковъ умѣренныхъ взглядовъ рѣчи пьяныхъ интеллигентовъ, для которыхъ сочиненія Генриха Гейне и Людвига Баруха Берне были признанными авторитетами въ дѣлѣ государственной измѣны и ненависти къ монархамъ, приводили въ восхищеніе искателей сильныхъ ощущеній; во время сбора винограда настроеніе стало все болѣе и болѣе приподнятымъ, и движеніе привлекло къ себѣ также и студентовъ, между которыми союзы буршей распространились опять послѣ того, какъ мало-по-малу были забыты преслѣдованія двадцатыхъ годовъ (стр. 135). Во время Рождества 1832 года собраніе уполномоченныхъ отъ студенческихъ союзовъ въ Штуттгардтѣ увлеклось до такой степени, что рѣшило принять участіе въ ожидавшемся въ близкомъ будущемъ народномъ возстаніи. 3 апрѣля 1833 года демократы устроили уличные безпорядки въ городѣ Франкфуртѣ на Майнѣ и хотѣли завла-

дѣть союзнымъ дворцомъ и хранящимися въ немъ капиталами; послѣ этого эпизода студенты поплатились больше всѣхъ другихъ за свое легкомысліе и за свою дерзость; отъ принятыхъ германскими правительствами по предложенію Меттерниха, устрашительныхъ и карательныхъ мѣръ пострадало сильнѣе всего германское студенчество. Юношескія увлеченія студенческихъ обществъ, проистекавшія отъ избытка національныхъ чувствъ, германскія правительства ставили на одну доску съ кровожадными намѣреніями злоумышленниковъ, въ родѣ священника Фридриха Людвига Вейдига въ Буцбахѣ, и выходками безсовѣстныхъ революціонныхъ глупцовъ въ родѣ геттингенскаго приватъ-доцента фонъ Раушенплата, и сотни молодыхъ людей томились въ теченіе многихъ лѣтъ въ сырыхъ, отвратительныхъ казематахъ, благодаря хладнокровному жестокосердію слабоумныхъ, бездушныхъ канцеляристовъ. Объ этихъ страданіяхъ разсказываетъ въ художественной формѣ Фрицъ Рейтеръ въ своихъ воспоминаніяхъ „Изъ времени моего заключенія въ крѣпости". Однако свирѣпые прусскіе чиновники того времени продѣлывали гораздо болѣе возмутительныя вещи, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы узнаемъ черезъ этого писателя. Что такими доморощенными средствами карательнаго правосудія можно внушить только ненависть и озлобленіе, но не спасительный страхъ, это доказали ужасы революціоннаго періода 1848 года.

Д. Новое Греческое королевство въ царствованіе Оттона I.

Послѣ присоединенія Порты къ протоколу 3 февраля 1830 года (ср. стр. 158) европейскимъ державамъ предстояла задача организовать самостоятельное греческое королевство. Для значительной части греческаго народа, наиболѣе замкнутой въ національномъ отношеніи, началась новая эра свободнаго существованія; Греція стала съ этихъ поръ вполнѣ независимымъ государствомъ, правда въ очень узкихъ предѣлахъ, такъ какъ Ѳессалія, Эпиръ, Македонія и даже Акарнанія остались во власти турокъ. Такой успѣхъ былъ достигнутъ благодаря удивительной стойкости греческаго народа, многократной поддержкѣ со стороны Англіи, а главнымъ образомъ побѣдѣ единовѣрной съ греками Россіи надъ турецкими войсками. На дипломатовъ остальныхъ великихъ державъ, въ особенности на благочестивое католическое австрійское правительство, поддерживавшее исконныхъ враговъ христіанства, падаетъ обвиненіе въ томъ, что дѣло освобожденія грековъ было изуродовано и урѣзано, такъ что греческій вопросъ остается нерѣшеннымъ до настоящаго времени; по винѣ этихъ державъ греческій народъ все еще борется съ крайнимъ напряженіемъ силъ за соединеніе своихъ разрозненныхъ частей и не можетъ заняться развитіемъ своихъ внутреннихъ силъ, а варварское турецкое государство, это инородное тѣло въ европейскомъ организмѣ, которое поддерживаетъ свое существованіе исключительно штыками анатолійскихъ полковъ, все еще продолжаетъ существовать. Радикальному преобразованію политическихъ условій Балканскаго полуострова помѣшали опять-таки ребяческій страхъ европейскихъ правительствъ предъ силой самоопредѣляющихся народовъ и забота каждаго изъ нихъ о сохраненіи и распространеніи своего вліянія на этомъ полуостровѣ. Европейскія правительства представляли себѣ, будто бы внѣшнее вліяніе какого-нибудь государства опирается исключительно на дипломатическое искусство господъ посланниковъ и атташе, а не на способность самихъ государствъ твердой рукой поддержать свои требованія каждый разъ, какъ это оказывается необходимымъ для соблюденія ихъ интересовъ, слѣдовательно на ихъ внѣшнее могущество, а также на предпріимчивость ихъ торговцевъ, качество ихъ произведеній и соотвѣтствіе этихъ послѣднихъ съ требованіями заграничнаго рынка, т. е. на продукты капитала и труда промышленныхъ и рабочихъ классовъ.

Грекамъ предстояла трудная задача: имъ необходимо было объединить свои силы, примѣниться къ новымъ политическимъ условіямъ, научиться благоразумно пользоваться своей независимостью; имъ приходилось создать заново цѣлую правительственную машину, не имѣя подъ рукой ни одной изъ существенныхъ составныхъ частей ея. Притомъ же они вынуждены были выполнить эту работу въ такое время, когда всеобщая анархія дошла до полнаго одичанія: лучшая часть народа, самые храбрые и самые благородные изъ его представителей, пали на полѣ битвы или погибли при взятіи греческихъ укрѣпленій янычарами и албанцами, которые рѣзали и душили людей, кидали ихъ въ огонь въ подожженныхъ городахъ и деревняхъ; къ тому же по окончаніи отчаянно упорной войны за освобожденіе греческаго народа его денежныя средства оказались истощенными, его имущество было истреблено, и его благосостояніе уничтожено. Вдобавокъ европейскія державы дали грекамъ малолѣтняго короля и 60 милліоновъ франковъ подъ высокіе проценты. Принцъ Леопольдъ Кобургскій, который былъ первымъ кандидатомъ на греческій престолъ, къ сожалѣнію, отказался отъ него; онъ дѣйствовалъ бы, какъ человѣкъ умный и деликатный, и сумѣлъ бы, вѣроятно, освоиться съ особенностями греческаго характера и греческой жизни и отыскать въ нихъ точку опоры для постепеннаго введенія въ Греціи современныхъ культурныхъ учрежденій. Благодаря его отказу былъ выставленъ, какъ кандидатъ на постъ президента графъ Іоаннъ К а п о д и с т р і я; но этотъ государственный дѣятель, такъ много сдѣлавшій для своего народа, былъ у б и т ъ 9 октября 1831 года; его преемникомъ былъ въ теченіе короткаго времени его братъ Августинъ, который не пользовался довѣріемъ конституціонной партіи, „синтагматиковъ“.

Наконецъ, благодаря настоянію европейской дипломатіи, тщеславный баварскій король Людвигъ I далъ обѣщаніе, что онъ разрѣшитъ принять греческую корону своему второму сыну О т т о н у, родившемуся 1 іюня 1815 года. Впредь до наступленія совершеннолѣтія юнаго короля предполагалось поручить управленіе Греціей регентству, состоящему изъ четырехъ баварскихъ чиновниковъ. Это соглашеніе, входившее въ составъ Лондонскаго „договора четырехъ державъ“, заключеннаго 7 мая 1832 года, принадлежитъ къ самымъ легкомысленнымъ издѣліямъ такъ называемыхъ государственныхъ людей старой школы. Молодой принцъ, о способностяхъ котораго къ управленію государствомъ не имѣлъ еще никакого представленія даже и его собственный отецъ, былъ предоставленъ своей собственной судьбѣ, и ему пришлось пожертвовать лучшими годами своей жизни ради безплодной борьбы за свой тронъ и за признаніе его греческимъ народомъ; грековъ обманули такими обѣщаніями, которыхъ невозможно было сдержать, и они были преисполнены недовѣрія и ненависти къ своимъ „благодѣтелямъ“. У короля Оттона и его совѣтниковъ не хватало терпѣнія спокойно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ конституціоннаго строя при посредствѣ народнаго собранія, успокаивать разгорѣвшіяся страсти, разрѣшать столкновенія и предупреждать дѣйствія, выходящія изъ предѣловъ законности. Если бы онъ и его совѣтники, баварцы, обладали политическимъ смысломъ, то они старались бы упрочить „интеллигентный абсолютизмъ“, а не путались бы въ безплодныхъ конституціонныхъ затѣяхъ. Ошибки баварскихъ чиновниковъ, которые были бы, вѣроятно, вполнѣ полезными людьми въ Вюрцбургѣ или въ Амбергѣ, но неспособны были оріентироваться въ греческихъ дѣлахъ, вызвали въ греческомъ народѣ ожесточенную ненависть къ нѣмцамъ, которая повлекла за собою изгнаніе всѣхъ нѣмцевъ изъ Эллады въ 1843 году. 16 марта 1844 года король Оттонъ вынужденъ былъ дать свое согласіе на введеніе новой конституціи, въ пользѣ которой онъ сомнѣвался, такъ какъ она давала поводъ къ оживленію партійной борьбы и къ бурнымъ столкновеніямъ въ парламентѣ. Поэтому онъ не соблюдалъ ея такъ добросовѣстно, какъ слѣдовало ему

для пріобрѣтенія народнаго довѣрія. Его положеніе становилось все болѣе запутаннымъ, благодаря волненіямъ въ Турціи и Крымской войнѣ; дѣятельность его осталась безплодной и привела, наконецъ, къ народному возстанію въ октябрѣ 1862 года: греки запретили въѣздъ въ Пирей своему королю на обратномъ пути его изъ Мореи и захлопнули дверь у него передъ носомъ.

4. Религіозныя и соціальныя движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

A. Религіозное броженіе.

Громадный переворотъ, происшедшій въ политическомъ мірѣ послѣ 1789 года, былъ такого свойства, что онъ не могъ распространить чувства довольства въ современномъ этому перевороту и въ послѣдующемъ поколѣніяхъ. Послѣдствіями французской революціи явились разочарованіе, опасеніе передъ вырожденіемъ человѣческой природы, недовѣріе къ цѣлесообразности общественныхъ и государственныхъ учрежденій. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвала вѣра въ возможность улучшенія жизненныхъ условій и поднятіе нравственнаго уровня современнаго поколѣнія посредствомъ государственныхъ реформъ, росла потребность въ томъ утѣшеніи и успокоеніи, которыя даетъ религія. „Многіе вѣруютъ, а хотѣли бы увѣровать всѣ", такъ опредѣлялъ Алексисъ де Токвиль состояніе умовъ во Франціи послѣ іюльской революціи; зародыши „того благочестія, цѣли котораго весьма неясны, но которое весьма сильно по своему нравственному воздѣйствію" пріобрѣли жизненную силу уже въ Наполеоновскую эпоху. Стремленіе возродить чисто христіанское душевное настроеніе проходитъ черезъ духовную жизнь всего XIX столѣтія (срв. т. VII, стр. 365). Это стремленіе вызвало самые разнообразные, иногда очень странные опыты созданія новыхъ религіозныхъ обществъ, которыя, впрочемъ, не достигли никакой существенной цѣли; для католицизма, напротивъ того, открылось поприще, на которомъ онъ могъ широко развернуть свои силы. Благодаря этому возрожденію католицизма стало очевиднымъ, что всемірнымъ историческимъ значеніемъ обладаетъ только подобная ему церковь и что для возрожденія христіанства требуется такая громадная арена, какой пользуется католицизмъ. По той силѣ, съ которой раскинулось движеніе въ пользу усиленія папскаго могущества, можно заключить о размѣрахъ той реакціи, которая наступитъ тогда, когда этотъ видъ гнета тоже станетъ нестерпимымъ и когда будетъ сломлена сила капитала, на которомъ зиждутся успѣхи ультрамонтановъ.

Новое усиленіе католической церкви есть дѣло рукъ іезуитскаго ордена, который, мало по малу, забралъ въ свои руки папскую курію. Успѣхи католицизма не пошли дальше внѣшности, такъ какъ іезуитскій орденъ не имѣетъ никакихъ идеаловъ, и для іезуитовъ религія входитъ въ область политики. Они увѣрены, что обезпечатъ душеспасительное дѣйствіе христіанской религіи, если надѣнутъ на нее смирительную куртку строгихъ догматовъ и учредятъ особое церковное государство внутри свѣтскаго. Для іезуитовъ пригоденъ всякій образъ правленія: они не питаютъ никакой особенной приверженности къ монархическому образу правленія, хотя и любятъ щеголять своими симпатіями къ монархическому принципу передъ тѣми династіями, которыя они могутъ эксплуатировать для своихъ цѣлей; въ то же время они ухитряются уживаться съ республиканскими и парламентарными правительствами. Матеріалистическое міровоззрѣніе тоже не препятствуетъ выполненію главной задачи іезуитскаго ордена, которая заключается въ непрерывномъ увеличеніи власти духовенства, такъ какъ

бокъ о бокъ съ самымъ грубымъ матеріализмомъ процвѣтаетъ обыкновенно самое грубое суевѣріе, которое служитъ въ рукахъ іезуитовъ наилучшимъ оружіемъ для борьбы. Какъ только іезуиты увѣрены, что они могутъ поддержать въ практической жизни господство суевѣрнаго тупоумія и безумнаго фанатизма, то они позволяютъ себѣ развлекаться научной дѣятельностью, критикой или новыми изслѣдованіями. Одна дѣвица со стигматами можетъ вознаградить ихъ за весь тотъ вредъ, который причинила іезуитскому ордену цѣлая сотня ученыхъ патеровъ, увѣренныхъ въ благородствѣ своихъ намѣреній.

7 августа 1814 года папа Пій VII издалъ бреветъ „Sollicitudo omnium", посредствомъ котораго былъ возстановленъ іезуитскій орденъ съ его первоначальнымъ уставомъ и со всѣми привилегіями, которыя онъ пріобрѣлъ со времени своего основанія (стр. 115); кардиналъ Консальви сумѣлъ убѣдить на вѣнскомъ конгрессѣ католическихъ и протестантскихъ монарховъ въ томъ, что іезуиты составляютъ опору легитимизма и что они будутъ дѣйствовать въ интересахъ царствующихъ династій въ тѣсномъ союзѣ съ папой: эту уловку орденъ іезуитовъ и теперь еще пускаетъ въ ходъ съ успѣхомъ. Вначалѣ никто не придавалъ особеннаго значенія новому шагу папы, который былъ въ дѣйствительности самымъ роковымъ событіемъ столь несчастнаго для Европы года заключенія парижскаго мира. Все могущество іезуитскаго ордена, этой новой міровой державы, обнаружилось только тогда, когда во главѣ ордена сталъ геніальный нидерландецъ Іоганнъ Филиппъ фонъ Роотгаанъ (9 іюня 1829 года), вновь привлекшій къ ордену нѣмцевъ. Французы и итальянцы служатъ для іезуитскаго ордена весьма полезнымъ орудіемъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей; но въ борьбѣ противъ духа и совѣсти грубое слѣпое повиновеніе и тяжелая рука фламандцевъ, вестфальцевъ, прирейнскихъ нѣмцевъ и баварцевъ оказываются гораздо болѣе полезными, чѣмъ дипломатическое искусство французовъ и итальянцевъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ іезуитскій орденъ обладалъ уже въ лицѣ многочисленнаго штата молодыхъ священниковъ достаточной силой для того, чтобы пробить брешь въ вѣроисповѣдномъ мірѣ, основанномъ на терпимости и миролюбивомъ сосѣдствѣ различныхъ вѣроисповѣданій; тогда іезуиты вступили въ борьбу съ гражданской властью въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ эта власть еще не подчинилась добровольно римской куріи посредствомъ конкордата, какъ это сдѣлала, напримѣръ, Баварія въ 1817 году (стр. 134).

Наиболѣе ожесточенной была борьба между католической церковью и государствомъ въ Пруссіи, хотя это государство надѣлило весьма щедро, по своимъ средствамъ, вновь учрежденныя католическія епископскія кафедры. Іезуиты не хотѣли допустить, чтобы въ Рейнскихъ провинціяхъ господствовало доброе согласіе въ дѣлахъ вѣры между католиками и протестантами, чтобы смѣшанные браки заключались „въ пассивномъ присутствіи" католическаго духовника, чтобы профессоръ католическаго факультета вновь основаннаго Боннскаго университета, Георгъ Гермесъ, держался въ своихъ лекціяхъ, которыя онъ читалъ предъ многочисленной аудиторіей, такого взгляда, что вѣра въ откровеніе должна исходить изъ разумной основы и что поэтому религіозные догматы должны соотвѣтствовать требованіямъ разума.

Благодаря довѣрчивости прусскаго правительства на рейнскую архіепископскую кафедру былъ назначенъ послѣ смерти достопамятнаго архіепископа кельнскаго графа Фердинанда Августа фонъ Шпигельцумъ Дезенбергъ (скон. 2 августа 1835 года) каноникъ графъ Клеменсъ Августъ фонъ Дросте-Фишерингъ, который передъ тѣмъ былъ удаленъ съ своей должности генералъ-викаріемъ мюнстерскимъ. Вопреки своимъ прежнимъ обѣщаніямъ, двусмысленности которыхъ не разобралъ министръ фонъ Альтенштейнъ, архіепископъ отмѣнилъ, по своему личному усмотрѣнію

соглашеніе о смѣшанныхъ бракахъ, состоявшееся между его предшественниками и правительствомъ; кромѣ того онъ оказался виновнымъ въ неоднократномъ превышеніи своей власти, и по своему усмотрѣнію налагалъ дисциплинарныя взысканія на боннскихъ профессоровъ; прусское правительство было, наконецъ, вынуждено лишить его кафедры и силой удалить его изъ Кельна. Послѣ этого курія принялась осуждать прусское правительство съ крайней надменностью и стала обращаться съ оскорбительнымъ презрѣніемъ съ прусскимъ посланникомъ при папской куріи Христіаномъ Іосіасомъ фонъ Бунзеномъ, который превратился изъ посредственнаго археолога въ никуда негоднаго дипломата. Князь Меттернихъ, который всегда охотно пользовался добрыми услугами берлинскаго кабинета, когда нуждался въ поддержкѣ Пруссіи, смотрѣлъ съ тайнымъ злорадствомъ на униженіе, которое терпѣлъ его союзникъ отъ римскихъ дипломатовъ; на этотъ разъ онъ полѣнился выпустить наставительную ноту въ своемъ обыкновенномъ вкусѣ. Затруднительное положеніе прусскаго правительства ухудшилось благодаря доктринерской близорукости либераловъ, которые не признавали за гражданской властью права арестовать епископа; кромѣ того католическая оппозиція распространилась и на Познанско-Гнѣзненскую епархію, въ которой правительство вынуждено было арестовать архіепископа Мартина фонъ Дунина вслѣдствіе его вызывающаго поведенія, нарушенія даннаго имъ слова и неповиновенія (см. т. VII, стр. 366).

Духовныя лица, находившіяся подъ вліяніемъ іезуитовъ, преслѣдовали своихъ миролюбивыхъ сотоварищей, какъ, напримѣръ, князя епископа бреславльскаго графа Леопольда фонъ Зедльницкаго (въ 1840 г.), не останавливаясь ни передъ однимъ изъ тѣхъ коллегіальныхъ пріемовъ истязанія, которые были придуманы въ теченіе сотенъ лѣтъ; нѣкоторые изъ нихъ наложили также и на свою паству особыя испытанія въ твердости вѣры, отъ которыхъ населеніе, наконецъ, отказалось. На лонѣ самой церкви поднялась сильная и вначалѣ многообѣщавшая реакція противъ іезуитовъ. Поводомъ къ ней послужила выставка „священной ризы" въ Трирѣ въ октябрѣ 1844 г. Эта риза выдавалась за часть одѣянія Христа, но подложность ея была уже давно доказана; тѣмъ не менѣе епископъ Вильгельмъ Арнольди въ своихъ возмутительныхъ проповѣдяхъ предлагалъ вѣрующимъ ходить на поклоненіе этой ризѣ. Капелланъ Іоаннъ Ронге назвалъ эту выставку гнусностью и заявилъ, что „идолопоклонническое почитаніе реликвій" есть одна изъ тѣхъ причинъ, которыя повергли Германію въ духовное и политическое рабство; Ронге вмѣстѣ съ капелланомъ Іоанномъ Черскимъ изъ Шнейдемюля въ провинціи Познани сталъ основателемъ движенія въ пользу церковной реформы, которое приняло вскорѣ очень серьезный характеръ и подавало надежду на то, что католическая церковь сейчасъ же примется за необходимую очистительную и отдѣлительную работу и освободится отъ іезуитской порчи. Въ теченіе 1845 г. возникло около 200 „нѣмецко-католическихъ" общинъ, а въ Лейпцигѣ состоялось между 23 и 26 марта церковное собраніе, которое старалось выработать общіе основные принципы церковнаго устава; однако на практикѣ оказалось невозможнымъ примирить между собою противорѣчія, существующія между образомъ мыслей сторонниковъ реформы, требовавшихъ свободы мысли, и привычкой правовѣрныхъ католиковъ къ вѣковѣчнымъ догматамъ и внѣшнему великолѣпію церковной службы. Не доставало объединяющей силы новой идеи, которая привлекла бы къ себѣ вниманіе обѣихъ партій и отвлекла бы ихъ отъ обычной рутины каждой изъ нихъ; недоставало геніальныхъ предводителей, которые могли бы организовать полчища, собиравшіяся выступить на борьбу съ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ тирановъ, который размахивалъ кнутомъ рабства надъ духовно приниженнымъ человѣчествомъ. Пока каждое изъ этихъ полчищъ идетъ по своему особому пути, ищетъ побѣды только во имя своего ло-

зуита и превращаетъ свои знамена въ новыхъ божковъ, до тѣхъ поръ они не сумѣютъ устоять противъ убѣжденной настойчивости іезуитовъ.

Въ протестантскихъ церквахъ тоже обнаружилось прогрессивное движеніе, которое вступило въ борьбу съ берлинскимъ теологомъ Эрнстомъ Вильгельмомъ Генгстенбергомъ и почитателями издаваемой имъ „Евангелической Церковной Газеты" (т. VII, стр. 369), пытавшимися подавить свободу сужденія и подчинить религіозные взгляды вѣрующихъ приказаніямъ „старшихъ". Сторонники этого движенія держались того убѣжденія, что вѣра должна подчиняться контролю разума, а не предписаніямъ старшихъ церковныхъ совѣтниковъ. Хотя прусское правительство старалось ограничить, по мѣрѣ возможности, общественную дѣятельность церковныхъ прогрессистовъ, все таки благодаря имъ въ руководящихъ сферахъ не рѣшались издавать слишкомъ непопулярныхъ распоряженій, и вѣротерпимость вернула себѣ до нѣкоторой степени право на существованіе. Это было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ открытій, сдѣланныхъ научной критикой Евангелія (тамъ же, стр. 366 и 371); сильнѣе всего сказалось вліяніе Давида Фридриха Штрауса, который создалъ на основаніи данныхъ этой критики свою „жизнь Христа" (въ 1845 году) и свое „Христіанское вѣроученіе въ его историческомъ развитіи и въ его борьбѣ съ современной наукой" (1840—41 г.); это было литературное событіе такой первостепенной важности, что его значеніе нельзя было умалить никакими полицейскими мѣрами.

У романскихъ народовъ религіозные вопросы не вызывали къ себѣ такого глубокаго интереса, какъ въ Германіи. Въ Испаніи эти вопросы входили цѣликомъ въ сферу политики; основаніе нѣсколькихъ протестантскихъ общинъ Мануэлемъ Матаморосомъ оказало весьма слабое вліяніе на духовное развитіе испанцевъ; также мало вліянія оказали на положеніе католической церкви въ Испаніи переходъ римскаго прелата Луиджи Десанктиса въ альденскую секту и возникновеніе отдѣльныхъ евангелическихъ обществъ. Во Франціи либеральничающее направленіе, основанное Альфонсомъ де Ламартиномъ и Викторомъ Гюго въ царствованіе Луи Филиппа, было только литературной модой; стремленіе патера Жана Батиста Лакордэра и графа Шарля Форба де Тріонъ-Монталамбера превратить папскую іерархію въ опору народной свободы (стр. 160) не могло внушить къ себѣ никакого довѣрія благодаря тому повороту, который произошелъ въ римской политикѣ.

Въ исторіи религіознаго движенія во Франціи есть только одно явленіе, которое должно остановить на себѣ наше вниманіе. Оно важнѣе всѣхъ религіозныхъ реформъ XIX столѣтія, такъ какъ въ разныхъ его фазахъ отражается постепенный ходъ будущаго освобожденія Европы отъ господства іезуитовъ. Гюгъ Фелиситэ Роберъ де Ламеннэ (стр. 115) началъ свою духовную карьеру горячей защитой папства, за которымъ онъ признавалъ не только непогрѣшимость, но и право на фактическое главенство надъ всѣми христіанскими правительствами. Этотъ писатель, котораго папа Левъ XII назвалъ „послѣднимъ отцомъ церкви", выступилъ ожесточеннымъ противникомъ партикуляризма французскаго духовенства, основывавшагося на „галликанскихъ параграфахъ", и боролся противъ правительства Карла X, этого „возмутительнаго деспотизма", а послѣ юльской революціи онъ основалъ христіанско-революціонный листокъ „L'avenir" („Будущность" стр. 160) подъ девизомъ „Богъ и свобода — Папа и народъ"; по его мнѣнію, свобода церкви отъ государственнаго контроля должна опираться на независимость ея отъ государственныхъ субсидій, а духовенство должно содержаться на счетъ добровольныхъ пожертвованій вѣрующихъ. Требованіе отдѣленія церкви отъ государства неизбѣжно привело Ламеннэ къ сближенію съ идеями политической демократіи; дальнѣйшимъ шагомъ его на этомъ пути было требованіе, чтобы церковь была вновь реорганизована на демократической

основѣ. Это бросилось въ глаза не только французскимъ епископамъ, но и папѣ Григорію XII, который осудилъ ученіе „новаго отца церкви“ и запретилъ ему всякую дальнѣйшую публицистическую дѣятельность несмотря на то, что Ламеннэ сдѣлалъ торжественное заявленіе о своей покорности папѣ. Какъ уже случилось когда-то съ Арнольдомъ изъ Брешіи и съ Джироламо Савонароллой, Ламеннэ понялъ послѣ этого, что существующее папство неспособно къ исполненію той возвышенной задачи, которую онъ возлагалъ на католическую церковь. Тогда Ламеннэ отрекся отъ папства въ своемъ пріобрѣвшемъ всеобщую извѣстность сочиненіи: „Слово вѣрующаго“ (Parole d'un croyant въ 1834 г.) и отыскалъ путь къ тому христіанству, которое основывается на братствѣ и гуманности и стремится къ всеобщему равенству въ пользованіи земными благами.

Б. Первыя попытки къ разрѣшенію соціальнаго вопроса.

Такимъ образомъ, христіанскій соціализмъ, къ которому Ламеннэ пришелъ путемъ внѣшняго и внутренняго опыта, сталъ сопутствующимъ явленіемъ къ тѣмъ многочисленнымъ изслѣдованіямъ о необходимой соціальной реформѣ, которыя производились одновременно во Франціи и въ Англіи и вскорѣ повлекли за собою цѣлый рядъ соціальныхъ движеній, охватившихъ европейскіе народы. Великая революція ничего не создала въ этомъ направленіи, было только произведено нѣсколько неудачныхъ опытовъ съ „государственной помощью“ въ видѣ раздачи хлѣба и субсидій; то, что было сказано уже въ „Cahiers“ депутатовъ третьяго сословія въ 1789 году: „голосъ свободы ничего не говоритъ сердцу несчастнаго, умирающаго съ голоду“, — стало теперь общеизвѣстной истиной. Ф. Н. Бабефъ, единственный изъ французскихъ демократовъ, который выступилъ съ коммунистическими взглядами, не былъ понятъ народными массами: его мученическая смерть, которая была однимъ изъ самыхъ безполезныхъ политическихъ убійствъ директоріи (т. VII, стр. 422), не вызвала никакого волненія въ народѣ, за благо котораго онъ пострадалъ. Страшный ростъ нищеты наемныхъ рабочихъ, который былъ послѣдствіемъ распространенія машинъ во многихъ отрасляхъ производства и ослабленія связи между предпринимателями и рабочими на фабрикахъ, стихійное возбужденіе и насильственные поступки рабочихъ массъ, стоявшихъ на краю гибели, осужденныхъ на голодъ и безнадежныя лишенія, частые разгромы фабрикъ въ Англіи въ началѣ XIX столѣтія, волненія въ средѣ ткачей шелковыхъ матерій въ Ліонѣ (въ 1831 году) и силезскихъ ткачей (въ 1844 г.)—каждое изъ этихъ событій служило толчкомъ къ изобрѣтенію такихъ средствъ, которыя были бы въ состояніи устранить эти страшныя муки безвинно страдающихъ.

Среди множества фантастическихъ теорій и умственныхъ заблужденій, въ которыя впалъ Клодъ Анри де Руврyа графъ Сенъ-Симонъ, оказалось также много глубоко западающихъ въ душу идей, которыя съ неудержимой силой толкали мысль къ дальнѣйшей работѣ. Вѣнскій конгрессъ, правда, не обратилъ никакого вниманія на вышедшее въ 1814 г. сочиненіе Сенъ-Симона „Преобразованіе европейскаго общества“ („Reorganisation de la société européenne“), такъ какъ въ этомъ сочиненіи проводился такой взглядъ, что конгрессы вообще неспособны установить прочный соціальный миръ. Тѣмъ не менѣе, ни для кого не осталось тайной, что послѣ пресловутой „реставраціи“ внутренній расколъ въ обществѣ продолжалъ усиливаться и что наиболѣе многочисленные классы общества страдали отъ все болѣе рѣзко бросающейся въ глаза соціальной несправедливости: недаромъ Сенъ-Симонъ обращался все время къ промышленникамъ, фабрикантамъ, коммерсантамъ и банкирамъ, предостерегая ихъ отъ системы эксплоатаціи рабочей силы: недаромъ онъ утверждалъ въ своемъ „Новомъ

христіанствѣ" (Nouveau Christianisme) въ 1825 году (срв. т. VII, стр. 423), что христіанство извращено во всѣхъ существующихъ исповѣданіяхъ и что всѣ они отреклись отъ самой возвышенной идеи Христа, отъ идеи братской любви. Мысли Сенъ-Симона произвели благотворное дѣйствіе на всю Европу, несмотря на то, что ходъ его разсужденій страдалъ запутанностью и логической непослѣдовательностью; онѣ наталкивали читателей на критику тѣхъ юридическихъ основныхъ положеній индивидуальнаго права наслѣдованія, права частной земельной собственности и другихъ правъ, съ которыми неразрывно связанъ традиціонный общественный порядокъ; значеніе этихъ нормъ для будущей реформы соціальнаго порядка стало подвергаться сомнѣнію. Непосредственнаго вліянія на соціальный строй Европы не оказали ни проекты Бартелеми Проспера Анфантена объ эмансипаціи плоти (тамъ же, стр. 424) и объ учрежденіи новаго, теократическо-промышленнаго государственнаго строя, ни изобрѣтенная Шарлемъ Фурье новая общественная единица съ новымъ хозяйствомъ „фаланстера" (тамъ же, стр. 425), ни коммунистическія мечтанія Этьена Кабэ, которыя онъ развиваетъ въ своемъ „Путешествіи въ Икарію" „Voyage en Icarie" въ 1842 г., (тамъ же, стр. 426): всѣ эти сочиненія имѣли только значеніе предварительныхъ работъ для тѣхъ болѣе проницательныхъ умовъ, которые рѣшились считаться съ существующими учрежденіями и сумѣли доказать ихъ способность къ преобразованію.

Робертъ Оуэнъ (т. VII, стр. 398), руководившій громадной кооперативной и прядильной фабрикой въ Нью Ланаркѣ въ Шотландіи, произвелъ первый практическій опытъ примѣненія на практикѣ соціально философской системы. Этотъ опытъ вначалѣ казался удачнымъ; но безплодность подобныхъ попытокъ стала очевидной съ того момента, когда вздумали вывести ихъ изъ тѣсныхъ рамокъ отдѣльнаго предпріятія, управляемаго одною личностью и положить ихъ въ основу радикальной реформы соціальныхъ условій цѣлыхъ классовъ и переворота въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, тѣсно связанныхъ съ духовною жизнью каждой личности. Несмотря на это заблужденіе, важнымъ пріобрѣтеніемъ слѣдуетъ считать тотъ обоснованный Оуэномъ взглядъ, что капиталистическая система производства не проистекаетъ изъ непреложнаго закона природы, а должна считаться продуктомъ историческаго развитія, что конкурренція вовсе не необходима для прогрессивной производительности труда, а является только препятствіемъ для справедливой оцѣнки его.

Эти факты послужили основаніемъ соціалистической теоріи, провозвѣстникомъ которой былъ нѣмецкій писатель еврейскаго происхожденія Карлъ Марксъ, родившійся въ 1818 году въ Трирѣ (т. VII, стр. 434). Карлъ Марксъ пользовался критическими пріемами гегелевской философіи и отличался рѣдкимъ талантомъ въ изслѣдованіи происхожденія общественныхъ явленій; Вернеръ Зомбартъ объясняетъ этотъ талантъ „гипертрофіей мыслительной дѣятельности". У Маркса нѣтъ ни слѣда того утопическаго духа, который породилъ системы французскихъ соціальныхъ реформаторовъ и коммунистовъ; онъ освободилъ соціальное движеніе отъ того революціоннаго духа, который былъ ему присущъ до времени этого автора и поставилъ этому движенію вполнѣ опредѣленную цѣль—обобществленіе орудій производства, которое должно быть достигнуто посредствомъ непрерывной и напряженной классовой борьбы. Будучи изгнанъ изъ предѣловъ Германіи прусской полиціей, онъ былъ вынужденъ избрать своимъ мѣстопребываніемъ сначала Парижъ, а потомъ Лондонъ. Основательное знакомство съ соціальными условіями Западной Европы, которое онъ пріобрѣлъ въ Лондонѣ, а въ особенности ознакомленіе съ важными данными, заимствованными изъ опыта англійскихъ профессіональныхъ союзовъ (Trade Unions; т. VII, стр. 401), выдерживавшихъ тяжелую борьбу за существованіе, подготовили Маркса къ роли основателя и руководителя

интернаціональной организаціи пролетаріата, которую онъ считалъ необходимой предварительной ступенью къ побѣдѣ пролетаріата въ возвѣщенной имъ классовой борьбѣ. Въ сообществѣ съ Фридрихомъ Энгельсомъ изъ Эльберфельда онъ создалъ соціалистическое ученіе, которое осталось до конца XIX столѣтія основой соціалистическаго движенія. Центромъ соціалистическаго ученія стала Германія съ тѣхъ поръ, какъ Фердинандъ Лассаль (тамъ же, стр. 437) популяризировалъ её съ блестящимъ успѣхомъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Въ политическомъ отношеніи соціальное движеніе имѣло мало вліянія на событія, вызванныя іюльской революціей; слѣдовъ этого движенія почти незамѣтно также и въ революціяхъ 1848 года. Однако это движеніе увеличило число сторонниковъ различныхъ демократическихъ партій, которые надѣялись добиться посредствомъ политической революціи не только реформы государственнаго строя, но и перемѣны въ распредѣленіи имуществъ въ пользу несостоятельныхъ классовъ.

5. Германскій союзъ и германскій таможенный союзъ.

А. Германія подъ руководствомъ союзнаго сейма.

Въ высшей степени знаменательный переворотъ произошелъ въ исторіи германскаго народа въ эпоху, послѣдовавшую за Вѣнскимъ конгрессомъ, въ теченіе которой народная воля имѣла мало вліянія на государственную и общественную жизнь даже въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ она получила законное признаніе въ формѣ конституціи. Этотъ переворотъ произошелъ не по иниціативѣ союзнаго сейма, призваніемъ котораго должно было быть сопоспѣшествованіе общимъ интересамъ всѣхъ германскихъ государствъ, а по иниціативѣ прусскаго правительства, въ которомъ выработались наиболѣе глубокіе взгляды на дѣла государственнаго правленія и которое имѣло притягательную силу для всѣхъ политическихъ талантовъ и для всѣхъ государственныхъ людей, стремившихся къ широкой сферѣ дѣятельности. Экономическій прогрессъ, который предшествовалъ политическому возрожденію Германіи, создалъ необходимыя условія для этого возрожденія, именно, извѣстную степень благосостоянія и значительный запасъ капитала. Этимъ прогрессомъ Германія была обязана высокимъ способностямъ большей части германскихъ племенъ, ихъ трудолюбію, бережливости и вѣрѣ въ божью помощь: послѣ громадныхъ убытковъ, понесенныхъ во время войнъ Германіи съ Франціей, представителямъ мелкаго земледѣлія и мелкой промышленности только съ громаднымъ напряженіемъ силъ удалось накопить мало по малу капиталы, необходимые для экономическаго возрожденія народа. Однако и этотъ безсознательный общій трудъ на пользу возрожденія германскаго народа самъ по себѣ не могъ разорвать тѣхъ цѣпей, которыя наложила на экономическую жизнь Германіи уже 300 лѣтъ тому назадъ политическая раздробленность. Раздробленныя германскія племена не чувствовали тяжести этихъ цѣпей; то, что ложилось гнетомъ на однихъ, казалось другимъ выгодой. Законы и формы развитія экономической жизни стали недоступны какъ всему германскому народу, такъ и его отдѣльнымъ частямъ; эти понятія могли быть вновь распространены только людьми, пріобрѣвшими ихъ путемъ опыта и теоретическаго изученія.

Ни подобнымъ опытомъ, ни теоретическими познаніями не обладало то правительство, которое руководило германскимъ союзомъ,— австрійское. Даже поклонники дипломатическихъ талантовъ князя Меттерниха не будутъ отрицать, что австрійскій государственный канцлеръ обнаруживалъ невѣжество и недомысліе въ вопросахъ внутренней политики. Въ этой области

его интересовало только то, чѣмъ можно было воспользоваться немедленно въ интересахъ міровой политики, напримѣръ, государственные доходы и рекрутскіе наборы; онъ не зналъ ни потребностей, ни нуждъ, ни выгодъ жителей Австрійской имперіи, которыхъ онъ такъ осчастливилъ, какъ ему казалось, и не имѣлъ никакого представленія о тѣхъ силахъ, которыя таятся въ управляемомъ имъ государствѣ. Чиновники, которыхъ онъ привлекалъ на государственную службу, были, за немногими исключеніями, людьми ограниченными, необразованными и трусливыми; они заискивали предъ власть имущими и были совершенно неспособны дать толчокъ къ улучшенію существующаго положенія; напротивъ того, кто хотѣлъ провести въ жизнь какую бы то ни было полезную мысль, тотъ долженъ былъ прежде всего считаться съ ихъ сопротивленіемъ,—въ этомъ пришлось убѣдиться на своемъ собственномъ тяжеломъ опытѣ эрцгерцогу Іоанну, брату императора Франца, въ которомъ соединялись ясное пониманіе силъ, дѣйствующихъ въ государственной жизни, разностороннее образованіе и не порывистая, зато послѣдовательная и упорная энергія; онъ не переставалъ хлопотать о поднятіи уровня техническихъ и естественно-научныхъ знаній, сельскаго хозяйства и желѣзодѣлательной промышленности, о расширеніи круга дѣятельности промышленныхъ обществъ и сберегательныхъ кассъ. Но къ несчастью для эрцгерцога Іоанна императоръ Францъ и его всемогущій министръ питали общую антипатію къ выдающимся талантамъ, и такая антипатія ложилась безусловно тяжелымъ гнетомъ на всѣхъ отрасляхъ человѣческаго труда. Что Меттернихъ такъ долго держалъ у себя на службѣ Генца (срв. объясн. къ табл., прил. къ стр. 94), это объясняется, во первыхъ, тѣмъ, что онъ не могъ обойтись безъ такой легко управляемой и поддающейся самому легкому толчку умственной силы, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что Генца можно было склонить на все за деньги; важно и то обстоятельство, что Генцъ никогда не чувствовалъ потребности въ самостоятельной дѣятельности или въ широкой сферѣ для приложенія своихъ взглядовъ и не стремился къ видному положенію. Даже въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не держались подолгу люди съ самостоятельными взглядами, какъ, напримѣръ, Іоаннъ Филиппъ фонъ Вессенбергъ. Этотъ послѣдній принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ австрійскихъ чиновниковъ, которые составили себѣ самостоятельное мнѣніе о будущей судьбѣ и задачахъ Габсбургской монархіи, о ея положеніи въ германскомъ союзѣ, о дальнѣйшемъ развитіи этого союза, и старались проводить эти взгляды въ жизнь. Австрійское правительство игнорировало мнѣніе Вессенберга по вопросу о реформѣ германскаго союза; его немедленно окатили холодной водой, когда онъ попытался выступить на лондонской конференціи съ самостоятельнымъ мнѣніемъ по поводу раздора между Бельгіей и Нидерландами (стр. 181).

Судьба германскаго союза была вполнѣ въ рукахъ Австріи; на Австрію падаетъ цѣликомъ отвѣтственность въ томъ, что этотъ союзъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ и что она въ концѣ концовъ покинула его на произволъ судьбы. Не только форма и характеръ союза германскихъ государствъ были изобрѣтеніемъ Меттерниха, дальнѣйшее развитіе союза тоже было дѣломъ его рукъ. Народы и правительства просили хлѣба, а Меттернихъ далъ имъ — камень: по его понятію государство означало полицейскій произволъ. Въ томъ самомъ году, въ которомъ больше 20 милліоновъ нѣмцевъ впервые соединились между собой въ замкнутую торговую единицу съ цѣлью дать развернуться внутри своихъ общихъ границъ свободной конкурренціи на поприщѣ товарнаго обмѣна, защитить себя отъ наводненія продуктами иностранной промышленности и открыть произведеніямъ своей собственной промышленности доступъ на міровой рынокъ, — въ этомъ самомъ достопамятномъ 1835 году представители союзныхъ государствъ, по предложенію австрійскаго правительства, совѣщались въ Вѣнѣ

въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ о такихъ важныхъ и настоятельныхъ вопросахъ, какъ изысканіе средствъ къ освобожденію германскихъ правительствъ отъ стѣсненій, налагаемыхъ на нихъ мѣстными конституціями, усиленіе цензурныхъ ограниченій для всѣхъ произведеній печати и полицейскій надзоръ за студентами университетовъ и ихъ политической благонадежностью. Государственные дѣятели изъ породы Меттерниха не могли понять, что вмѣшательство студентовъ въ политическія дѣла государства, дѣйствительно крайне неумѣстное и вредное для нихъ самихъ, прекращается сейчасъ же, какъ только объектомъ для текущей политики становятся практическіе вопросы. Австріи пришлось разочароваться въ тѣхъ надеждахъ, которыя она возлагала на германскія союзныя государства: они не оправдали ея ожиданій по той причинѣ, что въ Пруссіи, а также въ Вюртембергѣ, Баваріи, Саксоніи и Баденѣ правительственные пріемы и воззрѣнія правительствъ на сущность и задачи государственной жизни не застряли на такой низкой ступени, какъ въ Австріи.

Б. Таможенный союзъ.

Изъ Прусскаго королевства выработалось совсѣмъ не то, что представлялъ себѣ Метернихъ въ 1813 и 1815 годахъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Пруссія представляла собою милитаристическое государство, настолько сильное, чтобы оно могло быть полезнымъ орудіемъ противъ аггрессивныхъ стремленій Россіи, но слѣпленное изъ разнородныхъ мелкихъ областей и настолько мало „округленное“, чтобы Пруссія не въ состояніи была стремиться къ первенствующей роли въ Германіи. Пруссія еще не сознала своего собственнаго призванія, она все еще шла на буксирѣ австрійской союзной политики, и тѣмъ не менѣе она совершила такое великое дѣло, съ которымъ нельзя поставить наравнѣ по его національному значенію никакого другого, кромѣ завоеванія свободы вѣроисповѣданія: рѣчь идетъ объ основаніи германскаго таможеннаго союза. Самому знаменитому изъ германскихъ издателей книгъ и газетъ Іоганну Фридриху фонъ Котта удалось, благодаря своему дипломатическому такту и своему выдающемуся положенію въ коммерческихъ кругахъ Германіи, поддержать разумные, основанные на національныхъ принципахъ планы короля баварскаго Людвига I, сдержать бурныя вспышки тщеславія, свойственныя этому монарху, и побудить его къ участію въ общемъ торговомъ договорѣ между Пруссіей и Гессенъ-Дармштадтомъ, ранѣе всѣхъ другихъ вступившими между собою въ таможенный союзъ, съ одной стороны, и Баваріей и Вюртембергомъ, съ другой стороны; только особенно дальновидные люди, какъ напримѣръ, политико-экономъ Фридрихъ Листъ (стр. 142), вѣрили до этого времени въ общность интересовъ Южной и Сѣверной Германіи; съ этого же момента она становится такимъ неопровержимымъ фактомъ, что торговый договоръ превратился въ таможенное объединеніе, которое равнялось соединенію германскихъ государствъ въ одну общую экономическую область. Основанный вскорѣ послѣ этого „Средне-германскій союзъ“, который задавался цѣлью ослабить связи, соединяющія южную Германію съ Пруссіей и сдѣлать ихъ безполезными (стр. 142), распался чрезъ короткое время. Оказалось, что экономическіе интересы сильнѣе политическихъ и что недружелюбное, можно сказать, враждебное отношеніе правительствъ мелкихъ германскихъ государствъ къ Пруссіи превратилось въ любезную предупредительность, какъ только оказалось, что отъ такого образа дѣйствій могутъ выиграть государственныя кассы. Гессенъ-Кассель (курфюршество Гессенское) возставалъ съ особенной рѣзкостью противъ руководящихъ взглядовъ Гогенцолерновъ, выразившихся въ проектѣ таможеннаго союза; но уже въ 1831 году это государство поняло, что его торгово-политическая изолиро-

ванность доведетъ его до гибели. Послѣ этого былъ уничтоженъ также такъ называемый „Эйнбекскій договоръ“ 27 марта 1830 года, заключенный между Ганноверомъ, Брауншвейгомъ, Ольденбургомъ и курфюршествомъ Гессенскимъ. 30 марта 1833 года Саксонія тоже вступила въ договоръ съ Пруссіей, а 11 мая 1833 года ея примѣру послѣдовалъ Тюрингенъ; 22 мая 1833 года состоялось окончательное объединеніе обѣихъ группъ: баварско-вюртембергской и прусской. 1 января 1834 года были уничтожены таможенныя границы, отдѣлявшія одно отъ другого 18 германскихъ государствъ съ 23 милліонами жителей; въ 1841 году къ этому союзу примкнулъ Брауншвейгъ, въ 1842 году Люксембургъ и, наконецъ, 7 сентября 1851 г. Ганноверъ, который оставался до тѣхъ поръ открытымъ рынкомъ для Англіи. Во всей области таможеннаго союза господствовала свобода торговли и коммерческихъ сношеній. Расходы по таможенному управленію и по таможенному охраненію границъ покрывались изъ одной общей таможенной кассы. Излишекъ распредѣлялся между отдѣльными государствами пропорціонально численности населенія каждаго изъ нихъ; въ 1834 году этотъ излишекъ составлялъ 15 зильбергрошеновъ (1,5 имперской марки) на каждаго жителя, а въ 1840 году уже больше 20 зильбергрошеновъ (2 имперскихъ марки).

Въ среднихъ и мелкихъ государствахъ общественное мнѣніе относилось къ торговымъ договорамъ почти безъ исключенія враждебно: въ Пруссіи опасались конкурренціи саксонской промышленности, а жители Лейпцига боялись упадка своихъ знаменитыхъ ярмарокъ. Это великое національное дѣло было проведено въ жизнь почти исключительно правительствами и тѣми людьми, къ которымъ эти правительства обратились за совѣтомъ (см. стр. 142). Австрія осталась теперь внѣ сферы экономическаго объединенія Германіи. Меттернихъ просмотрѣлъ могущество этого новаго союза и замѣтилъ свою ошибку слишкомъ поздно; обсуждался проектъ присоединенія къ таможенному союзу тѣхъ австрійскихъ областей, которыя входили въ составъ Германскаго союза; но этотъ проектъ не встрѣтилъ сочувствія въ промышленныхъ и торговыхъ кругахъ. Мало кто догадывался, что это экономическое обособленіе Германіи отъ Австріи впослѣдствіи поведетъ также къ политическому разъединенію между ними; тѣмъ не менѣе даже въ глазахъ противниковъ таможеннаго договора возросъ престижъ Пруссіи, на долю которой выпала руководящая роль въ таможенномъ союзѣ, хотя прочіе члены тщательно оберегали свои верховныя права и свою независимость. Вюртембергскій депутатъ и писатель Паулъ Пфицеръ призналъ необходимость политическаго объединенія германскихъ государствъ подъ главенствомъ Пруссіи и отдѣленія ихъ отъ Австріи. Въ 1845 г. въ своихъ „Мысляхъ о правѣ, государствѣ и церкви“ онъ выступилъ съ той программой, которая была усвоена впослѣдствіи всѣмъ германскимъ народомъ только послѣ кровопролитныхъ войнъ и тяжелыхъ испытаній. „Современное положеніе Германіи“, говоритъ онъ, „указываетъ на необходимость государственнаго и національнаго объединенія съ Пруссіей и дружелюбныхъ сосѣдскихъ отношеній съ прочими государствами германскаго происхожденія и съ Австріей, которая составляетъ первостепенную державу даже помимо ея участія въ Германскомъ союзѣ. Рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы разрушить всѣ политическія связи, соединяющія Германію съ Австріей. При тѣхъ опасностяхъ, которыя угрожаютъ Германіи съ востока и съ запада, это было бы безразсудствомъ; нельзя допустить, чтобы Богеміей и Средней Германіей владѣлъ врагъ и соперникъ Германіи. Притомъ даже полное присоединеніе къ Германіи Богеміи, Моравіи и Австріи вмѣстѣ съ Тиролемъ, Каринтіей и Штиріей не уравновѣсило бы тѣхъ выгодъ, которыя проистекаютъ для нея изъ того, что эти области находятся въ рукахъ родственной и союзной державы, могущество которой простирается за Альпы и до Чернаго моря.

В. Начало царствованія Фридриха Вильгельма IV.

Теперь необходимо было выяснить отношенія, существующія между Пруссіей и германскимъ народомъ, съ одной стороны, и монархіей Габсбурговъ, съ другой стороны. Благодаря обширности своихъ собственныхъ владѣній Габсбурги въ теченіе трехъ столѣтій слишкомъ играли роль представителей Римско-Германской имперіи и признавали за собой право на главенство въ Германскомъ союзѣ, ссылаясь на свое историческое положеніе, хотя фактически они пользовались этимъ правомъ только во внѣшнихъ дѣлахъ. Упроченію отношеній между Пруссіей и Германіей препятствовали антагонизмъ, существовавшій между южными германцами и жителями старо прусскихъ провинцій, а затѣмъ также недостатки союзной конституціи, которая не обезпечивала, съ одной стороны, объединенія всѣхъ оборонительныхъ силъ Германіи, съ другой стороны, независимости отдѣльныхъ государствъ, входившихъ въ составъ союза, а эта независимость могла бы служить противовѣсомъ противъ господствовавшаго въ Пруссіи суроваго режима; такому сближенію мѣшали также свойства характера Фридриха Вильгельма IV, который вступилъ на прусскій престолъ послѣ смерти своего отца, послѣдовавшей 7 іюня 1840 г. Это былъ человѣкъ, высоко одаренный по своему умственному развитію, художественному чутью, богатству и глубинѣ своихъ чувствъ; первые шаги, сдѣланные на правительственномъ поприщѣ новымъ королемъ, который былъ въ то время въ цвѣтущемъ сорокапятилѣтнемъ возрастѣ, вызвали всеобщее удивленіе и восторгъ; но у него не хватало такой твердой руки, какъ у его предковъ, которые становились сами у кормила правленія въ рѣшительные моменты; у него не было увѣренности въ своихъ силахъ и твердой воли, не останавливающейся ни предъ какой отвѣтственностью, и, что важнѣе всего, пониманія своей эпохи и выдвинутыхъ ею силъ.

Больше всего Пруссія нуждалась въ конституціи, которая поставила бы рядомъ съ центральнымъ правительствомъ выборныхъ представителей изъ всѣхъ провинцій, облеченныхъ правомъ утвержденія налоговъ и контингента новобранцевъ, а также правомъ контроля надъ государственными финансами и раздѣляющихъ съ короной законодательную власть. Соотвѣтствующія обѣщанія, данныя Фридрихомъ Вильгельмомъ III 22 мая 1815 года, остались невыполненными (срв. стр. 126), такъ какъ правительство все колебалось и не могло рѣшить, какія права оно можетъ предоставить государственному парламенту безъ опасности для спокойнаго теченія внутренней жизни государства (стр. 155). Такое опасеніе было вполнѣ основательно. Сліяніе отдѣльныхъ, чуждыхъ между собою областей въ большія провинціи было сопряжено съ нарушеніемъ специальныхъ прерогативъ и мѣстныхъ обычаевъ многихъ изъ этихъ областей, каждое изъ которыхъобладало до тѣхъ поръ особымъ сословнымъ представительствомъ (см. стр. 126). Опасались также, что частыя жалобы и запросы въ парламентѣ будутъ препятствовать спокойной непрерывной работѣ прусской бюрократіи и во всякомъ случаѣ повлекутъ за собой массу излишнихъ разслѣдованій и разбирательствъ. Кромѣ того, улучшеніе государственныхъ финансовъ, упорядоченіе государственныхъ долговъ, уменьшеніе расходовъ на армію и введеніе классового налога (стр. 128) были произведены такими выдающимися прусскими министрами, какъ графъ В. Г. Бюловъ и А. Вильгельмъ фонъ Клевицъ, по крайней мѣрѣ, такъ же быстро и успѣшно, какъ это сдѣлалъ бы парламентъ.

Какъ только были закончены главные труды по преобразованію прусскаго государства, какъ только стало возстановляться благосостояніе крестьянскаго и бюргерскаго сословій и стали обнаруживаться благотворныя послѣдствія новыхъ таможенныхъ порядковъ и зависѣвшаго отъ нихъ рас-

ширенія рынка, то бюргеры тоже стали предъявлять свои требованія и добиваться совмѣстно съ правопреемниками имперскихъ и областныхъ сословныхъ чиновъ участія въ дѣлахъ государственнаго управленія; примѣръ сосѣднихъ германскихъ государствъ, въ которыхъ уже былъ введенъ конституціонный образъ правленія, служилъ для нихъ сильной опорой. Рѣчи, сказанныя Фридрихомъ Вильгельмомъ IV во время его коронаціи въ Кенигсбергѣ (10 сентября 1840 года) и при пріемѣ вѣрноподданническихъ депутацій въ Берлинѣ (15 октября 1840 года), были образцами ораторскаго искусства, до того времени не свойственнаго монархамъ, и, повидимому, подавали надежду на исполненіе этихъ народныхъ желаній въ близкомъ будущемъ. Король заявилъ, что въ Пруссіи господствуетъ „единодушіе между главой и членами государства, между монархомъ и народомъ“, что „въ общемъ всѣ сословія съ благороднымъ единствомъ стремятся къ одной прекрасной цѣли — всеобщему благу подъ охраной благочестивой вѣрности и истинной чести“ (10 сентября); онъ задалъ депутатамъ, явившимся для изъявленія вѣрноподданническихъ чувствъ, слѣдующій вопросъ: готовы ли они оказать ему поддержку въ „его стремленіи къ свѣту, праву и истинѣ“ (15 октября); эти слова были истолкованы, какъ предвѣстникъ введенія конституціонныхъ порядковъ. Однако, вскорѣ послѣ этого обнаружилось, что Фридрихъ Вильгельмъ питалъ глубокое отвращеніе къ конституціонному государственному строю, что его правительственный идеалъ основывался на изобрѣтенныхъ романтическими поэтами такъ называемыхъ „среднихъ вѣкахъ“, что король любилъ предаваться фантастическимъ мечтаніямъ о геройской преданности, глубокой вѣрности и готовности монарха и народа къ самопожертвованію; но онъ и слышать не хотѣлъ о введеніи правового порядка въ управленіи государствомъ, потому что это было бы нарушеніемъ божественной миссіи государей, святости ихъ призванія.

Прусскій король чувствовалъ, что народъ хочетъ вовлечь его въ то національное воодушевленіе, которое охватило всю Германію вслѣдствіе легкомысленныхъ угрозъ, которыми Франція вздумала пугать Германію во время осложненій на Востокѣ осенью 1840 года. Неосторожная политика министра Тьера, вступившаго во власть 1 марта, который неожиданно отдѣлился отъ великихъ державъ во время Турецко-Египетской войны (см. т. III и V) и предпринялъ самостоятельные шаги въ пользу Египта, побудили Англію, Россію, Австрію и Пруссію къ заключенію союза четырехъ державъ (15 іюля 1840 г.) съ цѣлью заставить египетскаго хедива Магомета-Али принять предлагаемыя ими мирныя условія. По свойственной французамъ національной логикѣ отсюда вытекало такое заключеніе, что они имѣютъ право искать возмѣщенія на материкѣ Европы въ награду за то, что они были безсильны противъ англичанъ на морѣ. Они стали опять болтать о своихъ правахъ на Рейнскую границу и приступили къ усиленнымъ военнымъ приготовленіямъ. Германскій народъ не скрывалъ своего гнѣва по поводу этого дерзкаго покушенія на его территорію и выступилъ съ единодушнымъ рѣшеніемъ грудью отстоять свои права; вся Германія отвѣчала французамъ стихотвореніемъ Николая Беккера, сразу пріобрѣвшаго необыкновенную популярность: „не получатъ они его, — свободнаго германскаго Рейна, — пока его волны не похоронятъ костей послѣдняго нѣмца!“ Германскій народъ сталъ на сторону своихъ государей, которые почти всѣ держались по отношенію къ Франціи съ твердостью и съ чувствомъ своего достоинства. Фридриху Вильгельму IV слѣдовало бы немедленно стать во главѣ движенія и надолго отучить французовъ отъ угрозъ, опираясь на воинственное настроеніе всѣхъ германскихъ племенъ (за исключеніемъ австрійцевъ, которые не могли выбраться изъ своего запутаннаго финансоваго положенія) и на популярность, которую онъ пріобрѣлъ своими рѣчами; но прусскій король

ограничился только тѣмъ, что поднялъ въ Вѣнѣ вопросъ о реформѣ союзнаго военнаго устава и тѣмъ избавилъ Австрію отъ открытаго сознанія въ своемъ собственномъ безсиліи. Результатомъ усилій прусскаго короля было введеніе правильныхъ инспекцій военныхъ контингентовъ союзныхъ государствъ и возведеніе крѣпостныхъ укрѣпленій вокругъ Ульма и Раштадта, которыя предназначались въ качествѣ базы для сосредоточенія и передвиженія союзной арміи въ будущемъ.

Былъ упущенъ весьма удобный моментъ, во время котораго можно было воспользоваться прусскими военными силами для основанія прусской гегемоніи надъ Германскомъ союзомъ; для этого слѣдовало бы направить къ германскимъ границамъ внушительную армію, что Пруссія была въ состояніи исполнить быстрѣе, чѣмъ всякое другое германское государство; въ то же время поведеніе Пруссіи на Лондонской конференціи уже было далеко не смѣлымъ и не соотвѣтствовало ея положенію, какъ великой державы. Громкія слова, сказанныя королемъ 4 сентября 1842 года при закладкѣ фундамента Кельнскаго собора, никого не обманули, всѣ уже успѣли ознакомится съ его колеблющейся политикой. Фридрихъ Вильгельмъ IV былъ добрымъ нѣмцемъ въ родѣ тѣхъ бравыхъ бюргеровъ, которые въ то время любили собираться, распѣвать нѣмецкія пѣсни и восторгаться германскими добродѣтелями. Всѣ они занимались подогрѣваніемъ національныхъ чувствъ — какъ пѣвцы филистеры, такъ и краснорѣчивый король; что касается филистеровъ, то съ ихъ стороны это было вполнѣ похвально, и такое поведеніе вполнѣ соотвѣтствовало ихъ общественному положенію, но отъ прусскаго короля надо было ожидать чего-то большаго, именно дѣлъ, а не словъ, а между тѣмъ онъ ни разу не оправдалъ такихъ надеждъ: каждый разъ, когда наступалъ критическій моментъ и отъ него ожидали рѣшительнаго шага, обнаруживалась вновь его слабохарактерность, и народъ разочаровывался въ своемъ довѣріи къ королю.

6. Крушеніе Меттерниховской системы.

А. Консервативная политика въ Австріи.

Не мало выгадалъ Меттернихъ отъ неспособности прусскаго короля къ самостоятельной политикѣ. Престарѣлый австрійскій государственный канцлеръ все сильнѣе подчинялся своей безумной бредовой идеѣ и воображалъ, что Провидѣніе избрало его своимъ орудіемъ для подавленія революціи и для поддержанія священныхъ правъ европейскихъ монарховъ, не исключая и турецкаго султана; онъ возомнилъ себя изобрѣтателемъ политической системы, отъ процвѣтанія которой зависитъ участь цивилизаціи, нравственности и религіи. Въ лучшіе годы своей жизни онъ дѣйствительно совершилъ подвигъ, который останется на вѣки достопамятнымъ въ лѣтописяхъ германской исторіи, именно, онъ привлекъ Австрію на сторону союза, образовавшагося для борьбы противъ великаго Наполеона, и отдалилъ императора Франца отъ его зятя, который все еще обладалъ большимъ могуществомъ и былъ бы почти непобѣдимъ, если бы остался въ союзѣ съ австрійскимъ императоромъ. Однако даже въ ту пору дѣйствія Меттерниха свидѣтельствовали о его твердой волѣ, правильной оцѣнкѣ характера и способностей дѣйствующихъ лицъ и силъ, пускаемыхъ въ ходъ, но въ нихъ вовсе незамѣтно было опредѣленной послѣдовательной системы; на старости онъ впалъ въ преувеличенное тщеславіе и самомнѣніе и сталъ слѣпымъ поклонникомъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ онъ будто бы основывался во всѣхъ своихъ политическихъ предпріятіяхъ и въ руководствѣ дѣлами Европы, которое онъ присваивалъ себѣ еще цѣлыхъ 10 лѣтъ спустя послѣ Вѣнскаго конгресса. Его увѣрен-

ность въ своей системѣ, которая въ дѣйствительности была роковымъ несчастьемъ для Австріи, еще болѣе укрѣпилась благодаря тому обстоятельству, что русскій императоръ Александръ I, въ теченіе долгаго времени бывшій его противникомъ, предъ самой своей смертью сталъ поклонникомъ этой системы и призналъ ее основой Священнаго Союза. Меттернихъ запутался въ оцѣнкѣ того, что было создано имъ самимъ. Благодаря своему ясному пониманію существующаго политическаго положенія и великихъ интересовъ Европы, онъ поставилъ Австрію лѣтомъ 1813 г. въ такое положеніе, въ какомъ она не бывала уже нѣсколько сотъ лѣтъ; отъ рѣшенія Австріи зависѣла участь Европы, и благодаря этому она пріобрѣла значеніе самой могущественной европейской державы. Это могущество Австріи было дѣломъ рукъ Меттерниха; пока оно оставалось въ силѣ, сохранялся также въ неприкосновенности и престижъ власти императора. Однако территоріальныя пріобрѣтенія, которыхъ Австрія добилась по почину Меттерниха, были вредны для нея и безусловно ослабили ея внутреннія силы. Ломбардо-Венеціанское королевство (стр. 124) не усилило Австріи: управленіе этой новой областью поглощало много денегъ и военныхъ силъ, солдаты, набранные изъ мало воинственнаго населенія итальянскихъ владѣній Австріи, были ненадежны. Пріобрѣтеніе этой новой территоріи повлекло за собой вмѣшательство Австріи въ дѣла Италіи (стр. 147), которое служило постояннымъ источникомъ недоразумѣній и вело къ безполезной тратѣ денежныхъ средствъ. Ради этой области Австрія пожертвовала цѣнными южно-германскими владѣніями, которыя уже были въ ея рукахъ, и отказалась отъ другихъ предстоявшихъ ей полезныхъ пріобрѣтеній. Во внутреннихъ дѣлахъ господствовала, несмотря на всевластную правительственную опеку, такая распущенность, такая крайняя нераспорядительность на всѣхъ ступеняхъ государственнаго управленія, что все государство было осуждено на бездѣйствіе несмотря на свои громадныя природныя богатства.

Смерть императора Франца I, послѣдовавшая 1 марта 1835 года, не только не привела ни къ какимъ улучшеніямъ, но, напротивъ того, положеніе дѣлъ еще ухудшилось существеннымъ образомъ. Эрцгерцогамъ Карлу и Іоанну не удалось устранить господства Меттерниха. Ихъ по прежнему отстраняли отъ всякаго вліянія на государственныя дѣла; болѣзненный и слабохарактерный преемникъ Франца I Фердинандъ I находился фактически подъ опекой; стремленіе графа Франца Антона Коловратъ-Либштейнскаго вновь призвать къ жизни государственный совѣтъ были парализованы Меттернихомъ, который опасался за свою власть. Императоръ Николай не скрылъ во время своего пребыванія въ Теплицѣ и Вѣнѣ своего мнѣнія о томъ, что Австрія не представляетъ болѣе никакихъ гарантій успѣшности своей политики, что она не въ состояніи удержать на практикѣ своей „системы"; но Меттерниха нельзя было никакъ убѣдить въ томъ, что онъ является причиной слабости своего отечества, и онъ по прежнему продолжалъ держать подъ спудомъ всѣ способныя къ развитію силы Австріи. Эрцгерцогъ Людвигъ, младшій изъ дядей императора и членъ государственной конференціи, былъ противникомъ всякихъ нововведеній и возвелъ въ основной принципъ государственнаго управленія самую узкую систему, заключавшуюся въ ревнивомъ охраненіи всѣхъ особенностей существующаго строя.

Однако даже въ Австріи на этомъ нельзя было успокоиться. Вслѣдствіе своей внутренней слабости правительство больше не было въ состояніи пустить въ ходъ ту силу, въ прочности которой справедливо сомнѣвался русскій императоръ. Постоянный дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ, доходившій ежегодно до 30 миллион. гульденовъ, заставлялъ австрійское правительство обращаться къ сословнымъ представителямъ для изысканія новыхъ источниковъ доходовъ, причемъ чаще всего созывался

Венгерскій сеймъ, въ которомъ пробудилась таившаяся національная жизнь и который сталъ искать самопомощи въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство опускало руки въ безсиліи. Графъ Стефанъ Шеченьи (стр. 124) далъ толчекъ къ развитію наукъ, искусствъ и практическихъ знаній на своей родинѣ; Людвигъ Кошутъ, Францъ Пульскій и Францъ Деакъ выступили съ проектами конституціонныхъ реформъ. Вышло въ свѣтъ множество сочиненій политическаго характера, напечатанныхъ за границей, преимущественно германскими издателями, въ которыхъ были подвергнуты безпощадной критикѣ недостатки государственнаго управленія Венгріей и австрійскими коронными владѣніями; въ этихъ сочиненіяхъ обращалось вниманіе Европы на шаткость положенія Австрійской имперіи, заставляющую ожидать упадка государства или бурнаго возстанія населенія противъ правительства. Въ то же время продолжалъ непрерывно падать престижъ Австріи въ глазахъ другихъ великихъ державъ, и безъ того расшатанный Адріанопольскимъ миромъ; Меттерниху пришлось остаться пассивнымъ зрителемъ того, какъ совершаются событія и создаются положенія, противорѣчащія основнымъ принципамъ консервативной политики великихъ державъ, выработаннымъ конгрессами въ Вѣнѣ, Карлсбадѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ.

Б. Борьба партій въ Испаніи и Португаліи.

а) Португалія въ періодъ времени между 1830 и 1833 годами.

Португальскій „король“ домъ Мигуэль также палъ жертвой іюльской революціи и побѣды либеральной партіи въ Англіи въ царствованіе Вильгельма IV, преемника своего брата Георга IV (скonч. 26 іюня 1830 г.). Консервативная дипломатія возложила было на этого португальскаго короля задачу уничтоженія конституціонныхъ порядковъ, введенныхъ его братомъ домъ Педро Бразильскимъ (стр. 153). Онъ ухватился за нее съ радостью и подавлялъ съ безпощадной жестокостью всѣ поднимавшіяся противъ него возстанія, заточилъ въ тюрьмы и изгналъ цѣлыя тысячи либераловъ, а другія тысячи отправилъ на эшафотъ. Возгордившись своими успѣхами и полагаясь на благорасположеніе къ нему австрійскаго двора, онъ сталъ вести себя такъ надменно, что его злоупотребленія заставили Англію и Францію выступить противъ него съ оружіемъ въ рукахъ и оказать поддержку домъ Педро, отказавшемуся отъ бразильскаго престола въ пользу своего шестилѣтняго сына домъ Педро II и опять предъявившему свои права на португальскій престолъ. Домъ Педро остался вѣрнымъ конституціоннымъ принципамъ, которые онъ признавалъ какъ по эту, такъ и по ту сторону океана, и не только всѣ либеральные португальцы сгруппировались вокругъ него, но на защиту его правъ стали даже стекаться къ нему люди изъ всѣхъ странъ Европы, такъ какъ кровавая тираннія Мигуэля вызвала всеобщее негодованіе. Съ помощью англійскаго моряка Чарльза Нэпира, который уничтожилъ португальскій флотъ 5 іюля 1833 года около мыса Св. Винцента, домъ Педро, наконецъ, одержалъ побѣду надъ Мигуэлемъ, котораго не спасли поспѣшившіе къ нему на помощь французскіе легитимисты вмѣстѣ съ его испанскимъ единомышленникомъ и союзникомъ донъ Карлосомъ.

б) Испанія между 1833 и 1843 годами.

Борьба между либерализмомъ и правительственнымъ деспотизмомъ, поддерживаемымъ развращеннымъ духовенствомъ и восточно-европейскими державами, возгорѣлась также и въ Испаніи послѣ смерти короля Фердинанда VII (скonч. 29 сентября 1833 года); поводомъ къ ней послужилъ споръ о правахъ различныхъ кандидатовъ на испанскій престолъ, возник-

ній вслѣдствіе введенія новаго порядка престолонаслѣдія (ср. т IV, стр. 559). Вопреки закону 1713 года, которымъ было утверждено наслѣдованіе престола исключительно по мужской линіи, прагматической санкціей 29 марта 1830 года право на испанскій престолъ было признано за Изабеллой и Луизой, дочерьми Фердинанда VII отъ его брака съ неаполитанской принцессой Маріей Христиной. Донъ Карлосъ не призналъ ихъ правъ и выступилъ самъ претендентомъ на испанскій престолъ послѣ смерти своего брата. Послѣ пораженія домъ Мигуэля этотъ послѣдній бѣжалъ изъ Португаліи, а донъ Карлосъ, напротивъ того, явился лично въ Испанію во главѣ своихъ приверженцевъ, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ басковъ, отстаивавшихъ свои старинныя вольности (фуэросы), и изъ уроженцевъ Каталоніи и Старой Кастиліи, гдѣ господствовало вліяніе духовенства. Либералы стали на сторону регентши Маріи Христины, а министръ Мартинецъ де ла Роза выступилъ въ роли искуснаго и счастливаго представителя либеральныхъ идей. Однако испанское правительство обладало ничтожными средствами для вооруженной борьбы, флотъ и армія были организованы весьма неудовлетворительно; вслѣдствіе этого правительство никакъ не было въ силахъ противодѣйствовать возстанію. Карлисты подъ предводительствомъ Томаса Цумала-Карреги одерживали одну побѣду за другой, и они, вѣроятно, завладѣли бы столицей, если бы этому не помѣшала смерть названнаго баскскаго генерала, скончавшагося отъ раны, полученной имъ около города Бильбао.

Тѣмъ не менѣе „христиносы“ еще не могли считать себя побѣдителями, такъ какъ отъ либераловъ отдѣлились радикалы, требовавшіе возстановленія конституціи 1812 года. Послѣ революціи въ Лагранхѣ радикалы подчинили своему вліянію регентшу; они заставили ее согласиться на назначеніе радикальнаго министерства Калатравы и признать демократическую конституцію 1837 года. Ихъ господство было уничтожено генераломъ донъ Бальдомеро Эспартеро, который командовалъ войсками королевы въ баскскихъ провинціяхъ и принудилъ къ капитуляціи при Вергарѣ (29 августа 1839 г.) баскскаго генерала Марото послѣ цѣлаго ряда удачныхъ военныхъ дѣйствій. Партія донъ Карлоса лишилась значительной части своихъ приверженцевъ и была сильно озлоблена, главнымъ образомъ, вслѣдствіе безпечности и мелочности претендента, постоянныхъ раздоровъ между его близкими совѣтниками и чванства ихъ; они были истиннымъ воплощеніемъ глупости всѣхъ европейскихъ легитимистовъ. 15 сентября 1839 г. донъ Карлосъ вынужденъ былъ покинуть Испанію, но генералъ Кабрера еще продолжалъ бороться за его права; однако въ іюлѣ 1840 г. этотъ послѣдній тоже отступилъ на французскую территорію.

Королева регентша, которая окончательно дискредитировала себя въ глазахъ всего общества своими близкими отношеніями съ какимъ-то лейбъ-гвардейцемъ, вынуждена была отречься отъ престола 12 октября. Послѣ этого кортесы избрали регентомъ Эспартеро, которому былъ данъ титулъ герцога де ла Витторіа. Хотя до тѣхъ поръ онъ самъ принадлежалъ къ прогрессистамъ крайняго направленія, „exaltados“, тѣмъ не менѣе эта партія не оказала достаточной поддержки его правительству. Напротивъ того, въ іюлѣ 1843 г. крайніе прогрессисты соединились съ умѣренными либералами, „moderados“, для низверженія его; вслѣдъ за этимъ тринадцатилѣтняя королева Изабелла была объявлена совершеннолѣтней 8 ноября 1843 г., а 10 ноября она вступила на престолъ. Въ министерство донъ Рамона Марія Нарваэца, герцога Валенсійскаго, конституція 1837 г. была измѣнена въ духѣ умѣренной партіи, и такимъ образомъ въ Испаніи былъ упроченъ конституціонный образъ правленія. Несмотря на частые перерывы въ его государственной дѣятельности, Нарваэцу удалось поддержать въ Испаніи порядокъ и общественное спокойствіе даже въ продолженіе такой бурной революціонной эпохи, какъ 1848—49 годы (ср. т. IV, стр. 560).

В. Движеніе въ пользу національнаго объединенія въ Италіи.

Подобно тому, какъ моральная поддержка великихъ державъ и вступленіе въ Испанію французскихъ войскъ подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго не могли уничтожить въ Испаніи деспотизма Бурбоновъ и католическаго духовенства, такимъ же самымъ образомъ побѣды, одержанныя австрійцами въ 1821 г. (стр. 147), тоже оказали мимолетное вліяніе на итальянцевъ; въ это время итальянскій народъ впервые сталъ сознавать, какимъ позоромъ ложится на немъ иноземное господство. Подъ властью Бонапарта и его замѣстителей гнетъ этотъ чувствовался далеко не такъ сильно, какъ подъ властью австрійцевъ. Правительства Мюрата и Эжена старались придать себѣ видъ защитниковъ національно-итальянскихъ стремленій; ихъ войска набирались тутъ же на мѣстѣ; это были итальянскіе полки подъ командой французскихъ офицеровъ или же итальянскихъ начальниковъ, которые побывали раньше на французской службѣ. Французы быстро приспособлялись къ итальянскимъ обычаямъ и особенностямъ; въ этомъ сказывалась общая расовая близость между собой романскихъ народовъ. Напротивъ того, съ нѣмцами, чехами, мадьярами и хорватами, на которыхъ опиралось австрійское господство въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, итальянцы не поддерживали никакихъ другихъ сношеній, кромѣ чисто-служебныхъ; между ними не развилось никакого чувства взаимнаго уваженія, и не удавалось достигнуть никакого сближенія между обычаями тѣхъ и другихъ. За исключеніемъ немногихъ образованныхъ австрійскихъ офицеровъ и отдѣльныхъ болѣе сообразительныхъ нижнихъ чиновъ, по преимуществу изъ состава славянскихъ полковъ, которые считали для себя наиболѣе выгоднымъ жить въ добромъ согласіи съ окружавшимъ ихъ итальянскимъ населеніемъ, австрійскіе военные вели себя высокомѣрно и подчасъ грубо и далеко не пользовались расположеніемъ мѣстнаго населенія. Уже изъ-за одного того обстоятельства, что австрійскій мундиръ былъ чѣмъ-то совершенно непривычнымъ для итальянцевъ, эти вооруженные чужеземцы бросались всѣмъ въ глаза; крайне непріятное впечатлѣніе производили также на итальянцевъ звуки иностранныхъ языковъ, которые не переставали оскорблять ихъ тонкаго, привыкшаго къ благозвучію слуха.

Нельзя было открыть ни малѣйшихъ слѣдовъ обмѣна произведеніями культуры или сколько нибудь замѣтныхъ торговыхъ сношеній между итальянскими провинціями и австрійскими коронными владѣніями; вновь пріобрѣтенная территорія не брала отъ своихъ господъ ничего, кромѣ денегъ. Потребленіе итальянцевъ ограничивалось предметами, производимыми ихъ національной территоріей; день въ день можно было убѣдиться, что между Италіей и Австріей не существуетъ ничего общаго и что Италія не можетъ сблизиться съ духовными и экономическими интересами господствующаго государства. Постоянное чувство негодованія противъ иноземнаго господства поддерживало и укрѣпляло національныя чувства, которыми прониклись всѣ классы итальянскаго населенія и которыя управляли духовной жизнью и всей литературой Италіи. Для поэта Витторіо Альфьери, современника Наполеона, источникомъ возмущенія противъ французскаго господства служило неудержимое стремленіе къ свободѣ (срв. стр. 49); его преемники Уго Фосколо, Сильвіо Пеллико, Джіакомо Леопарди воодушевлялись чисто національными идеями. Ихъ произведенія были страстнымъ выраженіемъ инстинктивнаго стремленія итальянскаго народа къ независимости, къ равенству съ другими свободными народами; они проникнуты чувствомъ глубокаго стыда, которымъ была преисполнена угнетаемая нація, одаренная блестящими способностями, но не имѣющая силы вырваться на свободу, несмотря на весь позоръ своего положенія. Всѣ образованные итальянцы раздѣляли чувства этихъ писателей, оплакивали

вмѣстѣ съ ними участь своего отечества и питали самое глубокую симпатію къ несчастнымъ жертвамъ австрійской политики, заговорщикамъ, томившимся въ австрійскихъ казематахъ. Не слѣдуетъ умалять и того значенія, которое имѣло въ національномъ движеніи пропаганда священниковъ, которые были усердными поклонниками національной идеи и увѣряли народъ, что католическая церковь не только окажетъ этому движенію свою поддержку, но будетъ даже дѣятельнымъ сотрудникомъ поборниковъ національнаго возрожденія; Винченцо Джіоберти первый сталъ проповѣдывать, что осуществленіе единства итальянскаго народа есть призваніе папы.

Преемникъ Григорія XVI, скончавшагося 1 іюня 1846 года, Мастаи Ферретти, епископъ Имольскій, вступившій на папскій престолъ подъ именемъ Пія IX, былъ сторонникомъ итальянскихъ національныхъ стремленій. Если бы итальянцы не знали его раньше, какъ искренняго патріота, то для нихъ политическое направленіе новаго папы стало бы ясно изъ изданнаго короткое время спустя, 17 іюля 1846 года, закона объ амнистіи, которымъ было дозволено возвратиться въ Церковную Область четыремъ тысячамъ политическихъ эмигрантовъ. Создавшееся такимъ образомъ положеніе вещей было такъ позорно для представителей консервативной политики, въ особенности для австрійскаго правительства, какъ хуже быть не могло: Австрія надѣлила католическую церковь громадными привилегіями въ ущербъ государственной власти въ той надеждѣ, что католическое духовенство окажетъ правительству дѣятельное содѣйствіе для подавленія либеральныхъ стремленій, и, не смотря на это, папская область вступила въ открытую вражду съ этой державой. Вѣнскій кабинетъ былъ вынужденъ отправить въ Италію новыя подкрѣпленія противъ гражданской милиціи, которую Пій IX учредилъ во всѣхъ городахъ своей области, не исключая и Феррары, занятой австрійскими войсками.

Послѣ того, какъ намѣстникъ Христа принялъ участіе въ возмущеніи противъ „законныхъ" властей, не приходится удивляться колеблющейся политикѣ короля сардинскаго Карла Альберта; этотъ кающійся грѣшникъ когда-то былъ въ союзѣ съ карбонаріями, а послѣ печальныхъ событій 1821 года (стр. 147) усумнился въ пользѣ либеральныхъ идей, теперь онъ опять отрекся отъ своей притворной приверженности къ Австріи, съ которой онъ поддерживалъ самыя любезныя отношенія со времени своего вступленія на престолъ въ 1831 году. Резиденція Карла Альберта, городъ Туринъ, тоже сталъ очагомъ революціонной пропаганды. Тамъ всѣ были увѣрены, что Сардинское королевство съ его прочной военной организаціей пріобрѣтетъ значеніе болѣе сильнаго ядра для объединенія итальянскаго народа, рѣшившагося вступить въ открытую борьбу за свою свободу, чѣмъ дезорганизованная Церковная область. Издатель газеты „Il Risorgimento" (Возрожденіе), графъ Камилло Бензо ди Кавуръ (род. 10 августа 1810 года), настаивалъ на томъ, что военное руководство возстаніемъ должно быть довѣрено Карлу Альберту и его арміи. Туринскій дворъ привлекъ на свою сторону миланскую аристократію, а Джузеппе Мадзини, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и поэтому наиболѣе страшныхъ для реакціонеровъ руководителей демократической партіи во всей Европѣ (срав. ниже, стр. 218), увлекъ за собой молодежь, преданную національной идеѣ, и многочисленныя тайныя общества, которыя вновь распространились по всей Италіи послѣ іюльской революціи.

Австріи приходилось быть наготовѣ; ей предстояло отстаивать свои итальянскія владѣнія съ оружіемъ въ рукахъ. При австрійскомъ намѣстникѣ герцогѣ Райнерѣ австрійская администрація въ итальянскихъ областяхъ потеряла всю свою силу и все свое вліяніе; зато фельдмаршалъ графъ Іоаннъ Іосифъ Радецкій фонъ Радецъ, командовавшій австрійскими военными силами въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ съ 1831 года, былъ однимъ изъ лучшихъ стратеговъ Европы, обладалъ выдающимся талантомъ

организатора и вполнѣ оправдывалъ то глубокое довѣріе, которое питали къ нему при дворѣ и въ арміи. Приближался тотъ моментъ, когда этотъ престарѣлый восьмидесятилѣтній генералъ, родившійся 4 ноября 1760 года, принадлежавшій къ числу составителей плана кампаніи союзниковъ въ 1813 году, долженъ былъ стать опорой Австрійскаго государства, краеугольнымъ камнемъ всего обуреваемаго зданія монархіи Габсбурговъ.

Г. Паденіе господства іезуитовъ въ Швейцаріи.

Не малая опасность для прогресса европейскихъ народовъ на пути къ самоопредѣленію возникла отъ того, что во многихъ кантонахъ Швейцарскаго Союза іезуиты пріобрѣли значительное вліяніе на государственныя дѣла. Конституція 1815 года предоставляла членамъ союза такую значительную самостоятельность, что кантональныя правительства могли держаться совершенно противоположныхъ между собой направленій. Совмѣщеніе конфессіональныхъ учрежденій съ широкими политическими задачами, входившее въ программу іезуитовъ, препятствовало мирнымъ отношеніямъ между католическими и реформатскими общинами; хотя конституція устраняла поводъ къ раздорамъ между ними, но тѣмъ не менѣе миръ существовалъ только до тѣхъ поръ, пока та или другая сторона не дѣлала попытки наложить руку на чужую область.

Послѣ того, какъ попытка къ проведенію реформы союзной конституціи и къ объединенію законодательства въ области суда и народнаго образованія потерпѣла неудачу въ 1833 году, политическое движеніе распространилось на тѣ кантоны, въ которыхъ боролись между собой за господство и домогались большинства голосовъ партіи всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная отъ консервативно-ультрамонтанской и кончая радикально-революціонной. Въ то время, какъ въ Ааргау было подавлено возстаніе, поднятое крестьянами по наущенію монаховъ противъ либеральнаго правительства и церковныя имущества были распроданы (въ 1841 г.), въ Цюрихѣ господствовала консервативная партія, которая не допустила приглашенія Давида Фридриха Штраусса въ Цюрихскій университетъ; въ Люцернѣ ультрамонтаны воспользовались безъ стѣсненія своимъ преобладающимъ положеніемъ, призвали іезуитовъ, которые уже успѣли утвердиться въ Фрейбургѣ, Швицѣ и Валлисѣ, и передали въ ихъ руки завѣдываніе народнымъ образованіемъ (24 октября 1844 года). Демократы пытались два раза низвергнуть правительство (8 декабря 1844 года и 30 марта 1845 года), но потерпѣли неудачу: цѣлыя тысячи политическихъ эмигрантовъ, бѣжавшихъ въ сосѣдніе кантоны, усилили въ нихъ политическое броженіе и возбуждали въ народѣ ненависть къ ультрамонтанамъ, энергичнымъ руководителемъ которыхъ былъ крестьянинъ Петръ Леу.

Убійство Леу еще сильнѣе обострило борьбу между партіями и кантонами, и наконецъ кантоны Люцернъ, Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Цугъ, Фрейбургъ и Валлисъ выдѣлились въ отдѣльный союзъ, государственными дѣлами котораго управляли іезуиты. Консервативная дипломатія возлагала на этотъ союзъ большія надежды. Если бы удалось упрочить этотъ союзъ, онъ могъ оказаться, какъ надѣялись, сильнымъ противовѣсомъ противъ либеральныхъ кантоновъ, въ которыхъ находили себѣ убѣжище смутьяны, преслѣдуемые полиціей континентальныхъ великихъ державъ. 20 іюля 1847 г. союзное собраніе, въ которомъ большинство голосовъ принадлежало либеральнымъ кантонамъ, рѣшило уничтожить католическій союзъ, и 3 сентября оно сдѣлало постановленіе объ изгнаніи іезуитовъ изъ недавно присоединенной къ Швейцаріи части союза. По иниціативѣ Меттерниха, великія державы предложили созвать конгрессъ для разрѣшенія Швейцарскаго вопроса. Однако союзное собраніе отнеслось къ иностранному вмѣшательству съ основательнымъ недовѣріемъ, отклонило предложеніе державъ и

рѣшило 4 ноября прибѣгнуть къ вооруженной силѣ противъ непокорныхъ кантоновъ. Благодаря энергіи генерала Вильгельма Генриха Дюфура, знаменитаго картографа, подъ руководствомъ котораго союзное военное училище въ Тунѣ пріобрѣло всеобщее уваженіе, и громадному численному превосходству войскъ союза, достигшихъ цифры 30000 человѣкъ, война съ „отдѣльнымъ союзомъ“ кончилась быстро и безъ кровопролитія; католическіе кантоны сложили оружіе, а посланные къ нимъ на помощь австрійскіе чиновники мало помогли имъ.

Послѣ этого была принята всѣми кантонами новая союзная конституція 12 сентября 1848 года. Полномочія центральнаго правительства были расширены, въ его руки была отдана внѣшняя политика, право войны и мира, заключеніе договоровъ, монетное, почтовое и таможенное вѣдомство и утвержденіе кантональныхъ конституцій. Преобладавшая въ учредительномъ собраніи радикально-либеральная партія усвоила себѣ и примѣнила съ пользой на практикѣ взгляды профессора правъ доктора Іоанна Каспара Блюнчли на сущность союзнаго государства, хотя самъ Блюнчли, державшійся консервативно-либеральнаго направленія, вынужденъ былъ отказаться отъ участія въ общественной жизни своей родины изъ-за войны съ католическимъ союзомъ, противъ которой онъ возставалъ, и перенесъ свою педагогическую дѣятельность въ Германію (въ Мюнхенъ и Гейдельбергъ). Его взгляды по вопросамъ государственнаго права отразились отчасти на тѣхъ принципахъ, на которыхъ былъ основанъ государственно-правовой характеръ конституціи Сѣверогерманскаго союза и новой Германской имперіи.

Швейцарскій союзъ былъ практическимъ образцомъ совмѣщенія спеціальныхъ правъ отдѣльныхъ правительствъ и различныхъ режимовъ съ ограниченнымъ въ своей сферѣ общимъ законодательствомъ и полнымъ объединеніемъ по вопросамъ внѣшней политики, которая находится въ вѣдѣніи правительства, дѣйствующаго вполнѣ независимо и безъ предварительныхъ запросовъ у отдѣльныхъ членовъ союза; это союзное правительство служитъ представителемъ всего союза и распоряжается всѣми его военными силами.

Д. Романтизмъ и конституціонализмъ въ Пруссіи.

Ни Меттернихъ, ни прусскій король не рѣшились выступить на помощь своимъ швейцарскимъ единомышленникамъ съ оружіемъ въ рукахъ, несмотря на то, что у Пруссіи имѣлся къ тому спеціальный поводъ: прусскій король считался сувереномъ княжества Нейенбургъ, которое было захвачено швейцарской либеральной партіей во время войны съ католическимъ союзомъ и присоединено къ швейцарскому союзу въ качествѣ самостоятельнаго кантона. Фридрихъ Вильгельмъ IV упустилъ удобный моментъ, когда онъ могъ выступить на защиту своихъ безспорныхъ правъ и занять свое княжество посредствомъ достаточнаго числа прусскихъ войскъ, тѣмъ болѣе, что среди вліятельныхъ семействъ и вообще зажиточныхъ круговъ швейцарскаго населенія было много вѣрныхъ и преданныхъ приверженцевъ прусскаго короля.

Колеблющійся образъ дѣйствій этого послѣдняго относительно Нейенбургскаго княжества обусловливался тѣмъ удрученнымъ состояніемъ духа, въ которое онъ впалъ послѣ того, какъ сословные представители отвергли его проектъ прусской конституціи и стали требовать отъ него открытаго признанія конституціонныхъ принциповъ и народныхъ правъ.

Рѣдко гдѣ приготовленія къ общегосударственной конституціи дѣлались съ такой основательностью и тянулись такъ долго, какъ въ Пруссіи. Со дня своего вступленія на престолъ король не переставалъ заниматься этимъ вопросомъ: онъ обращался за совѣтомъ по этому поводу ко всѣмъ

тѣмъ людямъ, къ которымъ онъ питалъ довѣріе,—а съ 1841 г. засѣдали почти непрерывно комиссіи, занимавшіяся разработкой этого вопроса. Проекты, предлагавшіеся королю, задавались цѣлью благоразумнаго примѣненія на практикѣ консервативныхъ взглядовъ; они принимали за исходный пунктъ сословныя учрежденія и старались сохранить всѣ жизнеспособные элементы ихъ; однако имѣлось въ виду расширить сословное представительство и кругъ его дѣйствій и привлечь къ участію въ немъ классъ бюргеровъ; всѣ проекты подобнаго рода не удовлетворяли Фридриха Вильгельма. Проектъ, выработанный графомъ Адольфомъ Генрихомъ фонъ Арнимъ-Бойценбургомъ, который былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1842 г., былъ отвергнутъ королемъ изъ за того, что имъ узаконялись правильныя періодическія сессіи сословныхъ чиновъ. Король не хотѣлъ допустить, чтобы за подданными были признаны какія бы то ни было права, противорѣчащія величію государевой власти; поэтому онъ возставалъ противъ всякой конституціи, узаконяющей подобныя права. По мнѣнію Фридриха Вильгельма IV монархъ исполняетъ свой долгъ согласно своему *божественному призванію*, онъ можетъ изъ милости созывать отъ времени до времени представителей сословныхъ корпорацій и предлагать имъ высказать свое мнѣніе по общественнымъ дѣламъ, но довѣріе народа къ мудрости и добросовѣстности короля дѣлаетъ излишнимъ какое бы то ни было предварительное соглашеніе объ ихъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ. „Никакой силѣ на землѣ“, такъ заявилъ онъ въ своей тронной рѣчи, произнесенной 11 апрѣля 1847 г., „не удастся убѣдить меня превратить естественныя отношенія, существующія между монархомъ и народомъ и отличающіяся въ Пруссіи такой глубокой внутренней искренностью и силой, въ условныя конституціонныя; никогда я не допущу, чтобы какой-то кусокъ исписанной бумаги сталъ между Господомъ Богомъ на небѣ и моимъ земнымъ царствомъ и присвоилъ себѣ какъ бы роль второго Провидѣнія; я не могу допустить, чтобы параграфы этой бумаги замѣняли собою слова короля и исконную священную вѣру народа въ своего монарха“.

Всѣ эти рѣчи короля, — это была пѣнка, снятая съ варева, изготовленнаго изъ смѣси теоріи *христіанскаго государства* и теоріи „средневѣковой іерархическо-феодальной монархіи“, изобрѣтенной швейцарцемъ Людвигомъ фонъ Галлеромъ (стр. 113) и его послѣдователями Адамомъ Мюллеромъ, галльскимъ профессоромъ Генрихомъ Леа и Фридрихомъ Юліусомъ Шталемъ, перешедшимъ въ лютеранскую вѣру евреемъ, котораго Фридрихъ Вильгельмъ IV вызвалъ въ Берлинъ изъ Эрлангена въ 1842 г. Завѣдомо злоупотребляя авторитетомъ исторіи, эти господа выдавали свои фантастическія выдумки за дѣйствительные факты изъ эпохи господства феодальнаго строя и ссылались на примѣръ мнимыхъ государственныхъ конституцій прошлыхъ вѣковъ, которыхъ въ дѣйствительности никогда не существовало. Цѣлью стремленій этихъ господъ было, какъ открыто высказался Шталь, подчиненіе разума откровенію, возстановленіе древней іудейской теократіи въ современной государственной жизни. Фридрихъ Вильгельмъ далъ себя убѣдить, что таково исконное германское міровоззрѣніе, что онъ дѣйствуетъ въ духѣ національнаго возрожденія и что его долгъ заключается въ практическомъ примѣненіи этого міровоззрѣнія къ государственнымъ дѣламъ своей страны; онъ глубоко заблуждался и считалъ источникомъ національной силы преклоненіе предъ туманными призраками отдаленнаго прошлаго, хотя въ дѣйствительности эта сила измѣряется въ каждый данный моментъ способностью народа къ выполненію новыхъ историческихъ задачъ, не совпадающихъ съ примѣрами прошлаго и съ традиціей.

Братъ Фридриха Вильгельма IV, принцъ Вильгельмъ прусскій, который считался вѣроятнымъ наслѣдникомъ престола послѣ смерти бездѣтнаго Фридриха Вильгельма, ясно сознавалъ всю нелѣпость этихъ полити-

ческихъ фантазій. Онъ не былъ сторонникомъ конституціи, такъ какъ опасался, что конституціонный строй повлечетъ за собой ослабленіе прусскаго королевства и паденіе его престижа за границей; это свое предположеніе онъ основывалъ на томъ, что народные представители будутъ стремиться къ сокращенію расходовъ на армію; но вмѣстѣ съ тѣмъ принцъ Вильгельмъ сознавалъ, что разъ только окажется необходимымъ сдѣлать роковой шагъ и приступить къ политической реформѣ, то королю необходимо будетъ дѣйствительно успокоить общественное мнѣніе и гарантировать правильное функціонированіе конституціонныхъ учрежденій. Вопреки принцу Вильгельму, который возставалъ самымъ рѣзкимъ образомъ въ государственномъ министерствѣ противъ новаго проекта, и безъ искренняго согласія кого бы то ни было изъ членовъ министерства, во главѣ котораго стоялъ Эрнстъ фонъ Бодельшвингъ, король созвалъ 3 февраля 1847 г. всѣ восемь провинціальныхъ сеймовъ королевства, въ видѣ одного соединеннаго сейма, который долженъ былъ засѣдать въ Берлинѣ. Въ королевскомъ патентѣ было объявлено, что такое собраніе будетъ созываться каждый разъ, „когда потребуется ради нуждъ государства прибѣгнуть къ новому займу, къ повышенію существующихъ или введенію новыхъ налоговъ", а также въ тѣхъ случаяхъ, когда король сочтетъ это полезнымъ для разъясненія особенно важныхъ государственныхъ вопросовъ. Во время войны король считалъ себя однако по прежнему въ правѣ вводить экстраординарные налоги по собственному своему усмотрѣнію, безъ согласія соединеннаго сейма. Совѣщанія этого сейма должны были происходить въ двухъ куріяхъ: первая изъ нихъ называлась „палатой господъ", въ составъ которой входили королевскіе принцы, бывшіе германскіе имперскіе чины, силезскіе князья и затѣмъ всѣ прочіе князья, графы и учредители провинціальныхъ сеймовъ; вторая курія называлась „собраніемъ депутатовъ рыцарскаго сословія, городовъ и сельскихъ общинъ". Только при обсужденіи законовъ о налогахъ окончательныя рѣшенія принимались въ общемъ собраніи обѣихъ курій; соединенный сеймъ имѣлъ право представлять королю петиціи и жалобы только въ томъ случаѣ, если за нихъ выскажется не менѣе двухъ третей членовъ каждой куріи.

Еще раньше, чѣмъ состоялось открытіе соединеннаго сейма, оказалось, что своимъ подаркомъ, новой конституціей, которую король считалъ великимъ изобрѣтеніемъ, онъ никого не обрадовалъ, ни членовъ бывшихъ сословныхъ сеймовъ, которые все еще считали свои старинныя права неотмѣненными, ни стоящихъ внѣ сословныхъ корпорацій бюргеровъ, которые добивались права участія въ законодательствѣ и управленіи государствомъ. Даже въ тронной рѣчи короля, этомъ скучноватомъ произведеніи ораторскаго искусства, звучали нѣкоторыя рѣзкія ноты. Когда же сеймъ рѣшился преподнести королю вмѣсто прочувствованнаго благодарственнаго слова адресъ, въ которомъ собраніе требуетъ признанія своихъ правъ вмѣсто обѣщанія новыхъ милостей, то король сильно разобидѣлся. Адресъ, редактированный Альфредомъ фонъ Ауэрсвальдомъ, былъ однако составленъ въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ и успокоилъ короля настолько, что онъ далъ обѣщаніе созвать вновь соединенный сеймъ въ теченіи ближайшихъ четырехъ лѣтъ; тѣмъ не менѣе изъ дальнѣйшаго хода преній обнаружилось, что какъ между представителями дворянства, такъ и между депутатами отъ городовъ, въ особенности прирейнскихъ, обладавшихъ развитой промышленностью, господствовало такое убѣжденіе, что сеймъ долженъ настаивать на дарованіи королемъ конституціонныхъ гарантій.

Къ вестфальцу барону Георгу фонъ Финке присоединились Германъ фонъ Бекератъ изъ Крефельда, Лудольфъ Кампгаузенъ изъ Кельна и Давидъ Ганземанъ изъ Ахена; всѣ они были промышленниками, предпринимателями-капиталистами и настаивали съ полнымъ основаніемъ на

важной роли бюргеровъ въ жизни государства. Указанныя лица стояли во главѣ большинства, которое отказалось дать свое согласіе на учрежденіе банка для выкупа барщинныхъ повинностей крестьянъ и на проектъ проведенія желѣзнодорожной линіи Берлинъ-Кенигсбергъ; этотъ отказъ былъ вызванъ заявленіемъ прусскихъ министровъ, которые не считали согласія сейма необходимымъ условіемъ для приведенія въ исполненіе рѣшенія короля, а признавали за сеймомъ только чисто совѣщательное значеніе. Затѣмъ правительство предложило сейму приступить къ выбору членовъ въ комиссіи для контроля государственныхъ долговъ; эти комиссіи оказались бы излишними, если бы ихъ права были переданы собирающемуся черезъ правильные промежутки времени сейму, но нѣкоторые изъ членовъ соединеннаго сейма отказались отъ такой точки зрѣнія, и либеральное большинство распалось: группа Финке-Ганземана отказалась отъ выборовъ въ комиссіи, въ то время какъ группа Кампгаузена-Бекерата согласилась участвовать въ нихъ, но сдѣлала оговорку о неприкосновенности правъ сейма; всѣ остальные члены собранія (284 человѣка, частью робкіе либералы, частью консерваторы) подавали свои голоса безъ всякихъ оговорокъ. Король остался недоволенъ такимъ результатомъ. Онъ видѣлъ вполнѣ ясно, что люди съ умомъ и твердымъ характеромъ отвернулись отъ него, а вполнѣ податливые не помогутъ ему провести такія государственныя реформы, которыя были бы совмѣстимы съ его представленіемъ о роли монарха.

Германской либеральной партіи пришлось убѣдиться, что прусскій король не согласится добровольно ввести конституціонный образъ правленія, потому что онъ не склоненъ признавать народныхъ правъ. Пруссія еще не была подготовлена къ тому, чтобы принять на себя руководящую роль въ общегерманскомъ народномъ движеніи, приближеніе котораго чувствовалось повсюду, и положить начало новой германской государственной системѣ, которая могла бы стать на мѣсто безплоднаго и всѣми презираемаго германскаго союза.

7. Февральская революція и ея послѣдствія.

А. Провозглашеніе второй республики во Франціи.

а) Паденіе Орлеанской династіи.

Королевская власть Луи Филиппа Орлеанскаго потеряла подъ собою почву вслѣдствіе своей двуличности. Нельзя осуждать французовъ за то, что они считали Орлеановъ замаскированными Бурбонами; этотъ отпрыскъ стариннаго французскаго королевскаго дома былъ не крѣпкимъ зеленымъ сукомъ, а водянистымъ росткомъ, страдавшимъ всѣми болѣзнями главнаго ствола, но не имѣвшимъ его внушительнаго вида. Принцы Орлеанскаго дома были всѣ разсчетливыми, старчески благоразумными людьми, неспособными ни къ какому свободному полету мысли, и къ нимъ никто не питалъ искренняго уваженія, несмотря на ихъ благовоспитанность и на ихъ громадныя претензіи; во Франціи ихъ не считали за настоящихъ принцевъ изъ-за того, что они слишкомъ походили на филистеровъ и были слишкомъ экономны, а при иностранныхъ дворахъ ихъ принимали съ изысканною придворною вѣжливостью, но безъ внутренняго уваженія.

„Король буржуа“ старался очень усердно сдѣлать свое правленіе популярнымъ. Съ большимъ рвеніемъ заботился онъ объ интересахъ Франціи и всѣми силами старался доказать свою признательность либеральной партіи, которая возвела его на престолъ; онъ не жалѣлъ также и крови своихъ солдатъ для защиты чести Франціи въ Алжирѣ (ср. стр. 160 и 172). Послѣ семнад-

пятилѣтней борьбы удалось, наконецъ, покорить эту страну, обладаніе которой французы считали существеннымъ расширеніемъ сферы могущества своего отечества. 22 декабря 1847 года храбрый шейхъ бедуиновъ Абдъ-эль-Кадеръ (т. IV, стр. 245) вынужденъ былъ сдаться въ плѣнъ генералу Кр. Л. Л. Жюшо де Ламорисьеру; Луи Филиппъ осудилъ благороднаго сына пустыни на заточеніе въ предѣлахъ Франціи, несмотря на то, что сынъ короля, Герцогъ Генрихъ Омальскій, бывшій алжирскимъ генералъ-губернаторомъ, далъ свое слово Абдъ-эль-Кадеру въ томъ, что ему будетъ предоставлено избрать себѣ мѣстожительство въ мусульманскихъ владѣніяхъ. Чтобы доказать свой патріотизмъ, король отправилъ даже своего сына Франсуа, герцога Жуанвильскаго, на войну съ Марокко и предоставилъ ему такое же положеніе во флотѣ, какое занималъ въ арміи герцогъ Омальскій. Онъ сносилъ терпѣливо грубыя выходки лорда Пальмерстона для того, чтобы не нарушить „сердечныхъ отношеній" (entente cordiale), существовавшихъ между двумя западными великими державами. Онъ отнесся вполнѣ хладнокровно къ пораженію французской дипломатіи въ вопросѣ о турецко-египетскомъ столкновеніи (стр. 202), пожертвовалъ пріобрѣтеннымъ съ такимъ трудомъ вліяніемъ Франціи на Магомета Али и удовольствовался взамѣнъ этой потери правомъ протектората надъ островами Таити и Маркизскими. Онъ женилъ своего сына Антона, герцога Монпансье, на инфантѣ испанской Луизѣ, сестрѣ испанской королевы, не безъ задней мысли о возстановленіи династическихъ узъ, связывавшихъ раньше Францію съ Испаніей.

Такимъ образомъ онъ возобновилъ политику Людовика XIV и въ то же время старался примирить бонапартистовъ съ своей королевской властью и упрочить свою популярность поддержаніемъ культа традицій Наполеоновской эпохи. Останки великаго императора были вывезены, съ согласія Англіи, съ острова св. Елены и похоронены съ великими почестями въ Соборѣ Инвалидовъ (15 декабря 1840 года). Племянникъ Наполеона I Луи Бонапартъ, который сражался въ рядахъ итальянцевъ и чуть не попалъ въ плѣнъ къ австрійцамъ при Анконѣ (срв. стр. 185), задумалъ было попытаться завладѣть наслѣдствомъ имперіи и два раза появлялся на французской территоріи (30 октября 1836 года въ Страссбургѣ и 6 августа 1840 г. въ Булони) въ надеждѣ на то, что почитатели его дяди возведутъ его на французскій престолъ; но его высмѣяли, а за свою дерзость онъ поплатился заключеніемъ въ крѣпости Гамъ. Онъ высидѣлъ тамъ до мая 1840 г. и писалъ отъ скуки о соціальномъ вопросѣ, о проектѣ канала черезъ Никарагуа, пока наконецъ его вѣрный спутникъ докторъ Конно, переодѣвшійся каменщикомъ подъ именемъ Баденгэ, не помогъ ему бѣжать въ Англію.

Въ общемъ правленіе Луи Филиппа было довольно счастливымъ; но французамъ оно показалось скучнымъ. Они принимали нѣкоторое участіе въ той семьѣ, которой они подарили французскую корону, интересовались иногда принцами, которые старались быть на виду вездѣ, гдѣ только можно было пощеголять какимъ-нибудь успѣхомъ; французы оплакивали очень искренно смерть старшаго изъ принцовъ, Луи, герцога Орлеанскаго, который скончался 13 іюля 1842 г. отъ ушибовъ, полученныхъ имъ при паденіи изъ кареты. Несмотря на это отношенія между династіей и народомъ оставались натянутыми. Въ парламентской жизни замѣчалось рѣзкое шатанье; министерства смѣнялись очень часто. Палатское большинство создавалось посредствомъ искусственныхъ пріемовъ, нерѣдко посредствомъ грязныхъ подкуповъ, происходили частые заговоры, правительство жестоко преслѣдовало виновныхъ и пользовалось покушеніями на жизнь короля, какъ поводомъ къ самымъ суровымъ мѣропріятіямъ противъ радикаловъ; но въ концѣ концовъ ни одна значительная общественная группа не связала своихъ интересовъ съ судьбой Орлеанской династіи.

Къ своему несчастью король пріобрѣлъ особенное довѣріе къ историку Франсуа Пьеру Гильому Гизо, автору „Исторіи англійской революціи“ и „Исторіи французской цивилизаціи“, который занималъ также высокіе государственные посты въ эпоху реставраціи. Вмѣстѣ съ герцогомъ А. Ш. Л. В. де Брольи Гизо принималъ участіе еще въ первомъ министерствѣ Луи Филиппа; послѣ этого онъ занималъ неоднократно постъ министра народнаго просвѣщенія, а во время столкновенія съ Англіей онъ былъ посланникомъ въ Лондонѣ. Оттуда онъ вернулся, не пожавши никакихъ лавровъ; затѣмъ послѣ паденія Тьера (въ октябрѣ 1840 г.) онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и фактическимъ руководителемъ внѣшней и внутренней политикой Франціи, поскольку эта политика не зависѣла отъ самого короля. Благодаря своему доктринерству (ср. стр. 162) онъ перешелъ мало по малу изъ либеральнаго лагеря въ консервативный; его прежніе единомышленники съ Тьеромъ во главѣ стали самыми ожесточенными его противниками. Какъ его угрюмый характеръ, весьма непріятный несмотря на его ученость и личную добропорядочность, такъ и его умственное высокомѣріе оттолкнули отъ него то общество, которое задавало тонъ въ литературной и политической жизни Парижа того времени.

Со времени іюльскаго переворота въ республиканской партіи произошло много перемѣнъ; она привлекала къ себѣ молодые таланты съ все-возрастающей силой. Этой своей стороной она была гораздо болѣе опасна для правительства, чѣмъ возстаніями и покушеніями, которыя затѣвались ея сторонниками въ періодъ времени между 1831 и 1838 годами. Эти революціонныя вспышки нерѣдко подвергали тяжелому испытанію способность арміи къ уличнымъ стычкамъ. Два раза (въ ноябрѣ 1831 года и въ іюлѣ 1834 года) правительству приходилось брать вооруженной силой городъ Ліонъ, а въ апрѣлѣ 1834 года воздвигнутыя въ Парижѣ баррикады были взяты штурмомъ только тогда, когда на помощь къ національной гвардіи пришли полки регулярной арміи подъ начальствомъ генерала Бюжо; не такъ трудно было правительству справиться съ возстаніемъ парижскихъ коммунистовъ въ маѣ 1839 года, во главѣ котораго стояли Арманъ Барбе и Луи Огюстъ Бланки, хотя ратуша и дворецъ правосудія были уже въ рукахъ революціонеровъ. Тѣмъ не менѣе эти событія побудили Луи Филиппа воздвигнуть вокругъ Парижа крѣпостныя сооруженія, которыя были предназначены для защиты отъ внутреннихъ враговъ, а не отъ внѣшнихъ. Покушенія на жизнь членовъ правительства теперь уже не были дѣломъ рукъ единичныхъ одичалыхъ фанатиковъ и кровожадныхъ безумцевъ, какъ раньше, напримѣръ 28 Іюля 1835 года, когда корсиканецъ Іосифъ Фьески убилъ адской машиной 18 человѣкъ, въ томъ числѣ маршала Мортье; революціонная пропаганда внесла эти покушенія въ свою программу,—она надѣялась, что частое повтореніе подобныхъ инцидентовъ наведетъ панику на правящій классъ и расчиститъ путь къ уничтоженію монархіи. Въ это время во Франціи распространились коммунистическія теоріи (срв. т. VII, стр. 426), которыя пріобрѣли громадную популярность тѣмъ болѣе, что въ Парижѣ сильно разрослась самая азартная биржевая спекуляція, благодаря которой громадныя богатства создавались въ одинъ мигъ и расточительность дошла до безумныхъ размѣровъ. Луи Бланъ, племянникъ корсиканскаго государственнаго дѣятеля Поццо ди Борго, сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи „Объ организаціи труда“ (L'organisation du travail) еще одинъ шагъ къ разрѣшенію вопроса о реформѣ общественной и экономической системы: онъ предлагалъ замѣнить индивидуалистическую организацію труда коллективистической въ видѣ національныхъ мастерскихъ (тамъ же, стр. 427). Ростъ коммунистическихъ группъ республиканской партіи заставилъ демократовъ всевозможныхъ оттѣнковъ создать свою отдѣльную организацію; они стали искать сближенія съ прогрессивной частью либеральной партіи, и это удалось имъ безъ труда, такъ какъ „династическая

оппозиція", во главѣ которой стоялъ Одильонъ Барро (срав. выше стр. 159) и въ пользу которой Тьеръ давалъ свои парламентскіе гастроли, когда онъ не бывалъ министромъ, всѣми силами старалась поколебать вѣру въ долговѣчность іюльской династіи. Послѣ смерти Этьена Гарнье Пажеса и Армана Карреля, которые были руководителями республиканской партіи въ теченіе перваго десятилѣтія существованія іюльской монархіи, во главѣ этой партіи во второй палатѣ сталъ Александръ Огюстъ Ледрю-Ролленъ, выдающійся юристъ и блестящій ораторъ, вскорѣ затмившій своей популярностью всѣхъ другихъ политическихъ дѣятелей, пользовавшихся извѣстностью въ Парижѣ. Онъ обладалъ значительными денежными средствами и поэтому былъ въ состояніи оказывать поддержку газетамъ своей партіи: его газета „La Reforme" съ большимъ гражданскимъ мужествомъ подготовляла постоянно публику къ паденію іюльской монархіи и къ введенію республики, какъ единственно возможнаго во Франціи образа правленія.

б) Волненія въ Парижѣ между 22 и 24 февраля.

Палата потеряла окончательно свой престижъ съ тѣхъ поръ, какъ большинство воспротивилось предложенію оппозиціи о томъ, чтобы депутатамъ было запрещено поступать на государственныя должности и принимать отъ правительства награды, а также участвовать въ промышленныхъ и коммерческихъ предпріятіяхъ: эта мѣра была направлена противъ практиковавшейся у всѣхъ на глазахъ системы подкупа депутатовъ. Конституціоналисты и республиканцы сходились въ одномъ общемъ требованіи коренной реформы избирательной системы: Луи Бланъ и Ледрю-Ролленъ провозгласили своимъ девизомъ всеообщее избирательное право. Уже осенью 1847 года стали устраиваться банкеты, на которыхъ произносились пламенныя рѣчи въ пользу реформы избирательной системы; къ этому средству для выраженія общественнаго мнѣнія не переставали прибѣгать до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, правительство объявило, что оно не дастъ состояться назначенному на 22 февраля 1848 года банкету въ Елисейскихъ поляхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Ш. М. Таннегюи Дюшатель согласился не прибѣгать къ насильственному распущенію собранія, и послѣ этого либеральная оппозиція съ своей стороны отказалась отъ банкета; тѣмъ не менѣе въ назначенный день большая толпа народа собралась на площади Магдалины, откуда шествіе должно было отправиться къ Елисейскимъ полямъ. Представители республиканской партіи уговорили собравшихся направиться къ зданію парламента. Былъ вызванъ кавалерійскій полкъ, который быстро разсѣялъ демонстрантовъ; но на слѣдующій день 23 февраля волненія опять возобновились. Въ толпѣ были видны опять студенты, братавшіеся съ рабочими; они кричали не только „Реформы!", но прибавляли: „долой Гизо!", національная гвардія была заодно съ демонстрантами. Король, который до этой минуты относился довольно безпечно ко всему происходившему, теперь призадумался; онъ далъ отставку Гизо и вступилъ въ переговоры о составленіи новаго министерства съ представителемъ умѣренно-либеральной партіи, графомъ Луи Матье Моле. Только этого и домогалась династическая оппозиція: теперь она надѣялась провести въ жизнь правительство съ искренними конституціонными взглядами. Эта партія разочаровалась бы вскорѣ, потому что прямодушіе вовсе не было въ характерѣ короля. Въ дѣйствительности же и вовсе ждать не пришлось.

Въ то время, какъ большинство демонстрантовъ, наполнявшихъ бульвары вечеромъ 23 февраля, разразилось криками восторга по поводу отставки Гизо, агенты республиканской партіи принялись дѣятельно собирать населеніе предмѣстій, давно уже подготовленное къ возстанію, и направлять его въ болѣе оживленныя части города. Сомнительно, удалось ли бы имъ направить въ другую сторону веселую парижскую жизнь и создать серьез-

ное положеніе, если бы не случилось несчастнаго инцидента, отъ котораго толпа пришла въ ужасъ и разсвирѣпѣла. Передъ дворцомъ Гизо произошло столкновеніе между толпой народа и военнымъ отрядомъ; какіе-то буяны оскорбили командовавшаго отрядомъ офицера, раздался выстрѣлъ, а затѣмъ цѣлый залпъ, и множество крикуновъ пали ранеными и убитыми. Подобные случаи всегда возможны при такихъ обстоятельствахъ, когда народная толпа встрѣчаетъ войска съ издѣвательствомъ и угрозами; безполезно разыскивать, кто былъ первымъ виновникомъ. Какъ только стало извѣстно объ этомъ несчастномъ случаѣ, по всему Парижу раздался крикъ; „народъ убиваютъ! къ оружію!..“ Въ полночь раздался бой набата на Соборѣ Парижской Богоматери; многія тысячи людей бросились строить баррикады. Утромъ 24 февраля Парижъ былъ уже весь охваченъ революціей и былъ готовъ вступить въ борьбу съ народнымъ королемъ. „Луи Филиппъ приказываетъ стрѣлять въ народъ по примѣру Карла X; пусть идетъ вслѣдъ за своимъ предшественникомъ!“ Этотъ призывъ газеты „Réforme“ сталъ лозунгомъ республиканцевъ.

в) Провозглашеніе республики во Франціи.

Теперь уже не было никакого спасенія для королевскаго престола; вмѣсто того, чтобы самому спасать свой престолъ, король сталъ искать помощи у либераловъ, которые были такъ же безсильны, какъ и онъ самъ. Кто хочетъ царствовать, тотъ долженъ умѣть дѣйствовать силой и быть увѣреннымъ, что его воля всемогуща. По настоянію своей жены король показался верхомъ на лошади передъ своими полками и національной гвардіей, но тутъ же почувствовалъ, что онъ неспособенъ воодушевить войско. Онъ производилъ лучшее впечатлѣніе въ сюртукѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ, чѣмъ въ аксельбантахъ и со шпагой. Луи Филиппъ отрекся отъ престола въ пользу своего внука, графа Парижскаго, котораго онъ отдалъ подъ защиту герцога Немурскаго Шарля, взялъ подъ мышку портфель съ цѣнными бумагами и уѣхалъ вмѣстѣ съ своей женой въ Сенъ-Клу. Мужественная мекленбургская уроженка Генріетта Орлеанская привела своего сына Луи Филиппа, которому теперь долженъ былъ достаться престолъ, въ палату депутатовъ, а Одильонъ Барро распинался по рыцарски за его права и за конституціонную монархію. Но вдругъ въ залъ засѣданія вторглась часть побѣдителей въ уличной битвѣ, сотоварищи которыхъ только что завладѣли дворцомъ Тюильери; легитимисты и демократы соединились между собою для низверженія Орлеанской династіи и потребовали утвержденія временнаго правительства.

Поклонникъ „христіанской морали“, поэтъ и дипломатъ Альфонсъ де Ламартинъ, прославлявшій политическія убійства въ своей восьмитомной „Исторіи жирондистовъ“ и тѣмъ не мало способствовавшій распространенію революціоннаго движенія во Франціи, ухитрился выбрать изъ избирательныхъ бюллетеней, поданныхъ среди самой страшной сумятицы, рядъ именъ, за которыми стояли сильныя партіи: Луи Гарнье-Пажеса, своднаго брата покойнаго Этьена, Ледрю-Роллена, астронома Доминика Франсуа Араго, еврейскаго адвоката Исаака Кремье, который способствовалъ существеннымъ образомъ отреченію Луи Филиппа отъ престола, и себя самого. Палата утвердила этихъ лицъ въ качествѣ временнаго правительства. Выбранное такимъ образомъ временное правительство поспѣшило вступить въ соглашенія съ партіей Луи Блана и приняла въ свой составъ какъ его самого, такъ и четырехъ другихъ крайнихъ республиканцевъ съ совѣщательнымъ правомъ голоса. Временное правительство отправилось въ городскую ратушу, распредѣлило между собой обязанности и 25 февраля провозгласило во Франціи, съ согласія народа, республику. Низверженному королю и всѣмъ членамъ его дома уда-

лось достигнуть однимъ моря и спасительнаго берега Англіи, а другимъ — германской границы безъ серьезной опасности для ихъ жизни, хотя имъ и приходилось выслушивать угрозы.

Новое правительство не соотвѣтствовало вкусу соціалистовъ, которые рѣшились добиться признанія „права на трудъ“, а затѣмъ также и права на вознагражденіе въ пріятномъ для нихъ размѣрѣ. Учрежденіе національныхъ мастерскихъ и общественныя земляныя работы съ поденной платой въ 2 франка не удовлетворили ихъ; образовались сотни соціалистическихъ клубовъ, дѣйствовавшихъ подъ однимъ общимъ центральнымъ руководствомъ, которые рѣшились поставить на мѣсто временнаго правительства комитетъ общественной безопасности, который приступилъ бы немедленно къ всеобщему раздѣлу имуществъ.

16 апрѣля цѣлая орда бунтовщиковъ бросилась на штурмъ городской ратуши; но Ледрю-Роллену, вовсе не имѣвшему охоты уступить свой президентскій постъ этой своеобразной корпораціи, и Ламартину удалось, съ помощью генерала Н. А. Т. Шангарнье и національной гвардіи, поставить всю толпу въ такое опасное положеніе, что она была вынуждена сдаться. Такимъ образомъ удалось возстановить общественное спокойствіе въ Парижѣ. Въ департаментахъ эмиссары сторонниковъ насильственнаго переворота тоже не имѣли успѣха; самымъ спокойнымъ образомъ состоялись новые выборы на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Одинъ депутатъ приходился на 40.000 жителей; каждый департаментъ составлялъ одну общую избирательную корпорацію. Изъ 900 избранныхъ депутатовъ за Ламартина было подано въ десяти департаментахъ 2.300.000 голосовъ. Открытіе національнаго собранія послѣдовало 4 мая.

Б. **Революціонныя вспышки въ средней Европѣ.**

а) Мадзини.

Февральская революція послужила для организованныхъ противниковъ монархіи сигналомъ къ открытому выступленію на сцену, а всему міру она напомнила о томъ, что прошла пора политическаго застоя и что сейчасъ вспыхнетъ давно ожидаемое революціонное движеніе. Трудно разобраться съ точностью, какія событія были послѣдствіемъ систематической подпольной работы сторонниковъ государственнаго переворота и какія возникли благодаря внезапной перемѣнѣ въ общественномъ настроеніи и порыву до той поры затаенныхъ общественныхъ силъ; трудно опредѣлить, какъ далеко простиралось личное вліяніе заговорщиковъ на тѣхъ представителей радикальныхъ взглядовъ, которые не примкнули къ революціоннымъ организаціямъ. Эти организаціи дѣйствовали съ особеннымъ успѣхомъ во Франціи, Германіи, Италіи и Польшѣ. Центрами этихъ организацій были Парижъ и Швейцарія; нити не очень-то хитро сплетенной сѣти этихъ организацій сходились главнымъ образомъ въ рукахъ благороднаго Джузеппе Мадзини, который былъ, безспорно, однимъ изъ самыхъ честныхъ и преданныхъ итальянскихъ патріотовъ и который проживалъ въ Швейцаріи. Его газеты „La giovine Europa“ (Молодая Европа) и „La jeune Suisse“ (Молодая Швейцарія), равно какъ и издававшаяся имъ въ Марселѣ въ 1831 г. „Giovine Italia“ (Молодая Италія) просуществовали только короткое время; но эти органы не переставали толкать къ единенію между собою тѣхъ народныхъ друзей, которые готовы были принять участіе въ освобожденіи народовъ отъ рабскаго ига монарховъ,

Въ Парижѣ существовалъ съ 1834 г. особый „союзъ гонимыхъ“, который считалъ „безусловной необходимостью низверженіе и изгнаніе монарховъ“ и ожидалъ только революціи, которая вспыхнетъ во Франціи или въ Германіи, или же войны между Франціей и русско-германскимъ союзомъ

для того, чтобы примкнуть къ французскимъ войскамъ и низвергнуть германскихъ монарховъ. Учрежденія „союза гонимыхъ" отличались своей оригинальностью и таинственностью: тутъ были „горы", „народныя хижины", „фокусы", „круговые лагеры", въ которыхъ подготовлялась, ради всеобщаго благополучія, германская революція. Отъ „гонимыхъ" отдѣлились „справедливые"; въ 1842 г. они соединились опять и образовали „союзъ германцевъ", который стремился „къ основанію единой Германской республики". Преслѣдованія и непрерывные „розыски", которые не прекращались на всемъ протяженіи Германскаго союза со времени франкфуртской демонстраціи, значительно затруднили сношенія между парижскимъ центральнымъ комитетомъ революціонной организаціи и его единомышленниками въ Германіи, но все же эти сношенія не прекращались. Изъ Швейцаріи тоже прибывали непрерывно въ Германію ремесленники, учителя и писатели, которые поклялись въ непоколебимой вѣрности республиканскому союзу; Карлъ Мати, который былъ впослѣдствіи баденскимъ государственнымъ министромъ, принадлежалъ раньше къ числу сотрудниковъ Мадзини въ Солотурнѣ и принималъ участіе въ тайномъ революціонномъ союзѣ въ то время, когда онъ былъ призванъ въ Карлсруэ въ качествѣ редактора „Вѣдомостей Баденскаго Сейма" (Landtagszeitung).

б) Южная Германія.

Пренія, происходившія въ берлинскомъ соединенномъ ландтагѣ (стр. 212), обратили вниманіе южно-германскихъ либераловъ на нѣкоторые выдающіеся таланты, на содѣйствіе которыхъ можно было разсчитывать при предстоящемъ преобразованіи государственнаго строя Германіи. 16 октября 1847 г. въ Геппенгеймѣ состоялось собраніе германскихъ политическихъ дѣятелей, на которомъ обсуждался вопросъ о томъ, настала ли пора предпринять какіе-нибудь общіе шаги съ этой цѣлью; было рѣшено поднять вопросъ о пересморѣ союзной конституціи въ представительныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ демократы пошли дальше. 12 сентября состоялось въ Оффенбургѣ собраніе подъ руководствомъ властолюбиваго маннгеймскаго адвоката Густава фонъ Струве, происходившаго изъ лифляндской семьи, тщеславнаго болтуна Фридриха Геккера, тоже адвоката, который уже успѣлъ обнаружить въ бытность свою членомъ баденскаго ландтага, что у него нѣтъ ни малѣйшаго политическаго таланта; на этомъ собраніи были выставлены, на ряду съ совершенно справедливыми требованіями объ отмѣнѣ Карлсбадскихъ постановленій, о введеніи народнаго представительства въ союзномъ сеймѣ, о свободѣ печати, о свободѣ совѣсти и свободѣ обученія несообразныя и незрѣлыя предложенія, исполнимость которыхъ никѣмъ не была доказана: демократы требовали не только введенія народной милиціи и болѣе справедливаго обложенія, но также „устраненія несправедливыхъ отношеній, существующихъ между капиталомъ и трудомъ, и отмѣны всякихъ привилегій". Со свойственнымъ ему безстыдствомъ радикализмъ кичился своей собственной жадностью, вступилъ на путь революціи и впослѣдствіи увлекъ за собой народныя массы, соблазнившіяся его обѣщаніями, на которыя онъ не скупился, благодаря своей неспособности отличать, что возможно и что недопустимо.

Непосредственно передъ полученіемъ извѣстія о февральскихъ событіяхъ въ Парижѣ въ Баварскомъ королевствѣ, а особенно въ столицѣ его, господствовала смута и открытая борьба между правительствомъ и большинствомъ подданныхъ баварскаго короля. Слѣпое увлеченіе короля-поэта Людвига I танцовщицей Лола Монтецъ (подъ этимъ испанскимъ псевдонимомъ скрывалась ирландская авантюристка Розанна Джильбертъ) повлекло за собою прежде всего паденіе крайняго клерикальнаго министер-

ства, которое было извѣстно въ публикѣ съ 1837 г. подъ именемъ гессенскаго уроженца Карла фонъ Абеля; затѣмъ дѣло дошло до уличныхъ демонстрацій, суровыхъ мѣропріятій противъ студентовъ, не соглашавшихся перейти въ число поклонниковъ названной танцовщицы, и, наконецъ, до кровавыхъ столкновеній. Наконецъ правительство замѣтило, что войска очень вяло исполняютъ приказы о примѣненіи вооруженной силы, вслѣдствіе чего король уступилъ 11 февраля 1848 г. просьбамъ бюргеровъ и удалилъ изъ Мюнхена безродную красавицу, возведенную имъ въ графское достоинство.

Засѣданіе союзнаго сейма, состоявшееся 1 марта 1848 г., было однимъ изъ самыхъ поразительныхъ явленій въ Германіи, происшедшихъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ февральской революціи. Тутъ сказалось также и вліяніе инцидентовъ, случившихся въ близкомъ сосѣдствѣ съ Франкфуртомъ. 23 февраля, еще раньше, чѣмъ пробилъ роковой часъ для іюльской монархіи, Карлъ Мати обратился въ баденской палатѣ къ народу съ такимъ воззваніемъ: „30 лѣтъ нѣмцы напрасно пытались достигнуть какого-нибудь успѣха умѣреннымъ путемъ, теперь имъ слѣдуетъ подумать, не удастся ли имъ добиться лучшихъ успѣховъ буйствомъ; только это буйство должно выйти за предѣлы залы сейма!“ 27 марта въ Маннгеймѣ состоялось собраніе бюргеровъ; на этомъ собраніи былъ вотированъ, по предложенію Струве, адресъ, въ которомъ собраніе настаивало на слѣдующихъ требованіяхъ: на введеніи народной милиціи съ офицерами по вольному выбору, безусловной свободѣ печати, на введеніи суда присяжныхъ по англійскому образцу и немедленномъ учрежденіи общегерманскаго парламента. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ баронъ Генрихъ фонъ Гагернъ, второй сынъ бывшаго нассаускаго и нидерландскаго государственнаго дѣятеля и самый популярный депутатъ гессенскаго ландтага, потребовалъ отъ правительства, чтобъ оно дѣйствовало не только въ пользу созыва общегерманскаго парламента, но также и учрежденія общегерманской центральной власти. Этотъ вопросъ былъ поднятъ въ виду ожидавшейся въ близкомъ будущемъ войны съ Франціей, которую считали тогда неизбѣжной; изъ страха предъ этой войной союзное собраніе во Франкфуртѣ на Майнѣ неожиданно для всѣхъ тоже пришло къ тому убѣжденію, что нельзя будетъ обойтись безъ активнаго содѣйствія народа. 1 марта союзное собраніе рѣшилось издать „союзный манифестъ къ германскому народу“, которымъ оно нисколько не интересовалось въ теченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ; въ этомъ манифестѣ проповѣдывалась необходимость тѣснаго единенія между всѣми германскими племенами и высказывалось то убѣжденіе, что Германія должна ставить себѣ цѣлью занять такое высокое положеніе въ концертѣ европейскихъ державъ, на какое она имѣетъ право. Но въ тотъ же день 1 марта господинъ фонъ Струве направился къ зданію баденскаго сейма во главѣ громадной толпы пролетаріевъ, подкупленныхъ республиканцами, къ которой примкнули депутаты баденскихъ городовъ; когда эту толпу не впустили въ сеймъ, то она направилась къ замку въ Карлсруэ съ цѣлью вызвать безпорядки и кровавыя столкновенія и запугать такимъ образомъ державшееся умѣренныхъ взглядовъ большинство населенія. Стойкость вызванныхъ для подавленія безпорядковъ войскъ испортила всѣ планы Струве. Однако можно было предвидѣть, что революціонеры не откажутся окончательно отъ своихъ намѣреній, и что германское національное движеніе найдетъ себѣ опаснаго врага въ лицѣ радикаловъ.

Когда въ Мюнхенъ пришли по телеграфу первыя извѣстія о событіяхъ, происшедшихъ въ Парижѣ и въ Западной Германіи, то начались опять волненія, и возстановленное съ такимъ трудомъ общественное спокойствіе было снова нарушено. Народъ считалъ новаго министра фонъ Беркса креатурой королевской фаворитки Монтецъ, и тотъ былъ вынужденъ выйти въ отставку. 6 марта король объявилъ въ поэтическихъ вы-

раженіяхъ, по своему обыкновенію, что онъ готовъ удовлетворить всѣ народныя требованія: тѣмъ не менѣе безпорядки возобновились, какъ только разнесся слухъ о томъ, что Монтецъ собирается вернуться въ Мюнхенъ. Эти безпорядки разстроили такъ сильно Людвига I, не допускавшаго и мысли о томъ, чтобы ему была навязана либеральная конституція, что онъ отказался отъ престола и назначилъ своимъ преемникомъ своего сына Максимиліана II. Людвигъ I предвидѣлъ, что невозможно задержать бурнаго стремленія народа и что среди политической бури вырвутся на свободу безмѣрная глупость и безуміе, которыя свойственны неразсудительнымъ народнымъ массамъ, занимающимся политикой. Не успѣлъ еще Людвигъ удалиться въ частную жизнь, какъ Меттернихъ уже тоже палъ съ высоты своего величія.

в) Паденіе Меттерниха.

Испуганные побѣдой республиканцевъ въ Парижѣ вѣнскіе бюргеры ухватились прежде всего за свой кошелекъ; весьма характерно, что недовѣріе къ правительству выразилось на первыхъ порахъ въ томъ, что публика стала требовать обратно свои вклады изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ. Какія требованія слѣдуетъ предъявить къ правительству, объ этомъ догадались не австрійцы, а незадолго предъ тѣмъ собравшійся венгерскій сеймъ, въ которомъ Кошутъ сдѣлалъ 3 марта слѣдующее предложеніе: слѣдуетъ потребовать отъ короля, чтобы онъ ввелъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ конституціонный образъ правленія и далъ Венгріи соотвѣтствующую ея положенію національную автономію. Въ Вѣнѣ высказались въ томъ же духѣ промышленный ферейнъ, общество любителей юридическихъ и политическихъ наукъ и студенчество.

Ожидали, что областной сословный сеймъ, сессія котораго началась 13 марта, будетъ вести себя съ надлежащимъ гражданскимъ мужествомъ. Толпы народа расхаживали взадъ и впередъ по улицамъ около зданія сейма, съ нетерпѣніемъ ожидая его рѣшенія; когда они узнали, что сеймъ будетъ требовать только созванія комиссіи сословныхъ представителей коронныхъ владѣній, то они бросились въ залъ сейма и вырвали у него обѣщаніе отправить къ императору депутацію съ заявленіемъ о томъ, что народъ желаетъ либеральной конституціи. Въ то время, какъ депутація направлялась въ Гофбургъ (императорскій дворецъ), толпа народа, собравшаяся около зданія сейма, стала оскорблять солдатъ и кидать каменьями въ стоявшія тамъ войска, при которыхъ находился эцгерцогъ Альбрехтъ, старшій сынъ скончавшагося въ 1847 году герцога Карла; войска отвѣтили залпомъ. Народъ пришелъ въ крайнее возбужденіе при видѣ жертвъ, павшихъ отъ руки солдатъ. Обыкновенно очень миролюбивые вѣнскіе бюргеры пришли въ ярость „отъ этой стрѣльбы по беззащитнымъ", примкнули къ пролетаріямъ и подняли страшный шумъ. Дѣло приняло весьма серьезный оборотъ; князю Меттерниху, находившемуся во дворцѣ, было доложено, что на этотъ разъ происходятъ не заурядные уличные безпорядки, съ которыми можно справиться при помощи нѣсколькихъ полицейскихъ солдатъ, и начинается революція. Въ сущности съ этой революціей можно было бы покончить въ Вѣнѣ гораздо легче, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, если бы только нашлась какая-нибудь корпорація или какая-нибудь личность, которая знала бы, какъ взяться за дѣло, и въ немногихъ словахъ дали бы народу обѣщаніе о введеніи новой правительственной системы. Къ сожалѣнію, не было ни одного государственнаго дѣятеля, который былъ бы способенъ составить новое правительство, такъ какъ князь Меттернихъ былъ совершенно непригоденъ для этой цѣли. Всѣ государственные совѣтники, придворные и генералы, которые сбѣжались и толпились въ корридорахъ и переднихъ императорскаго дворца безъ

опредѣленной цѣли, по случаю и ради любопытства, высказывали единодушно такое мнѣніе, что слѣдуетъ пожертвовать государственнымъ канцлеромъ. Этотъ тщеславный человѣкъ стоялъ теперь совершенно одинокимъ среди всей этой толпы, не могъ придумать никакого исхода ни для себя, ни для своихъ государственныхъ совѣтниковъ, которые теперь сами очень нуждались въ совѣтѣ, пролепеталъ нѣсколько фразъ о томъ, что онъ готовъ принести для монархіи свою послѣднюю жертву, и исчезъ.

Сцена, на которой дѣйствовалъ Метернихъ, осталась пуста; не было на лицо никого, кто могъ бы занять его мѣсто, спокойно и съ твердымъ духомъ разобраться въ тѣхъ требованіяхъ, которыя доносились съ улицы въ совѣщательную комнату государственной конференціи, и придти къ какому-нибудь окончательному рѣшенію. Самъ императоръ Фердинандъ имѣлъ совершенно смутное представленіе о томъ, что происходитъ вокругъ него. Эрцгерцогъ Людвигъ, это послушное орудіе въ рукахъ Меттерниха, теперь оставшееся безъ употребленія, тоже растерялся среди хаоса голосовъ и мнѣній, былъ страшно напуганъ перспективой предстоящаго господства „красныхъ“ террористовъ и не имѣлъ никакого представленія о тѣхъ мѣрахъ, посредствомъ которыхъ можно было бы успокоить умѣренную часть населенія и склонить ее къ поддержанію порядка. Съ трудомъ онъ далъ себя уговорить, чтобы онъ разрѣшилъ призвать къ оружію студентовъ и бюргеровъ, но не обнародовалъ тѣхъ обѣщаній, которыя династія должна была дать народу. Ни онъ, ни графъ Францъ Антонъ Коловратъ-Либштейнскій не выработали никакой программы самыхъ неотложныхъ преобразованій въ конституціонномъ духѣ; даже еще 14 марта оба они вертѣлись кругомъ да около слова „конституція“ и все еще надѣялись, что можно будетъ обойтись сословными депутаціями. Наконецъ 15-го марта подъ давленіемъ извѣстій о непрекращающихся волненіяхъ семейный совѣтъ императорской фамиліи составилъ такое объявленіе: „приняты необходимыя мѣры для созыва депутатовъ всѣхъ провинціальныхъ сословій съ увеличеннымъ числомъ представителей отъ бюргерскаго сословія и съ соблюденіемъ порядка, предусмотрѣннаго существующими провинціальными уложеніями; этимъ депутатамъ будетъ предложено выработать общую государственную конституцію“. 18 марта было составлено отвѣтственное министерство Коловрата-Фикельмона, которое состояло почти исключительно изъ отжившихъ креатуръ Меттерниха и въ которомъ былъ только всего одинъ членъ, обладавшій достаточнымъ знакомствомъ съ конституціонными учрежденіями, именно министръ внутреннихъ дѣлъ баронъ Францъ фонъ-Пиллерсдорфъ, кототораго при томъ нельзя было назвать крѣпкимъ и бодрымъ ни по характеру, ни по физическому здоровью.

г) Венгрія.

Гораздо болѣе грандіозныя формы принялъ государственный переворотъ въ Венгріи. Въ то время, какъ Людвигъ Кошутъ требовалъ въ Венгерскомъ сеймѣ въ Пресбургѣ 14 марта свободы печати и національнаго венгерскаго воинскаго устава на основѣ всеобщей воинской повинности, толпа его приверженцевъ, состоявшая изъ студентовъ, писателей и „юратовъ“ (праздныхъ интеллигентовъ съ юридическимъ образованіемъ), завладѣла правительственными учрежденіями въ Офенъ-Пештѣ и замѣнила городской совѣтъ комитетомъ общественной безопасности, состоявшимъ преимущественно изъ радикальныхъ членовъ. 15 марта сословное отдѣленіе венгерскаго сейма было превращено въ національное собраніе, рѣшенія котораго сообщались палатѣ магнатовъ, но не нуждались въ ея утвержденіи. Въ тотъ же день въ Вѣну прибыла депутація венгерскаго сейма въ сопровожденіи толпы юратовъ; вѣнскіе бюргеры устраивали въ честь мадьяръ шумныя оваціи и братались съ ними. Депутаціи было обѣщано

учрежденіе самостоятельнаго отвѣтственнаго венгерскаго министерства: первое министерство этого рода было составлено 23 марта эрцгерцогомъ палатиномъ Стефаномъ, и въ его составъ вошли самые популярные изъ венгерскихъ политическихъ дѣятелей графъ Людвигъ Баттіани, Стефанъ Шечени, князь Павелъ Эстергази, баронъ Іосифъ фонъ Этвешъ, Францъ фонъ Деакъ и Людвигъ Кошутъ. Въ результатѣ дебатовъ въ сеймѣ, длившихся всего нѣсколько дней, почти не осталось камня на камнѣ отъ прежней конституціи: привилегіи магнатовъ были отмѣнены; городскіе бюргеры были уравнены съ ними въ политическихъ правахъ, право участія въ выборахъ депутатовъ сейма было предоставлено „лицамъ, принадлежавшимъ ко всѣмъ признаннымъ закономъ вѣроисповѣданіямъ"; были изданы новые либеральные законы о печати и законы о народной милиціи. Во всей странѣ господствовала почти полная анархія, такъ какъ старинныя патримоніальныя административныя и центральныя правительственныя учрежденія комитатовъ были уничтожены и замѣнены комитетами общественной безопасности по образцу города Пешта.

д) Мартовская революція въ Берлинѣ.

Вліяніе событій, происшедшихъ въ Австріи, сказалось во всей Германіи; стремленіе къ либеральнымъ учрежденіямъ становилось все болѣе бурнымъ, въ особенности въ Берлинѣ. Въ то время, какъ въ Берлинъ дошло извѣстіе о событіяхъ февральской революціи, тамъ происходили засѣданія комиссіи государственныхъ налоговъ; 7-го марта король распустилъ эту комиссію, заявивъ, что съ этихъ поръ онъ намѣренъ созывать соединенный ландтагъ черезъ опредѣленные правильные промежутки времени. Но это обѣщаніе не удовлетворило никого: въ тотъ же день было рѣшено устроить народное собраніе около палатокъ въ зоологическомъ саду и подать королю петицію о немедленномъ созывѣ соединеннаго ландтага. Общественная жизнь стала очень оживленной въ этомъ обыкновенно такомъ спокойномъ городѣ; пріѣзжіе агитаторы произносили рѣчи предъ собраніями рабочихъ; въ гостиницахъ и кофейняхъ читались вслухъ газеты, произносились рѣчи. Король ожидалъ открытія военныхъ дѣйствій со стороны Франціи и поэтому отправилъ поспѣшно въ Вѣну своего военнаго уполномоченнаго Іосифа Марію фонъ Радовица, чтобы сговориться съ Меттернихомъ относительно общихъ оборонительныхъ мѣропріятій; принцу Вильгельму прусскому, который былъ очень непопуляренъ въ Берлинѣ, король хотѣлъ поручить командованіе прусскими войсками на Рейнѣ. Однако, изъ Рейнской провинціи королю совѣтовали настойчиво не посылать туда принца Вильгельма, такъ какъ тамъ господствуетъ сильное возбужденіе въ народѣ, которое можетъ еще усилиться съ прибытіемъ его; изъ Вѣны пришла депеша съ извѣстіемъ о паденіи Меттерниха. Тогда король согласился созвать въ Берлинѣ соединенный ландтагъ на 17 апрѣля. Онъ думалъ, что ожиданіе этого радостнаго событія займетъ пруссаковъ на цѣлый мѣсяцъ.

15 марта, какъ только въ Берлинъ пришли извѣстія о волненіяхъ въ Вѣнѣ, предъ королевскимъ дворцомъ стали собираться толпы недовольныхъ. Изъ провинцій стали прибывать многочисленныя депутаціи съ цѣлью передать королю ходатайства населенія объ утвержденіи правъ народа въ конституціонномъ порядкѣ. Король сдѣлалъ еще одинъ шагъ и назначилъ для открытія соединеннаго ландтага болѣе близкій срокъ, 2-е апрѣля. Въ королевскомъ патентѣ, изданномъ по этому поводу 18 марта, король объяснялъ, что во исполненіе своего долга, какъ одного изъ союзныхъ германскихъ монарховъ, онъ намѣренъ требовать реформы союзной конституціи „съ временнымъ представительствомъ отъ всѣхъ странъ германскаго союза". Онъ признавалъ даже, что „такое союзное предста-

вительство повлечетъ за собой введеніе конституціоннаго уложенія во всѣхъ германскихъ государствахъ"; тѣмъ не менѣе король не далъ никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній относительно основныхъ положеній будущей прусской конституціи. Все-таки вечеромъ того же дня народъ устроилъ въ честь его манифестацію передъ дворцомъ; но народные совратители, которымъ непремѣнно нуженъ былъ бунтъ для исполненія своихъ преступныхъ замысловъ, превратили искусственно эту благодарственную манифестацію въ кровопролитное возмущеніе. Войска, находившіяся во дворцѣ подъ командой генерала К. Л. В. Е. фонъ Притвица, работали до полуночи, пока имъ удалось наконецъ очистить промежутокъ между улицей Unter den Linden (Подъ липами), Лейпцигской улицей и Александровской площадью. Въ распоряженіи генерала Притвица имѣлось 12000 человѣкъ, которымъ удалось бы безъ сомнѣнія на слѣдующій день взять штурмомъ баррикады; но король потерялъ спокойствіе духа и сталъ нервнымъ благодаря противорѣчивымъ совѣтамъ окружавшихъ его военныхъ и бюргеровъ, которые пробирались во дворецъ въ качествѣ званыхъ или незваныхъ гостей, и велѣлъ прекратить пальбу, а 19 марта послѣ пріема депутаціи бюргеровъ онъ приказалъ войскамъ отступить къ королевскому дворцу и, наконецъ, даже уйти въ казармы. Это злосчастное рѣшеніе было принято королемъ подъ вліяніемъ либераловъ въ родѣ барона фонъ Финке (стр. 212) и депутатовъ отъ города Берлина; онъ не предвидѣлъ, къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ оно приведетъ. Въ сущности оно обозначало отступленіе монархической власти передъ буйной народной толпой, которая въ своемъ ослѣпленіи была готова растоптать подъ своими ногами общественный порядокъ. Эти смутьяны не только не были ему благодарны за то, что онъ не покаралъ ихъ за ихъ преступные замыслы, а, напротивъ того, считали отступленіе королевскихъ войскъ доказательствомъ своей побѣды и не переставали издѣваться не только надъ войсками, но и надъ королемъ.

Составилось новое министерство, во главѣ котораго стоялъ съ 19 до 29 марта графъ Адольфъ Генрихъ фонъ Арнимъ-Бойценбургъ, а съ 29 марта Лудольфъ Кампгаузенъ, президентъ Кельнской торговой палаты, сотрудниками котораго были Ганземанъ (стр. 212) и главари либеральныхъ дворянъ Альфредъ фонъ Ауэрсвальдъ, графъ Максимиліанъ фонъ Шверинъ и Генрихъ Александръ фонъ Арнимъ; это министерство безъ большихъ затрудненій могло бы провести въ жизнь начатки конституціоннаго государственнаго строя, еслибъ король не оказался слишкомъ слабохарактернымъ и не лишилъ себя своей послѣдней защиты отъ посягательствъ, направленныхъ противъ королевской власти. Его искреннее увлеченіе національными интересами, которое побудило его 21 марта проѣхаться по берлинскимъ улицамъ верхомъ на лошади съ высоко приподнятымъ черно-красно- золотымъ германскимъ знаменемъ, не только не было оцѣнено по достоинству, а, напротивъ того, республиканцы осыпали его дерзкими насмѣшками; благодаря слишкомъ поспѣшной попыткѣ прусскаго короля взять на себя руководящую роль въ созывѣ общегерманскаго парламента, германскія государства, стали относится къ нему недовѣрчиво, и нѣкоторыя изъ нихъ отказались отъ его предложенія въ такой оскорбительной формѣ, которая произвела угнетающее впечатлѣніе на него самаго и еще сильнѣе поколебала его престижъ въ самой Пруссіи.

2 апрѣля 1848 года открылась сессіясоединеннаго ландтага, который рѣшилъ созвать учредительное національное собраніе на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Правительство согласилось съ этимъ рѣшеніемъ, но осталось при томъ мнѣніи, что прусская конституція должна быть выработана по соглашенію между нимъ и собраніемъ. Во время выборовъ, которые были произведены одновременно съ выборами въ общегерманскій парламентъ, лозунгъ демократовъ былъ слѣдующій: „рѣшеніе

прусскаго національнаго собранія не нуждается въ утвержденіи со стороны правительства". Такимъ образомъ вмѣсто прежняго требованія участія народа въ управленіи государствомъ выступило на сцену стремленіе къ исключительному господству народныхъ массъ, руководимыхъ честолюбивыми болтунами.

B. Созывъ германскаго парламента.

а) Подготовительный парламентъ.

5-го марта 1848 года съѣхались въ Гейдельбергъ по собственному побужденію, по дружескому соглашенію между собой, выдающіеся германскіе общественные дѣятели въ числѣ 51; они совѣщались о томъ, какъ общими силами положить начало національному движенію въ Германіи. Большинство изъ нихъ были уроженцами Рейнскихъ государствъ; но между ними были также представители Пруссіи, Вюртемберга и Баваріи, а бывшій въ то время случайно въ Гейдельбергѣ австрійскій писатель тоже присоединился къ этому собранію для того, чтобы возстановить связь между Австріей и германскимъ народомъ. Въ числѣ присутствовавшихъ въ Гейдельбергѣ 20 баденскихъ представителей находился также радикальный демократъ Геккеръ (стр. 219), который уже тогда утверждалъ, что германскій народъ требуетъ введенія республиканскаго образа правленія. Однако онъ былъ вынужденъ подчиниться рѣшенію большинства; оно заключалось въ томъ, что германскій народъ долженъ прежде всего добиться во можности высказать свое мнѣніе и что поэтому слѣдуетъ подготовить созывъ германскаго національнаго собранія. Всѣ были согласны между собой въ томъ, что не слѣдуетъ ожидать, пока союзный сеймъ сдѣлаетъ первый шагъ, и что необходимо, напротивъ того, приступить къ дѣлу по собственному почину, такъ какъ совершившіеся факты и опредѣленныя требованія скорѣе всего могутъ воздѣйствовать на союзный сеймъ и на германскія правительства. Коммиссіи изъ семи членовъ было поручено пригласить на 30 марта въ городъ Франкфуртъ на Майнѣ „всѣхъ бывшихъ и нынѣшнихъ сословныхъ членовъ законодательныхъ собраній всѣхъ германскихъ государствъ и вообще людей, принимающихъ участіе въ трудахъ этихъ собраній", а также нѣкоторыхъ другихъ популярныхъ общественныхъ дѣятелей, пользовавшихся значительнымъ вліяніемъ; этому „подготовительному парламенту" (форпарламенту) предстояло опредѣлить, какимъ образомъ должны состояться выборы въ германское національное собраніе.

Какъ союзный сеймъ, такъ и большинство германскихъ правительствъ отнеслись очень благосклонно къ почину франкфуртскаго собранія, такъ какъ они убѣдились, что народъ очень возбужденъ и что необходимо дать какое-нибудь удовлетвореніе его политическимъ стремленіямъ; въ противномъ случаѣ онъ уклонится въ сторону самопомощи и насильственнаго государственнаго переворота. При видѣ послѣдствій революціи въ Парижѣ повсюду считали низверженіе всѣхъ существующихъ государственныхъ учрежденій чѣмъ-то вполнѣ возможнымъ. Германскія правительства вступили въ переговоры съ либералами, старались привлечь ихъ на свою сторону обѣщаніемъ конституціонныхъ реформъ и надѣялись найти въ лицѣ ихъ защитниковъ независимости существующихъ германскихъ государствъ и династій. Однако Ганноверское правительство и курфюрстъ Гессенскій сначала не поддавались общему теченію, но паденіе Меттерниха сломило гордость Эрнста Августа и курфюрста Фридриха Вильгельма (стр. 188). Вмѣсто барона Фр. Л. А. фонъ Блиттерсдорфа, который былъ въ теченіе многихъ лѣтъ уполномоченнымъ Баденскаго правительства въ союзномъ сеймѣ, былъ отправленъ во Франкфуртъ фрейбург-

скій профессоръ Карлъ Велькеръ (стр. 188); этотъ послѣдній внесъ 7 марта отъ имени своего правительства предложеніе о созывѣ германскаго парламента, который занялся бы сообща съ представителями германскихъ правительствъ выработкой и проведеніемъ въ жизнь реформы союзной конституціи. Такое же требованіе было предъявлено также и Генрихомъ фонъ Гагерномъ (стр. 220) въ гессенъ-дармштадтской палатѣ. Вюртембергскій король призвалъ къ власти новое министерство, во главѣ котораго былъ поставленъ Фридрихъ Ремеръ, одинъ изъ участниковъ гейдельбергскаго собранія; въ составъ этого министерства вошелъ также и Пауль Пфицеръ. Саксонскій король Фридрихъ Августъ сначала сталъ стягивать въ Лейпцигъ войска и тѣмъ только вызвалъ возбужденіе въ населеніи своей столицы, но потомъ онъ тоже пошелъ на уступки, далъ отставку министерству Юл. Трауг. фонъ Кеннерица и поручилъ руководство государственными дѣлами главѣ партіи прогрессистовъ во второй палатѣ Александру Карлу Герману Брауну. Изъ саксонскихъ либераловъ наибольшею популярностью пользовался бывшій театральный секретарь, книгопродавецъ и городской совѣтникъ Робертъ Блюмъ; онъ принадлежалъ къ числу вліятельныхъ общественныхъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ подготовительномъ парламентѣ (форпарламентѣ) и всегда направлялъ вниманіе своихъ единомышленниковъ на тѣ національныя задачи, къ разрѣшенію которыхъ германскому народу слѣдуетъ приступить въ ближайшемъ будущемъ. Со стороны прусскаго правительства тоже нельзя было ожидать никакихъ препятствій къ разрѣшенію національныхъ задачъ, предпринятому гейдельбергскимъ собраніемъ; въ томъ патентѣ, въ которомъ прусскій король объявилъ о созывѣ соединеннаго ландтага на 18 марта, онъ указывалъ на настоятельную необходимость „подготовительнаго представительнаго союзнаго собранія изъ сословныхъ представителей всѣхъ германскихъ государствъ“.

Въ виду этого въ послѣднихъ числахъ марта во Франкфуртѣ на Майнѣ собралось около 500 человѣкъ изъ разныхъ частей Германіи. Имъ былъ устроенъ торжественный и почетный пріемъ. Уже во время первыхъ общихъ совѣщаній, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ гейдельбергскаго правовѣда Антона Миттермайера, баварскаго уроженца (стр. 188), въ церкви св. Павла, этому собранію пришлось разрѣшить одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ германской политики. Выбранная съ этой цѣлью комиссія изъ семи членовъ предложила собранію свою программу, въ которой былъ намѣченъ не только порядокъ выборовъ въ германское національное собраніе, но еще указанъ цѣлый рядъ основныхъ положеній, которыя должны быть внесены въ будущую союзную конституцію. Вотъ чего требовала эта программа: отвѣтственнаго министерства при главѣ союза, сената, состоящаго изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ правительствъ, народнаго собранія, въ составъ котораго должны были войти по одному депутату на 7000 жителей каждаго изъ союзныхъ государствъ, общей военной организаціи, общихъ представителей союза при иностранныхъ дворахъ, объединенія таможеннаго вѣдомства, вѣдомства путей сообщенія, гражданскаго и уголовнаго законодательствъ. Этимъ слишкомъ поспѣшнымъ образомъ дѣйствій франкфуртскаго собранія, который былъ послѣдствіемъ недостаточной политической опытности нѣмцевъ, и ихъ пристрастія къ готовымъ программамъ, воспользовались радикалы, прибывшіе въ большомъ числѣ изъ Бадена, Дармштадта, Франкфурта и Нассау и состоявшіе подъ руководствомъ Струве и Геккера; они стали вносить предложенія о будущей формѣ правленія Германскаго союза. Геккеръ выступилъ съ выработанными Струве „основными положеніями“ и требовалъ уничтоженія постоянной арміи, чиновничества, податей, наслѣдственной монархіи и „замѣны ея выборными парламентами, во главѣ которыхъ должны стоять выборные президенты, при чемъ соединительнымъ звеномъ между всѣми германскими

Объясненіе карикатуръ, помѣщенныхъ на оборотѣ.

Вверху: Карикатуры нѣкоторыхъ важнѣйшихъ ораторовъ или другихъ выдающихся членовъ франкфуртскаго парламента (1848/49).

Гагернъ, Шмерлингъ, Венедей, Фохтъ, Штедманъ, Цитцъ, Дальманъ, Раво, Эйзенманъ, Янъ, Блюмъ, Гекшеръ, Гискра, Детмольдъ, Радовицъ, Боддинъ, Паженштехеръ, Миттермайеръ.

Въ видѣ объясненія къ этимъ фигурамъ подъ рисункомъ подписано слѣдующее: „Пипмейеръ покупаетъ портреты различныхъ членовъ парламента“.

(Изъ книги: „Труды и мнѣнія господина Пипмейера, депутата учредительнаго національнаго собранія во Франкфуртѣ на Майнѣ“, соч. I. Г. Д[етмольда] и А[дольфа] Ш[редтера]; Франкфуртъ на Майнѣ [1849 г.].)

Внизу: Карикатуры Бисмарка, Герлаха и Шталя подъ сатирическимъ заголовкомъ: „Новый Петръ Амьенскій и крестоносцы“. Подъ рисункомъ помѣщено слѣдующее объясненіе въ стихахъ:

За узду ведетъ осла святой Шталь, святой Герлахъ ведетъ воинство,
Сбоку стоитъ вѣрный господинъ Бисмаркъ, архиплутъ, въ панцырѣ и поножахъ.
А тѣ, что жмутся на своихъ клячахъ какъ ландскнехты,
Это — господинъ Вагнеръ-донъ Кихотъ и Санчо Панса-Гедшенъ“.

(Рисунокъ Вильгельма Шольца въ „Кладдерадачѣ“, II годъ, номеръ 45 отъ 4 ноября 1849 г.)

VIII

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Карикатуры членовъ франкфуртскаго національнаго собранія и прусской партіи „Крестовой Газеты“ (Kreuzzeitungspartei) въ 1849 г.

государствами должна служить федеративная союзная конституція по примѣру Сѣв. Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ". По мнѣнію германскихъ демократовъ франкфуртскому собранію не слѣдовало расходиться до тѣхъ поръ, пока указанныя и нѣкоторыя другія требованія демократической партіи не будутъ узаконены; это собраніе должно было взять на себя временное управленіе Германіей при посредствѣ выборнаго исполнительнаго комитета.

Эти забавныя ребяческія выдумки должны были, собственно говоря, вызвать взрывъ хохота и годились только, какъ хорошій сюжетъ для сатиры (см. верх. часть прилож. таблицы „Карикатуры членовъ франкфуртскаго національнаго собранія и т. д."). Между тѣмъ умѣренные демократы и либералы пустились въ серьезныя пререканія съ радикалами; какъ разъ въ это время произошла довольно невинная уличная свалка, изъ за которой члены собранія переругались не на шутку и стали осыпать другъ друга упреками и личными нападками. Наконецъ, болѣе благоразумнымъ членамъ удалось свести дебаты къ вопросу о подготовительной работѣ, необходимой для созыва общаго германскаго парламента, и устранить отъ обсужденія какъ программу комиссіи семи, такъ и „основныя положенія" радикаловъ. Предположеніе Геккера объ объявленіи непрерывными засѣданій франкуртскаго собранія тоже было отвергнуто 368 голосами противъ 143, а вмѣсто этого было рѣшено избрать комиссію изъ 50 членовъ, которая руководила бы дѣлами форпарламента. Что касается роли этого форпарламента, то по этому вопросу высказывались самые противорѣчивые взгляды. Большинство членовъ собранія стояло на той точкѣ зрѣнія, что народу принадлежитъ исключительное право рѣшать свою судьбу и утверждать законы, опредѣляющіе его права. Незначительное меньшинство было согласно съ Генрихомъ фонъ Гагерномъ, который настаивалъ на необходимости поддерживать дружелюбныя отношенія съ правительствами и союзнымъ сеймомъ и положить начало новому государственному строю посредствомъ компромисса между народными представителями и правительствами. Первая важная по своимъ послѣдствіямъ ошибка, которую сдѣлала либеральная партія при опредѣленіи круга дѣятельности парламента, заключалась въ томъ, что она вела разговоры о „чисткѣ" союзнаго сейма и „отмѣнѣ сдѣланныхъ имъ наперекоръ конституціи исключительныхъ постановленій"; вмѣсто этого ей слѣдовало забыть прошлые счеты, установить прочную связь между собой и союзнымъ правительствомъ, увлечь его за собой и склонить его къ необходимымъ мѣропріятіямъ.

Какъ въ подготовительномъ парламентѣ, такъ и въ призванномъ имъ къ жизни національномъ собраніи недовѣріе либераловъ къ правительствамъ сказалось гораздо сильнѣе, чѣмъ ихъ недовольство безумными увлеченіями радикаловъ; въ этомъ заключается первая и вѣроятно наиболѣе существенная причина безплодности всѣхъ стараній самыхъ безкорыстныхъ и искреннихъ поборниковъ германскаго національнаго движенія. Какъ только было принято предложеніе мангеймскаго депутата Франца фонъ Зойрона, который заявлялъ, что окончательное утвержденіе будущей общегерманской конституціи зависитъ исключительно отъ національнаго собранія, которое должно быть избрано народомъ, то комиссія пятидесяти уклонилась отъ пути, ведущаго къ нормальнымъ конституціоннымъ порядкамъ, и погналась за призракомъ, который похожъ до неузнаваемости на „республику съ великимъ герцогомъ во главѣ". Изобрѣтатель этого несообразнаго предложенія Зойронъ былъ избранъ президентомъ комиссіи изъ 50 членовъ. Система выборовъ въ учредительное національное собраніе соотвѣтствовала самымъ широкимъ демократическимъ требованіямъ: каждые 50000 жителей всѣхъ областей германскаго союза, не исключая восточной и западной Пруссіи, посылали отъ себя „непосредственно" (а не черезъ особыя предусмотрѣнныя конституціей корпораціи) по

одному депутату. Богемскихъ чеховъ причислили безъ дальнѣйшихъ разговоровъ къ избирателямъ, посылающимъ отъ себя представителей въ германскій парламентъ, не смущаясь презрительными отказами, которыхъ слѣдовало ожидать съ ихъ стороны; слѣдуетъ ли привлечь къ выборамъ также и польское населеніе прусскихъ прибалтійскихъ провинцій,—этотъ вопросъ былъ предоставленъ рѣшенію самаго парламента. Союзный сеймъ, находившійся въ это время подъ вліяніемъ Карла Велькера, скопировалъ съ благородной предусмотрительностью постановленія подготовительнаго парламента и довелъ о нихъ до свѣдѣнія правительствъ союзныхъ государствъ, которымъ надлежало привести ихъ въ исполненіе.

б) Отношеніе Прусскаго и Австрійскаго правительствъ къ трудамъ подготовительнаго парламента.

Въ настроеніи германскихъ правительствъ произошелъ рѣзкій переворотъ, который далъ себя почувствовать раньше всего въ Пруссіи. 21 марта, послѣ того, какъ король объѣхалъ Берлинъ съ германскимъ знаменемъ въ рукахъ (стр. 224), Фридрихъ Вильгельмъ IV издалъ королевскій указъ, въ которомъ онъ объявилъ, что намѣренъ взять въ свои собственныя руки руководство національнымъ движеніемъ. Король увлекся, по обыкновенію, и у него вырвались слѣдующія слова: „сегодня я показалъ себя поклонникомъ стариннаго германскаго черно-красно-золотого знамени и поставилъ подъ покровительство этого всѣми чтимаго знамени Германской имперіи какъ себя самого, такъ и мой народъ. Съ этого момента Германія покрываетъ собою Пруссію“. Эти слова произвели бы, безъ сомнѣнія, очень сильное дѣйствіе, если бы король держалъ въ своихъ рукахъ всю принадлежавшую ему власть и если бы вся Германія была убѣждена въ томъ, что онъ способенъ управлять своимъ собственнымъ народомъ и охранить свою резиденцію отъ покушеній подчинившихся вліянію совратителей, ослѣпленныхъ въ своей ярости народныхъ массъ. Послѣ мартовскихъ событій въ Берлинѣ престижъ прусскаго короля поколебался въ глазахъ представителей всѣхъ партій: радикалы издѣвались надъ нимъ, а патріоты усумнились въ его энергіи и въ его способности соблюсти свое достоинство въ затруднительныхъ случаяхъ. Пошатнулась также и вѣра германскихъ правительствъ въ могущество прусскаго государства. До мартовскихъ событій Гессенъ-Дармштадтъ, Баденъ, Нассау и Вюртембергъ рѣшили сообща уполномочить прусскаго короля добиться отъ ихъ имени осуществленія новой союзной конституціи, гарантирующей народныя права; эти государства готовы были признать его главнокомандующимъ союзной арміей; самъ онъ тоже стремился къ этому почетному званію и уклонялся отъ императорскаго титула, которымъ привѣтствовало его берлинское населеніе во время уличныхъ оваціи. Однако когда Максъ фонъ Гагернъ прибылъ въ Берлинъ во главѣ посольства отъ названныхъ германскихъ государствъ, то его миссія оказалась уже несвоевременной: король, который уступилъ предъ бунтовщиками и снялъ шапку передъ мертвыми тѣлами революціонныхъ главарей, павшихъ во время уличной перестрѣлки, былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы взять въ свои руки диктаторскую власть надъ Германіей въ такое бурное время.

Несмотря на свои собственныя невзгоды, вѣнское правительство сумѣло извлечь для себя пользу изъ всего того, что случилось въ Берлинѣ; Австрія вовсе не хотѣла жертвовать своимъ положеніемъ въ Германіи, даже императоръ Фердинандъ не хотѣлъ отступить предъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV. Австрійскіе государственные люди знали, что они заслужатъ одобреніе всего германскаго населенія, не исключая націоналистовъ и прогрессистовъ, если они дадутъ отпоръ посягательствамъ Пруссіи на руководящую роль въ Германіи, стоитъ имъ только стать на популяр-

ную точку зрѣнія верховныхъ правъ народа и воспользоваться германскимъ парламентомъ, какъ орудіемъ противъ прусскаго короля. По выраженію австрійскаго правительства и народныхъ вожаковъ, Австрія была ядромъ германской націи, и ей принадлежало право на главенствующее положеніе между всѣми германскими государствами, поэтому на башнѣ св. Стефана развѣвалось черно-красно-золотое знамя, а добродушный императоръ размахивалъ этимъ знаменемъ предъ студентами, которые привѣтствовали его криками „Hoch!" передъ дворцомъ. Прусская гегемонія была отклонена; теперь вопросъ о германской конституціи долженъ былъ быть рѣшенъ сообща союзнымъ сеймомъ и парламентомъ, и Австрія была увѣрена въ томъ, что ей удастся удержать за собой принадлежащее ей по праву руководящее значеніе.

в) Республиканское возстаніе Геккера и Струве въ апрѣлѣ 1848 года.

Такое же угрожающее значеніе, какъ и неудачный опытъ съ прусскимъ королемъ, имѣлъ для развитія германскаго національнаго движенія слабый образъ дѣйствій либераловъ по отношенію къ республиканцамъ, нескрываемымъ стремленіямъ которыхъ они не дали такого крѣпкаго отпора, какъ надлежало убѣжденнымъ монархистамъ. Еще не успѣлъ собраться германскій парламентъ, какъ баденскіе радикалы подняли возстаніе, которое могло убѣдить всѣхъ и каждаго, что радикализмъ ведетъ исключительно къ междуусобной войнѣ, къ анархіи и къ разрушенію благосостоянія націи. Все-таки либералы еще не пришли къ тому выводу, что надлежащія гарантіи народныхъ правъ возможны только въ благоустроенномъ государствѣ съ сильнымъ правительствомъ и съ нерасшатанной монархической властью; либералы все еще не хотѣли воспользоваться своимъ значительнымъ вліяніемъ для поддержки правительствъ и все еще надѣялись возстановить общественное спокойствіе посредствомъ своихъ прекрасныхъ рѣчей.

Партія Струве-Геккера была разочарована результатами подготовительнаго парламента: франкфуртское собраніе не взяло въ свои руки управленія Германіей, какъ они этого хотѣли; монархи не были низвержены, и даже союзнаго сейма не разогнали. Тогда вожаки республиканцевъ рѣшились, подъ давленіемъ своихъ французскихъ единомышленниковъ, поднять вооруженное возстаніе въ пользу республики. „Умѣренные" сами расчистили для нихъ путь, давши свое согласіе на „вооруженіе народа"; подъ предлогомъ учрежденія народной милиціи было роздано оружіе оборванцамъ, которые уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль шатались по берегамъ Рейна въ ожиданіи грабежа и добычи; изъ этихъ-то оборванцевъ составилась свита великихъ „друзей народа", и тѣмъ оружіемъ, которое оказалось у нихъ въ рукахъ, предполагалось сокрушить существующій государственный строй. Слишкомъ поздно догадались такіе государственные люди, какъ Карлъ Мати (стр. 219), что надо пожертвовать всѣми своими личными интересами для борьбы противъ безумныхъ фанатиковъ радикаловъ и злонамѣренныхъ смутьяновъ; однако немногіе послѣдовали благородному примѣру Мати, который арестовалъ самолично агитатора Іосифа Фиклера въ тотъ моментъ, когда послѣдній собирался отправиться изъ Карлсруэ въ Констанцъ для того, чтобы подстрекнуть тамошнее населеніе къ возстанію; зло не было вырвано съ корнемъ, „народники" все еще разглагольствовали по кабакамъ и съ ораторской трибуны о верховныхъ правахъ народа и о низверженіи тирановъ, ихъ все еще встрѣчали съ рукоплесканіями, которыхъ они жаждали не хуже актеровъ.

Геккеръ руководилъ изъ Карлсруэ заграничными сношеніями революціонной партіи и велъ переговоры о прибытіи изъ Парижа подкрѣп-

леній на средства, позаимствованныя у Ледрю-Роллена (стр. 216); послѣ ареста Фиклера, послѣдовавшаго 8 апрѣля, онъ чувствовалъ, что ему тоже угрожаетъ опасность, и бѣжалъ въ Констанцъ. Въ сообществѣ съ Струве, адъютантомъ послѣдняго Доллемъ, бывшимъ прусскимъ лейтенантомъ Виллихомъ, вюртембергскимъ уроженцемъ Меглингомъ и гольштейнскимъ уроженцемъ Бруэ, онъ издалъ оттуда воззваніе ко всѣмъ мужчинамъ, способнымъ носить оружіе, предлагая имъ собраться 12 апрѣля въ Донауэшингенѣ для провозглашенія Германской республики. Самъ Геккеръ выступилъ 13 апрѣля изъ Констанца, въ которомъ республика просуществовала цѣлый день, съ республиканской арміей въ 50 человѣкъ. Въ Рейнской долинѣ должно было состояться соединеніе этой арміи съ „полчищемъ благородныхъ франковъ" подъ предводительствомъ поэта Георга Гервега и его жены еврейки. Двое депутатовъ коммиссіи пятидесяти во Франкфуртѣ напрасно убѣждали революціонеровъ сложить оружіе; ихъ прогнали съ насмѣшками. Послѣ этого былъ быстро мобилизованъ восьмой армейскій союзный корпусъ, состоявшій изъ гессенскихъ и вюртембергскихъ войскъ, который разсѣялъ республиканцевъ въ стычкахъ при Кандернѣ (20 апрѣля) и Гюнтерсталѣ около Фрейбурга (23 апрѣля), почти не сопровождавшихся кровопролитіемъ, и положилъ конецъ этой безумной затѣѣ. Республиканцамъ не удалось даже выказать своего тевтонскаго геройскаго духа; они могли похвалиться только тѣмъ, что убили изъ засады генерала Фридриха фонъ Гагерна въ то время, какъ онъ возвращался къ своему отряду послѣ безполезныхъ переговоровъ съ Геккеромъ, громко бренчавшимъ своей саблей. Французскій легіонъ Гервега былъ разсѣянъ 26 апрѣля недалеко отъ Доссенбаха при помощи одной вюртембергской роты. Республиканскіе воины вмѣстѣ съ своими „военачальниками",—Геккеромъ, Струве и Францомъ Зигелемъ, пріютились на время въ Швейцаріи.

8. Борьба за національную независимость.

А. **Италія.**

Уже въ январѣ 1848 года въ ломбардскихъ городахъ стала проявляться открыто вражда мѣстнаго населенія къ австрійцамъ. Тайные революціонные комитеты, дѣйствовавшіе по указаніямъ, полученнымъ изъ Рима и Турина, устраивали демонстраціи и убѣждали населеніе не покупать австрійскихъ сигаръ и не принимать участія въ игрѣ въ лото, доходы съ которой шли въ пользу австрійской государственной казны; на стѣнахъ домовъ расклеивались прокламаціи, въ которыхъ австрійскимъ войскамъ угрожали кровавымъ возмездіемъ; были случаи убійства австрійскихъ солдатъ итальянцами. Съ самаго начала національнаго движенія въ Церковной Области фельдмаршалъ графъ Радецкій былъ убѣжденъ въ томъ, что это движеніе распространится по всей Италіи и что Австріи придется отстаивать свои итальянскія владѣнія съ оружіемъ въ рукахъ. Радецкому было извѣстно также о воинственномъ настроеніи, господствовавшемъ въ Пьемонтѣ, и о военныхъ приготовленіяхъ, которыя производились втайнѣ въ этомъ государствѣ. Эти приготовленія были безусловно необходимы: при безпристрастномъ обсужденіи политическаго положенія Апеннинскаго полуострова становилось очевиднымъ, что каждому изъ правительствъ итальянскихъ государствъ приходилось выбирать одно изъ двухъ: либо примкнуть къ неудержимому народному теченію и вступить вмѣстѣ съ народомъ въ борьбу за освобожденіе Италіи отъ иноземнаго господства, либо быть раздавленнымъ республиканцами. Савойско-Кариньянская династія (стр. 146) не могла долго колебаться въ своемъ выборѣ, такъ какъ она была единственной династіей національнаго итальянскаго происхожденія

на всемъ Апеннинскомъ полуостровѣ, которая могла добиться выдающагося положенія и занять, по крайней мѣрѣ, первое мѣсто въ союзѣ итальянскихъ государствъ, если она станетъ во главѣ патріотической партіи; напротивъ того, при враждебномъ отношеніи къ этой партіи Савойская династія рисковала своимъ престоломъ.

Радецкій прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы дать вѣнскому правительству вполнѣ ясное представленіе о предстоявшихъ событіяхъ, но тѣмъ не менѣе въ Вѣнѣ не обратили вниманія на его требованія и не прислали никакихъ подкрѣпленій къ расположеннымъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ военнымъ силамъ. Престарѣлый президентъ придворнаго военнаго совѣта графъ Г. Гардеггъ пытался было поддержать Радецкаго, но получилъ такой суровый отпоръ отъ финансоваго вѣдомства, что онъ умеръ отъ досады. Самъ фельдмаршалъ, который вступилъ 1 августа 1847 года въ 64 годъ своей службы въ императорской арміи, не смущался невѣжествомъ и трусостью вѣнскихъ сановниковъ и не отступалъ отъ своего убѣжденія въ томъ, что императорскому австрійскому дому не слѣдуетъ жертвовать своими итальянскими владѣніями. Для него было ясно, что политическое положеніе Австрійской имперіи и даже самое существованіе австрійской монархіи тѣсно связаны съ итальянскимъ вопросомъ. Въ такой моментъ, когда всѣ національности Габсбургской монархіи стали предъявлять къ правительству чрезмѣрныя требованія, нельзя было отступить добровольно съ такой позиціи, которая имѣла главнымъ образомъ моральное значеніе.

Какъ только вспыхнуло возстаніе, стали раздаваться и такіе голоса, которые предлагали, чтобы Австрія отказалась отъ Ломбардіи и Венеціи; эти люди надѣялись на то, что обѣ эти провинціи въ свое время войдутъ въ качествѣ автономныхъ областей въ составъ той слабосплоченной федераціи государствъ, въ которую, какъ предполагали, превратится Австрія. Такіе совѣты давались съ самыми благими намѣреніями и были вполнѣ естественными въ такое время, когда короли и министры состязались съ цѣлой арміей либеральныхъ профессоровъ, адвокатовъ и писателей въ политическихъ заблужденіяхъ и ни на чемъ не основанныхъ гипотезахъ; если бы австрійское правительство послѣдовало этимъ совѣтамъ, то разрѣшеніе сложныхъ вопросовъ австрійской внутренней политики, которые съ каждымъ днемъ становились все болѣе запутанными, не только не облегчилось бы, а стало бы, напротивъ того, еще болѣе труднымъ. Только благодаря непоколебимости Радецкаго и его арміи и окончательной побѣдѣ австрійцевъ возродилась и утвердилась австрійская государственная идея, которая совершенно затерялась было въ путаницѣ національныхъ и демократическихъ теченій и программъ. Итальянская война стала весьма популярной, въ особенности среди австрійскихъ нѣмцевъ, вслѣдствіе того, что геройское исполненіе своего долга сильнѣе поражаетъ и привлекаетъ къ себѣ нѣмцевъ, чѣмъ страстное увлеченіе, даже въ томъ случаѣ, если это послѣднее вызвано самыми идеальными побужденіями. Къ тому же на австрійцевъ дѣйствовали свойственный германскому народу воинственный духъ, гордое сознаніе своего военнаго превосходства и воинственныя традиціи. Что касается нѣмецкаго населенія альпійскихъ провинцій, то это воинственное увлеченіе объяснялось глубокими чертами ихъ національнаго характера. Францъ Грильпарцеръ задѣвалъ задушевныя струны австрійцевъ, когда онъ обращался къ престарѣлому фельдмаршалу, высоко державшему старое императорское знамя на итальянской землѣ, со слѣдующими словами: „Австрія въ твоемъ лагерѣ; мы же только разбросанные остатки ея!“ Австрійскіе патріоты часто повторяли эти слова своего національнаго поэта.

Очень можетъ быть, что какой-нибудь необыкновенно проницательный и просвѣщенный государственный дѣятель понялъ бы уже въ то время,

что Австрія уже сыграла свою роль въ Германіи, что съ уничтоженіемъ Римско-Германской имперіи погибли всѣ притязанія Габсбурговъ на гегемонію надъ германскимъ народомъ и что, примирившись съ этимъ переворотомъ, Австрія могла бы вступить въ мирное соглашеніе съ Пруссіей о справедливомъ размежеваніи своихъ владѣній и своего политическаго вліянія въ Западной Европѣ; напротивъ того, было очень глупо совѣтовать дому Габсбурговъ начать съ добровольнаго отказа отъ своихъ владѣній. Присоединеніе къ Австріи ея итальянскихъ владѣній было ошибкой со стороны Меттерниха; но было бы неблагоразумно со стороны династіи жертвовать для исправленія этой ошибки своими уже пріобрѣтенными правами въ такой моментъ, когда съ разныхъ сторонъ населеніе выступало противъ короны съ требованіемъ національныхъ правъ и когда отъ неприкосновенности австрійскихъ владѣній зависѣла цѣлость государства и самое существованіе престола. Военныя побѣды были единственно возможнымъ доказательствомъ устойчивости Австрійской монархіи. Армія, которая отступила бы предъ пьемонтскими и итальянскими добровольцами, не могла бы больше одержать никакихъ вообще побѣдъ, между прочимъ, и въ Венгріи.

Въ своемъ приказѣ по арміи отъ 15 января 1848 года Радецкій объявилъ просто и ясно, что австрійскій императоръ намѣренъ защищать свое Ломбардо-Венеціанское горолевство отъ всякаго внѣшняго и внутренняго врага и что самъ онъ будетъ повиноваться въ точности волѣ императора. Однако, онъ не могъ сдѣлать никакихъ стратегическихъ приготовленій къ ожидаемой войнѣ; въ его распоряженіи было такъ мало военныхъ силъ, что онъ еле успѣлъ снабдить гарнизонами важнѣйшія города, и эти гарнизоны были все-таки слишкомъ слабы въ сравненіи съ многочисленнымъ городскимъ населеніемъ. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства Радецкаго неоднократно обвиняли въ томъ, что онъ былъ застигнутъ врасплохъ революціей. Въ дѣйствительности дѣло обстояло не такъ: у него не было никакой возможности подготовиться къ наступленію революціи; ему приходилось вступить въ борьбу съ тѣми наличными силами, которыя имѣлись въ его распоряженіи. 17 марта, когда въ Миланъ пришло извѣстіе о революціи въ Вѣнѣ, на улицахъ сталъ скопляться народъ; 18 и 19 марта произошли кровопролитныя уличныя столкновенія, вслѣдствіе которыхъ маршалъ сосредоточилъ 20-го числа разсѣянныя по всему этому большому городу войска у главныхъ воротъ и городского вала для того, чтобы австрійскія войска не могли быть окружены пьемонтской арміей, наступленія которой можно было ожидать.

21 марта стало извѣстно, что король Сардинскій Карлъ Альбертъ перешелъ съ своей арміей черезъ рѣку Тичино; Радецкій выступилъ изъ Милана, перешелъ черезъ рѣку Минчіо и подошелъ къ стѣнамъ сильной крѣпости Вероны, которая образовывала вмѣстѣ съ Мантуей, Пескіерой и Леньяно четырехугольникъ крѣпостей, прославившійся во время предстоявшей кампаніи. Большинство гарнизоновъ, находившихся въ ломбардскихъ городахъ, успѣло пробиться; только немногіе изъ нихъ сдались въ плѣнъ. Напротивъ того, изъ главной арміи, въ которой было 61.000 человѣкъ пѣхоты, выбыло изъ строя 10.000 чоловѣкъ, такъ какъ всѣ 20 итальянскихъ батальоновъ, входившихъ въ составъ ея, дезертировали. Казначейство по большей части не удалось спасти; изъ Милана въ Верону фельдмаршалъ привезъ съ собой всего только полмилліона гульденовъ звонкой монетой; эту сумму удалось спасти благодаря тому обстоятельству, что предъ самымъ началомъ возстанія въ Миланъ была поспѣшно вызвана дивизія, стоявшая раньше въ Падуѣ.

Венеція освободилась отъ австрійцевъ. Адвокатъ Даніилъ Манинъ, происходившій изъ еврейской семьи и слѣдовательно вовсе не принадлежавшій къ роду послѣдняго изъ венеціанскихъ дожей Лодовико Манина,

подговорилъ рабочихъ арсенала, завладѣлъ съ ихъ помощью этимъ послѣднимъ и навелъ такой страхъ на лейтенантъ-фельдмаршала графа Фердинанда Цихи, зятя Меттерниха, командовавшаго войсками (гражданскимъ губернаторомъ состоялъ графъ Пальфи фонъ-Эрдеръ), что 22 марта тотъ сдался на капитуляцію подъ тѣмъ условіемъ, чтобы неитальянской части гарнизона былъ предоставленъ свободный выходъ. Манинъ получилъ званіе президента и сталъ во главѣ вновь учрежденной демократической венеціанской республики, къ которой присоединилась большая часть городовъ бывшихъ владѣній Венеціи на материкѣ; однако, не смотря на всѣ старанія Манина новая республика не была признана Англіей и Франціей, и онъ былъ вынужденъ вскорѣ вступить въ союзъ съ Сардинскимъ королевствомъ. Мантуя осталась во власти австрійцевъ благодаря мужеству и неустрашимости коменданта крѣпости генерала фонъ-Горчковскаго.

Національное итальянское движеніе проникло также и въ **Южный Тироль**. Уже 19 марта жители Тріента потребовали присоединенія къ Ломбардіи Трентино, т. е. области бывшаго княжества — епископства Тріента; на выручку запертыхъ въ тріентской цитадели австрійскихъ войскъ пришла австрійская бригада подъ начальствомъ генерала Цобеля; это подкрѣпленіе не только упрочило за Австріей обладаніе этимъ важнымъ пунктомъ, но обезпечило также сообщеніе между главной квартирой Радецкаго и австрійскимъ правительствомъ, — такое сообщеніе было возможно только черезъ Тироль. Послѣ этого тирольскіе нѣмцы сами взяли на себя защиту своей родины и выставили для охраны ея границъ свои стрѣлковыя общества, существующія уже сотни лѣтъ на основаніи спеціальныхъ узаконеній. Южнотирольское населеніе итальянскаго происхожденія не только не примкнуло къ возстанію, но во многихъ мѣстахъ добровольно приняло участіе въ оборонѣ Тироля; поэтому возмутившіеся горожане не могли выступить открыто противъ болѣе многочисленнаго вооруженнаго сельскаго населенія, и имъ не удалось соединиться съ подступившими къ тирольскимъ границамъ вольными дружинами. Вездѣ, гдѣ только эти послѣднія успѣвали прорваться, онѣ терпѣли чувствительныя пораженія отъ храбрыхъ тирольскихъ стрѣлковъ, которые съ радостью шли на бой съ ненавистными имъ итальянцами.

29 марта 1848 года король **сардинскій** перешелъ черезъ рѣку Тичино безъ объявленія войны подъ предлогомъ защиты своихъ собственныхъ владѣній. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 3 дивизіи, общей численностью приблизительно въ 45.000 человѣкъ, и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ около Гоито, Валеджіо и др., въ которыхъ онъ побѣдоносно оттѣснилъ слабые австрійскіе отряды, онъ дошелъ 10 апрѣля до рѣки Минчіо. Послѣ выступленія австрійскихъ войскъ изъ Милана туда прибылъ Мадзини (стр. 218); однако, вступленіе пьемонтцевъ помѣшало ему учредить въ этомъ городѣ республиканское правительство. На первыхъ порахъ національное движеніе было направлено противъ иноземнаго господства австрійцевъ. Подъ давленіемъ бурныхъ народныхъ манифестацій среднія и мелкія итальянскія государства были вынуждены отправить свои войска на помощь пьемонтцамъ; около 40.000 неаполитанцевъ, швейцарцевъ на папской службѣ, тосканцевъ, моденцевъ и др. появились подъ начальствомъ Джіакомо Дурандо на рѣкѣ По и готовы были перейти въ наступленіе противъ австрійцевъ одновременно съ Карломъ Альбертомъ.

Послѣ отправки части его войскъ для прикрытія рѣки Эчъ и для выручки запертыхъ въ крѣпостяхъ гарнизоновъ въ распоряженіи Радецкаго осталось не болѣе 35.000 человѣкъ; тѣмъ не менѣе Радецкій напалъ 6 мая на шедшаго на Верону Сардинскаго короля около **Санта-Люція**, и австрійскій отрядъ, состоявшій всего изъ 19 батальоновъ, 16 эскадроновъ и 81 орудія, что составляло всего еле 16.000 человѣкъ, разбилъ гораздо болѣе многочисленную пьемонтскую армію, состоявшую изъ 41.000 человѣкъ. Эта битва, въ которой больше всѣхъ отличились ценерскіе стрѣлки подъ

начальствомъ полковника фонъ-Копала и въ которой принималъ участіе эрцгерцогъ Францъ Іосифъ, покрыла въ глазахъ всѣхъ австрійцевъ неувядаемой славой участвовавшихъ въ ней доблестныхъ воиновъ, которымъ отечество было не мало обязано. Побѣда, одержанная Радецкимъ при Санта-Лючія, послужила поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ итальянской революціи. Въ этомъ сраженіи выяснилось вполнѣ превосходство австрійскихъ войскъ надъ пьемонтцами, которые были наилучшими солдатами итальянской національности; увѣренность въ этомъ подняла въ маленькой австрійской арміи вѣру въ свои силы и въ военныя дарованія престарѣлаго маршала, и эта вѣра превратила австрійцевъ въ непобѣдимыхъ героевъ. Много молодыхъ людей изъ самыхъ знатныхъ фамилій Вѣны и альпійскихъ провинцій вступили въ ряды австрійско-итальянской арміи; наиболѣе здравомыслящіе студенты старались убѣжать отъ того искусственнаго народничества и героизма, которые проповѣдывались въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ на студенческихъ сходкахъ въ Вѣнскомъ университетѣ; они спѣшили вступить въ ряды храбрыхъ добровольцевъ, которые шли въ огонь съ ликованіемъ и шутками и готовы были пролить свою кровь за военную честь своего отечества. Послѣ первыхъ неудачъ пылъ итальянцевъ сталъ остывать; они убѣдились, что для успѣшнаго веденія войны недостаточно одного воодушевленія и что въ бою съ огнестрѣльнымъ оружіемъ увлекающійся темпераментъ ихъ расы не составляетъ никакого преимущества.

Радецкій не увлекся достигнутыми имъ результатами, дѣйствовалъ осторожно и не двигался впередъ, пока не подойдутъ резервы, которые формировались во внутреннихъ частяхъ австрійской имперіи; какъ только онъ далъ сильный отпоръ главнымъ силамъ Альберта, онъ остановился внутри четырехугольника крѣпостей. Фельдцейхмейстеръ Лаваль графъ Нудженть, по происхожденію ирландецъ, который поступилъ на службу въ австрійскую армію въ 1793 году, принималъ участіе въ войнѣ за освобожденіе Испаніи въ 1812 году и стоялъ во главѣ возстанія испанскихъ приморскихъ провинцій въ 1813 г., привелъ къ своему сослуживцу Радецкому изъ Изонцо 16,000 человѣкъ пѣхоты, 8 эскадроновъ кавалеріи и 54 орудія. 22 апрѣля онъ взялъ Удину, двинулся черезъ Порденоне и Конельяно на Беллуно, Фельтре и Бассано и держался для прикрытія своего отряда близко отъ подошвы горнаго хребта, такъ какъ корпусъ Дурандо отправился отъ рѣки По на сѣверъ съ цѣлью воспрепятствовать соединенію Нудждента съ Радецкимъ. Нудженть заболѣлъ, а резервы двинулись дальше подъ начальствомъ генерала графа Георга Турна и достигли послѣ многочисленныхъ стычекъ съ непріятелемъ мѣстности Санъ-Бонифачіо недалеко отъ Вероны, гдѣ и состоялось 22 мая соединеніе австрійскихъ резервовъ съ главной арміей.

Между тѣмъ въ Неаполѣ королевское правительство одержало верхъ надъ республиканцами, и неаполитанская армія, которая уже дошла было до рѣки По, была отозвана обратно. Всѣ неаполитанскія войска подчинились королевскому приказу за исключеніемъ 2000 солдатъ подъ начальствомъ Пепе, которые послужили подкрѣпленіемъ для Венеціанскаго отряда. Благодаря этому уменьшилась въ значительной степени опасность, угрожавшая лѣвому флангу Радецкаго; поэтому онъ съ своей стороны перешелъ въ наступленіе противъ сардинской арміи и двинулся изъ Мантуи, въ которую онъ прибылъ 28 мая, съ двумя корпусами и частью своихъ резервовъ на Куртатоне и Гоито. Радецкій имѣлъ въ виду выручить Пескьеру, обложенную герцогомъ генуэзскимъ, но не достигъ своей цѣли, такъ какъ гарнизонъ не получилъ никакихъ свѣдѣній о движеніи главной арміи и 30 мая сдался на капитуляцію вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ. Зато австрійцамъ удалось 10-го іюня взять крѣпость Виченцу. Послѣ кровопролитнаго боя при Монте-Берико, въ которомъ былъ смертельно раненъ Роландъ арміи Радецкаго полковникъ фонъ Копалъ, генералъ Ду-

рандо сдалъ крѣпость, а самъ получилъ свободный пропускъ вмѣстѣ съ бывшими подъ его командой римскими и тосканскими войсками. „Crociati" (крестоносцы), осаждавшіе Тревизо, сняли осаду и присоединились къ Дурандо; отряды добровольцевъ очистили также и Падую, такъ что почти вся Венеціанская область была возвращена обратно подъ власть Австріи. Изъ внутреннихъ частей Австріи прибыли новыя подкрѣпленія, изъ которыхъ былъ сформированъ второй резервный корпусъ, стоявшій на рѣкѣ Пьяве; этому корпусу былъ отданъ приказъ обложить съ суши Венецію.

Въ это же самое время миланское временное правительство предложило сардинскому королю ломбардо-венеціянскую корону; Карлъ Альбертъ льстилъ себя надеждой на то, что онъ будетъ носить эту корону въ дѣйствительности, такъ какъ австрійское правительство, которое удалилось изъ Вѣны въ Инсбрукъ вслѣдствіе возобновленія безпорядковъ, готово было согласиться на перемиріе, а Франція и Англія съ своей стороны заявили, что онѣ считаютъ отказъ со стороны Австріи отъ ея итальянскихъ владѣній необходимымъ условіемъ для начатія мирныхъ переговоровъ. Радецкій отказывался отъ всякихъ мирныхъ переговоровъ и настаивалъ на продолженіи войны, для которой онъ сдѣлалъ обширныя приготовленія въ іюнѣ и іюлѣ 1848 г. Онъ сформировалъ въ Южномъ Тиролѣ третій армейскій корпусъ подъ начальствомъ графа Турна и четвертый въ Леньяго подъ командой генерала фонъ Кулоца, а съ двумя первыми корпусами онъ предпринялъ наступленіе на укрѣпленныя позиціи сардинскаго короля при Сонѣ и Соммакампаньѣ. 23 іюля Радецкій приступилъ къ военнымъ дѣйствіямъ въ этихъ мѣстахъ, а 25 іюля 1848 онъ закончилъ ихъ сраженіемъ при К у с т о ц ц ѣ, въ которомъ король потерпѣлъ неудачу, а Радецкій завладѣлъ всею линіею рѣки Минчіо.

Теперь Карлъ Альбертъ сталъ просить перемирія; но Радецкій поставилъ ему такія тяжелыя условія, что король не могъ на нихъ согласиться, Карлъ Альбертъ былъ вынужденъ отдать во власть австрійцевъ рѣку Адду, черезъ которую фельдмаршалъ перешелъ 1 августа безъ боя съ тремя армейскими корпусами; сраженія, происшедшія 4 августа передъ Миланомъ, обнаружили такую полную неспособность пьемонтскихъ войскъ къ сопротивленію, что только быстрое наступленіе австрійцевъ спасло короля отъ ярости городской черни, которая вопила объ измѣнѣ. 6 августа Радецкій вступилъ торжественно въ М и л а н ъ, при чемъ часть населенія оказала ему даже дружелюбный пріемъ; 10 августа итальянцы очистили Пескьеру. Все Ломбардо-Венеціанское королевство за исключеніемъ Венеціи было возвращено подъ власть императора. Послѣ этого между Австріей и Сардиніей состоялось п е р е м и р і е, которое было заключено 9 августа всего на 6 недѣль, но продолжало дѣйствовать по молчаливому согласію обѣихъ сторонъ всю осень 1848 года и зиму 1848—49 года.

Великій герцогъ Т о с к а н с к і й былъ убѣжденъ, что онъ вполнѣ удовлетворилъ своихъ подданныхъ и выполнилъ всѣ политическія и національныя требованія своего народа, такъ какъ онъ далъ своей странѣ либеральную конституцію. Однако, республиканцы все еще не переставали волновать этой благодатной страны, которая чувствовала себя подъ кроткимъ режимомъ габсбургскихъ герцоговъ болѣе счастливой, чѣмъ когда либо раньше, кромѣ эпохи великихъ Медичи; республиканцы завладѣли гаванью Ливорно, а въ февралѣ 1849 г. они захватили въ свои руки правительственную власть въ столицѣ Тосканы, Флоренціи, при чемъ предводителемъ ихъ оказался мадзинистъ Франческо Доменико Гверрацци, котораго Леопольдъ былъ вынужденъ даже назначить министромъ. Великій герцогъ бѣжалъ въ Гаэту, куда спасся также отъ республиканцевъ, осаждавшихъ его въ Квириналѣ, папа Пій IX. Мадзини и его другъ Джузеппе Гарибальди, который бѣжалъ отъ преслѣдованій тридцатыхъ годовъ въ Южную Америку и велъ тамъ жизнь, наполненную воинственными приключеніями, безпокоили

австрійцевъ при помощи добровольческихъ отрядовъ, сгруппировавшихся вокругъ нихъ, въ области Лаго Маджіоре, откуда легко было скрыться на швейцарскую территорію, и въ то же время подстрекали своихъ приверженцевъ въ Пьемонтѣ къ новымъ волненіямъ.

Въ это самое время король Карлъ Альбертъ усиленно готовился къ возобновленію войны и опять довелъ свою армію до 10 ,000: новый походъ противъ австрійцевъ казался ему единственнымъ средствомъ для спасенія отъ угрожавшей также и ему революціи. Онъ былъ убѣжденъ вполнѣ основательно, что, если военное счастье не измѣнитъ ему, то на его сторону перейдутъ всѣ патріоты; но онъ не вѣрилъ въ свой успѣхъ и съ мрачными предчувствіями отказался отъ перемирія 22 марта 1849. Радецкій давно ожидалъ этого момента и нисколько не былъ застигнуть врасплохъ, а, напротивъ того, готовилъ своему противнику не мало сюрпризовъ. Австрійскій главнокомандующій не отступилъ къ рѣкѣ Аддѣ, какъ этого ожидали сардинцы, а предпринялъ обходное движеніе съ праваго фланга изъ Лоди на Павію съ арміей въ 58000 человѣкъ при 186 орудіяхъ; 20 марта онъ перешелъ черезъ рѣку Тичино и двинулся дальше по направленію къ Мортарѣ, въ то время какъ Карлъ Альбертъ направлялся въ противоположномъ направленіи мимо Буфалори и вступилъ на Ломбардскую территорію около Мадженты. Сардинскій король препоручилъ командованіе своими войсками польскому революціонному генералу Хржановскому, а товарищъ по оружію этого послѣдняго Раморино (стр. 183) командовалъ дивизіей, сформированной изъ ломбардскихъ эмигрантовъ. Благодаря смѣлому фланговому движенію Радецкаго была разорвана связь между отдѣльными частями сардинской арміи: Хржановскій былъ вынужденъ выслать съ крайней поспѣшностью по направленію къ Виджевано и Мортарѣ двѣ дивизіи, которымъ было приказано всѣми силами задержать движеніе австрійцевъ, угрожавшихъ линіи отступленія сардинской арміи. Несмотря на это укрѣпленная позиція сардинцевъ при Мортарѣ была взята 21 марта корпусомъ д'Аспре, первой дивизіей котораго командовалъ эрцгерцогъ Альбрехтъ. Послѣ этого сардинскому главному штабу не оставалось никакого другого исхода, какъ занять превосходную въ тактическомъ отношеніи позицію при Новарѣ тѣми 54 тысячами человѣкъ при 122 орудіяхъ, которымъ удалось соединиться вмѣстѣ, и принять здѣсь генеральное сраженіе; наступающія колонны австрійской арміи сдѣлали невозможнымъ для сардинцевъ отступленіе къ Верчелли.

23 марта Радецкій направилъ свои 4 корпуса концентрически по направленію къ Новарѣ. Въ 11 часовъ утра эрцгерцогъ Альбрехтъ повелъ свои войска противъ высотъ Бикокка, составлявшихъ ключъ позиціи итальянцевъ; въ теченіе четырехъ часовъ 15000 человѣкъ приходилось держаться противъ 50000, пока, наконецъ, въ 3 часа дня не подоспѣли на поле битвы корпуса, выдвинутые впередъ по дорогѣ въ Верчелли. Это рѣшило судьбу сраженія: къ вечеру сардинцы были вынуждены очистить Новарскія высоты и отступить въ городъ Новару, который немедленно былъ подвергнутъ бомбардировкѣ. Въ стѣснившихся на пути отступленія колоннахъ итальянской арміи произошло замѣшательство, тактическій порядокъ ихъ разстроился, и значительное число итальянскихъ солдатъ обратилось въ бѣгство. Такъ какъ всякое дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно, то итальянскій король просилъ у Радецкаго перемирія, но австрійскій главнокомандующій отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Тогда Карлъ Альбертъ отказался отъ престола въ пользу своего наслѣдника Виктора Эмануила, герцога Савойскаго, тоже принимавшаго участіе въ походѣ, и въ ту же ночь пробрался въ Тоскану черезъ линію австрійскихъ войскъ, которыя дали ему пройти безпрепятственно.

Утромъ 24 марта король Викторъ Эмануилъ вступилъ въ переговоры съ Радецкимъ на хуторѣ Виньяле (см. прилож. таб. „Встрѣча

Пьемонтцы фонъ-Гессъ Ламармора Викторъ Эмануилъ Радецкій

Встрѣча Радецкаго съ Викторомъ Эмануилом

(Акварель Фридриха Кальни

...послѣ битвы при Новарѣ 24 марта 1849 года.

...литографіи Франца Адама.)

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб

Встрѣча Радецкаго съ Викторомъ Эмануиломъ
послѣ битвы при Новарѣ на хуторѣ Виньяле 24 марта 1849 года.

Пьемонтскіе офицеры.

Баронъ Генрихъ фонъ Гессъ, Австрійскій фельдцейхмейстеръ, генералъ-квартирмейстеръ Радецкаго.

Альфонсо Ферреро Кавальере дель Ламармора, пьемонтскій дивизіонный генералъ, бывшій военнымъ министромъ при Карлѣ Альбертѣ и Викторѣ Эмануилѣ.

Викторъ Эмануилъ, король пьемонтскій.

Графъ Радецкій, фельдмаршалъ, въ походной маршальской формѣ.

Миліусъ, лейтенантъ серессановъ (кроатскихъ пограничныхъ жандармовъ въ національномъ костюмѣ — Rotmäntler, т. е. красношинельныхъ).

Офицеръ батальона егерей добровольцевъ (вѣнскаго или 3-го егерскаго штирійскаго батальона, расформированнаго послѣ этой кампаніи).

Гайцингеръ, оберъ-лейтенантъ 5-го полка легкой кавалеріи, преобразованнаго 40 лѣтъ тому назадъ въ уланскій полкъ.

Шлитеръ фонъ Нидернбергъ, полковникъ, генералъ-адъютантъ 2-ой армейской команды.

Баронъ фонъ Лейкамъ, майоръ, флигель-адъютантъ.

Отто Эбергардъ, майоръ и личный адъютантъ маршала Радецкаго.

Историческая бѣлая лошадь Радецкаго.

Серессаны, караулившіе въ главной квартирѣ Радецкаго.

(Рисовалъ съ натуры Евгеній Адамъ, грав. на камнѣ Францъ Адамъ; печатано въ художественномъ заведеніи Юліуса Адама въ Мюнхенѣ. По фотографическому снимку съ экземпляра, принадлежащаго императорской королевской библіотекѣ въ Вѣнѣ, — раскрасилъ въ цвѣта тогдашней военной обмундировки Фридрихъ Кульнигъ въ Вѣнѣ)

Радецкаго съ Викторомъ Эмануиломъ послѣ битвы при Новарѣ*) и заключилъ съ нимъ соглашеніе относительно условій перемирія, которыя были признаны вмѣстѣ съ тѣмъ основными положеніями будущаго мирнаго договора. По этому соглашенію были возстановлены политическія границы, существовавшія до войны, фельдмаршалъ Радецкій отказался отъ вступленія въ Туринъ, который остался беззащитнымъ, но оставилъ впредь до заключенія мира оккупаціонный отрядъ въ 21000 человѣкъ въ Ломеллинѣ, области, расположенной между рѣками Тичино и Сезіей. Сардинское королевство обязалось удалить свои военныя суда изъ Адріатическаго моря, вывести свои войска изъ Тосканы, Пармы и Модены и немедленно распустить венгерскіе, польскіе и ломбардскіе отряды добровольцевъ, входившіе въ составъ сардинской арміи. 1 апрѣля подоспѣвшій изъ Падуи резервный корпусъ подъ командой генерала Юліуса Якова фонъ Гайнау взялъ штурмомъ Брешію, которую республиканскія банды захватили въ свои руки послѣ ухода австрійцевъ изъ Милана. Во время этой кампаніи итальянцы совершили много жестокостей надъ плѣнными и ранеными австрійцами; ворвавшіеся въ Брешію побѣдители въ свою очередь никому не давали пощады: всѣ захваченные съ оружіемъ въ рукахъ были перебиты, а дома, изъ которыхъ стрѣляли, были сожжены.

Послѣ пораженія Сардинскаго королевства національныя стремленія итальянцевъ потеряли всякіе шансы на успѣхъ; но демократы все еще продолжали сопротивляться возстановленію государственнаго порядка въ Тосканѣ и въ герцогствахъ. Однако австрійскимъ войскамъ удалось сломить ихъ упорство, и только захватъ Болоньи и Анконы потребовалъ отъ нихъ значительныхъ усилій: первая была занята австрійцами 15, вторая 19 мая. По просьбѣ папы французы и неаполитанцы взялись силою водворить его обратно въ его владѣнія, но имъ пришлось натолкнуться на сильное сопротивленіе со стороны Гарибальди въ Римѣ. Французскій генералъ Викторъ Удино, сынъ одного изъ маршаловъ Наполеона I, вынужденъ былъ предпринять правильную осаду вѣчнаго города съ арміей въ 20000 человѣкъ; онъ стоялъ подъ Римомъ съ 1 іюня до 3 іюля, пока римское населеніе не убѣдилось, наконецъ, что дальнѣйшее сопротивленіе будетъ безполезно, и не заставило удалиться изъ города Гарибальди съ 3000 республиканцевъ. Со дня вступленія французскихъ войскъ въ Римъ до 1866 г. (и затѣмъ съ 1866 до 1870 г). въ Римѣ все время оставался для защиты папы французскій гарнизонъ. Позже всѣхъ другихъ областей отказалась отъ борьбы за независимость Венеція. Манинъ отклонилъ предложеніе о капитуляціи, хотя ему уже было извѣстно о пораженіи Карла Альберта и о его отреченіи отъ престола. Австрійцы были вынуждены заняться возведеніемъ параллелей противъ укрѣпленій, расположенныхъ посреди лагунъ, изъ которыхъ самымъ сильнымъ былъ фортъ Мальгера, и осыпать ихъ тысячами бомбъ. Наконецъ, австрійцы прервали сношенія между городомъ и сосѣднимъ материкомъ при посредствѣ гребной флотиліи, и только послѣ этого недостатокъ въ съѣстныхъ и военныхъ припасахъ принудилъ къ капитуляціи городской совѣтъ, которому Манинъ передалъ управленіе Венеціей.

Италія не была въ состояніи добиться своего освобожденія своими собственными силами. Хотя австрійскому правительству приходилось въ теченіе лѣта 1848 года одновременно съ итальянской компаніей бороться съ оружіемъ въ рукахъ также и съ охваченной возстаніемъ Венгріей, хотя столица имперіи Вѣна только къ осени была вырвана изъ рукъ революціонеровъ, тѣмъ не менѣе Австыйская имперія оказалась въ состояніи сконцентрировать достаточныя силы для подавленія итальянцевъ. Своимъ успѣхомъ Австрія была обязана не только военному таланту и твердости характера великаго маршала, котораго по справедливости можно было назвать спасителемъ государства, но также доблестному духу, вѣрности и преданности офицерскаго корпуса и пре-

восходнымъ боевымъ качествамъ германскихъ и славянскихъ солдатъ. Какъ высоко мы ни будемъ цѣнить національное воодушевленіе итальянцевъ, оно не могло возмѣстить ихъ плохихъ боевыхъ качествъ и недостатка дисциплины въ ихъ рядахъ.

Б. **Австро-Венгерская монархія въ 1848—49 г.**

Что касается военныхъ столкновеній между австрійцами и итальянцами, то они были естественнымъ послѣдствіемъ отстаиваемыхъ съ обѣихъ сторонъ съ крайнимъ напряженіемъ силъ противорѣчащихъ другъ другу интересовъ; напротивъ того, о венгерской кампаніи исторія должна высказаться рѣшительно въ томъ смыслѣ, что это было безцѣльное и безполезное преступное кровопролитіе, совершенное безъ всякой нужды и безъ всякой пользы для народа; эта кампанія послужила поводомъ къ смутамъ и печальнымъ политическимъ ошибкамъ, отъ которыхъ тяжело страдали въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій не только мадьяры, но и остальные народы Габсбургской монархіи. Дѣло въ томъ, что революціи никогда не создаютъ прочнаго порядка вещей: сила революціи заключается въ томъ, что она срываетъ съ народа тяжелыя оковы и является воздаяніемъ за совершавшіяся раньше беззаконія; но она прерываетъ естественный ходъ національнаго развитія, нарушаетъ правильный прогрессъ и затягиваетъ введеніе благоразумныхъ улучшеній.

а) Вѣна въ промежутокъ времени отъ апрѣля до августа 1848 года.

Мартовскіе дни положили начало крайней смутѣ какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Венгріи: благодаря разразившемуся внезапно крайнему возбужденію населенія и растерянности правительства различные классы отвоевали себѣ права, которыя были впослѣдствіи утверждены закономъ и пользованіе которыми не только мѣшало дальнѣйшему существованію государства, но дѣлало его прямо невозможнымъ. Къ этой категоріи относилось въ Вѣнѣ прежде всего предоставленное студентамъ право носить оружіе и вмѣшиваться въ общественную жизнь, а въ Венгріи учрежденіе отдѣльнаго военнаго министерства и министерства финансовъ съ неограниченными полномочіями. Студенты фигурировали на переднемъ планѣ всей вѣнской политической жизни: не было ни одного общегосударственнаго интереса, ни одного національнаго или административнаго вопроса, котораго они не касались бы и въ которомъ они не выставляли бы своихъ требованій отъ имени народа. Благодаря этому все, происходившее въ столицѣ, принимало не только юношескій, но прямо таки дѣтскій характеръ. Ни одинъ вопросъ не обсуждался съ надлежащимъ спокойствіемъ и обдуманностью, всѣ рѣшенія принимались скороспѣло, къ словамъ людей благоразумныхъ, обладающихъ опытомъ и широкими познаніями въ государственныхъ дѣлахъ, никто не прислушивался. Словообильные, но бездарные болтуны, съ театральнымъ пафосомъ произносившіе широковѣщательныя рѣчи, пользовались громадной популярностью въ легко поддающихся агитаціи массахъ среди мелкой буржуазіи и рабочихъ; даже правительственные круги тоже дѣйствовали подъ ихъ вліяніемъ и руководствомъ. При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о планомѣрномъ и цѣлесообразномъ употребленіи пріобрѣтенныхъ правъ, такъ какъ народъ не могъ составить себѣ яснаго сужденія объ ихъ значеніи; вмѣсто этого пытались стащить луну съ неба на землю, подкапывались подъ всѣ существующіе авторитеты, не замѣняя ихъ ни однимъ новымъ.

Студентовъ соблазняли и эксплуатировали невѣжественные журналисты большею частью евреи, воспитавшіеся въ школѣ Берне и Гейне,

питавшіе ненависть ко всѣмъ монархамъ, по примѣру своего учителя Берне, и своими шутками отталкивавшіе своихъ читателей отъ всякой благоразумной идеи; на плечахъ студентовъ выѣзжали также всякаго рода доносчики и низкіе люди, которые надѣялись, что устраненіе вліянія всѣхъ приличныхъ и добросовѣстныхъ людей поможетъ имъ составить себѣ блестящую карьеру. Благодаря всеобщей популярности студентовъ, за спиной которыхъ прятались всѣ эти люди, эти такъ называемые демократы добились значительнаго вліянія даже въ средѣ состоятельныхъ бюргеровъ. Они господствовали въ многочисленныхъ ферейнахъ и клубахъ національныхъ гвардейцевъ, разсѣянныхъ по предмѣстьямъ Вѣны, и не переставали подстрекать къ волненіямъ вѣнскихъ рабочихъ, которые стояли еще на крайне низкой ступени политическаго развитія, но тѣмъ не менѣе были распропагандированы агитаторами, подосланными революціонными обществами изъ Франціи, Швейцаріи и западной Германіи: рабочіе увлекались самыми фантастическими мечтами и ожидали наступленія новой эры свободы, когда можно будетъ предаваться наслажденіямъ безъ всякихъ ограниченій. Кромѣ евреевъ большимъ вліяніемъ пользовались и поляки, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ безпорядки, вспыхнувшіе въ польскихъ областяхъ Австріи, были быстро подавлены благодаря энергіи галиційскаго намѣстника графа Штадіона и краковскаго городского коменданта. Польскіе агитаторы остались безъ занятій: въ Вѣнѣ они встрѣтили самый радушный пріемъ и стали самыми необходимыми людьми для бурныхъ петицій и уличныхъ демонстрацій. Конституція, набросанная Пиллерсдорфомъ (стр. 223) съ крайней поспѣшностью, хотя и не безъ таланта, была опубликована 28 апрѣля 1848 года; 9 мая послѣдовало распоряженіе о порядкѣ выборовъ. Оба эти документа носили вполнѣ революціонный характеръ, такъ какъ они пренебрегали правами, принадлежавшими провинціальнымъ сеймамъ (ландтагамъ), и не исходили изъ существующаго положенія вещей, а пытались создать совершенно новыя политическія отношенія въ духѣ господствующихъ политическихъ теорій. Кромѣ того, они стояли на централистической почвѣ и основывались на томъ предположеніи, что вся австрійская имперія представляетъ собою однородную область съ совершенно одинаковыми учрежденіями: изъ всѣхъ австрійскихъ провинцій исключеніе было сдѣлано только для Венгріи и Ломбардо-Венеціанскаго королевства. Положеніе этихъ областей было обойдено полнымъ молчаніемъ въ упомянутыхъ документахъ. Рейхстагъ долженъ былъ состоять изъ сената и палаты депутатовъ: въ составъ сената входили члены императорской фамиліи мужского пола старше 24 лѣтъ, неограниченное число пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ императоромъ, и 150 выборныхъ отъ представителей крупнаго землевладѣнія; палата депутатовъ состояла изъ представителей 31 города и смѣшанныхъ избирательныхъ округовъ; каждые 50000 человѣкъ выбирали по одному депутату посредствомъ двустепенныхъ выборовъ, а общее число членовъ палаты депутатовъ было 383.

Радикалы были въ принципѣ противъ учрежденія сената и непрямой системы выборовъ: какъ убѣжденные прогрессисты, они стояли, конечно, за одну палату, за выборы посредствомъ прямой подачи голосовъ и за уничтоженіе избирательнаго ценза: эти требованія они считали необходимыми выводами изъ народныхъ правъ, а „народомъ" они признавали только демократовъ. Аристократы,—такъ демократы называли всѣхъ умѣренныхъ, т. е. тѣхъ, которые считали необходимымъ, чтобы народъ предварительно достигъ извѣстной степени политической зрѣлости, и были убѣждены, что требуется извѣстное время для политическаго воспитанія народа,—аристократы считались врагами народа, измѣнниками; съ ними не только боролись, но старались закрыть имъ ротъ и лишить ихъ политическихъ правъ. Недовольство конституціей усилилось еще больше послѣ того, какъ

военный министръ фельдмаршалъ лейтенантъ Петръ Цаннни былъ замѣщенъ графомъ Теодоромъ Балье де Латуромъ (28 апрѣля). Цаннни былъ человѣкомъ ограниченныхъ способностей, съ мѣщанскими манерами; онъ не стоялъ на высотѣ своей задачи, но именно поэтому этотъ министръ былъ любезенъ сердцу демократовъ; новый военный министръ принадлежалъ къ числу наиболѣе выдающихся генераловъ по своимъ способностямъ и познаніямъ и пользовался симпатіями арміи: эта популярность его въ арміи и его графскій титулъ сдѣлали его подозрительнымъ въ глазахъ „народа". Уже въ началѣ мая студенты стали выражать министру президенту графу Карлу Фикельмону возгласами и свистками „недовольство отъ имени „народа". 15 мая студенты ворвались въ Бургъ (Императорскій дворецъ), подзадоривъ себя наканунѣ въ университетской залѣ разжигательными рѣчами; соединившись съ рабочими, они застигли врасплохъ Пиллерсдорфа, который отступилъ передъ ними, не сдѣлавши даже попытки къ сопротивленію и исходя изъ того ложнаго убѣжденія, что самая главная задача правительства заключалась въ это бурное время въ уклоненіи отъ всякихъ насильственныхъ столкновеній. Правительство согласилось на учрежденіе центральнаго комитета демократическаго союза, на замѣщеніе карауловъ на половину національными гвардейцами и на созывъ „учредительнаго рейхстага" съ одной палатой.

17 мая выѣхала изъ Вѣны императорская фамилія, которую министерство не въ состояніи было защитить даже въ императорскомъ дворцѣ: она удалилась въ Инсбрукъ, гдѣ она была въ безопасности отъ капризовъ демократовъ и гдѣ она могла завязать болѣе быстрыя сношенія съ итальянской арміей. При ней находился (съ 3 іюня) министръ иностранныхъ дѣлъ Іоганнъ фонъ Вессенбергъ; это былъ дипломатъ временъ прежняго Германскаго союза (стр. 198); однако онъ обладалъ болѣе разностороннимъ образованіемъ, чѣмъ другіе представители его поколѣнія, и понималъ, что въ критическіе моменты успѣха можно достигнуть только посредствомъ твердой рѣшительности и даже, можно сказать, отваги. Послѣ побѣдъ Радецкаго на рѣкѣ Минчіо онъ пришелъ быстро къ тому убѣжденію, что предлагаемый Франціей и Англіей отказъ отъ Ломбардско-Венеціанскаго королевства былъ бы ошибкой, которая вызвала бы неудовольствіе и ропотъ въ арміи, отчего внутреннее положеніе Австріи стало бы еще болѣе затруднительнымъ; поэтому онъ рѣшительно отклонилъ вмѣшательство западныхъ державъ въ дальнѣйшій ходъ итальянскихъ дѣлъ. Къ неоднократному увѣренію императора въ томъ, что онъ хочетъ ввести въ своей имперіи конституціонный режимъ, Вессенбергъ относился, какъ къ обдуманному и неизмѣнному рѣшенію; пока этотъ министръ пользовался довѣріемъ при дворѣ, онъ не переставалъ настаивать на томъ, что это рѣшеніе императора должно остаться неприкосновеннымъ даже въ томъ случаѣ, если бы пришлось прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ для борьбы противъ смутъ и бунтовъ, вызываемыхъ радикальной партіей. Онъ предлагалъ императорской семьѣ немедленно возвратиться въ Вѣну, но его совѣтъ былъ принятъ не такъ быстро, какъ онъ этого хотѣлъ; тогда онъ прибѣгнулъ къ компромиссу, и на время отсутствія императора былъ назначенъ регентомъ эрцгерцогъ Іоаннъ. Эта послѣдняя мѣра не имѣла практическаго значенія, такъ какъ въ это же самое время эрцгерцогъ Іоаннъ былъ вызванъ во Франкфуртъ на Майнѣ для руководства дѣлами германскаго союза; въ Вѣнѣ онъ побывалъ только мимоѣздомъ; притомъ же, не обладая достаточнымъ знакомствомъ съ положеніемъ дѣлъ въ столицѣ, онъ дѣйствовалъ безъ опредѣленнаго плана.

18 іюля эрцгерцогъ Іоаннъ въ качествѣ регента назначилъ министерство, во главѣ котораго былъ поставленъ либеральный землевладѣлецъ Антонъ фонъ Доблльгофъ и въ составъ котораго входилъ пользовавшійся

большой популярностью адвокатъ докторъ Александръ Бахъ; это министерство приступило къ выборамъ въ рейхстагъ послѣ того, какъ князю Альфреду Виндишгрецу, командовавшему расположенными въ Богеміи императорскими войсками, удалось быстро подавить возстаніе въ Прагѣ, вспыхнувшее въ іюнѣ вслѣдъ за первымъ славянскимъ конгрессомъ (стр.253), и водворить опять общественное спокойствіе въ Богеміи (стр. 254). Какъ только депутаты различныхъ австрійскихъ областей приступили къ переговорамъ между собою (10 іюля), сейчасъ же возникли затрудненія по вопросу о языкѣ, на которомъ должны были происходить пренія, такъ какъ всѣ австрійскія народности добивались для себя полнаго равноправія и не хотѣли признавать никакого преимущества за единственно пригоднымъ для этой цѣли нѣмецкимъ языкомъ. Однако въ виду необходимости быстраго обмѣна мыслей и докучливости постояннаго пользованія переводчиками онѣ всѣ склонились вскорѣ въ пользу нѣмецкаго языка, какъ наиболѣе понятнаго для всѣхъ, несмотря на возраженія многочисленныхъ депутатовъ изъ польскихъ крестьянъ, которые были выбраны въ Галиціи вопреки желанію дворянъ. Неотложная задача выработки основъ общеавстрійской конституціи была передана 31 іюля комиссіи, а другая, еще болѣе неотложная задача, именно, упроченіе исполнительной власти, вовсе не была удовлетворена и оставлена безъ разсмотрѣнія впредь до выясненія окончательнаго результата совѣщаній комиссіи. Благодаря этому министерство осталось безсильнымъ; послѣ возвращенія императора въ Шенбрунъ (12 августа) оно было въ такомъ же шаткомъ положеніи и пользовалось такимъ же незначительнымъ вліяніемъ, какъ и раньше.

б) Борьба за независимость Венгріи.

Въ то время какъ въ Вѣнѣ происходили вышепомянутыя событія, въ Венгріи создалось новое государство, которое не только не признавало своей зависимости отъ Австріи, но вскорѣ даже стало во враждебныя отношенія къ Австрійской имперіи. На этотъ разъ вражда возникла вслѣдствіе неумѣреннаго объема и неудобопріемлемости предъявленныхъ народными представителями требованій и вслѣдствіе излишней поспѣшности, съ которой правительство шло на уступки, дальнѣйшихъ послѣдствій которыхъ невозможно было предусмотрѣть. Сами мадьяры тоже не были подготовлены къ проведенію въ жизнь такого быстраго превращенія феодальнаго строя ихъ родины въ современный конституціонный, какого они добивались. Они упустили изъ виду то обстоятельство, что вслѣдъ за примѣненіемъ принциповъ личной свободы и равноправія къ политическимъ учрежденіямъ подчиненныя національности Венгерскаго королевства тоже выступятъ съ требованіями равноправія, опасными для преобладающей роли мадьяръ въ земляхъ короны св. Стефана и что въ предстоявшей неизбѣжной борьбѣ за сохраненіе своего господства для нихъ будетъ выгоднѣе всего опираться на Австрію и на императорскую фамилію. Съ присущимъ ихъ національному характеру преувеличеннымъ мнѣніемъ о своихъ собственныхъ силахъ они были увѣрены, что сумѣютъ однимъ махомъ превратить свою родину въ самостоятельную европейскую державу; благодаря своей излишней торопливости они сдѣлали свое положеніе еще болѣе затруднительнымъ: они старались не только ослабить, но и насильственно разорвать политическія и экономическія узы, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій соединявшія ихъ отечество съ нѣмецкими коронными землями королевскаго дома; это было тѣмъ болѣе грубой ошибкой, что какъ разъ въ то время они были по горло заняты упорядоченіемъ внутреннихъ дѣлъ Венгріи. Мадьяры требовали возстановленія государственной независимости своей родины, утраченной еще со времени сраженія при Могачѣ (т. V и т. VII, стр. 279). Они не признавали за своимъ королемъ тѣхъ исконныхъ правъ, которыми пользовались безспорно

всѣ его вѣнценосные предшественники, именно права распоряжаться арміей, въ которую венгерцы поставляли опредѣленный контингентъ солдатъ, но въ которой не существовало отдѣльныхъ венгерскихъ войсковыхъ частей, права чеканки монеты и регулированія денежнаго обращенія, несмотря на то, что это послѣднее право вытекало изъ верховныхъ правъ короля и всегда было неотъемлемой личной привилегіей носителей коронъ тѣхъ земель, изъ сліянія которыхъ образовалась Габсбургская держава. Статьи закона, утвержденныя императоромъ и королемъ Фердинандомъ 10 апрѣля 1848 г. при закрытіи сессіи стараго рейхстага, заключали въ себѣ не только признаніе существующихъ правъ Венгерскаго королевства, но и новыя милости императора, которыя не только поколебали, но даже совершенно расшатали единство Австрійской монархіи; такими опасными для самой короны нововведеніями были, во первыхъ, независимое министерство и, во вторыхъ, соединеніе Седмиградіи съ Венгріей, за которое корона не выговорила себѣ никакого возмѣщенія въ видѣ признанія общности обѣихъ частей имперіи въ дѣлахъ, касающихся ихъ обѣихъ, или же въ видѣ обязательства, даннаго со стороны Венгріи, принести съ своей стороны извѣстныя жертвы, необходимыя для сохраненія въ неприкосновенности владѣній Австрійской короны.

Послѣ того какъ въ Хорватіи, Славоніи, Банатѣ и въ населенномъ сербами округѣ Бачкѣ славянское національное движеніе получило характеръ открытаго возстанія противъ насильственнаго господства мадьяръ, венгерское министерство потребовало обратнаго возвращенія всѣхъ венгерскихъ военныхъ частей изъ итальянской арміи, изъ Моравіи и Галиціи для борьбы съ „анархіей“ въ собственномъ отечествѣ. Теперь только императорское правительство поняло, что оно пожертвовало единствомъ арміи, этой самой надежной опорой монархической власти, согласившись на учрежденіе „независимаго“ венгерскаго военнаго министерства. Такимъ образомъ возникъ спорный пунктъ, не допускавшій никакого мирнаго разрѣшенія, такъ какъ таковое могло заключаться только въ отказѣ Венгріи отъ только что пріобрѣтеннаго ею права. Сепаратистскія, противорѣчившія общимъ потребностямъ имперіи финансовыя притязанія Венгріи тоже стали невыносимы, когда обнаружилось, что народъ, обязанный своимъ политическимъ существованіемъ побѣдамъ воинственныхъ германскихъ племенъ надъ турками (т. VII, стр. 258), оказался настолько беззастѣнчивымъ, что готовъ былъ скорѣе принудить Австрію къ банкротству, чѣмъ взять на себя четверть государственнаго долга и ежегодное участіе въ расходахъ на уплату процентовъ по государственнымъ долгамъ въ размѣрѣ 10 милліоновъ гульденовъ. Большинство членовъ министерства Баттіани, въ составъ котораго входилъ, между прочимъ, Францъ фонъ Деакъ, придерживавшійся вполнѣ лойяльнаго образа мыслей (стр. 204), вовсе не имѣло въ виду добиваться отдѣленія Венгріи отъ Австріи; оно даже было готово согласиться на участіе венгерскихъ войскъ въ итальянской войнѣ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы правительство въ награду за такую услугу одобрило шаги, предпринятые венгерскимъ правительствомъ противъ непокорной Хорватіи. Графъ Людвигъ Баттіани отправился поспѣшно въ маѣ во временную императорскую резиденцію въ Инсбрукѣ и дѣйствовалъ тамъ въ примирительномъ духѣ; придворные круги обнаруживали склонность къ компромиссу и готовы были купить благорасположеніе Венгріи къ династіи и къ имперіи цѣною уступокъ по всѣмъ внутреннимъ вопросамъ, касающимся одной только Венгріи. Но вскорѣ обнаружилось, что Баттіани и его единомышленники не являются больше выразителями общественнаго мнѣнія Венгріи и что тамъ господствуетъ исключительное вліяніе фанатическаго агитатора Кошута, котораго напрасно старались умиротворить предоставленіемъ ему портфеля министра финансовъ въ кабинетѣ Баттіани.

Людвигъ Кошутъ былъ человѣкъ съ пылкимъ характеромъ, отличавшійся большимъ сценическимъ дарованіемъ; при произнесеніи своихъ за-

жигательныхъ рѣчей онъ постепенно повышалъ тонъ, и, наконецъ, вся его фигура пріобрѣтала выраженіе мученика и боговдохновеннаго пророка. Онъ былъ совершенно неспособенъ къ спокойному обсужденію политическихъ вопросовъ; его таланты развертывались только подъ вліяніемъ страстнаго возбужденія. Онъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ только въ такіе моменты, когда ему удавалось превратить сотни и тысячи людей въ слѣпыя орудія своей воли, опять таки благодаря своему сценическому таланту; его честолюбіе жаждало сильныхъ ощущеній, доставляемыхъ азартной игрой, въ которой ставились на карту такія громадныя ставки, какъ участь венгерскаго государства и венгерскаго народа. Не доказано, чтобы Кошутъ уже съ самаго начала своей политической карьеры задавался цѣлью низвергнуть съ престола династію Габсбурговъ, учредить венгерскую республику и распоряжаться полновластно ея судьбой въ качествѣ президента (срв. стр. 204); но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что именно таковъ былъ бы исходъ венгерскаго національнаго движенія, если бы Кошутъ остался до конца его двигателемъ, такъ какъ онъ былъ неспособенъ къ обуздыванію самаго себя. Онъ не могъ жить безъ сильныхъ ощущеній, чувствовалъ антипатію ко всякому компромиссу, не смущался никакими обостреніями; смѣлый полетъ его фантазіи вѣчно создавалъ все новые рискованные планы для осуществленія его идей.

Всѣ тѣ національныя права, на достиженіе которыхъ могли надѣяться мадьяры, были пріобрѣтены ими благодаря конституціи, которую они составили для себя и ввели въ дѣйствіе, уничтоживши согласно съ принципами либерализма всѣ существовавшія привилегіи дворянства и отдѣльныхъ корпорацій: новая конституція обезпечивала народную свободу въ такихъ широкихъ размѣрахъ, которые были безусловно достаточны для свободнаго развитія внутреннихъ силъ и самобытныхъ чертъ венгерскаго народа. Собравшемуся 2 іюля 1848 года выбранному на основаніи ея рейхстагу предстояло рѣшить весьма трудную задачу — умиротворить другія народности, живущія на венгерской территоріи, какъ то славянъ, румынъ и саксонцевъ и примирить ихъ съ гегемоніей мадьяръ, посредствомъ законовъ, ограждающихъ ихъ національныя права, и мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію благосостоянія страны. Этотъ рейхстагъ долженъ былъ задаться цѣлью достигнуть такого улаженія отношеній между Австріей и Венгріей, которое не нанесло бы никакого ущерба престижу общаго монарха во внѣшней политикѣ; но прежде всего было необходимо увѣрить дворъ въ вѣрности венгерскаго народа, его привязанности къ монарху и готовности на жертвы ради блага своего короля. Вмѣсто этого Кошутъ выступилъ предъ рейстагомъ съ цѣлымъ рядомъ предложеній, которыя окончательно подорвали въ глазахъ короны то довѣріе къ мадьярамъ, которое Баттіани создалъ съ такимъ трудомъ и ради котораго онъ акъ часто ѣздилъ ко дворцу въ Инсбрукъ. Еще раньше открытія рейхстага Кошутъ отклонилъ предложеніе австрійскаго національнаго банка о выдачѣ ему авансомъ 12½ милліоновъ гульденовъ банковыми билетами на расходы по венгерскому государственному управленію, а вмѣсто этого онъ выпустилъ въ обращеніе венгерскихъ бумажныхъ денегъ на такую же сумму; онъ обратился къ рейхстагу съ предложеніемъ о кредитѣ въ 42 милліона на снаряженіе національной арміи въ 200 тысячъ человѣкъ и не упустилъ случая предъявить опредѣленныя требованія къ императору-королю даже въ дѣлахъ внѣшней политики. Онъ требовалъ, чтобы Австрія отказалась отъ всѣхъ своихъ итальянскихъ владѣній по ту сторону рѣки Эчъ и подчинилась франкфуртскому центральному правительству во всемъ, что касается нѣмецкихъ владѣній Австріи. Кошутъ заявлялъ, что если возникнутъ раздоры между австрійскимъ правительствомъ и германскимъ союзомъ, то въ подобномъ случаѣ Австрія не должна разсчитывать на помощь со стороны Венгріи. Такая точка зрѣнія противорѣчила традиціямъ дома Габс-

бурговъ и его международному положенію; осуществленіе ея было бы равносильно отказу со стороны Австріи отъ роли великой державы и раздѣлу Австрійской монархіи.

Слѣдовало опасаться, что придется прибѣгнуть къ вооруженной силѣ для подавленія непомѣрныхъ притязаній Венгріи; австрійское правительство взвѣсило, какой помощи оно можетъ ожидать отъ тѣхъ союзниковъ, которые предложили ему свои услуги для предвидѣвшейся тяжелой борьбы. Такими союзниками Австріи оказались сербы и хорваты, которые уже подняли открытое возстаніе противъ мадьяръ и среди которыхъ Георгъ Стратимировичъ ввелъ правильную военную организацію. Хорватскіе баны назначались королемъ, но были отвѣтственны предъ венгерскимъ правительствомъ; съ тѣхъ поръ, какъ началось возстаніе, баномъ состоялъ австрійскій генералъ баронъ (впослѣдствіи графъ) Іосифъ Еллачичъ, принадлежавшій къ одной изъ самыхъ аристократическихъ фамилій Военной Границы. Онъ не былъ дипломатомъ по профессіи, но тѣмъ не менѣе провелъ успѣшно весьма ловкій политическій маневръ и сумѣлъ воспользоваться въ интересахъ династіи южно-славянскимъ національнымъ движеніемъ, которое явилось результатомъ пропаганды партіи „Великой Иллиріи" (срв. т. V). Онъ не оказалъ никакого противодѣйствія стремленію большинства аграмскаго ландтага, подготовлявшаго отдѣленіе Хорватіи отъ Венгріи, и тѣмъ вызвалъ противъ себя самые рѣзкіе нападки со стороны министерства Баттіани; по требованію кабинета ему было предложено выйти въ отставку, но онъ не послушался и вернулъ себѣ расположеніе двора, уговоривши пограничные полки, сражавшіеся въ рядахъ арміи Радецкаго, не измѣнять своему знамени и жертвовать своей жизнью за славу Австріи. Благодаря одобренію, съ которымъ отнеслись къ нему его сотоварищи по службѣ въ императорской арміи, въ немъ утвердилось убѣжденіе, что онъ призванъ спасти армію и императорскій домъ. Онъ организовалъ хорватскую національную армію численностью въ 40.000 человѣкъ, которая не обладала высокими военными качествами, но могла нагнать страхъ на своихъ противниковъ благодаря своей численности, своему свирѣпому виду и своему причудливому вооруженію.

Побѣды итальянской арміи и обратное завоеваніе Милана подняли духъ императорскаго двора; 12 августа дворъ возвратился въ императорскій увеселительный замокъ Шенбруннъ около Вѣны (стр. 241) и сталъ опираться въ своей внутренней политикѣ на свои вооруженныя силы, которыя постепенно стали опять сосредоточиваться въ различныхъ частяхъ Имперіи. 31 августа 1848 года король отправилъ посланіе палатину эрцгерцогу Стефану, которому до того времени были предоставлены права неограниченнаго намѣстника короля въ Венгріи и Седмиградіи; въ письмѣ короля развивалась такая мысль, что необходимо ввести въ дѣйствіе прагматическую санкцію (срв. т. VII, стр. 536). Это было отвѣтомъ австрійскаго правительства на военныя приготовленія Кошута. Это посланіе, а также опубликованный австрійскимъ министерствомъ меморандумъ о государственно-правовыхъ отношеніяхъ, существующихъ между провинціями Австрійской имперіи и землями короны св. Стефана, были приняты Кошутомъ за объявленіе войны и послужили поводомъ къ цѣлому ряду такихъ мѣръ со стороны венгерскаго правительства, которыя были равносильны открытому возстанію. 11 сентября венгерскій министръ финансовъ выступилъ передъ рейхстагомъ съ рѣчью, которая привела всѣхъ слушателей въ безумное возбужденіе своей болѣзненной страстностью; министерство Баттіани вышло въ отставку, а Кошутъ заявилъ, что онъ готовъ принять на себя диктатуру. Въ тотъ же день хорватская армія перешла черезъ рѣку Драву и направилась къ Платтенскому озеру.

в) Вѣна въ сентябрѣ и октябрѣ 1848 г.

Венгрія пріобрѣла себѣ союзниковъ въ лицѣ вѣнскихъ демократовъ, которые считали себя господами въ столицѣ. Вѣнскій рейхстагъ не заботился о самой насущной задачѣ того времени, о возстановленіи твердой власти правительства и уваженія къ нему, о прочности правительства, которая послужила бы для самаго рейхстага гарантіей свободы мнѣній и точнаго исполненія его рѣшеній; вмѣсто этого рейхстагъ былъ занятъ преніями по поводу бѣгло набросаннаго безъ тщательнаго предварительнаго изученія вопроса проекта объ освобожденіи крестьянскихъ владѣній отъ оброчныхъ повинностей въ пользу помѣщиковъ; авторомъ этого проекта былъ молодой силезскій депутатъ Гансъ Кудлихъ. Каковъ былъ этотъ рейхстагъ, въ которомъ принимали участіе нѣкоторые совсѣмъ неграмотные депутаты изъ Галиціи, легко судить по тому обстоятельству, что онъ даже не счелъ нужнымъ останавливаться на вопросѣ о правѣ помѣщиковъ на вознагражденіе за отнимаемыя у нихъ права: докторъ Александръ Бахъ вынужденъ былъ поставить на карту свою собственную политическую карьеру и положеніе министерства, лишь бы добиться хотя бы только принципіальнаго постановленія о томъ, что отмѣна оброчныхъ повинностей должна быть утверждена особымъ закономъ. Вѣнскій „народъ" относился къ этимъ преніямъ довольно равнодушно; рейхстагъ мало интересовалъ его; все его вниманіе было поглощено демонстративными выходками демократовъ, которые состояли въ сношеніяхъ не только съ радикальной партіей франкфуртскаго парламента, но даже съ Геккеромъ и его сотоварищами (стр. 219).

Уже въ началѣ сентября демократы снова стали организовать демонстраціи рабочихъ и требовать отставки министерства. Сильное волненіе было вызвано въ вѣнскомъ населеніи прибытіемъ большой депутаціи венгерскаго рейхстага, которая устроила братское торжество (16 сентября) въ компаніи съ вѣнскими смутьянами. Симпатіи приверженцевъ государственнаго переворота въ Австріи склонились на сторону венгерцевъ, какъ только произошелъ открытый разрывъ между мадьярами и императорскимъ дворомъ: венгерскій конфликтъ ослабилъ впечатлѣніе, произведенное побѣдами Радецкаго, и въ душѣ радикаловъ вновь возродилась надежда на низверженіе императорскаго дома и на учрежденіе союза дунайскихъ республикъ.

По просьбѣ палатина графъ Людвигъ Баттіани согласился 15 января принять на себя составленіе конституціоннаго министерства для того, чтобы избѣгнуть диктатуры Кошута; но въ дѣйствительности всякія законныя мѣропріятія оказались невозможными. Возврата уже не было: военная партія довела до того, что не оказалось больше другого пути для возстановленія императорскаго авторитета въ Венгріи кромѣ силы оружія. Эрцгерцогъ Стефанъ искалъ встрѣчи съ Еллачичемъ и хотѣлъ уговорить его удалиться изъ предѣловъ Венгерскаго государства, но этотъ послѣдній уклонялся отъ такой встрѣчи; въ то же время до свѣдѣнія палатина дошло, что фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Францъ Филиппъ фонъ Ламбергъ назначенъ главнокомандующимъ императорскими войсками въ Венгріи и что банъ непосредственно подчиненъ ему. Этотъ шагъ австрійскаго правительства стоялъ въ противорѣчіи съ дѣйствовавшей въ Венгріи конституціей. Эрцгерцогъ рѣшилъ, что на него, какъ на члена императорскаго дома, падаетъ обвиненіе въ измѣнѣ конституціи; поэтому онъ тайно покинулъ Венгрію и удалился въ свои помѣстья въ Шаумбургѣ, не останавливаясь въ Вѣнѣ. Когда графъ Ламбергъ собирался вступить въ свою должность въ столицѣ Венгріи, онъ попалъ въ руки до нельзя озлобленныхъ приверженцевъ партіи Кошута; 28 сентября 1848 г. онъ былъ убитъ съ жестокой безпощадностью на Новомъ Цѣпномъ мосту, соединяющемъ Пештъ съ Офеномъ. Теперь наступилъ окончательный разрывъ съ ди-

настіей, и началась междоусобная война. Въ послѣднихъ числахъ сентября венгерскимъ національнымъ отрядамъ, находившимся подъ командой Іоанна Моги и состоявшимъ большей частью изъ пѣхотныхъ баталіоновъ, удалось разбить Еллачича и оттѣснить его въ предѣлы Нижней Австріи; вслѣдъ за нимъ двинулась венгерская армія, задавшаяся цѣлью завязать сношенія съ вѣнскими революціонерами, которые тоже подняли открытое возстаніе противъ правительства.

Поводомъ къ возмущенію народной массы въ Вѣнѣ послужило 6-го октября 1848 г. движеніе по направленію къ вокзалу Сѣверной дороги баталіона гренадеръ, отправлявшагося въ Венгрію. Демократическіе заговорщики, нафанатизированные въ республиканскомъ духѣ благодаря агитаціи Іоганна Ронге (стр. 193), Юлія Фребеля и Карла Таузенау, всѣми силами разжигали народную массу, склонили отправлявшіяся войска къ измѣнѣ правительству и сдѣлали окончательно невозможнымъ поддержаніе общественнаго порядка. Во время этого возмущенія, распространившагося по всему городу, былъ убитъ военный министръ графъ Латуръ. Радикальнымъ депутатамъ Ленеру, Боррошу, Фишгофу, Шузелька и др. пришлось убѣдиться въ томъ, что нельзя безнаказанно шутить съ огнемъ: они стали невольными соучастниками убійцъ, такъ какъ они были не въ состояніи остановить преступныхъ дѣйствій толпы, которой они сами дали въ руки оружіе.

Императорская фамилія во второй разъ удалилась подальше отъ вѣроломной столицы и нашла себѣ безопасное убѣжище въ Ольмюцскомъ архіепископскомъ замкѣ; тутъ правительство занялось самой настоятельной задачей, именно пріисканіемъ мѣръ къ наиболѣе быстрому подавленію республиканскихъ и анархистскихъ волненій въ Вѣнѣ. Представителемъ правительства въ Ольмюцѣ былъ баронъ фонъ Вессенбергъ, которому оказывалъ самую дѣятельную поддержку прибывшій поспѣшно ко двору изъ лагеря Радецкаго князь Феликсъ Шварценбергъ: этотъ послѣдній не только помогалъ Вессенбергу въ военныхъ дѣлахъ, но взялъ на себя также обязанности посланника въ Туринѣ и Неаполѣ. Онъ стоялъ за сохраненіе конституціонной формы правленія и выступилъ защитникомъ составленнаго Вессенбергомъ манифеста, въ которомъ было дано обѣщаніе въ томъ, что будетъ предоставлена полная свобода дѣйствій рейхстагу, созванному въ Кремзирѣ для выработки имперской конституціи совмѣстно съ совѣтниками императора.

На этотъ разъ удалось еще задержать то теченіе, которое стремилось передать всю власть въ руки князя Альфреда Виндишгреца съ предоставленіемъ ему права распущенія всѣхъ представительныхъ учрежденій и введенія военной диктатуры. Пока Виндишгрецу, получившему 16 октября 1848 г. званіе фельдмаршала и главнокомандующаго всѣми австрійскими войсками, находившимися въ Италіи, было поручено только подавленіе возмущеній въ Вѣнѣ и въ Венгріи. Съ Вѣной онъ справился безъ большого труда. Пѣхотный гарнизонъ подъ командой генерала графа Карла Іосифа фонъ Ауэршперга удалился 7 декабря въ безопасное мѣсто внѣ столицы и соединился тамъ съ стоявшими на рѣкѣ Лейтѣ войсками бана Еллачича. Мало по малу эти послѣднія пододвинулись къ предмѣстьямъ города Вѣны; 21 октября отрядъ князя Виндишгреца также подошелъ изъ Моравіи къ Дунаю, перешелъ черезъ эту рѣку около Нусдорфа и затѣмъ двинулся одновременно съ Ауэршпергомъ и Еллачичемъ противъ линейныхъ валовъ, широкой дугой окружавшихъ Вѣну.

Демократическіе вѣнскіе заправилы, которымъ подчинились также оставшіеся въ Вѣнѣ члены рейхстага, дѣйствовали съ прямолинейной смѣлостью, соотвѣтствовавшей ихъ ограниченнымъ умственнымъ способностямъ, отвергли предложеніе Виндишгреца о сдачѣ, выдачѣ убійцъ военнаго министра и распущеніи студенческихъ комитетовъ и демократическихъ

фрейновъ; они рѣшили защищать Вѣну до тѣхъ поръ, пока не подоспѣютъ на помощь венгерцы.

Робертъ Блюмъ, который привезъ въ Вѣну вмѣстѣ съ Юліусомъ Фребелемъ адресъ франкфуртскихъ демократовъ, тоже велъ дѣятельную агитацію въ пользу сопротивленія; руководилъ защитой Вѣны главный начальникъ національной гвардіи Венцель Мессенгаузеръ, который самъ сталъ во главѣ одного изъ боевыхъ отрядовъ. 28 октября начался общій штурмъ Вѣны. Нападающіе натолкнулись на значительное сопротивленіе только въ Пратерштернѣ и въ Егерскомъ ряду: къ вечеру того же дня были взяты почти всѣ баррикады въ предмѣстьяхъ, и войска овладѣли уже улицами, ведущими черезъ гласисъ къ бастіонамъ внутренняго города. На слѣдующій день стало уже преобладать мнѣніе о необходимости сдаться. Самъ Мессенгаузеръ указывалъ на безнадежность дальнѣйшей борьбы и предлагалъ сложить оружіе; утромъ 30 декабря онъ наблюдалъ съ вершины башни Святого Стефана за ходомъ сраженія, которое началось между Еллачичемъ и венгерцами при Швехатѣ; онъ не воздержался, распространилъ по городу извѣстіе о томъ, что венгерскій отрядъ спѣшитъ на выручку Вѣны и тѣмъ воспламенилъ вновь воинственный пылъ отчаянныхъ бандъ, которыя стали уже водворять въ Вѣнѣ господство террора. Онъ старался противодѣйствовать крикунамъ, требовавшимъ возобновленія боя, но онъ далъ себя запугать демократическимъ головорѣзамъ и сложилъ съ себя команду надъ національной гвардіей; если бы онъ остался вѣрнымъ своему долгу, то приложилъ бы самое крайнее усиліе къ тому, чтобы вѣнское населеніе дѣйствительно сложило оружіе, какъ уже было условлено съ Виндишгрецомъ. 31 октября фельдмаршалъ приказалъ пустить въ городъ нѣсколько бомбъ для того, чтобы сломить упорство безумныхъ пролетаріевъ; однако только на слѣдующій день императорскимъ войскамъ удалось проникнуть въ городъ. Они подоспѣли какъ разъ во время и успѣли потушить пожаръ зданія придворной библіотеки и музея естественныхъ наукъ.

1 ноября 1848 г. Вѣна была взята австрійскими войсками; солидные и честные друзья отечества, которые подвергались въ теченіе октября всевозможнымъ насиліямъ и которымъ неоднократно грозили смертью, были, наконецъ, освобождены. Революція въ Австріи была, можно сказать, окончательно подавлена. Войска потеряли при взятіи Вѣны 60 офицеровъ и 1000 солдатъ убитыми и ранеными. Невозможно вычислить съ достаточной достовѣрностью число вооруженныхъ и безоружныхъ жителей Вѣны, погибшихъ въ послѣднихъ числахъ октября; очевидецъ докторъ Антонъ Шютте полагаетъ, что всего погибло 5000 человѣкъ.

г) Венгерское возстаніе.

Теперь предстояла еще война съ Венгріей, которая уже успѣла выставить армію больше, чѣмъ въ 100,000 человѣкъ, и заняла всѣ болѣе значительныя укрѣпленія на своей территоріи за исключеніемъ Арада и Темешвара. Сраженіе при Швехатѣ 30 октября 1848 г. закончилось отступленіемъ арміи генерала Моги, состоявшей изъ 30 т. человѣкъ и $7^1/_2$ батарей; венгерцы не обнаружили въ этомъ дѣлѣ такого мужества и так[ой] энергіи, какихъ слѣдовало ожидать отъ нихъ въ виду важности даннаго момента. Можно смѣло утверждать, что если бы венгерцы остались побѣдителями, то они безъ всякаго сомнѣнія выручили бы и Вѣну, и тогда вопросъ объ отдѣленіи короны святого Стефана отъ дома Габсбурговъ получилъ бы общеевропейское значеніе.

2 декабря 1848 г. императоръ Фердинандъ отрекся отъ престола; сынъ его эрцгерцогъ Францъ-Карлъ отказался отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ и на престолъ вступилъ эрцгерцогъ Францъ-Іосифъ. Въ тотъ же день князь Виндишгрецъ двинулся къ Дунаю съ 43000 человѣкъ при

216 орудіяхъ, генералъ графъ Францъ Шликъ вторгся въ Венгрію изъ Галиціи съ отрядомъ въ 8000 человѣкъ, а генералъ Бальтазаръ фонъ Зимунихъ шелъ отъ рѣки Вааги къ Нейтра съ отрядомъ въ 4000 ч. Послѣ цѣлаго ряда сраженій при Прессбургѣ (17 декабря), Раабѣ (27 дек.), Моорѣ (30 дек. 1848 г.), послѣдовавшихъ за побѣдой, одержанной Шликомъ при Кашау (11 дек.), временное правительство, во главѣ котораго стоялъ Кошутъ, вынуждено было удалиться изъ Пешта въ Дебречинъ; венгерскіе національные отряды принуждены были очистить Банатъ послѣ того, какъ Еллачичъ, командовавшій въ то время однимъ армейскимъ корпусомъ въ арміи Виндишгреца, вошелъ въ соприкосновеніе съ вооруженными сербскими повстанцами. Однако фельдмаршалъ имѣлъ слишкомъ низкое представленіе о силѣ сопротивленія венгерской націи, политическому существованію которой, по увѣренію Кошута, грозила сильная опасность; венгерскій народъ обнаружилъ въ эту тяжелую эпоху изумительное мужество и безпредѣльное самопожертвованіе. Австрійскій главнокомандующій поддался ложнымъ внушеніямъ, двинулся въ область верхней Тиссы съ слишкомъ малочисленнымъ отрядомъ и раздробилъ свои силы вмѣсто того, чтобы задержать ихъ на удобныхъ позиціяхъ при Офенѣ и Вайценѣ на Дунаѣ до тѣхъ поръ, пока не подойдутъ достаточныя подкрѣпленія. Сраженіе при Капольна 26 и 27 декабря 1849 г., въ которомъ австрійцы стремились къ соединенію съ Шликомъ, было выиграно ими въ тактическомъ отношеніи; но въ стратегическомъ отношеніи оно уже обозначало собою поворотъ въ пользу венгерцевъ, такъ какъ между венгерскими отрядами, состоявшими подъ начальствомъ польскаго генерала Генриха Дембинскаго (стр. 183) и венгерцевъ Артура Гергея, Эрнста фонъ Пелтенберга, Георга Клапки, Антона Феттера фонъ Доггенфельда стали устанавливаться все болѣе тѣсныя сношенія, а уже въ концѣ марта 1849 г. венгерскія войска перешли въ наступленіе подъ командой Гергея. 6 апрѣля этотъ послѣдній одержалъ побѣду при Изашеге (Геделле) и замѣстившій отозваннаго въ Ольмюцъ Виндишгреца Людвигъ фонъ Вельденъ вынужденъ былъ отступить 28 апрѣля къ рѣкѣ Раабу подъ страхомъ быть обойденнымъ съ тылу. Такъ какъ гарнизонъ крѣпости Коморнъ, которымъ командовали Іосифъ фонъ Мейтени и Игнацъ фонъ Терекъ, держался съ большимъ мужествомъ противъ осаждавшихъ его австрійцевъ, то императорская армія была лишена опорнаго пункта для дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій. Генералъ Морицъ Перчель двинулся побѣдоносно въ предѣлы Баната; генералъ Іосифъ Бемъ дѣйствовалъ съ перемѣннымъ успѣхомъ противъ слабыхъ австрійскихъ отрядовъ, расположенныхъ въ Седмиградіи и состоявшихъ подъ командой генерала барона Антона фонъ Пухнера, остатки которыхъ 20 февраля были принуждены отступить въ Валахію. Въ апрѣлѣ 1849 г. въ рукахъ австрійцевъ оставались только крѣпости Офенъ, Арадъ и Темешваръ.

На опубликованную 4 марта 1849 г. новую общеимперскую конституцію Кошутъ отвѣтилъ 4 апрѣля изъ Дебречина низложеніемъ Габсбургской династіи. Несмотря на перемиріе, заключенное съ Викторомъ Эмануиломъ, общественное спокойствіе въ Италіи не было окончательно упрочено, такъ что невозможно было двинуть армію Радецкаго въ Венгрію. Въ виду этого императоръ Францъ Іосифъ заключилъ 1 мая договоръ съ Россіей, которая предоставила въ распоряженіе Австріи свои военныя силы для усмиренія венгерцевъ, такъ какъ учрежденіе Венгерской республики легко могло повлечь за собой новое возстаніе въ Польшѣ. Теперь Австрія располагала громаднымъ численнымъ превосходствомъ и была въ состояніи раздавить храбрую венгерскую армію. Фельдцейхмейстеръ баронъ фонъ Гайнау (стр. 237), который былъ вызванъ изъ итальянской арміи и получилъ командованіе надъ императорской арміей въ Венеціи, выступилъ изъ Прессбурга съ 60000 австрійцевъ, 12000 русскихъ и 250 орудій.

Елачичъ двинулся въ южную Венгрію съ 44000 человѣкъ при 168 орудіяхъ, русскій фельдмаршалъ князь Паскевичъ (стр. 183) направился въ сѣверную Венгрію черезъ горный проходъ Дукла съ 130,000 человѣкъ при 460 орудіяхъ. 2 іюля Гергей выдержалъ нападеніе Гайнау около крѣпости Коморнъ; вслѣдъ затѣмъ Дембинскій замѣнилъ его въ должности главнокомандующаго, а 11-го тотъ же Гергей потерпѣлъ пораженіе при Коморнѣ, но совершилъ весьма искусное отступленіе и отвелъ свои 3 корпуса въ Арадъ черезъ верхнюю Венгрію посредствомъ весьма ловкаго обходнаго движенія мимо русскихъ отрядовъ. 5 августа Дембинскій былъ отброшенъ обратно послѣ сраженія при Чорай недалеко отъ Чегедина; послѣ этого для венгерскихъ военачальниковъ стало очевиднымъ, что ихъ дѣло проиграно. 11 августа Кошутъ бѣжалъ изъ Арада въ Турцію, а 13-го Гергей, назначенный за два дня предъ тѣмъ диктаторомъ, сдался на капитуляцію русскому генералу графу Ѳ. В. Рюдигеру вмѣстѣ съ 31000 солдатъ, 18000 лошадей, 144 орудіями и 60 знаменами при Вилагосѣ. Другіе отряды венгерцевъ вскорѣ послѣ этого сложили оружіе при Лугосѣ, Боросъ-Енэ, Мехадіи и въ др. мѣстахъ; 5 октября Клапка былъ выпущенъ изъ Коморна на основаніи почетной капитуляціи, заключенной между нимъ и австрійцами 27-го сентября.

Венгрія была завоевана австрійцами при помощи русскихъ. Изъ-за своихъ преувеличенныхъ національныхъ притязаній, не оправдываемыхъ никакими, ни историческими, ни политическими мотивами она лишилась всѣхъ своихъ конституціонныхъ правъ и не только сама подверглась тяжелымъ испытаніямъ, но вовлекла также въ несчастье и австрійскія коронныя земли, которыя тоже были отданы въ жертву беззастѣнчивой реакціонной партіи, не считавшейся ни съ какими политическими соображеніями и стремившейся безъ стыда и совѣсти къ неограниченному господству. Мадьярскіе националисты ожидали, что западныя державы отнесутся съ активнымъ сочувствіемъ къ ихъ борьбѣ за независимость и будутъ отстаивать новое мадьярское государство отъ враждебныхъ поползновеній Австріи и Россіи; больше всего они разсчитывали на помощь со стороны Англіи. Имъ пришлось убѣдиться, что венгерскій вопросъ вовсе не есть международный европейскій вопросъ, что существованіе самостоятельной венгерской арміи и венгерскаго министерства иностранныхъ дѣлъ признается за необходимую потребность только тѣми венгерскими политическими дѣятелями, которые дѣйствуютъ не изъ любви къ отечеству, а подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго честолюбія.

В. **Шлезвигъ-Гольштинія**.

Національное чувство нашло себѣ вполнѣ здоровое и сильное выраженіе на почвѣ тѣхъ „объятыхъ моремъ“ герцогствъ, правители которыхъ завладѣли съ XV столѣтія также и датскимъ престоломъ. Въ ту тяжелую эпоху, которую пережили эти герцогства во время происходившихъ вокругъ нихъ войнъ за господство на Балтійскомъ морѣ (срав. т. VII), они весьма рѣдко были въ состояніи возстановить свое многократно подтвержденное право на политическую автономію; однако населеніе этихъ герцогствъ сохранило свою нѣмецкую національность въ то время, какъ представители королевской вѣтви дома Гольштейнъ-Ольденбургъ, одной изъ самыхъ древнѣйшихъ царствующихъ династій, превратились въ датчанъ. Поддержанію германскаго національнаго духа въ Шлезвигѣ и Гольштиніи оказали существенное содѣйствіе представители многочисленныхъ побочныхъ вѣтвей дома герцоговъ Гольштинскихъ, которые опирались на свои связи съ Германской имперіей и съ сосѣдними германскими государствами; благодаря этимъ связямъ имъ удалось отстоять свою независимость отъ своихъ датскихъ родственниковъ.

Еще въ XVIII столѣтіи сознаніе своей политической независимости было такъ сильно у сословныхъ представителей обоихъ герцогствъ, что датскому правительству не удалось добиться также и со стороны Шлезвига и Голштиніи утвержденія „королевскаго закона“ 1660 года, которымъ отмѣнялось сословное представительство и за датской линіей Голштинскаго дома была признана неограниченная власть.

Вѣнскій конгрессъ былъ бы въ состояніи оградить права этихъ германскихъ областей и отнять навсегда эти владѣнія у датскаго короля, этого поклонника Наполеона; но меттерниховская политика исковеркала этотъ вопросъ такъ же, какъ и всѣ другіе національные вопросы: Гольштинія была присоединена къ германскому союзу, а Шлезвигъ былъ покинутъ на произволъ датчанъ. Однако населеніе обоихъ герцогствъ было попрежнему преисполнено сознанія своего національнаго единства. Это сознаніе сильно окрѣпло и получило практическое выраженіе послѣ того, какъ датское правительство поступило очень опрометчиво и издало недобросовѣстныя распоряженія относительно основаннаго въ 1813 году государственнаго банка; шлезвигъ-гольштинскіе нѣмцы были введены путемъ обмана въ значительные убытки, и зловредность господства датчанъ стала доступна уму самаго ограниченнаго крестьянина. Когда король Христіанъ VIII обнаружилъ въ своемъ „открытомъ письмѣ“ отъ 8 іюля 1846 года намѣреніе датскаго правительства ввести безраздѣльное наслѣдованіе „всей монархіи“ по женской линіи согласно датскимъ законамъ, въ случаѣ прекращенія мужеского поколѣнія этого дома, то предводители нѣмецкой патріотической партіи превратили вопросъ государственнаго права въ борьбу населенія герцогствъ противъ датскихъ бумажныхъ и мѣдныхъ денегъ, которыя были выпущены въ обращеніе принудительнымъ путемъ въ то время, какъ высокопробная мѣстная серебряная монета уходила въ Копенгагенъ. Населеніе герцогствъ расчитывало на то, что престолъ, вѣроятно, станетъ вакантнымъ въ близкомъ будущемъ, такъ какъ единственный сынъ Христіана Фридрихъ былъ бездѣтнымъ и болѣзненнымъ; на этомъ основаніи оно надѣялось на скорое освобожденіе отъ иностраннаго господства, такъ какъ конституція Шлезвигъ-Голштиніи признавала только наслѣдованіе по мужской линіи, и престолъ обоихъ герцогствъ долженъ былъ достаться дому Гольштейнъ-Зондербургъ-Аугустенбургъ въ то время, какъ датскій престолъ долженъ былъ перейти къ принцу Христіану Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургу, состоявшему въ бракѣ съ Луизой Гессенъ-Кассельской, племянницей Христіана VIII. Окончательное отдѣленіе отъ Даніи— эти слова стали лозунгомъ, который не только слышался на многочисленныхъ собраніяхъ въ Шлезвигѣ, но былъ признанъ въ качествѣ основного требованія также и сословнымъ сеймомъ, возстававшимъ противъ отдѣленія Шлезвига отъ Голштиніи и настаивавшимъ на наслѣдованіи престола исключительно по мужской линіи.

20 января 1848 года скончался Христіанъ VIII, и на престолъ вступилъ его сынъ Фридрихъ VII; въ связи съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ парижской, вѣнской и берлинской революціями, это событіе послужило для населенія обоихъ герцогствъ толчкомъ къ рѣшенію собственными силами отстоять свои права и выступить на борьбу за свою политическую автономію. Если бы король пошелъ навстрѣчу этому движенію, призналъ бы конституціи герцогствъ и гарантировалъ бы имъ національную независимость и политическую автономію, то онъ до поры до времени удержалъ бы въ своемъ владѣніи оба герцогства, не прибѣгая къ оружію, подъ видомъ личной уніи, а, можетъ быть, Шлезвигъ и Гольштинія осталась бы и на будущее время въ уніи съ Даніей; но вмѣсто этого датскій король перешелъ на сторону приверженцевъ „Даніи до рѣки Эйдера“, которые были согласны пожертвовать Гольштиніей подъ условіемъ полнаго присоединенія Шлезвига къ Даніи и признавали границей датскихъ владѣній рѣку

Эйдеръ, исходя изъ историческихъ соображеній. Эта партія требовала общегосударственнаго уложенія на конституціонныхъ основаніяхъ и склонила короля къ назначенію министерства изъ своей среды. 22 марта 1848 г. прибывшимъ въ Копенгагенъ депутатамъ Шлезвигъ-Гольштейнскаго сословнаго сейма было объявлено рѣшеніе короля о присоединеніи Шлезвига къ Датской монархіи. Между тѣмъ сеймъ обоихъ герцогствъ, засѣдавшій въ Рендсбургѣ, уже рѣшилъ вступить въ борьбу съ партіей Даніи до рѣки Эйдера и назначилъ 24 марта временное правительство для обоихъ герцогствъ, резиденціей котораго считался г. Киль; это временное правительство должно было дѣйствовать отъ имени герцога Христіана фонъ Аугустенбурга, якобы содержимаго въ плѣну датчанами, до тѣхъ поръ, пока герцогъ будетъ вполнѣ свободенъ и будетъ въ состояніи лично вступить въ управленіе своими нѣмецкими областями.

Все населеніе обоихъ герцогствъ, не исключая гарнизона важнѣйшихъ городовъ, признало новое правительство; однако, шлезвигъ-гольштинцы не были въ состояніи выставить съ надлежащей быстротой оборонительную силу достаточныхъ размѣровъ для противодѣйствія датской арміи; они обратились за помощью къ Пруссіи. Этотъ, повидимому, вполнѣ благоразумный шагъ привелъ, однако, впослѣдствіи къ печальнымъ результатамъ ,такъ какъ благодаря ему судьба герцогствъ стала въ зависимость отъ нерѣшительной, колеблющейся, жалкой политики Фридриха Вильгельма IV, который не обнаруживалъ способности къ выполненію на дѣлѣ ни одной изъ тѣхъ многочисленныхъ національныхъ задачъ, по поводу которыхъ онъ изливалъ цѣлые потоки краснорѣчія. Первые шаги, которые онъ сдѣлалъ по шлезвигъ-гольштинскому вопросу, были необыкновенно смѣлыми; уже 3 апрѣля 1848 года въ Рендсбургъ прибыли 2 прусскихъ гвардейскихъ полка, и начальникъ этого отряда генералъ Эдуардъ фонъ Бонинъ обратился 16 апрѣля съ требованіемъ очистить городъ Шлезвигъ и все герцогство къ датскимъ войскамъ, занявшимъ этотъ городъ 9 апрѣля послѣ удачнаго сраженія съ неопытными въ военномъ дѣлѣ шлезвигъ-гольштинцами недалеко отъ Бау. 12 апрѣля Франкфуртскій союзный сеймъ тоже призналъ кильское временное правительство и мобилизовалъ для защиты герцогствъ, входившихъ въ составъ германскаго союза, десятый союзный армейскій корпусъ, состоявшій изъ ганноверскихъ, мекленбургскихъ и брауншвейгскихъ солдатъ; отрядъ прусскаго генерала Фридриха Эрнста фонъ Врангеля соединился съ союзнымъ корпусомъ, а 23 апрѣля этотъ генералъ вступилъ съ датчанами въ сраженіе при Шлезвигѣ, послѣ котораго эти послѣдніе были вынуждены отступить къ Альзену и Ютландіи.

Быстрое вмѣшательство Пруссіи вызвало было надежду на то, что Фридрихъ Вильгельмъ рѣшился взять на себя роль исполнителя народной воли на сѣверной окраинѣ Германіи; такъ думали какъ сами шлезвигъ-гольштинцы, такъ и вся Германія, которая привѣтствовала съ восторгомъ борьбу за освобожденіе герцогствъ и признала ее общимъ дѣломъ всѣхъ германскихъ государствъ. Всеобщее разочарованіе наступило очень скоро: по первому представленію Англіи и Россіи Пруссія отказалась отъ энергическаго продолженія войны до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто мирное соглашеніе, ограждающее интересы обоихъ принадлежащихъ къ германской національности герцогствъ. Король сталъ сомнѣваться въ правомѣрности своего образа дѣйствій и опасался все время, не способствуетъ ли онъ движенію революціоннаго свойства; подъ вліяніемъ угрозъ своего зятя, русскаго императора Николая I, онъ согласился вступить въ переговоры съ Даніей; результатомъ этихъ переговоровъ было заключенное 26 августа 1848 года въ Мальмэ перемиріе на 7 мѣсяцевъ, по которому Пруссія обязалась вывести свои войска изъ Шлезвигскаго герцогства. Управленіе обоими герцогствами было рѣшено поручить назначенной по общему соглашенію между датскимъ и прусскимъ правительствами

комиссіи изъ 5 членовъ. Франкфуртскій парламентъ попытался было отвергнуть мирныя условія, какъ несоотвѣтствующія желаніямъ всего Германскаго Союза и заключенныя Пруссіей помимо отправленнаго на театръ военныхъ дѣйствій имперскаго комиссара Макса фонъ Гагерна; однако, имперскій парламентъ оказался не въ силахъ настоять на исполненіи своихъ рѣшеній по этому вопросу, принятыхъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ, и вынужденъ былъ примириться съ состоявшимся мирнымъ соглашеніемъ, какъ съ совершившимся фактомъ. Между тѣмъ сословный сеймъ Шлезвига-Гольштиніи поспѣшилъ принять законъ о всеобщей воинской повинности и затѣмъ закрылся, уступивъ свое мѣсто „учредительному собранію“, которое вотировало 15 сентября новое основное государственное уложеніе; по этому уложенію связь между герцогствами и датской короной сводилась исключительно къ личной уніи. Датскіе члены правительственной комиссіи не признали новой конституціи и протестовали противъ участія Шлезвига въ выборахъ членовъ франкфуртскаго парламента; вскорѣ послѣ этого Данія отказалась даже признавать и самую правительственную комиссію. Срокъ перемирія истекъ, а Пруссія все еще не успѣла придти къ соглашенію съ великими державами по шлезвигъ-гольштинскому вопросу; поэтому въ февралѣ 1849 г. военныя дѣйствія были возобновлены. Прусскія и союзныя войска вмѣстѣ съ шлезвигъ-гольштинскимъ корпусомъ, въ составъ котораго вошли съ разрѣшенія короля много прусскихъ офицеровъ, одержали надъ датчанами побѣды при Экернфердэ (5 апрѣля; см. прил. табл. „Датское военное судно Христіанъ VIII, взорванное на воздухъ при Экернфердэ“) и при Кольдингѣ (23 апрѣля 1849 года). Напротивъ того, при осадѣ датской крѣпости Фридериціи шлезвигъ-гольштинскій корпусъ потерпѣлъ пораженіе, вслѣдствіе котораго онъ вынужденъ былъ даже отступить обратно за рѣку Эйдеръ. 10 іюля 1849 года было вновь заключено перемиріе между Пруссіей и Даніей; управленіе герцогствами было поручено комиссіи, состоявшей изъ трехъ представителей, по одному отъ Даніи, Пруссіи и Англіи.

Въ то же время штатгальтерами Шлезвигъ-Гольштиніи въ Килѣ состояли отъ имени народнаго собранія графъ Фридрихъ Ревентловъ и адвокатъ Вильгельмъ Гартвигъ Безелеръ. Штатгальтеры стремились, съ одной стороны, къ соглашенію съ королемъ-герцогомъ, а съ другой стороны подготовляли новое народное возстаніе противъ усиливающагося противозаконнаго гнета датчанъ въ Шлезвигѣ. Благодаря сильному подъему духа въ нѣмецкомъ населеніи герцогствъ и глубокимъ симпатіямъ всѣхъ нѣмцевъ къ Шлезвигъ-Гольштиніи, привлекшимъ въ армію герцогствъ большое число добровольцевъ изъ всѣхъ частей Германіи, удалось довести эту армію до цифры 30.000 человѣкъ, и былъ даже спущенъ на море шлезвигъ-гольштинскій флотъ. Лѣтомъ 1850 года Пруссія подчинилась требованіямъ великихъ державъ и заключила съ Даніей „простой миръ“ (2 іюля); тогда шлезвигъ-гольштинцы вынуждены были вступить въ борьбу за свою независимость на собственный рискъ и страхъ; борьба эта была бы не вполнѣ безнадежной, если бы ей руководилъ другой военачальникъ, болѣе способный, чѣмъ генералъ Вильгельмъ фонъ Виллизенъ, и если бы прусское правительство не отозвало служившихъ въ шлезвигъ-гольштинской арміи прусскихъ офицеровъ. Виллизенъ прекратилъ преждевременно битву при Идштедтѣ (24-го іюля), исходъ которой остался нерѣшеннымъ; онъ предпринялъ безъ нужды поспѣшное отступленіе, не использовалъ результатовъ своей удачи при Миссундэ (12 сентября) и ушелъ изъ-подъ Фридрихштадта, ничего не добившись и только пожертвовавши для безполезнаго штурма 400 человѣкъ.

Призванный вновь къ жизни Германскій Союзъ присоединился во Франкфуртѣ къ мирному договору, заключенному Пруссіей; онъ отрекся отъ своихъ прежнихъ постановленій, въ силу которыхъ за герцогствами

Исторія человѣчества. VIII. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Датское военное судно „Христіанъ VIII“, взорванное на воздухъ при Эккернферде 5 апрѣля 1849 г.

(Съ картины Рудольфа Гардорфа, находящейся въ гамбургской галлереѣ.)

Объясненіе картины, помѣщенной на оборотѣ.

Въ мартѣ 1849 г. центральная власть Германскаго союза во Франкфуртѣ на Майнѣ поручила герцогу Саксенъ-Кобургскому Эрнсту II командованіе бригадой имперской полевой арміи въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ. Герцогъ сформировалъ свой генеральный штабъ, въ составъ котораго вошли: саксонскій полковникъ Эдуардъ ф. Трейчке (изъ бумагъ котораго его сынъ Генрихъ почерпнулъ весьма достовѣрное описаніе сраженія при Эккернферде, опубликованное въ 1896-омъ томѣ „Историческаго журнала“ Historische Zeitschrift) и два другихъ саксонскихъ офицера; 1 апрѣля герцогъ Саксенъ-Кобургскій представился въ Шлезвигѣ главнокомандующему генералъ-лейтенанту К. Л. В. Э. фонъ Притвицу, который поручилъ ему оборонять при помощи своей бригады (5 пѣхотныхъ батальоновъ: баденскій, готскій, мейнингенскій, рейсскій и вюртембергскій, двѣ полевыя батареи: гессенъ-дармштадтская и нассауская, два эскадрона ганзейскихъ драгунъ, — всего численностью въ 3928 человѣкъ, 12 орудій и 223 лошади), служившей въ качествѣ резерва, длинную полосу побережья Балтійскаго моря отъ рѣки Шлей до Кильскаго залива противъ попытокъ датчанъ къ высадкѣ. Два шлезвигъ-гольштейнскихъ резервныхъ батальона, формировавшихся въ то время въ Килѣ и Эккернферде, шлезвигъ-гольштинская тяжелая артиллерія, расположенная въ Фридрихсортѣ и въ береговыхъ батареяхъ на берегу обоихъ заливовъ, были подчинены не принцу Эрнсту, а главнокомандующему войсками обоихъ герцогствъ — генералу Эдуарду фонъ Бонину. 2 апрѣля герцогъ расположилъ свою главную квартиру въ Гетторфѣ (между Эккернферде и Килемъ); изъ всей его резервной бригады тутъ на мѣстѣ у Шпельмаркеръ-Гольца находились только три батальона: готскій, мейнингенскій, рейсскій и нассауская батарея, — всего 2150 человѣкъ при 6 орудіяхъ.

Больше, чѣмъ на полчаса пути въ востоку отъ ничѣмъ не прикрытаго города Эккернферде, былъ расположенъ на маленькомъ мысѣ у самаго берега моря сѣверный шанецъ, легко доступный для войскъ, высаживающихся съ моря, вооруженный 2 пушками и 4 двадцатичетырехфунтовиками; обслуживали это укрѣпленіе 55 человѣкъ подъ командой шлезвигъ-гольштейнскаго капитана Эдуарда Юнгмана; наискось противъ этого шанца, дальше въ глубину залива, на разстояніи меньше ¼ часа пути отъ города былъ расположенъ Южный шанецъ; онъ былъ вооруженъ 4 орудіями и его обслуживали 37 человѣкъ подъ командой шлезвигъ-гольштейнскаго унтеръ-офицера Людвига Теодора Прейсера (род. 11 мая 1822 г., погибъ 5 апрѣля 1849 г., спасая плѣнныхъ датчанъ съ горящаго корабля „Христіанъ VIII“ при взрывѣ судна, вмѣстѣ съ датскимъ капитанъ-лейтенантомъ Кригеромъ). Это былъ редутъ, годный только для борьбы противъ пѣхоты и слабо защищенный лишь со стороны суши.

3 апрѣля истекъ срокъ перемирія, послѣ котораго должны были возобновиться враждебныя дѣйствія; 4 апрѣля послѣ полудня датскій флотъ вошелъ въ Эккернфердскій заливъ и сталъ на якорѣ противъ южнаго берега. Престарѣлый капитанъ Христіанъ Карлъ Палуданъ, который получилъ отъ датскаго главнокомандующаго генерала Крога приказъ аттаковать Эккернфердскій заливъ, имѣя подъ своей командой линейное судно „Христіанъ VIII“ съ 84 пушками, быстроходный парусный фрегатъ

„Гефіонъ“ съ 48 пушками, 2 парохода „Гекла“ и „Гейзеръ“ съ 8 пушками на каждомъ и 250 человѣкъ дессанта, которые помѣщались на 3 яхтахъ.

О ходѣ весьма удачной для германскихъ войскъ стычки, происшедшей 5 апрѣля 1849 г., можно узнать изъ соч. Трейчке (перепечатано въ IV томѣ его „Historische u. Politische Aufsätze“, Лейпцигъ, 1897 г.). Около часу пополудни „Христіанъ VIII“ поднялъ парламентерскій флагъ; однако капитаны Юнгманъ, Вигандъ (комендантъ Экернфердскаго этапнаго пункта) и Ирмингеръ (начальникъ шлезвигъ-гольштейнскаго резервнаго баталіона) отвѣтили, что они будутъ продолжать бой; между тѣмъ принцъ герцогъ Саксенъ-Кобургскій и капитанъ фонъ Штиглицъ попали на болотистые луга и затѣмъ ушли въ Гетторфъ. Послѣ 4 часовъ возобновился артиллерійскій бой, которымъ руководили преимущественно Юнгманъ, Прейсеръ и нассаускій капитанъ Мюллеръ. Около шести часовъ „Гефіонъ“ спустилъ флагъ, а вскорѣ за нимъ послѣдовалъ также и линейный корабль. Въ седьмомъ часу Палуданъ передалъ свою шпагу поспѣшно возвратившемуся герцогу; въ шестомъ часу „Христіанъ VIII“ загорѣлся отъ попавшей въ него съ сѣверной батареи бомбы и въ половинѣ восьмого взлетѣлъ на воздухъ.

Въ то время какъ датчане лишились обоихъ своихъ военныхъ кораблей и потеряли 131 человѣкъ убитыми и 92 ранеными, 44 офицеровъ и 981 нижнихъ чиновъ плѣнными, всѣ потери нѣмцевъ заключались въ 4 убитыхъ и 14 раненыхъ; фонъ Бонинъ произвелъ Юнгмана въ чинъ майора, а имя погибшаго Прейсера занесъ въ списки съ чиномъ лейтенанта. Модель „Христіана VIII“ вмѣстѣ съ захваченнымъ датскимъ флагомъ „Гефіона“ и шпага Палудана и понынѣ находятся въ одной изъ залъ съ трофеями въ замкѣ Саксенъ-Кобургскихъ герцоговъ. (См. юмористическую поэму: „Geisterspuck, oder das grosse Umgehen auf der Veste Koburg“ Фрица Гофмана, Лейпц., 1877).

Авторъ этой картины, гамбургскій живописецъ Рудольфъ Гардорфъ (род. 8 марта 1815 г.), поспѣшилъ уже 5 апрѣля 1849 г. на мѣсто сраженія (у него еще сохраняется до сихъ поръ большой деревянный осколокъ „Христіанъ VIII“); тутъ же на мѣстѣ онъ набросалъ Сѣверную и Южную батареи и вообще все, что еще можно было видѣть, и, кромѣ того, получилъ отъ нассаусцевъ самыя точныя свѣдѣнія о ходѣ сраженія. Его картина, принадлежащая гамбургской художественной галлереѣ, съ полнымъ правомъ можетъ считаться исторически вѣрнымъ воспроизведеніемъ памятнаго событія 5-го апрѣля 1849 года.

были признано право на самоопредѣленіе; для разоруженія герцогствъ былъ отправленъ австрійскій армейскій корпусъ. 11 января 1851 года шлезвигъ-гольштинское собраніе, располагавшее еще непобѣжденной, готовой къ бою арміей въ 38.000 человѣкъ, было все-таки вынуждено подчиниться общимъ требованіямъ Австріи и Пруссіи, распустить свои войска и примириться съ возвращеніемъ обоихъ герцогствъ подъ власть Даніи, которая съ этихъ поръ, т. е. съ 1852 года была постоянно занята одной и той же мыслью, именно, стремленіемъ подорвать по мѣрѣ крайней возможности благосостояніе своихъ нѣмецкихъ подданныхъ и заставить ихъ поплатиться за свои національныя симпатіи. Однако, эта жестокая политика не достигла своей цѣли. Ни вѣроломство прусскаго правительства, ни безцеремонное хозяйничанье датчанъ не могли уничтожить національнаго духа сѣверной окраины Германіи; послѣ смерти Фридриха VII, послѣдовавшей 15 ноября 1863 года, населеніе герцогствъ снова выступило на защиту своихъ правъ и дало возможность искупить свои старыя прегрѣшенія прусскому королевству, пришедшему къ тому времени въ сознаніе своего могущества и своей національной миссіи.

Г. Панславизмъ и поляки.

а) Пражскій славянскій конгрессъ.

Открывшійся въ Прагѣ 2 іюня 1848 года славянскій конгрессъ принадлежитъ безспорно къ числу самыхъ причудливыхъ затѣй, вызванныхъ 1848 годомъ, этой такъ называемой „весной народовъ“. На этомъ конгрессѣ взаимная солидарность славянскихъ народовъ впервые стала лозунгомъ, и впервые была изобрѣтена идея панславизма, которая и теперь еще внушаетъ страхъ робкимъ людямъ, хотя исторія послѣдняго пятидесятилѣтія нисколько не оправдываетъ такого отношенія къ ней. Было вполнѣ естественно, что славяне не хотѣли отстать отъ другихъ народовъ и тоже выступили съ своими національными требованіями въ такой моментъ, когда народы Европы были призваны принять участіе въ рѣшеніи своихъ судебъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ славянскихъ народовъ уже давно были насильственнымъ путемъ лишены своихъ національныхъ правъ или даже вообще никогда не пользовались ими, какъ, напримѣръ, словаки и часть южныхъ славянъ. Этимъ послѣднимъ предстояло выдержать серьезное испытаніе: должно было выясниться, сохранили ли они способность къ внутреннему развитію, и въ силахъ ли они возвыситься до степени національной самостоятельности, или же, наоборотъ, они не въ состояніи воспользоваться пріобрѣтенной ими политической свободой для проведенія въ жизнь того общественнаго расчлененія, которое необходимо для расцвѣта цѣльной культуры. Первыя практическія попытки славянскихъ народовъ оказались не очень удачными; напротивъ того, эти попытки обнаружили передъ современниками и потомствомъ, что въ отношеніи политическаго развитія славяне еще не вышли изъ пеленокъ, что отсутствіе разумной мѣры въ ихъ требованіяхъ, смѣшное самомнѣніе и крайнее чванство препятствуетъ имъ въ достиженіи практическихъ результатовъ и что они почти совершенно лишены способности къ самостоятельному государственному существованію. Какъ разнообразны ихъ отношенія къ другимъ народамъ, какъ несходны между собой экономическія условія, въ которыхъ живутъ различные славянскіе народы, какъ бѣдны они политическимъ опытомъ, какъ слаба у нихъ привычка къ правильной гражданской жизни, объ этомъ они сами не отдавали себѣ никакого отчета; они упустили изъ виду, что прежде всего необходимо каждому изъ славянскихъ народовъ завоевать себѣ почетное положеніе на своей родинѣ. Всѣ ихъ помыслы были сосредоточены на грандіозныхъ планахъ, которые не могли

привести ни къ какимъ практическимъ политическимъ послѣдствіямъ. Если бы, напримѣръ, австрійскіе славяне сосредоточили свое вниманіе на своихъ общихъ интересахъ, то они были бы въ состояніи выработать для себя политическую программу: добившись учрежденія центральнаго парламента и выступивши на борьбу противъ независимости Венгріи, славяне, составляющіе большинство населенія австрійской имперіи, одержали бы верхъ надъ нѣмцами, итальянцами и мадьярами. Но въ дѣйствительности кругъ вопросовъ, затронутыхъ славянскимъ конгрессомъ, разросся до безконечности, благодаря участію въ немъ поляковъ, которые ставили себѣ цѣли, недостижимыя въ предѣлахъ владѣній дома Габсбурговъ, и русскаго радикальнаго демократа Михаила Бакунина; въ результатѣ конгрессъ пришелъ къ совершенно искуственнымъ построеніямъ, исполнимость которыхъ на практикѣ не представляла ни малѣйшей степени вѣроятности. Панславистское движеніе было заранѣе обречено на безплодность, благодаря преобладающему недостатку славянскихъ политическихъ дѣятелей, ихъ неумѣнью ставить свои требованія въ опредѣленныя рамки, и ихъ самомнѣнію, вслѣдствіе котораго они переоцѣниваютъ свои силы и свои способности и бьютъ на эффектъ.

Вопреки желанію иниціаторовъ славянскаго конгресса, среди которыхъ были консервативные австрійскіе чиновники, онъ былъ увлеченъ рѣзко демократическимъ теченіемъ и возлагалъ всѣ свои надежды на будущій конгрессъ европейскихъ народовъ, который возстановитъ національныя славянскія государства. По мнѣнію членовъ славянскаго конгресса должны были быть возстановлены слѣдующія славянскія государства: Чехія (Богемія съ Моравіей), Галиційско-Силезское государство, Познань, которую предполагалась оставить подъ верховной властью Пруссіи впредь до того времени, когда всѣ части Польши будутъ соединены въ одно Польское королевство, Словенское королевство, въ составъ котораго должно было войти славянское населеніе Штиріи, Каринтіи, Крайны и Береговой Земли. Предполагалось, что находившіяся подъ властью Габсбурговъ славянскія государства соединятся въ одно союзное государство; нѣмецкимъ коронным землямъ предполагалось предоставить свободный выборъ, присоединиться ли имъ также къ этому союзу или примкнуть къ государству, которое будетъ создано франкфуртскимъ парламентомъ. Дальнѣйшую судьбу словаковъ, хорватовъ и сербовъ ставили въ зависимости отъ того обстоятельства, предоставятъ ли имъ мадьяры полное равноправіе или нѣтъ; если бы этого не случилось, то предполагалось также создать Словакское и Великохорватское государства. Члены конгресса считали всѣ эти проекты исполнимыми; хотя, по ихъ мнѣнію, славяне проникнуты въ самой высокой степени духомъ свободы и справедливости, тѣмъ не менѣе они не могли отрицать, что славянскіе народы угнетаютъ другъ друга, и что полякъ считаетъ своими самыми опасными врагами русскихъ, русины поляковъ, а хорваты сербовъ; но они этимъ не смущались.

Пражскіе чешскіе студенты, составлявшіе почетный караулъ конгресса, нисколько не скрывали своей ненависти къ нѣмцамъ: какъ поляки увлекались борьбой противъ русскихъ, такъ и они мечтали о славѣ великихъ борцовъ противъ проклятыхъ нѣмцевъ. Къ нимъ примкнули мелко-буржуазные слои; рабочіе были тоже увлечены этимъ теченіемъ и устроили 12 іюня 1848 года кошачій концертъ коменданту Праги генералу князю Альфреду Виндишгрецу въ отместку за то, что онъ отказался выдать студентамъ 60.000 патроновъ и батарею съ лошадьми и упряжью. Эти волненія превратились въ настоящее возстаніе, которое чешскіе главари эксплуатировали въ свою пользу, хотя оно возникло вовсе не на почвѣ національнаго воодушевленія, а только вслѣдствіе склонности чешскаго простонародія къ буйству. Такой оборотъ дѣлъ озадачилъ весьма непріятно членовъ славянскаго конгресса; они постарались какъ можно скорѣе убраться

во свояси,—перспектива отстаивать на баррикадахъ взаимную солидарность славянскихъ народовъ показалась имъ вовсе не заманчивой. Запуганное и жившее въ вѣчномъ страхѣ предъ неспокойнымъ столичнымъ населеніемъ вѣнское правительство попыталось прибѣгнуть безъ всякой нужды къ посредничеству; но князь Виндишгрецъ все-таки остался хозяиномъ положенія, подавилъ возстаніе силой оружія и принудилъ Прагу къ изъявленію безусловной покорности (срв. выше, стр. 241). Вскорѣ послѣ этого, вся остальная Богемія была тоже усмирена имъ. Тогда партія чешскаго историка и политическаго дѣятеля Франца Палацкаго поспѣшила окончательно отказаться отъ программы конгресса и отъ всѣхъ славянскихъ идеаловъ и перешла на сторону австрійскаго правительства. Чешская демократія была похоронена; консервативная чешская партія оказалась болѣе живучей,—она всячески содѣйствовала правительству въ борьбѣ его противъ нѣмецкихъ демократовъ и старалась согласовать свои національные планы съ существующимъ государственнымъ строемъ Австріи. Палацкій пріобрѣлъ вліяніе въ императорской главной квартирѣ въ Ольмюцѣ; по его предложенію засѣданія рейхстага были перенесены въ Кремзиръ, гдѣ его вѣрный оруженосецъ Владиславъ Ригеръ принялъ дѣятельное участіе въ сѣяніи раздоровъ между народными представителями и распространеніи между ними вражды къ нѣмецкимъ демократамъ.

Благодаря важному содѣйствію, оказанному австрійскому правительству хорватами въ дѣлѣ усмиренія непокорныхъ венгерцевъ, и благодаря отказу славянъ отъ революціонныхъ идей они пріобрѣли благорасположеніе австрійскаго правительства и легко могли бы завоевать себѣ преобладающее положеніе въ государствѣ, тѣмъ болѣе, что нѣмцы сильно вредили себѣ своимъ безумнымъ радикализмомъ; но славяне страдали отсутствіемъ политическихъ талантовъ, которые сумѣли бы повернуть въ ихъ пользу новые порядки, зарождавшіеся въ Австрійской имперіи. Они только расчистили мѣсто для придворной аристократіи и для придворнаго духовенства и дали имъ возможность захватить въ свои руки неограниченное господство. И понынѣ славяне остаются неспособными къ плодотворному труду на поприщѣ политической дѣятельности вслѣдствіе того, что слѣпая ненависть, которую они питаютъ къ своимъ согражданамъ-нѣмцамъ и которая проистекаетъ въ значительной степени только изъ недоброжелательства и зависти, дѣйствуетъ отталкивающимъ образомъ; поэтому они не могутъ привлечь къ себѣ союзниковъ для общей борьбы за интересы государства. Безплодное стремленіе славянъ добиться исключительнаго господства въ Богеміи лишило ихъ того участія въ дѣлахъ государственнаго управленія, на которое они имѣли право разсчитывать въ виду многочисленности славянскаго населенія Австрійской имперіи, безспорной талантливости славянской расы и несомнѣнной способности ея къ государственнымъ дѣламъ. Славянамъ слѣдовало только сдѣлать нѣмцамъ неизбѣжную уступку и признать за ними право на преобладающее положеніе, которое принадлежитъ имъ въ силу историческаго хода развитія Габсбургской монархіи и высокаго положенія, занимаемаго германскимъ народомъ въ Европѣ.

б) Возстаніе поляковъ въ Познаніи.

1848 годъ могъ бы послужить началомъ для возстановленія политической независимости польскаго народа, если бы руководители польской національной политики направились по тому единственному пути, который обѣщалъ успѣхъ. Имъ слѣдовало сосредоточить свою дѣятельность исключительно на той части Польши, которая находилась во власти Россіи, и употребить на это всѣ силы, которыми располагали поляки для патріотической борьбы за свое освобожденіе. Россія была окончательно изолирована; немыслимо было, чтобы какая бы то ни была европейская держава

пришла къ ней на помощь, какъ это сдѣлала Пруссія во время предшествовавшаго польскаго возстанія въ 1831 году, если бы опять возгорѣлась война между Россіей и польскимъ народомъ. Австрія была не въ состояніи удержать Галицію отъ участія въ польскомъ возстаніи; по Пруссію полякамъ слѣдовало по возможности склонить на свою сторону и дать ей надлежащее увѣреніе въ томъ, что прусская провинція Познань не войдетъ въ составъ самостоятельнаго польскаго государства. Разъ только германскимъ интересамъ не угрожало бы никакой опасности, то германскій парламентъ отнесся бы къ польской національной партіи съ полнымъ сочувствіемъ, а французская республика во всякомъ случаѣ оказала бы полякамъ поддержку.

На дѣлѣ случилось какъ разъ противоположное: дѣло началось съ возстанія въ Познани, съ угрозъ по адресу Пруссіи, съ убійствъ и пожаровъ въ нѣмецкихъ общинахъ провинціи Познани. Поляки стали отказываться отъ нѣмецкой школы, которая во всякомъ случаѣ не могла нанести культурному уровню польскаго народа большаго вреда, чѣмъ произволъ и крутыя мѣры русскихъ чиновниковъ и русской полиціи. Людвигъ Мѣрославскій, ученый фантазеръ, не обладавшій никакимъ практическимъ политическимъ чутьемъ, разсчитывалъ на побѣды европейской демократіи и считалъ своимъ долгомъ поддержать демократическое движеніе въ томъ государствѣ, въ которомъ власть консерваторовъ, повидимому, укоренилась сильнѣе всего, именно, въ Пруссіи; поэтому онъ приступилъ къ своей революціонной дѣятельности въ Познани сейчасъ, какъ только повѣяло политической свободой послѣ мартовскаго движенія. Во главѣ 10.600 польскихъ повстанцевъ онъ вступилъ 29 апрѣля 1848 года въ бой съ полковникомъ Генрихомъ фонъ Брандтомъ при Ксіонсѣ, но исходъ этого сраженія былъ неблагопріятенъ для поляковъ; 30 апрѣля Мѣрославскій отбросилъ прусскій корпусъ недалеко отъ Милослава. Тѣмъ не менѣе военныя дѣйствія въ провинціи Познани не обѣщали успѣха полякамъ, такъ какъ они не получили никакихъ подкрѣпленій изъ русской Польши, и имъ не удалось разстроить дисциплину въ прусской арміи посредствомъ демократической пропаганды; въ концѣ мая все уже было кончено. Вооруженныя банды были разсѣяны, Мѣрославскій бѣжалъ. Нѣкоторое время спустя (весной 1849 г.) онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ революціонеровъ въ Сициліи и въ Баденѣ и сохранилъ съ изумительной стойкостью вѣру въ спасительное дѣйствіе демократическихъ принциповъ, несмотря на всѣ злоупотребленія радикальныхъ безумцевъ и негодяевъ. Изъ подъ его пера вышли превосходныя изображенія революціи 1830 — 1831 года (изд. въ Парижѣ 1836—1838) и возстанія въ Познани (изд. въ Парижѣ 1853), въ которыхъ онъ подвергалъ суровой критикѣ свой собственный народъ.

9. „Красная" и демократическая республики во Франціи.

A. Радикалы въ маѣ и іюнѣ 1848 года.

Радикальная европейская демократія собиралась развернуть свое знамя на развалинахъ существующаго политическаго строя и воздвигнуть подъ этимъ знаменемъ новыя государственныя формы, несмотря на то, что ни одинъ изъ поклонниковъ этой демократіи не имѣлъ представленія о практическихъ основаніяхъ этого строя; демократы были уже окончательно разбиты во Франціи, но въ Италіи, Германіи и Австріи все еще увлекались крайними демократическими теоріями и приносили ради нихъ тяжелыя жертвы. Онѣ испытали такую же судьбу, какъ и всѣ другіе политическіе идеалы: какъ только собираются приступить къ ихъ осуществленію, то оказывается вдругъ, что невозможно составить единообразнаго опредѣленнаго

плана и что на практикѣ эти идеалы могутъ принять самыя различныя формы. Народъ, который воюетъ за свои верховныя права, представляется чѣмъ то единымъ, пока идетъ борьба противъ отжившихъ правительствъ; но въ тотъ моментъ, когда приходится создать новую власть, онъ распадается на большое число группъ съ различными интересами, которымъ не удовлетворяютъ одни и тѣ же учрежденія. Желанія всѣхъ слоевъ населенія не могутъ быть осуществленны въ одно и то же время не только вслѣдствіе неравенства имущественныхъ состояній различныхъ классовъ населенія, но также вслѣдствіе общей погони за властью, которая предполагаетъ избытокъ правъ на сторонѣ однихъ и тѣ или другія ограниченія на сторонѣ другихъ.

4 мая 1848 года (срв. стр. 218) 900 представителей французскаго народа провозгласили во Франціи республику; большая часть избирателей думала, что революція кончилась, и требовала учрежденія правительства, которое было бы въ состояніи поддержать порядокъ и общественное спокойствіе и уменьшить бремя налоговъ, лежащее на плательщикахъ. 10 мая былъ избранъ исполнительный комитетъ подъ предсѣдательствомъ знаменитаго физика Доминика Франсуа Араго. Этотъ комитетъ сознавалъ всю важность возложенной на него народомъ задачи и рѣшился честно исполнить свой долгъ. Однако уже въ первые дни послѣ того, какъ комитетъ вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей, ему пришлось столкнуться съ организованнымъ противникомъ, которому не было предоставлено никакого участія въ управленіи страной, но который тѣмъ не менѣе требовалъ, чтобы правительство дѣйствовало исключительно въ его пользу. Къ демократической партіи принадлежали и тѣ и другіе, какъ правительство, такъ и оппозиція; и тѣ, и другіе дѣйствовали отъ имени верховныхъ правъ народа съ тою только разницей, что одни изъ нихъ были представителями имущихъ классовъ, а другіе главарями безработныхъ и работать не желающихъ, которые въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ предъ тѣмъ заставляли себѣ платить за безполезный трудъ въ „національныхъ мастерскихъ“ Франціи.

Уже 15 мая радикалы, преслѣдовавшіе коммунистическіе и соціально-политическіе планы или вообще стремившіеся только къ захвату власти, которую они хотѣли эксплоатировать въ своихъ собственныхъ выгодахъ, вступили въ открытую борьбу съ стоявшей во власти партіей; предлогомъ послужило для нихъ участіе къ судьбѣ поляковъ. Луи Бланъ, Л. А. Бланки, П. Ж. Прудонъ, Этьенъ Кабе (томъ VII, стр. 427) и Франсуа Венсанъ-Распайль были предводителями этой партіи; Ледрю-Ролленъ отказался примкнуть къ нимъ. Революціонеры уже успѣли завладѣть городской ратушей, но въ этотъ моментъ подошли нѣсколько батальоновъ національной гвардіи, которые разсѣяли столпившіяся народныя массы. Предводители возстанія были преданы суду въ Буржѣ, и съ ними было поступлено съ должной строгостью, а національныя мастерскія, стоившія Франціи ежедневно 250.000 франковъ и превратившіяся въ сборные пункты для недовольныхъ и мятежниковъ, были закрыты. Эти распоряженія правительства и предъявленное къ рабочимъ требованіе разъѣхаться по провинціи для пріисканія себѣ работы вызвали іюньскую революцію, эти кровопролитныя столкновенія на улицахъ Парижа, въ которыхъ радикальная демократія, выступившая подъ краснымъ знаменемъ, вступила въ борьбу на жизнь и на смерть съ приверженцами демократической республики, избравшими своимъ девизомъ „république sans phrase“ (республика безъ громкихъ фразъ). Монархисты, само собой разумѣется, перешли на сторону республиканскаго правительства; регулярныя войска и національная гвардія остались ему вѣрными. Военный министръ генералъ Луи Эженъ Кавеньякъ, имѣвшій за собой доблестную военную карьеру въ Алжирѣ, руководилъ успѣшно вмѣстѣ съ генералами Ламорисьеромъ (стр. 214) и Эд. Ад. Дамесмомъ военными дѣйствіями противъ революціонныхъ бандъ, двигавшихся

изъ предмѣстій къ центральнымъ частямъ Парижа; такъ какъ „красные“ ни за что не хотѣли идти на миръ, то національное собраніе провозгласило 24 іюня Кавеньяка диктаторомъ. Онъ объявилъ въ Парижѣ осадное положеніе и преслѣдовалъ возмутившихся, которымъ приписывали, между прочимъ, убійство архіепископа Дени Огюста Аффра (25 іюня), до Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, гдѣ имъ была устроена 28 іюня кровавая баня.

Б. Президентство Луи Наполеона.

Побѣда была куплена дорогой цѣной; тысячи раненыхъ лежали въ госпиталяхъ Парижа и его окрестностей. Число убитыхъ не было установлено, но во всякомъ случаѣ ихъ было столько же, какъ и послѣ большого сраженія; въ томъ числѣ было девять генераловъ и нѣсколько депутатовъ. Въ общественномъ мнѣніи произошелъ рѣзкій поворотъ; оно склонилось въ пользу консервативной партіи и возставало противъ всякаго компромисса съ радикалами. Въ демократической республикѣ пріобрѣла большое вліяніе прежняя „конституціонная“ партія; Тьеръ, Монталамберъ и Одильонъ Барро (срв. стр. 159 и сл., 173 и 216) выступили опять на первый планъ. Кавеньякъ остался во главѣ исполнительной власти, но его популярность быстро пошатнулась вслѣдствіе того, что онъ не сумѣлъ привязать къ себѣ мелкую буржуазію ни обѣщаніемъ уменьшенія налоговъ, ни блестящими рѣчами. Послѣ двухмѣсячныхъ преній національное собраніе утвердило конституцію, которая ограждала принципъ верховныхъ правъ народа; выборъ президента республики не былъ предоставленъ депутатамъ, а долженъ былъ производиться посредствомъ всенароднаго голосованія. На практикѣ это обстоятельство открыло широкій просторъ для воздѣйствія на народныя массы ловкимъ агитаторамъ, и одинъ честолюбивый членъ семьи Бонапартовъ проложилъ себѣ благодаря этому путь къ власти, занявши на первыхъ порахъ, 26 сентября 1848 года, мѣсто въ національномъ собраніи въ качествѣ многократно избраннаго народнаго представителя.

Послѣ своего побѣга изъ Гама (стр. 214) Шарль Луи Наполеонъ жилъ въ Англіи вполнѣ уединенной жизнью. Какъ только вспыхнула февральская революція, въ немъ зародились гордыя надежды на блестящую карьеру. Однако опытъ, пережитый имъ въ Страссбургѣ и въ Булони, научилъ его осторожности, и онъ не рѣшился дѣйствовать съ легкомысленной поспѣшностью, несмотря на совѣты своихъ приверженцевъ во Франціи. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что дождется въ близкомъ будущемъ благопріятнаго момента, и выжидалъ только, когда для него настанетъ пора дѣйствовать. Онъ выразилъ республиканскому правительству торжественную благодарность за данное ему разрѣшеніе вернуться въ отечество послѣ того, какъ онъ былъ объявленъ внѣ закона и 33 года скитался въ изгнаніи; онъ увѣрялъ своихъ коллегъ-депутатовъ въ томъ, что онъ съ рвеніемъ и увлеченіемъ приметъ участіе въ ихъ трудахъ, съ которыми онъ до сихъ поръ „могъ знакомиться только посредствомъ чтенія и размышленія“. Ему повѣрили,—и его выставили кандидатомъ въ президенты не только его личные друзья и приверженцы бонапартистской имперіи, но и многіе другіе представители консервативныхъ взглядовъ, которые сомнѣвались въ томъ, чтобы прямолинейный республиканецъ въ родѣ Кавеньяка былъ въ состояніи спасти государство отъ угрожавшей ему анархіи. Изъ ненависти къ республиканцамъ-доктринерамъ ультрамонтаны, орлеанисты, легитимисты и соціалисты дѣйствовали заодно и общими силами старались повліять на всенародное голосованіе, происходившее 10 декабря 1848 года. Сынъ Луи Бонапарта и Гортензіи Богарне получилъ громадное большинство голосовъ, превзошедшее всѣ ожиданія, именно $5^1/_2$ милліоновъ въ то время, какъ за Кавеньяка было подано всего $1^1/2$ милліона голосовъ. Никто не считалъ Шарля Луи Наполеона Бонапарта выдающимся политическимъ дѣятелемъ, но каж-

дая партія въ отдѣльности надѣялась воспользоваться имъ для общихъ своихъ цѣлей или въ интересахъ честолюбивыхъ карьеристовъ, стоявшихъ во главѣ этихъ политическихъ партій. Когда 20 декабря выяснились результаты всенароднаго голосованія, то національное собраніе обошлось съ новымъ президентомъ далеко не почтительно.

„Послышались одобрительные возгласы со стороны небольшого числа депутатовъ, мѣста которыхъ были рядомъ съ мѣстомъ Луи-Бонапарта“, разсказываетъ Викторъ Гюго: „во всей остальной части собранія царила мертвая тишина. Предсѣдатель собранія Марра предложилъ вновь избранному президенту принести присягу. Луи Бонапартъ, одѣтый въ застегнутый на всѣ пуговицы черный сюртукъ съ звѣздой Почетнаго Легіона на груди, вошелъ чрезъ двери, находящіяся съ правой стороны, взошелъ на трибуну и спокойнымъ голосомъ повторилъ вслѣдъ за Марра слова присяги; затѣмъ онъ произнесъ на своемъ непріятномъ особомъ, свойственномъ ему діалектѣ, рѣчь, весьма рѣдко прерываемую криками одобренія. Въ своей рѣчи онъ восхвалялъ до небесъ Кавеньяка, и это понравилось слушателямъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже кончилъ и сошелъ съ трибуны, причемъ его не провожали, какъ Кавеньяка, криками одобренія, а раздался одинъ общій возгласъ: „Да здравствуетъ республика“. Этотъ „новый человѣкъ“, встрѣченный съ такимъ неудовольствіемъ и равнодушіемъ, къ которому относились безъ уваженія и безъ всякаго слѣда воодушевленія, не обладалъ ни геніемъ, ни страстнымъ темпераментомъ: при своихъ скромныхъ дарованіяхъ онъ сумѣлъ забрать въ свои руки интересы Франціи и приковать къ себѣ вниманіе всей Европы благодаря своей разсчетливости, ловкому пользованію общими мѣстами и наигрыванію на низменныхъ страстяхъ своихъ пособниковъ.

Президентомъ буржуазной республики сталъ членъ семьи великаго завоевателя и покорителя всей Европы; а о Наполеонѣ I вспоминалъ съ гордостью каждый французъ, патріотизмъ котораго не былъ заглушенъ легитимистическими тенденціями. Новый президентъ былъ совмѣщеніемъ крайнихъ противорѣчій; никто не зналъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ нимъ, титуловать ли его принцемъ, высочествомъ, просто господиномъ, монсиньеромъ или гражданиномъ; было ясно, что онъ либо пойдетъ дальше, либо новая революція забросить его опять въ мракъ неизвѣстности, изъ котораго онъ вынырнулъ. Общество уже пресытилось революціями. Общимъ лозунгомъ стали слѣдующія слова: „заработокъ и наслажденіе жизнью“; Луи Наполеонъ усвоилъ себѣ этотъ лозунгъ. Викторъ Гюго утверждаетъ, что онъ на первомъ же обѣдѣ въ Елисейскомъ дворцѣ разъяснилъ Луи Наполеону, на какихъ принципахъ должно основываться управленіе Франціей: онъ доказывалъ, что Луи Филиппъ палъ вслѣдствіе своего незнакомства съ настроеніемъ французскаго народа и съ его національной гордостью и что необходимо прежде всего развернуть знамя мира. „Какъ же это сдѣлать?“ — спросилъ принцъ. — „Это должно быть достигнуто посредствомъ побѣдъ, одержанныхъ прогрессомъ и промышленностью, и труда на поприщѣ искусства, литературы и науки. Народный трудъ можетъ создать чудеса. Французы — это народъ завоевателей; когда они не ведутъ войны съ оружіемъ въ рукахъ, то они одерживаютъ побѣды своимъ духомъ и своими талантами. Не упускайте этого изъ виду, идите впередъ, — если вы это выпустите изъ виду, то вы погибли“. Конечно, Луи Наполеонъ не обладалъ такимъ краснорѣчіемъ, какъ Викторъ Гюго, но содержаніе сказаннаго ему вполнѣ соотвѣтствовало его собственному мнѣнію съ той только разницей, что онъ представлялъ себѣ эти мысли въ болѣе осязательныхъ образахъ. Онъ зналъ, что люди не въ состояніи выносить слишкомъ долго великихъ народныхъ политическихъ потрясеній и искусственно поддерживаемаго возбужденія; большинство людей начинаетъ задыхаться, какъ только попробуютъ надуть щеки; какъ только они устаютъ,

надо имъ дать передохнуть. Пока преобладала потребность въ отдыхѣ, буржуазный Наполеонъ еще могъ оставаться любимцемъ Франціи; а когда въ французскомъ народѣ заговорили „великія чувства“, то онъ не зналъ больше, что ему дѣлать, и сталъ разыгрывать чисто ребяческую роль. Новый глава государства старался доказать, что направленіе его политики близко къ либерализму, созданному парижскимъ обществомъ въ эпоху іюльской монархіи, и поручилъ составленіе министерства Одильону Барро; вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ выступилъ впервые на политическое поприще одинъ изъ личныхъ друзей Наполеона Эдуардъ Друэнъ де Люи.

Выборы въ національное собраніе произошли подъ давленіемъ необходимости обезопасить правительство отъ новыхъ посягательствъ со стороны „красныхъ“.—Выборы были произведены на основаніи избирательнаго закона, которымъ была дополнена конституція въ маѣ 1849 года: большинство состояло изъ бывшихъ роялистовъ и конституціоналистовъ, среди которыхъ произошелъ поворотъ въ сторону реакціи послѣ возстанія коммунистовъ въ іюнѣ 1848 года. Изъ страха предъ итальянской демократіей, въ объятія которой бросился Пьемонтъ, Франція упустила удобный случай взять подъ свое покровительство итальянское національное объединительное движеніе и вырвать изъ рукъ Австріи преобладающее положеніе на Апеннинскомъ полуостровѣ. Если бы Франція прислушалась къ призыву о помощи Карла Альберта, то онъ не потерпѣлъ бы пораженія при Новарѣ (стр. 236) и усиленіе Австріи не стало бы исходной точкой реакціоннаго движенія, которое вскорѣ стало поперекъ дороги не только революціоннымъ стремленіямъ радикаловъ, но и самымъ скромнымъ требованіямъ умѣренныхъ друзей свободы. Луи Бонапартъ угадалъ своимъ тонкимъ чутьемъ, что настроеніе широкихъ слоевъ населенія стало совпадать почти во всей Европѣ съ возродившейся самоувѣренностью правительственныхъ круговъ и что вслѣдствіе безумныхъ дѣйствій разъяренной и нравственно испорченной массы пролетаріата въ зажиточныхъ классахъ, искавшихъ спокойствія, вновь усилилось довѣріе къ религіи, какъ руководительницѣ и воспитательницѣ народныхъ массъ; онъ оказалъ ультрамонтанамъ самую громадную услугу, какую имъ вообще можно было оказать, допустивши возстановленіе свѣтской власти папы, уничтоженной демократами.

B. Возстановленіе свѣтской власти папы.

„Національный папа“ Пій IX уступилъ требованіямъ населенія и согласился въ мартѣ 1848 года на введеніе конституціи въ Церковной Области, но все таки осудилъ публично войну, объявленную Пьемонтомъ Австріи, и римскіе отряды, принимавшіе участіе въ ней помимо его воли. Этотъ поступокъ папы вызвалъ полное охлажденіе къ нему въ населеніи Церковной Области. Это охлажденіе перешло въ открытую вражду послѣ того, какъ онъ отказался утвердить либеральные законы, принятые палатой, и поставилъ во главѣ правительства графа Пеллегрино де Росси. Послѣ убійства этого послѣдняго (15 ноября 1848 г.) въ Римѣ вспыхнула революція, во время которой папа оказался арестованнымъ въ Квиринадѣ и затѣмъ бѣжалъ въ Неаполитанскую крѣпость Гаету (27 ноября), а наконецъ въ Римѣ было избрано временное правительство. Папа теперь былъ бы непрочь принять предложеніе Пьемонта и воспользоваться его услугами для возстановленія своей свѣтской власти; однако открывшееся въ Римѣ 5-го февраля 1849 г. учредительное собраніе большинствомъ 120 голосовъ противъ 23 приняло рѣшеніе о возстановленіи Римской республики; папа принялъ это за вызовъ и сталъ домогаться вооруженнаго вмѣшательства католическихъ державъ въ его пользу. Римская республика стала центромъ итальянскаго объединительнаго движенія; Венеція, Тоскана и Сицилія примкнули къ ней. Мадзини (стр. 218) сталъ во

главѣ тріумвирата, который представлялъ собой исполнительную власть республики; Джузеппе Гарибальди (стр. 237) сталъ душой національной обороны, а Римъ получилъ значеніе ея главной квартиры.

„Демократическая республика“, которая въ это время утвердилась во Франціи, не хотѣла имѣть дѣла съ преемниками карбонаріевъ, этими главарями европейскаго революціоннаго движенія; республиканское французское правительство было убѣждено въ томъ, что прочность новаго режима стоитъ въ тѣсной зависимости отъ союза его съ клерикалами. Поэтому французское правительство не отстало отъ Австріи, Испаніи и Неаполитанскаго королевства и тоже взяло на себя обязательство содѣйствовать возстановленію свѣтской власти папы; Франція отправила немедленно въ Италію военный отрядъ въ 20,000 человѣкъ подъ командой маршала Удино, который завладѣлъ 25 апрѣля 1849 г. гаванью Чивитавеккіа. Президентъ французской республики вовсе не имѣлъ намѣренія опять навязать римлянамъ папскій деспотизмъ съ его возмутительными административными порядками: онъ отправилъ въ Римъ пользовавшагося его довѣріемъ Фердинанда де Лессепса, который взялъ на себя роль посредника между папой и населеніемъ римской области и хотѣлъ добиться компромисса между ними съ учрежденіемъ въ Римѣ умѣренно либеральнаго образа правленія. Къ сожалѣнію, Удино слишкомъ поспѣшно пустилъ въ ходъ силу и 30 апрѣля потерпѣлъ неудачу подъ стѣнами Рима; военная честь Франціи, которою французскій президентъ безконечно дорожилъ, какъ потомокъ Наполеона, требовала отъ него покоренія вѣчнаго города. Такимъ образомъ солдаты французской республики стали товарищами по оружію представителей реакціи—австрійцевъ, которые вступили 19-го мая въ Болонью и сожгли на половину Анкону (стр. 237); 20 іюня французскія войска приступили къ бомбадировкѣ Рима, вслѣдствіе которой погибло много замѣчательнѣйшихъ произведеній искусства и которая принудила Римъ къ сдачѣ 3 іюля 1849 г. послѣ того, какъ Гарибальди ушелъ изъ города съ 3000 добровольцевъ.

Г. Государственный переворотъ.

Благодаря образу дѣйствій, котораго держалась Франція въ римскомъ вопросѣ, и благодаря своему уклоненію отъ всякой помощи германскимъ демократамъ, которые осенью 1849 г. пустили въ ходъ свои послѣднія усилія для преобразованія политическаго строя Германіи и введенія въ ней республиканскаго образа правленія, французская республика мало-по-малу впала въ рѣзкое открытое противорѣчіе съ своими собственными демократическими учрежденіями. Ея внутреннее разложеніе было неизбѣжно и наступило очень скоро, какъ необходимое послѣдствіе неуклюжей конституціи, главный недостатокъ которой заключался въ томъ, что власть была подѣлена между палатой, облеченной самыми широкими законодательными полномочіями, которая была выбрана на три года, но не могла быть распущена, и президентомъ, выбраннымъ посредствомъ всеобщаго голосованія всего на 4 года и лишеннымъ права выступать вновь кандидатомъ на тотъ же постъ по истеченіи этого срока. Искренніе республиканцы предвидѣли сразу, что всеобщее голосованіе даетъ президенту слишкомъ большой престижъ и можетъ послужить для него опаснымъ оружіемъ; но большинство учредительнаго собранія, какъ говоритъ Трейчке, „дѣйствовало главнымъ образомъ подъ вліяніемъ ненависти къ республикѣ; оно хотѣло имѣть подъ руками независимую силу и, вѣроятно, имѣло въ виду со временемъ возстановить во Франціи монархію“. Луи Наполеонъ самъ взялся за это дѣло, не прибѣгая ни къ чьему содѣйствію. Уже 31 октября 1849 г. онъ выступилъ съ посланіемъ, въ которомъ объявлялъ себя представителемъ наполеоновской системы и утвер-

ждалъ, что поддержаніе въ странѣ порядка и общественнаго спокойствія зависитъ отъ прочности его положенія. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія палата вотировала 31 мая 1850 г. новый избирательный законъ, которымъ были устранены отъ участія въ выборахъ отъ 3 до 10 милліоновъ человѣкъ, преимущественно горожанъ, а для признанія выборовъ законными было признано достаточнымъ участіе въ нихъ четверти общаго числа избирателей. Президентъ предпринималъ многократныя поѣздки по Франціи для того, чтобы какъ можно сильнѣе сосредоточить на своей особѣ вниманіе народа и чтобы польстить своимъ избирателямъ, повторяя при всякомъ удобномъ случаѣ, что онъ будетъ подчиняться только ихъ рѣшенію.

Не раньше, какъ черезъ годъ, онъ рѣшился выступить съ опредѣленными планами; палата то давала ему почувствовать свою силу, то становилась уступчивой. Онъ не могъ добиться большинства въ $^{3}/_{4}$ голосовъ, необходимаго для пересмотра конституціи, хотя 79 изъ числа всѣхъ 85 генеральныхъ совѣтовъ высказались за подобный пересмотръ. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что президентскіе выборы, предстоявшіе въ маѣ 1852 г., фактически осуществили бы такой пересмотръ конституціи: Луи Наполеонъ, безъ сомнѣнія, былъ бы избранъ вновь подавляющимъ большинствомъ голосовъ, несмотря на то, что конституція не допускала подобной вторичной кандидатуры немедленно по истеченіи срока, на который выбранъ президентъ. Такое возмущеніе всего народа противъ существующихъ законовъ не могло бы способствовать упроченію общественнаго порядка, основывающагося на этихъ законахъ; возбужденіе народа во время выборовъ могло бы вызвать новую вспышку радикальнаго движенія, къ которому были склонны большія массы населенія въ Южной Франціи, Марсели и Бордо. Этого опасались какъ въ бѣдныхъ хижинахъ, такъ и въ дворцахъ, и предупредить такое движеніе можно было только посредствомъ возстановленія монархіи. Трудно было ожидать, чтобы тщеславныя, задорныя, словообильныя, самоугодливыя, разсчитанныя только исключительно на минутный успѣхъ рѣчи, которыя произносились въ палатѣ, способствовали фактически улучшенію существующаго положенія вещей; кто могъ сохранить въ себѣ наивную вѣру въ работоспособность и добрыя намѣренія народныхъ представителей, когда были на лицо плачевные результаты многократныхъ опытовъ, произведенныхъ начиная съ 1830 года? Парламентъ обнаружилъ свою полную неспособность къ предупрежденію угрожавшаго Франціи государственнаго преворота, хотя осенью 1851 года ему уже трудно было заблуждаться въ этомъ отношеніи; несмотря на это парламентъ отклонилъ законопроектъ, которымъ въ его руки передавалось право распоряженія арміей, хотя ему было извѣстно, что популярность новаго цезаря сдѣлала большіе успѣхи въ арміи, а генералъ Жакъ Леруа де Сентъ-Арно былъ уже выписанъ изъ Африки и взялся подготовить армію для внѣпарламентскаго пересмотра конституціи.

Приготовленія къ государственному перевороту производились подъ руководствомъ графа Шарля Огюста Луи Жозефа де Морни, своднаго брата Наполеона, сына матери Шарля Луи Наполеона и графа Ог. Ш. Флаго; ему помогалъ его вѣрный другъ Жанъ Жильберъ Викторъ Фіаленъ де Персиньи, а Сентъ Арно взялъ на себя оборудованіе военной обстановки. Въ концѣ 1851 года между заговорщиками было рѣшено, что 2 декабря, годовщина побѣды при Аустерлицѣ и коронованія великаго дяди Луи Наполеона, будетъ тѣмъ счастливымъ днемъ, когда достойный племянникъ его заберетъ въ свои руки власть надъ Франціей. Командовавшій парижскимъ гарнизономъ генералъ Бернаръ Пьеръ Маньянъ подговорилъ 20 генераловъ, которые согласились дѣйствовать въ пользу Луи Наполеона, когда дѣло дойдетъ до оружія. Разъ рѣшившись, самъ президентъ довольно хладнокровно ожидалъ предстоявшихъ событій. Морни,

увлекавшійся азартной игрой и биржевой спекуляціей, скупалъ при посредствѣ подставныхъ лицъ какія только возможно было государственныя бумаги, такъ какъ было очевидно, что биржа будетъ привѣтствовать государственный переворотъ сильнымъ повышеніемъ курса этихъ бумагъ. Вотъ съ чего начался переворотъ: въ 4 часа утра директоръ полиціи Шарлемань Эмиль де Мопа́ произвелъ нападеніе на лежавшихъ еще въ постели всѣхъ выдающихся депутатовъ палаты, въ числѣ которыхъ были и генералы Кавеньякъ, Шангарнье и Ламорисьеръ, всего около 60 человѣкъ, — они были всѣ арестованы; въ то же время парижскій гарнизонъ, къ которому были притянуты подкрѣпленія изъ окрестностей столицы, захватилъ важные въ стратегическомъ отношеніи пункты въ окрестностяхъ зала засѣданій національнаго собранія. Разбуженное отъ сна парижское населеніе прочло на перекресткахъ улицъ три краткія воззванія, обращенныя къ народу, населенію столицы и арміи, а также приказъ о распущеніи національнаго собранія и возстановленіи всеобщаго права голоса; Парижъ и 11 окружающихъ его департаментовъ были объявлены въ осадномъ положеніи. Въ промежутокъ времени между 14 и 21 декабря были призваны къ избирательнымъ урнамъ 10 милліоновъ французовъ, которые подавали свои голоса о томъ, одобряютъ ли они или нѣтъ провозглашенную президентомъ конституцію. Въ силу этой конституціи отвѣтственный глава государства избирался на 10 лѣтъ; вводилось трояваго рода народное представительство: въ видѣ государственнаго совѣта, законодательнаго корпуса и сената, но контроль надъ исполнительной властью былъ предоставленъ исключительно суверенному народу. При своемъ появленіи президентъ былъ встрѣченъ весьма дружественными привѣтствіями не только со стороны арміи, но и со стороны народа, и никто не препятствовалъ задержанію депутатовъ, пытавшихся собраться и протестовать противъ нарушенія конституціи.

Только 3 декабря радикалы и соціалисты подняли в о з с т а н і е; въ центрѣ Парижа было воздвигнуто много баррикадъ, вокругъ которыхъ шла ожесточенная борьба. Однако, далеко не всѣ парижане приняли участіе въ этой борьбѣ; громадное большинство буржуазіи осталось дома. Армія одержала полную побѣду, которую она превратила своими безцѣльными жестокостями въ актъ мести противъ демократовъ, хотя въ сущности сторонники государственнаго переворота добивались только уничтоженія „демократической республики“. 3 декабря и въ слѣдующіе за нимъ дни было разсѣяно и окончательно обезсилено на долгое время главное ядро испытанныхъ бойцовъ на баррикадахъ не только въ Парижѣ, но и во всѣхъ большихъ городахъ Франціи, которые принимали участіе въ революціонныхъ вспышкахъ предшествовавшихъ лѣтъ.

20 декабря 1851 года происходило в с е н а р о д н о е г о л о с о в а н і е по вопросу объ измѣненіи конституціи, точнѣе сказать, о врученіи диктаторской власти Луи Наполеону. Это голосованіе производилось подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его успѣха въ борьбѣ противъ революціи, громкихъ обѣщаній, данныхъ Луи Наполеономъ своимъ вѣрнымъ сподвижникамъ по перевороту 2 декабря, и уже выданныхъ имъ наградъ; въ результатѣ за него было подано 6.439,246, а противъ него 640,737 голосовъ. Б о н а п а р т и з м ъ возродился въ новомъ видѣ и превратился опять въ господствующую во Франціи п р а в и т е л ь с т в е н н у ю с и с т е м у. „Самый жестокій абсолютизмъ, который только извѣстенъ XIX столѣтію, явился результатомъ открыто выраженной демократической народной воли. Почти всѣ выдающіеся умы Франціи, почти всѣ блестящіе представители искусства и науки, самые даровитые политическіе дѣятели и военные таланты относились къ новому властителю въ теченіе первыхъ лѣтъ его царствованія съ такой единодушной враждебностью, какую едва ли знаетъ исторія. Наступило время, когда головы устали думать, отдыхали и для отдыха отдавались абсолютно полному отсутствію мышленія, а самыя бла-

городныя натуры лишились всего того, что составляетъ наиболѣе цѣнное содержаніе жизни; а между тѣмъ народныя массы чувствовали себя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безспорно счастливыми и довольными. Вотъ какъ ничтожно значеніе таланта и мысли въ эпоху господства демократіи и народнаго хозяйства" (Трейчке). Той жалкой участью, которая постигла ее на цѣлыхъ двадцать лѣтъ, Франція была обязана народной волѣ, которая добровольно унизилась и подчинила себя произволу ловкаго авантюриста.

10. Либерализмъ, радикализмъ и реакція въ Германіи.

А. Франкфуртскій парламентъ.

18 мая 1848 года 586 представителей всѣхъ германскихъ племенъ собрались въ церкви св Павла во Франкфуртѣ на Майнѣ для созданія одного общаго германскаго государства, соотвѣтствующаго желаніямъ и потребностямъ германскаго народа. Преобладающее большинство депутатовъ національнаго собранія, въ числѣ которыхъ было много выдающихся ученыхъ, промышленниковъ, чиновниковъ, адвокатовъ, землевладѣльцевъ, людей опытныхъ и образованныхъ, было убѣждено въ томъ, что эга задача разрѣшима; всѣ они были готовы съ искренними намѣреніями и твердой рѣшимостью посвятить всѣ свои силы на рѣшеніе этой задачи. Въ эти достопамятные дни, когда „весеннее солнце только что зарождавшейся свободы озаряло покраснѣвшія отъ томленія и ожиданія лица тогдашнихъ политическихъ дѣятелей, наивныхъ въ политикѣ, какъ дѣти (срав. стр. 227), люди вѣрили въ силу убѣжденія, въ благотворные результаты непоколебимыхъ принциповъ, какъ въ новое евангеліе; всѣ были убѣждены въ томъ, что сила правительствъ уже сокрушена, что имъ приходится преклониться предъ народной волей и что для нихъ остается только одинъ исходъ — подчиниться постановленіямъ германскаго учредительнаго собранія. Мало кто сомнѣвался въ надежности парламентарныхъ учрежденій и въ возможности найти путь къ истинному выраженію народной воли и къ проведенію въ жизнь ея требованій. Никому не приходило въ голову, что еще черезъ полвѣка люди придутъ къ тому убѣжденію, что вообще невозможно доискаться единой народной воли; въ 1848 году никто не предвидѣлъ, что въ недалекомъ будущемъ народъ распадется на борющіеся другъ противъ друга классы и что праву и разуму могутъ противорѣчить не только власть монарховъ, но также и притязанія парламентскихъ, политическихъ, соціальныхъ, религіозныхъ и національныхъ партій и что всѣ событія, вытекающія изъ человѣческихъ дѣйствій, основываются на господствѣ сильной воли надъ слабой.

Отличительная черта всѣхъ политическихъ системъ, основанныхъ на теоріи, въ томъ числѣ и либеральной, которая тоже есть умозрительное построеніе, а не практическое изобрѣтеніе, заключается въ томъ, что онѣ исходятъ изъ непригодности, непрочности и предосудительности всѣхъ существующихъ учрежденій, не укладывающихся въ рамки ихъ теоріи. Поэтому первое требованіе либеральныхъ и политическихъ дѣятелей всегда бываетъ направлено къ устраненію существующаго для того, чтобы открылся просторъ для возведенія теоретическаго зданія новаго строя. Либералы сходятся съ соціалистами и анархистами въ томъ убѣжденіи, что прогрессъ государствъ долженъ заключаться въ созданіи новыхъ учрежденій на развалинахъ старыхъ. Вслѣдствіе этого либералы всегда очищаютъ путь для политическихъ партій радикальнаго направленія, которыя нетерпѣливо идутъ напроломъ и находятъ удовольствіе въ разрушеніи, хотя бы онѣ даже не имѣли никакого опредѣленнаго представленія о томъ

новомъ, которымъ они хотятъ замѣнить старое. Эти радикалы присваиваютъ себѣ исключительное право собственности на идеализмъ съ его яркимъ сіяніемъ, несмотря на то, что они совершенно неспособны къ выработкѣ идеальныхъ представленій; въ лучшемъ случаѣ они дѣйствуютъ только подъ вліяніемъ безпокойнаго исканія перемѣнъ, а то и подъ вліяніемъ тѣхъ низменныхъ чувствъ, которыя чаще всего являются пружиной, толкающей людей къ дѣйствіямъ. Такимъ же самымъ образомъ и германскіе либералы тоже не считались ни съ союзнымъ сеймомъ, ни съ правительствами союзныхъ государствъ; они упускали изъ виду тѣ формы, въ которыя облекалась въ теченіе многихъ столѣтій политическая жизнь германскаго народа, и въ своихъ рѣчахъ любили возвращаться къ дѣленію этого народа на племена, которое давно уже не имѣло практическаго смысла въ глазахъ народа и о которомъ даже образованный классъ не могъ составить себѣ правильнаго сужденія. Прежде всего они выбрали конституціонную комиссію, задача которой заключалась въ изобрѣтеніи формы будущаго германскаго государства, а затѣмъ они создали центральное правительство для несуществующаго еще государства, отношеніе котораго къ фактически существующимъ и обладающимъ полною властью правительствамъ оставалось совершенно туманнымъ.

а) Германское національное собраніе отъ мая до сентября 1848 г.

Уже во время преній по вопросу о центральной власти обнаружилось, какія непреодолимыя препятствія мѣшаютъ созданію удовлетворяющей общимъ требованіямъ конституціи, несмотря на то, что правительство нисколько не вмѣшивалось въ труды франкфуртскаго парламента. Демократы требовали непремѣнно учрежденія исполнительнаго комитета, избраннаго изъ среды верховнаго національнаго собранія; либералы внесли нѣсколько проектовъ объ устройствѣ комитета изъ трехъ членовъ, назначенныхъ по усмотрѣнію правительствъ германскихъ государствъ. Этотъ узелъ удалось распутать благодаря „смѣлому ходу“ президента Генриха фонъ Гагерна, который предложилъ парламенту назначить собственной властью правителя имперіи, который долженъ взять на себя управленіе дѣлами подлежащаго распущенію союзнаго сейма и завѣдывать ими при посредствѣ имперскаго министерства. Большинствомъ 436 голосовъ изъ всѣхъ 548 правителемъ имперіи былъ избранъ 24 іюня 1848 г. эрцгерцогъ австрійскій Іоаннъ; 28 іюня былъ окончательно принятъ законъ о центральной власти. Если постъ правителя имперіи долженъ былъ служить временной переходной ступенью до той поры, пока не будетъ выработано соглашенія объ окончательной формѣ центральной власти, то этотъ выборъ слѣдуетъ признать весьма удачнымъ, такъ какъ эрцгерцогъ Іоаннъ пользовался большой популярностью, былъ не чуждъ идеализма и считался поклонникомъ прогресса во всѣхъ отрасляхъ духовной и экономической жизни. Въ противномъ случаѣ, если отъ него ожидали, что онъ сумѣетъ превратить призракъ въ дѣйствительность, что онъ попытается повліять на развитіе общегерманскаго государства дальнѣйшими смѣлыми ходами и окажетъ какое-нибудь существенное содѣйствіе фактическому осуществленію объединенія Германіи, то члены франкфуртскаго парламента безспорно обсчитались. Эрцгерцогъ Іоаннъ былъ человѣкомъ съ добрыми намѣреніями въ сердцѣ и съ прекрасными словами на устахъ; онъ былъ преисполненъ довѣрія къ „добропорядочнымъ людямъ“ и любилъ выставлять въ примѣръ всѣмъ другимъ нѣмцамъ „прямодушныхъ“ жителей альпійскихъ провинцій; онъ поддерживалъ духовныя влеченія въ небольшомъ кругу своихъ приближенныхъ и отличался вѣрнымъ пониманіемъ экономическихъ интересовъ; однако онъ не обладалъ талантомъ практическаго

политическаго дѣятеля. Всѣ его политическіе планы отличались своей туманностью и нереальностью; когда у него не хватало идей, онъ отдѣлывался словами и не понималъ тѣхъ настроеній, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ австрійскихъ придворныхъ кругахъ, несмотря на свой собственный тяжелый опытъ. На первыхъ порахъ выборъ эрцгерцога Іоанна имѣлъ значеніе временнаго выхода изъ затрудненій всякаго рода: правительства могли одобрить этотъ выборъ, не вступая ни въ какой компромиссъ съ революціоннымъ движеніемъ; въ ихъ глазахъ это былъ только шагъ къ возстановленію добраго согласія между германскимъ народомъ и германскими царствующими династіями.

Однако руководящія партіи національнаго собранія не были склонны къ такому взгляду на вещи; одни только консерваторы, правая, или, какъ эта партія сама себя называла, правый центръ, оставались вѣрными тому благоразумному принципу, что созданіе конституціоннаго государственнаго организма можетъ быть достигнуто только путемъ компромисса между парламентомъ и правительствами. Всѣ остальныя партіи настаивали на томъ, что **народъ самъ себѣ долженъ дать конституцію** и что **въ противномъ случаѣ онъ никакъ не добьется признанія всѣхъ своихъ правъ**. Благодаря этому разногласію невозможно было придти къ окончательному результату; разрѣшеніе вопроса откладывалось на неопредѣленное время; самый благопріятный моментъ, когда правительства еще считали себя вынужденными къ уступкамъ предъ народной волей, былъ потраченъ на безплодныя пренія, а тѣмъ временемъ все усиливался партикуляризмъ. Патріоты руководствовались не заботой о жизнеспособномъ и сильномъ во внѣшнихъ дѣлахъ объединеніи союзныхъ государствъ, а исключительно стремленіемъ облечь въ законныя формы неумѣренныя притязанія **доктринерскаго либерализма** и дать почувствовать правительствамъ всю мощь вырвавшагося изъ своихъ оковъ народнаго духа. Трагическая исторія французской революціи пропала даромъ для нѣмцевъ; тѣ люди, которымъ была ввѣрена судьба Германіи, въ томъ числѣ немало профессіональныхъ политическихъ дѣятелей, ни на одну минуту не подумали о томъ, что избиратели имѣютъ право требовать отъ нихъ, чтобы они избѣгали по крайней мѣрѣ самыхъ грубыхъ политическихъ ошибокъ.

Сильное большинство, благодаря которому осуществилось учрежденіе центральной власти, распалось, спустя короткое время, на **группы**, лишенныя характера политическихъ партій, такъ какъ онѣ расходились между собою по несущественнымъ пунктамъ. Наслѣдственный недостатокъ нѣмцевъ, неумѣніе добровольно подчиняться, происходящее отъ страсти къ препирательству и самолюбія, производилъ настоящія опустошенія какъ въ рядахъ монархистовъ, такъ и среди республиканцевъ; въ гостиницахъ не хватало мѣста для всѣхъ кружковъ, которые считали долгомъ совѣсти выставить свою особую политическую программу. Отъ группы „Казино", которая заключала въ себѣ умѣренныхъ либераловъ съ Фр. Хр. Дальманномъ и Карломъ Мати во главѣ, отдѣлился вскорѣ „Ландсбергъ", которымъ руководилъ пылкій молодой поэтъ Вильгельмъ Іорданъ. Изъ членовъ лѣваго центра 50 человѣкъ собирались подъ предсѣдательствомъ Роберта фонъ Моля въ „Аугсбургскомъ дворѣ", другіе 50 считали своими главами Гейдельбергскаго правовѣда Карла Антона Миттермайера, который былъ родомъ изъ Мюнхена, и вѣнскаго профессора государственнаго права Карла Гискра,—они засѣдали въ „Вюртембергскомъ дворѣ" (см. верхн. полов. таб., прилож. къ стр. 226). Лѣвая собиралась въ „Нюрнбергскомъ дворѣ" подъ предсѣдательствомъ Вильгельма Леве изъ Кальбе и въ „Вестендгалле" подъ предсѣдательствомъ двухъ кельнскихъ уроженцевъ, сотрудника газетъ и торговца сигарами Карла Раво и бывшаго издателя выходившей въ Парижѣ газеты „Внѣ закона" (Der Geächtete) Якова Фене-

дей. Гостиницы „Нѣмецкій домъ“ и „Доннерсбергъ“ служили сборными пунктами для крайней лѣвой, т. е. радикаловъ, изъ которыхъ лейпцигскій книгопродавецъ Робертъ Блюмъ и профессоръ, онъ же начальникъ національной гвардіи въ Гиссенѣ, Карлъ Фохтъ держались болѣе умѣренныхъ политическихъ взглядовъ въ то время, какъ Арнольдъ Руге, вскорѣ послѣ того ушедшій изъ парламента, въ которомъ къ нему относились довольно непочтительно, Людвигъ Симонъ изъ Трира, Францъ Генрихъ Цицъ изъ Майнца и депутатъ княжества Рейсъ, швейцарскій книгопродавецъ и писатель Юліусъ Фребель, доходили въ своемъ неудержимомъ стремленіи къ свободѣ до самаго порога анархіи и признавали безусловное право на самоопредѣленіе не только за государствами, но даже за общинами и за каждымъ индивидумомъ въ отдѣльности. „Каменный домъ“ служилъ пристанищемъ для католической консервативной партіи, къ которой принадлежали профессоръ И. Деллингеръ изъ Мюнхена, князь Феликсъ Лихновскій, генералъ Іосифъ фонъ Радовицъ и др., а протестантская консервативная партія, главами которой былъ Георгъ фонъ Финке и графъ Максимиліанъ фонъ Шверинъ, избрала своимъ мѣстопребываніемъ „Кафе Милани“, а впослѣдствіи „Англійскій дворъ“. Осенью 1848 года образовались еще новые клубы, собиравшіеся въ „Сократовой ложѣ“, „Отелѣ Шредеръ“, въ „Вейденбушѣ“ и др. Раздѣленіе партій на монархистовъ и республиканцевъ не совпадало вполнѣ точно съ клубами; одна только крайняя лѣвая состояла исключительно изъ республиканцевъ; среди членовъ лѣвой было очень много депутатовъ, относившихся съ наибольшей симпатіей къ „республикѣ съ великимъ герцогомъ во главѣ“. Къ концу преній по вопросу объ имперской конституціи возникло новое распредѣленіе партій: на одной сторонѣ стояли приверженцы „Великой Германіи“, которые настаивали на томъ, что Австрія должна участвовать въ Союзѣ на однихъ условіяхъ съ чисто германскими государствами; рѣзкими противниками ихъ были сторонники „Малой Германіи“, которые стремились къ болѣе тѣсному союзу подъ главенствомъ Пруссіи и требовали исключенія изъ него Австріи.

11 іюля 1848 года герцогъ Іоаннъ прибылъ во Франкфуртъ; въ тотъ же день былъ распущенъ союзный сеймъ. Правитель имперіи назначилъ временное Имперское министерство, которое должно было завѣдывать дѣлами центральной власти, пока онъ самъ не справится съ задачей, возложенной на него въ Вѣнѣ императоромъ, его племянникомъ. Въ началѣ августа 1848 года эрцгерцогъ переселился во Франкфуртъ и поставилъ князя Фридриха Карла фонъ Лейнингена во главѣ своего министерства, въ составъ котораго входили австріецъ Антонъ фонъ Шмерлингъ, адвокатъ Морицъ Гекшеръ изъ Гамбурга, пруссаки Германъ фонъ Бекератъ (срв. стр. 212) и генералъ Эдуардъ фонъ Пейкеръ, бременскій сенаторъ Арнольдъ Дуквицъ и вюртембергскій гражданинъ Робертъ фонъ Моль, профессоръ государственнаго права въ Гейдельбергѣ. Для упроченія внѣшняго могущества центральной власти военный министръ фонъ Пейкеръ издалъ 6 августа приказъ о томъ, чтобы арміямъ германскихъ государствъ былъ произведенъ парадный смотръ, во время котораго должно быть провозглашено троекратное „ура“ въ честь правителя имперіи, эрцгерцога Іоанна. Когда дѣло дошло до исполненія этого приказа, то обнаружилось съ полной очевидностью, что правительства не считали его обязательнымъ для себя, а руководствовались при исполненіи его своимъ собственнымъ усмотрѣніемъ. Въ точности онъ былъ исполненъ только въ Саксоніи, Вюртембергѣ и въ мелкихъ государствахъ. Что касается Пруссіи, то въ парадѣ приняли участіе только прусскіе гарнизоны союзныхъ крѣпостей, въ Баваріи войска привѣтствовали сначала короля, а затѣмъ уже кричали „ура!“ въ честь правителя имперіи; въ Австріи приказъ былъ принятъ къ свѣдѣнію только въ Вѣнѣ и то изъ уваженія лично къ эрцгерцогу:

итальянская армія вовсе не обращала вниманія на имперскаго военнаго министра.

Несмотря на это отношенія между германскими правительствами и центральной властью были довольно дружественныя. Прусскій король относился съ глубокимъ уваженіемъ лично къ правителю имперіи и доказалъ свое дружеское расположеніе къ эрцгерцогу Іоанну, между прочимъ, во время празднествъ, устроенныхъ городомъ Кельномъ 14 августа 1848 года въ шестисотлѣтнюю годовщину закладки Кельнскаго собора; большинство союзныхъ монарховъ относились съ почтеніемъ къ эрцгерцогу Іоанну, какъ къ представителю австрійскаго царствующаго дома, и издавна были его интимными друзьями. Германскія правительства назначили также своихъ уполномоченныхъ при временной центральной власти, которымъ очень хотѣлось играть роль совѣта владѣтельныхъ князей, функціонирующаго рядомъ съ національнымъ собраніемъ; для правителя имперіи эти уполномоченные были во всякомъ случаѣ полезными посредниками для обмѣна мыслей между нимъ и правительствами; но демократическое высокомѣріе укоренилось въ церкви Св. Павла такъ сильно, что тамъ отнеслись крайне недружелюбно къ этому плодотворному повороту въ сторону „системы компромиссовъ". 20 августа центральная власть вынуждена была объявить, что состоящіе при ней уполномоченные представители отдѣльныхъ государствъ ни въ коемъ случаѣ не пользуются правомъ оказывать рѣшительное вліяніе на постановленія центральной власти или вообще принимать непрерывное участіе въ общегерманскихъ дѣлахъ.

Изъ иностранныхъ государствъ, которымъ новая европейская держава дала знать о своемъ существованіи черезъ спеціальныхъ пословъ, она была признана безусловно только Нидерландами, Бельгіей, Швеціей, Швейцаріей и Соедин. Штат. С. Америки; Россія относилась къ ней свысока, Франція и Англія смотрѣли на нее съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ. Что касается Австріи, то лѣтомъ 1848 года она еще была слишкомъ занята своими внутренними смутами и не могла удѣлить серьезнаго вниманія германскому вопросу; къ тому же во главѣ германскаго союза стоялъ человѣкъ, пользовавшійся довѣріемъ съ ея стороны, эрцгерцогъ Іоаннъ, и поэтому она могла не торопиться со своимъ рѣшеніемъ; но между центральной властью и Пруссіей возникли вскорѣ весьма серьезныя недоразумѣнія по поводу войны въ Шлезвигъ-Гольштиніи. Франкфуртскій парламентъ пришелъ въ сильное возбужденіе послѣ перемирія въ Мальме, заключеннаго Пруссіей 26 августа безъ согласія отправленнаго въ Шлезвигъ-Гольштинію центральной властью имперскаго статсъ-секретаря Макса фонъ Гагерна (стр. 251). Парламентъ призналъ Шлезвигъ-Гольштинскій вопросъ національнымъ дѣломъ и предъявилъ свое право на участіе въ рѣшеніи этого вопроса, считая себя преемникомъ правъ, принадлежавшихъ раньше союзному сейму. 5 сентября Дальманъ внесъ предложеніе о пріостановкѣ мѣропріятій, необходимыхъ для приведенія въ исполненіе перемирія; имперское министерство, съ своей стороны, внесло резолюцію о признаніи этого перемирія, которая была отвергнута 244 голосами противъ 230. Послѣ этого правитель имперіи предложилъ Дальману составить новое министерство, но послѣдній былъ вынужденъ отказаться отъ этого порученія послѣ многодневныхъ безполезныхъ попытокъ. Тогда собраніе приступило къ преніямъ по вопросу о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры въ виду состоявшагося уже перемирія, а имперское министерство все еще не было составлено; между тѣмъ демократическая лѣвая лишилась большинства въ собраніи, благодаря чему резолюція комиссіи, предлагавшей не признавать перемирія и требовавшей, чтобы временная центральная власть объявила войну Даніи, была отвергнута при голосованіи большинствомъ 258 голосовъ противъ 237.

Это послѣднее событіе послужило поводомъ къ возстанію во Франкфуртѣ, организованному членами крайней лѣвой подъ предводительствомъ Цица изъ Майнца вмѣстѣ съ ихъ приверженцами въ самомъ городѣ и въ сосѣднихъ государствахъ, Гессенѣ и Баденѣ. Городской сенатъ вынужденъ былъ обратиться съ просьбой о военной помощи къ коменданту майнцкой крѣпости; 18 сентября 1848 года засѣданіе національнаго собранія происходило подъ прикрытіемъ двухъ регулярныхъ батальоновъ, одного австрійскаго и одного прусскаго, такъ какъ революціонеры собирались ворваться въ парламентъ съ толпой вооруженной черни, по парижскому образцу, запугать присутствующихъ въ собраніи и страхомъ принудить ихъ къ такимъ рѣшеніямъ, которыя должны были повлечь за собой междуусобную войну. На улицахъ были воздвигнуты баррикады, и два депутата правой, князь Феликсъ Лихновскій и генералъ Гансъ Адольфъ Эрдманъ фонъ Ауэрсвальдъ были преданы мучительной смерти. Послѣ этого даже долготерпѣливый эрцгерцогъ-правитель пересталъ разсчитывать на мирное уложеніе конфликта; войскамъ былъ отданъ приказъ взять штурмомъ баррикады, и за нѣсколько часовъ бунтъ былъ усмиренъ безъ большихъ жертвъ. Франкфуртскіе бюргеры не попались въ сѣти „красныхъ" и не оказали никакого содѣйствія преступнымъ убійцамъ, при помощи которыхъ демократы хотѣли создать германскую республику. Нѣсколько дней спустя профессіональнаго революціонера Густава Струве (стр. 219), который вторгся изъ Франціи въ Баденъ съ вооруженной бандой съ цѣлью „способствовать побѣдѣ дѣла свободы" тоже постигла вполнѣ заслуженная имъ участь: онъ былъ задержанъ 25 сентября 1848 г. около Лерраха и заключенъ въ тюрьму.

б) Пруссія во второй половинѣ 1848 года.

Теперь національное собраніе могло опять засѣдать спокойно; однако вѣра въ его высокое положеніе и его могущество была замѣтно поколеблена, а если бы террористическая затѣя радикаловъ удалась, то они живо покончили бы съ нимъ. Теперь оно могло заняться „основными правами"; въ то же время между вѣнскимъ и берлинскимъ правительствами шелъ споръ о правахъ отдѣльныхъ правительствъ. Подавленіе возмущенія въ Вѣнѣ Виндишгрецомъ не прошло безслѣдно также и для Пруссіи. Верхъ одержало то убѣжденіе, что притязанія демократіи на участіе гражданъ въ задачахъ исполнительной власти, ея вмѣшательство въ правительственныя распоряженія слѣдуетъ подавлять безъ всякихъ послабленій, а всякую попытку демократовъ дѣйствовать силой противъ правительственныхъ органовъ слѣдуетъ искоренять въ зародышѣ, не стѣсняясь никакими мѣрами, а если нужно, то и при помощи оружія; предполагалось, что въ противномъ случаѣ невозможно будетъ поддержать общественный порядокъ, безъ котораго никто не можетъ пользоваться спокойно своими конституціонными правами. Благоразумные люди спохватились, что податливое отношеніе правительства къ героямъ государственныхъ переворотовъ грозитъ опасностью свободѣ тѣхъ наиболѣе многочисленныхъ классовъ населенія, которые готовы были поступиться въ пользу твердаго правительства частью правъ, принадлежавшихъ имъ въ силу теоріи доктринерскаго либерализма, лишь бы были обезпечены общественный порядокъ и безопасность гражданъ. Что при необыкновенно сильномъ всеобщемъ возбужденіи, господствовавшемъ въ то время, дѣло не могло обойтись безъ суровыхъ мѣръ и излишнихъ строгостей со стороны органовъ правительства, — это легко можно констатировать въ спокойное время, но трудно было замѣтить тогда.

Такъ, напримѣръ, залпъ, данный по массѣ демонстрантовъ въ Швейдницѣ (31 іюля 1848 г.), послужилъ поводомъ къ такимъ шагамъ со сто-

роны національнаго собранія, которые были способны подорвать уваженіе къ правительству и уничтожить ничѣмъ незамѣнимый въ такое бурное время спасительный страхъ предъ вооруженной силой. Это повлекло за собою 7 сентября отставку министерства Ауэрсвальда-Ганземана, вступившаго въ должность 25 іюня; его мѣсто заняло 21 сентября бюрократическое министерство подъ предсѣдательствомъ генерала Эрнста фонъ Пфуэля, которое не пользовалось никакимъ вліяніемъ ни на короля, ни въ національномъ собраніи. Въ самомъ собраніи преобладающее значеніе принадлежало лѣвой. Президентомъ собранія былъ избранъ желѣзнодорожный строитель Гансъ Викторъ фонъ Унру, принадлежавшій къ умѣренной партіи, вицепрезидентомъ — глава крайней лѣвой либеральный доктринеръ юристъ Лео Вальдекъ; во время дебатовъ о проектѣ конституціи собраніе вычеркнуло изъ королевскаго титула слова „милостью Божіей", а 31 октября 1848 г. оно постановило обратиться къ имперскому правительству во Франкфуртѣ съ требованіемъ, чтобы оно пришло на помощь вѣнскимъ революціонерамъ. Въ то же время поддерживались постоянныя сношенія между собраніемъ и безработной массой, собранной отовсюду демократическими агитаторами и державшей въ непрерывной осадѣ залъ засѣданій депутатовъ въ королевскомъ театрѣ.

1 ноября 1848 г. въ Берлинъ прибыло извѣстіе о взятіи Вѣны австрійскими войсками (стр. 247). Это навело Фридриха Вильгельма на мысль о томъ, что и онъ съ своей стороны тоже долженъ заступиться за свою королевскую власть. Онъ далъ отставку Пфуэлю и поставилъ во главѣ новаго министерства графа Вильгельма фонъ Бранденбурга, сына короля Фридриха Вильгельма II и графини Софіи Юліаны Фредерики фонъ Денгофъ; въ то же время король отдалъ приказъ о вступленіи въ Берлинъ отряда въ 15.000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Фридриха фонъ Врангеля; вслѣдъ затѣмъ въ Берлинѣ было объявлено осадное положеніе. Національное собраніе было переведено изъ Берлина въ Бранденбургъ съ цѣлью „устранить всѣ препятствія" для спокойнаго хода его занятій; тѣмъ не менѣе члены лѣвой собирались много разъ въ берлинскихъ гостиницахъ, несмотря на запрещеніе министра-президента; два раза они были разогнаны при помощи войскъ и наконецъ-таки были вынуждены примириться съ своей участью и послѣдовать за консервативными депутатами въ Бранденбургъ. Берлинъ и Марки не оказывали никакой поддержки демократамъ; большая часть населенія была весьма довольна тѣмъ, что правительство во-время предупредило господство „краснаго" террора. Распущеніе національнаго собранія, отъ котораго не приходилось ожидать никакой плодотворной законодательной работы несмотря на перемѣщеніе его въ Бранденбургъ, было встрѣчено обществомъ съ явнымъ сочувствіемъ, равно какъ и составленный правительствомъ и опубликованный 5 декабря 1848 года проектъ конституціи и оповѣщеніе о созывѣ прусскаго ландтага, избраннаго на основаніи новаго избирательнаго закона. Въ провинціяхъ замѣчалось, впрочемъ, также теченіе совершенно противоположнаго характера, но оно пока не принимало угрожающихъ размѣровъ. Вмѣшательство франкфуртскаго парламента въ вопросы, касающіеся прусской конституціи, не имѣло никакого практическаго значенія, такъ какъ короткое время спустя преобладающая роль въ этомъ собраніи перешла въ руки коалиціи праваго и лѣваго центровъ, допускавшей только такія постановленія, которыя нисколько не нарушали правъ прусскаго правительства на самоопредѣленіе.

в) Австрія въ теченіе зимы 1848—49 года.

Въ общественномъ мнѣніи Германіи произошелъ поворотъ; большинство германскаго народа отвернулось отъ радикаловъ и умѣрило свои требованія относительно объема народныхъ правъ, которыя должны быть гаран-

тированы конституціей. Этотъ поворотъ отразился весьма благопріятнымъ образомъ на дѣятельности германскаго національнаго собранія; временная центральная власть почувствовала подъ собою твердую почву послѣ того, какъ прусское правительство отдало въ его распоряженіе всѣ свои военныя силы (326.000 человѣкъ), какъ объ этомъ было объявлено 23 октября 1848 года имперскимъ министромъ Шмерлингомъ. Несмотря на это, только люди, обладающіе необыкновеннымъ политическимъ талантомъ и громаднымъ тактомъ, были бы въ состояніи справиться съ тѣми препятствіями, которыя мѣшали созданію общегерманскаго національнаго союза съ отличительными признаками государственнаго организма и съ достаточнымъ могуществомъ для поддержанія его престижа какъ за границей, такъ и внутри Германіи. Для осуществленія такого союза потребовалась бы самая необычайная политическая проницательность не отъ однихъ только народныхъ представителей; такою же проницательностью должны были бы отличаться также и дѣйствія великихъ державъ, безъ согласія которыхъ невозможно было достигнуть того объединенія, къ которому стремился весь народъ. Такихъ условій не существовало прежде всего въ Австріи, рѣшеніе которой имѣло наибольшее значеніе. На этотъ разъ вновь подтвердилось слѣдующее наблюденіе, многократно провѣренное какъ на отдѣльныхъ лицахъ, такъ и на цѣлыхъ народахъ: тотъ, кто лишается власти и затѣмъ получаетъ ее обратно, не становится болѣе разсудительнымъ и умѣреннымъ, а, наоборотъ, еще охотнѣе злоупотребляетъ ею. Если бы австрійское правительство рѣшилось на самоограниченіе, преслѣдуя при этомъ одну ясно сознанную и достижимую цѣль превратить старинныя владѣнія Габсбургскаго дома въ современное государство, то это свидѣтельствовало бы о его глубокой политической мудрости. Въ такомъ случаѣ было бы само собою понятно, въ какую форму долженъ быть облеченъ союзъ между Австріей и новымъ германскимъ государствомъ, на организацію котораго ей незачѣмъ было оказывать какое бы то ни было давленіе; тогда ей не пришлось бы прибѣгнуть къ помощи Россіи для подавленія венгерскаго возстанія, такъ какъ союзная Пруссія и король Фридрихъ Вильгельмъ IV съ величайшей готовностью оказали бы Австріи эту услугу; тогда Австро-Венгрія могла бы, не отвлекаясь никакими другими политическими задачами, посвятить всѣ свои силы исключительно на поднятіе своей культуры, улучшеніе своихъ общеполезныхъ учрежденій и на расширеніе сферы своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Мало того, въ такомъ случаѣ едва ли было бы возможно отнять у Австріи ея преобладающее положеніе на Апеннинскомъ полуостровѣ, если бы она имъ дѣйствительно дорожила. Въ настоящее время едва ли существуетъ хоть одинъ мыслящій членъ дома Габсбурговъ, который не былъ бы согласенъ съ этимъ; вѣроятно, даже нѣкоторые представители католической церкви, стремившейся въ теченіе трехъ столѣтій къ превращенію династіи Габсбурговъ въ поборника своихъ интересовъ, тоже не стали бы теперь отрицать того, что попытки Австріи удержать за собою исконное положеніе католическаго императорскаго дома въ Германіи были только напрасной тратой силъ.

Однако зимою 1848—49 гг. подобныя мысли никому еще не приходили въ голову. Единственный человѣкъ, который почти додумался до нихъ, престарѣлый баронъ фонъ Вессенбергъ (стр. 246), лишился своего вліянія какъ разъ въ то время, когда рѣшались самые важные вопросы. Его мѣсто занялъ такой человѣкъ, который былъ неспособенъ направить по вѣрному пути государство, стоявшее на первой ступени своего развитія, за недостаткомъ не только таланта и знаній, но, что еще важнѣе, твердости характера: роль примирителя между оскорбленной и униженной династіей и народами, совращенными съ пути невѣжественными и безсовѣстными подстрекателями, была не по плечу преемнику Вессенберга. Князь Вин-

днишгрецъ былъ какъ разъ на своемъ мѣстѣ, когда надо было подавлять уличныя смуты и бороться съ вѣнскими „легіонами“, но онъ не обладалъ ни военными, ни политическими талантами. Несмотря на то, его слово имѣло громадный вѣсъ въ Ольмюцской резиденціи двора. Князь Феликсъ Шварценбергъ, который сталъ во главѣ австрійскаго правительства 21 ноября 1848 г., былъ единомышленникомъ Виндишгреца; онъ стоялъ выше этого послѣдняго въ умственномъ отношеніи, но зато отличался еще большимъ непостоянствомъ и скоропалительностью въ своихъ поступкахъ. Въ дѣлахъ Германіи онъ не сворачивалъ съ политической колеи, проложенной Меттернихомъ. Это направленіе было вполнѣ по душѣ восемнадцатилѣтнему императору Францу Іосифу I (стр. 247); онъ надѣялся, что, благодаря такой политической системѣ, Австріи удастся занять международное положеніе, внушающее къ себѣ всеобщее уваженіе и совмѣщающее „блескъ“ короны Карла Великаго съ широкой сферой дѣятельности великой державы современной эпохи. Весьма понятно, что молодой государь съ рыцарскимъ образомъ мыслей, незадолго предъ тѣмъ бывшій свидѣтелемъ геройскихъ подвиговъ своей арміи подъ предводительствомъ Радецкаго, преисполненный мужества и готовый поставить на остріе своего меча какъ свою судьбу, такъ и судьбу своего царства, рѣшилъ не отказываться добровольно отъ своего права, отъ своего почетнаго положенія, отъ вѣковой семейной традиціи развѣ только въ томъ случаѣ, если его совѣтники докажутъ ему, что долгъ государя требуетъ отъ него подобной жертвы.

г) Программа Гагерна и выборы императора во Франкфуртѣ.

Во франкфуртскомъ парламентѣ уже пришли къ концу пренія объ „основныхъ правахъ“; громаднымъ большинствомъ голосовъ было рѣшено, что между какой бы то ни было частью Германіи и другой державой могутъ существовать только отношенія личной уніи, былъ вотированъ проектъ рейхстага изъ двухъ палатъ, и даже за правительствами самыхъ мелкихъ государствъ было признано право имѣть своего представителя въ „палатѣ государствъ“; было предусмотрѣно, что не позже 18 мая 1849 г. должно состояться таможенное объединеніе между всѣми германскими государствами. Между руководителями партіи центра стало распространяться то убѣжденіе, что для германскихъ государствъ на практикѣ окажется невозможнымъ вступить въ такой же тѣсный союзъ съ Австріей, какой можетъ быть осуществленъ между остальными германскими государствами и что для упроченія единства и могущества чисто германскихъ государствъ необходимо возложить императорскую корону на прусскаго короля. На почвѣ этого вопроса возникло новое распредѣленіе партій: большая часть умѣренно-либеральныхъ австрійскихъ депутатовъ отдѣлилась отъ своихъ единомышленниковъ и вступила въ коалицію съ радикалами, клерикалами и партикуляристами съ цѣлью воспрепятствовать внесенію въ имперскую конституцію постановленія о передачѣ императорской короны прусской царствующей династіи. Шмерлингъ отказался отъ поста имперскаго министра-президента; правитель имперіи былъ вынужденъ призвать къ власти вмѣсто него перваго президента парламента Генриха фонъ Гагерна. Вотъ въ чемъ заключалась суть программы, обнародованной 16 декабря новымъ министерствомъ: должно быть основано германское союзное государство въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова подъ главенствомъ Пруссіи и, кромѣ того, должны остаться въ силѣ отношенія между Германіей и Австріей, установленныя актомъ Вѣнскаго конгресса. Послѣ трехдневныхъ преній (11—14 января 1849 года) большинство членовъ германскаго національнаго собранія, именно 261 человѣкъ, приняло эту программу; противъ нея было подано 224 голоса. 60 австрійскихъ депутатовъ заявили протестъ

Объясненіе помѣщеннаго на оборотѣ факсимиле документа.

Наше факсимиле подлиннаго экземпляра германской конституціи 1849 г. (воспроизведеннаго въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ, именно въ 5/6 дѣйствительной величины) едва ли нуждается въ объясненіи. На настоящей таблицѣ воспроизведены вступленіе, средняя часть и заключеніе. Стоитъ только прибавить, что „Конституція Германской Имперіи“ напечатана полностью въ вышедшемъ 23 апрѣля 1849 г. 16 номерѣ печатавшагося во Франкфуртѣ на Майнѣ „Вѣстника Имперскаго Законодательства“ (Reichsgesetzblatt). Вступленіе воспроизводимаго нами документа напечатано на стран. 101 этого „Вѣстника“, средина на стран. 112, а заключеніе (скрѣпа предсѣдателя учредительнаго имперскаго собранія и т. д.) на стран. 136.

Verfassung
des deutschen Reiches.

Abschnitt I. Das Reich.

Artikel I.

§. 1.

Das deutsche Reich besteht aus dem Gebiete des bisherigen deutschen Bundes.

Die Festsetzung der Verhältnisse des Herzogthums Schleswig bleibt vorbehalten.

§. 2.

Hat ein deutsches Land mit einem nichtdeutschen Lande dasselbe Staatsoberhaupt, so soll das deutsche Land eine von dem nichtdeutschen Lande getrennte eigene Verfassung, Regierung und Verwaltung haben. In die Regierung und Verwaltung des deutschen Landes durfen nur deutsche Staatsburger berufen werden.

Die Reichsverfassung und Reichsgesetzgebung hat in einem solchen deutschen Lande dieselbe verbindliche Kraft, wie in den ubrigen deutschen Ländern.

Abschnitt III. Das Reichsoberhaupt.

Artikel I.

§. 68.

Die Würde des Reichsoberhauptes wird einem der regierenden deutschen Fürsten übertragen.

§. 69.

Diese Würde ist erblich im Hause des Fursten, dem sie übertragen worden. Sie vererbt im Mannsstamme nach dem Rechte der Erstgeburt.

Das Reichsoberhaupt führt den Titel: Kaiser der Deutschen.

§. 71.

Die Residenz des Kaisers ist am Sitze der Reichsregierung. Wenigstens während der Dauer des Reichstags wird der Kaiser dort bleibend residiren.

So oft sich der Kaiser nicht am Sitze der Reichsregierung befindet, muß einer der Reichsminister in seiner unmittelbaren Umgebung seyn.

Die Bestimmungen über den Sitz der Reichsregierung bleiben einem Reichsgesetz vorbehalten.

Zur Beurkundung:

Frankfurt a/M. den 28. März 1849.

Dr. Martin Eduard Simson von Königsberg, derzeit Präsident der verfassunggebenden Reichsversammlung.

Carl Kirchgessner aus Würzburg d. Z. II Stellvertreter des Vorsitzenden, Abgeordneter d. Wahlbezirks Weiler in Bayern(?)

Friedrich Siegmund Jucho aus Frankfurt a/M, der Schriftführer

Carl August Fetzer aus Stuttgart, Schriftführer.

Anton Riehl aus Wien, Abgeordneter für Zwettl, Schriftführer

Karl Biedermann aus Leipzig Abgeordneter für den 11. sächsischen Wahlbezirk Schriftführer

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Вступленіе, средина и заключеніе текста конституціи Германской Имперіи 28 марта 1849 г.

(Копія съ подлиннаго документа, составляющаго собственность германскаго рейхстага въ Берлинѣ.)

Конституція германской имперіи.

Отдѣлъ I. Имперія.

Статья I.

§ 1.

Германская имперія состоитъ изъ всей территоріи, входящей въ составъ существовавшаго донынѣ Германскаго Союза.

Положеніе герцогства Шлезвигъ будетъ опредѣлено впослѣдствіи,

§ 2.

Если германская область подчинена общему главѣ государства вмѣстѣ съ негерманскою областью, то эта германская область должна обладать особою отдѣльною отъ негерманской области конституціей, особымъ правительствомъ и особой администраціей. Въ составъ правительства и администраціи подобной германской области должны входить только германскіе граждане того государства.

Имперская конституція и имперское законодательство имѣютъ въ предѣлахъ подобной германской области такую же обязательную силу, какъ и въ остальныхъ германскихъ областяхъ.

Отдѣлъ III. Верховный глава имперіи:

Статья I.

§ 68.

Санъ верховнаго главы имперіи предоставляется одному изъ царствующихъ германскихъ государей.

§ 69.

Этотъ санъ передается по наслѣдству въ родѣ того государя, которому онъ будетъ предоставленъ. Онъ переходитъ въ мужскомъ поколѣніи по праву первородства.

§ 70.

Верховному главѣ государства присвояется титулъ Императора Германцевъ.

§ 71.

Резиденціей императора считается мѣстопребываніе имперскаго правительства. Императоръ будетъ оставаться тамъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіи сессій рейхстага.

Когда императоръ находится внѣ мѣстопребыванія имперскаго правительства, при немъ долженъ состоять одинъ изъ имперскихъ министровъ.

Мѣстопребываніе имперскаго правительства будетъ опредѣлено впослѣдствіи особымъ имперскимъ закономъ.

Скрѣпили:

Франкфуртъ на Майнѣ. 28 марта 1849 г.

Д-ръ Мартинъ Эдуардъ Симсонъ изъ Кенигсберга въ Пруссіи, президентъ учредительнаго собранія.

Карлъ Кирхгеснеръ изъ Вюрцбурга, II вицепрезидентъ, депутатъ избирательнаго округа Вейлеръ въ Баваріи.

Фридрихъ Зигенъ Фуксъ изъ Франкфурта на Майнѣ, первый секретарь.

Карлъ Августъ Фетцеръ изъ Штуттгарта, секретарь.

Д-ръ Антонъ Риль изъ Вѣны, депутатъ округа Цветль, секретарь.

Карлъ Бидерманъ изъ Лейпцига, депутатъ XI саксонскаго избирательнаго округа, секретарь.

противъ этого рѣшенія на томъ основаніи, что парламентъ не имѣетъ права устранять отъ участія въ германскомъ союзномъ государствѣ нѣмецкія области Австрійской имперіи. Австрійское правительство было до такой степени возмущено программой Гагерна, что 7 февраля оно высказалось принципіально противъ законодательной дѣятельности франкфуртскаго собранія и заявило, что оно попрежнему стоитъ за объединеніе германскихъ государствъ, но протестуетъ противъ „ломки“ существующихъ отношеній. Такимъ образомъ Австрія стала опять на точку зрѣнія союзной конституціи 1815 года.

Рѣшающая роль принадлежала теперь королю прусскому Фридриху Вильгельму IV, который былъ избранъ императоромъ германцевъ большинствомъ въ 290 голосовъ противъ 248 28 марта 1849 г., въ тотъ самый день, когда была принята имперская конституція. Подлинный актъ конституціи (см. прилож. табл. „Вступленіе, средина и заключительныя строки конституціи Германской имперіи 28 марта 1849 года“) былъ подписанъ только 366 депутатами, а большинство австрійскихъ депутатовъ и клерикаловъ не соглашалось признать прусской евангелической императорской династіи; тѣмъ не менѣе 290 голосовъ, высказавшихся въ пользу прусскаго короля, представляли собой внушительное большинство. Не надо, однако, забывать, что они предлагали королю Вильгельму Фридриху IV императорскую корону, какъ представители верховныхъ правъ народа, и ставили ему непремѣннымъ условіемъ признаніе вотированной во Франкфуртѣ имперской конституціи, которая давала палатѣ депутатовъ рейхстага рѣшающій голосъ во всѣхъ законодательныхъ вопросахъ и предоставляла главѣ государства не безусловное право veto, а только отсрочивающее, дѣйствительное въ теченіи 1—3-хъ засѣданій. Такихъ условій не могъ принять прусскій король, тѣмъ болѣе, что между Пруссіей, Австріей, Баваріей и Вюртембергомъ велись оживленные переговоры по вопросу о союзной конституціи, которую правительства этихъ государствъ вырабатывали и собирались представить парламенту. Отправленіе парламентской депутаціи въ Берлинъ оказалось преждевременнымъ, такъ какъ нельзя было ожидать, чтобы прусскій король принялъ императорскую корону безъ всякихъ условій, какъ предполагали Дальманнъ и кенигсбергскій профессоръ Мартинъ Эдуардъ Симсонъ, тогдашній президентъ національнаго собранія. Сначала Фридрихъ Вильгельмъ вынужденъ былъ уклониться отъ немедленнаго положительнаго отвѣта; но когда депутація стала требовать, чтобы король призналъ франкфуртскую конституцію во всемъ ея объемѣ, то король не согласился на это и поспѣшилъ отказаться отъ императорской короны. Ошибка короля заключалась въ томъ, что онъ все еще вѣрилъ въ возможность соглашенія съ Австріей; онъ не замѣчалъ того, что Шварценбергъ стремится только къ возстановленію прежняго союзнаго собранія и старается даже обезпечить въ немъ за Австріей такое сильное вліяніе, какимъ она не пользовалась даже при Меттернихѣ; Шварценбергъ считалъ уже усмиреніе Венгріи совершенно законченнымъ и былъ даже увѣренъ, что ему удастся въ самомъ близкомъ будущемъ объединить въ одно цѣльное государство австрійскія и венгерскія области вмѣстѣ съ Галиціей и Далмаціей; онъ требовалъ, чтобы Австрійская имперія вошла въ составъ новаго союза, который изъ германскаго долженъ былъ превратиться въ среднеевропейскій подъ главенствомъ Австріи.

д) Послѣдніе дни франкфуртскаго парламента.

Когда депутація германскаго парламента возвратилась изъ Пруссіи во Франкфуртъ съ отказомъ короля, то оказалось невозможнымъ достроить все зданіе германской конституціи: нѣкоторые существенные параграфы ея, трактующіе о главѣ государства, оказались неисполнимыми. Весьма

многіе разсудительные члены парламента поняли это сразу, и въ то же время для нихъ было ясно, что всякая переработка конституціи приведетъ къ побѣдѣ республиканцевъ; несмотря на это, они обманывали себя тѣмъ утѣшеніемъ, что 24 среднихъ и мелкихъ государства приняли конституцію, и надѣялись, что современемъ положеніе дѣлъ измѣнится къ лучшему. Благодаря неясности представленій либераловъ объ объемѣ той власти, которая можетъ быть уступлена народу въ ущербъ правительствамъ безъ опасности для государственнаго порядка и общественныхъ устоевъ, германское національное собраніе было увлечено демократами на путь революціи; по этой причинѣ собраніе испытало жалкую участь и окончательно распалось.

Кромѣ того, либералы заслужили еще упрекъ въ томъ, что они затѣяли опасную игру: они задумали организовать народное возстаніе для проведенія въ жизнь составленной ими чисто теоретическимъ искусственнымъ путемъ конституціи, лишенной органической связи съ историческимъ развитіемъ политическихъ условій Германіи; благодаря толчку, данному либералами, вспыхнули вооруженныя возстанія невѣжественныхъ массъ въ Саксоніи, Пфальцѣ и Баденѣ. 3 мая саксонская королевская семья вынуждена была бѣжать изъ Дрездена вслѣдствіе народнаго возмущенія, и только послѣ кровопролитныхъ сраженій 7 и 8 мая прусскимъ войскамъ удалось завоевать обратно саксонскую столицу. Два прусскихъ корпуса вынуждены были поспѣшить на помощь къ имперской арміи, состоявшей изъ уроженцевъ Гессена, Мекленбурга, Нассау и Вюртемберга, для борьбы противъ республиканскихъ отрядовъ, сосредоточившихся около Раштадта.

Генрихъ фонъ Гагернъ и его единомышленники считали это выступленіе прусскихъ войскъ за предѣлы Пруссіи нарушеніемъ мира Германской имперіи; министерство Гагерна вышло въ отставку послѣ того, какъ эрцгерцогъ Іоаннъ не согласился на рѣзкіе шаги противъ Пруссіи. Правитель имперіи высказалъ было свое намѣреніе оставить свой постъ сейчасъ послѣ того, какъ состоялись выборы императора; но по приказу австрійскаго правительства, онъ вынужденъ былъ оставаться на своемъ мѣстѣ для того, чтобы постъ штатгальтера имперіи не достался прусскому королю; эрцгерцогъ Іоаннъ составилъ консервативное министерство подъ предсѣдательствомъ прусскаго юстиціи совѣтника Максим. Карла Фрид. Вильг. Грефеля, который былъ встрѣченъ съ презрѣніемъ и насмѣшками радикальной партіей, пользовавшейся наибольшимъ вліяніемъ въ парламентѣ. Вслѣдъ затѣмъ, между 21 и 26 мая 1849 года, изъ парламента выступили болѣе ста депутатовъ, принадлежавшихъ къ обоимъ центрамъ, между прочимъ Гагернъ, Дальманъ, Велькеръ, Симсонъ и Мати; австрійское правительство, съ своей стороны, тоже отозвало австрійскихъ депутатовъ еще 4 апрѣля, а прусское тоже отозвало 14 мая изъ національнаго собранія своихъ подданныхъ, участвовавшихъ въ немъ. 30 мая было рѣшено по предложенію Карла Фохта большинствомъ 71 голоса противъ 64 перенести парламентъ изъ Франкфурта въ Штуттгартъ, такъ какъ парламентское большинство разсчитывало на побѣду швабскихъ республиканцевъ. И дѣйствительно, 105 представителей нѣмецкаго упрямства и политической наивности, къ которымъ примкнулъ, къ сожалѣнію, также и Людвигъ Уландъ, дали всему свѣту 6 іюня 1849 въ Штуттгартѣ забавное зрѣлище открытія такъ называемаго безголоваго парламента (Rumpf-parlament), апогей дѣятельности котораго заключался въ выборѣ пяти „имперскихъ регентовъ“. Вюртембергское правительство нашло, что его стѣсняетъ это общество узурпаторовъ, которое обнаруживало даже поползновеніе распоряжаться вюртембергскими войсками; оно закрыло залъ засѣданій, послѣ чего первый германскій парламентъ выродился въ компанію собутыльниковъ въ гостиницѣ Марквардтъ

Имперское правительство въ лицѣ эрцгерцога Іоанна и его министерства продолжало влачить жалкое существованіе до декабря 1849 года несмотря на то, что ему неоднократно совѣтовали прекратить свою дѣятельность; начиная съ декабря 1849 года въ роли временной центральной власти стала фигурировать назначенная Австріей и Пруссіей комиссія изъ 4 членовъ, на которую было возложено завѣдываніе дѣлами, актами и кассой германскаго союза. Прологомъ франкфуртскаго парламента послужило состоявшееся 26 іюня въ Готѣ собраніе 160 бывшихъ депутатовъ перваго германскаго рейхстага, принадлежавшихъ къ „императорской партіи". Генрихъ фонъ Гагернъ назвалъ это собраніе частнымъ совѣщаніемъ, но, тѣмъ не менѣе, добивался его согласія на составленную имъ программу, которая заключалась въ образованіи болѣе тѣснаго („малогерманскаго") союза подъ главенствомъ Пруссіи или же другого рода центральной власти подъ руководствомъ Пруссіи.

Б. Попытки Пруссіи къ преобразованію Германскаго союза.

а) Политика частныхъ союзовъ.

Когда прусское правительство отозвало изъ франкфуртскаго парламента прусскихъ депутатовъ, то оно заявило въ своемъ воззваніи къ германскому народу, опубликованномъ 15 мая 1849 года, что оно беретъ на себя обязанность заботиться о возстановленіи германскаго единства, составляющаго предметъ всеобщихъ справедливыхъ стремленій, о созданіи сильнаго органа для огражденія внѣшнихъ интересовъ Германіи и союзнаго законодательства въ конституціонной формѣ, слѣдовательно, съ участіемъ палаты народныхъ представителей. 17 мая въ Берлинѣ открылась конференція уполномоченныхъ германскихъ государствъ, въ которой была доложена прусская программа, состоявшая въ образованіи союзнаго государства въ болѣе тѣсномъ смыслѣ безъ участія Австріи и болѣе широкаго союза съ участіемъ имперіи Габсбурговъ. Такимъ образомъ была найдена въ теоріи форма для предстоявшаго преобразованія Германіи. Къ сожалѣнію, Пруссія не доросла еще до того убѣжденія, что эта программа не можетъ быть осуществлена посредствомъ совѣщанія министровъ, что её слѣдуетъ взять силой посредствомъ крайняго напряженія силъ прусскаго государства; кромѣ того, народъ или, вѣрнѣе сказать, тѣ люди, которымъ онъ довѣрилъ заботы о своей будущей судьбѣ, еще не пришли къ тому убѣжденію, что это есть единственная, достижимая на практикѣ форма для объединенія Германіи и что ради нея стоитъ пожертвовать тѣми „гарантіями свободы", отъ которыхъ ни за что не хотѣли отказаться доктринеры. Германскому либерализму приходилось выбирать между радикальной демократіей и умѣренной конституціонной монархіей, но онъ не могъ прійти ни къ какому искреннему рѣшенію; онъ продолжалъ заигрывать съ непримиримой оппозиціей, въ особенности въ остальныхъ Германскихъ государствахъ кромѣ Пруссіи; всякій компромиссъ съ правительствами былъ въ его глазахъ измѣной прогрессивнымъ убѣжденіямъ, ему мерещилась реакція тамъ, гдѣ не было и слѣда ея. Онъ не переходилъ открыто на сторону республиканцевъ, которые хотѣли одержать побѣду собственными силами; напротивъ того, вооруженныя народныя массы внушали либераламъ страхъ, такъ какъ они угрожали существеннымъ интересамъ состоятельныхъ классовъ и нисколько не сообразовались въ своихъ стремленіяхъ съ выгодами капиталистовъ предпринимателей; германскіе либералы тѣмъ не менѣе не отказались отъ своего высокомѣрія и продолжали предъявлять неумѣренныя требованія къ правительствамъ, которымъ они были обязаны поддержаніемъ существующаго общественнаго строя.

Либералы тоже привѣтствовали, какъ своихъ спасителей, прусскія войска, явившіяся для подавленія возстанія въ Баденѣ; эти войска вступили въ предѣлы совершенно загубленной радикалами страны подъ начальствомъ принца Вильгельма, который впослѣдствіи сталъ германскимъ императоромъ: послѣ цѣлаго ряда сраженій они разсѣяли республиканскую армію, состоявшую подъ командой Мерославскаго и Геккера; 23 іюня 1849 года они принудили, наконецъ, къ сдачѣ захваченную республиканцами крѣпость Раштаттъ. Пруссаки подвергли военному суду зачинщиковъ, загубившихъ тысячи людей своими преступленіями и окончательно разорившихъ цвѣтущую страну, и вынесли 17 смертныхъ приговоровъ, а съ измѣнившими своей присягѣ баденскими офицерами и солдатами было поступлено по всей строгости законовъ; въ отвѣтъ на это „свободомыслящіе", которые уже успѣли оправиться отъ своего страха предъ „красными", стали натравливать всю Южную Германію противъ Пруссіи съ ея „милитаризмомъ" и осыпали несправедливыми упреками командовавшаго прусскими войсками принца Вильгельма, который заслужилъ своимъ умѣлымъ веденіемъ военныхъ операцій благодарность не только со стороны Бадена, но и всѣхъ германскихъ патріотовъ. Еслибы южно-германская демократическая партія не была такъ запугана призракомъ прусской „директоріи", не увлеклась бы своимъ тайнымъ противодѣйствіемъ всякой твердой власти и не препятствовала бы основанію союзнаго государства, способнаго внушить къ себѣ уваженіе какъ внутри Германіи, такъ и за границей, то, вѣроятно, уже въ то время удалось бы разрѣшить германскій вопросъ. Это было возможно при томъ условіи, еслибы вся Германія приняла прусскую программу; но этого-то и не хватало: изъ страха предъ прусской „реакціей" германскій народъ пожертвовалъ объединеніемъ Германіи, замкнулся въ тѣсномъ кругу партикуляристическихъ тенденцій среднихъ и мелкихъ независимыхъ государствъ и выносилъ на себѣ крайне тяжелый гнетъ мѣстныхъ реакціонныхъ правительствъ. Австрія, которая отозвала обратно своего уполномоченнаго на Берлинской конференціи графа Антона фонъ Прокешъ-Остена и отказалась отъ переговоровъ о преобразованіяхъ по общегерманскому вопросу на почвѣ предложеній Пруссіи, не была въ силахъ выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ Пруссіи лѣтомъ 1849 г,: даже въ союзѣ съ Баваріей она едва ли могла бы бороться противъ арміи въ 300000 человѣкъ, которую одна Пруссія могла мобилизовать безъ затрудненія: даже въ Венгріи Австрія не могла обойтись безъ помощи Россіи. Она бы вовсе не рѣшилась идти наперекоръ открыто высказанной единодушной волѣ всей Германіи. Къ сожалѣнію, такого единодушія не существовало ни въ народѣ, ни между правительствами; благодаря этому Пруссія подверглась незаслуженному оскорбительному униженію въ награду за свой проектъ, составленный съ наилучшими намѣреніями и имѣвшій цѣлью извлечь изъ великаго народнаго движенія хотя бы скромные результаты для Германіи послѣ того, какъ франкфуртскій парламентъ со всей его пышностью погибъ самымъ жалкимъ образомъ.

Результатомъ берлинской конференціи былъ союзъ трехъ королей, заключенный 26 мая 1849 г. между Пруссіей, Ганноверомъ и Саксоніей. Баварія и Вюртембергъ отказались примкнуть къ этому союзу, въ которомъ Пруссіи была предоставлена главенствующая роль; что касается остальныхъ германскихъ государствъ, то большинство изъ нихъ присоединилось къ новому союзу еще въ теченіе лѣта того же года. 18 іюля собрался союзный правительственный совѣтъ для обсужденія вопроса о созывѣ рейхстага, предъ которымъ правительства собирались выступить съ подготовлявшейся ими конституціей. Ганноверъ и Саксонія изъявили протестъ противъ созыва рейхстага и отозвали 20 октября своихъ представителей въ правительственномъ совѣтѣ. Несмотря на это, по предложенію Пруссіи было рѣшено созвать рейхстагъ въ Эрфуртѣ на 20 марта 1850 г.

Австрія протестовала противъ этого рѣшенія, ссылаясь на прежнее союзное уложеніе, и неожиданно стала настаивать на обязательной юридической силѣ этого уложенія. Баварія примкнула къ ней и выступила съ проектомъ основанія союза среднихъ, т. е. болѣе значительныхъ второстепенныхъ, германскихъ государствъ и представила новый проектъ союзнаго уложенія въ противовѣсъ предлагаемой Пруссіей „уніи". Самымъ усерднымъ поклонникомъ государственныхъ проектовъ Л. К. Генриха фонъ деръ Пфордтена, который занялъ постъ баварскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ апрѣлѣ 1849 г., оказался его бывшій сотоварищъ по службѣ, пріобрѣвшій впослѣдствіи весьма печальную извѣстность какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи, саксонскій министръ баронъ фонъ Бейстъ, благодаря которому въ Саксоніи развился еще болѣе сильный партикуляризмъ, чѣмъ въ Баваріи и который питалъ личное нерасположеніе къ Пруссіи. Ганноверъ тоже присоединился вскорѣ послѣ того къ противникамъ Пруссіи, такъ какъ Австрія обѣщала содѣйствовать присоединенію Ольденбурга къ Ганноверу для того, чтобы усилить его и создать еще одну сильную Сѣверно-Германскую державу въ противовѣсъ Пруссіи; Вюртембергъ, съ своей стороны, также поспѣшилъ какъ можно скорѣе войти въ составъ „союза четырехъ королей". Баварія, Саксонія, Ганноверъ и Вюртембергъ были довольны тѣмъ, что они будутъ участвовать въ директоріи изъ семи членовъ на равныхъ правахъ съ Австріей и Пруссіей и обоими княжествами Гессенскими, которыя, какъ предполагалось, должны были пользоваться сообща однимъ голосомъ; эта директорія не имѣла значенія центральной власти; ей предполагалось поручить только „главный надзоръ", между прочимъ, также въ торговыхъ и таможенныхъ дѣлахъ. Для удовлетворенія представительныхъ собраній отдѣльныхъ государствъ предполагалось учредить „рейхстагъ", состоящій изъ депутатовъ отъ этихъ собраній. Какъ только германскія королевства отказались отъ проекта Пруссіи, отъ уніи уклонилось также и курфюршество Гессенское; дѣлами послѣдняго управлялъ Даніель фонъ Гассенпфлугъ (стр. 186), въ лицѣ котораго курфюрстъ опять отыскалъ себѣ министра по своему вкусу.

Несмотря на это, все-таки Пруссія могла бы сгруппировать вокругъ себя внушительную силу посредствомъ объединенія всѣхъ остальныхъ союзныхъ государствъ, если бы эрфуртскому парламенту не препятствовали какъ можно скорѣе привести къ концу дѣло объединенія. Къ сожалѣнію, Фридрихъ Вильгельмъ отказался отъ своего собственнаго плана малаго союза подъ вліяніемъ своихъ друзей, приверженцевъ феодальныхъ традицій Эрнста Людвига фонъ Герлаха и профессора Шталя (срав. стр. 211; см. также нижнюю половину табл., приложен. къ стр. 226); онъ проникся непоколебимымъ убѣжденіемъ въ томъ, что какъ христіанскій король, онъ во что бы то ни стало долженъ жить въ мирѣ съ Австріей на томъ основаніи, что послѣ своей побѣдоносной борьбы противъ революціи Австрія стала единственной надеждой и главной опорой тѣхъ государствъ, строй которыхъ зиждился на принципѣ неограниченной монархіи, охраняемой милостью Божіей. Несмотря на патріотическія германскія идеи, которыми увлекался прусскій король, несмотря на всѣ его заботы о будущемъ величіи Пруссіи, его излюбленное стремленіе заключалось въ защитѣ монархическаго принципа отъ всѣхъ поползновеній либераловъ; поэтому онъ отказался отъ сильной поддержки, которую готова была оказать ему въ Эрфуртѣ бывшая императорская партія франкфуртскаго парламента, и ухватился за ничѣмъ не оправдываемую надежду на то, что ему удастся придать большому союзу съ участіемъ Австріи форму, соотвѣтствующую общегерманскимъ интересамъ. Вскорѣ послѣ того ему пришлось разочароваться въ этой надеждѣ, когда Шварценбергъ созвалъ во Франкфуртѣ конгрессъ союзныхъ германскихъ государствъ: положеніе Пруссіи становилось со дня на день все болѣе неблагопріятнымъ, несмотря на то, что въ маѣ 1850 года въ Берлинѣ

состоялось собраніе германскихъ монарховъ, сторонниковъ уніи, которые рѣшили продолжить временно до 15 іюля 1850 года дальнѣйшее существованіе болѣе тѣснаго союза подъ главенствомъ Пруссіи. Такое рѣшеніе съ ихъ стороны было вызвано поведеніемъ русскаго императора Николая I, который настаивалъ на томъ, что слѣдуетъ покончить какъ можно скорѣе съ Шлезвигъ-Гольштейнской смутой, которую онъ считалъ дѣломъ рукъ копенгагенскихъ и шлезвигъ-гольштейнскихъ злонамѣренныхъ революціонныхъ агитаторовъ; въ послѣднихъ числахъ мая 1850 года въ Варшавѣ состоялось свиданіе русскаго императора съ принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ, во время котораго Николай I далъ понять, что въ случаѣ войны между Пруссіей и Австріей онъ останется нейтральнымъ только подъ тѣмъ условіемъ, если къ тому времени будетъ возставлена власть датскаго короля надъ шлезвигъ-гольштейнскими бунтовщиками.

б) Курфюршество Гессенское.

Съ этихъ поръ Россія стала играть роль посредника между Австріей и Пруссіей; она не была такимъ безпристрастнымъ третейскимъ судьей, за какого ее считали въ Берлинѣ, напротивъ того, она была пристрастнымъ защитникомъ интересовъ Австріи, поборникомъ прежней союзной конституціи, датскаго господства надъ Шлезвигъ-Гольштиніей и неприкосновенности верховныхъ правъ курфюрста гессенскаго Вильгельма I, который незадолго предъ тѣмъ провинился въ самомъ неслыханномъ клятвопреступленіи противъ своего народа. Этотъ злосчастный монархъ, причинившій много горя своей странѣ и ея жителямъ (срв. стр. 186), оказался виновнымъ предъ всей Германіей еще въ одномъ тяжеломъ преступленіи: изъ зависти и самыхъ низменныхъ корыстныхъ побужденій онъ вызвалъ возмутительную междуусобную войну. Какъ только курфюрстъ узналъ, что либеральное движеніе ослабѣваетъ и что въ народѣ остылъ пылъ, толкавшій его къ защитѣ своихъ правъ, онъ немедленно рѣшилъ воспользоваться существующимъ положеніемъ для удовлетворенія своихъ собственныхъ прихотей: онъ немедленно далъ отставку конституціонному министерству, вернулъ свое расположеніе Гассенпфлугу и назначилъ его вновь министромъ 22-го февраля 1850 года; въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ этотъ послѣдній взыскивалъ налоги, не утвержденные палатой. Наконецъ, палата стала протестовать, и Гассенпфлугъ рѣшилъ воспользоваться этимъ протестомъ, какъ орудіемъ для полной отмѣны конституціи курфюршества Гессенскаго. Безъ всякаго внѣшняго повода, несмотря на то, что во всей странѣ господствовало самое невозмутимое спокойствіе, 7-го сентября было объявлено осадное положеніе, а отказъ чиновниковъ, не желавшихъ идти противъ своей присяги на вѣрность конституціи, отъ исполненія насильственныхъ мѣропріятій правительства былъ признанъ бунтомъ. 9-го октября гессенскіе офицеры почти всѣ безъ исключенія вышли въ отставку, не желая принимать участія въ насиліяхъ противъ своихъ ни въ чемъ неповинныхъ согражданъ; правительство воспользовалось этимъ благопріятнымъ моментомъ и стало искать помощи извнѣ, но не обратилось къ третейскому суду уніи, къ которой курфюршество Гессенское все еще принадлежало, а къ союзному сейму во Франкфуртѣ, вновь открытому Австріей (15-го октября 1850 года).

Князь Шварценбергъ принялъ съ радостью эту неожиданную поддержку, которую предлагалъ ему его единомышленникъ Гассенпфлугъ, вполнѣ подчинявшійся его волѣ; безголовый союзный сеймъ, созванный не только безъ согласія Пруссіи, но даже безъ вѣдома прусскаго кабинета, немедленно рѣшилъ отправить въ Гессенъ союзный экзекуціонный военный отрядъ для возвращенія престола курфюрсту, хотя никто не гонялъ этого послѣдняго изъ Касселя, а онъ самъ по своей доброй волѣ

бѣжалъ въ Вильгельмсбадъ вмѣстѣ со своимъ министромъ еще въ началѣ сентября. Шварценбергъ зналъ, что поступокъ союзнаго сейма долженъ поставить прусскаго короля въ самое тяжелое положеніе, такъ какъ это было началомъ войны между союзомъ и уніей: на одной сторонѣ стояла Австрія вмѣстѣ со всѣми германскими королевствами и обоими княжествами Гессенскими, на другой сторонѣ Пруссія съ примкнувшими къ ней совершенно безсильными въ военномъ отношеніи мелкими государствами. Для Австріи это было желаннымъ поводомъ къ отместкѣ за выборъ короля Фридриха Вильгельма германскимъ императоромъ, который она объясняла прусскими интригами. Подходящимъ предлогомъ для начатія военныхъ дѣйствій послужилъ призывъ о помощи благороднаго владѣтеля Гессена, этого любезнаго члена союза, который умолялъ своихъ коронованныхъ собратьевъ о защитѣ противъ демократическихъ поползновеній, противъ проклятаго конституціонализма, противъ своего клятвопреступнаго измѣнническаго войска. Положеніе Пруссіи было крайне двусмысленно: если бы она возстала противъ экзекуціи надъ гессенцами, то она потворствовала бы бунтовщикамъ, и русскій царь непремѣнно сталъ бы на сторону консервативныхъ германскихъ государствъ и Австріи, которая неслась на всѣхъ парахъ къ пристани самодержавія: Николай I сталъ бы, безъ сомнѣнія, открытымъ врагомъ своего зятя, спустившагося до якшанія съ демократами. Такое положеніе вещей было создано съ необыкновеннымъ дипломатическимъ искусствомъ княземъ Феликсомъ Шварценбергомъ и эксплоатировалось имъ весьма усердно; онъ довелъ до апогея австрійское вліяніе въ Германіи.

Съ этого времени судьба Фридриха Вильгельма IV приняла трагическій оборотъ; нельзя вспомнить безъ состраданья о томъ, какое тяжелое униженіе пришлось вынести этому человѣку, въ которомъ были такъ сильно развиты гордыя чувства монарха, какое горькое разочарованіе заставили его испытать тѣ, къ которымъ онъ пошелъ на встрѣчу съ трогательнымъ довѣріемъ и глубокимъ уваженіемъ. Развѣ онъ не отказался по доброй волѣ отъ той императорской короны, изъ за которой Австрія преисполнилась такой завистью къ нему? Развѣ онъ не оттолкнулъ отъ себя императорскую партію единственно по той причинѣ, что ея взгляды казались ему слишкомъ демократическими? Развѣ онъ самъ не сталъ расшатывать конституціонныхъ основъ союзнаго уложенія уніи? Развѣ онъ не пожертвовалъ Шлезвигъ-Гольштиніей изъ-за того, что роль защитника народной воли, ополчившейся противъ правъ монарха, была ему не по душѣ, а также изъ опасенія вызвать въ своемъ зятѣ озлобленіе противъ Пруссіи? Развѣ онъ самъ не противодѣйствовалъ исключенію Австріи изъ общегерманскаго союза? Развѣ онъ не высказывалъ всегда готовности уладить германскій вопросъ и требовалъ для Пруссіи только предусмотрѣннаго уже въ союзномъ уложеніи права учреждать болѣе тѣсные союзы, которые не только не вредятъ цѣлому, а даже придаютъ ему новую силу? И вотъ теперь къ нему пристали съ ножомъ къ горлу, отказались отъ солидарности съ нимъ и стали требовать отъ него, чтобы онъ подчинился австрійской гегемоніи въ Германіи послѣ того, какъ Австрію замѣнили было австрійскимъ эрцгерцогомъ въ качествѣ правителя имперіи, и ея власть была возстановлена не съ общаго согласія всѣхъ германскихъ правительствъ, какъ это было обязательно, а только 11 голосами противъ 6.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ король пытался бороться изо всѣхъ силъ и отстаивать свое положеніе. Еще въ началѣ октября 1850 года онъ обращался къ вѣнскому кабинету съ увѣреніями въ томъ, что онъ готовъ „уладить всѣ спорные вопросы по миролюбивому соглашенію съ австрійскимъ императоромъ, своимъ давнишнимъ другомъ“; онъ снесъ хладнокровно самыя дерзкія угрозы со стороны Баваріи и не вышелъ изъ терпѣнія, несмотря на воинственныя рѣчи, которыя были произнесены во время свиданія императора Франца Іосифа съ южно-германскими королями въ Бре-

генцѣ 11 октября. Онъ все еще не потерялъ вѣры въ политическій тактъ русскаго царя, который вовсе не былъ его принципіальнымъ противникомъ, и отправилъ къ нему въ Варшаву графа Бранденбурга съ цѣлью убѣдить его въ своемъ миролюбіи и доказать ему всю непростительность поведенія союзнаго сейма, который отправилъ экзекуціонные военные отряды въ Гессенъ и Гольштинію безъ вѣдома прусскаго короля. Князь Шварценбергъ тоже прибылъ въ Варшаву, и одно время казалось, что между австрійскими и прусскими требованіями по германскому вопросу вполнѣ возможенъ компромиссъ. Шварценбергъ соглашался замѣнить союзный сеймъ свободными конференціями германскихъ державъ по образцу 1819 года; онъ не выяснилъ, въ правѣ ли, по его мнѣнію, подобная конференція учредить новую центральную власть, или же въ этомъ компетентенъ только союзный сеймъ. Шварценбергъ настаивалъ безусловно на необходимости экзекуціи надъ Гессеномъ, т. е. занятія всего курфюршества баварскими и австрійскими войсками. На это Пруссія ни въ коемъ случаѣ не могла согласиться изъ военныхъ соображеній: ей безусловно необходимо было держать въ своихъ собственныхъ рукахъ главные пути сообщенія королевства съ Рейнской провинціей, и для огражденія этихъ дорогъ она уже двинула на Фульду нѣсколько тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ генерала графа Карла фонъ деръ Гребена. Движеніе баварскихъ войскъ въ томъ же направленіи неизбѣжно должно было повести къ ихъ столкновенію съ пруссаками, если только баварцы не будутъ отозваны обратно.

в) Ольмюцъ.

Какъ доказалъ Генрихъ фонъ Зибель, графъ Бранденбургъ возвратился въ Берлинъ съ твердымъ намѣреніемъ воспрепятствовать объявленію войны, которая не подавала никакой надежды на успѣхъ вслѣдствіе враждебнаго настроенія русскаго царя. Напротивъ того, Радовицъ, занимавшій постъ министра иностранныхъ дѣлъ съ 27 сентября 1850 года, требовалъ мобилизаціи арміи и не боялся войны, считая Австрію плохо подготовленной къ войнѣ и будучи убѣжденъ, что Россія не въ состояніи будетъ перебросить на прусскую границу значительныхъ военныхъ силъ до наступленія лѣта. 2 ноября 1850 года король высказался также за мобилизацію; онъ полагалъ, однако, что вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ прерывать мирныхъ переговоровъ съ Австріей; во всякомъ случаѣ онъ былъ готовъ дѣйствовать въ духѣ Бранденбурга, если таково будетъ мнѣніе большинства совѣта министровъ. Бранденбургъ скончался короткое время спустя отъ внезапной мозговой лихорадки (а не отъ горя по поводу того, что его предложенія были отклонены, какъ долго думали); баронъ Отто фонъ Мантейфель усвоилъ себѣ его политическіе взгляды и провелъ ихъ въ жизнь послѣ отставки Радовица. Послѣ того, какъ баварскіе и прусскіе форпосты уже обмѣнялись первыми выстрѣлами 8 ноября около Бронцелля (къ югу отъ Фульды), онъ отказался окончательно отъ уніи съ ея союзнымъ уложеніемъ, согласился на вступленіе баварцевъ въ Гессенъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Австрія не препятствовала Пруссіи помѣстить также и свои гарнизоны въ главнѣйшихъ пунктахъ дороги на Рейнъ и, наконецъ, отправился лично въ Вѣну съ собственноручными письмами короля и королевы Елизаветы къ императору Францу Іосифу и матери его, герцогинѣ Софіи, сестрѣ прусской королевы, съ цѣлью сговориться о мирныхъ условіяхъ съ министромъ президентомъ сосѣдней имперіи. Князь Шварценбергъ былъ непрочь довести дѣло до войны; но молодой императоръ противодѣйствовалъ ему, не желая взять на себя отвѣтственности за подобную братоубійственную войну. По его приказанію Шварценбергъ подписалъ 29 ноября 1850 года Ольмюцскія пунктаціи, въ силу которыхъ Пруссія выполнила всѣ требованія Австріи, а послѣдняя, съ своей стороны,

согласилась въ видѣ единственной уступки въ пользу Пруссіи на созывъ въ Дрезденѣ свободной конференціи для обсужденія союзной реформы.

Германская политика Пруссіи потерпѣла полную неудачу; ей пришлось отказаться отъ осуществленія программы Гагерна, состоявшей въ заключеніи болѣе тѣснаго Германскаго Союза подъ главенствомъ Пруссіи, но безъ участія прямого или двустепеннаго народнаго представительства. Престижъ Пруссіи былъ окончательно подорванъ; воодушевленіе, съ которымъ во всѣхъ провинціяхъ королевства ожидали начала военныхъ дѣйствій, смѣнилось послѣ „Ольмюцской капитуляціи" рѣзкимъ осужденіемъ мнимой слабости короля; принцъ Вильгельмъ, братъ короля, тоже разразился въ засѣданіи государственнаго министерства 2 декабря 1850 года справедливымъ негодованіемъ по поводу того пятна, которое, по его мнѣнію, легло съ этихъ поръ на цѣломудренной бѣлизнѣ прусской чести; Фридрихъ Вильгельмъ IV до конца своей жизни остался подъ гнетомъ того обвиненія, что онъ унизилъ Пруссію и низвелъ ея положеніе въ Германіи до крайне низкаго уровня. Между тѣмъ, рѣшившись предоставить Австріи мимолетную побѣду, король принесъ самую благородную жертву въ пользу Германіи, какую только могъ ожидать отъ него германскій народъ. Онъ устоялъ противъ искушенія искать у Франціи помощи и содѣйствія къ основанію Сѣверно-Германскаго союзнаго государства, какъ предлагалъ ему Луи Наполеонъ черезъ своего интимнаго посредника Персиньи. Для осуществленія этой комбинаціи около Страссбурга было сосредоточено 50.000 французскихъ солдатъ, которые были готовы вторгнуться въ Южную Германію и занять Швабію и Баварію отъ имени Пруссіи. Не этимъ путемъ должно было быть создано объединеніе германскихъ племенъ; слѣдовательно, въ то время необходимо было вовсе отказаться отъ основанія германской имперіи,—эта временная отсрочка стала залогомъ будущаго успѣха. Князь Бисмаркъ увѣряетъ въ своихъ „Мысляхъ и воспоминаніяхъ", что въ ноябрѣ 1850 года военный министръ Августъ фонъ Штокгаузенъ считалъ еще Пруссію неподготовленной въ военномъ отношеніи для воспрепятствованія походу на Берлинъ сосредоточенной въ Богеміи австрійской арміи; Штокгаузенъ убѣдилъ въ этомъ самаго Бисмарка, и тотъ защищалъ въ палатѣ поведеніе короля. Бисмаркъ считаетъ себя въ правѣ утверждать, что принцъ Вильгельмъ, который сталъ впослѣдствіи королемъ и императоромъ, тоже пришелъ къ тому убѣжденію, что военныя силы Пруссіи недостаточны для рѣшительнаго удара. Правда, онъ не высказывалъ того убѣжденія, что современемъ придется нанести такой ударъ; но повидимому оно уже зародилось въ его душѣ, именно начиная съ этого времени.

11. Политическія и церковныя реакціонныя теченія между 1850—1853 годами.

А. Реакція въ западно-европейской политикѣ пятидесятыхъ годовъ.

Послѣ побѣды, одержанной Шварценбергомъ въ Ольмюцѣ, въ Европѣ восторжествовалъ духъ русскаго императора Николая I; ни въ одну изъ эпохъ крайняго затишья въ общественномъ развитіи европейскихъ народовъ нельзя отыскать направленія, которое отличалось бы такой узостью и ограниченностью, какъ взгляды императора Николая I. Правительства культурныхъ націй западной Европы почти никогда не проявляли такой безсмысленности, какъ втеченіи пятидесятыхъ годовъ, вполнѣ заслуженно пріобрѣвшихъ весьма печальную извѣстность. Нельзя отрицать, что движеніе, возникшее въ предшествовавшую эпоху, застало европейскіе народы не созрѣвшими для тѣхъ задачъ, которыя они ставили себѣ; намѣренія

были самыя благія и искреннія, но недоставало силъ. Лица, облеченные довѣріемъ европейскихъ народовъ, были убѣждены въ своемъ ослѣпленіи, будто создавать можно такъ же легко и скоро, какъ и разрушать, будто за нѣсколько мѣсяцевъ можно наверстать то, что надо было дѣлать десятками лѣтъ; они обольщали себя той безумной надеждой, что если только люди искренно захотятъ улучшить государственныя учрежденія, то эти учрежденія немедленно измѣнятся къ лучшему; политическіе дѣятели той эпохи не выяснили себѣ соотношенія, существующаго между теоретическимъ мышленіемъ и дѣйствительной жизнью; благодаря всѣмъ этимъ заблужденіямъ народные представители не сумѣли воспользоваться своевременно той властью, которою европейскіе народы надѣлили ихъ такъ щедро въ мартовскіе дни 1848 года, а вмѣсто этого они тратили свое время на дебаты, на образованіе партій и клубовъ, на широковѣщательныя программы, на самовосхваленіе, надменныя выходки и ожесточенную полемику. Либерализмъ вынужденъ былъ сойти со сцены вслѣдствіе того, что онъ не отмѣтилъ съ надлежащей прямотой границы, существующей между нимъ и радикализмомъ, и не понялъ, что онъ призванъ не править народами, а только помогать правительствамъ; народы не могли добиться юридическихъ гарантій своихъ правъ вслѣдствіе того, что они еще не выяснили сами себѣ дѣйствительнаго объема своихъ правъ и не сознавали еще необходимости добровольнаго самоограниченія. Все это вполнѣ понятно; при ретроспективномъ обзорѣ послѣдовавшій вслѣдъ затѣмъ застой кажется даже неизбѣжнымъ результатомъ столкновенія многихъ противоположныхъ между собою силъ. Остается, однако, одно явленіе, которое поражаетъ всякаго, знакомящагося съ нимъ, тѣмъ рѣзче, чѣмъ ярче оно озаряется свѣтомъ безпристрастной критики по мѣрѣ отдаленія изслѣдователя отъ изучаемой эпохи: на движеніи 1848 года тоже оправдывается то всеобщее правило, что умственныя заблужденія влекутъ за собое полное отвращеніе къ мыслительной дѣятельности, что преемникомъ безплодной геніальности бываетъ ничѣмъ не прикрытая глупость, что за излишества, до которыхъ доходятъ народы, увлекшись борьбой за самоопредѣленіе, они бываютъ наказаны усиленіемъ гнета и злоупотребленій властью со стороны правительствъ, выдающихъ себя за представителей болѣе прогрессивнаго права и болѣе прогрессивной этики.

Въ дѣйствительности нѣкоторые изъ наиболѣе вліятельныхъ государственныхъ людей вполнѣ могли бы вывести правильное заключеніе изъ историческихъ событій и найти формулы, выражающія соотношеніе между государственной властью и народными силами,—для этого вовсе не требовалось сверхъестественной мудрости. Къ сожалѣнію недоставало попросту умныхъ людей, которые удовлетворяли бы самымъ скромнымъ требованіямъ; получается такое впечатлѣніе, будто слишкомъ напряженная политическая дѣятельность убила во всемъ тогдашнемъ поколѣніи способность къ политическому мышленію, будто побѣдители совсѣмъ забыли, что они тоже боролись за государство, за его внутреннее упроченіе и преобразованіе, что революція вспыхнула только потому, что выродившіяся и испорченныя государственныя учрежденія не давали тѣхъ благъ, какихъ ожидали отъ нихъ. Народы были такъ сильно удручены своимъ прошлымъ опытомъ, стоившимъ такихъ тяжелыхъ жертвъ, что они съ распростертыми объятіями бросались на встрѣчу къ каждому, кто относился къ нимъ съ благосклонностью и довѣріемъ. Политическіе организмы пресытились демагогическими пряностями, и благодаря этому сильно ослабѣла ихъ воспріимчивость; отъ умѣреннаго пріема правъ и вольностей она бы опять усилилась, но голодную діэту неспособны были выдержать ослабленные организмы. Не наказывать, а наставлять и способствовать подъему народнаго духа — вотъ въ чемъ заключалась благородная миссія правительствъ, вновь добившихся неограниченной власти; но они не могли исполнить

своего назначенія, потому что сами были невѣжественны, отличались низменностью своихъ побужденій и прибѣгали къ наказаніямъ не во имя своего долга, а изъ мести за тѣ удары, которые достались имъ самимъ во время революціи.

а) Австрія при министерствѣ Шварценберга.

Отъ указаннаго отсутствія творческихъ силъ, опытныхъ государственныхъ людей съ высокимъ умственнымъ уровнемъ и благороднымъ характеромъ сильнѣе всего пострадала Австрія. Въ этомъ государствѣ просвѣщенное правительство могло бы добиться всего, чего бы только ни пожелало; обстоятельства сложились благопріятно для коренного преобразованія государственнаго строя: всѣ препятствія были уничтожены, государство дало самое блестящее доказательство своей жизнеспособности и выдержало самую тяжелую борьбу на жизнь и на смерть, какую только ему пришлось пережить за послѣднія 300 лѣтъ своего существованія. Новый государь (стр. 272), здоровый, бодрый, образованный, преисполненный благороднаго честолюбія и въ то же время мягкій по характеру, обезпечивалъ вѣрный успѣхъ такому министерству, которое сумѣло бы направить его на путь умѣреннаго прогресса и уваженія къ народнымъ правамъ. Дурно организованный кремзирскій рейхстагъ съ его безпорядками и сумятицей (срв. стр. 247) былъ распущенъ 7 марта, а 4 марта 1849 года правительство добровольно обнародовало конституцію (стр. 248), въ которой оно предоставляло себѣ широкій просторъ для вмѣшательства въ ходъ государственной жизни; съ 26 декабря 1849 года Венгерское королевство было тоже вовлечено въ кругъ государственныхъ интересовъ Австрійской имперіи послѣ того, какъ подчиненныя ему области были отдѣлены отъ короны св. Стефана и получили свои особыя провинціальныя права. Самые талантливые сановники Австрійской имперіи: Антонъ фонъ Шмерлингъ, Александръ Бахъ (съ 1854 года баронъ), графъ Лео Тунъ-Гогенштейнъ, Карлъ фонъ Брукъ были къ услугамъ министра-президента и готовы были трудиться надъ экономическимъ и умственнымъ возрожденіемъ монархіи. Никто бы не сталъ возражать противъ раздѣленія внѣвенгерскихъ областей на округа въ родѣ комитатовъ, а такимъ образомъ можно было создать незыблемую основу для централизаціи всего государства и подготовить необходимыя условія для постепеннаго развитія мелкихъ національныхъ группъ. Судьба Австріи была въ рукахъ совѣтниковъ короны; но между ними не было Радецкаго, а во главѣ Австрійскаго правительства стоялъ чванный кавалеръ, который всего на всего успѣлъ только посѣять раздоръ между Австрійской имперіей и прусскимъ народомъ съ его королемъ, которые стали было самыми вѣрными союзниками Австріи съ 1815 года. Объ упроченіи монархіи Габсбурговъ и огражденіи ея отъ будущихъ потрясеній надо было хлопотать во Франкфуртѣ, а не въ Вѣнѣ и Будапештѣ.

Еще не вполнѣ поднята завѣса съ того переворота, который произошелъ въ настроеніи руководящихъ круговъ Вѣнскаго двора; но достовѣрно извѣстно, что этотъ переворотъ былъ дѣломъ рукъ не полезныхъ работниковъ, а паразитовъ государственнаго организма, которые толкнули на путь политической смуты государя, преисполненнаго самыми благородными намѣреніями, который потомъ уже былъ не въ силахъ совладать съ этой смутой въ теченіе своей долгой жизни, необыкновенно богатой заботами и тяжелыми потрясеніями. Неоцѣнимый 1850 годъ, въ теченіе котораго народы готовы были встрѣтить съ искренней признательностью всякаго, кто могъ освободить ихъ отъ народныхъ волненій и вѣчнаго страха и кто вѣрилъ въ ихъ нравственныя силы, былъ потерянъ безъ пользы; въ слѣдующемъ году восторжествовали народные враги, которые рѣшили порвать окончательно съ конституціонными идеями и отвергнуть право гражданъ на ка-

кое бы то ни было участіе въ законодательной работѣ и въ устроеніи государства. Въ сентябрѣ 1851 года Австрія обратилась къ прусскому и сардинскому правительствамъ съ предложеніемъ отмѣнить существующую конституцію; въ своемъ рвеніи къ огражденію самодержавія австрійскіе сановники того времени превзошли даже Меттерниха. Шмерлингъ и Брукъ вышли изъ состава министерства (первый 5 января, а второй 23 мая 1851 года), не чувствуя себя въ силахъ устоять противъ реакціоннаго теченія. 20 августа 1851 года рейхсратъ, учрежденный въ силу конституціи 4 марта 1849 года, но еще не открытый, былъ лишенъ всѣхъ признаковъ представительнаго собранія; правительство тогда уже стало намекать, что вопросъ о фактическомъ примѣненіи конституціи 4 марта долженъ еще предварительно быть разсмотрѣнъ министромъ. 31 декабря 1851 года послѣдовала отмѣна конституціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли всѣ гарантіи личной безопасности гражданъ, считавшихся приверженцами конституціонныхъ идей. Полиція и облеченная неслыханной властью жандармерія вступили въ ожесточенную борьбу не противъ неумѣренныхъ и фантастическихъ требованій, а противъ либеральныхъ идей вообще; власти творили расправу, убѣждая себя съ ребяческимъ недомысліемъ, что это безсмысленное командованіе — есть дѣло большой государственной важности. Прогрессивная централизація привлекла бы къ себѣ тысячи усердныхъ сотрудниковъ и разбудила бы дремлющія силы въ то время, какъ централизація въ духѣ реакціонныхъ враговъ свободы была обречена на безплодность и губила всѣ свѣжіе, ищущіе живого дѣла порывы народныхъ силъ.

б) Дрезденская конференція.

Не пошли далеко также и успѣхи австрійскаго правительства во внѣшней политикѣ, которые развили было въ немъ такую громадную самоувѣренность. Уже во время Дрезденской конференціи, которая была устроена по рѣшенію, состоявшемуся въ Ольмюцѣ (стр. 280), Шварценбергу пришлось горько разочароваться въ вѣрности среднегерманскихъ государствъ, союзниковъ Австріи, и онъ пришелъ поневолѣ къ тому заключенію, что онъ напрасно оттолкнулъ отъ себя Пруссію. Цѣль его заключалась въ томъ, чтобы внести въ союзный актъ такія измѣненія, которыя дали бы возможность причислить къ Германскому союзу Австрію во всемъ ея объемѣ и сдѣлать этотъ союзъ отвѣтственнымъ за неприкосновенность всѣхъ владѣній Габсбургскаго дома. Противъ такой перекройки союзнаго акта протестовали Англія и Франція на правахъ державъ, гарантировавшихъ выполненіе этого акта, а германскія правительства тоже не имѣли охоты вступать въ борьбу съ двумя великими державами ради союзной реформы, ограждающей исключительно интересы Австріи. Пруссія могла спокойно выжидать полной неудачи всѣхъ хлопотъ Шварценберга, не прилагая никакихъ усилій съ своей стороны. Послѣ долгихъ переговоровъ, тянувшихся отъ декабря 1850 года до мая 1851 года, выяснилось, что всѣ попытки къ преобразованію Германскаго союза останутся безплодными до тѣхъ поръ, пока Австрія не согласится съ требованіемъ Пруссіи, не предоставитъ ей одинаковаго съ собой права на предсѣдательство и не подѣлится съ ней поровну своимъ вліяніемъ въ проектируемой „директоріи“. Такъ какъ Шварценбергъ все стоялъ на своемъ, то пришлось оставить неприкосновенными прежнія союзныя учрежденія, и германскія правительства вынуждены были сознаться съ позоромъ, что они такъ же неспособны къ исправленію недостатковъ существующаго положенія, какъ и злополучный франкфуртскій парламентъ. Въ томъ самомъ союзномъ дворцѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ которомъ былъ признанъ незадолго предъ тѣмъ суверенитетъ этого германскаго національнаго собранія (стр. 220), водворился опять въ 1851 году тотъ взглядъ, что приверженцы народныхъ

правъ — самые опасные враги государства и общества. Бѣднымъ либераламъ, которые и безъ того были посрамлены своимъ собственнымъ безсиліемъ и стали тише воды, ниже травы, пришлось расплачиваться за свои демократическія убѣжденія: ихъ стали клеймить кличкой „разрушительныя силы", и они отсиживались въ тюрьмахъ за республиканцевъ, которые успѣли улизнуть.

в) Среднія германскія государства и Пруссія подъ властью возстановленнаго союзнаго сейма.

Что касается либеральныхъ конституцій, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ революціи 1848 года, то большинство ихъ было отмѣнено, въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ, напр., въ Саксоніи, Мекленбургъ-Шверинѣ и Вюртембергѣ, черезъ самое короткое время (въ іюнѣ, сентябрѣ и ноябрѣ 1850 года), а въ Ганноверѣ, въ которомъ 18 ноября 1851 года вступилъ на престолъ слѣпой король Георгъ V, только послѣ упорной борьбы между правительствомъ и палатой въ августѣ 1855 года. По милости союза курфюршество Гессенское было опять осчастливлено возвращеніемъ возлюбленнаго курфюрста, которому жестокости и издѣвательства экзекуціоннаго отряда надъ его собственными подданными доставили истинное наслажденіе. Утѣшилъ его также его любимецъ Гассенфлугъ, это „проклятіе Гессена", который излилъ свой гнѣвъ на непослушныхъ чиновниковъ, отказавшихъ ему въ повиновеніи изъ вѣрности своему долгу предъ конституціей.

Прусская реакціонная партія очень охотно отдѣлалась бы окончательно отъ конституціонализма; однако король возставалъ противъ всякаго нарушенія данной имъ клятвы, какъ ни сильно было его отвращеніе къ новымъ порядкамъ съ участіемъ народа въ государственномъ управленіи. Хр Карлъ Іос. фонъ Бунзенъ и принцъ Вильгельмъ тоже отклоняли его отъ государственнаго переворота, который къ тому же оказывался совершенно излишнимъ, такъ какъ оказалось возможнымъ преобразовать конституцію въ консервативномъ духѣ (6 февраля 1850 года), не прибѣгая къ подобнымъ крайнимъ мѣрамъ. Были введены прямые выборы по трехклассной системѣ (въ концѣ апрѣля 1849 года), и размѣръ обложенія былъ принятъ за масштабъ для опредѣленія политическихъ правъ, т. е. участія въ выборахѣ во вторую палату; такимъ образомъ была предупреждена возможность перехода большинства изъ рукъ состоятельныхъ классовъ въ руки рабочихъ. Первая палата подверглась радикальному преобразованію, выборы были замѣнены назначеніемъ отъ короны; высшія аристократическія фамиліи получили право на наслѣдственное занятіе мѣстъ въ этой палатѣ, и на сторонѣ аристократіи было такимъ образомъ обезпечено большинство. Какъ ни вредно было учрежденіе палаты господъ въ полномъ смыслѣ этого слова, послѣдовавшее 12 октября, но еще болѣе значительный вредъ нанесли государству уничтоженіе общиннаго самоуправленія и возстановленіе провинціальныхъ ландтаговъ (1851 г.), которые едва ли могли служить истинными выразителями общественнаго мнѣнія.

Шлезвигъ-Гольштинія была возвращена датчанамъ. Конституція 15 сентября 1848 года и германскія „основныя права" были отмѣнены, а во главѣ герцогствъ была поставлена правительственная коллегія, состоявшая изъ австрійскихъ, прусскихъ и датскихъ комиссаровъ. По лондонскому протоколу 8 мая 1852 года великими державами были утверждены наслѣдственныя права принца Христіана Гольштейнъ-Глюксбурга, супругою котораго была принцесса Луиза, дочь графини Луизы-Шарлотты Гессенской, сестры Христіана VIII. Однако Германскій союзъ не примкнулъ къ этому рѣшенію великихъ державъ; рѣшающій голосъ

принадлежалъ сословному сейму герцогствъ, по его мнѣнія не спрашивали. 30 декабря 1852 года герцогъ Христіанъ фонъ Гольштейнъ-Аугустенбургъ уступилъ свои владѣнія въ Шлезвигѣ датскому царствующему дому за $2^1/_4$ милліона талеровъ и отказался вмѣстѣ съ тѣмъ отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ; но его родственники не согласились съ этимъ отказомъ. Такимъ образомъ датчане извлекли изъ своей побѣды только кратковременныя выгоды; уже въ то время можно было предвидѣть, что послѣ смерти короля Фридриха VII возобновится борьба за отдѣленіе германскихъ областей отъ „совокупнаго датскаго государства".

Наслѣдіе національнаго возрожденія, „германскій флотъ", былъ проданъ съ аукціона. Германскій союзъ не имѣлъ никакихъ интересовъ на морѣ; онъ и не думалъ добиваться настойчиво признанія германскаго флага, отвергнутаго морскими державами. Наилучшая часть союзнаго флота, состоявшаго изъ 4 фрегатовъ, 5 корветовъ и 6 канонерскихъ лодокъ, выстроенныхъ на добытыя посредствомъ добровольнаго сбора 3.600.000 талеровъ, была куплена Пруссіей послѣ того, какъ союзнымъ сеймомъ было рѣшено 2 апрѣля 1852 года, благодаря проискамъ Ганноверскаго правительства, уничтожить союзный флотъ. Пруссія пріобрѣла отъ княжества Ольденбургъ участокъ территоріи на берегу бухты Ядэ и мало по малу оборудовала на этомъ мѣстѣ военный портъ Вильгельмсгафенъ, благодаря которому она пріобрѣла положеніе морской державы, кромѣ Балтійскаго, также и на Сѣверномъ морѣ.

Это обстоятельство имѣло тѣмъ большее значеніе, что Пруссія сохранила свое преобладающее положеніе во главѣ германскаго экономическаго союза, извѣстнаго подъ именемъ „Цолльферейна" (таможеннаго союза) (стр. 200) несмотря на всѣ препятствія, которыя ставились этому союзу. 31 декабря 1853 года истекалъ срокъ таможеннаго договора. Начиная съ 1849 года Австрія добивалась вступленія въ Цолльферейнъ, и на таможенной конференціи, происходившей въ Висбаденѣ въ іюнѣ 1851 года, она получила на это согласіе всѣхъ болѣе значительныхъ государствъ, участвовавшихъ въ таможенномъ союзѣ, за исключеніемъ Пруссіи. Благодаря этому Пруссія была вынуждена отказаться отъ своего усилившагося за послѣдніе годы пристрастія къ покровительственнымъ пошлинамъ и примкнуть 7 сентября 1851 года къ благопріятному для свободной торговли таможенному союзу (Steurverein), основанному Ганноверомъ и княжествами Ольденбургомъ и Липпе (въ 1834 г. и 1836 г). Такимъ образомъ Пруссія предохранила себя отъ опасности таможеннаго разъединенія между своими восточными и западными провинціями, отрѣзала отъ моря среднегерманско-австрійскій таможенный союзъ и лишила его всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыми пользовался прежній союзъ подъ главенствомъ Пруссіи. Теперь Австрія тоже сочла нужнымъ заключить 19 февраля 1853 г. съ Пруссіей благопріятный для себя торговый договоръ, что касается среднихъ германскихъ государствъ, которыя и безъ того стали Австріи въ тягость вслѣдствіе безконечныхъ претензій и требованій о возмѣщеніи убытковъ, предъявлявшихся ими, то она оставила ихъ на произволъ судьбы, и они вынуждены были вновь присоединиться къ Пруссіи. 4 апрѣля 1853 года Цолльферейнъ былъ вновь возобновленъ до 31 декабря 1865 года и на этотъ разъ охватилъ пространство въ 9046 квадратныхъ миль съ населеніемъ въ 35 милліоновъ.

Б. Отношенія между реакціонной церковью и государствомъ.

Львиная доля добычи, пріобрѣтенной въ борьбѣ противъ революціи, досталась и на этотъ разъ церкви такъ же, какъ и послѣ паденія Наполеона I. Проповѣдуя правило „о свободной церкви въ свободномъ государствѣ", либерализмъ оказалъ большую услугу католицизму. Іезуиты воспользовались этой свободой и стали эксплуатировать ее въ свою пользу:

они стали требовать для германскихъ католическихъ епископовъ свободы сношеній съ папскимъ престоломъ и съ приходскими священниками, а также неограниченной дисциплинарной власти надъ подчиненными имъ духовными лицами помимо гражданскихъ властей. На идеѣ о свободѣ церкви іезуиты обосновывали свои притязанія на тѣ верховныя права, которыхъ католическая церковь не переставала добиваться въ теченіе 8 столѣтій и стали проповѣдывать новый догматъ: „право церкви выше права государства". Фрейбургскій архіепископъ Германъ фонъ Фикари такъ беззастѣнчиво пускалъ въ ходъ это новое іезуитское правило, что даже реакціонное правительство поневолѣ вынуждено было заключить его въ тюрьму. Тѣмъ не менѣе Дармштадтское и Штуттгартское правительства подчинились требованіямъ римской куріи. Въ прусской палатѣ возникла новая католическая партія, во главѣ которой стояли братья Августъ и Петръ Францъ Рейхеншпергеры; учрежденное въ 1841 году министромъ исповѣданій Іоганномъ Альбр. Фридр. Эйхгорномъ „католическое отдѣленіе" этого министерства относилось къ новой партіи съ большой предупредительностью (срв. т. VII, стр. 371).

Въ Пруссіи дѣло не дошло до столкновенія между свѣтской властью и ультрамонтанами по той причинѣ, что само правительство поощряло реакцію въ евангелической церкви, которая сблизилась съ католицизмомъ почти до полнаго сліянія. Всѣ тѣ силы, которыя задаются одной и той же цѣлью и стремятся подавить свободу мышленія, которыя не разрѣшаютъ вѣрующему устроить свой собственный душевный міръ согласно со своими неотъемлемыми потребностями, всегда дѣйствуютъ заодно и поддерживаютъ другъ друга. Фридр. Юл. Шталь, Эрнстъ Вильгельмъ Генгстенбергъ и Эрнстъ Людвигъ фонъ Герлахъ, однимъ словомъ всѣ тѣ лица, подъ вліяніемъ которыхъ находился Фридрихъ Вильгельмъ IV со времени революціи (срв. стр. 193 и 211), подрывали самыя основы евангелическаго вѣроисповѣданія, какъ, напримѣръ, неприкосновенность внутренняго убѣжденія, безъ котораго протестантизмъ теряетъ свое право на существованіе; въ октябрѣ 1854 года были изданы благодаря этимъ совѣтникамъ прусскаго короля „регулятивы", отдавшіе школу во власть поповъ; по ихъ иниціативѣ были также устроены „церковные сеймы", въ которыхъ господствовало такое ханжество, что даже Бунзенъ прослылъ на нихъ поборникомъ свободы совѣсти и заслужилъ почетный титулъ „разрушителя церкви".

Съ 18 августа 1855 года между Австріей и римской куріей былъ заключенъ конкордатъ, въ которомъ права человѣческаго разума подверглись еще болѣе сильному униженію, чѣмъ въ Пруссіи. Въ этомъ конкордатѣ нашелъ себѣ выраженіе тѣсный союзъ новаго централистическаго абсолютизма съ клерикализмомъ. На нѣкоторое время церковная іерархія предоставила государству свои силы для борьбы съ національными партіями и для освященія противоконституціонной политики государства; въ награду за это самодержавная свѣтская власть отдавала въ распоряженіе церкви всю свою бюрократическую систему, предоставила епископамъ неограниченную власть надъ низшимъ духовенствомъ, которое пользовалось до тѣхъ поръ своимъ положеніемъ, предоставленнымъ ему императоромъ Іосифомъ II, ко благу народа и во всякомъ случаѣ не во вредъ церкви; такимъ образомъ государство подчинило низшее духовенство высшимъ представителямъ католической церкви, которые превратили его въ орудіе для своего господства. Подавленіе христіанской общины влекло за собой обезличеніе ея духовныхъ пастырей, — это было естественнымъ явленіемъ на томъ пути, на который толкнулъ католическую церковь іезуитскій орденъ. Послѣ того, какъ былъ сдѣланъ первый шагъ, была уничтожена община вѣрующихъ, а приходскіе священники лишились защиты государства,—іезуиты заставили смириться также и епископовъ и превратили папство въ восточную деспотію, великимъ визиремъ

которой долженъ былъ остаться на вѣки генералъ іезуитскаго ордена. И все это дѣлалось подъ покровомъ той религіи, которая проповѣдуетъ равенство и богоподобность всѣхъ людей, считаетъ насущнѣйшей задачей жизни нравственную чистоту, основанную на свободномъ убѣжденіи, религіи, въ которой человѣчество когда то находило силу и утѣшеніе въ своей борьбѣ противъ гнета произвола и нетерпимости! Іезуиты положили начало новой эпохѣ въ исторіи религіи; эта эпоха должна рѣшить слѣдующій вопросъ: какую цѣнность имѣетъ католичество, посредствомъ фальсификаціи котораго іезуиты хотятъ создать новый міровой порядокъ?—Этотъ міровой порядокъ ознаменуется или торжествомъ свободной католической религіи надъ іезуитскимъ орденомъ, или же гибелью католической церкви.

Примѣръ Австріи оказалъ свое дѣйствіе также и на итальянскія правительства, которыя были обязаны ей сохраненіемъ своей власти; одинъ только Пьемонтъ собралъ вокругъ своего знамени противниковъ римской іерархіи, которые пришли, наконецъ, къ тому убѣжденію, что ученіе о національномъ папѣ безусловно лживо и что въ будущемъ ни одинъ патріотъ не собьется съ прямого пути ради него. Въ Испаніи іезуиты вступили въ союзъ съ карлистами (см. выше, стр. 206) и приняли участіе въ безнадежной войнѣ, въ которой ихъ союзники терпѣли одно пораженіе за другимъ; напротивъ того, въ Бельгіи (см. выше, стр. 182) іезуиты создали себѣ въ 1855 году почти неприступную позицію, и сами либералы дали имъ въ руки оружіе для борьбы со своей собственной партіей. Одна только Португалія, изъ которой іезуиты были изгнаны впервые въ XVIII столѣтіи (ср. т. IV, стр. 553), была свободна отъ нихъ также и въ XIX столѣтіи и доказала своимъ примѣромъ, что даже католическому правительству нечего опасаться угрозъ папы. На Францію въ Римѣ возлагались самыя лучшія надежды послѣ того, какъ „всенародное голосованіе“ Луи Наполеона закончилось такъ удачно при усердномъ содѣйствіи духовенства; однако курія столкнулась на этотъ разъ съ крайне осторожнымъ союзникомъ, котораго нельзя было перехитрить. Наполеонъ III ни въ чемъ не проявилъ такъ удачно своего дипломатическаго искусства, какъ въ разграниченіи между властью церкви и государства; онъ сбивалъ съ толку даже іезуитовъ: имъ никогда не удавалось угадать, до какого предѣла онъ готовъ идти рука объ руку съ ними.

12. Перераспредѣленіе сферъ вліянія европейскихъ державъ въ эпоху второй имперіи во Франціи до 1859 года.

Въ цари надъ слѣпыми годился и косой,—среди реакціонныхъ правительствъ выдвинулся „спаситель порядка“, возведенный на тронъ революціею. Ловкій и не совсѣмъ бездарный наслѣдникъ великаго имени Бонапарта въ теченіе одного года превратилъ въ императорскую корону свое президентское кресло, на которомъ онъ утвердился посредствомъ государственнаго переворота 2 декабря 1851 года. Монархія явилась какъ неизбѣжное завершеніе конституціи, которую онъ далъ 14 января 1852 года французамъ, окончательно истомленнымъ отъ страстной борьбы за свободу и которая должна была успокоить и исцѣлить ихъ отъ всѣхъ крайнихъ увлеченій. Въ этой конституціи были на лицо всѣ мелкіе аксессуары имперіи, опирающейся на народныя массы: законодательный корпусъ, избираемый посредствомъ всеобщаго голосованія, сенатъ, удерживающій законодательство въ рамкахъ конституціи, „апелляція къ народу“ при каждомъ предложеніи, имѣющемъ характеръ пересмотра конституціи, твердое и мудрое руководство всѣми государственными дѣлами съ предварительнымъ разсмотрѣніемъ проектовъ въ тайныхъ засѣданіяхъ, правительство, подготовляющее и приводящее въ исполненіе все, что служитъ ко благу народа.

Заботливый сенатъ вотировалъ президенту ежегодное содержанiе въ 12.000.000 франковъ, а послѣ этого Францiи уже нетрудно было надѣлить его также и императорскимъ титуломъ: когда этотъ вопросъ былъ поставленъ на всенародное голосованiе, то народъ далъ въ отвѣтъ 7.840.000 утвердительныхъ голосовъ, а 254.000 отрицательныхъ служили какъ бы вящимъ потвержденiемъ свободы мнѣнiй, предоставленной народу во время плебисцита. 2 декабря 1852 года Наполеонъ III вступилъ въ общество европейскихъ монарховъ въ качествѣ императора французовъ Божiей милостью и волей народа. Всѣ эти монархи приняли его въ свою среду безъ всякихъ колебанiй; они простили своему новому товарищу его демократическое происхожденiе ради заслугъ, прiобрѣтенныхъ имъ въ борьбѣ противъ революцiи и ради того почтенiя, съ которымъ онъ относился къ религiи и къ штыкамъ. Къ сожалѣнiю, у младшаго члена семьи европейскихъ монарховъ не хватило времени для того, чтобы окончательно войти въ ихъ среду на правахъ равноправнаго члена: старыя династiи не успѣли сблизиться съ нимъ настолько, чтобы онъ могъ породниться съ ними посредствомъ брака; а между тѣмъ ему необходимо было дать Францiи наслѣдника престола, такъ какъ тронъ безъ наслѣдника теряетъ свой престижъ. Наполеонъ III родился 20 апрѣля 1808 года; при вступленiи на престолъ ему было больше 40 лѣтъ; онъ боялся стать предметомъ насмѣшекъ или сожалѣнiй изъ-за неудачнаго сватовства; поэтому онъ не медлилъ и 29 января 1853 г. вступилъ въ бракъ съ двадцатишестилѣтней графиней Евгенiей Теба, родомъ изъ фамилiи испанскихъ грандовъ Гусмановъ. По своему характеру она не только должна была нравиться французамъ, но могла ихъ постоянно занимать и увеселять своими прихотями; она годилась какъ разъ въ царицы моды, этого божка Францiи.

A. Крымская кампанiя.

Для того, чтобы вполнѣ утвердить за собою расположенiе французовъ, второй имперiи недоставало только славы на поприщѣ внѣшней политики. Что иностранные монархи терпѣли въ своей средѣ новаго императора, этого было мало; ему надо было задавать тонъ и заставить другихъ монарховъ заискивать его милости. Благодаря своимъ прежнимъ связямъ съ карбонарiями, Мадзини и Гарибальди, Наполеонъ уже въ началѣ своего царствованiя былъ склоненъ смотрѣть на нацiональные вопросы Европы преимущественно съ точки зрѣнiя интересовъ Италiи; но къ великому его удовольствiю русскiй императоръ Николай, относившiйся къ нему съ нескрываемымъ пренебреженiемъ и видѣвшiй въ немъ только политическаго авантюриста, вызвалъ международное осложненiе, благодаря которому такому „мыслителю", какъ Луи Наполеону, удалось безъ труда поднять на ноги весь мiръ, толкнуть самые консервативные кабинеты на легкомысленные шаги, чужими руками загребать жаръ и заставить другихъ трудиться исключительно для выгоды его самого и Францiи.

Русскiй императоръ, самый красивый изъ европейскихъ монарховъ, одѣвавшiйся въ красный мундиръ, который придавалъ ему еще болѣе величественную осанку, не воспользовался революцiонной эпохой, въ теченiе которой онъ могъ дѣйствовать на Востокѣ съ полной свободой; онъ держалъ свои полки на Вислѣ изъ страха предъ новымъ возстанiемъ въ Польшѣ (срв. стр. 256); вѣроятно, что изъ-за этого страха онъ втянулся въ безполезную для него и выгодную исключительно для династiи Габсбурговъ Венгерскую кампанiю (стр. 249); только въ 1852 году онъ задумалъ воспользоваться смутнымъ состоянiемъ сосѣднихъ государствъ и отобрать нѣсколько областей у Турцiи. Сначала онъ хотѣлъ было устроить общее предпрiятiе сообща съ Англiей и сталъ возбуждать волненiя въ Палестинѣ съ цѣлью разжечь религiозный фанатизмъ своего собственнаго народа. Императоръ Ни-

колай I вмѣшивался въ дѣла Палестины на правахъ представителя правъ греческой православной церкви, но противъ него выступилъ новый властелинъ Франціи, который считалъ себя „покровителемъ латинянъ“ и сталъ отстаивать притязанія католиковъ. Если бы Николай рѣшился дѣйствовать быстро, занялъ бы Дунайскія княжества и сосредоточилъ бы въ нихъ значительную военную силу, пользуясь тѣмъ временемъ, когда между Пруссіей и Австріей существовалъ раздоръ изъ-за союзной реформы, и въ Германіи тлѣла искра войны, а Наполеонъ былъ еще занятъ своимъ плебисцитомъ, то онъ успѣлъ бы стать твердой ногой въ Турціи. Волненія въ Черногоріи были тоже организованы имъ слишкомъ поздно, и они не вызвали общаго возстанія южныхъ славянъ, которое задѣло бы Австрію за самое чувствительное мѣсто. Въ концѣ концовъ Россія оказалась вполнѣ изолированной въ тотъ моментъ, когда князь А. С. Меньшиковъ вручилъ султану Абдулъ-Меджиду свой ультиматумъ (11 мая 1853 года), въ которомъ она требовала признанія своего протектората надъ православной церковью во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ; въ сущности она предлагала султану подѣлиться съ нею своими верховными правами. Англійскій посланникъ лордъ Страуфордъ-Редклиффъ заранѣе подготовилъ Порту къ этому инциденту, успокоилъ господствовавшую въ Константинополѣ панику и уговорилъ турецкое правительство не вступать ни въ какой компромиссъ. Русскому царю пришлось считаться съ послѣдствіями своего самовластнаго шага, отозвать своего посланника и отдать приказъ о вступленіи русскихъ войскъ въ Дунайскія княжества (2 іюля 1853 года).

Успѣхъ все-таки оказался бы на сторонѣ Россіи, если бы С.-Петербургскій кабинетъ заручился содѣйствіемъ Австріи. Если бы обѣ эти державы пришли между собою къ соглашенію, предприняли бы общіе шаги противъ Турціи, а для прикрытія своего тыла склонили бы на свою сторону Пруссію цѣною тѣхъ или другихъ уступокъ, то флоты двухъ западныхъ державъ могли бы, конечно, причинить имъ тотъ или другой вредъ, но не предупредили бы паденія Константинополя. Къ сожалѣнію, Россія не подготовилась къ кампаніи ни въ дипломатическомъ, ни въ военномъ отношеніи. Русскій царь былъ неспособенъ къ спокойной оцѣнкѣ своихъ силъ, страдалъ безмѣрной маніей величія и до послѣдней минуты былъ убѣжденъ, что для поддержанія его требованій достаточно однихъ угрозъ и что никто не осмѣлится пойти наперекоръ его желаніямъ. Оборонительныя силы Турціи оказались гораздо болѣе значительными, чѣмъ онъ представлялъ себѣ; ему пришлось выдержать тяжелое столкновеніе съ Англіей, и въ ряды его противниковъ перешла даже Австрія, которую онъ причислялъ, не задумываясь, къ сферѣ своего вліянія. Турецкій флотъ былъ уничтоженъ русскими въ Синопской гавани 30 ноября 1853 года, но послѣ этого французскія и англійскія суда вошли въ Босфоръ, а 4 января 1854 года двинулись оттуда въ Черное море. Теперь только русское правительство догадалось отправить въ Вѣну кн. А. Ф. Орлова, близкаго друга русскаго царя; однако русскій уполномоченный явился въ Вѣну не съ какими-нибудь существенными уступками или соблазнительными предложеніями, которыя не преминули бы оказать свое дѣйствіе, а только съ напоминаніями о той благодарности, которой Австрія обязана Россіи.

Шварценбергъ уже не стоялъ въ это время во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ Австрійской имперіи, такъ какъ онъ скончался скоропостижною смертью 5 апрѣля 1852 года. Его преемникомъ былъ графъ Карлъ Фердинандъ фонъ Буоль-Шауэнштейнъ, сынъ перваго уполномоченнаго Австріи при союзномъ сеймѣ (см. стр. 130); это назначеніе объяснялось слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, онъ былъ исполнителемъ приказаній Шварценберга въ теченіе того короткаго времени, когда послѣдній управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и на этомъ основаніи предполагалось, что Буоль Шауэнштейнъ посвященъ въ „идеи“ Швар-

ценберга; во-вторыхъ, новый министръ происходилъ изъ стариннаго граубюнденскаго католическаго рода и обѣщалъ быть вѣрнымъ союзникомъ вновь избраннаго 4 іюля 1853 года іезуитскаго генерала патера Петра Беккса, родомъ изъ Зихема около Левена. Беккcъ до этого былъ провинціаломъ іезуитскаго ордена въ Австріи. Императоръ Францъ Іосифъ былъ такъ молодъ, что не имѣлъ яснаго представленія о ходѣ міровой политики и еще не успѣлъ составить себѣ самостоятельнаго взгляда на труднѣйшіе политическіе вопросы того времени: неудивительно поэтому, что сдѣланный имъ выборъ новаго министра оказался опять неудачнымъ, и онъ попалъ изъ огня въ полымя. Буоль оказался крайне недальновиднымъ и пришелъ къ тому убѣжденію, что между интересами Австріи и Россіи на Востокѣ существуетъ непримиримое противорѣчіе, которое онъ считалъ такимъ незыблемымъ основнымъ принципомъ своей политики, что рѣшилъ пожертвовать требованіями международной морали и не отозвался на призывъ Россіи къ чувству признательности Австріи. 27 февраля 1854 года онъ присоединился къ предъявленному обѣими западными державами требованію объ очищеніи Дунайскихъ княжествъ и поощрилъ ихъ такимъ образомъ къ объявленію войны Россіи, послѣдовавшему 27 марта. 14 іюня Турція предоставила Австріи право на время войны занять своими войсками Дунайскія княжества, и Австрія на свою собственную бѣду воспользовалась этимъ правомъ въ ущербъ своимъ и безъ того разстроеннымъ финансамъ.

Фридрихъ Вильгельмъ IV былъ не таковъ по своему характеру, чтобы онъ былъ способенъ воспользоваться въ своихъ интересахъ разстройствомъ австрійско-русской дружбы и стѣсненнымъ положеніемъ Россіи. Первая заслуга Оттона фонъ Бисмаркъ Шенгаузена, состоявшаго съ 18 августа 1852 года прусскимъ уполномоченнымъ при союзномъ сеймѣ, предъ своимъ отечествомъ и династіей Гогенцоллерновъ состояла въ томъ, что онъ удержалъ своего короля отъ союза съ западными державами вопреки внушеніямъ такъ называемыхъ консервативныхъ друзей короля, послѣдователей романтической школы; однако Бисмаркъ не пользовался достаточно сильнымъ вліяніемъ и не сумѣлъ воспрепятствовать возобновленію соглашенія между Пруссіей и Австріей, по которому обѣ державы гарантировали другъ другу неприкосновенность своихъ существующихъ владѣній (9 апрѣля 1854 года). Это соглашеніе было совершенно безполезно для Пруссіи, а для Австріи оно облегчило переходъ на сторону западныхъ державъ. Осенью того же года эти послѣднія высадили въ Крыму десантныя войска, которыя одержали рядъ побѣдъ надъ русскими войсками при Альмѣ (20 сентября), при Балаклавѣ (25 октября), при Инкерманѣ (5 ноября 1854 года) и затѣмъ приступили къ осадѣ крѣпости Севастополя. Послѣ того, какъ Австрія присоединилась 2 декабря 1854 года къ союзу западныхъ державъ, Германскій союзъ тоже чуть было не принялъ угрожающаго положенія по отношенію къ Россіи благодаря проискамъ австрійскаго правительства; однако по предложенію Пруссіи было рѣшено, что вооруженный нейтралитетъ Германскаго союза направленъ не противъ Россіи, а имѣетъ только въ виду „всякія возможныя случайности“. Если бы Буоль Шауенштейнъ дѣйствовалъ съ достаточной рѣшительностью, неуклонно шелъ бы впередъ по разъ намѣченному пути и направилъ бы австрійскія войска противъ Одессы, то на долю Австріи выпала бы рѣшающая роль въ этой войнѣ: она вывела бы англійскую и французскую крымскія арміи изъ довольно затруднительнаго положенія и пріобрѣла бы право на существенное вознагражденіе. Вмѣсто этого Буоль Шауенштейнъ удовольствовался ролью пассивнаго зрителя, и обѣ западныя державы, которыя нуждались въ подкрѣпленіи для союзной осадной арміи, стоявшей предъ Севастополемъ, привлекли къ себѣ въ союзники Сардинское королевство (26 января 1855 года), которое прислало въ маѣ вспомогательный отрядъ въ 15.000 человѣкъ.

2 марта 1855 года скончался императоръ Николай I. Повидимому, его свели въ могилу душевныя потрясенія, вызванныя пораженіями его арміи и печальнымъ положеніемъ всей имперіи; его сынъ Александръ II вступилъ въ переговоры съ противниками, но не согласился на ограниченіе права Россіи содержать свой флотъ на Черномъ морѣ. Война закончилась удачнымъ штурмомъ Малаховскаго кургана (8 сентября 1855 года) и отступленіемъ русскихъ войскъ изъ Севастополя; послѣ этого для западныхъ державъ открылась возможность отступленія изъ Крыма, а взятіе русскими подъ начальствомъ генерала Н. Н. Муравьева армянской крѣпости Карса (28 ноября 1855 года) дало также и Россіи нѣкоторое право на почетныя мирныя условія.

Для улаженія восточнаго вопроса былъ созванъ въ Парижѣ конгрессъ, который открылся 6 февраля 1856 года (см. прил. табл. „Парижскій конгрессъ 1856 года"). Фридриху Вильгельму IV пришлось дожить до того момента, когда паденіе международнаго вліянія Пруссіи стало очевиднымъ для всего свѣта, такъ что державы вначалѣ вовсе не хотѣли допустить къ участію въ мирныхъ переговорахъ представителя Пруссіи. При болѣе детальномъ обсужденіи международныхъ вопросовъ конгрессъ пришелъ къ убѣжденію, что договоръ о морскихъ проливахъ 1841 года не можетъ быть измѣненъ безъ участія державы, игравшей роль посредника при заключеніи этого договора; въ Берлинъ было отправлено запоздалое приглашеніе, причемъ представитель Англіи лордъ Кларендонъ потребовалъ съ поразительной беззастѣнчивостью, чтобы прусскій уполномоченный участвовалъ исключительно только въ обсужденіи этого пункта. Парижскій мирный договоръ 30 марта 1856 года объявилъ Черное море нейтральнымъ и открытымъ для торговыхъ судовъ всѣхъ націй, но закрылъ его для военныхъ судовъ всѣхъ державъ какъ владѣющихъ берегами Чернаго моря, такъ и другихъ, съ той оговоркой, что Россіи и Турціи было дозволено держать на этомъ морѣ по десяти легкихъ судовъ для береговой службы, а всѣмъ государствамъ, заинтересованнымъ въ урегулированіи теченія Дуная и судоходности устьевъ этой рѣки, было разрѣшено держать на этомъ устьи по два легкихъ судна. Турціи были предоставлены выгоды, обезпечиваемыя международнымъ правомъ каждому изъ европейскихъ государствъ, она была принята въ концертъ европейскихъ державъ, и ей была гарантирована неприкосновенность ея владѣній. Для урегулированія судоходства по Дунаю была учреждена спеціальная постоянная международная комиссія (срв. томъ VII, стр .134), а другой такой же комиссіи было поручено обсужденіе вопроса о политическомъ положеніи Молдавіи и Валахіи. Къ первому изъ этихъ княжествъ была присоединена береговая полоса, отторгнутая отъ Россіи; оба княжества остались въ вассальной зависимости отъ Порты. Въ Малой Азіи были возстановлены благодаря вмѣшательству Франціи и Англіи границы, существовавшія до начала войны.

Итакъ, благодаря соперничеству между христіанскими государствами и народами, зависти ихъ другъ къ другу, постоянному недовѣрію, съ которымъ они слѣдили другъ за другомъ, и, наконецъ, страху, съ которымъ относилась каждая изъ нихъ къ одностороннему увеличенію сферы вліянія другихъ, европейскія державы приняли подъ свое покровительство хищническое турецкое государство и продлили его существованіе, не взирая не то, что оно дѣйствовало разрушительнымъ образомъ на культуру своего населенія и было неспособно къ исполненію своихъ государственныхъ задачъ по отношенію какъ къ своимъ мусульманскимъ, такъ и къ христіанскимъ подданнымъ. Съ этихъ поръ существованіе Оттоманской имперіи имѣло только одну цѣль—препятствовать историческому прогрессу народовъ, живущихъ въ ея владѣніяхъ, и оттягивать разрѣшеніе участи различныхъ областей Балканскаго полуострова.

Парижскій конгрессъ 1856 г.

(По гравюрѣ Огюста Бланшара съ картины Эдуарда Дюбюфа)

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Парижскій конгрессъ 1856 года.

Эдуардъ Дюбюфъ изобразилъ парижскій конгрессъ въ лицѣ участвовавшихъ въ немъ 15 представителей пяти великихъ и двухъ второстепенныхъ европейскихъ державъ, заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ, стоящемъ въ связи съ Крымской войной.

I. Франція:
1. Флоріанъ Александръ Жозефъ графъ Колонна Валевскій (1810—1868).
2. Франсуа Адольфъ баронъ де Буркенэ (1799—1869).
3. Графъ Винцентъ Беннедетти (1817—1900), секретарь конгресса.

II. Англія:
4. Джорджъ Вильямъ Фредерикъ Вилье графъ Кларендонъ, баронъ Гайдъ де Гиндонъ (1800—1870).
5. Генри Ричардъ Чарльзъ Уэльслей, баронъ Каулей (1804 — 1884).

III. Австрія:
6. Графъ Карлъ Фердинандъ фонъ Буоль Шауэнштейнъ (1797—1865).
7. Іосифъ Александръ Гафенбредль, бар. фонъ Гюбнеръ (1811—1892).

IV. Турція:
8. Магометъ Эминъ Али паша (1815—1871).
9. Мехметъ Джемиль Бей (1825—1872).

V. Сардинія:
10. Графъ Камилло Бенсо ди Кавуръ (1810—1861).
11. Сальваторъ Пэзъ маркизъ ди Вилламарина.

VI. Россія:
12. Графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ (1787—1861).
13. Баронъ Филиппъ фонъ Брунновъ (1797—1875).

VII. Пруссія:
14. Баронъ Отто Теодоръ фонъ Мантейфель (1805—1882).
15. Графъ Максимиліанъ Фридрихъ Карлъ Францъ фонъ Гатцфельдтъ-Вильденбургъ-Шёнштейнъ (1813—1859).

(Оба послѣдніе стали принимать участіе въ засѣданіяхъ лишь съ 18 марта 1856 года.)

По гравюрѣ Огюста Бланшара 1859 г., изданія Гупиля и К°. въ Берлинѣ, Парижѣ и Нью-Іоркѣ. То же издательство выпустило въ свѣтъ въ 1854 г. многофигурную литографію Іенцена: „Защитники православной вѣры" (Николай I и его дворъ).

На литографіи К. Шульца въ изд. Вильда графъ Валевскій также представленъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ въ центрѣ картины, тогда какъ прочіе находятся отъ Буркенэ до Кларендона налѣво, а отъ Вилламарины до Буоля направо; представители же Пруссіи и секретарь конгресса Бенедетти отсутствуютъ. На третьей картинѣ конгресса представители державъ изображены сидящими рядомъ попарно, тогда какъ Бенедетти скромно стоитъ на заднемъ планѣ слѣва.

См. Edouard Gourdon, „Histoire du Congrès de Paris" (Парижъ, 1857 г.).

Б. Неудачи Австрiи въ Италiи.

а) Внутренняя политика Наполеона III.

Въ теченiе нѣкотораго времени Наполеонъ III исполнялъ роль князя Меттерниха: онъ внушалъ Европѣ ложное представленiе объ истинномъ ея положенiи и увѣрилъ всѣхъ, что это положенiе зиждется на такихъ силахъ, которыхъ вовсе не существовало, главнымъ образомъ, на его собственномъ могуществѣ. Всемiрная выставка 1855 года и послѣдовавшiй за ней конгрессъ сдѣлали опять на нѣкоторое время Парижъ сердцемъ Европы; всякiй, кто могъ, совершалъ паломничество въ этотъ городъ удовольствiй и хорошаго тона, на украшенiе котораго префектъ департамента Сены Жоржъ-Эженъ Гауссманъ тратилъ ежегодно по 100 миллiоновъ франковъ. На первыхъ порахъ новая имперiя держалась съ наилучшимъ успѣхомъ испытаннаго правительственнаго прiема перваго Бонапарта, старалась ублаготворить четвертое сословiе щедрыми заработками, добиться за эту цѣну его благосклонности къ новому режиму и молчаливаго примиренiя рабочаго класса съ водворившимся во Францiи самодержавнымъ образомъ правленiя (срв. т. VII, стр. 431). По примѣру Меттерниха Наполеонъ III былъ убѣжденъ въ необходимости неограниченной власти; самая тяжелая его ошибка заключалась въ томъ, что онъ не вложилъ мало-по-малу внутренняго содержанiя въ тѣ конституцiонныя формы, которыя были навязаны ему извнѣ: не будь этой ошибки, онъ привлекъ бы къ себѣ симпатiи той части населенiя, которая не мѣняетъ своихъ наклонностей изо дня въ день и дорожитъ признанiемъ за собой одного единственнаго, но реальнаго права въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ верховными правами народа, которыми агитаторы дурачатъ народъ съ iезуитскимъ лукавствомъ. Преобразованiе „законодательнаго корпуса“ въ представительное собранiе съ правомъ утверждать бюджетъ, дѣлать запросы и вносить законопроекты было бы гораздо болѣе полезнымъ для наслѣдника престола Наполеона III, сына его, родившагося 16 марта 1856 года, чѣмъ то хитрое фиглярство, за которое вторая имперiя заслужила такое шумное одобренiе со стороны бонвивановъ и бездѣльниковъ всей Европы.

б) Отношенiя между Францiей и Россiей, Австрiей, Пруссiей и Англiей.

Россiя, повидимому, лишенная надолго способности къ агрессивнымъ дѣйствiямъ и ослабленная даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ Турцiя, приспособилась очень скоро къ новымъ политическимъ условiямъ Европы; Александръ II заявилъ своимъ подданнымъ, что благодаря войнѣ, начатой его отцомъ, улучшена и обезпечена участь христiанъ на Востокѣ, и сблизился съ поразительнымъ простодушiемъ съ властелиномъ Францiи, который незадолго предъ тѣмъ далъ ему такой тяжелый урокъ. Русскiе политическiе дѣятели разсудили весьма вѣрно, что Наполеонъ будетъ весьма радъ тому, что отдѣлался такъ благополучно отъ восточной авантюры; они были увѣрены, что со стороны Францiи нечего опасаться въ близкомъ будущемъ вмѣшательства въ сферу влiянiя Россiи. Луи Наполеонъ оказался достойнымъ такого довѣрiя, относился съ вниманiемъ къ политическимъ планамъ Россiи, по каждому поводу принималъ въ разсчетъ ея желанiя и въ свою очередь получилъ отъ нея молчаливое увѣренiе въ томъ, что Россiя не станетъ мѣшать ему, если онъ вздумаетъ помѣряться силами съ какой-нибудь другой великой державой. Хотя Австрiя не сдѣлала ни одного выстрѣла противъ русскихъ войскъ, а французскiе маршалы вступили въ Севастополь въ качествѣ побѣдителей, тѣмъ не менѣе Россiя была настроена по отноше-

нію къ первой гораздо враждебнѣе, чѣмъ по отношенію къ Франціи; Австрія не только заплатила Россіи черной неблагодарностью за помощь, оказанную ей во время венгерскаго возстанія, но выступила даже соперницей Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, и только Пруссія помѣшала ей нанести Россіи рѣшительный ударъ. Ослабленіе Австріи должно было повести къ усиленію вліянія Россіи и облегчало достиженіе тѣхъ цѣлей, которыя намѣчали себѣ на Востокѣ русскіе политическіе дѣятели.

Пруссія стала очень скромной; во всемъ, что касалось крупныхъ общеевропейскихъ вопросовъ, она никому не мѣшала, лишь бы только не были задѣты ея непосредственные интересы. Фридрихъ Вильгельмъ IY находился въ такомъ душевномъ состояніи, которое предвѣщало въ близкомъ будущемъ полное потемнѣніе его разсудка, и, наконецъ, носился только съ однимъ желаньемъ—вернуть себѣ свое Нейенбургское княжество; но даже и это желанье его осталось неисполненнымъ: послѣ грубой демонстраціи, устроенной 3 сентября 1856 г. прусскими сторонниками въ этомъ кантонѣ, прусскому королю пришлось отказаться на вѣки отъ этого своего владѣнія 26 мая 1858 г. Это княжество не имѣло никакой цѣны для Пруссіи, но тѣмъ не менѣе впечатлѣніе получилось такое, что германская великая держава получила еще одно пораженіе. Наполеонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ людей, которые придавали Пруссіи больше вѣса, чѣмъ это было принято въ то время; еще въ мартѣ 1857 г. Наполеонъ въ бесѣдѣ съ Бисмаркомъ домогался нейтралитета Пруссіи на случай войны въ Италіи и сдѣлалъ ему предложенія, которыя были болѣе выгодны для Пруссіи, чѣмъ программа уніи. Французскій императоръ говорилъ о присоединеніи Ганновера и Гольштиніи и объ основаніи такой значительной сѣверно-германской морской силы, чтобы въ союзѣ съ французскимъ флотомъ она могла соперничать съ Англіей. Въ награду за это онъ требовалъ только маленькаго исправленія границъ на Рейнѣ, но вовсе не домогался захвата лѣваго берега этой рѣки, такъ какъ это толкало бы Францію къ новымъ завоеваніямъ, и въ результатѣ выросла бы новая коалиція. Бисмаркъ уклонился отъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ въ этомъ направленіи и далъ понять императору, что Пруссія не желаетъ вступать въ грандіозные политическіе заговоры. Что касается Англіи, то политическія осложненія въ Персіи, Индіи и Китаѣ принудили ее къ чрезмѣрному напряженію силъ, и она нуждалась не только въ благосклонности, но и въ активной дружбѣ Франціи. Въ виду этого торійское министерство, призванное къ власти въ 1858 г. послѣ паденія Пальмерстона, не рѣшилось разстраивать своего добраго согласія съ Наполеономъ, хотя, собственно говоря, этого очень хотѣлось англійскому правительству.

в) Оцѣнка значенія національной идеи.

Такимъ образомъ у Наполеона были вполнѣ развязаны руки, и онъ могъ трудиться безпрепятственно надъ расширеніемъ своего вліянія въ Европѣ, которое казалось ему необходимымъ для привлеченія симпатій французовъ къ имперіи. Онъ слѣдовалъ второму основному правилу бонапартизма, требовавшему, чтобы правительство отвлекало населеніе отъ интереса къ внутреннимъ дѣламъ посредствомъ эффектной внѣшней политики и добивалось для этой цѣли подавляющаго превосходства надъ другими великими державами, а. если возможно, то и военной славы. Полиньякъ тоже попробовалъ было вступить на этотъ путь (стр. 172), но онъ оказался слишкомъ неловкимъ: онъ опоздалъ съ захватомъ Алжира и не могъ предупредить іюльской революціи. Луи Наполеонъ хотѣлъ быть умнѣе своего предшественника, и, по крайней мѣрѣ одинъ разъ, это ему удалось. Само собою разумѣется, что народный императоръ не могъ ухватиться за какое либо изъ тѣхъ старыхъ средствъ, которыми пользовались.

какъ поводомъ къ войнѣ, министры „стараго режима"; съ другой стороны онъ не былъ солдатомъ по характеру и не способенъ былъ попросту обнажить свою шпагу и заявить передъ всей Европой, что та или другая династія должна сойти со сцены, какъ поступалъ его великій дядя. Ему нужно было ссылаться на принципы, содѣйствовать торжеству новыхъ идей или, по крайней мѣрѣ, уговорить подчиняющееся его волѣ человѣчество въ томъ, что онъ исполняетъ роль орудія тѣхъ великихъ силъ, которыя таятся въ современныхъ народахъ. Что касается конституціонализма, то онъ уже отслужилъ свою службу, — Луи Наполеонъ въ свое время уже воспользовался стремленіемъ либеральной партіи къ участію въ дѣлахъ правленія, какъ средствомъ для того, чтобы завладѣть престоломъ; почему бы умному государственному человѣку не воспользоваться послѣ этого для своихъ политическихъ цѣлей еще одной идеей, сильно волновавшей молодое поколѣніе Европы, именно национальной? Наполеонъ оцѣнилъ эту идею совершенно правильно, не слишкомъ высоко и не слишкомъ низко; но ему были замѣтны не всѣ нити, которыми она связана съ народной душой. Онъ зналъ, что эта идея вытекаетъ нерѣдко изъ тщеславія и надменности, что привлеченіе народа къ участію въ государственныхъ дѣлахъ влечетъ за собою такое мнѣніе, будто концентрація національныхъ силъ составляетъ при всѣхъ обстоятельствахъ болѣе существенную задачу, чѣмъ сохраненіе независимости государствъ; онъ оцѣнилъ совершенно правильно ту поддержку, которую національная идея можетъ оказать ему въ борьбѣ противъ существующихъ государственныхъ учрежденій. Однако онъ не имѣлъ никакого представленія о моральной силѣ этой идеи: онъ не подозрѣвалъ того, что въ окончательномъ результатѣ она приведетъ къ образованію новыхъ государствъ и заставитъ дипломатовъ служить себѣ. Въ этомъ заключается причина, которая привела его карьеру къ трагическому концу; онъ оказался на политическомъ поприщѣ тѣмъ ученикомъ волшебника, который не могъ избавиться отъ вызванныхъ имъ же самимъ опасныхъ духовъ.

Его взоры давно уже были устремлены на Италію; мечты его юности воскресли вновь въ его душѣ въ новомъ видѣ и манили его сдѣлать Италію ареной для своихъ великихъ подвиговъ. Тѣмъ не менѣе для перваго опыта введенія національнаго принципа въ кругъ интересовъ европейскаго концерта онъ избралъ поприщемъ Востокъ, который еще раньше оказался наиболѣе благопріятной почвой для предпріятій Наполеона III. Во время переговоровъ объ урегулированіи управленія Дунайскими княжествами Турція вынуждена была признать права румынской націи, о которой она не имѣла почти никакихъ представленій. Турція не могла воспрепятствовать объединенію Молдавіи и Валахіи подъ общей властью полковника Александра Іоанна Кузы (29 января 1859 г.), который былъ провозглашенъ румынскимъ княземъ 17 февраля 1859 г., хотя по первоначальному предположенію каждое изъ обоихъ княжествъ должно было выбрать по особому находящемуся въ вассальной зависимости отъ султана господарю.

Во время этихъ событій новая война Сардинскаго королевства противъ Австріи съ цѣлью сверженія иноземнаго господства надъ Италіей была уже дѣломъ рѣшеннымъ. Торжество національной идеи въ Дунайскихъ княжествахъ, которое разрушало всѣ надежды Австріи на расширеніе ея владѣній до береговъ Чернаго моря и было, напротивъ того, постоянной угрозой для ея восточныхъ областей, служило оправданіемъ для распространенія національной политики на Италію. Феличе Орсини въ сообществѣ съ тремя другими лицами устроилъ покушеніе на жизнь императорской четы посредствомъ подброшенныхъ бомбъ, причемъ императорская чета осталась невредимой, но было убито 141 человѣкъ; говорятъ, что это покушеніе было однимъ изъ существенныхъ поводовъ, побудив-

шихъ Наполеона къ итальянской кампаніи. Онъ не устоялъ противъ страха предъ тѣми средствами, къ которымъ стала прибѣгать радикально-національная партія, особенно послѣ того, какъ Орсини умолялъ его предъ лицомъ смерти придти на помощь къ его угнетенному отечеству, и стало яснымъ, что покушеніе дѣйствительно было выраженіемъ общенароднаго негодованія итальянцевъ.

Въ такомъ же напряженномъ состояніи, какъ и остальная Италія, находились также и Сардинское королевство съ его династіей и его наиболѣе вліятельнымъ политическимъ дѣятелемъ, графомъ Камилло Кавуромъ (стр. 208), который былъ министромъ президентомъ короля Виктора Эмануила съ 4 ноября 1852 года. Сначала Кавуръ принадлежалъ къ умѣренной партіи, а затѣмъ вступилъ въ союзъ съ либералами, во главѣ которыхъ стояли Урбано Раттаци и Джіованни Ланца; въ то же время Кавуръ завязалъ сношенія съ разбросанными по всему Апеннинскому полуострову группами революціонной партіи. Онъ сумѣлъ распространить между главарями этой партіи такое убѣжденіе, что только Пьемонтско-Сардинское королевство можетъ послужить исходной точкой для объединенія Италіи. Винченцо Джіоберти, Даніэле Манинъ (стр. 232--233 и 237) и Джузеппе Гарибальди приняли программу Кавура и обѣщали ему свое содѣйствіе въ томъ случаѣ, если онъ начнетъ новую войну противъ Австріи. Кавуръ и итальянскій король были вполнѣ солидарны между собой и, не смущаясь, шли на встрѣчу этой войнѣ. такъ какъ они были увѣрены, что Наполеонъ не останется пассивнымъ зрителемъ новаго пораженія Италіи и вытекающаго изъ него расширенія могущества Австріи. Австрійское правительство дѣйствовало на руку Кавуру: оно отказалось отъ введенія въ Ломбардіи и Венеціи вполнѣ автономнаго и національнаго мѣстнаго управленія и прибѣгло къ суровымъ карамъ противъ аристократическихъ участниковъ Миланскаго возстанія 6 февраля 1853 года. Сардинское правительство пріютило эмигрантовъ, дало имъ почетныя мѣста и всѣми силами раздражало Австрію и вызывало ее къ нападенію. Въ Вѣнѣ слишкомъ поздно разгадали планы Савойской династіи и ея поборника; слишкомъ поздно догадалось австрійское правительство, что необходимо примирить населеніе Ломбардіи и Венеціи съ австрійскимъ господствомъ, которое носило исключительно характеръ военной оккупаціи, слишкомъ поздно былъ отправленъ въ Миланъ въ качествѣ вице-короля пріятный въ обращеніи и высокообразованный братъ императора эрцгерцогъ Максимиліанъ, — онъ не успѣлъ собрать около себя прежнихъ друзей Австріи и пріобрѣсть новыхъ. Кавуръ не давалъ успокоиться ломбардскому населенію, пользовался національнымъ союзомъ, какъ средствомъ для распространенія народнаго возбужденія по всей Италіи, безпрестанно натравливалъ печать противъ Австріи, такъ что австрійское правительство, наконецъ, было вынуждено отозвать своего посланника изъ Турина. Пьемонтъ тоже не замедлилъ своимъ отвѣтомъ на этотъ шагъ.

г) Война 1859 года.

Въ 1858 году въ курортѣ Пломбьерѣ между Наполеономъ III и Кавуромъ состоялось соглашеніе о томъ, что Франція получитъ округъ Савойю въ возмѣщеніе за присоединеніе Ломбардіи и Венеціи къ Сардинскому королевству, а за присоединеніе къ нему Пармы и Модены Франція выговорила себѣ уступку графства Ниццы. Савойскій домъ пожертвовалъ своей родовой областью ради возвеличенія могущества Италіи, національное объединеніе которой представляли себѣ въ это время въ видѣ тѣснаго союза государствъ, въ составъ котораго могли войти какъ папа, такъ и великій герцогъ тосканскій и король неаполитанскій.

Правительство сардинскаго королевства немедленно приступило къ военнымъ приготовленiямъ, для облегченiя которыхъ еще раньше было проложено около 400 километровъ желѣзныхъ дорогъ. Перваго января 1859 г. во время новогодняго прiема Наполеонъ далъ понять австрiйскому послу барону фонъ Гюбнеру въ недвусмысленныхъ выраженiяхъ о своемъ намѣренiи вмѣшаться въ итальянскiя дѣла; 17 января состоялась помолвка принца Жозефа Наполеона (Плонъ-Плонъ), сына Вестфальскаго короля Жерома, съ Клотильдой, дочерью Виктора Эмануила, и это родство царствующихъ домовъ повело къ еще болѣе тѣсному сближенiю Францiи съ Сардинiей. Въ этотъ моментъ было еще возможно предупредить войну, если бы Австрiя приняла посредническiя услуги Англiи и согласилась съ требованiемъ этой послѣдней державы, чтобы обѣ стороны немедленно приступили къ разоруженiю. Наполеонъ не рѣшался дѣйствовать вызывающимъ образомъ по отношенiю къ Англiи и 20 апрѣля рекомендовалъ Кавуру принять предложенiе этой державы. Между тѣмъ Вѣнскiй кабинетъ уже успѣлъ сдѣлать опрометчивый шагъ: онъ предъявилъ сардинскому правительству ультиматумъ съ требованiемъ отвѣта въ трехдневный срокъ и съ угрозой, что австрiйскiя войска вступятъ въ предѣлы Сардинскаго королевства, если правительство послѣдняго не дастъ обѣщанiя немедленно приступить къ разоруженiю, не требуя никакихъ обязательствъ отъ Австрiи. Такой поспѣшный образъ дѣйствiй былъ тѣмъ болѣе опасенъ, что Австрiя и сама не была настолько подготовлена къ войнѣ, чтобы немедленно двинуть въ Италiю всѣ свои военныя силы. Кавуръ уклонился отъ отвѣта на австрiйскiй ультиматумъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ принимаетъ посредническiя услуги Англiи; Францiя объявила, что она съ своей стороны тоже будетъ считать переходъ австрiйскихъ войскъ черезъ р. Тичино достаточнымъ поводомъ къ объявленiю войны. Несмотря на это, 30-го апрѣля 1859 года австрiйцы перешли черезъ Тичино.

Такимъ образомъ началась война, которая не привела къ особенному прославленiю ни одной изъ участвовавшихъ въ ней державъ, но внесла существенныя измѣненiя въ международныя условiя Европы. Прежде всего обнаружилось, что австрiйская армiя не стоитъ на высотѣ своей задачи: она оказалась очень отсталой въ своемъ вооруженiи, и даже ея военныя качества сильно понизились со времени походовъ 1848 и 1849 годовъ. Какъ хозяйственная, такъ и военно-техническая часть оказались весьма плохо поставленными. Отвѣтственные посты были заняты офицерами, не обладавшими достаточными специальными познанiями, а часто даже и вообще совершенно необразованными; на военной службѣ преимущество отдавалось всегда дворянамъ независимо отъ ихъ способностей; свѣтскiя манеры и высокомѣрное пренебреженiе къ опыту и знанiямъ ставились выше, чѣмъ военная доблесть. Австрiйскiе офицеры бряцали оружiемъ, но не научились пользоваться имъ. Австрiйскiй генеральный штабъ былъ очень высокаго мнѣнiя о своихъ достоинствахъ, но на дѣлѣ въ немъ было мало талантливыхъ людей, и способные люди не находили примѣненiя своимъ силамъ, если они не могли втереться въ тѣ кружки, которые присвоили себѣ право раздачи важнѣйшихъ должностей. Въ концѣ апрѣля 1859 года численность австрiйско-итальянской армiи доходила до 100 тысячъ человѣкъ слишкомъ, хотя на бумагѣ Австрiя должна была имѣть въ своемъ распоряженiи 520 тысячъ человѣкъ пѣхоты, 60 тысячъ человѣкъ кавалерiи и 1500 орудiй. Главнокомандующiй этой армiей графъ Францъ Гiулай былъ человѣкомъ почтеннымъ и не бездарнымъ, но не обладалъ никакимъ стратегическимъ талантомъ. Начальникъ его штаба, полковникъ баронъ Францъ Кунъ фонъ Куненфельдъ, очутился на театрѣ военныхъ дѣйствiй прямо со школьной скамьи, умѣлъ составлять всякаго рода замысловатые планы, но былъ неспособенъ къ послѣдовательному проведенiю одной и той же идеи и не доводилъ до конца ни одного изъ своихъ проектовъ.

Стотысячная армія Гіулая легко могла бы разбить тѣ 70.000 пьемонтцевъ и итальянскихъ добровольцевъ, которые были сосредоточены на рѣкѣ По. Французскіе генералы и одна единственная французская дивизія, которые прибыли въ Туринъ уже 26 апрѣля 1859 г., едва ли могли бы остановить отступленіе итальянцевъ изъ этого города, но главный штабъ австрійской арміи опасался, чтобы французскіе корпуса, высаживавшіеся въ Генуѣ, не обошли австрійцевъ съ тыла у рѣки По. Въ теченіе цѣлыхъ четырехъ недѣль Гіулай стоялъ безъ всякой цѣли въ Ломеллинѣ, области, расположенной между рѣками Тичино и Сезіей; только 23 мая онъ рѣшился произвести развѣдку по направленію къ Монтебелло, но не добылъ никакихъ свѣдѣній. Въ битвѣ при Палестро 30 мая онъ дался въ обманъ и не разгадалъ намѣреній Наполеона, который руководствовался главнымъ образомъ совѣтами генерала Ніеля: этотъ послѣдній задумалъ обойти австрійцевъ съ праваго фланга. Гарибальди съ своими вольными дружинами, состоявшими изъ трехъ-четырехъ тысячъ плохо вооруженныхъ людей, перешелъ черезъ рѣку Тичино на южной окраинѣ озера Лаго Маджіоре; по тому же направленію двинулся вслѣдъ за Гарибальди французскій корпусъ подъ начальствомъ генерала М. Э. П. Мориса де Макъ-Магона, а Ніель успѣлъ уже достигнуть Новары къ тому дню, когда произошло сраженіе при Палестро, и угрожалъ линіи отступленія Гіулая. Поэтому австрійскій главнокомандующій отступилъ обратно за рѣку Тичино. Онъ не замѣтилъ движенія Макъ Магона влѣво и былъ увѣренъ, что его правое крыло достаточно прикрыто подоспѣвшимъ изъ Тироля корпусомъ графа Эдуарда фонъ Кламъ-Галласа; въ такомъ заблужденіи онъ оставался вплоть до того момента, когда онъ принялъ бой при Навильо (3 іюня) и удержался на своей позиціи съ своимъ пятидесятитысячнымъ отрядомъ, выдержавшимъ натискъ 58.000 французовъ подъ командой самого императора Наполеона.

Между тѣмъ Макъ-Магонъ перешелъ черезъ рѣку Тичино около Турбиго, стѣснилъ Кламъ-Галласа и очутился вечеромъ 4 іюня 1859 г. на лѣвомъ флангѣ австрійцевъ около Мадженты. Такъ какъ командиры австрійскихъ корпусовъ сильно колебались, слѣдуетъ ли продолжать бой, то Гіулай оставилъ на слѣдующій день свою позицію, очистилъ Миланъ и отвелъ свою армію къ рѣкѣ Минчіо. Послѣ этого командованіе арміей принялъ лично императоръ Францъ-Іосифъ, который рѣшилъ двинуться опять впередъ къ рѣкѣ Кьезе со всей полевой арміей, которая вмѣстѣ съ подоспѣвшими подкрѣпленіями достигла численности въ 140.000 человѣкъ и позади которой оставалось еще 100 000 человѣкъ въ видѣ резервовъ и оккупаціонныхъ отрядовъ; императоръ слѣдовалъ совѣту генерала барона Вильгельма Рамминга фонъ Ридкирхена, который руководилъ военными дѣйствіями сообща съ престарѣлымъ фельдцейхмейстеромъ барономъ Генрихомъ фонъ Гессомъ. 24 іюня австрійцы столкнулись съ непріятелемъ, двигавшимся къ рѣкѣ Минчіо пятью колоннами, и неожиданно для обѣихъ сторонъ завязалось сраженіе при Сольферино, которое было одной изъ самыхъ кровопролитныхъ битвъ прошлаго столѣтія; оно закончилось отступленіемъ австрійцевъ несмотря на то, что на правомъ крылѣ фельдмаршалъ-лейтенантъ Людвигъ фонъ Бенедекъ одержалъ побѣду надъ пьемонтцами. Рѣдко случалось, чтобы такія громадныя скопленія войскъ — въ обѣихъ сражавшимся между собою арміяхъ было до 300 000 человѣкъ при 800 орудіяхъ — сталкивались между собою такъ непредвидѣнно и такъ неосмысленно, какъ это вышло въ тотъ разъ. Французская армія дѣйствовала безъ общаго плана сраженія, и австрійцы безъ большого затрудненія могли бы перетянуть побѣду на свою сторону, если бы у нихъ не чувствовалось того же самаго недостатка. Потери съ обѣихъ сторонъ оказались весьма значительными: у австрійцевъ выбыло изъ строя 12.000 убитыхъ и раненыхъ, у союзниковъ около 17.000; зато плѣнными и пропав-

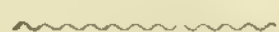
шими безъ вѣсти австрійцы потеряли 9.000, а противная сторона только 1.200 итальянцевъ, попавшихся въ плѣнъ.

Императоръ Наполеонъ еще не выигралъ кампаніи: онъ стоялъ съ ослабленной арміей передъ четырехугольникомъ крѣпостей Пескьера-Мантуа-Верона-Леньяго, который все еще оставался прикрытымъ двухсоттысячной австрійской арміей, къ которой подкрѣпленія могли подойти быстрѣй и въ большемъ числѣ, чѣмъ къ французамъ. Въ Южной Германіи пробудилось сильное сочувствіе къ единоплеменной Австріи; это народное чувство производило такое сильное давленіе на Германскій союзъ и на Пруссію, что каждую минуту можно было ожидать возникновенія воинственнаго движенія въ Германіи. Фридрихъ Вильгельмъ IV съ октября 1857 г. не принималъ участія въ государственныхъ дѣлахъ вслѣдствіе душевной болѣзни; съ 7 октября 1858 года прусскимъ королевствомъ управлялъ въ качествѣ принца-регента братъ короля Вильгельмъ. Онъ былъ очень привязанъ къ австрійскому императорскому дому и преклонялся предъ чувствомъ вѣрности германскихъ монарховъ къ союзу; поэтому онъ не рѣшался эксплуатировать беззастѣнчиво въ свою пользу стѣсненное положеніе сосѣдней имперіи; онъ не прибѣгалъ къ угрозамъ и не ставилъ Австріи тяжелыхъ условій съ цѣлью принудить ее къ уступкамъ въ пользу Пруссіи въ дѣлахъ, касающихся Германіи: онъ даже перемѣстилъ Бисмарка изъ Франкфурта въ С.-Петербургъ для того, чтобы этотъ общепризнанный противникъ привилегированнаго положенія Австріи въ Германскомъ союзѣ не производилъ никакого давленія на этотъ послѣдній. Принцъ-регентъ прусскій выжидалъ, какія предложенія послѣдуютъ со стороны Вѣнскаго двора. 7 прусскихъ армейскихъ корпусовъ ожидали уже приказа о мобилизаціи и были готовы двинуться на Рейнъ. Императоръ Францъ Іосифъ отправилъ въ Берлинъ князя Виндишгреца съ напоминаніемъ объ обязанности союза придти къ Австріи на помощь, хотя по точному смыслу союзныхъ договоровъ подобнаго рода обязательства не распространялись на Ломбардо-Венеціанское королевство; при всемъ томъ императоръ не рѣшался предоставить Пруссіи руководящую роль въ болѣе тѣсномъ Германскомъ союзѣ, или, по крайней мѣрѣ, разрѣшить ей основать Сѣверно-Германскую унію. Князь Виндишгрецъ былъ единомышленникомъ Феликса Шварценберга и не сумѣлъ сдѣлать перваго шага къ искреннему сближенію съ Пруссіей. Такимъ образомъ Австрія упустила благопріятный моментъ, въ который она могла бы принять участіе въ побѣдѣ надъ Франціей и бонапартизмомъ сообща съ соплеменными германскими государствами и обезпечить за собой мѣсто уважаемаго сочлена союза, существовавшаго цѣлую тысячу лѣтъ; а между тѣмъ въ то время отъ нея требовались гораздо менѣе значительныя жертвы, чѣмъ тѣ, которыя она понесла въ 1866 году.

Въ то время, какъ въ Берлинѣ еще шли переговоры по поводу рѣшеній, принимаемыхъ Германскимъ союзомъ, воюющія стороны уже пришли къ заключенію о необходимости положить конецъ войнѣ. Императоръ Наполеонъ узналъ, что настроеніе союзнаго сейма принимаетъ опасное для него направленіе, что Англія и Пруссія собираются обратиться къ нему съ посредническими предложеніями; поэтому онъ предложилъ императору Францу-Іосифу немедленно заключить перемиріе и предварительный мирный договоръ; послѣ того, какъ Австрія проиграла два сраженія, такой образъ дѣйствій казался съ виду очень умѣреннымъ. По предварительному мирному договору Австрія обязалась уступить Франціи Ломбардію съ тѣмъ условіемъ, что Франціи предоставлялось право переуступить эту область Сардинскому королевству; великому герцогу Тосканскому и герцогу Моденскому было разрѣшено возвратиться въ свои владѣнія, но договаривающіяся державы не приняли на себя обязательства вернуть ихъ обоихъ къ власти; Австрія дала свое согласіе на учрежденіе

Итальянскаго союза. Когда императоръ Францъ Іосифъ выразилъ желаніе, чтобы Пескьера и Мантуа остались во власти Австріи, то оно было немедленно удовлетворено. 8 іюля были окончательно утверждены условія перемирія, а 11 іюля былъ подписанъ въ Виллафранкѣ предварительный мирный договоръ. Оффиціальное описаніе войны 1859 года, составленное австрійскимъ генеральнымъ штабомъ, пытается объяснить готовность австрійскаго императора къ заключенію мира военными соображеніями и выдвигаетъ на первый планъ различныя препятствія къ продолженію военныхъ дѣйствій, невозможность собрать еще одну армію на Верхнемъ Рейнѣ, какъ этого потребовалъ бы, вѣроятно, Германскій союзъ. Однако всѣ эти соображенія не затрагиваютъ сути дѣла. Если бы Пруссія объявила Франціи войну отъ своего собственнаго имени, безъ вѣдома союза, исключительно на основаніи соглашенія съ Австріей и перебросила бы съ Рейна на французскую границу въ четырехнедѣльный срокъ 150.000 человѣкъ, то положеніе австрійской арміи въ Италіи не внушало бы больше никакихъ опасеній. Наполеонъ не остался бы подъ Вероной, если бы пруссаки двинулись по небезызвѣстной имъ дорогѣ на Парижъ.

Когда графу Кавуру стали извѣстны условія мирнаго договора, то онъ немедленно подалъ въ отставку; онъ опасался, что освобожденіе Италіи „вплоть до Адріатическаго моря" отложено на долгое время; Викторъ Эмануилъ, напротивъ того, подписалъ мирный договоръ безъ всякаго смущенія. Онъ успѣлъ заглянуть въ карты своего свата Луи Наполеона въ то время, какъ они вмѣстѣ были въ походѣ; самъ Викторъ Эмануилъ былъ лучшимъ офицеромъ, чѣмъ Луи Наполеонъ, и могъ убѣдиться, что племянникъ не унаслѣдовалъ военныхъ талантовъ своего дяди; было ясно, что Наполеонъ III отнесется пассивно ко многому такому, что ему вовсе не по душѣ, такъ какъ онъ не рѣшится на слишкомъ смѣлый образъ дѣйствій. Во все время своего пребыванія въ Петербургѣ Бисмаркъ сильно терзался изъ опасенія въ томъ, что „прусская политика повернетъ на австрійскій фарватеръ"; онъ почувствовалъ, что гора скатилась у него съ плечъ, какъ только онъ узналъ, что Австрія отказалась даже отъ объявленія войны Пруссіи. Въ этотъ моментъ передъ нимъ вновь встала возможность „исцѣлить недостатки въ отношеніяхъ между Пруссіей и Союзомъ огнемъ и мечемъ (igni et ferro)", и эту свою мысль онъ поспѣшилъ высказать уже 12 мая 1859 года въ своемъ достопамятномъ письмѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Александру фонъ Шлейницу.

Итальянская война 1859 года не намѣчаетъ собой новой эпохи во внѣшней исторіи Европы: въ моментъ заключенія Цюрихскаго мирнаго договора (11 ноября) дѣйствительность уже опередила созданныя этой войной международныя отношенія. Даже само Сардинское королевство отказалось отъ участія въ „Итальянскомъ союзѣ". „Сицилійскія провинціи", Романья, Парма, Модена и великое герцогство Тосканское находились подъ властью правительства, учрежденнаго партіей итальянской независимости, и домогались присоединенія къ королевству Савойской династіи. Съ 20 января 1860 года Кавуръ опять сталъ первымъ совѣтникомъ короля. Италія еще раньше была подготовлена къ торжеству національной идеи; вопросъ о преобразованіи Германскаго союза тоже былъ отложенъ только на короткое время.

Какъ разъ въ это время исторія произнесла свой приговоръ надъ другимъ весьма важнымъ историческимъ явленіемъ, надъ политической и церковной реакціей. Еще не прошло и десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Феликсъ Шварценбергъ столкнулъ австрійское государство съ естественнаго пути его развитія, отвергъ народныя права и вмѣсто совѣ-

товъ избранныхъ народныхъ представителей открылъ широкiй доступъ нашептыванiямъ iезуитовъ; за этотъ короткiй промежутокъ времени уже обнаружилось, что этотъ путь ни въ коемъ случаѣ не ведетъ къ развитiю внутреннихъ силъ государствъ; обновленная въ 1849 году и доказавшая къ всеобщему изумленiю свое право на существованiе Австрiя погрузилась опять въ позорное безсилiе. Небо, полномочнымъ намѣстникомъ котораго Австрiя признала папу, не пришло къ ней на помощь; ей пришлось искать опоры въ нравственныхъ силахъ подвластныхъ ей народовъ, которые уже доросли до политической зрѣлости.

III. Объединеніе Италій и Германіи (1859—66).

Соч. Д-ра **Генриха Фридъюнга.**

1. Предварительныя замѣчанія.

Величайшее политическое событіе XIX столѣтія, это—одновременное возстановленіе государственнаго единства германскаго и итальянскаго народовъ. Политическія отношенія, существовавшія въ Европѣ, измѣнились въ эту эпоху болѣе стойко и болѣе рѣзко, чѣмъ послѣ какого бы то ни было другого событія со времени созданія имперіи Карла Великаго. Національное чувство такъ же старо, какъ и самыя націи, и на всемъ протяженіи исторіи обоихъ народовъ, германскаго и итальянскаго, почти въ каждомъ человѣческомъ поколѣніи встрѣчаешь гордые или заунывные призывы къ возрожденію. Этотъ рядъ идетъ, почти не прерываясь, отъ Данте и Петрарки до Маккіавелли, Юлія II („Вонъ варваровъ изъ Италіи!“), и дальше до Альфіери и Уго Фосколо. То же самое происходило и въ Германіи. Только призывы нѣмецкихъ писателей эпохи возрожденія, сначала Гуттена, а затѣмъ Пуффендорфа и Клопштока, никогда не звучали такъ страстно, потому что германская нація, даже во время ея политическаго раздробленія, была настолько сильна, что всегда могла отразить господство иноземцевъ. Въ довершеніе всего духовный расцвѣтъ XVIII вѣка оживилъ національное чувство. Въ отдѣльныхъ германскихъ племенахъ проснулось сознаніе общности германскаго народа. Духовная культура германцевъ осталась бы, однако, какъ говоритъ Давидъ Штраусъ въ своемъ письмѣ къ Эрнесту Ренану, пустымъ орѣхомъ, если-бы на ея почвѣ не созрѣло національное государство. Надо помнить, что какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи, носителемъ идеи объединенія былъ образованный классъ населенія. Основаніе и распространеніе всемірнаго хозяйства благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ и вообще громадному улучшенію путей сообщенія дало въ то время сильный толчекъ національнымъ стремленіямъ; эти пути сблизили между собою отдѣльныя части германскаго и итальянскаго народовъ. Къ ученымъ и писателямъ примкнулъ фабрикантъ, который сбывалъ свои произведенія за предѣлами своего маленькаго политическаго отечества, и купецъ, котораго стѣсняли таможенныя преграды. Прошло много времени, пока это движеніе не затронуло государственныхъ людей и военнаго сословія. Въ Германіи большинство высшихъ сановниковъ и офицеровъ оставалось на сторонѣ партикуляризма, пока Пруссія не выступила поборникомъ національнаго единства.

Въ Италіи, до нѣкоторой степени, дѣло обстояло не такъ; среди генераловъ и офицеровъ созданнаго Наполеономъ итальянскаго войска успѣло окрѣпнуть убѣжденіе въ томъ, что сильная единая воля въ государствѣ необходима для воспитанія ихъ родного народа. Въ ихъ средѣ зародилось, по преимуществу, возстаніе 1821 года. Такимъ же образомъ офицеры армій маленькихъ итальянскихъ государствъ тоже перешли большею частью на сторону короля Виктора Эммануила въ промежутокъ времени

между 1859 и 1861 гг. Только напослѣдокъ движеніе охватило также и народныя массы. И теперь еще во многихъ частяхъ Италіи народныя массы относятся равнодушно къ новому политическому строю, а въ южной Германіи и Ганноверѣ, мѣстами даже и на Рейнѣ, въ народѣ преобладаютъ партикуляристическія тенденціи. Когда Гарибальди выступилъ противъ войска короля неаполитанскаго, рядовые солдаты неаполитанской арміи были готовы сражаться за своего короля, но имъ измѣнили ихъ генералы и ихъ офицеры. Не подлежитъ сомнѣнію, что низшіе классы населенія Неаполитанскаго королевства были вполнѣ привержены къ неаполитанскимъ Бурбонамъ. Католическое духовенство Италіи раздѣлилось: верхи были сторонниками стараго порядка, а низшее духовенство сочувствовало національному движенію. Нищенствующіе монахи Сициліи были фанатическими поклонниками Гарибальди. Когда неаполитанскій генералъ Боско выступилъ въ походъ противъ Гарибальди, онъ вынужденъ былъ предупредить солдатъ въ дневномъ приказѣ, чтобы они не поддавались на исповѣди увѣщаніямъ своихъ духовниковъ, а сохраняли непоколебимую вѣрность королю. Тяжелое испытаніе пришлось пережить Пію IX: въ 1862 году ему была представлена петиція, подписанная 8493 священниками, въ которой его просили не ставить препятствій къ объединенію Италіи.

Новое національное движеніе въ пользу государственнаго единства зародилось въ началѣ XIX столѣтія въ Германіи, этомъ очагѣ новыхъ идей. Но не потокъ внутренняго развитія далъ толчекъ этому движенію; этимъ толчкомъ послужили внѣшнія событія, именно военный деспотизмъ Наполеона. Германская нація пришла къ сознанію, что только при полномъ единодушіи она можетъ отстоять свою независимость и что государственное единство есть необходимая гарантія этой независимости. Величайшимъ поборникомъ идеи Германской имперіи съ императоромъ во главѣ явился баронъ фонъ Штейнъ. Однако-же для него и его друзей сверженіе иноземнаго господства, само собою понятно, казалось на первыхъ порахъ болѣе важнымъ, чѣмъ формальное объединеніе. Въ памятной запискѣ, которую онъ подалъ въ 1812 году русскому царю, онъ указывалъ, что нѣтъ болѣе возможности возстановить древнюю имперію Оттоновъ и Штауфеновъ, и предлагалъ подѣлить всю Германію между обѣими великими державами, Пруссіей и Австріей, признавъ границей между ними рѣку Майнъ. Надо думать, что Штейнъ считалъ такое рѣшеніе только компромиссомъ, соотвѣтствовавшимъ наличнымъ обстоятельствамъ. „У меня только одно отечество—оно называется Германіей“,—писалъ онъ графу Э. Фр. Герб. Мюнстеру 1-го декабря 1812 года,—„и такъ какъ я, согласно исконной конституціи его, принадлежу только этому государству, а не какой-либо части его, то я всей душой преданъ только ему, этому государству, а не какой-либо части его. Въ настоящій моментъ, когда зарождаются великія теченія, я совершенно равнодушенъ къ судьбѣ династій. Онѣ только орудія“. Дѣятельность Штейна на Вѣнскомъ конгрессѣ, на которомъ онъ развивалъ идею объ имперіи, управляемой императоромъ и рейхстагомъ, къ сожалѣнію, безъ всякаго результата, осталась великимъ прообразомъ для послѣдующаго поколѣнія. Очагомъ національной идеи стала Германія, а проповѣдниками ея были нѣмецкіе поэты: Арндтъ, Уландъ, Кернеръ и Рюккертъ. Наполеонъ, съ своей стороны, вызвалъ броженіе среди итальянцевъ и поляковъ: онъ соединилъ, по крайней мѣрѣ, среднюю и верхнюю Италію, кромѣ Пьемонта, въ королевство Италію, и тѣмъ вызвалъ къ жизни идею національнаго объединенія среди итальянцевъ; поляковъ онъ прельщалъ заманчивой перспективой возстановленія Польскаго государства. Замѣчательно, что первый призывъ къ объединенію исходилъ отъ Мюрата, который старался склонить на свою сторону итальянскую націю, когда онъ выступилъ въ 1815 году въ походъ противъ австрійцевъ: онъ поручилъ болонскому профессору де Росси, бывшему впослѣдствіи, въ 1848 году, либераль-

нымъ министромъ папы и убитому во время народныхъ волненій (стр. 260), составить воззваніе на тему итальянскаго объединенія. Впослѣдствіи народы австрійской имперіи также восприняли эти національныя стремленія изъ Германіи.

Между Германіей и Италіей существовало то различіе, что въ Германіи имѣлась историческая основа, съ которой связывались стремленія къ объединенію, именно Германская имперія прежнихъ вѣковъ, между тѣмъ какъ въ Италіи со времени древнихъ римлянъ не существовало никакого государственнаго единства. Въ Италіи національное единство было чѣмъ-то не историческимъ, не имѣвшимъ никакихъ корней въ прошломъ; до средины XIX столѣтія „муниципальный духъ“ преобладалъ повсюду на Апеннинскомъ полуостровѣ. Когда въ 1848 году въ Пьемонтскую армію было принято много офицеровъ, уроженцевъ другихъ областей Италіи, то солдаты долгое время дѣлали различіе между своими „пьемонтцами“ и „итальянцами“. Когда 15000 пьемонтцевъ было отправлено въ Крымъ для участія въ кампаніи вмѣстѣ съ французами и англичанами, то большинство изъ нихъ въ первый разъ услышало, что иностранцы называютъ ихъ итальянцами. Кромѣ того въ Германіи приходилось объединять цвѣтущіе и прочные государственные организмы; въ Италіи, напротивъ того, надо было разрушить гнилыя и нежизнеспособныя правительства Церковной области, Неаполитанскаго королевства и др. Въ Германіи приходилось считаться съ громадными силами, съ соперничествомъ двухъ великихъ державъ; кромѣ нихъ, существовало еще значительное число меньшихъ государствъ, процвѣтавшихъ и способныхъ къ развитію. Италія, напротивъ того, находилась подъ властью австрійцевъ, которыхъ итальянцы называли „тедески“ т. е. нѣмцами; при этомъ итальянцы поневолѣ должны были признаться, что правильное управленіе и законодательство существовали только въ тѣхъ областяхъ Италіи, которыя находились подъ властью дома Габсбурговъ, именно въ австрійскихъ областяхъ и въ Тосканѣ; эти области сильно опередили даже Пьемонтъ. Кромѣ того итальянцамъ приходилось бороться съ громаднымъ препятствіемъ: папство, какъ свѣтская держава, противилось ихъ объединенію.

2. Объединеніе Италіи.

A. Краткій обзоръ первой половины XIX столѣтія.

а) Эпоха заговоровъ.

Возстаніе 1821 года въ Неаполѣ и Пьемонтѣ, равно какъ и возстаніе 1831 года въ Романьѣ (см. стр. 184), имѣли цѣлью введеніе парламентарныхъ формъ правленія въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ борьбу за національное объединеніе. Въ то время идея политической свободы дѣйствовала на умы сильнѣе, чѣмъ національная идея. Среди замысловъ тайнаго союза карбонаріевъ объединеніе Италіи было отодвинуто на задній планъ. Сторонники генуэзца Іосифа Мадзини (1805—1872; ср. стр. 218) приписываютъ ему ту славу, что онъ первый послѣдовательно проводилъ до конца идею политическаго объединенія Италіи и что этотъ борецъ, исполненный самаго пылкаго воодушевленія и непоколебимый несмотря ни на какія неудачи, посвятилъ этой идеѣ всю свою жизнь. „Я первый сталъ учить итальянцевъ лепетать слово „объединеніе“ — такъ выразился онъ однажды послѣ войны 1859 г. Въ 1830 г. онъ былъ арестованъ пьемонтскимъ правительствомъ, какъ членъ общества карбонаріевъ, и ему пришлось просидѣть долгое время въ заключеніи въ крѣпости Савонѣ; тутъ, въ своей арестантской камерѣ, онъ задумалъ основать союзъ подъ именемъ „Молодая Италія“, цѣлью котораго должно было быть основаніе итальянской республики. Какъ вѣрующій и ми-

стикъ онъ избралъ своимъ девизомъ „Богъ и народъ!". О томъ, что испытывала его душа въ тюрьмѣ, онъ впослѣдствіи выражался такимъ образомъ: „Передъ моимъ воображеніемъ рисовался Римъ, несущій всѣмъ народамъ общую цѣль въ политической жизни и основы новой религіи во имя Бога и республиканской Италіи. Я видѣлъ, какъ истомленная Европа отвернулась отъ постылаго скептицизма, эгоизма и анархіи и восприняла съ криками воодушевленія новую вѣру. Вотъ какія мысли приходили мнѣ въ голову въ моей маленькой камерѣ въ Савонѣ". Онъ не останавливался ни предъ какимъ средствомъ, начиная отъ заговоровъ и кончая убійствомъ. Всѣ возстанія и заговоры, которые онъ замышлялъ, не удавались. Онъ чувствовалъ тяжелыя угрызенія совѣсти, когда задавалъ себѣ вопросъ, имѣетъ ли онъ право посылать на смерть и на многолѣтнее заключеніе столько даровитыхъ товарищей; вотъ чѣмъ онъ себя успокаивалъ: только такими средствами, думалъ онъ, можно будить народъ и не дать заснуть народнымъ идеаламъ. Члены его тайнаго союза должны были дать слѣдующую клятву: „Клянусь краской стыда, которая покрываетъ мое лицо, когда я стою передъ гражданами другихъ странъ и убѣждаюсь, что у меня нѣтъ ни правъ гражданина, ни отечества, ни національнаго знамени . . . Клянусь слезами итальянскихъ матерей по ихъ сыновьямъ, погибшимъ на эшафотѣ, въ тюрьмѣ или въ изгнаніи, что я навѣки и всецѣло посвящу себя единственной цѣли — всѣми зависящими отъ меня средствами стремиться создать единую, свободную, независимую республиканскую Италію".

Этотъ тайный союзъ распространился по всей Италіи и повсюду, гдѣ только жили итальянцы. Джузеппе Гарибальди въ первый разъ услыхалъ о немъ въ 1833 году. Въ качествѣ капитана маленькаго торговаго судна пріѣхалъ онъ въ Таганрогъ на Черномъ морѣ; разъ сидѣлъ онъ въ гостиницѣ и подслушалъ разговоръ неизвѣстныхъ ему моряковъ и купцовъ за сосѣднимъ столомъ. „Безъ сомнѣнія Колумбъ не испытывалъ такого полнаго удовлетворенія, когда онъ открылъ Америку, какое испыталъ я, когда открылъ человѣка, который стремился къ освобожденію моего отечества". Онъ сталъ искреннимъ другомъ пламеннаго оратора этой компаніи, котораго звали Кунео, и съ рекомендаціей отъ Кунео поспѣшилъ къ Мадзини, который жилъ тогда въ Марсели и оттуда направлялъ свои заговоры. Въ февралѣ 1834 года Гарибальди принялъ участіе въ одномъ изъ неудачныхъ возстаній, былъ присужденъ къ смертной казни и эмигрировалъ въ Аргентину, гдѣ и пріобрѣлъ свой первый опытъ въ военномъ дѣлѣ. Долгое время онъ оставался подъ руководствомъ Мадзини, хотя никогда не сходился съ нимъ близко, такъ какъ это были слишкомъ несходныя натуры. Гарибальди называлъ генуэзца „вторымъ непогрѣшимымъ"; но онъ цѣнилъ его такъ высоко, что въ 1864 г. на банкетѣ въ честь Мадзини въ Лондонѣ онъ назвалъ его своимъ учителемъ.

б) Зачатки конституціональнаго объединительнаго движенія.

Мадзини стоялъ въ центрѣ итальянскаго движенія только до 50-ыхъ годовъ. Съ этихъ поръ въ жизни его народа обнаружились признаки оздоровленія; такъ какъ все среднее сословіе стало на сторону борьбы за свободу, то тайные заговоры потеряли свое значеніе, и на всю эту игру въ секты махнули рукой (реакціонеры тоже образовали въ противовѣсъ противъ карбонаріевъ и молодой Италіи тайный союзъ санфедистовъ, т. е. блюстителей святой вѣры, ср. стр. 185). Общественная жизнь стала принимать болѣе крупныя очертанія. Односторонній слѣпой республиканизмъ пересталъ быть исключительнымъ лозунгомъ; вожаки движенія стали считаться съ фактическимъ положеніемъ дѣлъ, и пьемонтцы прежде всѣхъ другихъ итальянцевъ стали работать надъ созданіемъ конституціонной монархіи. Мадзини, напротивъ того, ненавидѣлъ Савойскій домъ, какъ и всякую

другую династію; два раза онъ устраивалъ заговоры противъ Пьемонта и былъ присужденъ пьемонтскимъ правительствомъ къ смертной казни.

Новыя идеи зародились въ Пьемонтѣ. Одушевленный высокими чувствами священникъ Винченцо Джіоберти выставилъ слѣдующую программу: вся Италія должна соединиться подъ главенствомъ папы и избрать его вождемъ въ своей борьбѣ за независимость. Цѣлый рядъ пьемонтскихъ дворянъ, — графъ Чезаре Бальбо, маркизъ Массимо д'Азельо и знаменитѣйшій изъ нихъ графъ Камилло Кавуръ, — были преисполнены тѣмъ убѣжденіемъ, что главенство надъ Италіей должно достаться на долю конституціоннаго Пьемонта. Всѣ они были воспитаны въ атмосферѣ консервативныхъ убѣжденій, подъ сильнымъ обаяніемъ монархической власти, въ твердой вѣрѣ, что въ войскѣ и бюрократіи Пьемонта таится сила, достойная преклоненія. Во время революціи 1848 года сказалась вся путаница еще не опредѣлившихся противоположныхъ теченій; общимъ интересомъ была только борьба противъ иноземнаго господства. Всѣ разочаровались въ той надеждѣ, что папа Пій станетъ убѣжденнымъ поборникомъ великой идеи національнаго объединенія. Во время революціи 1848 года федералистическая идея была еще преобладающей. Венеція и Римъ, которыми управляли Даніэль Манинъ и Мадзини, объявили себя самостоятельными республиками; даже Ломбардія присоединилась весьма неохотно къ Сардиніи. Де Росси, министръ папы, домогался только союза верховныхъ правителей Италіи, но не желалъ единаго парламента. Въ Пьемонтѣ сословіе буржуазіи недовѣрчиво косилось на сторонниковъ монархическаго милитаристическаоо режима, и Кавуръ, отстаивавшій авторитетъ королевской власти, въ 1849 году былъ однимъ изъ самыхъ непопулярныхъ людей. Уже тогда онъ выступилъ въ качествѣ противника Урбана Раттацци, который черезъ короткое время сталъ лидеромъ буржуазной партіи. Между тѣмъ Радецкій овладѣлъ Италіей силой оружія (стр. 236), а Наполеонъ, тогдашній президентъ французской республики, уничтожилъ Римскую республику, потому что онъ не хотѣлъ дать австрійцамъ повода завладѣть всей Италіей. Гарибальди защищалъ Римъ съ геройствомъ, а въ теченіе нѣкотораго времени и съ успѣхомъ. (См. стр. 260; на мѣстѣ этихъ достопамятныхъ военныхъ подвиговъ на Яникульскомъ холмѣ воздвигнутъ ему теперь колоссальный памятникъ). Эти военные подвиги сдѣлали Гарибальди любимцемъ народа, между тѣмъ какъ республиканскія фразы Мадзини мало по малу пріѣлись благоразумнымъ итальянцамъ.

Битвы 1848—1849 г. убѣдили итальянцевъ, что только Пьемонтъ могъ бы осмѣлиться выступить въ открытомъ бою противъ австрійской арміи. Король Карлъ-Альбертъ палъ очевидной жертвой за объединеніе Италіи; надломивъ свои силы, онъ отказался отъ престола и умеръ въ португальскомъ монастырѣ. Сынъ его Викторъ-Эмануилъ былъ единственнымъ изъ итальянскихъ монарховъ, который остался вѣрнымъ конституціи, данной имъ народу въ 1848 году, и на немъ сосредоточились всѣ надежды итальянцевъ. Въ 1852 году Кавуръ далъ первое удовлетвореніе своему ненасытному, но законному честолюбію; онъ вошелъ въ сношенія съ Раттацци и съ буржуазными либералами и сталъ во главѣ правительства. Вскорѣ онъ рѣшился открыто назвать Пьемонтъ передовымъ бойцомъ въ предстоящей войнѣ за независимость, хотя незадолго передъ тѣмъ это государство перенесло тяжелое пораженіе. Онъ заимствовалъ свое оружіе изъ арсенала тѣхъ умныхъ министровъ, которые помогли въ XVIII столѣтіи герцогамъ савойскимъ сохранить свою независимость, лавируя между Франціей и Австріей. Онъ унаслѣдовалъ старинную политику Савойскаго дома, но приспособилъ ее къ болѣе широкимъ національнымъ идеямъ своего времени; онъ завязалъ сношенія и вступилъ въ союзъ съ тѣмъ человѣкомъ, котораго итальянскіе республиканцы ненавидѣли до глубины души и на жизнь котораго республиканскіе заговорщики неоднократно посягали.

в) Вмѣшательство Наполеона III и отставка Кавура.

Можно задаться вопросомъ, не сказалась ли въ Бонапартахъ итальянская кровь, когда Наполеонъ I создалъ въ 1805 году королевство Италію и когда его племянникъ вступилъ въ 1830 году въ члены итальянскаго тайнаго общества и, наконецъ, ставши императоромъ подъ именемъ Наполеона III, вступилъ съ Кавуромъ въ союзъ для освобожденія Италіи?

Весьма возможно; но все же племянника толкали къ заключенію упомянутаго союза, безъ сомнѣнія, прежде всего побужденія дипломатическаго свойства и жажда власти. Уничтожить плоды Вѣнскаго конгресса было для него завѣтомъ его великаго дяди, тѣмъ болѣе въ Италіи, въ которой Австрія оказалась наслѣдницей Франціи. Когда Наполеонъ III взялъ на себя роль поборника національной идеи, то Франція пріобрѣла всеобщія симпатіи. Въ глубокихъ тайникахъ души Наполеона III скрывалось, однако, намѣреніе присоединить къ Франціи Бельгію и Савойю и включить въ составъ своей имперіи всю ту часть европейскаго населенія, которая говоритъ на французскомъ языкѣ. Напротивъ того, онъ не рѣшался наложить свою руку на Рейнскія провинціи, такъ какъ онъ боялся отпора со стороны нѣмцевъ, которыхъ онъ называлъ расой будущаго. Онъ добивался освобожденія Италіи отъ австрійскаго владычества исключительно для того, чтобы взять ее подъ свою опеку; поэтому онъ открещивался отъ мысли о политическомъ объединеніи Апеннинскаго полуострова. Въ своихъ переговорахъ съ Кавуромъ въ Пломбьерѣ (стр. 297) онъ соглашался только, чтобы владѣнія сардинской короны были расширены и составили Сѣверно-итальянское королевство съ населеніемъ въ 10 — 12 милліоновъ жителей. Предполагалось кромѣ того, образовать средне-итальянское королевство изъ Тосканы и большей части Церковной области. Это королевство, равно какъ и неаполитанское, должны были остаться независимыми; папѣ предполагалось оставить только городъ Римъ съ ближайшими окрестностями; въ видѣ вознагражденія за умаленіе его свѣтскихъ владѣній папѣ предоставлялся санъ предсѣдателя союза итальянскихъ государствъ. Наполеонъ имѣлъ въ виду назначить королемъ средней Италіи своего двоюроднаго брата Жозефа, по прозвищу Жерома, но умолчалъ объ этомъ предъ Кавуромъ, а намекнулъ только, что онъ хотѣлъ бы назначить неаполитанскимъ королемъ сына короля Мюрата. Въ вознагражденіе за помощь оружіемъ императоръ выговорилъ себѣ при этомъ уступку Савойи и Ниццы.

Въ войнѣ 1859 года счастье было на сторонѣ союзниковъ, но тѣмъ не менѣе Италію постигъ страшный ударъ: Наполеонъ, встревоженный военными приготовленіями Пруссіи, заключилъ 11 іюля 1859 года съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ сепаратный прелиминарный мирный договоръ въ Виллафранкѣ; такимъ образомъ онъ отчасти нарушилъ свое обѣщаніе. Такъ какъ Венеція осталась за Австріей, то лживой оказалась слѣдующая прокламація, выпущенная имъ при открытіи военныхъ дѣйствій 3-го мая: „надо освободить всю Италію отъ Альпійскихъ горъ до Адріатическаго моря“. Кавуръ чувствовалъ себя жертвой измѣны и предательства. Передъ самымъ началомъ войны его давнишній противникъ Мадзини издѣвался надъ его политикой и предостерегалъ итальянцевъ, что незачѣмъ мѣнять господство Австріи на опеку Франціи. Поведеніе стараго заговорщика было нетактично, но событія оправдали его предсказанія о томъ, что Наполеонъ обманетъ итальянцевъ. Страстная натура Кавура, которую онъ еле сдерживалъ подъ своей не то благодушной, не то саркастически-дипломатической маской, съ силой вырвалась наружу. Онъ бросился въ главную квартиру Виктора-Эмануила и сталъ требовать отъ него, чтобы онъ отказался отъ престола, какъ его отецъ Карлъ-Альбертъ, для того, чтобы обнаружить передъ всѣмъ свѣтомъ безчестное поведеніе Наполеона. Манеры Кавура были настолько бурны,

что разговоръ быстро перешелъ въ рѣзкую ссору. Кавуръ немедленно вышелъ въ отставку: это было самое умное, что онъ могъ сдѣлать,— укоры въ измѣнѣ, которые готовила противъ него республиканская партія, лишились всей своей остроты. Онъ далъ волю накопившейся въ немъ досадѣ въ бесѣдѣ съ сенаторомъ Іоахимомъ Піетри, довѣреннымъ Наполеона; онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ и открыто бросилъ Наполеону въ лицо обвиненіе въ обманѣ. „Вашъ императоръ обезчестилъ меня!", вскричалъ онъ: „да, милостивый государь, обезчестилъ, обезчестилъ онъ меня. Боже мой! онъ далъ мнѣ слово, обѣщалъ мнѣ не прекращать войны раньше, чѣмъ не выгонитъ окончательно австрійцевъ изъ Италіи. Въ вознагражденіе онъ вытребовалъ себѣ Ниццу и Савойю. Я убѣдилъ своего короля принять это условіе, принести эту жертву для Италіи. Мой король, мой добрый, честный король, повѣрилъ моему слову и уступилъ, а вотъ теперь вашъ императоръ запряталъ въ карманъ свою получку, а насъ оставилъ обобранными ... Я обезчещенъ передъ своимъ королемъ, но",—прибавилъ Кавуръ,—„изъ этого мира ничего не выйдетъ, этотъ договоръ не будетъ приведенъ въ исполненіе".

Одной изъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ Наполеонъ такъ торопился съ заключеніемъ мира, было опасеніе въ томъ, что итальянцы перешагнутъ за его первоначальныя намѣренія и добьются политическаго объединенія. Какъ ни распинался Кавуръ въ искренности пьемонтской политики, онъ, въ сущности, съ своей стороны тоже хотѣлъ перехитрить императора. Благодаря его интригамъ и агитаціи дѣйствовавшаго подъ его вліяніемъ національнаго союза возмутились противъ папы Парма, Модена и Романья, а изъ Тосканы, Марокъ и Умбріи были изгнаны представители власти, и вездѣ народъ требовалъ присоединенія къ единой Италіи. Конечно, по требованію Наполеона, Кавуръ отклонилъ всѣ эти предложенія, но онъ не отказался отъ званія главнаго начальника надъ вольными дружинами, которыя образовались повсюду. Наполеону необходимо было, во что бы то ни стало, пріостановить этотъ потокъ. Вотъ почему онъ такъ торопился съ заключеніемъ перемирія; вотъ почему въ Цюрихскомъ мирномъ договорѣ 10-го ноября 1859 года былъ вставленъ пунктъ, согласно которому Сардинское королевство пріобрѣтаетъ Ломбардію, но впредь не должно расширять своей территоріи.

Въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ предполагалось возстановить прежній порядокъ, если только населеніе на это согласится, а Церковная область (это подразумѣвалось само собою) должна была вновь быть отдана подъ власть папы. Всѣ итальянскія государства должны были составить конфедерацію, въ составъ которой хотѣла вступить и Австрія, какъ представительница Венеціи. Итальянцы стали жертвой самаго дикаго произвола, и возмущенный Кавуръ сказалъ, уходя въ отставку: „ну, они заставятъ меня употребить весь остатокъ моихъ дней на заговоры". И въ послѣднихъ письмахъ, которыя онъ писалъ передъ своимъ выходомъ въ отставку, онъ втайнѣ поощрялъ руководителей національнаго движенія въ средней Италіи, уговаривалъ ихъ запасаться оружіемъ и деньгами, не терять духа и не поддаваться требованіямъ Наполеона.

Б) Министерство Раттацци.

Преемникъ Кавура, Раттацци (стр. 308), былъ краснорѣчивымъ и ловкимъ адвокатомъ; онъ былъ покладистъ, а потому нравился королю больше, чѣмъ Кавуръ: у него было больше способности къ краснорѣчію и интригамъ, чѣмъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; Кавуръ когда-то мѣтко выразился о немъ, что онъ первый изъ политическихъ дѣятелей второго сорта. Согласно съ народнымъ голосованіемъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Джузеппе Дабормида, заявилъ уже 23-го іюля, что Сардинія никогда не

вступить въ итальянскую конфедерацію, въ составъ которой войдетъ и Австрія. Этого требовала элементарная забота о самосохраненіи, такъ какъ въ подобномъ союзѣ, въ который Пьемонтъ вступилъ бы вслѣдъ за Австріей, папой и Неаполитанскимъ королемъ, Пьемонтъ всегда оставался бы въ меньшинствѣ.

Новый кабинетъ держался неувѣренно и обнаруживалъ по отношенію къ Наполеону такую уступчивость, что не дѣлалъ ни шагу безъ его согласія. Тѣмъ очевиднѣе становится тотъ фактъ, что дѣло объединенія зависѣло не отъ умѣнья отдѣльныхъ лицъ, а исключительно отъ настроенія всего народа. Удивительно, какъ много политическаго такта проявили различныя итальянскія области въ своемъ стремленіи къ соединенію съ Сардинскимъ королевствомъ. Немедленно по заключеніи перемирія сардинскому правительству пришлось отозвать обратно своихъ уполномоченныхъ, которыхъ оно разослало въ Болонью, Флоренцію, Парму, Модену для руководства движеніемъ. Такимъ образомъ каждая изъ этихъ областей была предоставлена самой себѣ; но Тоскана пріобрѣла 1 августа 1859 г. новаго руководителя въ лицѣ барона Беттино Риказоли, а Романья и герцогства— въ лицѣ Луиджи Карло Фарини, бывшаго врача; эти руководители разумно управляли временными республиками; по ихъ же иниціативѣ были проведены всенародные вотумы въ пользу вступленія этихъ городовъ въ подданство Виктора Эмануила. Рѣдкимъ исключеніемъ были насилія надъ ненавистными креатурами прежнихъ правительствъ; всюду господствовалъ порядокъ и дѣтское, почти трогательное воодушевленіе идеей объединенія Италіи. Папа пытался организовать контръ-революцію, и ему удалось 20 іюля 1859 года занять Перуджію при помощи своихъ швейцарскихъ наемниковъ, при чемъ дѣло не обошлось безъ насилій и грабежа. Но вслѣдъ за тѣмъ Романья, Тоскана и Модена заключили между собою оборонительный союзъ. Генералъ Манфредо Фанти организовалъ въ октябрѣ 1859 года армію въ 40000 человѣкъ, такъ что папа долженъ былъ отказаться отъ агрессивныхъ дѣйствій. Виллафранкскій договоръ оставилъ открытымъ вопросъ о возстановленіи власти прежнихъ правительствъ и оговорилъ только, что не допускается никакого иностраннаго вмѣшательства; поэтому папа и герцоги разсчитывали, что наступитъ анархія, которая и вызоветъ реакцію. Они возлагали всѣ свои надежды на мадзинистовъ, а Валевскій, нерасположенный къ итальянцамъ министръ Наполеона (см. 292), тоже говорилъ, что лучше уже имѣть дѣло съ мадзинистами, чѣмъ съ такой партіей, которая называетъ себя правительствомъ. Этой надеждѣ не суждено было сбыться, такъ какъ населеніе средней Италіи вело себя очень благоразумно.

Положеніе императора Наполеона становилось щекотливымъ. Предъ нимъ выдвигалась непріятная альтернатива: либо предоставить итальянцевъ своей собственной участи, либо силой возстановить прежній порядокъ. Но могъ ли онъ, освободитель Италіи, объявить войну этой странѣ? Предоставить же австрійцамъ вмѣшиваться въ итальянскія дѣла, объ этомъ у Наполеона и рѣчи не могло быть: это было бы для него равносильно отказу отъ всѣхъ плодовъ его недавнихъ побѣдъ надъ австрійцами. Наполеонъ неоднократно объявлялъ итальянцамъ, что онъ требуетъ выполненія своей федералистической программы. Въ этомъ смыслѣ писалъ онъ 20-го октября 1859 года Виктору Эмануилу; въ своемъ письмѣ онъ еще разъ настаивалъ на возстановленіи прежняго режима въ средней Италіи и на учрежденіи итальянской конфедераціи съ папой во главѣ. Хотя и было высказано сомнѣніе, дѣйствительно ли таковы были его настоящія намѣренія, но для меня очевидно, что таково было въ дѣйствительности послѣднее слово его политики: онъ былъ настолько уменъ, что предвидѣлъ, что объединенная и сильная Италія можетъ когда-нибудь направить свои силы и противъ Франціи. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ по-

нимать слѣдующую фразу, сказанную имъ маркизу Наполеону Пеполи: „Если территорія Сардинскаго королевства переступитъ черезъ Апеннинскія горы, то объединеніе Италіи станетъ совершившимся фактомъ, а я не желаю объединенія, я желаю исключительно независимости Италіи.

Его программа была бы наиболѣе благопріятнымъ для Франціи рѣшеніемъ итальянскаго вопроса. Франція могла бы соваться, когда ей угодно, въ итальянскія дѣла, хотя бы потому, что сѣверно-итальянское королевство, обязанное своимъ существованіемъ исключительно Наполеону, искало бы во Франціи поддержку противъ притязаній Австріи и остальныхъ итальянскихъ владѣтелей. Этого-то Кавуръ опасался больше всего на свѣтѣ; поэтому онъ не переставалъ тайно подстрекать наиболѣе вліятельныхъ руководителей національнаго движенія въ средней Италіи, чтобы они дѣйствовали наперекоръ планамъ Наполеона. И въ самомъ дѣлѣ, къ Виктору Эмануилу являлись депутаціи изъ Романьи, Тосканы и герцогствъ, которыя просили о принятіи ихъ въ сардинское подданство. Онъ не рѣшался принять ихъ предложеніе наперекоръ Наполеону и отвѣтилъ депутатамъ, что онъ будетъ представителемъ требованій населенія средней Италіи предъ Европой.

Положеніе дѣлъ было до того запутаннымъ, что одно время Викторъ Эмануилъ думалъ поднять рука объ руку съ Мадзини знамя революціи противъ Наполеона. Черезъ Анджело Брофферіо, лидера демократической оппозиціи въ Пьемонтскомъ парламентѣ и противника дипломатической системы Кавура, король завязалъ сношенія со старымъ республиканскимъ заговорщикомъ, который былъ дважды присужденъ къ смертной казни въ Пьемонтѣ, въ первый разъ по приказу короля Карла Альберта, а во второй разъ—самимъ Викторомъ Эмануиломъ за организацію возмущенія въ ихъ владѣніяхъ. Въ это критическое время Мадзини доказалъ, что ради величія его отечества всякія другія соображенія отступаютъ для него на задній планъ. Это онъ велѣлъ передать королю и требовалъ отъ него только одного, именно, чтобы онъ совершенно отрекся отъ Наполеона, который былъ для республиканцевъ чѣмъ-то въ родѣ антихриста; за это Мадзини обѣщалъ ему вызвать революцію во всей Италіи, не исключая Рима и Неаполитанскаго королевства; затѣмъ должно было воспослѣдовать провозглашеніе Виктора Эмануила королемъ Апеннинскаго полуострова. Мадзини сдѣлалъ, однако, слѣдующую оговорку: „какъ только совершится объединеніе Италіи, я опять стану ратовать за республику и за изгнаніе Савойскаго дома“. Говорятъ, что король сказалъ Брофферіо: „постарайтесь сойтись съ Мадзини; только смотрите, чтобы прокуроръ ничего не узналъ объ этомъ“. Однако эти переговоры не привели ни къ чему, потому что король нашелъ эту игру слишкомъ опасной. При томъ же Мадзини обѣщалъ слишкомъ много и не могъ бы сдержать своего слова: всего обѣщаннаго имъ нельзя было бы ни въ коемъ случаѣ выполнить наперекоръ торжественнымъ заявленіямъ Наполеона, который ни за что не рѣшился бы отдать въ жертву папу и Римъ. Императоръ оказалъ Италіи поддержку только потому, что монархическая политика Кавура служила для Наполеона порукой въ томъ, что, по крайней мѣрѣ въ Италіи, будетъ наложена узда на революціонеровъ; и безъ того они постоянно угрожали его трону во Франціи. Безъ сомнѣнія, Наполеонъ не постѣснялся бы пустить въ ходъ противъ Италіи силу, даже если бы въ Римѣ возгорѣлась революція: ему необходимо было имѣть на своей сторонѣ хотя бы только клерикальную партію, такъ какъ французская демократія питала къ нему непримиримую ненависть. Это подтверждается воочію его поведеніемъ въ 1867 году.

Гарибальди, который тогда начальствовалъ войскомъ Тосканы отъ имени временнаго правительства, не думалъ обо всемъ этомъ; онъ былъ уже готовъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и двинуться на Римъ. Но Фарини, диктаторъ Романьи и герцогствъ, считалъ его предпріятіе опаснымъ; онъ переубѣдилъ Гарибальди и уговорилъ его уйти изъ сред-

ней Италіи. Гарибальди вернулся въ Туринъ и тутъ былъ принятъ съ почетомъ Викторомъ Эмануиломъ, который былъ посвященъ въ его замыслы; въ это время Гарибальди написалъ въ Туринѣ воззваніе къ итальянцамъ, въ которомъ онъ осуждалъ „лисью политику" и предлагалъ своимъ соотечественникамъ возлагать свои надежды исключительно на Виктора Эмануила. За личиной простоты у этого короля скрывалось не мало природной хитрости, и онъ умѣлъ ладить со всѣми тѣми, которые готовы были споспѣшествовать дѣлу объединенія Италіи. Въ этомъ-то и заключается его великая заслуга въ эпоху національнаго возрожденія Италіи.

В. Второе министерство Кавура.

Къ концу 1859 года Наполеонъ убѣдился въ томъ, что только силой возможно было бы осуществить его программу въ средней Италіи. Въ такомъ случаѣ онъ рисковалъ бы потерять Ниццу и Савойю, которыя были обѣщаны ему передъ войной въ видѣ территоріальнаго вознагражденія. Отчасти изъ своекорыстія, отчасти изъ любви къ Италіи онъ рѣшился отдать Виктору Эмануилу, по крайней мѣрѣ, часть средней Италіи. Чтобы провести эту новую политику, Наполеонъ далъ отставку Валевскому и назначилъ 5 января 1860 года министромъ иностранныхъ дѣлъ либерала Эдуарда Антона Тувенеля, который питалъ къ Италіи такія же симпатіи, какъ и самъ Наполеонъ. Однако, кабинетъ Раттацци не годился для этой новой политики; у этого министра не хватало мужества, и онъ не рѣшался взять на себя отвѣтственность за уступку Савойи и Ниццы. Для широкой политики необходимо было содѣйствіе Кавура. Онъ уже томился жаждой власти, а Раттацци напрасно пытался заступить ему дорогу. Король тоже не былъ въ восхищеніи отъ перемѣны министерства: онъ не могъ простить Кавуру той „сцены", которую тотъ ему устроилъ послѣ Виллафранкскаго мира (стр. 310); зато общественное мнѣніе, особенно въ средней Италіи, возлагало всѣ свои надежды только на Кавура. Перспектива будущихъ событій воспламенила честолюбіе Кавура, и его сторонники пустили въ ходъ все свое вліяніе такъ что 16 января 1860 года Раттацци вышелъ въ отставку, и Кавуръ занялъ его мѣсто. Раттацци и его остальные товарищи по министерству не отличались такимъ безпристрастіемъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ Дабормида, который сознавалъ, что не можетъ сравняться съ Кавуромъ, и писалъ въ это время: „я сгоралъ отъ нетерпѣнія уступить ему свое мѣсто; но онъ былъ еще нетерпѣливѣе, чѣмъ я. Сожалѣю, что онъ ломился съ такимъ трудомъ въ открытыя двери, но я считаю его честолюбіе вполнѣ справедливымъ".

Хотя Наполеонъ не былъ способенъ къ широкой и рѣшительной политикѣ, но зато онъ отлично умѣлъ маскировать свои противорѣчія и придавать своимъ интригамъ видъ благородныхъ поступковъ. Онъ зналъ, что англичане не довѣряютъ ему, и предвидѣлъ, что они будутъ считать присоединеніе Ниццы и Савойи къ Франціи началомъ ненасытной завоевательной политики; чтобы успокоить ихъ, онъ заключилъ съ Англіей торговый договоръ на основѣ свободной торговли. Въ то же время онъ далъ понять папѣ, что Франція не намѣрена больше настаивать на томъ, чтобы Церковной области были возвращены Легаціи, Романья, Болонья и Феррара.

Этотъ поворотъ въ политикѣ Наполеона былъ всего непріятнѣе для Папы. Пій IX винилъ въ этомъ самого себя, такъ какъ онъ не послѣдовалъ благоразумнымъ совѣтамъ Наполеона: 14-го іюля, 1859 года императоръ въ своемъ письмѣ уговаривалъ его ввести для Легацій, уже отпавшихъ отъ папскаго престола, отдѣльную администрацію и особое свѣтское правительство, назначаемое папой. „Я смиренно умоляю Ваше Святѣйшество", такъ выражался онъ въ этомъ письмѣ, „чтобы вы прислушались къ голосу преданнаго сына Церкви, который знаетъ, какъ необходимо считаться съ

духомъ времени, и понимаетъ, что такіе щекотливые вопросы нельзя разрѣшить силой оружія. Рѣшеніе Вашего Святѣйшества будетъ знаменовать собой или наступленіе новой эры мира и спокойствія, или же продолженіе настоящей эпохи бѣдъ и насилій". Но курія упорствовала и заявила, что она не можетъ отступить отъ традиціонныхъ принциповъ правительства Церковной области. Напротивъ того, папа возражалъ даже противъ свободы вѣроисповѣданій, которую провозгласило въ Болоньѣ временное правительство. Тогда Наполеонъ крѣпче натянулъ струны. По его распоряженію была опубликована въ декабрѣ 1859 года брошюра подъ названіемъ: „Папа и конгрессъ". Въ этой брошюрѣ доказывалось, что возстановленіе свѣтской власти папы въ средней Италіи есть дѣло невозможное. Въ ней признавалось, что папа необходимо долженъ быть владѣтелемъ свѣтскаго государства для сохраненія своей независимости, но что для этого достаточно и небольшой области. Короткое время спустя Наполеонъ отправилъ папѣ Пію IX новое письмо, въ которомъ онъ настаивалъ, чтобы папа подчинился неудержимому историческому теченію и съ своей стороны тоже принесъ жертву для объединенія Италіи.

Между тѣмъ Кавуръ еще не достигъ своей цѣли. 17-го февраля 1860 года Италіи пришлось познакомиться еще съ одной новой программой Наполеона, у котораго, какъ извѣстно, программы мѣнялись весьма часто. По этой программѣ къ Сардинскому королевству присоединялись только Парма и Модена; Легаціями Викторъ Эмануилъ долженъ былъ управлять въ качествѣ намѣстника папы; Тоскана должна была остаться независимой, но допускалось, чтобы на Тосканскій престолъ былъ возведенъ принцъ изъ Савойскаго дома. На несговорчивость Наполеона Кавуръ отвѣтилъ шахматнымъ ходомъ, на который Раттацци никогда не рѣшился бы. Помимо Наполеона и вопреки его планамъ въ мартѣ 1860 года былъ поставленъ на всенародное голосованіе во всѣхъ провинціяхъ средней Италіи, не исключая и Тосканы, слѣдующій вопросъ: желаетъ ли населеніе включенія своей провинціи въ составъ единаго итальянскаго королевства. Съ такимъ же воодушевленіемъ шли въ это время и выборы въ верхне-итальянскій парламентъ. Во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ выбрали Кавура для того, чтобы выразить ему свое довѣріе. 1 марта Наполеонъ въ своей рѣчи выразилъ рѣзкое порицаніе своеволію Италіи; но Кавуръ, какъ умный дипломатъ, заручился согласіемъ Англіи, которой было на руку уничтожить вліяніе Наполеона въ Италіи; Пальмерстонъ злорадно восхвалялъ Кавура въ англійскомъ парламентѣ за его смѣлость и успѣхи.

Въ это-то время Кавуръ вступилъ въ формальные переговоры относительно уступки Савойи и Ниццы по договору въ январѣ 1858 года. Что оставалось теперь дѣлать Наполеону? Упорствовать и поставить на карту эти двѣ провинціи? Можетъ быть, онъ могъ еще предупредить присоединеніе Тосканы къ итальянскому королевству, если бы заявилъ, что при такомъ условіи онъ довольствуется одной Савойей. Но французы давно уже съ нетерпѣніемъ ожидали присоединенія обѣщанныхъ провинцій, разочаровать ихъ было бы опасно для него, и путь къ отступленію былъ ему отрѣзанъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Кавуръ обошелъ Наполеона и что Наполеонъ на этотъ разъ пожертвовалъ самыми насущными интересами Франціи. Неоднократно утверждали, что слабохарактерный Наполеонъ поддавался, можно сказать, демоническому обаянію Кавура; послѣдующія событія подтверждаютъ это. Этотъ итальянецъ умѣлъ заглядывать въ самые глубокіе тайники души французскаго императора и зналъ, что можно позволить себѣ безнаказанно. Онъ наигрывалъ какъ на своекорыстіи Наполеона, такъ и на его сантиментальныхъ симпатіяхъ къ Италіи. Онъ многое позволялъ себѣ, но зналъ, когда надо остановиться.

Однако, когда дѣло переходило за извѣстную границу, Наполеонъ становился очень упорнымъ. Напрасно Кавуръ пускалъ въ ходъ все свое

дипломатическое искусство, всѣ увертки своего ловкаго ума, чтобы спасти для Италіи, по крайней мѣрѣ, Ниццу. Тутъ онъ натыкался на твердое рѣшеніе императора, который сталъ бы посмѣшищемъ всей Франціи, если бы уступилъ. 24 марта 1860 года формальный договоръ былъ подписанъ Кавуромъ и Бенедетти (ср. объясненіе къ таблицѣ, стр. 293). Какъ только они подписали договоръ, итальянскій министръ нагнулся къ Бенедетти и съ свойственнымъ ему юморомъ сказалъ шопотомъ на ухо французскому уполномоченному: „да, мы оба измѣнники“.

Кавуру предстояло пережить тяжелое время: дебаты въ итальянскомъ парламентѣ. Громадное большинство народа понимало, конечно, что король Викторъ-Эмануилъ и Кавуръ не могли поступить иначе, но Раттацци, всегдашній соперникъ Кавура, сталъ во главѣ оппозиціи; онъ нашелъ сильную поддержку въ лицѣ Гарибальди, который вступилъ въ парламентъ исключительно для того, чтобы подать голосъ противъ уступки Франціи своего родного города Ниццы. Гарибальди возмущала главнымъ образомъ не самая уступка, а лукавство Кавура: за годъ передъ тѣмъ Гарибальди спросилъ у него напрямикъ, дѣйствительно ли Ницца уступается Франціи, и Кавуръ отвѣтилъ отрицательно; это былъ отвѣтъ умнаго дипломата, такъ какъ Кавуръ нуждался въ шпагѣ Гарибальди для войны за освобожденіе Италіи и не хотѣлъ разочаровывать его. За то Гарибальди былъ очень доволенъ поведеніемъ Виктора Эмануила; тотъ же самый вопросъ онъ задалъ королю нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ бесѣды съ Кавуромъ, и король велѣлъ сказать ему сущую правду. Викторъ Эмануилъ прибавилъ только, что онъ самъ согласился уступить Франціи Савойю, родину своихъ предковъ, и что поэтому и Гарибальди долженъ быть готовымъ на такую же жертву ради единства Италіи.

Разсказываютъ, что въ это критическое время Кавуръ послалъ Гарибальди записку съ цѣлью успокоить его; вотъ что заключалось въ этой коротенькой записочкѣ: „Ницца или Сицилія“? Этимъ вопросомъ, какъ говорятъ, Кавуръ воодушевилъ пылкаго патріота къ походу въ Сицилію. Весь этотъ разсказъ совершенно неправдоподобенъ; Кавуръ, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ торопиться съ присоединеніемъ южной Италіи; онъ предпочелъ бы прежде всего упорядочить администрацію и экономическое положеніе Сѣверно-итальянскаго королевства (4 милліона пьемонтцевъ, $2^1/_2$ милліона ломбардцевъ и 4 милліона средне-итальянцевъ). Это государство достигло бы значительнаго процвѣтанія безъ Церковной области въ тѣсномъ смыслѣ, разоренной вслѣдствіе дурного управленія, и безъ обнищалаго населенія Неаполитанскаго королевства. Для сѣверной Италіи было бы наоборотъ счастьемъ, если бы на нее не легла тяжелымъ бременемъ задача ввести полуварварскія южныя провинціи въ кругъ своей собственной высшей культуры и своихъ болѣе сложныхъ экономическихъ условій. „Сначала мы должны организоваться и создать сильное войско“, такъ говорилъ Кавуръ въ это время: „затѣмъ уже мы сумѣемъ направить свои взоры на Венецію или на югъ и на Римъ“. Поэтому Кавуръ дѣйствовалъ вовсе нелицемѣрно, когда до самаго марта 1860 года многократно обращался къ неаполитанскимъ Бурбонамъ съ предложеніемъ держаться національной политики и дѣйствовать заодно съ Сѣверно-итальянскимъ королевствомъ.

Г. **Гарибальди**.

а) Сицилійскій походъ.

Однако, начиная съ этого пункта, итальянскій народный геній пошелъ другими путями. Осторожный государственный дѣятель былъ увлеченъ партіей дѣла противъ своей собственной воли. Мадзини и его сторонники вели дѣятельную агитацію въ Сициліи; по ихъ порученію Франческо Криспи, который уже задолго предъ тѣмъ былъ присужденъ неапо-

литанскими судами съ смертной казни, объѣзжалъ весь островъ, постоянно рискуя жизнью, организовалъ вездѣ революціонную партію и подготовлялъ ее къ возстанію. Во многихъ мѣстахъ вспыхнули открытыя возмущенія, но всѣ эти попытки были безнадежны, пока Гарибальди не рѣшался на походъ въ Сицилію. Онъ объявилъ напередъ мадзинистамъ, что онъ будетъ сражаться только подъ знаменемъ: „Италія и Викторъ Эмануилъ" несмотря на свои республиканскія чувства; онъ прозрѣлъ своимъ яснымъ умомъ, что только монархія можетъ объединить Италію. Мадзини тоже заявилъ, какъ и въ предшествовавшемъ году, что онъ до поры до времени готовъ преклониться предъ народной волей.

Но все же Гарибальди еще колебался: его тяготила громадная отвѣтственность, которую онъ бралъ на себя, онъ спрашивалъ себя, не поведетъ ли онъ пылкую итальянскую молодежь на смерть безъ всякой пользы, такъ какъ до этого времени неоднократныя возмущенія противъ Бурбоновъ ни къ чему не приводили и были потоплены въ крови зачинщиковъ. Король Фердинандъ II неаполитанскій (котораго прозвали „королемъ бомбой" послѣ кровопролитнаго обстрѣливанія Мессины въ сентябрѣ 1848 г.) сумѣлъ привязать къ своей особѣ солдатъ своей арміи; онъ былъ жестокосердымъ, но хитрымъ деспотомъ и, благодаря своимъ простонароднымъ манерамъ, пользовался популярностью среди низшихъ классовъ населенія на материкѣ. Сициліанцы, напротивъ того, издавна ненавидѣли своихъ неаполитанскихъ владѣтелей, и изъ всѣхъ историческихъ событій наибольшей извѣстностью пользовалась у жителей Сициліи „Сицилійская вечерня", посредствомъ которой ихъ предки освободились въ 1282 году отъ Неаполя. Король Фердинандъ скончался 22 мая 1859 года; ему наслѣдовалъ его слабохарактерный сынъ Францъ II. Это была мягкая религіозная, несамостоятельная натура. Такъ какъ возстаніе въ Сициліи было подавлено и казалось потухшимъ, то Кавуръ открыто возставалъ противъ похода, затѣяннаго Гарибальди, хотя втайнѣ онъ, немного погодя, сталъ снабжать участниковъ этого похода оружіемъ и припасами. Помимо другихъ соображеній Кавуръ хотѣлъ снять съ себя въ глазахъ европейской дипломатіи отвѣтственность за противный международному праву набѣгъ пьемонтскаго генерала.

Наконецъ Гарибальди рѣшился, и въ знаменательный день 5 мая 1860 года около тысячи добровольцевъ подъ его начальствомъ сѣли на суда и направились въ Сицилію. Тутъ открылось геройское поприще для Гарибальди и дипломатическая игра неподражаемой тонкости для графа Кавура; вся европейская дипломатія съ французской во главѣ выразили протестъ итальянскому правительству, которое въ мирное время допустило на своей территоріи организацію военныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ сосѣдняго государства. Всѣ посланники осаждали Кавура, а онъ оправдывался, не безъ основанія, тѣмъ, что Гарибальди дѣйствовалъ вопреки желаніямъ и требованіямъ правительства, а французскому императору онъ велѣлъ передать, что правительство чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ и что при первой попыткѣ задержать Гарибальди силой вспыхнуло бы республиканское возмущеніе противъ короля. Въ то же время онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы избавить Гарибальди отъ всякой опасности на морѣ. Контръ-адмиралу графу Карло Пелліонъ ди Персано Кавуръ отдалъ приказъ занять своими кораблями позицію между судами Гарибальди и неаполитанскимъ флотомъ, который подстерегалъ послѣдняго. Персано понялъ, что означаетъ этотъ преднамѣренно неясный приказъ, и отвѣтилъ Кавуру: „хорошо, въ крайнемъ случаѣ Вы можете меня сослать въ крѣпость Фенестрелу." Онъ понималъ, что если сицилійскій походъ потерпитъ неудачу, то Кавуру придется отречься отъ него, какъ онъ уже отрекся отъ Гарибальди, и Персано былъ приготовленъ къ этому.

11 мая 1860 года Гарибальди высадился въ Марсалѣ, древнемъ Лилибеумѣ. Сициліанцы оказали ему неважную помощь: 15 мая онъ столкнулся въ мѣстности Калатафими съ отрядомъ войскъ короля неаполитанскаго; 2400 сицилійцевъ, которые примкнули было къ нему, пустились въ бѣгство послѣ перваго выстрѣла, въ то время какъ онъ съ своими добровольцами одержалъ блестящую побѣду. Въ Палермо все было готово къ возстанію; Гарибальди вошелъ въ сношенія съ своими тамошними сторонниками. Несмотря на громадное численное превосходство арміи Бурбоновъ, Гарибальди рѣшился въ ночь съ 27 на 28 мая на смѣлый приступъ. Населеніе перешло на его сторону; въ королевскихъ солдатъ стрѣляли изъ домовъ; въ концѣ концовъ, королевское войско отступило въ цитадель и оттуда стало бомбардировать городъ Палермо. Возстаніе разлилось по всему острову, и разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ гарнизоны стянулись къ гаванямъ на морскомъ берегу, преимущественно къ Мессинѣ.

б) Изгнаніе Бурбоновъ изъ Неаполя.

Отпаденіе Сициліи произвело сильное впечатлѣніе на короля неаполитанскаго Франциска, и онъ пошелъ на уступки; будучи припертъ къ стѣнѣ, онъ призвалъ къ власти либеральное министерство и обѣщалъ ввести въ своихъ владѣніяхъ конституцію съ большими вольностями. Къ императору Наполеону III онъ отправилъ посольство съ просьбой о помощи. Замѣчательно, какъ Наполеонъ отнесся къ просьбѣ неаполитанскаго короля. Онъ заявилъ его уполномоченнымъ, что онъ лично желаетъ сохраненія неаполитанскаго королевства, но что онъ не въ силахъ остановить народное движеніе. „Итальянцы народъ сообразительный“, сказалъ онъ: „они понимаютъ, что я не выступлю противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, послѣ того какъ французы проливали свою кровь за освобожденіе Италіи. Затѣмъ онъ прибавилъ: „сила на сторонѣ національности; эта сила непреодолима и передъ ней намъ приходится сложить оружіе“. Онъ совѣтовалъ неаполитанскому королю пожертвовать Сициліей и вступить съ королемъ Викторомъ Эмануиломъ въ переговоры о союзѣ; Наполеонъ обѣщалъ оказать дипломатическую поддержку такому шагу. Такъ и случилось; всѣ великія державы присоединились къ предложенію Франціи, не исключая и Англіи, которая предпочитала, несмотря на всѣ свои симпатіи къ итальянцамъ, чтобы Апеннинскій полуостровъ былъ подѣленъ между двумя соперничающими государствами. Кавуръ былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи: невозможно было отклонить переговоры съ Неаполемъ наперекоръ всей Европѣ, а съ другой стороны, онъ боялся, что рухнетъ все зданіе, которое онъ возводилъ, какъ только онъ протянетъ руку для примиренія ненавистнымъ народу Бурбонамъ. Съ виду онъ пошелъ на встрѣчу неаполитанскимъ предложеніямъ, и по совѣту Кавура Викторъ Эмануилъ написалъ даже Гарибальди письмо съ требованіемъ ничего не предпринимать противъ неаполитанскихъ владѣній на материкѣ. На это Гарибальди отвѣтилъ королю 27 іюня: „Ваше Величество! Вы знаете, какое уваженіе и какую любовь я питаю къ Вашей особѣ; но положеніе дѣлъ въ Италіи не позволяетъ мнѣ повиноваться Вамъ, какъ бы я этого ни хотѣлъ. Позвольте же мнѣ на этотъ разъ Васъ не слушаться. Но какъ только я исполню свой долгъ и освобожу народъ отъ ненавистнаго ига, я положу свою шпагу къ Вашимъ ногамъ и въ теченіи всей остальной своей жизни буду Васъ слушаться“.

Кавура удручала еще одна забота: во время сицилійскаго похода Гарибальди былъ окруженъ исключительно мадзинистами и былъ готовъ идти на Римъ, какъ только будетъ освобожденъ Неаполь. Но если бы такимъ образомъ Италія была обязана своимъ освобожденіемъ главнымъ образомъ республиканской партіи, то дѣло монархіи можно было бы считать уже проиграннымъ. Кавуръ не прекращалъ переговоровъ съ неапо-

литанскимъ королемъ, но въ то же время онъ всѣми силами старался вызвать въ неаполитанскихъ владѣніяхъ на материкѣ такое возстаніе, которое провозгласило бы диктаторомъ не Гарибальди, а адмирала Персано или же самого короля Виктора Эмануила. Онъ завязалъ сношенія съ министромъ неаполитанскаго короля Либоріо Романо, который былъ готовъ на измѣну вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Фердинанда II Алесcандро Нунціанте, герцогомъ Маянскимъ. При содѣйствіи этого послѣдняго Кавуръ надѣялся вызвать возмущеніе въ неаполитанскомъ войскѣ. Вотъ что онъ писалъ Персано: „не теряйте изъ виду, что наступилъ рѣшительный моментъ, надо довести до конца величайшее дѣло современной эпохи, надо освободить Италію отъ иностранцевъ, отъ зловредныхъ традицій и отъ безумцевъ.“ Однако Нунціанте возбудилъ къ себѣ подозрѣніе неаполитанскаго правительства, и ему пришлось бѣжать на одинъ изъ кораблей пьемонтскаго флота; дядя короля, принцъ Людовикъ графъ Аквила, который тоже, казалось, сочувствовалъ объединенію Италіи, получилъ отъ короля приказъ выѣхать изъ предѣловъ королевства. Итакъ, чтобы свергнуть Бурбоновъ, оставалась одна надежда на Гарибальди. Онъ высадился 19 августа 1860 года на берегу Аппеннинскаго полуострова около Мелито и неудержимо подвигался къ Неаполю. Генералы, которыхъ выслали противъ него, были ненадежны, потому что они всей душой сочувствовали объединенію Италіи; солдаты, которые остались вѣрными Бурбонамъ, считали себя жертвой измѣны и 25 августа убили въ Милето генерала Филено Бриганти, какъ только онъ сдался Гарибальди на капитуляцію. Гарибальди встрѣчали повсюду съ восторгомъ; простой народъ считалъ его неуязвимымъ героемъ. Когда онъ вступилъ въ Неаполь съ своими 18000 добровольцевъ 7 сентября 1860 года, то Либоріо Романо привѣтствовалъ его, какъ спасителя, а король съ своимъ шестидесяти-тысячнымъ войскомъ укрылся въ укрѣпленной позиціи у рѣки Вольтурно. Наступилъ великій моментъ. Теперь предстояло созвать неаполитанское населеніе и поставить на голосованіе, желаетъ ли оно имѣть королемъ Виктора Эмануила, но среди приближенныхъ Гарибальди было много мадзинистовъ республиканцевъ;—не допускать, во что бы то ни стало, подобнаго голосованія было для нихъ вопросомъ жизни или смерти. Они подстрекали Гарибальди идти немедленно на Римъ, прогнать французскій гарнизонъ и положить конецъ владычеству папы. Непрерывныя удачи вскружили Гарибальди голову; онъ былъ доступенъ для лести и вбилъ себѣ въ голову, что только изъ за интригъ Кавура король Викторъ Эмануилъ не слѣдуетъ благороднымъ призывамъ своего сердца и сталъ ему поперекъ дороги на Римъ и на Венецію. Кавуръ отправилъ для переговоровъ съ Гарибальди своего пріятеля сициліанца Джузеппе Ляфарину. Въ отместку Кавуру Гарибальди издалъ распоряженіе объ изгнаніи Ляфарины изъ Сициліи. Сначала Гарибальди призналъ продиктаторомъ присланнаго королемъ Викторомъ Эмануиломъ Агостина Депретиса, но 18 сентября онъ замѣнилъ его приближеннымъ Мадзини Антоніо Мордини, заподозривъ его въ сношеніяхъ съ Кавуромъ. При такомъ образѣ дѣйствій Гарибальди легко могъ вовлечь Италію въ войну съ Франціей и Австріей. Съ мрачнымъ предчувствіемъ обращалъ Наполеонъ свои взоры на Неаполь, въ которомъ образовался революціонный очагъ, угрожавшій гибелью его собственному трону.

Д. Послѣдніе дни Кавура.

а) Кастельфидардо.

Теперь Кавуръ рѣшился на самый смѣлый шагъ. Въ немъ жило крѣпкое убѣжденіе, что король и законное правительство сѣверной Италіи должны принять такое же участіе въ объединеніи Апеннинскаго полу-

острова, какъ и Гарибальди; поэтому онъ совѣтовалъ королю двинуться съ своимъ войскомъ въ Папскую область, занять ее за исключеніемъ Рима, охраняемаго французскимъ гарнизономъ, затѣмъ пойти на Неаполь и разсѣять войско бурбонскаго короля, стоявшее у Вольтурно. Викторъ Эмануилъ послалъ своего министра Луиджи Фарини (онъ былъ диктаторомъ Эмиліи въ 1859—1860 годахъ) и генерала Энрико Чіальдини къ Наполеону III, чтобы узнать его мнѣніе объ этомъ планѣ; положеніе дѣлъ оказалось настолько обостреннымъ, что французскій императоръ далъ понять въ своемъ отвѣтѣ, что и онъ считаетъ вмѣшательство Виктора Эмануила неизбѣжнымъ.

Чтобы не остаться при одномъ только французскомъ гарнизонѣ, который охранялъ только Римъ и его ближайшія окрестности, папа набралъ наемное войско въ 20 тысячъ человѣкъ, а главнокомандующимъ назначилъ Л. Л. Жюшо де Ламорисьера, одного изъ вожаковъ легитимистской партіи во Франціи. Это наемное войско состояло изъ французовъ, австрійцевъ, бельгійцевъ и швейцарцевъ; офицеры этого войска принадлежали отчасти къ цвѣту французскаго легитимистскаго дворянства, чѣмъ, конечно, Наполеонъ былъ очень недоволенъ. Король Викторъ Эмануилъ выставилъ противъ Церковной области 40,000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Манфредо Фанти; Ламорисьеру пришлось оставить въ видѣ гарнизоновъ половину своего войска для того, чтобы держать въ страхѣ населеніе Церковной области; поэтому на сторонѣ Фанти былъ громадный численный перевѣсъ, и 18 сентября 1860 года онъ разбилъ на голову папское войско при Кастельфидардо, такъ что Ламорисьеръ бѣжалъ въ Анкону съ остаткомъ своего войска всего въ 130 человѣкъ,—почти все войско папы было взято въ плѣнъ. Персано былъ данъ приказъ бомбардировать Анкону, и она сдалась 29-го сентября.

б) У Вольтурно.

Между тѣмъ отряды Гарибальди произвели нападеніе на бурбонскую армію у Вольтурно, но не имѣли успѣха. Бурбонская армія перешла черезъ Вольтурно и съ своей стороны перешла въ наступленіе. Гарибальди съ своими добровольцами стойко выдерживалъ натискъ и, хотя неаполитанцы втрое превосходили ихъ числомъ, побѣда не осталась на сторонѣ королевскаго войска; но и Гарибальди съ своей стороны не могъ разсчитывать на скорый успѣхъ. При такихъ обстоятельствахъ прибытіе арміи Виктора Эмануила къ берегамъ Вольтурно произвело сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе; неаполитанцы отступили за Гарильяно.

Король Викторъ Эмануилъ прибылъ въ Неаполь какъ разъ во время; Гарибальди вполнѣ подчинился вліянію противниковъ Кавура и напрямикъ отказывался допустить присоединеніе Неаполя и Сициліи къ итальянскому королевству. Мордини, его намѣстникъ въ Сициліи, настаивалъ передъ нимъ, что слѣдуетъ созвать въ Неаполѣ и Палермо два особыхъ независимыхъ парламента, которые и должны рѣшить этотъ вопросъ. Гарибальди велѣлъ даже передать королю, что онъ допуститъ присоединеніе неаполитанскихъ владѣній къ итальянскому королевству только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Кавуръ и его ближайшіе друзья были удалены изъ министерства. Это требованіе его шло въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ всей Италіи; въ особенности въ южной Италіи и Сициліи всѣ благоразумные люди желали какъ можно болѣе быстраго присоединенія къ итальянскому королевству, такъ какъ послѣ уничтоженія прежней администраціи наступили повсюду, и въ особенности въ Сициліи, смуты, насилія и политическія убійства. Гарибальди выдержалъ тяжелую душевную борьбу и все еще не рѣшался уступить; но слѣдующее обстоятельство произвело переворотъ въ его убѣж-

леній: маркизъ Джіорджіо Паллавичино Тривульціо, который провелъ лучшіе годы своей жизни въ тюрьмѣ на Шпильбергѣ въ Брюннѣ, а теперь сталъ однимъ изъ вожаковъ партіи дѣла, перешелъ на другую сторону и увлекъ за собою почти все населеніе Неаполя; тогда Гарибальди сдѣлалъ надъ собою усиліе и согласился передать на всенародное голосованіе вопросъ о присоединеніи Неаполя къ итальянскому королевству (21-го октября). Король былъ бы готовъ исполнить желаніе Гарибальди и назначить его правителемъ завоеванныхъ имъ областей, но Гарибальди ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ ему было дозволено ближайшею весною выступить въ походъ противъ Рима. Когда ему въ этомъ было отказано, Гарибальди въ порывѣ благороднаго негодованія удалился на свой скалистый островъ Капреру съ непримиримой ненавистью къ Кавуру. Въ своемъ прощальномъ воззваніи онъ предлагалъ итальянцамъ быть вѣрными королю „честному человѣку" (il rè galantuomo); „въ мартѣ 1861 года", говорилъ онъ съ энтузіазмомъ пророка, „будетъ подъ ружьемъ, я надѣюсь, цѣлый милліонъ итальянцевъ". Онъ намекалъ, что итальянцы пойдутъ за нимъ для освобожденія Рима и Венеціи. Но Кавуръ былъ вполнѣ правъ, когда отклонялъ итальянцевъ отъ всякихъ покушеній на Римъ: черезъ много лѣтъ послѣ этихъ событій сталъ извѣстенъ изъ мемуаровъ Тувенеля и Бейста одинъ фактъ, который доказываетъ это съ полной очевидностью. Когда Гарибальди собирался выступить въ походъ на Римъ, то Наполеонъ велѣлъ передать вѣнскому кабинету, что, если Австрія подниметъ оружіе противъ Италіи для огражденія Цюрихскаго договора, то-есть въ защиту папы, онъ противъ этого возражать не будетъ, лишь бы Австрія не присоединяла обратно Ломбардіи. Понятно, что министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Рехбергъ отсовѣтовалъ императору Францу Іосифу вступать въ войну, которая не могла принести Австріи никакой выгоды даже въ томъ случаѣ, если побѣда останется на ея сторонѣ.

в) Взятіе Гаэты; Смерть Кавура.

Армія Бурбоновъ не могла устоять противъ войскъ Виктора Эмануила, и король Францъ былъ отброшенъ въ крѣпость Гаэту. 13 февраля 1861 года онъ сдался вмѣстѣ съ отрядомъ въ 8.000 человѣкъ, и тѣмъ почти что завершилось объединеніе Италіи. Кавуру не суждено было дожить до исполненія своихъ завѣтныхъ желаній. Во время одного бурнаго засѣданія парламента Гарибальди осыпалъ его тяжелыми упреками, и Кавуръ черезъ короткое время слегъ смертельно больнымъ. Въ бреду ему представлялись картины будущихъ судебъ его отечества. О Гарибальди онъ отзывался съ глубокимъ уваженіемъ: онъ говорилъ, что старается такимъ же нетерпѣніемъ идти на Римъ и на Венецію, какъ и тотъ. Съ особенной живостью толковалъ онъ о томъ, какъ было бы хорошо примирить папу съ Италіей. 6-го іюня 1861 года его духовникъ Яковъ причастилъ его, при чемъ Кавуръ сказалъ ему: „братъ, братъ! я желалъ бы свободной церкви въ свободномъ государствѣ" (libera chiesa in libero stato). Это были послѣднія слова Кавура.

Е. Римскій вопросъ: неудачи Риказоли и Гарибальди.

Ничто такъ не занимало объединителя Италіи въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, какъ римскій вопросъ. Часть его друзей считала необходимымъ оставить Римъ за папой, чтобъ не пошатнуть всемірной роли папства; такъ думалъ д'Азельо. Стефано Іачини думалъ, что можно превратить Римъ въ свободную республику на подобіе ганзейскихъ городовъ, а папѣ предоставить почетный санъ протектора и суверена этой республики; Кавуръ, напротивъ того, былъ того убѣжденія, что безъ своей природной столицы Италія останется недоконченнымъ произведеніемъ. Онъ

готовъ былъ предложить папѣ наилучшія условія, лишь бы тотъ пошелъ навстрѣчу желаніямъ итальянцевъ. Престолъ апостола Петра занималъ тогда Пій IX; многіе изъ его предшественниковъ были очень искусными дипломатами, но самъ онъ былъ наивной, дѣтски-вѣрующей душой. Онъ проникся непримиримыми идеями Джіакомо Антонелли, запутался въ сѣтяхъ іезуитовъ и своимъ упорствомъ оказалъ наилучшую услугу дѣлу объединенія Италіи. Несмотря на настойчивыя требованія императора Наполеона онъ отказался ввести реформы въ управленіи Церковной областью и этимъ только подстрекалъ національныя стремленія итальянцевъ. Предъ самымъ своимъ вступленіемъ въ Церковную область Викторъ Эмануилъ объявилъ, что онъ готовъ признать папу сувереномъ надъ всей прежней территоріей этой области, если только курія признаетъ его самого намѣстникомъ занятыхъ имъ областей. Къ счастью для молодого итальянскаго королевства, папа въ своей энцикликѣ отъ 8-го декабря 1864 года и въ силлабусѣ (S. complectens praecipuos nostrae aetatis errores) отвергнулъ свободу совѣсти и либеральныя политическія учрежденія: папа задѣлъ гражданскія чувства тѣхъ католиковъ, которые признавали свѣтское владычество папы, но рѣшительно отказались вернуться по мановенію руки папы къ средневѣковымъ политическимъ понятіямъ. Либеральныя идеи не восторжествовали бы до такой степени въ католическихъ государствахъ, Австріи, Италіи и Франціи, въ періодъ времени между 1860—1870 годомъ, если бы папа противъ своей воли не оказался наилучшимъ пропагандистомъ этихъ идей.

Баронъ Беттино Рикасоли, преемникъ Кавура, старался дѣйствовать въ духѣ своего предшественника и сдѣлалъ папѣ самыя блестящія предложенія, лишь бы тотъ согласился признать Statu quo; онъ готовъ былъ подтвердить особымъ договоромъ всѣ права папы на приматъ, король соглашался даже сдѣлать со своей стороны еще одинъ шагъ къ примиренію, — отказаться отъ своего права патроната и въ особенности отъ назначенія епископовъ. Такимъ образомъ итальянская церковь находилась бы исключительно подъ властью папы, и итальянское королевство отказалось бы отъ такого верховнаго права, отъ котораго никогда не отказывались ни Людовикъ XIV, ни Филиппъ II испанскій, ни Фердинандъ II австрійскій. Вмѣсто всякаго отвѣта кардиналъ-секретарь Антонелли велѣлъ напечатать въ оффиціальномъ „Giornale di Roma“, что предложеніе Рикасоли есть безпримѣрная наглость.

Министерство Рикасоли пало изъ за этихъ неудачныхъ переговоровъ, и преемникомъ его сталъ Раттацци; Гарибальди разсчитывалъ на его содѣйствіе и вновь сталъ готовиться къ своей римской экспедиціи. Онъ набралъ въ Сициліи 2000 добровольцевъ и высадился со своимъ отрядомъ на берегу Калабріи, но правительство твердо заявило, что оно встрѣтитъ его вооруженной силой. 29 августа 1862 года онъ имѣлъ столкновеніе съ королевскими войсками у Аспромонто, былъ раненъ пулей въ правую ногу и тутъ же ему пришлось сложить оружіе. Дорога въ Римъ открылась для итальянцевъ только тогда, когда побѣды нѣмцевъ сокрушили могущество Франціи.

3. Неудачи Императора Наполеона III.

Хотя итальянская политика Наполеона III казалась даже современникамъ неопредѣленной и противорѣчивой, все же въ ихъ глазахъ за нимъ оставалась слава создателя итальянскаго королевства, и около 1860 года его вліяніе въ Европѣ достигло своего апогея. Онъ умѣлъ обманывать общественное мнѣніе и скрывать, что многое произошло въ сущности противъ его воли. Въ его поступкахъ находили что-то загадочное; что было слабостью, то казалось тонкимъ разсчетомъ. Кавуръ, конечно, зналъ его насквозь, и слабохарактерность Наполеона была ему на руку;

впослѣдствіи говорили, что Бисмаркъ уже въ ту эпоху называлъ французскаго императора: „непризнанной бездарностью“ (une incapacité méconnue). Впрочемъ, нельзя согласиться съ этимъ отзывомъ, достовѣрность котораго, помимо всего, подлежитъ сомнѣнію; французскій императоръ былъ человѣкъ съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ и тонкимъ пониманіемъ нуждъ своего времени, но у него недоставало твердой воли: люди съ крѣпкими натурами, какъ Кавуръ и Бисмаркъ, не только позволяли себѣ дѣйствовать наперекоръ его планамъ, но ухитрялись даже влiять на него и направлять его къ своей собственной цѣли.

Его частыя вмѣшательства въ пользу національныхъ стремленій мелкихъ народностей Европы пріобрѣли ему всеобщія симпатіи за предѣлами Франціи. Когда Молдавія и Валахія избрали себѣ, вопреки буквальному смыслу международныхъ договоровъ, общаго князя въ лицѣ Александра Кузы, Наполеонъ настоялъ при содѣйствіи Россіи на признаніи этого князя великими державами и оказалъ поддержку румынамъ во время соединенія обоихъ княжествъ въ одно національное государство. Куза былъ сверженъ во время революціоннаго переворота 23 февраля 1866 года, но вновь избранный 20 апрѣля князь Карлъ Гогенцоллернъ, благодаря своему личному обаянію, добился 21 мая 1877 года признанія полной независимости молодого государства, а 26 марта 1881 года онъ получилъ королевскій титулъ.

a) Польша.

Наполеонъ имѣлъ въ виду оказать подобную услугу также и полякамъ. Для удовлетворенія поляковъ императоръ Александръ II назначилъ въ іюнѣ 1862 года помощникомъ своего брата Константина, намѣстника польскаго, поляка маркиза А. И. И. П. Велепольскаго; послѣдній старался примирить своихъ соотечественниковъ съ Россіей и выхлопотать для Польши хотя бы скромное самоуправленіе. Но всѣ его планы потерпѣли крушеніе: благодаря страстному нетерпѣливому характеру поляковъ ему не удалось сдержать народныхъ страстей, и въ январѣ 1863 года вспыхнуло возстаніе. Велепольскій сошелъ со сцены, и русское правительство прибѣгло къ самымъ суровымъ мѣрамъ. Въ февралѣ Пруссія оказала дружескую услугу русскому императору и позволила русскимъ войскамъ преслѣдовать польскихъ повстанцевъ на прусской территоріи. Правда, это соглашеніе не вступило въ силу, потому что оно вызвало неудовольствіе Европы; но все же Пруссія обнаружила свои благія пожеланія по отношенію къ русскому царю. Благодаря этой, равно какъ и нѣкоторымъ другимъ услугамъ въ польскомъ вопросѣ, Бисмаркъ заручился такимъ сочувствіемъ со стороны русскаго царя, что обезпечилъ себѣ нейтралитетъ Россіи на случай войны въ Германіи. Въ это время Наполеонъ склонилъ Англію, а послѣ нѣкоторыхъ колебаній и Австрію предложить Россіи даровать полякамъ полную амнистію, но Россія отклонила это предложеніе. Россія стала дорожить поддержкой Пруссіи, такъ какъ Франція, Англія и Австрія рѣшились сдѣлать дальнѣйшіе дипломатическіе шаги въ пользу поляковъ; въ нотѣ отъ 27 іюня 1863 года эти три державы выставили Россіи 6 пунктовъ, между прочимъ, учрежденіе польскаго парламента и полное помилованіе участвовавшихъ въ возстаніи. Пальмерстонъ поддержалъ эти первые дипломатическіе шаги Наполеона въ пользу поляковъ, такъ какъ ради упроченія англійскаго владычества въ Индіи онъ держался по отношенію къ русской Польшѣ слѣдующаго правила: „не давать зажить ранѣ“. Однако онъ отказался отъ какого бы то ни было болѣе серьезнаго шага, несмотря на всѣ настоянія Наполеона, такъ какъ польскій вопросъ казался маловажнымъ для англичанъ, и изъ за него не стоило вступать въ войну. Австрія тоже отказалась пойти за Наполеономъ тѣмъ болѣе, что она была

одной изъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши. Между тѣмъ двусмысленное поведеніе Австріи вызвало раздраженіе въ русскомъ царѣ, и онъ немедленно послѣ этого предложилъ королю Вильгельму вступить съ нимъ въ оборонительный и наступательный союзъ противъ Австріи и Франціи. Тогда императоръ Наполеонъ предложилъ черезъ герцога А. А. де Грамона австрійскому императору принять участіе въ освобожденіи Польши, уступить освобожденной Польшѣ Галицію, а взамѣнъ этого занять дунайскія княжества. Графъ Рехбергъ отвѣтилъ ему однако, что считаетъ это предложеніе очень страннымъ: обыкновенно берутся за оружіе, чтобы завоевать новую территорію, а Наполеонъ предлагаетъ Австріи объявить войну Россіи для того только, чтобъ отказаться отъ своей собственной провинціи. Такимъ образомъ союзники Наполеона измѣнили ему въ самый критическій моментъ, и Россія подавила возстаніе съ безпощадной энергіей; особенно же отличился своею безпощадной жестокостью виленскій генералъ-губернаторъ М. Н. Муравьевъ.

б) Мексика.

Было бы ошибкой считать Наполеона сантиментальнымъ политикомъ, который пользовался могуществомъ своего народа для освобожденія угнетенныхъ народностей. Своекорыстіе его политики обнаружилось съ особенной ясностью въ экспедиціи, предпринятой имъ противъ Мексики, хотя онъ и на этотъ разъ старался прикрыть свои дѣйствительныя намѣренія громкими фразами. Онъ торжественно провозвѣстилъ всему міру, что онъ имѣетъ въ виду поддержать латинскую расу въ Америкѣ въ ея борьбѣ съ англо-саксонской, которая стремится захватить въ свои руки господство надъ всѣмъ американскимъ материкомъ. Сначала онъ дѣйствовалъ заодно съ Англіей и Испаніей и исключительною цѣлью военной экспедиціи въ Мексику было заставить мексиканское правительство исполнить свои денежныя обязательства по отношенію къ европейскимъ кредиторамъ. Какъ только Мексика выполнила эти требованія, Англія и Испанія объявили себя удовлетворенными; но французскій генералъ Э. Ферд. Лятрилль графъ Лорансе занялъ послѣ этого вѣроломно отличающееся здоровымъ климатомъ возвышенное плато, которое поднимается къ востоку отъ подверженнаго тяжелымъ лихорадкамъ берега Веракруцъ, на которомъ высадились французы. Генералъ Э Фр. Форей завладѣлъ вслѣдъ затѣмъ большею частью Мексики, и собраніе нотаблей избрало 11 іюля 1863 года брата Франца Іосифа эрцгерцога Максимиліана императоромъ мексиканскимъ. Этотъ послѣдній долго колебался, принять ли ему эту корону, такъ какъ Францъ Іосифъ давалъ свое согласіе на это только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Максимиліанъ предварительно отказался безусловно отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на австрійскій престолъ; но когда Наполеонъ обѣщалъ по договору 12 марта 1864 года, что до 1867 года онъ долженъ содержать въ Мексикѣ французскій отрядъ не менѣе чѣмъ въ 20 тысячъ человѣкъ, то эрцгерцогъ, наконецъ, согласился принять предложенную ему корону. Максимиліанъ не обманывался и зналъ, что для упроченія монархическаго строя въ Мексикѣ требуется много времени. Наполеонъ же посадилъ Максимиліана на мексиканскій тронъ только для того, чтобы поудобнѣе выпутаться изъ мексиканскаго дѣла, такъ какъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты стали протестовать противъ дальнѣйшаго пребыванія французскаго отряда въ Мексикѣ. Приближалась война между Пруссіей и Австріей, а президентъ Бенито Хуарецъ боролся съ возрастающимъ успѣхомъ за освобожденіе своего отечества отъ иноземцевъ; изъ за всѣхъ этихъ причинъ мексиканская экспедиція становилась для Наполеона тяжелой обузой; какъ извѣстно, Наполеонъ въ концѣ концовъ поступилъ по отношенію къ несчастному императору, какъ предатель, и тотъ былъ разстрѣлянъ въ Ке-

ретаро отчасти по винѣ французскаго императора (см. томъ I). Безпокойная честолюбивая политика Наполеона вызвала во всей Европѣ недовѣріе къ нему. Когда началась война 1866 года, его звѣзда уже готова была закатиться благодаря его неудачамъ въ польскомъ и мексиканскомъ вопросахъ, а во Франціи уже стала подниматься изъ рядовъ молодого поколѣнія все разрастающаяся республиканская оппозиція.

4. Военная реформа и борьба за конституцію въ Пруссіи.

А. Министерство Гогенцоллерна-Шверина.

На смертномъ одрѣ Кавуръ не переставалъ говорить о будущихъ судьбахъ своего отечества и выразился такимъ образомъ о Германіи: „этотъ германскій союзъ есть несообразность; онъ будетъ расторгнутъ, и будетъ положено основаніе объединенію Германіи. Домъ Габсбурговъ останется вѣрнымъ своимъ традиціямъ. Но что будутъ дѣлать пруссаки, которые такъ медлительны въ своихъ рѣшеніяхъ? Имъ нужно будетъ 50 лѣтъ на то, что мы создали въ 3 года“.

Въ такомъ видѣ представлялось на смертномъ одрѣ будущее этому государственному дѣятелю, который еще не зналъ имени Бисмарка. Весьма вѣроятно, что безъ Бисмарка для объединенія Германіи потребовалось бы еще полстолѣтія, несмотря на высокую степень культуры и гражданскія доблести нѣмцевъ; король Фридрихъ-Вильгельмъ I тоже обладалъ готовымъ къ бою войскомъ, но ни онъ, ни его великій сынъ не использовали своихъ силъ: и тотъ, и другой разъ инструментъ былъ на лицо, но не было виртуоза, который сумѣлъ бы пустить его въ ходъ.

Хорошо извѣстно, какими цѣлями задавался король Вильгельмъ I въ германскомъ вопросѣ до тѣхъ поръ, пока Бисмаркъ не сталъ его министромъ. Планы, которые онъ, еще будучи принцемъ-регентомъ, развивалъ предъ императоромъ Францемъ Іосифомъ въ Теплицѣ въ концѣ іюля 1860 года, были довольно скромны. Онъ былъ готовъ заключить съ Австріей союзъ, который бы гарантировалъ неприкосновенность австрійскихъ владѣній, въ томъ числѣ и Венеціи. Король предъявлялъ слѣдующія требованія: предсѣдательство въ германскомъ союзѣ должно принадлежать поочередно Австріи и Пруссіи; командованіе надъ войсками въ сѣверной Германіи предоставляется Пруссіи, а въ южной Германіи — Австріи, союзъ не участвуетъ въ назначеніи главнокомандующаго вопреки прецеденту, созданному Австріей (6-го іюня 1859 года, когда Германія готовилась къ войнѣ съ Наполеономъ III, Австрія сдѣлала подобное предложеніе въ союзномъ совѣтѣ). Пруссіи было невыгодно, чтобы вопросъ о командованіи арміей союза рѣшался большинствомъ голосовъ. Ни Вильгельмъ I, ни его тогдашніе министры не имѣли въ виду подчинить Германію Пруссіи; но Австрія отвергла даже эти скромныя предложенія. Императоръ Францъ Іосифъ заявилъ, что предсѣдательство въ союзномъ совѣтѣ есть неприкосновенное старинное почетное право его дома. По второму вопросу Австрія не дала рѣшительнаго отказа, и онъ подлежалъ обсужденію въ союзномъ сеймѣ; но Австрія была увѣрена, что союзный сеймъ отвергнетъ это предложеніе.

Если исключить военную реформу, это неоцѣнимое твореніе Вильгельма I, то во всей остальной его политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней, мы замѣтимъ постоянныя колебанія въ первые годы его царствованія до выступленія на сцену Бисмарка. Когда онъ сталъ принцемъ-регентомъ въ качествѣ опекуна короля Фридриха Вильгельма IV (см. стр. 245), онъ издалъ 9-го октября 1858 года программу, которая возвѣщала въ осторожныхъ выраженіяхъ переломъ въ прежней реакціонной политикѣ прусскаго правительства. Въ этой программѣ выражалось благотворное

осужденіе религіознаго ханжества, но, поскольку дѣло касалось германскаго вопроса, она ограничивалась общими мѣстами, вродѣ слѣдующаго: Пруссія должна поднять свой нравственный престижъ въ Германіи. Когда принцъ-регентъ вслѣдъ затѣмъ призвалъ къ власти умѣренно-либеральное министерство подъ предсѣдательствомъ принца Антона Гогенцоллерна, то общественное мнѣніе вздохнуло свободнѣе, и въ обществѣ стали ожидать наступленія „новой эры". Имя графа Максимиліана Шверина, министра внутреннихъ дѣлъ, обнадеживало, что теперь начнется свободомыслящая политика реформъ. Зато графъ Александръ фонъ Шлейницъ (см. стр. 246), министръ иностранныхъ дѣлъ, держался обѣими руками за прежніе порядки. Однако прусскій народъ достойно оцѣнилъ добрыя намѣренія правительства, и выборы въ палату дали умѣренно-либеральное большинство, которое готово было поддержать правительство. Цѣлый рядъ дѣятелей изъ либеральнаго лагеря воздержался отъ кандидатуры, чтобы не запугать принца-регента призракомъ 48 года. Руководящая роль въ палатѣ, созванной въ январѣ 1859 года, принадлежала Георгу фонъ Финке, монархическія убѣжденія котораго были внѣ всякихъ сомнѣній. Такое поведеніе избирателей изобличало отрадный политическій тактъ. Въ самомъ дѣлѣ, новое правительство внесло въ палату проекты слѣдующихъ реформъ: отмѣны привилегій дворянства относительно поземельныхъ податей и отмѣны вотчинной полицейской власти дворянъ. Громадныхъ трудовъ стоило правительству заставить палату господъ, въ которой большинство принадлежало консерваторамъ, принять эти реформы; въ другомъ дѣлѣ, касавшемся общегерманскихъ интересовъ, новая эра тоже оправдала надежды, возлагавшіяся на нее народною совѣстью: Пруссія высказалась въ союзномъ сеймѣ за возстановленіе дерзко нарушенной конституціи курфиршества Гессенскаго.

Дальше этихъ первыхъ шаговъ правительство не пошло. Принцъ-регентъ не рѣшался разстаться съ цѣлымъ рядомъ нелюбимыхъ народомъ сановниковъ, которые во время реакціи провинились въ открытомъ нарушеніи законовъ. Возстаніе въ Италіи не замедлило вызвать отголоски въ Германіи. Ближайшимъ послѣдствіемъ итальянской войны было основаніе національнаго ферейна подъ предсѣдательствомъ Рудольфа Бенигсена въ іюлѣ 1859 года. Этотъ ферейнъ пропагандировалъ, что Пруссія должна завести у себя либеральные порядки и затѣмъ объединить подъ своимъ предводительствомъ всѣ германскія внѣавстрійскія земли. Однако итальянскія событія далеко не служили поощреніемъ для принца регента, они, наоборотъ, пугали его: революціонное движеніе въ Неаполѣ и походъ Гарибальди дѣйствовали на него отталкивающимъ образомъ; онъ ни за что не хотѣлъ согласиться, что воля народа можетъ стать на мѣсто ненарушимыхъ правъ монарха. Такимъ образомъ вся его политика, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, носила на себѣ печать консерватизма и неувѣренности; австрійскому министру Рехбергу удалось во время свиданій императора Франца Іосифа съ принцемъ-регентомъ и русскимъ царемъ въ Теплицѣ и въ Варшавѣ вселить въ этихъ монархахъ то убѣжденіе, что національныя либеральныя теченія грозятъ опасностью и для этихъ монарховъ; Австрія теперь уже не была предоставлена самой себѣ, какъ въ 1859 (см. стр. 246), а имѣла союзниковъ.

Б. Военная реформа.

а) Преобразованіе устава о воинской повинности.

Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, произвели свое дѣйствіе: когда Вильгельмъ, вступившій на престолъ 2 января 1861 года, въ качествѣ наслѣдника своего брата, выступилъ передъ палатой съ планомъ военной реформы, то онъ не встрѣтилъ сочувствія въ прусскомъ народѣ. Въ этомъ

вопросъ Вильгельмъ I опередилъ большинство своихъ германскихъ современниковъ и понималъ, что Пруссія можетъ проводить широкую политику, только опираясь на сильное войско. Леопольдъ Ранке передаетъ содержаніе своей бесѣды съ королемъ 13 іюня 1860 года: „Вотъ въ чемъ заключалась главная суть его плановъ.... Не умалять верховной власти германскихъ монарховъ, но достигнуть въ военномъ дѣлѣ такого объединенія, чтобы составилась одна могущественная сила“. Онъ понималъ отчетливо, что верховная власть въ Германіи будетъ принадлежать тому, у кого окажется наиболѣе могущественная военная сила; еще раньше, въ 1859 году, когда имѣлась въ виду война съ Австріей, принцъ-регентъ убѣдился, что прусская армія, которая состояла тогда по положенію военнаго времени изъ 200000 человѣкъ регулярнаго войска и 400000 ландвера, была слишкомъ слаба и недостаточна для продолжительной войны. Эта малочисленная, годная только для мирнаго времени, армія комплектовалась на основаніи положенія, которое было составлено въ то тяжелое время, когда Наполеонъ I вынудилъ у Пруссіи весьма стѣснительныя въ военномъ отношеніи обязательства. Послѣ 1815 года настало очень тяжелое въ финансовомъ отношеніи время, и поэтому Пруссія осталась при прежней своей чисто оборонительной военной системѣ; прусская армія, по соотношенію съ вооруженными силами другихъ военныхъ державъ, была гораздо слабѣе того войска, которое была способна выставить въ поле Пруссія времени Фридриха II, хотя она занимала въ то время гораздо меньшую территорію. Во время мобилизаціи 1859 года обнаружились въ арміи весьма существенные пробѣлы. Чтобы устранить наиболѣе вопіющіе недостатки, принцъ-регентъ ввелъ своей собственной дискреціонной властью важную реформу. Самый важный недостатокъ арміи заключался въ томъ, что недоставало военныхъ частей, необходимыхъ для развертыванія полковъ ландвера, и что при каждой новой мобилизаціи приходилось не только распредѣлить ландверъ по полкамъ, а формировать сначала самые полки. Теперь подобныя вещи кажутся невѣроятными.

Когда въ 1859 году распускали по домамъ запасныхъ, призванныхъ во время мобилизаціи ландвера, то принцъ-регентъ приказалъ не уничтожать вновь сформированныхъ для ландвера кадровъ. Одной этой мѣры было недостаточно; когда ландверъ распустили по домамъ, въ этихъ кадрахъ остались почти только одни офицеры, и ихъ нельзя было считать прочными частями войскъ. На это-то обстоятельство обратилъ вниманіе Вильгельмъ I: но его тогдашній военный министръ не имѣлъ достаточно твердаго характера и не рѣшался принять соотвѣтствующія мѣры за свой страхъ. 5-го дек. 1859 года онъ вышелъ въ отставку, и военнымъ министромъ былъ назначенъ фонъ Роонъ.

10 февраля 1860 года новый военный проектъ поступилъ въ прусскій ландтагъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ прежней системы отбыванія воинской повинности заключался въ томъ, что ежегодно поступало на дѣйствительную службу только 40 тысячъ человѣкъ изъ числа достигшихъ 20-ти-лѣтняго возраста, между тѣмъ какъ всѣхъ ихъ ежегодно имѣлось въ среднемъ 155.650 человѣкъ. Такимъ образомъ всю тяжесть военной службы несли на себѣ 26 % изъ всего числа взрослыхъ молодыхъ людей, а служба была очень тяжела, такъ какъ въ ландверѣ приходилось числиться до 39-лѣтняго возраста. Вслѣдствіе этого ландверъ перваго разряда состоялъ наполовину изъ отцовъ семействъ, а ландверъ второго разряда даже на $^5/_6$. Число призываемыхъ на дѣйствительную службу не измѣнялось въ теченіе 40 лѣтъ, хотя населеніе государства возросло за это время съ 10 милліоновъ до 18 мил. Продолжительность пребыванія солдатъ въ регулярныхъ войскахъ тоже была слишкомъ коротка (три года на дѣйствительной службѣ и два года въ запасѣ). Поэтому правительство предложило чтобы ежегодно принимались на службу 63.000 человѣкъ вмѣсто прежнихъ

40.000, т. е. 40% всѣхъ призываемыхъ; зато срокъ пребыванія въ ополченіи сокращался до 35-лѣтняго возраста. Кромѣ того, пребываніе въ запасѣ предполагалось удлинить съ двухъ до пяти лѣтъ. Въ результатѣ этой мѣры должно было послѣдовать значительное усиленіе регулярнаго войска и уменьшеніе численности ландвера. Это видно изъ численности арміи по положенію военнаго времени согласно указанному проекту; составъ арміи въ военное время выражался въ слѣдующихъ цифрахъ: 371 тысяча человѣкъ въ дѣйствующихъ войскахъ, 126 тысячъ въ резервныхъ частяхъ и 163 тысячи въ ополченіи. Ландтагу предстояло разобрать этотъ проектъ съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, приходилось ассигновать новый военный кредитъ, такъ какъ добавочный составъ новобранцевъ невозможно было распредѣлить по существующимъ полкамъ, и предполагалось сформировать 39 новыхъ армейскихъ полковъ, на что требовалось ежегодно до 9 милліоновъ талеровъ. Во вторыхъ, по новому проекту вносились существенныя измѣненія въ дѣйствующее положеніе о воинской повинности; измѣнялись не только распредѣленіе срока состоянія запасныхъ въ регулярной арміи и въ ополченіи, но и продолжительность пребыванія солдатъ на дѣйствительной службѣ. До того времени срокъ службы изъ экономическихъ соображеній часто сокращали, и солдаты освобождались въ запасъ послѣ 2 или 2½ лѣтъ службы. Король Вильгельмъ находилъ такой срокъ недостаточнымъ и требовалъ увеличенія срока пребыванія на дѣйствительной службѣ до 3 лѣтъ въ пѣхотѣ и до 4 лѣтъ въ кавалеріи.

б) Улучшенія въ тактикѣ пѣхоты.

Тогда же были приняты весьма важныя мѣры по отношенію къ тактикѣ пѣхоты. Послѣ войны 1859 года въ военныхъ сферахъ стали разбираться, какія слѣдуетъ вывести заключенія изъ опыта итальянской кампаніи. Австрійцы съ ихъ оборонительной системой не устояли противъ наступательной тактики болѣе подвижныхъ французовъ. Французамъ часто удавалось при столкновеніяхъ съ австрійской пѣхотой быстрымъ натискомъ пробѣжать подъ выстрѣлами австрійскихъ ружей, имѣвшихъ сильно изогнутую траекторію, и такимъ образомъ одерживать побѣды надъ австрійцами. Благодаря этому въ австрійской арміи распространилось такое убѣжденіе, что необходимо окончательно отказаться отъ оборонительной тактики. И въ прусской арміи тоже имѣлись сторонники такой тактики. Въ августѣ 1859 г. прусскій генеральный штабъ командировалъ во Францію подполковника Карла Рудольфа Оллеха для изученія положенія французской арміи. Онъ вернулся убѣжденнымъ сторонникомъ тактики натиска и совѣтовалъ королю отдать такой же приказъ по пѣхотѣ, какой далъ Фридрихъ Великій по кавалеріи: „всякій командиръ пѣхотной части, который потеряетъ позицію, не отвѣтивши контръ-аттакой на аттаку непріятеля, будетъ преданъ военному суду“. Король Вильгельмъ всегда умѣлъ выбирать наиболѣе способныхъ людей для замѣщенія важнѣйшихъ должностей [1]. Начальникъ генеральнаго штаба, генералъ лейтенантъ баронъ Гельмутъ фонъ Мольтке, понялъ, какъ опасны совѣты Оллеха. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ докладу Оллеха онъ признавалъ, насколько важно поддерживать наступательный духъ въ арміи; но въ то же время онъ настаивалъ, что игольчатое ружье, вве-

[1] Однажды послѣ войны 1870 года онъ разсказалъ шутки ради, какъ онъ самъ впервые обратилъ вниманіе на молодого лейтенанта фонъ-Мольтке. Въ свое время офицерамъ предложено было въ видѣ задачи представить проекты укрѣпленій. Вильгельмъ, который тогда еще былъ принцемъ, разсматривалъ работы офицеровъ и обратилъ особенное вниманіе на работу Мольтке; „хотя молодой офицеръ Мольтке тонокъ, какъ карандашъ“, сказалъ король съ юморомъ его начальнику, „онъ подаетъ большія надежды“. Въ 1855 году онъ назначилъ Мольтке военнымъ наставникомъ своего сына, будущаго императора Фридриха III; до того, въ 47 году, онъ предлагалъ было Роону взять на себя военное воспитаніе принца.

денное въ прусской арміи съ 47 года. обезпечиваетъ за прусской арміей перевѣсъ въ оружейной перестрѣлкѣ, на что, по его мнѣнію, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе при обученіи солдатъ. Вотъ что было главнымъ правиломъ Мольтке: въ началѣ сраженія пѣхота должна использовать преимущества своего огнестрѣльнаго оружія и для этой цѣли держаться открытыхъ мѣстъ, на которыхъ дѣйствіе огня оказывается наиболѣе сильнымъ; такимъ образомъ слѣдуетъ ослабить пѣхоту противника, а затѣмъ уже двинуться впередъ, наступая преимущественно на флангъ противника. Такова была превосходная тактика, съ которой пруссаки начали войну 1866 года, и ей они въ значительной мѣрѣ были обязаны своими успѣхами.

В. **Отношенія между правительствомъ и ландтагомъ.**

а) Увеличеніе военнаго бюджета.

Прусскій ландтагъ не отрицалъ значенія предложенныхъ правительствомъ военныхъ реформъ, но сдѣлалъ все же противъ нихъ существенныя оговорки. Большинство было согласно на увеличеніе ежегоднаго комплекта рекрутовъ, на увеличеніе числа офицеровъ и унтеръ-офицеровъ въ арміи и на освобожденіе отъ призыва на дѣйствительную службу старшихъ возрастовъ ландвера, зато высказывались рѣзкія возраженія противъ уменьшенія численности ландвера въ военное время, а особенно противъ трехлѣтней службы въ войскахъ. Докладчикъ законопроекта генералъ Фридрихъ Штавенгагенъ призналъ достаточнымъ двухлѣтній срокъ службы, правительство нашло, что ему не удастся провести законопроекта объ удлиненіи срока службы и взяло его обратно. Пока оно требовало только увеличенія военнаго бюджета на 9.000.000 талеровъ; эта сумма предназначалась на устройство новыхъ полковъ. Министръ финансовъ баронъ Эр. Роб. фонъ-Патовъ объявилъ отъ имени правительства, что своимъ новымъ предложеніемъ правительство имѣетъ въ виду только ввести временный порядокъ въ арміи до тѣхъ поръ, пока ему не удастся придти къ соглашенію съ палатой и провести свой законопроектъ въ полномъ объемѣ. Старолиберальное большинство палаты депутатовъ пошло на этотъ компромиссъ и ассигновало дополнительный военный кредитъ. Ежегодный бюджетъ арміи достигъ цифры 3[illegible].800.000 таллеровъ, т. е. приблизительно $^1/_4$ всѣхъ государственныхъ доходовъ, которые составляли тогда 130 милліоновъ марокъ.

Въ сущности со стороны палаты тутъ былъ явный самообманъ: формально король распустилъ 36 полковъ ландвера, но въ дѣйствительности они тутъ же были переименованы въ 36 полковъ постоянной арміи; всего было сформировано 117 новыхъ баталіоновъ и 12 новыхъ эскадроновъ. Само собою разумѣется, король не могъ опять распустить этихъ новыхъ военныхъ частей и дать отставку всѣмъ входящимъ въ ихъ составъ офицерамъ, такъ какъ онъ самъ раздалъ этимъ новымъ полкамъ знамена и полевые значки у подножія памятника Фридриха Великаго. Палата депутатовъ перестала довѣрять правительству, но все же ассигновала и въ слѣдующемъ году кредитъ на военныя надобности въ томъ же повышенномъ размѣрѣ. Предстояли выборы въ ландтагъ. Приближался уже срокъ новыхъ выборовъ и окончательное рѣшеніе по вопросу о военной реформѣ зависѣло отъ новаго состава палаты.

б) Конфликтъ между палатой и правительствомъ.

Было бы ошибкой дать столкновенію, которое произошло вслѣдъ за тѣмъ, такое поверхностное толкованіе, будто король оказался необычайно даль-

новиднымъ въ военныхъ вопросахъ, а палата, напротивъ того, мелочной и близорукой, и будто въ этомъ столкновеніи, къ счастью для народа, мудрость правителя одержала верхъ надъ безсмысленнымъ задоромъ политикановъ. Поскольку споръ касался спеціальнаго техническаго вопроса, нетрудно было придти къ соглашенію. Въ крайнемъ случаѣ можно было остановиться на какой нибудь средней цыфрѣ между 2 и 3 годами дѣйствительной службы въ войскахъ, и прусская армія едва ли потерпѣла бы ущербъ въ своей боевой пригодности, если бы двухлѣтній срокъ службы былъ введенъ уже въ то время, а не впослѣдствіи послѣ смерти императора Вильгельма I. Мы не хотимъ однако умалять заслугъ короля; новое выборы въ палату показали, что конфликтъ произошелъ изъ-за чего-то другого, болѣе важнаго. Какъ разъ въ ту эпоху распространеніе либеральныхъ идей въ Европѣ достигло своей кульминаціонной точки, и общественное мнѣніе требовало, чтобы королевская власть была ограничена въ Пруссіи въ такой же мѣрѣ, какъ и въ Англіи, этомъ прототипѣ парламентарнаго государства. Говорили, что сословіе бюргеровъ уже созрѣло и что оно должно отстранить отъ власти короля и дворянство и взять въ свои руки управленіе государствомъ. На новыхъ выборахъ (6 декабря 1861 года) образовалась на смѣну старо-либеральной партіи, которая составляла большинство въ прежней палатѣ, прогрессистская партія; однако за эту новую парламентскую политическую группу высказалось пока только меньшинство избирателей: прогрессисты получили только 100 мѣстъ, т. е. едва треть всего числа. Тѣмъ не менѣе либералы чувствовали себя побѣжденными, а король тоже не довѣрялъ больше либеральнымъ министрамъ, которые въ вопросѣ о военной реформѣ не сумѣли отстоять предъ своей партіей требованія правительства.

Въ то самое время, какъ въ настроеніи бюргерства произошелъ такой переворотъ, дворянство и консервативная партія съ своей стороны выступили съ рѣзкими претензіями къ правительству; съ того времени, какъ вступилъ во власть принцъ Вильгельмъ, они остались въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ и никакъ не могли примириться съ этимъ. Никто не отрицалъ, что прусское дворянство имѣетъ въ прошломъ великія заслуги предъ государствомъ, и что изъ его рядовъ вышли въ разное время перворазрядные дѣятели арміи и бюрократіи. Дворянство, конечно, вполнѣ могло гордиться этими своими историческими заслугами; но эта гордость соединялась въ немъ съ такимъ узко сословнымъ самолюбіемъ, что даже такой человѣкъ, какъ Роонъ, долго не могъ переварить той мысли, что выборное народное представительство есть нѣчто правомѣрное. Его сослуживецъ, начальникъ королевскаго военнаго кабинета, генералъ Эдвинъ фонъ Мантейфель, держался такого же образа мыслей. Эрнстъ Людвигъ фонъ Герлахъ и Германъ Вагенеръ высказали подобные же взгляды въ „Крестовой Газетѣ“.

Карлъ Твестенъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей либеральной партіи, назвалъ генерала Мантейфеля зловреднымъ человѣкомъ, занимающимъ зловредное мѣсто; Мантейфель въ отвѣтъ на это вызвалъ его на дуэль, въ которой Твестенъ былъ раненъ. Либеральные министры съ безпокойствомъ замѣчали, какъ король сворачиваетъ все больше и больше на путь консервативной партіи. Ожидая въ близкомъ будущемъ конфликта на почвѣ военнаго вопроса, они совѣтовали королю пойти на встрѣчу общественному мнѣнію и заняться реформами въ различныхъ областяхъ законодательства. Роонъ оказался рѣшительнымъ противникомъ такого направленія и считалъ такой образъ дѣйствій униженіемъ для короны. 1-го марта 1861 года онъ уговорилъ короля отложить уже выработанные къ тому времени подобные законопроекты. Онъ безпрестанно настаивалъ, чтобы король далъ отставку своимъ либеральнымъ министрамъ и пустилъ въ ходъ энергическія мѣры. Въ апрѣлѣ 1861 года онъ

подалъ королю докладную записку, въ которой онъ отзывался слѣдующимъ образомъ о министерствѣ Гогенцоллернъ-Шверина, въ составъ котораго входилъ и онъ самъ: „такое министерство можно считать терпимымъ для призрачнаго короля, вродѣ бельгійскаго, англійскаго или Луи Филиппа, но не для Васъ, истинно прусскаго короля Божіей Милостью, не для такого короля, какимъ бы Вы хотѣли быть, Ваше Величество! Васъ хотѣли запугать громкими криками. То же самое было со всѣми несчастными королями, о которыхъ повѣствуетъ исторія: ихъ загубилъ призракъ, и только потому, что они въ него вѣрили.

Г. Призваніе къ власти Бисмарка.

а) Министерство Гогенлоэ.

Столкновеніе обнаружилось сейчасъ послѣ того, какъ была созвана новая палата (14 января 1862 года). Въ комиссію для обсужденія военнаго законопроекта были выбраны по преимуществу противники новаго закона. При обсужденіи бюджета было принято предложеніе депутата Ад. Герм. Вил. Гагена, который требовалъ большей спеціализаціи въ государственномъ хозяйствѣ. Это было совершенно основательное предложеніе, и Бисмаркъ дѣйствительно послѣдовалъ ему нѣкоторое время спустя. Но консервативные совѣтники короля назвали это предложеніе посягательствомъ на права короны, и палата депутатовъ, послѣ кратковременной сессіи, была распущена 18 марта 1862 года. Въ то же время либеральное министерство получило отставку. Вмѣсто него былъ назначенъ кабинетъ, состоявшій преимущественно изъ чиновниковъ, который въ цѣломъ носилъ ясно консервативный характеръ. Президентомъ былъ принцъ Адольфъ фонъ Гогенлоэ-Ингельфингенъ; Густ. Вил. фонъ Іаговъ, графъ Леопольдъ Липпе, графъ Авг. фонъ Иценплицъ и Генрихъ фонъ Мюллеръ, которые входили въ составъ этого кабинета, принадлежали къ консервативной партіи. Нужно поставить въ заслугу Роону и Мантейфелю, что они своимъ вліяніемъ на короля проложили дорогу Бисмарку. Но въ то же время они же вызвали конфликтъ между правительствомъ и народными представителями и тѣмъ поставили Бисмарка въ самомъ началѣ его государственной дѣятельности въ весьма затруднительное положеніе: невольно возникаетъ сомнѣніе, не достигла ли бы Пруссія при своемъ культурномъ и военномъ превосходствѣ тѣхъ же самыхъ результатовъ, если бы правительство даже не пошло въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ. Таково было мнѣніе кронпринца Фридриха Вильгельма, Альберта, принца регента англійскаго, и также зятя короля Вильгельма великаго герцога Фридриха Баденскаго, который въ то время проводилъ въ своей странѣ обширныя реформы при содѣйствіи либеральныхъ министровъ, барона Франца фонъ Роггенбаха и Карла Мати. Всѣ они уже тогда были готовы оказать содѣйствіе королю Вильгельму въ его стремленіи къ императорской коронѣ. Самъ король Вильгельмъ чувствовалъ, что послѣ раздоровъ между нимъ и палатой многіе искренніе друзья Пруссіи стали сомнѣваться, дѣйствительно-ли Пруссія призвана объединить Германію. Это разочарованіе стало чувствоваться даже въ союзномъ сеймѣ.

Чтобы поправить дѣло, король назначилъ министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣсто легитимиста Шлейница графа Альбрехта фонъ Бернсторфа, который стремился къ объединенію Германіи подъ главенствомъ Пруссіи. Бернсторфъ дѣйствовалъ очень энергично, когда нѣсколько государствъ, входившихъ въ составъ Германскаго таможеннаго союза, заключили сепаратные торговые договоры съ Франціей по системѣ свободы торговли и грозили выйти изъ состава таможеннаго союза. Австрія охотно поддержала

нихъ, такъ какъ ей очень хотѣлось смести съ лица земли германскій таможенный союзъ; однако эти государства вынуждены были уступить Пруссіи, такъ какъ имъ пришлось бы поступиться своими собственными экономическими выгодами, если бы онѣ вышли изъ состава таможеннаго союза. Затѣмъ въ циркулярной нотѣ къ правительствамъ германскихъ государствъ 20 декабря 1861 года онъ отстаивалъ право Пруссіи на первенствующую роль въ Германіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ берлинскій кабинетъ вернулся къ политикѣ объединенія, которой онъ держался до 1850 года.

Въ противовѣсъ этой политикѣ, партія Великой Германіи тоже собралась съ силами. Австрія рѣшила предупредить Пруссію и сейчасъ же выступить съ опредѣленной программой; она предложила слѣдующее преобразованіе германскаго союза. Для управленія общими дѣлами союза учреждается директорія, а при ней собраніе делегатовъ отъ палатъ депутатовъ отдѣльныхъ государствъ. Пока не удастся провести этотъ проектъ чрезъ союзный сеймъ, Австрія предлагала немедленно приступить къ разработкѣ общаго обязательственнаго права и общей процедуры гражданскаго процесса для всей Германіи. Въ франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ большинство высказалось какъ противъ прусской ноты, такъ и противъ австрійскаго проекта, такъ какъ мелкія германскія государства не хотѣли поступаться своими верховными правами ни въ пользу прусскаго, ни въ пользу австрійскаго правительства. Прусская политика могла бы разсчитывать на успѣхъ въ томъ случаѣ, еслибы въ общегерманскомъ парламентѣ большинство высказалось за Пруссію, какъ это случилось въ 1849 году. Но Бернсторфъ не могъ совѣтовать королю настаивать на созывѣ національнаго собранія, хотя такая мысль вполнѣ соотвѣтствовала его убѣжденіямъ, такъ какъ при тогдашнемъ положеніи вещей такое собраніе вполнѣ одобрило бы оппозицію прусской прогрессивной партіи.

б) Король и парламентъ.

На новыхъ выборахъ въ палату представителей радикальный либерализмъ одержалъ верхъ. Къ обѣимъ прогрессивнымъ партіямъ принадлежало всего 235 членовъ ландтага, т. е. $^2/_3$ изъ всего числа 352 депутатовъ; старолибералы, во главѣ которыхъ стоялъ Финке, имѣли въ палатѣ всего 23 голоса. Новое большинство съ радостью подняло брошенную ей перчатку, потому что это большинство дѣйствительно задавалось тѣми цѣлями, которыя Роонъ несправедливо приписывалъ даже умѣренно либеральной партіи. Оно не желало никакого компромисса, оно домогалось, чтобы король подчинился парламенту. Для представителей большинства англійскіе и бельгійскіе порядки были во всемъ образцомъ. Военная реформа была только внѣшнимъ предлогомъ; въ дѣйствительности же это былъ конфликтъ между прусскимъ режимомъ и политическимъ идеаломъ большинства народныхъ представителей. Палата соглашалась принять военную реформу только съ тѣмъ условіемъ, чтобы былъ введенъ двухлѣтній срокъ службы; король не согласился на эту поправку; тогда палата постановила вычеркнуть изъ бюджета статью расхода на военную реформу, т. е. расформировать новые полки. Большинство палаты думало, что король окажется въ безвыходномъ положеніи и ему придется пожертвовать своимъ самолюбіемъ и либо смириться, либо уйти.

Король Вильгельмъ готовъ былъ скорѣе отказаться отъ престола, чѣмъ подчиниться такому давленію: въ его глазахъ это означало: изъ короля превратиться въ тѣнь короля. Король серьезно взвѣшивалъ свое положеніе, а министерство Гогенлоэ не видѣло никакого выхода изъ своего тяжелаго положенія и подало въ отставку. Король сомнѣвался, удастся ли ему найти такихъ рѣшительныхъ людей, которые готовы были бы всту-

чить въ борьбу съ палатой депутатовъ. Роонъ и Мантейфель еще раньше неоднократно напоминали ему о Бисмаркѣ (см. фиг. 1, 2. на табл. къ стр.), но король опасался довѣрить ему управленіе государствомъ, такъ какъ онъ считалъ Бисмарка горячей головой. Въ эту трудную минуту онъ подумалъ было о Бисмаркѣ и сказалъ Роону: „теперь Бисмаркъ, вѣроятно, и самъ не захочетъ стать во главѣ управленія государствомъ; кромѣ того, онъ какъ разъ теперь находится въ отпуску". Роонъ возразилъ, что Бисмарка вернули обратно и что онъ радъ служить своему королю. Но король вскорѣ послѣ этого узналъ, что Бисмаркъ сейчасъ по возвращеніи изъ отпуска сдѣлалъ визитъ кронпринцу. Визитъ этотъ былъ случайный, такъ какъ кронпринцъ самъ пригласилъ къ себѣ Бисмарка; но въ душѣ короля проснулось недовѣріе, и онъ подумалъ: „и съ нимъ я ничего не подѣлаю, онъ уже былъ у моего сына". Тѣмъ не менѣе король отбросилъ всѣ сомнѣнія, когда Бисмаркъ представился ему и изложилъ передъ нимъ свою программу. Король показалъ ему свое отреченіе, которое онъ уже набросилъ, такъ какъ никакъ не могъ составить министерства. Бисмаркъ поспѣшилъ успокоить короля и увѣрить его, что останется вѣрнымъ слугой короля въ его борьбѣ противъ парламентаризма. Въ тотъ самый день, когда была закрыта сессія палаты, нанесшей такое глубокое оскорбленіе своему монарху 23 сентября 1862 года, было опубликовано назначеніе Бисмарка министромъ президентомъ.

5. Первые шаги Бисмарка.

А. Столкновеніе его съ палатой депутатовъ и съ кронпринцемъ.

Бисмаркъ поставилъ себѣ задачей созданіе германскаго единства и возрожденіе королевской власти и всѣхъ вообще консервативныхъ силъ. Современники высказывали о немъ весьма различныя сужденія, смотря по ихъ политическому направленію. Тѣ, которые считали конечною цѣлью политическаго развитія Германіи широкое распространеніе въ этой странѣ демократическихъ идей и учрежденій Англіи и Франціи, относились къ Бисмарку, какъ къ энергическому противнику. Въ самомъ началѣ дѣятельности Бисмарка передъ нимъ предсталъ очень трудный юридическій вопросъ. Онъ совѣтовалъ королю не смущаться правомъ палаты утверждать бюджетъ, а распорядиться собственной властью. Для исторической оцѣнки дѣятельности Бисмарка не имѣетъ существеннаго значенія, ссылался ли онъ при этомъ на доводы основательные съ точки зрѣнія государственнаго права или нѣтъ? юридически вопросъ этотъ рѣшается не въ пользу Бисмарка. Вотъ на что ссылался Бисмаркъ: по конституціи бюджетъ утверждается законопроектомъ, который долженъ быть принятъ съ общаго согласія короны, палаты господъ и палаты депутатовъ; творцы прусской конституціи имѣли въ виду создать порядокъ, отличающійся отъ господствующаго въ Англіи, по которому денежные расходы обсуждаются и утверждаются исключительно нижней палатой. Такого случая, когда не будетъ общаго согласія короны и палатъ и законопроектъ о бюджетѣ нельзя будетъ провести обычнымъ порядкомъ, творцы прусской конституціи не предусмотрѣли; въ ней остается пробѣлъ. Но такъ какъ дѣятельность государства не можетъ остановиться, то возникаетъ предусмотрѣнный конституціей случай крайней необходимости, когда корона можетъ распорядиться собственной властью и утвердить временную смѣту расходовъ. Придерживаясь подобной теоріи, корона могла бы увеличивать государственные расходы, сколько ей угодно будетъ, даже въ томъ случаѣ, если бы обѣ палаты вотировали одну и ту же низшую цифру. При такомъ режимѣ все вершилъ бы въ государствѣ произволъ властей. Прусскій министръ произнесъ въ палатѣ длинную рѣчь, въ которой онъ изложилъ

свое политическое міровоззрѣніе и въ частности доказывалъ правильность своего взгляда на бюджетный вопросъ. „Королевская власть въ Пруссіи еще не выполнила своей миссіи, она еще не созрѣла до такой степени, чтобы служить однимъ лишь украшеніемъ для фасада зданія вашей конституціи; нѣтъ, она еще не созрѣла до такой степени, чтобы вы могли ее всунуть, какъ безжизненный винтикъ, въ механизмъ парламентарнаго режима“. Даже король смутился было, когда Бисмаркъ произнесъ въ бюджетной коммиссіи палаты депутатовъ (30 сентября 1862 года) свою знаменитую фразу о томъ, что „объединеніе Германіи не можетъ быть достигнуто посредствомъ рѣчей, собраній и рѣшеній по большинству голосовъ; оно можетъ быть создано только посредствомъ тяжелой борьбы, такой борьбы, для которой необходимы кровь и желѣзо“. Роонъ также считалъ такой оборотъ рѣчи опаснымъ.

Четыре года государство управлялось безъ утвержденнаго согласно конституціи бюджета. Палата депутатовъ признала такой образъ дѣйствій правительства противозаконнымъ, и во всемъ государствѣ замѣчалось сильное волненіе умовъ. Чтобы придушить оппозицію, правительство издало 1-го іюня 1863 года суровыя распоряженія, направленныя противъ свободы печати и собраній. Въ это время къ противникамъ Бисмарка примкнулъ кронпринцъ Фридрихъ Вильгельмъ, который былъ убѣжденъ, что поведеніе министра можетъ вызвать въ Пруссіи новую революцію. 5-го іюня, когда онъ принималъ въ данцигской ратушѣ представителей городского магистрата, онъ произнесъ рѣчь, направленную противъ правительства: „я тоже сожалѣю, что пріѣхалъ сюда въ такое время, когда между правительствомъ и народомъ наступилъ раздоръ; когда я узналъ объ этомъ раздорѣ, я былъ въ высшей степени изумленъ, такъ какъ тѣ распоряженія, которыя вызвали эту смуту, остались мнѣ неизвѣстными“. Въ то же время кронпринцъ представилъ королю докладную записку такого же содержанія; а 30-го іюня онъ отправилъ министру-президенту письмо, преисполненное гнѣва и презрѣнія, которое произвело бы потрясающее впечатлѣніе на всякаго другого, кромѣ Бисмарка. „Зачѣмъ Вы наносите безпрестанныя оскорбленія народному чувству справедливости? Неужели Вы думаете, что такимъ способомъ успокоите умы ... Я считаю тѣхъ, которые совращаютъ на подобный путь Его Величество короля, моего всемилостивѣйшаго государя и отца, самыми опасными совѣтниками для престола и отечества“. Король былъ глубоко оскорбленъ этимъ открытымъ протестомъ своего сына, онъ собирался было принять противъ него суровыя мѣры, но Бисмаркъ отклонилъ его отъ подобнаго намѣренія. Министръ-президентъ напомнилъ также королю, что въ спорѣ между Фридрихомъ Вильгельмомъ I и его сыномъ современники и потомство стали на сторону наслѣдника престола; неблагоразумно было бы, говорилъ Бисмаркъ, сдѣлать изъ кронпринца мученика. Вообще казалось, что всеобщее напряженіе достигло тогда въ Пруссіи крайнихъ предѣловъ и что все было готово къ взрыву. Въ 1863 году палата депутатовъ постановила огромнымъ большинствомъ голосовъ, что министры должны отвѣчать своимъ имуществомъ за перерасходъ въ бюджетѣ.

Б. Германскій вопросъ.

Среди всѣхъ этихъ треволненій Бисмаркъ руководилъ внѣшней политикой съ поразительной ясностью ума и поразительной энергіей. Кто познакомится съ исторіей періода времени отъ 1860 до 1862 года, тотъ будетъ пораженъ, какъ мало считались въ это время съ Пруссіей, какъ съ европейской державой. Благодаря неувѣренной политикѣ Фридриха Вильгельма IV, это государство играло весьма незначительную роль особенно во время крымской кампаніи. Даже позже, когда Пруссіей управлялъ уже

Вильгельмъ I, сначала въ качествѣ принца-регента, а потомъ уже королемъ, Кавуру (см. выше, стр. 314) приходилось безпрестанно перебирать, какіе могутъ произойти повороты въ политикѣ Австріи, Англіи и Россіи; Пруссію же онъ при этомъ весьма мало принималъ въ разсчетъ. Во время итальянскаго кризиса это государство имѣло столько же вѣса, сколько всякое другое второстепенное государство, вродѣ Испаніи, о которой, напримѣръ, говорили иногда, что она посылаетъ отрядъ для подкрѣпленія или для замѣны французскаго гарнизона въ Римѣ. Какъ велики ни были заслуги короля Вильгельма предъ прусской арміей и предъ прусскимъ государствомъ, не будь такого государственнаго дѣятеля, какъ Бисмаркъ, онъ бы не достигъ такихъ блестящихъ результатовъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ всѣ привыкли осмѣивать слабость Пруссіи; поэтому энергическіе обороты рѣчи Бисмарка приводили всѣхъ въ изумленіе. Когда онъ заговорилъ въ одномъ изъ первыхъ засѣданій совѣта министровъ о томъ, что Пруссія не должна выпускать изъ виду присоединенія Шлезвига и Гольштиніи, то кронпринцъ поднялъ руки вверхъ, какъ будто ораторъ сказалъ что-то совершенно безсмысленное, а секретарь, чтобы не смущать Бисмарка, не занесъ его словъ въ протоколъ: Бисмарку пришлось сдѣлать приписку собственной рукой. Въ газетахъ и памфлетахъ того времени вышучивали хвастливаго новаго министра, и никто не признавалъ за нимъ такой силы ума и такой твердости характера, которыя были необходимы для выполненія его программы. Казалось бы, что блестящіе успѣхи его энергической политики должны были вывести его современниковъ изъ заблужденія: такъ, напримѣръ, споръ изъ-за конституціи великаго герцогства Гессенскаго продолжался десятками лѣтъ, а Бисмаркъ покончилъ съ нимъ однимъ махомъ, — онъ попросту послалъ великому герцогу Фридриху Вильгельму черезъ фельдъегеря недвусмысленный приказъ возстановить въ Гессенѣ дѣйствіе конституціи 1831 г.; тѣмъ не менѣе, Бисмарка продолжали осыпать тѣми же насмѣшками. Другой примѣръ — это замѣчательная бесѣда, которая произошла между Бисмаркомъ и австрійскимъ посланникомъ графомъ Алоизіемъ Карольи. Незадолго предъ тѣмъ Австрія безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ съ Пруссіей внесла въ союзный сеймъ во Франкфуртѣ тотъ проектъ преобразованія германскаго союза, о которомъ мы уже упоминали; Бисмаркъ въ своей бесѣдѣ съ Карольи поставилъ Австріи въ упрекъ, что она отступила отъ методы князя Меттерниха, который предварительно совѣщался съ Пруссіей обо всѣхъ мѣрахъ, которыя онъ предпринималъ по дѣламъ германскаго союза; затѣмъ онъ предупредилъ австрійскаго посланника, что въ близкомъ будущемъ Австріи придется выбирать одно изъ двухъ, или уйти изъ Германіи и перемѣстить свой центръ тяжести на Востокъ, или же въ ближайшей войнѣ увидѣть Пруссію на сторонѣ своихъ противниковъ. Это заявленіе подѣйствовало въ Вѣнѣ, какъ бомба. Графъ Рехбергъ (см. ниже) былъ совершенно правъ, когда онъ еще раньше того назвалъ Бисмарка „страшнымъ" человѣкомъ, который полѣзетъ на баррикаду, если это понадобится для величія Пруссіи.

B. Австрія въ качествѣ конституціоннаго государства.

Какъ разъ въ то время, когда Бисмаркъ вступилъ въ министерство, въ Германіи организовались двѣ большія партіи. 28 сентября 1862 года собрался въ Веймарѣ конгрессъ депутатовъ парламентовъ германскихъ государствъ, въ которомъ участвовало около 200 членовъ. Это собраніе требовало созыва германскаго парламента изъ представителей, избираемыхъ непосредственно населеніемъ, и образованія тѣснаго союза всѣхъ германскихъ государствъ, кромѣ Австріи, которая должна была остаться внѣ этого союза, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. Въ противовѣсъ этому

конгрессу и дѣятельности національнаго германскаго союза образовался велико-германскій союзъ реформъ, который началъ свое существованіе во Франкфуртѣ. Этотъ союзъ пропагандировалъ объединеніе германскихъ государствъ подъ главенствомъ Австріи, только въ болѣе прочной формѣ. Верховные владѣтели германскихъ государствъ и ихъ ближайшіе совѣтники не шли дальше узкаго и недальновиднаго партикуляризма и стояли въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ стремленій; они не соглашались поступиться ни малѣйшей долей суверенныхъ правъ отдѣльныхъ государствъ въ пользу всей Германіи. Ихъ сокровеннѣйшія мысли высказалъ ганноверскій министръ Фр. Вил. Оттонъ графъ Боррисъ; увлекшись борьбой противъ стремленій національнаго союза, онъ позволилъ себѣ произнести 1-го мая 1860 года ту угрозу, что второстепенныя германскія государства вынуждены будутъ вступить въ союзъ съ внѣ-германскими государствами для сохраненія своей независимости.

Великогерманское направленіе пріобрѣтало все больше сторонниковъ, во-первыхъ, вслѣдствіе парламентскаго конфликта въ Пруссіи, и, во-вторыхъ, благодаря повороту, который произошелъ въ то время во внутренней политикѣ Австріи. Неограниченный образъ правленія, который господствовалъ въ Австріи съ 1849 года, привелъ это государство къ тяжелому пораженію на полѣ битвы и къ ужаснѣйшему разстройству финансовъ. Суровый полицейскій гнетъ чувствовался съ двойной силой, такъ какъ со времени заключенія конкордата съ папой (см. стр. 287) католической церкви въ Австріи было предоставлено право пользоваться услугами гражданскихъ властей. Послѣ битвы при Сольферино (24-го іюня 1889 г.; ср. стр. 298) недовольство существующими порядками выразилось съ необычайной силой среди всѣхъ національностей Австрійской имперіи, и императору приходилось рѣшиться на крутой поворотъ во внутренней политикѣ. Цѣлесообразнѣе всего было бы, если бы императоръ сейчасъ же созвалъ общій австрійскій парламентъ и тѣмъ упрочилъ бы возстановленное въ 1849 году единство имперіи; но корона и въ особенности аристократія опасались, что въ такомъ собраніи нѣмецкіе бюргеры выступятъ съ слишкомъ большими требованіями. Поэтому на первыхъ порахъ не пошли дальше выгоднаго для аристократіи компромисса. Полякъ графъ Агеноръ Голуховскій, бывшій галиційскій намѣстникъ, былъ назначенъ 21-го августа 1859 года министромъ внутреннихъ дѣлъ, а графъ Іог. Берн. фонъ Рехбергъ Ротенгевенъ, который замѣстилъ 17-го мая графа Буоль-Шауэнштейна въ должности министра иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора, занялъ постъ министра президента. Согласно императорскому манифесту отъ 29 октября 1860 года всѣ административно-политическія дѣла всей монархіи были сосредоточены въ новомъ учрежденіи, именно въ „государственномъ министерствѣ“ (Staatsministerium), во главѣ котораго былъ поставленъ Голуховскій, а завѣдываніе дѣлами Венгріи было поручено барону Никалаю Фай и графу Николаю Шеченъ; въ то же время было издано распоряженіе о созывѣ областныхъ сеймовъ (ландтаговъ) и имперскаго сейма (рейхсрата), состоящаго изъ выборныхъ представителей отдѣльныхъ ландтаговъ. Эти собранія пользовались только совѣщательнымъ правомъ голоса, и кромѣ того по областнымъ статутамъ дворянству и духовенству было предоставлено преобладающее вліяніе въ областныхъ сеймахъ. Къ весьма важнымъ послѣдствіямъ привело слѣдующее обстоятельство: упомянутые двое представителей консервативныхъ венгерскихъ магнатовъ, которые относились весьма неблагосклонно къ нѣмецкимъ чиновникамъ, уговорили императора вновь довѣрить управленіе Венгріей комитатамъ (собраніямъ дворянъ) и уполномочить ихъ назначать чиновниковъ, какъ это дѣлалось до 1848 года. Однако эти мѣропріятія привели къ такимъ результатамъ, какихъ не ожидали Фай и Шеченъ. Комитаты, которые не собирались съ 1849 года — и за это время прониклись ре-

волюціоннымъ духомъ, сейчасъ же перешли къ самой рѣзкой оппозиціи и отказались исполнять распоряженія министровъ на томъ основаніи, что никто не имѣетъ права облагать населеніе помимо избраннаго узаконеннымъ порядкомъ рейхстага; комитаты выбрали чиновниковъ, которые формально отказывались взымать съ населенія денежныя повинности, или же предумышленно бездѣйствовали. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ во всей Венгріи разразилось открытое возмущеніе.

Когда венгерскіе министры императора ввергли всю имперію въ такое смятеніе, они были вынуждены посовѣтовать императору поручить управленіе государствомъ энергичному дѣятелю изъ среды высшей нѣмецкой бюрократіи: 17-го декабря 1860 года на мѣсто Голуховскаго былъ назначенъ государственнымъ министромъ Антонъ фонъ-Шмерлингъ (см. стр. 283). Этотъ нерасположенный къ венгерцамъ государственный дѣятель склонилъ на свою сторону императора и осуществилъ слѣдующую программу: сохраненіе единства государства и учрежденіе центральнаго парламента. Наряду съ послѣднимъ было оставлено ограниченное поле дѣятельности для областныхъ сеймовъ отдѣльныхъ провинцій. Таковы были основные принципы конституціи, обнародованной 26 февраля 1861 года. За Шмерлингомъ остается та заслуга, что онъ возстановилъ авторитетъ государства въ Венгріи безъ кровопролитія, хотя и не безъ строгихъ мѣропріятій. Комитатскія собранія были распущены, и вмѣсто нихъ назначены надежные чиновники изъ мѣстныхъ жителей. Однако колеблющаяся политика, которой держался императоръ въ 1860 г., вселила въ венгерскомъ народѣ такое убѣжденіе, что корона въ концѣ концовъ не устоитъ и вынуждена будетъ дать Венгріи такую самостоятельность, какую она было отвоевала себѣ согласно апрѣльской конституціи 1848 года. Францъ Деакъ (см. стр. 204 и 242) сталъ во главѣ оппозиціи въ ландтагѣ, созванномъ въ 1861 году; ландтагъ вотировалъ адресъ, въ которомъ отказывался посылать отъ себя представителей въ общеимперскій парламентъ и требовалъ полной независимости для Венгріи.

Г. Собраніе германскихъ владѣтельныхъ князей на Франкфуртскомъ сеймѣ.

Сначала Шмерлингъ неуклонно шелъ по своему намѣченному пути. Онъ пріобрѣлъ также значительное вліяніе на общегерманскія дѣла. Въ теченіе нѣкотораго времени общая политика германскихъ государствъ зависѣла отъ него больше, чѣмъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ, графа Рехберга. Этотъ послѣдній старался жить въ добромъ согласіи съ Пруссіей и не затрагивать германскаго вопроса. Шмерлингъ, напротивъ того, намѣчалъ себѣ болѣе широкія задачи, хотѣлъ осчастливить Германію давно желанною реформой союзныхъ учрежденій и создать во Франкфуртѣ сильную центральную власть, которая утвердила бы австрійское вліяніе въ Германіи. Онъ надѣялся, что общественное мнѣніе всѣхъ прочихъ германскихъ государствъ пересилитъ сопротивленіе Пруссіи. Послѣ того, какъ онъ ввелъ конституціонныя формы правленія въ Австріи, въ Германіи къ нему тоже стали относиться съ благоволеніемъ. Австрія надѣялась увлечь за собой германскихъ владѣтельныхъ князей однимъ смѣлымъ шагомъ. По иниціативѣ зятя императора Франца Іосифа, наслѣднаго принца Максимиліана Турнъ и Таксисъ, императоръ рѣшилъ пригласить всѣхъ германскихъ владѣтельныхъ князей на совѣщаніе во Франкфуртѣ на Майнѣ. При этомъ королю прусскому было удѣлено столько же вниманія, сколько и самому незначительному изъ союзныхъ князей. Во время свиданія обоихъ монарховъ въ Гаштейнѣ 2 августа 1863 г. императоръ сообщилъ о своемъ намѣреніи прусскому королю и, не ожидая условленнаго письменнаго отвѣта короля Вильгельма, уже на слѣдующій день, т. е. 3 августа 1863 г., послалъ ему черезъ адъютанта формальное приглашеніе на сеймъ владѣтельныхъ князей, созывавшійся на 16 августа.

Смѣлый ходъ Австріи сопровождался на первыхъ порахъ успѣхомъ. Въ южной Германіи проявилось возбужденіе общественнаго мнѣнія, доходившее мѣстами до воодушевленія; короли и князья изъявили готовность принять предложенную Австріей реформу. Король Вильгельмъ былъ глубоко взволнованъ; по пути изъ Гаштейна въ Баденъ-Баденъ баварская королева Марія и его невѣстка, вдова короля Фридриха IV, настаивали на томъ, чтобы онъ не уклонялся отъ австрійскаго приглашенія. Тѣмъ не менѣе, онъ послѣдовалъ совѣту Бисмарка и не явился на франкфуртскій съѣздъ. При звонѣ колоколовъ и среди ликованія симпатизировавшихъ Австріи франкфуртскихъ гражданъ въѣхалъ императоръ Францъ Іосифъ въ вольный городъ Франкфуртъ. Умѣло руководилъ императоръ совѣщаніемъ владѣтельныхъ князей, а опытный въ дѣлахъ и краснорѣчивый король Іоаннъ Саксонскій (1854—1873) опровергъ возраженія, исходившія отъ незначительнаго меньшинства. Великій герцогъ Фридрихъ Францъ II Мекленбургъ-Шверинскій предложилъ пригласить короля Вильгельма во Франкфуртъ отъ имени сейма. Король Іоаннъ согласился съ этимъ предложеніемъ, но сдѣлалъ двѣ поправки, не совсѣмъ дружелюбныя по отношенію къ Пруссіи. Онъ предложилъ сейму, во-первыхъ, объявить, что австрійскія предложенія считаются подходящей основой для реформъ, и, во-вторыхъ, сговориться, что отклоненіе королемъ прусскимъ посланнаго ему приглашенія не будетъ служить препятствіемъ для дальнѣйшихъ совѣщаній сейма. Эти поправки были приняты 20 августа, и вслѣдъ затѣмъ король Іоаннъ отправился въ Баденъ-Баденъ, чтобы передать приглашеніе собравшихся на сеймѣ князей королю прусскому.

Король Вильгельмъ былъ расположенъ принять это приглашеніе и сказалъ Бисмарку: „Меня приглашаютъ 30 владѣтельныхъ князей, курьеромъ явился король, какъ же отказаться?“ Но Бисмаркъ понималъ, что вся эта торжественность не болѣе, какъ западня, разставленная Австріей Пруссіи, что короля хотятъ застигнуть врасплохъ; по его мнѣнію, для короля прусскаго явиться на съѣздъ значило подвергнуть себя тяжелымъ униженіямъ. Германія должна убѣдиться, говорилъ онъ, что всякая попытка перекроить германскую конституцію останется безплодной, если только Пруссія не изъявила на то своего согласія. Бисмарку пришлось пустить въ ходъ всю твердость своего характера, чтобы отклонить короля отъ поѣздки во Франкфуртъ; Бисмаркъ объявилъ, что, если король прикажетъ, то онъ поѣдетъ съ нимъ во Франкфуртъ,—но, какъ только съ этимъ дѣломъ будетъ покончено, онъ не вернется больше въ Берлинъ министромъ. Наконецъ, король уступилъ настойчивымъ требованіямъ своего министра. Что Бисмаркъ предвидѣлъ, то и случилось. Австрійское предложеніе было подвергнуто обстоятельному обсужденію на сеймѣ и было принято всѣми голосами, кромѣ Бадена, Шверина, Веймара, Люксембурга, Вальдека и Рейса младшей линіи; но сеймъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы на основѣ принятыхъ имъ рѣшеній было выработано соглашеніе съ Пруссіей, и Австрія добилась вовсе не того, чего она хотѣла.

6. Борьба изъ-за Шлезвигъ-Гольштиніи.

А. Право наслѣдованія престола герцогствъ Шлезвига и Гольштиніи.

Всѣ эти совѣщанія и интриги отошли на задній планъ, когда пришло время рѣшить оружіемъ вопросъ о судьбѣ Шлезвига и Гольштиніи. Поводомъ къ этому послужила смерть датскаго короля Фридриха VII (сконч. 15 ноября 1863 г.), въ лицѣ котораго вымерла старшая линія королевскаго дома. Право наслѣдованія въ Даніи принадлежало боковой линіи Гольштейнъ-Глюксбурговъ, а на престолъ Шлезвигъ-Гольштиніи предъявлялъ притязанія домъ Аугустенбурговъ.

Вся Германія была убѣждена, что настало время освободить Шлезвигъ-Гольштинію отъ датскаго господства и что съ этой цѣлью слѣдуетъ поддержать кандидата изъ Аугустенбурговъ. Но обѣ великія германскія державы были связаны лондонскимъ договоромъ (стр. 285). По этому соглашенію Данія обязалась дать Шлезвигъ-Гольштиніи автономное самоуправленіе, а великія державы съ своей стороны признали эти герцогства наслѣдственнымъ владѣніемъ датскихъ королей. Хотя великія германскія державы сами принудили шлезвигъ-гольштинцевъ подчиниться датчанамъ (см. стр. 252), но это было съ ихъ стороны преступленіемъ: изъ ненависти къ либерализму и ко всѣмъ прегрѣшеніямъ, въ которыхъ они провинились въ 1848 году, Австрія и Германія рѣшили уничтожить въ корнѣ надежды шлезвигъ-гольштинцевъ на самостоятельность и на либеральныя реформы въ случаѣ, если бы вымерла царствующая линія королевскаго дома. Данія откупила у герцога Христіана Аугустенбурга его право наслѣдованія за 2½ милліона талеровъ, но его сынъ Фридрихъ, конечно, оспаривалъ дѣйствительность этой продажи. Данія и не думала исполнять своихъ обѣщаній. Въ теченіе многихъ лѣтъ германскій союзъ пытался воздѣйствовать на нее дружескими совѣтами и предложеніемъ третейскаго суда. Но, наконецъ, въ 1863 году союзъ рѣшилъ отправить противъ Даніи экзекуціонный военный отрядъ. Гольштинія была занята ганноверскими и саксонскими войсками. Войска эти не пошли дальше рѣки Эйдера, такъ какъ Шлезвигъ не входилъ въ составъ германскаго союза.

Эйдерская датская партія (т. е. партія, признававшая рѣку Эйдеръ границей Даніи) въ Копенгагенѣ (см. стр. 250) вывела изъ всего этого своеобразное заключеніе: такъ какъ Шлезвигъ не входитъ въ составъ германскаго союза, то можно признать лондонскій договоръ необязательнымъ въ одной его части, отдѣлить Шлезвигъ отъ Гольштиніи и слить воедино съ Даніей это послѣднее герцогство. Угрожающія народныя манифестаціи заставили новаго короля Христіана VIII признать это сліяніе, несмотря на то, что онъ понималъ всю опасность подобной политики. Благодаря этому обстоятельству, общественное мнѣніе Германіи отнеслось съ единодушнымъ одобреніемъ къ кандидатурѣ герцога Фридриха Аугустенбурга на престолъ Шлезвигъ-Гольштиніи. Этотъ послѣдній обѣщалъ свято соблюдать демократическую конституцію, которую оба герцогства ввели у себя въ 1848 году, и окружилъ себя либеральными совѣтниками. Значительная часть правительствъ второстепенныхъ германскихъ государствъ признала герцога Фридриха законнымъ наслѣдникомъ Шлезвигъ-Гольштиніи; большинство союзнаго сейма тоже высказалось въ его пользу.

Однако же Пруссія и Австрія считали себя связанными лондонскимъ договоромъ, подъ которымъ подписались обѣ эти державы. По этому договору они могли принудить Данію дать герцогствамъ самостоятельное управленіе на основѣ личной уніи, но они вынуждены были признать короля Христіана VIII законнымъ наслѣдникомъ Шлезвигъ-Гольштиніи. Австрія въ особенности не могла допустить такого положенія, что международные договоры теряютъ силу, если они нарушаютъ права національности, такъ какъ эта держава сама владѣла нѣкоторыми областями (напр., Венеціей) только на основаніи международныхъ договоровъ, вопреки національнымъ правамъ и стремленіямъ этихъ областей. Могла ли Пруссія выступить собственными силами противъ остальныхъ великихъ державъ? При всей рѣшительности Бисмарка такая игра казалась ему слишкомъ опасной. А кромѣ того, въ этой опасной игрѣ самая ставка оказывалась слишкомъ жалкой. Въ концѣ концовъ Пруссіи пришлось бы выдержать войну для того только, чтобъ посадить на престолъ герцога, который въ союзномъ сеймѣ оказался бы въ большинствѣ случаевъ сторонникомъ Австріи подобно всѣмъ другимъ второстепеннымъ германскимъ владѣтельнымъ князьямъ. Такое объясненіе далъ Бисмаркъ въ прусской палатѣ депута-

товъ. „Можно допустить, что участіе Пруссіи въ лондонскомъ договорѣ было вообще ошибкой“, — сказалъ Бисмаркъ 1 декабря 1863 года въ этой палатѣ, — „но теперь этой ошибки поправить нельзя; Пруссія не можетъ допустить, чтобъ усомнились въ ея вѣрности договорамъ—это дѣло чести и политическаго такта“. Однако всѣ эти доводы не переубѣдили палаты: она высказалась за право герцога Аугустенбурга на наслѣдованіе Шлезвигъ-Гольштиніи. Напрасно Бисмаркъ доказывалъ оппозиціи, что Пруссія не будетъ имѣть никакого повода для вмѣшательствавъ дѣла Шлезвига, не входящаго въ составъ германскаго союза, лишь только она сойдетъ съ почвы лондонскаго договора.

Рѣзкая оппозиція палаты представителей противъ системы Бисмарка проистекала изъ слѣдующихъ причинъ: въ 1849 и 1850 году консервативная партія, къ которой принадлежалъ и Бисмаркъ, отнеслась враждебно къ шлезвигъ-гольштинцамъ, возставшимъ противъ Даніи; палата опасалась, что партія легитимистовъ, какъ и въ первый разъ, опять отдастъ герцогства подъ власть Даніи. Въ дѣйствительности Австрія и Пруссія съ 1852 года смотрѣли сквозь пальцы на нарушеніе лондонскаго договора Даніей и не ударили пальцемъ о палецъ для защиты автономныхъ правъ герцогствъ. Вполнѣ справедливъ упрекъ, который бросила обѣимъ великимъ державамъ коммиссія съѣзда депутатовъ во Франкфуртѣ 21 декабря 1863 года въ рѣчи, обращенной ко всему германскому народу: „12 лѣтъ позволяли датчанамъ топтать ногами лондонскій договоръ. Теперь, когда вымеръ королевскій домъ, и право наслѣдованія опять переходитъ къ Аугустенбургамъ, наступила возможность отдѣлаться отъ этого постыднаго договора. Теперь, когда дѣйствіе лондонскаго договора будетъ смертельнымъ ударомъ для жизненныхъ интересовъ герцогствъ, германскія государства посылаютъ свои войска для насильственнаго выполненія этого договора“.

Всѣ эти упреки, которыми осыпали прусскую политику, были бы совершенно основательны, если бы Бисмаркъ оставался и теперь, какъ въ 1848 году, исключительно партійнымъ консервативнымъ политикомъ. Германскій народъ не могъ знать, что кругозоръ Бисмарка сталъ гораздо шире. Теперь онъ носился съ мыслью о присоединеніи герцогствъ къ Пруссіи и неуклонно стремился къ этой цѣли, которая казалась еще недостижимой королю Вильгельму. Какъ разъ въ это время на его долю выпалъ громадный дипломатическій успѣхъ: въ вопросѣ о герцогствахъ произошло разногласіе между Австріей и второстепенными германскими государствами, которыя до того времени всегда тяготѣли къ этой державѣ. Бисмаркъ заколачивалъ этотъ клинъ все глубже и глубже. Онъ передалъ вѣнскому кабинету, что Пруссія рѣшилась въ случаѣ крайности на свой собственный рискъ и страхъ заставить Данію силой оружія уважать лондонскій договоръ. Австрія ни въ какомъ случаѣ не могла допустить, чтобы роль освободительницы Шлезвига досталась на долю ея соперницы Пруссіи, въ противномъ случаѣ ей пришлось бы отречься отъ своей роли въ Германіи. Рехбергъ, который и безъ того стоялъ за союзъ съ Пруссіей, убѣдилъ своего императора заключить съ этой державой военный союзъ; Францъ Іосифъ уже успѣлъ разочароваться въ своей прежней политикѣ, такъ какъ франкфуртскій сеймъ владѣтельныхъ князей и, вообще, вся прежняя австрійская система, направленная противъ Пруссіи не дали никакого результата. По договору 16 января 1864 года обѣ великія державы обязались общими силами напасть на Данію и постановили, что послѣ освобожденія герцогствъ дальнѣйшая ихъ участь должна быть рѣшена по обоюдному соглашенію между обѣими державами. Австрія полагала, что этимъ договоромъ она застраховала себя отъ всякихъ неожиданностей со стороны Пруссіи. Какъ въ прусской, такъ и въ австрійской палатѣ на этотъ договоръ обру-

шились многочисленныя нападки. Въ Берлинѣ отказались даже вотировать необходимые денежные кредиты на экспедицію противъ Даніи. Австрійская палата депутатовъ оказалась болѣе умѣренной; тѣмъ не менѣе большинство палаты назвало непростительной ошибкой политику австрійскаго правительства, которое разстроило свои отношенія съ второстепенными германскими государствами и упустило удобный случай пріобрѣсть преданнаго друга въ лицѣ будущаго герцога Шлезвигъ-Гольштинскаго.

Б. Война съ Даніей.

Для завоеванія Шлезвига было отправлено 37 тысячъ прусскихъ и 23 тысячи австрійскихъ солдатъ; датчане, съ своей стороны, выставили 40 тысячъ человѣкъ. Со стороны нападающихъ державъ главнокомандующимъ былъ фельдмаршалъ графъ Фрид. Ген. Эрнестъ фонъ Врангель; къ нему былъ прикомандированъ австрійскій лейтенантъ-фельдмаршалъ баронъ Людвигъ фонъ Габленцъ. Датчане до послѣдней минуты все надѣялись на постороннюю помощь. Но угрозы Англіи по адресу германскихъ державъ были только холостыми выстрѣлами. Сначала датчане пытались оказать сопротивленіе арміи союзниковъ въ Даневеркѣ. Но австрійцы въ сраженіяхъ при Іагелѣ и Оферселькѣ 3-го февраля взяли штурмомъ форпосты датскихъ укрѣпленій и преслѣдовали датчанъ до тѣхъ поръ, пока эти послѣдніе не оказались подъ прикрытіемъ пушекъ крѣпости Даневеркъ. Датчане опасались, чтобы пруссаки не обошли ихъ укрѣпленной позиціи съ тылу ниже Миссунде; поэтому датскій генералъ Хр. Юл. де Меца 5-го февраля очистилъ Даневеркъ и отступилъ къ сѣверу. Но австрійцы погнались за датчанами и нагнали ихъ на слѣдующій день у Оферсе, такъ что датчанамъ пришлось оружіемъ прокладывать себѣ путь къ отступленію. Такимъ образомъ былъ завоеванъ весь Шлезвигъ, за исключеніемъ маленькаго полуострова на востокѣ, на которомъ возвышались Дютгельскія укрѣпленія, которыя находились подъ прикрытіемъ острова Альсена и сильнаго датскаго флота. Затѣмъ Пруссія предложила принудить датчанъ къ міру посредствомъ оккупаціи Ютландіи. Сначала австрійскій кабинетъ не рѣшался на это; Пруссія отправила для переговоровъ въ Вѣну генералъ-лейтенанта фонъ Мантейфеля; Австрія уступила, когда Пруссія обѣщала, что Шлезвигъ-Гольштинія не будетъ изъята изъ подъ верховной власти датскаго короля и что эти герцогства получатъ автономное управленіе и останутся въ личной уніи съ Даніей. Вслѣдъ затѣмъ союзники покорили Ютландію до самого Лимфіорда, а прусскія войска 18 апрѣля взяли штурмомъ Дюппельскія укрѣпленія. Кромѣ того, 9-го мая 1864 года прусскіе и австрійскіе корабли подъ начальствомъ австрійскаго капитана Вильгельма фонъ Тегеттгоффа вступили въ морское сраженіе съ датскимъ флотомъ; послѣ этого сраженія датчане вынуждены были снять блокаду устьевъ Эльбы, и Германія показала, наконецъ, что она не желаетъ больше выносить оскорбленій со стороны маленькой Даніи.

В. Гаштейнскій договоръ.

Теперь приходилось уладить вопросъ о дальнѣйшей участи герцогствъ. Общественное мнѣніе Германіи высказывалось рѣзко противъ возвращенія герцогствъ датскому королю, а Бисмаркъ подливалъ масла въ огонь, такъ какъ ему хотѣлось освободить Пруссію отъ даннаго ею обѣщанія. Онъ не достигъ бы этой цѣли, если бы датчане не оказались, къ счастью для Германіи, слишкомъ упорными. 25 апрѣля 1864 года собралась въ Лондонѣ конференція заинтересованныхъ державъ. Датскіе уполномоченные, которые все еще надѣялись на помощь со стороны Англіи, откло-

нили 17-го мая предложеніе Пруссіи и Австріи и безусловно отказались признать оба герцогства самостоятельными государствами, даже въ томъ случаѣ, если бы суверенная власть надъ ними была предоставлена датскому королю Христіану. Благодаря этому обстоятельству дѣло приняло новый оборотъ. Теперь и Австрія вынуждена была отказаться отъ соглашенія, заключеннаго съ Пруссіей во время войны. Поневолѣ вѣнскій кабинетъ согласился на кандидатуру герцога Аугустенбурга, лишь бы Шлезвигъ-Гольштинія не досталась Пруссіи. Король Вильгельмъ еще раньше былъ готовъ признать эту кандидатуру подъ тѣмъ условіемъ, чтобы герцогъ Фридрихъ заключилъ съ Пруссіей военную конвенцію на подобіе кобургской, далъ въ своихъ владѣніяхъ морскую стоянку для прусскаго флота чтобы онъ не препятствовалъ сооруженію канала изъ Балтійскаго въ 'Нѣмецкое море и чтобы герцогства присоединились къ таможенному союзу. Герцогъ согласился бы на всѣ эти требованія, лишь бы достигнуть власти, если бы Австрія съ своей стороны не сдѣлала ему болѣе благопріятныхъ обѣщаній. Въ Вѣнѣ всячески хотѣли предупредить, чтобы Шлезвигъ-Гольштинія не попала въ вассальную зависимость отъ Пруссіи. Герцогъ принялъ предъявленныя прусскимъ королемъ условія; но, понадѣявшись на австрійскія обѣщанія, онъ оговорился, что онъ не знаетъ, согласятся ли на такія уступки сословные представители Шлезвигъ-Гольштиніи. Если же сословные представители не дадутъ своего согласія, то онъ готовъ отказаться отъ своихъ правъ въ пользу своего сына. Бисмаркъ отнесся къ этой оговоркѣ съ крайнимъ недовѣріемъ: можетъ быть, думалъ онъ, повторится опять та же самая игра, которая уже разъ давалась на исторической сценѣ, когда герцогъ Христіанъ Аугустенбургъ продалъ свои права Даніи, а сынъ его Фридрихъ все-таки выступилъ съ притязаніями на свое право наслѣдованія въ Шлезвигъ-Гольштиніи. Со дня на день въ прусскомъ министрѣ президентѣ росла рѣшимость не отступать, пока обѣ эти провинціи не будутъ присоединены къ Пруссіи. Первымъ шагомъ на пути къ этой цѣли былъ мирный договоръ съ Даніей 30 октября 1864 года: оба герцогства были уступлены Австріи и Пруссіи безъ всякихъ оговорокъ, помимо притязаній Аугустенбурговъ и Ольденбурговъ.

Въ это время Бисмаркъ еще не желалъ разрыва съ Австріей. Поэтому ему былъ не по сердцу уходъ графа Рехберга съ должности министра иностранныхъ дѣлъ (27 октября 1864 года). Соотечественники обвинили графа Рехберга въ томъ, что затѣянный имъ союзъ Австріи съ Пруссіей выгоденъ только для этой послѣдней. Его преемникъ графъ Александръ Менсдорфъ-Пульи преслѣдовалъ тѣ же цѣли, что и Рехбергъ. Но такъ какъ онъ былъ малоопытенъ въ дѣлахъ, то при немъ стало все больше сказываться вліяніе противниковъ Пруссіи изъ среды высшихъ чиновниковъ его министерства, главнымъ образомъ, гофрата барона Людвига фонъ Бигелебена. Это повело къ неиріятнымъ послѣдствіямъ, тѣмъ болѣе, что обѣ великія державы управляли герцогствами сообща, отчего само собой происходило кой-какое треніе во взаимныхъ отношеніяхъ между ними. Въ февралѣ 1865 года Пруссія предъявила тѣ условія, на которыхъ она согласна предоставить тронъ Шлезвигъ-Гольштиніи герцогу Аугустенбургу. Въ сущности въ нихъ заключалось то, что уже раньше было сообщено герцогу. Но Австрія не согласилась на предложенія Пруссіи; въ Вѣнѣ настаивали на томъ, что германскій союзъ есть соединеніе суверенныхъ монарховъ, въ числѣ которыхъ не можетъ быть прусскаго вассала. Послѣ этого Пруссія сочла нужнымъ принять болѣе дѣйствительныя мѣры и привела свой флотъ на стоянку изъ Данцига въ Киль. Бисмаркъ открыто заявилъ: „если Австрія хочетъ остаться нашимъ союзникомъ, она должна передъ нами посторониться“.

Это были уже предвѣстники войны. Берлинскій кабинетъ сдѣлалъ

запросъ во Флоренціи, согласна ли Италія вступить въ союзъ съ Пруссіей. Но все же обѣ германскія державы стѣснялись взяться за оружіе другъ противъ друга въ такое время, когда ихъ войска только что вернулись изъ общаго союзнаго похода; послѣ долгихъ переговоровъ покончили, наконецъ, 14 августа 1865 года договоромъ въ Гаштейнѣ. Общее управленіе герцогствами было отмѣнено, и ихъ подѣлили такимъ образомъ, что Пруссіи достался Шлезвигъ, не примыкавшій къ ея владѣніямъ, а Австріи Гольштинія, прилегавшая къ владѣніямъ Пруссіи (см. карту „Пруссія въ XIX стол.“). Лауэнбургъ былъ уступленъ Пруссіи за $2^1/_2$ милліона талеровъ. Было очевидно, что Пруссія двигается побѣдоносно впередъ и въ недалекомъ будущемъ слѣдовало ожидать присоединенія обоихъ герцогствъ къ Пруссіи. Прусская палата депутатовъ, которая за полтора года передъ тѣмъ высказалась рѣшительно за кандидатуру герцога Аугустенбурга, лѣтомъ 1865 года опять вернулась къ обсужденію вопроса о Шлезвигъ-Гольштиніи; но на этотъ разъ было уже такъ много сторонниковъ присоединенія этихъ областей, что не могло состояться рѣшенія по большинству голосовъ. Уже тогда обнаружилось, что внѣшняя политика прусской прогрессистской партіи потерпѣла крушеніе. Въ знакъ благодарности король возвелъ Бисмарка въ званіе графа (15 сентября) и этимъ далъ понять другимъ державамъ, что онъ питаетъ полное довѣріе къ политикѣ Бисмарка.

Г. Разрывъ между Австріей и Пруссіей.

Бисмаркъ назвалъ гаштейнскій договоръ заплаткой, положенной на старыя дыры. Въ глубинѣ души Бисмаркъ уже давно рѣшился на войну съ Австріей, какъ это явствуетъ изъ его „Мыслей и воспоминаній“. Такъ какъ Австрія по прежнему покровительствовала сторонникамъ герцога Аугустенбурга и относилась благосклонно къ ихъ агитаціи, то Пруссія въ нотѣ отъ 26 января 1866 года поставила Австріи на видъ, что она пользуется такими неподходящими „средствами, какъ подстрекательство къ возмущенію“. Въ этой нотѣ объявлялось, что Пруссія съ этого момента удерживаетъ за собой полную свободу дѣйствій; это былъ формальный отказъ отъ заключеннаго за два года предъ тѣмъ союза. Еще раньше этого времени Бисмаркъ вступилъ въ переговоры съ императоромъ Наполеономъ и для этой цѣли сдѣлалъ ему визитъ въ пиренейскомъ курортѣ Біаррицѣ въ октябрѣ 1865 года. Онъ имѣлъ въ виду обезпечить себѣ нейтралитетъ Франціи на случай войны между Пруссіей и Австріей. Однако Наполеонъ выслушалъ предложенія прусскаго министра, но не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта и не разставался со своей обыкновенной мечтательной сдержанностью. Онъ ожидалъ, какую плату предложитъ ему Пруссія за его нейтралитетъ; онъ одобрялъ смѣлую политику Бисмарка, но не бралъ на себя никакихъ обязательствъ до поры до времени. Болѣе серьезные переговоры начались только тогда, когда отношенія между Австріей и Пруссіей окончательно обострились.

Этого не пришлось долго ждать. Бисмаркъ не закрывалъ окончательно пути для мирныхъ переговоровъ на тотъ случай, если Австрія согласится совершенно отказаться отъ Шлезвигъ-Гольштиніи. Однако изъ всего того, что происходило на засѣданіи прусскаго совѣта министровъ 28 февраля 1866 года, слѣдуетъ заключить, что и король свыкся съ мыслью о войнѣ. На этомъ засѣданіи министръ президентъ развивалъ ту мысль, что ради одной Шлезвигъ-Гольштиніи не стоитъ затѣвать войны; слѣдуетъ имѣть въ виду болѣе высокую цѣль, именно объединеніе Германіи. Для перваго начала было рѣшено завязать съ Италіей переговоры относительно военнаго союза. На этомъ военномъ совѣтѣ Мольтке высказался безусловно за войну, между тѣмъ какъ кронпринцъ настойчиво предостерегалъ про-

тивъ такой политики уже по одной той причинѣ, что не исключена возможность вмѣшательства другихъ державъ.

Въ мартѣ 1866 года, когда въ Берлинъ пріѣхалъ по порученію итальянскаго правительства генералъ Джузеппе Говоне, въ Австріи поняли, какъ близка опасность войны. Въ іюнѣ 1865 года въ Австріи произошла важная перемѣна. Шмерлингу не удалось надолго увлечь императора на сторону своей политической системы. Францъ Іосифъ былъ недоволенъ, такъ какъ созванный по совѣту Шмерлинга парламентъ предъявлялъ слишкомъ большія притязанія на участіе въ дѣлахъ государственнаго управленія и производилъ слишкомъ большія сокращенія въ военномъ бюджетѣ. Австрійская и венгерская аристократія соединились съ сепаратистами, противниками общегосударственной конституціи, и графъ Морицъ Эстергази, который состоялъ съ 19 іюля 1861 года министромъ безъ портфеля, воспользовался недовольствомъ императора и подкопался подъ бюрократическое нѣмецкое министерство. Вмѣсто Шмерлинга было назначено 30 іюля 1865 года „графское министерство“ подъ предсѣдательствомъ графа Рихарда Белькреди; 20 сентября 1865 года по императорскому манифесту было пріостановлено дѣйствіе конституціи, и отложены на неопредѣленное время засѣданія имперскаго сейма. Во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія первенствующая роль была предоставлена аристократіи, правительство науськивало славянъ противъ склонныхъ къ либеральнымъ идеямъ нѣмецкихъ бюргеровъ, вырабатывался компромиссъ съ Венгріей. Среди членовъ этого кабинета наибольшимъ вліяніемъ на внѣшнюю политику пользовался графъ Эстергази; со своей стороны онъ подчинялся вліянію чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ гофрата Бигелебена, который былъ очень враждебно настроенъ по отношенію къ Пруссіи; слабохарактерный министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Менсдорфъ былъ сторонникомъ мира, но его мнѣнія не пользовались авторитетомъ.

Д. Военныя приготовленія обѣихъ сторонъ.

Австрійское правительство было напугано воинственными замыслами прусскаго правительства, и въ Вѣнѣ сочли необходимымъ съ своей стороны заняться военными приготовленіями. 10 баталіоновъ было отправлено въ Богемію для пополненія расположеннаго въ этой провинціи армейскаго корпуса, и многимъ кавалерійскимъ полкамъ было приказано выступить изъ Венгріи и Седмиградіи туда же, такъ какъ этой провинціи прежде всего угрожали прусскія войска; въ то же время австрійскому посланнику въ Берлинѣ, графу Каролыи, было приказано сдѣлать запросъ, дѣйствительно ли Пруссія замышляетъ нападеніе на Австрію. Чрезмѣрная поспѣшность, съ которой дѣйствовала Австрія, облегчила задачу для Бисмарка и тѣхъ генераловъ, которые стояли за войну, и они уговорили короля приступить къ военнымъ приготовленіямъ. Въ засѣданіи совѣта министровъ отъ 28 марта было рѣшено: позаботиться снабженіемъ артиллеріи лошадьми, приведеніемъ крѣпостей въ боевую готовность и пополненіемъ расположенныхъ на южной границѣ государства дивизій. На запросъ графа Каролыи, который въ сущности былъ безцѣльнымъ, Бисмаркъ отвѣтилъ: „нѣтъ“; но въ то же время онъ отправилъ циркулярную ноту къ правительствамъ германскихъ государствъ, въ которой онъ обвинялъ Австрію въ томъ, что она хочетъ запугать Пруссію своими военными приготовленіями, какъ она уже поступила въ 1850 году. Затѣмъ въ этой нотѣ сообщалось, что въ близкомъ будущемъ Пруссія имѣетъ въ виду выступить съ проектомъ реформы германскаго союза. Но въ то время, какъ на виду у публики предпринимались всѣ эти военныя приготовленія и публиковались дипломатическія ноты, волновавшія общественное мнѣніе,

втайнѣ происходили весьма важные переговоры съ Италіей о заключеніи союза. Сначала переговоры шли очень вяло, такъ какъ итальянское правительство опасалось, что Бисмаркъ хочетъ его обойти: въ Италіи думали, что этотъ союзъ нуженъ Пруссіи только для того, чтобы напугать Австрію и склонить ее къ уступкамъ. Чтобы обезпечить себя отъ такой неожиданности, итальянское правительство заявило, что оно готово согласиться только на формальный наступательный союзъ противъ Австро-Венгріи. Но король Вильгельмъ никакъ не могъ принять этихъ условій, такъ какъ въ его планы не входило вовсе произвести внезапное нападеніе на Австрію безъ всякаго къ тому повода съ ея стороны. Пруссія была согласна только на заключеніе такого дружественнаго договора, въ которомъ было бы предусмотрѣно, чтобы ни одна изъ двухъ договаривающихся державъ въ затруднительную минуту не отреклась отъ другой и не заключила приватнаго соглашенія съ Австріей. Наконецъ, обѣ стороны сошлись на слѣдующемъ компромиссѣ: былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ, но черезъ три мѣсяца прекращалось дѣйствіе союзнаго договора, если только Пруссія въ теченіе такого срока не объявитъ войны Австріи. Однако Италія медлила своимъ окончательнымъ рѣшеніемъ и обратилась за совѣтомъ къ Наполеону III. Французскій императоръ страстно желалъ войны въ Германіи; это былъ бы для него желанный моментъ, когда онъ сможетъ выступить со своими видами на Бельгію и на Прирейнскія земли. Онъ зналъ, что Вильгельмъ I дастъ Бисмарку вовлечь себя въ войну только въ томъ случаѣ, если будетъ напередъ обезпечено содѣйствіе Италіи; король сильно призадумывался предъ перспективой войны съ Австріей безъ помощи со стороны Италіи, такъ какъ почти всѣ Германскія государства были на сторонѣ Австріи. Надо полагать, что только благодаря вліянію императора Наполеона колебавшійся итальянскій министръ-президентъ Альфонсо дель-Ламармора заключилъ 8-го апрѣля 1861 года оборонительный и наступательный союзъ съ Пруссіей срокомъ на три мѣсяца.

Бисмаркъ рѣшилъ въ теченіе этого срока занять общественное мнѣніе вопросомъ о реформѣ германскаго союза. Онъ надѣялся убѣдить германскую націю, что одна только Пруссія въ состояніи осуществить общія надежды на объединеніе Германіи. 10-го апрѣля Пруссія предложила во франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ созвать германскій парламентъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Чтобы разъединить между собою Австрію и Баварію, этому послѣднему государству было сдѣлано почетное предложеніе подѣлить главное начальство надъ германскими войсками между Пруссіей и Баваріей такъ, чтобы Пруссія командовала на сѣверѣ Германіи, а Баварія на югѣ Германіи. Какъ ни искренни были намѣренія Бисмарка, все же на первыхъ порахъ наибольшая часть германской націи отнеслась къ нимъ весьма безучастно. Либералы говорили, что они не вѣрятъ въ искреннее обращеніе Бисмарка на путь либеральной политики и что его проектъ германскаго парламента со всеобщимъ избирательнымъ правомъ есть только дипломатическій пріемъ. Создать конституціонную связь, которая охватила бы всю Германію, — это никакъ не есть дѣло того правительства, которое въ своей собственной странѣ попираетъ права народнаго представительства; вотъ какъ отвѣчали либералы на предложеніе Бисмарка. Недовѣріе къ Пруссіи настолько укоренилось во всѣхъ умахъ, что даже Баварія отвергла весьма выгодное предложеніе, которое ей было сдѣлано. Министръ баронъ фонъ деръ Пфордтенъ (см. стр. 278) самъ по себѣ сочувствовалъ проекту Бисмарка; но дворъ и, въ особенности, дядя молодого короля Людвига II принцъ Карлъ настаивали на союзѣ съ Австріей.

Казалось, что въ случаѣ войны съ Пруссіей возрастаетъ надежда на присоединеніе германскихъ государствъ къ Австріи, и благодаря этому военная

партія одержала верхъ въ Вѣнѣ; на благоразумные совѣты Менсдорфа перестали обращать вниманіе. Все-таки въ теченіе апрѣля происходили между Вѣной и Берлиномъ переговоры объ обоюдномъ разоруженіи; одно время, когда въ Берлинѣ получилась австрійская нота, составленная въ примирительныхъ выраженіяхъ, открылась было надежда на сохраненіе мира. Король Вильгельмъ полагалъ, что Пруссіи не слѣдуетъ обнаруживать излишняго упрямства и что при подходящихъ условіяхъ лучше всего идти на компромиссъ. Но Италія внимательно слѣдила за ходомъ дипломатическихъ переговоровъ и съ безпокойствомъ замѣчала, что между Пруссіей и Австріей налаживаются болѣе дружелюбныя отношенія; Италія стала усиленно вооружаться, и всѣ надежды на миръ разсѣялись. По приказу короля Виктора Эммануила въ апрѣлѣ были призваны на военную службу болѣе 100 тысячъ человѣкъ. Начальникъ австрійскаго генеральнаго штаба баронъ Альфредъ фонъ Геникштейнъ доказывалъ въ докладной запискѣ, поданной имъ императору 20-го апрѣля, что Австріи угрожаетъ весьма серьезная опасность: въ случаѣ одновременнаго наступленія со стороны Пруссіи и Италіи для Австріи потребуется цѣлый мѣсяцъ на сосредоточеніе своихъ военныхъ силъ, такъ какъ полки не расположены по примѣру Пруссіи въ тѣхъ округахъ, изъ которыхъ они пополняются, а желѣзнодорожная сѣть еще не достроена. Вслѣдствіе этого всѣ предостереженія графа Менсдорфа остались тщетными, и императоръ Францъ Іосифъ приказалъ, чтобы 21-го апрѣля приступлено было къ мобилизаціи южной арміи, а 27-го къ мобилизаціи сѣверной.

Тѣ изъ совѣтниковъ короля Вильгельма, которые настаивали на объявленіи войны, воспользовались этимъ новымъ весьма вѣскимъ доводомъ и убѣдили короля, что Пруссія должна съ своей стороны тоже принять такія же мѣры. Въ приложеніи къ своимъ „Мыслямъ и воспоминаніямъ“ Бисмаркъ опубликовалъ письмо короля отъ 23-го апрѣля 1866 года, изъ котораго явствуетъ, что Вильгельмъ въ это время уже считалъ войну съ Австріей неизбѣжной и взвѣшивалъ даже шансы внезапнаго нападенія на сосѣднюю имперію, которая въ это время еще совершенно не была приготовлена къ войнѣ. Однако онъ не хотѣлъ фигурировать передъ Европой въ роли нарушителя мира и ожидалъ, пока Австрія первая приступитъ къ мобилизаціи. Но вслѣдъ за Австріей онъ тоже сдѣлалъ рядъ распоряженій по поводу мобилизаціи между 5 и 12 мая.

E. Конецъ дипломатическихъ переговоровъ и открытіе военныхъ дѣйствій.

Теперь уже никакъ нельзя было предотвратить войны. Вѣнскій кабинетъ, который не закрывалъ себѣ глазъ предъ опасностью войны на два фронта, рѣшился въ послѣднюю минуту на радикальную перемѣну въ своей внѣшней политикѣ по отношенію къ Италіи. Въ теченіи нѣсколькихъ предшествовавшихъ лѣтъ Австрія отклоняла всѣ предложенія о продажѣ провинціи Венеціи, которыя дѣлались ей, ссылаясь на честь и достоинство Австрійской имперіи. Теперь Австрія соглашалась уступить эту провинцію Италіи, лишь бы развязать себѣ руки для наступательной войны противъ Пруссіи.

Князю Меттерниху, австрійскому посланнику въ Парижѣ, было дано порученіе привлечь Наполеона III въ качествѣ посредника. Вѣнскій кабинетъ обязывался уступить Венецію Италіи, если эта держава будетъ соблюдать нейтралитетъ въ предстоящей войнѣ и если при этомъ Австріи удастся завоевать Силезію. Наполеону казалось, что ему улыбается счастье, такъ какъ передъ нимъ заискиваютъ въ одно и то же время оба противника, т. е. и прусское, и австрійское правительства: надо только воспользоваться какъ слѣдуетъ существующимъ благопріятнымъ положеніемъ вещей, и Франція безъ всякаго сомнѣнія получитъ территоріальныя уступки на

сѣверѣ или на востокѣ. Когда онъ передалъ австрійское предложеніе итальянскому правительству, это послѣднее основательно возразило, что условное обѣщаніе Австріи не даетъ ни малѣйшей гарантіи въ томъ, что Италія дѣйствительно получитъ Венецію; сомнительно, удастся ли Австріи завоевать Силезію, а если бы ей это удалось, то она откажется отъ своего обѣщанія, какъ только почувствуетъ твердую почву подъ ногами. Тогда Австрія заявила, что она согласна заключить съ Италіей договоръ, которымъ она, между прочимъ, обязывается уступить Венецію безусловно, независимо отъ исхода войны. Это было для итальянскаго правительства весьма сильнымъ искушеніемъ; понятно, что Италія провинилась бы по отношенію къ Пруссіи въ грубомъ нарушеніи союзнаго договора, если бы она отвѣтила согласіемъ на австрійскія предложенія. Много часовъ подъ рядъ продолжалось засѣданіе совѣта министровъ 14-го мая, на которомъ обсуждался этотъ вопросъ; наконецъ, итальянскій кабинетъ отклонилъ это предложеніе, такъ какъ въ итальянскомъ народѣ пробудился уже воинственный духъ, и такъ какъ республиканская часть населенія за принятіе такого подарка обвинила бы Савойскій домъ въ трусливой и безчестной политикѣ.

Но все же эти переговоры дали Австріи ту выгоду, что Италія уже не готовилась больше къ войнѣ на жизнь и на смерть: пусть бы исходъ войны былъ и не особенно удаченъ, итальянское правительство было увѣрено, что все равно получитъ Венецію. Затѣмъ австрійской дипломатіи удалось добиться болѣе тѣснаго сближенія съ Франціей. Въ это время Наполеонъ опять пытался склонить Пруссію къ какому-нибудь опредѣленному обѣщанію относительно территоріальныхъ уступокъ на Рейнѣ; но Бисмаркъ оттягивалъ время неопредѣленными обѣщаніями.

Впослѣдствіи Бисмаркъ говорилъ, что посредствомъ этой „медлительной“ дипломатіи онъ имѣлъ въ виду увѣрить Наполеона, что самъ Бисмаркъ готовъ учинить измѣну и уступить Наполеону нѣкоторую часть германской территоріи, но что король и слышать не хочетъ объ уступкѣ германскихъ земель Франціи. Это была политика въ одно и то же время и смѣлая, и ловкая; Бисмаркъ не давалъ Наполеону ни малѣйшаго унизительнаго для Пруссіи обѣщанія и въ то же время держалъ его на привязи и заставлялъ соблюдать нейтралитетъ.

Какъ и всѣ французы того времени, Наполеонъ былъ убѣжденъ, что въ военномъ отношеніи Австрія превосходитъ Пруссію; въ 1859 году побѣда не одинъ разъ клонилась на сторону Австріи, и даже послѣ битвы при Сольферино австрійская армія еще далеко не была сокрушена. Преисполненные крайняго самомнѣнія о своихъ собственныхъ военныхъ доблестяхъ, французы были увѣрены, что никакая армія, кромѣ французской, не въ состояніи одолѣть такого сильнаго противника; поэтому-то французскій императоръ и склонилъ Италію къ союзу съ Пруссіей, желая такимъ образомъ уравновѣсить военныя силы европейскихъ державъ. Наполеонъ считалъ наиболѣе вѣроятнымъ, что побѣда останется на сторонѣ Австріи и рѣшилъ даже напередъ обезпечить себя на этотъ случай. 12-го іюня онъ заключилъ съ вѣнскимъ кабинетомъ тайный договоръ, по которому Австрія обязалась уступить Венецію Италіи, которой Наполеонъ не переставалъ покровительствовать, даже въ томъ случаѣ, если Австрія выйдетъ изъ войны побѣдителемъ. Въ это время онъ носился со слѣдующимъ планомъ: Венецію отдать Италіи, Силезію Австріи, Шлезвигъ-Гольштинію и другія сѣверно-германскія области Пруссіи, которая со своей стороны должна будетъ уступить Франціи значительную часть прирейнскихъ провинцій. Однако онъ не дѣлалъ никакихъ военныхъ приготовленій для того, чтобы повліять на рѣшеніе международныхъ союзовъ въ желательномъ для него направленіи; ему казалось, что, когда силы противниковъ будутъ истощены въ борьбѣ, ему удастся выступить въ роли третейскаго судьи между всѣми европейскими державами. Въ этомъ то и состояла его ошибка.

Наполеону не трудно было заставить въ 1860 году неподготовленную, слабую въ военномъ отношеніи Италію уступить Франціи Ниццу и Савойю, но Наполеонъ не понялъ, что Пруссія и послѣ войны будетъ настолько сильна, что смѣло отвергнетъ всѣ притязанія Франціи. Онъ жестоко ошибся, когда вздумалъ примѣнить по отношенію къ Бисмарку и нѣмцамъ тѣ же пріемы воздѣйствія, которые ему удалось провести по отношенію къ Кавуру и итальянцамъ.

По мѣрѣ того, какъ приближалась война, дипломатическое положеніе Пруссіи становилось все болѣе неблагопріятнымъ. Прусскій посланникъ въ Парижѣ графъ Людвигъ фонъ деръ Гольцъ предостерегалъ свое правительство и совѣтовалъ ему не полагаться на нейтралитетъ Наполеона. Правительства второстепенныхъ германскихъ государствъ чувствовали, что предложенная Пруссіей реформа германскаго союза угрожаетъ ихъ собственнымъ верховнымъ правамъ, а общественное мнѣніе южной и западной Германіи было настроено противъ Пруссіи. Исчезла надежда на нейтралитетъ Баваріи и Ганновера; Саксонія вступила въ самый тѣсный союзъ съ Австріей. Особенно тяжело стало королю Вильгельму, когда изъ разныхъ городовъ Пруссіи и отъ имени разныхъ корпорацій его стали осаждать адресами о сохраненіи мира. Въ особенности въ католическихъ Рейнскихъ провинціяхъ населеніе питало глубокое отвращеніе къ войнѣ; во время призыва ландвера (запасныхъ) дѣло доходило мѣстами до открытаго неповиновенія властямъ. Король сталъ прислушиваться къ предложеніямъ мирнаго посредничества, которыя дѣлались ему. Антонъ фонъ Габленцъ, саксонскій землевладѣлецъ и братъ извѣстнаго австрійскаго генерала, пріѣхалъ въ Берлинъ съ такимъ предложеніемъ, чтобы вся Германія была подѣлена между пруссіей и Австріей; король уполномочилъ его представить эти предложенія на усмотрѣніе вѣнскаго кабинета. Однако австрійское министерство отклонило это посредничество, надо думать, на томъ основаніи, что оно уже окончательно рѣшилось на войну; кромѣ того, при такомъ раздѣлѣ Австріи пришлось бы въ рѣшительную минуту поступить предательски по отношенію къ второстепеннымъ германскимъ государствамъ, которыя были ея союзниками и дѣйствовали съ нею заодно. Теперь уже Австрія сама толкала къ войнѣ и развязала Бисмарку руки. Такимъ же образомъ вѣнскій кабинетъ отклонилъ также предложеніе Наполеона III о созывѣ конгресса представителей державъ на томъ основаніи, что Венеція также станетъ предметомъ совѣщаній такого конгресса, а великая держава не можетъ допустить, чтобы другія державы рѣшали участь ея собственныхъ владѣній.

Несмотря на все это, король Вильгельмъ еще колебался и не рѣшался дать сигнала къ войнѣ. 5-го іюня закончилось размѣщеніе всѣхъ прусскихъ частей войскъ на южной границѣ государства. Мольтке предлагалъ, чтобы прусскіе корпуса вторглись концентрическими кругами въ Саксонію и въ Богемію и произвели внезапное нападеніе на австрійцевъ, которые не могли закончить своихъ военныхъ приготовленій раньше, чѣмъ черезъ три недѣли. Король, однако, не торопился; онъ выжидалъ, пока Австрія не приведетъ въ исполненіе тѣ враждебныя дѣйствія, которыя вѣнскій кабинетъ подготовлялъ въ Шлезвигъ-Гольштиніи и во Франкфуртѣ. Въ самомъ дѣлѣ, австрійское правительство дѣйствовало безъ всякой сдержанности; оно созвало на сеймъ гольштинскихъ сословныхъ представителей и предложило имъ на разрѣшеніе вопросъ о будущей участи герцогства, хотя на основаніи договора Австрія ничего не могла предпринимать въ Шлезвигъ-Гольштиніи безъ согласія Пруссіи. Въ отвѣтъ на это дѣйствіе со стороны Австріи прусскія войска вступили въ Гольштинію; тогда вѣнскій кабинетъ потребовалъ отъ Германскаго Союза, чтобы онъ мобилизовалъ свои войска и наказалъ Пруссію за вторженіе въ территорію союзнаго государства. 14-го іюня состоялось это знаменательное засѣданіе союзнаго сейма. Пруссія

объявила второстепеннымъ государствамъ, что, если союзъ постановитъ мобилизовать свои войска, она сочтетъ это за объявленіе войны. Несмотря на это, сеймъ принялъ къ обсужденію предложеніе Баваріи о снаряженіи союзнаго войска, предложеніе, которое, пожалуй, не стояло въ явномъ противорѣчіи съ требованіемъ Пруссіи. Когда сеймъ принялъ это предложеніе большинствомъ 9-ти голосовъ противъ 6-ти, прусскій уполномоченный Карлъ Фридрихъ фонъ Савиньи заявилъ, что Пруссія выступаетъ изъ союза. Вслѣдъ за этимъ король Вильгельмъ отдалъ арміи приказъ вступить въ предѣлы Саксоніи, Ганновера и великаго герцогства Гессенскаго.

7. Открытіе военныхъ дѣйствій.

А. Ганноверъ.

При открытіи военныхъ дѣйствій прусскія 290 тысячъ человѣкъ стояли наготовѣ для немедленнаго вступленія въ предѣлы Саксоніи и Австріи; для военныхъ дѣйствій противъ второстепенныхъ государствъ назначалось всего 48 тысячъ человѣкъ. Союзныя государства могли выставить гораздо болѣе многочисленную армію въ 120 тысячъ человѣкъ. Мольтке исходилъ изъ той мысли, что участь войны будетъ рѣшаться на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, т. е. въ Австріи, и что на этомъ театрѣ надо сосредоточить наибольшія силы. Первый ударъ былъ направленъ противъ Ганновера, Гессена и Нассау, такъ какъ главы этихъ государствъ отказались заявить о своемъ нейтралитетѣ. Слѣпой король Георгъ V Ганноверскій заявилъ прусскому посланнику принцу Густаву фонъ Изенбургъ-Бюдингенъ, что уступить требованіямъ Пруссіи—это значитъ признать Ганноверъ прусскимъ владѣніемъ, а на это онъ согласиться никакъ не можетъ и предпочитаетъ погибнуть съ честью. Немедленно послѣ этого въ Ганноверъ двинулись изъ Гольштиніи дивизія Мантейфеля, съ запада—дивизіи Гебена и Бейера; главнокомандующимъ надъ этими войсками былъ генералъ Эдуардъ Фогель фонъ Фалькенштейнъ. Въ виду значительнаго превосходства прусскаго войска ганноверцы въ числѣ 18.000 человѣкъ отступили на югъ, и имъ удалось уклониться отъ перваго удара Фалькенштейна, который поджидалъ ихъ около Геттингена; прусскій главнокомандующій думалъ, что ганноверцы ускользнули отъ него, и на первыхъ порахъ отказался отъ преслѣдованія ихъ. Войска короля Георга могли бы дойти до Тюрингенскаго лѣса черезъ Готу и Эйзенахъ и скрыться въ Баваріи. Послѣ настойчивыхъ увѣщаній Мольтке Фалькенштейнъ согласился, наконецъ, отправить дивизію Гебена въ Эйзенахъ, а дорогу на Готу загородилъ ганноверцамъ генералъ Эд. Мор. фонъ Флисъ. Король Георгъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Флисъ, который стоялъ ближе всѣхъ къ нему, произвелъ на него 27 іюня нападеніе у Лангензальца съ отрядомъ въ 9.000 человѣкъ. Ганноверцы, которые превосходили численностью отрядъ Флиса, сражались съ большимъ мужествомъ и удержали за собой поле битвы. Но немедленно вслѣдъ за этимъ окружавшее ихъ кольцо стало стягиваться все тѣснѣе, и 29 іюня король Георгъ вынужденъ былъ сдаться.

Б. Война въ Богеміи

а) Первыя передвиженія враждебныхъ армій.

Противъ прусской арміи стояли 248 тысячъ австрійцевъ, къ которымъ присоединились еще 23.000 саксонцевъ. Главнокомандующимъ австрійской арміей былъ Людвигъ фонъ Бенедекъ, который стяжалъ себѣ высокія почести въ походахъ 1848, 1849 и 1859-го годовъ; въ сраженіи при

Сольферино онъ удержалъ свою позицію на правомъ флангѣ и отступилъ только тогда, когда вся остальная австрійская армія уже ушла съ поля битвы. Съ 1860 года онъ состоялъ главнокомандующимъ австрійской арміей въ Италіи, и его сначала предполагалось оставить главнокомандующимъ той же арміей въ ожидавшейся войнѣ съ Италіей. Это былъ человѣкъ неустрашимый, опытный въ военномъ дѣлѣ, благороднаго образа мыслей. Онъ не страдалъ излишнимъ самомнѣніемъ и понималъ, къ чему онъ способенъ. Бенедекъ зналъ, что онъ годится въ главнокомандующіе на небольшомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, напримѣръ, въ верхней Италіи. Но онъ не отличался ни дальновидностью, ни глубокими военными познаніями, какъ подобаетъ предводителю великой арміи: когда онъ послѣ долгихъ колебаній согласился противъ своей воли принять на себя командованіе на театрѣ военныхъ дѣйствій противъ Пруссіи, онъ вынужденъ былъ просить одного изъ своихъ офицеровъ прочитать ему нѣсколько лекцій по военной географіи Германіи. Вотъ какъ состоялось назначеніе Бенедека. Общественное мнѣніе не только въ Австріи, но и въ южной Германіи требовало назначенія Бенедека главнокомандующимъ сѣверной арміей, и императоръ Францъ Іосифъ сталъ настаивать, чтобы онъ отбросилъ свои колебанія и переубѣдилъ себя. Бенедекъ все еще не соглашался, но тогда импратроъ сталъ убѣждать его, чтобы онъ не отказывалъ въ своей службѣ престолу въ минуту тяжелой опасности. Номинально начальникомъ его штаба числился лейтенантъ фельдмаршалъ баронъ фонъ Геникштейнъ; но фактически военными операціями руководилъ генералъ-маіоръ Гидеонъ фонъ Крейсманичъ. По его совѣту армія была размѣщена въ Моравіи, и базой служилъ ей Ольмюцъ, а въ Богеміи было расположено всего нѣсколько малочисленныхъ отрядовъ. Въ этой послѣдней провинціи стоялъ всего одинъ корпусъ подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи графа Эдуарда фонъ Кламъ-Галласа (см. стр. 276); саксонцы тоже отступили въ Богемію и присоединились къ этому корпусу.

Первоначальный планъ Мольтке состоялъ въ томъ, чтобы открыть военныя дѣйствія внезапнымъ вторженіемъ и двинуться 6-го іюня сразу со всѣхъ сторонъ въ Богемію; но этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе по дипломатическимъ соображеніямъ. Прусскія войска были еще растянуты длинной линіей въ 400 километровъ отъ Галле до Нейссы; по плану Мольтке всѣ эти растянутыя части войскъ должны были двинуться нѣсколькими отрядами и соединиться уже въ непріятельской странѣ. Но когда пришлось отложить это нападеніе и на главной квартирѣ стало извѣстно, что австрійцы стоятъ въ Моравіи, то стали думать, что Бенедекъ хочетъ пробиться въ Силезію. Поэтому восточная часть прусской арміи передвинулась влѣво и заняла укрѣпленную позицію на Нейссѣ.

б) Вступленіе прусской арміи въ предѣлы Австріи; военные планы Бенедека.

Прусская армія постаралась немедленнно наверстать упущенное для наступленія время, какъ только война началась. 15-го іюня авангардъ Эльбской арміи подъ начальствомъ генерала Карла Эбергарда Гервартa фонъ Биттенфельда, состоявшій изъ полутора армейскихъ корпусовъ (всего 48.000 чел.), вступилъ въ Саксонію. Въ Лаузицѣ сосредоточилась первая армія подъ начальствомъ принца Фридриха Карла, всего 3 корпуса (97,000 человѣкъ); наконецъ, въ Силезіи стояла вторая армія подъ начальствомъ кронпринца Фридриха Вильгельма, всего 3½ корпуса (121.000 чел.). Въ качествѣ резерва шелъ съ тылу корпусъ фонъ деръ Мюльбе, состоявшій преимущественно изъ ландвера. Всѣмъ войскамъ былъ данъ приказъ вступить 21-го іюня въ Богемію и стремиться къ Ичину, гдѣ должно было состояться 28-го іюня соединеніе всѣхъ армій. Такъ какъ силезскій корпусъ былъ передвинутъ на юго-востокъ къ Нейссѣ.

то арміи кронпринца пришлось пройти до Ичина болѣе длинный путь, чѣмъ арміи принца Фридриха Карла и Эльбской арміи. Вслѣдствіе этого разрозненное вступленіе прусскихъ войскъ въ Богемію не лишено было опасности. Мальтке не упускалъ этого изъ виду, но у него были связаны руки изъ-за дипломатическихъ соображеній. Поэтому, когда открылись военныя дѣйствія, онъ на первыхъ порахъ оставался вмѣстѣ съ королемъ въ Берлинѣ и оттуда управлялъ съ величайшей осмотрительностью движеніями всѣхъ трехъ армій. (см. маршруты прусскихъ войскъ на приложенной картѣ: „Война 1866 года").

Австрійскія войска получили 20-го іюня приказъ выступить изъ своихъ моравскихъ стоянокъ. Получивъ черезъ свое развѣдочное бюро точныя свѣдѣнія о разрозненномъ расположеніи прусскихъ войскъ, Бенедекъ хотѣлъ возможно быстрѣе провести свое войско въ промежутокъ между надвигающимися прусскими арміями и разбить ихъ поодиночкѣ. 23-го іюня первая армія достигла Рейхенберга и двинулась дальше по направленію къ рѣкѣ Изеру; по такой же линіи двигалась и Эльбская армія. Вторая армія находилась еще въ это время въ Силезіи и не успѣла еще перевалить черезъ Исполиновыя горы. 26-го іюня Бенедекъ перемѣстилъ свою главную квартиру въ Іозефштадтъ въ Богеміи; принцъ Фридрихъ Карлъ уже успѣлъ пройти черезъ сѣверную Богемію, и главнокомандующій австрійскими войсками рѣшилъ прежде всего напасть на него. Бенедекъ приказалъ двумъ корпусамъ своей арміи, находившимся въ Богеміи, австрійскому подъ начальствомъ Кламъ-Галласа и саксонскому (всего 60.000 человѣкъ), задержать принца Фридриха Карла на рѣкѣ Изерѣ. Самъ онъ съ главной массой своей арміи тоже двинулся къ Изеру.

в) Сраженія при Траутенау, Находѣ и Скалицѣ (27-го и 28-го іюня).

26-го іюня войска кронпринца тоже уже перешли черезъ богемскую границу черезъ проходы Исполиновыхъ горъ; поэтому Бенедекъ оставилъ два корпуса подъ начальствомъ Габленца (стр. 282) и Раминга (стр. 244) для защиты горныхъ проходовъ противъ второй прусской арміи. Самъ же онъ собирался напасть на принца Фридриха Карла всего съ шестью корпусами. Но такъ какъ движенія прусскихъ войскъ были согласованы между собой съ замѣчательной точностью, и каждая часть войска всегда была готова на выручку другой, то первымъ двумъ австрійскимъ корпусамъ пришлось уже 27-го іюня выдержать сильный натискъ. Прусскій первый корпусъ подъ начальствомъ генерала Адольфа фонъ Бонина столкнулся съ австрійскимъ корпусомъ Габленца у Траутенау, а генералъ Карлъ Фридрихъ фонъ Штейнмецъ встрѣтился съ Рамингомъ у Находа; произошли кровопролитныя битвы; у Траутенау побѣдили австрійцы, а у Находа пруссаки. Несмотря на это, обнаружилось сразу, что прусская тактика стоитъ гораздо выше австрійской. Прусское игольчатое ружье стрѣляло въ три раза быстрѣе, чѣмъ австрійское, заряжавшееся съ передней части; кромѣ того, тактика атаки австрійцевъ, которые кидались на штыки на высоты и въ лѣсныя опушки, была въ высшей степени рискованной. Пруссаки сначала останавливали быстрымъ огнемъ непріятельскій натискъ, затѣмъ бросались маленькими частями на фланги противника и совершенно уничтожали его. Иной разъ австрійцамъ удавалось взять позицію приступомъ, зато потери ихъ бывали громадными. Напримѣръ, у Траутенау австрійцы остались побѣдителями, но потеряли 183 офицера и 4231 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, а пруссаки всего 56 офицеровъ и 1282 нижнихъ чиновъ; у Находа пало 5700 австрійцевъ и только 1122 пруссака. Вездѣ обнаруживалось превосходство пруссаковъ въ организаціи военныхъ приготовленій, въ тактикѣ, въ лучшемъ обученіи офицеровъ и солдатъ.

Вечеромъ 27-го іюня въ австрійской главной квартирѣ не понимали еще всего громаднаго значенія этихъ обстоятельствъ. Поэтому Бенедекъ еще не отказывался отъ своего прежняго плана и продолжалъ свой походъ противъ принца Фридриха Карла. Но это былъ весьма рискованный образъ дѣйствій, потому что армія кронпринца уже приближалась и ясно было, что она на слѣдующій же день она дастъ себя почувствовать. Опытные офицеры совѣтовали Крейсманичу отказаться отъ нападенія на первую прусскую армію и броситься на вторую со всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи австрійскими силами. Если бы Крейсманичъ послѣдовалъ этому совѣту, австрійцы могли бы напасть на кронпринца, воспользовавшись всѣми выгодами своего численнаго превосходства. Въ прусской главной квартирѣ не заблуждались въ этомъ отношеніи; кронпринцъ Фридрихъ Вильгельмъ, равно какъ и начальникъ его штаба Леонардъ фонъ Блюменталь, предполагали, что имъ придется выдержать тяжелое столкновеніе съ непріятелемъ на пути черезъ горные проходы. Потерпѣвъ 27-го іюня пораженіе, Бонинъ отошелъ обратно на прусскую территорію; гвардія же, напротивъ того, двинулась впередъ по дорогѣ въ Эйпель, а Штейнмецъ изъ Находа пошелъ на Скалицъ. Кронпринцъ, находившійся со своимъ штабомъ по срединѣ, въ промежуткѣ между этими двумя колоннами, былъ готовъ немедленно спѣшить къ мѣсту опасности. Въ виду тяжелаго положенія, въ которомъ находилась вторая армія, ея штабъ дѣйствовалъ съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ и необыкновенной предусмотрительностью. Между тѣмъ Бенедекъ упорно держался своего первоначальнаго плана. Утромъ 28-го іюня онъ произвелъ смотръ тремъ корпусамъ, которые были стянуты противъ Штейнмеца; однако онъ не перешелъ въ наступленіе противъ корпуса Штейнмеца, несмотря на численное превосходство своихъ войскъ. Напротивъ того, онъ приказалъ большей части этой арміи двинуться противъ Фридриха Карла, а эрцгерцогъ Леопольдъ долженъ былъ занять к р ѣ п к у ю позицію за Эльбой. Такимъ образомъ Бенедекъ совершилъ громадную ошибку и не воспользовался благопріятнымъ для него стеченіемъ обстоятельствъ на театрѣ военныхъ дѣйствій; въ тотъ же день войска кронпринца напали на разрозненные австрійскіе корпуса какъ у Скалица, такъ и у Траутенау. Вопреки приказанію Бенедека, эрцгерцогъ Леопольдъ принялъ бой при Скалицѣ и потерпѣлъ полное пораженіе; изъ 20.000 австрійцевъ 5000 остались на полѣ битвы. Въ то же время гвардія подъ начальствомъ принца Августа Вюртембергскаго разбила Габленца у Траутенау, т. е. въ томъ же мѣстѣ, въ которомъ онъ наканунѣ остался побѣдителемъ. Благодаря этому, кронпринцъ открылъ себѣ путь черезъ горные проходы; онъ прошелъ черезъ нихъ 28-го іюня, дорога на Эльбу была свободна. Теперь уже было ясно, что въ этомъ состязаніи между Пруссіей и Австріей военное и умственное превосходство остается на сторонѣ протестантской державы.

г) Мюнхенгрецъ и Ичинъ. (28—29-го іюня).

Между тѣмъ главнокомандующій первой прусской арміей не преслѣдовалъ своей цѣли съ такой энергіей, какъ кронпринцъ. Авангардъ принца Фридриха Карла (начальникомъ штаба его арміи былъ генералъ Конст. Берн. фонъ Фойгтсъ-Ретцъ) дошелъ 26-го іюня до Изера. Въ кровопролитной ночной битвѣ при Подолѣ австрійско-саксонское войско напрасно пыталось заградить ему переходъ черезъ рѣку. Но принцъ воспользовался своей побѣдой довольно вяло; австрійцы при своемъ отступленіи остановили его дальнѣйшее движеніе сраженіемъ при Мюнхенгрецѣ 28-го іюня, которое, впрочемъ, имѣло для нихъ самихъ погубныя послѣдствія. Мольтке, который внимательно слѣдилъ за движеніями обѣихъ армій, 29-го іюня отправилъ принцу Карлу Фридриху изъ Берлина

С А К С О Н І Я
С И Л Е З І Я
Б О Г Е М І Я

Гумбургъ
Варнсдорфъ
Циттау
Фридландъ
Зейденбергъ
Изарскія г.
Лужицкія горы
Цвикау
Рейхенбергъ
Исполин. г.
Гиршбергъ
Шмидебергъ
Стригау
Фрейбургъ
Вальденбургъ
Либау
Теченъ
Лейпа Богем
Нимесъ
Либенау
26 VI
Подоль
28 VI
Турнау
Гюнервассеръ
26 VI
Мюнхенгрецъ
26 VI
Соботка
Гичинъ
29 VI
Юнгъ Бунцлау
Мельникъ
Молдова
Изеръ
Эльба
Траутенау
28 VI
Зооръ
Костелецъ
Находъ
Браунау
Кенигингофъ
Милетинъ
Горжицъ
Дубенецъ
Горжеповесъ
Іозефштадтъ
Скалицъ
Левинъ
Рейнерцъ
28 VI
29 VI
Садова
Хлумъ
Спидаръ
Нейбидшовъ
Неханицы
3 VII
Кениггрецъ
Адлеръ
Бистрицъ
ПРАГА
Ков. Колинъ
Пардубицъ

БОГЕМСКІЙ ТЕАТРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ 1866 года

Масштабъ 1 : 750 000
0 10 20 30 Километры
Линіи наступленія прусскихъ армій
29 VI Боевое расположеніе австрійцевъ и саксонцевъ

СРАЖЕНІЕ при КУСТОЦЦѢ

24 іюня 1866 г.

Масштабъ 1:125000 0 1 2 3 Километры
Расположеніе обѣихъ армій утромъ
Австрійцы
Итальянцы
Линія наступленія австрійцевъ съ востока и съ сѣвера
Линіи наступл. итальянц.

Озеро Гарда
ПЕСКІЕРА
Кастельново
Кавалькаселле
Санъ Джорджіо
Паластрело
Сона
V корпусъ
Бригада Пирета
Бр. Пирета Бауера и Меринга
Бр. Бауера
VII корпусъ
IX корпусъ
Брит. Бена, Векгенера и Кирхсберга
Див. Руппрехта
Г Крикель
Див. Черале
Оливи
Понти
Сальонце
Бриг. Меринга
Бриг. Тепля
Бр. Велерсгеймба
Резервъ
Кав. бриг. Пульца и Буяновича
Соммакампанья
VII корп. Марочича
IX корп. Гартунга
Стаффало
Гора Венто
Санъ Лючія
Див. Сирторi
Гора Мамаоръ
Кустоцца
Бриг. Пульца
Бриг. Буяновича
Бриньоне
Див. Куджіа
Див. Бриньоне
Див. Биксіо
Див. Гумберта
Валеджіо
Главная квартира итальянской арміи
Виллафранка

Историч. атласъ VIII

866 года.

...картамъ прусскаго генеральнаго штаба

...ВА при КЁНИГГРЕЦѢ
3 іюля 1866 г.

...расположеніе при наступленіи прусской ...вардіи на Хлумъ въ 2 часа пополудни

...иніи отступленія австрійскихъ ...ригадъ изъ Свипскаго лѣса

...вижение прусской ...вардіи на Хлумъ

...руссаки

...встрійцы и ...аксонцы

...встрійскіе окопы

...табъ 1 : 125 000

Километры

Корпусъ Бонина

Врховницъ

Корпусъ Штейнмеца

Гневчовесъ

Горженовесъ

Рачицъ

Бенатекъ

Советицъ

Родовъ

Садова

Свипскій лѣсъ

Масловедъ

Сендражицъ

Тротина

Мжанъ

Чистовесъ

Догалицъ

Хлумъ

Недѣлишть

Догалишка

Верхн.

Липа

Мокровусъ

Ланценгофъ

Росбержицъ

Лохеницъ

Тржесовицъ

Пржедмержицъ

Стржешетицъ

Свѣты

Поповицъ

Вшестаръ

Бистрицъ

Проблусъ

Росницъ

Нижн Прижимъ

Бржиша

Плотишть

Фазанійдворъ

Верх. Прижимъ

Кляцовъ

Клицъ

Нов. Прижимъ

Харбузицъ

Штежирекъ

Замокъ

Градекъ

Предмѣстье Праги

Вокзалъ

Штежеръ

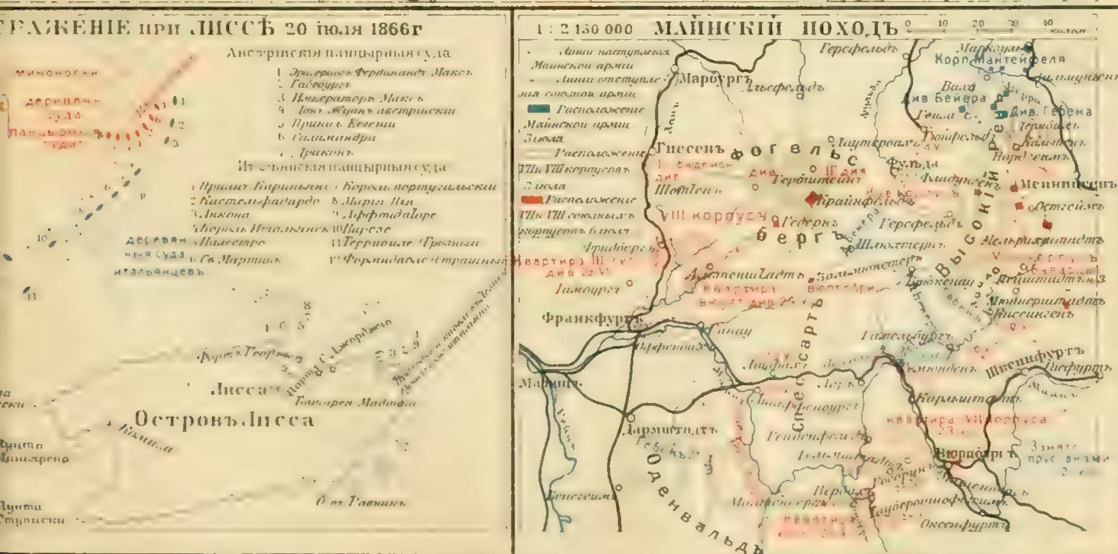
Радиковицъ

Радостовъ

Темлонницъ

КЕНИГГРЕЦЪ

Кукленa

Объясненія къ картѣ „Война 1866 г.".

I. Богемскій театръ военныхъ дѣйствій 1866 г. Сильно выдвинутое положеніе Силезіи заставило Пруссію раздѣлить свою армію; въ противномъ случаѣ пришлось бы отказаться отъ защиты этой провинціи и занять оборонительное положеніе въ окрестностяхъ Герлица. Двѣ арміи, одна подъ начальствомъ принца Фридриха Карла, другая, Эльбская, — подъ начальствомъ Герварта фонъ Биттенфельда, численность которыхъ составляла въ совокупности около 150 тысячъ человѣкъ, вступили въ Сѣверную Богемію во второй половинѣ іюня, первая черезъ Герлицъ-Фридландъ-Рейхенбергъ, вторая черезъ — Саксонію. Австрійская Изерская армія, состоявшая изъ саксонцевъ и перваго австрійскаго армейскаго корпуса, которымъ командовалъ Кламъ-Галласъ, всего числомъ 60.000 человѣкъ, медленно отступала предъ этой вдвое болѣе многочисленной непріятельской силой, причемъ происходило много стычекъ съ неблагопріятнымъ исходомъ для австрійцевъ (см. карту). Въ то же время четыре прусскихъ армейскихъ корпуса подъ начальствомъ кронпринца Фридриха Вильгельма, всего около 120 тысячъ человѣкъ, перешли по параллельнымъ дорогамъ черезъ проходы Судетскихъ горъ въ Силезіи.

Бенедекъ, командовавшій главной австрійской арміей, сконцентрированной около Ольмюца, послѣ долгихъ колебаній оставилъ эту позицію и двинулся впередъ къ Іозефштадту. Онъ намѣревался соединиться съ Изерской арміей, и разбить армію Фридриха Карла на Изерѣ, такъ какъ на его сторонѣ было громадное численное превосходство. Быстрое наступленіе арміи кронпринца разрушило этотъ планъ. Три армейскихъ корпуса, высланные противъ этой арміи, не смогли задержать ея; хотя фонъ Габленцъ отбросилъ корпусъ Бонина въ сраженіи при Траутенау 27 іюня, но на слѣдующій же день гвардейскій корпусъ совершенно разгромилъ Габленца при Зоорѣ. Особенно отличился корпусъ Штейнмеца, который отразилъ поодиночкѣ три различныхъ австрійскихъ корпуса; одинъ 27 числа — при Находѣ, другой — при Скалицѣ, а третій — 29 при Швейншеделѣ. Такимъ образомъ пруссаки счастливо совершили опасный переходъ черезъ узкіе горные проходы. Всѣ части арміи кронпринца соединились на лѣвомъ берегу Эльбы въ виду австрійской арміи; эта армія не предпринимала нападеній на австрійцевъ, такъ какъ таковъ былъ приказъ Мольтке. Отказавшись отъ похода на Изеръ, Бенедекъ сконцентрировалъ свои войска въ укрѣпленной позиціи около Дубенеца и выжидалъ нападенія пруссаковъ. Изерская армія предполагала, что главная австрійская армія спѣшитъ къ ней на помощь, и приняла поэтому довольно значительное сраженіе при Ичинѣ противъ прусскаго авангарда (29 іюня); исходъ этого сраженія еще не выяснился, и, вѣроятно, оно окончилось бы благопріятно для австрійцевъ, но во время самаго боя получился приказъ Бенедека отступить къ главной арміи. Этотъ приказъ былъ исполненъ въ точности, и это обстоятельство привело австрійскій корпусъ въ полное разстройство. Отступленіе перешло вскорѣ въ настоящее бѣгство; большая часть Изерской арміи была оттѣснена на югъ на дорогу въ Кениггрецъ и не могла соединиться съ главной арміей, которая стояла у Дубенеца. Вслѣдствіе этого лѣвый флангъ главной австрійской арміи подвергался громадной опасности, и оказалось невозможнымъ удержать позицію при Дубенецѣ. 30 іюня было рѣшено отступить за Эльбу. Въ виду выгоднаго въ тактическомъ отношеніи положенія высотъ Хлумъ-Проблусъ впереди Кениггреца Бенедекъ отважился прервать отступленіе своей арміи и дать въ этомъ мѣстѣ главное сраженіе.

II. Битва при Кениггрецѣ 3 іюля 1866 г. Только въ ночь со 2 на 3 іюля въ прусской главной квартирѣ узнали съ достовѣрностью, что австрійцы не ушли за Эльбу, а, напротивъ того, остановились въ боевомъ порядкѣ на высотахъ за Быстрицей. Мольтке сейчасъ же набросалъ планъ сраженія и приказалъ всей арміи кронпринца немедленно двинуться и напасть на правый флангъ непріятеля; арміи принца Фридриха Карла приказано было наступать съ фронта на центръ непріятельской арміи и отвлечь силы непріятеля, а Эльбская армія двинулась противъ лѣваго фланга австрійцевъ (см. планъ сраженія). Австрійскій центръ, высоты Хлумъ, Липа и Лангенгофъ, былъ превосходно защищенъ 160-ю орудіями, которыя были разставлены этажами; и едва-ли

представлялось возможнымъ взять эту позицію нападеніемъ съ фронта. Въ самомъ дѣлѣ 7-ая и 8-ая прусскія дивизіи успѣли занять Свипвальдъ и Голавальдъ, но никакихъ дальнѣйшихъ успѣховъ не имѣли. 7-ая дивизія попала въ очень опасное положеніе, когда ей пришлось выдержать аттаку всего четвертаго австрійскаго корпуса и части второго. Эти части австрійскихъ войскъ были собственно предназначены противъ арміи кронпринца; но такъ какъ на первыхъ порахъ онѣ не видѣли предъ собой непріятеля, то имъ не хотѣлось упустить заманчиваго случая уничтожить слабаго, какъ они ошибочно полагали, врага на лѣвомъ флангѣ, и они самовольно покинули свои позиціи. Когда же прусская гвардія прибыла, наконецъ, въ исходѣ второго часа пополудни на поле битвы, то правый флангъ непріятеля оказался обнаженнымъ; пруссаки пробились въ самый центръ непріятельской позиціи и при первомъ же натискѣ взяли приступомъ Хлумъ и даже Розбержицъ; теперь прусская гвардія очутилась въ тылу центра австрійскихъ войскъ. Хотя австрійскіе резервы вытѣснили прусскую гвардію изъ Розбержица, но имъ не удалось отобрать назадъ Хлума, такъ какъ остальные корпуса арміи кронпринца поспѣшили на помощь гвардіи. Австрійцы уже не могли больше отстоять своей позиціи, тѣмъ болѣе, что армія принца Фридриха Карла тоже взобралась на высоты. Вся австрійская армія отхлынула, частью въ полномъ разстройствѣ, назадъ къ Кениггрецу, причемъ много людей погибло во рвахъ, окружавшихъ крѣпость. Только благодаря геройскому самопожертвованію и превосходнымъ качествамъ артиллеріи и кавалеріи австрійской арміи, пѣхота не понесла еще гораздо болѣе значительныхъ потерь. Само собою разумѣется, что пруссаки вскорѣ прекратили преслѣдованіе австрійской арміи. Такъ же побѣдоносно для пруссаковъ окончилось не стоявшее въ тактической связи съ главной битвой сраженіе Эльбской арміи съ саксонцами и 8-ымъ австрійскимъ корпусомъ. Бригада саксонской лейбъ-гвардіи имѣла нѣкоторый успѣхъ, но для 8-го корпуса дѣло обстояло менѣе благополучно. Когда австрійцы потеряли Оберпржимъ, то кронпринцъ Альбертъ рѣшилъ, что не будетъ въ состояніи удержать и Преблуса, и въ $2^1/_2$ часа дня далъ приказъ къ отступленію, которое совершилось въ полномъ порядкѣ. Пруссаки не производили на отступавшихъ австрійцевъ никакого напора; такой напоръ былъ бы особенно опасенъ для главной австрійской арміи.

Численность обѣихъ враждующихъ армій была приблизительно одинакова: армія австрійцевъ съ саксонцами состояла изъ 215.000 человѣкъ, прусская армія изъ 221.000 человѣкъ. Мертвыми, ранеными, пропавшими безъ вѣсти и плѣнными австрійцы съ саксонцами потеряли почти 45.000 человѣкъ, въ томъ числѣ убитыми 13.000 человѣкъ, пруссаки потеряли 9000, въ томъ числѣ убитыми 2000.

III. Сраженіе при Кустоццѣ 24 іюня 1866 г. Въ верхней Италіи война вспыхнула еще ранѣе, чѣмъ въ Богеміи. Австрійская армія состояла всего изъ 80.000 человѣкъ и находилась подъ командой эрцгерцога Альбрехта. Его начальникомъ штаба былъ опытный Іонъ; имъ приходилось бороться противъ вдвое болѣе многочисленнаго непріятеля. Армія итальянцевъ, численностью всего въ 165.000 человѣкъ, была раздѣлена на двѣ части. Большая часть подъ начальствомъ Ламарморы и итальянскаго короля должна была перейти черезъ Минчіо и дѣйствовать по срединѣ знаменитаго четыреугольника крѣпостей, меньшая часть подъ начальствомъ Чіальдини должна была приступить къ военнымъ дѣйствіямъ па югѣ и перейти черезъ По и Эчъ. Итальянцы надѣялись такимъ образомъ поставить непріятеля между двухъ огней.

Эрцгерцогъ Альбрехтъ самъ перешелъ въ наступленіе противъ арміи Ламарморы, чтобы разбить ее, пока Чіальдини будетъ занятъ затруднительной переправой черезъ рѣки, а затѣмъ напасть и на него Австрійцамъ удалось застать армію итальянцевъ въ расплохъ. Она только наканунѣ перешла черезъ Минчіо и частью шла походными колоннами, какъ вдругъ 4 австрійскихъ кавалерійскихъ полка бросились въ стремительную аттаку на ея правое крыло — корпусъ делла Рока, состоявшій изъ дивизіи Биксіо и Гумберта (см. на картѣ). Эта кавалерійская аттака имѣла цѣлью отвлечь вниманіе итальянцевъ и замаскировать главный ударъ, который былъ направленъ противъ лѣваго фланга итальянцевъ. Въ самомъ дѣлѣ указанныя двѣ дивизіи, опасаясь возобновленія кавалерійской аттаки, не шли на помощь центру арміи итальянцевъ. Почти половина австрійской арміи подъ начальствомъ генераловъ Рупрехта и Родиха бросилась па лѣвое крыло итальянцевъ, па дивизію Черале. При первомъ же натискѣ австрійцы заняли возвышенности Монте Криколь, а послѣ упорной битвы они взяли также деревню Оліози; но завладѣть Монте Венто и оттѣснить итальянцевъ отъ рѣки Минчіо не удалось: одна изъ бригадъ дивизіи Піанеля оказала упорное сопротивленіе. Тогда генералъ Гартунгъ пустился въ стремительную аттаку на центръ итальянцевъ. Для захвата Бельведера и Монте Кроче онъ выслалъ впередъ 3 бригады. Бельведере былъ слабо защищенъ, и генералъ Скудьеръ взялъ штурмомъ эту возвышенность и на короткое время занялъ было даже Кустоццу. Гору Монте Кроче защищала съ большимъ упорствомъ дивизія Бриньоне, и австрійцамъ не удалось взять ее. Дивизіи Говоне и Куджіа поспѣшили на помощь, возобновили сраженіе и оттѣснили австрійскій корпусъ Гартунга обратно отъ Бельведере. Около полудня бой былъ прерванъ на нѣкоторое время; дивизія Рупрехта понесла значительный уронъ и не могла исполнить даннаго ей приказанія разрушить мостъ черезъ Минчіо у Монцальбано. Теперь уже невозможно было привести въ исполненіе первоначальный планъ эрцгерцога Аль-

брехта — совершенно оттѣснить итальянцевъ отъ рѣки Минчіо и ихъ резервовъ по ту сторону рѣки; тогда эрцгерцогъ Альбрехтъ рѣшилъ пробиться черезъ центръ итальянской арміи. Корпусъ Родиха вытѣснилъ дивизію Сиртори изъ Санта-Лючіи и сталъ наступать съ фланга на Кустоццу. Съ фронта бросился на Бельведере послѣдній австрійскій резервъ, корпусъ Маройчича, затѣмъ онъ соединился съ Родихомъ съ цѣлью совмѣстныхъ дѣйствій противъ Кустоццы. Итальянцы дрались очень храбро, особенно отличилась дивизія Говоне, но ихъ силъ было недостаточно; къ тому же они не получили отъ Делла Рокка подкрѣпленія, котораго просили вслѣдствіе чего не были въ состояніи долго держаться и должны были очистить Кустоццу. Съ потерей Кустоццы итальянцы проиграли сраженіе. Они стали отступать подъ прикрытіемъ своего праваго крыла, которое осталось непобѣжденнымъ. Главнокомандующій итальянской арміей Ламармора много способствовалъ пораженію итальянцевъ своимъ безтолковымъ образомъ дѣйствій, а его весьма пессимистическое первое донесеніе объ этомъ сраженіи, отправленное генералу Чіальдини, побудило также и его къ отступленію.

IV. Майнскій походъ. Во второй половинѣ іюня стали медленно собираться военные контингенты южно-германскихъ государствъ. 8-ой союзный корпусъ, состоявшій изъ вюртембергцевъ, баденцевъ, войскъ обоихъ герцогствъ Гессенскихъ, герцогства Нассау и одной австрійской бригады, всего численностью въ 35.000 человѣкъ, стоялъ въ концѣ іюня къ сѣверу отъ Франкфурта на Майнѣ и находился подъ начальствомъ принца Александра Гессенскаго (см. на картѣ). 7-ой корпусъ, численностью въ 45.000 человѣкъ, состоявшій исключительно изъ баварцевъ, находился подъ начальствомъ принца Карла баварскаго, 70 лѣтняго старика, который въ то же время считался главнокомандующимъ всей союзной арміей. Получивъ извѣстіе о затруднительномъ положеніи ганноверскаго войска, баварцы выступили на Мейнингенъ. 30 іюня они получили достовѣрное извѣстіе о томъ, что ганноверцы 29 іюня сложили оружіе при Лангензальцѣ и пошли на соединеніе съ 8-ымъ корпусомъ, который долженъ былъ двинуться къ Фульдѣ. Прусская майнская армія, численностью въ 40.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Фогеля фонъ Фалькенштейна, состояла изъ корпуса Мантейфеля (который по численности равнялся дивизіи) и изъ дивизій Гёбена и Бейера. Мольтке далъ этой арміи слѣдующее назначеніе: она должна была пойти черезъ Фульду на Швейнфуртъ и разбить на голову самаго сильнаго противника, баварцевъ, въ ихъ собственной странѣ. Но Фалькенштейну улыбалась больше экспедиція противъ Франкфурта. Во время похода на Фульду, куда стремились и баварцы, дивизія Гёбена натолкнулась 4 іюля на нихъ; произошло нѣсколько сраженій, въ которыхъ баварцы потерпѣли неудачу; принцъ Карлъ рѣшилъ отступить назадъ къ Нейштадту и отдать 8-му корпусу приказъ соединиться съ баварцами къ югу отъ Рёна. Самостоятельно дѣйствовавшій баварскій кавалерійскій корпусъ подъ начальствомъ принца Турнъ-и-Таксиса выдвинулся впередъ къ Гюнфельду; тутъ въ эскадронъ кирасиръ попало нѣсколько гранатъ, что перепугало весь корпусъ, а съ наступленіемъ ночи на него напала такая паника, что полки бросились въ разныя стороны, и ихъ удалось собрать опять вмѣстѣ только въ Швейнфуртѣ и въ Вюрцбюргѣ. Согласно новому приказанію 8-ой корпусъ выступилъ въ походъ на Брюкенау черезъ Шлюхтернъ, но въ это время принцъ Александръ получилъ извѣстіе о сраженіи при Кениггрецѣ. Подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія онъ почелъ за самое важное защиту Франкфурта и оборону линіи Майна и далъ приказъ къ отступленію. Прусская Майнская армія 8 іюля повернула изъ Фульды противъ баварцевъ, которыхъ разбила 10 іюля въ двухъ кровопролитныхъ сраженіяхъ при Киссингенѣ и при Гаммельбургѣ. Фалькенштейнъ не сталъ преслѣдовать дальше баварцевъ, а рѣшилъ завладѣть Франкфуртомъ. Во время похода на Франкфуртъ дивизія Гёбена наткнулась на части 8-го союзнаго корпуса, который стремился къ соединенію съ баварцами; 13 іюля дивизія Гёбена отбросила гессенцевъ при Лауфахѣ, а 14 австрійскую бригаду Нейбурга при Ашаффенбургѣ. Тогда 8-ой корпусъ сдѣлалъ попытку соединиться съ баварцами дальше къ югу, черезъ Оденвальдъ. 16 іюля пруссаки заняли Франкфуртъ, вслѣдъ затѣмъ Фалькенштейнъ былъ отозванъ, и его мѣсто занялъ Мантейфель. 21 іюля 8-ой корпусъ дошелъ до рѣки Таубера. Мантейфель тотчасъ же выступилъ въ походъ черезъ Оденвальдъ (21—22 іюля). Союзная армія, наконецъ, соединилась и собиралась совершить нападеніе на Ашаффенбурга, пройдя черезъ Спессартъ. Вслѣдствіе неудачной битвы при Гундсгеймѣ 8-ой корпусъ отступилъ обратно за Тауберъ. Дивизія Гёбена преслѣдовала его, причемъ произошли сраженія при Таубербишофсгеймѣ и Вербахѣ. Баденцы уклонились отъ боя, и всю тяжесть этихъ сраженій вынесли на себѣ вюртембергцы. Когда вѣсть объ этомъ пораженіи дошла до принца Карла, онъ отказался отъ предполагавшагося наступленія и поспѣшилъ на помощь къ 8-му корпусу. Во время сраженія при Гельмштадтѣ, исходъ котораго былъ неблагопріятенъ для союзниковъ, баденцы ослушались приказа и не пошли на помощь; затѣмъ послѣдовали еще сраженія при Гернсгеймѣ и Росбруннѣ, въ которыхъ баварцы также потерпѣли пораженіе. Для того, чтобы пріобрѣсть для Пруссіи какъ можно болѣе выгодное положеніе, до наступленія ожидавшагося перемирія, майнская армія получила приказъ занять какъ можно большую территорію. Поэтому въ Дармштадтъ, Гейдельбергъ и Мангеймъ были отправлены отдѣльные отряды; былъ занятъ также и Вюрцбургъ, причемъ крѣпость Маріенбергъ подверглась бомбардировкѣ. Прусскій резервный корпусъ подъ начальствомъ великаго герцога Мекленбургскаго вторгся

въ сѣверную Баварію черезъ Гофъ и 1 августа занялъ также и Нюрнбергъ почти безъ сопротивленія. 2 августа было заключено перемиріе. Необыкновенно слабое веденіе войны союзными государствами обнаружило полную несостоятельность прежняго германскаго союза. Къ тому же послѣ битвы при Кениггрецѣ каждый изъ союзниковъ былъ занятъ исключительно заботой объ охранѣ собственной территоріи, что отражалось въ высшей степени неблагопріятно на общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій союзной арміи.

V. Морское сраженіе при Лиссѣ 20 іюля 1866 г. Итальянскій народъ и итальянскій король возлагали много надеждъ на свой флотъ, ради котораго были принесены крупныя жертвы, и который благодаря своимъ панцырнымъ новой конструкціи судамъ значительно превосходилъ австрійскій. Итальянцы надѣялись, что блестящіе успѣхи ихъ флота вознаградятъ ихъ за пораженіе на сушѣ при Кустоццѣ. Было рѣшено завоевать укрѣпленный островъ Лиссу; 16 іюля итальянскій флотъ подъ начальствомъ генералъ-адмирала Персано вышелъ съ Анконскаго рейда въ составѣ 23-хъ судовъ, въ томъ числѣ 11 броненосцевъ. 19 іюля къ этой эскадрѣ присоединилось еще нѣсколько судовъ. 18 іюля итальянскіе броненосцы стали бомбардировать Сан-Джорджіо, гавань Лиссы; въ то же время простыя суда должны были высадить дессантъ въ бухтѣ Комиза, но неспособному вице-адмиралу Альбини это не удалось. Форты Лиссы были плохо вооружены; тѣмъ не менѣе они сильно отвѣчали на огонь, въ особенности баттарея „Мадонна", и итальянскій броненосецъ „Формидабиле" получилъ серьезныя поврежденія. Къ счастью для гарнизона острова Лиссы, который не могъ долго держаться, утромъ 20 прибылъ, вызванный по телеграфу, австрійскій флотъ подъ начальствомъ Тегеттгофа, который построился въ три ряда въ видѣ клина (см. на картѣ) и на полныхъ парахъ направился на итальянскій флотъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ. Артиллерія австрійскаго флота не отличалась дальнобойностью, и поэтому Тегеттгофъ стремился, какъ можно скорѣй, приблизиться къ непріятелю. Итальянцы еле успѣли выстроиться въ боевомъ порядкѣ. Дессантъ, который только что былъ высаженъ, былъ опять посаженъ на суда, но въ морскомъ сраженіи Альбини участія не принималъ, такъ какъ считалъ деревянныя суда неспособными выдержать бой. Персано выстроилъ свои 10 броненосцевъ въ видѣ серпа; „Формидабиле" былъ неспособенъ принять участіе въ бою, а „Террибиле" робко жался къ деревяннымъ судамъ. Адмиральскимъ судномъ Персано избралъ вмѣсто „Ре д'Италія" только что прибывшій „Аффондаторе", не сообщивъ однако объ этомъ капитанамъ прочихъ судовъ. Благодаря клинообразному боевому порядку австрійскихъ судовъ, Тегеттгофу удалось раздѣлить итальянскіе броненосцы такъ, что трое изъ нихъ были отодвинуты въ сторону и почти не принимали участія въ бою. Австрійскіе деревянные корабли, впереди которыхъ шелъ „Der Kaiser", стойко держались противъ трехъ итальянскихъ панцырныхъ судовъ на лѣвомъ флангѣ, такъ что Тегеттгофу въ центрѣ приходилось имѣть дѣло тоже только съ тремя судами противника; „Аффондаторе" плохо слушался руля и наскочилъ на австрійскія деревянныя суда: первый ударъ тарана австрійскаго адмиральскаго судна „Фердинандъ Максъ" не попалъ въ цѣль. Но вскорѣ итальянскіе броненосцы „Палестро" и „Санъ-Мартино" загорѣлись отъ бомбъ, которыя попали въ нихъ, и эти суда стали неспособными къ бою („Палестро" вскорѣ пошелъ ко дну). У самаго большого итальянскаго судна „Ре д'Италія" былъ раздробленъ руль, такъ что „Фердинанду Максу" удалось нанести ему поврежденія тараномъ, и черезъ нѣсколько минутъ „Ре д'Италія" также затонулъ. Тогда Тегеттгофъ повернулъ къ лѣвому крылу итальянцевъ, гдѣ австрійскія деревянныя суда не могли устоять въ неравномъ бою: чтобы не попасть подъ таранъ, „Der Kaiser" бросился на „Ре ди Портогалло" и при этомъ разбилъ свой носъ, но все же избѣгнулъ угрожавшей ему опасности. Затѣмъ бой продолжался еще нѣкоторое время безъ особенныхъ послѣдствій какъ для той, такъ и для другой стороны. Около полудня Тегеттгофъ прервалъ сраженіе для того, чтобы перестроить свою эскадру. Оказалось, что противники обмѣнялись мѣстами: Тегеттгофъ стоялъ ближе къ Лиссѣ. Персано, который только теперь увидѣлъ тяжелыя потери, понесенныя его флотомъ, не рѣшился возобновить сраженіе и увелъ свои суда обратно въ Анкону.

слѣдующую телеграмму: „Его Величество ждетъ, чтобы первая армія быстрымъ передвиженіемъ вывела изъ затрудненія вторую, которая въ настоящую минуту находится въ тяжеломъ положеніи, несмотря на цѣлый рядъ выигранныхъ сраженій“. Вслѣдствіе этого принцъ двинулся впередъ съ чрезвычайной энергіей.

Между тѣмъ Бенедекъ узналъ съ глубокимъ душевнымъ потрясеніемъ о пораженіи трехъ корпусовъ, высланныхъ имъ противъ кронпринца. Эти свѣдѣнія произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ отказался отъ наступательныхъ дѣйствій противъ принца Фридриха Карла, которыя раньше имѣлись въ виду. Вмѣсто этого онъ по совѣту „стратега позицій“ Крейсманича рѣшилъ 29-го іюня занять укрѣпленную отъ природы позицію на холмахъ надъ Эльбой и на этой позиціи ожидать дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій непріятеля. Въ то же время онъ послалъ австрійско-саксонской арміи приказъ отступить и присоединиться къ главнымъ силамъ австрійской арміи. Къ несчастью, курьерская служба въ главной квартирѣ австрійской арміи была такъ медлительна, что этотъ приказъ еще не успѣлъ дойти по назначенію, какъ войска принца Фридриха Карла напали вечеромъ 29-го іюня на саксонцевъ и на корпусъ Кламъ-Галласа при Ичинѣ. Командовавшіе союзной арміей генералы были убѣждены, что главныя силы австрійской арміи находятся недалеко отъ нихъ, и поэтому изо всѣхъ силъ старались удержать Ичинъ, какъ узловой пунктъ скрещенія дорогъ. Они приняли бой и сначала успѣшно удерживали свою позицію. Но тутъ прибылъ въ 7 часовъ утра австрійскій офицеръ, который привезъ приказъ объ отступленіи. Австрійцы хотѣли прекратить сраженіе, но наступавшіе съ неудержимой силой пруссаки втянули ихъ въ кровопролитный бой и совершенно разстроили австрійско-саксонскую армію. Саксонцы подъ начальствомъ кронпринца Альберта отступили въ полномъ порядкѣ; но корпусъ Кламъ-Галласа разсѣялся на пути своего отступленія, которое продолжалось всю ночь и весь слѣдующій день, и дошелъ до главной австрійской арміи въ такомъ видѣ, что былъ совершенно негоденъ для дальнѣйшаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

д) Отступленіе австрійцевъ.

Послѣ всего случившагося стало невозможно удержать за собой укрѣпленную позицію, которую заняли главныя силы австрійской арміи, потому что оба корпуса, которые должны были составить лѣвое крыло, были разбиты, а принцъ Фридрихъ Карлъ могъ наброситься на австрійцевъ съ фланга и съ тыла. Поэтому Бенедекъ вынужденъ былъ дать приказъ объ отступленіи въ ночь съ 30-го іюня на 1-ое іюля. Такъ какъ пруссаки не преслѣдовали его по пятамъ, то они не знали, куда онъ ушелъ со своими войсками. Между тѣмъ король Вильгельмъ и Мольтке прибыли 1-го іюля въ армію принца Фридриха Карла. Мольтке думалъ, что австрійцы заняли укрѣпленную позицію за Эльбой, и ожидалъ нападенія съ ихъ стороны между Іозефштадтомъ и Кениггрецомъ. Но австрійцы вовсе не отошли такъ далеко: они были истомлены безпорядочнымъ ночнымъ переходомъ и вынуждены были остановиться за рѣчкой Быстрицей, второстепеннымъ притокомъ Эльбы. Послѣ всего случившагося Бенедекъ потерялъ всякую надежду на побѣду: утромъ 1-го іюля прибылъ въ его лагерную стоянку лейтенантъ-полковникъ Фридрихъ фонъ Бекъ, котораго императоръ Францъ Іосифъ послалъ освѣдомиться о состояніи арміи: былъ собранъ военный совѣтъ, который рѣшилъ отойти за Эльбу, а если окажется необходимымъ, то отступить въ Ольмюцъ и даже на Вѣну. Это печальное положеніе вещей сказалось также въ телеграммѣ, которую австрійскій главнокомандующій отправилъ вслѣдъ затѣмъ императору; въ

этой телеграммѣ Бенедекъ настойчиво убѣждалъ императора заключить миръ, во что бы то ни стало,—въ противномъ случаѣ австрійской арміи предстоитъ неизбѣжная катастрофа. Но императоръ Францъ Іосифъ полагалъ, что преждевременно объявлять себя побѣжденнымъ, пока не произойдетъ главное сраженіе. Вотъ его отвѣтъ: „заключить миръ невозможно. Если необходимо, отступайте. Развѣ состоялось сраженіе?“ Воля императора заставила Бенедека принять главное сраженіе. Въ виду быстраго наступленія пруссаковъ, онъ сталъ немедленно готовиться.

Позднимъ вечеромъ 2-го іюля въ прусской главной квартирѣ было получено извѣстіе, что австрійцы остановились, не доходя до Эльбы, и готовятся принять сраженіе. Въ совѣщаніи между королемъ Вильгельмомъ и Мольтке было рѣшено сейчасъ же напасть на врага всѣми силами, и лейтенантъ-полковникъ графъ Рейнгольтъ Финкъ фонъ Финкенштейнъ (павшій впослѣдствіи въ 1870 году въ бою при Марсъ-Латурѣ) въ ту же ночь былъ посланъ къ кронпринцу съ приказаніемъ сейчасъ же выступить въ походъ. Какъ разъ въ это время генералъ-маіоръ фонъ Блюменталь совѣтовалъ соединить въ тактическомъ отношеніи обѣ арміи къ западу отъ Эльбы, такъ какъ не имѣлось больше препятствій для такого соединенія; такимъ образомъ устранялась та опасность, что арміи могли оказаться вновь разъединенными послѣ большого сраженія. Мольтке приказалъ однако, чтобы арміи остались разъединенными, но на такомъ разстояніи между собою, чтобы онѣ могли быстрымъ передвиженіемъ сойтись вмѣстѣ въ день сраженія. Онъ хотѣлъ удержать за собою возможность напасть на австрійцевъ одной арміей съ фронта, а другой — съ фланга. Въ этой смѣлой, разсчитанной на полное уничтоженіе врага стратегіи, которая охватываетъ противника широкимъ фронтомъ наступленія, заключается величіе Мольтке; при посредствѣ этого метода ему удавалось въ 1870 году забирать въ плѣнъ цѣлыя арміи.

e) Сраженіе при Кениггрецѣ.

Раннимъ утромъ въ день сраженія при Кениггрецѣ 3-го іюля австрійцы и саксонцы въ числѣ 215.000 человѣкъ стояли тѣснымъ сомкнутымъ строемъ. Самое важное для нихъ неудобство заключалось въ томъ, что австрійское войско упиралось тыломъ въ Эльбу, хотя черезъ Эльбу и было переброшено нѣсколько мостовъ. Центръ и лѣвое крыло стояли фронтомъ къ западу и ожидали нападенія принца Фридриха Карла; правое крыло, состоявшее изъ второго и четвертаго корпусовъ, получило приказъ повернуться фронтомъ къ сѣверу, такъ какъ оттуда слѣдовало ожидать наступленія второй арміи (см. на картѣ, прилож. къ стр. 352).

Кронпринцъ выступилъ въ походъ раннимъ утромъ согласно данному ему приказанію, но на поле битвы онъ прибылъ не раньше полудня. Между тѣмъ первая армія набросилась на центръ австрійской арміи, а Эльбская армія на правое крыло ея. Эльбская армія имѣла блистательный успѣхъ; зато всѣ усилія принца Фридриха Карла, направленныя противъ крѣпкаго центра австрійской арміи, остались безуспѣшными. Австрійская артиллерія была расположена террасами на холмахъ Хлумъ, Липа и Лангенгофъ и сейчасъ же задерживала всякую попытку пѣхоты къ наступленію. Принцу Фридриху Карлу приходилось ждать, пока кронпринцъ подкрѣпитъ его лѣвое крыло, и его лѣвый флангъ составлялъ самую слабую его точку; въ этомъ мѣстѣ австрійцы обладали численнымъ превосходствомъ и могли сильно тѣснить его. Къ счастью для пруссаковъ на лѣвомъ флангѣ стояла 7-ая дивизія подъ начальствомъ храбраго генералъ-маіора Эдуарда Фридриха фонъ Франсекки, который прикрывалъ слабость своей позиціи энергическимъ и доблестнымъ натискомъ. Онъ пробился въ Свипвальдъ, прогналъ оттуда австрійцевъ и безпокоилъ оттуда правое крыло, которое

получило приказъ ожидать нападенія кронпринца. Когда Франсекки сталъ сильно безпокоить отряды, находившіеся подъ начальствомъ генераловъ графа Тассило Фестетича и графа Карла фонъ Тунь-Гогенштейна, то австрійскіе генералы увлеклись и рѣшили разбить напередъ этого врага. Соблазнившись надеждой на громкій успѣхъ, они выдвинулись со своей позиціи, направленной къ сѣверу; Фестетичъ былъ раненъ, и послѣ этого командованіе надъ четвертымъ корпусомъ перенялъ Антонъ Риттерсъ Моллинарій фонъ Монте Пастелло, который пытался вытѣснить пруссаковъ изъ Свипвальда. Сначала атака австрійцевъ была отбита съ громаднымъ урономъ для нихъ, но когда противъ Франсекки двинулась также часть второго корпуса, то послѣдній вынужденъ былъ отступить изъ Свипвальда. Такимъ образомъ 11 прусскихъ баталіоновъ продержались порядочное время противъ 59 австрійскихъ.

Между тѣмъ незадолго до полудня положеніе вещей на полѣ битвы сложилось въ высшей степени благопріятно для австрійцевъ. Съ озабоченнымъ видомъ обращалъ король Вильгельмъ свои взоры на сѣверъ, откуда уже долгое время напрасно ожидали прибытія кронпринца. Бенедекъ задумывался, не слѣдуетъ ли ему теперь пустить въ ходъ свои сильные резервы и добиться побѣды при посредствѣ стремительнаго натиска. Однако онъ не рѣшался, такъ какъ еще на цѣлыхъ три часа раньше короля Вильгельма и Мольтке онъ получилъ извѣстіе, что кронпринцъ приближается. Съ безпокойствомъ видѣлъ Бенедекъ, какъ его правое крыло, увлекшись столкновеніемъ въ Свипвальдѣ, сильно обнажило армію съ сѣверной стороны. Дѣйствительно, какъ только вторая армія прибыла около полудня на поле битвы, она при первомъ же натискѣ смяла правое крыло австрійской арміи. Прусская гвардія и 6-ой корпусъ составляли авангардъ; корпуса Боннна и Штейнмеца шли въ арьергардѣ. Гвардія побѣдоносно проложила себѣ путь и заняла быстро ключъ австрійской позиціи, деревню Хлумъ, вслѣдъ затѣмъ и деревню Липа. Несмотря на стремительный натискъ пруссаковъ и на ихъ блестящіе успѣхи, Бенедекъ все еще думалъ, что онъ сумѣетъ повернуть въ другую сторону исходъ сраженія. Онъ выдвинулъ свои резервы для того, чтобы вытѣснить обратно пруссаковъ изъ Хлума. Австрійцы устремились въ атаку и, благодаря своему численному превосходству, оттѣснили прусскую гвардію. Они уже чуть было не пробились въ Хлумъ; но тутъ на помощь гвардіи поспѣшно прибылъ немного запоздавшій корпусъ Боннна, который отбросилъ австрійцевъ назадъ; теперь уже пораженіе австрійцевъ стало неизбѣжнымъ. Армія принца Фридриха Карла, которая до этого времени все еще оставалась въ вынужденномъ бездѣйствіи, выступила впередъ, а затѣмъ для довершенія побѣды была пущена въ дѣло прусская кавалерія. Хотя австрійская кавалерія вступила при Срешетитцѣ въ бой съ прусской, остановила движеніе этой послѣдней и прикрыла отступленіе австрійской арміи, тѣмъ не менѣе вся австрійская пѣхота бросилась въ полномъ безпорядкѣ къ мостамъ на Эльбѣ. Къ счастію для австрійцевъ прусская пѣхота не преслѣдовала ихъ. Поэтому австрійцамъ удалось перебраться на лѣвый берегъ Эльбы въ ночь на 4-ое іюля, хотя при этой переправѣ между ними произошло ужасное смятеніе. Австрійцы понесли страшный уронъ: убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ насчитывалось свыше 14 тысячъ человѣкъ. Изъ всего этого числа около половины попало въ плѣнъ ранеными или нерапеными. Пруссаки потеряли 1350 человѣкъ убитыми и 9.200 ранеными. Большинство австрійцевъ пало въ безплодныхъ массовыхъ атакахъ противъ пруссаковъ, вооруженныхъ игольчатыми ружьями (см. выше стр. 328 и 352).

B. Сраженіе при Кустоццѣ.

Побѣда, которую австрійцы одержали надъ итальянцами при Кустоццѣ, не могла ни въ какомъ случаѣ уравновѣсить собою тяжелаго пораженія,

которое они потерпѣли при Кениггрецѣ. Итальянцы вдвое превосходили численностью армію эрцгерцога Альбрехта, (состоявшую всего изъ 74 тысячъ человѣкъ); но они совершили ошибку, именно они раздѣлили свою армію на двѣ части: большую часть они перевезли за рѣку Минчіо, а меньшая часть подъ начальствомъ Энрико Чіальдини, герцога Гаэтанскаго, должна была перейти черезъ По. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался эрцгерцогъ Альбрехтъ и начальникъ его штаба генералъ-маіоръ баронъ Францъ фонъ Іонъ; австрійская армія бросилась въ стремительную атаку на подходившихъ съ запада итальянцевъ подъ начальствомъ короля и Ламарморы, смяла ихъ лѣвое крыло и одержала рѣшительную побѣду (см. на картѣ, приложен. къ стр. 352).

8. Послѣднія битвы между пруссаками и австрійцами и заключеніе міра.

А. Наступленіе пруссаковъ по направленію къ Дунаю; битвы, происшедшія въ западной и южной Германіи.

Послѣ битвы при Кениггрецѣ императоръ Францъ Іосифъ обратился къ посредничеству Франціи: 5-го іюля 1866 года въ оффиціальной парижской газетѣ появилось сообщеніе о томъ, что Австрія уступила Венецію императору Наполеону. Австрійцы были увѣрены, что французскій императоръ заставитъ Италію прекратить военныя дѣйствія и выставитъ армію на Рейнѣ для того, чтобы задержать побѣдоносное шествіе пруссаковъ. То же самое совѣтовалъ императору его министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ де Люисъ. Но Франція не была подготовлена къ войнѣ, а императоръ какъ разъ въ это время сильно страдалъ отъ приступа своей давнишней болѣзни (воспаленія предстательной железы); Наполеонъ подчинился вліянію принца Жерома (Іосифа) и своихъ министровъ маркиза Ш. Ж. М. Фел. де Лавалета и Эжена Руэ, которые убѣдили его не предпринимать никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Пруссіи, а добиться отъ короля Вильгельма территоріальныхъ уступокъ посредствомъ мирныхъ переговоровъ. Прусскій посланникъ графъ фонъ деръ Гольцъ сумѣлъ ловко представить Наполеону, какія громадныя выгоды онъ извлечетъ изъ дружбы съ Пруссіей. Съ этого времени Франція потеряла свое первенствующее значеніе въ Европѣ.

Пока Пруссія напрягала всѣ усилія для того, чтобы извлечь какъ можно больше выгодъ изъ своей побѣды, Гольцъ завлекалъ Наполеона любезными намеками, ни къ чему не обязывающими прусскаго правительства. Когда французскій дипломатъ Бенедетти (см. объяснительный листъ приложенія къ стр. 292) прибылъ въ прусскую главную квартиру въ Моравіи по порученію императора Наполеона, Бисмаркъ сталъ опасаться, что Наполеонъ теперь выступитъ съ своими требованіями; оказалось, однако, что Бенедетти получилъ очень неясное предписаніе и что единственною цѣлью его миссіи было не допускать пруссаковъ до занятія австрійской столицы. Между тѣмъ Бенедекъ дошелъ со своей арміей до Ольмюца, продолжая свое поспѣшное отступленіе. Второй арміи, т. е. арміи кронпринца, было приказано наблюдать за нимъ и преслѣдовать его, между тѣмъ какъ первая армія шла къ югу на Вѣну. Австрія предполагала, что послѣ уступки Венеціи ея южная граница уже внѣ опасности, и поэтому перевела большую часть своей итальянской арміи, всего 57 тысячъ человѣкъ, на сѣверный театръ военныхъ дѣйствій. Эти 57 тысячъ человѣкъ поступили подъ начальство эрцгерцога Альбрехта. Бенедекъ получилъ приказъ отступить изъ Ольмюца къ Дунаю для того, чтобы за этой рѣкой могла сконцентрироваться многочисленная армія, которая была бы

въ состояніи оказать сопротивленіе пруссакамъ, но Бенедекъ замѣшкался въ Ольмюцѣ такъ долго, что отдѣльныя части арміи кронпринца стали уже загораживать ему путь къ Дунаю. Колонны австрійской арміи подверглись 15-го іюля нападенію у Тобичау и тутъ потерпѣли чувствительное пораженіе; 18 пушекъ достались въ добычу пруссакамъ. Послѣ этого Бенедекъ не могъ продолжать своего движенія на югъ и повернулъ назадъ въ Венгрію для того, чтобы дойти до Дуная обходнымъ путемъ вдоль Ваагп. Вслѣдствіе этого пруссаки дошли до Дуная раньше его.

Между тѣмъ военныя дѣйствія пруссаковъ противъ второстепенныхъ германскихъ государствъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ (см. карту, прилож. къ стр. 352). Послѣ того, какъ ганноверское войско сдалось въ плѣнъ, генералъ фонъ Фалькенштейнъ поставилъ себѣ задачей пробиться при Фульдѣ между баварской арміей и 8-ымъ союзнымъ корпусомъ (состоявшимъ изъ вюртембергцевъ, баденцевъ и гессенцевъ) для того, чтобы разбить поодиночкѣ сначала баварцевъ, а затѣмъ остальныхъ союзниковъ. Баварскій главнокомандующій принцъ Карлъ предложилъ командующему 8-ымъ корпусомъ принцу Александру Гессенскому присоединиться къ баварской арміи; но союзный сеймъ потребовалъ, чтобы Александръ прикрывалъ Франкфуртъ и пока не присоединялся къ баварцамъ. 10-го іюля 1866 года дивизія Гебена напала на баварцевъ при Кисингенѣ и побѣдила ихъ. Хотя Мольтке приказалъ генералу Фалькенштейну на первыхъ порахъ слѣдить за главной арміей союзниковъ—баварской, пока не удастся совершенно одолѣть ее, Фалькенштейнъ предпочелъ сначала завоевать Франкфуртъ. Въ сраженіяхъ при Лауфахѣ и Ашаффенбургѣ онъ разбилъ союзный корпусъ и побѣдоносно вступилъ въ вольный городъ Франкфуртъ. Такъ какъ Фалькенштейнъ ослушался приказаній, исходившихъ изъ королевской главной квартиры, то онъ былъ отрѣшенъ отъ должности главнокомандующаго, и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Мантейфель. Пруссакамъ опять удалось напасть на отдѣльныя части арміи союзниковъ въ одиночку, такъ какъ между союзниками происходили постоянныя разногласія; сначала былъ разбитъ союзный корпусъ при Бишофсгеймѣ и Вертгеймѣ, а затѣмъ потерпѣли пораженіе и баварцы при Нейбруннѣ и Росбруннѣ. Тѣ самыя храбрыя нѣмецкія войска, которыя впослѣдствіи въ 1870 году покрыли себя славой, тогда терпѣли пораженія по той причинѣ, что между начальниками не было единства и дѣйствовали они наобумъ безъ опредѣленнаго яснаго плана.

Б. Никольсбургъ; Лисса.

Благодаря настояніямъ Наполеона Гольцъ вступилъ съ нимъ въ предварительное соглашеніе, которое должно было служить основой для мирныхъ переговоровъ. Было рѣшено, что Австрія выступитъ изъ германскаго союза; Австрія сохраняетъ всѣ прежнія свои владѣнія, кромѣ Венеціи. Кромѣ того, Пруссія выговорила себѣ право образовать сѣверо-германскій союзъ подъ своимъ военнымъ главенствомъ и присоединить къ своимъ владѣніямъ Шлезвигъ-Гольштинію. Предполагалось также образовать совершенно независимый южно-германскій союзъ. Съ такими предложеніями Наполеонъ выступилъ въ качествѣ посредника между воюющими сторонами. Бисмарку было бы гораздо пріятнѣе заключить миръ непосредственно съ Австріей, помимо посредничества Наполеона, такъ какъ оставалось опасеніе, что во время мирныхъ переговоровъ Франція раньше или позже выступитъ съ требованіемъ территоріальныхъ уступокъ для себя. Бисмаркъ далъ объ этомъ знать вѣнскому кабинету, присовокупивъ, что въ такомъ случаѣ Пруссія отказывается отъ военнаго вознагражденія; но Австрія отклонила это предложеніе, такъ какъ она ожидала отъ Франціи поддержки. Это было глубокое заблужденіе, такъ

какъ Наполеонъ воодушевлялся исключительно желаніемъ угодить Пруссіи и заручиться ея содѣйствіемъ для выполненія своихъ собственныхъ видовъ на Бельгію и Рейнскія области. Когда король Вильгельмъ призналъ невыгодными для себя условія соглашенія, состоявшагося 14-го іюля между Наполеономъ и прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ, и потребовалъ присоединенія къ Пруссіи значительныхъ территорій, то Наполеонъ сейчасъ же далъ свое согласіе на это новое требованіе; изъ тѣхъ же соображеній онъ, не задумываясь, пожертвовалъ бы и Саксоніей. Теперь Пруссія обезпечила за собой всѣ выгоды, которыхъ она ожидала отъ побѣдоносной войны, и заключила съ Австріей перемиріе. Но уже предъ самымъ заключеніемъ перемирія Мольтке придумалъ еще одинъ удачный ходъ. Генералу Франсекки былъ отданъ приказъ занять Прессбургъ для того, чтобы обезпечить для прусской арміи свободный переходъ черезъ Дунай въ случаѣ, если бы военныя дѣйствія возобновились. 20-го іюля началось сраженіе при Блюменау; но около полудня до обѣихъ воюющихъ сторонъ дошло извѣстіе о томъ, что заключено перемиріе, и сраженіе было прекращено, прежде чѣмъ выяснился его исходъ.

Затѣмъ былъ заключенъ въ Никольсбургѣ предварительный мирный договоръ. Соглашеніе состоялось скоро, такъ какъ послѣ своего тяжелаго пораженія Австрія вынуждена была согласиться предоставить Пруссіи полную свободу дѣйствій въ Германіи (см. прилож. карту). Кромѣ того, Вильгельмъ хотѣлъ было потребовать уступки нѣкоторыхъ австрійскихъ областей, въ особенности австрійской Силезіи и части сѣверной Богеміи; но онъ долженъ былъ уступить въ виду настойчивыхъ возраженій Бисмарка, который доказывалъ, что Пруссія не должна чрезмѣрно увеличивать своихъ притязаній, въ противномъ случаѣ она рискуетъ лишиться результатовъ, добытыхъ посредствомъ войны. Всѣ препятствія къ заключенію мира исчезли, когда Пруссія приняла во вниманіе предложенныя Австріей условія и согласилась признать неприкосновенность Саксонскаго королевства. На такихъ основаніяхъ былъ заключенъ 26-го іюля предварительный мирный договоръ, а 23 августа въ Прагѣ былъ подписанъ мирный договоръ въ окончательной формѣ.

Не такъ легко удалось Австріи придти къ соглашенію съ Италіей. Въ самомъ концѣ войны итальянскій адмиралъ Персано (см. стр. 317) получилъ приказъ занять далматскій островъ Лиссу, которымъ Италія хотѣла воспользоваться, какъ залогомъ. Но въ то время, какъ итальянцы обстрѣливали главный городъ этого острова, явился австрійскій адмиралъ Тегеттгоффъ (см. стр. 342), который напалъ 20 іюля 1866 года на итальянскій флотъ, пустилъ своимъ адмиральскимъ кораблемъ ко дну итальянское военное судно „Ред'Италія“ и принудилъ итальянскій флотъ къ отступленію (см. карту при стр. 352). Такъ какъ Гарибальди, который вторгся въ итальянскій Тироль, тоже былъ разбитъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ австрійскимъ генераломъ Куномъ (см. стр. 299), то Италіи пришлось удовольствоваться уступкой Венеціи, и 3 октября былъ заключенъ миръ.

В. **Политика Бисмарка.**

Бисмаркъ воспользовался сильнымъ впечатлѣніемъ, которое произвели прусскія побѣды, и благодаря его дипломатическому искусству онъ сумѣлъ объединить, по крайней мѣрѣ на случай войны, внѣавстрійскую Германію, которая до той поры страдала отъ вѣчныхъ партійныхъ раздоровъ. Прежде всего онъ уговорилъ короля устранить конфликтъ съ прусской палатой депутатовъ, и 5 августа 1866 года король первый протянулъ руку примиренія въ своей тронной рѣчи. Были такіе непримиримые консерваторы, которые совѣтовали королю воспользоваться поднявшимся послѣ счастливой войны престижемъ правительства для уничтоженія либеральной партіи: од-

Пруссія въ XIX столѣтіи.

ПРУССІЯ
послѣ Вѣнскаго Конгресса 1815 г

- Пруссія послѣ Тильзитскаго мира 1807 г
- Области присоед. войной за освобожденіе
- Владѣнія 1806 г не возвращенныя обратно
- Австрійскія земли
- Границы Германскаго Союза

ПРУССІЯ
съ 1866 года.

- Пруссія послѣ Вѣнскаго Конгресса 1815 г
- Пріобрѣтенія съ 1815 г по 1866 г.
- Потери (Княж. Нейенбургъ)
- Австрійскія земли
- Граница Сѣв. Германскаго Союза (1866 1871 г.)

Т-во, Просвѣщеніе въ Спб

нако король въ своей тронной рѣчи призналъ, что экстренные расходы на военныя надобности должны быть представлены на утвержденіе ландтага.

И въ этомъ случаѣ король весьма неохотно уступилъ Бисмарку. Въ бесѣдѣ съ президентомъ палаты депутатовъ онъ заявилъ, что, если представится подобный же случай, онъ поступитъ такъ же, какъ поступилъ раньше. Бисмаркъ отказался принять на себя отвѣтственность за эти слова короля, и, къ счастью, объ этомъ инцидентѣ публика узнала только впослѣдствіи,

Такую же мудрость обнаружилъ Бисмаркъ по отношенію къ второстепеннымъ германскимъ государствамъ.

Вотъ какимъ правиломъ руководствовался онъ: слѣдуетъ совершенно упразднить нѣкоторыя второстепенныя государства или присоединить ихъ территорію къ Пруссіи; но что касается всѣхъ остальныхъ государствъ, то нужно до конца щадить ихъ чувства; всѣ государства должны быть равноправными членами германскаго союза, и ни для какого изъ нихъ вступленіе въ союзъ не должно быть обставлено тяжелыми условіями. Ганноверъ, Гессенъ-Кассель, Нассау и Франкфуртъ на Майнѣ были цѣликомъ присоединены къ Пруссіи, и прусская территорія увеличилась на 1.300 квадратныхъ миль (См. прилож. карту „Пруссія въ 19-мъ столѣтіи"). Зато Пруссія предъявила къ остальнымъ государствамъ весьма умѣренныя требованія относительно военнаго вознагражденія. Самымъ важнымъ результатомъ былъ оборонительный и наступательный союзъ, заключенный между Пруссіей, Вюртембергомъ, Баденомъ и Баваріей въ августѣ 1866 года; по союзному договору въ случаѣ войны войска всѣхъ этихъ государствъ поступаютъ подъ начальство прусскаго главнокомандующаго. Этотъ договоръ, который вначалѣ оставался тайнымъ, впослѣдствіи послужилъ основаніемъ для объединенія Германіи.

Всѣхъ этихъ благопріятныхъ результатовъ удалось достигнуть главнымъ образомъ благодаря тому обстоятельству, что Наполеонъ III былъ настолько недогадливъ, что упустилъ надлежащій моментъ; а когда онъ попытался въ дѣйствительности наложить руку на германскую территорію, то оказалось уже поздно. Съ необычайной дипломатической ловкостью Бисмаркъ удерживалъ французскаго императора, пока не кончилась война. Тогда императоръ захотѣлъ получить вознагражденіе за свой нейтралитетъ. Французскій посланникъ Бенедетти 6 августа въ бесѣдѣ съ Бисмаркомъ потребовалъ уступки прирейнскаго Пфальца съ городомъ Майнцемъ, а затѣмъ побережья рѣки Заара. Бисмаркъ отвѣтилъ гордымъ отказомъ. Если Франція не откажется отъ этихъ притязаній, то онъ грозилъ сейчасъ же, во что бы то ни стало, заключить миръ съ государствами южной Германіи и соединенными силами напасть на Францію для завоеванія Эльзаса и Лотарингіи. Наполеонъ испугался, такъ какъ военныя силы Франціи значительно уступали громаднымъ военнымъ рессурсамъ Германіи; одна Пруссія имѣла подъ знаменами около 660.000 человѣкъ. Бисмаркъ постарался, чтобы требованія, предъявленныя Франціей, были пропечатаны въ одномъ парижскомъ листкѣ; вслѣдствіе этого національное чувство всѣхъ нѣмцевъ было сильно возбуждено. Подъ этимъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Бисмарку удалось заключить тотъ союзъ съ южно германскими государствами, о которомъ мы уже говорили. Союзъ этотъ создалъ въ Германіи такую внушительную силу, которая была въ состояніи отстоять каждую пядь національной земли какъ на восточной, такъ и западной границѣ. Раньше чѣмъ Наполеонъ былъ разбитъ на полѣ битвы, онъ потерпѣлъ полнѣйшее пораженіе на дипломатическомъ поприщѣ. Друэнъ де-Люисъ, который настаивалъ на необходимости объявить войну, вышелъ въ отставку, такъ какъ императоръ отказался отъ его политики и сказалъ при этомъ „Три династіи появились на исторической сценѣ и сошли съ нея во Франціи на моихъ глазахъ. Я распознаю признаки близкаго паденія—и удаляюсь".

IV. Западная Европа отъ 1866 г. до 1902 г.

Проф. **Готтлоба Эгельгаафа.**

1. Западная Европа отъ 1866 до 1871 года.

А. Сліяніе новыхъ провинцій съ прусскимъ государствомъ.

3 октября 1866 года состоялось церемоніальное вступленіе короля Вильгельма во власть надъ Ганноверомъ, Гессенъ-Касселемъ, Нассау и Франкфуртомъ на Майнѣ, которые были уступлены ему по Пражскому мирному договору; присоединеніе этихъ провинцій къ Пруссіи было одобрено прусскимъ ландтагомъ въ сентябрѣ того же года. Того же 3 октября въ рѣчи, обращенной къ ганноверцамъ, король засвидѣтельствовалъ, что онъ сочувствуетъ ихъ скорби: онъ понимаетъ, какъ имъ тяжело разставаться съ излюбленными старинными порядками своего отечества, но всѣ интересы германской націи требуютъ прочнаго и постояннаго объединенія между Ганноверомъ и Пруссіей; вся Германія воспользуется результатами того, что пріобрѣла Пруссія. Въ словахъ короля заключалась непреложная истина; тѣмъ не менѣе многіе изъ ганноверцевъ не хотѣли преклониться предъ этой истиной и примириться съ непреодолимымъ ходомъ событій. Привязанность къ дому Вельфовъ, особенно же къ слѣпому изгнаннику королю Георгу V, который сталъ предметомъ всеобщаго сочувствія, и къ его женѣ, королевѣ Маріи, которая пользовалась всеобщею любовью; всеобщая увѣренность въ томъ, что высшія должности въ государствѣ ускользнутъ изъ рукъ мѣстнаго дворянства, которое до того времени считало ихъ своей неприкосновенной собственностью, что уничтоженіе королевскаго двора нанесетъ существенный вредъ матеріальнымъ интересамъ столицы, что прусское промышленное законодательство, именно, свобода передвиженія и свобода занятія всѣми промыслами нанесетъ смертельный ударъ окаменѣлымъ стародавнимъ формамъ мѣстной промышленности, съ которыми свыклись ганноверцы; давнишняя непріязнь ганноверцевъ къ пруссакамъ, особенно къ задирающимъ носъ и вѣтренымъ берлинцамъ, которые были предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ, — однимъ словомъ, и моральныя побужденія и практическіе интересы производили одно и то же дѣйствіе: дворянство, духовенство, значительная часть бюргеровъ и крестьянъ переносили господство пруссаковъ съ затаеннымъ негодованіемъ. Король Георгъ V бѣжалъ въ замокъ Гицингъ около Вѣны и продолжалъ усердно разжигать народное неудовольствіе. 5 октября онъ выпустилъ манифестъ къ ганноверскому народу, въ которомъ присоединеніе Ганновера къ Пруссіи признавалось противозаконнымъ и недѣйствительнымъ; король Георгъ возлагалъ всѣ свои надежды на Всемогущаго: „Какъ 60 лѣтъ тому назадъ, Ганноверъ сталъ жертвой такого же насилія со стороны той же Пруссіи, но Богъ ниспровергъ всѣ нечестивые замыслы прусскаго короля, такъ Богъ и теперь возвратитъ дому Вельфовъ попранныя Пруссіей законныя права его“. Во всей ганноверской провинціи были организованы тайные

союзы для возвращенія къ власти династіи Вельфовъ; предполагалось даже образовать „ганноверскій легіонъ", который, въ случаѣ необходимости, выступилъ бы на защиту правъ ганноверскихъ королей съ оружіемъ въ рукахъ. Простонародная толпа изъ ненависти къ Пруссіи наносила оскорбленія отдѣльнымъ лицамъ, въ особенности прусскимъ солдатамъ.

Любопытно, что Бисмаркъ задался было такимъ же планомъ, какой въ древности Клисѳенъ съ успѣхомъ привелъ въ исполненіе въ Аѳинахъ: идея Бисмарка была такова: раздробить старыя территоріальныя политическія единицы, въ данномъ случаѣ Ганноверъ и другія вновь присоединенныя провинціи, и, присоединивши къ нимъ часть прежнихъ прусскихъ провинцій, создать нѣсколько новыхъ территоріальныхъ единицъ такого рода, которыя облегчили бы сліяніе между старыми и вновь присоединенными провинціями Пруссіи. По смыслу рѣчи, которую онъ произнесъ въ палатѣ депутатовъ 5 февраля 1867 года, Бисмаркъ хотѣлъ раздѣлить заново всѣ прусскія владѣнія къ западу отъ Эльбы на четыре большія провинціи подъ названіемъ Рейнской Франконіи, Вестфаліи, Нижней Саксоніи и Тюрингена, которыя соотвѣтствовали бы средневѣковымъ германскимъ племенамъ; каждая такая провинція объединяла бы часть старой и часть новой Пруссіи на почвѣ общихъ для обѣихъ сторонъ вопросовъ мѣстной жизни; вслѣдствіе этого взаимная рознь между старой и новой Пруссіей изглаживалась бы постепенно. Но Бисмарку не удалось провести въ жизнь свою идею: „государства, (которыя создавались постепенно историческимъ ходомъ событій) оказались сильнѣе, чѣмъ первобытныя „этнографическія подраздѣленія — племена".

Волей неволей пришлось оставить территорію провинціи Ганноверъ въ прежнемъ ея видѣ, установить въ ней благожелательную, но твердую власть и возложить всѣ надежды на всесглаживающую силу времени. До 30 сентября 1867 года правительство пользовалось въ новыхъ провинціяхъ диктаторской властью, и только 1 октября 1867 года предстояло ввести въ дѣйствіе въ новыхъ провинціяхъ прусскую конституцію; на этомъ основаніи генералъ-губернатору фонъ Фойтсъ Ретцу былъ данъ приказъ немедленно отказать отъ должности всѣмъ чиновникамъ, относительно благонадежности которыхъ имѣется хотя бы малѣйшее сомнѣніе; немалое число вельфскихъ агитаторовъ было подвергнуто заключенію въ крѣпости Минденъ. Всѣ эти мѣры произвели свое дѣйствіе, и было возстановлено, по крайней мѣрѣ, наружное спокойствіе; но въ то же время обнаружилось, что вельфскія политическія убѣжденія вовсе не были абсолютно господствующими среди мѣстнаго населенія. Уже 1 октября 39 депутатовъ палаты и 70 общинныхъ уполномоченныхъ заявили, что они готовы примириться съ новымъ порядкомъ вещей и съ присоединеніемъ Ганновера съ Пруссіей, какъ съ дѣломъ безвозвратнаго прошлаго, и признаютъ, что само прежнее правительство вызвало катастрофу благодаря своему упрямству; когда былъ сформированъ особый ганноверскій армейскій корпусъ, десятый, (11 октября), то на прусскую службу перешло немедленно 425 изъ всѣхъ 660 офицеровъ прежней ганноверской арміи, т. е. почти $^2/_3$; для короля-изгнанника такой образъ дѣйствій бывшихъ офицеровъ его арміи былъ источникомъ горькаго разочарованія.

Во вновь присоединенныхъ провинціяхъ Гессена и Нассау дѣло обстояло гораздо благополучнѣе, чѣмъ въ Ганноверѣ. Въ обоихъ этихъ бывшихъ герцогствахъ народъ совершенно отвернулся отъ своихъ государей, такъ какъ устарѣлый феодальный режимъ мелкокняжескихъ правительствъ тяготѣлъ невыносимымъ гнетомъ на мѣстномъ населеніи, и пруссаковъ встрѣтили, какъ спасителей. Недобрую память оставили по себѣ деспотическіе пріемы курфюрста Гессенскаго Фридриха Вильгельма I, и точно такъ же народъ не могъ простить герцогу Носсаускому той безпощадности, съ которой онъ пользовался своимъ средневѣковымъ правомъ

охоты на крестьянскихъ земляхъ, и той беззастѣнчивости, съ которой онъ отрекся отъ либеральной конституціи 1849 года, несмотря на неоднократные протесты ландтага. Зато среди привер̆женныхъ къ старинѣ бюргерскихъ круговъ Франкфурта господствовало мрачное настроеніе: Франкфуртъ—столица, въ которой избирались на престолъ древніе германскіе императоры, и одна изъ важнѣйшихъ торговыхъ метрополій южной Германіи,—превратился изъ вольной республики въ прусскій провинціальный городъ. Новый режимъ поставилъ городъ Франкфуртъ въ тѣсную связь съ обширной прусской территоріей; благодаря этому ростъ этого города пошелъ гигантскими шагами и опередилъ вскорѣ всѣ другіе германскіе города, кромѣ Мюнхена; но тѣмъ не менѣе все еще раздавались горькія сожалѣнія объ утратѣ прежней независимости.

Бисмаркъ и король Вильгельмъ неустанно старались удовлетворять всѣ мало-мальски исполнимыя желанія населенія вновь присоединенныхъ провинцій для того, чтобы легче примирить его съ новымъ порядкомъ вещей. Благодаря личному вмѣшательству короля, половина государственнаго фонда бывшаго курфюршества Гессенскаго была предоставлена въ распоряженіе провинціи Гессенъ въ качествѣ фонда для устройства рабочихъ домовъ, призрѣнія бѣдныхъ и для пополненія провинціальной библіотеки, а провинція Ганноверъ получила въ февралѣ 1868 года ежегодную ассигновку въ 500.000 талеровъ для потребностей мѣстнаго управленія. Лишеннымъ своихъ владѣній герцогамъ было тоже дано щедрое денежное вознагражденіе. Курфюрстъ гессенскій получилъ въ сентябрѣ 1867 года остальную половину гессенскаго государственнаго фонда, который образовался изъ субсидій, выданныхъ Англіей курфюрсту гессенскому за посылку вспомогательныхъ войскъ для подавленія возстанія американскихъ колоній. Герцогу Нассаускому были пожалованы въ сентябрѣ 1867 года нѣсколько замковъ и 15 милліоновъ гульденовъ (27 милліоновъ марокъ) деньгами, а для короля Георга тоже былъ назначенъ въ сентябрѣ капиталъ въ 16 милліоновъ талеровъ; предполагалось выдавать ему проценты съ этого капитала по полугодіямъ, каждый разъ въ размѣрѣ 700.000 талеровъ; самый же капиталъ былъ отданъ на храненіе законнымъ порядкомъ, пока не будутъ установлены правила для распоряженія имъ по соглашенію съ родственниками короля Георга. Прусское правительство по собственному почину готово было вознаградить лишившихся престола владѣтельныхъ князей за ихъ потерянныя права; ему пришлось выдержать тяжелую борьбу съ прусскимъ ландтагомъ, пока этотъ послѣдній не согласился на тѣ уступки, которыя правительство хотѣло сдѣлать въ пользу трехъ бывшихъ владѣтельныхъ князей. Предполагалось, конечно, что они со своей стороны откажутся отъ своихъ правъ на свои прежнія владѣнія, если не формально, то, по крайней мѣрѣ, фактически; но двое изъ нихъ, король Георгъ и курфирстъ Фридрихъ Вильгельмъ, выступили съ рѣзкими публичными протестами противъ Пруссіи, первый въ февралѣ 1868 года, а второй въ сентябрѣ того же года; послѣ этого былъ наложенъ арестъ на капиталы, присвоенные имъ обоимъ (въ мартѣ и сентябрѣ 1868 года). Между тѣмъ король Георгъ набралъ „вельфскій легіонъ“ въ 730 человѣкъ, и всѣ они собрались во Франціи пока еще невооруженными подъ видомъ политическихъ эмигрантовъ; поэтому весною 1869 года былъ изданъ законъ, согласно которому проценты съ конфискованныхъ 16 милліоновъ талеровъ короля Георга назначались на подавленіе всякаго рода мѣропріятій со стороны его самого и другихъ лицъ, дѣйствующихъ отъ его имени, направленныхъ противъ Пруссіи. Послѣ того, какъ Бисмаркъ произнесъ свою знаменитую фразу: „мы будемъ преслѣдовать этихъ зловредныхъ пресмыкающихся до самыхъ ихъ норъ“, всѣ стали называть этотъ фондъ фондомъ для пресмыкающихся. Его употребляли главнымъ образомъ для подкупа печати, ратовавшей за новый порядокъ вещей. Въ

1892 году былъ снятъ арестъ съ капитала короля Георга V, и капиталъ этотъ былъ признанъ собственностью его сына герцога Эрнеста Августа Кумберлендскаго.

Въ Шлезвигъ-Голштиніи все еще живы были симпатіи къ герцогу Фридриху; но при всемъ томъ населеніе обоихъ герцогствъ было увѣрено, что прусскій орелъ защититъ его разъ навсегда отъ ненавистнаго датскаго ига; при томъ же въ пограничныхъ округахъ Шлезвига, населенныхъ датчанами, стала распространяться національная датская пропаганда, весьма несимпатичная для нѣмцевъ, составляющихъ подавляющее большинство населенія обоихъ герцогствъ; благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ исчезла неприязнь къ новымъ порядкамъ. Обманутый въ своихъ лучшихъ надеждахъ, герцогъ Фридрихъ обнаружилъ тѣмъ не менѣе много благородства души и ни за что не хотѣлъ продолжать безполезную борьбу противъ Пруссіи, такъ какъ эта борьба была бы только источникомъ бѣдствій для населенія обоихъ герцогствъ; его великодушный образъ дѣйствій не мало способствовалъ успокоенію умовъ и подготовилъ тотъ день, въ который его дочь Августа Викторія возложила на себя корону германской императрицы.

Б. **Возникновеніе сѣверо-германскаго союза.**

Въ тотъ самый моментъ, когда Пруссія выступила изъ германскаго союза и вступила въ войну съ Австріей, она склонила всѣ сѣверо-германскія государства къ заключенію новаго зоюза. Въ августѣ 1866 года изъявили согласіе вступить въ этотъ союзъ правительства всѣхъ тѣхъ 19 государствъ, которыя приняли участіе въ войнѣ какъ союзники Пруссіи, послѣ нѣкоторыхъ колебаній къ нимъ примкнули въ сентябрѣ Мейнингенъ и Рейссъ старшей линіи, которые во время войны оставались на сторонѣ Австріи, при чемъ герцогъ Бернгардъ Мейнингенскій, который былъ непримиримымъ врагомъ Пруссіи, отказался отъ престола въ пользу своего сына Георга. 15 декабря открылось въ Берлинѣ подъ предсѣдательствомъ Бисмарка совѣщаніе министровъ, уполномоченныхъ отъ каждаго изъ всѣхъ правительствъ сѣверо-германскихъ государствъ; Саксонія и Гессенъ-Дармштадтъ тоже согласились на присоединеніе къ сѣверо-германскому союзу тѣхъ частей ихъ территоріи, которыя находились на правой сторонѣ Майна, и тоже прислали отъ себя уполномоченныхъ въ Берлинъ. На этихъ совѣщаніяхъ были выработаны основы новаго союзнаго уложенія. По этому уложенію предсѣдательство въ союзѣ принадлежало королю Прусскому: онъ являлся представителемъ союза во внѣшнихъ дѣлахъ, ему принадлежало право объявлять войну и заключать миръ отъ имени союза, приводить въ исполненіе рѣшенія союзнаго сейма, назначать всѣхъ должностныхъ лицъ союза, командовать союзной арміей и союзнымъ флотомъ. Правительства союзныхъ государствъ посылали своихъ представителей въ союзный совѣтъ, въ которомъ Пруссіи принадлежало 17 голосовъ, Саксоніи 4, Мекленбургъ-Шверину и Брауншвейгу по два, а прочимъ 18 государствамъ по одному: всего въ союзномъ совѣтѣ имѣлось 43 голоса, которые были распредѣлены между отдѣльными государствами въ той же пропорціи, какъ и въ прежнемъ германскомъ союзѣ. Союзный совѣтъ пользовался правомъ участія въ законодательной дѣятельности: онъ же былъ носителемъ верховной власти въ союзѣ. Народъ, съ своей стороны, принималъ участіе въ законодательной дѣятельности черезъ посредство рейхстага, избираемаго на основаніи всеобщаго прямого избирательнаго права; рейхстагъ пользовался также правомъ иниціативы; депутаты не получали никакого вознагражденія за ихъ труды. Вѣдѣнію союзныхъ учрежденій принадлежали слѣдующіе предметы: армія и флотъ, при чемъ по параграфу 56 союзной конституціи численность арміи въ

мирное время должна была равняться 1% общаго количества народонаселенія въ 1867 году, и черезъ каждые 10 лѣтъ предполагалось повышать эту численность сообразно съ ростомъ народонаселенія; затѣмъ союзнымъ учрежденіямъ принадлежало управленіе внѣшними дѣлами, почтой, телеграфомъ, торговлей и таможнями. Доходы Союза слагались изъ пошлинъ, налоговъ, поступающихъ въ союзную казну, и доходовъ отъ почтъ и телеграфовъ: если всѣхъ этихъ источниковъ не хватало для покрытія расходовъ Союза, то каждое изъ государствъ, входящихъ въ составъ его, должно было внести „матрикулярный взносъ", размѣръ котораго сообразовался съ численностью его народонаселенія. Бюджетъ Союза утверждался на три года: что касается военнаго бюджета, то разъ навсегда былъ опредѣленъ расходъ въ 225 талеровъ въ годъ на каждаго солдата. Противъ нѣкоторыхъ пунктовъ этого проекта союзной конституціи дѣлались возраженія того или иного рода, но въ концѣ концовъ этотъ проектъ былъ принятъ союзнымъ совѣтомъ безъ всякихъ поправокъ 2 февраля 1867 года, а 12 февраля союзная конституція была сообщена въ своемъ первоначальномъ видѣ рейхстагу, избранному на основаніи ея.

Что касается распредѣленія партій въ этомъ рейхстагѣ, то осенью 1866 года, когда закончился конфликтъ между прусскимъ ландтагомъ и правительствомъ, выступили на сцену двѣ новыя партіи. 24 октября была основана партія національ-либераловъ: вожаками ея были такіе выдающіеся государственные дѣятели, какъ Максъ фонъ Форкенбекъ, Фридрихъ Гаммахеръ, Эдуардъ Ласкеръ, Оттонъ Михаэлисъ, Карлъ Твестенъ и Гансъ Викторъ фонъ Унру. Національ-либералы совершенно разошлись съ партіей прогрессистовъ, которая впала въ безплодное отрицаніе, и бодро пошли рука объ руку съ тѣмъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, который доказалъ на дѣлѣ, что онъ вовсе не есть такой ограниченный юнкеръ, какимъ его ошельмовали прогрессисты. „Насъ объединяетъ та мысль, что національное единство не можетъ быть достигнуто и, тѣмъ болѣе, не будетъ имѣть прочнаго существованія, пока не будутъ вполнѣ удовлетворены либеральныя требованія народа", такъ было сказано въ программѣ, выпущенной національ-либералами 13 іюня 1867 года. Такимъ образомъ несклонная къ отрицанію часть лѣвой научилась стоять на собственныхъ ногахъ; умѣренные консерваторы, съ своей стороны, также основали отдѣльную свободную косерватнвную партію (съ 1871 года она называется также „германской имперской партіей"); оставаясь вѣрной здоровымъ консервативнымъ принципамъ, сохраняя уваженіе къ авторитету власти и преданность къ королю, эта послѣдняя партія въ то же время признавала необходимость умѣреннаго и осмотрительнаго прогресса въ общественной жизни и неприкосновенность гражданскихъ правъ населенія. Въ первомъ составѣ рейхстага, утвержденію котораго подлежала союзная конституція, къ консервативной партіи принадлежало 59 депутатовъ, къ свободной консервативной—36; къ свободнымъ консерваторамъ близко примыкали старолибералы, которые имѣли 27 мѣстъ; національ-либералы имѣли 79 мѣстъ, прогрессисты только 19 мѣстъ; кромѣ того, въ числѣ депутатовъ были 18 партикуляристовъ, 12 поляковъ, 2 датчанина, 1 соціалъ-демократъ (Августъ Бебель) и нѣсколько „дикихъ". Рѣшающее значеніе имѣли голоса тѣхъ двухъ партій, которыя по своей программѣ не примыкали ни къ правой, ни къ лѣвой и которыя слѣдовало бы назвать на парламентскомъ языкѣ правымъ и лѣвымъ центромъ, т. е. голоса свободныхъ консерваторовъ и національ-либераловъ.

Президентомъ рейхстага былъ избранъ Эдуардъ Симсонъ, который предсѣдательствовалъ въ 1848—49 гг. въ національномъ собраніи во Франкфуртѣ на Майнѣ (стр. 273); этимъ выборомъ большинство рейхстага выразило свою вѣрность традиціямъ партіи, признававшей наслѣдственность императорской короны. Во время дебатовъ преобладало примири-

тельное настроеніе; хотя и высказывались желанія, которыя рѣзко расходились съ точкой зрѣнія союзныхъ правительствъ, но никакихъ соотвѣтствующихъ резолюцій не проводили; напротивъ того, большинство рейхстага твердо рѣшилось искать во всѣхъ подобныхъ случаяхъ компромисса путемъ взаимныхъ уступокъ. 11 марта 1867 года Бисмаркъ держалъ въ рейхстагѣ одну изъ самыхъ сильныхъ своихъ рѣчей, и въ этой его рѣчи выразилось съ особенной силой господствовавшее въ рейхстагѣ настроеніе; вотъ, что онъ сказалъ, обращаясь къ тѣмъ, которые порицали прусское правительство за самовольное распоряженіе военнымъ бюджетомъ: „Великое движеніе, которое въ прошломъ году охватило всѣ народы отъ Бельта до морей Италіи и отъ Рейна до Карпатовъ, которое завлекло ихъ въ кровавую азартную игру, эта игра, въ которой ставились на карту королевскія и императорскія короны, въ которой погибли отъ оружія и болѣзней многія тысячи людей, запечатлѣвшихъ своей смертью рѣшеніе національнаго вопроса, эта игра не можетъ быть разыграна посредствомъ парламентской резолюціи. Тѣ изъ васъ, милостивые государи, которые допускаютъ такую возможность, не стоятъ на высотѣ существующаго положенія вещей!... Что вы скажете инвалиду изъ подъ Кенигрetца, если онъ спроситъ у васъ, къ какимъ результатамъ привели всѣ эти громадныя усилія? Да, вотъ что вы ему скажете: „конечно, изъ германскаго единства опять ничего не вышло, но при удобномъ случаѣ оно ужъ какъ-нибудь само найдется, это единство; зато мы спасли бюджетное право прусской палаты депутатовъ, это право ежегодно подвергать опасности самое существованіе прусской арміи; вотъ для чего мы воевали съ императоромъ австрійскимъ подъ стѣнами Прессбурга. Пусть это послужитъ утѣшеніемъ для тебя, воинъ, и для тѣхъ вдовъ, которыя похоронили своихъ мужей. Милостивые государи! такое положеніе недопустимо. Будемъ работать быстро, посадимъ Германію въ сѣдло, а ужъ поѣдетъ она сама!“

Во время дебатовъ было выработано 40 **поправокъ** къ проекту союзной конституціи. Такъ, напримѣръ, Союзу было предоставлено взымать не только косвенные, но и прямые налоги: для всякаго нововведенія, касающагося арміи и флота, требовалось формальное согласіе министра-президента. Союзу была предоставлена законодательная власть по вопросамъ, касающимся уголовнаго и процессуальнаго правъ, также обязательственной части гражданскаго права. Подъ всѣми распоряженіями, исходящими отъ союзнаго министерства, требовалась подпись союзнаго канцлера, на которомъ лежитъ отвѣтственность за дѣйствія министерства, правда только нравственная, а не юридическая. Согласно принятой рейхстагомъ поправкѣ къ первоначальному проэкту союзной конституціи, выборы въ рейхстагъ должны были производиться посредствомъ тайной подачи голосовъ; лица, состоящія на государственной службѣ, тоже не лишены были пассивнаго избирательнаго права; за опубликованіе достовѣрныхъ отчетовъ о публичныхъ засѣданіяхъ рейхстага не могло быть возбуждаемо никакого преслѣдованія; депутатамъ было назначено денежное вознагражденіе. По другой поправкѣ, союзный бюджетъ утверждался не разъ въ три года, а ежегодно. Что касается устройства союзной арміи, то по первоначальному проекту, какъ уже было сказано, численность арміи въ мирное время должна была равняться одному проценту народонаселенія Союза въ 1867 году, а расходы исчислялись въ размѣрѣ 225 талеровъ на каждаго солдата; на этихъ условіяхъ составъ арміи и размѣры военнаго бюджета опредѣлялись разъ на всегда и больше ужъ не подлежали утвержденію рейхстага. Рейхстагъ же призналъ всѣ эти постановленія дѣйствительными только до 31 декабря 1871 года. Въ случаяхъ крайней необходимости Союзу было предоставлено право дѣлать займы; если въ одномъ изъ Союзныхъ государствъ будетъ нарушено правосудіе и нельзя будетъ возстановить его законнымъ путемъ, то Союзъ былъ обязанъ вмѣшаться въ дѣло для водворенія справедли-

вости. Если бы одно или нѣсколько изъ южно-германскихъ государствъ пожелали вступить въ сѣверо-германскій союзъ, то министерство обязано внести въ рейхстагъ соотвѣтствующій законопроектъ. Въ заключеніе было постановлено, что такимъ же путемъ можетъ быть произведенъ также и пересмотръ союзной коституціи, если за него выскажется не менѣе двухъ третей союзнаго совѣта.

Почти всѣ эти резолюціи рейхстага были одобрены союзными правительствами; только противъ двухъ изъ нихъ Бисмаркъ возражалъ въ рейхстагѣ 15 апрѣля отъ имени союзныхъ правительствъ. Во-первыхъ, союзный совѣтъ не согласился съ назначеніемъ денежнаго вознагражденія депутатамъ рейхстага: по мнѣнію союзныхъ правительствъ лишеніе депутатовъ діэты есть необходимое ограниченіе пассивнаго избирательнаго права (т, е. права быть избираемымъ); оно составляетъ необходимый противовѣсъ неограниченному активному избирательному праву (т. е. праву избирать). Рейхстагъ уступилъ союзному совѣту и отказался отъ діэты. Во-вторыхъ, союзныя правительства считали опаснымъ, чтобы послѣ 31 декабря 1871 года организація арміи могла подвергаться ежегоднымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ колеблющагося настроенія большинства рейхстага, въ то время, какъ расходы по гражданскимъ вѣдомствамъ управленія были фиксированы на неопредѣленное время. Депутатъ Рудольфъ Гнейстъ замѣтилъ, что англійское войско, какъ наемное, есть учрежденіе временное, и поэтому нижняя палата можетъ по своему усмотрѣнію сокращать военный бюджетъ; но Германская армія есть народная армія, она должна считаться постояннымъ учрежденіемъ. Союзнымъ правительствамъ было бы пріятнѣе всего, если бы была фиксирована разъ навсегда минимальная численность арміи, согласно первоначальному проекту, и точно также былъ бы учрежденъ разъ на всегда расходъ въ суммѣ, достаточной на содержаніе такой арміи. Въ видѣ компромисса союзныя правительства примкнули 17 апрѣля къ предложенію, которое внесли депутатъ князь Гуго фонъ Гогенлое-Эрингенъ, герцогъ Уестскій, отъ имени свободной консервативной партіи, и глава націоналъ-либеральной партіи Рудольфъ фонъ Беннигсенъ. Предложеніе этихъ депутатовъ заключалось въ слѣдующемъ: установленная по парагрофу 56 (въ окончательной редакціи союзной конституціи норма состава арміи въ мирное время въ одинъ процентъ общаго числа народонаселенія и ежегодный расходъ въ суммѣ 225 талеровъ на каждаго солдата приняты во второмъ чтеніи на срокъ до 31 декабря 1871 г.; согласно настоящей поправкѣ эти назначенія остаются дѣйствительными и послѣ указаннаго срока впредь до тѣхъ поръ, пока не будетъ внесенъ и утвержденъ новый законопроектъ по этому предмету; но расходованіе суммъ военнаго бюджета должно быть ежегодно утверждаемо въ законодательномъ порядкѣ. Эта поправка была принята рейхстагомъ 15 апрѣля. 17 апрѣля король закрылъ первую учредительную сессію рейхстага тронной рѣчью, въ которой онъ выразилъ свое удовольствіе по тому поводу, что по новой конституціи союзнымъ учрежденіямъ предоставлены достаточныя полномочія, и въ то же время отдѣльныя государства, входящія въ составъ союза, сохранили за собой достаточную свободу дѣйствій во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ, въ которыхъ они съ пользой могутъ приложить ее на практикѣ. Союзная конституція была принята ландтагами отдѣльныхъ государствъ и вступила въ законную силу 1-го іюля 1867 г. Приблизительно четыре пятыхъ народонаселенія всей Германіи объединились и вошли въ составъ „Сѣверогерманскаго Союза.“ Никогда до тѣхъ поръ въ Германіи не было такого тѣснаго и по этой самой причинѣ такого мощнаго объединенія: въ первый разъ за все время его историческаго существованія германскій народъ завоевалъ себѣ право участвовать въ созиданіи своихъ собственныхъ судебъ черезъ посредство своихъ представителей, избранныхъ по внутреннему убѣжденію. Пока еще южногерманскія госу-

дарства остались въ сторонѣ отъ союза; но всеобщее убѣжденіе высказалось въ слѣдующихъ словахъ ганноверскаго націоналъ-либерала Іоганна Микеля: „Линія рѣки Майна больше уже не пугаетъ насъ, какъ призракъ; это только станція, на которой мы запасемся водой и углемъ, отдохнемъ, а затѣмъ двинемся дальше!“

В. Затруднительное положеніе Наполеона и его планы.

а) Люксембургское дѣло.

Во время первой сессіи рейхстага на политическомъ горизонтѣ показалась тяжелая туча, но, благодаря принятымъ мѣрамъ, она къ счастію разсѣялась. Французскій императоръ Наполеонъ III пытался было уже 5 августа 1866 года потребовать себѣ „компенсаціи“ за расширеніе Пруссіи и объединеніе сѣверной Германіи: онъ потребовалъ уступки Рейнскаго Гессена съ городомъ Майнцемъ и Баварскаго Рейнскаго Пфальца, но получилъ рѣшительный отпоръ. Тогда онъ предоставилъ Германію вліянію Пруссіи, а для себя потребовалъ 20-го августа Бельгіи и Люксембурга; великимъ герцогомъ Люксембургскимъ считался тогда нидерландскій король Вильгельмъ III, а населеніе этого великаго герцогства состояло изъ 200,000 человѣкъ при пространствѣ въ 2,600 квадратныхъ километромъ. Бисмаркъ затягивалъ переговоры; онъ не хотѣлъ раздражать Франціи, чтобы не довести ея до крайности и не толкнуть ея въ объятія враговъ Пруссіи; онъ не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта на предложеніе Франціи о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза съ Пруссіей; но что касается Локсембурга, то прусскій министръ-президентъ далъ ясно понять французскому посланнику графу Бенедетти, что король Вильгелмъ не окажетъ Франціи никакого содѣйствія для присоединенія этого герцогства и, самое большее, отнесется пассивно къ этому присоединенію.

Бисмаркъ хотѣлъ дать понять своевременно и друзьямъ и врагамъ, что, если бы возникла война, то Германія выступитъ противъ врага соединенными силами почти всѣхъ германскихъ государствъ; потому были опубликованы, по его распоряженію, 19 марта 1867 года оборонительные и, наступательные союзные договоры, заключенные Пруссіей въ августѣ съ Баваріей, Вюртембергомъ и Баденомъ, къ которымъ примкнулъ 11-го апрѣля 1867 года также и Гессенъ-Дармштадтъ. Во всѣхъ этихъ договорахъ заключались слѣдующіе три пункта: I) Сѣверная и Южная Германія въ случаѣ войны обязаны придти другъ другу на помощь всѣми своими военными силами; II) въ случаѣ войны соединенная армія союзниковъ поступаетъ подъ начальство короля прусскаго; III) всѣ договаривающіяся государства гарантируютъ другъ другу неприкосновенность ихъ владѣній. Наполеону удалось склонить короля нидерландскаго Вильгельма III къ договору съ Франціей, въ силу котораго король Вильгельмъ уступилъ французскому императору свои права на Люксембургъ за вознагражденіе въ 5 милліоновъ франковъ. Нидерландскій король очень неохотно отказывался отъ своихъ правъ на Люксембургъ; поэтому онъ оговорилъ, что договоръ этотъ будетъ считаться дѣйствительнымъ только въ томъ случаѣ, если Пруссія дастъ на то свое формальное согласіе, а такого согласія, какъ было уже сказано, Пруссія ни въ коемъ случаѣ давать не хотѣла. По предварительному соглашенію съ правительствомъ Рудольфъ фонъ Беннигсенъ сдѣлалъ 1-го апрѣля запросъ Бисмарку по поводу переговоровъ о Люксембургѣ; по этому случаю выяснилось, что вся германская нація единодушно рѣшилась не останавливаться ни предъ какой опасностью, если бы какое-нибудь государство грозило отторгнуть хотя бы малѣйшую частицу германской территоріи, даже въ томъ случаѣ, если бы между ней и прочими частями Германіи не ока-

залось бы никакой другой связи, кромѣ таможеннаго союза (въ такомъ положеніи находился Люксембургъ со времени уничтоженія германскаго союза); „если бы мы поступили иначе“,—сказалъ Беннигсенъ,—„то на нашей политикѣ легло бы клеймо негерманской слабости“. Наполеонъ отступилъ въ виду такого подъема національныхъ чувствъ въ Германіи, такъ какъ его армія не была подготовлена къ столкновенію съ Германіей тѣмъ болѣе, что Австрія не согласилась вступить съ Франціей въ военный союзъ противъ Германіи, не соблазнившись даже надеждой на присоединеніе Силезіи (постъ министра иностранныхъ дѣлъ занималъ въ Австріи съ 30 октября 1866 года бывшій саксонскій министръ-президентъ баронъ фонъ Бейстъ): Австрія незадолго передъ тѣмъ испытала на себѣ превосходство военныхъ силъ Пруссіи, война вообще была для нея въ ея тогдашнемъ положеніи весьма рискованнымъ шагомъ, тѣмъ болѣе война противъ всей германской націи.

По предложенію русскаго царя Александра II была созвана въ Лондонѣ конференція всѣхъ великихъ державъ; на этой конференціи было рѣшено 2-го мая, что Люксембургъ останется во владѣніи Нассауско-Оранскаго дома, но будетъ объявленъ навсегда нейтральнымъ; поэтому Пруссія обязалась вывести свой гарнизонъ изъ бывшей крѣпости германскаго союза Люксембурга, а самыя укрѣпленія были срыты; но, за всѣмъ тѣмъ, Люксембургъ не вышелъ изъ состава таможеннаго союза. Такой оскорбительный для самолюбія Наполеона исходъ некрасивой его затѣи сильно поколебалъ престижъ французскаго императора въ глазахъ всего французскаго народа. Еще раньше того прусскія побѣды въ войнѣ съ Австріей и возникновеніе Сѣверно-Германскаго союза (не говоря уже объ основаніи итальянскаго королевства) были тяжелымъ ударомъ для тѣхъ французовъ, которые были убѣждены, что Франціи принадлежитъ естественное, „законное“ право на гегемонію въ Европѣ: „другихъ подобныхъ ошибокъ нельзя допускать“, — такъ выразился Тьеръ въ палатѣ депутатовъ въ мартѣ 1867 г. въ видѣ угрозы и предостереженія правительству. Французскій императоръ былъ глубоко возмущенъ противъ Пруссіи, которая позволила себѣ стать поперекъ дороги его стремленіямъ къ расширенію французской территоріи; „Бисмаркъ хотѣлъ меня обмануть“,—сказалъ онъ нѣкоторое время спустя Генриху фонъ Зибелю: „но французскаго императора нельзя обманывать безнаказанно“.

Католическая партія не могла простить Наполеону того, что онъ предоставилъ въ Италіи полную свободу дѣйствій революціонерамъ и далъ ограбить папу. Республиканская оппозиція съ своей стороны тоже обрушилась на Наполеона съ самымъ ѣдкимъ сарказмомъ; въ этой партіи задавали тонъ Викторъ Гюго и А. Рожаръ.

Ко всему этому присоединилось еще полное крушеніе мексиканской экспедиціи. Когда Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты заявили, что они будутъ считать дальнѣйшее пребываніе французскихъ войскъ на американской территоріи поводомъ къ войнѣ, то французскій императоръ отступилъ передъ этой угрозой; ни къ чему не привели отчаянныя мольбы императрицы Шарлотты, которая лично отправилась въ Европу въ іюлѣ 1866 года для того, чтобы искать помощи у Наполеона; какъ только она убѣдилась, что она и ея мужъ покинуты Наполеономъ на произволъ судьбы, она лишилась разсудка. Между послѣдними числами января и срединой марта 1867 года выступили изъ Мексики французскія войска, находившіяся подъ начальствомъ Франсуа Ашиля Базена. Императоръ Максимиліанъ изъ гордости не хотѣлъ покидать своихъ сторонниковъ и надѣялся поднять поколебавшійся престижъ своей партіи уступками въ либеральномъ духѣ; но онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Кверетаро вмѣстѣ съ генералами Мигуэлемъ Мирамономъ и Томасомъ Мехіа и преданъ военному суду, а 19-го іюня 1867 года его разстрѣ-

ляли, какъ нарушителя общественнаго спокойствія. (Сравни стр. 325 и томъ I).

б) Либеральный поворотъ во внутренней политикѣ Франціи и сближеніе Наполеона съ Австріей.

Чтобы воздѣйствовать хоть сколько-нибудь на общественное мнѣніе Франціи, Наполеонъ рѣшился на либеральныя реформы, которыя противорѣчили самодержавнымъ традиціямъ второй имперіи (см. стр. 293). Въ январѣ 1867 года онъ предоставилъ сенату и законодательному корпусу право обращаться къ правительству съ запросами; не только „государственный министръ", т. е. министръ-президентъ, который до того времени пользовался неограниченной властью, но и всякій другой министръ обязанъ былъ защищать свою политику предъ палатами, конечно, только „по приказу императора". Это нововведеніе считалось весьма важнымъ въ принципіальномъ отношеніи шагомъ; до того времени все исходило съ формальной стороны исключительно отъ неотвѣтственной особы императора. теперь же Наполеонъ узаконялъ какъ будто отвѣтственность министровъ предъ палатами и какъ бы хотѣлъ перейти отъ самодержавнаго строя къ конституціоннымъ, можно даже сказать, чисто парламентскимъ политическимъ порядкамъ. Самъ Наполеонъ, конечно, ничего подобнаго не имѣлъ въ виду; но кто сдѣлалъ первый шагъ, тотъ поневолѣ пойдетъ дальше; къ тому же здоровье императора, который страдалъ камнями мочевого пузыря, было настолько слабо, что онъ готовъ былъ сложить съ себя бремя государственныхъ дѣлъ. Тѣ видные политическіе дѣятели, которые были противъ всякой перемѣны въ государственномъ строѣ либо изъ политическихъ соображеній, либо изъ личныхъ разсчетовъ, образовали реакціонный клубъ подъ названіемъ Cercle de la rue de l'Arcade. Духовнымъ главой этихъ „аркадцевъ" былъ „вице-императоръ", государственный министръ Эженъ Руэ, а руководителемъ образовавшихся въ 1866 году либеральничавшихъ кружковъ, носившихъ названіе „le tiers parti", которые лавировали между „аркадцами" и республиканцами, былъ бывшій республиканецъ, а въ то время „свободомыслящій имперіалистъ", даровитый, но честолюбивый и слабохарактерный Эмиль Олливье.

Лѣтомъ 1867 года состоялась парижская всемірная выставка, которая покрыла было Францію и Наполеона мимолетнымъ блескомъ; но это торжество было омрачено покушеніемъ поляка Антона Березовскаго на жизнь императора Александра II (6-го іюня); кромѣ того, всѣмъ бросалось въ глаза во время выставки отсутствіе императора Франца-Іосифа; онъ не посѣтилъ французской столицы вслѣдствіе траура по своемъ братѣ Максимиліанѣ, котораго Наполеонъ покинулъ въ бѣдѣ и предалъ въ руки мексиканскихъ революціонеровъ. Въ августѣ 1867 года Наполеонъ отправился со своей супругой въ Зальцбургъ для того, чтобы выразить Францу Іосифу свое соболѣзнованіе; тутъ Наполеонъ пробылъ съ 18 по 23 августа, и хотя Наполеона сопровождалъ Эм. Фел. Флери, тѣмъ не менѣе между нимъ и Бейстомъ происходили переговоры, результатомъ которыхъ было сближеніе обѣихъ имперій; въ Германіи всѣ были убѣждены, что это сближеніе направлено противъ Пруссіи. Собственно говоря, Франція и Австрія сговорились между собой всего навсего въ томъ, чтобы не давать Пруссіи расширять своихъ владѣній за рѣку Майнъ, а Россіи за рѣку Прутъ; тѣмъ не менѣе въ Европѣ образовались съ этихъ поръ два лагеря: съ одной стороны Пруссія и Россія, съ другой Австрія и Франція. 23 октября императоръ Францъ Іосифъ отдалъ французскому императору визитъ въ Парижѣ. Прусскій король выразилъ императору Францу Іосифу свое желаніе встрѣтиться съ нимъ въ Оосѣ: Францъ Іосифъ по пути въ Парижъ остановился въ Оосѣ „мимоходомъ" и ограничился „холоднымъ и сухимъ при-

вѣтствіемъ"; французскому же генералу Авг. Алекс. Дюкро онъ сказалъ въ Страсбургѣ: „надѣюсь, что мы когда-нибудь отправимся вмѣстѣ въ походъ".

Г. Дальнѣйшее упроченіе германскаго объединенія.

а) Отношенія между государствами сѣверной и южной Германіи.

Французское правительство толковало Пражскій мирный договоръ такимъ образомъ, будто Пруссія обязалась ограничить сферу своего вліянія Сѣверной Германіей и не заключать никакихъ союзовъ съ южногерманскими государствами безъ согласія державъ, участвовавшихъ при заключеніи этого договора. Къ этимъ державамъ Франція причисляла и себя на томъ основаніи, что въ іюлѣ 1866 года она играла роль посредника между воюющими сторонами; но подъ Пражскимъ договоромъ не имѣлось подписи французскаго уполномоченнаго, — такой подписи и быть не могло, такъ какъ Франція не была въ числѣ воюющихъ державъ,—и потому французское правительство не имѣло никакого права наблюдать за исполненіемъ мирнаго договора. Бисмаркъ держался неуклонно той точки зрѣнія, что одна только Австрія имѣетъ право дѣйствовать въ этомъ направленіи; по его мнѣнію, даже и Австрія не имѣла бы права дѣлать никакихъ возраженій, если бы **всѣ** южногерманскія государства, состоя въ общемъ союзѣ, захотѣли заключить національную федерацію съ сѣверогерманскими. Бисмаркъ признавалъ спорнымъ только слѣдующій вопросъ: имѣетъ ли каждое изъ южногерманскихъ государствъ въ отдѣльности право присоединиться къ Сѣверногерманскому союзу. Но вскорѣ оказалось, что предусмотрѣнный въ 1866 году въ Прагѣ Южногерманскій союзъ не можетъ состояться, такъ какъ мелкія южногерманскія государства опасались, чтобы Баварія, какъ самое значительное изъ этихъ государствъ, не присвоила себѣ исключительнаго вліянія на дѣла этого союза, а король вюртембергскій Карлъ не хотѣлъ подчиняться баварскому королю Людвигу II въ еще большей степени, чѣмъ прусскому королю. Великій герцогъ баденскій Фридрихъ, зять прусскаго короля, отличавшійся либеральнымъ образомъ мыслей и глубокимъ патріотизмомъ, твердо рѣшилъ вмѣстѣ съ большинствомъ своего народа при первомъ удобномъ случаѣ вступить въ Сѣверногерманскій союзъ. Министры великаго герцога баденскаго Карлъ Мати и Рудольфъ фонъ Фрейдорфъ раздѣляли патріотическія стремленія своего государя; не позже, какъ 18 ноября 1867 года, Мати (стр.) обратился къ Бисмарку съ докладной запиской, въ которой хлопоталъ о вступленіи Бадена въ Сѣверногерманскій союзъ; Бисмаркъ подалъ баденскому министру ту надежду, что его желанія сбудутся въ близкомъ будущемъ; но Мати умеръ, не дождавшись исполненія своихъ завѣтныхъ мыслей (въ ночь съ 3 на 4 февраля 1868 года).

Несмотря на всѣ происки клерикальной и демократической оппозиціи, Югъ все больше тяготѣлъ къ Сѣверу. Согласно смыслу договоровъ между Пруссіей и южногерманскими государствами была введена въ 1868 году всеобщая воинская повинность во всѣхъ германскихъ государствахъ къ югу отъ рѣки Майна; одновременно съ этимъ во всѣхъ этихъ государствахъ состоялось и перевооруженіе пѣхоты прусскимъ игольчатымъ ружьемъ.

По просьбѣ правительствъ южногерманскихъ государствъ къ ихъ войскамъ были прикомандированы прусскіе инструкторы, а Гессенъ-Дармштадтъ заключилъ въ апрѣлѣ 1867 года особую военную конвенцію съ Пруссіей, на основаніи которой войска Гессенъ-Дармштадта вошли въ составъ 11 корпуса арміи Сѣверногерманскаго союза, какъ особая дивизія; армія же

королевства саксонскаго образовала, начиная отъ 1 іюля 1867 года, особый 12-ый корпусъ арміи Сѣверногерманскаго союза со своимъ особымъ управленіемъ (завѣдывалъ дѣлами этого корпуса военный министръ королевства саксонскаго генералъ Г, Ф. А. фонъ Фабрице); командиромъ этого корпуса былъ назначенъ саксонскій кронпринцъ Альбертъ; по этому поводу состоялось особое соглашеніе между Пруссіей и Саксоніей 7 февраля 1867 года. Новый вюртембергскій военный министръ Рудольфъ фонъ Вагнеръ, равно какъ и даровитый и пылкій начальникъ вютермбергскаго главнаго штаба Альбертъ фонъ Суковъ съ рвеніемъ трудились надъ развитіемъ боевой способности своей арміи по прусскому образцу; той же задачей задавался и баварскій военный министръ баронъ Зигмундъ фонъ Пранкъ, несмотря на партикуляристическія стремленія баварцевъ; такъ совершался неудержимый ростъ военнаго могущества Германіи. Осенью 1867 года союзный договоръ съ Пруссіей былъ принятъ баденскимъ ландтагомъ безъ всякихъ возраженій. Въ вюртембергской палатѣ по этому поводу велись оживленные дебаты: демократическая партія утверждала, что милитаризмъ ляжетъ невыносимымъ бременемъ на населеніи и выражала сомнѣніе въ томъ, достигнутъ ли всѣ эти военныя мѣропріятія своей цѣли и окажутся ли они достаточными въ случаѣ борьбы съ Франціей; несмотря на это вюртембергская палата тоже утвердила военное соглашеніе съ Пруссіей. По баварской конституціи договоръ съ Пруссіей не подлежалъ утвержденію сословныхъ представителей.

Теперь, когда осуществилось братство по оружію всей германской націи, распавшійся вслѣдствіе отказа Пруссіи таможенный союзъ тоже былъ возстановленъ на новыхъ началахъ. Самой важной реформой таможеннаго союза была отмѣна права каждаго изъ входившихъ въ составъ его государствъ въ отдѣльности налагать свое liberum veto на рѣшеніе большинства союзнаго собранія (т. е. отклонять его), вмѣсто этого было введено противоположное правило: рѣшеніе большинства стало обязательнымъ также и для того меньшинства, которое подало свои голоса противъ этого рѣшенія. Законодательныя функціи таможеннаго союза были возложены на союзный совѣтъ и на рейхстагъ. Для рѣшенія вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію таможеннаго союза, союзный совѣтъ и рейхстагъ собирались въ особомъ увеличенномъ составѣ: къ союзному совѣту присоединялись 6 уполномоченныхъ отъ Баваріи, 4 отъ Вюртемберга, 3 отъ Бадена и 2 дополнительныхъ отъ Гессена, такъ что весь союзный совѣтъ состоялъ въ такихъ случаяхъ изъ 58 членовъ; въ составъ рейхстага входили 48 баварскихъ, 17 вюртембергскихъ, 14 баденскихъ и 6 дополнительныхъ гессенскихъ депутатовъ, такъ что чрезвычайный составъ рейхстага состоялъ изъ 384 членовъ. Такія экстренныя сессіи рейхстага и союзнаго совѣта назывались „таможеннымъ парламентомъ“, вѣдѣнію котораго подлежали таможенныя пошлины, акцизъ на соль, добываемую на территоріи таможеннаго союза, и табакъ внутренняго и иностраннаго производства. Договоръ о таможенномъ союзѣ былъ возобновленъ опять на 12 лѣтъ съ тѣмъ условіемъ, что если не послѣдуетъ формальнаго заявленія о его уничтоженіи, то таможенный союзъ будетъ считаться дѣйствительнымъ также въ теченіе послѣдующихъ 12 лѣтъ. Въ Вюртембергѣ и Баваріи таможенный договоръ тоже натолкнулся на сильную оппозицію со стороны протекціонистовъ и партикуляристовъ, которые опасались, что система свободной торговли, принятая въ Пруссіи, нанесетъ тяжелый ущербъ экономическимъ интересамъ ихъ родной страны, или же относились съ предубѣжденіемъ къ таможенному союзу съ сѣверногерманскими государствами, считая такой союзъ первою ступенью къ полному политическому слiянію. Однако интересы торговли и промышленности, для которыхъ существованіе таможеннаго союза было вопросомъ жизни или смерти, взяли верхъ, такъ что въ баварской палатѣ депутатовъ было подано 22 октября 1867 года 117 голосовъ

за таможенный союзъ и 17 противъ него, а въ вюртембергской палатѣ было подано 31 октября 73 голоса за и 16 противъ. Баварская первая палата, палата „государственныхъ совѣтниковъ", напрасно пыталась возстановить для Баваріи право liberum veto; министръ-президентъ, князь Хлодвигъ Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ, спеціально для этой цѣли ѣздилъ въ Берлинъ. Когда Бисмаркъ заявилъ, что онъ предпочитаетъ вовсе отказаться отъ таможеннаго договора, лишь бы не сталкиваться съ такими препонами, то баварская палата господъ уступила.

Происходившіе въ февралѣ и мартѣ 1868 года выборы въ таможенный парламентъ привели къ результатамъ, весьма мало отраднымъ съ точки зрѣнія національнаго объединенія. Изъ 85 южногерманскихъ депутатовъ 50 были ярыми противниками присоединенія къ Сѣверногерманскому союзу, а изъ 35 остальныхъ 9 баварскихъ депутатовъ относились къ этому вопросу довольно равнодушно. Изъ баварскихъ депутатовъ 27 были партикуляристами, а въ Вюртембергѣ выбрали исключительно партикуляристовъ, и министерство Фарнбюллеръ-Миттнахтъ дѣйствовало во время выборовъ заодно съ демократами и клерикалами противъ „германской партіи". Всѣ выбранные въ Гессенѣ депутаты оказались националъ-либералами, въ Баденѣ было выбрано 8 националъ-либераловъ и 6 партикуляристовъ. Южно-германскіе партикуляристы образовали въ таможенномъ парламентѣ „южногерманскую фракцію"; націоналъ-либералы хотѣли было провести въ парламентѣ резолюцію въ пользу „полнаго національнаго объединенія", но остались въ меньшинствѣ (7 мая 1868 года). 18 мая въ таможенномъ парламентѣ шли дебаты по поводу существовавшаго въ Гессенѣ акциза на вино, который предполагалось отмѣнить; во время этихъ дебатовъ вюртембергскій депутатъ Рудольфъ Пробстъ обмолвился о томъ, что, въ виду натянутаго международнаго европейскаго положенія, слѣдуетъ избѣгать всякаго давленія на какое-либо изъ южногерманскихъ государствъ, чтобы не столкнуть внизъ лавины, которая виситъ на самомъ краю обрыва; тогда Бисмаркъ вскрикнулъ при шумномъ одобреніи большинства: „страхъ передъ иностранными державами — это чувство, которое не найдетъ себѣ отзвука въ германскихъ сердцахъ", а одинъ изъ баварскихъ депутатовъ, Іосифъ Фелькъ, произнесъ съ своей стороны слѣдующія пророческія слова: „Въ Германіи настала весна!" Результаты законодательной дѣятельности таможеннаго парламента были, напротивъ того, не важны; въ виду стѣсненнаго финансоваго положенія германскихъ государствъ было предложено ввести пошлину на керосинъ и повысить въ значительномъ размѣрѣ пошлину на табакъ; но эти предложенія были отвергнуты, равно какъ и весь проектъ реформы таможеннаго тарифа, въ составъ котораго они входили. Таможеннаго тарифа не удалось провести также и во второй сессіи парламента, состоявшейся въ іюнѣ 1869 года. Новый тарифъ прошелъ только въ третьей сессіи, въ маѣ 1870 года; только вмѣсто пошлины на керосинъ, которую парламентъ отвергнулъ изъ опасенія, чтобы не вздорожало освѣщеніе, правительства предложили повысить пошлину на кофе, и парламентъ принялъ это предложеніе. Такимъ образомъ дѣятельность таможеннаго парламента оказалась, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ безрезультатной.

б) Либеральное законодательство Сѣверногерманскаго союза.

Въ противоположность таможенному парламенту слѣдуетъ признать очень плодотворной дѣятельность рейхстага Сѣверногерманскаго союза въ первомъ и единственномъ нормальномъ составѣ его; выборы въ рейхстагъ состоялись 31 августа 1867 года, послѣ того, какъ вступила въ дѣйствіе союзная конституція. Въ новомъ составѣ рейхстага оказалось большинство, еще болѣе сильное и еще болѣе готовое къ практической сози-

дательной работѣ рука объ руку съ правительствомъ, чѣмъ въ первомъ учредительномъ составѣ рейхстага. Конечно, какъ у либеральныхъ, такъ и у консервативныхъ депутатовъ рейхстага дѣло не обошлось безъ тренія съ Бисмаркомъ; но, несмотря на это, всѣ три сессіи 1868, 1869 и 1870 годовъ имѣли громадное значеніе. Во-первыхъ, 1 января 1868 года состоялось преобразованіе почты и возникло союзное сѣверногерманское почтовое вѣдомство; для всѣхъ писемъ, пересылаемыхъ на территоріи союза, была введена однообразная оплата въ одинъ грошенъ; подъ руководствомъ геніальнаго генералъ-почтмейстера Генриха Стефана сѣверногерманская почта стала образцомъ, которому подражали государства всего земного шара. Затѣмъ послѣдовали другія реформы, которыя, конечно, имѣютъ и свою обратную сторону, но все же не лишены важнаго положительнаго значенія: были изданы законы о свободѣ промысловъ, о свободѣ передвиженія, о регулированіи права на общественное пособіе по мѣсту жительства; были отмѣнены всѣ привилегіи дворянскаго сословія относительно взноса податей; былъ утвержденъ проектъ основанія германскаго флота, согласно которому предполагалось построить въ теченіе 10 лѣтъ, отъ 1868 до 1878 г., 16 броненосныхъ и 55 другихъ болѣе мелкихъ военныхъ судовъ; были отмѣнены многія ограниченія, касавшіяся свободы вступленія въ бракъ; наконецъ, въ маѣ 1870 года было издано уголовное уложеніе, при чемъ всѣ наказанія были понижены сообразно съ господствовавшимъ тогда духомъ кротости, и судьямъ была предоставлена широкая свобода въ опредѣленіи степени наказанія; смертную казнь было рѣшено примѣнять исключительно за убійство или покушеніе на убійство владѣтельныхъ князей, и то только благодаря настойчивости Бисмарка, который произнесъ по этому поводу рѣчь, преисполненную серьезности и глубокомыслія. Старанія либераловъ возложить на имперскаго канцлера не только нравственную, но и юридическую отвѣтственность за дѣйствія правительства потерпѣли неудачу въ апрѣлѣ 1868 года, такъ какъ Бисмаркъ призналъ невозможнымъ, чтобы „союзный канцлеръ оказался подчиненнымъ окружному судьѣ"; вмѣстѣ съ тѣмъ провалился также и законъ объ отвѣтственности за долги Сѣверногерманскаго союза, по поводу котораго возникъ этотъ споръ о правахъ и обязанностяхъ канцлера. По предложенію новаго прусскаго министра финансовъ Отто Кампгаузена, который произвелъ въ декабрѣ 1869 года конверсію прусскаго государственнаго долга въ безсрочную $4^{1}/_{2}$% ренту и возстановилъ такимъ способомъ равновѣсіе прусскихъ финансовъ, контроль надъ долгами союза былъ порученъ прусской главной счетной палатѣ, и такимъ путемъ была удовлетворена насущная практическая потребность. Еще во время конфликта между прусскимъ правительствомъ и прусскимъ ландтагомъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, освобождаетъ ли депутатовъ предоставленная имъ свобода слова отъ всякаго судебнаго преслѣдованія; вопросъ этотъ въ рейхстагѣ тоже не былъ разрѣшенъ законодательнымъ путемъ, но на практикѣ со времени конфликта правительство ни разу не пыталось привлекать къ суду депутата за слова, произнесенныя имъ въ парламентѣ.

Какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и въ области прогрессивнаго экономическаго законодательства, которое открывало для всѣхъ соціальныхъ силъ широкій и даже слишкомъ широкій просторъ, Бисмаркъ шелъ на встрѣчу требованіямъ либераловъ. Само собою разумѣется, что это раздражало консерваторовъ, и часть изъ нихъ считала великаго государственнаго человѣка отщепенцемъ, измѣнившимъ своему прежнему знамени; но для вновь созданнаго государственнаго организма, который нуждался въ прогрессивномъ развитіи своихъ силъ, этотъ союзъ между правительствомъ и либерализмомъ былъ исторической необходимостью, отъ которой не могъ уклониться никакой государственный человѣкъ. Съ другой стороны, Бисмаркъ вновь отклонилъ въ февралѣ 1870 года предложеніе Бадена о всту-

пленіи этого государства въ составъ Сѣверногерманскаго союза: въ подобномъ случаѣ Вюртембергъ и Баварія одни остались бы внѣ сферы національнаго объединенія и подчинились бы вполнѣ вліянію Австріи, которая ни за что не хотѣла допустить распространенія германскаго объединенія за предѣлы линіи Майна; Бисмаркъ не хотѣлъ „снимать сливокъ съ молока", а предпочиталъ, чтобы Баденъ пока оставался внѣ союза и оказывалъ бы противовѣсъ партикуляристическимъ стремленіямъ Вюртембергскаго и Баварскаго королевствъ, какъ единственный представитель національной идеи среди южногерманскихъ государствъ. Кромѣ того, вступленіе великаго герцогства Баденскаго въ Сѣверногерманскій союзъ наложило бы на этотъ союзъ весьма тяжелыя обязательства въ военномъ отношеніи: растянутыя незащищенныя границы великаго герцогства Баденскаго создавали въ случаѣ нападенія со стороны Франціи трудную стратегическую задачу, за разрѣшеніе которой слѣдовало браться только въ случаѣ крайней необходимости.

Д. Положеніе Австро-Венгріи послѣ войны 1866 года.

а) Дуализмъ.

Послѣ подавленія венгерскаго возстанія 1849 года Венгрія лишилась своей независимости, и австрійское правительство старалось низвести ее на степень обыкновеннаго владѣнія короны, которое управлялось въ послѣдней инстанціи изъ Вѣны. Гордая мадьярская нація не хотѣла безропотно покориться своей участи и не переставала требовать возстановленія своей независимости; когда по конституціи 26 февраля 1861 года былъ учрежденъ центральный парламентъ для всей монархіи, вѣнскій рейхсратъ, то венгерцы попросту отказались посылать своихъ представителей въ этотъ парламентъ. Вожакомъ венгерской оппозиціи былъ Францъ Деакъ (род. въ 1803 г., ум. въ 1876 г.), юристъ и бывшій членъ суда своего родного комитата Сцяла; въ 1848 году онъ былъ министромъ юстиціи, а затѣмъ онъ сталъ парламентскимъ дѣятелемъ по призванію. Это былъ человѣкъ съ большимъ умомъ и твердымъ и прямымъ характеромъ; онъ отличался глубокимъ чувствомъ справедливости; былъ смѣлымъ заступникомъ за права своего народа, но въ то же время признавалъ неприкосновенность безспорныхъ правъ короны; онъ возмущался одинаково какъ эксплуатаціей крестьянъ со стороны крѣпостниковъ-феодаловъ, такъ коммунистическими вожделѣніями многихъ изъ венгерскихъ крестьянъ, которые собирались раздѣлить между собою помѣщичьи земли. Послѣ Деака наибольшимъ уваженіемъ и вліяніемъ среди венгерскаго народа пользовался графъ Юлій Андраши, который по своимъ природнымъ способностямъ и наклонностямъ особенно охотно занимался дѣлами внѣшней политики.

Послѣ пораженія Австріи въ 1859 году народныя стремленія прорвались наружу съ особенной силой какъ въ западной, такъ и въ восточной половинѣ Австрійской имперіи. Самому автору централистической февральской конституціи Шмерлингу пришлось волей-неволей вновь созвать въ апрѣлѣ 1861 года венгерскій сеймъ, который былъ распущенъ въ 1849 году; но Деакъ требовалъ возстановленія венгерской независимости въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до 1848 года, и никакого соглашенія между венгерцами и австрійскимъ правительствомъ не могло состояться. Въ 1866 году генералъ Клапка организовалъ даже при помощи Бисмарка „венгерскій легіонъ", который готовился сражаться въ рядахъ прусской арміи противъ дома Габсбурговъ-Лотрингенъ. Пораженіе, которое потерпѣла Австрія въ 1866 году, убѣдило императора Франца Іосифа въ томъ, что необходимо примириться съ Венгріей: онъ видѣлъ, что въ противномъ случаѣ Австрія окажется вполнѣ обезсиленной, благодаря внутреннимъ

раздорамъ потеряетъ свой и безъ того поколебавшійся престижъ и не окажется въ силахъ удержаться въ положеніи великой державы. „Австрія пользуется ничтожнымъ вліяніемъ на Востокѣ“, сказалъ Андраши: „а между тѣмъ въ интересахъ цивилизаціи она должна была бы имѣть тамъ большое вліяніе!“ Австрійскіе нѣмцы пришли на помощь венгерцамъ и поставили себѣ девизомъ на собраніи въ Аусзее 10 сентября 1866 года: „Дуализмъ, но не федерализмъ!“ Австрійскіе нѣмцы не хотѣли создавать изъ Австріи ни централистической монархіи, ни федеральнаго союза между Австріей и Венгріей, какъ двумя отдѣльными государствами, а требовали, чтобы Австрійская имперія раздѣлилась на двѣ половины, совершенно независимыя другъ отъ друга во внутреннихъ дѣлахъ и тѣсно сплоченныя между собою во внѣшнихъ.

Новый австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Фридрихъ Фердинандъ фонъ Бейстъ (родился въ 1809, сконч. въ 1885 году), человѣкъ тщеславный, непостоянный, но воспріимчивый къ духу времени, проводилъ ту же программу, какъ и нѣмецкая партія; посредствомъ примиренія съ Венгріей и законодательныхъ реформъ въ современномъ духѣ онъ надѣялся возстановить поколебавшееся положеніе Австріи, выпутаться изъ внутреннихъ затрудненій, пріобрѣсти твердую почву для энергической внѣшней политики и крикнуть: „Стой!“ какъ Пруссіи, такъ и Россіи. Какъ иностранецъ и протестантъ, Бейстъ былъ въ состояніи относиться къ австрійской внутренней политикѣ съ такимъ безпристрастіемъ, какого не могло бы оказаться у государственнаго человѣка туземнаго происхожденія, который лично втянулся въ борьбу партій; зато, съ другой стороны, какъ къ иностранцу, къ Бейсту относились съ предубѣжденіемъ и недовѣріемъ. Когда былъ вновь созванъ венгерскій сеймъ, то Бейстъ засвидѣтельствовалъ передъ нимъ 19 января 1866 года свою готовность пойти на встрѣчу желаніямъ венгерской націи, и когда онъ былъ назначенъ австрійскимъ министромъ-президентомъ вмѣсто графа Белькреди (7 февраля 1867 года), то по его иниціативѣ была въ дѣйствительности возстановлена независимость Венгріи и назначено особое отвѣтственное венгерское министерство съ министромъ президентомъ Андраши во главѣ, о чемъ были изданы соотвѣтствующіе императорскіе декреты въ февралѣ 1867 года: Кроація, Военная Граница и Седмиградія были присоединены къ Венгріи. Какъ только новое германское министерство вступило въ отправленіе своихъ обязанностей, были уничтожены должность венгерскаго намѣстника и „придворныя канцеляріи“ въ Вѣнѣ по дѣламъ управленія Венгріей и Седмиградіей. Понятно, что и для западной половины имперіи образовалось отнынѣ особое правительство; неоффиціально западная половина австрійской имперіи стала называться Цислейтаніей, т. е. областью по сю сторону пограничной рѣки Лейты.

Общими дѣлами Австро-венгерской монархіи, какъ выражались на оффиціальномъ языкѣ, считались: внѣшняя политика, армія (съ нѣмецкимъ языкомъ команды), таможенное вѣдомство и государственные долги; поэтому были учреждены три общеимперскихъ министерства: министерство иностранныхъ дѣлъ, военное и финансовъ. Министру иностранныхъ дѣлъ были присвоены постъ предсѣдателя имперскаго министерства и титулъ имперскаго канцлера; 30 іюня 1867 года Бейстъ былъ назначенъ имперскимъ канцлеромъ за его заслуги въ качествѣ автора соглашенія съ Венгріей. Имперскіе министры съ этого времени стали отвѣтственными за свои дѣйствія предъ такъ называемыми делегаціями; делегаціи составляются изъ двухъ коммиссій, по 36 депутатовъ въ каждой, избираемыхъ изъ своей среды парламентами обѣихъ половинъ имперіи, причемъ въ составъ каждой коммиссіи входятъ въ опредѣленной пропорціи депутаты обѣихъ палатъ; делегаціи собираются поочередно въ Вѣнѣ и Будапештѣ. Делегаціи обсуждаютъ предложенія правительства порознь и независимо

одна отъ другой; для того, чтобы получились имѣющія законную силу и, слѣдовательно, тожественныя резолюціи обѣихъ делегацій, необходимо предварительное соглашеніе между ними. Тогда же были опредѣлены доли, въ которыхъ Австрія и Венгрія принимаютъ участіе въ общегосударственныхъ расходахъ; на долю Венгріи было назначено въ 1867 году 30 проц., а на долю Австріи — 70 проц. общеимперскихъ расходовъ. Соглашеніе между Австріей и Венгріей подлежало возобновленію каждыя 10 лѣтъ; на такой же срокъ были заключены таможенный и торговый договоры. Соглашеніе между Австріей и Венгріей было возобновлено въ 1877 и 1887 годахъ. Въ 1897 году австрійское и венгерское правительства натолкнулись на громадныя затрудненія при возобновленіи этого соглашенія, и временно осталось въ силѣ прежнее соглашеніе по распоряженію императора на основаніи права, предоставленнаго ему конституціей въ томъ случаѣ, если не состоится соглашенія между обѣими половинами имперіи на законномъ основаніи. Такъ какъ съ 1867 года экономическое положеніе Венгріи значительно поднялось, то 10 іюня 1899 года квота Венгріи была опредѣлена въ размѣрѣ 34,4, а квота Австріи въ размѣрѣ 65,6 проц. всѣхъ общеимперскихъ расходовъ; а 31 декабря 1902 года удалось осуществить новое соглашеніе между правительствами обѣихъ половинъ Австрійской имперіи. 8 іюня 1867 года состоялось въ Пресбургѣ торжественное коронованіе императора Франца Іосифа и императрицы Елизаветы короной святого Стефана.

Мадьяры стали чувствовать себя хозяевами въ своей странѣ; семиградскимъ румынамъ и саксонцамъ пришлось вскорѣ почувствовать на себѣ тяжелую руку господствующаго племени, которое рѣшилось во что бы то ни стало мадьяризировать все населеніе Венгріи, будь то добромъ или силой. Напротивъ того, хорватамъ мадьяры сдѣлали нѣкоторыя существенныя уступки: съ 21 іюня 1868 года въ составъ венгерскаго министерства въ Пештѣ сталъ входить особый министръ по дѣламъ Хорватіи, и 45 проц. государственныхъ доходовъ Хорватіи были предоставлены въ распоряженіе хорватскаго сейма на мѣстныя нужды; мадьяры не хотѣли раздражать двухмилліоннаго хорватскаго народа, который жилъ обособленно и съ давнихъ поръ былъ настроенъ враждебно противъ нихъ. Эти льготы повели къ примиренію между мадьярами и хорватами, и 29 декабря 1868 года въ венгерскій сеймъ явились хорватскіе депутаты въ числѣ 29; до этого же времени хорваты въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ отказывались посылать своихъ представителей въ венгерскій сеймъ.

б) Либеральныя преобразованія въ Австріи.

Раздоры между партіями и національностями дошли въ Австріи до высшей степени напряженія. Нѣмцы были на сторонѣ централистической конституціи 26 февраля 1861 года; эта конституція обезпечивала за ними господствующую роль, которую они присваивали себѣ въ качествѣ преобладающей въ культурномъ отношеніи національности. Напротивъ того, славяне, и главнымъ образомъ чехи, стояли за федеративный строй австрійской монархіи, который предоставилъ бы коронными землямъ больше свободы въ области мѣстныхъ интересовъ: феодалы и клерикалы были въ союзѣ съ славянами. Бейстъ сдѣлалъ полякамъ значительныя уступки въ ущербъ интересамъ галиційскихъ русинъ, которые составляли 43 проц. семимилліоннаго галиційскаго населенія, и другихъ коронныхъ земель; послѣ этого поляки примирились съ правительствомъ и заняли свои мѣста въ рейхсратѣ; Бейсту удалось также провести нѣмецкое большинство въ богемскій и моравскій ландтаги. 22 мая 1867 года была открыта первая сессія рейхсрата „въ тѣсномъ смыслѣ“, состоявшаго изъ депутатовъ, избранныхъ изъ своей среды провинціальными ландтагами; чехи, однако, отка

зались посылать своихъ представителей въ рейхсратъ. Министерство Бейста осталось вѣрнымъ господствовавшему либеральному общественному настроенію, и въ теченіе 1867 года при его посредствѣ былъ проведенъ черезъ обѣ палаты рейхсрата и утвержденъ императоромъ (21 декабря) цѣлый рядъ законовъ, которые превратили Австрію, эту обѣтованную страну абсолютизма, въ современное конституціонное государство. Въ это время былъ изданъ законъ объ отвѣтственности министровъ, и была учреждена судебная палата изъ 25 членовъ для суда надъ провинившимися министрами; были введены равенство всѣхъ гражданъ предъ закономъ, одинаковое право всѣхъ гражданъ безъ различія сословій и вѣроисповѣданій на занятіе государственныхъ должностей, свобода передвиженія, свобода печати и собраній, свобода совѣсти и вѣроисповѣданій, неприкосновенность домашняго очага и тайны частной переписки, свобода научнаго изслѣдованія, полное раздѣленіе судебной и административной функціи властей: однимъ словомъ, всѣ блага современной политической свободы посыпались однимъ взмахомъ на такой народъ, съ которымъ непосредственно предъ тѣмъ обращались какъ съ безсловеснымъ стадомъ. Палата депутатовъ получила право избирать своего президента, утверждать налоги и рекрутскіе наборы, издавать законы по всѣмъ имѣющимъ значеніе отраслямъ государственнаго управленія; законъ требовалъ, чтобы палата созывалась ежегодно и чтобы ея засѣданія происходили публично; соотвѣтственно съ тѣмъ были ограничены права ландтаговъ.

Помимо всѣхъ этихъ пріобрѣтеній въ области гражданской свободы, которыя достались населенію Австрійской монархіи, былъ еще изданъ на основаніи 11 параграфа закона о народныхъ представителяхъ законъ о надзорѣ за народной школой: именно были учреждены общинные, окружные и провинціальные школьные совѣты, и во всѣхъ этихъ совѣтахъ засѣдали не только представители церкви, но и представители государства и школы. Чѣмъ суровѣе былъ гнетъ, который обрушился на школу со времени конкордата 1855 года, чѣмъ безграничнѣе былъ произволъ, съ которымъ церковь распоряжалась школой, тѣмъ сильнѣе обнаружилась теперь реакція противъ этого произвола; такое взаимодѣйствіе историческихъ явленій составляетъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ историческихъ законовъ, которые не подлежатъ никакому сомнѣнію. Напрасно 25 архіепископовъ и епископовъ, собравшихся въ Вѣнѣ, изрекли 28 сентября 1867 года торжественное проклятіе противъ зловредныхъ стремленій, которыя „подвергаютъ опасности священнѣйшее достояніе человѣчества, душевное спасеніе 17 милліоновъ христіанъ, которыя вводятъ въ обычай бракъ, легко расторжимый и не освященный церковью, которыя создаютъ школу безъ религіи и нравственности!“ Въ письмѣ къ вѣнскому архіепископу Іосифу Отмару Риттеру фонъ Раушеру императоръ выразилъ свое порицаніе епископамъ, которые должны были бы дѣйствовать въ примирительномъ духѣ, а между тѣмъ волнуютъ умы и ставятъ правительству новыя затрудненія. 30 декабря императоръ призвалъ къ власти такъ называемое гражданское министерство; глава этого министерства князь К. Ауэрспергъ былъ либераломъ, а вліятельные дѣятели либеральной партіи Эдуардъ Гербстъ, Карлъ Гискра и Л. Леопольдъ Риттеръ фонъ Газнеръ, занимали въ этомъ министерствѣ посты министровъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія. Особенную службу сослужило этому министерству вліятельное содѣйствіе Бейста, который старался увѣрить папскаго нунція въ томъ, что, по его убѣжденію, австрійская монархія и католическая церковь — это двѣ сестры, которыя должны всегда поддерживать другъ друга; „гражданскому“ министерству удалось провести черезъ палату господъ въ мартѣ 1868 года тѣ либеральные законопроекты, которые палата депутатовъ приняла еще въ 1867 году, именно: 1) гражданскій бракъ допускается въ томъ случаѣ, если духовное

лицо откажется повѣнчать жениха съ невѣстой по соображеніямъ, не признаваемымъ государствомъ; 2) главный надзоръ за школой передается въ вѣдѣніе гражданскихъ властей, за исключеніемъ обученія Закону Божію; къ занятію учительскихъ должностей допускаются всѣ граждане безъ различія вѣроисповѣданія; 3) сыновья, родившіеся отъ смѣшанныхъ браковъ, считаются принадлежащими къ вѣроисповѣданію отца, а дочери—къ вѣроисповѣданію матери; каждому гражданину, которому исполнилось 14 лѣтъ, предоставляется право переходить изъ одной религіи въ другую. Всѣ эти законы были подписаны императоромъ 25 мая 1868 года. Папа Пій IX обнародовалъ 22 іюня посланіе, въ которомъ онъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ признаетъ эти новые законы достойными проклятія и навсегда недѣйствительными; тогда борьба между церковью и государствомъ возгорѣлась съ особенной силой. Усматривая особенную опасность для всемогущества церкви со стороны свѣтскаго законодательства, папа утвердился въ своемъ намѣреніи потребовать признанія своей апостолической непогрѣшимости. 18 іюля 1870 года духовный соборъ въ Ватиканѣ призналъ непогрѣшимость папы; но Австрія отвѣтила на это отказомъ отъ конкордата и возстановленіемъ placetum regium, т. е. императорскаго соизволенія, безъ котораго всякое распоряженіе папы признавалось недѣйствительнымъ въ Австріи; эта мѣра была принята австрійскимъ правительствомъ уже послѣ выхода въ отставку гражданскаго министерства, которое распалось 1870 года вслѣдствіе внутреннихъ разногласій, ясно обнаружившихся еще въ декабрѣ 1869 года.

Пока продолжалась эта борьба между церковью и государствомъ, было упорядочено также финансовое положеніе Австріи, правда, болѣе или менѣе насильственнымъ путемъ. Въ іюнѣ 1868 года палата депутатовъ приняла значительнымъ большинствомъ голосовъ слѣдующее предложеніе министра торговли Игнатія Эдлена фонъ Пленера: весь государственный долгъ Австріи подлежалъ конверсіи въ однородную 5% ренту, но проценты съ этой ренты облагались 20% налогомъ, такъ что фактически проценты по государственнымъ займамъ были низведены до 4%.

Въ декабрѣ 1868 года была введена всеобщая воинская повинность, и численность арміи была установлена на 10 лѣтъ въ размѣрѣ 800.000 человѣкъ. Зачисленію въ ландверъ подлежали не только запасные, но и ополченцы, освободившіеся отъ военной службы по жребію и, слѣдовательно, не получившіе никакого военнаго образованія.

E. **Великобританія: парламентская реформа, Ирландія, Абиссинія.**

Въ 1866 году среди англійскаго либеральнаго министерства (см. т. VI) возникло разногласіе по вопросу о предоставленіи избирательныхъ правъ рабочимъ, и оно вынуждено было уступить свое мѣсто торійскому кабинету подъ предсѣдательствомъ Бенжамена Дизраэли. Этотъ послѣдній понималъ очень хорошо, что не слѣдуетъ откладывать въ долгій ящикъ избирательной реформы, если только кабинетъ хочетъ удержаться во власти; торійскій кабинетъ рѣшилъ провести избирательную реформу и доказать обществу, что консервативная партія въ состояніи справиться съ насущными потребностями современной государственной жизни не хуже, или даже лучше, чѣмъ либеральная; въ мартѣ 1867 года кабинетъ внесъ въ парламентъ законопроектъ, который прошелъ послѣ усиленной борьбы черезъ обѣ палаты и былъ подписанъ королевой Викторіей 15 августа. По этому „второму биллю о реформѣ“ имущественный избирательный цензъ былъ низведенъ для сельскихъ избирательныхъ округовъ, такъ называемыхъ графствъ, съ 50 фунтовъ стерлинговъ (500 руб.) до 15 ф. ст. (150 руб.). Въ городахъ по новому закону избирательнымъ правомъ пользовался каждый домохозяинъ, который прожилъ въ своемъ округѣ не ме-

нѣе двухъ лѣтъ. Городскіе избирательные округи съ населеніемъ меньше 7000 душъ получили право избирать только по одному депутату, а большіе города по нѣсколько, напр., Ливерпуль, Бирмингамъ и Лидсъ—по четыре. Первая избирательная реформа 1832 года (см. т. VII, стр. 400) поставила рядомъ съ природной аристократіей аристократію капитала, а реформа 1867 года создала третій контингентъ избирателей, состоящій изъ рабочихъ и представителей умственнаго труда; до того времени обѣ эти категоріи были лишены избирательныхъ правъ за немногими исключеніями. Эта послѣдняя реформа дала Англіи могущественный толчокъ на пути къ демократическому преобразованію ея общественной жизни. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ послѣдней избирательной реформы явилась агитація противъ палаты лордовъ, аристократическій характеръ которой оказался въ рѣзкомъ противорѣчіи съ нарастающимъ потокомъ современнаго демократическаго теченія.

Возмущеніе ирландцевъ противъ англійскаго господства, которое выражалось въ эксплоатаціи массы неимущаго населенія англо-саксонскими землевладѣльцами, вызвало къ жизни образованіе союза феніевъ (см. т. VII, стр. 419); союзъ этотъ образовался въ Сѣверной Америкѣ и оттуда старался сокрушить господство англичанъ въ Ирландіи, не гнушаясь никакими средствами, не исключая даже кинжала и динамита. Въ одномъ отношеніи ирландцы добились существеннаго успѣха; въ іюлѣ 1869 года англиканская церковь, къ которой принадлежало не болѣе шестой части ирландскаго населенія, была лишена правъ государственной церкви въ Ирландіи и была преобразована въ свободную англиканскую церковь съ имуществомъ въ 120.000.000 руб. Такимъ образомъ вѣроисповѣданіе незначительнаго меньшинства перестало, наконецъ, считаться государственной религіей въ Ирландіи.

Въ 1868 году Англія впуталась въ военную экспедицію въ Африкѣ. Въ Абиссиніи (см. т. III, стр. 555) нѣкто по имени Касаи провозгласилъ себя императоромъ всей страны подъ именемъ Ѳеодора (II); новый императоръ очистилъ страну отъ разбойниковъ, улучшилъ судебные порядки, конфисковалъ церковныя имущества и освободилъ свою страну отъ гнета духовенства. Случилось, что на бѣду себѣ абиссинскій императоръ арестовалъ нѣсколько англійскихъ миссіонеровъ; онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они распространяютъ про него клевету въ Европѣ, и соглашался освободить ихъ только въ обмѣнъ на искусныхъ техниковъ; тогда Англія отправила въ Абиссинію военный отрядъ въ 16.000 человѣкъ при 45 пушкахъ, которыя перевозились на слонахъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Р. К. Непира. Непиръ разбилъ у Магдалы абиссинцевъ, которые были вооружены старинными ружьями съ фитилями и 13 апрѣля 1868 года взялъ штурмомъ эту неприступную крѣпость, расположенную на вершинахъ трехъ утесовъ; потерпѣвъ полное пораженіе, Ѳеодоръ II застрѣлился съ отчаянья. Вмѣстѣ съ нимъ былъ похороненъ его смѣлый планъ искоренить въ Египтѣ магометанство и утвердить въ этой странѣ господство христіанства и абиссинцевъ; напротивъ того, послѣ смерти Ѳеодора магометанство возродилось съ новой силой въ областяхъ, лежащихъ къ югу отъ Египта (т. III, стр. 541). Освободивши миссіонеровъ, англичане ушли изъ Абиссиніи.

Ж. Римскій вопросъ: послѣдствія договора, заключеннаго въ сентябрѣ 1864 года.

Римскій вопросъ былъ для Наполеона III однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ затрудненій, съ которыми только ему пришлось справляться. Въ сентябрѣ 1864 года Франція вывела свой гарнизонъ изъ Рима, но взяла съ итальянскаго правительства обязательство перемѣстить резиденцію италь-

янскаго короля изъ Турина во Флоренцію (въ этомъ заключался косвенный отказъ отъ Рима, какъ итальянской столицы); итальянское правительство обязалось также не нападать на Римъ и не допускать подобнаго нападенія съ чьей бы то ни было стороны. По поводу этого сентябрьскаго договора французскіе клерикалы были внѣ себя отъ негодованія: по ихъ мнѣнію Франція отказалась въ силу этого договора отъ охраны уцѣлѣвшаго еще остатка свѣтскихъ владѣній папы и этимъ положила начало окончательному уничтоженію его свѣтской власти. Клерикалы считали уничтоженіе свѣтской власти папы тяжелымъ ударомъ для церкви, а для шовинистской партіи, во главѣ которой стоялъ Адольфъ Тьеръ, французская гегемонія въ Европѣ была одной изъ основъ міроваго порядка; между тѣмъ окончательное торжество итальянскаго національнаго государства сильно поколебало французскую гегемонію по ту сторону Альпъ, а основаніе германскаго національнаго государства нанесло роковой ударъ притязаніямъ Франціи на преобладающую роль по ту сторону Рейна. Подъ сильнымъ давленіемъ клерикаловъ, съ одной стороны, и шовинистовъ, съ другой,— французская палата приняла въ февралѣ 1866 года резолюцію о томъ, что свѣтская власть папы необходима для поддержанія духовнаго авторитета престола Св. Петра; когда же Венеція перешла во власть Италіи, то клерикалы обрушились съ особенной силой на современное либеральное міровоззрѣніе вообще и на Италію въ частности. Свободомыслящему министру народнаго просвѣщенія Дюрюи, который подчинилъ гражданскимъ законамъ монашескіе ордена, занимавшіеся воспитаніемъ дѣтей, открылъ свѣтскія школы для дѣвочекъ и основалъ народныя библіотеки съ либеральнымъ направленіемъ, пришлось выдержать ярыя нападки со стороны клерикаловъ, а въ іюлѣ 1867 года онъ вынужденъ былъ подъ давленіемъ клерикальной партіи закрыть на время педагогическій институтъ „Ecole normale“, черезъ стѣны котораго прокрались вольнодумныя идеи.

Вся эта агитація французскихъ клерикаловъ и шовинистовъ не только не достигла своей цѣли, а произвела какъ разъ противоположное дѣйствіе. Проникнутый симпатіями къ французамъ демократическій итальянскій первый министръ Раттацци пытался поднять въ Римѣ народное возстаніе: онъ надѣялся, что, если въ Римѣ вспыхнетъ революція, то королю Виктору Эммануилу II удастся выступить въ роли возстановителя порядка, а если итальянскимъ войскамъ удастся занять Римъ, то римскій вопросъ разрѣшится весьма просто и безъ прямого нарушенія сентябрьскаго договора; но пылкій и необдуманный Гарибальди однимъ махомъ разорвалъ всю тонкую паутину, на которую министръ затратилъ такъ много дипломатическаго искусства, и вторгся въ сентябрѣ 1867 года съ отрядомъ добровольцевъ въ Церковную Область съ намѣреніемъ свергнуть папу. На основаніи договора 1864 года Наполеонъ III потребовалъ, чтобы итальянское правительство выступило противъ Гарибальди съ оружіемъ въ рукахъ: Раттацци предпочелъ выйти въ отставку, а французскій императоръ отправилъ изъ Тулона въ Римъ отрядъ подъ начальствомъ генерала П. Л. Ш. де-Фальи. Соединившись съ папскими войсками, находившимися подъ командой генерала Германна Канцлера, французскій отрядъ нагналъ гарибальдійцевъ, которые стали отступать, какъ только высадились французы; на Монте-Ротондо, недалеко отъ Ментаны, къ сѣверо-востоку отъ Рима, гарибальдійцы были разбиты на голову; „ружья Шаспо дѣлали чудеса“, писалъ Фальи императору. Французскій отрядъ былъ, конечно, вынужденъ опять остаться въ Римѣ; съ уходомъ французовъ папа опять оказался бы безпомощнымъ. На итальянской территоріи вновь очутился французскій гарнизонъ, вновь закипѣлъ гнѣвъ всѣхъ противниковъ папства противъ „тѣлохранителя папы“, а итальянцы почувствовали особенную ненависть къ тому человѣку, который ставилъ препятствія на пути окончательнаго объединенія Италіи. Напрасно пытался французскій императоръ отдать

рѣшеніе римскаго вопроса на разсмотрѣніе европейскаго конгресса, который предполагалось созвать для этой цѣли: никакая другая изъ великихъ державъ не хотѣла создавать себѣ безполезныхъ затрудненій изъ-за этого непріятнаго вопроса.

3. **Новыя затрудненія во внѣшней и внутренней политикѣ Наполеона.**

а) Преобразованіе французской арміи.

Между тѣмъ Наполеонъ пришелъ къ тому убѣжденію, что Франція сильно отстала отъ Пруссіи въ военномъ отношеніи и сталъ придумывать разные планы для устраненія этого неудобства. Единственный изъ его плановъ, который дѣйствительно имѣлъ практическое значеніе и затрагивалъ самый корень существующаго зла, заключался попросту въ распространеніи на Францію всеобщей воинской повинности по прусскому образцу; но когда императоръ захотѣлъ провести въ жизнь такой проектъ, то онъ натолкнулся на упорное сопротивленіе какъ со стороны генераловъ французской арміи, которые по большей части не отрѣшились еще отъ стараго предразсудка, будто армія, состоящая изъ солдатъ по профессіи, превосходитъ качествомъ народное войско, такъ и со стороны парламентскихъ дѣятелей, которые ни за что не хотѣли примириться съ подобной реформой отчасти подъ давленіемъ народнаго чувства, весьма неблагосклонно относившагося къ военной службѣ, отчасти изъ партійныхъ соображеній; радикалы ненавидѣли „милитаризмъ" и вообще все то, что ведетъ къ укрѣпленію монархіи.

Благодаря противодѣйствію значительной части палаты, умному и энергичному военному министру маршалу Адольфу Ніелю пришлось сильно урѣзать свои требованія вопреки своимъ собственнымъ убѣжденіямъ; въ февралѣ 1868 года въ палатѣ прошелъ законъ, въ силу котораго вводилась въ принципѣ всеобщая воинская повинность съ девятилѣтней продолжительностью службы; но фактически она этимъ же закономъ отмѣнялась обратно, такъ какъ каждому предоставлялось право откупиться отъ дѣйствительной службы. Правда, всѣ безъ исключенія зачислялись въ ополченіе, garde mobile; но изъ экономическихъ соображеній это ополченіе оставляли существовать только на бумагѣ и не принимали никакихъ мѣръ для дѣйствительной его организаціи; фактически былъ назначенъ только комплектъ офицеровъ ополченія, рядовые же не были распредѣлены по частямъ и никогда не созывались въ учебные сборы. Такимъ образомъ оказалось, что сѣверогерманскій союзъ при населеніи въ 30000000 душъ и ежегодномъ рекрутскомъ наборѣ въ 90000 человѣкъ былъ въ состояніи выставить въ военное время армію въ 540,000 человѣкъ, а Франція располагала арміей только въ 330,000 человѣкъ при населеніи въ 36,000,000 человѣкъ. По части вооруженія за французской пѣхотой дѣйствительно оставалось то преимущество, что она была вооружена ружьемъ Шаспо, которое бьетъ на 1200 шаговъ въ то время, какъ нѣмецкое игольчатое ружье бьетъ только на 400 шаговъ, и если непріятель дѣйствовалъ съ большаго разстоянія, то игольчатое ружье становилось безполезнымъ, какъ палка; кромѣ того, французское ружье было меньшаго калибра (11 мм.), чѣмъ германское, имѣло лучшій газовый затворъ, и съ нимъ легче было обращаться. Зато сѣверогерманская артиллерія имѣла свои преимущества передъ французской: нѣмецкія бомбы разрывались только послѣ удара, а французскія разрывались сами собой по истеченіи извѣстнаго промежутка времени, который необходимо было принимать въ разсчетъ при стрѣльбѣ въ цѣль; это было очень затруднительно, и часто случалось, что французскія бомбы разрывались въ воздухѣ еще раньше, чѣмъ онѣ попадали въ цѣль. Митральеза, на которую французы

возлагали большія надежды, оказалась въ 1870 году вовсе не очень полезнымъ на практикѣ оружіемъ, и въ Германіи не сочли необходимымъ вводить ее.

Для того, чтобы возстановить свою популярность въ народѣ, Наполеонъ придумалъ въ январѣ 1869 года слѣдующій планъ: правленіе французской восточной желѣзной дороги должно было откупить и принять въ свое вѣдѣніе частныя бельгійскія желѣзнодорожныя линіи на Брюссель и Роттердамъ; такимъ путемъ Бельгія попала бы сначала въ экономическую, а потомъ и въ политическую зависимость отъ Франціи. Однако тогдашнее либеральное бельгійское министерство, во главѣ котораго стоялъ Гюб. Жоз. Фреръ-Орбанъ, не дало своего согласія на эту перепродажу; на этотъ разъ на сторонѣ министра оказались и бельгійскіе клерикалы, которые были во всѣхъ другихъ вопросахъ смертельными врагами министерства, и послѣдняя попытка Наполеона возстановить свою популярность потерпѣла полнѣйшую неудачу.

Въ сущности прусское правительство не принимало никакого участія во всемъ этомъ дѣлѣ; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя французскія газеты обвиняли его въ томъ, что оно подстрекнуло Бельгію противъ Франціи.

Точно также нельзя было считать съ достаточнымъ основаніемъ за нарушеніе пражскаго мирнаго договора соглашеніе, состоявшееся между Баденомъ и Пруссіей, о томъ, что баденскіе подданные могутъ отбывать воинскую повинность въ Пруссіи, а прусскіе въ Баденѣ. Несмотря на это, начиная съ лѣта 1868 года, между Франціей, Австріей и Италіей велись оживленные переговоры о заключеніи тройственнаго союза противъ Пруссіи. Бейстъ остался вѣрнымъ той давнишней ненависти, которую онъ питалъ противъ Пруссіи; тѣмъ не менѣе онъ понималъ, что Австрія не можетъ теперь же объявить войну этому государству. Этому мѣшали весьма важныя обстоятельства; во-первыхъ, Австрія находилась въ это время въ затруднительномъ финансовомъ положеніи, а преобразованіе австрійской арміи еще не было закончено; затѣмъ она переживала въ это время тяжелыя затрудненія во внутренней политикѣ; кромѣ того, необходимо было считаться съ симпатіями десятимилліоннаго нѣмецкаго населенія австрійской имперіи, а также съ настроеніемъ венгерцевъ, которые относились враждебно ко всякой попыткѣ возстановленія австрійской гегемоніи въ Германіи. По мнѣнію Бейста, Австрія могла бы въ своихъ интересахъ принять участіе въ войнѣ противъ Пруссіи только въ томъ случаѣ, еслибъ такая война возникла по какому либо поводу, не затрагивающему интересовъ второстепенныхъ германскихъ государствъ, какъ, напр., въ такомъ случаѣ, если-бы произошло столкновеніе между Австріей и Россіей на Востокѣ, а Пруссія стала бы на сторону Россіи. Бейстъ полагалъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ давать повода думать, что война между Австріей и Пруссіей направлена противъ объединенія Германіи; въ противномъ случаѣ война привела бы къ результату какъ разъ противоположному, именно къ тѣсному сплоченію между Сѣверной и Южной Германіей.

Итальянцы тоже не симпатизировали войнѣ противъ германскаго единства, такъ какъ можно было опасаться, что за такой войной послѣдуетъ война противъ итальянскаго единства. Само собою разумѣется что, итальянцы стремились не къ разрушенію итальянскаго національнаго объединенія, а къ завершенію его; нѣкоторую часть консервативной партіи можно было, пожалуй, склонить къ войнѣ, но только цѣною уступки Рима итальянскому королевству, а такого условія не могъ выполнить французскій императоръ, онъ не рѣшался дѣйствовать наперекоръ французскимъ католикамъ, которые и безъ того были раздражены противъ него. Большинство итальянцевъ вполнѣ сочувствовало министерству, которое заявило королю Виктору Эммануилу въ іюлѣ 1869 года, что оно не одобряетъ такого шага, который подвергаетъ риску результаты, добытые въ 1866 году.

Между прочимъ, Бейстъ не довѣрялъ Наполеону и опасался, чтобы онъ не вошелъ въ соглашеніе съ Пруссіей во вредъ Австріи въ послѣднюю минуту, когда ему удастся запугать Пруссію тройственнымъ союзомъ и склонить ее къ уступкамъ. Такимъ образомъ переговоры о заключеніи тройственнаго союза наткнулись со всѣхъ сторонъ на непреодолимыя препятствія и, наконецъ, были „отложены на неопредѣленное время", какъ выразился Наполеонъ въ письмѣ къ Францу Іосифу въ сентябрѣ 1869 года. Никакого письменнаго договора къ этому времени еще не состоялось; устно, три договаривавшіяся державы успѣли придти къ соглашенію по слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) тройственный союзъ долженъ быть заключенъ съ цѣлями чисто оборонительными и мирными; 2) союзныя державы должны оказывать другъ другу поддержку при всякихъ международныхъ переговорахъ; 3) въ случаѣ войны между Франціей и Пруссіей Австрія должна остаться, по крайней мѣрѣ, нейтральной.

б) Министерство Олливье и Плебисцитъ (1870 годъ).

Въ то самое время, какъ международные переговоры застряли на мертвой точкѣ, произошли важныя перемѣны во внутреннемъ положеніи Франціи. На выборахъ въ законодательный корпусъ, которые состоялись 23 мая 1869 года, правительственная партія потеряла значительное число голосовъ: въ то время, какъ въ 1857 году оппозиція получила всего только 810.000 голосовъ, въ 1863 году за нее было подано уже 1.800.000 голосовъ, а въ 1869 году число голосовъ, поданныхъ за представителей оппозиціи, возросло до цифры 3.300.0000, а правительственная партія получила въ 1863 году 5.300.000 голосовъ, а въ 1869 году только 4.600.000. „Третья партія", предводителемъ которой былъ Олливье, пріобрѣла въ палатѣ 130 мѣстъ. Къ ней примкнули 40 представителей республиканской лѣвой, и такимъ образомъ образовалось оппозиціонное большинство, а Руэ съ его сторонниками остались въ меньшинствѣ. Результатъ выборовъ не былъ безусловно неблагопріятнымъ для самого Наполеона, такъ какъ партія Олливье тоже состояла изъ имперіалистовъ; но если бы Наполеонъ продолжалъ отождествлять свои интересы съ интересами партіи Руэ и аркадцевъ, то оппозиція оказалась бы направленной также и противъ него самого. Императоръ пошелъ на уступки, 17-го іюля была отмѣнена должность государственнаго министра, а Руэ былъ перемѣщенъ на должность предсѣдателя сената. Въ торжественномъ засѣданіи 2 августа сенатъ выслушалъ выработанный министерствомъ проектъ реформъ, а 6 сентября правительство провело черезъ сенатъ цѣлый рядъ измѣненій въ конституціи. По новому законопроекту законодательному корпусу было предоставлено право избирать своего президента и вицепрезидентовъ, право иниціативы, право дѣлать правительству запросы и утверждать государственный бюджетъ по отдѣльнымъ статьямъ; тотъ параграфъ конституціи, который гласитъ объ отвѣтственности самого императора, не былъ отмѣненъ, но въ дополненіе къ нему была введена отвѣтственность министровъ, которые впредь подлежали суду сената за нарушеніе конституціи. Вотъ какъ охарактеризовалъ значеніе этихъ реформъ самъ Наполеонъ III въ бесѣдѣ съ итальянскимъ посломъ Константиномъ Нигра: „мнѣ приходилось выбирать между слѣдующими двумя альтернативами: либо война и самодержавное управленіе, либо миръ и либеральныя реформы. Я выбралъ послѣднее". 14 августа 1869 года скончался испытанный военный министръ Ніель, и на первыхъ порахъ послѣ его смерти всякое военное предпріятіе казалось вдвойнѣ рискованнымъ; послѣдствія, дѣйствительно, показали, что его преемникъ маршалъ Эдмонъ Лебефъ не обладалъ ни опытностью, ни проницательностью Ніеля.

2 января 1870 года французскій императоръ призвалъ къ власти

министерство, которое на основаніи сенатскаго рѣшенія должно было быть отвѣтственнымъ за веденіе дѣлъ. Главой этого министерства былъ Эмиль Олливье, который взялъ себѣ портфель юстиціи и исповѣданій; министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Наполеонъ Дарю, умный и осмотрительный человѣкъ съ твердымъ характеромъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ И. П. Н. Е. Шевандье де Вальдромъ, министромъ финансовъ — Луи Жозефъ Бюффе. Лѣвая требовала, чтобы впредь пересмотръ конституціи не могъ состояться безъ участія палаты депутатовъ, такъ какъ сенатскій эдиктъ можетъ завтра взять назадъ то, что другой эдиктъ далъ сегодня; въ отвѣтъ на это императоръ рѣшилъ поставить произведенныя въ конституціи измѣненія на всенародное голосованіе посредствомъ плебисцита на томъ основаніи, что конституція французской имперіи въ свое время (въ 1852 году; см. стр. 288) тоже была одобрена народомъ посредствомъ плебисцита. На всенародное голосованіе былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: „одобряетъ ли народъ сенатское рѣшеніе, состоявшееся 6 сентября 1869 года, и желаетъ ли онъ облегчить такимъ образомъ переходъ французской короны отъ императора къ его сыну?“ Утвердительныхъ голосовъ получилось 7.350.142, отрицательныхъ 1.538.825; въ арміи, которая тоже принимала участіе въ голосованіи, было подано 285.000 утвердительныхъ голосовъ, 48.000 отрицательныхъ. Въ общемъ въ народѣ оказалась довольно многочисленная оппозиція противъ существовавшаго во Франціи правительственнаго режима, но эта оппозиція распадалась на двѣ части, на сторонниковъ абсолютной монархіи, которымъ сенатское рѣшеніе казалось слишкомъ либеральнымъ, и на республиканцевъ, которые считали его слишкомъ отсталымъ, потому что это сенатское рѣшеніе не только не избавляло Франціи отъ цезаризма, но даже способствовало его упроченію. Въ противоположность съ этой разрозненной оппозиціей единодушное, въ пять разъ болѣе многочисленное большинство имѣло такое импонирующее значеніе, что императоръ имѣлъ полное основаніе утверждать, что плебесцитъ 8 мая 1870 года служитъ для него убѣдительнымъ доказательствомъ того довѣрія, которое питаетъ $^5/_6$ всѣхъ французовъ къ его особѣ, къ его дому и къ его правительственной системѣ.

в) Соборъ въ Ватиканѣ и его отпошеніе къ международной политикѣ.

Въ составѣ французскаго министерства произошла вскорѣ послѣ этого весьма важная перемѣна: Дарю вышелъ въ отставку, а его мѣсто занялъ герцогъ Аженоръ де Грамонъ. Было два повода, вслѣдствіе которыхъ Дарю вынужденъ былъ выйти изъ состава министерства. Во-первыхъ, онъ безуспѣшно старался провести такой взглядъ, что императоръ не имѣетъ права устраивать въ будущемъ плебисцитовъ, не испросивши предварительно согласія законодательнаго корпуса. Затѣмъ Дарю относился съ сильной тревогой къ Ватиканскому собору, который былъ открытъ Піемъ IX въ Римѣ 8 декабря 1869 года; въ то самое время, какъ свѣтская власть папы все уменьшалась и ей грозила въ близкомъ будущемъ полная гибель, папа задумалъ упрочить за собой неограниченный духовный авторитетъ посредствомъ провозглашенія апостолической непогрѣшимости римскаго епископа въ дѣлахъ вѣры и нравовъ. Догма о папской непогрѣшимости угрожала серьезной опасностью независимости европейскихъ государствъ; поэтому баварскій министръ президентъ князь Хлодвигъ фонъ Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ (род. въ 1819 г., умеръ въ 1901 г.) выступилъ 9 апрѣля 1869 г. съ протестомъ противъ этой догмы и предложилъ всѣмъ тѣмъ государствамъ, у которыхъ имѣются подданные католическаго вѣроисповѣданія, оказать общими силами давленіе на курію;

но по разнымъ причинамъ онъ встрѣтилъ сочувствіе только у русскаго правительства, которое попросту запретило своимъ католическимъ епископамъ принимать участіе въ Ватиканскомъ соборѣ; 15 февраля 1870 года министерство Гогенлоэ-Шиллингсфюрста было низвергнуто клерикально-партикуляристическимъ большинствомъ баварскаго ландтага. Такъ же мало успѣха, какъ баварскій министръ президентъ, имѣлъ и Дарю со своими предостереженіями противъ догмы о папской непогрѣшимости; его собственный товарищъ по министерству, Олливье, утверждалъ, что папская непогрѣшимость — это чисто внутреннее дѣло церкви, которое не касается интересовъ государства (какъ будто бы церковь признавала существованіе такой области, которая должна находиться исключительно въ вѣдѣніи гражданскихъ властей и была бы совершенно внѣ ея собственной компетенціи); папскій статсъ-секретарь графъ Джіакомо Антонелли убаюкивалъ французскаго министра-президента двусмысленными обѣщаніями вродѣ слѣдующаго: „въ теоріи мы уносимся такъ же высоко, какъ Григорій VII и Иннокентій III; на практикѣ же мы уступчивы и терпѣливы". Никакого успѣха не имѣла проповѣдь благороднаго графа Шарля Монталамбера, который отвергалъ въ одинаковой степени какъ подчиненіе государства церкви, такъ и подчиненіе церкви государству, и котораго прежде клерикалы такъ превозносили; напрасно распинался онъ, что слѣдуетъ во время выйти на борьбу съ тѣмъ потокомъ лести, обмана и рабскихъ тенденцій, который наводняетъ католическую церковь; Монталамберъ не дожилъ до того времени, когда его мрачныя предсказанія оправдались на дѣлѣ, а преемникъ Дарю, Грамонъ, былъ убѣжденнымъ клерикаломъ и поэтому относился съ ненавистью къ еретической Пруссіи.

г) Возникновеніе соціалъ-демократіи.

Поползновенія куріи подчинить всѣ народы преобладающему вліянію папскаго престола было явленіемъ, противорѣчащимъ всѣмъ современнымъ національнымъ государственнымъ стремленіямъ. То же самое приходится сказать о поползновеніяхъ другого рода, которыя стали разрастаться какъ разъ въ это время, именно, **соціалъ-демократическихъ** (подробнѣе объ этомъ см. томъ VII, стр. 439). На 1862-64 годы приходится агитаторская дѣятельность Фердинанда Лассаля; онъ проповѣдывалъ, что рабочій классъ долженъ выступить на борьбу противъ капиталистовъ, высасывающихъ изъ него послѣдніе соки, добиться преобладающаго вліянія въ государствѣ посредствомъ всеобщаго избирательнаго права, воспользоваться авторитетомъ государственной власти для устройства производительныхъ ассоціацій съ ежегоднымъ распредѣленіемъ всей прибыли между участниками и захватить такимъ образомъ въ свои собственныя руки производство. Въ сентябрѣ 1866-го года былъ основанъ въ Женевѣ „интернаціоналъ", международный союзъ рабочихъ всѣхъ странъ; начало ему было положено въ Лондонѣ еще въ 1864-мъ году. Своего полнаго развитія соціалъ-демократическія идеи достигли только впослѣдствіи, когда закончился круговоротъ историческихъ событій, который завершился полнымъ торжествомъ національныхъ стремленій въ средней Европѣ.

И. Начало войны между Германіей и Франціей.

а) Отношенія между Франціей и Австріей.

30 іюня 1870 года европейскій миръ казался обезпеченнымъ; Олливье нашелъ возможнымъ заявить предъ палатой, что европейскому миру не угрожаетъ никакой опасности, а французскій военный министръ Лебефъ предложилъ уменьшить число новобранцевъ, подвергавшихся зачисленію

въ дѣйствующую армію въ 1871 году, съ 100.000 до 90.000. Представители лѣвой держались того мнѣнія, что 40.000.000 нѣмцевъ, которые объединились подъ главенствомъ Пруссіи, не угрожаютъ никакой опасностью для Франціи; самого же Олливье, не обинуясь, можно назвать другомъ германскаго объединенія. Правда, не все обстояло благополучно: въ апрѣлѣ 1870 года эрцгерцогъ Альбрехтъ австрійскій побывалъ въ Парижѣ какъ бы попутно во время экскурсіи въ южную Францію; между эрцгерцогомъ Альбрехтомъ и французскимъ правительствомъ велись переговоры по слѣдующему поводу: не слѣдуетъ ли Франціи и Австріи, въ случаѣ вступленія Бадена въ Сѣверо-германскій союзъ, предпринять сообща тѣ или другіе шаги для сохраненія въ силѣ пражскаго мирнаго договора. Эрцгерцогъ Альбрехтъ развивалъ слѣдующій планъ: въ томъ случаѣ, если бы оказалось, что нельзя предотвратить войны, французская армія двинется черезъ Штуттгартъ на Нюренбергъ и здѣсь соединится съ итальянцами, которые подойдутъ черезъ Мюнхенъ, и съ австрійцами, которые двинутся изъ Богеміи; соединившись вмѣстѣ, всѣ три арміи вступятъ въ сраженіе съ пруссаками у Лейпцига. Эрцгерцогъ Альбрехтъ шутилъ съ огнемъ; однако онъ оговорился, что преобразованіе австрійской арміи будетъ закончено только черезъ одинъ, два года и что для мобилизаціи ея требуется не менѣе 6 недѣль; поэтому, по его словамъ, необходимо, чтобы сначала выступила въ походъ одна только французская армія, лучше всего весною, для того, чтобы справиться съ пруссаками до наступленія осени съ ея длинными и холодными ночами, при чемъ слѣдуетъ дѣйствовать съ такой быстротой, чтобы Россія не успѣла придти на помощь Пруссіи. Предложеніе эрцгерцога Альбрехта, чтобы Франція прежде всего рискнула своей собственной шкурой, конечно, озадачило Наполеона. 17 мая онъ созвалъ военный совѣтъ, который призналъ такое условіе недопустимымъ. Тогда былъ командированъ въ Вѣну для продолженія переговоровъ генералъ Б. Л. Ж. Лебренъ, но императоръ Францъ Іосифъ не согласился отступиться отъ условій, выставленныхъ Альбрехтомъ. Австрійскій императоръ считалъ эти условія необходимыми не только съ военной, но и съ политической точки зрѣнія: если бы Австрія объявила Пруссіи войну одновременно съ Франціей, то, по его мнѣнію, Пруссія пуститъ въ ходъ „новую германскую идею и увлечетъ за собою южно-германскія государства“. Когда же военныя дѣйствія уже откроются, французы вступятъ въ южную Германію и будутъ тамъ встрѣчены, какъ освободители отъ прусскаго ига, то Австрія можетъ, по мнѣнію императора Франца Іосифа, воспользоваться случаемъ и съ своей стороны принять участье въ войнѣ.

Положеніе дѣлъ въ южной Германіи подавало надежду на то, что въ общественномъ мнѣніи наступитъ поворотъ въ пользу Франціи. Въ Баваріи вышелъ въ отставку въ февралѣ Гогенлоэ, и его замѣстило партикуляристическое министерство графа Отто Брай-Штейнбурга; въ Вюртембергѣ самые ярые изъ демократовъ носились съ слѣдующимъ лозунгомъ: „лучше пристать къ французамъ, чѣмъ къ пруссакамъ“. Вюртембергскому правительству была подана петиція, покрытая 150.000 подписей, въ которой населеніе требовало преобразованія арміи въ милицію по швейцарскому образцу; въ отвѣтъ на эту петицію король Карлъ, само собою разумѣется, далъ отставку министру внутреннихъ дѣлъ Эрнесту Гесслеру за его слабость (въ мартѣ 1870 года), а военнымъ министромъ назначилъ Сукова. Этотъ послѣдній сдѣлалъ такую уступку, на какую никакъ не соглашался его предшественникъ Вагнеръ, а именно онъ рѣшился сократить военный бюджетъ на полмилліона гульденовъ, но отказался измѣнить новое устройство арміи по прусскому образцу, которое успѣли ввести только въ 1868 году. Тѣмъ не менѣе проницательный французскій наблюдатель, военный атташе полковникъ Эженъ Г. Стеффель, предостерегалъ императора Наполеона отъ переоцѣнки партикуляристическихъ тенденцій

Южной Германіи. Во всякомъ случаѣ было очень сомнительно, могутъ ли и хотятъ ли французы выполнить тѣ условія, на которыхъ Австрія соглашалась принять участіе въ войнѣ, тѣмъ болѣе, что Австрія готова была взяться за оружіе только въ случаѣ нарушенія пражскаго мирнаго договора, котораго Пруссія пока еще не нарушала. Получается такое впечатлѣніе, что еще въ началѣ іюля 1870 года можно было съ значительной долей вѣроятности ручаться за сохраненіе мира, несмотря на натянутость международнаго положенія Европы и на враждебныя столкновенія между отдѣльными лицами и народными теченіями.

б) Гогенцоллернская кандидатура на испанскій престолъ.

Правленіе королевы испанской Изабеллы II (срв. томъ IV) уже давно вызвало противъ себя народное негодованіе вслѣдствіе непристойнаго образа жизни самой королевы, которая была выдана замужъ 16 лѣтъ за человѣка разслабленнаго и искала любовныхъ наслажденій на сторонѣ. Когда Изабелла совершенно подчинилась вліянію реакціонной партіи, то либералы подняли возстаніе подъ предводительствомъ Франциска Серрано и Хуана Прима (20 сентября 1868 года). 28 сентября армія королевы потерпѣла пораженіе около моста въ Алколеа на Гвадалквивирѣ, а главнокомандующій арміей королевы генералъ Э. Павіа былъ тяжело раненъ; королева, которая находилась въ это время на морскихъ купаніяхъ въ Санъ-Себастьянѣ, бѣжала 30-го сентября во Францію со всѣмъ своимъ семействомъ и со своимъ „интендантомъ“ Карломъ Марфори. Набожной королевѣ пришлось, конечно, отказаться отъ той мысли, съ которой она носилась, именно, занять Римъ испанскимъ гарнизономъ вмѣсто французскаго; либералы, къ которымъ перешла власть надъ Испаніей, съ своей стороны, тоже не собирались взять на себя обузу охраненія папскихъ интересовъ вмѣсто французскаго императора.

Либералы остались вѣрны монархической идеѣ. Они предлагали испанскій престолъ малолѣтнему герцогу Томасу генуэзскому, затѣмъ овдовѣвшему въ 1853 году умному Фердинанду Кобургъ-Готскому, который титуловался королемъ Португальскимъ; когда эти предложенія не были приняты, испанскіе либералы остановились на кандидатурѣ зятя Фердинанда Кобургъ-Готскаго, наслѣднаго принца Леопольда (род. въ 1836 году), который принадлежалъ къ католическому вѣроисповѣданію, обладалъ мужскимъ потомствомъ, былъ въ цвѣтущемъ возрастѣ и отличался умомъ и честностью характера. Генрихъ фонъ Зибель утверждаетъ, что въ первый разъ испанская корона была предложена принцу Леопольду еще въ апрѣлѣ 1869 года частнымъ образомъ въ письмѣ маршала Прима къ отцу принца Леопольда Карлу Антону; но этотъ послѣдній колебался и не хотѣлъ подвергать своего сына опасности. Достовѣрно извѣстно, что въ сентябрѣ 1869 года пріѣзжалъ въ замокъ Вейнбургъ въ Швейцаріи, гдѣ въ то время проживали Гогенцоллерны, испанецъ И. Алленде Салацаръ, который привезъ съ собой подъ строжайшимъ секретомъ такое же предложеніе; Салацаръ получилъ отказъ, такъ какъ все предпріятіе казалось Гогенцолернамъ слишкомъ рискованнымъ.

Вторая попытка Салацара въ февралѣ 1870 года увѣнчалась большимъ успѣхомъ. На этотъ разъ онъ прежде всего отправился въ Берлинъ съ письмами отъ Прима къ принцу Леопольду, къ его отцу, къ королю Вильгельму и къ Бисмарку. Король Вильгельмъ былъ противъ испанскихъ предложеній, но онъ былъ убѣжденъ, что по семейнымъ правиламъ Гогенцоллерновъ глава этого дома въ подобныхъ случаяхъ не имѣетъ права налагать запрещенія на его членовъ. Бисмаркъ былъ другого мнѣнія. Онъ не надѣялся, чтобы со вступленіемъ на испанскій престолъ Гогенцолерна Испанія могла оказать Германіи непосредственную помощь на войнѣ, но полагалъ, что

послѣдуетъ болѣе тѣсное и дружественное сближеніе между Германіей и Испаніей и что вслѣдствіе этого положеніе Германіи въ Европѣ усилится „на одинъ—два армейскихъ корпуса"; больше же всего выгодъ онъ ожидалъ отъ кандидатуры Гогенцоллерна для международныхъ торговыхъ сношеній между Германіей и Испаніей. Бисмаркъ совѣтовалъ принцу Леопольду „отбросить всѣ сомнѣнія и принять предложенную ему кандидатуру ради пользы Германіи". Однако принцъ Леопольдъ и теперь еще не рѣшался. Прежде всего можно было опасаться противодѣйствія противъ подобной кандидатуры со стороны Франціи. Однако Робертъ фонъ Кейделль, одинъ изъ интимныхъ друзей Бисмарка, утверждаетъ, что Бисмаркъ не допускалъ, чтобы изъ-за кандидатуры на испанскій престолъ могла возгорѣться война между Франціей и Германіей; надо было думать, что для Наполеона пріятнѣе видѣть на испанскомъ престолѣ Гогенцолерна, чѣмъ зятя Изабеллы, герцога Антона Монпансье изъ Орлеанскаго дома, или же чѣмъ сосѣдство испанской республики; притомъ же князь Карлъ Антонъ освѣдомился осенью 1869 года у Наполеона по поводу предложеній, сдѣланныхъ его сыну, но французскій императоръ не отвѣтилъ ни да, ни нѣтъ и, стало быть, не возражалъ. Сдѣлать еще разъ запросъ въ Парижѣ было невозможно, такъ какъ Примъ настоятельно требовалъ, чтобы все дѣло сохранялось въ тайнѣ; по мнѣнію Прима, не слѣдовало разглашать преждевременно о кандидатурѣ принца Леопольда, такъ какъ этимъ обстоятельствомъ немедленно воспользовались бы противники этой кандидатуры, которые испортили бы все дѣло своей агитаціей. Кромѣ того, надо замѣтить, что Зигмарингены были въ близкомъ родствѣ съ Бонапартами по матери Карла Антона, урожденной Мюратъ, и по его женѣ, урожденной Богарне, такъ что можно было даже ожидать нарочитаго согласія Наполеона III на кандидатуру принца Леопольда. Бисмаркъ отправилъ втайнѣ въ Испанію двухъ своихъ агентовъ, умнаго Лотара Бухера и бывшаго майора Макса фонъ Ферсена, которые вернулись обратно съ „утѣшительными" извѣстіями; но все это дѣлалось по частному личному почину Бисмарка помимо прусскаго правительства. Лица, стоящія во главѣ испанскаго правительства, всячески хотѣли уклониться отъ кандидатуры герцога Монпансье; въ началѣ іюня 1870 года Салацаръ во второй разъ отправился въ Зигмарингенъ, и на этотъ разъ Карлъ Антонъ и Леопольдъ дали свое согласіе (20 іюня). Казалось, что для дома Гогенцоллернъ-Зигмарингеновъ насталъ великій моментъ; Леопольдъ сознавалъ, что онъ согрѣшилъ бы передъ своею совѣстью, если бы уклонился отъ предложенія такого народа, который послѣ долгой болѣзни дѣлаетъ мужественныя усилія для того, чтобы поднять свою національную культуру на высшую ступень, т. е. стремится стряхнуть съ себя гнетъ клерикализма. 4 іюля кандидатура Леопольда была оффиціально объявлена въ Мадридѣ, и кортесы были созваны на 20 іюля для избранія короля.

в) Заносчивыя притязанія Грамона и Эмская депеша.

Вопросъ о замѣщеніи вакантнаго испанскаго престола былъ исключительно внутреннимъ дѣломъ испанскаго народа и не затрагивалъ никакихъ международныхъ интересовъ; испанскій народъ могъ безспорно избрать своимъ королемъ кого ему угодно, а если онъ искалъ кандидата среди потомковъ царствующихъ или царствовавшихъ раньше династій, то иностранныя державы могли требовать только одного, именно, чтобы тотъ кандидатъ, который приметъ испанскую корону, отказался отъ своихъ правъ на какой-нибудь другой престолъ, такъ какъ соединеніе испанской монархіи съ какой-либо другой подъ одной властью нарушило бы политическое равновѣсіе въ Европѣ. Отъ принца Леопольда не приходилось даже требовать и подобнаго отказа, такъ какъ Швабская линія Гогенцоллерновъ

не имѣетъ никакихъ правъ на прусскій престолъ, и принца Леопольда нельзя было даже считать „прусскимъ“ принцемъ. Собственно говоря, прусское правительство вообще не принимало участія въ этомъ дѣлѣ по той простой причинѣ, что оно не имѣло никакого законнаго права вмѣшиваться въ переговоры между принцемъ Леопольдомъ и временнымъ испанскимъ правительствомъ: прусскій король и кронпринцъ, равно какъ и Бисмаркъ, давали принцу Леопольду тѣ или другіе совѣты исключительно какъ частныя лица. Тѣмъ не менѣе оффиціальное провозглашеніе кандидатуры принца Леопольда подѣйствовало на французское правительство, какъ громовой ударъ, а герцогъ Грамонъ сейчасъ же рѣшилъ, что это есть новая дьявольская выходка Бисмарка „противъ интересовъ и достоинства Франціи“, Несмотря на то, что французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Мадридѣ баронъ Г. Мерсье де Лостандъ сообщилъ по телеграфу, что Примъ отрицаетъ какое бы то ни было участіе со стороны Бисмарка въ этомъ дѣлѣ и утверждаетъ, что кандидатуру принца Леопольда выдвинулъ на сцену исключительно самъ испанскій народъ, Луи Кошери сдѣлалъ по этому поводу запросъ въ законодательномъ корпусѣ по предварительному соглашенію съ Грамономъ, который отвѣтилъ ему въ слѣдующихъ вызывающихъ выраженіяхъ: „при всемъ своемъ уваженіи къ волѣ испанскаго народа Франція не потерпитъ, чтобы иностранная держава посадила одного изъ своихъ принцевъ на тронъ Карла V и тѣмъ нарушила политическое равновѣсіе въ Европѣ“. Грамонъ въ своей рѣчи извращалъ истину: Испанія давно уже перестала быть имперіей Карла V, которая управляла судьбами Европы 300 лѣтъ тому назадъ, и въ настоящее время составляетъ только второстепенное государство, а Леопольдъ не былъ провозглашенъ королемъ въ одно и то-же время и въ Берлинѣ, и въ Мадридѣ! Общее впечатлѣніе было таково, что такая безсмысленная и безтактная рѣчь непремѣнно должна повести къ войнѣ.

Своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ Грамонъ вполнѣ оправдалъ подобныя мрачныя предсказанія. Онъ приказалъ графу Винченти Бенедетти (род. въ 1817 г.), который въ это время лѣчился на водахъ въ Вильдбадѣ, отправиться въ Эмсъ и заявить королю Вильгельму, что, не воспрепятствовавши кандидатурѣ принца Леопольда, онъ нанесъ оскорбленіе Франціи и поэтому онъ обязанъ потребовать отъ принца, чтобы тотъ отказался отъ испанскаго престола. Само собой разумѣется, король не могъ подчиниться такому требованію: для чего по правиламъ дома Гогенцолерна не требовалось согласія короля, того онъ и запретить не могъ; къ тому же вызывающее поведеніе Грамона въ засѣданіи французской палаты 6 іюля не предрасполагало къ уступкамъ. Тѣмъ не менѣе, король далъ знать въ Зигмарингенъ, что, если принцъ откажется отъ кандидатуры, то онъ лично противъ этого ничего не имѣетъ. Не желая изъ за своего упрямства подвергать Германію и Испанію опасностямъ войны, Леопольдъ 12 іюля дѣйствительно взялъ обратно свою кандидатуру; утромъ 13 іюля король Вильгельмъ велѣлъ своему флигель-адъютанту принцу Антону Радзивиллу передать во время утренней прогулки французскому послу помѣщенную въ „Кельнской Газетѣ“ телеграмму изъ Зигмарингена, въ которой сообщалось извѣстіе объ отказѣ принца Леопольда. По мнѣнію короля, инциндентъ былъ исчерпанъ; таково же было и всеобщее мнѣніе, а императоръ Наполеонъ и Олливье тоже ничего другого не добивались. Но Грамону непремѣнно хотѣлось впутать въ это дѣло короля Вильгельма и потребовать отъ него обязательство въ томъ, что, если вновь заговорятъ когда-либо о кандидатурѣ принца Леопольда, то онъ не дастъ на нее своего согласія. Бенедетти получилъ отъ Грамона по телеграфу приказаніе предъявить такое требованіе королю въ Эмсѣ въ то же утро 13 іюля. Исполняя это приказаніе, Бенедетти настойчиво заговорилъ объ этомъ съ королемъ, получилъ отказъ и „сталъ, наконецъ, очень назойливъ“, какъ сообщилъ король

Объясненіе къ портретамъ Бисмарка, помѣщеннымъ на оборотѣ.

---

1) Отто фонъ Бисмаркъ - Шенгаузенъ — капитанъ рѣчной полиціи и депутатъ консервативной партіи около 1850 г. Съ портрета работы М. Берендтъ; литографія Э. Вейнеке. (Печатано въ типографіи Саксе и К° въ Берлинѣ).

2) Бисмаркъ — посланникъ союзнаго сейма въ 1858 г. Съ портрета масл. краск. работы Якова Беккера; оригиналъ находится въ Фридрихсруэ. (Перепечатано съ разрѣшенія издательства Фельгагенъ и Клазингъ въ Билефельдѣ и Лейпцигѣ; см. „Бисмаркъ“, соч. Эд. Гейка, издано тамъ же, 1898 г., стр. 65).

3) Князь Бисмаркъ — канцлеръ вновь объединенной Германской имперіи, 3 іюля 1871 года. Копія съ фотографическаго снимка придворной фотографіи ешеръ и Печъ въ Берлинѣ; перепечатано съ разрѣшенія этой фирмы. (См. „Bismarcks äussere Erscheinung in Wort und Bild“, Берлинъ, 1900 г. Табл. V).

4) Бисмаркъ въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ, 12 апрѣля 1885 года. Копія съ фотографіи той же фирмы. (См. то же изданіе, табл. 15, и Ганса Мейера: „Das Deutsche Volkstum“, Лейпцигъ и Вѣна, 1898 г.)

1

2

3

4

История человечества. VIII

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Отто фонъ Бисмаркъ на 4-хъ различныхъ ступеняхъ своей карьеры.

Бисмарку въ Берлинъ по телеграфу, такъ что, наконецъ, король рѣшилъ избавиться отъ него и велѣлъ дежурному адъютанту передать французскому послу, что король больше ничего не имѣетъ ему сказать. Король сообщилъ обо всемъ случившемся по телеграфу въ Берлинъ (телеграмму составлялъ тайный посольскій совѣтникъ Генрихъ Абекенъ); было предоставлено на усмотрѣніе Бисмарка, сообщить ли немедленно о послѣднемъ требованіи Бенедетти и объ его отклоненіи представителямъ Сѣверогерманскаго союза при иностранныхъ дворахъ, а также и представителямъ печати, или нѣтъ; но король вовсе не настаивалъ на подобномъ разглашеніи.

Бисмаркъ только что вернулся изъ Варцина. Онъ былъ глубоко опечаленъ тѣмъ излишнимъ долготерпѣніемъ, которое король обнаружилъ по отношенію къ французскому правительству, обсудилъ происшедшій инцидентъ сообща съ Рооно̀мъ и Мольтке и рѣшилъ не оставаться больше министромъ, если Сѣверогерманскій союзъ не получитъ удовлетворенія за дерзкое поведеніе французскаго правительства. За Бисмаркомъ остается та великая заслуга, что онъ не колебался ни минуты (см. приложенную таблицу: „Отто фонъ Бисмаркъ на четырехъ послѣдовательныхъ ступеняхъ его карьеры“). Онъ никогда не сталъ бы затѣвать войны исключительно для того, чтобы ускорить на нѣсколько лѣтъ соединеніе Южной Германіи съ Сѣверной, такъ какъ не могло быть сомнѣнія, что полное объединеніе Германіи осуществится и безъ того въ близкомъ будущемъ, а война съ Франціей представлялась Бисмарку (какъ утверждаетъ Койделль) въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, какъ первая изъ длиннаго ряда расовыхъ войнъ; но теперь, когда войну ему навязали, когда ея нельзя было избѣгнуть, не примирившись съ глубокимъ униженіемъ націи, только что возродившейся къ государственной жизни, униженіемъ, которое дѣйствовало бы, какъ „разъѣдающая гниль“,—теперь у Бисмарка не было никакихъ сомнѣній, никакихъ колебаній: въ 11 часовъ ночи 13 іюля знаменитая эмская депеша была отправлена въ редакцію оффиціозной „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ и въ сѣверногерманскія посольства заграницей.

Въ этой Эмской депешѣ заключалась дословная передача сочиненной Абекеномъ телеграммы короля изъ Эмса, причемъ выпущено было все несущественное. Содержаніе ея слѣдующее: „Послѣ того какъ королевскимъ испанскимъ правительствомъ было оффиціально сообщено императорскому французскому правительству объ отказѣ принца Гогенцоллерна, французскій посланникъ обратился въ Эмсѣ къ Его Величеству королю съ требованіемъ уполномочить его сообщить по телеграфу въ Парижъ, что Его Величество король обязуется навсегда никогда вновь не давать своего согласія въ томъ случаѣ, если бы Гогенцоллерны вновь выставили свою кандидатуру. Послѣ этого Его Величество отказались опять принять французскаго посла, и черезъ дежурнаго адъютанта послѣднему было передано, что Его Величество больше ничего не можетъ сказать послу“. Эта депеша, содержаніе которой 14 іюля стало извѣстно во всей Германіи, была встрѣчена повсюду съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія; вездѣ были рады, что французской заносчивости былъ данъ недвусмысленный и заслуженный отпоръ; всеобщее негодованіе противъ дерзости французскаго правительства усилилось еще болѣе, когда стало извѣстно, что Грамонъ требовалъ отъ прусскаго посланника въ Парижѣ барона Карла фонъ Вертера, чтобы прусскій король написалъ императору Наполеону письмо съ увѣреніемъ въ томъ, что онъ не желалъ оскорблять Франціи своимъ согласіемъ на кандидатуру принца Леопольда. Не Эмская депеша вызвала войну, а заносчивое поведеніе французскаго правительства по отношенію къ Германіи; вполнѣ мѣтко выразился Давидъ Фридрихъ Штраусъ въ письмѣ къ Эрнесту Ренану: „мы воюемъ вновь съ Людовикомъ XIV“. Въ Эмсѣ не было нанесено никакого оскорбленія Франціи въ лицѣ ея представителя; это подтверждалъ самъ Бенедетти въ слѣдующихъ словахъ: „Тамъ не было ни оскорбителя, ни

оскорбленнаго". Скорѣе можно согласиться съ Гансомъ Дельбрюкомъ, который говоритъ: „оскорбителемъ была французская нація, а оскорбленной германская". Каждый изъ тѣхъ, кто читалъ Эмскую депешу, могъ убѣдиться въ справедливости словъ Дельбрюка.

Бисмаркъ нисколько не измѣнилъ содержанія депеши Абекена, онъ передѣлалъ ее только въ томъ отношеніи, что извлекъ изъ подъ дипломатической оболочки одни голые факты и, по выраженію Мольтке, „изъ сигнала сложить оружіе получился призывъ къ бою", канцелярскій отчетъ превратился въ трубный звукъ, призывавшій всю Германію къ оборонѣ.

г) Приказъ о мобилизаціи французской арміи; объявленіе войны Франціей.

Французы были оскорблены той рѣзкостью, съ которою король Вильгельмъ отказался дать обязательство впредь противодѣйствовать кандидатурѣ принца Леопольда. Но такъ какъ кандидатура Леопольда, которую Франція считала противорѣчащей своимъ интересамъ, была взята обратно, то всѣ въ Парижѣ понимали, что въ глазахъ общественнаго мнѣнія Европы Франція получила достойное удовлетвореніе. Поэтому, на первыхъ порахъ, утромъ 14 іюля большинство министровъ отклонило предложеніе Грамона о призывѣ на службу запасныхъ; пусть себѣ Грамонъ примирится съ тѣмъ достодолжнымъ отвѣтомъ, который онъ получилъ за свою назойливость, или пусть выйдетъ въ отставку, думали они. Самъ императоръ тоже стоялъ за сохраненіе мира, такъ какъ онъ былъ вполнѣ освѣдомленъ относительно размѣра военныхъ силъ Германіи и считалъ настоящій случай неподходящимъ поводомъ для войны; императрицу Евгенію, кажется, совершенно неосновательно обвиняли въ томъ, будто она подстрекала къ войнѣ изъ ненависти къ еретической Германіи и изъ желанія обезпечить за своимъ сыномъ французскую корону. Однако въ теченіе одного дня съ утра до ночи 14 іюля во мнѣніяхъ большинства совѣта министровъ произошелъ переворотъ, и поздно ночью состоялось рѣшеніе мобилизовать армію; чѣмъ объясняется такая быстрая перемѣна во взглядахъ французскаго правительства, на это даетъ весьма мѣткій отвѣтъ тогдашній англійскій посолъ въ Парижѣ лордъ Ричардъ Б. Лайонсъ: „Въ арміи и въ народѣ началось такое сильное броженіе, что никакое правительство, которое пыталось бы сохранить миръ, не могло бы удержаться на мѣстѣ". Передъ этой народной волной не могъ устоять императоръ, несмотря на то, что его душа была переполнена дурныхъ предчувствій; не устоялъ предъ ней также и Олливье и все вообще министерство: 15 іюля правительство внесло въ законодательный корпусъ законопроектъ о призывѣ запаса арміи и объ отпускѣ 66 милліоновъ на чрезвычайные расходы по содержанію арміи и флота; какъ на поводъ къ такой мѣрѣ правительство сослалось на вновь полученную депешу, которая не была, однако, предъявлена въ палатѣ, несмотря на требованіе оппозиціи. Послѣ бурныхъ дебатовъ законопроектъ былъ принятъ 245 голосами противъ 10 голосовъ крайней лѣвой. Французскій народъ принудилъ свое правительство къ войнѣ; народные представители одобрили войну почти единогласно.

19 іюля Наполеонъ формально объявилъ войну Пруссіи черезъ повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи въ Берлинѣ Жоржа Лесура. Благодаря стремительному образу дѣйствій Грамона и командировкѣ Бенедетти въ Эмсъ дѣла приняли такой невѣроятный оборотъ, что это объявленіе войны есть единственный оффиціальный документъ, которымъ французское правительство обмѣнялось съ прусскимъ. Съ кабинетной точки зрѣнія эта война имѣетъ видъ неожиданнаго взрыва, но въ дѣйствительности она подготовлялась въ теченіе столѣтій; съ 1552 года (срв. томъ VII, стр. 285) соотношеніе между французской и германской націей измѣнилось въ невыгодную

для послѣдней сторону,—война 1870 года должна была окончательно исправить это соотношеніе и упрочить навсегда полную независимость Германіи отъ французскаго „преобладанія“.

д) Впечатлѣніе, которое произвело объявленіе войны въ Германіи.

Во всей Германіи понимали великое историческое значеніе начавшейся войны. Какъ по мановенію волшебнаго жезла исчезли всѣ внутренніе раздоры и взаимная непріязнь отдѣльныхъ племенъ, которыя до того времени поддерживали расколъ въ германской націи; галльскій врагъ напрасно надѣялся, что и на этотъ разъ часть нѣмцевъ будетъ сражаться подъ его знаменемъ такъ же, какъ въ войнахъ прежняго времени. Вожаки пруссофобской партіи на Югѣ сами по себѣ остались такими же ослѣпленными фанатиками, какими они были и прежде, но народныя массы отвернулись отъ нихъ: какъ только явилась опасность для національной чести и національной независимости, въ этихъ массахъ заговорили съ отрадной силой германскія чувства, и народное сознаніе подсказало имъ, что не только на основаніи международныхъ договоровъ, но и въ силу неписаннаго права Германія должна сражаться рядомъ съ Пруссіей. Когда король возвращался 15 іюля изъ Эмса черезъ Кобленцъ въ Берлинъ, то его поѣздка обратилась въ тріумфальное шествіе черезъ всю Германію: на берлинскомъ вокзалѣ онъ узналъ о постановленіяхъ французской палаты и рѣшилъ немедленно мобилизовать всю сѣверногерманскую армію, а не только нѣсколько корпусовъ, какъ онъ предполагалъ раньше; первымъ днемъ для приведенія войскъ на военное положеніе было назначено 16 іюля. Въ тотъ же день король баварскій Людвигъ II отдалъ приказъ о приведеніи баварской арміи на военное положеніе, такъ какъ предусмотрѣнный по договору съ Пруссіей случай наступилъ, и Баварія была обязана придти къ Пруссіи на помощь; 17 іюля послѣдовалъ такой же приказъ отъ короля Вюртембергскаго Карла I, который для этой цѣли поспѣшилъ вернуться изъ Санктъ-Морица въ Штуттгардтъ.

19 іюля собрался сѣверногерманскій рейхстагъ; онъ былъ открытъ тронной рѣчью, которая была составлена въ простыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильныхъ выраженіяхъ и могла служить классическимъ образцомъ неподражаемаго патріотическаго краснорѣчія Бисмарка. „Въ прошлыя столѣтія“, сказалъ онъ, „Германія молча сносила нарушеніе своихъ правъ и оскорбленіе своей чести, но она сносила все это потому, что она была разрознена и не сознавала, насколько она сильна; теперь, когда она покрыта сплошной броней и неуязвима для врага, Германія найдетъ въ себѣ достаточно и воли, и силы для того, чтобы дать отпоръ новымъ насиліямъ со стороны французовъ... Съ нами Богъ, какъ былъ онъ съ нашими отцами!“ За исключеніемъ двухъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ, рейхстагъ единогласно отпустилъ 120 милліоновъ талеровъ на веденіе войны: такимъ же самымъ образомъ поступили и южногерманскіе ландтаги. Весь германскій народъ за исключеніемъ, конечно, вельфскаго легіона и финансовыхъ тузовъ, которые даже въ этотъ великій историческій моментъ думали только о своей собственной выгодѣ, поднялся на защиту чести, независимости и единства Германіи.

Въ одномъ отношеніи эта эпоха превзошла даже достопамятные дни 1813 года: въ первый разъ во всей германской исторіи вся Германія дѣйствовала заодно.

е) Поведеніе нейтральныхъ державъ.

Въ то время, какъ производилось сосредоточеніе армій, Бисмаркъ обнародовалъ въ газетѣ „Times“ то предложеніе, которое сдѣлало ему фран-

цузское правительство черезъ посланника Бенедетти въ августѣ 1866 г.: Франція предлагала Пруссіи заключить между собою оборонительный и наступательный союзъ, при чемъ Франція обязывалась предоставить Пруссіи свободу дѣйствій въ Германіи, сама же она въ вознагражденіе за это должна была получить Люксембургъ и Бельгію. Бывшій англійскій министръ графъ Дж. Г. Г. Мальмсбюри назвалъ этотъ проектъ „возмутительнымъ документомъ". Несмотря на упорное запирательство Бенедетти, этотъ документъ доказывалъ съ очевидностью, что французское правительство собиралось проглотить безъ всякаго повода своихъ слабыхъ сосѣдей, пользуясь тѣмъ, что единственной защитой для нихъ служило уваженіе къ международному праву; только благодаря добросовѣстности и мудрости прусскаго правительства Наполеону не удалось привести въ исполненіе своего предпріятія. Отчасти благодаря этимъ разоблаченіямъ ни одна рука въ Европѣ не поднялась на защиту Франціи. Англія поспѣшила заявить о своемъ нейтралитетѣ, а англійскимъ купцамъ, которые доставляли французамъ уголь и военные снаряды, война доставила значительные барыши. Всѣ симпатіи Россіи были на сторонѣ Пруссіи по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, въ случаѣ, если бы французамъ удалось дойти до Берлина, могло вспыхнуть возстаніе въ Польшѣ, и, во вторыхъ, въ теченіе франко-прусской войны можно было улучить удобный моментъ для расторженія парижскаго договора 1856 года. Въ Италіи король Викторъ Эммануилъ былъ лично склоненъ придти на помощь къ французамъ, какъ своимъ сотоварищамъ по оружію въ 1855—1859 годахъ; но итальянскіе министры были противъ войны: по ихъ мнѣнію, Италіи не слѣдовало становиться врагомъ германскаго объединенія; помѣшать этому объединенію — это значило въ ихъ глазахъ нанести ударъ національной идеѣ вообще, слѣдовательно, также и итальянскому объединенію. Только цѣною уступки Рима можно было склонить Италію къ войнѣ съ Пруссіей; но на такой шагъ Наполеонъ все еще не могъ рѣшиться изъ страха предъ клерикальной партіей.

Австрія держалась въ началѣ франко-прусской войны весьма темной политики: какъ кажется, она на себя никакихъ обязательствъ не принимала; 11-го іюля Бейстъ сдѣлалъ французскому правительству рѣзкій упрекъ за то, что оно, очертя голову, бросилось въ опасную авантюру при такихъ условіяхъ, когда Австрія не можетъ обѣщать Франціи ничего, кромѣ пассивнаго сочувствія. 18-го іюля австрійскій коронный совѣтъ постановилъ соблюдать нейтралитетъ и для охраны этого нейтралитета израсходовать на военныя потребности 20 милліоновъ гульденовъ; несмотря на это Бейстъ отправилъ 20 іюля къ австрійскому посланнику въ Парижѣ князю Рихарду Меттерниху второй циркуляръ, въ которомъ увѣдомлялъ его, что всѣ недоразумѣнія, которыя были вызваны внезапностью этой войны, уже устранены и что Австрія обѣщаетъ французскому правительству считать дѣло Франціи своимъ собственнымъ и въ предѣлахъ возможности содѣйствовать успѣху французскаго оружія. Въ циркулярѣ сообщалось, что Австрія заканчиваетъ свои военныя приготовленія подъ покровомъ нейтралитета, чтобы обезопасить себя отъ нападенія Россіи до тѣхъ поръ, пока она не будетъ вполнѣ приготовлена къ войнѣ; когда всѣ приготовленія будутъ закончены, тогда Австрія и Италія сообща выставятъ Пруссіи тяжелыя условія, которыхъ она ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи будетъ принять, и затѣмъ обѣ эти державы примутъ участіе въ войнѣ противъ Пруссіи. Какъ примирить злокозненный циркуляръ 20-го іюля съ предшествовавшимъ поведеніемъ Австріи и съ циркуляромъ отъ 11 іюля, это загадка, которая разрѣшится только тогда, когда будутъ вполнѣ раскрыты дипломатическія тайны того времени. Однако и теперь, въ самую рѣшительную минуту, Наполеонъ не рѣшился покупать содѣйствія Италіи такой дорогой цѣной, какъ уступка Рима, и проектъ тройственнаго союза на этотъ разъ тоже остался на бумагѣ. Быстрота, съ ко-

торой германская армія уничтожила всѣ военныя силы Франціи, отняла у австрійскаго правительства всякую охоту къ участію въ войнѣ.

ж) Постановленіе Ватиканскаго Собора о непогрѣшимости папы.

Наканунѣ объявленія войны въ Римѣ произошло событіе, которое повлекло за собой важныя послѣдствія. Надъ Ватиканскимъ Соборомъ, который открылся 8 декабря 1869 года, съ самаго начала тяготѣлъ неодолимый рокъ. Хотя къ оппозиціи принадлежало до 150 епископовъ и аббатовъ, въ числѣ которыхъ находились люди, пользовавшіеся громадной извѣстностью во всемъ католическомъ мірѣ, какъ, напримѣръ, французы Жоржъ Дарбуа и Феликсъ Антонъ Дюпанлу, австрійцы князь Фридрихъ Кел. Шварценбергъ и Іосифъ Георгъ Штроссмайеръ, вюртембержецъ Карлъ Іосифъ фонъ-Гефеле; однако среди этой оппозиціи не было единодушія, такъ какъ часть ея была противъ самаго догмата папской непогрѣшимости, а другая часть не спорила противъ самаго догмата, а находила только несвоевременнымъ обнародованіе его. Упомянутымъ 150 епископамъ и аббатамъ приходилось состязаться со сплоченнымъ большинствомъ, состоявшимъ изъ сторонниковъ папской непогрѣшимости, которые по своей численности превосходили оппозицію втрое. Кромѣ того, папскіе уполномоченные, руководившіе преніями во время засѣданій собора, совершенно подавили свободу слова и независимость мнѣній присутствовавшихъ на соборѣ представителей духовенства. 13 іюля было устроено пробное голосованіе, въ результатѣ котораго получились 451 голосъ за непрогрѣшимость папы и 88 — противъ; послѣ этого папа потребовалъ къ себѣ членовъ оппозиціи и, хотя ему не удалось переубѣдить ихъ, большинство изъ нихъ уѣхало изъ Рима, такъ какъ они не рѣшались противорѣчить папѣ съ глазу на глазъ. 18 іюля 1870 года догматъ о папской непогрѣшимости былъ принятъ 533 голосами противъ двухъ во время сильной грозы, которая погрузила въ мракъ залъ засѣданій. На основаніи этого догмата всякое изреченіе папы касательно вѣры или нравовъ, которое онъ произнесетъ съ каѳедры, непогрѣшимо, ненарушимо и не нуждается въ одобреніи представителей церкви.

К. Война между Германіей и французской имперіей.

а) Мобилизація германской арміи; выступленіе въ походъ; планъ войны, составленный Мольтке.

При той внезапности, съ которой Франція вызвала разрывъ, слѣдовало ожидать, что она успѣла подготовиться раньше и немедленно перенесетъ театръ военныхъ дѣйствій въ Германію. Военный министръ Лебефъ выразился такимъ образомъ: „У насъ все готово до послѣдней пуговицы"; императоръ надѣялся, вѣроятно, что онъ будетъ наносить ударъ за ударомъ и быстро усмирить Пруссію, а затѣмъ будетъ въ состояніи присоединить къ Франціи Бельгію. Вскорѣ однако обнаружилось, что Франція не подготовлена къ войнѣ. „Не хватало", говоритъ французскій историкъ Артуръ Шюке: „ни денегъ, ни провіанта, ни котловъ, ни кухонной посуды, ни палатокъ, ни конской сбруи, ни лѣкарствъ, ни носилокъ, — однимъ словомъ, во всемъ чувствовался недостатокъ". Желѣзныя дороги не обладали достаточной провозоспособностью, и изъ арміи въ 300.000 человѣкъ, которую Франція могла выставить для военныхъ дѣйствій, половина вынуждена была дойти до границы пѣшкомъ. Распредѣленіе запасныхъ по полкамъ не было сообразовано съ ихъ мѣстомъ жительства: эльзасцамъ приходилось отправляться въ свой полкъ въ Байонну,

жителямъ южной Франціи въ Бретань; къ тому же приходилось дѣйствовать впопыхахъ, такъ что вышла невообразимая путаница, и выступленіе арміи въ походъ сильно затянулось. Напротивъ того, у нѣмцевъ все было основательно подготовлено, все, что слѣдовало дѣлать, было точно распредѣлено на каждый день,—и мобилизація совершилась быстро и гладко, —не даромъ Мольтке говорилъ, что тѣ двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ происходила мобилизація, онъ причисляетъ къ самымъ спокойнымъ днямъ своей жизни, такъ какъ приходилось выполнять только то, что уже давно было предусмотрѣно.

По плану войны, выработанному французами, всѣ французскія войска должны были соединиться въ одну армію, рейнскую, съ императоромъ въ качествѣ главнокомандующаго и Лебефомъ въ качествѣ начальника главнаго штаба; но въ дѣйствительности французская армія распалась на двѣ части, изъ которыхъ одна въ 200.000 человѣкъ находилась въ Мецѣ подъ начальствомъ маршала Базена, другая въ 100,000 человѣкъ находилась въ Страссбургѣ подъ начальствомъ маршала Макъ-Магона. Германскія военныя силы были распредѣлены на три арміи (см. на картѣ, прилож. къ стр. 402). Первая армія, состоявшая подъ начальствомъ генерала фонъ Штейнмеца, была расположена къ сѣверо-востоку отъ Трира около Виттлиха и составилась изъ 7-го и 8-го корпусовъ, т. е. жителей рейнскихъ провинцій и Вестфаліи; въ ней насчитывалось до 60,000 человѣкъ. Къ этой арміи примыкала вторая подъ начальствомъ принца Фридриха Карла, которая состояла изъ 3, 4 и 10-го корпусовъ, слѣдовательно, изъ уроженцевъ Бранденбурга, провинціи Саксоніи и Ганновера, и изъ гвардейскаго корпуса; она шла на Нейнкирхенъ и Гамбургъ, численность ея доходила до 134,000 человѣкъ. Наконецъ, третьей арміей въ 130,000 человѣкъ командовалъ кронпринцъ Фридрихъ Вильгельмъ; въ составъ этой арміи входили 5-ый и 11-й корпуса (уроженцы Познани, Гессена и Тюрингена), а также баварскія, вюртембергскія и баденскія войска; эта армія была расположена около Раштата и Ландау. Прежде чѣмъ отправиться въ дѣйствующую армію, кронпринцъ объѣздилъ дворы южногерманскихъ государствъ и тамъ онъ быстро пріобрѣлъ расположеніе солдатъ, благодаря своему рыцарскому и любезному обращенію. Въ аррьергардѣ указанныхъ трехъ армій стояли, кромѣ того, сильные резервы: 9-й и 12-й корпусы (уроженцы Шлезвигъ-Гольштиніи и королевства Саксонскаго), которые были расположены около Майнца, а также 1-ый, 2-ой и 6-ой корпуса, т. е. уроженцы восточной Пруссіи, Помераніи и Силезіи, которые были собраны только на 20-ый день послѣ начала мобилизаціи въ виду затрудненія въ провозоспособности желѣзныхъ дорогъ и которыхъ про всякій случай держали въ запасѣ для военныхъ дѣйствій противъ Австріи. 17-ая дивизія (уроженцы Магдебурга и Ганзейскихъ городовъ) и ландверъ прикрывали берега Нѣмецкаго моря отъ возможныхъ нападеній французскаго флота.

Мольтке, который былъ начальникомъ прусскаго главнаго штаба, рѣшилъ не руководствоваться готовымъ, составленнымъ заранѣе, детальнымъ планомъ войны: подобные планы едва ли выполнимы въ дѣйствительности, такъ какъ каждая битва создаетъ на театрѣ военныхъ дѣйствій новое положеніе, которое требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія и обсужденія. Поэтому Мольтке заранѣе намѣтилъ себѣ только три руководящія правила. Во первыхъ, какъ только удастся настигнуть врага, ударить на него со всей силой. Во-вторыхъ, цѣль, къ которой должны быть направлены всѣ усилія—это есть захватъ непріятельской столицы: Франція отличается крайней централизаціей своего управленія, и поэтому въ войнѣ съ ней занятіе столицы важнѣе, чѣмъ во всякой другой войнѣ. Въ-третьихъ, слѣдуетъ по возможности оттѣснить непріятельскія силы не въ богатыя южнофранцузскія провинціи, а въ сѣверныя, которыя болѣе бѣдны вспомогательными средствами и прилегаютъ къ морю.

б) Стычки и сраженія, произошедшія въ началѣ августа мѣсяца.

Въ главномъ штабѣ германской арміи было рѣшено не предпринимать никакихъ наступательныхъ дѣйствій прежде, чѣмъ не будетъ закончено выступленіе въ походъ всей арміи и нельзя будетъ двинуться впередъ сплоченной массой. Поэтому въ теченіе нѣсколькихъ дней въ началѣ войны французы могли дѣйствовать наступательно, и 2 августа 3 французскихъ армейскихъ корпуса вытѣснили изъ Саарбрюкена 3 баталіона, находившіеся подъ начальствомъ лейтенантъ-полковника Эдуарда фонъ Пестеля, при чемъ императоръ находился въ рядахъ сражающихся вмѣстѣ со своимъ четырнадцатилѣтнимъ сыномъ; въ оффиціальной телеграммѣ сообщалось, что „нѣкоторые солдаты плакали отъ радости, когда они увидѣли принца такимъ спокойнымъ и хладнокровнымъ среди опасностей". Но эта радость смѣнилась вскорѣ противоположнымъ чувствомъ. Для прикрытія лѣваго фланга второй германской арміи, наступавшей по направленію къ рѣкѣ Зааpу, къ ней придвинулась третья армія, которая 4 августа разбила на голову французскую дивизію подъ начальствомъ генерала Абеля Дуэ, занимавшую городъ Вейсенбургъ и гору Гайсбергъ къ югу отъ него. Между плѣнными было много такъ называемыхъ тюркосовъ, т. е. полудикихъ арабскихъ солдатъ изъ Алжира, которыми Наполеонъ пользовался, не задумываясь, въ войнѣ противъ Германіи; однако, эти дикари не устояли противъ неукротимой храбрости баварцевъ и познанцевъ.

Не улеглось еще всеобщее ликованіе по поводу этой первой побѣды, какъ пришли въ Германію новыя отрадныя извѣстія. Третья германская армія, наступавшая на Эльзасъ, наткнулась 6 августа на армію маршала Макъ Магона, которая занимала сильную позицію около небольшого городка Верта на правомъ берегу рѣки Зауэрбаха, впадающей въ Рейнъ (см. на картѣ, прилож. къ стр. 402). Баварцы напали на правый флангъ этой позиціи, пруссаки на лѣвый; бой былъ долгій и кровопролитный, и къ концу въ немъ приняли побѣдоносное участіе вюртембержцы. Французы были въ меньшемъ числѣ, но этотъ недостатокъ уравновѣшивался неприступностью ихъ позицій, расположенныхъ на вершинахъ горъ и на террасахъ, устроенныхъ для виноградниковъ. Сраженіе кончилось тѣмъ, что французы были разбиты на голову, потеряли 16.000 человѣкъ, оставили на мѣстѣ 33 пушки и кинулись въ поспѣшномъ бѣгствѣ къ проходамъ Вогезскихъ горъ; „французы, которые передъ тѣмъ сражались, какъ львы, бросились бѣжать, какъ зайцы", говоритъ по этому поводу Артуръ Шюке. Эта блестящая побѣда, которая отдала во власть нѣмцевъ весь нижній Эльзасъ за исключеніемъ Страсбурга, стоила имъ 10.000 человѣкъ, въ томъ числѣ около 500 офицеровъ.

Въ тотъ же день германская армія загладила даже и ту царапинку, которую она получила при Саарбрюкенѣ: 7-ой корпусъ, находившійся подъ начальствомъ генерала Генриха Адольфа фонъ Цастрова, взялъ приступомъ Шпихерскія высоты около Саарбрюкена, которыя казались неприступными, послѣ того какъ на помощь къ нему явились 8-ой и 3-й корпусы, при чемъ 27 нѣмецкимъ батальонамъ пришлось сражатся противъ 39 французскихъ. Генералъ Шарль Огюстъ Фроссаръ былъ принужденъ къ поспѣшному отступленію, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Меца, и вся восточная Лотарингія оказалась во власти нѣмцевъ. Эту побѣду слѣдуетъ поставить еще выше побѣды при Вертѣ, въ виду тѣхъ тактическихъ преимуществъ, которыми располагали французы въ сравненіи съ нѣмцами; германскимъ войскамъ удалось одержать такую блестящую побѣду потому, что они не сробѣли передъ весьма тяжелой задачей, и потому, что они спѣшили другъ къ другу на помощь повсюду, какъ только громъ пушекъ

давать имъ знать, что ихъ братья вступили въ бой. „Мое правило таково: негодяй тотъ, кто не идетъ на помощь туда, гдѣ онъ можетъ помочь“, писалъ въ это время своимъ домашнимъ командиръ 8-го корпуса генералъ Августъ Карлъ фонъ Гебенъ; этимъ основнымъ правиломъ неподдѣльнаго братства по оружію руководствовались въ теченіе всей этой войны всѣ части германской арміи.

Парижане убаюкивали себя въ теченіе нѣсколькихъ недѣль безумными надеждами на небывалыя побѣды и не переставали кричать до охриплости: „à Berlin!“; когда же въ Парижъ стали приходить печальныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, то наступило внезапное отрезвленіе; парижане излили всю свою досаду на правительство и стали клеймить его, какъ единственнаго виновника пораженій, которыя понесла французская армія; всѣми этими нападками на правительство парижское населеніе и палата депутатовъ хотѣли прежде всего свалить вину съ своихъ собственныхъ плечъ. 9-го августа пало министерство Олливье: палата выразила этому министерству свое недовѣріе за его неспособность къ организаціи государственной обороны; однако, республиканцамъ не удалось провести своего плана передать управленіе страной въ руки исполнительной комиссіи, выбранной палатой депутатовъ изъ своей среды, и избавиться такимъ образомъ безъ дальнѣйшихъ околичностей отъ имперіи. Вмѣсто этого императрица назначила предсѣдателемъ кабинета министровъ генерала Паликао, который взялъ себѣ портфель военнаго министра вмѣсто Лебефа, а бывшаго военнаго министра Паликао назначила корпуснымъ командиромъ.

в) Битвы подъ Мецомъ.

Сначала императоръ хотѣлъ отступить со всѣми бывшими при немъ войсками къ лагерю у Шалона на Марнѣ, гдѣ Макъ Магонъ собралъ остатки своей арміи и пополнилъ ихъ свѣжими войсками; но въ такомъ случаѣ пришлось бы оставить во власти непріятеля всю восточную Францію, а это произвело бы весьма невыгодное для правительства впечатлѣніе на весь французскій народъ; поэтому Наполеонъ на первыхъ порахъ остановился въ Мецѣ. Тогда 1-я и 2-я германскія арміи двинулись на Мецъ, а 3-я направилась черезъ Вогезы на Шалонъ. Такъ какъ 3-й арміи предстояло совершить болѣе длинный путь, то король отдалъ приказъ, чтобы обѣ остальныя арміи двигались медленнѣе, чѣмъ первая; такимъ образомъ всѣ германскія военныя силы должны были составить одну непрерывную „сплошную массу, всѣ части которой расположены на одной и той-же высотѣ“, т. е. на одной и той же прямой линіи, и для врага ни въ какой точкѣ не открывалось возможности обрушиться съ превосходными силами на какую-либо отдѣльную часть германскихъ войскъ. 14 августа авангардъ 1-й арміи, состоявшій подъ начальствомъ Карла Фридриха фонъ деръ Гольца, дошелъ до Коломбей, т. е почти до самаго Меца, и настигъ тутъ отступавшую главную французскую армію. Чтобы не дать ей перейти на лѣвый берегъ Мозеля и принудить ее принять рѣшительное сраженіе около Меца, Гольцъ немедленно произвелъ нападеніе на французскую армію, хотя его отрядъ по численности значительно уступалъ непріятелю. Непріятель немедленно повернулъ фронтъ, сгорая нетерпѣніемъ наконецъ таки наказать дерзкаго противника; но тутъ произошло то же самое, что и у Шпихерна: ближайшіе къ мѣсту сраженія полки германской арміи поспѣшили на помощь фонъ деръ Гольцу, какъ только до нихъ донесся громъ пушекъ, освободили его отъ угрожавшей ему опасности и оттѣснили французовъ до форта Сенъ-Жюльенъ; предъ самымъ наступленіемъ ночи тяжелая артиллерія этого укрѣпленія тоже приняла участіе въ бою. Такимъ образомъ отступленіе французовъ замедлилось на одинъ день, а

между тѣмъ главныя силы германской арміи достигли рѣки Мозеля. Въ это время императоръ Наполеонъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія передалъ командованіе арміей маршалу Базену, къ которому армія и народъ питали ни на чемъ не основанное довѣріе, а самъ выбрался 14 августа изъ Меца съ поспѣшностью бѣглеца и прибылъ 17 августа вмѣстѣ съ Макъ Магономъ въ Шалонъ.

Главная армія выступила изъ Меца только 15 августа и за цѣлый день успѣла подвинуться только на 8 километровъ, такъ какъ обозъ запрудилъ всѣ дороги. Между тѣмъ 3-й бранденбургскій корпусъ германской арміи, которымъ командовалъ Константинъ фонъ-Альвенслебенъ, дошелъ до дороги, ведущей изъ Меца черезъ Віонвиль и Марсъ-Лятуръ (см. на той же картѣ) въ Верденъ, въ долину Мааса, и командиръ 3-го корпуса рѣшилъ во что бы то ни стало преградить непріятелю путь къ дальнѣйшему отступленію, хотя онъ не забывалъ, что его корпусу придется держаться противъ 4 французскихъ корпусовъ, а другіе германскіе отряды могли придти къ нему на помощь только черезъ значительный промежутокъ времени. 16 августа Альвенслебенъ вступилъ въ отчаянный бой; къ двумъ часамъ пополудни у него не было больше въ резервѣ ни одного баталіона, ни одного орудія: въ это время маршалъ Канроберъ ринулся впередъ, вполнѣ основательно разсчитывая прорваться чрезъ ряды истомленныхъ германскихъ войскъ; тогда пришлось броситься въ атаку кавалерійской бригадѣ подъ командой генерала Адальберта фонъ-Бредова (ум. 3 марта 1890 г.), состоявшей изъ магдебургскаго кирасирскаго и альтмаркскаго уланскаго полковъ, какъ ни трудно было кавалеристамъ идти противъ пѣхоты, вооруженной ружьями Шаспо. Съ отчаяннымъ мужествомъ германская кавалерія прорвалась сквозь ряды французской пѣхоты и обратила въ бѣгство стоявшую сзади артиллерію, но вслѣдъ за тѣмъ на эту кавалерійскую бригаду бросились двѣ французскія каралерійскія дивизіи. Германская кавалерійская бригада отступила въ виду вчетверо болѣе сильнаго непріятеля, по пути опять прорвалась черезъ французскую пѣхоту, которая за это время успѣла сомкнуть свои ряды и заградить кавалеристамъ дорогу, и вернулась на свою прежнюю позицію около Флавиньи. Во время этой „скачки крови и смерти", которую воспѣлъ въ трогательныхъ выраженіяхъ Фердинандъ Фрейлигратъ, изъ 800 кавалеристовъ 400 погибло или было взято въ плѣнъ, но геройская отвага этихъ молодцовъ не пропала даромъ. Артуръ Шюкэ говоритъ: „эта геройская кавалерійская атака спасла 3-й корпусъ германской арміи, Канроберъ уже не трогался съ мѣста до конца этого дня; онъ могъ бы пробиться, но послѣ этой бѣшеной аттаки 6 эскадроновъ Бредова Канроберъ боялся попасть въ западню". Между тѣмъ стали мало-по-малу подходить на помощь слѣва 10-й, а справа 8-й корпусъ Альвенслебена: тогда опасность миновала, и нѣмцы удержали за собою поле битвы, хотя ихъ было всего сначала 29,000 и даже потомъ всего только 65,000 противъ 120,000 французовъ.

Изъ тѣхъ дорогъ, по которымъ Базенъ могъ дойти изъ Меца до Вердёна, южная была для него теперь отрѣзана: ему оставалось только отступить по сѣверной дорогѣ на Сенъ-Прива. Но вскорѣ онъ лишился и этого единственнаго пути къ отступленію; 18 августа двѣ германскія арміи, которыя между тѣмъ перешли черезъ Мозель выше Меца, перешли въ наступленіе по всей линіи своего фронта; при этомъ саксонцы подъ командой саксонскаго кронпринца Альберта сообща съ гвардіей, находившейся подъ начальствомъ принца Августа Вюртембергскаго, взяли приступомъ укрѣпленную на подобіе крѣпости позицію при Сенъ-Прива, при чемъ обѣ стороны понесли громадныя потери. На правомъ флангѣ у Гравелота нѣмцы не имѣли успѣха, но тѣмъ не менѣе главная цѣль была достигнута: наибольшая часть французской арміи была отброшена къ Мецу, и тутъ германская армія сейчасъ же охватила ее со всѣхъ сторонъ широкимъ коль-

цомъ. Въ этомъ роковомъ исходѣ многодневной борьбы, въ которой принимали участіе съ обѣихъ сторонъ по 180,000 человѣкъ, была виновна въ значительной мѣрѣ нерѣшительность французскаго главнокомандующаго; изъ страха быть отрѣзаннымъ отъ Меца и окруженнымъ въ открытомъ полѣ Базенъ держалъ въ резервѣ цѣлую треть всѣхъ своихъ боевыхъ силъ; а между тѣмъ, если бы онъ использовалъ этотъ резервъ, перевѣсъ оказался бы на его сторонѣ. Потери обѣихъ сторонъ были громадны: германская армія потеряла 14 августа 5,000 человѣкъ, 16-го 16,000 и 18-го 20,000, а всего 41,000 убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ, французы потеряли за эти же 3 дня 3,600, 16,000 и 13,000, а всего около 33,000 человѣкъ. Французы понесли меньшія потери по той причинѣ, что они держались оборонительной тактики и сражались изъ за укрѣпленій, хотя, по настоящему, имъ слѣдовало быть нападающей стороной.

г) Передвиженіе германской арміи вправо; Седанъ.

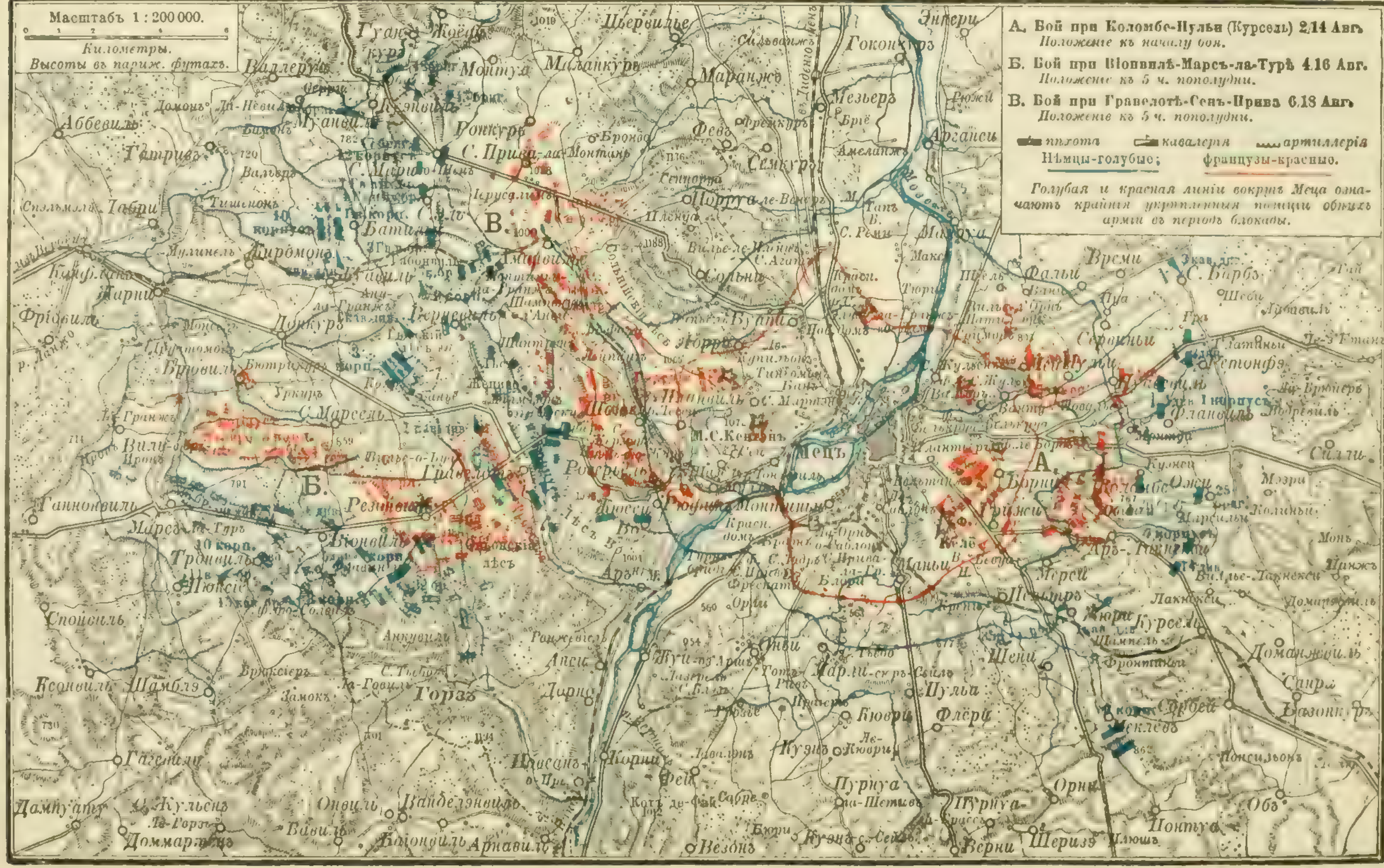
Осажденныя въ Мецѣ французскія войска были обречены на гибель, если только остальныя части французской арміи не поспѣшатъ къ нимъ на выручку; носились слухи, что Базенъ попытается выступить навстрѣчу такому освободительному отряду по направленію къ Монмеди или къ Седану. Въ Парижѣ вся періодическая печать настаивала на томъ, что Базена слѣдуетъ спасти во что бы то ни стало. Подъ давленіемъ неблагопріятнаго хода вещей Макъ-Магонъ, котораго императоръ назначилъ теперь главнокомандующимъ всѣхъ французскихъ войскъ внѣ Меца, принялъ слѣдующее рѣшеніе: подкрѣпивши свою армію дивизіей, притянутой съ испанской границы, и четырьмя полками морскихъ солдатъ, онъ покинулъ Шалонскій лагерь и двинулся черезъ Вузье и Безанси на Монмеди для того, чтобы соединиться съ Базеномъ, а не отступилъ къ Парижу, какъ слѣдовало бы поступить по его собственному мнѣнію.

Между тѣмъ король Вильгельмъ велѣлъ приступить къ осадѣ Меца принцу Фридриху Карлу, въ распоряженіи котораго находились семь армейскихъ корпусовъ, всего около 150,000 человѣкъ; что же касается генерала Штейнмеца, то онъ не ладилъ со своимъ новымъ начальникомъ принцемъ Фридрихомъ Карломъ и вообще не оказался на высотѣ своего положенія (напр. при Гравелотѣ), поэтому онъ былъ удаленъ изъ дѣйствующей арміи и назначенъ генералъ-губернаторомъ познанскимъ и силезскимъ. Девятый и двѣнадцатый корпуса вмѣстѣ съ гвардіей составили особую „Маасскую“ армію подъ начальствомъ кронпринца саксонскаго Альберта, который отличался недюжинными военными дарованіями; Маасской арміи былъ отданъ приказъ выступить вмѣстѣ съ третьей арміей къ Шалону и помѣшать всѣмъ попыткамъ французовъ сдѣлать Шалонскую позицію своимъ опорнымъ пунктомъ и пробиться оттуда къ Мецу. Маасская армія успѣла дойти до Вердёна, а третья армія до Сентъ-Менеу; въ это время въ главномъ штабѣ, который внимательно слѣдилъ за движеніемъ этихъ армій, получилось извѣстіе, что Макъ-Магонъ выступилъ изъ Шалона и Реймса; послѣ этого Мольтке немедленно отдалъ приказъ (25 августа), чтобы обѣ упомянутыя арміи повернули вправо для того, чтобы обойти Макъ-Магона съ тылу (см. прилож. карту „Война 1870—1871 г.“, на которой движеніе обѣихъ враждующихъ армій обозначено цвѣтными линіями). Такой крутой поворотъ двигающихся армій вмѣстѣ съ ихъ обозами былъ небезопасенъ; тѣмъ не менѣе онъ отлично удался, и въ этихъ колоннахъ не произошло никакого замѣшательства. Въ теченіи нѣсколькихъ дней положеніе оставалось очень благопріятнымъ для французовъ: Макъ-Магонъ, въ распоряженіи котораго было 120,000 человѣкъ, могъ бы напасть на 90,000 отрядъ кронпринца саксонскаго и уничтожить его раньше, чѣмъ подоспѣетъ на помощь третья армія, но по оплошности онъ упустилъ изъ виду это счастливое для него стеченіе обстоятельствъ.

Война 1870—71 г.

По даннымъ прусскаго Главнаго Штаба и другимъ источникамъ.

I.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

НИЖНЕЙ СЕНЫ
ЛЕ ГАВРЪ
РУАНЪ
УАЗЫ
КАЛЬВАДОСЪ
ЭРЫ
ПАРИЖЪ
Версаль
СЕНЫ и УАЗЫ
СЕНЫ и МАРНЫ
ОРНЫ
Шартръ
ЭРЫ и ЛУАРА
Фонтенбло
Орлеанское
Ле Манъ
САРТЫ
Орлеанъ
ЛУАРЕ
Монтаржи
ИОННЫ
Осерръ
ЛУАРА и ШЕРА
Блуа
Туръ
Ромрантенъ
ТЭНДРЫ и ЛУАРЫ
Вьерзонъ
ШЕРА
Компьенъ
Суассонъ
Реймсъ
Мо
Мелёнъ
Санъ
Жьенъ

СРАЖЕНІЕ при ВЕРТѢ
6 августа 1870 г
1:100000

Нѣмцы — Французы

СРАЖЕНІЕ при СЕДАНѢ.
1-го сентября 1870 г
1:115000
Расположеніе обѣихъ армій въ 12 часовъ дня
Нѣмцы — Французы

II.

ТЕАТРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ 1870-71 гг.

1:2250000 Килом

обложенныя и занятыя крѣпости

АРДЕННЫ
ЛЮКСЕМБУРГЪ
МЕЦЪ
ПФАЛЬЦЪ
МЕРТЫ И МОЗЕЛЯ
СТРАСБУРГЪ
ВЕРХНЕЙ МАРНЫ
ВЕРХНЕЙ СОНЫ
КОТЪ Д'ОРЪ
ДУБЪ
ШВЕЙЦАРІЯ
Бельфоръ
Базель
Мюльгаузенъ
Фрейбургъ
Нанси
Безансонъ
Дижонъ
Шомонъ
Бернъ

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

III.

Т во „Просвѣщеніе" въ Спб

27 августа Макъ-Магонъ дошелъ до Монмеди и, не нашедши никакихъ слѣдовъ Базена, собирался было начать отступленіе къ Парижу; но по приказу военнаго министра Паликао, который руководствовался политическими, а вовсе не стратегическими соображеніями, онъ былъ вынужденъ продолжать свой походъ на Мецъ, другими словами, идти къ своей собственной гибели. 30 августа корпусъ генерала П. Л. Ш. А. де Фальи подвергся при Бомонѣ нападенію отряда германской арміи, состоявшаго изъ саксонскихъ и баварскихъ войскъ и четвертаго корпуса прусской арміи подъ начальствомъ Густава фонъ-Альвенслебена, и былъ отброшенъ къ Музону.

Оттуда вся французская армія отступила къ крѣпости Седану въ надеждѣ передохнуть и затѣмъ продолжать отступленіе по направленію къ сѣверу вдоль бельгійской границы. Но и этой надеждѣ не суждено было сбыться. Съ восточной стороны стала тѣснить французовъ маасская армія, а съ западной третья армія; одиннадцатый корпусъ занялъ мостъ черезъ рѣку Маасъ у Доншери и отрѣзалъ французской арміи дорогу на сѣверо-востокъ. Окрестности Седана представляли много удобствъ для обороны, такъ какъ рѣка Маасъ, ручьи, протекавшіе около города, и овраги представляли весьма тяжелыя препятствія для нападающаго; тѣмъ не менѣе нѣмцы, которые превосходили французовъ численностью почти вдвое, 1-го сентября побѣдоносно пробились къ городу со всѣхъ сторонъ черезъ всѣ эти препятствія, несмотря на самое отчаянное сопротивленіе со стороны французовъ. Баварцы взяли деревню Базейль къ юго-востоку отъ Седана, и такъ какъ жители этой деревни принимали участіе въ бою, то это повлекло за собой разрушеніе этой деревни. 11 корпусъ взялъ гору Илли къ сѣверу отъ города; стремительная атака французской кавалеріи подъ начальствомъ маркиза Ж. А. А. де Галлифэ въ окрестностяхъ Флуана (см. на той же картѣ) не имѣла вліянія на исходъ сраженія; отброшенной со всѣхъ сторонъ къ Седану французской арміи приходилось выбирать одно изъ двухъ, либо погибнуть вмѣстѣ съ крѣпостью подъ огнемъ германской артиллеріи, которая со всѣхъ сторонъ окружила Седанъ, или же сдаться. Судьба пощадила маршала Макъ-Магона, и ему не пришлось самому переживать душевныхъ мукъ подобнаго выбора: утромъ этого дня въ $6^1/_2$ часовъ онъ былъ тяжело раненъ осколкомъ бомбы въ бедро, и командованіе перешло къ старшему по службѣ послѣ него генералу барону Эмилю Феликсу фонъ Вимпфену, который только что прибылъ изъ Алжира. Въ виду 690 пушечныхъ жерлъ, направленныхъ на городъ, генералъ Вимпфенъ рѣшился 2 сентября на безусловную сдачу крѣпости. Кромѣ 21,000 французовъ, взятыхъ въ плѣнъ во время сраженія, сдавшихся въ плѣнъ вмѣстѣ съ крѣпостью оказалось еще 83,000; кромѣ этого нѣмцамъ достались 558 непріятельскихъ пушекъ. Мертвыми и ранеными французы потеряли 17,000, а нѣмцы только 9,000; цѣлая французская армія въ 120,000 человѣкъ была уничтожена однимъ ударомъ. Для надзора за плѣнными и постепенной эвакуаціи ихъ въ Германію понадобилось цѣлыхъ два германскихъ корпуса.

Вмѣстѣ съ седанской арміей попалъ въ руки нѣмцевъ и самъ императоръ Наполеонъ. Достовѣрно извѣстно, что во время сдачи Седана онъ отправилъ королю Вильгельму письмо слѣдующаго содержанія: чтобы не дожить до такого позора, онъ хотѣлъ было умереть въ рядахъ своей арміи; но пули, которыя кругомъ косили людей тысячами, щадили его, на кого предъ судомъ исторіи падаетъ отвѣтственность за эту войну и за пораженіе Франціи, хотя дѣйствительнымъ виновникомъ ея является весь французскій народъ, щадили, должно быть, для того, чтобы ему пришлось предстать передъ тѣмъ монархомъ, котораго онъ вызвалъ на бой, и чтобы этотъ монархъ имѣлъ случай проявить свое великодушіе, какъ онъ проявилъ свое могущество. Въ два часа пополудни состоялась встрѣча обоихъ монарховъ въ замкѣ Бельвю, недалеко отъ Френуа, при чемъ Наполеонъ извинялся, что

онъ началъ эту войну противъ своей воли подъ неудержимымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія своего народа. Король Вильгельмъ отправилъ его на жительство въ замокъ Вильгельмгёге около Касселя; здѣсь его содержали до конца войны съ подобающими владѣтельной особѣ почестями.

Король Вильгельмъ отправилъ своей супругѣ телеграмму, въ которой приписывалъ всю честь этой побѣды Божьему произволенію, а вечеромъ того же дня король произнесъ тостъ въ честь военнаго министра Роона, который отточилъ мечъ, въ честь Мольтке, который управлялъ этимъ мечемъ, и въ честь Бисмарка, который возвелъ Пруссію на такую высоту благодаря той мудрости, съ которою онъ направлялъ политику своего отечества въ теченіе многихъ лѣтъ. Король Вильгельмъ, который призвалъ всѣхъ этихъ государственныхъ мужей на ихъ отвѣтственные посты и далъ развернуться ихъ талантамъ, съ благородной скромностью не упомянулъ ни словомъ о своихъ собственныхъ заслугахъ; но тѣмъ громче заговоритъ голосъ исторіи объ этомъ королѣ, на которомъ подтвердилось справедливое изреченіе Людовика XIV: „gouverner, c'est choisir“: что значитъ: „управлять, это то же самое, что выбирать“; подразумѣвается выбирать людей и пріемы управленія, такъ какъ въ этомъ заключается вся власть монарховъ.

Л. Война между Германіей и французской республикой.

a) Послѣдствія побѣды при Седанѣ.

Побѣда при Седанѣ повлекла за собою цѣлый рядъ весьма важныхъ послѣдствій. Во-первыхъ, эта побѣда вызвала въ Германіи всеобщее опьяняющее чувство радости, съ какимъ, само собою разумѣется, повсюду встрѣтили извѣстіе о взятіи въ плѣнъ главы непріятельскаго государства вмѣстѣ съ большой арміей; но, кромѣ того, она дала могущественный толчекъ національному самосознанію и послужила путеводной звѣздой для національныхъ стремленій. Въ тысячахъ рѣчей, которыя произносились ораторами въ честь побѣды германскихъ войскъ, и въ періодической печати высказывалось твердое убѣжденіе въ томъ, что слѣдуетъ извлечь наибольшую выгоду изъ блестящихъ успѣховъ германскаго оружія и что Германія должна вернуть себѣ обратно Западную Марку, Эльзасъ и нѣмецкую Лотарингію съ городами Страссбургомъ и Мецомъ, которые были отторгнуты отъ нея въ смутное время, и затѣмъ завершить объединеніе Германіи и увѣнчать то зданіе, которому было положено начало въ 1866 г. Бисмаркъ поспѣшилъ стать выразителемъ общественнаго мнѣнія, поскольку дѣло касалось расширенія германской территоріи, и отправилъ къ посланникамъ Сѣверно-германскаго союза два циркуляра, одинъ 13 сентября, другой 16-го, содержаніе которыхъ сводилось къ слѣдующему: Германія не желаетъ больше быть въ зависимости отъ благорасположенія французовъ, а имѣетъ въ виду добиться болѣе прочнаго обезпеченія своей безопасности; пока Страссбургъ и Мецъ остаются во власти Франціи, эта послѣдняя держава обладаетъ болѣе сильными средствами для наступательныхъ военныхъ дѣйствій, чѣмъ Германія для оборонительныхъ; если же обѣ эти крѣпости перейдутъ во владѣніе Германіи, то имъ будетъ приданъ чисто-оборонительный характеръ, отчего увеличатся шансы на сохраненіе мира, и, слѣдовательно, международные интересы Европы окажутся въ выигрышѣ.

Кромѣ того вліянія, которое побѣда при Седанѣ оказала на общественное мнѣніе Германіи, она произвела также сильное впечатлѣніе на правительства нейтральныхъ государствъ. По собственному удостовѣренію короля Вильгельма въ письмѣ къ королевѣ Августѣ отъ 7 сентября 1870 года до сраженія при Седанѣ со стороны нѣкоторыхъ правительствъ были попытки стать поперекъ дороги побѣдоносной Пруссіи подъ предлогомъ

мирнаго посредничества; эти интриги имѣли цѣлью лишить Германію плодовъ ея побѣдъ. Подобныя попытки исходили главнымъ образомъ отъ вѣнскаго кабинета, которому побѣды Пруссіи были крайне не по душѣ, но вліяніе ихъ сказалось также и на русскомъ правительствѣ. Самъ императоръ Александръ II чрезвычайно дорожилъ дружбой съ Пруссіей, а его тетка Елена Павловна (урожденная принцесса Вюртембергская, супруга великаго князя Михаила Павловича, брата императора Николая I) была надежной опорой нѣмецкой партіи при русскомъ дворѣ; но министръ иностранныхъ дѣлъ канцлеръ князь А. М. Горчаковъ былъ противъ всякаго захвата французской территоріи со стороны Германіи, такъ какъ отобранная территорія, по его мнѣнію, должна была стать постояннымъ яблокомъ раздора между Германіей и Франціей и, стало быть, источникомъ постоянной опасности для европейскаго мира. Справедливо замѣтилъ король Вильгельмъ, что изъ за такихъ опасеній слѣдуетъ возвратить Германіи весь лѣвый берегъ Рейна, такъ какъ это есть единственный способъ замирить Францію. Битва при Седанѣ положила конецъ всѣмъ поползновеніямъ нейтральныхъ державъ вмѣшаться въ эту войну, для предупрежденія которой онѣ своевременно не приняли никакихъ мѣръ; не даромъ сказалъ поэтъ Эмануилъ Гейбель: „Въ однихъ рядахъ съ нами дрался только одинъ союзникъ — Богъ; такъ пусть же и миръ будетъ нашимъ собственнымъ германскимъ миромъ“.

„Es stritt mit uns im Gliede
Niemand als Gott allein:
So soll nun auch der Friede
Ein deutscher Friede sein.“

Третьимъ послѣдствіемъ событій подъ Седаномъ было внезапное паденіе имперіи во Франціи. Вечеромъ 2 сентября императрица Евгенія получила оффиціальное извѣстіе о капитуляціи седанской арміи. Весь день 3 сентября она колебалась, что ей предпринять; 4 же сентября французскому правительству поневолѣ пришлось дать слово палатѣ. Глава лѣвой въ палатѣ Жюль Фавръ немедленно внесъ предложеніе о признаніи Наполеона Бонапарта и всей его семьи низложенными съ престола и объ избраніи законодательнымъ корпусомъ исполнительной комиссіи для управленія государствомъ; первой задачей этой комиссіи должно было быть— выгнать изъ Франціи непріятельскую армію. Министерство, во главѣ котораго стоялъ Паликао, съ своей стороны тоже согласилось, чтобы управленіе государствомъ было передано въ руки исполнительной комиссіи изъ пяти членовъ, избранныхъ законодательнымъ корпусомъ, но съ той оговоркой, чтобы предсѣдателемъ этой комиссіи былъ Паликао; министерство было увѣрено, что большинство палаты выберетъ въ комиссію исключительно благонадежныхъ бонапартистовъ, а такой предсѣдатель, какъ Паликао, служилъ для нихъ надежной порукой въ томъ, что комиссія не выпуститъ изъ своихъ рукъ теплаго мѣстечка до тѣхъ поръ, пока для императора не наступитъ удобнаго момента вновь занять его.

Недовѣріе къ бонапартистскому большинству заставило парижское населеніе дѣйствовать не заодно съ палатой, а противъ нея. Народъ врывался толпами въ галлереи и затѣмъ въ самый залъ засѣданій, такъ что президентъ палаты Евгеній Шнейдеръ вынужденъ былъ объявить, что невозможно больше продолжать дебатовъ и что засѣданіе закрыто. Надѣялись было, что вечеромъ того же дня удастся возобновить это засѣданіе безъ посторонняго вмѣшательства, но эта попытка потерпѣла неудачу; въ 3 часа пришлось закрыть и сенатъ. Вслѣдъ затѣмъ въ парижской ратушѣ была провозглашена республика съ временнымъ правительствомъ изъ всѣхъ парижскихъ депутатовъ палаты за исключеніемъ Тьера, который не изъявилъ на это своего согласія. Въ составъ временнаго правительства вошли также

радикальный публицистъ графъ Анри Рошфоръ, котораго республиканцы хотѣли такимъ образомъ привлечь на свою сторону, и генералъ Трошю, который былъ назначенъ губернаторомъ города Парижа. Президентомъ временнаго правительства былъ избранъ Трошю, а вице-президентомъ Жюль Фавръ. 5 сентября временное правительство выдѣлило изъ своей среды министерство, въ которомъ Фавру достался портфель министра иностранныхъ дѣлъ, дѣятельному адвокату Леону Гамбетта портфель министра внутреннихъ дѣлъ, а военнымъ министромъ былъ назначенъ генералъ А. Ш. Э. Лефло. Временное правительство немедленно распустило законодательный корпусъ, упразднило сенатъ, освободило всѣхъ чиновниковъ отъ присяги, данной ими на вѣрность императору, и назначило 30 новыхъ префектовъ со строго республиканскимъ образомъ мыслей. Изъ нѣмецкихъ купцовъ, которые въ это время оставались еще во Франціи, дальнѣйшее пребываніе въ Парижѣ и въ его окрестностяхъ было разрѣшено только тѣмъ, которые получатъ на то особое разрѣшеніе; всѣмъ же прочимъ было приказано выѣхать въ теченіи 24 часовъ.

б) Продолженіе войны и походъ на Парижъ.

По поводу волновавшаго всю Европу вопроса, не слѣдуетъ ли Франціи послѣ такихъ тяжелыхъ пораженій просить мира, Фавръ заявилъ въ циркулярной нотѣ отъ 6 сентября, что если прусскій король будетъ продолжать эту печальную войну противъ Франціи и теперь послѣ паденія той династіи, которая была ея виновникомъ, то временное правительство принимаетъ этотъ вызовъ и не уступитъ ни одной пяди національной территоріи, ни одного камня французскихъ крѣпостей. 12 сентября временное правительство отправило Тьера, который предложилъ свои услуги для этой цѣли, къ правительствамъ нейтральныхъ державъ съ просьбой о посредничествѣ; но въ виду упомянутыхъ нотъ Бисмарка отъ 13 и 16 сентября ни одно изъ этихъ правительствъ не сочло возможнымъ вмѣшаться, такъ какъ Германія настаивала на уступкѣ французской территоріи, а Франція упорно отказывалась отъ такой уступки; пока еще не было надежды на соглашеніе между воюющими сторонами. Въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Санктъ-Петербургѣ и во Флоренціи Тьеръ выслушалъ много любезныхъ словъ, но ни одна изъ европейскихъ великихъ державъ не оказала фактическаго содѣйствія Франціи. Съ уныніемъ писалъ въ это время Бейстъ: „je ne vois plus d'Europe“ (я не вижу больше Европы); даже Горчаковъ сухо посовѣтовалъ Тьеру быть готовымъ на нѣкоторыя жертвы, лишь бы поскорѣе былъ заключенъ миръ, — не то впослѣдствіи онъ обойдется еще дороже.

Между тѣмъ походъ германской арміи на Парижъ подвигался впередъ. Въ то же время Мецъ былъ обложенъ семью корпусами подъ начальствомъ принца Фридриха Карла. Базенъ пытался было выйти на соединеніе съ Макъ-Магономъ; 31 августа и 1 сентября онъ сдѣлалъ при Нуасвилѣ попытку прорваться, кончившуюся полнѣйшей неудачей: 36,000 нѣмцевъ отстояли линію въ 9 километровъ противъ 134,000 французовъ.

Ничего не могъ предпринимать также и французскій панцырный флотъ, который крейсировалъ въ августѣ въ виду Гельголанда и Кольберга, за недостаткомъ десанта. 9 сентября онъ былъ застигнутъ бурей, отъ которой онъ потерпѣлъ сильныя аваріи, и вынужденъ былъ съ позоромъ вернуться обратно во французскія гавани. 9 ноября германская канонерская лодка „Метеоръ“ напала около гавани Гаваны на французское авизо „Буве“, повредила котелъ французскаго судна и принудила его къ отступленію.

Когда германскія войска уже заняли Реймсъ и Ланъ и подошли къ самому Парижу, Фавръ просилъ свиданія съ Бисмаркомъ. 19 и 20 сен-

тября происходили въ замкахъ Отъ-Мезонъ и Ферріеръ переговоры между Бисмаркомъ и Фавромъ. Фавръ заявилъ, что для уступки французской территоріи требуется во всякомъ случаѣ согласіе національнаго собранія, и просилъ перемирія на 14 дней для производства выборовъ въ національное собраніе. Бисмаркъ соглашался на такое перемиріе; но такъ какъ за эти четырнадцать дней Франція могла въ большей или меньшей степени собраться съ силами для дальнѣйшей борьбы, то онъ требовалъ въ видѣ вознагражденія немедленной сдачи крѣпостей Пфальцбурга, Туля и Страссбурга. Такъ какъ Фавръ и слышать не хотѣлъ о подобныхъ условіяхъ, то переговоры были прерваны.

в) Взятіе Страссбурга.

19 сентября германскія войска обложили Парижъ, а 23 сент. сдалась крѣпость Туль. Съ 11 августа началась осада Страссбурга баденскими войсками подъ начальствомъ генерала Августа фонъ Вердера, а съ 23 началась бомбардировка этой крѣпости, при чемъ погибли отъ пожара библіотека съ драгоцѣнными манускриптами, уничтоженіе которыхъ составляетъ незамѣнимую утрату для науки, картинная галлерея, судебныя и правительственныя зданія и театръ; знаменитый страссбургскій соборъ остался цѣлъ, обгорѣла только крыша. Во время бомардировки было уничтожено также 450 частныхъ домовъ, 2000 мирныхъ жителей были убиты или ранены. Всѣ эти несчастія произошли изъ за того, что Страссбургъ былъ защищенъ укрѣпленіями несовершеннаго устарѣлаго типа, такъ что обстрѣливаніе крѣпости наносило вредъ не только крѣпостнымъ сооруженіямъ, но также и жилищамъ мирныхъ жителей. Главнокомандующему французскими войскали генералу Ж. Ж. А. Уриху при такихъ условіяхъ не слѣдовало бы доводить дѣла до бомбардировки; но будучи убѣжденъ, что „отдать Страссбургъ — это значитъ отдать Эльзасъ", онъ оказывалъ сопротивленіе до тѣхъ поръ, пока нѣмцы не стали готовиться къ штурму, который непремѣнно закончился бы удачей для нихъ. 28 сентября въ 2 часа ночи была подписана капитуляція; это была годовщина того самаго дня, когда за 189 лѣтъ передъ тѣмъ Страссбургъ сдался генералу Лувуа, командовавшему арміей Людовика XIV (срав. т. VII, стр. 464). Безмѣрная радость охватила всю Германію, когда пришло отрадное извѣстіе о томъ, что Германія вернула себѣ свое прежнее владѣніе, тотъ городъ, привязанность къ которому не угасла въ душѣ нѣмцевъ, несмотря на долгое время, въ теченіе котораго онъ оставался подъ иноземнымъ господствомъ; всѣ чувствовали, что день 28 сентября — это національный праздникъ, осязательное доказательство того, что долгіе годы униженія и безсилія Германіи прошли навсегда.

Вмѣстѣ со Страссбургомъ попала подъ власть нѣмцевъ также большая желѣзнодорожная линія на Парижъ; вслѣдъ затѣмъ германская армія захватила одну за другой всѣ менѣе значительныя крѣпости восточной Франціи, какъ-то: Шлетштадтъ (24 октября), Верденъ (8 ноября), Нейбрейзахъ (10 ноября), Диденгофенъ (24 ноября), Монмеди (14 декабря) и Пфальцбургъ (14 декабря); въ этихъ крѣпостяхъ попали въ руки нѣмцевъ большое число орудій и значительное количество пороха; сношенія въ тылу германской арміи стали вполнѣ безопасными и безпрепятственными.

г) Осада Парижа и попытки французовъ освободить столицу.

Послѣднее обстоятельство имѣло весьма важное значеніе. До битвы при Седанѣ война была состязаніемъ двухъ армій, но съ этого момента она приняла совершенно другой характеръ. Подъ названіемъ francs-tireurs, т. е. вольныхъ стрѣлковъ, стали образовываться партизанскіе отряды изъ на-

рода, которые нападали врасплохъ на уединенные германскіе посты и причиняли нѣмцамъ не мало безпокойства. Тогда германскія военныя власти признали эти партизанскіе отряды шайками, стоящими внѣ закона, и отъ поры до времени отдавали приказъ предавать огню, для острастки, тѣ селенія, жители которыхъ поступали въ ряды вольныхъ стрѣлковъ. Между французами тоже есть люди, которые готовы подтвердить, что недисциплинированные вольные стрѣлки часто становились болѣе опасными для мирныхъ мѣстныхъ жителей, чѣмъ для непріятеля.

Послѣ того, какъ мирные переговоры потерпѣли неудачу, французы направили всѣ свои усилія на освобожденіе столицы. Изъ 1.700,000 жителей Парижа было 540,000 людей, способныхъ носить оружіе; но они состояли изъ 340,000 человѣкъ парижской національной гвардіи, которая въ военномъ отношеніи была ни къ чему непригодна, и изъ 120,000 запасныхъ, изъ которыхъ только часть провинціаловъ годилась на что-нибудь. Кромѣ этого въ распоряженіи генерала Трошю имѣлось всего только 80,000 солдатъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ и вполнѣ годныхъ для военныхъ дѣйствій; не было никакой надежды съ такими слабыми силами разорвать стянувшееся вокругъ Парижа желѣзное кольцо изъ 150,000, а затѣмъ и цѣлыхъ 200,000 человѣкъ германской регулярной арміи и принудить нѣмцевъ снять осаду. Германской арміей, стоявшей подъ Парижемъ, командовалъ прусскій король, который избралъ своей резиденціей Версаль. При такихъ условіяхъ временному правительству приходилось искать помощи извнѣ; для этой цѣли нѣкоторые изъ членовъ временнаго правительства пробрались изъ Парижа, когда это еще было возможно, остановились въ городѣ Турѣ на Луарѣ и усердно взялись за организацію національной обороны.

Эта такъ называемая „делегація" временнаго правительства, состоявшая изъ трехъ стариковъ: Кремье, Мартена Фурушона и Александра Гле-Бизуэна зажила новою жизнью послѣ того, какъ Гамбетта 6 октября вылетѣлъ изъ Парижа на воздушномъ шарѣ и 9 октября прибылъ въ Туръ. Сейчасъ же онъ принялъ на себя обязанности какъ военнаго министра, такъ и министра внутреннихъ дѣлъ; съ горячностью своего южнаго темперамента и съ юношескимъ пыломъ (ему было всего 32 года) онъ поставилъ себѣ задачей „вызвать изъ земли легіоны" и раздавить дерзкія полчища, которыя осмѣлились посягнуть на свободу Парижа, этого святого города, „пупа земли". Правой рукой Гамбетты въ этомъ трудномъ дѣлѣ оказался 42-лѣтній Шарль де Фрейсинэ, протестантъ, по профессіи инженеръ, умный и ловкій, никогда не терявшій хладнокровія и ясности ума; Фрейсинэ имѣлъ одинъ существенный недостатокъ: послѣ того, какъ французскіе военные по профессіи покрыли себя несмываемымъ позоромъ, онъ преисполнился высокомѣрнаго презрѣнья къ спеціальнымъ познаніямъ военныхъ и проникся тѣмъ убѣжденіемъ, что организацію національной обороны слѣдуетъ предоставить не безбожнымъ рутинерамъ, а людямъ съ непредубѣжденными взглядами и что горячій патріотизмъ долженъ занять мѣсто военной выправки. Какъ Гамбетта, такъ и Фрейсинэ были воодушевлены той мыслью, что надо руководствоваться примѣромъ 1793 года, когда французскіе ополченцы наносили одно пораженіе за другимъ солдатамъ, воспитавшимся въ школѣ Фридриха Великаго и Лаудона; такимъ же образомъ эти два горячихъ французскихъ патріота надѣялись вырвать побѣду изъ рукъ регулярной арміи Вильгельма I. Конечно, они были въ крайнемъ заблужденіи: въ 1793 году воевавшимъ противъ Франціи союзнымъ державамъ нанесли пораженіе господствовавшіе между ними раздоры, а вовсе не французское ополченіе, часть котораго вдобавокъ числилась только на бумагѣ, помимо этого та германская армія, которая воевала въ 1870 году на французской территоріи, превышала численностью военныя силы коалиціи 1793 года и стояла гораздо выше ихъ въ моральномъ отношеніи. Всѣ

усилія Гамбетты не спасли Франціи, а только затянули ея предсмертныя муки, усугубили тѣ жертвы, которыя она понесла, и возвеличили побѣду нѣмцевъ. Несмотря на всю энергію французскихъ патріотовъ, оказалось невозможнымъ за короткое время превратить вооруженныхъ мирныхъ гражданъ въ настоящихъ солдатъ. Кромѣ того, весь запасъ оружія, которымъ располагали организаторы національной обороны, заключался въ 6-ти батареяхъ и 2.000,000 ружейныхъ патроновъ; приходилось добывать оружіе и военные припасы отовсюду, преимущественно изъ Англіи, такъ что въ концѣ концовъ получилось пестрое смѣшеніе всякихъ сортовъ оружія, годное только для музея; однихъ пушекъ во вновь организованномъ народномъ ополченіи оказалось 15 различныхъ типовъ. За всѣмъ тѣмъ невольно приходишь въ изумленіе предъ грандіозной дѣятельностью Гамбетты, который за 4 мѣсяца успѣлъ поставить на ноги громадное вооруженное народное ополченіе въ 600,000 человѣкъ; хотя всѣ военныя предпріятія Гамбетты потерпѣли неудачу по той причинѣ, что организаторамъ національной обороны недоставало военныхъ дарованій предводителей германской арміи, а французскіе ополченцы были лишены несравненныхъ качествъ нѣмецкаго солдата, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что Гамбетта спасъ честь Франціи и будущее французской республики.

д) Взятіе Меца.

Незадолго до прибытія Гамбетты въ Туръ баварскій генералъ Людвигъ фонъ деръ Таннъ-Ратсамгаузенъ приступилъ къ осадѣ Орлеана (11 октября), а 18 октября генералъ Людвигъ фонъ Виттихъ взялъ штурмомъ крѣпость Шатоденъ и предалъ этотъ городъ огню въ наказаніе за то, что жители его принимали участіе въ оборонѣ. Но въ это время противъ фонъ деръ Танна стали собираться такіе многочисленные отряды ополченцевъ, что въ германской главной квартирѣ въ Версалѣ стали серьезно опасаться, удастся ли отразить напоръ огромныхъ массъ ополченцевъ, двигающихся со всѣхъ сторонъ на освобожденіе Парижа.

Вслѣдствіе этого германскій главный штабъ слѣдилъ съ особеннымъ вниманіемъ за Базеномъ, который все еще задерживалъ цѣлую половину германской арміи подъ стѣнами Меца. Въ это время происходили различные политическіе переговоры между Базеномъ, предводителями германской арміи и бѣжавшей въ Англію императрицей Евгеніей. Главная цѣль этихъ переговоровъ заключалась въ томъ, чтобы Базенъ, опираясь на свою армію, которая все еще оставалась вѣрной своему взятому въ плѣнъ государю, заключилъ миръ съ Германіей и возстановилъ имперію; но эти переговоры натолкнулись на множество тяжелыхъ препятствій и потерпѣли неудачу. Между тѣмъ положеніе осажденной арміи Базена, которая не была въ состояніи прорваться черезъ сомкнутое кольцо осаждавшихъ ее германскихъ войскъ, становилось съ каждымъ днемъ все хуже. Отъ 8 до 31 октября шли непрерывные дожди и осажденные наравнѣ съ осаждавшими страдали безъ конца отъ всевозможныхъ тяжелыхъ невзгодъ, такъ какъ и тѣ, и другіе помѣщались въ плохихъ дощатыхъ баракахъ на открытомъ полѣ: сухого платья не имѣлось почти ни на комъ; пронзительный вѣтеръ проникалъ черезъ всѣ щели бараковъ, и наиболѣе благополучными въ санитарномъ отношеніи считались тѣ германскія дивизіи, изъ состава которыхъ только пятая часть лежала въ лазаретѣ. Французамъ же, кромѣ вредныхъ атмосферныхъ условій, приходилось еще терпѣть отъ усиливающагося со дня на день недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Дѣло дошло до того, что солдатамъ стали выдавать только треть обыкновенной хлѣбной порціи, а соли вовсе больше не имѣлось. Базенъ вынужденъ былъ вступить въ переговоры: сначала онъ предложилъ, чтобы его армію пропустили изъ Меца подъ тѣмъ условіемъ, что она не будетъ принимать дальнѣйшаго

участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; затѣмъ онъ согласился, чтобы его армія сложила оружіе, только безъ одновременной сдачи крѣпости, и наконецъ онъ сдался 27 октября на капитуляцію принцу Фридриху Карлу съ арміей въ 173,000 человѣкъ и 1570 орудіями. Здѣсь подъ Мецомъ германская армія не одержала такой блестящей побѣды, какъ подъ Седаномъ; но зато успѣхи, которыхъ она здѣсь достигла, по своему значенію были гораздо выше той побѣды; теперь перешла во власть Германіи та область, обладаніе которой признавалось необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго мирнаго существованія германской націи, а вся армія принца Фридриха Карла стала свободной для военныхъ дѣйствій на остальномъ театрѣ войны.

е) Отказъ Россіи отъ Парижскаго мирнаго договора 1856 г.

Какъ разъ въ это время (31-го октября) политическія сферы Европы были застигнуты врасплохъ циркулярной нотой министра иностранныхъ дѣлъ и канцлера Россійской Имперіи князя Горчакова; русское правительство заявляло въ этой нотѣ, что парижскій мирный договоръ, заключенный 30 марта 1856 года, былъ неоднократно нарушаемъ, какъ, напримѣръ, въ 1859 и 1862 годахъ, когда, вопреки этому договору, дунайскія княжества Молдавія и Валахія соединились въ одно Румынское княжество; поэтому Россія не считаетъ себя обязанной соблюдать только тѣ пункты этого договора, которые служатъ ей самой во-вредъ. Русское правительство отказывалось отъ того параграфа парижскаго договора, которымъ Черное море объявлялось нейтральнымъ, и доводило до свѣдѣнія державъ, что оно считаетъ себя въ правѣ завести на Черномъ морѣ военный портъ. Россія давала понять, что она намѣрена воспользоваться существующимъ положеніемъ вещей въ Европѣ, главнымъ образомъ безсиліемъ Франціи, для уничтоженія того несовмѣстнаго съ ея честью и могуществомъ договора, къ которому Франція и Англія въ свое время принудили Россійскую Имперію.

Англія и Австрія предъявили свои возраженія противъ этого произвольнаго образа дѣйствій Россіи, первая 10-го, а вторая 16-го ноября; по предложенію Бисмарка собралась въ Лондонѣ 17 января 1871 года конференція изъ представителей великихъ державъ, которая одобрила заявленіе Россіи относительно Чернаго моря съ той только оговоркой, что проливы Дарданельскій и Константинопольскій должны быть закрыты для военныхъ судовъ всѣхъ великихъ державъ за исключеніемъ, конечно, Турціи. Германская имперія отстаивала въ этомъ вопросѣ точку зрѣнія Россіи, такъ какъ императоръ Александръ II своимъ поведеніемъ безспорно способствовалъ побѣдѣ Германіи надъ Франціей, хотя его канцлеръ Горчаковъ всѣми силами старался умалить плоды германскихъ побѣдъ.

ж) Сраженіе на Луарѣ.

Послѣ взятія Меца принцъ Фридрихъ Карлъ получилъ приказъ отдѣлить 1-ый, 7-ой и 8-ой корпусы, т. е. тѣ части германскихъ войскъ, которыя первоначально составляли 1-ую армію. Генералъ Эдвинъ фонъ Мантейфель принялъ командованіе надъ этой арміей, которая имѣла своей задачей занять еще не забранныя французскія крѣпости, оставшіяся въ тылу германской арміи; самъ же принцъ Фридрихъ Карлъ съ остальными 4 корпусами, 2-ымъ, 3-имъ, 9-ымъ и 10-ымъ, долженъ былъ какъ можно поспѣшнѣе двинуться къ Луарѣ. Тамъ, на луарскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, положеніе вещей было весьма тревожно. Французская луарская армія, которой командовалъ предпріимчивый и смѣлый генералъ Л. И. Б. д'Орель де Паладинъ и численность которой доходила до 60,000 человѣкъ, произвела нападеніе на малочисленный баварскій отрядъ

фонъ деръ Танна (всего 15,000 человѣкъ), разбила его при Кульміе (9 ноября) и заставила баварцевъ отступить изъ Орлеана. Король немедленно отправилъ на помощь баварцамъ 17-ую и 22-ую дивизіи, состоявшія изъ уроженцевъ Ганзейскихъ городовъ, мекленбурга и Тюрингена вмѣстѣ съ 4 кавалерійскими дивизіями, въ которыхъ больше не было надобности подъ Парижемъ, и поручилъ командованіе надъ этимъ „отдѣленіемъ арміи" вмѣстѣ съ баварскимъ отрядомъ великому герцогу мекленбургскому Фридриху Францу II. Предстояли весьма важныя военныя дѣйствія. Парижская армія готовилась къ стремительной вылазкѣ, которую Гамбетта собирался поддержать смѣлымъ натискомъ со стороны Орлеана, французы надѣялись захватить стоявшихъ подъ Парижемъ нѣмцевъ между двухъ огней и принудить ихъ снять осаду. Надежды французовъ однако не оправдались: небольшой отрядъ германской арміи всего изъ 5 полковъ при нѣсколькихъ батареяхъ, которыми командовалъ артиллерійскій майоръ Вильгельмъ Керберъ, отличившійся своими подвигами въ сраженіи при Марсъ-Латурѣ, стойко выдержалъ при Бонъ-ла-Роландѣ (28 ноября) натискъ 58,000 французовъ подъ начальствомъ пылкаго генерала Жана Констана Круза, котораго Фрейсинэ совершенно несправедливо подвергъ взысканію за эту неудачу. 30 ноября генералъ Дюкро предпринялъ сильную вылазку изъ Парижа съ юго-восточной стороны на деревни Шампиньи и Бри, въ которыхъ были расположены вюртембергцы и саксонцы (см. на картѣ, прилож. къ стр. 402); несмотря на громадное численное превосходство французовъ эта вылазка не привела къ цѣли. Изъ-за стѣнъ, окружавшихъ парки Вилье и Кельи, вюртембергцы открыли по наступающимъ колоннамъ французовъ истребительный огонь, отъ котораго они падали грудами: 2 декабря померанскія войска вытѣснили обратно французовъ изъ деревни Шампиньи, которую французы заняли было 30 ноября, а 3 декабря отрядъ генерала Дюкро вынужденъ былъ отступить обратно въ Парижъ съ громаднымъ урономъ въ 12,000 человѣкъ въ то время, какъ нѣмцы потеряли всего 6000 человѣкъ: осажденнымъ пришлось окончательно отказаться отъ надежды прорваться сквозь ряды осаждающихъ безъ помощи извнѣ. Самъ генералъ Дюкро, который далъ слово побѣдить или умереть и который кидался съ отчаянной храбростью въ самыя опасныя мѣста, вынужденъ былъ вернуться въ Парижъ живымъ и побѣжденнымъ.

Принцъ Фридрихъ Карлъ разбилъ послѣ четырехдневнаго боя при Луаньи и Орлеанѣ, продолжавшагося отъ 1 до 4 декабря, луарскую армію, которая въ это время состояла подъ командой храбраго генерала Л. Е. Л. Шанзи; а 4 декабря великій герцогъ мекленбургскій вновь занялъ городъ Орлеанъ: у подножія памятника Орлеанской дѣвы расположился германскій караулъ. Французская армія была въ самомъ печальномъ положеніи: французскіе солдаты, одѣтые въ холщевые штаны и холщевыя блузы, дрожали отъ холода и отказывались идти въ бой. Послѣ битвы при Орлеанѣ луарская армія оказалась расколотой на двѣ части, изъ которыхъ одна подъ начальствомъ Шарля Бурбаки бросилась на востокъ (см. ниже), а другая часть подъ начальствомъ Шанзи сдала безъ боя городъ Туръ и отступила въ сѣверо-западномъ направленіи; Гамбетта съ „делегаціей" бѣжалъ 8 декабря въ Бордо. Принцъ Фридрихъ Карлъ и великій герцогъ мекленбургскій гнались по пятамъ за генераломъ Шанзи и 7—10 декабря они опять нанесли ему пораженіе въ сраженіи при Божанси: Шанзи былъ отброшенъ къ Леману. Нѣмцы продолжали гнаться за нимъ черезъ снѣжные сугробы, по обледенѣлымъ тропинкамъ, на которыхъ кавалеристамъ приходилось спѣшиваться и вести лошадей за поводья. 11 и 12 января 1871 года нѣмцы одержали надъ луарской арміей еще одну блестящую побѣду при Леманѣ; послѣ этого Шанзи вынужденъ былъ отступить еще дальше на западъ по направленію къ Бретани. Луарская армія, можно сказать, была совершенно уничтожена.

з) Сраженія въ окрестностяхъ Дижона и на сѣверо-востокѣ Франціи.

Въ то же самое время шла кровопролитная борьба и на двухъ другихъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Послѣ того, какъ германская армія завладѣла Эльзасомъ, генералъ Вердеръ вторгся въ Франшъ-Контэ и въ Бургундію и занялъ 31 октября главный городъ этой послѣдней провинціи Дижонъ. Французскимъ отрядомъ, отправленнымъ противъ Вердера, командовалъ герой итальянской революціи Джузеппе Гарибальди, который воодушевился глубокой симпатіей къ Франціи, какъ только она превратилась въ республику, и отдалъ свою шпагу на службу той самой націи, которая отняла у итальянскаго королевства его собственную родину, городъ Ниццу, въ 1860 году во время имперіи. Шюкэ говоритъ, что лучше всего было бы, если бы Гарибальди, который въ это время былъ уже дряхлымъ старикомъ и былъ даже не въ силахъ садиться на коня, остался бы на своемъ скалистомъ островѣ Капрерѣ вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба, бывшимъ аптекаремъ Фил. Бордоне. Добровольцы, которые собрались вокругъ Гарибальди,—это былъ всевозможный сбродъ, разодѣтый въ живописные военные костюмы, который въ дѣйствительности причинялъ больше безпокойства самимъ французамъ, чѣмъ нѣмцамъ. Не теряя времени ради этихъ шаекъ, баденскія войска подъ начальствомъ генерала Адольфа фонъ Глюмера 18 декабря взяли штурмомъ крѣпость Нюи, которую защищалъ пробравшійся изъ Меца генералъ Камиль Кремеръ; французы были настолько деморализованы, что Кремеру пришлось гнать своихъ офицеровъ на бой съ пистолетомъ въ рукахъ. Въ бою около крѣпости Нюи получили тяжелыя раны самъ Глюмеръ и братъ великаго герцога баденскаго Фридриха, принцъ Вильгельмъ.

Вторымъ театромъ военныхъ дѣйствій была сѣверо-восточная часть Франціи, главнымъ образомъ Пикардія и Нормандія. Здѣсь, какъ и во всей остальной Франціи, организаціей обороны руководили комиссары „делегаціи“, которые собрали „сѣверную армію“, такъ что германскому главному штабу пришлось отправить туда въ ноябрѣ генерала фонъ Мантейфеля съ двумя армейскими корпусами, 1-ымъ подъ командой Г. А. фонъ Цастрова и 8-ымъ подъ начальствомъ Августа фонъ Гебена. 27 ноября Мантейфель разбилъ французовъ, которыми командовалъ И. И. Ф. А. Фарръ, при Амьенѣ; во время этого сраженія запасные („мобло“) пустились въ позорное бѣгство и увлекли за собою также и регулярныя войска; Амьенъ и Руанъ подверглись осадѣ, и генералъ фонъ Гебенъ сумѣлъ такъ расположить къ себѣ жителей Нормандіи, что они цѣлою толпой бѣгали за нимъ по улицѣ и охотно приносили на продажу съѣстные припасы въ то время, какъ въ Восточной Франціи немедленно опускались во всѣхъ домахъ ставни и запирались двери, какъ только подходили нѣмцы.

Даровитому и дѣятельному генералу Федэрбу (срав. т. III, стр. 483) удалось вновь собрать французскія войска и подкрѣпить ихъ; онъ выступилъ изъ Лилля и дошелъ до Поръ-Ноайеля, но здѣсь былъ отбитъ Мантейфелемъ 23 декабря около ручья Ля-Галлю; такъ какъ солдатамъ Федерба приходилось провести слѣдующую ночь голодными при морозѣ въ 7°, то его отрядъ былъ не въ состояніи выдержать бой на слѣдующій день 24 декабря; по этому Федэрбъ вынужденъ былъ покинуть свои грозныя позиціи и отступить обратно въ Аррасъ. 3 января 1871 года Федэрбъ предпринялъ вторую атаку около Бопома, но и на этотъ разъ тоже не имѣлъ успѣха. Генералъ Мантейфель былъ откомандированъ на юго-востокъ, а командованіе надъ обоими германскими корпусами перешло къ Гебену, которому посчастливилось привести къ удачному концу военныя дѣйствія въ этой части Франціи послѣ того, какъ онъ взялъ 8-го января крѣпость Перонну, а 19 января одержалъ блестящую побѣду при Сенъ-Кантенѣ въ

сраженіи, въ которомъ Федэрбъ потерялъ 13,000 человѣкъ; сама крѣпость Сенъ-Кантенъ досталась побѣдителямъ, а французская сѣверная армія была такъ разстроена, что съ нею тоже уже не приходилось больше считаться.

и) Вопросъ о бомбардировкѣ осажденнаго Парижа.

Между тѣмъ французская столица все еще держалась противъ осаждавшей ее германской арміи; но съѣстные припасы приходили къ концу, а отъ времени до времени среди парижскаго населенія вспыхивали возмущенія, и было очевидно, что правительство потеряло свой авторитетъ въ глазахъ гражданъ. Тѣмъ не менѣе Парижъ держался гораздо дольше, чѣмъ расчитывали нѣмцы, и общественное мнѣніе въ Германіи стало требовать все болѣе настойчиво, чтобы Парижъ былъ подвергнутъ усиленной бомбардировкѣ, которая заставитъ его, конечно, скорѣе сдаться. Бисмаркъ съ самаго начала осады держался того мнѣнія, что не надо давать непріятелю никакой пощады, такъ какъ войска, участвовавшія въ блокадѣ Парижа, страдали какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи отъ долгаго бездѣйствія и по той еще причинѣ, что успѣшное сопротивленіе Парижа поддерживало во французахъ надежду на то, что побѣда въ концѣ концовъ перейдетъ на ихъ сторону; кромѣ того, вслѣдствіе упорнаго сопротивленія, которое Парижъ оказывалъ германскимъ войскамъ, вновь возникала опасность посторонняго вмѣшательства, которая прекратилась было послѣ битвы при Седанѣ. Однако кронпринцъ, начальникъ его штаба Леонардъ фонъ Блюменталь (стр. 354), самъ Мольтке и генералъ Вальтеръ Филиппъ Вернеръ фонъ Готтбергъ были того мнѣнія, что бомбардировка не можетъ нанести вреда рабочимъ кварталамъ Парижа, слѣдовательно, совершенно безполезна и что слѣдуетъ голодомъ принудить Парижъ къ капитуляціи; по мнѣнію Блюменталя для этой цѣли достаточно было бы 6 недѣль. Нѣсколько позже въ засѣданіи военнаго совѣта отъ 9-го—10-го декабря артиллеристы: генералъ Г. Эд. фонъ Гиндерсинъ, принцъ Крафтъ фонъ Гогенлоэ-Ингельфингенъ и другіе разъяснили королю Вильгельму, что мнѣніе Мольтке и другихъ ошибочно и что можно бомбардировать рабочіе кварталы съ большимъ успѣхомъ. Въ своихъ мемуарахъ Бисмаркъ и Роонъ высказываютъ такое мнѣніе, будто изъ Англіи черезъ Берлинъ проникло въ главную германскую квартиру и пріобрѣло себѣ сторонниковъ то убѣжденіе, что нельзя обращаться съ Парижемъ, этой „Меккой“ европейской цивилизаціи, какъ съ обыкновенной крѣпостью, и что предосудительно было бы подвергать его бомбардировкѣ; но едва ли это предположеніе Роона и Бисмарка вполнѣ согласно съ дѣйствительностью.

к) Разрѣшеніе вопроса объ объединеніи Германіи.

Въ то время, какъ германская армія томилась въ бездѣйствіи, тутъ же подъ стѣнами Парижа получилъ свое разрѣшеніе самый важный изъ всѣхъ вопросовъ германской политики, вопросъ объ объединеніи Германіи. Сейчасъ же послѣ первыхъ побѣдъ германской арміи по всей Германіи распространилось такое убѣжденіе, что нѣмцы, которые отправились на войну съ такимъ единодушіемъ, не должны возвращаться по окончаніи войны къ прежней раздробленности и что братство по оружію должно послужить толчкомъ къ государственному объединенію, которое будетъ лучшей наградой за всѣ жертвы этой войны. Съ того момента, какъ Бисмаркъ сталъ требовать отъ имени всей Германіи уступки Страссбурга и Меца, какъ необходимаго залога для мира и безопасности всѣхъ германскихъ государствъ, стало очевиднымъ, что безъ прочнаго политическаго объеди-

ненія нѣмецкій народъ не въ силахъ будетъ отстоять этихъ форпостовъ германской народности. Всеобщее стремленіе къ національному объединенію увлекло за собою и владѣтельныхъ князей, которые дорожили своими верховными правами и поэтому весьма неохотно рѣшались на какіе бы то ни было рѣшительные шаги въ этомъ направленіи. Между германскими государствами завязались переговоры объ осуществленіи національнаго объединенія. Толчкомъ къ этимъ переговорамъ послужилъ многолюдный митингъ, состоявшійся въ Берлинѣ 30 августа, на которомъ была принята такая резолюція: Германія должна требовать отъ войны двухъ результатовъ, единой націи и безопасной границы. 2 сентября послѣдовало со стороны великаго герцога баденскаго Фридриха, наиболѣе вліятельнымъ совѣтникомъ котораго былъ послѣ смерти Мати (см. выше, стр. 378) преданный національной идеѣ Юлій Жолли, заявленіе о томъ, что онъ предлагаетъ присоединить южногерманскія государства къ Сѣверногерманскому союзу и внести соотвѣтствующія измѣненія въ союзную конституцію; король баварскій Людвигъ II и король вюртембергскій Карлъ I тоже подтвердили, первый 5 сентября, а второй 7-го, что они будутъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы Германія извлекла какъ можно больше выгодъ изъ своей побѣды и чтобы установилось правильное взаимодѣйствіе между національной солидарностью всего германскаго народа и самостоятельностью отдѣльныхъ государствъ.

Оффиціальные переговоры были начаты въ концѣ сентября въ Мюнхенѣ Рудольфомъ Дельбрюкомъ (род. 16 апрѣля 1817 года, сконч. 1 февраля 1903 года), предсѣдателемъ канцеляріи канцлера Сѣверногерманскаго союза; дальнѣйшее веденіе переговоровъ взялъ на себя самъ Бисмаркъ въ Версалѣ. Эти переговоры натолкнулись на сильное препятствіе, такъ какъ южногерманскія правительства отличались рѣзкимъ партикуляризмомъ и въ видѣ крайней уступки соглашались только на весьма умѣренную степень централизаціи. Баварцы утверждали, что незачѣмъ связывать себя слишкомъ тѣсной централизаціей, такъ какъ всѣ германскія племена уже успѣли доказать, насколько они преданы національной идеѣ, и въ случаѣ общей опасности подъ знамя матери Германіи соберутся по доброй волѣ всѣ ея дѣти. Соглашаясь на учрежденіе общегерманскаго союзнаго государства, баварскій король требовалъ въ видѣ вознагражденія за свою уступчивость, чтобы королевскому дому Виттельсбаховъ были предоставлены, такъ сказать, права вице-императора, именно, чтобы въ случаѣ отсутствія имперскихъ посланниковъ, ихъ замѣщали по праву баварскіе посланники. Морицъ Бушъ сообщаетъ въ своемъ дневникѣ, будто дядя баварскаго короля принцъ Луитпольдъ заговаривалъ даже 10 января 1871 года о чередованіи императорскаго престола между королевскими домами Гогенцолерновъ и Виттельсбаховъ, но не получилъ на это никакого отвѣта. Послѣ Баваріи больше всего затрудненій для этихъ переговоровъ ставило гессенское правительство, которое находилось подъ вліяніемъ своего министра, заклятаго врага Пруссіи, барона К. Фр. Р. фонъ Дальвика. 12 ноября, когда уже все было, повидимому, улажено, король Вюртембергскій опять сталъ затягивать переговоры, поддаваясь внушеніямъ, исходившимъ изъ Мюнхена. Но какъ только баденское правительство подписало 15 ноября договоръ о своемъ присоединеніи къ Сѣверногерманскому союзу, его примѣру послѣдовало въ тотъ же день гессенское правительство, а затѣмъ и всѣ прочія южногерманскія государства.

Изъ дневника кронпринца Фридриха Вильгельма и изъ записокъ очевидца этихъ событій Людвига Бамбергера стало извѣстно, что это непрерывное затягиваніе переговоровъ баварскимъ и вюртембергскимъ королями возбудило нетерпѣніе кронпринца, и онъ предложилъ покончить дѣло однимъ махомъ: по его мнѣнію, присутствовавшимъ въ Версалѣ владѣтельнымъ князьямъ баденскому, ольденбургскому, веймарскому и кобург-

скому стоило только провозгласить имперію, объявить прусскаго короля императоромъ германской имперіи и представить на утвержденіе рейхстага и ландтаговъ имперскую конституцію, соотвѣтствующую справедливымъ желаніямъ германскаго народа; тогда оба южногерманскихъ короля вынуждены будутъ волей неволей дать и свое согласіе. Что прусскому королю, какъ предсѣдателю союзнаго германскаго государства, долженъ быть присвоенъ титулъ императора, въ этомъ кронпринцъ и Бисмаркъ были вполнѣ согласны между собою. Самого короля Вильгельма угнетали тяжелыя сомнѣнія; онъ никакъ не могъ рѣшиться отодвинуть на второй планъ многозначущій титулъ короля прусскаго, который присвоилъ себѣ по собственному желанію его прадѣдъ Фридрихъ I, и замѣнить его титуломъ императора, который до тѣхъ поръ оставался пустымъ звукомъ, отъ котораго отказался въ 1849 году его братъ и о которомъ онъ самъ раньше отзывался съ насмѣшкой.

Бисмаркъ не отступался отъ своихъ собственныхъ взглядовъ ни предъ королемъ, ни предъ кронпринцемъ; онъ убѣдилъ короля въ томъ, что титулъ императора будетъ служить внѣшнимъ доказательствомъ фактически преобладающей роли прусскаго короля, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать, а кронпринцу онъ задалъ слѣдующій вопросъ: будетъ ли это благоразумнымъ и честнымъ со стороны Пруссіи, если она станетъ дѣйствовать насиліемъ на двухъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ, которые проливали свою кровь бокъ о бокъ съ сѣверногерманцами? Говорятъ, что у Бисмарка вырвались по этому поводу слѣдующія благородныя, прекрасныя и мудрыя слова: „Мнѣ нужна довольная Баварія!“; онъ былъ того убѣжденія, что новая имперія будетъ стоять на прочномъ фундаментѣ только въ томъ случаѣ, если всѣ германскія племена примкнутъ къ ней совершенно добровольно безъ горькаго чувства стѣсненія. Онъ предоставилъ баварцамъ и вюртембергцамъ особыя права (Reservatrechte), благодаря которымъ Баварія и Вюртембергъ получили до нѣкоторой степени привилегированное положеніе въ Германской имперіи. Всѣ рѣшительные сторонники германскаго объединенія отнеслись къ этимъ привилегіямъ неблагосклонно; но проницательность великаго государственнаго человѣка подсказала ему, что эти уступки послужатъ мостомъ, который облегчитъ полный переходъ въ общій національный лагерь двумъ южногерманскимъ королевствамъ: богатое историческое прошлое и немаловажное могущество этихъ двухъ государствъ заставляли щадить ихъ мѣстное національное самолюбіе. Были утверждены особые договоры, которые предоставляли Баваріи и Вюртембергу самостоятельное управленіе почтой и телеграфомъ, а также право облагать пошлиной въ свою собственную пользу пиво и водку мѣстнаго производства; одинъ изъ этихъ договоровъ былъ подписанъ 23 ноября въ Версалѣ министромъ Брай-Штейнбургомъ отъ имени Баваріи, а другой—25 ноября 1870 года въ Берлинѣ министрами Германомъ фонъ Миттнахтомъ и фонъ Суковомъ отъ имени Вюртемберга; право обложенія напитковъ было предоставлено также и Бадену. Затѣмъ было еще постановлено, что баварскія войска образуютъ отдѣльную часть германской союзной арміи со своимъ особымъ военнымъ управленіемъ, состоящую подъ особой командой короля баварскаго, а вюртембергскія войска составятъ особый отдѣльный армейскій корпусъ (тринадцатый), командиръ котораго назначается королемъ вюртембергскимъ по предварительному соглашенію съ прусскимъ королемъ. Устройство, обученіе и мобилизація баварскихъ и вюртембергскихъ войскъ должны совершаться согласно нормамъ, установленнымъ для союзной арміи; главнокомандующему союзной арміей предоставлено право производить смотръ также баварскимъ и вюртембергскимъ военнымъ силамъ, а съ перваго же дня мобилизаціи всѣ безъ исключенія войска Сѣверной и Южной Германіи поступаютъ подъ его непосредственную команду.

Благодаря тому вниманію, которое Бисмаркъ оказалъ королямъ баварскому и вюртембергскому, эти государи съ того времени стали относиться къ нему съ полнѣйшимъ довѣріемъ; это обстоятельство имѣло важное значеніе во внутренней политикѣ Германіи вообще, и въ частности оно облегчило разрѣшеніе щекотливаго вопроса о титулѣ предсѣдательствующаго въ германскомъ союзѣ. Баварскій король Людвигъ понималъ, что для самолюбія владѣтелей второстепенныхъ германскихъ государствъ будетъ пріятнѣе, если имъ придется признать надъ собою первенство германскаго императора, а не прусскаго короля; поэтому онъ согласился разослать всѣмъ германскимъ государямъ составленное Бисмаркомъ и одобренное имъ самимъ письмо, въ которомъ баварскій король рекомендовалъ имъ, чтобы прусскому королю было предложено отъ имени всѣхъ германскихъ государей принять на себя права президента германскаго союза съ титуломъ германскаго императора. Король Вильгельмъ уступилъ предъ общими желаніями государей и гражданъ германскихъ государствъ и преодолѣлъ свои сомнѣнія; въ декабрѣ рейхстагъ утвердилъ конституцію германской имперіи, а въ январѣ она была принята ландтагами всѣхъ германскихъ государствъ. 18 декабря прибыла въ Версаль депутація рейхстага, и президентъ рейхстага поздравилъ короля съ императорской короной отъ имени народныхъ представителей. Кое-какое треніе приходилось еще преодолѣть; но, наконецъ, 18 января 1871 года, въ годовщину того дня, когда было провозглашено прусское королевство въ 1701 году (т. VII, стр. 518), состоялась церемонія принятія прусскимъ королемъ титула императора въ присутствіи большого числа германскихъ государей въ зеркальной залѣ версальскаго дворца, построеннаго Людовикомъ XIV. Великій герцогъ баденскій Фридрихъ первый крикнулъ: „Hoch" въ честь его величества императора Вильгельма. Послѣ этого императоръ Вильгельмъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, которая была составлена Бисмаркомъ, и въ которой императоръ обращался къ германскому народу; императоръ говорилъ, что онъ твердо рѣшился „съ Божьей помощью трудиться всегда надъ преуспѣяніемъ имперіи не на поприщѣ завоеваній, а на поприщѣ мирныхъ благъ, національнаго благополучія, свободы и благонравія". Въ теченіи 30 слишкомъ лѣтъ весь міръ могъ убѣдиться, что эта программа была не пустымъ звукомъ, а руководящей нитью политики трехъ германскихъ императоровъ.

л) Разрушеніе парижскихъ фортовъ; сраженія на рѣчкѣ Лизэнъ.

Въ то самое время, какъ возрождались, или, вѣрнѣе сказать, зарождались германская имперія съ ея императоромъ, оборонительныя силы французовъ повсюду истощались, — Парижъ уже тоже больше не могъ держаться. Въ день праздника Рождества было собрано въ Виллакублэ къ востоку отъ Версаля 235 тяжелыхъ осадныхъ орудій, а 27 декабря началась бомбардировка восточнаго фронта парижскихъ укрѣпленій; она производилась съ такой силой, что французы „галопомъ ускакали" съ Монтъ-Аврона (см. на картѣ, прилож. къ стр. 402). Къ бомбардировкѣ самаго города Парижа нѣмцы приступили 5 января; она началась съ южной стороны, и чрезъ $5^1/_2$ часовъ фортъ Исси былъ уже весь въ пламени. Посредствомъ особыхъ приспособленій линія выстрѣла была направлена на 30^0 кверху отъ горизонта, вслѣдствіе чего бомбы стали долетать дальше средины города; населеніе вынуждено было бѣжать изъ южной части Парижа въ сѣверную, что крайне затруднило снабженіе жителей продовольствіемъ. 19 января Трошю предпринялъ въ послѣдній разъ вылазку съ большими силами (90 тысячъ человѣкъ) по направленію къ западу, но французы были разбиты при Бюзенвалѣ и Сенъ-

Клу, еще не доходя до главныхъ позицій германскихъ войскъ. 21 января началась бомбардировка сѣвернаго фронта парижскихъ укрѣпленій. И съ этой стороны форты были совершенно уничтожены за короткое время, часть бастіоновъ была превращена въ груду развалинъ; гарнизонъ остался неприкрытымъ отъ нѣмецкихъ выстрѣловъ. Въ то же время въ Парижѣ стало извѣстно, что 11 и 12 января Шанзи былъ разбитъ на голову при Ле-Манѣ, а вскорѣ пришли печальныя вѣсти изъ восточной Франціи, которыя отняли у осажденныхъ всякую надежду на выручку извнѣ.

Вотъ что произошло въ это время въ восточной Франціи. Генералъ Бурбаки кинулся на востокъ съ одной половиной распавшейся на двое луарской арміи; усиливъ составъ своего отряда до 130.000 человѣкъ, онъ надѣялся заставить германскій отрядъ подъ начальствомъ Вердера, численность котораго не превышала 42.000, снять осаду крѣпости Бельфоръ; онъ предполагалъ, что, занявши Бельфоръ, онъ станетъ угрожать линіи отступленія германскихъ войскъ, стоявшихъ подъ Парижемъ, и заставить ихъ уйти оттуда. Но Вердеръ бросился на врага, превосходившаго численностью втрое его собственный отрядъ, и въ трехдневномъ сраженіи при Монбельярѣ на рѣчкѣ Лизэнъ (См. на той же картѣ) отразилъ всѣ нападенія Бурбаки (15—17 января); ни одинъ французскій баталіонъ не могъ пробиться до Бельфора, и напрасно французы, осажденные въ этой крѣпости, салютовали въ честь побѣды, какъ только они заслышали громъ пушекъ. Разочарованный и обезсиленный, Бурбаки отступилъ; сейчасъ послѣ этого до него дошло извѣстіе, что Мольтке выслалъ генерала Мантейфеля (стр. 410) съ померанцами и уроженцами Рейнской провинціи (1-мъ и 7-мъ корпусами), которые шли ему на перерѣзъ черезъ Грей и Доль; Гарибальди тоже не могъ придти на помощь къ Бурбаки, несмотря на то, что итальянскіе добровольцы вытѣснили нѣмцевъ изъ Дижона и вытащили 23 января изъ подъ труповъ знамя 61 полка германской арміи. Тогда Бурбаки отступилъ къ городу Понтарліе. Прежде чѣмъ дать нейтральнымъ швейцарскимъ властямъ разоружить свой отрядъ, Бурбаки въ отчаяніи выстрѣлилъ себѣ въ голову, но не нашелъ смерти, въ которой онъ искалъ утѣшенія. Его преемникъ Жюстенъ Кленшанъ 1 февраля перешелъ черезъ французско-швейцарскую границу съ отрядомъ въ 80.000 человѣкъ. Такимъ образомъ была уничтожена послѣдняя французская армія, и Бельфоръ былъ обреченъ на гибель; 18 января полковникъ П. Филиппъ Денферъ-Рошро сдалъ генералу Удо фонъ Трескову эту крѣпость, которую французы храбро защищали, но больше не въ силахъ были удержать.

м) Отъ перемирія до заключенія мира.

Въ теченіе января дороговизна съѣстныхъ припасовъ все возрастала въ Парижѣ: 21 января фунтъ ветчины стоилъ 16 германскихъ марокъ (т. е. около 8 рублей), фунтъ коровьяго масла 40 марокъ, гусь 112 марокъ; уже давно парижане ѣли лошадей, кошекъ (цѣна 9 марокъ), собакъ, крысъ. Въ виду наступленія голода министръ иностранныхъ дѣлъ Фавръ явился наконецъ 23 января, на 127 день осады, въ главную квартиру германской арміи для переговоровъ о сдачѣ Парижа. Наконецъ, 28 января обѣ стороны пришли къ соглашенію; французамъ было дано перемиріе на 21 день для избранія національнаго собранія, которому предстояло рѣшить вопросъ о войнѣ или мирѣ, по взамѣнъ этого французы выдали нѣмцамъ всѣ форты, окружавшіе Парижъ, и весь гарнизонъ осажденнаго города былъ объявленъ военноплѣннымъ. Въ теченіи 14 дней этотъ гарнизонъ обязался выдать всѣ свои пушки и все свое оружіе, но Фавръ отказался приступить къ обезоруженію національной гвардіи (гражданскаго ополченія) изъ-за революціоннаго настроенія, которое господствовало въ этой части французскихъ войскъ. Итакъ, Парижъ былъ во власти

нѣмцевъ, хотя императоръ и отказался отъ формальнаго занятія французской столицы, такъ какъ подобное занятіе могло бы привести къ кровавымъ столкновеніямъ на улицахъ Парижа и, стало быть, къ новымъ препятствіямъ для заключенія мира, котораго можно было ожидать въ ближайшемъ будущемъ. Само собою разумѣется, что съ этого времени нѣмцы перестали препятствовать снабженію Парижа съѣстными припасами.

Гамбетта сначала отказался было примкнуть къ перемирію, заключенному Фавромъ; тогда временное правительство отправило въ Бордо Жюля Симона, который заставилъ Гамбетту 6 февраля отступить обратно. Героемъ дня сталъ теперь Адольфъ Тьеръ (стр. 370), который возставалъ противъ воинственныхъ увлеченій предъ началомъ франко-прусской войны, а послѣ капитуляціи Седана напрасно хлопоталъ предъ великими державами о посредничествѣ; такимъ образомъ онъ проявилъ себя проницательнымъ патріотомъ, на котораго отечество возлагало всѣ свои надежды теперь, въ минуту самаго тяжелаго бѣдствія. 8 февраля 26 департаментовъ выбрали его своимъ представителемъ въ національное собраніе. Изъ 768 депутатовъ было отъ 400 до 500 сторонниковъ возстановленія королевской власти (орлеанистовъ и легитимистовъ); громадное большинство національнаго собранія требовало скорѣйшаго заключенія мира: недаромъ цѣлая треть Франціи была занята германскими войсками; Федэрбъ заявилъ, что, если французское правительство вздумаетъ продолжать войну во Фландріи, то народъ не допуститъ этого и передастся нѣмцамъ! 17 февраля Тьеръ былъ избранъ главой государства подъ именемъ „главы исполнительной власти", а 21 февраля онъ былъ отправленъ въ Версаль для мирныхъ переговоровъ. Бисмаркъ требовалъ уступки всего Эльзаса съ городомъ Бельфоромъ и пятой части Лотарингіи съ городами Мецомъ и Диденгофеномъ, вдобавокъ еще 6 милліардовъ военной контрибуціи и вступленія германскихъ войскъ въ Парижъ. Послѣ долгихъ переговоровъ онъ согласился спустить 1 милліардъ и отказаться отъ Бельфора (см. прилож. табл. подъ заголовкомъ „Важнѣйшіе пункты версальскаго предварительнаго мирнаго договора 26 февраля и франкфуртскаго мирнаго трактата 10 мая 1871 года"); зато Бисмаркъ тѣмъ настойчивѣе требовалъ торжественнаго вступленія германскихъ войскъ въ Парижъ для вящей иллюстраціи германскихъ побѣдъ; эта оскорбительная церемонія была предназначена для того, чтобы воочію показать французамъ всю горечь ихъ пораженія и послужить для нихъ страшилищемъ на будущее время. Тьеръ поспѣшилъ съ этими предложеніями въ Бордо, гдѣ засѣдало національное собраніе, 1 марта, въ тотъ самый день, когда 30,000 солдатъ германской арміи, выбранныхъ изъ всѣхъ германскихъ племенъ, вступили въ Парижъ и заняли городской кварталъ, прилегающій къ Елисейскимъ полямъ, вмѣстѣ съ императорскимъ дворцомъ въ Тюильери, въ Бордо былъ выработанъ предварительный мирный договоръ; послѣ бурныхъ дебатовъ онъ былъ принятъ въ національномъ собраніи большинствомъ 546 голосовъ противъ 107. Вечеромъ 2 марта состоялось въ Версалѣ оффиціальное утвержденіе предварительнаго мирнаго договора. 3 марта нѣмцы очистили Парижъ и отступили на правый берегъ Сены, который долженъ былъ оставаться границей между обѣими арміями впредь до окончательнаго заключенія мира; форты, расположенные съ восточной и сѣверной стороны Парижа, пока еще оставались во власти нѣмцевъ.

Дальнѣйшіе мирные переговоры велись черезъ уполномоченныхъ въ Брюсселѣ; но они подвигались такъ медленно, что въ началѣ мая 1871 г. Бисмаркъ пригласилъ наконецъ Фавра во Франкфуртъ на Майнѣ для того, чтобы сговориться съ нимъ безъ обиняковъ. Послѣ кратковременнаго совѣщанія 10 мая былъ наконецъ подписанъ тутъ же во Франкфуртѣ окончательный мирный трактатъ (см. прилож. табл.); въ этомъ мирномъ трактатѣ были допущены слѣдующія отступленія отъ первоначальнаго мирнаго

Объясненіе къ документу, воспроизведенному на оборотѣ.

Слѣва. Важные по содержанію отрывки изъ Версальскаго предварительнаго договора о мирѣ, заключеннаго 26 февраля 1871 г., представляющіе собой конецъ I параграфа, въ которомъ послѣ уступки Эльзасъ-Лотарингіи съ Метцомъ дѣлается оговорка о томъ, что Мари-о-шэнъ и Віонвиль отходятъ къ Германіи, а Бельфоръ (по настоянію Тьера) остается за Франціей, и начало II параграфа, въ которомъ Франція соглашается на выплату 5 милліардовъ франковъ (вмѣсто требуемыхъ Германіей 6 милліардовъ); эти документы написаны писарскимъ почеркомъ. Послѣдняя страница объемистаго текста договора содержитъ въ себѣ, кромѣ послѣдняго пункта договора, подписи Бисмарка (съ печатью), Тьера и Фавра, а подъ ними собственноручно написанное заявленіе графа Брая о присоединеніи южно-германскихъ государствъ: Баваріи (подпись графа фонъ Брай-Штейнбургъ), Вюртемберга (подпись барона фонъ Вехтера и Митнахта) и Бадена (подпись Жолли).

Справа. Такъ какъ важнѣйшіе пункты договора, касающіеся Эльзасъ-Лотарингіи съ Метцомъ, Бельфора и военной контрибуціи, заключаются не въ окончательномъ Франкфуртскомъ мирномъ договорѣ, а лишь въ Версальскомъ предварительномъ актѣ, то въ окончательномъ договорѣ особенный интересъ представляютъ его начало и конецъ.

Текстъ оригинала.

Слѣва. [Вступленіе къ предварит. догов. Article I. . . . La frontière telle qu'elle vient d'être décrite, se trouve marquée en vert sur deux exemplaires conformes de la carte du territoire formant le Gouvernement général d'Alsace, publiée à Berlin, en septembre 1870, par la division géographique et statistique de l'état-major général, et dont un exemplaire sera joint à chacune des deux expéditions du présent traité.]

Toutefois le tracé indiqué a subi les modifications suivantes de l'accord des deux parties contractantes: Dans l'ancien département de la Moselle les villages de Marie-aux-chênes près de St. Privat-la-Montagne, et de Vionville, à l'ouest de Rezonville, seront cédés à l'Allemagne. Par contre la ville et les fortifications de Belfort resteront à la France avec un rayon qui sera déterminé ultérieurement.

Article II.

La France paiera à Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne la somme de cinq milliards de francs.

[Le paiement d'au moins un milliard de francs aura lieu dans le courant de l'année 1871, et celui de tout le reste de la dette dans un espace de trois années à partir de la ratification des présentes.

Русскій переводъ.

. . . [Граница, въ томъ видѣ, какъ она только что описана, обозначена зеленой краской на двухъ тождественныхъ снимкахъ съ карты области, составляющей генералъ-губернаторство Эльзасъ, напечатанной въ сентябрѣ 1870 года географическимъ и статистическимъ отдѣленіемъ генеральнаго штаба, по экземпляру которой будетъ приложено къ каждому изъ двухъ оригиналовъ настоящаго договора].

Однако указанная граница подверглась съ согласія обѣихъ договаривающихся сторонъ слѣдующимъ измѣненіямъ: въ бывшемъ департаментѣ Мозель деревни: Мари-о-шэнъ близъ Сенъ-Прива-ла-Монтань и Віонвиль къ западу отъ Резонвиля будутъ уступлены Германіи. Напротивъ того, городъ и укрѣпленія Бельфора съ окрестностью, которая будетъ опредѣлена впослѣдствіи, останутся за Франціей.

Параграфъ II.

Франція уплатитъ Его Величеству Императору Германскому сумму въ 5 милліардовъ франковъ.

[Уплата, по крайней мѣрѣ, одного милліарда франковъ будетъ произведена въ теченіе 1871 года, а уплата остальной части долга въ теченіе трехъ лѣтъ, считая отъ подписанія сего договора.

Toutefois le tracé indiqué a subi les modifications suivantes de l'accord des deux parties contractantes : Dans l'ancien département de la Moselle les villages de Marie-aux-chênes près de St. Privat-la-Montagne, et de Vionville, à l'ouest de Rezonville, seront cédés à l'Allemagne. Par contre la ville et les fortifications de Belfort resteront à la France avec un rayon qui sera déterminé ultérieurement.

Article II.

La France paiera à Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne la somme de cinq milliards de francs.

En foi de quoi les soussignés ont revêtu le présent traité préliminaire de leurs signatures et de leurs sceaux.

Le Prince Othon de Bismarck-Schoenhausen, Chancelier de l'Empire germanique;

le Comte Harry d'Arnim, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire de Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne près du St. Siège;

stipulant au nom de Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne;

d'un côté,

de l'autre

Monsieur Jules Favre, Ministre des affaires étrangères de la République française,

Monsieur Augustin Thomas Joseph Pouyer Quertier, Ministre des finances de la République française, et

Monsieur Marc Thomas Eugène de Goulard, Membre de l'Assemblée nationale,

stipulant au nom de la République française,

v. Bismarck   A. Thiers.
Jules Favre

Les Royaumes de Bavière et de Wurttemberg et le Grand Duché de Bade ayant pris part à la guerre actuelle comme alliés de la Prusse et faisant partie maintenant de l'Empire Germanique, les soussignés adhèrent à la présente Convention au nom de leurs souverains respectifs.

Versailles, le 26 février, 1871.

Cte de Bray-Steinburg
Bn de Waechter
Mittnacht
Jolly

le délai de dix jours ou plustôt si faire se peut:

En foi de quoi les Plénipotentiaires respectifs l'ont signé et y ont apposé le cachet de leurs armes.

Fait à Francfort le 10 mai 1871.

Jules Favre
v. Bismarck
Pouyer-Quertier
Arnim
E. de Goulard

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Наиболѣе важные отрывки изъ Версальскаго предварительнаго мирнаго договора 26-го февраля 1871 года и Франкфуртскаго мирнаго договора 10-го мая 1871 года.

(Съ подлиннаго документа, находящагося въ центральномъ бюро министерства иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ.)

Article III.

L'évacuation des territoires français occupés par les troupes allemandes commencera...]

En foi de quoi les soussignés ont revêtu le present traité préliminaire de leurs signatures et de leurs sceaux.

Fait à Versailles le 26. février 1871.

v. Bismarck. A[dolphe] Thiers.
Jules Favre.

Les Royaumes de Bavière et de Wurttemberg et le Grand Duché de Bade ayant pris part à la guerre actuelle comme alliés de la Prusse et faisant partie maintenant de l'Empire Germanique, les soussignés adhèrent à la présente convention au nom de leurs souverains respectifs.

Versailles, le 26 Février, 1871.

Cte de Bray-Steinburg
Br de Waechter
Mittnacht.
Jolly

Справа. Le Prince Othon de Bismarck-Schoenhausen, Chancelier germanique, le Comte Harry d'Arnim, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire de Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne près du St. Siége: stipulant au nom de Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, d'un côté, de l'autre Monsieur Jules Favre, Ministre des affaires étrangères de la République française, Monsieur Augustin Thomas Joseph Pouyer Quertier, Ministre des finances de la République française, et Monsieur Marc Thomas Eugène de Goulard, Membre de l'Assemblée nationale, stipulant au nom de la République française [s'étant . .

. . . d'un côté, et de l'autre par l'Assemblée nationale et par le Chef du Pouvoir exécutif de la République française] seront échangées à Francfort dans le délai de dix jours ou plus tôt[1] si faire se peut.

En foi de quoi les Plénipotentiaires respectifs l'ont signé et y ont apposé le cachet de leurs armes.

Fait à Francfort le 10 mai 1871.

v. Bismarck Jules Favre
Arnim Pouyer-Quertier
E. de Goulard

Параграфъ III.

Очищеніе французскихъ областей, занятыхъ германскими войсками, начнется ...]

Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшіеся снабдили сей договоръ своими подписями и печатями.

Составленъ въ Версалѣ 26 февраля 1871 г.

ф. Бисмаркъ. А. Тьеръ.
Жюль Фавръ.

Такъ какъ королевства Баварія и Вюртембергъ принимали участіе въ настоящей войнѣ въ качествѣ союзниковъ Пруссіи и въ настоящее время входятъ въ составъ Германской Имперіи, то нижеподписавшіеся присоединяются отъ имени своихъ государей къ настоящему соглашенію.

Версаль, 26 февраля 1871 г.

Графъ фонъ Брай-Штейнбургъ.
Баронъ фонъ Вехтеръ.
Миттнахтъ.
Жолли.

Князь Отто фонъ Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, канцлеръ германской имперіи, графъ Гарри фонъ Арнимъ, чрезвычайный посолъ и уполномоченный министръ Императора Германскаго при Св. Престолѣ, вступающіе въ сей договоръ отъ имени Его Величества Императора Германскаго, съ одной стороны; съ другой стороны господинъ Жюль Фавръ, министръ иностранныхъ дѣлъ Французской республики, господинъ Огюстенъ Тома Жозефъ Пуйе-Кертье, министръ финансовъ Французской республики, и г-нъ Маркъ-Тома Эженъ де-Гуляръ, членъ Національнаго собранія, вступающіе въ договоръ отъ имени Французской республики [. . .

. . . . съ одной стороны, а съ другой Національнымъ собраніемъ и главой исполнительной власти Французской республики] обмѣнъ состоится во Франкфуртѣ, черезъ 10 дней или, если возможно, раньше.

Въ удостовѣреніе чего уполномоченные обѣихъ сторонъ подписали сей договоръ и приложили къ нему свои гербовыя печати.

Составленъ во Франкфуртѣ [на М.] 10 мая 1871 г.

ф. Бисмаркъ. Жюль Фавръ.
Арнимъ. Пуйе-Кертье.
Э[женъ] де Гуляръ.

[1] Первоначально написанное писцомъ plutôt выскоблено и вмѣсто этого слова написано plus tôt.

договора: во первыхъ, былъ произведенъ небольшой обмѣнъ территоріями, при чемъ Бельфоръ достался Франціи, а Диденгофенъ Германіи; во вторыхъ, было постановлено, что, по мѣрѣ поступленія опредѣленными взносами 5 милліардовъ французской контрибуціи, германскія войска должны очистить одну за другой заранѣе опредѣленныя части французской территоріи.

Эта война за объединеніе Германіи привела къ громаднымъ результатамъ. Въ сравненіи съ ними жертвы, которыхъ она стоила, оказываются незначительными: нѣмцы потеряли 28,600 человѣкъ убитыми, 12,000 человѣкъ погибли отъ болѣзней и 4,000 чел. пропали безъ вѣсти, въ итогѣ это составляетъ 45,000 человѣкъ, погибшихъ на войнѣ; раненыхъ оказалось всего 101,000 человѣкъ. Французы потеряли 150,000 человѣкъ убитыми и 150,000 человѣкъ ранеными; плѣнныхъ французовъ къ концу войны набралось до 600,000.

7 марта императоръ Вильгельмъ произвелъ къ востоку отъ Парижа торжественный смотръ своимъ побѣдоносным войскамъ, а 17 марта онъ прибылъ въ Берлинъ. 21 марта онъ лично открылъ первое засѣданіе германскаго рейхстага; 16 іюня послѣдовало торжественное вступленіе въ Берлинъ германскихъ войскъ, въ составъ которыхъ вошли представители всѣхъ германскихъ племенъ, по дорогѣ, уставленной съ обѣихъ сторонъ 7,400 отобранными у непріятеля пушками. Вѣкъ Людовика XIV и обоихъ Наполеоновъ миновалъ безвозвратно; съ этихъ поръ европейское равновѣсіе стало покоиться, какъ на прочномъ фундаментѣ, на несокрушимомъ могуществѣ разъ навсегда объединившейся германской націи.

2. Западная Европа отъ 1871 до 1902 г.

A. Германская имперія.

Въ періодъ времени между 1871 и 1902 годами во главѣ германской имперіи стояли три императора: сначала престарѣлый основатель имперіи Вильгельмъ I отъ 1871 до 1888 года, затѣмъ его сынъ Фридрихъ III, который въ бытность свою кронпринцемъ носилъ имя Фридриха Вильгельма; передъ самымъ вступленіемъ своимъ на престолъ Фридрихъ III заболѣлъ неизлѣчимымъ ракомъ гортани и процарствовалъ всего 99 дней, отъ 9 марта до 15 іюня 1888 года; съ этого дня тронъ германскаго императора перешелъ къ его старшему сыну Вильгельму II (род. 27 января 1859 года).

Эти три государя были весьма несходны между собой по характеру. Вильгельмъ I отличался своей простотой, онъ былъ душой и тѣломъ солдатъ и нисколько не интересовался наукой и искусствомъ; зато онъ обладалъ замѣчательной прозорливостью въ практическихъ житейскихъ вопросахъ, былъ весьма любезенъ въ обращеніи и отличался вѣрностью своему долгу. Всю его жизнь можно охарактеризовать тѣми словами, которыя онъ произнесъ на смертномъ одрѣ: „мнѣ некогда быть усталымъ". О своихъ королевскихъ правахъ и обязанностяхъ онъ имѣлъ самое высокое представленіе: онъ читалъ все, что ему приходилось подписывать, и всегда настойчиво проводилъ свои собственные взгляды, но все-таки онъ не оставался глухимъ къ совѣтамъ испытанныхъ мужей. Онъ держался съ крайнимъ упорствомъ старинныхъ прусскихъ традицій.

Фридрихъ III, напротивъ того, отличался склонностью къ либеральнымъ воззрѣніямъ современной ему эпохи; это зависѣло отчасти отъ природныхъ свойствъ его характера, отчасти отъ вліянія воспитанной въ англійскомъ духѣ супруги его Викторіи, старшей дочери англійской королевы Викторіи и принца Альберта Кобургскаго; онъ относился съ глубокимъ интересомъ къ наукѣ и искусству (такъ, напримѣръ, по предложенію Эр-

неста Курціуса онъ выхлопоталъ, чтобы изъ имперской казны были отпущены средства на раскопки въ Олимпіи); изъ преданности своему долгу онъ былъ солдатомъ постольку, поскольку этого требовало его положеніе въ государствѣ, но не больше. Въ теченіе своего кратковременнаго управленія государствомъ онъ руководствовался совѣтами имперскаго канцлера Отто фонъ Бисмарка, котораго императоръ Вильгельмъ I называлъ своимъ неразлучнымъ другомъ (въ 1871 году Бисмаркъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство; онъ скончался 30 іюля 1898 года; см. его портреты на таблицѣ, прилож. къ страницѣ 393). Рѣзкія несогласія, которыя господствовали раньше (въ періодъ времени отъ 1863 до 1866 года) между прусскимъ министромъ-президентомъ и кронпринцемъ, совершенно стушевались въ продолженіе кратковременнаго царствованія императора Фридриха III; напротивъ того, по словамъ Бисмарка, за все время его долгой министерской карьеры, ему никогда не приходилось преодолѣвать такъ мало недоразумѣній, какъ при императорѣ Фридрихѣ III.

Положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось при Вильгельмѣ II, который вступилъ на престолъ молодымъ человѣкомъ 29 лѣтъ и отличается крайне независимымъ, можно сказать, деспотическимъ характеромъ; въ сознаніи своихъ высокихъ дарованій и твердой воли онъ чувствовалъ, что сумѣетъ быть своимъ собственнымъ канцлеромъ. Не прошло и полутора лѣтъ, какъ возникло непримиримое противорѣчіе между молодымъ государемъ и престарѣлымъ государственнымъ человѣкомъ, который такъ долго руководилъ политикой Германіи съ мудрой осторожностью и въ то же время съ геніальной смѣлостью. Изъ за различія во мнѣніяхъ между императоромъ и канцлеромъ относительно правъ короны по отношенію къ министру-президенту и остальнымъ министрамъ и относительно вопросовъ соціальной политики, которые Вильгельмъ надѣялся разрѣшить однимъ махомъ, разногласіе между ними настолько обострилось, что 20 марта 1890 года императоръ рѣзко предложилъ Бисмарку выйти въ отставку. Послѣ этого постъ канцлера занимали сначала генералъ, а впослѣдствіи графъ Лео фонъ Каприви (скончв. 6 февраля 1899 года); затѣмъ съ октября 1894 года князь Хлодвигъ фонъ Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ (скончв. 6 іюля 1901 года; срв. стр. 388, 389), а съ 17-го октября 1900 года графъ Бернгардъ фонъ Бюловъ; но всѣ они пользовались довольно ограниченнымъ значеніемъ и вліяніемъ въ управленіи германской имперіей, такъ какъ во всемъ сказывалась непреклонная воля самого императора.

Не только отдѣльныя мѣропріятія изъ области внутренней и внѣшней германской политики за періодъ времени отъ 1871 по 1902 годъ, но и вообще слабый и противорѣчивый курсъ, который сталъ обнаруживаться въ германскихъ дѣлахъ съ 1890 года, по справедливости были неоднократно предметомъ самой суровой критики; въ бытность канцлеромъ Каприви всеобщее неудовольствіе вызвали слѣдующіе недостатки германской политики: заискиваніе предъ Англіей, любезничаніе съ поляками и высокомѣрное обхожденіе съ Бисмаркомъ, которому императоръ вернулъ свое благорасположеніе только въ январѣ 1894 года. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что въ теченіе всего этого времени развитіе германской націи шло непрерывно впередъ, несмотря на то, что по пути случались непріятныя отклоненія въ сторону. Въ общемъ слова Вильгельма II: „я веду васъ по пути къ блестящему будущему“ слишкомъ надменны, но не противорѣчатъ дѣйствительности.

а) Упроченіе внутренняго порядка въ имперіи.

Въ первые годы существованія имперіи внутреннее благоустройство ея значительно подвинулось впередъ благодаря неутомимой и плодотворной работѣ правительства и рейхстага. Вмѣсто безпорядочной путаницы преж-

нихъ монетъ, вѣсовъ и мѣръ, въ 1872 году была введена однообразная десятичная система, въ основаніе монетной системы была положена золотая валюта, несмотря на всѣ возраженія сторонниковъ двойной валюты, которыя оказались мало убѣдительными.

Въ области гражданскаго права въ 1876 году былъ введенъ во всей Германіи однообразный порядокъ гражданскаго процесса и однообразная градація судебныхъ инстанцій; объединеніе уголовнаго процесса произошло еще раньше во время существованія германскаго союза (срав. стр. 375). Окончательнымъ завершеніемъ судебныхъ реформъ послужило утвержденіе рейхстагомъ въ 1896 году общаго для всей Германіи гражданскаго уложенія; предварительныя работы по введенію въ дѣйствіе этого уложенія потребовали нѣсколькихъ лѣтъ; съ 1 января 1900 года новое гражданское уложеніе вступило въ законную силу повсемѣстно въ имперіи. Въ 1898 году было опубликовано общее для всей Германіи военноуголовное уложеніе, при чемъ въ видѣ уступки партикуляристическому духу баварцевъ былъ образованъ особый баварскій сенатъ при главномъ военномъ судѣ въ Берлинѣ.

Воспользовавшись экономическимъ кризисомъ, господствовавшимъ въ серединѣ 70-хъ годовъ, Бисмаркъ провелъ черезъ рейхстагъ въ 1879 году, при содѣйствіи центра, таможенную реформу, которая установила умѣренныя покровительственныя пошлины для всѣхъ отраслей производительнаго національнаго труда какъ земледѣльческаго, такъ и промышленнаго; вмѣстѣ съ тѣмъ были введены фискальныя пошлины на колоніальные товары, которыя пополнили опустѣвшую имперскую казну. Благодаря этому имперской казнѣ до недавняго времени не приходилось прибѣгать къ пропорціональному обложенію отдѣльныхъ государствъ (см. стр. 367) для покрытія своихъ расходовъ; напротивъ того, въ благопріятные годы она сама раздавала этимъ государствамъ значительныя субсидіи изъ своихъ доходовъ. Идеаломъ совершенной финансовой системы союзныя правительства считали полное раздѣленіе между финансами имперіи и финансами отдѣльныхъ государствъ такъ, чтобы каждое изъ этихъ вѣдомствъ располагало особымъ источникомъ доходовъ для своего исключительнаго пользованія. Прусскимъ министромъ финансовъ Іоанномъ фонъ Микелемъ (сконч. 8 сентября 1901 года) былъ выработанъ соотвѣтствующій проектъ, но до сихъ поръ еще не удалось склонить на сторону этого проекта большинство рейхстага; партія центра опасалась, что ослабнетъ вліяніе парламента на имперское правительство, если оно станетъ слишкомъ независимымъ въ финансовомъ отношеніи и что это поведетъ къ усиленію централизаціи и къ пренебреженію автономными правами союзныхъ государствъ. Кромѣ того, предполагалось, что необходимость прибѣгать въ крайнихъ случаяхъ къ содѣйствію союзныхъ государствъ для покрытія имперскихъ расходовъ будетъ побуждать имперское правительство къ бережливости. Въ 1882 и въ 1885 годахъ къ таможенному союзу примкнули ганзейскіе города Гамбургъ и Бременъ, которые до этого времени оставались внѣ его, при чемъ Гамбургъ вслѣдствіе своей недальновидности оказалъ сильное сопротивленіе. Какъ только Бисмаркъ добился отъ Гамбурга этой уступки, безусловно необходимой для завершенія національнаго объединенія, онъ самъ съ большой готовностью пошелъ на встрѣчу всѣмъ справедливымъ и законнымъ интересамъ этого города руководствуясь своимъ давнишнимъ правиломъ щадить чувства союзниковъ. Вольному городу не пришлось каяться; благодаря тому самому шагу, отъ котораго онъ ожидалъ было своей гибели, онъ достигъ такого развитія своей торговли и своихъ коммерческихъ оборотовъ, что сталъ первымъ по своей торговлѣ городомъ на европейскомъ материкѣ и вторымъ послѣ Лондона на земномъ шарѣ. При имперскомъ канцлерѣ Каприви были заключены въ 1892 году торговые договоры съ Австріей, Италіей и Румыніей, а въ 1894 году былъ заключенъ

такой же договоръ съ Россіей. Эти торговые договоры принесли громадныя выгоды германской промышленности, но сельскіе хозяева жаловались на большіе убытки вслѣдствіе пониженія таможенной пошлины на зерновой хлѣбъ съ 5 марокъ до 3,50 за двойной центнеръ. Вслѣдствіе этого германскіе земледѣльцы въ 1901 году стали вести упорную агитацію противъ возобновленія торговыхъ договоровъ, срокъ которымъ истекалъ въ 1904 году; тогда правительство изъявило готовность возстановить прежнюю пошлину въ 5 марокъ; предложенный правительствомъ тарифъ былъ принятъ рейхстагомъ 14 декабря 1902 года.

Особенное значеніе имѣла для укрѣпленія національнаго единства Германіи правильная организація арміи. Несмотря на то, что германское правительство отличалось крайнимъ миролюбіемъ при всѣхъ трехъ императорахъ, тѣмъ не менѣе возникновеніе такой могущественной державы, какъ Германская имперія, стало вызывать во всей Европѣ зависть и недовѣріе; что же касается Французовъ, то французскій народъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій жилъ одной завѣтной мыслью — при первомъ удобномъ случаѣ отомстить за свое пораженіе въ 1870 — 1871 годахъ и возстановить прежнее первенствующее положеніе Франціи въ Европѣ. По поводу военнаго бюджета возникъ конфликтъ между имперскимъ правительствомъ и рейхстагомъ; безспорно необходимо было поставить организацію арміи внѣ зависимости отъ борьбы парламентскихъ партій и обезпечить необходимые на содержаніе ея расходы на болѣе долгій срокъ; между тѣмъ по конституціи военный бюджетъ долженъ былъ вотироваться ежегодно, а рейхстагъ, конечно, дорожилъ своимъ правомъ, подвергать ежегодно критикѣ военную смѣту наряду съ прочими государственными расходами; національ-либералы, которые составляли въ теченіе первыхъ лѣтъ существованія рейхстага господствующую партію, выработали въ 1874 году компромиссъ, который и былъ принятъ Бисмаркомъ: рейхстагъ утвердилъ на семь лѣтъ мирный составъ арміи въ 401.000 человѣкъ. Въ 1880 году рейхстагъ вновь ассигновалъ на 7 лѣтъ расходы на содержаніе арміи въ увеличенномъ составѣ 427.000 человѣкъ въ виду увеличенія общей цифры народонаселенія. Въ 1887 году правительство опять потребовало „септенната", опредѣливъ на этотъ разъ составъ арміи въ 468.000 человѣкъ; но послѣ выборовъ, происходившихъ осенью 1881 года, въ рейхстагѣ образовалось новое большинство, состоявшее изъ партіи католическаго центра и лѣвой, которое отвергло требованія правительства 186 голосами противъ 154; рейхстагъ согласился утвердить составъ арміи въ 468.000 человѣкъ только на 3 года. Тогда императоръ съ согласія союзнаго совѣта распустилъ рейхстагъ, и на послѣдовавшихъ новыхъ выборахъ въ пользу правительства получилось большинство круглымъ счетомъ въ 220 голосовъ противъ 180, такъ что военный законопроектъ былъ принятъ 11 марта въ правительственной редакціи. Этотъ новый рейхстагъ, выбранный подъ давленіемъ военнаго конфликта и угрожавшаго столкновенія съ Франціей, оказался вообще плодовитымъ. Въ 1888 году онъ замѣнилъ трехлѣтній срокъ выборовъ въ рейхстагъ пятилѣтнимъ для того, чтобы освободить дѣятельность рейхстага на болѣе долгій срокъ отъ давленія избирателей. Выяснилось, что при трехлѣтнемъ срокѣ военной службы въ близкомъ будущемъ окажется невозможнымъ соблюдать систему всеобщей воинской повинности, не прибѣгая къ непомѣрному увеличенію расходовъ на содержаніе арміи; тогда правительство предложило въ 1893 году при канцлерѣ Каприви ввести двухлѣтній срокъ службы, но въ то же время повысить мирный составъ арміи до 479.000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ рядовыхъ, ефрейторовъ и старшихъ ефрейторовъ (слѣдовательно, исключая унтеръ-офицеровъ, вольноопредѣляющихся и офицеровъ); правительственный законопроектъ прошелъ въ рейхстагѣ 15 іюля 1893 года при незначительномъ большинствѣ голосовъ; по новому закону ежегодный наборъ

новобранцевъ достигъ цифры 60.000 человѣкъ. Оппозиція охотно соглашалась на сокращеніе срока службы, но возставала противъ всякаго увеличенія численности арміи; и на этотъ разъ оппозиція рейхстага тоже осталась въ меньшинствѣ, хотя по счету голосовъ, поданныхъ избирателями за депутатовъ оппозиціонныхъ партій, ей должно было бы принадлежать въ рейхстагѣ нѣсколько больше половины всѣхъ голосовъ.

По мѣрѣ развитія германской промышленности непрерывно росло участіе Германской имперіи во всемірной торговлѣ; для поддержанія германской морской торговли стали необходимы колоніи (см. ниже стр. 429), которыя служили бы для нея опорными пунктами; всѣ эти причины повели къ усиленію германскаго военнаго флота въ царствованіе Вильгельма II. „Наша будущность лежитъ на водѣ", заявилъ императоръ: „мы должны принимать участіе во всемірной политикѣ". Въ 1898 году правительство провело черезъ рейхстагъ свой первый морской проектъ, по которому составъ флота былъ доведенъ до 19 боевыхъ судовъ. Но вскорѣ послѣ этого Соединенные Штаты Сѣверной Америки одержали блестящую побѣду надъ слабыми морскими силами Испаніи (срв. т. I, стр. 561 и т. IV стр. 562), и вслѣдствіе этого положеніе вещей совершенно измѣнилось; Соединенные Штаты пріобрѣли громадное вліяніе на дѣла Восточной Азіи, и, кромѣ того, обнаружилось, что устарѣлыя военныя суда не только безполезны, но угрожаютъ крайней опасностью своему экипажу, такъ какъ въ борьбѣ съ противникомъ, обладающимъ судами болѣе усовершенствованнаго типа, ихъ гибель абсолютно неизбѣжна. Патріотическія чувства представителей германскаго народа не могли допустить, чтобы Германія слишкомъ сильно отстала отъ другихъ державъ; рейхстагъ согласился на дальнѣйшія жертвы, и 12 іюня 1900 года большинствомъ 201 противъ 103 голосовъ былъ принятъ второй морской законъ объ увеличеніи числа эскадренныхъ судовъ до 38, а крейсеровъ до 52. Этотъ проектъ приводится въ дѣйствіе постепенно и будетъ вполнѣ осуществленъ къ 1916 году; тогда Германія сумѣетъ выставить такой боевой флотъ, который будетъ въ состояніи состязаться даже съ той эскадрой, которою располагаетъ Англія въ Нѣмецкомъ морѣ. Въ 1898 году, когда впервые зашла рѣчь о созданіи сильнаго германскаго флота, французская газета „Le Temps" совершенно справедливо обмолвилась слѣдующими пророческими словами: „Une grande puissance navale va entrer en scène" (великая морская держава выступаетъ на сцену).

б) Борьба между прусскимъ правительствомъ и католической церковью (Kulturkampf, культурная борьба).

Въ продолженіе почти всего перваго десятилѣтія существованія Германской имперіи тянулась борьба между Прусскимъ государствомъ и католической церковью; борьба эта затрагивала и общеимперскіе интересы. По мѣткому замѣчанію историка протестантской церкви Карла Августа фонъ Газе (т. VII, стр. 369), невозможно было ожидать, чтобы римская курія и государство съ такимъ рѣзкимъ протестантскимъ направленіемъ, какъ Германская имперія, размежевали между собою свои права безъ предварительной борьбы; примиренія между ними возможно было ожидать только послѣ такого столкновенія, которое заставило бы каждую изъ сторонъ испытать на себѣ всю силу своего противника.

Уже въ первомъ германскомъ рейхстагѣ образовалась почти исключительно католическая партія, такъ называемая партія центра, во главѣ которой сталъ искусный парламентскій дѣятель, бывшій ганноверскій государственный министръ Людвигъ Виндтгорстъ (род. въ 1812, скончал. въ 1891 году); партія центра сейчасъ же стала вести дѣятельную пропаганду клерикальныхъ, вельфскихъ и партикуляристическихъ идей. Она домо-

галась безуспѣшно вмѣшательства Германіи въ итальянскія дѣла для возстановленія свѣтской власти папы и требовала, чтобы имперская конституція была дополнена параграфомъ, предоставляющимъ всѣмъ церквамъ полную свободу отъ надзора государственной власти на подобіе прусской конституціи; само собою разумѣется, что какъ Бисмаркъ, такъ и большинство рейхстага, отнеслись несочувственно къ обоимъ этимъ предложеніямъ партіи центра. Вслѣдствіе этого центръ сталъ во враждебныя отношенія къ правительству. Кромѣ того, прусское правительство жаловалось на то, что католическое духовенство въ Познани и Западной Пруссіи злоупотребляетъ своимъ громаднымъ вліяніемъ на населеніе вообще и въ особенности на школу, которая находилась въ его полномъ распоряженіи, для пропаганды польскихъ національныхъ стремленій и для ополяченія нѣмцевъ католиковъ.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ министръ исповѣданій Генрихъ фонъ Мюлеръ, который считался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства (какъ католическаго, такъ и протестантскаго), стремящагося къ захвату власти, получилъ отставку въ январѣ 1872 года, и министромъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія былъ назначенъ вмѣсто него Адальбертъ Фалькъ (род. въ 1872 году, сконч. въ 1900 году); правительство было увѣрено, что Фалькъ сумѣетъ обуздать всѣ незаконныя поползновенія духовенства. Въ томъ же 1872 году новый министръ провелъ въ ландтагѣ законъ, на основаніи котораго надзоръ за школами былъ признанъ подлежащимъ гражданской власти, и окружными школьными инспекторами могли быть назначаемы не только духовныя, но и свѣтскія лица. Затѣмъ въ слѣдующемъ 1873 году Фалькъ выступилъ передъ прусскимъ ландтагомъ съ четырьмя новыми законопроектами, которые прошли значительнымъ большинствомъ голосовъ, несмотря на рѣзкую оппозицію центра и крайней правой; эти законы были утверждены королемъ въ маѣ 1873 года и поэтому называются „майскими“. Первымъ изъ этихъ законовъ было ограничено право духовенства налагать на свѣтскихъ лицъ взысканія за непослушаніе; вторымъ изъ нихъ была ослаблена дисциплинарная власть духовенства надъ его подчиненными духовнаго званія, и никакая иноземная юрисдикція (въ томъ числѣ и папская) не могла имѣть права суда надъ прусскимъ духовенствомъ. Третій изъ майскихъ законовъ требовалъ, чтобы духовныя лица подготовлялись къ своему званію не въ церковныхъ, а въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ; подготовляющимся къ духовному званію было запрещено посѣщать иностранныя школы, въ особенности римскія; епископамъ было вмѣнено въ обязанность представлять кандидатовъ въ священники на утвержденіе гражданскихъ властей и отказывать тѣмъ изъ нихъ, противъ назначенія которыхъ гражданскія власти представятъ мотивированныя возраженія. Четвертый изъ майскихъ законовъ опредѣлялъ порядокъ увольненія духовныхъ лицъ отъ должности. Наконецъ, въ 1875 году вышелъ новый законъ о распущеніи всѣхъ существующихъ въ предѣлахъ Пруссіи монашескихъ орденовъ, которые занимаются чѣмъ либо другимъ, кромѣ ухода за больными; главною цѣлью этого закона было преградить монашескимъ орденамъ доступъ въ школу.

Папа, а за нимъ и всѣ католическіе епископы признали майскіе законы несовмѣстимыми съ основами католическаго вѣроученія и отказались подчиниться имъ, ссылаясь на слова Священнаго Писанія: „надо повиноваться Богу скорѣе, чѣмъ людямъ“; вслѣдствіе этого въ Пруссіи возникла многолѣтняя борьба между государствомъ и католической церковью, въ продолженіе которой громадное большинство прусскихъ католиковъ обнаружило несокрушимую преданность своему духовенству. Борьба эта приняла съ обѣихъ сторонъ очень обостренный характеръ; католическіе священники съ каѳедры подстрекали вѣрующихъ къ неповиновенію противъ гражданскихъ законовъ, а прусское правительство отвѣчало на эту агита-

цію репрессіями: по инициативѣ баварскаго министра Іоанна Люца, который велъ упорную борьбу съ баварскими ультрамонтанами, былъ внесенъ въ уголовный кодексъ еще раньше, именно въ ноябрѣ 1871 года, такъ называемый параграфъ о церковной каѳедрѣ, который устанавливалъ наказанія за возбужденіе населенія противъ правительства съ церковной каѳедры. Помимо этого параграфа рейхстагъ еще два раза оказалъ прусскому правительству поддержку въ его борьбѣ съ ультрамонтанами: 4 іюля 1872 года іезуитскому ордену со всѣми его развѣтвленіями было запрещено основывать какія бы то ни было учрежденія въ предѣлахъ германской имперіи, а 6 февраля 1875 года въ рейхстагѣ прошелъ законъ объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ (въ противоположность гражданскому браку по нуждѣ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда духовныя лица отказываются вѣнчать вступающихъ въ бракъ). Надѣялись, что съ изданіемъ этихъ имперскихъ законовъ католическое духовенство вообще и въ особенности орденъ іезуитовъ, эта воинствующая рать непогрѣшимаго папы, будутъ лишены возможности вести агитацію противъ майскихъ законовъ; предполагали также, что гражданскій бракъ ограничитъ вліяніе церкви на общественную жизнь, такъ какъ окажется возможнымъ основать семью и помимо благословенія церкви.

Въ своей борьбѣ съ католическимъ духовенствомъ правительство пользовалось поддержкой свободныхъ консерваторовъ и націоналъ-либераловъ, т. е. тѣхъ двухъ умѣренныхъ партій, на которыя оно всегда опиралось; въ теченіе нѣкотораго времени свободомыслящая партія тоже оказывала ему содѣйствіе; одинъ изъ предводителей этой послѣдней партіи, берлинскій профессоръ Рудольфъ Вирховъ, назвалъ эту борьбу борьбой за культуру; свободомыслящая партія была убѣждена, что побѣда государства надъ ультрамонтанами будетъ побѣдой культуры надъ варварствомъ. Почти вся либеральная и радикальная печать не переставали воевать противъ католицизма, а министра Фалька встрѣчали съ торжествомъ вездѣ, куда онъ ни пріѣзжалъ, и называли его „благороднымъ соколомъ“ (Falk— значитъ по нѣмецки соколъ), который выгонитъ изъ Германіи зловредное отродье совъ и филиновъ.

Однако, нѣкоторая часть католиковъ осталась вѣрной правительству. Это были, во-первыхъ, старокатолики, не признающіе догмата папской непогрѣшимости; руководителями этой партіи были фонъ Рейнкенсъ (синодомъ старокатоликовъ онъ былъ избранъ въ епископы; срв. т. VII, стр. 374), Фридрихъ Михелисъ, Деллингеръ, Іоганнъ Фридрихъ Риттеръ фонъ Шульте и нѣкоторые другіе, которые признавали религіозные догматы католицизма, но отвергали притязанія ультрамонтанской партіи на политическое преобладаніе. Кромѣ старокатоликовъ, на сторонѣ правительства были еще такъ называемые государственные католики: не останавливаясь передъ непримиримымъ внутреннимъ противорѣчіемъ, они отстаивали непогрѣшимость папы и въ то же время признавали полную независимость государства отъ церкви въ дѣлахъ гражданскаго управленія; они забывали, что разъ церковь признается непогрѣшимой, то невозможно отыскать такую область, на которую не простирался бы ея авторитетъ. Старокатолики вмѣстѣ съ государственными католиками составляли ничтожное меньшинство среди своихъ единовѣрцевъ; всѣ остальные прусскіе католики, напротивъ того, еще сильнѣе привязались къ папѣ и къ своимъ епископамъ послѣ того, какъ началось „Діоклетіаново гоненіе на христіанъ“, во время котораго 12 прусскихъ епископовъ были лишены сана за непредставленіе гражданскимъ властямъ списка кандидатовъ на должности священниковъ и около 1000 католическихъ приходовъ остались безъ духовныхъ пастырей; число католическихъ газетъ возросло за 6 лѣтъ съ 4 до 120; католическая партія центра непосредственно послѣ ея основанія имѣла только 50 мѣстъ въ рейхстагѣ, а послѣ изданія майскихъ законовъ она пріобрѣла

болѣе 100 мѣстъ, такъ какъ мало-по-малу на ея сторону перешли почти всѣ избирательные округа съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ. Съ 1876 года положеніе партіи центра еще усилилось благодаря тому обстоятельству, что консервативное направленіе, которое долгое время было въ упадкѣ, опять ожило и пріобрѣло значительное вліяніе въ рейхстагѣ подъ названіемъ „германской консервативной партіи“. Эта новая партія не поддавалась вліянію крайней правой, которая вслѣдъ за своимъ предводителемъ, бывшимъ ландратомъ Густавомъ фонъ Дистъ-Даберомъ, считала Бисмарка революціонеромъ, подкупленнымъ ожидовѣвшей биржей; германская консервативная партія, напротивъ того, примыкала по своимъ основнымъ политическимъ воззрѣніямъ къ великому германскому государственному дѣятелю, который въ свое время подвергался яростнымъ нападкамъ со стороны консерваторовъ, не возлюбившихъ его, между прочимъ, за введенные имъ въ мѣстномъ самоуправленіи либеральные порядки. Оставаясь вѣрной Бисмарку во всѣхъ прочихъ вопросахъ, германская консервативная партія дѣйствовала заодно съ центромъ въ вопросѣ о культурной борьбѣ, которая вредила интересамъ лютеранской церкви еще больше, чѣмъ католической. Императрица Августа взяла на себя роль заступницы католическаго духовенства при дворѣ, и эта умная женщина неоднократно наносила чувствительные уколы Бисмарку и Фальку.

Во время самаго разгара культурной борьбы Бисмаркъ выразилъ увѣренность въ томъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ наступитъ миръ между прусскимъ правительствомъ и католической церковью, такъ какъ преемникомъ воинствующаго папы Пія IX, по всей вѣроятности, будетъ человѣкъ съ миролюбивыми наклонностями, какъ это показалъ неоднократный историческій опытъ. Предсказаніе Бисмарка дѣйствительно оправдалось. Послѣ смерти Пія IX (7 февраля 1878 года) папой былъ избранъ 20 февраля 1878 года кардиналъ Іоахимъ Печчи подъ именемъ Льва XIII. Новый папа поставилъ себѣ задачей придти къ мирному соглашенію съ прусскимъ правительствомъ и положить конецъ господствовавшей смутѣ, отъ которой одинаково страдали какъ авторитетъ католической церкви, такъ и престижъ государственной власти (13 іюля 1874 года на Бисмарка было произведено покушеніе фанатическимъ католикомъ, бочарнымъ подмастерьемъ Эдуардомъ Францомъ Людвигомъ Куллъманномъ). Въ іюлѣ 1878 года мюнхенскій нунцій Гаэтанъ Алоизій Мазелла сдѣлалъ Бисмарку визитъ въ Киссингенѣ; 14 іюля 1879 года Фалькъ вышелъ въ отставку; отношенія между католиками и правительствомъ стали еще болѣе миролюбивыми послѣ того, какъ партія центра оказала Бисмарку поддержку въ вопросѣ о таможенномъ тарифѣ. Девять лѣтъ тянулись щекотливые переговоры между прусскимъ правительствомъ и куріей, пока, наконецъ въ 1887 году обѣ стороны не пришли къ соглашенію, при чемъ Пруссія пожертвовала наиболѣе крайними изъ майскихъ законовъ; за папой вновь было признано право суда надъ католическимъ духовенствомъ въ Пруссіи, и духовныя лица были освобождены отъ обязательнаго посѣщенія государственныхъ учебныхъ заведеній. Однако, государство уступило церкви не по всѣмъ пунктамъ; остались въ силѣ всѣ три имперскихъ закона, а въ Пруссіи, кромѣ того, не были отмѣнены законы о предоставленіи гражданской власти права надзора за школой и объ устраненіи монашескихъ орденовъ отъ преподаванія въ школѣ; епископы попрежнему были обязаны представлять на предварительное утвержденіе оберъ-президента своей провинціи списокъ кандидатовъ на духовныя должности. Со времени вступленія Каприви въ должность канцлера партія центра становится мало-по-малу главной опорой правительства въ рейхстагѣ, а съ марта 1895 года президентъ рейхстага избирается изъ среды депутатовъ центра. Католическая партія сумѣла воспользоваться своимъ преобладающимъ вліяніемъ въ парламентѣ; однако, ей не удалось провести закона о подчиненіи школы

духовенству, который внесъ въ прусскій ландтагъ въ 1892 году министръ исповѣданій графъ Робертъ фонъ Цедлицъ, а также закона о допущеніи іезуитовъ въ Германію и „закона Гейнце“, направленнаго противъ безнравственныхъ произведеній искусства, несмотря на то, что въ первомъ и третьемъ изъ этихъ вопросовъ консерваторы оказали поддержку католической партіи. Начиная съ 1893 года большинство рейхстага неоднократно высказывалось за допущеніе іезуитовъ въ Германію, а въ началѣ 1903 года имперскій канцлеръ даже подалъ католикамъ надежду на отмѣну второго параграфа закона о іезуитахъ, согласно которому даже отдѣльныя лица, принадлежащія къ іезуитскому ордену, не могутъ поселиться въ какой-либо мѣстности Германіи безъ предварительнаго разрѣшенія союзнаго совѣта.

в) Соціальный вопросъ въ Германіи.

Со времени изобрѣтенія паровой машины Джемсомъ Уаттомъ (срв. т. VII, стр. 119 и 395) европейская промышленность стала развиваться въ такомъ направленіи, которое совершенно оторвало работника отъ орудій производства, которыя прежде всегда принадлежали ему самому; орудія производства перешли во власть капитала, который сталъ покупать у работника его рабочую силу и пользоваться ею по своему усмотрѣнію. Въ теченіи прошлыхъ столѣтій рабочій самъ владѣлъ орудіями своего ремесла; онъ былъ независимъ и работалъ за свой счетъ, теперь же только богатому стало возможно обзавестись дорогими орудіями производства въ видѣ паровыхъ машинъ. Для добыванія средствъ къ существованію рабочій оказался вынужденнымъ поступать въ наймы къ владѣльцу машины и поступиться въ его пользу частью своей заработной платы. Рабочимъ такой порядокъ казался несправедливымъ; они не принимали въ соображеніе, что фабрикантъ прежде всѣхъ подвергается риску отъ застоя въ сбытѣ, что для управленія всѣмъ предпріятіемъ въ цѣломъ ему приходится пускать въ ходъ всѣ свои способности и всю свою коммерческую опытность; они стали требовать, чтобы весь продуктъ ихъ труда поступалъ въ ихъ пользу; для этой цѣли необходимо было, по ихъ мнѣнію, чтобы орудія производства (фабрики, машины, земельная собственность) поступили въ общую собственность всего рабочаго класса. Всякаго, кто нанимаетъ рабочихъ за плату, будь онъ фабрикантъ или землевладѣлецъ, они стали считать эксплуататоромъ своихъ согражданъ. Вотъ въ чемъ заключается экономическая теорія **соціалъ-демократіи**; какъ показываетъ самое названіе, эта партія стремится вырвать власть надъ государствомъ изъ рукъ привилегированныхъ классовъ и передать ее всему производительному населенію страны. Учеными поборниками соціалъ-демократіи въ Германіи были Фердинандъ Лассаль (род. въ 1825 году, сконч. въ 1864 году), Карлъ Марксъ (род. въ 1818 году, сконч. въ 1883 году) и Фридрихъ Энгельсъ (род. въ 1820 году, сконч. въ 1895 году), практическими руководителями соціалъ-демократической партіи были: Августъ Бебель (род. въ 1840 году) и Вильгельмъ Либкнехтъ (род. въ 1826 году, сконч. въ 1900 году; срв. т. VII, стр. 437).

Благодаря сильному подъему, который наступилъ въ торговлѣ и промышленности Германіи вслѣдъ за войной 1870 года, соціалъ-демократическое движеніе стало развиваться съ поражающей быстротой; фабрики выростали изъ земли сотнями, какъ грибы; многія тысячи людей отрывались отъ земли и стекались изъ деревень въ промышленные центры; начиная со второй половины 1873 года, въ германской промышленности наступилъ кризисъ, который лишилъ хлѣба массу рабочихъ, вселилъ въ нихъ озлобленіе, толкнулъ ихъ на путь революціонныхъ идей; число людей, недовольныхъ существующимъ строемъ, росло непрерывно. Въ 1875 году въ Готѣ произошло сліяніе обоихъ существовавшихъ въ то время въ соціалъ-

демократіи направленій, послѣдователей Бебеля съ Либкнехтомъ и послѣдователей Лассаля въ одну „соціалистическую рабочую партію“, и, благодаря благопріятному для рабочей массы всеобщему избирательному праву, эта партія пріобрѣла больше 20 мѣстъ на ближайшихъ выборахъ въ рейхстагъ въ 1877 году.

Соціалистическая печать не переставала натравливать народъ противъ правительства и противъ общества, и косвеннымъ послѣдствіемъ этой травли явилось покушеніе жестяника Макса Геделя, называвшаго себя анархистомъ и нигилистомъ, который произвелъ 11 мая 1878 года нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера въ 81-лѣтняго императора Вильгельма. Гедель промахнулся; но 2 іюня докторъ Карлъ Эдуардъ Нобилингъ произвелъ новое покушеніе на этотъ разъ съ большимъ успѣхомъ: двумя выстрѣлами дробью онъ нанесъ около 30 ранъ императору, который въ это время любезно раскланивался съ привѣтствовавшей его толпой, такъ, что въ теченіе цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ императора Вильгельма замѣщалъ кронпринцъ. Убійца тутъ же на мѣстѣ покончилъ съ собой для того, чтобы избѣгнуть допроса. Эти возмутительныя преступленія вызвали всеобщее негодованіе, и вновь избранный рейхстагъ принялъ въ октябрѣ 1878 года законъ противъ опасной для общественнаго спокойствія пропаганды соціалъ-демократіи, правда, не навсегда, какъ этого хотѣло правительство, а только на $2^1/2$ года; впослѣдствіи этотъ законъ возобновлялся нѣсколько разъ (до 30 сентября 1890 года; срв. т. VII, стр. 439). На основаніи этого закона были закрыты всѣ соціалистическіе ферейны и всѣ газеты съ соціалъ-демократическимъ направленіемъ; тѣмъ не менѣе соціалъ-демократическая организація продолжала существовать втайнѣ, а подъ вывѣской заступничества за интересы рабочихъ возникали вновь газеты съ соціалъ-демократическимъ направленіемъ. Однако, законъ противъ соціалъ-демократической пропаганды принесъ свою пользу; онъ положилъ конецъ революціонной разнузданности, заставилъ соціалъ-демократовъ преклониться предъ силой государства и общества и пріучилъ ихъ держаться въ предѣлахъ законности. Что касается соціалъ-демократическаго движенія по существу, то оно вытекаетъ изъ глубокихъ экономическихъ основаній, законъ 1878 г. не подавилъ его, да и не имѣлъ въ виду подавлять его.

Императоръ Вильгельмъ и Бисмаркъ были проникнуты тѣмъ убѣжденіемъ, что однихъ только карательныхъ узаконеній недостаточно, что рядомъ съ ними для искорененія зла необходима еще созидательная работа, что необходимо устранить самыя причины справедливыхъ жалобъ рабочихъ; законодательство должно слѣдить за тѣмъ, чтобы „беззащитные въ государствѣ пользовались надлежащей охраной, чтобы ихъ не раздавили лошадьми и не растоптали на большой дорогѣ жизни“. Въ тронной рѣчи при открытіи избраннаго въ 1881 году рейхстага, въ которомъ преобладало клерикально-демократическое большинство, заявлялось, что соціальная реформа составляетъ самую насущную задачу имперскаго законодательства (17 ноября); 84-лѣтній императоръ на краю могилы высказывалъ желаніе оставить въ наслѣдство „всѣмъ нуждающимся болѣе достаточную и болѣе обезпеченную общественную помощь“.

Рейхстагъ отнесся къ новымъ начинаніямъ правительства съ благоразумнымъ сочувствіемъ, и въ результатѣ явился цѣлый рядъ благодѣтельныхъ законовъ: во-первыхъ, законъ объ устройствѣ кассъ для вспомоществованія больнымъ и пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочимъ (въ 1883 и 1884 годахъ), затѣмъ законъ о страхованіи рабочихъ на случай старости и неспособности къ труду; наконецъ, законы о защитѣ рабочихъ отъ чрезмѣрной эксплуатаціи ихъ силъ и времени (въ 1891 году), о безусловномъ воскресномъ отдыхѣ въ промышленныхъ предпріятіяхъ и болѣе ограниченномъ въ торговлѣ (съ 1 января 1897 года). За послѣдніе годы изданъ цѣлый рядъ „новеллъ“ для исправленія тѣхъ недостатковъ, которые обнаружились при проведеніи этихъ законовъ въ жизнь.

Противъ „государственнаго соціализма“, лежащаго въ основѣ этихъ законовъ, или, какъ выражался Бисмаркъ, „практическаго христіанства“, выступила на борьбу въ 1884 году такъ называемая германская свободомыслящая партія, которая составилась изъ прогрессистовъ и лѣваго крыла націоналъ-либераловъ; эта партія слѣдовала „манчестерской“ теоріи, которая отвергаетъ всякое вмѣшательство со стороны государства въ экономическія отношенія и считаетъ „свободную конкурренцію силъ“ исключительнымъ источникомъ благополучія въ государствѣ; эта партіяненашла себѣ сочувствія, въ рейхстагѣ къ ней примкнули сначала болѣе 100 депутатовъ, но вскорѣ это число уменьшилось до 20—30 сторонниковъ. Въ 1893 году эта партія распалась; послѣдователи Евгенія Рихтера называютъ себя „свободомыслящей народной партіей“, а болѣе умѣренное меньшинство вошло въ составъ „свободомыслящаго союза“.

Соціалъ-демократы, съ своей стороны, тоже вооружились противъ государственнаго соціализма. Въ глазахъ свободомыслящихъ такая система казалась слишкомъ радикальной, а соціалъ-демократы считали ее полумѣрой; германское законодательство о рабочихъ, которое даетъ трудящемуся народонаселенію ежедневно по 1 милліону марокъ и которому французскій соціалъ-демократъ министръ торговли Александръ Мильеранъ высказалъ въ 1900 году свое горячее сочувствіе, — это законодательство германскіе соціалисты называютъ „политикой нищенскаго подаянія!“. Эти превратные критики забываютъ, что на основаніи тѣхъ же законовъ ожидавшійся въ 1902 году излишекъ таможенныхъ доходовъ тоже предназначался на пользу вдовъ и сиротъ рабочихъ и что, слѣдовательно, рабочимъ предоставляются не милости, а новыя права. Со времени отмѣны исключительнаго закона, состоявшейся 1 октября 1890 года, ростъ соціалъ-демократіи принялъ такіе внушительные размѣры, что въ 1898 году за соціалъ-демократовъ было подано 2 1/4 милліона голосовъ, и они пріобрѣли 56 мѣстъ въ рейхстагѣ; но, охвативши цѣлую четверть германскаго народа, соціалъ-демократія силой вещей подверглась глубокому внутреннему перерожденію; изъ партіи, проповѣдующей насильственную революцію, она превращается мало-по-малу въ партію мирной закономѣрной эволюціи, въ партію постепенныхъ реформъ. Соціалисты перестаютъ гоняться за фантастической картиной государства будущаго, въ которомъ будетъ только одинъ классъ людей и небо спустится на землю; вмѣсто этого соціалъ-демократическія массы и часть ихъ руководителей, какъ, напр., Эдуардъ Бернштейнъ (томъ VII, стр. 440) и Георгъ фонъ-Фольмаръ, начинаютъ задумываться надъ преобразованіемъ и улучшеніемъ существующаго строя, въ которомъ найдется достаточно мѣста и для „обездоленныхъ“.

г) Пріобрѣтеніе колоній Германской имперіей.

Въ своемъ стихотвореніи „Раздѣлъ земного шара“ Фридрихъ Шиллеръ еще сто лѣтъ тому назадъ сокрушался о томъ, что весь міръ розданъ другимъ народамъ, а для нѣмцевъ осталось только небо. Никакой народъ не можетъ долго жить безъ идеаловъ, но и того менѣе безъ хлѣба насущнаго; населеніе Германіи за послѣднія 30 лѣтъ возрастало очень быстро (за 3 десятилѣтія 1871—1901 г. оно увеличилось съ 38 милліоновъ до 56), и все настоятельнѣе становилась необходимость создать какія-нибудь занятія другого рода для той массы людей, которая больше не могла себѣ найти пропитанія въ земледѣліи. Все толкало Германію на путь промышленнаго развитія; промышленность нуждалась въ дешевомъ сырьѣ и въ рынкахъ для сбыта тѣхъ произведеній, на которыя не хватало спроса въ собственномъ отечествѣ; поэтому Германія вынуждена была принять необходимыя мѣры для обезпеченія безопасности своихъ торговыхъ сношеній съ другими государствами и обзавестись достаточно сильнымъ военнымъ фло-

томъ для огражденія отечественной торговли: такъ, напримѣръ, въ промежутокъ времени между декабремъ 1902 года и февралемъ 1903 года германскій военный флотъ открылъ военныя дѣйствія противъ Соединенныхъ Штатовъ Венецуэлы, гдѣ въ то время президентомъ былъ Сиприано Кастро, для защиты интересовъ германскихъ купцовъ. Кромѣ этого, для Германіи необходимо было обзавестись собственными заокеанскими колоніальными владѣніями, которыя могли бы служить опорными пунктами для торговли въ качествѣ угольныхъ станцій для германскихъ кораблей или въ качествѣ дверей, открывающихъ путь въ тѣ части Африки и Восточной Азіи, которыя до сихъ поръ оставались замкнутыми и въ которыя медленно открывается доступъ для европейской культуры.

Князь Бисмаркъ не поощрялъ стремленія къ пріобрѣтенію колоній, потому что отъ такой политики увеличился бы рискъ столкновенія съ другими націями, а Германіи и безъ того приходилось быть постоянно на сторожѣ въ Европѣ, такъ какъ французы не переставали жаждать мести; помимо этого онъ держался того взгляда, что на прочный успѣхъ и на долговѣчность могутъ разсчитывать только такія колоніи, которыя составляютъ продуктъ самостоятельнаго внутренняго развитія національной жизни и возникаютъ сами собой безъ внѣшняго содѣйствія: „колоній не слѣдуетъ выращивать, онѣ должны вырастать въ дикомъ состояніи". Тѣмъ же колоніямъ, которыя оправдывали это требованіе, онъ не отказывалъ въ помощи и покровительствѣ могущественной Германской имперіи; 24 апрѣля 1884 года была принята подъ германскій протекторатъ та область, которую купилъ въ этомъ году у готентотовъ въ бухтѣ Ангра Пекенья въ юго-западной Африкѣ бременскій купецъ Людерицъ (т. III, стр. 477). Съ этого времени колоніи стали возникать одна за другой; почти каждый разъ дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: сначала какая-нибудь торговая компанія утверждалась въ томъ или другомъ пунктѣ и хлопотала о принятіи ея подъ покровительство Германской имперіи, а черезъ нѣкоторое время занятая германскими купцами область поступала подъ непосредственную власть германскаго правительства. Такимъ способомъ Германія пріобрѣла въ промежутокъ времени между 1884—1899 годами въ послѣдовательномъ порядкѣ сначала Камерунъ, затѣмъ Того, Германскую Югозападную Африку, Германскую Восточную Африку, Землю императора Вильгельма на Новой Гвинеѣ, архипелагъ Бисмарка, Маршальскіе острова, Каролинскіе и Маріанскіе острова и два главныхъ острова группы Самоа, Саваи и Уполу. Всѣ колоніальныя владѣнія Германіи въ 1901 году занимали площадь приблизительно въ 2.650,000 квадратныхъ километровъ съ населеніемъ въ 12.000,000 слишкомъ. Договорами съ Франціей, Англіей, государствомъ Конго и съ Соединенными Штатами твердо установлены границы германскихъ колоній, и на основаніи международнаго права онѣ составляютъ неприкосновенную собственность Германской имперіи. Изъ всѣхъ германскихъ владѣній болѣе всего преуспѣваютъ Того и Камерунъ; остальныя тоже подвинулись впередъ, но все же частнымъ капиталамъ и государственной казнѣ придется еще принести не мало жертвъ, пока удастся разработать тѣ богатства, которыя скрываются въ нѣдрахъ земли германскихъ колоній.

д) Китайскія смуты.

Въ 1894—1895 годахъ загорѣлась война между Китаемъ и Японіей изъ-за вліянія въ Кореѣ; японцы уничтожили китайскій флотъ на рѣкѣ Ялу и принудили Китай къ Симоносекскому договору, по которому Японія пріобрѣла отъ Китая островъ Формозу и Ляодунскій полуостровъ, составляющій ключъ къ Пекину; но, благодаря общему давленію Россіи, Франціи и Германіи, японцы вынуждены были возвратить этотъ полуостровъ

Китайской имперіи. Съ тѣхъ поръ открылся восточно-азіатскій вопросъ; его трудность заключается въ томъ, что каждая изъ великихъ державъ старается обезпечить за собою часть международной торговли Китая, а интересы Россіи стоятъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ интересами Японіи и Англіи. Россія, какъ ближайшая сосѣдка Китая, старается наложить руку на его сѣверныя провинціи, а Японія, какъ другая ближайшая по сосѣдству держава, не можетъ переносить равнодушно возрастающаго вліянія Россіи; Англія же имѣетъ такіе важные интересы въ бассейнѣ рѣки Янгтзе, что сохраненіе независимости Китая составляетъ для нея предметъ насущной заботы. Затѣмъ идетъ Германія, торговыя сношенія которой съ Китаемъ непрерывно прогрессируютъ; Франція заинтересована только въ южной части гигантской Восточно-Азіатской имперіи, т. е. той части, которая граничитъ съ завоеванною въ 1885 году французской колоніей Тонкиномъ.

Избіеніе нѣмецкихъ католическихъ миссіонеровъ въ провинціи Шантунъ послужило для Германской имперіи поводомъ къ занятію Кіао-Чжоу въ ноябрѣ 1897 года. Въ январѣ 1898 года Китай отдалъ Германіи въ „аренду" на 99 лѣтъ участокъ китайской территоріи съ городомъ Цингъ-Тау, который быстро достигъ цвѣтущаго состоянія. Вслѣдъ за этимъ въ декабрѣ 1897 года Россія сняла въ „аренду" у Китая гавань Портъ-Артуръ, а въ мартѣ 1898 года Англія заняла на такихъ же условіяхъ гавань Вей-хай-вей, которая лежитъ противъ Портъ-Артура на южномъ берегу Печилійскаго залива. Молодой императоръ Куангъ-Сю былъ лично расположенъ къ реформамъ въ духѣ европейскаго прогресса и подчинялся во всемъ совѣтамъ китайскаго дипломата Лихунчжана (род. въ 1821, сконч. въ 1901 году), относившагося съ сочувствіемъ къ европейской культурѣ; китайскій императоръ далъ многимъ европейскимъ компаніямъ концессіи на устройство желѣзнодорожныхъ линій, которыя должны были открыть для европейской торговли внутренній Китай.

Такое быстрое наводненіе европейцами Китайской имперіи, въ теченіе многихъ вѣковъ сторонившейся отъ всякаго иноземнаго вліянія, вызвало реакцію въ національномъ духѣ въ Сѣверномъ Китаѣ, который былъ сильнѣе всего затронутъ послѣдними событіями. Образовалось политическое общество „боксеровъ" („большихъ кулаковъ"), которое задалось цѣлью изгнать иноземцевъ; въ 1900 году „боксеры" избили около 250 европейцевъ и 30,000 китайцевъ—христіанъ; часть этихъ убитыхъ была предварительно подвергнута самымъ ужаснымъ пыткамъ. Всѣ были увѣрены въ томъ, что императрица—вдова Тсце-хси покровительствуетъ „боксерамъ"; она назначила враждебно настроеннаго противъ иностранцевъ принца Туана президентомъ цунгліямена, т. е. того учрежденія, въ вѣдѣніи котораго находились сношенія съ иностранными державами. На улицахъ Пекина были коварно убиты выстрѣлами изъ ружья, по указанію свыше, сначала 12 іюня секретарь японскаго посольства, а затѣмъ 20 іюня германскій посланникъ баронъ фонъ Кеттелеръ (убійцей Кеттелера былъ солдатъ императорскихъ знаменныхъ войскъ Энхай); всѣхъ остальныхъ посланниковъ вмѣстѣ съ ихъ семьями почти въ теченіе двухъ мѣсяцевъ держали въ осадѣ „боксеры" вмѣстѣ съ китайскими войсками; они были обязаны своей жизнью только храбрости подоспѣвшихъ во время европейскихъ охранныхъ войскъ, а, можетъ быть, также вліянію нѣкоторыхъ дружелюбныхъ къ иностранцамъ китайскихъ сановниковъ.

Какъ только до императора Вильгельма II дошло извѣстіе объ убійствѣ Кеттелера, онъ отправилъ въ Китай дивизію боевыхъ судовъ и около 25.000 добровольцевъ. Остальныя великія державы тоже снарядили въ Китай значительные отряды войскъ; для обезпеченія необходимой солидарности въ дѣйствіяхъ всѣхъ этихъ военныхъ силъ былъ назначенъ общимъ главнокомандующимъ надъ ними 67-лѣтній германскій фельдмаршалъ графъ

Альфредъ Вальдерзее; но еще раньше, чѣмъ онъ успѣлъ прибыть въ Китай, Пекинъ былъ завоеванъ 14 августа отрядомъ изъ 20.000 европейцевъ, американцевъ и японцевъ, и жизнь осажденныхъ была спасена. Китайскій императорскій дворъ бѣжалъ въ древнюю китайскую столицу Сынганфу. Однако, и фельдмаршалу Вальдерзее съ своей стороны тоже пришлось еще кое-что сдѣлать для улучшенія существующаго положенія: онъ очистилъ обширную и многолюдную провинцію Печили отъ боксеровъ и разбойниковъ и, благодаря своему тактичному поведенію, поддержалъ согласіе между войсками отдѣльныхъ державъ, интересы которыхъ въ Китаѣ сильно расходились между собою. Неоднократно готово было возникнуть столкновеніе между Англіей и Россіей, которая захватила Манчжурію подъ предлогомъ необходимости возстановить порядокъ; напротивъ того, между Германіей и Англіей состоялось въ октябрѣ 1900 года соглашеніе въ томъ, что обѣ эти державы будутъ воздерживаться отъ захватовъ въ Китаѣ и будутъ отстаивать принципъ „открытыхъ дверей" для всѣхъ цивилизованныхъ націй. Наконецъ Китай согласился снарядить, въ видѣ удовлетворенія оскорбленнымъ державамъ, особыя посольства для представленія извиненій Германіи и Японіи (4 сентября 1901 года принцъ Чунъ прибылъ въ Потсдамъ); затѣмъ, 7 сентября былъ подписанъ мирный протоколъ, по которому Китай обязался выплатить 1,350 милліоновъ марокъ въ видѣ военнаго вознагражденія Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, Японіи, Австріи, Россіи и Соединеннымъ Штатамъ. Послѣ этого союзники очистили Пекинъ; императорскій дворъ возвратился въ столицу въ декабрѣ 1901 года. 30 января 1902 года былъ заключенъ союзъ между Англіей и Японіей для огражденія интересовъ этихъ державъ въ Китаѣ и Кореѣ, а въ мартѣ того-же года по этому же поводу состоялось соглашеніе между Россіей и Франціей, такъ что въ настоящее время на Дальнемъ Востокѣ соперничаютъ между собою два союза державъ. Для охраны своихъ подданныхъ Германская имперія содержитъ временно военный отрядъ въ провинціи Печили наравнѣ съ другими державами; въ Цингъ-Тау помѣщается постоянный германскій гарнизонъ.

e) Отдѣльныя государства, входящія въ составъ Германской имперіи.

α) Пруссія.

Великія событія 1866 и 70-го годовъ, которыя измѣнили весь внутренній строй прусскаго государства и поставили передъ нимъ новыя великія задачи, послужили сильнымъ толчкомъ къ внутреннимъ реформамъ въ Пруссіи; неограниченный произволъ правительства и чиновниковъ, который достался конституціи 1850 года въ наслѣдіе отъ эпохи полицейскаго государства, и привилегированное положеніе бароновъ землевладѣльцевъ должны были уступить мѣсто народному самоуправленію. Такъ, напримѣръ, въ сельскихъ округахъ помѣщикъ все еще пользовался правомъ назначать по своему усмотрѣнію старосту; окружный начальникъ назначался королемъ по представленію владѣтелей рыцарскихъ имѣній помимо всего остального населенія округа; въ провинціальныхъ ландтагахъ (земскихъ собраніяхъ) дворянство пользовалось преобладающимъ вліяніемъ.

27 ноября 1871 года въ тронной рѣчи при открытіи прусскаго ландтага король далъ слово ввести реформу въ управленіи округами. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Фридрихъ Эйленбургъ (род. 1815 г., сконч. въ 1881 г., министромъ состоялъ съ 1862 до 1878 г.) немедленно принялся за разработку этой реформы; отстаивавшая привилегіи своего дворянскаго сословія палата господъ провалила эту реформу, Бисмаркъ тоже сильно колебался; но, наконецъ, король назначилъ 25 новыхъ членовъ палаты господъ,

при посредствѣ которыхъ въ этой палатѣ образовалось большинство въ пользу новаго закона, и онъ былъ принятъ ландтагомъ въ декабрѣ 1872 года, а 13 декабря законъ о мѣстномъ самоуправленіи былъ подписанъ королемъ. На первыхъ порахъ новые порядки были введены только въ слѣдующихъ пяти восточныхъ провинціяхъ прусскаго королевства: Пруссіи, Помераніи, Бранденбургѣ, Саксоніи, и Силезіи; въ округахъ, принадлежащихъ къ провинціи Познани, самоуправленіе не было введено изъ опасенія, чтобы оно не послужило орудіемъ для польской пропаганды. По новому закону сельскія общины сами избираютъ себѣ старосту; землевладѣлецъ или его замѣститель считаются только представителями того поселка, который заключается въ предѣлахъ помѣстья. Сельскія общины и городскія поселенія, въ которыхъ насчитывается меньше 25,000 жителей, составляютъ округъ, дѣлами котораго завѣдываетъ окружное собраніе, состоящее не менѣе, чѣмъ изъ 25-ти членовъ, и избираемое всѣми постоянными жителями округа посредствомъ системы двойныхъ выборовъ (т. е. избиратели выбираютъ выборщиковъ, а послѣдніе выбираютъ членовъ окружнаго собранія). Число представителей отъ городовъ не должно превышать половины общаго числа членовъ окружного собранія; остальная часть избирается сельскими округами. Во главѣ окружного собранія стоитъ ландратъ, который назначается королемъ по представленію сейма; при ландратѣ состоитъ комиссія изъ 6 членовъ собранія. Города съ населеніемъ свыше 25.000 составляютъ особые городскіе округа. Такъ какъ вновь введенное мѣстное самоуправленіе оказалось очень плодотворнымъ, то оно было распространено и на остальныя 6 прусскихъ провинцій въ промежутокъ времени между 1885 и 89 годами; но въ провинціи Познани по указаннымъ выше причинамъ новый законъ былъ введенъ съ нѣкоторыми ограниченіями.

Провинціальные ландтаги, въ свою очередь, были также преобразованы въ 1875 г.; по новому закону въ ихъ составъ стали входить депутаты отъ окружныхъ собраній и отъ городскихъ коллегій, т. е. спеціально предназначеннаго для выбора такихъ депутатовъ общаго собранія городскихъ магистратовъ и городскихъ гласныхъ. Провинціальные ландтаги должны были собираться, по крайней мѣрѣ, каждые два года, каждый разъ по особому королевскому приглашенію; ихъ вѣдѣнію подлежатъ всѣ мѣстные интересы провинціи, какъ то: сооруженіе дорогъ, улучшеніе почвы, всякаго рода общеполезныя учрежденія, библіотеки, охрана памятниковъ и распоряженіе суммами, отпускаемыми провинціямъ изъ государственныхъ средствъ на основаніи закона о субсидіяхъ. Для управленія дѣлами провинціи избирается провинціальный комитетъ изъ 7 — 13 членовъ подъ предсѣдательствомъ директора, который считается начальникомъ всѣхъ чиновниковъ мѣстной администраціи. Компетентные люди утверждаютъ, что прусскіе законы предоставляютъ общинному самоуправленію такой просторъ, какой только вообще возможенъ: по ихъ мнѣнію, не существуетъ никакой другой страны на земномъ шарѣ, въ которой непоколебимый авторитетъ закона и безпрепятственная дѣятельность мѣстнаго самоуправленія сочетались бы въ такой гармоніи, какъ въ Пруссіи; это справедливо, конечно, въ той мѣрѣ, въ какой мертвая буква закона можетъ предрѣшать живую работу общественныхъ силъ: самому народу предстоитъ задача выработать въ своей средѣ и выдвинуть людей, которые были бы способны вдохнуть силу и жизнь въ эту мертвую букву закона.

Бисмаркъ былъ крайне удрученъ, съ одной стороны, политической недальновидностью консерваторовъ, которые своимъ упорствомъ въ палатѣ господъ принудили правительство къ такой крайней мѣрѣ, какъ назначеніе новыхъ перовъ; съ другой стороны онъ не могъ примириться съ поступкомъ своихъ сотоварищей по министерству, которые помимо его воли склонили короля къ назначенію новыхъ перовъ. 21 декабря 1872 года онъ уступилъ должность президента прусскаго министерства военному мини-

стру фельдмаршалу графу фонъ Роону и оставилъ за собою только руководство иностранными дѣлами. Но спустя короткое время онъ замѣтилъ, что такое раздѣленіе между обязанностями имперскаго канцлера и прусскаго министра-президента сильно стѣсняетъ его, какъ имперскаго канцлера; 9 ноября 1873 года, когда Роонъ вышелъ въ отставку по болѣзни (сконч. 23 февраля 1879 года), онъ опять вступилъ въ должность прусскаго министра-президента и остался при ней до самой своей отставки, послѣдовавшей въ мартѣ 1890 года.

Министръ исповѣданій Фалькъ (стр. 424) поставилъ во главѣ прусскаго евангелическаго главнаго церковнаго совѣта либеральннаго профессора правъ Эмиля Германа; въ 1873 году Германъ выработалъ для восточныхъ провинцій Пруссіи **евангелическое церковное уложеніе**, которое ограничило епископскую власть короля; по этому уложенію каждая община выбираетъ своего церковнаго старосту, а въ округахъ и въ провинціяхъ были учреждены церковныя представительныя собранія подъ названіемъ синодовъ. Церковное уложеніе послужило основой для болѣе широкой дальнѣйшей реформы, и въ 1876 году былъ учрежденъ **генеральный синодъ** для всѣхъ восьми старопрусскихъ провинцій, въ составъ котораго входили 150 депутатовъ отъ провинціальныхъ синодовъ, 30 членовъ, назначаемыхъ королемъ, и 6 представителей отъ университетовъ Кёнигсбергскаго, Грейфсвальдскаго, Бреславльскаго, Берлинскаго, Боннскаго и университета въ Галле. Благодаря превосходной организаціи „положительной“, или ортодоксальной, партіи, къ приверженцамъ и руководителямъ которой принадлежала большая часть духовенства и крупныхъ землевладѣльцевъ, эта партія завоевала себѣ большинство во всѣхъ синодахъ какъ въ окружныхъ, такъ и въ провинціальныхъ, и въ генеральномъ синодѣ. Въ новыхъ провинціяхъ, Ганноверѣ, Шлезвигъ-Гольштиніи и Гессенъ-Нассау, остались въ силѣ прежніе церковные порядки: главный церковный совѣтъ въ Берлинѣ сталъ высшей церковной инстанціей только для церквей восьми старыхъ прусскихъ провинцій. Въ каждой изъ этихъ провинцій церковными дѣлами завѣдуетъ консисторія и генералъ-суперинтендентъ.

Когда закончилась война съ Франціей и Германская имперія вступила въ свое существованіе, для Бисмарка открылась возможность посвятить больше вниманія экономическимъ вопросамъ. Въ этой области онъ обнаружилъ тотъ же духъ дальновидной политической мудрости и смѣлой иниціативы, какимъ проникнута и вся остальная его дѣятельность. Когда послѣ нѣсколькихъ мѣръ, весьма благопріятныхъ для германской промышленности, наступилъ въ 1873 году экономическій кризисъ, то Бисмаркъ свернулъ съ пути свободной торговли, отъ которой Германія „истекала кровью“ (стр. 421), и въ 1879 вступилъ на путь умѣреннаго таможеннаго покровительства; это, между прочимъ, оттолкнуло отъ него либераловъ и сблизило его съ центромъ. Въ 1876 году онъ просилъ у прусскаго ландтага полномочія **перепродать** по мѣрѣ возможности **всѣ прусскія государственныя желѣзныя дороги** въ имперскую казну; онъ надѣялся, что **всѣ германскія желѣзныя дороги** мало-по-малу перейдутъ въ собственность имперскаго правительства, и тогда станетъ возможнымъ проводить во всей Германіи однообразную желѣзнодорожную политику въ широкихъ размѣрахъ. Проектъ Бисмарка былъ принятъ ландтагомъ, а въ іюнѣ 1876 года онъ былъ подписанъ королемъ и вступилъ въ законную силу; изъ-за этого проекта вышелъ въ отставку предсѣдатель канцеляріи имперскаго канцлера Дельбрюкъ, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Бисмарка, который былъ противникомъ вмѣшательства государства въ экономическую жизнь страны. Остальныя германскія государства, кромѣ Пруссіи, оказались рѣшительными противниками объединенія всѣхъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ они опасались дальнѣйшаго усиленія имперскаго правительства въ ущербъ ихъ собственной независимости. Бисмаркъ по

принципу не хотѣлъ прибѣгать безъ крайней нужды къ давленію на союзныя правительства; онъ отказался отъ своей великой идеи и сосредоточилъ свою дѣятельность въ болѣе узкой области, въ которой онъ могъ поступать по своему усмотрѣнію.

При посредствѣ благоразумнаго и дѣятельнаго Альберта Майбаха, который въ 1878 году вступилъ въ управленіе вновь учрежденнымъ министерствомъ общественныхъ работъ, были скуплены въ казну прусскаго королевства въ промежутокъ времени между 1880 и 1885 годами всѣ большія частныя прусскія желѣзнодорожныя линіи (всего 49 линій) за сумму приблизительно въ 5½ миллiардовъ марокъ. Общее протяженіе казенныхъ прусскихъ желѣзныхъ дорогъ равнялось въ 1878 году всего 4800 км., а въ настояще время оно составляетъ 34.000 км.; общая длина всѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи сократилась до 1300 километровъ, и большая часть ихъ имѣетъ чисто мѣстное значеніе. Благодаря этому, практиковавшемуся въ широкихъ размѣрахъ, выкупу дорогъ въ казну въ Пруссіи была создана величайшая въ мірѣ система желѣзнодорожныхъ линій съ общимъ управленіемъ и стала возможной наиболѣе цѣлесообразная эксплоатація этой желѣзнодорожной сѣти; чтобы избѣгнуть вредныхъ послѣдствій чрезмѣрной централизаціи, были учреждены желѣзнодорожныя правленія, въ числѣ 21, изъ которыхъ каждое завѣдуетъ участкомъ длиною въ среднемъ въ 1600 километровъ и пользуется значительной самостоятельностью.

Хотя казенное управленіе прусскими желѣзнодорожыми линіями подвергалось суровой критикѣ, и его обвиняли въ особенности въ томъ, что оно преслѣдуетъ узко фискальныя цѣли, такъ какъ оно имѣетъ отъ желѣзныхъ дорогъ излишекъ доходовъ въ среднемъ ежегодно въ 70 милліоновъ марокъ, тѣмъ не менѣе переходъ дорогъ въ казну принесъ безспорную пользу. Что касается излишковъ отъ доходовъ, то имъ было дано полезное примѣненіе; въ то время, какъ Франція затратила на повышеніе жалованья государственнымъ служащимъ и на сельскохозяйственныя улучшенія 10 милліоновъ, Пруссія употребила на тѣ же цѣли въ теченіе такого же промежутка времени 200 милліоновъ. Великое герцогство Гессенское, которое въ свое время примкнуло къ таможенному союзу прежде всѣхъ другихъ германскихъ государствъ (ср. стр. 199), въ 1896 году первымъ изъ всѣхъ союзныхъ государствъ заключило съ Пруссіей договоръ объ общемъ управленіи прусскими и гессенскими казенными желѣзными дорогами; великое герцогство Гессенское посылаетъ своего представителя въ главное управленіе казенными желѣзными дорогами въ Берлинѣ и получаетъ свою долю изъ общихъ доходовъ. Эта доля составляетъ ежегодно около 2.000.000 марокъ; благодаря этимъ доходамъ, великому герцогству Гессенскому удалось удовлетворить нѣкоторымъ государственнымъ нуждамъ, которыя долго оставались безъ удовлетворенія (напримѣръ, было повышено содержаніе чиновниковъ), безъ дальнѣйшаго обремененія плательщиковъ; кромѣ того, было значительно увеличено число вагоновъ и поѣздовъ, понижены ставки за провозъ и проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, и значительно повышено содержаніе всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ.

24 іюня 1890 года былъ назначенъ прусскимъ министромъ финансовъ, по особому довѣрію короля, франкфуртскій оберъ-бургомистръ Іоганнъ Микель (род. 19 февраля 1828 года, сконч. 8 сентября 1901 года; стр. 369 и 421), который оставался на этомъ посту до начала мая 1901 года; его другъ Рудольфъ фонъ Бениигсенъ нисколько не ошибался, когда сказалъ надъ гробомъ Микеля, что онъ былъ величайшимъ изъ прусскихъ министровъ финансовъ XIX столѣтія. Главная заслуга Микеля состоитъ въ томъ, что онъ совершенно преобразовалъ прусскую систему налоговъ въ 1891 году: онъ ввелъ подоходный налогъ, при чемъ опредѣленіе размѣра доходовъ каждаго плательщика стало основываться на его собственномъ заявленіи,

которое онъ обязанъ дать подъ присягой; взимаемая съ дохода доля увеличивалась прогрессивно, сообразно съ размѣромъ этихъ доходовъ; кромѣ того, съ капитала и недвижимаго имущества взимался дополнительный налогъ. Такимъ образомъ налоги стали соразмѣрными съ дѣйствительными доходами каждаго плательщика, между тѣмъ какъ раньше, когда размѣры дохода опредѣлялись не самимъ плательщикомъ, а другими лицами, богатые платили слишкомъ мало; по системѣ Микеля доходы меньше 900 марокъ были совершенно освобождены отъ налоговъ, и бремя государственныхъ платежей, лежившихся на бѣднѣйшее населеніе страны, значительно уменьшилось. Реформа Микеля вошла въ силу въ 1892 году, и послѣ этого годовой валовой доходъ съ подоходнаго налога достигъ цифры въ 125.000.000 марокъ, а валовой доходъ съ налога на имущество 32.000.000; чистый доходъ съ того и другого налога вмѣстѣ составилъ 140.000.000, т. е. полную четверть всѣхъ прусскихъ государственныхъ расходовъ того времени. Въ дополненіе къ этой реформѣ государственныхъ налоговъ Микель провелъ въ ландтагѣ новую систему общинныхъ сборовъ.

Реформа налоговъ, введенная Микелемъ, доставила ему вполнѣ заслуженную славу на страницахъ прусской исторіи; но ему не посчастливилось съ другимъ его финансовымъ проектомъ. Онъ хотѣлъ создать отдѣльные источники для имперскихъ доходовъ и для доходовъ отдѣльныхъ государствъ для того, чтобы матрикулярные взносы союзныхъ государствъ въ имперскую казну не разстраивали ихъ собственнаго государственнаго хозяйства; но рейхстагъ, какъ уже было сказано выше (стр. 421), отнесся съ недовѣріемъ къ этому проекту. Такимъ же образомъ не удалось осуществить до сихъ поръ проекта сооруженія большой сѣти каналовъ отъ Рейна до Везера и Эльбы для отвлеченія части грузовъ отъ желѣзныхъ дорогъ восточной части Рейнской провинціи и Вестфаліи, которыя были слишкомъ обременены. Прусская палата депутатовъ ассигновала въ 1886 году средства, необходимыя для проведенія канала отъ Дортмунда на рѣкѣ Рурѣ до Эмса; но сооруженіе канала отъ Дортмунда до Рейна и большого „Средне-Прусскаго" канала (Mittellandkanal) отъ Эмса до Везера и дальше до Эльбы не нашло себѣ сочувствія у большинства депутатовъ: и аграріи, и партія центра опасались, что сооруженіе этихъ каналовъ повлечетъ за собою увеличенный ввозъ зернового хлѣба изъ за океана, а представители силезскихъ промышленныхъ округовъ полагали, что новые водяные пути сообщенія усилятъ конкурренцію между произведеніями силезской промышленности и промышленности западныхъ провинцій; 17 августа 1899 года ландтагъ отвергъ проектъ сооруженія новыхъ каналовъ большинствомъ 228 голосовъ противъ 126. Въ 1901 году проектъ былъ снова внесенъ въ ландтагъ въ переработанномъ видѣ, но и на этотъ разъ большинство отнеслось къ нему крайне враждебно, такъ что правительство вынуждено было въ маѣ закрыть неожиданно ландтагъ для того, чтобы положить конецъ безплоднымъ дебатамъ.

β) Баварія, Саксонія, Вюртембергъ и Баденъ.

Во время царствованія короля Людвига II государственными дѣлами Баваріи управлялъ министръ Люцъ, ярый противникъ ультрамонтановъ, къ которымъ и самъ король относился крайне неблагосклонно. Но мало-по-малу Людвигъ II устранился отъ государственныхъ дѣлъ, пристрастился до безумія къ музыкѣ и архитектурѣ и сталъ расточать на постройку „королевскихъ замковъ" громадныя суммы, вслѣдствіе чего цивильный листъ короля оказался крайне запутаннымъ. Въ концѣ концовъ пришлось отдать баварскаго короля подъ опеку; чтобы избавиться отъ этой опеки, король утопилъ самого себя и сопровождавшаго его психіатра Бернгарда фонъ Гуддена недалеко Берга на Штарнбергскомъ озерѣ 13 іюня 1886 года. Братъ

Людвига II Оттонъ (род. въ 1848 году) уже давно страдалъ помѣшательствомъ, и баварскій престолъ занялъ въ качествѣ принца-регента дядя короля, второй сынъ Людвига I, принцъ Луитпольдъ (род. въ 1821 году). Принцъ Луитпольдъ оставилъ во власти прежнее либеральное министерство: но мало-по-малу стало усиливаться вліяніе ультрамонтанской партіи, а съ 1899 года она пріобрѣла незначительное большинство во второй палатѣ. Въ мартѣ 1891 года баварское правительство признало старо-католиковъ, по настоянію римско-католическихъ епископовъ, не принадлежащими къ католической церкви и оставило за ними только права частнаго вѣроисповѣднаго общества. 18 февраля 1903 года вынужденъ былъ выйти въ отставку умѣренно-либеральный министръ-президентъ графъ Ф. А. Е. фонъ Крайльсгеймъ (онъ вступилъ въ свою должность 31 мая 1890 года).

29 октября 1873 года скончался саксонскій король Іоганнъ; саксонскій престолъ унаслѣдовалъ прославившійся въ войнахъ 1866 и 1870—1871 гг. благородный сынъ покойнаго Альбертъ, который отличался своими симпатіями къ объединенію германской націи. Чтобы оказать содѣйствіе проекту объединенія имперской желѣзнодорожной сѣти, саксонское правительство скупило мало-по-малу всѣ частныя желѣзныя дороги въ Саксоніи уже въ срединѣ 70-ыхъ годовъ; въ 1894 и 1901 годахъ былъ преобразованъ въ современномъ духѣ законъ 1873 года о подоходномъ и классовомъ налогахъ. Въ девяностыхъ годахъ въ Саксоніи сталъ обнаруживаться сильный ростъ соціалъ-демократіи; изъ 80 избирательныхъ округовъ, посылающихъ своихъ представителей въ ландтагъ, соціалъ-демократы завоевали въ 1891—92 годахъ 11, а въ 1895 — уже 14; тогда правительство и собраніе сословныхъ представителей, въ которомъ съ 1880 года преобладающее вліяніе попало въ руки консерваторовъ, рѣшились въ 1896 году замѣнить всеобщее избирательное право, введенное въ 1868 году, трехклассной избирательной системой, при которой два высшихъ избирательныхъ класса совершенно парализовали вліяніе третьяго, менѣе состоятельнаго по имущественному положенію избирательнаго класса; саксонское правительство прибѣгло къ такому насильственному образу дѣйствій, несмотря, на основательныя возраженія нѣкоторой части интеллигенціи, которая доказывала всю несостоятельность такого способа борьбы съ соціальнымъ броженіемъ современной исторической эпохи. Благодаря отмѣнѣ всеобщаго, равнаго для всѣхъ избирательнаго права соціалъ-демократы лишились сразу 6 мѣстъ въ 1897 году; а съ 1901 года—вовсе нѣтъ больше ни одного соціалъ-демократа въ числѣ депутатовъ саксонскаго ландтага. Послѣ смерти короля Альберта, которая послѣдовала 19 іюня 1902 года, королевствомъ правитъ его братъ Георгъ (род. въ 1832 году).

Въ Вюртембергѣ во все время правленія короля Карла I большинство въ ландтагѣ принадлежало „германской партіи", къ которой примкнули націоналъ-либералы и свободные консерваторы; пользуясь поддержкой этой партіи, министръ-президентъ баронъ фонъ Миттнахтъ управлялъ государствомъ въ самомъ благопріятномъ для интересовъ имперіи духѣ. Послѣ смерти короля Карла I (род. въ 1823 г., вступилъ на престолъ въ 1864 г., сконч. въ 1891 г.) на престолъ вступилъ его двоюродный братъ Вильгельмъ II (род. въ 1848 г.), который принималъ участіе въ войнѣ съ Франціей, убѣжденный германскій патріотъ, преисполненный добрыхъ чувствъ и вѣрности своему долгу. 1 декабря 1893 года во время его свиданія съ императоромъ въ охотничьемъ замкѣ Бебенгаузенъ около Тюбингена оба они выработали общую систему предѣльныхъ возрастовъ для прусскихъ и вюртембергскихъ офицеровъ. На выборахъ 1895 года большинство въ ландтагѣ пріобрѣли демократы „германской народной партіи" вмѣстѣ съ партіей центра, которая возникла также и въ Вюртембергѣ, и президентомъ второй палаты былъ избранъ членъ демократической партіи. Митт-

пахтъ уступилъ требованіямъ новаго демократическаго большинства; но никакая изъ демократическихъ реформъ, — ни пересмотръ конституціи, имѣвшій цѣлью лишить привилегированныхъ („рыцарей и прелатовъ") права засѣдать во второй палатѣ, ни податная реформа со введеніемъ дополнительнаго подоходнаго налога, ни законъ объ отмѣнѣ пожизненности должности сельскихъ старостъ, — не оказались въ состояніи пройти черезъ подводныя скалы парламентаризма. Въ концѣ 1901 года Вюртембергъ отказался отъ своихъ особыхъ почтовыхъ марокъ, но не упразднилъ своего особаго почтоваго вѣдомства; съ 1 апрѣля 1902 года имперскія марки вошли въ употребленіе во всей Имперіи кромѣ Баваріи. Съ 1900 года началось движеніе въ пользу присоединенія вюртембергскихъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ къ прусско-гессенскому желѣзнодорожному союзу, такъ какъ рента съ этихъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ упала до 3-хъ процентовъ; но до настоящаго времени клерикально-демократическое большинство второй палаты противодѣйствуетъ этому движенію.

Въ Баденѣ правитъ съ 1852 года великій герцогъ Фридрихъ I (род. въ 1826 г.), зять императора Вильгельма I; этотъ государь пользуется всеобщимъ уваженіемъ за свою преданность германской національной идеѣ, за свой искренній либерализмъ и постоянную вѣрность своему долгу. Вслѣдствіе обостренія въ отношеніяхъ между правительствомъ и католической церковью министерство Юлія Жолли (съ февраля 1868 года до октября 1876 года) ввело въ 1876 году смѣшанныя школы для дѣтей различныхъ вѣроисповѣданій. Съ 1881 года эти отношенія стали мало по малу менѣе натянутыми; но партія центра неуклонно стремилась отнять у національ-либераловъ большинство въ ландтагѣ съ помощью демократической партіи: въ 1891 году національ-либералы имѣли уже большинство всего въ одинъ голосъ, а въ 1893 году клерикалы достигли своей цѣли. 27 іюня 1901 года составъ министерства перемѣнился въ консервативномъ духѣ; престарѣлый либералъ Вильгельмъ Ноккъ (сконч. 13 февраля 1903 года) вышелъ въ отставку, а его мѣсто заняли Артуръ Брауэръ въ качествѣ министра-президента и Александръ Душъ въ качествѣ министра вѣроисповѣданій; Душъ былъ склоненъ исполнить желаніе епископской куріи въ Фрейбургѣ и партіи центра, которыя домогались возстановленія мужскихъ монастырей; цѣною этой уступки министръ исповѣданій надѣялся привлечь на свою сторону партію центра.

γ) Имперскія земли.

Верховное управленіе Эльзасомъ и Лотарингіей было предоставлено императору по имперскому закону 9 іюня 1871 года; эти области получили названіе Имперскихъ Земель, такъ какъ всѣ прочія союзныя государства имѣютъ особую верховную власть, отличную отъ имперской, а для Имперскихъ Земель обѣ эти власти совпадаютъ между собой. Министромъ Имперскихъ Земель считался имперскій канцлеръ; съ 1871 по 1879 годъ оберъ-президентомъ, непосредственно управляющимъ Имперскими Землями, состоялъ умный и осмотрительный Эдуардъ фонъ Меллеръ. Въ силу параграфа 10-го закона 30 декабря 1871 года онъ пользовался правомъ принимать всѣ мѣры, которыя ему заблагоразсудятся, въ случаяхъ, угрожающихъ опасностью для общественнаго спокойствія; въ крайнихъ случаяхъ ему было разрѣшено даже пускать въ ходъ вооруженную силу. Эти „диктаторскіе параграфы" въ теченіе долгаго времени находили себѣ полное оправданіе въ смутномъ настроеніи, господствовавшемъ среди населенія Эльзаса и Лотарингіи и подогрѣваемомъ дѣятельной пропагандой „нотаблей", т. е. фабрикантовъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, врачей и нотаріусовъ, которые были всѣ проникнуты духомъ французскаго національзма. 1 января 1874 года въ Эльзасъ-Лотарингіи вступила въ дѣйствіе

имперская конституція; но почти всѣ 19 депутатовъ рейхстага, избранныхъ въ Эльзасъ-Лотарингіи, оказались принадлежащими къ партіи „протестующихъ“, которые осуждали отдѣленіе Имперскихъ Земель отъ Франціи, какъ актъ насилія.

Но мало-по-малу окрѣпла партія автономистовъ, которая примирялась съ присоединеніемъ къ Германіи, какъ съ дѣломъ безвозвратнаго прошлаго, и ставила себѣ цѣлью пріобрѣтеніе провинціальной автономіи и возможно широкаго самоуправленія. Со свойственнымъ ему политическимъ тактомъ Бисмаркъ поощрялъ автономистское движеніе и надѣялся такимъ окольнымъ путемъ превратить эльзасъ-лотарингцевъ въ настоящихъ нѣмцевъ. Въ октябрѣ 1874 года было учреждено въ имперскихъ земляхъ представительное собраніе, провинціальная комиссія изъ 58 членовъ; сначала это собраніе имѣло исключительно совѣщательный характеръ, но, начиная съ 1877 года, постановленія провинціальной комиссіи пріобрѣли рѣшающее значеніе; изъ 58 депутатовъ этого собранія 34 выбираются тремя окружными собраніями Верхняго Эльзаса, Нижняго Эльзаса и Лотарингіи, затѣмъ въ него входятъ по одному представителю отъ 20 сельскихъ округовъ и городовъ Кольмара, Меца, Мюльгаузена и Страссбурга. Всеобщее избирательное право не было введено въ Эльзасъ-Лотарингіи изъ опасенія, чтобы враждебная къ Германіи клерикальная партія не получила преобладающаго вліянія въ провинціальномъ собраніи; зато ограниченное избирательное право предоставило господствующую роль нотаблямъ.

4 іюля 1879 года имперское правительство дало имперскимъ землямъ самоуправленіе, къ которому населеніе такъ горячо стремилось: вмѣсто оберъ-президента во главѣ управленія сталъ императорскій намѣстникъ; при намѣстникѣ состоятъ для завѣдыванія дѣлами статсъ-секретарь и 4 подъ-статсъ-секретаря, назначаемые императоромъ. Имперскій канцлеръересталъ считаться министромъ для имперскихъ земель; Эльзасъ-Лотарингія получила право посылать трехъ представителей съ совѣщательнымъ голосомъ въ союзный совѣтъ, число членовъ котораго достигло послѣ этого 61. Постъ намѣстника занималъ съ 1879 до 1885 года бывшій фельдмаршалъ Эдвинъ фонъ Мантейфель (стр. 412), который обнаружилъ вредную уступчивость по отношенію къ нотаблямъ. Его замѣстилъ князь Хлодвигъ фонъ Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ (стр. 388), бывшій до того германскимъ посломъ въ Парижѣ; при новомъ намѣстникѣ дѣла нѣсколько поправились, благодаря его спокойному и преисполненному достоинства образу дѣйствій. Въ 1894 году князь Гогенлоэ занялъ постъ имперскаго канцлера, а намѣстникомъ Эльзасъ-Лотарингіи былъ назначенъ дядя императрицы, князь Германъ фонъ Гогенлоэ-Лангенбургъ.

Разсуждая по справедливости, слѣдуетъ признать удовлетворительными результаты, достигнутые за первыя 30 лѣтъ послѣ присоединенія имперскихъ земель къ германской имперіи: эльзасъ-лотарингцы мало-по-малу сжились со своимъ новымъ положеніемъ; партія протестующихъ исчезла со сцены и, хотя Эльзасъ-Лотарингія не стала еще германской областью въ полномъ смыслѣ этого слова, но зато она перестала уже быть французской. Причины, вслѣдствіе которыхъ сліяніе этой области съ имперіей подвигается такъ медленно, вполнѣ очевидны, нити, которыя оставались разорванными въ теченіе почти 200 лѣтъ, завязываются вновь не вдругъ, а съ большою постепенностью: 1870-ый годъ, который вызываетъ въ душѣ нѣмца самыя великія и благородныя воспоминанія, былъ для Эльзасъ-Лотарингіи годомъ пораженій и насилія, а счастливыя послѣдствія произошедшей тогда перемѣны даютъ себя чувствовать весьма медленно. Тѣмъ не менѣе, сближеніе между имперскими землями и имперіей подвинулось настолько, что въ іюнѣ 1902 года оказалось возможнымъ отмѣнить параграфъ о диктатурѣ: изъ нѣмцевъ „2-го разряда“ эльзасъ-лотарингцы превратились въ нѣмцевъ „1-го разряда“.

д) Гессенъ-Дармштадтъ и остальныя германскія союзныя государства.

Въ великомъ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ скончался 13 іюня 1877 г. великій герцогъ Людвигъ III (вступилъ на престолъ въ 1848 г., сконч. въ 1877 г.), человѣкъ крайне неспособный и вѣчно носившійся со своими верховными правами. Ему наслѣдовалъ его племянникъ Людвигъ IV (вступилъ на престолъ въ 1877 г., сконч. въ 1892 г.), который состоялъ въ бракѣ съ Алисой, дочерью королевы великобританской Викторіи, и во время войны съ Франціей командовалъ 25-ой дивизіей; при немъ былъ поконченъ въ 1887—1888 году споръ съ католической церковью, который длился очень долго. Сынъ Людвига IV Эрнстъ-Людвигъ (род. въ 1868 году) заключилъ въ 1896 году договоръ объ объединеніи желѣзнодорожной сѣти съ Пруссіей (стр. 434).

Въ Брауншвейгѣ царствующая линія прекратилась послѣ смерти герцога Вильгельма, послѣдовавшей 18 октября 1884 года; такъ какъ ближайшій наслѣдникъ по боковой линіи герцогъ Эрнстъ-Августъ Кумберлендскій, сынъ изгнаннаго и скончавшагося въ 1878 году короля Георга V ганноверскаго (стр. 363), не примирился съ Пруссіей, то союзный совѣтъ назначилъ регентомъ принца Альбрехта прусскаго (род. въ 1837 году), племянника императора Вильгельма I, а герцогу Кумберлендскому стали выдаваться съ 1892 года проценты съ вельфскаго фонда (стр. 365).

Въ Мекленбургъ-Шверинѣ скончался 15 апрѣля 1883 года великій герцогъ Фридрихъ Францъ II, который отличился въ войнѣ 1870 г. съ Франціей (стр. 411), а въ Саксенъ-Кобургъ-Готѣ скончался 22 августа 1893 года герцогъ Эрнстъ II, который участвовалъ въ 1849 году въ сраженіи при Эккернфердѣ (срв. объясненіе къ табл., прилож. къ стр. 252) и уже въ 1860 году въ заключенномъ имъ съ Пруссіей военномъ договорѣ добровольно принесъ чувствительныя жертвы для дѣла германскаго объединенія. Скончавшійся 20 марта 1895 года князь Липпе-Детмольдскій Вольдемаръ оставилъ завѣщаніе, въ которомъ онъ назначилъ опекуномъ своего душевно-больного брата принца Александра и регентомъ принца Адольфа фонъ Шаумбурга, зятя императора; но графъ Эрнстъ Липпе-Бистефельдъ сталъ оспаривать это завѣщаніе. Третейскимъ судомъ, состоявшимъ изъ 6 членовъ имперскаго суда подъ предсѣдательствомъ короля саксонскаго Альберта, регентомъ былъ признанъ въ іюлѣ 1897 года графъ Эрнстъ. Въ Ольденбургѣ скончался 13 іюня 1900 года великій герцогъ Петръ, одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ національнаго объединенія, а въ Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахѣ скончался 5 января 1901 года великій герцогъ Карлъ Александръ, одинъ изъ послѣднихъ очевидцевъ великой веймарской эпохи, который еще видѣлъ Гёте и котораго успѣло еще коснуться непосредственное вліяніе духа великаго поэта.

Б. **Австро-Венгрія.**

а) Австрія.

Австрійское нѣмецко-либеральное „бюргерское“ министерство Гербстъ-Гискра (стр. 380) вышло въ отставку уже въ началѣ 1870 г. частью вслѣдствіе внутренняго разногласія между его членами; тѣмъ не менѣе „конституціонная партія“, опиравшаяся на либеральныхъ нѣмецкихъ бюргеровъ, удержала свое господствующее положеніе; во главѣ либеральнаго кабинета стоялъ отъ 1871 до 1879 года князь Адольфъ Ауэршпергъ. Чехи, которые не признавали конституціи 1861 года, держались вдали отъ рейхсрата и не скрывали своихъ симпатій къ Россіи, какъ первенствующей славянской державѣ. Благодаря этому, положеніе конституціонной партіи мало-по-малу

пошатнулось; а въ началѣ октября 1878 года, когда она высказалась противъ оккупаціи Босніи и Герцоговины Австріей, она окончательно лишилась довѣрія императора Франца Іосифа; онъ считалъ эту оккупацію необходимой для огражденія насущныхъ интересовъ Австро-Венгерской монархіи, такъ какъ, по его мнѣнію, Австріи слѣдуетъ обезпечить за собою выгодное положеніе на Балканскомъ полуостровѣ для противодѣйствія дальнѣйшему распространенію русскаго вліянія. 12-го августа 1879 года австрійскій императоръ призвалъ къ власти министерство графа Эдуарда Тааффе, которое поставило себѣ задачей примиреніе всѣхъ національностей посредствомъ предоставленія имъ всѣмъ равныхъ правъ: программа министерства Тааффе шла въ разрѣзъ съ тѣмъ господствующимъ положеніемъ, которое до того времени занимали нѣмцы, и онъ опирался на славянъ и на вступившихъ съ ними въ союзъ нѣмецкихъ клерикаловъ и феодальное дворянство, въ особенности чешское. Тогда чехи, среди которыхъ болѣе радикальные младо-чехи вытѣснили мало по малу консервативныхъ старо-чеховъ, стали принимать участіе въ рейхсратѣ, захватили власть въ пражскомъ ландтагѣ и добились, между прочимъ, раздѣленія стариннаго нѣмецкаго университета въ Прагѣ на нѣмецкій и чешскій университеты. Теперь нѣмцы въ свою очередь въ теченіи нѣкотораго времени стали воздерживаться отъ всякаго участія въ ландтагѣ.

Мало-по-малу потеряла свое вліяніе среди австрійскихъ нѣмцевъ либеральная конституціонная партія, которая ставила интересы австрійскаго государства выше національности, и ея мѣсто заступили болѣе радикальная „нѣмецкая народная партія“ и „всегерманская“, которая преслѣдуетъ исключительно національные германскіе интересы и во главѣ которой стоятъ такіе упрямые руководители, какъ Георгъ Шенереръ, К. М. Иро и Карлъ Вольфъ; обѣ послѣднія партіи держались рѣзко антисемитскаго направленія въ то время, какъ среди либерально-конституціонной партіи евреи играли вліятельную роль. 11 ноября 1893 года министерство Тааффе пало вслѣдствіе попытки ввести всеобщее равное избирательное право съ цѣлью ослабить вліяніе поляковъ, консерваторовъ и либераловъ въ парламентѣ.

Послѣ неудачной попытки управлять государствомъ посредствомъ „коалиціоннаго министерства“ князя Альфреда Виндишгреца (до 16 іюня 1895 года) во главѣ правительства сталъ 29 сентября 1895 года польскій графъ Казиміръ Бадени. Въ 1896 онъ уступилъ всеобщему избирательному праву выборъ 72 депутатовъ въ то время, какъ остальныя 353 мѣста въ рейхсратѣ попрежнему продолжали замѣщаться посредствомъ права голоса, ограниченнаго имущественнымъ цензомъ; но въ общемъ министерство Бадени держалось славянско-клерикально-феодальнаго направленія; 5 апрѣля 1897 г. Бадени издалъ свое достопамятное распоряженіе о языкахъ, которое требовало отъ всѣхъ чиновниковъ въ Чехіи и Моравіи знанія обоихъ языковъ, чешскаго и нѣмецкаго, начиная съ 1901 года; это правительственное распоряженіе повергло всю австрійскую монархію въ безпредѣльную смуту: оно угрожало распространеніемъ славянскаго вліянія среди чиновничества и нѣмецкаго населенія вообще; нѣмецкія партіи рѣшились всѣми силами выступить противъ распространенія славянскаго вліянія, прибѣгли къ обструкціи, которая совершенно пріостановила дѣятельность парламента, и добились отставки министерства Бадени (28 ноября 1897 года) и отмѣны распоряженія о языкахъ.

Политическія страсти не улеглись послѣ этого: чехи требовали возстановленія распоряженія о языкахъ, ссылаясь на равноправность всѣхъ національностей, а нѣмцы требовали, чтобы нѣмецкій языкъ былъ признанъ закономъ обязательнымъ государственнымъ языкомъ. Это непримиримое разногласіе между нѣмцами и чехами совершенно парализовало дѣятельность рейхсрата на цѣлыхъ 4 года: то нѣмцы, то чехи устраивали

обструкцію. т. е. совершенно пріостанавливали ходъ законодательныхъ работъ посредствомъ длинныхъ рѣчей и запросовъ. Нѣмецкая конституціонная партія все болѣе и болѣе отступала на задній планъ; Вѣну отняла у нея католическая „христіанско-соціальная партія“ подъ предводительствомъ Карла Люгера, котораго императоръ даже утвердилъ въ должности вѣнскаго бургомистра, а на выборахъ 1900 года число депутатовъ пангерманской фракціи также возросло съ 5 до 21. Въ то время, какъ католическое духовенство заигрывало со славянами, въ 1899 году среди католическаго населенія Чехіи и Альпійскихъ областей началось движеніе, которое избрало своимъ лозунгомъ: „Подальше отъ Рима!“; движеніе это продолжаетъ разрастаться до настоящаго времени и привело уже къ образованію многочисленныхъ евангелическихъ и старокатолическихъ общинъ въ мѣстностяхъ съ исключительно католическимъ населеніемъ. Наконецъ избиратели стали роптать на бездѣятельность рейхстрата, отъ которой страдали ихъ экономическіе интересы, и министру Эрнесту фонъ Керберу (вступ. въ должность 19-го января 1900 года) удалось, наконецъ, въ 1901 году склонить враждующія между собою партіи къ прекращенію обструкціи ради экономическихъ интересовъ государства; вновь избранный рейхсратъ сталъ опять способенъ къ законодательной дѣятельности. Тогда было ассигновано на устройство желѣзныхъ дорогъ и каналовъ свыше 700 милліоновъ кронъ, а въ маѣ 1902 года былъ утвержденъ въ первый разъ за 5 лѣтъ бюджетъ государственныхъ расходовъ.

б) Венгрія.

Начиная съ 1867 отношенія между Венгріей и Цислейтаніей регулировались договоромъ, который подлежалъ возобновленію каждыя 10 лѣтъ договоръ этотъ былъ возобновленъ въ 1877 и 1887 гг. Въ третій разъ, въ 1897 году, возобновленіе договора натолкнулось на сильныя затрудненія: во-первыхъ, Цислейтанія потребовала повышенія на 30% доли Венгріи въ общеимперскихъ расходахъ, и, кромѣ того, обструкція, господствовавшая въ рейхсратѣ въ періодъ времени между 1897 и 1901 годами, мѣшала утвержденію этого соглашенія въ законодательномъ порядкѣ. Въ виду неотложной необходимости, въ 1897 году былъ изданъ королевско-императорскій приказъ о временномъ соглашеніи.

Господствующей партіей въ Венгріи все время оставалась либеральная, основанная Деакомъ (стр. 377); въ 1894 году эта партія провела, несмотря на сопротивленіе короны и палаты магнатовъ, законъ, на основаніи котораго гражданскій бракъ былъ признанъ обязательнымъ, всякому венгерскому гражданину было предоставлено право объявить себя не принадлежащимъ ни къ какому вѣроисповѣданію, и еврейское вѣроисповѣданіе было признано равноправнымъ съ католическимъ и протестантскимъ. Въ 1896 году было отпраздновано съ большимъ торжествомъ тысячелѣтіе существованія венгерской націи. Зато нѣмецкому, румынскому и сербскому населенію Венгріи приходилось жаловаться на насильственное угнетеніе своихъ національныхъ правъ; такъ напр. въ 1898 году всѣ немадьярскія названія селеній особымъ закономъ были замѣнены мадьярскими, а министерство Дезидерія Банфи, вступившее во власть 14 января 1895 года, во время выборовъ пустило въ ходъ всевозможныя средства для застращиванія и извращенія общественнаго мнѣнія. 26 февраля 1899 года Банфи вышелъ въ отставку, и власть перешла къ новому кабинету Селля; при новомъ министерствѣ произошелъ небольшой поворотъ къ лучшему, и въ 1901 году выборы были произведены впервые безъ насильственнаго давленія со стороны правительства. Къ оздоровленію общественной жизни послужилъ также и законъ, на основаніи котораго было запрещено совмѣщать званіе депутата съ должностью предсѣдателя какого-либо банка. При ми-

нистерствѣ Селля 10 іюня 1899 года временное соглашеніе между Венгріей и Австріей было продолжено до 1907 года; венгерская доля общеимперскихъ расходовъ была при этомъ повышена до 34,4%. 31 декабря 1902 г. оба правительства окончательно выработали взаимное соглашеніе на 10 лѣтъ согласно конституціи, но до настоящаго времени еще не удалось провести его черезъ оба парламента, австрійскій и венгерскій, въ законодательномъ порядкѣ.

В. Великобританія.

Въ Англіи избирательная реформа 1867 года, предоставившая всѣмъ нанимателямъ квартиръ въ городахъ право участвовать въ выборахъ въ нижнюю палату, была распространена въ 1884 году также и на сельскіе округа: такимъ образомъ нижняя палата, которая была первоначально чисто аристократической корпораціей, постепенно получила совершенно демократическій характеръ. Въ теченіе цѣлаго десятилѣтія ирландскій вопросъ занималъ господствующее положеніе во всей англійской политикѣ. Суть его заключалась въ томъ, что преобладающая масса сельскаго населенія Ирландіи лишилась своей земельной собственности еще въ XII столѣтіи, во время завоеванія Ирландіи англосаксами; съ тѣхъ поръ ирландцы обрабатывали свою землю въ качествѣ арендаторовъ, подвергавшихся жестокой эксплоатаціи со стороны аристократическихъ замлевладѣльцевъ „лэндлордовъ“, которыхъ въ настоящее время насчитывается около 10 тысячъ (срв. томъ VII, стр. 418). Къ этой соціальной неурядицѣ присоединились еще взаимныя національныя антипатіи между ирландцами и англичанами и вѣроисповѣдное различіе, такъ какъ ирландцы почти всѣ католики, а къ евангелическому вѣроисповѣданію принадлежатъ только переселившіеся въ Ирландію англосаксы и сѣверная провинція Ирландіи Ульстеръ съ городомъ Бельфастомъ. Либеральный кабинетъ Гладстона провелъ въ 1881 году законъ, ограждавшій ирландскихъ арендаторовъ отъ чрезмѣрнаго повышенія арендной платы и произвольнаго изгнанія ихъ землевладѣльцами. Однако, этотъ законъ не удовлетворилъ ирландцевъ: ирландская партія подъ предводительствомъ Ч. Парнелля требовала, чтобы арендаторамъ было предоставлено полное право собственности на обрабатываемую ими землю и, кромѣ того, чтобы въ Ирландіи былъ введенъ гомруль, т. е. самоуправленіе съ отдѣльнымъ ирландскимъ парламентомъ въ Дублинѣ. Гладстонъ рѣшился на такой смѣлый шагъ и былъ готовъ исполнить это послѣднее требованіе; но населеніе собственной Англіи было противъ гомруля, и на выборахъ въ нижнюю палату, происходившихъ 7 іюня 1886 года, либеральная партія потерпѣла пораженіе; власть перешла къ союзу, составившемуся изъ торіевъ и такъ называемыхъ либераловъ-уніонистовъ, отдѣлившихся отъ своей партіи. На выборахъ 1892 г. либеральная партія одержала верхъ, и Гладстону удалось провести въ нижней палатѣ билль о гомрулѣ; но въ сентябрѣ 1893 года этотъ билль провалился въ палатѣ лордовъ; вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ палаты лордовъ противниками билля оказались на этотъ разъ также большая часть собственно англійскихъ избирателей, между тѣмъ какъ шотландцы отнеслись сочувственно къ ирландской автономіи.

Въ іюлѣ 1895 года консерваторы и либералы-уніонисты одержали на выборахъ такую блестящую побѣду, что консервативно-уніонистское министерство маркиза Роберта Артура Тальбота Салисбери стало опираться на большинство въ 411 депутатовъ въ то время, какъ оппозиція, состоявшая изъ либераловъ и ирландцевъ, располагала только 254 голосами. Благодаря такому результату новыхъ выборовъ, пропала всякая надежда на введеніе гомруля въ Ирландіи; но ирландцы тѣмъ сильнѣе возненавидѣли англичанъ и каждый разъ, какъ англійскія войска терпѣли пораженія въ

борьбѣ противъ зулусовъ, буровъ или индійскихъ афридіевъ, ирландцы открыто выражали свой восторгъ по поводу злосчастія, постигшаго „пожирателя народовъ Санхерива“. Душой уніонистскаго кабинета сталъ мало-по-малу принадлежавшій къ партіи либераловъ-уніонистовъ статсъ-секретарь колоній Джозефъ Чемберленъ (род. 8 іюля 1836 года). Онъ былъ настоящимъ главою „имперіалистскаго“ движенія, которое пропагандировало тѣсное объединеніе между метрополіей и англійскими колоніями и которое избрало своимъ лозунгомъ: „Greater Britain“ (т.-е. „болѣе великая Британія!“—вмѣсто „Great Britain“—„Великобританія“).

Проведенію имперіалистской политики въ Южной Африкѣ мѣшали двѣ независимыя республики, которыя образовали голландскіе буры, выселившіеся изъ Капской колоніи (ср. т. III, стр. 489): Оранжевая республика (провозглашена 11 марта 1854 г.) и Южно-Африканская — („Трансвааль“, провозглашена 13 февраля 1858 г.). Уже 12 апрѣля 1877 г. Англія наложила было свою руку на Трансвааль; но когда англійскія войска подъ начальствомъ сера Джорджа Колли потерпѣли пораженіе на горѣ Майюбѣ, (27 февраля 1881 года), Англія вынуждена была вновь признать независимость Южно-Африканской республики 3 августа 1881 г. Однако мало-по-малу въ Англіи зародилось стремленіе подчинить подъ власть Великобританіи всю Африку отъ мыса Доброй Надежды до устья Нила. Въ 1879 г. воинственный король кафровъ-зулусовъ Кетчвайо (т. III, стр. 491) со своими 20.000 воиновъ причинилъ не мало бѣдъ пятнадцатитысячному англійскому отряду подъ начальствомъ барона Фр. Авг. Тезиджеръ Чельмсфорда; при Изангильвана (Изандула) на рѣкѣ Тугелѣ была перебита значительная часть 24-го полка (22 января 1879 года),—всего погибло 500 рядовыхъ и 60 офицеровъ; черные захватили полковое знамя и 2 пушки. 1 іюня въ той же войнѣ былъ, между прочимъ, убитъ изъ засады принцъ Людовикъ Наполеонъ, храбрый и подававшій большія надежды сынъ Наполеона III. Въ концѣ концовъ Кетчвайо все-таки не устоялъ предъ превосходствомъ европейскаго военнаго искусства и вынужденъ былъ сдаться въ Улунди 4 іюля 1879 года; его царство было подѣлено между 13 мелкими кафрскими предводителями, но въ 1882 году англичане опять соединили всѣ эти владѣнія въ одно царство подъ властью сына Кетчвайо Динизулу.

Въ 1882 году Англія воспользовалась для своихъ выгодъ возстаніемъ египетской національной партіи подъ начальствомъ Араби-паши противъ хедива Тевфикъ-паши (род. въ 1879 г, скончал. въ 1892 году; срв. т. III, стр. 698), котораго египтяне обвиняли въ непростительной слабости по отношенію къ европейцамъ: англійскій флотъ бомбардировалъ городъ Александрію, а англійскія войска подъ начальствомъ сэра Гарнета Ульслея разбили на голову Араби-пашу при Тель-эль-Кебирѣ. Послѣ этого англичане фактически завладѣли въ 1882 году Египтомъ, въ которомъ вице-королемъ, номинально подчиненнымъ турецкому султану, съ 1892 г. состоитъ сынъ Тевфика, Аббасъ II Хильми.

Въ Суданѣ возникло фанатическое религіозное движеніе подъ предводительствомъ „махди“ Могаметъ-Ахмета; махдисты рѣшили истребить невѣрныхъ, властвовавшихъ надъ мусульманскимъ населеніемъ Судана; 26 января 1885 года „махди“ завоевалъ городъ Хартумъ, несмотря на геройскую оборону этого города англійскимъ генераломъ Гордономъ, который погибъ въ борьбѣ съ махдистами; но преемникъ махди халифъ Абдуллахи (т. III, стр. 544) былъ разбитъ на голову при Омдурманѣ 2 сентября 1898 года англійскимъ генераломъ Китченеромъ, который былъ назначенъ сирдаромъ (главнокомандующимъ) египетскихъ войскъ, а 24 ноября 1899 года халифъ Абдуллахи былъ убитъ (тамъ же стр .549). По договору между Англіей и Египтомъ Китченеръ былъ назначенъ намѣстникомъ Восточнаго Судана; передъ этимъ французскій капитанъ Ж. Б. Маршанъ занялъ было Фашоду на Нилѣ по порученію своего правительства, но англи-

чане стали грозить французамъ войною и принудили ихъ къ позорному отступленію изъ долины Нила въ октябрѣ 1898 года: взамѣнъ этого Западный Суданъ (Вадай и Канемъ) были причислены по договору 21 марта 1899 года къ сферѣ французскаго вліянія.

Послѣ этого Чемберленъ приступилъ съ энергіей къ исполненію своей задачи подчинить подъ власть Англіи всю Африку отъ Нила до мыса Доброй Надежды. Послѣ того, какъ набѣгъ Джемсона на Трансвааль потерпѣлъ неудачу 1 января 1896 г., Чемберленъ потребовалъ въ іюнѣ 1899 года отъ Южно-Африканской республики, чтобы она предоставила всѣ гражданскія права всѣмъ „уитлендерамъ" (иностранцамъ, масса которыхъ наводнила Трансвааль ради іоганесбургскихъ золотыхъ копей), которые прожили въ странѣ не менѣе 5 лѣтъ; это было требованіе весьма опасное для буровъ, такъ какъ натурализованные уитлендеры, благодаря своей численности, въ близкомъ будущемъ получили бы перевѣсъ надъ бурами въ общественныхъ дѣлахъ республики. Кромѣ того, Чемберленъ признавалъ за Англіей право протектората надъ Трансваалемъ на основаніи произвольнаго истолкованія конвенціи, заключенной между Англіей и трансваальскими бурами въ Преторіи въ 1881 году. Президентъ Южно-Африканской республики Крюгеръ, скрѣпя сердце, готовъ былъ исполнить первое требованіе Чемберлена, но онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ примириться со вторымъ; когда же въ Капскую колонію стали прибывать корабли съ англійскими войсками, то Южно-Африканская республика въ союзѣ съ Оранжевой, которой управлялъ энергичный президентъ Мартинъ Штейнъ, предъявили Англіи 9 октября 1899 года ультиматумъ съ требованіемъ вывести англійскія войска изъ Южной Африки. Какъ только Англія отклонила этотъ ультиматумъ, буры приступили къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ англо-бурской войны перевѣсъ былъ на сторонѣ буровъ, благодаря мѣткости ихъ стрѣльбы и ихъ численному превосходству; буры вторглись въ Наталь и Капскую колонію, осадили города Мефкингъ, Кимберлей и Ледисмитъ и въ нѣсколькихъ сраженіяхъ на рѣкѣ Модерѣ и на рѣкѣ Тугелѣ отбили съ тяжкими потерями англійскія войска, которыя шли на выручку этихъ крѣпостей (т. III, стр. 496). Но буры оказались неспособными къ смѣлымъ атакамъ: они стояли въ бездѣйствіи передъ упомянутыми тремя крѣпостями, пока новый британскій главнокомандующій лордъ Робертсъ, начальникомъ штаба котораго былъ назначенъ лордъ Китченеръ, не успѣлъ сосредоточить на театрѣ военныхъ дѣйствій большой арміи, въ нѣсколько разъ превосходившей по своей численности народное ополченіе буровъ. Робертсъ освободилъ Кимберлей, затѣмъ 20 февраля 1900 года онъ взялъ въ плѣнъ бурскаго генерала Кронье съ отрядомъ въ 4.000 челов. при Коодусрандѣ, а въ промежутокъ времени между мѣсяцами мартомъ и іюнемъ онъ занялъ города Блюмфонтейнъ, Іоганнисбургъ и Преторію; 20 іюля 1900 года сдался англичанамъ при Фаурисбургѣ генералъ Мартинъ Принслоо (сконч. 2 февраля 1903 года) съ отрядомъ въ 3.000 человѣкъ. Англичанамъ казалось, что они уже преодолѣли всѣ затрудненія.

Президентъ Крюгеръ (см. его портретъ на табл., прилож. къ стр. 496 III тома) отправился въ октябрѣ 1900 года въ Голландію съ цѣлью хлопотать оттуда о посредничествѣ великихъ державъ, въ особенности Россіи,— такъ какъ незадолго предъ тѣмъ миролюбивый молодой русскій императоръ Николай II (вступилъ на престолъ 1 ноября 1894 года) устроилъ конференцію всѣхъ великихъ державъ въ Гаагѣ (отъ 18 мая до 29 іюля 1899 года) по вопросу о всеобщемъ разоруженіи; по этому вопросу не могло состояться никакого соглашенія, но конференція выработала болѣе человѣчные пріемы веденія войны и учрежденіе постояннаго международнаго третейскаго суда въ Гаагѣ. Никакого вмѣшательства державъ въ англо-бурскую войну не послѣдовало, такъ какъ Англія рѣзко

отклонила всякую мысль о посредничествѣ, и ни одна держава не рѣшилась открыто выступить противъ повелительницы надъ морями. Чемберленъ настаивалъ на безусловномъ подчиненіи буровъ; король Эдуардъ VII, который занялъ англійскій престолъ послѣ смерти своей престарѣлой матери, королевы Викторіи, 22 января 1901 года, принялъ титулъ верховнаго повелителя Трансваальской колоніи и колоніи Оранжевой рѣки (Supreme Lord of and over Transvaal colony, Supreme Lord of and over Orangeriver-colony). Буры были доведены до отчаянія благодаря чрезмѣрнымъ требованіямъ англичанъ и тѣмъ жестокимъ пріемамъ, которые англичане пустили въ ходъ въ южно-африканской войнѣ: англичане сжигали фермы и уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Подъ предводительствомъ Христіана Девета въ Оранжевой республикѣ и Луи Бота съ его помощниками Деляреемъ, Беерсомъ, Вильюномъ, Хр. Бота и I. К. Смутсомъ въ Трансваалѣ буры вступили съ англичанами въ страшную партизанскую войну, между тѣмъ, какъ голландское населеніе Капской колоніи оставалось спокойнымъ, несмотря на неоднократное вторженіе буровъ въ эту колонію. Народъ, состоящій всего изъ 300.000 душъ, въ числѣ которыхъ было не болѣе 60.000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, стойко оборонялся противъ величайшей міровой державы, которая, впрочемъ, могла пользоваться только наемными солдатами въ виду отсутствія въ Англіи всеобщей воинской повинности (всего было отправлено въ Африку до 300.000 чел.).

20 февраля 1901 года состоялось въ Миддельбургѣ свиданіе между Китченеромъ и Луи Бота; но Бота не принялъ мирныхъ условій, предложенныхъ англійскимъ правительствомъ 7 марта, такъ какъ Англія отклонила слѣдующія требованія буровъ: признаніе ихъ независимости и амнистію для повстанцевъ изъ Капской колоніи. Въ сентябрѣ Китченеръ сталъ прибѣгать къ высылкѣ изъ Африки всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ бурскихъ предводителей и къ конфискаціи имущества сражающихся бюргеровъ „для пропитанія ихъ семействъ“; нѣкоторыхъ плѣнныхъ бурскихъ офицеровъ, которые были уроженцами Капской колоніи, онъ велѣлъ предать военному суду, какъ бунтовщиковъ, и они были разстрѣляны. Такъ какъ ни та, ни другая сторона не были въ состояніи одержать окончательной побѣды, то 31 мая 1902 года былъ заключенъ въ Преторіи миръ, при чемъ буры признали Эдуарда VII своимъ „законнымъ государемъ“, а англичане въ свою очередь обѣщали предоставить имъ автономію и выдали имъ сумму около 30 милл. рублей на возстановленіе разрушенныхъ фермъ; повстанцы изъ Капской колоніи въ наказаніе подверглись только лишенію политическихъ правъ. 1 февраля 1903 года генералъ-лейтенантъ Невилъ Джеральдъ Литльтонъ въ Преторіи былъ назначенъ главнокомандующимъ надъ всѣми англійскими войсками въ южной Африкѣ отъ рѣки Замбези до мыса Доброй Надежды.

Г. **Франція.**

а) Внутреннія событія.

Огромное большинство избраннаго 8 февраля 1871 года національнаго собранія принадлежало къ монархическому направленію, а такъ какъ парижане были республиканцами, то собраніе назначило мѣстопребываніемъ французскаго правительства Версаль. Страхъ предъ возстановленіемъ монархіи и оскорбленная гордость парижанъ, которые называли свою столицу „сердцемъ Франціи“ въ противоположность провинціи, послужили толчкомъ къ ужасному возстанію, которое называютъ возстаніемъ коммуны по имени выбраннаго парижскимъ пролетаріатомъ собранія городскихъ представителей, исполнявшаго обязанности временнаго правительства. 28 марта была провозглашена „коммунистическая республика“, и париж-

ское временное правительство прибѣгло для добыванія средствъ къ принудительнымъ займамъ у состоятельной части парижскаго населенія и къ конфискаціи имущества религіозныхъ конгрегацій. При заключеніи перемирія въ январѣ 1871 года оружіе не было отобрано у парижанъ по настоятельной просьбѣ ослѣпленнаго Фавра; при помощи этого оружія парижскіе революціонеры отражали въ теченіе 2 мѣсяцевъ нападенія регулярной арміи подъ начальствомъ маршала Макъ-Магона.

Только послѣ цѣлаго ряда кровопролитныхъ сраженій войскамъ удалось ворваться въ городъ; предчувствуя близкую гибель, коммунары изъ мести къ побѣдителямъ въ отчаяніи разрушили Вандомскую колонну, сожгли Тюильри, ратушу и другія общественныя зданія и разстрѣляли попавшихся въ ихъ руки духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ парижскаго архіепископа Жоржа Дарбуа. Версальское правительство въ отместку казнило военнымъ судомъ на площади Сатори 26 зачинщиковъ, а около 10.000 человѣкъ, которые были забраны съ оружіемъ въ рукахъ, были присуждены къ ссылкѣ на каторжныя работы въ колоніи или къ тюремному заключенію въ самой Франціи. Въ бою пало убитыми и ранеными 7500 солдатъ и 6500 повстанцевъ.

Эти ужасныя событія на первыхъ порахъ усилили въ глазахъ французовъ престижъ монархіи, но Тьеръ воспротивился возстановленію монархіи, находя, что консервативная республика будетъ такой формой правленія, съ которой его соотечественникамъ легче всего будетъ ужиться. Тьеръ вызвалъ противъ себя такое неудовольствіе, что вынужденъ былъ отказаться отъ должности президента исполнительной власти въ маѣ 1873 года, когда Франція не была еще вполнѣ очищена отъ германскихъ войскъ, несмотря на то, что благодаря его стараніямъ была ускорена выплата пятимилліардной контрибуціи, и Франція окончательно освободилась отъ германской оккупаціи уже въ теченіе того же 1873 года; преемникомъ Тьера былъ избранъ маршалъ Макъ-Магонъ (стр. 398). Но къ счастью для французскихъ республиканцевъ между монархистами существовалъ глубокій расколъ, и они дѣлились на три различныхъ направленія: приверженцевъ династіи Бурбоновъ, Орлеанской династіи и бонапартистовъ; возстановить французскій тронъ становилось дѣломъ очень труднымъ, такъ какъ посадить на него можно было только одну изъ этихъ трехъ династій. Тогда претенденты изъ Орлеанскаго дома отказались отъ своихъ правъ на французскій престолъ въ пользу своего бездѣтнаго родственника Генриха Бурбона (его приверженцы называли его Генрихомъ V), который жилъ въ Фросдорфѣ около Вѣны подъ именемъ графа Шамбора; Макъ-Магонъ былъ уже готовъ передать власть надъ Франціей въ руки короля изъ дома Бурбоновъ; но графъ Шамборъ потребовалъ, чтобы французское трехцвѣтное національное знамя было вновь замѣнено Бурбонскимъ знаменемъ съ бѣлыми лиліями. Графъ Шамборъ хотѣлъ, чтобы Франція воочію показала, что она вернулась назадъ къ общественнымъ воззрѣніямъ дореволюціонной эпохи, но пойти на подобный шагъ въ 1873 году—на это не хватило мужества даже у значительной части роялистовъ, которые принадлежали къ болѣе умѣренному направленію. Въ 1875 году республиканскій строй пріобрѣлъ подъ собой болѣе прочную почву, такъ какъ было установлено закономъ, что президентъ остается въ своей должности ограниченный срокъ, именно семь лѣтъ.

Въ 1877 году Макъ-Магонъ опять пустилъ было въ ходъ нѣкоторыя махинаціи для возстановленія монархіи во Франціи, но ему пришлось отступить передъ энергіей Гамбетты (стр. 406) и передъ жизненной силой республиканской идеи; выборы дали сильное республиканское большинство, и 30 января 1879 года Макъ-Магонъ уступилъ свое мѣсто республиканцу Жюлю Греви, такъ какъ его дѣло оказалось безнадежно проиграннымъ. Преемникомъ Греви былъ Франсуа Сади-Карно, за нимъ слѣдовали Ж. П.

П. Казиміръ-Перье, Феликсъ Форъ, а съ 18 февраля 1899 года постъ президента французской республики занимаетъ Эмиль Лубэ. Греви вынужденъ былъ выйти въ отставку 1 декабря 1887 года, до наступленія срока президентскихъ выборовъ, изъ за подлоговъ, совершенныхъ его зятемъ Даніелемъ Вильсономъ; Карно погибъ 24 іюня 1894 года въ Ліонѣ отъ руки итальянца анархиста Санто-Казеріо, который нанесъ французскому президенту ударъ кинжаломъ; Казиміръ Перье тоже вышелъ въ отставку ранѣе окончанія срока своей службы 15 января 1895 года, разочаровавшись въ званіи президента, которое имѣетъ много внѣшняго блеска, но даетъ слишкомъ мало дѣйствительной власти, а Форъ скончался скоропостижно отъ мозгового удара 16 февраля 1899 года.

Монархисты потеряли во Франціи всѣ шансы на успѣхъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ папа Левъ XIII въ 1892 году предписалъ католикамъ оставаться вѣрными существующей конституціи; партія, повинующаяся папѣ, называетъ себя возсоединившимися (ralliés). Республиканскія идеи прочно укоренились во Франціи; французская республика выдержала съ успѣхомъ тяжелое испытаніе, состоявшее изъ ряда скандальныхъ процессовъ, сильно взволновавшихъ общественное мнѣніе всей Франціи, въ которыхъ оказались замѣшанными много видныхъ политическихъ дѣятелей. Сюда относится прежде всего такъ называемое панамское дѣло; въ декабрѣ 1888 г. произошелъ крахъ акціонернаго общества, строившаго Панамскій каналъ; послѣ цѣлаго ряда разоблаченій въ печати и наряженія парламентскихъ слѣдствій дѣло дошло до суда, и судебными приговорами отъ 24 марта 1893 года и 30 декабря 1897 года было установлено, что панамское общество истрачивало большія суммы на подкупъ депутатовъ парламента и министровъ. Затѣмъ послѣдовалъ процессъ еврейскаго капитана Альфреда Дрейфуса; 22 декабря 1894 года онъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ, именно въ выдачѣ военныхъ тайнъ иностранной державѣ, былъ лишенъ съ позоромъ воинскаго званія и сосланъ въ одиночное заключеніе на Чертовъ Островъ недалеко отъ Кайенны; въ печати и въ обществѣ начались шумные протесты по поводу осужденія завѣдомо невиннаго человѣка, и послѣ этого процессъ Дрейфуса былъ подвергнутъ пересмотру 9 сентября 1899 года; но, благодаря проискамъ клерикально-націоналистической партіи, онъ былъ вновь осужденъ на десятилѣтнее заключеніе въ крѣпости; въ виду очевидной пристрастности и несправедливости судебнаго приговора президентъ Лубэ 19 сентября помиловалъ Дрейфуса. Несмотря на разгорѣвшіяся страсти и на всѣ происки націоналистической партіи, наигрывавшей на чувствительной струнѣ французскаго патріотизма, дѣло Дрейфуса не только не поколебало, но еще сильнѣе упрочило республиканскій строй во Франціи. Напротивъ того, французская республика катится по наклонной плоскости все дальше налѣво; въ іюнѣ 1899 года въ министерство вступилъ даже въ должности министра торговли соціалъ-демократъ Александръ Мильеранъ (стр. 429). Въ мартѣ 1901 года министерство П. М. Вальдекъ-Руссо выступило въ палатѣ депутатовъ съ проектомъ „закона о конгрегаціяхъ“, который имѣлъ въ виду подчинить надзору со стороны государства монашескіе ордена, не перестававшіе подкапываться подъ „атеистическую“ республику; ордена, не подчиняющіеся этому надзору, подлежали распущенію; кромѣ того, всѣ вообще монашескіе ордена предполагалось лишить права преподаванія.

Въ періодъ времени между 1887 и 1891 годами произошелъ во многихъ отношеніяхъ весьма поучительный эпизодъ, связанный съ именемъ генерала Ж. Е. Ж. М. Буланже. Отъ января 1886 года до іюня 1887 года этотъ французскій генералъ состоялъ военнымъ министромъ; за это время онъ пріобрѣлъ громадную популярность; весною 1887 года онъ чуть было не вызвалъ войны между Франціей и Германіей, а, начиная съ апрѣля 1888 года, онъ велъ дѣятельную агитацію въ пользу пересмотра конституціи въ

цезаристическомъ духѣ. Когда онъ появлялся на парижскихъ улицахъ верхомъ на великолѣпномъ ворономъ конѣ, то толпа привѣтствовала его громкими криками восторга. Однако въ концѣ концовъ министръ И. А. Э. Констанъ принялъ противъ Буланже рѣшительныя мѣры и въ мартѣ 1889 года привлекъ его къ верховному суду по обвиненію въ заговорѣ противъ конституціи. Буланже испугался судебнаго приговора и, такъ какъ у него не хватало смѣлости поднять открытое возстаніе, то онъ бѣжалъ 8 апрѣля въ Брюссель, а 30 сентября 1891 года онъ покончилъ съ собой самоубійствомъ.

б) Внѣшняя политика Франціи.

Въ области внѣшней политики третья республика сдѣлала весьма значительныя пріобрѣтенія. 12 мая 1881 года она воспользовалась своими благопріятными отношеніями къ Германіи и заставила тунисскаго бея Сиди Али (сконч. 11-го іюня 1902) подчиниться французкому протекторату; благодаря этому значительно усилилось положеніе Франціи на Средиземномъ морѣ. Въ 1883—1885 годахъ Франція пріобрѣла область Тонкинъ въ Дальней Индіи послѣ богатой перипетіями борьбы съ Китаемъ. 2 октября 1893 года французы оттѣснили сіамцевъ за рѣку Меконгъ, а 6 августа 1896 года Франція присоединила къ своимъ колоніальнымъ владѣніямъ островъ Мадагаскаръ. На материкѣ Африки Франція тоже пріобрѣла вновь обширныя владѣнія. Въ 1892 году она заняла негритянское государство Дагоме (т. III, стр. 483), и въ то же время французскому вліянію подчинился весь западный Суданъ отъ Тимбукту до рѣки Конго: французы господствуютъ на озерѣ Чадъ, и ихъ владѣнія обезпечены договорами съ Германіей и Англіей; только долину рѣки Нила французамъ пришлось предоставить исключительному вліянію Англіи (Фашода; см. выше, стр. 445).

Въ первые годы послѣ франко-прусской войны французы увлекались горячимъ желаніемъ отомстить нѣмцамъ и возвратить себѣ Эльзасъ-Лотарингію; но эта мечта оказалась неосуществимой. Непрерывное совершенствованіе военныхъ силъ Германіи и всевозрастающій численный перевѣсъ германскаго населенія надъ французскимъ (въ 1901 г. въ Германіи было 56,000,000 населенія, а во Франціи всего 38,000,000) лишили французовъ всякой надежды на побѣду въ войнѣ между ними и Германіей. Въ 1891 г., въ царствованіе Александра III, было положено начало двойственному союзу между Франціей и Россіей, а при Николаѣ II состоялось окончательное заключеніе этого союза (рѣшающее значеніе имѣло посѣщеніе Франціи русскимъ императоромъ 6—9 октября 1896 года; обратный визитъ президента Фора произошелъ 23—26 августа 1897 года); этотъ союзъ вывелъ Францію изъ ея изолированнаго положенія, но, по справедливому признанію газеты „Siècle“ отъ 19-го сентября 1901 года, онъ сдѣлалъ невозможнымъ обратное завоеваніе потерянныхъ Франціей провинцій хотя бы по той причинѣ, что Россія должна стремиться поддерживать добрыя отношенія съ Германіей, какъ съ ближайшей сосѣдней державой. Вслѣдствіе недоразумѣнія, возникшаго между французскимъ правительствомъ и турецкимъ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ II, который не удовлетворилъ требованій нѣкоторыхъ французскихъ гражданъ, французская эскадра подъ командой вице-адмирала Леонса Альбера Кайльяра была отправлена къ острову Митиленэ въ ноябрѣ 1901 года; султанъ уступилъ, призналъ французскія школы и больницы, существующія въ Турціи, свободными отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ и избавилъ такимъ образомъ островъ Митиленэ отъ участи острова Кипра, который англичане захватили въ 1878 году и съ тѣхъ поръ удерживаютъ въ своемъ владѣніи.

Д. Испанія.

а) Семидесятые и восьмидесятые годы.

Когда провалилась кандидатура принца Леопольда Гогенцоллерна (стр. 392), испанцы возвели на престолъ 4 декабря 1870 года принца Амедея Савойскаго, второго сына Виктора Эмануила II; но этотъ благородный человѣкъ отказался опять отъ престола уже черезъ два года 11 февраля 1873 года, такъ какъ изъ за вѣчныхъ раздоровъ между партіями онъ не могъ заниматься никакой полезной дѣятельностью. Не удержалась долго и республика подъ управленіемъ донъ Эмиліо Кастеляра, и противъ нея сейчасъ же поднялось карлистское возстаніе (срв. т. IV, стр. 561). 14 января 1875 года испанскимъ королемъ былъ провозглашенъ Альфонсъ XII, сынъ изгнанной Изабеллы. Въ 1876 году новый король подавилъ возстаніе карлистовъ, которые отвергали прагматическую санкцію 1830 года (т. IV, стр. 562) и не признавали правъ королевы Изабеллы и ея сына на испанскій престолъ; карлисты выставляли своимъ претендентомъ „герцога мадридскаго" донъ-Карлоса (род. въ 1848 г.; внукъ брата Фердинанда VII; см. „Развѣтвленія дома Бурбоновъ" въ девятомъ дополнительномъ томѣ). Донъ Карлосу, который упрямо отстаивалъ свои притязанія на испанскій престолъ, пришлось вновь отправиться въ изгнаніе. 25 ноября 1885 года скончался король Альфонсъ XII, который подавалъ нѣкоторыя надежды, управленіе государствомъ перешло къ его вдовѣ Маріи Христинѣ Австрійской, а наслѣдникомъ престола былъ признанъ ребенокъ, которымъ она была беременна; 17 мая 1886 года она родила Альфонса XIII (17 мая 1902 года онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ). Во время регентства Маріи Христины 1 мая 1890 года въ Испаніи было введено всеобщее избирательное право (однако, не равное для всѣхъ).

б) Война между Испаніей и Соединенными Штатами Сѣверной Америки.

Въ 1895 году на островѣ Кубѣ опять поднялось возстаніе противъ владычества испанцевъ. Кубанцы обвиняли испанское правительство въ безпощадной эксплоатаціи своей родины; кромѣ того, правительство всячески отстраняло мѣстное населеніе отъ всѣхъ болѣе важныхъ общественныхъ должностей. Испанія переправила на островъ Кубу большую армію въ 200,000 человѣкъ, но испанскіе намѣстники, тѣмъ не менѣе, не могли совладать съ возстаніемъ; въ то же время вспыхнуло возстаніе на Филиппинскихъ островахъ, которые страдали отъ хищничества монашескихъ орденовъ. Кубанскіе повстанцы уже давно получали втайнѣ поддержку изъ Сѣверной Америки, но въ 1898 году Соединенные Штаты открыто вмѣшались въ отношенія между Испаніей и Кубой; американцы руководствовались отчасти „доктриной Монроэ" въ распространенномъ видѣ (т. I, стр. 510), отчасти же ихъ побуждало желаніе завладѣть островомъ, производящимъ въ огромныхъ количествахъ сахаръ и табакъ превосходнаго качества. Когда Испанія не согласилась отказаться отъ острова Кубы, президентъ Уильямъ Макъ-Кинлей объявилъ ей войну; часть американскаго флота подъ командой Джорджа Дьюи уничтожила состоявшую изъ устарѣлыхъ судовъ испанскую эскадру въ бухтѣ Кавите около Манилы (1 мая), а другая часть американскаго флота подъ командой Уильяма Томаса Сампсона, а затѣмъ Уинфильда Скотта Шлей уничтожила другую испанскую эскадру около гавани Сантъ-Яго на Кубѣ (3 іюля); послѣ кровопролитной борьбы американцы взяли приступомъ крѣпость Сантъ-Яго, и Марія Христина была вынуждена подписать Парижскій мирный договоръ 10 декабря 1898

года, по которому Испанія уступила Соединеннымъ Штатамъ Кубу, Порто-рико и Филиппинскіе острова. Испанія, которой принадлежала въ XVI столѣтіи почти половина Новаго Свѣта, сразу лишилась почти всѣхъ своихъ все еще значительныхъ колоніальныхъ владѣній; при настоящихъ условіяхъ оставшіяся въ ея владѣніи группы острововъ Каролинскихъ, Палау и Маріанскихъ не имѣли для нея никакой цѣны, она продала ихъ 19 іюня 1899 года Германской имперіи за 17,000,000 марокъ и уничтожила свое министерство колоній. Въ настоящее время у Испаніи остались только слѣдующія заморскія владѣнія: острова Фернандо-По и Аннобомъ противъ Камеруна, Канарскіе острова, затѣмъ Цеута, владѣнія на Золотомъ берегу и Кориско.

Благодаря кубанской войнѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ усилилось новое политическое теченіе, имперіалистское; имперіалисты руководствуются традиціоннымъ правиломъ Монроэ „Америка для американцевъ!“, такъ какъ на этомъ правилѣ они обосновываютъ право Соединенныхъ Штатовъ на преобладающее вліяніе на всемъ американскомъ материкѣ (эту теорію американцы примѣнили на практикѣ, между прочимъ, во время смутъ въ Венецуэлѣ); но они идутъ еще дальше и стремятся къ созданію міроваго государства, господствующаго на Великомъ океанѣ. Первымъ шагомъ къ этой намѣченной цѣли послужило присоединеніе къ Соединеннымъ Штатамъ Сандвичевыхъ острововъ въ іюнѣ 1897 года. 17 января 1893 года была свергнута съ престола королева Лиліуоколани и провозглашена республика, а послѣ этого парламентъ сталъ хлопотать о присоединеніи къ Соединеннымъ Штатамъ; дальнѣйшими этапами на томъ же пути имперіалистской политики были завоеваніе Филиппинскихъ острововъ, первобытные жители которыхъ, тагалы, и теперь еще не сложили оружія предъ своими новыми господами, несмотря на то, что ихъ предводитель Эмиліо Агуинальдо былъ взятъ зъ плѣнъ американцами; затѣмъ послѣдовалъ захватъ Каролинскаго острова Гуамъ и острововъ Самоанской группы Тутуила и Мануа (эти владѣнія обезпечены договоромъ съ Германіей отъ 2 декабря 1899 года. Новая политика Соединенныхъ Штатовъ легко можетъ привести къ столкновеніямъ съ другими великими державами; и теперь уже пришлось увеличить численность постояннаго войска съ 25,000 до 100,000 человѣкъ и усилить въ значительной степени военный флотъ. Правда, Соединенные Штаты въ послѣдніе годы достигли такого могущества, что это государство оказывается грознымъ конкурентомъ для Европы; этимъ могуществомъ они обязаны быстрому росту своего народонаселенія (1 іюня 1900 года въ Соединенныхъ Штатахъ было всего жителей 76 милліоновъ, т. е. на 21% больше, чѣмъ въ 1890 году) и гигантскому росту американской промышленности подъ защитой введеннаго въ 1890 году протекціонистскаго таможеннаго тарифа Макъ Кинлея. Громадное развитіе капиталистическаго производства въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки повело, съ одной стороны, къ созданію картелей („трестовъ“, какъ, напримѣръ, керосиновый трестъ, сахарный трестъ и др.) и къ чрезмѣрному накопленію богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ („милліардеровъ“, какъ, напримѣръ, Ж. Ж. Асторъ, Эндрю Карнеджи, Джой Гульдъ, Пирпонтъ Морганъ, Джонъ Рокфеллеръ и др.); вслѣдъ за ростомъ капиталистическаго производства въ Новый Свѣтъ проникла также борьба между капиталомъ и трудомъ; капиталисты внесли деморализацію въ политическую жизнь страны, государственные интересы и государственныя должности стали орудіемъ для удовлетворенія корыстолюбія и средствомъ для обогащенія вліятельныхъ членовъ той партіи, которая въ данный моментъ стоитъ у власти. Президентъ Ж. А. Гарфильдъ былъ убитъ 2 іюля 1881 года искателемъ теплаго казеннаго мѣстечка по имени Чарльзъ Гито, которому президентъ отказалъ, а 14 сентября 1901 года президентъ Макъ Кинлей погибъ отъ ранъ, которыя нанесъ ему анархистъ Леонъ Чолгошъ въ Буффало 6 сентября.

Е. Италія.

Въ Итальянскомъ королевствѣ наиболѣе вліятельной партіей была отъ 1861 до 1876 года умѣренно-консервативная („Consorteria"), основанная Кавуромъ. Частью вслѣдствіе промаховъ этой партіи, частью вслѣдствіе интригъ на почвѣ неудовлетвореннаго честолюбія въ 1876 году одержала верхъ парламентская лѣвая; только въ 1891 году, и то на короткое время, власть перешла было вновь къ правой подъ главенствомъ маркиза Антоніо Старрабба ди Рудини. Лѣвая отмѣнила пошлину за размолъ зерна, которая ложилась на такой насущный для бѣднаго населенія предметъ потребленія, какъ хлѣбъ; эта партія предоставила избирательное право всѣмъ итальянцамъ, которые умѣютъ читать и писать и уплачиваютъ незначительный налогъ. Однако, лѣвая не предприняла почти никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ тяжелаго положенія, въ которомъ находились бѣднѣйшіе классы итальянскаго населенія, особенно сельскіе рабочіе въ сѣверной Италіи, въ провинціи Базиликата и въ Сициліи, а также горнорабочіе, занятые добычей сѣры на томъ же островѣ; населеніе Сициліи, кромѣ того, жило въ вѣчномъ страхѣ, который нагоняло на него своими террористическими поступками тайное общество „маффія". Благодаря вздорожанію цѣнъ на предметы первой необходимости, соціалисты и революціонеры неоднократно поднимали открытыя возстанія противъ существующаго правительства въ Миланѣ, Анконѣ, Романьѣ и въ Южной Италіи; революціонеры вполнѣ завладѣли было Миланомъ между 6 и 12-мъ мая 1898 года, и порядокъ удалось возстановить только послѣ кровопролитныхъ столкновеній, во время которыхъ оказалось 54 человѣка убитыхъ и цѣлыя сотни раненыхъ. Мирнымъ отношеніямъ между Италіей и сосѣдними державами мѣшала, начиная съ 1878 года, агитація приверженцевъ „Italia irredenta" (неискупленная Италія), которые мечтали о присоединеніи къ итальянскому королевству всѣхъ „неискупленныхъ" итальянцевъ, живущихъ внѣ границъ итальянскаго королевства (въ Тріестѣ, Далмаціи, Итальянскомъ Тиролѣ, Швейцарскомъ кантонѣ Тессинѣ и въ Ниццѣ); въ особенности же ирредентистская пропаганда мѣшала сближенію между Италіей и Австріей, а, слѣдовательно, и Германіей; этимъ обстоятельствомъ воспользовались французы, и подъ тѣмъ предлогомъ, что пограничныя тунисскія племена крумировъ совершаютъ набѣги на алжирскую территорію, они захватили подъ самымъ носомъ у итальянцевъ Тунисъ (provincia Africa древнихъ римлянъ; срв. т. IV, стр. 231), который былъ предметомъ вожделѣній самихъ итальянцевъ. Наученный горькимъ опытомъ, насколько опасна политика „свободныхъ рукъ", итальянскій король Гумбертъ I (Umberto), благородный сынъ Виктора Эммануила II (царствовалъ съ 1878 до 1900 г.), въ мартѣ 1887 года вступилъ въ тройственный союзъ съ Австріей и Германіей по совѣту министра графа К. Фел. Ник. Робилана; упроченію тройственнаго союза способствовала немало политика итальянскаго государственнаго дѣятеля Франческо Криспи, и вплоть до настоящаго времени этотъ союзъ служитъ главной опорой европейскаго мира. Онъ укрѣпилъ положеніе Италіи на Средиземномъ морѣ и оказался самымъ дѣйствительнымъ оплотомъ противъ французскихъ поползновеній на Триполи. Италія сдѣлала попытку подчинить Абиссинію своему протекторату; хотя итальянцамъ удалось завладѣть Ассабомъ въ 1881 году и Массовой въ 1885 году, но 1 марта 1896 года императоръ абиссинскій Менеликъ со своей арміей въ 90,000 человѣкъ разбилъ и почти совершенно уничтожилъ итальянскій отрядъ численностью въ 15,000 подъ командой Ор. Баратіери около Абба-Гарима къ востоку отъ Адуи; абиссинскій негусъ увелъ 3,000 плѣнныхъ итальянскихъ солдатъ внутрь Абиссиніи, а 26 октября 1896 года онъ принудилъ итальянцевъ къ мирному договору, по которому они признали

независимость Абиссиніи, а границы итальянской колоніи на Красномъ морѣ („Эритреи“) были сужены; въ настоящее время итальянскія владѣнія простираются только отъ Массовы до рѣкъ Марабъ и Белеза. Нѣсколько разъ, какъ, напримѣръ, въ 1894 году, общественное мнѣніе Италіи было сильно взволновано скандальными банковскими процессами, отъ которыхъ пострадала между прочимъ репутація нѣкоторыхъ выдающихся министровъ. 29 іюля 1900 года король Гумбертъ былъ убитъ въ Монцѣ выстрѣломъ изъ револьвера отъ руки подосланнаго изъ Америки анархиста Гаэтана Бреши; Гумберту наслѣдовалъ его сынъ Викторъ-Эммануилъ III (род. въ 1869 году), который вступилъ въ бракъ съ княжной Еленой Черногорской (24 октября 1896 года) и благодаря этому сблизился съ населеніемъ другого берега Адріатическаго моря. Экономическое положеніе Италіи значительно улучшилось съ тѣхъ поръ, какъ африканская авантюра перестала истощать средства этой страны и какъ былъ заключенъ торговый договоръ съ Франціей; четырехпроцентная итальянская рента шла съ 1901 году почти по номинальной цѣнѣ. Тройственный союзъ былъ возобновленъ въ 1902 году.

Папство не перестаетъ быть непримиримымъ врагомъ итальянскаго національнаго государства, которое лишило папу его свѣтскихъ владѣній. Папа запретилъ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ церкви принимать участіе въ выборахъ во вторую палату, такъ какъ такое участіе было бы съ ихъ стороны признаніемъ „узурпаторскаго“ итальянскаго королевства; благодаря такому папскому запрету, консервативная партія остается почти въ полномъ бездѣйствіи, а это, конечно, приходится на руку радикаламъ. Курія до сихъ поръ не изъявила оффиціальнаго согласія на законъ о гарантіяхъ, изданный въ маѣ 1871 года, который заключаетъ въ себѣ признаніе независимости папы и его правъ на владѣніе Ватиканомъ и обезпечиваетъ за нимъ ежегодную ренту въ 3,000,000 лиръ; папа не принимаетъ этого закона на томъ основаніи, что онъ изданъ правительствомъ итальянскаго королевства, за которымъ курія не признаетъ права на существованіе.

Ж. **Швейцарія.**

Въ экономическомъ отношеніи Швейцарскій союзъ сталъ быстро подвигаться впередъ, начиная приблизительно съ 1860 года; посредствомъ торговыхъ договоровъ съ сосѣдними государствами Швейцарія пріобрѣла обширные и богатые рынки для произведеній своей промышленности, а благодаря большимъ желѣзнодорожнымъ линіямъ, проведеннымъ черезъ Сенъ-Готардъ, подъ которымъ былъ проложенъ въ 1882 году туннель длиною въ 15 километровъ въ Энгадинъ и къ Бернскому плато, сильно увеличилось число иностранцевъ, посѣщающихъ Швейцарію, отъ которыхъ она получаетъ ежегодно значительный доходъ.

Союзная конституція, равно какъ и конституціи многихъ отдѣльныхъ кантоновъ измѣнились съ теченіемъ времени въ демократическомъ духѣ. Начиная съ 1869 года, кантоны Цюрихъ, Базель, Бернъ и нѣкоторые другіе, одинъ за другимъ, ввели у себя „референдумъ“, т. е. всенародное голосованіе новыхъ законовъ; 29 мая 1874 года союзная конституція была преобразована въ либерально-централистическомъ направленіи. Къ компетенціи союзныхъ учрежденій были отнесены изданіе законовъ по вопросамъ обязательственнаго, торговаго и вексельнаго правъ и всѣ дѣла по управленію арміей и церковью; кромѣ того, имъ была предоставлена значительная власть по вопросамъ народнаго хозяйства. Въ то же время былъ учрежденъ верховный союзный судъ, центральныя гражданскія власти приняли въ свое вѣдѣніе регистрацію гражданскихъ состояній (рожденій, браковъ и смертей). Референдумъ былъ допущенъ въ тѣхъ случаяхъ, если 30,000 голосовъ или 8 изъ всѣхъ 22 кантоновъ предложатъ, чтобы самому народу было предоставлено послѣднее слово отно-

сительно какого-нибудь законопроекта, одобреннаго союзнымъ національнымъ совѣтомъ. 5 іюня 1891 года населенію было предоставлено право законодательной инпціативы при томъ условіи, чтобы предложеніе исходило отъ 50,000 человѣкъ. Эти демократическія нововведенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ привели къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ: много полезныхъ законовъ, одобренныхъ законодательными учрежденіями, потерпѣли крушеніе у самой гавани на всенародномъ голосованіи изъ за того, что для проведенія ихъ требовался болѣе или менѣе значительный денежный расходъ. Французскіе кантоны западной Швейцаріи и католическіе кантоны старой Швейцаріи часто дѣйствовали заодно противъ попытокъ къ дальнѣйшей централизаціи; тѣмъ не менѣе, союзу были предоставлены монопольное право изготовленія и продажи алкоголя 28 октября 1885 года, въ 1897 году право надзора за казенными лѣсами и законодательство о торговлѣ съѣстными припасами, а въ 1898 году всенароднымъ голосованіемъ были одобрены принятіе желѣзныхъ дорогъ въ казну и объединеніе гражданскаго и уголовнаго правъ всѣхъ кантоновъ.

Въ 1873 году возникъ споръ между швейцарскимъ союзомъ и римской куріей по поводу того, что епископъ Э. Лаша собственной властью опубликовалъ постановленія ватиканскаго собора. Вслѣдствіе этого столкновенія союзъ уничтожилъ 29 января епископскую каѳедру въ Базелѣ, а 17 февраля изгналъ изъ Швейцаріи Каспара Мермильо, который называлъ себя женевскимъ епископомъ; въ концѣ января союзъ возвратилъ папскому уполномоченному Г. Б. Аньоцци его паспорты. Старокатолическое движеніе сдѣлало большіе успѣхи въ Швейцаріи. 7 іюня 1876 года старокатолики выбрали себѣ особаго („христіанско-католическаго") епископа въ лицѣ Эдуарда Герцога, а въ Бернѣ былъ учрежденъ особый старо-католическій богословскій факультетъ, который, впрочемъ, имѣлъ мало слушателей. Съ теченіемъ времени опять установилось согласіе между государствомъ и церковью: епископство Базельское было возстановлено въ 1884-85 годахъ, но должность папскаго нунція въ Швейцаріи была окончательно отмѣнена.

Соціальное движеніе настоящей эпохи повело въ 1877 году къ установленію въ законодательномъ порядкѣ максимальнаго рабочаго дня въ 11 часовъ, въ 1881 году къ принятію закона объ обязательной отвѣтственности предпринимателей, а въ 1890 году было введено страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и болѣзни. Что касается предложенія соціалъ-демократовъ ввести въ конституцію „право на трудъ", то оно подверглось всенародному голосованію въ 1894 году и было отвергнуто 300,000 голосовъ противъ 73,000. Господствующее положеніе занимаетъ въ Швейцаріи радикально-демократическая партія, а соціалъ-демократы до настоящаго времени не пріобрѣли большого вліянія, хотя они и опираются на радикальный ферейнъ Грютли (срв. томъ VII, стр. 444), который формально перешелъ на ихъ сторону въ 1901 году, и съ 1896 года составляютъ отдѣльную группу въ національномъ совѣтѣ. Такъ какъ консервативно-либеральная партія тоже не могла добиться успѣха, то въ послѣднее время партіи, принадлежащія къ меньшинству, ведутъ пропаганду въ пользу пропорціональнаго представительства въ союзномъ совѣтѣ и въ кантонахъ: такимъ путемъ эти партіи желаютъ достигнуть справедливаго относительнаго участія въ народномъ представительствѣ и въ законодательствѣ.

3. Бельгія.

Благодаря войнѣ 1870—71 гг. Бельгійское королевство освободилось отъ той постоянной опасности, которая угрожала ему со стороны Второй Имперіи (срв. стр. 396). Власть переходила поочередно къ каждой изъ двухъ большихъ партій, либераловъ и клерикаловъ, какъ и въ предыдущее

десятилѣтіе. Изъ политическихъ соображеній обѣ эти партіи выразили готовность отказаться отъ исключительнаго употребленія французскаго языка въ оффиціальныхъ дѣлахъ и въ торговыхъ сношеніяхъ и пойти на уступки по отношенію къ фламандцамъ, которые составляютъ больше половины населенія королевства. Клерикальное министерство барона Ж. Ж. д'Анетана разрѣшило употребленіе фламандскаго языка на судѣ, при либеральномъ министерствѣ Гюб. Жоз. Фреръ-Орбана въ 1878 году фламандскій языкъ былъ допущенъ, какъ языкъ преподаванія въ народныхъ школахъ; въ 1884 году власть снова перешла къ клерикаламъ, и они учредили въ 1886 г. королевскую академію для развитія фламандскаго языка и литературы. Въ 1892 году знаніе обоихъ употребительныхъ въ странѣ языковъ стало обязательнымъ.

Опираясь на большинство въ 18 голосовъ, Фреръ-Орбанъ издалъ 1 іюля 1879 года законъ, по которому въ Бельгіи была введена общинная народная школа безъ преподаванія религіи; обученіе Закону Божію не входило въ школьную программу, но духовнымъ лицамъ предоставлялась для этой цѣли часть школьнаго помѣщенія. Вслѣдствіе двусмысленнаго поведенія куріи, которая открыто уговаривала вѣрующихъ католиковъ подчиниться закону, а втайнѣ подзадоривала ихъ къ сопротивленію, былъ отозванъ въ 1880 году д'Анетанъ, бывшій въ это время бельгійскимъ посланникомъ при Ватиканѣ, а папскому нунцію Серафино Ваннутелли были возвращены его паспорты. Въ 1881 году было увеличено число правительственныхъ гимназій (атенеевъ) и учреждено 50 школъ для дѣвицъ безъ преподаванія религіи. Однако, мало-по-малу въ населеніи распространилось неудовольствіе противъ либеральнаго министерства, такъ какъ новыя школы потребовали отъ общинъ значительныхъ расходовъ (около 22 милл. франковъ ежегодно) и, кромѣ того, министерство Фреръ-Орбана воспротивилось введенію всеобщаго избирательнаго права; на выборахъ 1884 года клерикалы получили большинство въ 20 голосовъ. Тогда клерикальный кабинетъ Жюля Малу издалъ законъ, уполномочивающій общины считать „свободныя" школы, т. е. вѣроисповѣдныя школы, устроенныя духовенствомъ, равнозначущими съ общинными школами по закону 1879 года; такимъ образомъ этотъ законъ былъ фактически отмѣненъ. Ради экономіи общины воспользовались этимъ разрѣшеніемъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ (въ 1,465 случаяхъ), что въ теченіе одного года изъ всѣхъ 1933 общинныхъ школъ 877 были закрыты и замѣнены церковными школами. Дипломатическія сношенія съ куріей были возстановлены въ 1885 году; бельгійскимъ посломъ при Ватиканѣ былъ назначенъ баронъ Э. де Питтерсъ-Гіегарсъ, а въ Брюссель вновь прибылъ папскій нунцій, Доминико Феррата. На слѣдующихъ выборахъ клерикалы получили еще болѣе значительное большинство въ ²/з всѣхъ голосовъ.

Вмѣсто либераловъ, которые распались на умѣренную и радикальную группу, клерикальной партіи пришлось столкнуться съ новымъ грознымъ противникомъ, какъ только въ Бельгіи возникла партія соціалъ-демократовъ. Она получила быстрое распространеніе въ бельгійскихъ промышленныхъ округахъ. Въ мартѣ 1886 года къ неудовольствію рабочихъ пониженіемъ заработной платы присоединилось еще возбужденіе, вызванное празднованіемъ годовщины парижской коммуны, и въ Люттихѣ, Брюсселѣ и Шарльруа вспыхнули бурныя волненія въ рабочей массѣ. Правительство пыталось вступить на путь соціальныхъ преобразованій и сдѣлало кое-какія уступки въ пользу рабочихъ: были учреждены третейскіе суды для разбирательства споровъ между рабочими и фабрикантами, былъ введенъ правительственный надзоръ за промышленными заведеніями, и было запрещено выплачивать заработную плату товаромъ. Однако, клерикалы не оказались на высотѣ своей задачи, они не рѣшились на такія радикальныя мѣры, которыя дѣйствительно были бы въ состояніи обезпечить стро-

гую соціальную справедливость, какъ, напримѣръ, на введеніе всеобщей воинской повинности. На выборахъ 1892 года они потеряли много голосовъ и въ 1893 году они пошли на дальнѣйшія уступки и ввели всеобщее избирательное право, однако, съ той существенной оговоркой, что состоятельные, женатые и получившіе высшее образованіе избиратели имѣютъ по два или по три голоса; благодаря новому закону, число избирателей возросло съ 130,000 до 1,200,000. Такъ какъ въ особенности первая изъ упомянутыхъ оговорокъ давала большое преимущество клерикальной партіи въ провинціи, то она удержала за собою большинство также и на слѣдующихъ выборахъ; либералы и соціалъ-демократы безуспѣшно добивались отмѣны множественнаго права голоса (le vote plural); 14 апрѣля 1902 года была организована для этой цѣли всеобщая забастовка рабочихъ, но ее пришлось прекратить уже 20 апрѣля; а на выборахъ, происшедшихъ 25 мая, клерикалы даже выиграли нѣсколько мѣстъ.

Король Леопольдъ II пріобрѣлъ себѣ великія заслуги своимъ участіемъ въ изслѣдованіи внутреннихъ частей африканскаго материка; при помощи Стенли онъ основалъ государство Конго (срв. т. III, стр. 475), которое обнимаетъ 2,250,000 квадратныхъ километровъ и въ которомъ насчитывается около 14,000,000 жителей. Въ 1885 году это государство было оффиціально признано великими державами во время берлинской конференціи по вопросу о Конго, и король Леопольдъ принялъ титулъ верховнаго владѣтеля государства Конго, такъ какъ въ бельгійской конституціи имѣется параграфъ, разрѣшающій бельгійскому королю принимать на себя подобный санъ. Главное управленіе государствомъ Конго находится въ Брюсселѣ; главныя мѣстныя власти сосредоточены въ городѣ Бомѣ на рѣкѣ Конго и занимаются разработкой природныхъ богатствъ этого громаднаго государства, которое 2 іюля 1890 года, между прочимъ, повысило ввозныя пошлины съ согласія другихъ державъ; для поддержанія внутренняго порядка содержится войско изъ 4,000 солдатъ. Въ 1892 году Бельгія дала государству Конго безпроцентную ссуду въ 25,000,000 франковъ; взамѣнъ этого Бельгіи было предоставлено право по истеченіи 10 лѣтъ купить государство Конго въ свою собственность; 17 іюля 1901 года бельгійская палата приняла послѣ бурныхъ дебатовъ предложеніе правительства объ отсрочкѣ окончательнаго постановленія по вопросу о присоединеніи государства Конго къ Бельгіи.

II. Нидерланды.

Учрежденіе свѣтскихъ народныхъ школъ безъ преподаванія религіи въ Нидерландахъ въ 1857 году также послужило поводомъ къ ожесточенной борьбѣ партій. Съ тѣхъ поръ католики совершенно отдѣлились отъ либераловъ, а среди протестантовъ образовалась христіанско-консервативная, такъ называемая „антиреволюціонная“ партія, которая мало-по-малу пріобрѣла себѣ много сторонниковъ; руководителемъ этой партіи состоитъ энергичный и талантливый реформатскій пасторъ Абраамъ Кюйперъ (род. въ 1837 году). Въ мартѣ 1888 года и затѣмъ также на слѣдующихъ выборахъ 1901 года большинство осталось на сторонѣ соединенной партіи католиковъ и антиреволюціонеровъ; 27 іюля 1901 года составилось консервативное министерство съ Кюйперомъ во главѣ; Кюйперъ поспѣшилъ заявить въ палатѣ, что правительство рѣшилось вернуть христіанскому ученію подобающее ему вліяніе на народную жизнь и прежде всего возстановить вѣроисповѣдную народную школу.

Соціальное движеніе сдѣлало въ Голландіи относительно небольшіе успѣхи. Въ 1889 году былъ изданъ законъ противъ обремененія женщинъ и дѣтей чрезмѣрной работой (срв. т. VII, стр. 444), въ 1892 году былъ введенъ прогрессивный налогъ на имущества и доходы. Въ 1896 году было

введено всеобщее избирательное право съ тѣмъ ограниченіемъ, что избиратель долженъ имѣть не меньше 25 лѣтъ отъ роду и вносить какой бы то ни было прямой налогъ. Въ февралѣ 1903 года произошла крупная стачка желѣзнодорожныхъ служащихъ, и вслѣдствіе этого правительство сочло себя вынужденнымъ издать законъ противъ стачекъ.

Отъ 1873 года до 1879 года и затѣмъ въ 1896 году голландскому колоніальному вѣдомству пришлось вести въ Голландской Индіи тяжелыя войны съ султаномъ области Ачинъ на островѣ Суматра; въ 1894—95 годахъ Голландія вела войну съ жителями острова Ломбока; война эта была вызвана устраненіемъ отъ власти туземной династіи.

21 іюня 1884 г. скончался наслѣдный принцъ голландскій Александръ, не оставившіи по себѣ потомства, и единственнымъ представителемъ Оранскаго дома по мужской линіи остался король Вильгельмъ III. Вслѣдствіе этого въ 1888 году конституція была дополнена особымъ закономъ, въ силу котораго послѣ смерти короля Вильгельма тронъ долженъ былъ перейти по наслѣдству къ Вильгельминѣ, дочери отъ второго брака короля Вильгельма съ Эммой фонъ Вальдекъ; 23 ноября 1890 года наступилъ предусмотрѣнный этимъ закономъ случай. Въ Люксембургѣ женщины не могутъ наслѣдовать престола; поэтому люксембурскимъ герцогомъ сталъ прежній герцогъ Адольфъ Нассаускій (срв. стр. 364), который былъ главою Вальрамской линіи и поэтому наслѣдникомъ Оттонской линіи Нассаускаго дома; въ Голландіи же вмѣсто малолѣтней королевы Вильгельмины регентомъ оставалась до 31 августа 1898 года ея мать, королева Эмма. Въ этотъ день королева Вильгельмина была признана совершеннолѣтней, и, вступая лично въ исполненіе своихъ царственныхъ обязанностей, она заявила торжественно, что, свято соблюдая свой долгъ, она будетъ управлять въ духѣ своего дома, который такъ дорогъ сердцу голландскаго народа. 7 февраля 1901 года она вступила въ бракъ съ герцогомъ Генрихомъ Мекленбургскимъ, который получилъ титулъ принца Нидерландскаго.

V. Наука, искусство и народное просвѣщеніе Западной Европы отъ XVI вѣка до настоящаго времени.

соч. профессора д-ра **Рихарда Майера.**

1. Предварительныя замѣчанія.

Какую бы эпоху историкъ ни собирался изобразить, онъ долженъ прежде всего познакомиться съ тѣмъ наслѣдіемъ, которое изображаемая эпоха получила отъ предшедствующихъ вѣковъ. Когда Гоустонъ Стюартъ Чемберленъ задумалъ изложить наканунѣ двадцатаго вѣка результаты истекшаго девятнадцатаго столѣтія, онъ былъ вынужденъ предварительно ознакомить своихъ читателей съ „основами XIX столѣтія". И этотъ отдѣлъ его труда вышелъ такимъ смѣлымъ и оригинальнымъ произведеніемъ, какія обыкновенно удаются только не спеціалистамъ („дилеттантамъ" въ благородномъ смыслѣ этого слова). Онъ разсматриваетъ порознь наслѣдіе и наслѣдниковъ. Важнѣйшими частями наслѣдія, доставшагося девятнадцатому вѣку отъ предшествовавшихъ историческихъ эпохъ, онъ считаетъ эллинскую науку и эллинское искусство, римское право и христіанскую религію. Наслѣдниками этихъ культурныхъ сокровищъ были европейскіе народы, „германцы" въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ ними также остатки того „хаоса племенъ", который когда то наводнилъ древній міръ и который продолжаетъ оказывать свое разрушительное дѣйствіе и на ново-германскій міръ. Куртъ Брейзигъ тоже нашелъ необходимымъ возвести для своей „Исторіи культуры новаго времени" тяжеловѣсный фундаментъ, обнимающій грековъ, римлянъ и германцевъ. Если-бъ мы тоже вздумали громоздить такіе колоссальные курганы, то намъ пришлось бы также докапываться до древняго Востока, до Вавилона, этого всемірнаго очага разрушительнаго смѣшенія народовъ и обычаевъ, который пробился наружу въ современную намъ эпоху черезъ толщу покрывающихъ его культурныхъ наслоеній; затѣмъ намъ пришлось бы прослѣдить нити, связывающія эту древнѣйшую культуру съ Аѳинами, Александріей, Іерусалимомъ и Римомъ. Мы не можемъ также пройти молчаніемъ мимо папскаго Рима, такъ какъ онъ въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія былъ безспорно умственнымъ и нравственнымъ центромъ для христіанскихъ народовъ Западной Европы. Даже въ позднѣйшую эпоху, когда враги папства видѣли въ вѣчномъ городѣ только „новый Вавилонъ", борьба за Римъ, за и противъ него, составляетъ главное содержаніе важнѣйшихъ отдѣловъ европейской исторической жизни.

Первоначально столкновенія происходили только исключительно на догматической почвѣ между католицизмомъ и сектантствомъ; но дѣло не остановилось на этомъ, эти столкновенія мало-по-малу превратились въ борьбу между религіей и наукой, между вѣрой и невѣріемъ, христіанствомъ и противниками христіанства; та же борьба распространилась также и на область искусства и литературы. Однако всѣ эти противорѣчія и возникавшіе на почвѣ ихъ раздоры не должны поглощать всего вниманія историка; напротивъ того, благодаря имъ становится еще очевиднѣе, что, несмотря на всѣ вѣроисповѣдныя, національныя, политическія и соціальныя подраздѣленія, древняя общность западно-европейской куль-

туры продолжаетъ существовать также и въ теченіе новыхъ вѣковъ. Наряду съ національными различіями слѣдуетъ обращать вниманіе на обще-европейскія культурно-историческія взаимодѣйствія, потому что вся семья народовъ нашего материка связана между собою не только узами первобытнаго кровнаго родства; ихъ объединяетъ также двойное духовное наслѣдіе: античная культура и средневѣковый романтизмъ.

2. Схоластика.

Еще со времени паденія Западной Римской имперіи наука стала монополіей духовенства, а въ эпоху торжества духовной власти надъ свѣтской она пріобрѣла особую всеобъемлющую и наиболѣе выгодную для господства церкви форму: наступаетъ вѣкъ схоластики. Писатель, положившій начало наиболѣе древней школѣ схоластиковъ, Ансельмъ Кентерберійскій (род. въ 1033 году, сконч. въ 1109 г.) былъ современникомъ спора изъ-за инвеституры; въ это же время жилъ Іоаннъ Росцеллинъ (между 1050—1100 годами), представитель другого, отвергаемаго церковью направленія схоластической философіи—номинализма. Спеціалисты даютъ такое опредѣленіе схоластики: это философія на службѣ незыблемой церковной догматики, посредница между знаніемъ и вѣрой, попытка приспособленія античныхъ идей къ католическому вѣроученію, стремленіе ощупью добраться до рѣшенія той великой загадки. насколько вѣра „поддается критикѣ разума и философскому обоснованію."

Схоластика была второй попыткой примирить христіанскую вѣру съ наукой и философіей. Подобное же стремленіе существовало уже и въ первые вѣка христіанства; въ эпоху Отцовъ Церкви (патристики, отъ II до VII вѣка) возникло каноническое ученіе о вѣрѣ и нравственности, какъ результатъ философскаго направленія, самымъ могучимъ поборникомъ котораго былъ Аврелій Августинъ (т. IV, стр. 200). Теологіи Отцовъ Церкви, этому драгоцѣнному сокровищу церкви, схоластики въ родѣ Ланфранка (род. въ 1005 г., сконч. въ 1089 г.), Петра Ломбардскаго (сконч. въ 1164 г.), Александра Галеса (сконч. въ 1246 г.) придали для цѣлей обученія систематическую форму; вмѣстѣ съ тѣмъ развивалась схоластическая философія, которая занималась истолкованіемъ этой систематической школьной теологіи. Схоластики располагали для этой цѣли весьма недостаточными научными пособіями. Греки и римляне позднѣйшей эпохи оставили послѣ себя сборники справочнаго характера, заключавшіе въ себѣ въ сжатомъ видѣ научныя познанія древняго міра, которыя къ тому времени достигли уже обширныхъ размѣровъ; изъ этихъ-то сборниковъ почерпнули свои свѣдѣнія составители энциклопедій, пользовавшихся наибольшей популярностью въ средніе вѣка, какъ, напримѣръ, Мартіанъ Капелла, Боэцій, (отъ 470 — 475 г. до 525 г.), Кассіодоръ Сенаторъ (между 480 и 580 годами, т. IV, стр. 480), Исидоръ Севильскій (сконч. въ 636 г.), Беда Достопочтенный (род. въ 672 г., сконч. въ 735 г.). Отъ этихъ энциклопедистовъ въ свою очередь позаимствовали свои свѣдѣнія ученые каролингской эпохи, а отъ ученыхъ каролингской эпохи эти остатки древней науки перешли въ тѣ школы, которы стали возникать въ большомъ числѣ, начиная съ VIII вѣка, и въ которыхъ духовенство получало свое общее образованіе; это были школы при дворахъ епископовъ (кафедральныя, или соборныя школы) и школы при монастыряхъ.

Энциклопедическій курсъ, который служилъ предварительной ступенью къ теологическому образованію, состоялъ изъ семи отдѣльныхъ наукъ, такъ называемыхъ семи свободныхъ искусствъ; эти свобод-

ныя искусства дѣлились на двѣ группы: тривіума, состоявшаго изъ грамматики, риторики и діалектики (логики), и квадривіума, къ которому причислялись ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка. Какъ прочно укоренилась такая программа образованія, можно заключить изъ того, что философскіе факультеты и гимназіи позднѣйшаго времени тоже развились изъ системы семи свободныхъ искусствъ. Единственнымъ языкомъ преподаванія и науки былъ латинскій; народными языками школа пользовалась только какъ средствомъ для того, чтобы помочь ученикамъ усвоить первые зачатки латинскаго языка.

Въ теченіи долгаго времени въ средневѣковой философіи не замѣтно было никакого движенія; изъ произведеній греческихъ философовъ были извѣстны весьма немногія, и притомъ наименѣе важныя, да и то въ плохихъ искаженныхъ переводахъ. Только въ тринадцатомъ столѣтіи Западная Европа познакомилась съ главными сочиненіями Аристотеля, хотя на первыхъ порахъ церковь относилась къ нимъ очень подозрительно и это сильно мѣшало ихъ распространенію. Послѣ этого наступилъ расцвѣтъ схоластической философіи. Еще раньше, чѣмъ въ латинской Западной Европѣ, своего рода схоластика развилась въ области распространенія Ислама, въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ арабскій языкъ служилъ международнымъ языкомъ религіи и науки. Между евреями, жившими въ Испаніи въ обществѣ образованныхъ магометанъ, возникла философія, основанная на Аристотелѣ. Благодаря этому христіанскія страны Западной Европы получили изъ Испаніи арабскаго Аристотеля вмѣстѣ съ объясненіями мусульманскихъ и еврейскихъ философовъ, конечно, въ латинскомъ переводѣ; произведенія Аристотеля проникли къ нимъ также изъ Южной Италіи въ лучшихъ, сдѣланныхъ непосредственно съ греческаго текста переводахъ. Вотъ почему мы встрѣчаемся у схоластиковъ не только съ именами древнихъ мудрецовъ, но также и съ именами арабскихъ ученыхъ, какъ, напр., Альфараби или Фараби (сконч. въ 950 г.), Авиценны, Авицеброна (род. въ 1020 г., сконч. въ 1070 г.), Аверроэса (род. въ 1126 г., сконч. въ 1198 г.), Маймонида (род. въ 1135 г., сконч. въ 1204 г.).

Какъ бы низко ни оцѣнивали значенія схоластической науки,—въ одномъ отношеніи она привела къ послѣдствіямъ громадной важности: въ теченіе этого періода исторіи высшее образованіе получило необычайное распространеніе. До этого времени школы отличались жалкой постановкой преподаванія, были лишены всякаго слѣда независимости, и область ихъ вліянія была крайне ограничена; начиная съ XII столѣтія, нѣкоторыя школы обратились въ автономныя международныя просвѣтительныя учрежденія съ всеобъемлющей программой, которыя получили названія studia generalia, или университетовъ. Университетъ есть оригинальный продуктъ схоластической науки и схоластической педагогики, осязательное наслѣдіе, оставленное схоластикой послѣдующимъ вѣкамъ. Въ XII столѣтіи знаменитые учителя схоластической науки во Франціи и Италіи—теологи, философы, правовѣды, врачи—стали привлекать къ себѣ слушателей изъ всѣхъ странъ Западной Европы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имъ стали предоставлять особыя привилегіи, и студенты распредѣлялись въ отдѣльныя товарищества по спеціальности или по національности на подобіе средневѣковыхъ гильдій или цеховъ: свѣтскіе владѣтели, города, церковныя власти охотно надѣляли эти новыя сообщества монополіями и привилегіями, и они превратились въ прочныя учрежденія съ широкими правами. Университеты XII и XIII столѣтій возникали по большей части самобытно: нѣкоторые изъ нихъ имѣли своихъ учредителей, но не были созданы по опредѣленному образцу, такъ что имъ пришлось пройти черезъ стадію постепеннаго развитія и испытать много перемѣнъ. Въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ университеты уже основывались сразу и устраивались по опредѣленнымъ образцамъ, въ особенности по образцу париж-

скаго университета: всѣ университеты Германіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ восточной части Европы принадлежатъ къ этому позднѣйшему разряду.

Между университетомъ и начальной школой не существовало никакого рѣзкаго разграниченія. Хотя существовало много латинскихъ школъ, въ которыхъ будущій студентъ могъ пріобрѣсть такія познанія въ латинскомъ языкѣ, какія были необходимы для пониманія лекцій, тѣмъ не менѣе въ составъ самихъ университетовъ тоже входили такія же латинскія школы, въ которыхъ обучали начаткамъ грамматики. Съ другой стороны, во всѣхъ соборныхъ, монастырскихъ и городскихъ училищахъ или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преподавались семь свободныхъ искусствъ, такъ же, какъ и на артистическихъ (теперешнихъ философскихъ) факультетахъ университетовъ. На артистическомъ факультетѣ студенты получали необходимое предварительное образованіе для трехъ „высшихъ" факультетовъ: теологическаго, юридическаго и медицинскаго. Отличительнымъ признакомъ университетовъ считалось главнымъ образомъ право раздачи ученыхъ степеней, признаваемыхъ всѣми другими университетами; взаимность и свобода перемѣщенія изъ одной школы въ другую составляли вообще общеевропейскую отличительную черту школьной системы.

На лекціяхъ, диспутахъ и экзаменахъ профессоры и студенты средневѣковыхъ университетовъ работали сообща. Въ то время книги были очень дороги, а студенчество набиралось изъ людей мало состоятельныхъ; поэтому лекціи были незамѣнимымъ средствомъ какъ для веденія преподаванія, такъ и для удовлетворенія научной любознательности. Во всякой наукѣ студентъ знакомился съ разъ навсегда установленнымъ каноническимъ текстомъ, чтеніе котораго сопровождалось на лекціи соотвѣтствующими поясненіями. Въ аудиторіи студентъ оставался только пассивнымъ слушателемъ; но въ составъ преподаванія входили также диспуты, которые служили средствомъ для оживленія его и давали студентамъ толчокъ къ самостоятельной работѣ. Диспуты получили громадную притягательную силу для образованныхъ круговъ; ими увлекались, какъ національными играми въ древней Греціи, или же какъ спортомъ въ настоящее время. Выставлять тезисы — чѣмъ болѣе несообразные, тѣмъ лучше — защищать или опровергать ихъ, побѣдить или быть побѣжденнымъ на диспутѣ,—это волновало и давало для духовной жизни арену, на которой ей была предоставлена свобода движенія.

Однако, и здѣсь разуму пришлось натолкнуться на тѣ перегородки, въ которыхъ всемогущій духъ времени замкнулъ безсильную индивидуальность: тяжелыя цѣпи признанныхъ авторитетовъ стаскивали обратно на землю окрылившійся духъ. Романо-германская средневѣковая жизнь была связана церковными и сословными традиціями. Пока духовенство, какъ особое сословіе, пользовалось монополіей на просвѣтительную дѣятельность и на научныя занятія, наука и просвѣщеніе вынуждены были подчиняться вліянію этого сословія, стоявшаго внѣ національныхъ и общественныхъ интересовъ. Постоянное подчиненіе высшихъ проявленій духовной жизни авторитету и сословнымъ традиціямъ составляетъ самую существенную отличительную черту среднихъ вѣковъ; какъ только исчезла эта зависимость, наступила эпоха „новыхъ вѣковъ", и западно-европейскій христіанскій міръ счастливо избѣгнулъ угрожавшей ему опасности впасть въ такой же застой, какъ исламъ или буддизмъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ позднѣйшія поколѣнія не должны забывать, какимъ сокровищемъ пришлось пожертвовать ради свободы разума. Средніе вѣка пользовались въ самомъ широкомъ размѣрѣ однимъ драгоцѣннымъ благомъ, которымъ послѣ того культурный міръ никогда уже больше не обладалъ, именно замкнутымъ въ себѣ, обнимающимъ всѣ общественные круги куль-

турнымъ единствомъ, основаннымъ на всеобщемъ убѣжденіи, что христіанскій міръ владѣетъ абсолютной божественной истиной. Средневѣковое общество было избавлено отъ тяжелой необходимости искать истины по частямъ длинными окольными путями, цѣной безпрестанныхъ промаховъ. Когда мы отчетливо разсмотримъ и оцѣнимъ по достоинству грандіозное зданіе средневѣковаго культурнаго единства, то средніе вѣка станутъ намъ понятны даже въ самыхъ мрачныхъ своихъ проявленіяхъ. Въ то же время не слѣдуетъ забывать, что новому культурному пріобрѣтенію, именно индивидуальной свободѣ духа, пришлось выдержать испытаніе огнемъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Эпоха Возрожденія, реформація и революція разрушили вѣру въ то, что ученіе церкви заключаетъ въ себѣ абсолютную истину, обязательную для всѣхъ вѣковъ и для всѣхъ людей на земномъ шарѣ; новые вѣка породили умственное движеніе, которое казалось мыслящему уму Томаса Карлейля какъ бы наступленіемъ тысячелѣтняго царства анархіи. Тѣмъ не менѣе господство папъ не стало еще въ настоящее время событіемъ далекаго прошлаго, какъ, напримѣръ, всемірное господство римскихъ императоровъ. Римъ еще существуетъ; онъ продолжаетъ домогаться того самаго, чего онъ требовалъ нѣсколько столѣтій тому назадъ, когда всѣ народы Западной Европы валялись у его ногъ.

При всей однородности средневѣковой культуры на ней были замѣтны расходящіеся во всѣ стороны слѣды и трещины, по направленію которыхъ ей впослѣдствіи предстояло распасться. Церковный расколъ XVI вѣка, предвѣстникомъ котораго были секты, возникавшія въ теченіе предыдущихъ столѣтій, вовсе не составляетъ самаго существеннаго результата распаденія средневѣковой культуры; напротивъ того, реформація обязана своими успѣхами болѣе глубокому и болѣе древнему противорѣчію, коренившемуся въ средневѣковой жизни. Германскій, или, выражаясь шире, индо-германскій народный духъ съ самаго возникновенія христіанства находился въ противорѣчіи съ ученіемъ церкви и только наружно подчинился ей. Пусть это звучитъ непріятно, но все же слѣдуетъ признаться, что германская, а, можетъ быть, и вообще арійская народная душа стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи не только съ ученіемъ римско-католической церкви, но даже въ самомъ христіанствѣ (именно въ аѳанасіанскомъ) ее отталкиваютъ нѣкоторые чуждые ея духу элементы, съ которыми она борется, но которыхъ она не можетъ одолѣть. Историческіе корни христіанства углубляются въ іудейство, и вотъ уже почти 2000 лѣтъ какъ христіанство тащитъ за собой еврейскій Ветхій Завѣтъ. Правда, въ Александріи, Византіи и Римѣ христіанство подверглось переработкѣ въ арійскомъ духѣ; но его не сумѣли ни эллинизировать, ни романизировать, а только приспособили къ тому смѣшенію народовъ, культуръ и идей, которое переполняло отживающую римскую имперію. Когда христіанская вѣра проникла къ германцамъ, то она уже была искажена разнородными, странными, еле понятными придатками. Поэтому и самое обращеніе германцевъ было сначала болѣе или менѣе исключительно внѣшнимъ; охрана и дальнѣйшее развитіе вѣроученія были предоставлены духовенству, которое присвоило себѣ непреложный авторитетъ и отдѣлилось отъ мірянъ при посредствѣ монашескихъ обѣтовъ и средневѣковой латыни, какъ богослужебнаго языка. Германскія и романскія племена въ концѣ концовъ подчинились церковной системѣ и сжились съ ней; но мысли и чувства народныхъ массъ остались въ значительной степени нехристіанскими, несмотря на преклоненіе этихъ массъ предъ христіанскими таинствами и христіанскими добродѣтелями: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только познакомиться съ германской народной поэзіей.

Въ такомъ же противорѣчіи съ господствующей религіей находилась жизнь и поэзія благороднаго сословія Западной Европы, рыцар-

скаго и придворнаго общества. Духовенство и рыцарское сословiе расходятся между собою въ томъ, что составляетъ исходный пунктъ всякаго мiросозерцанiя и житейской морали, въ опредѣленiи добродѣтелей и порока („scientia boni et mali“). Вслѣдствiе этого развилась мало по малу особая рыцарская воспитательная система наряду съ церковной; въ воспитанiи рыцарскихъ дѣтей вниманiе было обращено главнымъ образомъ на изученiе живыхъ языковъ, свѣтскiя манеры, поэзiю и музыку. Цехи и гильдiи бюргеровъ съ своей стороны тоже служили въ городахъ органами для воспитанiя дѣтей бюргеровъ въ сословномъ духѣ, а въ XV столѣтiи торгово-промышленное городское населенiе добилось для себя устройства нѣмецкихъ школъ грамоты для обученiя чтенiю и письму по-нѣмецки наряду съ латинскими высшими и средними школами.

Исторiя любитъ столкновенiе непримиримыхъ между собой противорѣчiй. Въ то время, какъ благородное сословiе, повидимому, совершенно ушло отъ христiанства и погрязло въ угожденiи своей плоти и свѣтскихъ удовольствiяхъ, церковь вовлекла его въ рыцарскiя приключенiя крестовыхъ походовъ (т. VI) и заставила его служить своимъ цѣлямъ; а когда низшiе слои населенiя возмутились противъ идеаловъ духовенства и дворянства, то нищенствующiе монахи въ сущности впервые обратили массы населенiя на путь христiанства и вселили въ безхитростныя души стремленiе къ народному общедоступному простому и чистому вѣроученiю. Лютеръ, который самъ былъ раньше нищенствующимъ монахомъ, пожалъ то, что посѣяли его собратья въ теченiе трехъ предшествовавшихъ столѣтiй.

Нищенствующимъ монахамъ принадлежитъ также и та заслуга, что нѣкоторые изъ нихъ, именно доминиканцы (монахи-проповѣдники) и францисканцы (младшiе-братья), довели схоластику до высшей точки ея расцвѣта, хотя они въ то же время внесли въ нее первые зародыши ея послѣдующаго разложенiя. Вслѣдъ за двумя доминиканцами графомъ Альбертомъ фонъ Больштедтомъ (Альбертомъ Великимъ; род. въ 1193 г., сконч. въ 1280 г.) и Ѳомой Аквинскимъ (род. въ 1225 г., сконч. въ 1274 г.), которые достроили до верхушки гигантское средневѣковое зданiе схоластики, выступили на сцену два францисканца Iоаннъ Дунсъ Скотъ (отъ 1265/1274 до 1308 года) и Вильгельмъ Оккамъ (род. въ 1270 году, сконч. въ 1347 г.), которые принялись за разрушенiе этого зданiя. Ѳома Аквинскiй, величайшiй изъ всѣхъ теологовъ, раздѣлялъ всѣ религiозные догматы на два разряда: такiе, которые могутъ быть доказаны на основанiи философiи и доступны человѣческому разуму, и на чисто-христiанскiе догматы, или таинства, которыхъ невозможно ни доказать, ни опровергнуть и которые превышаютъ человѣческiй разумъ, но не противорѣчатъ ему, какъ, напримѣръ, ученiе о Св. Троицѣ. Дунсъ Скотъ и его послѣдователи (скотисты) еще болѣе сузили область доказуемыхъ истинъ вѣры. Оккамъ вовсе отрицалъ возможность примирить разумъ или философiю съ вѣрой; истины, данныя откровенiемъ, онъ считалъ не идеями, а произвольными желанiями Божества; на этомъ основанiи онъ требовалъ безусловнаго подчиненiя религiознымъ догматамъ и полнаго разъединенiя между разумомъ и вѣрой; если же пути разума и вѣры, философiи и теологiи, науки и религiи совершенно расходятся, то получается прямая противоположность ученiю схоластики: ученiе о двойственности истины, о полномъ разъединенiи между выводами теологiи и философiи, при которомъ человѣческому уму предоставляется на выборъ, какой изъ двухъ путей онъ желаетъ предпочесть. Съ одной стороны — вѣра безъ разума, съ другой — разумъ безъ вѣры; что въ теологiи считается достовѣрнымъ, то можетъ оказаться ложнымъ въ философiи и на оборотъ.

3. Гуманизмъ.

Въ то самое время, какъ европейская мысль остановилась предъ этимъ непримиримымъ противорѣчіемъ, надъ Европой разразился тотъ громадный культурно-историческій переворотъ, который называется гуманизмомъ, или возрожденіемъ. Мы уже посвятили первую треть второго отдѣла VII тома исторіи нарастанія этой духовной волны до ея кульминаціоннаго пункта; поэтому мы здѣсь изобразимъ только въ краткихъ чертахъ переворотъ, происшедшій въ теченіе этой эпохи въ наукѣ и въ воспитательной системѣ. Съ этой эпохой совпадаетъ одно культурно-историческое событіе, которое сообщило громадную силу воздѣйствія всѣмъ другимъ событіямъ этого переходнаго времени: мы говоримъ объ изобрѣтеніи книгопечатанія (срв. т. VII, стр. 257). Книгопечатаніе открываетъ собою вѣкъ самообразованія. Писаное слово съ этихъ поръ одерживаетъ верхъ надъ устнымъ; литература разрываетъ сковывающія ее сословныя путы и выбивается изъ рамокъ школьной монополіи. Хотя церковь и государство вскорѣ подчинили печатную книгу своей цензурной власти, тѣмъ не менѣе для индивидуальной свободы мысли открылся просторъ, котораго прежде не только не существовало, но о которомъ раньше люди и представленія не имѣли.

Узкій кругозоръ европейцевъ начинаетъ непрерывно расширяться. Художники, ученые и люди дѣла открываютъ вокругъ себя явленія, которыхъ раньше не замѣчали: окружающая природа, психологія человѣческой души, различія между людьми, народами и государствами, относительное въ сравненіи съ абсолютнымъ, — все это становится предметомъ наблюденій и новыхъ открытій. Историческій кругозоръ европейца расширяется такъ же, какъ и географическій и космографическій. Вмѣстѣ съ расширеніемъ умственнаго кругозора мѣняется и масштабъ, по которому измѣряются цѣнности, содержаніе и цѣль человѣческаго существованія. Творческіе умы выступаютъ въ такомъ изобиліи и съ такой силой генія, какихъ не было ни въ какую историческую эпоху, за исключеніемъ развѣ древнегреческаго міра; и это обиліе дарованій проявляется не въ одномъ какомъ-нибудь избранномъ мѣстѣ, не у одного избраннаго народа, а повсюду, хотя романскіе народы и шли впереди другихъ. Въ теченіе долгаго времени, начиная съ двѣнадцатаго столѣтія, культурнымъ центромъ была Сѣверная Франція; Парижъ былъ очагомъ умственной жизни Европы. Въ теченіе XIV и XV столѣтій эта гегемонія перешла къ Италіи; Флоренція стала духовной столицей западно-европейской цивилизаціи. На родинѣ Данте и Петрарки гуманизмъ получилъ свой утонченный характеръ и приспособился гармонически къ художественнымъ стремленіямъ эпохи Возрожденія.

Отнынѣ наилучшимъ плодомъ учености стало считаться тонкое развитіе умственныхъ способностей, а не обширныя энциклопедическія познанія. Ново-латинская поэзія съ ея слоговымъ стихосложеніемъ по древнимъ образцамъ вытѣснила съ гордымъ самознаніемъ средневѣковую поэзію съ ея тоническимъ ритмомъ, который такъ точно соотвѣтствуетъ духу новыхъ языковъ и звучитъ такъ пріятно для нашего уха. Поэты — гуманисты соединялись между собою въ корпораціи, образовали международный орденъ безъ устава, завоевали въ нѣкоторыхъ университетахъ права особаго факультета и производили деспотическое давленіе на своихъ современниковъ, присвоивши себѣ монопольное право цѣнителей талантовъ отъ имени настоящаго и грядущихъ поколѣній. Когда тогдашніе поэты снисходили до прозы, то они состязались съ Цицерономъ и Ливіемъ. Въ средней школѣ тоже преподавалась не такая латынь, съ помощью которой люди могли свободно выражать свои мысли, а классическая латынь, и ученики

дѣлали самыя крайнія потуги, чтобы употреблять исключительно цицероновскіе обороты рѣчи.

А. Филологія.

Гуманизму принадлежитъ та заслуга, что онъ составляетъ первую ступень въ развитіи филологіи и классической археологіи. Благодаря изученію классическихъ писателей открылись новые горизонты для исторіи, правовѣдѣнія и государствовѣдѣнія. Философія и теологія тоже не ушли съ пустыми руками; даже на естественныхъ наукахъ отразилось вліяніе классицизма и, наконецъ, даже въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ наука и жизнь непосредственно соприкасаются между собой. Чѣмъ менѣе годилась какая-нибудь область для механическаго подражанія, тѣмъ свободнѣе чувствовалъ себя въ ней духъ, стремящійся къ неизвѣданному. Первое время филологическаго гуманизма было періодомъ исканія, открытія, собиранія, сохраненія, списыванія древнихъ манускриптовъ и увлеченія греческимъ языкомъ, который изучался съ помощью учителей изъ византійскихъ грековъ; къ этому времени относится блестящая дѣятельность итальянцевъ: Джіанфранческо Поджіо Браччіолини (род. въ 1370 г., сконч. въ 1459 г.), Энеа Сильвіо де Пикколомини (род. въ 1405 г., сконч. въ 1464 г.), Лоренцо делла Валле (род. въ 1407 г., сконч. въ 1457 г.), Помпоніо Лаэто (род. въ 1421 г., сконч. въ 1498 г.) и грековъ Мануэля Хризолораса (сконч. въ 1415 г.), Георгіоса Гемистоса Плеѳона (род. въ 1355 г., сконч. въ 1450 г.), Теодораса Разы (род. въ 1398 г., сконч. въ 1478 г.), кардинала Базиліоса Бессаріона (род. въ 1403 г., сконч. въ 1472 г.), Константина Ласкари (род. въ 1434 г., сконч. въ 1505 г.), и Іоанна Ласкари (род. въ 1445 г., сконч. въ 1538 г.). Вслѣдъ за этой эпохой наступаетъ къ концу XV столѣтія періодъ перваго появленія въ печати классическихъ произведеній. Ученые поступаютъ на службу къ типографамъ, а типографы становятся учеными. Это есть время выхода въ свѣтъ основныхъ изданій (editiones principes) и дѣятельности знаменитыхъ семей типографовъ, какъ-то: бр. Мануччи (Aldus и Paulus Manutius) въ Венеціи, сем. Джіунта во Флоренціи, современниками которыхъ были базельскіе и франкфуртскіе типографы (Амербахъ и Фробенъ; Фейэрабендъ), а преемниками фирмы Грифіусъ въ Ліонѣ, Стефанусъ (Этьенъ) въ Парижѣ и Эльзевиръ въ Лейденѣ.

Какъ въ Италіи, такъ и въ остальной Европѣ гуманизмъ не былъ явленіемъ не подготовленнымъ предшествовавшимъ ходомъ событій и не имѣющимъ своихъ родоначальниковъ. Исторія литературы упоминаетъ о „Ренессансѣ“ каролингской и оттонской эпохъ. Латинское стихосложеніе никогда не развивалось такъ пышно, какъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи. Въ это время жили такіе поэты, какъ Гильдебертъ Турскій (род. въ 1057 г., сконч. въ 1134 г.), Филиппъ Гальтье Шатильонскій, авторъ „Александреиды“ (около 1178 года), Аленъ (Alanus) Абъ-Инсулисъ (род. въ 1114 г., сконч. въ 1202 г.) и прозаики, которые писали чистымъ, изящнымъ и остроумнымъ латинскимъ языкомъ, какъ, напримѣръ, Іоаннъ Салисберійскій (род. въ 1120 г., сконч. въ 1180 г.). Италія была родиной предшественниковъ великой эпохи Возрожденія, дѣятельность которыхъ относится къ XIV вѣку, а въ Германской Имперіи, именно еще при дворѣ Карла IV въ Прагѣ, и въ школахъ братьевъ почитателей совмѣстной жизни (frater herren; срв. т. VII, стр. 164) въ Нидерландахъ вырабатывался стиль, приближающійся къ древне-классическимъ писателямъ. Со времени церковныхъ соборовъ въ Констанцѣ и Базелѣ гуманизмъ утвердился мало-по-малу къ сѣверу отъ Альпъ. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія Германія уже кишѣла „поэтами“, между которыми были и серьезные ученые; были и такіе гуманисты, которые вовсе не занимались стихотворствомъ. Гуманисты воз-

ставали противъ схоластической науки и схоластической школьной системы и поэтому разногласія между ними и представителями церкви обострялись все сильнѣе. Когда выступилъ на сцену Лютеръ, то огромное большинство ихъ стало послѣдователями новаго ученія; однако самый знаменитый изъ гуманистовъ, Дезидерій Эразмъ Ротердамскій, остался вѣрнымъ католицизму (срв. т. VII). Главнѣйшимъ его трудомъ было изданіе оригинальнаго греческаго текста Новаго Завѣта; вообще его труды имѣли такое же громадное значеніе для изученія древне-греческой литературы, какъ и труды его современника Іоанна Рейхлина (род. въ 1455 г., сконч. въ 1522 г.) въ области древне-еврейскаго языка. Итальянскіе гуманисты были по преимуществу придворными и свѣтскими людьми и, вообще, людьми практической жизни, а германскіе гуманисты занимались въ большинствѣ преподавательской дѣятельностью; изъ ихъ среды вышелъ сотоварищъ Лютера, Филиппъ Меланхтонъ (т. VII, стр. 333), который пріобрѣлъ почетный титулъ „наставника всей Германіи“ (praeceptor Germaniae) за свою преподавательскую дѣятельность и за свои учебники, которые не потеряли своего значенія вплоть до XIX столѣтія.

Рвеніе, съ которымъ изучали въ то время грамматику древнихъ языковъ, распространилось также и на живые языки. Труды гуманистовъ въ этомъ направленіи были первыми въ своемъ родѣ; схоластика не признавала за народными языками даже и права на существованіе и считала интересъ къ нимъ униженіемъ для своего достоинства. Первымъ трудомъ по изученію живыхъ языковъ было сочиненіе Данте „De vulgari eloquentia“; но послѣ этого прошло цѣлыхъ два столѣтія, пока Пьетро Бембо не далъ въ своей итальянской грамматикѣ (въ 1525 г.) примѣра, какъ слѣдуетъ разрабатывать новые языки. Первые появившіеся около 1530 г. опыты грамматической обработки нѣмецкаго языка совпадаютъ по времени съ другимъ событіемъ, имѣвшимъ громадное значеніе въ исторіи германской литературы: въ это именно время Лютеромъ былъ созданъ общегерманскій литературный языкъ. Впрочемъ эти учебники носятъ исключительно практическій характеръ и занимаются только правописаніемъ и правильнымъ произношеніемъ словъ; назовемъ для примѣра учебники Фабіана Франка, Іоанна Кольроса изъ Базеля и Валентина Икельзамера (около 1527 г.). Первыя руководства нѣмецкой грамматики въ настоящемъ смыслѣ этого слова, составили въ 1575 году Альбертъ Элингеръ и Лаврентіусъ Альбертусъ еще выше ихъ трудовъ стоитъ грамматика Іоанна Кляйуса (въ 1578 г.; въ 1720 г. вышло новое изданіе): онъ разработалъ грамматику лютеровскаго языка, который къ этому времени уже пріобрѣлъ господство въ литературѣ. Еще раньше того нѣмецкій энциклопедистъ Конрадъ Геснеръ (род. въ 1516 г., сконч. въ 1565 г.) сдѣлалъ попытку сравнительнаго изученія доступныхъ ему языковъ; но въ своемъ „Митридатѣ“ онъ исходитъ изъ ложнаго положенія, опровергнутаго только двумя столѣтіями позже, будто еврейскій языкъ есть первобытный райскій языкъ человѣчества, а всѣ другіе языки составляютъ испорченныя нарѣчія этого языка.

Б. **Исторіографія.**

Если гуманисты не стѣснялись выпускать въ свѣтъ „варварскіе“ стихи на варварскихъ языкахъ, то не приходится удивляться тому, что они заботились объ изданіи историческихъ источниковъ, писанныхъ въ варварскія эпохи далеко не изящнымъ латинскимъ языкомъ. Гуманисты вынуждены были заняться историческими изысканіями ради разъясненія текста древнихъ писателей; затѣмъ на нихъ дѣйствовало еще съ большей силой стремленіе къ подражанію, желаніе сравниться съ такими историческими талантами, какъ Цезарь или Ливій, Саллюстій или Тацитъ. Какъ это разъяснилъ Яковъ Буркгардтъ въ своей „Культурѣ эпохи Возрожденія“,

въ XV столѣтіи проснулась любознательность не только вообще ко всему. лежащему внѣ области религіи, но въ особенности интересъ къ психологіи человѣческой личности, къ сильнымъ натурамъ, къ блеску и славѣ. Вслѣдствіе этого появилось въ литературѣ много характеристикъ, біографій и автобіографій, мемуаровъ и писемъ. Подобнаго рода литературныя произведенія удавались тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе въ нихъ было подражанія классическимъ образцамъ; наилучшія историческія произведенія этой эпохи написаны не на латинскомъ языкѣ, а на какомъ-либо изъ болѣе разработанныхъ народныхъ языковъ: итальянскомъ, испанскомъ, португальскомъ или французскомъ. Люди эпохи Возрожденія неспособны были разобраться въ событіяхъ отдаленнаго прошлаго, такъ такъ у нихъ не хватало разработаннаго историческаго матеріала, критическаго дарованія и способности воскресить предъ собою культурную обстановку отдаленной эпохи; но въ исторіи современной эпохи они чувствовали себя очень свободно. Для исторической науки, однако, ихъ письма и записки о собственной ихъ дѣятельности и обо всемъ томъ, чему они были очевидцами или что они узнали изъ первыхъ рукъ, имѣютъ еще болѣе важное значеніе, чѣмъ пріобрѣвшія всемірную извѣстность законченныя произведенія ихъ по исторіи современной имъ эпохи.

а) Романскіе народы.

Флоренція заняла первое мѣсто въ исторіографіи, какъ и въ литературѣ и искусствахъ. Еще въ тѣ времена, которыя причисляются къ самымъ мрачнымъ эпохамъ среднихъ вѣковъ, Флоренція была родиной такихъ историковъ, какъ оба Виллани, Джіованни и Маттео, превосходство которыхъ бросается въ глаза, какъ только начинаешь сравнивать ихъ труды съ современными имъ хрониками нѣмецкихъ городовъ. Въ XV столѣтіи гуманисты Леонардо Бруно и Поджіо (стр. 468) написали изящнымъ слогомъ исторію своей родины; но высшаго своего расцвѣта флорентійское повѣствовательное искусство достигло только въ XVI столѣтіи; кругозоръ писателей все расширялся за предѣлы Италіи, и ихъ повѣствованія получили характеръ всемірной исторіи. Наряду съ Николо Макіавелли (род. въ 1469 г., скончал. въ 1527 г.), „Флорентійская исторія“ котораго была издана въ годъ смерти ея автора, и съ Франческо Гуиччардини (род. въ 1483 г., сконч. въ 1540 г.), авторомъ напечатанной между 1561 и 1564 годами „Исторіи Италіи“ и изданной только въ 1859 году, благодаря трудамъ Джузеппе Конестрини, исторіи Флоренціи въ періодъ времени между 1378 и 1509 годами, слѣдуетъ упомянуть о славныхъ именахъ такихъ писателей, какъ, напримѣръ, Бернардо Ручеллаи, Джакопо Нарди, Филиппо Нерли, Бенедетто Варки, Джамбаттиста Адріани.

Римъ былъ второй послѣ Флоренціи обсерваторіей, съ которой удобно было наблюдать за ходомъ современныхъ историческихъ событій. Въ этомъ городѣ провелъ послѣдніе годы своей жизни много путешествовавшій Энеа Сильвіо (стр. 468), остроумный знатокъ мѣстныхъ обычаевъ и національнаго характера жителей разныхъ странъ Европы, авторъ интересныхъ мемуаровъ и исторіи Фридриха III, который въ 1458 году былъ избранъ папой подъ именемъ Пія II. Величайшій археологъ между всѣми гуманистами Флавіо Біондо (род. въ 1388 г., сконч. въ 1463 году) посвятилъ Сильвіо свой трудъ „Roma triumphans“ (изд. въ 1459 году), первое руководство по археологіи; тотъ же Біондо написалъ исторію Италіи отъ паденія римской имперіи до 1452 года, о которой Паскале Виллари выражается приблизительно въ такихъ словахъ: начиная съ этого труда Біондо, исторія дѣлается наукой, и возникаетъ историческая критика. Въ Римѣ жилъ также и Бартоломмео Сакки, писавшій подъ псевдонимомъ Платина, (род. въ 1421 г., сконч. въ 1481 г.), который составилъ правдивыя біогра-

фіи папъ; тутъ же собиралъ матеріалъ для своихъ трудовъ по современной исторіи Паоло Джіовіо (род. въ 1483 г., сконч. въ 1552 году), тутъ же Джіорджіо Вазари (род. въ 1511 г., сконч. 1574 г.) писалъ свои біографіи художниковъ, ваятелей и архитекторовъ, начиная отъ Джіованни Чимабуэ (род. въ 1240 г., сконч. въ 1302 г.) и кончая 1550 годомъ, и положилъ начало исторіи искусствъ. Кромѣ Флоренціи и Рима, Венеція, Генуя, Миланъ и Неаполь тоже имѣли своихъ историковъ, кругозоръ которыхъ выходилъ далеко за предѣлы области ихъ родного города.

Послѣ того, какъ Испанія стала принимать участіе въ международныхъ столкновеніяхъ и вскорѣ пріобрѣла значеніе первенствующей великой державы, въ этой странѣ явились историки, которые могутъ выдержать сравненіе съ итальянскими: Гернандо дель Пульгаръ (род. въ 1486 г.), лѣтописецъ Фердинанда и Изабеллы, Хуанъ Жинесъ Сепульведа (сконч. въ 1574 году) и Прудепсіо де Сандоваль, біографы Карла V, Джеронимо Зурита (сконч. въ 1580 году), историкъ Арагоніи, и продолжатель его труда, Люперио Леонардо де Аргенсоля, Діего Гуртадо де Мендоза (род. въ 1503 г., сконч. въ 1575 г.), авторъ классическаго повѣствованія о войнѣ 1568 года между Филиппомъ II и маврами. Еще большимъ успѣхомъ и большей популярностью, чѣмъ всѣ эти писатели, пользовался іезуитъ Хуанъ Маріана (род. въ 1536 г., сконч. въ 1623 г.), хотя онъ былъ только плагіаторомъ и беззастѣнчиво списывалъ изъ трудовъ своихъ предшественниковъ. Открытіе Новаго Свѣта тоже послужило темой для цѣлаго ряда выдающихся историческихъ произведеній, не считая записокъ конквистадоровъ и сообщеній географовъ. Какъ испанцы прославляли лѣтописцевъ испанскихъ открытій и завоеваній въ Новомъ Свѣтѣ, Гонзало Гернандеца де Овіедо (род. въ 1478 году), Франциско Лопеца де Гомара (род. въ 1510 году), Ласъ Казаса (род. въ 1474 году, сконч. въ 1506 г.; срв. т. I, стр. 393) и Хозе (?) Акоста (род. въ 1539 г., сконч. въ 1599 г.), такимъ же образомъ и португальцы тоже хвалились тѣми писателями, которые прославляли географическія открытія своихъ соотечественниковъ; къ числу ихъ принадлежатъ Даміано де Гоэсъ (род. въ 1501 г., сконч. въ 1573 году), Андреа де Резенде, Херонимо Озоріо (род. въ 1500 г., сконч. въ 1580 г.), Іоанно де Барросъ (род. въ 1496 г., сконч. въ 1570 г.), Альфонсо д'Альбукерке, сынъ знаменитаго индійскаго вице-короля (т. II), а наибольшей славой изъ нихъ пользуется поэтъ Луисъ Васъ де Камоэнсъ (род. въ 1525 г., сконч. въ 1580 году), безсмертный авторъ „Луизіады“ (вып. въ свѣтъ въ 1572 году).

Французы XV и XVI столѣтій далеко отстали отъ итальянцевъ и испанцевъ въ исторіографіи; зато мемуары французскихъ писателей какъ болѣе ранней, такъ и позднѣйшей эпохи стоятъ гораздо выше подобныхъ произведеній современной литературы другихъ европейскихъ народовъ. Еще наканунѣ XVI столѣтія лѣтописцы и собиратели легендъ въ родѣ Николя Жиля (сконч. въ 1503 году), Роб. Гагэна (сконч. въ 1501 г.), Андрэ де ла Винь и т. д. находили усердныхъ читателей и почитателей. Выше ихъ стоятъ французскіе историки XVI столѣтія, какъ то: Бернаръ де Жиларъ сеньеръ Дю Гальянъ (род. въ 1535 г., сконч. въ 1610 г.), Никола Винье (род. въ 1530 г., сконч. въ 1596 г.), Этьенъ Паскье (род. въ 1524 г., сконч. въ 1615 г.), Франсуа Бокеръ де Пегильонъ (род. въ 1514 г., сконч. въ 1591 г.) и Жанъ де Серъ, написавшій лѣтопись современной ему эпохи, въ которой повѣствованіе заканчивается событіями второй половины XVI столѣтія. Всѣхъ ихъ отодвинулъ на задній планъ историкъ эпохи религіозныхъ войнъ Жакъ Огюстъ де Ту (род. въ 1553 г., сконч. въ 1617 году); произведенія де Ту подъ названіемъ: „Historia mei temporis“ или также „Thuana“ обнимаютъ собою всѣ событія за періодъ времени между 1544—1607 годами изъ области литературы, церкви и государственной жизни. Между составителями мемуаровъ первое мѣсто занимаетъ Филиппъ де

Ком минъ (род. въ 1443 г., сконч. въ 1511 г.), очевидецъ событій временъ Людовика XI и Карла VIII, проницательный наблюдатель, пріятный разсказчикъ, толковый цѣнитель, горячій патріотъ. За нимъ слѣдуютъ Мартенъ Дю Белле сеньеръ де Ланжей (сконч. въ 1559 г.), Блезъ де Монлюкъ (род. въ 1503 г., сконч. въ 1557 г.) и Мишель де Кастельно (род. въ 1520 г., сконч. въ 1592 г.); Генрихъ IV называлъ солдатской библіей сочиненіе Монлюка подъ заглавіемъ „Commentaires". О нравахъ, господствовавшихъ во Франціи въ началѣ XVII столѣтія, можно почерпнуть подробныя свѣдѣнія изъ анекдотическихъ произведеній Пьера де Бурдейля, аббата брантомскаго (род. въ 1540 г., сконч. въ 1614 г.), изъ которыхъ назовемъ „Vies des dames galantes", и изъ мемуаровъ Маргариты (Марго) де Валуа, бракосочетаніе которой съ Генрихомъ IV, состоявшееся 17-го августа 1577 г., послужило сигналомъ къ ужасамъ Варѳоломеевской ночи (т. VII).

б) Германскіе народы.

Вслѣдствіе отсталости ихъ родного языка нѣмцы, получившіе гуманистическое образованіе, предпочитали писать свои произведенія на латинскомъ языкѣ еще чаще, чѣмъ авторы изъ среды романскихъ народовъ. Единственный первостепенный германскій историкъ современной эпохи Іоаннъ Филиппсонъ, псевдон. Слейданусъ, (род. въ 1506 г., сконч. въ 1556 г.), оставилъ по себѣ составленное на латинскомъ языкѣ по первоисточникамъ изображеніе событій царствованія Карла V, отличающееся высокою степенью достовѣрности. На латинскомъ же языкѣ написаны также отличающіеся національнымъ энтузіазмомъ сочиненія о древнѣйшей исторіи Германіи и германскихъ древностяхъ слѣдующихъ авторовъ: Іоанна Шписгаймера, извѣстнымъ подъ псевдонимомъ Куспиньянъ, (род. въ 1473 г., сконч. въ 1529 г.), Вилибальда Пиркгеймера (род. въ 1470 г., сконч. въ 1530 г.), Якова Вимпгелинга (род. въ 1450 г., сконч. въ 1528 г.), Франца Иреникуса (род. въ 1495 г., сконч. въ 1559 г.), Бильда фонъ Рейнау, писавшаго подъ псевдонимомъ Беатусъ Ренанусъ (род. въ 1485 г., сконч. въ 1547 г.). Еще усерднѣе, чѣмъ общегерманской исторіей, нѣмецкіе писатели эпохи Возрожденія занимались исторіей отдѣльныхъ германскихъ государствъ и городовъ. На этомъ поприщѣ мѣстной исторіи отдѣльныхъ областей первое мѣсто занимаютъ баварскій Геродотъ Іоаннъ Турмайръ, извѣстный подъ псевдонимомъ Авентинъ (род. въ 1477 г., сконч. въ 1534 году), Альбертъ Кранцъ (скоонч. въ 1517 г.), историкъ сѣверной Германіи и швейцарскій лѣтописецъ Эгидіусъ (Гильгъ) Чуди (род. въ 1505 г., сконч. въ 1572 г.).

Въ XVI столѣтіи преподаваніе исторіи вошло въ Германіи въ программу высшихъ учебныхъ заведеній, и въ этой же странѣ стали составляться въ то время учебники всемірной исторіи, которые получили распространеніе по всей Европѣ. Начиная съ 1474 г. сочиненіе Вернера Ролевинка (род. въ 1425 г., сконч. въ 1502 г.) „Fasciculus temporum" вытѣснило изъ употребленія сухіе перечни историческихъ событій, составленные доминиканцами. Широкой популярностью пользовались также всемірныя хроники Гартмана Шеделя (род. въ 1440 г., сконч. въ 1485 г.) и Іоанна Науклеруса (живш. прибл. между 1430 и 1510 гг.), на которыхъ еще не отразились идеи эпохи Возрожденія. Напротивъ того, написанная по нѣмецки „Хроника, или книга о повременныхъ событіяхъ и историческая библія" Севастіана Франка (род. въ 1499 г., сконч. въ 1542 г.) проникнута радикальнымъ анабаптистскимъ духомъ. Католическая система изложенія событій всемірной исторіи, которая ведетъ свое начало отъ эпохи Отцовъ Церкви, была преобразована въ современномъ протестантскомъ духѣ Филиппомъ Меланхтономъ, переработавшимъ хронику Іоанна Киріона (род. въ 1489 г., сконч. въ 1538 г.). Краткій очеркъ всемірной исторіи Слейдана подъ названіемъ „De quatuor monarchiis" выдержалъ больше 70-ти изданій.

Только въ одной области исторіи духъ протестантизма проложилъ новые пути, именно въ отдѣлѣ церковной исторіи. Между 1559 и 1574 г. г. вышло въ свѣтъ въ Базелѣ, подъ редакціей послѣдователя Лютера Маттіаса Франковиха (Флациха), извѣстнаго подъ псевдонимомъ Placius Hlyricus, (род. въ 1520 г. ск. въ 1575 г.), обширный трудъ „магдебургскихъ центуріаторовъ“; его сочиненіе получило такое названіе вслѣдствіе того, что ученое общество, издававшее его, собиралось въ Магдебургѣ, а содержаніе его было разбито на отдѣлы по столѣтіямъ (центуріямъ). Съ безпощадной критикой первые тринадцать вѣковъ церковной исторіи были очищены отъ передававшихся по традиціи баснословныхъ легендъ: въ остальномъ это произведеніе составляетъ характеристическій продуктъ того узко-вѣроисповѣднаго духа, который преобладалъ во вторую половину шестнадцатаго столѣтія. Но такъ какъ католическая церковь съ своей стороны тоже отвѣчала рѣзкими нападками на пристрастную критику протестантовъ, то открылся широкій просторъ для критическаго духа, и этотъ духъ оказался наилучшимъ средствомъ противъ партійной односторонности.

B. **Соціальныя науки и правовѣдѣніе**.

а) Соціальныя науки.

Въ близкой связи съ оживившимся въ эпоху Возрожденія интересомъ къ исторіи стоитъ также и развитіе соціальныхъ наукъ. „Политика“ Аристотеля и „Республика“ Платона принадлежали къ самымъ любимымъ книгамъ XVI столѣтія. Впечатлѣніе, вынесенное изъ чтенія этихъ философовъ, усиливалось тѣми наблюденіями, которыя читатель заимствовалъ изъ произведеній древнихъ писателей или на которыя они наталкивали. Схоластики тоже заимствовали у Аристотеля главныя руководящія идеи своего ученія о государствѣ; но они увлекались по преимуществу такимъ вопросомъ, который былъ совершенно чуждъ квассической древности, именно вопросомъ объ іерархическихъ соотношеніяхъ между церковью и государствомъ. Къ тому времени, когда жилъ Макіавелли, главный представитель философіи науки о государствѣ въ эпоху Возрожденія, уже успѣли замолкнуть споры между защитниками всемогущества духовной власти и поборниками самодержавія свѣтской власти; къ числу первыхъ относятся: Ѳома Аквинскій (стр. 466), Эджидіо де Колонна, или Эгидій Римскій (скончл. въ 1316 г.), Августинусъ Тріумфусъ (род. въ 1243 г., сконч. въ 1328 г.), Альваріусъ Пелагіусъ (сконч. въ 1352 г.); изъ вторыхъ назовемъ: Іорданусa Оснабрюкскаго (сконч. въ 1283 г.), Энгельберта Адмонтскаго (сконч. въ 1331 г.), Данте (т. VII), Оккама (стр. 466), Марсиліо Раймондини Падуанскаго (жилъ прибл. между 1270 и 1336—43 гг.), Лупольда Бебенбургскаго (т. VII. стр. 156). Макіавелли, родомъ флорентинецъ, былъ по профессіи практическимъ государственнымъ человѣкомъ: когда его дипломатическая карьера прервалась въ 1512 г., то онъ взялся за перо; вѣроятно, онъ надѣялся посредствомъ своихъ сочиненій проложить себѣ вновь дорогу къ своей прежней карьерѣ. Кромѣ упомянутой уже нами исторіи Флоренціи (стр. 470), онъ составилъ „Разсужденія о первой декадѣ Ливія“ (изд. въ Вѣнѣ въ 1532 г.), „Семь книгъ о военномъ искусствѣ“ и знаменитыя свои разсужденія о „Монархѣ“ (il principe; изд. въ Римѣ въ 1535 г.). Всѣ помыслы Макіавелли сосредоточены на современной ему эпохѣ; онъ пишетъ исключительно для своихъ современниковъ. Онъ мечталъ объ освобожденіи и объединеніи Италіи, страдавшей отъ собственнаго безсилія и отъ произвола чужеземцевъ, становившейся добычей всякаго чужеземнаго завоевателя. Онъ хотѣлъ научить своихъ современниковъ на примѣрѣ римской исторіи и военнаго искусства древнихъ римлянъ, какъ основывается государство и какъ упрочивается его

существованіе. Ему кажется, что только единодержавецъ, деспотъ съ неограниченной властью, будетъ въ состояніи спасти его отечество; его идеаломъ былъ Чезаре Борджіа, существо, стоящее внѣ человѣческой жалости и внѣ человѣческихъ страстей (срв. „Ренессансъ“ графа Ж. А. Гобино). Молодого Лоренцо II де Медичи (скопч. въ 1492 г.) онъ хочетъ воспитать спасителемъ Италіи, онъ внушаетъ ему тѣ средства, безъ которыхъ, по его мнѣнію, никогда не могли обходиться, хотя люди всегда стѣснялись называть ихъ настоящими именами, а тѣмъ болѣе рекомендовать.

Какими способами можетъ быть достигнуто процвѣтаніе государствъ,— этимъ вопросомъ занимались также теоретики науки о государствѣ, слѣдовавшіе за Макіавелли. Нѣмецкіе протестанты преклонялись вслѣдъ за Лютеромъ предъ властью монарха, какъ единственной опорой для ихъ церковныхъ нововведеній. Даже гугеноты только въ пылу борьбы ссылались на верховныя права народа и требовали признанія этихъ правъ королями; такимъ же образомъ и Шотландцы, въ особенности Георгъ Бухананъ (род. въ 1506 г., скопч. въ 1582 г.), держались въ своихъ спорахъ съ короной на консервативной почвѣ и ссылались на свои стародавнія права. Напротивъ того, у поборниковъ католической реставраціи, къ числу которыхъ относятся іезуиты Яковъ Лайнецъ (род. въ 1512 г., скончв. въ 1565 г.), Робертъ Беллярминъ (род. въ 1540 г., скопч. въ 1621 г.) и Маріана (стр. 471), ученіе о верховныхъ правахъ народа все больше выдвигалось на первый планъ; это ученіе служило для церкви оружіемъ, съ помощью котораго она надѣялась выступить вновь со своими притязаніями на господство надъ народами и правителями европейскихъ странъ. Самый выдающійся политическій мыслитель второй половины XVI столѣтія французъ Жанъ Боденъ (род. въ 1530 г., скопч. въ 1596 г.) былъ главнымъ представителемъ теоріи верховныхъ правъ народа. Важнѣйшимъ его трудомъ считается его сочиненіе „О государствѣ“ („De la république“; Парижъ, 1577 г.); „это произведеніе написано съ наибольшимъ прилежаніемъ и съ наиболѣе глубокимъ знаніемъ дѣла сравнительно со всѣми другими книгами на ту же тему, которыя вышли въ свѣтъ въ XVI столѣтіи; оно по справедливости пользуется въ ученомъ мірѣ наибольшимъ уваженіемъ изъ нихъ всѣхъ“, говоритъ Ранке. По сравненію съ Аристотелемъ Платонъ пользовался болѣе ограниченнымъ и не такъ рѣзко бросающимся въ глаза вліяніемъ. Воздѣйствіе платоновскихъ идей отразилось на самой остроумной изъ всѣхъ книгъ, которыя когда-либо были написаны новолатинской прозой, на „Утопіи“ сэра Томаса Мора (род. въ 1478 г., скопч. въ 1535 г.). Великій канцлеръ Генриха VIII, который погибъ мученикомъ за свои убѣжденія, сталъ родоначальникомъ особаго рода литературныхъ произведеній подъ названіемъ утопій. Подъ увлекательной фантастической декораціей въ безсмертной „Утопіи“ Мора скрывается горькое осужденіе государственныхъ и общественныхъ порядковъ современной автору эпохи, и въ то же время предъ нами рисуется картина идеальнаго государственнаго и общественнаго строя на основѣ общности имущества. Въ утопіяхъ тоже бываетъ религія, бываютъ и духовныя лица; но какъ далеки воззрѣнія Мора отъ той идеализаціи католической іерархіи, какую мы встрѣчаемъ въ „Царствѣ солнца“ Томаса Кампанеллы (род. въ 1568 г., скопч. въ 1639 г., псевдонимъ; наст. имя Джіованъ Доменико), во главѣ котораго стоитъ первосвященникъ съ неограниченной властью, великій владыка знанія!

б) Правовѣдѣніе.

Правовѣдѣніе получило въ эпоху Возрожденія такой же сильный толчокъ, какъ и государствовѣдѣніе. Еще за много столѣтій предъ тѣмъ тщательно изучались римское, лонгобардское (въ особенности ленное) и церковное права. Пока Италія стояла во главѣ научнаго движенія, изу-

ченіе права ограничивалось необходимымъ для практическихъ цѣлей толкованіемъ текстовъ. За глоссаторами Ирнеріемъ (живш. между 1050 и 1130 гг.) и Аккурсіемъ (род. въ 1182 г., скончат. 1259/63 г.) слѣдовали постглоссаторы Бартолусъ (род. въ 1314 г., сконч. въ 1357 г.) и Бальдусъ де Убальдисъ (род. въ 1327 г., сконч. въ 1400 г.), которые одѣли юридическую науку въ смирительную куртку схоластическихъ пріемовъ, но въ то же время не упускали изъ виду тѣхъ измѣненій, которымъ римское право должно было подвергнуться въ примѣненіи къ условіямъ средневѣковыхъ государствъ, строй которыхъ такъ рѣзко отличался отъ древнеримскаго міра. Въ эпоху гуманизма въ распоряженіи толкователей права оказалось множество до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ вспомогательныхъ средствъ; поэтому они отбросили въ сторону тѣ маловажные и недостовѣрные выводы, которые были добыты до тѣхъ поръ юридической наукой, и принялись за работу опять съ начала. Дѣйствительно, юристы эпохи гуманизма проникли въ настоящій первоначальный смыслъ источниковъ права глубже, чѣмъ средневѣковые глоссаторы; они пытались также привести въ систему идеи и положенія римскаго права, которыя перепутаны между собою въ Corpus juris. Главнымъ представителемъ историко-филологической науки права былъ Жакъ Кюжа, по прозвищу Cujacius (род. въ 1522 году, сконч. въ 1590 г.), а первымъ замѣчательнымъ систематикомъ Гюгъ Доно, по прозвищу Donellus (род. въ 1527 году, сконч. въ 1591 г.). Французское направленіе въ наукѣ права (mos gallicus, въ противоположность устарѣлому mos italicus) нашло себѣ доступъ въ Голландію, Германію и Испанію: вслѣдствіе этого аудиторіи итальянскахъ профессоровъ права опустѣли; въ итальянскомъ правовѣдѣніи изсякла творческая сила, и въ XVII столѣтіи оно потеряло всякое значеніе.

Всѣ успѣхи, достигнутые въ изученіи римскаго права, не имѣли практическаго значенія для Европы XVI столѣтія, такъ какъ весь правовой строй европейскихъ государствъ и ихъ законы выросли на почвѣ германскихъ обычаевъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ въ эту эпоху получило начало то теченіе, которое продолжается до настоящаго времени: сліяніе и сплетеніе римскихъ и германскихъ правовыхъ воззрѣній въ теоріи и на практикѣ. Однако же въ этой области, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, одно и то же общеевропейское культурное движеніе шло въ каждомъ изъ великихъ европейскихъ государствъ по своему особому пути.

Въ исторіи европейскаго права Франція шла къ цѣли впереди другихъ европейскихъ странъ. Со времени эпохи переселенія народовъ во Франціи утвердилась глубокая противоположность между южными провинціями, въ которыхъ господствовало римское право (pays du droit écrit), и сѣверными, въ которыхъ примѣнялось германское право въ видѣ отдѣльнаго для каждой мѣстности первоначально неписаннаго обычнаго права (pays du droit coutumier). Спасительнымъ противовѣсомъ противъ громаднаго разнообразія мѣстныхъ обычаевъ (Л. А. Варнкёнигъ насчитываетъ 260 различныхъ обычныхъ правъ) были судебныя рѣшенія королевскаго придворнаго суда въ Парижѣ (парижскаго парламента) и распоряженія (établissements, ordonnances) королей вмѣстѣ съ генеральными штатами (états généraux), благодаря которымъ возникло общефранцузское право; но наряду съ этимъ общимъ правомъ кутюмы продолжали сохранять свое дѣйствіе, каждая въ предѣлахъ своей области. Начиная отъ Карла VII (въ 1453 г.) и кончая Франциском I, короли издавали приказы объ оффиціальной записи обычныхъ правъ, благодаря чему въ распоряженіи науки правовѣдѣнія оказалась громадная масса сырого матеріала, подлежавшаго обработкѣ. Шарль Дюмуленъ (между 1500 и 1566 гг.) и Антуанъ Луазель (сконч. въ 1617 году) были основателями систематической науки французскаго „общаго права“. Однако объединенная своими королями централизованная Франція стремилась къ полному однообразію въ законахъ: со времени

царствованія Людовика XIV начинаютъ издаваться общіе для всего государства сборники законовъ, послѣднимъ изъ которыхъ былъ Code Napoléon.

Совершенно другимъ путемъ подвигалось сліяніе германскаго права съ римскимъ въ Германіи. Начиная съ эпохи Меровинговъ и Каролинговъ, когда впервые были записаны обычныя права, германское право находилось подъ воздѣйствіемъ идей римскаго, а впослѣдствіи и церковнаго правъ. Въ эпоху Штауфеновъ, когда германская молодежь стремилась въ Болонью для того, чтобы учиться наукѣ права у первыхъ глоссаторовъ, утвердилось такое мнѣніе, что римское право должно считаться общимъ германскимъ правомъ и пользоваться дополнительнымъ значеніемъ по отношенію къ обычному праву отдѣльныхъ областей и городовъ на томъ основаніи, что римскіе императоры должны считаться предшественниками римско-германскихъ императоровъ. Вліяніе подобныхъ взглядовъ отразилось замѣтно на юридической литературѣ XIII вѣка, въ слабой степени на „Саксонскомъ зеркалѣ“ Эйкеса фонъ Ребгова (составл. приблизительно въ 1230 году) и въ болѣе сильной на глоссахъ къ этому сборнику и на „Швабскомъ зеркалѣ“ (около 1260 года). Такъ какъ въ германскихъ университетахъ преподавались иноземныя права, и доктора, получившіе степень въ германскихъ университетахъ, стали попадать въ составъ судебныхъ учрежденій (на первыхъ порахъ ихъ стали принимать на службу при императорскомъ дворѣ и при императорскомъ каммергерихтѣ), то германское право оказалось буквально засыпаннымъ грудой иноземныхъ узаконеній. Мѣсто шеффеновъ заступили мало-по-малу судьи, воспитанные на римскомъ правѣ и незнакомые съ народными обычаями; вмѣсто верховнаго суда получили рѣшающее значеніе мнѣнія юридическихъ факультетовъ; для назиданія публики стали издаваться общедоступные юридическіе сборники, какъ, напримѣръ, „Зеркало для публики“ Тенглера (издано въ 1509 году) и переработанная Себастьяномъ Брантомъ „Зеркало для жалобъ“ (издано въ 1516 г.). Само собою разумѣется, что въ теченіе XV и XVI столѣтій въ Германской имперіи не могло быть положено основанія однообразному національному, примѣняющемуся на всемъ ея протяженіи законодательству, такъ какъ дѣйствовавшія въ Германіи центральныя силы находились еще въ періодѣ роста. Дѣло ограничилось только территоріальнымъ объединеніемъ права, „областными уложеніями“, что весьма характерно для тогдашней Германіи; тѣмъ не менѣе въ 1533 году было опубликовано „уголовное уложеніе Карла V“ — CCC(C[onstitutio] C[riminalis] C[arolina]), которымъ устанавливались однообразныя наказанія за уголовныя преступленія и однообразный порядокъ уголовнаго процесса для всей Германской имперіи. Свободнымъ отъ примѣсей римскаго права осталось германское государственное право: германскіе ученые не останавливались предъ господствовавшей въ немъ чудовищной путаницей и тратили много силъ и стараній на его изученіе.

Въ Англіи и въ Скандинавскихъ государствахъ какъ публичное, такъ и частное право остались почти совершенно свободными отъ вліянія римскаго и каноническаго правъ. Со времени реформаціи католическое церковное право совершенно вышло изъ употребленія въ этихъ странахъ; римское право удержалось въ университетахъ только ради своей поучительности въ качествѣ второстепеннаго предмета преподаванія. Однако же англійская юридическая литература, начиная отъ Генриха Брактона (около 1250 года) и кончая сэромъ Эдуардомъ Кокомъ (род. въ 1552 г., сконч. въ 1634 г.), свидѣтельствуетъ о томъ, что британскіе юристы вполнѣ цѣнили преимущества римскаго права.

Г. Естественныя науки.

Естественныя науки, какъ точныя, т. е. тѣ, въ которыхъ примѣняется счетъ и мѣра, такъ и описательныя, тоже сдѣлали большіе успѣхи въ

XV и XVI столѣтіяхъ. Ученые черпали свои свѣдѣнія изъ древнеклассическихъ произведеній, которыя тогда стали извѣстны впервые или, по крайней мѣрѣ, тогда только стали извѣстны въ подлинникахъ, и изучали вновь открытыя пространства земной поверхности; такъ какъ въ эту эпоху было поколеблено много такихъ положеній, которыя прежде считались аксіомами, то ученые осмѣливались подвергать вновь испытанію свѣдѣнія, заимствованныя изъ литературы прошлыхъ вѣковъ, принимались вновь за рѣшеніе старыхъ задачъ при помощи новыхъ вспомогательныхъ средствъ и замѣняли не выдерживающія критики теоріи и гипотезы другими, болѣе основательными.

а) Естествоиспытательныя науки.

Начиная съ XIII столѣтія искусство счисленія вступило въ новую фазу своего развитія: вошли въ употребленіе индійскія цифры и десятичная нумерація. Такъ называемый алгоритмъ (т. е. ариѳметическія дѣйствія по десятичной системѣ) проникъ въ Европу съ трехъ сторонъ, какъ и аристотелевская философія: изъ Испаніи, чрезъ Византію и окончательнымъ образомъ изъ Италіи. Леонардо Фибоначчи изъ Пизы (жилъ приблиз. отъ 1180 до 1228 г.) познакомился въ алжирскомъ городѣ Бужи съ индійско-арабской математикой; его „Liber abaci“ (четыре ариѳметическія дѣйствія) вскорѣ пріобрѣлъ обширное распространеніе вслѣдствіе практической полезности новаго метода счисленія. Вмѣстѣ съ десятичнымъ счисленіемъ стала входить въ употребленіе также алгебра или, какъ выражались въ Италіи, regola della cosa, въ нѣмецкой передѣлкѣ „коссъ“. Съ конца XV столѣтія стали выходить въ свѣтъ много печатныхъ учебниковъ по ариѳметикѣ и алгебрѣ не только на латинскомъ языкѣ, но, между прочимъ, и на народныхъ европейскихъ языкахъ; въ Германіи и Италіи возникли даже частныя школы счисленія, и явились учителя счисленія для учениковъ, незнакомыхъ съ латинскимъ языкомъ. Изъ составителей ариѳметическихъ учебниковъ славятся: Фра Люка Пачіуоли (между 1450—1500 годами), Іоаннъ Видманнъ (около 1490 года), вошедшій въ поговорку Адамъ Ризе (отъ 1492 до 1559 года), Христофъ Рудольфъ (около 1525 г.), Михаилъ Штифель (отъ 1487 до 1567 г.) и т. д. Изобрѣтательный Іоостъ Бюрги (отъ 1552 до 1632 г.), по ремеслу часовщикъ, дошелъ собственнымъ умомъ до употребленія десятичныхъ дробей одновременно съ Симономъ Стевиномъ (род. въ 1548 г., сконч. въ 1620 г.) и составилъ первую таблицу логариѳмовъ, которая осталась неопубликованной. Итальянцамъ Іеронимо Кардано (род. въ 1501 г., сконч. въ 1576 г.) и Никколя Фонтана, по прозвищу Тарталія (сконч. въ 1557 г.), удалось найти рѣшеніе уравненій третьей степени; ученикъ Кардана Лодовико Феррари (отъ 1522 до 1565 г.) отыскалъ общее рѣшеніе для уравненій четвертой степени. Эти ученые подвинули также впередъ ученіе о мнимыхъ величинахъ.

Изъ всѣхъ отдѣловъ геометріи наибольшіе успѣхи сдѣлала въ теченіе описываемаго періода тригонометрія, которая имѣетъ важное значеніе для астрономіи. Первымъ, который взялся за вычисленіе таблицъ тангенсовъ, былъ Іоаннъ Мюллеръ, по прозвищу Региомонтанусъ (род. въ 1436 г., сконч. въ 1476 г.); Георгъ Іоахимъ изъ Лауфена, по прозвищу Rheticus (род. въ 1514 г., сконч. въ 1576 г.), Валентинъ Отто (около 1596 г.), Бартоломеусъ Питискусъ (отъ 1561 до 1613 года) составили по собранію тригонометрическихъ таблицъ, изъ которыхъ каждая превосходитъ предшествующія по своей точности. Никто иной, какъ великій живописецъ Альбрехтъ Дюреръ (отъ 1471 до 1528 г.), составилъ первую начертательную геометрію на нѣмецкомъ языкѣ для неученыхъ ремесленниковъ (въ 1525 г.). Ему принадлежитъ также сочиненіе о сооруженіи крѣпостей (въ 1527 г.), а самыми выдающимися теоретиками по этому предмету были въ

это время Даніель Спекле (род. въ 1535 г., сконч. въ 1589 г.) и Франческо Марки (род. въ 1506, сконч. въ 1598 г.).

Хотя физика не оставалась въ полномъ застоѣ, но все же она не проложила себѣ новыхъ путей до XVII столѣтія. Въ теченіи XVI столѣтія были изобрѣтены такіе важные оптическіе инструменты, какъ камера обскура (въ 1540 г.) и микроскопъ (въ 1590 г.), а въ самомъ началѣ XVII столѣтія была изобрѣтена голландская подзорная труба (въ 1608 г.). Кромѣ оптики ученіе о магнитизмѣ и электричествѣ тоже подвинулось впередъ. Склоненіе магнитной стрѣлки стало извѣстно, по крайней мѣрѣ, еще въ XIII столѣтіи, а наклоненіе ея было открыто Георгомъ Гартманномъ изъ Нюренберга въ 1543 г. Естествоиспытателемъ первой величины слѣдуетъ признать Уильяма Джильберта изъ Кольчестера (род. въ 1540 г., сконч. въ 1603 г.): онъ первый открылъ, что земля есть громадный магнитъ съ сѣвернымъ и южнымъ полюсами; онъ же впервые установилъ различіе между электрическими и магнитными явленіями и ввелъ въ употребленіе терминъ „электричество". Слѣдуетъ еще упомянуть о Леонардо да Винчи (род. въ 1452, сконч. въ 1519 г.), какъ предшественникѣ Галилея въ механикѣ; вообще этотъ великій художникъ былъ самымъ разностороннимъ геніемъ новыхъ вѣковъ: съ поразительной проницательностью онъ предугадывалъ и предвосхищалъ характерныя идеи будущихъ вѣковъ.

Химія въ XVI столѣтіи еще не успѣла выпутаться изъ традицій алхиміи. Парацельсъ (Philippus Aureolus Paracelsus Theophrastus Bombastus, родомъ изъ Гогенгейма; род. въ 1493 г., сконч. въ 1541 г.) развилъ по образцу Василія Валентина ученіе о трехъ алхимическихъ элементахъ: сѣрѣ, ртути и соли. Андрей Либавіусъ изъ Галле (сконч. въ 1616 году) составилъ первое руководство по химіи (въ 1595 году).

Парацельсъ былъ основателемъ іатрохимическаго направленія въ медицинѣ онъ признавалъ, что какъ въ здоровомъ, такъ и въ больномъ тѣлѣ происходятъ химическіе процессы и что болѣзни зависятъ отъ неправильнаго хода этихъ процессовъ. Для развитія медицины имѣли рѣшающее значеніе не теоретическія воззрѣнія XVI столѣтія, а научныя открытія великихъ анатомовъ Андрея Виттинга, по прозвищу Везалія (онъ происходилъ изъ Везельской фамиліи; род. въ 1514 г., сконч. въ 1564 г.), Габріэля Фаллопія (отъ 1523 до 1562 гг.), Бартоломея Евстахія (сконч. въ 1574 году), Улисса Альдрованди (отъ 1522 до 1605 гг.) и т. д. Благодаря развитію анатоміи, хирургія тоже сдѣлала соотвѣтствующіе успѣхи; преобразователемъ ея былъ французъ Амбруазъ Парэ (отъ 1517 до 1590 года). Къ концу XVI столѣтія повсюду уже существовали анатомическіе театры; къ этому же времени утвердилось и клиническое преподаваніе по образцу итальянскаго города Падуи, въ которомъ находилась лучшая въ то время высшая школа медицины.

б) Естественная исторія.

Естественной исторіи больше, чѣмъ всякой другой отрасли наукъ, приходилось бороться съ пренебрежительнымъ высокомѣріемъ средневѣковыхъ мыслителей и съ наивнымъ дѣтскимъ пристрастіемъ къ чудесному. Physiologus и Elucidarius, популярные сборники самыхъ нелѣпыхъ побасенокъ, пользовались еще довѣріемъ публики; писатели по естественной исторіи не сразу осмѣлились отодвинуть въ область сказокъ единороговъ, грифовъ, фениксовъ, драконовъ. Эдуардъ Уоттонъ, писавшій въ 1552 году, основывалъ еще свою систему исключительно на почвѣ аристотелевской зоологіи. Однако въ иллюстрированныхъ сочиненіяхъ Конрада Геснера (стр. 469), филолога и библіографа, и въ трудахъ только что упомянутаго нами Альдрованди попадаются новыя наблюденія. Анатомическія работы, которыя вновь были вызваны къ жизни Везаліемъ, были распространены

также на царство животныхъ. Фольхеръ Койтеръ (род. въ 1534, скончъ 1590 г.) и Гіеронъ Фабриціусъ де Аквапенденте (отъ 1537 до 1691 г.) занимались уже сравнительной анатоміей и производили наблюденія надъ развитіемъ цыпленка въ яйцѣ. Леонардо да Винчи уже разгадалъ, что окаменѣлости представляютъ собой остатки погибшаго животнаго міра; Джироламо Фракастро (отъ 1483 до 1553 г.) расположилъ въ систему изслѣдованныя имъ окаменѣлости и ввелъ для нихъ номенклатуру; отъ него ведутъ свое происхожденіе названія аммонитовъ, трилобитовъ, белемнитовъ и т. д.

Изъ ботаниковъ описываемой эпохи слѣдуетъ назвать опять же Геснера и извѣстныхъ изъ ботанической номенклатуры Леонарда Фукса (род. въ 1501 г., скончъ. въ 1506 г.), Адама Лоницера (отъ 1528 г., до 1586 г.; компиляторъ), Маттіаса де Лобеля, по прозвищу Лобеліусъ (отъ 1537 г., до 1616 г.). Первую теоретическую ботанику, которая шла дальше аристотельскаго ученика Теофраста, написалъ Андреа Чезальпини изъ г. Ареццо (отъ 1514 до 1603 г.). Что касается агрономическихъ сочиненій эпохи Возрожденія, то воспитанные на гуманизмѣ экономисты того времени впадали по большей части въ ту оплошность, что смѣшивали свои мѣстныя наблюденія съ теоріями древнихъ писателей, которыя годились только для средиземноморской области.

Минералогія имѣла только одного выдающагося представителя, Георга Бауэра, по прозвищу Агрикола (отъ 1494 г. до 1555 г.); онъ же написалъ „Книгу о горнодѣліи“. Въ горномъ дѣлѣ нѣмцы занимали тогда первое мѣсто въ мірѣ.

Подъ именемъ космографіи въ XVI вѣкѣ образовалось складочное мѣсто, куда ученые того времени собирали всѣ свои познанія по естественной исторіи человѣка, по землевѣдѣнію, этнографіи и астрономіи; „Cosmographia“ (вышла въ 1544 году) Себастьяна Мюнстера (род. въ 1489 г., скончъ. въ 1552 г.) послужила образцомъ для подобнаго рода сочиненій; предшественникомъ Мюнстера былъ Себастьянъ Франкъ съ его „Міровой книгой“ (въ 1534 г.); оба эти автора не освободились вполнѣ отъ сказочнаго элемента и не обнаруживаютъ достаточно строгой критики въ пользованіи своимъ матеріаломъ. Выше ихъ стоитъ французъ Андре Теве (около 1575 г.). Достовѣрныхъ свѣдѣній по политической географіи не слѣдуетъ искать въ общихъ географическихъ сочиненіяхъ того времени: такія свѣдѣнія заключаются главнымъ образомъ въ тайныхъ донесеніяхъ посланниковъ; достовѣрныя извѣстія подобнаго рода можно найти также въ монографіяхъ, какъ, напримѣръ, въ турецкихъ путевыхъ письмахъ Ожье Гизелина де Бюсбека (отъ 1522 г. до 1592 г.) или въ книгѣ Лодовико Гуиччардини (род. въ 1523 г., скончъ. въ 1589 г.) о Нидерландахъ.

Въ области физической географіи ученые XVI столѣтія не шли дальше перечисленія фактовъ безъ теоретическаго объясненія, разрозненныхъ наблюденій и случайныхъ догадокъ. Математическая географія, напротивъ того, достигла значительной высоты. Нюренбергъ, который славился своими художественными произведеніями, сталъ главнымъ центромъ изготовленія картъ. Мартинъ Бегаймъ (отъ 1436 до 1507 г.) и Іоаннъ Шенеръ (отъ 1477 г. до 1547 г.) изготовили въ Нюренбергѣ первые глобусы (въ 1492 и въ 1520 гг.); Іоаннъ Вернеръ (отъ 1468 г. до 1528 г.) тамъ же придумалъ новые методы для проецированія шаровой поверхности на плоскость бумаги. Самыя важныя нововведенія въ области картографіи принадлежатъ Гергарду Кремеру, по прозвищу Меркатору (отъ 1512 г. до 1594 г.), изобрѣтателю конической и названной по его имени меркаторской проэкціи (Меркаторъ род. въ 1512 г. и скончъ. въ 1594 г.). Что касается научнаго значенія картографическихъ произведеній XVI столѣтія, то оно существенно умаляется вслѣдствіе неточнаго обозначенія положенія отдѣльныхъ мѣстностей, особенно же географическихъ долготъ.

Мы еще не упомянули о самомъ великомъ научномъ событіи XVI столѣтія. Польскій монахъ Николай Коперникъ (род. въ 1473 г., скончался въ 1543 г.) увидѣлъ на смертномъ одрѣ первые оттиски того произведенія, на которое онъ посвятилъ всю свою жизнь и которое вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ „De revolutionibus orbium caelestium“ съ предисловіемъ, составленнымъ по собственному почину Андреемъ Озіандеромъ, которое носило слѣдующее заглавіе: „De hypothesibus hujus operis“. Своимъ предисловіемъ Озіандеръ заднимъ числомъ низвелъ революціонное содержаніе книги Коперника на степень необоснованной догадки; благодаря этому книга Коперника, которая, между прочимъ, была посвящена папѣ Павлу III, на первыхъ порахъ не вызвала никакого волненія, а сторонники птоломеевскаго ученія даже рады были случаю пощеголять своими якобы блестящими опроверженіями. Благодаря всему этому новая теорія оставалась спеціальнымъ научнымъ спорнымъ вопросомъ; только въ концѣ XVI столѣтія, когда въ обоихъ лагеряхъ, протестантскомъ и католическомъ, разгорѣлся религіозный пылъ, послѣдователи геліоцентрической системы были объявлены еретиками. Въ 1616 году сочиненія Коперника были внесены въ индексъ, т. е. въ папскій списокъ запрещенныхъ книгъ, въ теченіе 180 лѣтъ послѣ этого она оставалась недоступной для школъ. Тѣмъ не менѣе въ болѣе тѣсныхъ ученыхъ кругахъ теорія Коперника восторжествовала еще со времени Кеплера и Галилея.

Правда, самый знаменитый астрономъ XVI столѣтія Тихо Браге (1546 г.—1601 г.), виртуозъ въ области тонкихъ наблюденій, не призналъ теоріи Коперника, а искалъ компромисса между ней и птоломеевской теоріей. По ученію Птоломея въ центрѣ мірозданія помѣщается неподвижная земля, а солнце, луна и звѣзды вращаются вокругъ нея; по Копернику, земля вращается вокругъ своей оси и въ то же время вмѣстѣ съ планетами совершаетъ кругооборотъ вокругъ солнца; а Тихо Браге принималъ, что земля, луна и солнце вращаются вокругъ неподвижной земной оси, а планеты кругомъ солнца.

Еще раньше, чѣмъ былъ открытъ походъ противъ Коперника, католическая церковь произвела у себя основанную на научныхъ данныхъ реформу, именно, замѣнила юліанскій календарь григоріанскимъ (въ 1582 г.). Это новшество было введено по распоряженію Григорія XIII, послѣдовавшему по предложенію братьевъ Алоизіо (сконч. въ 1576 г.) и Антоніо Лиліо; составить оффиціальный календарь было поручено бамбергскому іезуиту Христофору Клавіусу (род. въ 1537 г., сконч. въ 1612 г.); этотъ календарь вышелъ въ свѣтъ въ 1605 году). Сопротивленіе противъ введенія григоріанскаго календаря было самымъ сильнымъ, на какое только способно религіозное упрямство: Пруссія приняла эту реформу только въ 1699 году, Англія въ 1752 г., а православная церковь до сихъ поръ еще не перешла отъ Юлія Цезаря къ Григорію XIII.

Д. **Философія.**

Было бы удивительно, если бы въ такое бурное время, когда происходила такая сильная разрушительная и созидательная культурная работа, не измѣнило бы также своихъ очертаній общее міросозерцаніе образованнаго общества, т. е. философія. Провозглашенный въ Италіи лозунгъ „за Платона, противъ Аристотеля!“ не сослужилъ большой службы цивилизованному міру, такъ какъ платоновская философія писателей вродѣ Марсиліуса Фицинуса (отъ 1433 до 1499 года) была только смягченнымъ неоплатонизмомъ. Безпрестанные споры о томъ, какъ слѣдуетъ понимать Аристотеля, которые велись между двумя школами толкователей этого философа, александристами и аверроистами, были такъ же мало привлекательны для неспеціалистовъ, какъ и брань противниковъ аристотелевской фило-

софіи, вродѣ Пьера де ля Р́амэ (Petrus Ramus; отъ 1515 до 1572 г.). Господствовавшее броженіе умовъ выразилось яснѣе всего въ произведеніяхъ итальянскихъ натуръ-философовъ. Величайшимъ изъ нихъ былъ Джіордано Бруно изъ города Нола, который погибъ на кострѣ мученикомъ за свои убѣжденія (отъ 1548 до 1600 г.). Францискъ Патрицій (род. въ 1529 г., сконч. въ 1597 г.) и Бернардино Телезіо (род. въ 1508, сконч. въ 1588 г.) были его предшественниками. Но, однако, самое сильное вліяніе произвели на Джіордано Бруно сочиненія Коперника и мистика Николая Хрипфса изъ Куса (по прозвищу Cusanus; отъ 1401 до 1464 г.). Въ восторженныхъ выраженіяхъ, нерѣдко даже изложенныхъ въ стихахъ, Бруно увлекается единствомъ всего существующаго, обоготвореніемъ безпредѣльной совокупности міровыхъ явленій. Въ своемъ пантеизмѣ онъ былъ предшественникомъ Спинозы, а въ своемъ ученіи о монадахъ онъ предвосхитилъ самое ядро философіи Лейбница.

Какіе странные, непонятные умы создала эта эпоха непрерывнаго броженія, когда даже у Джіордано Бруно не хватило умственныхъ силъ для того, чтобы довести свои идеи до полной ясности! Не говоря уже о пророкахъ новыхъ сектъ и религіозныхъ толковъ, какими странными и непонятными представляются намъ мистическія идеи священника Валентина Вейгеля (отъ 1533 до 1588 годовъ) и герлицкаго сапожника Якова Беме (отъ 1575 до 1624 г.), который пользовался такимъ сильнымъ расположеніемъ со стороны Шеллинга и Гегеля! Какъ дико перепутывается у Парацельса наука съ безуміемъ! но все же Парацельсъ стремится отъ безумныхъ фантазій къ наукѣ въ то время, какъ другіе шли обратнымъ путемъ; такъ, напримѣръ, Генрихъ Корнелій Агриппа изъ Неттесгейма (отъ 1486 до 1535 г.) разочаровался въ ходячей ученой премудрости того времени и увлекся магіей. Само собою разумѣется, что этотъ вѣкъ съ его путаницей идей породилъ также и скептиковъ; классическимъ представителемъ свѣтской разновидности этого скептицизма во всемірной литературѣ явился Мишель Эйканъ де Монтэнь (отъ 1533 до 1592 г.).

Въ широкихъ массахъ вѣкъ Возрожденія былъ вѣкомъ безумной вѣры въ колдуновъ и бѣсноватыхъ еще въ большей степени, чѣмъ самыя темныя эпохи „мрачнаго средневѣковья“. XVI и XVII столѣтія— это эпоха дьявольскаго навожденія; вмѣсто ангеловъ и святыхъ Божіихъ міромъ завладѣли злые духи. Въ сравненіи съ тѣми ужасами, до которыхъ доводила вѣра въ одержимыхъ дьяволомъ, алхимія и астрологія, эти тайныя науки знатныхъ и образованныхъ слоевъ общества, причинили весьма мало зла. Главная прелесть этихъ тайныхъ наукъ заключалась въ томъ, что онѣ занимались не скучными и безразличными для обыкновенной публики тонкостями, какъ настоящія науки, а давали надежду на удовлетвореніе самыхъ задушевныхъ сердечныхъ желаній.

4. Исторія народнаго просвѣщенія отъ XVI по XVIII столѣтіе.

Такія великія духовныя силы, какъ гуманизмъ и реформація, не могли остаться безъ вліянія на всю систему народнаго образованія. Изъ этихъ двухъ силъ наибольшее воздѣйствіе оказала реформація вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ ей реакціоннымъ движеніемъ, „противореформаціей.“ Обѣ стороны воспользовались гуманизмомъ, какъ орудіемъ. Школьная система распалась на католическую и некатолическую. Общеевропейскія черты школьнаго воспитанія все больше стушевываются: воспитаніе и обученіе усваиваютъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше національныхъ особенностей; начиная съ XVI столѣтія, уже можно различать итальянскую, французскую и т. д. образовательныя системы.

Несмотря на это, латинскій языкъ сохранилъ вплоть до XIX столѣтія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже еще въ началѣ истекшаго столѣтія свое значеніе въ качествѣ общаго языка школы и науки. Недаромъ единственной цѣлью, къ которой гуманизмъ стремился и которой онъ добился, было распространеніе классическаго латинскаго языка, на которомъ писали Цицеронъ и Виргилій, вмѣсто монашеской и кухонной латыни. Со времени эпохи гуманизма важнѣйшей цѣлью общеобразовательной школы стало научить учениковъ писать изящнымъ латинскимъ слогомъ въ прозѣ и въ стихахъ; отъ такого направленія въ преподаваніи средняя школа и до сихъпоръ еще отказалась не вполнѣ, а въ предыдущія столѣтія такая система образованія была общей для всѣхъ народовъ и вѣроисповѣданій. Методы обученія тоже были повсюду одни и тѣ же: заучиваніе наизусть и устный пересказъ заученнаго, чтеніе экспромптомъ или заданнаго урока, объясненіе урока учителемъ и повтореніе его учениками вслѣдъ за учителемъ: вотъ въ чемъ заключались педагогическіе пріемы, практиковавшіеся въ тогдашнихъ школахъ.

Всѣ школьныя системы XVI и XVII столѣтій отличались еще одной общеевропейской чертой: въ эту эпоху вошло въ моду учиться многому и знать понемногу обо всемъ (Polymathia, pansophia); преподаваніе въ средней школѣ носитъ поэтому энциклопедическій характеръ. Въ то время, какъ средневѣковая школа стремилась къ формальному развитію умственныхъ способностей ученика, въ средней школѣ эпохи гуманизма старались сообщить ученикамъ какъ можно болѣе фактическихъ полезныхъ свѣдѣній. Въ то же время въ программѣ преподаванія проявляется стремленіе къ практическому, полезному, пригодному для жизни, и вслѣдствіе этого стали открываться реалистическія (техническія) учебныя заведенія для бюргерской молодежи и „рыцарскія академіи“ для юношей благороднаго сословія.

А. Іезуитскія школы.

Въ числѣ средствъ, которыя католическая реставрація пускала въ ходъ для борьбы съ реформаціей, не послѣднее мѣсто занимаетъ школа. Ее захватилъ въ свои руки вновь возникшій монашескій орденъ подъ названіемъ общества Іисуса (срав. т. VII, стр. 296 и 321), который поставилъ себѣ цѣлью возстановленіе единодержавной верховной власти папы.

Въ основу іезуитской школы были положены учебные планы „Ratio studiorum“ (Римъ, 1586 г.) генерала іезутскаго ордена Клавдіо Аквавива (1543 г.—1615 г.). Эти планы впослѣдствіи подвергались многократнымъ измѣненіямъ; новѣйшіе изслѣдователи считаютъ болѣе вѣроятнымъ, что авторомъ ихъ былъ Петръ де Гондтъ, по прозвищу Канизіусъ, (отъ 1524 до 1597 г.). Эти планы обнимали какъ общее образованіе, которое ученики получали въ латинской школѣ и на артистическомъ (философскомъ) факультетѣ, такъ и спеціальное богословское. Іезуиты дѣйствовали настойчиво и послѣдовательно; они старались прибрать къ своимъ рукамъ существующія учебныя заведенія и основывать новыя школы, которыя находились бы подъ ихъ исключительнымъ руководствомъ; если имъ удавалось завладѣть двумя факультетами, то вскорѣ и весь университетъ оказывался въ ихъ рукахъ. Іезуитскія школы отличались съ выгодой для себя отъ соборныхъ и монастырскихъ школъ прежняго типа своими постоянными учебными планами, правильнымъ раздѣленіемъ на классы; учебныя заведенія дѣлились на 8 классовъ: пятилѣтній гимназическій курсъ состоялъ изъ трехъ классовъ грамматики и двухъ гуманитарныхъ классовъ поэзіи и риторики: за гимназическимъ курсомъ слѣдовалъ трехлѣтній философскій курсъ логики, физики, метафизики и этики; преподаватели набирались изъ людей, получившихъ систематическое образованіе; въ школѣ читались только такіе тексты, которые были одобрены послѣ тщательнаго предварительнаго

выбора; въ іезуитскихъ школахъ господствовала строгая, но не жестокая дисциплина, пускалось въ ходъ множество средствъ для развитія соревнованія между учениками; школьная обстановка устраивалась съ тщательностью и умѣньемъ. Тамъ, гдѣ только можно было, іезуитскіе патеры забирали въ свои руки средневѣковыя заведенія съ конвиктами для студентовъ и передѣлывали ихъ по образцу своихъ собственныхъ интернатовъ или коллегій. Іезуитскія школы пріобрѣли громадную популярность, и въ эти заведенія поступали не только нищіе студенты, зарившіеся на стипендіи, но также сыновья богатыхъ купцовъ и представителей благороднаго сословія; такъ, напримѣръ, въ іезуитскихъ школахъ „Louis le Granda“ и „La Flèche“ воспитывалось въ теченіе цѣлыхъ шести поколѣній подрядъ знатное французское юношество. Собственные воспитанники іезуитовъ вырвали изъ рукъ почтенныхъ патеровъ господство надъ школой, когда эти монополисты образовательныхъ учрежденій католическихъ странъ отстали отъ своего времени и, какъ интриганы, боящіеся открытой борьбы, стали закрывать двери своихъ школъ для новыхъ истинъ, проникшихъ въ общественное сознаніе.

Б. **Французская и англійская системы народнаго образованія**.

Однако же не во всѣхъ католическихъ странахъ іезуитамъ удалось пріобрѣсти исключительное господство надъ школой; во Франціи имъ пришлось подчиниться государственной власти и руководствоваться ея распоряженіями. Ихъ не допускали въ нѣкоторыя старинныя корпораціи и въ Collège de France, учрежденный Франциском I въ 1530 году для споспѣшествованія тѣмъ отраслямъ науки, которыми пренебрегалъ парижскій университетъ. Съ этого короля начинается цѣлый рядъ радикальныхъ распоряженій, касающихся внутренней жизни школъ, изъ которыхъ первыя были изданы королями вмѣстѣ съ представителями сословій, а послѣдующія единоличной властью короля. Что государство наложило свои руки на такую область, которая до того времени оставалась въ распоряженіи церкви и автономныхъ привилегированныхъ корпорацій,—это было не послѣдствіемъ ренессанса или реформаціи, а естественнымъ результатомъ внутренняго развитія французскаго государства. Французское государство раньше другихъ вступило на путь законодательной и административной централизаціи; даже революція не оказалась въ состояніи столкнуть Францію съ этого пути. Въ окончательномъ результатѣ благодаря этой централизованной воспитательной системѣ французскія школы существуютъ не ради интересовъ церкви или науки, а исключительно для пользы короля или государства.

Самую рѣзкую противоположность съ Франціей составляетъ въ этомъ отношеніи Великобританія. До настоящаго времени англійскія высшія учебныя заведенія сохранили свой частный характеръ, а до средины XIX столѣтія они пользовались безграничной автономіей, и государственная власть нисколько не вмѣшивалась въ ихъ дѣла. Современная англійская система воспитанія и обученія въ своихъ существенныхъ чертахъ остается такой же, какой она была въ XVI столѣтіи. Когда Генрихъ VIII отдѣлилъ англиканскую церковь отъ римской и конфисковалъ имущества монастырей, то „католическая“ англійская церковь (High church) образовала собой корпорацію владѣльцевъ бенефицій, которые были въ правѣ передавать свою должность замѣстителю (vicar). Прежняя церковная образовательная система прекратила свое существованіе при Генрихѣ VIII, а „Высокая Церковь“ не установила никакихъ правилъ относительно образованія англійскаго духовенства; поэтому со времени реформаціи въ Англіи не существуетъ никакой установленной программы образованія для духовенства ни въ англиканской церкви, ни у диссентеровъ (нонконформистовъ). Хотя

единственные два университета, существовавшіе въ Англіи, Оксфордскій и Кембриджскій (Лондонскій былъ основанъ только въ 1836 г.), и примкнули къ Высокой Церкви, хотя до 1871 года они требовали отъ своихъ подчиненныхъ, чтобы тѣ подписались подъ 39 параграфами 1562—1571 годовъ, тѣмъ не менѣе эти университеты превратились въ замкнутые отъ всего остального міра самостоятельные союзы, каждый изъ которыхъ состоитъ изъ цѣлаго круга меньшихъ корпорацій. Какъ основой, такъ и цѣлью этой автономіи было завѣдываніе крупными имуществами, которыя поступили во владѣніе университетовъ по дарственнымъ записямъ и по завѣщаніямъ; доходы съ этихъ имуществъ стали распредѣляться между членами университетскихъ корпорацій по установленнымъ правиламъ. Преподаваніе въ университетахъ ведутъ Tutors (воспитатели) и Lecturers (преподаватели), избираемые изъ состава Fellows, пользующихся своей долей изъ доходовъ съ университетскихъ имуществъ. Что касается профессорскихъ кафедръ, то существуютъ спеціальныя имущества и капиталы, доходы съ которыхъ поступаютъ въ пользу профессоровъ, читающихъ лекціи по опредѣленному предмету.

При такихъ условіяхъ юридической и медицинской спеціальностямъ пришлось выработать свою особую систему образованія, независимо отъ университетовъ. Возникли особыя корпораціи правовѣдовъ Inns of Court, члены которыхъ имѣли право принимать участіе въ процессахъ при верховномъ судѣ и по истеченіи извѣстнаго срока получали званіе barristers (стряпчихъ), изъ среды которыхъ и по настоящее время выбираются судьи. Въ XVI столѣтіи въ Inns читались лекціи и происходили диспуты на поучительныя темы; но впослѣдствіи этотъ обычай вышелъ изъ употребленія. Какъ юристы пріобрѣтали свои спеціальныя познанія при судебныхъ учрежденіяхъ, такъ и врачи получали свое медицинское образованіе при больницахъ.

Средняя общеобразовательная школа отдѣлилась въ Англіи отъ университета болѣе рѣзко, чѣмъ въ континентальныхъ странахъ. Еще при Генрихѣ VI въ 1440 году была основана самая знаменитая изъ всѣхъ англійскихъ „great public schools“ Eton — College; этотъ колледжъ служитъ питомникомъ для Кембриджскаго университета. Еще раньше былъ основанъ Winchester College; другіе, какъ, напр., Saint Paul, Harrow, Westminster School, — болѣе недавняго происхожденія. До настоящаго момента всѣ эти школы сохранили первоначальный обликъ гуманитарныхъ школъ; главной цѣлью преподаванія является „краснорѣчіе“ на классическихъ языкахъ; кромѣ того, преподается въ небольшомъ объемѣ математика.

В. Германская образовательная система.

Германская образовательная система XVI—XVIII столѣтій тоже имѣетъ свои особенности. Ни государственная централизація, ни корпоративная автономія не играли роли въ созиданіи и упроченіи германской образовательной системы; главной дѣйствующей силой были въ Германіи мѣстныя власти, владѣтельные князья и городскіе магистраты, такъ какъ исключительно на нихъ лежала забота о дѣлахъ внутренняго управленія вслѣдствіе упадка центральной власти, представителями которой были императоръ и рейхстагъ. Въ областяхъ съ евангелическимъ вѣроисповѣданіемъ особенности германской системы выдѣлялись рѣзче, чѣмъ въ католическихъ, въ которыхъ преобладала іезуитская школа съ ея международнымъ характеромъ. Мѣстнымъ властямъ протестантскихъ областей пришлось принять въ свое вѣдѣніе школьное дѣло уже по тому одному, что они конфисковали въ свою пользу всѣ церковныя имущества и лишили такимъ образомъ существовавшія раньше школы средствъ къ существ-

ванію. Преобразованныя и вновь открытыя учебныя заведенія должны были служить опорой и защитой для евангелическаго вѣроисповѣданія.

Въ теченіе XVII столѣтія въ европейской наукѣ произошелъ радикальный переворотъ помимо участія школы. Переворотъ этотъ характеризуется не обиліемъ вновь добытыхъ знаній, какъ ни важны были новыя открытія, а, главнымъ образомъ, новымъ духомъ, которымъ съ этихъ поръ прониклись научныя занятія, духомъ самостоятельной критики и свободы научнаго изслѣдованія. Этотъ новый научный духъ проникъ въ изящную литературу еще раньше, чѣмъ въ школу, и изъ школы въ жизнь; но на школьной почвѣ онъ уже тоже прочно утвердился въ началѣ XVIII столѣтія. Этотъ переворотъ произошелъ только въ Германіи и больше ни въ какой другой странѣ Европы, и это преимущество нѣмцевъ отдало въ ихъ руки умственную гегемонію надъ Европой, которой уже никто не оспаривалъ у нихъ въ концѣ XVIII столѣтія. Исходнымъ пунктомъ новаго движенія былъ городъ Галле, а провозвѣстниками его — Христіанъ Томазій (род. въ 1655 г., сконч. въ 1728 г.) и Христіанъ Вольфъ (род. въ 1679 г., сконч. въ 1754 г.). Въ своей „Исторіи научнаго преподаванія въ германскихъ школахъ и университетахъ“ Фридрихъ Паульсенъ говоритъ: „Университетъ въ Галле есть, собственно говоря, первый изъ университетовъ новаго времени (открытъ въ 1694 г.). Въ немъ совершилось внутреннее преобразованіе академическаго преподаванія. Онъ поставилъ себѣ задачей не передачу учащимся готовыхъ догматическихъ истинъ, а подготовленіе ихъ къ самостоятельному мышленію и къ свободному научному изслѣдованію ... Университетъ въ Галле вскорѣ сталъ первымъ въ Германіи, можно даже сказать безъ преувеличенія, первымъ во всемъ мірѣ: по крайней мѣрѣ, никакой другой изъ университетовъ того времени не двигалъ впередъ въ такой мѣрѣ, какъ этотъ, научнаго уровня культуры и академическаго преподаванія. Въ то время, какъ университеты другихъ странъ все больше теряли значеніе руководителей духовной жизни своей родины, Галле сталъ во главѣ всѣхъ прогрессивныхъ силъ, увлекъ своимъ примѣромъ всѣ остальные германскіе университеты и произвелъ такой переворотъ въ общественномъ значеніи университетовъ, еще въ концѣ XVII столѣтія находившихся въ глубокомъ пренебреженіи, что въ концѣ XVIII столѣтія они стали носителями научной жизни и умственнаго прогресса народа.

Въ тотъ періодъ времени, который предшествуетъ только что охарактеризованному нами перевороту, происшедшему въ научной дѣятельности, средняя школа была гораздо доступнѣе для нововведеній въ современномъ духѣ, чѣмъ высшая. Въ эпоху реформаціи и католической противореформаціи было основано много новыхъ среднихъ школъ, а существовавшія подверглись существеннымъ преобразованіямъ. Возникло множество новыхъ протестантскихъ городскихъ училищъ, которыя носили характеръ обыкновенныхъ латинскихъ школъ или же представляли средній типъ между элементарной школой и университетомъ (gymnasia academica или illustria). Образцомъ второго рода можетъ служить Страссбургская академія, основанная по плану Іоанна Штурмса (отъ 1507 до 1589 г); это девятиклассное чудовище въ строго-гуманистическомъ вкусѣ съ лекціями по факультетскимъ наукамъ для старшихъ возрастовъ было преобразовано въ 1621 г. императоромъ Фердинандомъ II въ университетъ.

Княжескія школы этой эпохи еще ближе подходили къ типу подготовительныхъ къ университету общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Онѣ имѣли цѣлью подготовлять преимущественно на средства владѣтельныхъ князей дѣтей мѣстныхъ родителей къ духовному званію или же къ чиновнической службѣ. Эти школы давали общее образованіе, но по окончаніи ихъ ученики поступали въ университеты, гдѣ они слушали лекціи по предметамъ своей будущей спеціальности. Существующіе съ

1543 года въ Саксоніи три школьныхъ монастыря, учрежденные герцогомъ Морицомъ, Пфорта (съ 1815 г. перешелъ во власть Пруссіи), Санктъ-Афра въ Мейссенѣ и Мерзебургъ-Гримма служатъ памятниками всеобщаго стремленія къ гармоніи между классицизмомъ и протестантской религіей; ближе всего къ нимъ подходятъ по своему типу вюртембергскіе школьные монастыри (Бляубеуренъ, Маульброннъ и т. д.). Но уже въ послѣднюю четверть XVI столѣтія на всѣхъ этихъ школахъ лежитъ отпечатокъ конфессіональной узости и односторонности; онѣ подготовляютъ своихъ питомцевъ къ весьма скромному положенію въ жизни, внутренняя обстановка ихъ бѣдна и непривлекательна.

Подчинившись владѣтельнымъ князьямъ, представители благороднаго сословія взялись за ученыя карьеры и нуждались поэтому въ болѣе основательномъ подготовительномъ общемъ образованіи, какого не могли дать школьные монастыри; благодаря этому, возникли рыцарскія академіи (первая изъ нихъ, Collegium illustre въ Тюбингенѣ, была открыта въ 1589 г., а вслѣдъ за ней Collegium Mauritianum въ Касселѣ въ 1599 году); въ этихъ школахъ стремились осуществить школьные идеалы, одинаково далекіе какъ отъ схоластики, такъ и отъ гуманизма. Въ XVII столѣтіи было устроено въ каждомъ округѣ по рыцарской школѣ въ современномъ духѣ. Наконецъ, эта мода проникла также въ католическія области: въ 1711 году была учреждена баварская рыцарская академія въ Этталѣ, въ 1746 г. Терезіанумъ въ Вѣнѣ. То воспитаніе, которые получали дѣти благороднаго сословія въ эпоху Штауфеновъ, — упражненіе въ рыцарскихъ искусствахъ, обученіе живымъ иностраннымъ языкамъ и немножко поэзіи миннезингеровъ, — оказывалось, конечно, недостаточнымъ въ эпоху французскихъ Людовиковъ. Однако же новые языки получили свое опредѣленное мѣсто въ школьной программѣ наряду съ древними, такъ какъ французскій языкъ въ это время уже сталъ играть роль всемірнаго языка образованнаго общества. Греческій языкъ былъ, по большой части, изъятъ изъ программы; о еврейскомъ языкѣ, этомъ отличительномъ признакѣ протестантской ученой школы, нигдѣ не было рѣчи. Наиболѣе соотвѣтствующимъ духу времени нововведеніемъ оказалось внесеніе въ программу этихъ школъ наукъ новой эпохи, которыхъ чуждались школы общепринятаго типа: математики, механики, физики, исторіи, государствовѣдѣнія и, кромѣ того, еще практическихъ свѣдѣній по архитектурѣ, фортификаціи, сельскому хозяйству, технологіи и т. д.

Реалистическая тенденція, которою отличается теоретическая педагогика Вольфганга-Ратке, по прозвищу Ратихіуса, (отъ 1571 до 1635 г.), и Іоанна Амоса Коменскаго, по прозвищу Коменіуса (отъ 1592 до 1670 г.), въ концѣ концовъ стала обнаруживаться также и въ дѣйствительной жизни. Въ 1695 году галльскій профессоръ Авг. Германнъ Франке (отъ 1663 до 1727 г.) основалъ группу учебныхъ и воспитательныхъ учрежденій, общую для дѣтей бѣднаго сословія, сыновей бюргеровъ и для благороднаго сословія, подъ названіемъ сиротскаго дома. Въ заведеніяхъ, устроенныхъ Франке (при нихъ имѣлись молельни и мастерскія; учебныхъ часовъ было ежедневно отъ 7 до 10, праздниковъ и каникулъ не было), оппозиціонное отношеніе тогдашняго времени къ классицизму выразилось въ томъ, что въ школьную программу было введено обученіе нѣмецкому и французскому языкамъ наряду съ древними. Піетистическія чувства основателя этихъ школъ не могли, однако, примириться съ языческимъ содержаніемъ классическихъ писателей; поэтому древнеримскіе поэты были изъяты имъ изъ употребленія въ школѣ и замѣнены христіанскимъ писателемъ Пруденціемъ. Во время прогулокъ велось наглядное преподаваніе и посѣщались мастерскія; ученики упражнялись также въ ручныхъ работахъ. Товарищъ Франке Христофъ Землеръ (1662—1740 г.) задумалъ въ 1705 г. открыть техническо-математическую ремесленную школу, реаль-

ное училище. Такое училище было имъ въ дѣйствительности открыто въ 1706 году; но это первое реальное училище прекратило свое существованіе уже въ 1710 году; такая же участь постигла и второе реальное училище, которое Землеръ открылъ въ 1738 году. То, что никакъ не удавалось въ Галле, имѣло успѣхъ въ Берлинѣ, гдѣ Іоаннъ Юл. Геккеръ (1707—1768) преобразовалъ устроенную по образцу Франке школу для бѣдныхъ въ „экономическо-математическое реальное училище" при благосклонномъ содѣйствіи Фридриха Великаго (въ 1747 г.). Реальное училище Геккера состояло изъ нѣсколькихъ независимыхъ другъ отъ друга спеціальныхъ отдѣленій на подобіе спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній настоящаго времени. Подобнаго рода школы вполнѣ соотвѣтствовали воспитательнымъ идеаламъ тогдашней, проникнутой улититаризмомъ, эпохи, отличительными признаками которой являются меркантилизмъ и просвѣщенный деспотизмъ (срв. т. VII).

Д. **Вольные разсадники просвѣщенія; дворы и академіи.**

Въ европейскихъ обществахъ возникало раздѣленіе людей на отдѣльные классы, которое стояло внѣ всякой зависимости отъ соціальнаго и политическаго неравенства между людьми. Это раздѣленіе не совпадало ни съ наслѣдственными и сословными привилегіями, ни съ дѣленіемъ на классы по роду занятій, ни съ религіями, ни съ имущественнымъ цензомъ, ни вообще съ какими-либо опредѣленными матеріальными интересами; это было раздѣленіе высшаго порядка, пренебрегавшее вѣроисповѣдными различіями и дипломами на ученыя степени. Культурное человѣчество Западной Европы дало трещину и распалось на образованное меньшинство и необразованное большинство. Самая скверная черта этого неравенства между формально совершенно равноправными людьми заключается въ томъ, что съ прогрессомъ цивилизаціи это зло возрастаетъ, что длина разстояній и число градацій между просвѣщенными верхами и пропастью невѣжества все увеличиваются. Тамъ, гдѣ есть образованные и необразованные люди, тамъ, собственно говоря, живутъ бокъ о бокъ два различныхъ народа, которые другъ друга не понимаютъ, которые говорятъ на различныхъ языкахъ, хотя они и пользуются одними и тѣми же словами (срв. главу „Two nations" въ романѣ Бенжамена Дизраэли „Sybil", 1845 г.). Такая же пропасть существовала въ древне-греческомъ и древне-римскомъ мірѣ; тотъ же недостатокъ обнаружился вновь въ средневѣковомъ обществѣ, несмотря на его строго сословный строй. Наступила эпоха Возрожденія, и промежутокъ между образованнымъ и необразованнымъ классами не только увеличился, но эта расщелина дала отъ себя еще дальнѣйшія развѣтвленія: ученые въ собственномъ смыслѣ этого слова совершенно отдѣлились отъ образованной публики.

Просвѣщеніе эпохи Возрожденія выросло не на почвѣ школы, — оно расцвѣло при дворахъ итальянскихъ государей; однако, культура этого гордаго дерева не удавалась при великолѣпныхъ дворахъ средне-европейскихъ королей съ ихъ строгимъ этикетомъ. Не удалось это даже королю французскому Франциску I, несмотря на то, что онъ выписалъ изъ Италіи Леонардо да Винчи и Бенвенуто Челлини (въ 1516 и 1537 году). Дворы итальянскихъ государей эпохи расцвѣта ренессанса сыграли въ исторіи просвѣщенія роль, не поддававшуюся никакому подражанію; но другой продуктъ итальянскаго ренессанса привился также и на чужбинѣ: мы говоримъ объ академіяхъ или ученыхъ обществахъ, возникшихъ въ Италіи въ XV и XVI столѣтіяхъ.

Наибольшее вліяніе на просвѣщеніе слѣдующихъ вѣковъ оказали, однако, не старѣйшія общества подобнаго рода — академія Джіованни Понтаноса въ Неаполѣ (основана въ 1453 г.), Платоновская академія во Фло-

ренціи (1470—1521 г.) и римское общество антикваріевъ, учрежденное Помпонію Лето, противъ котораго возставалъ папа Павелъ II (1498—1550 гг.), прототипомъ для академій другихъ странъ послужили позже возникшія Accademia della Crusca (въ 1582 г.) и Accademia de'Lincei (въ 1609 г.). По образцу первой изъ нихъ были учреждены въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ говорятъ на романскихъ и германскихъ языкахъ, общества для выработки болѣе чистаго литературнаго языка; въ Германіи образовался подъ названіемъ „Рысей" ферейнъ, задавшійся цѣлью очистить естественную исторію того времени отъ заблужденій посредствомъ, самостоятельныхъ изслѣдованій. Такимъ образомъ академіи взяли на себя такую задачу, которая, вообще говоря, была не по силамъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ той эпохи; ихъ цѣль заключалась не въ томъ, чтобы поддерживать и распространять существующія научныя познанія, а въ томъ, чтобы обновлять и развивать теоретическія и прикладныя науки.

Два изъ всѣхъ подобныхъ ученыхъ обществъ превзошли остальныя по своему значенію въ исторіи науки, это Académie Française (основ. въ 1635 г.) въ Парижѣ и Royal Society (основ. въ 1662 г.) въ Лондонѣ. Въ этихъ двухъ учрежденіяхъ отражается духъ того народа и того государства, къ которому каждое изъ нихъ принадлежитъ. Въ теченіи XVII столѣтія къ тѣмъ 40 безсмертнымъ, которые выпустили въ свѣтъ въ 1694 г. составленный французской академіей словарь „Dictionnaire de l'Académie", въ которомъ собраны всѣ слова и выраженія каноническаго французскаго языка, были присоединены Académie des inscriptions et belles lettres (академія надписей и изящной словесности, учрежд., въ 1663 г., въ 1791 и 1716 гг.), Académie des sciences (академія точныхъ наукъ, т. е. математики и естественныхъ наукъ; открыта въ 1666 г.), Académie de sculpture et de peinture (въ 1648 г.) и Académie d'architecture (въ 1671 г.). Послѣ этого французская академія стала прототипомъ для энциклопедическихъ ученыхъ учрежденій, состоящихъ изъ многихъ отдѣленій и основанныхъ на принципѣ организованнаго крупнаго производства въ наукѣ; царственные подражатели Людовика XIV считали подобныя учрежденія самой лучшей вывѣской культурнаго величія своихъ государствъ. Изъ отдѣльныхъ академій дореволюціонной Франціи революція и первая имперія создали въ 1806 году одно общее учрежденіе Institut de France, сначала съ тремя, а потомъ съ четырьмя классами, къ которымъ іюльская монархія присоединила окончательно въ 1832 году, въ качествѣ пятаго отдѣленія, основанный конвентомъ и уничтоженный было Наполеономъ Classe des sciences morales et politiques.

Въ теченіи XVIII столѣтія были открыты академіи наукъ въ Берлинѣ (между 1700 и 1711 гг.), въ Упсалѣ (между 1710 и 1719 гг.), Мадридѣ (въ 1713 г.), въ С.-Петербургѣ (въ 1725 г.), Стокгольмѣ (въ 1739 г.) Геттингенѣ (въ 1742 г.), Копенгагенѣ (въ 1743 г.), Мюнхенѣ (въ 1759 г.) и т. д. Всѣ эти ученыя общества были обязаны своимъ существованіемъ Высочайшему соизволенію и содержались на отпускаемыя имъ казенныя средства. Въ XVII и XVIII столѣтія высшая администрація третировала ихъ свысока; только въ XIX столѣтіи академіи пріобрѣли такую степень независимости и такой авторитетъ, безъ какого наука не можетъ жить и двигаться впередъ. По мѣрѣ того, какъ ученыя общества освобождались изъ-подъ гнета дворовъ и правительствъ, они стали ближе къ университетамъ, которые за это время сильно подвинулись впередъ, и на которые академіи такъ мало походили при своемъ возникновеніи.

Д. Печать и Цензура.

Гдѣ бы ни собирались и какъ бы ни группировались люди, занимающіеся науками и искусствами, они всегда нуждались въ томъ могуще-

ственномъ кораблѣ, который переносилъ ихъ черезъ вѣка и пространства и открывалъ для ихъ кабинетной работы всѣ выгоды гласности и открытаго обсужденія,—въ черной магіи Гуттенберга. Книгопечатаніе было тѣмъ оружіемъ, съ которымъ гуманизмъ, реформація и противореформація вступали въ бой и одерживали свои побѣды. Въ XVII столѣтіи развился тотъ родъ печатныхъ произведеній, который называется „печатью“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, или прессой: періодическія газеты и журналы. Какъ первая печатная книга, такъ и первая печатная газета подъ названіемъ „Реляція обо всѣхъ важныхъ и достопамятныхъ исторіяхъ“ (въ 1609 г.) вышли въ свѣтъ въ Германіи. Ученый и вообще образованный міръ поспѣшилъ воспользоваться этимъ духовнымъ средствомъ для сообщенія. Въ 1665 году сталъ выходить въ свѣтъ первый ученый журналъ въ Европѣ „Journal des Sçavans“; что касается Германіи, то лейпцигскій профессоръ Отто Менке сталъ издавать въ 1682 году „Acta Eruditorum“ (этотъ журналъ прекратилъ свое существованіе въ 1776 году). Христіанъ Тамази сталъ выпускать въ 1688 году на нѣмецкомъ языкѣ свои „Ежемѣсячныя бесѣды“ съ образованной публикой. Все-таки только англичанамъ Р. Стилю и Дж. Адисону (см. ниже, стр. 522) съ ихъ журналами „Tatler“ („Болтунъ“; съ 1709 г.) и „Spectator“ („Зритель“; съ 1711 г.) удалось попасть подъ тонъ образованной публики тогдашняго времени, и послѣ этого стали возникать все болѣе многочисленные разряды еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ періодическихъ изданій.

Не долго мысль пользовалась той свободой, которую она завоевала себѣ при господствѣ письма и печати; для борьбы противъ этой свободы было вскорѣ изобрѣтено новое средство—цензура. Еще до изобрѣтенія книгопечатанія епископы пользовались на основаніи церковнаго права цензурной властью надъ литературными произведеніями духовныхъ лицъ. Въ 1515 году папа Левъ X издалъ буллу, обязательную для всего католическаго міра, въ которой запретилъ кому бы ни было подъ страхомъ отлученія отъ церкви выпускать въ свѣтъ книги безъ разрѣшенія папы или епископа. Тридентскій соборъ собралъ вмѣстѣ всѣ распоряженія касательно цензуры, которыя были обнародованы до того времени. Еще раньше были издаваемы списки книгъ, которыхъ вѣрующимъ не разрѣшалось читать или даже имѣть у себя, а между 1557 и 1559 годами вышелъ въ свѣтъ первый оффиціальный списокъ запрещенныхъ книгъ (Index librorum prohibitorum), составленный римской инквизиціей и одобренный папой Павломъ IV. На основаніи разслѣдованія, произведеннаго Тридентскимъ соборомъ было выпущено въ 1564 году расширенное изданіе того же индекса. Пій V учредилъ въ 1571 году особую конгрегацію для составленія индекса, на обязанности которой лежало внесеніе въ оффиціальный списокъ осуждаемыхъ церковью книгъ всѣхъ вновь опубликованныхъ произведеній неблагонадежнаго свойства. Такъ какъ церковь присвоила себѣ право контроля надъ печатными произведеніями до ихъ выхода въ свѣтъ и принимала карательныя мѣры противъ тѣхъ изъ нихъ, которыя были опубликованы вопреки духовной цензурѣ, то она, слѣдовательно, ввела въ дѣйствіе обоихъ родовъ цензуры: предварительную и карательную.

Протестантское духовенство не отставало отъ католическаго въ томъ усердіи, съ которымъ оно старалось клеймить печатью отверженности произведенія свободной мысли; но оно дѣйствовало не самостоятельно, а въ качествѣ ревностнаго слуги владѣтельнаго князя, игравшаго роль главы мѣстной церкви. Гражданская администрація и карпораціи тоже присвоили себѣ право цензуры наравнѣ съ церковью; въ Германіи цензурною властью пользовались даже имперское правительство и сеймъ. Владѣтельные князья нерѣдко препоручали цензурную власть университетамъ, которые споконъ вѣку усвоили себѣ обычай давать отзывы о вновь выходящихъ рукописныхъ и печатныхъ произведеніяхъ; даже нѣкоторымъ ака-

деміямъ наукъ было предоставлено въ видѣ привилегіи право цензуры въ извѣстныхъ строго опредѣленныхъ границахъ.

Съ особенной безпощадностью французское королевское правительство относилось ко всему тому, что имѣетъ отношеніе къ книгопечатанію: къ типографамъ, издателямъ, книгопрадавцамъ, писателямъ, къ самымъ печатнымъ произведеніямъ. Во время войнъ противъ гугенотовъ былъ изданъ въ г. Блуа королевскій эдиктъ (въ 1563 году), который грозилъ конфискаціей имуществъ и смертью отъ руки палача всякому, кто осмѣлится выпустить въ свѣтъ какое-либо сочиненіе безъ королевскаго разрѣшенія. Такой же жестокостью отличались французскіе законы XVII столѣтія. И то уже считалось уступкой духу времени, что по королевскому указу 1728 года, который оставался въ силѣ до великой революціи, за напечатаніе какого-либо сочиненія безъ предварительнаго разрѣшенія наказывали только каторжными работами на галерахъ. Авторъ недозволеннаго сочиненія подвергался изгнанію, а запрещенное сочиненіе сожженію. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ теченіе вѣка просвѣщенія не переставали раздаваться страстные голоса, вопіющіе о свободѣ печати. Не даромъ примѣръ Англіи, въ которой печать была свободна еще со времени царствованія Вильгельма III, съ 1694 г. толкалъ французское общество къ борьбѣ за свободу слова.

5. Стиль „барокъ“ и его развѣтвленія въ пластическихъ искусствахъ.

Характеръ каждой эпохи обнаруживается для потомства наиболѣе осязательнымъ образомъ въ тѣхъ вещественныхъ памятникахъ, которые остаются отъ нея, особенно, въ произведеніяхъ архитектуры; такимъ же образомъ весь періодъ времени отъ послѣдней четверти XVI столѣтія до первыхъ десятилѣтій XVIII получилъ въ исторіи искусствъ названіе „эпохи Барокъ“, подобно тому, какъ предшествующей эпохѣ тоже даютъ обозначеніе, заимствованное изъ исторіи искусствъ — Ренессансъ. Эпоха „Барокъ“ оказалась повинной въ прегрѣшеніяхъ противъ разумныхъ правилъ эстетики въ большей мѣрѣ, чѣмъ какая бы то ни было другая историческая эпоха за исключеніемъ архитектурныхъ спекулянтовъ и фанатическихъ любителей удобнаго сообщенія настоящаго времени. Въ своихъ „Римскихъ папахъ“ Ранке замѣчаетъ, что эпоха церковной реставраціи отличалась своими спеціальными идеями и побужденіями, которыя стремились къ исключительному господству также въ области искусства и литературы, а все выходящее изъ рамокъ этихъ господствующихъ идей эта эпоха не хотѣла ни понимать, ни признавать и съ крайней непреклонностью искореняла такія оргинальныя идеи, если не удавалось покорить ихъ. Объ одномъ папѣ, любителѣ построекъ, который дѣйствовалъ, какъ разрушитель архитектурныхъ памятниковъ древности, именно объ Урбанѣ VIII (былъ папой отъ 1623—1644 г.; раньше назыв. Маффео Барберини) сложилась слѣдующая поговорка: „Quod non fecerunt barbari, fecerunt Barberini“ (чего не успѣли сдѣлать варвары, то сдѣлали Барберини; игра словами: „barbari“ и „Barberini“). Тамъ, гдѣ эпоха „барокъ“ не разрушала попросту, тамъ она дѣйствовала чаще еще предосудительнѣе: она перестраивала старинныя зданія, передѣлывала ихъ стиль, чтобы подогнать линіи, форму и краски подъ свой вкусъ.

При всей своей безпощадности и самоувѣренности „барокъ“ не былъ исключительно разрушительнымъ движеніемъ; онъ не возставалъ ни противъ античнаго искусства, ни противъ идеи непосредственно предшествовавшаго ему въ искусствѣ періода. Напротивъ того, онъ находился подъ вліяніемъ великихъ художниковъ XVI столѣтія, итальянскихъ архитекто-

ровъ, ваятелей и живописцевъ, но не признавалъ современнаго имъ искусства сѣверной Европы. Этимъ объясняется двойственное, часто противорѣчивое направленіе этой эпохи. Эпоха „барокъ" стремится во что бы то ни стало превзойти великихъ художниковъ прошлыхъ временъ, но въ то же время она тщательно изучаетъ этихъ великихъ мастеровъ для того, чтобы вѣрнѣе одержать верхъ въ этомъ состязаніи: отъ этого увлеченія тщеславнымъ стремленіемъ превзойти всѣ эпохи въ искусствѣ проистекаютъ тѣ недостатки стиля барокъ, которые строго осуждаются потомствомъ: преувеличенія, крикливость, аффектація, нагроможденіе, тяжеловѣсность, непропорціональность; тогдашніе художники подчинялись въ своихъ идеяхъ стариннымъ образцамъ, и это придало эклектическій обликъ этой эпохѣ, отличавшейся рвеніемъ къ изученію исторіи искусства и къ распространенію преподаванія искусствъ и вызвавшей къ жизни академіи художествъ. При всемъ томъ „барокъ" не ушелъ бы далеко, но къ счастью и эта эпоха отличается обиліемъ оргинальныхъ талантовъ. Въ числѣ художниковъ того времени было не мало искателей новыхъ путей и изобрѣтателей, которые сторонились отъ эклектической подражательности и экстравагантной погони за небывалымъ совершенствомъ. Имъ тоже дали неблагосклонную кличку: ихъ называли съ ироніей „натуралистами".

Исходнымъ пунктомъ „барока" былъ Римъ, Римъ папъ и великихъ классическихъ традицій. Римская католическая церковь, окруженная опасностями, пользуется какъ оружіемъ для своей защиты, пластическими искусствами, музыкой и поэзіей. „Барокъ" это есть искусство контръ-реформаціи, въ немъ выразились пышность и блескъ торжествующей надъ своими врагами духовной и свѣтской власти папы. Прежде всего это новое направленіе въ искусствѣ наводнило католическія страны: Италію, Испанію, Фландрію и Брабантъ. Что касается Франціи, то неограниченные самодержавные короли ея присвоили себѣ руководящую роль также и въ искусствѣ; тутъ возникаетъ разновидность стиля „барокъ", которая называется по имени французскихъ государей: стиль Людовика XIV, Людовика XV, Людовика XVI. Итальянско-французскій „барокъ" распространился также по германскимъ и славянскимъ странамъ, протестантское вѣроисповѣданіе не послужило для него препятствіемъ.

А. Итальянцы.

Когда при Сикстѣ V (отъ 1585 г. до 1590 г.) въ Римѣ опять проснулась страсть къ архитектурѣ, то западно-европейское искусство находилось подъ вліяніемъ произведеній великихъ мастеровъ, которыхъ строгая критика причисляетъ уже наполовину къ предшественникамъ стиля „барокъ": Микель Анджело Буонаротти (отъ 1475 г. до 1564 г.), который трудился отъ 1546 года и до самой своей смерти надъ продолженіемъ постройки Собора Св. Петра, Джіакомо Бороцци изъ Виньола (1507—1573 г.), Галіаццо Алесси (1512—1572 г.), который украсилъ великолѣпными постройками, главнымъ образомъ, Генуя, и Андреа Паллаціо (1518—1580 г.), который также украсилъ Виченцо и Венецію; Виньола и Паллаціо продолжали оказывать свое вліяніе въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій также въ качествѣ теоретиковъ. Къ этой группѣ примыкаютъ архитекторы въ стилѣ барокъ въ тѣсномъ смыслѣ, которымъ Римъ и много другихъ городовъ къ югу и къ сѣверу отъ Альпъ прямо или косвенно обязаны своимъ архитектурнымъ внѣшнимъ видомъ: Джіакомо делля Порта (1520—1604 г.), всѣ трое Фонтана: Доменико (1543—1607 г.), Джіованни (род. въ 1540 г.) и Карло (1634—1714 г.), Франческо Борромини (1599—1667 г.) и т. д. Одному изъ нихъ: Карло Мадерна (1556—1629 г.), суждено было взяться въ 1605 году вслѣдъ за несравненно превосходившими его предшественниками за дальнѣйшее продолженіе постройки собора Св.

Петра болѣе, чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ начала ея. Онъ придалъ этому зданiю, которое до того имѣло форму греческаго креста съ концами одинаковой величины, видъ латинскаго креста и устроилъ великолѣпный притворъ, фасадъ и оба колодца передъ соборомъ. Въ моментъ его смерти зданiе еще не было закончено. Надъ дальнѣйшей отдѣлкой его трудился Джiованни Лоренцо Бернини (1598—1680 г., см. ниже), который устроилъ портики, (въ 1667 г.) окружающiе площадь Св. Петра, и наилучшимъ образомъ завершилъ посредствомъ нихъ эффектъ всего зданiя. Въ дальнѣйшемъ теченiи той же эпохи архитектура итальянскаго стиля „барокъ„ стала все больше гоняться за живописностью. Этотъ роскошный декоративный столь достигъ своего кульминацiоннаго пункта въ произведенiяхъ и проектахъ iезуита Андреа Поццо (1642—1709 г.). Еще въ XVIII столѣтiи архитекторы Фердинандо Галли, по прозванiю Бибiена (1657—1743 г.), и его сыновья Антонiо (сконч. въ 1774 г.), Джузеппе (сконч. въ 1757 г.) и Алессандро (сконч. въ 1760 г.), затѣмъ Филипо Ювара (1685—1753 г.) и Луиджи Ванвителли (1700—1773 г.) поддерживали славу итальянскаго искусства на одномъ уровнѣ съ французскимъ.

Еще въ большей степени, чѣмъ архитектура, ваятельное искусство XVII столѣтiя находилось подъ влiянiемъ художниковъ итальянскаго Ренессанса XVI столѣтiя. Хотя вездѣ не переставали прославлять античнаго искусства, но на практикѣ тогдашнiе художники находились подъ обаянiемъ самаго могучаго изъ генiевъ новаго времени Микель Анджело. Соревнованiе увлекло талантливаго флорентинца Баччiо Бандинелли (1493 до 1560 г.) къ такимъ безумiямъ, которыя нанесли существенный вредъ его произведенiямъ (Геркулесъ и Какусъ, Адамъ и Ева) и его славѣ. Другiе, какъ, напримѣръ, Барт. Амманати (1516—1592 г.), изъ рукъ котораго вышелъ колодецъ Нептуна во Флоренцiи, разрабатывали въ тиши мотивы, заимствованные у болѣе великихъ художниковъ. Полной гармонiи между своими художественными стремленiями и своими дѣйствительными силами достигъ французъ Жанъ Булонь, или Джiов. Болонья (отъ 1524 до 1608 г.), котораго группы (Похищенiе сабинянокъ, Добродѣтель и Порокъ) и колодцы принадлежатъ къ тѣмъ скульптурнымъ произведенiямъ Италiи, которыя и до сихъ поръ заслуживаютъ почти всеобщее удивленiе. Вообще говоря, скульптура не сошла еще со своихъ прежнихъ путей, въ то время, какъ живопись давно уже проложила себѣ новую дорогу. Только въ 1620 г. и она уступила господствующему стилю „барокъ“, который удѣлилъ ей чисто вспомогательную, преимущественно декоративную роль.

„Руководителемъ судебъ“, который на цѣлыхъ полтора столѣтiя впередъ опредѣлилъ направленiе скульптуры, сталъ неаполитанецъ Лоренцо Бернини (см. выше), gran cavaliere (великiй кавалеръ), который въ свое время пользовался всеобщимъ обожанiемъ. Онъ навязалъ скульптурѣ стиль живописи, заставилъ ее заняться вновь изученiемъ живой природы и считалъ ея высшей цѣлью изображенiе могучихъ тѣлесныхъ движенiй и бурныхъ душевныхъ порывовъ. Въ техникѣ Бернини дошелъ до предѣла возможнаго, но онъ требовалъ отъ камня и металла такихъ тонкостей, какихъ нельзя изобразить посредствомъ такого грубаго матерiала. Наряду съ фигурами, надгробными памятниками (папы Урбана VIII и Александра VII), колодцами (на римскихъ площадахъ Барберини и Навона) и группами (Аполлонъ и Дiана въ Виллѣ Боргезе) болѣе умѣреннаго направленiя, Бернини оставилъ по себѣ и такiя произведенiя, которыя всегда считались уродливыми продуктами тщеславнаго стремленiя превзойти все существующее въ искусствѣ (напримѣръ, вычурный стиль скинiи надъ главнымъ алтаремъ въ соборѣ св. Петра). Такихъ художниковъ, которые держались въ той или другой мѣрѣ направленiя, даннаго Бернини, въ XVII и XVIII столѣтiяхъ было безчисленное множество; но ихъ индивидуаль-

ность отступаетъ на задній планъ, такъ какъ подъ гнетомъ усвоенной ими искусственной манеры у нихъ пропадаетъ всякая оригинальность. Кромѣ того, ихъ произведенія лишены всякаго интереса, если ихъ разсматривать въ отдѣльности, такъ какъ они разсчитаны на опредѣленное мѣсто въ цѣломъ архитектурно-живописномъ ансамблѣ.

Около 1550 года, когда большая часть великихъ художниковъ цвѣтущаго періода Ренессанса уже отошли въ могилу, Италія какъ разъ стала считаться обѣтованной страной искусствъ, а Римъ столицей международнаго царства художниковъ. Такое предвзятое мнѣніе дѣйствовало главнымъ образомъ на внѣитальянское искусство; но и въ самомъ отечествѣ Леонардо, Рафаэля и Микель-Анджело искусство стало чахнуть. Какъ въ живописи, такъ и въ скульптурѣ наступила эпоха манерности и копированія. Такое явленіе, какъ Джуліо Пиппи, по прозвищу Романо (1492--1546 г.), обнаружившій самостоятельный творческій талантъ, несмотря на то, что онъ былъ въ свое время любимымъ ученикомъ Рафаэля, составляетъ исключеніе. Своими работами въ Палаццо дель Те около Мантуи, Джуліо оказалъ могущественное вліяніе на художниковъ послѣдующей эпохи. Въ сторонѣ отъ Флоренціи и Рима, этихъ двухъ центровъ искусства, еще раньше возникали мѣстныя школы въ искусствѣ, и подобныя школы попадались еще также во второй половинѣ XVI столѣтія. Въ этихъ обособленныхъ пунктахъ провели свою жизнь нѣкоторые художники, которые помогли живописи сбросить съ себя римскую манеру и вновь выступить на сцену съ болѣе совершенными пріемами для выраженія художественныхъ идей. Скромно и въ сторонѣ отъ большихъ центровъ работалъ Антоніо Аллегри да Корреджіо (1494—1534) въ Пармѣ; начиная съ 1518 года, онъ нашелъ здѣсь поприще для своей дѣятельности, вліяніе которой отражалось вѣками. Тутъ писалъ онъ свои фрески, между прочимъ фреску „Вознесеніе Маріи“, которая красовалась внутри купола собора. „Рагу изъ лягушечьихъ ножекъ“ — такъ называли завистники этотъ тріумфъ раккурса, который послужилъ прототипомъ для безчисленнаго множества изображеній „Вознесенія“, апоѳеозовъ и побѣдныхъ шествій эпохи Барокъ. Еще болѣе продолжительнымъ оказалось вліяніе Корреджіо на мольбертную живопись благодаря очаровательной прелести его свѣтотѣней, тонкости письма и чувственному пылу его изображеній (Леда, Даная, Іо, Антіопа).

Никакая изъ итальянскихъ школъ живописи не можетъ сравниться съ венеціанской по богатству талантовъ. Джіованни Беллини (1428--1516г.) былъ первымъ по времени мастеромъ и наиболѣе вліятельнымъ учителемъ этой школы. Геніальный Джорджіо Барбарелли да Кастельфранко, по прозванію Джорджоне (1478—1511 г.), и Тиціано Вечелліо изъ Піеве ди Кадоре (1477—1576 г.) были учениками Беллини; въ теченіе столѣтней, до послѣдняго момента дѣятельной жизни Тиціана талантъ его оставался одинаково блестящимъ, исполненнымъ силъ и цвѣтущимъ. Произведенія этого короля царства красокъ отличаются необычайной возвышенностью, которая не теряется и тогда, когда художникъ спускается до изображенія самыхъ обыденныхъ явленій. Онъ изображаетъ міръ такимъ, какимъ онъ ему представлялся и какимъ онъ запечатлѣлся въ воображеніи художника. Какъ фигуры, такъ и архитектурный и пейзажный фонъ, онъ писалъ изъ головы. Венеція славится не только тѣмъ, что она создала величайшаго изъ итальянскихъ живописцевъ, но она вообще богаче превосходными живописцами, чѣмъ какой бы то ни было другой городъ; назовемъ хотя бы только Якопо Пальма или Веккіо (1480—1528 г.), Алессандро Бонвичино, прозваннаго Моретто—изъ Брешіи (1498—1555 г.), Джіованни Батт. Морани (1525—1578 г.), Париса Бордоне (1500—1571 гг.), Паоло Кальяри, прозванцаго Веронезе 1528—1589 г.), который любилъ изображать шумъ и блескъ венеціанскихъ празднествъ и былъ первымъ живописцемъ противорефор-

маціи, промежуточной ступенью между ренессансомъ и барокомъ, и затѣмъ Якопо Робусти, по прозвищу „иль Тинторетто“ (1519—1594).

Истинными обновителями искусства, которое готово было задохнуться въ манерности, считаются трое Карраччи, Лодовико (1555—1619 г.) и его племянники Аннибале (1560—1609 г.) и Агостино (1557—1602 г.). Они основали Болонскую школу и скорѣе учили эклектицизму, чѣмъ сами держались его. Духъ времени и природныя свойства ихъ таланта дѣйствовали на нихъ и на лучшихъ изъ ихъ учениковъ сильнѣе, чѣмъ теорія и примѣръ учителей. Они не отстраняются отъ современныхъ натуралистическихъ вѣяній, которыя утвердились въ Неаполитанской школѣ. Только ихъ позднѣйшіе преемники измельчали до подражательности, эклектицизма, неразборчиваго смѣшенія различныхъ направленій на подобіе ново-латинскихъ поэтовъ. Къ Болонской школѣ причисляются: разносторонній Доменико Цампіери, по прозвищу иль Доменикино (1581—1641 г.), который по силѣ своего реализма не уступаетъ неаполитанцамъ, нѣжный и мечтательный Гвидо Рени (1575—1642 г.), авторъ живописи на потолкѣ дворца Роспильози въ Римѣ, изображающей торжество бога-солнца, который, однако, отдалъ должную дань натуралистическому теченію своего времени въ принадлежащихъ его кисти изображеніяхъ мукъ христіанскихъ святыхъ; затѣмъ Джіованни Франческо Барбіери, по прозвищу Гверчино да Ченто (1590—1666 г.), который тоже перешелъ въ натуралистическій лагерь, въ то время, какъ его современники Франческо Альбани (1578—1660 г.) и Джіованни Баттиста Сальви, по прозванію Сассоферрато (1605—1685 г.), напротивъ того, едва ли когда-нибудь отступали отъ пути эклектическаго идеализма. Къ болонской школѣ примыкаетъ близко феррарскій художникъ Карло Бононе (1569—1632 г.), флорентинцы Алессандро и Кристофано Аллори (первый жилъ отъ 1535 до 1607 г., второй—отъ 1578 до 1621 г.), Джіованни да Санъ Джіованни (1590—1636 г.), Карло Дольче (1616—1686 г.), изображавшій сладостныя картины благоговѣйнаго восторга, римлянинъ Карло Маратта (1625—1713 г.), собственная индивидуальность котораго теряется вслѣдствіе его страсти къ подражанію своимъ знаменитымъ предшественникамъ.

Свободнымъ отъ традицій какой бы то ни было школы и отъ преклоненія предъ авторитетомъ проносится черезъ исторію искусствъ геній Микель Анджело Меризи (или Америги) да Караваджіо (1569—1609), прокладывая новые пути для натурализма; онъ былъ человѣкомъ изъ народъ, полнымъ кипучей жизни, пережилъ лично то, что авторамъ романовъ съ приключеніями представляется только въ воображеніи, и писалъ такія сцены, которыя и теперь еще внушаютъ ужасъ людямъ со слишкомъ утонченными вкусами. Онъ былъ первымъ великимъ представителемъ жанровой картины въ Италіи, что доказываютъ его „Шулеры“, его „Двое пьяницъ“, его „Гадалка“. То, чего не могъ и не хотѣлъ сдѣлать этотъ человѣкъ съ крайне измѣнчивымъ характеромъ, за то взялся переселившійся изъ Испаніи Джузепе де Рибера, по прозвищу ло Спаньолетто (1568—1656 г.): онъ былъ основателемъ и первымъ учителемъ натуралистической школы въ Неаполѣ, по нисколько не потерялъ рѣзко-испанскихъ чертъ своего таланта. Его ученикъ Сальваторъ Роза (1615—1673 г.; стр. 513) предпринялъ настоящій наступательный походъ противъ всѣхъ отдѣловъ живописи; онъ противоставилъ спокойнымъ яснымъ пейзажамъ Аннибале Карраччи и „аркадскому“ стилю Альбани свои картины природы съ ихъ бурнымъ движеніемъ; въ этихъ картинахъ онъ сумѣлъ вложить въ южно-итальянскіе мотивы отпечатокъ своего собственнаго душевнаго настроенія.

Б. Испанцы.

Какъ вообще пластическія искусства всѣхъ странъ, испанская живопись обязана многимъ итальянцамъ XVI столѣтія, особенно въ техни-

ческомъ отношеніи. Въ то время, какъ искусство Апеннинскаго полуострова получило значеніе международной нормы, искусство Пиренейскаго полуострова оставалось совершенно неизвѣстнымъ за предѣлами своего отечества. Можно сказать, что Мурильо былъ открытъ только благодаря расхищенію картинъ Наполеономъ; затѣмъ европейская публика ознакомилась поочереди съ другими испанскими первостепенными художниками эпохи „Барокъ". Что касается живописцевъ испанскаго ренессанса, то они и теперь еще мало извѣстны, равно какъ и архитекторы и скульпторы этого періода. Слава испанскаго искусства основывается въ настоящее время на именахъ Риберы, Зурбарана, Кано, Веласкеса и Мурильо. Такъ какъ расцвѣтъ испанской литературы приходится на эту же эпоху, то можно сказать, что Испанія эпохи Габсбурговъ достигла высшей точки своего развитія въ области прекраснаго уже послѣ того, какъ миновалъ періодъ ея наибольшаго политическаго могущества.

Въ царствованіе Филиппа III и Филиппа IV были созданы тѣ картины, въ которыхъ выразились съ наибольшей полнотой метафизика и этика контръ-реформаціи, величіе королевской власти, возвышенность знатнаго сословія, героизмъ и благородство рыцарства, уваженіе къ „народнымъ" чувствамъ. Какъ было сейчасъ упомянуто, Рибера пересадилъ испанское искусство на неаполитанскую почву. Еще въ большей степени, чѣмъ Рибера, Франсиско Зурбаранъ (1598—1662 г.) прославлялъ католическую церковь вообще и ея служителей въ особенности. Въ противоположность монашеской манерѣ этого художника Алонсо Кано (1601—1667 г.) придаетъ своимъ религіознымъ изображеніямъ нѣжный рыцарскій оттѣнокъ. Преисполненный дворянской гордости Діего Родригецъ де Сильва Веласкесъ (1599—1660 г.) держится вдали отъ всего низменнаго и посвящаетъ свою кисть исключительно на служеніе королю. Онъ чуть было не сталъ первымъ жанровымъ живописцемъ своего времени, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ его „Водоносъ" и „Пряхи"; изъ его мастерской выходили также картины религіознаго содержанія, миѳологическія сцены и пейзажи; но впослѣдствіи онъ бросилъ всѣ другіе роды живописи и остановился исключительно на портретахъ; онъ достигъ такого совершенства въ портретной живописи, что былъ, можетъ-быть, самымъ великимъ изъ представителей этого вида искусства. Не въ атмосферѣ мадридскаго двора, а въ мѣщанской обстановкѣ Севильи развился талантъ Бартоломе Эстебана Мурильо (1617—1682 г.). Величіе церкви и государства дѣйствовали на чувства этого художника, но не подавляли ихъ своимъ обаяніемъ. Его святые,—родныя дѣтища его родины Андалузіи, особенно фигуры, изображающія Мадонну и младенца Христа; но подъ его кистью земныя созданія облагораживаются и возвышаются до неземной чистоты, какъ, напримѣръ, въ его изображеніяхъ безпорочнаго зачатія Святой Дѣвы и видѣній святыхъ. Наши современники восторгаются въ особенности нищими и вообще изображеніемъ народныхъ типовъ въ картинахъ знаменитаго севильскаго художника.

Послѣ Мурильо начался быстрый упадокъ испанскаго искусства; только цѣлое столѣтіе спустя выступилъ вновь на сцену великій талантъ Франсиско де Гойа-и-Лусіентесъ (1746—1828 г.), революціонеръ и пропагандистъ, хотя онъ съ 1799 года состоялъ въ должности придворнаго живописца.

В. Періодъ процвѣтанія искусства въ Нидерландахъ.

Какъ оригинальныя черты испанскаго искусства успѣли пробить себѣ путь, несмотря на гнетъ вліянія итальянской школы, такимъ же образомъ голландцы тоже отвоевали себѣ особую область въ искусствѣ, послѣ того, какъ великія событія дали такой сильный толчокъ народному духу,

что заимствованный у иностранцевъ языкъ образовъ оказался не въ состояніи выразить собственныя чувства голландскаго народа. Историческія событія раздѣлили нидерландскую расу на двѣ неравныя половины. Семь сѣверныхъ протестантскихъ провинцій отдѣлились въ 1579 году отъ сильно романизированнаго католическаго населенія Фландріи и Брабанта. Съ этихъ поръ существуетъ брабантская и голландская школы живописи, хотя между ними нельзя провести рѣзкой границы.

Испанскіе солдаты и испанскіе іезуиты истребили еретиковъ въ „испанскихъ Нидерландахъ". Поводомъ къ суровымъ мѣрамъ со стороны испанскаго правительства послужилъ разгромъ священныхъ изображеній, во время котораго протестантское меньшинство населенія испанскихъ Нидерландовъ варварски уничтожило скульптурныя и живописныя украшенія 400 церквей и часовенъ; но эти же самые громилы открыли поприще для оригинальнаго творчества новаго поколѣнія художниковъ, которое едва ли было бы призвано къ жизни помимо этого событія. Одинъ изъ представителей этого новаго поколѣнія превосходитъ по своей плодовитости всѣхъ художниковъ, которые когда бы то ни было владѣли кистью; это былъ Петръ-Павелъ Рубенсъ (1577—1640 г.); однѣхъ картинъ миѳологическаго содержанія ему приписывается 280 номеровъ. Вся его дѣятельность есть непрерывный гимнъ, воспѣвающій силу, изобиліе, тѣлесную красоту, чувственную любовь, гимнъ, начинающійся самымъ яснымъ тономъ дуръ и быстро поднимающійся до самыхъ высокихъ нотъ. Въ сравненіи съ исконной германской мощью этого исполина въ искусствѣ, вся дѣятельность романскихъ художниковъ эпохи Барокъ представляется чѣмъ-то ничтожнымъ. Даже ни одинъ изъ учениковъ самого Рубенса не дѣлалъ попытки превзойти его; напротивъ того, въ Нидерландахъ выросло поколѣніе живописцевъ, которые отказались отъ разносторонности, а вмѣсто этого достигли небывалаго совершенства въ техникѣ отдѣльныхъ родовъ живописи. Даже Антонисъ ванъ Дейкъ (1599—1641 г.) сталъ ограничиваться портретной живописью послѣ того, какъ онъ создалъ цѣлый рядъ увлекательныхъ картинъ историческаго содержанія; а когда онъ былъ приглашенъ въ 1630 году въ Англію ко двору Карла I, то онъ оказался совершенно на своемъ мѣстѣ и увѣковѣчилъ своей кистью придворныхъ англійскихъ кавалеровъ, которые погибли отъ меча круглоголовыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти художника.

Голландская живопись XVII столѣтія выросла въ совершенно плебейской сферѣ, относившейся враждебно къ королевской власти и къ привилегированнымъ сословіямъ. Во вновь основанной республикѣ не было спроса на живописныя украшенія для церквей и дворцовъ, тамъ процвѣтала только портретная живопись; на однѣхъ картинахъ изображались портреты отдѣльныхъ лицъ, на другихъ всѣ члены или же только старѣйшины какого-либо товарищества. Первымъ изобрѣтателемъ этого послѣдняго рода живописи былъ Франсъ Гальсъ (1580 г.—1666 г.), человѣкъ съ пылкимъ характеромъ, проникнутый духомъ эпохи восьмидесятилѣтней войны за освобожденіе Нидерландовъ. Наряду съ портретами стали все больше входить въ моду сцены изъ народной жизни, вообще жанровыя картины, затѣмъ ландшафты, изображенія звѣрей, картины мирной жизни, однимъ словомъ, всѣ тѣ роды живописи, съ которыми связана слава голландскаго искусства. Особенно нравились состоятельнымъ городскимъ бюргерамъ картины, сюжеты которыхъ заимствованы изъ жизни грубой крестьянской среды, трактирныя сцены и попойки,—таково содержаніе произведеній кисти Адріана Броувера (1605/6 г.—1638 г.), Адріана ванъ Остаде (1610 г. — 1685 г.), Яна Стэна (1626 г. — 1679 г.) и Давида Тенирса младшаго (1610 г. — 1690 г.). Но впослѣдствіи модному вкусу пріѣлись сцены изъ крестьянской жизни, и популярными стали тѣ худож-

ники, которые изображали спокойное существованіе самихъ бюргеровъ, покупателей картинъ, а иногда при случаѣ забирались въ ту близкую къ этимъ бюргерамъ среду, въ которой господствовали аристократическіе нравы: къ этому послѣднему разряду художниковъ относится Питеръ де Гоохъ (приблизительно отъ 1630 до 1677 гг.), Янъ ванъ деръ Мееръ (1632 г. — 1675 г.), Герардъ Терборхъ (1617 г. — 1681 г.), Габріель Метсю (1630 г. -1670 г.). Наконецъ голландская миніатюрная живопись поплыла на всѣхъ парусахъ въ гавань аристократическаго и придворнаго вкуса. Въ то время, какъ знаменитости старшаго поколѣнія, которыя могли разсчитывать только на бюргеровъ своей собственной родины, были вынуждены прибѣгать для своего пропитанія къ побочнымъ занятіямъ или погибали въ нищетѣ, гладкіе модные живописцы, какъ, напримѣръ, Герардъ Доу (1613 г. -1675 г.), Франсъ ванъ Мирисъ старшій (1635 г.—1671 г.), Каспаръ Нечеръ (1639 г.—1684 г.), Готфридъ Шалькенъ (1643 г.—1706 г.), Адріанъ ванъ деръ Верффъ (1659 г. — 1722 г.), купались въ золотѣ и въ почестяхъ.

Какъ въ жанровой живописи интересъ сосредоточивался на колоритѣ: краскахъ, освѣщеніи, тонѣ, ансамблѣ, вслѣдствіе незначительности сюжета,— то же самое случилось съ голландской пейзажной живописью. Ея расцвѣтъ связанъ съ открытіемъ Гиллисомъ ванъ Конинкслоо (1544 г. — 1607 г.) системы трехъ плановъ (передняго, средняго и задняго). Картины самаго знаменитаго изъ голландскихъ пейзажистовъ Якова Саломонса ванъ Рейсдаля (1628 9 г.—1682 г.) отражаютъ въ себѣ какъ унылую строгость покоющейся природы, такъ и бурное настроеніе разыгравшихся стихій. Нѣкоторые изъ голландскихъ пейзажистовъ, какъ Лудольфъ Бакгейзенъ (1633 г.—1708 г.), Виллемъ ванъ де Вельде младшій (1633 г.—1707 г.) и другіе избрали своей спеціальностью морскія картины. Филиппсъ Воуверманъ (1619 г. — 1662 г.) сочетаетъ въ своихъ военныхъ и охотничьихъ сценахъ пейзажъ съ фигурными изображеніями животныхъ и людей. Такимъ же образомъ Паулусъ Поттеръ (1625 г.—1654 г.) пишетъ съ одинаковымъ талантомъ какъ пейзажи, такъ и животныхъ; своими изображеніями животныхъ прославились Франсъ Снейдерсъ (1579 г.—1657 г.), Янъ Веениксъ (1640 г. — 1719 г.), Мельхіоръ Гондекутеръ (1636 г.—1695 г.). Цвѣты составляютъ спеціальность Яна Давидса де Геема (1606 г.—1683/4 г.) и Яна ванъ Гейзума (1682 г.—1749 г.).

Въ одно время со всѣми этими поставщиками для галлерей, жилъ художникъ, который посвятилъ себя обойденной всѣми безприбыльной спеціальности: современники обратили на него только мимолетное вниманіе, а затѣмъ оставили умирать съ голоду на чердакѣ; это былъ Рембрандтъ Гарменсъ ванъ Рейнъ (1606 г.—1669 г.), величайшій изъ всѣхъ художниковъ германской расы не исключая Дюрера, Гольбейна и Рубенса. Эта слава принадлежала бы ему даже въ томъ случаѣ, если бы онъ оставилъ по себѣ только свои портреты, въ особенности тѣ, въ которыхъ онъ изображалъ самого себя, и картины съ группами человѣческихъ фигуръ, какъ то: „Анатомическій кабинетъ доктора Тульпа“ (въ 1632 г.), „Ночную стражу“ (въ 1642 г.); ему бы слѣдовало отдать первый призъ даже и тогда, если бы отъ него остались только его гравюры; а между тѣмъ талантъ его проявляется во всей своей силѣ только въ его картинахъ на сюжеты изъ библіи и миѳологіи. Въ настоящее время всѣ считаютъ его неподражаемымъ виртуозомъ въ области свѣтотѣней: но это не даетъ достаточнаго представленія о значеніи его произведеній. Благодаря своей оригинальности Рембрандтъ сталъ первостепенной величиной въ исторіи искусства, призваннымъ воспитателемъ позднѣйшихъ поколѣній: онъ былъ первымъ мученикомъ свободнаго искусства новыхъ вѣковъ, которое творитъ по собственному влеченію, а не по заказу или по вкусу покровителей.

Г. Французы.

Необъятные горизонты отдѣляютъ міръ Рембрандта отъ французской эпохи барóкъ съ ея вычурными придатками: стилемъ рококо и цопф-стилемъ. Въ эпоху ренессанса пластическія искусства были во Франціи тепличнымъ растеніемъ, пересаженнымъ изъ Италіи. Французскій ренессансъ обнаружилъ самостоятельное творчество только въ области архитектуры, въ меньшей степени въ скульптурѣ и въ еще меньшей — въ живописи. Въ эпоху барóкъ опять возстановились связи съ Италіей; нѣкоторые изъ величайшихъ французскихъ художниковъ жили въ Италіи, какъ, напримѣръ, Никола Пуссенъ (отъ 1594 до 1665 г.), историческій живописецъ и творецъ героическаго пейзажа, и его зять Каспаръ Дюге, тоже прозванный Пуссеномъ (1613 г.—1675 г.), а также наиболѣе извѣстный изъ пейзажистовъ этого вѣка Клодъ Желле, по прозванію Ле Лорренъ (1600 г. — 1682 г.). Въ Римѣ жилъ также батальный живописецъ Жакъ Бургиньонъ Куртуа (1621 г. — 1676 г.). Напротивъ того, вѣрными своей родинѣ остались: портретистъ Филиппъ де Шаппень (1602 г. — 1674 г.), историческій живописецъ Эсташъ Ле Сюэръ (1617 г. — 1655 г.), братья Ле Ненъ (скончались одинъ въ 1648 г., другой въ 1677 г.), изображавшіе патріархальныя сцены изъ простонародной жизни, Жакъ Кальо (1592 г. — 1635 г.), отличающійся богатствомъ своего воображенія художникъ-граверъ, который оставилъ по себѣ рядъ картинъ подъ названіемъ „Misères de la guerre" (Бѣдствія военнаго времени; срв. также его „Цыганскій таборъ" въ т. V), изобличающихъ такое реалистическое чутье правды, какое рѣдко встрѣчается у французскихъ художниковъ эпохи барокъ.

Постройка Версальскаго дворца при Людовикѣ XIV обозначила собой поворотный пунктъ въ исторіи французскаго искусства; съ этихъ поръ живопись и скульптура вынуждены были поступить подъ команду королевскаго архитектора и снизойти до роли декоративныхъ искусствъ. Архитекторомъ Версальскаго дворца былъ Жюль Гордуэнъ Мансаръ (1645 г.—1708 г.); главнокомандующимъ надъ цѣлой арміей художниковъ и художественныхъ ремесленниковъ, которые занимались внутренней отдѣлкой дворца, былъ живописецъ Шарль Лебренъ (1619 г. — 1690 г.: срв. объясн. къ таблицѣ, приложен. къ стр. 462 т. VII), который долженъ былъ прославить короля—Солнце въ художественныхъ изображеніяхъ, которыми хотѣли украсить стѣны роскошныхъ залъ дворца („Зеркальной галлереи"). Андре Ленотръ (1613 г. — 1700 г.), который устроилъ версальскій паркъ и былъ творцомъ французскаго стиля садовъ, былъ послѣднимъ изъ троицы прославленныхъ художниковъ „великаго вѣка" (grand siècle). Помимо арміи Лебрена осталось весьма мало художниковъ, сохранившихъ свою независимость; къ нихъ числу принадлежатъ скульпторъ Пьеръ Миньяръ (1612 г.—1695 г.), соперникъ Лебрена, и Гіасентъ Риго (1659 г.—1743 г.). Въ лицѣ Пьера Пюже (1622 г. — 1694 г.) Франція чтитъ величайшаго изъ своихъ скульпторовъ, который занимался также и живописью; это былъ настоящій представитель эпохи барóкъ, „болѣе вѣрный идеямъ Бернини, чѣмъ самъ Бернини", какъ выразился И. Буркгардтъ.

Только во Франціи между барóкомъ и классическимъ стилемъ вдвинулся въ качествѣ вполнѣ развитого органическаго промежуточнаго члена рококо, или стиль Людовика XV. Во всей остальной Европѣ стиль барóкъ еще долго жилъ и затѣмъ уступилъ свое мѣсто по большей части прямолинейному, трезвому, жесткому, классическому цопф-стилю; рококо проявляется только мѣстами, какъ завезенный изъ Франціи, и нигдѣ не укоренился. Даже на своей родинѣ рококо обозначаетъ собою только перемѣну въ декоративныхъ вкусахъ, которая отразилась на художественныхъ промышленныхъ издѣліяхъ и на костюмѣ въ широкомъ смыслѣ

этого слова; стиль этотъ не затрагиваетъ самаго существеннаго въ архитектурѣ, самихъ сооруженій. Такъ же, какъ и въ эпоху Людовика XIV, тонъ задаютъ декораторы, занимающіеся рисованіемъ орнаментовъ (dessinateurs): Орель Мейссонье (1693 г. — 1650 г.), Франсуа Кювилье (1698 г. — 1768 г.; съ 1725 г. жилъ въ Баваріи) и т. д., къ которымъ примыкаютъ и такіе художники, какъ Буше и Фрагонаръ.

Однако, художники не удовольствовались такой второстепенной ролью; возникла настоящая живопись въ стилѣ рококо, которая принадлежитъ исключительно французамъ, отражаетъ въ себѣ самымъ полнымъ образомъ духъ господствующихъ классовъ тогдашняго французскаго общества и богата „колоритными эффектами". Нельзя ставить такого вопроса: были ли Ватто и Буше такими же великими художниками, какъ Рафаэль и Микель-Анджело; напротивъ того, эти французы потому только имѣли значеніе въ исторіи искусства, что они писали не такъ, какъ итальянцы эпохи Возрожденія, а другой манерой и на другіе сюжеты. Эпоха Льва X не повторялась въ исторіи; она создала себѣ художниковъ, соотвѣтствовавшихъ ея духу, и самое лучшее въ Рафаэлѣ то, что еще одного Рафаэля больше ужъ не могло явиться. Точно также въ исторіи есть только одна эпоха Людовика XV. Утонченной распущенности этой эпохи міръ обязанъ всѣмъ тѣмъ привлекательнымъ, эффектнымъ, фокусничающимъ, трескучимъ, розовымъ, душистымъ, всѣмъ тѣмъ, что обозвали бранной кличкой рококо. Что бы ни изображали художники эпохи рококо, на всемъ лежитъ печать того вѣка. Наиболѣе извѣстны изъ нихъ слѣдующіе: Антуанъ Ватто (1684 г.—1721 г.), Франсуа Бушэ (1703 г.—1770 г.), Жанъ Онорэ Фрагонаръ (1732 г.—1806 г.), Лемуанъ (1688 г.—1737 г.), Жанъ Франсуа де Труа (1679 г. — 1752 г.), Розальба Каррьера (1675 г.—1757 г.), изобрѣтательница рисованія пастелью, и Жанъ Этьенъ Ліотаръ изъ Женевы, который достигъ наиболѣе высокой степени совершенства въ рисованіи цвѣтными карандашами (1702 г.—1789 г.).

Начиная со второй половины XVIII столѣтія, французскіе живописцы стали слѣдовать наставленіямъ, съ которыми обращались къ нимъ публицисты и художественные критики. Если художникъ хотѣлъ, чтобы его хвалили и чтобы его картины покупались, то ему необходимо было писать въ моральномъ, филантропическомъ и сантиментальномъ духѣ и прославлять въ своихъ картинахъ добродѣтель, а примѣры добродѣтельной жизни принято было искать только въ народѣ. Въ этомъ направленіи работали Жанъ Батистъ, Симеонъ Шарденъ (1698 г. — 1779 г.) и особенно Жанъ Батистъ Грэзъ (1725 г.—1805 г.) съ его картинами добродѣтельной семейной жизни и съ его дѣвочками-подростками. Впрочемъ вкусы въ искусствѣ повернули опять на большую дорогу классицизма. Жакъ Жерменъ Суффло (1713 г. — 1781 г.) выстроилъ церковь Св. Женевьевы въ Парижѣ (теперь превращена въ Пантеонъ); очаровательная Елизавета Луиза Виже-Лебренъ (1755 г.—1842 г.) соединяла всѣ привлекательныя стороны эпохи рококо съ выдержаннымъ классическимъ стилемъ: но пальма первенства принадлежитъ поклоннику античнаго древнеримскаго художественнаго стиля Жаку Луи Давиду (1748 г.—1825 г.), королю живописцевъ первой имперіи.

Д. **Нѣмцы.**

Что въ періодъ времени между шмалькальденской войной и вестфальскимъ миромъ нѣмцы отстали отъ остальныхъ европейскихъ народовъ и ничего не произвели въ области пластическихъ искусствъ, — это само собой понятно; а что въ эпоху медленнаго возрожденія Германіи послѣ тридцатилѣтней войны они учились у итальянцевъ, французовъ и голландцевъ,—это было тѣмъ болѣе благоразумнымъ съ ихъ стороны, что въ это

время въ Германіи замѣчался наплывъ иностранцевъ: если же мѣстный художникъ научался строить, ваять или писать картины не хуже иностранцевъ, то ему можно было поручать такія работы, которыя обыкновенно поручались только иностраннымъ художникамъ. Въ заказахъ не было недостатка, такъ какъ въ періодъ времени между срединой XVII и концомъ XVIII вѣка не было почти ни одного города, даже ни одного рыцарскаго имѣнія, въ которомъ за все это время не предпринималось бы крупныхъ архитектурныхъ сооруженій или же украшенія существующихъ зданій колоннами или картинами.

a) Архитектура и скульптура.

Въ царствованіе Фридриха I (1688 г. — 1713 г.) въ Берлинѣ было приступлено къ постройкѣ цейхгауза и къ перестройкѣ королевскаго замка. Планъ перваго изъ этихъ зданій принадлежитъ Іоанну Арнольду Нерингу (скончъ въ 1695 г.); выполненъ былъ этотъ планъ Шлютеромъ и Жаномъ де Бодтомъ (1670 г.—1745 г.). Постройками въ королевскомъ замкѣ руководилъ (1697 г. — 1706 г.) до самаго момента своего внезапнаго паденія Андрей Шлютеръ (1664 г. — 1714 г.), который былъ замѣчательнымъ архитекторомъ и выдающимся скульпторомъ; ему принадлежитъ конная статуя великаго курфюрста на дворцовомъ мосту и рядъ изъ 91 военной маски на цейхгаузѣ. Шведъ Іоаннъ Фридрихъ Эозандеръ, баронъ фонъ Гете (1670 г.—1729 г.), продолжалъ работы, начатыя Шлютеромъ, но выѣхалъ изъ Берлина въ 1714 году, такъ какъ скупой Фридрихъ Вильгельмъ I велѣлъ пріостановиться съ дорого стоющими постройками. Въ царствованіе Фридриха Великаго стиль рококо достигъ преобладанія въ Берлинѣ благодаря любимцу короля, архитектору Г. В. фонъ Кнобельсдорффу (1699 г.—1753 г.): важнѣйшіе памятники этого времени составляютъ: потсдамскій городской замокъ, (старый) берлинскій оперный театръ и неподражаемый Сансуси. Новый дворецъ въ Потсдамѣ вмѣстѣ съ возведенными мангеймцемъ Карломъ фонъ Гонтардомъ (1731 г.—1791 г.) „Коммунами" тоже принадлежатъ къ эпохѣ Фридриха Великаго. Гонтардъ составилъ также проектъ мраморнаго дворца, который былъ законченъ Карломъ Готгардомъ Лангансомъ (1733 г.—1808 г.); тотъ же Ланггансъ выстроилъ Бранденбургскія ворота, задуманныя въ греко-римскомъ стилѣ.

Зданія, выстроенныя въ Дрезденѣ саксонско-польскими королями, носившими имя „Августъ", превосходятъ своимъ блескомъ архитектурныя сооруженія прусскихъ королей въ Берлинѣ. Наилучшимъ произведеніемъ дрезденской архитектуры остается до сихъ поръ цитадель, выстроенная Даніиломъ Пеппельманномъ (1662 г. — 1736 г.), хотя возведенныя въ дѣйствительности зданія составляютъ только небольшую часть первоначальнаго проекта. Этому же художнику принадлежитъ японскій дворецъ, который впослѣдствіи подвергался передѣлкамъ. Еще въ царствованіе Фридриха Августа I (1694 г.—1733 г.) было возведено смѣлое живописное зданіе протестантской женской церкви, куполъ которой выдержалъ въ 1760 году даже тяжелыя бомбы Фридриха Великаго; эта церковь есть произведеніе дрезденскаго архитектора Георга Бэра (1666 г.—1738 г.). Въ царствованіе Фридриха Августа II (1733 г.—1763 г.) было сооружено великолѣпное зданіе придворной католической церкви итальянцемъ Гаэтано Кіавери между 1739 и 1751 годами; крыша этой церкви была украшена въ 1743 г. 59 статуями работы скульптора Лоренцо Маттіелли и другихъ. Со второй половины XVIII столѣтія въ германскомъ искусствѣ водворяется рутинный классицизмъ въ видѣ цопф-стиля архитектурныхъ чиновниковъ и академическихъ профессоровъ.

Главной областью распространенія архитектуры стиля барокъ къ сѣверу отъ Альпъ служила Австрія. Эта страна находилась подъ сильнымъ

итальянскимъ вліяніемъ; французское вліяніе здѣсь почти нисколько не давало себя чувствовать въ противоположность съ Баваріей, которая къ концу XVII столѣтія попала въ сферу дѣйствія притягательныхъ силъ Франціи какъ въ политическомъ, такъ и въ архитектурномъ отношеніяхъ (зданія въ Нимфенбургѣ, въ Шлейсгеймѣ; срв. выше на стр. 499 Кювилье). Не только Вѣна и ея окрестности кишатъ памятниками искусства въ стилѣ барокъ, настолько оригинальными, что въ исторіи искусствъ они получили названіе „вѣнскаго барока“, но въ главныхъ провинціальныхъ городахъ, какъ то, Зальцбургѣ (перешедшемъ во власть Австріи только въ 1805 году), Прагѣ, Грацѣ, Иннсбрукѣ и т. д. существуетъ много церквей и дворцовъ, выстроенныхъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ (одной изъ первыхъ такихъ церквей была освященная въ 1602 г. церковь въ городѣ Радмерѣ въ Штиріи); въ сельскихъ округахъ тоже разбросаны церкви, монастыри и замки, возведенные въ стилѣ барокъ. Какъ и въ Италіи, архитектура, скульптура, живопись и художественныя ремесла тѣсно сплетаются между собою. Одинъ итальянскій художникъ-архитекторъ, Сантино Соляри, выстроилъ между 1614 и 1634 годами соборъ въ Зальцбургѣ, а другой итальянецъ Антоніо Даріо устроилъ между 1664 и 1680 годами фонтанъ на соборной площади того же города. И въ Вѣнѣ главная роль все еще принадлежала итальянскимъ художникамъ даже въ царствованіе Леопольда I; къ числу этихъ художниковъ принадлежатъ: Лодовико Бурначини (сконч. въ 1707 г.), который построилъ неэстетическую леопольдовскую часть Гофбурга, семейство Бибіена, патеръ Поццо (срв. стр. 492), архитекторы Карлоне и т. д.

Въ царствованіе Карла VI, когда была окончательно устранена опасность турецкаго нашествія, страсть къ архитектурѣ достигла въ Австріи своего апогея. Хотя итальянцы Доменико Мартинелло и Донато Алліо (1650 г.—1718 г.) продолжали работать вмѣстѣ съ туземными архитекторами, тѣмъ не менѣе чисто австрійская разновидность стиля барокъ обязана своимъ происхожденіемъ исключительно этимъ послѣднимъ. Важнѣйшимъ представителемъ вѣнскихъ художниковъ этой эпохи слѣдуетъ считать Іоанна Бернгарда Фишера фонъ Эрлаха (1656 г. — 1723 г.), незаконченныя работы котораго продолжалъ сынъ его Іосифъ Эмануилъ (1695 г.—1742 г.). Фишеръ старшій выстроилъ въ Вѣнѣ церковь св. Карла и нѣкоторые дворцы, составилъ проектъ перестройки Гофбурга (императорскаго дворца), изъ котораго только нѣкоторыя части (императорская канцелярія, зимній манежъ, придворная библіотека) были приведены въ исполненіе; затѣмъ онъ же возвелъ важныя зданія въ Зальцбургѣ (коллегіатскую церковь) и въ Прагѣ. Соперникъ Фишера Іоаннъ Лукасъ фонъ Гильдебрандъ (1666 г. 1745 г.) былъ архитекторомъ вѣнскаго Бельведера, Даунскаго дворца, замка Мирабель въ Зальцбургѣ. Изъ монастырскихъ построекъ того времени выдаются возобновленный между 1701 и 1738 годами бенедиктинскій монастырь Мелькъ съ его прекрасной церковью, выстроенной Яковомъ Прандауэромъ (сконч. въ 1727 году), монастырь Гетвей съ прелатурой, выстроенной Гильдебрандомъ въ 1719 году, и монастырь Нейбургъ, постройка котораго къ 1750 году была выполнена только на одну четверть. Въ Прагѣ работали архитекторы Христофъ и Кильянъ Динценгоферы (ими были возведены церковь св. Николая на Малой Сторонѣ между 1704 и 1752 гг. и церковь св. Никласа позади ратуши между 1732 и 1737 годами). Іоаннъ Бальтазаръ Нейманнъ (1687 г.—1753 г.) былъ архитекторомъ великолѣпнаго дворца въ стилѣ рококо въ Вюрцбургѣ.

Изъ нѣмецкихъ скульпторовъ эпохи барокъ только одинъ можетъ выдержать сравненіе со Шлютеромъ, именно австріецъ Георгъ Рафаилъ Доннеръ (1692 г.—1741 г.), который былъ свободенъ отъ крайностей стиля барокъ и въ то же время не впадалъ въ рутинный классицизмъ. Его главное произведеніе это фонтанъ на Новомъ Рынкѣ въ Вѣнѣ. Придвор-

ный статуаріусъ Іоаннъ Христофъ Бейеръ (1725 г. — 1797 г.) значится въ придворной книгѣ „пластическимъ мастеромъ рококо“; онъ оживилъ садъ въ Шенбруннѣ своими миѳологическими и аллегорическими фигурами, а до того работалъ на фабрикѣ фарфоровыхъ издѣлій. Вообще пластика стиля рококо оставила по себѣ наилучшую память въ издѣліяхъ изъ бисквита, фарфора, терракотты и тому подобныхъ матеріаловъ. Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія классическое направленіе достигло преобладающаго значенія въ скульптурѣ, какъ и въ прочихъ искусствахъ; представителями классическаго стиля въ скульптурѣ были: Іоаннъ Мартинъ Фишеръ (1704 г. — 1820 г.), который украсилъ статуями многіе изъ вѣнскихъ фонтановъ, и Францъ Цаунеръ (1746—1822 г.), творецъ конной статуи Іосифа II въ Вѣнѣ.

б) Живопись

Въ періодъ расцвѣта искусства въ Испаніи и Голландіи нѣмецкой живописи вовсе не существовало. Еще раньше, въ серединѣ XVI столѣтія, она какъ бы провалилась сквозь землю. Даже внѣ Германіи попадалось весьма мало художниковъ нѣмецкаго происхожденія; такимъ рѣдкимъ исключеніемъ былъ достигшій совершенства въ области свѣтотѣней Адамъ Эльсгеймеръ (1578 г. — 1620 г.), который прибавлялъ къ своимъ ландшафтамъ библейскія сцены, соотвѣтствующія по своему содержанію общему настроенію картины. Изъ нѣмецкихъ художниковъ XVII столѣтія назовемъ франкфуртца Іоахима Зандрарта (1606 г. — 1688 г.), который колебался между итальянской и голландской модами, какъ и большинство его другихъ нѣмецкихъ товарищей по профессіи, мюнхенца Карла Лота (1632 г. — 1698 г.), который поселился въ Венеціи подъ именемъ Карлотто и въ мастерской котораго обучалось много нѣмецкихъ учениковъ, богемца Карла Скрета (1610 г. — 1684 г.) и др.

Только пробудившаяся въ Германіи въ концѣ XVII столѣтія страсть къ постройкамъ дала возможность выдвинуться нѣмецкимъ живописцамъ. „Альпійскія области Австріи были настоящей родиной виртуозовъ стѣнной живописи. Въ этой живописи обнаруживается декоративное искусство, сочность красокъ и поразительная тонкость техники; всѣ эти достоинства были оцѣнены надлежащимъ образомъ только въ настоящемъ столѣтіи. „Приходишь въ изумленіе предъ обширными практическими познаніями изъ области перспективы, предъ тонкимъ пониманіемъ эффектовъ, которыя обнаруживаются въ нихъ, когда разсматриваешь эти „Вознесенія святыхъ“ и „Прославленія святыхъ“; переносишься невольно въ какое-то фантастическое царство, въ которомъ всѣ эти группы и фигуры дѣйствительно живутъ и двигаются“ (Губертъ Яничекъ). Двумя наиболѣе выдающимися представителями этой группы виртуозовъ, создававшихъ неподражаемыя фрески и стѣнныя картины, были: Іоаннъ Ф. Роттмайръ (1660 г. — 1728 г.), который украсилъ своими картинами потолки вѣнскихъ церквей Св. Карла, Св. Петра и церкви Мелькскаго монастыря, и Даніилъ Гранъ (1694 г. — 1757 г.), которому принадлежитъ живопись на плафонѣ вѣнской придворной библіотеки; за эту живопись И. И. Винкельманъ назвалъ Грана величайшимъ мастеромъ въ области аллегорической живописи послѣ Рубенса. Въ портретной живописи отличились больше всего въ эту эпоху Іоаннъ Купецкій (1667 г. — 1740 г.) и Балтазаръ Деннеръ (1685 г. — 1749 г.), который изображалъ съ удивительнымъ искусствомъ морщины и у котораго нельзя оспаривать тонкаго и очень рѣдкаго въ ту эпоху знакомства съ натурой. Изъ батальныхъ живописцевъ выше уровня посредственности стоитъ Г. Ф. Ругендасъ старшій (1666 г. — 1742 г.). Въ изображеніи животныхъ достигли значительныхъ успѣховъ Іоаннъ Генрихъ Роосъ (1631 г. — 1685 г.), его сынъ Филиппъ Петръ, по

прозвищу Роза ди Тиволи (1651 г. — 1705 г.), Карлъ Андрей Рутартъ и въ особенности Іоаннъ Эліасъ Редингеръ (1695 г. — 1767 г.).

Во вторую половину XVIII столѣтія литературная критика произвела такой же переворотъ въ нѣмецкомъ искусствѣ, какъ и во французскомъ. Этотъ переворотъ стоялъ въ связи съ той замѣчательной перемѣной въ соотношеніяхъ между общественными силами, которая произошла въ тогдашнемъ обществѣ: образованная буржуазія пріобрѣла значеніе правящаго класса, а сама въ свою очередь шла за своими литературными предводителями. Въ Германіи этотъ рѣзкій переломъ совпалъ съ выступленіемъ на поприще литературы Винкельмана, Лессинга и Гете. Нѣмецкіе живописцы классическаго направленія дѣйствовали всѣ подъ вліяніемъ писателей; таковы обоготворяемые своими современниками А. Рафаилъ Менгсъ (1728 г. — 1779 г.), равно какъ и путеводитель Гете по Италіи И. Г. Вильгельмъ Тишбейнъ, по прозвищу „неаполитанецъ" (1751 г. — 1829 г.), и извѣстная Ангелика Кауфманнъ (1741 г. — 1807 г.). Наиболѣе даровитымъ иллюстраторомъ произведеній нѣмецкихъ писателей былъ Даніилъ Николай Ходовецкій, главнымъ портретистомъ литературныхъ знаменитостей своего времени Антонъ Граффъ (1736 г. — 1813 г.).

Въ Англіи литература не оказала никакого давленія на господствующія въ искусствѣ направленія. Собственно говоря, Англія была родиной буржуазно-сантиментальныхъ тенденцій въ литературѣ, но Уильямъ Гогартъ (1697—1764 г.; срв. стр. 560), который расправлялся сурово съ недостатками современнаго ему общества въ своихъ гравюрахъ, обладалъ такимъ громаднымъ запасомъ природнаго сатирическаго таланта, что ему незачѣмъ было занимать у поэтовъ. Великій портретистъ Джошуа Рейнольдсъ (1723—1792 г.) и столь же даровитый портретистъ и пейзажистъ Томасъ Гэнсборо (1727—1782 г.) слѣдовали внушеніямъ своего художественнаго таланта, нисколько не поддаваясь вліянію литературы.

6. Музыка въ эпоху барóкъ.

Въ пластическихъ искусствахъ нѣмцы ни въ какую эпоху не стояли выше другихъ народовъ, трудившихся на томъ же поприщѣ, развѣ только если причислить къ нѣмцамъ фламандско-голландскую націю. За то уже въ эпоху барóкъ получило сильный толчокъ то искусство, въ которомъ нѣмцы оставили позади себя всѣ другіе народы: это была музыка. Ее можно назвать искусствомъ новыхъ вѣковъ.

А. Періодъ полифоннаго стиля.

Первоначально въ странахъ съ западно-европейской христіанской культурой господствовало грегоріанское церковное пѣніе, которое приспособляется самымъ тѣснымъ образомъ къ богослужебному тексту; оно отличается своей монотонностью, своей древней гаммой, вольностью своихъ тактовъ. Средствомъ для оживленія духовныхъ пѣснопѣній служитъ чередованіе одногласнаго съ хоровымъ пѣніемъ. Рядомъ съ церковной музыкой развилась по ея образцу свѣтская музыка миннезингеровъ и мейстерзингеровъ, которая основана на томъ же грегоріанскомъ стилѣ. Въ X столѣтіи вошло въ обычай аккомпанировать пѣнію на органѣ или на струнномъ инструментѣ, и притомъ ноту за нотой въ опредѣленныхъ интервалахъ (въ одну четверть, въ одную пятую). Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока одному неизвѣстному музыканту въ Парижѣ (или, можетъ быть, въ Англіи) не открылся свѣтъ музыкальной истины. Онъ замѣтилъ, что одновременно могутъ звучать два или больше голосовъ, хотя бы между ними не оставалось всегда одинаковаго интервала, что можно, напротивъ того,

мѣнять интервалы и ритмъ отдѣльныхъ голосовъ, сближать, перекрещивать ихъ, выкидывать изъ хора и вновь вводить отдѣльные голоса. Когда пробовали записать музыкальныя фразы этого полифоннаго, или контрапунктнаго стиля, то обнаружилась недостаточность тогдашней нотной системы; взамѣнъ ея была придумана другая, которая изображаетъ не только высоту тоновъ, какъ прежняя, но и продолжительность ихъ. Новые знаки называются мензуральными нотами.

Начиная съ XV столѣтія, новое искусство распространилось по всей Западной Европѣ; наибольшаго развитія оно достигло въ Нидерландахъ, такъ что въ исторіи музыки XV и XVI столѣтія называются нидерландскимъ періодомъ. Изъ нидерландскихъ и французскихъ композиторовъ этого періода извѣстны слѣдующіе: Жилль Биншуа (сконч. въ 1460 г.), Гильомъ Дюфэ (140 01474 г.), Вильгельмъ Океггемъ (Окенгеймъ, 1430—1495 г.), Жоскенъ Депрэ (1450—1521 г.), Адріанъ Виллаэртъ (1480—1562 г.), Клодъ Гудимель (1505—1572 г., одна изъ жертвъ Варѳоломеевской ночи); наконецъ послѣднимъ и самымъ даровитымъ изъ нихъ былъ Орландусъ Лассусъ (Орландо да Лассо, Роланъ де Латтръ; отъ 1532—1594 г.), который служилъ съ 1557 г. герцогскимъ капельмейстеромъ въ Мюнхенѣ. Изъ англійскихъ композиторовъ этого періода выдаются: Денстепль (сконч. въ 1453 г.), Робертъ Фэрраксъ, Томасъ Таллисъ (сконч. въ 1585 г.), Уильямъ Бердъ (1540—1623 г.) и Орландо Джиббонсъ (1583—1625 г.). Нѣмцами по происхожденію были мейстеръ Генрихъ Изаакъ (1450—1517 г.), Генрихъ Финкъ (около 1500 г.), Людвигъ Зенфль (1492—1555 г.), Яковъ Генель, по прозвищу Галлусъ (1550—1591 г.), и Гансъ Лео Гаслеръ (1564—1612 г.).

Италія сравнительно поздно примкнула къ новому международному музыкальному стилю. Только въ XVI столѣтіи перенесли свое искусство въ эту страну нидерландскіе виртуозы, какъ, напримѣръ, Виллаэртъ, который основалъ венеціанскую школу музыкальной композиціи. Тѣмъ не менѣе роль наиболѣе выдающагося представителя всего этого періода принадлежитъ какъ разъ итальянцу, папскому капельмейстеру Джіованни Піерлуиджи (Санто?), который по мѣсту своего происхожденія былъ прозванъ Палестрина (1514/29—1594 г.). Его совершенно основательно называютъ преобразователемъ католической церковной музыки, такъ какъ онъ устранилъ различныя погрѣшности и грубыя рѣзкости; но „Палестриновскій стиль“—это ничто иное, какъ полифонная нотная система нидерландцевъ. За Палестриной, композиторомъ импроперій (жалобъ страдающей любви на крестѣ; въ 1560 г.) и Missa Papae Marcelli (Марцелла II, составл. въ 1565 г.), идетъ цѣлый рядъ итальянскихъ капельмейстеровъ, которые продолжали работать въ строгомъ вокальномъ стилѣ, между прочимъ авторъ вошедшей въ программу римской карнавальной недѣли девятиголосной пьесы „Miserere“ Грегоріо Аллегри (1584—1652 г.).

Въ концѣ XVI столѣтія обнаружились уже первые признаки радикальнаго переворота во всей области музыки. Эта перемѣна произошла отчасти безъ шума и незамѣтно, отчасти же она наступила внезапно съ непреодолимой силой. Къ числу постепенныхъ преобразованій принадлежалъ переходъ отъ старинныхъ церковныхъ тоновъ къ новой системѣ тоновъ дуръ и моль (мажоръ и миноръ), который продолжался отъ конца XVI до начала XVIII столѣтія, такъ что только уже при жизни Гайдна и Глюка церковная система тоновъ стала археологической достопримѣчательностью. Этому преобразованію способствовало существеннымъ образомъ возникновеніе самостоятельной, а не только аккомпанирующей инструментальной музыки. Дѣло началось съ того, что органъ вышелъ изъ того рабства, въ которое онъ попалъ, благодаря преобладающему значенію вокальной полифоніи. Въ Италіи возникли двѣ знаменитыя школы органистовъ: венеціанская, представителями которой были Андреа Габріэли (прибл. отъ 1510—1586 г.) и его племянникъ Джіо-

ванни (1557—1612 г.), и римская школа, главой которой былъ Джироламо **Фрескобальди** (1583—1644 г.). Благодаря ученикамъ этихъ виртуозовъ искусство игры на органѣ распространилось въ XVII столѣтіи къ сѣверу отъ Альпъ, такъ что съ этихъ поръ наивысшаго искусства начинаютъ достигать нѣмецкіе и нидерландскіе органисты. Для органа возникли новыя формы композиціи: ричеркаре (первоначальная форма фуги) и **токката**, благодаря которой музыка проложила себѣ путь въ еще нетронутую область. Токката состоитъ изъ такихъ аккордовъ и руладъ, которые недоступны человѣческому голосу. Когда стали сопоставлять рядомъ аккорды, то открылось царство гармоніи и вскорѣ модуляція получила значеніе необходимаго вспомогательнаго средства для музыкальной фразы, освобожденной отъ полифонныхъ стѣсненій.

Начиная съ XVI столѣтія стало все больше входить въ употребленіе первобытное фортепіано, виргиналъ, или **чембало**, сначала только для замѣны органа, а затѣмъ также въ видѣ самостоятельнаго инструмента. ВъАнгліи возникла первая по времени музыкальная литература для этого новаго инструмента: танцы, фантазіи, варіаціи. Въ Германіи къ этой литературѣ прибавились танцовальныя сюиты, т. е. ряды старинныхъ танцевъ съ попеременными четнымъ и нечетнымъ тактами. Однако, въ XVI и XVII столѣтіяхъ самымъ распространеннымъ инструментомъ былъ не фортепіано, а **лютня**, предъ которой преклонялись единодушно какъ музыканты по профессіи, такъ и любители. Только въ XVIII столѣтіи клавикордамъ съ молоткомъ удалось преодолѣть свою соперницу, которая съ тѣхъ поръ была предана забвенію.

Б. Монодическій стиль и возникновеніе оперы.

Однако всѣ упомянутыя нововведенія имѣли ничтожное значеніе въ сравненіи съ разразившимся съ быстротой молніи переворотомъ, который произвело вторженіе **монодическаго стиля** въ область музыки, находившейся подъ исключительнымъ вліяніемъ полифоніи. Однимъ скачкомъ музыка была перенесена сразу въ періодъ барокъ. Изъ гуманистическихъ побужденій задумали соединить вновь въ видѣ **оперы** драматическіе діалоги съ давно уже отдѣлившейся отъ нихъ музыкой. Какъ духовная, такъ и свѣтская драмы предшествовавшихъ вѣковъ не пренебрегали музыкой въ качествѣ вспомогательнаго и декоративнаго средства, но въ гуманистическихъ и образованныхъ кругахъ Флоренціи захотѣли вызвать вновь къ существованію греческую драму съ ея речитативомъ и ея ходами. Джіованни Барди, графъ Вернійскій, и его друзья (camerata) были убѣждены въ томъ, что музыкальная фраза ихъ времени не соотвѣтствуетъ греческому идеалу, что изъ-за многогласности страдаетъ вразумительность текста, что музыкальному выраженію слѣдуетъ придать окраску, соотвѣтствующую драматическому оттѣнку смысла словъ. Первый удавшійся въ большихъ размѣрахъ опытъ переложенія драмы на музыку въ духѣ идей флорентинскихъ реформаторовъ былъ сдѣланъ Іакопо **Пэри** (сконч. въ 1630 г.): въ 1594 г. онъ, къ удовольствію „камераты", составилъ музыку къ пьесѣ „Дафнэ" поэта Оттавіо Ринуччини (1564—1621 г.). Это была первая drama per musica въ stilo recitativo. Съ этихъ поръ въ музыкѣ появляется монодическая фраза рядомъ съ полифонной. Вскорѣ послѣ этого Джуліо Каччини (1550—1618 г.) написалъ цѣлый рядъ мелодическихъ мотивовъ для пѣнія въ монодическомъ стилѣ и пересыпалъ такого рода отрывками свою „Эвридику", которою онъ хотѣлъ вытѣснить драму Пэри подъ тѣмъ же заглавіемъ (написс. въ 1600 г.). Каччини былъ основателемъ итальянскаго „изящнаго пѣнія" — bel canto.

Уже въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія опера утвердилась повсюду въ Италіи. На первыхъ порахъ этотъ родъ искусства, требующій большихъ издержекъ, нашелъ себѣ мѣсто только при дворахъ, но въ

1637 году въ Венеціи возникъ первый оперный театръ съ платой за входъ, доступный для публики. Въ этотъ городъ переселился въ 1613 году Клавдіо Монтеверде (1567—1643 г.), который былъ не только опернымъ, но и выдающимся духовнымъ композиторомъ; Монтеверде усилилъ драматическую выразительность своей композиціи старательной инструментировкой. Его ученикамъ Франческо Каллетти-Бруни, по прозванію Кавалли (1600—1676 г.), и Маркантоніо Чести (1620—1669 г.) уже пришлось сдѣлать дальнѣйшую уступку свѣтскому вкусу своей аудиторіи, именно выкинуть полифонные хоры и сузить речитативъ въ пользу арій. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ получился результатъ, противоположный тому, къ чему стремились флорентинцы; вмѣсто музыкальной драмы получилась состоящая изъ ряда вокальныхъ пьесъ номерная опера, отъ которой въ позднѣйшее время неоднократно пытались повернуть обратно къ основнымъ идеямъ флорентинской музыкальной драмы.

Въ теченіи XVII столѣтія Венеція играла роль центра, откуда распространялись оперы, капельмейстеры и пѣвцы; въ XVIII столѣтіи первенствующая роль перешла къ Неаполю. Въ этомъ городѣ жилъ композиторъ Алессандро Скарлатти (1659—1725 г.), который сыпалъ оперы, какъ изъ рога изобилія, и насыпалъ ихъ больше ста; его плодовитость перешла по наслѣдству также и къ его ученикамъ Леонардо Лео (1694—1755 г.), Никколо Порпора (1686—1766 г.) и Никола Іоммелли (1714—1774 г.). При такой плодовитости композиторовъ не надолго хватило даже и самаго крайняго напряженія ихъ творческихъ талантовъ, и въ оперной музыкѣ мало-по-малу водворилась рутина; новыя оперы въ буквальномъ смыслѣ слѣплялись изъ отрывковъ раньше существовавшихъ произведеній, а изъ любимыхъ номеровъ дѣлали „пастиччіо" („паштеты" изъ арій). Изъ этого печальнаго положенія выручилъ музыку новый родъ оперъ: комическая опера, или opera buffa, чистокровный продуктъ періода рококо. До этого времени тоже иногда вставлялись въ серьезныя оперы веселыя интермедіи; но Никколо Логрошино (1700—1763 г.) и Джіамбаттиста Перголези (1710—1736 г.), композиторъ комической оперы „Serva padrona", послужившей прототипомъ для другихъ произведеній этого рода (состав. въ 1752 г.; Перголези написалъ также пріобрѣвшую большую извѣстность „Stabat mater"), поставили это интермеццо на собственныя ноги; знаменитые неаполитанскіе композиторы Николло Пиччинни (1728—1800 г.), Джіованни Паэзіэлло (1741—1816 г.) и Доменико Чимароза (1749—1801 г.) были наиболѣе талантливыми композиторами комическихъ оперъ и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовали дальнѣйшему развитію серьезной оперы.

Внѣ своей родины итальянская опера завоевала себѣ почетную роль прежде всего въ Германіи. Во всѣ германскія столицы приглашали итальянскихъ пѣвцовъ и итальянскихъ композиторовъ или же композиторовъ итальянской школы, которыхъ изъ подъ палки заставляли писать новыя пьесы, такъ какъ публикѣ хотѣлось каждый разъ послушать что либо новенькое; репертуара въ современномъ смыслѣ этого слова въ XVII и XVIII столѣтіяхъ не существовало. Итальянская опера прежде всего водворилась въ Вѣнѣ (въ 1642 г.) въ царствованіе императора Фердинанда III, который самъ обладалъ музыкальными способностями, равно какъ и всѣ его преемники до Франца II; Фердинандъ и сынъ его Леопольдъ I даже сами занимались понемногу композиціей. Наивысшаго процвѣтанія итальянская опера достигла въ Вѣнѣ во время Карла VI и его любимаго капельмейстера Іоанна Іосифа Фукса (1660—1741 г.). Вслѣдъ за Вѣной итальянской оперой обзавелся Дрезденъ; дрезденская опера тоже обязана наивысшимъ своимъ блескомъ нѣмцу Іоанну Адольфу Гассе (1690—1783 г.), который былъ женатъ на выдающейся пѣвицѣ Фаустинѣ Бордони. Примѣру Вѣны и Дрездена послѣдовали Мюнхенъ, Ганноверъ и Берлинъ. Фридрихъ Вильгельмъ I выгналъ изъ прусской столицы му-

зыкантовъ своего отца, такъ же какъ и его архитекторовъ; только Фридрихъ II вновь предоставилъ итальянской оперѣ гостепріимный пріютъ на берегахъ Шпрэ; побѣдитель при Россбахѣ самъ игралъ на флейтѣ и сочинилъ много музыкальныхъ пьесъ. Въ Берлинѣ итальянская опера тоже достигла своего апогея благодаря трудамъ природнаго нѣмца Карла Генриха Грауна (отъ 1701 до 1750 г.).

Въ концѣ XVII столѣтія нѣмцы уже почти успѣли выработать свою собственную музыкальную драму. Начиная съ 1678 г. въ Гамбургѣ стали перелагаться на музыку нѣмецкими композиторами и исполняться нѣмецкими пѣвцами нѣмецкіе тексты. Наиболѣе выдающимися представителями гамбургской оперы были Рейнгардъ Кейзеръ (1675—1739 г.), Іоганнъ Зигмундъ Куссеръ (1657—1827 г.) и Георгъ Филиппъ Телеманнъ (1681—1767 г.). Въ свои молодые годы Гендель (см. ниже) тоже написалъ кое-что для гамбургской сцены. Изъ Гамбурга нѣмецкія оперы проникли въ разные города Сѣверной и Средней Германіи. Однако, самостоятельный нѣмецкій оперный театръ нигдѣ не могъ утвердиться; даже въ самомъ Гамбургѣ нѣмецкая опера дошла до полнаго упадка въ теченіе третьяго и четвертаго десятилѣтій XVIII столѣтія.

Въ Англіи тоже загорѣлась было въ концѣ XVII столѣтія искра національной оперы, но она быстро погасла. Существованіе ея связано главнымъ образомъ съ кратковременною жизнью Генри Пурселля (отъ 1658 до 1695 г.), котораго англичане считаютъ величайшимъ изъ своихъ національныхъ композиторовъ. Уже одни названія его оперъ, напримѣръ: Король Артуръ", „Королева Фей" (Сонъ въ лѣтнюю ночь) свидѣтельствуютъ о строго національномъ характерѣ его творчества. Итальянцы оказались также и въ Англіи торжествующими наслѣдниками зачахшей на зарѣ своего существованія національной оперы.

Только французамъ удалось въ ту эпоху положить прочное начало самостоятельной національной оперѣ наряду съ итальянской. Почву для нея подготовилъ старинный національный балетъ. Когда итальянцы вошли въ моду въ Парижѣ, то нѣсколько французскихъ композиторовъ приступили къ дѣлу при содѣйствіи поэтовъ, какъ, напримѣръ, Филиппа Кино (1632 — 1688 г.) и др., которые были вполнѣ знакомы со вкусами французской столичной публики. Скрипачу Джіамбаттиста Люлли (1633 — 1687 г.) изъ Флоренціи было суждено стать родоначальникомъ французской музыкальной драмы. Благодаря своему царственному покровителю Людовику XIV онъ пользовался, начиная съ 1672 г., неограниченной властью надъ Académie nationale de musique, которая была основана въ 1671 г. спеціально для споспѣшествованія развитію французской оперы. Музыка Люлли и его преемниковъ Андрэ де Детуша (1672 — 1749 г.) и Ж. Филиппа Рамо (1683 — 1764 г.) находится въ самомъ строгомъ соотвѣтствіи со стилемъ пластическихъ искусствъ эпохи Людовика XIV и дополняетъ собою ложно-классическую драму Корнеля и Расина.

Торжественная серьезность оперы Люлли-Рамо не удовлетворила французскаго духа. Комическій геній зашевелился повсюду въ популярныхъ водевиляхъ (шуточныхъ драматическихъ пьесахъ съ пѣніемъ). Пьеса Жанъ-Жака Руссо (1712 — 1778 г.) „Le devin du village" (деревенскій знахарь), вышедшая въ 1752 г. и тоже принадлежавшая къ категоріи подобнаго рода комическихъ пьесъ съ музыкой, имѣла громадный успѣхъ, который вызвалъ подражателей. Изъ этихъ водевилей съ музыкой возникла opéra comique, которая отличается существеннымъ образомъ отъ opera buffa и составляетъ наилучшій изъ тѣхъ вкладовъ, которые сдѣлали французы въ исторію музыки, такъ какъ онъ былъ самымъ національнымъ изъ нихъ. Къ эпохѣ возникновенія оперетки во Франціи принадлежатъ слѣдующіе композиторы: Эджидіо Романо Дуни (1709 — 1775 г.; съ 1724 года жилъ въ Парижѣ), Фр. Андре Даниканъ, по прозванію Филидоръ (1726—1795 г.;

Даникапъ былъ также извѣстнымъ шахматистомъ), Пьеръ Александръ Монсиньи (1792 — 1817 г.) и Андре Эрнстъ Модестъ Гретри (1741 — 1813 г.).

В. **Ораторія и инструментальная музыка.**

Реформа, которую произвели въ музыкѣ флорентинскіе композиторы Пэри и Каччини, вызвала къ жизни не только оперу, но и ораторію. Въ XVI столѣтіи продолжали еще существовать духовныя представленія предыдущихъ вѣковъ (rappresentazioni); Филиппо Нэри (1515 — 1595 г.; въ 1622 былъ причисленъ къ лику святыхъ) устраивалъ такія представленія, начиная съ 1556 г., въ ораторіи (молельнѣ) своего монастыря въ Римѣ. Въ 1600 году въ Римѣ давалось драматическое представленіе, сочиненное Эмиліо дель Кавальере (род. прибл. въ 1550 г., скончал. въ 1500 году), съ пѣніемъ въ монодическомъ стилѣ флорентинской школы. Въ пьесахъ подобнаго рода мимическая игра вышла изъ употребленія, ораторія отдѣлилась отъ музыкальной драмы. Джіакомо Кариссими (1606—1674 г.) придалъ ей законченную форму; но только на германской почвѣ ораторія достигла такого развитія, что вполнѣ замѣнила собой духовныя мистеріи, которыя къ тому времени мало по малу совершенно вышли изъ употребленія въ протестантскихъ странахъ. Достойный предшественникъ Генделя и Баха Генрихъ Шютцъ (1595—1672 г.) сочинилъ, между прочимъ, ораторіи „Семь словъ на крестѣ“ и „Четыре страсти Господни“ на основаніи четырехъ евангелій. Монологи дѣйствующихъ лицъ составлены въ монодическомъ стилѣ, хоры въ полифонномъ. Драматическія интонаціи оживляютъ церковный стиль этихъ пьесъ, предназначавшихся для капеллъ и залъ дворцовъ германскихъ государей.

Новый стиль произвелъ общій коренной переворотъ въ вокальной и инструментальной музыкѣ XVII столѣтія. Въ особенности вошла въ моду кантата, которая встрѣчается въ двухъ формахъ: духовной (cantata da chiesa) и свѣтской (cantata da camera); она состоитъ изъ пѣнія съ акомпаниментомъ и безъ него. Что касается сонаты, то значеніе этого слова долго колебалось, и наконецъ это названіе было оставлено за такими пьесами, которыя состоятъ изъ нѣсколькихъ связанныхъ между собою по содержанію чисто-инструментальныхъ фразъ. Затѣмъ въ это время вошли въ моду въ качествѣ особаго рода музыкальныхъ композицій концерты изъ инструментовъ соло вмѣстѣ съ оркестромъ. Особенное значеніе пріобрѣла скрипка, благодаря тому, что изготовленіе струнныхъ инструментовъ было перенесено изъ Тироля въ Верхнюю Италію и достигло тамъ такого совершенства, дальше котораго уже нигдѣ не удалось пойти. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ вышли изъ мастерскихъ итальянскихъ мастеровъ Никола Амати (1596—1684), Антоніо Страдивари (1644—1737 г.), Джузеппе Антоніо Гуарнери (1683—1745 г.) и тирольца Якова Штайнера (1621 -1683 г.) самые драгоцѣнные перлы скрипичнаго производства. Съ Маркапджело Корелли (1653 г.—1713 г.) начинается непрерывающійся до настоящаго времени рядъ знаменитыхъ виртуозовъ скрипачей, которые въ то же время сочиняютъ пьесы для своего инструмента.

Пришла пора выступить на сцену для тѣхъ дѣятелей, которымъ надлежало собрать воедино и завершить богатые результаты этой эпохи въ развитіи музыки. Судьба избрала для этой великой задачи двоихъ нѣмцевъ (см. фигуры 1 и 2 на приложенной таблицѣ подъ заголовкомъ „Нѣмецкіе композиторы“). Это были два несравнимыхъ между собою таланта, которые далеко не были оцѣнены по достоинству своими современниками.

Георгъ Фридрихъ Гендель (род. 23 февраля 1685 г. въ Галле, скончал. 14 апрѣля 1759 года въ Лондонѣ) сочинялъ наравнѣ съ большинствомъ другихъ композиторовъ своего времени оперы, ораторіи, вокальныя и инстру-

1

2

3

4

5

6

Исторія человѣчества. VIII

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Нѣмецкіе композиторы XVIII и XIX столѣтій.

Объясненіе къ портретамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

1. Георгъ Фридрихъ **Гендель**, род. 23 февраля 1685 года въ гор. Галле, на рѣкѣ Заале, скончи. 14 апрѣля 1759 года въ Лондонѣ. Рис. съ натуры сепіей Г. А. Вольфгангъ въ Лондонѣ, въ 1737 году; рисунокъ былъ привезенъ въ Германію портретистомъ Іоанномъ Генрихомъ Шредеромъ (1757 г. — 1812 г.), однимъ изъ родственниковъ котораго онъ былъ проданъ въ 1866 году директору почты въ Мейнингенѣ Дрейзигакеру; въ 1866 году этотъ рисунокъ былъ пріобрѣтенъ фирмой Петерсъ.

2. Іоаннъ Себастьянъ **Бахъ**, род. 21 марта 1685 года въ Эйзенахѣ, скончи. 28 іюля 1750 года въ Лейпцигѣ. Портретъ масляными красками писалъ съ натуры Гаусманъ; онъ перешелъ въ 1828 году отъ дочери Баха К. Фил. Эм. къ лейпцигскому флейтисту Карлу Грензеру, а сыномъ послѣдняго былъ уступленъ фирмѣ Петерсъ; кромѣ этого оригинальнаго портрета имѣется всего только еще одинъ, находящійся въ гимназіи св. Ѳомы въ Лейпцигѣ. Фотогравюра изготовлена фирмой Мейзенбахъ, Риффартъ и К°. въ Лейпцигѣ.

3. Іоаннъ Хризостомъ Вольфгангъ Готлибъ (по прозв. Амаде) **Моцартъ**, род. 27 января 1756 года въ Зальцбургѣ, скончи. 5 декабря 1791 г. въ Вѣнѣ. По медальону съ натуры срисовала въ апрѣлѣ 1789 года серебрянымъ карандашемъ на слоновой бумагѣ Дорисъ Штокъ, тетка Т. Кернера; мать Кернера подарила этотъ рисунокъ писателю Фрицу Ферстеру, а этотъ послѣдній своему пріемному сыну, будущему капельмейстеру Карлу Эккерту. Послѣ смерти Эккерта этотъ портретъ достался консулу Ф. Бамбергу въ Генуѣ; въ маѣ 1894 года онъ былъ пріобрѣтенъ съ аукціона музыкальной библіотекой Петерса. Портретъ, гравированный Л. Зихлингомъ, который выдается за работу Тишбейна (срав. соч. Отто Яна: „В. А. Моцартъ", 3 часть, Лейпцигъ, 1858 года), не признается Карломъ Моцартомъ за портретъ его отца и вовсе не писанъ І. Ф. Авг. Тишбейномъ, какъ это доказано Юл. Фогелемъ.

4. Людвигъ ванъ **Бетховенъ**, род. въ декабрѣ (вѣроятно, 16) 1770 года въ Боннѣ, скончи. 26 марта 1827 года въ Вѣнѣ. Въ 1817 году Авг. фонъ Клеберъ (1793 г. — 1868 г.) изготовилъ въ Медлингѣ около Вѣны рис. мѣломъ съ натуры, который считается самымъ сходнымъ изъ всѣхъ портретовъ Бетховена; въ 1886 году этотъ рисунокъ пріобрѣтенъ отъ вдовы художника фирмой Петерсъ; въ 1843 году онъ былъ гравированъ на камнѣ К. Фишеромъ (типографія Л. Цельнера, коммис. Траутвейнъ и К°. въ Берлинѣ.)

5. Вильгельмъ Рихардъ **Вагнеръ**, род. 22 мая 1813 года въ Лейпцигѣ, скончи. 13 февраля 1883 года въ Венеціи. Съ картины Франца фонъ Ленбаха, писанной въ 1874 году и принадлежащей графинѣ Маріи фонъ Волькенштейнъ-Тростбургъ въ Парижѣ; фотогравюра Брукмана.

6. Іоаннъ **Брамсъ**, род. 7 мая 1833 г. въ Гамбургѣ, скончи. 3 апрѣля 1897 г. въ Вѣнѣ. Съ фотографіи, снятой въ 1889 г. придворнымъ фотографомъ К. Брашемъ въ Берлинѣ (ср. соч. Г. Реймана „Знаменитые музыканты", томъ I, Берлинъ, 1897 г.)

Съ копій портретовъ, находящихся въ музыкальной библіотекѣ Петерса въ Лейпцигѣ.

ментальныя пьесы всякаго рода. Первыя его произведенія были посвящены національной нѣмецкой оперѣ въ Гамбургѣ (стр. 507); съ 1712 года онъ жилъ почти непрерывно въ Италіи (съ 1707 г.) и въ Англіи и сочинялъ итальянскія оперы. Путь къ безсмертію Гендель проложилъ себѣ въ Англіи; тутъ онъ составилъ свои ораторіи, изъ которыхъ первой была: „Эсѳирь", написанная въ 1720 году; затѣмъ послѣдовали быстро одна за другой слѣдующія ораторіи: „Дебора" (въ 1733 г.), „Тріумфъ Александра" (въ 1736 г.), „Саулъ" и „Израиль въ Египтѣ" (въ 1739 г.), „Мессія" (въ 1741 г.), „Самсонъ" (въ 1742 г.) и „Гераклъ" (въ 1744 г.), „Іуда Маккавей" (1746 г.), „Іеффай" (въ 1751 г.) и т. д. Въ изданіи Лейпцигскаго Генделевскаго общества его произведенія занимаютъ цѣлыхъ 100 томовъ (изданы между 1856 и 1894 годами).

Іоганнъ Себастьянъ Бахъ (род. 21 марта 1685 г. въ Эйзенахѣ, скончался 28 іюля 1750 года въ Лейпцигѣ) происходилъ изъ даровитой семьи, которая, какъ говорятъ, произвела на свѣтъ 57 музыкантовъ въ теченіе 6-ти поколѣній. Изъ 20 дѣтей Іоганна Себастьяна Баха пережили его шестеро, въ томъ числѣ четверо его сыновей, которые тоже прославились, какъ знаменитые музыканты: Фридеманнъ (1710 — 1784 г.), Филиппъ Эмануилъ (1714—1788 г.), Христофъ (1732—1795 г.) и Христіанъ (1735—1782 г.). Современники не имѣли никакого представленія о всемъ величіи единственнаго въ своемъ родѣ генія Баха, котораго только потомство оцѣнило по заслугамъ. Іоаннъ Себастіанъ Бахъ жилъ въ разныхъ незначительныхъ городахъ своей родной Тюрингіи и пользовался славой уважаемаго знатока инструментальной музыки и капельмейстера; съ 1723 года онъ исполнялъ должность кантора при школѣ Св. Томаса въ Лейпцигѣ. Незадолго до своей смерти онъ ослѣпъ, какъ и Гендель, и скончался тутъ же въ Лейпцигѣ. Потомство признало его безспорно самымъ первымъ композиторомъ для органа. Во всей столь богатой литературѣ для фортепіано не имѣется ничего такого, что могло бы сравниться по своему достоинству съ соч. Баха „Wohltemperirtes Klavier" (Изд. въ Цюрихѣ 1800 г.) съ его 48 прелюдіями и фугами. Какъ композиторъ для скрипки онъ тоже проложилъ новые пути для искусства. Съ наибольшей силой проявляется его геній въ тѣхъ его произведеніяхъ, въ которыхъ онъ соединяетъ вокальную музыку съ инструментальной: въ его кантатахъ, въ его ораторіяхъ на праздникъ Рождества Христова и Пасхи, въ ораторіи „страсти апостола Матѳея", къ которымъ ораторія „страсти св. Іоанна" служитъ какъ бы подготовительной работой, въ мессѣ H-moll, которую слѣдуетъ признать вѣнцомъ всѣхъ музыкальныхъ пьесъ строгаго стиля и которую онъ предназначалъ первоначально для своего государя-католика Фридриха Августа II. Баху ни разу не удалось услышать величайшія изъ своихъ сочиненій въ такомъ исполненіи, какого они требовали по своему характеру и по своимъ трудностямъ. Это весьма характерная черта въ жизни этого страдальца, которому суждено было стать предметомъ всеобщаго преклоненія и произведенія котораго возвѣщаютъ избавленіе отъ всѣхъ земныхъ печалей всякому, кто способенъ хотя бы на минуту, благодаря созвучію нотъ и голосовъ, проникнуться ихъ сокровеннымъ смысломъ.

7. Изящная литература въ эпоху Возрожденія и въ періоды барокъ и классицизма.

Когда заговариваютъ о какой-нибудь изъ новыхъ литературъ и къ первымъ ея періодамъ причисляютъ произведенія эпохи Возрожденія и періода барокъ, то этого не слѣдуетъ понимать въ такомъ смыслѣ, будто съ этого времени свѣтъ опять началъ свое существованіе сначала,

и будто произошелъ новый актъ мірозданія. Напротивъ того, въ эти эпохи общество питало сильный интересъ къ своему историческому прошлому и было богато глубокими знатоками произведеній этого прошлаго. Съ горячимъ рвеніемъ приступило оно къ использованію того неизмѣримаго наслѣдія, которое досталось этой эпохѣ отъ предыдущихъ вѣковъ. Наслѣдіе это по своему составу очень разнородно. Ветхій Завѣтъ есть произведеніе древняго Востока и составляетъ совершенно особую несходную по духу со всѣми остальными часть этого наслѣдія; но благодаря реформаціи это разнородное по своему составу національно-іудейское сборное литературное произведеніе пріобрѣло особенную важность. Гораздо болѣе существенное значеніе имѣли тѣ сокровища, которыя послѣдующіе вѣка унаслѣдовали отъ древняго классическаго міра Но ни евреи, ни греки и римляне не могли устранить того факта, что люди эпохи Возрожденія происходили отъ той же самой семьи народовъ, которая создала остальную третью часть наслѣдія, доставшагося этой эпохѣ, именно культуру и письменность „среднихъ вѣковъ“. Въ эпоху Возрожденія не прерывается нить руководящихъ идей предшествовавшихъ вѣковъ; напротивъ того, эта эпоха продолжаетъ работать надъ плодотворной ихъ разработкой. Великіе поэты эпохи Возрожденія—это романтики съ классическимъ образованіемъ такъ же, какъ Шлегель и Тикъ, съ той только разницей, что поэты XVI столѣтія въ среднемъ обладали большимъ талантомъ, чѣмъ главы романтической школы начала XIX столѣтія.

Среди европейскихъ литературъ XVI и частью XVII столѣтія (Гуарини и Марино) руководящая роль принадлежитъ итальянской, которой было положено блестящее начало еще въ XIV столѣтіи такими могучими талантами, какъ Данте и Петрарка. За итальянской слѣдуетъ по времени испанская литратура, которая далеко опередила свою предшественницу. Начиная съ середины XVII столѣтія во главѣ европейской печати становится французская литература, которой удается подчинить своему вліянію всѣ остальныя литературы въ такой мѣрѣ, на какую итальянская никогда не была способна. Противъ французскаго вліянія не устояли также и литературы германскихъ народовъ, изъ которыхъ англійская достигла наивысшей степени своего процвѣтанія уже въ XVI столѣтіи, нѣмецкая же, напротивъ того, все еще отставала отъ другихъ, и только въ XVIII столѣтіи она возвѣстила всему міру о возвращеніи къ жизни забитаго судьбою народа.

A. Итальянская литература.

Эпосъ — есть тотъ родъ поэзіи, въ которомъ поэты итальянскаго ренесанса достигли наибольшихъ успѣховъ. Эпосъ былъ также высшей степенью совершенства, которой достигла поэзія рыцарской эпохи, и притомъ въ такое время, когда итальянской литературы еще не существовало; но въ концѣ XIII столѣтія блестящій періодъ рыцарской поэзіи миновалъ уже повсюду. Знатное сословіе уже сыграло свою роль въ литературѣ, наступила плебейская эпоха: въ область искусства стали вторгаться ремесленники и пролетаріи; вкусы огрубѣли, поэзія тоже. Въ историческія эпохи, отличающіяся приподнятымъ настроеніемъ, тонкое чутье красоты формъ составляетъ отличительный признакъ облагороженнаго вкуса, а эпохамъ разложенія свойственна погоня за содержаніемъ. Въ XIV и XV столѣтіяхъ распространилась по всей Европѣ повѣствовательная литература, которая почти повсюду отказалась отъ стихотворной формы и была написана простой, рѣдко художественной прозой. Цѣлый потокъ романовъ, повѣстей, басенъ, анекдотовъ и легендъ, собранныхъ изъ всѣхъ широтъ земного шара и всѣхъ вѣковъ исторіи, наводнилъ всѣ европейскія страны одну за другой и составилъ международный литературный фондъ,

въ которомъ уже нельзя больше отличить происхожденія и отличительныхъ особенностей каждаго литературнаго произведенія въ отдѣльности; однако литература этого времени не ограничивалась повтореніемъ стараго и дошедшаго по преданію, она создавала также новыя произведенія въ современномъ вкусѣ. Такимъ оригинальнымъ продуктомъ былъ, напримѣръ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ рыцарскихъ романовъ, который не выходилъ изъ моды въ теченіе трехъ столѣтій слишкомъ, — „Амадисъ изъ Гаула“ (Уэльса) съ его безконечными продолженіями.

Изъ этого океана старыхъ и новыхъ, давно извѣстныхъ и по произволу придумываемыхъ матерій черпали также и итальянскіе поэты, которые возродили романтическую героическую поэму. Еще раньше ихъ уличные рифмоплеты, импровизаторы и разсказчики (raccontatori) познакомили народную массу съ легендами о Карлѣ Великомъ и его паладинахъ, о королѣ Артурѣ и его кругломъ столѣ и. т. д. Простонародный тонъ уличныхъ пѣвцовъ звучитъ еще въ первой романтической литературной поэмѣ, которой Луиджи Пульчи (1432 г.—1494 г.) услаждалъ слухъ избраннаго флорентинскаго общества своего времени; эта поэма, подъ названіемъ „Morgante“ (Моргантъ—это великанъ, сопровождавшій Роланда), состояла изъ веселаго ряда безумныхъ приключеній и изобиловала сатирическими и шутливыми остроумными пассажами. Въ болѣе серьезномъ тонѣ изложилъ для удовольствія феррарскаго двора приключенія влюбленнаго Роланда (Orlando innamorato) Маттео М. Боярдо, графъ Скандіано (1434 г.—1494 г), который былъ государственнымъ человѣкомъ и патріотомъ: „этотъ поэтъ“, говоритъ Ранке, „вполнѣ вѣритъ въ то, что онъ воспѣваетъ и всей душой переживаетъ приключенія своего героя“. Боярдо принадлежалъ къ такой эпохѣ, когда литературный итальянскій языкъ еще не получилъ законченной формы; поэтому спустя 100 лѣтъ послѣ его смерти его героическая поэма была переработана поэтомъ Франческо Берни (1498—1535 г.), и благодаря этой передѣлкѣ она лишилась своихъ оригинальныхъ достоинствъ.

Судьба избавила отъ такой бѣды поэму Лодовико Аріосто (1474—1533 года) „Бѣшеный Роландъ“ (Orlando furioso), такъ какъ самъ авторъ успѣлъ переработать въ 1521 году и вновь издать въ исправленномъ видѣ въ 1532 г. свою поэму, написанную между 1505 и 1516 годами. Это произведеніе Аріосто соотвѣтствуетъ апогею итальянской литературы эпохи Возрожденія. Уже при жизни Аріосто тенденціозность и заднія мысли стали вкрадываться въ итальянскую поэзію, которая до этого времени отличалась такой привлекательной наивностью. Сначала явились пародіи, правда, отличавшіяся юморомъ и остроуміемъ; такія пародіи писали уже упомянутый нами Берни, отъ котораго ведетъ свое начало ѣдкая, но отличающаяся изяществомъ своего стиха Poësia Bernesca, Теофило Фоленго (1492—1543 гг.), авторъ юмористической поэмы „Orlandino“ (Маленькій Роландъ) и сочинитель „Opus macaronicum“ (макароническими назывались сочиненія, писанныя вперемежку на латинскомъ и народномъ итальянскомъ языкахъ, при чемъ итальянскимъ словамъ часто придавались латинскія окончанія), Никколо Фортегуэрри (1674—1735 гг.), который тоже пародировалъ рыцарскія поэмы въ своемъ „Ricciardetto“ и др. Одновременно съ юмористами взялись за перо скучные моралисты и ученые рутинеры. Поэты, прошедшіе гуманистическую школу, во вредъ для себя стали слишкомъ углубляться въ изученіе древнеримскихъ образцовъ (Виргилія, Лукана и Стація, также Сенеки). Обладавшій по тому времени глубокимъ образованіемъ Джіанджіорджіо Триссино (1478—1550 г.) хотѣлъ вытѣснить романтическій эпосъ и замѣнить его своей національно-исторической героической поэмой „Италія, освобожденная отъ Готовъ“ (написана между 1526 и 1547 гг.), но это произведеніе не произвело замѣтнаго впечатлѣнія на публику, хотя итальянцамъ очень лестно было считать себя спасителями

культуры отъ готско-германскаго варварства. Другіе писатели, какъ, напримѣръ, Бернардо Тассо (1493—1564 г.; отецъ Торквато Тассо) и Луиджи Аламанни (1495—1556 года), старались придать рыцарскимъ поэмамъ якобы болѣе высокое воспитательное значеніе посредствомъ различныхъ стилистическихъ пріемовъ, угрюмой серьезности и глубокомысленныхъ нравоученій.

Между тѣмъ духъ и настроеніе итальянской націи повернули въ другую сторону. Церковь принялась за великое дѣло самоочищенія, въ сердцахъ зашевелилось сильное религіозное движеніе. Этотъ переворотъ въ народной психологіи вызвалъ къ жизни новую эпоху въ пластическихъ искусствахъ—барóкъ; то же самое произошло и съ изящной литературой. Опять выступаетъ на сцену поэтъ съ первостепеннымъ талантомъ, Торквато Тассо (1544—1595 года), владѣющій всѣми художественными пріемами поэзіи эпохи Возрожденія; но онъ не стоитъ внѣ вѣры и внѣ добра и зла, какъ большинство его предшественниковъ; наоборотъ, его одушевляетъ такое горячее увлеченіе религіозными идеями, что онъ становится въ противорѣчіе съ самитъ собой и впадаетъ отчасти въ безуміе. Его поэма „Освобожденный Іерусалимъ“ (Gerusalemme liberata, перемѣшанная съ всевозможными легендами исторія перваго крестоваго похода), написанная на самый благодарный сюжетъ, который эпическій поэтъ когда-либо заимствовалъ изъ исторіи, стала самымъ популярнымъ поэтическимъ произведеніемъ изъ всей итальянской литературы.

Не меньше, чѣмъ „Освобожденнымъ Іерусалимомъ“, увлекались современники Тассо и другимъ его произведеніемъ, пастушеской поэмой „Аминта“ (въ 1573 г.). Въ эпоху Возрожденія возникъ путемъ подражанія древнеклассической пастушеской поэзіи, въ особенности эклогамъ Виргилія, особый родъ стихотворныхъ произведеній, который мало-по-малу вошелъ въ моду во всей Европѣ. Въ Италіи основателемъ пастушеской поэзіи былъ славившійся среди своихъ современниковъ поволатинскій писатель Іакопо Санназаро (1458—1530 г.) который написалъ вперемежку, въ стихахъ и въ прозѣ, романъ „Аркадія“. Однако, Баттиста Гуарини (1538—1612 г.) затмилъ пастушескія произведенія Санназаро и Тассо своимъ „Pastor fido“ („Вѣрный пастушокъ“), хотя именно благодаря изысканно-изящной манерѣ изложенія Гуарини особенно рѣзко выступили наружу вся неестественность и дѣланность этого рода произведеній. Вообще говоря, Тассо и Гуарини составляютъ уже переходъ къ періоду барóкъ со всѣми его недостатками: излишествомъ стилистическихъ прикрасъ, напыщенной манерой выраженія и сантиментальничаньемъ. Гроссмейстеромъ этой школы, котораго Европа считала въ теченіе двухъ поколѣній самымъ великимъ изъ своихъ поэтовъ, былъ Джіанбаттиста Марино (Марини: 1529—1625 г.), авторъ „Адониса“. Насколько маринизмъ былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того преувеличеннаго преклоненія предъ внѣшней формой, которымъ отличалась эпоха Возрожденія, видно изъ того, что совершенно независимо отъ Италіи испанцы тоже дошли до своего „гонгоризма“, или estilo culto (изысканный стиль; въ 1600 г.), англичане до „эйфуизма“ Джона Лили, французы до своего stile précieux (стр. 518); еще во второй половинѣ XVII столѣтія Касперъ фонъ Логенштейнъ и Гофманнъ фонъ Гофманнсвальдау преклонялись предъ этой напыщенной манерой. Впрочемъ Марино былъ послѣднимъ изъ болѣе или менѣе значительныхъ итальянскихъ писателей, предшествовавшихъ эпохѣ быстраго упадка итальянской литературы и ея подчиненію французскому классицизму.

Героическія и пастушескія поэмы не были единственными родами поэтическихъ произведеній, которыя выросли въ садахъ Гесперіи. Вмѣстѣ съ эпосомъ процвѣтала и лирика, и можно было бы назвать много лирическихъ писателей, которые пользовались въ это время большою извѣстностью, какъ,

напримѣръ, Пietро Бембо (1470—1547 г.), Витторію Колонну (1492—1545 г.), Микель Анджело (стр. 491); отъ Рафаэля и Монардо тоже остались стихотворенія), Габріэло Кіабререса (1552—1638 г.), Фульвіо Тести (1593—1646 г.) и т. д. Съ темными сторонами этой эпохи, покрытой внѣшнимъ блескомъ, знакомитъ насъ сатира; упомянемъ только мимоходомъ Пьетро Оретино (1492—1556 г.), который пріобрѣлъ дурную славу благодаря тому, что пользовался своимъ сатирическимъ талантомъ для вымогательства, но отличался такой ѣдкостью и смѣлостью, что былъ прозванъ „бичемъ государей“; о Никколо Франко, котораго Пій V велѣлъ повѣсить за его нападки на папу, о благородномъ „королѣ живописцевъ“ Сальваторѣ Роза (стр. 494) и объ Александрѣ Тассони (1565—1635 г.), перу котораго принадлежитъ комическая героическая поэма: „Похищеніе ведра“ (Secchia rapita, 1622). За Италіей осталось также ея давнишнее первенство въ повѣствовательной литературѣ; какъ талантливые разсказчики славились, между прочимъ, Маттео Банделло (1485—1561 г.), Оретино, Антоніо Франческо Граццини (1503—1584 г.), Джіамбаттиста Джиральди (1504—1573 г.), Джіанфранческо Страпарола, авторъ „Веселыхъ ночей“ (Piacevoli notti; 1550—53 г.).

Такъ какъ развитіе драматическаго искусства въ XVII столѣтіи не шло въ Италіи параллельно съ развитіемъ литературы, то литературная драма (въ противоположность музыкальной) отстала въ своемъ развитіи. Правда, въ разныхъ мѣстностяхъ Апеннинскаго полуострова раньше давались простонародныя мистеріи (rappresentazioni), но онѣ были отодвинуты на задній планъ въ эпоху Возрожденія, когда вошли въ моду процессіи и представленія, въ которыхъ народъ оставался только зрителемъ, но не принималъ участія. Само собою разумѣется, что ученая драма этой эпохи стояла внѣ всякой связи съ простонародными духовными представленіями предыдущихъ вѣковъ. Такъ какъ въ нихъ не было никакого народнаго и вообще живого національнаго элемента, то классическія трагедіи этого времени годились только для чтенія; даже ученая комедія (commedia erudita) представлялась на сценѣ только придворными и академиками для собственнаго ихъ развлеченія, что отражалось вредно на общемъ національномъ развитіи, такъ какъ въ числѣ этихъ ученыхъ комедій есть настоящіе шедевры, хотя онѣ и отличаются излишнимъ шаржемъ. Изъ комическихъ писателей выдаются Аріостъ („Negromante“, „Чародѣй“; въ 1520 г.), Макіавель („Мандрагора“, въ 1519—20 г.), Бернардо Довици, по прозвищу Биббіена („Каландрія“, въ 1513 г.), Аретино („Маршалъ“, „Ханжа“, въ 1533 г. и 1542 г.), Джіордано Бруно („Канделябръ“, въ 1582 г.) и т. д.

Несмотря на слабое развитіе литературной драмы Италія даже въ XVI столѣтіи обладала театромъ, въ которомъ давались представленія, которыми увлекались всѣ слои населенія. Comedia dell'arte (комическое представленіе съ опредѣленной программой) или C. a soggetto, импровизированное шуточное представленіе съ ея всегдашними фигурами Панталоне, Арлекино и Бригеллой, Тарталіей, Полишинелемъ и Коломбиной, давалась также странствующими актерами и распространилась изъ Италіи по всей Сѣверной Европѣ.

Б. Испанская литература. Романъ и драма.

Тѣ роды литературныхъ произведеній, которыя отстали отъ своего вѣка въ Италіи, достигли полнаго расцвѣта въ Испаніи; напротивъ того, тѣ роды, которые подвинулись впередъ на Апеннинскомъ полуостровѣ развивались плохо по ту сторону Пиренеевъ. Къ этому послѣднему разряду принадлежитъ, напримѣръ, стихотворный эпосъ. Между испанскими эпиками нѣтъ ни Аріосто, ни Тассо. Только одна испанская героическая поэма

не была предана забвенію; это—„Араукана“, авторомъ которой былъ Алонзо де Эрсилья и Цуньига (1533—1595 г.); онъ изображаетъ въ своей поэмѣ борьбу испанцевъ съ южно-американскимъ первобытнымъ племенемъ араукаицевъ, въ которой онъ самъ принималъ участіе. Лирика такъ же, какъ и эпосъ, находилась подъ итальянскимъ вліяніемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, метрическія формы испанскихъ лирическихъ произведеній (стансы, сонеты, канцоны). Хуана Боскана Альмогавера (1495—1542 г.) испанцы почитаютъ какъ перваго по времени изъ своихъ классическихъ писателей, а Гарсилясо де ла Вега (1503—1536 г.) они считаютъ величайшимъ изъ испанскихъ лириковъ. За ними слѣдуютъ Діего Гуртадо де Мендоза (стр. 471), Фрай Луисъ Понсе де Леонъ (1527—1591 г.), Гернандо де Геррера (род. приблиз. въ 1534 г., сконч. въ 1597 г.) и Луисъ де Гонгора и Арготе (1561—1627 г.), родоначальникъ „estilo culto“ (стр. 512). Эти лирики по большей части писали также и пастушескія поэмы въ итальянскомъ вкусѣ. Благодаря своей „Діанѣ“ (незаконченный пастушескій романъ съ вплетенными въ него стихотвореніями и мелкими разсказами, вышедш. въ свѣтъ въ 1558 г.). Хорге де Монтемайоръ (1520—1561 г.) сталъ европейской знаменитостью на подобіе Санназаро и Гуарини; такой же успѣхъ имѣла „Влюбленная Діана“ (D. enamorada, 1564 г.) Гаспара Жиля Поло (1530/40—1591 г.).

а) Романъ.

Мендоза создалъ новый типъ романа, пріобрѣвшій значеніе въ исторіи всемірной литературы,—плутовской романъ (picaresco, отъ слова picaro—плутъ, мошенникъ). Кругозоръ испанскихъ романистовъ, какъ и испанскихъ драматическихъ писателей, не простирается за предѣлы ихъ отечества, но именно благодаря этому обстоятельству ихъ произведенія сохраняютъ на всегда неизгладимую прелесть національной самобытности и оргинальныхъ чертъ своей эпохи и своей родины. Страсть къ плутовскимъ продѣлкамъ, которой тѣшился остроумный бродяга (представитель обездоленной массы), составляетъ рѣзкую противоположность со строгими понятіями о чести и собственномъ достоинствѣ, которыя тѣготѣютъ надъ высшими классами общества. За Мендозой съ его „Лазарильо изъ Тормеса“ (въ 1553 г.) послѣдовали романъ „Гузманъ изъ Альфарачэ“ (въ 1599 г.) Матео Алемана (род. приблиз. въ 1550 г., сконч. въ 1610 г.), „Плутовка Хустина“ Франсеско де Убеди, „Сновидѣнія“ (между 1601 и 1605 г.г.) и „Buscon llamado don Pablo“ („Архиплутъ донъ Павелъ“, въ 1627 г.), Франсиско де Кваведо и Виллегаръ (1580—1645 г.), „Хромой чортъ“ (въ 1641 г.) Луиса Велеца де Гевара и Дуэньясъ (1570—1646 г.).

Перломъ среди всѣхъ произведеній испанскихъ романистовъ, можно даже сказать, лучшимъ романомъ во всей всемірной литературѣ считается „Донъ Кихотъ“ (1605—1616 г.) Мигуэля де Сервантеса Сааведре (1547—1616 г.). Что авторъ этого романа вовсе не думалъ окончательно вытѣснить изъ моды рыцарскихъ романовъ посредствомъ своей сатиры, это доказываетъ его послѣднее произведеніе „Персилесъ и Сигизмунда“, которое написано вполнѣ въ стилѣ все еще бывшихъ тогда въ ходу рыцарскихъ романовъ. Благодаря своимъ „Поучительнымъ повѣстямъ“ (Novelas ejemplares, около 1600 г.) Сервантесъ завоевалъ себѣ даже первое мѣсто между нувелистами своего отечества; напротивъ того, драмы этого автора не имѣли успѣха.

б) Періодъ процвѣтанія испанской драмы.

Когда Сервантесъ пробовалъ состязаться съ искусными драматургами своего времени, испанская драма давно уже вышла изъ пеленокъ. На-

родная жизнь Пиренейскаго полуострова не была выбита изъ своей колеи ренессансомъ и реформаціей,—поэтому и народныя драматическія представленія духовнаго содержанія, т. е. мистеріи, въ Испаніи тоже не потерпѣли никакого ущерба отъ вліянія школьной и книжной драмы, подражавшей античнымъ образцамъ. Испанскіе писатели и драматурги лучшей эпохи изучали самобытные народные Autos (Actus,—дѣйствія); испанцы дѣлили свои духовныя представленія на autos sacramentales, или пасхальныя представленія, и autos al nacimiento, или рождественскія представленія. Литературная драма воспользовалась также техническимъ аппаратомъ свѣтскихъ представленій, такъ какъ въ Испаніи еще раньше средины XVI столѣтія наряду съ представленіями духовнаго содержанія существовали и свѣтскія, которыя давались странствующими труппами и такъ сильно занимали публику, что въ самыхъ большихъ городахъ были устроены постоянныя сцены (въ Мадридѣ съ 1579 г.). Публика, собиравшаяся на эти представленія, состояла въ Испаніи, какъ и въ Англіи той же эпохи, изъ людей всевозможныхъ общественныхъ классовъ, но актеры приспособлялись преимущественно ко вкусамъ преобладавшей въ публикѣ необразованной массы. Только въ XVII столѣтіи, въ царствованіе Филиппа III, и особенно Филиппа IV, который самъ писалъ пьесы для сцены, испанская драма пріобрѣла благовоспитанный придворный характеръ. Публика ненасытно требовала новинокъ, и поэтому въ драматическія представленія перерабатывались всевозможные сюжеты изъ Библіи, легендъ, народныхъ преданій, всемірной исторіи или же изъ романовъ и повѣстей.

Толпа требовала какъ можно больше громкихъ, эффектныхъ и разнообразныхъ сценъ. Испанскія литературныя драмы появились на сценѣ не въ такомъ неотесанномъ видѣ, какъ нѣмецкія драмы Ганса Сакса; напротивъ того, онѣ были составлены на такомъ языкѣ, который и самъ по себѣ отличается сильнымъ благозвучіемъ, и внѣшняя литературная форма этихъ пьесъ достигла такого изящества, какъ ни у какого другого культурнаго народа какой бы то ни было исторической эпохи. Испанская драма отличалась только однимъ недостаткомъ, свойственнымъ вообще періоду барóкъ,—она впадала иногда въ изысканность и напыщенность. Въ полномъ соотвѣтствіи съ красотой внѣшней формы испанской драмы стояло ея содержаніе, блиставшее разнообразіемъ и тонкостью чувствъ и душевныхъ побужденій, которыя были результатомъ тысячелѣтняго культурнаго развитія испанскаго народа. Ни у какого европейскаго народа не укоренились такъ глубоко христіанскія и рыцарскія идеи, какъ у испанскаго, которому пришлось въ теченіе 700 лѣтъ бороться за свое существованіе подъ знаменемъ креста съ чуждымъ по крови и иновѣрнымъ народомъ и который велъ вѣчную войну противъ невѣрующихъ и еретиковъ по обѣимъ сторонамъ Атлантическаго океана (т. IV.). Къ восторженному настроенію величайшей эпохи его національной исторіи въ XVII вѣкѣ уже примѣшивается у испанскаго народа горькое предчувствіе приближающагося упадка.

Изъ испанскихъ поэтовъ Хуанъ дель Энсина (1469 г.—1534 г.) былъ первымъ, „пастушескія представленія“ котораго (Eglogas) ясно отличались отъ простонародныхъ мистерій. Исключительно для свѣтской сцены предназначаются фарсы (Farças) его младшаго современника Жиля Висенте (род. приблиз. въ 1475 г., сконч. въ 1540 г.). Истиннымъ родоначальникомъ испанской драмы считается Лопэ де Руэда (сконч. около 1567 г.), который, начиная съ 1544 года, разъѣзжалъ по всей Испаніи съ труппой странствующихъ актеровъ. Хуанъ де ле Куэва (1550 г.—1606 г.) придалъ содержанію и стихотворной формѣ своихъ пьесъ тѣ оригинальныя черты, которыя стали отличительной особенностью испанской драмы вообще. Вскорѣ вспорхнулъ цѣлый рой испанскихъ драматурговъ, дѣятельность которыхъ простирается отъ послѣднихъ десятилѣтій XVI столѣтія вплоть

до конца XVII столѣтія. Двое изъ этихъ писателей принадлежатъ къ величайшимъ міровымъ геніямъ; но и второстепенные испанскіе драматурги того времени сдѣлали бы честь любой литературѣ. Прочно выработанный національный стиль и прочно сложившееся широкое національное міровоззрѣніе создали почву для безпримѣрной плодовитости испанскихъ поэтовъ драматурговъ.

Ни одинъ художникъ во всемірной литературѣ далеко не можетъ сравниться по своей плодовитости съ Лопэ Феликсомъ де Вега Карпіо (1562 г.—1635 г.); ни одинъ смертный не можетъ похвастаться, что читалъ всѣ сочиненія Лопэ; при томъ же многія изъ нихъ остались ненапечатанными. Кромѣ полуторы тысячъ театральныхъ пьесъ, Лопэ написалъ лирическія и повѣствовательныя произведенія, которыя занимаютъ 21 томъ in quarto въ изданіи Серда и Рикосъ. Завязка его пьесъ необычайно остроумна, развязка гораздо слабѣе; онъ былъ виртуозомъ по части діалога и изящества внѣшней формы, хотя иногда у него проглядываетъ „гонгоризмъ"—(напыщенность, стр. 515); въ своихъ серьезныхъ пьесахъ онъ съ несравненнымъ талантомъ обрисовывалъ характеры дѣйствующихъ лицъ, и, если принять во вниманіе, что нѣкоторыя изъ своихъ пьесъ Лопэ написалъ, повидимому, въ однѣ сутки, то слѣдуетъ признать, что онъ былъ однимъ изъ геніальнѣйшихъ писателей всѣхъ вѣковъ.

Изъ современниковъ и преемниковъ Лопэ выдаются Габріэль Теллесъ, по прозвищу Тирсо де Молина (1572 г.—1648 г.), которому приписываютъ „Севильскаго соблазнителя" (Burlador de Sevilla), первую драматическую передѣлку легенды о Донъ-Жуанѣ, мексиканецъ Хуанъ Руизъ де Аларконъ и Мендоза (1580 г.—1639 г.), изъ пьесъ котораго славятся больше всего „Ткачъ изъ Сеговіи" (El tejedor de S.) и „Подозрительная истина" (La verdad sospechosa), Франсиско де Рохасъ (род. въ 1607 г.), котораго пьесу „Гарсіа дель Кастаньяръ" или „Никто, кромѣ моего короля" (Del rey abajo ninguno) можно поставить въ одинъ рядъ съ лучшими пьесами Кальдерона, Агустинъ Морето и Кабанья (род. приблиз. въ 1618 г.; сконч. въ 1668 г.), авторъ комедіи „Упрямство противъ упрямства" (El desden con el desden), которая часто давалась на нѣмецкихъ сценахъ подъ названіемъ „Донна Діана", въ переводѣ И. Шрейфогеля (Вѣна 1819 г.).

Надъ всѣми упомянутыми писателями и вообще надъ всѣми своими соотечественниками выдается Педро Кальдеронъ де ла Барка Генао и Ріано, (1600 г.—1681 г.), величайшій изъ поэтовъ романскаго племени и католическаго вѣроисповѣданія, котораго можно назвать католическимъ поэтомъ по преимуществу. Многія изъ его пьесъ переведены на нѣмецкій языкъ, и его имя часто красуется на афишахъ нѣмецкихъ театровъ. Въ числѣ его произведеній насчитывается отъ 108 до 123 Commedias, до 73 Autos, до 100 Entremeses, или Sainetes (интермедій), до 200 Goas (прелюдій). Наибольшей славой пользуются слѣдующія пьесы Кальдерона: „Жизнь—сонъ" (La vida es sueno), „Благоговѣніе предъ крестомъ" (La devocion de la cruz), „Непреклонный принцъ" (El principe constante), „Магъ-чудодѣй" (El magico prodigioso), „Врачъ своей чести" (El medico de su honra), „Судья изъ Цаламеи" (El alcalde de Z.), „Дочь воздуха" (Hija del aire), „Дама-привидѣніе" (La dama duende) и т. д. Трагедіи Кальдерона отличаются пессимистическимъ настроеніемъ, но, какъ вѣрующій католикъ, онъ не ограничивается сознаніемъ ничтожества земной жизни; напротивъ того, ни одинъ поэтъ не пытался изобразить съ такой наглядностью, какъ онъ, въ символическихъ картинахъ, отличающихся неподражаемой художественностью, тайны спасенія міра; поэтому Кальдерона можно назвать съ полнымъ основаніемъ самымъ христіанскимъ, самымъ религіознымъ, самымъ метафизическимъ изъ поэтовъ всѣхъ эпохъ. Когда Кальдеронъ лоежалъ на смертномъ одрѣ, то французскій классицизмъ уже достигъ полнаго расцвѣта и вскорѣ покрылъ своей тѣнью весь цивилизованный міръ, не исключая и Пиренейскаго полуострова.

B. Французская литература.

Когда во Францію были пересажены изъ Италіи въ царствованіе Франциска I ренессансъ и гуманизмъ, то французская національная литература подвинулась отъ этого такъ же мало, какъ и всѣ другія европейскія литературы, кромѣ итальянской. Чуждое направленіе не въ состояніи было подчинить себѣ галльскаго духа; этотъ духъ прорвался еще разъ съ бѣшеной силой въ „Гаргантуа“ Франсуа Рабле (1483 г.—1553 г.). Но когда тонкій и остроумный итальянскій гуманизмъ выродился на французской почвѣ въ педантическую ученую филологію, то вмѣсто слабо укоренившейся поэзіи ренессанса выросъ стремящійся къ точной копировкѣ принятыхъ образцовъ и неотступающій отъ усвоеннаго шаблона педантическій классицизмъ. Вокругъ Пьера де Ронсара (1524 г.—1885 г.) сгруппировалось множество поэтовъ; они были очень небогаты талантами, но по странному противорѣчію эта компанія присвоила себѣ гордое названіе „Плеядъ“. Правда, національный духъ ожилъ было опять, и подъ вліяніемъ богатыхъ литературъ Италіи и Испаніи въ началѣ XVII столѣтія распространилось романтическое, или романическое направленіе, которымъ увлекались читатели въ теченіе 50 лѣтъ слишкомъ. Романъ въ прозѣ сталъ преобладающей духовной пищей для душъ, жаждущихъ поэзіи; „маринизмъ“ далъ готовый образецъ для „галантнаго“ стиля модныхъ произведеній. Въ Hôtel de Rambouillet, въ которомъ трое женщинъ, принадлежащихъ къ одной и той же семьѣ (бабка, мать и дочь), въ теченіе трехъ поколѣній оказывали гостепріимство своимъ поэтическимъ единомышленникамъ изъ парижанъ, возникъ первый парижскій литературный салонъ (отъ 1617 до 1645 года). Наиболѣе популярнымъ поэтическимъ произведеніемъ этого періода былъ галантный пастушескій романъ „Астрея“ съ его вошедшимъ въ поговорку Селадономъ; авторомъ этого романа былъ Онорэ д'Урсэ (1568 г.—1625 г.). Въ моду вошли также галантно-героическіе романы, продукты скрещиванія преданій рыцарскаго романа съ сентиментальностью пастушеской поэзіи. Родоначальникомъ этого рода литературныхъ произведеній былъ Маренъ Ле Руа Сіеръ де Гонбервилль (1599 г.—1674 г.); его примѣру послѣдовали Готье де Костъ де Ла Кальпренедъ (род. около 1610 г., сконч. въ 1663 г.), Жоржъ де Скюдери (1607 г.—1701 года) и его сестра Маделена (1601 г.—667 г.); а послѣ того, какъ въ 1567 году былъ опубликованъ ключъ къ роману Маделены Скюдери и публика узнала, что подъ именемъ Великаго Кира скрывается великій Конде и что въ романѣ изображены въ замаскированномъ видѣ тогдашнія французскія знаменитости, то увлеченію и восторгамъ публики не было границъ. Подобнаго рода „романы съ ключемъ“ были послѣднимъ козыремъ романической школы; классическое направленіе раздавило эту школу своимъ авторитетомъ. Буало (въ 1665 г.) и Мольеръ растерзали ее безжалостно на клочки, и она зачахла, не доживши даже до конца XVII столѣтія.

Въ то же время классическая школа нашла себѣ въ лицѣ Франсуа де Малерба (1555 г.—1628 г.) законодателя, который выработалъ для нея опредѣленный стиль и стихотворную форму; первенствующую роль Малербъ отдалъ александрійскому стиху, и этотъ размѣръ сталъ называться стихотворнымъ размѣромъ великаго вѣка. Классическіе писатели устремляли свои взоры къ сливкамъ тогдашняго общества, среди которыхъ романтики, благодаря ихъ благородной „синей“ крови, чувствовали себя, какъ дома. Судьба французской литературы зависѣла отъ того, на чью сторону склонится король и его придворные. Какъ разъ въ этотъ періодъ французской исторіи надъ феодальной Франціей, страдавшей отъ сословной и провинціальной разрозненности, возвысилась неограниченная монархія, которая задумала заставить служить своимъ цѣлямъ науки и искусства

такъ же, какъ и матеріальныя силы всей страны. Кардиналъ Ришелье сталъ на сторону „новой школы“; онъ заполнилъ основанную имъ Académie française (срав. выше, стр 488) представителями этого направленія. Всемогущій министръ рѣшилъ сдѣлать драму первенствующимъ отдѣломъ изящной литературы, такъ какъ онъ самъ очень любилъ театръ; онъ заставлялъ стихотворцевъ писать противъ своей воли драматическія пьесы; вдобавокъ театръ легче поддавался цензурѣ, чѣмъ печатныя произведенія, предназначенныя для чтенія.

Однако государственные люди не властны наложить на свою эпоху печать художественнаго величія; къ этому призванъ исключительно геній. Что оказалось не подъ силу Ришелье, въ томъ успѣлъ одинъ изъ его протеже Пьеръ Корнель (1606—1684 г.), „великій“ Корнель. Правда, когда этотъ поэтъ превзошелъ въ своемъ „Сидѣ“ (въ 1636 г.) самого себя и все то, на что былъ способенъ французскій духъ, то пути, по которымъ шли государственный человѣкъ и поэтъ, раздѣлились между собою; даже народъ отказалъ Корнелю въ своемъ сочувствіи, и онъ вынужденъ былъ повернуть обратно на истоптанную большую дорогу классицизма. Французы ставятъ выше остальныхъ слѣдующія четыре пьесы Корнеля: „Цинну“, „Гораціевъ“ (въ 1640 г.), „Поліевкта“ (въ 1643 г.) и „Родогунду“ (въ 1644 г.), но это дѣлается исключительно по преданію, которое переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому, какъ религіозный догматъ. Дѣйствительно, вкусы придворныхъ Людовика XIV отвернулись отъ мужественнаго, могучаго, возвышеннаго таланта старшаго изъ обоихъ знаменитыхъ французскихъ драматурговъ и предпочли трогательную женственную мелодическую манеру Жана де Расина (1632—1699 г.). Благодаря своей склонности къ религіозному мистицизму любимецъ короля и мадамъ де Ментенонъ перешелъ отъ „Ѳиваиды“ (въ 1664 г.), „Андромахи“ (въ 1567 г.), „Британника“ (въ 1669 г.) и „Береники“ (въ 1670 г.), „Ифигеніи“ (въ 1674 г.) и „Федры“ (въ 1677 г,) къ библейскимъ сюжетамъ—„Эсѳири“ (въ 1689 г.) и „Гоѳоліи“ (въ 1691 г.).

Несмотря на столѣтія, протекшія съ тѣхъ поръ до настоящаго времени, и на всѣ перемѣны, происшедшія за это время въ литературныхъ направленіяхъ и во вкусахъ образованнаго общества, французская комедія вѣка Людовиковъ сохранила свою привлекательность и понынѣ въ противоположность трагедіи той же эпохи. Слава великаго французскаго комика Жана Батиста Поклена, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Мольера (1622—1673 г.), и лучшихъ его произведеній, какъ-то „Les précieuses ridicules“ (1659 г.), „Донъ Жуана“ (въ 1665 г.), „Мизантропа“ (въ 1666 году), „Тартюфа“ (въ 1667 г.), „Скупого“ (въ 1668 г.), „Ученыхъ женщинъ“ (въ 1672 г.), „Мнимаго больного“ (въ 1673 г.), нисколько не нуждается въ содѣйствіи укоренившейся традиціи. Несмотря на стѣсненія, налагаемыя классицизмомъ, комедія въ силу естественнаго хода вещей не могла настолько отдалиться отъ жизни, національности и живого народнаго языка, какъ трагедія. Предъ трагедіей открыты далекіе горизонты времени и пространства; она оставляетъ въ сторонѣ всѣ временныя и мѣстныя отличительныя черты, выдвигаетъ на первый планъ общечеловѣческую психологію и сглаживаетъ индивидуальныя черты характера своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Помимо драматурговъ вѣкъ Людовика XIV насчитываетъ не мало другихъ, поистинѣ классическихъ, писателей; великій духъ той эпохи коснулся даже посредственныхъ дарованій. Никола Буало-Депрео (1636—1711 г.) ни въ коемъ случаѣ не былъ геніемъ (срв. его сатиры и его комическую поэму „Le lutrin“, „Клиросъ“); но въ своемъ „L'art poétique“ (въ 1674 г.) онъ изложилъ символъ вѣры классическаго направленія съ такой отчетливостью, что въ теченіе цѣлыхъ столѣтій онъ игралъ роль литературнаго законодателя. Хуже всего повезло французамъ въ области героическаго и историческаго эпоса. Зато остроумные разсказчики охотно брались за

мелкіе роды эпической литературы; такъ, напримѣръ, Жанъ де Лафонтенъ (1621—1695 г.) сочинялъ басни и разсказы, Шарль Перро (1628—1703 г.) и мадамъ Катеринъ Жюмелль де Берневиль, графиня д'Онуа (1650—1705 г.) — сказки. Наиболѣе выдающимся изъ нравоучительныхъ романовъ этой эпохи считается „Телемакъ" (въ 1699 г.), авторомъ котораго былъ воспитатель королевскихъ принцевъ архіепископъ Франсуа де Салиньякъ де Ламоттъ Фенелонъ (1651—1715 г.); въ этомъ романѣ скрывается тайная критика образа правленія Людовика XIV. Съ другой стороны, сатирическіе романы Аллена Ренэ Лесажа (1668—1747 г.) доказываютъ, какъ много пользы могли бы извлечь французы отъ болѣе тщательнаго изученія испанской литературы. Въ области изящной прозы самый блестящій успѣхъ имѣли выдающіеся проповѣдники, на славу которыхъ никто не посягалъ даже въ періоды крайняго антиклерикализма: Жакъ Бенъ Боссюэ (1627—1704 г.), Эспри Флешье (1637—1710 г.), Луи Бурдалу (1632—1704 г.) и Ж. Б. Массильонъ (1663—1742).

Г. Англійская литература.

Въ эпоху Возрожденія литература Англіи подчинялась вліянію итальянцевъ въ большей степени, чѣмъ вліянію древнихъ классиковъ. Генри Говардъ графъ Серрей (1516—1548 г.) ввелъ въ англійскую литературу бѣлые стихи и сонетъ: сэръ Томасъ Уайатъ (1503—1542 г.) подражалъ уже изысканнымъ литературнымъ пріемамъ южныхъ писателей такъ, что его можно назвать предшественникомъ Джона Лили (1554—1606 г.). Романъ Лили „Эйфюэсъ" (въ 1579 г.) сталъ у англичанъ ходячимъ символомъ поэтическаго стиля барокъ; Шекспиръ (въ „Love's labours lost") и другіе его современники вышучивали этотъ стиль, но и сами не могли отъ него вполнѣ отдѣлаться. Изъ поэтовъ славной эпохи королевы Елисаветы наибольшей извѣстностью пользовались сэръ Филиппъ Сидней (1554—1586 г.), авторъ пастушескаго романа „Аркадія", и Эдмундъ Спенсеръ (1552—1599 г.); аллегорическая героическая поэма Спенсера „Королева фей" (The Faerie Queene) служитъ примѣромъ наивысшей ступени, которой достигла англійская поэзія эпохи Возрожденія.

а) Англійская драма до періода ея расцвѣта при Елисаветѣ.

Хотя англичане и не причисляютъ драматическихъ произведеній къ поэтической литературѣ, вся слава литературы старой дореволюціонной Англіи основывается на произведеніяхъ ея сценическихъ писателей. Какъ кажется, въ Великобританіи возникли раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, труппы странствующихъ профессіональныхъ актеровъ; свѣдѣнія, имѣющіяся о подобныхъ труппахъ, восходятъ до эпохи Ланкастеровъ, т. е. до пятнадцатаго столѣтія. Само собой разумѣется, что въ Англіи тоже давались мистеріи и представленія чудесъ Господнихъ, въ которыхъ принимали участіе почтенные бюргеры. Большое значеніе въ исторіи англійской литературной драмы имѣли нравоучительныя представленія (moralities), аллегорическія пьесы, для которыхъ охотно выбирались свѣтскіе, въ особенности историческіе сюжеты (изъ старыхъ хроникъ); во время торжественныхъ процессій уже въ XV столѣтіи участники ихъ нерѣдко изображали историческія личности и событія. Понятно, что наибольшую популярность пріобрѣли шутовскія представленія, которыя давались въ качествѣ интермедіи, а иногда и самостоятельно. Благодаря тому обстоятельству, что представители высшей знати, а со времени Генриха VII также и короли, заводили у себя наемныя труппы актеровъ и развлекались ихъ представленіями, поднялось общественное и духовное значеніе англійскаго театра, который притомъ же никогда не терялъ своего національнаго характера.

Съ одной стороны, драматическія произведенія Джона Скельтона (род. около 1460 г., сконч. въ 1529 г.) и Джона Бэльса (1495—1563 г.) показываютъ, какъ англійскій театръ развивается постепенно изъ „нравоучительныхъ“ представленій (moralities); съ другой стороны, такія комедіи, какъ „Ralph Royster Doyster“ Николаса Удалля и трагедіи въ стилѣ „Ferrox and Porrex“ или „Gorboduc“ Томаса Саквиля (впослѣдствіи лордъ Бёкгерстъ, графъ Дорсетъ; 1527—1608 г.) и Томаса Нортона, равно, какъ и драматическія пьесы Лили свидѣтельствуютъ о вліяніи древнихъ классическихъ писателей на англійскую драму. Мало-по-малу театральныя представленія пріобрѣли въ публикѣ такую популярность, что стало выгоднымъ приглашать актеровъ на постоянное жительство. Въ 1576 году въ Лондонѣ былъ устроенъ первый постоянный театръ „Blakfriars Theatre; въ 1595 году былъ открытъ театръ Globe; имена обоихъ этихъ театровъ останутся навсегда въ памяти благодаря дѣятельности Шекспира, который подвизался на ихъ сценѣ. При Іаковѣ I число постоянныхъ театральныхъ сценъ въ Лондонѣ возросло до 17-ти. Неоднократно поднимался вопросъ о томъ, насколько первобытное устройство старой англійской театральной сцены повліяло на самобытныя особенности англійской драмы. Безъ сомнѣнія, плохія декораціи и аппараты не мѣшаютъ автору и зрителю отказаться отъ единства времени, мѣста и дѣйствія (трехъ требованій французской классической драмы) и оживлять представленіе самыми запутанными дѣйствіями. Грубость и неблаговоспитанность публики не препятствовали англійскимъ драматургамъ предлагать народу на сценѣ произведенія, принадлежащія къ самымъ глубокомысленнымъ и труднѣйшимъ для пониманія во всемірной литературѣ.

То поколѣніе (отъ 1580 до 1610 г.), на время котораго приходится расцвѣтъ англійской драмы, было поистинѣ свидѣтелемъ періода великихъ порывовъ и кипучей дѣятельности. „Англійскій Ренессансъ“, — говоритъ Ипполитъ Тэнъ: „насчитываетъ около 40 драматическихъ писателей (между ними 10 особенно выдающихся и въ томъ числѣ геніальнѣйшаго изъ всѣхъ, которые когда-либо изображали словами человѣческую душу, Шекспира) и нѣсколько сотъ пьесъ, въ томъ числѣ около 50 первостепенныхъ“. Непосредственными предшественниками и современниками Шекспира были слѣдующіе драматурги: Томасъ Кидъ (сконч. около 1594 года), Томасъ Лоджъ (род. около 1558 г., сконч. въ 1625 г.), Джоржъ Пиль (1552—53—1598 г.), Робертъ Гринъ (1550—60—1592 г.) и др.; кромѣ кровавыхъ трагедій эти авторы писали также увлекательныя фантастическія пьесы и комедіи. Самымъ выдающимся изъ нихъ былъ Христофоръ (или Китъ) Марлоу (отъ 1564—1593 г.), авторъ „Тамерлана“ (Tamburlaine the Great), „Эдуарда II“, „Мальтійскаго еврея“ (Tragedy of the rich jew of M.), „Кровавой ночи“ (Massacre at Paris); многимъ онъ извѣстенъ только какъ авторъ „Tragical History of D. Faustus“, первой драматической передѣлки легенды о Фаустѣ, которую Марлоу сочинилъ повидимому вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ нѣмецкой народной книжки (въ 1587 году), въ которой было изложено содержаніе этой легенды. Между драматургами современниками и преемниками Шекспира тоже были таланты, которыхъ онъ не затмилъ. Бэнъ Джонсонъ (1593—1635 г.) часто выступалъ противникомъ своего соперника Шекспира, такъ какъ онъ самъ придавалъ больше значенія классическимъ образцамъ и правиламъ. Тѣмъ не менѣе Джонсонъ такъ же не отказывался отъ національныхъ традицій англійскаго театра, какъ и Шекспиръ, и въ своихъ комедіяхъ стоитъ весьма близко къ этому послѣднему. Талантливый Джорджъ Чапманъ (1557—59—1634 г.), драматическій писатель и переводчикъ Гомера, раздѣлялъ ученыя симпатіи Джонсона: обоихъ ихъ превзошли Фрэнсисъ Бюмонтъ (1584—60—1616 г.) и Джонъ Флетчеръ (1579—1625 г.), которые написали сообща 51 пьесу и для вящаго эффекта не скупились на сальности. Другіе драматическіе писатели при-

держивались стараго направленія, таковы, напримѣръ, Томасъ Гейвудъ (род. около 1570 г., сконч. въ 1650 г.), Томасъ Деккеръ (род. около 1570 г., сконч. въ 1638 г.), Томасъ Миддльтонъ (род. около 1570 г., сконч. въ 1627 г.) и т. д. Этотъ длинный рядъ англійскихъ драматурговъ заканчивается Филиппомъ Мессинджеромъ (1584—1638 г.) и Джономъ Фордомъ (1586—1648 г.).

Уильямъ Шекспиръ (род. въ 1568 г., сконч. 3 мая (23 апр.) стараго стиля 1616 года) не дожилъ до печальной эпохи пуританскаго фанатизма (срв. ниже), отъ котораго пришлось пострадать наиболѣе долговѣчнымъ изъ упомянутыхъ драматурговъ. Уставши отъ своей театральной дѣятельности троякаго рода, въ качествѣ актера, режиссера и писателя, онъ удалился отъ театральнаго шума и сталъ сельскимъ хозяиномъ, рантье и ростовщикомъ. Къ несчастью, цивилизованный міръ не обладаетъ ни однимъ несомнѣнно подлиннымъ текстомъ находящихся въ обращеніи пьесъ Шекспира. Какъ напечатанныя при его жизни отдѣльныя его произведенія, такъ и полное изданіе его сочиненій, вышедшее въ 1623 году, не имѣютъ значенія точнаго оригинальнаго текста, такъ какъ ни одно изданіе не вышло подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Кромѣ двухъ эпическо-лирическихъ стихотворныхъ пьесъ: „Венеры и Адониса“ и „Лукреціи“ Шекспиръ сочинилъ 154 сонета въ лучшемъ вкусѣ позднѣйшаго ренессанса; но этими своими мелкими произведеніями этотъ геній съ его гигантскимъ даромъ воображенія не покорилъ бы себѣ всего міра черезъ четыре поколѣнія послѣ своей смерти: вся его сила кроется въ его драмахъ. Подлинными произведеніями Шекспира признаются въ настоящее время 36 пьесъ: 10 трагедій („Титъ Андроникъ“, „три римскія трагедіи“, затѣмъ „Ромео“, „Гамлетъ“, „Отелло“, „Лиръ“, „Макбетъ“ и „Тимонъ“), 12 комедій („Комедія ошибокъ“, „Напрасный трудъ любви“, „Укрощеніе строптивой“, „Венеціанскій купецъ“, „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, „Виндзорскія кумушки“, Чего вамъ угодно“ и т. д.), 4 романтическія пьесы („Троилъ и Крессида“, „Зимняя сказка“, „Цимбелинъ“, „Буря“) и 10 хроникъ (послѣдовательный рядъ отъ Ричарда II до Ричарда III, кромѣ того „Король Іоаннъ“ и „Генрихъ VIII“).

б) Вѣкъ Стюартовъ.

При его безусловной, нетерпящей никакихъ стѣсненій свободѣ духа Шекспиръ принимался каждымъ изъ всѣхъ вѣроисповѣданій и каждой партіей за своего приверженца; его считали то католикомъ, то прогрессистомъ, то протестантомъ. Какія отношенія существовали въ дѣйствительности между англійскимъ протестанцизмомъ и театральной сценой періода его возникновенія, это выясняетъ исторія XVII столѣтія. Когда споръ между народомъ и короной превратился въ междоусобную войну, то власть попала въ руки самыхъ остервенѣлыхъ фанатиковъ. Питая непримиримую вражду къ искусству вообще, пуритане обрушились прежде всего на театръ; 2 сентября 1642 года былъ изданъ законъ, запрещавшій всякаго рода театральныя представленія во всей Англіи. Только послѣ возвращенія Карла II (въ 1660 г.) снятъ былъ казенный запретъ съ художественной литературы. Даже тѣ англійскіе поэты, которые были пуританами по своему вѣроисповѣданію и республиканцами по своему образу мыслей, только съ этого времени стали издавать свои произведенія, пользующіяся всемірной славой. Величайшій изъ протестантскихъ поэтовъ Джонъ Мильтонъ (1608г.—1674 г.) еще до революціи написалъ на англійскомъ и латинскомъ языкахъ лирическія стихотворенія (между прочимъ „L'Allegro“ и „il Pensieroso“) и маскарады („Comus“, „Arcadia“). Въ промежутокъ времени между 1641 и 1660 г. онъ посвятилъ свой талантъ исключительно на службу своей религіозно-политической партіи и выпустилъ въ

свѣтъ за это время много политическихъ и полемическихъ брошюръ (въ 1650 г. вышла его „Defensio pro populo anglicano", въ опроверженіе памфлета Клода де Сомеза „Defensio regia"). Когда наступила раставрація, Мильтонъ былъ заключенъ въ тюрьму; но вскорѣ онъ опять былъ выпущенъ на свободу. Въ это время онъ заканчивалъ свой „Потерянный рай" („Paradise lost", вышелъ въ свѣтъ въ 1667 г.; за этой поэмой послѣдовала вторая, болѣе слабая „Возвращенный рай" „Paradise regained"). Въ первомъ изъ этихъ произведеній Мильтона воспѣвается грѣхопаденіе, во второмъ торжество Христа надъ искусителемъ. На закатѣ своей жизни (въ 1671 г.) Мильтонъ выступилъ съ библейской трагедіей въ строго классическомъ стилѣ, подъ названіемъ „Samson Agonistes". Строго протестантскія основныя идеи возвышенной поэзіи Мильтона обставлены миѳологической декораціей, заимствованной изъ католицизма; ново-латинскіе поэты любили прибѣгать къ такимъ эффектамъ въ подражаніе античной эпической поэзіи. Другимъ великимъ поэтомъ протестантизма былъ баптистскій проповѣдникъ Джонъ Бёніанъ (1628 г.—1688 г.), диссентеръ, какъ и Мильтонъ; лучшія изъ его произведеній „The Pilgrims progress from this world to that which is to come" (Путь странника отъ земного свѣта къ будущей жизни) принадлежитъ къ наиболѣе читаемымъ въ британскомъ мірѣ произведеніямъ новѣйшей литературы.

Если оставить въ сторонѣ обоихъ знаменитыхъ поэтовъ англійскаго сектантства, то никоимъ образомъ нельзя сказать, что реставрація Стюартовъ послужила сигналомъ къ расцвѣту скрытой поэзіи религіи. Напротивъ того, какъ разъ въ этотъ періодъ прорвалась наружу съ неудержимой силой затаенная страсть къ удовольствіямъ, погоня за запретными плодами, которые оставались недоступными для общества въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій благодаря гнету пуританизма. Французская модная поэзія переправилась черезъ Ламаншъ благодаря двору, получавшему субсидію отъ французскаго правительства.

Къ наиболѣе удачнымъ художественнымъ произведеніямъ эпохи реставраціи принадлежитъ „Гудибрасъ" Самуила Бутлера (1612 г.—1680 г.). остроумная сатира, направленная противъ пресвитерьянцевъ, напоминающая „Донъ Кихота". Лучшій изъ поэтовъ этого періода Джонъ Драйденъ (1631 г.—1700 г.) прославлялъ сначала англиканскую, а потомъ католическую церковь, къ которой онъ присоединился въ 1685 году, и написалъ кромѣ того 27 драмъ, въ которыхъ онъ брался за безплодную и неутѣшительную попытку „создать какое-то пестрое сочетаніе классицизма съ романтизмомъ, придать національной драмѣ Шекспира такую форму, которая соотвѣтствовала бы испорченнымъ вкусамъ послѣднихъ десятилѣтій XVII столѣтія, принарядить эту драму въ драматическомъ вкусѣ рококо" (Г. Кертингъ). Въ тѣсной связи съ драматическими писателями старой Англіи стоялъ также даровитый Натаніэль Ли (1657 г.—1692 г.) и способный, но разнузданный Томасъ Отуэй (1652 г.—1685 г.). Большей оригинальностью отличаются шаловливыя комедіи Уильяма Уичерли (1640—1715 г.). и Уильяма Конгрива (1670 г.—1729 г.).

Духъ французскаго классицизма воплотился съ наибольшей силой въ Александрѣ Попѣ (1688 г.—1744 г.); это—былъ писатель съ замѣчательно выработаннымъ изящнымъ слогомъ, которому недоставало однако поэтическаго таланта; соотечественники называютъ его the poet of reason, (разсудочнымъ поэтомъ). Уже въ молодости его превозносили какъ самаго блестящаго изъ англійскихъ литераторовъ; со злостью, свойственной дурно воспитаннымъ калѣкамъ, онъ не оставлялъ въ покоѣ ни одного изъ своихъ соперниковъ; въ его „Дунсіадѣ", сатирѣ, направленной противъ его литературныхъ соперниковъ и противниковъ, (въ 1728 году и слѣд.) отражается вся уродливость его характера. Какъ вѣрный своей школѣ классическій писатель, онъ издалъ въ 1711 году „Essay on criticism" (Опытъ

о критикѣ) въ полномъ убѣжденіи, что искусству можно научить. Какъ въ этомъ рифмованномъ трактатѣ, такъ и въ самомъ удачномъ изъ его произведеній, комической героической поэмѣ „Похищеніе локона" (Rape of the lock), Попъ состязался съ Тассони (стр. 513) и Буало (стр. 518). Звучные гекзаметры Гомера онъ замѣнилъ гладкими десятислоговыми рифмованными стихами. (Эта поэма вышла въ свѣтъ между 1715 и 1725 гг.). Въ своемъ дидактическомъ стихотвореніи „An essay on man" (опытъ о человѣкѣ) Попъ пытается оправдать раціоналистическимъ путемъ существованіе зла на землѣ, пользуясь доводами, заимствованными изъ той жалкой популярной философіи, отъ которой не избавился въ XVIII вѣкѣ и европейскій континентъ.

Изъ другихъ англійскихъ поэтовъ къ писателямъ классическаго направленія слѣдуетъ причислить также Джозефа Эддисона (1672 г.—1719 г.) и Ричарда Стиля (1675 г.—1729 г.); первый былъ авторомъ извѣстной трагедіи „Cato", второй написалъ популярныя въ свое время комедіи. Оба они стали издавать „Нравоучительные еженедѣльники" (срв. стр. 489) для бюргерскихъ круговъ населенія, которые съ этихъ поръ начинаютъ навязывать свои вкусы литературѣ.

Д. Германская литература между 1500 и 1750 годами.

На рубежѣ XV и XVI столѣтій положеніе германской литературы было не совсѣмъ безнадежнымъ. Два предшествующихъ столѣтія были для нея періодомъ упадка; она состояла изъ груды грубо простонародныхъ по формѣ и неразборчивыхъ по содержанію писаній; но въ концѣ XV столѣтія изъ этого хаоса стало, повидимому, нарождаться самобытное національное искусство. Германская литература нуждалась только въ нѣкоторой полировкѣ какъ относительно содержанія, такъ и относительно внѣшней формы, и она доросла бы до такой же самобытности, какъ испанская или англійская. Къ несчастью, тѣ же самыя силы, которыя въ другихъ странахъ способствовали оживленію художественной литературы, привели въ Германіи къ противоположному результату; заодно съ эпохой гуманизма, реформаціи и противореформаціи для германской письменности настаетъ не свѣтлая весна, а мрачная осень. Какъ разъ въ эту эпоху германская нація шла къ упадку. Въ это самое время въ Испаніи и Франціи національно-политическое движеніе дѣлало большіе успѣхи, и разрозненныя силы этихъ народовъ стремились къ одному центру; въ Германіи же совершался процессъ какъ разъ противоположнаго свойства какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи. Около 1500 года процвѣтали еще народная пѣсня (Meistergesang), народныя духовныя мистеріи (Fastnachtsspiel), народный романъ, а къ 1600 году въ народной литературѣ замерла всякая жизнь. Въ народѣ еще живетъ творческая фантазія, но прежде чѣмъ произведенія этой народной фантазіи попадаютъ въ обращеніе, они проходятъ черезъ руки разныхъ кропачей и покрываются толстымъ слоемъ грязи. Меньше всего пострадалъ „Till Eulenspiegel" (около 1500 года); счастливо отдѣлались также „Lalenbuch" (въ 1597 году), въ которомъ описываются злоключенія простаковъ, и „Finkenritter" (хвастунъ) съ его розсказнями; но въ какія руки попали Фаустъ и Агасверъ! Именно въ XVI столѣтіи романскій ренессансъ и изученіе древнихъ классиковъ могли бы приподнять эстетическій уровень нѣмецкихъ писателей и развить въ нихъ чутье къ прекрасному; но гуманизмъ и ренессансъ не дали нѣмецкой литературѣ того, чего отъ нихъ можно было ожидать и что онѣ дали другимъ литературамъ.

Къ несчастью гуманизмъ усилилъ наклонность тогдашнихъ писателей къ самому безплодному изъ всѣхъ родовъ поэзіи, къ сатирѣ. Себастіанъ Брантъ (1457 г.—1521 г.), авторъ получившаго общенародное распростра-

ненie „Narrenschiff“ (Корабля безумцевъ, въ 1494 г.) получилъ гуманистическое образованіе; „Похвала глупости“ Эразма тоже обращалась въ народѣ въ такихъ переводахъ, въ которыхъ тонкій юморъ автора превратился въ грубое остроуміе простонароднаго пошиба; напротивъ того, „Письма темныхъ людей“ (Epistolae obscurorum virorum; въ 1515 и 1517 гг..) теряютъ свою соль въ переводѣ, такъ какъ самый языкъ ихъ составляетъ остроумную пародію монашеской латыни. Всѣ выдающіеся сатирики XVI столѣтія были гуманистами или, по крайней мѣрѣ, воспитались на древнихъ классическихъ писателяхъ; изъ числа ихъ назовемъ Томаса Мурнера (1475 г.—1537 г.), автора „Заговора дураковъ“, „Цеха плутовъ“ (въ 1512 г.), Георга Ролленгагена (1542 г.—1609 г.), автора „Войны мышей и лягушекъ“ (въ 1595 г.), Каспара Шейдта (сконч. въ 1565 г.), который обработалъ и издалъ на нѣмецкомъ языкѣ „Гробіанусъ“, латинскую сатиру гуманиста Фридриха Дедекинда (1525—1598 г.) и самаго талантливаго изъ нихъ всѣхъ Іоанна Фишарта (1550 г.—1590 г.). Въ дѣйствительности получилось что-то совершенно неизвѣстное древнему міру— отличающаяся необычайной ѣдкостью вѣроисповѣдная сатира.

Долгое время казалось, что волненіе умовъ, которое было вызвано реформаціей Лютера, повлечетъ за собой прогрессивное движеніе въ литературѣ. Съ лютеровскимъ переводомъ Библіи, его полемическими сочиненіями и церковными гимнами (срв. томъ VII) связано событіе чрезвычайной важности въ исторіи нѣмецкой литературы, — созданіе общегерманскаго литературнаго языка. Лютеръ воспользовался оффиціальнымъ канцелярскимъ языкомъ, который вошелъ въ употребленіе сначала въ Люксембургѣ, а затѣмъ и въ курфиршествѣ Саксонскомъ. Этимъ дѣло не закончилось: Лютеръ только подвинулъ болѣе или менѣе впередъ вопросъ объ общегерманскомъ литературномъ языкѣ, и прошло еще около 200 лѣтъ, пока языкъ, употребляемый въ лютеранскихъ государствахъ Германіи не былъ усвоенъ также католическими и реформированными областями. Самъ Лютеръ былъ выдающимся стилистомъ, онъ господствовалъ и творилъ въ области языка; но для всѣхъ тѣхъ чувствъ и понятій, которыя не согласовались съ его крутымъ, мужественнымъ характеромъ, у него не хватало силы выраженія. Такъ какъ у него не было равнаго ему по таланту сотрудника, который бы восполнилъ жесткую односторонность лютеровскаго языка, то въ нѣмецкомъ языкѣ и нѣмецкой литературѣ XVI столѣтія недоставало въ извѣстной степени женской прекрасной половины. Раньше, чѣмъ лютеровскій языкъ успѣлъ окаменѣть и превратиться въ сухую церковную школьную канцелярскую мертвечину, появился еще одинъ талантъ, который превосходилъ своимъ творческимъ даромъ въ области языка всѣхъ писателей нѣмецкой земли, тотъ самый Фишартъ, о которомъ уже сказано выше; Фишартъ знаменуетъ собою не начало, а конецъ, разложеніе. Подобно тому, какъ этотъ писатель исковеркалъ еще разъ и безъ того обезображенные каррикатурные образы Рабле и Филиппа фонъ Марникса (изъ „Гаргантуа“ и „Римскаго улья“), такимъ же образомъ подъ его перомъ каждое слово превращается въ небывалую фантастическую каррикатуру.

Все-таки въ XVI столѣтіи были и такіе роды поэзіи, которые не подчинились вполнѣ вліянію гуманизма и вѣроисповѣдной полемики; однако, и эти роды литературы не подвинулись дальше подававшихъ надежды зачатковъ и окончательно завяли около средины того же столѣтія. Къ отдѣлу повѣствовательной литературы принадлежатъ, кромѣ книгъ, предназначенныхъ для простонародья, многочисленные сборники поучительныхъ или забавныхъ анекдотовъ, по большей части заимствованныхъ изъ международнаго повѣствовательнаго фонда. Мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ вырожденіе этого отдѣла литературы. Сборникъ Іоанна Паули (род. около 1455 г., сконч. въ 1530 г.) „Schimpf und Ernst“ (въ

1522 г.) состоитъ изъ простодушныхъ и пристойныхъ разсказовъ, а о романахъ Іерга Викрамса (сконч. ранѣе 1562 г.), особенно о „Goldfaden“ (въ 1557 г.) можно сказать, что они „недурно“ придуманы; напротивъ того, Rollwagenbüchlein (въ 1555 г.) Викрамса, „Wendunmut“ Ганса Вильгельма Кирхгоффа (въ 1563 г.), „Katzipori“ и „Rastbüchlein“ (въ 1558 г.) Михаила Линднера и другія подобныя произведенія того времени состоятъ изъ слишкомъ сальныхъ шутокъ или изъ монашескихъ анекдотовъ.

Гуманистическое пренебреженіе къ самобытному національному творчеству и вѣроисповѣдная нетерпимость тяжело отразились также на судьбѣ нѣмецкой драмы въ XVI столѣтіи. Къ какому широкому развитію былъ способенъ народный нѣмецкій театръ, объ этомъ свидѣтельствуетъ примѣръ нюрнбергскаго сапожника Ганса Сакса (1494 г.—1576 г.). Его наивныя грубо-сколоченныя трагедіи и комедіи съ ихъ своеобразнымъ раздѣленіемъ на акты и съ ихъ доморощеннымъ міровоззрѣніемъ необразованнаго ремесленника, конечно, нельзя считать настоящими литературными произведеніями; но стоило только народной нѣмецкой драмѣ подняться еще на двѣ-три ступеньки, и въ Германіи тоже появился бы свой Вега Карпіо или свой Марлоу. Хотя Гансъ Саксъ шелъ по пути самаго естественнаго развитія, тѣмъ не менѣе онъ остался совершенно исключительнымъ явленіемъ среди тѣхъ 300 драматическихъ писателей, которые писали въ Германіи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ теченіи цѣлыхъ ста лѣтъ и пьесы которыхъ разыгрывались любителями изъ студентовъ или бюргеровъ Какъ разъ наиболѣе даровитые изъ этихъ драматическихъ писателей удѣляли больше всего мѣста нападкамъ на католическую церковь, какъ, напр., Филиппъ Никодимъ Фришлинъ (1547—1590 г.) и Томасъ Кирхмайръ (Naogeorgus; сконч. въ 1563 г.).

Въ исходѣ шестнадцатаго столѣтія въ Германіи уже больше не существовало ни національнаго искусства, ни національной литературы, одинаково какъ среди бюргеровъ, такъ и въ средѣ благороднаго сословія или при дворахъ владѣтельныхъ князей. Оскудѣніе высшаго творчества народнаго духа свидѣтельствовало объ упадкѣ германской національности. Нѣмецкая литература погибла не отъ грѣховъ семнадцатаго столѣтія, — увлеченія иностранными писателями и страсти къ подражанію; напротивъ того, ея творческія силы истощились уже раньше, и образованнымъ нѣмцамъ поневолѣ пришлось искать за границей того, чего они не могли найти въ собственномъ отечествѣ. Это былъ единственный путь къ спасенію,— и, дѣйствительно, нѣмецкая литература стала медленно оправляться и развиваться, опираясь на прочно сложившіяся литературы сосѣднихъ странъ.

Въ началѣ XVII столѣтія общества для развитія нѣмецкаго языка и писатели, принадлежавшіе къ первой Силезской школѣ, пошли по тому единственному пути, который соотвѣтствовалъ потребностямъ той эпохи. Нѣсколько германскихъ патріотовъ, людей съ именемъ и съ положеніемъ, основали въ 1617 году по итальянскому образцу „Плодотворное общество“ (или „Орденъ пальмы“) для развитія и очищенія нѣмецкаго языка въ жизни, въ литературѣ и въ школѣ. Вслѣдъ за этимъ обществомъ были основаны „Чистосердечное общество“ (Aufrichtige Tannengesellschaft) въ Страссбургѣ (въ 1633 г.), Гамбургское „Германское патріотическое общество“ (въ 1643 г.), Нюренбергское общество „Pegnitzschäfer“ (въ 1644 году), „Орденъ Эльбскихъ лебедей“ (въ 1660 году). Больше, чѣмъ всѣ эти общества, которыя впали въ педантизмъ или занимались учеными пустяками, сдѣлалъ для нѣмецкаго языка и литературы одинъ человѣкъ, Мартинъ Опицъ изъ Бунцлау (1598—1639 г.); въ 1624 г. вышла въ свѣтъ его книга „Von der deutschen Poeterey“ (О нѣмецкой поэзіи). Гораздо выше Опица по своимъ дарованіямъ стояли лирическіе поэты Пауль Флемингъ (1609 г.—1640 г.), Симонъ Дахъ (1605 г.—1659 г.), Іоаннъ Ристъ (1607 г.—1667 г.), Фридрихъ фонъ-Шпе (1591 г.—1635 г.), Пауль

Гергардтъ (1607 г.—1676 г.), Іоаннъ Шефферъ (Angelus Silesius; отъ 1624 до 1677 гг.), сочинитель эпиграммъ баронъ Фридрихъ фонъ-Логау (1604 г. — 1655 г.) и драматическій писатель Андрей Грифіусъ (1616 г.—1664 г.), авторъ „Карденіо", „Карла Стюарта" и „Horribilicribrifax" и т. д.

Шедшая во хвостѣ всемірной литературы Германія тоже заплатила свою дань маринизму (стр. 512). Въ особенности отличилась напыщенной изысканностью своего языка вторая силезская школа. Къ ней принадлежатъ Гофманъ фонъ-Гофмансвальдау (1617 г.—1679 г.) и Даніилъ Касперъ фонъ-Лоэнштейнъ (1635 г.—1683 г.), авторъ чудовищнаго романа „Арминій". Однако, еще раньше его водворился на германской почвѣ героическій галантный романъ во французскомъ вкусѣ эпохи изысканнаго стиля вмѣстѣ съ пастушескимъ романомъ (стр. 517) благодаря Филиппу фонъ Цезену, автору „Аріатической Роземунды" и „Ассената" (1619 г.—1689 г.); послѣдователями Цезена были Антонъ Ульрихъ фонъ Брауншвейгъ (1633 г.—1714 г.), Андрей Генрихъ Бухольцъ (1607 г.—1671 г.), Генрихъ Ансельмъ фонъ Циглеръ и Клипгаузенъ (1653 г.—1697 г.). Испанскій плутовской романъ (стр. 514) тоже пришелся по вкусу нѣмецкимъ писателямъ и вызвалъ появленіе въ свѣтъ замѣчательныхъ романовъ съ приключеніями Ганса Якова Кристофеля Гриммельсгаузена (1624 г.—1676 г.), изъ которыхъ выдается особенно „Simplicissimus" (Простакъ, въ 1669 году), Этотъ романъ есть самое знаменитое произведеніе нѣмецкой литературы XVII столѣтія и теперь еще тоже читается съ большимъ интересомъ; онъ служитъ памятникомъ того одичанія и тѣхъ бѣдствій, которыя обрушились на германскій народъ во время тридцатилѣтней войны. Печальную картину тяжелыхъ условій той эпохи представляютъ также сатирическія произведенія Іоанна Михаила Мошероша (1601 г.—1669 г.), Іоанна Балтазара Шуппа (Шуппіуса; 1610 г.—1661 г.) и Ульриха Мегерле, по прозвищу Абраама а Санта Клара (16 44г.—1709 г.).

Чтобы вытѣснить изъ нѣмецкой литературы вредное вліяніе второй силезской школы пришлось обратиться къ помощи иностранныхъ литературъ. Отъ французской и англійской классическихъ школъ удобно было заимствовать установившіяся формы стиля, которыя могли служить противовѣсомъ противъ безграничнаго произвола силезской школы. Когда же нѣмецкіе писатели перешли отъ Попа и Драйдена къ старшему Мильтону и младшему Томсону, то для нихъ раскрылось различіе между французской и англійской національными литературами; они склонились на сторону родственнаго нѣмцамъ англійскаго національнаго духа, и съ этихъ поръ нѣмецкая національная литература начинаетъ вновь возрождаться. Въ началѣ XVIII столѣтія такіе люди, какъ баронъ Фридрихъ Рудольфъ Людвигъ фонъ Каницъ, Веніаминъ Нейкирхъ (1605 г.—1729 г.), Іоаннъ фонъ Бессеръ (1654 г.—1729 г.), Іоаннъ Ульрихъ фонъ Кенигъ (1688 г.—1744 г.) осмѣливались уже читать нѣмецкіе экспромты при дворахъ германскихъ государей, хотя тамъ былъ въ употребленіи исключительно только французскій языкъ; правда нѣмецкіе стихи этихъ авторовъ изобличаютъ сильное вліяніе французской школы.

Силезская напыщенность вызвала противъ себя противодѣйствіе также и въ Гамбургѣ; въ 1704 году тутъ разгорѣлась даже „Гамбургская писательская война" (воевалъ Христіанъ Вернике противъ оперныхъ поэтовъ Хр. Фр. Гуннольда и К.); эта полемика и во всей остальной Германіи тоже не прошла незамѣченной. Генрихъ Бартоломей Брокесъ (1680—1747 г.) написалъ въ Гамбургѣ свою книгу „Земное наслажденіе въ Богѣ", которая отличалась религіозностью, стоящей внѣ узкихъ вѣроисповѣдныхъ рамокъ, и шла навстрѣчу назрѣвшимъ духовнымъ потребностямъ современной эпохи. Тутъ же въ Гамбургѣ Фридрихъ фонъ Гагедорнъ (1708—1784 г.) писалъ свои легкокрылыя стихотворенія и разсказы, въ которыхъ не осталось ни

слѣда вошедшей въ поговорку нѣмецкой тяжеловѣсности; этимъ гамбургскимъ писателямъ охотно противопоставляютъ швейцарца Альбрехта фонъ Галлера (1708 — 1777 г.), дидактическая поэма котораго „Альпы“ (въ 1729 г.) служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что нѣмецкій языкъ годится особенно для выраженія глубокомысленныхъ и серьезныхъ идей.

Между тѣмъ средоточіемъ литературнаго движенія сталъ Лейпцигъ, который незадолго предъ тѣмъ получилъ значеніе столицы германской книжной торговли. Тутъ Іоаннъ Христофъ Готшедъ (1700—1706 г.) провозгласилъ въ своихъ сочиненіяхъ теорію о душеспасительныхъ трехъ единствахъ драматическаго искусства согласно съ ученіемъ французскаго классицизма и открылъ походъ противъ господствовавшей на театральной сценѣ сумятицы. Въ то время, какъ всѣ другія заслуги лейпцигскаго литературнаго короля оспариваются или по крайней мѣрѣ низводятся до незначительныхъ размѣровъ, никто не отвергаетъ значенія произведенной имъ реформы нѣмецкаго театра. Конечно, его борьба противъ театральнаго клоуна окончилась не вполнѣ удачно, такъ какъ эта веселая особа ухитрялась выскакивать вновь на сцену подъ какой-нибудь новой маской; притомъ же это было бы истинной потерей для національнаго народнаго драматическаго искусства, если бы Готшеду удалось въ самомъ дѣлѣ убить клоуна. Заслуга Готшеда заключается въ томъ, что онъ вступилъ въ борьбу съ импровизированными драматическими представленіями тогдашнихъ странствующихъ труппъ; онъ вывелъ изъ употребленія обычай тогдашнихъ актеровъ сочинять экспромптомъ діалоги, при чемъ всякая пьеса состояла изъ опредѣленнаго ряда сценъ по установившемуся шаблону, и обезпечилъ побѣду за литературными пьесами съ заучиваемымъ наизусть текстомъ (въ 1737 г.) при помощи театральной труппы подъ руководствомъ Фридерики Каролины Нейберъ (Нейберинъ; 1697—1760 г.). Съ этихъ поръ установилась опять тѣсная связь между сценическимъ искусствомъ и драматической поэзіей.

Въ 1741 году Готшедъ подвергся ожесточеннымъ нападкамъ со стороны швейцарцевъ Іоанна Якова Бодмера (1698—1783 г.) и Іоанна Якова Брейтингера (1701—1776 г.), которые разбили окончательно его теоріи: однако полемика швейцарскихъ критиковъ относилась собственно къ сочиненію Готшеда „Критическое поэтическое искусство“, которое было написано въ подражаніе Буало и не шло дальше внѣшнихъ пріемовъ стихотворства; критики обвиняли самаго Готшеда и его послѣдователей въ творческомъ безсиліи, но въ этомъ отношеніи сами швейцарцы стояли не выше своихъ противниковъ. Вообще громадное большинство тогдашнихъ нѣмецкихъ поэтовъ придерживались скромно французско-англійскихъ образцовъ классической школы. Такова саксонская литературная школа: Карлъ Христіанъ Гертнеръ (1712—1791 г.), Христіанъ Фюрхтеготтъ Геллертъ (1715—1762 г.), Готлибъ Вильгельмъ Рабенеръ (1714—1771 г.), Іостъ Фридрихъ Вильгельмъ Цахаріэ (1726--1777 г.) и Іоаннъ Эліясъ Шлегель (1719—1742 г.); саксонская школа издавала свой журналъ „Bremer Beiträge“ (Бременскіе труды). Классическаго направленія держалась также и прусская литературная школа: Эмануилъ Яковъ Пира изъ Галле (1715—1744 г.). Самуилъ Гот. Ланге (1711—1781 г.): Іоаннъ Вильгельмъ Людвигъ Глеймъ (1719—1803 г.), Іоанъ Петръ Уцъ (1720—1796 г.) и Іоаннъ Николай Гецъ (1721—1781 г.); всѣ трое были родомъ изъ Гальберштадта и писали стихотворенія анакреонтическаго содержанія); берлинскій писатель Карлъ Вильгельмъ Рамлеръ (1726—1798 г.) и берлинская писательница Анна Луиза Каршъ (Каршинъ, 1722—1791 г.), затѣмъ Эвальдъ Христіанъ фонъ Клейстъ (1715—1759 г.), авторъ „Весны“, и идиллическій поэтъ Соломонъ Геснеръ. Современники всѣхъ упомянутыхъ писателей, поэты Клопштокъ и Виландъ, быстро переросли окружавшую ихъ среду благодаря своимъ талантамъ и отреклись отъ господствующихъ традицій.

8. Умозрительныя науки въ періодъ барóкъ и въ эпоху классицизма.

Въ теченіи долгаго времени окружающія обстоятельства благопріятствовали гуманизму, но наконецъ и для него наступили тяжелыя времена, и къ срединѣ XVI столѣтія онъ уже успѣлъ сказать свое послѣднее слово. Гуманизмъ подѣйствовалъ оживляющимъ и оплодотворяющимъ образомъ: онъ возвысилъ цѣну жизни и открылъ источникъ благородныхъ наслажденій. Гуманизмъ способствовалъ прогрессу наукп, такъ какъ онъ открылъ новое необъятное поприще для научной любознательности,—древній міръ съ его литературой и его памятниками; каждая наука въ отдѣльности тоже получила толчекъ къ оживленной дѣятельности, такъ какъ для каждой открылся богатый источникъ новыхъ свѣдѣній въ литературныхъ сокровищахъ классическаго міра. Однако мало-по-малу улеглось воодушевленіе, съ которымъ были встрѣчены на первыхъ порахъ всѣ эти новыя открытія; раньше всего благородная искра погасла тамъ, гдѣ она прежде всего затеплилась и засвѣтила,—всѣ позднѣйшіе труды итальянцевъ на поприщѣ классической древности имѣютъ сравнительно второстепенное значеніе. Строго говоря, вообще всѣ труды гуманистовъ имѣли гораздо больше значенія для общечеловѣческаго культурнаго прогресса, чѣмъ для науки.

А. Классическая филологія.

Только во Франціи гуманизмъ рано принялъ спеціально научное направленіе у великихъ юристовъ и у филологовъ того времени, которые группировались около Роберта и Анри Этьена (Stephanus). Такимъ образомъ на французской и на сосѣдней нидерландской почвѣ гуманистъ превратился въ классическаго филолога. Въ исторіи науки о древности начинается періодъ французско-нидерландской филологіи, который продолжается отъ послѣдней трети XVI столѣтія до средины XVIII; это были цѣлыхъ два вѣка желѣзнаго трудолюбія, основательной учености, величайшихъ усилій, затраченныхъ на разработку самыхъ мелочныхъ тонкостей, это были столѣтія кропотливаго сидѣнія за огромными фоліантами. Наибольшихъ успѣховъ всѣ эти ученые достигли въ критикѣ и интерпретаціи текста древнихъ писателей. Они трудились также съ большимъ усердіемъ на поприщѣ классической археологіи. Они тщательно собирали и сличали тѣ мѣста изъ произведеній древнихъ писателей, которыя могли служить для выработки наиболѣе правильнаго чтенія текста или же для какихъ-нибудь научныхъ выводовъ въ области классической археологіи; эти выдержки составили богатый запасъ, которымъ щеголяли и которымъ пользовались позднѣйшіе филологи.

Хотя эти великіе филологи при случаѣ любили садиться верхомъ на Пегаса, но въ эпоху, слѣдовавшую за гуманизмомъ, стихотворство уже находилось въ пренебреженіи и за стихи никого уже больше не награждали славой и высокими должностями. Іосифъ Юліусъ Скалигеръ (1540—1609 г.), котораго современники сравнивали съ орломъ, витающимъ въ облакахъ, былъ почитаемъ не за его стихи, а за его разностороннюю филологическую ученость, въ которой ему не было равнаго: этотъ человѣкъ владѣлъ XIII языками, обладалъ спеціальными познаніями въ математикѣ и астрономіи, какъ это видно изъ его трудовъ по хронологіи, и не былъ профаномъ даже въ теологіи, правовѣдѣніи и въ медицинѣ. Другъ Скалигера Исаакъ Казаубонъ (Казаубонусъ; 1550—1614 г.), женевецъ, проживавшій во Франціи и въ Англіи, посвящалъ больше вниманія греческой

литературѣ, сравнительно со Скалигеромъ, а другой его современникъ Клодъ де Сомезъ (Salmasius, 1588—1653 г., срв. выше, стр. 522) былъ по преимуществу латинистомъ. Какъ эти французы, такъ и бельгіецъ Іестъ Липсъ, по прозв. Юстусъ Липсіусъ (1547—1606 г.), который былъ красой Левенскаго университета, велп непостоянный, странствующій образъ жизни; обладая удивительной памятью, Липсъ посвятилъ всѣ свои богатыя познанія преимущественно на одну цѣль, именно на разработку текста Тацита.

Послѣ того, какъ Скалигеръ былъ приглашенъ въ Лейденъ (въ 1593 г.), этотъ университетъ молодой нидерландской республики сталъ центромъ европейской филологической науки. Изъ нидерландскихъ ученыхъ XVII столѣтія прочной славы достигли слѣдующіе: Янусъ Грюйтеръ, по прозв. Грутерусъ (1560—1627 г.), который составилъ при помощи Скалигера собраніе найденныхъ до того времени латинскихъ надписей, Гергартъ Іоаннъ Фоссъ (1577—1649 г.), самъ глубокій ученый и отецъ шести ученыхъ сыновей; Даніилъ и Николай Гейнсіусъ (первый 1580—1655 г., второй 1620—1681 г.), затѣмъ основатель науки международнаго права (стр. 536) Гуго де Гроотъ, по прозв. Гроціусъ (1583—1645 г.). Въ числѣ наиболѣе блестящихъ изъ нидерландскихъ ученыхъ той эпохи были также и иностранцы, особенно нѣмцы, переселившіеся изъ Германіи, какъ, напримѣръ, Филиппъ Клюверъ изъ Данцига (1580—1622 г.), который былъ основателемъ исторической географіи, Іоаннъ Фридрихъ Гроновъ изъ Гамбурга (1611—1671 г.) и Іоаннъ Георгъ Гревіусъ изъ Наумбурга (1632—1703 г.), который выпустилъ въ свѣтъ 12 томовъ in folio „Римскихъ древностей“. Съ Тиберія Гемстергуйса (1685—1766 г.) начинается новое наслоеніе ученыхъ, посвящавшихъ себя преимущественно греческой филологіи, которая до того времени находилась въ пренебреженіи; изъ этихъ ученыхъ назовемъ Лодевика Каспара Фалькенаера (1715—1785 г.) и Давида Рункена изъ Задней Помераніи (1723—1798 г.), который славился также, какъ замѣчательный латинскій стилистъ.

Во Франціи не было въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ такихъ филологовъ, которые по своему значенію могли бы сравниться съ нидерландскими. Все же она по справедливости можетъ гордиться нѣкоторыми изъ своихъ ученыхъ филологовъ той эпохи, каковы, напримѣръ, Анри Валуа, по прозв. Валезіусъ (1603—1676 г.), Жакъ Сирмонъ (1559—1651 г.), хронологъ Дени Пето (Petovius; 1583—1652 г), Тангюи Лефебръ, по прозв. Танаквиль Фаберъ (сконч. въ 1692 г.), дочь его знаменитая переводчица Анна Дасье (1654—1720 г.). Изъ французскихъ филологовъ той эпохи наибольшей извѣстности достигли Шарль Дюфренъ сіеръ Дюканжъ (1610—1688 г.), авторъ словаря средневѣковой латыни, который сохранилъ свое значеніе до настоящаго времени (въ 1678 г.), бенедиктинскій монахъ Бернаръ де Монфоконъ (1675—1741 г.), основатель греческой палеографіи и отдѣльныхъ археологическихъ спеціальностей.

Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія англичанинъ Ричардъ Бентлей (1662—1742 г.) оспаривалъ у нидерландцевъ первенство въ области филологіи; Людвигъ Урлихсъ говоритъ о немъ слѣдующее: „онъ былъ и остался самымъ первымъ и самымъ великимъ изъ всѣхъ критиковъ“. Не суждено было, однако, британцамъ достигнуть руководящей роли въ наукѣ о классической древности; такая роль досталась въ XVIII столѣтіи нѣмцамъ, которые и раньше принимали существенное участіе въ трудахъ нидерландцевъ. Іоаннъ Маттіасъ Геснеръ (1691—1761 г.), основатель геттингенской филологической семинаріи, Іоаннъ Августъ Эрнести (1707—1781 г.), библейскій критикъ, разрабатывавшій также археологію искусствъ, Іоаннъ Фридрихъ Кристъ (1709—1756 г.) подготовили почву для такихъ дѣятелей, какъ Іоаннъ Іоахимъ Винкельманъ (1717—1768 г.) и Христіанъ Готтлобъ Гейне (1729—1812 г.), который въ свою очередь вынужденъ былъ сложить оружіе передъ такимъ могучимъ талантомъ, какъ

Фридрихъ Августъ Вольфъ (1759—1824 г.). Во вторую половину XVIII столѣтія филологія превратилась на германской почвѣ въ неогуманизмъ эпохи Шиллера и Гете, не теряя при этомъ своего строго научнаго характера.

Б. Германская филологія и всеобщее языкознаніе.

При томъ исключительномъ вниманіи, которое удѣлялось древнимъ классическимъ языкамъ, поневолѣ изумляешься тому, что уже въ періодъ дѣятельности Фосса и Гемстергуйса могла расправить свои крылья германская филологія, притомъ общегерманская въ настоящемъ значеніи этого слова, которая обнимала не только нѣмецкій языкъ, но и готскій, древне-норманнскій и англо-саксонскій. Въ германской филологіи того времени можно различить два направленія; первое—догматическаго свойства; оно стремится къ отысканію общихъ правилъ и даетъ наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ писать и говорить, какихъ грамматическихъ, стилистическихъ, метрическихъ, поэтическихъ правилъ слѣдуетъ придерживаться; второе направленіе стремится изслѣдовать, какого рода матеріалами, памятниками, литературными произведеніями располагаетъ наука для изученія исторіи языка, что содержится въ этихъ памятникахъ, какого они свойства. Въ теченіи вѣка просвѣщенія возникло также третье направленіе, которое интересуется языкомъ и литературой только какъ орудіями для распространенія просвѣщенія, вспомогательными средствами для выполненія главной цѣли человѣческаго существованія—всесторонняго развитія личности.

Практическое направленіе германской филологіи занималось въ эпоху „барокъ" дальнѣйшей разработкой трудовъ гуманистовъ. Изъ среды „плодотворнаго общества" вышелъ самый замѣчательный изъ грамматиковъ XVII столѣтія Юстусъ Георгъ Шоттеліусъ (1612 г.—1676 г.). Къ этому же обществу принадлежалъ также и Опицъ, авторъ небольшого сочиненія „О нѣмецкомъ стихотворствѣ" (стр. 525), которое въ свое время служило катехизисомъ метрики и поэзіи. Книга Даніила Моргофа (1639 г. — 1691 г.) „Руководство нѣмецкаго языка и стихосложенія" представляетъ собою въ одно и то же время цѣнное практическое руководство и вмѣстѣ съ тѣмъ историческій обзоръ національной и всемірной литературы. Начиная съ XVI столѣтія, уже стали появляться нѣмецкіе словари, при чемъ въ грамматикѣ составители ихъ придерживались рабски латинскихъ образцовъ. Эти словари можно назвать настоящими сокровищами по исторіи нѣмецкаго языка; изъ нихъ извѣстны слѣдующіе: словари Іозуа Маалера (въ 1561 г.), Каспара Штилера (въ 1691 г.), Христіана Эрнста Штейнбаха (въ 1734 г.), Іоанна Леонарда Фриша (въ 1741 г.). Готтшедъ (стр. 527) подчинилъ свои филологическія занятія требованіямъ и задачамъ изящной литературы. Его сочиненія: „Пространное руководство къ краснорѣчію" (1728 г.), „Критическое искусство стихотворства" (1730 г.) и „Руководство къ правильному употребленію нѣмецкаго языка" (1748 г.), считались непреложной истиной до тѣхъ поръ, пока ихъ не вытѣснили изъ употребленія учебники Іоанна Христофора Аделунга (1732 г.—1806 г.). Имя Аделунга не забыто еще и понынѣ, хотя теперь рѣдко кто справляется съ его „Руководствомъ нѣмецкаго языка" (1881 г.) и съ его словаремъ (1774 и 1793 г.). Публика требуетъ правилъ; она желаетъ, чтобы ей было указано, какъ слѣдуетъ поступать и чего не слѣдуетъ дѣлать. Чѣмъ рѣзче и повелительнѣе высказано правило, тѣмъ больше оно нравится публикѣ; поэтому сочиненія Аделунга какъ разъ подошли подъ вкусъ его современниковъ, которые не чувствовали подъ собою твердой почвы. Животворной струей для изученія нѣмецкаго языка были произведенія классиковъ той эпохи; дѣйствительные факты и нелѣпыя выдумки, ко-

торыя выдавались изъ поколѣнія въ поколѣніе за правила нѣмецкаго языка, были подвергнуты сомнѣнію; поэтому-то масса не знала, на что опереться, и хваталась за косу всякаго самоувѣреннаго педанта. Аделунгъ и K° царили долго, и только братья Гриммъ изгнали ихъ въ царство привидѣній.

Послѣдствіемъ эпохи географическихъ открытій былъ также цѣлый потопъ грамматикъ и словарей заокеанскихъ языковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ церковь основала въ 1622 году „пропаганду“ — центральное учрежденіе для миссій, отправляющихся въ языческія страны (см. VII), для подобнаго рода работъ имѣлся свой особый центральный пунктъ. Изъ всѣхъ этихъ работъ наибольшее значеніе для науки имѣло ознакомленіе европейскихъ ученыхъ съ языкомъ остъ-индскихъ жрецовъ и ученыхъ, санскритомъ; отъ времени до времени стали уже высказываться догадки, что сходство санскритскихъ словъ съ латинскими и греческими не есть случайное совпаденіе, а, напротивъ того, служитъ доказательствомъ общаго происхожденія этихъ языковъ. Однако, изученіе санскритскаго языка и литературы не сразу стало систематической наукой, которой посвятилъ свои силы цѣлый рядъ ученыхъ изслѣдователей: это осуществилось только послѣ того, какъ англичане подчинили своей власти значительную часть Передней Индіи (т. II). Первыми піонерами этой новой науки были Натаніэль Гальгэдъ, Чарльзъ Уилькинсъ, Уильямъ Джонсъ (1746 г.—1794 г.) и Генри Томасъ Кольбрукъ (1765 г.— 1837 г.); по ихъ стопамъ пошли нѣмцы Фридрихъ Шлегель и Францъ Боппъ, и главенствующая роль въ этой новой области также выпала на долю нѣмцевъ.

Что касается чисто научной школы германской филологіи, то на ея долю выпало рѣдкое въ исторіи вновь нарождающихся наукъ счастье: одинъ за другимъ выступили на этомъ поприщѣ трое выдающихся изслѣдователей: Францискъ Юніусъ (1589 г.—1677 г.), Георгъ Гикесъ (отъ 1642 г. до 1725 г.) и Ламбертъ тенъ Кате (1674 г.—1732 г.). Юніусъ былъ первымъ изъ ученыхъ, который выбралъ своей спеціальностью изученіе древне-германскихъ языковъ; онъ опубликовалъ впервые 4 Евангелія изъ готской библіи Ульфилы по Codex argenteus, который составлялъ тогда собственность Исаака Фосса. Вмѣстѣ съ готской библіей былъ напечатанъ англо-саксонскій переводъ библіи, изданный Томасомъ Марешалломъ. Гикесъ былъ основателемъ готской, англо-саксонской и древне-нѣмецкой грамматикъ. Тенъ Кате превосходилъ Гикеса своимъ научнымъ остроуміемъ; онъ открылъ законъ измѣненія гласныхъ и проложилъ прямой путь для научной этимологіи; ему принадлежитъ слѣдующее глубокомысленное изреченіе: изслѣдователь не долженъ придумыватъ правилъ языка, онъ долженъ ихъ открыть.

Изъ побужденій теологическаго, юридическаго и историческаго свойства ученые разныхъ направленій въ Германіи, Англіи и Голландіи принялись съ увлеченіемъ за разыскиванье и разборъ древнихъ памятниковъ языка. Не малую роль играло при этомъ патріотическое рвенее, которое иногда хватало черезъ край. Такъ, напримѣръ, Іоганнъ фонъ Горпь, по прозв. Гороніусъ Бекапусъ (1518 г.—1572 г.), утверждалъ, что голландскій языкъ былъ первобытнымъ языкомъ человѣческаго рода, а Олуфъ Рудбекъ старшій (1630 г.—1702 г.) считалъ Скандинавію за Атлантиду Платона. На далекомъ Сѣверѣ уже въ XV столѣтіи принялись съ усердіемъ за изслѣдованіе древней утвари и рунъ. Оле Вормъ (1588 г.—1654 г.) поднялъ въ 1636 г. руновѣдѣніе на степень самостоятельной отрасли археологіи. Петръ Резенъ (Резеніусъ; 1625 г.—1688 г.) издалъ въ 1665 г. младшую Эдду и важнѣйшія пѣсни старшей Эдды по Codex regius, который былъ открытъ въ 1640 г. скальгольтскимъ епископомъ Бриньюльфомъ Свейнсономъ. Арни Магнуссонъ собралъ всѣ манускрипты, которые онъ могъ найти въ Исландіи, и завѣщалъ ихъ Копенгагенской библіотекѣ.

Въ XVIII столѣтіи любители изящной литературы въ Германіи стали раздѣлять съ учеными интересъ къ памятникамъ древне-германской литературы. „Бодмеръ и Брейтингеръ“, говоритъ Германъ Пауль, „были первыми изъ тѣхъ, которыхъ толкали къ изученію древней литературы не антикварныя, а эстетическія побужденія... Бодмеръ принялся за разработку того положенія, что еще въ эпоху Штауфеновъ германская поэзія достигла было пышнаго расцвѣта; но, къ сожалѣнію, онъ обладалъ весьма недостаточнымъ матеріаломъ“. Въ 1748 году онъ издалъ часть пѣсенъ „Манессійскаго“ Гейдельбергскаго манускрипта, а въ 1757 году конецъ „Пѣсни о Нибелунгахъ“ по Гогенемъ-Ласбергской рукописи. Интересъ къ этой самобытной народной неклассической поэзіи отдаленныхъ временъ охватывалъ постепенно все болѣе широкіе круги общества. „Пѣсни бардовъ“, періодъ „бури и натиска“ (Sturm und Drang), критика Гердера, все это будило интересъ къ давно вымершей литературѣ; но еще не были придуманы тѣ чары, посредствомъ которыхъ удалось впослѣдствіи извлечь изъ земли этотъ таинственный кладъ; Христіанъ Генрихъ Миллеръ, который издалъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія важнѣйшіе памятники поэзіи средне-верхне-германскаго періода (Ивейна, Тристана, Парсиваля, всю пѣсню о Нибелунгахъ, Фрейданка и т. д.), еще не далъ ключа для раскрытія этихъ сокровищъ.

B. Историческія науки.

Исторіографія эпохи возрожденія отдѣляется отъ исторіографіи просвѣтительной эпохи промежуткомъ въ полтора столѣтія. Нельзя сказать, чтобы въ теченіи этихъ полутораста лѣтъ замѣчался регрессъ, а тѣмъ болѣе упадокъ въ области исторической науки, но все-таки она находилась въ нѣкоторомъ пренебреженіи: историческое изложеніе не удержалось на такой высотѣ, на какой оно стояло въ эпоху возрожденія и какой оно достигло опять въ просвѣтительную эпоху; XVII столѣтію не хватаетъ широкаго размаха шестнадцатаго и твердой убѣжденности восемнадцатаго. Руководящія идеи исторіографіи этого періода болѣе блѣдны, но зато она обладаетъ другими преимуществами; по своей научной строгости историческія изслѣдованія этого періода стоятъ выше какъ предшествующей, такъ и послѣдующей эпохъ. Это былъ вѣкъ полигисторіи; его гордость составляютъ собиратели и изслѣдователи древнихъ памятниковъ, предварительныя изслѣдованія, разработка научныхъ вспомогательныхъ средствъ и пріемовъ; этотъ вѣкъ стоитъ гораздо ближе къ преобладающимъ направленіямъ XIX вѣка, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Поразительно, что въ эту эпоху оказалось меньше всего выдающихся повѣствователей, которые посвятили свой трудъ современной исторіи, хотя правда, это время небогато потрясающими событіями; Туанусъ (стр. 471) имѣлъ мало послѣдоватей. Гораздо больше трудовъ было посвящено обзору событій ближайшей предшествующей эпохи; наиболѣе выдающимися представителями этого отдѣла были преимущественно итальянцы. „Широкимъ распространеніемъ и всеобщимъ вліяніемъ пользовались, по словамъ Ранке, въ XVI и въ продолженіе большей части XVII столѣтій итальянская историческая литература, а въ XVIII французская... Когда Италія лишилась своей самостоятельности, и ея собственная исторія измельчала, итальянская исторіографія набросилась на всемірно-историческія событія, безъ отношенія къ національностямъ. Самый лучшій образецъ этого послѣдняго направленія представляетъ собой исторія Тридентскаго собора Паоло Сарпи (1552 г.—1623 г.). Этотъ монахъ, обладавшій обширными энциклопедическими познаніями и большой опытностью въ государственныхъ дѣлахъ, поставилъ себѣ задачей выступить на борьбу противъ идеи о всемірномъ господствѣ папы, новоримскаго имперіализма

эпохи противореформаціи. Принадлежащая его перу книга о Тридентскомъ соборѣ. (напечатанн. въ Лондонѣ въ 1619 году) была написана въ партійномъ духѣ, отличается пристрастностью и полемическимъ задоромъ, но все-таки составлена на основаніи вполнѣ надежныхъ источниковъ. Напрасно курія пыталась парализовать вліяніе сочиненія Сарпи и оправдаться отъ взводимыхъ имъ обвиненій при помощи составленнаго іезуитомъ Сфорца Палавичино (1607 г.—1667 г.) на основаніи подлинныхъ документовъ подробнаго описанія Тріентскаго собора. Напротивъ того, историка войны за освобожденіе Нидерландовъ, Фаміано Страда (1572 г.—1649 г.), нельзя присоединять къ числу авторовъ тенденціозныхъ полемическихъ произведеній, хотя онъ и принадлежалъ къ іезуитскому ордену и составилъ свою книгу по порученію Алессандро Фарнезе (см. томъ VII); его превосходная книга страдаетъ тѣмъ не менѣе нѣкоторой односторонностью, такъ какъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи исключительно только испанскіе документы. На ту же тему писалъ съ точки зрѣнія безпристрастнаго очевидца кардиналъ Гвидо Бентиволіо (1579 г.—1644 г.). Изъ итальянскихъ историческихъ произведеній всего этого столѣтія наибольшую популярность пріобрѣло описаніе гугенотскихъ войнъ 1559 и 1598 г.г., авторомъ котораго былъ Арриго Катерино Давила (1576—1631 г.), который воспользовался трудомъ своего предшественника де Ту; онъ является представителемъ міровоззрѣнія того поколѣнія, на глазахъ котораго религіозныя войны превращались въ обыкновенную борьбу изъ-за власти, и не признаетъ никакихъ мотивовъ кромѣ политическихъ.

Хотя французская историографія XVII вѣка и отстала отъ итальянской, тѣмъ не менѣе за ней тоже числятся свои заслуги. Въ стилистическомъ отношеніи только одно историческое произведеніе этого періода можно поставить на одномъ уровнѣ съ лучшими образцами золотого вѣка художественной литературы во Франціи, — это есть сочиненіе Боссюэ (стр. 519) „Discours sur l' histoire universelle“ (Разсужденіе о всеобщей исторіи), блестящее изложеніе историко-философскихъ идей, считавшихся со времени Отцовъ церкви основой христіанскаго міровоззрѣнія. Напротивъ того, распространенная въ свое время книжка аббата Сезара Вишара де Сенъ Реаля (1539 г.—1691 г.) имѣетъ исключительно стилистическій интересъ. Въ свое время извѣстностью пользовались имена слѣдующихъ историческихъ писателей: Франсуа Эдъ де Мэзэре (1610 г.—1683 г.), Габріэля Даніэля (1649 г.—1728 г.) и Себастьяна ле Ненъ де Тильмона (1637 г.—1698 г.).

Съ наибольшей силой и полнотой французскій духъ проявляется не въ ученыхъ историческихъ книгахъ, а въ мемуарахъ свѣтскихъ людей, которые принимали непосредственное участіе въ великихъ событіяхъ своего времени или, по крайней мѣрѣ, располагали свѣдѣніями изъ первыхъ рукъ; это замѣчаніе, какъ мы видимъ, относится и къ XVI столѣтію. Даже такіе люди, какъ Сюлли („Mémoires“, 1634 и 1662 г.) и Ришелье (необработанные мемуары за 1624—1638 г. г.), не могли устоять противъ соблазна собственноручно изобразить свое участіе въ современныхъ событіяхъ; они чувствовали потребность внушить потомству такое представленіе и такія мнѣнія объ ихъ дѣятельности, какія были желательны для нихъ. Замѣтки короля Людовика XIV, писанныя частью собственноручно, частью подъ его диктовку, касаются только отдѣльныхъ эпизодовъ изъ періода времени между 1661 и 1678 г.г.; какъ говоритъ Фердинандъ Лотэйзенъ, эти записки „писаны простымъ, удобопонятнымъ и разсудительнымъ языкомъ... Король Людовикъ выигрываетъ въ глазахъ тѣхъ, кто ихъ прочитываетъ“. Гораздо привлекательнѣе и, можетъ быть, интереснѣе всѣхъ другихъ подобныхъ произведеній воспоминанія кардинала Ретца (Поля де Гонди; 1614 г.—1679 г.) изъ временъ Фронды и герцога Луи де Рувруа Сенъ-Симона (1675 г.—1755 г.) изъ временъ царствованія Лю-

довика XIV и Людовика XV; ихъ прозрачная пристрастность именно-то и придаетъ этимъ произведенiямъ необыкновенно много жизни, огня, силы.

Францiя была родиной не только литературнаго рода мемуаровъ, писанныхъ въ салонномъ тонѣ, но также тяжеловѣсной исторической учености. Скалигеръ и Петавiусъ (стр. 528 и 529) положили твердое основанiе достовѣрной хронологiи. Въ XVII столѣтiи еще болѣе усилилась свойственная филологамъ страсть къ изданiю древнихъ памятниковъ, благодаря которой уже въ эпоху гуманизма стали общеизвѣстными источники средневѣковой исторiи. Такъ какъ раздавались основательныя жалобы на отсутвiе критики и системы въ издательской дѣятельности подобнаго рода, то нѣкоторые ученые занялись усовершенствованiемъ этого дѣла. Первый примѣръ подали въ 1643 году антверпенскiе iезуиты, которые занялись провѣркой текста житiй святыхъ и предприняли изданiе подлиннаго текста „Acta Sanctorum"; по имени издателя первыхъ томовъ Iоанна Боллана (1596 г.—1855 г.) все это собранiе носитъ названiе „болландистскаго". Этотъ трудъ вызвалъ соревнованiе со стороны французскихъ бенедиктинцевъ, которые принадлежали по большой части къ конгрегацiи Св. Мавра недалеко отъ Парижа и называются потому „моринами"; они тоже выпустили въ свѣтъ въ 1668 г. обширное собранiе житiй святыхъ. Когда же болландистъ Данiилъ Папебрекъ (1628 г.—1714 г.) подвергъ сомнѣнiю подлинность документовъ, хранящихся въ монастырѣ Сенъ-Дени, то моринъ Жанъ Мабильонъ (1632 г.—1707 г.) взялся за работу и выпустилъ въ свѣтъ фундаментальный трудъ по источниковѣдѣнiю („De re diplomatica" въ 1681 г.); Мабильонъ разрабатывалъ какъ греческую, такъ и латинскую палеографiю въ то время, какъ его собратъ по ордену Монфоконъ (стр. 529) положилъ прочное основанiе греческой палеографiи. Въ перiодъ времени между 1750—1765 г.г. бенедиктинцы Шарль Франсуа Тустенъ и Рене Просперъ Тассенъ издали еще одинъ громадный шеститомный трудъ о палеографiи „Nouveau traité de diplomatique".

Въ это же время издательская дѣятельность ученыхъ распространилась также и на источники свѣтской исторiи. Итальянецъ Людовикъ Антонiо Муратори (1672 г.—1750 г.) опубликовалъ въ 1783 году средневѣковые источники итальянской исторiи („Rerum italicarum scriptores") въ 28 томахъ in folio; „это было первое цѣлесообразно предпринятое изданiе обширнаго собранiя историческихъ документовъ, относящихся къ цѣлой странѣ", говоритъ Августъ Поттгастъ; это изданiе было въ то же время единственнымъ, которое было доведено до конца. Изумительному трудолюбiю того же Муратори его отечество обязано шеститомнымъ собранiемъ древностей (1738 г.—1742 г.) и двѣнадцатитомнымъ сборникомъ лѣтописей („Annali d'Italia" 1744 г. — 1749 г.). Напротивъ того, предпринятое въ 1730 году Мартеномъ Буке собранiе литературныхъ памятниковъ по исторiи Галлiи и Францiи „Recueil des historiens des Gaules et de la France" осталось и до сихъ поръ незаконченнымъ, равно какъ и начатое въ 1733 моринами подобнаго рода изданiе „Histoire littéraire de la France", которое доведено въ настоящее время до XIV столѣтiя.

Вслѣдствiе политической раздробленности Германiи въ XVII и XVIII столѣтiяхъ естественно не могло появиться собранiя источниковъ, обнимающаго всю Германскую имперiю; но оригинальная германская историческая литература той эпохи тоже не представляетъ ничего выдающагося. Такъ какъ исторiя преподавалась во всѣхъ германскихъ университетахъ и гимназiяхъ, то было издано много учебниковъ, которые мало-по-малу вытѣснили изъ употребленiя долгое время господствовавшiе въ школахъ учебники библейско-теологическаго направленiя (Chronicon Carionis, учебникъ Слейдана; срв. стр. 472). Двое нѣмецкихъ профессоровъ: Георгъ Горнъ, родомъ изъ Кемната въ Верхнемъ Пфальцѣ (1620 г.—1670 г.), и Христофъ Целларiусъ изъ Шмалькальдена (1638 г.—1767 г.) ввели въ употребленiе раз-

дѣленіе всемірной исторіи на три отдѣла: древнюю, среднюю и новую. Ихъ теперь уже отжившая, но и до сихъ поръ не забытая схема одержала верхъ надъ четырьмя міровыми царствами пророка Даніила и св. Іеронима и также надъ шестью всемірными возрастами Исидора Севильскаго.

Если мы даже примемъ во вниманіе всѣ неблагопріятныя обстоятельства, все же останется непонятнымъ, почему ни одинъ современникъ не оставилъ по себѣ серьезнаго историческаго труда о великихъ событіяхъ тридцатилѣтней войны. Что касается „Annales Ferdinandei" Франца Христофа фонъ Хевенгюллера (1588 г.—1650 г.), то интересны только заключающіяся въ этомъ сочиненіи выдержки изъ подлинныхъ документовъ. Такимъ же образомъ сочиненіе Филиппа Богислава фонъ Хемница (1605 г.—1678 г.) „Королевско-шведская въ Германіи веденная война" (Der Königlich schwedische in Deutschland geführte Krieg) представляетъ собою скорѣе собраніе источниковъ, а не оригинальный историческій трудъ. Габсбурги Фердинандъ III и Леопольдъ I предоставляли иностранцамъ и іезуитамъ повѣдать потомству объ ихъ дѣлахъ; напротивъ того, представители династій Гогенцоллерновъ и Вельфовъ произвели въ глашатаи своей славы двухъ нѣмцевъ съ выдающимися талантами: Пуфендорфа и Лейбница. Саксонскій философъ права баронъ Самуилъ фонъ Пуфендорфъ (1632 г.—1694 г.) прибылъ въ 1688 году въ Берлинъ изъ Швеціи, гдѣ онъ написалъ въ 1677 г., по порученію короля Карла XI, исторію Густава Адольфа II, Христины и Карла Густава X; въ Берлинѣ онъ составилъ исторію великаго курфирста и первыхъ десяти лѣтъ царствованія Фридриха III. Изъ подъ пера Пуфендорфа вышло также сочиненіе по государствовѣдѣнію подъ названіемъ „Введеніе въ исторію важнѣйшихъ имперій и другихъ государствъ" (въ 1682 г.); основателемъ такихъ географическо-статистическихъ сравнительныхъ обзоровъ различныхъ государствъ былъ энциклопедистъ Германнъ Конрингъ родомъ изъ Восточной Фрисландіи (1606 г.—1681 г.), родоначальникъ исторіи германскаго права (1643 г.). Другому разностороннему нѣмецкому ученому того же періода, Готтфриду Вильгельму Лейбницу изъ Лейпцига (1646 г.—1716 г.), который проживалъ съ 1676 г. въ Ганноверѣ, было заказано написать исторію Брауншвейгскаго дома; плоды его долголѣтнихъ занятій (сочиненіе подъ названіемъ „Annales imperii occidentis Brunswicensis" 764—1005 г.) оставались въ теченіе долгаго времени скрытыми, пока Г. Г. Пертцъ не извлекъ ихъ на свѣтъ въ 1843 г. Чрезмѣрной нѣмецкой основательностью объясняется то обстоятельство, что двое нѣмецкихъ ученыхъ, которые принялись было за систематическое изложеніе національной исторіи всей германской націи на нѣмецкомъ языкѣ, не пошли дальше эпохи Меровинговъ и Каролинговъ; мы говоримъ о сочиненіи Іоганна Якова Маскова (1689—1761 г.) „Исторія германскаго народа" и графа Генриха фонъ Бюнау (1697 г.—1762 г.) „Исторія германскихъ императоровъ и Германской имперіи".

Англія была такъ же небогата историческими писателями, какъ и Германія, и для многихъ важнѣйшихъ событій ея исторіи не нашлось достойнаго повѣствователя. Правда, въ числѣ историческихъ писателей времени царствованія Елизаветы и первыхъ Стюартовъ встрѣчаются такія знаменитыя имена, какъ Вальтеръ Ралей, (1552 г.—1618 г.), Френсисъ Бэконъ, Гербертъ Черберн, но всѣ эти писатели обязаны своей славой своимъ трудамъ на другихъ поприщахъ кромѣ исторіографіи (срв. ниже, стр. 553). Только по исторіи періодовъ революціи и реставраціи (отъ 1640 до 1688 г.) имѣются записки современниковъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ событіяхъ своего времени, которые открыто усваивали точку зрѣнія своей партіи, не вводя никого въ заблужденіе. Эдуардъ Гайдъ графъ Кларендонъ (1609 г.—1674 г.), который былъ товарищемъ по несчастью Карла I, лордомъ канцлеромъ Карла II и

тестемъ герцога Іоркскаго (Якова II), написалъ исторію революціи и междуусобныхъ войнъ; епископъ Джильбертъ Бурнетъ (1643 г.—1714 г.) изобразилъ съ своемъ сочиненіи царствованіе Карла II и Якова II, а также событія мирной революціи 1688 года съ точки зрѣнія противниковъ католицизма. О внѣшнихъ дѣлахъ Англіи въ царствованіе Карла II писалъ Уильямъ Темпль (1628 г.—1699 г.) въ своихъ мемуарахъ, которые дошли до насъ въ неполномъ видѣ и образцовый слогъ которыхъ служитъ предметомъ справедливаго удивленія. Мильтона (стр. 521) тоже можно присоединить къ числу англійскихъ національныхъ историковъ; въ 1669 году онъ издалъ „Исторію Британіи отъ древнѣйшихъ временъ до эпохи норманскаго завоеванія“.

Г. Юридическія науки и государствовѣдѣніе.

Въ XVI столѣтіи замѣчается одно явленіе, которое повторяется также въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ; оно заключается въ томъ, что наиболѣе вліятельные и оригинальные труды въ области права и государствовѣдѣнія не вырастаютъ на почвѣ умозрительной философіи, а создаются подъ впечатлѣніемъ современныхъ событій; такъ, напримѣръ, убійства и казни изъ побужденій религіознаго и политическаго свойства, которыя произошли въ періодъ времени между 1550—1650 г.г. (упомянемъ хотя бы только объ убійствѣ Генриха III, Генриха IV и казни Карла I), дали поводъ къ тому, что щекотливый вопросъ объ убійствѣ короля или тирана сталъ модной темой тогдашнихъ юристовъ, которые раздѣлились на два лагеря: противниковъ и сторониковъ монархіи; изъ противниковъ монархіи (монархомаховъ) одни возставали только противъ неограниченной монархической власти, а другіе отстаивали ученіе о верховныхъ правахъ народа и на основаніи его оправдывали возстанія и политическія убійства; ко второму лагерю принадлежали монарходулы, которые признавали монархическую власть исходящей отъ Божьей милости или во всякомъ случаѣ независимой отъ воли народа и на основаніи этихъ принциповъ старались опровергнуть опасные выводы своихъ противниковъ. Къ числу монархомаховъ принадлежатъ гугеноты Гюберъ Ланге (1518 г.—1581 г.) и Франсуа Готманъ (1524 г.—1590 г.), шотландскій пресвитерьянецъ Джорджъ Бухананъ (1506 г. — 1582 г.), испанскій іезуитъ Маріана, нѣмецкій профессоръ кальвинистъ Іоганнъ Альтузіусъ (1557 г.—1638 г.), англійскій поэтъ Мильтонъ и другіе. Изъ поборниковъ неограниченой власти слѣдуетъ назвать голландца Дирка Грасвинкеля (1600 г.—1666 г.), французовъ Сомеза (срв. стр. 529) и Боссюэ (стр. 533) и англичанина Роберта Фильмера (1604 г.—1647 г.), съ которымъ полемизировали Альджернонъ Сидней (1622 г.—1683 г.) и Локкъ (срв. стр. 538); къ числу почитателей монархіи принадлежалъ до нѣкоторой степени также и Гоббсъ (срв. ниже).

а) Наука о государствѣ.

Болшая часть теоретиковъ той эпохи въ своихъ разсужденіяхъ любили прибѣгать къ доказательствамъ чисто теологическаго характера; однако же, уже тогда существовало одно направленіе, которое держалось въ сторонѣ отъ Библіи и божественнаго откровенія и взамѣнъ этого исходило изъ естественнаго права, которое можно считать отличительнымъ признакомъ этой эпохи, воспитанной на классицизмѣ. Основателемъ естественнаго права и въ то же время науки международнаго права считается Гуго Гроціусъ изъ Дельфта (стр. 529), хотя онъ имѣлъ на этомъ поприщѣ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе значительныхъ предшественниковъ. Гуго Гроціусъ былъ по спеціальности филологомъ, но обладалъ обширными энциклопедическими познаніями; въ качествѣ главы арминьянъ и противника Оранскаго дома онъ былъ замѣшанъ въ религіозныхъ и политическихъ

смутахъ, происходившихъ въ его отечествѣ. Къ своему главному труду „О правѣ войны и мира" (Парижъ, 1625 г.) Гуго Гроціусъ приступилъ въ тюрьмѣ (отъ 1619 г. до 1621 г.) и закончилъ его въ изгнаніи. Предъ своими современниками, пресыщенными теологическими преніями, онъ развернулъ новое ученіе, которому предстояла блестящая будущность; онъ доказывалъ, что ни положительное право, ни откровеніе (божественное право) не могутъ послужить исходнымъ пунктомъ для науки правовѣдѣнія, такъ какъ и то, и другое право имѣютъ только относительное значеніе и не считаются обязательными для всѣхъ народовъ; за исходный пунктъ права Гуго Гроціусъ признаетъ только человѣческую природу, надѣленную въ отличіе отъ другихъ созданій разумомъ и общественными наклонностями. По его теоріи люди въ первобытныя времена соединялись между собою въ государства на основаніи неизмѣннаго общественнаго договора для охраны имущества и благополучія всякаго изъ гражданъ, иными словами, для водворенія права и устраненія безправія.

Томасъ Гоббсъ (1588 г.—1679 г.) соглашается съ Гроціусомъ въ томъ, что божественное откровеніе и религія не могутъ служить основаніемъ для науки, занимающейся земными интересами человѣка; но англійскій матеріалистъ исходитъ изъ антисоціальныхъ, эгоистическихъ наклонностей, свойственныхъ человѣку, въ то время, какъ голландскій послѣдователь аристотелевской философіи строитъ свои выводы на общественныхъ наклонностяхъ человѣческой природы. По Гоббсу каждый человѣкъ домогается ради самосохраненія права на всѣ полезные для него предметы. Отсюда вытекаетъ постоянная борьба между членами одного и того же общества, такъ что настоящимъ, естественнымъ состояніемъ человѣка является „война всѣхъ противъ всѣхъ" (то же самое утверждалъ іезуитъ Маріана); чтобы положить конецъ этому невыносимому состоянію войны, люди добровольно соглашаются сузить свои безграничныя притязанія и препоручаютъ неограниченную и безраздѣльную власть отдѣльному лицу или собранію изъ нѣсколькихъ лицъ. Какъ современникъ англійской революціи, Гоббсъ отстаиваетъ безусловное законодательное, военное и фискальное право высшей власти противъ „долгаго парламента" (отъ 1640 до 1648 г.); онъ идетъ еще дальше: по его мнѣнію, верховной власти предоставлено дѣлать ненарушимыя постановленія о томъ, во что подданные должны вѣрить,—что считать добромъ и что зломъ. Авторъ книгъ: „О гражданинѣ" (въ 1642 г.) и „Левіафана" (въ 1651 г.) остался вполнѣ вѣрнымъ своей теоріи и считалъ Оливера Кромвеля (1592 г.—1658 г.) самымъ подходящимъ человѣкомъ для осуществленія своего идеала властителя.

Германскіе представители государственнаго права второй половины XVII и первой половины XVIII столѣтій были всѣ сторонниками неограниченной монархической власти, но они примыкали охотнѣе къ Гроціусу, чѣмъ къ Гоббсу. Такъ какъ они признавали за основу государства и общества общественныя, иначе говоря, соціальныя наклонности человѣка, то имъ дали названіе, которое въ настоящее время легко можетъ повести къ недоразумѣніямъ; ихъ прозвали „соціалистами". Къ этой группѣ германскихъ юристовъ причисляются Пуфендорфъ, Лейбницъ, Томазіусъ и Христіанъ Вольфъ; изъ нихъ Пуфендорфъ и Вольфъ привели теорію естественнаго права въ такую стройную систему и настолько расширили ея область, что ихъ вліяніе отражалось далеко за предѣлами современной имъ эпохи и собственнаго ихъ отечества. Вообще говоря, германскіе философы права въ своихъ теоретическихъ обобщеніяхъ уносились далеко отъ интересовъ дѣйствительной жизни; но нѣкоторыя сочиненія той эпохи, посвященныя разбору дѣйствительныхъ условій, господствовавшихъ въ то время въ Германской имперіи, доказываютъ, какъ много выиграла бы наука, если бы германскіе ученые оставались въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Еще во время тридцатилѣтней войны Хемницъ (стр. 535) выпус-

тилъ въ свѣтъ подъ псевдонимомъ „Hippolithus a Lapide“ свое сочиненіе (въ 1640 г.), въ которомъ онъ разсматривалъ Германскую имперію, какъ союзную аристократію, для блага которой необходимо, чтобы Габсбургскій домъ былъ вытѣсненъ и чтобы императорская власть стала избирательной въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Самуилъ Пуфендорфъ не заходилъ такъ далеко въ своихъ выводахъ, но все же подвергъ безпощадной критикѣ имперскую конституцію того времени въ сочиненіи, выпущенномъ подъ псевдонимомъ странствующаго Веронезца „Severinus a Mozambano“ (въ 1667 г.) и назвалъ ее чудовищнымъ, противорѣчащимъ здравому смыслу учрежденіемъ. Всѣ свои надежды на возрожденіе Германской имперіи онъ возлагаетъ на здоровые, еще неиспорченные элементы германскаго народа; по его мнѣнію, существующія условія требуютъ сильной центральной власти. Лейбницъ (стр. 535 и 556) тоже выступилъ въ 1677 г. подъ псевдонимомъ „Cæsarinus Fuerstenerius“ съ попыткой втиснуть оригинальныя государственно-правовыя отношенія Германіи въ рамки догматическихъ правилъ, но идеаломъ служила для него неограниченная монархическая власть.

Кромѣ идей о естественномъ состояніи человѣка, о первобытномъ общественномъ договорѣ и о верховныхъ правахъ народа вѣкъ просвѣщенія позаимствовалъ отъ XVII вѣка неизмѣнный догматъ о полномъ отдѣленіи въ государствѣ законодательной власти отъ исполнительной. Самое основательное теоретическое изслѣдованіе по этому вопросу принадлежитъ философу Джону Локку (1632 г.—1704 г.). Хотя онъ высказывается противъ соединенія законодательной власти съ исполнительной, тѣмъ не менѣе онъ требуетъ, чтобы исполнительная власть принимала участіе въ изданіи законовъ, и этотъ тезисъ Локка сталъ неизмѣнной составной частью ходячихъ конституціонныхъ теорій. Обыкновенно Локка выдаютъ за основателя другого непреложнаго догмата о трехъ государственныхъ властяхъ; но это вѣрно только отчасти: Локкъ, дѣйствительно, насчитываетъ три такихъ государственныхъ власти, но, кромѣ законодательной и исполнительной, онъ различаетъ, какъ третью, не судебную, которая, по его мнѣнію, входитъ въ составъ исполнительной, а федеративную, подъ которой онъ подразумѣваетъ военную власть, охраняющую государство отъ внѣшнихъ нападеній.

б) Наука о народномъ хозяйствѣ.

Въ исторіи торговли и народнаго хозяйства періодъ времени отъ конца XVI до середины XVIII столѣтія извѣстенъ подъ именемъ „эпохи меркантилизма“ (см. томъ VII). Въ теченіи этого періода вышло немало сочиненій по вопросу о національной экономіи, хотя до Кенэ и Адама Смита (см. томъ VII) не можетъ быть рѣчи о научномъ и систематическомъ ученіи о народномъ хозяйствѣ. Италія, которая тогда стояла въ умственномъ отношеніи очень высоко, преимущественно передъ всѣми другими странами можетъ гордиться цѣлымъ рядомъ своихъ выдающихся писателей, которые трудились въ это время надъ разработкой національно-экономическихъ вопросовъ; къ числу ихъ принадлежатъ: Гаспаро Скаруффи и Бернардо Даванцати (около 1582 г.), которые были поборниками идеи общей международной монеты, Антоніо Серро (въ 1613 году), Джироламо Беллони, Фернандо Галліани (1728 г.—1787 г.). Антоніо Дженовези (1712 г.—1769 г.). Было одно обстоятельство, которое вызывало у итальянцевъ особенно живой интересъ къ вопросамъ національной экономіи; дѣло въ томъ, что, начиная съ эпохи географическихъ открытій, первенствующая роль во всемірной торговлѣ стала ускользать изъ ихъ рукъ. Въ Нидерладской республикѣ національная экономія XVII столѣтія (Гроціусъ, Пьеръ Делякуръ, Грассвинкель) имѣетъ всѣ признаки теоріи.

подогнанной подъ интересы одного класса, именно наиболѣе состоятельной части бюргеровъ и въ особенности представителей крупной торговли.

Ни одно изъ теоретическихъ сочиненій, вышедшихъ въ эту эпоху во Франціи, не могло возвыситься до такого уровня, какого достигло практическое искусство французскихъ государственныхъ дѣятелей. Во время Сюлли драматургъ Антуанъ де Монкретьенъ (1575 г. — 1621 г.) писалъ о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять для того, чтобы поднять производительность Франціи и освободить ее отъ иностранной зависимости; онъ первый пустилъ въ оборотъ названіе „политическая экономія“ (въ 1615 году). Когда звѣзда Людовика XIV склонилась къ закату, то появились сочиненія, которыя выступали противъ господствовавшей во Франціи правительственной системы также и по вопросамъ государственнаго хозяйства. Пьеръ Ле Пезанъ де Буа-Гильберъ (1646 г. — 1714 г.) защищаетъ въ своей книгѣ „Détail de la France“ интересы земледѣльческихъ классовъ и возстаетъ противъ односторонняго покровительства, которое государство оказывало до того времени торгово-промышленному классу, а его двоюродный братъ маршалъ Севастьянъ Ле Претръ де Вобанъ (1633 г. — 1707 г.) настаиваетъ въ своемъ сочиненіи „Проектъ королевской десятины“ (Projet d'une dîme royale) на введеніи общей „королевской десятины“ со всѣхъ видовъ дохода вмѣсто разорительныхъ податей, взимавшихся въ то время. Меркантилисты позднѣйшаго періода: Ж. Фр. Мелонъ (конч. въ 1738 г.), Франсуа Веронъ де Форбонне (1722 г. — 1800 г.), равно какъ и Монтескье (срв. ниже), въ одинъ голосъ требуютъ облегчительныхъ реформъ, исходя изъ той мысли, что подобныя реформы могутъ придти только сверху, такъ какъ общественныя группы и отдѣльныя лица не могутъ быть проводниками общеполезныхъ идей вслѣдствіе своего невѣжества и эгоизма.

„Наиболѣе выдающіяся произведенія эпохи меркантилизма были написаны въ Англіи“,—говоритъ Г. Шмоллеръ,—„этому содѣйствовалъ цѣлый рядъ благопріятныхъ условій: политическая свобода, сильное распространеніе научнаго духа, наблюдательность, составляющая отличительную особенность англійскаго національнаго характера, и торгово-политическая борьба съ Голландіей“. Томасъ Менъ (1571 г. — 1641 г.) считалъ самостоятельную внѣшнюю торговлю наилучшимъ средствомъ для увеличенія національнаго богатства, а для защиты интересовъ Остъ-Индской компаніи онъ развилъ первую достойную вниманія теорію торговаго баланса; напротивъ того, Джозіа Чайлдъ (1630 г. — 1699 г.) выступилъ противникомъ монопольныхъ правъ, предоставляемыхъ компаніямъ, и высказался за общее покровительство національной торговлѣ противъ иностранной. Дедли Нортъ (1644 г. — 1691 г.) приближается уже по своимъ взглядамъ къ той системѣ свободной торговли, которая впослѣдствіи стала основнымъ догматомъ англійскихъ политико-экономовъ. Англія была также родиной первыхъ выдающихся статистиковъ: Уильяма Петти (1623 г. — 1687 г.), который назвалъ свои изслѣдованія, касающіяся численности народонаселенія „политической ариѳметикой“, и Чарльза Давенанта (1656 г. — 1714 г.), которому принадлежатъ первыя работы по торговой статистикѣ. Великіе англійскіе мыслители Беконъ, Гоббсъ и Локкъ тоже касались попутно вопросовъ народнаго хозяйства. Изъ шотландской философской школы (стр. 560) вышелъ величайшій политико-экономъ XVIII столѣтія Адамъ Смитъ.

в) Камеральная наука.

Еще до тридцатилѣтней войны появились въ Германіи нѣкоторыя сочиненія, въ которыхъ разбирались отдѣльные вопросы изъ области государственной экономіи; но только послѣ окончанія этой войны герман-

ская политическая литература получила свой оригинальный характеръ. Она идетъ рука объ руку съ владѣтельными князьями, которые въ это время были озабочены мыслью о поднятіи численности народонаселенія и благосостоянія разоренныхъ областей и въ особенности объ улучшеніи своихъ финансовъ. Университетскіе профессоры и писатели отдавали всѣ свои силы „камерамъ“ владѣтельныхъ князей, вслѣдствіе чего они получили названіе камералистовъ, а ихъ работы стали называться камеральной наукой. Наиболѣе выдающимся изъ камералистовъ былъ химикъ Іоаннъ Іоахимъ Бехеръ (1645 г. — 1682 г.), который жилъ и работалъ въ Баваріи, Австріи, Англіи и Голландіи; къ нему примыкали Ф. В. фонъ-Гернигкъ (1638 г. — 1713 г.), авторъ сочиненія „Австрія превзойдетъ всѣхъ, если только она захочетъ“ (Oesterreich über alles, wenn es nur will), и Вильгельмъ фонъ-Шредеръ (скonч. въ 1689 г.). Такіе выдающіеся люди, какъ Пуфендорфъ, Лейбницъ и Христіанъ Вольфъ, тоже работали сообща съ камералистами; поэтому возникла хотя и эклектическая, но все же вполнѣ серьезная учебная литература. Авторами наиболѣе извѣстныхъ въ свое время руководствъ были Фейтъ Людвигъ фонъ-Зекендорфъ (1626 г.— 1696 г.), Іоаннъ Генрихъ Г. фонъ-Юстъ (1702 г. — 1771 г.) и Іосифъ фонъ-Зонненфельсъ (1732 г. — 1817 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ университетахъ успѣшно разрабатывалось описательное государствовѣдѣніе по образцу Конринга и Пуфендорфа. Готтфрида Ахенвалля (1719 г. — 1772 г.), который былъ представителемъ этой научной спеціальности въ Геттингенѣ, называютъ „отцомъ статистики“, но это несправедливо въ виду заслугъ Петти и Давенанта (стр. 539). Еще болѣе неосновательно поступаютъ тѣ, которые признаютъ работу ханжествующаго Іоанна Петра Зюсмильха (1707 г. — 1767 г.) „Слѣды божественнаго порядка въ измѣненіяхъ человѣческаго рода (Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts) новой эрой въ статистикѣ и даже въ соціологіи, хотя и слѣдуетъ признать, что Зюсмильхъ умѣлъ извлекать изъ чиселъ больше выводовъ, чѣмъ его предшественники.

9. Естественныя науки въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

В. Г. Риль сравниваетъ въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій всю совокупность наукъ съ подвижной системой равновѣсія европейскихъ государствъ. Какое-нибудь государство достигаетъ преобладающей роли и затѣмъ вызываетъ противодѣйствіе остальныхъ; равновѣсіе возстановляется, — затѣмъ нарушается въ пользу другого государства и т. д. Точно также та или другая наука становится во главѣ всего „концерта“ наукъ, и затѣмъ вскорѣ ее вытѣсняетъ другая. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что реформація и вызванная ею реакція, противо-реформація, возстановили на нѣкоторое время господство теологіи, потрясенное гуманизмомъ. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ первенствующая роль въ федераціи естественныхъ и умозрительныхъ наукъ досталась на долю математики, пока, наконецъ, вновь расцвѣтшая, возродившаяся отъ животворнаго духа опытнаго знанія философія не возложила на себя короны, которую теологія почти незамѣтно уронила съ своей головы; вслѣдъ за вѣкомъ многознанія и энциклопедической учености, надъ которыми еще тяготѣлъ гнетъ теологіи, двинулся своей крылатой стопой философскій вѣкъ, вѣкъ просвѣщенія, скептицизма и религіознаго индифферентизма.

А. Точныя опытныя науки.

Для XVII и XVIII столѣтій невозможно болѣе или менѣе точно отдѣлить другъ отъ друга всѣмъ намъ хорошо извѣстные спеціальные отдѣлы;

не удается подвести идею трудовъ каждаго изъ ученыхъ той эпохи подъ какую-нибудь отдѣльную рубрику. На какомъ только поприщѣ не работалъ Декартъ (стр. 553), для славы котораго было бы достаточно и того, что онъ создалъ аналитическую геометрію и обогатилъ искусство счисленія новыми вспомогательными пріемами; или Блезъ Паскаль (отъ 1623 до 1662 г.), который былъ однимъ изъ основателей теоріи вѣроятностей вмѣстѣ съ Пьеромъ Ферматомъ (1661—1665 г.), первымъ изслѣдователемъ въ области теоріи чиселъ! Тотъ же Паскаль былъ и мистикомъ, полемизировалъ съ іезуитами, писалъ афоризмы, славился изяществомъ своего слога; онъ же усовершенствовалъ и развилъ теорію коническихъ сѣченій. Почти въ одно и то же время (между 1660 и 1680 годами) Ньютонъ и Лейбницъ изобрѣли дифференціальное счисленіе, и до сихъ поръ продолжается нескончаемый споръ о томъ, кому изъ нихъ обоихъ принадлежитъ первенство.

Въ сравненіи съ этими разносторонними умами базельцы братья Бернулли представляютъ собою типъ математиковъ-спеціалистовъ. Яковъ и Іоаннъ Бернулли (первый жилъ отъ 1654 до 1705 г., второй — отъ 1667 до 1748 г.) присоединили къ дифференціальному счисленію интегральное и варіаціонное; имъ удалось также одолѣть посредствомъ анализа самыя неподатливыя изъ всѣхъ кривыхъ. Вмѣстѣ съ Даніиломъ Бернулли (1700 г.—1782 г.) слѣдующіе ученые подвинули впередъ въ XVIII столѣтіи всѣ отрасли математики: Леонардъ Эйлеръ (1707—1783 г.), Жанъ Леронъ д' Аламберъ (1717—1783 г.) и Ж. Луи Лагранжъ (1736—1813 г.). Эти систематики придали математическимъ теоріямъ законченную, упрощенную и чистую форму; они оставили потомству драгоцѣнное наслѣдіе, такъ какъ предъ ними лежала нетронутая густая нива, съ которой они не переставали снимать богатыя жатвы, такъ что въ концѣ концовъ послѣдующимъ поколѣніямъ часто оставалось только подбирать выпавшія колосья.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имена этихъ ученыхъ блистаютъ наряду съ другими на страницахъ исторіи физики и астрономіи. Италія была родиной научной механики, которая унаслѣдовала отъ древне-классическаго міра всего только нѣсколько опредѣленій и теоремъ изъ статики. Галилео Галилей (1564 г.—1642 г.) заслуживаетъ больше всякаго другого почетный титулъ основателя динамики. Эта наука обязана ему своими основными положеніями объ инерціи, о равномѣрномъ и равномѣрно-ускоренномъ движеніи, о движеніи свободно падающаго и брошеннаго тѣла, о сложеніи и разложеніи силъ и, по крайней мѣрѣ, начатками ученія о простомъ маятникѣ и объ ускореніи движеній; всѣ дальнѣйшія работы въ области динамики стоятъ на плечахъ Галилея. Самыя раннія изъ этихъ работъ принадлежатъ Христіану Гюйгенсу (1625—1695 г.); онъ усовершенствовалъ теорію простого и основалъ теорію сложнаго маятника, а это навело его на теорію центра качаній и центробѣжной силы. Онъ обогатилъ также механику яснымъ изложеніемъ ученія о сложеніи силъ и теоріи толчка. Изъ прочно-установленныхъ къ тому времени теоремъ галилеевской механики и законовъ Кеплера Исаакъ Ньютонъ (1623—1727 г.) вывелъ свой законъ тяготѣнія и притяженія, который гласитъ, что всѣ тѣла (слѣдовательно, также солнце и планеты) притягиваютъ другъ друга прямо пропорціонально своей массѣ и обратно пропорціонально квадрату разстоянія между ними. Послѣ этого стало возможнымъ дать удовлетворительное объясненіе криволинейнаго движенія планетъ и явленій, зависящихъ отъ силы тяжести на землѣ, хотя все еще осталось загадкой, какимъ образомъ дѣйствіе притягивающихъ силъ передается на разстояніе черезъ индифферентное пустое пространство. Въ своемъ главномъ трудѣ „Philosophiae naturalis principia mathematica“ (Математическія основанія философіи природы, въ 1687 г.) Ньютонъ ограничился вообщемъ синтетическими геометрическими доказательствами своихъ теорій; напротивъ того, работы

Бернулли и Эйлера открываютъ собою эпоху аналитической разработки механическихъ и вообще физическихъ вопросовъ, которая была облегчена благодаря примѣненію дифференціальнаго и интегральнаго счисленій.

Между тѣмъ статика также подвинулась впередъ, главнымъ образомъ, благодаря трудамъ Симона Стевена (1548—1620 г.), Декарта, Паскаля и Фермата. Теперь наукѣ предстояло рѣшить слѣдующую задачу: какимъ образомъ соединить воедино статику и динамику и въ то же время отыскать общую исходную точку для механики твердаго, капельножидкаго и газообразнаго тѣлъ (гигромеханика и аэромеханика). Законъ Лейбница о неизмѣняемости живой силы и правило пропорціональнаго ускоренія стали основой для всѣхъ изысканій въ области механики. Пользуясь пріемами Д'Аламбера, Лагранжъ развилъ аналитическую механику въ видѣ непрерывной цѣпи послѣдовательныхъ выводовъ, начиная отъ основныхъ ея положеній и кончая самыми сложными ея отдѣлами.

Начиная съ XVII столѣтія естественныя науки вступаютъ въ періодъ измѣреній; были изобрѣтены необходимые для точныхъ наблюденій инструменты. Прежде всего почувствовалась потребность въ надежномъ инструментѣ для измѣренія времени. Идя по стопамъ своихъ предшественниковъ Бюрги (стр. 477) и Галилея, Гюйгенсъ изобрѣлъ въ третій разъ часы съ маятникомъ. Кажется, что онъ же первый примѣнилъ также и часовую пружину, хотя секретарь лондонскаго королевскаго общества Робертъ Гукъ (1635 г.—1703 г.), ученый бандитъ, который присваивалъ себѣ всякое, кѣмъ бы то ни было сдѣланное, открытіе, приписывалъ себѣ честь этого изобрѣтенія. Впослѣдствіи часы были настолько усовершенствованы Джорджемъ Грегемомъ (1675—1751 г.) и Джономъ Гаррисономъ (1693—1776 г.), изобрѣтателями компенсаціоннаго маятника, Генри Сюлли (1679—1720 г.) и Пьеромъ Леруа (1717—1785 г.), что они стали употребляться при самыхъ тонкихъ астрономическихъ и геодезическихъ работахъ (хронометръ, time-keeper). Въ 1643 г. ученикъ Галилея, Евангелиста Торричелли (1608—1647 г.) изобрѣлъ ртутный барометръ для измѣренія давленія воздуха. Паскаль открылъ, что этотъ приборъ можетъ быть такъ же примѣненъ для измѣренія высотъ, а Эдмундъ Галлей (стр. 546) пытался выработать формулу для подобныхъ измѣреній. Что касается термометра, то его происхожденіе теряется во мракѣ; кажется, что и его родиной тоже была Италія, гдѣ въ XVII столѣтіи стали замѣнять воздушный термометръ голландца Корнели Ванъ Дреббеля (1572—1634 г.) трубкой, наполненной виннымъ спиртомъ и снабженной шкалой. Троякаго рода шкалы, которыя употребляются и понынѣ, принадлежатъ XVIII столѣтію: 180-градусная была введена въ употребленіе Г. Даніиломъ Фаренгейтомъ изъ Данцига (1686—1736 г.), который изобрѣлъ также вѣсовой ареометръ, 80-градусная — французомъ Ренэ А. Фершо де Реомюромъ (1683—1757 г.), а шкала со 100 дѣленіями шведомъ Андерсомъ Цельзіемъ (1701—1744). Г. Бенедиктъ де Соссюръ (1740 г.—1799 г.) усовершенствовалъ благодаря своему гигрометру общеупотребительный наборъ метеорологическихъ инструментовъ.

Важнѣйшіе оптическіе приборы, телескопъ и микроскопъ, возникли въ Голландіи; ихъ названія придуманы однимъ итальянскимъ грекомъ, по имени Демисціанусъ. Изобрѣтеніе голландской подзорной трубы, бинокля, приписывается шлифовщику стеколъ Гансу Липперсгей (срв. стр. 479). Идея астрономической подзорной трубы, состоящей изъ двухъ выпуклыхъ чечевицъ и дающей обратныя изображенія, принадлежитъ Кеплеру (въ 1611 г.); выполнена была эта идея іезуитомъ Христофомъ Шейнеромъ (1573—1650 г.) приблизительно въ 1613 г. Капуцинъ Марія Ширль (1597—1630 г.) изобрѣлъ подзорную трубу, состоящую изъ четырехъ чечевицъ и дающую прямое изображеніе разсматриваемаго предмета; въ 1645 году этотъ приборъ былъ усовершенствованъ капуциномъ Ант. Мар. де Рейта. Идея зеркальнаго телескопа (въ 1663 г.) принадлежитъ Джемсу

Грегори (1638—1675 г.); Гукъ и Ньютонъ привели эту идею въ исполненіе въ 1668 году; въ 1672 году зеркальный телескопъ былъ усовершенствованъ Кассегреномъ. Въ 1757 году оптику Джону Доллонду (1706—1761 г.) удалось изготовить ахроматическія чечевицы и подзорныя трубы.

Въ области механики и теоріи теплоты XVII и XVIII столѣтія дали цѣлый рядъ весьма важныхъ научныхъ открытій. Химикъ Стевинъ (стр. 542), Бенедетто Кастелли (1577 г. — 1644 г.) и Торричелли подвинули впередъ гидростатику и гидродинамику. Робертъ Бойль (стр. 544) открылъ въ 1662 году законъ о соотношеніи между объемомъ и давленіемъ газовъ, который былъ названъ по имени Эдмона Маріотта (1620 г. — 1684 г.), вновь открывшаго этотъ законъ самостоятельно въ 1679 г. Магдебургцу Отто фонъ-Герике (1602 г. — 1686 г.) наука обязана изобрѣтеніемъ воздушнаго насоса (въ 1650 г.). Къ концу XVII столѣтія проекты производства работъ посредствомъ пара стали принимать осязательныя формы. Эдуардъ Сомерсетъ и Томасъ Савери (1650 г. — 1716 г.) устроили въ Англіи 1698 паровыхъ машинъ для подъема воды, а Денисъ Папинъ (1647 г.— 1714 г.) воспользовался своей машиной, снабженной подвижнымъ поршнемъ и основанной на охлажденіи и сгущеніи пара (въ 1690 г.), и построилъ судно, приводимое въ движеніе паромъ (этотъ первый пароходъ былъ спущенъ на рѣку Фульду въ 1707 г.). Два англичанина, торговецъ желѣзомъ Томасъ Ньюкоменъ (въ 1712 г.) и стекольщикъ Джонъ Кэйлей, сдѣлали важныя усовершенствованія въ паровой машинѣ; наконецъ Джемсъ Уаттъ (1736 г.—1819 г.) изобрѣлъ, начиная съ 1768 г., сначала конденсаторъ, затѣмъ постепенно золотникъ, параллелограммъ, центробѣжный регуляторъ и т. д., примѣнилъ всѣ эти изобрѣтенія къ своей машинѣ „двойного дѣйствія“ и основалъ фабрику паровыхъ машинъ. Этотъ паровой двигатель былъ немедленно приспособленъ къ изобрѣтеннымъ въ одно время съ нимъ усовершенствованнымъ прядильнымъ и ткацкимъ станкамъ, которые вызвали громадный переворотъ въ промышленности и въ соціальныхъ условіяхъ той эпохи (срв. т. VII).

Относительно сущности теплоты господствовали въ то время совершенно ошибочныя представленія. Хотя Джозефъ Блэкъ (1728 г. — 1799 г.) и доказалъ существованіе удѣльной и скрытой теплоты, тѣмъ не менѣе онъ вмѣстѣ со своими современниками считалъ теплоту, равно какъ и свѣтъ, невѣсомой матеріей. Впрочемъ, теоретическая оптика сдѣлала большіе успѣхи. Итальянскій іезуитъ Франческо М. Гримальди (1618 г. — 1663 г.) производилъ въ 1650 году наблюденія надъ разсѣяніемъ и преломленіемъ свѣта; Гукъ и Ньютонъ изслѣдовали цвѣта тонкихъ пластинокъ; Іеронимусъ Эразмусъ Бартолинусъ (1625 г. — 1698 г.) открылъ въ 1669 году двоякопреломляющее свойство исландскаго известковаго шпата. Теорія цвѣтовъ Ньютона представляетъ громадный прогрессъ въ наукѣ. Ньютоновской теоріи истеченія (въ 1704 году), которая принимаетъ, что отъ свѣтящагося тѣла отдѣляются частички, притягиваемыя или отталкиваемыя освѣщеннымъ тѣломъ, Гюйгенсъ противоставилъ теорію волнообразныхъ колебаній; единственная его ошибка заключалась въ томъ, что онъ считалъ колебанія свѣтовыхъ волнъ продольными, а не поперечными. Научная фотометрія (измѣреніе силы свѣта) была основана въ 1729 году Пьеромъ Бугэ (1698 г. — 1758 г.) и разработана въ 1760 году Іоанномъ Генрихомъ Ламбертомъ (1728 г. — 1777 г.).

Акустика сдѣлала меньшіе успѣхи, чѣмъ оптика. Пьерръ Гассанъ (Гассенди; 1592 г. — 1655 г.) пытался измѣрить скорость звука; Марэнъ Мерсенъ (1583 г. — 1647 г.) наблюдалъ обертоны; Томасъ Пиго и Жозефъ Соверъ (1652 г. — 1716 г.) изучали тоны флажолета; Эрнестъ Фл. Фр. Хладни (1756 г. — 1827 г.) открылъ въ 1787 году такъ называемыя Хладніевы звуковыя фигуры. Великіе математики того времени съ своей стороны разрабатывали теорію колебательныхъ движеній.

Послѣ Джильберта ученіе объ электричествѣ мало подвинулось впередъ во все продолженіе XVII столѣтія; зато въ XVIII столѣтіи быстро послѣдовали одно за другимъ открытія, составившія эру въ наукѣ. Стефанъ Грей (сконч. въ 1736 году) открылъ въ 1728 году различіе между хорошими и дурными проводниками электричества. Шарль-Дю-Фей (1698—1739 г.) открылъ въ 1733 году различіе между электричествомъ стекла и электричествомъ смолы (т. е. между положительнымъ электричествомъ и отрицательнымъ). Изобрѣтеніемъ и усовершенствованіемъ лейденской банки наука обязана цѣлому ряду изслѣдователей: настоятелю кеслинскаго собора фонъ-Клейсту (въ 1745 году), Кунеусу изъ Лейдена, Петру фонъ-Мушенбреку (1692—1761 г.), І. Г. Винклеру (1703—1770 г.) и т. д.; точно также и устройство электрической машины было разработано постепенно цѣлымъ поколѣніемъ изслѣдователей. Бенджаминъ Франклинъ (1706—1790 г., срв. томъ I), американскій типографъ, народный писатель и государственный дѣятель, подтвердилъ около 1752 года уже раньше извѣстное сходство между электрической искрой и молніей и производилъ опыты надъ устройствомъ громоотвода (въ Европѣ первый громоотводъ былъ изобрѣтенъ въ 1754 году Прокопомъ Дивишемъ (1696—1765 г.) независимо отъ Франклина). Посредствомъ своихъ крутильныхъ вѣсовъ (въ 1784 г.) Шарль Огюстъ де Кулонъ (отъ 1736—1806 гг.) подчинилъ мѣрѣ и числу безсистемныя наблюденія тогдашнихъ изслѣдователей надъ электрическими явленіями. Въ концѣ XVIII вѣка было извѣстно 6 видовъ электричества: электричество тренія, электричество черезъ вліяніе, электричество отъ замораживанія, термоэлектричество или пироэлектричество, затѣмъ атмосферное и животное электричество. Въ 1789 году Луиджи Гальвани (1737—1798 г.) открылъ еще одно явленіе, которому онъ не былъ въ состояніи дать вѣрнаго объясненія; напротивъ того, графъ Алессандро Вольта (1745—1827 г.), изобрѣтатель электрофора (въ 1775 году году), электроскопа (въ 1777 году) и конденсатора (въ 1782—83 г.), разгадалъ, что въ этомъ явленіи кроется новый родъ и новый источникъ электричества—электричество отъ соприкосновенія; въ 1799 году онъ устроилъ первый изъ названныхъ по его имени столбовъ.

Химія перестала бродить ощупью въ потемкахъ мистики гораздо позже своей родной сестры физики. Въ XVII вѣкѣ люди все еще гонялись за философскимъ камнемъ, превращающимъ неблагородные металлы въ золото; въ XVIII вѣкѣ тоже еще занимались усердно алхиміей, пока, наконецъ, это укоренившееся вѣками безуміе не стало исключительно орудіемъ для эксплоатаціи легковѣрныхъ въ рукахъ такихъ ловкихъ авантюристовъ — мошенниковъ, какъ Іоаннъ Георгъ Шрепферъ (1730—1774 г.) и Джозефъ Бальзами, называвшійся графомъ Александромъ Каліостро (1743—1795 г.). Однако уже Робертъ Бойль (1627—1691 года) окончательно отказался отъ нелѣпыхъ, суевѣрныхъ традицій своей науки; химія обязана ему своими основными понятіями о химическихъ элементахъ, о соединеніяхъ, о смѣсяхъ, о сродствѣ. Въ XVIII столѣтіи, въ теченіе котораго ученые были заняты исключительно качественными изслѣдованіями и пренебрегали количественнымъ анализомъ, химія находилась подъ вліяніемъ теоріи флогистона, основатель которой Георгъ Эрнестъ Сталь (1660—1734 г.) утверждалъ, что при горѣніи и окисленіи металловъ происходитъ выдѣленіе особаго вещества—флогистона. Изъ нѣмецкихъ послѣдователей теоріи флогистона выдѣляются Андрей Сигизмундъ Маркграфъ (1702—1782 г.), который, между прочимъ, открылъ сахаръ въ свекловицѣ (его ученикъ Францъ Карлъ Ахардъ устроилъ въ 1801 г. первый свеклосахарный заводъ въ Куннернѣ, въ Нижней Силезіи), и затѣмъ Карлъ Вильгельмъ Шееле (1742—1786 г.), который открылъ, кромѣ марганца, хлора и многихъ органическихъ кислотъ еще и кислородъ. Англійскій богословъ Жозефъ Пристлей (1733—1804 г.) наткнулся во время своихъ весьма произво-

дительныхъ для науки изслѣдованій надъ газами на закись азота и на кислородъ, независимо отъ Шееле (въ 1774 г.). Еще Іоганнъ Баптистъ фанъ Гельмонтъ (1577—1644 г.) установилъ отличительные признаки угольной кислоты отъ обыкновеннаго воздуха, а Блекъ (стр. 544) открылъ, что угольная кислота фиксируется щелочами и вступаетъ съ ними въ соединенія и добылъ многія изъ такихъ соединеній. Генри Кавендишъ (1731—1810 г., происходилъ изъ рода герцоговъ Девонширскихъ) самъ еще былъ вѣрнымъ ученикомъ Сталя, но своими открытіями способствовалъ вытѣсненію флогистической химіи—антифлогистической: въ 1766 г. онъ открылъ водородъ, нашелъ химическій составъ воды, а въ 1783—88 г. установилъ, что воздухъ есть смѣсь газовъ.

До конца XVIII столѣтія французы тоже слѣдовали теоріи Сталя: заслуги ихъ заключались, главнымъ образомъ, въ разработкѣ технической химіи (фабрикаціи соды, красильнаго дѣла, керамики, производства химическихъ веществъ). Антуанъ Лоранъ Лавуазье (1743—1794 г.) установилъ съ вѣсами въ рукахъ, что процессы горѣнія, окисленія металловъ и дыханія зависятъ отъ соединенія химическихъ тѣлъ съ кислородомъ; такимъ образомъ былъ вытѣсненъ изъ науки флогистонъ Сталя. На развалинахъ прежней химіи Лавуазье воздвигъ величественное зданіе новой науки; руководящая роль въ ней надолго осталась за французами.

Б. **Описательныя естественныя науки.**

а) Астрономія и землевѣдѣніе.

Въ тѣсной связи съ математикой и математической физикой астрономія и землевѣдѣніе тоже сдѣлали въ XVII и XVIII столѣтіяхъ существенные успѣхи. Идя по стопамъ Коперника, Іоганнъ Кеплеръ (1571—1630) открылъ законы движенія планетъ. Хотя судьба гнала его впродолженіе его жизни изъ Граца въ Прагу и Линцъ въ качествѣ гимназическаго учителя, составителя календарей и астролога, тѣмъ не менѣе великій вюртембергскій ученый успѣлъ, благодаря своему непреклонному характеру, закончить свои три труда, которые были плодами громаднаго генія и необычайнаго трудолюбія: „Новую астрономію“ (Astronomia nova), „Пять книгъ міровой гармоніи“ (Harmonices mundi libri quinque, въ 1619 г.) и „Рудольфовскія таблицы“ (въ 1627 г.). Великій современникъ Кеплера Галилей (стр. 542) былъ тоже счастливымъ наблюдателемъ въ области астрономическихъ явленій; онъ открылъ кольцеобразныя горы на лунѣ, Млечный путь, спутниковъ Юпитера (въ январѣ 1610 г.) и Кольца Сатурна; до той поры наблюденія надъ небеснымъ пространствомъ производились невооруженнымъ глазомъ, Галилей же воспользовался изобрѣтеннымъ сначала въ Голландіи (стр. 542), а затѣмъ устроеннымъ имъ самимъ независимо отъ прежнихъ изобрѣтателей (въ 1609 г.) биноклемъ. Галилей отстаивалъ теорію Коперника, которая была признана еретической въ февралѣ 1616 г. и предана анаѳемѣ; въ 1633 году престарѣлый естествоиспытатель былъ вызванъ на судъ римской инквизиціей, и его заставили отречься отъ ученія Коперника и дать клятвенное обѣщаніе въ томъ, что онъ впредь не будетъ придерживаться этой еретической теоріи; тѣ сочиненія, за которыя Галилей подвергся обвиненію, были вычеркнуты изъ индекса (списка запрещенныхъ книгъ) только въ 1835 г. Кромѣ Галилея въ теченіи перваго періода новой астрономіи были и другіе счастливые наблюдатели, какъ, напримѣръ, Симонъ Маріусъ, который открылъ въ декабрѣ 1609 г. четыре спутника Юпитера, Христофоръ Шейнеръ (стр. 542), Іоаннъ Гевельке, по прозвищу Гевель (1611—1687 г.), Гюйгенсъ и т. д. Въ то же время и теоретическая астрономія сдѣлала громадный шагъ впередъ

благодаря ньютоновской механикѣ тяготѣнія, въ которой математическіе законы Кеплера являются прямымъ выводомъ изъ основныхъ положеній физики.

До средины XVII столѣтія корпоративные труды ученыхъ обществъ приносили мало пользы наукѣ; напротивъ того, отдѣльные члены этихъ обществъ нерѣдко становились жертвою честолюбія ученыхъ мародеровъ изъ числа своихъ сотоварищей, которые присваивали себѣ чужія открытія. Гораздо болѣе важное значеніе пріобрѣли въ наукѣ обсерваторіи, которыя стали открываться во вторую половину этого столѣтія; подъ покровительствомъ государства и на средства, отпускаемыя имъ, открылась возможность производить длинные ряды утомительныхъ наблюденій, и въ науку получилъ доступъ тотъ способъ производства, который практикуется въ мастерскихъ: учитель съ учениками стали работать сообща, какъ мастеръ со своими подмастерьями. Во главѣ первой изъ наблюдательныхъ станцій подобнаго рода, Парижской обсерваторіи, былъ поставленъ въ 1669 году ученикъ Галилея Джіованни Доменико Кассини (1625—1712 г.). Послѣ смерти старшаго Кассини во главѣ того же учрежденія сталъ его сынъ (Жакъ, 1677—1756 г.), затѣмъ его внукъ (Сезаръ Франсуа, 1714—1784 г.), а затѣмъ его правнукъ (Жанъ Доменикъ; 1748—1845 г.); этотъ послѣдній представитель астрономической династіи Кассини былъ свергнутъ съ трона во время революціи въ 1793 г. Одинъ изъ сотрудниковъ старшаго Кассини, Олафъ Ремеръ (1644—1710 г.), благодаря которому прославилась Копенгагенская обсерваторія, извѣстенъ, какъ человѣкъ, обладавшій необычайнымъ остроуміемъ, который рѣшился еще въ 1676 году на опредѣленіе скорости свѣта.

Въ 1676 году была открыта Гринвичская обсерваторія; ея первымъ руководителемъ былъ Джонъ Флемстидъ (1646—1719 г.), а его ближайшими преемниками Эдмундъ Галлей (1656—1749 г.) и Джемсъ Брэдлей (1692—1762 г.). Плодомъ многолѣтнихъ наблюденій Флемстида, продолжавшихся въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, былъ изданный имъ небесный атласъ изъ 25 картъ (Лондонъ, 1729 г.). Галлей занялся сначала подробнымъ изслѣдованіемъ южной части неба, затѣмъ трудился надъ вычисленіемъ кометныхъ орбитъ, опредѣлилъ періоды возвращенія названной по его имени кометы (она появлялась на небѣ въ 1531 и 1607 г., затѣмъ при жизни Галлея въ 1682 г., а послѣ его смерти въ 1759 г.) и, кромѣ того, оставилъ по себѣ важные труды изъ области математической и физической географіи. Брэдлей открылъ аберрацію неподвижныхъ звѣздъ. Открытая въ 1706 г. берлинская обсерваторія тоже достигла всеобщей извѣстности въ теченіе XVIII столѣтія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ ней сталъ работать Іоаннъ Элертъ Боде (1747—1826 г.). Къ самымъ богатымъ результатамъ за все это столѣтіе привели наблюденія переселившагося въ 1757 г. въ Англію ганноверскаго учителя музыки Фридриха Вильгельма Гершеля (1738—1822 г.), который открылъ Уранъ (13-го марта 1781 г.) и его спутниковъ (въ 1787 г.), а также двойныя звѣзды, опредѣлилъ собственное движеніе неподвижныхъ звѣздъ, вообще далъ совершенно новый видъ топографіи неба и способствовалъ прогрессу физики благодаря сдѣланному имъ открытію темныхъ тепловыхъ лучей; всѣ свои наблюденія Гершель производилъ съ помощью устроенныхъ имъ собственноручно рефлекторовъ и громадныхъ зрительныхъ трубъ. Сестра его, Каролина (1750—1848 г.), была его вѣрной помощницей во всѣхъ его трудахъ, а сынъ его Джонъ (1792—1871 г.) продолжалъ съ такимъ же успѣхомъ работы своего отца.

Съ тѣхъ поръ, какъ астрономія стала пользоваться услугами высшаго анализа, стали возможными выполненіе самыхъ трудныхъ вычисленій орбитъ и опредѣленіе „пертурбацій“ (отклоненій планетъ отъ ихъ пути вслѣдствіе притяженія, производимаго другими небесными тѣлами). Надъ

подобными вычисленіями трудились Даніилъ Бернулли, Эйлеръ, д'Аламберъ и Лагранжъ (стр. 541), а Пьеръ Симонъ (графъ) Лапласъ (1749—1827 г.) свелъ всѣ ихъ труды въ стройную систему въ своемъ пятитомномъ сочиненіи „Небесная механика" (Mécanique céleste); тѣ же самые вопросы были обработаны имъ въ болѣе общедоступномъ видѣ въ его двухтомномъ „Изложеніи міровой системы" (Exposition du système du monde). Въ этомъ сочиненіи изложена гипотеза мірового тумана или „теорія Лапласа" Кантъ и Іоганнъ Генрихъ Ламбертъ выступили еще раньше Лапласа со своими космогоническими теоріями (первый въ 1755 г., второй въ 1761 г.), но ихъ мнѣнія остались совершенно неизвѣстными французскому ученому,— поэтому говорятъ всегда о гипотезѣ Канта-Лапласа; это есть самая замѣчательная изъ всѣхъ сдѣланныхъ до сихъ поръ попытокъ къ созданію чисто научной космогоніи.

Въ то время, когда образованные классы Европы еще не научились читать естественно-научныхъ трудовъ для того, чтобы исправить свое частью еще вполнѣ ребяческое міровоззрѣніе, они развлекались безъ всякой задней мысли разсказами путешественниковъ о далекихъ странахъ и народахъ. Хотя публика предпочитала повѣствованія романтическаго характера сухимъ описаніямъ, тѣмъ не менѣе въ ней росло постепенно чутье къ правдивости и къ пользѣ географическаго матеріала. Въ срединѣ XVIII столѣтія въ литературѣ путешествій произошелъ переворотъ къ лучшему: предпринимавшіяся людьми науки путешествія стали излагаться въ такой формѣ, которая отличалась всѣми преимуществами отлично удовлетворяющаго всѣмъ эстетическимъ требованіямъ слога. Это былъ вѣкъ Джемса Кука (1728—1779 г.; срв. т. II), который снялъ туманный покровъ съ Тихоокеанійскаго полушарія съ его продолженіями, направленными къ Сѣверному и Южному полюсамъ. Теперь, когда вслѣдъ за политическимъ захватомъ вновь стало на очередь научное изслѣдованіе вновь открытыхъ и завоеванныхъ странъ, нѣмцы тоже взяли на себя роль сотрудниковъ, а вскорѣ даже и руководителей этого движенія; они оказались безкорыстными и неутомимыми тружениками на этомъ поприщѣ, соотвѣтствующемъ ихъ національному духу. Что у нѣмцевъ дѣйствительно существуетъ призваніе къ этой области науки, это доказали прежде всего Симонъ Палласъ (1741—1811 г.), и до сихъ поръ еще не оцѣненный по заслугамъ изслѣдователь Азіатской Россіи, и еще въ большей степени слѣдующіе ученые: оба Форстера, Іоганнъ Рейнгольдъ (1729—1798 г.) и сынъ его Іоганнъ Георгъ (1754—1794 г.), которые оба принимали участіе во второмъ кругосвѣтномъ путешествіи Кука (отъ 1772 до 1775 г.) и составили его описаніе и изъ которыхъ младшій прославился также какъ авторъ извѣстнаго въ нѣмецкой литературѣ сочиненія „Картины нижняго Рейна" (отъ 1791 до 1794 г.); затѣмъ Карстенъ Нибуръ (1733—1815 г.), который былъ первымъ піонеромъ изъ изслѣдователей развалинъ Древняго Востока, и Фридрихъ Горнеманъ (1772—1800 г.); этотъ послѣдній, равно какъ и шотландецъ Мунго Паркъ (1771—1806 г.) отправились по порученію основанной въ 1708 г. лондонской „Африканской ассоціаціи" въ путешествіе на темный материкъ, гдѣ оба они погибли преждевременною смертью. Эту вереницу изслѣдователей замыкаетъ собою царь научнаго землеописанія Александръ фонъ-Гумбольдтъ.

Картографическое изображеніе земной поверхности усовершенствовалось благодаря прогрессивному движенію точныхъ наукъ, начиная съ XVII столѣтія, въ особенности же благодаря предпринятымъ геодезическимъ работамъ. Послѣ того какъ Ж. Д. Кассини опредѣлилъ на основаніи своихъ наблюденій, что ось вращенія Юпитера короче, чѣмъ діаметръ его экватора, послѣ того какъ Жанъ Рише (скончался въ 1696 г.) наблюдалъ въ Кайеннѣ, что его секундный маятникъ качается медленнѣе, чѣмъ въ Парижѣ, а Ньютонъ пришелъ на основаніи своей теоріи тяготѣнія къ тому

заключенію, что земля должна имѣть форму сфероида, сплющеннаго у полюсовъ и вздутаго на экваторѣ, — послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ открытій у ученыхъ разгорѣлось рвеніе къ измѣреніямъ градуса земного меридіана подъ различными широтами и къ опредѣленію дѣйствительныхъ размѣровъ земного шара. Для этихъ изслѣдованій имѣется уже выработанный методъ въ видѣ выполненнаго Вилебрордомъ Снеллемъ фонъ Ройеномъ (1591 г.—1626 г.) и опубликованнаго въ 1617 г. измѣренія дуги земного меридіана между Алькмааромъ и Бергенъ-опъ-Цоомомъ посредствомъ цѣпи треугольниковъ (тріангуляціи); этимъ самымъ методомъ воспользовался также Жанъ Пикаръ (сконч. въ 1688 г.) для измѣренія дуги меридіана во Франціи. Рѣшительные результаты были добыты только двумя экспедиціями, которыя были отправлены французами, одна въ Перу, другая въ Лапландію. Первая подъ руководствомъ Бугэ (стр. 543) и Шарля Мари де Лакондамина (1701 г.—1774 г.) выполнила свою работу между 1736 и 1744 годами, вторая подъ руководствомъ Пьера Луи Моро де Мопертюи (1698 г.—1789 г.), — производила свои измѣренія въ 1736—1737 г. Такъ какъ результаты обоихъ измѣреній градуса земного меридіана не сходились между собою, то потребовались дальнѣйшія измѣренія, а это, само собою разумѣется, послужило на пользу географической наукѣ. Еще важнѣе были многочисленныя опредѣленія широтъ и долготъ различныхъ точекъ земного шара, тѣмъ болѣе что въ XVIII столѣтіи подобныя измѣренія уже достигли значительной точности, чему способствовали всѣ тѣ ученые, которые трудились надъ усовершенствованіемъ часовъ, надъ устройствомъ зеркальныхъ секстантовъ (Ньютонъ, Джонъ Гэдлей въ 1731 г.) и надъ вычисленіемъ астрономическихъ таблицъ. Въ частности лунныя таблицы нѣмецкаго астронома Іоанна Тобіаса Майера (1723 г.—1762 г.) облегчили опредѣленіе долготъ на открытомъ морѣ.

Въ XVIII столѣтіи руководящая роль въ области картографіи перешла отъ голландцевъ къ французамъ Гильому Делилю (1675 г.—1726 г.) и Ж. Б. Бургиньонъ д'Анвилю (1697 г.—1782 г.); послѣдній изъ нихъ издалъ, между прочимъ, атласъ древняго міра (Atlas antiquus). Что касается нѣмцевъ, то Іоаннъ Баптистъ и Іоаннъ Христіанъ Гоманны (первый отъ 1664 до 1724 г., второй отъ 1703 до 1730 г.) въ Нюренбергѣ долгое время довольствовались тѣмъ, что украшали свои извѣстные во всей Европѣ атласы копіями съ чужихъ оригиналовъ. Однако, начиная съ XVIII столѣтія, послѣ того какъ эта фирма перешла въ руки Михаила Франца и Якова Эберспергеровъ, она стала заказывать самостоятельныя произведенія такимъ надежныхъ работникамъ, какъ Тобіасъ Майеръ. Въ 1785 г. былъ основанъ Готскій географическій институтъ, а вслѣдъ затѣмъ Веймарскій.

Въ періодъ географическихъ измѣреній и вычисленій было произведено немало открытій по физической географіи, но недоставало систематической разработки этого отдѣла географической науки. Хотя и производились измѣренія воздушнаго давленія посредствомъ барометра, однако не имѣлось еще болѣе или менѣе длинныхъ рядовъ непрерывныхъ наблюденій. Барометрическія опредѣленія высотъ были очень рѣдки, и только въ 1760 г. стало, напримѣръ, извѣстно, что Монбланъ (4810 метровъ) есть высочайшая вершина въ Европѣ; до этого же времени за такую высшую точку принимали Сенъ-Готардъ (Монте Леоне, 3565 метровъ) или Титлисъ 3239 метровъ). Къ тому же барометрическія опредѣленія отличались недостаточной точностью, такъ какъ только въ 1772 году Ж. Андрэ Дэлюкомъ (1727 г.—1817 г.) была найдена надежная формула для этихъ опредѣленій; зато художественная литература будила въ публикѣ сочувствіе къ красотамъ горныхъ странъ; появились любители альпинисты съ научной подготовкой, во главѣ которыхъ стояли швейцарцы Ж. Ж. Шейхцеръ (1672 г.—1733 г.) и Гор. Бен. де Соссюръ (стр. 542), совершившій первое восхожденіе на Монбланъ (1787 г.).

Уже во время первыхъ путешествій испанцевъ черезъ Атлантическій океанъ европейцамъ стали извѣстны пассатные и антипассатные вѣтры; португальцы вновь познакомились въ Индѣйскомъ океанѣ съ извѣстными уже въ древности муссонами (см. т. II) и стали пользоваться ими во время своихъ путешествій. Правильное объясненіе муссоновъ далъ Галлей (стр. 546); но его теорія пассатовъ была весьма несовершенна, и въ 1735 г. Гэдли внесъ въ нее существенныя поправки. Долго ученые ломали себѣ головы надъ тѣмъ вопросомъ, куда дѣвается испаряющаяся съ поверхности земли вода, пока, наконецъ, Леруа (стр. 542) не пришелъ къ заключенію, что въ воздухѣ заключается много невидимаго прозрачнаго водяного пара, который выдѣлятся въ видѣ осадковъ при пониженіи температуры. Для достиженія существенныхъ успѣховъ въ метеорологіи и климатологіи необходима была кооперативная работа ученыхъ обществъ. Оскаръ Пешель считаетъ 15 сентября 1780 года днемъ рожденія новѣйшей метеорологіи: въ этотъ день курфирстъ Пфальцскій Карлъ Теодоръ основалъ знаменитую метеорологическую академію въ Мангеймѣ. Она снабжала всѣхъ своихъ сочленовъ согласованными между собою инструментами и налагала на нихъ обязанность три раза въ день производить метеорологическія наблюденія.

Еще раньше, чѣмъ въ наукѣ были выработаны твердыя представленія объ устройствѣ земной коры и ея исторіи, минералы и частью окаменѣлости служили уже предметомъ ученыхъ изысканій. Въ XVII столѣтіи нѣкоторые ученые занимались кристаллами и ихъ физическими свойствами; Бойль (стр. 543) считается основателемъ химіи минераловъ. Въ XVIII столѣтіи вновь принялся за изученіе кристалловъ преимущественно Роме де Лилль (1736 г.—1790 г.), который пользовался прикладнымъ угломѣромъ (гоніометромъ) Каранжо. Одновременно съ нимъ Тобернъ Олофъ Бергманнъ (1735 г.—1784 г.) тоже изслѣдовалъ загадочную тайну происхожденія кристалловъ. Обоихъ ихъ превзошелъ Рене Юстъ Гайюи (1743 г.—1822 г.), который открылъ законы строенія кристалловъ. Изъ представителей химіи минераловъ въ XVIII столѣтіи первое мѣсто занимаютъ Аксель Фр. фонъ Кронштедтъ (1722 г.—1765 г.), благодаря которому паяльная трубка стала важнѣйшимъ инструментомъ въ рукахъ минералоговъ, Іоганнъ Готтлобъ Леманнъ (сконч. въ 1767 г.), вышеупомянутый Бергманъ, И. Г. Поттъ (1692 г.—1777 г.) и Мартинъ Генрихъ Клапротъ (1743 г.—1817 г.).

Труды саксонца Авраама Готтлоба Вернера положили начало новой эпохѣ въ минералогіи; онъ былъ въ ней основателемъ терминологіи и систематики, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одна описательная наука. Важнѣе всего то, что въ 1785 г. онъ отдѣлилъ геогнозію (геологію) отъ минералогіи. Онъ ввелъ въ науку понятіе о формаціи и училъ, что формаціи идутъ снизу вверхъ въ порядкѣ ихъ послѣдовательныхъ возрастовъ, и тѣмъ положилъ основаніе исторической геологіи. Правда, онъ придавалъ дѣйствію воды въ процессахъ образованія геологическихъ пластовъ такое исключительное значеніе, что приписывалъ нептуническое происхожденіе (отъ дѣйствія воды) даже такимъ явно вулканическимъ горнымъ породамъ, какъ базальтъ. Благодаря вліянію Вернера нептунисты восторжествовали надъ вулканистами (или плутонистами, къ числу которыхъ принадлежатъ Джемсъ Гуттонъ и Ж. К. В. Фойтъ), которые, съ своей стороны, начиная съ 1788 года, съ такой же односторонностью стали приписывать главную роль въ образованіи земной коры почти исключительно подземному огню.

б) Описательныя науки, занимающіяся органической природой.

Въ сравненіи съ тѣми вкладами, которые внесли съ XVI столѣтія физика, химія и астрономія въ общій запасъ нашихъ знаній о неоргани-

зованной природѣ, науки, занимающіяся органической природой, т. е. ботаника, зоологія и наука о человѣкѣ, значительно отстали. До 1850 года удѣлялось весьма мало вниманія біологическимъ вопросамъ.

За періодомъ травниковъ съ содержащимися въ нихъ описаніями отдѣльныхъ растеній наступила новая эпоха, которая поставила на очередь не только систематику, но и ознакомленіе со строеніемъ и жизнью растенія вообще. Такое направленіе въ ботаникѣ вполнѣ согласовалось съ общимъ стремленіемъ къ обобщеніямъ и къ открытію закономѣрности въ явленіяхъ внѣшняго міра, составляющимъ характерную особенность XVIII столѣтія, самыми яркими выразителями котораго были великіе математики и философы. Для анатоміи вообще и въ частности для анатоміи растеній (фитотоміи) неоцѣнимымъ вспомогательнымъ орудіемъ оказался микроскопъ. Гукъ (стр. 543), который разсматривалъ съ помощью усовершенствованнаго имъ микроскопа самые разнообразные предметы, открылъ, между прочимъ, клѣточное строеніе растеній и пустилъ въ ходъ терминъ „клѣтка"; но изъ всѣхъ ученыхъ XVII вѣка анатомія растенія болѣе всего обязана біологамъ Марчелло Мальпиги (1628 г. — 1694 г.) и Неемін Грью (1628 г. — 1711 г.). Въ слѣдующемъ XVIII столѣтіи значительно подвинулась впередъ физіологія растеній, хотя первые труды въ этой области относятся тоже къ XVII столѣтію: Мальпиги открылъ значеніе листьевъ для питанія растенія, а Рудольфъ Яковъ Камераріусъ (1665 г. — 1721 г.) опредѣлилъ въ 1694 году значеніе пыльцы въ размноженіи растеній. Изъ послѣдующихъ изслѣдователей слѣдуетъ упомянуть прежде всего священника Стефена Гельса (1677 г. — 1761 г.): онъ держался механическаго взгляда на явленія природы, свойственнаго ньютоніанцамъ, но перешелъ отъ умозрѣнія къ остроумнымъ опытамъ и занялся изслѣдованіемъ движенія соковъ, воспріятія пищи изъ воздуха и т. д. Впрочемъ, правильное пониманіе обмѣна веществъ въ растеніяхъ стало возможнымъ только послѣ дальнѣйшихъ успѣховъ химіи. Янъ Ингенгоусъ (1730 г. — 1799 г.), Жанъ Сенебье (1742 г. — 1809 г.) и Никола Теодоръ де Соссюръ (1767 г. — 1845 г., сынъ Бенедикта; стр. 548) раскрыли наиболѣе загадочную сторону питанія растеній и доказали, что растенія воспринимаютъ углеродъ изъ находящейся въ воздухѣ углекислоты при дѣйствіи свѣта, а азотъ изъ почвы. Въ XVIII вѣкѣ половое размноженіе растеній считалось уже общепризнанной истиной, и ученые добивались раскрытія тайны оплодотворенія и развитія зародыша. Этому вопросу посвятили свои силы Іосифъ Готтлибъ Кельрейтеръ (1733 г. — 1806 г.), которому удалось произвести на свѣтъ многочисленныя способныя къ размноженію помѣси растительныхъ видовъ, и Конрадъ Шпренгель (1750 г. — 1816 г.), который открылъ въ 1793 г. участіе насѣкомыхъ въ перенесеніи пыльцы на рыльце пестика.

Начиная съ XVII столѣтія, послѣдовали одна за другой многочисленныя попытки привести въ систему растительный міръ со всѣмъ богатствомъ его видовъ и создать прочное основаніе для классификаціи и ясную терминологію. Первыя работы въ этой области принадлежатъ Чезальпини; за нимъ послѣдовали: Іоахимъ Юнгъ (1587 г. — 1657 г.), Робертъ Моррисонъ (1620 г. — 1683 г.), Джонъ Рей (1628 г. — 1705 г.), который впервые указалъ на важное значеніе первыхъ листьевъ, образующихся изъ зародыша, для систематики и отдѣлилъ однодольныя растенія отъ двудольныхъ, Августъ Квиринъ Ривинусъ (1653 г. — 1723 г.), Жозефъ Питтонъ де Турнефоръ (1656 г. — 1708 г.). Этотъ рядъ систематиковъ замыкаетъ собою Карлъ Линней (собственно Линнэ, 1707 г. — 1778 г.). Ему удалось создать прочную терминологію: ему принадлежитъ прежде всего бинарная номенклатура (двойное обозначеніе растеній родовымъ и видовымъ названіемъ); онъ подчинилъ виды и роды классамъ и далъ точныя характеристики для всѣхъ этихъ подраздѣленій. Система Линнея, основанная на числѣ и способѣ сращенія между собою тычинокъ, удержалась

въ теченіи полутораста лѣтъ благодаря своей наглядности. Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ ботаническихъ сочиненій Линнея въ 1789 г. Антуанъ Лоранъ де Жюссье младшій (1748 г. — 1836 г.) опубликовалъ усовершенствованную ботаническую систему своего дяди Бернара (1699 г. — 1766 г.). Какъ система Линнея, такъ и система Жюссье основываются на ученіи о неизмѣняемости видовъ.

Въ зоологіи такъ же, какъ и въ ботаникѣ, стала чувствоваться потребность въ систематическомъ распредѣленіи и наглядномъ обзорѣ непрерывно накопляющагося матеріала. Первымъ изъ ряда зоологовъ систематиковъ былъ только что упомянутый Рей, который положилъ въ основу своей системы анатомическія различія между животными: окончательную форму придалъ зоологической систематикѣ той эпохи ботаникъ Линней; въ этой области онъ тоже упрочилъ терминологію и ввелъ двойное обозначеніе. Уже одна простота линнеевской систематики способствовала популяризаціи описательнаго естествовѣдѣнія, а классическія сочиненія Жоржа Луи Леклерка (графа) Бюффона (1707 г. — 1788 г.), написанныя изящнымъ и увлекательнымъ слогомъ, еще въ большей степени оживили интересъ къ этой наукѣ среди образованной публики. Что касается родства между животными видами и систематической іерархіи животнаго царства, то по этому вопросу наиболѣе дальновидныя идеи развивалъ Палласъ (стр. 547). Философы Бенуа де Малье (писалъ подъ псевдонимомъ Телліамедъ, въ 1746 г.) и Ренэ Робинэ (1735 г. — 1820 г.) высказали свои сомнѣнія относительно догмата неизмѣняемости видовъ, но натолкнулись на недоброжелательный отпоръ.

Результаты, добытые въ анатоміи и физіологіи человѣка, были перенесены и на животныхъ, хотя въ эту эпоху еще допускали существованіе цѣлой пропасти между человѣкомъ и животными, Сюда относятся открытіе двойного круга кровообращенія Уильямомъ Гарвеемъ (1578 г. — 1658 г.), которому принадлежитъ первое основное положеніе эмбріологіи (исторіи развитія живыхъ существъ изъ яйца): всякое живое существо развивается изъ яйца (omne ens ex ovo). Въ области микроскопическихъ изслѣдованій самыхъ счастливыхъ результатовъ добились Мальпиги (стр. 550), Антони ванъ Левенгукъ (1632 г. — 1723 г.) и Сваммердамъ. Между прочимъ, Левенгукъ открылъ кровяныя тѣльца, поперечную полосатость мускуловъ произвольнаго движенія, фасеточные глаза насѣкомыхъ, инфузорій. Сваммердамъ усовершенствовалъ анатомическую технику посредствомъ имъекціи изслѣдуемыхъ сосудовъ воскомъ: онъ занимался также изслѣдованіемъ исторіи превращенія насѣкомыхъ и земноводныхъ. Одному изъ учениковъ Левенгука Людвигу фонъ Гаммену (1652 г. — 1689 г.) приписывается открытіе сперматозоидовъ (сѣмянныхъ живчиковъ) въ 1677 г. Въ XVIII столѣтіи физіологія отдѣлилась отъ анатоміи. Первымъ великимъ представителемъ этой новой науки былъ Альбрехтъ фонъ Галлеръ изъ Берна, авторъ „Альпъ“, который былъ отъ 1736 до 1753 года украшеніемъ основаннаго въ 1734 г. Геттингенскаго университета (стр. 527). Онъ нанесъ послѣдній ударъ мистическому ученію о жизненныхъ духахъ своей теоріей раздражительности — этимъ именемъ онъ обозначалъ свойственную мускуламъ и другимъ тканямъ способность къ сокращенію — и свойственной нервамъ чувствительности къ внѣшнимъ раздраженіямъ. Однако Галлеръ придерживался во вредъ наукѣ придуманной еще до него теоріи развитія, которая называется теоріей включенія или предсуществованія, и тѣмъ самымъ сталъ поперекъ дороги болѣе правильнымъ взглядамъ на исторію развитія живыхъ существъ; такое вредное вліяніе Галлера обнаружилось съ особенной очевидностью въ то время, когда Каспаръ Фридрихъ Вольфъ (1733 г. — 1794 г.) выставилъ противъ теоріи эволюціи теорію эпигенезиса (теорію послѣдовательнаго роста). Эволюціонисты учили, что не существуетъ никакого развитія и что всѣ части

животнаго организма предобразованы еще въ зародышѣ, а всѣ отдѣльные индивидуумы созданы уже вмѣстѣ съ ихъ первобытнымъ прародителемъ (напр., всѣ люди существовали уже въ зародышѣ въ яичникѣ праматери Евы); Вольфъ доказалъ, напротивъ того, что „развитіе каждаго организма состоитъ изъ цѣлаго ряда новообразованій, и ни въ яйцѣ, ни въ мужскомъ сѣмени не существуетъ ни слѣда формы взрослаго организма“ (Э. Геккель).

Отъ обобщающаго и систематизирующаго духа той эпохи не въ состояніи былъ укрыться также и человѣкъ, какъ онъ ни гордится своимъ особымъ, привилегированнымъ положеніемъ въ природѣ. Даже строго религіозный Линней причислилъ его къ одному отдѣлу съ обезьянами, полуобезьянами и рукокрылыми, именно къ отдѣлу приматовъ; Іоганнъ Фридрихъ Блюменбахъ (1752—1840 гг.) отдѣлилъ „двурукаго человѣка“ отъ „четырерукой обезьяны“. Этотъ геттингенскій антропологъ былъ также основателемъ наиболѣе распространеннаго раздѣленія человѣческаго вида на разновидности, или расы, — черную, коричневую, желтую, красную и бѣлую — и положилъ начало этнографическому ученію о черепныхъ размѣрахъ (краніологіи).

Кромѣ философовъ, которые посвятили себя изученію человѣка, человѣческая природа интересовала также и врачей. Въ XVII столѣтіи состязались между собой двѣ медицинскія школы: іатрохимическая и іатромеханическая. Врагъ всякихъ предвзятыхъ системъ англичанинъ Томасъ Сиденгамъ (1624—1689 г.) основывался исключительно на наблюденіи и почиталъ только одну учительницу и помощницу—природу. Знаменитый лейденскій профессоръ Германъ Боэргаве (1668—1738 г.) относился совершенно иначе къ существовавшимъ системамъ: онъ заимствовалъ изъ каждой системы то, что находилъ наиболѣе пригоднымъ, и основалъ школу эклектиковъ, пользовавшуюся широкимъ распространеніемъ. Однако, вскорѣ послѣ основанія новой школы самый выдающійся изъ учениковъ Боэргаве, Герардъ ванъ Свитенъ (1700 — 1672 г.), лейбъ-медикъ Маріи Терезы (съ 1745 г.), основатель старой вѣнской школы врачей, возвратился опять къ одной изъ существовавшихъ системъ, именно онъ сталъ приверженцемъ гуморальной патологіи, которая объясняетъ происхожденіе болѣзней порчей соковъ человѣческаго тѣла. Основанное на этой системѣ свирѣпое леченіе рвотными и слабительными средствами „для выведенія слизи и желчи“ достигло своихъ крайнихъ размѣровъ въ рукахъ Максимиліана Столля (1742—1787 г.). Прямо противоположныхъ воззрѣній сравнительно съ гуморальной патологіей держалась другая медицинская школа, школа солидарной патологіи, по мнѣнію которой болѣзни зависятъ только отъ твердыхъ составныхъ частей тѣла; это направленіе также имѣло своихъ выдающихся послѣдователей. Вообще надъ медициной все еще тяготѣлъ гнетъ мистическихъ и умозрительныхъ представленій; такъ, напр., химикъ Сталь былъ приверженцемъ теоріи анимизма и приписывалъ здоровое и больное состояніе организма различнымъ состояніямъ души, которую онъ представлялъ себѣ какой-то отчасти духовной, отчасти матеріальной сущностью. Фридрихъ Гофманъ называлъ таинственную сущность жизни „эфиромъ“, Уильямъ Куленъ (1710—1790 г.)—нервной силой или нервнымъ токомъ, Джонъ Броунъ (1735—1788 гг.)—„стеніей и астеніей“, Іоганнъ Христіанъ Рейль (1759—1813 г.) и Христіанъ Вильгельмъ Гуфеляндъ (1762—1836)—„жизненной силой“, Францъ Антонъ Месмеръ (1743—1815 г.) „животнымъ магнитизмомъ“. Месмеръ стоитъ уже собственно на той границѣ, на которой заблужденіе сходится съ преступнымъ шарлатанствомъ.

Въ противовѣсъ этой погонѣ за системами поднялась, какъ и слѣдовало ожидать, пропаганда въ пользу изученія и леченія болѣзней на основаніи непосредственныхъ наблюденій, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей. Несмотря на господствовавшія среди французовъ виталистическія представленія, которыя допускали, что сущность жизни есть нѣчто вполнѣ

отдѣлимое отъ тѣла, они первые возвратили сбившуюся съ пути врачебную науку на прямую дорогу непосредственнаго наблюденія; эта заслуга принадлежитъ Теофилу де Бордэ (1722—1776 г.), Полю Жозефу Бартэ (1734—1806 г.), Филиппу Пинелю (1745—1826 г.), который произвелъ коренной переворотъ въ системѣ содержанія душевно-больныхъ, и др. Еще до истеченія XVIII столѣтія былъ подведенъ новый непоколебимый фундаментъ подъ медицину, которая до той поры долгое время продолжала висѣть наполовину въ воздухѣ: итальянецъ Джіованни Баттиста Морганьи (1682—1781) положилъ начало патологической анатоміи, а англичане Джонъ Гентеръ (1728—1793 гг.) и Маттью Байли (1761—1823 г.) дали ей толчокъ къ дальнѣйшему развитію; Пьеръ Жозефъ Дезо (1744—1795 г.), первый хирургъ своего времени, создалъ хирургическую (топографическую) анатомію, а Н. Франсуа Ксавье Биша (1771—1802 г.) въ 1801 году положилъ начало общей анатоміи, или гистологіи (ученію о тканіяхъ животнаго тѣла). Этой строгонаучной медицинѣ можно сдѣлать только тотъ упрекъ, что она иногда упускала изъ виду свою главную цѣль, леченіе болѣзней.

Къ XVIII столѣтію относятся зарожденіе государственной медицины и общественной гигіены; это можно считать отличительнымъ признакомъ и естественнымъ результатомъ филантропическихъ стремленій и просвѣщенныхъ административныхъ взглядовъ этого вѣка. Стали основываться клиники, больницы, родовспомогательные и воспитательные дома, заведенія для призрѣнія душевнобольныхъ и т. п.; сюда относятся также учрежденіе карантиновъ, осмотръ труповъ, прививка телячьей оспы, которая была предложена впервые Эдуардомъ Дженнеромъ въ 1796 г. Директоръ учрежденной императоромъ Іосифомъ II общей вѣнской больницы Іоаннъ Петръ Франкъ (1741—1821 г.) былъ авторомъ первой системы санитарно-полицейской науки.

10. Философія XVII и начала XVIII столѣтія.

Въ XVII столѣтіи наука еще не нашла себѣ никакого отклика въ массахъ: она не сообщила даже болѣе или менѣе замѣтныхъ толчковъ тѣмъ сословіямъ, изъ которыхъ выходили ея представители. Философы прятались отъ яркаго свѣта гласности и все еще опасались грозныхъ столкновеній съ превосходными непріятельскими силами. Однако, такое поведеніе не соотвѣтствуетъ человѣческой природѣ, которая заставляетъ каждаго изъ насъ искать сочувствія своимъ убѣжденіямъ въ окружающемъ обществѣ; тѣмъ болѣе оно противорѣчитъ существу такой науки, которая стремится къ безусловной и обязательной для всѣхъ истинѣ, какова философія вообще и философія XVII вѣка въ особенности. По истеченіи гуманистическаго переходнаго періода обозначились два философскихъ направленія, которыя характеризуются эпитетами „эмпиризмъ" и „раціонализмъ". На протяженіи нѣкотораго времени оба эти направленія идутъ рядомъ, не соприкасаясь; но кое-гдѣ отъ одного къ другому перекинуты мосты.

Главные труды Френсиса Бэкона виконта Сентъ-Альбанскаго и барона Веруламскаго — (1561—1626 г.): „Опыты" (въ 1595 г.), планъ общей энциклопедіи подъ названіемъ „De dignitate et augmentis scientiarum" (въ 1605 г.) и ученіе о научномъ методѣ „Novum organum" (въ 1620 г.) — доставили ему въ потомствѣ громкую извѣстность, превышающую его дѣйствительныя заслуги. Философія Бэкона не оказала ни малѣйшаго вліянія ни на современниковъ, ни на ближайшее потомство по ту и по сю сторону Ламанша (на Кеплера, Галлилея, Гарвея, Ньютона, Бойля, Гюйгенса, Декарта, Спинозу, Локка, Лейбница); своимъ заступничествомъ за индукцію и опытъ, своимъ отрицаніемъ Аристотеля и схоластики онъ ломился въ открытыя

двери, систему Коперника онъ высмѣивалъ, объ открытіяхъ Галилея ничего не зналъ и не имѣлъ никакого понятія о значеніи математики для естествознанія; тѣмъ не менѣе въ вѣкъ просвѣщенія онъ вдругъ попалъ въ честь и мало-по-малу выросъ въ XIX столѣтіи до размѣровъ какого-то неприкосновеннаго божка (срв., напр., преувеличенныя похвалы Маколея). Юстусъ фонъ Либихъ первый выступилъ въ 1863 г. противъ „миѳа о Бэконѣ Веруламскомъ, великомъ законодателѣ методики естественныхъ наукъ" (Вильгельмъ Вундтъ); въ настоящее время этотъ миѳъ мало-по-малу исчезаетъ. Заслуга Бэкона заключается только въ томъ, что онъ выразилъ въ своихъ произведеніяхъ научныя стремленія своего времени, что онъ критиковалъ въ образныхъ выраженіяхъ слабость человѣческой мысли и научнаго кругозора, что въ своемъ общемъ обзорѣ наукъ (globus intellectualis) онъ обратилъ вниманіе на нѣкоторые существовавшіе тогда пробѣлы и выдвинулъ на первый планъ одну изъ цѣлей науки—увеличеніе власти человѣка надъ природой посредствомъ методическаго примѣненія изобрѣтательныхъ талантовъ человѣка (которыми онъ самъ не былъ одаренъ).

„Не столько подъ вліяніемъ принциповъ Бэкона,—говорится въ изданномъ Максомъ Гейнце сочиненіи Фридриха Юбервега „Очеркъ исторіи философіи",—какъ подъ вліяніемъ физики Галилея, другъ Бэкона Гоббсъ держится послѣдовательнаго сенсуализма, называетъ философію ученіемъ о тѣлахъ на томъ основаніи, что государство тоже есть искусственное тѣло, но все же приближается, точно говоря, не къ матеріализму, а къ тому ученію, что человѣческому уму доступны только феномены (явленія)". Томасъ Гоббсъ (стр. 537) распространилъ принципы механическаго объясненія явленій природы на основаніи причинности, а не цѣлесообразности, на психологію, этику и науку о государствѣ. Въ то время, какъ Бэконъ стоялъ въ старомъ спорѣ между разумомъ и вѣрой, философіей и богословіемъ на точкѣ зрѣнія „двоякой истины" Оккама (стр. 466), а Гоббсъ требовалъ въ своемъ ученіи о государствѣ, чтобы каждый гражданинъ подчинялся безусловно въ дѣлахъ вѣры государственной церкви, лордъ Эдуардъ Гербертъ офъ Черберп (1583—1648 г.) сопоставилъ пять истинъ, которыя, по его мнѣнію, заключаютъ въ себѣ общее ядро всѣхъ религій и сектъ и могутъ послужить основой обязательной для всѣхъ, свободной отъ всѣхъ положительныхъ догматовъ, естественной и въ то же время разумной религіи; Гербертъ былъ такимъ образомъ основателемъ раціональнаго деизма (стр. 558).

Въ XVII столѣтіи, когда Италія уже стала клониться къ упадку, наилучшимъ очагомъ для распространенія новыхъ идей стала Франція; послѣ того, какъ французы усвоили себѣ британскую философію и британское ученіе о природѣ, новые взгляды проникли также въ остальныя культурныя государства Европы; приблизительно до середины XVII столѣтія европейская философія была занята преимущественно французскимъ раціонализмомъ или, по крайней мѣрѣ, полемикой противъ него. Господство французскаго раціонализма идетъ параллельно съ распространеніемъ французскаго классицизма, которому присущъ тотъ же духъ.

Потребовалась гигантская мощь великаго генія, чтобы сбросить съ себя гнетъ цѣлаго міра традицій и отыскать новую исходную точку для философіи. Тяжелую борьбу пришлось, безъ сомнѣнія, выдержать Рене Декарту (Renathus Cartesius, 1596—1650), пока онъ не пробился до той точки зрѣнія, съ которой онъ приступаетъ къ своему философскому ученію: онъ пережилъ гнетущее сомнѣніе въ достовѣрности воспріятій чувствъ, даже математическихъ истинъ, такъ какъ мыслимо, что и эти истины тоже обманчивы. Затѣмъ философъ остановился предъ слѣдующей мыслью: существуетъ ли вообще хоть одно безусловно вѣрное положеніе, и онъ находитъ его въ слѣдующемъ умозаключеніи: „я мыслю, слѣдовательно, я существую" (cogito, ergo sum). Отъ увѣренности въ собственномъ бытіи Де-

картъ восходитъ къ признанію существованія Бога, совершеннѣйшаго существа, къ свойствамъ котораго принадлежитъ безусловная справедливость; стало быть, человѣкъ долженъ быть убѣжденъ, что его, мыслящаго „я“, Богъ не захотѣлъ бы обмануть. Отсюда Декартъ переходитъ къ различенію между имѣющими протяженіе субстанціями, тѣлами, и не имѣющими протяженія, мыслящими субстанціями — духами; оба рода субстанцій по существу своему до такой степени несходны другъ съ другомъ, что субстанція одного рода не производитъ никакого дѣйствія на субстанцію другого рода; хотя онъ и допускаетъ, что человѣческая душа вступаетъ во взаимодѣйствіе съ тѣломъ посредствомъ шишковидной железы, но эта связь устанавливается только благодаря помощи Всевышняго. Изъ душевныхъ состояній онъ удѣляетъ свое вниманіе только аффектамъ, высшимъ проявленіемъ которыхъ онъ считаетъ интеллектуальную любовь къ Божеству. Не питая интереса ни къ исторіи, ни къ общественной жизни, Декартъ исключаетъ изъ своей системы какъ этику, такъ и политику. Хотя онъ избѣгалъ всякаго столкновенія съ ученіемъ Церкви, тѣмъ не менѣе въ своемъ ученіи о природѣ онъ обнаружилъ такую смѣлость, что его произведенія не спаслись отъ церковнаго проклятья. Декартъ исходитъ изъ чисто механическихъ основныхъ положеній: всѣ явленія природы онъ считаетъ послѣдствіями давленія и толчка и совершенно исключаетъ понятіе о силѣ. Онъ представляетъ себѣ матерію состоящей изъ мельчайшихъ частицъ и неизмѣнной по своему количеству. Теоріи Коперника онъ противопоставляетъ свою собственную гипотезу, по которой земля остается неподвижной, но окружена вѣчно движущимся эфиромъ. По мнѣнію Декарта, растенія, животныя и человѣческое тѣло — только машины, и разница между организованнымъ и неорганическимъ міромъ совершенно пропадаетъ.

Противниками системы Декарта выступили іезуиты въ качествѣ защитниковъ новоцерковной схоластики, протестантскіе богословы, матеріалисты (Гассенди), мистики (Паскаль и Пьеръ Пуаре) и скептики (Даніилъ Гюэ и Бэйль). На сторону Декарта стали, между прочимъ, янсенисты: это была секта, осужденная католической церковью въ 1653 году, а съ 1660 г. преслѣдуемая также и государствомъ; противъ поддерживаемаго іезуитами томизма (ученія Ѳомы Аквинскаго) янсенисты выставили другое богословское ученіе, которое опиралось на произведенія св. Августина и было высказано впервые Корнелисомъ Янсеномъ въ 1640 г.; главами этой секты были Антуанъ Арно младшій (1612 г.—1694 г.) и Пьеръ Николь (1625 г.—1695 г.), авторы „Логики Поръ-Рояля“ (1662 г.). Картезіанцами (т. е. послѣдователями Декарта) слѣдуетъ считать также окказіоналистовъ Арнольда Желинкса (1625 г.—1669 г.) и Николая Мальбранша (1638 г.—1715 г.), которые учили, что необъясненное Декартомъ взаимное воздѣйствіе между тѣлесными и духовными субстанціями происходитъ черезъ Бога или въ Богѣ.

Къ школѣ Декарта примкнулъ Бенедиктъ Спиноза (Барухъ д'Эспиноза; 1632 г.—1677 г.) сначала въ качествѣ вѣрнаго истолкователя, а затѣмъ какъ смѣлый реформаторъ; на этомъ философѣ отразилось также вліяніе Гоббса, Бруно и схоластиковъ. Спиноза возвелъ еврейскій монотеизмъ въ монистическій пантеизмъ, который поглощаетъ въ себѣ все существующее и воображаемое, всѣ роды и индивидуумы. Тамъ, гдѣ Декартъ допускаетъ двойственность, гдѣ философія принимаетъ существованіе двухъ противоположныхъ сущностей, А и не — А, Спиноза совмѣщалъ обѣ противоположности въ одно единое; примѣрами такихъ противоположностей могутъ служить: тѣло и душа, Богъ и природа, создатель и твореніе, свобода и необходимость, сила и право, разумъ и чувство. Затѣмъ онъ налагаетъ свою руку на всѣ закоулки душевной жизни, отрицаетъ дѣятельность, волю, душевныя побужденія, аффекты и признаетъ только сознательный разумъ, который долженъ вознестись до разумно обоснованной

любви къ Богу, которая доставляетъ человѣку истинное счастье. Благодаря скучному и сухому способу изложенія еврейскаго отшельника, заимствованному изъ геометріи Эвклида, читать главное его произведеніе „Этику", вышедшую въ свѣтъ только послѣ смерти его автора (въ 1670 г.),— составляетъ далеко не отрадное занятіе.

Противъ картезіанскаго догматизма выступилъ Джонъ Локкъ (стр. 538 и 558). Это былъ совершенно оригинальный мыслитель, на которомъ весьма слабо отразилось вліяніе его англійскихъ предшественниковъ. Своими изслѣдованіями въ области психологіи и теоріи познанія онъ проложилъ путь какъ къ критицизму, такъ и къ покоющемуся въ догматическомъ самоудовлетвореніи сенсуализму. Локкъ не признаетъ существованія прирожденныхъ идей. По его мнѣнію, всякое познаніе проистекаетъ изъ опыта, который въ свою очередь имѣетъ двоякій источникъ: чувственныя впечатлѣнія и внутреннее воспріятіе; поэтому опытъ распадается на внѣшній и внутренній. Разумъ занимается дальнѣйшей переработкой простыхъ идей. Хотя Локкъ въ силу своей теоріи познанія отвергаетъ за метафизикой право на существованіе и признаетъ только физику, тѣмъ не менѣе онъ принимаетъ вѣру подъ свою защиту. Онъ защищаетъ христіанское ученіе отъ упрека въ противорѣчіи съ требованіями разума и проповѣдуетъ терпимость ко всѣмъ религіямъ и вѣроисповѣданіямъ за исключеніемъ католицизма и атеизма. Свою этику Локкъ основываетъ на личномъ счастьи; его педагогика тоже построена на началахъ индивидуализма и скроена по мѣркѣ британскаго джентльмена. Въ политической теоріи Локка (срв. томъ I) главною цѣлью общественныхъ учрежденій оказывается тоже индивидуальное благополучіе; и въ этой области англійскій философъ тоже не могъ вырваться изъ предѣловъ узкаго кругозора своего родного острова.

Противъ главнаго философскаго сочиненія Локка „Опытъ о человѣческомъ разсудкѣ" (An essay concerning human understanding, 1690 г.) выступилъ въ 1704 году Г. В. Лейбницъ (1646 г.—1716 г., стр. 538) со своими „Новыми опытами о человѣческомъ разсудкѣ" (Nouveaux essais sur l'entendement humaine, издано Рудольфомъ Эрихомъ Распе въ 1765 г.). Въ самомъ началѣ XVIII столѣтія система Лейбница, этого разносторонняго великаго ученаго и философа, была уже твердо выработана. Пока еще потокъ англійско-французскаго просвѣтительнаго движенія не успѣлъ наводнить культурной Европы, философія нѣмецкаго мыслителя была встрѣчена съ сочувствіемъ съ разныхъ сторонъ; но такъ какъ Лейбницъ высказывалъ свои мысли только между дѣломъ, при случаѣ, и не тратилъ времени на ихъ тщательную разработку, то его идеи подверглись большимъ измѣненіямъ въ рукахъ его учениковъ, посвятившихъ себя ихъ развитію и систематическому изложенію. Убѣжденный въ безусловной достовѣрности познавательной способности человѣка, Лейбницъ ищетъ цѣлаго метафизическаго міра чистаго бытія за обманчивой завѣсой опыта. По его ученію, міръ состоитъ изъ безчисленнаго множества самостоятельныхъ, простыхъ, не имѣющихъ протяженія, различающихся между собою по степени своего дѣйствія на наши представленія субстанцій — монадъ. Этотъ метафизическій міръ составляетъ излученіе монады изъ монадъ, первобытной субстанціи, Бога. Въ силу предопредѣленной, предустановленной гармоніи этотъ міръ есть лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Въ своей „Теодицеѣ" Лейбницъ защищаетъ недостатки и несовершенства Божественнаго творенія. На подобіе того, какъ человѣческая душа есть монада, наше тѣло и вообще всякое тѣло состоитъ изъ группъ подчиненныхъ монадъ. Такъ какъ монады не могутъ дѣйствовать другъ на друга или стремиться другъ къ другу,— выражаясь наглядно, онѣ не имѣютъ ни рукъ, ни оконъ,— то между внутренними состояніями всѣхъ монадъ, не исключая душевныхъ и тѣлесныхъ монадъ, господствуетъ такая же предустановленная гармонія, какъ между двумя свѣренными между собою и имѣющими одинаковый

ходъ часами. Всѣ монады нетлѣнны, поэтому человѣческая душа тоже вѣчна; она надѣлена предсуществованіемъ и посмертнымъ существованіемъ и подлежитъ непрерывнымъ превращеніямъ (метаморфозамъ). Послѣдующія поколѣнія воспользовались тѣмъ, что Лейбницъ передалъ свой оптимизмъ въ неясныхъ, туманныхъ очертаніяхъ и тѣмъ будилъ ихъ воображеніе и мыслительныя способности. Идеи Лейбница господствуютъ въ Германіи во все продолженіе вѣка просвѣщенія такъ, что не только Вольфъ и Баумгартенъ, Лессингъ и Гердеръ, но также Гете и послѣдователи Канта все еще носились съ предустановленной гармоніей, теодицеей, принципомъ развитія, послѣдовательными ступенями живыхъ существъ, метаморфозой, одухотвореніемъ природы, теоріей совершенствованія, философской мистикой, культомъ личности.

Несмотря на то, что Лейбницъ былъ историкомъ и публицистомъ, онъ однако не питалъ никакого интереса къ историческимъ изслѣдованіямъ, какъ и вся европейская философія эпохи, слѣдующей за ренессансомъ. Онъ тоже былъ преимущественно богословомъ и космологомъ; психологіи и этики онъ касается только слегка. Его разсужденія о ходѣ историческихъ событій такъ же абстрактны, несообразны съ непосредственнымъ опытомъ и догматичны, какъ и мнѣнія Декарта, Гоббса или Спинозы. Съ большимъ успѣхомъ старается проникнуть въ тайны исторіи другой уединенный мыслитель, жившій въ сторонѣ отъ великихъ теченій всемірной литературы, неаполитанецъ Джіованни Баттиста Вико (1668 г.—1743 г., срв. томъ I). Хотя онъ и не заслуживаетъ имени основателя философіи исторіи, зато его по справедливости можно назвать предшественникомъ современной свободной отъ церковной традиціи точки зрѣнія на ходъ историческихъ событій. Онъ не сосредоточивалъ своего интереса на самыхъ отвлеченныхъ обобщеніяхъ и субъективномъ изученіи индивидуальности на подобіе остальныхъ философовъ XVII столѣтія, но обратилъ всѣ симпатіи своего ума и сердца на реальныя массовыя группы, націи и на формы ихъ послѣдовательнаго развитія такъ, что его можно назвать апостоломъ Іоанномъ психологія народовъ.

11. Вѣкъ просвѣщенія.

Неограниченное самодержавіе монарховъ восторжествовало и подчинило себѣ церковныя и феодальныя власти, матеріалистическія и идеальныя стремленія своихъ подданныхъ. Своего давнишняго союзника, третье сословіе, оно, повидимому, привязало къ себѣ еще сильнѣе прежняго своей экономической политикой, покровительствовавшей торговлѣ и промышленности; но все-таки монархи держали буржуазію на почтительномъ разстояніи отъ себя. Искусство и наука тоже смирились передъ ними: они посвящали свои силы возвеличенію царствующихъ особъ или же втихомолку шли своей дорогой. Европейская цивилизація, повидимому, достигла такого же состоянія равновѣсія, какъ и восточныя теократіи. Однако, этотъ старый режимъ (ancien régime), какъ его называютъ французы, былъ только временнымъ торжествомъ самодержавія. Когда цѣпи, сковывавшія стремленія европейскихъ народовъ, растянулись и, наконецъ, прогрессивныя силы вырвались на свободу, то въ силу необходимости должна была опять возгорѣться борьба за власть, угнетенные неизбѣжно должны были возстать противъ своихъ угнетателей, и предстояло новое перемѣщеніе центра тяжести государственной власти. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только самодержавіе стало шататься, угнетенное третье сословіе пошло въ бой, обрушилось всей тяжестью своего умственнаго превосходства на привилегированныя сословія и внесло въ ихъ ряды разстройство, смуту и измѣну: третье сословіе распространяло въ печати и въ народѣ такое убѣ-

жденіе, что всѣ дѣла и помышленія его противниковъ—основаны на лжи, чистѣйшемъ обманѣ, глупости и безуміи. Такова была эпоха просвѣщенія. Какъ естественный спутникъ этого просвѣщенія, явилась и реакція, которая возникла еще раньше, чѣмъ просвѣщеніе исполнило свою задачу. Старые идейные комплексы продолжали существовать бокъ о бокъ съ новыми, свѣжія умственныя теченія оттѣсняли и тѣ и другіе, но тоже не вполнѣ удовлетворяли умственнымъ потребностямъ своей эпохи.

Какъ и эпоха возрожденія, реформація, противореформація и барокъ, эпоха просвѣщенія тоже была продуктомъ общеевропейской культуры. Хотя основныя теченія этой эпохи были по существу общечеловѣческими и космополитическими, тѣмъ не менѣе она приняла подъ вліяніемъ безсознательныхъ инстинктивныхъ силъ три различныхъ національныхъ оттѣнка. Различаютъ англійскій, французскій и нѣмецкій вѣкъ просвѣщенія. Англійскій вѣкъ просвѣщенія по времени предшествуетъ двумъ другимъ, зато и развитіе его остановилось раньше; онъ носитъ отпечатокъ консервативнаго утилитаристическаго характера англичанъ. Во Франціи просвѣщеніе, развившееся подъ вліяніемъ англійскихъ идей, усвоило соблазнительный популярный обликъ: прогрессъ и реакція приняли безпощадный революціонный разрушительный характеръ. Въ Германіи просвѣщеніе разбудило всѣ скованныя силы національнаго духа и составляетъ часть того таинственнаго пути, по которому шелъ германскій народъ отъ позорнаго униженія къ пышному возрожденію. Въ Италіи, Испаніи, Португаліи, Россіи и Скандинавскихъ государствахъ вѣкъ просвѣщенія не имѣлъ характера оригинальнаго, глубокаго ярко-національнаго явленія, а былъ только отзвукомъ отдаленныхъ внѣшнихъ вліяній.

A. Вѣкъ просвѣщенія въ Англіи.

Гербертъ изъ Чербери (стр. 554) выступилъ слишкомъ рано со своей естественной религіей и поэтому на первыхъ порахъ не пріобрѣлъ замѣтнаго вліянія. Ученіе Джона Локка (стр. 556) о самыхъ серьезныхъ вопросахъ бытія попало уже на болѣе воспріимчивую почву. Вообще Локкъ является самой яркой звѣздой англійскаго вѣка просвѣщенія, и его идеи послужили исходной точкой для мыслителей французскаго вѣка просвѣщенія. Настроеніе, охватившее широкіе круги общества послѣ переворота 1688 года (т. VII), способствовало воспріятію и дальнѣйшему развитію теоріи этого философа. Въ эту эпоху, послѣдовавшую за упорной борьбой, продолжавшейся въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, замѣтно сгладились религіозные контрасты. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что эта борьба прекратилась или смѣнилась религіознымъ индифферентизмомъ; напротивъ того, споръ между оффиціально признанной Высокой Церковью (High Church) и нонконформистами составлялъ основу дѣленія на партіи, и Англія, какъ Старая Англія по сю сторону Атлантическаго океана, такъ и Новая по ту сторону его продолжали быть разсадникомъ сектантства и общественнаго принужденія въ дѣлахъ вѣры.

Послѣ революціи обществу опротивѣли религіозные раздоры, и стало расти число сторонниковъ взаимнаго примиренія; тогда стали прислушиваться къ голосу тѣхъ, которые утверждали, что существуютъ осязательныя и независящія отъ божественнаго откровенія истины, признаваемыя всѣми положительными вѣроученіями, на которыхъ могутъ сойтись приверженцы самыхъ противоположныхъ направленій. Апостоловъ этого евангелія, проповѣдывающаго обязательную для всѣхъ разумную или естественную религію, называютъ деистами или свободомыслящими (freethinkers) на томъ основаніи, что они выступаютъ противниками конфессіональныхъ догматическихъ рамокъ и религіозной нетерпимости; къ числу ихъ принадлежатъ: Джонъ Толендъ (род. въ 1669 г., сконч. въ 1722 г.), Дж. Ан-

тони Коллинсъ (род. въ 1676 г., сконч. въ 1729 г.), Томасъ Чеббъ (1679—1747 г.), Томасъ Уульстонъ (род. въ 1669 г., сконч. въ 1733 г. въ тюрьмѣ), Метьюсъ Тиндаль (1657—1733 г.) и Томасъ Морганъ (сконч. въ 1743 г.). Въ общемъ ученіе деистовъ заключается въ томъ, что существуетъ всего только два религіозныхъ принципа, отличающихся безусловной достовѣрностью, вѣра въ Бога и въ безсмертіе души, и что ни въ какихъ другихъ не имѣется надобности; вся остальная часть вѣроученія историческихъ религій, по мнѣнію деистовъ, не имѣетъ никакого значенія и обязана своимъ происхожденіемъ сознательному обману, практикуемому властолюбивымъ духовенствомъ и государственными дѣятелями. Надо оговориться, что деистъ Генри Сентъ Джонъ виконтъ Боллингброкъ (отъ 1678 г. до 1751 г.), который былъ единственнымъ государственнымъ дѣятелемъ въ средѣ своихъ единомышленниковъ, считалъ свободу мнѣній исключительно достояніемъ высшихъ классовъ общества, хотя самъ онъ былъ невѣрующимъ; для обузданія же простонародья, по его мнѣнію, необходимо, чтобы оно подчинялось безпрекословно положительной государственной религіи. (Письма объ изученіи исторіи, „Letters on the study of history“, 1751 г.).

Къ деистамъ примыкаетъ другая группа мыслителей, которыхъ называютъ моралистами по преобладающему между ними направленію. Ихъ „естественная“ этика, почерпнутая изъ глубины человѣческой души и независящая ни отъ какихъ религіозныхъ заповѣдей и вообще внѣшнихъ предписаній, составляетъ дополненіе къ естественной религіи. Первое мѣсто среди англійскихъ моралистовъ занимаетъ Антони Эшли Куперъ графъ Шефтсбюри (1671—1713 г.). Онъ разсматриваетъ мораль съ эстетической точки зрѣнія пріятной гармоніи между эгоистическими и соціальными аффектами. За нимъ слѣдуетъ цѣлый рядъ философовъ моралистовъ, которые искали законовъ морали въ тайникахъ человѣческой души и съ особеннымъ успѣхомъ занимались аналитическимъ описаніемъ этическихъ явленій; таковы: Уильямъ Уолластонъ (1659—1724 г.), Самуэль Кляркъ (1675—1729 г.), Джозефъ Бутлеръ (1692—1753 г.), Френсисъ Гэтчисонъ (1694—1747 г.) и Адамъ Фергюсонъ (1723—1816 г., одинъ изъ первыхъ соціологовъ). Противъ этихъ панегиристовъ добродѣтели выступилъ Бернардъ де Мандевиль (1670—1733 г.) со своей „Басней о пчелахъ“ (Fable of the bees), привлекшей всеобщее вниманіе; циническая мораль этой басни выражена въ ея подзаголовкѣ: „Пороки отдѣльныхъ лицъ— суть благодѣяніе для общества“ (private vices made public benefits).

Кромѣ религіи и морали, англійскіе мыслители вѣка просвѣщенія пытались обосновать на почвѣ раціональной психологіи ученіе о прекрасномъ въ природѣ и въ искусствѣ, эстетику: гуманистическія традиціи не соотвѣтствовали больше стремленію этой эпохи къ созданію современнаго искусства, свободнаго отъ подражательныхъ тенденцій. Въ эстетикѣ роль знаменосца игралъ все тотъ же Шефтсбюри, слѣдомъ за нимъ шли Гетчисонъ, Генри Гомъ (1696—1782 г.), Александръ Джерардъ (1728—1795 г.) и Эдмундъ Боркъ (1730—1797 г., извѣстный государственный дѣятель); всѣ они были склонны представлять себѣ прекрасное только въ сочетаніи съ добромъ и истиной, всѣ они стремились сузить идею прекраснаго и втиснуть ее въ рамки понятія о гармоническомъ, пріятномъ, привлекательномъ, примиряющемъ. Болѣе рѣшительными и опасными для классическаго канона правилъ и сужденій были Робертъ Лоутъ (1710—1787 г.) и Робертъ Вудъ (1717—1775 г.); главнымъ произведеніемъ перваго были его написанныя на латинскомъ языкѣ лекціи „О священной поэзіи евреевъ“ (1753 г.), второго—„Изслѣдованіе объ оригинальномъ геніи и произведеніяхъ Гомера“ (1769 г.); Джозефъ Уартонъ (1723—1800 г.) былъ настолько смѣлъ, что сталъ относиться скептически къ заслугамъ Попа, какъ поэта (1797 г.), а Гюгъ Блеръ (1718—1800 г.) считалъ Гомера въ одно и то же

время и самымъ наивнымъ и самымъ великимъ изъ всѣхъ поэтовъ, а Виргилія только „подражательнымъ, разсудочнымъ стихотворцемъ". Еще болѣе сильное впечатлѣніе на общество произвелъ отказъ отъ классицизма Эдуарда Юнга (1681—1765 г.), автора „Ночныхъ думъ" (Night thoughts on life, time, friendship, death and immortality, 1742; Ночныя думы о жизни, времени, дружбѣ, смерти и безсмертіи); онъ написалъ на своемъ знамени вѣрность природѣ и считалъ величайшими изъ британскихъ поэтовъ Мильтона и Шекспира, а не представителей классическаго направленія Драйдена, Попа и Аддисона. Названные нами эстетики интересовались большей частью исключительно изящной литературой, а живописецъ-сатирикъ Уильямъ Гогартъ (стр. 503) занимался „расчлененіемъ прекраснаго" (1753 г.) съ точки зрѣнія пластическихъ искусствъ.

Другіе британскіе философы продолжали заниматься разработкой вопросовъ метафизики и теоріи познанія, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудились философы какъ въ Великобританіи, такъ и на материкѣ Европы. Епископъ Джорджъ Беркелей (1684—1753 г.), не смущаясь, отрицалъ существованіе тѣлеснаго міра на томъ основаніи, что наши представленія о тѣлесныхъ предметахъ суть духовныя явленія и вызываются поэтому причинами, сродными съ ними, стало быть, тоже духовными, именно Божествомъ, которое есть безконечный духъ (esse est percipi, существующее—это воспринимаемое чувствами). До такого рѣзко противорѣчащаго человѣческимъ чувствамъ спиритуализма, отрицанія матеріи (имматеріализма), или феноменализма, какъ Беркелей, не доходилъ ни одинъ изъ его современниковъ. Вообще психологія, какъ наука, не выходящая изъ круга непосредственныхъ наблюденій, соотвѣтствовала англійскому народному духу въ гораздо большей степени, чѣмъ метафизика; наибольшую заслугу въ этой области пріобрѣлъ Давидъ Гартлей (1704—1757 г.). Что между психологіей и метафизикой можетъ быть переброшенъ мостъ, это доказалъ Пристлей (стр. 544), который считалъ мышленіе функціей головного мозга, а психологію отдѣломъ физіологіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ горячимъ поборникомъ безсмертія души и существованія Бога.

Самый замѣчательный изъ британскихъ философовъ — это шотландецъ Давидъ Юмъ (1711 г. — 1776 г.); его критика понятія о причинности служитъ связующимъ звеномъ между эмпиризмомъ Локка и критицизмомъ Канта. Юмъ доказываетъ самымъ блестящимъ образомъ, что сочетаніе понятій причины и дѣйствія не имѣетъ никакого объективнаго и независимаго значенія и примѣнимо только въ предѣлахъ сферы человѣческаго опыта; попытки вынести понятіе о причинности за предѣлы человѣческаго опыта и основывать на ней доказательства существованія Бога или безсмертія души онъ считаетъ непростительной дерзостью. Эти выводы Юма не пришлись по вкусу ни свободомыслящимъ, ни правовѣрнымъ; поэтому британская философія отдалилась снова отъ путей, проложенныхъ Локкомъ и Юмомъ. Шотландская школа, представителями которой были Томасъ Ридъ (1710 г. — 1796 г.), Джемсъ Бетти (1735 г. — 1803 г.), Джемсъ Освальдъ (сконч. въ 1793 г.), Дугальдъ Стюартъ (1753 г.—1828 г.) и Уильямъ Гамильтонъ (1788 г. — 1856 г.), погрязла въ самомъ жалкомъ догматизмѣ и прославляла въ длинныхъ, безсодержательныхъ, скучныхъ и рутинныхъ писаніяхъ „здравый человѣческій разсудокъ".

Два шотландскихъ мыслителя вѣка просвѣщенія, Юмъ и Смитъ, упрочили существованіе зарождавшейся въ то время науки о народномъ хозяйствѣ; до нихъ существовали только разрозненныя изслѣдованія по экономическимъ вопросамъ. Юмъ написалъ только нѣсколько статей по отдѣльнымъ національно-экономическимъ вопросамъ; но въ продолженіе его долгаго знакомства съ младшимъ его современникомъ Смитомъ, продолжавшагося въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, основные вопросы экономической науки подвергались такъ часто устному и письменному обсужде-

нію въ бесѣдахъ между обоими этими писателями и письмахъ, которыми они обмѣнивались между собой, что въ короткихъ этюдахъ Юма сквозитъ много скрытой систематики. Собственно говоря, даже безсмертное произведеніе Адама Смита (1723 г. — 1790 г.) „Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ“ (Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations, 1776 г.) не представляетъ планомѣрной системы національной экономіи. Это классическое произведеніе „заключало въ себѣ самое полное выраженіе либеральныхъ требованій экономическаго индивидуализма; въ немъ были своевременно высказаны основательныя требованія либеральной реформы. Смитъ примкнулъ безъ колебаній къ великимъ этико-философскимъ идеаламъ своего вѣка, и на его сочиненіи лежитъ печать трезвой научности и опытнаго изслѣдованія. Несмотря на такія заблужденія Смита, какъ, напримѣръ, его вѣра въ природное равенство всѣхъ людей, на неправильную оцѣнку, которую онъ даетъ распредѣленію власти и обоюдной зависимости между государствами и соціальными классами, несмотря на его ложное представленіе о значеніи государствъ и государственныхъ учрежденій, несмотря на то, что раціонализмъ ревнителя просвѣщенія подчасъ одерживаетъ въ немъ верхъ надъ историческимъ и психологическимъ изслѣдователемъ, несмотря на всю ограниченность его сферы наблюденій, книга Адама Смита въ теченіи столѣтія оставалась знаменемъ, подъ которымъ собирались тѣ государственные люди и тѣ классы, которые стремились къ проведенію въ жизнь западно-европейскихъ государствъ полнаго идеала либеральнаго общества, основаннаго на обмѣнѣ, свободѣ личности и имущества“ (Шмоллеръ).

Объединенное общимъ парламентомъ Великобританское королевство имѣло въ XVIII столѣтіи своихъ великихъ ораторовъ и замѣчательныхъ политическихъ писателей, но не имѣло никакихъ выдающихся представителей науки государственнаго права и науки о государствѣ. Даже острыя сатирическія „Письма Юніуса“ сэра Филиппа Фрэнсиса (1740 г.—1818 г.; срв. т. II), печатавшіяся съ 21 ноября 1768 г. по 12 мая 1772 года въ лондонской газетѣ „Public advertiser“, принадлежатъ къ числу сочиненій, вызываемыхъ потребностью момента и затѣмъ предаваемыхъ забвенію.

По французскому образцу историческія сочиненія стали также и въ Англіи наиболѣе любимымъ средствомъ къ просвѣщенію образованныхъ круговъ общества. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ историческіе писатели выходили еще изъ среды привилегированныхъ сословій, по иниціативѣ которыхъ возникали и при непосредственномъ участіи которыхъ происходили описываемыя историческія событія; иной разъ это были баловни судьбы изъ буржуазнаго круга, которые выступали защитниками общественныхъ условій, создавшихъ ихъ карьеру. Напротивъ того, въ XVIII столѣтіи все третье сословіе съ своими ученѣйшими и наиболѣе вліятельными представителями во главѣ боролось за свои общіе интересы противъ партій, классовъ, учрежденій и традицій, на которыхъ покоился тогдашній государственный и общественный строй; какъ и всякой другой отраслью литературы, исторіей тоже пользовались въ продолженіе вѣка просвѣщенія, какъ орудіемъ для партійной борьбы. Въ своей „Исторіи Англіи“ (1754 г. и слѣд.) Юмъ выступаетъ представителемъ партіи тори, поборникомъ государственной церкви и защитникомъ Стюартовъ, а виговъ, диссентеровъ и особенно пуританъ революціонной эпохи онъ ненавидитъ за ихъ религіозный фанатизмъ. Менѣе враждебно относится къ религіи пользовавшійся въ свое время большой популярностью авторъ „History of Charles V“ (Исторіи Карла V) Уильямъ Робертсонъ (1721 г. — 1793 г.); только въ ретроспективномъ обзорѣ среднихъ вѣковъ у него замѣтна точка зрѣнія вѣка просвѣщенія, во всемъ прочемъ онъ обнаруживаетъ безпристрастную терпимость. Самое выдающееся значеніе между всѣми историками эпохи просвѣщенія принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Эдуарду Гиббону

(1737 г. — 1794 г.), автору „Исторіи упадка и гибели римской имперіи" (History of the decline and fall of the roman empire, 1782 г. и слѣд.), несмотря на его пренебреженіе къ христіанству и его риторически напыщенную манеру изложенія.

Интересъ, съ которымъ англійскій читатель относится къ подобнымъ прозаическимъ произведеніямъ, былъ развитъ въ немъ англійской изящной литературой и стоялъ въ связи съ тѣмъ соціальнымъ переворотомъ, который далъ себя почувствовать во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Первымъ признакомъ этого переворота была упомянутая на страницѣ 559 моралистическая школа философіи; это новое направленіе было по душѣ буржуазнымъ классамъ, но вначалѣ, само собой разумѣется, не всѣ отнеслись къ нему благосклонно. Болингброкъ, Мандевиль, Филиппъ Дормеръ Стэнгопъ, графъ Честерфильдъ (1694 г. — 1773 г.), который развивалъ остроумно свою собственную эгоистическую утилитарную теорію, равно какъ и величайшій изъ англійскихъ сатириковъ несчастный Іонатанъ Свифтъ (1667—1745 г.) не увлеклись модой и не впали ради нея въ заблужденіе, извращающее истинную природу человѣческаго рода. Въ своей религіозной сатирѣ (Сказка о бочкѣ „Tale of a tub", 1704 г.), въ своихъ „Письмахъ суконщика" (Letters by M. B., Drapier at Dublin, 1723 г.) и въ своемъ фантастическомъ романѣ „Путешествія Гулливера" (Travels into several remote nations of the world, by Lemuel G., 1726 г.) онъ безъ всякихъ стѣсненій высказалъ въ лицо всѣмъ людямъ самыя горькія истины, которыя человѣчеству когда бы то ни было пришлось выслушать.

Несмотря на всѣ усилія противниковъ новаго направленія, морализирующіе и сентиментальные пріемы восторжествовали въ англійской литературѣ. Читателей изъ задававшихъ тонъ буржуазныхъ слоевъ общества больше всего стали интересовать романы и драматическія пьесы, послѣ того, какъ авторы этихъ произведеній спустились изъ области фантазіи на землю и стали изображать картины изъ обыденной дѣйствительной жизни. Предшественникомъ настоящаго англійскаго романа былъ Даніилъ Фо, впослѣдствіи называвшійся Дефо (1661 г.—1731 г.); его сочиненіе „Робинзонъ Крузо" (The life and strange surprising adventures of R. C. of Iork, Mariner; 1719 г.) вмѣстѣ съ „Вертеромъ" Гете стали самыми популярными произведеніями новой повѣствовательной литературы и вызвали наибольшее число подражаній. Истиннымъ создателемъ добродѣтельнаго и сентиментальнаго семейнаго романа слѣдуетъ считать Самуэля Ричардсона (1689 г.—1761 г.) съ его многотомными повѣстями: „Памела" (1740 г.), „Клариса Гарлоу" (1748 г.) и „Сэръ Чарльзъ Грандисонъ" (1753 г.). Рѣзкимъ и подчасъ грубымъ реализмомъ проникнуты романы Генри Фильдинга (1707 г. — 1754 г.) и Тобіаса Смоллета (1721 г. — 1771 г.). Творцомъ юмористическаго романа былъ Лоуренсъ Стернъ (1713 г. —1768 г.), лучшее произведеніе котораго есть „Тристрамъ Шенди" (The life and opinions of T. Sh., 1759 г. и слѣд.). Лучшимъ стилистомъ изъ англійскихъ прозаическихъ писателей считается Оливеръ Гольдсмитъ (1728 г.—1774 г.), авторъ „Vicar of Wakefield", выдающійся художникъ по части жанровыхъ картинъ.

Англійская мѣщанская драма сильно отстала отъ романа. Едва ли когда-нибудь новый родъ поэзіи былъ созданъ съ такимъ малымъ запасомъ таланта, какъ мѣщанская трагедія, первымъ образцомъ которой во всемірной литературѣ была надоѣдливо добродѣтельная пьеса Джорджа Лилло (1693 г. — 1739 г.) „Лондонскій купецъ" (George Barnwell, 1731 г.). То же самое можно сказать о сантиментальныхъ пьесахъ Эдуарда Мура (1712 г. — 1757 г.) и Ричарда Кумберленда (1732 г. — 1811 г.). Болѣе удачны юмористическія пьесы Самуэля Футса (род. около 1726 г., сконч. въ 1777 г.) и знаменитаго актера Давида Гаррика 1716/17 г.—1779 г.). Хотя эта эпоха не благопріятствовала развитію художественной комедіи, тѣмъ не менѣе къ этому времени относятся произведенія величайшаго англій-

скаго комика Ричарда Бринслея Шеридана (1751 г. — 1816 г.), автора „Соперниковъ“ (The rivals, 1775 г.) и „Школы порока“ (The school for scandal, 1777 г.).

Сентиментальные мечтательные читатели долгое время увлекались „Временами года“ (The seasons) Джемса Томсона (1700—1748 г.) и мрачными „Ночными думами“ Юнга. Эти произведенія отзывались на распространенное на материкѣ настроеніе, которое нашло себѣ наиболѣе полное удовлетвореніе въ „Пѣсняхъ“ ирландскаго барда Оссіана (3 стол. до Р. Х.); какъ извѣстно, появившіяся въ печати между 1760 и 1763 гг. „Пѣсни Оссіана“ были переведены шотландцемъ Джемсомъ Макферсономъ (1736 г.—1796 г.) съ галльскаго подлинника, сочиненнаго не раньше XIII столѣтія; частью эти пѣсни были собственными произведеніями Макферсона. Изданное Томасомъ Перси (1728 г.—1811 г.) собраніе балладъ и пѣсенъ (Reliques of ancient english poetry, 1765 г.) пробудило въ обществѣ интересъ къ неподдѣльной народной поэзіи древнѣйшихъ временъ. Въ англійской поэзіи возникло было антикварное, интересующееся исключительно древними образцами направленіе, которое вліяло вреднымъ образомъ на современное искусство; но, къ счастью, Фортуна подарила Великобританіи поэта, который на глазахъ современниковъ создалъ такія вещи, которыя считались таинственнымъ удѣломъ далекаго прошлаго: это былъ Робертъ Бернсъ (1759 г.—1796 г.), шотландскій поселянинъ, величайшій изъ лирическихъ поэтовъ, писавшихъ на англійскомъ языкѣ, примѣнившій на практикѣ то ученіе о народной и естественной поэзіи, съ которымъ младшее поколѣніе выступило противъ классическихъ раціоналистовъ. Консервативная Англія выбралась по собственной иниціативѣ изъ мелководья вѣка просвѣщенія и направилась въ чудесное царство романтики, въ которое стремилась также въ это самое время германская литература.

B. Вѣкъ просвѣщенія во Франціи.

Во Франціи вѣкъ просвѣщенія принялъ совершенно другое направленіе, чѣмъ въ Великобританіи. По ту сторону Ламанша стремленія этого вѣка были только дѣломъ духовной жизни отдѣльной личности; во Франціи они превратились въ революціонное движеніе, которое перебросилось изъ внутренняго міра во внѣшнюю среду, изъ литературы въ соціальную жизнь и подготовило крушеніе стараго режима. Въ то время, какъ Великобританія переживала въ XVIII вѣкѣ эпоху прогресса и поэтому мирилась съ общественнымъ зломъ, Франція стояла на пути регресса и боролась съ растущимъ ожесточеніемъ противъ государственной власти, которую считали виновникомъ регресса. Монархія съ королемъ-солнцемъ во главѣ стремилась раздуть страсть къ славѣ и добычѣ, а также политическую и культурную манію величія, свойственныя тщеславнымъ по природѣ и высокомѣрнымъ галло-римлянамъ. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, когда счастье стало упорно отворачиваться отъ французовъ, пробудилась оппозиція, которая стала расти послѣ каждой неудачи французовъ и каждаго успѣха ихъ враговъ.

Замѣчательно, что въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV, въ продолженіе регентства (1715 г.—1723 г.) и даже еще при кардиналѣ Флери (1726 г.—1743 г.) оппозиція носила лойяльный характеръ и исходила преимущественно отъ представителей привилегированныхъ сословій. Церковнослужители пытались открыть глаза властимущимъ и взывать къ ихъ совѣсти; къ ихъ числу принадлежатъ придворный проповѣдникъ Массильонъ, архіепископъ Фенелонъ (стр. 519) и аббатъ Шарль Ирене Кастель де Сенъ-Пьеръ (1658 г.—1743 г.); послѣдній прославился своимъ проектомъ возстановленія вѣчнаго всеобщаго мира. Къ этимъ представителямъ духовенства присоединились люди знатнаго происхожденія,

занимавшіе высокіе государственные посты, какъ, напримѣръ, Вобанъ и Буа-Гильберъ (стр. 539), Ш. Маргеталь де Сенъ-Дени сеньеръ де Сентъ-Эвремонъ (1613—1703 г.), и впослѣдствіи маркизъ Ренэ Луи д'Аржансонъ (1694—1757 г.; отъ 1744 г. до 1747 г. онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ). Бернаръ ле Бовье де Фонтенель (1657—1757 г.) тоже писалъ во время своей молодости популярные памфлеты противъ фанатизма, поповскаго обмана и картезіанской космологіи; впослѣдствіи, состоя секретаремъ академіи, онъ довольствовался ролью оффиціальнаго сочинителя некрологовъ и панегириковъ. Съ самыми рѣзкими изобличеніями выступила группа гугенотовъ эмигрантовъ, къ числу которыхъ принадлежали Жанъ ле Клеркъ (1657—1736 г.), Пьеръ Байль (1647—1706 г.), издатель нѣсколькихъ журналовъ и авторъ „Dictionnaire historique et critique“ (Историческаго и критическаго словаря, 1697 г.), самый вліятельный изъ писателей вѣка просвѣщенія, предшествовавшихъ Вольтеру и Дидеро.

a) Вольнодумство.

Все это были только стычки. Только около средины XVIII столѣтія генералы отъ философіи—французскіе мыслители вѣка просвѣщенія любили называть себя философами—собрали вокругъ себя надежное ядро дисциплинированныхъ солдатъ, къ которому примкнула безъ ясной органической связи большая международная толпа ненадежныхъ поклонниковъ; нельзя было обойтись безъ нѣкоторой доли сектантскаго фанатизма, такъ какъ необходимо было выступить сомкнутыми рядами противъ іезуитовъ и янсенистовъ, которые издавна были сплочены въ крѣпкую организацію; голоса этихъ спорящихъ партій были слышны далеко за предѣлами Франціи во всѣхъ католическихъ странахъ.

Въ 1748 году вышла въ свѣтъ книга Шарля де Секонда барона де ля Бредъ де Монтескье (1689—1755 г.) „De l'esprit des lois“ (Духъ законовъ); авторъ ея, сановникъ, принадлежавшій къ старинному дворянскому роду, еще раньше того обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими сатирическими „Персидскими письмами“ (1721 г.) и своимъ историко-философскимъ сочиненіемъ „Размышленія о причинахъ величія и упадка римлянъ“ (1734 г.). Идеи Монтескье составляютъ, такъ сказать, высшую ступень стремящейся къ реформамъ, но избѣгающей рѣзкихъ пріемовъ оппозиціи Вобана и Буа-Гильбера; за образецъ онъ принимаетъ консервативную Англію. Отъ него, главнымъ образомъ, беретъ свое начало непоколебимая до сихъ поръ вѣра въ превосходство и безусловную примѣнимость къ условіямъ жизни на европейскомъ материкѣ государственнаго строя Англіи. Онъ смотритъ на Англію сквозь очки виговъ, но, однако глазами француза. Преломившись сквозь призму его ума, иностранныя учрежденія лишились своихъ національныхъ особенностей, но ихъ вліяніе на общество только выиграло вслѣдствіе этого. Пестрота и неопредѣленность исторически сложившейся конституціи Соединеннаго Королевства сглажены у него какъ бы рукой волшебника: для ума классически образованнаго француза, привычнаго къ строгой логикѣ, точное воспроизведеніе нескладной дѣйствительности является чѣмъ-то невозможнымъ. Впрочемъ, именно авторъ „Духа законовъ“ разъяснилъ съ большей основательностью, чѣмъ всѣ другіе французскіе писатели вѣка просвѣщенія, что общественныя учрежденія приспособляются къ существующимъ условіямъ и отличаются измѣнчивостью. Сочиненіе Монтескье есть произведеніе одинокаго ума, объемисто и не вполнѣ удобопонятно, но несмотря на всѣ эти недостатки оно оказало весьма прочное вліяніе на европейское общество.

Въ то время, какъ вышло въ свѣтъ сочиненіе Монтескье „Духъ законовъ“, Франсуа Мари Аруэ Леженъ, извѣстный подъ именемъ Вольтера (1694 г.—1778 г.), былъ уже знаменитостью. Въ молодости онъ тоже побывалъ въ Англіи (1726 г.—1729 г.), и время, проведенное имъ въ этой странѣ.

тоже оставило неизгладимый слѣдъ на всей его дальнѣйшей дѣятельности. Онъ вернулся оттуда апостоломъ естественнонаучныхъ теорій Ньютона, философіи Локка и представительнаго образа правленія. Вольтеръ былъ такимъ же энциклопедистомъ, какъ и великіе мыслители XVII вѣка; но онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ популяризаціи, и его сочиненія были написаны языкомъ, доступнымъ даже для самаго непросвѣщеннаго читателя. Съ особеннымъ рвеніемъ онъ сталъ предаваться литературной дѣятельности только съ 1750 года, когда онъ удалился отъ двора и окончательно устранился отъ всѣхъ своихъ свѣтскихъ связей. Благодаря его всемірному таланту къ его голосу стали прислушиваться не только парижскіе салоны, литераторы и философы, но и европейскіе государи, какъ, напримѣръ, Фридрихъ II, Екатерина II., Густавъ III и Христіанъ VII и т. д., его сочиненія читались съ жадностью также и людьми со скромнымъ общественнымъ положеніемъ, которымъ былъ доступенъ французскій языкъ. Вольтеръ былъ преемникомъ цѣлаго ряда поколѣній писателей, которые довели свое искусство изложенія до высшей степени изящества и прозрачности и благодаря которымъ публика научилась наслаждаться какъ содержаніемъ, такъ и формой литературныхъ произведеній. Вольтеръ справлялся свободно со всѣми формами литературныхъ произведеній какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ, и поэтому оказался самымъ опаснымъ представителемъ той эпохи, которую справедливо можно было бы назвать Вольтеровской. Его политическія убѣжденія не отличались особенной твердостью, но въ общемъ онъ былъ сторонникомъ просвѣщенного абсолютизма; по своимъ метафизическимъ взглядамъ онъ былъ деистомъ. Вообще это былъ необыкновенно даровитый человѣкъ съ громаднымъ житейскимъ опытомъ, вовсе не склонный къ революціоннымъ идеямъ; онъ сконцентрировалъ всѣ разрушительныя склонности своего характера исключительно для борьбы противъ католической церкви. По своему рожденію и воспитанію Вольтеръ былъ католикомъ. Католицизмъ оставляетъ неизгладимый отпечатокъ на душѣ даже тѣхъ изъ своихъ послѣдователей, которые впослѣдствіи окончательно отвернулись отъ него; на страстную борьбу противъ церкви направляется та самая сила, которая раньше толкала святыхъ мучениковъ къ безграничному самопожертвованію за свою вѣру. Враждебное отношеніе Вольтера къ религіи вообще является послѣдствіемъ его ненависти къ католической церкви. Между отдѣльными сочиненіями Вольтера, которыя насчитываются сотнями, историческія сочиненія занимаютъ выдающееся мѣсто. Къ числу ихъ принадлежатъ: легковѣсная монографія о Карлѣ XII (1730 г.), „Исторія Россіи въ царствованіе Петра Великаго" (1759 г.), написанная въ угоду Екатеринѣ II, и составленная имъ весьма неохотно „Лѣтопись Германской имперіи". Всѣ эти сочиненія сильно уступаютъ по своему достоинству двумъ главнымъ трудамъ этого автора „Siècle de Louis XIV" (Вѣкъ Людовика XIV) и Essay sur les moeurs et l'esprit des nations" (Изслѣдованіе о нравахъ и духѣ народовъ; 1754 г. и слѣд.). Этотъ послѣдній трудъ посвященъ всеобщей политической и культурной исторіи европейскихъ государствъ, начиная отъ эпохи Карла Великаго; первый отдѣлъ этого сочиненія носитъ весьма мѣтко придуманный заголовокъ „Философія исторіи", а все сочиненіе было написано въ опроверженіе „Discours sur l'histoire universelle" (Разсужденія о всеобщей исторіи) Боссюэ, вышедшаго въ свѣтъ въ 1681 г. и излагавшаго въ блестящей формѣ взгляды на ходъ всемірной исторіи, усвоенные католической церковью. Другая серія сочиненій Вольтера состоитъ изъ ѣдкихъ памфлетовъ противъ ветхозавѣтнаго Священнаго Писанія и іудейства, къ которому Вольтеръ, какъ французъ, относился съ крайней ненавистью.

Несмотря на свои разностороннія познанія, Вольтеръ не могъ удовлетворить потребности современнаго ему общества въ такомъ трудѣ,

въ которомъ была бы изложена въ сжатой формѣ вся европейская наука средины XVIII вѣка; для удовлетворенія этой потребности сталъ издаваться въ 1750 г. словарь въ алфавитномъ порядкѣ по образцу англійской „Энциклопедіи“ Эфраима Чемберса (1728 г.). Редакторомъ этого словаря былъ Дени Дидро (1713—1784 г.); предисловіе къ нему было написано Жаномъ Лерономъ Даламберомъ (1717 г.—1783 г.), а сотрудниками были всѣ французскіе литераторы. Только черезъ 30 лѣтъ была закончена изданіемъ „Энциклопедія или толковый словарь наукъ, искусствъ и ремеслъ“ (Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et métiers“), которая составила вмѣстѣ съ указателемъ статей всего 35 томовъ in folio.

Французскихъ философовъ вѣка просвѣщенія можно раздѣлить на двѣ группы: сенсуалистовъ въ духѣ Локка и матеріалистовъ. Къ сенсуалистамъ принадлежатъ Этьенъ Бонно де Мабли де Кондильякъ (1715 г.—1780 г.), Шарль де Боннэ (1720 г.—1793 г.), П. Ж. Ж. Кабанисъ (1757 г.—1808 г.) и графъ А. Л. С. Дестюттъ де Траси (1754 г.—1836 г.). Обыкновенно Дидро причисляется къ матеріалистамъ; но въ дѣйствительности у него матеріализмъ былъ только переходной ступенью отъ деизма къ пантеизму. Среди послѣдовательныхъ матеріалистовъ самымъ оригинальнымъ талантомъ отличался авторъ книги „Человѣкъ-машина“ (L'homme-machine, срв. т. VII) и наставникъ Фридриха Великаго Жюльенъ Оффре де Ламетри (1709 г.—1751 г.), который кичился своимъ атеизмомъ. Настоящей сокровищницей всѣхъ вольнодумныхъ направленій было сочиненіе пфальцскаго барона П. Г. Д. фонъ Гольбаха (1723 г.—1789 г.) „Système de la nature“ 1770 г., (Система природы), въ которой совмѣщались сенсуализмъ, матеріализмъ, атеизмъ, детерминизмъ и антиморализмъ.

Собственно говоря, вольнодумцы той эпохи были, можно сказать, довольны тѣмъ обществомъ, объ исправленіи котораго они хлопотали такъ усердно. Въ тѣхъ кругахъ, къ которымъ они принадлежали по рожденію и въ которыхъ ихъ охотно принимали, жилось очень пріятно! Къ этому присоединялись розовыя надежды на блестящее будущее, сознаніе своего собственнаго превосходства, страсть къ борьбѣ и увѣренность въ своей побѣдѣ. Наравнѣ съ гуманистами и представителями ренессанса мыслители эпохи просвѣщенія тоже ожидали спасенія человѣчества отъ наукъ, искусствъ и просвѣщенія, а религію они признавали болѣзнью, унаслѣдованной человѣчествомъ отъ прошлыхъ историческихъ эпохъ, и готовы были окончательно упразднить ее.

Внезапно весь хоръ голосовъ писателей эпохи просвѣщенія былъ заглушенъ рѣзкимъ гуломъ, раздавшимся изъ глубины тѣхъ слоевъ, которые всегда назывались народомъ по преимуществу. То былъ голосъ самого народа, заговорила нѣмая масса, воплотившаяся въ лицѣ Жана Жака Руссо (1712 г.—1778 г.), провозвѣстника революціи, которую этотъ писатель первый призналъ неизбѣжной. Поклонники просвѣщенія привлекли было его къ себѣ, но его душа возмутилась противъ союза съ партіей, утонченныя привычки которой вѣчно напоминали ему, природному пролетарію, о классовыхъ противорѣчіяхъ. Руссо поразилъ просвѣтителей въ самое сердце, заклеймивши въ первомъ же своемъ сочиненіи „Discours sur les sciences et les arts“ (Разсужденіе о наукахъ и искусствахъ, 1750 г.) науки и искусства, какъ виновниковъ вырожденія человѣческаго рода, и утверждая, что культура вырвала человѣка изъ его блаженнаго первобытнаго состоянія. Въ своемъ второмъ манифестѣ „Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes“ (Разсужденіе о происхожденіи и основаніяхъ неравенства между людьми, 1753 г.) Руссо доискивался правовыхъ, общественныхъ и экономическихъ причинъ неравенства между людьми, обусловливаемаго различіемъ въ уровнѣ образованія и общественномъ положеніи разныхъ классовъ общества. Онъ первый поставилъ на

очередь ту тему, дальнѣйшей разработкой которой занялся современный намъ соціализмъ; необходимо сдѣлать ту поправку, что Руссо былъ сыномъ того вѣка, который ревниво отстаивалъ права индивидуума отъ власти порабощающей его массы. Какъ художникъ и философъ, онъ отстаивалъ свободное чувство отъ притязаній холоднаго разсудка и закоснѣлыхъ рамокъ, налагаемыхъ требованіями общества и государства. Онъ былъ даже поборникомъ религіи чувства въ своемъ трактатѣ „Profession de foi du vicaire savoyard“ (Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія; оно вставлено въ его сочиненіи о воспитаніи „Emile“); однако, въ этомъ трактатѣ нѣтъ ничего, кромѣ основныхъ принциповъ деизма, заключающихся въ вѣрѣ въ Бога и безсмертіе души. Руссо глубоко вѣритъ въ благородство неиспорченной первобытной человѣческой природы и сходится въ этомъ отношеніи съ остальными просвѣтителями, тоже выводившими всѣ человѣческія несчастья изъ первороднаго грѣха; въ двухъ своихъ важнѣйшихъ сочиненіяхъ „Emile“ и „Du contrat social“ (Объ общественномъ договорѣ), вышедшихъ въ свѣтъ въ 1762 году, онъ развиваетъ основы проекта освобожденія человѣка, удалившагося отъ своего природнаго состоянія, отъ проклятаго ига цивилизаціи. Въ „Эмилѣ“ этотъ философъ излагаетъ свою теорію воспитанія, а въ „Общественномъ договорѣ“ свое ученіе о государствѣ. Въ педагогіи онъ опирается на Локка, который хочетъ замѣнить семью и школу идеальнымъ гувернеромъ; Руссо удаляетъ воспитателя и ребенка отъ испорченнаго свѣта въ надеждѣ на то, что вдали отъ всѣхъ зловредныхъ вліяній цивилизаціи въ ребенкѣ свободно разовьются благородныя природныя качества его души. Въ своемъ „Общественномъ договорѣ“ Руссо является продолжателемъ теоріи естественнаго права и общественнаго договора, которыя развивались его предшественниками. Его представленіе о сравнительно наилучшемъ благоустройствѣ государства сводится къ чему-то вродѣ демократической республики небольшихъ размѣровъ, какъ, напримѣръ, швейцарскіе кантоны или города — государства древности. Однако, въ главныхъ чертахъ эта книга посвящена теоретическому оправданію господства массъ и доказательству нелѣпости всякихъ сословныхъ и индивидуальныхъ привилегій; террористы 1793 года ссылались на Руссо въ доказательство своего права на истребленіе всѣхъ, пользовавшихся привилегіями на основаніи своего имущественнаго или образовательнаго ценза, ради пользы низшихъ классовъ населенія.

б) Ученіе о народномъ хозяйствѣ.

Что соціалистическія и коммунистическія идеи въ то время носились въ воздухѣ, это доказываютъ сочиненія аббата Морелли, написанныя помимо вліянія Руссо: „Naufrage des îles flottantes“ (Крушеніе пловучихъ острововъ, 1753 г.) и „Code de la nature“ (Кодексъ природы, 1755 г.). Однако, нельзя отрицать, что въ общемъ въ эпоху просвѣщенія преобладали умѣренныя, буржуазныя тенденціи; поэтому соціально-экономическій радикализмъ не пользовался замѣтнымъ успѣхомъ. Въ общемъ тогдашнія политико-экономическія воззрѣнія не выходили изъ кругозора меркантилизма; тѣмъ не менѣе, въ эпоху просвѣщенія была создана какъ въ Англіи, такъ и во Франціи система народнаго и государственнаго хозяйства, основывающаяся на весьма широкихъ принципахъ. Эта система была первой въ своемъ родѣ; ее окрестили именемъ *физіократической*, экономической, или агрикультурной системы. Основатель этой системы Франсуа *Кенэ* (1694 г.—1774 г.) выпустилъ въ свѣтъ свое главное сочиненіе „Tableau économique“ (Экономическая картина) уже въ 1758 г.; черезъ короткое время вокругъ него сгруппировался цѣлый кругъ послѣдователей (т. VII) Адамъ Смитъ выступилъ предъ публикой со своимъ капитальнымъ сочиненіемъ почти на 20 лѣтъ позже, чѣмъ Кенэ, такъ что было бы совершенно несправедливо приписывать первому изъ нихъ роль основа-

теля національно-экономической системы. Какъ и Смитъ, Кенэ былъ философомъ, который во время своихъ ученыхъ занятій наткнулся, между прочимъ, на экономическіе вопросы; въ метафизикѣ онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія мыслителей XVII вѣка, въ частности Мальбранша, но въ вопросахъ государственной науки и основанныхъ на ней общественныхъ и экономическихъ теоріяхъ онъ слѣдуетъ современному ученію о естественномъ и разумномъ правѣ. Съ большей строгостью, чѣмъ его послѣдователи, онъ различаетъ естественный порядокъ, т. е. то, что должно быть, отъ существующаго положенія вещей. Въ раціональной части своего труда онъ является безусловнымъ защитникомъ нѣкоторыхъ положеній, а въ положительной части онъ дѣлаетъ существенныя уступки въ виду фактически существующихъ условій. Система Кенэ знаменуетъ собою исторически неизбѣжную реакцію противъ меркантилизма, покровительствовавшаго торговлѣ и промышленности въ ущербъ сельскому хозяйству. Настоящіе физіократы считаютъ производительной только дѣятельность землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, а всѣ другія профессіи непроизводительными. Такъ какъ только одна земля, по ихъ мнѣнію, даетъ, благодаря своимъ природнымъ производительнымъ силамъ, чистую прибыль, которая достается подъ видомъ земельной ренты землевладѣльцамъ, то единственнымъ закономѣрнымъ прямымъ налогомъ оказывается поземельный. Въ интерасахъ земледѣлія экономическая система требуетъ свободнаго вывоза продуктовъ земледѣлія, безпрепятственнаго ввоза иностранныхъ фабрикатовъ, свободы торговли и промысловъ.

в) Изящная литература.

Изящная литература XVIII вѣка является придаткомъ къ философской литературѣ той же эпохи и пропитана тѣми же идеями и тенденціями. Хуже всего соотвѣтствуетъ духу своего времени лирика этой эпохи. Ни легкомысленный Гильомъ Анфри де Шолье (1639 г.—1720 г.), ни серьезный Жанъ Батистъ Руссо (1670 г.—1741 г.), ни посредственный Луи де Расинъ (1692 г.—1763 г.), ни Вольтеръ и его современники не задѣвали тѣхъ струнъ, какія слѣдовало. Только въ концѣ XVIII вѣка выступилъ на литературное поприще Андрэ Мари де Шенье (1762 г.—1794 г.), звучныя элегіи котораго, впрочемъ, оставались неизвѣстными для публики въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ. Дидактическая поэзія легче давалась поэтамъ вѣка просвѣщенія, особенно Вольтеру, у котораго пьесы подобнаго рода отличаются легкостью и силой. Въ высшихъ родахъ эпоса этотъ вѣкъ былъ такъ же слабъ, какъ и въ серьезной лирикѣ. Вольтеръ потратилъ необычайно много труда на свою историческую эпопею „Генріаду", которая возбуждала интересъ въ публикѣ только до тѣхъ поръ, пока тирады о нетерпимости и фанатизмѣ не потеряли прелести новизны и смѣлости. Напротивъ того, его „Pucelle d'Orleans" (Орлеанская дѣва), сатирическая поэма, осмѣивающая Іоанну Д'Аркъ и вообще средніе вѣка, есть настоящій эпосъ этого вѣка безвѣрія и космополитизма. Какъ примѣръ сравнительно невиннаго комическаго эпическаго произведенія, слѣдуетъ еще назвать остроумную исторію попугая „Vert-Vert" (1734 г.), написанную Жаномъ Б. Л. де Грессэ (1709 г.—1777 г.).

Гораздо выше стихотворнаго эпоса стоитъ прозаическій романъ XVIII вѣка. На немъ отразилось вліяніе англійскихъ образцовъ. Аббатъ Антонъ Фр. Прево (1697 г.—1763 г.) переводилъ Ричардсона (стр. 562) и подражалъ ему въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ; въ 1731 году онъ написалъ, впрочемъ, болѣе самостоятельное произведеніе — романъ „Манонъ Леско", популярность котораго надолго пережила всю современную литературу; въ то время, какъ англійскіе писатели того времени изображаютъ женщину въ видѣ ангела или, по крайней мѣрѣ, падшаго ан-

гела, этотъ французъ рисуетъ сатану въ образѣ очаровательной бабенки, которая вмѣшивается въ судьбу благороднаго героя, какъ злой рокъ, стаскиваетъ его въ бездну и губитъ его. Необыкновеннымъ юморомъ и изяществомъ отличаются прозаическіе разсказы Вольтера, въ которыхъ онъ преслѣдуетъ, по большей части, вполнѣ ясную тенденцію; напримѣръ, его „Кандидъ" (1758 г.) есть язвительная сатира, осмѣивающая ученіе Лейбница о лучшемъ изъ всѣхъ міровъ (срв. стр. 556). Кромѣ Вольтера повѣсти писали также Дидро и Жанъ-Жакъ Руссо. Дидро былъ авторомъ скабрезной повѣсти „Bijoux indiscrets" (1758 г.) и крайне натуралистическаго романа изъ монастырскаго быта „La religieuse" (Монахиня), а изъ подъ пера Руссо вышелъ романъ „Новая Элоиза" (Julie ou la nouvelle Héloise, 1761 г.), который можно назвать самымъ пылкимъ изъ всѣхъ любовныхъ романовъ, страстной защитой неприкосновенныхъ правъ чувства отъ гнета обычаевъ и житейской неправды. Въ романѣ Руссо протестъ возмущеннаго чувства зарождается среди благосклоннаго общества; пожаръ вспыхиваетъ тамъ, гдѣ это общество считаетъ себя наиболѣе безопаснымъ: въ отношеніяхъ между полами, въ домашней средѣ, въ семьѣ. Съ этихъ поръ весь міръ не переставалъ интересоваться мятежнымъ чувствомъ, одолѣвающимъ всѣ препятствія. Руссо изобразилъ также и свои собственныя романтическія приключенія въ своей „Исповѣди" (Confessions, 1770 г.), этой первой изъ новѣйшихъ автобіографій. Чистый и невинный огонекъ теплится въ идилліи „Павелъ и Виргинія" (1787 г.), которая составляетъ часть IV тома „Этюдовъ о природѣ" (Etudes de la nature) Бернардена де-Сенъ-Пьера (1737 г.—1814 г.), въ очаровательныхъ краскахъ обрисовывается эта исторія первой любви на роскошномъ фонѣ тропической природы. Скабрезныя закулисныя тайны тоже имѣли въ XVIII вѣкѣ своихъ поэтовъ, какъ, напримѣръ, Кребильона младшаго (1707 г.—1777 г., его романъ „Софа" вышелъ въ 1745 г.) и великаго Мирабо.

Хотя въ XVIII вѣкѣ театръ не переставалъ пользоватся благорасположеніемъ публики и вліяніе его распространилось даже на низшіе слои населенія, драматическія произведенія этого вѣка по своему внутреннему достоинству сильно уступаютъ XVII столѣтію. Только одинъ Вольтеръ оставался достойнымъ представителемъ классической трагедіи: первымъ дебютомъ его въ этой отрасли изящной литературы была трагедія „Эдипъ", написанная въ 1718 году, а послѣднюю свою трагедію „Ирену" онъ закончилъ за нѣсколько дней предъ своей смертью (1778 г.). Онъ отваживался на мелкія нововведенія, но не измѣнилъ ни въ чемъ существенномъ традиціонному канону правилъ драматическаго искусства. Контрабанднымъ путемъ онъ давалъ проникать на сцену вольнымъ идеямъ и влагалъ въ уста своихъ героевъ религіозные и политическіе трактаты. Его комедіи далеко уступаютъ по своему литературному достоинству лучшимъ изъ его трагедій, каковы: „Заира" (1732 г.), „Смерть Цезаря" (1735 г.), „Магометъ" (1741 г.), „Меропа" (1743 г.) и „Танкредъ" 1764 г.). Наибольшей популярностью изъ всѣхъ родовъ драматическаго искусства стала пользоваться въ этомъ столѣтіи перенесенная во Францію изъ Англіи мѣщанская драма, изображающая современныя бытовыя сцены, такъ называемая „Comédie larmoyante" (плаксивая комедія). Первымъ выдающимся представителемъ мѣщанской драмы былъ Филиппъ Н. Детушъ (1680 г.—1754 г.); за нимъ послѣдовалъ Дидро со своими пьесами: „Незаконный сынъ" (1757 г.) и „Отецъ семейства" (1758 г.), затѣмъ Пьеръ К. де Шанбленъ де Мариво (1688 г.—1763 г.) и авторъ комедій Мишель Жанъ Седенъ (1719 г.—1797 г.). Пьеръ Огюстэнъ Каронъ де Бомарше (1732 г.—1799 г.) обязанъ своей блестящей славой не своимъ многочисленнымъ сентиментальнымъ пьесамъ, приходившимся по вкусу его современникамъ, и не своимъ пикантнымъ судебнымъ памфлетамъ, а своимъ безсмертнымъ комедіямъ „Севильскій цирульникъ" и „Свадьба Фигаро". Эти пьесы были проблес-

ками молніи, блеснувшими какъ разъ въ то время (въ 1775 г.—1784 г.), когда весь міръ уже ожидалъ въ близкомъ будущемъ неизбѣжнаго крушенія существующаго политическаго строя; впервые на сценѣ появились пьесы, въ которыхъ осмѣивались самымъ безцеремоннымъ образомъ дворянство и высшій судебный персоналъ, а побѣдителемъ, съ торжествомъ выпутавшимся изъ интриги, оказывался, благодаря своему природному здравому смыслу, человѣкъ изъ народа.

B. Вѣкъ просвѣщенія въ Германіи.

Когда по всѣмъ культурнымъ странамъ Европы распространилось вліяніе англійскаго и французскаго вѣка просвѣщенія, германскій народъ не остался пассивнымъ, безучастнымъ зрителемъ этого движенія. Духовная жизнь германскаго народа, достигшая своей низшей точки въ первой половинѣ XVII столѣтія, получила опять восходящее направленіе. Въ теченіе двухъ человѣческихъ поколѣній, слѣдовавшихъ за великой войной, нѣмцы подвигались впередъ одиноко по проложеннымъ ими самими путямъ и сравнялись, наконецъ, съ народами, стоявшими во главѣ европейской цивилизаціи. Приблизительно въ серединѣ XVIII вѣка получилъ свое начало наряду съ англійскимъ и французскимъ вѣкомъ просвѣщенія также и германскій. Мало этого,—съ 1750 года исторія умственнаго движенія въ Германіи можетъ уже служить руководящей нитью при изслѣдованіи хода развитія западно-европейской науки, просвѣщенія и искусства.

Германскій вѣкъ просвѣщенія выбрался изъ путъ барока и классицизма, подражавшихъ римскимъ образцамъ. Онъ продолжалъ дѣло, начатое въ эпоху Ренессанса и приблизился къ первоначальной цѣли, которую ставили себѣ мыслители той эпохи; подальше отъ Рима, поближе къ грекамъ, таковъ былъ его лозунгъ. Спустившись къ источнику первобытныхъ идей общеевропейской культуры, онъ примирилъ современную эпоху съ ея всемірно-историческимъ прошлымъ и возбудилъ въ германскомъ народѣ стремленіе къ развитію оригинальныхъ задатковъ своей собственной культуры. Космополитическая проповѣдь просвѣщенія превратилась незамѣтно въ Германіи въ національный романтизмъ. Въ началѣ XIX столѣтія, когда въ различныхъ частяхъ Европы государство и общество рушились изъ-за слабости внутреннихъ основъ, въ Германіи не прерывалась духовная связь между современнымъ поколѣніемъ и историческимъ прошлымъ германскаго народа, несмотря на то, что ураганы той эпохи бушевали съ особенно разрушительной силой на германской территоріи. На Германію обрушились тяжелыя матеріальныя невзгоды; душа германскаго народа, можно сказать, лишилась своего тѣла и тѣмъ не менѣе не потеряла способности къ величайшимъ подвигамъ, къ истинно геніальному творчеству. Происхожденіе генія всегда останется тайной, чудомъ, столько же необъяснимымъ, сколько и безспорнымъ. Однако, нельзя сомнѣваться въ томъ, что къ такому таинственному зарожденію генія германскій народъ обладалъ большой воспріимчивостью, такъ какъ онъ отличался сравнительно наибольшей чистотой своей крови, имѣлъ за собой въ своемъ историческомъ прошломъ наиболѣе длинную цѣпь культурныхъ поколѣній и обладалъ богатымъ запасомъ самостоятельно выработанныхъ идей. Послѣ продолжительнаго періода насилій и голода, послѣдовавшаго за тридцатилѣтней войной и сопровождавшагося обнищаніемъ народныхъ массъ и вырожденіемъ расы, германскій народъ возродился въ физическомъ отношеніи и возстановилъ свое родословное дерево; самочувствіе его стало опять приподнятымъ, и онъ почувствовалъ въ себѣ избытокъ умственныхъ силъ. Наступила пора для возрожденія первоначальнаго направленія реформаціи, которое стремилось къ самоосвобожденію духа посредствомъ самостоятельной

умственной работы и которое было задушено самымъ Лютеромъ и его ближайшими преемниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ пробилъ тотъ часъ, когда уже можно было отказаться отъ иностранныхъ учителей, у которыхъ германскій народъ вынужденъ былъ брать уроки въ эпоху своей крайней безпомощности.

a) Философія.

Германскій вѣкъ просвѣщенія до самаго конца своего не выходилъ изъ круга раціоналистическихъ воззрѣній, ведшихъ свое начало отъ Лейбница и Томазіуса, испещренныхъ англійско-шотландскими и французскими позаимствованіями и заранѣе лишенныхъ самостоятельнаго національнаго характера. Германская философія распалась на двѣ разновидности; рутинно-догматическую школьную и водянисто-разбавленную — популярную. И та, и другая отстранились мало по малу отъ метафизики, которая составляла вначалѣ главный предметъ философіи, и вотъ по какой причинѣ: всѣ разсужденія тогдашнихъ философовъ вращаются около одного общаго центра, личнаго счастья человѣка на землѣ, а все сверхчувственное не затрагиваетъ интересовъ индивидуальной личности,—взамѣнъ метафизики философы посвящали всѣ свои силы психологіи, этикѣ и эстетикѣ (срв. ниже стр. 577), такъ какъ личное счастіе достигается посредствомъ душевнаго благородства и наслажденія прекраснымъ. Философы вѣка просвѣщенія были искренно убѣждены въ томъ, что познаніе истины доставитъ человѣку счастье на землѣ; какъ педагоги, дѣйствовавшіе въ школѣ и въ народной массѣ, они имѣютъ неоспоримыя заслуги предъ германскимъ народомъ, хотя они и не пользовались такимъ большимъ вліяніемъ на общество, какъ ихъ англійскіе и французскіе современники.

Во главѣ германскихъ философовъ слѣдуетъ поставить Христіана Вольфа (стр. 485); его по справедливости можно назвать главою германской школы и украшеніемъ Галльскаго университета. Набожный прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I лишилъ его въ 1723 году университетской кафедры въ Галле, но державный питомецъ Вольфа Фридрихъ II возвратилъ ему эту кафедру вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ. Вольфъ составилъ латинскіе и нѣмецкіе учебники по всѣмъ философскимъ спеціальностямъ (логикѣ, онтологіи, космологіи, психологіи, теологіи, этикѣ, экономикѣ, политикѣ, естественному и международному праву). Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ вниманіе автора было обращено на систематическое распредѣленіе содержанія и строго дедуктивный ходъ разсужденій. Изъ философовъ школы Вольфа заслуживаютъ упоминанія слѣдующіе: Г. Берн. Бильфингеръ (1693 г. — 1750 г.), Март. Кнуценъ (1703 г. — 1751 г.), Ал. Готл. Баумгартенъ (1714 г. — 1762 г.), Фр. Хр. Баумейстеръ (1709 г. — 1785 г.), юристъ Іоганнъ Готл. Гейнекціусъ (1681 г. — 1741 г.). Философы Іоахимъ Ланге (1670 г. — 1744 г.), Анд. Родигеръ (1673 г. — 1731 г.), Ар. Авг. Крузіусъ (1715 г. — 1775 г.) относились враждебно къ господствующей философской школѣ; такимъ же образомъ и психологи съ І. Н. Тэтенсомъ (1736 г. — 1805 г.) во главѣ тоже отказались отъ метафизики Вольфа и обратились къ чистой эмпирикѣ.

Характернымъ произведеніемъ этого вѣка мудрствующаго просвѣщенія является сочиненіе І. І. Бруккера (1696 г. — 1770 г.) „Historia critica philosophiae“ (Критическая исторія философіи, 1742 г. — 1744 г.); по мнѣнію этого автора, вся исторія философіи есть собраніе примѣровъ человѣческой глупости и слабоумія (infinita falsae philosophiae exempla); другой скептикъ Дитрихъ Тидеманнъ (1748 г. — 1803 г.), напротивъ того, пускался въ подробный анализъ воззрѣній тѣхъ философовъ, которые заслужили его порицаніе. Даже ученые, стремившіеся къ распространенію своихъ познаній въ широкихъ кругахъ общества, тоже прибѣгали къ легковѣсной формѣ

„этюдовъ" и все сильнѣе впадали въ эклектицизмъ (какъ, напримѣръ, I. Г. Генрихъ Федеръ 1740 г. — 1821 г., I. Авг. Эбергардъ 1739 г. —1809 г., I. Г. Даріесъ 1714 г. — 1791 г., Жанъ Анри Сам. Формей 1711 г. —1797 г.): нечего удивляться, что философы популяризаторы отказались въ принципѣ отъ твердой почвы системы и обращались къ читателю съ общедоступными поверхностными очерками или съ легко запоминаемыми афоризмами. За исключеніемъ одного только Г. Хр. Лихтенберга (1742 г. — 1799 г.) всѣ прочіе когда-то прославленныя имена подобныхъ популяризаторовъ, какъ, напримѣръ, Моисея Мендельсона (1729 г. — 1786 г.), Томаса Абта (1738 г. — 1766 г.), Фридр. Николаи (1733 г. —1811 г.), I. I. Энгеля (1741 г. — 1802 г.), Хр. Гарфе (1742 г. — 1798 г.), I. Г. Циммерманна (1728 г. — 1795 г.), К. Ф. Морица (1757 г.—1793 г.) и т. д., представляютъ собой въ настоящее время только каталогъ высушенныхъ растеній изъ гербаріума исторіи литературы, который мы почтительно передаемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, лишь бы самимъ избавиться отъ заботы о немъ. То поколѣніе, которое выступило на общественное поприще въ 60-ыхъ и 70-ыхъ годахъ XVIII столѣтія, относилось уже отрицательно къ просвѣтительству. Философія чувствъ I. Г. Гаманна (1730 г. — 1788 г.) и Фридриха Генриха Якоби (1743 г. — 1819 г.) составляетъ одно изъ проявленій періода „бури и натиска" (Sturm und Drang), который окончательно расшаталъ философію вѣка просвѣщенія, такъ что для искорененія ея не было нужды ни въ Кантѣ, ни въ Гете, ни въ Шиллерѣ.

Вся мощь стремленій вѣка просвѣщенія обнаружилась прежде всего въ области, сопредѣльной между знаніемъ и вѣрой. Правовѣріе и піетизмъ не могли воспрепятствовать тому, чтобы на всѣхъ школьныхъ и церковныхъ кафедрахъ не стала раздаваться проповѣдь раціонализма. Вся сила этого послѣдняго коренилась въ логической и моральной оцѣнкѣ вѣроученія; задавались такимъ вопросомъ: какую „пользу" оказываетъ религія отдѣльной личности для достиженія благополучія на землѣ. При такихъ условіяхъ дѣйствительно цѣнная строго научная историческая критика религіозныхъ преданій едва ли могла проложить себѣ путь; заблужденіе философовъ XVIII вѣка заключалось въ томъ, что они пытались придать словамъ Св. Писанія шаблонный смыслъ, не углубляясь въ изслѣдованіе историческихъ и этнологическихъ самобытныхъ чертъ этихъ произведеній. Изъ всѣхъ теологовъ раціоналистическаго направленія, каковы: Зигм. Баумгартенъ (1706 г. — 1757 г.), I. Д. Михаэлисъ (1717 г. — 1791 г.), Авг. Фр. В. Заккъ (1738 г. — 1817 г.), Іоаннъ Іоахимъ Шпальдингъ (1714 г. — 1804 г.), I. Ф. В Іерузалемъ (1709 г. — 1789 г.), Заломонъ Землеръ (1725 г. — 1791 г.), самую свѣтлую голову носилъ на своихъ плечахъ Герм. Зам. Реймарусъ (1694 г. — 1768 г.), авторъ „Вольфенбютельскихъ отрывковъ", самое радикальное произведеніе котораго „Въ защиту разумныхъ почитателей Бога" никогда не было издано въ полномъ видѣ. Реймарусъ отвергаетъ чудеса и божественное откровеніе, связанное съ чудесами; по его мнѣнію, христіанство тоже есть продуктъ шарлатанства. Въ этомъ пунктѣ сходятся между собой самые крайніе представители всѣхъ трехъ отраслей вѣка просвѣщенія, англійской, французской и германской. Насмѣшливое отношеніе къ положительному вѣроученію никогда не соотвѣтствовало чувствамъ нѣмцевъ; зато они увлекались прозаическими и поэтическими проповѣдями вѣротерпимости въ стилѣ „Натана" Г. Э. Лессинга (въ 1779 г.), этого запоздалаго продукта вѣка просвѣщенія.

б) Правовѣдѣніе и наука о государствѣ.

Въ то время, какъ философскія разсужденія о предметахъ, касающихся религіи и церкви, слѣдовали общему теченію вѣка просвѣщенія, германская наука о государствѣ почти не уклонялась отъ реальныхъ, исто-

рически сложившихся условій окружающей дѣйствительности. Конечно, отъ времени до времени появлялись въ свѣтъ учебники, начиненные все тѣми же абстрактными теоріями изъ области естественнаго и международнаго права, или же какой-нибудь теологъ принимался опять растолковывать своимъ современникамъ, что теократическіе принципы еврейскаго вѣроученія необходимы для спасенія ихъ души; но представители науки о государствѣ стояли на почвѣ дѣйствительности и реальныхъ недостатковъ существующихъ политическихъ учрежденій, которыя они пытались исправить наличными средствами. Они не увлекались конституціонными теоріями и раболѣпнымъ преклоненіемъ предъ англійскими порядками, какъ это было въ модѣ со времени Локка и Монтескье, и не склонялись предъ фантазіями Руссо, которыя въ другихъ странахъ производили могущественное вліяніе на умы. Даже ярый поклонникъ французовъ король Фридрихъ II (род. въ 1712 г., сконч. въ 1786 году) не подчинялся вліянію иностранцевъ. Въ своемъ сочиненіи „Антимаккіавелли“, которое онъ написалъ въ ранней своей молодости (въ 1739 г.), онъ полемизируетъ противъ сочиненія Маккіавели „Государь“ (Principe); какъ природный принцъ, онъ нападалъ на воображаемаго узурпатора, какъ будто бы флорентинскій государственный дѣятель предлагалъ ему самому взять на себя роль Цезаря Борджіа. Какъ и всѣ его современники, представители вѣка просвѣщенія, великій Гогенцоллернъ былъ лишенъ способности къ историческому мышленію и даже не воображалъ себѣ, что существуетъ нѣчто подобное. Однако, какъ это, такъ и другія сочиненія Фридриха II не лишены интереса въ качествѣ сборниковъ наставленій, которыми долженъ руководствоваться самодержавный государь. Во всякомъ случаѣ прусскій король зналъ то, что навсегда осталось недоступнымъ для политической мудрости просвѣтителей и ихъ преемниковъ либераловъ, именно, что основу государства составляетъ власть и что администрація составляетъ ядро государственной жизни. Королю извѣстно было также, что у него самого въ душѣ сидитъ бѣсъ властолюбія и что ему постоянно необходимо напрягать всю силу своей воли для укрощенія этого злого духа.

Другіе нѣмецкіе писатели стояли еще тверже на почвѣ достижимаго, фактическаго и осязательнаго, чѣмъ король-философъ; назовемъ Іоанна Якова Мозера (род. въ 1701 г., сконч. въ 1785 г.), автора 300 отдѣльныхъ трудовъ, составившихъ больше 500 томовъ, „основателя германскаго государственнаго права“; его сына Карла Фридриха фонъ Мозера (род. въ 1723 г., сконч. въ 1798 году), который написалъ книжку объ обязанностяхъ чиновниковъ, состоящихъ на государственной службѣ, подъ заглавіемъ „Господинъ и слуга“ (въ 1759 году), и Іоанна Стефана Пюттера (род. въ 1725 г., сконч. въ 1807 году), самаго основательнаго знатока германскаго государственнаго права тѣхъ временъ, когда Священная Римская имперія еще состояла изъ 300 суверенныхъ государствъ и 600 полусуверенныхъ. Большое вліяніе пріобрѣли даже въ высшихъ сферахъ публицистическія произведенія и сочиненія по государственному праву историка Людвига Августа Шлецера (род. въ 1735 г., сконч. въ 1809 году), особенно его „Переписка“ (въ 1776 г. и сл.) и его „Государственныя данныя“ (въ 1783 г. и сл.); въ этомъ послѣднемъ сочиненіи подъ умѣлой рукой автора статистическія цифры заговорили весьма краснорѣчивымъ языкомъ.

Блужданіе въ области теоретически измышляемыхъ реформъ и утопическаго всеобщаго благополучія стало въ Германіи удѣломъ поэзіи, въ особенности романа; однако, даже и поэты пользовались своими правами съ большой умѣренностью. Въ государственныхъ романахъ Галлера („Узонгъ“, „Альфредъ“, „Фабій и Катонъ“, въ 1771—1774 г.) и Виланда („Золотое зеркало“, 1772 г.), самыя серьезныя и фактическія изслѣдованія покрыты тоненькой поэтической оболочкой. Ближе подходитъ къ категоріи

утопическихъ романовъ (стр. 474) сочиненіе Вильгельма Гейнзе „Ардингелло и Счастливые Острова“ (въ 1787 г.).

Сочиненія Гейнзе, равно какъ и Юстуса Мезера (род. въ 1720 г., скончъ въ 1794 г.), принадлежатъ къ явленіямъ эпохи „бури и натиска“, искоренившей господствующія теченія вѣка просвѣщенія. Въ „Патріотическихъ фантазіяхъ“ (1774 г.) и „Оснабрюкской исторіи“ уже намѣчается направленіе мысли приближающагося романтическаго періода. Собственно говоря, всѣ государственные философы вѣка просвѣщенія, за исключеніемъ одного только Руссо, повторяли старинныя схоластическія общія мѣста „De regimine principum“ (О правахъ и обязанностяхъ государей) и только переложили ихъ на свѣтскій мотивъ. Въ ихъ глазахъ государство составляютъ государи и ихъ приближенные; рядомъ съ ними эти писатели замѣчали какой-то темный неподвижный клубокъ — народъ, который имѣлъ только одно назначеніе — принимать счастье, сыплющееся на него сверху. Мезеръ, напротивъ того, былъ знакомъ съ дѣйствительной жизнью и потребностями народа, былъ проникнутъ его чувствами и не ждалъ счастія сверху; онъ считалъ народъ не пассивной массой, а комплексомъ силъ, съ свободною дѣятельностью которыхъ онъ познакомился изъ исторіи. Онъ сторонился отъ отрицательнаго и нивеллирующаго духа просвѣтителей и защищалъ, нерѣдко съ тенденціозной крайностью, все исторически сложившееся, оригинальное, самодовлѣющее.

Эта эпоха, поборники которой занимали высокіе посты въ государствѣ, оставила яркій слѣдъ на законодательствѣ. Представители ея не допускали никакого сомнѣнія въ томъ, что они призваны къ полному обновленію дѣйствующаго права; не даромъ они считали себя обладателями безусловной истины. При тѣхъ политическихъ условіяхъ, которыя господствовали въ то время въ Германіи, рѣчь могла идти только объ установленіи правовыхъ нормъ чисто мѣстнаго значенія, объ областныхъ уложеніяхъ (Landrechte), самыми важными изъ которыхъ были Баварское, Прусское и Австрійское. Вмѣсто возникшаго на почвѣ римскаго права „обычнаго права“ разумное или естественное право стало тѣмъ источникомъ, на который ссылались авторы тогдашнихъ юридическихъ сборниковъ. Въ теченіе перваго десятилѣтія XIX столѣтія кодексъ Наполеона вступилъ въ дѣйствіе не только въ Западной Германіи, но и во многихъ другихъ вассальныхъ владѣніяхъ корсиканскаго завоевателя.

в) Исторія и философія исторіи.

Философскія идеи и практическія стремленія вѣка просвѣщенія отразились съ особенной силой на исторіографіи. Въ теченіи долгаго времени германскіе историки истощали свои силы надъ кропотливыми, но тѣмъ не менѣе неудовлетворительными работами или же удовлетворялись ролью второстепенныхъ сотрудниковъ теологовъ и правовѣдовъ. На дѣвственной почвѣ основаннаго въ то время Геттингенскаго университета исторія стала опять разрабатываться впервые, какъ самостоятельная наука. Волна времени вынесла кораблик исторіографіи въ открытое море всемірной исторіи человѣчества и исторіи культуры, пока наконецъ, онъ не достигъ блаженнаго царства философіи исторіи, въ которомъ германскій духъ бросилъ якорь на продолжительное время.

Знаменосцемъ всей плеяды геттингенскихъ профессоровъ исторіи былъ Іоганнъ Христоф. Гаттереръ (1727 г.—1799 г.), основатель первой исторической семинаріи (въ 1764 г.) разрабатывавшій дипломатику, генеалогію, геральдику и хронологію; семь разъ пытался онъ сконцентрировать все существенное содержаніе всемірной исторіи въ видѣ руководства, но каждый разъ онъ останавливался предъ той эпохой, начиная съ которой всемірная исторія пріобрѣтаетъ наибольшій интересъ для современныхъ

европейцевъ, и не шелъ дальше 1500 года. Шлецеръ, знатокъ исторіи самыхъ отдаленныхъ народовъ, тоже приступалъ три раза къ составленію всемірной исторіи, но не справился со своей задачей. Она оказалась не по плечу обоимъ упомянутымъ геттингенскимъ историкамъ, но другіе ученые все-таки справились съ ней; такъ имѣются руководства всемірной исторіи І. М. Шрека (1733 г.—1808 г.), І. Г. Эйхгорна (1752 г.—1827 г.), Хр. Дан. Бека (1757 г.—1832 г.), Готф. Габр. Бредова (1773 г.—1814 г.), Б. Фр. Беккера (1777 г.—1806 г.) Всемірная исторія, составленная послѣднимъ изъ нихъ, впослѣдствіи многократно перерабатывалась и находитъ себѣ читателей даже еще и въ настоящее время. Еще большей извѣстностью, чѣмъ всѣ названныя сочиненія, пользовались „24 книги всеобщей исторіи“ знаменитѣйшаго историка классическаго періода германской національной литературы Іоанна Эдельна фонъ Мюллера изъ Зильвельдена (1752 г.—1809 г.).

Въ то же время продолжалась разработка исторіи отдѣльныхъ государствъ, начатая еще въ періодъ „Барокъ“; на этомъ поприщѣ трудились Л. Т. Спиттлеръ, выдающійся историкъ церкви и университетскій профессоръ (1752 г.—1810 г.), Шлецеръ, Эйхгорнъ, К. Л. Вольтманъ (1770 г.—1817 г.), Фр. Анцильонъ (1767 г.—1837 г.), А. Г. Л. Гееренъ (1760 г.—1842 г.); послѣдній изъ нихъ въ сотрудничествѣ съ Фр. Ав. Укертомъ (1780 г.—1851 г.) положилъ начало серіи исторій отдѣльныхъ государствъ, которую продолжаетъ въ настоящее время Карлъ Лампрехтъ. На поприщѣ германской исторіи трудились въ старомъ стилѣ (стр. 535) Пюттеръ (стр. 573) и Францъ Доминикъ Иберлинъ (1720 г.—1787 г.), между тѣмъ какъ М. І. Шмидтъ (1736 г.—1794 г.) уже вступилъ на истинный путь народной исторіи. Быстро возрастающее могущество Пруссіи послужило толчкомъ къ первымъ серьезнымъ трудамъ по исторіи современной эпохи; сюда относится между прочимъ слѣдующее написанное на французскомъ языкѣ сочиненіе Фридриха Великаго: „Исторія моего времени“ (1 и 2 Силезскія войны), „Исторія семилѣтней войны“, „Мемуары изъ времени, слѣдующаго за заключеніемъ Губертсбургскаго мира въ 1763 г. до окончательнаго раздѣла Польши“, и „Мемуары, служащіе матеріаломъ для исторіи Бранденбургскаго дома“, изданные въ 1751 году и составляющіе введеніе къ предыдущимъ. Кромѣ того, изъ этой эпохи остались записки барона К. А. фонъ Пельница (1692 г.—1775 г.), графа Евстахія Шлица, онъ же фонъ Герцъ (1737 г.—1821 г.), Х. В. фонъ Дома (1751 г.—1820 г.), князя Карла Августа фонъ Гарденберга (см. табл., прилож. къ стр. 81). Разработкѣ исторіи культуры посвятили свои силы слѣдущіе писатели: Аделунгъ (стр. 530), энциклопедистъ Хр. Мейнерсъ (1747 г.—1810 г.), М. Фирталеръ (1758 г.—1827 г.) и Гееренъ; другіе же, какъ, напримѣръ, Ф. Х. І. Фишеръ (1750 г.—1797 г.), авторъ пользующихся и понынѣ популярностью „Пробныхъ ночей крестьянскихъ дѣвушекъ въ Германіи“ (изд. въ 1780 г.), К. Г. Риттеръ фонъ Лангъ (1764 г.—1835 г.), К. Г. Антонъ (1751 г.—1818 г.), Дитрихъ Германъ Гегевишъ (1746 г.—1812 г.), Г. Сарторіусъ фонъ Вальтерсгаузенъ (1765 г.—1828 г.), К. Д. Гюльманъ (1765 г.—1846 г.), занимались разработкой частныхъ вопросовъ.

По примѣру своихъ французскихъ и англійскихъ сотоварищей по спеціальности всѣ названные писатели вносили въ свое изложеніе много прагматизма и философскихъ разсужденій; однако, благодаря воздѣйствію вѣяній философскаго XVIII столѣтія, склонность къ попутнымъ разсужденіямъ превратилась въ вполнѣ развитую философію исторіи. Съ тѣхъ поръ, какъ патристическо-схоластическая философія исторіи была вполнѣ дискредитирована внѣ узкаго круга правовѣрныхъ (срв. стр. 533), чувствовался пробѣлъ, восполнить который предстояло наукѣ свѣтскаго направленія. Великіе раціоналисты XVII вѣка не выполнили этой задачи, и только вольнодумцы XVIII вѣка набросились на исторію со своими

податливыми пріемами объясненія и оцѣнки историческихъ событій: роль эту взяли на себя во Франціи Монтескье, Вольтеръ, Руссо, Тюрго и Кондорсе, а въ Англіи Болингброкъ, Юмъ, Пристли, Фергюссонъ и Генри Гомъ. Въ Германіи швейцарецъ Исаакъ Изелинъ проповѣдывалъ, что съ конца среднихъ вѣковъ начинается періодъ быстраго прогресса, который приведетъ человѣчество къ золотому вѣку безгрѣшной добродѣтели и счастья, а его соотечественникъ Яковъ Даніилъ Вегелинъ (1721г.—1791 г.), съ которымъ познакомилъ недавно германскую публику І. Гольдфридрихъ въ своемъ сочиненіи „Философія исторіи въ Германіи", стремился, напротивъ того, къ выясненію двигательныхъ силъ историческихъ явленій, заключающихся въ господствующихъ идеяхъ каждой эпохи, и ихъ закономѣрнаго дѣйствія. Большинство популярныхъ философовъ того времени кичится сознаніемъ своего глубокомыслія и презираетъ исторію, эту смѣсь глупости и порока, которая недостойна даже служить подножіемъ для высшей и совершенной науки философа. Въ эпоху всеобщаго увлеченія пророческими фантазіями даже Г. Э. Лессингъ (1729 г.—1781 г.) тоже натянулъ на себя мантію прорицателя, несмотря на свое обычное здравомысліе, и написалъ подъ вліяніемъ Отцовъ церкви и Лейбница свою апокалиптическую фантазію „Воспитаніе человѣческаго рода" (въ 1781 г.). Тотъ самый человѣкъ, который въ своемъ „Натанѣ" (стр. 572) призналъ неразрѣшимымъ вопросъ объ истинной, или наилучшей изъ всѣхъ положительныхъ религій, два года спустя расположилъ въ послѣдовательный рядъ по степени ихъ достоинства языческую, еврейскую и христіансчую религіи, пророчествовалъ о четвертомъ, вѣчномъ Евангеліи, на подобіе іоахимистовъ XIV столѣтія, истолковывалъ самыя скрытыя намѣренія Божества съ такой же увѣренностью, какъ піетистъ, вполнѣ посвященный въ тайны Вѣчнаго Бытія, и, наконецъ, унесся въ безконечный мистическій міръ, увлекшись древне-индійской вѣрой въ переселеніе душъ.

Вмѣстѣ съ Іоанномъ Готфридомъ Гердеромъ (1744 г.—1803 г.) надъ горизонтомъ философіи исторіи начинаетъ восходить новое солнце. Сначала онъ выступилъ съ небольшимъ сочиненіемъ „Еще одна философія исторіи для просвѣщенія человѣчества" (въ 1774 г.), въ которомъ онъ отвелъ свою душу на всѣхъ отвратительныхъ явленіяхъ того времени съ его роскошью, безвѣріемъ, насиліями, и на своихъ современникахъ, Изелинѣ и Вольтерѣ; затѣмъ онъ развернулъ въ другомъ своемъ произведеніи „Идеи изъ области философіи исторіи человѣчества" (1784 г.—1791 г.), набросанную огненными штрихами картину, которая навсегда останется самымъ живымъ памятникомъ той эпохи, которую К. Лампрехтъ характеризуетъ словомъ „субъективизмъ"; какъ и все поколѣніе эпохи „бури и натиска", „Гердеръ упивается драгоцѣннымъ наслѣдіемъ того вѣка, *свободой духа*, въ борьбѣ за которую онъ лично также принималъ участіе, но жертвуетъ ради нея ясностью и закономѣрностью своихъ взглядовъ. Какъ въ жизни Гердера не прекращалась борьба между его взглядами, какъ человѣка, и обязанностями, какъ духовнаго лица, точно также его философія преисполнена бурными столкновеніями между самыми противоположными міровоззрѣніями: теизмомъ, деизмомъ, пантеизмомъ и натурализмомъ. Сначала онъ изображаетъ кистью, не уступающей Бюффону (стр. 551), послѣдовательное развитіе той *сцены*, на которой было предназначено господствовать человѣку, и подготовляетъ широкій фундаментъ для исторіи на основѣ *естественныхъ условій* окружающей природы, затѣмъ онъ портитъ самое важное мѣсто своего труда—тотъ моментъ, когда человѣкъ выступаетъ изъ нѣдръ природы и въ которомъ граничатъ между собою природа и культура,—неумѣстной вставкой ветхо-завѣтныхъ легендъ о сотвореніи міра и совершенно безплодной попыткой истолковать ихъ. Дальше онъ отстаиваетъ галлеровскую теорію развитія (стр. 551) и тѣмъ разрушаетъ самые плодотворные изъ своихъ собственныхъ выводовъ, такъ

что въ концѣ концовъ, по его мнѣнію, все содержаніе всемірной исторіи заключается въ „выдѣленіи“ вложенныхъ Богомъ въ человѣка или же во все человѣчество зачатковъ гуманности. Недостатки Гердера окупаются блестящими характеристиками отдѣльныхъ народовъ и эпохъ; онъ не считаетъ ихъ второстепенными предварительными ступенями къ счастливому будущему человѣчества и не сравниваетъ ихъ съ темнымъ фономъ, на которомъ рѣзче выступаютъ свѣтлыя стороны настоящей эпохи; напротивъ того, каждый народъ и каждая эпоха являются въ его глазахъ важнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ, неповторяющимся выраженіемъ идеи человѣчества. Гердеровская критика всемірной исторіи, равно какъ и его критика искусства, проникнуты благороднымъ тономъ (срв. ниже, стр. 580), которымъ согрѣтъ въ особенности отдѣлъ о предшествовавшихъ реформаціи вѣкахъ, столь ненавистныхъ представителямъ вѣка просвѣщенія.

Рѣзкимъ критикомъ Гердера выступилъ его бывшій учитель Кантъ (срв. ниже), который почти не уклоняется отъ общихъ теченій вѣка просвѣщенія въ своихъ историко-философскихъ произведеніяхъ (въ обѣихъ критическихъ статьяхъ по поводу „Идей“ Гердера, написанныхъ въ 1785 г., и въ трактатѣ „Идеи, служащія введеніемъ къ всеобщей исторіи въ космополитическомъ духѣ“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1784 г.). Философское значеніе исторіи обусловливается по Канту нравственнымъ назначеніемъ человѣка. Началомъ исторіи онъ считаетъ возмущеніе человѣка, бывшаго до тѣхъ поръ безгрѣшнымъ, противъ нравственнаго закона,—нѣчто вродѣ библейскаго грѣхопаденія, а конечный пунктъ, къ которому стремится исторія, есть утвержденіе нравственнаго закона посредствомъ цѣлесообразнаго обобществленія человѣка. Къ этой цѣли приближаетъ людей постепенный прогрессъ государственнаго устройства. Въ современной ему эпохѣ Кантъ видѣлъ начало постояннаго братства народовъ, стремящагося къ одной идеальной цѣли—водворенію вѣчнаго мира.

г) Изящная литература и критика.

Около 1750 года изящная и изящно-научная германская литература уже усвоила всѣ тѣ идеи, которыя заимствовалъ германскій вѣкъ просвѣщенія, и тѣ собственныя, которыя онъ самъ выработалъ. Въ теченіе двухъ поколѣній художественные писатели господствовали неограниченно надъ культурной жизнью германскаго народа; впослѣдствіи вліяніе ихъ уменьшилось, но все еще осталось значительнымъ. „Нація мыслителей и критиковъ“, по выраженію Бульвера, не преуспѣла бы въ поэзіи, если бы она не трудилась безпрестанно и не посвящала такъ много времени размышленіямъ о теоріи поэзіи. Ни въ одной литературѣ эстетика (срв. выше, стр. 571) и критика не связаны такъ тѣсно съ поэтическимъ творчествомъ, какъ въ германской. Во время спора между Лейпцигской и Швейцарской школами (стр. 527) послѣдователь Вольфа Баумгартенъ придумалъ искусственный терминъ „эстетика“; впрочемъ, онъ едва ли прибавилъ что-нибудь къ имѣвшемуся тогда запасу эстетическихъ понятій и идей; также мало успѣли другіе его современники, какъ, напримѣръ, Г. Ф. Мейеръ (1718 г.—1777 г.), І. Г. Зульцеръ (1720 г.—1779 г.), Мендельсонъ съ Эбергардомъ (стр. 572) и І. І. Эшенбургъ (1743 г.—1820 г.).

Между тѣмъ на горизонтѣ германской поэзіи взошла звѣзда первой величины, Фридрихъ Готлобъ Клопштокъ (1724 г.—1803 г.). Онъ внесъ опять въ германскую поэзію богатое и глубокое содержаніе: религію, отечество, любовь, дружбу, свободу и ненависть къ тиранамъ. Для своихъ произведеній онъ создалъ свою оригинальную внѣшнюю форму, страдающую отчасти грузностью и недостаточнымъ разграниченіемъ между германскимъ и античнымъ стихосложеніями. Онъ привлекъ къ себѣ людей

всѣхъ вѣроисповѣданій, не исключая и фанатиковъ вольнодумства; его произведенія были встрѣчены съ восторгомъ даже въ такихъ странахъ, которыя оторвались отъ германской литературы за сотни лѣтъ до него, напримѣръ, въ Австріи. Множество поклонниковъ, окружавшихъ Клопштока даже на старости, восхищались его поэзіей и въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ подражали не только его „Моисею“ (1741 г.—1773 г.) и его „Одамъ“, но и его библейскимъ драмамъ („Смерть Адама“, 1757 г., „Соломонъ“, 1764 г., „Давидъ“, 1772) и его героическимъ пѣснямъ („Битва Германа“, 1769 г., „Германъ и князья“, 1784 г. и „Смерть Германа“). Настоящимъ родоначальникомъ этой „поэзіи бардовъ“ былъ Генрихъ Вильгельмъ фонъ Герстенбергъ (1737 г. — 1823 г.), издатель „Шлезвигскихъ писемъ о достопримѣчательностяхъ литературы“, который выпустилъ въ свѣтъ въ 1766 г. свою „Пѣсню Скальда“ и вообще привлекалъ интересъ публики къ древнегерманской миѳологіи и поэзіи; въ 1768 г. К. Ф. Кречманъ (1738 г.—1809 г.) выпустилъ въ свѣтъ свою „Пѣсню барда Рингульфа“, въ которой опять-таки древне-германскимъ пѣвцамъ ошибочно присваивалось кельтское названіе „бардовъ“. Австрійскій іезуитъ Михаилъ Денисъ (1729 г.—1800 г.), выпустившій въ свѣтъ „Пѣсни барда Синеда“, придалъ придворный лоскъ этого рода стихотвореніямъ, которыя до той поры отличались бурнымъ стремленіемъ къ свободѣ, и воспѣвалъ стихомъ Горація великихъ міра сего.

Философскими наклонностями Клопштокъ не отличался и высказывался только иногда по вопросамъ грамматики и метрики. Его соперникъ, бывшій вначалѣ его подражателемъ, Христофъ Мартинъ Виландъ (1733—1813 г.), тоже не былъ теоретикомъ, хотя и занимался много критикой; онъ былъ однимъ изъ многихъ представителей философіи здраваго разсудка, диллетантомъ въ философіи и литературнымъ космополитомъ. Несмотря на то, что мода склонилась на сторону англичанъ, Виландъ оставался вѣрнымъ французамъ, хотя онъ и не доходилъ до слѣпого пристрастія къ нимъ. Онъ переводилъ произведенія римскихъ и позднѣйшихъ греческихъ писателей; онъ же первый въ Германіи взялся, начиная съ 1762 года, за переводъ Шекспира и наградилъ его, между прочимъ, неодобрительными примѣчаніями въ духѣ французскаго цопфстиля (классическаго стиля). Виландъ не обладалъ драматическимъ талантомъ, равно какъ и Клопштокъ и Гердеръ; онъ не выдавался, какъ лирическій поэтъ, но зато былъ наилучшимъ повѣствователемъ вѣка просвѣщенія и творцомъ національнаго германскаго прозаическаго романа („Агатонъ“ 1766—67 г., „Исторія Абдерритовъ“, 1781 г., „Аристиппъ“, 1800 г. и т. д.), и новоромантическаго стихотворнаго разсказа въ духѣ Аріоста („Идрисъ“ и „Музаріонъ“, 1768 г., „Оберонъ“, 1781 г.).

Насадить въ Германіи національную драму было суждено Лессингу, великому критику вѣка просвѣщенія. Въ своихъ юношескихъ комедіяхъ, эпиграммахъ, басняхъ и пѣсняхъ, онъ не поднимается выше средняго уровня саксонско-пражской поэтической школы (стр. 527). Обогатившись обширными познаніями и увлекшись англійскими образцами, Лессингъ написалъ свою первую драму въ новѣйшемъ стилѣ, т. е. заимствованную изъ буржуазной жизни современной эпохи, „Миссъ Сара Самисонъ“ (въ 1755 г.). Къ самой бурной эпохѣ его жизни, ко времени его пребыванія въ Бреславлѣ въ разгаръ семилѣтней войны, относится лучшая изъ его комедій „Минна фонъ Барнгельмъ, или солдатское счастье“ (написана въ 1763 г., вышла въ свѣтъ въ 1767 г.), въ которую вложена тенденція примирить между собою два враждующія государства, Саксонію и Пруссію. Годы, непосредственно предшествовавшіе этому моменту наивысшаго расцвѣта поэтическаго таланта Лессинга и непосредственно слѣдовавшіе за нимъ, были въ то же время самой блестящей порой критической дѣятельности этого писателя. Сначала онъ былъ сотрудникомъ „Писемъ о

новѣйшей литературѣ" (1759 г.—1756 г., затѣмъ послѣдовали его самостоятельные критическіе труды „Лаокоонъ" (въ 1766 г.) и „Гамбургская драматургія" (1767 г.—1769 г.). Въ своемъ „Лаокоонѣ", который остался незаконченнымъ, Лессингъ стоитъ уже твердо на почвѣ неогуманизма; изъ произведеній Гомера, Софокла, греческихъ пластическихъ художниковъ онъ извлекаетъ нѣкоторыя основныя положенія, съ помощью которыхъ онъ проводитъ границу между словесными и пластическими искусствами иначе, чѣмъ Ш. Батте, І. Б. Дюбо и англійскіе знатоки искусствъ. Значеніе „Гамбургской драматургіи" тоже заключается не въ томъ, что она еще разъ рѣшаетъ въ пользу англичанъ давно законченный споръ между ними и французами, а въ томъ, что она прилагаетъ къ произведеніямъ современной эпохи масштабъ греческаго искусства и аристотелевской теоріи искусствъ. Не успѣли нѣмцы избавиться отъ напыщеннаго французскаго классицизма, какъ ихъ заставили ходить на эллинскихъ ходуляхъ; прежній божокъ былъ разбитъ, но сейчасъ же на алтарь былъ поставленъ новый. Лессингъ испыталъ на самомъ себѣ дѣйствіе вѣковѣчнаго проклятья деспотической критики, которая вѣритъ въ существованіе вѣчныхъ законовъ искусства: онъ не разгадалъ творческой дѣятельности всеобновляющаго времени и генія. Въ своемъ приговорѣ о молодомъ Гете онъ вполнѣ сходился со стоявшимъ на французской точкѣ зрѣнія Фридрихомъ II, который махнулъ рукою на все прошлое и настоящее германской литературы въ своей брошюрѣ „De la littérature allemande". (О германской литературѣ), хотя король-философъ не терялъ еще окончательно надежды на лучшее будущее.

Великіе перевороты въ германской литературѣ слѣдуютъ другъ за другомъ черезъ правильные промежутки въ 30 лѣтъ. Въ 1740 году молодое поколѣніе возмутилось противъ опеки Готшеда, а въ 1770 г. началось еще болѣе сильное движеніе; затѣмъ слѣдуютъ литературные перевороты 1800, 1830, 1890 года. Представители вѣка просвѣщенія не оцѣнили по достоинству слѣдующихъ четырехъ могущественныхъ двигателей человѣческой жизни: религіи, національности, народа и исторіи. Поколѣніе, выступившее на поприще литературы около 1770 года, возставало противъ деспотизма представителей вѣка просвѣщенія и приняло указанныя четыре общественныя начала подъ свою защиту; отъ писателей старшаго поколѣнія отвернулось юношество, слѣдовательно, и будущее. Вотъ каковъ былъ девизъ тогдашней молодежи: оригинальность, геніальность, сила, естественность, народность; они носились съ гордой надеждой осчастливить отдѣльныхъ людей и народы. Поэты „эпохи генія" раздѣляются на двѣ группы: сѣверно-германскую, „геттингенскую рощу", и южно-германскую, группу „бури и натиска". Къ числу геттингенцевъ принадлежалъ отмѣченный перстомъ Божіимъ, но не доразвившійся геній Готфрида Августа Бюргера (1747 г.—1794 г.), къ которому примыкаютъ графъ Фридрихъ Леопольдъ Штольбергъ (1750 г.—1819 г.) и его братъ Христіанъ (1748 г.—1821 г.), переводчикъ Гомера и авторъ идиллическихъ стихотвореній Іоганнъ Генрихъ Фоссъ (1751 г.—1826 г), Людвигъ Генрихъ Христофъ Гельти (1748 г.—1776 г.), который писалъ элегіи, Іоаннъ Мартинъ Миллеръ (1750 г.—1714 г.), авторъ „Зигварта" (1776 г.) и Іоаннъ Антонъ Лейзевицъ (1752 г.—1806 г.), авторъ „Юлія Тарентскаго" (1776 г.). Изъ группы бури и натиска слѣдуетъ отмѣтить прежде всего Хр. Фридриха Даніэла Шубарта 1743 г.—1791 г.), узника крѣпости Высокій Асперrъ, и Фридриха Мюллера (псевд. „Maler—Muller"; 1794 г.—1825 г.), затѣмъ даровитаго, но преждевременно скончавшагося Рейнгольда Ленца (1751 г.—1792 г.), Фридриха Максимиліана Клингера (1752 г.—1831 г.), геніальнаго драматурга и романиста, котораго публика не оцѣнила по достоинству, Генриха Леопольда Вагнера, автора драмы „Дѣтоубійца" (1776 г.); юношескіе годы Гете и Шиллера тоже совпали съ эпохой бури и натиска.

Наконецъ, явился человѣкъ, который ввелъ бурную эпоху генія въ болѣе спокойное русло; это былъ Гердеръ (срв. выше, стр. 576). Заслуга Гердера заключается не въ его оригинальныхъ стихотвореніяхъ, легендахъ и эпиграммахъ, тѣмъ болѣе не въ его драмахъ („Брутъ“, 1772—74 г. „Домъ Адмета“); въ его подражательныхъ стихотвореніяхъ и передѣлкахъ сказывается по преимуществу громадный талантъ, съ которымъ онъ проникаетъ въ чужія чувства, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его сборникъ „Народныхъ пѣсенъ“ (1778 г.), его „Сидъ“, вышедшій изъ печати полностью только въ 1806 году, и наибольшая часть его притчъ и парамитій. Благодаря тому же, свойственному ему дару проникновенія, его дѣятельность знаменуетъ собою поворотный пунктъ въ германской литературной критикѣ. Гердеръ первый оцѣнилъ правильно народную поэзію и опредѣлилъ соотношенія, существующія между этой наивной, первобытной, инстинктивной и искусственной, рефлективной, обработанной литературной поэзіей. Въ летучихъ листкахъ о германской самобытности и германскомъ искусствѣ (1773) и въ брошюрѣ „О духѣ древне-еврейской поэзіи“, ((1782—1783 г.), написанныхъ въ стилѣ дифирамба, онъ развиваетъ свои взгляды на искусство. Какъ въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ Гердеръ отстаиваетъ свои мнѣнія противъ Канта, такъ и въ самыхъ раннихъ своихъ критическихъ произведеніяхъ (отрывкахъ „О новѣйшей германской литературѣ“, 1767—68 г., „Лѣсахъ критики“, 1769 г.) онъ полемизируетъ съ Лессингомъ. Не съ этого послѣдняго, а съ Гердера начинается новая эпоха въ критикѣ, характеризующаяся историческимъ мышленіемъ и оцѣнкой произведеній искусства на основаніи ихъ содержанія, окружающей среды и свойствъ духа автора. Гердеръ окончательно отвергъ стѣснительныя рамки, введенныя гуманистами, и былъ принципіальнымъ противникомъ всякой страсти къ подражанію. Для него не существуетъ никакихъ безусловныхъ правилъ, никакихъ неизмѣнныхъ законовъ искусства, никакихъ вѣчныхъ образцовъ. Онъ отрубилъ голову дракону, утнетавшему разумъ и совѣсть въ эстетикѣ; къ несчастью, изъ крови этого дракона выростали безпрестанно новыя чудовища, охватывавшія своими тисками живое искусство и угрожавшія ему задушеніемъ.

12. Исторія народнаго образованія отъ вѣка просвѣщенія до настоящаго времени.

А. Великобританія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

а) Великобританія.

Въ теченіи послѣднихъ полутора столѣтій Англія поддавалась общеевропейскимъ вліяніямъ слабѣе всѣхъ другихъ странъ. Одной изъ важнѣйшихъ причинъ изолированнаго положенія Англіи является своеобразный исходъ англійскаго вѣка просвѣщенія (стр. 558). Всѣ слѣды его заглохли въ XVIII столѣтіи; онъ не завѣщалъ потомству никакихъ принциповъ и не оставилъ по себѣ преемниковъ. Въ то же время Высокая Церковь осталась такой же сильной, какъ и прежде, а сектантство тоже развивалось безпрепятственно. Даже высшіе слои британскаго народа черпали духовную пищу изъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ. Англія не осталась въ сторонѣ отъ научнаго движенія, но она не приняла участія въ общемъ стремленіи къ выработкѣ міровоззрѣнія, стоящаго на высотѣ современной науки. Сытый, экономически пресыщенный народъ подвергся дѣйствію закона умственной инерціи и удовлетворялся философіей здраваго разсудка и низменной пользы; онъ испытывалъ отвращеніе къ умственному труду. Въ аристократической Англіи волны буржуазно-демократическаго

движенія разбились о скалу аристократической неподвижности; въ этой странѣ не было и слѣда той смертельной борьбы, которая закипѣла на континентѣ. Благодаря этому культурная исторія Англіи въ теченіи послѣднихъ 150 лѣтъ такъ рѣзко отличается отъ исторіи материка Европы. Изолированное положеніе Великобританіи обнаруживается съ особенной рѣзкостью въ области народнаго просвѣщенія, въ которой консервативная сила традиціи вплоть до настоящаго времени оказывается болѣе сильной, чѣмъ прогрессивныя теченія. Все то новое, которое прокладываетъ себѣ путь несмотря на всѣ препятствія, носитъ на себѣ отпечатокъ неоднократно испытанной самобытности великобританской расы, которая не любитъ подражать ничему чужому, потому что какъ вся она въ цѣломъ, такъ и всѣ ея подраздѣленія всегда способны къ самопомощи. Господствующая земельная аристократія противодѣйствовала духовному подъему низшихъ слоевъ населенія изъ близорукаго властолюбія; но вся промышленная и коммерческая аристократія налагала свою руку на дѣтей народа въ самомъ нѣжномъ возрастѣ для того, чтобы эксплуатировать ихъ изъ корыстныхъ побужденій; Высокая Церковь относилась пренебрежительно къ распространенію просвѣщенія среди народныхъ массъ частью по традиціи, частью изъ скупости. Несмотря на все это, подъ давленіемъ неустаннаго примѣра частныхъ лицъ церковныя корпораціи и государство вынуждены были взяться за дѣло народной школы; вскорѣ послѣ этого стремленіе искоренить все отжившее и замѣнить его новымъ проникло и въ высшую школу. Народническое движеніе зародилось въ кругахъ диссентеровъ. Квакеръ Джозефъ Ланкастеръ (1778 г.—1838 г.) сталъ основывать, начиная съ 1798 года, школы для бѣдныхъ дѣтей, въ которыхъ была введена въ виду недостатка въ учителяхъ, такая система, что старшіе и лучшіе ученики обучали младшихъ и менѣе способныхъ (monitorial или mutual instruction, ланкастерскій, или взаимный методъ обученія). Эта метода была изобрѣтена Эндрью Беллемъ (1753 г.—1832 г.). Высокая Церковь и диссентеры принялись строить для него школы, стараясь перещеголять другъ друга. Прочное основаніе дѣлу англійской народной школы положили нѣсколько меньшихъ и два большихъ общества („Національное общество", учрежденное послѣдователями Высокой Церкви въ 1807 году, и „Британское и иностранное школьное общество", учрежденное послѣдователями различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій въ 1808 году); на первыхъ порахъ государство не оказывало этимъ обществамъ никакого содѣйствія. Послѣ упорной борьбы противъ Высокой Церкви, аристократіи и доктринеровъ, отвергавшихъ всякое вмѣшательство государства въ дѣла школы (волюнтаристовъ), парламентское большинство, состоявшее изъ виговъ, отпустило въ 1833 году на поддержаніе народныхъ школъ 20.000 фунтовъ стерлинговъ. Эта государственная субсидія непрерывно возрастала и достигла въ 1870 году одного милліона фунтовъ стерлинговъ; въ то же время было основано первое государственное учрежденіе для контроля надъ народнымъ образованіемъ Committee of council of education (комитетъ школьнаго совѣта). Законопроектъ о начальномъ образованіи Форстера, принятый въ 1870 году, (Elementary education act), служитъ началомъ англійскаго школьнаго законодательства. Устройство свѣтскихъ школъ безъ религіознаго обученія лежитъ на попеченіи приходскихъ школьныхъ совѣтовъ (School boards); кромѣ того, допускается существованіе вѣроисповѣдныхъ учебныхъ заведеній подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они удовлетворяли извѣстнымъ предписаніямъ закона контролируемымъ школьной инспекціей; церковнымъ школамъ тоже выдаются казенныя субсидіи. Обязанность посѣщать школу распространяется на всѣхъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ 5 до 13 лѣтъ; однако, въ интересахъ промышленности отъ посѣщенія школы освобождаются дѣти старше 11 лѣтъ, съ успѣхомъ прошедшія курсъ начальнаго обученія. Обученіе въ школѣ въ настоящее время

почти безплатно; на начальное образованіе расходуется 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, въ то время какъ плата за обученіе составляетъ всего только 20.000 фунтовъ.

Что касается среднихъ учебныхъ заведеній, то старѣйшія изъ нихъ, основанныя на завѣщанные благотворителями капиталы (9 greatest public schools, наибольшихъ общественныхъ школъ, и 18 great public schools, большихъ общественныхъ школъ), въ общемъ сохранили еще характеръ школъ вѣка гуманизма. Тѣмъ не менѣе и эти школы вынуждены были расширить и обновить свои программы подъ давленіемъ правительства и общественнаго мнѣнія. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ учебныхъ заведеній, равно какъ и въ большинствѣ училищъ, учрежденныхъ частными лицами и обществами (private and proprietary schools), наряду съ гуманистическимъ классическимъ отдѣленіемъ существуетъ и реальное (moderne side), а иногда еще, кромѣ того, военное (military side), коммерческое (commercial class) или техническое (engineering department). Спеціальное образованіе до сихъ поръ еще не урегулировано; къ чести англичанъ слѣдуетъ сказать, что правительство сильно поощряетъ техническое образованіе и оно распространено въ гораздо болѣе широкихъ слояхъ населенія, чѣмъ по эту сторону Ламанша.

Старые англійскіе университеты, Кембриджскій и Оксфордскій, и понынѣ остались вѣрными отжившимъ традиціямъ стародавняго прошлаго; тѣмъ не менѣе эти учрежденія, которыя раньше принадлежали безраздѣльно Высокой Церкви, отказались отъ своей вѣроисповѣдной замкнутости. Главную силу этихъ университетовъ составляютъ независимые колледжи съ ихъ богатыми денежными и образовательными средствами; оксфордскіе колледжи располагаютъ ежегоднымъ доходомъ въ 360 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, а кембриджскіе въ 300 тысячъ. Въ цѣломъ университеты представляютъ собою въ сущности только экзаменаціонное учрежденіе, которое выдаетъ степени баккалавра, магистра и доктора за извѣстную плату, составляющую главный источникъ его дохода. Когда недопускаемые въ колледжи старыхъ университетовъ диссентеры открыли въ 1827 году въ Лондонѣ свой University college (университетскій колледжъ), то Высокая Церковь учредила изъ соревнованія съ ними свой King's college (Королевскій колледжъ) въ 1831 году, а вслѣдъ за тѣмъ правительство устроило въ 1836 году въ качествѣ экзаменаціоннаго учрежденія для обоихъ этихъ колледжей Лондонскій университетъ. Такимъ же образомъ Манчестерскій Victoria university, основанный въ 1880 году, составляетъ общій центръ для трехъ колледжей, находящихся въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ и Лидсѣ, а Уэльскій университетъ (Wales university) — для трехъ другихъ колледжей. Университетъ, открытый въ 1833 году въ Дургамѣ, есть богословская спеціальная школа; кромѣ того, богословское обученіе производится въ епископскихъ семинаріяхъ. Медики учатся своей спеціальности въ богато обставленныхъ госпиталяхъ, а юристы — по прежнему, при юридическихъ корпораціяхъ, Inns.

Богатые университетскіе студенты и даже ученики public schools сильнѣе всего интересуются спортомъ, и всѣ учащіеся раздѣляются на такихъ, которые хотятъ только пройти курсъ (passmen), и на такихъ, которые стараются отличиться и добиться извѣстныхъ преимуществъ (classmen). Такъ какъ въ университетахъ не обращается большого вниманія на поддержаніе научнаго преподаванія на должной высотѣ, а преподаватели университетовъ не обладаютъ самостоятельнымъ удовлетворяющимъ ихъ кругомъ дѣятельности, то возникшее въ 1875 году University extension (распространеніе университета, внѣшкольное университетское образованіе) привилось весьма скоро. Это учрежденіе задается цѣлью распространенія научнаго знанія въ населеніи помимо университетовъ посредствомъ серій лекцій по различнымъ отраслямъ науки (исторіи, литературѣ, естествовѣдѣнію и т. д.); производятся также экзамены и выдаются аттестаты.

Народное образованіе въ пресвитеріанской Шотландіи и въ католической Ирландіи во многомъ отступаетъ отъ англійскихъ образцовъ. Шотландскіе университеты съ ихъ низшими и высшими классами, факультетами и ректорами могутъ существовать только благодаря государственнымъ субсидіямъ. Три изъ нихъ открыты еще въ XV столѣтіи (въ Сентъ-Эндрюсѣ, Глэзго и Эбердинѣ); четвертый, Эдинбургскій, основанъ въ 1582 году. Въ Ирландіи имѣются Дублинскій университетъ (Trinity college, основ. въ 1591 г.), Royal university, открытый въ 1879 году, и католическій университетъ съ девятью колледжами.

б) Соединенные Штаты.

Сѣверо-американская народная школа вначалѣ отличалась чисто вѣроисповѣднымъ характеромъ; дѣтей обучали начаткамъ грамоты для того, чтобы научить ихъ читать Библію. Уже въ 1647 году Массачусетсъ выработалъ раньше другихъ колоній особый школьный уставъ; въ 1852 году этотъ штатъ первый ввелъ всеобщее обязательное обученіе. Школьное дѣло и понынѣ остается въ вѣдѣніи каждаго штата въ отдѣльности; единственное союзное учрежденіе по дѣламъ народнаго образованія это есть Bureau of education, учрежденное въ 1867 году въ Вашингтонѣ и занимающееся исключительно собираніемъ статистическихъ свѣдѣній. Американскія среднія и высшія учебныя заведенія развились вполнѣ самостоятельно и не соотвѣтствуютъ ни англійскимъ, ни французскимъ, ни германскимъ. Европейскимъ именемъ университетовъ обозначаютъ въ Америкѣ такія заведенія, которыя рѣзко отличаются не только отъ европейскихъ университетовъ, но даже другъ отъ друга. „Сѣверо-американскіе университеты (за исключеніемъ Clark university) соотвѣтствуютъ или гимназіямъ, или реальнымъ училищамъ, или же это есть одновременно гимназія съ университетомъ. Низшіе классы, курсъ первыхъ двухъ, а то и трехъ лѣтъ, соотвѣтствуютъ приблизительно высшимъ классамъ нѣмецкихъ гимназій; въ старшихъ классахъ высшихъ учебныхъ заведеній вообще, и особенно университетовъ восточныхъ штатовъ преподаются предметы философскаго факультета германскихъ университетовъ, рѣже другихъ факультетовъ“. (I. Конрадъ). Богословіе, правовѣдѣніе и медицина изучаются въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя не стоятъ ни въ какой связи или въ очень слабой связи съ университетами. Самые извѣстные университеты восточныхъ штатовъ, составляютъ частныя учрежденія и управляются попечительнымъ совѣтомъ (trustees) съ болѣе или менѣе выраженнымъ конфессіональнымъ оттѣнкомъ, во главѣ котораго стоитъ президентъ; самый богатый изъ нихъ—это Harward College въ Кембриджѣ въ штатѣ Массачусетсъ, основанный въ 1636 году, ежегодный бюджетъ котораго составляетъ 1,6 милліона долларовъ. Въ западныхъ штатахъ существуетъ нѣсколько государственныхъ университетовъ. Школьная дисциплина и контроль надъ прохожденіемъ учебнаго курса болѣе строги, чѣмъ въ европейскихъ университетахъ.

Б. Франція, Бельгія, Голландія и Италія.

а) Франція.

Въ противоположность Англіи идеи вѣка просвѣщенія во Франціи сохранили навсегда значеніе закваски историческаго развитія этой страны. Политическія партіи и общественные классы успѣшно провели идеи XVIII вѣка мимо подводныхъ камней періодовъ реакціи, послѣдовавшихъ въ XIX столѣтіи. Вообще французское просвѣтительное движеніе—есть чисто національное явленіе, обусловленное исторіей и характеромъ французскаго

народа, въ которомъ соединились между собой страстное стремленіе къ достиженію безусловной истины и пылкая воля, озлобляющаяся противъ всякаго противорѣчія. Въ XVIII и XIX столѣтіяхъ французскій народъ обнаружилъ въ сущности совершенно такія же свойства характера, какъ и въ предыдущіе вѣка. Это есть тотъ самый духъ, которымъ была проникнута Галлія подъ властью Римской Имперіи, тотъ духъ, который давалъ себя чувствовать и въ послѣдующую эпоху среди романскихъ народовъ, несмотря на примѣсь германской крови, и постоянно проявляется въ различныхъ мѣняющихся формахъ, то подъ видомъ галликанизма—въ устройствѣ церкви, то подъ видомъ самодержавія—въ управленіи государствомъ, догматизма въ философіи, классицизма въ искусствѣ; этотъ духъ обнаруживается и въ словарѣ французской академіи, и въ теоріи поэтическаго искусства Буало, и въ энциклопедіи, такъ-же какъ и въ гильотинѣ, въ конкордатѣ 1801 года и наполеоновскомъ кодексѣ. Вольтеръ, Руссо и Дидро родные братья схоластиковъ, инквизиторовъ, Кальвина и Безы, Декарта и Паскаля, Ришелье и Людовика XIV, Боссюэ, Марата и Гебера, Бонапарта, Карла X, Сенъ-Симона и Бланки, Гизо, Конта, Тьера или же пріемныхъ сыновей Франціи Гамбетты и Вальдека Руссо. Всѣ они были угнетателями свободнаго человѣческаго духа, фанатиками безусловной истины, и всѣмъ имъ были совершенно недоступны представленіе объ относительности человѣческихъ знаній и сознаніе того, что человѣческія дѣйствія обусловливаются рамками исторической эпохи. Со страшной самоувѣренностью французскіе общественные дѣятели тащатъ за собой изъ столѣтія въ столѣтіе вѣковѣчное злосчастье человѣчества, насиліе надъ разумомъ и совѣстью.

Въ своемъ безумномъ стремленіи къ всеобщей нивелировкѣ революція вырвала съ корнемъ всѣ культурныя основы, къ которымъ не осмѣлился прикоснуться даже деспотизмъ французскихъ королей. Она осудила на гибель церковь и духовенство и разрушила вмѣстѣ съ тѣмъ всю существовавшую тогда систему народнаго образованія. Демократическій проектъ всенародной общеобразовательной школы оказался фантастической мечтой, такъ какъ народъ отказался посылать своихъ дѣтей въ такія учебныя заведенія, которыя вмѣняли въ обязанность своимъ питомцамъ невѣріе. Такъ какъ немногочисленныя вновь основанныя „центральныя школы“ не могли замѣнить уничтоженныхъ гимназій, а всѣ французскіе университеты дореволюціонной эпохи тоже прекратили свое существованіе, то оказалось совершенно невозможнымъ получить высшее образованіе, которое было народной потребностью; самыя лѣвыя партіи готовы были даже окончательно изгнать высшее образованіе, какъ учрежденіе аристократическое и враждебное народу. Къ счастью политическіе дѣятели революціонной эпохи, какъ и ихъ предшественники просвѣтители, не были чужды утилитаристической точки зрѣнія и поэтому не препятствовали, по крайней мѣрѣ, учрежденію новыхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Въ 1794 году была основана Ecole polytechnique (Политехническая школа); творцомъ этого замѣчательнаго учрежденія былъ главнымъ образомъ математикъ Гаспаръ Монжъ (1746 — 1818 года), якобинецъ, котораго Наполеонъ первый возвелъ въ 1806 году въ графское достоинство и который былъ лишенъ обратно этого званія Людовикомъ XVIII. Во вновь основанномъ Muséum d'histoire naturelle читались и читаются до сихъ поръ строго-научные курсы, равно какъ и въ Collége de France, единственномъ высшемъ учебномъ заведеніи дореволюціонной эпохи, которое пережило благополучно всѣ бурные политическіе перевороты. Для подготовленія къ службѣ въ консульствахъ были призваны къ жизни въ 1795 году спеціальныя училища живыхъ восточныхъ языковъ (Ecoles speciales des langues orientales vivantes), а для подготовленія преподавателей высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Ecole normale superieure (Высшая нормальная школа). Впослѣдствіи были открыты

военныя, горныя, ветеринарныя, сельскохозяйственныя и другія спеціальныя высшія учебныя заведенія (срв. ниже) и, кромѣ того, еще École nationale des chartes (Національная школа хартій, основ. въ 1821 году для изученія историческихъ документовъ), а въ 1868 году была открыта École pratique des hautes études à la Sorbonne (Практическая школа высшихъ наукъ въ Сорбоннѣ).

Наполеону I суждено было извлечь на свѣтъ Божій изъ-подъ развалинъ французскую церковь и французскую школу и превратить ихъ снова въ прочное зданіе. Однако церковь и школа не вернули себѣ своей прежней самостоятельности, а стали государственными учрежденіями и коллегіями чиновниковъ, дѣйствующими подъ строгимъ контролемъ правительства. Наконецъ, была достигнута та цѣль, къ которой государственная власть стремилась уже сотни лѣтъ. Наполеоновская школа была наполовину казармой, наполовину монастыремъ и опиралась на учрежденный въ 1808 году принудительный союзъ подъ названіемъ „университета", включавшій въ себѣ всѣхъ преподавателей французской имперіи и подчинявшій ихъ одному общему высшему надзору. Прежнія университетскія корпораціи не были возстановлены, и вмѣсто университетовъ были учреждены пять родовъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній подъ названіемъ факультетовъ: факультеты протестантскаго богословія, юридическіе, медицинскіе, точныхъ наукъ (математики и естествовѣдѣнія, sciences) и отвлеченныхъ наукъ (lettres). Для разработки чистой науки были предназначены не факультеты, а академіи, въ особенности Institut de France (Французскій институтъ). Несмотря на это во Франціи никогда не было недостатка въ выдающихся ученыхъ.

Для народной школы правительство имперіи почти ничего не сдѣлало; реставрація (1814 г. — 1830 г.) тоже мало заботилась объ этой отрасли народнаго просвѣщенія, шедшей вразрѣзъ съ ея реакціонными стремленіями. Духовенство, которое теперь опять попало въ милость, и, между прочимъ, возвратившіеся во Францію іезуиты интересовались охотнѣе всего высшими учебными заведеніями, хотя они наложили свою руку также и на народную школу. Такимъ образомъ, организація начальнаго народнаго образованія во Франціи (въ 1833 году) составляетъ заслугу буржуазной свободомыслящей іюльской монархіи (1830 г.—1848 г.), въ особенности министерства Гизо; свободѣ обученія и частнымъ школамъ былъ данъ широкій просторъ; однако, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда свобода стоила жертвъ и давала взамѣнъ только выгоды идеальнаго свойства, выгодами положенія пользовалась исключительно церковь, которую народъ поддерживаетъ, такъ какъ онъ стремится воспитать своихъ дѣтей въ правилахъ своей вѣры. Въ 1848 году состоятельные классы были сильно напуганы „краснымъ призракомъ"; въ буржуазіи, которая была до тѣхъ поръ настроена въ революціонномъ духѣ, сталъ преобладать консерватизмъ и страхъ предъ государственными переворотами; эта перемѣна въ общественномъ мнѣніи отразилась, между прочимъ, и на школьномъ законѣ 1850 года, — церковь получила почетную долю въ дѣлѣ надзора за школами. Во время второй имперіи (1852 г.—1870 г.) она все еще оставалась союзницей правительства: даже при третьей республикѣ (съ 1870 года) церковь сохраняла свое сильное положеніе до тѣхъ поръ, пока государство не освободилось отъ опасности реакціоннаго политическаго переворота. Послѣ отставки президента Макъ-Магона (въ 1879 году) государство опять открыло по всей линіи войну противъ церкви, и борьба велась главнымъ образомъ за школу. „Содержаніе преподавателей было повышено; было открыто много новыхъ школъ и учительскихъ семинарій; было введено обязательное посѣщеніе школы, уничтожена плата за ученіе; церковь была устранена отъ надзора за школой, преподаватели изъ духовенства были удалены изъ общественныхъ школъ, обученіе закону Божьему замѣнено преподаваніемъ морали"

(Л. Жолли). Несмотря на все это, духовенство удержалось какъ въ частныхъ, такъ и въ общинныхъ народныхъ школахъ; въ 1900 году цѣлая треть дѣтей школьнаго возраста во Франціи все еще обучалась въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ духовенствомъ. Кромѣ вопроса о вліяніи церкви и государства, для многихъ тутъ еще былъ затронутъ вопросъ о хлѣбѣ насущномъ: надо было найти занятіе для десятковъ тысячъ кандидатовъ и особенно кандидатокъ въ учителя, сидящихъ безъ мѣста, которые рекрутировались изъ среды мелкой буржуазіи. Третья республика нанесла духовенству самый тяжелый ударъ, — она провела законъ о конгрегаціяхъ 1901 года, который вырвалъ учебное дѣло изъ рукъ духовныхъ корпорацій и посадилъ на ихъ мѣсто свѣтскихъ учителей и учительницъ.

Когда послѣ революціи было снова возстановлено среднее образованіе (instruction secondaire), то въ дѣйствительности вернулась опять къ жизни прежняя іезуитская школа. Государственные лицеи, а также коммунальные частные коллежи получили опять характеръ многоклассныхъ латинскихъ школъ съ интернатами, въ которыхъ и до сихъ поръ воспитывается во Франціи большинство юношей; только вмѣсто прежнихъ пяти классовъ выросло мало-по-малу восемь и даже девять,—вообще чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе расточительно обходится законъ съ временемъ и умственными силами юношества. Со времени Наполеона Франція стала обѣтованной страной экзаменовъ и привилегій по конкурсу. Въ 1850 году былъ введенъ законъ о свободѣ обученія, но имъ воспользовалось почти исключительно духовенство, такъ что, несмотря на изгнаніе іезуитскаго ордена въ 1880 году и на постоянно враждебное отношеніе правительства къ церкви, еще въ 1900 году почти ровно половина учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній обучалась въ школахъ, содержимыхъ духовенствомъ.

Рядомъ съ гуманистическими классическими гимназіями развились постепенно французскія реальныя училища (enseignement secondaire spécial, съ 1891 moderne). При большихъ лицеяхъ были устроены параллельно съ высшими классами гимназій особые математическіе курсы по образцу Ecole polytechnique для подготовленія къ поступленію въ спеціальныя высшія учебныя заведенія. До 1881 года существовало только нѣсколько неклассическихъ среднихъ школъ, основанныхъ небольшимъ числомъ общинъ. Но, начиная съ 1881—1886 года, правительство само принялось за устройство самостоятельныхъ, несоединенныхъ съ гимназіями девятиклассныхъ реальныхъ училищъ, программа которыхъ включаетъ въ себѣ англійскій и нѣмецкій языки, математику, бухгалтерію, естествовѣдѣніе, рисованіе и черченіе, географію, исторію, философію, этику, правовѣдѣніе и политическую экономію.

Послѣ войны 1870—71 года нѣмецкое вліяніе отразилось на всей системѣ народнаго образованія во Франціи, особенно на университетскомъ преподаваніи (instruction supérieure). Университеты превратились мало-по-малу изъ узко-практическихъ спеціальныхъ школъ въ научныя просвѣтительныя учрежденія съ лекціями, диспутами (conférences), семинаріями, лабораторіями и т. д.; въ то же время они пріобрѣли характеръ корпорацій, обладающихъ самостоятельными правами. Въ 1896 году соединенные въ одномъ учрежденіи факультеты получили вновь оффиціальное названіе университетовъ. Весьма характернымъ признакомъ политики третьей республики служитъ то обстоятельство, что католическіе богословскіе факультеты были уничтожены въ 1885 году, въ то время, какъ два протестантскихъ факультета существуютъ и до сихъ поръ; а между тѣмъ 98% населенія Франціи принадлежатъ къ католическому вѣроисповѣданію. Кромѣ того, правительство закрыло въ 1880 году на основаніи спеціальнаго закона „вольные" факультеты, открытые духовенствомъ послѣ отказа правительства отъ школьной монополіи въ 1875 г.

б) Бельгія, Голландія и Италія.

До 1815 года бельгійская школа раздѣляла участь французской, такъ какъ бывшія австрійскія Нидерландскія владѣнія въ 1794 г. отошли къ Франціи и находились подъ ея властью до 1814 года. Послѣ того, какъ Бельгія отдѣлилась отъ Голландіи (въ 1830|31 году), школа стала ареной борьбы между клерикалами (іезуитами) и либералами (франкмасонами) и на ея судьбѣ отражалась каждая перемѣна въ составѣ большинства палаты. Такъ какъ съ 1884 года власть находится въ рукахъ клерикальной партіи, то не только большая часть школъ принадлежитъ духовенству, но, кромѣ того, введено обязательное обученіе закону Божію, а надзоръ за школами предоставленъ духовенству, которое пользуется преобладающимъ вліяніемъ даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 1887 года существуютъ три совершенно различныхъ типа среднихъ школъ, которыя часто бываютъ соединены въ одно общее заведеніе (атенеумъ) и соотвѣтствуютъ приблизительно германскимъ гимназіямъ, реальнымъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ. Въ 1816 и 1817 годахъ были основаны по нѣмецкому образцу два конфессіональныхъ государственныхъ университета въ Гентѣ и Люттихѣ, а въ 1835 году духовенство основало католическій университетъ въ городѣ Левенѣ, который издавна славился своими школами; либералы, съ своей стороны, основали въ противовѣсъ духовенству „вольный" университетъ въ Брюсселѣ (въ 1834 году).

Голландскія школы пользовались справедливой славой, но въ Наполеоновскую эпоху мѣстная система народнаго образованія погибла жертвой страсти французскаго деспота къ всеобщей нивелировкѣ. Послѣ его паденія Лейденскій, Утрехтскій и Гронингенскій университеты были вновь призваны къ жизни въ качествѣ правительственныхъ учебныхъ заведеній, а кромѣ того было основано нѣсколько атенеумовъ (въ 1816 году). Когда эти послѣдніе оказались нежизнеспособными, то законъ 1876 года предоставилъ городу Амстердаму право учредить городской универститетъ съ обычными пятью факультетами.

Въ Италіи школьное дѣло взяло въ свои руки центральное правительство объединеннаго въ 1859—66 годахъ Итальянскаго королевства. Правительство ввело обязательное посѣщеніе школы, но ограничило его возрастомъ отъ 6 до 9 лѣтъ; подобный примѣръ встрѣчается еще только въ Испаніи. Всѣ универститеты Апеннинскаго полуострова и Сициліи за исключеніемъ двухъ (Генуэзскаго и Мессинскаго) основаны раньше XIX столѣтія, еще до наступленія котораго они были ограблены и лишены своего имущества. 17 изъ нихъ составляютъ государственныя заведенія, 4 вольныя (общинныя) учрежденія; ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ богословскаго факультета: 11 изъ нихъ имѣютъ всѣ четыре факультета, 10—только три или еще меньше. По большей части университеты подготовляютъ молодыхъ людей также къ либеральнымъ профессіямъ низшаго рода, къ занятіямъ нотаріуса, фармацевта, ветеринара, акушерки. Къ одному разряду съ университетами принадлежатъ довольно многочисленныя спеціальныя высшія учебныя заведенія, въ томъ числѣ Reale Instituto di studi superiori pratici e di perfizionamento (Королевскій институтъ для практическаго изученія высшихъ наукъ и для усовершествованія въ нихъ) во Флоренціи и Миланская R. Accademia scientifico-letteraria (Королевская академія физико-математическихъ и словесныхъ наукъ).

B) Германская имперія и Австро-Венгрія; Скандинавскія государства и Россія.

а) Германская имперія и Австро-Венгрія.

Въ раздробленной Германіи не могло образоваться общегерманской системы народнаго образованія, а существовали только территоріаль

ныя или мѣстныя: слѣдуетъ, однако, оговориться, что болѣе значительныя германскія государства, которыя сохранили за собой и въ новой имперіи право законодательнаго регулированія обученія и воспитанія, дѣйствовали объединяющимъ образомъ, такъ какъ всѣ мелкія государства подражали ихъ примѣру.

а) Народная школа.

Исторія нелатинской нѣмецкой народной школы ведетъ свое начало отъ школъ нѣмецкаго письма, которыя возникли около 1500 года. Въ эпоху реформаціи стали издаваться мѣстные церковные школьные уставы, въ которыхъ обращалось вниманіе также и на начальное обученіе; такъ, напримѣръ, въ Вюртембергѣ подобнаго рода уставъ былъ обнародованъ въ 1559 году, а въ курфиршествѣ Саксонскомъ въ 1580 году; въ Вюртембергскомъ школьномъ уставѣ содержатся особыя постановленія о нѣмецкихъ школахъ для бѣдныхъ дѣтей. Во время тридцатилѣтней войны и послѣдовавшихъ за ней тяжелыхъ годовъ всѣ эти начинанія погибли, такъ что, собственно говоря, германскіе государи вѣка просвѣщенія создали заново народное образованіе въ Германіи каждый въ своихъ владѣніяхъ. Безпрестанная борьба піетизма и раціонализма противъ ортодоксіи расчистила путь представителямъ вѣка просвѣщенія, міровоззрѣніе которыхъ включало въ себѣ то убѣжденіе, что извѣстная степень образованія необходима для счастья каждаго индивидуума и благополучія государства. Всѣ просвѣтители, не исключая и ихъ единомышленниковъ-государей, были до нѣкоторой степени диллетантами учителями и воспитателями. Такъ, напримѣръ, король Фридрихъ Вильгельмъ I былъ настоящимъ народнымъ педагогомъ; въ 1716 году онъ ввелъ въ Пруссіи обязательное посѣщеніе начальной школы, но за недостаткомъ подходящихъ учителей вынужденъ былъ часто довольствоваться услугами ремесленниковъ и церковныхъ служекъ; недостатокъ въ учителяхъ побудилъ его къ основанію первыхъ учительскихъ семинарій. По порученію Фридриха II Геккеръ (стр. 487) выработалъ въ 1763 году общій регламентъ сельскихъ школъ, который касался какъ учениковъ, такъ и учителей. Школьная монополія государства считалась аксіомой, но тѣмъ не менѣе народной школѣ былъ приданъ вѣроисповѣдный характеръ, и она была поставлена въ зависимость отъ мѣстнаго духовенства; кромѣ того, монархи не могли обойтись безъ содѣйствія дворянъ землевладѣльцевъ, которые пользовались правомъ опеки надъ школами; только впослѣдствіи, когда мало-по-малу были уничтожены феодальныя повинности, монархъ и государство стали въ дѣйствительности хозяевами надъ школой и народомъ.

Въ католическихъ странахъ, въ которыхъ церковь основывала свое право на господство на тысячелѣтней и даже еще болѣе долгой исторіи, государству гораздо труднѣе было забрать въ свои руки власть надъ школой, чѣмъ въ протестантскихъ. Тѣмъ не менѣе даже благочестивая императрица Марія Терезія признала въ 1770 году народное образованіе „дѣломъ политики“. Ее слѣдуетъ считать основателемъ австрійской народной школы. Первый „всеобщій школьный планъ“ (изд. въ 1774 году) былъ составленъ заганскимъ аббатомъ Іоанномъ Игнатіемъ фонъ Фельбигеромъ (род. въ 1724 году, сконч. въ 1788 году); въ 1765 году онъ выработалъ по порученію министра Фридриха II Эрнста Вильгельма фонъ Шлабрендорфа школьный уставъ для католической прусской Силезіи и графства Глаца. Школьный уставъ императрицы Маріи Терезіи былъ замѣненъ въ 1805 году новымъ, который оставался въ дѣйствіи въ продолженіе всей реакціонной эпохи вплоть до 1848 года. Начиная отъ Маріи Терезіи до 60-ыхъ годовъ школа была въ самомъ дѣлѣ для многоязычной придунайской имперіи „политическимъ дѣломъ“, средствомъ для централизаціи и германизаціи.

Въ самый разгаръ попеченія монарховъ о народномъ образованіи, вслѣдъ за духовнымъ переворотомъ, носящимъ названіе „эпохи бури и натиска“ (срв. стр. 579), для педагогики тоже наступилъ бурный періодъ. Она находилась подъ вліяніемъ Руссо (стр. 566). Самымъ горячимъ поборникомъ новой педагогіи въ Германіи былъ Іоганнъ Бернгардъ Базедовъ (род. въ 1723 году, сконч. въ 1790 году), основатель воспитательнаго учрежденія „Филантропинумъ“ въ Дессау, по имени котораго все это направленіе въ педагогіи получило названіе филантропинизма. Реформаторскія идеи Базедова обнимаютъ собою всю систему народнаго образованія, начиная отъ народной школы и кончая университетомъ. Филантрописисты возстаютъ противъ исключительно словеснаго содержанія программы гуманистической школы и односторонняго отвлеченнаго умственнаго развитія школы вѣка просвѣщенія; они напираютъ на реальныя знанія и на воспитаніе характера; кромѣ того, они требуютъ, чтобы воспитаніе зиждилось на общей для всѣхъ вѣроисповѣданій и космополитической основѣ. Къ числу послѣдователей Базедова принадлежали выдающіеся люди, какъ, напримѣръ, Іоахимъ Генрихъ Кампе (род. въ 1746 г., сконч. въ 1818 г.), въ передѣлкѣ котораго „Робинзонъ“ оставался (изд. въ 1779 г.; стр. 562) въ теченіе цѣлаго столѣтія наиболѣе популярной во всей германской литературѣ дѣтской книгой; затѣмъ Эрнстъ Христіанъ Траппъ (1745 г. — 1818 г.), Христіанъ Готгильфъ Зальцманъ (1744 г. — 1811 г.), основатель существующаго и понынѣ воспитательнаго заведенія въ Шнепфенталѣ (основ. въ 1784 г.), сотрудникъ послѣдняго Іоаннъ Христофъ Фридрихъ Гутсъ-Мутсъ (1759 г. — 1839 г.), положившій начало обученію гимнастикѣ и дѣтскимъ играмъ въ германскихъ школахъ; были, однако, въ томъ числѣ также и люди, недостойные уваженія, какъ, напримѣръ, Карлъ Фридрихъ Бардтъ (1741 г. — 1792 г.), котораго называли „мѣднымъ лбомъ“.

Періодъ бури и натиска далъ также первый толчокъ къ дѣятельности Іоанна Генриха Песталоцци (1746 г. — 1827 г.), „этого геніальнѣйшаго изъ педагоговъ всѣхъ временъ... Глубокое сокрушеніе объ участи его соотечественниковъ послужило для Песталоцци исходной точкой его педагогики. Движимый сочувствіемъ къ своему народу, онъ сталъ соціалистомъ съ сердцемъ, преисполненнымъ любовью и готовностью придти на помощь къ ближнему, а единственнымъ средствомъ для помощи народу онъ считалъ народное образованіе, которое произведетъ соціальный переворотъ снизу и снутри, такъ какъ оно освободитъ скрытыя въ народной массѣ силы, дастъ имъ возможность развернуться и откроетъ для нихъ путь къ самопомощи“ (Теобальдъ Циглеръ). Духъ, присущій словамъ, дѣламъ и печатнымъ произведеніямъ („Лингардтъ и Гертруда“, 1781—89 г.; „Какъ Гертруда обучаетъ своихъ дѣтей“ въ 1801 г.) этого Мессіи народнаго образованія, не улетучился на подобіе филантропинизма, а продолжаетъ жить во всѣхъ полезныхъ результатахъ скромной дѣятельности педагоговъ XIX столѣтія. Больше всѣхъ другихъ заслуживаютъ упоминанія два ученика Песталоцци: Фридрихъ Фребель (1782 г. — 1852 г.), основатель дѣтскихъ садовъ (въ 1840 году), и Фридрихъ Адольфъ Вильгельмъ Дистервегъ (1790 г. — 1866 г.), имя котораго и до сихъ поръ вызываетъ злобу у всѣхъ враговъ народнаго просвѣщенія.

Какъ близко принимали къ сердцу интересы педагогіи духовные руководители германскаго народа, начиная съ вѣка просвѣщенія, объ этомъ можно заключить изъ сочиненій великихъ германскихъ поэтовъ: Лессинга, Гердера, Гете, Шиллера, Жана-Поля Рихтера, и германскихъ великихъ мыслителей: Канта, Фихте, Шлейермахера, Гербарта и Бенеке. Наиболѣе продолжительнымъ вліяніемъ пользовался Іоаннъ Фридрихъ Гербартъ (1776 г. — 1841 г.), педагогическія воззрѣнія котораго понынѣ распространяются съ каѳедры его учениками Теодоромъ Вайцомъ, Туискономъ

Циллеромъ, Людвигомъ Штрюмпелемъ, Отто Вильманномъ и Эрнстомъ фонъ Зальвюркомъ, продолжаютъ развиваться и примѣняются на практикѣ.

Возвышенныя цѣли, которыми задавались философы и педагоги, выдержали на практикѣ тяжелыя столкновенія съ духовенствомъ, административными властями, экономическими общественными силами, и теоретикамъ пришлось пойти на компромиссъ. Такъ, напримѣръ, прусская школьная система подверглась два раза реакціоннымъ вліяніямъ, противъ которыхъ либеральныя буржуазныя партіи вели настойчивую борьбу; это случилось одинъ разъ въ царствованіе Фридриха Вильгельма II, а второй разъ въ царствованіе Фридриха Вильгельма IV. Однако. въ концѣ концовъ, какъ вѣроисповѣдный эдиктъ Вельнера, изданный 9 іюля 1788 года, такъ и распоряженія отъ 1—3 октября 1854 года, названныя по имени ихъ инціатора Фердинанда Штиля, были выброшены за бортъ, и на полѣ битвы восторжествовалъ вѣрнѣе ограждающій интересы государства принципъ политическаго свободомыслія. Все-таки германская народная школа удержала свой вѣроисповѣдный характеръ благодаря тому обстоятельству, что во всей Германіи, особенно въ протестантскихъ странахъ, верховный глава государства считается вмѣстѣ съ тѣмъ главою церкви; обученіе закону Божію обязательно находится подъ контролемъ духовенства независимо отъ права надзора государства надъ школой. Общегерманской характерной чертой являются также Fortbildungsschulen (народныя школы для дальнѣйшаго образованія), которыя служатъ для восполненія свѣдѣній, получаемыхъ въ низшей школѣ; школы этого разряда дѣлятся на сельскія (сельско-хозяйственныя) и городскія (промышленно-комерческія).

Въ Австріи народная школа сначала была отдана во власть церкви по конкордату 18 августа 1855 года, но затѣмъ она тоже была преобразована сообразно съ либеральными принципами посредствомъ законовъ, изданныхъ въ маѣ 1868 года и въ маѣ 1869 года (стр. 380). Къ этому времени уже успѣло развиться въ Венгріи и во внѣгерманскихъ округахъ Цислейтаніи враждебное къ нѣмцамъ національное движеніе, которое поспѣшило направить свои удары противъ школы. Вслѣдствіе этого нѣмецкія школы всѣхъ разрядовъ были передѣланы въ мадьярскія, польскія, чешскія, славянскія, кроатскія, итальянскія и т. д., такъ что въ областяхъ съ разноязычнымъ населеніемъ германская народная школа могла отстоять свое существованіе только при посторонней помощи (германскаго школьнаго союза). Въ то время, какъ въ королевствахъ и областяхъ, находящихся подъ властью рейхсрата, различныя національности уравнены по закону въ правахъ по отношенію къ языку въ школѣ, казенныхъ учрежденіяхъ и общественной жизни, Венгрія стремится къ полной мадьяризаціи населенія всѣхъ подвластныхъ ей областей.

β) Средняя школа или (какъ она называется въ Германіи) „высшая школа“.

Средняя школа, именно гимназія, была той отраслью народнаго образованія, вокругъ которой въ теченіе послѣдняго столѣтія кипѣла наиболѣе ожесточенная борьба. Причина этой борьбы заключалась не въ томъ, что государство и церковь или же политическія и соціальныя партіи боролись съ особеннымъ рвеніемъ за господство надъ школой этого типа, а въ томъ, что образованные классы общества и сами педагоги раздѣлились на двѣ партіи, противниковъ и защитниковъ гимназіи; этотъ споръ охватилъ мало-по-малу всѣ круги населенія, а правительству приходилось неоднократно выступать въ роли третейскаго судьи. Что эта борьба заинтересовала такъ сильно всю Германію,—это вполнѣ понятно: рѣчь идетъ объ основахъ европейскаго просвѣщенія, объ исторической

преемственности нашей культуры. Пройдетъ еще не одно поколѣніе, пока не будетъ разрѣшенъ вопросъ о значеніи античнаго міра и о надлежащихъ размѣрахъ классическаго элемента въ общемъ образованіи юношества.

Уже въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій была поколеблена вѣра во всеспасающую силу гуманистической науки. Рыцарскія академіи, реальныя и спеціальныя школы и институты были результатами все болѣе и болѣе распространяющагося охлажденія къ гуманизму. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда волны вѣка просвѣщенія достигли наибольшей высоты и грозили затопить повсюду остатки исторически сложившихся идей и учрежденій, поднялась сильная реакція, которую обозначаютъ подъ именемъ неогуманизма. Распространителями этого движенія были филологи Геснеръ, Эрнести и Гейне (стр. 529); Винкельманъ и Фридрихъ Августъ Вольфъ доставили ему торжество въ наукѣ, Гердеръ, Гете и Шиллеръ въ изящной литературѣ, а на порогѣ XIX столѣтія неогуманизмъ завоевалъ также и школу. Юношество было охвачено идеализмомъ, которымъ были преисполнены это самое даровитое поколѣніе и этотъ славнѣйшій отдѣлъ духовной исторіи Германіи.

Неогуманистическое направленіе было разсѣяно по многимъ мѣстамъ и благодаря общему одушевленію укоренилось также и въ Пруссіи, послѣ того, какъ въ этомъ сокрушенномъ Наполеономъ государствѣ обнаружился, начиная съ 1807 г., подъемъ внутреннихъ силъ, выведшій его изъ состоянія апатіи. Пруссія стала стремиться инстинктивно къ союзу съ идеальными силами, такъ какъ реальныя не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ (1767 г. — 1836 г.; см. фиг. 4 на табл. „Нѣмецкіе философы“), одинъ изъ главныхъ жрецовъ веймарскаго культа гуманизма и греческихъ боговъ, сталъ во главѣ вновь учрежденнаго въ 1809 году въ прусскомъ министерствѣ отдѣленія вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія. Незадолго предъ тѣмъ (въ 1808 году) въ Берлинъ переселился Фр. А. Вольфъ, который пользовался значительнымъ вліяніемъ въ дѣлахъ народнаго просвѣщенія, хотя онъ не занималъ никакого оффиціальнаго поста. Въ 1810 году послѣдовало основаніе берлинскаго университета, который сталъ оплотомъ неогуманизма и спекулятивной философіи, а также разсадникомъ педагоговъ неогуманистическаго направленія. Въ томъ же 1810 году былъ установленъ порядокъ производства испытаній кандидатовъ на должность преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, при чемъ для подготовки къ ней былъ предназначенъ на будущее время философскій факультетъ, и преподаватели были окончательно отдѣлены отъ духовнаго сословія, которое до этого времени служило для нихъ переходной ступенью.

Черезъ короткое время (въ 1810 г.) Гумбольдтъ вышелъ въ отставку, но неогуманистическія реформы не были пріостановлены. Значеніе, которое придавалось развитію народнаго образованія, выразилось въ 1817 году въ учрежденіи особаго министерства вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія. Ближайшимъ помощникомъ министра барона Карла фонъ Штейна Альтенштейна (1770 г. — 1840 г.) состоялъ докладчикъ по дѣламъ гимназіи Іоаннъ Шульце (1786 г. — 1869 г.), который оставался на службѣ и послѣ отставки Альтенштейна (1838 г.) до 1859 г., но уже не пользовался такимъ сильнымъ вліяніемъ. Введенныя въ гимназіяхъ еще въ 1788 г. окончательныя испытанія получили характеръ испытаній зрѣлости, которыя служатъ ключомъ, открывающимъ предъ юношей двери всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній и предоставляющимъ ему исключительный доступъ въ университетъ. Въ 1837 году былъ введенъ въ дѣйствіе нормальный учебный планъ, устранившій всѣ мѣстныя разногласія и бывшій естественнымъ результатомъ объединяющей, но въ то же время не терпящей ничего оригинальнаго дѣятельности бюрократіи. Кромѣ обширной программы по

латинскому и особенно греческому языкамъ, этотъ учебный планъ отличается стремленіемъ дать ученику разностороннее общее образованіе; для этой же цѣли были вновь пересмотрѣны правила объ испытаніяхъ на званіе учителя.

Въ остальныхъ германскихъ государствахъ неогуманистическая (классическая) реформа не приняла такихъ широкихъ размѣровъ, какъ въ Пруссіи; все-таки ея вліяніе отразилось на всѣхъ странахъ германскаго союза кромѣ католическихъ государствъ. Главное значеніе этой реформы заключается въ томъ, что она устраняетъ окончательно шаблонное подражаніе древнимъ литературнымъ образцамъ, лежащее въ основѣ средней школы старо-гуманистическаго типа (стр. 467). Въ современной классической школѣ древніе классики читаются не для того, чтобы ученики научились щеголять заимствованными у нихъ оборотами рѣчи и мыслями, а ради художественнаго наслажденія и всесторонняго, развивающаго всѣ духовныя силы вліянія, которое производитъ на ученика античная, въ особенности эллинская культура, эта кульминаціонная точка духовнаго развитія человѣка. Индивидуалистическій XIX вѣкъ, прошедшій сквозь тяжелыя испытанія и воспламененный великими героями духа, не могъ увлекаться тѣми же воспитательными идеалами, какъ и эпоха Возрожденія восторгавшаяся вновь открытой античной культурой, или аристократическій великосвѣтскій періодъ барокъ, или же просвѣщенный деспотизмъ, который въ теченіе двухъ поколѣній смущалъ весь свѣтъ своими педагогическими фантазіями.

Въ царствованіе Фридриха Вильгельма IV (1840 г. — 1861 г.) съ его романтическими затѣями и безконечнымъ страхомъ предъ революціей правительство направляло гимназіи, равно какъ и школы другихъ типовъ, въ сторону религіознаго правовѣрія; протестантскимъ поборникомъ этого направленія былъ Эрнстъ Вильгельмъ Генгстенбергъ (см. т. VII.). Возились также надъ улучшеніемъ учебныхъ плановъ и программъ испытаній, при чемъ руководствовались девизомъ; „упрощеніе“ (концентрація); однако, во всемъ существенномъ прежніе порядки остались въ силѣ также и при министрахъ І. Ф. Эйхгорнѣ (1840 г. — 1848 г.), К. О. фонъ Раумерѣ (1850 г. — 1858 г.), Г. фонъ Мюллерѣ (1862 г. — 1872 г.) съ ихъ ближайшими сотрудниками Гердомъ Эйлерсомъ (1788 г. — 1863 г.; докладчикомъ состоялъ съ 1843 г. по 1848 г.) и Людвигомъ Визе (1806 г. — 1900 г.; докладчикомъ состоялъ съ 1852 г. по 1875 г.).

Между тѣмъ съ легкой руки Карла Игнаца Лоринзера (въ 1836 г.) нападки на классическую гимназію мало-по-малу стали такими многочисленными и яростными, что дѣло приняло характеръ формальной войны, въ которой участвовали не только лица, непосредственно заинтересованныя въ дѣлахъ школы, но и все общество. Среднюю школу обвиняли въ переутомленіи учениковъ и преподавателей, попрекали ее за отсталость въ программѣ, жаловались то на преувеличенность, то на недостаточность требованій, предъявляемыхъ къ ученикамъ, плакались о томъ, что много времени тратится безполезно, были недовольны неправильнымъ веденіемъ обученія и вялымъ ходомъ учебныхъ занятій, выставляли на видъ недостаточность успѣховъ и переполненіе классовъ, которыя объяснялись исключительными правами, предоставляемыми оканчивающимъ курсъ гимназій. Наконецъ, въ 1875 году правительство призвало знаменитаго организатора австрійскихъ гимназій (въ 1854 г.) Германа Боница (1814 г. — 1888 г.) на постъ докладчика министерства народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго стоялъ въ то время Фалькъ (стр. 424); Боницу принадлежатъ учебные планы 1882 г., которые сузили объемъ преподаванія древнихъ языковъ и расширили программу остальныхъ предметовъ, въ особенности математики и естествовѣдѣнія. Въ учебныхъ планахъ 1891 — 92 года, выработанныхъ при личномъ участіи императора Вильгельма II, наибольшее вниманіе было обращено на развитіе общаго мі-

росозерцанія учащихся посредствомъ правильной постановки обученія закону Божьему, отечественному языку, литературѣ и исторіи, кромѣ того было удѣлено больше мѣста сравнительно съ прежнимъ физическимъ упражненіямъ. Несмотря на это война изъ-за школы еще не пришла къ концу, и правительство тоже еще не считало стоящихъ на очереди вопросовъ окончательно выясненными, какъ это доказываютъ опыты, предпринятые съ начала 90 годовъ XIX столѣтія (учебный планъ новой франкфуртской гимназіи), и педагогическій съѣздъ, состоявшійся въ іюнѣ 1900 года.

Въ области реальнаго средняго образованія были выработаны при сильныхъ потугахъ три главныхъ типа школъ: девятиклассная реальная гимназія съ латинскимъ языкомъ и правомъ поступленія въ университетъ по окончаніи курса, девятиклассное высшее реальное училище безъ латинскаго языка и шестиклассное реальное училище. На школахъ всѣхъ этихъ типовъ опять таки оправдывается наше прежнее замѣчаніе о томъ, что, начиная съ 1860 г. — 1870 года, народное образованіе всѣхъ другихъ германскихъ государствъ подражало прусскимъ образцамъ.

Въ Австріи гимназіи остались въ рукахъ духовенства даже и послѣ паденія іезуитскаго ордена въ 1773 году. Шестиклассная латинская школа дополнялась двухъ или трехлѣтнимъ философскимъ курсомъ (прежнимъ артистическимъ факультетомъ), по окончаніи котораго ученики вступали въ университетъ. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до 1848 года, когда въ Австріи впервые было учреждено министерство вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія [1] Ученикъ Гербарта Францъ Экснеръ (1802 г.—1853 г.) выработалъ въ 1849 году сообща съ Боницомъ введенный въ 1854 году и дѣйствующій понынѣ проектъ организаціи средняго образованія, который произвелъ полный переворотъ во всѣхъ среднихъ школахъ Австрійской имперіи. Графъ Лео Тунъ провелъ эту реформу въ духѣ ея иниціаторовъ. Съ того времени въ Австріи существуютъ восьмиклассныя гимназіи (безъ французскаго языка) и шестиклассныя реальныя училища, впослѣдствіи преобразованныя въ семиклассныя; какъ гимназіи, такъ и реальныя училища дѣлятся на низшую и высшую ступени; преподаваніе во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ведется по предметной системѣ и оканчивающіе курсъ ученики подвергаются испытаніямъ зрѣлости. Въ ожесточенныхъ пререканіяхъ по школьному вопросу и неоднократныхъ измѣненіяхъ учебныхъ плановъ, дидактическихъ пріемовъ и программы испытаній въ Австріи не было недостатка такъ же, какъ и въ Германіи.

γ) Университетъ.

Послѣ Галльскаго и Геттингенскаго въ Германской имперіи были основаны всего только два новыхъ университета: Берлинскій (въ 1810 году) и Боннскій (въ 1818 г.). Университетъ города Франкфурта былъ переведенъ въ 1811 г. въ Бреславль; Мюнхенскій университетъ, открытый въ 1826 году, былъ только новымъ изданіемъ Ландсгутскаго, а этотъ послѣдній въ свою очередь возникъ вслѣдствіе перемѣщенія Ингольштедтскаго (въ 1802 г.). Страсбургскій университетъ, открытый въ 1872 году, въ сущности тоже не былъ новымъ: онъ былъ основанъ еще

[1] Предполагалось, что этотъ портфель возьметъ въ концѣ ноября 1848 года докторъ Іосифъ Александръ Гельфертъ, но онъ не далъ рѣшительнаго отвѣта, а управлялъ временно вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія въ качествѣ подстатсъ-секретаря при министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ Францѣ Штадіонѣ; первымъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ послѣ отставки Штадіона (26 іюля 1849 года) графъ Лео Тунъ-Гогенштейнъ (онъ оставался на этомъ посту до октября 1860 года).

въ 1566 году Максимиліаномъ II и только въ 1681 году былъ превращенъ въ французскій. Въ теченіи того періода времени, когда священная Римская имперія германской націи клонилась къ упадку, слѣдующіе германскіе университеты погибли отъ старческаго маразма: Виттенбергскій (въ 1815 г. соединился съ Галльскимъ), Дуисбургскій (въ 1802 г.), Гельмштедтскій (въ 1809 г.), Ринтельнскій (въ 1809 г. соединился съ Марбургскимъ), Альторфскій (въ 1809 г.), Кельнскій, Падерборнскій (въ 1819 г.), Бамбергскій (въ 1803 г.) и Диллингенскій (въ 1804 г.). Въ Швейцаріи существуетъ только одинъ университетъ почтеннаго возраста, Базельскій, основанный въ 1460 году, а всѣ другіе были основаны только въ XIX столѣтіи; таковы Цюрихскій (въ 1833 г.), Бернскій (въ 1834 г.), Женевскій (въ 1873 г.), Фрейбургскій (въ 1889 г.) и Лозанскій (въ 1890 г.)

Въ Австріи университеты, какъ и гимназіи, находились до 1773 года въ рукахъ іезуитовъ. Іосифъ II относился къ университетамъ крайне недружелюбно: во-первыхъ, онъ былъ врагомъ всякой автономіи и поэтому отнялъ у нихъ въ 1783 году право собственнаго суда; во-вторыхъ, онъ смотрѣлъ на образованіе съ утилитарной точки зрѣнія и видѣлъ въ университетахъ только дрессировочное заведеніе, выпускающее чиновниковъ высшихъ спеціальностей; въ третьихъ, какъ деспотъ, онъ былъ врагомъ всѣхъ духовныхъ стремленій, считалъ себя обладателемъ непреложной истины, и научныя изслѣдованія казались ему нелѣпостью. Іосифъ II низвелъ до степени лицеевъ университеты Грацскій, Инсбрукскій и Львовскій, но Францъ II (I) возстановилъ ихъ вновь. Только со времени вступленія на престолъ императора Франца Іосифа I австрійскіе университеты оправились отъ прежняго своего упадка и сравнялись съ германскими; въ 1875 году былъ даже основанъ новый университетъ въ Черновицахъ, который долженъ былъ служить авангардомъ нѣмецкой культуры въ „Полу-Азіи". Что Краковскій и Львовскій университеты были превращены въ польскіе, а старѣйшій изъ всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ, Пражскій, распался на нѣмецкій и чешскій—это объясняется взаимными отношеніями между національностями Австрійской имперіи. Венгерское королевство имѣетъ всего только одинъ полный университетъ въ Будапештѣ, куда былъ перемѣщенъ въ 1777 году основанный въ 1635 году Тирнауский университетъ; второй венгерскій университетъ, Клаузенбургскій, основанный въ 1872 году, не имѣетъ богословскаго факультета. Кромѣ того существуютъ нѣсколько юридическихъ академій.

б) Сѣверныя и Восточныя европейскія государства.

Въ Даніи существуетъ съ 1478—79 года Копенгагенскій университетъ, который въ послѣднее время истратилъ значительную часть своего основного капитала на возведеніе новыхъ построекъ, такъ что въ настоящее время онъ не можетъ существовать на собственныя средства и нуждается въ государственной субсидіи. Пока Норвегія была соединена съ Даніей, норвежцы тоже могли получать высшее образованіе только въ Копенгагенскомъ университетѣ; только съ 1811—24 года они пріобрѣли свой собственный университетъ въ Христіаніи. Напротивъ того, въ Швеціи знаменитый Упсальскій университетъ существуетъ уже съ 1477 года, а въ 1666—68 гг. былъ основанъ второй университетъ въ Лундѣ. Въ самое послѣднее время были открыты высшая школа (Högskola) въ Стокгольмѣ (въ 1877—1878 году), въ которой пока преподаются только математическія и естественныя науки, и частный философскій факультетъ въ Готенбургѣ (1887—91 г.); кромѣ того, былъ возстановленъ въ 1874 году Каролинскій медико-хирургическій институтъ въ Стокгольмѣ, открытый въ 1571 г. и прекратившій свое существованіе въ 1815 г.

Съ необыкновенно тяжелыми препятствіями народному образованію приходилось бороться до настоящаго времени въ Россіи. Все то, что сдѣлано по этой части въ этой громадной имперіи, обязано своимъ существованіемъ исключительно правительству, которое не находило себѣ опоры ни въ дворянствѣ, ни въ духовенствѣ. Это обнаружилось еще въ 1715 году, когда Петръ Великій приказалъ устроить училища для дѣтей всѣхъ сословій и ввелъ обязательное посѣщеніе школы; указъ этотъ былъ исполненъ только отчасти, та же участь постигла также и послѣдующія распоряженія правительства. Только послѣ уничтоженія крѣпостного права стремленія правительства стали вознаграждаться большимъ успѣхомъ (правительственное распоряженіе 1864 г.). Русскіе университеты были призваны къ жизни правительствомъ такъ же, какъ и низшія учебныя заведенія; въ 1755 году былъ основанъ Московскій университетъ, въ 1803 году Виленскій, вновь закрытый въ 1832 году, затѣмъ Дерптскій (въ 1802—3 году, переименованъ ради руссификаціи въ Юрьевскій), Харьковскій и Казанскій (въ 1804 г.), С.-Петербургскій (въ 1819 г.), Кіевскій (въ 1832—33 году), Одесскій (въ 1864—5 году), Варшавскій (въ 1816—69 году), Томскій (1885—88 году). Впослѣдствіи правительство стало пугаться этого творенія своихъ собственныхъ рукъ, какъ это обнаружилось уже въ царствованіе Александра I, который отмѣнилъ обратно въ 1819 году дарованныя имъ во время Ахенскихъ и Карлсбадскихъ постановленій (срв. стр. 136) академическія вольности. Въ 1863 году Александръ II еще разъ пытался было дѣйствовать въ либеральномъ духѣ, но въ результатѣ русскіе университеты превратились въ очаги нигилистической пропаганды, и самъ либеральный царь палъ жертвой нигилистовъ. Что послѣдующія распоряженія правительства ни въ коемъ случаѣ не были проникнуты свободолюбивымъ духомъ и что университеты были подвергнуты строгому полицейскому надзору, — это было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ общаго теченія исторіи Россіи (объ этомъ срв. т. V).

Г. Спеціальное образованіе.

Реакціонеры и слѣпые поклонники классическаго образованія ни къ чему не относились съ такой непримиримой ненавистью, какъ къ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ воплотились духъ и потребности современной эпохи. Лоренцъ фонъ Штейнъ изобрѣлъ весьма удачный общій терминъ для важнѣйшей группы относящихся сюда предметовъ преподаванія; онъ называетъ ихъ „экономическимъ профессіональнымъ образованіемъ", которому онъ противопоставляетъ образованіе, дающее подготовку къ общественной дѣятельности, и художественное образованіе. Подготовка къ экономически производительнымъ профессіямъ является въ самомъ дѣлѣ связью, объединяющей множество учебныхъ заведеній, имѣющихъ спеціальное отношеніе къ производству сырыхъ продуктовъ, промышленности, путямъ сообщенія и торговлѣ; ветеринарныя школы только отчасти входятъ въ эту категорію. Такого рода спеціальное образованіе въ настоящее время находится еще въ стадіи зарожденія, и пока еще выработалось мало прочныхъ формъ съ опредѣлившимся оттѣнкомъ.

а) Сельско-хозяйственныя и лѣсныя школы.

Спеціальныя учебныя заведенія по производству сырыхъ продуктовъ распадаются на двѣ группы: на сельско-хозяйственно-лѣсныя и горнозаводскія. Сельско-хозяйственныя школы существуютъ приблизительно съ начала XIX столѣтія. Теорія сельскаго хозяйства и раньше входила въ составъ камеральныхъ наукъ (стр. 540), но при преподаваніи ея не обращалось вниманія на техническую и естественно-научную сторону зе-

мледѣлія. Основатель современной агрономіи Альбертъ Таэръ (1752 г.—1828 г.) былъ въ то же время основателемъ перваго высшаго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія въ Меглинѣ около Врицена (въ 1806 г.; съ 1824 г. по 1862 г. оно носило названіе Королевской Земледѣльческой Академіи); по образцу этого учебнаго заведенія въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій было открыто много другихъ, напримѣръ, сельско-хозяйственныя училища въ Гогенгеймѣ въ корол. Вюртембергскомъ (въ 1818 г.), въ Шлейсгеймѣ въ Верхней Баваріи (основанная въ 1822 г. и перемѣщенная въ 1852 году въ Вейгенстефанъ), въ Попельсдорфѣ около Бонна (въ 1847 г.) и т. д. Въ началѣ второй половины XIX столѣтія общественное мнѣніе стало относиться неблагопріятно къ самостоятельному существованію подобныхъ „академій"; Юстусъ фонъ Либихъ настаивалъ на томъ, что научное преподаваніе агрономіи должно быть соединено съ университетами или техническими высшими учебными заведеніями. На этомъ основаніи нѣкоторыя сельско-хозяйственныя училища были закрыты (напримѣръ, въ 1869 году было закрыто основанное при открытой въ 1811 году лѣсной академіи сельско-хозяйственное училище въ Тарандтѣ), другія были соединены съ университетами,—такъ, напримѣръ, училище въ Вэндэ, существовавшее съ 1851 года, было присоединено къ Геттингенскому университету, или же при университетахъ были основаны вновь сельско-хозяйственные институты (въ 1862—63 г. въ Галле, въ 1869 году въ Лейпцигѣ), или же при политехническихъ институтахъ были открыты особыя сельско-хозяйственныя отдѣленія (въ 1874 году въ Мюнхенѣ). Несмотря на это еще въ 1881 г. въ Берлинѣ было открыто самостоятельное высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе.

Самостоятельныя сельско-хозяйственныя учебныя заведенія подобнаго типа существуютъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ; сюда относятся высшая школа земледѣлія въ Вѣнѣ (открытая въ 1871—72 году), Institut national agronomique (Національный агрономическій институтъ) въ Парижѣ (основ. въ 1876 году), Institut agricole de l'État (Государственный сельско-хозяйственный институтъ) въ Жанблу въ Бельгіи, сельско-хозяйственный институтъ въ селѣ Петровскомъ-Разумовскомъ около Москвы (открыт. въ 1857 г.) и т. д. Кромѣ того существуютъ среднія сельско-хозяйственныя училища подъ различными наименованіями, низшія сельско-хозяйственныя школы, въ которыя принимаются ученики, прошедшіе только курсъ народнаго училища, полугодовые зимніе курсы, спеціальныя школы садоводства и винодѣлія, молочнаго хозяйства и т. п., курсы странствующихъ учителей, курсы для практическихъ сельскихъ хозяевъ, спеціальные классы при народныхъ училищахъ. Во Франціи и въ Испаніи въ народныхъ школахъ преподается обязательно сельское хозяйство. Кромѣ того, заслуживаютъ упоминанія опытныя и контрольныя станціи, существующія самостоятельно или при учебныхъ заведеніяхъ.

б) Торговопромышленныя учебныя заведенія.

Торговопромышленное образованіе представляетъ еще большее разнообразіе типовъ, чѣмъ сельско-хозяйственное. Еще въ XVIII столѣтіи просвѣщенные радѣтели народнаго образованія предприняли опыты устройства подобнаго рода учебныхъ заведеній высшаго и низшаго разрядовъ; такъ, напримѣръ, въ Чехіи были основаны въ царствованіе Маріи Терезіи промышленныя училища для бѣднаго населенія. Однако, опредѣленное направленіе развитія и сознательная политика въ дѣлѣ промышленнаго образованія установились только нѣкоторое время спустя. Въ 1794—95 г. была основана Ecole polytechnique (Политехническая школа, стр. 584), изъ которой воспитанники переходятъ въ Ecole nationale des ponts et chaus-

sées (Національное училище путей сообщенія, основ. въ 1716—47 году), Ecole nationale supérieure des mines (Высшее національное горное училище, основ. въ 1778 году), въ Ecole spéciale militaire (Спеціальное военное училище, основ. въ 1806—08 г.), находящееся въ Сенъ-Сирѣ недалеко отъ Версаля. Пражскій (1806 г.) и Вѣнскій (1815 г.) политехникумы состоятъ, напротивъ того, изъ общихъ курсовъ высшей математики, механики, физики и т. д. и нѣсколькихъ техническихъ спеціальныхъ заведеній. По образцу этихъ прототиповъ современныя техническія высшія учебныя заведенія развѣтвляются на одно общее и 4—5 спеціальныхъ отдѣленій, какъ-то: архитектурное, путей сообщенія (желѣзнодорожныхъ, шоссейныхъ, грунтовыхъ съ возведеніемъ мостовъ), механическое и машиностроительное, химическое; къ нимъ присоединяются иногда сельско-хозяйственное или коммерческое отдѣленія.

Среднія и низшія промышленныя учебныя заведенія обязаны своимъ благоустройствомъ и по большей части даже своимъ существованіемъ стараніямъ правительствъ въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій. Въ этомъ дѣлѣ сказалось благотворное вліяніе международной конкурренціи, что доказываетъ въ особенности исторія художественно-промышленнаго образованія. На первыхъ всемірныхъ выставкахъ (лондонскихъ 1851 и 1862 гг., парижской 1855 г.) обнаружилось, что французская и даже экзотическая (напримѣръ, индійская) художественная промышленность стоятъ выше художественной промышленности другихъ европейскихъ странъ. Оказалось, что тщательность пріемовъ и вкусъ французскихъ ремесленниковъ составляютъ результатъ сознательныхъ воспитательныхъ стремленій, идущихъ свыше и продолжающихся уже въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, по крайней мѣрѣ, со времени Кольбера. Въ виду этого въ Соутъ-Кенсингтонѣ въ Лондонѣ былъ основанъ въ 1852 г. по образцу парижскаго Conservatoire des arts et metiers—музей Викторіи и Альберта (Victoria and Albert Museum); вскорѣ послѣ этого въ 1863—64 году въ Вѣнѣ былъ основанъ „Австрійскій художественно-промышленный музей“ (Oesterreichischer Museum für Kunst und Industrie), обязанный своимъ возникновеніемъ Рудольфу Эйтельбергеру фонъ Эдельбергу (1817 г.—1885 г.); въ 1868 году при этомъ музеѣ было открыто художественно-промышленное училище. Вслѣдъ за Австріей въ различныхъ германскихъ городахъ (Карлсруэ, Берлинѣ, Мюнхенѣ и т. д.) возникли музеи и училища для промышленныхъ спеціальностей, соотвѣтствующія отчасти задачамъ художественныхъ академій, отчасти политехникумовъ.

Руководствуясь примѣромъ Франціи, правительства принялись за планомѣрное устройство средняго и низшаго промышленнаго обученія. Административное искусство современной бюрократіи, чуждающейся всякихъ принудительныхъ пріемовъ, блестящимъ образомъ выдержало это испытаніе вопреки партійному лозунгу, который былъ еще очень популяренъ въ 1870 году и который утверждаетъ, что самая мудрая политика государства состоитъ въ томъ, чтобы предоставить событія своему естественному теченію (по отношенію къ народнымъ библіотекамъ и теперь еще часто ссылаются на это правило). Австрія достигла образцовыхъ результатовъ въ дѣлѣ постановки промышленнаго спеціальнаго обученія благодаря дѣятельности правительства, ведущей свое начало съ семидесятыхъ годовъ; во всѣхъ значительныхъ промышленныхъ городахъ существуютъ высшія промышленныя училища съ спеціальными отдѣленіями; при нихъ открыты школы для мастеровъ; кромѣ того, имѣются низшія промышленныя училища (ткацкія, по обработкѣ дерева и камня, керамическія и т. д.) и учебныя мастерскія, школы ремесленныхъ учениковъ, курсы для усовершенствованія мастеровъ, публичные курсы черченія и рисованія. Такого же рода школы, приспособленныя къ мѣстнымъ и національнымъ условіямъ, существуютъ въ настоящее время во всѣхъ культурныхъ странахъ.

Далеко не такъ сильно подвинулось впередъ низшее спеціальное обученіе въ дѣлѣ путей сообщенія, т. е. школы по ремонту дорожныхъ сооруженій и наблюденію за ними, такъ какъ устройство подобныхъ сооруженій и техническихъ перевозочныхъ средствъ относится къ области высшей технической школы. Тѣмъ не менѣе и теперь уже существуютъ мореходныя, желѣзнодорожныя, почтовыя, телеграфныя училища и курсы по тѣмъ же спеціальностямъ.

Болѣе солидное развитіе получило коммерческое образованіе по большей части благодаря частной иниціативѣ и подъ давленіемъ практическихъ потребностей. Первые проекты спеціальныхъ коммерческихъ учебныхъ заведеній возникли въ вѣкъ просвѣщенія. Португальскій государственный дѣятель Помбаль открылъ въ 1759 году въ Лиссабонѣ первое коммерческое училище (Aulo do commercio). Оно было основано въ государствѣ съ мало развитой торговлей, борющемся за свое экономическое освобожденіе.

Зато въ силу этихъ же самыхъ причинъ это была самая подходящая почва для искусственнаго развитія торговли, самобытный ростъ которой былъ весьма неудовлетворителенъ. Наилучшихъ результатовъ достигаютъ коммерческія училища въ отсталыхъ, но стремящихся къ возрожденію и напрягающихъ всѣ свои силы государствахъ. Возникшія въ XVIII столѣтіи коммерческія учебныя заведенія прекратили свое существованіе спустя короткое время; такая участь постигла, между прочимъ, гамбургскую коммерческую академію (въ 1768 г.), реальную и коммерческую академію въ Вѣнѣ (въ 1770 г.). Однако, уже въ теченіи первыхъ десятилѣтій XIX столѣтія возникли вновь частныя коммерческія училища, удовлетворявшія скромнымъ требованіямъ тогдашняго купечества. Такъ, напримѣръ, Э. В. Арнольди основалъ въ 1817 году первую германскую школу торговыхъ учениковъ въ Готѣ; позже, въ 1831 году, было открыто лейпцигское коммерческое училище, разсчитанное уже на болѣе широкій кругъ коммерческой дѣятельности. Въ 1817 году тріестская школа мореплаванія въ Австріи была преобразована въ королевско-императорскую коммерческую и морскую академію; въ 1834 году было учреждено въ Лайбахѣ низшее частное коммерческое училище, а въ 1850 году такое же училище было открыто въ Вѣнѣ. Кромѣ того, въ австрійскихъ политехническихъ училищахъ прежде тоже преподавались коммерческіе спеціальные предметы въ объемѣ, превышающемъ основные элементы этихъ наукъ; но впослѣдствіи эти предметы были исключены изъ программы, такъ какъ успѣхи оказались неудовлетворительными. Съ тѣмъ большимъ сочувствіемъ были встрѣчены открытыя въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія коммерческія академіи въ Прагѣ, Вѣнѣ, Пештѣ и Грацѣ; наряду съ ними было основано, начиная приблизительно съ 1890 года, значительное число нѣмецкихъ, чешскихъ, польскихъ и итальянскихъ высшихъ коммерческихъ училищъ. Кромѣ этого типа существуютъ цѣлыя дюжины низшихъ коммерческихъ училищъ и курсовъ, которыя развиваются въ большихъ городахъ съ лучшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ маленькихъ.

Ростъ коммерческаго образованія и расширеніе объема преподаванія коммерческихъ наукъ находится въ зависимости отъ развитія торговли. Во Франціи возникло уже въ 1820 году „высшее коммерческое училище“ (Ecole supérieure de commerce); по программѣ своей оно принадлежало первоначально къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, но впослѣдствіи было преобразовано въ высшее подъ названіемъ „Школа высшихъ коммерческихъ наукъ“ (Ecole des hautes études commerciales). Съ тѣхъ поръ, какъ Германская имперія приняла такое громадное участіе во всемірной торговлѣ, программы коммерческихъ училищъ, разсчитанныя на менѣе широкую коммерческую сферу, перестали удовлетворять современнымъ потребностямъ; послѣ того какъ въ 1883 году былъ основанъ въ силу завѣщанія дрезден-

скаго оптоваго торговца Л. Гэз (сконч. въ 1882 г.) названный по его имени „Институтъ государственныхъ наукъ“, возникли такъ сказать самопроизвольно, начиная съ 1898 года, высшія коммерческія училища въ Лейпцигѣ и Ахенѣ (весной и осенью 1898 года), Ганноверѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и Кельнѣ (весной 1901 года).

Д. Высшія художественныя учебныя заведенія.

а) Учебныя заведенія для преподаванія пластическихъ искусствъ.

Художественное образованіе отражаетъ въ себѣ исторію искусства, а до нѣкоторой степени также и общее состояніе культуры впродолженіи каждой изъ слѣдовавшихъ одна за другой эпохъ. Въ эпоху процвѣтанія цеховъ о воспитаніи подрастающаго поколѣнія заботилась гильдія живописцевъ (братство св. Луки) или строителей; такъ было въ Венеціи и Флоренціи. Академіи художествъ, призванныя къ жизни царственными покровителями въ XVI столѣтіи, были союзами художниковъ въ родѣ литературныхъ академій. Центръ тяжести художественнаго образованія оставался попрежнему въ мастерскихъ, въ которыхъ ученики и помощники трудились подъ наблюденіемъ маэстро надъ исполненіемъ порученныхъ имъ работъ; отъ поры до времени попадались художники съ педагогическимъ талантомъ, какъ, напримѣръ, Леонардо да Винчи (стр. 478), которые придерживались опредѣленной системы въ обученіи искусству.

Въ эпоху возрожденія было создано необозримое количество художественныхъ шедевровъ, выработались новые основные взгляды, возникали оживленные споры между различными школами, и было улучшено общественное положеніе художниковъ; поэтому и господствовавшіе раньше въ искусствѣ методы преподаванія тоже оказались недостаточными. Заинтересованные въ развитіи искусства общественные круги нуждались въ художественной руководящей нити, въ освобожденіи отъ узкаго мѣстнаго ремесленнаго кругозора, въ разностороннемъ ходѣ обученія, въ тѣсномъ взаимодѣйствіи между учениками и учителями, которые не были бы связаны между собою коммерческими соображеніями, какъ это бывало въ мастерской. Первая школа, считавшаяся съ современными потребностями, была устроена въ Болоньѣ живописцемъ Лодовико Карраччи (стр. 494), а начиная съ XVII столѣтія стали развиваться художественныя академіи, какъ самыя цѣлесообразныя учрежденія для пріобрѣтенія посредственнаго художественнаго образованія. Григорій XIII основалъ въ Римѣ Accademia di San Luca (Академію св. Луки), которая въ 1627 г. получила окончательно характеръ художественнаго училища. Въ Парижѣ возникла школа изящныхъ искусствъ (Ecole des beaux arts), которую не слѣдуетъ смѣшивать съ академіей изящныхъ искусствъ (Académie des beaux arts); эта послѣдняя была однимъ изъ основанныхъ на казенный счетъ ученыхъ обществъ эпохи Ришелье и Людовика XIV. Слѣдующія художественныя академіи были съ самаго своего основанія учебными заведеніями въ собственномъ смыслѣ этого слова: Вѣнская (основ. въ 1692 г.), Берлинская (въ 1694 г.), Дрезденская (въ 1705 г.), Мадридская (въ 1752 г.), С.-Петербургская (въ 1757 г.), Лейпцигская (въ 1764 г.), Дюссельдорфская (въ 1767 г.), Мюнхенская (въ 1808 г.) и т. д. Взаимное соревнованіе между европейскими государями, манія величія и страсть къ подражанію, меркантильное стремленіе не тратить заграницей денегъ для приглашенія иностранныхъ художниковъ и покупки иностранныхъ художественныхъ произведеній, наконецъ, патріархальная заботливость о природныхъ или натурализованныхъ гражданахъ собственнаго отечества — вотъ что дало толчокъ къ возникновенію этихъ академій.

Однако, каноническія правила, которыми руководствовались въ преподаваніи, отъ поры до времени теряли свое значеніе. Послѣ того, какъ классицизму былъ нанесенъ смертельный ударъ, каждое новое поколѣніе художниковъ стало поднимать знамя возстанія противъ „косы“, „волосяной сѣтки“ или другой современной модной академической манеры, пока, наконецъ, академія не узаконяла ихъ собственной манеры. Лозунгомъ всѣхъ этихъ революціонеровъ было по большей части „возвращеніе къ природѣ“; въ дѣло вмѣшалась литературная критика, и публика раздѣлилась на партіи. Въ XIX столѣтіи въ академіи художествъ проникло романтическое историческое направленіе, и на учениковъ навалили громадный грузъ учености: исторію искусства, исторію культуры, ученіе о костюмахъ и стилѣ; кромѣ того считалось вполнѣ естественнымъ, чтобы художникъ, какъ представитель эпохи, славящейся своимъ философскимъ и литературнымъ образованіемъ, не былъ профаномъ также и въ эстетикѣ, былъ начитанъ въ изящной и философской литературѣ, такъ какъ ему предстояло иллюстрировать кистью или рѣзцомъ тѣ самыя идеи, которыя писатели изобразили въ словахъ. Философія вышла обратно изъ моды; ея мѣсто заступили естественныя науки, и воспитанники художественныхъ академій стали изучать не только перспективу и анатомію, но и оптику и химію красокъ. При такомъ изобиліи всякихъ премудростей въ молодомъ художникѣ развивается чрезмѣрное самомнѣніе, тѣмъ болѣе, что ему умышленно и планомѣрно внушается стремленіе къ самостоятельности, презрѣніе къ критикѣ, къ публикѣ и даже къ художественному рынку. Прошедши курсъ пріемовъ искусства въ общемъ отдѣленіи, онъ вступаетъ въ спеціальныя отдѣленія или мастерскія художниковъ, пріобрѣтаетъ затѣмъ свою собственную мастерскую и принимается за дѣло съ большой прытью.

Издавна въ академіяхъ художествъ вошло въ обычай устраивать выставки произведеній своихъ собственныхъ воспитанниковъ; начало этому обычаю положила въ 1763 году Парижская академія, въ которой съ того времени и понынѣ фигурируютъ ежегодные „салоны“. Въ теченіе XIX столѣтія художественныя выставки мало-по-малу перешли въ руки товариществъ художниковъ.

б) Музыкальныя учебныя заведенія.

Музыкальное искусство тоже пережило свой періодъ цехового строя; однако, главнымъ средствомъ для изученія техники и болѣе глубокаго пониманія музыки было всегда обученіе у отдѣльныхъ маэстро. Такъ какъ хоровое пѣніе и музыкальная капелла, все равно служили ли они для религіозныхъ или свѣтскихъ цѣлей, требовали организаціи массоваго обученія, то уже въ XVI столѣтіи возникли, напримѣръ, при сиротскихъ домахъ, музыкальныя школы, которыя получили въ Италіи названіе консерваторій; это имя было перенесено впослѣдствіи на высшія музыкальныя учебныя заведенія. Вообще говоря, консерваторіи XVII и XVIII столѣтій все еще оставались школами пѣнія. Парижская Ecole royale de chant et de declamation (Королевское училище пѣнія и декламаціи), основанная уже въ 1784 г., была школой пѣнія и театральнаго искусства; только въ 1795 году она была преобразована въ энциклопедическое музыкальное училище и называется съ тѣхъ поръ консерваторіей (Conservatoire). Въ этомъ учебномъ заведеніи Антонъ Францъ Габенекъ (1781 г.—1849 г.) ввелъ въ 1828 году тѣ совмѣстныя упражненія, изъ которыхъ впослѣдствіи развились наилучшія концертныя исполненія французской столицы. На рубежѣ между XVIII и XIX столѣтіями правительства и общества любителей соперничали между собою въ открытіи новыхъ музыкальныхъ училищъ. Такъ, напримѣръ, Пражская (основ. 1811 г.) и Вѣнская (основ. въ 1817 г.) консерваторіи возникли по частной иниціативѣ; напротивъ того,

Миланская консерваторія, которая остается до сихъ поръ разсадникомъ Bel canto (изящнаго пѣнія), есть казенное учрежденіе.

Въ періодъ времени между 1820 и 1850 годами какъ старыя, такъ и новыя музыкальныя училища направили все свое вниманіе на воспитаніе виртуозовъ по инструментальной музыкѣ, главнымъ образомъ играющихъ на скрипкѣ и фортепіано: это совпало съ временемъ дѣятельности Никколо Паганини (1782 г.—1840 г.) и Франца Листа (1811 г.—1886 г.). Хотя даровитѣйшіе изъ эпигоновъ этой эпохи не были обязаны консерваторіямъ даже и послѣдней отдѣлкой своего таланта, тѣмъ не менѣе стремленіе консерваторій того времени было вполнѣ похвальнымъ, такъ какъ все возрастающая трудность музыкальной фразировки требовала отъ каждаго музыканта спеціалиста тщательно выработанной музыкальной техники. Послѣ 1848 года интересъ къ кунштюкамъ виртуозовъ пошелъ на убыль, и эти послѣдніе стали задаваться болѣе благородной цѣлью передать съ возможно наибольшимъ совершенствомъ музыкальныя произведенія великихъ композиторовъ; консерваторіи тоже пошли на встрѣчу этому похвальному стремленію, но впали частью въ неразборчивый эклектицизмъ, частью въ сознательную реакцію. Это время никакъ нельзя назвать періодомъ застоя въ музыкальномъ преподаваніи, такъ какъ это былъ періодъ расцвѣта музыкальной дѣятельности Листа и Вагнера. Понятно, что та группа музыкантовъ, которая искони завладѣла школьными, концертными и оперными музыкальными залами и господствовала въ музыкѣ, чувствовала, что она должна напрячь всѣ свои силы для подавленія новаго направленія, далеко превосходившаго ихъ своей геніальностью и угрожавшаго ихъ интересамъ. Консерваторіи были тоже превращены по мѣрѣ возможности въ боевыя учрежденія; это относится, напримѣръ, къ основанной въ 1843 году лейпцигской консерваторіи, а берлинское высшее музыкальное училище было даже призвано къ жизни въ 1869 году въ качествѣ оплота противъ новой романтической школы. Послѣ смерти Вагнера (въ 1883 году) поднятая имъ борьба мало по малу затихла, и враждебныя къ нему музыкальныя учебныя заведенія тоже отказались отъ своего боевого направленія. И теперь еще консерваторіи готовятъ виртуозовъ инструментальной музыки, но наибольшимъ почетомъ пользуются оркестровка и музыкальная композиція. Перспектива блестящихъ успѣховъ на сценѣ тоже представляетъ сильный соблазнъ для воспитанниковъ консерваторій.

Е. **Ученыя общества и періодическая печать.**

а) Академіи и другія ученыя общества.

Союзы дѣятельныхъ и заслуженныхъ ученыхъ стоятъ гораздо выше, чѣмъ самое тѣсное единеніе между учителями и учениками, если только подобные союзы удерживаются на высотѣ своихъ задачъ. Въ періодъ времени между XVIII и XX столѣтіями академіи наукъ продолжаютъ занимать высшее мѣсто между всѣми подобными обществами. Примѣръ Берлинской академіи, самаго выдающагося изъ всѣхъ подобныхъ учрежденій, показываетъ, въ чемъ должна заключаться главная цѣль подобныхъ союзовъ ученыхъ знаменитостей. Оригинальные труды на поприщѣ науки и искусства могутъ исходить только отъ отдѣльныхъ лицъ, но тѣмъ не менѣе такія корпораціи, какъ академіи, вовсе не излишни. Многознаніе, всевѣдѣніе и энциклопедизмъ XVII и XVIII столѣтій въ настоящее время невозможны, односторонняя и узкая спеціализація стали неизбѣжными. „Безъ сомнѣнія“, говоритъ Теодоръ Моммзенъ въ своей рѣчи на академическомъ торжествѣ 2 іюля 1874 года, „наука останется навсегда индивидуальной, и все самое великое и самое лучшее будетъ создано не

академіей, а отдѣльными людьми, будутъ ли они академиками или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе организація работы или, вѣрнѣе сказать, предварительныхъ работъ имѣетъ неизмѣримое всевозрастающее значеніе; для выполненія этихъ самыхъ предварительныхъ работъ предназначены академіи наукъ". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый выражается въ слѣдующихъ словахъ: „Въ односторонности современнаго метода изслѣдованія кроется громадная выгода и въ то же время громадная опасность... Какъ малъ и узокъ кругозоръ такого ученаго, для котораго въ области духа не существуетъ ничего, кромѣ греческихъ и латинскихъ писателей, геологическихъ пластовъ или числовыхъ проблемъ. Академическое общеніе даетъ кое-какую защиту противъ этой опасности, такъ какъ оно напоминаетъ каждому въ отдѣльности, что его такъ называемая сфера мышленія вовсе не есть сфера, а только сегментъ". Историкъ Берлинской академіи Адольфъ Гарнакъ съ своей стороны прибавляетъ слѣдующее: „Прогрессирующее раздѣленіе труда вызываетъ необходимость въ крупныхъ формахъ организаціи научныхъ предпріятій, безъ которыхъ невозможно подобное раздѣленіе труда и которыя сглаживаютъ въ извѣстной степени его недостатки: при такой формѣ научныхъ предпріятій по необходимости учреждаются для руководства ими и контроля надъ ними коммиссіи, въ которыхъ работаютъ не одни только спеціалисты въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова и въ которыхъ спасительная нужда заставляетъ членовъ посвятить свое вниманіе такимъ научнымъ областямъ, которыя не соприкасаются съ ихъ собственной ученой спеціальностью... Такимъ образомъ эпоха раздѣленія труда въ наукѣ стала для академій эпохой такого тѣснаго общенія въ руководствѣ учеными предпріятіями и въ самой работѣ, какого раньше не бывало". Гарнакъ перечисляетъ 22 академическія коммиссіи, руководящія обширными предпріятіями, и даетъ солидный перечень работъ, которыя могли быть исполнены только благодаря организаціи ученыхъ трудовъ, которую можно сравнить съ крупной промышленностью, какъ, напримѣръ, Corpus inscriptionum graecarum (CIG, полное собраніе греческихъ надписей) и Corpus inscriptionum latinarum (CIL, полное собраніе латинскихъ надписей; о немъ см. ниже).

Когда обнаружилось, что для выполненія самыхъ обширныхъ работъ силы отдѣльныхъ академій оказываются недостаточными, то онѣ стали объединяться между собою для опредѣленныхъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, всѣ пять нѣмецкихъ академій, Берлинская, Геттингенская, Лейпцигская, Мюнхенская и Вѣнская, сообща предприняли изданіе Thesaurus linguae latinae (полнаго словаря латинскаго языка), къ печатанію котораго оказалось возможнымъ приступить уже послѣ шестилѣтнихъ предварительныхъ работъ, въ 1899 году. Мало того, съ 1900 года существуетъ еще пока слабое международное объединеніе всѣхъ академій, и намѣчаются гигантскіе проекты общихъ работъ.

Въ настоящее время академіи располагаютъ значительными **доходами**, которые состоятъ частью изъ правильныхъ, частью изъ экстраординарныхъ поступленій и процентами съ большихъ спеціальныхъ капиталовъ. Правда, въ послѣднемъ отношеніи Старый Свѣтъ не можетъ потягаться съ Новымъ. Доходы академій поступаютъ частью въ пользу членовъ ихъ, частью они идутъ на покрытіе расходовъ по изданію трудовъ академій, объемъ которыхъ все разрастается; кромѣ того академіи выдаютъ субсидіи и **преміи**. Кромѣ академій **другія общества** тоже выдаютъ преміи за работы на опредѣленныя темы, какъ, напримѣръ, Общество Яблоновскаго въ Лейпцигѣ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ печатаетъ на свой счетъ сочиненія, удостоенныя премій. Существуютъ также капиталы, доходы съ которыхъ предназначаются на выдачу премій за уже опубликованные труды, какъ, напримѣръ, Нобелевскія преміи, учрежденныя по завѣщанію инженера Альф. Бернг. Нобеля 27 ноября 1895 года; Шилле-

ровская премія, учрежденная въ 1859 году тогдашнимъ принцемъ регентомъ Вильгельмомъ Прусскимъ, выдается на основаніи измѣненныхъ 10 ноября 1901 года императоромъ Вильгельмомъ II правилъ разъ въ 6 лѣтъ за лучшія драматическія произведенія.

Существуетъ весьма значительное число другихъ ученыхъ и художественныхъ институтовъ, обществъ и союзовъ; наиболѣе полныя свѣдѣнія о нихъ даетъ ежегодникъ Карла Трюбнера „Минерва". Стоитъ только замѣтить, что существуетъ около 250 астрономическихъ обсерваторій и 110 географическихъ обществъ, чтобы буквально закружилась голова при одномъ представленіи о томъ, сколько есть на всемъ свѣтѣ подобныхъ обществъ, посвященныхъ другимъ научнымъ и образовательнымъ цѣлямъ.

Изъ рамокъ мѣстныхъ обществъ выходятъ національные и международные конгрессы врачей, историковъ, техниковъ, и т. д. Съѣзды германскихъ естествоиспытателей ведутъ свое начало отъ 1822 года, конгрессъ германскихъ юристовъ отъ 1860 г.; начиная съ 1893 года, состоялось уже семь съѣздовъ германскихъ историковъ; международные конгрессы оріенталистовъ собирались уже тринадцать разъ, начиная съ 1873 года. Все это доказываетъ, что общеніе между представителями науки, устныя совѣщанія, общее обсужденіе научныхъ вопросовъ и принятіе общихъ резолюцій пріобрѣли большое значеніе.

Попутно слѣдуетъ упомянуть объ образовательномъ значеніи и цѣнности коллекцій и музеевъ, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ учрежденій, въ которыхъ демонстрируются различные предметы трехъ измѣреній, имѣющіе научный интересъ, расположенные въ болѣе или менѣе систематическомъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изображенія на плоскости тоже пріобрѣли значеніе весьма важныхъ демонстративныхъ научныхъ вспомогательныхъ средствъ. Именно въ этомъ отношеніи изобрѣтательный XIX вѣкъ сдѣлалъ болѣе значительные успѣхи, чѣмъ всѣ столѣтія, протекшія со времени изобрѣтенія гравированія на мѣди и на деревѣ и книгопечатнаго искусства (въ XV столѣтіи), вмѣстѣ взятыя. Достаточно будетъ упомянуть о литографіи (изобрѣтенной Алоизіемъ Зенефельдеромъ въ 1796 году) и о фотографіи (изобрѣт. Л. Ж. М. Дагерромъ въ 1838—39 г.) или объ иллюстрированныхъ журналахъ, которые даютъ полную хронику настоящаго момента въ изображеніяхъ.

б) Періодическая печать.

Ни одно образовательное средство не можетъ сравниться съ печатной книгой по своей широтѣ, глубинѣ и силѣ.

Въ гигантскихъ библіотекахъ, помѣщенія которыхъ приходится непрерывно расширять, къ услугамъ потребителя предлагаются продукты генія и умственной ограниченности, творческой силы и безсилія, душевнаго благородства и испорченности, завѣщанные всѣми поколѣніями нашимъ современникамъ и нашему потомству.

Однако въ настоящее время журналы и газеты отнимаютъ въ большихъ библіотекахъ все больше мѣста отъ книгъ, и такимъ же образомъ въ дѣйствительной жизни періодическая печать (стр. 489) стала въ теченіи двухъ послѣднихъ поколѣній всесильнымъ конкуррентомъ книги. Какъ все человѣчество, освободившееся отъ многовѣковаго рабства и только что возвратившее себѣ свободу, подпало вновь подъ власть періодической печати и ея руководителей, такимъ же самымъ образомъ и писатели не успѣли еще заручиться авторскимъ правомъ (по Бернскому международному соглашенію 9 сентября 1886 года), добиться отмѣны цензуры (1848 г.) и гарантировать себѣ, повидимому, духовную независимость, какъ они уже опять надѣли на себя желѣзное ярмо прессы.

Наиболѣе достойную уваженія часть періодической печати составляютъ спеціальныя періодическія изданія, о многочисленности которыхъ легко составить себѣ понятіе, принявъ во вниманіе, что однихъ медицинскихъ журналовъ издается 1.183. Нельзя также отрицать значенія ежедневныхъ политическихъ газетъ, какъ средствъ для распространенія просвѣщенія въ широкихъ массахъ. Фельетоны большихъ газетъ и приложенія, выпускаемыя ими, часто бываютъ безукоризненны по формѣ и по содержанію: люди неопытные составляютъ себѣ на этомъ основаніи ложныя сужденія объ остальномъ содержаніи газеты, которая позволяетъ себѣ такую роскошь. Такъ какъ газетный читатель отвыкаетъ отъ самостоятельнаго сужденія по какому бы то ни было вопросу и отъ усвоенія болѣе или менѣе основательной умственной пищи, а его критическія способности глохнутъ отъ привычки пользоваться готовыми чужими мыслями, то чрезмѣрный ростъ періодической печати слѣдуетъ считать одной изъ язвъ нашего времени даже съ точки зрѣнія распространенія просвѣщенія: лучи истины, добра и красоты достигаютъ массы только обходнымъ путемъ, преломившись черезъ мозгъ людей, во многихъ отношеніяхъ чуждыхъ этой массѣ. „Справочная книга по германской періодической прессѣ“ (изд. въ 1902 году) содержитъ въ себѣ перечень 11.000 газетъ и журналовъ, выходящихъ на нѣмецкомъ языкѣ; черезъ германскія почтовыя учрежденія прошло въ 1899 году больше 1.100 милліоновъ номеровъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ число періодическихъ изданій равнялось въ 1800 году 150, а въ 1900 оно уже превышало 20.000.

13. Изящная литература отъ конца вѣка просвѣщенія до настоящаго времени.

A. Германская литература въ теченіи послѣднихъ 130 лѣтъ.

a) Періодъ „бури и натиска“.

Великій переворотъ въ литературѣ, который начался незадолго до 1770 года (срв. выше, стр. 579) и сохранялъ свой бурный характеръ еще въ теченіе 80-ыхъ годовъ XVIII столѣтія, составляетъ существенное содержаніе того періода времени, когда старшее отживавшее поколѣніе подводило итоги своей дѣятельности, а младшее выступило порывисто на общественное поприще съ своей будущей программой. Это есть поворотный пунктъ, въ теченіи котораго была создана большая часть классическихъ произведеній германской литературы. Черезъ годъ послѣ появленія перваго выпуска Геттингенскаго „Альманаха музъ“ (въ 1770 г.) Клопштокъ (стр. 577) выпустилъ первый сборникъ своихъ одъ; въ 1773 году этотъ писатель, предъ которымъ преклонялось молодое поколѣніе, окончилъ своего „Мессію“, надъ которымъ онъ трудился 25 лѣтъ. Въ 1766 году вышелъ въ свѣтъ „Лаокоонъ“ Лессинга, въ 1767 году „Минна фонъ Барнгельмъ“, въ 1766 г.—„Гамбургская драматургія“, въ 1772 г.—„Эмилія Галотти“, въ 1778 г.—„Антигезъ“, въ 1779 г.—„Натанъ“ (стр. 572), а въ 1780 г.—„Воспитаніе человѣческаго рода“—его же. „Агатонъ“ (стр. 578) Виланда появился въ свѣтъ въ одномъ году съ „Лаокоономъ“; „Абдериты“ того же писателя были написаны въ 1774 г., а „Оберонъ“—въ 1780 г. Мимоходомъ упомянемъ еще здѣсь объ „Исторіи искусства въ древнемъ мірѣ“ Винкельмана (изд. въ 1764 г.) и о „Критикѣ чистаго разума“ Канта (изд. въ 1781 г.). Все это были представители старшей группы писателей періода „бури и натиска“.

Въ это же время выступила на сцену младшая группа. Въ 1767 году вышли въ свѣтъ „Отрывки“ Гердера, 2 года спустя его „Критическіе лѣса“,

въ 1779 г. „Народныя пѣсни“ (стр. 580), а съ 1784 г. стали выходить его „Идеи“ (стр. 577). Въ 1773 году Гете выпустилъ въ свѣтъ своего „Геца фонъ Берлихингена“, который прославилъ имя автора по всей Германіи; въ 1774 году этотъ авторъ выступилъ съ знаменитѣйшимъ произведеніемъ европейской литературы въ сантименальномъ духѣ, романомъ „Страданія молодого Вертера“; въ томъ же году вышелъ „Клавиго“, а въ 1776 году „Стелла“. Послѣ этого авторъ „Вертера“ исчезъ съ общественной сцены и появился вновь въ 1788 году, причемъ въ характерѣ его творчества произошелъ за этотъ промежутокъ времени глубокій переворотъ. Между тѣмъ Шиллеръ переживалъ свою эпоху бури и натиска, и изъ его произведеній, написанныхъ въ эти годы, („Разбойники“ выш. въ свѣтъ 1781 г., „Фіеско“ въ 1783 г., „Коварство и любовь“—въ 1784 г., „Донъ-Карлосъ“—въ 1787 году) и до сихъ поръ еще вѣетъ на насъ горячимъ дуновеніемъ революціи. Въ 1783 году Жанъ Поль Фридрихъ Рихтеръ (1763 г.—1835 г.) пытался создать въ своихъ „Гренландскихъ процессахъ“ новый родъ произведеній изъ соединенія сентиментальнаго и юмористическаго романовъ европейской литературы.

Послѣ долгаго періода странствованій германскій **театръ** перешелъ къ осѣдлому образу жизни какъ разъ въ періодъ „бури и натиска“: въ 1776 году былъ основанъ Вѣнскій Бургтеатръ, въ 1779 году Маннгеймскій театръ, въ 1786 г. Берлинскій, въ 1791 г. Веймарская придворная сцена. За родоначальникомъ германскаго театральнаго искусства, который прославился еще въ эпоху странствующихъ дирижеровъ, Конрадомъ Экгофомъ (1720 г.—1775 г.), послѣдовали Людвигъ Шредеръ (1744 г.—1818 г.) и Августъ Вильгельмъ Иффландъ (1759 г.—1814 г.). По своему таланту они подходили лучше всего къ мѣщанской драмѣ и были ея главными представителями на сценѣ. По ихъ примѣру лучшіе изъ ихъ сотоварищей по профессіи стали стремиться къ вѣрной передачѣ дѣйствительной жизни, простотѣ и теплотѣ чувствъ. Такъ какъ школа Шредера и Иффланда не обладала искусствомъ декламированія стиховъ и вообще не была воспитана въ классическомъ стилѣ, то Гете, руководившій съ 1791 года Веймарской сценой, поставилъ себѣ задачей воспитать поколѣніе актеровъ, искусныхъ въ декламаціи стиховъ и освоившихся съ классическимъ стилемъ.

Съ этихъ поръ сценическое искусство распалось на двѣ школы: реалистическую и идеалистическую.

б) Гете и Шиллеръ.

Хотя представители періода бури и натиска увлекались главнымъ образомъ большими родами поэзіи, однако самобытность этой рефлективной, углубленной въ свои чувства, „субъективной“ эпохи выразилась сильнѣе всего въ лирическихъ, лирико-эпическихъ и лирико-дидактическихъ стихотвореніяхъ. Болѣе всего это примѣнимо къ Іоанну Вольфгангу **Гете** (род. 28 августа 1749 г., скончал. 22 марта 1832 г.), котораго въ учебникахъ исторіи литературы всегда называютъ величайшимъ лирикомъ во всей всемірной литературѣ; надо только оговориться, что подобные титулы раздаются всегда на сомнительныхъ основаніяхъ. Изъ нѣдръ лирики вышли въ свѣтъ слѣдующія крупныя произведенія Гете: „Вертеръ“, „Прометей“, „Магометъ“ и „Фаустъ“; всѣ они появились въ печати въ одномъ и томъ же 1774 году, во всѣхъ ихъ онъ возстаетъ съ юношескимъ задоромъ противъ метафизическихъ, нравственныхъ, общественныхъ и природныхъ стѣсненій личности. Въ то время, какъ всѣ силы окружающаго его міра истощались въ бурныхъ порывахъ, за которыми слѣдовали мягкія обратныя теченія, въ душѣ Гете совершалось чудесное просвѣтленіе. Однимъ изъ виновниковъ этого переворота въ характерѣ творчества Гете было чувство долга или, можно сказать, долгъ службы, а другимъ Шарлотта фонъ

Штейнъ. Если бы миссія Гете заключалась въ томъ, чтобы высыпать, какъ изъ рога изобилія, сотни произведеній въ одинаковомъ объективно неизмѣнномъ стилѣ на подобіе Лопе, Кальдерона (стр. 516) или новѣйшихъ романистовъ, то пришлось бы жалѣть о томъ, какъ много времени и силъ отняли у него внутреннія перемѣны, совершившіяся въ немъ въ первую Веймарскую эпоху (1775 г.—1786 г.). Въ дѣйствительности, напротивъ того, каждое изъ произведеній этого великаго поэта является результатомъ впечатлѣній, пережитыхъ въ опредѣленный моментъ его жизни; каждое изъ нихъ свидѣтельствуетъ о постепенномъ расширеніи его умственнаго кругозора и непрерывной смѣнѣ вкусовъ, — поэтому оно рѣзко отличается, какъ по содержанію, такъ и по формѣ, отъ всѣхъ предшествовавшихъ. Сильно измѣнившись въ Веймарѣ и какъ человѣкъ, и какъ поэтъ, Гете собралъ уже въ Италіи (1786 г.—1788 г.) созрѣвшіе между тѣмъ плоды перваго Веймарскаго періода: „Эгмонта“, „Ифигенію“ и „Тассо“; короткое время спустя впечатлѣнія этого періода его жизни тоже остались позади и смѣнились новыми. Въ это время его настигли тѣ грозныя событія, вслѣдствіе которыхъ даже самыя сильныя натуры оказались выброшенными изъ своей колеи; мы говоримъ о французской революціи. Она не только лишила успѣха всѣ сочиненія Гете, не исключая и самыхъ послѣднихъ, но заставила его заниматься собой, хотя онъ былъ бы весьма радъ отдѣлаться отъ нея и забыть о ней. Революція принудила его принять участіе въ походѣ въ Шампань (въ 1792 г.) и въ осадѣ Майнца, во время которой онъ состоялъ въ свитѣ Карла-Августа; она же вырвала изъ его души неудавшагося „Великаго Кофту“, юмористическаго „Гражданскаго генерала“, „Бесѣды эмигрантовъ“ и изящнаго, проникнутаго духомъ свободы „Рейнеке-Лиса“. Благодаря дружбѣ съ Шиллеромъ, начавшейся въ 1794 г., Гете опять вернулъ себѣ спокойствіе духа, хотя загадка революціи все еще приковывала къ себѣ его вниманіе. Въ то время, какъ старой Европѣ вмѣстѣ съ ея культурой грозила опасность быть засыпанной глыбами, сорванными революціей, надъ Германіей свѣтило созвѣздіе Веймарскихъ діоскуровъ. Образованное общество, которое все еще не могло примириться съ непрерывными перемѣнами, происходившими въ Гете, было очаровано яркимъ блескомъ звѣзды Шиллера и не могло оторваться отъ этого чудеснаго небеснаго явленія, хотя самые верхи тогдашней интеллигенціи все еще были склонны падать ницъ предъ произведеніями Жана Поля („Гесперіусъ“, выш. въ свѣтъ въ 1795 году, „Квинтусъ Фикслейнъ“, въ 1796 г., „Титанъ“, въ 1801 — 1803 г. и „Шаловливые годы“ въ 1804/5 г.). Однако, Жанъ Поль не сталъ предметомъ общаго поклоненія такъ же, какъ Гете и Шиллеръ; послѣдній изъ нихъ сталъ общепризнаннымъ геніемъ только много лѣтъ спустя послѣ его смерти. Героемъ дня нѣмецкихъ филистеровъ былъ въ эпоху діоскуровъ Иффландъ; большинство съ его низменной пошлостью преклонялось также предъ самимъ собой въ лицѣ Августа фонъ Коцебу (1761 г.—1819 г.), самаго удачливаго изъ многихъ сотенъ его современниковъ, фабриковавшихъ нѣмецкія театральныя пьесы.

Напротивъ того, прогрессивное юношество, которое проложило путь романтическому направленію, равно какъ и вся остальная Европа, кромѣ Германіи, видѣли на литературномъ небѣ только одно солнце — Гете. Въ теченіе достославнаго десятилѣтія 1795 г.—1805 г. Гете выпустилъ въ свѣтъ по большей части въ сборникахъ, издававшихся Шиллеромъ, „Horen“ и „Musenalmanach“, свои „Римскія элегіи (въ 1795 г.)“, затѣмъ составленныя сообща съ Шиллеромъ „Ксеніи“ (въ „Альманахѣ музъ“ за 1797 г.), баллады (въ „Альманахѣ музъ“ за 1798 г.), „Годы учительства Вильгельма Мейстера“ (1795/96 г.), драму „Германъ и Доротея“ (1795 г.). Послѣ этого его творческая дѣятельность иссякла на время, такъ какъ онъ запутался въ своихъ собственныхъ теоріяхъ. Великій Гете со свой-

ственной ему чуткостью отдалъ дань человѣческимъ чувствамъ, онъ тоже считалъ себя одно время обладателемъ безусловной истины и старался навязать, по мѣрѣ возможности, свои одностороннія идеи всѣмъ своимъ современникамъ. Онъ основалъ свой собственный журналъ для пропаганды эллинистическихъ стремленій въ искусствѣ, „Пропилеи" (1798 г. — 1800 г.), въ которомъ онъ примѣнялъ къ пластическимъ искусствамъ тѣ же догматы, какъ къ словеснымъ. Геній Гете спасалъ его отъ одностороннихъ увлеченій, и его творчество оказалось выше его теоретическихъ доктринъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ даже его „Ахиллеида", написанная въ видѣ дополнительной двадцать пятой пѣсни къ Иліадѣ, и „Незаконная дочь" (1802 г.): это послѣднее художественное произведеніе должно было составить первую часть трилогіи, въ которой Гете навсегда хотѣлъ покончить съ темой „Французская революція". Безотрадны были для Гете первые годы новаго столѣтія: неудивительно, что именно въ это время онъ запутался въ холодной академической догматикѣ искусства и попалъ на ложный путь также въ своей теоріи цвѣтовъ. Смерть Шиллера повергла въ полное уныніе великаго поэта, и его привязанность къ жизни нашла себѣ выраженіе только въ его „Товарищескихъ пѣсняхъ".

Іоаннъ Христофъ Фридрихъ фонъ Шиллеръ (род. 10 ноября 1759 г., сконч. 9 мая 1805 г.) тоже пережилъ медленно назрѣвавшій душевный переворотъ въ родѣ тѣхъ, какіе у Гете происходили неоднократно. Послѣ появленія въ свѣтъ „Донъ Карлоса" (въ 1787 г.) Шиллеръ сталъ заниматься исторіей („Исторія отпаденія соединенныхъ Нидерландовъ", 1788 г.) и съ блестящимъ успѣхомъ продолжалъ трудиться на этомъ послѣднемъ поприщѣ въ качествѣ профессора исторіи въ Іенѣ („Исторія тридцатилѣтней войны", 1791 г.—1793 г.). Однако преподавательская дѣятельность была ему не подъ силу, такъ какъ съ 1790 года здоровье его сильно разстроилось: онъ принялся съ рвеніемъ за изученіе философіи Канта, идеи котораго нашли себѣ отзвукъ въ сочиненіяхъ Шиллера по эстетикѣ („О пріятномъ и важномъ", 1793 г., „Объ эстетическомъ воспитаніи человѣка", 1795 г., „О наивной и сантиментальной поэзіи", 1796 г.); Шиллеръ не былъ слѣпымъ поклонникомъ Канта, его мысли текутъ по самобытному и оригинальному руслу, и онъ облекаетъ ихъ въ форму, которая мало уступаетъ по своему размаху настоящей Шиллеровской идейной лирикѣ. Стихотворенія, написаныя имъ въ періодъ времени между 1788 г. („Боги Греціи") и 1800 г. („Пѣсня о колоколѣ"), заронили лучъ національнаго идеализма даже въ самыя легкомысленныя души, которыя вынуждены были противъ своей собственной воли служить живымъ доказательствомъ могучей силы впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ поэзіей Шиллера вопреки самому существу ихъ характера. Все-таки при всей своей художественности перечисленныя выше произведенія Шиллера были только прологомъ и интермедіей къ наивысшему творчеству эпохи Веймарскихъ діоскуровъ, которое дало міру цѣлый рядъ такихъ драмъ, какъ „Валленштейнъ" (1799 г.), „Марія Стюартъ" (1800 г.), „Орлеанская дѣва" (1801 г.), „Мессинская невѣста" (1803 г.), и „Вильгельмъ Телль", (1804 г.). „Апоѳеозъ искусствъ" и „Отрывокъ изъ Дмитрія" были послѣдними звуками, въ которыхъ замеръ навсегда паѳосъ величайшаго изъ германскихъ драматурговъ.

И вотъ теперь, когда Шиллеръ уже лежалъ въ могилѣ, оставшійся въ живыхъ другъ его, состарившійся превосходительный Гете выпулъ тотъ козырь, которымъ онъ побилъ всѣхъ своихъ противниковъ. Въ 1808 году, въ томъ самомъ году, которымъ Наполеонъ осчастливилъ во время Эрфуртскаго свиданія (стр. 67) автора „Вертера" лестными словами, Гете выпустилъ въ свѣтъ въ законченномъ видѣ первую часть „Фауста". Не покладая рукъ трудился постоянно царь поэтовъ въ продолженіи тѣхъ 35 лѣтъ его дѣятельности, въ теченіе которыхъ его слава все возрастала: по-

слѣднія 25 лѣтъ его жизни тоже были преисполнены труда и заботъ. Черезъ годъ послѣ „Фауста" вышло въ свѣтъ его „Wahlverwandschaften" (1809 г.); еще черезъ 2 года стало выходить по частямъ другое его произведеніе „Изъ моей жизни, Поэзія и дѣйствительная жизнь"; это есть одновременно самый художественный романъ и одно изъ наилучшихъ историческихъ произведеній на нѣмецкомъ языкѣ. Эту свою автобіографію онъ довелъ до 1795 года и затѣмъ присоединилъ къ ней рядъ очерковъ изъ событій своей послѣдующей жизни („Путешествіе въ Италію", „Кампанія 1792 года во Франціи", „Дневники и ежегодники"). Какъ лирическій и дидактическій поэтъ, Гете тоже еще не сказалъ своего послѣдняго слова ко времени смерти Шиллера: въ своемъ „Западно-восточномъ диванѣ" (1819 г.) и въ своихъ сборникахъ изреченій престарѣлый поэтъ надоумился сказать такія вещи, которыя не пришли бы въ голову юношѣ или человѣку среднихъ лѣтъ. На восьмидесятомъ году своей жизни Гете издалъ „Годы странствованій Вильгельма Мейстера" (въ 1829 г.), а вторая часть „Фауста" вышла въ свѣтъ уже послѣ его смерти,—онъ трудился надъ ней до самыхъ послѣднихъ недѣль своей жизни. О гигантскомъ объемѣ умственной дѣятельности Гете даетъ осязательное представленіе начатое только въ 1885 году большое Веймарское изданіе его сочиненій въ слѣдующихъ отдѣлахъ: литературныя произведенія, сочиненія по естествовѣдѣнію, дневники и письма.

в) Періодъ романтизма и эпигоновъ; предвѣстники мартовской революціи.

Въ эпоху расцвѣта Веймарскихъ діоскуровъ въ сосѣднемъ Іенскомъ университетѣ, дѣла котораго входили въ сферу служебныхъ обязанностей Гете, образовалась группа писателей младшаго поколѣнія, которые развили свою программу въ журналѣ „Атенеумъ" (1798 г.—1800 г.). Эта группа писателей получила названіе старшей романтической школы, представителями которой являются братья Августъ Вильгельмъ и Фридрихъ фонъ Шлегели (первый род. въ 1767 г., сконч. въ 1845 г.; второй род. въ 1772 году, сконч. въ 1829 году), Людвигъ Тикъ (1773 г.—1853 г.) и Фридрихъ фонъ Гарденбергъ, извѣст. подъ псевдонимомъ Новалисъ (1772 г.—1801 г.). Къ ней примыкаетъ младшая романтическая школа или гейдельбергско-берлинскій кружокъ поэтовъ: Клеменсъ Марія Брентано, (1778 г.—1842 г.), Людвигъ Ахимъ фонъ Арнимъ (1781 г.—1831 г.), жена послѣдняго Елизавета, извѣстная подъ псевдонимомъ Беттина (1788 г.—1850 г.), сестра Брентано, баронъ Фридрихъ де-ла-Моттъ Фуке (1777 г.—1843 г.), Эрнстъ Теодоръ Вильгельмъ (Амедей) Гофманъ (1776 г.—1822 г.), Адальбертъ фонъ Шамиссо (1781 г.—1838 г.) и фонъ Эйхендорфъ (1786 г.—1855 г.). Въ близкомъ отношеніи къ романтическимъ школамъ стоятъ національно-германскіе поэты, пѣсни которыхъ раздавались въ эпоху войнъ за освобожденіе и въ послѣдующіе годы: Эрнстъ Морицъ Арндтъ (1769 г.—1860 г.), Теодоръ Кернеръ (1791 г.—1813 г.), Максъ фонъ Шенкендорфъ (1783 г.—1817 г.), Фридрихъ Августъ фонъ Штегеманъ (1763 г.—1840 г.) и т. д. Наконецъ значительное число поэтовъ дала Германіи пѣснелюбивая Швабія, какъ то: Людвига Уланда (1787—1862 г.), Юстина Кернера (1781 г.—1862 г.), Густава Шваба (1792 г.—1850 г.), Вильгельма Гауффа (1802 г.—1827 г.), Эдуарда Мерике (1804 г.—1875 г.), Карла Майера (1786 г.—1870 г.), Густава (и Павла Ахаціуса) Пфицера (первый род. въ 1807 г., сконч. въ 1890 г.; второй 1801 г.—1867 г.), Альберта Кнаппа (1798 г.—1864 г.), Фридриха Карла фонъ Герока (1815 г.—1890 г.), Фридриха Роттера (1801 г.—1889 г.), Ф. Т. Фишера (1807 г.—1887 г.) и Іоанна Георга Фишера (1816 г.—1897 г.).

На почвѣ эллинистическаго классицизма Веймарской эпохи и художественно-научныхъ вѣяній романтизма выросла та школа эпигоновъ, которая постепенно ослабѣвала въ теченіе трехъ поколѣній, составляющихъ XIX столѣтіе, но все-таки имѣетъ представителей еще и среди нынѣ живущихъ писателей. Романтическіе и классически-романтическіе эпигоны, равно какъ и ихъ предшественники, „поэты натиска“ и группа „союза дубравы“ (Stürmer und Hainbündler), проявили свой талантъ преимущественно въ мелкихъ стихотвореніяхъ. Какъ много художественности въ стихотвореніяхъ Іоанна Христофа Фридриха Гельдерлина (1770 г.—1843 г.), писавшаго размѣромъ Клопштока и вольными ритмами въ духѣ Гете; увлеченіе идеальнымъ эллинизмомъ (въ романѣ „Гиперіонъ“) и стремленіемъ къ благородному, возвышенному человѣческому существованію (трагедія „Эмпедоклъ“) уже въ 1806 г. привело этого несчастнаго поэта на порогъ сумашествія. Изъ романтическихъ поэтовъ старшей группы самымъ блестящимъ талантомъ отличался Новалисъ; А. В. Шлегель обогатилъ нѣмецкую поэзію новыми формами, заимствованными изъ романскихъ литературъ. Кому же изъ романтиковъ младшей группы съ ихъ послѣдователями слѣдуетъ отдать пальму первенства въ лирикѣ?—Брентано и его зятю Арниму, который переложилъ нѣмецкія народныя пѣсни въ такой удачной формѣ, что онъ угодилъ даже избалованному вкусу образованнаго читателя („Des Knaben Wunderhorn“, 1806 г.—1808 г.), или же Эйхендорфу, который передавалъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ тонъ народной пѣсни, или же Арндту, любимцу студентовъ и автору самыхъ популярныхъ пѣсенъ, или же царямъ баллады, Уланду и Шамиссо? Или же, наконецъ, нѣжному волшебнику Мерике?

Въ эпичсекомъ стихотворномъ и прозаическомъ повѣствовательномъ родѣ, однако не въ большомъ героическомъ эпосѣ, писатели романтической школы тоже оставили по себѣ выдающіяся произведенія; въ этомъ отношеніи наибольшей славы заслужили Брентано, Арнимъ, Шамиссо („Петръ Шлемиль“), Гауффъ („Лихтенштейнъ“), Мерике („Живописецъ Нольтенъ“, „Идиллія на Боденскомъ озерѣ“), а главнымъ образомъ Клейстъ („Землетрясеніе въ Чили“, „Михаилъ Кольгаасъ“) и Гофманъ съ его фантастическими разсказами. Автора „Фантазій въ духѣ Калло“, „Эликсировъ діавола“, „Братьевъ Серапіона“, „Житейскихъ взглядовъ кота Мурра“, величайшаго изъ нѣмецкихъ разсказчиковъ, нѣмцы не разъ готовы были забыть ради пошлыхъ салонныхъ поэтовъ, и только иностранцы каждый разъ спасали его отъ забвенія.

Что касается драматурговъ, то среди современниковъ наибольшей популярностью пользовались Захарія Вернеръ (1768 г.—1823 г.), авторъ „24 февраля“, и Ам. Готфр. Адольфъ Мюльнеръ (1774 г.—1829 г.), авторъ драмы „Долгъ“; потомство же признало наиболѣе даровитымъ изъ драматурговъ того времени Берн. Генриха Вильгельма фонъ Клейста, трагическая кончина котораго вполнѣ гармонировала съ его трагической жизнью. Онъ является также единственнымъ изъ поэтовъ романтической эпохи, который возвысился до геніальности. Послѣ „Фауста“ Гете и „Орлеанской дѣвы“ Шиллера его прелестная „Кетхенъ изъ Гейльбронна“ (въ 1810 г.)—есть самая прекрасная изъ всѣхъ романтическихъ театральныхъ пьесъ, а его драма „Принцъ Гомбургскій“ (напечат. въ 1821 г.) не имѣетъ себѣ равной.

Между тѣмъ національный прусскій поэтъ нашелъ себѣ соперника въ лицѣ другого претендента на третье мѣсто послѣ Гете и Шиллера, австрійскаго писателя Франца Грилльпарцера (1791 г.—1872 г.). Вѣнскій театръ взростилъ какъ его, такъ и его современниковъ Раймунда и Нестроя (срв. ниже); талантъ его развился въ Бургтеатрѣ, который возвысился при театральномъ секретарѣ Іосифѣ Шрейфогелѣ (заним. эту должность съ 1814 г. по 1832 г.) до степени первой изъ нѣмецкихъ сценъ

Искусство Грилльпарцера колеблется между Гете и великими испанскими поэтами, между античной и романтической поэзіей. Наиболѣе подходящей для Грилльпарцера почвой послужило отечество, Австрія въ томъ видѣ, какъ ее представлялъ себѣ домартовскій централизмъ. Въ своихъ произведеніяхъ „Счастье и кончина короля Оттокара“ (1825 г.), „Вѣрный слуга своего господина“ (1828 г.), „Семейные раздоры въ Габсбургѣ“, „Либусса“, онъ выступаетъ предъ нами не только какъ величайшій изъ поэтовъ Австріи, но также какъ одинъ изъ величайшихъ ея историковъ. По той же стезѣ испанскаго романтизма шествовали также и другіе австрійскіе писатели, какъ, напримѣръ, баронъ Іосифъ Христіанъ фонъ Цедлицъ (1790 г.—1862 г.) и баронъ Элигіусъ фонъ Мюнхъ-Белинггаузенъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Фридрихъ Гальмъ (1806 г.—1871 г.). Эдуардъ Бауэрнфельдъ (1802 г.—1890 г.) тоже пускался иногда въ дебри романтизма, но не имѣлъ успѣха, такъ какъ публика и критика уже успѣли снабдить его этикетомъ „тонкаго комика“. Когда трагикъ Грилльпарцеръ поставилъ на сценѣ въ 1839 году комедію „Горе тому, кто лжетъ“, то она была освистана, хотя эта пьеса не уступаетъ „Разбитому кувшину Клейста“ (1808 г.), и обѣ онѣ должны считаться наилучшими комедіями въ стихахъ во всей нѣмецкой литературѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ появились въ печати „Очеркъ исторіи германской литературы“ Карла Гедеке и „Исторія германской литературы“ Вильгельма Шерера, образованные нѣмцы знаютъ, что домартовская Австрія или, собственно говоря, столица этого государства, „Капуя духа“, создала кое-что оригинальное, именно самобытную народную пьесу и великаго народнаго драматурга Фердинанда Раймунда (1791 г.—1836 г.), автора „Альпійскаго короля“ и „Расточителя“. Черезъ короткое время народное расположеніе отнялъ у него человѣкъ, воплощавшій въ себѣ темныя стороны вѣнскаго общества, Іоаннъ Нестрой (1802 г.—1862 г.). Людвигъ Анценгруберъ (1839 г.—1889 г.) доказалъ однимъ поколѣніемъ позже, что стоитъ только явиться на свѣтъ подходящему таланту, и онъ извлечетъ новые поэтическіе и моральные эффекты изъ прозябавшей въ неизвѣстности народной драмы.

Клейстъ, Грилльпарцеръ и Уландъ отличаются мѣстнымъ колоритомъ и проникнуты племеннымъ духомъ, а трое великихъ эпигоновъ, послѣдовавшихъ за ними, оказались для позднѣйшихъ поколѣній носителями универсальнаго духа эпохи Гердера-Гете, выходящаго изъ узкихъ національныхъ рамокъ. Меньше всего сознавалъ подражательный характеръ своего творчества составитель одъ, сонетовъ и газелей графъ фонъ Платенъ-Галлермюнде (1796 г.—1835 г.); самъ онъ былъ склоненъ къ сатирѣ („Роковая вилка“, „Романтическій Эдипъ“), а въ публикѣ онъ вызывалъ смѣхъ своей маніей величія. Фридрихъ Рюкертъ (1788 г.—1866 г.), производилъ обманчивое впечатлѣніе благодаря своей плодовитости, и публика не замѣчала, что по существу у него нѣтъ самостоятельнаго творческаго дара и что его талантъ обнаруживается преимущественно въ переводахъ и передѣлкахъ. Какъ переводчикъ, онъ стоитъ наравнѣ съ Гердеромъ, Фоссомъ и А. В. Шлегелемъ, а въ своихъ передѣлкахъ онъ даже превосходитъ ихъ („Наль и Дамаянти“, „Рустемъ и Зорабъ“, „Макама Гарири“); онъ владѣлъ лучше всѣхъ другихъ нѣмецкихъ писателей языкомъ, стихомъ и риѳмой. Карлъ Лебере хтъ Иммерманъ (1796 г.—1840 г.) первый понялъ, что вся современная ему эпоха лишена самобытности и является только продолженіемъ стремленій предшествовавшей эпохи,—онъ выразилъ эту мысль въ романѣ „Эпигоны“ (1836 г.); онъ настаивалъ на томъ, что поэзія должна черпать свое содержаніе изъ окружающей дѣйствительности, особенно изъ жизни забытой прежними поэтами широкой народной массы (въ романѣ „Мюнхгаузенъ“ и идилліи „Обергофъ“, 1839 г.).

Въ то время, какъ Иммерманъ трудился надъ своими большими ро-

манами изъ современной жизни, въ германской литературѣ началось новое революціонное теченіе; оно стояло въ связи съ политическими движеніями, разыгравшимися въ двацатыхъ годахъ въ Южной Европѣ и съ іюльской революціей. О причинѣ этого не нѣмецкаго и вреднаго для національной жизни переворота Трейчке въ своей „Исторіи Германіи" говоритъ слѣдующее: „Дѣятельнаго союзника нашелъ себѣ новый радикализмъ въ лицѣ недавно развившагося сильнаго литературнаго еврейства..... Евреи были въ Германіи болѣе многочисленны, чѣмъ въ сосѣднихъ государствахъ, и такъ какъ нѣмецко-польская разновидность еврейскаго племени издавна усваивала западно-европейскую культуру труднѣе, чѣмъ испанская, которая въ то время преобладала еще во Франціи и въ Англіи, то оказалось, что въ Германіи, — и только въ Германіи, — зародилась своеобразная полуеврейская литература, которая облекала въ западно-европейскія формы свое восточное міровоззрѣніе". Общество приняло довѣрчиво за послѣднее слово германскаго просвѣщенія и за германское свободомысліе то, что было въ дѣйствительности еврейскимъ космополитизмомъ. Родоначальникомъ этой литературной разновидности былъ Левъ Барухъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Людвига **Берне** (1786 г.—1837 г.); нѣмцы посрамили самихъ себя, принявъ въ серьезъ извѣты этого подражателя Жана Поля съ его отвратительнымъ стилемъ. Что касается Гарри, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Генрихъ **Гейне** (1797 г.— 1856 г.), то относительно его нравственнаго облика никакихъ заблужденій, не существовало; зато современники подверглись чарующему обаянію его ума. Онъ былъ тонкимъ знатокомъ по части соблазна и съ проницательностью иностранца подхватывалъ слабыя стороны того народа, умственными соками котораго онъ питался. Замѣтное отсутствіе стыдливости и почтительности соединялись въ немъ съ почти наивной лживостью; онъ, не стѣсняясь, клеветалъ на другихъ и высмѣивалъ самого себя. Съ 1830 года Гейне жилъ въ Парижѣ, этой столицѣ всемогущаго царства биржи и газетъ (ср. т. VII), въ качествѣ фельетониста и пансіонера буржуазной монархіи; отсюда посылалъ онъ за германскую границу своего „Атта Тролль", свою „Германію, зимнюю сказку", „Новыя стихотворенія", „Романсеро". Вскорѣ послѣ этого во всѣхъ германскихъ столицахъ утвердились группы менѣе рѣзкихъ послѣдователей новоеврейскихъ діоскуровъ, а послѣ революціи они расплодились повсюду съ быстротой бактерій.

Уже въ началѣ 30-ыхъ годовъ тенденціозная революціонная литература стала заглушать германскую почву. Франкфуртскій союзный сеймъ былъ вынужденъ принять мѣры противъ группы писателей, которыхъ онъ окрестилъ 10 декабря 1835 г. кличкой „**Молодая Германія**". Въ обыкновенной жизни эти преданные союзнымъ сеймомъ анаѳемѣ писатели носили слѣдующія имена: Карлъ Фердинандъ Гуцковъ (1811 г.—1878 г.), Генрихъ Лаубе (1806 г.—1884 г.), Лудольфъ Винбаргъ (1802 г.—1872 г.), Теодоръ Мундтъ (1808 г.—1861 г.) и Густавъ Кюне (1806 г.—1888 г.). Послѣ того, какъ ихъ юношескій радикализмъ успокоился, оба первые пріобрѣли хорошее имя въ нѣмецкой литературѣ: Гуцковъ извѣстенъ, какъ авторъ недурныхъ на сценѣ театральныхъ пьесъ („Коса и мечъ", 1844 г., „Уріель Акоста", 1847 г., „Прототипъ Тартюфа", 1847 г. и „Королевскій Лейтенантъ", 1849 г.) и необычайно длинныхъ романовъ изъ современной жизни („Рыцари духа", 1850 г.—1859 г. и „Римскій волшебникъ" 1858 г. 1861 г); Лаубе тоже писалъ драмы („Ученики Карловской школы", 1846 г., „Готшедъ и Геллертъ", 1847 г., „Графъ Эссексъ", 1856 г. и „Злые языки", 1868 г.) и романы („Германская, т. е. тридцатилѣтняя война", 1863 г.—1866 г.) и славился особенно, какъ театральный режиссеръ (Вѣнскаго Бургтеатра съ 1849 г. до 1867 г., Лейпцигскаго городского театра съ 1869 г. по 1870 г., Вѣнскаго городского театра съ 1872 г. до 1879 г.).

Политическая лирика домартовскаго періода въ общемъ не была затронута духомъ Берне и Гейне. Самыя сильныя струны задѣвали Георгъ Гервегъ (1817 г.—1875 г.) и Фердинандъ Фрейлигратъ (1810 г.—1876 г.). Какъ скромно звучали, напротивъ того, требованія австрійца, графа Антона Ауершперга, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Анастасіусъ Грюнъ (1806 г.—1876 г.), автора „Прогулокъ вѣнскаго поэта" и „Тише!". Однако тенденціозная поэзія не удовлетворила ни обоихъ названныхъ, ни другихъ пѣвцовъ свободы, каковы Августъ Генрихъ Гоффманъ (фонъ Фаллерслебенъ, род. въ 1798 г.,—сконч. въ 1874 г., „Неполитическія пѣсни", 1830 г.), Францъ Дингельштедтъ (1814 г.—1881 г., „Пѣсни космополитическаго ночного сторожа", 1842 г.), Фридрихъ фонъ Заллетъ (1812 г.—1843 г.), Робертъ Пруцъ (1816 г.—1872 г.); несмотря на то, что духъ современной эпохи не выпускалъ ихъ изъ своихъ когтей, художественный пылъ увлекалъ ихъ въ другія области поэзіи. Какъ лирическій поэтъ, наибольшимъ талантомъ отличался между всѣми своими современниками Николай Нембшъ Эдлеръ фонъ Штреленау, извѣстный подъ псевдонимомъ Ленау (1802 г.—1850 г.); по происхожденію онъ былъ венгерцемъ, но родился и жилъ въ Германіи. Лучше всего ему удавались картины наболѣвшей души; самъ онъ страдалъ вѣчной тоской и кончилъ сумасшествіемъ. Одно изъ большихъ его произведеній, „Фаустъ" (1835 г.), полнѣе всего отражаетъ его собственную внутреннюю жизнь. Въ своемъ „Савонаролѣ" (1837 г.) и въ „Альбигойцахъ" (1842 г.) онъ изображаетъ самыя мрачныя эпохи изъ прошлаго той тяжелой борьбы, которую человѣчество не перестаетъ вести противъ порабощенія духа.

Повѣсти и романы, написанные незадолго до 1848 года, обнаруживаютъ еще яснѣе, чѣмъ политическая лирика, что художники и читатели отказались отъ классическихъ романтическихъ идеаловъ. Обществу пріѣлось однообразіе этихъ недостижимыхъ идеаловъ,—оно находило болѣе полное удовлетвореніе въ несовершенствѣ и разнообразіи дѣйствительной жизни, хотя оно и не переставало увлекаться всѣмъ чрезвычайнымъ и требовало художественной идеализаціи обыденной жизни. Усилившійся интересъ къ разсказамъ изъ дѣйствительной жизни вызвалъ въ литературѣ появленіе историческихъ и географическихъ (экзотическихъ) романовъ. Къ этому времени относится литературная дѣятельность Карла Антона Постля, писавшаго подъ псевдонимомъ Чарльзъ Сильсфильдъ (1793 г.—1864 г.), и Фридриха Герштекера (1816 г.—1872 г.). Публика восхищалась правдивыми картинами природы въ классическихъ „Этюдахъ" и „Пестрыхъ камняхъ" Адальберта Штифтера (1805 г.—1868 г.), хотя мирный и тихій колоритъ этихъ произведеній стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ бурными стремленіями и неудовлетворенностью современной эпохи. Еще сильнѣе выразилось стремленіе къ дѣйствительной жизни въ разсказахъ изъ народнаго крестьянскаго быта, которые вошли въ моду послѣ появленія въ свѣтъ въ 1843 г. „Шварцвальдскихъ деревенскихъ исторій" Бертольда Ауэрбаха (1812 г.—1882 г.). Ауэрбахъ писалъ для образованныхъ городскихъ читателей, а швейцарецъ Альбертъ Бицiусъ, писавшій подъ псевдонимомъ Іеремiасъ Готтельфъ (1797 г.—1854 г.), обращался къ самому деревенскому населенію, идя по стопамъ Песталоцци („Батракъ Ули", „Арендаторъ Ули").

Въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія реализмъ сталъ на твердую почву также и въ высшей драмѣ. Наряду съ пьесами, написанными въ ямбахъ старомоднымъ напыщеннымъ слогомъ съ ихъ шаблонными безчувственными дѣйствующими лицами, появилась „сильная драма" съ рѣзкими сценами, непринужденнымъ языкомъ и рѣзкой утрировкой. Ни Христіанъ Дитрихъ Граббе, талантъ котораго вскорѣ изсякъ (род. въ 1801 г.,—сконч. въ 1836 г. „Герцогъ Готландскій Теодоръ", „Донъ Жуанъ и Фаустъ," „Наполеонъ", отрывокъ изъ „Ганнибала"), ни Вольфгангъ Робертъ

Грипенкерль (1810 г.—1868 г., „Масимильянъ Робеспьеръ“, „Жирондисты“) не могли развить въ себѣ истиннаго художественнаго дарованія. Зато Фридрихъ Геббель (1813 г.—1863 г.), который былъ родомъ изъ Дитмаркена, но переселился въ Вѣну, возвысился въ новой своей родинѣ до руководящей роли въ высшей драмѣ. Онъ былъ творцомъ исполинскихъ характеровъ, выводилъ на сцену въ своихъ драмахъ необычайную душевную борьбу; его произведенія полны загадокъ, художественныхъ контрастовъ, болѣзненной раздражительности. Этотъ поэтъ относится недружелюбно къ мужчинамъ, которыхъ онъ выставляетъ хвастунами и упрямцами; главнымъ образомъ его привлекаютъ къ себѣ женщины, и онъ старается освѣтить и понять темные тайники ихъ души („Юдиѳь“, 1841 г., „Женевьева“, 1843 г., „Марія Магдалина“, 1844 г., „Иродъ и Маріама“, 1850 г., „Агнеса Бернауэръ“, 1855 г., „Гигесъ и его кольцо“, 1856 г., „Трилогія Нибелунги“, 1862 г.). Одновременно съ Геббелемъ Отто Людвигъ изъ Эйсфельда (1813 г.—1865 г.) тоже искалъ собственнаго пути, который ведетъ къ высокому совершенству; но онъ загубилъ свой творческій талантъ своей излишней самокритикой и одностороннимъ увлеченіемъ Шекспиромъ: весь результатъ его дѣятельности сводится къ двумъ вымученнымъ трагедіямъ „Наслѣдственный лѣсничій“ (1853 г.) и „Маккавеи“ (1855 г.), да еще двумъ превосходнымъ разсказамъ „Между небомъ и землей“ и „Heitherethei“ (оба вышли въ свѣтъ въ 1857 году).

г) Отъ 1850 до 1880 года.

Неудачный исходъ революціи 1848 года вызвалъ во всей Германіи уныніе, отчаяніе и разочарованіе въ будущемъ. Изящной литературѣ и художественной публицистикѣ, между которыми не существуетъ рѣзкихъ границъ, принадлежитъ та заслуга, что онѣ вернули германскому народу бодрость духа, укрѣпили въ немъ надежду на лучшее будущее, сняли съ него революціонную накипь и навели его на правильный путь. Въ лицѣ новаго баварскаго короля Максимиліана II (1848 г.—1864 г.) весь цехъ поэтовъ пріобрѣлъ себѣ патрона, столица котораго стала для попадавшихъ туда иностранцевъ болѣе гостепріимнымъ убѣжищемъ, чѣмъ Берлинъ, несмотря на то, что король Фридрихъ Вильгельмъ IV въ сороковыхъ годахъ хотѣлъ превратить свою столицу въ сборный пунктъ для германскихъ поэтовъ; природные мюнхенцы были недовольны своимъ королемъ и смотрѣли искоса на пріѣзжихъ писателей. Изъ классическихъ, романтическихъ и новореалистическихъ составныхъ частей „Мюнхенская школа“ создала такую поэзію, въ которой сгладился контрастъ между высокимъ и низкимъ искусствомъ; неслыханные успѣхи среди читателей и на сценѣ, большіе гонорары, которые они получали отъ издателей и театральныхъ дирекцій— все это поощряло мюнхенскихъ писателей держаться золотой средины. Литература опять вполнѣ приспособилась къ тому среднему слою населенія, который обладалъ приблизительно одинаковымъ общимъ образованіемъ, соединеннымъ съ довольно однородной въ среднемъ суммой религіознаго, политическаго и моральнаго свободомыслія. Если какой-нибудь изъ тогдашнихъ писателей поддавался реакціонному духу романтизма, какъ, напримѣръ, Оскаръ фонъ Редвицъ (1823 г.—1891г.) въ своемъ „Амарантѣ“ и вернувшаяся на путь благочестія графиня Ида фонъ Ганъ-Ганъ (1805—1880 гг.) въ своихъ романахъ, то литературная критика не давала злодѣямъ пощады; Фридриха Вильгельма Вебера (1813 г.—1894 г.), автора „Тринадцати липъ“, всѣ, за исключеніемъ клерикальныхъ круговъ, обходили мертвымъ молчаніемъ только потому, что онъ былъ католикомъ.

Во главѣ „Мюнхенскаго кружка поэтовъ“, этого избраннаго общества прославившихся художниковъ пера, стоялъ любекскій уроженецъ, лирическій поэтъ Эмануилъ Гейбель (1815 г.—1884 г.), который мастерски вла-

дѣлъ стихомъ; вообще одна изъ главныхъ заслугъ круглаго стола Максимиліана II заключалась въ томъ, что поэты Мюнхенской школы заботились о внѣшней формѣ, къ которой писатели молодой Германіи относились съ пренебреженіемъ. Ничего великаго, поражающаго, самобытнаго Гейбель не создалъ. Во всемъ томъ, что выходило изъ сферы его родины и непосредственно окружающей его дѣйствительности, онъ былъ эклектикомъ, эпигономъ эпигоновъ, какъ и все современное ему поколѣніе. Кромѣ него къ Мюнхенской школѣ принадлежатъ: Фридрихъ Боденштедтъ (1819 г.—1892 г; „Пѣсни мирзы, Шаффи"), покровитель искусствъ графъ Ад. Фридрихъ фонъ Шаккъ (1815 г.—1894 г.), Юліусъ Гроссэ (1828 г.—1902 г.), Вильгельмъ Герцъ (1835 г.—1801 г.), Генрихъ Лейтгольдъ (1827 г.—1879 г.), Герм. Лингтъ (род. въ 1820 г.; „Переселеніе народовъ"), Вильгельмъ Iензенъ (род. въ 1837 г.) и Пауль Гейзе (род. въ 1830 г.), знаменитый романистъ и драматургъ, пользовавшійся громаднымъ успѣхомъ на сценѣ, всеобщій любимецъ женщинъ. Къ Мюнхенской школѣ примыкали также историкъ кутьтуры Вильг. Генр. Риль (1823 г.—1897 г; „Культурноисторическія повѣсти") и позднѣйшіе баварскіе поэты Карлъ Штилеръ (1842 г.—1845 г.), Мартинъ Грейфъ (род. въ 1839 г.), Карлъ фонъ Гейгель (род. въ 1835 г.), Максъ Гаусхоферъ (род. въ 1840 г.).

Іосифъ Викторъ Шеффель, родомъ изъ Карлсруэ (1826 г.—1886 г.) превзошелъ мало-по-малу своей популярностью („Секкингенскій трубачъ" 1853 г.) всѣхъ другихъ повѣствователей въ стихахъ; сюда относятся „Стрѣлокъ Оттонъ" Готфрида Кинкеля, „Лѣсная дѣва" барона Іос. Хр. фонъ Цедлица, „Свадебная поѣздка" Вальдмейстера, „Мать и дитя" Геббеля, „Майская королева" Вольфганга Мюллера, „Повѣсти въ стихахъ" П. Гейзе, „Эйфоріонъ" Ферд. Григоровіуса. Его „Эккегардъ" (1855 г.) сталъ самымъ любимымъ историческимъ романомъ, а его „Gaudeamus" (1867 г.) сталъ любимой застольной пѣсней товарищескихъ кутежей. Предварительныя работы для историческаго романа изъ средневѣковой жизни дали Шеффелю матеріалъ для сборника стихотвореній въ средневѣковомъ духѣ „Frau Aventiure" (1863 г.) и повѣсти изъ жизни крестоносцевъ „Juniperus" (1868 г.). Послѣдователи Шеффеля, искусно владѣвшіе стихомъ Рудольфъ Баумбахъ (род. въ 1840 г.) и Юліусъ Вольфъ (род. въ 1834 г.), тоже пользовались успѣхомъ до самаго недавняго времени. Отъ Шеффеля ведетъ также свое начало ученый историческій романъ, который придерживается источниковъ во внѣшней обстановкѣ, хотя психологическая сторона разсказа отличается современнымъ автору колоритомъ; такими романами увлекали своихъ многочисленныхъ читателей лейпцигскій египтологъ Георгъ Эберсъ (1837 г.— 1898 г.; „Дочь египетскаго царя" и „Homo sum"), бреславскій историкъ права Феликсъ Данъ (род. въ 1834 г.; „Борьба за Римъ") и гейдельбергскій историкъ церкви Адольфъ Гаусратъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Джоржъ Тайлоръ (род. въ 1837 г.; „Антиной" и „Клитія").

Не такъ легко дался успѣхъ нѣкоторымъ стоявшимъ въ сторонѣ отъ движенія поэтамъ, которые требовали отъ своихъ читателей серьезной умственной работы; таковы Вильгельмъ Іорданъ (род. въ 1819 г.), авторъ мистеріи „Деміургъ" (1854 г.) и „Нибелунговъ" (1868 г. и 1874 г.), Робертъ Гаммерлингъ (1830—1889 г.), произведенія котораго „Агасферъ въ Римѣ" (въ 1866 г.) и „Царь Сіонскій" (въ 1869 г.) написаны весьма яркими красками; „Аспазія" (въ 1866 г.) Гаммерлинга проникнута болѣе глубокой философіей, а въ „Гомункулусѣ" (1888 г.) онъ безпощадно бичевалъ высшіе круги общества, которые не привыкли къ такому обращенію, какого никогда не позволяли себѣ молодые поэты.

По самому плодотворному пути въ отношеніи содержанія пошли реалисты, которые не выходили изъ области достовѣрнаго, удобопонятнаго, удовлетворяющаго ихъ чувству, и не уносились въ заоблачныя сферы чистой поэзіи. Хотя они писали, по большей части, литературнымъ нѣмец-

кимъ языкомъ, они все же питали пристрастіе къ мѣстнымъ оборотамъ рѣчи; нѣкоторые изъ нихъ стали писать прямо на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Наиболѣе самобытнаго развитія достигла реалистическая художественная литература, воспроизводившая на мѣстномъ нарѣчіи картины изъ мѣстной жизни пограничныхъ областей Германіи. Между австрійско-нѣмецкими писателями этой категоріи первое мѣсто занимаютъ Анценгруберъ и штиріецъ Петри Кеттенфейеръ Розеггеръ (род. въ 1843 г.), Тироль можетъ похвалиться длиннымъ, обнимающимъ цѣлое столѣтіе непрерывнымъ рядомъ своихъ собственныхъ бытописателей, въ числѣ которыхъ имѣются такіе поэты, какъ Германъ фонъ—Гильмъ (1812 г.—1864 г.) и Адольфъ Пихлеръ (фонъ -Раутенкаръ; 1819 г.—1900 г.). Романистка баронесса Марія фонъ Эбнеръ—Эшенбахъ (урожд. графиня Дубъ, род. въ 1830 г.) вращается исключительно въ знакомыхъ ей кругахъ аристократіи и простонародья. Баронесса Эшенбахъ, Беттина Брентано и Аннета фонъ Дросте -Гюльсгофъ—вотъ три истинныя германскія поэтессы, ради которыхъ пришлось смягчить болѣе или менѣе основательный гнѣвъ, вызванный такими „синими чулками", какъ Фанни Левальдъ (1811 г.—1889 г.), Клара Мундтъ, извѣстная подъ псевдонимомъ Луизы Мюльбахъ (1814 г.—1873 г.), Евгенія Джонъ, псевдон. Марлиттъ (1825 г.—1887 г.), баронесса Берта Сутнеръ (род. въ 1843 г.).

Швейцарія также не отстала отъ Австріи и тоже развила свою собственную литературу и свою собственную литературную исторію. Въ лицѣ Готфрида Келлера (1819 г.—1890 г.), автора „Зеленаго Генриха" (1854 г.), „Сельдвильскихъ обывателей" (1856 г.), „Цюрихскихъ разсказовъ" (1888 г.) и „Мартина Заландера" (1886 г.), верхнеаллеманское племя имѣетъ своего даровитѣйшаго поэта, который отличался способностью „втискивать идеальныя стремленія въ гранитную почву непреклонной дѣйствительной жизни" (Ф. Т. Фишеръ). Цюрихскій писатель Конрадъ Фердинандъ Мейеръ (1825 г.—1898 г.; авторъ повѣстей „Послѣдніе дни Гуттена" въ 1881 г., „Святой" 1880 г. и „Свадьба монаха" 1884 г.) стоитъ на той же твердой почвѣ, хотя его изысканный слогъ и тщательная отдѣлка подробностей въ его разсказахъ составляютъ рѣзкій контрастъ съ грубой безыскусственностью Келлера.

Еще рѣзче, чѣмъ въ Верхней Германіи, мѣстный провинціальный колоритъ выступаетъ въ литературѣ окраинъ Нижней Германіи. Ни одинъ изъ авторовъ, писавшихъ на мѣстныхъ германскихъ діалектахъ, не пользовался такой повсемѣстной любовью въ Германіи, какъ Фрицъ Рейтеръ (1810 г.—1874 г.) съ его трогательными и веселыми повѣстями, написанными на мекленбургскомъ и „мессингскомъ" нарѣчіи („Läuschen und Rimels", 1853 г., „Kein Hüsung", въ 1858 г. и „Olle Kamellen", 1860-1864 гг.). Первый шагъ былъ сдѣланъ не Рейтеромъ, а лирическимъ поэтомъ Клаусомъ Гротомъ (1819 г.—1899 г.), который взялъ на себя смѣлость выступить предъ всей читающей нѣмецкой публикой съ книгой, написанной цѣликомъ на дитмаркенскомъ нижне-германскомъ нарѣчіи („Quickborn", 1852 г.). Духъ сѣверно-альбингенской родины автора даетъ себя чувствовать въ повѣстяхъ Г. Теодора В. Штормса (1817 г.—1888 г.; „Озеро Имменъ", 1852 г., „Aquis submersus" 1877 г. и „Всадникъ на бѣломъ конѣ" 1888 г.), хотя онъ и не пользовался мѣстнымъ нарѣчіемъ для усиленія мѣстнаго колорита. Популярные среди читающей публики романы Фридриха Шпильгагена (род. въ 1829 г.; „Загадочныя натуры" 1860 г., „Одинъ въ полѣ не воинъ" 1866 г., „Между молотомъ и наковальней" 1868 г., „Наводненіе" 1876 г.) изображаютъ картины изъ жизни Восточно-Эльбской низменности и Прусской столицы; но темой служатъ имъ уже не семейныя идилліи и частная жизнь, а общественная борьба, которая велась за свободу, единеніе и справедливость, начиная съ 1848 года. Бранденбургъ нашелъ себѣ весьма симпатичнаго бытописателя въ лицѣ Теодора Фонтанэ (1819 г.—1898 г.; „Приключенія въ Бранденбургской Маркѣ", 1862 г. — 1882 г.,

„Передъ бурей" 1876 г. и „Шахъ фонъ Вутеновъ" 1883 г.); будучи уже въ старческомъ возрастѣ, онъ посрамилъ берлинскихъ поэтовъ новѣйшей германской школы своими бытовыми романами изъ жизни германской столицы, особенно романомъ „Эсси Бристъ" (1895 г.). Вообще Берлинъ во все продолженіе XIX столѣтія не только пользовался значеніемъ столицы обще-германской литературы, но былъ также центромъ чисто-прусскаго и разсадникомъ мѣстнаго провинціальнаго художественнаго творчества.

Что касается силезскаго уроженца Густава Фрейтага (1816 г.—1895 г.), то онъ заимствовалъ у своей первой силезской и второй тюрингенской родины нѣкоторыя самобытныя особенности; но тѣмъ не менѣе, какъ поэтъ, онъ всегда обнималъ своимъ взглядомъ весь германскій народъ, прошлое и настоящее котораго простиралось предъ нимъ въ видѣ одного непрерывнаго цѣлаго; то же самое слѣдуетъ сказать и о Трейчке (срв. ниже), самомъ выдающемся публицистѣ эпохи созданія новой Германской имперіи. Фрейтагъ не былъ поэтомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а стихотворцемъ онъ и вовсе не былъ; однако онъ обладалъ замѣчательной наблюдательностью, юморомъ, богатымъ запасомъ свѣдѣній и мужественной увѣренностью въ томъ, что онъ способенъ создать много полезнаго на томъ поприщѣ, на которомъ поэзія и публицистика соприкасаются между собой; самая естественная форма для такихъ произведеній —это есть непринужденная проза. Счастье улыбалось ему, какъ драматургу („Валентина" 1846 г., „Графъ Вольдемаръ" 1847 г., „Журналисты" 1853 г.—54 г. и „Фабіи" 1859 г.) и еще въ большей степени, какъ романисту. Благодаря его замѣчательному чутью, его произведенія появлялись какъ разъ во время. Такъ, напримѣръ, его романъ „Soll und Haben" (1855 г.) вышелъ изъ печати какъ разъ въ то печальное десятилѣтіе, которое начинается съ Ольмюца, когда благотворная проповѣдь о значеніи труда и народной энергіи производила поистинѣ оживляющее дѣйствіе. Въ своемъ „Затерявшемся манускриптѣ" (1864 г.) Фрейтагъ обрисовалъ съ мягкимъ юморомъ міръ нѣмецкихъ ученыхъ съ его качествами и недостатками. Послѣ событій 1870 года онъ подвелъ итогъ всѣмъ своимъ стремленіямъ въ шеститомномъ романѣ „Предки" (1872 г.—1881 г.), въ которомъ онъ изображаетъ судьбу одного германскаго рода въ продолженіе всѣхъ важнѣйшихъ перипетій германской исторіи, начиная отъ переселенія народовъ и кончая современной эпохой; онъ задавался цѣлью доказать единство и непрерывность національнаго развитія, несмотря на постоянную смѣну внѣшнихъ жизненныхъ условій.

Перечислить здѣсь всѣхъ болѣе или менѣе даровитыхъ авторовъ повѣстей и романовъ и драматурговъ, которые писали въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій для развлеченія публики или въ цѣляхъ пропаганды тѣхъ или другихъ идей,—это задача прямо невозможная. Назовемъ только нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся: Адольфа Вильбрандта (род. въ 1837 г.), панегириста Гогенцолерновъ Эрнста фонъ Вильденбруха (род. въ 1845 г.), Людвига Фульду (род. въ 1862 г.) и Рихарда Фосса (род. въ 1851 г.); произведенія всѣхъ ихъ служатъ переходной ступенью къ новой литературной школѣ, которая съ большимъ шумомъ стала отвоевывать себѣ право на существованіе въ 80-ыхъ и 90-ыхъ годахъ XIX столѣтія.

д) Новѣйшая германская школа.

Этотъ переворотъ былъ подготовленъ исподволь. Собственно говоря, на основаніи подмѣченнаго нѣкоторыми изслѣдователями закона чередованія поколѣній уже около 1860 г. должна была вспыхнуть литературная революція.

Хотя никакого внезапнаго переворота не произошло, все-таки самыя знаменательныя событія, которыя мало по малу привели къ радикальной

перемѣнѣ въ образѣ мыслей и настроеніи германскаго народа, относятся какъ разъ къ семидесятымъ годамъ XIX столѣтія. Прежде всего среди представителей искусства разгорѣлась самая ожесточенная борьба, какая только возникала когда бы то ни было на почвѣ споровъ объ искусствѣ: мы говоримъ о борьбѣ за и противъ Рихарда Вагнера (срв. ниже). Международная періодическая печать, эта новая міровая держава (стр. 603), впервые выступила единодушно по этому поводу въ качествѣ непреклоннаго противника отдѣльной личности, частнаго человѣка, и все же не была въ состояніи одолѣть его. Какъ разъ въ это же самое время было положено основаніе новой Германской имперіи: за это время произошли конфликтъ между Бисмаркомъ и прусской палатой, датская, австрійская и французская войны; вслѣдъ за послѣдней была обнародована прокламація императора и т. д.: при этомъ противъ Германіи боролись тѣ же самыя силы, которыя не хотѣли допускать свободнаго развитія Вагнеровскаго искусства. Къ счастью, эта партія оказалась разбитой, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, а вслѣдъ за тѣмъ она потерпѣла еще и третье пораженіе; наступилъ крахъ того гибельнаго направленія, которое дали экономической жизни періодическая печать и люди, стоявшіе за ея спиной,—произошелъ потопъ 1873 г. Умственная, государственная и соціальная жизнь Европы была спасена отъ позорнаго чужеземнаго деспотизма.

Всѣ эти событія эксплоатировала въ свою пользу старая литературная школа, которая оставалась вѣрной своимъ издавна утвердившимся принципамъ; она попрежнему держала въ своихъ рукахъ книжный рынокъ и дорожила въ особенности сбытомъ книгъ для подарковъ предъ праздникомъ Рождества, такъ какъ этотъ сбытъ былъ особенно выгоденъ какъ для издателей, такъ и для писателей. Такое положеніе дѣлъ окончательно отталкивало серьезныхъ и мыслящихъ людей отъ писательской дѣятельности, разсчитанной на вкусы праздношатающихся обоего пола, а молодежь, выросшая въ новой духовной атмосферѣ, не могла выносить такого положенія и подняла возстаніе противъ литературной рутины. Германскую молодежь толкалъ впередъ, между прочимъ, также и примѣръ нѣкоторыхъ другихъ странъ, какъ то: Франціи, Скандинавскихъ государствъ и Россіи, въ которыхъ новыя идеи и новыя чувства нашли себѣ выраженіе въ литературѣ. Кризисъ захватилъ также и пластическія искусства, въ особенности живопись; результатомъ этого кризиса явились обратившій на себя всеобщее вниманіе поворотъ въ стилѣ современнаго искусства, плодотворное расширеніе области сюжетовъ и далеко не мимолетное отреченіе отъ академическихъ традицій.

Прежде всего революція вспыхнула въ Берлинѣ; здѣсь она приняла видъ сокрушающей грозы, бумажныхъ „сумерекъ боговъ", которыя, казалось, грозили гибелью всей существующей литературѣ. Вскорѣ, однако, представители „новѣйшей германской школы", это четвертое литературное поколѣніе, считая отъ періода „бури и натиска", убѣдились, что великихъ покойниковъ не удастся столкнуть съ ихъ историческихъ пьедесталовъ; даже бывшіе въ живыхъ представители старой школы отдѣлались страхомъ, отказомъ отъ своей монополіи и умаленіемъ своего престижа.

Въ концѣ концовъ ко многимъ направленіямъ, смѣнившимъ другъ друга въ германской литературѣ то въ видѣ правильныхъ наслоеній, то въ пестромъ безпорядкѣ, присоединилось еще одно новое. Наибольшую выгоду извлекли отъ этой перемѣны не самоновѣйшіе писатели, а тѣ, которые ухитрились придумать удачный компромиссъ. Хотя поэты новѣйшей германской школы обнаружили наибольшія дарованія въ лирикѣ, тѣмъ не менѣе имъ приходилось браться и за болѣе популярные роды литературныхъ произведеній, хотя бы для того, чтобы съ успѣхомъ выдержать конкурренцію со старой школой; имъ пришлось заискивать расположенія

читателей романовъ и посѣтителей театровъ; тѣмъ же, которые не имѣли успѣха, никто не мѣшалъ считать себя непонятыми геніями.

Первое мѣсто между лирическими поэтами новой школы занимаетъ патріархъ „новомолодой Германіи“ Детлефъ фонъ Лиліенкронъ (род. въ 1844 г.), затѣмъ слѣдуютъ бр. Гартъ, Генрихъ и Юлій (род. въ 1855 г. и 1859 г.), Ферд. Авенаріусъ (род. въ 1856 г.), Рих. Демель (род. въ 1863 г.), Карлъ Буссе (род. въ 1872 г.), Густавъ Фальке (род. въ 1853 г.), Гуго фонъ Гофмансталь (род. въ 1874 г.) и Стефанъ Георгэ (род. въ 1875 г.). Изъ прозаическихъ писателей наибольшей популярностью пользуется Герм. Зудерманъ (род. въ 1857 г.) за свои романы „Госпожа Зорге“ (1887 г.), „Кошачья тропинка“ (1889 г.) и „Однажды было“ (1894 г.).

Непосредственно за ними стоятъ Максъ Крецеръ (род. въ 1854 году), Мих. Георгъ Конрадъ (род. въ 1846 г.), Карлъ Блейбтрей (род. въ 1859 г.), Артуръ Шницлеръ (род. въ 1862 г.), Эрнстъ Фрейг. фонъ Вольцогенъ (род. въ 1855 г.), Отто Юл. Бирбаумъ (род. въ 1865 г.), Изольда Курцъ (род. въ 1853 г.), Рикарда Чеконн, урожд. Гухъ (род. въ 1867 г.), Елена аль Рашидъ Бей, урожд. Белау (1859 г.) и др. Какъ драматургъ, Зудерманъ пользуется наибольшимъ успѣхомъ изъ всѣхъ писателей новѣйшей школы; однако, онъ часто придерживается испытанныхъ правилъ предшествовавшихъ школъ. Другимъ писателямъ, какъ, напр., Отто Эриху Гартлебену (род. въ 1864 г.), Максу Дрейеру (род. въ 1862 г.), Максу Гальбе (род. въ 1865 г.) и Георгу Гиршфельду (род. въ 1873 г.) наибольшій успѣхъ доставили вовсе не тѣ произведенія, въ которыхъ они оказались наиболѣе смѣлыми новаторами. Съ другой стороны эпигоны стараго литературнаго направленія (Вильденбрухъ, Вильбрандтъ, Фоссъ) приблизились преднамѣренно къ новѣйшей драмѣ; только въ юмористическихъ или юмористическо-сантиментальныхъ пьесахъ фирмъ Оскара Блюменталя (род. въ 1852 г.) и Густава Кадельбурга (род. въ 1851 г.), Франца фонъ Шентана (род. въ 1849 г.) и Франца Коппель-Эльфельда (род. въ 1840 г.) удержались еще по преимуществу устарѣлые пріемы.

Во главѣ „новѣйшей школы“ стоитъ съ 1890 г. силезскій уроженецъ Гергардъ Гауптманъ (род. въ 1862 г.), который однако часто измѣнялъ своему знамени ради вкусовъ публики. Первыя пьесы его „Предъ восходомъ солнца“ (1889 г.) и „Праздникъ мира“ (1890 г.) проникнуты крайнимъ натурализмомъ; затѣмъ онъ перешелъ подъ вліяніемъ Ибсена къ анализирующей психологической драмѣ („Одинокіе люди“, 1891 г., „Коллега Крамптонъ“, 1892 г.), въ которыхъ онъ изображаетъ, какъ настоящій современный человѣкъ, истерзанный жизненными невзгодами по винѣ своей слабой воли, пассивно идетъ навстрѣчу своей судьбѣ.

Еще большей силой и глубиной психологическаго анализа отличается позднѣйшая драма Гауптмана „Извозчикъ Геншель“ (1898 г.). Въ своей соціалистической драмѣ „Ткачи“ (1892 г.) и въ „Флоріанѣ Гейерѣ“ (1895 г.), драмѣ изъ времени великой крестьянской войны 1525 года, Гауптманъ выступилъ въ роли основателя новѣйшей натуралистической исторической драмы: дѣйствующія лица этихъ пьесъ говорятъ на языкѣ своего сословія и, по возможности, своей эпохи; отдѣльные герои созданы изъ того же тѣста, какъ и народныя массы, и весь интересъ драмы сосредоточивается на горѣ и счастьи этихъ послѣднихъ; событія проистекаютъ естественнымъ образомъ изъ воли и характеровъ дѣйствующихъ лицъ, а не изъ предвзятыхъ идей, какъ въ эпоху классическихъ германскихъ поэтовъ, которые старались быть въ одно и то же время и художниками, и философами, и историками. Творческій талантъ и богатство языка Гауптмана проявились самымъ блестящимъ образомъ въ его фантастическихъ пьесахъ: „Ганнеле“ (1893 г.), „Потонувшій колоколъ“ (1896 г.) и „Бѣдный Генрихъ“ (1902 г.).

Богатое воображеніе Гауптмана создало особенный разрядъ экстрава-

гантныхъ героевъ. Пожалуй, можно считать характернымъ продуктомъ современной эпохи этихъ людей, не имѣющихъ идеала, во имя котораго они бы жили и умирали, и не щеголяющихъ своимъ евангеліемъ и своими нравственными убѣжденіями, какъ герои Шиллера. Но почему эта современная беллетристика, которая должна бы быть зеркальнымъ отраженіемъ настоящей эпохи, остается предъ нами въ долгу и не рисуетъ предъ нами наряду съ этими отрицательными типами тѣхъ людей воли и дѣла, которые существовали въ дѣйствительности и создали Германскую имперію? Вотъ какой отвѣтъ можно дать на этотъ вопросъ: герои великой эпохи 1870 года принадлежатъ не къ той породѣ, не къ той средѣ, съ которой знакомятъ насъ современные писатели и художники. Между энергической, властолюбивой и почитающей дисциплину аристократіей и буржуазными рыцарями духа исторія поставила такую же рѣзкую грань, какъ между двумя совершенно чуждыми между собою расами. Подвиги первыхъ не могутъ совпадать съ поэтическими вымыслами вторыхъ. Это явленіе не ново; такъ обстояло дѣло всегда съ тѣхъ поръ, какъ литература стала достояніемъ буржуазіи; тѣмъ не менѣе это явленіе затмѣвается иногда вслѣдствіе внесенія въ литературу классическихъ и романтическихъ, слѣдовательно, аристократическихъ мотивовъ или же отзвуковъ подобныхъ мотивовъ.

Б. **Англійская литература въ теченіи послѣднихъ 130 лѣтъ.**

Взаимодѣйствіе между литературами различныхъ странъ и обоюдныя заимствованія играютъ, безъ сомнѣнія, выдающуюся роль въ исторіи новыхъ литературъ какъ германскихъ, такъ и романскихъ и славянскихъ. Кромѣ того, между литературами различныхъ странъ поддерживается самодѣятельный параллелизмъ, взаимное соотвѣтствіе въ ходѣ ихъ развитія, обусловливаемое общностью происхожденія европейскихъ народовъ и взаимнымъ сцѣпленіемъ ихъ исторіи. Несмотря на всѣ національныя особенности различныхъ европейскихъ народовъ, какъ Франція, такъ и Германія, Англія, Италія, Испанія и еще нѣкоторыя другія страны — всѣ пережили свой средневѣковой рыцарскій періодъ, свою эпоху возрожденія, свой барокъ и свой вѣкъ просвѣщенія, такъ что соотвѣтствія въ ходѣ культурнаго развитія различныхъ странъ составляютъ правило, а рѣзкая самобытность — исключеніе. Такъ, мы уже упоминали, что англійскій вѣкъ просвѣщенія въ видѣ исключенія закончился слишкомъ рано и что въ Англіи необыкновенно рано развилась буржуазная по своему существу литература нравоучительнаго и сантиментальнаго характера, благодаря которой великосвѣтскій, высокопарный классицизмъ вышелъ изъ моды въ Великобританіи такъ же, какъ и въ Германіи. Въ теченіи періода бури и натиска Германія нѣсколько опередила остальную Европу. Обновленная лирика геттингенской школы и представителей натиска предшествовала по времени пѣснямъ Роберта Бёрнса. Поскольку дѣло касается времени его возникновенія, англійскій романтизмъ вполнѣ отсталъ отъ нѣмецкаго.

Замѣчательно, что глава англійской романтической школы, Вальтеръ-Скоттъ (1771 г.—1832 г.), началъ свою писательскую карьеру переводами съ нѣмецкаго языка (1796 г.). Когда онъ перешелъ къ романтическимъ повѣстямъ въ стихахъ и къ историческому роману, то онъ обнаружилъ такой самобытный творческій талантъ, какимъ не могъ похвалиться ни одинъ изъ многочисленныхъ оригинальныхъ поэтовъ, его современниковъ. Началъ онъ съ эпиллій, написанныхъ между 1805 и 1814 годами, изъ которыхъ славится больше всего „Озерная дѣва" ("The lady of the lake, 1810 г.). Ко времени между 1814 и 1831 годами относятся его романы, первымъ изъ которыхъ вышелъ „Waverley". Ни одинъ народъ не былъ такъ идеализированъ, какъ шотландско-англійскій въ прозаическихъ произведеніяхъ Во-

личайшаго изъ англійскихъ повѣствователей; зато никакой другой народъ не выразилъ своей благодарности писателю такимъ блестящимъ образомъ, какъ самый практичный и самый богатый изъ европейской семьи народовъ. Растянутость романовъ Скотта не смущала тогдашняго читателя, который еще не страдалъ нервозной торопливостью. Онъ тѣшился точностью антикварскихъ описаній стариннаго быта, онъ восторгался рыцарски-благородными, непоколебимыми героями Скотта и не разочаровывался отъ того, что въ романахъ этого писателя много внѣшняго дѣйствія, но мало внутренней жизни.

Къ представителямъ консервативнаго романтизма принадлежитъ также такъ называемая озерная школа. Къ „лэкистамъ" причисляютъ по традиціи трехъ писателей: Уильяма Уордсуорта (1770 г.—1850 г.), Самуэля Тайлора Кольриджа (1772 г.—1834 г.) и Роберта Соути (1774 г.—1743 г.), двое изъ которыхъ (Соути и Уордсуортъ) носили придворный титулъ поэта laureatus. Наиболѣе талантливо написаны ихъ мелкія стихотворенія. По примѣру нѣмецкихъ романтическихъ поэтовъ, ихъ англійскіе сотоварищи тоже стремятся къ тѣмъ далекимъ горизонтамъ, на которые до тѣхъ поръ не обращалось вниманія, и стараются вывести на свѣтъ Божій оригинальныя красоты этого фантастическаго царства, которыя до той поры оставались сокрытыми отъ глазъ человѣчества.

Скоттъ и лэкисты являются представителями той Англіи, которая вѣритъ въ свои собственныя силы и поэтому относится съ почтеніемъ какъ къ своему прошлому, такъ и къ своему настоящему; но наряду съ консервативнымъ, крѣпко привязаннымъ къ христіанству, монархіи, конституціи, къ существующему дѣленію общества на классы, къ существующимъ формамъ брака романтизмомъ выростаетъ другое радикальное, революціонное, рѣзко критическое направленіе въ поэзіи, которое пользуется по своему красками, формами и содержаніемъ романтизма. Въ произведеніяхъ Бёрнса (стр. 563) уже слышатся глухіе раскаты, предвѣщающіе грозу. Изъ его груди вырываются крики ужаса сельскаго пролетаріата, который боролся противъ голодной смерти и изъ среды котораго вышелъ и самъ поэтъ. Эти болѣзненные звуки, которые стали раздаваться въ англійской и вообще европейской литературѣ, соединились съ традиціями, опредѣлявшими форму и содержаніе романтической и классической поэзіи предыдущихъ эпохъ, и образовали новѣйшую школу поэзіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Страданія и радости, надежды и желанія, настроенія и мечты современной души составляютъ внутреннее оправданіе современной поэзіи, которая въ противномъ случаѣ легко могла бы показаться только болѣе блѣднымъ и поэтому ненужнымъ отзвукомъ великихъ произведеній искусства прошлыхъ историческихъ эпохъ.

Въ то время, какъ Англія вела борьбу съ революціонной Франціей, продолжавшуюся болѣе двухъ десятилѣтій (1793 г.—1815 г.), во внутренней жизни этой страны чувствовалось все усиливающееся напряженіе, которое сдерживалось сильной реакціей; наконецъ, въ эпоху реставраціи (1815 г.—1830 г.), въ то время, когда Англіей управлялъ Георгъ IV, сначала въ качествѣ принца-регента, а потомъ какъ король, разразилась безпримѣрно сильная гроза, отъ которой господствующая каста укрылась за крѣпкой стѣной. Какъ остроумно-привлекательно и сладко-мечтательно ни воспѣвалъ ирландецъ Томасъ Муръ (1779 г.—1852 г.) чудеса Востока (рамкой для этихъ картинъ природы служилъ разсказъ „Лалла Рукъ", 1817 г.) или любовь ангеловъ Божіихъ къ прекраснымъ дочерямъ земли („Любовныя приключенія ангеловъ", 1823 г.), — тѣмъ не менѣе къ его „Ирландскимъ мелодіямъ" (1807 г.—1834 г.) примѣшиваются жалобы на злосчастье его порабощенной родины, а въ многочисленныхъ своихъ сатирахъ онъ металъ громы противъ реакціи.

Самые радикальные революціонеры вышли изъ высшихъ круговъ самой привилегированной знати. Въ нѣкоторой степени они посягнули на

такую же дерзость, какъ и Люциферъ, высшій изъ ангеловъ, и ихъ постигла та же судьба, по крайней мѣрѣ, на землѣ. Аристократическая Англія отвергла этихъ ренегатовъ и даже послѣ ихъ преждевременной смерти продолжала преслѣдовать ихъ до недавняго времени все съ той же бѣшеной яростью. Не взирая на это, Байронъ и Шелли должны считаться самыми великими англійскими писателями XIX вѣка съ точки зрѣнія всемірной литературы. Перси Биши Шелли (1792 г.—1822 г.), происходившій изъ старинной аристократической семьи, несмотря на свою преждевременную смерть, дошелъ съ своими радикальными идеями и фантазіями до такихъ предѣловъ, дальше которыхъ нельзя было идти. За исключеніемъ языка и манеры выраженія, внѣшняя форма поэтическихъ произведеній составляетъ для него что-то второстепенное. Его поэтическіе образы не живутъ собственной жизнью, какъ у Байрона, и остаются совершенно одинаковыми, какъ бы они ни назывались: „Царица Мабъ" (1810 г.), „Возмущеніе Ислама" (1818 г.) или „Освобожденный Прометей" (1820 г.). Поэтическое достоинство этихъ произведеній заключается въ потрясающей силѣ, въ глубинѣ убѣжденія, съ которыми Шелли отрицаетъ всѣ религіозныя и метафизическія идеи. Его мощное воображеніе рисуетъ передъ нимъ гибель религіи, священства, монарховъ и общества, основаннаго на бракѣ; въ концѣ концовъ онъ начинаетъ вѣрить, въ подражаніе соціалистическимъ утопистамъ вродѣ Фурье (см. томъ VII), что міровой строй тоже измѣнится соотвѣтственно съ его желаніями, напр., что исчезнетъ законъ эклиптики.

Какъ человѣкъ, какъ поэтъ и какъ мыслитель, Джорджъ Ноэль Гордонъ (съ 1798 г. лордъ) Байронъ (1788 г.—1824 г.) превосходилъ не только своего друга Шелли, но и всѣхъ англійскихъ поэтовъ, жившихъ послѣ Шекспира. Какъ для Шекспира, такъ и для Байрона поэзія была послѣднимъ убѣжищемъ, громоотводомъ для бурныхъ порывовъ ихъ характера и мысли. Потомокъ рода одного изъ нормандскихъ завоевателей, происходившій по матери изъ шотландскаго королевскаго дома, Байронъ былъ рожденъ для геройскихъ подвиговъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ его участіе въ борьбѣ за освобожденіе Греціи. Когда онъ сталъ изливать въ стихахъ свои аристократическіе сверхчеловѣческіе порывы, то при первыхъ же ударахъ крыльевъ его генія („Hours of idleness", „Часы досуга" 1807 г.) буржуазные литераторы по профессіи пустили въ ходъ всѣ средства для того, чтобы избавиться отъ опаснаго соперника. Въ своей сатирѣ „Англійскіе барды и шотландскіе журналисты" (1809 г.) Байронъ зло отплатилъ имъ за ихъ коварные умыслы. Вскорѣ послѣ этого онъ выпустилъ въ свѣтъ своего „Чайльдъ Гарольда" (1812 г.—18 г.), и въ то самое время, какъ на западномъ краю неба еще сіялъ нѣжный свѣтъ поэзіи Гёте, на востокѣ уже восходила новая яркая звѣзда. Еще раньше, чѣмъ былъ законченъ „Гарольдъ", поэтъ былъ преданъ анафемѣ членами его сословія за его несчастный бракъ и покинулъ навсегда свое отечество (1816 г.). Въ Италіи (1816 г.—23 г.) онъ написалъ большую часть своихъ повѣствовательныхъ произведеній въ стихахъ („Гяура", „Корсара", затѣмъ „Лару" (въ 1813—14 годахъ) „Осаду Коринѳа", „Паризину", „Шильонскаго узника", „Беппо", „Мазепу", „Абидосскую невѣсту", „Островъ") и свои драмы (въ томъ числѣ „Манфреда", „Каина", „Небо и землю", „Марино Фальери", „Сарданапала" и „Вернера"; двѣ послѣднія пьесы были посвящены Гете). Въ написанныхъ имъ шестнадцати пѣсняхъ неоконченной своей поэмы „Донъ Жуанъ" Байронъ нашелъ достаточно мѣста для того, чтобы свести свои счеты съ той общественной группой, которая изгнала его изъ отечества. Сатирикъ превратился въ безжалостнаго судью, который произнесъ свой приговоръ надъ аристократической Англіей, можно сказать, надъ всей современной эпохой. Поистинѣ соблазнительная сила таилась въ стихахъ высокомѣрнаго скептика и мизантропа. Черезъ короткое время вся неаристократиче-

ская Европа заговорила байроновскимъ языкомъ; мыслящее честное меньшинство европейскаго общества продѣлало въ общественной и частной жизни такой же опытъ, какъ и Байронъ, и искренно раздѣляло его мысли и настроеніе.

Большую публику Байронъ и Шелли приводили въ ужасъ и изумленіе. Она неспособна была переварить созданій байроновской фантазіи, эту толпу скептиковъ и разочарованныхъ, этихъ обремененныхъ тяжелыми прегрѣшеніями непреклонныхъ героевъ, смутьяновъ и преступниковъ. Люди средняго и ниже средняго уровня не могли выносить этой ледяной атмосферы большихъ высотъ, этого субъективизма, этого самообоготворенія; они не могли существовать безъ маленькаго кусочка твердой почвы подъ ногами; они хватались обѣими руками за крестъ, за подолъ платья короля, за шлейфъ семьи, и какъ только они теряли эту опору, они чувствовали, что падаютъ въ пропасть. Имъ тоже предлагалась литературная пища, имъ тоже говорили правду, но въ такомъ видѣ, въ какомъ они могли ее выносить. Литературнымъ мостомъ между царствомъ поэзіи и низменными повседневными интересами служилъ романъ и въ эту эпоху такъ же, какъ во время Дефо и Ричардсона (стр. 562). Послѣ смерти Скотта общеевропейскую извѣстность пріобрѣтаетъ Эдуардъ Бульверъ (съ 1838 г. баронъ Литтонъ, 1803 г.—1873 г.) своими романами „Послѣдніе дни Помпеи“ (1834 г.) и „Ріэнци, послѣдній изъ трибуновъ“ (1835 г.); впослѣдствіи онъ сдѣлалъ уступку современной модѣ и сталъ писать реалистическіе бытовые романы („Эрнестъ Мальтраверсъ“, 1837 г.; „Ночь и утро“, 1841 г.). Скоттъ и Бульверъ находили себѣ полное удовлетвореніе въ художественномъ изображеніи историческихъ событій, а Чарльзъ Кингсли (1819 г.—1875 г.) пытался превратить историческій романъ („Hypatia“, 1852 г., „Westward ho!“, 1855 г., „Hereward the Wake“, 1866 г.) въ средство для пространнаго изложенія всего того, что оставляется въ сторонѣ научными историческими трудами.

Едва ли какой-нибудь другой изъ англійскихъ писателей производилъ такое сильное дѣйствіе даже на жестокія, нечувствительныя души, какъ Чарльзъ Диккенсъ, который писалъ подъ псевдонимомъ Бозъ (1812 г.—1870 г.). Его „Записки Пиквикскаго клуба“ (1837 г.) были встрѣчены съ восторгомъ читателями обоихъ полушарій; талантъ его достигъ своего апогея въ „Давидѣ Копперфильдѣ“ (1849 г.—1850 г.), и, наконецъ, онъ перешелъ отъ картинъ частной жизни къ изображенію соціальнаго угнетенія массъ („Тяжелыя времена“, 1853 г.).

Едва ли возможно вообще открыть тайну успѣха на литературномъ поприщѣ; но съ приблизительностью можно сказать, что Диккенсъ обязанъ своей славой тому таланту, съ которымъ онъ умѣлъ по желанію то трогать, то развлекать своихъ читателей. Онъ пользовался сильными средствами; недаромъ ему приходилось имѣть дѣло съ тѣмъ самымъ народомъ, который выводился изъ равнодушнаго состоянія только героическими пріемами Шекспира. Ничто не можетъ сравниться съ страстной искренностью состраданія Диккенса, его заступничества за безпомощныхъ, угнетенныхъ, бѣдныхъ, слабыхъ духомъ; ничто не можетъ сравниться по силѣ съ его ненавистью къ порокамъ британскаго народа: высокомѣрію, жестокосердію, лицемѣрію. Онъ заклеймилъ позоромъ прегрѣшенія того общественнаго класса, къ которому писатели относились до тѣхъ поръ съ пощадой и которому они льстили, именно состоятельной буржуазіи, и не боялся спускаться на самое дно современнаго общества. Однако, пессимизмъ не служитъ выходомъ и послѣдней цѣлью для этого гуманнаго поэта, который и въ сору отыскиваетъ жемчужины. Слышно, что сердце у него начинаетъ биться сильнѣе, когда онъ изображаетъ семейную жизнь, невинныя общественныя удовольствія, чистую любовь, дѣтскую душу, преданность слугъ. Съ наибольшимъ художественнымъ рвеніемъ онъ работаетъ надъ отдѣлкой тѣхъ по-

ловинчатыхъ и смѣшанныхъ характеровъ, которые свойственны ему одному изъ всѣхъ художественныхъ писателей, его каррикатурныхъ идеалистовъ, чудаковъ, маніаковъ, которые прицѣпились навѣки къ одной единственной фразѣ.

Контрастъ съ юмористомъ Диккенсомъ составляетъ сатирикъ Уильямъ Мекписъ Теккерей (1811 г.—1863 г.), романы котораго „Ярмарка тщеславія" (1847 г.) и „Пенденнисъ" (1849 г.—50 г.) представляютъ собою ѣдкую сатиру противъ высшихъ и среднихъ классовъ; это — картины безъ свѣта и теплоты, коллекціи отталкивающихъ характеровъ и отвратительныхъ поступковъ, частью правдивыхъ, частью невѣрныхъ, какъ бываетъ всегда при одностороннемъ освѣщеніи. Только однажды во всей его жизни у этого писателя раскрылось сердце: это было въ тотъ разъ, когда онъ воплотилъ свою вѣру въ нравственное величіе въ героѣ Эсмондѣ своего романа съ исторической фабулой, озаглавленнаго по имени этого же героя (1852 г.).

До настоящаго времени романъ остается руководящимъ родомъ художественной литературы въ Великобританіи и во всѣхъ другихъ странахъ, въ которыхъ говорятъ на самомъ распространенномъ изъ всѣхъ европейскихъ языковъ. Къ сожалѣнію, при ежегодномъ урожаѣ въ 1000–1200 многотомныхъ сочиненій этого рода все лучшее гибнетъ въ потокѣ посредственнаго и мало стоющаго. Въ этомъ массовомъ производствѣ принимаютъ участіе представители обоихъ половъ. Какъ романамъ изъ жизни гувернантокъ Шарлотты Бронтэ (псевд Керреръ Белль, 1816 г.—1855 г.) и тенденціознымъ произведеніямъ ея американскихъ соперницъ Сузанны Варнеръ (псевд. Елизавета Ветерелль: 1819 г.—1885 г.) и Гарріеты Бичеръ-Стоу (1812 г.—1896 г.), такъ и романамъ Мери Анны Эвансъ (псевд. Джорджъ Элліотъ: 1819 г.—1880 г., „Адамъ Бидъ", 1859 г., „Ромола", 1863 г., „Мидльмарчъ", 1871 г. и „Даніэль Деронда", 1876 г.) грозитъ въ близкомъ будущемъ полное забвеніе; та же участь ожидаетъ романы Луизы де ла Рамэ (псевд. Уида; род. въ 1840 г.) и Маргариты Олифантъ (1828 г.—1897 г.). Напротивъ того, слава разсказовъ съ приключеніями Джемса Фенимора Купера (1789 г.—1851 г.) и морскихъ разсказовъ капитана Фред. Марріата (1792 г. — 1848 г.) все еще не заглохла. Что касается романиста Бенжамена Дизраэли (1804 г. — 1881 г.; срв. т. VII), то о немъ не забыли только потому, что онъ былъ одновременно съ тѣмъ знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ, извѣстнымъ съ 1876 г. подъ именемъ графа Биконсфильда; помимо этого онъ возбуждаетъ нѣкоторый интересъ, какъ англійскій писатель еврейскаго происхожденія. Изъ понынѣ живущихъ романистовъ первое мѣсто занимаетъ воспитавшійся въ Германіи Джорджъ Мередитъ (род. въ 1828 г.), произведенія котораго отличаются богатствомъ идей и глубиной психологическаго анализа. Въ то время, какъ этотъ писатель принадлежитъ къ реалистамъ новѣйшей школы, его современникъ, преждевременно скончавшійся Луисъ Стефенсонъ (1850 г.—1894 г.), стоялъ на точкѣ зрѣнія „возрожденія романтизма". Къ концу XIX столѣтія замѣтно усилилось враждебное отношеніе публики къ обычнымъ трехтомнымъ романамъ, что вполнѣ естественно въ нашъ вѣкъ электричества, отличающійся повышенной раздражительностью и торопливостью. Кромѣ того, примѣръ американскихъ писателей Бретъ Гарта (род. въ 1839 г.) и Самуэля Лангорна Клеменса (извѣстнаго подъ всевдонимомъ Марка Твена, род. въ 1835 г.) тоже послужилъ протестомъ противъ излишней растянутости англійскихъ беллетристическихъ произведеній.

Истиннымъ освободителемъ отъ позорнаго рабства явился родившійся въ 1865 году въ Бомбеѣ Рудіартъ Киплингъ, который сразу вывелъ изъ моды длинные трехтомные романы и однимъ ударомъ доставилъ торжество „короткой повѣсти" (short story): за короткое время онъ сталъ наиболѣе читаемымъ и наилучше оплачиваемымъ изъ современныхъ писателей.

Однако, онъ обязанъ успѣхомъ своихъ сочиненій („Jungle Book", 1894 г., „Day's work", 1898 г. и т. д.) не только краткости своихъ повѣстей и новизнѣ сюжетовъ, но и своему инстинктивному сочувствію къ имперіалистскимъ стремленіямъ своихъ согражданъ.

Популярныя пьесы англійскихъ театровъ по своему достоинству стоятъ еще ниже, чѣмъ заурядные романы, читаемые большинствомъ публики. Почти всѣ пьесы, отличающіяся литературными достоинствами, служатъ исключительно для чтенія и не даются на сценѣ. Ни одинъ драматическій писатель, не исключая и Шекспира, не можетъ выдержать конкурренціи съ декоративной пьесой, сенсаціонной комедіей или водевилемъ, такъ какъ вся публика, которая мыслитъ и говоритъ по-англійски, испорчена пристрастіемъ къ вульгарнымъ увеселеніямъ и спорту, а частью страдаетъ клерикальною или торгашескою узостью умственнаго кругозора. Для любителей конскихъ скачекъ, игры въ мячъ и т. п. театръ есть не храмъ искусства, а увеселительное заведеніе, въ которомъ изобрѣтательные спекулянты стараются угодить грубому вкусу располагающей деньгами толпы. Почти невозможно перечислить всѣхъ тѣхъ, которые пытались безуспѣшно пойти противъ теченія и первымъ изъ которыхъ былъ Джемсъ Шериданъ Кнользъ (1784 г.—1862 г.). Благодаря этому обстоятельству на Англіи почти не отразилось то сильное движеніе, которое взволновало европейскій материкъ въ восьмидесятыхъ годахъ XIX столѣтія.

Художественнымъ писателямъ съ болѣе возвышеннымъ образомъ мыслей пришлось ограничиться только лирической поэзіей и стихотворными пьесами повѣствовательнаго рода. Вскорѣ послѣ Байрона, Шелли и Китса заиграли на своихъ звучныхъ арфахъ Фелисія Дор. Гемансъ (1793 г.—1835 г.) и Елизавета Барретъ-Броунингъ (1806 г.—1861 г.). Америка тоже произвела на свѣтъ лирическихъ поэтовъ, какъ-то: Ричарда Генри Дана (1787 г.—1879 г.), Уильяма Куллена Брайанта (1794 г.—1878 г.), Эдгара Аллана По (1809 г.—1849 г.), Байарда Тайлора (1825 г.—1878 г.) и Уальта Уитмана (1819 г.—1892 г.); послѣдній изъ нихъ создалъ натуралистическую поэзію въ духѣ янки, отличающуюся неоспоримой самобытностью. Главными представителями періода царствованія королевы Викторіи считаются Альфредъ Теннисcонъ (1809 г.—1892 г.), Робертъ Броунингъ (1812 г.—1889 г.) и Альджернонъ Чарльзъ Свинборнъ (род. въ 1837 г.). Теннисcонъ оставался въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій любимымъ поэтомъ состоятельныхъ круговъ общества. Въ своихъ стихотвореніяхъ и эпилліяхъ („In memoriam" 1850 г., „Idyls of the King" 1858 г., „Enoch Arden" 1864 г. и „The Holy Grail" 1869 г.) онъ является послѣдователемъ поэтовъ эпохи возрожденія, которые пересказывали благозвучнымъ языкомъ романтическія саги, но онъ приспособляетъ содержаніе своихъ стихотвореній къ утонченнымъ чувствамъ своихъ избалованныхъ современниковъ. Теннисонъ изященъ по формѣ, сладокъ до предѣла возможности, жертвуетъ содержаніемъ ради щепетильнаго соблюденія приличія; онъ отличается эклектицизмомъ, подражательностью, страдаетъ отсутствіемъ опредѣленнаго направленія, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи его можно поставить рядомъ съ поэтами мюнхенской школы (стр. 613). По сравненію съ Теннисономъ американскій поэтъ Генри Уордсвортъ Лонгфелло (1807 г.—1882 г.) можетъ считаться почти могучимъ оригинальнымъ геніемъ, хотя и его произведенія „Эванджелина": (1847 г.), „Золотая легенда" (1851 г., пересказъ „Бѣднаго Генриха") и „Пѣсня Гайяваты" (1855 г.), носятъ на себѣ слѣды подражательнаго романтизма. Чего не хватаетъ Теннисону, то возмѣщаетъ съ излишкомъ Броунингъ: богатство идей затрудняетъ пониманіе его произведеній до такой степени, что еще при его жизни (1881 г.) составилось общество для разъясненія его стихотвореній. Достойнымъ преемникомъ своихъ смѣлыхъ учителей является и понынѣ Свинборнъ, который былъ радикаломъ въ политикѣ и религіи и причисляется

поэтому критиками къ „сатанинской школѣ“ Байрона и Шелли. Поэтому оффиціальный титулъ Poëta laureatus достался послѣ смерти Теннисона (1896 г.) не Свинборну, а Альфреду Аустину, прославившемуся своими новшествами въ языкѣ его произведеній (род. въ 1835 г.).

B. Литература второстепенныхъ германскихъ народовъ.

Кромѣ двухъ великихъ германскихъ народовъ съ ихъ распространенными по всему міру языками и литературными произведеніями, существуютъ еще три или четыре второстепенныя національныя литературы на языкахъ германскаго происхожденія: нидерландская (голландско-фламандская), шведская, датская и норвежская. Естественно, что эти меньшія второстепенныя литературы всегда были подчинены въ своемъ развитіи литературамъ великихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ почти загадочнымъ исключеніемъ представляется то обстоятельство, что въ самое послѣднее время скандинавскіе писатели оказали такое могущественное вліяніе на литературный міръ всей Европы.

а) Нидерландская литература.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ числѣ нидерландскихъ писателей нѣтъ крупныхъ талантовъ, которые имѣли бы всеобщее и долговременное значеніе. Въ то время, какъ фламандско-германская живопись насчитываетъ, по меньшей мѣрѣ, отъ 20 до 30 именъ, почитаемыхъ знатоками искусства и извѣстныхъ даже профанамъ (срв. стр. 493), въ нидерландской литературѣ не существуетъ ни одного писателя, который могъ бы сравниться по своему достоинству съ Остадэ, Тербургомъ, Воуверманомъ и Метсу. А между тѣмъ нидерландская литература имѣетъ отъ роду нѣсколько сотъ лѣтъ. Еще въ то время, когда между Нидерландами и Германской римской имперіей поддерживалась крѣпкая связь, существовала уже средненидерландская литература, которая достигла расцвѣта въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Въ XV вѣкѣ наступилъ для нея періодъ упадка, а въ эпоху „барокъ“ она вновь ожила. За „золотымъ“ вѣкомъ нидерландской литературы, величайшими представителями котораго были Яковъ Катсъ (1577 г.—1660 г.), Питеръ Корнелисзоонъ Гоофтъ (1581 г. 1647 г.), Іоостъ ванъ Вондель (1587 г.—1679 г.) и Константинъ Гюйгенсъ (1596 г.—1687 г.), послѣдовало сейчасъ же полное подчиненіе французскому классицизму. Нидерландцы освободились отъ французскаго ига при помощи родственныхъ съ ними народовъ, англичанъ и нѣмцевъ. Виллемъ Бильдердійкъ (1756 г.—1831 г.) и Генрикъ Каролюсзоонъ Толленсъ (1780 г.—1856 г.) считаются въ Голландіи родоначальниками народной нидерландской литературы. Романтизмъ какъ въ его первоначальной, такъ и въ байроновской формѣ тоже не миновалъ Нидерландовъ: Яковъ Ванъ Леннепъ (1802 г. 1868 г.) писалъ историческіе романы въ духѣ Вальтера Скотта, Николаасъ Беэтсъ (род. въ 1814 г.) шелъ по стопамъ Байрона. Реалистическое направленіе въ литературѣ оказалось наиболѣе соотвѣтствующимъ природному характеру нидерландцевъ. Къ нему принадлежитъ самый выдающійся нидерландскій писатель XIX столѣтія Эдуардъ Доувесъ Деккеръ, извѣстный подъ псевдон. Мультатули (1820 г.—1887 г.; срв. т. II), который почитался въ послѣднее время также и за предѣлами Голландіи; онъ развертываетъ предъ читателемъ съ несравненнымъ талантомъ картины изъ жизни голландско-азіатской колоніальной имперіи и является въ то же время мыслителемъ и критикомъ, отличающимся непреклонной преданностью истинѣ.

Послѣ отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи (въ 1830 году) развилось фламандское движеніе. До того времени фламандцы, составлявшіе боль-

шинство населенія Бельгіи, пользовались для своихъ литературныхъ произведеній исключительно французскимъ языкомъ; но съ этого времени они стали заботиться о возрожденіи своего собственнаго нарѣчія и превратили его въ литературный языкъ. Несмотря на враждебное отношеніе фламандцевъ къ своимъ голландскимъ сородичамъ, верхъ взяло то соображеніе, что изъ чувства самосохраненія фламандцы должны стремиться къ объединенію съ голландцами во всемъ, что касается языка; въ 1864 году это объединеніе было принято оффиціально. Наиболѣе извѣстный въ Европѣ писатель новофламандской литературы—это плодовитый романистъ Генрикъ Консіянсъ (1812 г.—1883 г.), который, кромѣ того, выпустилъ еще въ свѣтъ въ 1845 году свою „Исторію Бельгіи".

Въ самое послѣднее время въ объединенной голландско-фламандской литературѣ преобладаютъ натуралистическія и символистическія теченія, проникшія въ Голландію изъ сосѣднихъ странъ. Какъ и повсюду, это движеніе началось въ видѣ бурнаго критическаго направленія, вызвавшаго къ жизни вычурныя новшества; но впослѣдствіи рѣзкости сгладились, и старое стало мирно уживаться съ новымъ. Наиболѣе яркимъ представителемъ этого вначалѣ мистически-символическаго направленія, которое потомъ приняло моралистическую окраску, является уроженецъ города Гента Морисъ Метерлинкъ (род. въ 1862 г.), который пишетъ на французскомъ языкѣ.

б) Скандинавскія литературы.

Въ продолженіе періодовъ гуманизма и классицизма скандинавскіе народы отреклись отъ своего литературнаго прошлаго, отъ своихъ сагъ и пѣсней скальдовъ (стр. 532) и наравнѣ съ другими народами несли на себѣ общеевропейское чужеземное иго; но въ концѣ XVIII столѣтія народилось новое поколѣніе ученыхъ и поэтовъ, которые вернули скандинавской литературѣ ея національный характеръ, возстановили ея связь съ ея собственнымъ прошлымъ; это новое направленіе привилось очень быстро.

α) Датская литература.

Стремленіе къ независимости проявилось раньше всего въ области господства датскаго литературнаго языка, въ Даніи и Норвегіи. Будучи послѣдователемъ классической школы, пріобрѣвшій всемірную извѣстность датскій комикъ Людвигъ Гольбергъ (1684 г.—1754 г.) все-таки былъ настолько самостоятеленъ, что заимствовалъ характеры и сюжеты для своихъ пьесъ изъ жизни окружающей его среды; нравоучительныя тенденціи его произведеній тоже приспособлены къ условіямъ жизни его современниковъ. Однако французская школа пользовалась еще такимъ обаяніемъ, что Іоаннъ Эвальдъ, который вернулся на путь народной поэзіи подъ вліяніемъ Клопштока — онъ былъ авторомъ датскаго національнаго гимна „Kong Christian stod ved hojen Mast", 1780 г., — провелъ всю свою жизнь въ одиночествѣ и забвеніи.

Датская литература достигла независимости и прониклась народнымъ духомъ только благодаря представителямъ романтической школы, на которыхъ отразилось преимущественно вліяніе германской литературы: нѣкоторые датскіе поэты, какъ, напримѣръ, Іоаннъ Людвигъ Гейбергъ (1791 г.—1860 г.), и ученые, какъ, напримѣръ, Гансъ Хр. Эрстедъ, писали даже одновременно какъ на датскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкѣ; впрочемъ, никто не упрекалъ ихъ за это въ измѣнѣ. Подъ тѣмъ же вліяніемъ находился также Іенсъ Баггезенъ (1764 г.—1826 г.) и Адамъ Готлобъ Элленшлегеръ (1779 г.—1850 г.), который заимствовалъ сюжеты для своихъ драматическихъ и эпическихъ произведеній изъ почти нетронутой сокровищ-

ницы норманскихъ миѳологическихъ, героическихъ и исторически сагъ („Ярлъ Гаконъ“, „Байдуръ добрый“, „Пальнатоке“, „Аксель и Вальбургъ“ 1805 г.—1809 г., „Боги Сѣвера“, 1819 г., „Регнаръ Лодброгъ“, 1849 г. и т. д.). Вскорѣ вокругъ главы датскихъ романтическихъ писателей собралась внушительная свита. Романтическимъ традиціямъ не измѣнило и послѣдующее поколѣніе художественныхъ писателей, къ числу которыхъ принадлежитъ всемірно-извѣстный авторъ сказокъ Гансъ Христіанъ Андерсенъ (1805 г.—1875 г.) и драматургъ Генрикъ Герцъ (1798 г.—1870 г.).

Датская литература, вообще говоря, была избавлена отъ опасности испошлиться въ непрерывной погонѣ за красотой внѣшней формы и игрой фантазіи, благодаря тому, что датскій народъ сохранилъ свой самобытный характеръ, несмотря на разрушительное и нивелирующее вліяніе универсальной культуры XIX столѣтія. Послѣ того, какъ классическая и романтическая школы уже сказали свое послѣднее слово, датская поэзія возродилась, благодаря реализму, піонеромъ котораго считается Стээнъ Стэенсенъ Блихеръ (1782 г.—1848 г.). Реализмъ и байронизмъ сочетались гармоническимъ образомъ въ произведеніяхъ Палюданъ-Мюллера (1809 г.—1876 г.), автора „Adam homo“ (1841-49 г.), эпической сатиры, въ которой осмѣивается современный карьеризмъ, жертвующій всѣми истинными благами жизни ради внѣшняго успѣха и удовлетворенія пустого тщеславія. Конечно, въ датской литературѣ тоже нарождались явленія, соотвѣтствовавшія мюнхенскому кружку поэтовъ; сюда относятся произведенія Христ. Кнута Фред. Мольбеха (1821 г.—1888 г.) и Ганса Каалунда (1818 г.—1885 г.), которыя были искусственнымъ продуктомъ чрезмѣрной литературной утонченности, самоугодливости и самодовольства. Если бы даже этихъ уродливыхъ фигуръ вовсе не было на свѣтѣ, все равно молодое поколѣніе подняло бы возстаніе и увлекло бы за собой на путь революціи также и старшихъ. Въ возникновеніи новаго движенія не игралъ также никакой замѣтной роли историкъ литературы и критикъ Георгъ Брандесъ (род. въ 1842 г.), который весьма предусмотрительно примкнулъ къ побѣдоносному теченію и постарался, чтобы разсѣянные по всему свѣту соплеменники его протрубили о немъ заднимъ числомъ, какъ вожакѣ и мученикѣ борьбы за новыя идеи въ скандинавской литературѣ.

Послѣдній переворотъ въ датской литературѣ ведетъ свое начало не со вчерашняго дня и закончится не такъ скоро. Онъ служитъ продолженіемъ вѣковой борьбы и составляетъ часть той эволюціи, которая не такъ рѣзко бросается въ глаза у великихъ западно-европейскихъ народовъ, поглощенныхъ своими политическими и экономическими интересами, но становится болѣе замѣтной у болѣе отсталыхъ племенъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ главныхъ путей цивилизаціи, но тоже ищущихъ мѣста поближе къ яркому солнечному свѣту. Эта эволюція стремится къ выдѣленію всѣхъ тѣхъ чуждыхъ и вредныхъ примѣсей, которыя засорили кровь и мозгъ арійской семьи народовъ, создали въ ней почву для внутреннихъ противорѣчій и изуродовали европейскую исторію и европейскую культуру; эта задача давно стояла на очереди, но представители вѣка гуманизма и реформаціи не справились съ ней даже въ той мѣрѣ, въ какой это было возможно въ ихъ время. И понынѣ еще не закончена борьба арійскихъ народовъ за ихъ освобожденіе отъ всѣхъ рабскихъ стѣсненій, которыя наложили другъ на друга благодаря своей необузданной энергіи и безпредѣльному властолюбію какъ народы, такъ и сословія и отдѣльныя лица. Началъ эту борьбу вѣкъ просвѣщенія, но онъ довелъ ее до конца только въ ограниченной области религіи и церкви; революція продолжала ее исключительно въ области сословныхъ привилегій стараго режима, а соціалъ-демократія ведетъ ее въ сторону одностороннягo развитія классоваго сознанія. Борьба эта велась въ литературѣ такъ же, какъ и въ политической жизни: періодъ „бури и натиска“, революціонный романтизмъ и реализмъ

нападали пристрастно на привилегированные классы и наоборотъ идеализировали и расписывали въ блестящихъ краскахъ средніе и низшіе классы съ ихъ идиллической жизнью и первобытное естественное состояніе человѣка. Послѣдняя литературная революція неповинна въ такой односторонности. Писатели новой школы идутъ на штурмъ не какого нибудь отдѣльнаго форта, а всѣхъ условій существованія человѣчества со всѣми видами рабства, лжи и тупоумія. Они не дѣлаютъ исключенія ни въ чью пользу, воспроизводятъ съ натуралистической вѣрностью всѣ общественныя группы и выносятъ всѣмъ имъ пессимистическій приговоръ. Подобнаго всеобъемлющаго возмущенія еще не бывало; это есть самое радикальное изъ всѣхъ умственныхъ движеній, пережитыхъ человѣчествомъ. Этотъ кризисъ наступилъ совершенно неожиданно, въ то время какъ буржуазія предавалась радости по поводу своихъ матеріальныхъ и умственныхъ „завоеваній". Само собою разумѣется, что, будучи застигнута врасплохъ, она встрѣтила новѣйшую литературу, какъ шайку смутьяновъ, отравителей невинныхъ душъ и разрушителей. Поскольку дѣло касается Россіи, это революціонное движеніе въ литературѣ считали болѣе или менѣе естественнымъ и принимали его за реакцію противъ самодержавія, съ которымъ не могло мириться европейское общество, привыкшее къ конституціоннымъ режимамъ; но противники новой литературной школы не могли понять, откуда берутся подобные смутьяны въ средѣ свободныхъ и образованныхъ скандинавскихъ государствъ. Датчане выставили цѣлое полчище поборниковъ новѣйшаго направленія: Софуса Шандорфа (род. въ 1837 г.), Іенса Петера Якобсена (1847 г.—1885 г.), Карла Гьеллерупа ((род. въ 1857 г.), Петера Нансена (род. въ 1861 г.), Карла Эвальда (род. въ 1756 г.), Германа Банга (род. въ 1857 г.) и др., но выше всѣхъ ихъ стоитъ Гольгеръ Драхманъ (род. въ 1846 г.). Однако руководящая роль досталась не датчанамъ.

β) Норвежская литература.

Изъ Норвегіи, этой страны, перерѣзываемой полярнымъ кругомъ, распространилась по Европѣ поэзія, свѣтящаяся не отраженнымъ, а собственнымъ свѣтомъ, какъ бы новое чудное сѣверное сіяніе. Норвежская литература — самая молодая изъ всѣхъ европейскихъ литературъ, она не насчитываетъ еще и ста лѣтъ отъ роду; до четвертаго или пятаго десятилѣтія истекшаго столѣтія Данія и Норвегія были объединены между собою во всемъ, что касается литературы. Однако, послѣ прекращенія политической уніи между двумя этими государствами и соединенія Норвегіи со Швеціей въ норвежцахъ проснулось вскорѣ гордое стремленіе стать въ литературѣ на свои собственныя ноги: они надѣялись, что сумѣютъ двигаться впередъ безъ помощи датчанъ, хотя они продолжали по прежнему пользоваться датскимъ литературнымъ языкомъ. Отдѣленіе норвежской литературы отъ датской связано съ именами Генрика Арн. Вергеланда (1808 г.—1845 г.) и Іоанна Себ. Каммермейера Вельгавенса (1807 г.—1873 г.). Въ 1848 г. Иваръ Андр. Аазенъ (1813 г.—1896 г.) бросилъ своимъ соотечественникамъ яблоко раздора, настаивая, что слѣдуетъ писать на норвежскомъ, а не на датскомъ нарѣчіи. Онъ сталъ во главѣ литературной партіи „Maalstraever", слившей норвежскія нарѣчія въ новый литературный языкъ Landsmaal, которому предстояло еще отвоевать себѣ право на существованіе. Хотя болѣе извѣстные писатели остались вѣрными датскому литературному языку (Rigsmaal) и отнеслись враждебно къ новой партіи, тѣмъ не менѣе новое партикуляристическое направленіе вполнѣ соотвѣтствовало настроенію, господствовавшему въ Норвегіи, и въ 1845 г. стортингъ призналъ за мѣстнымъ нарѣчіемъ (Landsmaal) одинаковыя права съ датскимъ литературнымъ языкомъ (Rigsmaal), такъ что въ 1892 г. общинамъ была предоставлена полная свобода выбирать въ качествѣ языка

преподаванія для своихъ школъ какое угодно изъ этихъ 2 нарѣчій, а съ 1896 года въ гимназіяхъ преподаются какъ Landsmaal, такъ и Rigsmaal (а также древне-норманнскій языкъ).

Изъ двухъ великихъ норвежскихъ художественныхъ писателей, произведенія которыхъ стали достояніемъ всемірной литературы, болѣе чистымъ норвежцемъ слѣдуетъ считать Бьернстьерне Бьернсона (род. въ 1832 г.). Онъ часто принималъ дѣятельное участіе въ общественной жизни, какъ агитаторъ и глава партіи, и никогда его соотечественники не отталкивали его съ такимъ единодушіемъ, какъ Ибсена (срв. ниже); поэтому онъ никогда не бывалъ вынужденнымъ оставлять надолго свое отечество. Въ личномъ характерѣ и поэтическомъ творчествѣ Бьернсона отразились неподвижное величіе природы его родины и рѣзкая оригинальность тамошней породы людей. Свою писательскую карьеру онъ началъ съ разсказовъ изъ деревенскаго быта („Synnöve Solbakken", „Arne"), въ которыхъ онъ идеализировалъ до героическихъ размѣровъ норвежское крестьянское сословіе. Въ его первыхъ драмахъ, сюжеты которыхъ заимствованы изъ сагъ и изъ исторіи („Между двумя битвами", напечат. въ 1858 г., „Зигурдъ Злой", въ 1862 г., „Марія Стюартъ въ Шотландіи", въ 1864 г.), сцены, изображенныя съ мощнымъ реализмомъ, еще окружены романтическими аксессуарами. Только впослѣдствіи, въ расцвѣтѣ своихъ лѣтъ, Бьернсонъ сосредоточился исключительно на современныхъ сюжетахъ. Однако, точная передача окружающаго его міра не удовлетворяла страстнаго реформатора: въ каждомъ изъ своихъ произведеній онъ боролся съ всевозрастающимъ рвеніемъ одинокаго проповѣдника за ясно очерченныя политическія идеи („Новобрачные", 1865 г., „Банкротство", 1874 г., „Новая система", 1879 г.). Для него тоже наступилъ часъ, когда онъ прозрѣлъ и понялъ, что слишкомъ напряженное стремленіе не соотвѣтствуетъ человѣческимъ силамъ и ведетъ въ пучину гибели („Двойная драма", „Сверхъ силъ", въ 1883 г. и 1895 г.). Онъ тоже наткнулся на тѣ вопросительные знаки, которыми Ибсенъ заканчиваетъ обыкновенно произведенія, написанныя имъ въ зрѣломъ возрастѣ и посвященныя великимъ задачамъ. Бьернсонъ проникся убѣжденіемъ въ негодности всѣхъ общихъ формулъ и въ банкротствѣ всякой жизни, которая не сообразована съ сокровеннѣйшими свойствами души ея обладателя.

Генрикъ Ибсенъ (род. въ 1828 г.) выбралъ сюжетомъ для первой своей пьесы „Катилина" (напечат. въ 1850 г.) событіе изъ римской исторіи, на подобіе гимназистовъ: это произведеніе поразительно бѣдно фразами и никакъ не соотвѣтствуетъ вкусу „сплоченнаго большинства". Послѣ этого онъ погрузился въ романтизмъ, писалъ драмы на сюжеты изъ балладъ („Госпожа Ингеръ на Эстретѣ", „Праздникъ на Зольгангѣ") и заключилъ этотъ первый отдѣлъ своей творческой дѣятельности въ 1858 г. драмой на сюжетъ изъ саги „Сѣверный походъ" и драматической хроникой „Претенденты на престолъ"; послѣднее произведеніе составляетъ побѣдный гимнъ Гакона Гаконсона, героя съ энергической натурой, душа котораго преисполнена одной единственной царственной мыслью и который восторжествовалъ какъ надъ интригами коварнаго епископа Николая, такъ и надъ благороднымъ, но не вѣрящимъ въ свои собственныя силы мечтателемъ ярломъ Скуле и надъ угнетающими душу чарами женщины только благодаря своей вѣрѣ въ самого себя. Вслѣдъ за „Претендентами на престолъ" Ибсенъ выпустилъ въ свѣтъ фантастическія символическія пьесы „Брандъ" и „Пееръ-Гинтъ" (въ 1866 г. и въ 1867 г.); много хлопотъ и труда доставили эти двѣ пьесы тѣмъ, которые пытались ихъ истолковать: въ первой выводится на сцену упрямый идеализмъ, который отказывается отъ всякихъ компромиссовъ съ дѣйствительной жизнью, во второй — трагедія безпочвеннаго фантазера, который лишаетъ себя и другихъ дѣйствительныхъ благъ жизни. Въ обѣихъ этихъ пьесахъ цѣльность художе-

ственнаго замысла поддерживается исключительно главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, безъ котораго она распалась бы на рядъ разрозненныхъ отрывковъ; но въ историко-философской трагедіи того же автора „Императоръ и галилеянинъ“ (въ 1873 г.) отсутствуетъ даже и эта послѣдняя связь, несмотря на то, что Юліанъ Отступникъ является героемъ всей пьесы. Что бы ни говорили щепетильные критики, это есть великое, единственное въ своемъ родѣ литературное произведеніе, въ которомъ христіанство противопоставляется языческому міру, и предвозвѣщается наступленіе третьяго царства, которое станетъ выше ихъ обоихъ. Затѣмъ Ибсенъ обратился къ современной драмѣ и обнаружилъ такое техническое совершенство, какимъ до него, можно сказать, не обладалъ ни одинъ писатель, по крайней мѣрѣ, никакого изъ германскихъ народовъ. Тѣмъ не менѣе произведенія этого норвежскаго писателя не пользуются благосклонностью публики, хотя ихъ много читаютъ и о нихъ много говорятъ: они требуютъ отъ читателя слишкомъ усиленной умственной работы. Притомъ же въ этихъ пьесахъ современный человѣкъ (конечно, не лучшіе представители нашего поколѣнія, а средній человѣкъ) выводится предъ слушателями и читателями въ обнаженномъ видѣ, какъ предъ Страшнымъ Судомъ: каждый видитъ въ нихъ свои собственные недостатки, а это не очень-то пріятно. Послѣдняя треть XIX столѣтія отмѣчена во всемірной литературѣ рядомъ драмъ Ибсена, который начинается „Союзомъ юношей“; затѣмъ идутъ послѣдовательно „Столпы общества“, „Нора“, „Призраки“, „Врагъ народа“, „Дикая утка“, „Росмерсгольмъ“, „Женщина съ моря“, „Гедда Габлеръ“, „Архитекторъ Сольнесъ“, „Малый Эйольфъ“ и наконецъ „Габріель Боркманъ“ и „Когда мы мертвые пробуждаемся“.

Изумительно, сколько талантовъ сгруппировалось вокругъ этихъ двухъ гигантовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они родомъ изъ малолюдной западной части Скандинавскаго полуострова; назовемъ только самыхъ оригинальныхъ изъ нихъ: Іонаса Л. И. І. Ли (род. въ 1833 г.) и его сына Бернта, Александра Л. Килланда (род. въ 1849 г.), Гуннара Гейберга (род. въ 1857 г.), Кнута Гамсуна (род. въ 1860 г.), Ганса Іегера (Fra Kristiania-bohemen“) и Арнэ Гарборга (род. въ 1851 г.); послѣдній изъ нихъ долгое время относился съ самымъ рѣзкимъ презрѣніемъ ко всѣмъ идеаламъ, а въ настоящее время онъ превратился въ вѣрующаго поклонника мистическаго первобытнаго христіанства, отвергающаго даже Евангеліе. Какъ самъ патріархъ новѣйшей школы, Ибсенъ стоитъ въ преемственной связи съ романтизмомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ всевозрастающее стремленіе его къ таинственной сумеречной полосѣ душевной жизни и все усиливающаяся склонность его къ символизму, точно также и вся новѣйшая европейская литература пускаетъ свои корни въ ту же самую почву, которая слагается въ сущности изъ природныхъ свойствъ характера европейской семьи народовъ и прочно привившихся историческихъ традицій.

γ) Шведская литература.

Шведская литература оставалась подчиненной иностраннымъ литературамъ гораздо дольше, чѣмъ датская и норвежская. Провозвѣстникомъ новой зари явился Карлъ Михаилъ Белльманъ (1740 г.—1795 г.), народныя пѣсни котораго вышли въ свѣтъ какъ разъ въ то время, когда французская литература достигла своего апогея. Въ началѣ XIX столѣтія литературный союзъ „Аврора“ (1807 г.) раскрылъ свои двери предъ нѣмецкимъ романтизмомъ. Членовъ этого союза называютъ также фосфористами по имени издававшагося ими журнала „Phosphorus“; къ числу этихъ писателей относятся Даніэль Амадей Аттербомъ (1790 г.—1855 г.), Вильгельмъ Фредрикъ Пальмбладъ (1788 г.—1852 г.), Карлъ Фр. Дальгренъ (1791 г.—1844 г.) и др. Противъ фосфористовъ, которые примыкали къ общеевропейскимъ

литературнымъ теченіямъ, выступила болѣе строгая и узко національная „готическая школа“. Во главѣ этой послѣдней стоялъ историкъ Гейеръ (срв. ниже): изъ ея среды вышелъ также самый знаменитый изъ шведскихъ поэтовъ, авторъ „Саги о Фритіофѣ“ Исайя Тегнеръ (1782 г.—1846 г.).

Когда шведскій романтизмъ замеръ въ лирическихъ аккордахъ, преобладающее вліяніе въ шведской литературѣ, какъ и во всей Европѣ, получилъ реализмъ. Самыми выдающимися поэтами реалистическаго направленія были: Іоаннъ Людвигъ Рунебергъ (1804 г.—1877 г.), Зах. Топеліусъ (1818 г.—1898 г.), Викт. Ридбергъ (1828 г.—1895 г.), графъ Карлъ I. Снойльскій (1841 г.—1903 г.) и др. Шведскія романистки Фредрика Бремеръ (1801 г.—1865 г.), Эмилія Флигаре-Карленъ (1807 г.—1892 г.), Софія Шварцъ (1819 г.—1894 г.) и Анна Шарлотта Леффлеръ-Эдгренъ (1849 г.—1892 г.) пріобрѣли себѣ обширный кругъ читателей далеко за предѣлами своего отечества. Національная шведская литература могла гордиться тѣмъ, что даже двое королей изъ французской династіи Бернадотта Карлъ XV (1826 г.—1872 г.) и Оскаръ II (род. въ 1829 г.) ознаменовали свое превращеніе въ настоящихъ шведовъ своими стихотворными произведеніями на шведскомъ языкѣ. Около средины XIX столѣтія въ поэзіи господствовала мода на подражаніе старымъ образцамъ и на піетизмъ, но вскорѣ наступила реакція въ натуралистическомъ и радикальномъ духѣ: затѣмъ послѣдовалъ поворотъ въ сторону мистики и символизма, а, наконецъ, возобладало религіозное настроеніе. Среди новѣйшихъ шведскихъ беллетристовъ первое мѣсто занимаетъ, какъ романистъ и драматургъ, непостоянный Іоаннъ Августъ Стриндбергъ (род. въ 1849 г.), который остается вѣрнымъ самому себѣ только въ своей ненависти къ женщинамъ; къ нему примыкаютъ Густавъ афъ Гейерстамъ (род. въ 1858 г.), Ола Ганссонъ (род. въ 1860 г.), Торъ Гедбергъ (род. въ 1862 г.), Оскаръ Левертинъ (род. въ 1862 г.), Вернеръ фонъ Гейденстамъ (род. въ 1859 г.), Перъ Гальстремъ (род. въ 1866 г.), Эрнстъ Лундквистъ (род. въ 1861 г.), Сельма Лагерлефъ (род. въ 1858 г.) и др.

До XIX столѣтія и въ теченіи значительной части этого столѣтія литературнымъ языкомъ финляндцевъ былъ исключительно шведскій языкъ. Рунебергъ, Топеліусъ, Бремеръ и др. шведскіе писатели были родомъ изъ Финляндіи: и теперь еще есть финны, которые пишутъ на шведскомъ языкѣ. Двумъ знаменитымъ своимъ соотечественникамъ, этнографу Маттіасу Александру Кастрену (1813 г.—1852 г.) и врачу Эліасу Леннроту (1802 г.—1884 г.), финляндцы обязаны тѣмъ, что на ихъ родинѣ тоже проснулось стремленіе къ превращенію своего родного языка въ литературный и къ развитію собственной литературы. Образовались двѣ партіи, финноманы и свекоманы, между которыми возгорѣлась страстная борьба. Только въ самое послѣднее время обѣ эти партіи опять сблизились между собой для совмѣстной защиты отъ угрожающей насильственной руссификаціи Финляндіи.

Уже въ 1835 и 1839 гг. Леннротъ составилъ изъ передававшихся изъ рода въ родъ древнихъ финскихъ народныхъ пѣсенъ героическую поэму „Калевала“, а по его примѣру Фр. Крейцвальдъ соединилъ родственныя съ финскими преданія эстовъ въ одну поэму „Kalewi-Poeg“ (въ 1857 г.).

Г. Французская литература отъ вѣка просвѣщенія до настоящаго времени.

Классицизмъ, которымъ французская культура прониклась въ теченіи многихъ столѣтій, не былъ низверженъ со своего престола ни революціей, ни первой имперіей. Если бы міромъ управляли только идеи и идеалы, то можно было бы сказать, что революція и имперія были плодомъ классическаго и раціоналистическаго духа предшествовавшихъ эпохъ и соста-

вляли только проявленіе его въ болѣе усиленной формѣ. Однако никакой рѣчи о подобномъ усиленіи не могло быть, поскольку дѣло касается литературы, такъ какъ она держалась крѣпко классическаго шаблона. Какъ разъ наоборотъ: упадокъ давалъ себя чувствовать самымъ осязательнымъ образомъ. Покровительство Наполеона I, преклонявшагося предъ Корнелемъ, тоже не могло спасти отъ гибели французской поэзіи, которая въ эту пору уже стояла такъ же далеко отъ поэзіи эпохи Людовика XIV, какъ византійское искусство отъ аттическаго. Весьма характерно, что преобладающимъ родомъ поэтическихъ произведеній стало описательное дидактическое стихотвореніе. Главою „описательной школы" былъ Жакъ Делиль (1738 г.—1813 г.), который владѣлъ искусно внѣшней формой поэтическихъ произведеній. Что классицизмъ страдалъ старческимъ маразмомъ, это обнаруживалось сильнѣе всего на крупныхъ родахъ поэтическихъ произведеній: на эпопеѣ, романѣ и драмѣ. Героическая поэма „Филиппъ Августъ" (въ 1825 г.), написанная Фр. Авг. Парсеваль-Гранмезономъ (1759 г.—1834 г.), избѣгала самымъ ревнивымъ образомъ романтическаго колорита; такимъ же образомъ Франсуа Рейнуаръ (1761 г.—1836 г.), открывшій для науки поэзію трубадуровъ, оберегалъ свои трагедіи отъ малѣйшаго неклассическаго пятнышка. Романы плодовитой мадамъ де Жанли (1746 г.—1830 г.) по своему содержанію такъ далеки отъ современной жизни, что они никогда не возбуждали къ себѣ ни малѣйшаго интереса. Даже въ комедіи, которая считается спеціально французскимъ родомъ литературы, эта эпоха не произвела ничего такого, что могло бы выдержать сравненіе съ предшествовавшими или послѣдующими историческими періодами. Луи. Б. Пикаръ (1769 г.—1828 г.) и Франсуа Андріе (1759 г.—1833 г.) стоятъ гораздо ниже, чѣмъ Мариво и Бомарше (стр. 569), Скрибъ и Легуве. Оффиціально признанныя литературныя знаменитости времени имперіи Л. Д. Фонтанъ (1757 г.—1821 г.) Ант. Венсенъ Арно (1766 г.—1834 г.), Викторъ Этьенъ, писавшій подъ псевдонимомъ де Жуи (1764 г.—1846 г.), Непомьюсенъ Лемерсье (1771 г.—1840 г.) и т. д. были, само собой разумѣется, убѣжденными поклонниками укоренившейся традиціи.

Несмотря на покровительство монарховъ, — Бурбоны эпохи реставраціи изъ историческихъ соображеній оставались вѣрными поклонниками классицизма, — несмотря на господствующую роль въ литературѣ, которою представители классической школы пользовались самымъ возмутительнымъ образомъ для устраненія своихъ противниковъ, несмотря на законъ инерціи, одряхлѣвшій классицизмъ погибъ въ первую треть XIX столѣтія внезапной насильственной смертью. Виновникомъ этой перемѣны въ направленіи французской литературы было отчасти вліяніе иностранныхъ литературъ, нѣмецкой и англійской, которое стало проникать изъ заграницы со времени Оссіана и Вертера (стр. 563 и 605) и смягчило культурное высокомѣріе, по крайней мѣрѣ, наиболѣе образованныхъ круговъ французскаго общества; съ другой стороны, подъ вліяніемъ происшедшихъ потрясающихъ событій выросло новое поколѣніе со смутными тихими чувствами, которыя рвались наружу. Первую переходную ступень между классицизмомъ и новымъ направленіемъ составляютъ произведенія мадамъ де Сталь (1766 г.—1817 г.), какъ ея книга „О Германіи", такъ и ея романы „Дельфинъ" (въ 1802 г.) и „Коринна" (въ 1807 г.), которые согрѣты стремленіемъ къ возвышенной идеальной жизни. Однако, истиннымъ піонеромъ французскаго романтизма слѣдуетъ считать не эту писательницу, а другого поэта съ болѣе сильнымъ талантомъ — виконта Франсуа Рене де Шатобріана (1768 г.—1848 г., стр. 116). Съ краснорѣчіемъ, не уступающимъ Боссюэ, онъ выступилъ на борьбу съ принудительнымъ невѣріемъ приходившей къ концу революціонной эпохи, но не привлекалъ своихъ согражданъ обратно въ лоно христіанства разумными доводами, а старался вызвать въ нихъ преклоненіе предъ красотой этой религіи

(„Духъ христіанства“, Le génie du Christianisme“, 1802 г.) и предъ героизмомъ христіанскихъ мучениковъ („Мученики“, 1809 г.). Въ первое изъ этихъ сочиненій вставлены два эпизода „Атала“ и „Рене“, въ которыхъ слышно дрожаніе струнъ, задѣтыхъ Бернарденомъ де Сенъ-Пьеромъ въ его „Paul et Virginie“ (стр. 569) и Гете въ „Вертерѣ“; эти же звуки отозвались впослѣдствіи въ поэтическихъ произведеніяхъ Байрона и Мюссе. Въ „Atala“ и „Les Natchez“ Шатобріанъ переложилъ мечты Руссо о естественномъ состояніи человѣка въ особый видъ романовъ, романъ изъ жизни индійцевъ, который и теперь еще не сошелъ со сцены; кромѣ того, онъ открылъ для литературы еще одну романтическую страну чудесъ, мавританскую Испанію („Приключенія послѣдняго изъ Абенсераговъ“, „Les aventures du dernier des Abencérages“, въ 1808 г.).

Вновь проснувшаяся любовь къ религіи и историческому романтизму была одной изъ главныхъ опоръ возстановленной въ 1814 г. королевской власти, реставраціи. Какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, и на этотъ разъ были выведены на сцену теоріи, годныя для оправданія произошедшаго переворота; онѣ обыкновенно приводятся въ учебникахъ французской національной литературы, потому что онѣ изложены въ образцовыхъ въ стилистическомъ отношеніи сочиненіяхъ и разсчитаны на вниманіе тѣхъ широкихъ круговъ, которые являются читателями поэтическихъ произведеній. Во главѣ борцовъ противъ революціи и за монархію стояли Амбруазъ де Бональ (1753 г.—1840 г., стр. 116) и державшійся ультрамонтанскаго образа мыслей Жозефъ де Мэстръ (1754 г.—1891 г., стр. 116). Въ станѣ роялистовъ находился также романтическій писатель Шарль Нодье (1780 г.—1844 г.), извѣстный поэтъ и лингвистъ.

Съ другой стороны, Бенжаменъ Констанъ (1767 г.—1830 г., стр. 114) и Казиміръ Делавинь (1793 г.—1843 г.) были поборниками требованій либеральныхъ круговъ. Однако всерастущая ненависть къ Бурбонамъ требовала такихъ страстныхъ нотъ, какихъ не оказалось въ стихахъ этихъ писателей, которые еще застряли одной ногой въ классицизмѣ. Поль Луи Курье (1772 г.—1825 г.), одинъ изъ величайшихъ французскихъ стилистовъ, обрушился на шатавшееся правительство съ своими прозаическими памфлетами, а поэтъ Пьеръ Жанъ де Беранже (1780 г.—1857 г.), любимый авторъ самыхъ распространенныхъ во Франціи пѣсенъ, превратилъ невинную веселую нескромную французскую пѣсню въ страшное оружіе, которое задѣвало врага за самое мясо своимъ крючковатымъ стихосложеніемъ въ то время, какъ гладкіе патроны прозаиковъ скользили поверху. На произведеніяхъ Беранже можно убѣдиться съ очевидностью въ томъ, что ненависть къ Бурбонамъ служила главнымъ источникомъ преклоненія предъ Наполеономъ. Вскорѣ послѣ Іюльской революціи на Луи Наполеона тоже посыпался градъ стрѣлъ. Въ борьбѣ противъ короля спекулянта впереди всѣхъ стоялъ самый талантливый французскій поэтъ съ политической тенденціей Огюстъ Барбье (1805 г. — 1882 г.), заклятый врагъ всѣхъ видовъ тенденціозной лжи: преклоненія предъ Наполеономъ, обоготворенія народа, самовозвеличенія Парижа („Ямбы“, „Iambes“, 1831 г.). Впослѣдствіи вторая имперія нашла въ лицѣ поэта Виктора Гюго своего карающаго судью, а въ лицѣ журналиста Анри Рошфора—своего палача.

Старшая линія Бурбоновъ еще стояла у кормила правленія, когда молодое поколѣніе поэтовъ, получившее названіе „романтической школы“, собрало свои силы для борьбы за право существованія и за свое вліяніе съ всесильнымъ старшимъ поколѣніемъ, которое придерживалось самымъ строгимъ образомъ классическихъ догматовъ. Первые труды этой школы въ области литературы и критики были помѣщены въ журналѣ „Muse française“ (Французская муза), а когда этотъ журналъ пересталъ выходить, то они продолжали поддерживать между собою связь посредствомъ собраній (cénacles).

Въ силу естественнаго хода вещей величайшій изъ романскихъ поэтовъ XIX столѣтія Викторъ Гюго (1802 г.—1885 г.) выдвинулся впередъ среди своихъ единомышленниковъ и сталъ ихъ главой. Уже въ 1822 г. онъ выпустилъ томъ „Одъ", въ 1824 г.—„Оды и баллады", въ 1829 г.—„Orientales" (Восточныя стихотворенія); но успѣхъ на поприщѣ лирики не удовлетворилъ его. Онъ испробовалъ свои силы на романѣ („Гань-исландецъ", „Бугъ-Жаргаль") и съ большимъ успѣхомъ на драмѣ. Предисловіе къ „Кромвелю" (въ 1827 г.) заключало въ себѣ художественный катехизисъ романтической школы: это была варіація на тему „Возвратъ къ природѣ и дѣйствительности", которая избиралась девизомъ при каждомъ переворотѣ въ искусствѣ, слѣдовательно, приблизительно каждыя 30 лѣтъ. Старая гвардія классицизма ухватилась за самыя крайнія средства и стала даже осаждать короля ходатайствами о заступничествѣ, но несмотря на это Гюго одержалъ рѣшительную побѣду: въ 1830 году его „Эрнани" былъ встрѣченъ на сценѣ Théatre français громовыми аплодисментами. Это свидѣтельствовало о торжествѣ новой школы въ Парижѣ, во Франціи и во всей Европѣ, въ которой въ эту эпоху усилилось французское вліяніе. Драма Гюго „Трибуле или король забавляется" въ 1832 году была снята со сцены послѣ перваго представленія по приказанію начальства, а еще раньше того въ 1829 году его „Маріонъ Делормъ" не была допущена къ представленію цензурой; но публика, конечно, была иного мнѣнія, и его драмы („Лукреція Борджіа", „Марія Тюдоръ", „Анджело", „Рюй Блазъ") не только были встрѣчены на первыхъ порахъ съ громаднымъ сочувствіемъ, но и до сихъ поръ еще держатся на сценѣ. Послѣ неудачи, постигшей его драму „Burgraves" (1843 г.), Викторъ Гюго пересталъ писать театральныя пьесы (вышедшая въ 1882 году драма „Торквемада" написана цѣлымъ поколѣніемъ раньше). Одновременно съ тѣмъ, какъ писались его драмы, Викторъ Гюго открылъ блестящій рядъ своихъ прозаическихъ сочиненій памфлетомъ противъ смертной казни „Послѣдніе дни осужденнаго" (въ 1829 г.), за которымъ послѣдовалъ самый блестящій изъ его романовъ „Соборъ Парижской Богоматери" (въ 1831 г.). Великій лирикъ все сильнѣе погружался въ страстную политическую борьбу, но тѣмъ не менѣе одинъ за другимъ продолжали выходить сборники его стихотвореній („Les feuilles d'automne" 1831 г., „Les chants du crépuscule" 1835 г., „Les voix intérieures" 1837 г., „Rayons et ombres" 1840 г., „Contemplations" 1856 г., „Chansons des rues et des bois" 1865 г. и „L'art d'être grand-père" 1877 г.), свидѣтельствовавшіе о полнотѣ и кипучей силѣ его внутренней жизни. Гюго взялъ подъ свою защиту соціалистическую партію отъ деспотическаго произвола президента второй республики Луи Наполеона и сталъ вслѣдствіе этого жертвой государственнаго переворота 2 декабря 1851 года (стр. 263); до самаго паденія Наполеона III онъ жилъ изгнанникомъ на островѣ Гернсеѣ. Его собственныя злоключенія выработали изъ него боевого поэта ѣдкаго памфлетика. Прежде всего онъ выпустилъ противъ своего смертельнаго врага памфлетъ „Наполеонъ Маленькій" (въ 1853 г.), затѣмъ появилось другое полемическое сочиненіе въ стихахъ „Châtiments" (въ 1871 г.); наконецъ, онъ разсказалъ исторію государственнаго переворота въ „Исторіи одного преступленія" (вышед. въ свѣтъ въ 1877 г.). Живя въ изгнаніи онъ продолжалъ бороться за соціальную реформу, свѣтъ и свободу, прежде всего въ своихъ романахъ („Несчастные" 1862 г., „Труженики моря" 1866 г., „Человѣкъ, который смѣется", 1869 г. и „Девяносто третій годъ"), а затѣмъ со всей силой своего стиха въ своихъ историко-философскихъ стихотвореніяхъ: „Легенда вѣковъ" (въ 1859 г.; вторая серія въ 1877 г.) и „Les quatre vents de l'Esprit" (въ 1881 г.). Въ сборникѣ „Страшный годъ (въ 1872 г.) онъ соединилъ стихотворенія, зародившіяся подъ впечатлѣніемъ событій 1870—71 г. гг. У насъ, нѣмцевъ, нѣтъ недостатка въ доброй волѣ и способности вникать въ чуждыя намъ идеи и настроенія; тѣмъ не менѣе ос-

повательная оцѣнка значенія Виктора Гюго превышаетъ наши силы. Какъ бы мы ни старались, его рѣчь кажется намъ часто безсодержательной, его пафосъ представляется намъ по большей части дѣланнымъ, созданія его фантазіи на нашъ взглядъ не художественны, гипербола и антитеза, какъ исходная точка для поэтическихъ сопоставленій, насъ не удовлетворяютъ, намъ претитъ сочетаніе математическаго здравомыслія съ пылкой страстностью, доходящей до безумія.

Въ теченіе долгаго времени Альфонсъ де Ламартинъ (1790 г. —1869 г.; стр. 115), принадлежавшій къ старшему поколѣнію, оспаривалъ у младшаго своего современника Гюго почетное имя величайшаго изъ французскихъ поэтовъ. Его „Méditations" (1820 г.) и „Nouvelles méditations" (1823 г.) плѣняли въ особенности женскія сердца, пока еще не выступилъ на сцену болѣе сильный и болѣе богатый яркими красками соперникъ Ламартина. Даже и послѣ этого Ламартинъ очаровывалъ всѣ души, склонныя къ романтизму, своими поэмами „Jocelyn" (1835 г.) и „La chute d'un ange" (1838 г.). Хотя послѣ іюльской революціи во французской литературѣ повѣяло духомъ демократическаго равенства, тѣмъ не менѣе Ламартинъ никогда не отрекался отъ своей благородной, артистической натуры даже въ своей увлекательно написанной „Исторіи жирондистовъ" (1847 г., стр. 217). То, что онъ написалъ о самомъ себѣ, обнаруживаетъ въ немъ манію величія, которой страдали также Шатобріанъ и Гюго. Однако у всѣхъ этихъ трехъ великихъ писателей, стоявшихъ во главѣ современной имъ литературы, есть одна общая черта: всѣ они вѣрили въ свои собственныя силы и не уклонялись отъ исполненія своего долга, когда этого требовали интересы даннаго историческаго момента.

Черезъ короткое время во Франціи тоже заговорило новое поколѣніе, не вѣрившее ни во что, а меньше всего въ свои собственныя силы, которое знало свою собственную слабость, болѣзненность и лѣность, разочаровалось въ жизни и истощало свой маленькій запасъ силъ въ разгулѣ. Изъ этого-то поколѣнія, которое явилось на свѣтъ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, вышелъ величайшій стихотворецъ, самый искусственный продуктъ литературной утонченности Франціи, Альфредъ де Мюссе (1810 г. —1857 г.). Вотъ отрывокъ изъ его собственной исповѣди („Исповѣдь сына нашего вѣка", „Confession d'un enfant du siècle"): „Вся болѣзнь нашего вѣка проистекаетъ изъ двухъ причинъ... Всего, что было, того ужъ нѣтъ, а что будетъ, то еще не народилось. Только въ этомъ лежитъ источникъ нашего пессимизма". При всемъ этомъ безнадежномъ пессимизмѣ Мюссе является только эпигономъ Гёте и Байрона. Творчество и жизнь Гёте были непрерывной побѣдоносной борьбой великаго духа противъ всеразъѣдающаго пессимизма; пессимизмъ Байрона былъ только придаткомъ того гордаго презрѣнія, которое этотъ гигантъ духа бросилъ въ лицо своимъ маленькимъ современникамъ (стр. 621). Вся жизнь Мюссе была, напротивъ того, непрерывной трагикомедіей, наполненной только этимъ пессимизмомъ. Поэзіей онъ только заглушалъ свои чувства на короткое время; онъ пользовался ей, какъ наркотическимъ средствомъ для своей души. Однако, какъ бы читатель ни относился къ направленію Мюссе, онъ будетъ очарованъ его пѣснями, самыми прекрасными изъ всѣхъ, которыя когда бы то ни было были написаны на французскомъ языкѣ; его повѣсти въ прозѣ и стихахъ („Namouna", „Rolla" и т. д.) заставятъ дрожать всѣ душевныя струны современнаго читателя; читая его маленькія драмы („La coupe et les lèvres", „Le chandelier", „Un caprice", „Il ne faut jurer de rien", „On ne badine pas avec l'amour" и т. д.), поневолѣ начинаешь жалѣть о томъ, что никакіе сценическіе таланты, не исключая и французскихъ, не въ состояніи воспроизвести этихъ волшебно-нѣжныхъ эфирныхъ, граціозныхъ картинъ.

До настоящаго времени имя Мюссе называютъ вмѣстѣ съ именемъ одной писательницы („Она и онъ", „Онъ и она"), которая пріобрѣла по-

честное имя въ литературѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій считалось непреложной истиной, что Аврора Дюпенъ, въ замужествѣ Дюдеванъ, извѣстная подъ псевдонимомъ Жоржъ Зандъ (1804 г.—1876 г.), есть не только величайшая изъ писательницъ всѣхъ временъ, но что она даже доказала гордому мужскому полу, что въ духовномъ отношеніи женщина стоитъ не ниже его. Теперь никто больше не вѣритъ въ эту истину и почти никто не читаетъ ни одного изъ 80 романовъ этой писательницы, ни ея путевыхъ замѣтокъ, писемъ, мемуаровъ. Въ литературно-историческомъ отношеніи Зандъ считается главной представительницей идеалистическаго тенденціознаго романа изъ современной жизни. Печальный опытъ ея собственной супружеской жизни привелъ ее къ идеѣ объ эмансипаціи женщины (не безъ оттѣнка распущенности); подъ вліяніемъ Пьера Леру она стала поклонницей соціальной утопіи, а познакомившись съ Шопеномъ и Листомъ, она увлеклась идеализмомъ въ искусствѣ; подъ вліяніемъ проповѣди Ламеннэ (стр. 115) она стала мечтать о религіи будущаго. Въ своихъ увлекательныхъ повѣстяхъ („Indiana", „Lélia", „Léone Léoni", „Mauprat", „Spiridion", „Le meunier d'Angibault", „Consuelo", „La petite Fadette", „Le Marquis de Villemer", „Madem. de la Quintinie") она выступала пылкимъ проповѣдникомъ всѣхъ этихъ идей. Однако ея идеальныя стремленія носятъ на себѣ печать фантастичности и крайности,—поэтому ея сочиненія служатъ только для мимолетнаго развлеченія читателя, тѣмъ болѣе, что ихъ художественное и идейное достоинство умаляется въ значительной степени вслѣдствіе чисто женскаго недостатка силы изображенія и логики.

Еще болѣе плодовитыми, чѣмъ Жоржъ Зандъ, оказались нѣкоторые писатели мужчины, которые обратили беллетристику въ промышленное производство и фабриковали массовые продукты при содѣйствіи многочисленныхъ сотрудниковъ. Во главѣ этой большой литературной фабрики стоялъ полумулатъ Александръ Дюма старшій (1803 г.—1870 г.), главный представитель торговаго дома Дюма и К°; это былъ человѣкъ съ геніальной изобрѣтательностью и въ высшей степени увлекательный разсказчикъ; онъ наводнилъ театральныя сцены и библіотеки для чтенія своими фабрикатами, изъ которыхъ наибольшей популярностью пользовались романы „Монте-Кристо" и „Три мушкетера". Въ сороковыхъ годахъ съ успѣхомъ вступилъ въ конкуренцію съ Дюма Эженъ Сю (1804 г.—1857 г.), романы котораго „Вѣчный жидъ" и „Тайны Парижа" въ теченіи долгаго времени были наиболѣе осуждаемыми, но въ то же время наиболѣе читаемыми произведеніями европейской литературы. Поскольку дѣло касается вниманія читателей, съ Эженомъ Сю можетъ сравниться только ходкій порнографическій писатель Поль-де-Кокъ (1793 г.—1871 г.). Сцены важнѣйшихъ театровъ европейскаго культурнаго міра снабжалъ своими произведеніями не примыкающій ни къ какой литературной школѣ Огюстенъ Эженъ Скрибъ (1791 г.—1861 г.): его искусно написанныя, весьма сценичныя пьесы съ интригами и оперные тексты когда-то были предметомъ всемірной торговли.

Среди современниковъ Гюго и Ламартина были и такіе, которые хотѣли „стоять за папу съ большимъ упрямствомъ, чѣмъ самъ папа", но большинство стремилось къ компромиссу, къ справедливой срединѣ (juste milieu) между классицизмомъ и романтизмомъ. Къ этой послѣдней категоріи принадлежали Делавинь (стр. 632), Альфредъ де Виньи (1797 г.—1863 г.), Франсуа Понсаръ (1814 г.—1867 г.), Фредерикъ Сулье (1800 г.—1847 г.), Эдуардъ Кинэ (1803 г.—1875 г.), Родольфъ Тепферъ (1799 г.—1846 г.).

Что романтизмъ восторжествовалъ такъ быстро надъ классицизмомъ, тому способствовало не мало то обстоятельство, что критика стояла на сторонѣ перваго. Одинъ изъ послѣдователей романтической школы Ш. Ог. Сентъ-Бевъ (1804—1869 гг.) выступилъ на защиту своихъ единомышленниковъ сначала въ журналѣ „Globe", затѣмъ въ журналахъ „Revue des deux

mondes", „Constitutionel" и „Temps"; это было исключительное явленіе въ цехѣ критиковъ, которые обыкновенно считаютъ своей обязанностью преслѣдовать искусство и заѣдать начинающихъ писателей. Такъ, напримѣръ, наиболѣе вліятельный послѣ Сентъ-Бева парижскій критикъ Жюль Жаненъ (1804 г.—1874 г.), который былъ въ то же время художественнымъ писателемъ, какъ и Сентъ-Бевъ, оказывается уже литературнымъ судьей болѣе низменнаго пошиба, такъ какъ онъ былъ творцомъ того „самодержавнаго фельетона", въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ стараніе поцеголять своимъ остроуміемъ, игривость языка, мѣткія выдумки, а не суть разбираемаго вопроса. Тайна громаднаго вліянія Франсиска Сарсэ (1828 г.—1899 г.) заключалась въ томъ, что онъ являлся провозвѣстникомъ тѣхъ принциповъ, которыми руководствовались въ своемъ творчествѣ большинство лучшихъ писателей и которые вызывали всеобщее восхищеніе въ большой публикѣ, соблазнявшейся гладкой и изящной формой изложенія газетныхъ статей Сарсэ.

Не исключительно французскимъ было и не во Франціи зародилось слѣдующее явленіе: группа писателей выбрала своимъ лозунгомъ реализмъ и отказалась отъ романтизма опять-таки во имя природы и истины. Предшественникомъ ея былъ пессимистическій поэтъ философъ Генри Бейль (1783 г.—1844 г.), который изъ уваженія къ Винкельманну присвоилъ себѣ псевдонимъ Стендаль по имени родины этого послѣдняго. Къ реалистической школѣ былъ близокъ по своему направленію замѣчательный стилистъ Просперъ Меримэ (1803 г.—1870 г.), извѣстный также какъ историкъ культуры, въ повѣстяхъ котораго („Carmen", „Colomba") самые яркіе эпизоды излагаются преднамѣренно холодно, дѣловито и безъ обычныхъ трескучимъ фразъ. Настоящимъ основателемъ этой школы и неподражаемымъ художникомъ въ реалистической изящной литературѣ слѣдуетъ считать романиста Онорэ де Бальзака (1799 г.—1850 г.). Свои романы и повѣсти, которыя отличаются какъ геніальной наблюдательностью, такъ и богатствомъ художественной фантазіи, онъ соединилъ въ три серіи: „La comédie humaine", „Etudes philosophiques et analytiques" и „Contes drolatiques". Второе мѣсто послѣ него занимаетъ Густавъ Флоберъ (1821 г.—1880 г.); болѣе крупныхъ произведеній отъ него осталось немного, но за то они отдѣланы съ величайшей тщательностью; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны бытовой романъ „Мадамъ Бовари" (1857 г.), сюжетомъ для котораго выбрана супружеская измѣна, историческій романъ „Саламбо" (1862 г.) и фантастическій романъ „Искушеніе св. Антонія" (1874 г.). Сотрудничество братьевъ Гонкуръ, Эдмона (1822 г.—1896 г.) и Жюля (1830 г.—1870 г.), было прервано только смертью младшаго изъ нихъ; изъ ихъ общихъ произведеній выдаются по тонкости психологическаго анализа романы „Жерминия Ласертэ" (1865 г.) и „Манетта Саломонъ" (1867 г.). Вышеназванные виртуозы стилисты все еще выбирали сюжетами для своихъ произведеній рѣдкія событія и исключительныхъ людей; напротивъ того, Анри Мюрже (1822 г.—1861 г.) пытался изобразить въ своихъ „Scènes de la vie de Bohême" типическія картины изъ жизни цѣлаго класса людей—художниковъ-неудачниковъ. Конечно, реализмъ этихъ прелестныхъ сценъ не выдерживаетъ строгой критики: уже современники не знали, гдѣ и когда жили гризетки, выводимые на сцену Мюрже, гдѣ и когда жизнь нищенствующихъ художниковъ протекала на такомъ свѣтломъ фонѣ. Само собой разумѣется, что въ эту эпоху съ ея реалистическимъ направленіемъ разсказы изъ деревенской или крестьянской жизни были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ: наибольшей популярностью пользовались въ публикѣ разсказы изъ народной жизни эльзасцевъ Эмиля Эркмана (1822 г.—1899 г.) и Александра Шатріана (1826 г.—1890 г.). Конечно, дѣйствующія лица этихъ романовъ далеко не тождественны съ настоящими французскими крестьянами, хотя по сравненію съ Жоржъ Зандъ они гораздо ближе къ натурѣ. Вскорѣ въ

споръ между идеалистическимъ и реалистическимъ стилемъ обнаружилась та же тенденція, какъ и въ борьбѣ романтизма съ классицизмомъ: писатели и читатели одинаково были склонны къ чисткѣ, полировкѣ и прикрашиванію суровой, грубой дѣйствительности.

Когда говорятъ о литературѣ второй имперіи или о литературѣ третьей республики, то такое выраженіе оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ теченіи пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, равно какъ и послѣ 1870 года, на первый планъ выступили новые писатели съ новыми стремленіями и новыми тенденціями. Эти явленія не имѣютъ ничего общаго съ формой правленія, и нельзя взваливать на милитаристическую монархію или буржуазную республику вину во всѣхъ зловредныхъ явленіяхъ культурной жизни Франціи, какъ это позволяютъ себѣ ожесточенные политическіе противники этихъ формъ правленія. Вѣрно только одно, что Парижъ обладалъ при Наполеонѣ III такой притягательной силой, какой онъ не имѣлъ ни до второй имперіи, ни послѣ паденія ея, что онъ въ это время опять снабжалъ модными произведеніями книжныя лавки и театральныя сцены всѣхъ странъ и не стоялъ внѣ конкуренціи. Вѣрно и то, что послѣ 1870 года это господство Парижа пошло на убыль, и, наоборотъ, Франція стала даже все сильнѣе поддаваться иностранному вліянію. Въ теченіи десятилѣтій нѣмцы не переставали отчаянно вопить о порчѣ нравовъ, проникающей изъ Франціи; въ настоящее время эта узко провинціальная пасторская самоуголдивая точка зрѣнія отброшена ими. Вездѣ, гдѣ современная жизнь захватываетъ такіе же размѣры и бьется такимъ же усиленнымъ пульсомъ, какъ въ Парижѣ, она вызываетъ тѣ явленія общественной и частной жизни, отраженіе которыхъ во французской беллетристикѣ шокировало моралистовъ въ теченіи такого долгаго времени.

Характерно, что во второй половинѣ XIX столѣтія потеряли свое значеніе міровая скорбь (Weltschmerz) и идеализмъ, безъ которыхъ искусство не могло существовать раньше. Жизнерадостность нашла себѣ доступъ въ души людей; въ литературѣ стала господствовать страстная привязанность къ дѣйствительному міру со всѣмъ его горемъ, стремленіе къ осязательнымъ благамъ жизни, изумленіе предъ полнотой ея неисчерпаемой энергіи, участливое отношеніе къ самымъ послѣднимъ и самымъ печальнымъ ея проявленіямъ. Хорошо ли это или нѣтъ, настоящая эпоха влюблена въ самое себя и въ искусствѣ ищетъ только себя. Современный бытовой романъ и современная бытовая драма (Comédie des moeurs) стали преобладающими родами художественныхъ литературныхъ произведеній. Въ Парижѣ съ его кипучей жизнью бытописатели современной эпохи впервые нашли для себя подходящій матеріалъ и встрѣтили сочувственный пріемъ. Піонеромъ этой литературы, которая вначалѣ была чисто парижской и затрагивала только жизнь сливокъ парижскаго общества, выступилъ въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія Александръ Дюма младшій (1824 г.—1896 г.). Первая его театральная пьеса „Дама съ камеліями“ (La dame aux camélias“, 1848 г.) прошла на сценѣ съ блестящимъ успѣхомъ, и вслѣдъ за ней онъ выпустилъ цѣлый рядъ тщательно отдѣланныхъ пьесъ, вызвавшихъ сенсацію („Le demi-monde“, „Le fils naturel“, „Le père prodigue“, „Le supplice d'une femme“, „La princesse Georges“, „L'étrangère“ и т. д.). Въ то же время онъ написалъ нѣсколько политическихъ брошюръ, въ которыхъ онъ развивалъ тѣ положенія, на которыхъ построены его драмы („Пьесы съ тезисами“). Новѣйшая бытовая комедія вытѣснила со сцены пьесы смѣшаннаго направленія „школы здраваго смысла“ (Ecole de bon sens, къ которой принадлежали Понсаръ, Жюль Сандо, мадамъ де Жирарденъ и т. д.), а Эмиль Ожье (1820 г.—1889 г.), котораго французская академія наградила монтіоновской преміей за добродѣтель за его драму „Gabrielle“ (1849 г.), въ дальнѣйшихъ своихъ пьесахъ выбралъ своей спеціальностью супружескую измѣну („Le mariage d'Olympia“, „Les lionnes

pauvres“, „Le fils de Giboyer“, „Les Fourchambault“ и т. д.). Къ новому направленію, одержавшему верхъ на сценѣ французскихъ театровъ, примкнулъ также наиболѣе любимый при дворѣ Наполеона III романистъ Октавъ Фелье (1821 г.—1890 г.) въ своей пьесѣ „Montjoye“. Счастливымъ наслѣдникомъ всѣхъ этихъ своихъ искусныхъ предшественниковъ оказался Викторіенъ Сарду (род. въ 1831 г.), пьесы котораго составляли до самаго послѣдняго времени основной репертуаръ театральныхъ сценъ всего міра. Начиная отъ первой своей пьесы „Les pattes de mouche“ (1861 г.) и кончая послѣдней „Madame Sans-Gêne“ (1894 г.), онъ пожиналъ почти непрерывный рядъ подчасъ весьма дешевыхъ лавровъ; для вящаго успѣха онъ прикраивалъ свои пьесы подъ мѣрку знаменитыхъ актеровъ и извѣстныхъ труппъ. Изъ современниковъ Сарду наибольшимъ успѣхомъ пользовался Эдуардъ Пальеронъ (1834 г.—1899 г.); наиболѣе популярны слѣдующія его пьесы: „Faux ménages“, „Le monde ou l'on s'ennuie“ „Les cabotins“ и т. д.; въ послѣднее время опять вошла въ моду драма въ стихахъ; — главнымъ представителемъ ея является Эдмонъ Ростанъ (род. въ 1864 г.), авторъ „Cyrano de Bergerac“ (1897 г.).

Рядомъ съ изящной комедіей, этой литературной спеціальностью Франціи, на парижскихъ сценахъ всегда процвѣталъ также фарсъ, литературное достоинство котораго всегда поддерживалось на извѣстной высотѣ благодаря тому, что авторы водевилей работали, кромѣ того, въ другихъ областяхъ художественной литературы. Кто не знаетъ либретистовъ оперетокъ Оффенбаха и Лекока, Анри Мельяка (1831 г.—1897 г.) и Людовика Галеви (род. въ 1834 г.), этихъ неразлучныхъ друзей? Кто не забывалъ всѣхъ своихъ заботъ и не приходилъ въ самое веселое настроеніе, когда ему приходилось видѣть на сценѣ пьесу Эжена Лабиша (1815 г.—1888 г.), Мишеля Карре (1819 г.—1872 г.). Жюля Барбье (1825 г.—1901 г.), Жоржа Фейдо (род. 1862 г.), Александра Биссона (род. въ 1848 г), Анри Лаведана (род. въ 1859 г.)? Когда натуралисты, декаденты, символисты постучались, наконецъ, въ двери театра, то онѣ оказались запертыми. Вслѣдствіе этого въ 1877 году былъ основанъ „Вольный театръ“ (Théatre libre), вслѣдъ за которымъ возникли и другія предпріятія подобнаго рода. Въ то же время были открыты для противодѣйствія безсмысленнымъ увеселеніямъ кафешантановъ „артистическіе кабачки“ (Cabarets artistiques, „Chat noir“, 1888 г.); эти заведенія пустили корни во Франціи, но не пріобрѣли права гражданства въ Германіи („Ueberbrettl“ Эрнста фонъ Вольцогена). Какъ близко стоятъ другъ къ другу новѣйшій романъ и новѣйшая драма, видно хотя бы изъ того, что одни и тѣ же писатели трудятся часто на обоихъ этихъ поприщахъ (А. Дюма сынъ, О. Фелье, Поль Гервье) и что романы передѣлываются въ театральныя пьесы самими авторами или опытными въ дѣлѣ сцены практиками. Идеалистическое направленіе не исчезло окончательно со смертью Жоржъ Зандъ (Викторъ Шербюлье, 1829 г.—1899 г.); но побѣда осталась все-таки на сторонѣ реализма, который перешелъ вскорѣ въ натурализмъ; изъ лопнувшихъ нѣдръ этого послѣдняго выскочило, наконецъ, множество невиданныхъ дотолѣ всевозможныхъ родовъ созданій, которыя пока еще не завершили своего жизненнаго поприща. Въ теченіе цѣлаго поколѣнія всѣхъ художественныхъ писателей Франціи затмилъ своей славой Эмиль Золя, который увлекъ за собою всю молодежь. Онъ занялъ свое мѣсто во всемірной литературѣ въ качествѣ самаго послѣдовательнаго, прямолинейнаго и убѣжденнаго натуралиста. Написавши нѣсколько юношескихъ произведеній, которыя обратили на себя мало вниманія, онъ принялся за циклъ романовъ „Семейство Ругонъ-Макаръ“ (къ этому названію прибавленъ пояснительный подзаголовокъ: „Естественная и соціальная исторія одного семейства впродолженіе второй имперіи“) и закончилъ эту серію на XV томѣ. Въ 1894 году Золя приступилъ ко второй, болѣе короткой серіи своихъ романовъ „Три города“ („Лурдъ“ 1894 г., „Римъ“

1896 г., „Парижъ“, 1898 г.); онъ скончался, не доведя до конца своей третьей серіи „Четыре Евангелія“; за короткое время до смерти Золя принялъ весьма видное участіе въ дѣлѣ Дрейфуса (своимъ извѣстнымъ письмомъ къ президенту республики: „я обвиняю“ и т. д., срв. стр. 448). Такъ какъ критики всегда сильно пробирали его съ художественной стороны, то онъ еще въ началѣ своей писательской дѣятельности вынужденъ былъ поневолѣ стать литературнымъ теоретикомъ и своимъ собственнымъ комментаторомъ; онъ называетъ изобрѣтенный имъ самимъ родъ романовъ „экспериментальнымъ романомъ“ и причисляетъ себя къ естествоиспытателямъ. Каждый томъ его серій составляетъ законченное цѣлое, которое связано съ остальными частями единствомъ психо-физической семейной наслѣдственности въ серіи „Семейство Ругонъ-Макаръ“ и личностью главнаго героя аббата Фромана въ серіи „Три города“. Въ каждомъ томѣ его произведеній онъ изображаетъ съ самыми точными спеціальными подробностями, пользуясь техническими терминами соотвѣтствующей спеціальности, ту особую среду, которая находится въ самомъ тѣсномъ соотношеніи съ духовнымъ міромъ, трудомъ и страданіями дѣйствующихъ лицъ; этой же средой обусловлены тѣ коллизіи, которыя вызываютъ завязку и приводятъ къ развязкѣ романа.

Рядомъ съ именемъ Золя упоминается часто имя его ровесника Альфонса Додэ (1840 г.—1897 г.); этотъ послѣдній тоже былъ родомъ изъ южной Франціи, какъ и Золя, но онъ былъ болѣе нѣжнымъ и болѣе изящнымъ; его можно назвать вполнѣ справедливо трубадуромъ, но никакъ не физіологомъ. По примѣру романистовъ времени второй имперіи онъ заимствуетъ сюжеты для своихъ призведеній преимущественно изъ жизни высшихъ круговъ общества („Фромонъ младшій и Рисле старшій“, „Набобъ“, „Короли въ изгнаніи“, „Нума Руместанъ“, „Безсмертный“ и т. д.): кромѣ того, ему свойственень также юморъ, напоминающій Диккенса („Тартаренъ изъ Тараскона“).

Молодые писатели, начавшіе свою карьеру въ то время, когда Золя былъ въ наибольшей славѣ, сначала пошли по его слѣдамъ, но впослѣдствіи они всѣ отреклись отъ него; беллетристы старшаго поколѣнія тоже шли по своимъ собственнымъ путямъ. При поразительномъ объемѣ литературной дѣятельности Франціи и громадномъ спросѣ на книжномъ рынкѣ общее число выдающихся писателей не поддается исчисленію; назовемъ слѣдующихъ: всемірно извѣстнаго Жюля Верна (род. въ 1828 г,). Эдмона Абу (1828 г.—1885 г.), Гектора Мало (род. въ 1830 г.), Густава Дроза (1832 г.—1895 г.), Эмиля Габоріо (1835 г.—1873 г.), Эрнеста Додэ (род. въ 1837 г.), Фернана Фабра (1830 г.—1898 г.), Жюля Кларети (род. въ 1840 г.), Катулла Мендеса (род. въ 1841 г.), Анатоля Франса (род. въ 1844 г.), который въ настоящее время считается наилучшимъ стилистомъ во Франціи, Жоржа Онэ (род. въ 1848 г.; славится его серія романовъ „Les batailles de la vie“), Октава Мирбо (род. въ 1848 г.), Гюи де Мопассана (1850 г.—1893 г.), самаго даровитаго изъ учениковъ Золя, виртуоза по части эскизовъ и короткихъ разсказовъ, Пьера Лоти (род. въ 1850 г.), Поля Бурже (род. 1852 г.), который считается первымъ изъ всѣхъ нынѣ живущихъ романистовъ, Поля Гервье (род. въ 1857 г.), Леона Додэ, сына Альфонса Додэ, Марселя Прево (род. въ 1862 г.), Поля Маргерита (род. въ 1860 г.), графиню де Мартель де Мирабо, извѣстную подъ псевдонимомъ Жипъ (род. въ 1850 г.), и др.

Еще въ то время, когда царемъ поэтовъ былъ Викторъ Гюго, выдѣлилась группа лириковъ, которые видѣли суть искусства въ формѣ, ставили ее выше содержанія и важности сюжета; кромѣ того, въ пылу борьбы они увлеклись и дошли въ своихъ принципахъ до крайности. Этихъ поклонниковъ искусства для искусства называли „Парнасцами“ (Parnassiens). Основателями и главарями этой группы писателей были Теофиль Готье (1811 г.—1872 г.), одинъ изъ старыхъ романтиковъ того періода, когда

былъ написанъ „Эрнани“, и Теодоръ де Банвиль (1823 г. — 1891 г.: „Odes funambulesques)“. Самымъ вліятельнымъ ея членомъ былъ Шарль Боделеръ (1821 г. — 1867 г.; „Les fleurs du mal“), основатель современнаго декадентства и символизма. Однако, чары „парнасцевъ“ не отняли голоса у гнѣвной музы политической и соціальной лирики. Пьеръ Дюпонъ (1821 г. 1870 г.) сталъ во главѣ Chansonnerie des ouvriers (Рабочихъ пѣсенъ), Л. А. Рожаръ (1820 г. — 1896 г.) и Викторъ де Лапрадъ (1812 г. — 1883 г.) стремились къ ниспроверженію бонапартизма и ожидали спасенія отъ новой революціи. По окончаніи войны 1870/71 года народная душа дала выраженіе своимъ чувствамъ въ поэзіи реванша, наиболѣе выдающимся представителемъ которой былъ Поль Деруледъ (род. въ 1848 г.). Школа парнасцевъ еще не вымерла, но она пошла на компромиссъ съ романтизмомъ и классицизмомъ, такъ что въ результатѣ образовалось эклектическое щеголеватое стихотворство неопредѣленной окраски. Ш. М. Леконтъ де Лиль (1818 г. — 1894 г.), Франсуа Коппэ (род. въ 1842 г.), Р. Фр. Арм. Сюлли-Прюдомъ (род. въ 1839 г.) — это французскіе Гейбели и Теннисоны. Однако молодежь, воспитанная на натурализмѣ, возмутилась противъ этихъ писателей и написала на своемъ знамени имена Боделера и Поля Верлена (1844 г. — 1896 г.), поэта импрессіониста. Отличительный признакъ новѣйшаго французскаго поколѣнія поэтовъ заключается въ непрерывныхъ превращеніяхъ, перемѣнахъ направленія, скачкахъ отъ одной крайности къ другой, отъ жизнерадостнаго натурализма къ разочарованному декадентству, какъ окрестили теперь старый пессимизмъ въ духѣ Байрона — Мюссэ, отъ атеизма и иммморализма (сатанизма) къ мистицизму и символизму, даже къ религіи и церкви. Къ этой группѣ вѣчно мѣняющихся художниковъ (срав. бельгійца Меттерлинка, стр. 626) слѣдуетъ причислить между прочимъ, Іорриса Карла Гуйманса (род. въ 1848 г.), Стефана Малларме (1842 г.— 1898 г.), Жана Ришпена (род. въ 1849 г.) и Анри де Ренье (род. въ 1864 г.).

Д. Итальянская литература въ теченіе послѣднихъ 150 лѣтъ.

Въ теченіе XVIII столѣтія Италія вмѣстѣ съ остальной культурной Европой была данницей французскаго классицизма, хотя, впрочемъ, самородные итальянскіе сонетисты и аркадцы продолжали носиться со своимъ поэтическимъ пустозвонствомъ съ такимъ терпѣніемъ, какъ будто дѣло шло объ охранѣ священнаго культурнаго наслѣдія. Если не говорить о языкѣ, то въ поэтическихъ издѣліяхъ какого-нибудь Шипіоне Маффеи (1675 г. — 1755 г.), Апостоло Зено (1678 г. — 1750 г.), Пьетро Метастазіо (1698 г. — 1782 г.), Франческо Альгаротти (1712 г. — 1764 г.) нѣтъ ничего національнаго. Какъ поэты, такъ и политическіе писатели вѣка просвѣщенія нисколько не понимали дѣйствительныхъ потребностей своего отечества: Чезаре Беккаріа (1738 г. — 1794 г.), Гаэтано Филанджіэри (1752 г. — 1788 г.), Антоніо Дженовези (1712 г. — 1769 г.) и мн. др. формулируютъ составленныя внѣ времени и пространства правила о томъ, что и какъ должно быть въ поэзіи, ссылаясь на то, что a priori эти правила кажутся разумными и естественными. Въ это время въ театрѣ заблисталъ лучъ свѣта, который былъ провозвѣстникомъ наступающей зари истинно національной итальянской литературы. Оставивъ въ сторонѣ старый споръ между commedia dell'arte (импровизированной комедіей) и commedia erudita (классической комедіей; срв. стр. 513) Карло Гольдони (1707 г.—1793 г.) нашелъ самостоятельную, не заимствованную изъ заграницы форму для національной комедіи, которой онъ придалъ мѣстный венеціанскій колоритъ и благодаря этому также своеобразную національную окраску. Противъ него выступилъ Карло Гоцци (1720 г. — 1806 г.) со своими волшебными пьесами, въ которыхъ безчинствовали попрежнему типическія маски импровизированной комедіи.

Однако въ это серьезное время предъ наступленіемъ и въ началѣ революціи отъ поэзіи требовался такой высокій полетъ, на какой комедія была неспособна. Сдерживаемые насильственно втеченіи долгаго времени бурные порывы къ свободѣ разразились впервые въ трагедіи графа Витторіо Альфьери (1749 г. — 1813 г.), но это была абстрактная свобода въ античномъ одѣяніи, свобода въ такомъ видѣ, въ какомъ ее изображали тогдашнія живопись и скульптура, а не та свобода, въ которой нуждалась въ дѣйствительности Италія того времени. Только въ одномъ произведеніи Альфьери „Misogallo“(Галлофобъ) чувствуется духъ времени, легкое дуновеніе котораго замѣтно также и въ сатирахъ Джузеппе Парини (1729 г. — 1799 г. „Il giorno“). Напротивъ того, Винченцо Монти (1754 г. — 1828 г.) подчинялся интересамъ минуты въ такой степени, въ какой это недозволительно человѣку съ твердымъ характеромъ: онъ сочинилъ панегирики въ честь каждаго изъ смѣнявшихъ другъ друга владѣтелей сѣверной Италіи, пуская при этомъ въ ходъ весь свой багажъ классическихъ преданій и всѣ краски своего великолѣпнаго языка, развившагося на произведеніяхъ Данте. Уго (1778 г. — 1827 г.) сначала заплатилъ дань модному въ то время вертерничанью въ своихъ „Послѣднихъ письмахъ Жакопо Ортиса“: затѣмъ онъ сталъ преклоняться предъ космополитическимъ идеаломъ свободы, а этотъ послѣдній послужилъ для него переходной ступенью къ лозунгу послѣдующаго пятидесятилѣтія: стремленію къ національной независимости и государственно-національному объединенію.

Только романтизму удалось выполнить то, на что вымирающій классицизмъ дѣлаетъ только слабые намеки. Романтизмъ послужилъ первой ступенью къ возрожденію вполнѣ національнаго искусства, мостомъ между прошлыми и будущими эпохами народной жизни. Родиной итальянскаго романтизма была сѣверная Италія, въ жилахъ крѣпкаго населенія которой течетъ много германской крови. Здѣсь родился величайшій изъ романтическихъ поэтовъ Италіи Алессандро Манцони (1785—1873 гг.), этотъ человѣкъ, вся жизнь котораго вертѣлась вокругъ католической религіи, какъ неподвижнаго полюса; какъ и многіе другіе его соплеменники, онъ считалъ папство національнымъ учрежденіемъ, призваннымъ служить объединительнымъ звеномъ между разрозненными частями итальянскаго народа и залогомъ будущаго господства романской расы. Это была новогвельфская партія, которая просуществовала вплоть до фактическаго объединенія Италіи подъ властью Савойскаго дома и имѣла своихъ приверженцевъ какъ среди историковъ, такъ и среди философовъ. Манцони былъ не очень плодовитъ; кромѣ гимновъ и одъ онъ написалъ двѣ трагедіи: Il conte di Carmagnola“ и „Adelchi“ и одинъ романъ „I promessi sposi“ (Обрученные); это есть самый знаменитый изъ всѣхъ итальянскихъ и одинъ изъ лучшихъ историческихъ романовъ всемірной литературы. Къ поэтамъ ломбардо-піемонтской группы принадлежатъ также Джіованни Беркетъ (1783 г.—1851 г.) и Сильвіо Пеллико (1789—1854 гг.; „Франческа да Римини“); оба они пострадали за свои политическія убѣжденія, а послѣдній изъ нихъ изобразилъ тѣ страданія, которыя онъ перенесъ подъ свинцовыми крышами венеціанскихъ тюремъ и въ крѣпости Шпильбергъ въ Брюннѣ, въ своихъ воспоминаніяхъ „Le mie prigioni“ (Мои темницы). Историческій романъ Манцони нашелъ себѣ послѣдователей въ лицѣ маркиза д'Азельо (стр. 673), Томмазо Гросси (1791 г.—1853 г.) и историка Канту („Margherita“ Pusterla“; срав. тамъ же).

Изъ итальянскихъ поэтовъ XIX столѣтія извѣстностью во всемірной литературѣ пользуются, кромѣ Манцони, еще двое: Леопарди и Джусти, съ которыми нѣмцы познакомились по превосходнымъ переводамъ Пауля Гейзе. Джіакомо Леопарди (1798 г.—1837 г.), это итальянскій поэтъ міровой скорби; его стихотворенія проникнуты субъективистическимъ идеализмомъ; разъ отставши отъ объективнаго міра, онъ дошелъ послѣдовательно до

пессимизма и нигилизма. Однако, только отдѣльная личность можетъ кончить пессимизмомъ; такое міросозерцаніе не можетъ стать прочнымъ массовымъ чувствомъ. Итальянскій народъ жилъ своими надеждами на національное возрожденіе; поэтому литература стала сосредоточиваться все болѣе исключительно на служеніи отечеству до тѣхъ поръ, пока не пробилъ часъ для исполненія патріотическихъ надеждъ итальянцевъ. Великимъ поэтомъ этой переходной политической эпохи былъ сатирикъ Джузеппе Джусти (1809 г.—1850 г.). Сочиненія Джусти понимаются съ трудомъ, потому что онъ черпаетъ безъ стѣсненій изъ вновь открытаго колодца тосканскаго нарѣчія такимъ же образомъ, какъ Манцони заимствовалъ изъ ломбардскаго, а Гольдони—изъ венеціанскаго діалекта. Вмѣстѣ съ Джусти выступили противниками новогвельфскаго направленія также и другіе среднеитальянскіе писатели свободомыслящаго направленія, какъ, напримѣръ, романистъ и историкъ Гверрацци (стр. 672) и авторъ трагедій Джіамбаттиста Никколини (1782 г.—1861 г.; „Giovanni da Procida", „Arnoldo da Brescia", „Beatrice Cenci" и т. д.).

Еще до начала рокового промежутка между 1859 и 1870 годами, во время котораго началась и кончилась борьба за объединеніе Италіи, въ итальянской литературѣ обнаружились слѣды новѣйшаго реализма и гоняющагося за красотой формы эклектицизма; оба эти направленія появились одновременно одно съ другимъ во всѣхъ западно-европейскихъ литературахъ. Въ теченіи первой половины XIX столѣтія на Апеннинскомъ полуостровѣ замѣчались преимущественно нѣмецкое и англійское вліянія, а съ пятидесятыхъ годовъ того же столѣтія усилилось вновь французское вліяніе. Главою новой группы поэтовъ, похожей на „парнасцевъ" (стр. 640), сталъ Джіованни Прати (1815 г.—1884 г.), который былъ виртуозомъ по гладкости и изяществу стиля своего стиха; въ своихъ политическихъ стихотвореніяхъ Прати отстаивалъ національную миссію Савойскаго дома. Участь козла отпущенія за грѣхи этого формалистическаго направленія выпала на долю сладенькаго безсильно-мечтательнаго графа Алеардо Алеарди (1812 г.—1878 г.): противъ него направила свои первые удары новая школа, которая вскорѣ послѣ того не оставила въ покоѣ ни одного авторитета.

Итальянскій веризмъ ни въ коемъ случаѣ не совпадаетъ съ французскимъ натурализмомъ. Прежде всего это есть дѣтище той эпохи, въ продолженіи которой осуществились національныя стремленія итальянцевъ. Только послѣ того, какъ самъ народъ и его литература освободились отъ политическаго кошмара, итальянцы могли наверстать то, что составляло матеріальное и духовное содержаніе западно-европейскихъ литературъ. „Главное содержаніе веризма",—говоритъ Генрихъ Гартъ,—„заключается въ извѣстномъ революціонно-оппозиціонномъ настроеніи, которое въ какомъ-нибудь направленіи стремится къ потрясенію и разрушенію всего общепризнаннаго, господствующаго... Противъ благочестиваго, вѣрующаго христіанскаго настроенія манцоніевской поэзіи онъ борется при посредствѣ принциповъ современнаго натуралистически-матеріалистическаго міросозерцанія, а на назаренизмъ онъ отвѣчаетъ по примѣру эпохи возрожденія языческо-эллинскимъ культомъ наслажденій, опьяненія красотой и восхищенія обнаженными формами. Духъ шопенгауэровскаго пессимизма витаетъ надъ бездной. Веризмъ направленъ противъ слащаваго идеализма формалистовъ и эклектиковъ... Онъ борется противъ той поэзіи, которая старается облагородить дѣйствительность, но которая лишена настоящаго великаго идеализма, т. е. духовной способности къ созданію новаго міра; поэтому идеалъ этой поэзіи—это только фальсификація дѣйствительности..." Само собою разумѣется, что ни одно изъ тѣхъ направленій, на которыя нападалъ веризмъ, не сошло окончательно со сцены, такъ что въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій старыя и новыя теченія уживаются

рядомъ въ итальянской литературѣ такъ же, какъ и въ германской и во французской.

Во главѣ веристовъ стоялъ и стоитъ понынѣ Джозуэ Кардуччи (род. въ 1836 г.), извѣстный въ особенности своими лирическими произведеніями. Въ своихъ величественныхъ „Odа barbare“ онъ облекалъ наиболѣе современные сюжеты въ изысканно-античныя формы; увлеченіе наслажденіемъ красотой и познаніемъ соединялось у него съ ѣдкой сатирой и пессимистическимъ отчаяніемъ. Въ числѣ лирическихъ поэтовъ, стоящихъ близко къ веризму, находятся пѣвецъ опьяненія чувствъ Олиндо Гверрини, извѣстный подъ псевдонимомъ Лоренцо Стеккетти (род. въ 1845 г.), глубокомысленный Маріо Раписарди (род. въ 1843 г.), знаменитая Адда Негри (род. въ 1870 г.), поэтъ четвертаго сословія, и Артуро Графъ (род. въ 1848 г.), этотъ воскресшій изъ мертвыхъ Леопарди; въ произведеніяхъ поэтовъ старшаго поколѣнія Джіакомо Занелла (1820 г.—1889 г.) и Ипполито Ніево (1832 г.—1860 г.) тоже отражается вліяніе великаго итальянскаго поэта міровой скорби. Всѣхъ названныхъ, равно какъ и цѣлыя полчища другихъ итальянскихъ лириковъ, которыхъ мы не называемъ, —нигдѣ на свѣтѣ стихотворство не процвѣтаетъ въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Италіи, —въ послѣднее время отодвинулъ въ тѣнь одинъ превосходный талантъ, Габріеле д'Аннунціо (род. въ 1864 г.), занимающій видное мѣсто во всѣхъ родахъ поэзіи и не уступающій по своей измѣнчивости французамъ новѣйшей школы (стр. 641).

Изъ романистовъ и авторовъ повѣстей новѣйшей эпохи Энрико Кастельнуово (род. въ 1839 г.), Антоніо Фогаццаро (род. въ 1842 г.), Сальваторе Фарина (род. въ 1846 г.), Эдмондо д'Амичисъ (род. въ 1846 г.), извѣстный своими занимательными описаніями путешествій, и Матильда Серао (род. въ 1856 г.) принадлежатъ въ сущности еще къ старой школѣ. Пылкость, свойственная веризму, обнаруживается въ повѣствовательныхъ произведеніяхъ д'Аннунціо („Il trionfo della morte“), Луиджи Капуана (род. въ 1839 г.), Джіованни Верга (род. въ 1840 г.; „Cavalleria rusticana“) и Джеронимо Роветта (род. въ 1850 г.; „Gli Zulu“, 1880 г.).

Сценическіе писатели стараго стиля Паоло Джіакометти (1817 г.—1882 г.), Томмазо Герарди де-ла Теста (1818 г.—1881 г.), Паоло Феррари (1822 г.—1889 г.) и Верседіо (стр. 672) нашли себѣ соперника только въ лицѣ одного драматурга новѣйшей школы Пьетро Косса (1830 г.—1881 г.), который сумѣлъ привлечь сочувствіе современниковъ даже къ историческимъ сюжетамъ изъ далекихъ прошлыхъ вѣковъ. Хотя современная Италія не обладаетъ постоянными театральными сценами, тѣмъ не менѣе она никогда не испытывала недостатка въ выдающихся сценическихъ талантахъ; назовемъ Эрнесто Росси (1829 г.—1895 г.), Томмазо Сальвини (род. въ 1829 г.), Эрмете Новелли (род. въ 1851 г.), Аделаиду Ристори (род. 1822 г.), Элеонору Дузе (род. 1859 г.); вслѣдствіе такого изобилія талантовъ итальянская драма не теряетъ своего сценическаго характера даже въ томъ случаѣ, когда она затрагиваетъ самыя трудныя философскія загадки. Всѣ находящіеся въ живыхъ выдающіеся драматурги принадлежатъ къ новой школѣ; вотъ ихъ имена: Верга, Роветта, Джузеппе Джіакоза (род. въ 1848 г.), Эмиліо Прага (1839—1875 гг.), Роберто Бракко („Una donna“, 1894 г., „Maschere“, 1896 г.) и д'Аннунціо („La città morta“, „Gioconda“).

Е. Прочія романскія литературы въ теченіи послѣднихъ полутора столѣтій.

а). Испанская литература.

Съ прекращеніемъ династіи Габсбурговъ (въ 1700 году) въ Испаніи вымерла также и литература въ стилѣ „барокъ“. Когда на престолъ вступила Бурбонская династія, то французскій классицизмъ вытѣснилъ без-

жалостно самобытную испанскую литературу и укоренился такъ сильно, что испанскій народъ на цѣлое столѣтіе разорвалъ свои связи со своимъ литературнымъ прошлымъ. Объ этомъ прошломъ говорили не иначе, какъ съ такими оговорками: у Лопе и Кальдерона (стр. 516) есть свои красоты, но ихъ произведенія противорѣчатъ правиламъ, преисполнены ошибокъ и грѣшатъ противъ здраваго разсудка. Въ ту эпоху, когда въ Испаніи господствовало ложно-классическое искусство, славой испанской литературы считались такіе писатели, какъ Николай Фернандецъ де Моратинъ (1737 г.—1780 г.) и Томасъ де Иріартэ (1750 г.—1791 г.). Однако, среди этихъ искусственныхъ, чуждыхъ національному духу писаній появилась на свѣтъ настоящая испанская сатира, напоминающая Сервантеса (стр. 514): „Исторія знаменитаго проповѣдника брата Герундіо де Кампацасъ", принадлежащая перу іезуита **Хозе Фрасиско де Исля (1703 г.—1781 г.).**

Въ исходѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій во время борьбы съ французской имперіей, когда испанскій народъ былъ охваченъ патріотизмомъ, развившимся до героизма, у испанцевъ опять вошли въ почетъ прошлая исторія ихъ отечества, его великая литература и искусство; большинство перешло на сторону тѣхъ писателей, которые сами по себѣ пришли къ мысли о необходимости согласовать свою классическую школьную премудрость съ исконными испанскими литературными вкусами. Такой компромиссъ былъ цѣлью С а л а м а н к с к о й школы. Основателемъ ея считается Хуанъ Мелендецъ Вальдецъ (1754 г.—1817 г.); Никазіо Альварецъ Сіенфуэго съ (1764 г.—1809 г.) и Мануэль Хозе де Квинтана (1772 г.—1857 г.) считаются самыми выдающимися ея представителями. Въ сущности классическія правила оставались еще въ силѣ даже и то время, когда романтизмъ уже проникъ на Пиренейскій полуостровъ изъ Германіи, Англіи и Франціи, какъ явствуетъ изъ стихотвореній государственнаго дѣятеля Франсиска Мартиньецъ де ла Роза (1789 г.—1862 г.) и изъ драмъ Мануэля Бретона де Лосъ Герреросъ (1796 г.—1873 г.). Классическія традиціи потеряли всякое значеніе только со времени Хозе З о р и л ь я (1817 г.—1893 г.), когда въ испанской литературѣ сказалось вліяніе байронизма, и она приняла участіе въ духовной борьбѣ новѣйшей эпохи. Укрѣпленію современнаго направленія содѣйствовалъ не мало натурализованный въ Испаніи нѣмецъ Хуанъ Евгеніо Гарценбушъ (1806 г.—1880 г.), родившійся въ Испаніи сынъ кельнскаго столяра. Изъ испанскихъ драматурговъ кромѣ Гарценбуша выдаются еще слѣдующіе: Аделярдо Лопецъ де Айала (1829 г.—1879 г.), Педро Антоніо де Аларконъ 1833 г.—1891 г.), Хуаквинъ Эстебанецъ (сконч. въ 1898 г.) и всемірно извѣстный благодаря своей драмѣ „Galeotto" Хозе Э ч е г а р а й (род. 1832 г.), который принадлежитъ скорѣе къ числу послѣдователей Ожье и Дюма, чѣмъ къ новѣйшей школѣ. Изъ р о м а н и с т о в ъ обратила на себя вниманіе своими ультракатолическими прозелитическими повѣстями натурализованная въ Испаніи нѣмка Сесилія де Арромъ, писавшая подъ псевдонимомъ Фернанъ Кабаллеро (1797 г.—1877 г.); она была дочерью гамбургскаго негоціанта Николая Беля фонъ Фабера (1770 г.—1836 г.). На поприщѣ бытового романа трудились Хуанъ Валера (род. въ 1824 г.), Перецъ Гальдосъ (род. въ 1849 г.), Эмилія Пардо Базанъ (род. въ 1857 г.) и др. Хотя литературная революція 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія коснулась также и испанцевъ, тѣмъ не менѣе въ Испаніи не выработалось такой рѣзко выраженной новѣйшей школы, какъ во Франціи или Италіи. Относительный упадокъ испанской литературы составляетъ послѣдствіе тяжелыхъ политическихъ условій этой страны и обѣдненія ея народа, который не можетъ себѣ позволять такой роскоши, какъ покупка книгъ.

Въ К а т а л о н і и, въ которой еще и понынѣ не исчезло давнишнее историческое теченіе, направленное противъ господства Кастиліи и въ которой до сихъ поръ говорятъ и пишутъ на народномъ нарѣчіи, отличающемся отъ испанскаго языка и приближающемся къ южно-французскому,

въ послѣднее время обнаружились партикуляристическія стремленія. Для этой цѣли были возстановлены (въ 1850 г.) „Цвѣточныя состязанія рыцарскихъ эпохъ"; въ подражаніе каталонцамъ Іоаннъ Фастенратъ устроилъ подобныя же состязанія въ Кельнѣ. Новокаталонская литература въ настоящее время находится еще въ зачаточномъ состояніи.

б) Португальская литература.

Когда Португалія проснулась къ новой литературной жизни отъ долгаго сна, послѣдовавшаго за смертью Камоэнса (1880 г.; стр. 471), весь окружающій ее міръ подвинулся впередъ такъ сильно, что португальскимъ поэтамъ трудно было обратить на себя вниманіе за предѣлами своего отечества. Своимъ соотечественникамъ они могли сказать новое слово, всему же остальному міру они могли предложить только то, съ чѣмъ даже сами португальцы могли ознакомиться болѣе основательно у иностранныхъ писателей. Положеніе не измѣнилось къ лучшему даже послѣ того, какъ за океаномъ выросла еще одна литература на португальскомъ языкѣ—бразильская. Повидимому, громкіе имена Іоанно Баптиста де Альмейда Гарреттъ (1799 г.—1854 г.), Фелисіано де Кастильо (1800 г.—1875 г.), Алессандро Геркулано де Карвальо Аранхо (1810 г.—1877 г.), Люисъ Агостино Ребелло де Сильва (1822 г.—1871 г.), Франсиско Гомесъ де Аморимъ (1827 г.—1892 г.) и др. еще долго будутъ такъ же неизвѣстны образованнымъ европейцамъ, какъ и теперь.

в). Румынская и рето-романская литературы [1].

Какъ родоначальникамъ современной румынской литературы, главная заслуга принадлежитъ преимущественно двумъ писателямъ Георгію Азаки (1788 г.—1869 г.) въ Молдавіи и Іоанну Геліаде-Радулеску (1802 г.—1872 г.) въ Валахіи; они же были основателями румынской журналистики. Г. Варреску, Андрей Мурезану (1816 г.—1863 г.), Константинъ Негруцци (1809 г.—1866 г.) и его сынъ Яковъ (род. въ 1843 г.), Григорій Александреску (1812 г.—1886 г.), Цезарь Больякъ (1813 г.—1881 г.), Василій Александри (1821 г.—1890 г.), Днмитій Болинтинеану (1826 г.—1872 г.), Михаилъ Эминеску (1849 г.—1889 г.) и мн. др. пріобрѣли себѣ въ послѣднее время довольно большую извѣстность на поприщѣ лирики. Значительное вліяніе на развитіе румынской художественной литературы оказали также произведенія королевы Елизаветы (род. въ 1843 г.), которая извѣстна, какъ нѣмецкая писательница, подъ псевдонимомъ Карменъ Сильва. Въ то время, какъ въ лирической поэзіи замѣчается отрадный прогрессъ, проза и драма находятся еще въ зачаткѣ; это неудивительно, такъ какъ не прошло еще и двухъ десятилѣтій съ тѣхъ поръ, какъ румынскій языкъ и румынская орфографія были окончательно установлены благодаря трудамъ филологовъ Георгія Синкаи (1753 г.—1816 г.), Тита Майореску (род. въ 1840 г.), Б. П. Гасдеу („Etymologicum magnum Romaniae", 1886 г. и слѣд., неоконч.). Въ настоящее время въ Румыніи замѣчается сильное оживленіе не на одномъ только поприщѣ языкознанія и историческаго изслѣдованія (Эудоксію де Гурмузакисъ: „Документы къ исторіи румынъ"); другія области науки и искусства (возведеніе чуднаго епископскаго каѳедральнаго собора въ Куртея де Аргесъ) тоже имѣютъ въ Румыніи своихъ даровитыхъ представителей, труды которыхъ встрѣчаютъ поддержку и поощреніе со стороны правительства (срв. болѣе подробн. свѣд. объ этомъ въ т. V) и Академіи наукъ.

---

[1] Этотъ очеркъ составленъ д-ромъ Генрихомъ фонъ Влислоцки и редакторомъ.

Итальянскій филологъ Грація ди Асколи (род. въ 1829 г.) дѣлитъ въ своемъ трудѣ „Saggi ladini“ ладинскіе діалекты на три группы: восточную—въ области Фріуля, среднюю, которая начинается отъ Беллуно и включаетъ въ себѣ Тріентинскіе говоры, и западную въ кантонѣ Граубюнденѣ. Эта послѣдняя группа, романская въ тѣсномъ смыслѣ этого слова или ретороманская (иначе хуръ-валлійская), у туземцевъ носитъ названіе „румоншъ“ или „ромаунчъ“ и обладаетъ своей собственной литературой. Напротивъ того, общеладинскаго литературнаго языка не существуетъ по слѣдующей причинѣ: въ прежнія времена (срав. отдѣлъ „Какъ образовались романскіе народы“ въ т. V) область распространенія ладинскихъ діалектовъ занимала непрерывной полосой все протяженіе древнеримскихъ колоній отъ Адріатическаго моря до верхняго теченія рѣки Рейна; но географическая связь между тремя группами филолога Асколи уже давно уничтожена. Это распаденіе дошло до такой степени, что тріентинскіе говоры въ свою очередь тоже дѣлятся на восточную и западную группы и что рето-романскій языкъ, постоянно отступавшій предъ нѣмецкимъ, проникшимъ за Валхское озеро, и итальянскимъ, мало-по-малу захватывающимъ ретійскія долины по ту сторону Бернины, раздѣлился на Рейнское и Оберландское („Румоншъ“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова), обергальбштейнское и ладинское (энгадинское на рѣкѣ Иннѣ) нарѣчія. Нижне-энгадинское нарѣчіе раньше другихъ развилось въ литературный языкъ съ установившимися формами; первыя печатныя сочиненія на этомъ нарѣчіи, книги религіознаго содержанія, появились въ XVI столѣтіи.

Что касается поэтовъ Передне-Рейнской долины, то Теодоръ фонъ Кастельбергъ (около 1800 г.), Петръ Антонъ де Латуръ изъ Бригельса („Цыганская пѣсня“, въ которой восхваляется свобода), Георгъ Антонъ Фіелли, пасторъ Ганземанъ и Гіэли Кадишъ (Стихотвореніе въ память голоднаго 1817 года) воплощаютъ еще въ своихъ произведеніяхъ старое время, а у Іосифа Казанова (Пѣсня о старой Ретіи), патера Мауруса Ротмунда и Гіэли Каддуффа (пѣсня о Даппенталѣ и пѣсня о храбрыхъ женщинахъ изъ Лугнеца) слышатся отголоски новой эпохи. Величайшимъ изъ своихъ поэтовъ реторумыны Передняго Рейна считаютъ (по Декюртену) лирика Антона Гуондера (вначалѣ шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія; „Пѣсня о свободномъ крестьянинѣ“ и мн. др.). Роману и эпопеѣ посвятилъ свои силы Гіахенъ Каспаръ Муотъ („Основаніе монастыря Дизентиса“, „Черный союзъ“, „Борьба въ Урсернѣ“); нѣкоторыя произведенія нѣмецкихъ поэтовъ (между прочимъ драму „Вильгельмъ Телль“ Шиллера) перевелъ на ретороманскій языкъ Антонъ Бюллеръ („Пѣсня о референдумѣ“). Къ молодымъ силамъ ретороманской литературы принадлежатъ Альфонсъ Туоръ, Флоринъ Каматіасъ и авторъ повѣстей Александръ Баллетта. Въ Энгадинѣ пріобрѣли извѣстность слѣдующіе поэты: Конрадинъ фонъ Флюги („Стихотворенія“, 1845 г. и 1861 г.), издатель народныхъ пѣсенъ, имѣющихъ большой интересъ (въ 1874 г.), и написанной въ XVI столѣтіи религіозной драмы „Исторія храбраго и благочестиваго Тобіаса“, затѣмъ Захарій Палліоппи, Симонъ Карачъ, Пейдеръ Ланзель и Флоріанъ Грандъ: всѣхъ ихъ превзошелъ авторъ лирическихъ стихотвореній и повѣстей Іоаннъ Фадри Кадерасъ (скончался 1891 г.; „Госпожа изъ Мортерача“, „Плѣнный изъ Фуэнтеса“).

Ж. Литературы восточно-европейской области распространенія западно-европейской культуры.

Западно-европейскіе народы распространились на значительной части земной поверхности. Отъ исторіи расширенія ихъ политическаго и экономическаго господства слѣдуетъ отдѣлить исторію распространенія ихъ культурнаго вліянія. Нѣкоторые изъ европейскихъ языковъ и лите-

ратуръ утвердились въ другихъ частяхъ свѣта, въ особенности въ Америкѣ и Австраліи. Однако на востокѣ Европы тоже существуетъ область, населенная по преимуществу славянами, въ которую западно-европейская культура открыла себѣ доступъ. Между западно-европейской культурой и національной жизнью славянскихъ государствъ установились различныя отношенія; ни одинъ изъ западно-европейскихъ языковъ не пріобрѣлъ господства въ обширныхъ многолюдныхъ странахъ Восточной Европы; однако, славяне и полуславяне присвоили себѣ и приспособили къ своему національному существованію содержаніе и духъ западно-европейской письменности, искусства и науки западно-европейскихъ народовъ, равно какъ и матеріальные плоды западно-европейской цивилизаціи. Этотъ историческій процессъ нельзя назвать завоеваніемъ, такъ какъ сторона, воспринимавшая культуру, дѣйствовала съ гораздо большей активностью, чѣмъ сторона, обладавшая этой культурой. Притомъ же усвоеніе европейской культуры произошло не сразу; этотъ процессъ повторялся много разъ, такъ какъ каждое изъ славянскихъ племенъ, жившихъ рядомъ другъ съ другомъ, вело свое самостоятельное существованіе и имѣло свою собственную исторію. Само собою разумѣется, что раньше всего подчинились вліянію западно-европейской литературы тѣ изъ славянъ, которые были ближайшими сосѣдями нѣмцевъ и принадлежали къ сферѣ латинской культуры и римско-католической церкви. Балканскіе славяне и русскіе оставались свободными отъ духовнаго господства Западной Европы болѣе долго, чѣмъ остальные ихъ соплеменники, благодаря прошлымъ связямъ этихъ славянскихъ народовъ съ Византіей, но все-таки въ концѣ концовъ европейская культура пріобрѣла себѣ доступъ и къ нимъ. Однако, какъ бы сильно ни было и понынѣ это чужеземное вліяніе, прошло уже почти цѣлое столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ славяне стали стремиться къ духовному отдѣленію отъ романско-германскихъ народовъ и къ внесенію въ свои литературныя произведенія такой же степени самостоятельности, какая обнаруживается въ каждой изъ западно-европейскихъ литературъ, несмотря на ихъ общее начало и на параллельность ихъ развитія. Еще въ рыцарскую эпоху на славянскій Востокъ проникла придворная литература Западной Европы; затѣмъ славяне проходили черезъ тѣ же ступени, какъ и западно-европейскіе народы, т. е. переживали вѣкъ возрожденія, періодъ „барокъ", классицизмъ и вѣкъ просвѣщенія. Всѣ умственныя произведенія восточно-европейскихъ народовъ носили на себѣ слѣды подражанія или непосредственнаго усвоенія чужого: писалось то, что могло бы быть написано такимъ же образомъ на другомъ языкѣ гдѣ-нибудь въ Западной Европѣ. Наконецъ, субъективизмъ вмѣстѣ съ классическимъ и романтическимъ идеализмомъ привели къ важному перевороту: болѣе даровитые писатели не только проникались чужими мыслями и чувствами, но излагали также свои безусловно оригинальныя идеи и чувства. Тѣмъ не менѣе, духовная жизнь восточно-европейскихъ писателей находилась въ тѣсной зависимости отъ западно-европейскихъ литературъ, и они были разобщены отъ своего собственнаго народа. Только позже, когда восточно-европейскіе художественные писатели стали изображать окружающую ихъ среду съ реалистической точностью, по примѣру своихъ западно-европейскихъ собратьевъ, когда они ознакомились ближе съ внутреннимъ міромъ, страданіями, радостями, добродѣтелями и пороками всѣхъ слоевъ своего народа, тогда ослабла прежняя зависимость; конечно, это не заставило славянъ отказаться отъ давнишней культурно-исторической связи съ Европой, какъ въ прошломъ, такъ и на будущее время. Хотя взаимное отношеніе между Восточной и Западной Европой значительно измѣнилось въ теченіе XIX столѣтія, тѣмъ не менѣе славянскій Востокъ все еще составляетъ часть области распространенія, которую отвоевали для себя западно-европейскіе народы посредствомъ долгой культурной работы; это вѣрно въ томъ же

смыслѣ, въ какомъ Г. Б. Мендельсонъ (срав. ниже, стр. 657) назвалъ Венгрію и Пруссію полугерманской Европой, а Польшу и Россію причислилъ къ „германской“ Европѣ въ виду преобладающаго въ этихъ странахъ германскаго вліянія.

a) Славяне.

1) Южные славяне.

Исторія сербо-хорватской литературы упоминаетъ о славившихся въ свое время южно-славянскихъ поэтахъ XVI и XVII столѣтій, писавшихъ въ духѣ ренессанса, произведенія которыхъ были только удачными подражаніями иностраннымъ образцамъ. Возникновеніе самобытной новѣйшей сербской литературы связано съ появленіемъ въ печати народныхъ героическихъ пѣсенъ, которыя до этого времени, т. е. съ XIV и XV до XIX столѣтія, распространялись только посредствомъ устной передачи. Открылъ эти пѣсни ученый, воспитанный подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма, Вукъ Стефановичъ Караджичъ (1787 г.—1864 г.). Своей грамматикой (въ 1814 году) и словаремъ (въ 1818 году) онъ упрочилъ общій литературный языкъ, который мало-по-малу воспринялъ въ себя элементы разныхъ сербскихъ нарѣчій и вытѣснилъ изъ употребленія мѣстные діалекты Сербіи, Черногоріи, Босніи, Герцоговины, Далмаціи, Кроаціи и Славоніи. Среди сербовъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова славятся, какъ наиболѣе талантливые художественные писатели, Зима Милютиновичъ (1791 г.—1847 г.) и Іованъ Поповичъ (1806 г.—1856 г.), среди черногорцевъ—князья Петръ II Петровичъ Нѣгошъ (1813 г.—1851 г.) и Никита I Петровичъ Нѣгошъ (род. въ 1841 г.); среди австрійскихъ сербо-хорватовъ католиковъ Людевитъ Гай (1809 г.—1872 г.) и Петръ Прерадовичъ (1818 г.—1866 г.).

Помимо иллирійскаго и великосербскаго движенія (срв. объ этомъ т. V) словенцы развили самостоятельно и пытались распространить свое родное нарѣчіе. Піонерами литературнаго развитія словенцевъ были поэты Валентинъ Водникъ (1758 г.—1819 г.) и Францъ Прежеренъ 1800 г.—1849 г.).

Усвоившее себѣ славянскій языкъ смѣшанное населеніе Болгаріи вспомнило вновь о своей древней самостоятельной литературѣ и о своей самостоятельной исторіи только въ началѣ XIX столѣтія. Самымъ знаменитымъ и самымъ правдивымъ изъ тѣхъ писателей, которые пробудили интересъ къ болгарской старинѣ былъ Георгъ Стойко Раковскій (1818 г.—1868 г.); напротивъ того, Стефанъ Верковичъ выдавалъ въ своей „Славянской Ведѣ“ (Le Véda slave, 1874 и 1881 гг.) свои собственныя выдумки за творенія и преданія болгарскаго народа.

2) Чехи и поляки.

Изъ сѣверныхъ славянъ, сосѣдей нѣмцевъ, чехи связаны съ западно-европейской культурой еще тѣснѣе, чѣмъ южные славяне. Послѣ того, какъ битва у Бѣлой горы (въ 1620 г.; срв. т. VII), положила жестокій конецъ цвѣтущей эпохѣ самостоятельнаго существованія Чехіи, эта страна была насильственно возвращена въ лоно католицизма и стала пробнымъ полемъ для централизаціонной и германизаторской политики Габсбургской династіи. Однако, вскорѣ наступила реакція, и правительство не могло воспретить жителямъ вѣрноподданнаго чешскаго королевства ни занятія науками, ни литературнаго примѣненія „богемскаго“ языка. Связанныя съ этимъ національнымъ возрожденіемъ политическія заднія мысли частью были удачно скрыты, частью просмотрѣны; въ дѣйствительности же поколѣнія чеховъ, жившія на рубежѣ между XVIII и XIX столѣтіями и находившіяся подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма, носились уже съ мыслью

о всеобщемъ славянскомъ возрожденіи, а въ слѣдующемъ поколѣніи эта идея въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи превратилась въ панславизмъ. Этого направленія держались какъ филологи и изслѣдователи славянской исторіи Іосифъ Добровскій (1753 г.—1829 г.), Іосифъ Як. Юнгманъ (1773 г.—1847 г.), Францъ Палацкій (1798 г.—1876 г.), такъ и патріотическіе поэты Янъ Колларъ (1793 г.—1852 г.), Фр. Владиславъ Челяковскій (1799 г.—1852 г.) и извѣстный фальсификаторъ чешскихъ древнихъ былинъ („Краледворская рукопись", 1818 г.) Вячеславъ Ганка (1791 г.—1861 г.). Слѣдующее поколѣніе обратилось къ чисто эстетическимъ задачамъ въ видѣ реакціи противъ слишкомъ одностороннихъ національно-политическихъ стремленій своихъ предшественниковъ. Во главѣ этого эстетическаго направленія стояли Карель Гавличекъ (1821 г.—1856 г.) и талантливый разсказчикъ Янъ Неруда (1834 г.—1891 г.). Нынѣ живущіе извѣстные чешскіе поэты Эммануилъ Боздехъ (род. въ 1841 году, больше не пишетъ съ 1889 г.), Святоплукъ Чехъ (род. въ 1846 г.), Эмиль Богушъ Фрида, извѣстный подъ псевдонимомъ Ярославъ Врхлицкій (род. въ 1853 г.), тоже не унизили искусства до роли прислужницы злободневной политики. Они слѣдуютъ теченію, замѣтному во всей европейской литературѣ, разрабатываютъ въ беллетристической формѣ современные міровые вопросы и стараются держаться посрединѣ между идеализмомъ и натурализмомъ.

Польская художественная литература тоже пережила свой вѣкъ возрожденія, свой „барокъ" и свой вѣкъ просвѣщенія и классицизма. Только послѣ всѣхъ трехъ раздѣловъ Польши (1772 г.—1795 г.) для польской литературы настала заря самостоятельной жизни. Она пріобрѣла свое оригинальное содержаніе, свою особую господствующую ноту съ цѣлымъ рядомъ громкихъ или тихихъ созвучій. Даже въ тѣ годы начала XIX столѣтія, когда субъективизмъ и пессимизмъ давалъ себя чуствовать у польскихъ писателей также сильно, какъ и въ остальныхъ европейскихъ литературахъ, сознаніе своей подчиненности высшимъ общимъ интересамъ все-таки просвѣчивало сквозь мракъ, которымъ окутывалъ себя стремившійся къ уединенію поэтъ. Несмотря на то, что поэзія Гете и Байрона, выношенная среди тяжелыхъ душевныхъ мукъ, а также нѣмецкіе романтики и философы дѣйствовали съ громадной притягательной силой на угнетенное, разочарованное, терзающееся отъ сознанія своихъ ошибокъ польское поколѣніе, жившее въ началѣ XIX столѣтія, польская поэзія все-таки не подверглась вновь прежней участи и не занималась больше рабскимъ воспроизведеніемъ на родномъ языкѣ содержанія и формы авторитетныхъ произведеній иностранныхъ литературъ. Наиболѣе почитаемый въ Польшѣ поэтъ Адамъ Мицкевичъ (1798 г.—1855 г.) былъ также первымъ безусловно самобытнымъ національнымъ польскимъ писателемъ, хотя ни одно изъ его произведеній не было бы мыслимо безъ „Фауста" или „Гарольда". Его же „Поминки" (Dziady, 1823 г.), его „Конрадъ Валленродъ" (1828 г.), его „Панъ Тадеушъ" (1834 г.) носятъ на себѣ отпечатокъ классической ясности выраженій, несмотря на весь субъективизмъ содержанія ихъ; напротивъ того, произведенія Юліуша Словацкаго (1809 г.—1849 г.) покрыты густымъ туманомъ романтизма, а поэтическое вдохновеніе графа Зигмунта Красинскаго (1812 г.—1859 г.) теряется въ цѣломъ морѣ метафизики и символики. Отъ „литовской" школы, сгруппировавшейся вокругъ Мицкевича, отдѣлилась украинская, которая старалась изобразить жизнь казаковъ и степи съ всевозрастающимъ реализмомъ; сюда относятся Антоній Мальчевскій (1793 г.—1826 г.), Богданъ Залѣсскій (1802 г.—1886 г.), Северинъ Гощинскій (1803 г.—1876 г.) и др. Впослѣдствіи, когда страстныя мечты поляковъ погибли послѣ неудачныхъ возстаній 1830—31 гг. (срав. стр. 183) и 1863 г. (т. V), народная душа отрезвилась, и въ литературѣ одержало верхъ реалистическое направленіе. Любовный интересъ къ современной дѣйствительной жизни, который охватилъ всю европейскую

литературу (стр. 638), затронулъ также и польскихъ писателей. Вмѣсто героическихъ аристократическихъ идеаловъ на сцену выступили современные демократическіе. Неподражаемо плодовитый Іозефъ Игнатій Крашевскій (1812 г.—1887 г.) одинъ создалъ самъ по себѣ цѣлую національную литературу романовъ; романъ есть также любимый родъ произведеній самаго знаменитаго изъ современныхъ польскихъ писателей Генрика Сенкевича (род. въ 1846 г.; „Quo vadis?“, 1895 г.).

3) Русская литература.

Изъ всѣхъ славянъ русскіе освободились наиболѣе кореннымъ образомъ отъ гнета западно-европейскаго культурнаго вліянія. Начиная съ XVII столѣтія, когда домъ Романовыхъ сталъ поощрять распространеніе европейской цивилизаціи въ Россіи противъ воли народныхъ массъ, литература стала играть роль орудія для проведенія въ жизнь этихъ правительственныхъ стремленій и поэтому вполнѣ естественно подчинилась безусловно иностранному вліянію. Русская литература оставалась никому неизвѣстнымъ придаткомъ всеобщей европейской литературы вѣка просвѣщенія даже въ продолженіе ея „золотого вѣка“, въ царствованіе Екатерины II (1729 г.—1796 г.). Только эпоха Гете и Байрона съ ея субъективизмомъ, совершенно чуждымъ духу русскаго народа, вызвала къ дѣятельности также и на сарматской почвѣ отдѣльныя оригинальныя художественныя натуры, которыя при всей своей самостоятельности носили еще въ значительной мѣрѣ западный обликъ по своимъ духовно-аристократическимъ манерамъ и по своимъ эстетическимъ стремленіямъ. Тѣмъ не менѣе А. С. Пушкинъ (1709 г.—1837 г.), который былъ воплощеніемъ байроновскаго эстетицизма, считается въ Россіи величайшимъ народнымъ поэтомъ, какъ это обнаружилось во время столѣтняго юбилея со дня его рожденія въ 1899 году. Такое же значеніе, какъ авторъ „Евгенія Онѣгина“ (1823 г. и сл.) и „Бориса Годунова“ (1831 г.), признается въ русской литературѣ также и за М. Ю. Лермонтовымъ (1814 г.—1841 г.), авторомъ романа „Герой нашего времени“, тоже написаннаго въ байроновскомъ духѣ. Самый выдающійся изъ лирическихъ поэтовъ того времени А. В. Кольцовъ (1809 г.—1842 г.), произведенія котораго развились на почвѣ русской народной пѣсни, уже напоминаетъ своимъ участіемъ къ судьбѣ трудящихся классовъ поэтовъ второй половины XIX столѣтія.

Въ царствованіе суроваго самодержца, который ненавидѣлъ западъ и старался оградить Россію отъ зараженія западно-европейской культурой, при Николаѣ I (1825 г.—1855 г.; срав. стр. 158 и 259), правительство поощряло узкій націонализмъ и увлеченіе народной самобытностью. Въ это время распространилось при посредствѣ изящной литературы и публицистики вполнѣ благонадежное въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ ученіе славянофиловъ, которое, впрочемъ, не совпадало вполнѣ съ казеннымъ націонализмомъ. Противъ этихъ консервативныхъ теченій боролась революціонная партія, которая вербовала своихъ приверженцевъ въ общественныхъ кругахъ, находившихся подъ западнымъ вліяніемъ и которая возлагала всѣ свои надежды на конституціонныя и республиканскія учрежденія. Еще дальше ушли по этому пути нигилисты или анархисты, радикальная секта, которая стремилась къ полному уничтоженію государства и общества, не стѣсняясь никакими средствами. Главарями славянофиловъ были братья К. С. и И. С. Аксаковы (1817 г.—1860 г. и 1823 г.—1886 г.), во главѣ умѣренныхъ сторонниковъ государственнаго переворота стоялъ Александръ Герценъ (1812 г.—1870 г.), а вожакомъ партіи нигилистовъ былъ Михаилъ Бакунинъ (1814 г.—1876 г.); литературнымъ представителемъ строго охранительнаго направленія и врагомъ всякой оппозиціи былъ М. Н. Катковъ (1818 г.—1887 г.). Само собою разумѣется, что столкновеніе этихъ враж-

дебныхъ между собой направленій всколыхнуло всю русскую литературу до самой глубины.

Направленіе, при посредствѣ котораго былъ вытѣсненъ эстетическій романтизмъ пушкинской эпохи и его мѣсто заступилъ самобытный русскій реализмъ, проявилось раньше всего въ критическихъ сочиненіяхъ В. Г. Бѣлинскаго (1811 г. — 1848 г.). Этому новому направленію проложилъ путь Н. В. Гоголь (1809 г.—1852 г.). Его сатирическая комедія „Ревизоръ" (1836 г.) и его неоконченный романъ „Мертвыя души" (1842 г.) раскрыли съ безжалостной прямотой язвы частной и общественной жизни Россіи; эти произведенія написаны безъ соблюденія традиціонныхъ правилъ искусства. За Гоголемъ послѣдовалъ длинный рядъ русскихъ натуралистическихъ писателей; ничѣмъ равнымъ имъ по достоинству, за исключеніемъ великихъ скандинавскихъ писателей, не могла похвалиться Западная Европа, находившаяся подъ наслѣдственнымъ гнетомъ своихъ традицій и своего школьнаго образованія. Въ то время, когда Гоголь еще не былъ извѣстенъ за границей, вниманіе всей Европы привлекъ къ себѣ своими романами и повѣстями И. С. Тургеневъ (1818 г. — 1883 г.; „Отцы и дѣти", 1862 г. „Дымъ", 1867 г.. „Новь", 1876 г., „Степной король Лиръ", 1870 г., „Стихотворенія въ прозѣ", 1882 г.). Этотъ писатель, который умѣлъ изображать съ художественной тонкостью настроеніе своихъ соотечественниковъ, изгибы характера и душевныя стремленія современной ему эпохи броженія, идиллію несчастья и забитости, сталъ естественнымъ посредникомъ между просыпающимся Востокомъ и изумленнымъ Западомъ. Душевныя муки, ужасъ, отчаяніе и тупая покорность нашли своего великаго художника въ лицѣ Ф. М. Достоевскаго (1821 г. — 1881 г.; „Записки изъ мертваго дома", 1861-62 г., „Преступленіе и наказаніе", 1866 г.): прежде чѣмъ развился оригинальный талантъ этого писателя, онъ пережилъ 10 мучительныхъ лѣтъ въ Сибири на каторгѣ. Какъ изъ рога изобилія, судьба посыпала щедрой рукой свои лучшіе дары не на двухъ или трехъ избранниковъ, а на цѣлыя плеяды талантливыхъ художественныхъ писателей; назовемъ изъ нихъ хотя бы, напримѣръ, слѣдующихъ: И. А. Гончарова (1813 г. — 1891 г.), А. Писемскаго (1820 г.—1881 г.), Г. П. Данилевскаго (1829 г. — 1890 г.), публициста-сатирика М. И. Салтыкова, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Н. Щедринъ (1826 г.—1889 г.), драматурга А. Н. Островскаго (1823 г. — 1886 г.), лирическаго поэта Н. А. Некрасова (1821 г.—1878 г.). Рядомъ съ суровыми обличительными пессимистическими произведеніями натуралистической школы въ публикѣ находили себѣ поклонниковъ также и хранители классическихъ идеалистическихъ традицій лирическій поэтъ А. Н. Майковъ (1829 г.—1897 г.) и драматургъ графъ А. К. Толстой (1818 г. — 1875 г.).

Ни одинъ изъ русскихъ писателей не можетъ сравниться по своей извѣстности и по своему вліянію съ графомъ Л. Н. Толстымъ (род. 9 сентября 1828 года), который пережилъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Въ теченіи перваго періода своей дѣятельности онъ удовлетворялся выполненіемъ своихъ художественныхъ задачъ: въ своемъ романѣ „Анна Каренина" (1873 г.—1876 г.) онъ обнаружилъ геніальную способность къ индивидуальному психологическому анализу, а въ романѣ „Война и миръ" (1865 г. — 1869 г.) онъ оказался виртуозомъ по части изображенія внутреннихъ и внѣшнихъ проявленій жизни массъ. По мѣрѣ того, какъ онъ старѣлся, онъ становился все болѣе агитаторомъ или апостоломъ, но его художественный талантъ нисколько не пострадалъ отъ этой перемѣны въ его взглядахъ. Въ своемъ дидактическомъ сочиненіи „Объ искусствѣ" онъ не признаетъ цѣлью поэзіи созданіе прекраснаго; по его мнѣнію, вся цѣнность ея заключается въ ея нравственныхъ задачахъ, главнѣйшая изъ которыхъ есть распространеніе между людьми братства въ духѣ первобытнаго христіанства. Толстой продолжаетъ бороться въ своихъ новѣйшихъ произве-

деніяхъ („Власть тьмы“, 1887 г., „Крейцерова соната“, 1890 г., „Плоды просвѣщенія“ [сатирическая комедія], „Воскресеніе“, 1899 г.) противъ умственнаго и нравственнаго отупѣнія, политическаго и экономическаго рабства, но не пользуется оружіемъ просвѣтителей и революціонеровъ. Онъ провозглашаетъ снова возвышенные нравственные идеалы всемірныхъ религій арійскихъ или усвоившихъ арійскую культуру народовъ: воздержаніе, кротость, готовность къ самопожертвованію, братскую любовь къ обездоленнымъ и нищимъ духомъ. Онъ облагородилъ снова лозунгъ „идти въ народъ“, который былъ дискредитированъ революціонерами и властолюбивыми агитаторами; и это вполнѣ понятно, такъ какъ никто не зналъ народа лучше его и не любилъ его болѣе искренней любовью, чѣмъ онъ. Въ числѣ молодыхъ художественныхъ писателей есть много послѣдователей Толстого, въ томъ числѣ его любимый ученикъ Максимъ Горькій (род. въ 1868 г.), быстро прославившійся авторъ драмы „На днѣ“. Кромѣ школы Толстого духъ предшествовавшаго поколѣнія художниковъ пера поддерживается въ живыхъ также цѣлымъ рядомъ другихъ писателей, отличающихся большимъ талантомъ изображенія, благородствомъ своихъ чувствъ и возвышенностью своихъ нравственныхъ цѣлей; таковы писатель П. Д. Боборыкинъ (род. въ 1836 г.), В. Г. Короленко (род. въ 1853 г.), А. П. Чеховъ (1859 г. — 1904 г.; „Мужики“, 1897 г.), В. М. Гаршинъ (1855 г.—1888 г.) и т. д.

б) Новогреческая литература.

До конца XVIII столѣтія новогреческая литература все еще оставалась въ стадіи подражанія ложноклассическимъ образцамъ. Когда народная поэзія вошла въ славу въ Элладѣ такъ же, какъ и въ остальной Европѣ, и образованные круги общества прониклись стремленіемъ къ возрожденію и облагороженію родного языка, то это событіе совпало съ тѣмъ глубокимъ народнымъ возбужденіемъ, которое предшествовало борьбѣ противъ турецкаго ига (срв. стр. 148). Общества для развитія греческаго языка и литературы (гетеріи) были въ то же время революціонными клубами. Къ этой эпохѣ, имѣвшей рѣшающее значеніе въ судьбѣ греческаго народа, принадлежали Константинъ Ригасъ (1754 г.-1798 г.), Адамантіосъ Корансъ (1748 г.—1833 г.), Александръ Ипсиланти (1792 г.—1828 г.), Діонисіосъ Соломосъ и др. Послѣ того, какъ греки отстояли свою государственную независимость, литература стала стремиться къ линіи, лежащей по срединѣ между классицизмомъ и современными теченіями, между реалистическимъ и идеалистическимъ стилями, между серьезнымъ и игривымъ, чужимъ и своимъ. На новогреческой почвѣ не выросло еще пока ни одного произведенія и ни одного поэта, которые имѣли бы всемірное значеніе. Въ своемъ отечествѣ пользуются большимъ почетомъ слѣд. писатели: братья Александросъ и Папайотисъ Сутсосъ (1803 г.—1863 г. и 1806 г.—1868 г.), Александросъ Ризосъ Рангависъ (Рангабе; 1810 г.—1892 г.) и его сынъ Клеонъ (род. въ 1842 г.), Аристотелесъ Фаляоритисъ (1824 г.—1879 г.), Деметріосъ Бернадакисъ (род. въ 1834 г.), Ангелосъ Влахосъ (род. въ 1838 г.) и др.

в) Мадьярская литература.

Во время своей борьбы противъ онѣмечивающаго централизма временъ Іосифа II и его преемниковъ мадьяры передѣлали свое варварское венгерское нарѣчіе въ литературный языкъ, соотвѣтствующій всѣмъ требованіямъ науки и искусства, и навязали этотъ языкъ посредствомъ политическаго давленія всѣмъ владѣніямъ короны Св. Стефана. Однако, несмотря на всю свою ненависть къ нѣмцамъ, венгерцы до настоящаго дня по большей части владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ такъ же хорошо, какъ

и своимъ роднымъ; поэтому нѣмецкое вліяніе всегда задавало тонъ въ мадьярской литературѣ; такъ дѣло обстоитъ и понынѣ. Періодъ „бури и натиска“ имѣлъ своего представителя въ лицѣ Сандора Кисфалуди (1772 г.-1844 г.); веймарскимъ стремленіемъ къ античному искусству и нѣмецкимъ романтизмомъ проникнуты драмы Кароли Кисфалуди (1788 г.-1830 г.) и Іосифа Катонаса (1792 г.—1830 г.; „Bánk Bán“, 1819 г.), эпическія произведенія Михаила Вересмартиса (1800 г.—1855 г.), пѣсни Георга Чучора (1800 г.—1866 г.). Въ домартовскій періодъ венгерская литература дѣйствовала въ духѣ предстоящаго государственнаго переворота. Впрочемъ, тенденціозные романы барона Іосифа Этвеса (1813 г.—1871 г., „Деревенскій нотаріусъ“, 1844 г.-1846 г.) и барона Николая Іозики пользуются вниманіемъ читающей публики также и за границей, такъ какъ они воспроизводятъ съ реалистической достовѣрностью своеобразныя условія жизни Венгріи.

Страстная, боевая и въ то же время меланхолическая, революціонная поэзія достигла своего апогея въ лирическихъ стихотвореніяхъ Алекс. Петефи (1823 г.—1849 г.) и въ эпическихъ стихотвореніяхъ Яноса Арани (1817 г.—1882 г.). Послѣ революціи (1848—49 года) національно-политическія тенденціи въ литературѣ отошли постепенно на задній планъ. Въ романахъ плодовитаго Мавра Іокая (род. въ 1825 г.), равно какъ и въ театральныхъ пьесахъ Іосифа Чатмари, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Эд. Чиглигети (1814 г.—1878 г.), сказалась съ силой, напоминающей Скотта и Дюма старшаго, „страсть къ сочинительству“. Другіе мадьярскіе писатели, изображавшіе окружающую ихъ современную жизнь, были послѣдователями реалистическаго направленія; таковы, напримѣръ, Коломанъ Тотъ (1831 г. — 1881 г.), Эдуардъ Тотъ (1844 г. — 1879 г.), Стефанъ Тольди (1844 г. — 1879 г.; его отецъ Францъ до 1847 года носилъ фамилію Шедель), Коломанъ Микшатъ (род. въ 1849 году); другіе гонялись, по преимуществу, за изяществомъ внѣшней формы своихъ произведеній въ западно-европейскомъ духѣ, — назовемъ изъ нихъ Людвига фонъ Дочи (собственно Дуксъ, род. въ 1845 году); нѣкоторые изъ мадьярскихъ писателей возносились въ своихъ стихотвореніяхъ въ глубь философіи, такъ, напримѣръ, Эмерихъ Мадахъ (1823 г.—1864 г.) написалъ историко-философскую „Трагедію человѣка“ (въ 1861 г.) на основѣ нѣмецкой метафизики, въ особенности шопенгауэровскаго пессимизма.

14. Землевѣдѣніе и историческая наука въ XIX столѣтіи.

А. Землевѣдѣніе въ XIX столѣтіи [1].

Послѣ классическихъ путешествій для изслѣдованія, предпринятыхъ въ 1761-1767 годахъ, по порученію датскаго правительства, ганноверскимъ уроженцемъ Карстеномъ Нибуромъ (стр. 547), который побывалъ въ Аравіи, Персіи, Сиріи и Египтѣ, быстро возросъ интересъ къ научной географіи, преимущественно къ геофизикѣ. Число людей, отдавшихъ свою жизнь и всѣ свои силы для развитія науки землевѣдѣнія, непрерывно увеличивалось. Кульминаціонный пунктъ этихъ стремленій отмѣчаетъ собою почти во всѣхъ отрасляхъ землевѣдѣнія гигантская дѣятельность барона Александра фонъ Гумбольдта (род. 14 сентября 1769 г., сконч. 6 мая 1859 г.; см. фиг. 1 на табл., прилож. къ стр. 656). Однако труды Гумбольдта не затрагивали одной изъ важнѣйшихъ задачъ XIX столѣтія, — вновь поставленнаго на очередь, начиная съ 1818 года, изслѣдованія полярныхъ областей: на этомъ поприщѣ блистаютъ прежде всего имена англичанина Джона Франклина (1786 г.—1847 г.), который пожертвовалъ

[1] Составлено главнымъ образомъ редакторомъ.

своей жизнью для открытія (непригоднаго на практикѣ) сѣверо-западнаго свободнаго пути къ полярнымъ странамъ, финляндскаго уроженца шведа Адольфа Эрика Норденшельда (1832 г.—1901 г.), который проѣхалъ въ 1878 г. по сѣверо-восточному пути и, наконецъ, норвежца Фритіофа Нансена (род. въ 1861 г.). Затѣмъ всеобщій интересъ вызвало изслѣдованіе **центральной Африки**, въ которомъ Гумбольдтъ тоже не принималъ участія. Наши свѣдѣнія о „темномъ" материкѣ были существенно расширены и углублены благодаря изслѣдованіямъ длиннаго ряда путешественниковъ, изъ которыхъ назовемъ только наиболѣе выдающихся, каковы: Фридрихъ Горнеманъ (1766 г.—1801 г. ?), Людвигъ Буркгардтъ (1784 г.—1817 г.), Диксонъ Денгамъ (1786 г.—1828 г.), Гугъ Клаппертонъ (1788 г.—1828 г.), Іоаннъ Людвигъ Крапфъ (1810 г.—1881 г.), Давидъ Ливингстонъ (1813 г.—1873 г.; см. его портретъ на табл., прилож. къ стр. 475. III тома), Іоганнъ Ребманъ (1820 г.—1876 г.), Генрихъ Бартъ (1821 г.—1865 г.; изслѣдованія Аира въ 1850 г., открытіе озера Бенуэ въ 1858 г. и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ западнаго и средняго Судана въ теченіи слѣдующихъ лѣтъ до 1855 г.: см. его портретъ, прилож. къ той же таб. III тома), Самуилъ Уайтъ Бекеръ (1821 г.—1893 г.), Теодоръ фонъ Гейдлинъ (1824 г.—1876 г.). Джонъ Ганнингъ Спикъ (1827 г.—1864 г.), Джемсъ Грантъ (1827 г.—1892 г.). Эд. Фогель (1829 г.—1856 г.) и Гергардъ Рольфсъ (1831—1896 г.), баронъ Карлъ Клаусъ фонъ деръ Декенъ (1833 г.—1865 г.), Муставъ Нахтигаль (1834 г.—1885 г.), Павелъ Беллони дю Шалью (1835 г.—1903 г.). Георгъ Швейнфуртъ (род. въ 1836 г.; см. его портретъ на только что упомянутой табл. III тома) и Карлъ Маухъ (1837 г.—1875 г.). Эдуардъ Шницеръ, извѣстный подъ именемъ Эмина-паши, и Вильгельмъ Юнкеръ (1840 г.—1892 г.), Джемсъ Роуландъ, извѣстный подъ именемъ Генри Мортонъ Стенли (род. въ 1841 г.; см. его портретъ на той же таблицѣ III тома), Верней Ловетъ Камеронъ (1844 г.—1894 г.) и Александръ Альберъ де ла Роха, Серпа Пинта (1846 г.—1902 г.), Эмиль Голубъ (1847 г.—1902 г.) и Оскаръ Ленцъ (род. въ 1842 г.), Фернанъ Фуро (род. въ 1850 г.) и графъ Пьеръ Саворньянъ де Брацца (род. въ 1852 г.), Германъ Висманъ (род. въ 1853 г.), Фил. Паулички (1854 г.—1899 г.) и Робертъ Флегель (1855 г.—1886 г.), Гансъ Мейеръ и Г. Г. Джонстонъ (род. въ 1858 г.), Ж. Б. Маршанъ (род. въ 1863 г.), Оскаръ Бауманъ (1864 г.—1899 г.) и Рих. Кандтъ (род. въ 1867 г.). Начиная съ средины XIX столѣтія, трудамъ изслѣдователей Африки оказывали свое разумное и полезное содѣйствіе картографъ Августъ Петерманнъ (1822 г.—1878 г.) и его школа. Въ тѣсной связи съ научными путешествіями по Африкѣ стоитъ въ теченіе послѣдняго поколѣнія оживленная дѣятельность практическихъ колоніальныхъ политиковъ Рольфса, Флегеля, Карла Петерса (род. въ 1856 г.) и теоретиковъ Фридриха Фабри (1821 г.—1891 г.), Макса Маріи фонъ Вебера (1822 г.—1888 г.) и Вильгельма Гюббе Шлейдена (род. въ 1846 г.). Изъ этого сука дерева науки въ послѣднее время выросла еще одна вѣтка—экономическая географія.

Гумбольдтъ справедливо считается, наряду съ барономъ Христ. Леопольдомъ фонъ Бухомъ (1774 г.—1853 г.), родомъ изъ Укермарка, и Эли де Бомономъ (1798 г.—1874 г.), родомъ изъ сѣверной Франціи, основателемъ описательной орографіи (науки о строеніи горъ), къ которой впослѣдствіи присоединилась морфологія, объясняющая возникновеніе земной поверхности; важнѣйшіе труды въ этой послѣдней области принадлежатъ Джемсу Дуайту Дана (1813 г.—1895 г.) и Фридриху Зимони (1813 г.—1896 г.), Эд. Зюссу (род. въ 1831 г.) и Альб. Гейму (род. въ 1849 г.). Силы, образующія морскіе берега, создающія и уничтожающія поверхностные слои земли, были разъяснены болѣе обстоятельно трудами Карла Густава Бишофа (1792 г.—1870 г.), Берн. Штудера (1794 г.—1887 г.) и Фр. Гофмана (1797 г.—1836 г.), Генри Томаса де ла Беша (1796 г.—1855 г.), К. Э. А.

фонъ Гоффа (1771 г.—1837 г.) и его послѣдователя Чарльза Ляйелля (1797 г.—1875 г.), Эндрью Кромби Рамсея (1814 г.—1891 г.), Арчибальда и Джемса Гейки (род. въ 1835 г. и въ 1839 г.). Оскаръ Пешель (род. 17 марта 1826 г., сконч. 31 августа 1875 г.; см. его портретъ на табл., прилож. къ стр. 656), съ которымъ мы встрѣтимся еще ниже, и баронъ Фердинандъ фонъ Рихтгофенъ (род. въ 1833 г.) развили географическіе выводы, вытекающіе изъ геологическихъ открытій.

Гумбольдтъ, поднявшій климатологію до степени спеціальной науки, которая была значительно углублена Людвигомъ Фридрихомъ Кемцомъ (1801 г,—1867 г.) Г. В. Дове (1803г.—1879 г.) и Ад. Ад. Мюри (1810 г.—1888 г.), Александромъ Бухановъ (род. въ 1829 г.), Юл. Ганномъ (род. въ 1839 г.) и Александромъ Воейковымъ (род. въ 1842 г.,) былъ также первымъ піонеромъ въ области географіи растеній. Одновременно съ нимъ и послѣ него Декандоли отецъ и сынъ (Огюстенъ Пирамъ и А. Л. П. П., 1778 г.—1841 г. и 1806 г.—1893 г.) занимались изслѣдованіемъ приспособляемости растеній къ климату и почвѣ; Августъ Генрихъ Руд. Гризебахъ (1814 г.—1879 г.) составилъ общее описаніе „Растительности земного шара въ ея распредѣленіи по климатамъ“, а Адольфъ Энглеръ (род. въ 1844 г.) написалъ „Опытъ исторіи развитія растительнаго міра, въ особенности, областей флоры со времени третичной эпохи“ (1879 г.—1882 г.) на основаніи теоріи происхожденія. Еще большее значеніе пріобрѣла теорія происхожденія, впервые высказанная Ламаркомъ (въ 1808 году) и основанная Чарльзомъ Дарвиномъ и Альфредомъ Росселемъ Уоллесомъ (род. въ 1822 г.; „Географическое распредѣленіе животныхъ“, въ 1876 г.), въ качествѣ основы для теоріи распространенія животныхъ, которой положилъ начало Андр. Вагнеръ (1797 г.—1861 г.), въ то время какъ Морицъ Вагнеръ (1813 г.—1887 г.) съ успѣхомъ противопоставлялъ ей ученіе о вырожденіи вслѣдствіи переселеній (законъ миграціи).

Въ двухъ дальнѣйшихъ областяхъ землевѣдѣнія славу піонера науки раздѣляетъ съ Гумбольдтомъ Карлъ Риттеръ (род. 7 августа 1779 года, скончавшійся 28 сентября 1859 г.; см. его портретъ на прилож. табл.: „Нѣмецкіе географы и историки“): во-первыхъ, въ описаніи отдѣльныхъ странъ и связанныхъ съ нимъ отрасляхъ географіи, во-вторыхъ, въ ученіи о вліяніи географическихъ условій на народонаселеніе и историческія явленія. Къ двумъ вышеупомянутымъ ученымъ слѣдуетъ присоединить также и Пешеля, несмотря на его полемику со школой Риттера, въ особенности если признать справедливымъ слѣдующія требованія Эдуарда Рихтера: „великими географами могутъ быть только тѣ, имена которыхъ встрѣчаются также и въ исторіи литературы“. Оскаръ Пешель не только раскрылъ многочисленныя соотношенія между народонаселеніемъ и природой каждой страны, но оживилъ также интересъ къ географической наукѣ и ея исторіи и, благодаря этому, далъ толчокъ къ ея дальнѣйшему развитію въ разныхъ направленіяхъ.

Можно смѣло утверждать, что первымъ источникомъ всѣхъ этихъ успѣховъ географіи послужило великое американское путешествіе Гумбольдта (1799 г.—1804 г.), которое и теперь еще стоитъ внѣ сравненія по своему богатству достовѣрными наблюденіями. Оно вызвало подавляющее множество частныхъ и въ особенности государственныхъ экспедицій для географическихъ изслѣдованій. Кромѣ экспедицій въ Африку (срв. выше), упомянемъ еще о путешествіяхъ для изслѣдованія внутреннихъ частей Австраліи шотландцевъ Томаса Митчеля (1792 г.—1855 г.) и Джона Макъ Доуаль Стюарта (1818 г.—1866 г.), англичанъ Чарльза Стёрта (сконч. въ 1869 г.) и Эдуарда Джона Эйра (1815 г.—1902 г.), бранденбургскаго уроженца Людвига Лейхгардта (1813 г.—1848 г. ?) и уроженца западной Австраліи Джона Форреста (род. въ 1847 г.); назовемъ еще слѣдующихъ выдающихся путешественниковъ по южной Америкѣ: баварца

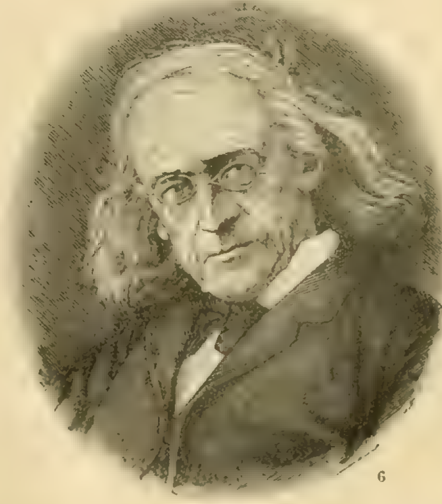

1

4

2

5

3

6

Исторія человѣчества. VIII. Т-во „Просвѣщеніе" въ СПб.

Нѣмецкіе географы и историки.

Объясненіе къ портретамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

А. Слѣва: три географа.

1. Баронъ Фридрихъ Генрихъ Александръ фонъ **Гумбольдтъ**, род. 14 сентября 1769 года въ Берлинѣ, скончаться 6 мая 1859 года въ Берлинѣ, съ портрета, писаннаго въ 1854 году для принца Вильгельма Прусскаго Эммой Гаджіотти-Рихардсъ, грав. Пауль Габельманъ; изданіе Алекс. Дункера въ Берлинѣ.

2. Карлъ **Риттеръ**, родился 7 августа 1779 года въ Кведлинбургѣ, скончался 28 сентября 1859 г. въ Берлинѣ. Съ фотографіи, снятой въ 1858 году, гравир. на мѣди Юл. Тетеръ; ср. Г. Крамера: „Карлъ Риттеръ", часть I, Галле, 1864 года. Рисунокъ карандашемъ, сдѣланный съ этой фотографіи въ 1859 году, былъ впослѣдствіи воспроизведенъ въ многочисленныхъ экземплярахъ посредствомъ фотографіи.

3. Оскаръ **Пешель**, род. 17 марта 1826 года въ Дрезденѣ, скончаться 31 августа 1875 года въ Лейпцигѣ, съ платинотипіи Карла Беллаха въ Лейпцигѣ, принадлежащей вдовѣ Пешеля.

Б. Справа: три историка.

4. Бартольдъ Георгъ **Нибуръ**, род. 27 августа 1776 г. въ Копенгагенѣ, скончаться 2 января 1831 года въ Боннѣ. Съ портрета, нарисованнаго въ 1823 году Юл. Шнорромъ (фонъ Карольсфельдомъ), грав. Фердинандъ Рушевей въ Римѣ въ 1835 г.; эта гравюра находится въ королевскомъ кабинетѣ грав. въ Берлинѣ. Другая гравюра, сдѣланная съ того же рисунка Г. Мерцомъ, приложена ко второму тому „Біографическихъ свѣдѣній о Б. Г. Нибурѣ" (Гамбургъ, 1838 г.), еще одна помѣщена Альбертомъ Тейхелемъ въ его сочиненіи „Государственные дѣятели Пруссіи, IV: Нибуръ" (Лейпцигъ, 1842 года).

5. Леопольдъ фонъ **Ранке**, род. 21 декабря 1795 г. въ Вихѣ (въ Тюрингенѣ), скончаться 23 мая 1886 г. въ Берлинѣ. По имѣющейся у издателя копіи въ краскахъ съ картины Юл. Шрадера, находящейся въ Берлинской Національной Галлереѣ.

6. Теодоръ **Момзенъ**, род. 30 ноября 1817 года въ Гардингѣ (въ Шлезвигѣ), скончался въ 1904 году. Съ картины своей собственной работы, грав. офортомъ Луи Якоби въ 1890 г.

К. Ф. Ф. фонъ Мартіуса (1794 г.—1868 г.), саксонца Э. Фр. Пенниха (1798 г.—1868 г.), швейцарца I. I. фонъ Чуди (1818 г. — 1889 г.) и нѣсколько напоминающаго Вико уроженца Рейнской провинціи Карла фонъ деръ Штейнена (род. въ 1855 г.). Въ изслѣдованіе внутреннихъ частей Азіи внесли свои труды слѣдующіе путешественники: русскій Николай Пржевальскій (1839 г.—1888 г.), баварцы Германъ Адольфъ и Робертъ Шлагинтвейты (1826 г.—1882 г.; 1828 г.—1857 г.; 1833 г.—1885 г.), шведъ Свенъ Гединъ (род. въ 1865 г.); тюрингенскій уроженецъ Францъ Вильгельмъ Юнгхунъ (1812 г.—1864 г.) производилъ географическія изслѣдованія на островѣ Явѣ, а австріецъ Ферд. фонъ Гохштетеръ на Новой Зеландіи.

Изъ научныхъ морскихъ путешествій въ исторіи науки имѣли выдающееся значеніе экспедиціи Адама Іоанна Крузенштерна (1770 г.—1846 г), Отто фонъ Коцебу (1787 г.—1846 г.) и Г. Ф. Э. Ленца (1804 г.—1865 г.), Эдуарда Сабина (1788 г.—1883 г.) Джемса Росса (1800 г.—1862 г.) и Виктора Генсена (род. въ 1835 г.), экспедиціи на корабляхъ „Лайтнингъ“ (1868 г.), „Поркюпайнъ“ (1869/70 г.) „Челленджеръ“ (1872—1876 г.) и „Тускарора“ (1873/74, 1875/76 и 1878 г.), „Газель“ (1874 г.—1876 г.) и „Вальдивія“ (1898/99 г.), которыя составили эпоху въ нашихъ знаніяхъ о морѣ вообще и въ особенности о морскихъ глубинахъ.

Главное значеніе путевыхъ записокъ Гумбольдта и его послѣдователей заключается во всестороннемъ объясненіи и художественномъ воспроизведеніи картинъ природы; напротивъ того, въ сочиненіяхъ по частной географіи различныхъ странъ и другимъ близкимъ къ ней отраслямъ землевѣдѣнія нижеслѣдующихъ ученыхъ преобладаетъ Риттеровское направленіе, отличающееся болѣе описательнымъ характеромъ и захватывающее въ свою сферу также и человѣка; къ числу послѣднихъ принадлежатъ: Хр. Г. Д. Штейнъ (1771 г.—1830 г.) и Георгъ Веньяминъ Мендельсонъ (1794 г.—1874 г.; „Германская Европа“, 1836 г.), Альбрехтъ фонъ Роонъ (1803 г.—1879 г.), Карлъ Эд. Мейнике (1803 г.—1876 г.), Іоганнъ Эдуардъ Ваппеусъ (1812 г.—1879 г.), Герм. Альб. Даніэль (1812 г.—1871 г.) иУставъ Адольфъ фонъ Кледенъ (1814 г.—1885 г.), картографъ Генрихъ Кипертъ (1818 г.—1899 г.), Отто Деличъ (1821 г.—1882 г.), Германъ Гуте (1825 г.—1874 г.), Эрнстъ Бемъ (1830 г.—1884 г.) и Германъ Вагнеръ (род. въ 1840 г.), Адріано Бальби (1782 г.—1848 г.) и сынъ его Евгеніо (1812 г.—1884 г). Луи Вивьенъ де Сенъ-Мартенъ (1802 г.—1897 г.), Генри Уальтеръ Бэтсъ (1825 г.—1892 г.) и Элизэ Реклю (род. въ 1830 г.), Эрнстъ Курціусъ (срв. стр. 662), Карлъ Нейманъ (1823 г.—1880 г.) и Конрадъ Бурсіанъ (1830 г.—1883 г.), I. I. Рейнъ (род. въ 1835 г.), Альфредъ Кирхгофъ и географъ человѣческой культуры Карлъ Вольфъ (род. въ 1838 году), Генрихъ Ниссенъ (род. въ 1839 г.) и Вельгельмъ Томашекъ (1841 г.—1901 г.), Фридрихъ Антоній Геллеръ фонъ Гельвальдъ (1842г.—1892 г.), Теодоръ Фишель (род. въ 1846 г.) и Александръ Зупанъ (род. въ 1847 г.), Іосифъ Парчъ (род. въ 1851 г.). Фридрихъ Ганъ (род. въ 1852 г.) и Альбрехтъ Пенкъ (род, въ 1858 г.).

Послѣ того, какъ уже Гердеръ (стр. 577) сдѣлалъ много мѣткихъ наблюденій надъ зависимостью человѣка отъ природы земной поверхности — съ своей стороны Гете и даже Гейне тоже приближаются къ этому направленію мыслей—Гумбольдтъ (срв. выше) и въ особенности Риттеръ трудились надъ разрѣшеніемъ относящихся сюда вопросовъ, причемъ послѣдній представлялъ себѣ, что географическое распредѣленіе и особенности различныхъ странъ были предопредѣлены въ планѣ творенія, слѣдовательно онъ былъ безусловнымъ телеологомъ. Ученики его, въ особенности гегельянецъ Христіанъ Каппъ (1790 г.—1874 г.: „О происхожденіи людей и народовъ“, „Философское землевѣдѣніе“) и Іоаннъ Георгъ Коль (1808 г.—1878 г; „Разселеніе людей и сношенія между ними въ ихъ зависимости отъ формы земной поверхности“, 1841 г.), продолжали развивать идеи своего учителя. Въ

связи съ сочиненіями этихъ ученыхъ стоятъ отчасти тѣ изслѣдованія, совокупность которыхъ превратила народовѣдѣніе, исходившее въ нѣкоторой степени изъ данныхъ Блюменбаха (стр. 552), въ полноправную отрасль географической науки; важнѣйшія заслуги на этомъ поприщѣ принадлежатъ Пешелю, обладавшему громадными познаніями, Теодору Вайцу (1821 г.—1864 г.; „Antropologie der Naturvölker", законченная Георгомъ Герландомъ, род. въ 1833 г.) и глубокомысленному неутомимому Адольфу Бастіану (род. въ 1826 г.) съ его любимой страстью къ сравненіямъ. Исходя изъ трудовъ всѣхъ этихъ ученыхъ или же, по крайней мѣрѣ, пользуясь ихъ методомъ, Фридрихъ Ратцель (род. въ 1844 г.) подвинулъ впередъ сравнительно съ Риттеромъ ученіе о тѣсномъ соотношеніи между природой и человѣкомъ и воздвигнулъ гордое зданіе, на которомъ онъ выставилъ характерный заголовокъ „Anthropogeographie" („Географія человѣка" 1882 г.—1891 г.); въ этомъ трудѣ нашло себѣ свое мѣсто все то, что можно было сказать о географическомъ положеніи человѣка въ его прошломъ и настоящемъ. Онъ непрерывно выдвигалъ на очередь разнообразные вопросы науки, изслѣдованіемъ которыхъ занялась цѣлая плеяда его послѣдователей („Школа Ратцеля"; срав. въ особенности прекрасные труды рано скончавшагося Генриха Шурца, 1863 г.—1903 г.); тому же Ратцелю настоящее сочиненіе обязано своей основной идеей, заключающейся въ стремленіи воспользоваться планомѣрно научными результатами географіи человѣка для выработки болѣе яснаго представленія о всеобщей исторіи человѣка въ самыхъ широкихъ рамкахъ.

Б. **Историческая наука въ XIX столѣтіи**[1].

а) Германія, Австрія, Швейцарія, Нидерланды и Скандинавскій полуостровъ.

Въ своей рѣчи въ память Леопольда фонъ Ранке Вильгельмъ фонъ Гизебрехтъ разсказываетъ, что тотъ воскликнулъ при чтеніи перваго сочиненія Огюстена Тьерри (1795 г.—1856 г.), отличающагося удивительной художественностью внѣшней формы: „ничего подобнаго мы не въ состояніи создать"; уже будучи старикомъ, онъ думалъ, что англійскіе, французскіе и итальянскіе историки превосходятъ нѣмецкихъ блескомъ и изяществомъ выраженія, силой и выпуклостью изображеній, вслѣдствіе того, что они смотрятъ на исторію исключительно съ національной точки зрѣнія, въ то время какъ въ Германіи господствуетъ универсальное направленіе, относящееся къ событіямъ съ холодной разсудочностью. Безспорно, что нѣмецъ больше всего склоненъ къ безпредразсудочному изслѣдованію универсальной стороны историческихъ явленій; за исключеніемъ одного только Генриха-фонъ-Трейчке (1834 г. — 1896 г.; „Исторія Германіи въ XIX столѣтіи") нѣтъ ни одного нѣмецкаго писателя, котораго можно было бы сравнить съ увлекательными иностранными историками. Зато нѣмцы могутъ похвалиться тѣмъ, что большая часть тѣхъ успѣховъ, благодаря которымъ исторія превратилась изъ искусства въ науку, стоящую на высотѣ задачъ XIX вѣка, была добыта въ Германіи.

Благодаря тому кругу мыслей, которому Гердеръ и Гете впервые дали толчокъ и который они оплодотворили, развилась до пышнаго расцвѣта врожденная способность нѣмцевъ къ глубокому пониманію и вѣрной передачѣ прошлаго. Патріотическій духъ, возрожденный уже Іустусомъ Мезеромъ, для котораго романтизмъ послужилъ подкрѣпляющей пищей (срв. стр. 112 и сл.), породилъ настроеніе, вызвавшее охоту къ основательному изученію добраго стараго времени по свѣжимъ матеріаламъ вновь

---

[1] Этотъ очеркъ составленъ главнымъ образомъ редакторомъ.

открываемыхъ источниковъ; благодаря этому стремленію, возникло величественное и, какъ водится у нѣмцевъ, безмѣрное предпріятіе: „Monumenta Germaniae historica“ (M. G.), безчисленные томы котораго стали выпускаться въ свѣтъ, начиная съ 1826 г., обществомъ для изученія древнѣйшей исторіи Германіи, основаннымъ въ 1819 году барономъ Карломъ фонъ-Штейномъ (стр. 67). Необходимыя для этого изданія обширныя предварительныя работы, изслѣдованія матеріала, предшествующія опубликованію историческихъ документовъ, вызвали къ жизни особый родъ ученой спеціальности, представители которой характеризуются удачнѣе всего названіемъ „монументальная школа“; кромѣ главарей этой школы, Георга Генриха Перца (1795 г.—1876 г.), Георга Вайца (1813 г.—1886 г.; съ 1840 года онъ состоитъ сотрудникомъ MG., а съ 1875 г. онъ стоитъ во главѣ этого изданія) много болѣе молодыхъ силъ работали съ успѣхомъ надъ добросовѣстнымъ выясненіемъ темныхъ эпизодовъ германской исторіи. Назовемъ самыхъ выдающихся представителей этой спеціальности; таковы Филиппъ Яффе (1819 г. — 1870 г.) и Вильгельмъ Ваттенбахъ (1819 г. — 1897 г.: „Источники для исторіи Германіи до 1250 г.“, въ 1858 г.; для слѣдующей четверти тысячелѣтія матеріалъ былъ разработанъ Лоренцомъ, о которомъ смот. ниже), Теодоръ-фонъ-Зиккель (род. въ 1826 г.), который изучилъ въ Парижской Ecole des chartes (стр. 585) труды конгрегаціи св. Мавра (стр. 534), совершенно позабытые въ Германіи, а въ пятидесятыхъ годахъ возвратился въ Германію и далъ толчокъ къ методической разработкѣ „вспомогательныхъ историческихъ наукъ“, Карлъ Фридрихъ Штумпфъ-Брентано (1829 г.—1882 г.) и Эрнстъ Дюмлеръ (1830 г.—1902 г.), Альфредъ Бореціусъ (1836 г.—1900 г.; „Капитуляріи“)—и Зигурдъ Абель (1837 г. — 1873 г.), Вильгельмъ Арндтъ (1838 г. — 1895 г.) и Гарри Бреслау (род. въ 1848 г.; редакторъ „Новаго архива общества для изученія древнѣйшихъ источниковъ германской исторіи“). Престарѣлый Моммзенъ (срв. ниже) тоже давно уже посвятилъ свою издательскую дѣятельность на служеніе MG.

Еще боле важное значеніе имѣли для германской исторіи труды другого ученаго. Заимствованіе изъ первыхъ источниковъ, вѣрная передача ихъ содержанія не составляетъ единственныхъ преимуществъ нѣмецкой исторіографіи XIX столѣтія: она проникнута научнымъ духомъ, — это есть драгоцѣнный плодъ **критическаго метода**, созданнаго впервые Фридрихомъ Августомъ Вольфомъ (стр. 530) для цѣлей классической филологіи. Въ германской исторіографіи мы впервые наталкиваемся на этотъ методъ, если не считать робкихъ начатковъ его, замѣтныхъ у Лейбница (стр. 535), въ трудахъ Бартольда Георга **Нибура** (род. 27 августа 1776 г., скончал. 2 января 1831 г.; см. его портретъ на табл., прилож. къ стр. , фиг. 4), „Римская исторія“ котораго (1811 г. —1832 г.) свидѣтельствуетъ о томъ несравненномъ искусствѣ, съ которымъ онъ отдѣлялъ достовѣрное отъ ложнаго и очищалъ первоначальный вѣрный разсказъ отъ позднѣйшихъ прикрасъ и съ которымъ онъ умѣлъ возстановлять связность разсказа въ тѣхъ случаяхъ, когда она затемнена или перепутана. Въ другихъ, соприкасающихся съ исторіей областяхъ, въ томъ же направленіи трудились Фридрихъ Карлъ фонъ Савиньи (1779 г. — 1861 г.), Карлъ Фридрихъ Эйхгорнъ (1781 г. — 1854 г.) и Яковъ Гриммъ (1785 г. — 1863 г.), по стопамъ котораго шли Іоганнъ Каспаръ Цейсъ (1806 г.—1856 г.; „Германцы и сосѣднія племена“, въ 1837 г.), Карлъ Ф. Мюлленгофъ (1818 г.—1884 г.; „Германскія древности“, 1870 г. и слѣд.) и Карлъ Вейнгольдъ (1823 г.—1901 г.). Путь чистаго романтическаго міровоззрѣнія, по которому шли І. І. фонъ Герресъ (1776 г.—1848 г.), съ конца 30-хъ годовъ ставшій поклонникомъ ультрамонтанизма вмѣстѣ съ Карломъ Эрнестомъ Ярке (1801 г.—1852 г.) и Джорджемъ Филипсомъ (1804 г. — 1872 г.), и горячимъ заступникомъ котораго не переставалъ быть до преклоннаго возраста Іоганнъ Фридрихъ Бемеръ (1795 г.—1863 г.), былъ совершенно заброшенъ мало-по-малу; въ то время,

какъ романтизмъ приходилъ въ запустѣніе, научное направленіе выгадывало подъ собой почву. Что историческая критика можетъ иногда привести къ ложнымъ въ своемъ основаніи выводамъ вслѣдствіе злоупотребленія остроумными догадками,—примѣромъ этому можетъ служить утвержденіе Іосифа Ашбаха, что стихотворенія поэтессы Гротсуитъ фонъ-Гандерсгеймъ составляютъ подлѣлку общества гуманистовъ, основаннаго Конрадомъ Цельтисомъ (1867 г.), и догадка Павла Шефферъ-Бойхорста, будто флорентинская хроника Дино Компаньи сфабрикована только въ XVII столѣтіи (1874 годъ и сл.).

Кто хочетъ изучить основательно успѣхи исторической науки въ Германіи на подходящемъ примѣрѣ, для того наилучшимъ образцомъ можетъ послужить вышедшее въ 1834—36 годахъ сочиненіе Леопольда Ранке (род. 21 декабря 1795 г., сконч. 23 мая 1885 г.; его портретъ см. фиг. 5 на таблицѣ, прилож. къ стр. 656) „Римскіе папы“. Изъ почти необозримаго ряда сочиненій этого автора („Исторія Германіи въ эпоху реформаціи“, 1839 г.—1847 г.; „Девять книгъ прусской исторіи“, 1847 г. 1848 г.; „Французская исторія“, 1852 г.—1861 г.; „Англійская исторія“, 1859 г.—1868 г.; „Исторія Валленштейна“, 1869 г., „Всемірная исторія“, 1881 г.—1888 г.) съ исторіей „Римскихъ папъ“ можетъ сравниться по своему достоинству только образцовое изслѣдованіе „О заговорѣ противъ Венеціи въ 1618 году“ (1831 г.). Какимъ образомъ вышло, что нѣмцы и до сихъ поръ считаютъ сочиненія Ранке кульминаціонной точкой исторіографіи, несмотря на тотъ очевидный фактъ, что поколѣнія, послѣдовавшія за Ранке въ отдѣльныхъ вопросахъ ушли отчасти гораздо дальше своего великаго учителя? Это объясняется прежде всего его пророческимъ даромъ, вызывающимъ къ себѣ высокое уваженіе и дающимъ ему возможность заглядывать безошибочно въ глубь вещей, его рѣдкимъ тактомъ въ критической оцѣнкѣ матеріала, тщательной осторожностью, съ которой онъ оцѣниваетъ вновь открытые источники и пользуется ими, классическимъ спокойствіемъ и благородствомъ его яснаго стиля; благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, большая часть сочиненій Ранке носитъ на себѣ печать геніальности; самъ Ранке требовалъ отъ историческаго труда строгой критики, точности и проницательности. Къ тому же при всей сдержанности („объективности“) этого писателя, который не любитъ выдвигать на первый планъ свою собственную точку зрѣнія, сочиненія его проникнуты нравственной силой, свидѣтельствующей о непоколебимой твердости убѣжденій, и читателя охватываетъ спокойная увѣренность въ томъ, что онъ смѣло можетъ довѣриться руководству этого человѣка, познанія котораго охватываютъ тысячелѣтніе періоды и который безъ щегольства пользуется ими только для поясняющихъ параллелей. Какъ критика Нибура не можетъ отречься отъ своей родственной связи съ романтизмомъ, такъ и міровоззрѣніе Ранке стоитъ на плечахъ идеальной философіи Фихте, Гегеля и Шеллинга. Однако мало-помалу Ранке уклонился отъ первоначальнаго своего пути; по его мнѣнію, прогрессъ заключается не въ непрерывномъ нравственномъ развитіи — это онъ безусловно отрицаетъ (срв. т. I, стр. 11), — а въ постоянномъ движеніи впередъ въ „области матеріальныхъ интересовъ“, въ ростѣ культуры въ связи съ успѣхами умственнаго развитія и знаній. Изъ простой попытки сказать только, какъ собственно дѣло было (1824 г.), выростаетъ методически и строится камень за камнемъ гордое зданіе трудовъ Ранке.

Самое яркое выраженіе успѣха умственнаго работника заключается въ томъ, что онъ *создаетъ школу*. Изъ берлинскаго „Историческаго Общества“, основаннаго Ранке, которое послужило образцомъ для всѣхъ историческихъ университетскихъ семинарій послѣдующаго времени [1], вышли слѣ-

[1] Первая „историческая семинарія“ для средневѣковой и новой исторіи была учреждена въ началѣ 70-ыхъ годовъ XIX столѣтія при Страсбургскомъ университетѣ (стр. 593)

дующіе ученые: Вайцъ, который имѣлъ право сказать о себѣ, что онъ воспиталъ цѣлое поколѣніе историческихъ писателей, прошедшихъ правильную школу, своей педагогической дѣятельностью въ Геттингенѣ (1849 г.—1875 г.: см. статью, написанную имъ по случаю чествованія 50-лѣтняго докторскаго юбилея Ранке 20 февраля 1867 года, подъ заголовкомъ „Практическія упражненія по исторіи въ Геттингенскомъ университетѣ"), затѣмъ Вильгельмъ фонъ Гизебрехтъ (1814 г.—1889 г.; „Исторія эпохи германскихъ императоровъ", 1855 г. и слѣд., которую продолжалъ Берн. фонъ Симсонъ, род. въ 1840 г.), Генрихъ фонъ Зибель (1817 г.—1895 г. „Исторія перваго крестоваго похода", 1841 г.; „Исторія французской революціи", 1853 г.—1858 г. и 1872 г.—1874 г.; „Основаніе Германской имперіи императоромъ Вильгельмомъ I", 1889 г.—1894 г.), Рих. Репелль (1808 г.—1893 г.), Адольфъ Шмидтъ (1812 г.—1887 г.) и Руд. Кепке (1813 г.—1870 г.), Вильг. фонъ Деннигесъ (1814 г. — 1872 г.) и Зигфридъ Гиршъ (1816 г.—1860 г.), Яффе, Ваттенбахъ и Дюммлеръ, Эрнстъ Штейндорфъ (1839 г. — 1895 г.), Альфредъ Дове (род. въ 1844 г.) и Георгъ Винтеръ (род. въ 1856 г.). Главное преимущество германской исторической науки заключается въ томъ, что она обладаетъ непрерывающимися весьма прочными традиціями. На германской почвѣ понятіе о „школѣ" пріобрѣло совершенно особенное содержаніе и получило осязательную прочную форму: съ этимъ соглашаются поневолѣ съ завистью ученые другихъ странъ.

Еще не такъ давно Ранке, какъ глава ученой школы, противопоставлялся главѣ другой школы Фрид. Христ. Шлоссеру (1776 г. — 1861 г.; „Исторія XVIII столѣтія", 1823 г.; „Всемірная исторія", 1815 г.—1824 г. и 1844 г. — 1856 г.); говорили еще кромѣ этого о „Гейдельбергской школѣ", составъ которой ограничивался всего на всего двумя членами: Георгомъ Готфридомъ Гервинусомъ (1805 г.—1871 г.), авторомъ „Исторіи германской поэзіи", которая и понынѣ можетъ считаться единственной въ своемъ родѣ по своимъ достоинствамъ, и „Исторіи XIX столѣтія со времени Вѣнскихъ договоровъ" съ знаменитымъ „Введеніемъ", которое навлекло на автора судебное обвиненіе въ государственной измѣнѣ, и Людвигомъ Гейссеромъ (1818 г.—1867 г.), авторомъ „Германской исторіи отъ смерти Фридриха Великаго до Вѣнскаго конгресса"; къ этимъ двумъ слѣдуетъ еще прибавить Георга Вебера (1808 г.—1888 г.: „Всемірная исторія", которая начала выходить въ 1851 году: „малый", „средній" и „большой" Веберъ). Позднѣйшіе Гейдельбергскіе историки Берн. Эрдманнсдерфферъ (1833 г.—1901 г.) и Эд. Винкельманнъ (1838 г.—1896 г.), Дитрихъ Шеферъ (род. въ 1845 г.), Артуръ Клейншмидтъ (род. въ 1848 г.) и Эрихъ Марксъ (род. въ 1861 г.) принадлежатъ всѣ къ различнымъ между собою направленіямъ. Шлоссеръ и теперь еще остается самымъ извѣстнымъ среди читающей публики нѣмецкимъ историкомъ. Онъ рѣзко отличается отъ Ранке, который обнаруживаетъ дипломатическую сдержанность въ своихъ сужденіяхъ и обязанъ своей популярностью своему нравственному идеализму, почерпнутому изъ Канта и Шиллера, и глубокомысленной серьезности, съ которой онъ произноситъ свои приговоры надъ историческими личностями, съ преднамѣренной небрежностью не обращая вниманія на ихъ умственные таланты, ихъ санъ и ихъ успѣхи. Гервинусъ и Гейссеръ сходились въ своей исходной точкѣ со Шлоссеромъ, но затѣмъ они уклонились постепенно въ сторону политическаго національнаго направленія, рѣшительными приверженцами котораго стали также и ученики Ранке, такъ что Гейссеръ и Зибель дополняютъ другъ друга точно такъ же, какъ впослѣдствіи Зибель и Трейчке, эти „творцы исторической школы Малой Германіи".

Юл. Вейцзекеромъ (1828 г.—1889 г.: съ 1867 г. онъ былъ издателемъ первой серіи „Актовъ германскаго рейхстага") сообща съ Герм. Баумгартеномъ (1825 г.—1893 г.); по своему назначенію, она должна была соотвѣтствовать лабораторіямъ для студентовъ медиковъ, химиковъ и т. д.

Несмотря на то, что Ранке любитъ останавливаться надъ идеями „нація“ и „государство“ и занимается охотно разъясненіемъ ихъ, несмотря на его „Исторію Германіи въ эпоху реформаціи“ (1839 г.—1847 г.), которая изобличаетъ въ немъ германскаго протестанта, никто не станетъ причислять къ историкамъ съ рѣзко національной или политической тенденціей этого ученаго, направленіе котораго отличается въ основѣ своей универсальностью. Къ этой категоріи можно причислить съ гораздо большимъ основаніемъ I. Г. Дройзена (1808 г.—1884 г.; „Исторія эллинизма“, 1836 г.—1843 г. и „Исторія прусской политики“, 1855 г.—1885 г.) и Гизебрехта, Зибеля и его противника изъ школы „Великой Германіи“ Юл. Фикера (1826 г.—1902 г.; „Изслѣдованія изъ области политической и правовой исторіи Италіи“, 1868 г.—1874 г.) Э. А. Германна (1812 г.—1884 г.), Герм. Пюффера (род. въ 1830 г.), Карла Мендельсона Бартольди (1838 г.—1874 г.; „Исторія Греціи“, 1870 г.—1874 г.), Генриха фонъ Цейсберга (1839 г.—1899 г.) и мн. др. (срав. ниже стр. 663), въ особенности уже упомянутаго нами Трейчке вмѣстѣ со всѣмъ большимъ кругомъ тѣхъ изслѣдователей, которые публикуютъ въ историческихъ журналахъ результаты своихъ кропотливыхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ спеціальнымъ вопросамъ.

Въ области исторіи Греціи, Рима а также Востока, такъ какъ нѣкоторые періоды исторіи Передней Азіи стоятъ въ самой тѣсной связи съ первобытной исторіей Греціи (срав. т. III и IV), состязались между собою слѣдующіе многочисленные ученые: Вильг. Друманнъ (1786 г.—1861 г.; „Исторія Рима“, 1834 г.—1844 г.), Вильг. Ад. Беккеръ (1796 г.—1846 г.; „Галлъ“ 1838 г. и Хариклъ“, 1840 г.) и Карлъ Отфридъ Мюллеръ (1797 г.—1840 г.), Карлъ Лерсъ (1802 г. 1878 г.), Людвигъ Преллеръ (1809 г.—1861 г.), Карлъ Рихардъ Лепсіусъ (1810 г.—1884 г.) и Максъ Дункеръ (1811 г.—1886 г.), Отто Янъ (1813 г.—1869 г.) и Эрнстъ Курціусъ (1814 г.—1896 г.; срав. стр. 657), Арнольдъ Шефферъ (1819 г—1883 г; „Демосѳенъ“, 1856 г.—1858 г.) и Вильг. Ниэ (1821 г.—1902 г.), Людвигъ Фридлендеръ (род. въ 1824 г.; „Картины изъ жизни древняго Рима“, 1862 г. -1871 г.) и Людвигъ Ланге (1825 г.—1885 г.), Альбрехтъ Веберъ (род. въ 1825 г., и Генрихъ Карлъ Бругшъ-паша (1827 г.—1894 г.), Иванъ Мюллеръ (род. въ 1830 г.), Адольфъ Гольмъ (1830 г.—1900 г.) и Конрадъ Бурсіанъ (стр.), Алекс. Конце (род. въ 1831 г.) и Фридрихъ Гультшъ (род. въ 1833 г.; „Греческая и римская метрологія“, 1862 г.), Герм. Узенеръ (род. въ 1834 г.) и Альфредъ фонъ Гутшмидъ (1835 г.—1887 г.; одинъ изъ величайшихъ критиковъ истекшаго столѣтія), Карлъ Ваксмутъ и Герм. Петеръ (род. въ 1837 г.), Ульрихъ Келеръ и Отто Бенндорфъ (род. въ 1838 г.), Генр. Ниссенъ (род. въ 1839 г.) и Карлъ Паули (1839 г.—1901 г.; „Corpus inscriptionum etruscarum“, 1893 г.—1902 г.), Евгеній Борманъ (род. въ 1842 г.), Юл. Вельгаузенъ (род. въ 1844 г.; „Исторія Израиля“, 1878 и сл.), Іосифъ Карабацекъ (род. въ 1845 г.), Эрвинъ Родэ (1845 г. —1898 г.) и Давид. Генр. Мюллеръ (род. въ 1846 г.), Генрихъ Гельцеръ (род. въ 1847 г.), Берн. Штаде и Ульрихъ фонъ Виламовицъ-Меллендорфъ (род. въ 1848 г.), Авг. Мюллеръ (1848 г.—1892 г.), Бенедиктъ Низе (род. въ 1849 г.), Отто Зеекъ и Георгъ Бузольтъ (род. въ 1850 г.), Юл. Юнгъ (род. въ 1851 г.) и Роб. Пельманнъ, (род. въ 1852 г.), Юл. Белохъ и Адольфъ Эрманнъ (род. въ 1854 г.), Эд. Мейеръ (род. въ 1855 г.), Карлъ Іоганнъ Нейманнъ (род. въ 1857 г.) и Карлъ Бецольдъ (род. въ 1859 г.), Рудольфъ фонъ Скала (род. въ 1860 г.) и Георгъ Штейндорфъ (род. въ 1861 г.), Германъ Гункель (род. въ 1862 г). и Гуго Винклеръ (род. въ 1863 г.); историческіе труды многихъ изъ этихъ ученыхъ стоятъ въ неразрывной связи съ ихъ изслѣдованіями въ области классической филологіи, археологіи и миѳологіи.

Къ числу ученыхъ, которые никогда не теряли изъ виду общаго хода историческихъ событій, принадлежатъ Фердинандъ Грегоровіусъ (1821 г.—1891 г.), Максъ Бюдингеръ (1828 г.—1902 г.) и Францъ Рюль (род. въ 1845 г.),

а больше всѣхъ другихъ Теодоръ Моммзенъ (род. 30 ноября 1817 года; см. его портретъ на табл., прилож. къ стр. 656); его исключительному даже въ Германіи трудолюбію мы обязаны кромѣ многочисленныхъ изслѣдованій различнаго объема капитальными трудами „Римская исторія“ (1854-55 г. и 1885 г.; IV томъ сгорѣлъ въ рукописи и вновь не былъ написанъ), „Римская хронологія“, (1858 г.), „Исторія римской нумизматики“ (1860 г.), „Римское государственное право“. (1871 г.—1876 г. и 1887/88 г.) и Римское уголовное право“. (1899 г.). Кромѣ того, Моммзенъ былъ душою изданія извѣстнаго собранія латинскихъ надписей CIL., надъ которымъ работалъ цѣлый штабъ спеціалистовъ по эпиграфикѣ и которое почти уже доведено до конца берлинской академіей наукъ (стр. 601; 1863 г. и сл.). Параллельно съ этимъ собраніемъ, по иниціативѣ Фил. Авг. Бека (1785 г.—1867 г.; „Государственное хозяйство аѳинянъ“, 1817 г.; „Документы, относящіеся къ постановкѣ морского дѣла въ Аттическомъ государствѣ“, 1840 г.; „Энциклопедія и методологія филологическихъ наукъ“, 1877 г.; послѣдній трудъ Бэка изданъ философомъ Эрнстомъ Братушекомъ, 1837 г.— 1883 г.) было предпринято въ 1825 г. изданіе большого собранія греческихъ надписей CIG., которое сначала было закончено Адольфомъ Кирхгоффомъ (род. въ 1826 г.) въ 1859 г.; но такъ какъ впослѣдствіи было найдено множество новыхъ надписей, то Вильгельмъ Диттенбергеръ (род. въ 1840 г.) и др. выпустили продолженіе этого громаднаго сборника, а въ 1903 году весь матеріалъ былъ вновь перераспредѣленъ.

На поприщѣ средневѣковой и новой исторіи, употребляя не вполнѣ опредѣленное, но общеупотребительное и потому удобное обозначеніе, трудились ревностно кромѣ попутно упомянутыхъ въ предыдущихъ главахъ этого сочиненія ученыхъ еще слѣдующіе историки: Карлъ Венц. Родекеръ фонъ Роттекъ (1775 г.—1840 г.; „Всеобщая исторія“, 1812 г.—1827 г. и „Всеобщая всемірная исторія, 1830 г.—1834 г.) и Фридрихъ Вилькенъ (1777 г.—1840 г.), Генрихъ Люденъ (1780 г.—1847 г.) и Фридрихъ фонъ Раумеръ (1781 г.—1873 г.; „Исторія Гогенштауфеновъ“, 1823 г.—1825 г.), Карлъ Ад. Менцель (1784 г.—1855 г.) и Фр. Хр. Дальманъ (1785 г.—1860 г.; срав. стр.), Іоганнъ Фойтъ (1786 г.—1863 г.) и Ад. Гар. Штенцель (1792 г.—1854 г.), Вольфгангъ Менцель (1798 г.—1873 г.), Генрихъ Лео (1799 г.—1878 г.) и баронъ Леопольдъ фонъ Ледебуръ (1799 г.—1877 г.), Хр. Фрид. фонъ Штелинъ 1805 г.—1873 г.) и Отто фонъ Корвинъ (1812 г.—1886 г.), Беда Францискъ Дудикъ (1815 г.—1890 г.) и Георгъ фонъ Виссъ (1816 г.—1893 г.), Альфредъ фонъ Арнетъ (1819 г.—1897 г.) и Адамъ Вольфъ (1822 г.—1883 г.), Рейнгольдъ Паули (1823 г.—1882 г.: „Англійская исторія“) и Фрид. Каппъ (1824 г.—1884 г.; „Жизнеописанія американскихъ генераловъ Штейбена и Кальба“, 1858 г. и 1862 г.), Юл. Кестлинъ (род. въ 1826 г.) и Георгъ Фойтъ (1827 г.—1891 г.), Кольмаръ Грюнгагенъ (род. въ 1828 г.) и Оскаръ Іегеръ (род. въ 1830 г.), Оттокаръ Лоренцъ (род. въ 1832 г.; „Руководство генеалогіи“, 1898 г.) и Карлъ фонъ Ноорденъ (1833 г.—1883 г.), Феликсъ Данъ (род. въ 1834 г.) и Альфонсъ Губеръ (1834 г.—1898 г.), Максъ фонъ Брандтъ (род. въ 1835 г.) и Францъ Ксаверій Кронесъ фонъ Мархландъ (1835 г.—1902 г.), Фрид. фонъ Веехъ (род. въ 1837 г.). Густавъ Дройзенъ и Вильгельмъ Онкенъ (род. въ 1838 г.), Вильг. Мауренбрехеръ (1838 г.—1892 г.) и Оскаръ фонъ Леттовъ-Форбекъ (род. въ 1839 г.), Мор. Риттеръ, Пауль фонъ Штелинъ и Карлъ Фишеръ (род. въ 1840 г.), Вильг. Шереръ (1841 г.—1886 г.; „Исторія германской литературы“, 1883 г.) и Авг. фонъ Друффель (1841 г.—1891 г.), Генр. Ульманъ (род. въ 1841 г.), Іоганнъ Дирауэръ, Карлъ Теодоръ фонъ Гейгель, Георгъ Кауфманъ и Рейнг. Рерихтъ (род. въ 1842 г.), Максъ Лоссенъ (1842 г.—1898 г.), Гансъ Пруцъ, Теодоръ Линднеръ, Ферд. Гиршъ, Зигм. Рицлеръ, Герольдъ Мейеръ фонъ Кнонау и Отто Кеммель (род. въ 1843 г.), Энгельб. Мюльбахеръ (1843 г.—1903 г.) и Феликсъ Штифе (1845 г.—1898 г.). Альбертъ Гаукъ („Церковная исторія

Германіи", 1886 г. и слѣд.) и Гансъ фонъ Цвидинекъ Зюденгорстъ (род. въ 1845 г.), Вильг. Вальтеръ и Іоганнъ Лозертъ Мартинъ Филиппсонъ и Альфредъ Штернъ (род. въ 1846 г.), Генрихъ Гердесъ, Густ. Кавеpay и Т. Шиманнъ (род. въ 1847 г.), Готл. Эгельгаафъ, Фрицъ Геникъ и Юліусъ фонъ Пфлугкъ-Гартунгъ, Фр. фонъ Бецольдъ и Гансъ Дельбрюкъ (род. въ 1848 г.), Ад. Бахманнъ и Людвигъ Келлеръ (род. въ 1849 г.), графъ Максим. Іоркъ фонъ Бартенбургъ (1850 г.—1900 г.), Теодоръ Кольде, баронъ Госвинъ фонъ дерь Роппъ, Максъ Ленцъ и Авг. Фурнье (род. 1850 г.), Генр. Фридъюнгъ, Адольфъ Гарнакъ и Вильгельмъ Экcли (род. въ 1851 г.), Ренг. Козеръ и Генри Симонсфельдъ (род. въ 1852 г.), Пауль Балье и Роб. Давидсонъ (род. въ 1853 г.), Максъ Беръ (род. въ 1855 г.) и Игнацъ Іастровъ (род. въ 1856 г.), Конр. Геблеръ (род. въ 1857 г.) и Бруно Гебгардтъ (род. въ 1858 г.), Вальтеръ Шульце и Эд. Гейкъ (род. въ 1862 г.).

Въ рѣзко католическомъ духѣ (относительно связи ультрамонтанскаго міровоззрѣнія съ романтизмомъ срв. сказанное выше о Герресѣ) написаны сочиненія Іоанна Янсена (1829 г.—1891 г.) и Людвига Пастора (род. въ 1854 г.), іезуита Гартмана Гризара (род. въ 1845 г.) и Эмиля Михаэля (род. въ 1852 г.); другіе, какъ, напримѣръ, Фрид. Эман. Гуртеръ (1787 г.—1865 г.), Авг. Фрид. Гфереръ (1803 г.—1861 г.) и Онно Клоппъ перешли въ этотъ лагерь только во вторую половину своей жизни. Напротивъ того, старо-католики были одушевлены благороднымъ стремленіемъ оставаться вполнѣ справедливыми къ людямъ другихъ убѣжденій даже въ дѣлахъ вѣры; къ числу ихъ принадлежатъ I. I. I. Деллингеръ (1799 г.—1890 г.), Карлъ Адольфъ Корнеліусъ (1819 г.—1903 г.) и Іоаннъ Фридрихъ (род. въ 1836 г.). Такого же направленія держались нѣкоторые изъ вышеназванныхъ ученыхъ (Друффель, Лоссенъ, Штиве и др.), затѣмъ убѣжденные католики баронъ I. А. фонъ-Гельфертъ (род. въ 1820 г.), Іосифъ Гирнъ (род. въ 1848 г.), Германъ Грауэртъ (род. въ 1850 г.), Генр. Финке (род. въ 1855 г.), Алоизій Шульте (род. въ 1857 г.); еще отчетливѣе сказывается духъ католицизма въ сочиненіяхъ Франца Ксаверіи Крауса (1840 г.—1901 г.) и его учениковъ, т. е. кружка ученыхъ, стоявшаго близко къ реформированному католицизму, къ которому отнеслись очень недовѣрчиво съ нѣкоторыхъ сторонъ.

Было бы неосновательно причислять всѣхъ вышеназванныхъ писателей къ группѣ политическихъ историковъ (для примѣра возьмемъ хотя бы тѣхъ изъ нихъ, которые приняли участіе въ составленіи нашей „Исторіи Человѣчества"); все-таки они отличаются довольно рѣзко по своему направленію отъ второй группы, къ которой принадлежатъ разнородные писатели, но представителей которой все-таки можно основательно назвать общимъ именемъ экономическихъ историковъ. Сюда относятся Георгъ Ганссенъ (1809 г.—1894 г.) и Вильгельмъ Рошеръ (1817 г.—1894 г.), Карлъ Вильгельмъ Ницшъ (1818 г.—1880 г.; „Исторія германскаго народа", 1883 г.—1885 г.) и Августъ Мейценъ (род. въ 1822 г.), Вильгельмъ Гейдъ (род. въ 1823 г.) и Густавъ Шмоллеръ (род. въ 1838 г.), Карлъ Т. фонъ-Инама—Штернеггъ (род. въ 1843 г.) и Эберг. Готгейнъ (род. въ 1853 г.), Карлъ Каутскій (род. въ 1854 г.) и нѣкоторые другіе научные представители соціалистическаго - матеріалистическаго міровоззрѣнія, затѣмъ Лампрехтъ (срв. ниже), въ экономическихъ вопросахъ опирающійся на Ницше, Рих. Эренбергъ (род. въ 1857 г.) и Эрнстъ Баашъ (род. въ 1861 г.), Людо Морицъ Гартманъ, Стефанъ Бауэръ (род. въ 1865 г.) и др.

Къ этой группѣ стоятъ близко такіе изслѣдователи, какъ Георгъ Людвигъ фонъ-Маурерь (1790 г.—1872 г.) и Іоаннъ Мартинъ Лаппенбергъ (1794 г.—1865 г.), Карлъ фонъ-Гегель (1813 г.—1901 г.) и Фридрихъ фонъ-Тудихумъ (род. въ 1831 г.), Генр. Брунеръ (род. въ 1840 году), Густавъ Вингеръ (род. въ 1846 г.), Іосифъ Колеръ (род. въ 1849 г.) и другіе, которые потратили много остроумія на разъясненіе темныхъ во-

просовъ правовой и конституціонной исторіи, въ то время, какъ Георгъ фонъ-Беловъ (род. въ 1858 г.) и его друзья, частью уже вошедшіе въ предыдущія рубрики, сознательно избѣгаютъ экономической точки зрѣнія при разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ.

Теперь для насъ открывается вполнѣ естественный переходъ къ той части исторической науки, которую съ нѣкотораго времени обозначаютъ общимъ терминомъ „Исторія культуры". Основателемъ этого отдѣла исторіи считается по справедливости Гердеръ (стр. 576). Затѣмъ онъ заглохъ на время, а подъ именемъ исторіи культуры стали обозначать всякаго рода невзрачные сборники любопытныхъ курьезовъ старины, какъ это практикуется и понынѣ въ каталогахъ древностей. Болѣе серьезное направленіе дали исторіи культуры въ теоріи и на практикѣ Гееренъ, затѣмъ Густ. Клеммъ (1802 г.—1867 г.: „Всеобщая культурная исторія человѣчества", 1843 г.—1852 г.), Карлъ Бидерманъ (1812 г.—1901 г.) и Густ. Фрейтагъ (стр.: „Картины изъ прошлыхъ эпохъ Германской исторіи", 1859 г. и сл.), Як. Буркгардтъ (1818 г.—1897 г.; „Культура эпохи возрожденія въ Италіи", 1860 г.) и Вильгельмъ Генрихъ Риль (1823 г.—1897 г.; „Естественная исторія народовъ", 1853 г. и слѣд.) Альбертъ Шеффле (род. въ 1831 г.), Отто Каспари (род. въ 1841 г.) и Гельвальдъ (стр. 657), Густавъ Раценгоферъ (род. въ 1842 г.), Карлъ Лампрехтъ (род. 25 февраля 1856 г.) и Георгъ Штейнгаузенъ (род. въ 1866 г.).

Въ противовѣсъ чисто-политической исторіи, которая склонна переоцѣнивать вліяніе отдѣльныхъ личностей на политическую судьбу народовъ („Культъ героевъ"), въ наукѣ сказалась потребность выдвинуть, наконецъ, впередъ тѣ безчисленныя вліянія окружающей среды, которой вынужденъ подчиниться сознательно или безсознательно даже и самый выдающійся герой. Въ исторической живописи истекшаго столѣтія замѣчается совершенно такой же ходъ развитія, какъ это изображено весьма ярко и наглядно у Рих. Мутера: у Корнеліуса, Каульбаха и Шенавара историческое событіе служитъ только основой для историко-философскихъ идей живописца (это соотвѣтствуетъ романтическому направленію въ исторіи); напротивъ того, Деларошъ, Галле и Пилоти передаютъ историческое событіе съ возможно наибольшимъ приближеніемъ къ дѣйствительности (это соотвѣтствуетъ критическому направленію); Мейсонье и Менцель окончательно отбрасываютъ ходули и рисуютъ предъ нами настоящихъ живыхъ людей (такое направленіе въ живописи соотвѣтствуетъ культурной исторіи). Въ тѣсной зависимости отъ развитія эволюціоннаго міровоззрѣнія и его метода (главный вопросъ, выдвинутый на очередь, заключается въ слѣдующемъ: „откуда все произошло"?) всеобщимъ вниманіемъ стали пользоваться такія изслѣдованія, которыя стремились къ установленію опредѣленныхъ, по возможности рѣзко разграниченныхъ между собою ступеней культуры. Такое направленіе возникло отчасти подъ вліяніемъ такихъ сочиненій, какъ „Mutterrecht" (Матріархатъ) швейцарскаго историка права Іоанна Якова Бахофена (1815 г.—1887 г.), „Ancient society" (Первобытное общество) американскаго антрополога Льюиса Генри Моргана (1818 г.—1881 г.) и др. и представляется опаснымъ въ томъ отношеніи, что оно легко можетъ привести къ схематизму, противорѣчащему дѣйствительной жизни съ ея крайнимъ разнообразіемъ.

„Каждый человѣкъ есть дитя своего времени"—такова яркая вывѣска новаго направленія; какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, предметомъ всеобщаго интереса стало такое явленіе, къ которому раньше относились съ излишнимъ пренебреженіемъ; значеніе этого явленія стали слишкомъ подчеркивать и раздувать. Чистые представители культурно-историческаго направленія внесли въ кругъ своихъ изслѣдованій всѣ проявленія жизни человѣческаго общества: характеристическіе образчики той массы матеріала, которая попала такимъ образомъ въ область исторіи,

можно найти въ параграфѣ „Всеобщей исторіи культуры“ „Историческаго ежегодника“ (Iahresberichte der Geschichtswissenchaft), выходящаго подъ редакціей Іастрова и Бернера. За недостаткомъ мѣста ограничимся только перечисленіемъ общихъ сочиненій по исторіи культуры: Вильгельма Вакс-мута (1784 г.—1866 г.) и Георга Фридриха Кольба (1808 г.—1884 г.), Карла Грюна (1817 г.—1887 г.), и Іог. Шерра (1817 г.—1886 г.), Франца фонъ-Легера (1818 г.—1892 г.) и Генриха Рюккерта (1823 г.—1875 г.), Антона Шпрингера (1825 г.—1891 г.); Іоанна Якова Гонеггера (1825 г.—1896 г.) и Отто Геннеамъ Ринъ (род. въ 1828 г.), Людвига Нуарэ (1829 г.—1889 г.) и Александра Брюкнера (1834 г.—1896 г.), Макса Іенса (1837 г.—1900 г.) и Мор. Гейне (род. въ 1837 г.), Альвина Шульца (род. въ 1838 г.) и Юл. Липперта (род. въ 1839 г.), вошедшаго въ нѣмецкую литературу благодаря Рихарду Вагнеру англичанина Гоустона С. Чемберлена (род. въ 1855 г.; „Основы XIX столѣтія“, 1899 г.), Георга Группа (род. въ 1861 г.) и Курта Брейзига (род. въ 1866 г.: „Культурная исторія новѣйшей эпохи“, 1900 г. и сл.).

Тотъ кругъ идей, изъ котораго наше собственное предпріятіе почерпало свои лучшія силы, стоитъ въ тѣсномъ родствѣ со всѣмъ этимъ новымъ движеніемъ въ наукѣ; незачѣмъ больше останавливаться на этомъ, такъ какъ помимо нѣкоторыхъ замѣчаній, сдѣланныхъ выше (стр. 657), объ этомъ было изложено подробно во введеніяхъ къ первому тому. Въ сущности говоря, вражда между двумя непріятельскими лагерями, изъ которыхъ каждый домогается какъ бы монополіи, не имѣетъ никакихъ основаній, и совершенно напрасенъ тотъ ожесточенный раздоръ, который она посѣяла въ теченіи послѣдняго десятилѣтія: при ближайшемъ разсмотрѣніи тутъ существуетъ только разница въ степеняхъ. Даже самый ярый политическій историкъ въ настоящее время не отнесется безъ самаго серьезнаго вниманія къ культурнымъ условіямъ изображаемаго имъ государственнаго организма; срв., напримѣръ, сочиненіе Макса Леманна (род. въ 1845 г.), „Баронъ фонъ-Штейнъ“, которое стало выходить въ свѣтъ въ 1902 году. Напротивъ того, каждый историкъ культуры, который только не ослѣпленъ односторонними взглядами младшихъ представителей культурно-историческаго направленія, между которыми можно найти болѣе непреклонныхъ послѣдователей взглядовъ Лампрехта, чѣмъ самъ Лампрехтъ,—признаетъ, что „руководящія личности имѣютъ свои историческія права и что игнорировать преднамѣренно эти права—это значитъ отступать отъ строго научнаго метода“.

У родственныхъ съ нѣмцами нидерландцевъ первымъ опытомъ внесенія критики въ изображеніе историческихъ событій считается: „Vaterlandsche historie“ (Отечественная исторія, 1749 г.—1760 г.) Яна Вагенаара (1709 г.—1773 г.), первой пробой философской обработки исторіи „Opkomst en bloei der vereenigde Nederlanden“ Симона Стійля (сконч. въ 1804 г.); если бы эти сочиненія не были только скромными зачатками соотвѣтствующихъ отдѣловъ науки, то пришлось бы подвергнуть сомнѣнію права Германіи на первенствующую роль въ прогрессивномъ движеніи исторической науки, тѣмъ болѣе, что и въ области экономической исторіи „Hollands Rijkdom“ (1780 г.—1783 г.) Эліаса Люцака (сконч. въ 1796 г.) тоже представляетъ собою выдающееся явленіе. Весьма солидно составлена „Historie der hollandsche Staatsregering“ Адріана Клюйта (1735 г.—1807 г.). Примѣръ хранителя государственнаго архива Г. ванъ Війна (сконч. въ 1831 г.), занимавшагося изслѣдованіемъ источниковъ, вызвалъ къ жизни множество спеціальныхъ работъ, соотвѣтствовавшихъ нѣмецкой монументальной школѣ; наилучшимъ изъ научныхъ трудовъ этого направленія считаются „Archives“ (1835 г.—1864 г.) Вильгельма Грена ванъ-Принстерера (1801 г.—1876 г.). Съ большимъ сочувствіемъ была встрѣчена „Geschiedenis der Inquisitie in de Nederlanden“ гентскаго уроженца Пауля Фредерика

(род. въ 1850 г.). Однако „Исторія Нидерландскаго народа“ (1892 г. и сл.). Петруса Іоанна Блока (род. въ 1855 г.) превзошла своимъ успѣхомъ всѣ вышеназванныя произведенія.

Изъ числа скандинавскихъ историковъ первое мѣсто между своими современниками занимаютъ: шведы Іонасъ фонъ-Галленбергъ (1748 г.—1834 г.) и Эрикъ Густавъ Гееръ (1783 г.—1847 г.; „Исторія Шведскаго народа“, 1832 г.—1836 г.), Андр. Магн. Стрингольмъ (1786 г.—1862 г.), Андерсъ Фрикселль (1795 г.—1881 г.) и Карлъ Густавъ Мальмштремъ (род. въ 1822 г.), Фредер. Ферд. Карльсонъ (1811 г.—1887 г.) и его сынъ Эрнстъ (род. въ 1854 г.), затѣмъ историкъ культуры Гансъ Ол. Гильдебрандъ (род. въ 1842 г., „Средневѣковая исторія Швеціи“, 1879 г. и сл.; Гильдебранды: отецъ археологъ Броръ Эмиль (1806 г.—1884 г.), и сыновья историки Гансъ и Эмиль (род. въ 1848 г.), составили какъ бы особую историческую династію) и Оскаръ Алинъ (1846 г.—1900 г.), финляндцы Рейн. Т. Гаузенъ (род. въ 1850 г.) и Магн. Готфр. Шибергсонъ (род. въ 1851 г.; „Исторія Финляндіи“, 1887 г. — 1889 г.), далѣе норвежцы Рудольфъ Кейзеръ (1803 г.—1864 г.) и Петеръ Андреасъ Мунхъ (1810 г.—1863 г.; „Исторія Норвежскаго народа“, 1851 г.—1864 г.), І. Эрнстъ Сарсъ (род. въ 1835 г.; „Очеркъ Норвежской исторіи“, 1873 г.—1891 г.) и Густ. Стормъ (1845 г.—1903 г.), такъ же, какъ и остроумный статистикъ Эйлертъ Лундъ Сундтъ (1817 г.—1875 г.), наконецъ датчане Ове Гегъ—Гульдбергъ (1731 г.—1808 г.; „Всемірная исторія“ 1768 г.—1772 г.) и Іенсъ Крагъ Гестъ (1772 г.—1844 г.). Петръ Эразмъ Мюллеръ (1776 г.—1834 г.; „Библіотека Сагъ“, 1816 г.—1819 г.), К. П. Палюданъ Мюллеръ (1805 г.—1882 г.) и К. Ф. Аллемъ (1811 г.—1871 г.; „Руководство отечественной исторіи“, 1840 г. и „Исторія трехъ сѣверныхъ королевствъ“, 1497 г.—1527 г., изд. 1864 г.—1872 г.), Петръ Эдв. Гольмъ (род. въ 1833 г.), Ад. Дит. Іоргенсенъ (1840 г.—1897 г.) и Трельсъ Фред. Лундъ—(род. въ 1840 г.), Іоаннъ Стеенструпъ (род. въ 1844 г.) и Хр. Эрслевъ (род. въ 1850 г.).

Выясненіемъ внутренней связи между различными теченіями въ германской исторической наукѣ и ея случайной или постоянной зависимости отъ иностранныхъ ученыхъ и обратно ея вліянія на иностранныхъ историковъ занимались теоретики, какъ, напримѣръ, Фридрихъ Іодль (род. въ 1849 г.), Пауль Бартъ (род. въ 1858 г.), Генрихъ Риккертъ (род. въ 1863 г.); но главная заслуга въ этой области принадлежитъ слѣдующимъ ученымъ историкамъ: Іоганну Фридриху Людвигу Вахлеру (1767 г.—1838 г.; „Исторія историческаго изслѣдованія и историческаго искусства“, 1812 г.—1820 г.) и Францу Ксаверію Вегеле (1823 г.—1897 г.; „Исторія нѣмецкой исторіографіи“, 1885 г.), фонъ-Лоренцу („Историческая наука, ея главнѣйшія теченія и задачи“, 1887 г. — 1891 г.), фонъ-Лампрехту („Методологическія полемическія статьи“). Эрнсту Бернгейму (род. въ 1850 г.), автору вышедшаго впервые въ 1889 году и выдержавшаго съ тѣхъ поръ четыре изданія „Руководства къ историческому методу“.

б) Франція и Англія; Испанія и Португалія; Италія.

Во всякомъ нѣмецкомъ сочиненіи, слѣдовательно и въ нашей всемірной исторіи, главное вниманіе обращается, какъ это само собою разумѣется, на ходъ развитія каждой науки въ Германіи; однако, и помимо этого обстоятельства въ дѣйствительности невозможно собрать такое количество иностранныхъ историческихъ изслѣдователей, которое могло бы сравниться хотя бы приблизительно съ подавляющимъ богатствомъ германской исторической науки; приходится констатировать, что историческое чутье составляетъ врожденную черту германскаго народа. Однако, это преимущество нѣмцевъ вовсе не исключаетъ той возможности, что отъ

времени до времени въ Германіи сказывалось сильное иностранное вліяніе, которое оказывало благотворное воздѣйствіе на творческія силы германскихъ ученыхъ, какъ объ этомъ уже было упомянуто вскользь. Такъ, напримѣръ, въ настоящемъ сочиненіи было сказано вкратцѣ (стр. 575) о маркизѣ Н. Н. де Кондорсэ (1743 г.—1794 г.) и его философіи исторіи: теперь, если мы зададимъ себѣ вопросъ о томъ, гдѣ лежитъ источникъ такъ называемаго коллективистическаго направленія, отстаиваемаго Лампрехтомъ, то право первенства придется признать за Кондорсэ; при этомъ совершенно безразлично, было ли вліяніе идей, высказанныхъ этимъ французскимъ писателемъ въ его „Очеркѣ хода историческаго прогресса человѣческаго ума („Esquisse d'un tableau historique du progrès de l'esprit humain"), прямымъ или окольнымъ черезъ посредство Сенъ-Симона (срв. т. VII), Адольфа Кетле (1796 г. — 1874 г.; „О человѣкѣ", 1835 г.), Эмиля Литтре (1801 г.—1881 г.), Альфреда Фулье (род. въ 1838 г.) и др. Съ наибольшимъ основаніемъ такое вліяніе можно приписать Огюсту Конту (1798 г.—1857 г.), позитивистическая общественная теорія котораго послужила плодотворнымъ зародышемъ для дальнѣйшаго развитія. Это вліяніе стало очевиднымъ не сразу; напротивъ того, въ теченіи долгаго времени идеи Кондорсэ, Конта и ихъ единомышленниковъ дѣйствовали скрыто, такъ сказать въ подземныхъ ходахъ человѣческаго мышленія; но, наконецъ, въ концѣ XIX столѣтія онѣ отпраздновали свое радостное выступленіе на свѣтъ божій. До этого времени въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій идеи эти не выходили изъ очень ограниченнаго круга знатоковъ, такъ что казалось даже вѣроятнымъ, что онѣ снова зародились вполнѣ самостоятельно безъ посторонняго вліянія. Какъ нужно быть осторожнымъ въ подобныхъ случаяхъ, объ этомъ Кантъ предостерегаетъ своихъ читателей въ предисловіи къ „Введенію въ будущую метафизику", 1783 г., въ слѣдующихъ словахъ: „Такъ какъ человѣческій разумъ задумывался съ самыхъ различныхъ сторонъ надъ безчисленнымъ множествомъ предметовъ въ теченіи многихъ столѣтій, то почти неизбѣжно къ каждой новой идеѣ можно подобрать параллельную ей старую, которая имѣетъ нѣкоторое сходство съ нею". Все-таки нельзя отрицать, что до настоящей эпохи донеслись тихіе отзвуки того прошлаго времени: при значительной изощренности нашихъ органовъ чувствъ мы не можемъ отказаться отъ обязанности отмѣтить эти слабые голоса.

Во всемъ прочемъ развитіе французской исторической науки шло по тому же пути, какъ и нѣмецкая исторіографія, съ тѣмъ только уже упомянутымъ различіемъ, что во Франціи художественная отдѣлка ставилась выше научной трезвости, защитникомъ которой выступаетъ Алексисъ де-Токвиль (1805 г.—1859 г.; „Американская демократія", 1835 г. и „Старый режимъ", 1856 г.). Даже великая революція не могла вытѣснить философскаго прагматизма, вошедшаго въ моду благодаря Вольтеру (стр. 564); напротивъ того, онъ пріобрѣлъ себѣ новыхъ послѣдователей въ лицѣ Ж. К. Л. Симондъ де Сисмонди (1773 г.—1842 г.; срв. стр. 113), Ф. П. Ж. Гизо (1787 г.—1874 г.; „Исторія англійской революціи", 1828 г.), Жюля Мишле (1798 г.—1874 г.; „Исторія французской революціи", 1847 г.—1853 г.), Эд. Лабулэ (1811 г.—1883 г.; „Политическая исторія Соединенныхъ Штатовъ", 1855 г.—1866 г.), Жюля Симона (1814 г.—1896 г.); представителемъ того же направленія съ болѣе тонкимъ антропогеографическимъ оттѣнкомъ („Вліяніе среды") былъ безсознательный послѣдователь Конта Ипполитъ Тэнъ (1828 г.—1893 г.; „Происхожденіе современной Франціи", 1875 г.—1894 г.). Рѣзкое пристрастіе французовъ къ искусственной прозѣ съ тенденціозной окраской сказалась вполнѣ ясно въ важныхъ для своего времени научныхъ трудахъ Франсуа Минье (1796 г.—1884 г. „Исторія французской революціи", 1824 г.) и Л. Альфонса Тьера (1797—1877 г.; „Исторія консульства и имперіи", 1844 г.—1862 г.).

Побудительными мотивами являются у этихъ писателей стремленіе къ конституціонному государственному строю и преклоненіе предъ величіемъ французскаго народа; ихъ произведенія написаны въ консервативномъ духѣ, въ то время какъ Анри Мартенъ (1810 г.—1883 г.; „Исторія Франціи, 1833 г.—1836 г. и 1855 г.—1860 г.) и въ особенности Луи Бланъ (1811 г.—1882 г.; „Исторія десяти лѣтъ“, 1842 г.—1844 г.) принадлежатъ къ лѣвому лагерю. Различные французскіе историки пользовались различными пріемами: сочиненія Пьера Ланфре (1828 г.—1877 г.; самое важное изъ его сочиненій это „Исторія Наполеона I“, вышедшая въ 1867—1875 гг., въ которой онъ разрушаетъ легенды, сложившіяся вокругъ имени Наполеона и которая доведена имъ до 1811 года) не походятъ на труды Жозефа Франсуа Мишо (1767 г.—1839 г.; „Исторія крестовыхъ походовъ“ 1812 г.—1822 г.) и его брата біографа Луи Габріэля (1772 г.—1858 г.); дипломатъ графъ Л. С. Б. Сентъ-Олеръ (1778 г.—1854 г.) и графъ Ал. Сенъ-При (1805 г.—1851 г.) пользуются своими особыми нюансами, благодаря которымъ ихъ сочиненія пріобрѣтаютъ своеобразную привлекательность.

Всѣ названные ученые увлекались въ большей или меньшей степени тенденціей поучать или исправлять своихъ современниковъ, а другіе французскіе историки обращали свое вниманіе преимущественно на изящество внѣшней формы, силу и яркость изложенія: они задавались цѣлью занимать читателя, трогать и воодушевлять его по примѣру поэтовъ. Къ числу историческихъ писателей этого послѣдняго разряда принадлежатъ: І. С. Д. де Лакретелль младшій (1766 г.—1855 г.); баронъ А. П. Б. де-Барантъ (1782 г.—1866 г.; „Исторія Бургундскихъ герцоговъ“, 1824 г.), графъ Н. А. Сальванди (1795 г.—1856 г.), братья Огюстенъ и Амедей Тьерри (1795 г.—1856 г. и 1797 г.—1873 г., срв. выше, стр. 658), Б. Г. Р. Капфигъ (1802 г.—1872 г.) и др.

Противъ этого злоупотребленія декламаціей стала выступать все сильнѣй и сильнѣй та часть французскихъ историковъ, на которую оказала свое вліяніе оживившаяся разработка исторической методики въ École des chartes (стр. 585 и 659); критика, методъ и интересъ къ дѣлу укоренились во Франціи еще со времени мориністовъ Мабильона и Монфокона (стр. 534), и историки, увлекавшіеся громкой декламаціей и партійной политикой, только на время вытѣснили ихъ изъ сознанія французскаго общества; теперь они снова выступили на первый планъ и уже больше не поступались своими правами, хотя конечно и позже случались попытки къ реакціи. Къ этой группѣ историковъ относятся Анаисъ Базенъ де Року (1797 г. — 1850 г.; „Исторія Франціи въ царствованіе Людовика XIII“, 1837 г.), Просперъ Дювержье де Горанъ (1798 г. — 1881 г.) І. О. Б. де Клеронъ, графъ Оссонвиль (1809 г. — 1884 г.), Викторъ Дюрюи (1811 г. — 1894 г.; „Исторія древней Греціи“, 1862 г. и „Исторія римлянъ“, 1876 г. — 1885 г.), Г. А. Деніоль (род. въ 1818 г.; „Исторія участія Франціи въ созданіи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки“), М. А. Жеффруа (1820 г.—1895 г.), Ф. М. Руссэ (1821 г.—1892 г.: „Исторія Лувуа“, 1861 г.—1863 г.), пруссофобъ Герцогъ В. А. де Брольи (1821 г.—1901 г.), Эрнестъ Ренанъ (1823 г.—1892 г.; „Жизнь Іисуса“, 1863 г.), Гастонъ Буассье (род. въ 1823 г.), Н. Д. Фюстель де Куланжъ (1830 г.—1889 г.: „Древняя городская община“, 1864 г. и „Исторія политическихъ учрежденій древней Франціи 1875 г.—1892 г.), Альфредъ Рамбо, Альберъ Сорель („Европа и революція“, 1885 г.—1892 г.) и Эрнестъ Лависсъ (род. въ 1842 г.), владѣющій блестящимъ слогомъ, безпартійный, обладающій организаторскимъ талантомъ и большимъ педагогическимъ вліяніемъ редакторъ двѣнадцатитомной „Всеобщей исторіи“, начинающейся только съ 395 года по Р. Х., затѣмъ Габріэль Моно (род. въ 1844 г.) и Антоненъ Дебидуръ (род. въ 1847 г.: „Дипломатическая исторія Европы“, 1890 г.), Габріэль Ганото (род. въ

1853 г.) и Артуръ Шюке (род. въ 1854 г.; „Война 1870 г.—1871 года", 1895 г.). Изъ болѣе молодыхъ силъ къ нимъ примыкаетъ ближе всего Ш. В. Ланглуа („Формуляры писемъ XII, XIII и XIV столѣтій", 1893 г. и сл.) и Шарль Сеньобосъ („Политическая исторія современной Европы", 1897 г.).

Послѣ того, какъ во Франціи распространилось вліяніе нибуровскаго метода, другія направленія германской исторической науки, съ которыми мы познакомились выше, тоже нашли своихъ приверженцевъ въ этой странѣ.

Съ наибольшимъ вниманіемъ отнеслись французскіе ученые къ экономической исторіи (П. Э. Левассеръ, род. въ 1828 г.) и къ соціологіи, которую едва-ли можно отдѣлить отъ философіи исторіи; на этомъ поприщѣ трудились Эмиль Вормсъ (род. въ 1838 г.), Л. Бурдо („Исторія и историки", 1888 г.), П. Мужоль („Проблемы исторіи", 1886 г.), а въ послѣднее время преимущественно А. Д. Ксенополь, румынъ, пишущій на французскомъ языкѣ („Основные принципы исторіи"). Научнымъ сборнымъ пунктомъ для теоретиковъ сталъ журналъ „Revue de synthèse historique", основанный въ іюлѣ 1900 года и выходящій подъ умѣлымъ руководствомъ Анри Берра.

Изъ числа бельгійскихъ историковъ, пишущихъ по французски, слѣдуетъ назвать Л. Пр. Гашара (1800 г.—1805 г.), который извлекъ изъ архивовъ много цѣнныхъ матеріаловъ, Александра Генне (1812 г.—1896 г.; „Исторія города Брюсселя", 1843 г. и сл.), М. Б. К. Кервина де Леттенгове (1817 г.—1891 г.; „Исторія Фландріи", 1847 г.—1850 г., написана въ ультрамонтанскомъ духѣ), Леона Ванъ деръ Киндере („Исторія территоріальнаго распредѣленія бельгійскихъ княжествъ въ средніе вѣка", 1899 г. и сл.), Г. де Маре („Фламандскіе города", 1900 г.) и Анри Пиренна (род. въ 1862 г.; „Исторія Бельгіи", 1889 г. и сл.).

Мысль о томъ, чтобы поднять исторію на степень „науки съ точными законами", была высказана впервые Контомъ и примѣнена на практикѣ бельгійскимъ ученымъ Кетле (срв. выше); благодаря англійскому писателю Генри Томасу Бохлю (1821 г.—1862 г.; „Исторія цивилизаціи въ Англіи", 1857 г.—1861 г.) эта идея пріобрѣла большую популярность на всемъ европейскомъ материкѣ: на этомъ примѣрѣ мы видимъ опять съ большой ясностью, какая тѣсная духовная связь существуетъ между всѣми умственными работниками всей Западной Европы. Популярности Бокля содѣйствовалъ въ значительной степени благосклонный пріемъ, съ которымъ въ то время былъ встрѣченъ повсюду матеріализмъ или агностицизмъ, связанный съ дарвинизмомъ (срв. „Физика и политика" Уальтера Беджгота, 1826 г. - 1877 г.) Теперь этотъ потокъ давно уже запруженъ, и ясныя, но не очень глубокія струи британской исторіографіи текутъ спокойно съ тихимъ журчаніемъ вопреки стремленіямъ Джона Стюарта Милля (1806 г. — 1873 г.) и Герберта Спенсера (1820 г.—1904 г.). Нельзя сказать, чтобы англійская литература страдала полнымъ отсутствіемъ выдающихся трудовъ; не только въ Англіи, но и за предѣлами ея относятся съ уваженіемъ къ сочиненіямъ такихъ историковъ, какъ Джорджъ Чальмерсъ 1742 г.—1825 г.; „Каледонія", 1807 г. и сл.), Уильямъ Коксъ (1747 г.—1828 г.), В. Роско (1753 г.—1831 г.), В. Годвинъ (1756 г.—1836 г.), Малькольмъ Ленгъ (1762 г.—1818 г.), Джемсъ Мекинтошъ (1765 г.—1832 г.), Шаронъ Тернеръ (1768 г.—1847 г.), Джонъ Малькольмъ (1769 г.—1833 г.; „Исторія Персіи", 1818 г.), Джонъ Лингардъ (1771 г.—1851 г.); Джемсъ Милль (1773 г.—1836 г.; „Исторія Индіи", 1818 г.), Робертъ Соуси (1774 г.—1843 г.), Моунтстюартъ Эльфинстонъ (1779 г.—1859 г.; „Ростъ британскаго могущества на Востокѣ", 1887 г.), В. Фр. Патр. Непиръ (1785 г.—1861 г.; „Исторія войны на Пиринейскомъ полуостровѣ", 1828 г.—1840 г.), Френсисъ Когенъ-Пальгрэвъ (1788 г.—1861 г.), Патр. Фрэзэръ Тайтлеръ (1791 г.—1849 г.), Арч. Алисонъ (1792 г.—1817 г.; „Исторія Европы отъ 1789 г.—до 1815 года", 1833 г.—1842 г.), Н. Арнольдъ (1795 г.—1842 г.), Дж. Финлей

(1799 г.—1875 г.), миссіонеръ среди краснокожихъ индѣйцевъ Марк. Цитманъ (1802 г.—1847 г.), Т. Г. Дайеръ (1804 г.—1888 г.), виконтъ Фил. Генри Магонъ (1805 г.—1875 г.; съ 1855 г. носилъ титулъ гр. Стенгопа), Дж. Корнуалль Льюисъ (1806 г.—1863 г.; „Изслѣдованіе о вѣроятности древнѣйшей исторіи Рима, 1855 г.), Дж. Митчелль Кембль (1807 г.—1857 г.; „Саксонцы въ Англіи“, 1848 г.), Ч. Меривэль (1808 г.—1893 г.), Дж. Гилль Бертонъ (1809 г.—1881 г.; „Исторія Шотландіи“, 1853 г.), Томасъ Райтъ (1810 г.—1877 г.), Джонъ Уильямъ Дрэперъ (1811 г.—1882 г.; „Исторія умственнаго развитія Европы“ 1863 г.) и А. У. Кинглэкъ (1811 г.—1891 г.; Крымская кампанія“, 1863 г.—1887 г.), американецъ Френсисъ Паркманъ (1823 г.—1893 г.; „Французскіе піонеры въ Новомъ Свѣтѣ“, 1865 г. и „Монткальмъ и Уольфъ“, 1884 г.), и ирландецъ Джустинъ Макъ-Карти (род. въ 1830 году; „Исторія современной эпохи“, 1880 г.—1897 г.), Джонъ Рич. Гринъ (1837 г.—1883 г.; „Краткая исторія англійскаго народа“, 1874 г.), Джемсъ Брайсъ („Священная римская имперія“, 1864 г. и „Американская республика“, 1888 г.), У. Э. Г. Лекки (род. въ 1838 г.; „Исторія раціонализма въ Европѣ“, 1865 г. и „Демократія и свобода“, 1896 г.) и епископъ Мандель Крейтонъ (1893 г.—1901 г.; „Вѣкъ Елизаветы“, 1876 г.).

Во всякомъ случаѣ можно сказать безъ преувеличенія, что со времени Робертсона и Гиббона (стр. 561) въ Англіи было немного такихъ историковъ, смерть которыхъ составила бы для европейской науки такую же потерю, какъ для Великобританіи; мы имѣемъ въ виду прежде всего такихъ изслѣдователей, какъ Генри Галламъ (1777 г.—1859, „Конституціонная исторія Англіи“, 1827 г.), Джорджъ Гротъ (1794 г.—1871 г.; „Исторія Греціи“ 1846—1856 г.), Томасъ Карлейль (1795 г.—1881 г.; „Французская революція“, 1837 г. и „Письма и рѣчи Оливера Кромвеля“, 1845 г.), Томасъ Бабингтонъ Маколей (1800 г.—1859 г.; „Essays“) „Очерки“ (1841 г. и сл. и „Исторія Англіи“, 1848—55 г.), Дм. Ант. Фрудъ (1818 г.—1894 г.; „Исторія Англіи“, 1856—1870 г.), Эд. Авг. Фриманъ (1823 г.—1892 г.; „History of the Norman conquest of England“ 1867—79 г. и неоконченная „Исторія Сициліи“, 1891—92 г.), епископъ Уильямъ Стеббсъ (1825 г.—1901 г.; „Конституціонная исторія Англіи“, 1874—78 г.) и Сам. Роусонъ Гардинеръ (1829 г.—1902 г.; доведенная только до 1656 г., „Исторія республики и протекторства въ Англіи“ 1894—1901 г.). Въ области экономической исторіи заслуживаютъ упоминанія преимущественно сочиненія Дж. Э. Т. Роджерса (1823 г.—1890 г.) и У. Дж. Эшли (род. въ 1860 г.).

Еще менѣе замѣтное вліяніе за предѣлами своего отечества оказали историческіе писатели большей части другихъ народовъ. Что касается испанцевъ, то слѣдующій списокъ именъ слѣдуетъ считать скорѣе слишкомъ обширнымъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ, кромѣ Льоренте, Каваниллеса, Лафуэнтэ и Альтамиры не заслуживаетъ вниманія неиспанской читающей публики. Въ Испаніи наибольшей славой пользуются: Хуанъ Баутиста Муньосъ (сконч. въ 1799 г.), Хуанъ Франс. Масдеу (сконч. въ 1817 г.), Хуанъ Антоніо Кондэ (сконч. въ 1820 г.; „Исторія владычества арабовъ въ Испаніи“), Хуанъ Антоніо Льорентэ (1756 г.—1823 г.; „Критическая исторія испанской инквизиціи“, 1815 г.—1817 г.), поэтъ Мануэль Хозе Квинтана (1772 г.—1857 г.; „Біографіи знаменитыхъ испанцевъ“, 1807 г.—1833 г.), Антоніо Каваниллесъ (1805 г.—1864 г.; „Исторія Испаніи“, 1860 г.—64 г., неокончена), Модесто Лафуэнтэ (1806 г.—1866 г.; „Всеобщая исторія Испаніи“, 1850 г.—66 г.) и Раф. Альтамира („Преподаваніе исторіи“, 1891 г.).

То же самое можно сказать и о португальскихъ историкахъ XIX столѣтія. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ слѣдующіе: Луисъ Авг. Ребелло да Сильва (1822 г.—1871 г., „Исторія Португаліи въ XVII и XVIII вѣкахъ“, 1860 г.—71 г.), І. Рамосъ Коэлхо („Исторія Инфанта Д. Дуарте“ [Эдуарда Браганцкаго], 1889 г.—90 г.), графъ де Виллафранка („Англійскій союзъ“) и Рибейро де Васконселлосъ („Reinha Santa“, 1894 г.), Іоанно

Педро Рибейро и Феррейра Гордо; оба послѣднихъ, какъ академики, принимали участіе въ изданіи „Историческихъ памятниковъ Португаліи" (Portugaliae monumenta historica). Назовемъ еще художественнаго писателя Іоакима де Васконселлоса (род. въ 1849 г.).

Гораздо счастливѣе въ этомъ отношеніи Италія, такъ какъ между ней и остальными европейскими странами установились тѣсныя отношенія въ области исторіи искусствъ, и благодаря этому неизбѣжно развился оживленный обмѣнъ мыслей между итальянцами и другими культурными народами. Такъ, напримѣръ, многотомная „Всеобщая исторія" (1836 г. и сл.) Чезаре Канту (1807 г.—1895 г.) пріобрѣла многочисленныхъ почитателей за предѣлами отечества своего автора. Къ этому писателю примыкаютъ: Піетро Верри (1783 г.—„Исторія Милана"), графъ Луиджи Босси (1758 г.—1835 г.), Карло Бота (1766 г.—1837 г.), Піетро Коллетта (1775 г.—1831 г.: „Исторія королевства Неаполитанскаго", 1834 г.), Ант. Коппи (1782 г.—1870 г.: „Лѣтописи Италіи", 1824 г.—1868 г.) Карло Тройа (1784 г.—1858 г.; „Средневѣковая исторія Италіи"), Чезаре Бальбо (1789 г.—1853 г.), маркизъ Джино Капони (1792 г.—1876 г.: „Исторія флорентинской республики", 1875 г.), Массимо Тапарелли маркизъ д'Азельо (1798 г.—1866 г.; „Воспоминанія", 1867 г.), Франч. Дом. Гуэррацци (1804 г.—1873 г.), Микеле Амари (1806 г.—1889 г.; „Сицилійская вечеря", 1841 г. и „Исторія мусульманъ въ Сициліи", 1853 г.—73), Мик. Джуз. Канале (1808 г.—1890 г.; „Исторія Генуэзской республики", 1858 г.—74 г.) и Луиджи Тости (1811 г.—1897 г.). Слѣдующіе писатели принимали участіе въ борьбѣ за объединеніе Италіи, были мыслящими наблюдателями происходившихъ событій и частью подвергли ихъ исторической обработкѣ: Луиджи Карло Фарини (1812 г.—1866 г.) и Альб. Гульельмотти (1812 г.—1893 г.), Ферд. Раналли (1813 г.—1894 г.), Эмиліо Брольо (1814 г.—1892 г.; „Фридрихъ Великій", 1874 г.—76 г. и 1879 г.—80 г.), Джуз. Ла Фарина (1815 г.—1863 г. „Исторія Италіи", 1846 г. и сл.), Чез. Корренти (1715 г.—1888 г.; первый президентъ основащаго въ 1883 г. „Итальянскаго Историческаго Института", [Instituto storico italiano] и Борт. Капассо (1815 г.—1900 г.; писалъ изъ исторіи Неаполитанскаго королевства), Никомеде Біанки (1818 г.—1886 г.; „Документальная исторія вмѣшательства европейской дипломатіи въ итальянскія дѣла между 1814 и 1861 годами", 1865—72) и Марко Мингетти (1818 г.—1886 г.; „Рафаэль", 1885 г. и „Воспоминанія", 1888—91 г.) и Марко Табаррини (1818 г.—1898 г.), С. Романинъ (1853—61; „Документальная исторія Венеціи"), Джуз. Массари (1821 г.—1884 г.; „Кавуръ", 1873 г.), Джуз. Де Лева (1821 г.—1895 г.; „Документальная исторія Карла V.", 1863 г.—81 г.) и баронъ Дом. Карутти ди Кантоньо (род. въ 1821 г.; исторія Савойи), Кардиналъ Альф. Капечелятро ди Кастропагано, который считался въ іюлѣ 1903 г. въ числѣ кандидатовъ въ папы (род. въ 1824 г.; „Святая Екатерина", 1856 г. и „Ньюманъ" 1859 г.), Рудж. Бонги (1826 г.—1895 г.; „Левъ IX и будущій папа", 1877 г. и „Левъ XIII и Италія", 1878 г.) и Тулло Массарани (род. въ 1826 г.; „Этюды", 1899 г.), Паскуале Виллари (род. въ 1827 г.; „Савонарола" 1859—61 г. и „Макіавелли", 1877—82 г.), Ферд. Бозіо (1829 г.—1881 г.), Вит. Берсезіо (1830 г.—1900 г.; „Царствованіе Виктора Эмануила II", 1878—95 г.), Ромуальдо Бонфадини (1831 г.—1899 г.), Луиджи Кіала (род. въ 1834 г.; защитникъ Ламарморы), Джуз. Герзони (1835 г.—1886 г.), историкъ литературы Алессандро д'Анкона (род. въ 1835 г.), затѣмъ Франческо Бертолини (род. въ 1836 г.; „Исторія національнаго пробужденія Италіи", 1887 г.), Эм. Комба (род. въ 1839 г.; „Исторія Вальденцевъ", 1892 г.), Пьетро Баланъ (род. въ 1840 г.; „Клементій VII," 1884 г. и 1887 г.) и Джіов. Фальделла (род. въ 1846 г.).

Между историческими изслѣдователями младшаго поколѣнія выдаются слѣдующіе: Помп. Мольменти (род. въ 1852 г.; „Исторія Венеціи") и графъ Карло Чиполла (род. въ 1854 г.; „Исторія итальянскихъ Синьорій",

1878 г.). Джіачинто Романо, (знатокъ эпохи династіи Висконти), Никола Ниско (1880 г.—90 г.: „Исторія Италіи отъ 1814 до 1880 г.“), П. Дольчи (1887 г.: „Синтезъ исторической науки“), К. Тиварони (1888 г.—97 г.: „Критическая исторія національнаго пробужденія Италіи“).

Если оставить въ сторонѣ важнѣйшіе труды перечисленныхъ итальянскихъ изслѣдователей, то каждый поражается сравнительно громаднымъ числомъ тѣхъ итальянскихъ писателей, которые занимаются исторіей исключительно или главнымъ образомъ для цѣлей партійной политики: итальянская исторіографія можетъ служить осязательнымъ подтвержденіемъ того положенія, что политическая исторія — это только политика, передѣланная въ исторію. Вотъ еще одна особенность итальянской исторической науки: въ противоположность тому, что наблюдается въ Германіи, между итальянскими историками много людей аристократическаго происхожденія,

15. Исторія музыки отъ средины XVIII столѣтія до настоящаго времени.

Духъ XVIII вѣка привелъ въ музыкѣ къ такому же повороту, какъ въ пластическихъ искусствахъ и поэзіи: музыка тоже отвернулась отъ придворнаго стиля и „барокъ“, съ его напыщенностью, вычурностью и важностью и обратилась къ буржуазной простотѣ, къ выраженію народнаго духа, духа свободы, къ ясности и „естественности“. Вѣкъ просвѣщенія разбилъ оковы духа, освободилъ чувство отъ гнетущихъ предразсудковъ, прогналъ страшные призраки, созданные суевѣріемъ; люди устремились къ свѣту, сердца раскрылись для дружбы и любви, воскресла надежда на счастье и миръ на землѣ, развилась способность къ наслажденію природой и всѣмъ прекраснымъ; люди отдавались новымъ неизвѣданнымъ, опьяняющимъ ощущеніямъ, заглядывали въ глубь собственной души и научились вѣрить въ самихъ себя, въ неприкосновенныя права личности, въ божественность человѣческаго генія. Всѣ эти глубокія чувства не находили себѣ полнаго выраженія ни въ словахъ, ни въ образахъ, ни въ краскахъ, ни въ контрастахъ свѣта и тѣни; новое душевное содержаніе могло излиться только въ музыкѣ, такъ какъ это самое субъективное, самое нервное, самое тонкое искусство, захватывающее самыя сокровенныя глубины человѣческой души. Это искусство, связанное съ такимъ множествомъ разнообразныхъ условій, пріобрѣтаетъ сразу такое громадное культурно-историческое значеніе въ массовой и въ индивидуальной психологіи, которому не было ничего равнаго даже въ древнегреческомъ мірѣ. Музыка становится во главѣ остальныхъ искусствъ, собираетъ ихъ вокругъ себя и создаетъ между ними постоянно новыя комбинаціи, извлекаетъ изъ глубины души искры фантазіи и страсти и говоритъ такими символами, которые отражаютъ въ одно и то же время и космополитическія задачи, и національно-общественныя ученія.

а) Глюкъ, Гайднъ, Моцартъ.

Итальянцы (ср. стр. 505) первые нашли средство для обновленія окаменѣвшей въ своей первоначальной формѣ музыкальной драмы: рядомъ съ Opera seria (серьезной оперой) они поставили Opera buffa (комическую оперу). По ихъ слѣдамъ пошли французы (стр. 507), которые придали комической оперѣ національный отпечатокъ, но въ то же время не хотѣли отказаться и отъ „большой оперы“ (Grand opéra) въ стилѣ Мюлли-Рамо. Вслѣдствіе этого разгорѣлся пресловутый раздоръ между „буффонистами“ и „люллистами“; это былъ первый случай, когда споръ по по-

воду музыкальнаго вопроса былъ отданъ на судъ большой публики при посредствѣ печати и гласности. Съ тѣхъ поръ случалось не разъ, что музыкальныя пререканія поднимали шумъ въ печати; сами же музыканты, которые прежде держались въ сторонѣ отъ печатнаго слова, теперь брались за перо для того, чтобы выяснить свою эстетическую точку зрѣнія, слѣдуя примѣру поэтовъ и профессіональныхъ художественныхъ критиковъ. Наконецъ, и въ германской музыкѣ, находившейся въ полномъ подчиненіи у итальянцевъ и французовъ, пользовавшихся протекціей придворныхъ сферъ, обнаружилось движеніе въ сторону національнаго искусства и народной простоты. Въ видѣ параллели къ комической оперѣ или опереткѣ романскихъ народовъ возникли нѣмецкія драмы съ пѣніемъ или оперетты (Singspiel). Родоначальникомъ подобнаго рода пьесъ былъ Іоаннъ Адамъ Гиллеръ (1728 г.—1804 г.), первый дирижеръ основанныхъ въ 1781 году концертовъ въ лейпцигскомъ Гевандгаузѣ. Съ помощью литератора Христіана Феликса Вейссе (1726 г.—1804 г.) Гиллеръ переложилъ на музыку переводные и оригинальные нѣмецкіе тексты. Изъ числа сѣверно-германскихъ преемниковъ этого композитора наибольшую славу пріобрѣли: Георгъ Бенда (1722 г.—1795 г.), который ввелъ въ моду мелодраму („Аріадна на островѣ Наксосѣ"), Іоаннъ Фридрихъ Рейхгардтъ (1752 г.—1814 г.), который сочинилъ въ 1789—90 годахъ музыку къ пьесамъ соч. Гете („Claudine von Villabella", „Erwin und Elmire", „Jery und Bätely"), Антонъ Швейцеръ (1737 г.—1787 г.), любимецъ Виланда и Гердера.

Въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія всемірной музыкальной столицей сдѣлалась Вѣна. Здѣсь пьесы съ пѣніемъ преобразовались въ національную оперу, вообще пріобрѣли болѣе серьезный въ музыкальномъ смыслѣ характеръ. Уже въ 1752 году давался на сценѣ „Der neue krumme Teufel" Іосифа Гайдна; это была, повидимому, самая первая по времени нѣмецкая оперетта, но къ сожалѣнію ея музыка затерялась. Въ Вѣнѣ же Глюкъ сочинялъ для двора французскія оперетты, тутъ же давалась на сценѣ въ частныхъ кружкахъ „Бастіенъ и Бастіенна" юнаго Моцарта. Изъ экономіи императоръ Іосифъ II поощрялъ національную нѣмецкую оперетту въ Вѣнѣ; первая опера, которая была представлена на сценѣ Вѣнскаго опернаго театра (въ 1778 г.), была „Рудокопы" Игнаца Умлауфа. Въ 1782 году давалась опера Моцарта „Бельмонтъ и Констанца" („Похищеніе изъ Сераля"); однако наибольшій успѣхъ выпалъ на долю не генія Моцарта, а изобрѣтательности Карла Дитерса фонъ Диттерсдорфа (1739 г.—1799 г.). Его оперетта „Doctor und Apotheker" (въ 1786 г.), распространила славу вѣнской національной оперетты по всей Европѣ. Успѣхъ преемниковъ Диттерсдорфа былъ уже, можно сказать, обезпеченъ заранѣе: вотъ ихъ имена: Фердинандъ Кауэръ (1751 г.—1831 г.; „Das Donauweibchen"), Іоаннъ Шенкъ (1753 г.—1836 г.; „Der Dorfbarbier"), Іос. Вейгель (1765 г.—1846 г.; „Die Schweizerfamilie") и Венцель Мюллеръ (1767 г.—1835 г.; „Der Alpenkönig und der Menschenfeind").

Нѣмецкая оперетта (Tingspiel) была той раковиной, изъ которой родилась жемчужина музыкальной лирики, арія. До самой средины XVIII столѣтія художественная музыкальная пѣсня („Ода") не выработала себѣ никакого опредѣленнаго стиля. Дѣло приняло лучшій оборотъ со времени Гердера (стр. 581), когда начали отыскивать настоящія народныя пѣсни; наконецъ, композиторы вступили на вѣрный путь, когда имъ пришлось сочинять музыку къ театральнымъ пьесамъ съ пѣніемъ, которыя давались предъ большой публикой, а великіе поэты предоставили въ ихъ распоряженіе обильный запасъ богатыхъ по содержанію текстовъ. Наилучшіе композиторы арій въ XVIII вѣкѣ, какъ то вышеупомянутый Рейхардтъ, перелагавшій на музыку тексты изъ Гете, Карлъ Фридрихъ Цельтеръ (1758 г.—1832 г.), котораго Гете цѣнилъ еще выше предыдущаго, авторъ музыкальныхъ балладъ Іоаннъ Рудольфъ Цумштегъ (1760 г. — 1802 г.),

Глюкъ, Гайднъ, Моцартъ, Бетховенъ — всѣ они были лишь предшественниками Франца Шуберта. Кстати упомянемъ и о томъ, что, состоя президентомъ Берлинской музыкальной академіи, Цельтеръ образовалъ въ 1809 году изъ членовъ этой академіи первое филармоническое общество. Почти одновременно съ этимъ (въ 1810 году) въ Цюрихѣ возникъ первый самостоятельный мужескій хоръ пѣвцовъ подъ руководствомъ Ганса Георга Негели (1773 г.—1836 г.); подобныя общества имѣютъ для современной эпохи такое же значеніе, какъ въ старину „школы мейстерзингеровъ" (стр. 504).

Въ то время, какъ оперетта переживала свой расцвѣтъ, серьезная (большая) опера опускалась все ниже и ниже. Тогда явился нѣмецкій композиторъ Христофъ Вилибальдъ Глюкъ (1714 г.—1787 г.), старѣйшій изъ великихъ вѣнскихъ классиковъ, человѣкъ съ рѣдкой силой ума и воли, который рѣшилъ попытаться направить вновь къ первоначальной цѣли этотъ выродившійся родъ искусства; Глюкъ отважился въ третій разъ на ту попытку, какую уже сдѣлали до него сначала Пери и Монтеверде, а потомъ Люлли и Рамо (стр. 506); онъ хотѣлъ создать музыкальную литературную драму въ античномъ духѣ, пользуясь вспомогательными средствами новѣйшей музыки. До преклонныхъ лѣтъ онъ писалъ такія пьесы, и ихъ набралось цѣлыхъ три дюжины; изъ нихъ половина принадлежала къ категоріи Opera seria. Наконецъ, въ лицѣ Раніеро ди Кальцабиджи онъ нашелъ либреттиста, который проникся вполнѣ созрѣвшими идеями Глюка относительно музыкальной реформы и составилъ либретто къ его оперѣ „Орфей" (Orfeo ed Euridice). Это чудное произведеніе, которое было дано на сценѣ въ первый разъ въ Вѣнѣ въ 1762 году съ кастратомъ Гуаданьи въ заглавной роли, имѣло повсюду громадный успѣхъ. Слѣдующая написанная въ новомъ духѣ опера Глюка „Альцеста" (1767 г.) была выпущена въ свѣтъ вмѣстѣ съ объясненіемъ теоретическихъ взглядовъ автора, благодаря чему возникъ споръ за и противъ новой реформы въ музыкѣ. Когда Глюкъ избралъ ареной для проведенія своей реформы Парижъ и давалъ здѣсь на сценѣ свои оперы „Ифигенія въ Авлидѣ" (1774 г.), „Ифигенія въ Тавридѣ" (1779 г.) и „Армида" (1777 г.), то эта полемика превратилась въ шумное столкновеніе, къ которому прислушивалась вся Европа. Противники Глюка сгруппировались подъ знаменемъ добродушнаго Пиччинни (стр. 506), который попрежнему жилъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Глюкомъ, но потерпѣлъ полное пораженіе въ этомъ спорѣ.

Драматическая музыка Глюка была характернымъ произведеніемъ эпохи Винкельмана; наравнѣ съ эллинистической поэзіей Гете она стремилась къ „благородной простотѣ и спокойному величію", не жертвуя однако, выразительностью и страстностью; но все-таки это была не та музыка, въ которой нуждалась современная эпоха, которой она искала и которая зазвучала только въ музыкальныхъ произвеніяхъ младшихъ современниковъ Глюка. Изъ этой послѣдней новой инструментальной музыки, особенно изъ высшей ея формы, симфоніи, возродилась съ помощью поэтическаго романтизма современная музыкально-литературная драма. Преобразователемъ инструментальной музыки и піонеромъ новой композиціи былъ сынъ крестьянина изъ Нижней Австріи Іосифъ Гайднъ (род. 31 марта 1732 года, сконч. 31 мая 1809 года.). Онъ былъ, если можно такъ выразиться, полудикимъ растеніемъ, выросшимъ на почвѣ вѣнской музыки; свою музыкальную реформу онъ разработалъ вдали отъ свѣта, служа капельмейстеромъ князя Ник. Іос. Эстергази (1714 г.—1790 г.), пока онъ, наконецъ, не развернулъ своего знамени въ Лондонѣ (въ 1790 году) и не пожалъ на склонѣ лѣтъ самыхъ прекрасныхъ и самыхъ долговѣчныхъ лавровъ на своемъ поприщѣ. Связующимъ звеномъ между строгой міровой полифоніей Іоанна Себастьяна Баха и свободной фразировкой Гайдна служатъ сыновья Баха, въ особенности Филиппъ Эмануилъ. Онъ выра-

боталъ сообща съ Гайдномъ форму сонаты въ нѣсколько частей, и эта форма сдѣлалась основой композиціи для отдѣльныхъ инструментовъ, въ особенности фортепіано, а также камерной и оркестровой музыки классической эпохи. Гайднъ установилъ число частей въ симфоніи; ихъ полагается четыре, двѣ крайнія въ скоромъ темпѣ (Allegro, Presto), вторая часть въ медленномъ темпѣ (Andante, Adagio largo), третья часть—менуэтъ, салонный танецъ, который замѣняется иногда у Гайдна, этого сына природы, австрійскимъ вальсомъ или венгерскимъ хороводомъ. Новостью въ композиціи Гайдна является главнымъ образомъ не прочная установка формы, а тематическая разработка. Въ началѣ каждой части этотъ композиторъ ставитъ главную тему, за которой слѣдуетъ еще одна или нѣсколько другихъ темъ; въ средней части темы подвергаются дальнѣйшей обработкѣ: онъ ихъ фигурируетъ, варіируетъ, модулируетъ, фугируетъ, раздробляетъ, укорачиваетъ, удлиняетъ, переворачиваетъ въ обратномъ порядкѣ, помѣщаетъ ихъ одну надъ другой или подъ другой, и онѣ вытекаютъ одна изъ другой самымъ непринужденнымъ, натуральнымъ образомъ, пока, наконецъ, темы не всплываютъ опять въ своей первоначальной формѣ, и вслѣдъ за тѣмъ пьеса быстро заканчивается. Благодаря такому счастливому изобрѣтенію, какъ эта композиція, инструментальная музыка освободилась отъ власти вокальной музыки и вернулась уже по собственному почину къ ней и къ ея литературной основѣ. Даже въ своихъ инструментальныхъ произведеніяхъ безъ словъ Гайднъ инстинктивно держится на пути поэзіи. Онъ придавалъ своимъ музыкальнымъ произведеніямъ единство настроенія; онъ любилъ давать картины въ музыкѣ. Какъ онъ, такъ и его современники, чувствовали потребность въ надѣленіи особыми названіями своихъ характерныхъ инструментальныхъ сочиненій, такъ что Гайдна можно считать родоначальникомъ програмной музыки.

Необычайная плодовитость Гайдна, которая вызываетъ въ настоящее время всеобщее изумленіе, была явленіемъ весьма обыкновеннымъ среди современныхъ ему композиторовъ. Многочисленныя, не вполнѣ еще собранныя произведенія Гайдна сильно разнятся между собой по своему достоинству. Гайднъ далеко не относился къ своему художественному призванію съ такой гордостью, какъ Бетховенъ; до 1790 года онъ сочинялъ по заказу ради удовольствія своего патрона и другихъ высокопоставленныхъ покровителей безъ всякой мысли о безсмертіи своего имени. Только впослѣдствіи, когда весь міръ заставилъ этого скромнаго человѣка признать, чего онъ стоитъ, онъ сталъ писать только въ минуты вдохновенія. По счету Поля Гайднъ написалъ 126 симфоній, но изъ нихъ издаются въ настоящее время только 12 „англійскихъ“ и 6 „французскихъ“. Еще меньшій процентъ жизнеспособности дали многочисленныя серенады, ноктюрны и концерты Гайдна и его струнные квартеты, которыхъ имъ написано 83, сонаты, танцы, пѣсни, мессы и другія духовныя пьесы, его 19 оперъ и т. д. Изъ пяти его ораторій слѣдующія три имѣютъ еще и до сихъ поръ страстныхъ поклонниковъ: „Семь словъ Спасителя“, „Сотвореніе міра“ (1798 г.) и „Времена года“ (1801 г.). Отъ Гайдна ведетъ также свое начало слѣдующій составъ современнаго оркестра, который почти не мѣнялся съ тѣхъ поръ: струнный квинтетъ, двѣ флейты, столько же габоевъ, кларнетовъ, фаготовъ, рожковъ, барабановъ, кромѣ того еще трубы, тромбоны и разные ударные инструменты.

Если вѣрно мнѣніе грековъ, что тотъ любимецъ боговъ, кто рано разстался съ жизнью, то Іоаннъ Вольфгангъ Теофиль (наз. также Вольфгангъ Амадей) Моцартъ (род. 27 января 1756 г. скон. 5 декабря 1791 года; см. фиг. 3 на табл., прилож. къ стр. 508) не заслужилъ этой чести: изъ зависти боги положили конецъ жизни этого геніальнаго человѣка въ серединѣ ея, а не въ началѣ; они дали ему вкусить славу геніальнаго ребенка

чуть не съ колыбели. Окруженный общей любовью мальчикъ превратился въ странствующаго виртуоза; жизнь соблазнила его громкимъ успѣхомъ и затѣмъ бросила среди своекорыстнаго равнодушнаго коварнаго свѣта. Р. Вагнеръ очертилъ судьбу Моцарта слѣдующими мѣткими словами: „Жизнь Моцарта была непрерывной борьбой ради обезпеченія себѣ мирнаго существованія, на пути къ которому онъ сталкивался съ необычайными затрудненіями. Онъ тяготится службой музыканта при высокопоставленной особѣ (архіепископѣ зальцбургскомъ) и пробуетъ добывать себѣ средства къ существованію успѣхомъ предъ большой публикой, даетъ концерты; то, что быстро зарабатывалось, растрачивалось немедленно на удовольствія. Какъ Гайднъ долженъ былъ непрестанно поставлять новинки для развлеченія своего патрона, такъ и Моцартъ вынужденъ былъ придумывать каждый день что-нибудь новое для того, чтобы привлечь публику,—этимъ объясняются недостатки многихъ произведеній обоихъ композиторовъ: излишняя поспѣшность замысла и рутинность выполненія. Свои поистинѣ благородные шедевры Гайднъ написалъ уже въ старости, когда онъ достигъ громкой славы и пользовался обезпеченнымъ достаткомъ.. Къ несчастью, Моцартъ не дожилъ до такихъ счастливыхъ дней; самыя прекрасныя изъ его произведеній были набросаны въ короткіе промежутки между упоеніемъ минутной славой и страхомъ за завтрашній день. Отъ поры до времени онъ начиналъ тосковать по придворной службѣ съ хорошимъ содержаніемъ, какъ единственномъ выходѣ для обезпеченія себѣ безбѣднаго существованія и возможности работать во имя искусства. Императоръ (Іосифъ II) отказалъ ему въ своемъ покровительствѣ, но прусскій король(Фридрихъ Вильгельмъ II) предложилъ Моцарту должность при своемъ дворѣ; однако, художникъ остался вѣрнымъ „своему императору" — и погибъ въ нищетѣ.

По своему историческому значенію Гайднъ стоитъ выше Моцарта, но въ эстетическомъ или музыкальномъ отношеніи произведенія Моцарта не допускаютъ никакого сравненія. А между тѣмъ мы знаемъ только произведенія его юношескихъ лѣтъ, онъ не успѣлъ оставить намъ трудовъ своего болѣе зрѣлаго возраста. Изъ всѣхъ преждевременно скончавшихся художниковъ, поэтовъ, музыкантовъ какъ Рафаэль, Байронъ, Клейстъ, Шубертъ, Моцартъ, о послѣднемъ съ наибольшей увѣренностью можно сказать, что его геній еще только начиналъ развиваться. За произведенія послѣднихъ пяти лѣтъ его жизни (1786 г. — 1791 г.) можно пожертвовать всѣмъ тѣмъ, что имъ было создано до того времени; не только по своему достоинству, но и по своему количеству результаты его дѣятельности за этотъ короткій промежутокъ времени имѣютъ особенное значеніе. Изъ 47 его симфоній публика цѣнитъ и до сихъ поръ самыя лучшія его четыре симфоніи: D—dur безъ менуэта, Es —,G—moll - и C—или такъ наз. Юпитерскую симфонію (три послѣднія написаны въ 1788 г.). Съ большимъ успѣхомъ удержались до сихъ поръ его струнные квартеты и квинтеты, а также его серенады. Публикѣ нравятся еще и до сихъ поръ его сонаты для фортепіано (17 въ двѣ руки, 5 въ четыре руки) и сонаты для фортепіано и скрипки; съ другой стороны, едва ли найдется теперь хоть одинъ виртуозъ помимо Карла Рейнеке (род. въ 1824 г.) и Пюньо (стр. 688), который бы рѣшился играть фортепіанные концерты Моцарта.

Геніальность Моцарта выказывается вполнѣ только въ тѣхъ сочиненіяхъ его, въ которыхъ человѣческій голосъ соединяется съ инструментами; его стихія — это кантилена, которая изливается съ наибольшей чистотой только непосредственно изъ человѣческой груди, а не посредствомъ духового инструмента. Его чарующее обаяніе заключается не въ его пѣсняхъ, мессахъ и ораторіяхъ; только въ его операхъ соединяются между собой чарующая прелесть самой возвышенной красоты и наиболѣе чистыя особенности его оригинальныхъ пріемовъ, въ которыхъ никто не могъ его превзойти. Какъ оперный композиторъ, Моцартъ стоитъ выше всякихъ

національныхъ стѣсненій. Итальянскую оперу, особенно Opera buffa, онъ облагородилъ, —благодаря ему она превзошла самое себя; онъ не остался чуждымъ французской оперѣ въ томъ видѣ, который она получила послѣ реформы Глюка; онъ былъ творцомъ нѣмецкой оперы, которую онъ создалъ изъ оперетты. Только въ окаменѣлую Opera seria даже и его геній не могъ вдохнуть новой струи; лишь ради историческаго интереса даются еще иногда на сценѣ оперы Моцарта „Idomeneo“ (1781 г.) и „La clemenza di Tito“ (1792 г.). Послѣ нѣсколькихъ юношескихъ опытовъ въ области итальянской комической оперы и уже упомянутаго нами на стр. 674 „Похищенія изъ Сераля“ тридцатилѣтній маэстро положилъ на музыку въ 1786 году „Свадьбу Фигаро“ (Le nozze di Figaro“), текстъ которой былъ выкраденъ аббатомъ да Понте изъ комедіи Бомарше, появившейся всего за два года передъ тѣмъ (стр. 569). Въ сравненіи съ этимъ перломъ комической оперы слѣдующее произведеніе Моцарта въ томъ же родѣ „Cosi fan tutte“ (1790 г.) оказывается значительно ниже, хотя и она обладаетъ нѣкоторыми прекрасными качествами. Къ какому же разряду слѣдуетъ причислить „Донъ—Жуана“ (1787 -г.), написаннаго въ промежуткѣ между этими обѣими комическими операми?—Безъ сомнѣнія, къ итальянскимъ операмъ; и теперь еще эту оперу поютъ лучше всего итальянцы. „Донъ—Жуанъ“— есть комическая опера, какъ это обнаруживается на каждомъ итальянскомъ представленіи ея. Донъ-Жуанъ остается комическимъ героемъ и въ обыкновенной драмѣ, и въ кукольномъ театрѣ, въ которомъ къ великому удовольствію дѣтей соблазнителя уноситъ чертъ; взрослые тоже не должны принимать слишкомъ близко къ сердцу трагическаго оттѣнка этой развязки. Только „Каменный гость“ принадлежитъ къ другому міру, какъ въ драматическомъ, такъ и въ музыкальномъ отношеніи, и свидѣтельствуетъ о томъ, чѣмъ могъ бы стать Моцартъ для серьезной оперы, если бы онъ успѣлъ созрѣть до полнаго уразумѣнія трагическаго элемента. Въ послѣдней оперѣ этого композитора, въ „Волшебной флейтѣ“ (1790 г.), тоже попадаются отдѣльныя мѣста, проникнутыя самой глубокой серьезностью и свидѣтельствующія о томъ же, но они исчезаютъ на общемъ фонѣ веселыхъ наивныхъ, игривыхъ мелодій, которыя вполнѣ поглощаютъ часто весьма вздорный текстъ. Вотъ что говоритъ о „Волшебной флейтѣ“ Рихардъ Вагнеръ: „Нѣмцы не могутъ достаточно высоко оцѣнить глубокое значеніе, какое имѣло появленіе этого произведенія. До него нѣмецкая опера, можно сказать, вовсе не существовала; она создалась появленіемъ „Волшебной флейты.“ Это было гигантскимъ шагомъ даже для генія; однимъ разомъ была создана нѣмецкая опера, и въ то же время вышелъ въ свѣтъ величайшій никѣмъ не превзойденный шедевръ этого жанра; мало того, казалось совершенно невозможнымъ расширить и продолжить тотъ родъ музыкальныхъ произведеній, къ которому принадлежитъ это сочиненіе. Послѣ „Волшебной флейты“ Моцартъ, уже стоя одной ногой въ могилѣ, почти закончилъ „Реквіемъ“, заказанный ему графомъ Францомъ фонъ Вальсеггомъ въ Штуппахѣ: самъ Моцартъ поручилъ закончить и подвергнуть его окончательной отдѣлкѣ своему ученику Францу Зюсмайеру (1766 г.— 1803 г.), который и исполнилъ эту работу согласно указаніямъ самого автора.

б) Бетховенъ, Шубертъ.

Моцартъ покоился уже въ общей могилѣ на кладбищѣ Св. Марксера въ то время, когда Людвигъ фанъ Бетховенъ (род. 16 декабря 1770 г., скончал. 26 марта 1827 г.; см. фигуру 4 на таблицѣ, прилож. къ стр. 508) переселился изъ Бонна въ Вѣну (1792 г.), гдѣ онъ и прожилъ до конца своей жизни. Сначала онъ учился у Гайдна, Шенка, I. Г. Альбрехтсбергера (1736 г.—1809 г.) и Антоніо Сальери (1750 г.—1825 г.), счастливаго соперника Моцарта, изъ школы котораго вышли, кромѣ Бетховена, также

Шубертъ и Листъ. Изъ сочиненій Гайдна молодой Бетховенъ дѣйствительно научился многому; позднѣйшимъ его учителемъ былъ Іоганнъ Себастьянъ Бахъ. Тѣмъ, что его творческій даръ достигъ такой высоты, до которой не подымался ни одинъ музыкантъ какой бы то ни было эпохи, Бетховенъ обязанъ своему природному генію и, кромѣ того, еще одному счастливому случаю и одному несчастному обстоятельству: щедрость австрійскихъ кавалеровъ избавила его отъ кабальнаго музыкальнаго труда ради хлѣба насущнаго, а усилившаяся глухота его освободила его отъ внѣшнихъ вліяній, мѣшающихъ полному сосредоточенію творческой мысли. Хотя и у него попадаются болѣе и менѣе удачныя вещи, однако же неоспоримо, что Бетховенъ не написалъ ни одной строчки, ничтожной по своему содержанію или заполненной чѣмъ-нибудь пустымъ, ненужнымъ, шаблоннымъ, какъ это случалось съ самыми знаменитыми изъ его предшественниковъ; и въ этомъ отношеніи примѣръ его дѣйствовалъ облагораживающимъ образомъ на всѣхъ музыкантовъ послѣдующаго времени. Среди его сочиненій наибольшее мѣсто занимаютъ пьесы для рояля. Кто изъ позднѣйшихъ композиторовъ для фортепіано, не исключая и тѣхъ, которые относились къ Бетховену враждебно, какъ, напримѣръ, Шопенъ, могъ думать вполнѣ искренно, что онъ не говорю уже сравнялся съ этимъ талантомъ, а хотя бы только приблизился къ нему? Что Бетховенъ отдаетъ такое замѣтное предпочтеніе фортепіано (объ исторіи этого инструмента срв ниже стр. 686), поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что онъ самъ игралъ на этомъ инструментѣ до наступленія своей глухоты, что онъ часто игралъ на немъ передъ публикой, что въ свободной импровизаціи онъ не уступалъ никому, кромѣ Листа и, что, живя въ одиночествѣ, онъ имѣлъ всегда въ своемъ распоряженіи фортепіано, замѣнявшее ему иструментъ изъ инструментовъ — оркестръ. Благодаря этому его пьесы для фортепіано отличаются такимъ же отчетливымъ оркестровымъ стилемъ, какъ пьесы І. С. Баха органнымъ. Конечно, возможно выработать также и чистый фортепіанный стиль, и великіе художники оставили еще обширное поле дѣятельности и для другихъ композиторовъ.

Въ то время фортепіано стало популярнымъ инструментомъ среди любителей, которыхъ становилось все больше въ среднихъ классахъ общества; благодаря этому возрасталъ спросъ на новую музыку для фортепіано, какъ на серьезную, такъ и на легкую. Однако, публика цѣнила Бетховена не столько за его фортепіанную и камерную музыку (10 сонатъ для скрипки, 13 тріо, 16 струнныхъ квартетовъ и т. д.), сколько за его 9 симфоній, вообще за его оркестровыя произведенія, которыя стали основами нашей высшей концертной музыки. Какъ преимущественно инструментальный композиторъ, Бетховенъ въ вокальной музыкѣ предъявляетъ иногда къ человѣческому голосу непосильныя требованія; это относится въ особенности къ самымъ сильнымъ его сочиненіямъ, къ заключительной фразѣ девятой симфоніи (1823 г.—1824 г.) и къ „Missa solemnis" (1818 г.—1822 г.). Среди его пѣсенъ нѣтъ недостатка въ удобоисполнимыхъ вокальныхъ номерахъ („Аделаида", 1796 г., „Къ далекой возлюбленной", 1816 г.); но могучій геній Бетховена не искалъ новыхъ путей въ этой скромной области, а въ ораторіи и въ кантатѣ („Христосъ на Масличной горѣ", 1803 г., „Славный моментъ", 1814 г.), онъ ихъ не нашелъ, хотя и дѣлалъ къ тому попытки. Какъ всѣ его сочиненія, такъ и его музыка къ „Эгмонту" Гете (1810 г.), увертюра къ „Коріолану" Коллинса и увертюры къ „Леонорѣ" проникнуты настоящей драматической жизнью. Хотя онъ постоянно разыскивалъ подходящіе оперные тексты, тѣмъ не менѣе онъ написалъ всего только одну оперу „Фиделіо" (или „Леонору", 1805 г., переработанную въ 1806 г. и 1814 г.), которая стоитъ внѣ конкурса во всѣхъ своихъ поистинѣ драматическихъ частяхъ, но неизмѣнно тащитъ за собою, какъ цѣпи, всѣ аксесуары традиціонныхъ оперъ. За весь промежутокъ времени, протекшій

между выходомъ въ свѣтъ „Волшебной флейты“ Моцарта и „Волшебнаго стрѣлка“ Вебера, „Фиделіо“ представляетъ собою единственное выдающееся явленіе въ жизни нѣмецкаго опернаго искусства.

Талантъ Франца Шуберта (род. 31 января 1797 г., сконч. 19 ноября 1828 г.) развивался быстро, но былъ отодвинутъ въ тѣнь мощнымъ геніемъ Бетховена. Шубертъ родился въ одномъ изъ предмѣстій Вѣны, жилъ въ нищетѣ, въ дѣтствѣ былъ пѣвчимъ, а затѣмъ народнымъ учителемъ; публика не замѣчала его, оцѣнили его только друзья; музыкальныя произведенія его оплачивались плохо (за „Лѣсного царя“ онъ получилъ всего 1 дукатъ), но тѣмъ не менѣе этотъ царь пѣсенъ не переставалъ творить и превзошелъ даже Моцарта въ богатствѣ и разнообразіи мелодій. Руководствуясь однимъ только чутьемъ, безъ всякихъ теоретическихъ размышленій, онъ соединилъ въ предѣлахъ своей спеціальности поэзію и музыку въ тѣсный союзъ. Ко времени своей смерти, на 31 году своей жизни, онъ уже сочинилъ 700 пѣсенъ, и, конечно, это былъ не весь запасъ мелодій, который таился въ его душѣ; та же самая мощь обнаруживается въ его пьесахъ для фортепіано, его квартетахъ и квинтетахъ, его оркестровыхъ произведеніяхъ (симфоніяхъ C и H — moll), его кантатахъ, духовныхъ композиціяхъ, драматическихъ опытахъ („Альфонсъ и Эстрелла“, „Розамунда“, „Волшебная арфа“, „Фирабрасъ“, „Домашняя война“). Друзья Шуберта хозяйничали безконтрольно въ рукописяхъ покойнаго композитора, и только благодаря вмѣшательству позднѣйшихъ почитателей его (Николая Думбы, 1830 г.—1900 г.) то, что сохранилось, было перенесено въ сохранное мѣсто.

в) Международный оперный стиль.

Кто интересовался вѣнскими классиками въ эпоху Наполеона I-го и реставраціи? Оперными театрами завладѣли виртуозы, распѣвавшіе блестящія аріи, и композиторы, поставлявшіе для нихъ эффектныя пьесы; въ концертныхъ залахъ раздавались пошлыя издѣлія теперь уже забытыхъ модныхъ композиторовъ (Игнатія І. Плейэля, 1757 г.—1831 г., І. Б. Вангаля, 1739 г.—1813 г., А. Коцелуха, 1752 г.—1818 г., Адальберта Гировеца, 1763 г.—1851 г., Іосифа Гелинека, 1758 г.—1829 г., Іосифа Вельфля, 1772 г.—1814 г. и др.); показныя пьесы тогдашнихъ инструментальныхъ виртуозовъ господствовали безраздѣльно и не допускали никакого соперничества. Однако, французская опера еще долго держалась традицій эпохи Глюка-Моцарта и привлекала къ себѣ лучшія силы изъ-за границы. Образовался международный оперный стиль, который получился отъ соединенія итальянскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ составныхъ частей. Сама Франція тоже поставила свой контингентъ выдающихся оперныхъ композиторовъ, Этьена Жозефа Мегюля (1763 г.—1817 г.; „Іосифъ въ Египтѣ“, 1807 г.) и фаворита Наполеона Жана Фр. Ле Сюэра (1760 г.—1837 г.; „Барды“, 1804 г.), который значительно уступаетъ по таланту предыдущему. Изъ Италіи переселились въ Парижъ Луиджи Керубини (1760 г.—1842 г.; „Медея“, 1797 г., „Два дня“ или „Водоносъ“, 1800 г.), духовныя пьесы котораго (два реквіема) приближаются къ вѣнскимъ классикамъ болѣе, чѣмъ произведенія всѣхъ другихъ его современниковъ, и Гаспаро Спонтини (1774 г.—1851 г.; „Весталка“, 1807 г., „Фердинандъ Кортецъ“, 1809 г., „Олимпія“, 1819 г.), доведшій большую оперу до той границы, за которую она фактически никогда не могла перейти.

Между тѣмъ появляется такъ называемый Пезарскій лебедь—Джіоаккимо Антоніо Россини (род. 20 февраля 1792 г., сконч. 13 ноября 1868 г.), благодаря которому итальянская музыка восторжествовала во второй разъ. Его изнѣженно-сладкія мелодіи приводили въ восхищеніе общество эпохи реставраціи, искавшее наслажденій и покоя, общество, которое забывало въ театрѣ о своей собственной пустотѣ и о безсодержательности своей

любимой музыки. Однако, могучій талантъ Россини былъ способенъ къ болѣе высокому полету: въ своемъ „Севильскомъ цирульникѣ“ (1810 г.) онъ сравнился съ композиторомъ „Свадьбы Фигаро“, а въ своей оперѣ „Вильгельмъ Телль“ (1829 г.) онъ показалъ, на что онъ былъ способенъ въ области большой оперы. Неудовлетворенный своими произведеніями и разочарованный, томясь сознаніемъ того, что онъ не достигъ совершенства, онъ прекратилъ свою дѣятельность на 37 году своей жизни и посвятилъ остальныя 39 лѣтъ ея наслажденіямъ и философскому созерцанію. Послѣ ухода Россини на поприщѣ итальянской оперы, пользовавшейся большой любовью какъ со стороны пѣвцовъ, такъ и публики, стали подвизаться съ громкимъ успѣхомъ композиторы Гаэтано Доницетти (1797 г.—1848 г.; „Любовный напитокъ“, 1832 г., „Лукреція Борджіа“, 1834 г., „Лючія ди Ламмермуръ“, 1835 г., „Дочь полка“ и „Фаворитка“, 1840 г., „Линда ди Шамуни“, 1842 г.) и Винченцо Беллини (1801 г.—1835 г.; „Сонамбула“ и „Норма“, 1831 г., „Пуритане“, 1835 г.). Тѣмъ не менѣе, національная итальянская опера стала клониться къ упадку, но, къ счастью, она нашла своего спасителя въ лицѣ Джузеппе Верди (стр. 694).

Комическая опера (Opéra comique) осталась совершенно свободной отъ преобладающаго вліянія итальянцевъ. Нѣсколько чисто французскихъ талантовъ охраняли въ неприкосновенности ея самобытность; наиболѣе выдающіеся изъ нихъ слѣдующіе: Франсуа Адріенъ Буальдье (1775—1834 г.: „Жанъ изъ Парижа“, 1812 г., „Бѣлая дама“, 1825 г.), Даніель Франсуа Эспри Оберъ (1782 г.—1871 г.; „Каменьщикъ и слесарь“, 1825 г., „Фра Діаволо“, 1830 г., „Черное домино“, 1837 г.), который былъ не только царемъ оперетты, но оказался выше своихъ соотечественниковъ также и на поприщѣ трагической оперы въ своей „Нѣмой изъ Портичи“ (1828 г.). Что касается слѣдующаго поколѣнія французскихъ композиторовъ, то только немногія изъ ихъ произведеній напоминаютъ о славномъ прошломъ французскаго искусства; назовемъ, напримѣръ, „Почтальона изъ Лонжюмо“ (1836 г.), Д. Ш. Ад. Адана (1803 г.—1856 г.) и „Цампу“ (1831 г.) Луи Ж. Ф. Герольда (1791 г.—1833 г.). Много времени прошло до тѣхъ поръ, пока Делибъ и Бизе (стр. 695) не вернули французской опереттѣ ея остроумія, темперамента и граціозности.

Нѣмецкая „романтическая опера“ появилась на сценѣ въ теченіе первыхъ десятилѣтій XIX столѣтія тихо, безъ того шума, которымъ сопровождается въ Парижѣ появленіе новинокъ въ искусствѣ. Нѣмецкая опера зародилась одновременно въ столицахъ разныхъ германскихъ государствъ, такъ какъ на всемъ протяженіи Германскаго союза не существовало такого центра, который притягивалъ бы къ себѣ всю общественную жизнь подобно Парижу во Франціи. Рядъ романтическихъ оперъ открывается „Фаустомъ“ (1818 г.) знаменитаго скрипача Людвига Шпора (1784 г.—1859 г.); за этой оперой послѣдовало нѣсколько другихъ того же автора, между прочимъ „Іессонда“, дѣйствіе которой происходитъ въ Индіи. Музыка Шпора носитъ вполнѣ своеобразный отпечатокъ не только въ его операхъ, но и въ его недраматическихъ пьесахъ (симфоніяхъ, ораторіяхъ, концертахъ, квартетахъ и т. д.): она грустна до однообразія, расплывчата, ненародна и носится въ странныхъ гармоніяхъ. Карлу Маріи фонъ Веберу (род. 18 декабря 1786 г., сконч. 5 іюня 1826 г.) принадлежитъ та заслуга, что онъ далъ новое, „романтическое“ направленіе національной музыкальной драмѣ въ такое время, когда французское господство достигло своего апогея. Въ Австріи онъ научился „пѣть и говорить“; онъ былъ виртуозомъ въ игрѣ на фортепіано, для котораго онъ написалъ много различныхъ пьесъ (сонаты, концертныя пьесы, „приглашеніе къ танцу“); кромѣ того, онъ владѣлъ недурно перомъ, подобно Глюку. Въ 1817 году онъ былъ приглашенъ въ Дрезденъ для основанія нѣмецкой оперы, помимо итальянской, которая продолжала существовать въ этомъ городѣ до

1841 года. Еще раньше того времени онъ пробовалъ свои силы въ оперѣ („Лѣсная дѣва“ (Сильвана), 1800 г., „Рюбецаль“, 1805 г., „Абу Гассанъ“, 1810 г. и т. д.). Но черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его переѣзда въ Дрезденъ онъ выпустилъ въ свѣтъ „Волшебнаго стрѣлка“, который имѣлъ рѣшающее значеніе для всей его послѣдующей судьбы. Это есть наиболѣе народное изъ благородныхъ произведеній великихъ нѣмецкихъ музыкантовъ; оно возникло изъ нѣдръ вѣчно-юной народной мелодіи, разработанной при помощи геніальной инструментовки, которая показала навсегда, какъ слѣдуетъ пользоваться для драматическаго эффекта тембромъ инструментальныхъ звуковъ и высотою ихъ тоновъ. Хотя другія оперы Вебера, „Эвріанта“ (1823 г.) и „Оберонъ“ (1826 г.), въ музыкальномъ отношеніи не уступаютъ „Волшебному стрѣлку“, однако, онѣ никогда не могли пріобрѣсть такой популярности, какъ исторія молодого стрѣлка, даже передъ судомъ безпристрастнаго потомства.

Этотъ великій учитель, скончавшійся преждевременно отъ чахотки, нашелъ достойнаго, хотя и неравнаго себѣ преемника въ лицѣ Генриха Маршнера (1795 г.—1861 г.; „Вампиръ“, 1828 г., „Тампліеръ и еврейка“, 1829 г., „Гансъ Гейлингъ“, 1833 г.). Конрадинъ Крейцеръ (1780 г.—1849 г.; „Ночлегъ въ Гренадѣ“, 1834 г.) тоже не измѣнилъ нѣмецкому романтическому знамени. Изъ круга послѣдователей романтизма вышелъ также привлекательный нѣмецкій опереточный композиторъ Альбертъ Лорцингъ (1801 г.—1851 г.; „Два стрѣлка“, 1837 г., „Царь и плотникъ“, 1838 г., „Охотникъ“, 1842 г., „Ундина“, 1845 г. и „Оружейный мастеръ“, 1846 г.). Соперникомъ его былъ Отто Николаи (1810 г.—1849 г.; „Виндзорскія проказницы“). Фридрихъ фонъ Флотовъ (1812 г.—1883 г.), композиторъ „Страделлы“ (1844 г.) и „Марты“ (1847 г.), стоитъ цѣлой головой выше музыкантовъ второго и третьяго разрядовъ, которые смѣшивали между собой всѣ стили въ погонѣ за успѣхомъ.

Властвовать надъ оперой въ теченіе второго поколѣнія XIX столѣтія суждено было не итальянцу, не французу и не нѣмцу, а еврею Якову Беру, извѣстному подъ именемъ Джіакомо Мейерберъ (1791 г.—1864 г.). Съ большой изобрѣтательностью использовалъ онъ въ своихъ пьесахъ испытанные пріемы эффекта въ искусствѣ всѣхъ трехъ музыкальныхъ націй. Сначала онъ сочинялъ итальянскія оперы, но затѣмъ пріютился въ большой парижской оперѣ, какъ только „Нѣмая“ и „Вильгельмъ Телль“ обратили вниманіе всего міра на это музыкальное учрежденіе. Незадолго передъ тѣмъ произошла іюльская революція, которая дала евреямъ возможность проникнуть въ новѣйшее искусство и литературу; образованное общество находилось еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ крушенія классицизма и торжества романтизма. При помощи Скриба, который сталъ съ этихъ поръ его литературнымъ помощникомъ, Мейерберъ переложилъ на музыку романтическаго „Роберта Діавола“ (1831 г.) и сталъ во главѣ международнаго музыкальнаго искусства противъ Россини, Обера и Беллини. Вторая его большая опера „Гугеноты“ (1836 г.) настоящій шедевръ, четвертый актъ котораго вызвалъ восторгъ даже у самыхъ ожесточенныхъ противниковъ Мейербера. За этой либеральной тенденціозной оперой послѣдовала сперва составленная для берлинской сцены незначительная пьеса „Лагерь въ Силезіи“ (1844 г.; передѣланная потомъ въ „Сѣверную звѣзду“), а затѣмъ въ 1849 году „Пророкъ“ (Іоаннъ Лейденскій). Въ вышедшей въ 1859 г. малосодержательной „Динорѣ“ искусство Мейербера стоитъ уже на закатѣ. На короткое время у него явился новый подъемъ таланта, и еще незадолго до своей смерти онъ вставилъ нѣсколько благодарныхъ партій и пару новыхъ оркестровыхъ эффектовъ въ свою „Африканку“, которая была окончена уже въ 1844 г., но поставлена въ первый разъ въ 1865 году. Неудивительно, что этотъ кумиръ

былъ разбитъ, грозныя сумерки боговъ, которыя рѣшили его участь и которыя могли подняться только изъ Германіи, были подготовлены въ концертной залѣ и затѣмъ уже перешли на оперную сцену.

г) Концертная музыка XIX столѣтія.

По сравненію съ тѣмъ, что игралось въ общественныхъ и частныхъ концертахъ еще на рубежѣ XIX столѣтія, эпоха реставраціи должна считаться періодомъ упадка, который обнаруживается какъ въ содержаніи, такъ и въ музыкальныхъ достоинствахъ произведеній этого времени и который все усиливался и продолжался приблизительно до 1850 г. Болѣе возвышенная хоровая, оркестровая и камерная музыка, вытѣсненная виртуозами, прозябала подъ покровительствомъ отдѣльныхъ нерѣдко дилеттантскихъ корпорацій, дурное исполненіе которыхъ вполнѣ способно было прогнать лучшую часть публики. Только около средины XIX столѣтія, когда господство виртуозовъ ослабѣло, дѣло приняло другой оборотъ. Даровитые музыканты, прошедшіе основательную школу и талантливо исполнявшіе классическія музыкальныя пьесы, пріохотили достаточно подготовленную къ этому публику къ концертамъ высшаго стиля. Въ настоящее время въ этомъ направленіи замѣчается скорѣе излишекъ: перлы музыки слѣдовало бы извлекать изъ ихъ святилищъ только въ торжественныхъ случаяхъ ради сосредоточенной и благоговѣйно настроенной публики.

a) Арія.

Въ настоящее время, когда даются концерты изъ пѣсенъ (Lieder) и есть спеціальные пѣвцы пѣсенъ, трудно понять, почему нѣмецкой пѣснѣ пришлось преодолѣть столько затрудненій для того, чтобы перейти изъ семьи въ концертную залу, тѣмъ болѣе, что она процвѣтала уже въ началѣ XIX столѣтія и давалась на сценѣ, какъ составная часть музыкальныхъ драмъ (Singspiel). Правда, Шубертъ дожилъ до того, что его другъ, оперный теноръ Михаилъ Фогель, пѣлъ публично въ 1821 году „Лѣсного Царя“, а затѣмъ также и другія пѣсни этого композитора; однако, большую часть своихъ пѣсенъ Шубертъ слышалъ только въ самыхъ тѣсныхъ частныхъ кружкахъ. Вообще только Листъ пріобрѣлъ Шуберту дѣятельныхъ приверженцевъ посредствомъ своихъ транскрипцій. Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія пѣсня, какъ спеціальный отдѣлъ музыки, стала процвѣтать въ теченіи ближайшихъ десятилѣтій послѣ смерти Шуберта; пѣніе и аккомпаниментъ становились все труднѣе и требовали настоятельно для своего исполненія пѣвцовъ-спеціалистовъ. Надо замѣтить, что искусство пѣнія процвѣтало въ то время какъ разъ у тѣхъ виртуозовъ вокальной музыки, дѣятельность которыхъ шла наперекоръ правильному развитію музыкальной пѣсни. Собственно говоря, оперы были только костюмированными концертами, и, наоборотъ, самые популярные концерты состояли изъ отрывковъ оперъ, исполненныхъ въ обыкновенномъ костюмѣ. Всѣ знаменитыя оперныя пѣвицы, начиная отъ Анджелики Каталани (1779 г.— 1849 г.), Джудитты Пасты (1798 г.—1865 г.), Джуліи Гризи (1811 г.—1869 г.), Маріи Фел. Малибранъ (1808 г.—1836 г.) и ея сестры Полины Віардо Гарсіа (род. въ 1821 г.), Генріетты Зонтагъ (1806 г.—1854 г.), Вильгельмины Шредеръ-Девріенъ (1804 г.—1860 г.), Дженни Линдъ (1820 г.—1887 г.), Дезирэ Арто (род. въ 1835 г.) и кончая Аделиной Патти (род. въ 1843 г.), Марчеллой Зембрихъ (род. въ 1858 г.) и Маріей Луизой Альбани (род. въ 1852 г.), не говоря уже о пѣвцахъ, выступали всегда предъ международной публикой съ одиѣми и тѣми же модными пьесами. Тѣмъ не менѣе, музыкальная пѣсня и концерты изъ арій пробили себѣ дорогу, и изъ рядовъ оперныхъ артистовъ вышли настоящіе пѣвцы художественныхъ пѣсенъ; это можетъ слу-

жить доказательствомъ той силы, которая скрывается въ только что раскрывшихся предъ публикой красотахъ этого рода искусства, такъ долго остававшагося въ пренебреженіи.

Ближайшими преемниками Шуберта, которые пошли по его стопамъ и посвятили свои силы пѣснѣ, были Карлъ Леве (1796 г.—1869 г.) и Робертъ Францъ (1815 г.—1892 г.); первый былъ великимъ мастеромъ въ области баллады, отличавшимся богатой мелодіей въ пѣніи и мощной характеристикой и живописностью въ аккомпаниментѣ; второй былъ лирикъ съ тонкимъ чувствомъ, но не пользовался популярностью, несмотря на всѣ похвалы знатоковъ. Къ числу выдающихся композиторовъ пѣсенъ принадлежатъ также Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди (1809 г.—1847 г.) и Робертъ Шуманъ (1810 г.—1856 г.; срв. также ниже стр. 688). Что касается Мендельсона Бартольди, то онъ иногда попадалъ въ народный тонъ, но вообще говоря, онъ перелагаетъ идеи поэтовъ на свой собственный, вполнѣ опредѣленный, личный языкъ тоновъ, который отличается эклектическимъ характеромъ и лишенъ свѣжести и самобытности. Напротивъ того, въ пѣсняхъ Шумана какъ для одного голоса, такъ и для хора, чувствуется полное проникновеніе настроеніемъ поэта и чарующая прелесть живописныхъ эффектовъ, которыми онъ располагалъ въ изобиліи въ цвѣтущую пору своего таланта. Ко времени смерти Мендельсона и Шумана нѣмецкая музыкальная пѣсня утвердилась уже такъ прочно, что только пошлые доморощенные музыканты, огрубѣлые поклонники моды, пытались низвести ее до своего собственнаго уровня; конечно, при этомъ и наименѣе даровитымъ случалось иногда сочинить нѣчто удачное; съ другой стороны, самые популярные мотивы не всегда особенно хороши (срв. „Die Wacht am Rhein“). Хотя такіе композиторы, какъ Генрихъ Прохъ (1809 г.—1878 г.), Францъ Абтъ (1819 г.—1885 г.), Фридрихъ Вильгельмъ Кюккенъ (1810 г.—1882 г.), Фердинандъ Гумбертъ (1818 г.—1896 г.), Вильгельмъ Таубертъ (1811 г.—1891 г.) и т. д., пользовались еще недавно или пользуются еще и теперь большой популярностью, тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія, что они преграждали путь болѣе возвышеннымъ и болѣе благороднымъ теченіямъ въ музыкѣ.

Къ счастью, не было недостатка въ такихъ художникахъ, пѣсни которыхъ свидѣтельствуютъ о неисчерпаемой производительности XIX вѣка: назовемъ Ад. Іенсена (1837 г.—1879 г.), Эд. Лассена (род. въ 1830 году), Антона Рубинштейна (стр. 697) и Теодора Кирхнера (1823 г.—1903 г.). Іоганнъ Брамсъ (род. 7 мая 1833 г., скончал. 3 апрѣля 1897 г.; срав. фиг. 6 на табл., прилож. къ стр. 508; срв. также ниже стр. 689) тоже отнюдь не считался со вкусами публики въ своихъ пѣсняхъ и другихъ сочиненіяхъ. Его пьесы—это меланхолическія, мечтательныя, затуманенныя гармоническими новшествами творенія, которыя съ перваго разу остаются непонятными, но сильно хватаютъ за душу, какъ только удастся проникнуться ими. Новоромантическая или новогерманская школа не пренебрегала такимъ скромнымъ отдѣломъ музыки, какъ пѣсней, несмотря на свои заоблачныя стремленія. Листъ удѣлялъ ей даже особенное вниманіе, Вагнеръ же далъ намъ только нѣсколько номеровъ, между прочимъ пять пѣсенъ, посвященныхъ Матильдѣ Везендонкъ. Ни Вагнеръ, ни Петръ Корнеліусъ (1824 г.—1874 г.), ни самый смѣлый изъ всѣхъ программныхъ музыкантовъ настоящаго времени, Рихардъ Штраусъ (стр. 695), въ своихъ пьесахъ для пѣнія не особенно отклонялись отъ традицій. Смѣлымъ новаторомъ, дѣйствительно раскрывшимъ предъ художественной пѣсней цѣлый новый міръ, былъ преждевременно скончавшійся Гуго Вольфъ (1860 г.—1903 г.). Онъ слагалъ свои мелодіи сообразно съ естественными пониженіями и повышеніями голоса въ декламаціи по примѣру Вагнера въ его позднѣйшихъ музыкальныхъ драмахъ; инструментальный же аккомпаниментъ служилъ ему средствомъ для воспроизведенія

какъ отдѣльныхъ частей текста, такъ и общаго настроенія всего стихотворенія.

β) Скрипка.

Отклонившаяся отъ прямого пути виртуозность въ вокальной музыкѣ не могла помѣшать развитію пѣсни, этого благороднаго рода музыкальныхъ произведеній; инструментальная виртуозность, которая тоже сначала пошла по ложному пути, послужила впослѣдствіи той почвой, на которой развился новый родъ искусства. Въ эпоху виртуозовъ, расцвѣтъ которой приходится на промежутокъ времени между 1815 и 1848 годами, концертировали представители всѣхъ инструментовъ, не исключая и стеклянной гармоники и волынки. Однако, превосходство скрипки (стр. 508) и фортепіано обнаружилось тотчасъ же, и они вскорѣ стали единственными инструментами для концертнаго исполненія. Искусство игры на скрипкѣ возникло въ Италіи. Начало этому искусству положилъ Арканджело Корелли (1653 г.—1713 г.), а въ XVIII столѣтіи оно достигло своего апогея въ лицѣ Джузеппе Тартини (1692 г.—1770 г.). Джіованни Баттиста Віотти (1753 г.—1824 г.) основалъ французскую школу скрипки и сталъ „родоначальникомъ современной игры на скрипкѣ". Другой итальянецъ Никколо Паганини (1782 г.—1840 г.) достигъ наивысшей степени совершенства въ игрѣ на этомъ инструментѣ; вообще онъ представлялъ собою самую характерную личность той эпохи и своей чарующей игрой привелъ всю европейскую публику въ настоящее опьяненіе музыкой, продолжавшееся до февральской революціи. Хотя у нѣкоторыхъ другихъ музыкантовъ и являлось поползновеніе соперничать съ Паганини (о Г. В. Эрнстѣ (1814 г.—1865 г.) всѣ были того мнѣнія, что онъ по своему искусству стоялъ ближе всѣхъ другихъ къ Паганини съ его недостижимой виртуозностью), — однако и скрипачи свернули на тотъ путь, на который вступили піанисты. На ряду съ бравурной музыкой они стали удѣлять вниманіе также и стильному воспроизведенію знаменитыхъ музыкальныхъ сочиненій. Къ сожалѣнію, въ скрипичной литературѣ имѣется мало большихъ пьесъ признаннаго классическаго достоинства; сюда можно отнести только концерты Бетховена, Мендельсона-Бартольди, Брамса: уже на второмъ мѣстѣ стоятъ концерты Бруха, Гольдмарка и Чайковскаго. Въ громадномъ большинствѣ эта литература состоитъ изъ транскрипцій и изъ „арранжировокъ", приспособленныхъ виртуозами для своихъ цѣлей. Зато камерная музыка даетъ для струнныхъ инструментовъ громадное богатство высокихъ задачъ; такъ, напримѣръ, художественные квартеты составляютъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій возрожденія музыкальной жизни во вторую половину XIX столѣтія.

Парижская школа славится тѣмъ, что она подготовила замѣчательныхъ виртуозовъ на скрипкѣ, каковы: Пьеръ Мари Франсуа Байльо (1771 г.—1842 г.), Пьеръ Родъ (1774 г.—1830 г.), Родольфъ Крейцеръ (1766 г.—1831 г., Бетховенъ посвятилъ ему свою сонату для скрипки ор. 74), Дельфенъ Аляръ (1815 г.—1888 г.); наконецъ изъ этой школы вышелъ также Пабло Сарасате (род. въ 1844 г.). Въ видѣ вѣтви, отдѣлившейся отъ парижской школы, развилась бельгійская, изъ которой вышли Ш. Ог. де Беріо (1802 г.—1870 г.), Гюберъ Леонаръ (1819 г.—1890 г.), Анри Вьетанъ (1820 г.—1881 г.), Сезаръ Томсонъ (род. въ 1857 г.), Эмиль Соре (род. въ 1852 г.), Эженъ Исайе (род. въ 1858 г.) и др. Вѣнская школа скрипачей считаетъ своимъ основателемъ Игнаца Шуппанцига (1776 г.—1830 г.), бывшаго первой скрипкой въ квартетѣ Разумовскаго, для котораго Бетховенъ составлялъ свои квартеты. Преемниками его были Іосифъ Майзедеръ (1789 г.—1863 г.), Іосифъ Бэмъ (1795 г.—1876 г.) и господствовавшая въ музыкальномъ мірѣ въ теченіе цѣлыхъ трехъ поколѣній

династія Гельмесбергеровъ, которыхъ было трое: Георгъ (1800 г.—1873 г.), Іосифъ (1828 г.—1893 г.) и Іосифъ (род. въ 1855 г.). Изъ вѣнской школы вышелъ Іосифъ Іоахимъ (род. въ 1831 г.), который воспиталъ своими уроками и своимъ примѣромъ большую часть скрипачей, подвизающихся въ настоящее время въ Германіи. Однако, и до него существовала уже нѣмецкая школа скрипачей, основателемъ которой былъ Шпоръ (стр. 681). Изъ нея вышелъ, между прочимъ, Фердинандъ Давидъ (1810 г.—1873 г.), учитель Августа Вильгельмиса (род. въ 1845 г.), величайшаго изъ германскихъ скрипачей XIX столѣтія. Наконецъ, упомянемъ еще о пражской школѣ, которая прославилась, благодаря своимъ знаменитымъ воспитанникамъ Фердинанду Лаубу (1832 г.—1875 г.), Францу Ондричеку (род. въ 1859 г.) и Яну Кубелику (род. въ 1880 г.).

γ) Фортепіано.

Въ теченіе XVIII столѣтія клавикорды совершенно преобразились и стали несравненно болѣе выразительнымъ инструментомъ. Клавикорды или клавицимбалы прежней фабрикаціи уступили мѣсто новому инструменту съ молоточками, фортепіано, какъ окрестилъ его итальянскій изобрѣтатель этого инструмента—Бартоломмео Кристофори (1655 г.—1731 г.). Механизмъ фортепіано подвергся дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ благодаря саксонцу Готфриду Зильберману (1683 г.—1753 г.), пфальцскому уроженцу І. А. Штейну (1728 г.—1792 г.), изобрѣтателю „германскаго механизма“ и швабу І. А. Штрейхеру (1761 г.—1833 г.), превратившему его въ такъ наз. „вѣнскій механизмъ“. Страсбургскій уроженецъ Себастьянъ Эргардтъ (1752 г.—1831 г.) перенесъ въ 1777 году фабрикацію этого рода музыкальныхъ инструментовъ во Францію и основалъ парижскую фирму Эраръ, которая прославилась на весь міръ своимъ репетиціоннымъ механизмомъ (1823 г.). Швейцарецъ Буркгардъ Чуди основалъ первую фортепіанную мастерскую въ Англіи въ 1732 году, а Джонъ Бродвудъ (сконч. въ 1812 г.) ввелъ въ 1781 году прочный англійскій механизмъ. Такимъ образомъ сила, полнота и число ступеней гаммы и даже продолжительность тона фортепіано все увеличивались и, безъ сомнѣнія, соната Бетховена въ настоящее время звучитъ въ концертной залѣ совсѣмъ не такъ, какъ при жизни своего автора.

Какъ прежніе композиторы были всѣ цимбалистами, такъ современные — всѣ піанисты; изъ знаменитыхъ композиторовъ настоящей эпохи только одинъ Вагнеръ плохо игралъ на фортепіано. Изъ рядовъ композиторовъ піанистовъ набираются капельмейстеры; музыкальное преподаваніе и дирижерство — любимыя занятія тѣхъ виртуозовъ, которымъ надоѣла жизнь странствующаго виртуоза.

Родоначальниками старѣйшихъ школъ игры на фортепіано, вѣнской и лондонской (англійской), считаются Моцартъ и Муціо Клементи (1752 г.—1832 г.; сонаты, Gradus ad Parnassum). І. Н. Гуммель (1778 г.—1837 г.), ученикъ Моцарта и самъ весьма даровитый композиторъ, считался въ свое время наилучшимъ учителемъ, а изъ его учениковъ прославились больше всего Сигизмундъ Тальбергъ (1812 г. — 1871 г.), Фердинандъ Гиллеръ (1811 г.—1885 г.), Адольфъ Гензельтъ (1814 г.—1889 г.). Изъ круга вѣнскихъ музыкантовъ вышелъ также составитель этюдовъ и воспитатель виртуозовъ Карлъ Черни (1791 г.—1857 г.), изъ учениковъ котораго Францъ Листъ (род. 22 октября 1811 г. въ Рейдингѣ въ Венгріи, сконч. 31 іюля 1886 г. въ Байрейтѣ) самъ по себѣ имѣлъ больше значенія, чѣмъ всѣ другіе, вмѣстѣ взятые. Къ вѣнской школѣ принадлежатъ также Стефенъ Геллеръ (1813 г.—1888 г.), одинъ изъ лучшихъ композиторовъ для фортепіано, Теодоръ Куллакъ (1818 г.—1882 г.), который поселился въ Берлинѣ и учениками котораго были Николай Рубинштейнъ (1835 г. — 1881 г.),

младшій братъ Антона (стр. 697), Филиппъ и Ксаверій Шарвенка (род. въ 1840 г. и въ 1850 г.) и др. Въ Пражской консерваторіи получили свое музыкальное образованіе Игнацъ Мошелесъ (1794 г.—1870 г.), который съ 1844 г. подвизался въ Лейпцигѣ, Алекс. Дрейшокъ (1818 г.—1869 г.) и Юл. Шульгофъ (1825 г.—1898 г.). Изъ учениковъ лондонской школы наибольшую извѣстность пріобрѣли знаменитый своими ноктюрнами Джонъ Фильдъ (1782 г.—1837 г.) и І. Б. Крамеръ (1771 г.—1858 г.).

Въ то время, какъ въ названныхъ нами городахъ стремились къ совершенству въ композиціи и передачѣ музыкальныхъ пьесъ, Парижъ сталъ очагомъ заразы, откуда распространилось цѣлое поколѣніе салонныхъ виртуозовъ, жертвовавшихъ выразительностью и благородствомъ игры ради блестящихъ эффектовъ ловкой техники; они предлагали публикѣ пошлыя издѣлія, избѣгали содержательныхъ пьесъ и причинили этимъ искусству большой вредъ. Къ числу этихъ губителей искусства принадлежатъ Давидъ Штейбельтъ (1755 г.—1823 г.), Фридрихъ Калькбреннеръ (1788 г.—1849 г.), Генрихъ Герцъ (1806 г.—1888 г.), Франсуа Гюнтенъ (1792 г.—1878 г.), Генрихъ Рудольфъ Вильмерсъ (1821 г,—1878 г.), Шарль Майеръ (1799 г.—1862 г.), Альфредъ Іаэлль (1832 г.—1828 г.) и мн. др. Какъ разъ въ Парижѣ, этомъ центрѣ международнаго музыкальнаго искусства, Листъ вытѣснилъ всѣхъ своихъ соперниковъ благодаря природной мощи своего таланта, богатству красокъ въ своей игрѣ, своей техникѣ, не допускающей никакого сравненія, переходу отъ виртуозной игры къ шедеврамъ собственнаго сочиненія, и въ немалой мѣрѣ благодаря своему геніальному импровизаторскому таланту, дававшему публикѣ намеки о его будущихъ твореніяхъ. Впродолженіе тѣхъ же тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ XIX столѣтія въ надушенномъ воздухѣ парижскаго салона жилъ полуполякъ и полуфранцузъ Фредерикъ Шопенъ (1809—10 г.—1849 г.), который былъ неспособенъ выдержать волненій, сопряженныхъ съ карьерой виртуоза, по своему слабому здоровью; въ чудныхъ произведеніяхъ этого композитора, которымъ онъ далъ названіе ноктюрновъ, прелюдій, вальсовъ, полонезовъ, мазурокъ и т. д., слышны отзвуки его собственной нѣжной души; среди композиторовъ одного съ нимъ достоинства онъ одинъ только ограничился фортепіано. Съ тѣхъ поръ, какъ Листъ превратился изъ странствующаго рыцаря игры на фортепіано въ осѣдлаго придворнаго капельмейстера въ Веймарѣ (въ 1848 г.), и даже еще долго спустя, когда онъ проводилъ значительную часть года въ Римѣ въ рясѣ аббата (съ 1865 г.), къ нему постоянно прибывали ученики, уже получившіе музыкальное образованіе въ другомъ мѣстѣ, но желавшіе принять отъ него посвященіе въ артисты: ихъ привлекало обаяніе его личности, отличавшейся гармоническимъ сочетаніемъ тонкой техники, музыкальнаго генія, привлекательныхъ манеръ и благородства характера. Когда начинаешь перечислять учениковъ Листа, то передъ глазами воскресаетъ вся современная музыкальная жизнь: къ числу ихъ принадлежатъ Гансъ Гвидо фонъ Бюловъ (1830 г.—1894 г.), геній музыкальнаго воспроизведенія и воплощеніе Лампрехтовской „эпохи раздражительности“, Карлъ Таузигъ (1841 г.—1871 г.), похищенный смертью въ то время, когда талантъ его еще развивался, Карлъ Клиндвортъ (род. въ 1830 г.), Іосифъ Рубинштейнъ (1847 г.—1884 г.), Софія Ментеръ (род. въ 1846 г.), Бернгардъ Штавенгагенъ, Эмиль Зауэръ, Морицъ Розенталь, Конрадъ Анзорге, Альфредъ Рейзенауэръ (всѣ пятеро род. въ 1862 г.), Феликсъ Вейнгартнеръ (род. въ 1868 г.), Эженъ д'Альберъ (род. въ 1864 г.), ученикъ послѣдняго Эдуардъ Рислеръ (род. въ 1873 г.) и мн. др. Само собою разумѣется, что и внѣ круга учениковъ Листа воспитались выдающіеся піанисты, какъ, напримѣръ, Антонъ и Николай Рубинштейны, которыхъ современники ставили рядомъ съ Листомъ (срв. также ниже, стр. 697), затѣмъ Камиллъ Сенъ-Сансъ (срав. стр. 696), Рауль Пюньо (род. въ 1852 году), Игнатій Падеревскій (въ 1859 г.),

Эрнстъ и Максъ Пауэръ (род. въ 1826 г. и въ 1866 г.), Бертранъ Ротъ и Юлій Рентгенъ (род. въ 1855 г.), Феруччіо Бузони (род. въ 1866 году) и Тереза Карреньо (род. въ 1853 г.).

д) Оркестровая и вокальная музыка.

Вторженіе піанистовъ въ область оркестровой и вокальной музыки есть явленіе, вытекающее изъ самой природы фортепіано, какъ музыкальнаго инструмента, который годится для передачи многоголосныхъ сочиненій, но замкнуть въ тѣсныя рамки по отношенію къ тембру звуковъ и скалѣ тоновъ; однако же, не каждому музыканту удается одинаково легко этотъ шагъ къ болѣе высокимъ музыкальнымъ задачамъ. Когда Веберъ и Маршнеръ были отодвинуты на задній планъ вслѣдствіе вторженія международной оперной музыки, а концертныя залы превратились въ арену для голой „техники“, то у нѣмецкихъ музыкальныхъ художниковъ оказался достаточный запасъ мужества для того, чтобы завоевать обратно для серьезнаго искусства церковь, семью и концертную залу, и даже для попытокъ утвердиться въ самомъ оперномъ театрѣ. На успѣхъ могли разсчитывать только тѣ, которые боролись съ пороками современной музыки не посредствомъ окаменѣлыхъ пріемовъ, уже завершившихъ свое развитіе періодовъ искусства по примѣру Франца Лахнера (1803 г.—1890 г.), а путемъ дальнѣйшаго развитія новыхъ жизнеспособныхъ зачатковъ. На этотъ-то путь и вступили Мендельсонъ и Шуманъ (срв. стр. 684); оба они были истинно музыкальными натурами, людьми съ высокимъ уровнемъ образованія, съ благородными идеальными стремленіями, но съ ограниченнымъ талантомъ,—поэтому они не могли справиться со многими изъ тѣхъ задачъ, за которыя они брались. Для лучшаго развитія силы своего художественнаго таланта, Мендельсонъ отрекся отъ еврейства, которое потеряло способность къ созданію оригинальной музыки и поэзіи со времени заключенія ветхо-завѣтной исторіи, и не переставалъ стремиться къ полному сліянію съ нѣмецкой культурой. Однако, уже въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ дошелъ до предѣла своей способности къ развитію, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его увертюра къ „Сну въ лѣтнюю ночь“ (въ 1826 г.). Въ этомъ заключался неускользнувшій и отъ него самого трагизмъ его кратковременной жизни. Лучше всего удавались ему маленькія округленныя, трогательныя „Пѣсни безъ словъ“, такъ какъ его запасъ разнообразныхъ темъ, переходовъ, оборотовъ не великъ. Всетаки онъ переступилъ черезъ порогъ XX столѣтія въ своей музыкѣ къ „Сну въ лѣтнюю ночь“, въ своихъ концертныхъ увертюрахъ („Гебриды“), въ своемъ концертѣ для скрипки, въ своей „шотландской“ и „итальянской“ симфоніяхъ, можно даже сказать, въ своихъ ораторіяхъ „Павелъ“ (1836 г.) и „Илья“ (1846 г.), такъ какъ эти послѣднія вещи привлекаютъ слушателей сильнѣе великихъ музыкальныхъ произведеній благодаря своей тонкости, легкой выполнимости и удобопонятности.

Такъ какъ часть жизни Шумана была омрачена болѣзнью головного мозга, зачатки которой появились уже въ 1837 году, то его дѣятельность распадается на два періода: на время расцвѣта и упадка его таланта. Произведенія перваго періода отличаются порывистостью, огнемъ, изобрѣтательностью, богатствомъ красокъ, задушевностью, „пластической рельефностью“, привлекательными оригинальными особенностями, а произведенія второго періода страдаютъ, по словамъ Вагнера, „расплывчатостью, напыщенной шаблонностью, доходящей до безсодержательности, соединенной съ напускной таинственностью“. Послѣ Шопена Шуманъ былъ для своего времени самымъ выдающимся композиторомъ для фортепіано; даже его произведенія для оркестра и хора обнаруживаютъ, что его музыкальныя идеи были тѣсно связаны съ его любимымъ инструментомъ. На фортепіано они звучатъ гораздо лучше, чѣмъ при исполненіи ихъ со всѣми ле-

талями, предписываемыми партитурой. Кромѣ его пьесъ для фортепіано („Карнавалъ", „Дѣтскія сцены", „Новелетты", „Крейслеріана", „Симфоническіе этюды", „Фантазія" ор. 17 и т. д.) арій и нѣкоторыхъ камерныхъ вещей (квартетъ и квинтетъ для рояли) къ лучшимъ работамъ Шумана принадлежатъ симфоніи (первая въ В. и вторая въ С.), „Музыка къ Манфреду" и „Музыка ко второй части Фауста"; онъ отличался благородной скромностью, и путь къ извѣстности въ большой публикѣ проложила для него его жена Клара, урожденная Викъ (1819 г.—1896 г.), которая была замѣчательной піанисткой. Напротивъ того, слава его свѣтскихъ ораторій „Паломничество розы", „Рай и Пери", которыя вызывали когда-то безумный восторгъ, теперь немного поблекла.

Пререканія между почитателями обоихъ композиторовъ, Мендельсона и Шумана, превратились бы въ настоящую войну, если бы противники не соединились между собою для общей борьбы противъ третьей группы музыкантовъ. Когда Листъ поселился въ Веймарѣ (стр. 687 и 690), то вокругъ него тоже сгруппировались увлекавшіеся имъ ученики, обоготворявшіе своего учителя, на котораго смотрѣли свысока музыканты со строгимъ направленіемъ; мало того они преклонялись также и предъ тѣми композиторами, въ защиту которыхъ Листъ пускалъ въ ходъ всѣ средства подсказываемыя ему его умомъ и его друзьями (Берліозомъ, Вагнеромъ). Эти представители новогерманскаго и новоромантическаго направленія тоже протянули руки къ дирижерскимъ палочкамъ концертныхъ и оперныхъ залъ, не считаясь съ тѣмъ, что послѣдователи Шумана и Мендельсона считали должность капельмейстера своей неприкосновенной собственностью. Такимъ образомъ вспыхнула уже послѣ смерти Мендельсона и Шумана та тридцатилѣтняя музыкальная война, въ которой приняла участіе также и международная печать и которая въ шестидесятыхъ годахъ была направлена почти исключительно противъ Вагнера; правда, кучка музыкантовъ, писавшихъ въ старомъ стилѣ, въ настоящее время уже вымираетъ безъ преемниковъ, въ то время, какъ армія композиторовъ новогерманскаго направленія растетъ необыкновенно быстро во всѣхъ странахъ; тѣмъ не менѣе эпигоны направленія Мендельсона и Шумана создали много цѣнныхъ вещей, которыя еще не проникли въ публику. Народъ лишается многихъ благородныхъ наслажденій изъ-за того, что вовсе не слышитъ или слышитъ только мелькомъ произведенія нѣкоторыхъ талантливыхъ композиторовъ. Каждый изъ тѣхъ музыкантовъ, которыхъ мы ниже перечисляемъ, создалъ, по крайней мѣрѣ, по одной превосходной вещи; однако среди всѣхъ этихъ музыкальныхъ пьесъ нѣтъ ни одной, которая бы облетѣла въ своемъ неудержимомъ полетѣ всѣ культурныя страны и утвердилась бы въ публикѣ на долгое время. Въ качествѣ наслѣдія классической и романтической музыки выработался общедоступный языкъ звуковъ, которому легко научиться и которымъ нетрудно владѣть, но который не производилъ впечатлѣнія въ такую эпоху, когда всѣ прислушивались къ другому, новому, болѣе богатому красками, болѣе страстному и обладавшему болѣе могучей силой выраженія; впослѣдствіи этотъ новый музыкальный языкъ испыталъ такую же участь и тоже превратился въ вульгарный діалектъ. Среди представителей двухъ послѣдовательныхъ поколѣній эпигоновъ классико-романтическаго направленія, работавшихъ для семьи, церкви, концертовъ и театра, выдаются преимущественно слѣдующіе: Эрнстъ Фридрихъ Рихтеръ (1808 г. — 1879 г.), Юлій Рицъ (1812 г. — 1877 г.), Уильямъ Стерндэль Беннетъ (1816 г.—1875 г.), Робертъ Фолькманъ (1815 г.—1883 г.), Г. Фирлингъ (1820 г.—1901 г.), Фридрихъ Киль (1821 г.—1885 г.), баронъ Карлъ фонъ Перфаль (род. въ 1824 г.), Мартинъ Блюмнеръ (1827 г.—1901 г.), Вольдемаръ Баргиль (1828 г. — 1897 г.), Альб. Г. Дитрихъ (род. въ 1829 году), Эдмундъ Кречмеръ (род. въ 1830 г.), Сал. Іадасонъ (1831 г. — 1902 г.), Францъ Вюльнеръ и І. І. Абертъ (род. въ 1832 г.), К. Ад. Лоренцъ (род.

въ 1837 г.), Максъ Брухъ и Эрнстъ Эд. Таубертъ (род. въ 1838 г.), Іосифъ Рейнбергеръ и Фр. Гернсгеймъ (род. въ 1839 г.), Эрнстъ Рудорфъ (род. въ 1840 г.), Генрихъ Гофманъ (род. въ 1842 г.), Генрихъ фонъ Герцогенбергъ (1843 г.—1890 г.), Герм. Гредснеръ (род. въ 1844 г.), Робертъ Фуксъ (род. въ 1847 г.), Максъ Эрдмансдерферъ (род. въ 1848 г.), Мор. Мошковскій (род. въ 1854 г.), Фрицъ Кауфманъ (род. въ 1855 г.) и т. д.

Изъ этой же среды вышелъ также и Брамсъ (стр. 685); тѣмъ не менѣе въ силу еще неизвѣданныхъ тайнъ развитія личности онъ выросъ оригинальнымъ геніемъ. Партійный духъ натравилъ его противъ собственной воли на Вагнера, несмотря на то, что онъ принадлежалъ къ числу почитателей этого послѣдняго. Какъ и Бетховенъ, Брамсъ провелъ цвѣтущую пору своей жизни въ Вѣнѣ вполнѣ одинокимъ, въ постоянномъ общеніи со своей музой. Онъ схватывалъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ тотъ хоръ разнообразныхъ народныхъ мотивовъ, который можно услышать въ столицѣ многоязычнаго государства,—онъ прислушивался съ восхищеніемъ къ танцовальнымъ мотивамъ, изливавшимся изъ фантазіи его друга Іоганна Штрауса, онъ увлекался красотой и граціей женщинъ, приходилъ въ восторгъ отъ красотъ природы и прелестныхъ дѣтскихъ головокъ, съ которыми встрѣчался во время своихъ странствованій; но за всѣмъ тѣмъ его внутренній міръ оставался серьезнымъ, задумчивымъ, глубокомысленнымъ и неподвижнымъ. Напрасно онъ стремился къ невинному веселію, къ тому морю свѣта и теплоты, которое струится въ музыкальныхъ произведеніяхъ вѣнскихъ маэстро былыхъ временъ. Онъ искрененъ, какъ всѣ великіе художники. Съ безпристрастнымъ пониманіемъ своей собственной натуры онъ держался въ сторонѣ отъ музыкальной драмы. Онъ сумѣлъ высказаться до конца на томъ инструментѣ, съ котораго онъ началъ, на фортепіано (въ сонатахъ рапсодіяхъ, концертахъ), а также въ пьесахъ для пѣнія соло или хоровыхъ струнныхъ квартетахъ и другихъ камерныхъ комбинаціяхъ (тріо на кларнетѣ, квинтетъ на кларнетѣ), или же, какъ симфоническій композиторъ (въ 4 симфоніяхъ, двухъ серенадахъ, двухъ концертныхъ увертюрахъ), и въ пьесахъ изъ рода кантатъ („Нѣмецкій реквіемъ", „Пѣснь судьбы", „Рапсодія" и „Тріумфальная пѣсня"). Мало-по-малу Брамсъ совладалъ со своей гордой абстрактной натурой, въ немъ исчезъ страхъ предъ мнѣніемъ публики; онъ научился умѣрять свое пристрастіе къ контрапункту и свою склонность къ страннымъ пріемамъ.

д) Берліозъ и Листъ.

Великій переворотъ, благодаря которому музыка возвысилась во вторую половину XIX столѣтія до степени господствующаго искусства, въ общемъ былъ совершенъ германскимъ художественнымъ геніемъ, но одинъ изъ побочныхъ рукавовъ этого теченія имѣлъ свой собственный источникъ во Франціи. Юношескій пылъ Гектора Берліоза (1803 г.—1869 г.) воспламенили Бетховенъ и Шекспиръ. Въ своихъ „Symphonies phantastiques", онъ придалъ самую смѣлую форму програмной музыкѣ; въ его произведеніяхъ она не только стремится выразить извѣстный родъ представленій вмѣстѣ съ сопровождающимъ ихъ настроеніемъ, но, вѣрнѣе сказать, изображаетъ предъ нами посредствомъ пріемовъ чистой инструментальной музыки цѣлое эпическое или драматическое событіе. На такой шагъ могъ рѣшиться только тотъ человѣкъ, который имѣетъ право на имя творца новой инструментальной музыки и который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ виртуозомъ пера и разработалъ ея теоретическія основы. Его сочиненія, предназначенныя для концертной залы и церкви („Harold en Italie", „Romeo et Juliette", „La damnation de Faust", L'enfance du Christ [ораторія—трилогія], „Te Deum", „Requiem"), равно какъ и его оперы („Benvenuto Cellini", „Béatrice et Benédict", „Les Troyens"), совершенно отступаютъ отъ обще-

принятой манеры письма и, поэтому они утвердились прочно только во Франціи.

Въ защиту Берліоза первымъ выступилъ Листъ (стр. 687 и 689). До 1847 г. этотъ послѣдній жилъ въ Парижѣ въ обществѣ самыхъ избранныхъ умовъ Европы, окруженный всѣми земными благами; но тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ. Непрерывное усвоеніе и воспроизведеніе чужихъ музыкальныхъ произведеній подавляло его собственный творческій талантъ, который только изрѣдка вырывался наружу въ импровизаціяхъ, вызывавшихъ всеобщій восторгъ. У этого геніальнаго художника недоставало свободнаго времени для того, чтобы вылить свое вдохновеніе въ опредѣленныя формы. Съ особенной силой возбуждали его музыкальную фантазію впечатлѣнія изъ области поэзіи или пластическихъ искусствъ, такъ что онъ пытался даже разрѣшить задачу о сліяніи поэзіи съ музыкой въ особаго рода художественныхъ твореніяхъ, которыя онъ называлъ „симфоническими поэмами“, тѣмъ болѣе что по богатству своего музыкальнаго языка онъ превосходилъ Берліоза. Въ Веймарѣ у Листа явилось настоящее вдохновеніе, и быстро появились въ свѣтъ одно вслѣдъ за другимъ слѣдующія его произведенія: „Что слышно на горѣ“, „Тассо“, „Прелюдіи“, „Орфей“, „Прометей“, „Мазепа“, „Héroide funèbre“, „Hungaria“, „Гамлетъ“, „Битва гунновъ“, затѣмъ „Симфонія Фауста“ „Симфонія Данте“ (съ заключительнымъ хоромъ) и эпизоды изъ „Фауста“ Ленау. Его пьесы для фортепіано тоже принимали часто форму симфоническихъ поэмъ (Harmonies poétiques“, „Années de pélerinage“, „Легенды о святомъ Францискѣ“); конечно, нѣтъ недостатка въ пьесахъ съ чисто родовыми названіями, какъ, напримѣръ, концерты на Es и A или соната H-moll. При всемъ томъ оркестровыя пьесы Листа не принимались на сцену какъ бы по предумышленному общему уговору. Кромѣ того, не мало вредило ему дурное, искажающее ихъ содержаніе исполненіе.

Съ раннихъ лѣтъ Листъ былъ религіозной натурой. Когда онъ убѣдился, что существуютъ непреодолимыя препятствія для его брака съ княгиней Каролиной Витгенштейнъ, то онъ принялъ посвященіе въ духовный санъ въ 1865 г. и съ этихъ поръ посвятилъ свои силы исключительно религіозному искусству. За написанной еще въ 1856 году „Гранской мессой“ послѣдовали „Венгерская коронаціонная месса“ (въ 1867 г.) псалмы, мотеты и три ораторіи („Легенда о святой Елизаветѣ“, „Станиславъ“, „Христосъ“). Листъ придаетъ своимъ духовнымъ пьесамъ своеобразную окраску при посредствѣ литургическаго речитатива и отзвуковъ старинныхъ церковныхъ тональностей, которыя составляютъ оригинальный контрастъ съ шумнымъ великолѣпіемъ оркестра. Его выразительность усиливается иногда до глубокаго драматизма, а затѣмъ стихаетъ и переходитъ обратно въ благоговѣйную молитвенную тишину.

e) Рихардъ Вагнеръ.

Въ великомъ сердцѣ новаго святого Франциска нашелъ себѣ „новую родину“, по его собственному выраженію, также и поэтъ-музыкантъ Рихардъ Вагнеръ (род. 22 мая 1813 г., сконч. 13 февраля 1883 г.; см. фиг. 5 на табл., прилож. къ стр. 508), въ то время, когда онъ былъ преслѣдуемымъ бѣглецомъ и жилъ въ изгнаніи безъ средствъ и безъ надежды. Самый прославленный изъ всѣхъ жившихъ тогда художниковъ подчинился пока еще малоизвѣстному скомпрометированному сотоварищу по искусству и, какъ преданный вассалъ оставался вѣрнымъ своему добровольно избранному господину, даже и послѣ смерти послѣдняго, несмотря на всѣ жестокія искушенія. Когда Листъ сталъ хлопотать въ пользу Вагнера (въ 1848 г. и сл.), „какъ при дворахъ монарховъ, такъ и у презрѣнныхъ слугъ“, то этотъ послѣдній уже написалъ музыку и текстъ всѣхъ тѣхъ оперъ, ко-

торыя причисляются къ эпохѣ его первоначальнаго стиля и не признаются еще вполнѣ развитыми музыкальными драмами. Во время странствованій Вагнера въ качествѣ капельмейстера, въ промежутокъ времени между 1833 и 1839 годами, онъ выработалъ въ своихъ операхъ „Феи" и „Любовный запретъ" стиль второй эпохи своей дѣятельности; первая изъ нихъ вышла въ свѣтъ въ 1833 г., и давалась на сценѣ въ первый разъ въ 1888 г., а первое и до сихъ поръ единственное представленіе второй состоялось въ 1836 г. Утомившись отъ тяжелой въ то время германской сценической жизни, онъ съ юношеской самонадѣянностью отправился въ Парижъ, гдѣ онъ собирался пустить въ свѣтъ свою оперу „Ріенци", отъ успѣха которой ожидалъ богатства и славы. Въ Парижѣ онъ голодалъ и томился цѣлыхъ три года (отъ 1839 г. до 1842 г.) и съ этихъ поръ онъ сталъ самымъ непримиримымъ врагомъ современной артистической жизни. Однако, гнѣвъ его улегся послѣ того, какъ его „Ріенци" прошелъ съ успѣхомъ въ Дрезденѣ (въ 1842 г.) и доставилъ ему почетное мѣсто придворнаго капельмейстера саксонскаго короля (1843 г.—1849 г.). Для него открылась перспектива блестящей карьеры. Онъ погрузился опять въ свое искусство; но послѣ представленія на сценѣ его оперъ „Der fliegende Holländer" (1843 г.) и „Tannhäuser" (1845 г.) онъ съ ужасомъ убѣдился въ томъ, что остался совершенно непонятымъ или, по крайней мѣрѣ, былъ ложно понятъ, и не выпустилъ въ свѣтъ „Лоэнгрина" (состав. въ 1847 г.). Это подѣйствовало такъ сильно на его раздражительный характеръ, что въ немъ проснулось съ новой силой его прежнее политическое озлобленіе, и онъ принялъ участіе въ Дрезденскомъ майскомъ возстаніи (1849 г.; срав. стр. 274). Вслѣдствіе этого онъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Германіи и жилъ изгнанникомъ въ антимузыкальномъ Цюрихѣ (1849 г.—1858 г.). Изъ драматическихъ набросковъ, сочиненныхъ имъ до его отъѣзда изъ Дрездена, къ числу которыхъ относятся между прочимъ, „Сарацинка", „Фридрихъ Барбаросса", „Іисусъ изъ Назарета", „Кузнецъ Виландъ", „Ахиллесъ" въ Цюрихѣ было дано на сценѣ только „Кольцо Нибелунговъ". Прежде, чѣмъ взяться вновь за композицію, Вагнеръ привелъ въ систему свои теоретическіе взгляды. Въ это время вышли въ свѣтъ слѣдующіе капитальные труды его, которые подорвали основы прежней музыки и послужили фундаментомъ для новой: „Die Kunst und die Revolution" („Искусство и революція" 1849 г.), „Das Kunstwerk der Zukunft" (Искусство будущаго" 1849 г.), „Das Judenthum in der Musik" (Еврейство въ музыкѣ" 1850 г.); еще большее значеніе имѣло его теоретическое изслѣдованіе „Oper und Drama" („Опера и драма", 1851 г.) вмѣстѣ съ „Mittheilugen an meine Freunde" („Сообщенія моимъ друзьямъ") и нѣкоторыми програмными объясненіями къ его музыкальнымъ пьесамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Листъ сталъ исполнять въ Веймарѣ произведенія Вагнера (здѣсь же состоялось въ 1850 году первое представленіе „Лоэнгрина"), они проложили себѣ путь на германскія сцены благодаря все возрастающей симпатіи и любопытству публики; однако, самъ авторъ, какъ эмигрантъ, не могъ принять участія въ постановкѣ своихъ оперъ, какъ ни необходимо было его содѣйствіе. Поэтому онъ напечаталъ выше упомянутыя объясненія, которыя должны были до нѣкоторой степени замѣнить его присутствіе. И впослѣдствіи Вагнеръ тоже прибѣгалъ къ печатному слову каждый разъ, когда его непосредственная художественная дѣятельность встрѣчала препятствія или же когда его непосредственное вмѣшательство оказывалось недостаточнымъ для полнаго выясненія его идей. Гоустонъ С. Чемберленъ насчитываетъ всего 109 печатныхъ произведеній Вагнера, въ томъ числѣ 67, посвященныхъ искусству. Приведемъ здѣсь названія сравнительно наиболѣе важныхъ изъ нихъ: „Zukunftsmusik" („Музыка будущаго", 1860 г.), „Deutsche Kunst und deutsche Politik" („Германское искусство и германская политика", 1865 г.), „Ueber das Dirigieren" („О дирижерствѣ", 1869 г.), „Beethoven" („Бетховенъ", 1870 г.), „Ueber schau-

spieler und Sänger“ („Объ актерахъ и о пѣвцахъ“, 1872 г.), „Das Bühnenfestspielhaus zu Bayreuth“ („Оперный театръ въ Байрейтѣ“, 1873 г.). „Was ist deutsch“ („Что мы называемъ нѣмецкимъ“) „Das Publikum in Zeit und Raum“ („Публика во времени и пространствѣ“, 1878 г.), „Über das Dichten und Komponieren“, („О поэтическомъ и музыкальномъ творчествѣ“, 1879 г.), „Religion und Kunst“ („Религія и искусство“, 1880 г.).

Еще въ 1853 году Вагнеръ приступилъ къ переложенію на музыку текста „Кольца Нибелунговъ“ („Рейнгольдъ“ былъ законченъ въ 1854 г., а „Валькирія“, въ 1856 г.), но эта работа прерывалась часто; въ 1857 году Вагнеръ отказался отъ нея на время, доведши ее до средины второго акта Зигфрида; зато онъ составилъ текстъ и музыку оперы „Тристанъ и Изольда“ (въ 1856 г.—59 г.) въ надеждѣ на то, что это произведеніе пробьетъ себѣ дорогу безъ труда, такъ какъ все дѣйствіе ограничивается однимъ вечеромъ. Соблазнившись благопріятными видами на будущее, Вагнеръ переселился изъ Люцерна (1858 г.—59 г.) въ Парижъ; но какъ велико было его разочарованіе, когда „Тангейзеръ“ (1861 г.) провалился на всѣхъ трехъ представленіяхъ! Получивши амнистію, онъ отправился въ Вѣну, но тутъ интриги, подстроенныя изъ зависти, помѣшали успѣху на сценѣ его оперы „Тристанъ“; Вагнеръ, который устроился было съ комфортомъ въ Пенцингѣ недалеко отъ Вѣны, внезапно оказался въ такомъ тяжеломъ матеріальномъ положеніи, что скрылся тайкомъ и собирался эмигрировать. Случилось чудо. 4-го мая 1864 года Вагнера нагналъ посланецъ баварскаго короля Людвига II, непосредственно предъ тѣмъ унаслѣдовавшаго престолъ отъ своего отца; Людвигъ II былъ свѣтлой идеальной личностью, спустившейся на землю изъ царства Грааля. Искусство будущаго было спасено. Однако, чтобы избавить своего покровителя отъ серьезнаго разлада съ его подданными, Вагнеръ въ 1865 г. переселился опять добровольно въ Швейцарію, на этотъ разъ въ Трибшенъ около Люцерна, гдѣ прожилъ отъ 1866 до 1872 года и гдѣ вступилъ въ бракъ съ Козимой фонъ Бюловъ, урожденной Листъ.

Тутъ онъ окончилъ въ 1867 году свою оперу „Мейстерзингеры“, которая была представлена на сценѣ въ первый разъ въ Мюнхенѣ въ 1868 г., и „Кольцо Нибелунговъ“ („Зигфридъ“ вышелъ въ свѣтъ въ 1871 году, а „Сумерки боговъ“ и партитура только въ 1874 г.). Въ 1872 году Вагнеръ переселился въ Байрейтъ; здѣсь была построена „сцена для спектаклей въ торжественные дни“ (Festspielhaus), временное зданіе, въ которомъ давалась три раза опера „Кольцо Нибелунговъ“ въ 1876 году. Давнишняя мечта Вагнера осуществилась; но вслѣдъ за этимъ очарованіемъ послѣдовало тягостное отрезвленіе. Вагнеръ надѣлалъ долговъ и былъ вынужденъ рѣшиться на такой шагъ, какого онъ надѣялся избѣгнуть посредствомъ своего байрейтскаго предпріятія: ему пришлось продать свое „Кольцо“ по частямъ на различныя сцены для покрытія ежедневныхъ расходовъ; ему удалось спасти только „Парсифаля“. Едва онъ успѣлъ показать публикѣ этотъ перлъ искусства въ полной его красотѣ въ 16 представленіяхъ на байрейтской сценѣ, какъ его давно уже больное сердце отказалось работать, и онъ скончался внезапно 13 февраля 1883 года въ палаццо Вендраминъ въ Венеціи

---

[1] Виконтъ де Флавиньи (французскій офицеръ) — Марія Бетманъ (дочь франкф. банкира)

Графъ д'Агу [1] — Марія („Даніель Стернъ“; 1805 г.—76 г.) — [2] Францъ Листъ (1811 г.—86 г.)

Клара Христина („де Соль“, род. въ 1830 г.) Г. Гюи де Шарнасэ.

Бландина Г. Эмиль Оливье (род. въ 1825 г.)

Козима (1857 г.) 1. Г. Гансъ фонъ Бюловъ (1830 г. 94 г.; дочь Даніэла, замуж. за Генри Тодэ, 1868 г.). 2. Г. Рих. Вагнеръ (1813 г.—83 г.; сынъ Зигфридъ, род. въ 1869 г.).

Кто цѣнитъ Вагнера только какъ музыканта, тотъ не понялъ самой существенной части его заслугъ. Музыка была для него всегда только однимъ изъ средствъ для выраженія его идей, тѣмъ средствомъ, которое производитъ наиболѣе мощное впечатлѣніе. Вагнеръ былъ прежде всего драматургомъ и творцомъ музыкальной драмы, на созданіе которой искусство безполезно тратило усилія въ теченіе столѣтій. Онъ стремился слить воедино литературную и музыкальную драмы, отбросивъ излишніе придатки; для того, чтобы соединить поэтическій романтизмъ съ музыкальнымъ, онъ извлекъ изъ германской формы арійскихъ миѳовъ ихъ общечеловѣческіе элементы и заполнилъ ихъ результатами, добытыми человѣческой мыслью въ теченіи тысячелѣтій. Вагнеръ былъ — музыкантъ, поэтъ и философъ: но прежде всего онъ былъ человѣкъ дѣла съ пылкой душой; онъ жилъ, работалъ, собирался съ силами, воодушевлялся и направлялъ всѣ свои способности къ одной общей цѣли. Вдохнуть жизнь въ мертвую букву, въ мертвый нотный значекъ, оживить весь міръ искусства, — вотъ въ чемъ онъ видѣлъ свое призваніе. Какъ нѣмецкій музыкантъ, который не знаетъ страха, онъ восторжествовалъ надъ темными силами, съ которыми вступаютъ въ соглашеніе даже земные властители. Что Вагнеръ распространилъ славу нѣмецкаго искусства въ такія далекія страны, куда она не проникала до тѣхъ поръ, — это можно считать обстоятельствомъ почти второстепеннымъ.

ж) Нѣмецкая музыка послѣднихъ десятилѣтій.

Новоромантическая школа съ ея главами, Берліозомъ, Листомъ и Вагнеромъ никогда не была исключительно новогерманской, а носила всегда международный характеръ. Благодаря этому названные композиторы пріобрѣли вліяніе и послѣдователей не исключительно въ одной только Германіи и не въ одной только области музыкальной драмы; печать ихъ духа лежитъ какъ на самой коротенькой пѣснѣ, такъ и на самой обширной партитурѣ, написанной ими. Однимъ изъ первыхъ музыкантовъ Германіи, которые примкнули къ новому направленію, былъ симфонистъ Іоахимъ Раффъ (1822 г.—1882 г.). Среди представителей младшаго поколѣнія первое мѣсто занимаетъ поэтъ съ тонкимъ чутьемъ Петръ Корнеліусъ („Багдадскій цырюльникъ“ и „Сидъ“; стр. 685). Изъ оперныхъ композиторовъ заслуживаютъ упоминанія слѣдующіе: Александръ Риттеръ (1833 г.—96 г.; „Лѣнивый Гансъ“), Венделинъ Вейсгеймеръ (род. въ 1836 г.), Гансъ Зоммеръ (род. въ 1837 г.), Рейнгольдъ Бенкеръ (род. въ 1842 г.), Фил. Рюферъ (род. въ 1844 г., „Мерлинъ“), Августъ Бунгертъ (род. въ 1846 г.; гексалогія: „Міръ Гомера“), Энгельбертъ Гумпердинкъ (род. въ 1854 г.; „Гензель и Гретель“), Вильгельмъ Кинцль (род. въ 1857 г.: „Гельмеръ дурачокъ“ и „Донъ Кихотъ“), Гуго Вольфъ („Коррежидоръ“, 1896 г.; стр. 685), Евг. д'Альберъ („Рубинъ“, 1893 г. и „Гернотъ“, 1897 г.; стр. 687), Максъ Шиллингсъ (род. въ 1868 г.; „Ингвельда“), Гансъ Пфицнеръ (род. въ 1869 г.; „Бѣдный Генрихъ“), Зигфридъ Вагнеръ, „Der Bärenhäuter“) и мн. др. Само собою разумѣется, что невагнеровская опера тоже позаимствовалась многимъ отъ новоромантическихъ композиторовъ. О крайнемъ упадкѣ музыкальнаго вкуса свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что „Зеккингенскій трубачъ“ Виктора Э. Неслера (1841 г.—90 г.) господствовалъ на сценѣ въ теченіи цѣлаго двадцатилѣтія. Несравненно выше стоятъ оперы Германа Геца (1840—76 г.; „Укрощеніе строптивой“), Карла Гольдмарка (род. въ 1830 г.; „Царица Савская“, „Мерлинъ“, „У домашняго очага“, „Гецъ фонъ Берлихингенъ“), Игнаца Брюля (род. въ 1846 г., „Золотой крестъ“) и барона Эмиля Ник. фонъ Рецницека (род. въ 1861 г.; „Донна Діана“, 1894 г.).

Между симфонистами новогерманскаго направленія первое мѣсто занимаетъ Антонъ Брукнеръ (1824 г.—1896 г.; 9 симфоній, 3 мессы, Te Deum,

псаломъ CL). Абсолютный музыкантъ, который не зналъ, что ему дѣлать съ поэтической программой, онъ былъ далекъ отъ современныхъ идей и сомнѣній; его произведенія проникнуты непреклонной вѣрой, и заключительнымъ аккордомъ ихъ является та торжествующая гордость, которая звучитъ въ слѣдующихъ словахъ его „Te Deum“: „Non confundar in aeternum“.

Програмная музыка нашла своего самаго даровитаго, смѣлаго и недисциплинированнаго представителя въ лицѣ Рихарда Штрауса (род. въ 1864 г.; срв. стр. 685), которому мы обязаны также операми „Гунтрамъ“ и „Пожаръ“. Онъ старается пріучить слухъ публики къ такимъ сплетеніямъ тоновъ, на которыя никто раньше его не осмѣливался и которыя до настоящаго времени читать можетъ только глазъ, для уха же они оказываются сумбуромъ. Всѣ тѣ успѣхи въ области психологической характеристики, которыхъ добились другіе композиторы при посредствѣ музыки, кажутся ему слишкомъ ничтожными, онъ пытается передать отчетливо посредствомъ музыкальныхъ звуковъ абстрактныя идеи и самыя несообразныя фантазіи. Эти потуги усиливаются съ каждымъ новымъ произведеніемъ, начиная отъ „Донъ-Жуана“ и „Смерти и просвѣтлѣнія“, продолжая затѣмъ „Веселыми продѣлками Тилля Эйленшпигеля“ и „Такъ говорилъ Заратустра“ и кончая „Геройской жизнью“. Независимо отъ Штрауса Феликсъ Вейнгартнеръ (род. въ 1862 г.; оперы „Сакунтала“ и „Генезіусъ“) тоже продѣлываетъ цѣлыя серіи музыкальныхъ опытовъ. Напротивъ того, Густавъ Малеръ (род. въ 1860 г.) держится въ своихъ симфоніяхъ въ предѣлахъ музыки, удовлетворяющейся своими естественными задачами.

з) Музыка другихъ европейскихъ странъ, кромѣ Германіи, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій.

Въ большой публикѣ, не имѣющей самостоятельныхъ взглядовъ, Италія все еще считается классической музыкальной страной: но въ дѣйствительности она не произвела ни одного композитора первой величины со времени Палестрины (стр. 505), поэтому Италіи въ концѣ концовъ пришлось подчиниться нѣмецкому господству. Уже спустя значительный промежутокъ времени послѣ начала второй половины XIX столѣтія Джузеппе Верди (1813—1901 гг.; срв. стр. 681) одарилъ снова международную публику своими нерѣдко банальными, но исполненными темперамента оперными мелодіями („Эрнани“, „Трубадуръ“, „Травіата“, „Риголетто“, „Балъ-маскарадъ“). Вскорѣ послѣ этого знаменитый маэстро неожиданно сдѣлалъ шагъ впередъ въ своей „Аидѣ“ (1869 г.) и до самой своей смерти продолжалъ стремиться къ болѣе благородному и болѣе характерному способу выраженія въ своихъ отличающихся необычайнымъ богатствомъ фантазіи произведеніяхъ: „Реквіемъ“ на смерть Манцони, операхъ „Отелло“, „Фальстаффъ“ и четырехъ „Pezzi sacri“. Между тѣмъ въ Италію проникъ ново-германскій романтизмъ: это вліяніе сквозитъ въ произведеніяхъ Арриго Бойто (род. въ 1842 г.; „Мефистофель“), Джіованни Згамбати (род. въ 1843 г.), Ант. Змарелья (род. въ 1854 г.) и др. Въ 1890 году появилась въ свѣтъ „Cavalleria rusticana“ Пьетро Масканьи (род. въ 1863 г.), которая низвергла всѣ прежніе авторитеты, а вслѣдъ за этой оперой прошумѣла „Pagliacci“ Руджіеро Леонкавалло (род. въ 1858 г.). Слава Масканьи и Леонкавалло продолжалась недолго, и вообще изъ всѣхъ ихъ собратьевъ по оружію изъ лагеря веристовъ нѣкоторымъ успѣхомъ могли похвалиться только Умберто Джіордано (род. въ 1868 г.; „Mala vita“, 1892 г.) и Джіакомо Пуччини (род. въ 1858 г.; „Богема“, 1897 г.). Другая звѣзда, взошедшая на небѣ ораторій, тоже померкла черезъ короткое время: мы говоримъ о Лоренцо Перози (род. въ 1872 г.; „Преображеніе Христа“, „Воскресеніе Лазаря“, „Пасхальная ораторія“, „Рождественская ораторія“).

Около средины XIX столѣтія на французской оперной сценѣ царили Мейерберъ (стр. 682), Ж. Фр. Э. Галеви (1799 г.—1862 г.; „Жидовка", 1835 г.) и Оберъ (стр. 681). Преемниками ихъ были Шарль Франсуа Гуно (1818 г.—1893 г.; „Фаустъ и Маргарита", 1859 г., „Мирейль", 1864 г., „Ромео и Джульета", 1867 г., духовныя пьесы), Абмруазъ Тома (1811—1896 г.; „Миньона", 1866 г. и „Гамлетъ", 1868 г.), Л. Эт. Эрн. Рейе (род. въ 1823 г.; „Саламбо") и др. Самымъ характернымъ композиторомъ второй имперіи слѣдуетъ однако признать Жака Оффенбаха (1819 г.—1880 г.); какъ уже сказано выше (стр. 639), писатели, пользовавшіеся большой извѣстностью, составляли по его порученію текстъ для его оперетокъ — пародій („Орфей въ аду", „Грузинскія красавицы", „Прекрасная Елена", „Парижская жизнь", „Герцогиня Герольштейнская", „Синяя борода", „Принцесса Трапезундская", „Сказки Гофмана" и т. д.). Французскіе опереточные композиторы не стали безусловными послѣдователями этого музыкальнаго каррикатуриста. Среди нихъ выдаются слѣдующіе: Шарль Лекокъ (род. въ 1832 г.; „Чайный цвѣтокъ", „Дочь мадамъ Анго", „Жирофле-Жирофля"), Роб. Пляпкетъ (род. въ 1840 г.; „Корневильскіе колокола"), Люсь Варней („Les Mousquetaires au couvent") и т. д. Независимо отъ французской оперетки на вѣнской и англійской оперетках въ теченіи послѣдней трети XIX столѣтія тоже распустились новые цвѣты. Вѣнская оперетка выросла изъ водевилей съ пѣніемъ (Singspiel) стараго времени (стр. 674) и изъ мѣстной танцовальной музыки, классическими представителями которой въ домартовскій періодъ были Іоганнъ Штраусъ старшій (1804 г.—1849 г.) и Іосифъ Ланнеръ (1801 г.—1843 г.). Іоганнъ Штраусъ младшій (1825—1899 г.; „Летучая мышь", „Цыганскій баронъ") былъ главою вѣнской опереточной школы; Францъ фонъ Зуппе (1820 г.—1895 г.) и Карлъ Миллекеръ (1842 г.—1899 г.) были его достойными сотоварищами. Самый замѣчательный изъ англійскихъ опереточныхъ композиторовъ — это Артуръ Салливанъ (1842 г.—1900 г.; „Микадо") и Сидней Джонсъ („Гейша", 1896 г.). Александръ Мекензи (род. въ 1847 г.), который стоитъ выше всѣхъ другихъ англійскихъ композиторовъ по своимъ операмъ, хоровымъ и оркестровымъ пьесамъ, также сочинялъ между прочимъ и оперетки.

Французская опера расцвѣла вновь въ теченіи послѣдней трети XIX столѣтія такъ же, какъ и французская оперетка. Жоржъ Бизэ (1838 г.—1875 г.) оставилъ по себѣ шедевръ — оперу „Карменъ", написанную въ годъ его смерти. Леонъ Делибъ (1836 г.—1891 г.) прославился наряду съ нимъ своими балетами и операми („Коппелія", 1870 г., „Такъ сказалъ король", 1873 г. и „Лакмэ", 1883 г.). Во французскую музыку проникло неудержимо вліяніе Берліоза (стр. 690), затѣмъ также и Листа, а наконецъ, послѣ упорнаго патріотическаго сопротивленія, также и вліяніе Вагнера. Ш. Камилъ Сенъ-Сансъ (род. въ 1835 г.; оперы „Самсонъ" и „Генрихъ VIII", ораторіи, симфоническія стихотворенія, духовныя пьесы") и столь же разносторонній Жюль Массенэ (род. въ 1842 г.; „Донъ Сезаръ де Базанъ", „Царь Лагорскій", „Манонъ Леско", „Сидъ", „Вертеръ", „Сафо", ораторіи, оркестровыя пьесы) составляютъ переходъ къ настоящимъ представителямъ новоромантическаго направленія Сезару Ог. Франку (1822 г.—1890 г.; „Les Béatitudes", симфоническія поэмы), Венсену д'Энди (род. въ 1854 г.; „Ферваалъ", 1897 г.), Альфр. Бріоно (род. въ 1857 г.; „Мессидоръ", 1897 г., опера съ неритмичнымъ прозаическимъ текстомъ) и Густ. Шарпантье (род. въ 1860 г.; „Луиза", 1898 г.). Къ той же новоромантической школѣ принадлежатъ бельгійскіе композиторы Пьеръ Бенуа (1834 г.—1901 г.) и Эдгаръ Тинель (род. въ 1854 г.; ораторія „Святой Францискъ", 1888 г.).

Музыка скандинавскихъ народовъ находилась сначала подъ вліяніемъ Мендельсона и Шумана; затѣмъ въ ней выработался отчасти подъ вліяніемъ новогерманской школы самобытный національный колоритъ, заключающійся въ цѣлесообразномъ использованіи народныхъ мотивовъ.

Заслуживаютъ упоминанія датскіе композиторы Ніэльсъ Вильг. Гадэ (1817 г.—1890 г.), Анд. Пет. Бергреенъ (1801 г.—1880 г.), I. Пет. Эм. Гартманъ (1805 г.—1900 г.) и его сынъ Эмиль (1836 г.—1898 г.), Августъ Энна (род. въ 1860 г.); норвежцы Эдвардъ Григъ (род. въ 1843 г.) и I. Сев. Свендсенъ (род. въ 1840 г.), шведы Иваръ Гальстремъ (1826 г.—1901 г.) и Андреасъ Галленъ (род. въ 1846 г.).

Между славянами (объ ихъ отношеніи къ западно-европейскимъ народамъ, срв. выше стр. 647) появились въ послѣднее время композиторы съ большими талантами, тоже стремившіеся къ тому, чтобы создать для своей музыки самобытное національное положеніе, независимое отъ западно-европейскаго искусства. Въ ораторіяхъ и операхъ для этой цѣли служили между прочимъ тексты, составленные на родномъ языкѣ; въ инструментальной музыкѣ въ ихъ распоряженіи было только одно средство: они старались придать отдѣльнымъ фразамъ своеобразный оттѣнокъ посредствомъ примѣненія національныхъ плясовыхъ мотивовъ и напѣвовъ. Извѣстные чешскіе композиторы Фридрихъ Сметана (1824 г.—1884 г.; „Проданная невѣста, 1866 г., „Далиборъ", 1868 г., симфоническія поэмы, струнный квартетъ „Изъ моей жизни"), Эдуардъ Направникъ (род. въ 1839 г.), Зденко Фибихъ (1850—1900 г.) и отличающійся могучимъ оригинальнымъ талантомъ Антонъ Дворжакъ (род. въ 1841 г.) завоевали себѣ мѣсто во всемірной музыкальной литературѣ. Едва ли можно причислить къ чисто русскимъ композиторамъ эклектика Антона Рубинштейна (1830 г.—1894 г.; см. стр. 685 и 688); благодаря своей громкой извѣстности, какъ виртуоза, онъ провелъ на сцену свои симфоническія стихотворенія, ораторіи („Вавилонское столпотвореніе") и оперы („Фераморсъ", „Маккавеи" и „Неронъ"). Родоначальникомъ русской національной оперы былъ М. И. Глинка (1803 г.—1857 г.; „Жизнь за царя", 1836 г.). Отличительной чертой новѣйшихъ русскихъ композиторовъ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что они принадлежатъ къ крайнему лѣвому лагерю прогрессивной музыкальной школы; таковы Александръ Даргомыжскій (1813 г.—1869 г.), Цезарь Кюи (род. въ 1835 г.), М. А. Балакиревъ (род. въ 1837 г.), Н. Римскій-Корсаковъ (род. въ 1844 г.), А Глазуновъ (род. въ 1865 г.) и мн. др. Наиболѣе самобытный изъ всѣхъ русскихъ композиторовъ XIX столѣтія — это П. И. Чайковскій (1840—1893 г.), великій симфонистъ („Патетическая симфонія"), выдающійся композиторъ оперъ и балетовъ (оп. „Евгеній Онѣгинъ", „Іоланта" „Пиковая дама", „Орлеанская дѣва", „Опричникъ", „Мазепа"; бал. „Спящая красавица", „Лебединое озеро", „Щелкунчикъ").

VI. Историческое значеніе Атлантическаго океана.

Соч. профессора д-ра **Карла Вейле.**

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ.

ВѢКЪ ОТКРЫТІЙ

Экваторіальный масштабъ 1 : 80000000

Лузіана

Канада

Земля Руперта

Европа

Франція

Англія

Великобританія

Испанія

Португ.

Море Саргассо

Антилы

Марь дель Норте

Нов. Испанія

Маръ де Суръ

Тіана

Терра фирма

Нов. Гранада 1536 и 37

Перу

Америка

Бразилія

Нов. Кастилія

Лаплата

Магелланъ 1520

Марь Пасифико

Тихое море

Африка

Нигриція

Судань

Берберія

Гвинейское течен.

Южно-Экваторіальное течен.

Каапская земля

Патагонія

Магеллановa земля

Течен. мыса Горна

Береговая область Сенегамбія

Ю.-З. Берегъ

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

1. Форма и положеніе Атлантическаго океана.

Въ теченіе новыхъ вѣковъ стало общеизвѣстнымъ, что Атлантическій океанъ представляетъ собой длинный, изогнутый въ видѣ буквы S каналъ (см. карту, прилож. къ стр. 701) почти одинаковой ширины на всемъ своемъ протяженіи, расположенный между Старымъ Свѣтомъ, т. е. Европой и Африкой, съ одной стороны, и Новымъ Свѣтомъ, т. е. Америкой, съ другой, и тянущійся въ длину отъ южнаго полярнаго круга, или останавливаясь на естественной границѣ, отъ линіи мысъ Доброй Надежды — мысъ Горнъ до преддверія Сѣвернаго Полярнаго моря. Эта форма Атлантическаго океана въ силу естественныхъ условій пріобрѣла весьма благопріятное вліяніе сначала на развитіе всемірныхъ сношеній, благодаря своему географическому положенію, а вслѣдствіе этого также и въ политическомъ и культурно-историческомъ отношеніяхъ, какъ только человѣчество изыскало пути и средства для того, чтобы удостовѣриться на опытѣ въ сравнительно небольшой ширинѣ этого воднаго пространства. Что это открытіе было сдѣлано въ такую поразительно позднюю эпоху, считая даже только отъ начала писанной исторіи, — причиной этому была чрезвычайная бѣдность этого океана островами, тѣмъ болѣе, что ихъ меньше всего какъ разъ въ той полосѣ, въ которой только и возможна была первая попытка переплыть черезъ него, именно, въ среднихъ широтахъ, лежащихъ къ западу отъ Средиземнаго моря. Другой причиной поздняго открытія Америки оказались свойства самого Средиземнаго моря; его богатое расчлененіе, изобиліе острововъ на немъ и физическія свойства его дѣлали плаваніе по этому морю такимъ легкимъ, что ни одно изъ древнѣйшихъ рыбацкихъ племенъ, жившихъ по его берегамъ, не закалилось настолько, чтобы оно могло быть способнымъ къ экспедиціямъ на громадномъ Западномъ морѣ. Замѣчательно, что въ теченіе обоихъ періодовъ исторіи, древняго и средняго, немногочисленныя попытки къ изслѣдованію береговъ Атлантическаго океана не идутъ далеко въ сторону отъ Геркулесовскихъ столбовъ; кромѣ того, древніе мореплаватели никогда не удалялись добровольно отъ морского берега.

Въ теченіе очень долгаго времени въ сѣверныхъ широтахъ Атлантическаго океана проявлялось вредное вліяніе тѣхъ же препятствій, какъ и въ Средиземномъ морѣ. Правда, Нѣмецкое и Балтійское моря не представляютъ такихъ удобствъ для мореплаванія, какъ Средиземное; хотя они тоже не занимаютъ обширныхъ пространствъ, но за то они отличаются гораздо менѣе благопріятными климатическими условіями, такъ что Нѣмецкое море считается негостепріимнымъ даже и нынѣшними моряками; эти моря тоже не оказались подготовительными школами къ заокеанскимъ путешествіямъ ни для доисторическихъ строителей долменовъ (см. томъ I), которые были, безъ сомнѣнія, недурными моряками, ни для восточныхъ викинговъ ранняго средневѣковья, ни для Ганзы съ ея западноевропейскими современниками. У всѣхъ этихъ народовъ не было пово-

ловъ, которые толкали бы ихъ къ грандіознымъ морскимъ предпріятіямъ, а кромѣ того, они не имѣли возможности пріобрѣсти большую сноровку въ мореплаваніи и закалиться въ борьбѣ съ грозными волнами океана. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ выводовъ антропогеографіи состоитъ въ томъ, что изъ всѣхъ племенъ и народовъ доколумбовскаго періода исторіи самыя далекія путешествія по Атлантическому океану должны были предпринимать жители западнаго берега Норвегіи, который открытъ для волнъ бурнаго океана. Само собою разумѣется, что рядъ острововъ – Ферерскіе — Исландія — Гренландія — облегчилъ существеннымъ образомъ открытіе Америки въ концѣ X или въ началѣ XI столѣтія, которое было результатомъ смѣлыхъ попытокъ викинговъ; не слѣдуетъ, однако, забывать, что первый шагъ на этомъ пути, т. е. путешествіе отъ береговъ Норвегіи къ Ферерскимъ островамъ на разстояніи 600 километр. бурнаго моря -- это морское предпріятіе совершенно другого рода, чѣмъ помимо всего не вполнѣ доказанное путешествіе древнихъ отъ Галеса до Счастливыхъ острововъ.

Интереснымъ явленіемъ въ исторіи географическихъ открытій и человѣческой культуры было то обстоятельство, что встрѣчая острова въ разныхъ мѣстахъ своего пути въ Америку, начиная отъ Ферерскихъ, викинги не увидѣли ничего особеннаго ни въ Винландѣ, ни въ Маркландѣ, ни въ Геллуландѣ; они считали ихъ не болѣе пригодными для колонизаціи, чѣмъ Исландію и Гренландію. Норвежцы не приходили къ той мысли, что эти страны могутъ составлять часть западной границы Атлантическаго океана, по которому они путешествовали такъ часто и въ теченіи такого долгаго періода времени; вотъ почему они придавали открытію этихъ странъ такъ же мало значенія, какъ и своимъ предшествовавшимъ открытіямъ. Кромѣ пренебрежительнаго отношенія норвежцевъ къ своему собственному открытію, была еще одна причина, вслѣдствіе которой оно прошло безслѣдно для средней и южной Европы: какъ уже было упомянуто во II томѣ (стр. 361), съ конца X столѣтія вниманіе европейцевъ было отвлечено отъ Запада, а экономическимъ и культурнымъ притягательнымъ центромъ сталъ Востокъ. Однако, географическія открытія норвежцевъ вовсе не остались неизвѣстными во всѣхъ остальныхъ европейскихъ странахъ, кромѣ Скандинавскаго полуострова, какъ это долго предполагали: мы знаемъ, что Гудрида, смѣлая супруга и спутница Торфина Карльсефни, настоящаго изслѣдователя и колонизатора трехъ вновь открытыхъ странъ, которая была, между прочимъ, матерью мальчика Снорри, перваго бѣлаго ребенка, родившагося на Американскомъ материкѣ, впослѣдствіи совершила паломничество въ Римъ, а кромѣ того два корабля изъ состава самой экспедиціи Карльсефни были отнесены вѣтромъ изъ Винланда въ Ирландію. Сѣверные, въ особенности гренландскіе и исландскіе епископы, съ своей стороны, тоже распространили на югѣ Европы извѣстіе о новыхъ открытіяхъ. Тѣмъ не менѣе, никто не заинтересовался вновь открытыми странами, и это объясняется, безъ сомнѣнія, вышеуказанными причинами. Черезъ короткое время Винландъ, Маркландъ и Геллуландъ были забыты даже и самими норвежцами, и во всей Европѣ утвердилась опять на нѣсколько столѣтій вѣра въ безпредѣльность Атлантическаго океана. Только послѣ возрожденія космографіи древнихъ грековъ въ просвѣщенные круги европейскаго общества стала проникать мысль о возможности переѣзда черезъ Атлантическій океанъ.

Въ южной половинѣ Атлантическаго океана вовсе не было сдѣлано никакихъ попытокъ къ опредѣленію его ширины и формы его береговъ, хотя естественныя условія здѣсь болѣе благопріятны, чѣмъ на широтѣ Средиземнаго моря. На протяженіи между Африкой и Южной Америкой острововъ такъ же мало, какъ и дальше къ сѣверу, но зато ширина океана мѣстами суживается здѣсь настолько, что современные быстроходные паро-

ходы могли бы переѣхать черезъ него въ нѣсколько дней, если бы существовала надобность въ такихъ ускоренныхъ сношеніяхъ между упомянутыми материками; даже на полинезійской или малайской лодкѣ можно проѣхать быстро и безопасно отъ Сіерра-Леоне въ западной Африкѣ до м. Св. Рока на бразильскомъ берегу. Для первобытныхъ жителей обоихъ береговъ Атлантическаго океана не существовало никакого побужденія, которое заставило бы ихъ предпринимать подобныя путешествія: какъ тѣ, такъ и другіе дошли только до морского берега, — ни негры, ни индійцы не пускались въ океанъ дальше береговой полосы. Если бы они не узнали отъ бѣлаго человѣка, что за океаномъ существуетъ другой материкъ, то и тѣ и другіе были бы увѣрены, что они живутъ на краю безконечнаго воднаго пространства: подъ вліяніемъ такого же впечатлѣнія находилось и громадное число европейцевъ до возвращенія Колумба изъ перваго его путешествія.

Помимо узкой каналообразной формы Атлантическаго океана и малочисленности острововъ на его поверхности главную отличительную черту его составляетъ его богатое **расчлененіе** (срв. прилож. карту „Атлантическій океанъ"). Оно составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое цѣнное его преимущество, если разсматривать его, какъ одно гидрографическое цѣлое.

Если мы станемъ слѣдить за линіей береговъ Атлантическаго океана, начиная отъ южнаго его конца, то до широты сѣверной оконечности Южной Америки расчлененіе его береговъ отступаетъ на задній планъ, а бросается въ глаза параллельность западно-африканской и восточно-американской береговыхъ линій, которая доходитъ до полнаго соотвѣтствія между заливами и мысами обоихъ береговъ океана. Дальше къ сѣверу наряду съ параллелизмомъ, который въ общемъ все еще остается замѣтнымъ, выступаетъ на первый планъ изрѣзанность береговъ и богатое расчлененіе материковыхъ массъ, ограничивающихъ океанъ съ востока и запада: съ восточной стороны европейско-африканское Средиземное море проникаетъ глубоко въ сердце Стараго Свѣта; этому морю соотвѣтствуетъ западный водоемъ: онъ проникаетъ не такъ глубоко между обѣими половинами материка Новаго Свѣта, что объясняется преобладающимъ меридіональнымъ направленіемъ его, но тѣмъ не менѣе обусловливаетъ расчлененіе всей массы суши, весьма важное для географіи и для исторіи человѣчества.

Роль „нашего" Средиземнаго моря такъ неизмѣримо велика, что даже въ рамкахъ настоящей краткой исторіи человѣчества пришлось удѣлить мѣсто для спеціальнаго обзора его (т. IV, отдѣлъ I). **Американское Средиземное море** не требуетъ къ себѣ такого вниманія, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени. Оно облегчило существеннымъ образомъ завоеваніе отдѣльныхъ частей и сохраненіе цѣлости испанско-американскаго колоніальнаго царства, существованіе котораго, можетъ быть, вовсе было бы невозможнымъ безъ него; затѣмъ оно способствовало образованію того разноцвѣтнаго пояса государствъ, который тянется кольцомъ отъ Кубы и Флориды черезъ южные штаты Сѣверо-Американскаго Союза, Мексику и средне-американскія республики и дальше кругомъ по берегу широкаго залива, тянущагося по сѣверному и сѣверо-восточному краю Южной Америки. Къ этому сводится все значеніе американскаго средиземнаго моря. Въ будущемъ оно будетъ исполнять, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе важное значеніе: уже и теперь южная окраина Соединенныхъ Штатовъ, берегъ Мексиканскаго залива, служитъ единственнымъ естественнымъ путемъ для сношеній между громадной территоріей этого государства съ одной стороны и центральной и Южной Америкой съ другой. Когда каналъ, соединяющій оба океана, перерѣжетъ перешеекъ Центральной Америки, то это средиземное море станетъ естественнымъ преддверіемъ соединительнаго пути между Атлантическимъ и Великимъ океанами, который будетъ имѣть

громадное значеніе во всемірномъ хозяйствѣ и во всемірной политикѣ будущей эпохи. При всемъ различіи въ географическихъ условіяхъ и въ характерѣ международныхъ сношеній, преобладающихъ въ этихъ двухъ отдаленныхъ одна отъ другой областяхъ, можно сказать, что съ прорытіемъ канала американское средиземное море пріобрѣтетъ такое же значеніе для новаго свѣта, какое имѣло въ теченіи длиннаго періода исторіи для Стараго Свѣта восточная часть европейско-африканскаго средиземнаго моря.

Расчлененіе обоихъ береговъ Атлантическаго океана къ сѣверу отъ широты Гибралтара отличается значительнымъ сходствомъ между собою, какъ по степени изрѣзанности, такъ и по формѣ изгибовъ. Въ морфографическомъ отношеніи вполнѣ возможно сравнивать заливъ св. Лаврентія съ Нѣмецкимъ моремъ и Гудзоновъ заливъ съ Балтійскимъ моремъ, а Лабрадоръ, Нью-Фаундлендъ, Новую Шотландію, Капъ Бретонъ и другіе острова, расположенные въ той же области, можно сопоставить съ нашей Сѣверо-Западной Европой. Правда, въ размѣрахъ отдѣльныхъ частей существуютъ значительныя различія: Гудзоновъ заливъ, поверхность котораго составляетъ 1,2 милліона квадратныхъ километровъ, самъ по себѣ занимаетъ больше пространства, чѣмъ Нѣмецкое и Балтійское моря вмѣстѣ взятыя (0,98 милліоновъ квадратныхъ километровъ); но если разсматривать каждую изъ этихъ двухъ областей, какъ одно цѣлое, то такое сравненіе вполнѣ допустимо. Важнѣе всего то, что географическія широты ихъ, которыя имѣютъ преимущественное значеніе въ исторіи человѣчества, вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу: хотя самая сѣверная оконечность Гудзонова пролива лежитъ на 5° дальше къ сѣверу, чѣмъ Скагерракъ, зато южная оконечность большаго залива того же имени лежитъ на широтѣ Кале (51°); съ другой стороны заливъ Св. Лаврентія съ его богато расчлененными берегами лежитъ на цѣлыхъ 10° южнѣе окраинъ нашего Нѣмецкаго моря.

При всемъ томъ, какъ велико различіе между обоими берегами Атлантическаго океана! На нашихъ обоихъ родныхъ моряхъ кипѣла жизнь, которая налагала свой отпечатокъ на исторію Сѣверной и Западной Европы втеченіи длинныхъ историческихъ періодовъ, такъ что замкнутому и поэтому болѣе оригинальному въ историческомъ отношеніи Балтійскому морю пришлось удѣлить особый отдѣлъ (т. V), а Нѣмецкое море потребовало тоже внимательнаго обзора; а между тѣмъ на другомъ берегу океана господствуетъ мертвая тишина! Что касается Гудзонова залива, то вся дѣятельность человѣчества въ его области ограничивалась до сихъ поръ немногочисленными и то далеко не всегда удачными попытками европейцевъ къ выясненію очертанія его береговой линіи морскимъ путемъ и жалкими охотничьими промыслами нѣсколькихъ племенъ индійцевъ и эскимосовъ, бродящихъ по его берегамъ съ незапамятныхъ временъ. Заливъ Св. Лаврентія служитъ со времени заселенія Канады французами исключительно морскимъ путемъ, соединяющимъ эту колонію съ Европой и Соединенными Штатами. Слѣдовательно, онъ играетъ роль, имѣющую нѣкоторое сходство съ историческимъ значеніемъ Нѣмецкаго моря; однако, между ними существуетъ важное различіе: Нѣмецкое море не только служитъ проходнымъ путемъ, но играло также совершенно самостоятельную историческую роль, въ то время, какъ соотвѣтствующій ему морской заливъ, лежащій за Ньюфаундлэндомъ, не обладалъ и не обладаетъ никакой самобытностью, а Гудзоновъ заливъ всегда останется мертвымъ въ историческомъ отношеніи. Неблагопріятныя климатическія условія этого послѣдняго всегда будутъ непреодолимымъ препятствіемъ; естественно не можетъ быть рѣчи о правильныхъ морскихъ сообщеніяхъ на такомъ морѣ, куда могутъ добраться только люди, отличающіеся необыкновеннымъ мужествомъ и особеннымъ искусствомъ въ мореплаваніи, да и то только въ исключительно благопріятное лѣто и на судахъ, отличающихся особенной

прочностью. Что касается залива Св. Лаврентія, то его ожидаетъ въ будущемъ далеко не такая мрачная перспектива: онъ будетъ становиться все болѣе оживленнымъ по мѣрѣ того, какъ большія морскія суда станутъ проникать все дальше вглубь Сѣверной Америки по великолѣпному фарватеру рѣки Св. Лаврентія и Канадскихъ озеръ; неистощимыя рыбныя ловли ньюфаундлэндскихъ мелей тоже будутъ всегда поддерживать на немъ движеніе. Все-таки онъ никогда не превратится въ морской бассейнъ съ болѣе или менѣе самостоятельнымъ значеніемъ.

Еще менѣе практическаго значенія имѣетъ богатое расчлененіе арктической части Атлантическаго океана. Девятьсотъ лѣтъ тому назадъ присутствіе на его поверхности ряда острововъ—Феррёрскіе—Исландія—Гренландія—служило достаточнымъ поводомъ, побуждавшимъ европейцевъ того времени предпринимать морскія путешествія и доплывать до западнаго берега океана. Въ то же время весьма незначительная часть европейскаго населенія образовала постоянныя колоніи на Феррерскихъ островахъ и Исландіи; предпринимались также неоднократныя попытки колонизаціи Гренландіи. Какого-нибудь мало-мальски замѣтнаго историческаго значенія не пріобѣла, однако, ни одна изъ этихъ колоній, страдавшихъ отъ невзгодъ необыкновенно суроваго климата; несмотря на своеобразный культурный расцвѣтъ Исландіи и на оживленную религіозную жизнь западнаго берега Гренландіи, эти колоніи далекаго Сѣвера въ историческомъ отношеніи остаются погруженными въ вѣчный мракъ на подобіе легендарныхъ Гипербореевъ (срв. т. II): ихъ существованіе ничѣмъ не даетъ о себѣ знать внѣшнему міру.

Тѣмъ не менѣе сѣверная часть Атлантическаго океана оказала вліяніе на общій ходъ развитія всей нашей культуры въ двухъ отношеніяхъ, благодаря своимъ физическимъ свойствамъ, зависящимъ отъ его расчлененія и отъ его общаго географическаго положенія. Важнѣйшее значеніе ея состоитъ въ томъ, что она снабжала населеніе Европы въ обильномъ количествѣ продуктами своихъ громадныхъ рыбныхъ ловель. Даже въ сравненіи съ милліардными оборотами современнаго мірового хозяйства рыбные промыслы открытыхъ морей оцѣниваются въ такія суммы, которыя составляютъ весьма важную часть торговаго баланса нѣкоторыхъ сѣверныхъ странъ. Триста или даже двѣсти лѣтъ тому назадъ многочисленныя, но неповоротливыя флотиліи рыбаковъ сѣверныхъ морей едва ли возвращались съ болѣе богатой добычей, чѣмъ быстрые современные рыболовные пароходы; но въ то время морскіе промыслы играли совершенно другую роль въ общемъ національномъ богатствѣ нѣкоторыхъ странъ, притомъ же въ предшествующіе вѣка народное питаніе зависѣло въ сильной степени отъ улова морской рыбы.

Гораздо болѣе долговѣчное историческое значеніе имѣла идеальная цѣнность этихъ путешествій на далекій сѣверъ, требовавшихъ громаднаго мужества и желѣзнаго упорства: эти путешествія были для морскихъ народовъ, живущихъ въ сѣверо-западной Европѣ, и для французовъ наилучшей школой мореплаванія, закалили ихъ и вызвали въ нихъ охоту къ далекимъ морскимъ путешествіямъ; благодаря этимъ своимъ качествамъ эти народы объѣздили за послѣднія триста лѣтъ вокругъ всего земного шара. Вліяніе рыбныхъ промысловъ сочеталось въ этомъ случаѣ самымъ тѣснымъ образомъ съ другимъ, тоже непрекращавшимся втеченіе многихъ вѣковъ стремленіемъ,—европейцы въ продолженіе всего этого времени старались найти проходъ, огибающій сѣверный берегъ Америки или же сѣверные берега Европы и Азіи и ведущій къ берегамъ Восточной Азіи. И дѣйствительно, попытки къ открытію сѣверозападнаго и сѣверовосточнаго морскихъ путей (срв. т. I); непрерывно возобновлявшіяся съ упорствомъ со времени путешествій Кабо старшаго до самой середины XIX столѣтія, были для британскаго народа высшей школой мореходства. Атланти-

скому океану, взятому въ цѣломъ, принадлежитъ та заслуга, что онъ вывелъ культурные народы Стараго Свѣта изъ тѣснаго кругозора краевыхъ и средиземныхъ морей въ открытое водное пространство; благодаря этому океану человѣчество послѣколумбовской эпохи достигло умственной зрѣлости. Вѣчно бурная, усѣянная ледяными горами, самая сѣверная часть Атлантическаго океана не уступаетъ въ своемъ вліяніи на европейскую цивилизацію всему океану въ совокупности, такъ какъ именно эта часть его довела до господства надъ всемірнымъ океаномъ за короткій періодъ менѣе чѣмъ въ триста лѣтъ, одинъ избранный народъ, отъ природы вовсе не обладавшій задатками могущества, именно англичанъ.

2. Доколумбовская эпоха.

А. До удаленія Римлянъ изъ Нѣмецкаго моря.

Въ первомъ томѣ своей „Антропогеографіи" (1 изд. 1882 г.) Фридрихъ Ратцель впервые назвалъ Америку восточной частью обитаемой земли. Это обозначеніе стало вполнѣ обычнымъ среди насъ, его учениковъ (срв. т. I). При господствующихъ донынѣ представленіяхъ о продолжительности существованія человѣка на землѣ Атлантическій океанъ представляетъ собою широкую расщелину между западнымъ и восточнымъ краемъ ойкумены (обитаемой земли), тянущейся вокругъ земного шара въ видѣ широкаго пояса, простирающагося отъ мыса Горна до Смитова залива; изъ такого характера этого океана и господствующихъ нынѣ представленій о продолжительности исторіи человѣчества вытекаетъ то послѣдствіе, что роль этого океана во всемірной исторіи началась сравнительно очень недавно, именно только съ того момента, когда первое норманское судно коснулось своимъ килемъ берега Гренландіи или Геллуланда. При всей важности атлантическаго океана для общаго культурнаго прогресса новыхъ вѣковъ онъ оказывается въ историческомъ отношеніи такимъ юнымъ, что его возрастъ ничтожно малъ сравнительно съ значеніемъ Тихаго и Индійскаго океановъ въ исторіи человѣческихъ расъ. Вліяніе Атлантическаго океана на исторію человѣчества продолжается всего на всего одну тысячу лѣтъ, что составляетъ короткій промежутокъ даже сравнительно съ тѣми эпохами, въ теченіе которыхъ оба упомянутыхъ гигантскихъ водоема, а затѣмъ и наши европейскія моря, какъ то Средиземное, Балтійское и Сѣверное, оказывали свое дѣйствіе на документальный періодъ человѣческой исторіи. Тотъ, кто подводитъ подъ терминъ „исторія" только такія культурныя условія, при которыхъ могутъ существовать литературные и архитектурные памятники, свидѣтельствующіе о дѣлахъ и культурныхъ успѣхахъ изчезнувшихъ поколѣній, тотъ будетъ признавать и впредь, что Атлантическій океанъ очень молодъ въ историческомъ смыслѣ. Однако, въ настоящемъ трудѣ проводится такой взглядъ, что необходимо удѣлять вниманіе всѣмъ доказаннымъ тѣмъ или инымъ путемъ передвиженіямъ народовъ и соприкосновеніямъ между ними, составляющимъ первое очевидное проявленіе исторической дѣятельности на низшихъ ступеняхъ человѣчества; съ этой точки зрѣнія для выясненія историческаго значенія Атлантическаго океана тоже приходится обратиться къ самымъ отдаленнымъ періодамъ существованія человѣчества.

Въ нашихъ воззрѣніяхъ на исторію развитія человѣка, какъ конечнаго члена отдѣльной вѣтви органическаго міра, совершается въ настоящее время существенный переворотъ: новѣйшая антропологическая школа считаетъ доказаннымъ на основаніи послѣднихъ данныхъ сравнительной анатоміи, что дифференцировка человѣка отъ остальныхъ организмовъ возникла не въ группѣ человѣкообразныхъ обезьянъ (срв. стр. 553), слѣ-

довательно, не въ позднюю эпоху въ геологическомъ и филогенетическомъ смыслѣ, а гораздо раньше и на низшей ступени лѣстницы развитія млекопитающихъ животныхъ. Въ геологическомъ и палеонтологическомъ отношеніяхъ этотъ выводъ уводитъ насъ вглубь прошлыхъ эпохъ далеко за тѣ предѣлы, которыми ограничивали до сихъ поръ существованіе человѣка на землѣ (срв. т. I): намъ приходится спуститься до третичной эпохи, обнимающей громадный промежутокъ времени, весьма интересный по тѣмъ перемѣнамъ, которыя произошли въ теченіе его во всемъ органическомъ мірѣ и въ формѣ земной поверхности. Характеръ и размѣры этихъ перемѣнъ должны были имѣть рѣшающее значеніе для самой ранней группировки только что возникавшаго человѣческаго рода, если только новая теорія окажется достовѣрной. Если оправдается тотъ геологическій выводъ, что до третичной эпохи и въ продолженіе нѣкоторой части ея отъ западнаго края нынѣшняго Стараго Свѣта тянулись до береговъ нынѣшней Америки двѣ широкія полосы суши, то съ точки зрѣнія филогенетической исторіи развитія не представляется никакихъ препятствій къ тому предположенію, что эти перешейки были населены представителями ранней стадіи человѣчества. Въ этомъ заключалось бы въ дѣйствительности самое раннее и рѣшительное вліяніе на судьбу человѣчества той части земной поверхности, надъ которой теперь шумятъ волны глубокаго Атлантическаго океана. Исчезновеніе этихъ двухъ перешейковъ было началомъ весьма долгаго даже въ геологическомъ смыслѣ періода времени, такъ что это древнее участіе Атлантическаго океана въ судьбѣ человѣческаго рода кажется современнымъ представителямъ его чѣмъ-то безконечно отдаленнымъ; ни въ антропологическомъ, ни въ историческомъ отношеніи жители восточнаго берега Атлантическаго океана, который принялъ свою теперешнюю форму только послѣ той первобытной эпохи, не имѣютъ ничего общаго со всѣмъ тѣмъ, что находится на западномъ его берегу. Атлантическій океанъ въ дѣйствительности является пропастью посреди ойкумены (обитаемой земли).

Необъятное и неизвѣстное всегда и вездѣ влекло къ себѣ людей; поэтому и Атлантическій океанъ, который соприкасается на обширномъ протяженіи съ культурной сферой Средиземнаго моря, съ самыхъ раннихъ временъ притягивалъ къ себѣ съ огромной силой человѣческое населеніе этой сферы. Еще во второмъ тысячелѣтіи до Р. Х. мы застаемъ на его берегахъ финикіянъ, а вслѣдъ за ними появилась на нихъ западная отрасль того же племени, пунійцы. Они отваживались на путешествія по бурнымъ волнамъ океана главнымъ образомъ для удовлетворенія своей потребности въ оловѣ, необходимомъ для производства бронзы, все сильнѣе входившей въ употребленіе; рѣдкость этого металла уравновѣшивала опасности плаванія по водамъ необитаемаго внѣшняго моря. Тѣмъ не менѣе обѣ отрасли великаго среднеазіатскаго коммерческаго народа отвоевали себѣ мало мѣста на берегахъ Атлантическаго океана. Когда мы видимъ, что финикіяне и пунійцы, господствовавшіе втеченіе многихъ сотенъ лѣтъ на всей довольно значительной поверхности Средиземнаго моря, выходили только на незначительное разстояніе дальше Геркулесовскихъ столбовъ, то поневолѣ напрашивается сопоставленіе этихъ народовъ съ итальянскими средневѣковыми городскими республиками, которыя съ трудомъ рѣшались проѣзжать черезъ Гиблартарскій проливъ, въ то время, какъ португальцы и испанцы давно уже плавали по открытому океану: мы припоминаемъ также ганзейскихъ купцовъ, которые еле отваживались переходить черезъ настоящій порогъ океана. Такимъ же образомъ и въ глубокой древности посредническая роль въ торговлѣ оловомъ принадлежала главнымъ образомъ закаленнымъ морякамъ, жившимъ на берегахъ нѣкоторыхъ частей Западной Европы. Какъ маловажны были въ дѣйствительности подвиги финикіянъ и пунійцевъ въ Атлантическомъ океанѣ.

можно судить хотя бы по слѣдующему обстоятельству: въ древности пользовалось необыкновенной славой путешествіе Ганнона вокругъ береговъ Африки, которое имѣло громадное значеніе въ исторіи географической науки, но не представляетъ ничего замѣчательнаго съ точки зрѣнія мореходства (срв. т. III). Общее свойство всѣхъ рѣзко замкнутыхъ морей заключается въ томъ, что они не только ограничиваютъ географическій кругозоръ народовъ, живущихъ на ихъ берегахъ, но вліяютъ подавляющимъ образомъ также и на ихъ энергію и сдерживаютъ ее въ извѣстныхъ рамкахъ.

Значеніе Атлантическаго океана въ культурной жизни грековъ было, въ сущности говоря, чисто теоретическимъ. Нѣкоторые немногочисленные изслѣдователи Средиземнаго моря отваживались выходить въ Атлантическій океанъ по направленію къ сѣверу и къ югу: Питеасъ изъ Массиліи (около 330 года до Р. Х.; срав. т. V) совершилъ блестящее путешествіе по Атлантическому океану, проѣхалъ мимо всей Британіи и добрался до легендарной Туле, а его соотечественникъ и современникъ Эвтименесъ и, кромѣ того, Эвдоксосъ изъ Кизика (около 150 г. до Р. Х.) и историкъ Полибій (род. около 205 г. до Р. Х., сконч. въ 123 г. до Р. Х.) отправились на югъ и доѣхали до различныхъ точекъ западнаго берега Африки; однако ни одно изъ этихъ предпріятій не имѣло никакого практическаго результата. Существенная причина малоуспѣшности этихъ попытокъ заключалась въ отдаленности Греціи отъ Гибралтарскаго пролива: при тогдашнемъ состояніи мореходнаго искусства значительное разстояніе было гораздо болѣе серьезнымъ препятствіемъ для морскихъ путешествій, чѣмъ въ наше время. Еще важнѣе было другое обстоятельство: въ своей колоніальной политикѣ греки вездѣ вытѣсняли финикіянъ, но господства карѳагенянъ надъ западнымъ бассейномъ Средиземнаго моря они никогда не были въ силахъ сломить. Поэтому великое Западное море навсегда осталось сокрытымъ отъ нихъ въ туманной дали; свѣдѣнія, которыя они имѣли о немъ, были настолько неопредѣленными, что греки позволяли себѣ заполнять его безпредѣльное пространство продуктами своей фантазіи вродѣ Атлантиды Платона (срв. стр. 532), но они жили на такомъ громадномъ разстояніи отъ него, что экспедиціи ради географическихъ открытій или въ цѣляхъ колоніальной политики никогда не могли разсчитывать на успѣхъ.

Тѣмъ не менѣе въ одномъ отношеніи Атлантическій океанъ имѣлъ большое значеніе для греческой цивилизаціи, по крайней мѣрѣ, для ея древнѣйшаго періода: онъ оказалъ рѣшительное вліяніе на развитіе представленій древнѣйшихъ іоническихъ географовъ о формѣ земной поверхности. Главную отличительную черту этихъ представленій составляетъ неизмѣримо широкій океанъ, опоясывающій всю сушу. Въ дѣйствительности греки древнѣйшаго періода знали только о существованіи океана на западѣ; еще гораздо позже гомеровской эпохи онъ былъ извѣстенъ грекамъ только по наслышкѣ изъ финикійскихъ источниковъ, а съ возникновеніемъ ихъ собственной колонизаторской дѣятельности они провѣрили эти слухи на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ; однако греки увидѣли впервые своими собственными глазами внѣшній край обитаемой земли только во время вынужденнаго путешествія Колайоса съ острова Самоса, который проѣхалъ въ 640 г. до Р. Х. черезъ Геркулесовы столбы и достигъ финикійской колоніи Тарсисъ. Какимъ образомъ греки, видѣвшіе внѣшнее море только на ограниченномъ пространствѣ, пришли къ заключенію о существованіи мірового океана, опоясывающаго всю сушу, это объясняется во первыхъ громаднымъ разстояніемъ между ихъ отечествомъ и берегами Атлантическаго океана, такъ какъ издалека люди склонны приписывать всѣмъ выдающимся предметамъ необычайное значеніе и, во вторыхъ характеромъ самаго Атлантическаго океана. Какъ ни поразительно гро-

малыми казались финикіянамъ и грекамъ размѣры Средиземнаго моря, все же они убѣдились, что оно окаймлено кругомъ берегами съ человѣческимъ населеніемъ. Совершенно другую картину представляло изъ себя внѣшнее море, начинавшееся по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ. Изъ страха предъ конкурренціей иноземцевъ Финикіяне усердно старались еще въ раннюю эпоху греческой культуры распространить представленіе объ Атлантическомъ океанѣ, какъ о необъятной и недоступной для судовъ водной поверхности. Собственнымъ опытомъ греки убѣдились, что въ этихъ розсказняхъ было много преувеличеннаго; но все же Атлантическій океанъ былъ даже съ чисто физической точки зрѣнія водоемомъ совершенно другого рода, чѣмъ Средиземное море: громадная ширина и высота волнъ, его сильные приливы и отливы, не говоря уже о постоянномъ движеніи его водной поверхности, поневолѣ убѣждали грековъ, заѣзжавшимъ въ него изъ покрытаго мелкой зыбью, спокойнаго водоема, лежащаго къ востоку отъ Геркулесовыхъ столбовъ, въ томъ, что они видятъ предъ собою необычайно важную часть земной поверхности. Полное отсутствіе острововъ въ Атлантическомъ океанѣ, которое поражало воображеніе людей, свыкшихся съ Средиземнымъ моремъ, еще болѣе подтверждало въ ихъ глазахъ то представленіе о формѣ земной поверхности, которое было характерной чертой не только греческой цивилизаціи, но и міровоззрѣній римлянъ и арабовъ; слѣдуетъ замѣтить, что это представленіе не расшаталось окончательно даже и тогда, когда были открыты Канарскіе острова и Мадейра, и люди узнали, что Атлантическій океанъ не окончательно лишенъ острововъ, а только б ѣ д е н ъ ими.

Въ поле зрѣнія р и м л я н ъ Атлантическій океанъ попалъ съ того момента, когда борьба между ними и карѳагенянами за обладаніе Иберійскимъ полуостровомъ разрѣшилась окончательно въ пользу римлянъ (210 г. до Р. X.; срв. т. IV); только съ этого времени быстро развивавшаяся великая держава, пріобрѣвшая господство надъ западной частью Средиземнаго моря, утвердилась сначала на восточномъ берегу Испаніи, затѣмъ распространила свои владѣнія вглубь этого полуострова и достигла, наконецъ, его западнаго берега. Несмотря на всѣ успѣхи римской колонизаціи римское господство въ Иберіи не повлекло за собой никакихъ морскихъ предпріятій; римляне стали пускаться въ море только впослѣдствіи, когда они утвердились въ Галліи и вступили благодаря этому въ область болѣе богато расчлененной части Атлантическаго океана: въ 55 и 54 годахъ до Р. X. Цезарь побывалъ въ Британіи; черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣдовали экспедиціи Друза и Германика на Сѣверномъ морѣ. Сообразно съ основнымъ характеромъ римскихъ завоеваній къ востоку отъ Галліи, цѣль которыхъ заключалась исключительно въ пріобрѣтеніи естественныхъ границъ, способныхъ задержать начавшійся уже натискъ германцевъ, римскія экспедиціи не отличались смѣлостью и не выходили за предѣлы южныхъ частей С ѣ в е р н а г о м о р я; въ открытый океанъ римляне вовсе не выходили.

Для большей части перваго тысячелѣтія послѣ Р. X. Сѣверное море оказывается единственной частью Атлантическаго океана, которая играетъ фактически доказанную роль въ достовѣрной исторіи Западной Европы. Безъ сомнѣнія, венеты и другіе жители западнаго берега Испаніи, Галліи и Германіи продолжали заниматься существовавшей съ временъ самой глубокой древности посреднической торговлей оловомъ и янтаремъ, предпринимали на своихъ челнахъ путешествія на югъ и носились по открытому океану; мы видимъ, что даже римляне совершили еще одну экспедицію въ моря и заливы, окружающіе Великобританію, прежде чѣмъ они покинули окончательно этотъ островъ, — мы говоримъ о путешествіи Кнея Юлія А г р и к о л ы въ 84 году послѣ Р. X. Что касается остальныхъ европейскихъ народовъ, то мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, которыя дока-

зывали бы, что дѣлались какія бы то ни были попытки къ использованію океановъ въ широкомъ масштабѣ.

Б. **Отъ VI до XV столѣтія.**

а) **Атлантическій океанъ въ сагахъ.**

Если не считать путешествій норманновъ, то до X столѣтія намъ извѣстно мало смѣлыхъ морскихъ предпріятій въ Атлантическомъ океанѣ; но зато эта эпоха очень богата сагами, дѣйствіе которыхъ разыгрывается на Атлантическомъ океанѣ (срв. т. I). Въ культурно-историческомъ отношеніи эти саги весьма поучительны, такъ какъ онѣ подтверждаютъ самымъ безспорнымъ образомъ, какой всеобщій интересъ возбуждало къ себѣ даже въ продолженіе самыхъ „темныхъ" столѣтій средневѣковья загадочное великое западное море; кромѣ того, онѣ весьма важны въ историческомъ отношеніи, такъ какъ мнимое ядро достовѣрныхъ географическихъ свѣдѣній, которое приписывалось имъ, оказало существенное вліяніе на весь ходъ послѣдующихъ географическихъ открытій. Наименьшій интересъ имѣетъ преданіе объ Атлантидѣ. Хотя средніе вѣка переняли эту легенду въ числѣ многихъ другихъ географическихъ свѣдѣній, позаимствованныхъ ими изъ научной сокровищницы древнихъ грековъ, но это преданіе не идетъ дальше VI столѣтія. Она затерялась почти на цѣлое тысячелѣтіе со времени Козьмы Индикоплевста (срв. т. IV), этого замѣчательнаго путешественника и ученаго, у котораго распускается пышнымъ цвѣтомъ характерное стремленіе отцовъ церкви искать въ библіи подтвержденія всему, что ни существуетъ на свѣтѣ. Въ Атлантидѣ Платона Козьма видитъ только подтвержденіе Моисеева ученія; по его объясненію, Атлантида была мѣстопребываніемъ первыхъ людей, и только послѣ потопа они были чудеснымъ образомъ перенесены на сушу. Десять царей Атлантиды—это, по мнѣнію Козьмы Индикоплевста, десять поколѣній отъ Адама до Ноя.

Болѣе важное мѣсто занимаетъ въ средневѣковой географіи Атлантическаго океана легенда о путешествіяхъ святого Брандануса и о названномъ по его имени островѣ или группѣ острововъ. Этотъ „островъ Брандануса" былъ самой долговѣчной изъ тѣхъ многочисленныхъ „обѣтованныхъ странъ", въ которыхъ, по мнѣнію людей среднихъ вѣковъ, продолжала существовать райская жизнь на землѣ и которыхъ они искали съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ другихъ богатыхъ невѣдомыхъ странъ; въ противоположность большинству другихъ легендарныхъ райскихъ странъ острова Брандануса искали на западѣ, безъ сомнѣнія, благодаря смутнымъ воспоминаніямъ о древнихъ Островахъ Блаженныхъ и о садахъ Гесперидъ.

Героемъ этой саги служитъ ирландецъ Брандаnусъ, скончавшійся 16 мая 578 г. въ санѣ клонфертскаго аббата; преданіе говоритъ, что на него сильно подѣйствовали разсказы его гостя и друга Баринтуса о далекихъ путешествіяхъ, послѣ чего онъ пустился въ путь съ 14 спутниками, твердо рѣшившись отыскать обѣтованную страну. Цѣлыхъ 7 лѣтъ носились монахи по волнамъ Атлантическаго океана, и во всей сагѣ рѣчь идетъ исключительно объ этомъ океанѣ и о его миѳическихъ островахъ. Въ сагѣ описывается безчисленное множество разнообразныхъ и удивительныхъ приключеній монаховъ-путешественниковъ; наконецъ, они достигаютъ своей великой цѣли и выходятъ на берегъ большого острова, котораго нельзя пройти отъ края до края даже въ 40 дней; надъ этимъ островомъ непрерывно сіяетъ солнце, и деревья всегда отягчены плодами, какъ будто тамъ стояла вѣчная осень. По словамъ легенды, которая передается на всѣхъ культурныхъ языкахъ Европы, начиная съ XI столѣтія, путешественники встрѣтили послѣ сорокадневнаго странствованія по райскому острову бо-

жьяго посланца, принявшаго наружность сіяющаго юноши, который предложилъ имъ отправиться въ обратный путь, нагрузивши предварительно свой корабль драгоцѣнными камнями и плодами. „Господь Богъ заставилъ благочестиваго Брандануса“, такъ говорилъ ангелъ, „семь лѣтъ искать этой страны для того, чтобы раскрыть передъ нимъ всѣ тайны великаго океана“. „По истеченіи вѣковъ“, продолжалъ посланецъ Божій, „эта страна откроется предъ глазами вашихъ потомковъ, когда мы придемъ на помощь къ угнетенному христіанству“. Является нѣкоторое искушеніе связывать имя острова Брандануса на основаніи этихъ словъ съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ мѣстомъ Атлантическаго океана и съ открытіемъ какой-нибудь суши на его поверхности; однако, критическое изслѣдованіе интересующаго насъ преданія доказало, что оно не имѣетъ никакой географической основы. Въ исторіи географическихъ открытій дѣйствіе этой легенды продолжало сказываться даже и послѣ открытія Америки: еще въ XVI столѣтіи три раза отправлялись корабли для отысканія знаменитой земли Брандануса; даже въ 1721 году губернаторъ Канарскихъ острововъ снарядилъ корабль для той же цѣли.

Такимъ же фантастическимъ созданіемъ, тоже не лишеннымъ историческаго значенія, былъ островъ Антилія, „Островъ семи городовъ“. Еще въ большей степени, чѣмъ островъ св. Брандануса, Антилія воплощаетъ въ себѣ ту роль, которую приписывали въ средніе вѣка открытымъ водамъ Атлантическаго океана; происхожденіе ея относится еще ко времени вторженія арабовъ въ Европу. Послѣ рѣшительной битвы между арабами и испанцами, происшедшей недалеко отъ города Кадикса, у устья рѣки Саладо (битва при Хересъ де ла Фронтера 711 г.; срв. т. IV), архіепископъ Опортскій вмѣстѣ съ шестью другими епископами, по словамъ легенды, спасся бѣгствомъ на отдаленный островъ въ океанѣ; по преданію, каждый изъ нихъ основалъ на этомъ островѣ по одному городу. Въ теченіе многихъ столѣтій люди придавали вполнѣ серьезное значеніе этому „Острову семи городовъ“; сначала имъ занимались только саги и народныя преданія, но съ XV столѣтія стали предприниматься практическія попытки къ отысканію его, и былъ снаряженъ длинный рядъ экспедицій. Грамоты португальскихъ королей той эпохи жалуютъ „Островъ семи городовъ“ тому, кто его откроетъ, съ такой же самоувѣренной благосклонностью, какъ это было въ обычаѣ по отношенію къ дѣйствительнымъ вновь открытымъ странамъ: Паоло Тосканелли (срв. т. I) съ своей стороны тоже упоминаетъ объ этомъ островѣ въ ясныхъ выраженіяхъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ канонику Фердинанду Мартинецу (25 іюня 1474 г.). Наконецъ, островъ Антилія игралъ рѣшающую роль въ проектахъ открытій, которые начерталъ себѣ Колумбъ: знаменитый генуэзецъ надѣялся, что на этомъ островѣ онъ найдетъ отличную стоянку для отдыха во время своего продолжительнаго путешествія на западъ. Когда онъ не увидѣлъ никакого слѣда этого острова во время своего перваго путешествія, то это нисколько не смутило его; 25 сентября 1492 г. Колумбъ сказалъ безъ всякихъ колебаній, что островъ Антилія остался въ сторонѣ отъ его пути.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одной фантастической странѣ, которую искали въ Атлантическомъ океанѣ и которая тоже оказала свое вліяніе на исторію географическихъ открытій, объ островѣ Бразиліи. Этотъ островъ всплываетъ наружу на многихъ картахъ XIV и XV столѣтій, иногда онъ изображается въ видѣ двойного или тройного острова и всегда помѣщается далеко на западѣ среди Атлантическаго океана. Хотя вѣра въ существованіе этого острова была лишена какой бы то ни было географической подкладки, тѣмъ не менѣе, она распространилась повсюду такъ же быстро, какъ и легенда объ островѣ Антиліи; подобно тому, какъ это было съ Антиліей, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій XV столѣтія, непосредственно передъ открытіемъ и послѣ открытія Америки, отправлялись

корабли за кораблями въ далекое плаваніе по океану для отысканія этого острова; только на этотъ разъ экспедиціи снаряжались купцами изъ британской гавани Бристоля. Экспедиціи въ Бразилію 1480-го и слѣдующихъ годовъ были первыми шагами англійскаго народа на пути изслѣдованія далекихъ водъ всемірнаго океана, первымъ еще полусознательнымъ проявленіемъ его мореходнаго генія. Какъ названіе „Антилія" было перенесено въ теченіе первыхъ десятилѣтій XVI столѣтія на острова, открытые Колумбомъ и его спутниками, расположенные у преддверія новой части свѣта, такъ и названіе „Бразилія" было присвоено вновь открытому Южно-Американскому материку, какъ только стало извѣстно, что онъ богатъ красильнымъ деревомъ.

б) Начальный періодъ распространенія европейскаго мореходства по Атлантическому океану.

Въ теченіе перваго тысячелѣтія послѣ Р. Х. интересъ европейцевъ къ Атлантическому океану выходитъ изъ чисто теоретической области саги только въ моряхъ сѣверо-восточнаго прибрежья Европы. Въ Балтійскомъ морѣ съ его средиземно-морскимъ положеніемъ къ этому времени уже успѣла развиться такая оживленная историческая жизнь, что представляется наиболѣе удобнымъ посвятить его обзору особый отдѣлъ. Что касается Сѣвернаго моря, то оно имѣетъ характеръ краевого моря; поэтому нынѣшнія выгоды его географическаго положенія не получили еще тогда того практическаго значенія, которое они пріобрѣли въ позднѣйшую эпоху, когда развилась всемірная торговля; тѣмъ не менѣе, благодаря совпаденію нѣкоторыхъ немногочисленныхъ, но зато весьма выгодно дополняющихъ другъ друга благопріятныхъ условій, развитіе мореходства на немъ оставило далеко позади себя всѣ остальныя части Атлантическаго океана. Преимущества Сѣвернаго моря имѣли неоцѣнимое значеніе при тогдашнемъ первобытномъ состояніи мореходства; они состояли въ слѣдующемъ: это море такъ богато островами, что мореплаватели могли попадать въ далекіе края безъ большихъ затрудненій, переѣзжая съ острова на островъ на подобіе древнихъ моряковъ Средиземнаго моря; еще важнѣе то обстоятельство, что прибрежные жители Сѣвернаго моря были людьми предпріимчивыми и не довольствовались богатствами своей родины, которой нельзя было причислить къ обѣтованнымъ странамъ. При такихъ условіяхъ не приходится удивляться тому, что уже въ восьмомъ столѣтіи отважные норманны, викинги, изъѣздили Сѣверное море по всѣмъ направленіямъ; даже ихъ далекія экспедиціи въ Ирландію, Гренландію и къ наименѣе отстоящимъ отъ нея частямъ Сѣверной Америки оказываются вполнѣ понятными, если обратить вниманіе на ту превосходную практическую школу, которую проходилъ на бурныхъ водахъ сѣверо-восточной части Атлантическаго океана этотъ смѣлый отъ природы народъ.

Примѣръ норманновъ вызвалъ мало подражателей въ тогдашней Европѣ. Карлъ Великій отправилъ было флотъ въ Сѣверное море для отраженія нападеній тѣхъ же норманновъ; это былъ первый шагъ германскаго народа на пути мореходства. Мы видимъ также, что, начиная съ тысячнаго года, кельнскіе купцы стали посылать свои корабли внизъ по Рейну и дальше черезъ Ламаншъ въ Лондонъ; въ XIII столѣтіи жители Фландріи и сѣверной Франціи вступаютъ съ ними въ конкурренцію; приблизительно въ это же самое время флотиліи Остерлинговъ тоже начинаютъ показываться въ великой гавани на рѣкѣ Темзѣ. Всѣ эти морскія предпріятія свидѣтельствуютъ о возрастающемъ значеніи морскихъ сношеній между европейскими странами, расположенными на берегахъ Атлантическаго океана, но купеческіе корабли не заходили въ открытыя воды Атлантическаго океана; развитію мореходства на Атлантическомъ океанѣ дала толчокъ та един-

ственная область, которая была способна произвести такой переворотъ въ силу общаго хода культурно-историческаго развитія Европы и своего положенія во всемірной торговой политикѣ, — Средиземное море.

Послѣ быстраго распространенія магометанской религіи и господства арабовъ въ значительной части культурной сферы, обнимающей переднюю Азію и страны, окружающія Средиземное море, послѣ монопольнаго захвата всей международной торговли между Востокомъ и Западомъ политическими хозяевами Египета и Сирійской Порты (срв. т. IV и т. III) условія перевозки произведеній Дальняго Востока на Западъ, которыя оставались одинаково удобными въ теченіе тысячелѣтія слишкомъ, перемѣнились во всѣхъ отношеніяхъ въ худшую сторону. Препятствія для международной торговли стали такими тяжелыми, что главные посредники въ этой торговлѣ, средневѣковыя коммерческія городскія республики, стали искать торговыхъ путей въ обходъ мусульманскихъ владѣній, такъ какъ даже и крестоносцамъ не удалось пробить прямую дорогу черезъ страны, подвластныя мусульманамъ. Начиная съ 1317 г., венеціанцы и генуэзцы начинаютъ совершать правильные рейсы въ Англію и Фландрію черезъ Гибралтарскій проливъ для того, чтобы съ своей стороны тоже принять участіе въ той обширной торговлѣ, которая расцвѣла во всѣхъ странахъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Альпъ вслѣдствіе громаднаго экономическаго прогресса (срв. т. VII).

Еще цѣлымъ поколѣніемъ раньше итальянскіе купцы стали предпринимать путешествія въ южномъ направленіи, такъ какъ всѣ наличныя географическія свѣдѣнія той эпохи подсказывали, что это былъ единственно-возможный путь для прямыхъ сношеній съ Индіей. Эта идея является главной пружиной исторіи географическихъ открытій XIV и XV столѣтій, совершенныхъ морскимъ путемъ. Для отысканія морского пути въ Индію предпринимали свои путешествія братья Вадино и Гвидо де Вивальди изъ Генуи въ 1281 г. и Уголино Вивальди, который направился въ 1291 г. вдоль западнаго берега Африки на кораблѣ, принадлежавшемъ Теодозію Доріа: та же цѣль проглядываетъ въ экспедиціяхъ для географическихъ изслѣдованій, отправленныхъ итальянцами къ Мадейрѣ, Канарскимъ и Азорскимъ островамъ и имѣвшихъ громадное значеніе какъ въ исторіи мореплаванія, такъ и въ развитіи географической науки. Наконецъ, сюда относятся всѣ экспедиціи, отправленныя къ западному берегу Африки Генрихомъ Мореплавателемъ (срв. т. IV) и составлявшія главный интересъ всей жизни этого оригинальнаго человѣка.

Португальцы XV столѣтія, равно какъ и ихъ предшественники итальянцы, имѣли собственно въ виду воспользоваться Атлантическимъ океаномъ только какъ морскимъ путемъ, ведущимъ къ тому мѣсту, въ которомъ изъ темнаго материка выходилъ въ океанъ западный рукавъ устья Нила, какъ воображали себѣ въ то время. Недаромъ арабы были учителями западныхъ странъ какъ въ наукѣ, такъ и по части нелѣпыхъ представленій: описанія рѣчныхъ системъ, даваемыя арабскими географами, превосходятъ по поверхностности ихъ наблюденій самые печальные періоды исторіи Запада. Больше всего роковыхъ послѣдствій повлекло за собою ошибочное представленіе арабовъ о распаденіи верхняго Нила на три рукава, изъ которыхъ одинъ течетъ черезъ Египетъ и впадаетъ въ Средиземное море, второй впадаетъ въ Красное море въ береговой полосѣ Абиссиніи, а третій входитъ своимъ устьемъ въ Атлантическій океанъ на западномъ берегу Африки. Намеки на эту хитроумную гидрографическую фантазію попадаются уже у Птоломея, но западная Европа заимствовала ее непосредственно отъ арабовъ: съ своей стороны, европейцы выводили, повидимому, дальнѣйшія теоретическія заключенія о расположеніи рѣчной системы Нила, и на основаніи этихъ выводовъ итальянцы и инфантъ Генрихъ хотѣли воспользоваться кратчайшимъ, по ихъ мнѣнію, путемъ для

достиженія сказочно богатыхъ странъ Южной Азіи и царства архіерея Іоанна.

Общая черта тогдашнихъ мнѣній объ Атлантическомъ океанѣ заключается въ томъ, что его считали безпредѣльнымъ воднымъ пространствомъ, тянущимся на западъ отъ обитаемой земли. Въ исторіи географическихъ открытій этотъ взглядъ оставался господствующимъ вплоть до Колумба, путешествіе котораго на западъ оставило далеко позади себя всю современную ему эпоху, такъ какъ въ основу этого предпріятія въ первый разъ было положено представленіе объ Ойкуменѣ, какъ замкнутомъ кольцѣ. Однако, въ научныхъ сужденіяхъ о великомъ западномъ морѣ, высказанныхъ почти за 2000 лѣтъ передъ тѣмъ, проглядываетъ съ большей или меньшей опредѣленностью такое представленіе, что обитаемая земля продолжается за предѣлами океана. Изъ того факта, что слоны попадаются какъ въ Остъ-Индіи, такъ и въ западной Африкѣ, Аристотель выводитъ такое заключеніе, что ширина океана между обѣими этими странами не можетъ быть чрезмѣрно великой. Научный противникъ стагирскаго философа, Эратосѳенъ, говоритъ прямо, что можно было бы проѣхать изъ Иберіи въ Индію вдоль одного и того же параллельнаго круга, если бы этому не препятствовала громадная ширина океана. Посейдоній пытался даже опредѣлить точные размѣры этого разстоянія въ направленіи съ запада на востокъ: по его мнѣнію, отъ западнаго берега Иберіи до Индіи всего 70.000 стадій, если ѣхать все время съ попутнымъ вѣтромъ съ востока на западъ. Наконецъ, Сенека, авторъ „Questions naturales“, тоже задается слѣдующимъ вопросомъ: „каково разстояніе между западной оконечностью Испаніи и Индіей?“ и даетъ такой отвѣтъ: „при попутномъ вѣтрѣ всего нѣсколько дней пути“. Хотя римскій философъ осторожно уклоняется отъ указанія точной цифры, тѣмъ не менѣе, онъ, очевидно, стоитъ на сторонѣ той школы древнихъ географовъ, которая приписываетъ водѣ только умѣренное участіе въ образованіи верхняго покрова земной поверхности; по ихъ мнѣнію, суша преобладаетъ надъ водою и имѣетъ форму открытаго съ одной стороны плаща (хламиды Страбона), облегающаго земной шаръ,— непокрытое плащомъ мѣсто занятаго Атлантическимъ океаномъ.

Послѣ эпохи отцовъ церкви, которые ничего не знали о хламидообразной формѣ поверхности суши, схоластики снова пустили въ ходъ это представленіе, заимствованное ими у арабскихъ и греческихъ географовъ. Черезъ посредство арабовъ вопросъ о протяженіи океана былъ вновь поднятъ въ той формѣ, въ какой арабы унаслѣдовали его отъ Марина Тирскаго (около 100 г. послѣ Р. Х.) и Птоломея. Западнаго океана не считали такимъ узкимъ каналомъ, какъ это принималъ Сенека; однако, по сравненію съ длиною суши ему все же приписывали такую незначительную ширину, что у человѣка съ такимъ предпріимчивымъ духомъ, какъ Колумбъ, вполнѣ серьезно могъ созрѣть планъ путешествія черезъ Атлантическій океанъ изъ Испаніи въ Индію, съ Востока на Западъ. Птоломей опредѣляетъ разницу въ долготѣ между западнымъ краемъ Иберіи и восточнымъ краемъ Азіи въ 180° долготы; стало быть, длина океана между обоими этими краями составляетъ половину окружности земли. Птоломей значительно уменьшилъ размѣры, указанные Мариномъ, который служилъ ему источникомъ: этотъ послѣдній опредѣлялъ длину материка въ 225° долготы, слѣдовательно, по Марину, для океана остается всего только 135°, т. е. немного больше трети окружности земли, а такое разстояніе хорошее парусное судно конца XV столѣтія могло проѣхать въ короткій промежутокъ времени. Колумбъ опирался на авторитетъ Марина тѣмъ охотнѣе, что Паоло Тосканелли съ своей стороны тоже призналъ, что длина материка занимаетъ по меньшей мѣрѣ столько градусовъ, сколько указано у Марина Тирскаго. Кромѣ того, Тосканелли утверждаетъ на основаніи большой продолжительности пребыванія въ пути Марко Поло и монаховъ-пу-

тешественниковъ XIII и XIV столѣтій, что размѣръ въ 225°, приводимый Мариномъ, относится только къ извѣстной этому послѣднему части Восточной Азіи, въ дѣйствительности же Азія простирается дальше восточной границы принимаемой Мариномъ, и разстояніе между восточнымъ краемъ ея и островами Зеленаго Мыса еще меньше, чѣмъ предполагаютъ. Въ виду этихъ указаній Тосканелли Колумбъ утвердился въ своей мысли и съ желѣзнымъ упорствомъ не переставалъ стремиться къ исполненію задуманнаго плана въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ. Несмотря на многократныя тяжелыя разочарованія (срв. т. I) онъ предпринялъ свое смѣлое путешествіе съ той непоколебимой увѣренностью, которая составляетъ самую замѣчательную черту характера Колумба.

3. Послѣколумбовскій періодъ.

A. **Роль Атлантическаго океана, какъ воспитателя.**

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи географическихъ изслѣдованій слѣдуетъ считать то обстоятельство, что великій путешественникъ, открывшій Новый Свѣтъ, во всю свою жизнь не догадался, что открытый имъ материкъ составляетъ самостоятельную часть земной поверхности: до конца своей жизни онъ былъ убѣжденъ, что онъ доѣзжалъ четыре раза до юго-восточнаго края Азіи, и до послѣдняго издыханія онъ сохранилъ полную вѣру въ непреложность того представленія о формѣ земной поверхности, о которой мы только что говорили, и которая считалась безспорнымъ фактомъ среди его современниковъ. По отношенію къ гидрографіи земной поверхности господство этой древней традиціи привело къ тому результату, что до 1513 года, т. е. до того момента, когда Нунецъ де Бальбоа спустился съ Дарьенскихъ горъ къ берегу Южнаго моря, Атлантическій и Великій океаны не отдѣлялись другъ отъ друга съ космографической и, слѣдовательно, до извѣстной степени также и съ исторической точки зрѣнія. Ихъ обоихъ въ совокупности принимали за то море, которое лежитъ между западными и восточными краями суши, а сушу принимали за одинъ большой островной материкъ. Индѣйскій океанъ считался только преддверіемъ, облегчающимъ сношенія съ западной оконечностью материка. Только послѣ возвращенія корабля „Викторія“ изъ кругосвѣтнаго путешествія Магеллана (6 сентября 1522 года) европейцы узнали, что между западнымъ и восточнымъ краемъ обитаемой земли лежитъ не узкое море, какъ они предполагали; этотъ промежутокъ оказался заполненнымъ двумя громадными водоемами, по своимъ физическимъ свойствамъ безусловно заслуживающими названія океановъ, которые отдѣлены другъ отъ друга узкимъ растянутымъ въ меридіональномъ направленіи двойнымъ материкомъ, обладающимъ всѣми свойствами самостоятельной части свѣта. Предъ глазами культурныхъ народовъ развернулась совершенно новая картина дѣйствительной формы поверхности земли; и это открытіе не только произвело переворотъ въ ихъ космографическихъ представленіяхъ, но, какъ обнаружилось вскорѣ, послужило также началомъ новой эры въ исторіи человѣчества, отличавшейся до тѣхъ поръ чисто континентальнымъ характеромъ.

Люди пользовались для своихъ нуждъ внутренними морями впродолженіе всѣхъ историческихъ періодовъ, начиная отъ жителей древняго Аккада и кончая Ганзой, господствовавшей на Балтійскомъ морѣ: вначалѣ XVI столѣтія послѣ Р. Х. человѣчество уже подчинило своей власти Средиземное море, Индійскій океанъ со всѣми его развѣтвленіями, Балтійское и Нѣмецкое моря; за долгій промежутокъ времени отъ начала культурной исторіи человѣчества до эпохи великихъ географическихъ открытій существовалъ даже цѣлый рядъ настоящихъ морскихъ державъ.

Тѣмъ не менѣе, политическія и экономическія судьбы тѣхъ народовъ, могущество которыхъ зиждилось, повидимому, на чисто морской основѣ, обусловливались всегда и повсюду перемѣнами и передвиженіями, совершавшимися въ глубинѣ материковъ; даже такія чистокровныя морскія государства, какъ финикійское, пунійское или средневѣковыя средиземно-морскія и Ганза, были раздавлены въ буквальномъ смыслѣ слова господствовавшей надъ всей исторіей громадной массой материка Стараго Свѣта. Каждому изъ этихъ народовъ моря, по которымъ двигались его корабли, казались, безъ сомнѣнія, громадными историческими аренами, но на культурныхъ людей новѣйшей эпохи, привыкшихъ не терять изъ виду изъ-за отдѣльныхъ географическихъ частностей всей совокупности міровыхъ явленій, эти моря, игравшія такую важную роль въ исторіи прошлыхъ эпохъ, производятъ впечатлѣніе ничтожныхъ водоемовъ, такъ сказать, большихъ прудовъ, на берегахъ и на поверхности которыхъ можетъ развиться иногда разнообразный органическій міръ, но біогеографическое значеніе которыхъ все-таки не можетъ быть особенно важнымъ въ виду незначительной величины водоема.

Эпоха великихъ открытій положила конецъ этому континентальному характеру исторіи человѣчества; съ этихъ поръ ея центръ тяжести начинаетъ быстро передвигаться съ материка на море. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается постепенно одновременное и послѣдовательное сосуществованіе цѣлаго ряда отдѣльныхъ историческихъ центровъ. Исторія принимаетъ универсальный характеръ и охватываетъ весь земной шаръ. Европейскимъ народамъ, жившимъ до тѣхъ поръ въ узкихъ предѣлахъ своихъ родныхъ морей, пришлось сразу передвинуться въ открытый океанъ; такой громадный скачекъ былъ невозможенъ безъ предварительной практической подготовки. Роль такой приготовительной школы сыгралъ въ самомъ обширномъ масштабѣ Атлантическій океанъ; можно даже сказать, что все историческое значеніе его въ XVI столѣтіи исчерпывается воспитаніемъ европейскихъ народовъ и подготовкой ихъ къ всемірному господству. Въ этомъ отношеніи Атлантическій океанъ занимаетъ совершенно исключительное положеніе между всѣми водоемами земной поверхности; по своему виду и своему положенію ни одинъ изъ нихъ не годился для подобныхъ упражненій въ плаваніи по океанамъ въ такой широкой степени, какъ этотъ океанъ. Что касается Тихаго океана, то его приходится исключить въ силу соображеній, изложенныхъ въ первомъ томѣ: въ качествѣ естественной исторической задачи бѣлой расы выступила на сцену съ 1513 года необходимость въ свободномъ и безопасномъ передвиженіи по поверхности этого самаго Тихаго океана, какъ величайшаго изъ всѣхъ земныхъ водоемовъ, котораго ожидала, повидимому, самая богатая будущность. Слѣдовательно, Тихому океану предстояло быть полемъ битвы; для подготовительныхъ маневровъ нуженъ былъ другой плацъ. Индѣйскій океанъ (т. II) тоже остается въ сторонѣ главнымъ образомъ изъ географическихъ соображеній; главнымъ препятствіемъ къ широкому использованію его европейскими народами является на первомъ планѣ отсутствіе естественной связи между этими океанами и Средиземнымъ моремъ. Въ сравненіи съ этимъ обстоятельствомъ отступаютъ на задній планъ препятствія политическаго характера, виною которыхъ была сирійско-египетская Порта, и которыя мѣнялись въ своей силѣ, но никогда не исчезали вполнѣ. Какое важное значеніе имѣло первое изъ указанныхъ обстоятельствъ, объ этомъ легко судить въ новѣйшую эпоху, послѣ прорытія Суэцкаго канала и открытія этого искусственнаго воднаго пути для судовъ всѣхъ націй въ силу международнаго договора.

Съ всемірно-исторической точки зрѣнія Средиземное море во многомъ провинилось передъ человѣчествомъ, а за Балтійскимъ моремъ числится еще больше прегрѣшеній. Какъ то, такъ и другое изъ этихъ морей при-

несли громадную пользу окружающему ихъ населенію; что касается Средиземнаго моря, то исторія говоритъ намъ объ особой средиземноморской культурной сферѣ (срв. т. IV), существованіе которой продолжалось тысячелѣтіями и которая исчезла только въ ту эпоху, когда сѣверная и средняя Европа окрѣпли въ экономическомъ, политическомъ и умственномъ отношеніяхъ, что повлекло за собою перемѣщеніе центра тяжести исторіи изъ бокового залива Атлантическаго океана въ самый океанъ. Однако, ни Средиземное, ни Балтійское море не подготовили своихъ жителей къ захвату господствующей роли въ тотъ моментъ, когда путешествія Колумба, Васко-да-Гамы и кругосвѣтное плаваніе Магеллана открыли для этого возможность. Такой службы не могли сослужить эти моря, которыя до наступленія великой эпохи открытій были носителями особой культуры и особой исторіи, не имѣвшихъ универсальнаго характера, но все же обладали большимъ мѣстнымъ значеніемъ; какъ оказалось, Венеція и Генуя не вышли за предѣлы Гибралтарскаго пролива, а Ганза — за предѣлы Скагеррака для того, чтобы принять участіе въ начавшемся соперничествѣ изъ-за господства надъ океанами. Морское искусство этихъ государствъ было вполнѣ достаточно для господства надъ ихъ замкнутыми родными морями; но для состязанія на открытомъ окружающемъ всю землю всемірномъ океанѣ у нихъ не хватало сноровки.

Упорныя усилія къ самовоспитанію для дѣятельности на открытомъ океанѣ, — такова основная черта тяжелой борьбы между расами и народами, стремящимися къ роли современной культурной державы: борьба эта началась вслѣдъ за эпохой открытій. Между всѣми націями, къ голосу которыхъ прислушиваются въ совѣтѣ народовъ, нѣтъ ни одной, которая бы не вооружалась непрерывно для наступленія и обороны, вполнѣ сознательно поддерживая свою готовность къ участію въ величественной по своему всеобъемлющему характеру политической и экономической борьбѣ на міровой сценѣ. Изъ всѣхъ тѣхъ бойцовъ, которые первоначально выступили на арену, побѣдителями остались только тѣ, которые прошли суровую школу и научились отстаивать свои морскіе интересы.

Первоначальными противниками, съ самаго начала принявшими участіе въ этомъ состязаніи, были съ одной стороны Испанія и Португалія, а съ другой Голландія, Англія и Франція; полемъ битвы, на которомъ развернулась эта величественная международная борьба, былъ Атлантическій океанъ. Замѣчательно, что взаимныя столкновенія между Испаніей и Португаліей были непродолжительны и ограничивались небольшимъ пространствомъ благодаря папской буллѣ 6 мая 1493 года, раздѣлившей весь міръ между этими двумя романскими колоніальными державами, звѣзда которыхъ въ то время только что взошла, причемъ граница между ихъ владѣніями проходила по срединѣ Атлантическаго океана: эта демаркаціонная линія (срв. т. I) шла съ сѣвера на югъ сначала въ 100 миляхъ къ западу отъ острововъ Зеленаго мыса, а затѣмъ, по договору въ Тордезилласѣ, заключенному 7 іюня 1497 года, въ 370 миляхъ къ з. отъ тѣхъ же острововъ. Такимъ образомъ большая часть Новаго Свѣта досталась испанцамъ, какъ это было замѣчено короткое время спустя. Португаліи досталась только восточная часть Южной Америки. Въ виду гораздо болѣе важныхъ задачъ, выпавшихъ на долю малочисленнаго португальскаго народа въ теченіе послѣдующихъ полутораста лѣтъ на Индѣйскомъ океанѣ (срв. т. II), американскія владѣнія португальцевъ естественно отошли для нихъ на задній планъ; Бразилія служила для нихъ исключительно только опорнымъ пунктомъ во время ихъ путешествій въ Индію кругомъ мыса Доброй Надежды. Она не могла стать исходной точкой для расширенія португальскихъ владѣній въ Америкѣ тѣмъ болѣе, что испанцы противодѣйствовали всякому шагу португальцевъ въ этомъ направленіи, ссылаясь на договоръ, заключенный между ними.

Гораздо болѣе упорной и продолжительной была борьба, разгорѣвшаяся въ силу исторической необходимости между обоими государствами Пиренейскаго полуострова, съ одной стороны, и быстро развивавшимися, начиная съ XVI столѣтія, народами, живущими по ту сторону Пиренеевъ и Бискайскаго залива съ другой стороны. Разрѣшая споръ между Испаніей и Португаліей, папа вовсе не упомянулъ объ этихъ народахъ; поэтому съ формально-юридической точки зрѣнія каждый изъ нихъ могъ бы безпрепятственно развернуть свои крылья надъ всѣми земными морями, если бы только могущественная испанская держава не закрыла для нихъ единственнаго выхода на западъ изъ узкаго канала Атлантическаго океана, т. е. Магелланова пролива, а португальцы не преградили бы имъ единственной дороги, ведущей на востокъ, морского пути вокругъ мыса Доброй Надежды. До конца XVI столѣтія ни голландцы, ни англичане не были настолько сильны, чтобы разбить эту двойную преграду; прошло почти сто лѣтъ, пока крылья этихъ народовъ не выросли и не развернулись для мощнаго и далекаго полета вокругъ всей земли; а пока эта пора еще не наступила, молодыя морскія державы Сѣверо-Западной Европы вынуждены были ограничиться принадлежащей имъ по своему географическому положенію сѣверной частью Атлантическаго океана. Какую громадную пользу принесло имъ, однако, это ограниченіе! Поневолѣ приходятъ на память древніе норманны и та суровая школа мореплаванія, которую они прошли (стр. 712), когда видишь, какъ со времени Кабота англичане и голландцы стремятся изо всѣхъ силъ проложить себѣ выходъ изъ тѣснаго пространства сѣверной части Атлантическаго океана и добраться до восточнаго берега Азіи, этой цѣли усилій всѣхъ народовъ; съ ослабѣвающей иногда, но никогда не умирающей окончательно энергіей они снаряжаютъ одну экспедицію за другой, чтобы отыскать оба морскихъ пути въ Азію черезъ сѣверозападную и сѣверо-восточную часть Атлантическаго океана въ надеждѣ, что новые пути будутъ короче, чѣмъ длинныя дороги вокругъ южныхъ оконечностей Африки и Америки, и въ то же время освободятъ путешественниковъ отъ монополій испанцевъ и протугальцевъ на обоихъ этихъ морскихъ путяхъ къ великой выгодѣ тѣхъ, которые откроютъ новый выходъ изъ Атлантическаго океана.

Кромѣ англичанъ и голландцевъ, другія европейскія государства тоже соперничали между собою въ преслѣдованіи той же цѣли въ продолженіи первой половины XVI столѣтія: въ полярныхъ водахъ, омывающихъ берега Сѣверной Америки, мы встрѣчаемся не только съ французскими путешественниками, изслѣдователями и рыболовами, но также съ испанцами и португальцами. Однако, ни одинъ изъ этихъ послѣднихъ народовъ не преслѣдовалъ названной нами великой цѣли съ такимъ упорствомъ, какъ голландцы и въ особенности англичане: въ продолженіе всего времени между 1576 и 1632 годами англичане ни на минуту не отказывались отъ своего упорнаго стремленія найти сѣверо-западный выходъ (срв. т. I).

Уроки, вынесенные англичанами изъ суровой сѣверной школы мореплаванія, принесли богатые плоды. Въ географическомъ отношеніи результаты ихъ усилій были незначительны, торгово-политическое значеніе ихъ географическихъ открытій равнялось нулю: только въ срединѣ XIX столѣтія было, наконецъ, доказано, что хотя и существуетъ морское сообщеніе между Баффиновымъ заливомъ и Беринговымъ проливомъ, но оно непригодно для мореплаванія. Высокое значеніе морскихъ путешествій, предпринимавшихся англичанами въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія, заключается въ громадномъ опытѣ въ мореплаваніи, вынесенномъ англичанами, въ развитіи въ нихъ сознанія своей силы и увѣренности въ томъ, что по своимъ техническимъ и научнымъ познаніямъ они способны справиться съ какой угодно задачей на морѣ; однимъ словомъ, англійскій на-

родъ извлекъ громадную моральную выгоду какъ изъ этихъ великихъ полярныхъ путешествій, такъ и изъ предшествовавшихъ морскихъ экспедицій первой половины XVI столѣтія. Эта продолжавшаяся цѣлыми десятилѣтіями тяжелая борьба съ невообразимо суровыми и опасными природными условіями сдѣлала англійскихъ моряковъ способными къ господству на всякомъ другомъ морѣ и показала воочію англійскому народу, какой громадный запасъ силъ таится въ немъ.

Въ виду блестящихъ успѣховъ, достигнутыхъ британскимъ народомъ въ теченіе новѣйшаго періода его исторіи, начиная съ XVI столѣтія, является искушеніе разсматривать всю новѣйшую исторію съ точки зрѣнія участія различныхъ народовъ въ изслѣдованіи полярныхъ странъ, но въ дѣйствительности это былъ бы слишкомъ тѣсный и слишкомъ незначительный базисъ въ сравненіи съ громадной суммой силъ, дѣйствующихъ во всемірномъ круговоротѣ исторіи. Что касается испанцевъ и португальцевъ, то въ теченіе долгаго времени всѣ силы ихъ были поглощены борьбой противъ владычества мавровъ; при томъ же господство на морѣ принадлежало тогда въ Средиземномъ морѣ итальянскимъ городскимъ республикамъ, а въ Сѣверномъ морѣ и въ сѣверной части Атлантическаго океана—норманнамъ. Первые опыты народовъ Пиренейскаго полуострова въ дѣлѣ мореплаванія относятся къ тому времени, когда Лиссабонъ уже давно былъ освобожденъ отъ мавританскаго ига (въ 1147 г. ср. т. IV), и эта великолѣпная гавань, расположенная у устья рѣки Тахо, уже стала мало-помалу центромъ торговли между побережьемъ Средиземнаго моря и Фландріей; однако, и въ это время португальцы все еще нуждались постоянно въ учителяхъ-итальянцахъ. Только весьма медленно и съ большими усиліями испанцы и португальцы выработали изъ себя мореплавателей; морскими же народами въ томъ смыслѣ, въ какомъ этимъ именемъ называютъ современныхъ англичанъ и голландцевъ, норвежцевъ или хотя бы малайцевъ и полинезійцевъ, они вообще не были никогда. Эпоха великихъ путешествій, совершенныхъ народами Пиренейскаго полуострова, производитъ скорѣе впечатлѣніе подвиговъ, выполненныхъ въ состояніи экстаза, который охватилъ цѣлые народы, а потому и могъ продолжаться цѣлое столѣтіе и воодушевилъ людей къ великимъ дѣяніямъ; въ концѣ концовъ, такой продолжительный экстазъ естественно долженъ смѣниться крайней апатіей, какъ только люди сталкиваются съ серьезнымъ препятствіемъ. Вотъ единственный путь къ объясненію той удивительной быстроты, съ которой Испанія и Португалія, владѣнія которыхъ охватывали нѣкогда весь земной шаръ, исчезли окончательно съ всемірнаго океана. Послѣдній мало-мальски значительный испанскій флотъ былъ уничтоженъ голландскимъ адмиралъ-лейтенантомъ Мартеномъ Гарпертзоономъ Тромномъ недалеко отъ Доунса 21 октября 1639 года; въ это время португальцы считались уже наихудшими моряками въ Европѣ.

Съ большей твердостью удержались на морѣ голландцы и французы. Оба эти народа тоже прошли школу полярнаго мореплаванія, однако, не совсѣмъ такую, какъ англичане: въ XVI и XVII столѣтіяхъ они тоже принимали участіе въ отыскиваніи сѣверо-западнаго и сѣверо-восточнаго морскихъ путей. Но наиболѣе героическое упорство они проявили въ полярныхъ экспедиціяхъ, снаряжавшихся съ практической цѣлью для рыбной ловли въ отдаленныхъ открытыхъ моряхъ и для ловли тюленей. Что это занятіе было для нихъ превосходной школой мореходства, — объ этомъ свидѣтельствуетъ та энергія, съ которой рѣшились на смѣлый и великій шагъ и перешли изъ Атлантическаго океана въ Индѣйскій сначала голландцы, а вслѣдъ за англичанами также и французы. Когда Англія превратилась въ міровую державу, то оба другія сѣверныя колоніальныя государства оказывали въ теченіе XVII и XVIII столѣтій своему грозному противнику такое необычайно упорное сопроти-

вленіе, на которое могли быть способны только отважные и искусные моряки.

Б. Значеніе Атлантическаго океана въ борьбѣ за господство во всемірной торговлѣ.

На рубежѣ XVII столѣтія историческій характеръ Атлантическаго океана испыталъ на себѣ коренное измѣненіе. Съ начала эпохи великихъ открытій до этого историческаго момента роль его заключалась въ томъ, что онъ пріучалъ народы Сѣверо-Западной Европы къ мореплаванію въ широкомъ масштабѣ и закалялъ ихъ для борьбы противъ Испаніи и Португаліи, которыя присвоили себѣ монополію на всемірное господство благодаря своему географическому положенію, своимъ географическимъ открытіямъ, охватившимъ весь земной шаръ, и папской буллѣ. Жители сѣверо-западнаго побережья Европы пріучили себя къ мореплаванію посредствомъ цѣлаго ряда смѣлыхъ экспедицій въ полярныхъ и околополярныхъ водахъ Атлантическаго океана; а въ борьбу съ испанцами и португальцами они вступали то сообща, то порознь въ болѣе южныхъ широтахъ, въ водахъ частью европейскаго побережья, частью вестъ-индскаго.

Это была великая эпоха войнъ Англіи и Голландіи съ „непобѣдимыми" армадами Филиппа II. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было время привилегированаго пиратства, приведшаго къ столь же важнымъ политическимъ послѣдствіямъ; такимъ пиратствомъ занимались въ водахъ восточно-американскаго побережья подданные всѣхъ трехъ сѣверныхъ державъ. Сѣверное и Балтійское моря тоже имѣли своихъ пиратовъ въ видѣ викинговъ, виталіенбрюдеровъ и ликендеелеровъ, а Средиземное море въ лицѣ своихъ рифпиратовъ. Въ европейскихъ моряхъ морской разбой тоже доходилъ до большихъ размѣровъ и существовалъ спокон вѣку; однако же имъ занимались люди, стоящіе внѣ закона, которыхъ всѣ считали своими врагами и никто не называлъ своими друзьями; эти морскіе разбойники вредили всѣмъ, гдѣ и какъ только могли, и всякій считалъ своимъ долгомъ способствовать ихъ уничтоженію и искорененію. Совсѣмъ не такъ обстояло дѣло на Атлантическомъ океанѣ въ исходѣ XVI столѣтія. Даже послѣ того, какъ стало извѣстно, что Америка составляетъ самостоятельную часть свѣта, государства Сѣверо-Западной Европы, могущество которыхъ сильно возросло въ теченіе XVI столѣтія, все еще продолжали считать своей задачей отысканіе выхода изъ Атлантическаго океана къ баснословно богатымъ восточнымъ берегамъ Стараго Свѣта. Послѣ всѣхъ горькихъ разочарованій, испытанныхъ изслѣдователями въ водахъ далекаго Сѣвера, подобнаго выхода стоило искать только на югѣ; пробиться черезъ него можно было только силой, а для этого необходимо было уничтожить господство испанцевъ и португальцевъ на Атлантическомъ океанѣ. Эта борьба велась, съ одной стороны, посредствомъ открытыхъ войнъ, но, съ другой стороны, не пренебрегали также и пиратствомъ, которое не только пользовалось тайнымъ сочувствіемъ со стороны оффиціальныхъ представителей государствъ Сѣверо-Западной Европы, но открыто поощрялось правительствами и монархами. Въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій царствованія королевы Елизаветы англичане пользовались щедрой рукой этимъ средствомъ для борьбы съ своими врагами на морѣ; какое громадное значеніе они придавали пиратству, тому яркимъ доказательствомъ служатъ громкіе титулы, которыми Елизавета наградила сэра Томаса Кавендиша, сэра Фрэнсиса Дрэка, сэра Джона Гаукинса, сэра Уальтера Раллея; 4 апрѣля 1581 года королева явилась на корабль Дрэка, только что вернувшійся изъ кругосвѣтнаго путешествія и стоявшій въ Дептфордѣ на рѣкѣ Темзѣ, и возвела его въ рыцари, несмотря на то, что испанскій посланникъ предъявилъ противъ него обвиненіе въ морскомъ разбоѣ.

Благодаря неудержимому стремленію государствъ Сѣверо-Западной Европы къ восточнымъ берегамъ Стараго Свѣта, борьба за преобладаніе на океанѣ оставалась замкнутой въ предѣлахъ Атлантическаго океана только въ теченіе короткаго времени; какъ только Англія и Голландія оперились, мы уже застаемъ ихъ въ Дальней Индіи, на западномъ берегу Америки, однимъ словомъ, повсюду, гдѣ только представляется случай вырвать самые лакомые колоніальные куски у обѣихъ старѣйшихъ колоніальныхъ державъ. Уже въ 1595 Корнелисъ де Гоутманъ (Срв. т. II,) съ четырьмя голландскими кораблями достигъ Явы и сосѣднихъ съ ней острововъ. Немного спустя за нимъ послѣдовали англичане, а затѣмъ въ 1616 году также и датчане (Срв. т. II). Когда сѣверо-западныя державы распространили свои колоніальныя владѣнія за предѣлы Атлантическаго океана, то этотъ послѣдній, само собою разумѣется, лишился характера единственнаго театра военныхъ дѣйствій, которымъ онъ отличался въ теченіе цѣлаго столѣтія; все таки миръ не водворился на Атлантическомъ океанѣ также и въ теченіе послѣдующихъ двухъ столѣтій; напротивъ того, когда испанцы и португальцы были побѣждены въ этой вѣковой борьбѣ и лишились положенія великихъ державъ, то между побѣдителями разгорѣлась новая война, еще болѣе тяжелая и болѣе упорная. Театромъ этой войны служилъ тоже въ значительной мѣрѣ Индѣйскій океанъ, но военныя дѣйствія распространялись въ такой же мѣрѣ и на Атлантическій океанъ. Громадная длина обѣихъ береговыхъ линій Атлантическаго океана, прогрессивное развитіе и ростъ военнаго могущества государствъ Сѣверо-Западной Европы повлекли за собою то послѣдствіе, что въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій непрерывно мѣнялся театръ и интенсивность этой борьбы за господство надъ Атлантическимъ океаномъ и его побережьями, и что въ роли противниковъ выступали поперемѣнно различныя государства.

Въ теченіе долгаго времени послѣ своего быстраго упадка Португалія и Испанія все еще остаются въ рядахъ этихъ послѣднихъ: въ продолженіе первыхъ десятилѣтій XVII столѣтія португальскія колоніи на берегу Верхней Гвинеи быстро перешли одна за другой въ руки голландцевъ. (Эльмина была завоевана въ 1637 г.); въ 1642 г. Голландія завладѣла также и Бразиліей послѣ восемнадцатилѣтней борьбы, но всего черезъ 19 лѣтъ, именно въ 1661 году, она возвратила обратно эту колонію Португаліи за вознагражденіе въ 8 милліоновъ гульденовъ; наконецъ, въ 1651 году голландцы наложили также свою руку на цѣлыхъ 150 лѣтъ также и на важную колонію мыса Доброй Надежды (см. карту, прилож. къ стр. 701). Распаденіе испанскихъ владѣній въ Вестъ-Индіи началось уже въ 1621 году, когда была основана голландско-вестъ-индская компанія, — эта „разбойничья шайка на акціяхъ“; въ теченіе ближайшихъ послѣдующихъ десятилѣтій большая часть Малыхъ Антильскихъ острововъ освободилась отъ тяжелаго давнишняго владычества испанцевъ. Въ 1655 году Кромвель завладѣлъ даже и Ямайкой. Остальные Большіе Антильскіе острова оставались еще втеченіи долгаго времени подъ властью испанцевъ: восточная часть острова Гаити освободилась отъ Испаніи въ 1821 году, а Куба и Порторико только въ 1898 году (срв. выше, стр. 450).

Вся плеяда государствъ Сѣверо-западной Европы, участвовавшихъ въ великой борьбѣ на морѣ, распадается по своему значенію на двѣ группы: къ первой принадлежатъ Англія, Голландія и Франція, которыя всѣ стремились съ огромнымъ напряженіемъ силъ къ господству надъ Атлантическимъ и Индѣйскимъ океанами; ко второй—Данія, Швеція и Пруссія, которыя держались въ узкихъ рамкахъ и преслѣдовали только экономическія цѣли. Дѣятельность послѣднихъ трехъ государствъ на Африканскомъ побережьи (срв. т. III) доказываетъ, что въ то время вездѣ придавали большое значеніе заокеанскимъ предпріятіямъ, которыя соста-

вили болѣе или менѣе видную эпоху въ жизни каждаго изъ этихъ государствъ. Однако, въ жизни Атлантическаго океана всѣ эти предпріятія были только мимолетнымъ явленіемъ, ничтожнымъ по своимъ результатамъ, сравнительно съ гигантской борьбой, которую вели между собою первыя три изъ названныхъ государствъ.

а) Значеніе навигаціоннаго акта.

Поскольку борьба шла между Голландіей и Англіей, начало ея относится ко времени основанія англо-остиндской компаніи; но яркимъ пламенемъ разгорѣлась она только послѣ обнародованія Кромвелемъ навигаціоннаго акта, послѣдовавшаго 9 октября 1651 года. Начиная съ этого момента, каждый шагъ въ исторической дѣятельности старой Англіи преисполненъ стремленіемъ сломить превосходство Голландіи сначала въ водахъ родныхъ европейскихъ морей, затѣмъ на Атлантическомъ океанѣ вообще и, наконецъ, въ Индѣйскомъ океанѣ. Рѣзче всего выразилось это стремленіе въ трехъ грозныхъ морскихъ войнахъ между этими двумя государствами, имѣвшихъ мѣсто въ 1652—1654 г. г., 1664—1667 г. г. и 1672—1674 г. г.: Англія не одержала безусловной побѣды, но все же эти войны привели къ извѣстному равновѣсію между ней и Голландіей, благодаря которому Англія оказалась въ состояніи приступить къ выполненію второй половины своей задачи, разгрому Франціи и достиженію господства во всемірной торговлѣ. Началомъ этой послѣдней новой борьбы, безъ сомнѣнія, самой величественной во всей новѣйшей исторіи по своимъ отдаленнымъ послѣдствіямъ, послужила третья пиратская экспедиція Людовика XIV; эта война продолжалась съ перерывами до Вѣнскаго конгресса (1815 г.), Театръ военныхъ дѣйствій мѣнялся неоднократно. Борьба изъ-за обладанія Индійскимъ океаномъ разыгралась на почвѣ полуострова Индостана (отъ 1740 до 1760 года), война за обладаніе морскимъ путемъ въ Индійскій океанъ — въ Египтѣ (1798 до 1801 года) и на мысѣ Доброй Надежды (въ 1806 г.); однако, главныя столкновенія происходили всегда исключительно на Атлантическомъ океанѣ и его побережьи, такъ какъ въ ту эпоху, не знавшую ни пароходовъ, ни Суэцскаго канала, политическое и коммерческое преобладаніе на этомъ океанѣ было равносильно всемірному господству.

Непрерывный ростъ сознанія важности Атлантическаго океана даетъ себя чувствовать весьма ясно даже въ ходѣ, повидимому, второстепенныхъ событій. Въ 1662 году португальская колонія Танжеръ досталась англичанамъ въ качествѣ приданаго инфанты Екатерины, вступившей въ бракъ съ Карломъ II; такъ какъ эта колонія приносила только убытки, то она была возвращена обратно въ 1684 году. 20 лѣтъ спустя во взглядахъ англичанъ произошелъ рѣзкій переворотъ, о чемъ свидѣльствуетъ какъ занятіе англичанами Гибралтара, лежащаго на другой сторонѣ пролива, такъ и въ еще большей степени непрерывная защита этого пункта, которая стоила имъ по временамъ громадныхъ трудовъ. Если бы Танжеръ принадлежалъ въ настоящее время англичанамъ, то они не отказались бы отъ него, даже если бы онъ стоилъ имъ ежегодно не 40.000 фунтовъ стерлинговъ, которые Гибралтаръ поглощаетъ изъ года въ годъ въ теченіе 200 лѣтъ, а въ нѣсколько разъ дороже. Поведеніе Англіи относительно пустыннаго острова Св. Елены тоже свидѣтельствуетъ о всевозрастающемъ значеніи Атлантическаго океана въ ихъ глазахъ. Этотъ островъ былъ открытъ португальцами еще въ 1502 году но они ограничились по своему обыкновенію возведеніемъ маленькой церкви, которая тоже была разрушена голландцами въ 1600 году. Въ 1650 году островъ св. Елены былъ отнятъ у голландцевъ англо-остиндской компаніей, которая оцѣнила стратегическое значеніе его и устроила для его защиты фортъ Сентъ-Джемсъ. Однако,

этотъ островъ былъ оцѣненъ по своему достоинству только послѣ упроченія англійскихъ колоніальныхъ владѣній на берегу Индійскаго океана и въ Австраліи, слѣдовательно, въ концѣ XVIII столѣтія. Прочное занятіе англичанами Капской колоніи связано самымъ тѣснымъ образомъ съ водвореніемъ англичанъ въ Остъ-Индіи и основаніемъ величайшей изъ всѣхъ колоніальныхъ имперій (срв. т. II), а переходъ острова Св. Елены во власть британскаго правительства въ 1815 году тоже вызванъ былъ въ окончательномъ результатѣ потребностью имѣть въ своихъ рукахъ постоянно доступный опорный пунктъ посреди океана на важномъ пути къ этому колоніальному государству. Только послѣ прорытія Суэцкаго канала этотъ опорный пунктъ потерялъ свое прежнее значеніе, и его мѣсто занялъ рядъ пунктовъ, расположенныхъ на Средиземномъ и Красномъ моряхъ по дорогѣ въ Индію: Гибралтаръ—Мальта—Кипръ—Египетъ—Перимъ—Аденъ.

б) Значеніе провозглашенія независимости Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Вся восточная половина Атлантическаго океана имѣетъ одну общую характерную черту съ Индѣйскимъ: оба они въ свое время служили преддверіемъ къ Тихому океану. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія географическаго изслѣдованія всего ея протяженія, на это указываетъ также постепенный ростъ значенія важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ, расположенныхъ въ этой части Атлантическаго океана: только гораздо позже, когда великій морской путь вокругъ мыса Доброй Надежды потерялъ свое значеніе, въ ней тоже обнаружились типическія черты Атлантическаго океана.

На западной части Атлантическаго океана нѣкоторыя самобытныя черты стали развиваться гораздо раньше, хотя все же не такъ рано, какъ слѣдовало ожидать по ходу исторіи открытія Америки. Причина такого запозданія заключалась въ испанско-португальской колоніальной системѣ, примѣнявшейся въ романской Средней и Южной Америкѣ, не допускавшей возникновенія самобытной экономической, политической и духовной жизни въ колоніяхъ; что касается англо-французской Сѣверной Америки, то тутъ это опозданіе объясняется медленнымъ и сопровождающимся многократными регрессивными движеніями ходомъ развитія всѣхъ колоній вообще. При такихъ условіяхъ полное развитіе самобытной жизни въ западной части Атлантическаго океана оказалось возможнымъ только благодаря событію, имѣвшему громадное значеніе во всемірной исторіи, именно провозглашенію независимости тринадцати штатовъ Сѣверо-Американскаго Союза.

Начало Сѣверо-Американской войны за независимость послужило поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Атлантическаго океана еще и въ другомъ отношеніи. Со времени заключенія Тордезилласскаго договора (стр. 717) Испанія стала стремиться къ неограниченному господству надъ всей громадной поверхностью этого океана. Въ тотъ моментъ, когда она пріобрѣла возможность напасть на самаго опаснаго изъ своихъ соперниковъ, Англію, пользуясь Голландіей, какъ базой (около 1600 г.), она была близка къ осуществленію своей мечты о всемірномъ господствѣ на морѣ. Англія въ свою очередь захватила въ свои руки неограниченное господство надъ сѣверной частью Атлантическаго океана послѣ заключенія Парижскаго мирнаго договора въ 1763 году: изгнавши французовъ изъ Сѣверо-Американскаго материка, она была вправѣ считать своей собственностью, по крайней мѣрѣ, ту часть Атлантическаго океана, которая расположена въ Сѣверномъ полушаріи: въ послѣдній разъ мы видимъ въ исторіи возникновеніе замкнутаго моря въ широкомъ масштабѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ прово-

дившаяся съ желѣзнымъ упорствомъ въ теченіе двухъ столѣтій заморская политика Англіи впервые привела къ опредѣленному результату. Такое состояніе вещей, которое было чѣмъ-то совершенно необычайнымъ въ условіяхъ послѣколумбовской эпохи, просуществовало въ наиболѣе чистомъ видѣ всего на всего 13 лѣтъ. Правда, никѣмъ не оспариваемое господство Англіи надъ Атлантическимъ океаномъ не прекратилось сейчасъ послѣ провозглашенія независимости Соединенныхъ Штатовъ въ 1776 году; тѣмъ не менѣе, съ появленіемъ на свѣтъ этого новаго государственнаго организма возникли зачатки новыхъ условій, которыя сильно поколебали преобладающее положеніе Англіи и вообще произвели коренной переворотъ въ міровомъ значеніи сѣверной части Атлантическаго океана. До этой эпохи культурное вліяніе распространялось только въ видѣ всемірно историческихъ лучей, идущихъ изъ Стараго Свѣта на западъ черезъ Атлантическій океанъ; но начиная съ этого времени, западъ начинаетъ бросать въ обратномъ направленіи свои собственные лучи, сначала довольно скудные, но превратившіеся въ XIX столѣтіи въ мощныя сіянія. На чувства Европы начала XX столѣтія лучи эти уже дѣйствуютъ нерѣдко слишкомъ сильно и непріятно.

в) Значеніе войнъ коалиціи.

Сѣверо-Американскую войну за независимость можно считать частью великой франко-британской борьбы за всемірное господство постольку, поскольку счастливый для Сѣверо-Американскаго Союза исходъ этой войны зависѣлъ довольно существеннымъ образомъ отъ помощи, оказанной американцамъ французами изъ чувства мести за униженія, нанесенныя имъ Англіей при заключеніи Парижскаго мирнаго договора въ 1763 году и за отнятыя у нихъ британцами многочисленныя колоніальныя владѣнія. Англичане съ своей стороны тоже не остались въ долгу предъ французами: они не только сокрушили окончательно на долгое время морское могущество своего главнаго соперника, но прибрали также къ своимъ рукамъ на много десятилѣтій исключительное господство надъ всѣми морями земного шара. Если не считать короткаго періода владычества англичанъ на Атлантическомъ океанѣ, продолжавшагося отъ 1763 до 1776 года, то періодъ неограниченной власти ихъ надъ всемірнымъ океаномъ, начавшійся въ 1815 году, составляетъ самую блестящую эпоху въ жизни этого народа островитянъ, величественные успѣхи котораго объясняются въ значительной мѣрѣ преимуществами его исключительно благопріятнаго географическаго положенія, но который въ то же время можетъ гордиться той громадной заслугой, рѣдкой въ исторіи всѣхъ народовъ, что онъ не только всегда угадывалъ своевременно свои насущные интересы, но всегда также и отстаивалъ ихъ съ геніальной проницательностью.

Иностранцы разгадали этотъ основной принципъ англійской внѣшней политики довольно поздно, и дѣйствительные мотивы поведенія Великобританіи во время войнъ коалиціи съ революціей и Наполеономъ на рубежѣ XIX столѣтія оставались совершенно неизвѣстными европейскому обществу; далеко не всѣ обладали такимъ историческимъ чутьемъ, какъ Гете; этотъ великій писатель говорилъ, что самый цѣнный результатъ, который онъ вынесъ изъ чтенія біографіи Наполеона Бонапарта, написанной Вальтеромъ Скоттомъ, это есть убѣжденіе въ томъ, что Англія способна вступаться только за свои собственные интересы. Большая публика была убѣждена въ теченіе долгаго времени, что въ періодъ между 1795 и 1815 годами Англія боролась исключительно за освобожденіе Европы отъ гнета заносчивой и войнолюбивой Франціи. Конечно, всѣ понимали, что уничтоженіе англичанами всѣхъ голландскихъ купеческихъ судовъ въ 1795 году, которое оправдывалось съ формальной стороны союзными отношеніями, существо-

вавшими между Голландіей и Франціей, равно какъ и захватъ почти всѣхъ голландскихъ колоній, которыми англичане завладѣли на основаніи того же формальнаго повода между 1795 и 1801 годами, вытекали изъ своекорыстнаго стремленія Великобританіи изгнать окончательно съ поверхности всемірнаго океана все еще опаснаго и жизнеспособнаго давнишняго своего противника; ясна была также для публики окончательная цѣль всѣхъ военныхъ предпріятій Англіи, направленныхъ къ уничтоженію находившихся еще въ зачаточномъ состояніи морскихъ силъ Франціи. Зато средній европеецъ первыхъ десятилѣтій XIX столѣтія никакъ не могъ разгадать, какія сокровенныя цѣли преслѣдовала великобританская политика въ періодъ времени, непосредственно слѣдовавшій за учрежденіемъ континентальной системы; страхъ предъ Наполеономъ затмилъ его сознаніе до такой степени, что онъ преклонялся предъ всѣми дѣйствіями Англіи и считалъ ее безкорыстнымъ борцомъ за освобожденіе континентальныхъ державъ отъ ига корсиканскаго деспота. Что англичане захватывали коммерческія суда всѣхъ континентальныхъ державъ, завладѣли всѣми еще уцѣлѣвшими заморскими колоніями Голландіи, уничтожили или забрали всѣ военныя суда Италіи, Испаніи, Даніи и Голландіи, это казалось современному европейскому обществу вполнѣ естественнымъ возмездіемъ за континентальную систему и никого не вызывало на размышленія. Всѣ помыслы этого общества были сосредоточены на одолѣніи всеобщаго грознаго врага, и никому не приходило въ голову докапываться до побудительныхъ мотивовъ борца за свободу Европы и извлекаемыхъ имъ выгодъ; никто не смущался даже и тѣмъ, что за 20 лѣтъ своей „безкорыстной и стоившей безчисленныхъ жертвъ“ освободительной миссіи Англія на глазахъ у всѣхъ прибрала къ своимъ рукамъ исключительное господство на морѣ.

B) Атлантическій океанъ въ періодъ, послѣдовавшій за Наполеоновскими войнами.

Со времени заключенія обоихъ парижскихъ мирныхъ договоровъ, 13 мая 1814 года и 20 ноября 1815 года, и заключительнаго акта конгресса отъ 9 іюня 1815 года историческое значеніе Атлантическаго океана вступаетъ въ новую эру. Въ силу этихъ договоровъ Англія поступилась кое-чѣмъ и возвратила прежнимъ хозяевамъ нѣкоторую часть колоніальной добычи, награбленной ею въ теченіе предшествовавшихъ 20 лѣтъ. Однако, всѣ эти незначительныя уступки не могли имѣть никакого значенія по сравненію съ громадными размѣрами и огромной, какъ экономической, такъ и стратегической цѣнностью новыхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ Великобританіей хотя бы только на берегахъ Атлантическаго океана и на его поверхности: одна только Капская колонія и перспектива обладанія всей Южной Африкой уже перевѣшивали всѣ сдѣланныя Англіей уступки! Кромѣ того, Англіи достались, можно сказать, совершенно даромъ такія колоніи, какъ Табаго и Санта Люція въ Вестъ-Индіи, Гвіана въ Южной Америкѣ; хотя эти послѣднія колоніи не были достаточнымъ возмѣщеніемъ за невознаградимую утрату Сѣверо-Американскихъ колоній, тѣмъ не менѣе англичане дорожили ими, какъ важнымъ дополненіемъ къ той операціонной базѣ, опираясь на которую они могли оставаться спокойными наблюдателями начавшагося съ необыкновенной силой прогрессивнаго развитія самобытной государственной жизни Сѣверной Америки. Съ другой стороны, скалистый островъ Гельголандъ, который оставался во владѣніи Англіи цѣлыхъ 76 лѣтъ отъ 1814 до 1890 г., при своей ничтожной величинѣ былъ превосходнымъ опорнымъ пунктомъ для коммерческаго наблюденія и стратегическаго господства не только надъ Скагерракомъ, но также надъ устьями Везера и Эльбы; можно сказать, что Англія добилась

извѣстнаго рода протектората надъ медленно пробуждавшейся Германіей и надъ Даніей, которая оправлялась съ трудомъ отъ нанесенныхъ ей тяжкихъ потерь.

Энергическая великобританская нація поспѣшила воспользоваться выгодами своего новаго положенія, своимъ безусловнымъ преобладаніемъ на морѣ по окончаніи великихъ европейскихъ войнъ и многочисленностью нитей, которыми она связала себя въ теченіе XVII и XVIII столѣтій съ заокеанскими странами и посредствомъ которыхъ она распространила свое вліяніе по всему земному шару. Короткій періодъ неограниченнаго господства англичанъ на Атлантическомъ океанѣ, послѣдовавшій послѣ окончанія войны съ Франціей, продолжавшейся отъ 1753 до 1763 года и крайне ослабившей Великобританію, нисколько не годился для колоніальныхъ предпріятій; но послѣ наполеоновскихъ войнъ въ періодъ, слѣдовавшій за 1815 годомъ, Англія оказалась единственной изъ европейскихъ державъ, сохранившей всѣ свои силы, а, кромѣ того, она обладала еще тѣмъ преимуществомъ, что она могла воспользоваться по своему усмотрѣнію, не опасаясь никакихъ посторонниxъ стѣсненій, тѣмъ періодомъ времени, который былъ необходимъ остальнымъ государствамъ для возстановленія своихъ силъ. Въ эту то эпоху Англія упрочила всесторонне свою Индійскую колоніальную имперію, основала въ Австраліи еще одно новое, столь же цѣнное колоніальное государство, устроилась съ комфортомъ въ Южной Африкѣ и въ важнѣйшихъ мѣстахъ побережья Индійскаго океана (срв. тома II и III). Всѣ эти предпріятія поглотили все вниманіе англичанъ, и въ эту эпоху они не могли удѣлить много времени своему старому, давно изъѣзженному морскому пути, Атлантическому океану: заботы англичанъ о поддержаніи своего вліянія въ Атлантическомъ океанѣ выразились только въ такихъ незначительныхъ предпріятіяхъ, какъ занятіе Фалькландскихъ острововъ въ 1833 году для обезпеченія обладанія Магеллановымъ проливомъ, устройство колоніи въ Лагосѣ въ 1861 году, открывавшей доступъ къ Суданской области внутренней Африки, и, наконецъ, открытіе или поддержаніе незначительной торговли въ различныхъ другихъ пунктахъ западнаго берега Африки.

а) Западное побережье Атлантическаго океана.

Дальнѣйшее быстрое развитіе международнаго значенія Атлантическаго океана было послѣдствіемъ взаимодѣйствія цѣлаго ряда новыхъ событій. Прежде всего сказалось вліяніе поразительно быстраго роста эксплоатаціи силы пара для трансатлантическихъ сношеній; по отношенію къ торговому обмѣну разстояніе между обоими берегами Атлантическаго океана укоротилось въ нѣсколько разъ сравнительно съ періодомъ парусныхъ судовъ благодаря этому новому способу сношеній; еще большее значеніе имѣли облегченіе и ускореніе перевозки пассажировъ: такая волна эмиграціи, какая направилась изъ Европы въ Новый Свѣтъ, начиная приблизительно съ 1840 года, оказалась возможной только благодаря развитію пароходства.

Въ теченіе первыхъ двухъ третей девятнадцатаго столѣтія европейскія правительства еще не способны были оцѣнить во всемъ ихъ объемѣ экономическихъ и политическихъ послѣдствій эмиграціи въ Соединенные Штаты, которую слѣдуетъ считать отличительнымъ явленіемъ современной эпохи по ея массовому характеру и полной однородности; надо, однако, сказать, что эта эмиграція сразу привлекла всеобщее вниманіе въ тѣхъ государствахъ, откуда она преимущественно направлялась. Однако, значеніе ея стало замѣтнымъ, какъ для европейцевъ, такъ и для самихъ американцевъ, только нѣкоторое время спустя, когда изъ прежняго зародыше-

наго состоянія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки развился настоящій государственный организмъ, а быстро растущее населеніе ихъ, стекающееся изъ всѣхъ европейскихъ странъ, переработалось въ новую расу „янки“ посредствомъ замѣчательнаго процесса слiянія, которому нѣтъ подобнаго въ исторіи, и когда, наконецъ, новая нація стала энергично разрабатывать неизмѣримыя природныя богатства громадной территоріи своей страны.

Благодаря безпримѣрно быстрому развитію Соединенныхъ Штатовъ этотъ моментъ, имѣвшій громадное значеніе не только въ исторіи Атлантическаго океана, но и въ культурной исторіи всего земного шара, наступилъ гораздо раньше, чѣмъ этого можно было ожидать на основаніи человѣческой логики. Уже въ 1812 году Сѣверо-Американскій Союзъ, это только что вышедшее изъ пеленокъ государство, объявилъ войну владычицѣ морей, Англіи, изъ соображеній торговой политики (срв. томъ I). Соединенные Штаты вынуждены были прекратить эту войну, не пожавши особенно обильныхъ лавровъ, а за первую попытку аггрессивной заморской политики они поплатились, естественнымъ образомъ, необходимостью ограничиться на долгое время своими собственными внутренними дѣлами; только провозглашеніе доктрины Монроэ, послѣдовавшее 2 декабря 1823 г. (срв. тамъ же) можно считать политическимъ актомъ, близко затрагивающимъ исторію Атлантическаго океана. Однако, и въ этомъ вопросѣ американцы еще не перешли отъ слова къ дѣлу, несмотря на хищническіе замыслы, которыми задавалась Франція въ Мексикѣ въ 1861 году (срв. томъ I,), и несмотря на всѣ распространившіеся въ американской прессѣ толки о мнимыхъ аггрессивныхъ планахъ Германіи и Англіи въ Южной Америкѣ во время политическихъ осложненій въ Венецуэлѣ (стр. 429). Подъ вліяніемъ того же сознанія своей слабости въ военномъ и военно-морскомъ отношеніи, въ исторіи Сѣверо-Американскаго Союза мы встрѣчаемся пока только съ заокеанскими предпріятіями въ отдаленномъ отъ Европы Тихомъ океанѣ, несмотря на то, что этотъ океанъ все еще лежитъ на тыловой сторонѣ исторіи Сѣверо-Американскаго Союза. Уже въ 70-ыхъ годахъ Соед. Штаты обезпечили свое вліяніе на островахъ Гаваи (срв. томъ II), и въ то же время попытались стать твердой ногой на островахъ Самоа (срв. тамъ же). На подобные же шаги въ Атлантическомъ океанѣ Соединенные Штаты отважились впервые еще позже, когда они вступили въ разрядъ величайшихъ государствъ земного шара по численности своего населенія и богатству вспомогательныхъ средствъ; да и то аггрессивныя дѣйствія ихъ были направлены противъ одряхлѣвшей отъ старости Испаніи.

Война 1898 г. (стр. 450) была первымъ значительнымъ морскимъ военнымъ предпріятіемъ Соединенныхъ Штатовъ. Благодаря ей, они въ первый разъ отказались открыто отъ ограниченія своей дѣятельности территоріей своего собственнаго государства, хотя до 1898 г. они придерживались весьма строго этого правила; только въ этомъ обстоятельствѣ заключается значеніе этой войны для современниковъ, а вовсе не въ военныхъ подвигахъ американцевъ: любая изъ европейскихъ великихъ державъ оказала бы такіе же успѣхи какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Подобнаго рода воинственныя предпріятія американцевъ едва ли могутъ внушать сильный страхъ европейцамъ; гораздо опаснѣе для культурныхъ народовъ Европы растущее почти въ геометрической прогрессіи экономическое развитіе Сѣверной Америки. Благодаря этому быстрому прогрессу во многихъ отросляхъ промышленности, туземное производство не только покрываетъ собственныя потребности населенія Соединенныхъ Штатовъ, но кромѣ того конкурренція этого государства становится въ быстро возрастающихъ размѣрахъ все болѣе чувствительной для европейскихъ производителей въ Азіи, Африкѣ и въ южной части Тихаго океана и начинаетъ даже

побивать европейцевъ на ихъ собственной родинѣ. Благодаря громадному изобилію экономическихъ средствъ, которыми обладаютъ Соединенные Штаты, даже практиковавшіеся до сихъ поръ способы пароходнаго сообщенія съ Сѣверной Америкой измѣнились существеннымъ образомъ къ выгодѣ американцевъ. Конечно, превратившееся въ дѣйствительный фактъ въ 1902 г. дѣятельное участіе сѣверо-американскаго крупнаго капитала въ пароходствѣ на Атлантическомъ океанѣ не уменьшитъ густой массы протянутыхъ черезъ Атлантическій океанъ пароходныхъ и парусныхъ линій, уже и теперь изображающихъ собой настоящій лабиринтъ (см. приложенную „Карту міровыхъ путей сообщенія); но большая или меньшая степень участія американцевъ въ контролѣ надъ всѣми безъ исключенія англійскими заатлантическими путями сообщенія и нѣкоторыми частями континентальныхъ, безъ сомнѣнія, равносильно ослабленію преобладанія европейцевъ въ морскомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, Атлантическій океанъ потерялъ свои преимущественныя связи съ Старымъ Свѣтомъ и превращается мало-по-малу въ громадное Средиземное море. На основаніи всей совокупности историческихъ данныхъ, можно смѣло утверждать, что ходъ развитія политическихъ условій по сю и по ту сторону Атлантическаго океана указываетъ на такой переворотъ въ міровомъ значеніи этого океана. Наше европейское Средиземное море и Балтійское не могутъ служить вполнѣ годными объектами для сравненія въ виду ихъ незначительныхъ размѣровъ; все таки исторія ихъ береговъ вполнѣ сходна въ общихъ чертахъ съ исторіей Атлантическаго побережья. Обратимъ ли мы свое вниманіе на жителей береговъ Средиземнаго моря, финикіянъ и пунійцевъ, грековъ іонійцевъ и французовъ новыхъ вѣковъ, или же на народы Балтійскаго побережья, какъ, напримѣръ, на Ганзу и на шведовъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ мы сталкиваемся на первыхъ порахъ съ робкими попытками колонизаціи противоположнаго берега: финикіяне заняли область Карѳагена, греки — берега Малой Азіи, французы — Алжиръ и Тунисъ, шведы—Финляндію и Эстляндію. Мало-по-малу изъ этихъ зачатковъ развиваются прочныя обоюдныя сношенія, односторонней носительницей которыхъ остается въ теченіе долгаго времени только метрополія. Только на слѣдующей, третьей ступени культурнаго развитія колоній въ нихъ начинаютъ проявляться самостоятельное участіе въ международныхъ сношеніяхъ и самостоятельное политическое существованіе; какъ пунійцы, такъ и мало-азіатскіе греки превзошли свои метрополіи, первые своимъ энергическимъ стремленіемъ къ распространенію сферы своихъ коммерческихъ сношеній и отвагой, съ которой они преслѣдовали эту цѣль, а вторые— экономическимъ развитіемъ государствъ колоній и практическимъ укладомъ ихъ общественной жизни.

Послѣдній выводъ изъ сдѣланнаго нами сравненія вполнѣ примѣнимъ и къ Атлантическому океану. Получается перспектива, весьма неблагопріятная для дряхлѣющей Европы; и теперь уже иные утверждаютъ не безъ основанія, что океанъ, который по мнѣнію древнихъ тянулся безпредѣльно на западъ, грозитъ превратиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ въ замкнутое море, на которомъ янки будутъ полными господами. Во всякомъ случаѣ уже прошли безвозвратно тѣ времена, когда европейскія государства съ полнымъ основаніемъ считали Атлантическій океанъ своимъ исконнымъ родовымъ общимъ владѣніемъ. Послѣ прорытія центрально-американскаго канала, Тихій океанъ и его побережья, по всей вѣроятности, займутъ болѣе выдающееся положеніе въ исторіи Сѣверной Америки, чѣмъ теперь (срв. томъ 1); тѣмъ не менѣе главныя теченія американской жизни будутъ направлены попрежнему въ сторону Европы и Атлантическаго океана.

Это послѣднее заключеніе является неизбѣжнымъ выводомъ какъ изъ историческихъ, такъ и изъ географическихъ данныхъ. Въ историче-

Къ западу 0 къ востоку отъ Гринича
Терр.
Аляска
(Соед. Штат.)
Баффиновъ заливъ
Гренландія
Баффинова земля
Датскій проливъ
Исландія
Лофотенскіе о-ва
Свв. полярный кругъ
Гудсоновъ заливъ
Канада
Лабрадоръ
АТЛАНТИЧЕСКІЙ
Великобританія
Германія
СѢВЕРНАЯ АМЕРИКА
Ньюфаундлендъ
Соедин.
Штаты
Нью-Іоркъ
Вашингтонъ
О-ва Азорскіе
Португалія
Испанія
Мадейра
О-ва Канарскіе
Мексик. заливъ
Тропикъ рака
Сандвичевы о-ва Гавай
Мексико
О-ва Ревилья Жихедо
Куба
Сахара
О. Зеленаго мыса
Область Сенегамбіи и Нигера
Нигерія
ВЕЛИКІЙ ИЛИ
Гватемала
Венецуэла
Гвіана
Колумбія
Экваторъ
ПОЛИНЕЗІЯ
О-ва Галапагосъ
Эквадоръ
ЮЖНАЯ
Конго
Маркезасскіе о-ва
Пернамбуко
Бразилія
ТИХІЙ ОКЕАНЪ
ОКЕАНЪ
Ангола
Перу
АМЕРИКА
О-ва Товарищества
О-ва Паумоту, или низкіе
Боливія
Тропикъ Козерога
Австралійскіе о-ва
Ріо-Жанейро
Монтевидео
Буэносъ-Айресъ
Аргентина
Патагонія
О-ва Фалкландскіе
Огненная земля
М. Горнъ
Данія
НѢМЕЦКОЕ МОРЕ
Шотландія
Ирландія
Англія
Лондонъ
Нидерланды
Бельгія
Германія
Парижъ
Франція
Испанія
Мадридъ
Лиссабонъ
Барселона
Алжиръ
Марокко
АФРИ
60
40

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

скомъ отношеніи Атлантическій океанъ былъ проводникомъ самыхъ тѣсныхъ связей между народами и государствами. Конечно, при быстрой смѣнѣ историческихъ явленій, характеризующей настоящую эпоху, періодъ основанія южно-американскихъ колоній отодвинулся уже очень далеко отъ условій современной жизни; все же и теперь еще Бразилія считаетъ себя дочерью Португаліи, а Сѣверо-Американскіе Штаты и Канада тоже признаютъ свое родство съ европейскими государствами. Въ своемъ трудѣ „Море, какъ источникъ величія народовъ" (1900 г.) Фридрихъ Ратцель доказываетъ, что эти старинныя родственныя связи и теперь еще даютъ себя чувствовать во всемъ своемъ объемѣ: въ теченіе 1890—91 таможеннаго года черезъ гавань Новаго Орлеана прибыло только 2,4 процента всего ввоза, черезъ Санъ-Франциско 6 процентовъ, а черезъ важные порты Атлантическаго побережья не менѣе 81,5 процента. Несмотря на быстрое развитіе западныхъ штатовъ, самые населенные и наиболѣе богатые по своему торговому обмѣну колоніи и штаты Сѣверной Америки и понынѣ еще лежатъ на берегу Атлантическаго океана; и понынѣ величайшіе города, самые выдающіеся центры политической и духовной жизни Сѣверной Америки все еще расположены на этомъ побережьи, обращенномъ въ сторону Европы.

Эти неразрывныя историческія связи находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ географическими условіями. Для нашихъ современныхъ быстроходныхъ пароходовъ даже такое разстояніе, какъ наибольшій поперечный размѣръ Тихаго океана, не играетъ существенной роли, все же, понятно, эта быстрота и удобство передвиженій облегчаютъ также сношенія между берегами и болѣе узкихъ водоемовъ. Индійскій и Тихій океаны оказались доступными для человѣчества на всемъ своемъ протяженіи только съ тѣхъ поръ, какъ люди стали пользоваться для этой цѣли паромъ. Напротивъ того, съ побережьемъ Атлантическаго океана и находящимися на его поверхности островами европейцы познакомились задолго до возникновенія пароходства; при всемъ томъ новые усовершенствованные способы передвиженій эксплоатируются на этомъ океанѣ въ гораздо болѣе обширномъ масштабѣ, чѣмъ на обоихъ другихъ. Незначительность разстоянія между обоими противолежащими берегами Атлантическаго океана была весьма важнымъ преимуществомъ, способствовавшимъ развитію оживленныхъ сношеній съ Америкой на парусныхъ судахъ, начиная съ 1492 года; это преимущество въ такой же мѣрѣ идетъ также въ пользу современному пароходству по Атлантическому океану. Общее укороченіе длины путей сообщенія нельзя считать исключительно географическимъ явленіемъ: оно сближаетъ между собою отдѣльныя страны и части свѣта также въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Англія и Сѣверная Америка связаны между собою вовсе не исключительно только антропологическимъ и этнографическимъ взаимнымъ родствомъ,—помимо этого между ними происходитъ постоянно такой оживленный торговый обмѣнъ, какого не существуетъ ни между какими двумя другими странами. Суженіе Атлантическаго океана между берегами обѣихъ этихъ странъ было одной изъ главныхъ причинъ какъ родства между населеніями ихъ, такъ и громаднаго развитія торговыхъ сношеній между ними.

б) Восточное побережье Атлантическаго океана.

Какъ мы уже указали, значеніе западной части Атлантическаго океана возрасло въ размѣрахъ, превзошедшихъ всѣ ожиданія, благодаря техническому прогрессу, именно, развитію мореходства, съ одной стороны, съ другой—политическому и экономическому росту Соединенныхъ Штатовъ; въ такой же мѣрѣ восточная часть этого океана обязана своимъ современнымъ значеніемъ во первыхъ грандіозному техническому предпріятію,

каналу, соединившему Средиземное море съ Краснымъ, и во вторыхъ политическому прогрессу Европы, именно основанію Германской имперіи. Открытіе Суэцкаго канала нанесло на первыхъ порахъ рѣшительный вредъ всей южной части Атлантическаго океана: уже въ началѣ 70 годовъ прежнія пароходныя линіи, шедшія изъ Европы въ Индѣйскій и Тихій океаны вокругъ мыса Доброй Надежды, оказались заброшенными; сохранили свое значеніе исключительно только парусное сообщеніе, служившее для перевозки громоздкихъ товаровъ между Европой и южнымъ или восточнымъ берегомъ Азіи, а также тѣ пароходныя линіи, которыя поддерживаютъ непосредственное сообщеніе между Европой и Западнымъ берегомъ Африки. При всемъ томъ, несмотря на тотъ вредъ, который нанесъ восточной части Атлантическаго океана новый всемірный торговый путь съ запада на востокъ, Суэцкій каналъ является въ извѣстной степени источникомъ возросшаго въ теченіе послѣдняго періода времени значенія этой части Атлантическаго океана съ ея прибрежными странами. Открытіе новаго морского пути (между прочимъ недоступнаго для парусныхъ судовъ), проложеннаго черезъ порогъ, издревле преграждавшій доступъ къ Красному морю, вовсе не было первой и единственной причиной того почти внезапно наступившаго расцвѣта океанскаго мореходства на гигантскихъ судахъ, которое составляетъ такую же отличительную черту средины 70 годовъ, какъ и сопровождавшій его упадокъ мореходства на парусныхъ корабляхъ, безъ сомнѣнія, этотъ быстрый ростъ пароходства былъ прежде всего послѣдствіемъ громаднаго прогресса техники кораблестроенія. Во всякомъ случаѣ, нельзя оспаривать того факта, что вся поверхность Индійскаго и Тихаго океановъ до той поры была совершенно чуждой всѣмъ морскимъ націямъ Европы, за исключеніемъ Англіи и Галландіи, которыя уже почти 300 лѣтъ чувствовали себя тамъ, какъ дома, и только въ 70 годахъ XIX столѣтія эти океаны попали въ поле зрѣнія остальныхъ европейскихъ народовъ: имъ недоставало только слабаго толчка для того, чтобы перейти отъ простой коммерческой дѣятельности къ активной колоніальной политикѣ.

Историческая заслуга Германіи заключается въ томъ, что она дала толчокъ къ раздѣлу между цивилизованными государствами всѣхъ еще уцѣлѣвшихъ отъ захвата областей земного шара; мы говоримъ не о прежней Германіи, этомъ чисто-географическомъ терминѣ, а объ объединенной новой Германской имперіи, которой надо было поспѣшить, чтобы не уйти съ пустыми руками послѣ окончательнаго дѣлежа земной поверхности. Какъ только дѣло дошло до дѣлежа острововъ и прибрежныхъ странъ обоихъ восточныхъ океановъ, претендентами выступили немедленно всѣ прежнія и новыя колоніальныя державы; такая сильная конкурренція вытекала изъ положенія вещей, созданнаго новымъ морскимъ путемъ, благодаря которому цѣнность этихъ колоніальныхъ владѣній возрасла въ чрезвычайной степени. Напротивъ того, западный берегъ Чернаго материка, коммерческія сношенія съ которымъ въ однихъ мѣстахъ пришли къ окончательному упадку, а въ другихъ только еще зарождались, мало привлекалъ къ себѣ европейскія морскія государства; это побережье влачило бы такое же существованіе, какъ и прежде, если бы внезапный захватъ Германіей различныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностей его не обратилъ въ эту сторону вниманія остальныхъ державъ. Стоимость этихъ территорій возросла такъ быстро, что уже по истеченіи одного только года ни одна пядь земли на этомъ песчаномъ побережьи не осталась незахваченной. Послѣ этого державы носительницы современной міровой политики подѣлили между собою также и всѣ внутреннія части Африки, почти никѣмъ нетронутыя въ теченіе 4 столѣтій. Массивность и культурная дѣвственность Чернаго материка влекутъ за собою то послѣдствіе, что важнѣйшая часть его исторіи, носящей вполнѣ первобытный характеръ,

разыгрывается не на морскомъ берегу, а въ глубинѣ, за дюнами и прибрежными мангровыми лѣсами; тѣмъ не менѣе политическое пріобщеніе Африки къ Европѣ, равносильное въ настоящую эпоху съ экономическимъ сближеніемъ, выдвинуло опять прилегающую къ Африкѣ часть Атлантическаго океана въ самый центръ великой всемірной экономической борьбы, и она приняла въ этой борьбѣ такое яркое участіе, которое казалось совершенно немыслимымъ еще всего лѣтъ 20 тому назадъ. Эта часть Атлантическаго океана не служитъ больше великимъ морскимъ путемъ для торговли между Западомъ и Востокомъ, а является носительницей немаловажныхъ торговыхъ сношеній между Югомъ и Сѣверомъ.

4. Резюме.

Обзоръ всемірно-историческаго значенія Тихаго и Индійскаго океановъ долженъ былъ охватывать громадные періоды времени, а ввиду большихъ размѣровъ Тихаго океана, взоръ долженъ былъ обнимать также громадныя пространства. Съ Атлантическимъ океаномъ дѣло обстоитъ совершенно иначе: скученіе всѣхъ событій какъ во времени, такъ и въ пространствѣ, составляетъ главную черту его исторической физіономіи. Онъ лишенъ расообразующей силы Тихаго океана, ему несвойственны взаимныя смѣшенія и перемѣщенія народовъ, которыми богата исторія восточной и сѣверной части Индійскаго океана; вплоть до новыхъ вѣковъ онъ оставался непроходимой зіяющей пропастью посреди обитаемой земли. Онъ появляется на горизонтѣ документальной исторіи человѣчества уже нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, но исключительно въ качествѣ почти безусловно недоступнаго безграничнаго зарубежнаго воднаго пространства; человѣческое воображеніе уже въ первобытныя времена стало заполнять фантастическими странами пустынную, почти лишенную острововъ поверхность Атлантическаго океана: число этихъ фантастическихъ странъ непрерывно росло съ вѣками, къ нимъ относились съ неослабѣвающимъ интересомъ,—и все это ясно свидѣтельствуетъ, какъ незначительно было дѣйствительное историческое значеніе этого океана.

Первый шагъ на пути къ господству надъ Атлантическимъ океаномъ былъ сдѣланъ европейцами въ той его части, расчлененіе береговъ которой способствовало удачному переходу черезъ него; но остальныя свойства этой части океана требовали такой сноровки въ морскомъ дѣлѣ, какую можно пріобрѣсти только въ суровой школѣ. Сѣверная часть Атлантическаго океана въ теченіе цѣлаго столѣтія служила такой школой для тѣхъ народовъ, которые вынуждены были оставаться въ сторонѣ даже и въ то время, когда Новый Свѣтъ уже былъ открытъ, и его гидрографическое положеніе было разъяснено трудами двухъ южныхъ народовъ, которые достигли успѣха благодаря своему энтузіазму и своему счастью: народы Сѣверной Европы остались ни причемъ, несмотря на то, что размѣръ территорій, пригодныхъ для культурной работы бѣлой расы, увеличился въ нѣсколько разъ. Однако, тотъ народъ, который вышелъ окончательнымъ побѣдителемъ изъ общеевропейскаго состязанія въ этой культурной работѣ, вовсе не былъ обязанъ своими успѣхами ни энтузіазму, ни счастью: господство надъ Атлантическомъ океаномъ и вообще надъ морями досталось англійскому народу, на которомъ сильнѣе всего отразились уроки упомянутой полярной школы и который изъ нея же вынесъ привычку при всѣхъ условіяхъ принимать свои собственные интересы за руководящую звѣзду **въ своихъ предпріятіяхъ.**

Въ настоящее время англичане не въ состояніи удержать за собою безусловное владычество надъ Атлантическимъ океаномъ, которое они захватывали въ свои руки уже неоднократно,—и вообще исключительное

господство надъ какимъ бы то ни было моремъ. Эта невозможность зависитъ отъ политическихъ условій современныхъ континентальныхъ великихъ державъ, которыя обладаютъ довольно внушительными силами также и на морѣ, и затѣмъ отъ грознаго сосѣдства Сѣверо-Американскаго Союза. Активная морская политика этого послѣдняго, составляющая результатъ блестящихъ культурныхъ успѣховъ Соединенныхъ Штатовъ, отняла у Атлантическаго океана тотъ характеръ, который онъ имѣлъ съ древнихъ временъ, когда его называли океаномъ, опоясывающимъ всю землю краевымъ моремъ: въ настоящее время онъ играетъ только роль средиземнаго моря, расположеннаго между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Маленькое европейско-африканское средиземное море, этотъ водоемъ, вдвинувшійся въ материкъ Стараго Свѣта, когда-то скоплялъ на своихъ берегахъ матеріальныя и культурныя сокровища древности и былъ посредникомъ, носителемъ и хранителемъ самобытной мѣстной культуры; такимъ же образомъ и въ настоящее время Атлантическій океанъ отлагаетъ по преимуществу на своемъ сѣверномъ берегу важнѣйшіе элементы современной универсальной, обнимающей весь земной шаръ культуры,—онъ также служитъ неразложимымъ связующимъ звеномъ между обоими главными центрами этой культуры, онъ является носителемъ и проводникомъ этой культуры. Можно ли однако считать его также и хранителемъ этой культуры? На этотъ вопросъ мы даемъ слѣдующій отвѣтъ: чѣмъ были для человѣчества въ прошлыя историческія эпохи Индійскій и Тихій океаны, моря Балтійское и Средиземное, — это поддается безпристрастному изслѣдованію, какое значеніе имѣютъ эти водныя поверхности въ настоящее время,—это легко поддается обзору; но какую роль онѣ будутъ играть въ будущей исторіи человѣчества, въ какое отношеніе онѣ станутъ къ Атлантическому океану, этому самому младшему и самому счастливому ихъ сопернику,—все это пока еще сокрыто во мракѣ неизвѣстности.

—

Примѣчанія.

Исторія XIX вѣка является самою слабою частью коллективнаго труда Гельмольта, какъ вслѣдствіе поверхностности въ объясненіи основныхъ причинъ характера исторической эволюціи въ эту эпоху, такъ и вслѣдствіе слишкомъ явной пристрастности въ изображеніи событій, связанныхъ съ судьбами Германіи. Консервативно националистическая тенденція проникаетъ всю эту часть издаваемаго коллективнаго труда и часто мѣшаетъ правильной, научной оцѣнкѣ историческихъ явленій и дѣятелей. Предлагаемыя примѣчанія имѣютъ цѣлью внести нѣкоторыя поправки и дополненія.

Къ стр. 4. „По мнѣнію Кинэ, гроза должна была бы разразиться надъ королевскимъ правительствомъ еще раньше, во время войны за испанское престолонаслѣдіе; но французскій народъ отличался долготерпѣніемъ и вынесъ еще цѣлыя столѣтія разврата и насилій“. Здѣсь „цѣлыя столѣтія“ — есть выраженіе неточное; война за испанское наслѣдство окончилась въ 1714 году, а революція началась спустя 75 лѣтъ, въ 1789 г.

Къ стр. 6. . . . „Это (третье) сословіе заключало въ себѣ 25 милліоновъ душъ . . .“. Точная численность французскаго населенія предъ революціей совершенно неизвѣстна. Традиціонная цифра, 23—25 милліоновъ, отнюдь не можетъ считаться научно-доказанною.

Къ стр. 6. „Въ іюлѣ 1777 г. во главѣ министерства финансовъ сталъ женевецъ Жанъ Неккеръ“. Неккеръ фактически сталъ управлять финансами съ 21 октября 1776 года (въ званіи „главнаго директора казначейства“), а съ 20 іюня 1777 года онъ былъ утвержденъ въ званіи директора финансовъ.

Къ стр. 8. „Процессъ объ ожерельи“ имѣетъ историческое значеніе потому, что сильно способствовалъ паденію въ глазахъ общества авторитета королевской семьи. Суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ. Авантюристка Ла-Моттъ-Валуа воспользовалась тѣмъ, что кардиналъ де-Роганъ былъ влюбленъ въ королеву Марію-Антуанетту, и убѣдила его купить для королевы ожерелье у придворныхъ ювелировъ. Чтобы окончательно его увѣрить въ истинности своихъ словъ, Ла Моттъ устроила вечеромъ мимолетное свиданіе между кардиналомъ и дѣвушкою, которая была очень похожа на Марію-Антуанетту. Роганъ, не разглядѣвши обмана, купилъ (въ кредитъ) ожерелье, которое и передалъ Ла-Моттъ. Чрезъ ювелировъ дѣло стало извѣстно королю, который арестовалъ Рогана и предалъ суду Парижскаго парламента. Несмотря на всѣ усилія короля и, особенно, раздраженной и всегда ненавидѣвшей Рогана королевы, кардиналъ былъ оправданъ, а обвинена была только Ла-Моттъ со своимъ мужемъ. Этотъ процессъ и, особенно, оправданіе Рогана дали пищу самымъ злостнымъ клеветническимъ вылазкамъ противъ королевы. Хотя именно въ этомъ дѣлѣ Марія-Антуанетта была совершенно невинна, но, въ конечномъ счетѣ едва ли дѣйствительныя проявленія ея легкомыслія такъ страшно повредили ея репутаціи, какъ этотъ „процессъ объ ожерельи“.

Къ стр. 10. „Сословный сеймъ“. Гораздо употребительнѣе для этого стараго сословнаго представительства Франціи названіе „Генеральные Штаты“.

Къ стр. 11. Присяга народныхъ представителей, собравшихся 20 іюня въ залѣ для игры въ мячъ, заключалась въ обѣтѣ не расходиться, пока не будетъ ими выработана конституція для Франціи.

Къ стр. 12. Бастилія была сдана потому, что часть маленькаго гарнизона, бывшаго въ крѣпости, не хотѣла сражаться, а огромныя народныя толпы, среди которыхъ было много гвардейскихъ солдатъ, перешедшихъ на сторону революціи, все возростали вокругъ осажденной крѣпости и уже проникли въ первый дворъ Бастиліи. Взятіе этой крѣпости, которая являлась какъ бы символомъ стараго режима, именно потому и привело въ восторгъ всю тогдашнюю мыслящую Европу, что это являлось первымъ яркимъ предвѣстіемъ обновленія и освобожденія Франціи и,—какъ тогда многіе мечтали,—всей Европы.

Поэтому наименованіе событія „преступными злодѣяніями 14 іюля“ обличаетъ въ авторѣ глубоко-тенденціозное курьезнѣйшее и совершенно ненаучное отношеніе къ описываемому знаменательному дню французской исторіи.

Къ стр. 13. „Марать и другіе босяки завладѣли прессою ...“ Это совершенно неумѣстное для историка проявленіе консервативнаго раздраженія противъ радикальной печати первыхъ лѣтъ революціи. Революціонная пресса оказала огромную услугу политическому воспитанію французскаго народа, который при старомъ режимѣ находился въ полномъ невѣжествѣ.

Къ стр. 14. . . „О томъ, что постановленія 4 августа нарушали ленныя права германскихъ имп. чиновъ въ Эльзасѣ, Лотарингіи и Бургундіи и что это превышало права Національнаго Собранія, объ этомъ не осмѣлился напомнить ни одинъ депутатъ“.

Феодально-крѣпостническія симпатіи автора такъ велики, что онъ не хочетъ понять полнѣйшей несовмѣстимости какихъ бы то ни было условныхъ изъятій и привилегій съ идеей народнаго суверенитета и совершенной невозможности примирить партикуляристическія тенденціи „германскихъ имперскихъ чиновъ“ съ могучимъ теченіемъ государственнаго централизма, который такъ характеренъ для французской революціи.

Къ стр. 15. „Эти департаменты преднамѣренно не были названы по именамъ горъ и рѣкъ“ и т. д. Именно, департаменты были названы по именамъ горъ и рѣкъ ...

Къ стр. 15. . . . „Настало время гибельнаго многовластія“ ... Все изображеніе порядковъ, установленныхъ учредительнымъ собраніемъ, —совершенно ошибочно. Никакого „многовластія“ первая конституція не устанавливала, и дальнѣйшіе революціонные ужасы произошли прежде всего изъ-за попытокъ придворной партіи какимъ бы то ни было путемъ преодолѣть народъ и отобрать назадъ завоеванныя уже права.

Къ стр. 16. Курьезная по своей ожесточенности полемика, которую авторъ ведетъ противъ Учредительнаго Собранія и всѣхъ дѣлъ его, такъ ослѣпляетъ этого нѣмецкаго реакціонера, что онъ пишетъ: „Національное собраніе задавалось такими идеями, которыя были столь же безумны, какъ и неисполнимы“, забывая, что эти „безумныя и неисполнимыя идеи“ легли въ основу всего нынѣшняго государственнаго строя и общественнаго быта Франціи.

Къ стр. 18. Выходка автора противъ г-жи Роланъ, самой замѣчательной по уму и таланту женщины революціоннаго времени, отличаетъ въ немъ грубое непониманіе всей ея жизни и дѣятельности. Г-жа Роланъ всегда стремилась къ прекращенію революціонныхъ насилій и къ водворенію самой широкой свободы и народовластія въ странѣ. Королю она не вѣрила вовсе, какъ и всему двору, и всячески вліяла на жирондистовъ въ томъ смыслѣ, чтобы придать больше энергіи и послѣдовательности ихъ политикѣ.

Къ стр. 19. „Конфискованныя имѣнія эмигрантовъ были промотаны ...“. Эти имѣнія были распроданы мелкими участками и усилили крестьянское и буржуазное землевладѣніе, деньги же пошли на огромныя государственныя издержки, которыя совершенно опустошали и безъ того разоренную казну.

Къ стр. 21. „Этимъ гигантскимъ преступленіемъ Дантонъ хотѣлъ отрѣзать для націи путь къ отступленію и отдѣлить монархическую Францію отъ революціонной цѣлымъ моремъ крови“. Наоборотъ, теперь вполнѣ доказано, что вопреки старому мнѣнію, Дантонъ вовсе невиновенъ въ сентябрьскихъ убійствахъ; напротивъ, онъ препятствовалъ этимъ убійствамъ. Авторъ, просто, повторяетъ здѣсь устарѣвшія, давно отвергнутыя розсказни о Дантонѣ, какъ организаторѣ сентябрьскихъ избіеній.

Къ стр. 24. „Вмѣстѣ съ своими товарищами Сенъ-Жюстомъ и Кутономъ онъ (Робеспьеръ) хотѣлъ водворить во Франціи господство соціалъ-демократіи“. Нечего и говорить, что никакой „соціалъ-демократіи“ тогда и въ поминѣ не было; но Робеспьеръ являлся представителемъ политической идеи народовластія, народнаго суверенитета, а вовсе не измѣненія основъ экономическаго строя, такъ что даже и съ натяжками и неточностями— нѣтъ никакой возможности хоть какъ-нибудь сблизить его съ соціалистическими теченіями.

Къ стр. 25. „Безумный республиканскій календарь“ благополучно дѣйствовалъ въ Франціи во все время республики и, отчасти, имперіи и ничего внутренне-несостоятельнаго и нелѣпаго въ себѣ не заключалъ.

Къ стр. 31. Мнѣніе Буасси д'Англа, кажущееся нашему автору „весьма основательнымъ“, на самомъ дѣлѣ давно опровергнуто историческимъ опытомъ, неуклонное стремленіе къ установленію всеобщаго избирательнаго права есть постоянное и необходимое послѣдствіе существованія имущественнаго ценза,—и борьба съ этимъ стремленіемъ всегда чревата возможными осложненіями (на этой почвѣ, какъ извѣстно, вспыхнула, напр., Февральская революція 1848 г., унесшая тронъ Луи-Филиппа); такъ что „нормальнымъ путемъ соціальнаго прогресса“ господство „состоятельныхъ классовъ“ нельзя назвать ни въ какомъ случаѣ.

Къ стр. 35. „Коммунистическое возстаніе Бабефа было подавлено еще въ маѣ 1796 года“. Никакого возстанія Бабефа не было, былъ только заговоръ, подготовлявшій возстаніе, и этотъ-то заговоръ былъ открытъ и разрушенъ арестомъ Бабефа и его товарищей.

Къ стр. 40—41. Авторъ совершенно не говоритъ о коренныхъ причинахъ, вызвавшихъ установленіе единовластія Бонапарта. Буржуазія, которая во имя—установленія гражданскаго равенства, уничтоженія различныхъ путъ и препятствій къ свободному развитію производительныхъ силъ страны— бросилась въ революцію въ 1789 г., — теперь,

послѣ десятилѣтнихъ политическихъ бурь, испытывала сильнѣйшую жажду покоя, стремилась къ установленію тишины и порядка, и, во имя этой цѣли, готова была даже отказаться отъ политической свободы; военная диктатура Наполеона, обезпечивая вполнѣ гражданское равенство всѣхъ предъ закономъ, вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировала прекращеніе внутреннихъ смутъ. Вотъ почему имущій классъ съ готовностью поддержалъ Бонапарта въ его стремленіи захватить власть въ свои руки. Съ другой стороны,—крестьянство, самое многочисленное сословіе Франціи, было удовлетворено тѣмъ, что революція избавила его отъ платежа обременительныхъ повинностей и налоговъ въ пользу дворянства и духовенства, а также зажиточные слои крестьянства, раскупившіе участки конфискованной во время революціи земли эмигрантовъ и духовенства,—больше ничего уже не желали, кромѣ того, чтобы въ странѣ водворилось спокойствіе, и чтобы эти ихъ пріобрѣтенія были за ними обезпечены; политическая свобода ихъ интересовала еще меньше, нежели буржуазію. Наконецъ, городской пролетаріатъ былъ такъ, сравнительно, малочисленъ, такъ безсознателенъ и неорганизованъ, что и съ его стороны никакого препятствія государственному перевороту 18 Брюмера ожидать было нельзя. При подобныхъ условіяхъ Бонапарту, располагавшему могущественною и преданною арміей, вернувшемуся въ ореолѣ побѣдителя, обѣщавшему дать порядокъ и спокойствіе странѣ—не стоило почти никакого труда низвергнуть директорію и, овладѣвши властью, удержать ее въ своихъ рукахъ. Людей, понимавшихъ, что политическая свобода гибнетъ, и что Франція быстрыми шагами идетъ къ фактически неограниченной монархіи, и готовыхъ во имя этой свободы оказать сопротивленіе Бонапарту, было такъ мало, и они до такой степени не имѣли въ 1799 году корней въ народѣ, что на нихъ можно было смѣло не обращать особаго вниманія. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ Бонапарту и удалось безъ всякихъ потрясеній и безъ борьбы въ одинъ день сдѣлать свое дѣло.

Къ стр. 57. Питтъ скончался 23 января 1806 г., а не 23 ноября.

Къ стр. 59. Война съ Пруссіей началась 8 октября, а не 9 декабря.

Къ стр. 63. „Попытка Россіи выступить въ роли мирнаго посредника между Франціей и Великобританіей встрѣтила отпоръ со стороны статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ Джоржа Каннинга, отличавшагося непреклонной энергіей, не останавливающейся предъ какими бы то ни было препятствіями, который принималъ русскаго царя за скрытаго пособника Наполеона“. Это совершенно невѣрно; послѣ заключенія въ Тильзитѣ мира и союза между Александромъ и Наполеономъ, вся Европа смотрѣла на Александра какъ на открытаго союзника французскаго императора, а вовсе не какъ на „скрытаго пособника“.

Къ стр. 65. . . . „Даже священники хватались за кинжалы“. Именно духовенство-то и стало во главѣ народной войны противъ французовъ, и прежде всего именно въ интересахъ безпрепятственнаго владычества церкви, которому грозили французскіе порядки. Авторъ все время забываетъ пояснить, что народныя возстанія противъ Наполеона хотя и начинались во имя попранныхъ національныхъ чувствъ, но отъ ихъ побѣдоноснаго окончанія—главную выгоду получали не народы, а г о с у д а р и этихъ народовъ: завоевывая европейскія страны, французы уничтожали тамъ пережитки феодальныхъ порядковъ, привилегіи аристократіи и духовенства, вводили гражданское равенство, уничтожали религіозныя преслѣдованія. Съ „освобожденіемъ“ отъ французовъ европейскіе народы (въ зап. Германіи, въ Испаніи, въ Италіи) подпадали подъ власть прежнихъ низложенныхъ было династій, и старый режимъ возвращался либо всецѣло, либо въ весьма значительной части.

Къ стр. 97. Крестьяне потому съ такимъ восторгомъ встрѣчали Наполеона, вернувшагося съ Эльбы въ 1815 г., что они съ момента реставраціи Бурбоновъ обнаруживали чрезвычайное безпокойство относительно своихъ пріобрѣтенныхъ еще при революціи земель: носились между ними упорные слухи, что отнятіе у нихъ этихъ земель и возвращеніе прежнимъ владѣльцамъ, дворянамъ, есть лишь вопросъ времени. Такимъ образомъ, низверженіе Бурбоновъ вернувшимся Наполеономъ приводило крестьянскія массы (особенно на югѣ и въ центрѣ Франціи) въ полный восторгъ.

Къ стр. 110. „Мистицизмъ“ Александра I не отличался ни глубиною, ни искренностью. Это настроеніе царя совпадаетъ съ самой неистовой, свирѣпой реакціей, съ господствомъ Аракчеева съ устройствомъ военныхъ поселеній и т. п.

Къ стр. 112. „Всѣмъ прiѣлось естественное право и пустозвонная риторика революціи, которая заставила современниковъ быть свидѣтелями ужаснаго кровопролитія, безграничной путаницы общественныхъ отношеній и общественной анархіи“. Слова „всѣмъ прiѣлось“ и т. д. — ненаучны. Кому это „всѣмъ“? Реакція въ обществѣ была сильна, но вовсе не всеобъемлюща. За эпоху Реставраціи выросла и окрѣпла либеральная школа, французскій романтизмъ этого времени былъ, конечно, гораздо ближе къ революціоннымъ настроеніямъ, нежели къ идеямъ „Священнаго Союза“, духъ байроновскаго протеста покорялъ много мыслящихъ людей во всѣхъ странахъ Европы, оппозиціонная пѣсенка Беранже гремѣла во всѣхъ концахъ Франціи, студенчество въ Германіи волновалось, идеи революціи не замирали въ Италіи, появлялись въ Испаніи . . . Далѣе, приписывать „пустозвонной риторикѣ революціи“ все „ужасное кровопролитіе“—это мнѣніе, для нашей эпохи, устарѣвшее лѣтъ на восемьдесятъ. „Кровопролитіе“ въ исторіи не „риторикой“ вызывается, а причинами посложнѣе: напр. сопротивленіемъ абсолютизма, стремленіемъ его призвать противъ своего народа иностранныя войска, вѣковыми страданіями народа и т. п. Все это—посложнѣе „риторики“ . . .

Къ стр. 113. Странно, что, говоря о „Monumenta Germaniae historica“ авторъ не счелъ долгомъ упомянуть имя главнаго работника, создавшаго эту коллекцію — Пертца.

Къ стр. 114. „Разумное право“ — раціонализмъ.

Къ стр. 114. . . . „въ то же время онъ былъ противникомъ всеобщаго права голоса и отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ нелѣпости подобнаго требованія“. Что человѣкъ въ началѣ XIX вѣка не понималъ всей раціональности и, главное, логической необходимости всеобщаго голосованія для конституціоннаго государства—это еще понятно; гораздо удивительнѣе, что человѣкъ, пишущій исторію въ XX вѣкѣ, обнаруживаетъ столь глубокое непониманіе дѣла и позволяетъ себѣ называть „нелѣпостью“ то самое „всеобщее право голоса“, которое уже давно и благополучно существуетъ въ рядѣ культурныхъ странъ (въ томъ числѣ и въ Германской имперіи), и къ которому неизбѣжно стремятся всѣ другія культурныя государства.

Къ стр. 118. Система „гнилыхъ мѣстечекъ“ развилась вслѣдствіе крайне искусственнаго распредѣленія избирательныхъ правъ: въ привилегированномъ положеніи оказывались мѣста, внесенныя въ старые списки, хотя бы теперь, въ началѣ XIX вѣка, они пришли въ полный упадокъ. Были, напр., мѣста, состоявшія изъ одного дома, изъ пустыннаго парка, морского ненаселеннаго берега, гдѣ когда-то жили люди. Всѣ эти мѣста по древнимъ своимъ привилегіямъ пользовались правомъ посылать депутатовъ въ нижнюю палату: это и дѣлалъ отъ ихъ имени владѣлецъ даннаго мѣста, либо прямо назначавшій депутата, либо рекомендававшій его избирателямъ,—которые, конечно, и „выбирали“ человѣка, угоднаго магнату-землевладѣльцу. Около 2/3 изъ общаго числа депутатовъ „выбиралось такимъ фиктивнымъ образомъ.

Къ стр. 119. Бентамъ вовсе не является „главнымъ противникомъ злоупотребленій и недостатковъ“, существовавшихъ въ англійскомъ государственномъ строѣ“; но вся система его политико-философскихъ воззрѣній была, дѣйствительно, несовмѣстима съ доходившими до абсурда ненормальностями англійской конституціи, вродѣ системы „гнилыхъ мѣстечекъ“ и т. п.

Къ стр. 119. Откуда взялъ авторъ, что Коббетъ „никогда не былъ истиннымъ другомъ народныхъ массъ“—это остается его тайною. Напротивъ, въ благодарной памяти англійскаго народа и въ исторіи своего отечества этотъ смѣлый и талантливый передовой боецъ за избирательную реформу остался именно въ ореолѣ вѣрнаго друга угнетенныхъ и обойденныхъ согражданъ.

Къ стр. 121. „Заговоръ на жизнь всѣхъ министровъ, составленный Тистльвудомъ въ улицѣ Като, былъ своевременно открытъ въ февралѣ 1820 года . . .“. Этотъ „заговоръ“ въ значительной степени былъ устроенъ провокаціей (полиція очень хорошо о немъ знала). Ни въ какой связи съ движеніемъ пролетаріата и буржуазіи онъ не состоялъ.

Къ стр. 138. „Франція отдѣлалась благополучно отъ опасности быть отданной во власть демагоговъ крайней лѣвой“. Именно это направленіе въ сторону столь нравящагося автору „благополучія“ и привело впослѣдствіи старшую линію Бурбоновъ къ паденію и изгнанію изъ Франціи. Самымъ страшнымъ и сильнымъ врагомъ Бурбоновъ явилось именно ихъ непониманіе всей возможности воскресить дореволюціонный порядокъ вещей. Они возстановили противъ себя весь свой народъ, кромѣ кучки аристократовъ и духовенства, и въ моментъ рѣшительной борьбы, въ іюлѣ 1830 года, оказались совершенно одинокими.

Къ стр. 145. Фердинанда называли „королемъ лаццарони“ вслѣдствіе его популярности среди подонковъ неаполитанскаго населенія. Королевская полиція и духовенство дѣятельно настраивали неаполитанскихъ лаццарони и калабрійскихъ разбойниковъ противъ либераловъ и „мюратистовъ“, т. е. приверженцевъ короля Іоахима Мюрата, давшихъ чувствовать свое вліяніе даже послѣ казни Мюрата.

Къ стр. 145. „Министръ полиціи былъ наглымъ грабителемъ и главою кальдераріевъ . . .“. Его звали Каноза, и онъ былъ очень дѣятельнымъ организаторомъ контръ-революціонныхъ шаекъ, ознаменовавшихъ свою дѣятельность массою уголовныхъ преступленій Цѣлью Канозы было запугать либераловъ перспективою личной гибели, а все общество — призракомъ анархіи.

Къ стр. 146. Политика лорда Кэстльри внутри страны заключалась въ борьбѣ всѣми мѣрами противъ требованія избирательной реформы, а въ области иностранныхъ дѣлъ—въ поддержкѣ всѣхъ реакціонныхъ начинаній Меттерниха.

Къ стр. 149. „Какъ императоръ Александръ, такъ и Меттернихъ принимали гетерію за новую форму карбонаризма“. Это вѣрно лишь отчасти: Меттернихъ боялся греческаго возстанія еще и потому, что не вѣрилъ Александру, ждалъ его вмѣшательства въ греко-турецкую распрю и сильно опасался, что въ такомъ случаѣ Россія можетъ завладѣть Константинополемъ или, по крайней мѣрѣ, усилить свое вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ въ ущербъ Австріи.

Къ стр. 151. „Изъ Италіи была перенесена во Францію пропаганда карбонаріевъ; возникли тайныя общества“. Французскія тайныя общества временъ Реставраціи возникли вовсе не подъ вліяніемъ карбонаріевъ и имѣли цѣлью подготовить сверженіе Людовика XVIII въ пользу либо сына Наполеона I, герцога Рейхштадтскаго, либо въ пользу республики. Къ концу реставраціонной эпохи эти тайныя общества затихаютъ окончательно.

Къ стр. 151. Политика Каннинга нанесла первый тяжкій ударъ принципамъ Священнаго союза. Каннингъ поставилъ себѣ цѣлью разрушить престижъ меттерниховской

политики и сдѣлать англійскую дипломатію совершенно самостоятельной отъ австрійскаго вліянія. Возстаніе въ южно-американскихъ колоніяхъ получило съ его стороны дѣятельную поддержку, несмотря на всѣ протесты Меттерниха; вмѣстѣ съ тѣмъ Каннингъ, путемъ выгодныхъ торговыхъ договоровъ, обезпечилъ для англійской промышленности новый и обширный рынокъ для сбыта въ этихъ, освобожденныхъ отъ испанскаго ига земляхъ. Столь же рѣшительна была его политика и относительно Греціи: благодаря его желѣзной волѣ произошло вооруженное вмѣшательство Англіи, Франціи и Россіи въ пользу Греціи.

Къ стр. 153. Употребленіе французскихъ войскъ на дѣло возстановленія абсолютизма въ Испаніи страшно повредило французской линіи Бурбоновъ. Прогрессивно настроенные круги французскаго общества выражали свое негодованіе по поводу нелогичности дѣйствій конституціоннаго правительства, усмиряющаго военной силой конституціоналистовъ сосѣдней страны въ пользу деспота, уже тогда извѣстнаго своими звѣрствами. Подавляющую роль въ посылкѣ французскихъ войскъ сыграло не только вліяніе Россіи и Австріи, но и агитація клерикальной партіи во Франціи. Съ своей стороны, испанское духовенство необычайно облегчило предпріятіе герцога Ангулемскаго, называя французовъ посланниками Божіими и рекомендуя населенію относиться къ нимъ, какъ къ друзьямъ. Утвержденіе автора, будто „эта побѣда сильно подняла престижъ правительства Людовика XVIII“ — діаметрально расходится съ истиной.

Къ стр. 156. Католики со временъ Карла II были лишены въ Англіи права занимать какія-либо государственныя должности, а также состоять членами парламента. Это дѣлало ирландцевъ (въ подавляющемъ большинствѣ—католиковъ) паріями въ государствѣ, а главное, закрывая имъ доступъ въ парламентъ, лишало ихъ и впредь всякихъ надеждъ на улучшеніе своей участи легальнымъ законодательнымъ путемъ. Агитація въ пользу эмансипаціи католиковъ, поднятая О' Конелемъ, заставила, въ концѣ концовъ, англійскій консервативный кабинетъ уступить ирландцамъ въ этомъ вопросѣ; помогло имъ весьма существенно то обстоятельство, что какъ разъ эта агитація совпала съ бурнымъ общественнымъ движеніемъ въ самой Англіи въ пользу избирательной реформы. Чтобы быть избавленными отъ необходимости бороться на два фронта, консерваторы удовлетворили (на время) ирландцевъ эмансипаціею католиковъ и направили всѣ свои силы на борьбу противъ „реформистовъ“.

Къ стр. 158. „При всей своей суровости, онъ былъ, однако, справедливъ и благороденъ“. Это голословное утвержденіе плохо вяжется съ фактами.

Къ стр. 160. . . . „римская церковь натянула на себя революціонную шапку“. Авторъ самымъ произвольнымъ образомъ смѣшиваетъ Ламеннэ со всею римскою церковью. Уже тотчасъ же послѣ Іюльской революціи между Ламеннэ и оффиціальнымъ католицизмомъ стали обнаруживаться нелады. Нѣкоторые епископы даже воспретили чтеніе его органа „l'Avenir“ подчиненнымъ священникамъ; въ энцикликѣ „Mirari vos“, изданной 15 августа 1832 года, папа рѣшительно высказался противъ слишкомъ либеральныхъ, по его мнѣнію, сужденій Ламеннэ. Точно также было осуждено папой и главное произведеніе Ламеннэ „Слова Вѣрующаго“, а съ средины 30-хъ гг. Ламеннэ еще больше разошелся съ церковью, и сталъ считать самое понятіе „католицизмъ“ слишкомъ суживающимъ идею христіанства. Его настроеніе дѣлалось съ теченіемъ времени все непримиримѣе, его убѣжденія все радикальнѣе и демократичнѣе,—и римская церковь уже до конца его жизни видѣла въ немъ своего противника.

Къ стр. 162—163. Іюльская революція знаменовала окончательную побѣду буржуазіи надъ всякими попытками реставрировать аристократически-абсолютистскій строй. Безумная политика Карла X не могла удаться, такъ какъ она была направлена къ достиженію невозможнаго, — къ установленію порядка вещей, совершенно противорѣчившаго распредѣленію реальныхъ силъ въ государствѣ: буржуазія требовала конституціонныхъ гарантій и обезпеченности отъ всякихъ стремленій къ государственнымъ переворотамъ, крестьянство было глухо-враждебно и подозрительно къ „королю эмигрантовъ“, городской пролетаріатъ также отъ абсолютистскихъ поползновеній Бурбоновъ ничего хорошаго для себя ожидать не могъ; армія не забывала, что Бурбоны явились и были утверждены на престолѣ благодаря непріятельскому нашествію. При такихъ условіяхъ, опираясь только на знать, на іезуитовъ и на высшее духовенство, начинать борьбу противъ конституціи было, конечно, въ высшей степени рискованно. Вотъ почему даже Николай и Меттернихъ съ безпокойствомъ слѣдили за дѣйствіями Полиньяка, явственно подготовлявшаго переворотъ: они боялись не нарушенія конституціи, а того, что это нарушеніе можетъ не пройти для Карла X безнаказанно, можетъ повлечь волненія и стоить ему короны.

Къ стр. 162. . . . „Карлъ . . . назначилъ весьма непопулярнаго маршала Мармона“ . . Мармонъ былъ непопуляренъ по той причинѣ, что его считали измѣнникомъ, предавшимъ Наполеона въ послѣднемъ фазисѣ борьбы французскаго императора противъ союзниковъ. Самъ Наполеонъ поддерживалъ мнѣніе, что Мармонъ ему измѣнилъ.

Къ стр. 163. Луи-Филиппъ былъ поспѣшно возведенъ на престолъ буржуазіей, страшно боявшейся провозглашенія республики. Съ республикой у тогдашней буржуазіи связывалось воспоминаніе о террорѣ 1793 года, о господствѣ низшихъ классовъ населенія, о войнѣ съ Европой и т. д. Луи-Филиппъ давно уже былъ популяренъ въ либеральныхъ кругахъ общества, и мысль, что онъ можетъ съ успѣхомъ замѣнить на престолѣ старшую линію Бурбоновъ, давно уже носилась въ воздухѣ. Уже Людовикъ XVIII съ недовѣріемъ и опасеніемъ смотрѣлъ на Луи-Филиппа; Карлъ X, какъ человѣкъ болѣе довѣрчивый и

легкомысленный, поддерживалъ съ Луи-Филиппомъ нѣсколько лучшія отношенія. Въ Іюльскіе дни 1830 года Луи-Филиппъ дѣйствовалъ очень осторожно; его еле разыскали, когда пріѣхали предлагать ему стать „наслѣдникомъ королевства“, и онъ выступилъ впередъ тогда, когда уже всякая опасность побѣды Карла X могла считаться совершенно устраненною.

Къ стр. 171. „По закону 27 апрѣля 1825 года, палаты вознаградили обѣднѣвшее дворянство рентами общей стоимостью въ цѣлый милліардъ франковъ въ возмѣщеніе за ихъ имѣнія, конфискованныя въ пользу націи; но этотъ щедрый подарокъ не возстановилъ прежняго привилегированнаго положенія дворянства: семьи эмигрантовъ стали пенсіонерами народа, но не вернули себѣ прежняго блестящаго положенія въ обществѣ; напротивъ того, современное общество сторонилось отъ нихъ, какъ отъ людей скучныхъ и отсталыхъ“. — Законъ о вознагражденіи за земли имѣлъ несравненно болѣе важное значеніе, которое авторъ почему-то вовсе проходитъ молчаніемъ. Эмигранты, вернувшіеся съ Бурбонами, не переставали съ 1814 года домогаться вознагражденія за конфискованныя у нихъ во время революціи земли. При Людовикѣ XVIII имъ не удалось добиться своей цѣли, но едва только Карлъ X вступилъ на престолъ, какъ онъ самъ ревностно сталъ работать надъ тѣмъ, чтобы поскорѣе привести возбужденный вопросъ къ благополучному для эмигрантовъ окончанію. Казна взвалила на себя огромную обузу въ явный ущербъ для всей Франціи, кромѣ небольшой эмигрантской кучки. Притомъ ассигнованныя деньги распредѣлялись крайне безпорядочно и неравномѣрно, такъ что больше всего получили придворные чины и, вообще, тѣ дворяне, которые стояли поближе къ королю. Чтобы справиться съ новыми расходами, пришлось конвертировать ренту, понизивъ % дохода съ нея. Антидинастическая агитація немедленно использовала этотъ фактъ, повторяя многократно, что правительство беретъ у людей средняго достатка, обладателей ренты, ихъ деньги, часть ихъ дохода, — и отдаетъ эти деньги царедворцамъ подъ предлогомъ вознагражденія за конфискацію. Такимъ образомъ, этотъ законъ страшно повредилъ Карлу X въ буржуазныхъ кругахъ, и онъ считается, по справедливости, одною изъ ошибокъ, подготовившихъ паденіе династіи.

Къ стр. 175. Отношеніе либерализма къ „гражданской свободѣ“ опредѣлено совершенно невѣрно: именно либеральная партія всегда стояла за полное гражданское равенство, а путемъ ценза устанавливала различія въ объемѣ политическихъ правъ гражданъ.

Къ стр. 176. „Уже въ самомъ началѣ своего царствованія „король французовъ“, такъ сталъ называть себя герцогъ Орлеанскій съ 9 августа 1830 года, взялъ на себя двусмысленную и опасную роль, благодаря чему, мало по-малу, пошатнулось его положеніе, которое вначалѣ опиралось, какъ будто, на народную волю“. Это совершенно невѣрно: именно въ первые годы правленія тронъ Луи Филиппа казался непроченъ и подвергался неоднократно вооруженнымъ нападеніямъ со стороны враждебныхъ партій, а съ 1840 года эти попытки прекратились, и тревожное положеніе началось вновь лишь съ лѣта 1847 года, когда борьба за избирательную реформу, благодаря упорству короля, стала принимать особенно ожесточенный характеръ.

Къ стр. 182. Изъ причинъ пораженія поляковъ авторъ забываетъ назвать самую серьезную: подавляющій перевѣсъ силъ врага, совершенно свободнаго въ распоряженіи ими. Грубыя нарушенія конституціи какъ Константиномъ, такъ и Николаемъ, сыгравшія свою роль въ возбужденіи поляковъ противъ Россіи, также обойдены молчаніемъ. Фраза: „польскій патріотизмъ, проистекавшій, въ сущности, изъ раздражительнаго до изступленія самолюбія, ничего не могъ дать польскому народу“ — показываетъ поверхностное отношеніе нѣмецкаго націоналиста къ описываемымъ явленіямъ. Польское возстаніе 1830—31 гг. было отчаянною попыткою польскаго народа добиться истинной, а не призрачной національной самостоятельности.

Къ стр. 184. „Крестьянскіе бунты, сопровождавшіеся неслыханными звѣрствами, показали всему міру, что польскіе крестьяне считаютъ своими смертельными врагами и угнетателями не русскихъ, австрійцевъ или пруссаковъ, а польскихъ же дворянъ-землевладѣльцевъ“. Говорить такъ о крестьянскомъ бунтѣ въ Галиціи, значитъ, обнаруживать полное невѣжество относительно того, что меттерниховское правительство само вызвало бунтъ галиційскихъ крестьянъ и допустило безпрепятственное совершеніе „неслыханныхъ звѣрствъ“ надъ польскими помѣщиками съ умысломъ, затѣмъ, чтобы подавить сепаратистскія стремленія дворянства. Эта общеизвѣстная галиційская рѣзня даже въ тогдашней безгласной Австріи возбудила ужасъ.

Къ стр. 188. „Въ лицѣ многочисленныхъ польскихъ эмигрантовъ, которые искали возбуждающихъ, но не слишкомъ тяжелыхъ занятій по своему вкусу, руководители революціоннаго движенія нашли подходящихъ эмиссаровъ“ . . . Авторъ считаетъ почему-то нужнымъ повторить избитую въ нѣмецкихъ юнкерско-націоналистическихъ кругахъ догадку, согласно которой какіе-то таинственные польскіе „эмиссары“ производили революціонное броженіе въ Германіи въ 30—40-хъ гг. На самомъ дѣлѣ, полное несоотвѣтствіе патріархальныхъ абсолютистскихъ формъ правленія съ развивающимися потребностями жизни, вредный для интересовъ буржуазіи сепаратизмъ, осуждавшій Германію на безсиліе въ международной политикѣ, угнетенное положеніе крестьянъ, рабочихъ, ремесленниковъ — все это обусловливало необходимость коренного переустройства, коренной ломки правительственнаго аппарата и въ крупныхъ, и въ мелкихъ государствахъ Германіи.

Къ стр. 188. Ругань автора, называющаго лучшихъ людей тогдашней Германіи „пьяными интеллигентами" и отождествляющаго „государственную измѣну" съ „ненавистью къ монархамъ" обличаетъ раздраженіе реакціонера, который забылъ, что со стороны историка накидываться съ пѣною у рта на несимпатичныхъ ему дѣятелей по меньшей мѣрѣ, курьезно.

Къ стр. 189. Вейдигъ былъ конституціоналистомъ и человѣкомъ, желавшимъ сочетать христіанство съ служеніемъ политической свободѣ, а вовсе не „кровожаднымъ злоумышленникомъ", какъ его аттестуетъ авторъ.

Къ стр. 190. „Если бы онъ (король греческій Оттонъ) и его совѣтники, баварцы, обладали политическимъ смысломъ, то они старались бы упрочить „интеллигентный абсолютизмъ", а не путались бы въ безплодныхъ конституціонныхъ затѣяхъ". Конечно, конституціонное правленіе было единственнымъ выходомъ для короля, что, впрочемъ, самъ себѣ явно противорѣча, признаетъ и самъ авторъ, когда, нѣсколькими строками ниже, упрекаетъ короля, который „не соблюдалъ конституцію такъ добросовѣстно, какъ слѣдовало ему для пріобрѣтенія народнаго довѣрія".

Къ стр. 197. „Въ политическомъ отношеніи соціальное движеніе имѣло мало вліянія на событія, вызванныя Іюльской революціей; слѣдовъ этого движенія почти незамѣтно также и въ революціяхъ 1848 года". Относительно 1848 года — это грубѣйшая ошибка. Нужды и требованія рабочаго класса сыграли въ движеніяхъ 1848 года весьма серьезную роль и во Франціи, и въ Пруссіи, и въ Австріи.

Къ стр. 197. „Этотъ переворотъ произошелъ не по иниціативѣ союзнаго сейма, призваніемъ котораго должно было быть споспѣшествованіе общимъ интересамъ всѣхъ германскихъ государствъ" . . . Авторъ почему-то не хочетъ видѣть, что назначеніемъ сейма было именно противодѣйствіе всякому матеріальному и духовному прогрессу Германіи и „споспѣшествованіе" одной только реакціи, въ тѣхъ случаяхъ, когда она для оформленія своихъ дѣйствій считала нужнымъ обращаться къ этому безсильному собранію чиновниковъ.

Къ стр. 202. Называть шаблонныя и наивно-самомнительныя словоизліянія Фридриха Вильгельма IV „образцами ораторскаго искусства" можно только изъ очень большого прусскаго патріотизма.

Къ стр. 202. „Германскій народъ не скрывалъ своего гнѣва по поводу этого дерзкаго покушенія на его территорію и выступилъ съ единодушнымъ рѣшеніемъ грудью отстоять свои права" . . . Въ чемъ этотъ „гнѣвъ" въ 1840 году проявился, и какъ авторъ узналъ о „единодушномъ рѣшеніи" народа, не имѣвшаго абсолютно никакихъ средствъ ни устно, ни въ печати выяснить свое „рѣшеніе", — это остается непонятнымъ. На самомъ дѣлѣ, дипломатическія пререканія 1840–41 гг. никакихъ мало-мальски серьезныхъ національныхъ волненій не вызвали, и ни въ чемъ этотъ, якобы, происшедшій „внезапный" патріотическій подъемъ не выразился. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, приводить въ доказательство „единодушія" всего народа появленіе шовинистическаго стихотворенія о Рейнѣ.

Къ стр. 214. „Въ общемъ правленіе Луи-Филиппа было довольно счастливымъ, но французамъ оно показалось скучнымъ". Эта, рѣшительно ничего не говорящая фраза, какъ и тѣ, которыя за ней слѣдуютъ, ничего не объясняетъ и объяснить не можетъ въ февральскихъ событіяхъ 1848 года. Дѣло было не въ томъ, конечно, что „французамъ показалось скучнымъ" правленіе Луи-Филиппа, а въ томъ, что ни король, ни исполнитель его предначертаній Гизо совершенно не поняли стремленій широкихъ народныхъ круговъ. Луи-Филиппъ, возведенный на престолъ при непосредственной дѣятельной помощи крупной финансовой буржуазіи, упорно отказывался понимать, что,—не говоря уже о рабочихъ,— даже обширные круги средней и мелкой буржуазіи все съ большимъ и съ большимъ нетерпѣніемъ ждутъ возможности принять активное участіе въ политической жизни страны, и что, поэтому, реформа въ области избирательнаго права является дѣломъ первой необходимости. Луи-Филиппъ, со свойственнымъ его характеру упорствомъ, настаивалъ, что онъ обязанъ считаться только съ палатою народныхъ представителей, какъ выразительницею мнѣній страны. Получался заколдованный кругъ, ибо палата въ вопросѣ объ избирательной реформѣ, именно, и не могла отражать правильно истинные взгляды страны: вѣдь рѣчь шла какъ разъ о томъ, что палату выбираютъ богачи и изъ среды богачей, и что необходимо понизить цензъ затѣмъ, чтобы выборы перестали быть привилегіей немногихъ. Всего отъ 180 до 200 тысячъ человѣкъ во всей Франціи имѣло доступъ къ избирательной урнѣ, мнѣніе же остального народа насчетъ реформы во вниманіе не принималось. Мало того. Нельзя было добиться того, чтобы было ограничено право чиновниковъ ставить свою кандидатуру, и иногда (напр., въ 1837 г.) треть всего числа депутатовъ была изъ чиновниковъ, продолжавшихъ состоять на службѣ и получать жалованье. Раздражалъ демократическіе слои также широко практиковавшійся министерствомъ подкупъ депутатовъ, которые обнаруживали поползновеніе держаться независимо. Всѣ эти обстоятельства совершенно объясняютъ, почему всѣ многократныя попытки провести избирательную реформу неизмѣнно проваливались въ палатѣ. Съ каждымъ годомъ все яснѣе становилась невозможность достигнуть реформы мирнымъ путемъ, безъ внѣшняго давленія на палату и короля. На почвѣ борьбы за реформы къ недовольнымъ кругамъ средней и мелкой буржуазіи примыкали рабочіе, экономическое положеніе которыхъ было страшно тяжелымъ. Правительство іюльской монархіи, правительство крупной буржуазіи, почти ровно ничего не дѣлало хоть для самой ограниченной охраны интересовъ труда, интере-

совъ здоровья и благосостоянія рабочаго класса. Стремленіе къ избирательной реформѣ стало для рабочаго пролетаріата лозунгомъ, вокругъ котораго можно было объединиться, въ виду того, что при существованіи высокаго ценза никакой надежды на облегченіе своей участи въ законодательномъ порядкѣ рабочіе имѣть не могли.

Къ стр. 215. „Покушенія на жизнь членовъ правительства теперь уже не были дѣломъ рукъ единичныхъ одичалыхъ фанатиковъ и кровожадныхъ безумцевъ, какъ раньше . . . революціонная пропаганда внесла эти покушенія въ свою программу". Фраза неясна. Ни одна партія въ царствованіе Луи-Филиппа не внесла покушенія въ свою программу, и они всѣ были дѣломъ рукъ отдѣльныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ за собственный рискъ и страхъ.

Къ стр. 216. „Династическая оппозиція ... всѣми силами старалась поколебать вѣру въ долговѣчность іюльской династіи". Это прямо противорѣчитъ истинѣ: династическая оппозиція всѣми силами отгораживала себя отъ республиканцевъ и не уставала повторять, что паденіе Луи-Филиппа можетъ ввергнуть страну въ страшные катаклизмы.

Къ стр. 218. Авторъ совершенно не даетъ понятія о причинахъ тѣхъ событій, которыя имѣли мѣсто во Франціи между Февральской революціей и днемъ открытія національнаго собранія. Трагизмъ положенія заключался въ томъ, что крушеніе трона Луи-Филиппа было вполнѣ неожиданно не только для него самого, но и для его побѣдителей. Республиканцы были застигнуты врасплохъ свалившеюся на нихъ побѣдою. И они, и соціалисты преувеличили прочность своего положенія, и очень скоро стали испытывать разочарованіе за разочарованіемъ. Такой огромный классъ, какъ крестьянство, не принялъ никакого участія въ государственномъ переворотѣ, происшедшемъ 24 февраля въ Парижѣ. При всемъ своемъ равнодушіи къ политическимъ формамъ французское крестьянство отнеслось въ большинствѣ своемъ съ подозрительностью къ временному правительству, въ которомъ засѣдали также соціалисты: при громадномъ развитіи во Франціи мелкой крестьянской земельной собственности, этотъ классъ очень опасался потерять свою землю отъ какого-либо соціалистическаго переворота. Когда временное правительство, въ борьбѣ съ обступившими его финансовыми затрудненіями ввело новый прямой налогъ, это окончательно раздражило крестьянъ и настроило ихъ противъ республики. Далѣе. Буржуазія, особенно, финансовая и промышленная, была напугана и революціей, и первыми дѣйствіями временнаго правительства и жаждала установленія „твердаго порядка". Наконецъ, рабочіе продолжали волноваться именно потому, что чувствовали надвигающуюся со стороны другихъ слоевъ народа реакцію и желали ее предупредить. Матеріальное ихъ положеніе оставалось отчаяннымъ, несмотря на устройство національныхъ мастерскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство не знало, что съ ними дѣлать, ибо расходы быстро возрастали, платить записывающимся рабочимъ надо было, а работы не было. Въ срединѣ марта записалось 25 тысячъ рабочихъ, чрезъ мѣсяцъ ихъ было уже 66 тысячъ, а въ концѣ мая—сто тысячъ человѣкъ. Таковы были общія въ высшей степени зловѣщія условія, при которыхъ состоялись выборы въ Національное собраніе, давшіе враждебное рабочему классу большинство. Состоявшаяся за недѣлю до выборовъ рабочая манифестація 16 апрѣля только способствовала этому результату, усиливши страхъ имущихъ классовъ предъ призракомъ соціалистическаго переворота.

Къ стр. 218. „ . . . Центрами этихъ организацій были Парижъ и Швейцарія; нити не очень-то хитро сплетенной сѣти этихъ организацій сходились, главнымъ образомъ, въ рукахъ благороднаго Джузеппе Мадзини" и т. д. Все это — ровно ни на чемъ не основано. Европейскія революціонныя движенія вспыхнули безъ помощи организацій, и никакой ни „хитро", ни „нехитро" сплетенной „сѣти организацій" не удалось бы произвести эту бурю, если бы настоятельныя матеріальныя и духовныя потребности народовъ, долго попираемыя и оставляемыя безъ удовлетворенія, того не потребовали бы. Что касается Мадзини, то его вліяніе (весьма большое) ограничивалось предѣлами одной только Италіи, хотя личныя отношенія у него были съ многими представителями европейскаго радикализма.

Къ стр. 219. „Съ свойственнымъ ему безстыдствомъ, радикализмъ кичился своею собственною жадностью, вступилъ на путь революціи и впослѣдствіи увлекъ за собою народныя массы, соблазнившіяся его обѣщаніями, на которыя онъ не скупился, благодаря своей неспособности отличить, что невозможно и что недопустимо". Реакціонная ярость нашего историка обрушивается въ данномъ случаѣ на радикаловъ 1848 года только за то, что они, не выходя, правда, изъ буржуазныхъ классовыхъ рамокъ, все же пытались придать движенію широкій характеръ „возстановленія соціальной справедливости" и сдѣлать кое-что полезное для рабочихъ. Исторія вскорѣ показала, что въ ихъ планахъ не было ничего „недоступнаго" и „невозможнаго"; да и теоретически въ такомъ требованіи, какъ „отмѣна всякихъ привилегій" даже для буржуазнаго слуха уже не было въ срединѣ XIX вѣка ничего особенно страшнаго.

Къ стр. 220. Говорить о „громадной толпѣ пролетаріевъ, подкупленныхъ республиканцами, къ которой примкнули депутаты баденскихъ городовъ" — значитъ ничего не понимать въ пролетарскомъ движеніи 1848 года или сознательно клеветать на несимпатичныхъ себѣ дѣятелей. Чтобы поднять нищихъ и обездоленныхъ рабочихъ противъ нѣмецкихъ правительствъ, рѣшительно ничего для нихъ не дѣлавшихъ, — для этого незачѣмъ было „подкупать" этихъ несчастныхъ людей. Германскій рабочій классъ на революцію могъ смотрѣть только какъ на силу, которая можетъ освободить его, дать ему надежду на лучшее будущее.

Къ стр. 221. „Какія требованія слѣдуетъ предъявить къ правительству, объ этомъ догадались не австрійцы, а незадолго передъ тѣмъ собравшійся венгерскій сеймъ" и т. д. Рѣчь Кошута произвела на вѣнцевъ сильное впечатлѣніе, но, конечно, они и безъ нея „догадались", что имъ слѣдуетъ требовать конституціи. Австрійскій абсолютизмъ тяжелымъ игомъ давилъ всю страну; въ Пруссіи абсолютизмъ все-таки не столь тяжело давалъ себя знать, ибо административный персоналъ былъ гораздо культурнѣе и честнѣе. Въ Австріи крестьянство, обремененное податями и рекрутскимъ наборомъ, угнетаемое помѣщиками, разоряемое чиновниками; буржуазія, видѣвшая главное препятствіе къ нормальному хозяйственному развитію въ абсолютизмѣ, раздраженная безмѣрнымъ произволомъ полиціи и цензуры; рабочіе какъ и всюду, видѣвшіе въ абсолютизмѣ „мертвый камень", лежащій у нихъ на дорогѣ, безъ устраненія котораго ни на что хорошее надѣяться нельзя, всѣ эти классы вовсе не нуждались въ венгерскихъ напоминаніяхъ, чтобы рѣшиться требовать лучшей участи или, даже, прямо начать бунтовать (какъ это сдѣлали въ рядѣ мѣстностей крестьяне, ничего и не слыхавшіе о Кошутѣ). Въ самой Вѣнѣ застрѣльщиками выступили студенты. Эта самая отзывчивая часть интеллигентной буржуазіи въ теченіе всей революціонной весны 1848 года не переставала поддерживать живѣйшія сношенія съ рабочимъ населеніемъ вѣнскихъ пригородовъ, вызывая рабочихъ для совмѣстныхъ дѣйствій въ центральныхъ кварталахъ города, предупреждая ихъ о замыслахъ реакціонной камарильи, окружавшей Фридриха I, и т. д. Горе вѣнской революціи заключалось въ томъ, что кооперація классовъ быстро распалась вслѣдствіе испуга буржуазіи предъ пролетаріями. Правительству же тѣмъ легче было вступить на путь реакціи, что весь правительственный аппаратъ не былъ не только разрушенъ, но даже сколько-нибудь серьезно измѣненъ Мартовскою революціею.

Къ стр. 224. „Все-таки вечеромъ того же дня народъ устроилъ въ честь его манифестацію передъ дворцомъ; но народные совратители, которымъ непремѣнно нуженъ былъ бунтъ, для исполненія своихъ преступныхъ замысловъ превратили искусственно эту благодарственную манифестацію въ кровопролитное возмущеніе". Тутъ — все лживо съ начала до конца; начать съ того, что народъ вовсе и не думалъ устраивать предъ дворцомъ „благодарственную манифестацію". Если сначала часть толпы была расположена къ королю, то гораздо замѣтнѣе было рядомъ настроеніе недовѣрчивое и угрюмое; и толпа не расходилась, ожидая подтвержденія королевскихъ уступокъ. Далѣе. Никакіе „народные совратители" толпу на революцію не повели, а кровопролитіе было устроено исключительно наглымъ нападеніемъ гвардіи на беззащитную и безоружную толпу, которая въ полной ярости разсѣялась по городу, призывая къ оружію. Наконецъ, если, вообще, подъ „народными совратителями" понимать наиболѣе сознательныхъ дѣятелей революціи, то ихъ „преступные планы" и заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы не дать Фридриху-Вильгельму IV перехитрить народъ, и чтобы заставить короля дать существенныя обѣщанія и, главное, заставить ихъ исполнить.

Къ стр. 224. Нашъ авторъ оплакиваетъ „злосчастное рѣшеніе" короля прекратить пальбу въ народъ, доказывая тѣмъ лишній разъ, что непримиримая прусская реакція, представителемъ которой онъ является въ своемъ описаніи Мартовскихъ дней, даже спустя полстолѣтія не можетъ утѣшиться при воспоминаніи, что абсолютизмъ, благодаря сравнительной совѣстливости Фридриха-Вильгельма IV, убилъ нѣсколько меньше людей, нежели могъ бы убить. Еще болѣе курьезна въ устахъ писателя, претендующаго на пониманіе внутренняго смысла описываемыхъ событій, такая фраза: „Эти смутьяны не только не были ему благодарны за то, что онъ не покаралъ ихъ за ихъ преступные замыслы, а, напротивъ того, считали отступленіе королевскихъ войскъ доказательствомъ своей побѣды и не переставали издѣваться не только надъ войсками, но надъ королемъ". Мы выше указали въ краткихъ чертахъ на причины недовольства абсолютизмомъ въ средней Европѣ въ 1848 году. Считать историческую эволюцію, совершенно неотвратимую и коренящуюся во всемъ укладѣ жизни даннаго общества, продуктомъ „преступныхъ замысловъ", называть мужественныхъ борцовъ за лучшее будущее своей родины „смутьянами" — возможно лишь въ припадкѣ тупой реакціонной ярости, не желающей считаться съ очевидностью.

Къ стр. 225. „Исключительное господство народныхъ массъ, руководимыхъ честолюбивыми болтунами", это, въ переводѣ на языкъ нашего автора, должно обозначать понятіе народнаго суверенитета или, по крайней мѣрѣ, права Національнаго собранія на учредительныя функціи.

Къ стр. 227. По мнѣнію нашего автора, радикальныя предложенія, раздававшіяся въ форпарламентѣ, „должны были, собственно говоря, вызвать взрывъ хохота и годились только, какъ хорошій сюжетъ, для сатиры". И тутъ же онъ наивно удивляется тому, что „умѣренные демократы и либералы пустились въ серьезныя пререканія съ радикалами". Значитъ, не такъ ужъ смѣшны были эти предложенія, если никакого „взрыва хохота" они не вызывали, а вызывали серьезныя пренія. И если за одно изъ такихъ предложеній (и одно изъ самыхъ радикальныхъ) высказалось 143 голоса противъ 368, то не значитъ ли это, что въ 1848 году вовсе не казалось смѣшнымъ то, что хочетъ представить таковымъ нашъ авторъ, спустя пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ?

Къ стр. 227. „Какъ въ подготовительномъ парламентѣ, такъ и въ призванномъ имъ къ жизни Національномъ собраніи, недовѣріе либераловъ къ правительствамъ сказалось гораздо сильнѣе, чѣмъ ихъ недовольство безумными увлеченіями радикаловъ; въ этомъ

заключается первая и, вѣроятно, наиболѣе существенная причина безплодности всѣхъ стараній самыхъ безкорыстныхъ и искреннихъ поборниковъ германскаго національнаго движенія". Довольно мудрено было бы отъ людей, ясно видѣвшихъ, что существующія правительства всею душою ненавидятъ идею національнаго объединенія, требовать, чтобы они хоть сколько-нибудь довѣрились этимъ самымъ правительствамъ. Вѣдь представителямъ всѣхъ германскихъ правительствъ, кромѣ, развѣ, прусскаго, объединеніе Германіи явственно грозило либо полнымъ уничтоженіемъ, либо потерею того суверенитета власти, которымъ они пока обладали; кромѣ того, всѣ, или почти всѣ они такъ упорно цѣплялись за абсолютизмъ, что, конечно, на нихъ всѣ сознательные либералы должны были смотрѣть именно какъ на главныхъ и самыхъ опасныхъ враговъ народнаго освобожденія. Напротивъ, столь неправящіеся нашему автору радикалы, пока дѣло шло объ уничтоженіи абсолютизма, должны были являться въ глазахъ истинныхъ либераловъ желанными союзниками, тѣмъ болѣе, что всѣ ихъ „безумныя увлеченія" состояли, по преимуществу, только въ болѣе логическомъ, болѣе избавленномъ отъ компромиссовъ проведеніи программы, основные принципы которой раздѣлялись либералами. Безплодными же старанія франкфуртскихъ законодателей оказались, конечно, не по той причинѣ, которую выставляетъ авторъ. Франкфуртскій парламентъ слишкомъ увлекся теоретизированіемъ, парламентскимъ краснорѣчіемъ, былъ слишкомъ робокъ и нерѣшителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и, прежде всего, слишкомъ боялся народныхъ массъ, т. е. единственной силы, которая могла бы его поддержать. По этимъ причинамъ, онъ едва ли пошелъ бы впереди общества, даже если бы революціонный подъемъ и продолжался: революція, несомнѣнно, нашла бы тогда другіе, болѣе подходящіе органы выраженія своей воли. Но, что гораздо важнѣе гибели франкфуртскаго парламента, — сама революція погибла, не доведя до конца своего дѣла. Крушеніе германской революціи 1848 года было обусловлено отпаденіемъ отъ движенія буржуазіи, испуганной (какъ и во Франціи) выступленіемъ на сцену рабочей массы, — а также успокоеніемъ крестьянства, получившаго весьма скоро рядъ облегченій отъ перепуганныхъ правительствъ Германскихъ государствъ. Оставшись въ одиночествѣ — городской пролетаріатъ, малочисленный и неорганизованный, не могъ и думать о сопротивленіи. Вотъ причина гибели цѣлаго ряда начинаній, ознаменовавшихъ собою начало 1848 года, въ томъ числѣ и объединительнаго національнаго движенія.

Къ стр. 228. „Король, который уступилъ предъ бунтовщиками и снялъ шапку передъ мертвыми тѣлами революціонныхъ главарей, павшихъ во время уличной перестрѣлки..." Откуда взялъ авторъ, что убитые были именно „главарями" — совершенно неизвѣстно. Берлинская борьба народа съ войсками велась стихійно, рѣшительно безъ всякой организаціи и безъ какого бы то ни было верховнаго революціоннаго руководительства.

Къ стр. 229. „Все-таки либералы еще не пришли къ тому выводу, что надлежащія гарантіи народныхъ правъ возможны только въ благоустроенномъ государствѣ съ сильнымъ правительствомъ и съ нерасшатанной монархической властью". Эта курьезная государственно-правовая теорія представляетъ собою плодъ прусско-патріотическихъ чувствъ автора. Почему „только" въ монархическомъ государствѣ возможны „надлежащія гарантіи народныхъ правъ", почему въ республикѣ эти гарантіи невозможны, чѣмъ, вообще, республика въ этомъ отношеніи уступаетъ монархіи — все это вопросы, на которые ни малѣйшаго разумнаго и согласнаго съ логикою и исторіею отвѣта дать невозможно.

Къ стр. 229. Авторъ полагаетъ, что, назвавши республиканцевъ „оборванцами, которые . . . шатаясь по берегамъ Рейна въ ожиданіи грабежа и добычи", онъ тѣмъ самымъ избавляетъ себя отъ необходимости ближе опредѣлить германскій республиканизмъ 1848—49 гг. Нечего и говорить, конечно, что „грабежъ и добыча" вставлены здѣсь для красоты слога, и что ни о чемъ подобномъ республиканцы и не помышляли. Республиканская партія въ странѣ была очень слаба и численно, и по оказываемому на народъ вліянію, но ея руководители были люди честные, убѣжденные и не разъ обнаруживавшіе за это бурное время способность къ самопожертвованію. Слаба эта партія была потому, что ея идеалъ оставлялъ равнодушными народныя массы, для которыхъ онъ былъ и слишкомъ абстрактенъ, и не давалъ удовлетворенія ряду экономическихъ требованій, а буржуазія пугалась республики, какъ формы правленія, при которой, яко бы, ни собственность, ни жизнь не будетъ надежно гарантированы. Небольшія группы изъ мелкой буржуазіи, изъ ремесленниковъ, изъ рабочихъ, которыя, все-таки, стали подъ республиканское знамя, не могли, разумѣется, нигдѣ, даже на югѣ, гдѣ они были сильнѣе, разсчитывать на сколько-нибудь серьезный и длительный успѣхъ. Республиканцы 1848—49 гг. въ Германіи сошли съ исторической арены незапятнанными въ нравственномъ отношеніи, и немудрено, что взводимая на нихъ нашимъ авторомъ клевета остается совершенно голословною.

Къ стр. 231. Вся эта страница является наивнымъ славословіемъ Радецкаго и его доблестей, славословіемъ, позаимствованнымъ изъ казенныхъ австрійскихъ учебниковъ исторіи. Жестокости, совершенныя Радецкимъ и другими усмирителями Италія, являются позорнѣйшимъ пятномъ въ новѣйшей исторіи Австріи. „Геройское исполненіе своего долга" заключалось въ томъ, что австрійцы поспѣшно отступали всюду, гдѣ итальянскіе инсургенты проявляли свою силу, а затѣмъ, получивши подкрѣпленія и одержавъ легкую побѣду, они предавались самымъ звѣрскимъ инстинктамъ въ усмиреніи „бунтовщиковъ". Издѣвательства всякаго рода, сѣченіе мужчинъ и женщинъ, карательныя контрибуціи, —

все это пускалось въ ходъ австрійскими офицерами, генералами, шпіонами и полицейскими.

Къ стр. 234. Не все вѣнское студенчество было настолько сознательно, чтобы видѣть въ абсолютизмѣ смертельнаго врага своей родины, съ которымъ нужно вступить въ безпощадную борьбу; нашлись отдѣльныя лица изъ студентовъ, которые отправились въ качествѣ добровольцевъ въ армію Радецкаго способствовать истребленію итальянскихъ инсургентовъ; частью это дѣлалось изъ шовинизма, частью же, просто, вслѣдствіе того, что такое „добровольчество“ въ придворныхъ кругахъ лѣтомъ 1848 года считалось признакомъ „хорошаго тона“. Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ нашъ авторъ: „Наиболѣе здравомыслящіе студенты старались убѣжать отъ того искусственнаго народничества и героизма, которые проповѣдывались въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ на студенческихъ сходкахъ въ Вѣнскомъ университетѣ; они спѣшили вступить въ ряды храбрыхъ добровольцевъ“ и т. д. Итакъ, бороться на баррикадахъ есть героизмъ „искусственный“, а вполнѣ безопасно для себя палачествовать надъ итальянцами, защищающими свою родину, есть героизмъ „истинный“, тѣмъ болѣе, что Радецкій давалъ такимъ пріѣзжимъ добровольцамъ самыя лестныя рекомендаціи для ихъ будущей карьеры.

Къ стр. 237. Неистовыя гнусности, совершенныя австрійскимъ генераломъ Гайнау въ Брешіи, послѣ взятія этого города, не мало содѣйствовали тому позору, которымъ покрылась оффиціальная Австрія въ 1849 году всюду, гдѣ она торжествовала. Солдаты открыто насиловали женщинъ, выбрасывали дѣтей изъ оконъ на улицу, увѣчили, грабили, убивали на глазахъ у благосклоннаго начальства, которое и само принимало въ этихъ звѣрствахъ непосредственное участіе. Что касается взятія Рима и уничтоженія Римской республики французами, то передовая часть французскаго законодательнаго собранія открыто выражала свое негодованіе по поводу экспедиціи Удино, снаряженной и отправленной Луи Наполеономъ собственною властью. Президентъ сдѣлалъ это, чтобы возстановленіемъ папы на римскомъ престолѣ привлечь на свою сторону могущественную клерикальную поддержку въ самой Франціи. Кромѣ того, ему хотѣлось создать извѣстный противовѣсъ исключительному вліянію Австріи на Аппенинскомъ полуостровѣ.

Къ стр. 238. ... „Напротивъ того, о венгерской кампаніи исторія должна высказаться рѣшительно въ томъ смыслѣ, что это было безцѣльное и безполезное преступное кровопролитіе“ ... Почему? Неизвѣстно. Венгрія (какъ показала дальнѣйшая ея исторія) не только вправѣ была желать самостоятельности, но, въ серьезной степени, и добилась ея на самомъ дѣлѣ, только нѣсколько позже. Страна, населенная чужою нѣмцамъ расою, съ чужою религіею, чужою культурою, самостоятельными экономическими интересами, такая страна, вполнѣ естественно, не могла не желать всѣми силами освободиться отъ меттерниховской и послѣ-меттерниховской полиціи и опеки, — и, вообще, отъ австрійскаго вмѣшательства въ свои дѣла. Если ужъ непремѣнно задаться цѣлью дѣлать моральную оцѣнку борющихся сторонъ, то именно кровопролитіе, учиненное въ Венгріи ея усмирителями, скорѣе можетъ быть названо „безцѣльнымъ и преступнымъ“, ибо, во имя деспотизма и порабощенія чужой національности, австрійское правительство щедро проливало кровь венгерскихъ и своихъ солдатъ.

Къ стр. 239. Благородная и полезнѣйшая роль, какую сыграли вѣнскіе студенты во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ столицы въ 1848 году, возбуждаетъ неудовольствіе нашего автора. ... „Подкапывались подъ всѣ существующіе авторитеты, не замѣняя ихъ ни однимъ новымъ“ ... Все это — пустѣйшія фразы. Революція въ мартѣ 1848 г. пробила широкую брешь въ старыхъ абсолютистскихъ „авторитетахъ“ и выдвинула идею политической свободы въ широкомъ смыслѣ слова. Стремленіе покончить совсѣмъ съ абсолютизмомъ — вотъ что стало идеаломъ тѣхъ круговъ общества, которые не сразу отвернулись отъ революціи, а вплоть до ноября 1848 года продолжали ее поддерживать. Курьезное обвиненіе „евреевъ“, а также „подосланныхъ революціонными обществами изъ Франціи, Швейцаріи и западной Германіи“ агитаторовъ, въ томъ, что они „соблазнили и эксплоатировали“ студентовъ и рабочихъ Вѣны, показываетъ глубокое непониманіе тѣхъ внутреннихъ силъ, которыя породили австрійскую революцію, а также предосудительную для историка готовность повторять вздорныя розсказни, пущенныя въ ходъ монархической полиціей города Вѣны въ 1848—49 гг. и съ тѣхъ поръ неизмѣнно повторяющіяся во всѣхъ реакціонныхъ памфлетахъ, гдѣ только идетъ рѣчь о Мартовскихъ дняхъ. О роли студентовъ, какъ посредниковъ между рабочими и революціонной буржуазіей, мы уже говорили въ предшествующихъ примѣчаніяхъ.

Къ стр. 239. ... „Рабочіе увлекались самыми фантастическими мечтами и ожидали наступленія новой эры свободы, когда можно будетъ предаваться наслажденіямъ безъ всякихъ ограниченій“. Таково пониманіе настроенія рабочихъ у нѣмецкаго реакціонера. При вполнѣ безграничной эксплоатаціи рабочаго труда, при вопіющемъ произволѣ хозяевъ, всегда и во всемъ имѣвшихъ дѣятельную поддержку абсолютистской полиціи, при совершенной невозможности не то, что отстаивать свои интересы, но даже о нихъ говорить, австрійскіе рабочіе могли только потому желать свободы, что тогда имъ предстояло „предаваться наслажденіямъ безъ всякихъ ограниченій“; а если бы не эта падкость къ безграничнымъ „наслажденіямъ“, то и бунтовать было бы незачѣмъ! Эта изумительная логика сопутствуетъ нашему автору всюду, гдѣ онъ говоритъ о революціяхъ и революціонерахъ.

Къ стр. 242. ... „Народъ, обязанный своимъ политическимъ существованіемъ побѣ-

дамъ воинственныхъ германскихъ племенъ надъ турками"... Венгерскіе историки вовсе не знаютъ этой заслуги за нѣмцами и утверждаютъ даже, что государственная культура Венгріи была уже такъ крѣпка ко времени турецкаго нашествія, что потомъ послѣдовавшая „перемѣна турецкаго ига на нѣмецкое", ни въ какомъ случаѣ не можетъ называться спасеніемъ венгерскаго народа; и политическое самосознаніе венгерцевъ упрочилось, главнымъ образомъ, именно на борьбѣ противъ Габсбурговъ за остатки культурно-національной самобытности. Въ вышеприведенномъ мнѣніи нашего автора, просто сказывается столь присущій ему нѣмецкій патріотизмъ.

Къ стр. 243. ... „его честолюбіе жаждало сильныхъ ощущеній, доставляемыхъ азартною игрой, въ которой ставились на карту такія громадныя ставки, какъ участь венгерскаго государства и венгерскаго народа". Невозможно грубѣе извратить нравственный образъ Кошута. Это былъ человѣкъ, овладѣвавшій народными толпами силою своего убѣжденія, своей глубокой искренности; цѣлью его жизни была работа на пользу венгерской свободы. Исторія національныхъ революцій мало можетъ выдвинуть фигуръ, которыя по моральной своей чистотѣ и искренности достойны были бы стоять на одномъ уровнѣ съ Кошутомъ. Излагая затѣмъ исторію хладнокровной, обдуманной провокаціи, къ которой прибѣгло императорское правительство относительно Венгріи, едва лишь оно увидѣло, что революція въ другихъ мѣстахъ имперіи пошла на убыль, авторъ представляетъ дѣло такъ, что въ концѣ-концовъ виновною оказывается не эта провокація, а „болѣзненная страстность" Кошута. Вообще, у нашего автора реакція рѣдко оказывается въ чемъ-нибудь повинной.

Къ стр. 244. ... „Это было отвѣтомъ австрійскаго правительства на военныя приготовленія Кошута". Австрійское правительство торопилось довести дѣло до вооруженной борьбы, едва только оно почувствовало себя сильнымъ.

Къ стр. 245. „Вѣнскій рейхстагъ не заботился о самой насущной задачѣ того времени, о возстановленіи твердой власти правительства и уваженія къ нему, о прочности правительства"... Авторъ не желаетъ понимать, что „насущной задачей того времени" для всякаго искренняго конституціоналиста являлось именно возможно большее ослабленіе власти правительства, которое и не думало разставаться съ абсолютизмомъ и дѣлало все отъ себя зависящее, чтобы поскорѣе покончить съ послѣдними слѣдами конституціонныхъ уступокъ. Къ несчастью для австрійской свободы, вѣнское представительное собраніе, напротивъ, слишкомъ много заботилось объ „авторитетѣ власти", слишкомъ боялось революціи, слишкомъ быстро примирилось съ реакціей; если бы оно на самомъ дѣлѣ з а с л у ж и л о своими дѣйствіями упрекъ нашего автора, — реакція такъ быстро не восторжествовала бы въ странѣ.

Къ стр. 245. „Каковъ былъ этотъ рейхстагъ, въ которомъ принимали участіе нѣкоторые совсѣмъ неграмотные депутаты изъ Галиціи, легко судить по тому обстоятельству, что онъ даже не счелъ нужнымъ останавливаться на вопросѣ о правѣ помѣщиковъ на вознагражденіе за отнимаемыя у нихъ права"... Всякое демократическое рѣшеніе вызываетъ у нашего автора скорбь и негодованіе: в ы к у п а т ь феодальныя права на эксплоатацію крестьянъ значило, въ конечномъ счетѣ, обременять плательщиковъ податей, т. е. тотъ же народъ, новыми податями и налогами совершенно непроизводительными. Если бы революція на самомъ дѣлѣ восторжествовала въ Австріи, то даже и рѣчи о подобномъ выкупѣ быть не могло бы. Крѣпостническая точка зрѣнія автора столь выдержана, столь послѣдовательна, что ему, повидимому, кажется, будто только „совсѣмъ неграмотные депутаты" могли забыть о священныхъ феодальныхъ правахъ помѣщиковъ на выжиманіе всѣхъ соковъ изъ крестьянъ. О широкомъ, принципіальномъ отрицаніи всякаго права помѣщика на крестьянскій трудъ, ничѣмъ неоплачиваемый и не возмѣщаемый, — авторъ какъ будто и не можетъ подумать иначе, какъ о бредняхъ неграмотныхъ депутатовъ и буйныхъ разрушителей.

Къ стр. 246. Осеннее возмущеніе Вѣны было послѣднею попыткою погибающей революціи справиться съ абсолютизмомъ, перешедшимъ въ наступленіе. Тутъ послѣдніе остатки революціонной мелкой буржуазіи въ соединеніи съ рабочими пытались воспользоваться венгерскою войною, чтобы напасть на правительство. Отправка войскъ изъ Вѣны противъ Венгріи была не только предлогомъ, но и одною изъ прямыхъ причинъ октябрьскаго возстанія; Венгрія была послѣдней надеждой вѣнской демократіи, а помочь Венгріи нельзя было лучше, нежели задерживая всѣми мѣрами войска, отправляемыя противъ этой страны.

Къ стр. 246. „Ограниченныя умственныя способности" „демократическихъ головорѣзовъ" нашъ авторъ усматриваетъ въ томъ, что вѣнскіе инсургенты не выдали по первому требованію Виндишгреца своихъ друзей на разстрѣлъ, а рѣшили защищаться до послѣдней возможности. Авторъ, нашедшій мѣсто для повѣствованія о томъ, какъ „солидные и честные друзья отечества подвергались всевозможнымъ насиліямъ" и какъ „имъ неоднократно г р о з и л и смертью" революціонеры, почему-то забываетъ упомянуть о предательскомъ р а з с т р ѣ л я н і и Роберта Блюма войсками Виндишгреца уже послѣ взятія города.

Къ стр. 249. „Изъ-за своихъ преувеличенныхъ національныхъ притязаній, не оправдываемыхъ никакими ни историческими, ни политическими мотивами, она (Венгрія) лишилась всѣхъ своихъ конституціонныхъ правъ"... Венгрія имѣла за собою долгое и блестящее историческое прошлое, она цѣлый рядъ столѣтій была не только вполнѣ само

стоятельнымъ, но и весьма могущественнымъ государствомъ, такъ что если ея національныя стремленія нуждаются въ „оправданіяхъ“, то, вопреки мнѣнію нашего автора и историческія, и политическія „оправданія“ эти были налицо.

Къ стр. 249. Порицая венгерцевъ за ихъ слишкомъ сильный патріотизмъ, авторъ хвалитъ за это же самое жителей Шлезвигъ-Голштиніи, ибо они — нѣмцы. Слѣдуя логикѣ нашего автора необходимо было бы признать, что Шлезвигъ Голштинія имѣла болѣе славное историческое прошлое, нежели Венгрія; иначе, откуда же взять „оправданіе“ національному чувству нѣмцевъ, населяющихъ эту страну?

Къ стр. 251. Вліяніе Николая I сказалось не только на вмѣшательствѣ въ войну съ Даніей, но и на отказѣ прусскаго короля отъ короны Германской имперіи, и на всей реакціонной и антинаціональной его политикѣ.

Къ стр. 253. „Напротивъ того, эти попытки обнаруживали предъ современниками и потомствомъ, что въ отношеніи политическаго развитія славяне еще не вышли изъ пеленокъ, что отсутствіе разумной мѣры въ ихъ требованіяхъ, смѣшное самомнѣніе и крайнее чванство препятствуютъ имъ въ достиженіи практическихъ результатовъ“. Главная „вина“ славянъ заключалась прежде всего въ ихъ слабости, неорганизованности, невозможности избавиться силою отъ австрійскаго владычества. Конгрессъ былъ потому осужденъ на неудачу, что для революціоннаго выступленія противъ Австріи славяне еще не были готовы, а парламентская борьба, которую заднимъ числомъ рекомендуетъ имъ нашъ авторъ, была невозможна по той простой причинѣ, что австрійское правительство свою „конституцію“ отобрало назадъ, едва только расправилось съ революціоннымъ движеніемъ въ столицѣ и въ Венгріи. Что пражское возстаніе „возникло вовсе не на почвѣ національнаго воодушевленія, а только вслѣдствіе склонности чешскаго простонародія къ буйству“— это курьезный образчикъ клеветы нѣмецкаго реакціонера на освободительное движеніе чеховъ. Четырехдневная баррикадная борьба на улицахъ Праги между инсургентами и войсками Виндишгреца была попыткою отстоять зарождающуюся надежду на политическую свободу отъ угрожающей камарильи и вѣрной ей солдатчины.

Къ стр. 255. . . . „Они только расчистили мѣсто для придворной аристократіи и для придворнаго духовенства и дали имъ возможность захватить въ свои руки неограниченное господство“. Авторъ приписываетъ это „отсутствію политическихъ талантовъ“ у славянъ, не понимая того совершенно очевиднаго факта, что именно помощь, оказанная реакціонными элементами славянства габсбургскому дому, и не могла пойти на пользу никому, кромѣ Франца-Іосифа и окружавшей его военно-клерикальной камарильи. Какъ могли славяне достигнуть какихъ бы то ни было уступокъ послѣ полнаго торжества абсолютизма? При чемъ тутъ „отсутствіе политическихъ талантовъ“? Интересы славянства были преданы именно тѣми людьми, которымъ нашъ авторъ сочувствуетъ за оказанную Габсбургамъ помощь.

Къ стр. 257. . . . „Одни изъ нихъ были представителями имущихъ классовъ, а другіе главарями безработныхъ и работать не желающихъ“. Послѣднее вставлено для краснаго словца, ибо рабочіе умирали отъ голода весною 1848 года не изъ-за „нежеланія работать“, а изъ-за тяжелаго финансово-промышленнаго кризиса, выбросившаго на улицу многіе десятки тысячъ человѣкъ. Прудонъ вовсе и не думалъ состоять „предводителемъ“ или даже, просто, членомъ партіи, во главѣ которой находились Бланки и Барбесъ (о которомъ почему то здѣсь умалчиваетъ авторъ, несмотря на его выдающуюся роль. — Іюньскіе дни (23, 24, 25 и 26 іюня 1848 года) являются самымъ кровавымъ (послѣ Коммуны 1871 г.) возстаніемъ французскаго пролетаріата за все XIX-е столѣтіе. Доведенные до отчаянія закрытіемъ національныхъ мастерскихъ, рабочіе возстали, хотя никакихъ надеждъ на побѣду не было. За четыре мѣсяца, протекшіе со времени Февральской революціи какъ крестьянство, такъ и буржуазія все болѣе и болѣе враждебно настраивались противъ городского пролетаріата: имущіе классы видѣли въ рабочихъ (особенно парижскихъ) источникъ всякихъ золъ и волненій и постоянную угрозу „порядку“. Поэтому Національное собраніе, закрывая мастерскія, предвидѣло, что могутъ возникнуть кровавыя столкновенія, но не боялось ихъ, зная, какъ слабъ пролетаріатъ, очутившійся въ одиночествѣ противъ всего остального населенія. Армія, отражавшая настроеніе крестьянства и буржуазіи, дралась съ необычайнымъ ожесточеніемъ и столь же жестока была расправа съ побѣжденными инсургентами по окончаніи борьбы.

Къ стр. 258. Вопросъ о способѣ избранія президента явился самымъ животрепещущимъ изъ всѣхъ конституціонныхъ вопросовъ, которые надлежало разрѣшить собранію. Дѣло было не только въ томъ, что всенародное голосованіе „открыло широкій просторъ для воздѣйствія на народныя массы ловкимъ агитаторамъ“, не только въ томъ, что уже напередъ можно было предвидѣть выборы Луи-Наполеона въ случаѣ всенароднаго голосованія, но также и въ томъ, что президентъ, выбранный не парламентомъ, а непосредственно всѣмъ народомъ тѣмъ самымъ пріобрѣталъ слишкомъ могущественную и самостоятельную политическую позицію и этимъ самымъ его вліяніе на дѣла могло усилиться въ опасной степени. Все это предвидѣли и обо всемъ этомъ говорили въ собраніи, но не рѣшились „лишить народъ права избирать непосредственно своего главу“.

Къ стр. 260. Подъ „безумными дѣйствіями разъяренно-испорченной массы пролетаріата“, авторъ понимаетъ, очевидно, Іюньское возстаніе, о которомъ только что у насъ была рѣчь (см. примѣч. къ стр. 257).

Къ стр. 262. Само правительство распустило слухи о грандіозныхъ безпоряд-

кахъ, будто бы готовящихся весною 1852 года, затѣмъ, чтобы уже напередъ подготовить имущественные классы къ государственному перевороту и оправдать этотъ переворотъ, яко бы, необходимый для спасенія общества отъ анархіи. 2-е декабря годовщина Аустерлица и коронаціи 1804 г., была выработана Луи-Наполеономъ вслѣдствіе присущаго ему фатализма.

Къ стр. 264. „Въ 1848 году никто не предвидѣлъ, что въ недалекомъ будущемъ народъ распадется на борющіеся другъ противъ друга классы" . . . Что пониманіе классовой структуры человѣческихъ обществъ отсутствовало у членовъ франкфуртскаго парламента — это правильно; но удивительно, что это же пониманіе отсутствуетъ и у нашего историка, когда онъ рѣшается утверждать, будто только впослѣдствіи, „въ недалекомъ будущемъ, послѣ 1848 года, народъ распался на классы". Народъ всегда, по крайней мѣрѣ, на памяти исторіи, вездѣ и всюду распадался на классы и до, и послѣ 1848 года, и всегда эти классы боролись, отстаивая свои интересы. Иногда (такъ было, напр., недолгое время въ 1848 году) нѣсколькимъ классамъ общества казалось нужнымъ вступить во временный союзъ для борьбы противъ общаго врага напр., противъ абсолютнаго правительства, но и тогда классовые интересы не переставали оказывать свое рѣшающее вліяніе на событія. Такъ что представлять себѣ германскій народъ, какъ нѣчто такое, что только впослѣдствіи послѣ 1848 г., распалось на классы, совершенно несогласно съ исторической истиною.

Къ стр. 264. „Либералы сходятся съ соціалистами и анархистами въ томъ убѣжденіи, что прогрессъ государства долженъ заключаться въ созданіи новыхъ учрежденій на развалинахъ старыхъ". Фраза загадочная, ибо, въ такомъ случаѣ, съ „соціалистами и анархистами" сходятся не только „либералы", но и всѣ рѣшительно партіи, имѣющія въ виду заниматься хоть какими бы то ни было измѣненіями существующаго, а не охранять его неприкосновенность только потому, что оно существуетъ.

Къ стр. 266. „Неумѣренныя притязанія доктринерскаго либерализма" заключались въ данномъ случаѣ въ пожеланіяхъ установить въ Германіи гарантіи личной свободы, давнымъ давно осуществленныя въ Англіи.

Къ стр. 269. Престижъ Національнаго собранія былъ поколебленъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе повсемѣстнаго торжества реакціи осенью 1848 года; не имѣя войска, парламентъ только и былъ вліятеленъ, пока германскія правительства еще не пришли въ себя послѣ перваго революціоннаго взрыва. Въ самомъ парламентѣ реакціонное настроеніе усиливалось по мѣрѣ усиленія реакціи въ обществѣ, и это уже напередъ лишало парламентъ способности оказать сколько-нибудь дружное сопротивленіе закрытію.

Къ стр. 270. „Вступиться за королевскую власть"— обозначаетъ тутъ: „возстановить абсолютизмъ, пользуясь общественною реакціею и вѣрностью арміи".

Къ стр. 274. Авторъ допускаетъ вопіющія натяжки, голословно сваливая все время вину въ печальномъ концѣ франкфуртскаго парламента на „либераловъ", а не на восторжествовавшій абсолютизмъ, рѣшившійся прикончить ненужное ему и неудобное для него собраніе. Дѣло было не въ „демократахъ, "яко бы, „увлекавшихъ собраніе на путь революціи", а въ томъ, что уже абсолютизмъ торжествовалъ на всѣхъ пунктахъ и не было физической возможности ему сопротивляться. Не въ революціи, а именно въ отсутствіи революціи въ Германіи 1849 года, заключалась причина, почему съ франкфуртскимъ парламентомъ такъ легко и быстро покончили.

Къ стр. 276. Почему Баденъ былъ „совершенно загубленной радикалами страною"— неизвѣстно. Напротивъ, при хозяйничаніи ворвавшихся туда прусскихъ усмирителей, странѣ, дѣйствительно, пришлось весьма круто. Свирѣпость прусской реакціи, именно послѣ подвиговъ Вильгельма въ Баденѣ, стала вполнѣ очевидна для всей Германіи и, несмотря на общее подавленное настроеніе, вызвала ужасъ въ порѣдѣвшихъ свободомыслящихъ кругахъ.

Къ стр. 279. „Довѣріе", съ которымъ Фридрихъ-Вильгельмъ пошелъ на встрѣчу реакціи, кажется автору „трогательнымъ", тѣмъ болѣе, что оно было обмануто, и вызываетъ его „состраданіе". Но разъ прусскій король усиленно старался отказаться отъ какого бы то ни было сочувствія національно-объединительнымъ планамъ, исходящимъ отъ либераловъ, разъ онъ съ такимъ рвеніемъ и такою поспѣшностью воспользовался наступившей реакціей, то этимъ самымъ онъ уже напередъ лишилъ себя какой бы то ни было поддержки въ случаѣ столкновенія съ Австріей. Австрія на этомъ пути, на пути реакціи, ужъ потому должна была возобладать надъ Пруссіей, что она была послѣдовательнѣе и совершенно открыто стояла за безпощадную репрессію и самое полное и быстрое возстановленіе всѣхъ до-революціонныхъ порядковъ. Кромѣ того, русская дипломатія, видя, что въ Европѣ революціонныя движенія подавлены, заговорила съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ необычайно дерзкимъ тономъ, именно потому, что чувствовала короля всецѣло въ своей власти

Къ стр. 282. „Либерализмъ вынужденъ былъ сойти со сцены, вслѣдствіе того, что онъ не отмѣтилъ съ надлежащею прямотою границы, существующей между нимъ и радикализмомъ". Либерализмъ имущихъ классовъ оказался безсильнымъ, прежде всего, изъ-за страха предъ пролетаріатомъ и вслѣдствіе спокойствія, воцарившагося среди крестьянства, удовлетвореннаго сдѣланными ему облегченіями и уступками. А что касается до проведенія „границы между нимъ и радикализмомъ", то либералы 1848 года занимались этимъ дѣломъ не только „съ надлежащей прямотой", но и съ очень большимъ усер-

діемъ. Это то ихъ такъ быстро и сдѣлало совершенно безопасными и нестрашными для абсолютизма, который съ ними и покончилъ.

Къ стр. 283. Авторъ наивно приписываетъ реакцію 1850 годовъ тому обстоятельству, что, „къ сожалѣнію, недоставало попросту умныхъ людей“ среди правительственныхъ лицъ, и тому, что „побѣдители совсѣмъ забыли, что они тоже боролись за государство, за его внутреннее упроченіе и преобразованіе“. Побѣдители боролись именно противъ внутреннихъ преобразованій и за „упроченіе“ не „государства“, а только и исключительно одного абсолютизма, т. е., за свою безконтрольную власть и возможность эксплоатировать произвольно силы и богатства народовъ; и своею побѣдою они поэтому воспользовались вполнѣ послѣдовательно, затѣмъ, чтобы возстановить свой абсолютизмъ возможно полнѣе. Между ними были, безспорно, умные люди — Шварценбергъ, императоръ Францъ-Іосифъ, принцъ прусскій Вильгельмъ, — такъ что совершенно неосновательно авторъ приписываетъ реакцію „недостатку“ въ умныхъ людяхъ.

Къ стр. 291. „Недальновидность“ Буоля въ данномъ случаѣ заключалась въ боязни, что войска Николая I уже никогда не уйдутъ изъ Дунайскихъ княжествъ.

Къ стр. 293. Разсужденія автора о внутренней политикѣ Наполеона III весьма сбивчивы. Какое „внутреннее содержаніе“ могъ бы вложить въ „самодержавный образъ правленія“ французскій императоръ? Вторая имперія держалась исключительно страхомъ имущихъ классовъ предъ пролетаріатомъ, равнодушіемъ и усталостью пролетаріата послѣ крováваго іюньскаго усмиренія 1848 года, ненавистью крестьянъ къ республикѣ, которую они считали недостаточной для утвержденія порядка и обузданія рабочихъ. Стоило этимъ условіямъ начать измѣняться, чтобы имперія ослабѣла. Никакого „внутренняго содержанія“, никакой мало-мальски широкой и искренней программы реформъ у Второй имперіи никогда не было. Всѣ ея усилія были сосредоточены на заботахъ о самосохраненіи, на полиціи, на войнахъ, имѣвшихъ цѣлью дать династіи популярность; никакія серьезныя реформы во Франціи были немыслимы при отсутствіи политической свободы, которое являлось первымъ условіемъ существованія наполеоновскаго режима.

Къ стр. 300. Стремленіе Италіи къ объединенію оказалось настолько могущественнымъ, что всѣ усилія дипломатіи не могли задержать этотъ процессъ. Въ планы Наполеона III вовсе не входило содѣйствовать полному объединенію Италіи, и заключеніе мира въ Вилла-Франкѣ страшно поразило итальянское общество именно вслѣдствіе того, что явственно обнаружило истинное отношеніе французскаго императора къ итальянскому вопросу. Наполеонъ III непоколебимо рѣшилъ французскій гарнизонъ изъ Рима не выводить, что дѣлало окончательное объединеніе Италіи въ концѣ-концовъ несовмѣстимымъ съ хорошими отношеніями между Пьемонтомъ и французскимъ императоромъ. Мало того, даже къ присоединенію королевства Обѣихъ Сицилій Наполеонъ III отнесся непріязненно. Вмѣшавшись въ итальянскія дѣла затѣмъ, чтобы польстить самолюбію Франціи, чтобы пріобрѣсти Савойю и Ниццу, чтобы ослабить австрійскую имперію, Наполеонъ III не предвидѣлъ, что, разъ начавшись, объединеніе Италіи уже не остановится. Во Франціи эта война была, въ общемъ, популярна, ибо она велась подъ знаменемъ освобожденія угнетенной національности отъ австрійскаго чужеземнаго ига. Но были также весьма авторитетные голоса, называвшіе ошибкою итальянскую политику Наполеона. Прудонъ, напр., предсказывалъ, что объединенная Италія очень легко можетъ стать непріятнымъ сосѣдомъ для Франціи. Какъ и во всей дипломатіи Наполеона III, и тутъ военная авантюра была затѣяна непродуманно, и конецъ дѣла былъ поставленъ въ полную зависимость отъ угрожающихъ дѣйствій Пруссіи на Рейнѣ.

Къ стр. 301. . . „обновленная въ 1849 году и доказавшая къ всеобщему удивленію свое право на существованіе, Австрія погрузилась опять въ позорное безсиліе“. Эта фраза лишена осмысленнаго содержанія. Чѣмъ и какъ была „обновлена“ Австрія въ 1849 году? Этотъ годъ былъ годомъ торжества абсолютистской реакціи, которой суждены были еще долгіе годы полнаго господства и которую порицаетъ и называетъ безумною нѣсколькими страницами раньше самъ же авторъ. Австрія въ 1849 году при помощи своихъ войскъ и войскъ Николая I задавила всякій проблескъ освободительныхъ стремленій во имя полнаго возстановленія грубѣйшаго произвола. 1849 годъ именно былъ годомъ побѣдоносной борьбы свирѣпой самодержавной реакціи противъ всякихъ попытокъ „обновленія“, и свое „право на существованіе“ Австрія „доказала“ въ 1849 г. только тѣмъ, что, съ помощью русскихъ войскъ, императорскіе генералы избивали венгерцевъ, а затѣмъ, уже вполнѣ самостоятельно, вѣшали попавшихся въ плѣнъ. „Позорное безсиліе“, въ которое „впала“ Австрія въ 1859 г., уже было обусловлено 1849 годомъ.

Къ стр. 307. Нѣмецкій патріотизмъ автора не позволилъ ему добавить, что изъ всѣхъ своихъ угнетателей итальянцы больше всего ненавидѣли именно австрійцевъ, и что изгнаніе ихъ съ Апеннинскаго полуострова самыя различныя партіи считали дѣломъ совершенно необходимымъ и неизбѣжнымъ условіемъ для лучшаго будущаго страны.

Къ стр. 308. Мацции стоялъ за пропаганду въ массахъ; для него дѣятельность революціонера въ Италіи необходимо должна быть конспиративной, но — и въ этомъ онъ расходился съ карбонаріями — революція должна быть дѣломъ народныхъ массъ, которыя необходимо для этого подготовить. Помощи со стороны Пьемонта дѣлу итальянскаго освобожденія онъ боялся; ему хотѣлось, чтобы всенародное возстаніе покончило со всѣми отдѣльными правительствами Италіи и учредило республику. У него были широкія, но неясныя идеи о всестороннемъ духовномъ и матеріальномъ возрожденіи

итальянскаго народа послѣ того, какъ объединеніе и учрежденіе республики станутъ фактами; ему мерещилось, что это возрожденіе Италіи явится прообразомъ для возрожденія всего человѣчества на основѣ братской любви. Сила Мацципи заключалась въ его огромномъ нравственномъ обаяніи и несокрушимой энергіи.

Къ стр. 309. „... и на жизнь котораго республиканскіе заговорщики неоднократно посягали". Заговоръ Орсини необычайно взволновалъ всю Европу. Орсини покушался на Наполеона потому, что видѣлъ въ немъ врага итальянскаго объединенія и поддержку реакціи въ Италіи и всей Европѣ вообще. Наполеона III итальянскіе революціонеры ненавидѣли за уничтоженіе римской республики въ 1849 году и за то, что гарнизонъ, который съ тѣхъ поръ былъ оставленъ французскимъ императоромъ въ Римѣ, являлся, наравнѣ съ австрійскою оккупаціей Ломбардіи и Венеціи, самымъ очевиднымъ и, казалось, несокрушимымъ препятствіемъ дѣлу итальянскаго объединенія.

Къ стр. 317. Неаполитанскіе Бурбоны были популярны среди простонародья лишь при Фердинадѣ I; а Фердинандъ II опирался уже исключительно на армію. Свирѣпыя преслѣдованія всѣхъ людей, подозрѣваемыхъ въ сколько-нибудь либеральныхъ взглядахъ, неистовства при усмиреніяхъ, пытки въ тюрьмахъ, полное уничтоженіе всякой свободы науки, безраздѣльное господство монаховъ и священниковъ въ духовной жизни страны — все это давно уже привлекало къ Неаполю вниманіе Европы. Много шума, напр., надѣлали обличительныя письма Гладстона о неаполитанскихъ дѣлахъ, разоблачавшія рядъ правительственныхъ преступленій, имѣвшихъ мѣсто въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Францискъ II не успѣлъ обнаружить такого варварства, какъ его отецъ, но явственно обнаруживалъ склонность идти по его стопамъ. Онъ оказался совершенно неспособенъ провести сколько-нибудь серьезныя реформы въ своемъ королевствѣ.

Къ стр. 322. „... самъ онъ былъ наивной, дѣтски-вѣрующей душой". Характеристика эта — самая неподходящая для папы Пія IX. Пій IX рѣшительно ничего „наивнаго" въ себѣ не заключалъ. Въ эпоху объединенія Италіи это былъ злобный и непримиримый реакціонеръ, ни за что не желавшій разставаться съ свѣтскою властью и готовый на все, вплоть до возбужденія (чрезъ своихъ агентовъ) къ грабежу и насилію, лишь бы спасти владѣнія. Онъ не скрывалъ также своей ненависти къ духу вѣка, къ просвѣщенію и свѣтской литературѣ, къ свободному научному изслѣдованію: всему тому, что грозило поколебать суевѣріе народныхъ массъ. Пій IX объявилъ непримиримую войну.

Къ стр. 324. „... собраніе нотаблей избрало 11 іюля 1863 года брата Франца-Іосифа эрцгерцога Максимиліана императоромъ мексиканскимъ". Это „собраніе нотаблей" было подтасовано и ни въ малѣйшей степени не отражало истинныхъ взглядовъ большинства мексиканскаго населенія. Непосредственной причиною казни Максимиліана было то, что онъ объявилъ, что будетъ предавать военному суду плѣнниковъ, и, дѣйствительно, сталъ приводить угрозу въ исполненіе. Казнь его самого, когда онъ попалъ въ плѣнъ, являлась, такимъ образомъ, отвѣтомъ со стороны Бенито-Хуареса на дѣйствія императора. Жена Максимиліана, Шарлотта, сошла съ ума.

Къ стр. 330. Начинавшееся движеніе среди буржуазіи въ пользу широкаго парламентаризма было прервано двумя факторами. Во-первыхъ, правительство Пруссіи взяло на себя и блестяще выполнило задачу политическаго объединенія Германіи; это нужное для развивавшагося германскаго капитализма дѣло правителство сдѣлало подъ громъ блестящихъ внѣшнихъ побѣдъ надъ Даніей, надъ Австріей, надъ Франціей. Во-вторыхъ, распространеніе соціализма до, а особенно послѣ объединенія Германіи, заставило буржуазію усвоить взглядъ на монархію, какъ на самый серьезный оплотъ существующаго экономическаго строя, какъ на наиболѣе могущественное орудіе буржуазнаго экономическаго господства. „Надежды буржуазіи въ Германіи покоятся не на парламентаризмѣ, а на слабости парламентаризма" — эта мысль Каутскаго глубоко справедлива. Буржуазія хорошо понимаетъ, что дальнѣйшее развитіе принциповъ народовластія неминуемо пойдетъ на пользу соціалъ-демократіи, и поэтому крѣпко держится за тотъ фактическій полу-абсолютизмъ, который существуетъ въ Германіи. Такимъ образомъ, соціально-политическая эволюція отвратила отъ прусской короны, начинавшуюся было для нея опасность введенія истиннаго парламентаризма, и конфликтъ съ ландтагомъ, который при другихъ условіяхъ могъ бы сыграть серьезнѣйшую роль въ дѣлѣ ограниченія королевской власти, окончился полнѣйшею побѣдою правительства.

Къ стр. 333. „Въ тотъ самый день, когда была закрыта сессія палаты, нанесшей такое глубокое оскорбленіе своему монарху, 23 сентября 1862 года, было опубликовано назначеніе Бисмарка министромъ-президентомъ". „Глубокое оскорбленіе монарху" и заключалось въ желаніи либеральнаго бюргерства превратить полуабсолютистскую феодальную Германію въ страну парламентарную.

Къ стр. 333—4. Успѣхъ Бисмарка въ его борьбѣ съ ландтагомъ заключался въ томъ, что онъ могъ нѣсколько лѣтъ расходовать суммы, недозволенныя ландтагомъ. Обусловливалась же эта возможность двумя обстоятельствами:

1) Пруссія вовсе не переживала такой періодъ, чтобы можно было опасаться взрыва революціи; буржуазія въ цѣломъ никогда на революцію изъ-за конфликта Бисмарка съ ландтагомъ не пошла бы, крестьянство совершенно этимъ конфликтомъ не интересовалось, экономическое же его положеніе являлось, въ общемъ, весьма удовлетворительнымъ, а общее настроеніе — вполнѣ спокойнымъ; наконецъ, только начавшій организоваться пролетаріатъ, не говоря уже о томъ, что былъ безсиленъ повести революціонную

аттаку противъ правительства собственными своими силами, но вовсе и не собирался стать въ конфликтѣ на сторону палаты: воспоминанія о поведеніи бюргерства въ 1848—1849 гг. научили его относиться къ либераламъ съ большою осторожностью, и онъ былъ расположенъ смотрѣть на эту борьбу, какъ на нѣчто, не имѣющее для него непосредственно важнаго значенія. Во все время конфликта общественное спокойствіе ничѣмъ нарушено не было, и правительству не было даже необходимости прибѣгать къ какимъ-либо чрезвычайнымъ мѣрамъ охраны.

2) Второй причиной, обусловившей легкость беззаконнаго поведенія для Бисмарка и правительства было отсутствіе среди должностныхъ лицъ того чувства личной отвѣтственности предъ независимымъ судомъ, которое столь сильно въ странахъ вродѣ Англіи. Вся административная машина Пруссіи исправно работала въ теченіе конфликта, покорно и быстро подчиняясь незаконнымъ распоряженіямъ Бисмарка, и должностныя лица, поступая такимъ образомъ, противозаконно, ничуть не сомнѣвались въ собственной безнаказанности; такъ что традиціи прусской бюрократіи избавили Бисмарка отъ всякой опасности пассивнаго сопротивленія со стороны административныхъ чиновъ, которымъ онъ поручалъ незаконные сборы и расходованія налоговъ.

Къ стр. 344. Италія была въ такомъ положеніи, что не примкнуть къ Пруссіи, затѣвающей нападеніе на Австрію, совершенно не могла: не только Викторъ-Эммануилъ вполнѣ ясно сознавалъ, что безъ помощи какой-либо великой державы ему не удастся отнять Венецію у австрійцевъ, но и общественное мнѣніе рѣшительно стояло за вмѣшательство Италіи въ предстоявшую австро-прусскую войну; пропустить случай овладѣть Венеціей было бы со стороны итальянскаго правительства актомъ, котораго ему не простили бы его подданные. Колебанія Виктора Эммануила объясняются только тѣмъ, что онъ боялся, что именно узнавши о союзѣ между Италіей и Пруссіей, Австрія откажется отъ войны, и, такимъ образомъ, Италія ничего не получитъ. Итальянскому королю хотѣлось бы поэтому вступить въ союзъ уже тогда, когда всякое примиреніе между Пруссіей и Австріей станетъ невозможнымъ.

Къ стр. 367. „24 октября была основана партія національ-либераловъ ... Національ-либералы совершенно разошлись съ партіей прогрессистовъ, которая впала въ безплодное отрицаніе и бодро пошли рука объ руку съ тѣмъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, который доказалъ на дѣлѣ, что онъ вовсе не есть такой ограниченный юнкеръ, какимъ его ошельмовали прогрессисты“. Всѣ эти фразы должны обозначать слѣдующее. Прусскія побѣды, въ соединеніи съ ловкой и удачной дипломатической дѣятельностью Бисмарка положили столь широкое и рѣшительное начало объединенію Германіи, что буржуазія почти единодушно перешла на его сторону, тѣмъ болѣе, что сѣверо-германскій рейхстагъ давалъ ей гарантію, что опредѣленная доля законодательной власти и контроля надъ расходами будетъ осуществляться народными выборными. Люди, которые образовали эту партію, рѣшили уже не домогаться истиннаго парламентаризма, удовольствоваться тѣмъ, что имъ даютъ и оставить недавнія притязанія (эпохи конфликта прусскаго ландтага съ правительствомъ). Прогрессисты же, оставшись при прежнихъ взглядахъ, были страшно ослаблены: ихъ классъ, буржуазія, сталъ поддерживать въ громадномъ большинствѣ національ-либераловъ, а разсчитывать на поддержку рабочей массы они не имѣли ни малѣйшихъ основаній, ибо идеи ихъ политическаго либерализма были враждебны стремленію къ дѣйствительной эмансипаціи рабочихъ и защитѣ ихъ интересовъ путемъ широкаго государственнаго вмѣшательства (не говоря уже о болѣе общихъ и широкихъ идеалахъ, принесенныхъ въ германскую жизнь соціалъ-демократическою партіей). Такимъ образомъ, прогрессисты остались безъ корней въ реальной жизни, и надолго впали въ безсиліе.

Къ стр. 373. „Происки демократической оппозиціи“ противъ присоединенія южно-германскихъ государствъ къ Пруссіи весьма понятны: никто не обманывалъ себя относительно рѣшительно-консервативныхъ взглядовъ короля Вильгельма и Бисмарка. Уже тогда высказывалась мысль, что Пруссія, какъ носительница обще-германской реакціи, сумѣетъ доставить полное и долгое торжество своимъ принципамъ послѣ удачнаго объединенія Германіи. Такъ и случилось впослѣдствіи.

Къ стр. 374. Ни въ чемъ не выразилось такъ ярко могущественное теченіе, увлекавшее торгово-промышленные круги Германіи къ объединенію, какъ именно въ рѣшительной поддержкѣ, оказанной противъ воли правительствъ южно-германскою буржуазіей дѣлу укрѣпленія таможеннаго союза.

Къ стр. 375. Слова Фелька „въ Германіи настала весна“ кажутся нашему автору почему-то „пророческими“. Эпоха объединенія Германіи подъ желѣзною ферулой Бисмарка, при страшныхъ международныхъ кровопролитіяхъ, ознаменована была развитіемъ шовинистическихъ чувствъ, торжествомъ юнкерства въ Пруссіи, культомъ кулака и захватнаго права, и прежде всего, совершеннымъ отказомъ германской буржуазіи отъ какой бы то ни было серьезной борьбы за демократизацію государственнаго строя. Выраженіе же: „Völkerfrühling“ — весна народовъ относится въ общепринятомъ въ Германіи смыслѣ къ 1848-му году, т. е. къ эпохѣ революціи.

Къ стр. 376. Бисмаркъ, сообразно съ общимъ своимъ направленіемъ, всегда и всѣми силами поддерживалъ реакціонныя мѣры, если только можно было это дѣлать не вредя идеѣ объединенія Германіи вокругъ Пруссіи. Его высокій политическій талантъ не позволилъ ему въ 60-хъ годахъ остаться тѣмъ провинціальнымъ юнкеромъ-крѣпостни-

комъ, какимъ онъ былъ въ 1848 года; онъ понялъ, что нужно помириться и съ рейхстагомъ и даже съ всеобщимъ и прямымъ голосованіемъ, и съ извѣстной долей конституціонныхъ гарантій для населенія; но, видя, что смертную казнь возможно не отмѣнять, онъ съ жаромъ сталъ защищать ее и добился, что эта статья о смертной казни вошла въ новое уголовное уложеніе сѣверо-германскаго союза. Его рѣчь въ защиту смертной казни, которую авторъ считаетъ „преисполненною серьезности и глубокомыслія", является на дѣлѣ одною изъ самыхъ слабыхъ бисмарковскихъ рѣчей и вся сплошь состоитъ изъ общихъ мѣстъ, давно опровергнутыхъ наукою, и изъ пустой, хотя и звонкой декламаціи.

Къ стр. 382. „Возмущеніе ирландцевъ противъ англійскаго господства, которое выражалось въ эксплоатаціи массы неимущаго населенія англо-саксонскими землевладѣльцами, вызвало къ жизни образованіе союза феніевъ". Это не совсѣмъ точно. Феніанская организація преслѣдовала, прежде всего и больше всего, политико-націоналистическую цѣль — установленіе полной независимости Ирландіи отъ Англіи,—но къ экономическимъ вопросамъ относилась равнодушно, что, въ концѣ концовъ, и было причиной ея слабости. Къ „кинжалу и динамиту" феніи прибѣгли подъ вліяніемъ преслѣдованій со стороны англійскаго правительства, разгромившаго ихъ газету „The irish people" и заточившаго въ тюрьму ихъ главнѣйшихъ дѣятелей.

Къ стр. 389. Враждебныя къ Пруссіи тенденціи южно-германскихъ государствъ объясняются опасеніями демократическихъ круговъ, что прусское вліяніе окажется неизбѣжно влекущимъ за собою торжество реакціи. Эти опасенія оказались вполнѣ справедливыми.

Къ стр. 391. У Бисмарка былъ еще одинъ весьма важный мотивъ настаивать на принятіи испанской короны принцемъ Гогенцоллерномъ: весною и лѣтомъ 1870 года онъ упорно искалъ предлога для ссоры съ Франціей.

Къ стр. 392. Французскому двору и прежде всего императрицѣ Евгеніи война казалась необходимою по династическимъ соображеніямъ. „Война необходима, чтобы это дитя царствовало", говорила Евгенія о своемъ сынѣ. Республиканская оппозиція весьма безпокоила императорское правительство, дипломатическія пораженія, которыя пришлось потерпѣть по милости Пруссіи, необходимо было чѣмъ-нибудь загладить, и вотъ, чтобы блескомъ новыхъ побѣдъ упрочить тронъ, Наполеонъ III рѣшился затронуть чувство собственнаго достоинства у прусскаго короля.

Къ стр. 393. Авторъ ставитъ Бисмарку въ „великую заслугу" то обстоятельство, что онъ выкроилъ эмскую депешу для оглашенія такимъ образомъ, чтобы она непремѣнно вызвала войну. Это наивно-шовинистическое восхваленіе поступка, который если не въ юридическомъ, то въ нравственномъ смыслѣ слова является умышленнымъ подлогомъ, особенно любопытно потому, что въ данномъ случаѣ подлогъ Бисмарка имѣлъ своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ одну изъ кровопролитнѣйшихъ въ исторіи войнъ.

Къ стр. 394. Мнѣніе автора, что Евгенію „кажется" напрасно обвинили въ сочувствіи войнѣ — невѣрно. (См. прим. къ стр. 392).

Къ стр. 394. Совершенно невѣрны попытки (въ томъ числѣ и лорда Лайонса, на котораго ссылается нашъ авторъ) объяснить воинственность французскаго правительства въ іюлѣ 1870 года настроеніемъ націи. Шайки, кричавшія „à Berlin, à Berlin!" дѣйствовали въ полномъ единеніи съ полиціей, а въ крестьянствѣ, и среди рабочихъ шовинистическое настроеніе, въ общемъ, не было замѣтно. Но уже послѣ того, какъ ясно обозначился проигрышъ кампаніи, начались со стороны лицъ, желавшихъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ уменьшить вину французскихъ правителей, попытки представить дѣло такъ, будто правительство чуть не противъ своей воли было увлечено народною волною и должно было объявить войну.

Къ стр. 396. Поведеніе русской дипломатіи въ 1870 году было всецѣло выгодно, конечно, для Пруссіи, — но для Россіи чревато многими будущими осложненіями. Какъ и за все царствованіе Александра II, династическія и родственныя соображенія взяли верхъ надъ соображеніями политическими, и Россія создала себѣ опаснѣйшаго сосѣда въ видѣ милитаристской объединенной Германской имперіи.

Къ стр. 405—416. Авторъ умалчиваетъ о страшныхъ жестокостяхъ, которыя творились нѣмецкимъ офицерствомъ въ занятыхъ нѣмцами мѣстностяхъ. Разстрѣлы ни въ чемъ неповинныхъ мирныхъ жителей, грабежъ ихъ имущества и всякаго рода насилія были въ порядкѣ вещей. Замѣчательно, что солдаты нѣмецкой арміи вели себя въ этомъ отношеніи совѣстливѣе, нежели офицеры.

Къ стр. 420 ... „Въ бытность канцлеромъ Каприви всеобщее неудовольствіе вызвали слѣдующіе недостатки германской политики: заискиваніе предъ Англіей, любезничанье съ поляками" ... Насчетъ „любезничанья съ поляками, о которомъ грустить нашъ авторъ, нужно замѣтить, что оно выразилось лишь въ отсутствіи тѣхъ грубыхъ насилій надъ свободою употребленія поляками своего родного языка и въ отсутствіи тѣхъ ограниченій въ правѣ поляковъ покупать земли въ Познани, какими прославилось царствованіе Вильгельма нѣсколько позже, въ 1901—1905 г.г. Шовинизмъ автора заставляетъ его называть гражданскую равноправность поляковъ съ нѣмцами, — „любезничаніемъ" относительно поляковъ.

Къ стр. 420. „Въ общемъ, слова Вильгельма II: „Я веду васъ по пути къ блестящему будущему" — слишкомъ надменны, но не противорѣчатъ дѣйствительности". Почему не противорѣчатъ дѣйствительности, авторъ пояснить благоразумно воздержался.

Вильгельмъ II, конечно, не принадлежитъ вообще къ государственнымъ дѣятелямъ того калибра, которые „ведутъ“ народы. Онъ никуда Германію не „ведетъ“,—страна слѣдуетъ своей исторической эволюціи, промышленность и торговля развиваются, населеніе (а съ нимъ военное могущество) быстро возрастаютъ, но, насколько отъ индивидуальныхъ качествъ правителя зависитъ, Вильгельмъ способствуетъ, безспорно, уменьшенію, а не увеличенію престижа имперіи. Его дипломатическая дѣятельность не привела ни къ единому удовлетворительному результату. Ему хотѣлось привлечь на сторону Германіи державы, которыя могли бы быть полезны въ виду фатальнаго соперничества между Германіей и Англіей, соперничества, обусловленнаго непримиримостью ихъ торговопромышленныхъ интересовъ, погоней обѣихъ державъ за внѣшними рынками, желаніемъ утвердить господство надъ моремъ и т. п. И вотъ, Вильгельмъ сдѣлалъ рядъ шаговъ, чтобы привлечь къ себѣ Соединенные Штаты: ничего не вышло; Соединенные Штаты остались совершенно холодны. Онъ оказалъ рядъ любезностей французской республикѣ, посылалъ президентамъ по малѣйшимъ поводамъ сочувственныя и всякія иныя телеграммы. Франція вошла въ тѣсную дружбу съ Англіей. Чтобы разстроить эту дружбу, онъ вмѣшался въ мароккское дѣло и сталъ дѣйствовать на Францію угрозами: въ мароккскомъ дѣлѣ Германія ничего для себя важнаго не добилась, а дружба между Франціей и Англіей стала еще тѣснѣе. Онъ всячески старался культивировать „наслѣдственную дружбу“ съ съ русскою династіей, онъ для этого оказывалъ русскому правительству рядъ „услугъ“ вродѣ выдачи русскихъ эмигрантовъ, высылки русскихъ студентовъ и т. д. Россія стала сближаться съ Англіей такъ, какъ этого никогда за весь XIX вѣкъ и начало XX-го не было. Во всемъ и всегда его преслѣдовалъ дипломатическій неуспѣхъ, и вышеприведенная его фраза не только „надменна“, но и совершенно произвольна. О томъ, что сдѣлалъ онъ во внутренней политикѣ, мы скажемъ ниже: какъ увидимъ, и въ этой области ничего „блестящаго“ онъ Германіи не далъ.

Къ стр. 421. Относительно новаго гражданскаго уложенія Германской имперіи необходимо замѣтить, что оно все проникнуто стремленіемъ оградить интересы имущихъ и высшихъ классовъ общества въ ущербъ классамъ неимущимъ. Менгеръ въ особой капитальной работѣ блестяще выяснилъ этотъ строжайше-классовый характеръ германскаго законодательства, сказавшійся въ главномъ и въ мелочахъ въ гражданскомъ уложеніи имперіи.

Къ стр. 422. Въ послѣднее время германское правительство въ своей торговой политикѣ все болѣе и болѣе подпадаетъ подъ вліяніе юнкерскихъ, крупно-землевладѣльческихъ круговъ. Это преобладаніе аграріевъ сказывается въ томъ, что имперская торговая политика все болѣе и болѣе склоняется къ принесенію въ жертву интересовъ рабочихъ и промышленныхъ капиталистовъ тамъ, гдѣ эти интересы расходятся съ интересами аграріевъ.

Къ стр. 422. „Крайнее миролюбіе“ при Бисмаркѣ выразилось, между прочимъ, въ томъ, что въ 1875 году онъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ грозилъ Франціи войною, и война была готова вспыхнуть, если бы не вмѣшательство Александра II. Такія же угрозы съ его стороны имѣли мѣсто не разъ и впослѣдствіи.

Къ стр. 422. Авторъ весьма благосклоненъ къ правительству, разъ рѣчь идетъ о той или иной попыткѣ ограничить права рейхстага въ дѣлѣ кредитовъ на армію „Этотъ новый рейхстагъ, выбранный подъ давленіемъ военнаго конфликта и угрожавшаго столкновенія съ Франціей“... Дѣло въ томъ, что Бисмаркъ воспользовался буланжизмомъ, чтобы пугать нѣмецкое бюргерство призракомъ войны, а для усиленія впечатлѣнія онъ прибѣгалъ еще къ созданію разныхъ пограничныхъ конфликтовъ и недоразумѣній. Вообще, Бисмаркъ очень много посодѣйствовалъ тому, что рейхстагъ сдѣлался самымъ безсильнымъ изъ всѣхъ европейскихъ представительныхъ собраній — въ смыслѣ вліянія на политику правительства.

Къ стр. 423. „И на этотъ разъ оппозиція рейхстага тоже осталась въ меньшинствѣ, хотя по счету голосовъ, поданныхъ избирателями за депутатовъ оппозиціонныхъ партій, ей должно было бы принадлежать въ рейхстагѣ нѣсколько больше половины всѣхъ голосовъ“. Авторъ не желаетъ тутъ опредѣленнѣе коснуться одной изъ вопіющихъ аномалій германской политической жизни — распредѣленія избирательныхъ округовъ. Округи распредѣлены такъ искусно, что городское населеніе выбираетъ гораздо меньше депутатовъ, нежели населеніе деревенское. Удерживается подобный порядокъ съ тою цѣлью, чтобы дать всегда перевѣсъ консервативнымъ вліяніямъ, сильнымъ въ земледѣльческихъ округахъ, надъ вліяніями прогрессивными, главнымъ образомъ: страдаетъ отъ этого соціалъ-демократія, сильная среди рабочаго населенія большихъ фабричныхъ центровъ. Соціалъ-демократы часто, но совершенно безуспѣшно, протестовали и протестуютъ противъ этой вопіющей несправедливости.

Къ стр. 423. Стремленіе усилить флотъ не щадя для этого народныхъ средствъ— одна изъ выдающихся чертъ политики Вильгельма II. Идеалъ германскаго правительства — сравняться въ силахъ на морѣ съ ближайшимъ вѣроятнымъ врагомъ Германіи Англіей, едва ли достижимъ, какъ правильно указывали правительству противники „безбрежныхъ морскихъ плановъ“: Англія тратитъ на флотъ столько, сколько германская имперія никогда тратить не можетъ въ виду необходимости одновременно содержать колоссальную сухопутную армію. Что касается колоній, о которыхъ говоритъ авторъ, то и Кіао-Чау, и юго-западная африканская колонія пока дали только колоссальные убытки,

не говоря уже о томъ, что первая колонія связываетъ руки Германіи въ виду абсолютной невозможности защитить Кiао-Чау въ случаѣ англійскаго или японскаго нападенія, а вторая колонія уже два года неспокойна: неутихающее возмущеніе африканскихъ аборигентовъ стоило Германіи серьезныхъ жертвъ людьми и деньгами, и успокоеніе до сихъ поръ не достигнуто.

Къ стр. 426. Культуркампфъ въ Пруссіи не только не былъ доведенъ до конца, но католическая церковь вышла изъ него въ моральномъ смыслѣ побѣдительницей, а при Вильгельмѣ II государственная власть безспорнымъ образомъ и неоднократно заискивала предъ папою. Общая причина такого оборота дѣлъ ясна: преобладающей тенденціей Гогенцоллерновъ во внутренней политикѣ все болѣе и болѣе становилось стремленіе всѣми мѣрами задержать ростъ соціалъ-демократическихъ идей, а при такихъ условіяхъ ни въ какомъ случаѣ не приходилось брезгать поддержкою католической церкви. Вильгельмъ II особенно откровенно признавалъ это своимъ визитомъ папѣ, сердечнымъ участіемъ въ освященіи новыхъ католическихъ церквей и тому подобными актами. Посильная борьба съ общимъ врагомъ примирила и объединила былыхъ противниковъ германское правительство и католическую церковь. Внѣшнимъ выраженіемъ этого примиренія и союза стало превращеніе партіи центра въ партію правительственную.

Къ стр. 427. „Законъ Гейнце", если бы онъ прошелъ, превратился бы въ страшное оружіе противъ свободы слова и свободы искусства, хотя внѣшность этому законопроекту была придана самая безобидная; говорилось, будто онъ послужитъ исключительно для борьбы съ порнографіей. Всѣ реакціонныя силы Германіи объединились вокругъ этого законопроекта, понимая, какъ важно будетъ провести его въ жизнь.

Къ стр. 428. „Соціалистическая печать не переставала натравливать народъ противъ правительства и противъ общества, и косвеннымъ послѣдствіемъ этой травли явилось покушеніе жестянщика Макса Геделя"... Все это — сплошная выдумка; „натравливаніемъ" нашему автору представляется та упорная оппозиціонная пропаганда во вполнѣ легальныхъ, допустимыхъ германскимъ закономъ границахъ, которую отъ перваго момента своего возникновенія вела соціалъ-демократическая партія. Гедель рѣшительно ни въ какихъ отношеніяхъ къ этой пропагандѣ не состоялъ. Соціалъ-демократія принципіально и рѣшительно высказывалась всегда противъ цареубійствъ и, вообще, противъ политическихъ покушеній. Въ частности, органъ партіи особенно обстоятельно высказался въ этомъ духѣ по поводу покушеній Геделя и Нобилинга. Бисмаркъ это отлично зналъ, но, конечно, рѣшилъ ловко воспользоваться общественнымъ возмущеніемъ по поводу Геделя и Нобилинга, чтобы лишить совершенно непричастныхъ къ этимъ покушеніямъ соціалъ-демократовъ всякихъ конституціонныхъ гарантій. Исключительные законы, проведенные Бисмаркомъ, сильно затрудняли свободу дѣйствій соціалъ-демократіи, но, конечно, не только были безсильны ее уничтожить, но, даже, не остановили ея непрерывнаго роста. „Однако законъ противъ соціалъ-демократической пропаганды принесъ свою пользу; онъ положилъ конецъ революціонной разнузданности, заставилъ соціалъ-демократовъ преклониться предъ силою государства и общества и пріучилъ ихъ держаться въ предѣлахъ законности". Тутъ авторъ повторяетъ всю ходячую условную „легенду" буржуазно-полицейскаго происхожденія о „пользѣ" исключительныхъ законовъ. На дѣлѣ, во-первыхъ, соціалъ-демократія никакой „разнузданности" и революціонности и до 1878 года не проявляла, по той простой причинѣ, что германскіе законы о печати и собраніяхъ дѣлали это вполнѣ немыслимымъ; во-вторыхъ, „преклониться" предъ государствомъ соціалъ-демократы не преклонились и послѣ исключительныхъ законовъ, а что рабочій классъ въ Германіи еще не готовъ для революціоннаго натиска на буржуазно-феодальный строй, царящій въ этой странѣ, — это соціалъ-демократы признали и безъ исключительныхъ законовъ, а просто, взвѣшивая, какъ требуетъ основное правило марксизма, соотношенія реальныхъ силъ, борющихся въ обществѣ. Далѣе, при многочисленномъ консервативномъ крестьянствѣ, при обширномъ и все растущемъ буржуазномъ классѣ, при колоссальныхъ военныхъ средствахъ милитаристическаго государства, наконецъ, при общемъ сносномъ, а въ нѣкоторыхъ производствахъ прямо хорошемъ положеніи самого рабочаго класса въ цѣломъ, при кипучемъ ростѣ промышленности — не только мечтать о непосредственномъ революціонномъ взрывѣ, но даже поддерживать пропаганду революціоннаго характера — оказалось въ глазахъ многихъ соціалъ-демократовъ, несогласнымъ съ духомъ времени. Пресловутое „бернштейніанство", явившееся продуктомъ такихъ взглядовъ, только подчеркнуло исчезновеніе революціонизма изъ настроенія германской соціалъ-демократіи. Но исключительные законы Бисмарка — въ постепенномъ образованіи и укрѣпленіи оппортюнистическихъ тенденцій среди соціалъ-демократовъ — были рѣшительно не при чемъ. Напротивъ, многіе наблюдатели утверждаютъ, что именно исключительные законы искусственно поддерживали настроеніе широкихъ рабочихъ массъ на извѣстной высотѣ, а послѣ отмѣны ихъ всякіе слѣды боевого настроенія стали исчезать.

Къ стр. 429. Конечно, главными побудительными мотивами Бисмарка и Вильгельма было не желаніе осуществить „практическое христіанство", а, просто, желаніе оторвать рабочихъ отъ соціалъ-демократіи и стремленіе показать имъ заботы о нихъ со стороны монархіи. То, что было сдѣлано, было обусловлено, такимъ образомъ, именно фактомъ существованія многочисленной соціалъ-демократической партіи и желаніемъ правительства успѣшно съ нею бороться. Нужно сказать, что бисмарковское законодательство о рабочихъ этой своей главной цѣли ничуть не достигло: напротивъ, для со-

ціалъ-демократовъ послужило превосходнымъ агитаціоннымъ средствомъ постоянное указаніе рабочимъ, что все, данное имъ государствомъ, дано только потому, что на свѣтѣ существуетъ соціалъ-демократія.

Къ стр. 431. Авторъ умалчиваетъ о томъ, что, отправляя въ Китай карательную экспедицію, Вильгельмъ II далъ прямое приказаніе самымъ безпощаднымъ образомъ расправиться съ китайцами, при чемъ пострадало отъ варварскихъ дѣйствій нѣмцевъ, главнымъ образомъ, совершенно ни въ чемъ неповинное китайское населеніе. Императоръ рекомендовалъ солдатамъ дѣйствовать подобно гуннамъ, поэтому въ независимой части германской прессы письма солдатъ изъ Китая, гдѣ они самымъ спокойнымъ образомъ описывали совершаемыя ими и ихъ начальствомъ неистовства, стали называться „гунискими письмами“.

Къ стр. 432. Въ настоящее время описываемое здѣсь положеніе рѣзко измѣнилось, благодаря двумъ историческимъ событіямъ: 1) русско-японской войнѣ, и 2) расширенію англо-японскаго договора, что случилось въ августѣ 1905 года. Когда Россія обнаружила поступательное движеніе къ Ялу и къ Кореѣ, разразилась война, отбросившая Россію отъ моря, и отдавшая Манджурію въ фактическое обладаніе Японіи, такъ же, какъ всю Корею и Ляодунскій полуостровъ. Вліяніе Россіи можетъ считаться почти вовсе уничтоженнымъ въ Китаѣ. Роль англо-германскаго договора въ редакціи 1905 года та, что онъ закрѣпляетъ за Японіей всѣ ея пріобрѣтенія, ибо обѣ договаривающіяся державы поручились взаимно за безопасность и неприкосновенность своихъ азіатскихъ владѣній, вслѣдствіе чего нападеніе на Японію, напр., со стороны Россіи повлекло бы немедленное вооруженное столкновеніе между Англіей и Россіей. Что касается Германіи, то и ея положеніе этими двумя событіями было ухудшено. Во-первыхъ, необходимо оставить всякія надежды на дальнѣйшее расширеніе въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ германскихъ владѣній въ Китаѣ, ибо англо-японскій союзъ дѣлаетъ подобныя попытки со стороны любой третьей державы совершенно немыслимыми; во-вторыхъ, самое обладаніе Кіао-Чау становится весьма необезпеченнымъ вслѣдствіе огромнаго усиленія японскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ; въ третьихъ, безнадежно отрѣзанная отъ Тихаго океана, Россія фатально обращается къ заброшеннымъ было своимъ интересамъ въ Турціи и Персіи, гдѣ экономическое вліяніе Германіи развивалось въ послѣдніе годы почти безпрепятственно. Мало того. Конецъ дальневосточной войны и англо-японскій договоръ, преграждая Россіи возможность надѣяться на новую войну съ Японіей, заставили Россію войти въ сферу англійскихъ союзовъ и соглашеній и положили начало эрѣ сближенія между Англіей и Россіей; другими словами, Англія сдѣлала еще одинъ шагъ къ преслѣдуемой ею цѣли полной дипломатической изоляціи Германіи.

Стр. 433. „Компетентные люди утверждаютъ, что прусскіе законы предоставляютъ общинному самоуправленію такой просторъ, какой только вообще возможенъ; по ихъ мнѣнію, не существуетъ никакой другой страны на земномъ шарѣ, въ которой непоколебимый авторитетъ закона и безпрепятственная дѣятельность мѣстнаго самоуправленія сочетались въ такой гармоніи, какъ въ Пруссіи“. Ни одинъ „компетентный“ человѣкъ, не увлеченный прусскимъ патріотизмомъ, разумѣется, никогда не скажетъ ничего подобнаго. Не говоря уже о всемъ „земномъ шарѣ“, гдѣ имѣется Америка и Австралія, но даже въ Европѣ прусское „самоуправленіе“ не идетъ ни въ какое сравненіе, напр., съ англійскимъ. Даже русское земство до Александра III пользовалось болѣе широкими полномочіями и большею самостоятельностью предъ центральною властью. Дѣйствительно широкое, дѣйствительно демократическое самоуправленіе, впрочемъ, абсолютно несовмѣстимо съ прусскимъ государственнымъ строемъ, основаннымъ на очень слабомъ конституціонализмѣ и на феодально-плутократическихъ государственныхъ воззрѣніяхъ. Крупное чиновничество и землевладѣльцы — вотъ какіе общественные слои стоятъ во главѣ прусскаго мѣстнаго самоуправленія. Нечего и говорить, что они какъ нельзя болѣе далеки отъ попытокъ расширить рамки своей дѣятельности, и что они самымъ угодливымъ образомъ избѣгаютъ всякой тѣни конфликта съ правительствомъ.

Стр. 435. Необычайно высокій желѣзнодорожный тарифъ Пруссіи подавалъ неоднократно поводъ къ жалобамъ со стороны соціалъ-демократіи, но никакого вниманія на эти жалобы не обращалось и не обращается.

Стр. 437. Уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права въ Саксоніи, столь откровенно направленное противъ соціалъ-демократовъ и благополучно осуществленное, было однимъ изъ значительнѣйшихъ проявленій (но вовсе не единственнымъ) глубочайшей увѣренности въ своихъ силахъ и пренебреженія къ врагу со стороны повсемѣстно царящаго въ Германіи союза имущихъ классовъ съ соотвѣтственными правительствами. Соціалъ-демократы часто и настойчиво твердили въ своей прессѣ, что къ насильственнымъ мѣрамъ они прибѣгать не желаютъ; что они ждутъ своей побѣды отъ легальныхъ средствъ, — прежде всего отъ постепеннаго увеличенія занимаемыхъ ими мѣстъ въ представительныхъ собраніяхъ. Не только о вооруженномъ возстаніи, но даже о политической общей стачкѣ рѣчь заходила больше всего затѣмъ, чтобы доказать нецѣлесообразность, невозможность и т. д. этихъ формъ борьбы. И всякій разъ разговоры, напр., о всеобщей стачкѣ въ результатѣ давали то впечатлѣніе, что партія въ цѣломъ не на сторонѣ этихъ мѣръ. Вполнѣ естественно, что правящіе круги рѣшили и въ Саксоніи, и въ Гамбургѣ, и въ Любекѣ ввести въ избирательное право такія измѣненія, которыя свели бы болѣе или менѣе къ нулю парламентское значеніе соціалъ-демократіи, т. е. лишили бы ее того орудія, за

которое она желаетъ нынѣ, главнымъ образомъ, держаться. Легальныхъ препятствій для такихъ измѣненій быть не могло, пока большинство голосовъ все-таки принадлежало буржуазнымъ партіямъ, а насильственнаго протеста они не боялись, сознавая свою матеріальную силу и, кромѣ того, убѣжденные на основаніи всего вышесказаннаго, что даже попытокъ активнаго протеста не будетъ сдѣлано со стороны соціалъ-демократіи. На томъ же основаніи выборная система въ Пруссіи также остается неизмѣнной, несмотря на непрерывныя и горькія жалобы соціалъ-демократовъ на ея чудовищную несправедливость и нелѣпость: такъ, не измѣняя выгодныхъ имъ избирательныхъ системъ и измѣняя невыгодныя, правящіе круги Германіи спѣшатъ пользоваться отсутствіемъ боевого настроенія среди своихъ враговъ. „Une grande force, qui n'est pas employée", „великая сила, которую не употребляютъ", — такъ выразился въ 1905 году Жоресъ по поводу германской соціалъ-демократіи.

Къ стр. 439. . . . „враждебная къ Германіи клерикальная партія". . . Теперь это все перемѣнилось: клерикальная партія въ Эльзасъ-Лотарингіи является однимъ изъ столповъ германизма и анти-французскаго настроенія въ странѣ. Произошло это вслѣдствіе двухъ причинъ: во-первыхъ, ярая борьба французскаго правительства противъ католической церкви при Вальдекъ-Руссо, Комбѣ и Рувье, борьба, закончившаяся отдѣленіемъ церкви отъ государства во Франціи, возбудила противъ Франціи католическое духовенство всего міра и, конечно, Эльзасъ-Лотарингіи; во-вторыхъ, какъ разъ въ тѣ годы, когда во Франціи шла эта борьба, Вильгельмъ II не переставалъ принимать всевозможныя мѣры для сближенія съ папой. Въ настоящее время въ клерикальной печати Эльзасъ-Лотарингіи нерѣдки самыя враждебныя Франціи статьи наряду съ восхваленіями германскаго императора. Авторъ весьма идиллически описываетъ управленіе Эльзасъ-Лотарингіей. На дѣлѣ со стороны нѣмцевъ, особенно въ первыя два десятилѣтія, было произведено много грубыхъ насилій и притѣсненій. Деспотическая власть тяжело и грубо подавляла всякій признакъ сочувствія населенія къ Франціи. Ни въ одной части Германіи духъ прусской солдатчины и политика полицейскаго кулака не давали себя такъ чувствовать, какъ именно въ этихъ „имперскихъ земляхъ".

Къ стр. 441. „Мало-по-малу потеряли свое вліяніе среди австрійскихъ нѣмцевъ либеральная конституціонная партія, которая ставила интересы австрійскаго государства выше національности, и ея мѣсто заступили болѣе радикальныя „нѣмецкая народная партія" и „всегерманская", которыя преслѣдуютъ исключительно національные германскіе интересы". Конституціонная идея въ Австріи была отодвинута на задній планъ необычайно усилившеюся національною борьбою въ 80-хъ и 90-хъ г.г. XIX вѣка и въ первые годы XX-го. Разложеніе, постигшее нѣмецкую конституціонную партію въ Австріи, объясняется сверхъ того еще и общимъ для этой эпохи стремленіемъ буржуазіи прекратить всякую борьбу противъ установленной правительствомъ власти, чтобы не ослаблять сопротивленія, которое должна ставить власть надвигающемуся соціализму. Подобно тому какъ въ Германіи, — бюргерство въ Австріи также „больше надѣется на слабость парламентаризма", нежели на парламентаризмъ. Обстоятельства въ этомъ смыслѣ сложились для Франца-Іосифа въ высшей степени благопріятно. Страхъ буржуазіи предъ дальнѣйшей демократизаціей конституціи былъ (и остается) такъ великъ во всѣхъ частяхъ монархіи, что это весьма сильно препятствуетъ и успѣшной національной борьбѣ противъ правительства: всюду представителямъ національной оппозиціи пролетаріатъ представляется болѣе опаснымъ врагомъ, нежели Габсбурги.

Къ стр. 442. Реакціонный демагогизмъ на яркой антисемитской почвѣ, представителемъ котораго является Люгеръ, можно считать однимъ изъ знаменательнѣйшихъ признаковъ ретроградняго движенія среди мелкой буржуазіи, нѣкогда настроенной весьма прогрессивно.

Къ стр. 443. . . . „Суть его (ирландскаго вопроса) заключалась въ томъ, что преобладающая масса сельскаго населенія Ирландіи лишилась своей земельной собственности еще въ XII столѣтіи, во время завоеванія Ирландіи англо-саксами". Это невѣрно: грандіозное обезземеленіе было произведено лишь въ XVII столѣтіи, когда ирландцы, поддерживавшіе династію Стюартовъ, подверглись ряду опустошительныхъ усмиреній и конфискацій, сначала со стороны Кромвеля, а потомъ со стороны Вильгельма III. Земельная лига была организована, главнымъ образомъ, не Парнелемъ, а Майклемъ Дэвиттомъ. Одновременно съ нею въ началѣ 80-хъ годовъ дѣйствовала чисто террористическая организація „непобѣдимыхъ", убившая, между прочимъ, 6 мая 1882 года въ Дублинѣ лорда Кавендиша и Борка, англійскихъ сановниковъ, на обязанности которыхъ лежала, между прочимъ, борьба противъ революціонныхъ проявленій (Кавендишъ только что успѣлъ прибыть къ мѣсту своей службы, а Борка ненавидѣли за его дѣятельность при смѣненномъ „главномъ секретарѣ Ирландіи" Форстерѣ). Земельная лига очень много сдѣлала для поддержанія почти непрерывной агитаціи въ Ирландіи и, хотя непосредственныхъ результатовъ не добилась, но ея дѣятельность явилась однимъ изъ серьезнѣйшихъ факторовъ, заставившихъ Гладстона перейти на точку зрѣнія гомрулеровъ: разрѣшеніемъ политическаго вопроса объ автономіи вождь либераловъ думалъ отсрочить рѣшеніе аграрной проблемы.

Къ стр. 443. Послѣ провала билля о гомрулѣ въ палатѣ лордовъ, Гладстонъ былъ лишенъ всякой возможности что бы то ни было дальше предпринять, ибо и на содѣйствіе королевы разсчитывать въ этомъ дѣлѣ было невозможно, такъ что нельзя было пустить въ

ходъ угрозу назначенія верховною властью новыхъ членовъ въ палату лордовъ (эта угроза, пущенная въ ходъ въ 1832 году по поводу билля объ избирательной реформѣ, является единственнымъ конституціоннымъ выходомъ изъ положенія, создающагося въ случаѣ рѣшительнаго упорства палаты лордовъ; но, разумѣется, для ея осуществленія требуется сочувствіе монарха данному законопроекту).

Къ стр. 444. Въ Египтѣ до сихъ поръ англичанами пускаются въ ходъ весьма часто военные суды и экзекуціи, и къ феллахамъ англійская администрація никакого довѣрія не питаетъ. Что касается до дипломатической постановки вопроса, то въ настоящее время только одна Франція, на основаніи англо-французскаго соглашенія 1904 года, признала захватъ Англіей Египта, остальныя же державы считаются молчаливо съ совершившимся фактомъ. Тѣмъ не менѣе, положеніе англичанъ въ Египтѣ можетъ въ настоящее время считаться вполнѣ упроченнымъ.

Къ стр. 445. Изъ отдѣльныхъ слоевъ англійскаго общества войны съ бурами добивались особенно сильно крупные капиталисты, владѣльцы желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводовъ и рельсопрокатныхъ мастерскихъ, ибо были серьезныя надежды на постройку новыхъ желѣзнодорожныхъ линій въ Южной Африкѣ послѣ присоединенія обѣихъ бурскихъ республикъ. Рабочій классъ безразлично отнесся къ войнѣ; на „пробурскихъ" (въ пользу буровъ) митингахъ участіе рабочихъ сказывалось весьма мало, а съ другой стороны, рабочіе тѣхъ предпріятій, которыя получали и надѣялись получить отъ самой войны и ея результатовъ извѣстныя выгоды, прямо обнаруживали нерѣдко рѣшительное сочувствіе политикѣ Чемберлена.

Къ стр. 446. Что касается до отношенія европейскаго общественнаго мнѣнія къ Англіи въ эпоху трансваальской войны, то относительно этого нужно замѣтить слѣдующее: по вѣрному замѣчанію одного французскаго публициста въ газетѣ „Le Temps", больше всего на континентѣ возмущались Англіею именно тѣ партіи, которыя имѣли на это меньше всего нравственнаго права. Нѣмецкіе, французскіе, русскіе и всякіе иные націоналисты и шовинисты проливали больше всего крокодиловыхъ слезъ надъ „гибелью бурской свободы". Люди, готовые на своей родинѣ поддерживать всякій гнетъ, всякое насиліе, всякое реакціонное звѣрство, ораторствовали громче всѣхъ и яростнѣе всѣхъ о „преступленіяхъ противъ гуманности", допускаемыхъ Англіею, о насиліи надъ слабымъ, о подавленіи чужой независимости и т. д. и т. д. Этотъ шумъ производилъ на людей, ясно видѣвшихъ все лицемѣріе этихъ новоявленныхъ поборниковъ свободы, самое отталкивающее впечатлѣніе. Когда въ Германіи и Австріи стали собираться подписи подъ протестомъ въ пользу буровъ, и организаторы обратились къ Генриху Сенкевичу, то онъ категорически отказался, указавши на то, что не нѣмцамъ, угнетающимъ поляковъ, говорить объ уваженіи къ чужой свободѣ и порицать англичанъ. Подобные же голоса раздавались и въ прогрессивной печати Франціи и Россіи. Правительствамъ державъ, соперничающихъ съ Англіей, были на руку пораженія (въ началѣ весьма скандальныя) и затрудненія англичанъ въ южной Африкѣ, но вмѣшаться въ войну они не посмѣли. Въ частности, трансваальская война сильно содѣйствовала ухудшенію отношеній между Англіей и Германіей. Телеграмма, посланная Вильгельмомъ II президенту Крюгеру съ поздравленіемъ по поводу побѣды надъ Джемсономъ, произвела въ Англіи самое раздражающее впечатлѣніе еще за три слишкомъ года до войны. Когда началась война, Вильгельмъ не рѣшился выразить хотя бы отдаленнымъ образомъ свое сочувствіе бурамъ, но это дѣлу уже не помогло, тѣмъ болѣе, что вся буржуазная печать Германіи не прекращала самыхъ яростныхъ нападокъ на Англію.

Къ стр. 446. „Страхъ предъ возстановленіемъ монархіи и оскорбленная гордость парижанъ, которые называли свою столицу „сердцемъ Франціи" въ противоположность провинціи, послужили толчкомъ къ ужасному возстанію, которое называютъ исторіей Коммуны" и т. д. Движеніе Коммуны составилось, главнымъ образомъ, изъ трехъ теченій: 1) теченіе пролетарское, имѣвшее источникомъ своимъ долго подавляемое чувство противъ экономическаго уклада современнаго общества; 2) теченіе федералистическое, имѣвшее цѣлью децентрализовать Францію, предоставивши отдѣльнымъ ея коммунамъ самое широкое самоуправленіе; 3) теченіе патріотическое, къ которому примыкали люди, рѣшившіе во что бы то ни стало добиться продолженія войны съ Пруссіей, а для этого свергнуть всякое правительство, если оно стоитъ за сохраненіе перемирія.

Таковы были главные элементы движенія. Все недолгое время, пока она владѣла Парижемъ, Коммуна должна была больше всего думать о самозащитѣ противъ версальскихъ войскъ. Тьеръ, который, въ началѣ возстанія, держался примирительно (ибо у него еще не было войскъ), круто измѣнилъ тонъ по отношенію къ инсургентамъ, когда изъ прусскаго плѣна начали подходить подкрѣпленія. Усмиреніе Коммуны оказалось чрезвычайно жестокимъ. Особенно ужасна была, такъ называемая, „кровавая недѣля"—отъ 21 по 28 мая (1871 года), когда ворвавшіяся въ городъ правительственныя войска брали шагъ за шагомъ Парижъ. Солдаты разстрѣливали всѣхъ, казавшихся подозрительными „петролейщиковъ" и „петролейщицъ". Масса людей погибла по ложнымъ доносамъ враговъ, по фантастическимъ показаніямъ сосѣдей и т. д. Одинъ изъ очевидцевъ (Корбонъ) говоритъ: „У меня есть глубокое убѣжденіе, что было разстрѣляно большее количество людей, нежели то, которое было за баррикадами". По мнѣнію умѣреннаго буржуазнаго историка 3-ей республики Зевора, практическимъ результатомъ Коммуны было то, что Тьеръ дол-

женъ былъ рѣшительно отказаться отъ всякихъ поползновеній реставрировать монархію и принужденъ былъ формально стать на защиту республики отъ монархическихъ партій, а эти партіи, въ свою очередь, оказались въ болѣе затруднительномъ положеніи, нежели ожидали, ибо ими овладѣло опасеніе, что реставрація вызоветъ кровопролитія вродѣ Коммуны. Итакъ, Коммуна, даже усмиренная и раздавленная, посодѣйствовала укрѣпленію республики, такъ что вовсе не согласно съ истиною утвержденіе нашего автора, будто эти ужасныя событія на первыхъ порахъ усилили въ глазахъ французовъ престижъ монархіи.

Къ стр. 447. „Макъ-Магонъ готовъ былъ уже передать власть надъ Франціей въ руки короля изъ дома Бурбоновъ“. . . Дѣло въ томъ, что Макъ-Магонъ, человѣкъ, совершенно чуждый какихъ бы то ни было твердыхъ политическихъ убѣжденій, былъ призванъ къ власти монархистами, желавшими добиться возстановленія монархіи. Но, несмотря на свою силу въ палатѣ въ первые годы президентства Макъ-Магона, монархисты все-таки не особенно рѣшительно вели свое дѣло, ибо чувствовали опасность со стороны народа. Этою нерѣшительностью роялистовъ и неуступчивостью графа Шамбора объясняется, что дѣло не дошло до формальной попытки реставраціи. Послѣ выборовъ 1876 года, республиканская партія стала сильнѣе, и уже надежды на реставрацію весьма сильно потускнѣли,—тѣмъ болѣе, что громадное большинство страны явственно ничего такъ не боялось, какъ новыхъ политическихъ потрясеній, неразрывно связанныхъ съ низверженіемъ республики. Тѣмъ не менѣе, маршалъ Макъ-Магонъ рѣшилъ бороться. Поручивши послѣ долгихъ колебаній составить кабинетъ Жюлю Симону (12 декабря 1876 года), Макъ-Магонъ уже 16 мая (1877 г.) принудилъ его подать въ отставку, вопреки желаніямъ республиканскаго большинства и подъ вліяніемъ клерикальной партіи. Новое министерство (Брольи) было назначено Макъ-Магономъ, и одновременно сессія была закрыта, а вскорѣ и палата была распущена, такъ какъ президентъ рѣшилъ апеллировать къ народу. Выборы состоялись въ октябрѣ и дали 323 республиканцевъ и 208 монархистовъ. Тогда кабинетъ (Брольи) вышелъ въ отставку (20 ноября), но Макъ-Магонъ еще не сдался и назначилъ по личному своему усмотрѣнію безцвѣтное министерство Рошбуэ, но и оно получила вотумъ недовѣрія отъ палаты, заявившей, что она не желаетъ вступить съ министерствомъ въ какія-либо сношенія. Послѣ этого въ Парижѣ стали упорно говорить, что Макъ-Магонъ устроитъ государственный переворотъ, но самъ президентъ лично увѣрилъ президентовъ палаты и Сената, что слухи эти ложны, послѣ того, какъ они обратились къ префекту полиціи, указывая ему на эти слухи. Не рѣшившись на государственный переворотъ, Макъ-Магонъ сдался и 7 декабря 1877 года поручилъ Дюфору, пользовавшемуся довѣріемъ большинства, образовать кабинетъ. Такъ окончился кризисъ 1877 года, самый опасный конфликтъ между президентомъ и парламентомъ, какой только знала исторія Третьей республики. Послѣ этого благополучнаго окончанія конфликта, республиканскій образъ правленія во Франціи оказался окрѣпшимъ и болѣе сильнымъ, нежели былъ въ любой моментъ отъ самаго начала Третьей республики. Руководящую роль со стороны республиканской партіи игралъ во время конфликта Гамбетта. Его предсказаніе, — что Макъ-Магону, въ концѣ концовъ придется „подчиниться или убраться“ (se soumettre ou se demettre),—оправдалось вполнѣ. Принципъ чистаго парламентаризма,—безусловнаго подчиненія кабинета вотуму парламентскаго большинства,—всецѣло восторжествовалъ во Франціи съ назначеніемъ Дюфора. Нашъ авторъ обходитъ эти серьезнѣйшія событія фразою: „Въ 1877 году Макъ-Магонъ опять пустилъ было въ ходъ нѣкоторыя махинаціи для возстановленія монархіи во Франціи“ . . . Какъ видно изъ выше нами изложеннаго, это, по меньшей мѣрѣ, неточно: въ 1877 году рѣчь шла лишь непосредственно о томъ, будетъ ли Франція страною **парламентарнаго** или **не парламентарнаго** правительства.

Къ стр. 448. „Въ періодъ времени между 1887 и 1891 годами произошелъ во многихъ отношеніяхъ весьма поучительный эпизодъ, связанный съ именемъ генерала Буланже“. Этотъ „эпизодъ“ заслуживаетъ того, чтобы о немъ сказать обстоятельнѣе. Въ 1886 году (7 января) былъ образованъ кабинетъ Фрейсинэ, при чемъ военнымъ министромъ былъ назначенъ еще мало тогда извѣстный генералъ Буланже. Это былъ человѣкъ очень энергичный, честолюбивый, знающій военный администраторъ. Шовинистическая пресса съ первыхъ же шаговъ его министерской дѣятельности сдѣлала его въ глазахъ толпы героемъ будущаго реванша. На ежегодномъ смотру (14 іюля) 1886 года генералу Буланже были устроены неслыханныя оваціи, такъ что уже тогда люди предусмотрительные увидѣли нѣкоторую растущую въ лицѣ Буланже опасность для республики. Когда Фрейсинэ палъ, Буланже удержался на своемъ посту, вошедши въ составъ кабинета Гоблэ (11 декабря 1886 года). Вокругъ него все болѣе и болѣе сплачивались приверженцы цезаризма, люди, надѣявшіеся на него, какъ на орудіе для низверженія республики; Гоблэ, искренній республиканецъ, долго не хотѣлъ замѣчать слишкомъ шумнаго и безпокойнаго поведенія своего товарища. Популярность его достигла въ началѣ 1887 года колоссальной степени, и Бисмаркъ ловко воспользовался шовинистическимъ кризисомъ, возникшимъ во Франціи, чтобы на выборахъ въ рейхстагъ 1887 года пустить въ ходъ алармистскую агитацію по поводу близящейся войны съ Франціей. Затѣмъ, уже послѣ выборовъ, была пущена въ ходъ новая провокація противъ Франціи: 21 апрѣля на границѣ былъ арестованъ Шнебеле, французскій комиссаръ, и отвезенъ въ Мецъ. При разслѣдованіи дѣла оказалось, что Шнебеле попалъ въ западню, устроенную нѣмецкими властями. Нѣсколько дней Европа говорила о войнѣ, пока Бисмаркъ не распорядился выпустить Шнебеле на свободу (29 апрѣля). Буланже послѣ раздражающихъ выходокъ Бисмарка сталъ еще

популярнѣе во Франціи, нежели былъ, ибо въ немъ видѣли спасителя въ близкой, и, казалось, неминуемой войнѣ. 17 мая 1887 года палъ кабинетъ Гоблэ, и Буланже ушелъ вмѣстѣ съ нимъ. Буланжистская пресса повела яростную кампанію противъ новаго кабинета (Рувье), называя его измѣнническимъ, угоднымъ Германіи и т. д. 8 іюля 1887 года, когда Буланже уѣзжалъ въ Клермонъ-Ферранъ командовать армейскимъ корпусомъ, колоссальныя массы народа подъ предводительствомъ Деруледа устроили ему на вокзалѣ восторженную манифестацію, при чемъ его называли надеждою Франціи и т. д. Клерикалы, монархисты всѣхъ оттѣнковъ присоединились всецѣло къ массѣ мелкой и средней городской буржуазіи, шовинистически настроенной. Эти новые друзья уже прямо толкали Буланже къ государственному перевороту, и республиканцы всѣхъ оттѣнковъ стали серьезно тревожиться. Жюль Ферри, самъ Рувье и другіе начали кампанію противъ буланжизма, но пока сравнительно сдержанную. Въ октябрѣ 1887 года дѣло дошло до рѣзкостей со стороны Буланже по адресу военнаго министра, и Буланже за одно слишкомъ смѣлое интервью, появившееся въ газетахъ, былъ посаженъ подъ арестъ. Пресса страшно раздула это дѣло, а къ этому неожиданно присоединилось новое обстоятельство, сильно помогшее генералу. Это — дѣло Вильсона, о которомъ также нашъ авторъ ничего не говоритъ, а только вскользь упоминаетъ (см. стр. 448), хотя дѣло это сыграло серьезнѣйшую роль. Зять президента Греви Вильсонъ былъ уличенъ въ томъ, что онъ, въ сообществѣ съ одной авантюристкой, бралъ на себя за денежное вознагражденіе хлопоты насчетъ полученія ордена почетнаго легіона. Хотя лично Греви былъ тутъ невиновенъ ни въ чемъ, но онъ долженъ былъ подать въ отставку послѣ ряда бурныхъ и очень непріятныхъ сценъ въ палатѣ. Во время этого кризиса — республика нѣкоторое время была въ опасности, и въ глазахъ малосознательной массы она, дѣйствительно, получила въ это время страшный моральный ударъ, ибо затронута была честь верховнаго представителя. Буланжисты видѣли прямой выходъ въ призваніи Буланже къ власти. Предъ выборами новаго президента на улицахъ Парижа буланжистами былъ устроенъ рядъ манифестацій; вообще исторія Вильсона и отставка Греви, въ концѣ концовъ, принесли очень большую пользу дальнѣйшему развитію буланжизма. Буланже уже прямо былъ выставленъ всѣми партіями, желавшими пересмотра конституціи, какъ ихъ общій представитель. Онъ уже оставилъ свою должность, чтобы быть свободнѣе въ дѣйствіяхъ, но за его вызывающій образъ дѣйствій правительство все-таки привлекло его къ дознанію. Соціалисты и радикалы рѣшительно говорили о Буланже, какъ о заговорщикѣ и будущемъ диктаторѣ. 25 марта (1888 г.) Буланже былъ выбранъ въ палату въ городѣ Мезьерѣ подавляющимъ большинствомъ; отказавшись, онъ былъ выбранъ 15 апрѣля въ сѣверномъ департаментѣ еще болѣе блестящимъ образомъ. Своею платформою онъ избралъ учредительное собраніе и пересмотръ конституціи. 4 іюня (1888 г.) онъ предложилъ палатѣ приступить къ разсмотрѣнію этого вопроса, но палата, большинствомъ 359 голосовъ противъ 181, отвергла. Такая же неудача постигла его и мѣсяцъ спустя по вопросу о распущеніи палаты. Министръ-президентъ Флокэ обмѣнялся съ Буланже колкостями; произошла дуэль, и Буланже былъ раненъ. Агитація продолжалась еще нѣкоторое время, не ослабѣвая. Буланже старался прибѣгать одновременно и къ конспиративнымъ, и къ чисто демагогическимъ методамъ борьбы. Роялистка герцогиня д'Юзесъ тратила сотни тысячъ на поддержку буланжистской пропаганды. 27 января 1889 года Буланже былъ выбранъ въ Парижѣ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. „Республика въ опасности!" — былъ общій крикъ республиканцевъ разныхъ партій. Образовавшееся 27 февраля 1889 года министерство Тирара рѣшилось дѣйствовать. Министръ внутреннихъ дѣлъ Констанъ началъ преслѣдованіе противъ лиги патріотовъ и противъ Буланже, который бѣжалъ въ Бельгію. Это очень подорвало его престижъ. Осенью того же года онъ заочно былъ осужденъ на заключеніе въ крѣпости. Популярность его быстро падала, въ сборной группѣ, его поддерживавшей, обнаружились раздоры и несогласія. Со времени бѣгства его политическая роль быстро пришла къ концу. Въ 1891 году онъ застрѣлился на Икссельскомъ кладбищѣ, на могилѣ незадолго до того скончавшейся г-жи Боньмэнъ. Буланжизмъ былъ послѣднею серьезною опасностью, которую пережила Третья республика.

Къ стр. 449. „Въ области внѣшней политики Третья республика сдѣлала весьма значительныя пріобрѣтенія". Тѣ „благопріятныя отношенія къ Германіи", о которыхъ говоритъ нашъ авторъ, объясняются именно разсчетомъ Бисмарка, что фактическое завоеваніе Туниса неминуемо поставитъ Францію лицомъ къ лицу съ враждою Англіи и Италіи. Это былъ только частный случай общей бисмарковской политики, состоявшей въ томъ, чтобы втравить Францію въ далекія колоніальныя предпріятія и этимъ во-первыхъ уменьшить возможность „реванша" въ Европѣ, а во-вторыхъ — возбудить въ Англіи вражду и подозрѣнія противъ Франціи. Французское же правительство воспользовалось этою передышкою, данною Бисмаркомъ, чтобы, дѣйствительно, серьезно расширить предѣлы своихъ колоніальныхъ владѣній. Что касается Тонкина, то его присоединеніе стоило огромныхъ жертвъ и усилій, и популярность Жюля Ферри погибла вслѣдствіе нападокъ, вызванныхъ этими потерями. Изъ-за этой непопулярности онъ не попалъ въ президенты послѣ выхода въ отставку Греви, хотя имѣлъ всѣ основанія разсчитывать на этотъ постъ. Занятіе новыхъ африканскихъ земель вызвало расширеніе весьма неудовлетворительнаго колоніальнаго управленія, которое казнѣ обходится очень дорого, но изобилуетъ серьезными недостатками, страшный произволъ, отсутствіе удовлетворительной отчетности, все растущіе расходы вызывали нерѣдко жалобы въ прессѣ.

Къ стр. 449. „Въ 1891 году, въ царствованіе Александра III, было положено начало двойственному союзу между Франціей и Россіей"... Судьбы этого „двойственнаго союза" весьма достопримѣчательны. Русское самодержавіе ухватилось за мысль о союзѣ какъ вслѣдствіе необходимости обратиться за финансовой помощью къ французскому денежному рынку, такъ и по причинѣ враждебныхъ отношеній къ Германіи и Австро-Венгріи, политика которой на Балканскомъ полуостровѣ показала Александру III, до какой степени съ его волею не хотятъ считаться. Со стороны же Франціи тутъ было бурное, общенаціональное увлеченіе, неслыханное по силѣ и объяснявшееся тѣмъ, что страна съ самаго 1871 года не переставала чувствовать себя одинокою и подверженной вѣчнымъ провокаторскимъ угрозамъ со стороны Германіи. Даже соціалистъ Жоресъ еще въ срединѣ 90-хъ годовъ говорилъ о союзѣ съ Россіей, какъ о противовѣсѣ тройственному союзу. Но съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе стала проглядывать вся искусственность и неискренность поведенія самодержавной бюрократіи, заключившей союзъ съ республикою. Династическія связи съ берлинскимъ дворомъ, а особенно круговая порука реакціи, существовавшая издавна между германскимъ и русскимъ правительствами, не позволяли Франціи извлечь изъ союза всю пользу, на которую она разсчитывала. Русская оффиціозная пресса дошла до такой наглости, что стала давать высокомѣрные совѣты французскому правительству касательно порядковъ во французской арміи; русскій военный атташе позволилъ себѣ лично вмѣшаться въ пользу двухъ французскихъ офицеровъ націоналистовъ, которыхъ военный министръ Андрэ перевелъ на нежелательный для нихъ постъ; вообще, несмотря на постоянные займы у Франціи, петербургская бюрократія дѣлала видъ, будто этотъ союзъ есть великая милость для французовъ. Все это давно уже, съ первыхъ годовъ XX вѣка, глухо раздражало передовую часть общественнаго мнѣнія во Франціи. Министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассэ, остававшійся во всѣхъ кабинетахъ съ 1899 года (Вальдека-Руссо, Комба, Рувье — до средины 1905 г.), былъ ярымъ приверженцемъ союза и услужливѣйшимъ другомъ русскаго правительства. Когда началась война, и обнаружилась изумительная слабость и неподготовленность съ русской стороны, союзъ сталъ уже менѣе популяренъ даже въ націоналистическихъ кругахъ, гдѣ до тѣхъ поръ имъ восхищались безъ всякихъ оговорокъ. Начавшаяся русская революція окончательно сокрушила престижъ русскаго правительства. Звѣрства, репрессіи, разстрѣлы, погромы, — все это возмущало до глубины души соціалистовъ, и теперь Жоресъ сталъ однимъ изъ самыхъ заклятыхъ враговъ союза съ русскимъ абсолютизмомъ. Что же касается до слоевъ правящей буржуазіи, то и здѣсь при видѣ безумствъ русской камарильи все возростало безпокойство и недовѣріе. Биржа особенно чутко отражала это настроеніе, и русскіе фонды все падали. Апрѣльскій заемъ 1906 года былъ послѣднею удачною продѣлкою нашей камарильи, обманувшей парижскую биржу призракомъ, яко бы, готовящагося успокоенія, мирной совмѣстной работой думы съ правительствомъ и т. п. Но о с у щ е с т в и т ь этотъ заемъ оказывается дѣломъ весьма нелегкимъ, — и лѣто 1906 года видѣло все продолжающееся паденіе апрѣльскихъ облигацій. Въ настоящее время французское правительство непоколебимо рѣшило больше ни одного сантима русскому правительству не давать (впрочемъ, даже въ случаѣ разрѣшенія, биржа уже не дала бы и сама, какъ объ этомъ заявлялось въ прессѣ). Союзъ фактически сведенъ теперь къ нулю, но едва ли можно сомнѣваться, что при торжествѣ свободы въ Россіи, русская и французская демократіи возобновятъ его на широкихъ и искреннихъ основаніяхъ. Общая потребность защиты отъ нѣмецкой реакціи — достаточный поводъ къ тому, чтобы этотъ б у д у щ і й союзъ находилъ себѣ уже теперь горячую защиту въ прогрессивной печати обѣихъ странъ.

Къ стр. 450. Непосредственнымъ поводомъ къ войнѣ между Испаніей и Соединенными Штатами послужила гибель американскаго крейсера „Мэнъ" отъ взрыва въ гаваннской бухтѣ, при чемъ американскія мѣстныя власти обвиняли испанское правительство въ предательской закладкѣ мины.

Къ стр. 451. Имперіализмъ Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ непосредственнымъ своимъ источникомъ нужду въ новыхъ рынкахъ. Со времени, о которомъ говоритъ нашъ авторъ, американскій имперіализмъ неоднократно давалъ себя чувствовать. Такъ, съ 1903 года вплоть до августа 1905 года, т. е. въ теченіе всего времени, когда на Дальнемъ Востокѣ зрѣлъ, развивался, свирѣпствовалъ и окончился конфликтъ между Россіей и Японіей, Сѣвероамериканскіе Штаты принимали дѣятельное участіе въ дипломатическомъ отстаиваніи принципа „открытыхъ дверей" въ Манджуріи. Американскіе тресты побудили также правительство Соед. Шт. вступить въ таможенную войну съ Германіей въ 1905—1906 гг. Тресты представляютъ собою, вообще, могущественную политическую силу въ странѣ, и только недавно стало давать себя чувствовать теченіе, имѣющее цѣлью ограничить ихъ дѣятельность. Не только потребители попадаютъ нерѣдко въ полную зависимость отъ трестовъ, произвольно повышающихъ цѣны на предметы первой необходимости, но и рабочія организаціи слишкомъ часто оказываются безсильными въ борьбѣ противъ трестовъ. Тресты ведутъ въ случаѣ стачекъ ожесточеннѣйшую борьбу противъ рабочихъ, при чемъ ихъ колоссальныя средства обращаются на поддержку всякаго страдающаго отъ стачки предпріятія, входящаго въ трестъ. Это создаетъ такую возможность сопротивленія всѣмъ требованіямъ рабочихъ, о которой и мечтать нельзя было бы отдѣльному хозяину.

Къ стр. 452. „... и вплоть до настоящаго времени союзъ этотъ (тройственный) служитъ главной опорой европейскаго мира". Участіе Италіи въ этомъ Союзѣ было для нея съ самаго начала въ политическомъ отношеніи вполнѣ безполезно, а въ экономи-

ческомъ—вредно. Это давно уже указывала передовая итальянская пресса. Криспи былъ главнымъ приверженцемъ участія Италіи, ибо стремился сблизиться съ реакціонными монархіями Европы, чтобы косвенно тѣмъ посиособствовать укрѣпленію реакціи въ Италіи. На дѣлѣ этотъ союзъ поссорилъ Италію съ Франціей, которая и отмстила жестоко таможенною войною, разорившею сѣверную Италію; выгодъ отъ него не было уже потому, что онъ дѣлалъ логически невозможною надежду Италіи на Тріестъ и другія части „Italia irredenta“, находящіяся во владѣніи Австріи, которая вѣдь тоже была членомъ тройственнаго союза. Путешествіе итальянскаго короля въ Парижъ и президента Лубэ въ Римъ (въ 1904 году), прекращеніе таможенной войны со стороны Франціи, прямая помощь Италіи, оказанная французамъ въ Алжезирасѣ во время переговоровъ по поводу Марокко (въ 1906 г.), — все это очень сильно раздражило германскаго императора и ослабило связи Италіи съ тройственнымъ союзомъ. Въ настоящее время, хотя формально союзъ еще не расторгнутъ, но фактически, Италія въ немъ мало участвуетъ: она попала, безспорно, въ орбиту англо-французской политики. Что касается до утвержденія нашего автора, что тройственный союзъ, будто бы, былъ „главной опорой европейскаго мира“, то это—воззрѣніе оффиціальнаго германскаго патріотизма. Напротивъ, никогда за послѣднюю четверть вѣка миръ не былъ такъ часто на волоскѣ, какъ въ тѣ годы, когда тройственный союзъ чувствовалъ свои руки вполнѣ развязанными.

Къ стр. 453. Поведеніе папства относительно Итальянской монархіи стало еще болѣе непримиримымъ съ того времени, какъ умеръ Левъ XIII, и на папскій престолъ вступилъ Пій X (въ іюлѣ 1903 года). Новый папа обнаружилъ тенденціи въ духѣ Пія IX, но отнюдь не такія, какія обнаружилъ дипломатичный и мягкій Левъ XIII: онъ съ нескрываемымъ гнѣвомъ отнесся къ антиклерикальной политикѣ Французской республики, особенно со времени визита Эмиля Лубэ въ Римъ (къ итальянскому королю), и когда эта политика завершилась, наконецъ, отдѣленіемъ церкви отъ государства, то былъ моментъ опасности, что папа прикажетъ французскому епископству призывать паству къ активному сопротивленію. Полная невозможность борьбы, констатированная на собраніи французскихъ епископовъ (въ маѣ 1906 года), и общіе выборы, почти одновременно съ этимъ собраніемъ происшедшіе въ Франціи, не заставили Пія X примириться съ фактомъ. Онъ наотрѣзъ отказался въ августовской энцикликѣ 1906 года считаться съ закономъ объ отдѣленіи церкви отъ государства и самый законъ назвалъ „преступнымъ“. Его противоитальянская политика также довольно рѣзко давала себя чувствовать вплоть до послѣдняго времени, и тонъ католической прессы при немъ сталъ гораздо аггрессивнѣе, нежели былъ при Львѣ XIII.

Къ стр. 454. „Эти демократическія нововведенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ привели къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ; много полезныхъ законовъ, одобренныхъ законодательными учрежденіями, потерпѣло крушеніе у самой гавани на всенародномъ голосованіи изъ-за того, что для проведенія ихъ требовался болѣе или менѣе значительный денежный расходъ“. Нѣмецкому націоналъ-либералу (или консерватору, что по существу немногимъ отличается одно отъ другого), конечно, не можетъ нравиться такой истинно-демократическій институтъ, какъ референдумъ; но фактически его утвержденіе совершенно неправильно. Весьма понятно, что онъ не назвалъ ни единаго изъ тѣхъ „многихъ полезныхъ законовъ“, которые, будто бы, не могли быть проведены при референдумѣ благодаря отсутствію денежныхъ средствъ на расходъ(?). Напротивъ, это учрежденіе пріобрѣтаетъ себѣ все болѣе и болѣе широкую и прочную популярность въ Швейцаріи.

Къ стр. 455. Въ 1898 году при министерствѣ Ванденпеербоома въ Бельгіи произошелъ рядъ соціалистическихъ демонстрацій. Нужно сказать, что бельгійская соціалъ-демократія развила замѣчательно широко дѣло образованія профессіональныхъ союзовъ: вообще же, соціалъ-демократія успѣла здѣсь за послѣднія 15-20 лѣтъ сдѣлать огромные успѣхи. Но плюральный вотумъ, дающій нѣсколько голосовъ одному и тому же лицу, удовлетворяющему извѣстнымъ спеціальнымъ требованіямъ ценза, обезпечиваетъ за клерикалами и либералами постоянный перевѣсъ на выборахъ предъ соціалъ-демократами. Попытки уничтожить это множественное голосованіе (плюральный вотумъ) постоянно встрѣчались со стороны клерикаловъ — упорнымъ сопротивленіемъ. Начиная съ 5 апрѣля 1898 года въ Брюсселѣ и другихъ большихъ городахъ не прекращалось броженіе и происходили манифестаціи. 11 и 27 іюня демонстраціи приняли весьма бурный характеръ, ибо соціалъ-демократы были особенно раздражены внесеннымъ въ палату министерскимъ проектомъ избирательной реформы, далеко не удовлетворяющимъ основнымъ соціалъ-демократическимъ требованіямъ. Съ 27 іюня, въ теченіе нѣсколькихъ дней, продолжались бурныя манифестаціи и столкновенія съ войсками, при чемъ со стороны рабочихъ пало нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными. 5 августа Ванденпеербоомъ былъ замѣненъ новымъ премьеромъ Сметъ де-Нэйеромъ, но законопроектъ Ванденпеербоома въ значительнѣйшей своей части прошелъ въ палатѣ, а поправки, внесенныя соціалъ-демократическою группою провалились, несмотря на блестящую защиту лидера соціалъ-демократовъ — Вандервельде. Избирательное право до сихъ поръ остается главной ареною борьбы соціалъ-демократовъ противъ правящихъ классовъ въ Бельгіи. Правительство, подъ давленіемъ необходимости постоянной борьбы противъ соціалъ-демократовъ, принялось въ послѣдніе годы за законодательство въ пользу рабочихъ. Такъ, въ 1903 году министръ промышленности Франкоттъ внесъ въ палату законопроектъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Соціалъ-демократы и часть либераловъ настаивали, чтобы страхованіе было

обязательнымъ, а не факультативнымъ, какъ предлагалъ Франкоттъ. Послѣ долгихъ преній, эта поправка была отвергнута, и законъ прошелъ въ желательномъ для министерства видѣ.

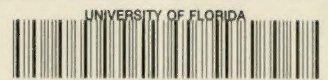
Къ стр. 456. Соціалъ-демократы Бельгіи съ рѣшительною враждебностью относятся къ колоніальнымъ пріобрѣтеніямъ страны и прежде всего къ тому, что государство Конго фактически связано съ Бельгіей личной уніей своего рода въ виду того, что король Леопольдъ II носитъ титулъ верховнаго владѣтеля Конго. Въ 1903 году дѣло дошло до запроса со стороны Вандервельде, насчетъ отношенія другихъ державъ къ этому обладанію африканскимъ государствомъ. Но отвѣчавшій Вандервельде министръ иностранныхъ дѣлъ Фавро, отстаивавшій правительственную точку зрѣнія, имѣлъ въ этомъ вопросѣ поддержку какъ клерикаловъ, такъ и либераловъ, и одержалъ въ данномъ случаѣ парламентскую побѣду.

Къ этимъ примѣчаніямъ можемъ присоединить нѣсколько словъ о томъ вліяніи, которое уже успѣла оказать русская революція на международную политику (трудъ Гельмольта, не идущій далѣе событій 1902 г., разумѣется, совсѣмъ не могъ коснуться этого вопроса). Остановимся тутъ на отношеніи Франціи, Германіи и Англіи къ русской революціи. Съ самаго начала русскаго освободительнаго движенія реакціонные круги Германіи и Франціи отнеслись къ нему съ рѣзкою недоброжелательностью, а либеральная буржуазія и пролетаріатъ этихъ странъ съ полнымъ сочувствіемъ и, иногда, даже съ энтузіазмомъ. Смерть Плеве не вызвала въ этихъ кругахъ ничего, кромѣ казенныхъ условностей о неодобрительности убійствъ и т. п., а послѣдовавшая кампанія банкетовъ, земскіе съѣзды и т. д. встрѣчены были хоромъ сочувственныхъ голосовъ, среди которыхъ тонули враждебныя выходки реакціонно-юнкерской газеты „Kreuzzeitung“, французскихъ націоналистическихъ „Gaulois“, „Eclair“ и т. п. органовъ Франціи и Германіи. Девятое января вызвало взрывъ негодованія, потрясшій общественную совѣсть самыхъ умѣренныхъ круговъ западно-европейскаго населенія. Октябрьскія событія 1905 года дали европейской буржуазіи минутную надежду на то, что Россія — на пути къ успокоенію, но послѣдовавшее сильно обезпокоило капиталистовъ всѣхъ странъ. Буржуазія въ Европѣ была напугана, стала опасаться взрыва соціальной революціи, которая отразилась бы во всемъ мірѣ. Въ буржуазной печати Европы стали писать о необходимости покончить съ „анархіей“, и московская декабрьская бойня была встрѣчена съ плохо замаскированнымъ удовольствіемъ. Затѣмъ, когда весною 1906 года самодержавная бюрократія затѣяла заемъ, французская руководящая пресса оказала горячую поддержку этому предпріятію (пролетарская печать категорически обвиняла руководящіе органы парижской прессы въ томъ, что они получили взятку, чтобы поддерживать затѣвавшуюся финансовую махинацію). Но финансисты, увлекшіеся небывалыми выгодами апрѣльскаго займа 1906 года, наивно повѣрили, что Дума примиритъ русскій народъ съ правительствомъ, и что заемъ окажется не только выгоднымъ, но и вполнѣ „безопаснымъ“. Роспускъ Думы убѣдилъ ихъ, что правительство затѣмъ такъ и торопилось получить деньги до Думы и безъ Думы, чтобы въ этой ненавистной Думѣ не нуждаться. И теперь, осенью 1906 года, французская буржуазія колеблется между желаніемъ поскорѣе видѣть революцію раздавленной и сознаніемъ, что мечтать объ этомъ невозможно, пока самодержавная бюрократія не откажется отъ своихъ позицій. „Русскій заемъ — это не только преступленіе, но и плохая афера“, заявилъ въ собраніи „Друзей русскаго народа“ въ Парижѣ лѣтомъ 1906 года Анатоль Франсъ, и эта иронія выражаетъ истинное отношеніе французскаго соціализма къ финансовому соучастію французской буржуазіи въ дѣлахъ русской бюрократіи. Но соціализмъ во Франціи далеко не настолько силенъ, чтобы его сужденіямъ въ этой области можно было придавать большое практическое значеніе. Во всякомъ случаѣ, французскіе правящіе круги (вполнѣ непослѣдовательно) досадуютъ на то, что русская бюрократія, получивши отъ нихъ денежную помощь, не желаетъ уступать своей власти народному представительству. Совсѣмъ иначе ведутъ себя правящіе круги Германіи: они, правда, были настолько осторожны, что отказались участвовать въ апрѣльскомъ займѣ, но зато они весьма усердно въ преданной имъ юнкерской прессѣ пришпориваютъ и подзадориваютъ нашу реакцію. Анархія въ Россіи, русское безсиліе обезпечиваютъ за Германіей массу выгодъ, и это уже само по себѣ могло бы объяснить такое отношеніе нѣмецкихъ оффиціозовъ, но, кромѣ того, царящій въ Пруссіи полуабсолютизмъ только тогда можетъ считать свое существованіе упроченнымъ, когда въ Россіи царитъ реакція и еще не наступило господство правильной парламентской жизни. Это, пожалуй, еще важнѣе для берлинской реакціи, нежели выгоды въ международной политикѣ, проистекающія отъ раздирающей Россію неурядицы и слабости русскаго государственнаго организма. Нѣмецкій соціализмъ, конечно, всецѣло сочувствуетъ русской революціи, но онъ еще слабѣе французскаго и имѣетъ еще болѣе ничтожное вліяніе на направленіе государственной политики. Что касается до Англіи, то здѣсь и консерваторы, и либералы, и рабочіе круги, — всѣ рѣшительно стоятъ за скорѣйшее водвореніе въ Россіи эры истиннаго конституціонализма, и вражда германскаго правительства къ русскому освободительному движенію также не мало способствуетъ популярности этого движенія въ Англіи, переживающей теперь эпоху остраго и постояннаго соперничества съ Германской имперіей. Слова англійскаго перваго министра: „Дума умерла, — да здравствуетъ Дума“,

сказанныя Кэмпбель-Баннерманомъ на публичномъ собраніи парламентской лиги Мира, были комментированы нѣкоторыми органами западно-европейской печати, какъ прямой вызовъ Вильгельму II, какъ предупрежденіе, что Англія ни за что не допуститъ вмѣшательства Вильгельма въ русскія дѣла въ пользу русской реакціи (о чемъ какъ разъ тогда, въ іюлѣ 1906 г., былъ пущенъ слухъ въ рептильной русской газеткѣ „Россія"). Эти комментаріи подбавили много яду къ натянутымъ и безъ того англо-германскимъ отношеніямъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что, по сообщенію многихъ руководящихъ органовъ (и сообщенію неопровергнутому), Кэмпбель-Баннерманъ сказалъ свою фразу о Думѣ послѣ совѣщанія съ Королемъ Эдуардомъ VII, такъ что эта выходка окончательно пріобрѣла значеніе разсчитаннаго дипломатическаго шага. Въ настоящее время Франція и Англія всецѣло желаютъ успокоенія Россіи и водворенія конституціонной эры, ибо имъ нужна сильная Россія въ качествѣ естественнаго третьяго союзника противъ агрессивныхъ дѣйствій Германіи; по вышеуказаннымъ же причинамъ русскій хаосъ выгоднѣе для германской реакціи, нежели русскій конституціонализмъ и русское успокоеніе. Другими словами, — и въ этомъ вопросѣ, въ вопросѣ объ отношеніи къ русскимъ дѣламъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ вопросахъ международной политики, — тенденціи англо-французскія діаметрально противоположны тенденціямъ оффиціальной Германіи.

Е. Тарле.

Указатель.

UNIVERSITY OF FLORIDA
3 1262 04157 9870